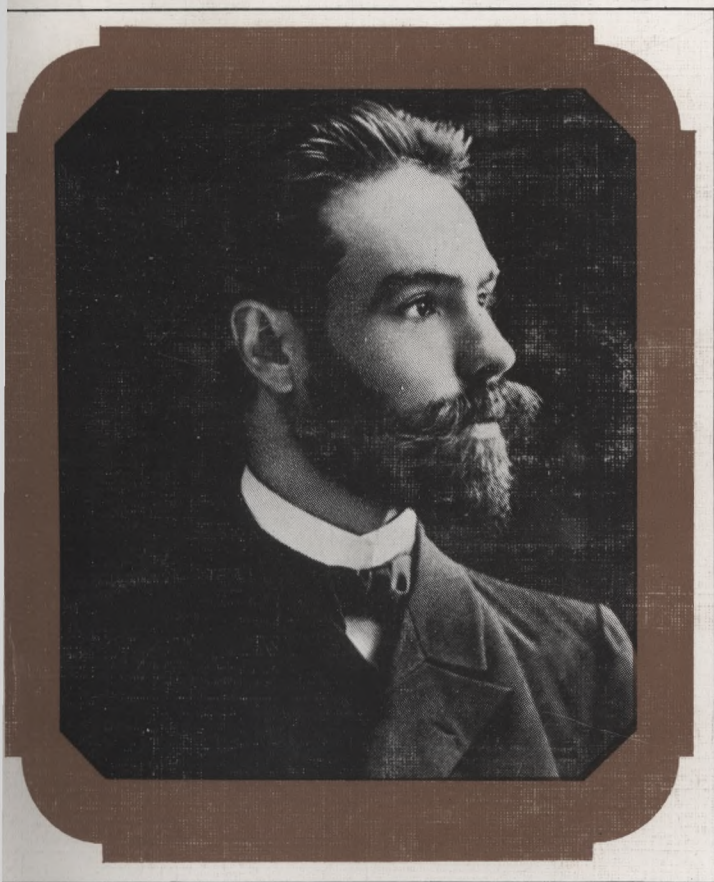

Валерий БРЮСОВ

и его корреспонденты

*Дорогой
Валерий Яковлевич!
За последние время между
2. есть большая перемена —*

Москва.
Д-р Брюсову
Валерию
Брюсову
Увотной су.
А. В. (

Москва.
Ю Яковлевичу
Брюсову.
Москва, медикованье
авт., № 28.

12-91

Валерий
БРЮСОВ
и его
корреспонденты

Валерий Брюсов

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
и его корреспонденты

КНИГА ПЕРВАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК ССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВИСТИКИ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ

В ДВУХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ

Г. П. БЕРДНИКОВ, И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, Н. В. КОТРЕЛЕВ,
Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ (глав. ред.), А. С. КУРИЛОВ, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Л. М. РОЗЕНБЛЮМ,
Н. Н. СКАТОВ, Л. А. СПИРИДОНОВА, Н. А. ТРИФОНОВ,
В. Р. ЩЕРБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 9 · 1

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. А. ТРИФОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 9 · 1

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Б. Д. МУРАТОВА и Э. А. ПОЛЮЦКАЯ

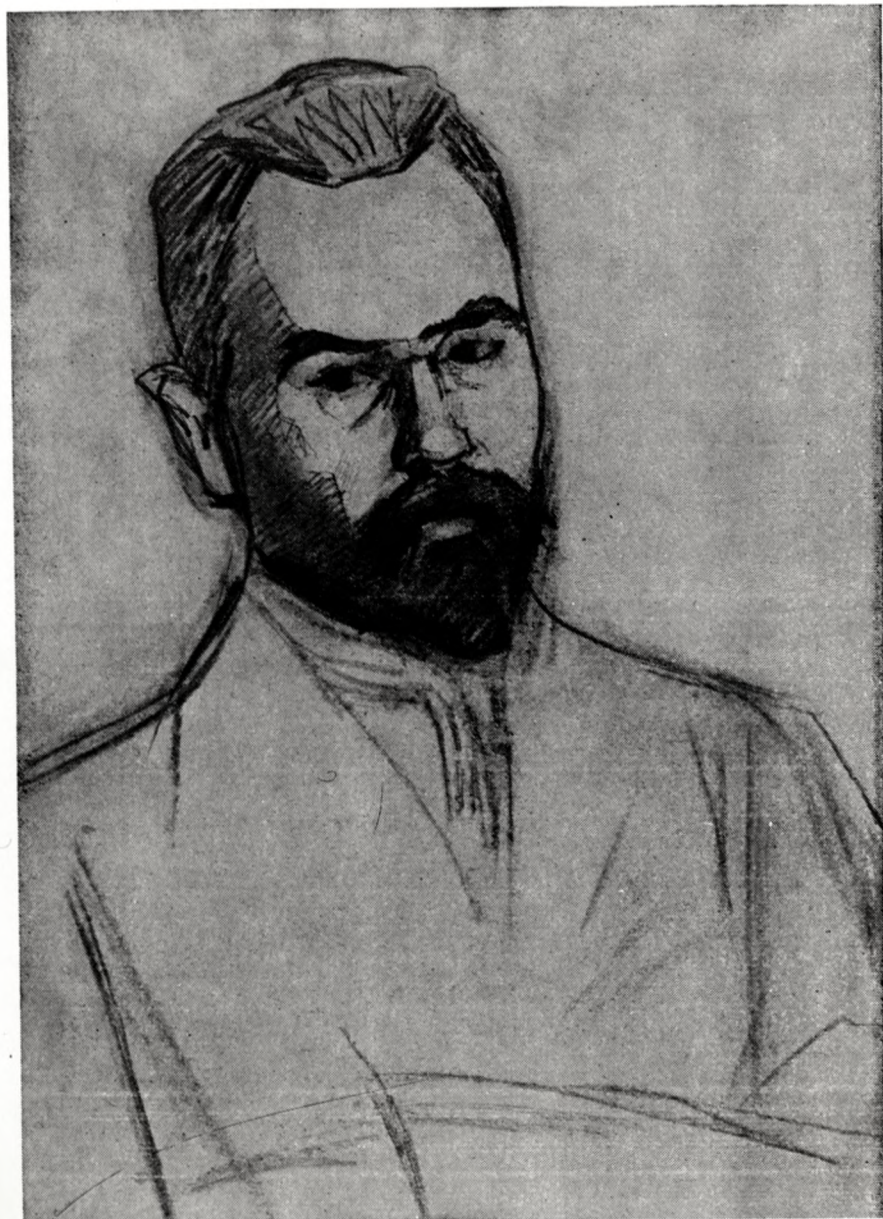
ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Л $\frac{460300000-079}{042(02)-91}$ 800-90-I полугодие

ISBN 5-02-011362-X

ISBN 5-02-011374-3 (кн. 1)

© Издательство «Наука», 1991

В. БРЮСОВ

Портрет работы Н. Сапунова, 1909
Частное собрание

ОТ РЕДАКЦИИ

В истории русской литературы одним из самых сложных и противоречивых периодов является время конца XIX — начала XX в., когда под влиянием больших социальных сдвигов и потрясений происходит решительная переоценка многих прежних литературных ценностей и позиций, идут интенсивные поиски новых путей в искусстве, нового содержания и новых форм, усиливается и обостряется литературная борьба, складываются новые, часто антагонистические литературные школы и направления.

Советское литературоведение за последние десятилетия сделало немало для осмысления этого важного этапа в развитии русской литературы. Здесь нужно в первую очередь назвать коллективные труды Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (трехтомник «Русская литература конца XIX — начала XX века», 1969—1972; книгу «Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX века», 1975; четырехтомник «Русская литература и журналистика конца XIX — начала XX века», 1981—1984), а также 4-й том «Истории русской литературы», подготовленный Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) АН СССР (Л., 1983). В настоящее время выдвигается задача дальнейшего, более глубокого изучения этой эпохи.

Свой вклад в изучение указанного периода внесло и «Литературное наследство». Несколько его томов посвящено крупнейшим представителям названной эпохи: Горькому, Бунину, Л. Андрееву, Блоку, Маяковскому, Луначарскому. В этом ряду с полным правом находится и имя Валерия Брюсова, чья роль в истории русской поэзии и художественной прозы, критики и литературоведения, журналистики и переводческого искусства была очень значительной.

Творчество Брюсова не принадлежит к числу литературных явлений, обойденных вниманием издателей и исследователей. За последние два десятилетия появилось семитомное собрание сочинений Брюсова (1973—1975), был выпущен ряд сборников его стихотворений, художественной прозы, критических статей. Издавна библиография, составленная Э. Даниелян (1976) и пополненная в 4-м выпуске серии «Русские советские писатели. Поэты» (1981). В Ереване регулярно выходят сборники «Брюсовских чтений», следует упомянуть и другую серию «Брюсовских сборников», издававшуюся в Ставрополе (1974—1977) под редакцией В. С. Дронова.

В изучении брюсовского творчества приняло участие и «Литературное наследство». Еще в томе 15 в статье И. Г. Ямпольского рассматривалась тема «Валерий Брюсов и первая русская революция». В томе 27—28 (1937), посвященном русскому символизму, был дан обзор неопубликованного брюсовского наследия и помещены публикации некоторых его материалов. Целиком Брюсову был отдан том 85-й (1976), в котором представлены и неизданные тексты Брюсова — поэта, прозаика, критика, — и его письма, и воспоминания о нем.

Однако брюсовское наследие далеко не может считаться полностью собранным и изученным: Еще при жизни поэта, до революции, готовилось и начало издаваться 25-томное «Полное собрание сочинений и переводов» Брюсова (вышло всего 8 томов, 1913—1914). Но и спустя 60 лет после его смерти этот замысел не осуществлен. До сих пор нет ни научной биографии Брюсова, ни крайне необходимой летописи его жизни и творчества. Исследование биографии и деятельности поэта в полном объеме затрудняется недостаточной изученностью таких хранящихся в архивах материалов, как его рабочие тетради, записные книжки и т. п.

Ценнейшую часть брюсовского наследия составляет его переписка. Значение писем, как документов чрезвычайной важности для изучения трудов и дней писателя, его мировоззрения, его эстетических и общественных взглядов, его взаимоотношений с современниками, как комментария к его творчеству, не подлежит сомнению. В отличие от воспоминаний письма фиксируют подлинные события без примеси более поздних размышлений и оценок.

Заметим, что сам Брюсов придавал значение своим письмам не только как средству общения с теми или иными корреспондентами. Еще в 90-е годы он намечал издание книги, которая состояла бы из его писем.

Брюсов, как правило, тщательно работал над своими письмами, писал их часто с черновиками, переносил многие формулировки и целые куски в письма к другим адресатам, включал их в свой дневник. Письма порой были для него как бы лабораторией, в которой шлифовалась его мысль.

К сожалению, в семитомном собрании сочинений Брюсова не нашлось места даже для его избранных писем. Разумеется, немалая часть переписки Брюсова уже опубликована как в «Литературном наследстве» (письма к Горькому, Вяч. Иванову, Андрею Белому, Верхарну

и др. — в т. 85, к Бунину — в т. 84, к Блоку — в т. 92), так и в других изданиях (начиная с книги «Письма к П. П. Перцову», 1927). Но в архивах остаются большие массивы неопубликованной брюсовской переписки. Ввести в научный и читательский обход еще ряд наиболее значительных эпистолярных комплексов, связанных с Брюсовым, — задача настоящего тома.

В нем представлена переписка разных периодов творческого пути Брюсова от 90-х годов до послеоктябрьской эпохи. Составители стремились, как правило, давать двустороннюю переписку. Исключение представляет переписка с М. Самыгиным, но тексты его писем широко используются в комментариях.

В отдельных случаях, когда почти не сохранились письма самого Брюсова, пришлось ограничиться письмами корреспондентов (они часто помогают читателю понять и характер утерянных писем поэта).

Кроме монографических, персональных публикаций переписки Брюсова с отдельными адресатами, в томе представлены и две сводные публикации: одна содержит тексты писем Брюсова, находящиеся в его рабочих тетрадях 1890-х годов, вторая охватывает переписку советской эпохи.

Публикуемая в томе переписка важна и интересна в самых разных аспектах, начиная с чисто биографического. Собранные здесь письма проясняют многие недостаточно исследованные факты и обстоятельства биографии поэта (укажем в качестве примера хотя бы на глубокий духовный и душевный кризис, приходящийся на 1896—1897 гг., когда Брюсов мучительно страдал от сознания, что у него нет настоящей цели в жизни).

Переписка дает возможность полнее и отчетливее понять идейно-психологический облик Брюсова, человека и поэта, почувствовать его сложность и многогранность. Например, ознакомление с лирическими, очень откровенными, порой исповедальными письмами молодого Брюсова, адресованными его близким друзьям — К. Бальмонту, А. Куренискому, М. Самыгину и др., — позволяет внести коррективы в традиционное, расхожее представление о нем как о человеке только рассудочном, сугубо рационалистического склада, раскрывает глубокую эмоциональность его натуры, бегание страстей в нем. «Рассудка вечные устои» в моей душе очень глубоко, — но тем сладостней их свергать», — пишет Брюсов И. Коневскому (п. 50).

Брюсова часто представляют исключительно книжником, мало соприкасавшимся с живой жизнью. Он и сам говорил Горькому о себе, что прожил двадцать лет среди книг и только книг. Письма вносят поправку и в это распространенное мнение. Вот маленький пример. В 1899 г. Брюсов сообщал Коневскому: «Были праздники, и я блуждал в толпе, которую очень люблю, настоящую смешанную толпу, где и пьяные, и нищие, и изящные дамы» (п. 2), а в письме к Самыгину он утверждает: «Я люблю жизнь, обыкновенную, общую, хотя, правда, больше как наблюдатель» (п. 3).

Эпистолярное наследие Брюсова показывает его во всем многообразии жизненных и творческих интересов и стремлений, в непрерывных исканиях своего пути. Для него характерна постоянная переоценка своих взглядов, пересмотр своих позиций, неудовлетворенность достигнутым. Так, в письме к Бальмонту он сурово оценивает раннюю редакцию своей книжки «О искусстве»: «Как все это оказалось и бледно, и несмело, и совсем не то, что нужно. И еще одно заблуждение, и еще одна недостигнутая цель, — и много их, много в прошлом» (п. 31).

Письма наглядно раскрывают плюрализм и протезизм Брюсова, его артистическую склонность к перевоплощению в жизни и творчестве. Например, он сообщает Бальмонту в 1901 г.: «После этого года, в который математически изучал безумие, буду превращать себя в кузнеца и Флобера» (п. 48).

По наряду с непрерывной изменчивостью облика Брюсова («неизменно одно — не быть неизменным», — утверждает он в переписке с Самыгиным — п. 21) письма демонстрируют и многие постоянные для него черты, и прежде всего его страстную любовь к литературе, к поэзии, безграничную увлеченность творческой работой, неутомимым трудом над словом, образом, стихом, его неустанные поиски нового в содержании и форме искусства, его последовательное отталкивание от всякого шаблона, трафарета, его требовательность к себе и другим. И все это проявляется уже с самых молодых лет.

Характерно, например, одно из писем 1896 г. к Е. И. Павловской, в котором перечисляется, чем занят в это время Брюсов-студент. Он пишет «шекспировскую» трагедию «Марк Антоний», «Историю русской лирики» (и в ней разбирает стих у Ломоносова и его современников), переводит «Энеиду», пишет повесть «Медиум», «Рассказы Ужаса», поэму «Смерть Эдгара По», статью о любви, заметки о современных французских и русских поэтах, изучает оккультизм для книги о «гениях», составляет конспекты древней истории, продолжает университетские занятия Ливием, Локком и Пестором. И так на протяжении всей жизни, вплоть до последнего, 1924-го года, когда, называя в одном из писем разные свои службы и занятия — литературные, редакторские, административные, педагогические, общественные, — он констатирует, что занят почти 20 часов в сутки. Недаром, характеризуя свою повседневную работу, Брюсов употребляет выражения «водоворот» или «круговорот».

Письма убедительно подтверждают справедливость, верность оценок, данных Брюсову М. Горьким, в частности его известных слов, обращенных к поэту: «Я не знаю в русской литературе человека, более деятельного, чем Вы. Превосходный Вы работник!».

Постоянным свойством Брюсова на протяжении всей его жизни является и готовность прийти на помощь молодым литераторам, всячески поддержать их.

Из переписки мы видим, что к Брюсову тянутся, ищут его поддержки, хотя зная его мнение о своих стихах многие молодые стихотворцы, такие начинающие поэты из народной среды, из социальных низов, как рабочий-гравер Авенар Ноздрин. Брюсов воспринимается как большой литературный авторитет целым рядом его корреспондентов-литераторов. Некоторые из них, очень различные по характеру своего творчества (Н. Гумилев, Б. Садовский, И. Эренбург, В. Шершеневич, К. Чуковский и др.), прямо называют его в письмах своим учителем, мэтром, наставником. «В Ваши руки отдал я развитие моего таланта», заявляет Гумилев (п. 5). А. Ремизов говорит о значении «руководительства» Брюсова «для всей русской литературы» 900-х годов (п. 75). О Брюсове как «установителе законов» в литературе пишет М. Волошин (п. 69). Все эти высказывания свидетельствуют о значительности влияния Брюсова на многих представителей русской поэзии начала века, о том, скольких поэтов он поддержал и ввел в литературу.

Поскольку в настоящем томе дается переписка главным образом между литераторами, неудивительно, что основной темой ее является литература, литературная жизнь, вопросы художественного творчества. Конечно, в письмах затрагивались и другие темы: и философские искания (особенно в переписке с М. Самыгиным), и нравственные проблемы, и впечатления от поездок и путешествий, и семейные дела, повседневная жизнь с ее мелочами. Письма дают некоторое представление и об общественных настроениях Брюсова, например о его предчувствии грядущих социальных потрясений («О, придут не китайцы, избиваемые в Тьенцзине, а те — более страшные — втоптаные в шахты и втиснутые в фабрики» — переписка с Коневским, п. 41). Но на первом плане оставалась литература, поэзия, и некоторые письма представляли собой «поток стихов и споров о стихах» (переписка с Курсинским, п. 55), порой письма как бы превращались в своего рода литературно-критические статьи, рецензии. К. Чуковский имел основание говорить о проявлявшейся в переписке Брюсова его «одержимости литературой».

В письмах Брюсова, являвшегося ненасытным читателем, содержится упоминания и оценки множества литературных явлений разных времен и народов от античности до современности. При этом бросается в глаза чрезвычайная широта брюсовского подхода к художественному творчеству. «Я люблю и старика Гомера, и утонченного Вергилия, реторику Гюго и намеренные намеки Малларме, — пишет он Коневскому — (...) Хочу, чтобы мне не было чуждым — ничего» (п. 6).

Порой эти оценки и высказывания раскрывают Брюсова с каких-то новых, непривычных сторон. Так, например, в письме к тому же Коневскому мы находим такое неожиданное высказывание о знаменитом романе Чернышевского: «Недавно прочел я (впервые в жизни) когда-то столь читаемое "Что делать"». Во мне есть пути, на которых я схожусь с крайностями шестидесятых годов. Я люблю их буйство и ниспровержение всех кумиров, разрешение всяческих свобод» (п. 26). Действительно, молодой Брюсов готов был иногда выступить в роли ниспровергателя классиков, их авторитета. В 1898 г., например, он пишет Бальмонту: «Читал и смотрел Шекспира; окончательное мнение — поэт пережитой, устаревший, "исторический"» (п. 39). Однако это была больше бравада молодого человека, порой склонного к выпадкам против общепризнанного и укоренившегося, чем серьезная оценка. Вообще же Брюсову был чужд авангардистский нигилизм в отношении предшествующей литературы. «Новое направление в поэзии, — пишет он в одном из ранних писем, — органически связано с прежними». И Брюсов подкрепляет свое утверждение стихотворной цитатой: «Не разрушать закон пришли мы, не осмеять его жреца. В заветах новых невредимы искусств основы до конца» (*Тетради*, п. 9).

Вне сравнения со всеми другими художниками слова для него всегда оставался Пушкин. «Это он наш неизменный, — восклицает Брюсов в письме к Бальмонту от 17 мая 1897 г. — Ведь он наш? Отрекайтесь, ищите, создавайте кумиров — мы вернемся к нему, к Единому (...) Великий! мы поклоняемся тебе» (п. 20). Такое преклонение перед Пушкиным характерно для Брюсова и 90-х годов, и последних лет его жизни.

Неудивительно, что Брюсов как историк литературы с особым увлечением занимался исследованием жизни и творчества Пушкина. Эта сторона его деятельности находит отражение в публикуемой переписке с П. Е. Щеголевым. «Как важно и как радостно, — писал Брюсов своему соратнику в области пушкиноведения, — что изучение Пушкина, наконец, стало на научную почву, что от общих фраз совершился переход к собиранию фактов и серьезному сопоставлению данных!» (п. 14).

Особенно часто в переписке идет речь о современных Брюсову писателях, далеких и близких ему, русских и иностранных.

Брюсов обнаруживает знакомство почти со всей текущей русской литературой и множеством явлений литературы западноевропейской, вплоть до какого-нибудь третьестепенного французского «поэтика». В поле зрения Брюсова постоянно находятся самые разные жанры, включая драматургию. Поэтому к нему как знатоку обращается, например, А. Ремизов по вопросу о пьесах новых зарубежных драматургов, подходящих для современного театрального репертуара. И Брюсов дает квалифицированный совет, называя и характеризуя произведения не только Верхарна, Гамсуна, Метерлинка, Д'Аннунцио, Стриндберга, но и второстепенных авторов вроде Самена или С. Пеладана.

Мы находим у Брюсова и восхищение и возмущение читаемыми произведениями. И его оценки тех или иных писателей, как положительные, так и отрицательные, помогают лучше понять его самого, его эстетические критерии.

По письмам мы можем иногда проследить, как менялось, как складывалось отношение Брюсова к тому или другому писателю. Так, по переписке с Коневским мы видим, как на протяжении 1899 г. шла по нарастающей линии оценка Верхарна. Если в начале года Верхарн для него еще «слишком бледный, слишком длинный, слишком обдуманный» (п. 2), то второй половине года Брюсов уже пишет: «Теперь знаю, что он великий поэт» (п. 18). А в письме к Курсинскому он мотивирует, почему он причисляет Верхарна к «первым из современников моих, наших»: «Verhaegen написал книгу о городе, о которой мы мечтали все. Я не завидую, а радуюсь. Он велик, ибо он наш» (п. 55).

В литературных симпатиях и антипатиях Брюсова проявляется устойчивая закономерность. Так, он беспощадно проничен по отношению к литераторам эпигонского типа вроде В. Величко.

Заинтересовавшись вначале поэзией Мирры Лохвицкой, он через некоторое время в письме к Бальмонту пересматривает свою оценку ее стихов: «Все это трафарет, новые трафареты поэзии, все те же боги Олимпа, те же Амуры, Псиши (...) но в новой одежде. Нет, не этого нужно, не этого. Лучше не писать. Или уж так необходимо повторять свои заученные молитвы?» (п. 26).

Письма Брюсова дополняют его облик как литературного критика, умеющего давать меткие характеристики и оценки литературных явлений. Вот, к примеру, одна из выразительных характеристик Бальмонта, содержащаяся в письмах к нему 1905 г.: «Ведь для Тебя, все равно, что Мексика, что Париж, что Иваново. Ты — сам в себе; Твоя вселенная — в Тебе. Помнишь: — Ты верно изобразил лишь одну страну: ту, которой никогда не видал, — Исландию. Да, конечно, Ты напишешь стихи о Мексике, но мог бы их написать и не переплывая Атлантики. Ты вне времени и вне пространства. Ты столь же современник Августа и Горация, как мой и Ницше» (п. 107).

Суждения Брюсова-критика и в письмах обычно отличаются требовательностью, строгостью и прямоотой. Так, в 1895 г. он писал П. Перцову: «Бальмонту ясный предел положен — лирика любви и второстепенных настроений — никогда он не затронет таких тем, как Тютчев и Фет» (*Тетради*, п. 26). Этой откровенной оценке не могла помешать и возникшая дружба с Бальмонтом. «Оценивая поэтические произведения, я никогда не позволяю себе лгать, — заявляет Брюсов, — ни ради вежливости, ни ради лести — одним словом, ни в каком случае. Конечно, я могу ошибаться, но всегда искренно говорю свое мнение» (*Тетради*, п. 32).

Неудивительно, что корреспонденты Брюсова очень дорожили его письмами. «Так люблю Ваши письма, трезво и определенно ставящие все на свое место», — писал Брюсову С. Городецкий (*ГБЛ*. Ф. 386, 83, 36).

Заметим, что, строго оценивая многие литературные произведения, Брюсов сам был готов выслушивать критические высказывания о своем творчестве. Он с нетерпением ждал, например, от Коневского «упреков и осуждений» по своему адресу; по его определению, это «наиболее любопытное, что я могу искать» (п. 48).

В переписке отражается и высокая оценка корреспондентами Брюсова его деятельности как редактора. Вот что писал ему Волошин: «Вы идеальный редактор — в то время, когда я пишу Вам: „вычеркните те-то три строчки“, Вы, еще не получив письма, пишете, что Вы их вычеркнули» (п. 17). Для понимания редакторского такта и редакторского искусства Брюсова много дает, например, его письмо к Волошину, связанное с редактированием статьи последнего «Скелет живописи»: «Я старался сделать, как умел лучше и именно так, как сделали бы Вы сами, будь корректура в Ваших руках. Я старался войти в Вашу душу, говорить Вашими словами, мыслить Вашими мыслями. (Все это, однако, пусть Вас не слишком пугает: поправки почти исключительно состояли в перестановках, прибавлена мною — для связи — кажется, одна фраза)» — п. 10.

Переписка Брюсова насыщена множеством литературно-творческих вопросов, начиная с вопроса о содержании поэзии. Уже в 90-е годы он стремится преодолеть традиционную узость поэтической тематики. В связи с этим он пишет Бальмонту: «Мир чувств — слишком ограничен: от любви и восторга до нелюбви и отчаяния... слишком недолгий путь (...) И потом повторение. Поэзия, которая знает только эти настроения, — утомительная» (*Тетради*, п. 75). Разбирая в 1895 г. сборник «Молодая поэзия», Брюсов выражает его составителю П. П. Перцову свою неудовлетворенность: «Неужели же душу наших поэтов не трогает ничего, кроме любви» (*Тетради*, п. 26).

Вырываясь из круга узкоиндивидуалистических мотивов, Брюсов признается Курсинскому: «Странно! Я начинаю ненавидеть лирику. В ней все однообразно и подражательно. Теперь, если я пишу, то это поиски нового в содержании ли, в форме ли» (п. 2).

Столь же неприемлемы были для Брюсова штампы и шаблоны в других жанрах, например в романе. Вот как он объясняет Курсинскому, почему отказывается писать роман: «Я считаю нашу форму романа рядом условностей, рядом разнообразных трафаретов. Мне смешно водить за ниточки своих марионеток, заставлять их делать различные движения, чтобы только читатели вывели из этого: а, значит у него (у героя) вот какой характер» (п. 27).

Часто обращается Брюсов в письмах и к вопросам стихосложения, рассматривая особенности ритмики и метрики тех или иных поэтов, связь стихотворных размеров с содержанием. Здесь мы встретим порой его осуждение характерных для эпигонской поэзии конца XIX в. чрезмерной ритмической гладкости и однообразности. «Почему Вы пишете правильным размером? — спрашивает Брюсов Коневского. — Неужели красиво это позорное и утомительное чередование ударений и quasi-ударений (...) Я призываю Вас и всех, с кем говорю, бороться против этих ненужных стеснений» (п. 2). А единственное сохранившееся письмо к

Поэзрию превращается в своего рода «маленький трактат» (говоря словами самого Брюсова) о точных и неточных, «неверных» рифмах и о недопустимости слишком вольного обращения с размером.

К темам, которые затрагиваются в переписке Брюсова, принадлежит и искусство художественного перевода. В этом отношении существенно письмо к А. Н. Тихонову, содержащее разбор перевода на русский язык произведений Ганса Сакса. Брюсов предъявляет к переводчику серьезные требования. Его не удовлетворяет, если «перевод в общем верен, т. е. передает правильно *смысл* подлинника, и совсем не передает, *как* все это сказано у Сакса». В этом случае, делает вывод Брюсов, «перевод *весь* неудачен: форма изменена, текст обесцвечен» (п. 24).

Обсуждению вопросов перевода много места уделяется и в переписке с Кожевниковым и Волошиным.

Брюсов постоянно говорит в письмах и о своей писательской работе, касается тех или иных особенностей своего творческого процесса, например упоминает о привычке «работать по корректурам». «В своих книгах я нередко возвращаю в типографию совсем другое, чем то, что стояло в рукописи, с этой стороны меня уже знают и «боятся» в московских типографиях» (Переписка с Тихоновым, п. 17).

В письмах раскрываются и некоторые неосуществленные и незавершенные замыслы Брюсова. Мы узнаем, например, какой была задумана его статья «Поэзия 95 года»: «Это не столько критическое, сколько полемическое сочинение, не столько изучение современной поэзии, сколько проклятия и гимны, проповедь всего нового, во что я верю, автобиографические вставки и лирические отступления...» (Переписка с Куринским, п. 11).

Показательны и брюсовские самооценки. Например, он считает «совершеннейшими» такие свои стихотворения, как «Работа» и «Каменщик», и это подчеркивает их принципиальный, программный для поэта характер.

Эпистолярное наследие Брюсова дает богатый материал для характеристики его деятельности как организатора литературной жизни, как руководителя и участника ряда журналов и изданий, от юношеских сборников «Русские символисты» до органа ЛИТО Наркомпроса «Художественное слово», а тем самым становится важным источником для изучения литературного процесса конца XIX — первой четверти XX в., и прежде всего для истории русского символизма от его зарождения до распада.

Переписка с владельцем издательства «Скорпион» С. А. Поляковым документирует историю издательства и основного органа символизма — журнала «Весь». Переписка с М. Волошиным отчетливо показывает, как налаживалось сотрудничество этого журнала с зарубежными, в основном французскими, литераторами и художниками. Многочисленные упоминания их имен в десятках писем Брюсова, Кожевникова, Волошина и пр. помогают нам гораздо полнее представить себе связи русских символистов с западноевропейской культурой.

В письмах к тому же Волошину раскрывается и редакторская линия Брюсова в «Весах», в частности в библиографическом отделе журнала: «Желание у нас не столько говорить о новых книгах, сколько по поводу новых книг высказывать свои взгляды на искусство. Нам важна не полнота библиографического отдела, а его боевой характер» (п. 30). Но при всей полемичности Брюсова по отношению к своим литературным противникам он был чужд узкого сектантства. Как редактор, он проявлял большую широту, не считая символистское направление единственно нужным и возможным в современной поэзии. Даже в начале своей литературной работы, готовя сборники «Русские символисты», он пишет: «Мне важно, чтобы в одном издании были соединены поэты разных школ и направлений» (*Темрад*, п. 9). Эту линию на соединении «всех тех, кто в самом деле чит и любит искусство», он часто проводил впоследствии на разных этапах — и в начале 900-х годов при создании альманаха «Северные цветы», и в советское время при редактировании «Художественного слова».

По материалам переписки можно проследить, как постепенно видоизменялись литературные взгляды и позиции Брюсова, как появлялись новые, не совпадающие с символистско-декадентскими устремления.

Характерно, что уже в 90-е годы он ищет в творчестве путей к реальной действительности. Так, в одном из писем 1898 г. он признается: «Я хочу написать плохой роман действительной жизни. Мне так хочется жизни, какойнибудь действительной жизни» (*Темрад*, п. 74). А в следующем году он говорит в письме к Бальмонту о пересмотре не только эстетических, но и этических основ декадентско-модернистского искусства, заявляет, что давно осудил «всю внешнюю прелесть нового, уже ставшего старым, все эти освобождения от добра, прелесть неверности...» (п. 45).

В переписке Брюсова отражается весь большой путь, проделанный им за тридцать лет. У истоков этого пути мы находим обращение молодого поэта к Полю Верлену. В исполненных чрезвычайного почтения к основоположнику французского символизма письмах Брюсов называет себя «робким новичком как в поэзии, так и в своем декадентстве» (*Темрад*, п. 1). А начало последнего десятилетия его жизни, наполненного великими событиями, заставившими его «в самой основе, в самом корне пересмотреть все свое мировоззрение» (*ЛН*. Т. 27—28. С. 472), отмечено тесными письменными контактами с ближайшим помощником М. Горького А. Н. Тихоновым (Серебровым). Развивается и укрепляется сотрудничество с великим пролетарским писателем и его изданиями: «Я и фактически и мысленно связал во многом свою жизнь и судьбу с «Парусом» и «Летописью» (п. 33). В этой переписке подробно раскрывается история создания задуманных и частично осуществленных сборников по на-

циональным литературам (латышской, финской, украинской и др.), являвшихся общим делом Горького и Брюсова.

И если еще в 1916 г. он заявляет: «Я давно отгородил себя как писателя от политики и общечеловечности (...) Разумеется, как любой, сколько-нибудь мыслящий человек, я не могу не интересоваться этими вопросами, но убедился, что мое дело — искусство, поэзия, наука: остальное за моими пределами» (п. 22), то вскоре он решительно переступает эти пределы, всем своим существом устремляясь к общечеловечности и в поэтическом творчестве и в практической деятельности. На новых путях Брюсов находит новые силы, новый подъем. «Именно теперь, — пишет он Тихонову, — (...) я с каждым днем чувствую себя все лучше и все бодрее и, право, испытываю такой наплыв сил и такое желание работать, каких не ведал уже в течение ряда лет, с эпохи задолго «до войны». Попытаюсь и оправдать такое свое утверждение на деле, в самом ближайшем будущем» (п. 22). Выход этим устремлениям Брюсова дал Великий Октябрь. Подборка писем советского периода дает представление о некоторой части многочисленных дел Брюсова послереволюционных лет, о том, с какими различными учреждениями и лицами он был связан, принимая участие в работе Наркомпроса, Книжной палаты, Государственного издательства, ВЛХИ, журналов «Художественное слово», «Печать и революция» и др.

Каждый писатель как творческая личность может быть по-настоящему понят, если мы рассматриваем его не изолированно, а в контексте его времени, в разных связях и опосредствованных, в отношениях — биографических и творческих — с его современниками.

Публикуемая переписка как раз и показывает Брюсова в окружении его современников, раскрывает личные и творческие взаимоотношения с рядом литераторов, различных по значительности своего дарования и степени известности. Среди них и те, кто, по признанию самого Брюсова, оказал заметное влияние на становление его творческой личности (это прежде всего Бальмонт и Коневской), и временные его полутчики, молодые поэты, учившиеся у Брюсова и затем пошедшие по своим путям.

В переписке отчетливо проявляется и настойчивое стремление Брюсова объединить, сплотить, сблизить всех тяготеющих к «новому искусству», и полемика со своими соратниками, нередко заканчивающаяся полным разрывом. В ряде случаев мы видим, как Брюсов все более расходится со своими вчерашними союзниками, отмежевывается от них, перерастает рамки одного направления. Готовый в конце 1902 — начале 1903 г. активно участвовать в органе Мережковских «Новый путь», он уже в августе 1903 г. солидаризируется с бальмонтовской характеристикой их журнала: «Это — помойная яма, недостаточно глубокая, чтобы иметь прелесть отвратительности» (Переписка с Ремизовым, п. 18).

Подавляющее большинство корреспондентов Брюсова (даже из числа второстепенных деятелей литературы и журналистики) представляет самостоятельный историко-литературный интерес. Между тем все они до сих пор мало изучены, а некоторые из них почти совершенно не привлекали исследовательского внимания. Включенные в том их письма, сопровождаемые обстоятельным исследовательским комментарием, расширяют и уточняют представление о личности и творческом облике каждого из них, а в результате и о литературном процессе эпохи, участниками которого они являлись.

Так, например, из переписки с Брюсовым (и сопровождающей ее статьи А. В. Лаврова) отчетливо вырисовывается остававшаяся известной лишь в узком литературном кругу фигура И. Коневского, раскрываются его философские и литературные взгляды, проясняется то, что сблизало и разделяло обоих поэтов.

На страницах тома впервые осмысливается непростой жизненный и творческий путь такого заметного в свое время и забытого теперь беллетриста, как Марк Крилицкий (М. В. Самыгин), предредавшего эволюцию от «проповедника неохристианства» и защитника идеи «свободной любви» до советского литератора, пишущего в начале 20-х годов агитационные пьесы.

Переписка между Брюсовым и Бальмонтом показывает их сложные отношения, их взаимное тяготение и отталкивание, их дружбу-вражду, дружбу-соперничество, закончившуюся давно уже намевившимся расхождением двух популярнейших поэтов русского символизма. Письма добавляют немало существенных черт к характеристике человеческого и литературного облика Бальмонта, в частности знакомят нас и с его неожиданно острыми оценками явлений современной общественной жизни. Вот что пишет он, например, в 1905 г., резюмируя свои впечатления от Мексики и ее столицы: «Город приезжих прожорливых белоликих и обнищавших последних ацтеков, пьющих свою пульку в воюющих кварталах. Рвань, нищета, голоножье (...) О тень Кортеса, христианского мусульманина, уничтожавшего ивзванные сны ацтеков и тольтеков! Да будут прокляты завоеватели, не шадящие камня...» (п. 106).

Среди малоизученных фигур брюсовских корреспондентов по-новому раскрывается привлекательный образ одного из зачинателей пролетарской поэзии — Авенгера Поздриня. В его письмах содержатся живые факты, помогающие во всей конкретности увидеть некоторые пути формирования так называемой народной интеллигенции тех лет, настойчивое стремление в рабочей среде к образованию, просвещению, культуре, приводившее отдельных ее представителей к знакомству и с «новой поэзией».

Настоящий том содержит большой материал для характеристики не только непосредственных корреспондентов Брюсова, но и многочисленных третьих лиц. Так, из писем Ремизова мы получаем дополнительные сведения о режиссерской деятельности Вс. Мейерхольда в провинции.

Характеристике персонажей тома способствуют и приложения, сопровождающие некоторые разделы. В них даются неопубликованные статьи, стихи, воспоминания, связанные с темой данного раздела, письма к третьим лицам и т. п.

В настоящий том, разумеется, невозможно было вместить все неизданное эпистолярное наследие Брюсова. За пределами тома остались, например, его письма к жене, к родным. Следовало бы издать отдельной книгой чрезвычайно содержательную переписку с П. П. Перцовым, которая опубликована только в отдельных ее частях, без ответных писем брюсовского корреспондента и без комментариев.

Однако и собранное в данном томе представляет обильный материал для изучения жизненного и творческого пути Брюсова и для характеристики литературной жизни рубежа и первой четверти XX в.

Документальную основу настоящего тома составили материалы, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, а также в фондах Центрального государственного архива литературы и искусства СССР, Рукописного отдела Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР и Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Ряд материалов (в том числе иллюстративных) предоставлен и другими учреждениями: Государственным литературным музеем, Архивом А. М. Горького, музеем А. М. Горького, Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Историческим государственным архивом г. Москвы, Историческим архивом г. Ленинграда, Центральным архивом кино-фото-фонодокументов (Ленинград).

Всем им редакция «Литературного наследства» выражает свою глубокую признательность.

Редакция благодарит также тех лиц, которые помогали в подготовке данного тома и своими советами, и сообщениями неопубликованных документов: Т. Бочковскую, Н. Д. Бруни-Бальмонт, Н. А. Кайдалову, И. В. Корецкую, С. К. Кульяс, Т. Б. Кустодиеву, В. Я. Мордерер, И. В. Платонову-Лозинскую, С. Н. Полозкову, В. И. Прудникова, Л. С. Резника, И. С. Черноуцана.

Большую и многогранную работу по созданию и редактированию тома выполнила Ю. П. Благоволina. В редакторской работе над томом участвовала и О. Ю. Ускова. Ею, в частности, подобраны иллюстрации и составлены подписи к ним. Фотографии изобразительных материалов, отобранных для иллюстрирования, выполнены В. И. Столяровым.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ ТВОРЧЕСТВО В. Я. БРЮСОВА*

Статья М. Л. Гаспарова

В наши дни письмо не считается художественным жанром. Писатели не включают писем в свои прижизненные издания, как когда-то в древности и средневековье, когда из писем складывались целые собрания сочинений. Письмовники, которые почти два тысячелетия были верными спутниками европейской словесной культуры, становятся предметом насмешек, и роль их сходит на нет. Письма больших писателей публикуются лишь посмертно и рассматриваются прежде всего как исторический источник (свидетельство современника об эпохе) и психологический источник (свидетельство человека о себе). Но это нисколько не отменяет необходимости подхода к письмам писателя и как к литературному произведению. Формы, в которых пишутся письма в новое и новейшее время, ничуть не менее устойчивы и традиционны, чем в старину, только эта устойчивость гораздо меньше сознается пишущим, чем в эпоху письмовников, и соответственно требует больше исследовательских усилий для выявления. Это важно не только с внутренней, филологической, но и с внешней, источниковедческой точки зрения. Факт действительности, становясь предметом словесного изложения, преобразовывается в нем по нормам жанра; письмо — это жанр, имеющий свои нормы, меняющиеся от эпохи к эпохе, и если мы не будем учитывать эти нормы, мы не сможем правильно реконструировать факт.

Поэтика писем русских писателей почти не исследовалась в научной литературе. Некоторое внимание уделялось лишь письмам эпохи Пушкина и его предшественников, когда литературность писательских писем была вполне осознанна и очевидна. Для более поздней эпохи как бы подразумевалось, что письма пишутся без правил и позволяют непосредственно заглянуть в душу автора. Это, конечно, не так. Писатель раскрывает себя в письмах ровно настолько, насколько он хочет, рисует в них свой образ точно так же, как в любом другом жанре — образ своего героя. Патетические письма Гоголя, исповедальные — Герцена, торопливо-деловые — Достоевского, осторожно-доброжелательные — Чехова: ни о каких из них нельзя сказать, что они полностью открывают нам своих авторов. Тем более это относится к письмам конца XIX — начала XX в., эпохи большой перестройки не только литературных, но и жизненных норм. Читая письма Брюсова, мы можем увидеть в них новые и очень важные стороны его многогранной личности, не можем лишь одного: сказать, что это и есть «подлинный» Брюсов, свободный от условностей литературного выражения. «Подлинный» Брюсов возникает лишь во взаимодействии всех его словесных и жизненных проявлений — стихов, прозы, статей, писем, поступков и автокомментариев к ним. Воссоздание этого образа потребует еще многих исследовательских усилий.

Задача этой статьи — наметить хотя бы некоторые черты поэтики, характерные для эпистолярного стиля В. Я. Брюсова, позволяющие представить, как строился его авторский образ в жанре письма. Что именно доносит до нас переписка Брюсова — об этом подробно говорится в предисловиях к отдельным публикациям этого тома; здесь пойдет речь лишь о тех приемах, какими в ней это делается.

* Кроме писем, публикуемых в настоящем томе, материалом для рассмотрения послужили письма Брюсова к А. Белому, В. Иванову, Э. Верхарну, А. Шестеркиной, З. Гишпиус, В. Станюковичу, Н. Петровской и др. (ЛН. Т. 85), И. А. Бунину (ЛН. Т. 84), В. Миролубову, П. Струве (*Лит. архив*), Л. Вилькиной, Ф. Сологубу (*Ежегодник 1973*), Г. Чулкову (*Чулков Г. Годы странствий*. М., 1930), П. Перцову (*Письма к Перцову*), К. Чуковскому (*Чуковский К. Из воспоминаний*. М., 1959), А. Измайлову (*Ежегодник 1978*), М. Ширяевой (*Русская литература и Кавказ*. Ставрополь, 1974), В. Гишпиусу и др. (В. Брюсов и литература конца XIX—XX в. Ставрополь, 1979). Ссылки на письма из этих публикаций даются только указанием на адресата и дату письма.

БРЮСОВ

Фотография П. Павлович. Москва, 1910-е годы

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Эпистолярное наследие Брюсова огромно. Опубликовано оно далеко еще не полностью. Письма литературного и делового содержания известны лучше, чем письма личного содержания; письма ранних лет — лучше, чем письма революционного и пореволюционного времени. Публикаций, воспроизводящих двустороннюю переписку (как в этом и предыдущем брюсовских томах «Литературного наследства»), сравнительно мало; а не слыша голоса эпистолярного собеседника, мы хуже воспринимаем и собственный голос Брюсова. Многие письма Брюсова не сохранились в окончательном беловом виде и восстанавливаются по черновикам. Черновики (иногда по несколько) предшествовали у него почти всем сколько-нибудь важным письмам; если он и пишет Куринскому, «даже не подумав заранее, что буду писать» (14 июня 1895), то оказывается, что и этому письму предшествовал черновик. Как правило, это не черновики-конспекты, подлежащие беловому развертыванию, а готовые связные тексты, и при переработке в беловик их стилистические черты не сглаживались, а заострялись. По всем этим причинам наблюдения над эпистолярной техникой Брюсова могут пока быть только предварительными.

По объему письма можно разделить на малые и большие; по содержанию — на монотематические и политематические; по форме подачи этого содержания — на эпические (с рассказом о событиях), лирические (с самораскрытием или откликом) и прагматические (с убеждением и побуждением); по композиции — на ассоциативные и логические; по замкнутости

или открытости построения — на монологические и диалогические. Все эти черты оказываются существенными для эпистолярной индивидуальности Брюсова; одни из его стилистических предпочтений устойчивы и постоянны, другие меняются с течением времени, но все складываются в картину индивидуальной творческой манеры.

Объем писем в значительной мере предопределяется условиями почтового быта. Открытка, почтовая страница, почтовый лист с двух сторон — каждый пишущий осваивает этот размер применительно к своему почерку и привыкает укладывать сообщение в приблизительно одинаковое число строк. Можно заметить, что короткие письма Брюсова приближаются по объему к открытке — может быть, объем открытки бессознательно запечатлевался привычкой как «малая форма» почтового сообщения. Границы «большой формы» были расплывчаты: когда письмо переходило с листа на лист, число листов могло умножаться до неопределенности — так писались, например, огромные письма Андрея Белого.

Иногда упоминания об объеме письма вторгаются композиционными рубежами в состав сообщения: галантное письмо к В. П. Биндасовой (2—9 июня 1894) заканчивается (в черновике!): «Ах! лист подходит к концу. До свидания, Вера Петровна!»; последняя часть письма к Курсинскому (29 июня 1896) вводится словами: «Однако передо мной последняя страница (. . .)»; к Перцову (25 февраля 1896): «Однако я исписал три листа (. . .)». А Вяч. Иванов, отвечая Брюсову, пишет (13 сентября 1905): «Дорогой Валерий, благодарю тебя за две полные и ласковые страницы (. . .)» — пространственность письма отмечается как знак внимания.

Эпический, лирический и прагматический элемент в составе письма редко существуют в чистом виде. Простого взгляда на любую бытовую переписку достаточно, чтобы заметить их естественное сочетание: в начале письма преобладает лирический элемент (выражение чувств пишущего к адресату или — спокойнее — отклик на вопросы, поставленные адресатом), в середине — эпический (сообщения о новостях), в конце — прагматический (просьбы, поручения, пожелания, вопросы). Если в начале письма преобладает рассказ о себе, то письмо имеет вид монологический и строится более или менее последовательно; если преобладает отклик на вопросы корреспондента — письмо выглядит диалогическим, и порядок высказываний в нем определяется не столько внутренней связностью, сколько задается письмом, на которое пишется ответ.

Образцом такой классической эпистолярной композиции может служить письмо Брюсова Коневскому (между 17 и 20 февраля 1900). Начальный абзац — это отклик на тему, заданную корреспондентом: «Я видел, дорогой Иван Иванович, Ваши стихи, те, которые Вы послали Лангу. Вы очень удачно выбрали образцы нового своего творчества: это все — замечательнейшее (. . .)» — и далее следует разбор этих стихов, от лучших к худшим, сперва от стихотворения к стихотворению, потом суммарно. Следующий абзац — переход от «ответной» к повествовательной части: «О Вашей поэзии мнения самые разные — от восторженных поклонников (. . .) до крайних отрицателей (. . .) Дурнов молчит, Бахман никак не может прочесть Вашей книги, Бальмонт писал мне (. . .)». Затем — повествовательная часть: «Был здесь "Вечер нового искусства" (. . .) Выходит в Москве журнальчик "Муравей", немного тянущийся к новому (. . .) Еще из "литераторов" узнал я В. Каллаша и Л. Медведева (. . .) Читали ли Вы "Песни старости" Жемчужникова? (. . .) Вышла книжка стихов В. Голикова (. . .) П. Перцов издает второе издание "Молодой поэзии" (. . .)». И, наконец, последний абзац, связанный с предыдущим упоминанием о стихах адресата, — прагматический: «Заметьте, что в Москве Вашей книги в продаже нет. Зайдите к Суворину и упрекните их жесточе. Кстати скажите, чтобы послали в Москву и "Книгу Раздумий". Бальмонт просил меня просить Вас (. . .)» и т. д. В заключение, после подписи — постскрипtum, возвращающий к начальной теме письма: «Если Вы написали нового, не откажитесь прислать Вашим верным читателям».

Но таких композиционно уравновешенных писем у Брюсова мало. В большинстве ранних его писем преобладает, как мы увидим, лирическое начало, в большинстве поздних — прагматическое, деловое. Эпическое, повествовательное подчинено им и обычно отходит на второй план. Исключения редки; когда рассказ о новостях появляется в письме, то это обычно московские литературные новости, сообщаемые дальнему единомышленнику — Коневскому в Петербург (как в приведенном письме), Чулкову в Сибирь, Станюковичу в полк, Курсинскому в Серпухов, Белому в Мюнхен и Париж, Зинаиде Гиппиус в Париж.

По единообразию или разнообразию затрагиваемых предметов письма делятся на тематические и политематические. Здесь у Брюсова, как во всякой переписке, решительно

преобладают письма политематические, многотемные. Это естественно: предполагается, что пишущий пользуется случаем для того, чтобы сообщить о себе все. Это предопределяет некоторую несвязность композиции и отрывистость стиля в письмах: эти свойства как бы составляют привилегию и прелегу эпистолярного жанра, тематически однообразное и связанное письмо воспринимается как педантство. Поэтому во избежание такого впечатления пишущий старается внести в однотемное письмо тематический или стилистический перебой — как бы напоминание о жанре.

У Брюсова (и не у него одного) такие тематические перебои обычно отмечают конец письма — иногда постскрипту. Как правило, перебивающая тема — более сниженная, прозаичная, деловая. Движение мысли в письме начинается с конкретного повода (хотя бы простейшего: «я получил твое письмо»), постепенно переходит к предметам более широким и общим, а под конец вновь возвращается с неба на землю, — иногда переосмысляя при этом все сказанное выше.

Так, в письме к тетке, З. А. Бакулиной (март-апрель 1897), Брюсов очень эффектно, броско и связно излагает всю эпатирующую программу своего аморализма, а потом пишет: «Клянусь, я был искренен, тетя. Впрочем, могу добавить, что одна особа, ум которой я ценю, выслушав подобную же исповедь, сказала мне, что я не знаю сам себя. И это может быть — но что же дальше? Валерий Брюсов». Так, другое его письмо схожего содержания (Биндасовой, 8—13 ноября 1893), выразив с полной ясностью, что он чужд обществу и убеждениям общества, вдруг заканчивается: «P. S. Меня очень интригует, что происходит на сеансах у Красковых (. . .)» и т. д. В письме к Самыгину (около 11 марта 1900) Брюсов рассказывает высоким слогом о своих творческих планах («Подходит весна (. . .) Буду писать то, что хочу. К осени непременно издам книгу стихов (. . .)»), а потом круто меняет тон: «Теперь о найденных Вами рукописях. Как словесник Вы знаете (. . .)». Это почти реминисценция из концовки пушкинского «Разговора книгопродавца с поэтом». Впрочем, в письмах Бальмонта мы находим перебои не менее яркие: одно из лучших его лирических писем (9 октября 1902) кончается: «(. . .) И в самом низком падении не забуду о нашей, о Вашей и моей блестящей двумирной вечерней звезде. Ваш К. Бальмонт. P. S. Пожалуйста, обратите внимание: в листах моей книги кажется не везде поставлено внизу мое имя (. . .)».

Когда тематический перебой вводится не в конце, а в середине письма, то обычно он, наоборот, отклоняется не к снижению, а к возвышению, к лиризму. Письмо к Курсинскому (23 октября 1899) начинается сообщениями о своей жизни и гостях, потом говорится «завидую твоему одиночеству», «я хотел бы жизни средневекового алхимика в замкнутой башне», а потом, с абзаца: «Сейчас черная ночь и фонари. Если задуть свечи, на стену мою ляжет печать от оконных рам. Это фонарь отдается мне в руки. В лунную ночь так отдается луна (. . .)» и т. д. И возвращается к прозе: «Надеюсь скоро прислать тебе книжку, которую издает Бальмонт (. . .)» и т. д. Такой же «ночной» тирадой начинается письмо к Кюневскому (ноябрь-декабрь 1900), с перебоем: «Вы скажете, что это бальмонтовщина (. . .)». После этого описательные отступления надолго исчезают, чтобы вновь вдруг возникнуть в гораздо более позднем письме к В. Иванову из Майоренгофа через три месяца после смерти Н. Львовой (20 января 1914): «О себе опять не пишу: трудно (. . .) Иоанна Матвеевна в Москве; если с нею встретишься, она дорасскажет внешности». Абзац — и почти гекзаметрический ритм: «Море шумит о снег; сосны шумят, отвечая. Еще никогда я не видел зимнего моря: радуюсь и пишу к нему строфы (. . .)». И снова — смена интонации: «О Москве не то что стараюсь, а решаюсь не думать (. . .)».

Слово «внешности» в приведенной цитате — почти термин. В этой системе перебоев высокие и низкие темы противопоставлялись как «внутреннее» и «внешнее». В переписке брюсовского круга единственным достойным обсуждения предметом считалась внутренняя духовная жизнь; все остальное — быт, издательские дела, политика, переезды, встречи — было «внешним» и требовало извинительных оговорок. «Сегодня о внешностях. Получил письмо (. . .)» — начинается письмо к Шестеркиной (7 июля 1901); «пишу Вам несколько внешностей. „Пламенники“ будет очень трудно печатать в Москве (. . .)» — письмо к Иванову (16 мая 1903). Черновик письма к Бальмонту (декабрь 1899) прямо делится на две части с подзаголовками: «Внешнее: Книгу Шарко отдал (. . .) Перцов и Дурнов (. . .) „Книги раздумий“ в Москве нет (. . .)» и «Внутреннее: Друг мой! очень хотелось бы написать Вам открыто (. . .)» — и далее о темах и мыслях стихов Бальмонта; однако в заключение неожиданно: «Но для меня это — внешнее, дважды внешнее (. . .)» и т. д. В самом деле, при после-

довательном противопоставлении этих понятий оказывалось, что «внутреннее» по самой своей тонкости и возвышенности не поддается передаче словом и ускользает за пределы письма. Бальмонт тщетно заклинает Брюсова (20 августа 1902): «Сообщите же о себе что-нибудь и внешнее и внутреннее (. . .)». Когда сам Бальмонт (5 января 1903) сперва описывает Брюсову «русский вечер» с чтением стихов, а потом пишет: «Внешности. В промежутке между этими вечерами я блуждал по ночному Парижу. Один. С отчаянием в душе (. . .)», то контраст между этими двумя половинами письма почти не ощущается. Потом в игру этими понятиями включается и Белый: «Дни такие, что надо быть начеку и не хочешь себя парализовать внешностями» (4 марта 1904), а Брюсов успокаивает Белого: «Ах, не презирайте внешнего» (16 октября 1906).

Изысканным синонимом к слову «внешнее» было выражение «три измерения». А. М. Добролюбов в письме (апрель-май 1896), которое начинается: «Думал о *гордой первобытности*, которая при нежных и волокнистых звуках гобоев и Ноева там-тама приближается к миру. Царица рыжего льва! ты сквозила в задумчивых глазах галла Верлена (. . .)», — переходит к деловой части словами: «Вопросы, близкие жизни и точности трех измерений... 1) Пока опускаю типографию Снегирева (. . .)» и т. д. Это же выражение Брюсов повторяет в письме к Шестеркиной (31 мая 1901): «А чтобы покончить с вопросами трех измерений (. . .)».

Важным элементом эпистолярного этикета было умение стилизоваться в письмах в соответствии с обликом и манерой своего корреспондента — вести с каждым собеседником беседу на его собственном языке. Это касается и затрагиваемых тем: так, в письмах и открытках к С. А. Полякову (если они не чисто делового содержания) Брюсов даже без видимой необходимости старается упомянуть, во-первых, о своем упражнении в шведском, итальянском и других иностранных языках, а во-вторых, о вкусе вин, которые ему случалось пробовать: и то и другое, как мы знаем, составляло предмет особого интереса С. А. Полякова — «Ещбоева». В юношеских письмах к Ширяевой Брюсов описывает даже туалеты пятигорских дам (1896). Письма Брюсова к Гиппиус в Париж с изысканно-фамильярными интонациями, обилием бытовых подробностей, с их уклоном в сплетню и в эротический намек (интерпретация стихов Вяч. Иванова и М. В. Сабашниковой в письме от 22 мая 1907; ср. ту же тему в письме Чуковскому 20 мая 1907) почти зеркально отражают эпистолярную манеру самой Гиппиус.

Когда Брюсов пишет Льву Толстому (20 января 1898), выражая пожелание, чтобы тот упомянул о его брошюре «О искусстве» в своем сочинении на ту же тему, он обращается к библейским образам: «Мне не хотелось бы, чтобы этот факт оставался неизвестным читателям Вашей статьи. А Вы, конечно, не захотите взять у меня, подобно богатому в притче Нафана, мою „агницу единую“». Когда Брюсов пишет к А. М. Добролюбову, он воспроизводит его профетический стиль: «Верю, что был некий ужас дня (и я ждал так) и истина, что Исаи гл. АІ ст. І—К пророчествовал. Но да будет иной конец. К чему бояться? Полуночное солнце близко, но оно вещество, и ближе тайна, ибо внутри нас. Смотрим к полуночи и мы, и многие. Получен ответ от сестры на Белоозере: пусть продолжает не ведать кто, и верить, и ждать; эта вера ее спасение (. . .)» и т. д. (начало декабря 1898; ср. письмо от 11 августа 1898). А когда Брюсов пишет к И. И. Коневскому, у него появляются необычно-значачие слова, столь характерные для прозы его собеседника: «вещи милые и ласкательные», «убедили меня безотрицательно» (письма от 4 января 1899 и от мая 1900).

Кроме стилизации под корреспондента, была возможна также стилизация под эпистолярную традицию русской классической литературы. Этот вопрос совершенно не исследован, а он представляет большую важность: после того как перестали быть образцами письмовники, таковыми могли стать письма русских классиков, все чаще публиковавшиеся во второй половине XIX в. (Брюсов, сотрудник «Русского архива», имел к ним профессиональный интерес). Почти с уверенностью можно сказать, что письмо Брюсова Курсыскому (15 июня 1896) о поездке через Крым в Пятигорск подражает письму Пушкина Л. С. Пушкину (24 сентября 1820), отрывок из которого приложен послесловием к «Бахчисарайскому фонтану»: здесь та же игра беглых упоминаний о большом и интересном и подробных — о бытовых частностях и встречах. Может быть, к письмам Пушкина восходит и интонация коротких учащенных вопросов, время от времени возникающая у Брюсова: «Что Белый? Прислал ли возражение на мое «Открытое письмо»? И что Вячеслав? Бальмонт прислал мне открытку (. . .)» (Полякову, 11 июня 1905); «Что Минский? Как Минский? Почему Минский? Вы лучше знаете, напишите» (Чулкову, ноябрь 1905, о редакторстве Минского в социал-демократичес-

кой «Новой жизни») — ср. у Пушкина, например, письмо к Я. Н. Толстому (26 сентября 1822).

Конечная цель письма как литературного жанра — создать художественный образ автора, отправителя письма. Эта цель была близка Брюсову всю жизнь, но средства, служащие ей, менялись. В этих изменениях можно выделить два периода: «Брюсов непризнанный», 1890-е годы, и «Брюсов признанный», 1900—1910-е годы. Более поздние, пореволюционные письма Брюсова слишком мало изучены и ускользают от схематизации.

Ранний, непризнанный Брюсов весь сосредоточен на одной теме: на самоутверждении. Этому посвящены и стихи его, и теоретические раздумья, и письма. «Самобожание» упоминает он в письме к Курсинскому (3 августа 1898). Апофеоз собственного «я», которое поглощает и творит мир, — главный предмет его забот. В этом преображались и естественные чувства начинающего автора, пробивающегося в литературу, и философские интересы (к Лейбницу) и напряженные «поиски себя» — собственного поэтического голоса и стиля. Он ищет формы, которые позволили бы ему свести воедино все многообразные проявления этого «я», и находит их прежде всего в дневниках и письмах. Эти два жанра сближены у молодого Брюсова теснейшим образом. Об этом справедливо говорится во вступительной статье С. И. Гиндина к разделу «Письма из рабочих тетрадей Брюсова», где публикуемые им эпистолярные тексты закономерно названы «эпистолярным дневником» молодого Брюсова.

Рабочие тетради Брюсова 1890-х годов, из которых извлечен материал этого раздела, замечательны динамическим беспорядком, в котором там чередуются, перебывая друг друга и набегая друг на друга, отрывки стихов, писем, прозы, рабочих записей, проектов и проспектов. Брюсов дорожил этим способом работы, потому что в нем нагляднее всего запечатлевалось вседневное движение его «я». Здесь это «я» представляло в натуре; а описанием его со стороны становились, во-первых, дневник (тетради «Моя жизнь»), а во-вторых, письма, дававшие как бы ряд мгновенных фотографий с состояний этого «я». Эти жанры взаимодействовали: дневниковые формулировки своего самоутверждения размножались в письмах, удачно сложившиеся страницы писем переписывались в дневник («Из письма к Самыгину» 8—9 сентября 1897 и др.). Еще в 1900 г. при сборнике «Tertia vigilia» Брюсов анонсировал книгу прозы «Истины. — Мои письма», видимо надеясь в этой форме приблизиться к «конечной цели искусства, т. е. «выразить полноту души художника» («Предисловие» к «Tertia vigilia»).

Повятно, что, сближаясь с авторским дневником, письмо тем самым отделяется от адресата: пишущий сосредоточен на себе, а не на нем. Брюсов пишет Фриче в рабочей тетради (между 14 июня и 6 июля 1895): «Владимир Максимович, многоуважаемый. Будет ли послано это письмо — не знаю, ибо не знаю и Вашего адреса, но тем более интереса для меня в самом письме. Мне хочется поговорить с Вами, после того, как я письменно поговорил с Бальмонтом, с Курсинским, с Перцовым. Говорить я буду, конечно, о себе, что и подобает поэту, символисту и Валерию Брюсову (. . .)». Ирония здесь несомненна, Брюсов действительно хотел писать Фриче и искал его адреса, но суть остается сутью: «тем более интереса (. . .) в самом письме».

Чтобы не вводить адресатов в недоумение, Брюсов прямо предупреждает, что пишет письма «под настроение»: «Прилагаемое письмо несколько не похоже на мои обычные письма, но это зависит от моего настроения (. . .)» (Перцову, 19 ноября 1895). Оговорками о переменах своего настроения от письма к письму начинаются обращения к Бальмонту (июль 1897, с цитатой из Баратынского, что всем чувствам «боги праведные дали одинакие крыле») и к Перцову (25 августа 1895, кончающееся: «Прерву свое письмо — душа что-то не настроена для писем (. . .)» и т. д.).

С другой стороны, если настроение влияет на письмо, то и письмо может влиять на настроение: некоторые письма молодой Брюсов пишет едва ли не для самовозбуждения. Так, письмо к Павловской (18—19 ноября 1896) начинается с высокомерных вразумлений о том, что их любовь, которая для нее — все, для него лишь малая часть его души, а продолжается: «(. . .) и сегодня, сейчас, после этих строк я плакать готов, зная, что сегодня не увижу тебя. Милая, сжался над моим безумием (. . .)» (и т. д.) — и заканчивается уговорами о встрече. При желании, конечно, можно, напротив, видеть в начальной части письма нарочитую позу, а в конце — прорвавшееся искреннее чувство; о возможности таких двойных интерпретаций следует помнить постоянно.

Пределный случай безотносительности письма к адресату — это когда одно и то же в одних и тех же выражениях пишется разным лицам. Романтические прецеденты такого по-

ведения Брюсов знал: «Герой Альфреда де Мюссе, написав письмо одной женщине, посылает его другой, потому что, по счастью, имя не было обозначено. Я не так счастлив (. . .)» (к Фриче, 14 июня — 6 июля 1895); этот опыт Мюссе Брюсов едва ли не в точности повторяет в письме к Шестеркиной (25 июля 1900). Подобно этому же на вопросы тетки о своем мирозерцании он отвечает: «(. . .) посылаю Вам одно старое письмо. Одна девушка, которую я уважал и уважаю, сделала мне не так давно почти те же упреки и поставила почти те же вопросы, как и Вы. Я ответил ей письмом (. . .) От этого письма у меня сохранилась черновая. Перепишю ее Вам, но говорю, что не подо всем высказанным там я подписался бы (. . .)» (Бакулиной, 6 апреля 1897; не исключено, что этэ мистификация, но характерная). Тетка резонно отвечала: «Что мне за желание читать ответ, писанный не ко мне? (. . .) Как же я там найду, под чем бы ты подписался и под чем нет?» и т. д.

Но такое использование старых писем — сравнительно редко, чаще размножаются новые. 12 марта 1897 г. Брюсов получает письмо от Бальмонта и записывает в дневник лирическую тираду с цитатами из Фофанова и из Шекспира: «"Душа отстрадала и только забвения просит". Как просто. "Забвения". Как детски просто. О, Гамлет, Гамлет! "Простым ударом шила..."» и т. д. Из дневника эти слова переходят в ответ Бальмонту (22 марта), в писавшееся одновременно письмо Куркинскому (16 марта), в письмо Павловской (конец марта — апрель). 18 апреля 1897 г. Брюсов пишет Павловской, обнадеживая ее «единением» в грядущем свете, выписывает сентенцию из Осии (. . .) и возлюблю невозлюбленную (. . .)» и описывает выставочную картину Нестерова, проникнутую светом и тишиной; через неделю он повторяет и это описание и эту сентенцию в письме к Бальмонту (25 апреля), но уже с чисто эстетической точки зрения: «Да, чтоб не забыть. У нас на Передвижной выставке (. . .)»; «Последнее "кстати". Из пророка Осии: "Рече Господь (. . .) и возлюблю невозлюбленную (. . .) людие мои есте". Хорошо?». Программная брюсовская мысль о «я» как пантеоне, где все различия гаснут — «будем молиться и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу и Дьяволу», — формулируется в письме к Самыгину (февраль 1899), переписывается в дневник, а оттуда повторяется в письмах к Станюковичу (весна 1899), к Бунину (22 марта) и в немного более отдаленных выражениях — к Коневскому (18 марта). Нет нужды умножать примеры: еще многие такие случаи перечислены в примечаниях к публикациям писем. Вершиной этой самоповторности был замечательный «ревельский циркуляр» (июнь 1900) с описанием Этели и медитациями о беге времени: «Письмо Юргису, Ореусу, Бальмонту и Шестеркиной (в Москву, на Сайму, в Оксфорд, в Бахчисарай из Ревеля)», о котором сам Брюсов вскоре писал Самыгину (июль 1900): «Отсюда приходилось писать так много писем, что у меня выработался особый эпистолярный стиль, и писал я всем одно и то же или почти. Вам — мне этого не хотелось. Неужели условно-красивыми фразами описывать море и старей Ревель (. . .) и размышлять о власти Прошедшего над нашей душой (. . .)». После этой самокритики случаи такого рода, как кажется, исчезают из эпистолярной практики Брюсова.

Пафос самоутверждения, проникающий переписку молодого Брюсова, определяет и тему и жанр его писем этого времени: это письма лирические, письма о себе (вспомним еще раз ироническое: «Говорить я буду, конечно, о себе, что и подобает поэту, символисту и Валерию Брюсову (. . .)» — из письма к Фриче). «О себе» тоже можно писать по-разному: такие письма могут быть или записью текущих мыслей и переживаний в их мгновенной противоречивости, или итогом и результатом этих мыслей, как бы статичным (хотя бы ненадолго) автопортретом со стороны. В первом случае преобладают интонации сомнений и исканий, во втором — категоричные и авторитарные. В письмах Брюсова мы находим и те и другие; но заметнее, и характернее в них интонации второго типа. (Первый тип, поток сознания, переходящий порой в почти «автоматическое письмо», гораздо более свойствен, например, Андрею Белому.)

Брюсов не вырабатывает своего кредо на глазах у адресата, он предпочитает декларировать его в готовом виде, и по возможности — с вызовом, с рисовкой, с бравадой. Он бравировал декадентским аморализмом перед знакомой барышней (Биндасовой, 8—13 ноября 1893) и перед пожилой тетужкой (Бакулиной, март-апрель 1897), бравировал успехами — театральными, литературными, любовными, учебными (той же Биндасовой, 2—9 июня 1894), своими способностями («кто знает мою (фантастическую) необыкновенную память (. . .)», — пишет он, завязывая литературное знакомство с Приска де Ландель, 3—4 апреля 1895), великими замыслами («Приятно, знаете, работать над большой поэмой, как-то становишься причастным тому же Тассо (. . .)», — обращается он к Фриче (июнь-июль 1895) с почти издевательски-хлестаковской интонацией; «это будет труд громадный, величайший.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ БРЮСОВА

Фотография, 1960-е годы

Литературный музей, Москва

Он должен создать науку „истории литературы” (. . .)», — пишет он об «Истории русской лирики» к Самыгину 15 июля 1897, уже без всякой иронии); разнообразием интересов (Вилькиной о математике, июль 1903), творческой ненасытностью (самая частая тема, возникающая вновь и вновь в перечнях того, что Брюсов пишет и что он уже написал), сипетением восторга и ненависти (Ясинскому, 21 февраля 1894), пушкинской хвалой чуме (Бальмонту, октябрь 1898), опасностью смерти (Бальмонту, 12 января 1896). Даже когда Брюсов обращается к более диалектичному раскрытию себя, с колебаниями и переспросами, то это сопровождается взглядом на себя со стороны, как бы добавляющим к образу эпистолярного героя молодого Брюсова еще одну черту — драматическую противоречивость (Самыгину, 15 июля 1897: «Я не напишу Вам больше восторженного письма: те минуты прошли, и я опять холодно и спокойно смотрю на свою жизнь (. . .) Но разве нельзя быть одиноким, женившись? — О, какой грубый вопрос, как он резко врывается в мои думы. Я ничего не утверждаю. Простите. Я сегодня совсем бессистемно болтаю, и этого письма не следовало бы посылать. Помните у Фофанова? (. . .)» и т. д.).

Этот образ декадента-аморалиста, полного гениальных замыслов, разрабатывался Брюсовым, как известно, не только в письмах, но и в стихах, и в статьях: в публикуемой переписке с Щеголевым мы находим отклики на брюсовские статьи 1903 г., где тот же образ примеривается и к Пушкину. Брюсов подтверждает: «Я знаю, что иное у меня можно прямо отвергнуть, а в очень многом усомниться, подвергнув критике мои источники (. . .) Но ведь (. . .) я этими документами лишь старался подтвердить, оправдать тот его образ, который возник предо мной независимо. И — сознаюсь — мой «развратный» Пушкин нравится мне гораздо больше, чем лицемерный Пушкин (. . .)» (Щеголеву, август 1903). Разрабатывался он не только Брюсовым, но и всем литературным кругом, к которому Брюсов принадлежал: не менее броские бравады мы встречаем здесь в письмах Бальмонта Брюсову, причем если у Брюсова самопрония сказывалась в неожиданных хлестаковских интонациях, то у Бальмонта — в интонациях «Записок сумасшедшего» (26 июля 1903: «(. . .) Мне нравятся публичные дома (. . .) Какой однако я систематический органчик. Правильно разыгрываю

мелодии. Теперь я сижу на веточке и говорю "чирик-чирик". Как берегут меня боги. Быть может, "для примера". Готов служить»).

Принятая маска определяет тон писем и там, где речь идет не о себе, а об адресате: тон важный и высокомерный. В комплименте он звучит так: «Со времени Вашей первой книги Вы сделали значительный шаг на пути к оригинальности. Ваши стихи несомненно произвели на меня впечатление, и мне суждено еще много раз перечитывать их» (это пишет в ноябре 1896 г. 23-летний Брюсов 33-летнему Сологубу). В выговоре он звучит так: «Но Вы убоялись и отступили (. . .) Я думаю, что Вы призваны не облегчать горести, а возложить на людей новые великие и спасительные страдания. Горе, если я ошибался. Подумайте» (Самыгину, 11 августа 1898; переписано в записную книжку). Впрочем, в зависимости от обстоятельств Брюсов легко меняет маску: достаточно сравнить с этим тот галантный урок элементарного стихосложения, который Брюсов дает неизвестной даме, приславшей беспомощные стихи для «Русских символистов» (2 июня 1894: «так, в слове "любовь" ударение на букве О (. . .)»).

В общем лирическом типе ранних писем Брюсова можно различить несколько разновидностей, но точные границы между ними провести трудно. Лирическим описанием можно назвать письмо к Павловской (5—12 января 1897) с впечатлениями от Эрмитажа и художественной выставки попеременно с цитатами из стихов Мережковского, Фруга, Фета, Баратынского и Гиппиус. Лирической информацией — письмо к Самыгину (около 11 марта 1900): «Зима подходит к концу, и стоит на нее оглянуться (. . .) Вместо того, чтобы писать историю лирики, я должен был исполнять черную работу историка (. . .)». Лирическим воспоминанием начинается письмо к Станюковичу (начало октября 1895). Лирической декларацией завершается разговор на литературные темы в письме к Самыгину (июль 1900): «"Так. Полдень мой настал" — слова Пушкина. Чувствую и сознаю свои силы. Ныне я не могу написать ничтожной вещи (. . .)», — потом этот пушкинский мотив полдня жизни будет проходить по письмам и стихам Брюсова еще лет пять. Лирически-торжественным можно назвать стиль обращения к Коневскому (26 января 1899): «Ваши тетради прочел, и уже давно, и Вас приветствую. Да, это торжество, и тоже "дух на своих независимых путях подходящий к таинственному". Что говорим мы о наслаждениях искусством, все было мне в Ваших стихах». Лирически-отрывистым — стиль обращения к Бальмонту (октябрь 1896): «Далекие и прошлые дни. Ускользнуть легко, но человек проклят. Я боюсь, что Вы мне не поверите. Знаете, что с тех пор, как Вы уехали, я не написал ни одного стихотворения (. . .)». Иронией проявляет себя лиризм в письмах к Бальмонту (16 февраля 1897 и 11 февраля 1899) с описанием заседания литературного кружка и светской беседы, посвященных Бальмонту. Более непринужденно-описательны пространные письма из Пятигорска к Курсинскому (лето 1896), которые интересно сравнить с одновременными письмами к совсем внелитературному адресату — М. П. Ширяевой; но на общем фоне известных нам брюсовских писем середины 1890-х годов — это редкость.

Стиль в узком смысле слова — словесный стиль — отличается в лирических письмах Брюсова приподнятостью, отрывистостью, вопросительными и восклицательными фигурами. «А! да будет проклята любовь! проклята! проклята! Если когда-либо человек знал унижение (. . .)» и т. д. (Павловской, 25 ноября 1896). «Забудешь? Не надо, ничего не надо. На лице серафическая улыбка. Так улыбался "Идиот" (. . .)» (ей же, февраль 1897). «Любовь, утонувшая в благоговении, — знаете Вы это? Если знаете — жаль! она не вернется (. . .) Вы волна, на которую упал отблеск пожара. Дорогая! я у отринутого алтаря (. . .)» (Щепкиной-Куперник, 8—21 декабря 1894; по-видимому, неотправленное литературное упражнение): Брюсов так писал не только дамам: письмо к Бальмонту из больницы (12 января 1896) начинается: «Привет! И вновь? Потрясающая новость? — их нет. Есть только смерть и ночь — пожалуй, впрочем, утро, но столь же черное. Мой сосед по койке хрипит и бормочет (. . .)» и т. д. Конечно, такой насыщенности стилистический пафос Брюсова достигает далеко не во всех письмах; в зависимости от степени его можно, при желании, говорить о письмах высокого стиля (как в этих примерах), среднего и простого. Такая стилистическая тенденция опять-таки характерна не для одного Брюсова: достаточно сравнить, как Бальмонт пишет о своем флюсе (7 января 1903) или просит денег (7—8 ноября 1903): «Молю. Найди. Пошли. Жду. Твой К. Бальмонт. Никто, кроме тебя. Ну скорей. Пошли. И потом к тебе приду. Жду. Твой К.»

Такая отрывистость сказывается и на композиции писем. Она располагает к композиции не логической, а ассоциативной. Если письма «простого стиля» рассыпаются на беспорядоч-

ную вереницу коротких сообщений (напр., Бальмонту, июль 1901: «(. . .) Еще написал статью о спиритизме (. . .) Теперь у нас на несколько дней сестра жены (. . .) Изучаю Лобачевского (. . .) О "Атенеуме" не имею никаких сведений (. . .) Говорил ли Вам о книге Мережковского? (. . .)»), а письма «среднего стиля» — на тематически замкнутые фрагменты (напр., Бальмонту, 15—28 января 1896: фрагмент о выздоровлении и смерти, о творческих планах, рамка из «приходителя»), то письма «высокого стиля» построены на ассоциациях мысли.

Яркий пример такой ассоциативной композиции — письмо к Курсинскому (22 ноября 1896). Оно начинается цитатой из Бальмонта. Вторая ее последним словом: «Кто-то в обширной // Бездне плывет...», Брюсов начинает: «Друг мой, я плыву в обширной бездне (. . .)»; следует цитата из полежаевской «Песни погибающего пловца», затем замечание об архаических рифмах в этой цитате. «Ты знаешь, я надолго прекращаю свою литературную деятельность (. . .) Друг мой! Зачем Ты в Киеве не пишешь стихов?». Следует цитата из Надсона: «У нас здесь мрак непросвещения (. . .)» — и поправка к ней: «Впрочем, у нас Сальвини и Барнай — я смотрю Шекспира». Разговор переходит на собственную трагедию, соперничающую с шекспировской, цитата из этой трагедии («(. . .) Это мелодия // Первой любви») подкашивает мысль: «Не написать ли брошюрки "Позор любви"», за этой мыслью тянется цитата о любви из собственного письма к Павловской, потом из Шелли в переводе Бальмонта, потом филологические фантазии по поводу последней цитаты. Это обрывается словами: «О! Да будут прокляты все филологические изыскания и исторические науки с ними». От этих университетских предметов мысль переходит к университетским студентам и их недавним волнениям, итог ее — «"Убивайте, убивающие, // Безумствуйте, безумствующие" (пародия на Сологуба)». Этот экспромт вызывает замечание о гипердактилических рифмах в русском языке, оно подкрепляется цитатой из А. М. Добролюбова, кончающейся словами «(. . .) молодость женственная», и это дает толчок последней цепочке мыслей: цитата из Гете («Das Ewig-Weibliche...»), цитата из Пушкина («Лишь юности и красоты...»), цитата из Курсинского, возвращение к прежней теме и обрыв («А! Хорошо, если у женщины тело "Как снег перед закатом, // Горит сияньем розоватым", если ее юные груди разбегаются в разные стороны, милые пилигримки! Но Позор Любви? Прощай»). Другие образцы подобной же ассоциативной композиции у молодого Брюсова — письма Бальмонту (17 мая 1897), Курсинскому (14 июня и 15 июля 1895) и др.

Из этого примера видно, какую исключительно важную роль играют в лирических письмах Брюсова стихотворные цитаты: они одновременно и поддерживают поэтический тон, и переключают направление темы. Так создается лирическая проза, которую сам Брюсов явно ощущает как художественный текст и старается оформить как литературное произведение. В письме к Шестеркиной (25 июля 1900) он прямо говорит: «Примите прилагаемое письмо — написанное давно, не посланное, но и не разорванное — за "стихотворение в прозе", еще лучше за перевод с французского (. . .)». Письмо к Самыгину о разговоре со своей будущей женой (4—5 августа 1897) членится на короткие абзацы равной величины, подобные строфам, — совершенно так же, как образцовые стихотворения в прозе Рембо или Ницше. Письмо к Павловской (февраль 1897: «Великаны из пламени говорят: свят. Великаны изо льда и скал говорят: благословен (. . .)») нумерует эти абзацы, совсем как в Священном писании или в будущих «симфониях» Андрея Белого. Письмо к Самыгину о последнем свидании с Павловской, выписанное в дневник (8—9 сентября 1897), написано как кульминационная страница романа от первого лица: «(. . .) Остаться там, бросить все, университетские занятия — да! да! — И Жанну? — Знаю, что истинный ответ — да! — Но не говорю этого... еду... — Свисток, поезд рванулся... Колеса стучат... Еду, и я это знал». Письмо к Станюковичу (начало октября 1895), несмотря на не столь уж лирическое содержание, снабжено эпиграфом из Фюфанова. Писем, открывающихся цитатой из своих или чужих стихов, а иногда из прозы, еще того больше.

Однако от опоры на стихотворные цитаты возможен переход и к другому направлению разработки: к критическому и теоретическому. «Давайте читать вместе, как давно, как в прошлом. В Алушке в библиотеке нашлось издание стихов Фета 1850 г., — пишет Брюсов Бальмонту (21 июня 1898) и приводит большие выписки из «Соловья и розы» — почти без комментариев, потому что между единомышленниками комментарии не нужны. Выписки из Библии (такого изящества, такой изысканности эпитетов и красок, какую не найдешь и у Гюте!) сочетаются с выписками из Бодлера в переводе П. Я. Кубовича и из Франца Эверса и перемежаются переспросами: «Дивно?» (Станюковичу, 21—20 ноября 1894). Когда едино-

мыслие сомнительно, то комментарии появляются и разрастаются в пространные разборы — такова критика перевода «Любви ангелов» из Мура в письме к Курсинскому (6 августа 1895); ср. письмо к Самыгину о его пьесе (14 января 1898). Главное же место, где происходит литературно-критическая тренировка молодого Брюсова, — это, конечно, письма к Перцову с их апологиями собственных стихов, высокомерными критиками чужих, отступлениями о таких предметах, как ритмика народного стихосложения, и непрерывной хроникой журнальных публикаций. До поры до времени это — единственный выход «на публику» для непечатающегося молодого автора «Русской поэзии в 1895 г.». Время от времени Брюсов прямо задает корреспонденту тему для систематического обсуждения: таковы тезисы по статье В. Соловьева «Первое начало теоретической философии» (Самыгину, 23 января 1898 и далее), таковы собственные тезисы о сущности чистой поэзии.

Любопытно, как иногда второе, научно-критическое отношение к поэзии вторгается в область первого, лирико-художественного: цитаты из стихов в лирически взволнованных письмах вдруг перебиваются ссылками на источник, более уместными, казалось бы, в научной статье: «Это из Пушкина», «Это из Фета», «Это из Гиппиус». «Вы забыли? Это К. Павлова», «"Книга раздумий", если забыли» и пр. (Бальмонту, 12 января и 15—28 января 1896, 17 мая 1897, зима 1902; Павловской, 5—12 января 1897; Шестеркиной 31 мая 1901).

Эпоха лирических писем продолжается приблизительно до 1900 г. Затем наступает эпоха прагматических, деловых писем.

Положение Брюсова в обществе и литературе теперь иное. Из неведомого стихотворца, рвущегося в литературу, он становится признанным поэтом. Сперва это признание ограничивается узким кругом писателей-символистов, потом делается всеобщим. Теперь пафос его самоутверждения может стать спокойнее. Лабораторный труд по выработке своего «я» завершен. Дневниковые записи иссякают; рабочие тетради, в которых так наглядно сходились все аспекты творческого «я», прекращаются после 1899 г. Черновая работа продолжается на отдельных листах: письма сами по себе, стихи сами по себе, журнальная проза сама по себе. (Даже стихи начинают группироваться не по субъективным, а по объективным признакам: по жанрам в "Urbi et orbi", по темам в последующих сборниках). В письмах своих Брюсов представляет теперь не только самого себя, но и тех, кто стоит за ним: он пишет от лица «Скорпиона», от лица «Северных цветов», от лица «Нового пути», от лица «Весов», от лица «Русской мысли». Конечно, при каждом удобном случае он напоминает, что его не следует отождествлять с его окружением, что он любит и ценит своего корреспондента, и только малый объем «Весов» или читательские привычки подписчиков «Русской мысли» не позволяют ему достаточно широко его публиковать (например, к Волошину 24 февраля 1904; к Ремизову, начало ноября 1904). Но ощущение, что Брюсов — вождь, и за ним — его литературное войско, остается постоянным; именно таким остался Брюсов во всех воспоминаниях современников. Игра в деятельность, какую были полны все ранние письма, сменяется настоящей деятельностью. Брюсовскому самоутверждению не нужно больше самораскрытия в лирических письмах: сам факт, что он пишет деловые письма, уже подкрепляет его потребность в самоутверждении.

Круг корреспондентов Брюсова меняется. У него не было постоянных «эпистолярных спутников», как, например, у Пушкина. Товарищи, знавшие Брюсова по гимназии или университету, — те, к которым он мог обращаться «Друг мой!»: Самыгин, Курсинский, не говоря уже о Станюковиче, — отходят в его переписке на третий план; даже с Бальмонтом переписка становится все более редкой и напряженной. Брюсов как бы избегает свидетелей своего становления. Новый круг его эпистолярных контактов — это его товарищи по символизму, это молодые поэты-ученики, это литераторы, у которых он просит сочинений для своих изданий, а они у него — для своих. Восторженная лесть Б. Садовского, постоянная почтительность Гумилева («вы — учитель, а я ученик»), наигранная приниженность Ремизова, стилизованная маска Клюева, самолюбивый задор Эренбурга — вот фон, на котором Брюсов играет свою роль «мэтра».

О романтическом самораскрытии, таком, как в ранних письмах, больше не может быть и речи. Еще в 1895 г. Брюсов писал Курсинскому (15 июля): «Не все то должно писать, что можно сказать: в письме нет тона голоса, нет выражения лица — каждая фраза прикована цепями, ее можно перечесть, на ней остановиться. Этого я не должен был забывать». Зрелый Брюсов об этом уже не забывает, его письма осторожны, сдержанны и продуманны. Он сам подчеркивает точность выбираемых им слов: «(. . .) Конечно, это будет интереснейший сбор-

ник из одиннадцати, издаваемых нами. (Но, заметьте, я говорю "интереснейший", выбирая слово)» (Белому, около 20 августа 1903); «Дорогой Борис Николаевич! (И это слово — дорогой — примите не в "эпистолярном" значении, а в настоящем, первичном (. . .)) (. . .) Я рад, что Вы написали свое письмо мне; даже больше, чем рад, немного счастлив (. . .)» (Белому, после 12 августа 1904). Эта сдержанность давалась Брюсову нелегко: в том же письме к Белому упоминается «горькая привычка молчать», пришедшая «после десяти лет жизни», и чувствуется ностальгическое воспоминание о своем максимализме 1890-х годов. Иногда эта сдержанность прорывается откровенностью. Так — в цитированном письме к Белому (но Белого откровенность Брюсова не убедила, и на каждой странице полученного письма он написал: «Ложь»), так, еще неожиданнее, — в письме Эренбургу (5 июля 1916): «для Музы одно: „звучки сладкие“, которые и суть „молитвы“. Вы скажете, пожав плечами, что я сообщаю Вам элементарности, как младенцу. Нет! Я передаю Вам здесь эзотерическую тайну, немногим ведомую (. . .)» (но Эренбург отвечал: «Между нами стена, не только тысячи верст!..»).

Прагматические письма вместо лирических; диалогические — вместо монологических; простой стиль — вместо возвышенного; логическая композиция — вместо ассоциативной — такова эпистолярная манера Брюсова 1900—1910-х годов. Это была не прихоть: Брюсов этих лет действительно погружен в деловые заботы, свои и чужие, — достаточно вспомнить его работу «на все руки» в первый год «Весов». Но это было словесное осмысление, жанровое воплощение своей новой жизненной роли.

Краткие отрывистые деловые письма Брюсову, конечно, случалось писать и раньше: например, к Добролюбову о символистском журнале (декабрь 1895: сперва ответы, потом вопросы) или к Курсинскому с московскими литературными новостями (10 июля 1898). Теперь они становятся в переписке Брюсова преобладающей формой. Вот типичное письмо — Самыгину (которому раньше Брюсов писал так лирично) около 28 марта 1902: без обращения, почти не письмо, а конспект письма, с вынесением тематических слов в начало каждой фразы (ср. письмо Полякову 19 января 1906, где такие тематические слова даже подчеркнуты). «"Русский Вестник" будет ли выходить — неизвестно. "Плевелы" спрашивал — они целы, но еще их не получил: у Казецкого умер брат, и его неловко тревожить. Фролыч, он же Филиппов, безнадежен, у него ничего печатать не стоит. Хочу Вас увидеть. Могу быть Ваш, кроме второго дня, всю Святую. Юрия Петровича не видал давно. А на молчания мои не сердитесь — таков я. "Северные цветы" выйдут на той неделе непременно, если не цензура. С. А. Поляков, наш издатель, был очень болен, теперь лучше. Юргис уехал за границу. Был Бальмонт, уехал туда же. После Пасхи уезжаем мы — туда же. Сердечно Ваш Валерий». Совершенно таково же, только с более широким охватом новостей, например, письмо Коневскому (апрель 1900): «Верхарн издал (. . .) Стриндберг помешался (. . .) М. Дурнов уехал к бурам. Бахман издаст новую книгу стихов (. . .)».

Это — деловые письма с информацией; деловые письма с поручениями еще лаконичнее. Таковы почти все письма к Садовскому и большая часть писем к Волошину в Париж. Здесь сухая интонация выразительно деформирует даже синтаксис. «Дорогой Макс Александрович! Это — деловой ответ. Итак. 150 р. (. . .)». «Дорогой Макс! Вот в чем дело. Мы все, конечно, довольны очень, и просто рады, и Вам благодарны за статьи Гиля, которого все чтим. Но. Вы видели „Весы“ (. . .) и знаете их размер (. . .)» (Волошину, 18 и около 22 января 1904). Ср.: «Напишите точно, делать ли что-нибудь и где? Еще. Любопытствовали ли Вы (. . .)» (Полякову, 6 июня 1902). Такие письма производят впечатление отрывистых реплик в диалоге; некоторые письма к Ремизову прямо начинаются с «но»: «Но, уважаемый Алексей Михайлович, ведь „Весы“ критический журнал (. . .) в нем не будет ни стихов, ни драм, ни повестей (. . .)». «Дорогой Алексей Михайлович! Но, право, к книгоиздательству „Гриф“ я еще меньше причастен, чем к книгоиздательству „Скорпион“ (. . .)» (13 декабря 1903 и 31 августа 1905). Та же диалогичность подчеркивается такими предупреждениями, как «Дорогой Макс! Только ответы» (и затем 4 ответа в 6 строчках открытки — Волошину, 19 ноября 1904); «Повторяю, это лишь ответ. О себе — другой раз, в другом конверте» (Белому, около 20 июля 1903).

Предела этот деловой стиль достигает в рубрикации по пунктам. Полякову Брюсов пишет (10 марта 1904): «Дела:» — и следуют 6 быстрых пунктов. Волошину Брюсову пишет хаотическое письмо и, запутавшись, суммирует в конце: «Итак, вот дела:» — и перечисляет 7 пунктов (5 февраля 1904); Брюсов отвечает Волошину четко расчлененным письмом («О войне (. . .) Во-первых (. . .) Во-вторых (. . .) Теперь о „Весах“ (. . .)») и кончает: «Для точности

вот ответы по Вашим пунктам» и т. д. (А затем знакомый перебой стиля в постскриптуме: «Из Ваших стихов мне всего больше по сердцу (. . .)» (около 10 февраля 1904). Взявшись за редактирование в «Русской мысли», Брюсов в одном из первых же своих писем к Струве (2 сентября 1910) заявляет: «прошу позволения писать по-деловому, кратко, даже „за дифрами”» — и далее дает даже двухстепенную рубрикацию, с римскими и арабскими цифрами; больше, правда, двухстепенная у него не встречается, но одностепенная в одном из писем (8 октября 1910) доходит до 24 пунктов.

Вместе со специфической формой деловых писем приходит и их специфическое содержание: таковы письма извинительные и письма дипломатически-комплиментарные. Брюсову приходится извиняться перед Ремизовым и Волошиным за опечатки в их публикациях (Ремизову 9 апреля 1903; Волошину; апрель—май 1904), перед Чулковым за резкость критической статьи о нем (29 июля 1905, с «во-первых (. . .) во-вторых (. . .) в-третьих (. . .)», перед Поляковым за передачу своих сочинений из «Скорпиона» в «Сири» (25 октября 1912). Отказывая в публикации Сологубу, он пишет: «Вы понимаете это тщеславие редактора, желающего, чтобы в его журнале именем Федора Сологуба были подписаны стихи, принадлежащие к числу его лучших созданий» (29 февраля 1912); посылая собственные стихи Струве («Моисей»), пишет: «меня взяло сомнение, хороши ли они? не слишком ли риторичны? не фразы ли это вместо поэзии? Поэтому посылаю их Вам. Не откажитесь прочесть эти немногие строфы и скажите мне, конечно, вполне откровенно, и даже со всей строгостью, надо ли их печатать» (10 января 1911; представить себе молодого Брюсова, который делится таким «сомнением» с издателем, было бы трудно). Пределом комплиментарной бессодержательности в письмах Брюсова этих лет является, несомненно, его французская переписка с Верхарном.

Когда деловое письмо перерастает из «малой формы» в «большую», то оно принимает вид продуманного риторического построения. Таково письмо к Полякову, написанное в разгар последнего кризиса «Весов» (16 ноября 1908): с вступлением «от примера», с тремя взаимоподкрепляющими просьбами по пунктам, с логическими связками между ними и с психологически рассчитанным заключением. «Дорогой Сергей Александрович! Тацит рассказывает, что некоего Вибия Серена римский сенат приговорил к пожизненному заключению на безводном и безлюдном острове. Тиберий воспротивился тому, говоря, что человека, коему дарована жизнь, нельзя лишать способов к поддержанию жизни. Вы, Вашей телеграммой, даровали жизнь „Весам”. Не лишайте их способов к поддержанию жизни. Вот почти две недели, как мы ждем от Вас указания (. . .) Нам надо без всякого промедления (. . .)» (следуют пункты). «Но можно ли начать что-либо, не получив (. . .) Между тем подписной сезон разгорается (. . .) Нам необходимо знать следующее (. . .)» (следуют пункты). Я нарочно ставлю эти вопросы в форме деловой, юридической, чтобы Вам легче было на них ответить (. . .) Это — крайний срок (. . .) Вот почему я всячески прошу Вас (. . .)» (и т. д., вместо пунктов — с подчеркнутыми словами: «телеграфировать... написать... существенно...»). «По получении Вашего согласия по телеграфу мы (. . .)». И в конце добавлен постскриптум, тонко исходящий из предположения, что предложение уже принято Поляковым.

Такое увлечение деловыми письмами, вольное или невольное, шло вразрез с общим устойчивым представлением, что истинное содержание писем — «внутреннее», душевное, а не «внешнее». Поэтому при деловых письмах то и дело присутствует мотив извинения или хотя бы предупреждения о том, что это письмо как бы не настоящее. «Очень прошу меня извинить, что не могу отвечать подробно (. . .) Вот, так сказать, официальные ответы (. . .)» (Коневскому, октябрь 1900). «Но поверьте мне, что я всегда в каком-то вихре... Где тут писать тем, кто дорог. Пишешь только официальные письма, которых писать к Вам не хочется. И, однако, это — почти официальное письмо...» (Волошину, 24 февраля 1904). «Сегодня я прошу позволения говорить исключительно „о делах”, о судьбе „Весов” (. . .)», «Теперь не время, конечно, говорить о „делах”. Но позволь мне все-таки (. . .)» Иванову, 28-июля и 20 сентября 1904, ср. в том же роде письмо от Иванова, 1 ноября 1903).

Недовольство этим, конечно, чувствовалось: Иванов пишет Брюсову (1 августа 1905): «(. . .) Хотелось бы обменяться хоть письмами, что ли, по существу, — но это так трудно... Ты вообще лаконичнее меня в переписке. Может быть, сделаешь опять одно из всегда мне памятных исключений и напишешь мне, как следует, — по принципу общения, а не сообщения (. . .)».

Брюсов пытался писать «по принципу общения». Даже в коротких записках у него время от времени (как бы фразой «в сторону») вспыхивает эмоция, непосредственно к делу-

вому предмету не относящаяся. Открытка Белому (31 июля 1903), начинающаяся: «Простите карандаш — пишу в вагоне. Конечно, высылайте рукопись (. . .)», неожиданно кончается: «Вся русская поэзия будет в „Скорпионе”. Эта осень — что-то вроде генерального сражения. Ватерлоо или Аустерлиц?». В коротком письме Чулкову (9 июля 1904) читаем: «Итак, исполните Вашего поручения не мог и на похоронах Чехова не был (не люблю я, когда великого человека хоронят маленькие, т. е. не люблю любоваться на это). Стихи в августе ни в коем случае не печатайте (. . .)».

Чаще всего он старается «переступить через себя» и заговорить свободнее в письмах к Вяч. Иванову и Андрею Белому — тем из символистов, кого он более всего уважал. Именно в письме к Иванову (1 сентября 1905) Брюсов решается говорить о своем творческом самочувствии так, как когда-то говорил в «эпистолярном дневнике»: «Работаю очень много, как давно уже не работал (. . .) А замыслов хватило бы на всю жизнь, если не на две (. . .) Вообще в творчестве чувствую свежую бодрость, силу, возможность всего — открыленность ясного утра, когда так легко дается, чего тщетно добивался и огненным вечером и в безвольную ночь (. . .)». В письме к Белому (август 1903), на которого Брюсов перенес лучшие чувства, испытываемые им когда-то к молодому Коневскому (*Дневники*, 121), он обращает к собеседнику такие слова, какие редко у него прорываются: «Покончив с этими довольно-таки скучными необходимостями, поговоримте о Вас общее. Я не представляю себе Вас „литератором” (. . .) Я слишком верю в Вас. Что до меня, например, я могу писать и в „Пути” и в „Архиве” и даже „бог знает” где, как могу целовать всех женщин (. . .), могу доходить до последних пределов позорного. Вы этого не можете. И конечно, в этом-то все Ваше безмерное преимущество надо всеми нами (. . .) У нас есть временные слова, которые мы забываем. Вы говорите только вечные слова, только слова навеки. Нет, Вам нельзя быть литератором. Что же Вам делать? — Не знаю». В другом письме к Белому (после 12 августа 1904) он так же прямо говорит свое мнение обо всем своем поколении и направлении: «Нет в нас достаточно воли для подвига (. . .)» и т. д. Но эти попытки «общения» были редки и давались Брюсову трудно. Рядом со сдержанными и проникновенными фразами Вячеслава Иванова, рядом с безудержным потоком сознания Андрея Белого скованность брюсовских слов и интонаций чувствуется особенно отчетливо. Сказывалась «горькая привычка молчать, пришедшая (. . .) после 10 лет жизни», о которой Брюсов говорил в том же письме. Брюсов более не ощущал переписку как средство общения. Вольно или неволью он следовал правилу своего любимого Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Чем неутомимее он писал о «внешнем», тем упорнее молчал о «внутреннем».

Так не могло продолжаться без конца: все сколько-нибудь серьезные эпистолярные контакты Брюсова этих лет оборачиваются взаимонепониманием и заканчиваются выяснением отношений, иногда — с последующим разрывом. Письма с выяснением отношений образуют явственно выделяющуюся группу в переписке поэта. Они пространны и логичны. Именно по ним яснее всего видны перемены в композиционной манере Брюсова: на смену ассоциативной композиции приходит логическая, на смену эмоциональному напору — рациональная убедительность.

Первым наступило объяснение с Бальмонтом. Оно было односторонним; может быть, поэтому Брюсову не понадобилось никакой композиционной сложности. Его письмо (между 5 и 17 апреля 1902) последовательно развивает одну мысль, разъясняя ее в двух сопоставлениях: между собой и Бальмонтом, между Бальмонтом-человеком и Бальмонтом-поэтом. «Вы осуществили идеал, о котором в малолетстве я мечтал. Из двух стихов: „Мгновенье мне принадлежит, Как я принадлежу мгновенью”, — Вы взяли первый (. . .) Вы свободны (. . .) Мне, конечно, кажется, что я перешел куда-то выше, достиг некоей большей свободы. Но допускаю, что, может быть, неправ (. . .) А теперь скажите мне — почему Вы, достигший этой свободы в жизни, не достигли ее в стихах? Здесь наши роли меняются (. . .) Все это объясняет, между прочим, мне, почему все Ваши стихи так прекрасны в Вашем чтении. Прекрасны не стихи, а Вы (. . .) Все это, должно быть, мое окончательное мнение о Вас. Идите вперед все так же стремительно, я буду на Вас любоваться. Но, встречаясь, мы всегда будем доходить до обидных слов друг другу (. . .) Все для Вас должны быть декорациями, такими, как Вы хотите, а иные Вам не то что нелюбопытны, а не нужны (. . .)» По связности и четкости эта цепь рассуждений не уступит ни одной из брюсовских журнальных статей о Бальмонте. Особенно ярко это видно при сопоставлении с письмом Бальмонта (7 августа 1902), который остается верен их раннему лирическому стилю: «Из всех, кого я называл

названием друга, только Вас мне больно было бы утратить навсегда, расстаться с Вами на этой Зеленой Звезде. Живите долго, потому что Вы нужны для красоты мира (. . .).

Та же схема — различие между человеком и писателем, столь чуждое раннему брюсовскому понятию «я», — выступает в позднейших объяснениях с Чулковым и Волошиным. Чулкову Брюсов пишет (25 июля 1906): «Я люблю Вас, очень люблю. Этим я хочу сказать, что как человек, как личность Вы мне очень нравитесь (. . .) Но — странно: (. . .) как писателя я Вас скорее не люблю. Из этого возникает моя «несправедливость» как критика (. . .) Боясь быть лицеприятным, я впадаю в другую крайность — я отношусь к Вашим вещам строже, враждебнее (. . .) Вы мне нравитесь, поскольку Вы *natura naturans*, — Вы мне не нравитесь, поскольку Вы себя проявили, поскольку Вы *natura naturata*. Таков вывод искреннего и добросовестного анализа моих чувств к Вам и к Вашим книгам. Я должен был предпринять этот анализ *для себя*, чтобы уяснить самому себе свое отношение к Вам, а после Вашего дружеского письма считаю своим долгом пересказать об этих выводах — *Вам*. Волошину, который написал о Брюсове статью, совсем по ранней брюсовской программе рисующую его внутреннее «я» по внешнему «я» — стихам, лицу и обстановке, — Брюсов пишет (1 января 1908): «Я прочел Вашу статью обо мне в „Руси“. Все, что Вы говорите о моей поэзии, хотя я и не со всем согласен, кажется мне очень интересным и очень ценным. Все, что Вы говорите обо мне лично, меня очень сердит и кажется мне очень неуместным (. . .) Вы хотите еще писать обо мне (. . .) я настойчиво прошу Вас говорить обо мне только как о поэте (. . .)» и т. д. Здесь композиция усложняется: на отвлеченный вопрос о человеке и писателе накладывается конкретный вопрос о статье Волошина, и письмо для четкости распадается на три абзаца, посвященных прошлому, настоящему и будущему: «Я прочел Вашу статью (. . .)» (прошлое) — «Я считаю совершенно необходимыми напечатать протест против Вашей статьи и пересылаю его Вам (. . .)» (настоящее) — «Вы хотите еще писать обо мне (. . .) я (. . .) прошу Вас (. . .)» (будущее). Такая же композиция по трем временам мелькала в начале делового письма к тому же Волошину еще около 22 января 1904.

Объяснения с А. Белым были неоднократны, и первое понадобилось уже в 1903 г., в пору конфликта с «Грифом». Письмо Брюсова (5 декабря 1903) логически строится так: 1) «внутренние» отношения Белого: а) с Брюсовым, б) с символизмом; 2) «внешние» факты: а) в «Скорпионе», б) в «Гриффе»; 3) возвращение к личной теме 1а. «Я говорил с Вами *через* все условности общезнания, *через* всякие „вежливости“ и „салонности“, а Вы расслышали только обидные слова! (. . .) Но дело не *только* в Вас и во мне. Среди нас иная сила, пренебрегать которой мы не смеем. Маленькие чародеи, мы заклины страшного духа; он предстал (. . .) И во внешнем Вы совершенно не правы. Совсем неверно, будто мы, „скорпионы“, наложили на Вас какие-то деспотические требования (. . .) Не можете же Вы не видеть, что Соколов — балаганный шут (. . .) И в заключение еще о себе. Если я Вам сказал, тогда или сегодня, обидные слова, — простите меня (. . .) Перед Вами извиниться мне не будет стыдно никогда и не будет никогда унижением (. . .) Любопытно сравнить с этим «обратное» объяснение, последовавшее через год с небольшим (19—21 февраля 1905), когда Брюсов вызвал Белого на дуэль, а Белый ответил ему растерянным объяснительным письмом, схожим с цитированным брюсовским по жанру, но никак не по тону.

Много позже, во время столкновения Белого с «Русской мыслью», Брюсов, чья роль при этом оказалась столь тяжелой, писал Струве (январь 1912): «Он написал Вам какое-то странное письмо в духе тех, которые должны были писать герои Достоевского. Должен Вас предупредить, что это — свойственно Белому; он уже много в своей жизни написал таких писем, в которых, конечно, потом раскаивался». Трудно отделаться от впечатления, что в своем отношении к эпистолярной манере экзотических писем Белого — отношении понимающем, но и отталкивающем, — Брюсов был движим также и отталкиванием от собственной ранней лирической манеры эпистолярного стиля. Продолжателем этого лирического эпистолярного слога (не только Брюсова, но и раннего символизма вообще) оказался Белый и развил его до предельных возможностей; но для самого Брюсова это был уже вчерашний день.

Объяснение с Вяч. Ивановым, самое трудное, наступает в 1907 г., в пору конфликта с «Золотым руном» и полемики о мистическом анархизме. Письмо Брюсова, посвященное этому (июль 1907), — образец еще более логического расчленения предмета: 1) вступление; 2) утверждение: А) отношение «Весов» к Иванову (вина перелagается на Иванова); Б) личное отношение Брюсова к Иванову: а) как к человеку, б) как к поэту (оно неизменно); 3) опровержение: вина перелagается (а) на самого Иванова, (б) на сотрудников Брюсова по «Весам»,

(в) на сам предмет полемики, не допускающий уважительного отношения; 4) вместо заключения — тематический перебой. «Дорогой Вячеслав! (1) Силою обстоятельств письма наши стали исключительно деловыми, — не сердись на это, ибо вина, кажется, не моя. (2А) Ты просишь меня определить отношения „Весов” к тебе. Но отношения эти *никогда* не менялись (. . .) Напротив, это твоё отношение к „Весам” переменялось (. . .) (2Б) Что касается лично моего отношения к тебе (. . .) А мое отношение к тебе как к *поэту* (. . .) (3) Но ты укажешь мне на враждебные статьи „Весов” против тебя (. . .) Во-первых, отвечу я, ты сам сделал ошибку (. . .) Во-вторых же, я не считал себя вправе стеснять свободу мнений (. . .) сотрудников „Весов” (. . .) Ты говоришь, что допускаешь „философскую критику” мистического анархизма, но таковой быть не может (. . .) (4) Рукопись „Сог ardens” мы еще не получили (. . .)» Видимо, именно эта деловая расчлененность, вносимая в личную тему, вызвала раздражение, чувствующееся в ответе Иванова, выдвигающем иной идеал письма (4 августа 1907): «Дорогой Валерий! Решительно пора мне написать тебе, как следует, — т. е. достаточно много с одной стороны, с другой — в тоне большей, чем в коротких и деловых письмах, непринужденности и открытости. И хотя все, о чем хочу писать, будет иметь прямое отношение к нашим „деловым” темам, тем не менее самая непринужденность и, быть может, разговорчивость этого письма дает мне, по крайней мере, впечатление устного разговора. Я ненавижу суррогаты, но теперь слишком стосковался по личному общению с тобой (. . .) Твое подробное письмо, за написание которого я тебе благодарен, дает мне вежи (. . .) и т. д.

Менее напряженно, но столь же логично более позднее письмо (18 января 1910) — ответ на признание Иванова в приступе апатии и в надеждах на «Общество ревнителей художественного слова», собирающее молодых поэтов. Брюсов пишет: (вступление) «Я чувствую тебя близким и бесконечно себе дорогим (. . .) (1) «Мне было очень понятно все, что ты написал мне о „крайнем равнодушии, оковывающем тебя (. . .)» (2) «Этому внутреннему неустройству соответствует вполне неустройство внешнее (. . .) Ты знаешь, что я никогда не был врагом молодости, молодежи (. . .) Но (. . .)» (а) «В Петербурге у вас я не вижу никаких радующих предзнаменований (. . .)» (б) «Еще хуже обстоит дело у нас в Москве (. . .)» (3) «Я думаю, что в этой общественной дезорганизации достаточно повинны и мы, т. е. мы с тобой (. . .)» (а) «Что должно делать мне, я иду (. . .)» (б) «Но тебе прежде всего усилием воли надо стряхнуть с себя твоё равнодушие (. . .)» (Заключение) «Я очень жалею, что в моем распоряжении только перо и бумага (. . .)».

Последним в этом ряду писем-объяснений могло бы стоять письмо Садовскому (13 апреля 1915) в ответ на его неожиданно антисимволистскую и антибрюсовскую книгу статей «Озимь»: об условности понятий «поэт» и «стихотворец», с концовкой: «Не думайте, что я обиделся или сержусь на Вас (. . .) Вы написали откровенно все, что думали (. . .) Конечно, „Озимь” создаст Вам много врагов. Я не из их числа. Жму Вашу руку». К сожалению, нет уверенности, что это письмо, сохранившееся только в копии Садовского, известно своими литературными фальсификациями, — не подделка.

Наконец, когда «внешние» дела не дают, ли чные отношения не дошли до необходимости объяснений, а поддерживать переписку почему-либо надо, тогда у Брюсова идет в ход еще один эпистолярный стиль — «болтовня». Для него это почти термин. «Теперь, когда мы, Людмила Николаевна, перестали быть необходимыми друг для друга, позвольте мне просто болтать с Вами (. . .)», — начинает Брюсов письмо к Вилькиной (25 декабря 1902), и далее следует высокомерное описание триумфа «На дне» в Художественном театре и своего вызывающего выступления на лекции Боборыкина в Литературно-художественном кружке. «Четвертый день от вас нет вестей. Что делать, подчиняюсь. Будем болтать; хотя порою боюсь, что моя болтовня не к месту», — начинает он письмо к Шестеркиной (29 июня 1901): «пустое и случайное, пусть оно будет символом, что вот здесь, в Москве (. . .) я сижу и думаю о Вас». Даже в письмах к Гишпиус в Париж возникает этот термин: «боюсь, что и так замучил Вас своей святочной болтовней» (27 декабря 1906), «но я болтаю пустяки, между тем как есть множество „дел” (. . .)» (между 16 и 21 апреля 1907). Именно по этим письмам к Гишпиус можно понять, что для Брюсова входило в понятие «болтовни»: во-первых, пестрота и «внешность» сообщаемых новостей, во-вторых, ассоциативная композиция («От „Весов” переход естественный к „Золотому руну”. В связи с „Руном” в Москве совершилось два важных события (. . .)» — 27 декабря 1906). Эта ассоциативная композиция — верный признак, что в «болтовне» зрелого Брюсова перед нами пережиток его ранней эпистолярной манеры. Но лиризм этот —

выровненный, спокойный и уже едва ли не игровой. Эта «болтовня» напоминает скорее письма к Ширияевой, чем письма к Павловской.

Бросается в глаза, что письма такого рода обращены преимущественно к женщинам. Самая большая серия опубликованного материала — это письма к Шестеркиной (лето 1901), почти беспредметные, писавшиеся только ради поддержания контакта: по-видимому, корреспонденты договорились описывать друг другу каждый свой день. Брюсов заполняет их потоком импрессионистических впечатлений, нарочито внешних и бессвязных. «Сижу в Архиве и перебираю письма Булгакова. Кругом никого. Только две русалки, как и всегда, глядят на меня: у них печальные глаза и волосы, превращающиеся в морскую пену, а из волос выступает букет болотных лилий (русалки, конечно, из гипса) (. . .)». (Потом эти русалки упоминаются в этом письме еще трижды, с нарастающей лиризацией.) «В соседней комнате перезов ножей и вилоч. За окном звонки конок и дребезжание пролеток. Чирикают воробьи. Вижу зелень садика, нависающую к окну. Дальше — дешевую пышность входа в сад „Аквариум“. Еще дальше — опять оно, синее, вечное небо (. . .)». «Тикают часы. Кричат разносчики. Пахнет расцветающей липой. Утро и солнце после ночного дождя. Какое синее небо! Там за забором — наша соседка (. . .) Стал смотреть на нее. Ушла. Чирикают воробьи. Их гнездо под нашим окном (. . .)». «Ах, не сердитесь (опять «не сердитесь») на эти перечни, на эту светопись (. . .)» (письма 23 мая, 29 мая, 23 июня, 31 мая 1901). Этот импрессионистический стиль не получил развития в творчестве Брюсова, но он интересен для сопоставления, например, со стилем тех стихотворений, которые в нескольких его сборниках образовывали разделы под заглавием «Мгновения» и другими подобными.

Неудивительно, что в этой узкой эпистолярной отдушине возникает порой и иные рецидивы раннего лирического стиля Брюсова, как бы компенсируя все более застывающую в деловой логичности остальную переписку зрелых лет. К той же Шестеркиной он вдруг обращается (январь—февраль 1903, из Петербурга): «Ах, почему Вы мне не пишете. Мне было бы так странно услышать Ваш голос здесь, в этих иных для меня условиях бытия. Это было бы то же, как встретиться вновь (о! через много тысячелетий) с Вами после смерти, там, в иных полях, бескрасочных, беззвучных (. . .) А! Я так ясно предвижу этот миг, за тысячами, за безвременной безграничностью (. . .)». Возрождаются мотивы декадентской бравады: «Мне надоело жить (но не быть!). Мне наскучило писать стихи, считаться литератором (. . .) Право, уйти и просить милостыню на улицах веселее и умнее. Быть может, я так и сделаю. Пока же живу помещиком (. . .)» (ей же, 24 июня 1903); «Останусь собой, хотя бы, как Андре Шенье, мне суждено было взойти на гильотину. Буду поэтом и при терроре (. . .)» (ей же, 1 ноября 1905). Вилькиной он пишет почти дословно то же, что когда-то Биндасовой и тетке (сентябрь 1902): «Я никогда (. . .) не любил, не ненавидел, не страдал. Я вне этого, всегда как зритель, даже когда другим кажусь актером (. . .) В глубине души никого я не люблю, никого мне не было бы жалко, и ни на кого я не сержусь в мире. Это самое искреннее признание делал я уже несколько раз и только в этом, кажется, и бываю я вполне открытым, — и никто до сих пор не поверил мне, как, вероятно, не поверите и Вы. Но будет обо мне. Я хочу посоветовать Вам не откладывать печатания Метерлинка (. . .)».

Конечно, никакая игра не может быть только игрой. Брюсов знал и подлинные сомнения, страдания, душевные переломы; и когда они прорывались на поверхность, это происходило именно в письмах рассматриваемого рода. Наиболее значительны здесь письма к Н. Петровской, до сих пор опубликованные только в отрывках. «Мне нужно какое-то воскресение, какое-то перерождение, какое-то огненное крещение, чтобы стать опять самим собой, в хорошем смысле слова. Куда я гожусь *такой*, на что нужен! Машинка для сочинения хороших стихов! (. . .) Милая, девочка, счастье мое, счастье мое! Брось меня, если я не в силах буду стать иным, если останусь тенью себя (. . .)» (27 мая 1906). «И вдруг пришла — ты (. . .) Пришла любовь, о которой я только писал в стихах (. . .) Я не могу более жить изжитыми верованиями, теми идеалами, через которые я перешагнул (. . .)» (13—14 июня 1906). «Не прежними мы должны быть, а новыми (. . .) Я не могу, не способен — отдаться любви, броситься в нее, как в водоворот, закрыть глаза, дать стремить себя потоку чувства. Я знаю, я верно знаю, что это и есть „то, что люди называют“ счастьем. Но я уже не ищу счастья, не жду его, и *мне его не надо*. К иному иду я, не знаю, большему или меньшему, но к иному (. . .) Таким надо принять меня теперь, ибо иного меня — нет (. . .)» (8 ноября 1908).

Эти фразы не раз цитировались и пересказывались, и трудно, читая, сомневаться в их искренности. Однако и они требуют оговорки — оговорки применительно к эпистолярному

жанру и виду. Дело в том, что почти то же Брюсов писал несколькими годами раньше в письме к Вилькиной (15—20 августа 1903): «(. . .) и знаешь, что нечто в жизни кончено и началось что-то иное; что? — еще не знаешь, но не все ли равно! Мне было б трудно говорить с Вами, потому что я стою на перепутье. У меня еще нет слов, чтобы высказать все новое (. . .) Поймите (это трудно понять мне самому), что я не хочу теперь ничего из того, чего недавно желал так полно (. . .)». Эти письма написаны в сходной жизненной ситуации: близится к концу любовная связь, Брюсов ищет обоснования для разрыва и говорит о том, как он вечно движется к новому и иному, преображаясь во всех проявлениях своего существования («не прежними мы должны быть, а новыми» — это ответ на слова Петровской: «Я та же, как четыре года назад...»). В те же годы, когда писались эти страстные письма к Петровской, было написано и письмо к Чулкову (19 января 1907, процитированное в полемике и послужившее поводом для ссоры с Чулковым) — торжественное утверждение совершенно противоположной мысли: «старые программы разрушены и новые пути проложены», символизм утрачивает имя и становится академическим, он утверждает новые твердые правила, и хотя они тоже будут потом разрушены, «но истинные создатели все-таки они, "академики", а не деятели Sturm und Drang'a». «Сознаю, насколько увлекательнее роль вечного завоевателя, вечного "кочевника красоты" (. . .) но, подчиняясь мигу истории, говорю, как легендарный римский легионер: *sta, miles, hic optime manebimus*». Это — противоречие, оно реально присуще Брюсову 1905—1907 гг., оно связано с тем разделением между «человеком» и «поэтом», которое, как мы видели, столь осознанно проводится Брюсовым этих лет (Брюсов-человек рвется к новому и иному, Брюсов-художник велит символизму остановиться и застыть); но, выражаясь в слове, оно укладывается в жанровые различия между лирическим письмом-объяснением к женщине и логическим письмом-объяснением к литературному оппоненту. Это — наглядный пример, показывающий, как важно для правильного понимания брюсовских высказываний в письмах принимать во внимание поэтику писем — образ автора, жанр и стиль.

«Брюсов никогда не обнаруживал себя перед людьми в синтетической цельности. Он замыкался в стили, как в надежные футляры,— это был органический метод его самозащиты, увя, кажется, мало кем понятый»,— писала Н. Петровская, один из самых умных и близких (хотя и недолгих) корреспондентов Брюсова (*ЛН*. Т. 85. С. 785, 788). «Жизненные встречи его были лишь профессионально-социальными отношениями, лучше сказать,— "клише" отношений...». Таковы были и письма Брюсова: они в такой же мере раскрывают, в какой и скрывают его облик, его мысли и чувства. Поза Брюсова прочитывается в них однозначно и легко, но сложное и не прямое отношение высказанного к невысказанному, текста к «за-тексту» и «подтексту» остаются трудноуловимыми. Чтобы лучше их понять, необходимо исследовать систему и логику тех «стилей», которые меняются и варьируются в его письмах,— разумеется, на фоне и в сопоставлении с общей эпистолярной культурой эпохи и с индивидуальными стилями писем его современников — Блока, Белого, Иванова, Сологуба, не говоря уже о меньших. Это одна из ближайших задач изучения русской литературы начала XX в.

ПЕРЕПИСКА С К. Д. БАЛЬМОНТОМ

1894—1918

Вступительная статья и подготовка текстов А. А. Нинова
Комментарий А. А. Нинова и Р. Л. Щербакова

В истории русской поэзии конца XIX — начала XX в. и в судьбах русского символизма имена Брюсова и Бальмонта связаны особенно тесно. Сам Брюсов подчеркнул это обстоятельство, составляя свою книгу «Далекие и близкие» (1912), где в форме статей и заметок обозначил почти весь круг своих предшественников и современников. В этот круг русских поэтов «от Тютчева до наших дней» были включены после Тютчева А. А. Фет, В. С. Соловьев, К. К. Случевский, Н. Минский; Д. С. Мережковский, Иван Коневской, Федор Сологуб, В. И. Иванов, Андрей Белый, С. М. Соловьев, Н. С. Гумилев, «поэты-реалисты» (А. М. Жемчужников, И. А. Бунин, А. М. Федоров), «поэты-импрессионисты» (К. М. Фофанов, И. Ф. Анненский, А. А. Блок) и др. Бальмонту в этой книге посвящены четыре статьи, написанные Брюсовым в разное время.

Из поэтов, которых сам Брюсов относил к числу близких, Бальмонт на протяжении ряда лет был ближайшим. С середины 90-х годов Брюсов испытал на себе исключительно сильное воздействие и личности Бальмонта, и его стиха, прозвучавшего тогда почти как откровение. «То было время, — писал Брюсов, — когда над русской поэзией всходило солнце поэзии Бальмонта. В ярких лучах этого восхода затерялись едва ли не все другие светила. Душами всех, кто действительно любил поэзию, овладел Бальмонт и всех влюбил в свой звонко-певучий стих»¹.

В автобиографии 10-х годов Брюсов подтвердил, насколько значительной, можно даже сказать решающей, оказалась для него встреча с Бальмонтом. Символизм в России тогда только-только зарождался, и на ранней заре этого литературного движения молодой Брюсов грешил идеалом «нового поэта», способного воплотить на практике декларации символистской эстетики. Из молодых поэтов-современников Брюсов ценил Александра Добролюбова, рано умерших Ивана Коневского и Ивана Лялечкина, но Бальмонт казался ему тогда ближе всех к заветному идеалу. «Его исступленная любовь к поэзии, его тонкое чутье к красоте стиха, вся его своеобразная личность произвели на меня впечатление исключительное, — признавался Брюсов. — Много, очень многое мне стало понятно, мне открылось только через Бальмонта. Он научил меня понимать других поэтов, научил по-настоящему любить жизнь... Вечера и ночи, проведенные мною с Бальмонтом, когда мы без конца читали друг другу свои стихи и стихи своих любимых поэтов: он мне — Шелли и Эдгара По, я ему — Верлена, Тютчева (которого он тогда не знал), Каролину Павлову, — эти вечера и ночи, когда мы говорили с ним *de omni re scibili* *, останутся навсегда в числе самых значительных событий моей жизни. Я был одним до встречи с Бальмонтом и стал другим после знакомства с ним»².

Устремления Брюсова и Бальмонта совпадали и в определении общих целей новой русской поэзии, и в жажде всесторонней ее «европеизации», освоении опыта мировой художественной культуры XIX в. Бальмонт с юности был влюблен в Шелли и английских романтиков, Брюсов с энтузиазмом воспринял новейшие уроки французского символизма; поэтический перевод для обоих оказался важной формой личного творческого самоутверждения.

Признав первенство Бальмонта и пережив пору искренней влюбленности в его поэзию, Брюсов к началу 900-х годов постепенно освобождается от его преобладающего влияния, а затем переходит к открытой и резкой критике недостатков и слабостей бальмонтовской мûзы, становившихся более явными в последующих книгах. Бальмонт, со своей стороны, в 1900—1910-е годы, не стесняясь, высказывал Брюсову свое мнение о его литературной позиции, которую он далеко не во всем разделял, и о его стихах, в которых он находил порой

* обо всем на свете (*лат.*).

элементы рационализма и подражательности. Неуравновешенный, импульсивный, «стихийный» в своих переменчивых чувствах и настроениях, Бальмонт все чаще сталкивался с трезвым, волевым, осознанно строившим свою судьбу и свою поэзию Брюсовым.

На рубеже веков достаточно определенно проявились не только творческие, но и политические различия между поэтами. С гимназических лет находившийся под наблюдением полиции, Бальмонт откровенно заявлял о своем неприятии существующего режима в политических манифестациях 1901 и особенно 1905 г. После подавления Декабрьского вооруженного восстания в Москве он вынужден был почти на восемь лет покинуть Россию. Брюсов в эти же годы обычно сторонился политики, декларировал свою принципиальную беспартийность, хотя социально-гражданские мотивы и стихи о современности составляли важную часть его лирики. В расходящихся линиях жизненного поведения также проявился особый характер каждого.

Более десяти лет Брюсов занимал ключевую позицию в символистском издательстве «Скорпион» и в печатных органах того же издательства — альманахе «Северные цветы» (1901—1905 и 1911) и журнале «Весь» (1904—1909). Бальмонт — постоянный автор этих изданий, и в его отношениях с Брюсовым после 1899 г. важную роль занимают деловые, издательские вопросы.

История пылкой дружбы-вражды Брюсова и Бальмонта с особой отчетливостью проявилась в их поэтических посланиях и посвящениях друг другу. За четверть века знакомства и дружбы таких посланий в стихах было много. Немало осталось стихотворений, внутренняя «тайнопись» которых, вполне доступная лишь конкретному адресату, все еще не расшифрована до сих пор. Объяснения или полемика между поэтами тут уведены в детали или в подтекст. Ценный материал для характеристики этих отношений дают критические отклики поэтов друг о друге, ставшие достоянием печати, а также обширейшая переписка, сохранившаяся лишь отчасти. О судьбе этой переписки необходимо сказать особо.

В личном архиве Брюсова насчитывается более ста писем Бальмонта, написанных между 1894 и 1918 гг. Большая часть этих писем прислана из-за границы, где Бальмонт прожил многие годы в разъездах, а затем, с 1906 по 1913 г., в политической эмиграции. Ранние письма Бальмонта, относящиеся к 90-м годам, в архиве Брюсова почти полностью отсутствуют. Сохранилось лишь несколько московских записок, незначительных по содержанию, и письмо из Шуи от 11 января 1896 г. (п. 6). С достаточной полнотой представлены письма Бальмонта за 1902—1916 гг. Письма Брюсова к Бальмонту не сохранились, так как личный архив Бальмонта за рубежом оказался утерянным и, по-видимому, погиб безвозвратно³. От этих писем, число которых должно быть не менее ста, в личном архиве Брюсова осталась небольшая пачка черновиков. Некоторые из них, по всей вероятности, достаточно полно, а может быть, и дословно передают содержание писем, отправленных Бальмонту. Другие являются лишь набросками, написанными скорописью и оборванными на полуслове. Всего таких черновиков сохранилось более двадцати. Можно предположить, что Брюсов сохранял черновые копии наиболее важных писем — это следует также из их содержания. Во всяком случае, они дают представление о том, что и как писал Брюсов Бальмонту, особенно в ранние годы их дружбы. Кроме того, наброски писем к Бальмонту Брюсов включал иногда в свои рабочие тетради. Нет, конечно, уверенности, что эти наброски всегда превращались в письма

К. Д. БАЛЬМОНТ

Фотография. Середина 1880-х годов
Литературный музей, Москва

или, тем более, что редакции наброска и отправленного письма полностью совпадали. Тут перед нами особый жанр, относящийся не столько к эпистолярной, сколько к дневниковой прозе, которая пишется не только для адресата, но и «для себя». Записи такого рода Брюсов вел обычно в своеобразной «стенографической» манере, сокращая слова до отдельных букв, так что расшифровать и прочесть их во многих случаях чрезвычайно трудно. Эти эпистолярные наброски в рабочих тетрадах Брюсова, специально исследованные С. И. Гиндиным, выделены из общего корпуса переписки и рассматриваются отдельно, в составе того эпистолярного комплекса, который представляет собой часть содержания творческих тетрадей Брюсова⁴. Но они, разумеется, также должны быть приняты во внимание и поставлены в общую связь с теми вопросами, которые обсуждались в переписке поэтов.

Все публикуемые документы чрезвычайно существенны для изучения темы «Брюсов и Бальмонт». Чтобы вполне оценить и понять их значение, необходимо восстановить, хотя бы в общих чертах, основную канву отношений Брюсова и Бальмонта, как они сложились и развивались на протяжении четверти века.

1

Знакомство Брюсова и Бальмонта состоялось осенью 1894 г. на заседании Общества любителей западной литературы при Московском университете. И пока Бальмонт жил в Москве, редкая неделя обходилась без встречи между ними. Брюсову тогда не исполнилось еще двадцати одного года, Бальмонту было двадцать семь, но не только эта разница в возрасте, тогда заметная, заставляла Брюсова смотреть на Бальмонта как на старшего. Никто из современных русских поэтов не значил для Брюсова так много, ни к одному из них он не был так прочно, так безусловно привязан.

К середине 90-х годов, в отличие от Брюсова, Бальмонт уже завоевал своих первых читателей. После ярославского «Сборника стихотворений» (1890) Бальмонт выпустил в Петербурге книгу «Под северным небом» (1894), хорошо известную Брюсову. Стихотворения, составившие вскоре его третью книгу — «В безбрежности», Бальмонт охотно читал при дружеских встречах и ночных пирушках с Брюсовым и друзьями. Стихи и самое чтение Бальмонта произвели на Брюсова сильное впечатление. Весной 1895 г. он писал П. П. Перцову: «Собственно говоря, читать стихи должны только поэты и никогда чтение нашего Южина или Ермоловой не предпочту я чтению Бальмонта, хотя этот и пришептывает и немного распеваает. У нас в Москве Бальмонт читал свои "Колокольчики" (из По) на одном маленьком литературном собрании, где было два артиста. Эти два артиста без конца осуждали декламацию Бальмонта, а на мой взгляд, то был идеал чтения»⁵.

В 1895—1896 гг. Брюсов работал над очерками критической книги «Моим современникам» (Бальмонт, Фет, Фофанов и др.), первые страницы которой посвящены Бальмонту. В черновых набросках для этой книги Брюсов заметил, что «вторая книга оригинальных стихотворений Бальмонта — "Под северным небом" — далека от первого сборника, как бабочка от кокона, уже свалившегося на землю.

Вечер. (Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн)

и другое еще более звучное —

Ландыши, лютики, ласки любовные

цитировали часто, но, кажется, мало обращали внимание на меланхолическую грусть, на прозрачную фантазию и других стихотворений, написанных под влиянием тех английских и скандинавских поэтов, образец которых дал сам же Бальмонт в своем переводе "Колоколов" По. Вообще на Бальмонте изученные им поэты оставили свой отпечаток, как это уже отмечали критики "Под северным небом". У Бальмонта дрожат струны Шелли, По, в "Уходящих тенях" — Бодлера»⁶⁻⁷.

В черновых набросках брошюры о наиболее заметных явлениях русской литературы за 1895 г. Брюсов особо отметил роман Мережковского «Отверженный» и некоторые его стихи («Леда», «Проклятая луна», «Леонардо да Винчи»), сборник стихотворений А. Добролюбова

«Natura naturans (. . .)», свой первый поэтический сборник «Chefs d'oeuvres» и новую книгу Бальмонта. Оценивая эволюцию последнего, Брюсов писал, что в первых своих стихотворениях Бальмонт еще стоял в туманной плеяде «обещающих» и мало чем отличался от других поэтов, он «едва-едва мерцал близостью к декадентству, как некоторой оригинальностью. Стиль его еще не был выработан; симпатии спутаны. В сборнике "Под северным небом" читатели видели и сильно тенденциозные стихотворения, и прямо символические; произведения идейные и, наоборот, почти бессодержательные. Особенно должно было смущать указание самого автора, что ему уже двадцать пять лет: возраст, когда Пушкин писал "Бориса Годунова"!»⁸.

Зато к 1895 г., по мнению Брюсова, Бальмонт впервые обнаружил «всю громадность своего таланта»; он «один из тех немногих лириков, которым свойственно развиваться медленно, но неуклонно. Прошлый год показал Бальмонта с совершенно новой стороны. Произведения, напечатанные им в 95 году, отличаются от стихотворений "Северного неба", как это "Небо" от ярославского сборника. И сразу выдвинули своего автора на одно из первых мест в нашей [современной] литературе»⁹.

В обширной переписке Брюсова с Перцовым Бальмонт упоминается чаще всех при обсуждении общих проблем новейшей русской поэзии. Перцов вместе с братом — В. П. Перцовым — подготовил и выпустил коллективный сборник «Молодая поэзия» (1895), в котором были представлены десятки имен, и в их числе Минский, Мережковский, Бальмонт, Бунин, Брюсов и др. Как отметил впоследствии Перцов, Бальмонт выделялся уже и тогда блеском стиха, хотя скрывался еще под своим ранним «скандинавским» обликом. Из его стихов в сборнике было помещено пять, в том числе «Фантазия» («Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья...») и «Я мечтою ловил уходящие тени...». Брюсов был представлен в сборнике единственным стихотворением «Мечты о померкшем, мечты о былом...». Очень невысоко оценивая достижения и потенции современной молодой поэзии, Брюсов в письме к Перцову сделал некоторые исключения только для Бальмонта и внезапно скончавшегося Ивана Лялечкина.

«Важно не то, что наши юные поэты еще ничего не дали,— писал он,— а то, что они и не могут ничего дать; это же — для меня, по крайней мере — вполне ясно из их произведений (. . .) Есть исключения — о! я ничего не говорю — есть маленькие исключения. Есть Бальмонт, а у него в портфеле — и "Подводные цветы", и "Между ночью и днем", и "Клеопатра"... хотя... хотя очень, очень не широк талант и этого г. Бальмонта, может быть, лучшего из молодой поэзии. Есть... впрочем, увы! — был Лялечкин. Вы, конечно, слышали о его смерти. Вот о ком можно пожалеть»¹⁰.

В письмах к Перцову Брюсов подробно изложил свое понимание принципов символизма в поэзии, как они представлялись ему в середине 1890-х годов. Он ориентировался преимущественно на эстетику французского символизма, прежде всего на Верлена и Малларме. Сущность этого нового течения европейской и русской поэзии он видел в «раскрепощении личности», в расширении субъективного, индивидуального начала в лирике. Стилистическую основу нового направления Брюсов видел не в аллегориях или символизации образов, а в усилении «надсмыслового» музыкального воздействия стиха. Задача символистской поэзии, по Брюсову, — передавать изменчивые настроения поэта не прямым логическим способом, а косвенной эмоциональной окраской и ритмической организацией слов.

«Слова утрачивают свой обычный смысл, фигуры теряют свое конкретное значение,— остается средство овладеть элементами души, давать им сладострастно-сладкие сочетания, что мы и называем эстетическим наслаждением»¹¹.

Высоко оценивая поэтический талант «старшего» символиста Мережковского, Брюсов считал его поэтом, завершающим прежний классический этап русской лирики, а Бальмонта — провозвестником нового или даже будущего ее периода. Мережковский и Бальмонт — это «заревое заката и проблески утренней зари. Несмотря на все симпатии Мережковского к символизму, он остается классиком по духу; несмотря на все протесты Бальмонта, он истинный декадент. Я не удивляюсь, что эти два поэта не понимают друг друга»¹².

Брюсов называл Бальмонта «первым русским декадентом» и сравнивал его значение для русской поэзии со значением Верлена — для французской, отмечая в лирике обоих решительное преобладание музыкального начала над содержательно-смысловой стороной стиха. Музыкальный напор в стихах Бальмонта часто господствовал над логической связью, а неожиданно субъективная окраска образов как бы размывала обычные предметные значения

слов. «Все силы Бальмонта,— писал Брюсов,— направлены к тому, чтобы изумить читателя, поймать его на удочку неожиданности, странной ли рифмой или странным оборотом фразы. Только его прекрасный, мало того! — дивный талант спасает его при таком неимении что писать, чем поделиться с читателями»¹³.

Этот же упрек (далеко не во всех случаях справедливый) Брюсов развил в полемических заметках «О молодых поэтах». Незаконченная статья под этим названием относится к 1896 г. В ранних стихотворениях Бальмонта, по наблюдению Брюсова, постоянно варьируются одни и те же мотивы, и он повторяется без конца: «Бальмонт вечно останавливается в пределах немногих предметов, считая особенно поэтическими — всевозможные лилии, планеты, скалы — налицо весь романтиков обычный арсенал... У Бальмонта встречаются такие трафареты, как "скорбный гнет", "бездна отчаяния", "гладь воды", "зеркало струй" "сладостный миг упоения", "дитя печали", "поздней мудрости дитя" и т. д. ...Зачем же — спрашивается — Бальмонт тогда пишет? — Что побуждает его к этому? — Мелодия стиха. Бальмонт — пример поэта, который уже не раб формы, а раб звуков, раб созвучий — и вот почему прежде всего он поэт-декадент»¹⁴.

Сознавая бедность содержания некоторых стихов Бальмонта, Брюсов тем не менее взял под решительную защиту от критики Перцова такие бальмонтовские стихотворения, как «В час рассвета», «Подводные растенья» и др. Он признавал за поэтом право написать целое стихотворение ради одной выразительной строки:

Над утесом осторожным, у тревожных диких скал...

«Это строка, стих, но ради этого стиха написаны и все остальные 15», — писал он Перцову¹⁵.

Стоит отметить, что Брюсов процитировал первую строку стихотворения по памяти и неточно. Текст Бальмонта несколько иной:

Над ущельем осторожным, меж тревожных чутких скал
Перекличке горных духов в час рассвета я внимал...

Разночтение характерное, позволяющее предметно оттенить некоторые особенности символистского стиха. В памяти Брюсова остались главные опорные признаки, стилистическая доминанта этого стиха: его мелодический размер, его необычные определения-эпитеты (...осторожным ... тревожных ...), одушевляющие неживую природу и связанные внутренней рифмой, а в конечном счете — особое, радостно-замирающее настроение, вызванное расцветом в горах.

При этом самый предмет, подлежащий определению (ущелье), оказался как бы на втором месте, он относительно нейтрален, не акцентирован в стихе и потому при сохранении размера оказался легко подмененным смежным понятием (утесом). Конечно, авторский образ — «над ущельем» — точнее и зрительно богаче, а бальмонтровский эпитет («чутких скал») изысканнее брюсовской замены («диких скал»). Но модель бальмонтовского стиха по памяти была воспроизведена верно. Брюсов хорошо чувствовал стилиевые устремления соратников-символистов и воздавал им должное.

В первые годы дружбы было время, когда Брюсов помнил стихи Бальмонта лучше, чем свои собственные. Целыми днями как-то твердил он строки сонета «Подводные растенья»:

На дне морском подводные растенья
Распространяют бледные листы
И тянутся, растут, как привиденья,
В безмолвии угрюмой красоты.

Но нет пути в страну борьбы и света,
Молчит кругом холодная вода.
Акулы проплывают иногда.

Их тяготит покой уединенья,
Их манит мир безвестной высоты,
Им хочется любви, лучей, волненья.
Им святятся ароматные цветы.

Ни проблеска, ни звука, ни привета,
И сверху посылает зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

Стихотворение Бальмонта, кроме прямого, заключало в себе, конечно, и второй план, более широкий лирический смысл, имеющий отношение к тоскующей душе поэта, томящегося своей судьбой, бессильного преодолеть толщу жизненных обстоятельств, губящих и хоронящих его страстные романтические порывы. Это была одна из главных тем раннего символизма,

и Брюсов считал ее поэтическое решение образцовым. Оттого с такой горячностью он возражал Перцову, не находившему в лирике Бальмонта серьезных «философских мотивов».

«Вы осуждаете "Подводные растения", а на мой взгляд (кроме, помните, одного места), это шедевр. Растения, лишённые света и запаха, но грезящие о лучах и ароматных цветах земли — разве это не дивный символ?»¹⁶

Однако рядом с поэтом, а может быть, и наперекор ему в Брюсове никогда не исчезал холодный и насмешливый аналитик, трезвый рационалист, склонный больше к критическому перу, чем к сладкоголдской лире. Словно какой-то бес сидел в нем с младых лет, побуждая вывертывать наизнанку и смеяться даже над тем, что вызывало его собственное искреннее восхищение. Жила в нем и особая склонность к мистификациям, столь ярко проявившаяся при издании сборников «Русские символисты».

Брюсов с юности примерял себя на разные роли, а взявшись за какую-нибудь, страстно желал исполнить ее безупречно. «Юность моя — юность гения, — запишет Брюсов позже в своем дневнике. — Я жил и поступал так, что оправдывать мое поведение могут только великие деяния. Они должны быть или я буду смешон. Заложить фундамент для храма и построить заурядную гостиницу. Я должен идти вперед, я принял на себя это обязательство»¹⁷. Роль гениального поэта из всех была самой трудной, и Брюсов, не щадя себя, старался овладеть ею. В его стихах масса подражаний Бальмонту, случались, однако, и пародии на него. Именно так, на грани подражания и пародии, был написан Брюсовым сонет «Подземные растения»:

Внутри земли, в холодном царстве тьмы,
Заклочены невидимые воды,
Они живут без света и свободы
В немых стенах удушливой тюрьмы.

В томлении ручьи ползут. Упорно
Ползут ручьи за шагом шаг вперед
И роют путь в своей темнице черной.

Им снится дуг, зеленые холмы,
Журчанье струй на празднике природы,
И горные мятежные проходы,
И блеск парчи на пологе зимы.

И — знаю я — великий день придет,
Напор воды пробьет гранит холодный,
И брызнет ключ торжественно-свободный!

Как нетрудно заметить, «растений» в сонете Брюсова вообще нет, есть только «воды», и смысл этого алогичного названия лишь в прямой связке с соответствующим сонетом Бальмонта («Подводные растения»). Именно это название и насмешливо-иронический подзаголовок («Лилейно-сосновый сонет») только и выдают пародийную установку Брюсова¹⁸. Во всем же остальном он искусно воспроизводил модель бальмонтовского сонета, постигал алгебру, на основе которой можно было бы овладеть и гармонией его стиха. Свои «Подземные растения» Брюсов оставил ненапечатанными; это было слишком явное подражание, но подобные упражнения в духе Бальмонта стали частью стихотворной школы, в которой он день за днем неустанно работал.

В упоминавшихся уже черновых набросках для брошюры о русской поэзии за 1895 г. Брюсов изложил вкратце свое понимание формальных новшеств Бальмонта, ставших достоянием современной поэтической школы: «Первое, что очаровывает читателя Бальмонта — это мелодичность его стиха. Можно сказать, забыв всякие оговорки, что стих Бальмонта самый музыкальный на русском языке. Я уже не говорю о Фете, у которого прозрачность ошибочно принимали за гармоничность, но даже Фофанов, это дитя размера, не может идти в сравнение. Фофанов часто сочетает с идеальными по звучности стихами — ломкие или тягучие; Бальмонт прежде всего властелин всего создания; он может не найти гениального оборота, но нигде не допустит слабого. В этом его сила.

Он поставил рифму на подходящее ей место — то есть назвал ее богиней, правда, одной из низших, но все же достойных поклонения. Бальмонт ввел соответствие количества образов в строках, требование, непонятное и неизвестное нашим поэтам! Ознакомившись с По и Шелли, Бальмонт понял однообразие наших четверостиший и постарался быть оригинальным в сочетании стихов. Это сделало Бальмонта мастером сонета и вообще строфы. Одним словом, Бальмонт с внешней стороны стал вполне европейским поэтом, и критик-иностранец, прочтя его произведения, не пожмет плечами (как это он сделал бы после книжки, напч., г. Величко).

[Итак форма у Бальмонта безукоризненна. Воздадим ей дань удивления и восторга и перейдем к содержанию (. . .)]

Странный и страшный факт. Бальмонту не о чем писать.]

Затеплем свой фимам восторга перед этой формой и обратимся к содержанию Бальмонтовских произведений...

Странно (. . .) мечтая о Бальмонте, обыкновенно вовсе не вспоминаешь его тем; в душе звучат его мелодии, его строфы, его рифмы — но (. . .)»¹⁹.

Брюсов каждый раз в своих размышлениях доходил до скептического «но», стремясь разграничить сильные и слабые стороны Бальмонта-поэта. Говоря о «недостаточности» содержания его стихов, он в то же время не соглашался с упрощенной трактовкой содержательной стороны поэзии лишь по внешним признакам ее гражданской тенденциозности или традиционной «философичности», которыми оперировала обычно расхожая либеральная критика.

В конфликте поэзии символизма с будничной действительностью Брюсов оставался на стороне поэзии. Поэтому неудовлетворенность прозаическим настоящим, застойной реальностью, обыденным и обычным, а также разнообразные формы эстетического «ухода» от них, характерные для ранней лирики Бальмонта, привлекали Брюсова не только формальной изобретательностью и мелодичностью стиха, но и общей поэтической установкой, которую он в основных чертах разделял. Ему импонировали, например, настроение и сквозная мысль бальмонтовского стихотворения «В безводном колодце»:

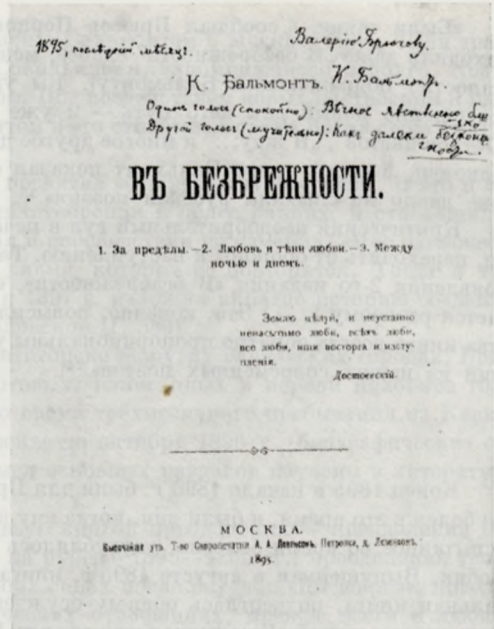
Меж стен отсыревших, покрытых грибками,
В безводном колодце, на дне, глубоко,
Мы ждем, притаившись, и дышим легко.
И звезды в лазури сияют над нами,—
Лучистые звезды, горящие днем
Для тех, кто умеет во тьму опускаться,
Чтоб в царстве беззвучья полнее отдаться
Мечтам, озаренным небесным огнем.

«Вы осуждаете,— развивал Брюсов свою мысль в письме к Перцову,— что Бальмонт от будничной действительности бросается в пустыню, в колодец — ставит своего героя в самые невероятные положения (. . .) Но разве в этом нет своеобразной прелести? Прекрасно найти новое в старом, но столь же прекрасно найти новое вне старого. А Вы ни во что не ставите, что это уклонение от действительности дает Бальмонту возможность ввести слова еще не слыханные в стихах, упиться экзотическими названиями? Как странно и как дивно звучат чуждые слова, особенно под рифмой! Неужели Вы не знаете наслаждения стихами как стихами,— вне их содержания,— одними звуками, одними образами, одними рифмами (. . .) Будем восхищаться тем, что есть хорошего в поэзии Бальмонта, и не отвергнем его только за то, что его стихи никогда (несмотря на все его попытки) не займут места в ряду «философских мотивов русской поэзии»²⁰.

Впрочем, Брюсов готов был признать и некоторое философское содержание за стихотворениями Бальмонта «Не говори, что смерть...», «Одна есть в мире красота...», «Уходит светлый май...», «Данте» («Пророк, с душой восторженной поэта...»), в котором среди «реторикки» он видел «гениальные блески».

Нет сомнений, что Брюсов хорошо знал содержание новой, готовящейся книги Бальмонта «В безбрежности» (1-е издание книги вышло в декабре 1895, 2-е — в феврале 1896 г.). В ноябре 1895 г. Брюсов сообщал Перцову, что Бальмонт печатает книгу стихотворений под названием «Уходящие тени» или «Между ночью и днем», или «За пределы предельного», или «В безбрежности» — выбор остановился на последнем заглавии. 16 декабря Брюсов подтвердил в письме: «Книга Бальмонта выходит на этой неделе — в противоположность Вам я жду от нее очень многого»²¹.

Общение между поэтами в конце 1895 г. было особенно оживленным. В своей новой книге Бальмонт посвятил Брюсову сонет «Океан» («Вдали от берегов Страны Обетованной...»). Как и «Подводные растенья», последнее стихотворение трактует традиционно символистскую тему: порыв поэта за пределы предельного, в Страну Обетованную — предмет его мечтаний и «дерзких снов», сознание невозможности достигнуть эти пределы, переход к разочарованию и безнадежности. Эта поэтическая «триада» сонета развертывается в форме внутреннего диалога автора с Океаном:

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. Д. БАЛЬМОНТА

на книге «В безбрежности». М., 1895: «1895, последний месяц. Валерию Брюсову. К. Бальмонт. Один голос (спокойно): Вечное явственно близко. Другой голос (мучительно): Как далеки бесконечности»

Обложка по рисунку М. А. Дурнова

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Я волны вопрошал, и океан туманный
 Угрою рокотал и говорил в ответ:
 «Забудь о светлых снах. Забудь. Надежды нет.
 Ты вверился мечте обманчивой и странной.
 Скитайся дни, года, десятки, сотни лет —
 Ты не найдешь нигде Страны Обетованной».

Брюсов оценил новую книгу Бальмонта как крупное литературное событие и доказательство того, что символизм постепенно занимает господствующее положение в современной русской поэзии.

«Раскройте „В безбрежности“ Бальмонта,— писал Брюсов Перцову,— и Вы найдете этому новое подтверждение. Я уверен, что Вы рано или поздноознакомитесь с этой книгой (во всяком случае выдающейся), и потому не привожу цитат. Лучшая и наиболее оригинальная часть, на мой взгляд,— „За пределы“. Обратите внимание, что Бальмонт, подобно Тютчеву, не любит вводить в пейзаж людей,— но причина этого у двух поэтов не одна и та же. Тютчев был поэт-пантеист, он любил природу ради нее самое, и ему не нужны были человеческие души там, где он постигал душу мировую; Бальмонта же поразило, подавило то, что природа может быть прекрасной и без созерцающего ее человека; человек может умереть, весь род людской может исчезнуть с лица земли,— а мир камней и растений по-прежнему будет блистать красотой. Для Бальмонта это ужас, и отсюда его „Северный Полюс“, его „Лилии“, его „Остров цветов“, „Да, я вижу...“ etc., etc.

Конечно, это отголосок, отблеск *страха смерти* — чувства, господствующего над другими у декадентов (Метерлинка, Бодлэр). Поэтому единственные человеческие существа, входящие в бальмонтовские пейзажи, это погибающие („Камыши“, „Змеиный глаз“)»²².

Брюсов решительно разошелся во мнении и с некоторыми своими друзьями-символистами, с московским меценатом, покровительствовавшим Бальмонту,— князем А. И. Урусовым, с профессором Н. И. Стороженко и всеми другими, кто встретил новую книгу с неодобрением или считал, что Бальмонт не сделал в ней никакого шага вперед со времен предыдущего сборника «Под северным небом».

«Были такие, — сообщал Брюсов Перцову о первых московских откликах, — которые находили даже „В безбрежности“ слабее, менее искренней книгой (тот же Курсинский, безжалостно подражающий Бальмонту). Вы уже знаете мое мнение (. . .) Бальмонт нашел совершенно новый для него путь — и уже немало шагов прошел по нему. — „Сибилла“, „Остров цветов“, „Я жду...“ и многое другое должно навсегда остаться в русской литературе. Наконец, в своей книге Бальмонт показал себя дивным мастером стиха; такой гармонии уже давно не слыхала русская поэзия»²³.

Критический неодобрительный гул в печати обычно побуждал Брюсова повышать оценки, переходить от обороны к наступлению. Так было и на этот раз. 25 февраля 1896 г., после появления 2-го издания «В безбрежности», он писал Перцову: «Книга Бальмонта подвергается разгрому (. . .) Это, конечно, повысило в моих глазах значение Бальмонта: достоинства книги всегда обратно пропорциональны успеху. Бальмонт после Фофанова талантливейший из наших современных поэтов»²⁴.

2

Конец 1895 и начало 1896 г. были для Брюсова тяжелыми во всех отношениях. Он опасно болел в это время, и были дни, когда ему казалось, что он не выживет. Чувство отчаяния, испытанное во время болезни, усугублялось муками глубоко уязвленного авторского самолюбия. Выпущенная в августе 1895 г. книга Брюсова «Chefs d'oeuvre», первая его оригинальная книга, подверглась общему осуждению критики и произвела дурное впечатление даже на его друзей. Еще хуже было то, что Брюсов сам разочаровался в своем создании — уже и тогда он чувствовал себя способным на большее. Бальмонт оказался одним из немногих, кто, хотя и не сразу, принял брюсовские Шедевры.

«Жалкая ирония судьбы, — сетовал Брюсов 27 декабря 1895 г. — Теперь, когда я разочаровался в „Chefs d'oeuvre“, их начинают хвалить. — и Бальмонт! Бальмонт!»²⁵

В конце февраля 1896 г. Бальмонт навестил Брюсова и в самых неумеренных выражениях хвалил его книгу. Новые похвалы Брюсов принял сдержанно и с горечью записал в дневнике: «О, господи, как не во время приходит „слава“! Полгода тому назад я пришел бы в восторг от половины тех комплиментов, которые он мне наговорил, а вчера я чувствовал „хладное“ презрение»²⁶.

Возможно, что Брюсов воспринимал похвалы Бальмонта как великодушные сильного. Критически оценивая свой первый сборник, он сопоставлял его с последней книгой Бальмонта — «В безбрежности», и это сопоставление было явно не в пользу его «Шедевров». Свое поражение молодой Брюсов пережил глубоко, он старался скрыть свое состояние и только в письме к ближайшему товарищу по гимназии В. К. Станюковичу признался полгода спустя, насколько тяжелым для него был пережитый кризис.

«Последний год, — писал Брюсов 28 июля 1896 г. из Пятигорска, — который я прожил, — 95/96, — был чуть ли не самым жалким годом моей жизни. Дело вот в чем. Надо мной и моей поэзией глумились очень достаточно, и за „Русских символистов“, но я все время чувствовал себя так, как будто я сам по себе, а „Валерий Брюсов“, русский символист, — сам по себе; один другого не касался. Только с появлением моего Первого Издания, и притом — вдруг, почувствовал я себя в самом деле отверженным (maudit); если бы ты знал, сколько мне пришлось тогда перенести! — вплоть до холодного прикосновения рукой к шляпе того, кому я хотел по старой памяти броситься на шею. Я был до такой степени унижен, забит, загнан, — что потерял всякую веру в себя, стыдился своих стихов и, прочтя Бальмонта, сказал сам себе „да! вот поэзия!“ Потом, немного оправившись, я решил по крайней мере не показывать другим своего состояния, придумывал разные компромиссы, извращал смысл собственных слов etc., — в этом-то состоянии ты и застал меня. Тогда я мог иронически относиться к „Chefs d'oeuvre“. А затем — затем, как тебе известно, я расхворался, чуть не умер (очень серьезно) и постепенно „нашел себя“, как говорят французы»²⁷.

После выхода первой книги Брюсов достаточно трезво оценил психологические причины своего неуспеха. Он не без оснований считал, что его «Шедевры» тем и слабы, что чересчур умеренны, т. е. слишком «поэтичны» для критики и для публики и «слишком просты для символистов»²⁸. Теперь он готов был изменить тактику. Он отбрасывал прочь свою трезвенную «умеренность» и пускался вслед за автором «В безбрежности», считая, что на этом пути способен продвинуться гораздо дальше своего старшего друга.

Весной 1896 г. Брюсов постоянно встречался с Бальмонтом в Москве, опять были трагедии, вино, споры, прогулки по безлюдным Сокольникам, запомнившиеся надолго. Поэты еще больше сблизились и сжились друг с другом. Под воздействием новых настроений и мыслей, во многом навеянных общением с Бальмонтом и его стихами, Брюсов писал свою вторую книгу стихотворений «*Me eum esse*» (1897).

Второе издание этой книги (1908) Брюсов посвятил «Одиночеству тех дней». В это и последующие издания книги он включил ряд стихотворений и более ранних, и относящихся к более поздним годам, но характер посвящения и впоследствии не изменил. «Мое одиночество там, в кавказских городах, было лучшими днями, которые не повторятся. Тогда в три недели я написал „*Me eum esse*” — так 28 мая 1897 г. изложил вкратце историю создания своей книги сам Брюсов в письме к Е. И. Павловской (I, 580).

Летом 1896 г., находясь после болезни в Пятигорске и других кавказских городах, Брюсов сформировал ядро книги — отчасти из готовых, написанных в первой половине года стихотворений, отчасти из новых, созданных во время трехмесячного пребывания на Кавказе²⁹. Работа над книгой продолжалась и в Москве до октября 1896 г., биографические обстоятельства ее появления, а также общий смысл основных разделов изучены в литературе о Брюсове достаточно подробно³⁰.

Книгу «*Me eum esse*» можно было бы назвать книгой преодоления — преодоления болезни и ужаса смерти, испытанного Брюсовым на рубеже 1895—1896 гг., преодоления творческого кризиса, связанного с сомнениями в своих силах после неудачи «Шедэвров», преодоления одиночества и отчужденности в человеческих отношениях, прежде всего в любви. «В конечном итоге „*Me eum esse*” стала книгой самовыражения поэта, стоящего на грани духовного и творческого кризиса, книгой очень субъективной, личной, которая, несмотря на ярко выраженную декадентскую тенденцию, в очень своеобразной трансформированной форме отражает вполне реальные связи молодого Брюсова с окружающим миром»³¹.

Брюсов нашел в себе силы оценить и осмыслить основные причины своего тяжелого, а порой и отчаянного душевного состояния, и сумел выйти из него единственно возможным для поэта путем — путем откровенного лирического изъяснения и творческого освобождения от угнетавших его настроений. В тени до сих пор, однако, оставались литературные источники, на которые при этом ориентировался молодой Брюсов. Между тем, создавая «*Me eum esse*», своеобразную лирическую анатомию своего «я» в особо сложном биографическом промежутке 1895—1896 гг., Брюсов прозревал духовным взором не только субъективные, личные обстоятельства своего «одиночества тех дней». Он жил в активном творческом взаимодействии с поэтами, которые помогали ему и в состоянии депрессии, и в переживании кризиса глубже познать и понять самого себя. Из поэтов-предшественников то были прежде всего Пушкин и Тютчев, из поэтов современной эпохи — Верлен и Бальмонт.

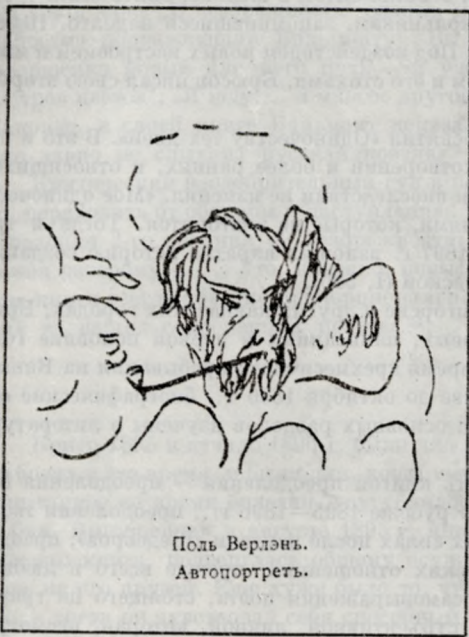
В письме к Бальмонту 17 мая 1897 г. (п. 20) Брюсов напомнил ему пушкинские строки из «Пира во время чумы»:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья,—
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.

Торжественно-мрачный гимн Вальсингама для Брюсова тех дней не был одним только литературным переживанием. Кошмары московской больницы, видения январских ночей и дней 1896 г. долго не оставляли его. Ощущения зыбкой грани жизни и смерти, странные смещения яви и сна были пережиты Брюсовым с такой болезненной остротой, как никогда прежде или после того.

Один из важнейших мотивов «*Me eum esse*» — мотив близящейся смерти, всецельной и неотвратимой. Он развит не только в специальном разделе книги — «Вечье смерти», но входит в общую концепцию миропонимания поэта как неотъемлемая его часть.

Зимой 1896 г. на Брюсова, как и на многих других современников, чрезвычайное впечатление произвела смерть Верлена. 5 января 1896 г. он заметил в письме к Перцову: «По примеру покойного Верлена, обретаюсь в больнице и пишу Вам, созерцая ряд склепов-кроватей»³².

Поль Верленъ.
Автопортретъ.

П. ВЕРЛЕН
Автопортрет
«Весь», 1907, № 8

Образ нищего, загнанного, отверженного поэта, лирические шедевры которого после его смерти в больнице для бедных становятся «символом веры» для современников и потомков, был одним из возможных и весьма притягательных для Брюсова вариантов решения собственного поэтического замысла. Книга должна была стать «посмертным» собранием стихотворений молодого, измученного жизнью и сломленного болезнью поэта, пережившего мимолетные радости, трудные испытания и жестокое разочарование в любви, изверившегося в смысле существования и ушедшего прочь от действительности. Отсюда такие вызывающие, нарочито эпатажные стихи, как «И покинув людей, я ушел в тишину...», «Я действительности нашей не вижу...», «Как царство белого снега...» и другие, объединенные в разделе «Новые заветы», открывающем книгу.

Брюсов последовательно осуществлял свой план, возникший у него в самом начале года, когда только складывались общие очертания новой книги. Моя будущая книга „Это — я“, — заметил Брюсов в дневнике 6 февраля 1896 г., — будет гигантской насмешкой над всем человеческим родом. В ней не будет ни одного здорового слова

— и, конечно, у нее найдутся поклонники»³³.

Не просто «мировая скорбь», а вызов миру и роду человеческому, вызов природе, призмат фантазии и мечты над реальностью, искусства над действительностью, отказ от настоящего ради давно прошедшего или «грядущего» — все эти установки европейского декадентства Брюсов развивал с энергией молодого и надменного первооткрывателя.

Автор „Me eum esse“ обдумывал даже такой план: не представить ли всю эту книгу в качестве лирической исповеди и предсмертного завещания поэта-самоубийцы? Это намерение отражено в мистифицированном «Предисловии редактора» — любопытнейшем документе, составленном Брюсовым 23 июля 1896 г. от лица А. Миропольского (А. А. Ланга), которому автор выслал рукопись своей книги из Пятигорска в Москву.

«Me eum esse», — говорилось в этом бесстрашном „Предисловии“ подставного редактора, — последняя книга Валерия Брюсова, который скончался (число) 1896 г. в Пятигорске. Незадолго перед смертью автор сам составил рукопись этой книги, хотя далеко не считал ее законченной.

Издатели надеются в непродолжительном времени собрать в отдельном сборнике также все появившиеся в печати переводы Валерия Брюсова»³⁴.

«Предисловие редактора», на наш взгляд, гораздо более правдоподобно не как биографический, а как литературный документ. Оно доводит до конца общий замысел и исходную установку автора — создать книгу, выражающую душевное состояние поэта не только «отверженного», но и «погибшего», успевшего свести счеты с короткой, безрадостной и никчемной жизнью.

От этого «верленовского» варианта Брюсов, однако все-таки отказался и развил другой, гораздо более близкий Бальмонту и его лирике, в которой поэт эволюционировал от «погибшего», сдающегося на милость смерти, к «воскресающему», обретающему новую волю к жизни.

Об этом говорит и письмо Брюсова к А. Курсинскому, отправленное 3 августа 1896 г. из Пятигорска. «В результате всех этих ощущений и размышлений получилась книга „Me eum esse“, рукопись которой послана в Москву Лангу, где и хранится до моего приезда или

моего самоубийства. Впрочем, судя по моему сегодняшнему ликующему настроению, второе опять надо отложить»³⁵.

По приезде в Москву Брюсов заменил написанное им «Предисловие редактора» на собственно авторское предисловие к "Me eum esse", сохранив лишь прежнюю дату завершения книги — 23 июля 1896 г.

Из всей совокупности стихотворений новой книги Брюсова возникал образ поэта, не «погибшего» под беспощадными ударами жизни, как погиб Верлен, а «воскресающего» после крайних приступов отчаяния, ощущений близости смерти и даже помыслов о самоубийстве. Соответствующий эпизод, поэтически претворенный в стихотворении Бальмонта «Воскресший», был Брюсову хорошо знаком (см. п. 8, прим. 1).

Бальмонт, правда, не только помышлял, но и пытался покончить с собой в 1890 г., многократно возвращаясь потом к анализу социально-общественных и личных причин своего подавленного душевного состояния. Он развернул также свою философию жизни и смерти в поисках выхода из душевного кризиса. Брюсов после смертельно опасной болезни по-своему продолжил в "Me eum esse" эту философско-психологическую тему. Вот почему подражания Бальмонту во второй книге Брюсова не ограничиваются созвучиями в отдельных мотивах или реминисценциями из отдельных стихов, а проходят насквозь через ее важнейшие образы и мотивы, через настроения и музыку стиха. На это обстоятельство до сих пор почти не обращалось внимания, тогда как "Me eum esse" просто не существует вне сферы притяжения поэзии Бальмонта, в особенности его книг «Под северным небом» и «В безбрежности». Сам Брюсов хорошо сознавал размеры и смысл этих подражаний (см. п. 7, прим. 5 и п. 8, прим. 6). Весь раздел «Веянье смерти» МЕЕ варьирует на разные лады важнейшую тему, широко развитую Бальмонтом в его первых книгах, в таких стихах, как «Смешались дни и ночи», «Смерть» («Не верь тому, кто говорит тебе...»), «Смерть» («Суровый призрак, демон, дух всесильный...»), «И сон и смерть равно смежают очи...», «Смерть, убаюкай меня...» и др. Разумеется, в трактовке темы смерти поэты далеко не тождественны. Герой лирики Бальмонта сознавал смерть как единственно возможное и даже желанное освобождение от ноши жизни:

Жизнь утомила меня,
Смерть, наклонись надо мной!
В небе — предчувствие дня,
Сумрак бледнеет ночной...
Смерть, убаюкай меня!..

(Под северным небом)

Стихи Брюсова, даже такие мрачные, как «Последние слова», пропитывает горечь несвершенного в жизни.

Брюсов отклонил предположение своего товарища В. К. Станюковича, что «Последние слова» — это мнимая жалоба на жизнь, не подкрепленная реальной духовной борьбой поэта. «Я вовсе не выдумываю „нечто, чтобы иметь подобие борьбы“, — возражал Брюсов. — Это только *было* когда-то. Я очень ясно знаю, чего я хочу и к чему стремлюсь. Как-то, не слишком давно, в дни отчаяния, когда я помышлял о ядах, револьверах и „расступающихся“ волнах, — написал я „Последние слова“.

.....
О горько умирать, не кончив, что хотел,
Едва найдя свой путь к восторгам идеала,

.....
Так много думано, исполнено так мало!»³⁶

Подлинная сложность соотношений поэзии с реальностями жизни обнаруживается в том, что реальные импульсы поэтического чувства не одномоментны с лирическим излиянием. Лирическая поэзия далеко не всегда прямой дневник происходящего с автором. Поэт-лирик может быть и мемуаристом, и аналитиком, и футурологом своей внутренней жизни, он может писать вообще от другого лица или о других лицах, свободно соединяя в стихах под знаком настоящего времени не только то, что есть, но и то, что когда-то было в его личном опыте, жизненном и литературном.

В лирике Бальмонта душевные, автобиографические переживания более непосредственны, а их отражения в стихах предельно сближены во времени с фактическим поводом лири-

ческого сюжета. В стихотворениях Брюсова эта связь более опосредованна, чувство потеснено мыслью, доведенной до страсти, переживание усиливается во времени, а не выплескивается импульсивно. «Не живу никогда, не дышу мгновением, — признался как-то в письме к Бальмонту Брюсов. — А после, его вспоминая, постигну. Все — в воображении и в мечте» (п. 44).

В стихотворении «Мучительный дар», датированном 25 октября 1895 г., но позднее включенном в "Me eum esse" под датой — 1896, Брюсов откровенно сформулировал чувство вечной творческой неудовлетворенности, которое испытывает поэт, оказывающийся за «таинственной грани» здешнего и другого мира, земли и неба, реальности и мечты:

Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...
Но тщетно с мольбой простираю я руки,
Невидимо стены стоят между нами.

Земля мне чужда, небеса недоступны,
Мечты навсегда, навсегда невозможны.
Мои упования пред миром преступны,
Мои вдохновенья пред небом ничтожны!

(I, 101)

В рукописи это брюсовское стихотворение было посвящено «К. Б.» — Константину Бальмонту, и оно достаточно точно обозначило различия в творческом самочувствии двух поэтов: безграничная вера в свои возможности и в свой стихийный лирический дар одного и глубокие сомнения в достижимости высших целей, характерный философско-творческий агностицизм другого.

Чем глубже погружался Брюсов в певучие строки Бальмонта, тем отчетливее выступали перед ним и его истоки, многообразные использования и перепевы из английских и французских поэтов (Шелли, Эдгар По, Бодлер), а также та русская поэтическая школа, которую сам Бальмонт проходил у Пушкина, Тютчева и Фета.

К февралю 1896 г. относится набросок пародийной «Критической статьи о книге Бальмонта „В безбрежности“ на манер г. В. Буренина и ... проч.— „Новое время“, пятн(ица), № 000». По справедливому замечанию публикатора брюсовских пародий на Бальмонта, эта готовившаяся пародия на современную критику нововременского толка «имела двойной адрес и была направлена в большей степени против Бальмонта, нежели Буренина»³⁷.

В этой статье Брюсов довольно метко и язвительно прокомментировал технику заимствований, которые ему удалось обнаружить в последней книге Бальмонта.

«Новый и легкий способ по сложению российских стихов», утверждал Брюсов, состоит в том, что «надо взять пару строчек из какого-нибудь великого поэта, приложить к ней для права собственности еще одну (из запаса общих мест) и потом повторить полученное двустящие несколько раз. Например, у Пушкина в "Евг(ений) Онег(ине)"».

VI гл. строфа XIV

.....
Но так и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья ... etc.

Тут смотрите, как надо поступать. Беру два последние стиха и добавляю свой собственный:

Ты проскользнула, как виденье...

Тут повторяю все:

Ты проскользнула, как виденье,
О юность легкая моя!
Ты проскользнула, как виденье,
Благодарю за наслажденья,
Ты проскользнула, как виденье,
О юность легкая моя.

Получился триолет, а если не верите, справьтесь в кн. г. Бальмонта "В безбрежности" (. . .)»³⁸.

Из «Триолетов» Бальмонта Брюсов спародировал четвертый — «Ты промелькнула, как виденье...», причем спародировал мастерски, сделал самые незаметные перестановки и подмены в словах. Источник был указан совершенно точно, как и в других случаях.

Смысл этих пародийных упражнений, оставшихся в черновых тетрадах Брюсова, не ограничивался лишь прямыми адресатами, в данном случае Бурениным и Бальмонтом. Брюсов писал эти пародии «для себя», как он решал иногда алгебраические задачи для собственного удовольствия, — и он не спешил предавать их гласности.

3

Время подготовки и выхода в свет «*Me eum esse*» оказалось существенным рубежом в отношениях Брюсова и Бальмонта. Друзья стали видеться гораздо реже. В 1896 г. Бальмонт расстался с первой женой, обвенчался в деревне под Тверью с московской красавицей Екатериной Алексеевной Андреевой и в сентябре 1896 г. надолго уехал с ней за границу. С особой остротой Брюсов почувствовал в это время свое одиночество.

«После издания "*Me eum esse*" жил я довольно плачевно, — признался Брюсов год спустя в письме к В. К. Станюковичу. — Друзья либо разъехались (Бальмонт за границей, Курский в Клеве, ты в Харькове и т. д.), либо я с ними рассорился по поводу предисловия ко 2 изданию "*Chefs d'oeuvres*". Я пытался утешать себя стихами о святости одиночества, но чувствовал себя плохо. Да и "*Me eum*" прошла очень уж незамеченной. Во всей вселенной нашелся один человек, Федор Сологуб, приславший мне приветственное письмо...»³⁹.

Приступы тяжелого настроения Брюсов стремился заглушить усиленной, поглощавшей все свободное время работой. Его планы в это время почти необъятны. Для университетских профессоров он писал рефераты о Руссо и по русскому средневековью. В работе тогда же были новая символистская драма, поэма о Руссо, повесть о возлюбленной Елене, перевод «Энеиды» Вергилия, монография из римской истории «Нерон», переводы из Метерлинка, новые рассказы. Задумана драма «Марина Мнишек», продолжена работа над поэмой «Атлантида». На будущее откладывались история римской литературы, история римских императоров, история схоластики, публичная лекция о французском поэте-символисте Рембо...

Но Брюсов помнил завет из пушкинского «Пророка», пока что недостижимый: «Писать? — писать не трудно. Я бы мог много романов и драм написать в полгода. Но и а д о, н о н е о б х о д и м о, чтобы было, что писать. Поэт должен переродиться, он должен на перепутьи встретить ангела, который рассек бы ему грудь мечом и вложил бы вместо сердца пылающий огнем уголь. Пока этого не было, безмолвно влачился "В пустыне дикой..."»⁴⁰.

Осенью 1897 г. в жизни Брюсова произошла серьезная перемена: он женился на И. М. Рунт. Брюсов по-прежнему много работал, занимался философией, переводами, писанием новых стихов. С нетерпением ожидал он из-за границы Бальмонта, успевшего объездить за год почти всю Европу. По приглашению Тайлоровского института в Оксфорде он прочитал там курс лекций о русской поэзии — «от Пушкина до наших дней»⁴¹.

В ноябре 1897 г. Бальмонт появился в Москве, и Брюсов записал в дневнике: «Приехал Бальмонт, тот, которого я так ждал, так жаждал. На нем двойной галстук, он подстрижен так тщательно...

La luna Pena * ... Полная луна...
Иньес бледна, целует, как гитана.
Те ашо... ашо...^{2*} Снова тишина...
Но мрачен взор упорный Дон-Жуана...

Мы сидели вдвоем в "России". Он читал, я еле слушал. Мне казалось, что два года вернулись, что это я прежний, уверенный в себе поэт... Когда я стал читать свои стихи, мне стало стыдно. Не стихов — они были хороши — но того, что их так мало, что это две робкие пьесы, тогда как он читал мне отрывки смело задуманных поэм, начала длинных повествований. Там у него жизнь, более яркая, чем прежде, — а моя тускнеет.

Я полюбил суровые забавы,
Полеты акробатов, бой быков,

* Полная луна (исп.).

^{2*} Люблю тебя... люблю... (исп.).

Арены, где свиваются удавы,
И девственность, введенную в альков...

И это мне недоступно уже. А ведь третий стих взят у меня, и Бальмонт из-за этого даже хотел заменить его: "И вой волков, бегущих от облавы" ⁴².

Едва ли не впервые при долгожданной встрече Брюсов испытал особенно острое чувство творческой ревности к Бальмонту, к смелости его замыслов, к его продуктивности, к его стихийным взлетам. Раньше, в первые годы знакомства, Брюсов с легкой душой признавал первенство Бальмонта в молодой современной поэзии. Теперь силы Брюсова выросли. Возросло его понимание стиха, его техническое мастерство, и обострившееся чувство соперничества, прежде подавленное, вырвалось наружу. Это чувство, то явное, то скрытое, как тонкая отравка, вошло в отношения поэтов и уже не исчезало из их дружбы-вражды.

На следующий день после встречи в ресторане «Россия» Брюсов написал стихотворение, посвященное Бальмонту:

Твои стихи — как луч случайный	Покорны властному сиянью,
Над вечной бездной темноты.	Горят и зыблются они,
И вот — мучительною тайной	И, вдаль уходят легкой тканью,
Во мгле заискрились цветы.	Сплетая краски и огни...

Но дрогнет ветер, налетая,
Узоры взвевет и порвет,
И тот же луч, дрожа и тая,
Бессильно в бездну упадет.

(III, 245—246)

Сам Бальмонт не раз сравнивал свои стихи то с солнечным, то с лунным лучом («Я лунный луч, я друг влюбленных...» и т. п.); Брюсов воспользовался этим образом, чтобы воздать должное многоцветному, как радуга, таланту Бальмонта и намекнуть на неизбежность его падения.

21 ноября 1897 г. Брюсов с горечью поведал в своем дневнике: «Мы расстались не холодно, а мрачно...»

Бальмонту я писал сегодня, что вечером буду один. Он пришел. Я думаю, он хотел мстить мне. Он так жаждал видеть меня, таким желанным создал в своем воображении. В своих письмах он говорил, что в России ему нужен я один. О, конечно, оригинал не таков, как мечты! Да и многое из того, что ищет Бальмонт, я не приму никогда. Я тоже изменился за этот год, но изменился не так, как этого ему хотелось, быть может, так, как ему и непонятно. — Он хотел мстить мне; он осмеивал все мои слова злобно.

Мы говорили о Христе. Бальмонт назвал его лакеем, философом для нищих... Впрочем, разве разговор ведется словами. Есть беседа душ. И многое было сказано. Мне хотелось плакать. Когда мы расставались, Бальмонт полуизвинялся. — Вы не сердитесь.

Встречай все, "иди неизменно вперед и вперед" ⁴³.

Несколько последующих встреч в Москве мало что изменили. Бальмонт был очень занят, он хлопотал об издании новой книги стихов «Тишина», готовился к отъезду в Париж и, хотя беседы велись в более дружелюбном тоне, прежнего согласия и созвучия между друзьями не было. Возвращаясь к мыслям о Бальмонте в своем дневнике, Брюсов искал причины случившейся перемены.

«Наши встречи снова были холодными. Что-то порвалось в нашей дружбе, что уже не будет восстановлено никогда. Я сам знаю, что я ушел от его идеала поэта. Он хотел, чтобы я остался "красиво-мертвым и печальным...". Но я воспрял для жизни, ожил, живу...» ⁴⁴.

По письмам Бальмонта из Парижа Брюсов чувствовал, что его старший друг тоже тоскует, что и он больно переживает надлом их прежних, безоблачных отношений. Что бы там ни было, а для Бальмонта Брюсов оставался самым желанным корреспондентом, он как бы соединял странствующего за границей поэта с трудами и днями отечественной поэзии и событиями московской литературной жизни.

В своих письмах к Бальмонту Брюсов не мог скрыть горечи, испытанной во время последних встреч в Москве. Великодушный Бальмонт готов был подняться выше прежних недоразумений. 15 февраля 1898 г. Брюсов записал в дневнике: «Получил письмо от Бальмонта. Наши последние отношения были таковы, что я почти не ждал этого. Мое последнее письмо

было горько, почти грубо. Бальмонт опять тоскует. "Я никогда не разлюблю Вас", пишет он мне. Могу ли я ему отвечать теми же словами?"⁴⁵.

В словах Бальмонта тех дней звучали, однако, и другие интонации. В апрельской книжке журнала «Русская мысль» за 1898 г. было помещено стихотворение Бальмонта «Избраннику», которое Брюсов более чем кто-либо другой имел основания принять на свой счет. Все их последние отношения дружбы-вражды, исполненной взаимными упреками, личными и творческими разногласиями, получили в стихотворении Бальмонта вполне определенную интерпретацию и оценку. Обращенное к «избраннику» послание Бальмонта прозвучало как горькая укоризна другу и одновременно как властный призыв пробудиться к истинному и вдохновенному творчеству:

Отчего так бесплодно в душе у тебя
Замолкают созвучья миров?
Отчего, не любя ни других, ни себя,
Ты печален, как песня без слов?

Ты мечтой полусонной уходишь за грань
Отдаленных небесных глубин.
Пробудись и восстань, и воздушную ткань,
Развернув, созерцай не один.

«Как песня без слов» — косвенное указание адресата: под названием «Романсы без слов» Брюсов выпустил в 1894 г. сборник стихотворений Верлена в своих переводах. И тот же Брюсов в недавних стихах, посвященных Бальмонту, развернул «воздушную ткань» облаков, прихотливо меняющих свой цвет от случайного луча на закате, как менялись и сами настроения в его стихах (ср.: «И вдаль уходят легкой тканью, // Сплетая краски и огни...», III, 245).

Звучали в стихотворении Бальмонта и примирительные строфы, готовность полюбить и понять черты «сверхземной красоты», которые могла бы развернуть смелая творческая мечта «избранника». Он рад был отозваться, откликнуться на поэтическую мысль друга, — только бы его душа не была пуста и враждебна.

Мы ответим, как море на ласку луны,
А не вражеским криком врагу:
Мы — как брызги волны из одной глубины,
Мы умрем на одном берегу!

Чем мог ответить Брюсов на этот призыв? Его творческое самочувствие в это время оставалось смутным. Прежние пути в поэзии казались исхоженными, исчерпанными, новые — не найденными. Об этом свидетельствует и набросок письма к Бальмонту от 30 апреля 1898 г., когда стихотворение «Избраннику» в «Русской мысли» уже стало фактом литературной жизни:

«Тоска вернулась. Было безумием ожидать иного. Вы говорили когда-то, что мы слишком заняты собой и своими чувствованиями, а надо работать, как Мережковский. Работать, если можно жить во имя "искусства". Так жил Флобер, Гонкур, когда-то я. Не теперь. Но не могу жить "для себя". Говоря строго, жить не могу и уже давно. Если живу, и радуюсь, — говорю бодрые слова — это призрак» (п. 30).

Два месяца до середины июня 1898 г. Брюсов вместе с женой был в Крыму. Они подымались на Ай-Петри, долго жили в Ялте, потом в Алушке и закончили свое путешествие в Феодосии. Весеннюю тоску и хандру Брюсову удалось отогнать, и по возвращении в Москву он написал Бальмонту письмо в более приподнятом состоянии духа (п. 31).

В конце августа 1898 г. Брюсов уже держал в руках новую книгу стихотворений Бальмонта — «Тишина». В связи с изданием этой книги Бальмонт приезжал на несколько дней в Москву за цензурным разрешением, а затем уехал в Петербург, где он обосновался после женитьбы. Вновь Брюсов был захвачен музыкальным потоком бальмонтской лирики. «Вернулись сладостные блуждания по улицам узким, у стен недвижных домов, среди ночи оживающих скверов... Брожу и слагаю стихи и вспоминаю Бальмонта, который только что издал свою "Тишину". Это все что-то бывшее, что-то близкое, но что воскреснуть может лишь на миг»⁴⁶.

Из сложенных тогда стихов одно — с эпиграфом из «Тишины» — Брюсов назвал «К Бальмонту» («Погасни, исчезни...»), а другое — «Перепевы Бальмонта» — хронологически они следуют за бальмонтским стихотворением «Избраннику» и являются своего рода «эхом» в откликом на «что-то бывшее» и «что-то близкое».

Моя душа свободная,	Моя душа безумная
Моя душа мятежная,	В пространство неба просится,
Тебя пустыня водная	Безумные и шумные
Пленила вновь безбрежная.	Под нею волны носят.

Они — как привидение
Над безднами мятежности,
И снятся ей видения
Непересказной нежности.

(III, 251)

Образ Бальмонта в его последних книгах естественно соединялся с морской стихией. В книге «Тишина» многократно варьируются картины моря, то скованного льдами («Мертвые корабли», «В царстве льдов» и др.), то, напротив, бурного и мятежного («Морская пена», «Бездомные», «О, волны морские, родная стихия моя...» и др.). И в стихотворении «Избраннику» автор готов был ответить другу, как «море на ласку луны». Таковы первичные образы-понятия из стихов Бальмонта, которые концентрирует Брюсов в своем тексте, воссоздающем, «перепевающим» их стиль.

Как и автор «Тишины», Брюсов мыслит душу поэта родственной пространству неба, не ограниченного ничем. В характере его собственной мятежной души есть нечто отраженное от реальной стихии, вознесенное над ней, идеальное по своей сущности. «Перепевы Бальмонта» — это своего рода набросок собственной мысли на языке другого поэта, с которым он вступил в трудное и пока что неравное состязание.

Осенью Брюсов несколько раз виделся с Бальмонтом во время его очередного приезда в Москву. Бальмонт был в приподнятом состоянии духа, читал много новых стихов, переводов из Шелли. 4 октября 1898 г. Брюсов записал в дневнике об одной встрече, когда они сошлись четвером вместе с женами.

«...После я пошел его "проводить" (часа на два), — отметил Брюсов, — и то вернулись прошлые дни. Странно. Голос Бальмонта скорее, чем что иное, возвращает мне прошлое, — меня времен "Me eum esse" и раньше — времен "И снова" или "Снегов". А в прошлом всегда есть обаяние, и потому-то, может быть, я люблю быть с Бальмонтом. И снова мы бродили по ночным улицам, при черном небе, при жестоком холоде ранней зимы, и снова мы сидели в освещенной зале ресторана, и то было "как прежде, как тогда", только субботний орган молчал. Мы говорили друг другу наши лучшие мысли этих последних лет, и временами становилось страшно от этих безумных созданий воображения, дошедшего до своего предела»⁴⁷.

Признание Брюсова лишней раз подтверждает существование глубокой внутренней связи стихов из «Me eum esse» с «голосом» Бальмонта, т. е. воздействие всей личности поэта на содержание и тональность брюсовской поэзии середины 90-х годов. На исходе века, когда Брюсов работал уже над следующей своей книгой «Tertia Vigilia», а Бальмонт, издав «Тишину», был на пути к «Горящим зданиям» (1900), былые отношения между друзьями стали меняться.

Екатерина Алексеевна Бальмонт, хорошо знавшая Брюсова, сообщает в своих воспоминаниях: «Если Бальмонт и Брюсов были очень разные по характеру, мышлению, восприятиям, то общей у них была их "исступленная любовь" к поэзии, и оба они принадлежали к молодому поколению, новым людям. Оба волевые, с ярко выраженными индивидуальностями, они влияли друг на друга, но ни один не подчинялся другому. У обоих было неудержимое желание проявлять себя, свою личность (. . .) Когда мы с Бальмонтом после свадьбы уехали за границу, между поэтами завязалась переписка, и Бальмонт изо всех друзей скучал больше всего по Брюсову. Писал ему часто и ждал нетерпеливо его письма».

На следующий год (1897) Бальмонт ездил в Россию печатать свою книгу «Тишина», он часто виделся с Брюсовым и в Москве и в Петербурге. Брюсов только что женился. Баль-

монт нашел в нем большую перемену. "Брюсов остепенился, к сожалению, — писал он мне, — потускнел, но мил моей душе, как всегда"»⁴⁸.

В октябре 1898 г. Бальмонт на всю зиму уехал в Петербург. До его отъезда Брюсов виделся с ним еще несколько раз и проводил с грустью. «Грустно, — писал он в дневнике. — Более грустно, чем я думал. Все же горько не иметь никого, кто мог бы выслушать стихи, и к чьим словам и мнениям можно прислушиваться. Трудно быть в одно время и творцом и судьей, и так целые годы»⁴⁹.

К концу октября Брюсов получил цензурное разрешение печатать свою книгу «О искусстве». Сразу после ее выхода он выехал в Петербург. Бальмонт был первый, кто откликнулся на его книгу. Перед самым отъездом из Москвы Брюсов получил от него восторженное письмо, в котором тот приветствовал его «замечательную книгу», полную мыслей, «как горный воздух бурь»⁵⁰. Остальные друзья отнеслись к новой книге сдержанно, а кое-кто из знакомых (Брюсов знал об этом) посмеивались по поводу того, что он в своем предисловии поставил себя на одну ногу с Толстым. К насмешкам Брюсов давно научился относиться с презрением; во всяком случае, он умел никому не показывать своей досады.

В Петербург Брюсов приехал 6 декабря 1898 г. вместе с Курсинским. В этот день, в честь встречи с Бальмонтом, Брюсов написал стихотворение, ему посвященное:

Я не боюсь ни Ночи, ни Зимы.	Я в человеке Бога прозреваю.
Молюсь уверенно Заре и Маю;	Он вырвется — я знаю — из тюрьмы,
Что в будущем восторжествуем мы,	И мир дойдет к предсказанному раю.
Я знаю.	

Не страшно мне и царство нашей тьмы,
В нем чью-то близость духом постигаю;
Я в безднах не один! — Что двое мы,
Я знаю.

(КР)

Написанное в изысканной форме рондо, стихотворение подтверждало духовную близость поэтов-соратников и предсказывало в будущем торжество их общего дела. Это был призыв к полному восстановлению старой дружбы.

Тогда же, в декабре 1898 г., Бальмонт написал ответное стихотворение «Последний луч», которое он также определил как «рондо», посвятив его затем в «Книге раздумий» (1899) Брюсову⁵¹. Стихотворение характерное для Бальмонта времен его первых книг «Под северным небом», «В безбрежности» и «Тишина».

Прорезав тучу, темную, как дым,	Тесниной смутных гор враждебно сжата,
Последний луч, в предчувствии заката,	Одна долина светом золотым
Горит угрюмо, — он, что был живым	Еще живет, блистательно богата.
Когда-то!	

Но блеск упал к вершинам вековым,
Где нет ни трав, ни снов, ни аромата...
— О, да, я помню! Да! Я был живым
Когда-то!

Брюсов ответил 10 декабря 1898 г. стихотворением «Ни красок, ни лучей, ни аромата...», обозначив его в рукописи как «quasi-рондо»; оно было также квазибальмонтским по своей образной природе, ритмической схеме и по языку:

Ни красок, ни лучей, ни аромата,	Поток созвучий все слова унес,
Ни пестрых рыб, ни полумертвых роз,	За вечера видений вот расплата!
Ни даже снов беспечного разврата,	Но странно нежит эта мгла без грез,
Ни слез!	Без слез!

Последний луч в предчувствии заката
Бледнеет... Ночь близка... Померк утес...
Мне все равно. Не надо — ни возврата,
Ни слез!

Не только стихотворение «Последний луч», послужившее прямым поводом для ответа, но и более ранние бальмонтские стихи — «Подводные растения...», «Надгробные цветы», лирика раздела «Любовь и тени любви» из книги «В безбрежности» — все это явилось строительным материалом для брюсовского стихотворения. В двенадцати строках «quasi-рондо» использована и одновременно критически переосмыслена общая стилистика Бальмонта, снижен по смыслу характерный набор устойчивых образов, ключевых слов и созвучий, типичный для его поэтического языка.

Бальмонт в этот приезд Брюсова был отменно приветлив и гостеприимен. В течение десяти дней они почти не расставались. Вместе читали Кальдерона, рассматривали рисунки Гойи, ходили в Эрмитаж. Бальмонт увлекся тогда Испанией и испанским искусством и стремился приобщить к своему новому увлечению Брюсова. Вечером 8 декабря Брюсов присутствовал на концерте, где Бальмонт читал стихи. «Сочетание бальмонтских стихов и публики, конечно, мучительно, — записал по этому поводу Брюсов. — После мы трое — я, Бальмонт и Курсийский, пошли выпить вина к Палкину»⁵².

Из обширной программы литературных знакомств и визитов были намечены и осуществлены встречи с Мережковским, Минским, Сологубом, Случевским и другими петербургскими литераторами. В этот же приезд Брюсов познакомился с Ив. Коневским.

Вскоре после этих встреч у Бальмонта возникла мысль издать книгу избранных стихотворений нескольких поэтов с участием Ивана Коневского, Модеста Дурнова, Федора Сологуба, Владимира Гишпиуса и Валерия Брюсова. Сологуб и Гишпиус от участия в сборнике отказались, и книгу, которую должен был открывать Бальмонт, решили составить из стихотворений четырех поэтов — в знак дружеских отношений, сложившихся между ними. Хотя сборник получился совсем небольшой, название ему оставили гордое — «Книга раздумий».

Брюсов дорожил «Книгой раздумий», запечатлевшей его дружбу с Бальмонтом и Коневским, а также с Модестом Дурновым — молодым московским архитектором, художником и поэтом. Но он чувствовал в себе силы для гораздо более крупных литературных начинаний, которые объединили бы всех близких. В Москве для такого объединения уже готовилась почва.

4

Самый тесный литературный кружок, к которому принадлежал Брюсов и в котором несколько лет царил Бальмонт, собирался раз в две недели по субботам в доме Георга Бахмана, немецкого поэта и преподавателя немецкого языка, всю жизнь прожившего в Москве, женатого на москвичке и создавшего чисто московский по своему духу домашний литературный клуб.

Очередной встречей у Бахмана был ознаменован и приезд Бальмонта в Москву зимой 1899 г. Вместе с друзьями — Бахманом, Курсийским, Саводником и Дурновым — Брюсов присутствовал на публичной лекции Бальмонта в зале Исторического музея — «О драме личности у Кальдерона». В марте 1899 г. Брюсов снова ездил по делам в Петербург, постоянно встречался с Бальмонтом и прошел повторно почти весь круг поэтов от Мережковских до Случевского и Сологуба; в мае Бальмонт приезжал в Москву на пушкинские торжества, но Брюсов был занят тогда выпускными экзаменами.

Эти эпизодические встречи сменились постоянным общением поэтов летом 1899 г., когда Бальмонт поселился в подмосковном имении Поляковых, родственников его жены. В дом Брюсова на Цветном бульваре Бальмонт явился с новыми знакомыми — Поляковым и Балтрушайтисом. Бальмонт читал друзьям новые стихи — «Избранный», «Закатные цветы», «Я насмерть поражен своим сознанием...», «Замок Джен Вальмор», которые вызвали общий восторг. Брюсов записал в дневнике, что это вещи «действительно удивительные»⁵³. Все они были из новой книги «Горящие здания», которую Бальмонт писал этим летом в имении Полякова. К Полякову в те дни он испытывал особое душевное расположение.

Часто встречаясь с Бальмонтом в подмосковном имении Поляковых Лисьи Горы, а то и в самой Москве, Брюсов скорее отдалился от него, чем сблизился с ним в это лето. «В Вашей душе есть что-то жесткое, [от чего отстраняешься, когда встречаешься с Вами много], — признал Брюсов (п. 45).

Бальмонт писал впоследствии, что его увлекла тогда «радость двух новых дружб — братская дружба с Ю. Балтрушайтисом и С. Поляковым. Продолжала также тянуться и услож-

К. Д. БАЛЬМОНТ

Фотография, 1899

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

няться многоцветная нить моей дружбы-вражды с Валерием Брюсовым, с которым мы ходили вдвоем по нашим душам, как ходят в минуты счастья по ночному и утреннему саду, и как ходила андерсеновская Русалочка по осколкам стекла. В то лето, однако, Брюсов представлял для меня мало интереса»⁵⁴.

Прямым отзвуком осложнившихся отношений этого лета явился совет Брюсова «К портрету К. Д. Бальмонта» («Угрюмый облик, каторжника взор...»), включенный затем в книгу «Tertia Vigilia». Написан он был в начале сентября 1899 г., т. е. как раз в те дни, когда Брюсов и Бальмонт в обществе Полякова, Балтрушайтиса, Дурнова и др. сходились к «одним огням».

Угрюмый облик, каторжника взор!

С тобой роднится веток строй бессвязный,

Ты в нашей жизни призрак безобразный,

Но дерзко на нее глядишь в упор.

Ты полюбил души своей соблазны,

Ты выбрал путь, ведущий на позор;

И длится годы этот с миром спор,

И ты в борьбе — как змей многообразный.

Бродя по мыслям и влачась по дням,
С тобой сходились мы к одним огням,
Как братья на пути к запретным странам,

Но я в тебе люблю,— что весь ты ложь,
Что сам не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь сам обманом.

(I, 197)

Впервые в поэтической полемике с Бальмонтом Брюсов высказался со всей прямоотой и страстностью, на какие был способен. Теперь Брюсов нашел собственные слова и свою личную, не заимствованную интонацию в выражении мысли и чувства, которые владели им на исходе первого пятилетия многоцветной «дружбы-вражды». В сжатой сонетной форме Брюсов дал определенную трактовку творческой личности Бальмонта, поэта и человека. В его облике подчеркнута демоническое, сумрачное начало, любопытство к уродливому и безобразному в человеческой душе, готовность переступить «запретное», отвергать общепринятое в духе концепций Ницше, парадоксов поэзии Бодлера и Эдгара По.

Роль сверхчеловека в поэзии была не из легких, и Бальмонту в конечном счете должен был импонировать сумрачный демонический портрет, соединявший восхищение и вызов одновременно. Брюсов достаточно хорошо знал характер Бальмонта, знал, как свято тот верил в свою избранность. Все поэтические маски казались ему тогда впору, все новейшие эстетические костюмы по плечу. И Брюсов во многом поддерживал эту уверенность.

Наиболее задевающими строками были утверждения о своеобразном литературном «хамелеонстве» Бальмонта («весь ты ложь»), о непостоянстве целей его поэзии, прихотливо менявшей и свои объекты, и направление, и тональность: «сам не знаешь ты, куда пойдешь». Тут речь шла уже не о силе, а скорее о слабых характеристиках поэтической натуры, слишком податливой всякому новому свежему впечатлению. Брюсов в письмах не раз заводил речь о «женских» свойствах души и натуры Бальмонта, теперь эта мысль нашла свое косвенное отражение в брюсовском сонете.

Тени, наложенные Брюсовым на портрет Бальмонта, оказались слишком густыми, получился своего рода негатив, хотя и выразительный, но односторонний. В декабре 1900 г. в письме к Коневскому Брюсов сделал характерную оговорку: «Я ведь не про Бальмонта писал, что весь он ложь, про себя»⁶⁶. В поэзии Бальмонта Брюсов высоко ценил многое, о чем не было речи в его сонете. И он тогда же, в сентябре 1899 г., сделал к портрету Бальмонта несколько важных дополнительных штрихов:

Я люблю в твоих стихах
Смутный сумрак, жадный страх,
Вспышки всемогущих слов
И тяжелый стук оков.

Я люблю в твоих стихах
Ветра перелетный взмах,
Ширь пространства до конца,
Трепет страстного лица.

Я люблю в твоих стихах
Колыханье трав на мхах,
Под звенящий стон волны
В мире звучной тишины.

(III, 257)

Новые строки по-своему уравнивали то, что вырвалось перед тем в сонете, но строки эти были менее выразительны, повторяли известное и плохо вязались в один цельный образ. Этот стихотворный набросок Брюсов оставил в черновиках, а сонет «К портрету К. Д. Бальмонта» включил в свою новую книгу.

В конце октября 1899 г. Бальмонт уехал в Париж, и Брюсов получил от него несколько писем, выдержанных, судя по записям Брюсова, в таком же язвительном духе, в каком они общались минувшей осенью (письма эти, к сожалению, не сохранились). Брюсов отчасти уже освоил манеру Бальмонта, который способен был объясняться то в любви, то в ненависти, не придавая, впрочем, подобным объяснениям слишком глубокого значения. Свои разногласия с Бальмонтом и споры с ним Брюсов доверял пока только письмам и, может быть, самым близким московским друзьям. Перед публикой, напротив, он демонстрировал единство и близость приверженцев новой поэзии.

В феврале 1900 г. в помещении Московского Охотничьего клуба был устроен большой вечер нового искусства. Брюсова пригласили на этот вечер для выступления, но все, что он приготовился читать, было запрещено особой цензурой. Зал был полон, собралось много знакомых, в их числе почти все из бахмановского кружка, и Брюсов решил читать из Бальмонта, чтобы не отказываться от выступления. До этого дня Брюсов, в сущности, никогда не выступал с эстрады, это было его первое публичное чтение перед большим залом. Первое стихотворение «Пустыня» («Я видел норвежские фьорды...») из книги Бальмонта «В безбрежности» было прочитано при довольно безразличном отношении публики. Тогда Брюсов с вызовом прочитал новый бальмонтовский сонет «Я горько вас люблю, о, бедные уроды...», который произвел несомненное впечатление. На «бис» Брюсов прочитал бальмонтовское стихотворение «Избранный» («О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный...») ⁵⁶, очень скоро ставшее знаменитым. По бурной реакции публики Брюсов мог убедиться, что именно последние, самые дерзостные стихотворения Бальмонта, смело обнажившие противоречия души и характер личности поэта, более всего были созвучны настроению слушателей и имели неоспоримый успех. Выбором Бальмонта для публичного чтения Брюсов поддерживал флаг нового направления, с которым он в то время связывал в литературе все свои надежды.

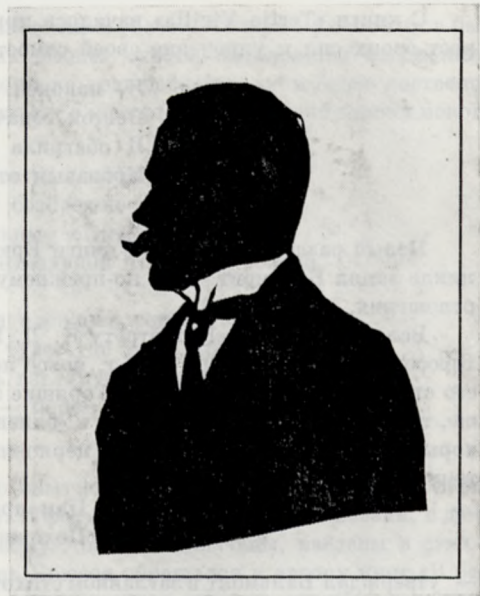
Знакомство Брюсова с Поляковым и Балтрушайтисом неожиданно изменило пути каждого из них. Обязанный Бальмонту этим знакомством, Брюсов поначалу так и относился к ним как к приятелям своего друга. Очень скоро, однако, роли переменились, Брюсов и Поляков воистину нашли друг друга для общего дела и на почве практического сотрудничества сблизились необыкновенно.

Чтобы укрепиться в отечественной словесности, писатели-символисты больше всего нуждались в собственном издательстве. Пока такого издательства у них не было, и даже Бальмонт, самый известный из них, для выпуска своих книг должен был искать в Москве подходящее пристанище. Во время последних хлопот по печатанию книги «Горящие здания» у Бальмонта и Полякова возникла мысль о создании нового издательства. Бальмонт был в этом заинтересован прежде всего как автор. С организационной стороны, живя главным образом в Петербурге, он мало чем мог помочь.

Поляков готов был дать деньги для издательства, и не малые, вместе с Балтрушайтисом он хотел издавать свои собственные переводы, а также развернуть выпуск переводных произведений современных европейских авторов — на российском книжном рынке спрос на них неуклонно рос. При солидной постановке дела издательство могло бы выпускать оригинальные художественные произведения поэтов и писателей, выступавших под флагом «нового искусства», а также сказать свое слово в области истории литературы и эстетической критики. Но для этого нужен был не просто осведомленный в литературе работник, но прежде всего литературный боец, стратег и тактик издательского дела, который сумел бы дать ему надлежащее направление.

Брюсов оказался именно таким человеком, и Поляков оценил его организационный и редакторский дар с первых же шагов совместной работы. Балтрушайтис также вошел в товарищество. На российском издательском небосклоне появилось новое созвездие под вызывающе странным названием — «Скорпион».

Первыми книгами русских авторов, выпущенными «Скорпионом» после «Собрания стихов» А. Добролюбова, были сборники стихотворений Брюсова «Tertia Vigilia» и Бунина «Листопад».

Ю. К. БАЛТРУШАЙТИС

Силуэт работы Е. С. Кругликовой

С книги «Tertia Vigilia» началось признание Брюсова как поэта, и он сам чувствовал рост своих сил и упрочение своей самостоятельности среди других поэтов.

Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,
И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском зря!

(I, 143)

Целый раздел своей новой книги Брюсов назвал «Близким». Центральное место в этом цикле занял Бальмонт — их по-прежнему связывали наиболее тесные и наиболее сложные отношения.

Вслед за сонетом «К портрету К. Д. Бальмонта», сложенным памятной осенью 1899 г., Брюсов написал в ноябре 1900 г. новое послание «К. Д. Бальмонту», в котором ответил на его стихи, помещенные в книге «Горящие здания». В этой книге, изданной на полгода раньше, тоже был раздел, обращенный к «близким». Бальмонт назвал его «Антифоны», т. е. полухоры, имея в виду особый эффект церковных песнопений, когда один полухор подхватывает тему другого или отвечает ему.

Нам нравятся поэты,
Похожие на нас...

— утверждал Бальмонт в заглавном стихотворении к циклу.

К Брюсову в «Антифонах» обращены два стихотворения — одно полемическое — «Избраннику» («Отчего так бесплодно в душе у тебя...») и другое ласковое («Мой друг, есть радость и любовь...»). Третье, новое и наиболее резкое стихотворение «Ожесточенному», написанное в ответ на прежние поэтические инвективы Брюсова, Бальмонт поместил в цикле «Возле дыма и огня». Это последнее обращение заключало в себе итог их поэтической, философской и личной полемики конца 90-х годов. В своих стихах Бальмонт возвращал Брюсову его недавние упреки:

Я знаю ненависть, и, может быть, сильней,
Чем может знать ее твоя душа больная,
Несправедливая и полная огней
Тобою брошенного рая.

Я знаю ненависть к звериному, к страстям
Слепой замкнутости, к судьбе неправосудной
И к этим тлеющим кладбищенским костям,
Нам данным в нашей жизни скудной.

Все, что Брюсов считал «темным» в бальмонтовской поэзии, сам Бальмонт относил к мрачным сторонам действительности, к тому, что, как смерть, даю нам «в нашей жизни скудной». В своем отрицании, в своей ненависти к мраку он считал себя сильнее и последовательнее своего ожесточившегося друга. В укоризнах Брюсова Бальмонту слышались крики больной, несправедливой души, живущей лишь ответами «брошенного рая». Сознавая всю глубину разноречий и духовных терзаний, их разделявших, Бальмонт утверждал такой кодекс дружеских отношений, который исключал из столкновения идей и вкусов личную враждебность:

Но, мучимый как ты, терзаемый года,
Я связан был с тобой безмолвным договором,
И вижу, ты забыл, что брат твой был всегда
Скорей разбойником, чем вором.

С врагами — дерзкий враг, с тобой — я вечно твой,
Я узнаю друзей в одежде запыленной.
А ты, как леопард, укушенный змеей,
Своих терзаешь, иступленный!

Обвинение было серьезным, и теперь для Брюсова наступила очередь объясняться. Он много раз принимался в прошлом за стихи к Бальмонту, не все удавалось ему, и только сонет

«К портрету К. Д. Бальмонта» он считал своей настоящей удачей. Теперь Брюсов готов был ответить спокойно, без ожесточения и временных темных чувств, омрачавших их дружбу. Он испытывал потребность не только отвести укоры во враждебности, но и более явственно обозначить различия путей, избранных каждым из них в поэзии. Так возникли строки нового послания:

Нет, я люблю тебя не яростной любовью,
Вскипающей, как ключ в безбрежности морской,
Не буду мстить тебе стальным огнем и кровью,
Не буду ждать тебя в безмолвной тьме, — с тоской.

Плыви! Ветрила ставь под влажным ветром косо!
Ты правишь жадный бег туда, где мира грань.
А я иду к снегам, на даль взглянуть с утеса.
Мне — строгие стези, ты — морем дух тумань.

(I, 197)

Брюсов развил дальше мотивы, лишь слабо намеченные однажды в его стихотворении «Перепевы Бальмонта» («Моя душа свободная...»). И формулы бальмонтовской поэзии, и даже размер, заданный в стихотворении «Ожесточенному», были подхвачены, введены в стих и по-своему использованы в новом послании. Ведь Брюсов обращался к автору книг «В безбрежности» и «Тишина», напоминая о былых, самых лучших днях их дружбы, и он отказался следовать за яростными строками мстительного стихотворения Бальмонта из цикла «Возле дыма и огня». Следуя однажды возникшей мысли, Брюсов сохранил общий поэтический мотив, соединявший образ Бальмонта-поэта с мятежной морской стихией. Лермонтовский первообраз этой мысли стал еще более отчетливым: Бальмонт в его послании, как парус в морской безбрежности, устремленный к неведомым берегам.

Свои собственные «строгие стези» Брюсов определил по-иному. Его судьба — оставаться на берегу, пройти гребни гор, «ущелья дня и ночи», чтоб выйти к городу, в «столицу новых стран».

И там на пристани я буду в час рассветный, —
Душа умирена воскресшей тишиной, —
С уверенностью ждать тебя, как сон заветный,
И твой корабль пройдет покорно предо мной.

Мой образ был в тебе, душа гляделась в душу,
Былое выше нас — мы связаны — ты мой!
И будешь ты смотреть на эту даль, на сушу,
На город утренний, манящий полутьмой.

Дружеские отношения с Бальмонтом Брюсов трактовал не в обыденном, житейском плане, где возможны и недоразумения личных обид, и горечь повседневных противоречий. Он хотел видеть в этих отношениях высшее, сверхличное содержание, доступное лишь избранным, лишь поэтам. Его притягивало в друге воплощение идеального творческого начала, вечная и нетленная душа поэзии, и с этой высоты все недоразумения личного свойства должны были быть отброшены как мелкие и несущественные.

Твой парус проводив, опять дорогой встречной,
Пойду я — странник дней, — и замолчит вода.
Люблю я не тебя, а твой прообраз вечный,
Где ты, мне все равно, но ты со мной всегда!

(I, 198)

Летом 1900 г. Брюсов уезжал на два месяца из Москвы в Петербург и Ревель. Готический Ревель особенно поразил его как северный Неаполь, как самодовлеющий, замкнутый в себе город, в котором ощущалась и глубокая европейская старина, и вечная прелесть моря. Не здесь ли, вблизи порта, где теснились корабли и парусники, пришли к нему впервые строки нового послания к другу? Отсюда, во всяком случае, Брюсов отправил нескольким своим друзьям небольшую лирическую зарисовку в прозе, предназначив ее и Бальмонту⁵⁷.

Вернувшийся из-за границы Бальмонт приезжал летом 1900 г. на две недели в Москву — он был упоен чрезвычайным успехом своей новой книги «Горящие здания». Брюсов виделся с ним несколько раз наедине и в кругу друзей. Как в былые времена, они подолгу просиживали вдвоем в «Аквариуме», пытались говорить друг с другом более откровенно, но это не очень получалось.

В начале августа 1900 г. Брюсов написал одно из последних стихотворений для книги «Tertia Vigilia» — «Устой». В черновике он посвятил его Бальмонту, но в книге снял посвящение. Брюсов задел еще одну постоянную тему своего спора с Бальмонтом: как относиться к мгновению, к стихийному порыву? Считать ли миг вдохновения высшим достоинством поэзии или сохранять в «недремлющей груди» рассудка «вечные устои»? В жажде «ведать неземное» Брюсов отдавал предпочтение сознательной воле, терпению, способности к долгому сосредоточенному труду, способному «горы пошатнуть».

Ценой нарушенных согласий,
Ценой и мук и слепоты,
Лишь проблеск в беспокойном часе,
Мгновенье покупаешь ты.

Но кто готов отвергнуть миги
И ждать десятки строгих лет,—
Надень кровавые вериги,
Скажи молитвенный обет.

(I, 226—227)

Этот второй путь в творчестве Брюсов считал несравненно более тяжелым, неблагоприятным, связанным с бесконечными лишениями. Но только он в конечном счете мог, по мысли Брюсова, надежно приблизить дух познания к истине в противоположность «пифической» поэзии, которой дано лишь случайное прозрение.

Утверждение преобладающей роли «рассудка», отрицание «мига» и «яростного восторга» подвергали сомнению самые основы импровизационного дара Бальмонта. Со своей стороны, он отвечал Брюсову решительными возражениями, негодуя против принижения стихийного начала в поэзии. Их спор об «устоях» творчества далеко еще не был закончен.

В конце августа Брюсов устроил в честь приезда Бальмонта вечер у себя дома, пришли также Бахман, Балтрушайтис, Поляков, Ланг, Ю. П. Бартнев и случайно заглянувший на огонек Бунин.

Бальмонт занял почти все время чтением новой большой поэмы «Художник-Дьявол». Брюсову эта поэма понравилась гораздо меньше, чем последние стихи Бальмонта. Он считал, что, кроме нескольких красиво сформулированных мыслей и немногих истинно лирических отрывков, в ней преобладают риторические общие места, к тому же невозможно растянутые.

Августовскими днями 1900 г. датируются несколько острых пародий Брюсова на произведения Бальмонта того времени, прежде всего на главы только что прочитанной и пока еще не изданной поэмы «Художник-Дьявол» (пародия — «Из всех поэм, что скрою я от мира...»), а также на стихотворения из книг «Тишина» и «Горящие здания» (пародии — «Бело-синей резедой...», «Я хочу быть красивым, красивым, красивым...», «Я испанец, я в болеро, шпагой мой украшен бок...») ⁵⁸. Брюсов подверг пародированию характерную выпренность стиля, ноты самовосхваления и самолюбования, демонстративную экзотику и эротику некоторых стихотворений Бальмонта — все те «чрезмерности» его лирического самовыражения, которые создавали порой комический эффект. Сам факт написания этих пародий после выхода «Горящих зданий» — книги, которую Брюсов в целом высоко ценил, свидетельствует, что к началу века он все более освобождался от юношеской влюбленности в бальмонтовский стих.

При всем том «Горящие здания» Бальмонта и «Tertia Vigilia» Брюсова — книги во многом внутренне связанные, как связаны в общем хоре разные голоса. С выходом этих книг поэзия русского символизма вступала в новый, более зрелый этап. Имена Бальмонта и Брюсова с этого времени стали предметом постоянных сравнений и сопоставлений в критике. Достаточно сказать, что одним из первых сопоставил поэзию Бальмонта и Брюсова М. Горький, поместивший в «Нижегородском листке» примечательную рецензию на эти две книги.

«Автором первого сборника,— писал Горький,— является Бальмонт, которого так много ругают и о котором еще никто, кажется, не решился поговорить серьезно. А между тем этот поэт несомненно обладает талантом. Размеры и общественное значение его таланта трудно понять ввиду крайней туманности мышления г. Бальмонта и странного, быть может искусственного стремления к символизации. Крайне несдержанный в эпитетах и слишком щедрый на слова, он напоминает ту "райскую птицу — Сирина", глас которой "зело силен",

но "когда она распевае, то сама себя позабывает". Но у г. Бальмонта есь простые, красивые и сильные стихи, позволяющие до некоторой степени уловить и угадать его настроение»⁵⁹.

Горький особо оценил философские мотивы стихотворений Бальмонта «В душах есь все...», «Мир должен быть оправдан весь...», «Сумрачные области совести моей...», «Но дикий ужас преступленья...». Их содержание он связывал с борьбой добра и зла, которая «разрывает сердце человека, не позволяя ему быть духовно целостным, не позволяя ему гармонично объединить в себе весь мир». С высокой похвалой Горький отозвался также о бальмонтовских стихотворениях «Альбатрос», «Воспоминание о вечере в Амстердаме» и «Кузнец», в связи с которым высказал пожелание поэту «более частых ощущений этой бодрой радости ясного творчества»⁶⁰.

С полным основанием Горький отметил «духовное родство» Бальмонта и Брюсова, но по таланту поставил автора «Тишины» и «Горящих зданий» «во главе группы наших символистов». Книгу «Tertia Vigilia» он оценил более сдержанно, хотя отметил, что со времени первых сборников «Русские символисты» Брюсов сделал заметный шаг вперед: «Относясь к задачам поэзии более серьезно, Брюсов все же и теперь является перед читателем в одеждах странных и эксцентричных, с настроением неуловимым и с явно искусственным пренебрежением к форме и красоте стиха»⁶¹. Вполне сочувственно Горький оценил лишь «Сказание о разбойнике» — эту небольшую поэму он слышал в чтении автора при знакомстве с Брюсовым в Москве.

В знак нового знакомства Брюсов тогда же отправил из Москвы в Нижний Новгород свою книгу «Tertia Vigilia», сопроводив ее выразительной надписью: «Максиму Горькому, сильному и свободному, жадно любящий его творчество Валерий Брюсов»⁶².

Осенью 1900 г. Брюсов вместе с Буниным и Поляковым предпринял попытку объединить писателей разных направлений и школ в новом альманахе «Северные цветы». Но удалось объединить лишь два потока одного литературного течения — московских символистов и более разрозненную и пеструю группу петербургских символистов, выступавших прежде в журнале «Северный вестник». Горький от предложенного сотрудничества отказался, а участие Чехова и Бунина в первой книге «Северных цветов» не изменило общего символистского характера этого альманаха.

Бальмонт дал в «Северные цветы» восемь новых стихотворений. Он стал постоянным автором альманаха и проявил большой интерес к изданиям «Скорпиона», где намерен был впредь печатать свои сочинения. Однако и в это время Брюсов должен был с горечью отметить в дневнике: «С Бальмонтом все время были очень недружественны. Ему не нравились мои новые стихи, мне его. Доходило до прямых сцен и до злобных слов...»⁶³.

При коротком приезде Бальмонта в Москву зимой 1901 г. друзья едва не поссорились совсем. Под впечатлением новой ссоры Брюсов в сердцах заметил в письме к Зинаиде Гиппиус, что теперь он отказывается от Бальмонта «навсегда» и уже больше не рассчитывает «фабриковать так дешево сверхчеловека»⁶⁴.

Ближайшие события общественно-политической и литературной жизни заставили, однако, обоих поэтов отрешиться от мелких мстительных чувств и попытаться встать выше возникших недоразумений.

5

Сорокалетие со дня отмены крепостного права Россия встретила 19 февраля 1901 г. стихийными политическими демонстрациями в столице. За несколько дней до того выстрелом из револьвера в упор был смертельно ранен министр просвещения Н. П. Боголепов. 25 февраля в газетах появилось позорное «определение» святейшего синода об отлучении Льва Толстого от православной церкви. На фабриках и заводах Москвы тогда же состоялись демонстрации и политические стачки. Недовольство рабочих и возмущение учащейся молодежи грозили слиться в один общий поток. Многие манифестанты вынесли на улицы портреты Толстого. Все свидетельствовало о приближении крупных революционных событий.

В правительственных кругах царил глубокое замешательство и обнаружились разногласия в том, как справиться с положением. Находившийся в Петербурге Горький 2 марта 1901 г. писал жене в Нижний Новгород: «Начальство здесь трусит, город объявлен на военном положении. Два полка солдат не раздеваются по ночам (. . .) Настроение — нервное, бодрое. 4-го здесь, наверное, будет то же, что в Москве»⁶⁵.

ЭСКИЗ ОБЛОЖКИ КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА
«БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ»

Акварель Фидуса (Г. Хешпенера)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ном вечере стихи о резне в Турции. Составили протокол. У него был обыск. Теперь только о нем и говорят в Петербурге. Горький сидит в тюрьме. Л. Толстой пишет возражение Синоду. «Все закипело духом оппозиции», говоря словами Фета»⁶⁶.

Реальный повод стихотворения «Маленький султан» менее всего относился к «резне в Турции», а был прямо связан с побоищем у Казанского собора. Вездесущая молва уже поставила рядом имена Бальмонта, Горького и Толстого. Действительно, каждый из писателей по своему снова столкнулся в эти дни с произволом самодержавного российского государства, и конца разгоревшемуся конфликту не было видно.

Первый год своей ссылки Бальмонт провел на юге России, сначала в имении М. В. Сабашникова Никольское в Курской губернии, а затем в имении князя Д. А. Волконского Сабынино под Белгородом у родной сестры Е. А. Бальмонт. В ноябре 1901 г. Бальмонт на три недели ездил в Крым. Там в Ялте и Гаспре он встречался с Чеховым, Горьким и Львом Толстым. Весной 1902 г. в Сабынине Бальмонт окончил свою книгу стихов «Будем как солнце». Рукопись этой книги в марте 1902 г. была переправлена Брюсову в Москву для издания в «Скорпионе». В апреле того же года Бальмонт уехал из России сначала в Париж, а потом в Оксфорд. Цель его отъезда была двойная: освободиться от политического надзора в России, во-первых и, во-вторых, использовать пребывание за границей, в Англии, для подготовки полного собрания сочинений Шелли на русском языке. Переводами Шелли Бальмонт занимался много лет. Горький поддержал его предложение выпустить в «Знании» всего Шелли в трех томах. Оплатой этих томов издательство «Знание» финансировало продолжительную заграничную поездку Бальмонта, заменившую второй год его административной высылки.

В глазах царского правительства Бальмонт давно стяжал себе репутацию человека, неблагонадежного в политическом отношении. При выезде Бальмонта за границу это еще раз подтвердил в своем секретном письме заведующий Особым отделом департамента полиции, приказавший агентуре за рубежом в Берлине, Париже, Лондоне и Швейцарии продолжать наблюдение за поэтом⁶⁷.

День отъезда Бальмонта за границу, когда они с Брюсовым едва успели попрощаться в

4 марта 1901 г. у Казанского собора в Петербурге повторилась политическая демонстрация. Тысячи людей, собравшихся здесь, были разогнаны и жестоко избиты полицией и конными казаками. Общественное возмущение по этому поводу достигло опасных для правительства размеров. Ответные репрессии обрушились на всех, кто выражал публично свое возмущение и недовольство. «Союз взаимопомощи русских писателей» по этому поводу был закрыт, Горький арестован и посажен в Нижегородский острог, Бальмонт за прочитанное им антиправительственное стихотворение «То было в Турции...» («Маленький султан») выслан из Петербурга под надзор полиции без права проживания в течение двух лет в столицах, столичных губерниях и университетских городах.

Первые сбивчивые сведения о том, что произошло в мартовские дни 1901 г. с Бальмонтом, достигли Брюсова лишь месяц спустя через петербургских знакомых С. П. Дягилева и П. П. Перцова, которые приезжали в Москву и были у Брюсова. Версию случившегося он тогда же кратко записал в дневнике: «Бальмонт прочел на каком-то публич-

Москве, стал поворотным днем в их неровной и страстной литературной дружбе. Теперь их пути расходились, менялось их место в литературном мире, стремительно ширился и менялся и самый мир.

Брюсов всегда помнил свою поэтическую родословную, хорошо знал далеких и близких. Его сборники «Русские символисты» не были первой декларацией нового литературного движения. До него пришли старшие символисты Мивский, Мережковский, Гишпиус, Сологуб, Бальмонт. Брюсов подхватил их знамя. В течение пяти—семи лет он жадно присматривался к самым разным людям, был близок с декадентами (А. Н. Емельянов-Коханский в Москве и Александр Добролюбов в Петербурге), искал знакомства с Горьким и Чеховым, сблизился на короткое время с Иваном Бунинным, расположил к себе стариков — П. И. Бартенева из «Русского архива» и К. К. Случевского, хозяина поэтических «пятниц» в Петербурге. Причем все эти и многие другие лица были интересны ему как носители определенной творческой и культурной идеи, с которой он соразмерял свои собственные искания. Брюсов охотно шел на контакты с людьми совершенно различных художественных и политических направлений — в этом как раз он видел свое преимущество и свою силу.

Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена...

— признался он в стихотворении «Последнее желанье» (I, 270), написанном в январе 1902 г. Существенно, что эту свою способность «носить чужие знамена» Брюсов относит уже не к настоящему, а к прошедшему времени. А в настоящем, на рубеже 90-х и 900-х годов, он стремился — и не без успеха — собрать собственную литературную рать, выстроить крепкую фалангу, которая могла бы самостоятельно действовать на поле брани. Создание совместно с Поляковым и Балтрушайтисом издательства «Скорпион», организация альманаха «Северные цветы» были важными шагами в самоопределении нового искусства. Среди старших символистов Брюсов считался молодым, среди младших — старшим, и он вполне осознал преимущества своей центральной позиции, позволявшей ему находить общий язык с людьми разных кругов и возрастов. Его роль в литературном движении эпохи быстро возросла.

Летом 1902 г. Брюсов совершил давно задуманную и желанную поездку в Италию, увидел Венецию, Флоренцию, Рим. Вокруг него появляются новые сторонники и поклонники — Андрей Белый, Алексей Ремизов, Виктор Гофман. Завязывается переписка Брюсова с начинающим Александром Блоком, стихи которого взяты для очередной книги «Северных цветов». Дирекция Московского литературно-художественного кружка пригласила Брюсова войти в одну из его комиссий и придать новое направление литературным «вторникам». Брюсов печатает свои статьи в журнале «Мир искусства» и входит в редакцию нового литературно-художественного и религиозно-философского журнала «Новый путь», где главенствуют Мережковский, Гишпиус и Перцов. Заметно меняются в это время и прежние отношения между Брюсовым и Бальмонтом. Из почитателя, открыто признававшего литературное первенство Бальмонта, Брюсов превращается в его издателя, оппонента и критика, с годами все более строгого.

В одном из писем к Бальмонту летом 1902 г. Брюсов сравнил две последние его книги — «Горящие здания» и «Будем как солнце», еще ждавшую выхода в свет. Предпочтение Брюсов отдал предыдущей книге: Бальмонт не соглашался с этим: «Я думаю, Вы не правы, говоря, что “Здания” лучше “Солнца”. Я гораздо больше люблю последнюю книгу. Но вы правы, говоря, что в «Горящих зданиях» я был в волне подъема, который, может быть, никогда не повторится. Никогда... Так ли однако? Я так зависим от каждого призрака, встающего на моем пути. Мое никогда такое же, как навсегда Шелли; он везде, где ему нравилось, хотел навсегда остаться, но после бесчисленных скитаний это ему удалось только на Средиземном море» (см. п. 75, прим. 4).

И в творческой биографии Бальмонта, и в истории его отношений с Брюсовым книга «Будем как солнце» занимает место совершенно особое и исключительное. Книга эта возникла на гребне общественной активности Бальмонта — он писал и закончил ее в дни высылки, в Сабынине, проклиная свое невольное «заточение» и обращаясь мысленно к самым дорогим и близким людям, которые когда-либо возникали на его пути.

Недавние встречи с Толстым, с Чеховым и Горьким были особенно важны для Бальмонта. Впервые он общался с писателями, к голосу которых прислушивалась вся читающая Россия и весь просвещенный мир, а не узкий кружок избранных и посвященных. Горизонты поэзии

ЭСКИЗ ОБЛОЖКИ КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА «БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ»

Акварель Фидуса (Хешенера)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

стихотворения «К портрету К. Д. Бальмонта» («Угрюмый облик, каторжника взор...», 1899) и «К. Д. Бальмонту» («Нет, я люблю тебя не яростной любовью...», 1900).

Бальмонт ответил в книге «Будем как солнце» не одним посланием, а целым набором стихов: «Воля», «К другу», «Если грустно тебе...», «Ты мне говоришь, что как женщина я...», «Соперники». Вся свою книгу Бальмонт строил в форме лирических монологов, обращенных к друзьям и любимым, перед которыми он открывал интимнейшие переживания своей души. Адресаты названы в посвящении: Валерий Брюсов, С. А. Поляков, Ю. Балтрушайтис, Георг Бахман, М. А. Дурнов, М. А. Лохвицкая, Дагни Кристенсен, Люси Савицкая. Обращение к каждому лицу имеет свой особый лирический мотив.

Истинно «брюсовским» циклом книги Бальмонта остается второй ее раздел — «Зменный глаз». Некоторые стихотворения этого раздела, уже названные выше, понятны только в контексте продолжительной полемики автора с Брюсовым. Полемика эта обнажена в стихотворении «Воля», которое и печаталось с посвящением Валерию Брюсову. В проповеди эгоцентризма и субъективности как принципа лирической поэзии Бальмонт мало в чем расходился с Брюсовым. Спорили они о другом, и разделял их не творческий принцип, а мера и степень его воплощения.

Во взглядах на поэзию Брюсов не отступал от своего теоретического максимализма. И в стихах и в письмах он доказывал, что книги Бальмонта слишком бледный оттиск с его жизни, что в его поэзии есть заданность — заданность размера и формы стиха, заданность рифмы, есть чрезмерная литературная условность, ослабляющая силу индивидуального творческого самовыражения. Безвольность в выборе пути — вот что отмечал в поэзии Бальмонта Брюсов.

Бальмонт не соглашался с этими критическими упреками. В книге «Будем как солнце» он воспел себя как поэта, воспел с вызовом, в котором угадывается, однако, потребность в самозащите. Защищаться приходилось от многих, в особенности от Брюсова, самого близкого друга. Свое опровержение Бальмонт и начинает с главного мотива, которым оканчивалось брюсовское стихотворение 1899 г. («Что сам не знаешь ты, куда пойдешь...» — см. I, 197).

Неужели же я буду колебаться на пути,

Если сердце мне велело в неизвестно е идти?

Бальмонта в это время расширились. Новые идеи владели его творческим воображением.

В семи основных разделах книги Бальмонт попытался очертить весь доступный его взгляду мир, создать своеобразную лирическую космогонию, в которой предметы и явления природы были бы философски осмыслены.

С Брюсовым в книге «Будем как солнце» связана главным образом тема творчества, стихи о назначении поэзии, ее законах и возможностях, о том идеале поэта, каким он рисовался Бальмонту в его бесчисленных декларациях и самохарактеристиках. Это был главный предмет его полемики с Брюсовым, и, естественно, он перешел в стихи.

Традиция стихотворных обращений и посланий друг другу, принятая поэтами пушкинской эпохи, была подхвачена и широко использована русскими символистами. Прямое и скрытое цитирование, вполне доступное лишь посвященным, становится одной из устойчивых особенностей символистского стиля. Брюсов первым начал прямой поэтический диалог с Бальмонтом в печати, опубликовав в книге «Tertia Vi-

Нет, не буду, нет, не буду я обманывать звезду,
Чей огонь мне ярко светит и к которой я иду.

Вышшим знаком я отмечен, и, не помня никого,
Буду слушаться повсюду только сердца своего.

Явно не желая признавать за собой тех сомнительных достоинств, по поводу которых Брюсов когда-то объяснялся ему в любви («Но я в тебе люблю,— что весь ты ложь...», I, 197), Бальмонт рассматривал высшую цель своей поэзии как вечную и неизменную. Нужно ли поэту размышлять о выборе пути, употребляя «волю» для своих решений, если сердце всегда велит ему идти в «неизвестное»? Направление при этом может перемениться столько же раз, сколько подскажет сердце. И слова могут менять свое значение и свой смысл (характерно бальмонтовское стихотворение — «Слова — хамелеоны...»); и заявление о «лжи» теряет под собой почву, если в каждый отдельный миг поэт искренен в каждом слове.

На упреки в литературности, в зависимости от предшествующих поэтов, в подчинении условленным формам и образцам, которые не раз высказывались Брюсовым, Бальмонт отвечал в книге «Будем как солнце» стихами: «Я — изысканность русской медлительной речи...», «Мои песнопения», «Я полюбил свое беспутство...» и другими, — которые обычно рассматриваются вне диалога, вне поводов, вызвавших эти настойчивые саморекомендации и автохарактеристики.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я — изысканный стих.

Способный, подобно Нарциссу, искренне любоваться только своим изображением, Бальмонт допускал и «других» заглядывать в светлый ручей поэзии. Из ближайших его друзей никто не мог бы с большим основанием, чем Брюсов, отнести на свой счет бальмонтовское стихотворение «Соперники»:

Мы можем идти по широким равнинам,
Идти, не встречаясь в пути никогда.
И каждый пребудет, один, властелином,—
Пока не взойдет роковая звезда.

Мы можем бросать беспокойные тени,
Их месяц вытягивать будет в длину.
В одном восхождении мы будем ступени,
И равны,— пока не полюбим одну.

Тогда мы сождем, но себе не поможем,
Тогда мы забудем о Боге своем.
Мы можем, мы можем, мы многое можем,
Но только — мой равный — пока мы вдвоем.

В августе 1902 г. Брюсов написал и отправил из Москвы в Оксфорд послание «К. Д. Бальмонту», почти сплошь построенное на образах и самохарактеристиках из последних бальмонтовских книг «Горящие здания» и «Будем как солнце». Вместе с тем это новое стихотворение развивало общий взгляд Брюсова на поэзию Бальмонта как поэзию импрессионистических «мигов», «беззаботности», стихийное выражение полной свободы воли, творческой раскованности, полета фантазии и мечты.

Вечно вольный, вечно юный,
Ты как ветер, как волна,
Речь твоя поет, как струны,
Входит в души, как весна.

(I, 348)

Вариации бальмонтовских стихотворений «Избранный», «Я — изысканность русской медлительной речи...», «Воля», «Соперники» и др. входят в текст брюсовского послания и

ЭСКИЗ ОБЛОЖКИ КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА
«БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ»

Акварель Фидуса (Г. Хепенера)
Собрание Р. Л. Щербакова, Москва

варьируются в нем на разные лады. Брюсов здесь как бы закликает своего друга-соперника его собственными словами, убеждая сохранять верность себе и своему таланту.

«Высшим знаком ты отмечен»,—
Чти свою святыню сам,
Будь покоен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.

(I, 348)

Если Бальмонт в своей книге, оставленной Брюсову в рукописи перед отъездом, обращался к нему лично, говорил и спорил с ним один на один, то Брюсов в своем послании отвечал Бальмонту не только от своего собственного имени, но и от лица кружка, от всех друзей разом, имея в виду прежде всего единомышленников по литературному делу. Отсюда заключенное в послании Брюсова противопоставление, странная на первый взгляд антитеза — «ты» и «мы».

Может: наши сны глубоки,
Голос наш — векам завет,
Как и ты, мы одиноки,
Мы — пророки... Ты — поэт!

Ты не наш — ты только божий.
Мы весь год — ты краткий май!
Будь — единый, непохожий,
Нашей силы не желай.

(I, 349)

В своем новом послании Брюсов сознательно отделил Бальмонта от остальных «близких», тяготевших к «Скорпиону» и московскому символистскому кружку. Различие заключалось не в том, что Бальмонт был «на воле» в своем вынужденном одиночестве за пределами России, а друзья его продолжали свой труд в условиях политической несвободы, хотя и это обстоятельство было существенным. Суть противоположения заключалась в том, что Бальмонту надлежало играть иную роль, чем всем оставшимся. Брюсов звал Бальмонта воспользоваться преимуществами вольного и «беспечного» поэта, не стесненного никакими заботами повседневности, отводя себе и друзьям роль «пророков» нового литературного движения. В этом качестве он по-прежнему уступал Бальмонту первенство и отклонял его великодушную готовность признать в сопернике «равного»:

Ты сильнее нас! Будь поэтом,
Верь мгновенью и мечте.
Стой, своим овечьим светом,
Где-то там, на высоте.

Тщетны дерзкие усилия,
Нам к тебе не достигнуть!
Ты же, вдруг раскинув крылья,
В небесах направишь путь.

(I, 349)

Написанное с большим подъемом стихотворение «К. Д. Бальмонту» являло нового, более зрелого и более сильного Брюсова. Острота мысли и отточенность формы послания сами по себе составляли вызов, тем более что на этот раз Брюсов явно возвысил идеального Поэта над тем, каким его адресат был в действительности. Не столько сам Бальмонт, сколько его «прообраз вечный» являлся в мелодических строках брюсовского стихотворения. Это была самая изысканная форма критики: поучение через преувеличенную похвалу. И Бальмонт —

надо отдать ему должное — уловил в энергичных строфах послания оборотную сторону очевидного панегирика.

В письме к Брюсову из Оксфорда 31 августа 1902 г. Бальмонт следующим образом прокомментировал обращенные к нему стихи: «Ваше стихотворение ко мне прекрасно, и я желал бы быть таким, каким Вы меня в нем рисуете, но это, к сожалению, не я. Нет, я тоже не май, а „целый год“, и чем дальше идет время, тем далее я от того образа, который живет в Вашем стихотворении. Я мог бы быть таким, если бы моя внешняя жизнь не сложилась так неудачно, и если бы я не был „гражданином“ столь мучительной страны, как Россия. Я буду все больше и больше уходить от „беспечности“, и буду ли я сильным в Вашей силе, не знаю, но желание „забот“ неизбежно. Хотя... Иногда я чувствую в себе такую легкость, воздушность и прозрачность, ощущаю такую гармонию и мировую ненарушимость, полную красоты изваяния, как будто я счастливый эллин выдуманной нами беспечной Эллады» (п. 77).

Бальмонт ответил Брюсову большим двухчастным стихотворением «Дилемма» (1. «Будь свободным, будь как птица, пой, тебе дана судьба...», 2. «Нет, мой брат, не принимаю...»). Разбор «Дилеммы» мог бы стать предметом специального анализа; если же говорить кратко, то программе Брюсова Бальмонт противопоставил двойной выбор: либо остаться «избранным», быть свободным, как птица, промелькнуть, как «луч горящий — в водопаде и в росе», либо проникнуться жизнью «других», «неярких», стать «как все» и для всех «пропеть свой стих». Напечатанное впервые в «Журнале для всех», это двухчастное стихотворение было включено затем в книгу Бальмонта «Только любовь» (1903) под названием «Выбор».

Почти одновременно с посланием «К. Д. Бальмонту» в августе 1902 г. Брюсов написал другое свое стихотворение — «В ответ» («Еще я долго поброжу...»). В рукописи оно также было посвящено Бальмонту и являлось прямым ответом на его «Волю». Брюсов искал и нашел для своей поэзии и для себя как поэта совершенно иной метафорический образ, чем тот, что возникал в «воздушных» стихах Бальмонта.

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

(I, 278)

Изначальный мотив тяжелой работы пахаря в поле на борозде был взят Брюсовым у Пушкина, из черного наброска стихотворения «Родник». И эпитафией в рукописи стояли пушкинские строки:

Скоро... Отрешись волов от плуга
На последней борозде...

Но в окончательном варианте он заменил эпитафию на сходный из Хомякова:

Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил⁶⁸.

Несомненно, что Брюсов воспользовался и общим сюжетным мотивом стихотворения А. С. Хомякова «Труженик» («По жестким глыбам сорной нивы...»), в котором человек есть раб божий, послушный пахарь, назначенный трудиться на сорной ниве ради сева господня. Брюсов сдвинул нравственно-религиозный сюжет в плоскость творческих долженствований, по поводу которых он спорил с Бальмонтом.

Общая мысль брюсовского стихотворения была развита вполне оригинально и с настоящей поэтической мощью. Впервые в русской литературе поэзия была представлена не легкокрылым Пегасом, не сладкоголосым певцом Арионом, не вольным ветром или золотой тучкой и не «сказкой золотой» (как множество раз писал о себе Бальмонт). Муза Брюсова явилась в поэзии как «пахарь терпеливый», и он не побоялся сравнить свою мечту с медлительным, усталым волом, понукаемым тяжелым кнутом погонщика!

А помнишь, как пускались мы
Весенним, свежим утром в поле
И думали до сладкой тьмы
С другими рядом петь на воле?

Забудь об утренней росе,
Не думай о ночном покое!
Иди по знойной полосе,
Мой верный вол,— нас только двое!

(I, 279)

В образной антитезе брюсовского стихотворения именно Бальмонт был поэтом весны, певцом утренней росы, которому достался счастливый удел быть «на воле». Собственное же свое предназначение Брюсов создавал по контрасту как прямо противоположное. Не он распоряжался своим днем, от зари до темноты, а им распоряжался кто-то. Тот, кто приставил его к тяжелому плугу и обрек трудиться в поте лица до смертного часа. Свое дело поэта, труд своей мечты Брюсов создавал теперь как пожизненный подвиг, как суровый послух, наложенный на него свыше, от которого он сам, по собственной воле, не желал, да и не мог освободиться.

Нам кем-то высшим подвиг дан,
И спросит властно он отчета.
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!

А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот, другой, — мечта, —
Сам отрешит себя от плуга!

(I, 279)

Посвящение Бальмонту перед стихотворением в журнальной публикации Брюсов снял, а в отдельном издании «Urbi et Orbi» посвятил его П. П. Перцову. Тем не менее стихотворение «В ответ» осталось парным посланием «К. Д. Бальмонту» и продолжило мысль, намеченную ранее в «Устоях» (1900), и вполне понятно оно может быть лишь в связях и в сопоставлениях с ними.

Представлениям Бальмонта о свободе воли как высшем творческом даре поэта Брюсов противопоставил собственный опыт — мысль о высшей необходимости, которая владеет творцом и от которой он не может отрешиться, даже если бы хотел этого. В полемике и споре с Бальмонтом, в постоянном соревновании и соперничестве с ним, в ответ ему Брюсов нашел наиболее глубокие и точные определения собственных целей в поэзии.

6

В январе 1903 г. Бальмонт вернулся из-за границы в Россию и нашел в Москве немалые перемены. Сторонники «нового искусства», объединившиеся вокруг «Скорпиона» и «Грифа», перешли от обороны в наступление и завоевывали одну литературную позицию за другой. Как отметил в своем дневнике Брюсов, борьба началась лекцией Бальмонта в Литературно-художественном кружке «и шла целый месяц. Борьба за новое искусство. Сторонники были „Скорпионы“ и „Грифы“ (новое книгоиздательство). Я и Бальмонт были впереди, как „маститые“ (так нас называли газеты), а за нами целая гурьба юношей, жаждущих славы, юных декадентов: Гофман, Рославлев, три Койранских, Шик, Соколов, Хесин... еще М. Волошин и Бугаев. Борьба была в восьми актах: Вечер нового искусства, два чтения Бальмонта в Кружке, чтение в Кружке о декадентах, чтение о Л. Андрееве, две лекции в Историческом музее, два чтения Бальмонта в Обществе Любителей Российской Словесности и "Chat Noir"»⁶⁹.

В апреле 1903 г. Брюсов на месяц ездил в Париж — эта поездка была решена, когда Бальмонт оставался еще за границей, теперь Брюсов познакомился с русской колонией в Париже без него. Он побывал на лекциях в Русской вольной школе социальных наук, на «субботе» у художницы Е. С. Кругликовой, в Свободном театре Антуана. Самое сильное впечатление на него произвел Вячеслав Иванов, лекцию которого о Дионисе и Аполлоне он слушал в Русской школе. Это знакомство послужило началом новой глубокой дружбы.

Из молодых друзей в Москве Брюсов ближе всех сошелся с Андреем Белым. Сложившийся вокруг него кружок «аргонатов», последователей религиозно-мистической философии Владимира Соловьева, привлек к себе пристальное внимание Брюсова. Наиболее одаренные из них были вовлечены в альманах «Северные цветы»; свое отношение к этой группе, прикnuвшей к «Скорпиону», Брюсов выразил в послании «Младшим» («Они Ее видят! они Ее слышат!...»).

Бальмонт ревниво отнесся к новым знакомствам и новым литературным дружбам Брюсова. Об этом свидетельствует его двоянный сонет «Неверному» («Когда бы я к тебе ни приходил...»), помещенный в «Северных цветах» на 1903 г. и включенный затем в книгу «Только любовь». Эту книгу Бальмонт закончил писать летом 1903 г. в эстонском курортном местечке Меррекуль на берегу Балтийского моря.

Неверный, ты наказан будешь мной,
При всей моей любви к глубоким взорам

Твоих блестящих глаз. О, дух земной,
Заемным ты украшен был убором,

— писал Бальмонт, обращаясь к Брюсову с новыми упреками и укорами. Ответ не замедлил последовать, и тогда же, в августе 1903 г., Брюсов написал второе послание — «Ему же», — в котором Бальмонту среди «аргонавтов», среди одной дружной литературной команды, предоставлена особая роль — «заклинателя духов бурь», певца Ариона:

Нет, мой лучший брат, не прав	Все мы в деле: у кормила,
ты:	Там, где парус, где весло.
Я тебя не разлюблю!	Пыль пучины окропила
Мы плывем, как аргонавты,	Наше влажное чело.
Душу вверив кораблю.	

(I, 349)

Брюсов воспользовался и известным мифологическим мотивом, и символикой пушкинского «Ариона» («Нас было много на челне...»); и одной из эмблем современной литературной жизни, чтобы продолжить мысль своего предыдущего послания «К. Д. Бальмонту» 1902 г., — он опять был поднят над остальными сотоварищами, искателями «золотого руна» в искусстве, как «беспечный» певец, которому уготовано чудесное спасение в бурю при любом исходе опасного предприятия.

Каждое выступление своих сторонников в те дни Брюсов, как стратег, оценивал с точки зрения предстоящего в литературе генерального сражения. 31 июля 1903 г. он писал А. Белому: «Вся русская поэзия будет в „Скорпионе“. Эта осень — что-то вроде генерального сражения. Ватерлоо или Аустерлиц?»⁷⁰.

У Брюсова были основания для волнений — после «Северных цветов» на 1903 г. русские читатели должны были получить новые книги Бальмонта — «Будем как солнце» и «Только любовь», новую книгу самого Брюсова — «Urbi et Orbi», «Золото в лазури» А. Белого и другие издания «Скорпиона». Тогда же, в середине лета, была составлена программа, и скоро получено разрешение на издание журнала «Весь».

В раздел «Оды и послания» «Urbi et Orbi» Брюсов включил оба последних стихотворения, обращенные к Бальмонту, а всей книге предпослал многозначительное посвящение: «К. Д. Бальмонту, другу и брату». Это и другие подобные посвящения Бальмонт по-своему прокомментировал в стихотворении «Различные»:

В нас разнo светит откровенье,	Не оскорбись, но оскорбленье
И мы с тобой не властны слиться,	Я нанесу тебе невольнo.
Хотя мы можем на мгновенье	Мы два различные явленья,
В лучах одной мечты забыться.	Моей душе с твоею больно.

Ты, может быть, мой брат влюбленный,
Но, брат мой, ты мой враг заклятый,
И я врываюсь, иступленный,
В твои дремотные палаты...

(Только любовь)

Характеристику Бальмонта как «явленья» русской поэзии Брюсов развернул в своей статье о книге «Будем как солнце», тогда же опубликованной журналом «Мир искусства». Брюсов признал в Бальмонте «нового человека, который откровенно рассказывает в поэзии свою душу, но «душа у него из тех, которые лишь недавно стали расцветать на нашей земле. Так в свое время было с Верленом... В этом вся сила бальмонтовской поэзии, вся ее жизненность, хотя в этом и все ее бессилие» (VI, 250).

Двойственный взгляд на поэзию Бальмонта, его силу и его бессилие, Брюсов провел через всю статью, распространив его и на книгу «Будем как солнце», которая послужила непосредственным поводом для критического выступления. Возможности дальнейшего развития Бальмонта-поэта Брюсов оценил скептически, заметив, что его творчество в последней книге «разлилось во всю ширь и видимо достигло своих вечных берегов. Оно попыталось кое-где даже переплеснуть через них, но неудачно, какой-то бессильной и мутной волной. Надо думать, что поэзии Бальмонта суждено остаться под тем небосклоном, который окружает

эту книгу. Но в этих пределах Бальмонт, — мы хотим этому верить, — будет достигать новой и новой глубины, к которой пока лишь стремится» (VI, 258).

Жесткость брюсовской оценки, высказанной в разборе «Будем как солнце», была замечена не только «другом и братом», но и друзьями, которые внимательно следили за диалогом двух поэтов. Их соперничество, до поры скрытое или уведенное в подтекст некоторых стихотворений, стало теперь достоянием окружающих.

Получив оттиск брюсовской статьи о Бальмонте из «Мира искусства», Вяч. Иванов отвечал автору из Женевы: «Благодарю вас за оттиск вашей прекрасной статьи, именно близкой мне — до встреч мысли в отдельных частностях. Не во всем, впрочем, я с вами согласен. Так, например, я ставлю Бальмонта выше Фета, невозможным считаю сравнение его с Тютчевым (как величиной другого порядка и не дермонтовской филиации), а стих Бальмонта: „предо мною другие поэты — предтечи“ — звучит для меня как богохуление. Не правы вы, на мой взгляд, и в оценке бальмонтовских *rythmes brisés*: сошлюсь на чудесную ритмику „Старого дома“ — этой гениальной вещи. Кажется мне, что стих и стиль Бальмонта в последних произведениях сгущается и консолидируется, приобретает более насыщенный колорит — и что наш поэт далеко не исполнил еще своих граней. Но его четыре стихии хорошо определены, — хотя и не родственны ему им любимые Кальдерон, По и Бодлер»⁷¹.

Знакомство с последними книгами Бальмонта и Брюсова произвело глубокое впечатление на Андрея Белого — он видел в них не «два различные явления», а общность наиболее влиятельного направления современной поэзии. «Читаю и вчитываюсь в „Urbi et Orbi“ и „Только любовь“, вынося много глубоких и радостных впечатлений, — писал Белый Брюсову в октябре 1903 г. — „Urbi et Orbi“ нравится мне как ни одна из ваших книг, „Только любовь“ — пожалуй, лучший Бальмонтовский сборник. А я как раз в настроении внимать»⁷².

Наиболее характерные для поэзии Бальмонта сборники «Горящие здания», «Будем как солнце» и «Только любовь» послужили поводом для замечательной статьи Ин. Анненского «Бальмонт-лирик», увидевшей свет в его «Книге отражений». Отбросив ходульные и поверхностные критические стереотипы, Ин. Анненский оценил творчество Бальмонта именно как поэт, сознающий цену настоящих завоеваний в области слова. Он указал на такие стороны оригинального лирического «я» Бальмонта, которые обычно не замечались его многочисленными критиками и пародистами. «Я начну его анализ с того момента, — писал Анненский, — который поразил меня ранее других. Бальмонт хочет быть и дерзким, и смелым, ненавидеть, любоваться преступлением, совместить в себе палача с жертвой и сирену с призрачным черным монахом, он делает кровавыми даже свои детские воспоминания, а между тем нежность и женственность — вот основные и, так сказать, определятельные свойства его поэзии, его я, и именно в них, а не в чем другом надо искать объяснения как воздушности его поэтических прикосновений к вещам, так и свободы и перепевности его лирической речи, да, пожалуй, и капризной изменчивости его настроений»⁷³.

Отметив содержательные и стилистические новшества Бальмонта, Ин. Анненский пришел к заключениям, общезначимым для русской лирической поэзии начала 900-х годов.

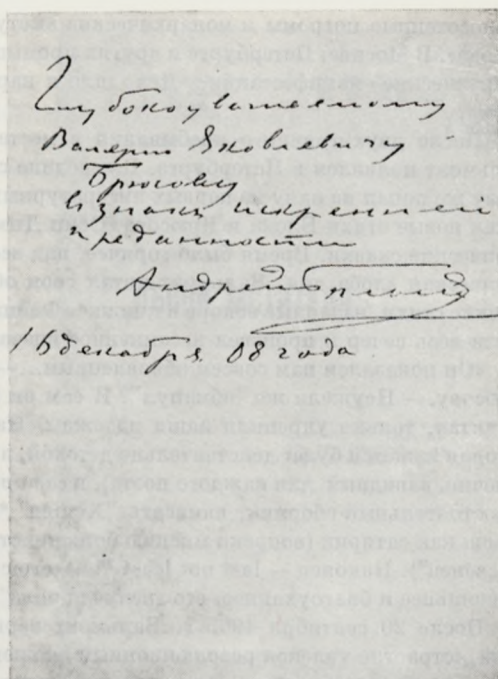
«В лирическом я Бальмонта есть не только субъективный момент, как оказывается спорный и пререкаемый, — утверждал Анненский, — его поэзия дала нам и нечто объективно и безусловно ценное, что мы вправе учесть теперь же, не дожидаясь суда исторической Улиты.

Это ценное уже заключено в звуки и ритмы Бальмонта — огненные наше общее достояние.

Я уже говорил, что изысканно Бальмонта далека от вычурности. Редкий поэт так свободно и легко репает самые сложные ритмические задачи и, избегая банальности, в такой мере чужд и искусственности, как именно Бальмонт. Его язык — это наш общий поэтический язык, только получивший новую гибкость и музыкальность»⁷⁴.

Накал литературной борьбы в канун грозных событий первой русской революции побудил Брюсова и его товарищей по «Скорпиону» создать специальный литературно-критический журнал «Весь», который своей нацеленностью на собственно литературные вопросы отчасти противостоял таким петербургским изданиям, как «Мир искусства» и «Новый путь». Субсидировать новый журнал взялся Поляков, его фактическим редактором стал Брюсов, в ядро редакции вошли также Балтрушайтис, Белый, Бальмонт, Вяч. Иванов и М. Н. Семенов⁷⁵.

Характеризуя свои настроения в переломный 1904—1905 г., время решительной переоценки прежних ценностей, Брюсов признал, что для него это был «год бури, водоворота». Никогда прежде он не переживал таких страстей, таких мучительств и таких радостей. Далеко не полное отражение этих чувств окрасило стихи книги «Stephanos» и вошло в роман

А. БЕЛЫЙ. ПЕПЕЛ. СПБ., «ШИПОВНИКЪ», 1909

Обложка и авантитул с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову в знак искренней преданности Андрей Белый. 16 декабря 08 года»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«Огненный Ангел». «Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова, — подтвердил в дневнике Брюсов. — Литературно я почти не существовал за этот год, если разумею литературу в Верленовском смысле. Почти не работал: „Земля“ напечатана с черновика. Почти со всеми порвал сношения, в том числе с Бальмонтом и Мережковскими. Нигде не появлялся. Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов»⁷⁶.

Сношения с Бальмонтом были не порваны, а только подорваны. На полгода Бальмонт вообще исчез с горизонта, в декабре 1904 г. он уехал за границу в продолжительное путешествие — в Мексику и Соединенные Штаты Америки. Тогда же в письме к Перцову Брюсов написал о Бальмонте: «Десять лет он царил полновластно в нашей поэзии. Но теперь жезл выпал из его рук. Мы далеко ушли вперед, он остался на одном месте. Может быть, он великан среди нас (как поэт, но непосредственному дару), но он в прошлом»⁷⁷.

Вдогонку Брюсов отправил в Мексику одно из самых откровенных и замечательных своих писем (от 5/18 апреля 1905 г.); он подвел в нем итог первого десятилетия своих отношений с Бальмонтом, которые затем стремительно пошли под уклон. Расстояние между Мехико и Москвой придало этому объяснению с «братом Константином» почти планетарное измерение, измерение в пространстве и времени.

«Для тех, кто будет смотреть на нас, как на прошлое иного века, — утверждал Брюсов в письме к Бальмонту, — станут истиной наши посвящения друг другу книг и слово, стоящее в заголовке этого письма, — так как все это и есть истина, та, настоящая, большая земных житейских правд. И если я иногда говорю против Тебя и смотрю на Тебя враждебными глазами, то это вражда в области вечного братства, а не в низинах, где дружатся и ссорятся. Быть воистину врагами, как и воистину друзьями, можно лишь тем, кто близки. Какие враги — те, кто в разных мирах, или разделены тысячами ступеней?» (п. 107).

Из поездки в Америку Бальмонт вернулся в Россию в июле 1905 г., в разгар революционных событий, когда самодержавие зашаталось под напором организованных выступлений рабочих, крестьянских бунтов в деревне и солдатских волнений в армии. Россия пережила уже Кровавое воскресенье, позор военных поражений под Мукденом, катастрофу Цусимы,

черносотенные погромы и монархические выступления, инспирированные «Союзом русского народа». В Москве, Петербурге и других промышленных центрах продолжались забастовки и политические манифестации. Дело шло к народному вооруженному восстанию против царизма.

После двухмесячного пребывания в местечке Силламяги на берегу Финского залива Бальмонт появился в Петербурге. В середине сентября 1905 г. он посетил Вяч. Иванова и сразу же попал на одну из первых литературных «сред» в его «башне», Г. Чулков в этот вечер читал новые стихи Блока и Брюсова, Осип Дымов прочитал рассказ, Ф. Сологуб — свои сатирические сказки. Время было горячее, над всеми литературными интересами полыхала политическая злоба дня. Бальмонт читал свои обличительные политические стихотворения и детские стихи, изданные вскоре в книжке «Фейные сказки». Читал он больше всех, один занял почти весь вечер и произвел несомненное впечатление на хозяина «башни» и его гостей.

«Он показался нам совсем обновленным... — писал об этом чтении Вяч. Иванов в Москву Брюсову. — Неужели же "обманул"? И сам он говорил, что теперь — иной. Стихи, которые он читал, только укрепили наши надежды. Намечаются две новые струи: *детская поэзия*, которая кажется будет действительно детской, в лучшем смысле (а это в своем роде „венец“, — конечно, завидный для каждого поэта), и *сатирическая*. Я советовал ему объединить сатиры в самостоятельный сборник, написать "Хепиен" * на недруга и друга, — потому что он часто хорош как сатирик (вопреки мнению большинства) и даже прикоснулся к стихии юмора (также „венец“). Наконец — last not least ^{2*} — его старый лиризм — как старое вино — сделался еще сильнее и благоуханнее, его „певучая сила“ еще энергичнее, — вольней и задухшевей» ⁷⁸.

После 20 сентября 1905 г. Бальмонт вернулся в Москву и, как свидетельствует его жена, «страсно увлекся революционным движением» ⁷⁹. Бальмонт был захвачен оппозиционными антимонархическими настроениями, пусть не очень глубокими, но вполне искренними. Все свои дни теперь он проводил на улице, участвовал в митингах, в строительстве баррикад, в шествиях манифестантов. Во дворе университета полиция однажды хотела арестовать его, но студенты отбили своего оратора.

Не с Брюсовым, а с Горьким был Бальмонт в грозные дни всеобщей политической стачки и начавшихся после похорон Баумана вооруженных столкновений на улицах Москвы. «Каждый день почти он заходил к А. М. Горькому, — пишет в своих воспоминаниях Е. А. Бальмонт, — часто сопровождал его в его походах по Москве. Был на Пресне, на Тверской, когда по этим улицам стали палить из пушек...» ⁸⁰

В октябре — ноябре 1905 г. Бальмонт написал ряд политических стихотворений «Поэт — рабочему», «Начистоту», «Земля и Воля», «Русскому рабочему» и др., увидевших свет на страницах легальной большевистской газеты «Новая жизнь» в Петербурге. Несколько обличительных стихотворений Бальмонта появилось в сатирических листках и журналах. В письме к Е. П. Пешковой из Москвы от 24 октября 1905 г., когда обстановка в городе была близка к взрыву, Горький процитировал полностью стихотворение Бальмонта «Рабочему русскому слава!», которое заканчивалось призывом:

Будем тверды, не сложим оружия мы
До свержения царской чумы! ⁸¹

Почти все стихотворения Бальмонта, предназначенные для газеты «Новая жизнь» и для сатирического журнала «Жупел», прошли через руки Горького. Эти стихотворения читал В. И. Ленин, начавший сотрудничать в «Новой жизни» с 10 ноября 1905 г. и активно включившийся в работу редакции. «Когда Владимир Ильич приехал в Россию, — подтверждает Н. К. Крупская, — там уже выходила легальная ежедневная газета «Новая жизнь». Издателем была Мария Федоровна Андреева (жена Горького), редактором был поэт Минский, принимали участие: Горький, Леонид Андреев, Чириков, Бальмонт, Тэффи и др.» ⁸².

На страницах той же «Новой жизни» 16 ноября Горький резко ответил фельетонисту «Гейне из Тамбова» (П. И. Вейнбергу), который потешался в «Сыне отечества» над новой ролью Бальмонта, выступившего в качестве политического поэта рабочей газеты; Горький обрушился на современных «мещан» и «зрителей» революции, измеряющих все явления жизни «узкой и тесной меркой своего эгоизма»: «Невежественные, они не знают, что Бальмонт

* Название XIII книги эпиграмм Марциала (лат.).

^{2*} Последнее по месту, но не по значению (англ.).

давно предал проклятию, облил ядом презрения их суетливую, бесцельную жизнь, полную трусости и лжи, прикрытую выцветшими словами, тоскливую жизнь полумертвых людей. Им невятен чистый восторг поэта, наконец увидевшего смелую, бодрую армию строителей новой жизни, красивой и свободной»⁸³.

Двенадцать стихотворений Бальмонта, написанных в конце 1905 г., в дни кульминационных событий первой русской революции, были собраны в небольшую книжку «Стихотворения» (1906) и изданы Горьким в «Дешевой библиотеке» «Знания» огромным по тем временам тиражом, превышавшим 20 тысяч экземпляров. Эта в полном смысле слова антиправительственная книжка сразу после выхода в начале 1906 г. подверглась немедленной конфискации. Уже на положении политического эмигранта в Париже Бальмонт выпустил через год сборник призывных и сатирических стихотворений «Песни мстителя» (1907), совершенно нецензурный по русским условиям и запрещенный к обращению на родине. Силы Бальмонта — сатирика и политического певца были невелики, но его проклятия царю и душителям русской революции прозвучали громко и вовремя. В одном из своих «ювеналовых» стихотворений Бальмонт подвинулся до точного исторического прогноза и предсказания, сбывшегося через двенадцать лет:

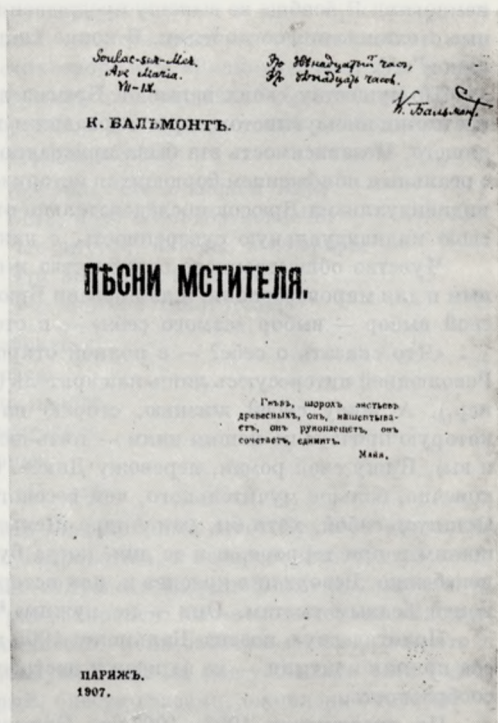
Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходынской,
Тот кончит — встав на эшафот.

(«Наш царь»)

К концу 1905 г. положение Бальмонта в Москве стало особенно опасным. В глазах властей он был связан с крайней революционной партией, ответственной за восстание, хотя практически эти связи сводились к литературному сотрудничеству с «Новой жизнью» и «Знаевской» группой Горького. Имя Бальмонта было внесено в список лиц, которым черносотенцы открыто угрожали физической расправой. Охранка готовила материалы для нового политического «дела», и после подавления в Москве Декабрьского вооруженного восстания арест Бальмонта, как и некоторых других лиц, причастных к антиправительственной пропаганде в печати, мог состояться со дня на день. В январе 1906 г. Бальмонт вместе с семьей срочно эмигрировал за границу, в Париж.

События революции 1905 г. развели Брюсова и Бальмонта дальше, чем когда-либо прежде. «Не скажу, чтобы наша революция не затронула меня, — писал по поводу 1905 г. сам Брюсов. — Конечно, затронула. Но я не мог выносить той обязательности восхищаться ею и негодовать на правительство, с какой обращались ко мне мои сотоварищи (кроме очень

К. Д. БАЛЬМОНТ. ПЕСНИ МСТИТЕЛЯ. ПАРИЖ, 1907

Титульный лист с дарственной надписью: «Soulac-sur-Mer. Ave Maria. VII—IX. Это двенадцатый час, // Это двенадцать часов. К. Бальмонт»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

немногих). Я вообще не выношу предрешенности суждений. И у меня выходили очень серьезные столкновения со многими. В конце концов, я прослыл правым, а у иных и "черносотенником"⁸⁴.

По существу своих взглядов Брюсов в 1905 г. был, конечно, не «черносотенником», а поэтом-индивидуалистом, претендовавшим на полную духовную независимость от происходящего. Независимость эта была призрачной, и смысл ее неизбежно менялся в соответствии с реальным положением борющихся исторических сил. Логику политического и эстетического индивидуализма Брюсов последовательно отстаивал в «Весах», и он готов был пострадать за свою индивидуальную суверенность, с какой бы стороны на нее ни покушались.

Чувство общественного одиночества и сознание жертвенного стоицизма было характерным и для мировоззрения, и для поэзии Брюсова, и он тогда же, в ноябре 1905 г., подтвердил свой выбор — выбор «самого себя» — в столкновении с исторической неизбежностью.

«Что сказать о себе? — с полной откровенностью писал Брюсов А. А. Шестеркиной. — Революцией интересуюсь лишь как зритель (хотя и попал под казачьи пули в Гнездиновском пер.). А живу своей жизнью, сгораю на вечном костре. Печатаю новую книгу стихов, которую прочтут по нашим дням — пять-шесть человек (хотелось бы, чтобы в их числе были и вы). Пишу свой роман, перевожу Данте. От "Весов" и "Скорпиона" уклонился. В жизни, конечно, больше мучительного, чем веселого, но и, конечно, больше радости, чем уныния. Останусь собой, хотя бы, как Андре Шенье, мне суждено было взойти на гильотину. Буду поэтом и при терроре, и в те дни, когда будут разбивать музеи и жечь книги, — это будет неизбежно. Революция красива и, как историческое явление, величественна, но плохо жить в ней бедным поэтам. Они — не нужны»⁸⁵.

Политическую поэзию Бальмонта 1905 г., как и весь новый уклон его творчества, Брюсов принял в штыки — не за идеи и настроения, в них отраженные, а как эстетическую несообразность.

На протяжении 1905—1907 гг. Брюсов посвятил Бальмонту в журнале «Весы» ряд критических статей и рецензий, тон их становился все более жестким. В связи с новыми книгами Бальмонта — «Литургия красоты», «Злые чары» и «Жар-птица» — Брюсов впервые заговорил о «падении» таланта поэта.

«Вышей точкой, которой достиг Бальмонт в своем победном шествии, — утверждал Брюсов, — были "Горящие здания" (1899 г.). Это — вершины, уходящие в ясную лазурь, это — льдистые венцы, горящие золотом на рассвете и пламенем перед закатом. За ними раскинулось высокое и гордое плоскогорье, с широкими кругозорами и свежительным разреженным воздухом, залитое чистым неумолимым светом: книга "Будем как солнце" (1902 г.). Со следующего сборника — "Только любовь" (1903 г.) — начинается уже спуск вниз, становящийся более крутым в "Литургии красоты" (1905 г.) и почти обрывистый в "Злых чарах" (1906 г.). Еще дальше — следовало бесспорное падение, не в каких-либо горные провалы, но на топкую, илистую плоскость "Жар-птицы". На пути только маленькая площадка, поросшая благоухающими горными цветами, "Фейные сказки" (1905 г.), радует, успокаивает и обнадеживает» (VI, 265—266).

Положение эмигранта осложнило и затруднило участие Бальмонта в литературной жизни на родине. Новые репрессии, которые правительство обрушило на печать, державшую поддерживать «свободу слова», поставили перед опальным поэтом вопрос — «не печатать ли свои, все возникающие книги в Париже, ввиду упорной склонности нашего «конституционного» правительства опечатывать типографии?» (п. 115). Этот план, однако, почти лишил бы Бальмонта литературного заработка. И он сохранил, насколько это было возможно, свои связи с «Весами» и «Скорпионом», а также с редакцией журнала Н. П. Рябушинского «Золотое руно».

19 марта н. с. 1906 г. после долгого молчания Бальмонт послал Брюсову из Парижа вместо письма короткое стихотворение, которое заканчивалось призывом:

Где же ты? Душа измучилась,
Враждовать она соскучилась,
Нет цветов во мгле вражды.
Отзовись в минуту трудную,
Сказку вспомни изумрудную
Нашей, двойственной Звезды.

Воспринимавший все разногласия в чисто литературном плане и пренебрегший резко изменившейся общественно-политической ситуацией, наступившей после насильственного подавления революции 1905 г., Брюсов ответил стихотворением «Равному», весь дух и весь тон которого напоминал об отзвучавшем бальмонтовском стихотворении «Соперники» (1902). Готовый к продолжению «турнира», Брюсов намеревался и в переменившихся обстоятельствах сохранить все условия прежней литературной игры.

Нет, не бойся слов враждебных,	Хорошо, что в нашем мире
Вольных вызовов к борьбе,	Есть, кого в борьбу вовлечь,
В гуле выкриков хвалебных,	Что другой, как ты, в порфире,
В царство грез твоих волшебных,	Что нас двое на турнире,
Вдруг домчавшихся к тебе!	Что на меч ответит меч!

Опусти свое забрало,
 Ладь оружие свое:
 Это — боя лишь начало,
 Это только простучало
 Затупленное копьё!

(I, 541—542)

У Бальмонта были веские основания признать стихотворный ответ Брюсова «довольно нелюбезным» и напомнить ему о «бездозвонном пространстве», в котором даже самым воинственным соперникам никак не дано встретиться. «Опускать забрало? Мне ли, мне ли! — возражал Бальмонт. — Этого я не умею. Сколько раз собирался, пытался, ничего не выходит. Душно в забрале. Я так люблю вольность и беспечность. Если забочусь о чем — так это о создании новой беззаботности. Однако я весьма тоскую, и был бы рад услышать твой голос, и услышать горячую интонацию человека, который, блестя глазами, оживленно говорит — об Ассирии, так что она есть тут, совсем близко» (п. 117).

В переписке Брюсова и Бальмонта за 1906 г. возникают и прежние литературные темы — Бальмонт, в частности, высоко оценил переведенную Брюсовым книгу «Стихи о современности» из поэзии Верхарна, признав, что в брюсовском воссоздании «получился сильный, красивый, грозный, интересный поэт» (п. 118). Признание характерное и подтверждающее, что мятежные общественные настроения Брюсова той поры были выражены в переводной книге, может быть, даже более откровенно и страстно, чем в собственных оригинальных стихах... А главный смысл диалога поэтов — возрастающее непонимание и вспыхивающая все сильнее с каждым разом литературно-общественная вражда. «Приедешь ли сюда, в вольность оторванности? — спрашивал Бальмонт своего товарища, оставшегося при "Весех". — Или все будешь между изломанных и преломляющихся линий? Душно в России. Низко. Я надолго ушел опять в свои перламутровые раковины» (Там же).

Сочувственно отозвавшись о книжке Бальмонта «Фейные сказки», в которой были собраны беззаботные «детские песенки», Брюсов с полным пренебрежением написал в «Весех» о политических стихотворениях, выпущенных издательством «Знание». Не остановило Брюсова и то обстоятельство, что эта книжка «Стихотворений» в издании «Дешевой библиотеки» для народа была конфискована властями и литературный суд над ней был, по существу, судом над арестованным изданием.

«В какой же несчастный час пришло Бальмонту в голову, что он может быть певцом социальных и политических отношений, "гражданским певцом" современной России! — негодовал Брюсов. — Самый субъективный поэт, какого только знала история поэзии, захотел говорить от лица каких-то собирательных "мы", захотел кого-то судить с высоты каких-то неподвижных принципов! Всех истинно любящих творчество Бальмонта не могло не опечалить его появление на политической арене. И, действительно, неловкий и растерянный, он оказался только жалким на этом несвойственном ему поприще и, чувствуя это, старался скрыть свое смущение громкостью своего крика... Треугольная книжка, изданная товариществом "Знание", производит впечатление тягостное. Поэзии здесь нет и на грош. В лучших местах — умелая риторика, гладкий размер, в худших нет даже этого. Стих не только не обличает знакомого нам виртуоза формы, но большею частью вял и невзвучен; рифмы бледны и веряпливы; образы — банальны»⁸⁶.

С точки зрения эстетической Брюсов имел серьезные основания для критики последних «гражданских» стихов Бальмонта, действительно оставляющих невыгодное для автора впечатление

чатление, будто голос его был сорван от крика или негодования. Особая задача этих стихотворений и чрезвычайные поводы, их вызвавшие, Брюсова не занимали. Блок в этом смысле проявил куда большую чуткость к тому, что связывало поэзию с жизнью. «Новый Бальмонт с его плохо оцененными рабочими песнями и с песнями, посвященными „только Руси“, — отмечал он в статье „О лирике“, — стал писать более медленным и более простым стихом. Все накопленные богатства стиха остались при нем, но вместе с тем критика не почуяла основной перемены, которая сделала Бальмонта по-своему простым (. . .) И все проще становится он, переживая такой острый кризис, который может переживать только душа, неподдельно и вечно юная»⁸⁷.

Публичная полемика Брюсова с Бальмонтом в «Весах» отнюдь не ограничилась вопросами чистой эстетики и чистой поэзии. Не вовремя затеял Брюсов новый «турнир», и его «затушенное копые» протучало совсем не в тот щит и совсем не кстаи. После разгрома московского вооруженного восстания, поголопленного в крови его участников, и после волны репрессий, обрушенных на оппозиционную печать, критика поэта, вынужденного покинуть страну по политическим мотивам, была не только недружественной по отношению к Бальмонту лично, но и достаточно бестактной с общественной точки зрения.

На этот раз Бальмонт имел все основания не только обидеться, но и вознегодовать. Он послал Брюсову открытку с изображением «Слепых» Брейгеля, на которой было написано его стихотворение «Один слепец ведет другого...». В эмигрантском журнале «Красное знамя» Бальмонт посвятил это стихотворение Брюсову в качестве ответа на его выступление в «Весах». Письма Бальмонта и Брюсова друг другу в декабре 1906 г. подняли стену непонимания еще выше.

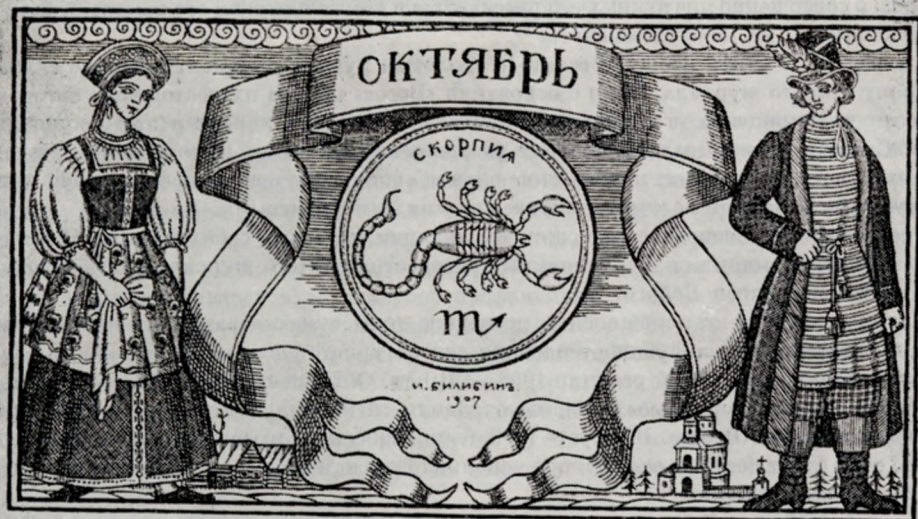
Со слов общих знакомых, вернувшихся из Парижа, Брюсов подтвердил в письме к З. Н. Гиппиус, что «Бальмонт прямо озлоблен и против „Весов“, и против меня. Верю, потому что прислал он мне такое бранное письмо, каких я в жизнь не получал. Он пишет между прочим: „Если ты забыл, что имя К. Бальмонта — священное имя в литературе, то я беру на себя малый труд напомнить тебе это. Моя новая книга („Жар-Птица“) — есть событие в литературе. До сих пор не существовало славянского поэтического самосознания. С появлением моей книги оно возникло. Если ты не окончательно еще утратил способность понимать поэзию, ты поймешь это“ и т. д. Разумеется, я отвечал ему „в тон“. Думаю, что этот ответ, а также статья о пользе брома в № 12 „Весов“ совсем отклонит Бальмонта от „Скорпиона“. Я не жалую, ибо в литературе перепеваими и пересказами самого себя он стал нестерпим»⁸⁸.

В начале 1907 г. постановлением Комитета по делам печати была конфискована и сожжена книга Бальмонта «Злые чары», изданная редакцией журнала «Золотое руно». Автор был обвинен в богохульстве за стихотворения «Будь проклят бог!» и «Пир у Сатаны». Брюсов, со своей стороны, доказывал в «Весах», что «основной недостаток „Злых чар“ — отсутствие свежести вдохновения. Бальмонт повторяет сам себя, свои образы, свои размеры, свои приемы, свои мысли». Удачными в новой книге он признал лишь несколько стихотворений — «Талисманы», «Смена чар», «Северное взморье», «Мировое древо», «Тесный гроб», «Отсветы», «Заря-заряница», которые, по его мнению, доказывали, что «певучая сила» Бальмонта еще не иссякла в нем окончательно. Свой отзыв Брюсов закончил примирительными словами: «Мы, по-видимому, переживаем не закат его дарования, а только ущерб. И книга, в которой есть прекрасные страницы, западающие в душу, должна быть признана желанной книгой»⁸⁹.

Письма Брюсова и Бальмонта за 1907 г. полны взаимных упреков и тщетного стремления переубедить друг друга. Бальмонт доказывал Брюсову, что тот «гибнет» для поэзии, подчинившись сухому «педагогическому рационализму» (п. 126). Брюсов же считал, что истинное взаимопонимание возможно лишь на основе нового опыта и тех внутренних перемен, которые произошли в жизни и поэзии каждого.

После многих лет дружбы Брюсов первым перенес свои разногласия с Бальмонтом на страницы печати, в свои отзывы и критические статьи. Бальмонт начал поступать так же, хотя в качестве критика не мог состязаться с Брюсовым.

В последнем номере «Золотого руна» за 1907 г. Бальмонт напечатал заметку «Наше литературное сегодня», где заявил, что поэтическое творчество находится вообще «вне способности рассуждающей». Критику как таковую с этой точки зрения он считал «нонсенсом» и доказывал, что критик всегда есть или «разбойничая журналист», или «подслеповатый воспитатель». Первое определение относилось к Андрею Белому, второе явно метило в Брюсова. Когда речь идет о творчестве, считал Бальмонт, можно говорить «лишь о своем впечат-

10. ОКТАБРЬ.

Сиять невинный, листопад,
Святой Осени закаты,
Пьяный Свадебник, оброкъ,
Закругляющийся срокъ.

Кто дожидь до Октября,
Поработалъ онъ не зря,
Въ Октябрі, какъ въ Мартѣ, въ насъ
Живо сердце, умъ погасъ.

Въ Октябрі-то, примѣчай,
Хоть и грязь, а словно Май,
Вотъ какъ снатъ будутъ дѣсь,
Путь означится мнѣ весь.

Бѣлка снѣжить шерсть,—чиста,
Скрученъ ленъ,—дождусь холста,
Необлѣжнѣю зной,
Знаю, милый, бузешь мой.

Земляники въ Октябрі
Не ищи ты по зарѣ,
А рябина—есть, горька,
Да сладка въ рукахъ дружкѣ.

Не ищи ты и цвѣтовъ,
По зимамъ, на Покровъ,
Да ужъ есть одинъ цвѣтокъ,
Мнѣ дружокъ сказалъ намекъ.

Посылаетъ онъ, Покровъ,
Дѣвкѣ—снѣзь, землѣ—снѣговъ,
Землю выблѣтитъ онъ тутъ,
Четко, въ церковь поведутъ.

46

РИСУНОК А. Я. БИЛИБИНА К СТИХОТВОРЕНИЮ К. Д. БАЛЬМОНТА «ОКТАБРЬ»
«Золотое руно», 1907, № 11—12

лени, а не вязать и разрешать». В качестве «впечатлений» Бальмонт и предложил свои заметки о русской прозе и поэзии вообще, о творчестве Брюсова в частности: «Я не высокого мнения и о современных русских поэтах,— писал Бальмонт.— Однако я все чего-то от них жду, и, кроме того, уже многие дали что-нибудь, продолжают давать: Брюсов, Сологуб, Вячеслав Иванов, Балтрушайтис, Блок, на минутку Кузмин, на полминутки Городецкий зовут, влекут и притягивают. Брюсов, со своим узкоограниченным, острым талантом, дал с десятков замечательных вещей и много интересных. Его "Крысолов", "Адам и Ева", "Путь в Дамаск", "Крылья, крылья..." сияют неувыдающей красотой. Многие его песни о городе дают ощущение стен, улиц и домов, и выдыханий домов, внешних и внутренних. Но он под таким сильным впечатлением Уолта Уитмена, Верхарна, Верлена, Уэльса, он так весь проникся многораз-

личными веяниями французской литературы и иных литератур, что, когда начинаешь, для самого себя, выяснять, что есть собственно Валерий Брюсов, улавливаешь несомненный Брюсовский тон, но в смысле элементов мало что находишь доподлинно Брюсовского. Я уже не говорю о совершенно ничтожных его рассказах и о компилятивном его романе, где он даже и Мережковского не может достигнуть»⁹⁰.

В нередких стычках между «Весами» и «Золотым руном» Бальмонт все чаще склонялся на сторону второго журнала. Хотя с основания «Весов» он был их постоянным автором, а с Брюсовым и Поляковым его связывали близкие отношения, характер этого журнального органа «Скорпиона» вызывал все большее раздражение и критику с его стороны. Поводов к тому было много. Во-первых, критические оценки своих собственных произведений и книг в этом журнале Бальмонт не считал справедливыми и корректными. Во-вторых, как автор, он терпел от «Весов» нередкие задержки публикации и оплаты своих трудов. Наконец, в-третьих, он не мог мириться с групповыми пристрастиями этого журнала и особенно возмущался статьями Андрея Белого.

Разлад в «Весых», усилившийся в последние годы существования журнала, отражал общий кризис символизма и общие тенденции литературного распада, характерного для эпохи общественно-политической реакции 1908—1910 гг. Объяснения Брюсова, переживавшего изнутри все тяготы журнальных дел, не охладили гнева Бальмонта и его накопившегося раздражения против «Весов». В августе 1909 г. он пообещал Брюсову напасть на них с «дрекольем», если будет досуг, и очень скоро исполнил свое намерение, заявив в печати о полном разрыве с этим журналом⁹¹.

11 декабря 1908 г. Бальмонт послал Брюсову из Франции три стихотворения. Одно из них — «Душа с душой» — очевидным образом адресовано лично Брюсову, хотя имя его при этом не было названо. В нескольких строках стихотворения Бальмонт выразил то, о чем они пытались говорить и никак не могли столковаться в письмах:

Душа с душой — как нож с ножом,
И два колодца — взгляд со взглядом.
Коль скажем: «Любим» — мы солжем,
Коль скажем: «Нет» — жизнь станет адом.
И мы друг друга — стережем
И мы всегда друг с другом — рядом.

Брюсов принял это стихотворение и напечатал его в «Весых» немедленно. Формула отношений на какое-то время была найдена и подтверждена с обеих сторон.

За годы разлуки с Бальмонтом Брюсов стал отчетливее сознавать не только личные свойства характера, но и более глубокие объективные причины творческой драмы поэта, оказавшегося как бы между землей и небом и постепенно терявшего прямые связи с источниками, питавшими его прежде творчество. Новые доказательства этого разлада между реальностями русской исторической жизни и поэзией Бальмонта Брюсов нашел в его книге «Птицы в воздухе» (1908), составленной из стихов, написанных после отъезда. Со всей прямотой и печалью Брюсов написал об этом за границу Н. И. Петровской, которую там ожидала не лучшая судьба.

«По глубокому моему убеждению, — писал Брюсов, — жить русскому человеку, а особенно русскому писателю, возможно только в России. Россия нам нужна как наша стихия: вне ее мы временно дышим даже бодрее, словно в атмосфере, где более кислороду, но потом задыхаемся и жаждем вернуться в родной воздух. Вспомни последние годы Тургенева и его томление вне России. Прочти последнюю книгу Бальмонта (которую я тебе посылаю) и особенно его поэму "В белой стране". Ты увидишь, поймешь, что значит быть без России, без той России, которую все мы клянем и клеймим последними словами»⁹².

Бальмонт, со своей стороны, не менее остро переживал каждый новый акт этой вынужденной и затянувшейся драмы, и осознание внутренних утрат и потерь окрашивает некоторые его лучшие элегические стихотворения той поры.

Аллеи рек. Зеркальности озер.
Хрустальный ключ. Безгласные затоны.
Живая сказка — страшный темный бор.
Его вершин немолкнущие звоны.

Воздушность ив. Цветы родных полей.
Апрельский сон с его улыбкой маю.
Я целый мир прошел в мельканье дней,
Но лучше вас я ничего не знаю.

(«Родное») ⁹³

7

Россия конца 900-х годов, поры глубокого общественного упадка, как бы двоилась в сознании Бальмонта: он тосковал по своей «белой стране» и негодовал на апатию и «безмолвие», наступившие вместе с политической реакцией. «Как там душно у вас, Валерий, — писал он Брюсову из Флоренции в декабре 1908 г. — (. . .) То, что сейчас кругом в Москве и во всей литературной России, ведь хуже гораздо, многократно, даже той нязости, которая была и против которой мы так смело боролись, когда мы оба только начинали наш путь. Я не вижу исхода из этой разлагающейся, но живучей профанации» (п. 135).

Несмотря на всю остроту литературных разногласий с Брюсовым, Бальмонт не давал окончательно распасться духовной связи, установившейся с первых лет знакомства. Обреченный на одиночество за рубежом, он продолжал держаться за эту связь — одну из немногих реальных нитей, соединявших его с современной литературной Россией. В Испании на Балеарских островах он однажды неотступно думал о Брюсове — из отдельных строк, возникших тогда, Бальмонт записал потом по памяти стихотворение «Мы два раба в одной каменоломне...» (п. 141).

Осенью 1909 г. Брюсов отозвался на неоднократные приглашения Бальмонта и во время приезда во Францию встретился с ним в Париже. Бальмонт для встречи приехал специально из Бретани. Виделись они на протяжении двух недель с 7 по 19 октября. Брюсов был вместе с Н. И. Петровской, и это отчасти помешало общению поэтов, которым многое надо было друг другу сказать. О характере этой встречи с Бальмонтом Брюсов тогда же написал И. М. Брюсовой в Москву: «Читал очень много своих стихов — не хуже, не лучше, чем писал прежде, но много лучше, чем стихи печальной памяти "Жар-птицы". Все же я очень рад встрече с Бальмонтом» ⁹⁴.

В Париже 8 октября 1909 г., на другой день после встречи с Бальмонтом, Брюсов написал многозначительное элегическое стихотворение «В моей стране» («В моей стране — покой осенний...»), проясняющее его сложное отношение к настоящему своей родины. Брюсов выразил в нем свое обобщенное представление об историческом моменте, который переживала тогда Россия, свершившая, казалось, главные «свои обеты» и обнаружившая себя совсем недавно «избытком страсти, буйством сил». Будущее своей страны он сопрягал с переменами, неизбежными, как сменяющиеся времена года.

Насыться миром и свободой,
Как раньше делом и борьбой,—
И зимний сон, как всей природой,
Пусть долго властвует тобой!

С лицом и ясным и суровым
Удары снежных вихрей встреть,
Чтоб иль воскреснуть с майским зовом,
Иль в неге сладкой умереть!

(II, 26)

Этим стихотворением Брюсов ответил на безысходные ноты, прозвучавшие в поэме Бальмонта «В белой стране», остановившей его внимание при чтении книги «Птицы в воздухе». А эпиграфом к циклу «Под мертвой луною», который открывался стихотворением «В моей стране», Брюсов взял строку из другого произведения Бальмонта 1905 г. — «Осень» (2. «На кладбище старом пустынном, где я схоронил все надежды...»). Общение с Бальмонтом, как и прежде, высекало новые искры брюсовской поэзии...

В Париже Брюсов написал новое послание «К. Д. Бальмонту» («Как прежде, мы вдвоем, в ночном кафе. За входом...») — очередной портрет в форме сонета, запечатлевший перемены лица и характера друга за время после разлуки. Неизданная редакция этого сонета начиналась строфой:

Разлуки срок свершен; упали с душ оковы.
В прироне, где Париж танцует свой канкан,
Гляжу на облик твой и близкий мне и новый,
Считаю горестно рубцы от свежих ран.

(II, 415)

Послание 1909 г. представляет Бальмонта в облике сурового морехода, бесстрашного Магеллана, устремившегося через океаны к неведомым странам и неоткрытым материкам.

Я разгадать хочу, в лучах какой лазури,
Вдали от наших стран, искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий,

Какие тайны спят во тьме твоих зрачков...
Но чтобы выразить, что в этом лике ново,
Ни ты, ни я, никто еще не знает слова!

(II, 83)

Концовка сонета в неизданной его редакции была более острой и несла другую мысль. Вместо «неразгаданности» нового «лика» Бальмонта Брюсов писал о его скольжении «мимо жизни», о взгляде, устремленном лишь в глубь самого себя.

Я разгадать хочу, тебя какие бури
Качали в дни, когда искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий,
Какие тайны спят во тьме твоих зрачков,
Но прямо мне в глаза глядя неумолимо,
Ты смотришь сквозь меня, но мимо жизни! мимо!

(II, 415)

Сам Бальмонт, видимо, не вполне был удовлетворен парижской встречей с Брюсовым, состоявшейся после трехлетнего перерыва. «Валерий, мы свиделись с тобой, но не увиделись, — писал он позже. — Я думаю, что еще я сколько-нибудь увидал тебя в это свидание, а ты меня — почти нет. Причины? Во-первых, я был в растерянности. Ведь я насильственно вырвал себя из морской своей идиллии, из творческой тишины, для того, чтоб не потерять радость встречи с тобой. Для меня никогда насильственный переход от летней приморской тишины к Городу не проходил безнаказанно. Это был я, и это не был я.

А потом... О, всегдашнее прегияствие всех бесед, всех друзей. Фемина. Женщина. Я очень люблю Нину Ив(ановну). Искренно. Но правда, без нее лучше с тобой видаться, думаю я(...) Но я видел тебя. Видел глаза твои, слышал голос твой, я рад, мне хорошо, я снова верю в тебя невозмутимо и целиком. Ведь и у тебя ничего-ничего нет против меня, правда?» (п. 147).

Личное свидание смягчило прежние разногласия и обиды и на какое-то время опять сблизило старых друзей. Обосновавшись с семьей в Париже, Бальмонт в 1909—1912 гг. очень много путешествовал. Он побывал в Англии, Бельгии, Испании, на Балеарских островах, в Италии, совершил специальную поездку в Египет, необыкновенно его увлекшую. В путешествиях Бальмонт вел жизнь полуфантастическую: он набирал с собой груды книг, и перемещения в пространстве уже переставали восприниматься им, как существенная перемена реальности. Он жил в своем особом воображаемом мире, к которому все окружающее имело лишь косвенное и переменное отношение. Он мог путешествовать по древнему Египту, не выходя из дверей своего дома в парижском квартале Пасси, по одним только книгам и описаниям, причем с тем же энтузиазмом, с каким осматривал пирамиды фараонов или сокровища Среднего царства в самом Каире. Брюсов не зря называл Бальмонта «искателем Атлантиды» — несуществующие материки привлекали его в гораздо большей степени, чем реальные. Но чем дальше забирался Бальмонт в своих странствиях, тем настоятельнее ощущал он потребность получать хоть изредка дружеский отклик из оставленной им Москвы.

Для Брюсова наступившие времена оказались тяжелыми во всех отношениях. В 1909—1912 гг. он пережил одно крушение за другим. Рушились его личные привязанности, гибли созданные его волей и энергией «Весь» и «Скорпион». Острая тоска после отъезда из России Н. И. Петровской погнала и его за границу, где он пробыл более трех месяцев. В письме к Вяч. Иванову от 18 января 1910 г. Брюсов признался, что, вернувшись в Москву, к своим книгам и своим бумагам, он едва ли не насильственно принудил себя жить и работать.

«Этому внутреннему неустройству, — писал Брюсов, — соответствует вполне неустройство внешнее. Я говорю о нашей, русской литературной жизни. Сколько я могу судить, в ней господствует полный распад. Былые союзы и кружки все разложились. Былые руководящие

идеи изжиты, — новых нет. Но в то время, как мы, которые, так сказать, в своей груди выносили идеи недавнего прошлого с правом говорим себе и другим: "мы хотим иного", — кругом толпа новоприбывших незнакомцев, ничего не переживших, ничего не выносивших, пляшет каннибальский танец над прежними нашими идеалами и плюет на них. И это отвратительно (. . .)

Я думаю, что в этой общественной дезорганизации достаточно повинны и мы, т. е. мы с тобой. Ибо больше обвинить некого, за полной духовной безответственностью Блока, за почти преступной зыбкостью Белого и за горестным падением Бальмонта (с которым я провел несколько недель в Париже). Что должно делать мне, я ищу, я стараюсь понять и надеюсь услышать от тебя»⁸⁶.

С 1910 г., после прекращения «Весов», Брюсов начал редактировать литературный отдел «Русской мысли», заключив пакт союз с П. Б. Струве, одним из ведущих политических деятелей русского либерализма, принявшего на вооружение идеологию и философию «веховства». Бальмонт и прежде печатался в «Русской мысли», журнале солидном и респектабельном; все свои связи с этим журналом он теперь осуществлял через Брюсова.

В 1910 г. Бальмонт перепечатал в своем очерковом сборнике «Морское свечение» статью «Наше литературное сегодня», в которой крайне неодобрительно отозвался о романе Брюсова «Огненный ангел». И хотя Бальмонт смягчил оценку по сравнению с журнальной редакцией, Брюсов не оставил без внимания этот укол.

Со своей стороны, Брюсов подготовил в 1911 г. к печати сборник статей «Далекое и близкое», в который включил четыре статьи о Бальмонте, напечатанные в «Мире искусства» и «Весех» на протяжении 1903—1909 гг. В послесловии к этому детальному критическому обзору поэзии Бальмонта Брюсов заметил: «Почти нет сомнения, что облик Бальмонта, как поэта, определился вполне. В ряде собранных здесь статей и библиографических заметок, я пытался охарактеризовать различные грани его поэзии, определить, в чем ее сила и каковы ее главные недостатки. Писатель высококультурный, с большим запасом знаний и впечатлений, с неутомимой жаждой учиться и жить, Бальмонт может еще дать нам не мало книг, — в частности, сборников стихов, — в которых будет много интересного и красивого. Но вряд ли он что-нибудь прибавит к тому вкладу, который сделал он в сокровищницу русской поэзии» (VI, 281).

Брюсов подчеркнул в послесловии мысль, что Бальмонт, конечно, «уже сказал свое последнее слово» (Там же). По отношению к живому и действующему поэту подобное заключение было откровенной резкостью, и Бальмонт не скрыл своей обиды.

Получив в конце 1911 г. от Брюсова сборник «Далекое и близкое», Бальмонт неприятно охарактеризовал эту книгу как преждевременные мемуары, в которой он не нашел для себя «ничего нового» (п. 163).

По инициативе Вяч. Иванова «Неофилологическое общество» при Петербургском университете решило публично отметить в марте 1912 г. 25-летие литературной деятельности Бальмонта. Торжественное заседание в честь поэта, остававшегося в политической эмиграции, должно было стать и стало заметным общественным событием литературной жизни Петербурга. На этом заседании Вяч. Иванов прочитал 11 марта 1912 г. доклад «Лиризм Бальмонта». Как представитель юбилейного комитета и фактический организатор чествования, Вяч. Иванов пригласил и Брюсова включиться в это дело, желая, чтобы «его осуществление было на высоте замысла», и полагая, что отсутствие Брюсова «создаст незаменяемый, всеми остро ощутимый пробел»⁸⁸.

Сославшись на вседневную занятость, Брюсов все-таки уклонился от прямого участия в «празднике Бальмонта» — причины для этого, вероятно, были не только внешние, но и внутренние. «Десятки разнообразнейших дел и работ не позволяют мне выехать из Москвы — это первое, — отвечал на приглашение Брюсов. — Второе то, что простое мое "присутствие" не будет иметь значения. Приготовить какую-нибудь дельную, нужную слушателям речь я не мог. Выступать же с пустыми, приватными словами — я не хочу. В конце концов мне приходится удовлетвориться присланной телеграммой»⁸⁷.

Почти целый год, совпавший с 25-летием его литературной деятельности, сам Бальмонт провел в кругосветном путешествии, отплыв 1 февраля 1912 г. из Лондона на корабле «Athenic» через Канарские острова на юг Африки и далее на Тасманию, Австралию, Новую Зеландию, Полинезию, Цейлон, Индию. Изредка присылал он Брюсову письма и открытки из самых отдаленных и экзотических мест своего нескончаемого маршрута.

Знакомый укор Брюсову прозвучал в стихотворном послании «Ему» (1912), хотя реальный адресат этого стихотворения при публикации в «Северных записках» (1913. № 1) был оставлен безымянным:

Тебя любил, тебя люблю я,	Для ока сердца четко зримо
Мой брат давнишний,	Все то, что тайна.
Мой враг с личиной поцелуя	Иди. Вражда проходит мимо.
И с ложью лишней.	Вражда случайна.

В связи с переизданием конфискованного сборника Бальмонта «Злые чары» в составе Полного собрания сочинений (М.: Скорпион, 1911. Т. 6), против него в России было возбуждено судебное дело. Возмущенный Бальмонт рвался приехать на суд, хотя, как свидетельствует Е. А. Бальмонт, он был предупрежден, что «его могут арестовать в Москве или на границе, и совсем не за явно запрещенную книгу "Злые чары", а за "Песни мстителя", книгу, взвоз которой в Россию карался каторгой»⁸⁸.

Весной 1913 г., не считаясь с возможными репрессиями, Бальмонт вернулся в Россию; тут он попал под амнистию по случаю 300-летия дома Романовых, и судебное преследование против него было прекращено. В начале мая в Москве Бальмонту была устроена торжественная встреча и шумные литературные чествования. Брюсов на этот раз принял в них деятельное участие. Однако, как уже бывало, оказавшись рядом, друзья снова ожесточились друг против друга.

Летом 1913 г. Бальмонт напечатал две резкие статьи против Брюсова — «Восковые фигурки» (в связи с выходом второй книги его рассказов и драматических сцен «Ночи и дни») и «Забывший себя» (по поводу начатого издательством «Сирин» Полного собрания сочинений и переводов Брюсова и его «Библиографии», выпущенной издательством «Скорпион»). Характер предпринятого Брюсовым издания побудил Бальмонта к ожесточенной личной атаке: «Валерий Брюсов полагает, что он академик и что он уже помер. Он издает поэтому академическое посмертное собрание своих сочинений с примечаниями, вариантами, точными датами и трогательно-подробным сборником библиографических указаний, что, где, когда напечатано, где какой стишок впервые увидел свет, где какая заметка в три строки с половиной обогатила русскую литературу. Помечены даже шаржи, карикатуры на Брюсова, помещенные в том или ином юмористическом листке. Это, как если бы в фамильную горку, рядом с хрустальями и разными раритетами помещены не только ордена тшеславного деятеля, дослужившегося до чина действительного статского советника, но и стоптанные его башмачки той эпохи, когда этот заслуженный человек еще бегал в коротких штанишках, и эпох дальнейших.

Брюсов глубоко заблуждается. Он еще не помер, хотя его способ прощаться с живыми свидетелями своих истинных переживаний — с лирическими стихами юных его дней, — его способ, переиздавая их, забывать их в гроб и добивать их вариантами и примечаниями может заставить опасаться, — хочу думать, опасаться напрасно, — что Валерий Брюсов, как лирический поэт, близок к смерти.

На самом деле Валерий Брюсов есть поэт лирический. И сколько бы он ни писал критических статей и заметок, где он, вместо выяснения литературного лика тех, о ком он говорит, лишь произвольно подгоняет литературные факты под свою собственную мерку, так что эта критика не столько есть критика, сколько памфлет, — и несмотря на то, что он упорствует на сочинении длинных-предлинных исторических романов, — он есть лирик, и лишь как таковой имеет право на серьезное внимание.

В лирике он является не памфлетистом и не стилизатором, т. е. компилятором-имитатором, а создал нечто свое, определенное, интересное, иногда сильное. Те стихотворения его, в которых он живописует изгибы настроений, душевную разорванность, вечерние состояния души одинокой или ночные настроения души, глядящей прямо в очи разврату, полны своеобразной прелести, и в этом Брюсов силен. Не стихом как стихом он силен, ибо стих его вялый, слишком часто бесцветный и всегда лишенный музыкальности. Он силен в подобных стихах прямою своей, правдой разоблачения, безбоязненностью сочетаний и своеобразием в подборе подробностей.

(. . .) Брюсову всего сорок лет — это точка зенита. Это та творческая пора, когда в нас находятся в гармонической равноценности волевая сила чувства и охлаждающая сила разума. В этом ли возрасте не развернуться, на целый еще ряд творческих лет, всей зидитель-

ности того, кто хочет творить. И приличествует ли, в каком бы то ни было возрасте, быть искомизмом поэтических дневников своей юности и делопроизводителем собственной своей славы»⁸⁹.

Бальмонт использовал нападение на Брюсова, чтобы подтвердить и развить свой давний тезис об «одномоментности» лирического стихотворения, исключаяющей всякую авторскую правку с целью улучшения текста. Любой оттенок мысли поэта, считал Бальмонт, может быть выражен только отдельным и самостоятельным стихотворением. Брюсов придерживался совершенно иной точки зрения на этот счет и тогда же ответил Бальмонту статьей «Право на работу».

«И вовсе не для защиты своих стихов, — писал Брюсов, — но ради интересов всей русской поэзии и ради молодых поэтов, которые могут поверить Бальмонту на слово, я считаю своим долгом против его категорического утверждения столь же категорически протестовать. Бальмонт предлагает всем поэтам быть импровизаторами; пример Гете и Пушкина, напротив, показывает нам, что великие поэты не стыдились *работать* над своими стихами, иногда возвращаясь к написанному через много лет и вновь совершенствуя его (. . .) Если сам Бальмонт к такой работе не способен, об этом можно лишь жалеть; вспоминая, как часто даже лучшие его создания бывают испорчены неряшливыми, несовершенными стихами» (VI, 407).

Брюсов и Бальмонт опять отделились друг от друга, на этот раз надолго.

В годы первой мировой войны Брюсов привлек Бальмонта как переводчика для антологии «Поэзия Армении», где он хотел соединить все близкие себе имена современных русских поэтов.

В революционных событиях 1917 г., на исторических поворотах от Февраля к Октябрю Брюсов нашел в себе мужество остаться поэтом, человеком и гражданином, который «мыслит, идет вперед, иное из своего прошлого осуждает» (II, 446). Сложная общественно-политическая эволюция Брюсова завершилась признанием идей ленинизма и многосторонним сотрудничеством с Советской властью.

Другим был итог Бальмонта. При всей ненависти к царизму и полицейским порядкам старой самодержавной России, отличавшей умонастроения Бальмонта в предоктябрьскую эпоху, поэт остался чужд политическим переменам. Октябрьскую социалистическую революцию он не понял и не принял. В 1920 г., получив разрешение Советского правительства, Бальмонт выехал за границу и не вернулся. Дальнейшая его судьба сложилась тяжело: последние двадцать с лишним лет жизни он провел в эмиграции, скитался, нуждался, горько переживал свой отрыв от России.

Последнее среди известных нам писем Брюсова к Бальмонту датировано 24 января 1918 г. Написано оно в первую послереволюционную зиму, когда Москва застывала от холода, голода и разрухи. Литературная, поэтическая жизнь тем не менее продолжалась, и по городу были даже расклеены афиши о публичных чтениях Бальмонта.

На втором году революции в журнале «Москва» Брюсов и Бальмонт снова и теперь уже в последний раз обратились со стихами друг к другу. Первым выступил Брюсов, напечатанный рядом два стихотворения: «К. Д. Бальмонту 1919 года» и «К себе 1919 года». Эта параллель сама по себе многозначительна. Стихотворение к Бальмонту выдержано в духе знаменитого брюсовского послания 1902 г. («Вечно вольный, вечно юный...»). Но если прежде послание молодых лет звучало в повелительной форме и в будущем времени, то обращение 1919 г. заключено в форму прошедшего времени:

Ты нашел свой путь к лазури,
Небом радостно вздохнул, —
Ведал громы, видел бури,
В вихрях вьющихся тонул;

Славой солнца опьянялся,
Лунной магией дышал,
Всех пленял и всем пленялся,
С мировой душой дрожал;

И дождем с высот небесных,
Долгой молнией горев,
В строфах жгучих и чудесных
Ты спадал на новый сев!

Брюсов дорисовал портрет Бальмонта-поэта, не предполагая возможности новых изменений хорошо знакомого лица. Это похвала прошлому, итог былому. Значение поэзии

МОГИЛА К. Д. БАЛЬМОНТА И Е. К. ЦВЕТКОВСКОЙ-БАЛЬМОНТ

Фотография. Нуази Де Гранд, 1960-е годы

Собрание Н. К. Бруни, Москва

Бальмонта для будущего Брюсов сознавал теперь только в посеве, в «возрожденьи вешних трав», которые зеленеют от семян прошедшего лета.

Пусть погасло пламя в небе,
Под землей огонь твой жив...¹⁰⁰

Свой собственный поэтический путь рядом с Бальмонтом Брюсов оценил в 1919 г. более строго, с достоинством, но без преувеличений.

Опять — не мало перекрестков, И перепутий, и путей...	А сколько сверстников оставил В стенах, в лесах, в теснинах скал,
Идя, я хоронил подростков, В могилу провожал детей;	И смельчаков погибших славил, И новых спутников искал! ¹⁰¹

В обращении Брюсова к себе после революции звучат и ноты усталости, и сознание близкого конца, и мужественный отказ от соблазна ускорить «последний срок».

Ответ Бальмонта Валерию Брюсову также заключает в себе некоторую итоговую оценку пройденного и пережитого. В свое послание Бальмонт ввел формулы десятилетней давности из брюсовского стихотворения 1909 г. «Соблазнителью» (II, 19): «И стало в мире нас лишь двое: Твой пленник — я, и ты — мой бог!». Теперь в ответе Бальмонта те же самые

местоимения — «я» и «ты» — поменялись местами, и в этих переменах, в отношениях подвижной связи между ними осмыслено их общее прошлое.

В те дни, когда мы были двое,	Все мироздание живое
Лишь ты и я, лишь я и ты,	Вело нас в тайну бытия,
Светило небо голубое	И было в мире только двое:
Первопричастьем красоты.	Лишь я и ты, лишь ты и я.

В пережитом для Бальмонта открылись «две силы», постоянно боровшиеся между собой, — сила дружеского согласия, гармонического единения двух душ и враждебная им сила окружающего множества — «разрывный хохот», «зверинный крик», призраки победы и символы поражения, которые остаются где-то в «изжитой были». Две души, воплощенные в первом и втором лице, проходят через испытания, чтобы через временное, низменное, изжитое вернуться к высшему и вечному.

Две силы бьются в равном бое,
Орел летит, язвит змея,
И падаем мы в вечность двое:
Лишь я и ты, лишь ты и я¹⁰².

Реальная история дружбы-вражды Брюсова и Бальмонта осмыслена и «преображена» в последнем бальмонттовском послании по всем канонам символической поэзии начала XX в.

Над «загадкой» Бальмонта Брюсов размышлял до последних лет своей жизни. После 1921 г. он несколько раз принимался за статью «Что же такое Бальмонт?», в которой собирався выяснить для себя тайну его бывшего влияния. «Сейчас для меня стихи Бальмонта «остывшая зола» Тютчева, — писал Брюсов, — и почти не верится, что некогда они горели, и светились, и жглись» (VI, 483).

Чтобы вполне удостовериться в сказанном, надо было бы заново прожить целую жизнь.

В настоящую переписку включены 144 письма; из них 26 писем Брюсова и 118 писем Бальмонта.

В архиве Брюсова сохранилось 125 писем, открыток и записок Бальмонта 1894—1916 гг. К некоторым письмам приложены списки стихотворений, есть несколько писем в стихах. Фонд бальмонттовских писем в архиве Брюсова разделен на две части: 73 единицы хранятся в ЦГАЛИ (Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6), 52 единицы в Отделе рукописей ГБЛ им. В. И. Ленина (Ф. 386. Карт. 76. Ед. хр. 1—2—3).

Многие письма Бальмонта были присланы Брюсову из-за рубежа, из Англии, Франции, Швейцарии, Мексики и других стран — эти письма имеют соответственно двойную дату — по новому и по старому стилю. Все письма, написанные в России, датируются по старому стилю.

Как уже говорилось выше, беловые тексты писем Брюсова к Бальмонту не сохранились, они пропали вместе с другими документами архива Бальмонта за рубежом (см. наст. ст., прим. 3). В архиве Брюсова остались черновики его писем к Бальмонту — основная их часть на отдельных листах (наиболее законченные по тексту); некоторые письма были вписаны Брюсовым в его дневники 1890-х годов. И наконец, особая трудночитаемая часть эпистолярных черновиков и набросков осталась в рабочих тетрадах Брюсова, потребовавших специальной расшифровки. Эти эпистолярные наброски брюсовских писем к Бальмонту (общее их число 26) публикуются и рассматриваются в работе С. И. Гиндина «Письма из рабочих тетрадей Брюсова», также представленной в настоящем томе (см. наст. ст., прим. 4). Их номера включены в общий хронологический ряд переписки Брюсова и Бальмонта. Лишь некоторые из писем, представленные и в отдельных листах, и в рабочих тетрадах, имеющие соответственно две и более черновые редакции, публикуются и в основном корпусе переписки, и в специальном исследовании С. И. Гиндина. Каждый из таких случаев оговорен в примечаниях к соответствующему письму.

В черновиках брюсовских писем к Бальмонту, сохранившихся в ГБЛ, адресат иногда не указан; поэтому, кроме основной стопки черновиков, явно обращенных к Бальмонту (Ф. 386, 69. 26), несколько писем без личного обращения и адреса оказались по ошибке среди

писем Брюсова к Курсинскому и Самыгину (письма от 12 января 1896 г., 17 мая и 11 августа 1897 г.).

Личные и творческие взаимоотношения Брюсова и Бальмонта давно привлекали к себе внимание исследователей (см.: *Анчугова Т. В.* Брюсов-критик: Статьи В. Я. Брюсова о К. Бальмонте // *Чтения 1971*; *Нинов А.* Так жили поэты... Документальное повествование // Нева. 1978. № 6—7; 1984. № 10; *Он же.* (Брюсов и Бальмонт, 1894—1898 // *Чтения 1980*), и ряд писем из их переписки целиком или в отрывках печатались в разное время в периодике или специальных изданиях.

Из представленной в настоящем томе переписки Брюсова и Бальмонта ранее были опубликованы следующие номера писем: 13, 44 — в кн.: *Дневники*. С. 26—27, 62; 8, 15—16, 18, 26, 30—31 — в кн.: *Чтения 1980*. С. 93—122; 39, 43, 46 — в журн. «Нева» (1978. № 6. С. 99—118); 48—50, 52—54, 56 — в журн. «Нева» (1978. № 7. С. 105—134); 57—66, 68, 71, 75—80, 82—87 — в журн. «Нева» (1984. С. 101—139).

Остальные письма, как и вся переписка Брюсова и Бальмонта в сводном виде и с учетом эпистолярных черновых набросков, с необходимыми исправлениями в текстах и уточнениями датировки, публикуются впервые. Комментарии к письмам № 1—114 подготовлены А. А. Ниновым; к письмам № 115—144 — Р. Л. Щербаковым.

¹ *Далекие и близкие*. С. 107.

² *Автобиография*. С. 111.

³ В 1930 г. Бальмонт заявил в печати о пропавшей значительной части своего архива, сданного в 1924 г. на хранение в парижский склад, который через шесть лет без предварительного уведомления ликвидировал все доверенное ему имущество, распродав невостребованные вещи с молотка (Последние новости. Париж. 1930. 12 дек.). О судьбе архива Бальмонта за границей подробно сообщила дочь поэта Н. К. Бруни в 1970 г. в выступлении по советскому радио. Текст выступления см.: *ГВЛ*. Ф. 374, 14. 46.

⁴ См.: *Тетради*, п. 16, 31, 35, 47, 49, 51, 53, 57, 64, 67, 70, 71, 74—77, 84, 86—88, 90, 97, 100—102.

⁵ *Письма к Перцову*. С. 15.

⁶⁻⁷ *ГВЛ*. Ф. 386, 2. 18. Л. 2, 2об. «Уходящие тени» — первоначальный вариант заглавия сб. «В безбрежности».

⁸ *ГВЛ*. Ф. 386, 3. 2. Л. 2, 2об.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ *Письма к Перцову*. С. 9.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Там же. С. 20.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Цит. по ст.: *Паниян Ю. М.* Ранние критические статьи В. Брюсова // *Чтения 1963*. С. 275.

¹⁵ *Письма к Перцову*. С. 35.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Дневники*. С. 34—35. Запись от 9 апреля 1898 г. О смене «ролей» в поэзии Брюсова см.: *Трифонов Н. А.* От искусства эстетической игры к поэзии социальной действительности. (Заметки о творческом пути Валерия Брюсова) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, № 6. С. 495—505.

¹⁸ Впервые опубликованное в Собр. соч. стихотворение оставлено в примечаниях без каких-либо разъяснений (см. III, 595); между тем без указания на объект подражания — «Подводные растения» Бальмонта — пародийный смысл брюсовского стихотворения для современного читателя теряется.

¹⁹ *ГВЛ*. Ф. 386, 3. 2. Л. 3об., 4. Текст статьи на этом обрывается. Продолжение ее в тетради отсутствует.

²⁰ *Письма к Перцову*. С. 35—36.

²¹ Там же. С. 58.

²² Там же. С. 59—60.

²³ Там же. С. 62.

²⁴ Там же. С. 65.

²⁵ *Дневники*. С. 23.

²⁶ Там же. С. 23—24.

²⁷ *ЛН*. Т. 85. С. 742—743.

²⁸ *Дневники*. С. 23.

²⁹ См.: *Дронов В. С.* К творческой истории «Me eum esse» // *Чтения 1971*. С. 58—95.

³⁰ См.: *Максимов Д.* Брюсов. Поэзия и позиция // *Максимов Д. Е.* Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 20—33; *Он же.* Поэтическое творчество Валерия Брюсова // *Стихотворения и поэмы*. С. 12—13.

³¹ *Дронов В. С.* Указ. соч. С. 63.

³² *Письма к Перцову*. С. 60. Курсив мой.— А. Н.

³³ *Дневники*. С. 23.

- ³⁴ Чтения 1971. С. 82.
- ³⁵ Наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 31.
- ³⁶ ЛН. Т. 85. С. 743.
- ³⁷ Тяпков С. Н. В. Брюсов-пародист // Чтения 1983. С. 204.
- ³⁸ Чтения 1983. С. 203.
- ³⁹ ЛН. Т. 85. С. 745.
- ⁴⁰ Дневники. С. 28—29.
- ⁴¹ Подробнее о пребывании Бальмонта в Оксфорде в 1897 и 1902 гг. см.: Нинов А. Так жили поэты... Документальное повествование. Ч. 2 // Нева. 1984. № 10. С. 76—139.
- ⁴² Дневники. С. 29—30. Соответствующий третьему стиху Бальмонта стих Брюсова — «Здесь по стволам свиваются удавы» из стихотворения 1894 г. «Предчувствие» («Моя любовь — палящий полдень Явы...»).
- ⁴³ Дневники. С. 30.
- ⁴⁴ Там же. С. 31.
- ⁴⁵ Там же. С. 33.
- ⁴⁶ Там же. С. 48.
- ⁴⁷ Там же. С. 50.
- ⁴⁸ Бальмонт Е. А. Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте // ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 63—64.
- ⁴⁹ Дневники. С. 51.
- ⁵⁰ Там же. С. 53.
- ⁵¹ Стихотворение Бальмонта «Последний луч» датируется в современных изданиях приблизительно — 1899 г., по времени первой публикации в «Книге раздумий» (цензурное разрешение — 26 марта 1899 г.) См.: Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969. С. 184 (прим. В. Н. Орлова). Есть основание считать, что стихотворение было написано между 6 и 10 декабря 1898 г., в дни пребывания Брюсова в Петербурге. «Последний луч» является ответом на «рондо» Брюсова «Я не боюсь ни Ночи, ни Зимы...», датированное 6 декабря 1898 г.; Брюсов, в свою очередь, почти сразу ответил на стихотворение Бальмонта своим «квази-рондо» «Ни красок, ни лучей, ни аромата...» 10 декабря 1898 г.
- ⁵² Дневники. С. 53.
- ⁵³ Там же. С. 74.
- ⁵⁴ Бальмонт К. Морское свечение. СПб., М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1910. С. 197.
- ⁵⁵ См.: наст. кн. Переписка с Коневским, п. 50.
- ⁵⁶ См.: Дневники. С. 81.
- ⁵⁷ См.: Нева. 1978. № 6. С. 124; ЛН. Т. 85. С. 624—625; наст. кн., Переписка с Коневским, п. 41.
- ⁵⁸ Публикацию текстов и комментарий к этим пародиям см.: Тяпков С. Н. В. Брюсов-пародист // Чтения 1983. С. 194—205.
- ⁵⁹ Горький М. Литературные заметки: Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова // Нижегородский листок. 1900. № 313. 14 ноября.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 1. 1868—1907. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 285.
- ⁶³ Дневники. С. 99.
- ⁶⁴ Цит. по: Стихотворения и поэмы. С. 743 (прим. М. И. Дикман).
- ⁶⁵ Горький А. М. Письма к Е. П. Пешковой, 1895—1906 // Архив А. М. Горького. М., 1955. Т. V. С. 78.
- ⁶⁶ Дневники. С. 102.
- ⁶⁷ Письмо заведующего Особым отделом департамента полиции Л. Ратаева, отправленное 25 апреля / 8 мая 1902 г. в Берлин. См.: Нинов А. Так жили поэты... Документальное повествование // Нева. 1978. № 7. С. 133—134.
- ⁶⁸ О черновых редакциях стихотворения см.: Стихотворения и поэмы. С. 751 (прим. М. И. Дикман).
- ⁶⁹ Дневники. С. 130. «Chat noir» — литературное кафе в Москве.
- ⁷⁰ ЛН. Т. 85. С. 360.
- ⁷¹ Там же. С. 438.
- ⁷² Там же. С. 370.
- ⁷³ Анненский И. Бальмонт-лирик // Анненский И. Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 103.
- ⁷⁴ Там же. С. 115.
- ⁷⁵ См.: Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы». (К истории издания) // ЛН. Т. 85. С. 261.
- ⁷⁶ Дневники. С. 136.
- ⁷⁷ Цит. по: Стихотворения и поэмы. С. 743 (прим. М. И. Дикман).
- ⁷⁸ ЛН. Т. 85. С. 485.
- ⁷⁹ Бальмонт Е. А. Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте. Л. 95.
- ⁸⁰ Там же. Л. 96; см. также: Сузарев Г. М. Горький и Бальмонт // Историко-литературный сборник. Уч. зап. Иван. гос. пед. ин-та им. Д. А. Фурманова. Иваново, 1970. Т. 73. С. 79.
- ⁸¹ Архив А. М. Горького. Т. V. С. 166.

МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Владимирская Духовная Консистория сиям свидетельствует, что въ метрической книгѣ хранящейся въ архивѣ оной *Шриленка уезда, Мшвела Исакшанскаго уезденскаго, воеводского, по сему есть таковыи свидѣній, съдѣланъ 1867 г. 20 авг. 12 в. Константѣи* въ предѣлахъ уезденскаго, сего рода, живущаго, рожденнаго *третьего ноября* чинитесь: *Полеминъ, Руберинъ, Секре, Маръ, Мирава, Песеринъ, Дементъ, Константинъ, Владимръ, Александръ и Александра* сына *Михаила* и сего жена *Анна* вдова *Михаила* сына *Алексея* воеводскаго, ассигновка *Винисъ* и *Александръ* мѣсяца *Равъ* и *Фавраръ*, *Александръ* воеводскаго, *Александръ* воеводскаго, *Константъ* мѣсяца *Александръ* воеводскаго.

Въ удостовѣреніе чего и дано сіе свидѣтельство изъ Владимирской Духовной Консисторіи, на основаніи 1047 ст. IX т. Св. Зак. (Изд. 1876 г.), въдѣлѣе заключенія оной, на надлежащемъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати. Причитающіеся гербовый сборъ уплаченъ.

Губ. г. Владимиръ, *Винисъ* 4-го дня 1896 года.

Членъ Консисторіи, *Мирисъ* *Винисъ*

Секретарь *Александръ*

Всѣмъ по начальнику *Александръ*

⁸² *Крупская И. К.* Воспоминания о Ленине // На баррикадах: Воспоминания участников революции 1905—1907 гг. в Петербурге. Л., 1984. С. 335.

⁸³ *Горький М.* По поводу // Новая жизнь. 1905. № 14. 16 ноября.

⁸⁴ *Дневники*. С. 136—137.

⁸⁵ ЛН. Т. 85. С. 654. Подробнее о взглядах и поэзии Брюсова в эти годы см.: *Ямпольский И.* Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX — начала XX в. Л., 1986. С. 323—344; *Литвин Э. С.* Революция 1905 г. и творчество Брюсова // Революция 1905 г. и русская литература. М.; Л.: Наука, 1956. С. 198—245.

⁸⁶ Веси. 1906. № 9. С. 53.

⁸⁷ *Блок А.* Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 138.

⁸⁸ ЛН. Т. 85. С. 688.

⁸⁹ *Брюсов В.* Новые сборники стихов // Веси. 1907. № 1. С. 71.

⁹⁰ *Бальмонт К.* Наше литературное сегодня // ЗР. 1907. № 11—12. С. 62.

⁹¹ См.: *Бальмонт К.* Письмо в редакцию // Речь. 1909. № 179.

⁹² ЛН. Т. 85. С. 796.

⁹³ *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 355 (кн. «Птицы в воздухе», 1908).

⁹⁴ ЛН. Т. 85. С. 525.

⁹⁵ Там же. С. 524—525.

⁹⁶ Там же. С. 535.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ *Бальмонт Е. А.* Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте. Л. 98.

⁹⁹ *Бальмонт К.* Забывший себя // Утро России. 1913. № 179. 3 авг.

¹⁰⁰ Москва. 1919. № 3. С. 2.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Москва. 1919. № 4. С. 2.

МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ К. Д. БАЛЬМОНТА

Центральный архив литературы и искусства СССР,
Москва

1. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Москва.) 24 ноября 1894 г., четв(ерг)

Приходите завтра ко мне в 1/2 4-го. Мы отправимся к моим знакомым ¹.

К. Б а л ь м о н т

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 3.

¹ 1 декабря 1894 г. Брюсов записал в дневнике: «Через Бальмонта познакомился с некими Андреевыми. Вообще видаюсь с Бальмонтом очень часто. Был у него в пятницу, субботу и воскресенье, он у меня сегодня». Из дальнейших подневных записей следует, что Брюсов познакомился с семьей будущей жены Бальмонта — Екаторины Алексеевны Андреевой не в пятницу, как предполагал Бальмонт, а в субботу, 26 ноября: «25 п(ятница). Вечер(ом) у Бальмонта. 26 с(уббота.) Вечер(ом) у Бальмонта и Андр(еевых) 27 в(оскресенье) веч(ером) у Бальмонта» (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/1. Л. 44об.).

2. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Декабрь 1894 г.)

См.: *Тетради*, п. 16.

3. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. 19—21 августа 1895 г.)

Там же, п. 31.

4. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. 28 сентября 1895 г.)

Там же, п. 35.

5. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Москва.) 6 ноября (1895 г.)

Дорогой В(алерий) Я(ковлевич), не можете ли придти ко мне в 8 ч. в(ечера) в среду и попросить Фриче* также придти в среду, а не завтра¹. Экстренное обстоятельство лишает меня возможности быть завтра дома. Хочется стихов, стихов и ничего кроме стихов.

Ваш К. Д.

P. S. Пожалуйста, простите за надувательство (относительно вторника). Никак не могу. Тучи и буря².

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 2.

Год определяется по содержанию. Время дружбы Брюсова с Фриче — 1894—1897 гг. В ноябре 1896 г. Бальмонта не было в России, а позже встречи с Фриче прекращаются. Следовательно, возможен лишь 1894 или 1895 г. Судя по контексту, письмо написано в понедельник (Бальмонт просит зайти «в среду, а не завтра»). 6 ноября приходилось на понедельник в 1895 г. Эта датировка согласуется и с дневниковой записью Брюсова от 11 ноября 1895 г.: «В среду был у Бальмонта. Ночь оргии — и вина и стихов. Ушел в 4 часа и с Курсинским пошел к заутрене» (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 22). Имеется в виду среда, 8 ноября. Фриче в записи Брюсова не упомянут.

¹ Владимир Максимович Фриче (1870—1929) — старший товарищ Брюсова по университету, критик-марксист, историк и теоретик литературы, искусствовед, впоследствии академик. Вместе с Бальмонтом и Брюсовым участвовал в работе кружка любителей западной литературы при Московском университете. Ему посвящено стихотворение Брюсова «Ученый» (РС 3; I, 36).

² Возможно, что Бальмонт имеет в виду сложности во взаимоотношениях с первой женой — Л. М. Бальмонт (рожд. Гарелиной), которые в это время были уже близки к разрыву.

6. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Г. Шуя¹, Влад. г., с. д. 41 янв. (1896 г.) Clair-obscur**

Милая Тень, я не простился с Вами. Умчался, как ветер. Бежал. Скрылся. Растаял.

С 1-го января — вне Москвы. Жить в ней более не буду². Существую как философ. Среди звуков, мыслей, красок и снов. Напишите мне, что, как и пр. и пр. Ваше здоровье? Нет ли стихов? Что видели, что слышали?

Передо мной сейчас тучки тают. Молятся. Приезжайте ко мне! Я написал миллион стихотворений. Т. е. хоть не миллион, но все же десять. Жму руку. Всем кланяюсь (более или менее всем).

Ваш К. Б а л ь м о н т

P. S. Вы конечно знаете *потрясающую* новость: Мережковский написал стих. «И вновь»³

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 71.

Год устанавливается на основании ответных писем Брюсова (п. 7 и 8. См. прямую переключку postscriptum^a наст. письма и первой фразы п. 7; см. также п. 5, прим. 5).

¹ Шуя — родной город Бальмонта, в котором его родители имели собственный дом. Отец его, Дмитрий Константинович Бальмонт, служил там председателем земской управы. В 10 верстах от Шуи он имел поместье Гумнищи, в котором родились и выросли семь его сыновей, среди них и будущий поэт. В автобиографии, написанной 17 мая 1903 г. для «Критико-биографического словаря» С. А. Венгерова, Бальмонт, в частности, указал: «Мои родители еще живы. Отец — председатель земской управы в гор. Шуе, Владимирской губ., помещик.

* Если увидите его. Я ему, вероятно, пошлю письмо. Но я забыл, в чьем доме он живет (прим. Бальмонта).

** Светотень (франц.).

Мать очень много делала в своей жизни для распространения культурных идей в глухой провинции и в течение многих лет устраивала в Шуге любительские спектакли и концерты» (*Венгеров. Словарь*. Т. VI. С. 375).

² Последняя перед отъездом Бальмонта встреча с ним зафиксирована в дневнике Брюсова 26 декабря 1895 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 1. 14/1. Л. 30б. Неполный текст записи — *Дневники*. С. 23). О возвращении его в Москву см. п. 8, прим. 3.

³ Речь идет, вероятно, о стихотворении Мережковского «Нирвана» («И вновь, как в первый день создания, // Лазурь небесная чиста...») — *СВ*. 1896. № 1; *Мережковский Д. С. Новые стихотворения, 1891—1895*. СПб.: Изд. М. М. Ледерле, 1896..

7. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. 12) янв(аря 1896 г.)

Привет!

И вновь? Потрясающая новость? — их нет. Есть только смерть и ночь — пожалуй, впрочем, утро, но столь же черное. Мой сосед по койке хрипит и бормочет: «О Господи Иисусе, поскорей бы на Ваганьково». Он всегда так. Он уже всех здесь истерзал. Недавно обращается ко мне: «Вот вы больны, а о боге подумали? Ну, как умрете без покаяния?» Я согласился, что точно, без покаяния умирать никак нельзя. В тот же день торжественно исповедовался и причащался. Правду сказать, я думал напугать моего исповедника, а на деле он меня совсем расстроил. Вчера пришла Маня¹, та самая, которой посвящен «Осенний день»², увидела меня и руками всплеснула: «Что же это с тобой, Валёчек!»

И влажный поцелуй на пламенных устах³. Это из Пушкина. У него есть удивительные стихи:

Опечался. Взор свой нежный
Подыми иль опусти⁴.

О моих стихах? Не пишу. Раз только подражал Вам.

И ночи и дни примелькались,
Как дольные тени волхву.
В безжизненном мире живу,
Живыми лишь думы остались⁵.

Пока прощайте, а, может быть, и не «пока».

Ваш и здесь и там * Валерий Брюсов.

ГБЛ. Ф. 386, 71.41. Л. 1—2.

Ошибочно лежит среди писем Брюсова к Курсинскому. Черновик, без обращения и с ошибочной датой: «14 янв. 1895». Ответ на п. 6. Кроме бесспорной смысловой соотнесенности *postscriptum* а п. 6 с первой фразой данного письма, доказательством того, что письмо адресовано не Курсинскому, служит то обстоятельство, что Брюсов обращается к адресату на «Вы», тогда как с Курсинским в это время они давно уже перешли на «ты». Написано в больнице, где Брюсов лежал с 3 по 12 января 1896 г. с острым приступом ревматизма. В дате — двойная ошибка Брюсова: 1895 вместо 1896 г. и 14 января вместо 12. В январе 1895 г. Брюсов в больнице не был. День выхода из больницы определяется по записи в дневнике от 15 января 1896 г. (курсив в цитатах везде мой. — *А. Н.*): «Перебрался домой. Мне стало хуже. Третий день лежу в постели. Мой доктор запьянствовал и вместо него был у меня Еголин (...) 11-го была у меня Маня (...)

12 п(ятница). Дома. Плохо.

13 с(уббота). Очень плохо.

14 в(оскресенье). Просто плохо.

15 п(онедельник). Лучше. Еголин.»

(*ГБЛ*. Ф. 386, 1. 14/1. Л. 6)

Очевидно, письмо было написано в больнице 12 января утром, а вечером того же дня Брюсов перебрался домой, где пережил новый приступ болезни. Путаница в числе в условиях больницы — не удивительна. Фраза из комментируемого письма: «Вчера пришла Маня» — в сопоставлении с дневниковой записью: «11-го была у меня Маня» — дополнительно подтверждает нашу датировку.

¹ Мария Павловна *Ширяева* — сестра жены А. А. Ланга — Авдотьи Павловны *Лана* (рожд. Ширяевой).

* *Было*: Ваш, как и всегда

² Поэма «Осенний день» («Ты помнишь ли больной, осенний день» — 25 сентября 1894 г.) входила в состав *Chdo 1* с посвящением «Мане». В состав *Chdo 2* не вошла и была перенесена Брюсовым в сб. «Juvenilia» (см. I, 49—53 и 571).

³ Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Выздоровление» («Тебя ль я видел, милый друг...» — 1818): «И вдруг я чувствую твоё дыханье, слезы // И влажный поцелуй на пламенном челе...».

⁴ Цитата из стихотворения Пушкина «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...» — 1828).

⁵ Стихотворение, открывающее цикл «Веянье смерти» в *МЕЕ* (I, 121); Авторская дата: «12 января 1896. Дома» (*ГБЛ. Ф. 386, 14. 5/5. Л. 27*). Очевидно, стихи начали складываться в сознании поэта еще в больнице, но окончательно оформились и были записаны 12 января вечером, после возвращения домой. В примечаниях к этому стихотворению (I, 585) цитируется комментируемое письмо, но там повторена ошибка, допущенная архивистами при раскладке писем Брюсова, и адресатом письма назван Курсинский. Отметим попутно и опечатку в том же примечании: там сказано, что в комментируемом письме приведено 4 строфы стихотворения («И ночи и дни примелькались...», тогда как следует читать: 4 строки (стихотворение состоит всего из трех строф). Говоря о «подражании» Бальмонту, Брюсов прежде всего имеет в виду, очевидно, стихи «Смешались дни и ночи...» из сб. *В безбрежности*.

8. БРЮСОВ -- БАЛЬМОНТУ

(Москва. Между 15 и 28 января 1896 г.)

«Воскресшему» от воскресающего ¹.

Здравствуйте, тысячу раз здравствуйте. — Это из Фета ². Вы в Москве? ³ Говорят, заходили ко мне? Не обижайтесь — приходите еще. Серьезно, безо всяких фраз, умоляю — заходите. Я так давно не видал людей. — Теперь я пишу, пишу, п(отому) ч(то) вернулась фантазия. Знаете, было время, когда я не мог связать двух рифм. Чуть-чуть-чуть Смерть меня не убавкала ⁴ — так шаг за шагом, миг за мигом. Я не мог подымать головы от подушки, а теперь я сижу и, кажется, готов ухватиться за архимедов рычаг. У Вас миллион стихотворений ⁵ — у меня, по обыкновению, больше, — все они настоящие стихотворения, в Вашем стиле ⁶, хотя меня не удовлетворяют. «В будущем я напишу гораздо более значительные вещи» ⁷. Пора, однако, приниматься и за «будущее». Я пишу Историю русской лирики ⁸, которая будет называться «Души» — пишу «Теорию рифмы», написал драму «Красная шапочка», маленькую поэмку и сейчас напишу повесть «Летучая Мышь» ⁹. Не находите ли Вы, что лучше скажете «Видений жаждут очи», чем «Видений и щут очи»? ¹⁰ Мое предыдущее письмо было очень отчаянное — Я очень серьезно размышлял о своих некрологах ¹¹. Поджидаю Вас ежевечерно. Письмо посылаю почти в пространство. Выздоровел и Антон Облеухов ¹².

«На бой» грохочет эхо ¹³.

Мечтающий о Вас Валерий Брюсов

Опять Цветной б(ульвар) ¹⁴

ГВЛ. Ф. 386, 69. 26. Л. 1—2.

Черновик, без обращения и даты. Датируется приблизительно, по времени выхода Брюсова из больницы и улучшения состояния его здоровья после 15 января (см. п. 7, преамбула к комментарию). Вторая дата определяется по записи в дневнике от 28 января: «У меня Бальмонт» (*ГБЛ. Ф. 386, 1.14/1. Л. 60б*; письмо написано до встречи по выходе из больницы). Адресат определяется по упоминанию стихотворения «Воскресший» (*В безбрежности*).

¹ В стихотворении «Воскресший» («Полуизломанный, разбитый...») переосмыслен трагический эпизод из жизни Бальмонта — попытка самоубийства, совершенная 13 марта 1890 г. в Москве. Находясь в тяжелом душевном состоянии, он выбросился из окна третьего этажа, но остался жив. Бальмонт считал впоследствии, что его «воскрешение» после физического увечья оказалось одним из важнейших внутренних импульсов дальнейшего художественного творчества: «Душа моя стала вольной, как ветер в поле, более не был над ней властен, кроме творческой мечты, а творчество расцвело буйным цветом» (*Бальмонт К. Белая невеста // Современные записки. 1921. Кн. 7. С. 119*).

² Очевидно, реминисценция первой строки стихотворения Фета «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!» (1842 — ср.: *Тетради*, п. 14, прим. 5).

³ Вернувшись из Шуи, Бальмонт провел в Москве всю весну 1896 г. и в феврале — мае постоянно встречался с Брюсовым.

⁴ Реминисценция строки из стихотворения Бальмонта «Смерть, убавкай меня...» (*Под северным небом*).

«Вдохрестимую» отъ вдохновенного

Здравствуйте, тилеу разъ здравствуйте —
 это изъ Фрега. А вы в Москвѣ? Говорятъ вы
 приходите къ мнѣ? Не обирайтесь — приходите
 еще. Серверно, беру всякихъ фрегъ, чинило — за-
 ходите. Я такъ давно не видаю людей —
 Денеръ я тилу, тилу, тилу, тилу. Вернулось фран-
 тейзъ знаетъ, было время, когда я не могъ
 думать думать ридно. Чуть-чуть-чуть Сиренъ
 ментъ не ушла — такъ такъ за манго,
 ментъ за манго. Я не могъ поднять голову
 отъ подушки, а теперь я иду и, конечно,
 чуть-чуть хватиться за архидево ридно.
 У насъ миллионъ стихотвореній — у
 ментъ, но обилие, давлене, — въ отъ
 достоянціи стихотвореній, въ Аннеидъ стихъ,
 что ментъ не удовлетворяетъ. Не буду ментъ

ПИСЬМО БРЮСОВА К. Д. БАЛЬМОНТУ

Автограф. Москва, между 15 и 28 января 1896 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

⁵ См. слова Бальмонта из п. 6: «Я написал миллион стихотворений. Т. е. хотя не миллион, но все же десять».

⁶ Ср. в п. 7: «Раз только подражал Вам». В тетрадь «Мои стихи» до 28 января 1896 г. занесено 27 стихотворений, оригинальных и переводных. Из них 10 написаны до 12 января, т. е. до выхода Брюсова из больницы, а 17 — после (см. ГБЛ. Ф. 386, 14. 5/5. Л. 200б. — 36).

⁷ Автоцитата из предисловия к книге *Chdo 1*: «Название ее имеет свою историю, но никогда оно не означало «шедевры моей поэзии», потому что в будущем я напишу гораздо более значительные вещи (в 21 год позволительно давать обещания)» — I, 572.

⁸ Об этой работе см.: *Неосуществленный замысел*.

⁹ К работе «Теория рифмы» в черновых тетрадях Брюсова сохранилось множество набросков, но окончательно оформлена она не была; «Красная шапочка» сохранилась среди неопубликованных драматических произведений (ГБЛ. Ф. 386, 28.8); под названием «Летучая мышь» Брюсов опубликовал в *Chdo 2* стихотворение «Весь город в серебряном блеске...», датированное 27 сентября 1895 г. О повести «Летучая мышь» сведений нет, хотя Брюсов отметил, что реальный повод одноименного стихотворения послужил началом «маленького (и ба-нального) романа...» (*Письма к Перцову*. С. 56).

¹⁰ Третья строка стихотворения Бальмонта (без загл.): «Смешались дни и ночи, // Едва гляжу на свет, // Видений ищу очи, // Родных видений нет...» (*В безбрежности*). Брюсов выделяет пунктирным подчеркиванием фонетический стык слов: и й и. Поправки Брюсова Бальмонт не принял.

¹¹ См. п. 7. 25 декабря 1895 г., в день Рождества, тяжело больной Брюсов с мрачной про-нией писал Перцову о том, чтобы в случае его смерти тот оказал ему последнюю услугу и при-

строил в какой-нибудь газетке некролог о поэте, «обладавшем некоторым талантом, но загубленным символизмом» (*Письма к Перцову*. С. 59).

¹² О психическом расстройстве А. Д. Облеухова см.: *Тетради*, п. 39, прим. 15.

¹³ Последняя строка стихотворения Бальмонта «Звуки прибой»: «Шуми, греми, прибой!» // И стонут всплески смеха. // «Идем, идем на бой!» // «На бой» — грохочет эхо (*В безбрежности*).

¹⁴ Брюсов имеет в виду, что он уже не в больнице, а снова дома, на Цветном бульваре.

9. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Пятигорск.) 4 августа 1896 г.

См.: *Тетради*, п. 47.

10. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Октябрь 1896 г.)

Там же, п. 49.

11. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Начало ноября 1896 г.)

Там же, п. 51.

12. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Не позднее 22 ноября 1896 г.)

Там же, п. 53.

13. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 23 декабря 1896 г.)

О мой друг! о мой брат! — сегодня мне принесли первый экземпляр «Me eum ...»¹ — и я вдруг оглянулся на прошлое. Наши блуждания в Сокольниках! Наши холодные споры! Мое бесстрашие, о мое бесстрашие!² Такой горькой насмешки я не ожидал и от жизни. Четыре месяца вычеркнуты [из моей жизни]. Как эпоха Возрождения примыкает к античному миру, забывая Средние века, так день нашей разлуки был кануном сегодняшнего дня. Их не было, их нет, — этих долгих пятнадцати недель, — их не было!

Бледные тени... Элеонорочка, смеющаяся, вечно счастливая, проклятая мной... Лена, томная, жаждущая, ненавистная иногда... Женя, робкая Женя, любящая, любящая без конца... О бледные тени³.

Текст, с пометой: «Письмо к Бальмонту в Париж» — вписан Брюсовым в дневник (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/2. Л. 8—8об. Опубл. с неточностями и купюрами: *Дневники*. С. 26—27).

¹ «Me eum esse» («Это — я») — вторая книга стихов Брюсова. Датирована на титуле 1897 г.

² Ср. запись в дневнике Брюсова от 29 октября 1896 г.: «Да! Элеонорочка, Евгения... А Бальмонт пишет мне, что я... "ускользнул в келью бесстрастия" — а-а!» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/2. Л. 31). Записи Брюсова о прогулках с Бальмонтом в Сокольники в сентябре 1896 г., перед самым отъездом Бальмонта в Париж, когда Брюсов «проповедовал воздержание от вина, женщин, опьяняющих разговоров», см.: *Тетради*, п. 49, прим. 1. Очевидно, именно под влиянием этих разговоров Бальмонт и писал Брюсову о его «бесстрастии».

³ Э. И. Царевская, Е. Е. Коршунова, Е. И. Павловская. См. о них: *Тетради*, п. 52, прим. 22; п. 60 и прим. 12 к нему; п. 51, прим. 1.

14. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Конец января — начало февраля 1897 г.)

См.: *Тетради*, п. 57.

15. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 16 февраля (18)97 г.

Привет Вам, Константин Дмитриевич!

Вчера, вернувшись домой, нашел я у себя письмо за тремя подписями, из которых мне была знакома только одна — В. Саводник¹. Это — поэтишка,

ДОМ СЕМЬИ БАЛЬМОНТА

Шуя, Малая Соборная улица (ныне Садовая)

Фотография, 1967

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

печатающийся в «Русском обозрении» и в «Вестн(ике) Евр(опы)». Облеухов (Н.)² рассказывал мне, что с ним этот Саводник всегда «ржет по-консервативному», а со мною он всегда был крайним либералом (считая, конечно, меня, как студента, за такового). Письмо почтительнейше приглашало меня на заседание какого-то литературного кружка. Я, понятно, удовольствовался бы пожатием плеч, если бы тема реферата не была обозначена так: «Поэзия К. Д. Бальмонта». Я подумал, что нехорошо оставлять Вас беззащитного на произвол консервативным либералам, надел новый (впрочем, единственный) мундир и пошел в отдаленный Гагаринский переулок. У нас, К. Д., первое веянье весны: воробьи чирикают, городовые без клобуков, дворники * с губительными метлами.

Кучи свезенного снега,
Луки, ручьи и земля;
Дышит весенняя нега
В этом конце февраля³.

Пришел я на собрание в самом светлом настроении, и мне очень горько было, что его так скоро рассеяли — глупыми замечаниями о символизме, легковесными шутками о политике и выпиванием водки перед литерат(урным) вечером. Нелепые висячие часы показывали уже 11, когда все расселись и на месте лектора, за отдельным столиком со свечами и водой, появилась женская фигура. Фамилию этой особы я забыл; она не слишком юна и не слишком красива, хотя и не старше 28 лет; видимо, где-то она встречала Вас, п(отому) ч(то) раз обмолвилась «Конст(антин) Дмитр(евич)», вместо своего обычного Бальмонт. Я ждал озлобленных нападок и уже заранее составил план защиты: я хотел сказать, что «не достаточно бегло прочесть поэта; надо сжиться с ним,

* Далее зачеркнуто: обрызгивают прохожих

полюбить или возненавидеть его», что «лирического поэта надо судить по правилам, им самим поставленным»⁴ и многое другое»^{2*}. Но мои ожидания были обмануты. Тихим голосом и довольно литературным языком неведомая референтка^{3*} прочла Вам восторженный панегирик...

О, Константин Дмитриевич! Настанет день, когда и мы будем только историческими лицами. Тогда придут неведомые и неизвестные, начнут кроить из наших творений глупые статьи, «разбирать» и «изучать» нас, как варварски разбирают и изучают Тютчева, Фета, Пушкина^{4*}, Баратынского. Этот день придет, но я «заживо, как небожитель»⁵, уже видел его. «Океан», «Первая Любовь», «Аргули», «Сибилла»⁶ — все то, что я знал и понимал, вдруг приобрело новое значение и бессмысленный смысл. Из стихотворений надергивались отрывочки, и через это узнавали Ваши убеждения, мысли, надежды.

«Но наш поэт (т. е. Вы) не теряет надежды, что и ему откроется земной Эдем.

Вот уж я с ними... в их тихой обители.

«Где же я медлил?» — шептали уста⁷,

только не хочет он войти в этот Эдем ценою забвения прошлого, не хочет, чтобы то, чему он верил когда-то, послало ему укоры, «что бури громовой слышной», чтобы перед ним встал упрек, «застывший в глубине неподвижных очей»⁸. Наш поэт такому отречению предпочтет небытие. Если нельзя сохранить *все*, он не возьмет ничего.

Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня.⁹

Вот в таком роде были рассуждения неведомой референтки. При этом она указывала, что Вы удивительно легко владеете анапестом, «этим, как известно, труднейшим размером», и роняете рифмы даже в середине стиха, чего, «как известно, еще не делал никто». Затем сообщалось, что на Вас имели влияние два поэта, Шелли¹⁰ и Бодлер¹¹, а что Ваши занятия Эдгаром По были «чисто внешние»¹². Разъяснялось нам и то обстоятельство, что в противоположность всем поэтам Вы очень мало интересуетесь женщиной и любовью, а если и заговариваете о той или другой, то всегда бываете «чист и целомудрен, как его британский Брат (scil.^{5*} Шелли)»¹³. Одним словом, реферат заставил меня совершенно онеметь.

Начались прения. Я удовольствовался чисто формальными возражениями — сообщил, что Верлен написал не одну книгу¹⁴, как думала референтка (Choix^{6*}), что Малларме не «самый молодой из символистов»¹⁵, что в Ярославском сборнике¹⁶ есть и хорошие стихи («На валу»), что тень (святая тень, которую увидеть...) не была Беатриче¹⁷, что «Прометей» написан спенсеровыми стансами¹⁸, что Змеиный глаз¹⁹ это растение и т. д.

После меня возражали много, спорили еще больше. Сравнивали Вас с Гете, находили, что Вы не похожи на Гете и заключали отсюда, что Ваши стихи никуда не годятся, — и многое другое. Я слушать не захотел и ушел. Вот мой отчет. Поспешил написать его, хотя и не был в эпистолярном настроении. Надеюсь, за любопытное содержание Вы простите мне погрешности стиля. Я выхожу из университета²⁰.

До свидания.

Ваш Валерий Брюсов.

P. S. Страстно жду ответов.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 3—5об.

¹ Владимир Федорович Саводник (1874—1940) — историк русской литературы, учился на одном с Брюсовым курсе историко-филологического факультета Московского университета.

^{2*} Далее зачеркнуто: хотел свести спор на общие вопросы, хотел...

^{3*} Было: miss

^{4*} Было: даже Пушкина

^{5*} то есть (от лат. «scilicet»).

^{6*} Избранное (франц.).

та, начинал как поэт, близкий к группе символистов, в 1898 г. издал в Москве первый сборник стихов. Брюсов встречался с Саводником, бывал у него и принимал его у себя дома. См., напр., запись в дневнике от начала января 1899 г.: «У Саводника видел Д. Викторова и Е. Жураковского. Вяло говорили о философии (...) Пятого января устроил я у себя вечер, где собрались поэты: Бахман, Бунин, Дурнов, Курсинский, Саводник, Ланг» (*Дневники*. С. 59).

² Николай Дмитриевич *Облеухов* — старший брат поэта Антона Облеухова, сотрудник консервативных газет «Московские ведомости» и «Русский листок», редактор организованного им в Москве еженедельного журнала «Знамя». После встречи с братьями Облеуховыми Брюсов отозвался о старшем как человеке «весьма надоедливым» (*Дневники*. С. 32). В июле 1898 г., посетив Облеуховых в Петровском-Разумовском, Брюсов записывает в дневнике: «Слушал злобные рассказы о "Моск(овских) ведомостях...», о взятках, которые будто бы берет Медведский, о глупости Грингмута и т. д. Потом слушал бесконечные повествования о их журнале «Знамя»» (*Дневники*. С. 40). О неудавшейся попытке привлечь Брюсова к сотрудничеству в журнале Облеуховых см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 47, прим. 3.

³ Первая строфа стихотворения Брюсова, написанного 24 февраля 1895 г. (III, 219). При жизни Брюсова не публиковалось.

⁴ Переделение известной мысли Пушкина из письма к А. Бестужеву: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 124).

⁵ Цитата из стихотворения Гютчева «Цицерон».

⁶ Все названные стихотворения вошли в книгу *В безбрежности*.

⁷ Последние строки стихотворения «Ночью мне виделся // Кто-то таинственный...» (*В безбрежности*).

⁸ Неточно процитированная вторая строка стихотворения «Не могу я забыть неотступный укор...» (Там же).

⁹ Последняя строка стихотворения «Не буди воспоминаний. Не волнуй меня...» (Там же).

¹⁰ Перси Биши *Шелли* (1792—1822) — английский поэт-романтик. Бальмонт восхищался Шелли и начиная с 1892 г. переводил его сочинения на русский язык. В переводах Бальмонта были изданы Сочинения Шелли в семи выпусках (изд. М. Стасюлевича. СПб., 1893—1899); затем в издательстве «Знание» в его переводах и с его комментариями вышло Собрание сочинений Шелли в трех томах (СПб., 1903—1907). Поэт был неумолимым пропагандистом Шелли и много писал о нем. Таковы статьи: «Сердце сердца (Перси Биши Шелли)» (*РВ*. 1892. № 293. 23 окт.); «Шелли и Байрон. (Из публичной лекции)» (*РВ*. 1894. № 211. 2 авг.); «Шелли» (*Журнал для всех*. 1901. № 1). 20 апреля 1902 г. в связи с подготовкой Полного собрания сочинений Бальмонт подробно излагал принципы своей работы над переводами из Шелли в письме к директору-распорядителю «Знания» К. П. Пятницкому (см.: Нева. 1984. № 10. С. 78).

¹¹ Шарль *Бодлер* (1821—1867) — один из самых близких Бальмонту, после Шелли, поэтов-предшественников в европейской поэзии. Свое понимание Бодлера Бальмонт воспринял от А. И. Урусова, первого переводчика «Цветов зла» на русский язык. «Урусов заставил меня, — писал Бальмонт, — как он заставил десятки русских людей, ознакомиться подробно с двумя крупными французскими писателями, из которых один является высоко-замечательным. Я говорю о Флобере и Бодлере» (*Горные вершины*. С. 105).

В 1895 г. Бальмонт написал предисловие к стихам Бодлера, изданным отдельной книгой (анонимные переводы П. Ф. Якубовича; см. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 2, прим. 3). Специальная статья о «Цветах зла» включена в сборник статей Бальмонта *Горные вершины*. Раздел «Совесть» в книге *Горящие здания* Бальмонт сопроводил эпитафией из Бодлера: «Я говорю: Слешцы! Что нужно им от неба?». В этом сборнике Бодлеру посвящено одно из самых восторженных стихотворений:

Как страшно-радостный и близкий мне пример,
Ты все мне чудисься, о, царственный Бодлер,
Любовник ужасов, обрывов и химер!

Переводы из Бодлера, выполненные Бальмонтом, см.: *Вестник иностранной литературы*. 1889. № 4; 1899. № 4.

¹² Эдгар *По* (1809—1849) — американский поэт, прозаик, создатель «поэзии ужасов», один из любимейших авторов Бальмонта. «Смотря на лицо Эдгара По и читая его произведения, — писал он, — получаешь представление о громадной умственной силе, о крайней осторожности в выборе художественных эффектов, об уточненной скупости в пользовании словами, указывающей на великую любовь к слову, о ненасытной алчности души, о мудром хладнокровии избранника, держащего на то, перед чем отстают другие, о торжестве законченного художника, о безумной веселости безысходного ужаса, являющегося неизбежностью для такой души, о напряженном и бесконечном отчаянии (...)» Его поэзия, ближе всех других стоящая к нашей сложной и большой душе, есть воплощение царственного Сознания, которое с ужасом глядит на обступившую его со всех сторон неизбежность дикого Хаоса» (*Горные вершины*. С. 50, 53). Бальмонт осуществил перевод основных произведений Эдгара По; им были переведены «Баллады и фантазии» (М.: Изд. книжного магазина Ф. А. Богданова, 1895) и «Таинственные рассказы» (М., 1895), а в 1901—1912 гг. издательство «Скорпион» выпустило в переводах Бальмонта Собрание сочинений Эдгара По в пяти томах.

¹³ Ср. стихотворение Бальмонта «К Шелли» («Мой лучший брат, мой светлый! гений...» — *Тишина*).

¹⁴ См.: *Тетради*, п. 1, прим. 3, 5—7.

¹⁵ Среди основателей французского символизма самым молодым был Артюр Рембо (1854—1891). Стефан Малларме (1842—1898) был на два года старше Верлена.

¹⁶ Первая юношеская книга Бальмонта — «Сборник стихотворений» (Ярославль: Типолит. Г. Фалька, 1890). Книга была издана на средства автора, скупавшего затем тираж, чтобы его уничтожить. Бальмонт вспоминал впоследствии: «Начало литературной деятельности было сопряжено со множеством мучений и неудач. В течение четырех или пяти лет ни один журнал не хотел меня печатать. Первый сборник моих стихов не имел, конечно, никакого успеха. Первый мой переводной труд (книга норвежского писателя Йегера о Генрике Ибсене) была сожжена цензурой. Близкие люди своим отношением отрицательным значительно усилили тяжесть первых неудач» (*Бальмонт К. Автобиография* (1903) // *Венгров. Словарь*. Т. 6. С. 376). О запрещении книги Йегера см.: *Добровольский Л. М.* Запрещенная книга в России, 1825—1904. М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1962. Дело о запрещении — *ЦГИАЛ*. Ф. 776. Оп. 20. Д. 1267.

¹⁷ Имеется в виду стихотворение Бальмонта «Данте» («Пророк, с душой восторженной поэта...» — *В безбрежности*), где Данте в час молитвы объясняется с божественной Тенью, открывающей ему весь его дальнейший путь несчастий и мучений:

Святая Тень, которую увидеть
Здесь на земле немногим суждено,
Тем избранным с ней говорить дано,
Что могут бескорыстно ненавидеть
И быть всегда — с Любовью заодно.

¹⁸ Речь идет о стихотворении Бальмонта «Последняя мысль Прометея» («Вдали от блеска дня, вдали от шума...» — *В безбрежности*); стихотворение написано г. н. «спенсеровой строфой» («стансами») — особая стихотворная форма, введенная по образцу французских баллад английским поэтом Эдмундом Спенсером (1552—1599). Строфа содержит в себе девять строк, из которых первые восемь написаны пятистопным ямбом, а последняя, девятая — шестистопным. Рифмовка по формуле — *ававсвсс*. Такая строфика была применена Спенсером в поэме «Королева фей». Спенсеровой строфой пользовались Шелли, Байрон (например, в поэме «Чайльд-Гарольд»).

¹⁹ Змеинный глаз — название болотного цветка; использовано в стихотворении Бальмонта «Змеинный глаз» («Огней полных караван...» — *В безбрежности*).

²⁰ Это намерение не было осуществлено (см. п. 18, прим. 1).

16. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 22-го марта 1897 г.

Константин Дмитриевич! Не сердитесь, что я не пишу ответа. Мне многое, бесконечно многое хотелось бы сказать Вам; именно потому и не пишу: все, что можно написать, ничтожно. Быть может, после.

Конечно, Ваш Валерий Брюсов

P. S.

Мы звали духа-искусителя,
Но нам и Дьявол не помог¹.

Вы еще не знаете этих стихов Мережковского. Реторика. Фофанов искреннее:

И молча мне больно
И сердце обиды людские шута переносит...
Довольно! довольно!
Душа отстрадала и только забвения просит².

Но это мелко! — «Забвения» — как просто, как детски просто! О, Гамлет, Гамлет, — «простым ударом шила»³ нельзя решать вопросов.

Но все это — после. Знаете, из всех друзей, знакомых, поклонников и любовниц, из числа всех этих ненавидящих, презирающих, смеющихся и любящих, — сохранил я одну Елену⁴, ту, о которой когда-то писал Вам⁵, существо смутное и бессвязное, из всей всемирной поэзии знающее только два стиха —

Ландыши, лютики, ласки любовные,
Ласточки лепет, лобзанье лучей⁶,

которые к тому же постоянно путает. Я живу один, по необходимости выхожу к людям, и говорю только с ней. Это хорошо. Через нее я дохожу до полного

примирения —

Надежды нет и нет раскаянья,
И полны тихого отчаянья
Мы опускаемся на дно ?.

Я читал и читаю «Le trésor des humbles», это книга, которую я осудил бы (и осуждал) год тому назад и которая кажется мне теперь едва не евангелием ⁸.

В. В.

Р. Р. S. Вы говорите «заграницу». Да разве я тысячу тысяч раз не мечтал о ней, о многом подобном, о монастыре. — Невозможно. Хотите знать причину? — О, определенная, ясная, точная. Мне предстоит «отбывать воинскую повинность». Был план ехать в Иерусалим, куда меня могли отпустить, но там чума и выезд паломников воспрещен.

Р.Р.С.С. Я посылаю Вам «Ch(efs) d'O(euvre)». Что касается до «Русс(ких) Симв(олистов)», то у меня они остались в единичн(ом) экз(емпляре.) Да и что можно говорить о этих книжках? Вы хорошо знаете их значение, то есть отсутствие их значения ⁹.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 6—7.

Ответ на несохранившееся письмо Бальмонта из Парижа; другой вариант того же письма см.: *Тетради*, п. 60.

¹ Из стихотворения Д. С. Мережковского «Спокойствие» (см. наст. кн., Переписка с Кур-синским, п. 40, прим. 3).

² Из стихотворения К. М. Фофанова «Так полно, так полно...» (см. там же, прим. 1).

³ Цитата из «Гамлета» Шекспира (там же, прим. 2).

⁴ См.: *Тетради*, п. 60, прим. 12.

⁵ См. п. 13, прим. 3.

⁶ Начальные строки стихотворения Бальмонта «Песня без слов»; (*Под северным небом*).

⁷ Из стихотворения Мережковского «Спокойствие» (см. прим. 1).

⁸ Книга литературно-философских эссе М. Метерлинка «Сокровище смиренных». Брюсов неточно передает свое первое впечатление от этой книги (см. наст. кн., Письма к Самыгину. Вст. ст. Н. А. Трифонова, прим. 18 и там же, п. 4, прим. 4).

В 1896 г. именно Бальмонт обратил внимание Брюсова на трактат Метерлинка, но затем он отнесся к этой книге отрицательно, отметив вторичность многих его идей. «Я прочел «Le Trésor des humbles» с чувством скуки и неприязни, — писал Бальмонт Л. Н. Вилькиной в январе 1901 г. — Эта книга написана человеком бессильным, который никогда не знал, что такое крик страсти, и потому его отречение от страстей флегматично и плоско, как страна, в которой он вырос. Те немногие страницы и строки, которые действительно хороши в книге Метерлинка, представляют из себя выписки, частью заключенные в кавычки, частью не заключенные. Литературные заимствования вполне позволительны, когда они окрашены индивидуальной печатью блестящего языка, как, например, у Д'Аннуцио. Но язык Метерлинка безвкусен, как невинная фруктовая вода. А между тем, те книги, откуда он почерпал свою, полны самой яркой, самой душистой пьяности! Какой же смысл имеет его книга? Он дурно говорит о том, что у других сказано хорошо. Он слишком о многом лепечет понаслышке» (*ЛН*. Т. 85. С. 454—455). Творчеству Метерлинка Бальмонт посвятил отдельную статью «Тайна одиночества и смерти» (Весы. 1905. № 2).

⁹ Сборники «Русские символисты» и «Chefs d'oeuvre» были нужны Бальмонту для подготовки к курсу лекций по истории русской лирики от Пушкина до символистов, который он читал весной 1897 г. в Оксфордском университете.

17. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Начало апреля) 1897 г.

См.: *Тетради*, п. 64.

18. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 25 апр(еля) 18)97 г.

У меня экзамены ¹. Вы улыбаетесь, Константин Дмитриевич? — что до меня, я смеюсь — над собой. Как только отложу в сторону тяжелые и скучные Archives *, — буду писать Вам так давно обещанное письмо ². Сейчас взялся

* архивы (франц.).

за перо случайно: в старой газете нашел неожиданно несколько строк о Вас. Посылаю Вам вырезку³; она, конечно, неинтересна, но ведь если не воспользоваться этой минутой, Вы уже никогда не прочтете этого отзыва одного из Ваших читателей, может быть, никогда и о существовании этой газеты не услышите. Прочтите. До скорого свидания в моем большом письме. Да, чтобы не забыть. У нас на Передвижной выставке⁴ (о, боги, что за ужас!) есть прекрасная картина: это Нестерова «На горах». Высоко, высоко. Где-то там вдали — река; она упирается в эту гору и, видимо, огибая ее, течет у подножья. Стога сена; отсюда они кажутся такими маленькими; чуть заметная лодочка на реке. По тропинке горы тихо идет белица. Взор грустно проникновенный; в руках букет белых цветов. Как высоко! звуки сюда не достигают. Это хорошо. Еще у этого Нестерова «Сергий Радонежский». Он трудится, пилит бревна, носит воду. Осуждают сияние вокруг головы, но, на мой взгляд, в этом сиянии вся прелесть. Последнее «кстати». Из пророка Осии. «Рече господь — аз помилую непомилованную и возлюблю невозлюбленную и реку — людие^{2*} мои есте»⁵. Хорошо?

Ваш Валерий Б(р ю с о в)⁶.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 8—8 об.

¹ Вопреки более раннему намерению (см. п. 15, прим. 20) Брюсов не вышел из Московского университета и весной 1897 г. сдавал экзамены за третий курс.

² Ср. последнюю фразу письма Брюсова (начала апреля 1897 г.) (*Тетради*, п. 64).

³ О какой статье идет здесь речь — установить не удалось.

⁴ См.: *Тетради*, п. 66, прим. 6.

⁵ Библия, Книга пророка Осии, гл. 2, ст. 23. Цитата неточна.

⁶ Под текстом письма — запись И. М. Брюсовой: «Приложено было стихотворение «Встречать зарю преображенья...»».

Приводим текст этого стихотворения (публикуется впервые):

Встречать зарю преображенья	О, этот луч зари над прахом!
И смело, с темного пути,	Он опалил мечты мои
Свои свободные моления	И переполнил душу — страхом,
До трона бога вознести...	Безумным ужасом любви.

Апр. 97

(ГБЛ. Ф. 386, 10.4. Л. 10)

19. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 13 мая (18)97 г.

См.: *Тетради*, п. 67.

20. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 17 мая (18)97.

Небосвод опрокинутый,
Уходящая даль,
Об отчизне покинутой
Замирает печаль

.....
И корабль убегающий
Уронил паруса...¹

Мне как-то вдруг стали понятны эти стихи. Я прочел их давно, месяц назад, — но они тогда были чуждыми. Настроения сменяются так быстро, так быстро. Довольно. Теперь хочется бросить все и бежать. Прочь, дальше. Бездомные...

Об отчизне покинутой
Замирает печаль.

И, быть может, встретиться где-нибудь с Вами. — Это мечта. Встретиться². Найдем ли мы что сказать друг другу?

^{2*} Было: сынове

Colonne de la Bastille

17 мая 97.

Небавда опрокинутый,
Уходясь дал,
Объ отлучит покинутый
Самраст негал

И корабль чубкалоши
Уронил паруса...

Мой какъ то вѣрнѣе сталъ по-
нѣтъ эти стихи. Я прожил уже давно,
мѣсяцъ назадъ, — но отъ тогда былъ
чуждымъ. Настроения айбнотелъ такъ
дистро, такъ дистро. Давалъ. Мелерь

ПИСЬМО БРЮСОВА К. Д. БАЛЬМОНТУ

Автограф. Москва, 17 мая 1898 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

И в розное они теченье
Опять влекомые судьбой,
Сойдутся ближе на мгновенья,
Чем все миры между собой³.

Вы забыли? Это К. Павлова.

О былом, о погибшем, о старом
Мысль немая душе тяжела...⁴

Я бы все написал вам, но воспоминания слишком блестящи, яркие. Этот год я жил для себя, от чего отвлек уже давно. Я «затворил святилище поэзии»⁵,

может быть, я и двух раз не читал своих стихов вслух... Но я слушал признания, говорил о любви, и проклинал и плакал. Я встретил женскую душу... Судьба дважды в жизни не дает таких встреч⁷. Помните, я когда-то был готов молиться? Теперь она плачет, а я смеюсь, смотря на хорошенькие, чужие глазки. «Христос с Тобой, мой Валя! мой неизменно дорогой. Будь счастливым и не вспоминай о твоей умирающей змейке». И, быть может, она умерла; — умерла?⁷

Да! теперь увидеть Вас, потому что в моей душе не осталось ни убеждений, ни надежд. Увидеть Вас — *е роі morire?*⁸ * — Нет! — нет.

Я ведаю, мне будут наслажденья⁸ — Это он, наш неизменный. Ведь он наш? Отрекайтесь, ищите, создавайте кумиров — мы вернемся к нему, к Единому!⁹

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъясними наслажденья,—
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог¹⁰.

А ясность? свет?

В воскресенье бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса...¹¹

Великий! Мы поклоняемся тебе —

В начале жизни школу помню я...¹²

Простите бред. Во вторник я еду, пока в Ахен¹³. (Адрес, вероятно, — Aix-la-Chapelle. Prusse rhénane. Poste-restante VB) — или куда, на Цветной б(ульвар), мне перешлют.

Где вы?¹⁴ — так давно нет от Вас вестей. Письма словно убегают в вечность.

Кончая; страшно перечесть, но мне порукой ваша честь И смело ей себя вверяю¹⁵.

Ваш, всегда Ваш Валерий Брюсов.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 1—2об.

Ошибочно лежит среди писем Брюсова к Самыгину. Черновик, без обращения. Адресат устанавливается по стихам, открывающим письмо (см. прим. 1).

¹ Начальные строки стихотворения Бальмонта «Бездомные» (СВ. 1897. № 4).

² Брюсов и Бальмонт не раз договаривались встретиться где-нибудь за границей, но это намерение осуществилось лишь много позже, в 1909 г.

³ Последнее четверостишие из стихотворения К. Павловой «Две кометы» («Текут в согласии и в мире...» — 1855).

⁴ Начальные строки стихотворения К. Павловой (без загл. — 1854).

⁵ Источника цитаты установить не удалось.

⁶ О Е. И. Павловской см.: *Тетради*, п. 51, прим. 1.

⁷ В начале апреля 1897 г. Е. И. Павловская, которая была больна скоротечной формой чахотки, уехала к родным на Украину. В это время ей оставалось жить немногим более полугода.

⁸ Строка из «Элегии» Пушкина («Безумных лет угасшее веселье...» — 1830).

⁹ Речь здесь идет несомненно о Пушкине.

¹⁰ Гимн Вальсингама («Пир во время чумы» Пушкина).

¹¹ Песня Мери (там же).

¹² Первая строка стихотворения Пушкина (без загл. — 1830).

¹³ В мае — июне 1897 г. состоялась первая заграничная поездка Брюсова. «Поездка моя ограничилась Германией: я побывал в Берлине, в Кельне, в Ахене, в Бонне и еще нескольких прирейнских городах» (Новый мир. 1926. № 12. С. 119).

* и потом умереть? (итал.).

¹⁴ В конце мая 1897 г. Бальмонт оставался еще в Оксфорде.

¹⁵ Сокращенная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (Гл. III, Письмо Татьяны к Онегину).

21. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Июнь 1897 г.)

См.: *Тетради*, п. 70.

22. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Июль 1897 г.)

Там же, п. 71 (и прилож. к нему).

23. БРЮСОВ — К. Д. БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 11 августа 1897

Прочел изложение Ваших лекций в «Северном вестнике» (август) ¹; почти ни с чем не согласен, хотя все очень красиво. Это, конечно, не критика, а поэтические картинки, более или менее полно передающие характер отдельных поэтов ². Мне теперь чужды некоторые из Ваших приемов.

«Поэзия Жуковского напоминает лунный свет, заемный, но своеобразный, мертвый, но красивый...» ³

Красиво, но мертво. То же скажу и о ночном пожаре Лермонтова ⁴, и о маленьких рыбках Майкова ⁵.

Полежаев, на мой взгляд, никак не байронист и очень далек от Лермонтова.

Не расцвел и отцвел

В утре пасмурных дней...⁶

Совсем не нравится мне характеристика А. Толстого ⁷. Р. С. Садко, сколько помнится, попадает к морскому царю не во время кораблекрушения. Это очень заметьте, если будете печатать лекции ⁸.

Я бы не пропустил Огарева. Если бы вы вспомнили об нем, Баратынский не остался бы у вас таким лишним и одиноким ⁹. Неужели Вы не оценили Огарева, его стихи, сработанные из стали, а с виду столь небрежные!..

Впрочем, оставим эти «беглые» заметки. Знаете вы новые стихи З. Гиппиус в той же книге «Северного вестника»? Я зачарован мелодией этого стиха.

Спускается на землю бледный мрак,

Сквозь дым небесный виден месяц юный,

И конь все больше замедляет шаг

И возжи тонкие дрожат, как струны...¹⁰

Льдов напечатал книжку стихов ¹¹ («С послесловием цена 1 руб.»); я не читал. Емельянов-Коханский напечатал три книжки; в одной из них ряд довольно хороших стихов, кажется, чужих ¹². Он (Ем. К.) недавно женился.

Вы улыбнулись, и вам обидно. Это невольно вспомнилась и моя женитьба. Я, конечно, в ней не убежден, так же, как и Вы ¹³; впрочем, может быть; во всяком случае то, что Вы сказали, очень хорошо. Только стихи... Нет, кто «рифмочки презирает» ¹⁴, много их не напишет.

ГБЛ. Ф. 386, 102.6.

Ошибочно лежит среди писем к Самыгину. Два других варианта того же письма см.: *Тетради*, п. 73.

¹ См.: *СВ.* 1897. № 8 (без подп.). Рецензент писал о лекциях Бальмонта в Тэйлоровском институте (Оксфорд): «Лекции эти, как сообщает местная пресса, привлекли многочисленную аудиторию, весьма сочувственно отнесшуюся к молодому русскому писателю и к предмету его лекций» (с. 117). По свидетельству жены поэта, Е. А. Бальмонт, текст лекций Бальмонт написал по-русски, а затем перевел их на французский язык. «Он решил читать их по-французски, это ему посоветовали люди, хорошо знающие английские нравы: нельзя читать в Англии

¹⁴ В конце мая 1897 г. Бальмонт оставался еще в Оксфорде.

¹⁵ Сокращенная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (Гл. III, Письмо Татьяны к Онегину).

21. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Июнь 1897 г.)

См.: *Тетради*, п. 70.

22. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Июль 1897 г.)

Там же, п. 71 (и прилож. к нему).

23. БРЮСОВ — К. Д. БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 11 августа 1897

Прочел изложение Ваших лекций в «Северном вестнике» (август) ¹; почти ни с чем не согласен, хотя все очень красиво. Это, конечно, не критика, а поэтические картинки, более или менее полно передающие характер отдельных поэтов ². Мне теперь чужды некоторые из Ваших приемов.

«Поэзия Жуковского напоминает лунный свет, заемный, но своеобразный, мертвый, но красивый...» ³

Красиво, но мертво. То же скажу и о ночном пожаре Лермонтова ⁴, и о маленьких рыбах Майкова ⁵.

Полежаев, на мой взгляд, никак не байронист и очень далек от Лермонтова.

Не расцвел и отцвел
В утре пасмурных дней...⁶

Совсем не нравится мне характеристика А. Толстого ⁷. Р. С. Садко, сколько помнится, попадает к морскому царю не во время кораблекрушения. Это очень заметьте, если будете печатать лекции ⁸.

Я бы не пропустил Огарева. Если бы вы вспомнили об нем, Баратынский не остался бы у вас таким лишним и одиноким ⁹. Неужели Вы не оценили Огарева, его стихи, сработанные из стали, а с виду столь небрежные!..

Впрочем, оставим эти «беглые» заметки. Знаете вы новые стихи З. Гиппиус в той же книге «Северного вестника»? Я зачарован мелодией этого стиха.

Спускается на землю бледный мрак,
Сквозь дым небесный виден месяц юный,
И конь все больше замедляет шаг
И возжи тонкие дрожат, как струны...¹⁰

Льдов напечатал книжку стихов ¹¹ («С послесловием цена 1 руб.»); я не читал. Емельянов-Коханский напечатал три книжки; в одной из них ряд довольно хороших стихов, кажется, чужих ¹². Он (Ем. К.) недавно женился.

Вы улыбнулись, и вам обидно. Это невольно вспомнилась и моя женитьба. Я, конечно, в ней не убежден, так же, как и Вы ¹³; впрочем, может быть; во всяком случае то, что Вы сказали, очень хорошо. Только стихи... Нет, кто «рифмочки презирает» ¹⁴, много их не напишет.

ГБЛ. Ф. 386, 102.6.

Ошибочно лежит среди писем к Самыгину. Два других варианта того же письма см.: *Тетради*, п. 73.

¹ См.: СВ. 1897. № 8 (без подп.). Рецензент писал о лекциях Бальмонта в Тэйлоровском институте (Оксфорд): «Лекции эти, как сообщает местная пресса, привлекли многочисленную аудиторию, весьма сочувственно отнесшуюся к молодому русскому писателю и к предмету его лекций» (с. 117). По свидетельству жены поэта, Е. А. Бальмонт, текст лекций Бальмонт написал по-русски, а затем перевел их на французский язык. «Он решил читать их по-французски, это ему посоветовали люди, хорошо знающие английские нравы: нельзя читать в Англии

¹⁴ В конце мая 1897 г. Бальмонт оставался еще в Оксфорде.

¹⁵ Сокращенная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (Гл. III, Письмо Татьяны к Онегину).

21. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Июнь 1897 г.)

См.: *Тетради*, п. 70.

22. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Июль 1897 г.)

Там же, п. 71 (и прилож. к нему).

23. БРЮСОВ — К. Д. БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 11 августа 1897

Прочел изложение Ваших лекций в «Северном вестнике» (август) ¹; почти ни с чем не согласен, хотя все очень красиво. Это, конечно, не критика, а поэтические картинки, более или менее полно передающие характер отдельных поэтов ². Мне теперь чужды некоторые из Ваших приемов.

«Поэзия Жуковского напоминает лунный свет, заемный, но своеобразный, мертвый, но красивый...» ³

Красиво, но мертво. То же скажу и о ночном пожаре Лермонтова ⁴, и о маленьких рыбках Майкова ⁵.

Полежаев, на мой взгляд, никак не байронист и очень далек от Лермонтова.

Не расцвел и отцвел
В утре пасмурных дней...⁶

Совсем не нравится мне характеристика А. Толстого ⁷. P. S. Садко, сколько помнится, попадает к морскому царю не во время кораблекрушения. Это очень заметьте, если будете печатать лекции ⁸.

Я бы не пропустил Огарева. Если бы вы вспомнили об нем, Баратынский не остался бы у вас таким лишним и одиноким ⁹. Неужели Вы не оценили Огарева, его стихи, сработанные из стали, а с виду столь небрежные!..

Впрочем, оставим эти «беглые» заметки. Знаете вы новые стихи З. Гиппиус в той же книге «Северного вестника»? Я зачарован мелодией этого стиха.

Спускается на землю бледный мрак,
Сквозь дым небесный виден месяц юный,
И конь все больше замедляет шаг
И возжи тонкие дрожат, как струны...¹⁰

Льдов напечатал книжку стихов ¹¹ («С послесловием цена 1 руб.»); я не читал. Емельянов-Коханский напечатал три книжки; в одной из них ряд довольно хороших стихов, кажется, чужих ¹². Он (Ем. К.) недавно женился.

Вы улыбнулись, и вам обидно. Это невольно вспомнилась и моя женитьба. Я, конечно, в ней не убежден, так же, как и Вы ¹³; впрочем, может быть; во всяком случае то, что Вы сказали, очень хорошо. Только стихи... Нет, кто «рифмочки презирает» ¹⁴, много их не напишет.

ГБЛ. Ф. 386, 102.6.

Ошибочно лежит среди писем к Самыгину. Два других варианта того же письма см.: *Тетради*, п. 73.

¹ См.: *СВ.* 1897. № 8 (без подп.). Рецензент писал о лекциях Бальмонта в Тэйлоровском институте (Оксфорд): «Лекции эти, как сообщает местная пресса, привлекли многочисленную аудиторию, весьма сочувственно отнесшуюся к молодому русскому писателю и к предмету его лекций» (с. 117). По свидетельству жены поэта, Е. А. Бальмонт, текст лекций Бальмонт написал по-русски, а затем перевел их на французский язык. «Он решил читать их по-французски, это ему посоветовали люди, хорошо знающие английские нравы: нельзя читать в Англии

по-английский, если не знать английский язык в совершенстве (...) Один наш знакомый, французский писатель Понсервэ, согласился поправить наш перевод. Он вернул нам его с немногими пустякими замечаниями и с кучей комплиментов. Особенно он хвалил стихотворные переводы, которые сделал Бальмонт, стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета и др.» (*Бальмонт Е. А. Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте // ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 37*). См. также: *Тетради*, п. 73А, прим. 1.

² Вводная лекция была построена Бальмонтом в форме общего сопоставления поэзии Пушкина и Лермонтова (он характеризовал их как представителей «художественного натурализма, который ищет содержание вне себя и воспроизводит природу так, как он ее видит») с поэзией Тютчева и Фета, которые создали русскую «психологическую лирику». В отличие от Пушкина и Лермонтова, прошедших, как и Байрон, через горнило роковых страстей и погибших в столкновении с враждебной им «чернью» аристократического общества, Тютчев и Фет, утверждал Бальмонт, «живут как самые скромные, тихие люди, в их жизни нет никакого трагизма, они умирают, как библейские патриархи, "насыщенные днями", — но в их поэзии, лишенной героического характера и берущей сюжетами попросту разные состояния человеческой души, все таинственно, все исполнено стихийной значительности, окрашено художественным мистицизмом. Это поэзия более интимная, ожидающая свое содержание не во внешнем мире, а бездонном колодеде человеческого "я", созерцающего природу не как нечто декоративное, а как живую цельность» (*СВ. 1897. № 8. С. 119*). Кроме этих основных четырех фигур, данных крупным планом, Бальмонт включил во вступительную лекцию краткие характеристики ряда других русских поэтов XIX в. — Жуковского, Баратынского, Полежаева, Кольцова, Никитина, Алексея Толстого, Некрасова, Майкова, Полонского, М. Михайлова, К. Павловой, Надсона, Апухтина, Голенничева-Кутузова. «Почти вся вторая и третья лекции, — говорилось в обзоре, — посвящены г. Бальмонтом разбору особенностей творчества Тютчева и Фета; последняя лекция его представляет попытку охарактеризовать новейшую русскую поэзию в лице некоторых ее представителей, — попытку, страдающую односторонностью и преувеличениями, но не лишенную своеобразности» (Там же. С. 122).

³ Творчество Жуковского Бальмонт осветил сквозь призму его переводческой деятельности, благодаря которой многие замечательные ценности европейской поэзии были освоены русской лирикой как свои собственные. «Его поэзия напоминает лунный свет, — говорил в этой связи Бальмонт, — заемный, но своеобразный, мертвый, но красивый, — лунную атмосферу, исполненную привидений, бледности и неясных умирающих звуков. Главное содержание этой поэзии — невозможность любви, порванной враждебными влияниями, резигнация, стремление от земли к небу, — темы, которым суждено было повториться в наши дни в совершенно иной разработке» (Там же. С. 117).

⁴ О Лермонтове Бальмонт говорил: «В его поэзии мы видим пламя ночного пожара, не долгое, ровное, но исключительно-яркое, мы видим болезненное умирание погребального факела, подавленный трепет могучей личности, не нашедшей себе места в окружающей обстановке» (Там же. С. 118).

⁵ О лирике Аполлона Майкова в лекции сказано: «Его поэзия напоминает невозмутимый пейзаж, тихое журчанье лесного ручья, над которым смелись бессильные ветви ивы, исполненной изнеможения и бросающей кружевную тень на зеркальную поверхность; в неглубоких водах мелькают маленькие рыбки, оживленные солнечным лучом, и прохожий, заметив этот ручей, непременно захочет посидеть на берегу, и скажет: «Здесь хорошо», но, уйдя, забудет о нем, если только он не исключительный любитель природы или не знает этот ручей с детства» (Там же. С. 100).

⁶ Из стихотворения Полежаева «Вечерняя заря» («Я встречаю зарю...» 1826).

⁷ В лекциях А. К. Толстому была дана следующая характеристика: «Соименник великого романиста, граф Алексей Толстой, известен в России как автор исторического романа «Князь Серебряный», снискавшего многочисленных читателей среди народа, и как автор красивых баллад, где воспеваются герои русской народной фантазии: Алеша Попович, соблазняющий женские сердца магической силой музыки гуслир Садко, попавший во время кораблекрушения к морскому царю и рвущийся из подводного царства на землю, любимец народных былин Илья Муромец, бросающий роскошь придворной жизни, чтоб вновь изведать сладость дикой воли и простор «государыни-пустыни». В других стихотворениях Толстой беспредвзяательно изображает природу Малороссии, с ее вишневыми садами и хуторами, с ее вольными степями и свидетелями седой старины, молчаливыми курганами» (Там же. С. 121).

⁸ В былине А. К. Толстого «Садко» буря на море и кораблекрушения происходят уже после того, как Садко попадает в подводное царство.

⁹ Баратынский был представлен Бальмонтом в его лекциях как «поэт рефлексии и северной природы», стоявший «ближе всех из поэтов пушкинской эпохи к современным нервным и печальным поэтам» (Там же. С. 121).

¹⁰ Из стихотворения Э. Н. Гишпиус «Вечер» («Июльская гроза, шумя, прошла...») — *СВ. 1897. № 8*.

¹¹ *Льдов К.* Лирические стихотворения. СПб.: Паровая скоропеч. Я. Либбермана, 1897. В конце 1897 г. Брюсов отозвался о Льдове скептически: «Самыгин писал мне, что в Туле читал лекции Льдов, и что он, Самыгин, познакомившись с ним лично, нашел его очень замечательным. Странно. Льдова я видел однажды в жизни. Он мне очень не понравился. А стихи его — яркий пример фальшивых бриллиантов; при первом взгляде блестят, как драгоценные камни, а на деле хрупки, как стекло» (*Дневники. С. 32*).

¹² О каких трех книгах Емельянова-Коханского идет здесь речь — установить не удалось.

¹³ Свадьба Брюсова и И. М. Рунт состоялась 28 сентября 1897 г.

¹⁴ Кавычки в тексте Брюсова, очевидно, отсылают нас к словам из не дошедшего до нас письма Бальмонта. Ср.: *Тетради*, п. 73 Б, прим. 11.

24. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(28 августа 1897 г.)

Совершаю романтическое путешествие. Еду в глубь Малороссии, в Сорочинцы, близ Миргорода (какие местности!), еду проститься с той, кто умирает ¹. То была лучшая женщина, какую я встречал когда-либо, — единственная... Вернувшись, я женюсь ². [Неделя в вагонах, на почтовых лошадях, на таратайке] И все вперед, immer weiter *. Жизнь [не спрашивая нас насильно] сама подчиняет нас этому закону.

Ваш ВБ.

Текст письма записан Брюсовым в дневнике под датой 28 августа 1897 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/2. Л. 34).

¹ О прощальной поездке Брюсова к умирающей Е. И. Павловской см. подробнее: Там же. Л. 34об.— 36; см. также наст. кн., Письма к Самыгину, п. 6.

² См. п. 23, прим. 13.

25. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Между 20 и 30 января 1898 г.)

См.: *Тетради*, п. 74.

26. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 8 ф(евраля) (18)98 года

Сознаюсь, Константин Дмитриевич, что исполнять поручения хуже, чем я, трудно. Но Вы не падайте духом, если Вам нужно из Москвы еще что-нибудь: все это был первый опыт. Эда (жена моя) искала Лазарильо ¹ и Кальдерона ² по разным магазинам (а мне доктор все не позволяет выходить) ³, и, наконец, у Сувор(ина) ⁴ сказали ей, что Кальдерон скоро к ним придет и что поэтому выписывать его не надо. Со дня на день так тянулось целый месяц, — то говорили «вот в четверг», то «мы уже счет получили» и в конце концов оказалось, что книга есть налицо в ма(газине) «Русс(кой) мысли» (где Вы покупали злополучных философов), да и Лазарильо тоже. Так что теперь обе книги в дороге; сознаю, конечно, что поздно.

Верю, что Вы не покинули ни химер ни чумы. Сам я занят прозой, такой прозаической прозой, которая окончательно приведет Вас в отчаянье ⁵. В «Мире бож(ьем)» есть стихотворение И. Бунина ⁶, — клянусь, — интересное, первое из всех его стихотворений. Там же П. Я. пишет длинные строчки.

Нет, не довольно страдал я во имя свободы и света,
Я не достоин, о братья! святого названья поэта...⁷

В «Сев(ерном) Вестн(ике)» (февраль)

Мне снилось, мы с тобой дремали в саркофаге ⁸.

и

Целовать! Целовать! без конца ⁹.

что напоминает январское

Умереть, умереть, умереть ¹⁰.

* все дальше (нем.).

(P. S. такую же строчку я написал еще в 95 г.)¹¹. — Сам я печально перелистываю белые листки записной книжки. Есть «Кольб(ельная) песня»

.....
 Фея-кудесница
 Песни поет,
 К месяцу — лестница
 Света ведет¹².

И только. О, неужели трудно писать стихами! Боже мой! Вот новый сборник М. Лохвицкой¹³. Согласен, уступаю, — здесь многое недурно, хорошо. Но вот я, который стихов не пишет, предлагаю написать на любую тему стихотворение, ничем не отличное от этих, такое, что Вы его признаете не отличающимся, таким же «недурным, хорошим».

Все это трафарет, новые трафареты поэзии, все те же Боги Олимпа, те же Амуры, Псиши, Иовиши*, но в новой одежде. Нет, не этого нужно, не этого. Лучше не писать. Или уж так необходимо повторять свои заученные молитвы?

Dieu nous bénira
 Nous et nos familles,
 Marie ouira
 Les vœux de ses filles,
 Dieu vous benira^{2*}

О, конечно, надо ждать этой награды!

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 9—10.

29 января 1898 г. Брюсов отметил в дневнике: «Получил письмо от Бальмонта» (*Дневник*. С. 33). Бальмонт в это время находился в Париже, куда он уехал снова после кратковременного пребывания в России (ноябрь — декабрь 1897 г.).

¹ «Ласарильо из Тормеса, его невзгоды и злоключения» — испанский плутовской роман (1554, автор неизвестен).

² После поездки в Испанию (1896) Бальмонт увлекся испанской поэзией и драматургией, изучал испанский язык и принялся за переводы пьес классика испанской драматургии Кальдерона де ла Барка (1600—1681). В ноябре 1898 г. Бальмонт сообщил в письме к Чехову: «Я перевожу и читаю, и перечитываю Кальдерона. Кончил перевод одной его драмы и на днях кончу перевод другой и не знаю, что с ними делать. Никто их, конечно, печатать не станет, да и прочтут не более 200 человек. Впрочем, я не унываю и хочу перевести не менее 15-ти пьес Кальдерона. Какая бы судьба его ни постигла в России, он должен возникнуть в русской литературе. Он несколько не менее интересен, чем Шекспир, только он более национален, менее общедоступен, он философ и мистик, он экзотичен, причудлив и пышен, как все истинно испанское. И герои его в своей судьбе превышают человеческое. Уже это одно делает его пленительным» (*ВЛ*. 1980. № 1. С. 108). В 1898 г. Бальмонт перевел пьесу «Чистилище св. Патрика» (М., 1899). В 1900—1912 гг. в издательствах М. и С. Сабашниковых вышли Сочинения Кальдерона в трех выпусках, в переводах Бальмонта и с его вступительной статьей. См. также его статью «Кальдероновская драма личности» в кн. *Горные вершины*.

* Юпитеры (от лат. Jovis).

^{2*} Бог нас благословит, // Нас и наши семьи, // Мария освятит // Обеты девушек, // Бог нас благословит... (*франц.*).

Д. К. БАЛЬМОНТ. ОТЕЦ ПОЭТА
 Фотография. Владимир, 1890-е годы
 Центральный архив литературы и искусства
 СССР, Москва

³ В январе 1898 г. Брюсов перенес тяжелый плеврит.

⁴ Магазин книжного склада А. С. Суворина в Москве.

⁵ В январе — феврале 1898 г. Брюсов напряженно работал над книгой «Литературные опыты» (см. п. 31, прим. 2).

⁶ Имеется в виду стихотворение Бунина «Когда на темный город сходит...» (Мир божий. 1898. № 2). Об отношениях Бунина и Брюсова см. публикацию их переписки. Вступ. ст. в публ. А. А. Нинова (ЛН. Т. 84. Кн. 1). См. также наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. от 6 окт. 1901 г., прим. 2.

⁷ Неточная цитата из стихотворения П. Ф. Якубовича «Нет, еще мало страдал я во имя свободы и света...» (Мир божий. 1898. № 2).

⁸ Из стихотворения М. Лохвицкой «Бессмертие» (СВ. 1898. № 2).

⁹ Из ее же стихотворения «Песнь любви» (Там же).

¹⁰ Из ее же стихотворения «Я хочу быть любима тобой...» (Там же № 1).

¹¹ Первая строка стихотворения Брюсова «Воспоминания о малютке Корс». Первоначальный его вариант был написан 21 ноября 1894 г. (см. I, 63 и 575).

¹² Вторая строфа «Колыбельной песни» Брюсова («Мы забавляемся...»), датированной 30 января 1898 г. (I, 193).

¹³ Лохвицкая М. Стихотворения. М.: Тип. А. Левенсона, 1898. Т. 2. Оценивая первый том ее стихов (1896), Брюсов отнес ее вместе с рядом других поэтов (Варженевской, Курсинским, Голицыным и др.) к «школе Бальмонта»: «Все они перенимают у Бальмонта и внешность: блистательную отделку стиха, шеголяние рифмами, ритмом, созвучиями, — и самую сущность его поэзии: погоню за оригинальными выражениями во что бы то ни стало, вместе с тем все они, как и Бальмонт, чистые романтики» (Письма к Перцову. С. 78). Бальмонт впоследствии особенно высоко оценил именно второй том ее стихотворений: «Из напечатанных Лохвицкой книг наиболее удачными являются несомненно том 2-й и том 5-й. В них наиболее выдержано общее настроение и больше отдельных стихотворений, доставляющих художественное наслаждение» (Весы. 1904. № 2. С. 59).

27. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

См.: *Тетради*, п. 75.

(Москва.) 15 февраля 1898 г.

28. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

Там же, п. 76.

(Москва. Начало апреля) 1898 г.

29. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Крым. 18—30 апреля 1898 г.)

Здесь, когда Вас нет, когда нет Ваших книг, когда читаешь стихи, вспоминая и слушая их звуки, — здесь вдруг мне возвращается их понимание. Вы знаете, я не раз начинал писать о «современных поэтах» (и м. б. еще напишу)¹; говоря (о) Вас, я Вас не пцадил². Но иногда Ваши стихи мне так близки, как никогда не будут стихи других. Все же Ваша душа ближе мне, чем те. Я ее люблю.

Нам скучны пределы родимых полей,
Изведанных дум и желаний...³

Есть новизна (?) и в мире и в любви, в «тихой нежности». Потом возвращается старое чувство полунегодования (?) к этой жизни, м. б. чувство падшего ангела в человеке, а м. б. бессильное чувство земного существа. (6 нрзб.)
О, Дон Жуан мудрее (?), чем и Вы думаете.

Убит?

In pace requiescat *. Безрассудный!
Забыл, что Дон-Жуан неуязвим⁴.

«И я иду вперед дорогою открытой»⁵. Итти с усмешкой все вперед, всегда вперед, зачем-то вперед. Моисей, разбивающий скрижали⁶, это детская картинка, это пересказ для толпы одной из истин^{2*}. (6 нрзб.)

* Покойся в мире (лат.).

^{2*} Далее зачеркнуто: Сибилла, роняющая свои мистические свитки, которые были написаны⁷

В. Н. БАЛЬМОНТ (ЛЕБЕДЕВА). МАТЬ ПОЭТА

Фотография. 1880-е годы

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 16.

На л. 16об.— текст письма от 30 апреля 1898 г. (п. 30). Перед данным письмом помета Брюсова: «К Б(альмонту) раньше». Оно написано в Крыму, куда Брюсовы приехали не позднее 18 апреля. Это и определяет датировку данной редакции письма. Но до 30 апреля письмо, по-видимому, не было отправлено адресату, так как существует еще одна его редакция, датированная 1 мая 1898 г. (публикуется ниже, в приложении к данному письму; там же — обоснование датировки).

¹ Об этом замысле см. подробнее наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 8, прим. 14 и п. 10 и 11, а также: *Тетради*, п. 52, прим. 9.

² См.: *Тетради*, п. 86, прим. 5.

³ Цитата из поэмы Бальмонта «Мертвые корабли» (*Тишина*).

⁴ Цитата из третьего стихотворения цикла Бальмонта «Дон Жуан (отрывки из ненаписанной поэмы)». Цикл вошел в книгу *Тишина*; впервые опубл.: Книжки Недели, 1898. № 9. Из публикуемого письма следует, что Брюсов знал эти стихи задолго до их появления в печати.

⁵ Автоцитата из стихотворения «Когда былые дни я вижу сквозь туман...» (22 июня 1895 г.; I, 86).

⁶ Стихотворение Брюсова «Моисей» («Я к людям шел назад с таинственных высот...») I, 149) написано в Крыму и датировано 25 апреля 1898 г.

⁷ См. стихотворение Брюсова «Амалтея» («Пустынен берег тусклого Аверна...») — 15 февраля 1898 г.; I, 151—152).

Вариант п. 29
БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Крым. 1 мая 1898 г.)

Как скучны пределы родимых полей,
Изведанных дум и желаний¹

И все проходит, и тихая нежность, и красота в вечно колеблемых волнах, и вера в то, что можно «всегда неизменно» молиться иной неземной красоте². И встречая свои прошлые думы, уже улыбаешься грустно. Итти вперед, неизменно вперед, зачем-то вперед. А есть ли там неизведанные поля, и думы, и желания? Нет ответа! Повинуйся! Моисей, разбивающий скрижали, это детская картинка, это пересказ для толпы одной из непонятных истин³. Для греков то была сибилла, со смехом отбрасывающая свиток, который она писала трепеща и жадно.

А ветер скал лепечет стих над гробом,
Взывает свитки и влечет шурша⁴.

Прощайте*.

P. S. Природу я не полюбил, и нет у меня с ней ничего общего.

Ваш ВБ.

Сегодня мы смотрели медуз. Есть такая скала — они борются между собой, ласкаются. А хорошо прыгать по прибрежным скалам, потому что все-таки есть возможность оступиться и разбиться вдребезги^{2*}.

Я написал очень много неплохих (?) стихов, едва ли не половину — терцинами (?)⁵. Выбираю наиболее сносные⁶.

ВБ.

Есть еще «Моисей», есть (*1 нрзб.*) — право, я могу всю древнюю, средневековую, новую и новейшую историю обращать в сонеты, терцины и канцоны (а знаете Вы, что такое канцоны?).

В.Б р.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 19об.— 19.

Датируется на основании фразы: «Сегодня мы смотрели медуз». Аналогичная дневниковая запись Брюсова сделана 1 мая 1898 г. (*Дневники*. С. 36).

¹ См. п. 29, прим. 3.

² Прозаическое переложение строк 13—14 из стихотворения Брюсова «Как царство белого снега...» — 23 марта 1896 г.; I, 99.

³ См. п. 29, прим. 6.

⁴ Там же, прим. 7.

⁵ Апрелем 1898 г. датируются 6 стихотворений Брюсова из раздела «У моря» (TV; I, 162—165) и «Моисей» (см. прим. 3). Терцинами написана поэма «Аганат» (I, 241—245), над которой Брюсов работал с декабря 1897 г. по октябрь 1898, и стихотворение «Амалтея» (февраль 1898 г. — см. прим. 4). Возможно, что обе эти вещи Брюсов взял с собой на доработку в Крым весной 1898 г. и что Бальмонту они известны пока еще не были.

⁶ Какие именно стихи были отобраны для посылки Бальмонту — неизвестно.

30. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Крым.) 30 апр(еля) (18)98 года

Тоска вернулась. Было безумием ожидать иного. Вы говорили когда-то, что мы слишком заняты собой и своими чувствованиями, а надо работать, как Мережковский¹. Работать, если можешь жить во имя «искусства». Так жил

* Продолжение текста — на л. 19. Перед P. S. — почти дословное повторение рассуждения о сибилле, с приведением тех же стихотворных строк.

^{2*} *Далее зачеркнуто:* Я никогда не хвастаюсь моей храбростью, и хорошо, если сердце немного замирает

Флобер, Гонкур ², когда-то — я. Не теперь. Но не могу жить и для себя. Говоря строго — жить не могу, и уже давно. Если живу, и радуюсь, и — горю бодрые слова — это призрак.

И тень склоняясь и горестно рыдая ³.

Все равно. Да будет.

Ваш В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 160б.

Черновик, без обращения, с пометой Брюсова: «К Б(альмонт)у». Под текстом письма — запись Брюсова, воссоздающая историю его отношений с Е. И. Павловской.

¹ Брюсов с юности относился к Д. С. Мережковскому (1865—1941) как литературному мэтру и одному из провозвестников русского символизма; он зачитывался его поэмой «Вера», а сборник стихотворений Мережковского «Символы» (1892) стал для юного Брюсова настольной книгой. Находясь в последнем классе гимназии, Брюсов писал: «Осенью (1892 г. — А. Н.) я взялся за Мережковского. Все начали читать «Символы». Теперь я — декадент» (*Дневники*. С. 13). С середины 90-х годов Мережковский особенно много работал над переводами из античной и новой европейской поэзии, а также активно выступал как исторический романист и литературный критик. Книги Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) и «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (1897) оказали несомненное воздействие на формирование эстетики раннего русского символизма. Личное знакомство Брюсова с Мережковским состоялось в декабре 1898 г.

² Французские романисты Гюстав Флобер (1821—1880) и Эдмон Гонкур (1822—1896) прославились как подвижники литературного труда и неистовые ревнители совершенства художественной формы.

³ Цитата из стихотворения Бальмонта «Данте» (см. п. 15, прим. 17).

31. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

Москва. 21 июня (18)98 года

Вы получили мои жалобные слова, да? ¹ Я вернулся в Москву, прежде всего к своим тетрадам, к той книжке о поэзии ², которую я написал перед отъездом... Я вернулся и перечел те листки, которые исписывал с гордостью и злорадством... О Боже, как все это оказалось и бледно, и несмело, и совсем не то, что нужно. И еще одно заблужденье, и еще одна недостигнутая цель, — и много их, много в прошлом.

Но оставим это. Давайте читать вместе, как давно, как в прошлом. В Алупке в библиотеке нашлось издание стихов Фета 1850 г. ³, эту книгу я взял и не возвратил. Там много стихов, которых Вы не знаете, там «Соловей и роза» весь, без переделок ⁴. Вы знаете начало? —

Такая дрожащая бездна
В дыхании полдня и ночи,
Что ангелы в страхе закрыли
Крылами звездистые очи...

Начало почти как в переделке, — потом:

СОЛОВЕЙ.

Ты — роза долины, я ночи певец,
И чувство в нас братское то же;
Нам месяц кристальный готовит венец,
А солнце пурпурное ложе.
Росую на песни, на песни росой
Дала отвечать нам природа,
И наши все грезы, все песни, как рой,
Горят у небесного свода.
Там ангел лазурный, востока жилец,
Их огненной метит рукою.
Ты — роза долины, я ночи певец,
Мы вечные братья с тобою *.

На востоке небо чисто,
Как сапфир твоих очей,
В рощах пальмовых тенисто,
Лунный луч дрожит теплей.
На востоке есть у Бога
Заповедные места:
Сердцу снится та дорога,
Полетим вдвоем туда...
Мы, как лотос, богомольно
Заглядимся в ручеек...
Сердцу станет больно, больно —
Полетим же на восток.

* Строки 1, 3—4 и 9—11 отчеркнуты Брюсовым на полях слева.

РОЗА

Где милый, где сердце — там грезы,
 Где вера — там царство весны,
 Где очи — там жаркие слезы,
 Где думы — там чудные сны.
 Во сне мое спящее око
 Небесный измерило круг,
 От запада вплоть до востока,
 Узрело и север и юг...

Ни — дна! только в бездне рождаясь,
 Горят и сверкают ключи,
 И силою вечной вращаясь,
 Дрожат золотые лучи.
 И вся эта сила стремилась
 К одной отдаленной звезде,
 А я все молилась, молилась,
 Чтоб ты мне был верен везде.

И дальше, как теперь — «Зацелую тебя, закачаю...» и —

Я дремлю, но слышит
 Роза соловья.
 Ветерок колыхет

Сонную меня.
 Звук остаются
 Все в моих листах...

А! если б мы прочли это с Вами три года назад!⁵ А теперь эта поэзия выражений уже кажется мне чуждой, далекой. Быть может, и Вам.

И я иду вперед дорогою открытой,
 Вокруг меня темно, а сзади блеск зарниц,
 Но неизменен путь — звезды ее орбитой...⁶

Это из моих «ранних», «ранних» стихотворений. А знаете? — Я, может быть, все же напечатаю свою книжку о поэзии⁷, так, из мести себе.

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 13—14об.

Письмо адресовано Бальмонту, вернувшемуся из-за границы в Россию. Лето и осень 1898 г. он провел в Москве, в Крыму и в Петербурге. Адресат устанавливается по содержанию — ссылкой на предыдущее письмо к Бальмонту и упоминанием совместных чтений из других поэтов, обычным для первых лет знакомства и дружбы Брюсова с Бальмонтом.

¹ См. п. 30.

² В первой половине 1898 г., перед отъездом из Москвы в Крым, Брюсов усиленно работал над рукописью книги, изданной в 1899 г. под названием «О искусстве» (первоначальный вариант заглавия — «Литературные опыты»). Ср. п. 26, прим. 5.

³ Вторая книга поэта — «Стихотворения А. Фета» (М.: Тип. Н. Степанова, 1850).

⁴ Стихотворение «Соловей и роза» в первой, ранней редакции было напечатано в «Московском городском листке» (1847. № 255. 24 нояб.) и с небольшими изменениями включено в сборник стихотворений Фета (изд. 1850). Автор не включал это стихотворение в свои основные собрания, и оно было напечатано снова с переделками и большими сокращениями лишь в третьем выпуске «Вечерних огней» (1888). В предисловии к этому изданию Фет писал о «Соловье и розе»: «Решаемся сохранить его, находя, что ни в одном из наших молодых произведений с такою ясностью не проявляется направление, по которому постоянно порывалась наша муза» (см.: *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 727, прим. Б. Я. Бухштаба).

⁵ В первые годы знакомства (1894—1896) Брюсов и Бальмонт нередко читали друг другу по вечерам свои стихи и стихи других поэтов (см. подробнее вступ. ст. к наст. публ.).

⁶ Последние строки стихотворения Брюсова «Когда были дни я вижу сквозь туман...» (1895), входившего в сборник «Juvenilia» (отдел «Воспоминания»). См. I, 86 и 579.

⁷ См. прим. 2.

32. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 10 июля 1898 г.

См.: *Тетради*, п. 77.

33. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(20-е числа августа 1898 г.)

Там же, п. 84.

34. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Конец августа 1898 г.)

Там же, п. 86.

35. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Конец августа 1898 г.)

Я вернулся в Москву, я опять среди книг. В первый же вечер перечитывал я Ваши книги, о друг мой. Ваши книги как новое и как целое¹. Да, Вы правы — худшая «В безбрежности», это даже не книга, а только сборник. Но и в ней есть «Пустыня», «Океан»² и многое, многое (что — знаете). Мучительны в «Безбрежности» заплаты, наложенные на пустые места в стихах, и целые вещи придуманные. Или что я очень любил прежде стало для меня очень, очень детским. Первая любовь. «Под северным небом» нельзя бы и приближать ко многому уж слишком знакомому в «Безбрежности». Но Ваша истинная книга — «Тишина»³. В ней узнал Вас таким, как знаю, и в ней внятны мне все любви Ваши, все пути мысли. Мы слишком мало читаем стихов, это я Вам писал давно. Еще меньше читаем мы самих себя. Свои стихи я забываю, это не горе для меня, но я забываю Ваши, это дурно. Г(осподин) А. Волынский, хоть Вы и защищали его когда-то, конечно (?), не смыслит в стихах ничего, мне это ясно⁴. Но я понимаю, что можно осмеять и (1 нрзб.) «В безбрежности». Но «Тишина» — это книга, которую надо не разбирать, а читать*. А, какие цельные вещи Вы написали. Какое было бы страшное счастье прочесть неожиданно (?) «Акорды»⁵ или отрывочные строки (неск. нрзб.) Все, что было, все, что будет, знаю, знаю наизусть, И смертный смертному навек чужой⁶.

И будто пропасть света или утесных глыб, открывающаяся за отрывочным словом — дали *воздушных* отдохновений, Сон, как заглавие стихотворения о Боге⁷, и слова, сначала смущавшие меня (а этого не мало), внушают ночную тишину, брызжут светом откровений. — Радуйтесь, о радуйтесь, и Вы ис(полнитесь?) Тишины. А после нее (неск. нрзб.) О тихий Амстердам, [Как под ярмом], И оставляют след окружеству колес, Лишь гении, да демоны, да люди...⁸. Как хорошо, что Вы существуете в мире.

Я вернулся к стихам, к В(ергилию) и Vielé-Griffin⁹ и моему Баратынскому¹⁰ — из гор, из мест, где есть последний умирающий вздох красоты дикой...¹¹

(4 нрзб.) Три дня шли мы по горам, две ночи ночевали в горах. Узкая тропинка по ущелью, между двумя стенами гор, красивейшая в Крыму, мало кому известная. В полдень дикие козы ищут самого уединенного, нетронутого приюта; они уходят на эту тропинку, ложатся на нее и удивленно встают, когда видят нас.

яснее (?) звук

Крик птиц и диких коз¹².

Смущенно (?) касались мы уединенной жизни тех, для кого Ялта далекий и громадный город, знакомый больше по насышке. Охотники припадали на землю при шорохе подходящего оленя, (1 нрзб.) ужин готовился (3 нрзб.) Монахи в пустых (?) монастырях приветливо отвечали на все «можно», а потом холодные и молчаливые ночи на высоте и молчаливые (8 нрзб.). Я не знал, что все это еще можно увидеть в нашем Крыму.

Теперь еще перехожу к математике¹³, которой Вы не знаете и потому не (1 нрзб.) Хорошо и здесь, в мире, ушедшем от мира, в свободно созданном и торжествующем в Пангеометрии, где вычисляются линии и фигуры, которые и не могут существовать. Мне хочется слышать, как ряд «касательных» с тихим визгливым звуком, как нож, когда его точат, прикасаются с разных сторон к параболу, а та ускользает (?) в бесконечность. Я только читаю строки стихов,

* Далее зачеркнуто: Слабости ее в ней — более ранние, подходят к «Безбрежности»

Ваших, других, (1 нрзб.) учусь, п. ч. хотел бы сказать многое и о многом, и нет выражений (?) для всего, и радостней молчать.

Есть великое счастье, познав, угаить ¹⁴

Чем-нибудь да окончится жизнь, если есть в ней смысл.

Тогда я буду радоваться (?) на ясный (?) конец, (2 нрзб.). А если нет смысла, так что и заботиться о ней. Пойдем как туманные тени за шагом шаг. Я очень люблю Вашего скорпиона.

Я окружен огнем кольцеобразным,

Он близится, я к смерти присужден...

Я пламенем стеснен многообразным ¹⁵.

Но это не мой страх, ибо этот огонь я презираю, ибо ему я улыбаюсь и не нужно мне смерти в самом себе. Мои враги глядят со всех сторон.

Есть какая-то глубь в душе, в которую так хорошо глядеть и долго видеть мрак глубины колодца, который (неск. нрзб.) и найти свое лицо. Может быть, это призрак, созданный воображением (?), но ведь и (2 нрзб.) призрак. Сиди же в мире призраков. Сиди же в мире.

Ваш ВВ.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 17—18об.

Черновик письма, без обращения и даты. Адресат устанавливается по содержанию, дата — по времени возвращения Брюсова в Москву после летнего пребывания на даче и по времени выхода сб. *Тишина* (см. прим. 3).

¹ К концу августа 1898 г. Бальмонт выпустил четыре книги стихотворений: «Сборник стихотворений» (Ярославль: Типолит. Г. Фалька, 1890); «Под северным небом» (СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1894); «В безбрежности» (М.: скоропеч. А. Левенсона, 1896); «Тишина» (СПб.: Тип. А. Суворина, 1898).

² Суждение Брюсова о стихотворении «Пустыня» («Я видел норвежские фьорды с их жесткой бездушной красотой...») см. также: наст. кн., Переписка с Курсыным, п. 3; стихотворение «Океан» («Вдали от берегов страны обетованной...»), впервые опубликованное без посвящения (Русское обозрение. 1895. № 5), в книге «В безбрежности» посвящено Брюсову. По выходе этой книги (январь 1896 г.) Брюсов оценил ее как крупное литературное событие и доказательство того, что символизм занимает господствующее положение в русской поэзии. «Раскройте “В безбрежности” Бальмонта, — писал Брюсов Перцову 25 декабря 1895 г., — и Вы найдете этому новое подтверждение. Я уверен, что Вы рано или поздно ознакомитесь с этой книгой (во всяком случае выдающейся), и потому не привожу цитат» (*Письма к Перцову*. С. 59—60).

³ Ср. дневниковую запись Брюсова от 29 августа 1898 г. (вступ. ст. к наст. публ., прим. 46).

⁴ Аким Львович *Вольнский* (Флексер, 1863—1926) — критик, искусствовед, один из руководителей журнала «Северный вестник». В своем письме Брюсов явным образом откликнулся на две статьи А. Вольнского, помещенные в «Сев. вестнике» (1898. № 8—9). В полемической заметке «О символизме и символистах» (отклик на фельетон Н. Минского в газ. «Новости») А. Вольнский дал критический разбор философии Н. Минского, развитой в его книге «При свете совести», и его поэзии (критик назвал его «талантливым литературным горбуном»). А. Вольнский затронул также поэзию Д. Мережковского и Бальмонта, предупредив, что он никогда не был их поклонником: «Читатели и критики, язвительно упрекавшие меня в партийном сочувствии молодым русским писателям, которые сами охотно называют себя символистами, напрасно делали мне эту великую честь: во всем, что я когда-либо писал, не было ничего сочувственного их идеям и тем литературным задачам, которые ставят себе эти писатели. Когда мне приходилось говорить об их произведениях, я всегда выдвигал мое идейное разногласие с ними, хотя и не умалчивал об их дарованиях, о том, что в чисто литературном отношении я отдаю им предпочтение перед старыми шаблонистами и серыми рутинерами современного искусства. В их неясно обозначающихся талантах, шатающихся из стороны в сторону в смутных исканиях новых форм и ощущений, я сочувственно выделял только то, что могло развиваться в художественный идеализм, открыто осуждая и отшвыривая все враждебное идеализму, а следовательно и истинному символизму...» (СВ. 1898. № 8—9. С. 224).

«О Гишпиус, Бальмонте и Сологубе я писал в разное время, когда они были на заре и на вершине своей литературной известности. Я всегда указывал на их талантливость, разъедаемую многочисленными язвами. Певучие бессмыслицы Бальмонта, окутанные дымкой «нежно-золотою», невыносимая вульгарность Сологуба, которая временами застилается густым туманом тоскливых чувств, каким-то неподдельным вдохновенным мрачной фантазии — все эти черты их творчества я неизменно раскрывал в моих периодических рецензентских отчетах» (Там же. С. 224).

В том же номере журнала А. Волынский поместил язвительную рецензию на новую книгу Бальмонта «Тишина». Общие выводы критика были более снисходительны, чем разборы отдельных стихотворений и разделов книги: «(...) г. Бальмонт владеет певучим музыкальным стихом, в котором есть своя красота. Стихом этим он умеет передавать иногда очень тонкие впечатления от природы, с ее далекими воздушными перспективами, и в этом отношении он стоит бесспорно выше некоторых своих товарищей по литературно-поэтическому направлению» (Там же. С. 239).

⁵ По заглавию стихотворения «Аккорды» («Мне снился мучительный Гойя, художник чудовищных грез...») назван один из разделов сб. *Тишина*.

⁶ Приводятся строки из стихотворений, вошедших в сб. *Тишина*: «Проходя по лабиринту...» и «И ты изменила...»

⁷ См. стихотворение «Сон» (сб. *Тишина*).

⁸ Цитируются строки из стихотворений, вошедших затем в следующую книгу Бальмонта — *Горящие здания*: «Воспоминание о вечернем Амстердаме», «Под ярмом», «Лишь гении, да демоны, да люди...». В экземпляре книги «Горящие здания», сохранившемся в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 62), возле первого из этих стихотворений — помета Брюсова: «В своем роде совершенство» (с. 134).

⁹ Перевод Брюсова из «Энеиды» Вергилия, относящийся к лету 1896 г., см.: *ГБЛ*. Ф. 386, л. 5/9. Л. 19—19об.; летом 1898 г. создана новая редакция брюсовского перевода отрывка из поэмы Вьеле-Гриффена «Бал на Северном мосту» (см. наст. кн., Переписка с Коневским, п. 1, прим. 15 и п. 2, прим. 10, а также: *Тетради*, п. 39, прим. 18).

¹⁰ В 1898 г. Брюсов работал над статьей «Мировоззрение Баратынского» (см.: *Тихачева Е. П.* Брюсов о русских поэтах XIX в. Ереван, 1973, с. 46—88).

¹¹ Апрель, май и первую половину июня 1898 г. Брюсов с женой провели в Крыму.

¹² Источника цитаты установить не удалось.

¹³ Брюсов увлекался математикой еще в гимназические годы и намеревался одно время поступить на математический факультет Московского университета.

¹⁴ Строка из стихотворения Брюсова «И покинув людей, я ушел в тишину...» (I, 100).

¹⁵ Совет Бальмонта «Скорпион» впервые опубликован в *КР* и датирован в «Стихотворениях» Бальмонта (Л., 1960) 1899-м годом, но написан, судя по этому письму, до августа 1898 г.

36. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Сентябрь — начало октября 1898 г.)

См.: *Тетради*, п. 87.

37. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Октябрь 1898 г.)

Там же, п. 88.

38. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Октябрь — ноябрь 1898 г.)

Там же, п. 90.

39. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

Москва. 3 ноября (18)98 года

Я был болен (что со мной нередко), потому и не писал Вам; и теперь мыслю не совсем точно. Вы правы, я бы не угадал, что те стихи — Шелли¹. «На обороте» русские стихи, — если не знаете чьи, угадайте². Я получил свою рукопись и отдал ее печатать³. Ведомо ли Вам точно, когда Вы будете в Москве, — мне не хотелось бы разъехаться⁴. Читал и смотрел Шекспира; окончательное мнение — поэт пережитой, устаревший, «исторический»⁵. Так как способен только на легкое, — то перевожу «Фауста»⁶, опять соперничая с Вами⁷.

Ваш Валерий Брюсов
Verte *

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 15—15об.

Черновик письма без обращения. Адресат устанавливается по содержанию. В начале октября 1898 г., после возвращения из Крыма, Бальмонт уехал из Москвы в Петербург. Брюсов был огорчен разлукой с ним (см. вступ. ст. к наст. публ., прим. 49).

¹ См.: *Тетради*, п. 87, прим. 1.

* Перевернуть страницу (лат.)⁸.

² На обороте листа — рукой И. М. Брюсовой, карандашом — две первых строки из стихотворения Фета «Прозвучало над ясной рекою...».

³ Имеется в виду рукопись книги Брюсова «О искусстве», которая с августа 1898 г. находилась в московской цензуре. 26 октября 1898 г. Брюсов отметил в дневнике: «Получил наконец, после двухмесячного ожидания, свою статью из цензуры. Не вычеркнуто ничего. Перечитывал. Написано совсем хорошо, но сжато до последней степени; часто совсем непонятно по краткости. Переделал только некоторые выражения в предисловии, чтобы стать скромнее» (*Дневники*. С. 51—52). 24 ноября 1898 г. книга «О искусстве» была уже напечатана (на титуле помечена 1899 г.). «Внешностью издания я доволен», — писал Брюсов на следующий день (Там же. С. 52). Тогда же он послал свою книгу Бальмонту в Петербург. 5 декабря 1898 г. Брюсов получил от него ответ (см. вступ. ст. к наст. публ., прим. 50).

⁴ Брюсов приехал в Петербург 6 декабря. Целью поездки было более основательное знакомство с петербургскими поэтами и литераторами. До декабря 1898 г. Бальмонт в Москву не приезжал, а 8 декабря Брюсов уже встретился с ним в Петербурге. «Дважды и даже трижды видел Бальмонта. Рассматривали рисунки Гойи и читали Кальдерона. Курсинский, который поехал с нами, посещает редакции и издателей. Еще были в Эрмитаже. Завтра у Бальмонта предполагается собрание поэтов, позванных "на меня"» (*Дневники*. С. 53).

⁵ Мнение Брюсова о Шекспире как поэте «устаревшем» оказалось далеко не «окончательным» для него. Так, в лекции «Театр будущего» (1907) Брюсов называет Шекспира среди драматургов, творения которых «вызывают наш восторг и поклонение» (*ЛН*. Т. 85. С. 180).

⁶ Отрывки переводов Брюсова из «Фауста», относящиеся к 1890-м годам, см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 14.1. Л.27; 14.5/8. Л. 34об. Эти ранние редакции остались неопубликованными.

⁷ Переводы Бальмонта из «Фауста» см.: Почин. Сборник общества любителей российской словесности на 1895 и на 1896 гг. М., 1895 и 1896. В юбилейном гетевском журнале «Жизнь» Бальмонт напечатал статью «Избранник земли (памяти Гете)» и переведенные им сцены из I части «Фауста» (*Жизнь*. 1899. № 9).

⁸ См. прим. 2.

40. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Вторая половина декабря 1898 г.)

См.: *Тетради*, п. 97.

41. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. После 25 декабря 1898 г.)

Там же, п. 100.

42. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Январь — начало февраля 1899 г.)

Там же, п. 101.

43. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 11 февраля 1899 г.

Там же, п. 102.

44. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Первая половина) Март(а) 1899 г.

Друг мой! Знаю, что Вы близко. И если бы год странствия пришел, он прожег бы душу до дна, открыл бы ей и всю ненависть и всю возможную силу. Знаю или, вернее, угадываю «шорох приближения», ибо все жизненное только угадываю. Не живу никогда, не дышу мгновением¹. А после, его вспоминая, постигну. Все — в воображении и в мечте². Но Вам старый гомеровский завет: *várhoi — мужайся*.

Текст письма без подписи был включен Брюсовым в его дневниковые записи за март 1899 г. (*Дневники*. С. 62). Письмо отправлено до поездки Брюсова в Петербург 17—22 марта 1899 г.

¹ Поэтом «мгновения», «мига» Брюсов считал Бальмонта, и это свое понимание провел через свои основные статьи о его поэзии. «Для него жить, — писал Брюсов, — значит быть во мгновениях, отдаваться им. Пусть они властно берут душу и увлекают ее в свою стремительность, как водоворот малый камешек. Истинно то, что сказалось сейчас. Что было пред этим, уже не существует. Будущего, быть может, не будет вовсе. Подлинно лишь одно настоящее, только этот миг, только мое сейчас.

Люди, соразмеряющие свои поступки со стойкими убеждениями, с планами жизни, с разными условностями, кажутся Бальмонту стоящими вне жизни, на берегу. Вольно подчиниться смене всех желаний — вот завет. Вмешать в каждый миг всю полноту бытия — вот цель» (VI, 250—251).

² Эту же идею противопоставления поэзии мгновений и поэзии мечты, рефлексии и рассудка Брюсов развил позднее в своих стихотворениях «Устой» (1901 — I, 226) и «В ответ» (1902 — I, 278). Подробнее см. во вступ. ст. к наст. публ.

45. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 12 декабря (18)99 г.

Внешнее:

Книгу Шарко ¹ отдал в Екатер(ининскую) больницу уже очень давно, если не тотчас после В(ашего) отъезда, то м(ожет) б(ыть) через неделю, самое большее дней через 10—12.

Перцов и Дурнов ², интересующиеся Гойей, искали его офортов у Брауна ³, на которого Вы указывали; там их нет. Не знаете ли Вы другого магазина?

Можно ли «утруждать» Вашу жизнь? Вы когда-то похитили у меня «Гавриилиаду». Нет ли в Париже ее отдельного маленького издания? ⁴ Если есть, пришлите мне в письме, как обычное письмо, без обложки, безо всего лишнего, чтобы не оставили на почте. Мне она среди моих занятий Пушкиным очень нужна ⁵.

Книги раздумий ⁶ в Москве нет. Разные наши общие и частные знакомые хотели бы ее получить, но это невозможно. В(ам) как изд(ателю) не лиш(не) было бы ее продвинуть (?). Сделайте подобающее распоряжение и тут (6 нрзб.). Наверное продадут до сотни среди одних знакомых.

Внутреннее:

Друг мой! очень хотелось бы написать Вам открыто и полно все, о чем вновь думаю. Но в Вашей душе есть что-то жесткое *. Один из знавших Вас как-то раз обмолвился мне: если бы он (т. е. Вы) не уехал, я бы убил его ⁷. Эту осень мы встречались раз двадцать ⁸. Я ни разу не говорил с Вами открыто. Вероятно, виноват и я, отошедший от общего пути куда-то в сторону, Вам нелюбопытно, Вами отвергаем. Но виноваты и Вы, потому что ^{2*} не видел я Вас ни разу только восторженным, только поэтом...

Друг мой, Вас мучит

О, Боже, для чего же
Настанет Страшный Суд! ⁹

Но для меня это внешнее, дважды внешнее ^{3*}. Вы рассказываете мне о той, которая повернула к Вам голову и посмотрела удивленными человеческими

* Далее зачеркнуто: От чего отстраняешься, как в случае с Вами. Мне Поляков

^{2*} Далее зачеркнуто: я видел Вас то пьяным, то злым, то усталым (ах, как верны эти грубые слова). Ближайшее общее, что было у нас, — стихи, но я видел Вас

^{3*} Далее зачеркнуто: дважды неинтересное

М. А. ДУРНОВ

Фотография. Москва, 1904

Литературный музей, Москва

глазами. И это внешнее. Я не сниму флер д'оранжа с Вашего портрета. Всех греховнее был тот, кто всю жизнь чуждался страсти. Неужели же Вы никогда не будете свободны, неужели ж Вы всегда будете рубить, как в русской песне, по железным обручам, когда от удара вместо одного [кольца] вырастают два! Эти оковы устраиваются) (?) заговором, а не мечом. Пока Вы боретесь, пока Вы побеждаете, Вас оставляют в рабстве. Надо согласиться быть побежденным.

Я наблюдал, я знаю, что многое, к чему я прихожу путем логики и мгновенной догадки, открывается Вам каким-то созерцанием, мне непостижимым. Знаю, что Вы, как я, давно осудили всю внешнюю прелесть нового, уже ставшего старым, все эти освобождения от добра, прелесть неверности, счастья, но разве это предел? За осуждением (*1 нрзб.*) не следует новый путь. Иерусалим небесный! Торжество праведных. Мы дойдем до предела порубежной горы, чтобы пасть ниц в пыли, в крови (?) молиться. Об этом многие мечтают, вплоть до самых недостойных. И в этом особое унижение и особое умиление. Идемте!

Ваш Вал. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 21—22об.

Черновик письма с пометой: «Бальмонту». В архиве сохранилась еще одна редакция данного письма (Там же. Л. 23—24), по-видимому более поздняя, в которой раздел «Внешнее» отсутствует, а воспроизведен, почти без разночтений, лишь раздел «Внутреннее» (без обозначения его каким бы то ни было заголовком). Для воспроизведения выбираем первый вариант, как более полный. Письмо предназначалось для отправки Бальмонту в Париж, куда он уехал в конце октября 1899 г. Третья, еще более поздняя редакция, представляющая собой по сути совсем уже новое письмо, содержащее лишь отдельные вкрапления из текста данной редакции (о книге Шарко, например), публикуется ниже (п. 46).

¹ Жан Мартен Шарко (1825—1893) — французский врач, основоположник современной невропатологии и психотерапии. О которой из его книг пишет здесь Брюсов — неизвестно. Возможно, что имеются в виду «Поликлинические лекции» Шарко, выпущенные двумя выпусками в русском переводе (СПб., 1889—1890).

² Петр Петрович Перцов (1868—1947) — журналист, литературный критик, один из самых активных корреспондентов Брюсова. Подробнее см. о нем: *Тетради*, п. 26, преамбула к комментарию; о М. А. Дурнове см. наст. кн., Переписка с Курским, п. 48, прим. 1.

³ 3 декабря 1899 г. Перцов писал Брюсову: «А знаете ли, что у Брауна, по сырнке, не оказалось офортов Гойи? Нет ли где в других местах?» (*ГБЛ. Ф. 386, 98.6. Л. 15*).

⁴ Речь идет, вероятно, об издании: Гавриилада. Соч. А. С. Пушкина. Эротическая поэма. Б. м., 1899 (обложка на рус. и франц. яз.).

⁵ О пушкинских штудиях Брюсова см. подробнее наст. том, кн. 2, Переписка со Щеголевым. Вступ. ст. Е. Ю. Литвин и С. А. Фомичева. Статья Брюсова о «Гаврииладе» была опубликована лишь в 1903 г. («Пушкин. Рана его совести». — *РА. 1903. № 7*).

⁶ «Книга раздумий» (СПб.: Тип. Балашова и К°, 1899). Сборник стихов четырех поэтов: Бальмонта, Брюсова, Коневого и Дурнова. Была издана по инициативе Бальмонта.

⁷ Как свидетельствует зачеркнутый вариант текста, речь идет о С. А. Полякове (о нем см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым. Вступ. ст. Н. В. Котрелева). В подмосковном имении Поляковых Баньки (Лисьи Горы) Бальмонт жил летом и осенью 1899 г.; там же была написана одна из лучших его книг — «Горящие здания», посвященная (начиная со второго, «скорпионовского» издания 1904 г.) «моему другу С. А. Полякову, с которым мы вместе ее пережили». По свидетельству Е. А. Бальмонт, «самая мысль об издании "Весов" и "Скорпиона" принадлежала Бальмонту вместе с С. А. Поляковым, давшим средства для этих начинаний. Родилась эта мысль об издательстве на Баньках, в имении моих родственников Поляковых (моя сестра Анна была замужем за Я(ковом) А(лександровичем), старшим братом С. А. Полякова), где мы с Бальмонтом проводили лето 1899 г.» (*Бальмонт Е. А. Мои воспоминания* о К. Д. Бальмонте // *ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 65*).

⁸ Брюсов встречался с Бальмонтом в августе—октябре 1899 г. в обществе Полякова, Балтрушайтиса и других лиц, причастных к организации нового книгоиздательства «Скорпион». Об этих встречах Брюсов тогда же писал в дневнике: «Потом приехал Бальмонт и сразу выбил из колеи мою жизнь. Он явился ко мне втроем с неким Поляковым и с литовским поэтом Юргисом Балтрушайтисом. Пришел еще Бахман. Бальмонт читал стихи, все приходило в восторг, ибо все эти вещи действительно удивительные («Джен Вальмор», «Закатные цвета»), «Я насмерть поражен своим сознанием...», «О да, я Избранный...». Вечер закончился в «Аквариуме» (*Дневники. С. 74*; см. также наст. кн., Переписка с Курским, п. 53). Встречаясь с Бальмонтом, Брюсов возобновлял постоянные словесные состязания с ним, и они доходили порой до обидных слов друг другу. Бальмонт в своем более позднем очерке «Пьянство солида» (1908), вспоминая о летних месяцах 1899 г., писал: «В то лето, однако, Брюсов представлял для меня мало интереса. Мы с ним скорее встречались тогда, помните, лишь два-три раза — как встречались когда-то александрийские спорщики».

чтобы поиграть раширами слов и кинжалами понятий, блеснуть, проблестать, переблестеть, завлечь, усмехнуться, уйти. Не в этом, конечно, главное содержание моей многолетней дружбы с Брюсовым, но в то лето было почти только это» (*Бальмонт К.* Морское свечение. СПб., 1910. С. 197). Прямым отзвуком ожесточившихся споров, взаимных упреков и словесных ристалищ явился сонет Брюсова «К портрету К. Д. Бальмонта» («Угрюмый облик, каторжника взор...»), написанный в конце августа — начале сентября 1899 г. и помещенный затем в разделе «Близким» книги *TV* (I, 197). Тогда же, в сентябре 1899 г., Брюсов сделал несколько дополнительных штрихов к поэтическому портрету Бальмонта («Я люблю в твоих стихах...»), однако этот набросок Брюсов оставил в черновиках и не стал публиковать его (см. I, 257 и 598). В конце октября Бальмонт уехал в Париж, и Брюсов получил от него несколько писем, выдержанных в таком же язвительном духе, в каком они общались прошедшей осенью. 19 декабря 1899 г. Брюсов записал в дневнике: «Бальмонт прислал Бахману письмо; его сущность: «Милый Георг! я счастлив; ресницы мои опускаются от счастья; Георг, имя твоё красиво, как твои стихи...». Мне в тот же день послал письмо: «Если бы вы знали, как я вас ненавижу» и т. д.» (*Дневники*. С. 79). Настоящее письмо является отзвуком обострившихся отношений Брюсова и Бальмонта в последние месяцы 1899 г.

⁹ Неточная цитата из двустихия Бальмонта:

Стучи, тебе откроют. Проси, тебе дадут.

— О Боже! Для чего же назначен Страшный Суд?

Помещено под третьим номером в разделе «Страна неволи» книги «Горящие здания».

46. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) Янв(арь) 1900 (г.)

Майя ¹.

Как Вы, мечтающий * о индийской мудрости ², не постигли давно и бесспорно всей призрачности этих житейских бездн и ужасов. Сначала дрожь, после бесстрашие; правда, еще после радость и счастье, их наполняющие, как краски или вино. Но эта радость уже высоко, где холод и чистый свет, откуда далек стонущий и кающийся...

Жизнь для незнающих — призрак для йоги ³.

Но Вы — незнающий! Неужели она только красочность заката, запах листьев и лепестков? — И все изысканности слова и весь трепет, наполнивший мгновения, даже замыслы, даже предчувствия. Широка эта заповедь. Дальше, глубже, снимай венец и с новых кумиров. Как смешны иступленные, как ничтожно преступление, как позорно блаженство земного пророка. Я презираю стоны. Любовь должна быть выше любви и бесстрашие выше победы ^{2*}.

Но милы мне кристаллы...⁴

«О блаженные сонмы спокойно кочующих скифов»⁵.

Уходите к ним, если можете.

Ваш В.

Внешнее.

Праздники были мы в Ваших Баньках ⁶, обошли (на «быстрых» лыжах) Ваш парк и лес. Луна величиною с гривенник.

Книгу Шарко отдал давно, очень давно ⁷; если и не тотчас после Вашего отъезда, то м. б. через неделю.

В журналах прежнее; иной раз встречается не лишнее любопытства, но пересказывать совсем не стоит. (4 нрзб.) Книга Ореуса хороша ⁸. О Вас среди парижских студентов было в «Курьере» ⁹.

«Книга раздумий» ¹⁰ нигде не продается и ее показывают (1 нрзб.) как редкость ^{3*}. Вы решительно не хотите послать ее в редакции? Тогда пошлите хотя бы в книжные магазины (да не в один, а в несколько).

Бахмана ¹¹ и Дурнова ¹² и Балтрушайтиса ¹³ и Полякова ¹⁴ видел не редко. Все то же. Балтрушайтис пишет неожиданно хорошие стихи.

* Было: пишущий

^{2*} Далее зачеркнуто: презрение то же, что нежность

^{3*} Далее зачеркнуто: Вы как издатель

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 25—26.

Черновой набросок, без обращения и точной даты, но с пометой Брюсова: «Бальмонту».

¹ Майя — магическая сила, обман (*санскрит*); одно из основных понятий религиозно-философской школы Веданты. С помощью майи бог вызывает к жизни иллюзорный мир объектов, которому человек, не обладающий подлинным знанием, склонен придавать статус реальности. Трактовка реальности как создания человеческого духа принадлежит лишь избранным — брахманам. Майя трактуется также как иллюзия, видимость, призрак, закрывающие действительный божественный мир от постигающего его разума. Стихотворение «Майя» («Тигры стонали в глубоких ущельях...») вошло в книгу Бальмонта «Горящие здания».

² В конце 90-х годов Бальмонт с увлечением изучал философию индуизма, и это нашло затем отражение в его поэзии, книгах «Горящие здания», «Будем как солнце», «Зовы древности» и др. Целый раздел книги «Горящие здания» («Индийские травы») является своеобразным откликом современного поэта на вероучения индийских мудрецов. Этот раздел открывают два эпиграфа: «Tat tvam asi — То есть ты (основоположение индийской мудрости)»; «Познавший сущность стал выше печали» (Шри Шанкара Ачария). Шри Шанкара Ачарья (Шанкарачарья) — один из вероучителей индуизма, религиозный реформатор Веданты, живший в VIII—IX вв. Сопоставляя философское миропознание, характерное для Индии и Ирана, Бальмонт писал в книге «Зовы древности»: «Два братских народа, развив до полноты, каждый, единственный и неповторимый лик свой, оба коснулись грани, полюса. Индия, будучи живой, постигла то, что связано с Полюсом Смерти. Иран, более преданный земному, воплотил в своем религиозно-поэтическом творчестве очарование Жизни. Но как Индия, так и Иран, молятся Огню и Солнцу, мысли Парсов и мысли Индусов исполнены сияний, пряного запаха цветов, и свежего запаха полевых злаков. Только в утонченном поэтическом и философском восприятии Индусов более ощущается пьяный запах цветов или боль сердца, в котором опьянение кончилось, а в полном мужественности жизнестроительстве Парсов, влюбленников Земли, чувствуется вся красота возделанного поля, поэзия тяжелого снопа» (*Бальмонт К. Д.* Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних. СПб.: Пантеон, 1908. С. 207).

³ Из стихотворения Бальмонта «Майя»:

Бешено мчатся и люди и боги...
«Майя! О, Майя! Лучистый обман!
Жизнь — для незнающих, призрак — для йоги,
Майя — бездушный немой океан!»
(*Горящие здания*)

⁴ Из стихотворения Брюсова «Люблю я линий верность...» (1898):

Люблю дома, не скалы.
Ах, книги краше роз!
— Но милы мне кристаллы
И жало тонких ос.

(I, 171)

⁵ Неточная первая строка из стихотворения Бальмонта «Скифы»:

Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Брюсов замок Ольвийский с его изваяниями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду наститнем врага.

(*Горящие здания*)

⁶ См. п. 45, прим. 7.

⁷ Там же, прим. 1.

⁸ Первый поэтический сборник И. Коневского (И. И. Ореуса. См. о нем наст. кн., Переписка с Коневским. Вступ. ст. А. В. Лаврова) «Мечты и думы» вышел в свет в конце ноября 1899 г. (на титуле — 1900). См. там же, п. 29, прим. 1.

⁹ Этой заметки в газете «Курьер» обнаружить не удалось.

¹⁰ См. п. 45, прим. 6.

¹¹ Георг Георгиевич *Бахман* (1852—1907) — немецкий поэт, переводчик, преподавал немецкий язык в Московской гимназии, друг Бальмонта и Брюсова.

¹² См. п. 45, прим. 2.

¹³ Юргис Казимирович *Балтрушайтис* (1873—1944) — поэт, друг Бальмонта, Брюсова, Бахмана, Полякова.

¹⁴ См. п. 45, прим. 7.

47. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Биарриц.) 10 июня н. с. 1900 г.

Большое спасибо за список ¹. Получил своевременно. Спасибо и за статью о Тютчеве ². Я послал ее одному русскому парижанину, поклоннику Тютчева. Вы, вероятно, получили «Здания» — ? — ³

Я пишу новую книгу стихов ⁴, которая будет меньше, уже значением, и как более узкая, острее. В Россию вернусь в августе — и надолго ⁵.
Жму руку.

Ваш К. Б а л ь м о н т

Р. S. Будете ли Вы в августе в Москве? Когда выйдет Ваша книга? ⁶ Я упоминаю Вас в «Атенеуме» ⁷.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 1.

¹ О чем идет речь — установить не удалось.

² В первой половине 1900 г. Брюсов опубликовал две статьи о Ф. И. Тютчеве: «Некрасов и Тютчев» (РА. 1900. № 2) и «По поводу нового издания сочинений Ф. И. Тютчева» (Там же. № 3). Вторая статья, написанная в связи с выходом в свет «Сочинений Ф. И. Тютчева» (СПб., 1900), содержала дополнение к биографии, написанной И. С. Аксаковым, и перечень различий в тютчевских стихах. Эта вторая статья, по-видимому, и была отправлена Бальмонту в Париж.

³ «Горящие здания» — пятая книга стихов Бальмонта, изданная в Москве во второй половине мая 1900 г. Брюсов в это время книги еще не имел. 23 июня 1900 г. он пишет отцу из Ревеля: «Если еще не посылал мне *Горящие здания*, пожалуйста, пошли заказной бандеролью, как я уже просил. А то Бальмонт в каждом письме осведомляется о том, какое они произвели на меня впечатление» (ГБЛ. Ф. 386, 142.8. Л. 150б.).

⁴ Над книгой «Будем как солнце» Бальмонт работал в 1900—1902 гг.

⁵ В конце июля 1900 г. Бальмонт уже вернулся из-за границы в Россию и навещил Брюсова в Москве. По приезде из Ревеля Брюсов записал в дневнике: «Москва. Сразу и более властно, чем я ждал, охватили меня обычные московские впечатления, весь круг друзей. Прежде других предстал Ланг (который живет в нашем доме). Затем скоро, очень скоро (случайно) пришли Поляков, Балтрушайтис и сам Бальмонт» (Дневники. С. 89). Бальмонт прибыл в Москве до конца августа 1900 г. «На второй же день он опять прислал за мной из «Аквариума», — отметил Брюсов. — Я пошел, хотя только что вернулся с Донской. Мы читали стихи и пытались говорить» (Там же. С. 90. На Донской улице в Москве жили родители И. М. Брюсовой, ее братья и сестры). В конце августа перед отъездом Бальмонта в Петербург Брюсов устроил у себя традиционный поэтический вторник. «Были: Бальмонт, Бахман с женой, Поляков, Балтрушайтис с женой, Ю. Бартенева, Ланг и случайно зашедший Бунин. Бальмонт читал стихи без конца. («Художника Дьявола») (...) Сидели до 4 часов» (Там же).

⁶ Книга Брюсова «Tertia vigilia» вышла в свет во второй половине октября 1900 г.

⁷ «Атенеум» («The Athenaeum») — английский литературный журнал, в котором после посещения Оксфорда в 1897 г. Бальмонт помещал ежегодные обзоры русской литературы за 1898 и 1899 гг.

В обзоре, помещенном в журнале № 3740 (1 июля 1899 г.), Бальмонт дал высокую оценку книге Брюсова «О искусстве»: «Молодой поэт-символист Валерий Брюсов является оригинальным писателем, и он выпустил книгу, небольшую по охвату, но прекрасно написанную и интересную. Она называется «О искусстве» (с. 26).

О сотрудничестве в том же журнале Брюсова см. п. 48, прим. 12.

48. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. 18—20 июля 1901 г.)

Где я и что я — вот слушайте. Тотчас, простясь с Вами ¹, уезжал я на 1^{1/2} суток из Москвы ². Потом прожил (и свою роль вел очень удачно) маленькую драму; если бы рассказать ее с некоторым искусством, чувствительные слушатели конечно бы плакали; в самом деле то было самое «ужасное» изо всего, что было в моей жизни ³. Потом жил мирно, день за днем, не опаздывая «домой к обеду»; писал рассказы ⁴, унижаясь таким образом до соперничества с Максимом Горьким ⁵; еще написал статью о спиритизме ⁶ — начало и конец очень хороши, Вы похвалите, а середины конечно не прочтете; написал пять-шесть совершеннейших стиховорений ⁷ — пришлю в обмен на Ваши. Теперь у нас на несколько дней сестра жены — младшая ⁸, еще несколько лет и она будет слишком полной, но пока

С глазами кроткими, как голубого дня
За роцей и т. д.⁹

Изучаю Лобачевского ¹⁰ и буду им столь же попрекать Вас, как Кантом ¹¹ (или вернее Вы им меня будете попрекать). О «Атенеуме» не имею никаких

сведений; так как все сроки уже миновали, это не предвещает ничего хорошего¹². Статья моя в «Мире иск(усства)» и правда не хороша¹³; но надо и то иметь в виду, что треть ее они пропустили; плохая статья, став короче, конечно, улучшилась, но смысл ее утратился; впрочем, от нее видимо смысл не требовался. Говорил ли Вам о книге Мережковского? ¹⁴ Истинно прекрасно, хотя в конце концов однообразно по приемам и — как можно сослаться на Тэна! ¹⁵ Когда вторая часть кончится, напишу против ¹⁶. Вообще напишу очень многое. После этого года, в который математически изучал безумие, буду превращать себя в кузнеца ¹⁷ и Флобера. Пришлите обещанные стихи к А.¹⁸ Люблю Вас.

Ваш Валерий Брюсов

1901

Р. С. Перечел, и удивляюсь, как мало, как это далеко не все. Вот дополнения. О «ужасном»: что оно все-таки достойно этого слова, помните, я Вам говорил на вокзале о двух возможностях; теперь лишь одна. О «рассказах»: я намерен их писать много, и именно их писать; почему не так? почему уступить Флоберу, Гамсуну, Достоевскому? О «кротких глазах»: это зеркальность, отражения с малым изменением; но Вы знаете.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 27—28об.

Черновик письма, без обращения и без точной даты, с пометой Брюсова: «Бальмонту». Датируется по сообщению: «Теперь у нас на несколько дней сестра жены, младшая» (см. прим. 8).

¹ Письмо написано после отъезда Бальмонта из Москвы 15 июня 1901 г. в село Никольское Курской губернии, где он был вынужден временно поселиться в имении Сабашниковых, родственников Е. А. Бальмонт, после политического скандала, связанного с публичным чтением в Петербурге обличительного стихотворения «Маленький султан», написанного под впечатлением жестокой расправы правительственных войск и полиции с демонстрантами на площади у Казанского собора 4 марта 1901 г. (см. публикацию документов по этому делу: Нинов А. «Так жили поэты...» Документальное повествование // Нева. 1978. № 7. С. 89—103). Не успев получить формального предписания Департамента полиции о высылке, Бальмонт 12 мая 1901 г. сам выехал из Петербурга в Москву, где уже не имел права находиться, и здесь, переезжая от одних знакомых и родственников к другим, на несколько недель исчез из-под надзора полиции.

Только в середине июня 1901 г. московской охранке удалось наконец вручить Бальмонту посланное ему вслед из Петербурга извещение Департамента полиции и получить от него расписку в том, что постановление министра внутренних дел ему объявлено. С этого момента Москву и Московскую губернию он должен был покинуть немедленно. 13 июня 1901 г. Брюсов получил срочную телеграмму от С. А. Полякова: «Монт * завтра уезжает надолго, будьте в два у Сабашникова». «Конечно, лечу, — записал Брюсов в дневнике. — Бальмонта высылают «из столиц и университетских городов и их губерний» на два года, все за те же стихи о «маленьком султани». Пока он едет в Курскую губернию к Сабашниковым, после за границу. Стало быть, проводы. Сначала у Сабашниковых, после в «Праге», еще после в «Мавритании» и у Яра, на другой день в «Славянском» и на станции. Впрочем, Бальмонт не пьет. Конечно, он все тот же» (Дневники. С. 103). 14 июня 1901 г. Брюсов сообщил А. А. Шестеркиной: «Увиделся, наконец, с Бальмонтом. Его все за те же стихи высылают из столиц на 2 года. Вчера и сегодня прощаемся с ним и провожаем его» (ЛН. Т. 85. С. 637). Брюсов провожал Бальмонта на Курском вокзале. Настоящее письмо было написано в ответ на письмо Бальмонта из Курской губернии, о котором Брюсов упомянул в переписке с А. А. Шестеркиной 2 июля 1901 г.: «Бальмонт из Иванова пишет что-то темное о мечтах и снах» (Там же. С. 642).

² Во второй половине июня Брюсов навещал в Верее А. А. и М. И. Шестеркиных.

³ О чем идет речь — неясно.

⁴ Брюсов имеет в виду, вероятно, следующие свои рассказы: «Дитя и безумец», «С новым счастьем», «Мраморная головка», «Менуэт» (РЛ. 1901. № 354. 25 дек.; 1902, № 1, 5 и 19; 1, 6 и 20 янв.).

⁵ Суждений Брюсова о прозе раннего Горького сохранилось немного. В основном они, как и комментируемое высказывание, негативны. Но в обзоре русской литературы за 1901 г. для английского журнала «Атенеум» (см. прим. 12) Брюсов назвал повесть «Трое» «одной из самых замечательных повестей» текущего года, отметив, правда, что «стиль повести неровен. Одни части художественно совершенны, другие написаны вяло» (Чтения 1980. С. 289—290).

* Текст телеграммы был внесен Брюсовым в Дневники. После слова «Монт» в скобках помета Брюсова: «прозвище Бальмонта, как и Джо» (см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. 10).

⁶ В стремлении «все испытать и пережить» Брюсов не обошел и спиритизма, усилившего в конце 90-х — начале 900-х годов свое влияние на отдельные группы буржуазно-дворянской интеллигенции. В сентябре 1901 г. Брюсов записал в дневнике: «Усердно посещаю спиритические среды. Провожу, поучаю и имею некоторое влияние» (*Дневники*. С. 90—91). В октябре того же года Брюсов отметил: «В спиритических сеансах испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени “рассудочный”, что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень» (Там же. С. 93). В середине 1901 г. Брюсов работал над статьей, опубликованной позже: «Спиритизм до Rochesterских стуков» // Ребус. 1902. № 7, 11, 14, 18, 29 — 17 февраля, 17 марта, 7 апреля, 5 мая, 21 июля (подпись — В.). По свидетельству Ходасевича, Брюсов как-то сказал после одного из спиритических сеансов: «Спиритические силы со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару или электричеству» (*Ходасевич В. Ф.* Некрополь. Воспоминания. Париж, 1976. С. 28).

⁷ Первой половиной 1901 г. датированы следующие стихотворения Брюсова: «По улицам узким...», «Работа» («Здравствуй, тяжкая работа...»), «Мечтание» («О, неужели день придет...»), «Свидание» («В одном из тех домов, придуманных развратом...»), «Отвержение» («Мой рок, благодарю, о верный, мудрый змий...»), «Тердины к спискам книг» («И вас я помню, перечни и списки...»), «Каменщик» («Каменщик, каменщик в фартуке белом...»), «Фабричная» («Есть улица в нашей столице...»), «Подражание Гейне» («Мне спилось, я в городе дальнем...»), «Эпизод» («Не правда ли, мы в сказке...»).

⁸ Мария Матвеевна *Рунт* (в замуж. Стопа, 1878—1951) гостила на даче Брюсовых летом 1901 г. дважды: 24 июня и 18 июля (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 639, 645, а также наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. 11, обоснование датировки). Здесь Брюсов говорит о ее втором приезде.

⁹ Источник цитаты установить не удалось.

¹⁰ Николай Иванович *Лобачевский* (1792—1856) — великий русский математик, создатель неевклидовой геометрии. В трудах Лобачевского Брюсова привлекал ярко выраженный сенсуализм, стремление вывести математические понятия из субъективного человеческого опыта, отражающего объективные свойства вещей: «Поверхности и линии не существуют в природе, а только в воображении, — утверждал Лобачевский, — они предполагают, следовательно, свойства тел, познание которых должно родить в нас понятие о поверхностях и линиях» (Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. М., 1948. С. 177). Об увлечении Брюсова математикой см. также п. 35, прим. 13.

¹¹ Иммануил *Кант* (1724—1804) — родоначальник немецкой классической философии, создатель новой космогонической теории и теории познания. Брюсов обратился к работам Канта еще в университетские годы. В июне 1895 г. он отметил в дневнике: «За Канта я взялся как за откровение, но он более чем разочаровал меня (это лето было посвящено философии, особенно же Лейбницу)» (*Дневники*. С. 21. Исправление неточности в тексте по: *ЛН*. Т. 85. С. 755). В теории Канта Брюсова не удовлетворяло компромиссное решение основного философского вопроса, попытка примирения идеализма с материализмом. Из сочетания разнородных направлений в философии Канта он черпал в эти годы преимущественно субъективно-идеалистические положения и установки. В области эстетики вслед за Кантом Брюсов развизвал идею «незаинтересованности» искусства, самоценности личности, превосходства поэзии над всеми другими видами художественной деятельности.

¹² По рекомендации Бальмонта ежегодные обзоры русской литературы для английского журнала «Атенеум» с 1901 г. стал писать Брюсов. 12 июня 1901 г. он сообщил А. А. Шестеркиной: «Сегодня получил предложение от английского журнала “Athenaeum” написать для них (по-русски, они переведут) обзор русской литературы за 1900—1901 г.» (*ЛН*. Т. 85. С. 636), а 16 июня ей же сообщил о том, что статья уже послана (Там же. С. 638). После проведения Бальмонта в деревню Брюсов заметил в дневнике: «Бальмонт, так как уезжал “из столиц”, не мог написать своего обозрения в „Athenaeum” и поручил мне. Я всю жизнь следил за всей русской литературой, кроме именно этого года. Написано кое-как, в 5 дней, ибо срок был близок» (*Дневники*. С. 104). Подробное освещение обстоятельств сотрудничества Брюсова с английским журналом и публикацию сохранившихся текстов брюсовских критических обзоров см.: *Ильев С. П.* Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «The Athenaeum» (1901—1906) // *Чтения 1980; Он же.* Валерий Брюсов и Уильям Морфилл // В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. Правда, в этой последней работе комментируемая нами здесь фраза интерпретируется неверно: С. П. Ильев считает (см. с. 92), что Брюсов тревожится об отсутствии предложения со стороны журнала написать статью, тогда как речь здесь идет о неизвестности, принятой ли редакцией журнала уже посланная в Англию статья. Обзор появился в журнале «The Athenaeum» 20 июля (№ 3847). Обратный перевод английского текста см.: *Чтения 1980*. С. 287—295).

¹³ Статья Брюсова «Ответ г. Андреевскому» (Мир искусства. 1901. № 5). Андреевский в статье «Вырождение рифмы» (Там же) писал об отмирании стихотворной формы в поэзии. Этот эпизод журнальной полемики Брюсов и Бальмонт обсуждали в июне 1901 г. в Москве: «Бальмонт говорил мне, что “Мир искусства” моей статьей против Андреевского недоволен. “Им нужна статья с жалами”. З. Гиппиус говорила: “Брюсов пла-ахую статью написал, начал с Адама”» (*Дневники*. С. 104). Полемику с Андреевским Брюсов продолжил в обзоре русской литературы, написанной для «Атенеума»: «В самом конце года (обзор охватывал литературу с лета 1900 до лета 1901 г. — А. И.) в журнале “Мир искусства” появилась лек-

ция С. Андреевского «Вырождение рифмы», в которой автор утверждает, что время рифмованной поэзии миновало, что позитивизм нанес ей смертельный удар, что последними поэтами были Гюго, Гейне и Теннисон. На долю автора настоящих строк выпало возразить Андреевскому в том же номере журнала, однако самым красноречивым опровержением являются напечатанные в нем стихи г-жи Гиппиус, Мережковского, Минского, Бальмонта и Федора Сологуба» (*Чтения* 1980. С. 292).

¹⁴ *Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский*. СПб.: Мир искусства, 1901. Т. 1. Появление этой книги Брюсов связал с деятельностью Религиозно-философских собраний в Петербурге. «Первой ласточкой можно назвать книгу одного из представителей этих Собраний, имевшую значительный успех в прошлом году, — писал Брюсов в черновом наброске обзора русской литературы за 1901 г.— Я говорю об исследовании Д. С. Мережковского «Толстой и Достоевский». Бесспорно, что Толстой и Достоевский — писатели, наиболее читаемые в наши дни. Поэтому, подвергая критике их произведения, Мережковский в то же время подходит к самым жгучим вопросам современной души. В своей книге он показывает, что искусство обоих стоит в неразрывной связи с религией. Смысл книги можно передать в тех кратких, но проникновенных словах, которыми Мережковский характеризует их творчество: «Толстой — тайновидец плоти, Достоевский — тайновидец духа». Книга Мережковского — явление значительное, и год, в который она появилась, должен быть отмечен в истории литературы» (*Чтения* 1980. С. 283). В окончательном варианте статьи общая оценка книги Мережковского сдержаннее (Там же. С. 292).

¹⁵ Ипполит Адольф Тэн (1828—1893) — французский философ, эстетик, историк литературы. Выказывая свое отношение к трактовке личности Наполеона в «Войне и мире», Мережковский корректирует суждения Л. Толстого ссылками на И. Тэна. См.: *Мережковский Д. Христос и антихрист в русской литературе*. Глава 1. Лев Толстой и Наполеон-антихрист // *Мир искусства*. 1901. № 1. С. 1—23.

¹⁶ См. заметку Брюсова «Новая ересь» (*РЛ*. 1902. № 153. 7 июня (подпись — Аврелий)).

¹⁷ Метафорический образ поэта-мастера, кузнеца, куящего свои строки, подсказан, вероятно, одноименным стихотворением Бальмонта «Кузнец», которым открывается раздел «Возле дыма и огня» в книге «Горящие здания» (1900):

Я хочу быть кузнецом, Я, работая, пою, С запыхавшимся лицом Я смотрю на жизнь мою,	Возле дыма и огня Много слов я создаю, В этом радость для меня,— Я кую!
---	--

Стихотворение «Кузнец» в ряду некоторых других произведений Бальмонта было особо отмечено Горьким в его рецензии о книгах «Горящие здания» и «Tertia vigilia»; именно в связи с этим стихотворением Горький пожелал Бальмонту «более частых ощущений этой бодрой радости ясного творчества» (*Горький М. Литературные заметки: Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова // Нижегородский листок*. 1900. № 313. 14 нояб.). Близкие по смыслу строки и образы можно найти в стихах Брюсова 1901 г., включенных затем в *УО*.

Я создал, и отдал, и поднял я молот, чтоб снова сначала ковать, Я счастлив и силен, свободен и молод, творю, чтобы кинуть опять!	(I, 269)
---	----------

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо ковванная речь!
(«Работа»; I, 272)

Рядом со стихотворением «Кузнец» в книге «Горящие здания», сохранившейся в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 62) стоит помета Брюсова: «Verh(aegen) лучше» (с. 97). Имеется в виду стихотворение Верхарна «Кузнец» из сборника «Лики жизни», впоследствии переведенное Брюсовым (см.: *ПСС XXI*. С. 129).

¹⁸ Очевидно, к А. А. Шестеркиной (см. о ней: *ЛН*. Т. 85. С. 622—656).

49. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Конец января — начало февраля 1902 г.)

Мне не думается, чтобы эти мои дни были потерянными; я делаю то, что должен был сделать в юности, вместо «Русских символистов»¹. Но я знаю, что будущее еще мое, что я властвую им. От времени до времени я пробую веревки, вижу, что они натянута, и спокоен².

Вы — в затворничестве³. Я, напротив, очень на шуме⁴. Познакомлен со столькими людьми, что всех спутал, и приветливо кланяюсь тому, кто только и сделал, что бранно поносил меня на моем чтении. От стольких женщин слышал

слова о любви, что спутал тоже, и оставшись вдвоем, напоминаю иной то, чего с ней не было никогда.

Пишу довольно плохие рассказы⁵ (все в «Русском листке»), совсем плохие статьи⁶ и хорошие стихи⁷. Получаю странные приглашения — вроде того, чтобы быть «заведующим редакцией» «Русского листка»⁸. Встречаю своих читателей, которые выражают мне свои умиления, и не удивляюсь и не восторгаюсь.

Так меня безвольно волна

Возносит ввысь.

(«Книга раздумий», если забыли)⁹

Есть у меня к Вам поручение. П. П. Перцов (читайте: Мережковский) с весны будут издавать «бogosловско-литературный» журнал «Новый Путь»¹⁰. Участники все те же. Мне поручено просить у Вас всего — много стихов, статей, переводов, заметок — всего, что есть и что может стать сущим¹¹. И скоро. Ибо они хотят к Пасхе выпустить 1-ую книгу¹². Впрочем, в эту поспешность я не верю... Будут печататься там протоколы религиозно-философского общества (Вы о нем все знаете?)¹³, статьи о католичестве, синоде, пресуществлении и т. д., много стихов, мало рассказов, очень много статей. Распоряжаться и деспотствовать будет Мережковский, который Вас славит очень. [Вообще, вдруг и сразу, все узнали, что «несмотря ни на что» Вы первый поэт (т. е. «первый» в наши дни), и Мережковский, и этот Перцов (бывший очень Вашим учителем)¹⁴, и здешние либералы, и здешние консерваторы. Есть поэт Lolo из «Новостей дня». Он выпустил (осенью еще) какой-то сборник, где стихи¹⁵. Ему в похвалу писали, что в иных вещах он достигает «почти бальмонтской звучности и красоты стиха»]*

Не гневайтесь, Константин Дмитриевич, что мы, скорпионы, пропустили в «Северных цветах» две главы из «Художника». Иначе получалось слишком наглядное, для глаза мучительное, несоответствие в количестве Ваших стихов и всех остальных. Терялся смысл альманаха¹⁶. Кстати сказать, печатается он так неспешно, что может и к весне не поспеет¹⁷; С(ергей) А(лександрович) не настаивает¹⁸, а я бессилен.

В «Одесских новостях» я нашел удивительные переводы стихов По,— много лучше Ваших; пошлю пример на днях. Подпись Altalena¹⁹.

Зачем Вы в Сабынине! почему не в Ревеле (это же столица! Северный Неаполь!), не в Туле хотя бы, на расстоянии одной ночи от Москвы... Но Вам, конечно, то же говорят все и все —?

Это было когда-то давно и давно.

Так в «Одесских Н(овостях)» начинается Аннабель Ли²⁰.

Почему Вы не переводите дальше По. Книжный спрос самый явный²¹. Я возненавидел Бунина²², но в «Русской м(ысли)» (1) его стихи хороши,

СЪВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ

на 1902 г.

собранные
книгоиздательством

СКОРПИОНЪ.

МОСКВА
1902.

СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1902 ГОД

Обложка К. А. Сомова

* Квадратные скобки поставлены в тексте Брюсовым.

также в «Курьере» — рождественском — *Stella maris*^{2*}, подражание мне²³

Мой рок был странен и неведом.
В объятьях ледяной волны,
Мне шум ее казался бредом,
А холод — близостью луны.

О Вашей просьбе не пишу. Т. А. говорила мне, что все уже сделано помимо меня²⁴. А успеха в наши дни все равно не будет. Написал бы об этом много, но можно ли?

Ваш Валерий Брюсов.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 29—30об.

Черновик письма, с пометой Брюсова: «Бальмонту», отправленного из Москвы в деревню Сабынино, имение князя Д. А. Волконского в Курской губернии под Белгородом, где с декабря 1901 г. Бальмонт вместе с женой и годовалой дочерью Ниной поселился по приглашению родственников жены (Д. А. Волконский и Бальмонт были женаты на родных сестрах). Ответ на неизвестное письмо Бальмонта. Датируется по ответному письму концом января — началом февраля 1902 г. (см. п. 50). В верхнем правом углу — помета И. М. Брюсовой: «Зима 1902».

¹ Речь идет, вероятно, о напряженной работе Брюсова в издательстве «Скорпион» по подготовке альманаха «Северные цветы» и серии авторских сборников виднейших представителей русского символизма: И. Коневского, Ф. Сологуба, А. Белого, К. Бальмонта, З. Гиппиус, Д. Мережковского. Смысл сопоставления этой работы с деятельностью по изданию «Русских символистов», очевидно, прежде всего в том, что теперь, как и тогда, Брюсов ставит перед собой задачу консолидации сил молодой русской поэзии. Но если в 1890-х годах Брюсов работал практически в одиночку, лишь имитируя наличие новой литературной школы в России, то теперь он стоял в центре действительно складывающегося литературного направления, представленного крупными литературными дарованиями. Ср. его фразу из письма к А. Белому (31 июля 1903 г.): «Вся русская поэзия будет в «Скорпионе». Эта осень — что-то вроде генерального сражения. Ватерлоо или Аустерлиц?» (ЛН. Т. 85. С. 360).

² Бальмонт, очевидно, тревожился, что организационно-издательская деятельность отвлекает Брюсова от его творческой работы.

³ Свое зимнее пребывание в Сабынине Бальмонт воспринимал как тяжелое и вынужденное затворничество. «Зима эта была исключительно теплая, бесснежная, — вспоминала Е. А. Бальмонт. — Флигель, в котором мы жили, тонул в черноземной грязи. Выходить было трудно. Для Бальмонта это было огромное лишение, так как он всю жизнь привык выходить на воздух каждые два-три часа. Выезжать было также нелегко: на санях нельзя было, рисковали зарезать лошадей, в экипаже колеса не вертелись от густой липкой грязи» (Бальмонт Е. А. Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте // ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 32). В письме к А. П. Чехову из Сабынина Бальмонт писал: «(...) Все эти дни я был в Чистилище. Да и теперь тоже. Когда выберусь и выберусь ли? Бог весть. Я один здесь. В минуту сомнения мне не к кому обратиться. Буду сам собой, и basta» (Письмо от 25 декабря 1901 г. // ВЛ. 1980. № 1. С. 118).

⁴ Зимой 1902 г. Брюсов был вовлечен во множество литературно-общественных дел и событий. В редакции газеты «Русский листок», где он продолжал активно сотрудничать, встречался с братьями А. и Н. Облеуховыми, Медведским и др. «Бываю в Литературно-художественном кружке; слушаю нестерпимо пошлые рефераты и нестерпимо пошлые возражения на их вторниках. Скучно...» (Дневники. С. 113). В январе 1902 г. Брюсов сам прочитал в Литературно-художественном кружке реферат о Московском Художественном театре, вызвавший оживленные прения. «Сошло сносно. Было не мало приятелей. Возражал яростно Викторов (а перед этим подходил познакомиться), бранно Френкель и дружелюбно Фейгин, Курский и еще кто-то. Я дал тоже яростную отповедь. Рукоплескания. Г-же Крандиевская подходила благодарила» (Там же. С. 114).

⁵ См. п. 48, прим. 4. В феврале 1902 г. в РЛ (№ 32. 2 февр.) был опубликован рассказ «Бемоль».

⁶ Старое о г. Щеглове // РА. 1901. № 12; Немцы о наших писателях // РЛ. 1901. № 331. 2 дек.; П. И. Барнев как издатель // Лит. прилож. к РЛ. 1901. № 339. 9 дек.; Рождественские рассказы в газетах // Прибалтийский край. 1902. № 8. 10 янв.; Переводная наука // РЛ. 1902. № 21. 29 янв.; Исторические статьи в неисторических современных изданиях // РА. № 1 (цикл заметок; был продолжен в № 4 и 11); Текст пушкинской «Русалки» // РА. 1902. № 2; и др.

⁷ Декабрем 1901 — началом февраля 1902 г. датированы следующие стихи Брюсова (все вошли позже в УО): «З. Н. Гиппиус» («Неколебимой истине...» — I, 354), «Прощальный взгляд» («Я скажешь незапертые двери...» — I, 313), «Пытка» («Эта боль не раз мной испытана...» — I, 315), «Лестница» («Все каменной ступени...» — I, 269) «Последнее желанье» («Где я последнее желанье...» — I, 270) и «У моря» («Когда встречалось в детстве горе...» — I, 292).

^{2*} Звезда морей (лат.).

⁸ «Русский листок» — консервативная, полубульварная по духу газета с сомнительной политической репутацией. Один из ее редакторов, Константин Петрович *Медведский* (1867 — ?), поэт и критик, стяжал скандальную известность своими статьями в «Московских ведомостях» против Н. К. Михайловского и «Русского богатства», носившими характер неприкрытого политического доношения. Широко публикуя свои произведения и статьи в «Русском листке», Брюсов уклонился все же от предложения «заведовать редакцией» этой газеты. Об участии Брюсова в «Русском листке» см.: П. Мимоходом (Курьер. 1903. № 59. 27 апр.); вероятно, его же: *Перо* (А. А. Дробыш-Дробышевский) Мимоходом (Нижегородский листок. 1904. № 36. 6 февр.). См. также наст. кн., Переписка с Курским, п. 60, прим. 4 и п. 66, прим. 1.

⁹ Из стихотворения Брюсова «Я прежде боролся, скорбел...» (I, 134; впервые опубликовано в *КР*).

¹⁰ В 1902 г. Перцов вместе с Мережковскими начал работу по созданию литературного и религиозно-философского журнала «Новый путь», к участию в котором они стремились привлечь и Брюсова.

¹¹ 23 января 1902 г. Перцов писал Брюсову: «Напишите Бальмонту обо всем (...) Пусть присылает стихи, переводы, статьи о чем угодно (...) вообще что придумается» (*ГБЛ*. Ф. 386, 98.8. Л. 6—6об.).

¹² Первый № журнала вышел в январе 1903 г.

¹³ Общество Религиозно-философских собраний возникло в Петербурге в конце 1901 г. по инициативе ряда писателей — Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, В. В. Розанова, Д. В. Filosofova и др. с согласия высокопоставленных церковников во главе с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. Целью общества являлось сближение светской и духовной мысли на почве возрождения общественного интереса к религии. Ради этой цели в дискуссиях допускалось неканоническое толкование некоторых религиозных вопросов, притом что представители высшего духовенства, участвовавшие в собраниях, твердо стояли на страже идеологии господствующей православной церкви. Во время поездки в Петербург в начале февраля 1902 г. Брюсов присутствовал на очередном заседании (*Дневники*. С. 117). Его отчет о деятельности Религиозно-философских собраний см.: *РЛ*. 1902. 22 февр. («Новое знаменательное движение»). Подпись — Аврелий).

¹⁴ В письмах Перцова к Брюсову за 1896—1901 гг. множество суждений о Бальмонте, как правило, негативных. Приведем некоторые из них. О кн. «В безбрежности»: «Я едва заставил себя просмотреть эту холодную и надутую книгу. У него есть некоторый талант, но он понятия не имеет, что такое поэзия» (18 января 1896 г. — *ГБЛ*. Ф. 386, 98.6. Л. 2). О «Типшине»: «Видел лишь книжку Бальмонга, о которой нечего говорить» (23 ноября 1898 г. — Там же. Л. 13об.). О «Книге раздумий»: «Я не мог прочесть всего Бальмонга, скуки ради» (7 декабря 1899 г. — Там же. Л. 14). Лишь о «Горящих зданиях» Перцов отозвался иначе: «Читаю здесь на досуге «Горящие здания» и (*incredibile dictu* *) становлюсь поклонником Бальмонга! Кто бы подумал!» (4 января 1901 г. — Там же. 98.7. Л. 1). Но в апреле того же года он замечает: «Ведь как и что хотела, а бальмонтовский перезвон рифм и перелив звуков (из пустого в порожнее) Фета и Тютчева не заменит. «Нет того виду». А ведь Бальмонт все-таки «глава»» (7 апреля 1901 г. — Там же. Л. 19).

¹⁵ *Lolo* (Леонид Григорьевич Мунштейн, 1868—1947) — журналист, сотрудник петербургской газеты «Новости дня». О каком сборнике идет речь — установить не удалось. Написанную шуточную пьесу-пародию «Журфиксы у Мельпомены», изображающую Брюсова и хор декадентов (Новости дня. 1902. 25 дек.). Наибольшую известность приобрел в 1905—1906 гг. как автор сатирических стихотворений на злободневные политические темы (см.: Русская стихотворная сатира 1905—1907 годов. Л., 1969). В 1906 г. вынужден был эмигрировать из России.

¹⁶ Речь идет о поэме Бальмонга «Художник-Дьявол», которая первоначально печаталась без двух первых глав в альманахе «Северные цветы на 1902 год». Полностью впервые поэма напечатана в книге стихотворений Бальмонга «Будем как солнце» (1903).

¹⁷ *СЦ* 1902 вышли в свет в апреле 1902 г.

¹⁸ С. А. Поляков.

¹⁹ Псевдоним Владимира Евгеньевича *Жаботинского* (1880—?) — одесского журналиста, поэта, критика и публициста, постоянного сотрудника газ. «Одесские новости», где в начале 1900-х годов он вел литературный фельетон «Вскользь», а также печатал статьи, заметки на литературные и театральные темы, стихотворные пародии и переводы. Переводы из Эдгара По: «Элалюм» и «Дин-дон» («Колокола») опубликованы под общим заглавием «Рождественские баллады Эдгара По» (Одесские новости. 1901. № 5505. 25 дек.).

²⁰ Перевод этого стихотворения Э. По был опубликован в «Одесских новостях» (1902. № 5515. 8 янв.). Перевод помещен в постоянной рубрике «Вскользь», которую вел *Altalena*, с посвящением Всеволоду Л. Первая строфа «Аннабель-Ли» в указанном переводе:

Это было когда-то давно и давно,
Там — в краях, что над морем легли,
Там жила дорогая малютка моя,
И я звал ее Аннабель-Ли.

Сравни у Бальмонга:

* Невероятно сказать (*лат.*).

Это было давно, это было давно
 В королевстве приморской земли:
 Там жила и цвела та, что звалась всегда,
 Называлась Аннабель-Ли ...

Бальмонтский перевод «Аннабель-Ли» был помещен в сб.: *По Э. Баллады и фантазии/* Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. М., 1895. С. 11.

²¹ См. п. 15, прим. 12. К началу 1902 г. был издан первый том Собр. соч. Э. По — Поэмы, сказки (М.: Скорпион, 1901). Занятый подготовкой Собр. соч. Шелли для «Знания», Бальмонт отложил на несколько лет систематическую работу над переводами из По. Второй том его Собрания сочинений (Рассказы, статьи) в переводе Бальмонта был издан «Скорпионом» в 1905 г.

²² Знакомство Брюсова с Иваном Алексеевичем *Буниным* (1870—1953) относится к 1895 г. После выпуска сборника стихотворений Бунина «Листопад» в изд-ве «Скорпион» (М., 1901) отношения поэтов, вполне дружеские до той поры, резко обострились. «На скорпионовском вторнике,— отметил в дневнике Брюсов в сентябре 1901 г.,— я с ним опять поговорил крушно, сказал, что все его писания ни на что не нужны, главное, скучны и т. д. Он проявлял великодушие и всячески славил мои стихи» (*Дневники*. С. 106). На следующую книгу Бунина — «Новые стихотворения» (М.: Тип. О. Гербека, 1902) — Брюсов откликнулся резко отрицательной рецензией (*ИП*. 1903. № 1). См. также п. 26, прим. 6.

²³ Стихотворения Бунина «Ночь» («Ищу я в этом мире сочетанья...») // *РМ*. 1902. № 1 и «Stella maris» («Я в бездне был, я жил кошмаром...») // *Курьер*. 1901. № 356. 25 дек.

²⁴ Татьяна Алексеевна *Полиевктова* (рожд. Орешникова) — ближайшая в Москве подруга Е. А. Бальмонт. Т. А. Полиевктова нашла возможность включить влиятельных лиц в хлопоты о разрешении Бальмонту выехать за границу и выдаче ему заграничного паспорта. Решение этого вопроса было целиком во власти курского губернатора, к которому Бальмонт, со своей стороны, давно уже обратился с официальным ходатайством. Ответа не было более двух месяцев, но к середине февраля, когда в ход были пущены разветвленные родственные и дружеские связи, все уже было сделано. 14 февраля 1902 г. курский губернатор генерал-лейтенант А. Д. Милютин выдал Бальмонту заграничный паспорт сроком на полгода. О своем решении он в тот же день уведомил департамент полиции. 16 февраля 1902 г. начальник курского губернского жандармского управления отправил в Петербург следующую секретную депешу: «Имею честь донести Департаменту полиции, что Курский губернатор отношением от 14 сего февраля за № 532 сообщил мне о выдаче им того же числа заграничного паспорта № 30, сроком на полгода, состоящему под негласным надзором полиции в Московской губернии, дворянину Константину Дмитриеву Бальмонту вследствие его ходатайства» («Нева», 1978, № 7, с. 128).

50. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

15 февраля 1902. Сабынино.

Да, я верю только в себя и в Вас. Я знаю, что мы останемся всегда такими же, где бы мы ни были. Мы будем молодыми и неземными — годы, десятки лет, века. Все другие, кроме нас двоих, так жалко делаются людьми при первой же возможности, и даже не дожидаясь ее, стареют, забывают блеск своих глаз и прежних слов своих. Мелкота. Дрянь. Сволочь. Я никогда так не убеждался в жалкой хрупкости земных душ, как теперь, когда я посмел пожелать еще большего, чем мое прежнее, и, пожелавши, увидел тотчас, что Судьба со мной. Мне нравится во многом Мережковский, но чудно, и как старик ¹. Я ведь люблю и стариков, — не старых, и не старцев, а стариков: в них есть что-то жуткое. Но Мережковский, кажется, уже очень скоро станет старцем, и конец ему. А эти петербургские мудрецы и валькирии... Представляю себе Ваши впечатления. Все эти эпилептические, печеночные, желудочные и чахоточные философы, пророки и канатные плясуны — поистине жалости достойны. Не знаю, когда их выметет мороз, как нечисть.

То, что Вы пишете о Юргисе ², мне очень хорошо известно. Но я его люблю. Иногда. Очень, впрочем, редко.

Спасибо за все фактические сообщения. Я изнемогаю от однообразия воздействующих причин. Все работа, работа или старые внутренние счета перед полным освобождением. Уж вовсе скоро напишу Вам письмо с Итальянского бульвара ³. Впрочем, еще не теряю надежды попасть в начале марта в Москву, хотя в Департаменте полиции отказали. Может быть, московские власти не будут столь свирепы ⁴.

Пишите, пожалуйста. Ваши письма так мне нужны. Стихи Альталены очень плохи, и как стихи, и как перевод ⁵. Пришлите мне своих стихов. Я почти

ничего не пишу. Только мадригалы новому гению моей души и, может быть, судьбы⁶. Зато перевозжу сколько стихов... Ах, ах...⁷

Побудите, деликатно, мистера Джо⁸ отвечать на деловые вопросы. Этот странный человек поистине духообразен в смысле способности ускользать. Вот уже несколько месяцев, как он где-то отсутствует. Что с ним?

Иоанну Матвеевну благодарю за труд переписывания⁹, Анну Рудольфовну¹⁰ молко извинить мое невольное молчание. Час торопит нас. «И в этот самый час...»

Валерий, я знаю, я узнал истинное счастье. Я узнал, как через другого видишь свою душу. Как хорошо, как глубоко, как призрачно!

Всегда Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 4—5.

¹ Определенный итог своим отношениям с Д. С. Мережковским Бальмонт подвел в цикле из пяти стихотворений — «Д. С. Мережковскому»: 1. «Ты благородней и выше других...», 2. «Когда я думаю, любил ли кто кого...», 3. «Я полюбил индийцев потому...», 4. «Зачем волна встает в безбрежном море...», 5. «О Христос! О рыбак! О ловец!...». Этот цикл вошел в раздел «Сознание» книги «Будем как солнце». В «Полном собрании стихов» (т. 3. «Будем как солнце». Изд. 4-е. М.: Скорпион, 1912) Бальмонт снял посвящение Д. С. Мережковскому и заменил название цикла (вместо «Д. С. Мережковскому» — «Одинокому»).

² Знакомство Бальмонта с Ю. К. Балтрушайтисом относится к лету 1899 г., когда тот сблизился с С. А. Поляковым и часто бывал в его имении Баньки. Бальмонт посвятил Балтрушайтису стихотворение «Поэты» («Тебе известно, как и мне...»), вошедшее в книгу «Будем как солнце» (первая публикация — *ЕС*. 1900. № 9), и включил его имя в коллективное посвящение, открывающее книгу «Будем как солнце»: «... угрюмому, как скалы, Ю. Балтрушайтису...». Ср. стихотворение Брюсова, посвященное Балтрушайтису: «Ты был когда-то каменным утесом...» (1899). Как вспоминает Е. А. Бальмонт, «после Брюсова Бальмонт больше всего был привязан к Сергею Александровичу Полякову, к Ю. Балтрушайтису, к Максиму Волошину и художнику М. Дурнову. Со всеми ними он дружил до конца жизни» (*Бальмонт Е. А. Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте // ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 68*). Об отношениях Балтрушайтиса с Брюсовым см.: *Ковалева Т. Ю. Валерий Брюсов и Юргис Балтрушайтис // Чтения 1980*. Суждение Брюсова о Балтрушайтисе, на которое отвечает здесь Бальмонт, содержалось, очевидно, в недошедшем до нас письме Брюсова.

³ Итальянский бульвар в Париже, где Бальмонт надеялся быть в марте 1902 г.

⁴ Поскольку двухлетняя высылка Бальмонта распросранилась на обе столицы и университетские города, Департамент полиции отказал Бальмонту в возможности даже кратковременного пребывания в Москве. Ему разрешили пробыть в Москве проездом меньше суток — от поезда из Курска до поезда в Варшаву.

⁵ См. п. 49, прим. 19, 20.

⁶ Имются в виду стихотворения цикла «Семицветник», посвященные Людмиле Ивановне (Люси) Савицкой: «Лесной ручей поет, не зная почему...», «Смотри, как звезды в вышине...», «Пет, ты не поняла, что в бездне пустоты...», «Люси, мой весна! Люси, моя любовь!..», «Кто полюбив — не сразу полюбил...», «Когда сейчас передо мною...», «Зачем ты хочешь слов?.. Ужели ты не видишь...». Е. А. Бальмонт в своих воспоминаниях так описывает появление в начале 1902 г. этой новой героини любовной лирики Бальмонта: «В одну из своих поездок к соседям Бальмонт встретил в одном поместье прелестную молодую девушку Люси Савицкую. Она приехала к родным из-за границы, где воспитывалась с детства, чтобы опять ехать в Париж поступать на сцену. Ей уже был обещан дебют в театре Gynpase. Это была очень талантливая девушка, она писала стихи по-русски и по-французски. Она немедленно подружилась с Бальмонтом и рассказала ему свою жизнь. Когда Бальмонт узнал о всех условиях ее приема на сцену, о закулисных правах парижских театров, он отсоветовал ей решать так быстро свою судьбу, уговаривал ее подождать, он был уверен, что це по ней, не по ее открытому, благородному характеру продажные нравы французского театра. Люси вернулась в Париж и не поступила на сцену, а занялась литературой и поэзией. Она сотрудничала во многих парижских журналах, (где печатались)* и ее оригинальные французские стихи и критические статьи. Она очень много перевела Бальмонта, его стихи и прозу. Рассказы Бальмонта в ее переводе выходили в «Mercure de France» и других французских журналах. Отдельной книжкой вышла в Париже «Visions solaires» («Солнечные видения»). Перевод с русского на французский Людмилы Савицкой. 1923. — А. Н.), впечатления Бальмонта из его путешествий по Мексике, Египту, Индии и т. д. Эта книга имела большой успех в Париже, она быстро разошлась, и об ней было много хвалебных отзывов в серьезных газетах и больших журналах. Затем Люси вышла замуж за французского инженера, с которым Бальмонт очень дружил. Пока она и Бальмонт жили в Париже, они не переставали общаться. Их связывала очень нежная дружба весь остаток их жизни. И Люси мне сама говорила, какую огромную роль сыграла в ее жизни встреча с Бальмонтом в этом глухом углу Курской губернии» (*Бальмонт Е. А. Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте*, л. 94—95).

* В машинописном экземпляре ЦГАЛИ эти слова отсутствуют.

Г. БАХМАН

Фотография. Коломна, 1878

На обороте надпись рукой И. М. Брюсовой: «Г. Бахман — подарок от Ольги Михайловны Бахман»

Литературный музей, Москва

⁷ Бальмонт в Сабинине усиленно занимался редактированием старых и созданием новых переводов для трехтомного Полного собрания сочинений Шелли в издательстве «Знание» (см. п. 15, прим. 10).

⁸ Шутливое прозвище С. А. Полякова.

⁹ Возможно, к письму Брюсова были приложены стихи, переписанные И. М. Брюсовой.

¹⁰ Анна Рудольфовна *Минцова* (? — 1910) — одна из ближайших подруг Е. А. Бальмонт, переводчица Новалиса и других немецких поэтов. В Москве и Петербурге пользовалась репутацией «прорицательницы» и «ясновидящей», увлекалась антропософскими религиозно-мистическими идеями Рудольфа Штейнера. В 1910 г. исчезла без вести, скорее всего погибла при невыясненных обстоятельствах. См. о ней также наст. кн., Переписка с Курским, п. 55, прим. 6.

51. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

16 февр(аля) (19)02. Саб(ынно.)

Валерий, посылаю Вам через руки свой новый сборник ¹. По прочтении передайте, пожалуйста, мистери Джо ². Мы с ним давно уже условились, что он мне издаст эту книгу. Надеюсь, он не откажется ³.

Печатать я хотел бы немедленно, в формате и по образцу моего нового Шелли ⁴. Прилагаю. Стихи печатать не вовсе сплошь, но и не вовсе по отдельности. Небольшие по

два на одной стр(анице), большие же, и с посвящениями, на отдельных страницах).

Теперь, как быть насчет цензуры? Есть благодетель? Если да, лучше процenzуровать. Иначе же... Предоставляю решить Вам и Джо. Боюсь изуродования, но и боюсь сожжения. Не лучше ли просто выбросить 6—7 рискованных вещей? Или посоветоваться келейно с кем-н(и)б(удь)? ⁵

Напишите поскорей. И напишите впечатление.

Ваш К. Бальмонт.

P. S. Да. Удобно ли Бахмана включить в посвящение? Спросите его. Ведь он в виц-мундире ⁶.

ВВ Переведите, пожалуйста, греческую цитату на стр. 7-й корр(ектуры) ⁷.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 6.

¹ Бальмонт выслал с оказией в Москву рукопись книги «Будем как солнце».

² См. п. 50, прим. 8.

³ Сборник вышел в издательстве «Скорпион» весной 1903 г.

⁴ См. п. 15, прим. 10. В начале 1902 г. Бальмонт располагал корректурой первого тома Собр. соч. Шелли (см. прим. 7).

⁵ Опасения Бальмонта насчет цензуры имели под собой основания. Цензурная история книги «Будем как солнце» оказалась драматичной и сложной (см. п. 87, прим. 8).

⁶ Поскольку Г. Г. Бахман находился на государственной службе (как преподаватель 1-й Московской женской гимназии), посвящение ему книги политически неблагонадежным поэтом могло быть связано для него с осложнениями. Однако Бахман пренебрег этими опасениями, и его имя включено в посвящение, открывающее книгу: «...творцу сладкозвучных песнопений Георгу Бахману». Находясь в Москве, Бальмонт не пропускал обычно литературные субботы Бахмана. Многие стихотворения Бальмонта Бахман первым перевел на немецкий язык. Поэтов связывала многолетняя дружеская переписка.

⁷ Имеется в виду эпиграф к стихотворению Шелли «К Кольриджу». В русском переводе он звучит так: «В слезах вынесу бездольную долю» (*Эврипид*. Исполит). В т. 1-м Полн. собр. соч. Шелли (СПб.: Знание, 1903) стихотворение помещено не на 7-й, а на 9-й странице.

52. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

27 февраля 1902. Сабынно.

Большое спасибо за повествование о петербуржцах¹. Расскажите еще о Ясинском. Видели Вы его? ² Скажите также, возникло ли при беседах мое имя на чьих-нибудь устах, кроме перцовских, и почему Перцов восхваляет Вас и меня? Почему Мережковский был уязвлен? За «старика-старца» или за остальную часть письма? ³ Я очень доволен, что Вы прочли ему мое письмо. Жалею, что не предвидел; я бы излился в более красноречивых словах и оборотах.

Из Ваших стихов мне понравились «Ступени»⁴. И ритм красив, и настроение передано очень хорошо.

Напишите мне, пожалуйста, поскорее и скажите, могу ли я остановиться у Вас от поезда до поезда? Только скажите открыто. Меня звала Т(атьяна) А(лексеевна)⁵, но мне конечно было бы приятнее провести эти несколько часов у Вас. Я приеду в Москву проездом: уезжаю за границу числа девятого марта⁶. Я не имею права ночевать в Москве, но на остановку от поезда до поезда конечно никто не может посягать, ибо не через воздух же мне лететь в Париж.

С нетерпением жду Ваших впечатлений от «Солнца»⁷.

Пожалуйста, переведите цитату латинскую и исправьте орфографию греческую⁸, листок верните. Молю сделать это тотчас. Также и посланную ранее цитату, в корректуре Шелли⁹.

Жму руку. На днях получите моего левиафана-Кальдерона¹⁰.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 7.

¹ Брюсов был в Петербурге в первой половине февраля 1902 г., главным образом по делам журнала «Новый путь». О его петербургских встречах с литераторами и художниками см.: *Дневники*. С. 115—118.

² С поэтом, беллетристом и издателем Иеронимом Иеронимовичем Ясинским (1850—1931) Брюсов познакомился в декабре 1898 г. на «пятнице» у К. К. Случевского. После встречи в Петербурге осенью 1900 г. Брюсов отметил в «Дневнике»: «Ясинский очень хвалил мои статьи в «Русском архиве», говорил, что ради них начал читать «Русский архив» и звал писать у него» (*Дневники*. С. 96). С этого времени Брюсов печатался в журналах Ясинского «Ежемесячные сочинения» (1900—1903), «Почталъон» (1902—1903), «Беседа» (1903—1906). Ясинский сочувственно откликнулся на книгу «Tertia vigilia», заметив, что автор ее «не только поэт, но и мыслитель и стоит на верной дороге» (*ЕС*. 1900. № 12. С. 400). В следующем номере журнала была помещена одобрительная рецензия на эту книгу. В феврале 1902 г. Брюсов посетил Ясинского в Петербурге и оставил такую запись: «В среду утром ездил к Ясинскому. Страшно далеко, у Черной речки, совсем за городом. Ясинский странный, обросший волосами и босой. Босыми ногами ходит он и по снегу из одного домика в другой. С ним некая молодая женщина. Кормил меня обедом, показывал своих Левицких, Тропинных, Боровиковских (все в plural *), уклонился платить гонорар. Он постарел и отстал от века» (*Дневники*. С. 116). Подробнее об отношениях писателей см.: *Ясинская З. И.* В. Брюсов и И. Ясинский // *Чтения 1971*.

³ См. п. 50, прим. 1.

⁴ Имеется в виду стихотворение «Лестница» («Все каменной ступени...» — январь 1902 г.). Опубл.: *НП*. 1903. № 4, цикл «Предчувствия»; I, 269.

⁵ См. п. 49, прим. 24.

⁶ Бальмонт проехал через Москву на Варшаву 15 марта 1902 г. (см. п. 54, прим. 1).

⁷ См. п. 51, прим. 1.

⁸ О каких текстах идет речь — неизвестно.

⁹ См. п. 51, прим. 7.

¹⁰ *Кальдерон П.* Сочинения. Т. 2. Философские и героические драмы. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1902.

* Во множественном числе (нем.).

53. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

3 марта 1902. Сабынино.

Я Вас совсем изведу своими просьбами. Закажите мне, пожалуйста, у Сіу сотню визитных карточек по прилагаемому образцу. Я возьму их у Вас при свидании и тогда же расплачусь. Засим. На днях Поляков получит от дочери переводчика «Небожественной Комедии»¹ (разумею, конечно, не гнусного Курсинского)², Лидии Петровны Лебедевой, перевод нескольких вещей Кра-синского. Они, кажется, вполне цензурны. Побудите Полякова издать их на каких бы то ни было основаниях (или вернее на каких-либо). Правда стоит³. Девица сия, между прочим, много уже переводила с польского и с английского, в «Северном вестнике», «Варшавском дневнике» и пр.

Жду Ваших писем. Считаю дни. Их осталось так мало.

До свиданья. Жму руку.

Ваш К. Б а л ь м о н т

Р. С. Не поедете ли со мной в Париж? Вот было бы хорошо!

А что же «Сев(ерные) цв(еты)»?⁴

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 8.

¹ Зыгмунт *Красинский* (1812—1859) — польский писатель-романтик, драматург, автор фантастической драмы-видения «Небожественная Комедия» («Nie-Boska Komedia»), опубликованной анонимно во Франции в 1835 г. На русский язык впервые «Небожественная комедия» была переведена Петром Семеновичем *Лебедевым* (1817—1875), редактором «Русского инвалида». Его дочь Лидия Петровна Лебедева — поэтесса, переводчица, доводилась Бальмонту двоюродной сестрой по матери.

² Об А. А. Курсинском и его переводе «Небожественной комедии» см. наст. кн., Переписка с Курсинским. Вступ. ст. А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова и п. 60, прим. 1 и 2.

³ О взаимоотношениях Л. П. Лебедевой с издательством «Скорпион» см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, письмо от 28 мая 1902 г., прим. 2.

⁴ *СЦ 1902* вышли из печати в мае 1902 г.

54. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

10 м(а)рт(а) 1902. Сабынино.

Итак 15-го, часов в 6 или 7 мы увидимся¹. Вы, вероятно, получили письмо от Люси?² Я буду рад увидеть не только «вестников вечного», но и всех, кто пожелает видеть меня, до Курсинского включительно. Я уезжаю действительно надолго из России. Думаю, что в следующий раз мы встретимся с Вами не в Москве, а в Париже или в Севилье.

Пожалуйста, исполните еще две просьбы. Отыщите Скирмунта, в его доме, в Гранатном переулке, часа в 4, получите от него деньги в размере ста рублей³, и сообщите ему, что я в один из кратких часов своего, так сказать, весеннего пролета через Москву непременно заеду к нему. Это во-1-х. А во-2-х, купите мне, пожалуйста, флакон Royal Oubigant (рубля в четыре): кажется, хороший магазин есть на углу Брюсовского и Тверской.

Считаю часы. До свидания. Как радуюсь мысли, что хоть несколько часов будем вместе.

Ваш К. Б а л ь м о н т

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 9.

¹ Бальмонт приехал в Москву 15 марта 1902 г. «Перед приездом Бальмонта, — отметил Брюсов, — был в честь его вечер у Бахмана, где читалась новая книга Бальмонта, пока рукопись. «Будем как солнце»» (*Дневники*. С. 119). Тогда же Брюсов записал в дневнике: «Бальмонт в Москве. Бальмонту дозволено было уехать за границу и проехать через Москву, о чем он меня известил через Люси Савицкую. Решено было, что он проведет ночь у меня. К его приезду приглашены были к нам на обед к 7 ч. — Бахмань, Юргисы, Дурнов, Т(атьяна) А(лексеевна), Лауг, Минцлова, Курсинский (...) Обед прошел довольно скучно. Бальмонт читал бесконечные свои переводы из Шелли... Я встречал Бальмонта на вокзале. Приехал он с Екатериной Алексеевной. Москве Бальмонт радовался, как давно невиданному» (*Дневники*. С. 119).

² См. п. 50, прим. 6. Письма Л. И. Савицкой к Брюсову см.: *ГБЛ*, Ф. 386; 101.30.

³ Сергей Аполлонович *Скирмунт* (1863—1932) — московский издатель, владелец книжного магазина «Груд». Бальмонт редактировал переводы сочинений Г. Гауптмана, издававшихся Скирмунтом, за что должен был получить гонорар.

55. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

12 м(а)рт(а) 1902. Сабынино.

Посылаю обратно корректуры ¹. Пожалуйста, сверьте их по исправлению. Смертельно боюсь «эrrат»*.

Hasta la vista ^{2*}

Д о н

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 10.

¹ По-видимому, речь идет о корректурах стихов Бальмонта в *СЦ 1902*: «Воля», «В домах», «Чужой», «Арум», «Восхваление луны», «Художник-Дьявол» (главы из поэмы).

56. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(22 марта/) 3 avril 1902. Paris 50, rue de Mathurins, Hôtel Sydney.

Снова смерть прошла мимо меня и даже не коснулась своей тенью. Поезд, на котором я уехал, сошел с рельсов, но из этого ничего не последовало, кроме ужасов и воплей, в которых я не участвовал ¹.

Я пленен Парижем. Вечно-прекрасный город. Но еще гляжу на него почти мертвыми глазами. Все еще сердцем там, откуда уехал, и, говоря словами Шелли, я застыл, как тот, чье тело не может быть там, где его душа ².

Пишите мне. Не сердитесь на «открытку». Привет друзьям. Обнимаю Вас.

Ваш К. Б.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. о. Л. 11.

¹ Поезд Москва—Варшава, на котором уехал Бальмонт, потерпел аварию под Смоленском. См. также наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 65.

² Источник цитаты не установлен.

57. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Апрель 1902 г.)

Писал Вам тотчас как Вы уехали *poste-restante*, получили ли Вы ту деловую записку?¹

А вот беглое впечатление нашей встречи:

Вы осуществили идеал, о котором в малолетстве я мечтал. Из двух стихов

Мгновенье мне принадлежит,

Как я принадлежу мгновенью —²

— Вы взяли первый. Вы исполнили завет Добролюбова (которого отрицаете) — «все во всем так делать, чтоб ввек дрожать» ³. Вы — рыба, если стихия жизнь. Вы — свободны. Говорю, что это идеал, о котором мечтал я долго. Мне, конечно, кажется, что я перешел куда-то выше, достиг некоей большей свободы. Но допускаю, что может быть неправ, и только просто отошел в сторону. Верно одно, что здесь мы разошлись с Вами. Мне не нужно то, что Вы ищете. Мы были когда-то близко, теперь нет. Впрочем, пересекаться могут лишь те пути, которые расходятся. Параллельные линии навсегда остаются близкими, но и не соприкоснутся нигде.

А теперь скажите мне — почему Вы, достигший этой свободы в жизни, не достигли ее в стихах? Здесь наши роли меняются. Насколько Вы «безумнее» (Ваше слово из предисловия к «Пану») ⁴ меня в жизни, настолько же трез-

* опшбок (от лат. *erratio* — заблуждение).

^{2*} До свидания (*исп.*).

веннее, литературнее в стихах. В Вас есть что-то Меевское⁵, обязывающее Вас на правильные размеры, на условности, на стихи, а не на поэзию — Ваши книги слишком бледный оттиск с Вашей жизни. Вы слишком добродетельны в своих греховных стихах, и слишком робки — в рассуждающих. Почему это, почему Вы считаете красивым каждый свой жест, и смущаетесь за каждый свой стих?

Все это объясняет, между прочим, мне, почему все Ваши стихи так прекрасны в Вашем чтении. Прекрасны не стихи, а Вы. В Вас есть магия, которой все мы, я по крайней мере, не можем не подчиняться. Будь я женщиной, я всегда, когда Вы хотели бы того, был бы в том перечне, осмеянном (из зависти?) Минским⁶. Я не могу судить Ваших стихов, когда их читаете Вы, и я досадую на них, когда читаю сам.

Все это, должно быть, мое окончательное мнение о Вас. Идите вперед все так же стремительно, я буду на Вас любоваться. Но, встречаясь, мы всегда будем доходить до обидных слов друг другу. Я согласился бы и на то, чтоб Вы позволили всматриваться в Вас, не требуя ничего. Но Вам этого мало. Все для Вас должны быть декорациями, такими, как Вы хотите, а иные Вам не то что нелюбопытны, а не нужны.

Встречаться ли нам за рубежом, куда мы едем летом решительно⁷.

«Ваш» Валерий Брюсов

1902

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 31—32об.

Черновик, без обращения и точной даты. Адресат устанавливается по содержанию: упоминается, в частности, предисловие Бальмонта к роману К. Гамсуна «Пан» (см. прим. 4). Написано после отъезда Бальмонта из Москвы. Является, по-видимому, откликом на письмо Бальмонта из Парижа от 22 марта (3 апреля) 1902 г., в котором тот сообщил свой парижский адрес.

¹ Записка не сохранилась.

² Цитата из стихотворения Баратынского «Финляндия» («В свои расселины вы приняли певца...» — 1820).

³ Цитата из стихотворения А. М. Добролюбова «На вечеринку уединенную...» (опубл.: *Добролюбов 1900*). Эти строки Брюсов включил также в статью «К. Д. Бальмонт. Статья первая. «Будем как солнце»» (VI. 250).

⁴ В предисловии к роману «Пан» Бальмонт писал, в частности, что Гамсун волшебным лиризмом соединяет любовь с Природой «и мы чувствуем, что мы раньше не видели нашей любви, — мы раньше любили как-то неполно, а он вдруг раздвинул стены, и окружил нас лесом, и окружил нас морем, и мы стали ярче, богаче, и безумнее» (см.: *Гамсун К. Пан: Роман/Пер. С. А. Полякова; Предисл. К. Бальмонта. М.: Скorpion, 1901. С. VII*).

⁵ Лев Александрович Мей (1822—1862) — русский поэт, знаток фольклора и народной речи, придавал большое значение ритмической и музыкальной организации стиха и в этом отношении действительно является одним из предшественников Бальмонта в русской лирике середины XIX в.

⁶ О каком «перечне» идет речь — установить не удалось.

⁷ Брюсов с женой и сестрой Надеждой совершил летом 1902 г. продолжительную поездку по Италии (выехали 5 мая, вернулись 11 июля 1902 г.). Бальмонт в это время также путешествовал по Европе, однако встреча за рубежом между поэтами не состоялась.

58. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(4/) 17 avril 1902. Paris

Два слова лучше, чем молчание. Писать еще не в силах. От души благодарю Вас, брат мой, за оба письма, за второе, такое, как можете написать только Вы¹. О, настоящий! Как я люблю Вас!

Пишите в Оксфорд². До отъезда напишу. Привет И(оанне) М(атвеевне).

Всегда Ваш К. Б.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 14.

¹ См. п. 57.

² Бальмонт выехал в Оксфорд 9/22 апреля 1902 г. Об этом он сообщил 7/20 апреля 1902 г. в письме к К. П. Пятницкому: «Послезавтра еду в Оксфорд и там в тишине с новым жаром примусь за работу. Там все под рукой, и сам Оксфорд со своими колледжами и парками — свидетель юношеских дней Шелли» (Нева. 1982. № 10. С. 78).

59. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

15/28 апреля 1902. Оксфорд. 12, Museum Road.

Валерий, милый, пишите мне, не покидайте меня, я так мучаюсь. Если б я был в силах рассказывать о власти Дьявола, о-ликующем ужасе, который я вношу в свою жизнь! Больше не хочу. Я играю с Безумием, и Безумие играет мной. Я был бы расчетливым холодным игроком, если бы я только играл с Безумием. Я был бы истинным лордом. Да, Оскар Уайльд сказал: «Это истинная джентльменская роскошь дважды и трижды бросить кости, играя с Грегом, но тот не выигрывает, кто играет с ним в Доме Позора»¹. Вы когда-то мечтали о счастье протянуть руку за милостыню. Я знаю это счастье, как я знаю счастье расточительства. Я знаю еще другое счастье: холодный Англичанин, не знавший, кто я, говорил со мной, взял меня к себе в дом, умолял не губить себя, и весь дрожал с головы до ног от ужаса перед моим состоянием. А я незримо, глазами души, глядел на него и, безумный игрок, внутри дрожал от веселья чудовищности. Но будет, будет, я больше не хочу этого. Не хочу иступленья. Я кончил. Внешность воплотилась. Я хочу сознания.

О. УАЙЛЬД

Ксилография Дж. Гекстера

«Весы», 1907, № 1

Я восклицал:

Меня преследуют кошмары,
Которые призвал я сам,
Создав ликующие чары,
В угрозу синим Небесам.

Но вот я полон Неба. Тишина. Отчаяние. Беспредельность одиночества. Холод сознания. Не покидайте меня, брат, единственный. Любите меня. О, любите, любите меня!

Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 12—13.

¹ Прозаический пересказ 23-й строфы третьей части «Баллады Рэдингской тюрьмы» О. Уайльда. В позднейшем (1904) переводе Бальмонта:

Ого! — кричали. — Мир обширен,
Но цепи — вот беда!
И джентльмены кость бросают
И раз, и два, — о, да!
Но раб тот, кто с Грегом играет
В прибежище стыда!

(Уайльд О. Баллада Рэдингской тюрьмы / Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. М.: Скорпион, 1904. С. 23)

60. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Оксфорд. (17/) 30.IV. (19)02. 12, Museum Road.

Если Вы захотите узнать, что такое деревья, и что такое голубые дали, не ездите никуда, а приезжайте в Англию. Здесь скоро будет чудный расцвет. И как хороши были бы итальянские озера после Оксфорда! ¹

Ваш К. Б.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 15.

¹ Брюсов этим приглашением не воспользовался.

61. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Oxford. 12, Museum Road. (18 апреля/1 мая 1902 г.)

Только ты в мой ум проник,	Что нам этот бледный мир?
В замок, спрятанный за рвами.	Есть с тобой у нас примета.
Ты увидел тайный лик,	В каждом схимнике — вампир,
С зачарованными снами.	В каждом дьяволе — комета.

Только ты поймешь меня,
Только ты! На что мне люди?
Мы от духа и огня,
Мы с тобою чудо в Чуде.

1 мая. Ночь

Лионель ¹

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 16.

¹ *Лионель* — один из псевдонимов Бальмонта; был взят им у Шелли, в стихотворении которого «Лодка на Серкио» (1821) действуют два друга-героя — Лионель и Мильчиор. В конце 90-х годов получило известность стихотворение М. Лохвицкой «Лионель», обращенное к Бальмонту. Псевдонимом «Лионель» был подписан бальмонтковский цикл псалмов «Восхваление луны» (СЦ 1902).

62. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

. (27 апреля), 10 мая 1902. Оксфорд 12, Museum Road.

Благодарю за скорый ответ. Я, кажется, не успел сказать Вам, что я оставил книгу о Приапе ¹ среди достопочтенных волюмов в белых переплетах. Кто нашел ее впервые? Вы или некто иной? Я не согласен относительно текста. Конечно, он скучен, но факты там есть весьма любопытные. А как Вам нравится хищная птица с лениво-властными глазами. Я думаю, это лучшее, что имеется в сей книге.

Относительно 25-и рублей: удержите их, пожалуйста, пока у себя. Я буду обращаться к Вам время от времени с маленькими просьбами, и начинаю тотчас же. Если «Скорпион», т(о) е(сть) С. Поляков, не послал Дагни ² «Сев(ерные) цв(еты)», пошлите ей, пожалуйста, в мой счет. Адр(ес): Norge Kristiania, Revisions-departementet, 5-te Kontor, D. Kristensen ³.

Пошлите мне, пожалуйста, 5-й, 6-й и 7-й выпуски Шелли ⁴, «Под северным небом» и «В безбрежности». Затем прошу послать безвозмездно (для Бодлеяны ⁵ и для Тайлорской библиотеки ⁶) Эдгара По, т. 1 ⁷ и стихи Валерия Брюсова ⁸.

За посылку мне «Сев(ерных) цв(етов)» благодарю. Я надеюсь, что мне пошлют сколько-нибудь денег за напечатанные в них стихи.

Сообщите мне, пожалуйста, получили ли Вы моего Кальдерона ⁹, а также, когда я получу корректуры своего нового стихотворного сборника. Передайте Скорпиону, что я очень прошу его набирать книгу теперь же ¹⁰. Мы столько раз говорили с ним о ней, что мне было бы крайне обидно, если бы он стал

медлить с печатанием. Надеюсь, что наши, непостижимые для меня, личные недоразумения не будут оказывать какого-либо влияния на нашу совместную литературную работу.

Когда Вы покидаете Москву?¹¹ Мне жаль, если я Вас не скоро увижу. Я здесь до конца здешнего июня. Потом на два месяца свободен. Где будете Вы? Я бы приехал. Хотите, предпримем странствие пешком по Швейцарии? Было бы очаровательно, и мы оба написали бы что-нибудь очень хорошее¹².

С искусственными эдемами я кончил, если не навсегда, то во всяком случае на много лет¹³. Я уравновешен, спокоен и силен. Довольно. Есть всему предел. Я не знаю ничего лучше сознания.

Вира¹⁴ я читал, и Дель Рио¹⁵, и часть Сведенборга¹⁶. Читаю многое из родственных сфер. Этот год будет исходным в моей жизни. Не будет, а уже стал.

Послушайте: я не пленен Верхареном. О, как он описателен! Но хорош его «Звонарь». Хорош и «Дождь», но здесь он раб материи¹⁷.

Ваш рассказ в «Сев(ерных) цв(етах)» мне нравится¹⁸, и веселая песня, так же как вступление¹⁹. Нужно было напечатать по крайней мере 10—15 таких стихотворений. Иначе нет смысла. Не убедительно. Только поэты Вас отчасти поймут. Кстати: благодарите меня за новую «поклонницу». Если увидите Люси²⁰, — она для Вас хочет ехать в Москву, — будьте с ней, как со мной. Быть может, Вы не сразу увидите, она единственна, как Дагни²¹, как Зина М.²², как Вы, как я.

Пишите мне. Обнимаю Вас душой. Люблю Вас, холодный брат мой. Очень люблю Вас. Я был бы несчастен долго и всегда, если бы Вы не жили, если бы Вы перестали жить.

Ваш К. Б а л ь м о н т .

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 17—18.

¹ О какой книге идет речь, установить не удалось.

² Дагни Кристенсен — норвежская поэтесса, переводчица, работала корреспондентом в Петербурге, где в 1900 г. и познакомилась с Бальмонтом. Вскоре после знакомства Бальмонт опубликовал три стихотворения с посвящением «норвежской поэтессе Дагни Кристенсен»: «Да, тебя я знаю, знаю. Ты из рода королей...», «В моем саду», «Солнце удалилось. Я опять один...» (ЕС. 1900. № 10). В книге «Будем как солнце» эти стихотворения составили «Трилистник» (цикл «Млечный путь») и также посвящены Дагни Кристенсен. Имя ее включено в общее посвящение ко всей книге: «рассветной мечте Дагни Кристенсен, валькирии, в чьих жилах кровь короля Гарольда Прекрасноволосого». Бальмонт поддерживал близкие отношения с Д. Кристенсен и переписывался с ней в течение многих лет.

³ СЦ 1902.

⁴ Сочинения Шелли/Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. Вып. 5—7. М.: Тип. М. Стасюлевича, 1897—1899.

⁵ Бодлеянская библиотека в Оксфорде; основана английским дипломатом и ученым, современным Шекспира Томасом Бодлеем (1544—1612), положившим всю жизнь на собирание книг и обновление старой университетской библиотеки в Оксфорде. По примеру Бодлея и другие богатые коллекционеры из числа государственных лиц и ученых Англии завещали библиотеке свои книжные раритеты. С начала XVII в. Бодлеянская библиотека быстро разрослась и превратилась за три столетия в одну из лучших в Европе.

⁶ Библиотека в Оксфорде при Тайлоровском институте, основанном знаменитым английским антропологом Эдуардом Бернеттом Тайлором (1832—1917), поставившим своей целью изучение культуры и искусства всех народов мира. В своей работе над переводами Шелли и других английских поэтов Бальмонт постоянно пользовался в Оксфорде услугами Бодлеянской и Тайлоровской библиотек.

⁷ См. п. 15, прим. 12.

⁸ Брюсовым к этому времени были изданы четыре книги: *ChdO 1*, *ChdO 2*, *МЕЕ* и *TV*.

⁹ См. п. 52, прим. 10.

¹⁰ Скорпионом друзья называли в шутку С. А. Полякова. Речь идет здесь о книге «Будем как солнце».

¹¹ См. п. 57, прим. 7.

¹² Эти планы не осуществились.

¹³ В примечаниях к стихотворению Шелли «Сон Марианны» Бальмонт напомнил о старой книге английского предромантика Де Куинси «Исповедь английского любителя опиума», которая была переведена на французский язык Бодлером и включена в извлечениях в его книгу «Искусственные эдемы» («*Les paradis artificiels*). Искусственные эдемы у романтиков (возбуждающая игра воображения под воздействием наркотиков, алкоголя, музыки и т. д.) противостояли прозе «вседневных дел» и обыденному сознанию.

¹⁴ Обри Томас де *Вир* (1814—1902) — ирландский поэт постромантического направления, продолжал традиции английских романтиков Вордсворта и Теннисона. Первый сборник стихов — «Уолденсы или падение Роры» (1842), вторая книга — «В поисках Прозерпины. Воспоминания о Греции и другие стихотворения» (1843). Примкнул к национальному движению Ирландского возрождения. В 1872 г. написал «Легенду о Св. Патрике». В 1884—1892 гг. вышло Собрание его стихотворений в 6 т.

¹⁵ Хулиан Санс дель Рио (1814—1869) — испанский философ, развивал и пропагандировал идеи немецкого философа-идеалиста и кантианца Карла Краузе; перевел на испанский язык одно из основных сочинений Краузе «Идеал человечества в жизни». Автор оригинальных трактатов «Система философии», «Философия смерти» (1877), в которых развивал мистические взгляды. Современная оценка и критика философии Санса дель Рио содержится в работе испанского философа и публициста Гильермо Диас-Плаха «Модернизм лицом к лицу с поколением 1898 года» // От Сервантеса до наших дней. М., 1981.

¹⁶ Эмануэль *Сведенборг* (1688—1772) — шведский философ-теософ и ученый, был почетным членом Петербургской академии наук. Подверг резкой критике ортодоксальную католическую церковь в сочинении «Истинная христианская религия» (1771). Оказал влияние на английских поэтов-мистиков Блейка, Колриджа и других авторов, которых Бальмонт считал «праотцами» современного европейского символизма. Интерес к Сведенборгу на рубеже XIX и XX вв. проявился в творчестве шведского писателя и драматурга А. Стриндберга (романы «Ад», 1897; «Легенды», 1898; пьеса «Путь в Дамаск», 1898—1904). С основными натурфилософскими и мистическими идеями Сведенборга Бальмонт соприкоснулся в середине 90-х годов, работая над переводом двухтомной «Истории скандинавской литературы» Горна Швейцера.

¹⁷ Эмиль *Верхарн* (в устаревшей транскрипции Верхарен, 1855—1916) — франко-бельгийский поэт, один из любимых поэтов Брюсова. Об отношении Брюсова к Верхарну см.: Переписка с Эмилем Верхарном, 1906—1914/Вступ. ст. и публ. Т. Г. Динесман // *ЛН*. Т. 85; *Дронов В. С.* Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн // *Чтения 1962*; наст. кн., Переписка с Коневским. Вступ. ст. А. В. Лаврова и прим. 52, 53 к ней. «Звонарь», «Дождь» — стихи Верхарна из книги «Призрачные деревни».

¹⁸ «Теперь, когда я проснулся» (*СЦ 1902*).

¹⁹ В той же книге *СЦ* была напечатана подборка стихов Брюсова «Мой песенник»: «Вступление» («По улицам узким, и в шуме и ночью...») и песни: две «Фабричные» («Как пойду я по бульвару...», «Есть улица в нашей столице...»), «Солдатская» («Так-то, братцы, и с Китаем...»), песня сборщиков на новый колокол («Пожертвуйте, благодетели...»), «Детская» («Палочка-выручалочка»), «Веселая» («Дай мне, Ваня, четвертак...»). Лирическим субъектом этих стихов был не автор, а другое лицо, уличный персонаж, в духе которого и складывалась каждая песня. Стилизации по мотивам городского фольклора заняли важное место в поэзии Брюсова начала 900-х годов.

²⁰ См. п. 50, прим. 6.

²¹ См. прим. 2.

²² З. Н. Гишинус (в замуж. Мережковская).

63. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(4/) 17 мая 1902. Оксфорд

Как медленно идут письма! Зашел случайно на почту, и хочется сказать Вам хоть два слова. Писал Вам несколько раз. Не уехали ли Вы уже? ¹ Впрочем, Морфиль ² мне сказал, что Вы готовите статью для «Атенея» ³. Видали ли Вы Л(юси)? ⁴ Очень хочется знать Ваше впечатление от нее, и ее от Вас.

Забыл сказать Вам, что мне *очень* нравится Ваша «палочка-выручалочка» ⁵. Истинный образец символической поэзии. Вы не знаете, что в 18-м столетии именно так писал стихи Вильям Блэк ⁶. До странности полное сходство метода. И очень хорошо «Рыдать на раздолии нив» ⁷. Какая щеголеватая скорбь. Настоящий Смердяков. Очень хорошо.

Ваш Лионель ⁸.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 19.

¹ См. п. 57, прим. 7.

² Уильям Ричард *Морфиль* (Морфилл) (1834—1909) — английский славист, профессор Тайлоровского института, пригласивший Бальмонта в Оксфорд в 1897 г. По предложению Морфиля Бальмонт писал годовые обзоры современной русской литературы для журнала «Атенеум», передав затем эту работу Брюсову (см. п. 47, прим. 7 и п. 48, прим. 12).

³ Статья Брюсова «Русская литература в 1902 году» (*The Athenaeum*. 1902. Juli. № 3897).

⁴ Л. Савицкая писала в своих воспоминаниях: «В Москве я посетила Брюсова, которому Бальмонт расхваливал меня...» (Цит. по: *ГБЛ*. Ф. 374, 16.2, л. 2. Подлинник по-французски).

⁵ «Детская» (песня) («Палочка-выручалочка») — *СЦ 1902*; I, 283.

Е. А. АНДРЕЕВА

Портрет работы М. В. Сабашниковой. 1909

Местонахождение портрета неизвестно, фотография с него находится в архиве Н. К. Бруни (Москва)

⁶ Уильям Блейк (Блэк) (1757—1827) — английский поэт переходной эпохи от Просвещения к романтизму, предшественник Шелли и Байрона. Наряду с демократическими, народно-песенными мотивами и ясными образами Блейк в своей поэзии отдал дань мистике; некоторые его стихотворения и поэмы темны и загадочны по смыслу и выдержаны в символическо-аллегорическом стиле. Бальмонт посвятил Блейку специальную статью «Праотец современных символистов» (*Горные вершины*).

⁷ Слова из «Фабричной» (песни) («Есть улица в нашей столице...»)

Войти я к тебе не посмею,
Но, земный поклон положив,
Пойду из столицы в Расею
Рыдать на раздольи нив.

(СЦ 1902: I, 282)

⁸ См. п. 61, прим. 1.

64. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Oxford, 12, Museum Road (15/) 28 мая 1902.

Я не из тех, кто требует любви,
Но не могу я быть и обделенным,
И ты меня своим не назови,
Когда не можешь быть со мной влюбленным.

В меня ли, в безграничность ли кругом,
В мечту, твою, мою. Нам нет условий!
Но ты не будешь даже и врагом,
Раз этого не понял ты в основе.

Лишь в беспредельном я с тобою слит,
И жалко мне, смешно твое молчанье..
Смотри: ты брошен наземь, позабыт.
Я вновь один... На празднике Созданья!

К. Б а л ь м о н т

ЦГАЛИ, Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 20.

65. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(25 мая/) 6 июня 1902. Оксфорд

Так ты не получил проклятия мой? ¹
Я проклинал тебя... Но только в забвении.
Нет, я люблю тебя, и навсегда я твой.
Мы связаны с тобой. Мы скованы Судьбой.

Хотя б единый знак, что ты еще живешь,
Мне говорит, что жизнь и наша мысль — не ложь.
О, я люблю тебя! Но — брат — в мелькании дней
Есть, может быть, другой, кого люблю сильнее.

Как странно было мне уразуметь себя,
Понять, что я всегда любил одну — любя,
Что я ее хочу, что без нее я труп
Со складкой роковой холодных мертвых губ.

Когда я буду с ней, я буду и с тобой,
Я буду весь огонь, я буду весь живой.
Теперь же я лежу в зловещей тишине,
И только тени снов склоняются ко мне.

О, если б мог ты знать весь ужас диких лиц,
Что смотрят на тела в безмолвии гробниц,
И смотрят, и хотят к умершему прильнуть,
Чтоб вовсе исказить подавленную грудь.

Но им не победить того, кто знал любовь,
И пусть я мертвый труп, но я воскресну вновь.
Мой гроб, твой гроб — гроба. Но в бездне темноты
У нас есть свет... Она! — И снова день, и ты.

P. S. Через 5 минут по получении «знака» ².

К. Б а л ь м о н т

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 21.

¹ См. п. 64.

² Речь идет, очевидно, об одном из не дошедших до нас писем Брюсова.

66. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

12, Museum Rd. (3/) 16 июня 1902. Оксфорд.

Что за дьявольская русская привычка не давать точного адреса? Друг мой, это варварство. Пишу наудачу. Если б знал, что письмо мое получите, написал бы нечто. Бросать в пространство единственные слова не могу. В стихах бросил бы, но их еще нет. Солнце не зашло. Краски слишком яркие. Ваше письмо в стихах хорошо там, где Вы говорите о мыслях-карликаx¹. Все остальное хорошо для любого, не для Вас, о, дух родной!

Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 22.

¹ Письмо не сохранилось.

67. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

12, Museum Road, Oxford. (5/) 18 июня 1902.

Я хотел бы видеть Вас, быть с Вами, быть.

До какой возможности я желаю быть с Вами, Вы знаете. Если я Вас действительно увижу, я скажу Вам что-то. Хотите? Я очень бы хотел.

Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 23.

68. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Ostende¹ (Poste restante) (14/) 27.VI.1902.

Если светится волна
О тебе поет она
О тебе и счастья сна.

Если хмурится прибой,
Все ж я в грезе голубой,
Я всегда везде с тобой.

К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 24.

¹ В июне 1902 г., когда в Оксфордском университете начались каникулы, Бальмонт совершил небольшую поездку по Европе, побывав в Дании, Голландии, Бельгии и Германии. Остенде — порт в Бельгии.

69. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

〈Брюссель. 4/〉 17 июля 1902.

Уезжаем в Нюрнберг. Через пять дней я еду в Оксфорд (12, Museum Rd). Пишите. Я дважды писал Вам в неведомый мне итальянский город¹. До свиданья.

Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 25.

¹ См. п. 57, прим. 7.

70. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Адрес: Oxford, 12, Mus(eum) R(oad).

Жажду стихов.

(10/) 23 июля 1902.

Где Вы? ¹ Писал Вам в последний Ваш итальянский пункт дважды.

Будьте добры послать Дагни «Рассказы» Леон. Андреева ² и последнюю книгу З. Гиппиус ³. Если пошлете тотчас, ее адрес: Stavanger. Если позднее: Kristiania, Revisions departement, 5-te Kontor. Пошлите мне что-нибудь из газетного лепета обо мне. Еду в Байрейт ⁴.

Ваш К. Б.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Кд. хр. 6. Л. 26.

¹ 11 июля 1902 г. Брюсовы уже вернулись из Италии в Москву.² Андреев Л. Рассказы. СПб.: Знание, 1901. Книга издана с посвящением А. М. Пешкову.³ Гиппиус З. Третья книга рассказов. СПб., 1902.⁴ Город в Баварии, где жили и работали Р. Вагнер и Ф. Лист. В 1876 г. в Байрейте создан оперный «Театр Вагнера», предназначенный для исполнения его произведений. Е. А. Бальмонт, рассказывая об отношении Бальмонта к музыке, вспоминает: «Любил Вагнера. Мы ездили из Нюрнберга раз в Байрейт его слушать» (*Бальмонт Е. А. Мои воспоминания* о К. Д. Бальмонте // ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 82).

71. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(23 июля/) 4 августа 1902. Оксфорд.

Писал Вам несколько раз в Италию и в Москву, открытки. Не пора ли нам перейти к закрыткам? Покажите добрый пример. Пожалуйста, если есть какие-нибудь отзывы о Кальдероне ¹, или о «Сев. цветах» ², не поленитесь послать мне вырезки или выписки. Очень обяжете.

Когда получу корректуры своего сборника? ³ Тоскую по ним, и тоска сия несправедливо на меня наложена.

Буду рад каждому знаку жизни. Я совершенно один, и ни малейших звуков эхо.

Ваш К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 27.

¹ См. п. 52, прим. 10. Из отзывов см., например, Венгерова З. Сочинения Кальдерона. Вып. 2. Пер. с исп. К. Д. Бальмонта // Образование. 1902. № 7—8.² Перечень откликов на СЦ 1902. см.: Библиография/II, № 121—126, 128.³ Сб. «Будем как солнце».

72. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(29 июля/) 10 авг. 1902. Оксфорд. 12, Museum Road.

Ежедневно жду корректуры ¹, безрезультатно. Очевидно, московская «спешность» явление особого рода.

Не окажете ли Вы мне услугу. В «Рус. мысли» за 1892-й год, если не изменяет мне память, в 8-ом №, есть листок переводов из Шелли и статей о нем, существующих на русском языке ². Не будете ли Вы добры переписать его для меня. Очень обяжете.

Что Вы пишете? Что делает безмолвствующий Скорпион? ³ Где Юргис? ⁴ Я пребываю в Испании и в Индии ⁵.

Ваш К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 28.

¹ См. п. 71, прим. 3.² В РМ (1892. № 7) был помещен библиографический список: *Провинциальный библиограф*. «Шелли в русской литературе». (К 100-летию рождения).³ С. А. Поляков.

⁴ Ю. К. Балтрушайтис с женой летом 1902 г. также совершил поездку в Италию, там они встретились с Брюсовыми: «Во Флоренции повстречались с Юргисами... Жили с ними до конца. Сроднило нас в S. Margherita куанье. Купались мы впятером с лодки (дамы раздевались на утесе). Расставшись с нами, Юргисы поехали в Швейцарию на Achensee» (*Дневники*. С. 121).

⁵ В Оксфорде Бальмонт перечитал множество книг, в их числе об Испании и Индии.

73. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

12, Museum Rd, Oxford. (3/) 16 авг. 1902.

Будьте добры, не откажитесь исполнить просьбу: пошлите мне (если можно, тотчас) стихотворения Фета в новом издании ¹, и стихотворения Тютчева, предпочтительно в старом издании ^{*}, если же нет его, то в новом ².

Если у Вас нет больше моих денег, сообщите, пожалуйста, я немедленно вышлю Вам.

От Вас вестей нет. Жму руку.

Ваш К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 30.

¹ Полн. собр. стихотворений А. А. Фета: В 3 т./Под ред. Б. В. Никольского. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901.

² Стихотворения Ф. И. Тютчева. М.: Изд. «Русского архива», 1886; Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1900-

74. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(5/) 18 авг(уста) 1902. Оксфорд.

Сегодня получил 3 листа своей книги ¹, и сегодня же отослал их Вам заказной бандеролью. Будьте добры посылать мне корректуры в двух экземплярах.

Куда Вы пропали?

Ваш К. Б а л ь м о н т.

P. S. Если Вы «собрались с духом» и прочли что-нб. из Кальдерона, напишите о впечатлении ².

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 29.

¹ Первые листы набора книги «Будем как солнце».

² См. п. 52, прим. 10. Никаких отзывов Брюсова об этой книге не сохранилось.

75. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Оксфорд. (7/) 20 авг(уста) 1902.

Для кого Вы пренебрегли мною, неверный и коварный друг, для чьих глаз, для чьих улыбок, для чьей души? Мне очень недостает Ваших писем. Сообщите же о себе что-нибудь и внешнее и внутреннее. Что до меня, я весь в книгах, которые заменяют мне людей, — страницы возникают передо мной, как паруса перед глазами глядящего с необитаемого острова, и так же бледнеют, исчезают, оставляя в душе чувство неудовлетворенности. Однако же, когда мы встретимся весною в Париже (ведь Вы приедете) ¹, Вы увидите меня другого, не того, о, не того, который покидал в таком разорванном состоянии нашу милую Москву ². Когда я опять буду с Вами там, где так поют колокола, где люди напоминают мне живые оттиски со старых, дурно сделанных, но милых сердцу, гравюр, где каждая улица связана с каким-нибудь воспоминанием, где я впервые знал отчаяние и любовь, где мне столько раз воскликнули «люблю», где столько глаз потемнели, глядя в мои потемневшие глаза.

* малого формата (прим. Бальмонта).

Здесь я один, как в башне.

Москва... Если бы я начал говорить подробно о моей любви к ней, я никогда бы не кончил. Не там ли я полюбил Вас, в первое мгновение, когда увидел, и эта любовь длится почти уже десятилетие. Не кажется ли Вам это таинственным? Я столько же разлюбил, а любовь моя к другим так похожа на привычку повторять раз сложенные созвучные слова. Из всех, кого я называл названьем друга, только Вас мне больно было бы утратить навсегда, расстаться с Вами на этой Зеленой Звезде. Живите долго, потому что Вы нужны для красоты мира, и потому что я хочу еще жить десятки лет.

Я думаю, Вы не правы, говоря, что «Здания» лучше «Солнца»³. Я гораздо больше люблю последнюю книгу. Но Вы правы, говоря, что в «Горящих зданиях» я был в волне подъема, который, может быть, никогда не повторится. Никогда... Так ли, однако? Я так зависим от каждого призрака, встающего на моем пути. Мое никогда такое же, как навсегда Шелли: он везде, где ему правилось, хотел навсегда остаться, но после бесчисленных скитаний это ему удалось только на Средиземном море⁴.

Я почти не пишу стихов. Однако посылаю для «Нового пути» четыре стихотворения⁵ (если там не участвует Победоносцев)⁶. Напишите свое впечатление. Я очень просил бы Вас написать что-нибудь в этом журнале о Кальдероне⁷. Или, может быть, Мережковский напишет? Скажите ему. Мне кажется, что драмы, собранные в этом томе, по меньшей мере столь же интересны, как Шекспировские⁸. О скорейшем наборе моей книги весьма молю. Не забудьте посылать корректуры в двух экземплярах.

Жду Ваши последних стихов. Неужели о «Северных цветах» у Вас нет никаких отзывов?⁹

До свиданья. Поклонитесь Иоанне Матвеевне, и прочтите Минцловой «Безрадостность»¹⁰. Или, может быть, Вы переписите этот сонет для нее. Приветствия всем — Бахману, Юргису, Дурнову.

Жму руку.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 31—32.

¹ Двухлетний срок высылки Бальмонта из столиц и университетских городов России истекал в мае 1903 г. Весну 1903 г. Бальмонт предполагал провести в Париже и приглашал Брюсова встретиться там. Однако Бальмонт смог вернуться в Россию досрочно, в январе 1903 г. Брюсов в апреле 1903 г. на две недели приехал в Париж, но Бальмонт оставался в это время в России.

² О тяжелом настроении Бальмонта при отъезде его из Москвы в марте 1902 г. см. п. 56.

³ Отклик на суждение Брюсова из его несохранившегося письма к Бальмонту. Брюсов повторил затем ту же мысль в третьей статье «К. Д. Бальмонт», посвященной сборникам «Злые чары» и «Жар-Птица»: «Высшей точкой, которой достиг Бальмонт в своем победном шествии, были „Горящие здания“ (1899). Это вершины, уходящие в ясную лазурь, это — льдистые венцы, горящие золотом на рассвете и пламенем перед закатом. За ними раскинулось высокое и гордое плоскогорье, с широкими кругозорами и свежительным разреженным воздухом, залитое чистым неумолимым светом; книга „Будем как солнце“ (1902 г.). Со следующего сборника, „Только любовь“ (1903 г.) начинается уже спуск вниз...» (VI, 265).

⁴ Покинув Англию в 1814 г., Шелли много путешествовал по Франции, Швейцарии, Германии, Голландии и Италии. 8 июля 1822 г. он утонул в Средиземном море, в заливе Специя, во время катания на лодке с друзьями. Через несколько дней тела погибших были найдены и кремированы. Прах Шелли погребен на новом протестантском кладбище в Риме.

⁵ Как следует из п. 77, в «Новый путь» были посланы стихи: «Я люблю в немом покое...», «Если жизнь тебе дана...» и «Безрадостность» («Мне хочется безгласной тишины...»); название четвертого стихотворения не установлено.

⁶ Константин Петрович Победоносцев (1827—1907) — обер-прокурор Синода, член Государственного совета, крайне консервативный публицист, вдохновитель реакционной репрессивной политики Александра III, потом Николая II, один из участников Религиозно-философских собраний в Петербурге, материалы которых печатались в «Новом пути».

⁷ Рецензия на второй том сочинений Кальдерона в *НП* не было.

⁸ Ср. аналогичное суждение в письме Бальмонта к Чехову от 10 ноября 1898 г. (*ВЛ*. 1980. № 1. С. 108).

⁹ См. п. 71, прим. 2.

¹⁰ См. п. 50, прим. 10. О сонете «Безрадостность» см. прим. 5 к наст. письму.

76. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Оксфорд. Между 7/20 и 18/31 августа 1902 г.)

Чем Вы заняты? как-то совсем не могу представить себе Вас. Ведь «уроки», вероятно, отнимают очень немного времени. Строю гипотезу, и беру струнный инструмент.

О, ты, которого зловещая старуха,
Неведомая мне, приводит в свой альков!
Явись услугою для жаждущего слуха,
Явись мне вестником далеких берегов!
Ведь мы всегда, во всем — от пламени и духа,
Дай мне дохнуть цветов Аидовых лугов!
Ответствуй мне в словах размеренной октавы,
Яви мне в образах позорные забавы!

Ну, прощайте. Пишите же.

Ваш К. Б а л ь м о н т.

P. S. Большое спасибо за Тютчева и Фета ¹.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 30а.

Верхняя часть листа отрезана. Вероятно, часть текста утрачена.

Датируется приблизительно, так как из содержания письма ясно, что оно написано между п. 75 и 77.

¹ См. п. 73, прим. 1 и 2.

77. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(18/) 31 августа 1902. Оксфорд.

Ваше стихотворение ко мне прекрасно ¹, и я желал бы быть таким, каким Вы меня в нем рисуете, но это, к сожалению, не я. Нет, я тоже не май, а «целый год» ², и чем дальше идет время, тем далее я от того образа, который живет в Вашем стихотворении. Я мог бы быть таким, если бы моя внешняя жизнь не сложилась так неудачно, и если бы я не был «гражданином» столь мучительной страны, как Россия. Я буду все больше и больше уходить от «беспечности» ³, и буду ли я сильным в Вашей силе, не знаю, но желание «забот» неизбежно. Хотя... Иногда я чувствую в себе такую легкость, воздушность и прозрачность, ощущаю такую гармонию и мировую ненарушимость, полную красоты изваяния, как будто я счастливый эллин выдуманной нами беспечной Эллады.

Вы очень смутили мое сердце сообщением о единственной корректуре ⁴. Нельзя ли послать мне ее уже совершенно исправленной в согласии с моей рукописью, чтобы я действительно имел выправленную корректуру. Если в чистых листах будут опечатки, я безусловно потребую, чтобы они были перепечатаны, и принимаю это обещание Полякова не как пустую фразу. Ногабене.

Молю Вас торопить типографию и потребовать от нее высылки мне корректур и чистых листов в двух экземплярах. Неужели это так трудно. Я получил опять корректуру в одном экземпляре. Мне кажется, что Поляков, продержав мою рукопись полгода, мог бы быть несколько внимательнее ко мне. Это уже относится не к дружбе, которой между нами нет, а к простому литературному приличию.

Из тех стихов, что я Вам послал для «Пути», два, кажется, очень посредственные: «Я люблю в немом покое» и «Если жизнь тебе дана» ⁵. Если Вы того же мнения, примите сии два взамен: «Ты мне была сестрой» ⁶, и великолепную фантазию Кольриджа, навеянную опиумом ⁷. Напишите мне впечатление Ваше. Отчего Вы, «гадкий», ни слова мне не сказали о сонете? Неужели Вас не обрадовала моя «Безрадостность»? ⁸ Мне кажется, что этот сонет прекрасен.

Напишите поподробнее о «Пути». Что это за журнал? Почему Вы его редактор? Сколько просуществует эта эфемериды? Ужели Вы покинули Моск-

31 августа 1902. Оксфорд.

Ваше стихотворение ко мне прекрасно, и я желал бы быть таким, каким Вы меня во нем рисуете, но это конечно не я. Нет, я тоже не май, а "чужой гость", и čímь дальше идет время, тэмь дальше я от того образа, который живет во Вашем стихотворении. Я могъ бы быть такимъ, если бы моя внѣшняя жизнь не сложилась такъ неудачно, и если бы я не былъ "гражданиномъ" столь мучительной страны, какъ Россія. Я буду все больше и больше уходить отъ "безпечности", и буду-ли я сильнѣе въ Вашей силѣ, не знаю, но желаніе "заботъ" немѣлочно. Хотя... Иногда я чувствую въ себѣ такую легкость, воздушность и прозрачность, ощущаю такую гармонию и мировую некарашимость, полную красоты и изящія, какъ будто я счастливый эликъ выдуманной нами безпечной Злады.

Вы очень смущили мое сердце сообщеніемъ о единственной корректурѣ. Нельзя-ли послать мнѣ ее уже совершенно исправленной въ согласіи съ моей рукописью, чтобы я дѣйствительно имѣлъ исправленную корректуру. Если въ чистыхъ листахъ будутъ опечатки, я безусловно потребую, чтобы они были перепечатаны, и принимаю это обѣщаніе Полякова не какъ пустую фразу. Ногабене.

Молю Васъ торопить типографію и потребовать отъ нея выслать мнѣ корректуру и чистыхъ листовъ въ двухъ экземпляровъ. Неужели это такъ трудно. Я получаю опять корректуру въ одномъ экземплярѣмнѣ кажется, что Поляковъ, держа въ мою рукопись полгода, могъ бы быть несколько внимательнѣе.

ПИСЬМО К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ

Машинопись. Оксфорд, 31 августа 1902 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ву? * Это мне кажется таким же невозможным и безвкусным, как переселение Папы в Авиньон ¹⁰.

Относительно человека Вы говорите неверно. Конечно, Победоносцев умен. Было бы глупо отрицать это. Но неужели можно радоваться на ум, который направлен на убийство чужих мыслений, на убийство не силой ума, а силой полицейских мер. Я жалею, что этой собаке не прострелили ее зловредный череп, хотя я вовсе не поклонник убийства ¹¹. Что же касается Богдановича и Бунина, они очень маленькие и вполне безвредные Иванушки-Дурачки ¹². Быть с ними в одной комнате так же неприятно, как быть в доме, где кричит с утра до вечера идиотическая птица, чье имя — попка-дурак, но все же приятнее быть с попугаем, чем с гиппопотамом или с вонючей гиеной.

До свиданья. Пишите скорей. Завидую Вам, что Вы нашли «учительницу» ¹³. Я, увы, ни о чем таком не помышляю, и живу в полной святости, без единого стакана вина в течение недель и недель, и без единого поцелуя.

Напишите мне о «гнузости». Пожалуйста. Что сие? ¹⁴ Я так легкомыслен и доверчив к людям, что много раз был в положениях, повторения которым не желал бы. Вы можете уберечь брата Вашего от лишнего неосторожного

поступка. Ну, расскажите. Я смерть как любопытен. Сперва я подумал, на мгновение, о Скорпионе, но сейчас же с негодованием отверг свое подозрение. Потом о Юргисе, которого, как Вы, я считаю способным на все, и тоже немедленно отверг свою мысль. Потом подумал о Мережковских и остановился. Если я ошибаюсь, буду очень рад, потому что, хотя я не люблю их, я все же и люблю их*.

ГБЛ. Ф. 386. 76.1. Л. 4—6.

¹ Стихотворное послание «К. Д. Бальмонту» («Вечно вольный, вечно юный...» — I, 348), отправленное в августе 1902 г. в Оксфорд вместе с несохранившимся письмом. См. об этом подробнее: *Нинов А. А.* О стихотворном послании В. Я. Брюсова «К. Д. Бальмонту» 1902 // *Чтения* 1983

² Отклик на девятую строфу брясовского стихотворения:

Ты не наш — ты только божий,
Мы весь год — ты краткий май!
Будь — единый, непохожий,
Нашей силы не желай.

³ Ответ на брясовский призыв:

Будь покорен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.

⁴ Очевидно, Брюсов сообщал, что корректура сб. «Будем как солнце» будет посылаться Бальмонту лишь в гранках, а верстка прислана ему быть не может.

⁵ См. п. 75, прим. 5.

⁶ Вошло в книгу: «Только любовь. Семицветник». М.: Гриф, 1904.

⁷ Перевод фрагмента неоконченной поэмы Колриджа «Кубла Хан» («В стране Ксанад благословенной...»). Самюэл Тейлор Колридж (1772—1834) — английский поэт, философ, критик, теоретик романтизма, виднейший представитель «озерной школы». В поэме «Кубла Хан» поэт воссоздает мир ярких, но болезненных сновидений, являющихся человеку под влиянием наркотиков. Перевод Бальмонта опубликован в его кн.: *Из чужеземных поэтов*. М.: Просвещение, 1908.

⁸ См. п. 75, прим. 5.

⁹ Мережковские предлагали Брюсову стать секретарем «Нового пути» и переехать в Петербург. Этого предложения Брюсов не принял. Подробнее об этом см.: *Максимов Д.* Брюсов и «Новый путь» // *ЛН*. Т. 27—28.

¹⁰ Авиньон — город на юго-востоке Франции, в Провансе. После захвата в плен папы римского Бонифация VIII король Франции Филипп IV добился избрания на папский престол французского ставленника, ставшего в 1305 г. папой под именем Климента V и перенесшего в 1309 г. папскую резиденцию из Рима в Авиньон. В 1377 г. папа Григорий IX снова перенес резиденцию в Рим.

¹¹ В 1901 г. была произведена попытка покушения на жизнь Победоносцева.

¹² Ангел Иванович Богданович (1860—1907) — литературный критик и публицист, участник народовольческого движения; сотрудничал в народническом журнале «Русское богатство»; со второй половины 90-х годов перешел на позиции легального марксизма. С 1894 г. — редактор журнала «Мир божий», в котором выступал с резкими статьями о декадентах. В журнале печатался Бунин, а с 1897 г. — и Бальмонт, на что, вероятно, в письме к нему и указал Брюсов.

¹³ Вероятно, намек на какое-то очередное увлечение Брюсова.

¹⁴ О чем идет здесь речь, неясно. Подозрения Бальмонта падают попеременно на С. А. Полякова, Ю. К. Балтрушайтиса, З. Н. и Д. С. Мережковских. Но кого имел в виду в своем письме Брюсов — установить не удалось.

78. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(31 августа/) 12 сентября 1902. Оксфорд.

Сегодня отправил Вам четвертый и пятый листы. В них пропущен листок отдела ¹. Он был пропущен и в первом листе («Четверогласие стихий»), но я думал, что этот листок для означения отдела мне будет доставлен с листком посвящения. Не вышло ли какого недоразумения? Означения отделов непременно должны быть в книге, и потому я не подписал к печати этих двух листов. Будьте добры сделать для них исключение и прислать вторичную корректуру. Для остальных, если безусловно необходимо, с тяжелым сердцем соглашаюсь на одну, как писал Вам ². И прошу Вас, Валерий, окажите же мне эту услугу,

* Нижняя часть листа оторвана. Подпись отсутствует.

похлопочите о скорейшем наборе, если это возможно. Эта книга писалась три года. Мне мучительно больно, что она до сих пор еще не напечатана.

Отчего молчите? Вот ответ Вам, «Дилемма»³, на Ваше чудесное стихотворение, которое чем больше читаю, тем больше люблю. Пленил им Морфиля и строгую к Вам жену мою⁴, которая от него в курсивном восторге. Я думал о Вас последние дни напряженно. Мне Вы были необходимы. До страдания. Теперь опять в волне работы, вдохновения, тихой радости жизни. Друг мой, приезжайте в Париж весной⁵. Мы переживем небывалые дни духовного единения. Уезжаю туда через два дня. Пишите по адресу: Hôtel Corneille, vis-à-vis de l'Odéon.

Пишите о себе. Жду. Жму руку.

Сердцем Ваш К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 36.

¹ Бальмонт говорит, очевидно, об отсутствии в корректуре сб. «Будем как солнце» шпунцитула с обозначением второго раздела книги — «Змеинный глаз».

² См. п. 77, прим. 4.

³ Приложено двухчастное стихотворение «Дилемма»: 1. «Будь свободным, будь как птица, пой, тебе дана судьба...» и 2. «Нет, мой брат, не принимаю...». Помечено датой: «8 сентября. Вечер. 1902. Оксфорд». Является ответом на стихотворное послание Брюсова «К. Д. Бальмонту» (см. п. 77, прим. 1). В книге «Только любовь» опубликовано под названием «Выбор».

⁴ Характеризуя отношения двух поэтов, Е. А. Бальмонт писала: «Оба они принадлежали к молодому поколению, к новым людям. Оба волевые, с ярко выраженными индивидуальностями, они влияли друг на друга, но ни один не подчинялся другому. У обоих было неудержимое желание проявлять себя, свою личность. Бальмонт это делал непосредственнее и смелее. У Брюсова его „дерзания“ были более надуманны, и выходили и в жизни и в творчестве как-то искусственно» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 63).

⁵ См. п. 75, прим. 1.

79. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж. 19 сентября/2 октября 1902 г.)
B-d St.-Michel, 107. Hôtel de l'Observatoire

2 окт. 1902. В круговороте ощущений не мог до сих пор ничего написать Вам. На днях напишу. Не забывайте меня. Я помню Вас, когда шумят волны, и помню в лабиринтах бессмертного Города, в зыбях его гипноза.

Ваш К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 39.

80. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(26 сентября/) 9 сентября 1902. Париж 107, Бульвар Сен-Мишель.

Куда же Вы опять пропали, и отчего умолкли? Я не писал так долго от невозможности. Дни и ночи спутались, все на время изменилось.

По одному моему слову она бросила все и приехала ко мне из Норвегии в Париж¹. И вот часами мы лежим слабые, изнеможенные, беспомощные. Мир далеко. Близкие, любимые, далеко. Тело отдало телу все, что могло отдать. Душа чувствует родную и зыбкую душу, которая вот тут. Звуки, доходящие снизу, с улицы упадают в слух, как в сказке, как в солнечный миг, исполненный внушений алкоголя. Помните сонет Верлена, которым мы восхищались пять лет тому назад?² Как странно-четко слышатся иногда чужие шаги. — Почему же это противоречие? — Я первые дни несколько раз ходил один ночью над Сеной, и мне так хотелось броситься в нее. Меня манила и звала ее всегда беспокойная вода. Теперь и то, и это ушло. Проходят последние дни свиданья, улица, бульвары, парк, и лес, — настоящий лес около Парижа, и сладострастье среди густой переплетенной зелени, ягоды, лесные ягоды, сорванные близ Парижа, и два побледневшие лица у ствола зеленого высокого

дуба. Потом тишина, падающие мгновенья, еще день, еще несколько дней, и я один на долгие месяцы. Я снова буду после утренней детской молитвы считать мгновенья, отдавая их работе, и не знать поцелуев, и не знать радости выпить стакан живительного вина. Снова радость отречения. Не высшая ли она?

Бесполезны все речения,
Безрассудны все слова,
Только радость отречения
В безызымности жива.

На башне Сен-Сюльпис звонят к вечерней молитве. Как сладко мне верить в Бога среди ничтожных богохульников. Как сладостно шептать детские слова в том городе, где нет детей. Я не изменю Ему, единственному. И в самом низком падении не забуду о нашей, о Вашей и моей, блестящей двумирной вечерней звезде.

Ваш К. Бальмонт.

P. S. Пожалуйста, обратите внимание: в листах моей книги кажется не везде поставлено внизу мое имя; если оно не поставлено в отпечатанных, тогда вычеркните его в тех двух, что я послал Вам вчера. Пошлите мне Ваших стихов.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 40—42.

¹ Речь идет о встрече с Дагни Кристенсен — см. п. 62, прим. 2.

² Очевидно, Бальмонт пишет о сонете Верлена «Lassitude» («Усталость») из книги «Poèmes saturniens» («Сатурнические стихотворения»). Перевод этого сонета, выполненный Брюсовым, см.: *Верлен П. Собрание стихов/Пер. В. Брюсова. М.: Скорпион, 1911.*

81. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж. 11/24 октября 1902 г.)

Париж. 24 окт. 1902. Только что отправил корректуры. Был болен и потому задержал. Отчего молчите? У меня смерть в сердце. Откликнитесь.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 42.

82. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(16/) 29 окт. 1902. Париж.

Давно от Вас нет ни слова. Напишите же. Тем более напишите, что я в последние дни познал сочетание слов *hermano* и *traidor* *. В высшей степени интересны все московские новости ¹. Я с своей стороны поделюсь парижскими случайностями, если они Вас интересуют.

Всегда Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 43.

¹ Основные новости осени 1902 г.: Брюсов в это время был избран членом комиссии по организации литературных «вторников» Московского литературно-художественного кружка, познакомился с А. М. Ремизовым, сблизился с Андреем Белым. В октябре 1902 г. Брюсов записал в дневнике: «Одно время я со всеми ссорился. Разошелся с „Русским архивом“ и „Русским листком“, очень поссорился с „Новым путем“, написал бранные письма Ясинскому и др. (. . .) В Художественном кружке — вторники. Идиоты говорят глупости, и в этом проходит вечер. Хлопают тому, кто скажет поглупее. И неистовствуют от радости, если оратор косвенно заденет, плюнет на правительство или христианство. Дурнов построил очень плохой театр (Омон) — банально-декадентский» (*Дневники. С. 122—123*).

* брат и предатель (*исп.*).

83. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж. 21 октября/1) 3 ноября 1902.

Простите, что пишу лишь два слова. Не уверен, что Вы в Петербурге сейчас¹, и кроме того очень занят. Читаю 7-го в Русском университете лекцию² «Чувство личности в поэзии»³. Взгляд и нечто, за которые не жду особых аплодисментов. Пошлите, пожалуйста, «Новый путь»⁴. Здесь многие им интересуются. Зин. Ник и Д. С.⁵ мой приветствия. Опишите мне подробно Ваши впечатления от П(етер)бурга⁶. Я пишу стихи, читаю книги, гляжу на две чаши весов, находящиеся на одном уровне.

Ваш всегда Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 44.

¹ Брюсов приехал из Москвы в Петербург 12/25 ноября 1902 г. и оставался там до 29 ноября (см.: ЛН. Т. 92, кн. 1. С. 484, прим. 7).

² Русский университет или Вольная русская школа социальных наук была открыта 14 ноября 1901 г. в Париже усилиями русской колонии, главным образом политическими эмигрантами. С лекциями на разные темы в Русском университете выступали известные русские ученые, философы, писатели и публицисты. Общее направление лекций было оппозиционным по отношению к русскому царскому правительству. В лекциях излагались также общие проблемы европейской истории, политики, культуры и искусства.

³ Темой этой лекции Бальмонт избрал отношение к любви в английской и испанской классической драме XVI—XVII вв. Содержание лекции в виде отдельной статьи было изложено в альманахе *СЦ 1903*. Статья «Чувство личности в поэзии» вошла в сборник статей К. Д. Бальмонта «Горные вершины».

⁴ Первый номер «Нового пути» появился в конце декабря 1902 г. О программе и содержании журнала см.: *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890—1904. — Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. См. также п. 77, прим. 9.

⁵ Э. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский.

⁶ О пребывании Брюсова в Петербурге в конце 1902 г. см. подробнее: *Дневники*. С. 124—126.

84. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(3/) 16 ноября 1902. Париж. 107, Бульвар Сен Мишель.

Ах, чорт французов побери:
Я побывал в Консьержери¹.

Я видел полчище страстей,
Мужчин, и женщин, и детей.

Изведал я, по воле тьмы,
Четыре мерзкие тюрьмы².

Я нищим был, без слов, без сил,
Со мной свой суп жокей делил.

Не знаю я, — свидетель бог, —
Как был захвачен я врасплох.

И всех, кто был под стражу взят,
Я всех любил, — люблю, как брат.

Но я узнал, как глуп судья,
И воры были мне друзья.

Чтоб нежным быть, нам нужно пасть,
Нам нужно внешнее проклясть.

И я теперь вполне знаком,
Как много мыслят под замком.

И боли нет. О, жизнь, о, свет.
Как счастлив я, что я Поэт.

Посему — задержка с корректурами. Три листа высланы вчера. Умоляю не задержать остальной набор книги и тщательно исправить погрешности. Очень молю поскорее набрать дальнейшее, чтобы книга успела выйти до Святков. Затем: один молодой художник предлагает мне, и даже как одолжения просит, сделать, по-видимому вовсе бесплатно, обложку³, в стиле наготы Ропса⁴. Согласится ли «Скорпион» воспроизвести ее? Ответьте поскорее. Многого этого художника я видел, и думаю, что будет что-нибудь интересное. Во всяком случае могу послать эскиз.

Для «Северных цветов» приготовлю статью «О чувстве личности в поэзии»⁵ (с тайным девизом — истинные поэты все шокинг, и с многими силуэтами),

а также надеюсь прислать новые стихи, ждущие мига. То же самое и касательно «Нового пути». Буду весьма очарован возможностью появиться не в обрывке, а в некоторой множественности.

Пишите мне, ради Бога. Я не могу писать много. Восполняю пробелы ежедневности, и пробелы в том дорогом, что я называю «течением мысли», от далеких ко мне, и от меня к далеким.

Обнимаю Вас.

Всегда Ваш К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 45—46.

¹ Тюрьма предварительного заключения в Париже, куда Бальмонт попал 7 ноября 1902 г. после лекции в Русском университете в результате случайного уличного инцидента по обвинению в «неуважении к полиции». Через два дня по уплате штрафа Бальмонт был выпущен.

² Первый раз Бальмонт был задержан и подвергнут допросу в жандармском управлении г. Шуи в седьмом классе гимназии (1884) в связи с обвинением в принадлежности к нелегальному революционному кружку (см.: *Агриков Н. Д.* Шуйский противоправительственный кружок 80-х годов прошлого столетия // Историко-революционный сборник: Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Иваново-Вознесенск, 1926. Вып. 4. С. 23—68). В ноябре 1887 г. Бальмонт был арестован и посажен на несколько дней в московскую Бутырскую тюрьму как один из организаторов студенческих беспорядков в Московском университете. Следствием этого инцидента было исключение Бальмонта из университета, где он начал учиться на юридическом факультете (см.: *Орлов В. Н.* Бальмонт: Жизнь и поэзия // *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 18). В апреле 1902 г. Бальмонт был допрошен в Петербургском охранном отделении после ночного обыска в его квартире (см. п. 48, прим. 1). Консьержери оказалась четвертой в истории столкновений Бальмонта с русской и иностранной полицией.

³ Молодой художник *Фидус* (Гуго Хешпелер, 1868—1948), с которым Бальмонт познакомился в парижской мастерской Е. С. Кругликовой, выразил желание оформить его книгу стихотворений «Будем как солнце» — это предложение было принято издательством «Скорпион».

⁴ Бельгийский художник и график *Фелисьен Ролс* (1833—1898), мастер офортов, создал несколько серий обнаженных фигур, украсивших некоторые художественные издания конца XIX в. Предварительные эскизы и окончательный вариант обложки Фидуса для книги «Будем как солнце» см.: Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 39. М., 1978. С. 59 и наст. кн. С. 56, 58, 60.

⁵ См. п. 83, прим. 3.

85. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж. 28 ноября/) 11.XII.02

Пожалуйста, пошлите отпечатанные листы в 2-х экз.¹ Очень прошу поторопиться с набором. Получили ли статью для «Сев(ерных) цв(етов)»? ² Стихи пошлю недели через две ³. Пишу на днях ⁴. Спасибо за письмо из СПб. Напишите скорей хоть две строки.

Ваш К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 47.

¹ Речь идет о листах книги «Будем как солнце», которая в декабре 1902 г. была представлена в московскую цензуру.

² См. п. 83, прим. 3.

³ См. п. 86, прим. 1.

⁴ Это письмо неизвестно.

86. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(13/) 26 дек(абр.) 1902. Париж.

Я не успел вчера написать о просьбе, с которой обращаюсь сейчас, и жалею, что не написал вчера, ибо сегодня получил Ваше письмо, и как бы пишу после него. Мне нужно денег, сколько-нибудь, 100—150 рублей. Не может ли «Скорпион» послать их мне. Если может, пошлите их тотчас телеграммой, через «Лионский кредит». Мне очень нужно, и, если эти деньги не могут быть посланы как плата, я решаюсь просить их заимообразно.

Стихи для «Северных цветов» вышли на днях ¹. Относительно статьи моей ² отвечаю на Ваши вопросы частью положительно, частью отрицательно. А именно. Сократить часть цитат можно, но, если это уж так неизбежно, я прошу сократить цитаты из Кальдерона ³, никак не из Тирсо ⁴, и не из Форда ⁵. Или Форд нецензурен? Цитаты из Шекспира очень прошу сохранить. Я знаю, что как перевод, это хорошо и лучше, чем у Тютчева ⁶. Очень просил бы при-слать корректуру возможно скорее. Не задержу.

Относительно Ибсена приветствую Вас десятикратно ⁷. Обещаю ответить отказом и Скирмунту ⁸ и Поповой ⁹, если они обратятся ко мне. Прошу оставить за мной перевод «Северных воителей» и «Пеера Гинта» и напоминаю, что давно уже перевел «Привидения» ¹⁰, прошу очень предложить Екат(ерине) Ал(ексеевне) перевод чего-нибудь, что она выберет (предпочтительно «Дикой утки» и «Сольнеса»). Она не знает норвежского языка, но я сверю ее перевод с подлинником строка за строкой. Я хотел бы знать подробности об этом плане. Быть может, «Северные воители» уже отданы кому-нибудь? Я люблю их более, чем что-нибудь, и готов был бы «отнять» их.

Я охотно принял бы более «подробное» участие в сем предприятии, если «Скорпион» этого хочет. Мы можем совершенно уничтожить другое предприя-тие. Раздавить Буниных нельзя, ибо черви живучи, но сократить их вполне возможно ¹¹.

Сейчас получил 17-й лист. Верну сегодня, или не позже завтра. Пожалуй-ста, пошлите мне отпечатанные листы, если можно, в двух экземплярах.

Я напишу Вам «письмо» о себе тоже сегодня или завтра. Писал Вам весьма романтически из Версаля, но уничтожил письмо, боясь, что края Ваших губ ухмыльнутся насмешливо. Эта поездка в Версаль несколько походила на утро Ставрогина, с Лизой, если верно помню ее имя ¹². Но я погасил по методу Шек-спира огонь огнем. Та другая говорит мне: «Я бы все-таки хотела быть для тебя лучше Брюсова». О, Господи, ведь есть же ухищрения в человеческой душе. Когда я буду с Вами, брат мой. Мне недостает, как жизни, Ваших слов, и Вашего умения слушать.

До свиданья. Пишите скорей, и исполните, если можно, мои просьбы. Мне кажется, что я только что вышел из подземелья.

Всегда Ваш К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 48—49.

¹ В альманахе *СЦ 1903* были опубликованы стихи Бальмонта: «Весь — весна» («Мой милый, ты сказала мне...»), «Болото» («На версты и версты протянулось болото...»), «Старый дом» («В старинном доме есть высокий зал...»).

² См. п. 83, прим. 3.

³ Бальмонт цитировал в статье отрывки из переведенных им пьес Кальдерона «Жизнь есть сон», «Большой», «Поклонение кресту».

⁴ *Тирсо-де-Молина* (1571—1648) — испанский драматург, одним из первых обработал в драматической форме средневековую легенду о Дон Жуане. Бальмонт приводит в статье переведенные им отрывки из его драмы «Месье Тамар».

⁵ Джон *Форд* (1586—1640) — английский драматург, завершивший развитие драмы елизаветинской эпохи. Наиболее известные его пьесы: «Меланхолия влюбленного» (1629), «Нель-зя ее развратницей назвать» (1633), «Разбитое сердце» (1633), историческая хроника «Перкин Уорбек» (1634).

⁶ Бальмонт перевел отдельные строки из «Гамлета» и из комедии «Сон в летнюю ночь». Он выбрал в комедии Шекспира тот отрывок, который переводил Ф. И. Тютчев. Ср.:

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец то есть); сей, равно безумный,
Любовник страстный видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око, в светлом иступленье,

Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба, на небо с земли —
И, лишь создаст воображенья виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их превращает в лица и дает
Теням воздушным местность и название.

(Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 297)

Любовники, безумные, поэты
Воображеньем творческим полны.

Неведомым вещам дарует форму,—
Поэт преобразует их в виденья,

В тот час, как истушенный взор поэта
С земли скользит на небо, и с небес
На землю,— час, когда воображенье

И, закрепив воздушные ничто,
Даёт им место, назначает имя.

(*Горные вершины*. С. 23—24)

⁷ В несохранившемся декабрьском письме к Бальмонту Брюсов, по-видимому, излагал план нового издания пьес Ибсена в книгоиздательстве «Скорпион». План этот не был осуществлен.

⁸ См. п. 54, прим. 3. Полн. собр. соч. Г. Ибсена вышло в издательстве Скимунта в 1903 г.

⁹ Ольга Николаевна *Попова* (1848—1907) — издательница, владелица книжного магазина и библиотеки-читальни в Петербурге. Сочинения Ибсена в издательстве Поповой не выходили.

¹⁰ Творчеством Ибсена Бальмонт увлекался с юности. В начале 90-х годов он перевел с норвежского и подготовил к печати критико-биографическую книгу Г. Йегера «Генрих Ибсен» (см. п. 15, прим. 16). В 1896 г. Бальмонт перевел и выпустил отдельным изданием драму Ибсена «Привидения». Театральная постановка этой пьесы в переводе Бальмонта тогда же была запрещена цензурой (*ЦГИАЛ*. Ф. 776. Оп. 26, 1896. Д. 15. Л. 172). В сентябре 1900 г. дирекция императорских театров повторно обратилась в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить ее к представлению. Первый цензор драматических сочинений, изложив содержание пьесы и историю ее запрещения в переводах Лимонова (1895) и Бальмонта (1896), пришел к выводу, что, кроме двух неудобных мест, «в пьесе не заключается решительно ничего предосудительного», и полагал возможным, при устранении этих мест, «дозволить ее к представлению на сцене императорских театров» (Там же. Оп. 25. Ед. хр. 600). Однако 20 октября по заключению члена Совета Литвинова запрещение ставить пьесу было оставлено в силе.

¹¹ Очевидно, И. А. Бунин должен был принимать участие в изданиях Ибсена, которые предполагались в издательстве С. А. Скимунта или О. Н. Поповой. Однако ни в одном из русских изданий Ибсена переводы Бунина не печатались.

¹² Утреннее объяснение Лизы Дроздовой со Ставрогиным в Скворешниках после ее «побега» с ним составляет содержание третьей главы («Законченный роман») последней части романа Достоевского «Бесы». В этом объяснении Лиза, между прочим, говорит Ставрогину: «Третьего дня, когда я вас всенародно „обидела“, а вы мне ответили таким рыцарем, я приехала домой и тотчас догадалась, что вы потому от меня бежали, что женаты, а вовсе не из презрения ко мне, чего я в качестве светской барышни всего более опасалась. Я поняла, что меня же вы, безрассудную, берегли, убегая. Видите, как я ценю ваше великодушие» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Л., 1974. Т. 10. С. 400). Бальмонт имеет в виду, вероятно, встречу в Париже с Еленой Цветковской после возвращения Дагни Кристенсен в Норвегию.

87. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(23 декабря 1902 г./) 5 января 1903. Париж.

Снова свершились какие-то круги, и я тоскую гляжу на мир, и как ладья в море, плыву куда-то без цели.

Неделю тому назад был довольно фантастический вечер здесь. Русский вечер. Глупая Анненкова-Бернард читала какой-то вздор¹, а публика вела себя приблизительно как в конюшне. Очень это было горестно. Когда настала моя очередь читать, я, выйдя на эстраду, уклонился заранее от бисов, и заявил: «Я прочту три стихотворения: стихотворение Эдгара По «Колокольчики и колокола», в моем переводе², стихотворение Валерия Брюсова, посвященное мне³, и мое последнее стихотворение». Это сообщение было встречено аплодисментами, и публика стала внимательно слушать, что меня, знавшего конец, исполнило некоторым злорадством. И первое и второе стихотворение было встречено, или вернее «награждено» рукоплесканиями. Мне было радостно читать Ваши строки. «Вдохновенный, вечно-юный». Я был с Вами, и мне казалось, что это мои строки Вам. Я дрожал, телесно, от негодования, и от чего-то еще, но я был высоко над толпой, я был с Вами. И наконец я прочел свое стихотворение.

Я был вам звенящей струной,
Я был вам цветущей весной,
Но вы не хотели цветов,
И вы не слышали слов.

Я был вам призывом к борьбе,
Для вас я забыл о себе,
Но вы, не увидев огня,
Оставили молча меня.

Е. К. ЦВЕТКОВСКАЯ

Фотография, 1899

Центральный архив литературы и искусства СССР,
Москва

ответили, что они не могут дать мне за эту сумму ничего, но рядом могут. Я зашел «рядом» в ужаснейший и пустынный малый вертеп, где безмолвная сиделица любезно дала мне за два су стакан рома. Кроме меня там был добродушно-злодейственного вида человек и его престарелая любовница, с частью носа, растраченного, как ее невинность. Она пришла в ярость от вида человека, одетого в английское пальто и жеманно просящего дать ему что-нибудь на два су, она подскочила ко мне с яростью, и долго что-то говорила, и ее слова были красноречивее многих нежных весенних слов. О, как мне было жаль ее. Злодейственный человек кротко призывал ее к своему столу, но ей нужно было что-то пить и есть на четыре су, которых не было ни у него, ни у меня. Сиделица грустно смотрела на нас, и должно быть мечтала о далекой деревне, откуда ее затащили для этого проклятого ремесла в этот мучительный вертеп. Это было по соседству с Морг⁶.

Потом я встал и дошел до бульвара Распайль, где Елена⁷ отперла мне свою комнату, и я лежал у нее, без мысли, без слов почти, и несколько холодных поцелуев не таили в себе страсти. Сестра, сестра. Ведь она воистину сестра.

Благодарю за деньги. Поблагодарите Полякова. Корректуры только сейчас отправил. Благодарю очень за посылку отпечатанных листов. Спасите мою книгу. В ней верно вырежут много страниц⁸. Пошлите обложку и посвящение. Рисунок к обложке я отверг. Галиматья⁹.

Солнце светит. В душе жажда. Когда увижу Вас? Пишите скорей. Я не могу писать о многом. Нет слов.

Мне кажется, что я в Мальстрёме¹⁰. Веселие безысходности.

Ваш К. Бальмонт.

Когда ж вы порвали струну,
Когда растоптали весну,
Вы мне говорите, что вот
Он звонко, он нежно поет.

Но если еще я пою,
Я помню лишь душу мою,
Для вас же давно я погас,
Довольно, довольно мне вас⁴.

Это стихотворение имело наибольший успех. Что сие? Или действительно я «умею обращаться со зверьми»? Когда аплодисменты и крики «бис» стали мне нестерпимыми, я вышел и сказал, что я могу лишь повторить последнюю строку последнего стихотворения: «Довольно, довольно мне вас». И публика покорно умолкла. Вчера я читал лекцию о Шелли⁵. Мне кто-то хотел устроить какой-то скандал. Но устроили полную залу слушателей, и полное внимание, и полное сочувствие.

Внешности.

В промежутке между этими вечерами я блуждал по ночному Парижу. Один. С отчаянием в душе. В одну из ночей я постепенно утратил возможность заходить в помещения, а в воду броситься мне не очень хотелось. Я зашел в одно помещение и спросил, могут ли мне дать что-нибудь на два су. Мне

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 7—9.

¹ Нина Павловна *Анненкова-Бернард* (в замуж. Дружинина, 1864—1933) — писательница, актриса Александринского театра. Что читала она на описываемом вечере — установить не удалось.

² Опубл.: *По Э. Баллады и фантазия*/Пер. К. Д. Бальмонта. М., 1895 (первые две части); *ЕС*. 1900. № 12 (полностью). Бальмонт писал, что эта его работа — «скорее подражание, чем перевод» (Баллады и фантазии. С. XIV).

³ Стихотворение «К. Д. Бальмонту» (см. п. 77, прим. 1).

⁴ Под заглавием «Довольно» опубл.: *Только любовь* (раздел «Проклятья»).

⁵ Лекция была прочитана в Русском университете.

⁶ Улица в Париже; место действия рассказа Э. По «Убийство на улице Морг».

⁷ Елена Константиновна *Цветковская* (1883 (?)—1944) — возлюбленная, после 1920 г. — жена Бальмонта. Дочь генерала из Киева, Е. К. Цветковская в начале 900-х годов училась в Париже на математическом факультете Сорбонны. С Бальмонтом познакомилась после его публичной лекции в Русском университете в ноябре 1902 г.

⁸ Книга «Будем как солнце», неофициально представленная в московскую цензуру в декабре 1902 г., вызвала там серьезные замечания. Несмотря на исправления и замены отдельных стихотворений, неофициальные переговоры не привели к решению вопроса, и 3 марта 1903 г. в Главное управление по делам печати в Петербурге поступило представление из Московского цензурного комитета. Рассматривавший названную книгу и. д. цензора Московского цензурного комитета коллежский советник Соколов представил о ней следующий доклад: «Книга К. Бальмонта состоит из 205 стихотворений (. . .) В цензурном отношении эти стихотворения тем особенно обращают на себя внимание, что все они относятся к разряду так называемых символических и среди них имеется слишком много эротических, крайне циничных и по местам, как напр., на стр. 220, 222 и 251, даже кощунственных (. . .) Рассматриваемую книгу Бальмонта я нахожу крайне вредною с цензурной точки зрения и (. . .) с своей стороны полагаю, что о ней, как таковой, следует незамедлительно донести Главному управлению по делам печати, присовокупляя, что она вредна особенно может быть в настоящее время, когда большая часть читающей публики, особенно молодежь, так увлекается символизмом. Притом рассматриваемые стихи Бальмонта отличаются по форме тщательной отделкой и несомненно рассчитаны не на чувство, а на чувственность читателя» (*ЦГИАЛ*. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1. Ед. хр. 625. Л. 26, 27).

4 марта из Главного управления по делам печати последовало указание Московскому цензурному комитету приостановить выпуск в свет отпечатанной без предварительной цензуры книги (Там же. Л. 29). Книга была направлена на дополнительное рассмотрение члену Совета М. В. Никольскому. Заключение последнего было более благоприятным, хотя оно и предписывало ряд изъятий в готовых листах книги. Вместо 205 стихотворений в книге осталось 198, причем некоторые стихотворения из первоначального состава были уже заменены и отдельные строки исправлены. Указание В. Н. Орлова, что книга печаталась в ноябре 1902 г. и «вышла в свет в изд-ве „Скорпион“, очевидно, в самом конце года», неточно (см.: *Бальмонт К. Д. Стихотворения*. Л., 1969. С. 626). Книга Бальмонта не только помечена на титуле 1903 г., но и вышла фактически в свет не ранее конца марта 1903 г. В письме к редактору «Ежемесячных сочинений» И. И. Ясинскому от 1 июля 1903 г. Бальмонт заметил: «Получили ли Вы мою книгу „Будем как солнце“, прошедшую сквозь строй московских и петербургских цензоров и потерявшую при этом 10 стихотворений, в том числе напечатанного у Вас „Святого Георгия“ Хотели вырезать и „Художника-Дьявола“, но спасло указание на то, что он был напечатан в „Ежемесячных сочинениях“» (Там же).

⁹ О каком рисунке говорит здесь Бальмонт — не вполне ясно. Кроме окончательного варианта обложки «Будем как солнце», известны еще четыре предварительных эскиза Фидуса (см. п. 84, прим. 3, 4). Возможно, что Бальмонт «отверг» один из этих эскизов.

¹⁰ Мальстрём — холодное течение в Атлантическом океане.

88. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(25 декабря 1902/) 7 января 1903. Париж.

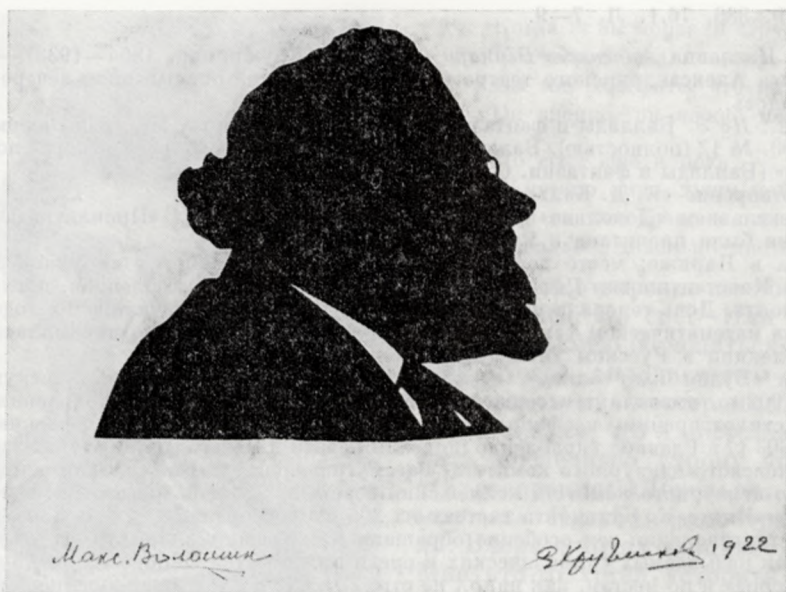
Податель сего письма, Макс Волошин, да внидет в дом Ваш, приветствуемый и сопровождаемый моей тенью ¹. Он не только любит стихи, но и знает первобытные скитания не менее, чем А. Добролюбов ².

Неизменно Ваш К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 10.

¹ О М. А. Волошине и его знакомстве с Брюсовым см. наст. том, кн. 2, Переписка с Волошиным. Вступ. ст. К. М. Азадовского и А. В. Лаврова; о знакомстве с Бальмонтом: *Нина А. А. Так жили поэты...* // Нева. 1984. № 10. С. 118—124.

² В студенческие годы и после отъезда за границу Волошин много путешествовал: осенью 1899 г. он первый раз побывал в Италии, Швейцарии, Франции и Германии. После ареста и изгнания из университета Волошин отправился в Среднюю Азию, он работал в пустыне,

М. А. ВОЛОШИН

Силуэт работы Е. С. Кругликовой, 1922

в партии геодезистов, на трассе будущей Туркестанской железной дороги. В июне 1901 г. вместе с друзьями совершил пешеходное путешествие из Франции по Испании и Андорре. «В эти годы,— писал позднее Волошин,— я только впитывающая губка, я весь — глаза, весь — уши. Странствую по странам, музеям, библиотекам: Рим, Испания, Балеары, Корсика, Сардиния, Андорра (. . .) Лувр, Прадо, Ватикан, Уффици (. . .) Кроме техники слова, овладеваю техникой кисти и карандаша» (Радуга. 1966. № 3. С. 53). Александр Добролюбов скитался по окраинам и глухим местам России — по Карелии, Архангельской и Олонецкой губерниям, среди уральских казаков, по Оренбуржью и т. д.

89. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

7 января (ст. ст.) 1903. Москва.

Богам ветров (есть боги сквозняка, как демоны снега etc.)¹ было угодно исказить мой внешний лик и тем лишить меня возможности тотчас же по прибытии приехать к Вам. Не придется и быть вечером среди Ваших слушателей². Приезжайте, если возможно, хоть на один час ко мне. Жажду Вас видеть.

Ваш К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 12.

¹ Ср. стихотворение Брюсова «Демоны пыли» (1899; I, 209).

² Бальмонт вернулся в Москву из Парижа 6 января 1903 г. Вечером 7 января Брюсов выступил на «вторнике» Московского Литературно-художественного кружка с докладом «Искусство или жизнь. О поэзии Фета». Доклад вызвал резкие возражения в прениях и закончился литературным скандалом, получившим отклики в прессе. Свою версию этого происшествия Брюсов изложил в заметке «Фетовский вечер и фетовский скандал» (за подписью Москвитянин — *НП*. 1903, № 2). Через несколько дней Брюсов записал в дневнике: «Бальмонт приехал за день до моего чтения, но не был на нем из-за флюса. Я видел Бальмонта раза три. Он был уныл, скучен, вял...» (*Дневники*. С. 129).

90. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

23 января 1903. Москва
Знаменка, Ваганьковский, д. Куманина, кв. 18.

Посылаю Вам только что написанные стихи. Я опять возвратился к ритмическим строчкам. Прочтите их пленительной Бэле, и расскажите мне ее впечатление¹.

Впрочем, стоит ли кружиться	Ты остынешь к поцелуям
В заколдованных кругах?	Этой тленной красоты,
Что свершится, то свершится,	И отдашься вечным струям,
Ты разлюбишь дольний прах.	Где исчезли «я» и «ты» ² .

Мне нравится больше мое другое стихотворение, начинающееся словами:

Мне радостно видеть, что в сердце моем
Есть нежность без жадных желаний³.

Я напишу к весне книгу стихов нежных и бесплотных, как паутинки под солнцем⁴. Я знаю теперь, что есть бесплотные «маленькие» поцелуи. Елена живет в моей душе⁵.

Пишите мне скорее и больше. Я видел двух-трех людей. Но люди утратили для меня какой-либо интерес. Я только мечты свои вижу, вот они со мной, — о, нежные, красивые, в них трепет белых крыльев и мерцанье белых лепестков. Привет.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 50.

¹ Бэла — лицо неустановленное. См. посвященное ей стихотворение Бальмонта «Я не знаю, как же быть?..» («Будем как солнце»).

² Публикация этих стихов не найдена.

³ Второе из четырех стихотворений, объединенных общим заглавием «Жемчуг» (*Только любовь*).

⁴ Книга «Только любовь» вышла в свет в ноябре 1903 г.

⁵ Е. К. Цветковская (см. п. 87, прим. 7) оставалась в это время в Париже.

91. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

7 мая 1903. Москва.

Думал, что придете сегодня. Может, еще надумаете? Очень бы хотелось увидеть Вас.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 51.

92. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Ст. Корф, Балт. ж. д. Меррекуль¹, д. 6
28 мая 1903.

Пошлите мне, пожалуйста, Ваш «Путь в Дамаск»²; в это стихотворение я положительно влюблен. Я повторяю его, блуждая в лесу, но чувствую, что я в нем что-то сам присочинил и что-то выпустил. Я его читаю так:

Губы мои приближаются	Мы, как священнослужители,
К твоим губам.	Творим обряд.
Таинство страсти свершается,	Тихо в любовной обители,
И мир как храм.	Мечты горят.

Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь — в Дамаск³.

Я думаю, что это самое сильное Ваше стихотворение.

Я написал несколько новых стихотворений, и посылаю Вам одно из них⁴. Написал также стихотворение «Только любовь»⁵.

Где Вы? Что Вы делаете? Приезжайте к нам. Здесь удивительно красиво. Нет ли чего нового в Москве?

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 52.

¹ Меррекуль — дачный поселок на берегу моря в Эстонии, куда в мае 1903 г. Бальмонт уехал на лето с семьей.

² Стихотворение «В Дамаск» впервые опубликовано: *ЕС*. 1903. № 4 (без загл.). Вошло в *УО*.

³ Бальмонт воспроизвел стихотворение Брюсова неточно и неполно (ср. I, 311). Предлагая включить это стихотворение в «Книгу о русских поэтах последнего десятилетия», Брюсов писал Вл. Пясту (автору вступительного очерка): «Я очень настаиваю только на одном стихотворении (. . .) «В Дамаск» (“Urbi et orbi”), которое мне дорого и в котором отразилось что-то из моих самых сокровенных переживаний» (*Стихотворения и поэмы*. С. 756—757).

⁴ К письму приложен автограф стихотворения «О, как моя душа многообразна!..».

⁵ Заключительное стихотворение книги «Только любовь»; публиковалось под заглавием «К людям» («О, люди, я к вам обращаюсь ко всем...»).

93. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Меррекуль, Эстл. г., д. 6. 8 июня 1903.

Амиго, зачем Вы принимаете в расчет тот класс людей, который именуется русскими читателями? Мне кажется, это коренная ошибка. Что они скажут о Вас или обо мне, решительно все равно. Важно только то, что мы можем сказать друг о друге.

Я очень радуюсь тому, что Вы хотите посвятить Вашу книгу мне ¹. Моя дружба с Вами всегда вызывает во мне воспоминания о лучших годах, месяцах, днях и мгновениях. Я ни с кем не чувствую такого внутреннего родства, как с Вами, несмотря на все наши различия, и на всю нашу коренную рознь. Моя жизнь была бы очень неполна, если бы я не встретил Вас.

Какую форму должно иметь посвящение? Мне кажется, третью, то есть с упоминанием «современных поэтов», и с «брату лучших лет». Только почему «наших современных», а не просто «поэтов наших дней»? И почему лучших лет, а не лучших мгновений? Упоминание о летах дает ощущение ретроспективности, о которой нам еще очень рано думать. И разве не лучшее в Вас и во мне, что мы вечно молоды, что мы не можем постареть, что мы никогда не будем позорными «маститыми», что мы принадлежим мигам, что мы духи страсти, огня, жизни, бесстыдства, бесстрашия? У нас будет еще много лучших лет — когда мы войдем в здания, созданные нами, и когда мы коснемся новых берегов. А лучших мгновений не может быть, будут только такие же прекрасные, ибо те мгновения, которые связали нас, были лучшим и самым ярким, что может быть для двух молодых душ, чувствующих прелесть Луны, ночи, инея, мечтаний, таинств того, что мгновенно, и ощущения внутренней созвучности, ощущения двух звездных рек, убегающих от своих истоков к Бесконечности.

Когда выйдет Ваша книга?

Напишите о моей книге не откладывая, и отдайте в «Новый путь» ².

Я решил давать им много. Дал уже две серии стихов, своих и переводных ³. И думаю написать какую-нибудь статью, — хотя я все-таки нахожу, что Фридберг поступил весьма остроумно ⁴.

В Вашем стихотворении строфа с ангелами, поющими тропарь, безусловно лишняя. В душе ни за что не приемлю ее. Но зато следующая, которую я забыл, лучше всего, что можно сказать о двух целующихся. Это высечено из благородного материала, и будет жить, как камея ⁵.

Я тоже чувствую охлаждение к женским письмам ⁶. Я весь теперь в мечтах о следующем. К январю я кончаю Шелли, Эдгара По и третий том Кальдерона ⁷. Затем в течение многих месяцев читаю миллион книг о Индии, Китае и Японии. Осенью будущего года еду в кругосветное путешествие ⁸. Константинополь, Египет, вероятно, Персия, Индия, часть Китая, Япония. На обратном пути Америка. Путешествие — год. Если б Вы захотели поехать вместе со мной, это была бы сказка фей. Поедмте. Подумайте, что за счастье, если мы вместе увидим пустыню и берега Ганга, и священные города Индии, и Сфинкса, и Пирамиды, и лиловые закаты Токио, и все, и все.

Между прочим, не говорите пока никому об этом. Мне не хочется, чтобы «друзья» захватили мои (наши?) мечты своими несносными вопросами.

Пишите и пошлите стихов. Жму руку. Приезжайте к нам.

Всегда Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 54—55.

¹ Книга «Urbi et orbi» была подготовлена Брюсовым к изданию летом 1903 г. и вышла в свет в конце ноября с посвящением: «К. Д. Бальмонту, другу и брату».

² Брюсов откликнулся на книгу «Будем как солнце» специальной статьей (К. Д. Бальмонт. «Будем как солнце». Книга символов. М., 1903), отданной, однако, не в *НП*, а в «Мир искусства» (1903. № 7—8).

³ В *НП* за 1903 г. были опубликованы следующие стихотворения и переводы Бальмонта: № 1 — «Безрадостность», «Ты была мне сестрой...»; № 6 — «Из книги „Только любовь“»: «Красный цветок», «Далеким близким», «Я ненавижу человечество...», «Как трудно мне на медленном огне...», «Я заглянул во столько глаз...», «Я нити завязал могучего узла...», «Я был вам звенящей струной...», «Отречение»; № 8 — «Из иностранных поэтов» (из Поля Фора, Вильяма Блэйка, Тора Ланге, Аугусто Феррана); № 10 — «Из книги „Только любовь“»: «Что мне нравится...», «Сигурд», «Мои звери», «Маскированный бал», «Так скоро», «К Елене», «Дьявол моря», «Пять пещер», «Полночь», «Сознание, сила и основа».

⁴ О Д. Н. Фридберге см. наст. кн., Переписка с Коневским, п. 58, прим. 2. Летом 1903 г. Брюсов сделал о нем такую запись: «Без меня ко мне заходил Фридберг. Он не оставил карточки. „Скажите, что заходил „ландыш““. Я догадался. Зиночка говорит, что Фридберг помешался. Леонид Семенов рассказывает, что Фридберг принес в редакцию “Нового пути” лукошко салата и оставил. Потом, выдержав экзамен, взял свои бумаги из университета» (*Дневники*. С. 133).

⁵ Речь идет о третьей и четвертой строфах стихотворения «В Дамаск» (см. п. 92, прим. 3).

⁶ Ср. строки из стихотворения Брюсова «У себя» (1901): «А эта груда женских писем // И нежива, и холодна» (I, 271).

⁷ *Шелли П. Б.* Полн. собр. соч. СПб.: Знание, 1903—1907. Т. 1—3; *По Э.* Собр. соч. М.: Скорпион, 1901—1912. Т. 1—5; *Кальдерон П.* Соч., М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1900—1912. Т. 1—3.

⁸ В начале 1905 г. Бальмонт отправился в Мексику и вернулся через полгода. План кругосветного путешествия осуществлен не был.

94. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Мерреколь. 26.7.03.

Ну, что же, вот Вам мой «Гимн»¹. Я не вижу Вашего лица, и потому посылаю его с чувством недоверия. Напишите подробно о впечатлении.

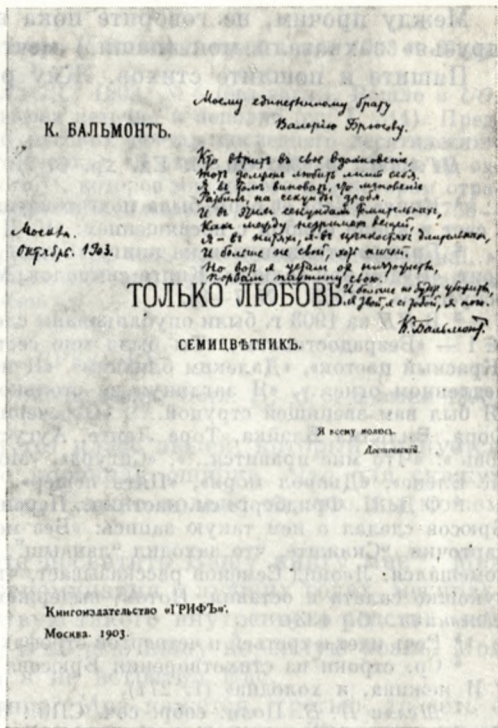
Не знаю, писал ли Вам Поляков, что я перевел «Балладу» Оскара Уайльда. Она будет издана «Скорпионом»². Как хотелось бы мне прочесть ее Вам и видеть Вас в эти мгновения. В смысле потрясающих очарований я не знаю другой равносильной вещи, кроме «Ворона». А в смысле виртуозности перевода, это лучше, чем мой перевод «Ворона»³.

Все эти недели я живу как в бреду. Я написал целый ряд новых стихов⁴ и перевел шеллиевскую поэму «Лаон и Цитна»⁵, которая по размерам кажется больше «Илиады». Вы, может быть, вовсе не будете ее читать. Но в ней есть места, которые уводят мечту в Бездонность, и есть места, которые говорят, что если бы Шелли жил дольше, он раньше Эдгара По написал бы «Маску Красной Смерти» и еще кое-какие страницы «Таинственных рассказов».

Благодарю Вас очень за посылку статей о «Северных цветах»⁶. Не можете ли послать то, что было о них и обо мне в «Московских ведомостях» и в «Русском листке»⁷.

Кстати. Переведите мне, пожалуйста, и разъясните следующую фразу (эпиграф к «Освобожденному Прометею»): *Audite haec, Amphiaræ, sub terram abditæ?*⁸

Что Ваша книга?⁹ Что Ваша статья о «Солнце»?¹⁰ Узрю ли ее? В Петербург приезжала Елена¹¹. Я виделся с ней, но сбежал от нее в публичный дом. Мне нравятся публичные дома. Потом я валялся у нее в комнате, на полу, в припадке истерического упрямства. Потом я снова сбежал в иной храм шабаша, где многие девы пели мне песни, а Елена успела уехать в Киев. Я впрочем люблю ее, как всегда. Быть может больше. За мной приехала Е. А.¹² и увезла

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. Д. БАЛЬМОНТА

на книге «Только любовь». М., «Гриф», 1903: «Моему единственному брату Валерию Брюсову. Кто верит в свое вдохновение, || Тот должен любить лишь себя. || Я в том ви юват, что мгновение || Разбил, на секунды дробя. || И в этих секундах томительных, || Как между незримых вещей, || Я — в нитях, я в цепкоствах длительных, || И больше не свой, хоть ничей, || Но вот я устал от ничтожества, || Порвал паутину свою. || И больше не будет убожества, || Я твой, я с тобой, я пою. К. Бальмонт. Москва. Октябрь. 1903»

Обложка по рисунку М. А. Дурнова

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

меня, совершенно обезумевшего в Меррекуль, где несколько дней и ночей я был в аду кошмаров и снов наяву, таких, что мои глаза пугали глядящих. Какой однако я систематический органчик. Правильно разыгрываю мелодии. Теперь я сижу на веточке и говорю: «чирик-чирик». Как берегут меня боги. Быть может «для примера». Готов служить.

В мире родился новый поэт, и сильный. Его имя — Балтрүшайтис. Знаете ли Вы его «Банкомета»? Великолепно¹³.

«Новый путь» — помойная яма, и не очень глубокая помойка, так что в ней нет даже очарования истинной отвратительности¹⁴.

Пишите мне, дремотный брат. Примите участие в моей бешеной скачке. Ведь Вы скачки любите, и, говорят, даже Полякова в этом смысле развратили. Люблю Вас. А! я живу!

Ваш всегда К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 56—57.

¹ Цикл стихотворений «Гимн солнцу», которым открывалась новая книга Бальмонта «Только любовь», состоял из семи стихотворений: 1. «Жизни податель...», 2. «О, как, должно быть, было это утро...», 3. «Я все в тебе люблю. Ты нам даешь цветы...», 4. «Свежей весной...», 5. «Я тебя воспеваю, о яркое жаркое Солнце...», 6. «Люблю в тебе, что ты, согрел Франциска...», 7. «О, мироздатель...». К письму приложена машинопись этих стихотворений с пометкой под последним из них: 30 июня — 1 июля 1903. Вечер. Ночь. Утро. Меррекуль».

В тот же день, 26 июля, Бальмонт послал этот цикл Чехову вместе с письмом к нему: «Дорогой Антон Павлович, обращаюсь к Вам с просьбой. Не можете ли Вы поместить в «Русской мысли» мой «Гимн к солнцу». Вы прочтете его и, я знаю, увидите, что это стихотво-

рение не причинит своим появлением ущерба никакому журналу в мире. Но мудрецы есть в каждой редакции, и их назначение быть палачами рукописей, которых они не могут понять именно в силу своей банальности и в силу таинственных личных соображений. Если Вы можете оказать свое влияние на властелинов «Русской мысли», я очень буду Вам благодарен. Я не решаюсь послать этот гимн Виктору Александровичу непосредственно» (ВЛ. 1980. № 1. С. 124). Чехов исполнил эту просьбу и переслал рукопись В. А. Гольцеву, отметив, что «стихотворение хорошее» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма. М.: Наука, 1982. Т. 11. С. 239). Несмотря на рекомендацию Чехова, в РМ стихотворение напечатано не было, так как Гольцев нашел его «растянутым и чересчур напыщенным» (Там же. С. 550). Через год после опубликования «Гимна солнцу» в книге «Только любовь» оно было помещено в журнале «Мир искусства» (1904. № 12).

² «Баллада Редингской тюрьмы» в переводе Бальмонта была издана отдельной книжкой в марте 1904 г. Заглавие на обложке: «Тюремная баллада Оскар Уайльда — 1896. К. Д. Бальмонт — 1903». Обложка работы М. А. Дурнова (М.: Скорпион, 1904).

³ Поэма Э. По «Ворон» была переведена Бальмонтом за десять лет до того (Артист. 1894. № 41). Затем вошла в сб.: По Э. Баллады и фантазии/Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. М., 1895. О бросовском переводе той же поэмы см. п. 104, прим. 8.

⁴ Летом 1903 г. была написана большая часть книги «Только любовь».

⁵ «Лаон и Цитна» — одна из самых крупных по размеру поэм Шелли (1817), отражающая его философско-космогонические и социальные взгляды. В 1818 г. переиздана под названием «Восстание Ислама». Бальмонт перевел поэму на русский язык впервые («Лаон и Цитна, или Возмущение Золотого города. Видение девятнадцатого века» // Шелли П.-Б. Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. 2).

⁶ Перечень откликов на альманах СЦ 1903 см.: Библиография/II, № 162, 173, 176, 177, 181, 185, 191, 193. Какие статьи прислал Брюсов Бальмонту — неизвестно.

⁷ Отзывы о «Северных цветах» в этих газетах не появились.

⁸ «Слышишь ли ты это, Амфиарий, скрытый под землею?» (лат.) — эпиграф к драме Шелли «Освобожденный Прометей» (Шелли П.-Б. Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. 2). Амфиарий — прорицатель, участник похода семерых военачальников против Фив. При разгроме под Фивами был не убит, а поглощен вместе с колесницей разверзшейся землей. По воле Зевса получил бессмертие. Источника цитаты установить не удалось.

⁹ См. п. 93, прим. 1.

¹⁰ Там же, прим. 2.

¹¹ В июле 1903 г. Бальмонт уезжал из Меррекуля на несколько дней в Петербург для встречи с приехавшей из Парижа Е. К. Цветковской.

¹² Е. А. Бальмонт.

¹³ Произведение Балтрушайтиса с таким названием неизвестно.

¹⁴ Несмотря на сотрудничество в НН, Бальмонт все более резко оценивал направление этого журнала. Неприязнь к группе Мережковского, Гиппиус, Перцова, Розанова и др. проникнуто стихотворение «Далеким близким» («Мне чужды ваши рассуждения...» — *Только любовь*, раздел «Проклятия»).

95. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

26 авг(уста) 1903. Меррекуль.

Пишу Вам, недобрый брат, лишь затем, чтобы сказать, что я еще здесь, и пробуду здесь столько, что Вы успеете мне написать и дважды и трижды¹, если —

Первое из двух Ваших последних стихотворений мне нравится, второе меня «возмутило»². Быть может, Вы за этим его и послали мне? Не хочется Вас сердить, а то я сказал бы Вам некое предвидение из области снов жизни, и совпадающее с этой «Втирушей», но не в похвалу поэту. Таких втируш вообще можно развести столько же, сколько существует инфузорий в капле воды.

По обыкновению Вы, верно, «утаиваете» Ваши действительно хорошие новые стихи.

Вот Вам за это и с моей стороны утайка. Посылаю самую инфузорную песнюшку³, а иные сокрываю во хранилище. Их много, и некоторые мне хочется скрыть именно из предвкушения видеть первый луч их ответный в Ваших черных глазах. Вообще я заранее счастлив нашими свиданиями. Сколько будет перекрестных строк. Я в такой волне, какой не было даже в период «Горящих зданий».

Что Вы? Вернулись ли к себе?⁴ Я даже и этого не знаю, о, злодейственный Валерий. Что делает Скорпион?⁵ Я ему написал ехидное письмо. Утешьте его, если он обиделся. Я его искренно люблю. Впрочем, кажется, ему утешений не надо, ибо он в броне своей замкнутости.

Жму руку. Я Вам признателен за один старинный разговор, который неожиданно вспомнился и был первой снежинкой, за которой вдруг устремились другие, так красиво и узорно. Расскажу.

Сердцем Ваш К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 67, 69.

¹ Бальмонт пробыл в Меррекуле до 6 сентября 1903 г. (см. п. 96).

² Можно предположить, что первое из посланных стихотворений — «Сон» («Как город призрачный в пустыне...» — 22 августа 1903 г.; I, 340); второе, прямо названное Бальмонтом, — «Втируша» («Ты вновь пришла, вновь посмотрела в душу...» — 1903; I, 320—321).

³ К письму приложено стихотворение Бальмонта «Зимой ли кончается год...» (*Только любовь*).

⁴ Летом 1903 г. Брюсов жил с семьей на даче в Старом Селе Можайского уезда Московской губ. Он вернулся в Москву около 20 августа.

⁵ С. А. Поляков.

96. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Моск. адр.: Б. Толстовский, д. Недгарта.
5 сент(ября) 1903. Меррекуль.

Завтра еду в Пб. и оттуда через три дня возвращаюсь в —

Город прекрасный Валерия,
Многих в окружности миль,
Где превращаем мы гниль
В яркую звездную пыль,
Где докажу на примере я
Ложность — ex nihilo nil*.

К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 70.

97. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Москва,) 29 сент(ября) 1903. «Эрмитаж»¹.

Валерий, я приду к тебе сегодня с Еленой, на одно мгновение. Жди меня.
Молю, будь — Ты.

Твой К. Б а л ь м о н т.

P. S.

«Возьми цветок!»
Мне в этом признании.

О, если б я мог
Быть так, как мечтание!

Тех прежних дней,
Тех нежных свиданий,
Сверканий, огней, и того, что тесней,
И того, что не знает себя, и всего, - - -

Валерий, я приду к тебе между 10-ю и 11-ю.
Прошу, жди меня.

Твой К.

И много стихов, ждущих - - -

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 89.

¹ Гостиница и ресторан в Москве.

98. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Окт(ябрь) 1903. Москва.

Валерий, будь добр, пошли, пожалуйста, золотую монету в двадцать рублей. Если нет, то все-таки найди. Прошу, пожалуйста.

К. Б а л ь м о н т.

Я очень прошу.

* из ничего ничто (*лат.*).

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 90.

Письма с аналогичными просьбами от 7—8 ноября и 14 декабря 1903 г. см. там же, л. 93—98. В данной публикации опущены.

99. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Москва. Октябрь 1903 г.)

В а л е р и ю Б р ю с о в у

Да, быстро, тотчас я хочу
Сказать тебе одно:
Тебе я предан, как лучу,
Как предан тот навек мечу,
Кому быть сильным суждено.

Я позабыл, что я солдат,
Я бросил острый меч.
Но твой холодный гневный взгляд
Меня к себе вернул назад,
Для жизни вместе — не для встреч.

Я силен был, пока любил
Тебя, мой лучший сон.
К тебе остыв, я жизнь забыл,
Себя своей рукой убил,
Но снова я в мечту влюблен.

И я люблю, и я живу,
Навек я снова — я.
С тобой все пути я порву,
Со смехом в пасть взгляну я льву, —
О, свет, о, счастье лезвия!

К. Б а л ь м о н т.

Октябрь. 1903. Ночь.

(Через пять минут после твоего ухода).

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 91.

100. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

6 ноября 1903. Москва.

Валерий, я совсем забыл: у тебя, как мне сказала Ек(атерина) Ал(ексеевна), мой словарь шеллиевского языка¹. Он мне очень нужен. Пожалуйста, пришли или завези его поскорее.

Жму руку.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 92.

¹ Бальмонт мог пользоваться словарями Ф. С. Эллиса: F. S. Ellis. A Lexical Concordance to the Poetical Works of Shelley, Vol. 1—2 s. l., 1892; eodem. An Alphabetical Table of Contents to Shelley Poetical Works, s. l., 1888.

101. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

4 мрт. 1904. Москва.

Валерий, я только что прочел в «Вестнике Европы» возмутительную статью о тебе¹, и настаиваю на том, чтобы мой ответ был воспроизведен в «Весах» буквально². Этому пора положить предел. Прочти эту статью сам, и ты увидишь. Какое гнусное хамство.

Когда я буду в Петербурге, весьма возможно, что я увижу этого мосье Ляцкого³ у Котляревских⁴. Между нами будет особый разговор, какого еще ни с кем у меня не было.

Заметку о «Русск(их) вед(омостях)» и Торе Ланге⁵ пошлю завтра утром. Жму руку.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 14.

¹ Рецензия Евг. Л(яцкого) о книге Брюсова *УО — ВЕ*. 1904. № 3.

² На рецензию Ляцкого Бальмонт откликнулся резким письмом — «Маску долой»: «С чувством истинного отвращения, — писал он, — мы обращаем внимание читателей на позорные страницы в мартовской книге «Вестника Европы», написанные некоторым безымян-

ным Евг. Л. Говоря о последней книге Валерия Брюсова и негодуя на то, что у меня и Брюсова есть читатели, он оценивает столь развязно публику, на которую действует наше "обаяние", что употребляет слово "негодяи". "Вестник Европы" был порядочным и приличным органом (. . .) достойным уважения, теперь же, давая место беззастенчивой брани безымянных Евг. Л., он обратился в прибежище литературных неприемлемостей (. . .) Заступаясь не за себя и не за Брюсова, а негодуя на явное злоупотребление и литературную профанацию со стороны журнала, бывшего доселе порядочным, я указываю, что быть таковым он перестал» (Весн. 1904. № 3. С. 79).

³ Евгений Александрович *Ляцкий* (1868—1942) — критик, историк русской литературы, постоянный сотрудник критического отдела «Вестника Европы», придерживался либерально-демократических взглядов, автор монографии об И. А. Гончарове, статей о Белинском, Добролюбова, Чернышевском. В том же номере «Весов», где было напечатано «Письмо в редакцию» Бальмонта, была опубликована краткая заметка Брюсова (псевд.— Пентуар). Оценивая книгу Ляцкого «И. А. Гончаров. Критические очерки» (СПб., 1904), Брюсов охарактеризовал ее автора как поставщика «мучительно скучных» статей, не имеющего никаких идей относительно избранного им предмета. «Евг. Ляцкий автор недурных библиографических работ и, вероятно, думал, что дело критика только следующий чин после библиографа, получаемый "за выслугу лет". Но увы! для критика требуется то, чего совершенно нет у Евг. Ляцкого — собственные мысли» (Весн. 1904. № 3. С. 68). Заметка Брюсова, по существу, раскрывала авторство рецензии, на которую обрушился в своем письме Бальмонт.

⁴ Нестор Александрович *Котляревский* (1863—1925) — петербургский профессор, историк русской и западноевропейской литературы, преподавал на Высших женских курсах, в Александровском лицее и др. Автор книги «Очерки новейшей русской литературы. Поэзия гнева и скорби» (1890), анализирующей поэзию посленекрасовской поры, и многих других работ. С 1909 г. — академик, первый директор Пушкинского Дома.

⁵ Тор Нэве *Ланге* (1851—1915) — датский писатель, поэт, переводчик на датский язык стихотворений русских поэтов — А. К. Толстого, Фета, Бальмонта и др. Был преподавателем классических языков в Катковском лицее и в Московской III гимназии. Часто бывал на литературных собраниях у Бахмана и Брюсова в Москве. Переводы Бальмонта из Ланге вошли в его сборник «Из чужеземных поэтов» (СПб.: Просвещение, (1908)). О литературной работе Т. Ланге см.: *Шарыткин Д. М.* Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. С. 37, 38. О каких заметках Бальмонта идет речь в письме — неясно.

102. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

15/28 мая 1904¹.

Тринадцатого мая
Я сделал, что хотел,
И замер, обнимая
Еще одно из тел.

Тринадцатого мая
Я властно был жесток,
Я ждать не мог сгорая,
Я слишком изнемог.

Тринадцатого мая,
На смену снов мечты,
Возникла боль живая,
И красные цветы.

Тринадцатого мая
Она, что так бледна,
Отшельница немая
Навек изменена!

К. Б а л ь м о н т

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 16.

¹ В мае 1904 г. Бальмонт снова уехал за границу через Париж — в Испанию и Италию, Швейцарию, где путешествовал до начала августа 1904 г.

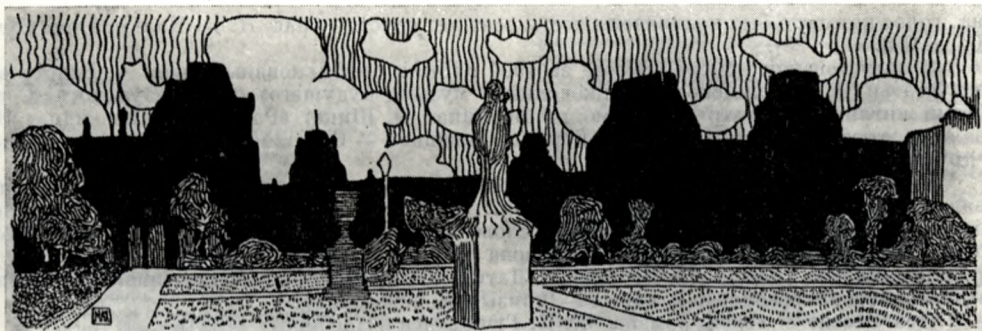
103. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Люцерн. 12 июля н. с. 1904.

Где ты? Где ты, колдующий Валерий?
С кем говоришь? Что думаешь теперь?
Во внутренней замкнулся я пещере,
Но пред тобой открыл бы тотчас дверь.
Как ты, я увидал, что люди — звери,
Я — саркофаг сокровищ и потерь.

К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 99.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ЗАСТАВКА М. А. ВОЛОШИНА К СТАТЬЕ К. Д. БАЛЬМОНТА

«Весы», 1904, № 3

104. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

31 августа 1904. Им. Борщев. Иваново, Курско-Киев. ж. д.¹

Я с большим удовольствием прочел твою статью в «Весях»². Почему так мало? Чувствуется, что ты мог бы написать подробный, большой и интересный этюд. Отчего ты так медлишь с томом своих статей по самым основным вопросам творчества?

Весь номер «Весов» мне нравится³. Ты слишком строг к самому себе. Ах, я хотел бы написать статью для «Весов», но должен пока ограничиться вздыханиями. Вновь и вновь струятся строки звучно-сладостных стихов, снова зыбятся намеки, вновь ищу во мгле грехов.

Посылаю тебе «Пронунсиамиэнто»⁴. Ответствуй, како сие? Но как ни сладостно писать, я все ж вспоминаю наш давнишний разговор: если б мне предложили только писать или только читать, я бы выбрал только читать. Я написал одно стихотворение о том, «где путь, чтобы прийти к спокойному вакхизму». Я его нашел. Давно, впрочем. И к спокойному вакхизму. Боюсь только усиления этого чувства. Все более и более научаюсь путешествовать за своим рабочим столом, и все менее и менее убедительным мне кажется вокзал и отель в новом городе. Но не стать же мне Дезэссентом Великой Московии⁵.

Быть в Московии Великой рафинадным Дезэссентом —
 Это быть в «Большом Московском», но не с водкой, а с абсентом.
 Перемешанность костюмов, перемешанность эпох,
 Рококо — из разных стилей наипаче этот плох.

Сделав верное наблюдение, что моя машина⁶ так же нелепо и дрянно размещает стихотворные строки, как это делает мучительно-глухой издатель «Нового пути»⁷, я жму твою руку и шлю тебе привет.

Твой К. Бальмонт.

Р. S. Пожалуйста, пошли свой перевод «Ворона»⁸.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 100—101.

¹ Станция Иваново-Лукашевская Курской ж. д. — обычный пункт пересадки на пути из Москвы в Борщев, имение Н. В. Сабашниковой-Евреинной, куда Бальмонты добирались летом от железнодорожной станции на лошадях.

² Брюсов В. Вехи. 1. Страсть. Брюсов отстаивает в этой статье «культ страсти», право художника воссоздавать не только духовное, но и телесное, чувственное начало в природе человека. Перемену традиционных понятий о нравственном в поэзии он находил у Ницше и французских символистов, а предшественником русских поэтов в этой связи считал Тют-

чева, голос которого был подхвачен «шестьдесят лет спустя, у нас, К. Д. Бальмонтом» (Весы, 1904. № 8. С. 23).

³ В августовском номере «Весов» за 1904 г. были опубликованы: очерк А. Белого «Чехов»; статьи Н. Суворинского «Чайковский и музыка будущего» и В. Лазурского «Современный английский театр»; «Письмо из Берлина» М. Шика; «Рассказы тайновидца» Вяч. Иванова; этюд Брюсова о Реми де Гурмоне (подпись — С.); газетно-журнальная хроника и другие материалы.

⁴ К письму приложен список стихотворения «Пронунсиамизенто» («Снова Бог, и снова Дьявол, снова Бог, и снова боги...»). Опубл.: *Бальмонт К.* Литургия красоты. Стихийные гимны. М., 1905. По цензурным условиям слово «Бог» в этом издании всюду заменено словом «Тень» (соответственно: «Снова Тень, и снова Дьявол, снова Тень, и снова боги... и т. д.»). Пронунсиамизенто (*исп.*) — в Испании и Латинской Америке — обозначение государственного военного переворота, а также — призыв к перевороту.

⁵ Дез Эссент — герой романа Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» (1884).

⁶ Пишущая машинка, которой пользовался Бальмонт.

⁷ П. П. Перцов.

⁸ Перевод в это время еще не был напечатан Брюсовым (опубл.: Вопросы жизни, 1905. № 1). О бальмонтском переводе «Ворона» см. п. 94, прим. 3.

105. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Москва.) 26 ноября 1904.

Валерий, достань мне, пожалуйста, книгу о Майях¹ и «Кама-Сутру»². Мне они очень нужны.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 103.

¹ Перед отъездом в Мексику Бальмонт приступил к систематическому изучению культуры народов Центральной Америки — майя, ацтеков, ольмеков и др. Одним из основных источников знаний о древних майя он справедливо называл их «священную книгу», человеческую повесть квичей-майя «Пополь Вух», которая «представляет исключительный интерес, как древний космогонический и поэтический замысел, слагавшийся вне обычных, известных нам, умственных влияний, и поэтому являющий высокую самобытность. Об этой книге, столь необычной в ряду мировых космогоний, нужно говорить много и долго, нужно, написав отдельное исследование подробно, создать тот глубокий мыслительный фон, отразившись в котором, как в глубине зеркала, она предстала бы преображенно-четкой во всех своих очертаниях и разветвлениях» (*Змеиные цветы*. С. 231). Какую именно книгу о майях просит Бальмонт в этом письме — неизвестно.

² Заглавие индийского трактата (буквально — искусство любви), приписываемого по традиции Ватсьяне (3—4 в. н. э.).

106. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(18/) 31 мрт. 1905 Mexico¹. Hôtel Londres.

Ты рождена, чтоб тучкой быть,
Чтоб небо нежить и любить,
Но, измененная Судьбой,
Уж ты не в бездне голубой.

Ты небо нежила легко,
Ты тучкой рдела высоко,
Но в страшный час, но в бурный час,
Ты вниз, слезами, пролилась.

Это — единственное, в точном смысле, стихотворение, которое я написал за все эти месяцы. Как видишь, я действительно змея в зимнем сне. Готовясь предстать в новой броне светлой чешуи, я сплю, я сплю, я сплю. Правда, последние дни на Океане, и много раз здесь, я говорил беспрерывно стихами, но их не записывал и все позабыл.

Что я видел? Что я теперь?

Я коршун, который чертит и чертит, тоскуя, круги в высоте. Видел и вижу, но не то, что мне нужно. Кое-что видел даже и желанное, но не настолько, чтоб камнем упасть с холодной высоты. Однако чувствую — вот, вот мелькнет-таки добыча. И я кружусь, и без конца круги².

Привет тебе, угрюмый брат, за строки быстрые, дошедшие до меня, когда я вст упил на корабль³. Привет и за певучую обманность стихов, которая заставила во мне вздрогнуть тайные струны.

¹ В январе 1905 г. Бальмонт выехал из России в Париж, затем из Гамбурга отплыл на корабле в Испанию и оттуда через Атлантический океан — на Кубу и в Мексику. Из портового мексиканского города Вера-Крус Бальмонт выехал в столицу страны — Мехико, где находился до конца марта 1905 г.; потом он совершил большую поездку по стране, осмотрев почти все знаменитые памятники древней мексиканской культуры.

² В письме из Вера-Крус 21 февраля 1905 г. Бальмонт так описал окончание своего продолжительного путешествия через Атлантический океан: «Последние дни на корабле, день на острове Куба, эти три-четыре дня здесь были какими-то сумасшедшими. Я попал в вертящееся колесо. Я был в сплошной движущейся панораме. Минуты истинного счастья новизны сменялись часами такой тоски и такого ужаса, каких я, кажется, еще не знал. Ведь я до сих пор не знаю, что делается в России. В Москве кровавый дым. Я опишу подробно свои впечатления от Океана, очаровательной экзотической Гаваны, и заштатной смешной Вера-Крус, — когда приеду в Мехико; я уезжаю сегодня вечером. Корабль наш запоздал в пути на день, благодаря буре. В Гаване я видел цветы, цветочки родные, маленькие, и пышные розы. Мне хотелось упасть на землю и целовать ее» (*Змеиные цветы*. С. 14).

³ Речь идет, вероятно, о недошедшем до нас письме Брюсова, которое было получено Бальмонтом в Гамбурге перед отплытием из Европы (упоминание о нем см. также в п. 148).

⁴ Последняя строфа стихотворения Брюсова «Крысолов» (18 декабря 1904 г.) процитирована неточно. У Брюсова:

И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.
(I, 418)

⁵ Теночтитлан — древняя столица ацтеков, озерный город на сваях, необыкновенного богатства и красоты. В 1521 г. был разрушен Кортесом при завоевании Мексики. Город Мехико был построен испанцами — с применением рабского труда местных индейцев — на развалинах бывшего Теночтитлана. 7 марта 1905 г. Бальмонт писал: «Мехико — противный, неинтересный город. Испанцы уничтожили все своеобразное и бесчестно европеизировали этот некогда славный Теночтитлан. Жизнь дороже, чем я рассчитывал, и все плохо. Низкое обирательство. Масса Европейцев, приехавших и приезжающих сюда для наживы. Единственно, что интересно, это лица «Индийцев», т. е. туземцев (между прочим, множество сходных черт с Русскими, Индусами и нашими Кавказскими горцами), разнообразие типов Мексиканских, Морельских, Отомитских, предместья, куда сюртуки не заходят, с обломками скульптурных богатств, созданных гениальной фантазией древних Майев и Мексиканцев, и варварски уничтоженных мерзостными Христианами» (*Змеиные цветы*. С. 17—18).

⁶ Фернандо Кортес (1487—1547) — осуществил в 1519—1521 гг. завоевание Мексики под флагом священной войны католиков-христиан против языческих индейских племен ацтеков, толтеков и др. Он безжалостно грабил страну и намеренно разрушал священные храмы и каменные изваяния индейских богов. На пути в Мексику Бальмонт внимательно прочитал книгу Прескотта «История завоевания Мексики»: «Это красочная сказка, правда о Кортесе и о древних Мексиканцах. Безумная сказка. Народ, завоеванный гением, женщиной, козем и предсказанием. Эта формула — моя, и я напишу книгу на эту тему, — сообщил Бальмонт. — (. . .) Между Кортесом и мной такое сходство характера, что мне было мистически страшно читать некоторые страницы, рисующие его» (*Змеиные цветы*. С. 16).

⁷ Главный католический кафедральный собор в Мехико на площади Сокало был построен на месте священного храма ацтеков; камни языческого храма были использованы для фундамента кафедрального собора.

⁸ Бог утренней и вечерней звезды — Кветцалькоатль, один из главных богов в пантеоне древних ацтеков. Его изображения (в виде крылатого летающего змея) украшали многие мексиканские храмы и пирамиды. В своем очерке «Цветистый узор» о мексиканской символике Бальмонт так истолковал двойственность этого божества: «Владыка сияющего обиданового зеркала, чаровник, обольстивший Кветцалькоатля, воплощая в себе ночь и ночное небо, с его мириадами звездных зеркал. Так ночь побеждает Вечернюю Звезду, втягивая ее в свои черные таинства. И освещенная сумраком вдвойне, возвратившись к себе через временное пребывание в теневых тайнах, Вечерняя Звезда вдвойне светла, когда она восходит как Утренняя» (*Змеиные цветы*. С. 63).

⁹ После 31 марта Бальмонт с Е. К. Цветковской поехали на несколько дней в город Куэрнавака, расположенный недалеко от Мехико. В этом городе сохранился старый дворец Кортеса и развалины индейских храмов. «Я был в Куэрнаваке, — писал Бальмонт 6 апреля, — и оттуда верхом ездил к руинам древней твердыни и храма Ацтеков, Ксочикалько, к вечеру вернулся в Куэрнаваку и таким образом сделал в один день экскурсию в семьдесят верст» (*Змеиные цветы*. С. 21).

107. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва.⟩ 18/5 апреля 1905.

Брат Константин!

Как всегда, Ты мне особенно близок теперь, когда далек, без конца ближе, чем когда нас разделяло расстояние в несколько улиц. Верю и знаю, что буду

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВЪ
Москва, Цветной б., 24

18/5 апреля 1905.

Братъ Константинъ!

Какъ всегда, Ты лишь особенно близокъ теперь, когда далеко, безъ конца диче, былъ когда насъ раздѣлило глупостіе въ нѣсколько улицъ. Тѣмъ и утѣло, то буду собою и Тобой, когда между нами будетъ грань жизни и смерти. Когда-то я написалъ Тебѣ:

Люблю я не тебя, а твой прообразъ вечный...
— вотъ правда. Для техъ, кто будетъ смотреть на насъ, какъ на прошлое иного вѣка, станутъ истинной нашей посвященіи другъ другу книгъ и слово, стоящее въ заголовкѣ этого письма, — такъ какъ все это и есть истина, та, настоящая, бѣльшая земныхъ житейскихъ правдъ. И если иногда я говорю противъ Тебя и смотрю на Тебя враждебными глазами, то — это вражда въ области вѣчнаго братства, а не въ низинахъ, гдѣ дружатся и сорятся. Быть воистину врагами, какъ и воистину друзьями, можно лишь темъ, кто близки. Какіе враги — те, кто въ разныхъ мирахъ, или раздѣлены тысячами ступеней?

И сейчасъ же послѣ этого сознаюся, что многое въ Твоемъ письмѣ прозвучало для меня какъ чуждое, — какъ, впрочемъ, многое и изъ техъ словъ, какіе Ты говорилъ мнѣ лично, здѣсь, въ Москвѣ.

ПИСЬМО БРЮСОВА К. Д. БАЛЬМОНТУ

Автограф. Москва, 18/5 апреля 1905 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

совсем с Тобой, когда между нами будет грань жизни и смерти. Когда-то я написал Тебе:

Люблю я не тебя, а твой прообраз вечный...¹

— вот правда. Для тех, кто будет смотреть на нас, как на прошлое иного вѣка, станут истинной нашей посвященіи другъ другу книгъ и слово, стоящее въ заголовкѣ этого письма, — такъ какъ все это и есть истина, та, настоящая, бѣльшая земныхъ житейскихъ правдъ². И если иногда я говорю противъ Тебя и смотрю на Тебя враждебными глазами, то — это вражда въ области вѣчнаго братства, а не въ низинахъ, гдѣ дружатся и сорятся. Быть воистину врагами, какъ и воистину друзьями, можно лишь темъ, кто близки. Какіе враги — те, кто въ разныхъ мирахъ, или раздѣлены тысячами ступеней?

И сейчасъ же послѣ этого сознаюся, что многое въ Твоемъ письмѣ прозвучало для меня какъ чуждое³, — какъ, впрочемъ, многое и изъ техъ словъ, какіе Ты говорилъ мнѣ лично, здѣсь, въ Москвѣ. Мне кажется, что говоря ко мнѣ, Ты обращаешься не ко мнѣ, какой я сейчасъ, не к тому мнѣ, который

в эту минуту произносит «я — есмь», а к какому-то иному лицу, быть может, бывшему, быть может созданному Тобой для Тебя. Ты пишешь в предисловии к своей книге, как Твоя поэзия «начавшись под Северным небом, через скитания по провалам Тишины шла к Свету и Огню»⁴. Да, Ты прав — от книги к книге, от года к году у Тебя «переброшено звено». Твоя жизнь была лишь раскрытием того Твоего «Я», которое неполно, неясно, не понимая себя, большею частью в противоречиях — высказалось в Твоих первых стихах. Всего Тебя можно было уже угадать в «Безбрежности». Ты лишь нашел слова, — для мыслей, которыми уже там пытался овладеть. По сущности Ты тот же, что в дни, когда приходил ко мне с расширенными зрачками показать корректуры «В безбрежности» и говорил: «О, я знаю, я знаю себя, я доведу себя до того, что *буду* видеть». В моей жизни не было этого прямого пути. Твои годы были прояснением одного лика, — мои сменой двойников. При замкнутости моей души, при моей привычке везде, передо всеми носить маски, при моей вечной лжи передо всеми (о, я так люблю свою правду, что предпочитаю таить ее в себе!) — эта смена свершалась тайно, невидимо. Одну износившуюся маску я заменял другой, сходной, — всем казалось, что я тот же, и никто не примечал, что под этой сходной маской уже другое лицо, *другой человек*. Ты говорил ко мне как к прежнему и я, вызывая памятью свое собственное привидение, старался отвечать Тебе, как прежний, но было трудно и не всегда удавалось. Тогда Ты горько попрекал меня, что я разлюбил Тебя. Но нет, я любил и люблю по-прежнему — Тебя, даже не автора Твоих стихов, а тот дух, который необходим в равновесии Вселенной и после долгих перевоплощений явился среди нас, как «безумный демон снов лирических»⁵. Встреться мы с Тобой в первый раз теперь, верю, мы стали бы близки. Не ищи только того «Валерия Брюсова», которого больше нет. Перед Тобой другой, но которому Ты, слагатель стихийных гимнов, столь же близок и дорог, как прежнему был дорог и близок поэт Сибиллы и Океана⁶.

Прости, что пишу Тебе все это в Мексику. Ведь для Тебя все равно, что Мексика, что Париж, что Иванино⁷. Ты — сам в себе; твоя вселенная — в Тебе. Помнишь, — Ты верно изобразил лишь одну страну: ту, которой никогда не видал, Исландию⁸. Да, конечно, Ты напишешь стихи о Мексике⁹, но мог бы их написать и не переплывая Атлантики. Ты вне времени и вне пространства. Ты столь же современник Августа и Горация¹⁰, как мой и Ницше. Говорю к Тебе, как к слагателю песен, как к тому, с кем мы проводили когда-то ночи, а не как к туристу, совершающему экзотическое путешествие. Как бывало где-нибудь в ресторане, когда огни уже гасли, и белые призраки служителей злобно поджидали, когда мы разойдемся, — а мы, смотря друг другу в лицо, продолжали говорить, как если бы были в мировом пространстве, — так говорю теперь к Тебе о Тебе и о себе, словно нет между нами скольких-то тысяч миль, целых государств, морей из воды и морей из человеческих тел. Я опять наклоняюсь к Тебе еще ближе, и говорю Тебе: *«Все-таки я Тебя люблю, Бальмонт»*, и беру Тебя за руки и целую в губы и вижу близко-близко перламутр Твоих глаз с его чуть заметными красными жилками, — Твой взор в эти миги словно внимательный и словно тоскливый. А кругом нет ничего: темнота, несуществование.

— Все-таки я Тебя люблю, Бальмонт.

Сегодня, как прежде «Твой» Валерий Брюсов.

Р. С. Привет Елене Константиновне.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 33—34об.

¹ Из стихотворения «К. Д. Бальмонту» («Нет, я люблю тебя не яростной любовью...» — ноябрь 1900 г.; I, 197—198).

² Посвящение к книге Бальмонта «Будем как солнце» включало слова: «...брату моих мечтаний, поэту и волхву Валерию Брюсову...»; книга Брюсова *УО* открывалась посвящением: «К. Д. Бальмонту, другу и брату».

³ Речь идет, вероятно, о п. 106.

⁴ Брюсов ссылается на предисловие Бальмонта ко 2-му изд. книги «Будем как солнце», в котором он так оценил эволюцию своего поэтического творчества: «Оно началось под Северным небом, но, силою внутренней неизбежности, через жажду Безгранного, Безбрежного, через долгие скитания по пустынным равнинам и провалам Тишины, подошло к радостному свету, к победительному Огню. От книги к книге, явственно для каждого внимательного глаза, у меня переброшено звено...» (*Бальмонт К. Д. Из записной книжки (1904) // Собр. стихов. М.: Скорпион, 1904. Т. II.*)

⁵ Из последней строфы стихотворения Бальмонта «Голос Дьявола»:

Я не хотел бы жить в Раю
Меж тупоумцев экзотических.
Я гибну, гибну — и пою,
Безумный демон снов лирических.

(*Будем как солнце*)

⁶ Стихотворения «В пустыне безбрежного моря...» и «Океан» («Вдали от берегов Страны обетованной...») — *В безбрежности*. Стихотворение «Океан» посвящено Брюсову (см. п. 35, прим. 2).

⁷ См. п. 104, прим. 1.

⁸ Имеется в виду стихотворение «Исландия» («Валуны и равнины, залитые лавой...» — *Горящие здания*). Впоследствии Брюсов подтвердил свою мысль: «К. Д. Бальмонт много путешествовал, изездил весь мир, был в Египте, в Мексике, на Тихом океане и еще во многих других местах. Все земли, где он побывал, Бальмонт описывал в стихах и в прозе. Но живее всего он описал страну, в которой никогда не был — Исландию: «Валуны и равнины, залитые лавой...» Как хорошо!» (*Брюсов В. Miscellanea // Эпоха. М., 1918. Кн. 1. С. 229.*)

⁹ Стихи о Мексике были включены Бальмонтом в его книги: «Птицы в воздухе» (СПб.: Шиповник, 1908) и «Зовы древности» (СПб.: Пантеон, 1910).

¹⁰ Римский император *Август Гай Октавий* правил с 30 г. до н. э. по 14 г. н. э. Его современник — поэт Квинт *Гораций Флакк* (65—8 гг. до н. э.).

108. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Адр.: Mexico. L. d. c. Мерида ¹ (6/) 19 мая 1905.

Получил твое письмо ². От первых же строк моя душа пришла в волнение. Мне казалось, я слышу отдаленные звуки церковной музыки. Прекрасны свидания душ, без туманных завес повседневности. На днях напишу подробно. Завтра еду в Уксмаль ³. Ты уже, верно, знаешь, что я был в Паленке ⁴. Не сказка ли? Но, когда я приближаюсь к здешним руинам, мне кажется, что я уже давно в них был.

Привет И(оанне) М(атвеевне), Н(адежде) Я(ковлевне), Н(ине) Ив(ановне) и Джо ⁵, гадкому Джо, который не хочет мне написать. Мой братский тебе поцелуй из страны Майев, что значит — сыны Земли, из страны Тольтеков, что значит — строители, из страны Ацтеков, что значит — красиво говорящие.

Всегда твой К. Бальмонт

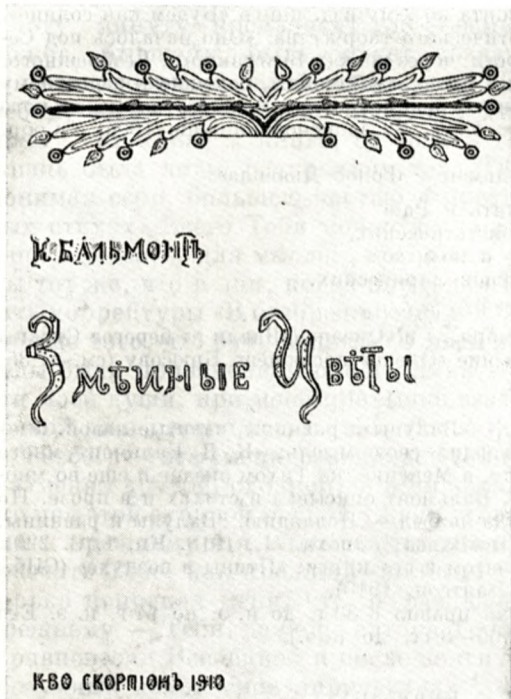
ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 104.

¹ В Мериду — главный город полуострова Юкатан — Бальмонт приехал 19 мая и пробыл там до начала июня 1905 г., выезжая в окрестности для осмотра руин знаменитых памятников древней архитектуры.

² См. п. 107.

³ Уксмаль (Ушмаль) — один из основных центров архитектуры древних майя на полуострове Юкатан. Здесь находится пирамида «Дом волшебника», в огромной толще которой погребены более архаичные храмы предыдущих эпох. В «Путевых письмах» Бальмонт писал об этих местах: «Я не решаюсь говорить об этих развалинах. Их тайна слишком велика. Их красота, как ни уменьшена она людьми и временем, уводит мысль к тайне, которая связывает уловимой, но зыбкой связью в одной мистерии такие различные страны, как Египет, Вавилон, Индия, и эта неразгаданная Майя. Думаешь о погибшей Атлантиде, бывшей очагом и колыбелью совсем различных мировых цивилизаций. Чувствуешь, что без Атлантиды невозможно понять и объяснить огромное числа явлений из области космогонических помыслов и созданий ваяния, живописи и строительного искусства. Слишком красноречивы сходства и тождества» (*Змеиные цветы. С. 41*).

⁴ Паленке — один из городов древних майя, брошенный его обитателями и поглощенный джунглями. Развалины знаменитых храмов и дворцов Паленке (VII в. н. э.): «Храма солнца», «Храма надписей», «Большого дворца» и др. — находятся на территории современного мексиканского штата Чиapas. Бальмонт писал: «Мне было больно видеть, в каком небрежении находятся эти священные останки минувшего. Я один из немногих европейцев (очень немногих), которые имели энергию и возможность их увидеть воочию. Кто знает, будут ли

К. БАЛЬМОНТ. ЗМЕИНЫЕ ЦВЕТЫ. М., «СКОРПИОН», 1910

Титульный лист

Адр.: Océanie, Ile de Java, Batavia, p. rest.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 20.

¹ 24 мая/6 июня Бальмонт вернулся в Мехико после продолжительного путешествия по стране. Здесь же, в Мехико, его застало известие о разгроме японцами русского флота в Цусимском проливе.

² В письмах Бальмонта из Мексики сохранились сведения о покупке некоторых книг, которыми он пользовался затем в своих очерках. «Я купил целый ряд интересных сочинений по Мексике, — писал он 9 апреля 1905 г. — Приобрел трехтомную энциклопедию древнемексиканских верований и знания, знаменитое, единственное в этом смысле сочинение монаха Sahagun'a "Historia general de las cosas de Nueva Espana" купил "библию" народа квичей, "Popol Vuh", бросающую яркий свет на историю Майев и представляющую поразительные сближения с космогониями Индусов, Скандинавов, Эллинов и Евреев. Приобрел роскошное издание Lumpholtz'a "El México desconocido", где есть множество ценных иллюстраций. Приобрел и еще разные книги» (*Змеиные цветы*. С. 24).

110. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Мехико. 2/) 15 июня 1905.

Послал тебе 6 бандеролей с книгами. Уезжаю. Из Сан-Франциско напишу ¹. Картинка, на которой пишу тебе, более или менее точный символ современной Мексики ². Мой адрес: Océania, Ile de Java, Batavia, p. rest.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 105.

Открытое письмо.

¹ Из Мексики Бальмонт направился в США, трансатлантическим экспрессом пересек континент из Сан-Франциско в Нью-Йорк.

еще существовать эти величественные барельефы через какие-нибудь 15—20 лет. Они покрываются мохом и плесенью, они быстро разрушаются. А между тем в иероглифических пластинках дворцов Паленке скрываются какие-то дивные строки, узорные надписи Майев, их так немного теперь в мире!» (*Змеиные цветы*. С. 37—38).

² И. М. и Н. Я. Брюсовы, Н. И. Петровская, С. А. Поляков.

109. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

México. (28 мая/10 июня 1905 ¹).

Вчера послал тебе бандеролю несколько своих книг, и завтра пошлю еще три бандероли ². Будь добр получить эти книги и сохранить их до моего приезда. С собой везу целую коллекцию книг, более интересных, чем те, которые посылаю. Радуюсь отъезду. Видел все, или почти все, достойное быть увиденным, из руин Ацтекских и Майских. Не писал тебе, ибо слова замирают. От внешних путешествий, имеющих свое очарование, я близжусь к более достоверным, незримым странствиям, в которых мы с тобой уже не раз шли рядом.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ВЪ СТРАНАХЪ СОЛНЦА.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ ЧАСТНОМУ ЛИЦУ.

ЗАСТАВКА Е. НАДЕЛЬМАНА КЪ СТАТЬЕ К. Д. БАЛЬМОНТА «ВЪ СТРАНАХЪ СОЛНЦА»
«Весы», 1905, № 6

² На открытке изображено шествие скелетов; муляжи скелетов — неперенный атрибут народных мексиканских праздников, связанных с поминанием предков. Обычай, восходящий к дохристианским, языческим верованиям индейских племен Центральной Америки.

111. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Нью-Йорк. <2/> 15 июля 1905.

Если ты хотел заколдовать меня, — вот, я пою твои строки. Океан, океан, руины, все ничто, — ты прекрасен. Здесь, здесь, среди «тридцатых этажей»¹, я — «в лесу под дубом темным»².

Твой К. Б а л ь м о н т ³.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 106.

Открытое письмо.

¹ Слова из стихотворения Брюсова «Конь Блед»: «Вывески, вертятся, сверкали переменным оком // С неба, с страшной высоты тридцатых этажей...» (I, 442).

² Из стихотворения «Крысолов»: «И в лесу под дубом темным // Тра-ля-ля-ля-ля-ля // Будет ждать в бреду истомном // В час, когда уснет земля» (I, 418).

³ Впечатления Бальмонта от поездки по США отражены в его очерке «Два слова об Америке» (ЗР. 1906. № 8). Там же напечатано стихотворение, навеянное его пребыванием в Нью-Йорке: «Я мчусь по воздушной железной дороге...».

112. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1 сентября 1905. Силламяги, Эстл. г.

Валерий, смилуйся надо мной и напиши мне несколько строк. Конечно, я сам виноват перед тобой, я не писал. Но зато твое письмо ко мне, в Мексику¹, я до сих пор ношу в своем кармане —

И тайные веду беседы с сокровенным².

Я здесь, у волн, пишу стихи, читаю книжки, словом все, как оно мне и полагается. Не чувствую, чтобы, увидев Мексику и Майю, Аризону и Калифорнию и всякие там Нью-Йорки, я изменился «хоть на волос» (как ты говоришь иногда в открытках, впадая в просторечие)³.

Читал «Весы». Хотел написать, наподобие юных читателей «Задушевного слова»: «Милая редакция, приятно мне очень видеть свои письма у Вас напечатанными⁴. Но зачем Вы Чаверо называете Чезаро⁵, и Чапультепек⁶. сию

древнюю столицу Царей Ацтекских, именуете Чепультенеком? Не служат опечатки украшением печати.

За предерзостное ко мне отношение Андрея Белого ⁷, по-видимому, несколько утратившего точное рассмотрение узоров, в атмосфере святошеских грез с их «сумасшедшею рулеткой»⁸, я воспел его в посылаемом тебе стихотворении ⁹.

Я приеду в Москву числа 20-го, чтобы увидиться с тобой и с двумя-тремя лицами, и после немногих недель снова убегаю.

Твой К. Бальмонт.

У ОКЕАНА

Ах, дьяволы теперь профессорами стали,
Журналы издают, за томом пишут том,
Их лица скучные полны, как гроб, печали,
Когда они кричат: «Веселие — с Христом».

Веселие чертей, которые решили
Повременить пока с служеньем Сатане!
Параграфы, слова, дебаты, груды пыли,
Трамвайные пути к эдемной вышине.

Безвкусный маскарад полезного веселья,
Где польза ваша вред, — чтоб не было вреда.
Нет, просто голова у вас болит с похмелья,
И ваш напиток стал — разумная вода.

Кликуша говорит: «Мы достигли Бога». —
Мистический в ответ кричит ей граммофон:
«Христос и Дионис у моего порога.
Они слились в одно, внемирный в том закон»¹⁰.

Согласен. Точно так, механик запредельный,
Бери весы, щипцы и сплющивай цветы. —
Мне здесь поют моря волною колыбельной,
И каждый миг есть сам, во всем — свои черты.

Нет сходства между двух чуть видимых песчинок,
Встает несчетность лиц из влаги волн морских.
И радостно громам, и сладко для былинки
Лишь для себя пропеть, лишь для себя свой стих¹¹.
1 сентября 1905.

К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 107, 108.

В июле 1905 г. Бальмонт вернулся из-за океана в Москву, а затем уехал с семьей в Прибалтику, в курортное местечко Силламяги на берегу Финского залива.

¹ См. п. 107.

² Источник цитаты установить не удалось.

³ Открытки, упоминаемые Бальмонтом, не сохранились.

⁴ Путевые очерки Бальмонта «В странах Солнца. Письма к частному лицу из кругосветного путешествия» (Весы. 1905. № 4, 6, 8). Под заглавием «Путевые письма. Издалека к близкой», с некоторыми редакционными изменениями и дополнениями включено в книгу *Змеиные цветы*.

⁵ Бальмонт обратил внимание на следующее место в журнальной публикации: «Созидания Паленке увлекают мысль на неопределенную лестницу столетий. Здешные специалисты, как Чезаро (следует — Чаверо. — А. Н.), говорят об эпохе в 2 500 лет» (Весы. 1905. № 6. С. 29). Чаверо — известный мексиканский ученый-археолог, автор многих трудов по истории культуры древней Мексики. Бальмонт познакомился с ним в Мехико в апреле 1905 г. «Он подарил мне свои книги и дал рекомендательные письма к Юкатанскому губернатору и к другим лицам, которые помогут нам устроиться с путешествием к руинам Майи» (*Змеиные цветы*. С. 24—25).

⁶ Чапультенец — большой естественный парк в Мехико; по преданию, здесь когда-то находилась резиденция ацтекских царей.

⁷ «Предерзостное» отношение к Бальмонту было проявлено А. Белым в статье «Апокалипсис русской поэзии», где Бальмонт был исключен из числа влиятельных современных поэтов. «Два русла определенно намечаются в русской поэзии,— утверждал А. Белый.— Одно берет свое начало от Пушкина. Другое — от Лермонтова. Отношением к тому или иному руслу определяется характер поэзии Некрасова, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева, Брюсова и, наконец, Блока. Только эти имена и западают глубоко в нашу душу: талант названных поэтов совпадает с providенциальным положением их в общей системе развития национального творчества» (Весы. 1905. № 4. С. 17). В следующем же номере «Весов» Брюсов ответил полемической репликой «В защиту от одной похвалы. Открытое письмо Андрею Белому», где, между прочим, писал: «Конечно, лестно оказаться в числе шести избранных, рядом с Тютчевым и Фетом,— но не понадеялся ли ты, Андрей, слишком на свой личный вкус? (. . .) как мог ты пропустить имена Кольцова, Баратынского, А. Майкова, Я. Полонского, а среди современников — Бальмонта? (. . .) Неужели Блок являет собой русскую поэзию более, чем Бальмонт, или неужели поэзия Баратынского имеет меньшее значение, чем моя? (. . .) Нет, я решительно отказываюсь быть в числе шести, если для этого должен забыть Кольцова, Баратынского, Бальмонта. Предпочитаю быть исключенным из представителей современной поэзии вместе с Бальмонтом, чем числиться среди них с одним Блоком» (Весы. 1905. № 5. С. 37, 38).

⁸ Имеются в виду мотивы стихотворений А. Белого из сборника «Золото в лазури»: «Вечный зов» (посвящено Д. С. Мережковскому), «Во Храме», «Жертва вечерняя» и др. Поэт-блудец сопоставляется здесь с «новым Христом», непризнанным Спасителем, гибнущим в пошлой и прозаической повседневности. Изнанку «святошеских грез» Белого Бальмонт увидел в его стихотворении «Пир» («Проходят толпы с фабрик прочь. . .»), где лирический герой выступает уже как «проигравшийся игрок», участвующий в ресторанной оргии и исполняющий «безумный кэк-уок» в трагической обстановке 1905 г.:

Нас обжигал златистый хмель,
Отравленной своей усладой.
И сыпалась — воц там — шрапнель
Над рухнувшею баррикадой.

В «Aquarium'e» с ней шутил
Я легкомысленно и метко
Свой профиль теневой склонил
Над сумасшедшею рулеткой.

(Вопросы жизни. 1905. № 7; вошло в книгу Белого «Пепел»)

⁹ К письму приложено стихотворение «У Океана».

¹⁰ Прямой намек на В. И. Иванова, занимавшегося изучением культа Диониса и сопоставлением его с религией христианства.

¹¹ Стихотворение публикуется впервые.

113. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

5 сентября 1905. Силламяги, Эстл. г.

Милый Валерий, я рад, что ты одинок. Это более идет к тебе. И я тоже совсем один. Кроме Елены, нет в мире души, перед которой моя душа раскрывалась бы сполна. Мне начинает казаться, что ко мне и тебе возвращаются те дни, когда, взяв друг друга за руку, мы ходили с тобой по улицам Москвы от Вечерней звезды до Утренней. Я чувствовал тогда, что нас двое с тобой во всем мире. Я чувствую, что нас двое с тобой во всем мире. Десять лет завершили свой круг ¹, и ко мне вернулась юнейшая юность. Семь месяцев я целовался непрерывно, и не мог насытиться, и не утолился поныне. Семь месяцев я был в сказке ². А теперь? Я пишу строки, «дольчиссимо» *, флейта, свирель. Ты меня посылаешь под Северное небо ³: «Иди, иди, будь эльфом». Некий Ходасевич в «Искустве» спасает меня и юными зубами готов кусать тебя ⁴. Но ты предупреждал мне верно. Хотя я посылаю тебе бранно-струнную боевую заповедь ⁵, мои стихи новые не таковы. Они похожи на лепет ребенка. Это фейные сказочки ⁶. Сегодня еще день не кончился, а я уж пролепетал 13 таковых сказочек. Какие они?

Я был в избушке на курьих ножках.
Там все как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши, и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.

Но я был в шапке, был в невидимке,
Стянул у Старой две нитки бус.
Разгневал Ведьму и скрылся в дымке.
И вот со смехом кручу свой ус.

* сладчайшие (от *итал.* dolce — сладко).

Н. К. БАЛЬМОНТ (В ЗАМУЖЕСТВЕ БРУНИ)
 Фотография Фр. Опитца. Москва, 1905
 Собрание Н. К. Бруни, Москва

Пойду, пожалуй, теперь к Кошею,
 Найду для песен там жемчугов
 До самой пасти приближусь к Змею
 Узнаю тайны — и был таков ?.

Какая радость, что ты печатаешь новую книгу ⁸. Это будет праздник.

Что до Белого и Блока, они меня мало трогают в каком-либо смысле. Я искренне думаю, что за все эти последние десятилетия в России было лишь два человека, достойные имени Поэта, священнее которого для меня нет ничего. Это ты, и это я. Хорош многим Вячеслав ⁹, но к сожалению он более, чем что-либо — ученый провизор. Медоточивый дистиллятор. Балтрушайтис — какой-то после дождичка в четверг. Лохвицкая — красивый романс. Гипшиус уж очень Зиночка. Тонкий стебелек, красивый, но кто его не сломит? Блок не более как маленький чиновник от просвещенной лирики. Полунемецкий столоначальник, уж какой чистенький да аккуратненький, «Дело о Прекрасной Даме» все правильно расследовано. Еще таких «Дел» будет сколько-то, все с тем же результатом, близким к элегантному овалному нулю. Единственно, кто мог

бы носить с честью звание Поэта, это Андрей Белый. Но он изолгался перед самим собой. Говоря грубо, он какой-то проститут Пoesии. Он сдал ее в наймы, а сам сделался стряпчим ¹⁰. Он дохленький профессор, он маленький поп-расстрига. Он еще может воспрянуть. Но трудно.

Когда я думаю, каким путем, как твердо и красиво ты идешь уже столько дней, мне делается радостно. Как хорошо, что ты есть на Земле.

Твой К. Бальмонт.

ЗАПОРОЖСКАЯ ДРУЖИНА

Валерию Брюсову

Запорожская дружина дней былых была прекрасна,
 В ней товарищи носились за врагами по степям.
 Не жалели, не томилась, и одно им было ясно: —
 Это небо — наше небо, эти степи — служат нам.

И, сменивши клики брани на безумие попойки,
 Братским смехом запорожцы озаряли светлый час.
 И по степи точно мчались чьи-то бешеные тройки,
 Это отзвуки веселий колдовали там — для нас.

Колдовали и звенели. Говорили: — Время минет.
 Замолчат курганы наши. Будем в ветре мы как пыль.
 Но в потомках наша память да не меркнет, да не стынет, —
 Слышу, деды-запорожцы, мне звенит о вас ковыль.

Запорожская дружина — нас, познавших силу света,
Нас, чей гордый лозунг — Утро вечно-юного лица,
Да пребудет неизменной, как звенящий стих Поэта,
Да пребудет полновластной, как победный крик Певца¹¹.

Sillamäggi, September 1905.

К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 109—110.

¹ Бальмонт пишет об истекшем десятилетии его знакомства с Брюсовым.

² С января по июль продолжалось путешествие Бальмонта и Е. К. Цветковской в Мексику и США.

³ В статье по поводу новых книг Бальмонта: «Только любовь» (1904) и «Литургия красоты» (1905) Брюсов признал более органичной его раннюю лирику и те мотивы в его последних стихах, которые шли от кратких, нежных стихов его первых книг: «...Самыми искренними его стихами, — искренними в высшем смысле слова, останутся его песни о возврате:

Мне хочется снова быть кратким и нежным,
Быть снова ребенком...

(Только любовь)

(...) Это сознание никогда не покидало Бальмонта; и напрасно он, в поисках «новых чудес», из-под Северного неба уходил на светлый Юг...» (VI, 263, 264).

⁴ Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) — поэт, критик, начал печататься в 1905 г. Бальмонт обратил внимание на рецензию юного Ходасевича, в которой он, высоко оценив «Литургию красоты», прямо оспорил брюсовскую точку зрения на эволюцию Бальмонта-поэта: «Идя вперед и вперед, спаивая звенья своего моста, он, быть может, подойдет к мотивам всемирной поэзии, поэзии космоса и всеобъемлемости. Тогда все презренные, как бы разрозненные части его творчества примут такое же отношение к этой новой поэзии, в каком находятся все отрасли современного знания к великой завершительной науке будущего, Науке о Мире. Этого будущего поэзии Бальмонта не хотят признать или не думают о нем. Бальмонту тщатся указать его «истинные» пути, хотят вернуть к «нежным напевам», заставить, как эльфа, качаться на ветке «сиреневого куста». Но горе путнику, который даст болотному огню искусно заманить себя в трясины.

„Горе, кто обменяет
На венюк — венец“ *

(Искусство. 1905. № 5—6—7. С. 165)

⁵ К письму приложено стихотворение «Запорожская дружина».

⁶ Летом и осенью 1905 г. Бальмонт написал книгу стихов для детей — «Фейные сказки», возникшую в повседневном общении с четырехлетней дочерью Ниной.

⁷ Под названием «У чудищ» оубл. в кн.: Бальмонт К. Фейные сказки: Детские песенки. М.: Гриф, 1905 (раздел «Детский мир»).

⁸ Брюсов готовил в это время к печати книгу «Stephanos» («Венюк»), вышедшую в свет в дни Декабрьского восстания в Москве (на титуле — 1906 г.).

⁹ Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) был к тому времени автором книг «Кормчие звезды» (1903), «Прозрачность» (1904), трагедии в стихах «Тантал» (1905) и историко-философского исследования «Эллинская религия страдающего бога» (1904). Сб. «Stephanos» был посвящен Вячеславу Иванову — «поэту, мыслителю, другу». Отношения Брюсова и Вяч. Иванова освещены в их переписке (предисловие и публикация С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова — ЛН. Т. 85).

¹⁰ Бальмонт имел в виду преимущественные занятия А. Белого критикой и публицистикой, главным образом на страницах «Весов», где в 1904—1905 гг. он тесно сотрудничал с Брюсовым, несмотря на серьезные расхождения во взглядах и глубокие личные конфликты с ним.

¹¹ Стихотворение публикуется впервые.

114. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

12 сентября 1905. Силламяги, Эстл.

Дорогой Валерий, мне очень нравится твоя Астарта¹. В ней чувствуется тяжелая красота церковной утвари, церковных завес, кусочек какого-то неведомого храма. Это именно тот мир, в котором я был все эти долгие месяцы по ту сторону голубовато-зеленоватой Атлантики. Ты неправ, говоря, что я не читаю твоих книг, а лишь перелистываю их². Я много раз перечитывал «Urbī

* В. Брюсов. «Искушение» (прим. Ходасевича).

et orbi», и отдельные страницы там, как «Город женщин»³ или «Путь в Дамаск»⁴, я воспринимаю не как просто стихи, а как события — гадкое слово, события, газетное, — я воспринимаю их именно как куски разрушенного храма, священные руины, в чьей тиши и странных говорах душа говорит неизъяснимо с другой душой. Мы похожи на цветы, растущие друг против друга, на разных лужайках, разделенных узкой песчаной дорожкой. Когда Солнце озаряет меня, я говорю: «Зачем ты темный?» А через некоторое время я темнею, а лепестки твои озаряются. Многое из того, что мне было чуждо в тебе еще так недавно, снова, именно — снова, сделалось мне близким. Книга, которую я напишу, и отчасти, в мелочах, уже написал, будет зваться «Злые чары»⁵. В ней я не буду солнечным. Однако уже я написал и другую, небольшую, книгу, в которой звенят детские колокольчики и все маленькие флейты, на которые были намеки в «Золотой рыбке»⁶. *Il me tarde de te voir**, чтобы прочесть эти стихи и видеть взгляд меняющийся «темноглазого жреца»⁷. Я уезжаю отсюда в Петербург завтра, пробуду там два или три дня. По приезде в Москву тотчас приду к тебе, часа в четыре.

Посылаю тебе «Человеческую повесть Квичей-Майев». Это как бы продолжение «Космогонии майев», которую ты быть может уже читал⁸. Передай ее, пожалуйста, Полякову. Побуди его, если твое влияние еще длится в сих зыбко-уклонных сферах, не задержать набор и печатание моих статей. Впрочем, если ему неинтересно мое сотрудничество в «Весах», чорт с ним.

До свидания. Жду свиданья с тобой, как той радости, светлой и утонченной, которую можем знать лишь мы, ювелиры мгновений и нещадные кузнецы.

Всегда твой К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 112—113.

¹ Стихотворение Брюсова «Из ада изведенные» («Астарта! Астарта! И ты посмеялась...» — июль 1905 г.; I, 406). Астарта (Истар) — по халдейской мифологии — богиня любви; спустившись в подземное царство богини смерти Иркаллы, она вывела оттуда мертвых к жизни. Она же является как Утренняя звезда (Венера). В стихотворении отразились личные переживания Брюсова, связанные с Н. И. Петровской.

² Очевидно, этот упрек был сделан в не дошедшем до нас письме Брюсова.

³ «Город женщин» («Домчало нас к пристани в час предвечерний...») — короткая лирическая поэма на мотив Теннисона, написанная Брюсовым в Венеции в 1902 г. (УО; I, 357—359).

⁴ Об отношении Бальмонта к стих. «В Дамаск» см. п. 92 и 93.

⁵ Об этом сборнике см. п. 124, прим. 1.

⁶ См. п. 113, прим. 6. Стихотворение «Золотая рыбка» («В замке был веселый бал...») — из книги «Только любовь»; впервые опублик.: Курьер. 1903. 2 нояб.

⁷ Неточно процитированные слова стих. «Из ада изведенные»:

Астарте небесной, предвестнице утра,
Над нами сияющей ночью и днем,
Я — жрец темноглазый, с сестрой темнокудрой
И ночью и днем воспеваю псалом.

(I, 406)

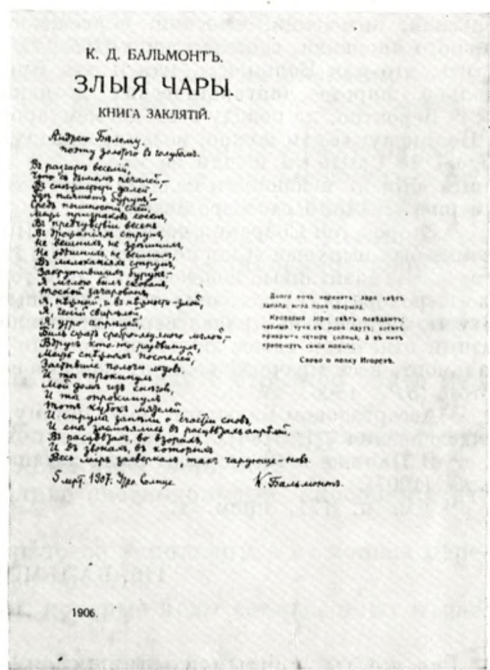
⁸ Как и очерк «Космогония Майев» (Искусство. 1905. № 9, 10, 11), «Человеческая повесть Квичей-Майев» Бальмонта представляет собой сокращенное переложение-перевод из эпоса древних индейцев Центральной Америки «Пополь-Ву». Вошла в книгу «Змеинные цветы».

115. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

10 февраля н. с. 1906. Париж. 100, rue d'Assas

Валерий, я посылаю тебе несколько вещей из последних¹. Если «Весы» воистину будут выходить², было бы желательно увидеть их там, в возможно скором времени. Если они не попадут туда, я просил бы тебя послать их в какой-нибудь Петербургский журнал, ежели еще существуют журналы вроде «Вопросов жизни»³ или предполагавшихся «Факелов»⁴. Весьма прошу высылать мне «Весы» в Париж (с ноябрьского номера). Третья просьба — вышли

* Мне не терпится увидеть тебя (франц.).

К. Д. БАЛЬМОНТ. ЗЛЫЕ ЧАРЫ. М., «ЗОЛОТОЕ РУНО», 1906

Обложка Е. Е. Лансере и титульный лист с дарственной надписью: «Андрею Белому, поэту золотого в голубом. В разгар веселий, || Что с дымом печалей,— || В снежности далей, || Где пляшет бурун,— || Средь пышности елей, || Меж призраков сосен, || В предчувствии весен, || В дрожающих струн, || Не вешних, не здешних, || Не здешних, не вешних, || В мельканиях струн, || Закрутивших бурун,— || Я мглою был скован, || Тоской зачарован, || Я, нежный, и в нежности — злой, || Я, гений свирелей, || Я, утро апрелей, || Был скажт сребро-лядиною мглой,— || Вдруг кто-то раздвинул, || Меж снежных постелей, || Застывшие пологи льдов, || И ты опрокинул || Тот кубок метелей, || И струны запели о счастьях снов, || И сны засмеялись в рассветах апрелей, || В рассветах, во звонах, || И в звонах, в которых || Весь мир засверкал, так чарующе-нов. 5 мрт. 1907. Утро. Солнце. К. Бальмонт»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

мне, при случае, оставшиеся у тебя книги по Санскриту ⁵ и солдатские Испанские мемуары ⁶. Очень обяжешь.

Перелистывал ли 2-й том Эдгара По? ⁷ Какие из посылаемых мною стихов приемлет твоя впечатлительность? Что делается, помимо известного из газет, в Москве? В каких областях мысли Ассаргадона? ⁸

Я помышляю, не печатать ли свои все возникающие книги в Париже ⁹, ввиду упорной наклонности нашего «конституционного» правительства опечатывать типографии. Может быть, к весне сумею осуществить во-вне свои «Злые чары» ¹⁰.

До свиданья. Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 114.

¹ По всей видимости, все эти произведения были отосланы Бальмонту обратно, так как 21 февраля 1906 г. он отправил Брюсову открытку: «Будь добр вернуть мне стихи, которые я тебе послал. К. Б.» (ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 115). Состав подборки установить не удалось.

² Зимой 1905—1906 гг. «Весь», еще сохранявшие характер критико-библиографического журнала, без стихов и беллетристики, переживали кризис. В *Дневниках* Брюсова отмечено: «Перед Рождеством «Весь» гибли» (с. 135).

³ Ежемесячный литературно-общественный журнал «Вопросы жизни», редактируемый Н. О. Лосским, издавался в Петербурге только в течение 1905 г.

⁴ Альманах «Факелы», организованный Г. И. Чулковым, выходил в 1906—1908 гг. Было выпущено три книги. Бальмонт в альманахе не печатался. Первоначально «Факелы» задумывались как журнал (см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. 106, прим. 13).

⁵ Е. А. Бальмонт вспоминает: «Бальмонт всю жизнь изучал какой-нибудь новый язык. Хорошо он знал: французский, немецкий, греческий, латинский, итальянский, испанский,

польский, литовский, чешский, норвежский, датский, шведский. Похуже — грузинский. Немного японский, санскритский» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 80). Следует отметить, что для Бальмонта, как и для Брюсова, характерна не столько основательность, сколько широта лингвистических познаний.

⁶ Вероятно, по поводу этих же мемуаров 23 мая 1903 г. Бальмонт писал из Меррекуля С. Полякову: «Если можно, возьми, пожалуйста, у Вольфа книгу “Vida del Soldado español Miguel de Castro” и пошли ее мне (. . .)» (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 20—34. Л. 14). Книга «Жизнь испанского солдата Мигуэля де Кастро» (Барселона, Мадрид, 1900) вышла в серии «Bibliotheca hispanica».

⁷ Второй том Собрания сочинений Э. По в переводе Бальмонта (рассказы, статьи, афоризмы) был выпущен «Скорпионом» в 1906 г. В рецензии на него Ник. Ярков (Н. Поярко) отмечал: «Талантливый переводчик в этом томе, как и в первом, допустил те же незначительные шероховатости, сохранил те же крупные достоинства перевода. В силу богатства своей природы, он невольно придал переводу оттенок своего «я» и наложил на него легкий своеобразный отпечаток своей личности, но в то же время передал, как только умеет передать Бальмонт, весь мрачный колорит повествования, всю тревожность стиля, певучего и звонкого» (*ЗР*. 1906. № 2).

⁸ Ассаргадоном Бальмонт, по-видимому, называет своего адресата, автора одноименного стихотворения (I, 144).

⁹ В Париже в 1900-е годы была издана только одна книга Бальмонта — «Песни мстителя» (1907).

¹⁰ См. п. 121, прим. 1.

116. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

19 марта н. с. 1906. Париж. 100, rue d'Assas¹.

Где же ты, святыней клявшийся,
Быть красивым обещавшийся,
Быть поэтом до конца,
И меня выражение,
Не гасить восторг внушения
В изменениях лица?

Где же ты? Душа измучилась,
Враждовать она соскучилась,
Нет цветов во мгле вражды.
Отзовись в минуту трудную,
Сказку вспомни, изумрудную,
Нашей, двойственной Звезды².

К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 116.

¹ Е. А. Бальмонт вспоминает: «В конце 1905 г. мы поехали с Бальмонтом в Париж, где уже, по настоянию Макса (Волошина), жила Маргарита Васильевна (Сабашникова) и работала в художественной мастерской Жюльена. Мы хотели поселиться поблизости от нее, но все дома Латинского квартала были переполнены, и мы долго не могли найти себе помещения (. . .) Наконец, мы попали (. . .) на одно очень подходящее. Но хозяйка этого пансиона, пожилая и очень комильфозная дама, разговаривая со мной, все косилась на Макса и вдруг очень решительно отказалась сдать нам комнаты (. . .) На другой день я вернулась к ней с Бальмонтом и нашей девочкой: просила ее принять нас хоть на время. Она согласилась, и мы прожили у нее два года и очень подружились с ней» (*Бальмонт Е. А. Мои встречи с Максом Волошиным // ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 8).

² Брюсов ответил на это письмо стихотворным посланием «Равному» («Нет, не бойся слов враждебных...»), датированным 22 марта 1906 г. (I, 541).

117. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(40/) 23 мая 1906. Париж.

Почему ты отвернулся, Валерий, и ни звука не издаешь? Или прав Юргис¹, как-то сказавший мне: «Знаешь, Бальмонт, некоторые отношения просто потому прекращаются, что они слишком долго длились». Воистину не пойму.

Я, как и прежде, душой говорю с тобою, выдаюсь, встречаюсь с призраком. Знаю, что ты неповторяем. Безмолвно сетую, что этого не знаешь ты обо мне, или любишь повторности больше, чем неповторяемое.

Последние строки, которые я получил от тебя, — стихи в ответ на стихи². Мои стихи, хоть и были рифмованными, были просто лишь письмом, и твой ответ был довольно нелюбезен. Мои войны, если таковые я веду, совсем в безвоздушном пространстве — и тут мы не встретимся... Припоминаются мне ейчас почему-то давнишние мои строки:

Человек с пронзенными руками и ногами,
 Человек со членами, прибитыми к кресту,
 Мы с тобой не встретимся ни братски, ни врагами,
 Ты несешь страдание, а я несу мечту³.

Опускать забрало? ⁴ Мне ли, мне ли! Этого я не умею. Сколько раз собирался, пытался, ничего не выходит. Душно в забрале. Я так люблю вольность и беспечность. Если забочусь о чем — так это о создании новой беззаботности.

Однако я весьма тоскую и был бы рад услышать твой голос и услышать горячую интонацию человека, который, блестя глазами, оживленно говорит — об Ассирии, так что она вот тут, совсем близко.

Если бы мы были сейчас вместе, я с радостной улыбкой стал бы вопрошать тебя, предпрешающе вопрошать:

— Думаешь ли ты, «Брат Валерий», что есть на свете что-либо более мерзостное, чем наша Цивилизация? ⁵

— Думаешь ли ты, что нам нужно надеяться лишь на землетрясительную силу, перемещающую географические и всякие иные понятия?

— Думаешь ли ты, что Европеец, особенно светловолосый, способен стать истинным Мусульманином?

— Думаешь ли ты, что есть воистину средство ускользнуть от колеса перевоплощений? Не видеть, не знать, не чувствовать?

Мне давно хотелось послать тебе строки, которые поют сейчас, поют в моей душе.

Тесовый гроб, суровый грот смертельных окончаний,
 В пространстве узких тесных стен восторг былых лобзаний.

Тяжелый дух, цветы, цветы, и отцветанье тела,
 Застылость чувственных красот, в которых жизнь пропела.

Безгласность губ, замкнутость глаз, недвижность ног уставших,
 Но знавших пляску, быстрый бег, касанье ласки знавших.

Тесовый гроб, твой ценный клад еще прекрасен ныне,
 Не сразу гаснет смелый дух померкнувших в пустыне.

Но, тесный грот, твой мертвый клад в ужасность превратится.
 Чу, шорох. Вот. Безглазый взгляд. Чу, кто-то шевелится⁶.

Прощай. Если ты видишься с Ниной Ив.⁷, передай ей мой привет. Напиши мне что-нибудь о масках — их «там у вас» так много ныне — и сколь любопытные. Я же, если хочешь, переброшу отсюда отображения дивных личин. Видал, Ааа-а!

Жму руку. Твой К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 117—118.

¹ Ю. К. Балтрушайтис.

² См. п. 116, прим. 2.

³ Публикация этих стихов не найдена.

⁴ Послание Брюсова «Равному» кончается строфой:

Опусти свое забрало,
 Ладь оружие свое:
 Это — боя лишь начало,
 Это только простучало
 Затупленное копьё!

⁵ 7 марта 1905 г. Бальмонт отмечал в путевом мексиканском дневнике: «Мир осквернен европейцами. Европейцы — бессовестные варвары! Их символ — тюрьма, магазин и трактир с биллиардом, сюртук и газетная философия» (*Змеинные цветы*. С. 18).

⁶ Под заглавием «Тесный грот» стихотворение вошло в сб. «Злые чары».

⁷ В середине мая 1906 г. Н. И. Петровская уехала в Варшаву.

118. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(2/) 15 июля. 1906. Бретань. Finistère, Primel¹, Hôtel Talbot.

Валерий, я очень радовался на твое письмо, полученное мною в последние дни моей парижской жизни. Но я был в мучительных растерзаниях, среди людей, или точнее женщин, и потому не тотчас отвечаю. Я чувствую каждое твое слово. Я знаю тоже, очень давно, о наших расходящихся линиях. Но я думаю, что, расходясь, эти линии всегда остаются в одной, единой, каждыми разными своими точками родственной сфере. Если хочешь, мне даже хорошо, что мы идем, каждый, своим отдельным путем, — при встречах мы, как два охотника, можем показать, можем рассказать друг другу различное. Освежить наши души и лица росой новизны. И вечно быть в радостном скрещении встречностей. Но я не о том говорил, говорю, Валерий. О простой человеческой, беспритязательной, братской дружбе говорил я. Эту зиму я был в жестоком чистилище, терзал и терзался, и мне не с кем было говорить, а ты упорно молчал. В иные минуты просто хочется сказать что-то. Как превосходно выражено у Мэтерлинка: «Мне страшно. Я ничего не знаю. Я пойду что-нибудь кому-нибудь скажу»². Но ведь я-то не такой, как этот говорящий Мэтерлинка. И с «кем-нибудь» я говорить не стану. Более того. Не с кем мне говорить, кроме тебя, когда я подхожу к предельностям. Я могу только говорить тогда с Еленой и с тобой. Но мне мучительно хотелось мужского голоса — пусть с нашим цинизмом, пусть с нашей усмешкой, которой мы вдруг отделяем себя от людей, от презренных людей, от ничтожных людей, на которых всем сердцем желал бы я выбросить полчища Гуннов.

То мимовольное чувство, о котором ты говоришь, как о вечносвязующем нас, никогда меня не покинет. Если бы был мне выбор оставить тебя или всех людей, я бросил бы в пропасть всех людей (не только ненавистных) и оставил бы тебя на священной опустевшей Земле, и мы говорили бы, как никто никогда не говорил с своим братом, как мы говорили уже не однажды, возносясь на кругозор пределов.

Я получил Верхарна³. Привет тебе за гордую победу. Я не мог никогда читать Верхарна по-французски. Я помирал от какой-то нудности через три-четыре страницы (не оскорбись за своего любимца). В русском же виде, и в твоём воссоздании, получился сильный, красивый, грозный, интересный поэт. Слово интересный оскорбительно. Но ты понимаешь, мне все же Верхарн бесконечно чужд, как чужд тебе Шелли⁴. Кстати, в перечислении поэтов, со мной и тобою имеющих что-нибудь общего, ты называешь Пушкина поэтом мужского начала, а Тютчева — поэтом начала женского. Я изумлен неверностью. Тютчев — типичный поэт — *vir**. И именно ты, а не я с ним сроднен. И ты вовсе несроднен с моим женственным легкомысленным капризным поэтическим братом, Пушкиным. Пушкин — поэт мужского начала! Ахти мне! Да где ж это видано! Весь извивный, весь обманный, весь усмешка, игра, вспышка искры, волна, поцелуй, вплоть до самой кончины своей нелепый и вздорный, как женщина, — нет, Пушкина, Валерий, тебе я не отдам. Вот уж Гете уступлю, хоть весьма его люблю⁵.

Но возвращаюсь к Верхарну. На самом деле, ты свершил литературный подвиг, осуществив эту книгу. Не знаю, хороши ли переводы. Текста нет под рукой, а хорошо его не помню, и не весь даже читал. Но одно могу сказать, что я именно ни на одной странице не чувствую перевода, а ощущаю красивые сильные стихи, которые по временам воспаряют до истинной высоты и спускаются в подлинные глубины. Мне очень нравятся, очень, следующие вещи: «Декабрь», «Не знаю где», «Числа» (все три божественны), «Женщина на перекрестке», «Голова», «Мор», нравятся (не слишком) «Восстание», «К Северу», «Ветер» (в подлиннике лучше)⁶, «Мятеж». Проза чисто-комнатная⁷. Быть может, лучше всего — «Числа». Припев производит «потрясающее» впечатление⁸.

* муж (лат.).

Однако заглавие «Стихи о современности» вовсе неверное. Современность куда сложнее, стремительней, разнообразней, циничней, религиознее, чем зашедший в душных комнатах Верхарн. Современность уходит из комнат, она снова, но в извращении, стремится к пространству и воздуху, стремится к пьянящим культам. Верхарн же есть, в конце концов, литература, полка с книгами, чернильница, перо — не клич, не крик, не звон струны, не свист локомотива.

До свиданья. Откликнись. Скажи, что хочешь говорить со мной, я буду много говорить. Посылаю тебе свою «Ткачиху»⁹. Приедешь ли сюда, в вольность оторванности? Или все будешь между изломанных и преломляющихся линий? Душно в России. Низко. Я надолго ушел опять в свои перламутровые раковины.

Люблю тебя всегда.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 21—23.

¹ Е. А. Бальмонт вспоминает: «Примель была бретонская деревушка на берегу моря, где мы жили с Бальмонтом и нашей пятилетней девочкой. Туда к нам приехала гостить Елена (Цветковская) в начале нашего знакомства с ней» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 106).

² Слова Иньольда из драмы М. Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда» (действие IV, сцена III).

³ Верхарн Э. Стихи о современности/Пер. Валерия Брюсова (М.: Скорпион, 1906).

⁴ Ср. суждение Бальмонта о Верхарне в п. 62 и реплику Брюсова о переводах Бальмонта из Шелли (п. 54, прим. 1).

⁵ В статье «Избранник Земли» Бальмонт утверждает: «Приближаясь к Гете, видишь царственную фигуру, заслоняющую всех других любимых тобой, — чувствуешь цельность, которая поглощает все твоё внимание и радуется своим духовным спокойствием» (Бальмонт К. Белые зарницы. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908. С. 3).

⁶ «Ветер» Верхарна (в подлиннике) понравился Бальмонту своей звукописью. В примечании к стихотворению Шелли «Песнь к западному ветру» Бальмонт приводит строки Верхарна как образец аллитерации (Шелли П.-Б. Полн. собр. соч./Пер. К. Д. Бальмонта. СПб., 1903. Т. 1. С. 471—472):

Sur la bruyère longue infiniment
Voici le vent cornant Novembre...
Voici le vent,
Le vent sauvage de Novembre.

Брюсов это место перевел так:

Вот, зыбля вереск вдоль дорог,
Ноябрьский ветер трубит в рог.
Вот ветер вереск шевелит,
Летит...

⁷ В сб. «Стихи о современности» вошли переводы заметок Верхарна о художниках: «Фернанд Кнофф», «Джемс Энсор» и «Рембрандт», выполненные И. М. Брюсовой. Позднее она работала над переводами капитального труда Верхарна «Джемс Энсор» (остался в рукописи — ГБЛ. Ф. 386, 139.3) и исследования «Петер-Пауль Рубенс» (опубл.: Летопись. 1917. № 1, 2—4). В предисловии к последнему Брюсов писал о том, что уже «в ранний период своей литературной деятельности Верхарн опубликовал ряд маленьких, но ярких статей о разных любимых им художниках: о Ж. Геймансе (Heumans), Ф. Кноффе, Дж. Энсоре и др. (. . .) Вместе с тем, Верхарн работал над большими исследованиями о художниках, желая полнее выразить свое понимание искусства. Всего таких исследований поэт Фландрии успел написать три: большой том, обстоятельно рассматривающий творчество мало у нас известного современного бельгийского художника Джемса Энсора (изд. 1908 г.), и две книги о двух своих любимейших мастерах, о Рембрандте и Рубенсе» (Там же. С. 147, 148).

⁸ В стихотворении шесть раз повторен рефрен «Я — обезумевший в лесу Предвечных Числ».

⁹ Стихотворение вошло в сб. «Птицы в воздухе» (СПб.: Шиповник, 1908).

ФРОНТИСПИС КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА «ЖАР-ПТИЦА»

Хромолитография К. А. Сомова

«Весы», 1907, № 9

119. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(4/) 17 авг. 1906. Бретань. Finistère, Primel. Hôtel Talbot.

Бледный лик одной звезды
Чуть мерцает, чуть горит.
Месяц, светел, гладь воды
Кольхает, серебрит.

Я не знаю, что со мной.
Не решу я, что светлей.
Бледный лик звезды ночной
Или месяц в снах лучей.

Писал тебе, давно, в Москву¹. Не знаю, получил ли ты мои строки. До меня, своевременно, дошла твоя карт-посталь с шведской маркой. Если вернулся в Москву, напиши². Я пробуду здесь еще долго. Гляжу на море из окна, окружен книгами, написал новую книгу стихов³. Vale*.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 24.

¹ Очевидно, имеется в виду п. 118.

² Из поездки в Швецию Брюсов с женой вернулись в Москву 22 июля 1906 г.

³ Речь идет о сборнике, получившем позднее заглавие «Жар-птица». Основная его часть была написана в деревушке Примель. В очерке «Пряность солнца. Бретань» Бальмонт писал: «Я увидел Бретань воочию (. . .) когда я приехал с своими близкими в Финистер и провел все лето, до поздней осени, в пустынном местечке Примель. . . Снова судьбою мне было послано счастливое солнечное лето. Снова мне улыбалось творчество. На другой же день или на третий от свежего дыхания моря, от ощущения скал, уединения и от ежеминутной радости тонкого сопричастия дорогих душ мечта во мне задела и уже не умолкала до дня, как мы выехали из Примеля с последним дилижансом» (ЗР. 1908. № 3—4. С. 69). 8 сентября 1906 г. Бальмонт писал из Примеля С. А. Соколову: «Я пережил за эти два месяца величественные и сладостные мгновения создания своей новой книги, своей Свирели славянина. Гончил «Жар-птицу» и третьего дня отослал рукопись в «Скорпион». Не знаю, будет ли он ее издавать. Мне эта книга представляется теперь лучшим из всего, что я когда-либо написал. Жар-цвет в ней горит всеми переливами» (ГБЛ. Ф. 499, 1. 6. Л. 1).

Сборник «Жар-птица. Свирель славянина» был выпущен «Скорпионом» летом 1907 г. в качестве седьмого тома Полного собрания стихов, причем часть тиража в особой обложке работы К. Сомова распродавалась как отдельное издание.

120. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж. 1/14 ноября 1906 г.)

Один слепец ведет другого,
И в безобразии своем,
Кривым путем,
Глупец глуца,
Слепец слепца
Вперед уводит без конца.

Ты понимаешь это слово?
Подняв глаза, раскрывши рты,
Подняв глаза свои слепые,
Наощупь в царстве темноты,

* Прощай (лат.).

Кроты, кроты,
Они ползут, скрипят, их выи
Надмённые, полны срамоты
Их неуклюжие движенья,

Они — одно, они — сцепление,
Уродство самоослепления.

Убогость эту понял ты? ¹

К. Бальмонт

Paris, Passy, 17, rue Singer ²—14. XI. 1906.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 25.

¹ Стихотворение написано на открытке с изображением находящейся в Неаполитанском музее картины Питера Брейгеля «Слепые». Стихотворная подпись, как отметил Вл. Орлов, имела дополнительное значение, «явно метившее и в самого Брюсова и в других, кто не оценил искренности революционного порыва поэта» (*Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 32). Стихотворение под заглавием «Слепцы» введено в состав сб. «Песни мстителя» (с. 30). См. также п. 123, прим. 7.

² Е. А. Бальмонт вспоминает: «Зимой в отсутствие Волошина я поселилась в их квартире на rue Singer» (*Бальмонт Е. А.* Мои встречи с Максом Волошиным // *ЦГАЛИ.* Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 12). Волошин, женившись весной 1906 г. на племяннице Екатерины Алексеевны — М. В. Сабашниковой, уехал вместе с ней в Россию.

121. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Paris. Passy, 17, rue Singer. 1.XII.06. (нов. ст.)

Валерий, я получил твое письмо и ответу на него дня через два. Обращаюсь с просьбой. Сообщи, пожалуйста, Рябушинскому, что нужно предпринять, чтобы спасти книгу ¹. Если же ей суждено погибнуть, не согласится ли «Скорпион» печатать без промедления «Жар-птицу», с которой, конечно, не может быть никаких недоразумений.

Жму руку

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 26.

¹ Издательство Н. П. Рябушинского «Золотое руно» готовило к выпуску сборник Бальмонта «Злые чары». 8 сентября 1906 г. Бальмонт сообщил С. А. Соколову: «“Злые чары”, из-за которых я совсем было поссорился с Рябушинским, окончились набором. Они все же появляются в издании “Золотого руна”. Не знаю, какова будет судьба их по выходе» (*ГБЛ.* Ф. 499, 1.6. Л. 1). За стихотворения «Будь проклят бог!» и «Пир у сатаны» 26 ноября 1906 г. Московским цензурным комитетом на книгу был наложен арест, а автор обвинен в богохульстве. 17 января 1907 г. арест был утвержден Московским окружным судом. Только при подготовке «Скорпионом» Полного собрания стихов Бальмонта 21 февраля 1911 г. прокурором Московского окружного суда было дано разрешение на выпуск «Злых чар» (*ЦГАЛИ.* Ф. 776. Оп. 16. Ед. хр. 938. Л. 1—4). Судебное преследование Бальмонта было прекращено лишь по амнистии 1913 г. См. также п. 123, прим. 3.

122. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(28 ноября/) 11 дек. 1906. Париж. Passy, 17, rue Singer.

Валерий, все эти дни я очень занят писанием стихов и статей и посему донныне еще не отвечал тебе на большое письмо. Непременно напишу в пределах этой недели.

Сотрудником «Весов» и соучастником «Скорпиона» прошу считать меня и впредь ¹. Soy yo el mismo siempre, y para siempre, como es el Sol y las estrellas del Escorpión, cuyo signo es 8, el signo de las cos(as) et eternas *.

До свиданья. Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

P. S. Новые стихи вышлю на днях ².

* Я тот же всегда, и навсегда, как Солнце и звезды Скорпиона, чей знак есть 8, знак бесконечности (*исп.*).

«ВЕСЫ», 1905, № 9
Виньетка А. А. Арапова

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 119.

¹ В не дошедшем до нас письме, по всей видимости, Брюсов запрашивал адресата, можно ли указать его фамилию в списке сотрудников «Весов» и «Скорпиона» на 1907 г.

² См. п. 123, прим. 14.

123. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(2/) 15 декабря 1906. Париж. Passy, 17, rue Singer.

Валерий, я долго ждал от тебя вестей, но, когда, наконец, от тебя пришло письмо, оно не столько меня порадовало, сколько подивило. Верно, мы на некоторые вещи совсем разное стали смотреть, если смотрели когда-нибудь одинаково. Ты пишешь: «Из внешностей я знаю, что ты был в Норвегии¹, что написал «Жар-птицу»... Поистине изумительно! Ты полагаешь, что написать «Жар-птицу» есть некая внешняя обрядность моей жизни? Я в простоте сердца полагал, что ты возьмешь у Полякова² рукопись и прочтешь ее. Я полагал также, что ты еще не настолько отдалился от Поэзии и от прежней своей способности воспринимать ее, чтоб не понять, что в данном случае ты имеешь дело с событием в русской литературе. До «Жар-птицы» у нас не было славянского поэтического самосознания. В «Жар-птице» оно впервые появилось³. Дерзаю изъяснить тебе это. Вижу, что и «Злые чары», если и не отнесены к моим «внешностям», все ж не произвели на тебя столь «живого» впечатления⁴, как мои революционные стихи, давшие тебе возможность совлечься с Парнаса для брани весьма поносной. Ты пишешь, что эти стихи показали тебе «оскорблением нашей общей святыни Поэзии»⁵. Но откуда у тебя, Валерий, такое старомодное понимание Поэзии, которое разрывает Поэта с его творчеством? Говоря о Поэте и видя его ошибки (допустим диалектически, что революционные мои стихи — ошибка), ты не нашел ничего лучшего, как говорить обо мне тоном Буренина. Я уверяю тебя, если доселе ты этого не знаешь, что имя Бальмонт довольно священное понятие в русской поэзии, и говорить о нем в таком тоне, как позволяешь это себе ты, а также и безмянности из «Весов»⁶, это, конечно, унижает не меня, а говорящего так. Я отнюдь не «сержусь» на рецензию, о нет, но я жалею тебя и жалею «Весы». Это нелитературно, это улично. Сумели же Любовь Столица и Курсинский поносить меня литературно в «Золотом руне»⁶. От «Весов» можно ожидать большей опытности и большей корректности. По-

лагаю, что и ты не «рассердишься», что я в «Красном знамени», которое выйдет на днях, посвятил тебе одно из стихотворений⁷. Без малейшей злобы.

Еще два слова о «Весях». Зачем они унижают себя смешными гимназическими выходками Чуковского и Ликиардопуло? Ни тот, ни другой не знают английского языка и, нагло берясь указывать чужие мнимые ошибки⁸, делают грубейшие «гаффы»*. Вообще «Весы» принизились, нужно им отдать справедливость. Это больно, ибо все же они единственный пока журнал, в котором несомненно внутреннее содержание.

Я живу действительно в сокровити. Ты угадал это. В этом слове я узнаю прежнего Валерия и говорю ему, что люблю его по-прежнему, всегда и неизменно. Быть может, не перекидываясь письмами, мы в некоторых отношениях очень сблизились за последний год. Я отучился от многих розовостей и хладен к людям. Мне решительно никого не нужно. Мне довольно моих близких, мне довольно любить и мечтать, смотря в высокое окно. В Бретани я поселился так, что из моего окна было видно Море, я с ним жил, я засыпал и просыпался под шум его широких волн. Здесь я поселился в уединенности, близ деревьев, и из окна моего видно Небо и дали. Я написал еще новую книгу стихов «Птицы в воздухе»⁹. Должно быть, мне суждено написать столько же сборников ритмических строк, сколько драм написал Кальдерон. Верно так же, как он, я проживу на Земле до 80-ти лет слишком. Но только монахом я не стану¹⁰. И не сделаюсь суровым никогда. Я все яснее и яснее слышу тончайшие звуки, самые золотистые струны, вижу нежнейшие краски.

Городецкий очень хорош¹¹. Кузмин скучен¹². Ремизов порою занятен¹³. Все другие — мертвецы.

Посылаю для «Весов» три вещи¹⁴.

Не злобься. Не бросай мечты.

Смахни цветками пыль дороги.

И помни в безднах пустоты,

Что хоть и люди мы — мы боги.

Всегда твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 120—122.

¹ По приглашению поэтессы Дагни Кристенсен Бальмонт в самом начале октября 1906 г. уехал из Примеля в Норвегию и пробыл там около месяца (см. письма Бальмонта к С. А. Соколову — ГБЛ. Ф. 449, 1.6. Л. 2).

² Об отношении Брюсова к сборнику «Жар-птица» см. п. 125. Критика не очень высоко оценила эту книгу поэта. Так, Ал. Чеботаревская писала в рецензии на сборник: «В преданиях седой старины К. Бальмонту не удалось вдохнуть новой жизни, не удалось новыми красками зажечь русские народные поверья. Нервный, вечно ищущий, капризный и властный лирический талант поэта имеет чересчур мало общего с основными чертами русского народного творчества» (РВ. 1907. № 242. 23 окт.).

³ Брюсов успел купить один из 300 экземпляров книги «Злые чары», разошедшихся в день наложения на нее ареста (см. письмо С. А. Полякова к Бальмонту — ИМЛИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 10). В рецензии на сборник Брюсов отмечал: «Основной недостаток «Злых чар» — отсутствие свежести вдохновения. Бальмонт повторяет сам себя, свои образы, свои размеры, свои приемы, свои мысли. В новой книге, то, как великое откровение, с особым ударением возвещаются истины, которые раньше проповедовались в «Горящих зданиях», то опять звучит нежная мелодия из давней, любимой нами «Тишины», то кивает знакомый, милый образ из «Будем как солнце»» (Весы. 1907. № 1. С. 69, 70).

⁴ «Всех истинно любящих творчество Бальмонта, — писал Брюсов в рецензии на сб. «Стихотворения», — не могло не опечалить его появление на политической арене. И действительно, неловкий и растерянный, он оказался только жалким на этом несвойственном ему^{2*} поприще и, чувствуя это, старался скрыть свое смущение громкостью своего крика» (Весы. 1906. № 9. С. 53). Бальмонт цитирует не дошедшее до нас письмо Брюсова.

⁵ В знак унижения Бальмонт называет «безымянностями» К. Чуковского и М. Ликиардопуло (см. ниже прим. 8, а также п. 126, прим. 9).

⁶ Отзывы Л. Столицы и А. Курсинского были довольно резкими. В заметке «К. Бальмонт. Стихотворения. Изд. Дешевой библиотеки Т-ва «Знание». № 90. Цена 3 коп. СПб., 1906» рецензентка возмущалась: «Трехкопеечный Бальмонт... Доступный Бальмонт... Баль-

* грѣмахи (франц.).

^{2*} В тексте «Весов», очевидно, опечатка: «его».

мом для всех... Трудно поверить. Но факт налицо. Жиденькая книжка в претенциозной огненной обложке с рядом откровенно-тенденциозных стихотворений дает печальную возможность в этом убедиться. Но кричащая внешность «огненной книжки» и не менее кричащее содержание ее не согревают, скорее хололят душу, светятся кое-где искусственным пафосом и во всяком случае не доставляют никакого художественного наслаждения» (ЗР. 1906. № 10. С. 91). Курсинский, разбирая сборник стихов Евг. Тарасова, коснулся политической поэзии Бальмонта: «Поэт, обогативший отечественную литературу целым рядом книг, отмеченных „высшим знаком“ его гениальности, отграничивший русский стих и русское слово до крайних пределов зеркала истины и блеска, закрепивший этим брильянтовым стихом неуловимое, несказанное тончайших настроений,— перелагает в плохо размеренные строчки бездарные передовицы подпольных изданий и произносит грубейшие выражения базарной толкучки, как скоро в своих произведениях пытается стать певцом воинствующих дружин, земли и воли и рабочего пролетариата» (Там же. С. 92).

⁷ Журнал «Красное знамя» издавался в Париже в 1906 г. А. В. Амфитеатовым. В нем печатались М. Горький, М. Рейснер, А. Куприн, М. Волошин. Бальмонт опубликовал в журнале 42 стихотворения, составивших основу сборников «Песни мстителя» и «Стихотворения». Оба были запрещены цензурой (см.: *Цехновицер О. В.* Символизм и царская цензура // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1941. № 76, вып. 11. С. 290—291). В № 6 (с. 27—29) Бальмонт поместил цикл из пяти стихотворений «Гнев славянина» («Вестники», «Дева-Обида», «Слепцы», «Неизбежность», «Гуны»). «Слепцы» (см. п. 120) имели своеобразное посвящение: «Поэту, не понимающему бури, В. Брюсову». Вводя это стихотворение в сб. «Песни мстителя», автор посвящение снял.

⁸ Рецензия К. Чуковского «Русская Whitmaniana» разбирает ошибки Бальмонта, допущенные им в статье «Певец личности и жизни. Уольф Уитман» (Весы. 1904. № 7) и при переводе стихотворения «Громче ударь, барабан» (Сборник товарищества «Знание». СПб., 1906. Кн. 12). Чуковский пишет: «Положительно г. Бальмонт не чувствует языка, с которого переводит. В трех строчках перевода он сделал пять грубейших ошибок и, благодаря этим ошибкам, создал характеристику Уитмана, весьма далеко отстоящую от подлинной» (Весы. 1906. № 10. С. 44).

В том же номере журнала М. Ликиардопуло, рецензируя III том Полного собрания сочинений О. Уайльда, выпущенного издательством В. М. Саблина (М., 1906), припомнил ряд ошибок, допущенных Е. А. Андреевой-Бальмонт при переводе «De Profundis» Уайльда для книгоиздательства «Гриф» (М., 1905).

⁹ Сборник «Птицы в воздухе» был выпущен изд-вом «Шиповник» в 1908 г., а затем вышел как 9-й том Полного собрания стихов в «Скорпионе» (1912).

¹⁰ Кальдерон принял в 1651 г. духовный сан и стал впоследствии королевским капелланом. Незадолго до смерти он составил список своих произведений, куда вошли 108 светских и 73 духовные пьесы.

¹¹ С. М. Городецкий начал печататься в 1906 г. Из его многочисленных публикаций за этот год Бальмонт, скорее всего, был знаком с циклом «Симфония» (Весы. № 6) и стихотворениями «Мама окна занавесила...», «Баллада», «Весна» и «Полюбовницы» (ЗР. № 7—9, 10, 11—12).

¹² Вероятно, Бальмонт имел в виду «Повесть об Елевсиппе» (ЗР. 1906. № 11—12) и повесть «Крылья» (Весы. 1906. № 11). Год спустя в заметке «Наше литературное сегодня» Бальмонт отмечал: «Городецкий — выпущенный из клетки щегленок. О нем пока много говорить нечего. У Кузмина есть уже свой стиль, который я называю стилем имитации. Без иронии. Его «Комедия об Алексее, человеке Божьем», зачаровывает своим тонким изяществом» (ЗР. 1907. № 11—12. С. 62).

¹³ А. М. Ремизов в 1906 г. в «Весках» не печатался. Очевидно, отзыв Бальмонта относится к повести «Посолонь» (ЗР. 1906. № 7—8—9, 10).

¹⁴ «Три коня» и «Зачарование» (см. п. 126, прим. 2 и 4). Название третьего стихотворения, не появившегося в «Весках», установить не удалось.

124. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1906. (13/) 26 дек(абр.). Париж. Passy, 17, rue Singer.

Валерий, я послал тебе на днях несколько вещей для «Весов»¹. С тех пор у меня возникли лепестки Мексиканского Пламечвета, и мне было бы приятнее видеть в «Весках» их². Итак, пожалуйста, передай прежде посланные стихи в ред(акцию) сборника «К вершинам», где и ты, кажется, участвуешь³ и где ждут от меня стихов. Для «Весов» же возьми «Узорный Пламечвет». Если я посылаю слишком много, пожалуйста, отправь лишнее в какой-либо пристойный журнал. Не знаю, кроме «приятельских» (ох, как там неприятно все!)⁴, решительно никаких. В этом кратком неведении я — далеко и, увидев в газетах, каких-то, объявление о «Мире божьем»⁵, дивился, как если бы прочел «серьезную» телеграмму о том, что Чичиков приехал с проектом к Столышину.

Не замыкайся от меня. Воистину, число людей так неправдоподобно скудно, и мы в протяжностях путей друг друга ищем обоюдно.

Напиши.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 123.

¹ См. п. 123, прим. 14.

² Брюсов отклонил просьбу Бальмонта и напечатал в «Весех» стихотворения из подборки, присланной в предыдущем письме (см. п. 126, прим. 2 и 4). Цикл «Узорный Пламецвет. Мексиканские лепестки», состоящий из десяти стихотворений («Багрянец», «Под тенью крыльев», «Колдун», «Вожди красноцветных», «Женщина-змея», «Тецкатлипока», «Глалок», «Кветпалькоатль», «Он, который», «Он глядел»), опубликован в сборнике «Корабли» (М., 1907). Впоследствии этот цикл введен в раздел «Майя» сборника «Птицы в воздухе».

³ «К вершинам» — первоначальное название сборника «Хризопрас» (см.: ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 266). Там опубликован брюсовский перевод сонета С. Малларме «Лебедь». Бальмонт в альманахе не печатался.

⁴ Бальмонт, недовольный задержкой с изданием «Жар-птицы», в письме к С. А. Полякову, посланном в конце 1906 г., упрекал редакцию «Весов» и «Скорпиона» в наглости, грубости, нахальстве и мелком торгашестве. Отвечая ему, Поляков писал: «По поводу твоих ругательств, обращенных прямо или косвенно ко мне, я могу заметить, что я не считаю критику грубым неприличием, не считаю наглостью ответ на безличное письмо безличным же письмом редакции за подписью секретаря и не считаю мелким торгашеством высказывания людей, с которыми ты не согласен» (черновик письма С. А. Полякова — ИМЛИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 106б.).

⁵ В сентябре 1906 г. за публикацию «Политического обозрения» Н. И. Иорданского издание журнала «Мир божий» было приостановлено в административном порядке. Вместо него с октября стал выпускаться той же редакцией «Современный мир». В ноябрьском и декабрьском номерах этого журнала появилось сообщение об открытии подписки на «Мир божий» при прежнем составе редакции и постоянных сотрудников. Удивившие Бальмонта объявления были, в сущности, редакционной уловкой, преследующей цель передать без потерь подписчиков «Современному миру» (см.: Русская литература и журналистика начала XX века: Большевицкие и общедемократические издания. М.: Наука, 1984. С. 118—119).

125. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 16/29 дек(абр) 1906 г.

Дорогой Бальмонт!

И все-таки Ты рассердился и сердисься: так звучит Твое письмо ¹. И это очень грустно, потому что я думал, что Ты воспринимаешь все мои слова о Тебе (печатные и устные) на фоне моей давней, моей верной, моей вечно неизменной любви к Тебе. Любовь не исключает критики: я могу находить плохими Твои стихи, Ты можешь считать плохими мои статьи. Но любовь исключает, совсем, окончательно, возможность «рассердиться», «обидеться».

Ты пишешь мне, что имя Бальмонт — священное имя в русской литературе. Да. Но имя Валерий Брюсов — тоже. Вот почему именно на Валерия Брюсова падает тяжкий долг — говорить Бальмонту то, что другие ему не говорят, не смеют сказать. Не кому другому, а мне приходится, наконец, сказать Тебе, что та поразительная щедрость Твоего творчества последних лет, которая, кажется, больше всего изумляет Тебя самого, — решительно не отвечает прелести и значению этого творчества. Твоя самая сильная книга «Горящие здания» ². Твоя самая полная книга: «Будем как солнце» ³. После них начинается падение Бальмонта, сначала медленное, потом мучительно стремительное. В «Злых чарах» только порой узнаешь прежнего Бальмонта и почти плачешь, слыша вновь знакомый, утраченный голос. Ты говоришь, что «Жар-птица» событие в литературе. Как новая книга Бальмонта, — конечно. Но не как книга вообще. Славянское поэтическое самосознание уже *есть*: в творчестве наших великих поэтов. И оно гораздо сильнее, острее в поэзии Пушкина и Тютчева, чем в стихах Алексея Толстого, хотя Пушкин и Тютчев и не переполняли своих стихов, как Толстой, именами *вымышленных* славянских божеств ⁴ и quasi-русскими оборотами речи. Что до Тебя, то Ты никогда не умел писать «стильных» стихотворений, это — вне Твоего дарования, и никогда не чувствовал русской стихии, это вне Твоей души. Стиля, взятого Тобой в «Жар-птице», Ты не выдерживаешь ни на одной

странице. Склада русского былинного стиха, который Ты пытаешься перенять, — Ты не понял совершенно ⁵. Небрежное отношение к слову, в чем Ты, со времени перевода Шелли, с каждым годом повинен все более и более, повело к томительной длине большинства стихотворений. Что же такое «Жар-птица»? Книга, в которой много неудачных и ненужных подделок под народную поэзию, в которой очень хороши названия и эпитафии отделов и в которой есть ряд прекрасных, вечно прекрасных стихотворений ⁶, за что все остальное — прощаешь и забываешь.

Все сказанное, конечно, ни на миг не мешает мне любить Тебя. И ни на миг не мешает мне верить в Тебя. Я верю (прости банальное сравнение), что Тебе, как соловью и как Фету, суждено петь только «по зорям», — на утренней заре и на вечерней ⁷. Мы слышали Твои утренние песни. Нам предстоит услышать вечерние, самые пленительные, самые смелые и самые тайные из всего, что пел Ты. В огненной лучезарности этих закатных песен потонут не только все «жар-птицы» и «птицы в воздухе», но и слепительное «Солнце» Твоего рассвета, которому мы все уже воздвигли алтари.

Всегда Твой Валерий Брюсов.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 35, 30об.

Черновик, на бланке издательства «Скорпион».

¹ 27 декабря 1906 г. Брюсов сообщал З. Н. Гиппиус: «Приехали в Москву Яценки (. . .) и рассказывают, что Бальмонт прямо озлоблен и против “Весов” и против меня. Верю, потому что прислал он мне такое бранное (письмо), каких я в жизнь не получал (. . .) Разумеется, я отвечал ему “в тон”. Думаю, что этот ответ, а также статья о пользе брома в № 12 “Весов” совсем отклонит Бальмонта от “Скорпиона”. Я не жалею, ибо в литературе перепадами и пересказами самого себя он стал нестерпим» (ЛН. Т. 85. С. 688).

² См. п. 47, прим. 3.

³ О сборнике «Будем как солнце» Брюсов писал: «Можно сказать, что в этой книге творчество Бальмонта разлилось во всю ширь и, видимо, достигло своих вечных берегов» (VI, 258).

⁴ В балладах, былинах и притчах А. К. Толстого упоминаются имена богов славянского пантеона: Посвиста (Похвиста) — бога бури, Ругевита (Руевита) — бога войны у балтийских славян, Святовита (Свентовита) — «бога богов» в западнославянской мифологии, Черногобога — божества, приносящего несчастье.

⁵ В рецензии на «Жар-птицу» Брюсов отмечал: «Русская народная поэзия чуждается рифмы, пользуется созвучием только в исключительных случаях. Былины сложены особым былинным стихом, поразительно подходящим для длительного и спокойного эпического повествования. Будучи хорическим по своему строению, этот стих более, чем на правильное чередование ударений, обращает внимание на равновесие образов, и потому, по справедливости, называется “смысловым” стихом. Можно вырвать содержание былины из этого стиха, пересказать его по-своему. Но нельзя, подражая в общем складу былинного стиха, пригладить его свободное течение, свести его чуть не к правильному хорею и навязать ему ненужную и надоедливую рифму» (VI, 270).

⁶ В числе творческих удач сборника «Жар-птица» Брюсов назвал «Стих о величестве Солнца» (VI, 275).

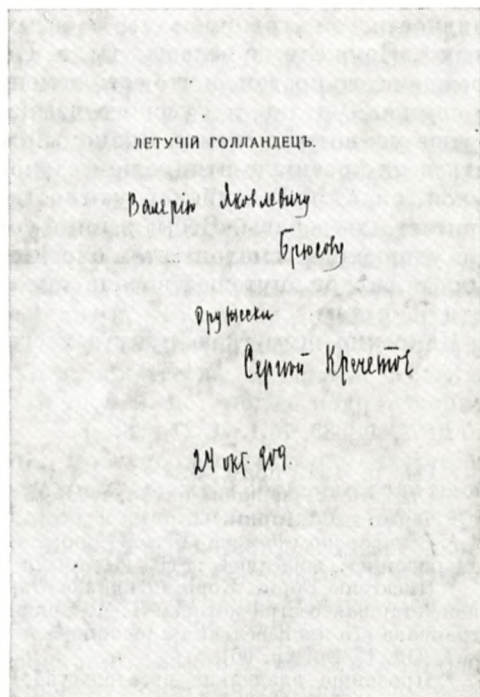
⁷ В 1863 г. А. А. Фет выпустил двухтомное собрание стихотворений, как бы подводя итог первому периоду своей литературной деятельности. После 20-летней творческой паузы он начал издавать выпусками последний сборник — «Вечерние огни», восторженно встреченный ценителями его поэзии.

126. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(24 декабря/) 6 января 1907. Париж. Passy, 17, rue Singer.

Валерий, я получил оба твои письма. Стихи из первого моего посыла, вероятно, уже переданы в «Хризопрас» ¹, за исключением «Грех коней» ². Относительно «Узорного пламецвета» ³: если оттуда ничего не пойдет в январской книге «Весов» ⁴, пошли, пожалуйста, все 10 этих стихотворений от моего имени Б. К. Зайцеву, Спиридоновка, д. Армянских, кв. 45 ⁵; если что может идти в январских «Весках», вынь по выбору. До мая я вовсе не расположен ждать. К этому времени у меня будут Майские цветы еще, достоверно.

Относительно твоего большого письма, Валерий, мне нечего сказать. Целого ряда вещей ты более не понимаешь, вовсе понять не в состоянии, как их не

СЕРГЕЙ КРЕЧЕТОВ. ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ. М., «ГРИФ», 1910

Обложка А. Аршштама и шмуцтитул с дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову дружески Сергей Кречетов 24 окт. 1909»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

понимает, например, Макс Волошин или Гриф⁶. У тебя закрылись глаза на половину мира, на целый мир. Мне это больно, ибо именно в тебе когда-то я, способный все понять, видел именно человека, способного все понять. Если ранее я видел, что ты чего-нибудь не понимаешь, я ждал, и я мысленно дополнял твой образ. Но ты все уклонялся, уклонялся в сторону самого рекомендательного, самого педагогического рационализма — и вот. Уж и не воспрянуть тебе, пожалуй. Если в жизни твоей не пройдет что-нибудь страшное, что действительно сотрясет твою душу, или что-нибудь истинно-нежное, что действительно сотрясет твою душу, — ты безвозвратно погиб для Поэзии. То, что говоришь ты о моей «Жар-птице» и о моем творчестве, прости, убого. Ты ведь не умеешь отличать кукушкины слезки от подорожника, ты не знаешь, что такое заячья капуста, и что такое росинка на дреме, и каков есть нрав шмелей, и бронзовки, и майских жуков, и кшатриевски⁷ быстрых жужелиц. Ты не знаешь, что такое Иванова Ночь, и папоротник. Нельзя этого узнать в созревшем отяжелелом естестве. И сколького ты еще не знаешь и не узнаешь никогда в этой жизни. Так тебе ли говорить о понимании, до глубины, Русской Стихии, этой Великой Деревни. Недаром ты, в своих чтениях и настроениях, подчиняешься так охотно, так ненавистным мне, французам, единственному Европейскому народу, который абсолютно не понимает, что такое деревня⁸. Ты проклят Городом и отравлен им. Пойми хоть это, и извлеки из этого частичное могущество. Цельным же тебе не быть. Это доля тех, которым в детстве смеялись снежинки одуванчиков и которые, прикоснувшись, как ты, в юности к бульварам, театрам, книгохранилищам и публичным домам, не сделались и не могут сделаться поэтами Города и философами кружка, узкого, маленького, умного кружка, до глупости умного.

Что до грубых младенцев, воспитываемых в теплицах «Весов», их ошибки видны мне очень, но скучно об этом говорить. Скажу только о маленькой твоей

наивности: он, говоришь ты о безымянном, был три года в Англии и знает язык⁹. Неужели не ведаешь ты, о, Валерий, что для знания языка нужно быть прежде всего поэтом, и что есть немецкие и иные тупоумцы, прожившие в Москве свыше 20-и лет, а Русского языка так и не понимающие, и что — и что — Лучше уж вот что скажу. Знакомый мой Русский охотник ездил в Англию охотиться на красивую птицу, на фазанов, и брал с собой свою Дианку. Был, вернулся, сидит в Российской уютности у весело потрескивающего в печке огня и читает для забавы «Весы» и иные совершенства, а у ног его валяется Дианка. И с удивлением смотрит этот охотник на Дианку и вопрошает себя: «Что, она была в Англии, путешествовала там?» И, потянувшись, говорит: «Не была там, хотя и была».

Искренно жму твою руку и всегда тебя люблю.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 27—28.

¹ См. п. 124, прим. 3.

² Стихотв. «Три коня» опубл. в «Весех» (1907. № 1). Вошло в сб. «Птицы в воздухе».

³ См. п. 124, прим. 2.

⁴ В январском номере «Весов», кроме «Трех коней», было опубликовано также стихотв. «Зачарование», вошедшее в сб. «Птицы в воздухе».

⁵ Писатель Борис Константинович *Зайцев* (1881—1972) был женат на В. А. Орешниковой, старшая сестра которой Т. А. Полиевктова, близкий друг Бальмонта, неоднократно устраивала его произведения в различные издания (см. письма Бальмонта к ней — ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96).

⁶ Прозвище владельца издательства «Гриф» поэта Сергея Александровича *Соколова-Кречетова* (1878—1936), редактора журналов «Искусство» (1905) и «Перевал» (1906—1907).

⁷ Кшатрии — древнеиндуская каста, к которой принадлежали воины.

⁸ 27 июля 1907 г. Бальмонт писал в наброске автобиографического очерка: «Я родился и вырос в деревне, люблю деревню и Море, вижу в деревне малый Рай, город же ненавижу, как рабское сщепление людей, как многоглазое чудовище. Однако в великих городах есть великая свобода и отравы пьянящие, которые уже вошли в душу и которые, ненавидя, люблю» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 1).

⁹ Речь идет о К. И. Чуковском, который в 1903—1904 гг. жил в Лондоне в качестве корреспондента «Одесских новостей». В ответ на его критику бальмонтовских переводов (см. п. 123, прим. 8) выступила Е. К. Цветковская. 19 января 1907 г. обиженный Бальмонт писал С. А. Соколову: «Посылаю тебе заметку Елены. Если есть возможность, пожалуйста, напечатай ее. Мне было бы очень больно, если бы напечатать ее было нельзя. Я равнодушен к нападкам на меня из явно-враждебного лагеря. Но грязные нападения из лагеря целующих, Иудиных поцелуем, Валериев Лживых и Сальери Завистливых — это есть нечто особенного рода. Искренне радуюсь, что в Елене Ц. проснулась полемическая душа» (ГБЛ. Ф. 449, 1.6. Л. 3).

Спустя почти год статья Елены Ц. «Об Уитмане, Бальмонте, нареканиях и добросовестности. Заметка доказательная» появилась не в «Перевале», а в «Весех». В том же номере напечатан и ответ Чуковского «О пользе брома. По поводу г-жи Елены Ц.» Указав еще на ряд неточностей и грубых искажений оригинала, автор делает вывод: «Бальмонт как переводчик — это оскорбление для всех, кого он переводит: для По, для Шелли, для Уайльда. Г-жа Елена Ц. поучает меня, что перевод должен быть художественно-воссоздающим, а не «ученически-дословным». А разве Бальмонт «воссоздает»? Ведь у Бальмонта и Кальдерон, и Шелли, и По, и Блэк — все на одно лицо. Все они — Бальмонты. Читатель, знакомый с ними по Бальмонту, не отличит их друг от дружки. Все они с каким-то ухарским завитком, все они гладкие, круглые, юнкерски-удалые. Ну, хорошо, лги в отдельных словах, но систему слов, но колорит слов каждому оставь их собственные, а у Бальмонта: краски-лашки-пляски-сказки — это Теннисон, и Блэк, и По!» (Весы. 1907. № 12. С. 55).

127. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 11 /24 августа 1907.

Дорогой Константин!

Когда я получил Твое письмо, взял в руки этот серенький конверт с так знакомым мне мелким и строгим почерком, — испытал я волнение, гораздо большее, чем когда получаю разные «любовные» письма. Так бесконечно много соединено для меня с Твоим именем, что, конечно, никогда, до самого последнего дня и часа, воспоминание о Тебе не перестанет быть для меня острым и сладким.

Но, когда захотел я написать Тебе в ответ тотчас же, хотя бы несколько слов, — у меня этих слов не нашлось, и я все не находил их, когда, после, опять делал попытки писать Тебе, говорить с Тобой. Между нами оказались какие-то преграды или стены, какие-то мглы, сквозь которые, я не знаю, проникнет (ли) мой голос. И озираясь, всматриваясь, с изумлением, почти с отчаяньем вижу, как многое для меня стало непонятно в Тебе, как многое во мне должно было стать непонятным для Тебя.

Как могло это случиться? Неужели те различия, которые заставляют меня говорить «нет» тому, чему Ты, закрывая глаза, говоришь «да», — могли разъединить нас? Не верю, так как никогда не верил в так называемые «убеждения»: они проходят, а человек остается. Или неужели то, что мне не нравится такая-то Твоя книга, а Тебе — такая-то моя, могло заставить нас посмотреть друг на друга враждебно. Тоже не верю, потому что думал всегда, да думаю и сейчас, что «обида» — это слово, которое смешно и неуместно, когда надо говорить о нас двоих.

Может быть, с большей, чем Ты думаешь, страстностью хотелось бы мне ответить на Твой зов: писать Тебе, говорить с Тобой, быть с Тобой. Но ведь необходимо, чтобы при этом не было «искусственной» близости и притворной откровенности, чтобы я не подделывался под тот тон, каким говорил десять лет назад, а Ты не отвечал мне так, словно Ты еще только автор «Тишины». Я не хочу такого кощунственного театра, и Ты его, конечно, не хочешь, и видеть(ся) мы должны будем только в том случае, если я буду я, а Ты — Ты.

Вот в чем весь вопрос: хочешь ли Ты меня таким, каков я, или Ты мечтаешь о некромантии ¹, думаешь вызвать тень умершего: «Мертвые умерли», как говорит после Экклезиаста ² мой маленький Верлен, «да будет их сон в покое» ³. И сейчас более, чем прежде, могу я повторить свои прежние стихи:

Напрасен поздний зов когда-то милых лиц,
Не воскресить мечты, мелькнувшей и прожитой...⁴

Что до меня, я иду доверчиво навстречу всему странному, непонятному, неприемлемому, что знаю в Тебе, навстречу Тебе, другу Максима Горького и приятелю Александра Амфитеатрова ⁵, навстречу Тебе, автору «Песен мстителя», уверенный слепо, что если Ты — Бальмонт, то все это имеет какое-то объяснение, мне неведомое. От Тебя жду я такой же веры в меня. Ты должен *поверить* (не знаю другого слова), что мое негодование и (посвящение) ⁶ шли не от «зависти» (как Ты писал покойному Бахману ⁷ и еще кое-кому), что иные мои взгляды изменились не от того, что я «изменил» чему-то. (Нам надо постараться писать) друг другу с душой открытой, а не с подозрением; как два человека, но не две тени. Как-то, где-то, в чем-то еще неясном мне кажется это вновь возможным, потому что не могла не остаться прежней и единой та наша сущность, то наше истинное я, на фоне которого развиваются все наши различия и несогласия, как развиваются формы облаков на голубизне неба.

А у нас есть причина вновь заключить союз, даже несколько, кажется. Творя вдали от русской литературной жизни, Ты не провидишь все мучения видеть вырождение когда-то дорогих идеалов. «Революционные декларации» Перевала ⁸, неудачи Шиповника ⁹, («откровения публицистов») разных мелких газет, нападки наглых «мистических анархистов» гг. Чулковых — все это (и многое еще!) явно, конечно, требует, чтобы опять соединились сообща, все те, кто в самом деле чтит и любит искусство.

А я верю, что, несмотря на Твои революционные стишки, Ты все же оставался «единого прекрасного жрецом» ¹⁰, и во имя Эдгара По, во имя Бодлера, во имя всех прочих — мы должны быть в одном лагере. Наша разлука — нелепость, наша враждебность — внутренняя, которую надо забыть срочно, как раз теперь *Hannibal ante portas* ¹¹.

Твой Валерий.

P. S. Твои стихи будут напечатаны в сентябрьском № «Весов» ¹², ибо июльский уже напечатан, а августовский уже подготовлен к печати. Ввиду количе-

ства стихотворений, они будут печататься, говоря по-типографски, «кругом», т. е. не каждое с новой страницы, но так же, как стихи М. Кузмина в № 3¹³ или А. Белого в № 6¹⁴.

Р. Р. С. Кстати, хотя я и считаю «Песни мстителя» большим Твоим недоразумением, но каждая книга Бальмонта мне очень дорога. Ты доставил бы мне настоящую радость, прислав мне эту книгу, или, если по условиям издательства это затруднительно, указав мне, как можно ее получить¹⁵.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 39.

Черновик несохранившегося письма, местами неразборчив. Слова, прочитанные предположительно, поставлены в угловые скобки. Окончательный текст письма, судя по ответу Бальмонта, отличался от черновика.

¹ Некромантия — вызывание теней умерших.

² В книге проповедника Экклезиаста сказано: «И ублажил я мертвых, которые давно умерли...» (Библия, гл. 4, 2).

³ Цитируется стихотворение Верлена «Voix de l'Orgueil...» из сб. «Sagesse». Позднее Брюсов перевел этот стих иначе: «Умрите, голоса, чтоб не воскреснуть снова!» (Верлен II. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1911. С. 72).

⁴ Прочитировано стихотворение «Когда были дни я вижу сквозь туман...» (I, 86).

⁵ Александр Валентинович *Амфитеатров* (1862—1938) — писатель, публицист и поэт. О сотрудничестве Бальмонта в выпускаемом им журнале «Красное знамя» см. п. 123, прим. 7.

⁶ По всей видимости, имеется в виду стихотворное послание «Равному» (I, 541), резкий тон которого вызвал удивление Бальмонта (см. п. 117).

⁷ Письмо Бальмонта к Бахману приведено в прим. 2 к п. 128.

⁸ Редактируемый С. А. Соколовым (Кречетовым) «журнал свободной мысли» «Перевал» выходил в Москве с ноября 1906 г. по октябрь 1907 г. В первом номере было опубликовано предисловие-манifest «От редакции», в котором провозглашалось «объединение свободного искусства и свободной общественности». В том же номере была начата серия статей Н. М. Минского, имевшая общее название «Идея русской революции», которую Брюсов подверг резкой критике в заметке «Сапожник, пекущий пироги. О г. Минском» (Весы. 1906. № 12). Брюсов пытался настроить против «Перевала» литераторов, близких к кругу «Весов» (см.: ЛН. Т. 85. С. 692, а также статью А. В. Лаврова «Перевал» в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1984. С. 174—190).

⁹ Альманахи изд-ва «Шиповник» начали выходить с февраля 1907 г. Преследуя сугубо коммерческие цели, редакторы этого издания эклектически соединяли под общей обложкой произведения А. С. Серафимовича, И. А. Бунина, А. И. Куприна, С. Н. Сергеева-Ценского, М. М. Пришвина и других писателей-реалистов с модернистами разных школ и направлений: В. Я. Брюсовым, К. Д. Бальмонтом, А. А. Блоком, Н. М. Минским, Г. И. Чулковым, С. М. Городецким и пр. Эллис, особенно страстно критиковавший альманахи «Шиповника» в «Весях», писал по этому поводу Брюсову в 1907 г.: «Хорош и сахар, хороша и соль, но ужасен воздушный пирог с солью, а „Жар-птица“, Перун, Ремизов, Блок (в драмах), Дионисий Иванович (Вяч. Иванов), — сахар с солью» (ЛН. Т. 92, кн. 2. С. 277). Против подобного альянса возражал и М. Горький. 13 декабря 1907 г. он писал К. П. Пятницкому: «Отвратительное впечатление произвел на меня роман Сологуба в 3-м «Шиповнике». И — рядом с ним Андреев, — странно и позорно совпадающий в своем парадоксе с блевотиной гнусного старичишки...» (ЛН. Т. 72. С. 432). В III книге альм. «Шиповник» была опубликована первая часть романа Сологуба «Навыи чары».

¹⁰ Неточно цитируются слова Сальери из «Моцарта и Сальери» Пушкина.

¹¹ Выражение «Ганнибал у ворот», предупреждающее о близкой опасности, восходит, согласно Титу Ливию, к возгласам готовящихся к битве при Каннах римлян. В переносном смысле его впервые использовал Цицерон в речи, направленной против Антония (Филиппики, 1, 5, 11).

¹² В № 9 «Весов» за 1907 г. был напечатан цикл из 21 стихотворения «Раденья белых голубей», вошедший затем в сб. «Зеленый вертоград».

¹³ В № 3 «Весов» за 1907 г. помещен цикл М. Кузмина «Любовь этого лета», состоящий из 12 стихотворений.

¹⁴ В № 6 «Весов» за 1907 г. опубликован цикл А. Белого «Панихида» из 9 стихотворений.

¹⁵ «Песни мстителя» нельзя было заказать обычным путем, так как издание было запрещено в России. Бальмонт выполнил просьбу Брюсова и прислал ему книгу с автографом:

«Soulae-sur-Mer.
Ave Maria.

Это двенадцатый час,
Это двенадцать часов.»

VII—IX.

(ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 913).

Двустипшие взято Бальмонтом из стихотворения «Двенадцатый час», замыкающего сб. «Песни мстителя».

128. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(30 августа/) 12 сентября 1907. Soulac-sur-Mer. Ave Maria ¹.

Валерий, какой ты, право, стал! Расколовшийся. Я говорю тебе, и ты слышишь, что это мой голос — как бы то ни было, мой голос, а ты отвечаешь, что между нами стены, между нами мглы, и не знаешь, проникнет ли твой голос ко мне. Если стены, давай их разрушим. Если мглы, давай их разгоним. Или мало в нас излучения? Или руки у нас ослабели? Мои — нет. И звездность чувствую я более, чем прежде. Не будем маленькому отдаваться в беседе, когда мы знаем с тобой другое. И если по разлуке мы встретились, и на наших одеждах несколько пыли — ведь это дорожная пыль, и некий холод в речах наших, в лицах соприкоснувшихся в приветственном поцелуе — ведь это свежее веянье ветра кочующего. Вот минутка пройдет — и опять будем братьями. Разве нет?

На некоторые пункты письма твоего совсем не хотел откликаться, но лучше говорить все. Правда? Слово «зависть», оскорбившее тебя, было в письме к Бахману ², и дурно, что он нарушил дискрецию ³, и дурно, что ты опираешься на нарушение дискреции. Валерий, ведь зависть поэта к поэту, к тем или иным чертам и достижениям, не есть зависть человека к человеку, не есть желание очернить и переторговать соседа. Зависть поэта есть состязание, и я повторяю, ты часто завидовал мне — как и я завидовал и всегда! всегда! буду завидовать твоему «Крысолову» ⁴, которого считаю гениальным — и лучшим не только из твоих песнопений, но из многого-многого ряда певучих строк, созданных в России и в Европе в 19-м веке. Но моя зависть тут и кончается — я хотел бы, чтоб это стихотворение было мое, а не твое. Когда ж начинаешь завидовать ты, ты перебрасываешь свое чувство в состязание. Я беру тему, ты берешь эту тему. Я пишу о том-то, ты пишешь о том-то. Я перевожу «Ворона», ты переводишь «Ворона» ⁵. Но ведь это хорошо, хорошо, а не дурно, — это — состязание. Но если состязающийся выигрывает, это хорошо, а если он систематически остается на том же уровне или ниже этого уровня (как именно в «Вороне»), он создает чувство досады в заинтересованном и особенно в посторонних зрителях. И когда посторонние начинают, справедливо и несправедливо, поносить состязающегося — для меня, кому этот состязающийся дорог, вырастает боль, ощущение какой-то фальши, чего-то ненужного. Мы равны. К чему ж мы будем бороться? Или так мало на поле желтом — колосьев и маков и васильков? Если ты плетешь венок из васильков, именно поэтому я не задумаю сплести еще более интересный венок из васильков, а вплету в гирлянду маки. Я однако твое чувство *вполне понимаю*. Но знаешь — Словацкий всегда состязался с Мицкевичем. И когда Мицкевич написал «Дзядов», он непременно захотел написать «Кордиана» ⁶, и когда Мицкевич написал «Пана Тадеуша», Словацкий захотел написать своего «Пана Тадеуша» ⁷. Словацкого я считаю более гениальным, чем Мицкевича ⁸ — но вот в этом он гораздо менее Мицкевича, которому не захотелось написать второй «Балладины» и второй «Лиллы Венеды!» ⁹ И я думаю (может быть несправедливо), что никогда ты не можешь написать такой певучей вещи, как, например, мой «Ручеек» ¹⁰, как, чуждый тебе, «Воздух» («В серебристых пузырьках») ¹¹, как я никогда не напишу и не буду писать вполне достигнутых совершенных гимнов «Городу» ¹² (например, «Слава толпе» ¹³, тоже одно из твоих изумительных стихотворений, где вечерняя тоска мелькающих лиц вызывает у меня слезы восторга).

Мертвые умерли, ты говоришь, вспоминая, как мы говорили с тобой 10 лет тому назад. Нет, Валерий. Или они никогда не были живыми. Я был живым — и я тот же. Сказать о том, что по календарю стало «Прошлым», что любовь к нему есть некрофилия, это такое кощунственно-ложное понимание вещей, что я закрываю лицо руками и восклицаю с горечью: «Боже, до чего он дошел! Где Валерий?» Или мне нужно объяснять? Я все еще на садовой дорожке, в деревне Гумнищи ¹⁴, смотрю на бронзовку, считаю сколько пляшет в воздухе толкачико ¹⁵. Я все еще в радости первых поцелуев с кем-то вон там, вон там.

Я все еще в первый раз, гимназистом 7-го класса, судорожно сжимаю свои виски, читая «Братьев Карамазовых»¹⁶. Я все еще в пересыльной Бутырской тюрьме¹⁷, с несколькими десятками студентов, и после нескольких часов товарищеского единения, вижу, что я не имею и никогда не буду иметь ничего общего с какой бы то ни было толпой. Я все еще иду с тобой по Московским улицам, и мы говорим вечные бессмертные слова, и ты братски-нежно, осторожно, держишь своей рукой меня за руку. Я все еще... Я все еще... Или, безумец, ты думаешь, вправду, что я лишь слова говорю. Или ты, пропевший мне гимн и назвавший меня вечным Маем¹⁸, не понимаешь, что я воистину есмь вечный Май? Был, есмь и буду. Всегда. В 90 лет на этой Земле, и во сколько еще на другой! Поклявшись когда-то в душе своей некоей клятвой, неповторяемой, я ее держу и сдержу до конца и за пределами всех концов. Я могу быть красивее и некрасивее, но я целен всегда. А цельность разве может умереть? Умирают лишь части, невоплотившиеся. И ты целен, Валерий, темноглазый брат мой, и ты целен, но сейчас ты в великой разломанности своего «Я». И именно оттого, что эта расколотость твоя так цельна и полна, ты не видишь и не можешь сейчас видеть ее.

«Песни мстителя». Это вопль мой, это отклик на 9-е Января и на нашу чудовищную Цусиму, с которой примириться не могу, ибо люблю Славян и ненавижу уродливых Японцев¹⁹. Это вопль человека, который не хочет и не может присутствовать при бойне, и потому уехал из России, которая ему именно в данную минуту его внутреннего развития так нужна, как не была еще нужна никогда. Хороши или плохи эти песни, не знаю, но каждая вырвалась из души²⁰, «рабочие» стихи создались потому, что, слыша в душе своей залпы орудий и ружей, расстреливающие рабочих, я чувствовал себя рабочим. К партии никакой я не принадлежу. Социал-демократы мне глубоко противны, и когда я Русским в Льеже читал в концерте²¹, а потом с ними ужинал, я им сказал, что они не Социал-Демократы, а Социал-Дураки. Но, презирая партию Социал-Демократов, я презираю и партию Декадентов, и партию Академиков, все партии в мире²². Мне довольно моих крыльев Альбатроса²³, они мне еще долго послужат, и со славой. Ты говоришь: «Ты писал С. А. Полякову, что чтить «Весы», несмотря на все их нападки на тебя»²⁴. Я ничего подобного не мог писать: я люблю «Весы», и хочу быть в них, и все надеюсь, что они станут когда-нибудь действительно хорошим журналом; я люблю их, как мою и твою, нашу мечту — но чтить их отнюдь не могу. Нападки на меня я не ощущаю, а оскорбляюсь в этих нападках неприличностью тона. Втрое более оскорбляюсь наглыми неприличными статьями Андрея Белого, этой его — не журналистикой, а литературной рвотой²⁵, худшей гораздо, чем пошлости Буренина. Огорчаюсь смертельно, что этот литературный проститут, и трусливый лгун, эта двуличная марионетка, которую я глубоко презираю (можешь повторить ему все мои слова), так прочно существует в дорогах для меня «Весах», как мог бы существовать отвратительный клоп в расщелине. Скорблю, что ты соединяешься с ним в какой-то литературной сваре²⁶. Я, если бы мог, шнул бы его вон из всех журналов, и радуюсь, что он более не будет сотрудничать в «Золотом руне»²⁷. Ибо, повторяю, он двуличный и лжец. Он говорит мне в глаза одно, потом в печати другое. Он говорит о тебе за глаза одно, потом в глаза другое. Он смеет писать какие-то буренинские инсинуации по адресу Чулкова²⁸. Что такое Чулков, не знаю, три раза его видел, и всегда джентльменом, Белого же знаю за лгуна. И наконец — он пишет из-за денег. Он проститут. В литературе приемлема лишь Пушкинская точка зрения: пишу для себя, печатаю и из-за денег²⁹. А он и пишет из-за денег. Пусть он лучше поступит в сапожники. Пишу все это — ибо мне больно, что ты — в атмосфере, которая не может не влиять на легкие, кои ей дышат. Ты говоришь о Ганнибале у ворот³⁰. Это, Валерий, слишком пышно. Ганнибал был достойный враг. А враги мои и твои, нас, тех, о которых ты сказал, «что двое мы — Я знаю»³¹, — наши враги вокруг тебя, это ларвы³², мелкие оборотни, литературные салоппицы обоего пола, кружковщина, комнатный дух, чернильные пятна на душе... А! я говорю. Если б ты за-

К. Д. БАЛЬМОНТ

Фотография. 1912

Собрание Н. К. Бруни, Москва

хотел вырваться на несколько месяцев из обычной своей обстановки, и пожить так, как живу я, совсем один, совсем вне личных клубков, и с Океаном за окном, и с любимыми книгами вокруг, с которыми никто меня не разлучает, — ты на многое бы в своем теперешнем взглянул иначе. Это ведь тоже не пустые слова — «Кто часто бывает среди людей, с тем не могут говорить Ангелы»³³.

Валерий, я пишу тебе так, как чувствую. Пиши и ты так же ко мне. Ни о какой обиде между нами не может быть речи. Одно больное может быть: долгая разлука. Не будем в разлучности, будем переключаться. Скажи мне все, я услышу все. И тебе скажу, что захочешь слышать.

Валерий, я родился в ночь, под утро с 3-го на 4-е июня. Знаешь, ночи тогда бывают прозрачные. Вот что вчера я бросил узором в свою записную книжку³⁴, когда Эдгаровские 12 часов приблизились³⁵.

ИЮНЬ

Июнь, непостижно-короткая ночь,

Вся прозрачная, вся просветленная.

Кто родится в Июне, никак одному не сумеет помочь:

В душе его век будет греза влюбленная,
Душа его будет бессонная.

В зеленом Июне цветут все цветы,
Густеет осока прохладными свитками,
Белеет купава, как стынущий лик чистоты,
Дрема навевает вещательность сонной мечты,
О маленьком счастье безмолвную речь с маргаритками
Ведет незабудка, и шепчет: «Припомнишь ли ты?»,
Цветет и влюбляет ночная фиалка пахучая,
И рдеют сердечки гвоздик луговых.
Кто в июне войдет в этот мир, каждый цвет его сладостно
мучая,

Будет сердцу внушать, что любить нужно их —
Эти сны, лепестки, и душа его станет певучая,
Расцветенная, жгучая.

И в Июне, в Иванову ночь,
Он искать будет папорот-цвет,
На вопрос невозможный — желанный ответ,
На вопрос, что, мелькнув, уж не скроется прочь.
И Иванова ночь озаренная
Даст, быть может, огонь золотоцветный ему,
Чтоб удвоить, за мигом сияния, тьму,
Чтоб, в единственый час,
Где минута с минутой — как искра спаленная,
Тайный папорот-цвет излучившись, погас...
Чтоб в душе его песнь задрожала стозвонная,
Чтоб душа его стала бессонная.

Буду ждать от тебя с нетерпением письма, писем. Не хмурься и откликнись поскорей. Как напишется, так и напиши.

Братски тебя обнимаю. Очень хотел бы увидеть.

Всегда твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 31—37.

¹ Е. А. Бальмонт вспоминает: «Уже с ранней весны, как только в наш садик под наши окна в Пасси прилетали черные дрозды и начинали петь, мы принимались обсуждать, где проведем лето; на море непременно, так как Бальмонт любил море и не мог без него жить.

Мы разыскивали на карте побережье не пустынное, скалистое, как в Бретани, но где был лес, зелень. И вот Сулак, местечко в нескольких часах от Бордо, как раз отвечал нашим вкусам: бесконечная даль океана и тут же на дюнах сосновый лес» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 74).

² Приводим это интересное письмо Бальмонта с незначительным сокращением.

«1907. 21 марта. Париж.
Passy, 17, rue Singer.

Милый Георг, это гадко, это очень гадко и весьма гадко. Что за странная надпись на печатном листке: Бывшему другу? Откуда? Почему? Я ль тебе изменил в чем-нибудь или ты ко мне настолько изменился, что стал бывшим? Ты для меня по-прежнему Георг Бахман, милый Бахман, поэт и друг поэтов, и влюбленный Поэзии. Я мало кого встречал на Земле с таким удовольствием, с такой радостью, как тебя. Я всегда видел в тебе понимающего друга и гостеприимного хозяина, в доме которого истинное отдохновение побывать, и увлекающегося изучателя и создателя мелодических слов. Да не будем мы бывшими, а сущими всегда.

Большое спасибо тебе за посылку статьи Лютера. Если ты его встречаешь, поблагодари его от меня, если можно благодарить за любовь к стихам. Мне кажется, что он очень чувствует мое творчество. Мне жаль только, что, говоря о моих «революционных» стихах, он, как кажется, подчиняется влиянию злобствующего на меня, да скажем и завидующего мне, Валерия. Я никогда не был демагогом. И никогда не буду. А определенный исторический момент не мог меня не взволновать, и я не мог так или иначе не отозваться на него. Может, не выразительно отозвался, но только, знаю, вполне чистосердечно.

Ах, как жаль, Георг, что я не могу сейчас сидеть у тебя на Малой Спасской и ты налил бы себе и мне стакан благородного Рейнского, и я читал бы тебе свои новые строки, и ты увидел бы, что я все тот же Бальмонт, которого ты любил и приветствовал с такою сердечностью. Я посылаю два стихотворения («Зеленый свет» и «Два Цветка», — *Р. III.*), написанные вчера. Мне кажется, они именно напомнят тебе наши давнишние встречи. Между прочим. В ближайшем номере «Весов» будут напечатаны мои «Малые Зерна», где, среди другого, я поношу немцев и французов. Да не шокирует тебя сие. Таких Немцев, как Гете, Лейбниц, Шопенгауер, Вагнер, Ницше, Ленау, Бахман, я не только не проклинаю, но благословляю всей душой. С ними прошла моя юность, они меня научили столькому, что и не исчерпать влияния их поныне. А Бёме? А Гофман? А Гейне, даже и Гейне? Первый иностранный язык, который я изучил, был немецкий (. . .)

Ольге Михайловне привет. Твоим гостям, ежели кто помнит, мои поклоны. Напиши мне сколько-нибудь хоть белых строчек и пошли какие-нибудь стихи. Где Модест (Дурнов. — *Р. III.*) и что он? Мне в Москве, кажется, верен только Юргис.

Прощай. Обнимаю.

Искренне твой К. Бальмонт.

P. S.

Увидимся ль тенями,
Иль здесь, среди земных,
Единственными днями
Мы спели миру стих.

(ГБЛ. Ф. 386, 76.6. Л. 4; копия И. М. Брюсовой. Оригинал см.: *ИРЛИ*. Ф. 22. № 78. Л. 21).

По всей видимости, Бальмонт имеет в виду следующее место из своих заметок: «Поэты других европейских народов, особливо ненавидистые немцы и добрые их спутники французы, всегда унижают слово «люблю» житейскими прилагательными» (*Бальмонт К. Малые зерна: Мысли и ощущения // Весы. 1907. № 3. С. 50.*)

³ От французского слова *discretion* — соблюдение тайны. Упрек Бальмонта справедлив, так как копия с его письма могла быть снята только с разрешения Бахмана.

⁴ См. п. 106, прим. 4.

⁵ Бальмонтский перевод стихотворения Э. По «Ворон» опубликован в журнале «Артист» (1894. № 41. С. 158—160). Из четырех брюсовских переводов «Ворона» к моменту написания письма был опубликован только первый (Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 187—190).

⁶ Третья часть драматической поэмы Мицкевича «Дзяды», вышедшая в 1832 г., была откликом на разгром польского восстания. Этой же теме посвящена драма Словацкого «Кордиан» (1834), автор которой намеревался затмить Мицкевича. Кроме чисто литературных причин, соперничество поэтов усугублялось тем, что в «Дзядях», правда не названный по имени, был выведен в качестве отрицательного персонажа отчим Словацкого — доктор медицины Бэку.

⁷ Среди произведений Словацкого нет ни поэмы, ни пьесы с таким названием. Однако, как предполагают современные исследователи польской литературы, «в драме «Золотой череп» и других драмах о польской истории Словацкий создавал словно бы своего «Пана Тадеуша» о любимом крае детских лет» (*Kleiner J., Maciąg Wi. Zarys dziejów literatury polskiej. Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1974. S. 310.*)

⁸ В предисловии к «Трем драмам» Ю. Словацкого (М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1911) их переводчик Бальмонт писал: «Интересно отметить, что Мицкевич, который раньше был другом Пушкина, а потом его врагом, и который раньше был врагом Словацкого, а потом его другом, мало чувствовал красоту и силу творчества Словацкого, ввиду полного несходства их основных свойств — Мицкевич реалист, Словацкий импрессионист».

⁹ «Балладина» и «Лилла Венеда» — лучшие драмы Словацкого, впервые переведены на русский язык Бальмонтом. Перевод «Балладины» вошел в книгу «Три драмы» Ю. Словацкого, а «Лилла Венеда» опубликована в *РМ* (1909. № 9). Переводы эти получили высокую оценку. Так, например, польская газета «Swiat» (1910. № 27) писала: «Как поэт-переводчик «Лиллы Венеды» Словацкого Бальмонт стал на высотах искусства художественного перевода. Кто знает и чувствует, что есть язык нашего маэстро-виртуоза в этом создании (. . .) только тот может оценить великолепный перевод русского поэта, который — волен гордиться он этим! — не только перевел, но и пересоздал «Лиллу Венеду» так, что перевод почти дает впечатление оригинала» (перевод рецензии, выполненный Бальмонтом, см.: *ГБЛ*. Ф. 261, 2.74. Л. 4).

¹⁰ Стихотв. «Ручеек» вошло в раздел «Очертания снов» сб. «Только любовь».

¹¹ Стихотв. «В серебристых пузырьках» вошло в раздел «Воздух» сб. «Литургия красоты».

¹² Дифирамб «Городу» впервые опублик. в альм. «Шиповник» (1907. Кн. 1), впоследствии вошел в сб. «Все налевы» (I, 515). Однако, скорее всего, Бальмонт имеет в виду не это конкретное стихотворение, а всю урбанистическую поэзию Брюсова.

¹³ Лирическая поэма «Слава толпе», которую высоко оценил и М. Волошин (см. I, 636), вошла в сб. «Stephanos» (I, 437).

¹⁴ Бальмонт пишет в брошюре «Революционер я или нет» (М.: Верфь, 1918. С. 9): «Я родился и вырос в деревне... Деревня Гумнищи, Шуйского уезда, Владимирской губернии. Она еще жива, эта деревушка, в которой всего лишь с десяток крестьянских домов и небольшая усадьба».

¹⁵ Как рассказывает Е. А. Бальмонт, в детстве Бальмонт «предпочитал часами сидеть перед муравьиной кучей, смотреть, не отрываясь, как жужелица зарывает мертвого крота, или следить за полетом бабочки с поврежденным крылышком...» (Встречи с прошлым. Вып. 5. М., 1984. С. 93).

¹⁶ В «Автобиографии» Бальмонт сообщает: «Самыми замечательными событиями своей жизни я считаю те внутренние внезапные просветы, которые открываются иногда в душе по поводу самых незначительных внешних фактов (. . .) Прочтение «Преступления и наказания» (шестнадцать лет) и в особенности «Братьев Карамазовых» (семнадцать лет. Эта последняя книга дала мне больше, чем какая-либо книга в мире)» (*Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. 1*. С. 59).

¹⁷ В «Автобиографии» Бальмонт пишет: «В 1887 г., как один из главных организаторов студенческих беспорядков, был привлечен к университетскому суду, исключен и после трехдневного тюремного заключения выслан в Шую» (Там же. С. 58). Трехдневное заключение Бальмонт отбывал в Бутырской тюрьме.

¹⁸ В стихотв. «К. Д. Бальмонту» («Вечно вольный, вечно юный...»), вошедшем в сб. «Urbi et Orbi» (I, 348), Брюсов, обращаясь к поэту от лица его друзей, использовал образ, основанный на реминисценциях из самого Бальмонта: «Мы весь год — ты краткий май».

¹⁹ Впоследствии, после путешествия в Японию весной 1916 г., Бальмонт писал о японцах и японской культуре с большой теплотой и уважением. См., например, его статьи «Музыка солнечного света» и «Япония. Белая хризантема» (Утро России. 1916. № 358. 25 дек.), а также заметку Веры Д-о «К. Бальмонт в Японии» (Далекая окраина. Владивосток. 1916. № 29. 11 мая).

²⁰ См. прим. 2 к наст. письму.

²¹ 19 января 1907 г. Бальмонт сообщал С. А. Соколову-Кречетову: «13 января (31 декабря) я был в Льеже и перед обширной русской аудиторией (человек 500—600) читал новые свои стихотворения, которые войдут в сб. «Песни мстителя» (вскоре выйдет в Париже). Я приглашен как лектор и как поэт совершить турне по Бельгии и Швейцарии. Русская аудитория в Бельгии главным образом учащаяся (. . .) молодежь, работающая и серьезная» (*ГБЛ. Ф. 449, 1.6. Л. 4*).

²² Анархические настроения долго были свойственны Бальмонту. В 1918 г. он писал: «Поэт выше всяких партий. Выше или ниже, это там всячески бывает, но во всяком случае — вне. У поэта свои пути, своя судьба, он всегда скорей комета, чем планета, если он истинный поэт, то есть не только пишет стихи, а и переживает их, живет поэтически, горит и дышит поэзией» (*Бальмонт К. Революционер я или нет. М.: Верфь. С. 14*).

²³ Бальмонт неоднократно сравнивал себя с альбатросом. Традиция такого сопоставления восходит к Шарлю Бодлеру, который в стихотворении «Альбатрос» писал:

Поэт, вот образ твой! Ты также без усилия
Летаешь в облаках, средь молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, средь шиканья глупцов.

(Пер. П. Якубовича)

В статье «Из южных далей» Бальмонт так передает свои ощущения от встречи с этой птицей: «Не напрасно такие поэты, как Кольридж, Эдгар По и Бодлер воспели альбатроса. Когда к нему привыкнешь, его разлюбишь за его неразборчивую жадность, за его неуклюжий клюв и тяжелое тело, но все же незабвенно оно, первое впечатление от встречи с альбатросом: видишь только его крылья, каждое крыло — как изогнутый ятаган, и когда он чертит крылом низко над самой водой, в его полете чувствуется какая-то воинская устремленность» (Русское слово. 1912. № 175. 29 июля).

²⁴ Письмо Бальмонта к Полякову, в котором имеется приведенная фраза, обнаружить не удалось. До осени 1907 г. в «Весах» были помещены следующие рецензии на произведения Бальмонта: 1) Брюсова на сб. «Злые чары» (№ 1); 2) С. Городецкого на сб. «Жар-птица» (№ 8); 3) К. Чуковского на Собрание сочинений Шелли в переводе Бальмонта (№ 3); 4) Эллиса на цикл стихотворений «Узорный пламецвет» (Мексиканские лепестки) в альманахе «Корабли» (№ 5). Все они в большей или меньшей степени содержали критические выпады против Бальмонта.

²⁵ Тяжелые душевные переживания, связанные с неудачной любовью к Л. Д. Блок, привели А. Белого на грань душевного расстройства. Этим отчасти объясняется резкость его критических выступлений 1907 г. в «Весах» (см.: Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1940. С. 187—209; ср. также его позднейшую запись: «в Петербурге господствует страшная профанация символизма. Нота мести за погрязшую любовь и за профанацию — углубляется» // *ЦГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 54об.*).

²⁶ Летом 1907 г. Брюсов писал отцу, отдыхавшему во Франции: «Среди декадентов, как ты видишь отчасти и по «Весам», идут всевозможные распри. Все четыре фракции декадентов: «скорпионы», «золоторунцы», «перевальщики» и «оры» — в ссоре друг с другом и в своих органах язвительно поносят один другого. Слишком много нас расплодилось и приходится поедать друг друга, иначе не проживешь» (*ЛН. Т. 15. С. 214*). Объясняя З. Н. Гиппиус причины, по которым «Весы» сочли невозможным отказать Белому в публикации его «Манифеста» (Весы. 1907. № 2), Брюсов писал: «Все проявления души Белого мы считаем стоящими внимания. Белый переживает последние годы резкий перелом в своем мирозозер-

цании, так что странность тона его статьи могла быть объяснена этой ломкой» (ГБЛ. Ф. 386, 70.38. Л. 11).

²⁷ От сотрудничества с «Золотым руном» сначала отказались Брюсов, Белый, Мережковский и Гишпиус (см.: Столичное утро. 1907. № 69. 21 авг.), а на следующий день к ним присоединились Кузмин, Балтрушайтис и Ликиардопуло. Поводом для разрыва стала статья Э. К. Метнера «Борис Бугаев против музыки» (ЗР. 1907. № 5). Подробнее см.: ЛН. Т. 85. С. 341.

²⁸ Статьи А. Белого, направленные против мистического анархизма и его создателя Георгия Чулкова, носили порой излишне резкий характер. Так, в рецензии на «Цветник ор» Белый писал: «Грязен и непричесан, как всегда, в стихах г. Чулков. Мы бы не помянули о нем, право: он неоскорбителен в стихах (ибо, чтобы оскорбить стих, надо быть все же чем-либо). Но г. Блок (. . .) неожиданно провозгласил поэтом г. Чулкова, что после восхвалений Чулковым Блока как-то... неожиданно» (Весы. 1907. № 6. С. 68—69). Впоследствии сам Белый сожалел, что допустил «безобразные выходы против Г. И. Чулкова» (см.: Андрей Белый. Начало века. М.; Л., 1933. С. 387—388).

²⁹ В 1907—1908 гг. из-за материальных затруднений Белый вынужден был сотрудничать в газетах «Накануне», «Час», «Правда живая», «Раннее утро», «Свободная молва» и др. (см. главу «Авантюра с газетами» в кн. А. Белого «Между двух революций». Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 254—262), однако его статьи никогда не отражали взглядов, которых Белый не разделял.

³⁰ См. п. 127, прим. 11. Брюсов, очевидно, имел в виду опасность профанации символизма со стороны различных декадентских групп и фракций, противостоящих «Скорпиону».

³¹ Заключительные слова брюсовского стихотворения «Я знаю...» (I, 230), посвященного Бальмонту.

³² Ларвы — у древних римлян злые духи, пугавшие людей и мучившие души умерших грешников.

³³ Цитируется латинский писатель и историк Сульпиций Север (363 — ок. 425), автор двухтомного труда «Historiae Sacrae».

³⁴ Стихотворение «Июнь» вошло в сб. «Хоровод времен» (Бальмонт К. Д. Полн. собр. стихов. М.: Скорпион, 1909. Т. 10).

³⁵ В рассказе Э. По «The masque of the red Death» с двенадцатым ударом часов на маскараде во дворце принца Просперо появляется Смерть.

129. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Брюссель, 83, ул. Св. Георгия, Иксель. 27 декабря н. ст. 1907.

Действительному Статскому
Литератур-Советнику,
Дядьке Стихотворному,
Валерию Брюсову
и Титулярному
Неправосудностей Попустителю,
Тюремному Рукописей Придвернику,
Сергею Полякову,
Поэта К. Бальмонта

ПРОШЕНИЕ

Честь имею сообщить чопорным Вашим неподвижностям, что с изумлением получил я от г. Секретаря Департамента «Весов»¹ сообщение, что до Апреля 1908-го года распределены уже все страницы неправосудного Вашего журнала, в коем я числюсь ближайшим сотрудником. Опровергаю таковое постановление и прошу Вас постараться уразуметь, что, как ближайший сотрудник, притязаю с Января по Апрель и Май в каждом отдельном волюме * «Весов» на несколько отдельных, мне выделенных страниц, для прозы ли или для стихов², и почтительнейше требую, чтобы в Январе появилась «Пляска зноя»³, ибо поэты любят противоречия. Выражаю надежду, что скромное мое желание будет осуществлено, и напоминая чопорным Вашим неподвижностям и добросовестным неправосудностям, что ближайшее есть ближайшее и что пляска не ждет.

Ежели же воистину среди титулов, там, где сановны, лишь титул Поэта бездейственен, и желание мое, предельно-скромное, найдено будет чрезмерным,

* volume — том (франц.).

покорнейше прошу Ваши изысканные справедливости удалить из поступающих в публичное обращение листов газетных и страниц журнальных имя мое, как имя ближайшего сотрудника необманно качающихся «Весов», дабы не являлось таковое воззвещение облыжным.

С истинным почтением к административным
Вашим, и иным дарованиям,
и с трепетом за судьбу свою

К. Б а л ь м о н т

ГБЛ. Ф. 386, 76.4. Л. 1.

¹ С 1906 г. секретарем «Весов» был М. Ф. Ликнардопуло (см.: Русская литература и журналистика начала XX века: Буржуазно-либеральные и модернистские издания, 1905—1917. М.: Наука, 1984. С. 109).

² Притязания Бальмонта редакцией журнала были учтены. В начале 1908 г. в «Весах» опубликованы три статьи: «Колокольчиков держись... О польских преданиях» (№ 2); «О книгах для детей» (№ 3) и «Шарль Ван Лерберг. Письмо из Брюсселя» (№ 5). См. также прим. 3 к наст. письму.

³ Цикл «Пляска зноя», состоящий из восьми стихотворений («Полоняник», «Маяк», «Пляска двух», «Стрела», «Небесный бык», «Ведогонь», «Едино-разный», «Джелаль-Эддин Руми»), опубл. в «Весах» (1908. № 1). Весь цикл вошел затем в сб. «Хоровод времен», за исключением «Пляски двух», включенной в сб. «Зеленый вертоград» (СПб.: Шиповник, 1909).

130. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(27—28 марта/) 9—10 апреля. (1908 г.) Ночь. 3 ч. 27 м.
Bruxelles, 177, rue Culture, Berkendael, Institut Med., 13.

Валерий, сейчас истекают последние часы 11-й недели, что я провел один в четырех стенах ¹. Много раз в эти незабвенные недели, в эти одинокие — счастливо одинокие — полярные дни и ночи, я мыслью обнял безмерные пространства. Как в книге Иова: «Я ходил по Земле, и обошел ее» ². Но я ходил еще по продольностям времен и по зыбям воздушного пространства. И я видел, я вижу, в эту ночную свою стражу, что я безмерно любил и люблю тебя. Я не был бы таким, как я есмь, если бы не было тебя. И первый миг нашей встречи незабвенно цветет в моей душе, как цветут весенние цветы. Мы с тобой — две яркие звезды над пустыней прибоа. О, Валерий, темноглазый брат мой, над вихрями и сумраком бурунов, мы с тобою — две яркие звезды.

Эта ночь пройдет, и я отсюда уйду. Завтра, в праздник Солнца. Мне радостна воля, и мне больно прощаться с этой творческой отделенностью. Я был на крае Мира.

Я смотрю на свою комнату. Вот эти любимые книги мои ³. Их много, их много. Вот это дерево магнолии, которое цвело для меня, а теперь зеленеет. Вот рядом со мной, на столике, в свете свечи, белые ландыши, келейки шестигранные, нежно-лиловатые гроздья сирени. Как любит сердце эти малости.

Я лежал сейчас в темноте, с закрытыми глазами, и думал о тебе. Не знаю почему, но душою стало овладевать чувством змеиной тоски. И вдруг случилось то, чему я не знаю, и, быть может, никогда не узнаю объяснения. Там, за окном моим, большое вольное пространство. Я четко услышал там один ночной голос — свист, другой птичий голос — свист, и еще, и еще жалобные перекликающиеся птичьи голоса. Были ли это птицы перелетные? Или стая духов? Я не знаю. Раскрыв глаза в темноте, я слушал, дивясь и не удивляясь. Когда кончилась воздушная перекличка, я почувствовал, что я должен знать час, когда это было. Я зажег свечу и написал тебе эти строки.

Прощай. До новой встречи в воздушном. Ты веруешь в мои зори ⁴, Валерий. Уверуй в мою новую великую зарю.

Братски целую,

Твой всегда К. Б а л ь м о н т.

P. S. Адрес: Bruxelles, 83, rue St-Georges, Ixelles.

ПАРИЖ. УЛИЦА БАШНИ

Открытка. Дом, где К. Д. Бальмонт с семьей жил с 1909 по 1915 г.— второй справа. Внизу надпись рукой А. Н. Ивановой (племянницы Е. К. Андреевой-Бальмонт): «Узнаете наш домик?»

Собрание Н. К. Бруни, Москва

ГВЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 38—39.

¹ Бальмонт находился в Институте медицины из-за несчастного случая, о котором в газетах приводились противоречивые сведения. Например, «Речь» 22 января 1908 г. сообщала, что Бальмонт попал под трамвай. На следующий день «Русское слово» писало, что «он был настигнут и сшиблен с ног автомобилем, причинившем ему перелом ноги и очень серьезные ушибы, требующие долгого и серьезного лечения».

Совершенно иное объяснение дает Е. А. Бальмонт. Из Парижа Бальмонт выехал в Брюссель, сопровождая ожидающую ребенка Е. К. Цветковскую. Через некоторое время, затосковав, он захотел вернуться, но «Елена не хотела его отпускать в Париж без себя, удерживала его под разными предлогами. Он стал тогда пить. И в невменяемом состоянии спрыгнул с балкона со 2 этажа на мостовую, не разбился, только сломал себе левую ногу» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 110).

² Слова, сказанные, согласно Библии, сатаной (Книга Иова, глава 2, 1).

³ По воспоминаниям Е. А. Бальмонт, Бальмонт никогда не расставался с книгами. «Книги он любил, как живые существа, не терпел пятен на них, загнутых страниц, отметок на полях. Страшно возмущался на варварски небрежное обращение русских с книгой. Перестал давать свои книги даже хорошим знакомым, тем, кто не считал преступлением «зачитать» чужую книгу, т. е. потерять ее или просто не вернуть ее собственнику» (Там же. Л. 83).

⁴ См. п. 125, прим. 7.

131. БАЛЬМОНТ—БРЮСОВУ

1908. <14/> 27 мая. Париж. <Пасси.> 60, Улица Башни¹.

Валерий, твои письма, и деловое, и предыдущее, получил. Спасибо. Был в спутанности новых впечатлений. Отсюда неаккуратность. Пишу тебе подробно и много о себе, сегодня, позднее. Сейчас в тисках работы. О, сколько мне приходится ткать паутинок, — и слышит ли меня кто-нибудь!

Корректуру «Лерберга»² высылаю сейчас же. Желание редакции исполняю.

Жму руку. Искренне Твой К. Б а л ь м о н т.

ГВЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 40.

¹ Е. А. Бальмонт вспоминает, что, покинув квартиру М. Волошина, «нашли в том же Пасси маленький полудеревянный двухэтажный домик в 5 комнат: «павильон в саду», как он громко назывался у французов. В этом отъединенном домике мы могли жить, как хотели, не стесняемые французскими законами, требовавшими с 11 часов вечера полной тишины в доме» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 100).

² Статья «Шарль Ван Лерберг. Письмо из Брюсселя». Опубл.: Весы. 1908. № 5.

132. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1908. (16/) 29 мая. Париж, 60, ул. Банни.

Валерий, брат, прости неточность — давно должен был, и хотел, тебе написать. Впечатления еще слишком сильно и больно захватывают. Брожу по Земле, а душа все не покидает внезапное, в чем была, и беспомощно сталкивается с тем, по чему чуть скользить надо.

Я очень-очень рад, что ты откликнулся на мое письмо из Беркендаля ¹, и мне хотелось бы много говорить с тобой. Но ты не будешь снова замыкаться? Ты не будешь снова уходить от меня в бесконечные дали — или, что более меня устрашает, на людские торжища? Как хотел бы я побыть с тобой хотя несколько дней вместе, и говорить, и загораться мыслью, мы всегда вдвоем загорались и горели.

Я писал тебе. В полной отъединенности, в которой я был в «Долине Берез» ², я много раз мысленно пережил себя, своих любимых, свое любимое, близкое, далеко-близкое. И то, что воплощается в именах — Валерий Брюсов, С. Поляков и Юргис Балтрушайтис, стало мне вдвойне, втройне, опять как прежде — дорого и близко. Мне хочется идти с Вами много и долго в том пути, который мы вместе когда-то начали и который воистину наш. Мне хочется много работать и для «Скорпиона», и для «Весов», и я был бы рад еще раз услышать, что я действительно нужен и желанен, что мою душу и биения ее любят и слышат. А она живая, Валерий, в ней все бьется, не уставая, живая алая кровь.

Ты говоришь, чтоб я дал тебе внешний лик моей жизни. Боюсь, не сумею. Ведь я по-прежнему очень мало знаю себя, и вдруг на меня что-то налетает, находит, чего сам не ждал и не предчувствовал, и вдруг отходят высочайшие волны — и я один на побережье играю в раковины и слушаю, как в них гудит голос Океана, в слова перелагаю эти звоны, плачу и смеюсь, снова счастлив, снова тоскую, смерти ищущу и зову ее, к губам прильну еще и еще, но уж той дружбы, которую знал, и той любви, которую и знал, и знаю, и буду хранить до последнего дыхания своего, — этих двух светильников не найдешь в повторности. Им примера и отображения нет.

Я живу одиноко. Кроме домашних своих, не вижу почти никого. Очень полюбил снова, как в дни оны, свои одинокие голубые гроты, и зеленые, и лунно-жемчужные. Меня, как Саломею, упившуюся красным ³, очень дразнит белый цвет. И я весь в дрожании боли, которую люблю, ибо она от чрезмерности любви. За эти два года я часто был вовсе близок к сени смертной. Но тайный голос говорит мне, что я должен жить еще долго. И тайная власть помешала не однажды отдаться сладкому счастью смешать поцелуй с последним вздохом. Не взгляни хладно на эти слова. В них больше, чем в силах сейчас изъяснить.

Я не вижу тебя. Зачем так много дани рассудку? Зачем так мало того безумного Валерия? Когда — еще? Уж час.

Отзовись. И люби меня. Мы освящены друг другом.

Сердцем твой К. Б а л ь м о н т.

«Лерберга» вернул тотчас, устранив «неудобность». Если можно, печатайте меня чаще ⁴. Жду ответа о новой книге, об Эдгаре По и об издании моих стихов в томах ⁵.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 41—42.

¹ См. п. 130.

² Беркендаль означает в переводе с фламандского «Долина берез».

³ В драме О. Уайльда «Саломея» иудейская царевна пляшет для Ирода при свете кроваво-красной Луны; на земле, залитой кровью покончившего с собой начальника телохранителей, чтобы получить в награду голову Иоканаана и поцеловать его в уста, краснее которых «в целом свете не было ничего» (см.: *Уайльд О. Саломея*/Пер. К. Бальмонта и Е. Андреевой. СПб.: Пантеон. С. 101).

⁴ В номерах 7—10 «Весов» за 1908 г. появились: цикл «Мая», состоящий из 13 стихотворений («Играть», «Египет», «Оахака», «Песнь звезды», «Цветок к цветку», «Ландыши», «Для чего», «Лишь бог», «Он», «Всезвездность», «Ау», «Разсвет», «Мая» — № 7) и статьи «Преображение жертвы. Солнечная мысль» (№ 8); «Мексиканская символика. Лепестки пламевцета» (№ 9 и 10).

⁵ Новая книга, вероятно, «Хоровод времен», который изд-во «Скорпион» начало печатать в конце 1908 г. Очередной, третий том Собрания сочинений Э. По в переводе Бальмонта вышел в 1911 г. В 1908 г. «Скорпионом» были выпущены второй том Полного собрания стихов («Горящие здания») и третий («Будем как солнце»).

133. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1908. (18/) 31 авг(уста). La Baule-Oeillets.

Валерий, если крылатый гений прихоти осенит тебя, приезжай ¹ на несколько дней ко мне в Аллею Пронзенного Камня ². Отмеченное карандашом оконце — мое ³, а угловое окно ближе к глядящему может быть твоим — в Гвоздях ⁴ есть свободная комната. Я пробуду здесь до 19-го или 20-го (сентября) *, затем дня 3 пробуду в Париже, а засим уезжаю в Италию ⁵, где сейчас твои *Oschi negi* ^{2*}, верно, не слишком зачарованы шумливой повторностью Южан.

Жму руку

Твой К. Б а л ь м о н т

ГБЛ. Ф 386, 76.1. Л. 44.

¹ Открытка Бальмонта до востребования в Биарриц, курорт близ Байонны на побережье Бискайского залива, куда по дороге в Сен-Жан де Люс намеревались заехать Брюсов с Иоанной Матвеевой.

² На открытке изображено авеню Ригге Персе (т. е. аллея «Просверленного камня») в La Baule.

³ Бальмонт отметил окно второго этажа дальнего дома, расположенного с левой стороны фотоснимка авеню.

⁴ В переводе с французского Oeillets — гвоздики.

⁵ Бальмонт отдыхал в La Baule с середины июля по 23 сентября 1908 г., после чего уехал сначала в Мюнхен, а затем в конце октября вместе с Е. К. Цветковской — в Италию (см. письма к Т. А. Полиевктовой — *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 38—41).

⁶ Лето 1908 г. Брюсов с женой провели в Италии, откуда в начале сентября они отплыли в Марсель на венгерском пароходе «Святой Лазарь» (см.: *Брюсов В. За моим окном*. М.: Скорпион, 1913. С. 33—48).

134. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1908. (26 ноября/) 9 дек(абря). Флоренция ¹.

Валерий, вчера вовсе соскучился, что так упорно молчишь, и послал тебе открытку с напоминанием моего адреса. А сегодня — твое письмо.

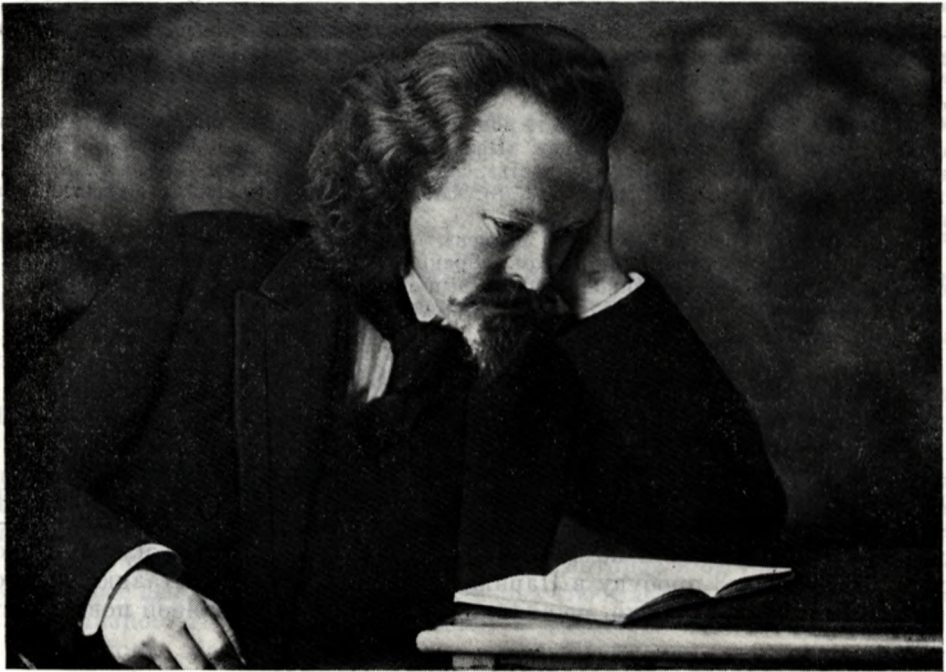
Хоть не люблю я зимний хлад,
Но Декабрю всегда я рад,
И хоть не майский твой привет,
Но твой приход всегда есть свет.

Напишу тебе подробно завтра. Пока — на предложения «Весов» отвечаю утвердительно ², а тебе жму руку.

Искренно твой К. Б а л ь м о н т.

* В автографе ошибочно: «августе».

2* Черные глаза (итал.).

К. Д. БАЛЬМОНТ

Фотография, 1915

Литературный музей, Москва

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 43.

¹ Во Флоренции Бальмонт прожил с начала ноября почти до конца года.

² О предложении «Весов» см. п. 135.

135. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Флоренция. 1908. (28 ноября/) 11 декабря.

Валерий, я долго ждал от тебя письма, и совсем было уже перестал ждать. Радостно было, наконец, получить весть от тебя. Отвечаю сперва на деловые запросы.

Мне тоже дорога судьба «Весов», и было бы крайне жаль, если б они прекратились ¹. Я с удовольствием буду участвовать в них и в 1909-м году. Посылаю три небольшие стихотворения. «Возвещенная», «Душа с душой» и «Все ближе» ². Это мои последние вещи, написанные здесь. Я стихов не писал все лето, и не предвижу, когда буду писать, и буду ли. Рассказов могу обещать три, небольшие. «На волчьей шубе», «Глаза в глаза» и «Пытка» ³. Статей намереваюсь присылать, в том же роде, что присылал, довольно часто. Относительно «Писем из Испании» ⁴. Я абсолютно ничего не помню, и я с удовольствием «даю» желанное тебе «согласие». Однако прошу непременно прислать мне корректуру. Кстати, возвращен ли автограф Рафаэлю Петруччи? ⁵ Я десять раз писал об этом Ли-киардопуло, но безответно.

Ты очень далеко отошел от меня, со всей своею жизнью, Валерий, и я смутно чувствую твой голос в письме твоём, но не знаю, о чем ты говоришь. Если Норны ⁶ были тебе этою весною враждебны, они враждебны и мне, уж несколько весен и зим. К сожалению, превратности, изготовляемые Судьбою, вызывают, при повторности, лишь одно, наипустынейшее, чувство: не тоску, не грусть, не отчаяние, а скуку. Мертвеннее этого чувства ничего не ведаю. А оно меня

часто посещало этим летом и эту осень. Делаешь известные усилия, для известных целей. Делаешь их пять раз, 13, 20, 380.000, опрокинутое на бок 8, символизирующее Вечность ⁷, ну и баста. Теряется удовольствие раскрывать и закрывать глаза. Хочется воистину закрыть их на вове, и не пытаешься сделать это лишь потому, что осознаешь невозможность смертного покоя. Да, ведь там опять зашумит колесо вращающееся, и за нестройное, нестроительное самовольство это колесо еще резнет и сожмет и, может, изуродует надолго. Бери же, раб Египетский, тяжелый камень. Строй. Пирамида недовершена.

Впрочем, я не все время в таком настроении. Но — «вкушая, вкусих мало меду» ⁸.

О мелочах. Переводить, конечно, нужно всегда с подлинника. Но «Зовы древности» не перевод в точном смысле слова ⁹. Я слышу там, в Отшедшем, многочисленные зовы, я отделен многими от них преградами, и, между прочим, незнанием Ассирийской грамоты и малым знанием Египетской и Ацтекской, но нечто я там точно и ясно слышу. Я даю отклик. Пусть, кто может, даст более точный и звучный отклик. Согласись, однако, что до этой книги мало кто ведал об «Исповеди Отрицающейся» ¹⁰, и «Начикетас» ¹¹, и Мексиканских гимнах ¹² (которые переданы с дословною точностью, несмотря на клеветы малограмотного Философова) ¹³. Повторяю, это не перевод, это впечатления поэта от тех созданий, которые в незаслуженной забытости. Я верю, что кому-то я бросаю тут нить.

В «Зеленом Вертограде» (я написал его в зачарованные часы) множество печаток. Это — отчаяние. Вина — жандармы, похитившие из типографии Кушнера корректуры. Посылаю тебе список погрешностей ¹⁴. Пожалуйста, исправь в своем экземпляре.

Ты думаешь, что я несправедлив к Белому. Нет, Валерий, справедлив. Он мне бывает дорог, когда он достоин влечения. А он часто бывает этого достоин (или бывал) ¹⁵. Но зачем не совестится он быть наглым, именно наглым, в своих статьях? Зачем он носит маску журналиста? И не замечает, что журнализм (а эта болезнь именно для поэта опасна, он же настоящий поэт) мало-помалу опаянтинил всю его душу, и что уж в «творчестве» его он вошел. Был светлоглазый красивый поэт, деликатнейший, стал же «неистово шумящий на помосте» крикливый журналист. За все время его слюнобрызгающей брани он создал лишь одну хорошую формулу. И боюсь, ежели он «незапно» отойдет, эпитафия его будет такова: «Здесь покоится он, возвестивший Обознью Сволочь ¹⁶ (Писал и стихи)».

Как там душно у вас, Валерий. Да, мне радостно было услышать твои слова в конце письма, и я принимаю их. Если б я был там, если б рука с рукой мы шли как когда-то, наше сиянье сделало бы многое невозможным. Быть может, это еще и будет. Быть может, мы еще раз в жизни сойдемся, как когда-то, близко и дучисто. То, что сейчас кругом в Москве и во всей литературной России, ведь хуже гораздо, многократно, даже той низости, которая была и против которой мы так смело боролись, когда мы оба только начинали наш путь. Я не вижу исхода из этой разлагающейся, но живучей профанации. Совершенно верно. Аукцион. По пятаку за идею. На пергаменте — адрес сводни. Стих Бодлэра — на пивной кружке.

Я, презирая итальянцев и не особенно любя Французов ¹⁷, все же не хотел бы сейчас быть в Москве. Завидую тебе лишь в одном: ты видишь падающий снег и слышишь скрип санок. Мое сердце сжимается, когда я об этом думаю.

Кстати, от итальянцев я бегу. С 20-го декабря мой адрес: Париж, Пасси, 60, улица Башни.

Напиши мне больше о себе, Валерий. Я часто дивлюсь негодуяще на твою «рациональность», и нередко мне кажется, что какие-то тени между нами, но одно твое дружеское слово уничтожает эти тени. Через строки последнего твоего письма я чувствую, что все еще я дорог тебе, и говорю: я люблю тебя по-прежнему.

Всегда твой К. Б а л ь м о н т.

P. S. А ты, быть может, все-таки безумен, хотя еще этого не знаешь.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 45—50.

¹ Вернувшись из поездки по Италии и Франции, Брюсов писал Н. И. Петровской 8/21 ноября 1908 г.: «Здесь, в Москве, нашел я страшный разгром всего того дела, которое привык считать своим. “Весы” медленно погибали и должны были прекратиться к январю (. . .) Я решил бороться во что бы то ни стало. Я решил в 1909 г. так или иначе, но издавать “Весы” или другой журнал и удерживать за своими идеями в литературе то место, какое им надлежит» (ЛН. Т. 85. С. 794).

² Все три стихотворения опубликованы в «Весах» (1909. № 1).

³ Рассказы анонсировались «Весами» на 1909 г., но не были опубликованы. О судьбе рассказа «На волчьей шубе» см. п. 163, прим. 3.

В неподписанной хроникальной заметке «Книги и писатели» сообщалось: «Бальмонт, живущий теперь во Флоренции, написал целый ряд рассказов, отчасти бытовых, которые он вскоре выпускает отдельным сборником. Кроме того он пишет большой роман из современной русской жизни. Вместе с тем Бальмонт готовит сборник народных песен разных стран, переводит скандинавскую “Эдду”, океанские и мексиканские легенды и предания, “Книгу пути благого чарованья” древнейшего китайского мудреца Лаотзы, литовские преданья и т. д.» (Новая Русь. 1908. № 135. 30 дек.).

⁴ По всей видимости, речь идет о поездке в Испанию летом 1907 г. Частично впечатления от этой поездки отражены в статье Бальмонта «С Балеарских берегов. Путевая паутинка» (ЗР. 1908. № 7—9), позже вошедшей в сб. «Морское свечение» (СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1910). Письма Бальмонта к Брюсову из Испании в «Весах» не публиковались, и местонахождение их в настоящее время неизвестно.

⁵ Рафаэль Петручки — ученый и писатель, живший в Брюсселе. Бальмонт познакомился с ним в октябре 1907 г. (см.: Весы. 1908. № 5. С. 80). Возможно, что речь идет о двух письмах Шарля Ван Лерберга (от 15 мая и 21 июня 1904 г.) к Петручки. Копии их сохранились в архиве Брюсова (ГБЛ. Ф. 386, 47.24. Л. 3, 4).

⁶ В скандинавской мифологии младшие божества, определяющие судьбы людей.

⁷ В стихотворении Бальмонта «Числа» (Зарево зорь. М.: Гриф, 1912. С. 130) говорится:

Ты знаешь: 8 есть число
Того, чье имя — Вечность.
Направь ладью, возьми весло,
Путь чисел — бесконечность.

⁸ Цитата из Библии (Первая Книга Царств, 14, 43).

⁹ Жанр книги «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних» довольно точно определяет сам Бальмонт в статье «Забытые сокровища»: «Переводя эти Египетские песни на русский язык, я даю не переводы в научном смысле, а скорее перепевы их» (СЦ 1911. С. 9).

¹⁰ «Исповедь Отрицающаяся» — молитвенное песнопение из «Книги Мертвых». В примечании к «Зовам древности» (с. 196) Бальмонт так характеризует ее смысл: «В чертоге сидят или стоят 42 бога, к каждому из них обращается отошедший и дает отрицательный ответ, — если он может дать отрицательный ответ, — на каждый из 42-х основных вопросов, сводящих в одно целое этические представления Египтян».

¹¹ Раздел «Зовов древности» — «Упанишады. Сказанье о Начикетасе» (с. 93—109).

¹² В «Зовах древности» приведено переложение 13 мексиканских песен-легенд (с. 37—49).

¹³ В газетном фельетоне «Тилили» Д. Философов писал о сб. «Зовы древности»: «Бальмонт поэт талантливый. Он пел когда-то, как птица, и пение его услаждало наш слух. Но он не довольствуется званием поэта-птицы. Ему хочется поучать и насаждать в нашем некультурном обществе высшую культуру (. . .) Я не был в Мексике, не знаю поэзии океанских дикарей и с Перуанскими богами не знаком, и, тем не менее, утверждаю, что бальмонтские «зовы» — работа вовсе не культурная, никакого знакомства с мировой литературой она не дает, что она способна лишь отвратить читателя от литературы вообще и древности в частности...» (Слово. 1908. № 514. 20 июля).

¹⁴ По поводу сборника «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные» (СПб.: Шиповник, 1909) автор писал Т. А. Полиевктовой 12 ноября 1908 г.: «Вертоград» напечатан изумительно плохо. Если увидите Гржебина, пожалуйста, скажите ему, что это он сделал с книгой, продержав ее целый год: там свыше тридцати опечаток. Это прямо вопиющая наглость. И обложка идиотская. Уж этот Библион» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 44). Во втором, «скорпионовском» издании (М., 1911) эти опечатки были исправлены, поэтому приложенный список исключен из настоящей публикации. Опечаток в своих текстах Бальмонт не терпел. После небрежного набора его стихов в газете «Русская воля» он писал 21 октября 1917 г. Л. Н. Андрееву: «Так нельзя. Для меня одна опечатка убивает стихотворение. Итак, предупреждаю: если будут опечатки, я сотрудничать в “Русской воле” не могу» (Бальмонт К. Стихотворения. Л., 1969. С. 608).

¹⁵ Е. А. Бальмонт пишет об отношении мужа к Белому: «С Андреем Белым он не был близок, хотя ставил его очень высоко, как поэта и мыслителя. А в юности был им и его стихами совершенно очарован. Бальмонт познакомился с ним у Брюсова в 1904 г., когда Андрей Белый впервые появился в кружке поэтов. Мне Андрей Белый всегда был чужд. „Как может он не нравиться“, — восклицал Бальмонт с негодованием. „Его стихи и мысли гениальны, а сам он такой красивый и изящный“» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 68).

¹⁶ В статье «Вольвоотпущенники» Андрей Белый писал: «Воистину — обозная сволочь

эти эпигоны символизма, не родившиеся в недрах движения, а присоединившиеся извне в тот момент, когда терять им решительно нечего» (Весы. 1908. № 2. С. 72, подпись — Борис Бугаев).

¹⁷ «Современные Французы и вообще современные Европейцы очень напоминают стрёльдебрёгов гениального Свифта, которому, в его презрении к людям, так хорошо приснилось «Путешествие в Лапуту». Это люди, лишённые благоденствия смерти, символ вечной старости (. . .) Упрямые, завистливые, суетные, они — тусклые призраки, ходячие проклятия» (*Морское свечение*. С. 16).

136. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1909. {14/} 27 м(а)рт. Пасси, 60, ул. Башни.

Валерий, ты просил меня о постоянном сотрудничестве в «Весах» на 1909-й год ¹. Однако же — из посланного тебе мною — ничего не вошло во 2-й № (как объявлен он) ². Объясни, пожалуйста, мне, что это значит. Не согласишься ли также ты с тем, что не отвечать на несколько писем, — каковы бы ни были события личной жизни, — есть просто невежливость?

К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 1.

¹ См. п. 135, прим. 1.

² Из текста письма видно, что в середине марта (по старому стилю) еще не вышел февральский номер журнала. В последний год существования «Весов» такие сбои стали обычным явлением. «Положение дел в «Скорпионе» и в «Весах» довольно плачевное, — жалуется Брюсову С. А. Поляков 1 октября 1909 г. — № 8 еще не выходил, для № 10 не набрано еще ни строчки, набрана половина № 9» (*ЛН*. Т. 85. С. 307). Содержание номеров определялось необходимостью исчерпать редакционный портфель, но сделать это не удалось. В номерах 2—12 «Весов» за 1909 г. появилось единственное стихотворение Бальмонта — «Левкайония» (№ 10—11) с подзаголовком: «При посещении с Валерием Брюсовым «Musée Guimet» 7 октября 1909 года», а также стихотворный перевод трагического символа в одном действии «Ваятель масок» (№ 5) бельгийского драматурга Фернана Кроммелинка (1888—1970).

137. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1909. {4/} 17 апреля. Пасси.

Валерий, дружба не измеряется, но все же дружба сказывается; и не только в словах, изреченных или начертанных, и не только в том безгласном священном горении к отсутствующему, которое, знаю, у тебя есть ко мне, как есть у меня к тебе, — она сказывается и в маленьких-маленьких внешностях. И зачем, Валерий, ведая все о «Весах» еще в начале января ¹, ты умалчивал об этом мне в течение двух месяцев? Скажи, неужели же это так, как быть должно? Мне сейчас не за себя больно, а за тебя, бескорыстно и отдаленно, ибо я к тебе не молчал бы (ежели можно так выразиться). И я доселе не знаю, желательно ли мое сотрудничество в «Весах», и почему там хранят бестиальную * позу небрежности по отношению ко мне. Это уж потрудись разъяснить мне. Ты просил меня о сотрудничестве на 1909-й год, ты и разъясни мне все в точности. Мое терпение поистине также имеет границы.

Я в начале здешнего мая уезжаю из Парижа. Буду блуждать около Атлантики ². Быть может, встретимся? Или ты не собираешься сюда?

За 3-й том спасибо, и за надпись обнимаю тебя ³. Я не смешиваю ничего с тем отношением к тебе, которое во мне измениться не может. Лампады негасимые не гаснут. Но, Валерий, как много налетает дорожной пыли на священные наши башни, где горят эти лампы. Что-то должно быть свершено. Резкое, действенное. И поздний час торопит нас.

Мне не любо, что ты со своими стихами делаешь некую академию ⁴. Или они вовсе умерли для тебя? Ты формализуешь свое прошлое, которое, однако же, еще не прошло. Что до меня, я буду упорствовать в самом себе, а на все

* Скотскую (от франц. слова «bestial» — скотский).

иное гляжу или из подземелья или с высокой башни, но в одной плоскости с людьми и миром не буду.

До свиданья. Птицы поют по-весеннему. Солнце зовет. Обнимаю тебя дружески и жду скорого письма. Да?

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 2—3.

¹ См. наст. том, кн. 2, Переписка с Б. А. Садовским. Приложение 1, прим. 110; Переписка с С. А. Поляковым. Вступ. ст. Н. В. Котрелева.

² См. п. 140.

³ Очевидно, Брюсов прислал Бальмонту третий том «Путей и перепутий», выпущенный «Скорпионом» в 1909 г.

⁴ В предисловии к 1-му тому «Путей и перепутий» Брюсов писал: «Я избегал исправлять свои юношеские стихи, зная, как опасно переделывать художественные произведения, созданные при господстве совершенно иных взглядов и переживаний (. . .) Но я считал необходимым внести в текст те изменения и дополнения, которые были мною сделаны в различных стихотворениях вскоре после их напечатания» (Брюсов В. Пути и перепутья. М.: Скорпион, 1908. Т. 1. С. VIII). Эти переделки не могли получить одобрения Бальмонта, поскольку его отношение к опубликованным произведениям было совершенно иным. Е. А. Бальмонт вспоминала: «Когда друзья Бальмонта, поэты, чьим мнением он дорожит, замечают натянутость какой-нибудь рифмы или банальность эпитета, портящие, по их мнению, прекрасное стихотворение, Бальмонт молчит, не соглашается и не спорит, но никогда ничего не переделывает в раз написанном стихотворении» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 84). Впоследствии спор поэтов по этому вопросу вылился в газетную полемику (см. п. 167 и прим. 2 к нему).

138. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1909. (13/) 26 апреля. Пасси.

Валерий, я получил все твои письма (и то Петербургское)¹, также как Екатерина Алексеевна получила письмо от Нины Ивановны. Спасибо. Е. А. в таких непрестанных хлопотах, что не смогла еще ответить Н. И. (которой, между прочим, прошу передать мой сердечный привет).

Мне хочется покончить с деловыми разговорами. Но решаюсь беспокоить тебя еще раз. Никакого подробного письма из «Весов» или «Скорпиона» я не получал. Сергей Александрович сказал неправду. Или Ликиардопуло сказал ему неправду. Ибо, конечно, письмо не пропало. Пропадают лишь те письма, которые написаны в голове и не отправлены по почте. Пожалуйста, спроси, что это значит: я до сих пор не получил ответа о своих книгах², я до сих пор не ведаю, когда мне будут уплачивать то, что они должны выплачивать, я до сих пор не получил ни одного экземпляра «Хоровода времен» (и не видел еще этой книги), равно как ни одного экземпляра 1-го тома, и лишь по одному экземпляру 2-го и 3-го тома³. Я до сих пор не знаю, будет ли Поляков печатать «Ваятеля масок» Кроммелинка⁴, и, если не будет, то почему он доселе не отослан (как я просил) Семену Владимировичу Лурье (в «Русскую мысль»), который просил «Ваятеля» еще когда был здесь в Париже⁵. Я до сих пор не знаю, возвращен ли автограф Рафаэля Петруччи⁶ по принадлежности (Брюссель, улица Элисейских Полей, 55). Я не знаю также, к кому обращаться, ибо не отвечают ни на заказные письма, ни на телеграммы.

Не откажись оказать мне услугу, и выясни все это. Последнее письмо я получил от Ликиардопуло уже давно (более 2-х и даже 3-х недель), но в нем не было никаких деловых сообщений, а лишь ссылки на личные обстоятельства, помешавшие быть аккуратнее. Была также обманная телеграмма, что книги и отчет посланы, но они не были посланы. (Телеграмма — месяца полтора тому назад, — с Северного полюса давно пришло бы посланное.)

Ну, вот. Буду ждать.

Валерий, мне очень хотелось бы увидеть тебя. И мне кажется, это легко устроить. Как только я завершу зимние работы (а это случится очень скоро), я отдохну немного в Париже и засим уеду в Бретань и в другие приморские места. Точный адрес тебе своевременно дам (пока, неопределенно, мой адрес тот же, Парижский). Быть может, ты приедешь к Морю? Мне кажется, что вол-

ны и Солнце снова сблизили бы наши души, которые никогда не разлучались в лучшем своем.

И клинок о клинок,—
Сколько искр! Сколько строк! ⁷

Ах, тоскую, тоскую о вольности ритмических часов и дней и полноты. И о блеске глаз, загорающихся от яркой мысли. Прощай. Обнимаю тебя братски.

Твой К. Бальмонт.

Р. С. Я не посылал тебе «Вертограда», ибо думал, что он тебе не понравится ⁸. «Хоровода (же) времен» и «Из чужеземных поэтов» ⁹, увы, доселе в глаза не видал.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 4—5.

¹ Первые три недели марта 1909 г. Брюсов провел в Петербурге с Н. И. Петровской. Очевидно, в это время он послал Бальмонту письмо, которое не сохранилось.

² Бальмонт просил «Скорпион» прислать ему продажную ведомость о количестве раскупленных томов Полного собрания стихов, определяющую сумму выплачиваемого гонорара. 2 ноября 1909 г. он писал Полякову: «Сергей, я так и не имею обещанного Ликиардопуло листка отчетного по моим томам. Весьма прошу о нем и должен, наконец, его иметь. Листок этот был обещан еще год тому назад» (*Ежегодник 1978*, С. 12).

³ Издательством «Скорпион» в начале 1909 г. был выпущен сб. «Хоровод времен» в качестве 10-го тома «Полного собрания стихов». В том же году вышел первый том этого же собрания, куда вошли сборники «Под северным небом» (3 изд.), «В безбрежности» (4 изд.) и «Тишина» (3 изд.). В 1908 г. были выпущены в качестве второго тома сб. «Горящие здания» (3 изд.) и в качестве третьего — «Будем как солнце» (3 изд.).

⁴ См. п. 136, прим. 2. Позднее «Ваятель масок» вышел отдельным изданием (М., Кн-во К. Ф. Некрасова, 1912). Перевод Фернана Кроммелинка на русский язык был одобрен Э. Верхарном (*ЛН*. Т. 85. С. 588).

⁵ 26 апреля 1909 г. Бальмонт писал по этому же поводу Т. А. Полиевктовой: «История эта с «Ваятелем» прямо фантастическая. Еще зимою мне должен был быть дан ответ, положительный или отрицательный ответ. Но ни звука. До бессовестности самой беспардонной. Между тем Лурье уже трижды спрашивал меня об этой драме, и она успела бы уже появиться в „Русской мысли“» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 58).

⁶ См. п. 135, прим. 5.

⁷ Бальмонт так описывал свои отношения с Брюсовым: «Мы с ним скорее встречались тогда, помнится (...) как встречались когда-то александрийские спорщики: чтобы поиграть рапирами слов и кинжалами понятий, блеснуть, проблистать, переблестеть, завлечь, усмехнуться, уйти» (*Морское свечение*. С. 197).

⁸ Опасения Бальмонта не оправдались. Брюсов доброжелательно оценил «Зеленый вертоград». Он писал в рецензии: «Бальмонт снова нам дал прекрасную книгу. «Зеленый вертоград» — новая вежа в блужданиях Бальмонта «по всем мировым полям». Как в «Жарптице», как в «Птицах в воздухе», как в «Зовах древности», Бальмонт и в «Вертограде» отталкивается от чужого творчества, притом творчества народного, старается перенять его свойства, передать его красоту, воспроизвести его создания. И, на этот раз, Бальмонту более или менее удается его замысел: чужое творчество повторяется, отражается в его поэзии, как «небо в реке убегающей» (VI, 270).

⁹ Сборник переводов Бальмонта «Из чужеземных поэтов» выпущен книгоиздательским товариществом «Просвещение» (СПб., 1909).

Н. И. ПЕТРОВСКАЯ

Фотография Фихенвальда. Москва, 1900-е годы
Центральный архив литературы и искусства СССР,
Москва.

139. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

Москва. 19 апр(еля)/ 2 мая 1909 г.

Дорогой Константин!

Спешу Тебе ответить, чтобы мое письмо еще застало Тебя в Париже ¹.

Все, что Ты сообщаешь об отношении к Тебе конторы «Весов», ужасно, даже чудовищно. Но, должен сознаться, что удивить — меня Твое письмо не удивило. Почти то же писали мне раньше З. Гиппиус ², Н. Лернер ³, А. Элиасберг ⁴ и другие. Наконец, я сам испытал нечто подобное, когда жил в Петербурге ⁵. Помнится, я уже рассказывал Тебе, как я написал в «Весы» пять писем (два — Сергею Александровичу, три — Ликиардопуло) и получил в ответ одно, подписанное нашим Василием ⁶. Отношение к сотрудникам в «Весакх» и в «Скорпионе» похоже на отношение к пиратам или, точнее, (ибо с пиратами ведется открытая и порою красивая борьба) на отношение какой-то высокой особы к надоедливим просителям.

Ты возразишь мне не без основательности, что в таких отношениях к сотрудникам повинен и я, так как в течение многих лет состоял в числе администраторов «Весов». Здесь начинается та моя правота, в которой вот уже пять лет я никак не могу убедить ни близких людей, ни далеких. Устно, письменно и печатно уверяю я всех, что «Весы» никогда не были «моим» журналом, и никто мне не верит. Даже в области чисто-редакционной я никогда не имел возможности делать вполне то, что хотел. (Примеры: я не мог пригласить в сотрудники Ремизова ⁷, я должен был печатать Жана де Гурмона ⁸, я не был уведомлен об исключении из числа сотрудников С. Городецкого ⁹ etc, etc). В области же конторской я был совершенно безвластен и должен был только исполнять решения Сергея Александровича. На все мои попытки реформировать контору «Весов» мне указывали довольно определенно, что это не мое дело. Во время отсутствия Сергея Александровича из России полная официальная доверенность на ведение всех дел, получение денег и т. д. была дана не мне, а М. Ф. Ликиардопуло ¹⁰. И если я в чем-либо виноват, то только в том, что покрывал своим именем все разные неправосудности, которые у нас творились.

Одной из внутренних причин моего окончательного уклонения от дел в «Весакх» и было то, что я не мог более сносить спокойно безурядицы, царящей у нас. Я знаю с достоверностью (это, конечно, должно остаться строго «между нами»), что все лица, имеющие прикосновенность к кассе «Весов» и «Скорпиона», — пользуются ею самым свободным образом, произвольно увеличивая свое вознаграждение в 5 и 6 раз. *Я не сомневаюсь, что типография, благодаря отсутствию контроля, получает всякий незаконный профит* (печатая, например, лишние экземпляры моих и Твоих книг, продавая их в свою пользу и лишая нас нашего дохода). Я убежден, что «Весы» *при нормальном ведении дел после 5 прошедших лет не были бы убыточной статьей, но давали бы прибыль...* И, однако, все это не так, «Весы» дают Сергею Александровичу убыток в 6—7 тысяч в год, касса расхищается, разные люди наживаются, а сотрудникам платят минимальные гонорары ¹¹, да и те только после слезных и долгих просьб, как милость. Клянусь, я устал смотреть на это; я жертвовал всем, вплоть до своего доброго имени, чтобы продолжать, сколько мог, руководить «Скорпионом», но больше не могу.

Прости все эти вопли по поводу Твоего письма. Не считаю их лишними. Во-первых, мне хотелось объяснить Тебе мое отношение ко всем этим делам; во-вторых, они выяснят Тебе Твое отношение к ним. Что же касается, в частности, Твоих дел, я немедленно по получении Твоего письма написал Сергею Александровичу. Может быть, мое письмо уже произвело свое действие, но я, кроме того, постараюсь добиться у Сергея Александровича аудиенции (что не легко, впрочем) и прочту ему Твое письмо *in extenso* *. О том, что он мне ответит, извещу немедленно.

* полностью (лат.).

В «Русской мысли» Ты найдешь мою рецензию на «Хоровод времен»¹². Писал я, по обыкновению, то, что думал. Если там есть упреки (и, сознаюсь, жестокие) Тебе, то есть и любовь к Тебе¹³, в которой сознаюсь открыто и ясно, так что узнают о ней все. Во всяком случае думаю, что эта моя статья не огорчит Тебя больше, чем другие¹⁴, и больше, чем огорчили меня Твои строки о «Огненном ангеле»¹⁵. Наши критические статьи, конечно, позабудутся; наши стихи останутся жить, «доколь славянов род вселенна будет чтить»¹⁶.

Все прошлое лето пропутешествовал я по Европе¹⁷ (был в Австрии, Италии, Франции, Испании, Бельгии, Германии — везде останавливался и что-то наблюдал). Может быть, *(текст отрезан)* проведу в Риме¹⁸. Но 1910 год, если буду жив, почти весь проведу за рубежом¹⁹ — это решено²⁰.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 37—38.

Над машинописным текстом письма Брюсов пометил: «Черновое. Подлинник изменен». На оборотной стороне листа имеется рукописный вариант концовки, продолжающий машинопись после слов «уклонения от дел в «Весех» и было то, что я...». Он, как более поздний, принят вместо машинописного. К сожалению, рукопись Брюсова в некоторых местах весьма неразборчива, а поэтому в расшифровке возможны неточности и ошибки.

¹ См. п. 138.

² Жалобу З. Гиппиус на контору «Весов» в 1909 г. подтвердить по ее письмам не удалось.

³ 2 марта 1909 г. Н. О. Лернер писал Брюсову: «Не сердитесь, дорогой Валерий Яковлевич, что напоминаю Вам о Вашем обещании взять для меня в конторе «Весов» «презренный металл». Как раз теперь я наименее могу его презирать» (ГБЛ. Ф. 386, 92.15. Л. 28). А 14 апреля он повторяет свою просьбу: «Что же контора «Весов» не выдает денег за мое январское сообщение? Поторопите-ка их» (Там же. Л. 30).

⁴ Александр Самойлович Элиасберг (1878—1924) — немецкий переводчик, выходец из России. Переводил Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, а также многих русских символистов, публиковал в «Весех» обзор немецкой литературы (за подписью А. Э.). 2 марта 1909 г. И. М. Брюсова писала мужу о том, что на 30 вежливых писем Элиасберга, адресованных им в «Весы» с просьбой о высылке гонорара, он не получил ни одного ответа. Она приводит отрывок из его письма: «Это упорное неответание... — прямо оскорбительно, и я не могу истолковывать его иначе, как несколько грубый намек на то, что мое дальнейшее сотрудничество нежелательно» (ГБЛ. Ф. 386, 145.23. Л. 3, 4об.). Брюсов в ответ на это сообщение 4 марта просил жену: «Пошли в «Скорпион» и письмо А. Элиасберга: оно к ним, а не ко мне» (ГБЛ. Ф. 386, 69.6. Л. 13), написав 12 марта 1909 г. Элиасбергу: «В настоящее время я не более как один из сотрудников журнала и потому на все Ваши вопросы не могу дать никакого определенного ответа. Однако я ни в коем случае не думаю, чтобы молчание новой редакции означало «нежелание» иметь Вас в числе участников, как Вы это предполагаете. Вероятно, это просто — извинительная небрежность. Немедленно по получении Вашего письма (дня три тому назад) я написал в «Весы», побуждая их ответить Вам тотчас же» (Лазарев В. А. Из истории литературных отношений первой четверти двадцатого столетия // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. Т. СХVI; Очерки по истории советской лит-ры. М., 1962. Сб. 3. С. 116). 15/28 марта 1909 г. Элиасберг благодарит Брюсова: «Спасибо за письмо. «Весы» тем временем извинились (хотя денег все еще не прислали)» (ГБЛ. Ф. 386, 109.43. Л. 16).

⁵ См. п. 138, прим. 1.

⁶ О В. А. Курникове см. наст. том, кн. 2, Переписка с Садовским. Приложение 1, прим. 35. Небрежность, допущенная конторой «Весов» по отношению к Брюсову, послужила причиной конфликта между ним и С. А. Поляковым. 11 марта 1909 г. Брюсов жаловался в письме к жене: «От «Скорпиона» получил сегодня письмо за подписью... Василия! — Негодяи! — Я послал письмо обратно» (ГБЛ. Ф. 386, 142.12. Л. 11об.). Объяснения Полякова по этому поводу изложены им в письме к Брюсову (см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. от 13 марта 1909 г.). Однако Брюсов остался неудовлетворенным ими. 14 марта он сообщил жене: «От С. А. Полякова я получил письмо с извинением, однако очень полемическим. Нет, не наладятся у меня отношения с ним» (ГБЛ. Ф. 386, 142.12. Л. 15об.).

⁷ См. наст. том, кн. 2, Переписка с Ремизовым. Вступ. ст. А. В. Лаврова.

⁸ Жан де Гурмон (1877—1928) — французский беллетрист, поэт и критик, сотрудник «Весов». Брюсов более высоко ценил творчество его брата — Реми де Гурмона. Но полагал, что и тот не должен слишком часто публиковаться в журнале. Еще в начале существования «Весов» в ответ на предложение М. Н. Семенова заполучить статью Реми де Гурмона о французском романе Брюсов отвечал 19 ноября 1904 г.: «Имена Метерлинка, Реми де Гурмона, Гофманстала, разумеется, соблазнительны. Но не надо забывать, что «Весы» — русский журнал. Что хорошего будет, если большая половина наших статей будет переводами, хотя бы и с рукописей» (ЛН. Т. 85. С. 274). Жан де Гурмон поместил в «Весех» четыре заметки.

⁹ 3 ноября 1908 г. Брюсов писал Вяч. Иванову: «Исключение Городецкого из числа сотрудников было сделано без моего ведома. Считаю эту меру неуместной и неактивной. Статья его, подававшая к тому повод, была просто глупая, мальчишеская статья, на которую не стоило обращать внимания» (ЛН. Т. 85. С. 512). В статье С. М. Городецкого «Глухое вре-

мя» давалась такая характеристика «Весам»: «Журнал культурный, в подписчиках считает двух папуасов и эскимоску, сотрудничают в нем, кроме «своих», два Рене, один Гиль, два Гурмона и еще всякие лорды и греки» (ЗР. 1908. № 6. С. 69). Раздраженные С. А. Поляков и М. Ф. Ликиардопуло без согласия Брюсова исключили Городецкого из списка сотрудников «Весов».

Летом 1908 г. Ликиардопуло поставил Брюсова в известность об этом *post factum*: «Случилась следующая оказия. В последнем «Руне» очередная бранная статья против «Весов» подписана «Городецким» (. . .) Посоветовавшись с Сергеем Александровичем, я написал Городецкому письмом, в котором сообщил ему, что «Весы», не желая ставить его в неловкое положение — работами в одном органе с сотрудниками, которые не имели счастья родиться его компатриотами, и под редакторством «редактора, печатающего дичинные глупости» и неоднократно печатавшего произведения того же Городецкого, как в отделе беллетристики, так и в критическом, — принуждены отказаться от напечатания цикла его стихов и от дальнейшего его сотрудничества. Думаю, что и Вы одобрите эту меру» (ГБЛ. Ф. 386, 92.22. Л. 24).

По всей видимости, точка зрения Брюсова была иной, так как в письмах от 27 августа и 9 сентября 1908 г. Ликиардопуло продолжает настраивать Брюсова против Городецкого и доказывать, что предпринятый шаг был необходим (Там же. Л. 27, 35об.). Конфликт Городецкого с «Весами» отражен в газетной полемике (Новая Русь. 1908. № 4. 19 авг.; № 9. 24 авг.; № 10. 25 авг.).

¹⁰ См. наст. том, кн. 2, Переписка с Садовским. Приложение 1, прим. 81.

¹¹ И. А. Бунин, не всегда, правда, объективный в своих оценках периода эмиграции, вспоминает: «Скорпион» существовал (под редакцией Брюсова) на деньги некоего Полякова, богатого московского купчика, из тех, что уже кончали университеты и тянулись ко всяким искусствам, человека еще молодого, но истрепанного, лысеющего, с желтыми и почему-то всегда мокрыми усами (. . .) со мной он оказался скупее Плюшкина: пришел ко мне с Брюсовым для переговоров чуть не утром, а ушел только вечером — все торговался, все сбивал цену и таки добился того, что я махнул рукой и отдал ему книгу всего за триста рублей (. . .) «Скорпион» вообще не баловал своих сотрудников гонорарами. Помню, как однажды горестно пел Вячеслав Иванов: — Знаете, сколько получил я от Полякова за свою последнюю книгу? увы, всего пятьдесят рублей!» (Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 291).

¹² См.: РМ. 1909. № 4.

¹³ В рецензии Брюсов писал: «Многие стихотворения сборника не более как перепевы иных, счастливых созданий Бальмонта («Песня звезды», «Оахака», «По морскому», «Стрела»). Язык стихов часто неряшлив, выражения лишь намекают на то, что хотел сказать поэт, форма стихотворений часто случайна или шаблонна (. . .) Несмотря на все это, в «Хороводе времен» дарование Бальмонта местами загорается ярким светом, и вдруг воскресает перед нами прежний Бальмонт, певец Арион, чарующий своим напевом морские волны и морских чудищ» (VI, 280).

¹⁴ Рецензии на «Хоровод времен» появились в «Современном мире» (1909. № 4 — В. М. Волькенштейн), в газете «Речь» (1909. № 59. 2 марта — А. А. Блок) и других изданиях. Все они были весьма резкими. Приводим в качестве примера неподписанный газетный отзыв: «Теперь сборники бальмонтовской поэзии появляются, нисколько не нарушая тишины и спокойствия в литературном мире. Так как стало уже общеизвестным, что в любом из них девятноста пять стихотворений из ста порождены трудолюбием Бальмонта, и только пять — поэтической душой его. Таков и десятый том его стихотворений, выпущенный на днях в Москве „Скорпионом“ и озаглавленный несколько широко и многозначительно: „Хоровод времен“. И тут, откидывая в сторону 95 процентов балласта, состоящего из искусственных и тяжелых рифмованных строф, находишь несколько легких и сверкающих цвтами радуги жемчужин, на которых как бы выгравировано имя настоящего Бальмонта» (Новая Русь. 1909. № 14. 15 янв.).

¹⁵ Бальмонт писал в статье «Наше литературное сегодня»: «Я уже не говорю о совершенно ничтожных его рассказах и о компилятивном его романе, где он даже и Мережковского не может достигнуть» (ЗР. 1907. № 11—12. С. 62). См. также п. 155 и 158.

¹⁶ Цитируется 8-й стих «Памятника» Г. Р. Державина.

¹⁷ Брюсов выехал из Москвы 24 июля 1908 г., а вернулся в конце октября.

¹⁸ Летом 1909 г. Брюсов путешествовал по Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии, но в Италии в тот сезон он не был.

¹⁹ Лето 1910 г. Брюсов провел в имении Белкино по Брянской железной дороге и не выезжал за границу.

²⁰ Рукописный вариант не подписан. Скорее всего, подпись была такая же, как и в машинописном варианте окончания письма, который приводим ниже: «...профит, печатая лишние экземпляры издаваемых книг, например, моих и твоих. Я был убежден, что «Весы» при правильном ведении дела после 5 лет должны были давать издателю доход, а не убыток. Но я тщетно, хотя и многократно, обращал на все это внимание Сергея Александровича. В то же время я знал, что сотрудники получают гонорары минимальные, да и то лишь после долгих и усердных просьб. И когда я предлагал повысить гонорары или увеличить число лиц, работающих в конторе, чтобы хоть отвечать своевременно на все письма, — мне всегда в ответ ссылались на отсутствие денег... Что мне оставалось делать, как не удалиться? И опять, если я виноват, то только тем, что сделал это слишком поздно.

Reproduction Interdite.

Le Campement Touareg à l'Exposition Internationale d'Electricité, Marseille, 1908.

ОТКРЫТКА К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ

Пасси. 28 апреля — 11 мая 1909 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Ты меня спрашиваешь, к кому Тебе обратиться, чтобы добиться ответа, получить Твои книги, следуемые Тебе деньги и тому подобное. По совести, не знаю. Повидимому, к тому же Ликиардопуло, который после моего ухода, почувствовал себя временщиком, на том основании, что ежедневно завтракает на счет С. А., и держит себя со смешной, но все же неприличной надменностью. Что до моей помощи, то сомневаюсь, чтобы она теперь была действительной. Во всяком случае, получив Твое письмо, я немедленно изложил все Твои жалобы в записке, которую поручил передать С. А. Кроме того на этих же днях я добьюсь аудиенции у С. А. (что ныне не легко) и устно прочту ему все Твое письмо, ибо в нем нет никаких оскорбительных слов. Если все это не подействует, я бессилён сделать что-либо большее. О том, что мне ответит С. А., я сообщу Тебе немедленно.

Прости, что опять все письмо наполняю дразгами "Весов". Мне казалось нужным дополнить, в ответ на Твои жалобы, мои предыдущие сообщения еще этими. Теперь Ты знаешь мое отношение к поведению "Весов" и можешь на основании данных установить свое отношение. Однако, в заключение очень Тебя прошу — не принимать решения, которое порою как бы напрашивается: не покидай "Весы" и "Скорпион". Все же мы в них выросли, мы обязаны известным пиететом к ним. Прошлое "Весов" и "Скорпиона", пусть исполненное всяких промахов, оставляет за ними самые широкие возможности в будущем. Необдуманно было бы из-за недостатков отдельных лиц отвергать целое дело, которое уже получило самостоятельное бытие, переросло своих основателей и движется далее своей собственной, внутренней силой.

Всегда Твой Валерий Брюсов

140. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж) 1909. (28 апреля/) 11 мая. Пасси.

Валерий, благодарю тебя за письма, и за услугу. Книги я получил¹, — верно это твое «влияние». Быть может, получу и остальное, чего жду. — Валерий, я напишу тебе подробно на днях. Сейчас — в трепете поднимающихся крыльев. Уезжаю к Морю и уже чую его гул. Мой адрес: Bretagne, Quiberon, poste restante. Здесь лишь до 14-го еще. Гостят здесь Туарэги² и Арабы. Я провел с ними несколько удивительных часов. Однако я не Алеко³. Но знаю я трепет пустыни в безмерных Арабских глазах.

Отзовись еще и еще.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 6.

¹ См. п. 138.

² Туареги — берберская народность, живущая в Северной Африке. На открытке, посланной Бальмонтом, изображена группа туарегов, прибывшая в Марсель на Международную электрическую выставку в 1908 г. Кстати, Брюсов, приплывший в Марсель на «Святом Лазаре» (см. п. 133, прим. 6), также посетил эту выставку (см. письма И. М. Брюсовой к М. А. Брюсовой — ГБЛ. Ф. 386, 145.32. Л. 4).

³ Герой поэмы Пушкина «Цыганы».

141. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Morbihan, Damgan, Kervoyal, Villa St.-Claire.
1909. (8/) 21 июня. Бретань.

Валерий, теперь я перед тобой в эпистолярном долгу. Поверь мне, я искренно тебя люблю. Ты знаешь. Мы связаны с тобой узами, которые не разрешатся в Вечности, во всех Вечностях мы будем встречаться с тобою, наши глаза при встрече вспыхнут и потемнеют от тайного ведения. Да, да, да.

Я помню, я шел по молу над голубым Морем, Балеарским, в Пальме¹. Я думал о тебе неотступно. И какие-то напевные строки качались во мне. Я забыл их почти все, я не записал их. Но вот отдельные строки оживают в призме воспоминания.

Мы два раба в одной каменоломне.
И мы должны оплоты скал дробить.
Ты ведаешь. Я ведаю. О, вспомни.
Мы, полюбив, не можем разлюбить.

Тебя любя, тебя дразнил я низко,
Чтоб чувствовать, что любишь ты меня,
В тебе сверкнула ярость василиска²,
И лом упал у ног моих, звеня.

Хотелось мстить. Я победил отмщенье.

Мой брат, ты — брат. Возможно ль месть ковать?

В надмирный храм внесем одно моленье

Для статуй мрамор будем добывать.

22 июня. Вечер.

Вчера мной овладела усталость. Не мог больше писать. Я не люблю сетовать и жаловаться, а у меня есть довольно поводов напевать всякие тремоляндю. И когда во мне возникает таковое малодушное желание, я предпочитаю просто смолкнуть.

Когда увидимся с тобой, Валерий? Приедешь ли ты во Францию и в Бретань этим летом? Я пробуду в Бретани до половины июля, потом уеду месяца на три к Баскам. Ко мне вернулись напевности, и лишь для напевностей хочется еще существовать. И снова опускать лот в глубокие колодцы души.

Чем занят ты? И что предвидишь о себе? Я не вижу тебя. Отзовись. Ты в чем-то, что мне чуждо. Твой очерк о Гоголе — должно быть, последнее, что ты написал? меня враждебно удивил и огорчил и, если хочешь, даже возмутил. Его опровергнуть — и как юбилейное чтение³ и как литературный анализ — так же легко, как бросить по ветру соломинки. Знаешь, в нем лишь и есть хорошего, это заглавие — «Испепеленный».

Но ты не обижаешься? Ведь это впечатление. Мне показалось еще неприятным сходство с тем, что говорит о Гоголе несноснейший из французских козэров*, Барбэ д'Оревиля⁴, читал ли ты его или не читал, все равно.

Пошли мне последних стихов своих. В стихах душа ближе к вольности. Обнимаю тебя.

Искренно твой К. Б а л ь м о н т.

* causeur — здесь в значении «краснобай» (франц.).

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 7—8.

¹ Бальмонт находился в г. Пальма на Балеарских островах весной 1907 г. 30 мая он писал оттуда Г. Г. Бахману: «Милый Георг, я в волне впечатлений, все не отпускающих сознание на волю вот уже которую неделю (. . .) Я уезжаю в Валенсию. Там знаменитые сады, — ты знаешь. Здесь наслаждался лазурным морем и мирной патриархальной простотой жизни» (ГБЛ. Ф. 386, 76.6. Л. 5), см. также п. 106, прим. 4.

² Василиск — мифический дракон, убивающий взглядом.

³ Очерк Брюсова «Испепеленный» был прочитан 27 апреля 1909 г. как юбилейная речь в Торжественном заседании Общества любителей российской словесности в Большом зале Московской консерватории. Позднее опубликован в «Весах» (1909. № 4).

⁴ Жюль Барбэ д'Оревилли (1808—1889) — плодовитый французский писатель и критик. Его произведения получили высокую оценку Волошина (см. вступительные статьи к сборнику рассказов Барбэ д'Оревилли «Лжи дьявола», выпущенному в переводе А. Чеботаревской. СПб., 1908. С. 7—32). Совершенно иначе относится к критику Бальмонт. Мнение, высказанное в письме, он подтвердил и печатно: «Весьма известный и весьма посредственный Барбэ д'Оревилли, этот заурядный салонный фразер, не понимает, например, нашего гениального Гоголя, как он не понимает гениального английского Свифта. Почему? Потому что французы вообще чрезвычайно мало способны понимать чужеземное...» (*Морское свечение*. С. 45). Полярные оценки творчества французского критика русскими символистами в какой-то степени отражали споры, не прекращающиеся по поводу творчества Барбэ д'Оревилли и на его родине. Брюсов, считавший, что некоторые произведения писателя «вполне заслуживают названия шедевров французской литературы», писал по этому поводу: «Спор о Б. д'Оревилли не утих и до наших дней, после более чем 20 лет по его смерти: у него есть еще непримиримые враги, как и иступленные поклонники...» (Новый энциклопедический словарь, т. 5. Стлб. 189). Высказывания о Гоголе, вызвавшие неудовольствие Бальмонта, сделаны Барбэ д'Оревилли в кн.: Barbey d'Aureville J. Littérature étrangère. Paris Alphonse Lemerre, 1890, p. 217—232, очерк «Nicolas Gogol».

142. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1909. (23 июля/) 5.VIII. Villa Lucienne.
St.-Georges-de-Didonne, Charente Inf.

Валерий, я получил твое большое письмо, но у меня нет мужества ответить тебе подробно, не будучи уверенным, что до тебя дойдут мои слова. В прошлом году ты дал мне неверный адрес для *poste restante*. Сообщи, куда тебе писать ¹ (если получишь эту открытку), напишу больше. Я очень рад с тобой увидеться. Здесь я пробуду до первых дней октября. Отзовись. Мы должны увидеться ².

Твой К. Б а л ь м о н т.

Р. S. Конечно, я не согласен с твоим письмом. «Весы» зловредны и лживы ³. В сущности своей. Если будет досуг, я нападу на них с дреколем. Но стоит ли? Они заживо разлагаются. Дивлюсь, что ты еще упорствуешь и являешься там.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 9.

¹ В начале августа 1909 г. Брюсов с сестрой Надеждой Яковлевной и женой находился в Берлине. Оттуда они уехали в Дрезден, затем в Прагу, а в конце месяца переехали в Швейцарию. Свою открытку Бальмонт послал в Женеву, до востребования. Оттуда она была переслана адресату в Бриенс.

² О встрече поэтов осенью 1909 г. см. п. 146, прим. 1.

³ По всей видимости, Брюсов упрекал Бальмонта за резкость письма, в котором тот объявлял о своем разрыве с «Весами» (о нем см. наст. том, кн. 2, Переписка с Садовским. Приложение 1, прим. 124).

143. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1909. (18/) 31 августа. Сэн-Жорж-де-Дидонн. Вилла Люсьенн.

Валерий, я только что получил твою открытку и спешу ответить, чтоб письмо мое захватило тебя в Бриэнсе ¹. Я так-так рад был бы увидеть тебя и провести с тобою хоть несколько дней. Мне в десять раз больше хотелось бы увидеться с тобою здесь, в безлюдьи, нежели в Париже, где ты, конечно, будешь окружен французскими силлабическими чирикалками ², самый вид коих делает меня большим и неинтересным ни для себя, ни для других. Ведь это один

из пунктов нашего вечного разногласия, и неустрашимого. Я отрицаю за Французами способность к Поэзии, а ты на них опираешься³. Ты, впрочем, выбрал себе полубога не из Французов, а из Бельгийцев⁴, и сие разумею, ибо и я тоже среди Бельгийцев нашел божественного Лерберга⁵. Но, если уж так случится, что мы свидимся в Париже, — да будет. Только дело в том, что все будет спутано. Я сам не знаю, сколько я буду в Париже, и в каких числах октября. Дело в том, что в октябре (это пока не подлежит гласности, по каким-то малым причинам), Катя едет с Ниникой⁶ погостить в Москву к своим, я же, верно, как раз в это время буду с Еленой в Англии⁷. Итак, будет отлетный воздух отъезда и отъездов. А здесь как хорошо. Море, лес, пляж, как балная зала, человечешки к твоему приезду вовсе разведутся (разумею курортную сволочь). Недалеко от нас такой Океанский размах, какой можно видеть лишь в Биаррице. Здесь есть дешевый пансион (по 5-ти франков с половиной, если ж вдвоем, то и дешевле). Но если приедешь, питаться, конечно, будешь у нас. Кроме меня, твоему приезду рада и Катя, и моя зеленоглазая Феечка⁸. Сия последняя, представь, была даже однажды твоей защитницей, когда я как-то в разговоре с Катей начал тебя за что-то проклинать.

Хотелось бы о многом говорить с тобой и, прежде всего, просто взглянуть тебе в глаза и увидеть в них, что все горят наши светильники и не гаснут.

Буду ждать твоего ответа. Напиши побольше о себе, о своих впечатлениях. Один путешествуешь? Или с «маленькой женщиной», как мы называем Иоанну Матвеевну? Или с Темноглазой Сестрой?⁹

Жду свидания непременно и обнимаю братски.

Всегда твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 10—11.

¹ 1 сентября 1909 г. Брюсов писал матери: «Неделю провели мы в Бриенце (. . .) Пиши мне в Париж» (ГБЛ. Ф. 386, 142.9. Л. 26).

² Бальмонт имеет в виду поэтов из группы «Аббатство», с которыми Брюсов поддерживал дружеские связи: Рене Аркоса, Жоржа Дюамеля, Александра Мерсеро, Шарля Вильдрака, Рене Гиля. О встречах Брюсова с ними осенью 1909 г. в Париже см.: *Лагров А. В.* Брюсов в Париже (осень 1909 года) // *Взаимосвязи русской и зарубежной литературы* (Л.: Наука, 1983. С. 304—315).

³ Бальмонт писал про Брюсова, что «он так проникся многообразными влияниями Французской литературы и иных литератур, что когда начинаешь для самого себя выяснять, что есть собственно Валерий Брюсов, улавливаешь несомненный брюсовский тон, но в смысле элементов мало что находишь доподлинно брюсовского» (*Морское свечение*. С. 179).

⁴ Речь идет об Эмиле Верхарне.

⁵ Шарль Ван Лерберг (1861—1907) — бельгийский поэт и драматург. Ван Лерберг высоко ценился Бальмонтом («как влюбленный в форму художник-творец, владевший резцом единственным, безошибочно метким, и обладавший для своих изваяний мрамором, добытым в глубоких каменоломнях души. . .») (*Ван Лерберг III*. Ищейки: Драма/Пер. Бальмонта и Елены Ц(ветковской). СПб.: Пантеон, 1909. С. 17). 30 октября 1911 г. Бальмонт писал Ю. А. Веселовскому из Сен-Бревена: «Я люблю Бельгию очень, и долго жил там. Там могучие деревья, первобытно-сильные лица, стихийность еще жива, и там старинность умершая не уничтожена дикой и безобразной свистопляской современности. Из бельгийских писателей я наиболее люблю Ван Лерберга, которого ставлю очень высоко. В издании «Пантеона» я напечатал перевод «Ишек» и «Лирики» его. К Верхарну я холоден, хотя признаю его силу (слишком громоздкую)» (*ЦГАЛИ*. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2).

⁶ Е. А. Бальмонт уехала из Парижа с дочкой Ниной (которую в семье называли Ниникой) в середине октября.

⁷ 19 октября 1909 г. Бальмонт писал Т. А. Полиевктовой: «Уезжаю послезавтра из Парижа» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 61).

⁸ Бальмонт часто называл дочь «Феечкой» и посвятил «солнечной Нинике с светлыми глазками» сборник «Фейные сказки» (М.: Гриф, 1905).

⁹ В середине июля 1909 г. Брюсов с Иоанной Матвеевной уехали в Ригу, где прожили пять дней (ГБЛ. Ф. 386, 142.9. Л. 22), затем перебрались в Германию, ненадолго приезжали в Прагу, в конце августа отдыхали в Швейцарии. 15 сентября Иоанна Матвеевна выехала в Москву на похороны брата — П. М. Рунта, а Брюсов в тот же день направился в Париж, где встретился с Н. И. Петровской (ГБЛ. Ф. 386, 145.32. Л. 6).

144. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

St.-Georges-de-Didonne. Villa Lucienne. 1909. (10/) 23 сентября.

Валерий, я сердился на тебя, что ты мне долго не пишешь, и мысленно говорил тебе, или о тебе — обращаясь к кому-то, злые слова. А сегодня, когда получил твое письмо и увидел твой почерк на конверте, я почувствовал, как я люблю тебя, и мысленно сказал себе: Если б он сейчас вошел в комнату, какая бы радость это была, настоящее счастье.

Да, вот от одного сознания, что ты в близости где-то, в каких-то верстах от меня, я волнуюсь и радуюсь и хочу непременно увидеть тебя.

Уже священная четверичность лет минула с тех пор, как мы расстались¹, а словно бы и раньше ведь еще разлучились, когда я был последние месяцы в Москве.

Мы должны увидаться, абсолютаментэ.

Валерий, дело вот в чем. Ты не пишешь, сколько ты рассчитываешь еще пробыть в Париже². Напиши мне тотчас же. Раз тебе неудобно, я не решаюсь зазывать тебя сюда (кстати, Сэн-Жорж-де-Дидонн не Бретань, а Шарант). Хотя билет сюда и обратно стоит всего 40 франков, а питаться стал бы у нас, а ночевать за грош по соседству. Коли надумаешь, прибудь. Обрадуешь. Но, в конце концов, и я тоже более хотел бы, чтоб наша встреча произошла в Париже, где мы еще ни разу не были с тобою, но где столько связано с твоей и с моей душою. Однако ж я ведь здесь не один, а с своими, с коими был в малости недель и через три недели опять разлучаюсь³. Мы рассчитывали пробыть здесь ровно до 5-го октября здешнего. Но если твое пребывание в Париже недолгодневно, мы ускорим свой отъезд отсюда, или я приеду в Париж, один, чтоб нам свидеться, и несколько дней, или вечеров, провести вместе. Итак, жду быстрого ответа. Если возможно, все же задержись в Париже побольше.

Посылаю тебе, до востребования, как и письмо, книжечку Лерберга. Напиши о впечатлениях⁴.

Тороплюсь, и пока не пишу больше ничего. Обнимаю тебя братски. Радуюсь мысли о встрече.

Всегда твой Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 12—13.

¹ Намек на клятву пифагорийцев: «Клянусь Четверичностью. 4 — источник всего». Слова эти Бальмонт взял эпиграфом к главе «Маяк в пустыне» сборника египетских очерков «Край Озириса» (М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. С. 111). Опасаясь ареста, Бальмонт уехал из Москвы за границу 31 декабря 1905 г.

² Брюсов пробыл в Париже с 16 сентября по 23 октября 1909 г.

³ См. п. 143, прим. 6.

⁴ Драма Ван Лерберга «Ищейки» с автографом «Валерию, братски, Бальмонт. 1909, IX. 23. У моря» сохранилась в библиотеке Брюсова (ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 914). Мнение Брюсова о переводе драмы неизвестно. Немногочисленные отзывы были не очень благосклонны. Так, например, А. Амфитеатров писал: «Нехорошо перевел Бальмонт Лерберга. А что всего страннее, без всякого чутья к тону „Ищейк“» (Одесские новости. 1909. № 7937. 11 окт.).

145. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1909. (15/) 28.IX. St.-Georges-de-Didonne. Villa Lucienne.

Валерий, меня беспокоит твое молчание. Дошло ли мое письмо R(oste) r(estante)? Я спрашивал тебя, долго ли пробудешь в Париже¹, и сообщал, что наш срок здесь — до 5-го октября н. с. Но, если ты скоро из Парижа уезжаешь, я ускорю свой приезд. Откликнись.

Жму руку.

Всегда твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 14.

¹ См. п. 144, прим. 2.

146. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1909. (17/) 30 сентября. Св. Георгий

Валерий, я приезжаю в Париж 6-го вечером, 7-го в полдень приходи ко мне завтракать ¹, на 60, rue de la Tour. Да? Sin falta! *

Жму руку.

Твой К. Б а л ь м о н т.

P. S. Откликнись, чтоб я знал, что это письмо получено.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 124.

¹ 7 октября 1909 г. Брюсов писал жене: «Сегодня я был у Бальмонта. Он был очень мил, очень ласков, очень рад меня видеть. Мы целовались, смеялись, говорили без конца, читали друг другу стихи, вспоминали прошлое. Одним словом, встреча вышла самая удачная» (ГБЛ. Ф. 386, 142.13. Л. 13). Вплоть до отъезда Бальмонта в Англию встречи поэтов происходили почти ежедневно. 10 октября Брюсов сообщал Иоанне Матвеевне: «Вчера вечером опять был у Бальмонта (. . .) Читал мне свой перевод драмы Словацкого. Он очень изменился. Поумнел. Говорит о себе и своих стихах трезво. Видит и понимает свои недостатки, чего прежде не было никогда» (Там же. Л. 18).

11 октября под впечатлением этих встреч Брюсов написал сонет «К. Д. Бальмонту» (II, 83).

147. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1909. (27 октября/) 9 ноября. Пасси.

Валерий, я давно уже вернулся из Англии. Был только неделю в Лондоне и день в Оксфорде. (Морфиль не выходит из комнаты.) ¹

По приезде посылал тебе телеграмму, но ни ответа не получил, ни тебя не увидел. Верно, ты в Москве ².

Посылаю тебе 5 стихотворений ³, которые мы вместе с тобой выбрали для альманаха, о котором ты говорил ⁴. Оттиски некоторых очень плохи, но ты ведь сам будешь корректировать? Тебе я вполне доверяю и доверяюсь.

Валерий, мы свиделись с тобой, но не увиделись. Я думаю, что еще я сколько-нибудь увидал тебя в это свидание, а ты меня — почти нет. Причины? Во-первых, я был в растерзанности. Ведь я насильственно вырвал себя из морской своей идиллии, из творческой тишины, для того чтобы не потерять радость встречи с тобой. Для меня никогда насильственный переход от летней приморской тишины к Городу не проходит безнаказанно. Это был я, и это не был я.

А потом... О, всегдашнее препятствие всех бесед, всех друзей. Фемина. Женщина. Я очень люблю Нину Ивановну. Искренно. Но, правда, без нее лучше с тобой видаться, думаю я. А кстати, где она? ⁵

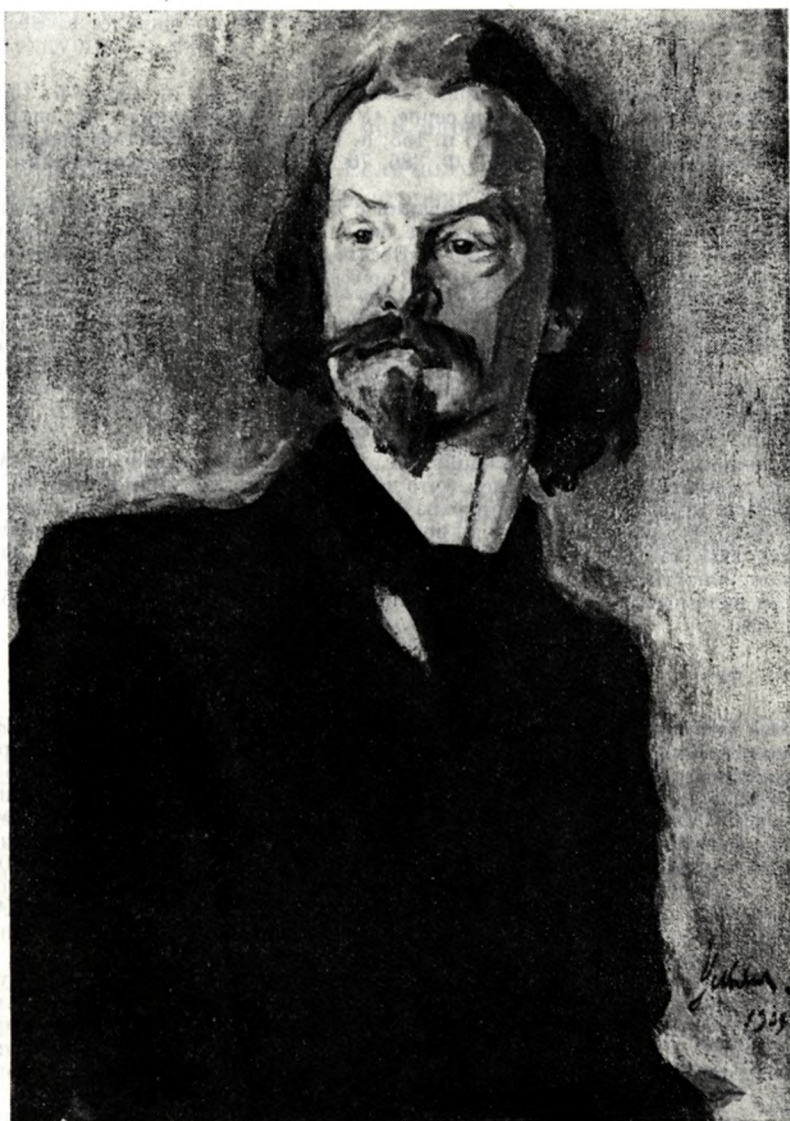
Но я видел тебя. Видел глаза твои, слышал голос твой, я рад, мне хорошо, я снова верю в тебя невозмутимо и целиком. Ведь и у тебя ничего-ничего нет против меня, правда? Мы еще свидимся снова. И будут ли близкие около нас, кроме нас двоих, все равно мы увидимся воистину и будем говорить много-много-много.

Валерий, ты верно получил из «Шиповника», убоявшегося моей «Волчьей шубы» ⁶, сию страшность? Предлагаю и ее в твой альманах, и предлагаю настоятельно, если это возможно.

Напиши мне свое впечатление.

Мой адрес парижский — лишь до 20-го. Затем на 3 дня я еду в Марсель (пост-рестант), и на несколько месяцев мой адрес: Египет, Каир, до востребования. Билеты уже покоятся в моем чемодане. И разных разностей себе купил в дорогу, прежде всего нечто любопытное из книг (так-таки без книг не можем мы быть, ни жить). Но пока не испытываю никакой радости от предстоящего путешествия. Я не жду неожиданного там. А без неожиданного — повесть лишь довольство доставляет (ежели хорошо написана), а не схватывает кошачьими ла-

* Непременно! (исп.).

К. Д. БАЛЬМОНТ

Портрет работы Н. П. Ульянова. 1909

Третьяковская галерея, Москва

нами и индийским лассо. А вдруг — а вдруг... Твардовский хорошо все рассчитал, но — был уловлен ⁷. Может, и на мою долю поколдует богатейший бог Случая, самый богатый из богов.

Пришли мне твои стихи ко мне. Я ценю, что ты видишь во мне искателя Атлантиды ⁸. Это так, мой брат предназначенный. Не тщетно люблю я Море ⁹. Что-то найду.

Хочется слов твоих. Обнимаю. Люблю тебя.

Твой всегда К. Б а л ь м о н т.

P. S. Молю поторопить Полякова с набором «Змеинных цветов» ¹⁰.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 15—16.

¹ Во время визита Бальмонта в Оксфорд профессор Уильям Морфилл (см. о нем п. 63,

прим. 2) был уже смертельно болен. Он умер 9 ноября 1909 г. Некролог в «Весах» (№ 10—11. С. 177) был написан М. Ф. Ликиардопуло.

² См. п. 144, прим. 2.

³ Как следует из сопоставления прим. Бальмонта к п. 155 и текста п. 156, Бальмонтом были посланы стихотворения «Новый серп», «Ущерб», «Благовестие», «Из вихря» и «Тигр». Об их судьбе см. п. 153; п. 154, прим. 1; п. 155; п. 156, прим. 7. В составе переписки уделало только стихотворение «Из вихря» (ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 39). Все стихотворения вошли в сб. «Зарево зорь».

⁴ Не исключено, что Брюсов при свидании с Бальмонтом рассказал последнему о том, что «Весы» будут выходить и впредь в виде библиографических известий с литературным и художественным отделами. Объявление в «Весах» оповещало, что размер «их будет значительно уменьшен и выход книжек (в числе от 2 до 6 в год) не будет приурочен к определенным срокам. В 1910 г. в числе книжек журнала будет дан альманах к-ва «Скорпион», в котором примут участие обычные сотрудники издательства и приостановившегося журнала» (см. сообщение редактора-издателя С. А. Полякова «От книгоиздательства «Скорпион»» — Весы. 1909. № 12. С. 192). В этом же сообщении была объявлена подписка по цене 2 р. в год. Однако намерение редакции не осуществилось.

⁵ В это время Н. И. Петровская находилась в Париже.

⁶ О судьбе рассказа см. п. 163, прим. 3.

⁷ Герой польских народных сказаний маг, чернокнижник и врачеватель пан Твардовский заложил душу дьяволу с условием, «что до тех пор ни к телу, ни к душе не может сила ада подступиться, пока не будет в Риме схвачен он». Однажды Твардовского позвали в корчму к больному, но только чернокнижник переступил порог, явился дьявол и заявил, что настал миг расплаты, так как корчма называется «Рим» (см.: Бальмонт К. Д. Твардовский. Тайна вечной юности // ЗР. 1908. № 1).

⁸ По всей видимости, Бальмонт имел в виду строки из посвященного ему брюсовского сонета (II, 83):

Я разгадать хочу, в лучах какой лазури,
Вдали от наших стран, искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий...

И. М. Брюсова вспоминала: «Это было в 1897 г., вскоре после нашей свадьбы. Нас посетил К. Д. Бальмонт, только что объездивший всю Европу... По его словам, в ту пору Атлантидой интересовались. Тут оба поэта предались в бесконечные рассуждения и обсуждения о новых открытиях» (VII, 483). Интерес к легендарному затонувшему материка они пронесли через всю жизнь. Бальмонт верил, что «красочная радуга угаданий, возникнув над погибшей Атлантидой, соединит в одну картину Майские развалины, Египетские пирамиды, Индусские храмы и Океанйские легенды» (*Змеиные цветы*. С. 47). 6 сентября 1920 г. Брюсов жаловался Н. С. Ашукину: «Я убежден, что существование Атлантиды можно доказать, но когда я говорю об этом историкам, они отмахиваются и называют меня поэтом» (Архив Ашукина: «Заметки о виденном и слышанном». Т. 1. С. 23. Оригинал в ЦГАЛИ. Копия в собрании Р. Л. Шербакова).

⁹ В «Путевых письмах», своеобразном дневнике путешествия через Атлантику, Бальмонт рассказывает: «Океан играет моей мыслью, я, как чайка, я кружусь в своем полете по спирали, кружусь и возвращаюсь. Я опьянен пенной, солеными бризгами, которые кипят кругом и в моей душе (. . .) Я никогда от качки не страдаю. Напротив, она приятна мне. Чувствуешь, что действительно, это — Море» (*Змеиные цветы*. С. 11, 13).

¹⁰ Книга «Змеиные цветы» была выпущена «Скорпионом» в 1910 г.

148. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1909. XI.15. (нов. ст.) Полдень при лампе. Ул. Башни.

Валерий, я только что совершил свою утреннюю прогулку, над Сеной, где есть такие улочки, что, проходя, раздвигаешь крестообразно руки и касаешься правой и левой рукой стен. На улицах и в небе дымно-желтый туман. Словно в Лондоне. Сижу и перевертываю страницы о Египте¹. Получаю твое унылое письмо. Разве можно унывать? Еа, еа soldados valientes! *

Возьми короткий меч, возьми свой меткий меч,

И вспомни Рим.

Еще подходит час неумолимых сеч,

Но мы — царим.

Я уезжаю отсюда 21-го вечером, а 24-го в часу четвертом (на преломленные дня) покидаю Европу на корабле «Schleswig» Lloyd's². Пошли мне на корабль,

* Ну же, ну, храбрые солдаты! (исп.).

с Поляковым и Юргисом, крылатое словечко, — как когда я уезжал в Мексику³. Буду душою с Вами.

Обнимаю братски.

Твой К. Б а л ь м о н т.

Egipte, La Caire, poste restante — мой адрес.

P. S. О «Волчьей шубе» писал. Если получишь Уитмана или что иное, молю найти редкостного зверя, чье имя благородный издатель⁴ (genus: ^{2*} единорог).

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 17.

¹ Готовясь к поездке в Египет, Бальмонт прочитал множество книг, в частности записки польского путешественника Маугусега Манна «Podróż na Wshód» (Kraków, 1854), труды французских египтологов Г. Масперо и Ш. Пальяка, английских востоковедов Бэджа, Флиндерс-Петри, Навилля, Даниноса-Паши и др. См. также п. 160.

² В путевом очерке «Преддверье в Египет» Бальмонт пишет: «Я сижу на палубе Немецкого корабля компании Ллойда. Гляжу на волны. Дышу морской свежестью. Радуюсь, что уехал из Европы. Радуюсь, что совсем скоро приеду в Александрию. А там — Каир» (*Край Озириса*. С. 6).

³ См. п. 106, прим. 3.

⁴ Сборник Уолта Уитмена «Побеги травы» в переводе Бальмонта был издан С. А. Поляковым (М.: Скорпион, 1911). 11 августа 1911 г. переводчик писал ему: «Сергей, приветствую тебя за то, что издаешь Уитмана, и в особенности за то, что решаешь сделать это без промедлений. Для меня это истинная радость» (*Ежегодник 1978*. С. 12).

149. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910^{3*}. 1.7. н. с. Каир¹. «Метрополь».

Валерий, ты хотел солнечного письма отсюда. Но Солнце здесь светит, пожалуй, слабее, чем даже на юге Европы. А когда уезжаешь на юг Египта, правда, оно греет и даже жжет, но столько пыли кругом, что солнечности нет в душе². И каждое ожидание здесь обмануто³. Лишь несколько мгновений красоты в обширном пустыре знакомо-безобразном. Злые чары. Убегаю в Европу. Напиши два слова в Марсель, poste restante. Я хотел бы на Севере быть, окованном льдами.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 6.

¹ Открытка Бальмонта, посланная из Египта, была подарена Брюсовым Московскому литературно-художественному кружку и хранится в составе его коллекции автографов.

² В очерке «Нил» Бальмонт так описывает пыльную бурю в северной Африке: «Смерчи крутятся, как гигантские дьявольские деревья, живущие краткою жизнью смертоносного шабаша стихий. Пронесется ветры пустыни (. . .) Поднимет тучу песку этот ветер и не отпустит с неба ее целых три дня подряд. Солнце глядит, как красный шар, как шар, в котором и пламя и дым пожаров» (*Край Озириса*. С. 27).

³ 19 ноября 1909 г. Бальмонт писал Т. А. Полиевктовой: «Уезжаю послезавтра из Парижа. Пока — мне лишь грустно от этого, и как-то ничего особенного не жду от этого путешествия» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 61).

150. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Provence, Giens (Hyères), Hôtel Audibert. 1910. 14/27 января.

Валерий, не написал я тебе путем из Египта, и отсюда, забаяканный Морем и Ветром, еще не могу. Не считайся со мною и напиши мне, ежели есть минутка и желание. Что ты? Что Москва оснеженная? Что помыслы литературные, о коих была речь?

И получил ли ты моего Уитмана?

И какие мытарства еще его ожидают?¹

^{2*} род (лат.).

^{3*} В автографе поставлена ошибочно дата — 1909.

Cl. Chapeau

GIENS - Avenue des Villas et du Béton

ОТКРЫТКА К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ
Provence, Giens (Huères), 14/27 января 1910 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

И не помер ли молчащий Лурье? ²
И нужен ли я кому-нибудь литературно?
И неужели лишь безнадежность достоверна?

И хоть все мои «И» начинаются с новой строки, вопросы мои не суть стихи,
я более не пишу стихов и завидую рыбарям, имеющим сети.
Обнимаю тебя.

Всегда твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 18.

¹ Переводы стихов Уитмена заняли несколько лет. «Они явились,— писал Бальмонт в предисловии к сборнику,— результатом многолетнего чтения книги Уитмана „Leaves of Grass”, и сделаны в осень 1903-го года, и в осень 1905-го года, в наши северные зачарованные часы запоздалых утр и вечеров, на берегу Балтийского моря, в местечках Меррекуль и Силламэгни, а также в осенней Москве 1905-го года под непрекращающуюся музыку ружейных залпов» (Уитман У. Побег травы. М.: Скорпион, 1911. С. 7).

Московский цензурный комитет 3 марта 1911 г. наложил на сборник арест (см.: Утро России. 1911. № 52. 5 марта) и возбудил против издателя судебное преследование, усмотрев в книге «культ человеческого тела и чувственной любви». По приговору суда от 22 мая 1912 г. «Сергей Александрович Поляков признан виновным и присужден к штрафу в сумме 25 рублей, а из самой книги постановлено уничтожить отдел «Дети Адама» и стихотворение «Ласка орлов», с остальной же части издания арест снять» (ЦГИАЛ. Ф. 776. Оп. 17. № 145. Л. 1—4).

² О судьбе стихотворений, отданных заведующему литературным отделом «Русской мысли» С. В. Лурье, см. п. 155, прим. 12.

151. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1910. <7/> 20 мая. Пасси.

Конечно, молчание — золото, Валерий, но отчего же бы не дать мне радость и других драгоценностей? Я люблю и железо, и медь. А уже лунное серебро в осо-

бенности. И так — яви мне бранный щит или пропой напев Изиды, и Рок тебя да защитит от ложной дружбы и обиды.

Что касается меня, я снова в Египте, хотя в своей комнате ¹.

Жму руку.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 19.

¹ В это время Бальмонт писал серию очерков о поездке в Египет (см. п. 152).

152. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Медок, Сулак-на-Море. Вилла Март-Маргарит. 1910. 8. 3. (н. с.)

Валерий, я соскучился без вестей о тебе и без твоих строк. Напиши мне о себе. Над чем работаешь? Что замышляешь? Собираешься ли за границу осенью? Когда, куда, на сколько? ¹ Почему так мыльно-пузыреподобно разрушились твои издательские планы, включительно и опубликование некоего альманаха, в коем должны были появиться мои стихи и моя «Волчья Шуба»? ² Кого ты видишь, кроме птиц лесных и полевых?

Что до меня, я успешно и с удовольствием путешествую по Египту Древнему, находясь в своем саду. Так пребудет и до окончания лета. Написал несколько Египетских очерков, напишу и еще ³. Стихов пишу так мало, что даже Блок, столь неприлично и публично обижающийся на меня, что много пишу ⁴, был бы наверно доволен. Относительно стихов у меня такое ощущение, что и два и три года будет у меня перерыв почти полного молчания, а потом... Что потом? Что день грядущий нам готовит? ⁵ Что мы об этом ведаем?

Вот ведаю только, что собирался осенью приехать месяца на три в Москву и Петербург, но, по видимости, скорее попаду опять в Экзотику ⁶, будет ли то Индия или остров Мадагаскар.

Малые птицы, с малой недолгой фразой музыкальной, щебечут около меня в моем саду. А чуть-чуть подальше, безмерный Океан неумолкающе шелестит и мечет свои пустынные волны. Между минутой и Вечностью, между атомом и Солнцем, я однодневка цветистая и напевно жужжащая. Я в старом-старом-старом Мире, с своим Апрельским — все еще Апрельским — утром — и не нравится мне этот Мир. Разве к звездам воскинешься на миг своей душой и таешь в ночи.

Обнимаю братски.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 20—21.

¹ Брюсов, возглавивший с осени 1910 г. литературный отдел «Русской мысли», должен был напряженно работать, чтобы обеспечить журнал необходимыми материалами, и летом этого года за границу не был.

² См. п. 147, прим. 4.

³ 30 июля 1910 г. Бальмонт писал Т. А. Полиевктовой: «Не знаю, читали ли Вы мой «Нил»? Посылаю на всякий случай отгиск. Появился еще очерк «Двойная связь», ах, нет, еще только должен появиться, а появилось «Солнечное Единобожие», но, к сожалению, у меня нет отгиска, чтобы послать Вам» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 68). Это были первые очерки сборника «Край Озириса».

⁴ Имеется в виду статья, опубликованная в газете «Речь» 2 марта 1909 г., в которой Блок, высоко оценив первые книги Бальмонта, так отзывался о последних: ««Птицы в воздухе» и «Зеленый вертоград» (изд. «Пантеона») и, наконец, на днях вышедший «Том десятый полного собрания стихов» (изд. «Скорпиона») — это почти исключительно нелепый вздор, просто — галиматья, другого слова не подберешь. В лучшем случае это похоже на какой-то бред, в котором, при большом усилии, можно уловить (или придумать) зыбкий, лирический смысл; но в большинстве случаев — это нагромождение слов, то уродливое, то смехотворное (. . .) И так не страницами, а печатными листами» (Блок А. Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 374).

⁵ Неточная цитата из гл. 6 «Евгения Онегина» Пушкина.

⁶ См. п. 154, прим. 5. Новое большое путешествие Бальмонт совершил только в 1912 г. (см. п. 164).

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ БРЮСОВ

Москва. 1-я Мещанская улица (№ 32), ныне проспект Мира (№ 30)

Фотография

153. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910. IX. 5 (н. ст.) Soulac-sur-Mer, Villa Marthe-Marguerite.

Валерий, если это письмо дойдет до тебя, будь добр вернуть мне мой рассказ «На волчьей шубе», а также те стихи, которые были взяты для какого-то альманаха, неосуществившегося¹.

Писал тебе уже довольно давно, но ответа не получил.

Остаюсь здесь еще три недели.

Жму руку.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф 386, 76.2. Л. 22.

Открытка Бальмонта, пришедшая в Москву 28 августа 1910 г., судя по почтовым отметкам, уже не застала Брюсова в доме на Цветном бульваре (№ 24), так как 15 августа он переехал на 1-ю Мещанскую (№ 32). Дом на Цветном бульваре был продан 22 июня 1910 г. купцу Александру Робертовичу Герценбергу за 65 500 рублей (ГБЛ. Ф. 386, 113.3. Л. 4).

¹ См. п. 154, прим. 1.

154. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910. (26 августа/) 8 сентября. Медок, Сулак-на-Море.

Валерий, я получил твое письмо, на днях же писал тебе открытку, которая, после твоего письма, делается недействительной¹. Жалею о пропавших письмах и не могу постичь, как они пропали. Я всегда, уезжая, оставляю свой верный адрес.

Весьма мне грустно стало от известия, что ты на новом месте². Я, как Египтяне, несмотря на свою видимую подвижность, неизлечимо-консервативен и не умею забывать. Твой образ так слился для меня с твоим домом, и в этом доме столько я пережил минут, что смотрел на него, как на родной, как на свой соб-

ственный. Еще одна страница — и какая — отошла безвозвратно в безымерности Прошлого. Но так да будет. Рок ведет нас к благому. И я хотел бы сейчас быть в Москве, но не у Кремля, к которому особого пристрастия никогда не чувствовал, а на празднике твоего новоселья, чтоб принести тебе в твое новое обиталище сосуд редкого вина, книгу, которую трудно достать, несколько цветков с раскрытыми чашами и стих, свежесорванный на Полях Души.

Да будут простые эти пожелания — как свершенное.

Я очень обрадовался, увидев твой почерк на конверте. Тем более, что еще за сутки я видел во сне конверт с твоим почерком и говорил: «Наконец-то, он вспомнил о брате своем». Но ты мало-мало пишешь о себе. Зачем таишься? Скажи, что делаешь, что пишешь, что замыслиаешь? Если я верно понял тебя, ты становишься в действительности соредактором «Русской мысли»³. Если это так, радуюсь за тебя и за себя. Ибо журнал станет достойнее, а я, между прочим, буду там появляться чаще, не правда ли?⁴

Что до моего приезда в Москву, несколько лиц, в том заинтересованных, навели продолжительные и подробные справки, но в результате оказалось, будто мне грозит не только лишением свободы, но и «может стоять жизни». Мало верую во все это. Однако же, ввиду моего намерения, не за горами, свершить большое, воистину большое путешествие, не хотел бы взамен путешествовать взад и вперед по тюремной келье, хотя в этом несомненно много интересного, и, по окончании интермедии, много веселого во встрече друзей и в напевности вольных строк. Итак, свершу путь свой, и тогда, не размышляя о последствиях, явлюсь в Москву и, не медля, к тебе. Будет это однако — в зыбях не недель, а многих месяцев⁵, и думаю, что до той поры мы с тобой продолжим прерванные Парижские беседы.

Что я? Все то же. Дышу Морем, живу в тесном братстве богов и богинь Египта и Индии, смотрю вот сейчас на зябликов, подбирающих зернышки в саду, на подаренную мне туберозу и на подаренный мне куст пламецвета. Проходят в калейдоскопе повторные пластинки, но и неповторные также.

Братский поцелуй. Откликнись поскорее.

Твой К. Б а л ь м о н т.

Р. С. Хотел бы увидеть книги Белого «О символизме» и Эллиса «О символистах». Не пошлют ли мне по экземпляру два мои врага?⁶

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 23—29.

¹ Вероятно, Брюсов просил оставить присланные ранее рассказ и стихотворения, которые Бальмонт потребовал вернуть в предыдущем письме, для альманаха «Северные цветы» (см. п. 153).

² Речь идет о переезде Брюсова с Цветного бульвара из собственного дома на 1-ю Мещанскую улицу в дом Баева.

³ Брюсов был не соредактором П. Б. Струве в «Русской мысли», а заведующим литературно-библиографическим отделом журнала.

⁴ Надежды Бальмонта не оправдались (см. п. 155, прим. 5), хотя Брюсов вел себя по отношению к нему достаточно лояльно. Так, например, 2 сентября 1910 г. он писал редактору «Русской мысли»: «Бальмонт предлагает стихи, рассказы, статьи. Но в «портфеле» редакции уже есть его стихи и египетский рассказ, который я еще раз очень рекомендую» (*Лит. архив*. С. 269).

⁵ Бальмонт вернулся в Москву 5 мая 1913 г. после объявления политической амнистии в связи с трехсотлетием дома Романовых. Среди встречавших его на Александровском вокзале был и Брюсов (*Рус. слово*. 1913. № 104. 7 мая; Моск. газета. № 251. 6 мая; Столичная молва. № 305. 6 мая; Голос Москвы. № 104. 7 мая).

⁶ Бальмонт просит прислать книгу Белого «Символизм» (М.: Мусaget, 1910) и Эллиса «Русские символисты» (М.: Мусaget, 1910). Брюсов передал просьбу Бальмонта (см. п. 156). В первые годы знакомства А. Белый очень высоко оценивал поэтическое мастерство Бальмонта. В 1904 г. Белый писал: «В музыкальных строках его поэзии звучит нам и грациозная меланхолия Шопена, и величие вагнеровских аккордов — светозарных струй, горящих над бездною хаоса. В его красках разлита нежная утонченность Ботичелли и пышное золото Тициана» (*Белый А. Луг зеленый*. М.: Альциона, 1910. С. 211). Всего через три года А. Белый утверждает, что Бальмонт «заслуживает глубокого сожаления. Он не сумел соединить в себе все те богатства, которыми наградила его природа. Он — вечный мот душевных сокровищ: давно был бы нищ и наг, если бы не получал он там, в пространствах, какие-то наследства. Получит — и промотает, получит и промотает» (*Час*. 1907. № 51. 21 нояб.). Об отношении Эллиса к творчеству Бальмонта см. п. 156, прим. 5.

155. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910. (3/) 16 сентября. Сулак.

Валерий, я получил твоё письмо от 17-го (30-го), и совершенно им обескуражен. Ты пишешь, что от своих предшественников по редакции¹ получил мою «Египетскую повесть»² и 5 стихотворений (— ничего из этого нигде не было напечатано —), и что «и рассказ и часть стихов можно было бы напечатать в 3-х остающихся книжках этого года и в 1-й кн. будущего». Во-1-х, имею от Лурье формальное письменное обещание, что эти стихи * будут помещены в августе. Во-2-х, Лурье меня печатал по 5-и стихотворений сразу (Из Суфитов) и по 12-и (Из Корана)³. А ты обещаешься напечатать 5 стихотворений в 3-х книжках. Если твоё вступление в «Русскую мысль» ознаменуется столь прискорбным для меня образом, молю тщательно жизнедавец Зевеса⁴, чтоб возможно скорее тебе пришло в голову покинуть «Русскую мысль». Полагаю, однако, что в данном случае строки твои продиктованы каким-нибудь недоразумением.

Пользуясь случаем, весьма подчеркиваю редакции «Русской мысли», что, находясь вынужденно за границей, я не печатаю ни в одном, кроме нее, журнале (разве что изредка в «Современном мире» или «Ниве») и что тормозить меня — более жестоко, чем другого⁵.

«Волчью шубу» и прежде отданные тебе стихи охотно отдаю в «Северные цветы». Присоединяю к ним только что написанный «Завет Пифагора»⁶.

Весьма тебя молю зайти в типографию и поторопить набор Уитмана⁷, если твоё слово подействует. Поляков верен себе, и в полтора месяца не только не собрался послать мне просимые 100 рублей, но и не потрудился даже ответить хотя бы открытым письмом на два мои письма. К «Огненному ангелу» твоему, согласен, я несправедлив, быть может⁸. Но дело в том, что исторический роман, в принципе, я считаю формой глубоко-фальшивой и неприемлемой, и по-истине, не в состоянии даже читать исторические романы, — разве что читать их по-английски, чтоб совершенствоваться в английской разговорной речи. Клянусь, я не могу не только внимательно прочесть какой-либо исторический роман, но даже искренне не в силах понять, как у автора было терпение все это написать. Не постигаю. Не отомщай же мне за невольную несправедливость и не относись с полным невниманием к моей книге «Змеиные цветы»⁹, о которой ты в письмах даже и не упоминаешь. Меж тем, в этой книге имеется полный перевод Майской Космогонии¹⁰ — Истории, единственный уцелевший всекий документ наряду с Ваятелем и Царицей¹¹. Ни у Немцев, ни у Англичан не имеется переводов, — точней, пересозданий, — этих замечательных документов. Они имеются сейчас лишь у Французов и Русских.

Жму руку.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 25—26.

¹ О предшественниках Брюсова в литературном отделе «Русской мысли» см. наст. том, кн. 2, Переписка с Гумилевым, п. 65, прим. 6.

² «Египетская повесть» (опубл.: РМ. 1910. № 11) — это перевод с перевода: Бальмонт перевел французского востоковеда Г. Масперо, обработавшего древнеегипетский текст.

³ В «Русской мысли» (1910. № 5) напечатана подборка стихов Бальмонта «Из поэзии Суфитов», куда вошло пять небольших стихотворений: «Корчма», «Вино», «Чаша с вином», «Ангель» и «Капля».

Цикл из 11 стихотворений — «Коран» опубликован в № 5 «Русской мысли» за 1909 г. В него вошли: «Милосердный», «Удар», «О, Пророк», «Не позабудь», «Богачи», «Аль-Хотам», «Трубный звук», «Великая весть», «Тогда», «Дым» и «Событие».

⁴ Реминисценция из стихотворения В. А. Жуковского «Теон и Эхин».

⁵ 8 сентября 1910 г. Брюсов писал П. Б. Струве: «В январе, может быть, надо будет по-

* В «Русскую мысль» через Лурье были до ставлены (очень уже давно) — «Жерло» и «Как же?» — Недавно же: кроме поименованных тобою, «Агни», «Двойник», «Солнце», еще — летом — «Верный», «Нелюдим», «Аменти», «Рубище», о которых и было обещание напечатать их осенью, и вместе с «Агни» — «Погухшие вулканы», «Тигр», «Как ночь», «Кюстер», «Числа»¹² (прим. Бальмонта).

местить Бальмонта. Бальмонт сегодня прислал мне негодующее письмо, утверждая, что С. В. Лжурье обещал ему напечатать длинный цикл его стихов еще в августе и что вообще он ждет, что «Русская мысль» не будет чинить ему затруднений в печатании его стихов и статей, принимая в расчет, что он — эмигрант. Надеюсь, что мне удастся его дружески и дипломатически успокоить» (Лит. архив. Вып. 5. С. 276).

⁶ Оригинальных стихотворений Бальмонта в «Северных цветах на 1911 год» не публиковалось. О рассказе «На волчьей шубе» см. п. 163, прим. 3. Приложенное к письму стихотворение «Завет Пифагора» имело посвящение Брюсову. Оно вошло без разночтений в сб. «Зарево зорь» (с. 128—129), но при публикации посвящение было снято. Вероятно, Бальмонт был обижен тем, что число его произведений, печатаемых в «Русской мысли», не только не увеличилось с приходом в журнал Брюсова, но даже сократилось. В 1910 г. было опубликовано одно стихотворение, в 1911 — три (и два перевода из Э. По), в 1912 — одно.

⁷ «Побеги травы» Уитмена набирались в типографии А. И. Мамонтова, находившейся в Леонтьевском переулке, дом № 5.

⁸ См. п. 139, прим. 15. Своего суждения о Брюсове-прозаике Бальмонт и впоследствии не изменил. В статье «Восковые фигурки» он писал: «Обладая в поэзии весьма выразительным даром, беллетристического дарования он безусловно лишен» (Утро России. 1913. № 149. 29 июня). Еще более определенно высказался Бальмонт по этому поводу в заметке «Забывший себя», где утверждал, что, несмотря на то что Брюсов «упорствует на сочинениях длинных, предлинных исторических романов, — он есть лирик, и лишь как таковой имеет право на серьезное внимание. В лирике он является не памфлетистом и стилизатором, т. е. компилятором-имитатором, а создал нечто свое, определяющее, интересное, иногда сильное» (Утро России. 1913. № 179. 3 авг.).

⁹ Брюсов отнесся к «Змеиным цветам» с большим вниманием, особенно его интересовали многочисленные примеры переклички культур, приводимые Бальмонтом в этой книге. В «Учителях учителей» он неоднократно ссылается на наблюдения и мысли Бальмонта (VII, 363, 370, 389).

¹⁰ В «Змеиные цветы» автор ввел как отдельную главу «Космогонию майев. Из Священной книги Пополь-Ву». О значении этой работы Бальмонт писал: «Священная книга Квичей — Майев, впервые появляющаяся на русском языке по всей своей цельности, представляет исключительный интерес, как древний космогонический и поэтический замысел, слагавшийся вне обычных, известных нам умственных влияний, и поэтому являющий высокую самобытность» (*Змеиные цветы*. С. 231). Иную оценку «Космогонии майев» дал А. Белый. В рецензии на книгу Бальмонта он отмечал: «Книга распадается на две несоизмеримые по интересу части. В первой части перед нами встают путевые впечатления Бальмонта от Мексики. Эта часть книги поистине привлекательна: нам интересна Мексика, нам интересен Бальмонт. Впечатления от Мексики самого впечатлительного из наших поэтов: все тут — красота, все — песня (. . .) Не то вторая часть, посвященная главным образом переводам священной книги «Пополь-Ву». Сюда принадлежит: «Космогония Майев», «Исполины», «Путь испытаний», «История девушки», «К звездам», «Человеческая повесть Квичей-Майев» и т. д. Во-первых, перевод дан Бальмонтом с сомнительного перевода и за достоверность его сведений о космогонии Майев ручаться трудно (. . .) Во-вторых, самые, будто бы точно переведенные, отрывки бесцветны и неинтересны; они изобилуют множеством неудобочитаемых имен и скучных аллюзий, не выражающих ничего сколько-нибудь значительного и глубокого» (РМ. 1910. № 10).

¹¹ Главы «Начертания царицы майев» и «Слова майского ваятеля».

¹² Из перечисленных стихотворений в «Русской мысли» напечатаны только «Агни» (1910. № 10) и «Как же?» (1911. № 2). Стихотворение «Двойник» опубликовано в альманахе «Гамаюн» (СПб., 1911). Остальные вошли в сб. «Зарево зорь».

Автографы всех этих произведений, кроме четырех посланных летом (стихотворения «Верный», «Нелюдям», «Аменты», «Рубище»), сохранились в архиве Брюсова (ГБЛ. Ф. 386, 55.12. Л. 14—24).

156. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910. (13/) 26 сентября. Сулак.

Валерий, я отослал вчера на твое имя первые три листа корректур Уитмана. Будь добр, отдать их в «Скорпион», с пояснением, что исправленные корректуры должны быть доставлены для проверки подписи к печати тебе. Я думаю, ты не откажешься оказать мне эту услугу, которая сократит проволоку и ускорит выход книги месяца на два, если они будут и впредь высылать мне корректуры по два — по три листа. Быть может, и в этом смысле ты перedal бы от меня просьбу новому секретарю¹ (все секретари для меня подозрительны). А именно, что я прошу, нельзя ли всю книгу набрать в два приема, или же три. Она ведь небольшая. Буду с нетерпением ждать посылки следующих листов.

Еще будь добр передать Белому прилагаемое письмо². Я не знаю теперешнего его адреса³. Благодарю его за посылку двух книг⁴. От Эллиса же негодного не получил книгу⁵.

Посылаю тебе для «Северных цветов» еще 3 небольшие вещи ⁶. Прошу все разместить в таком порядке: 1. Завет Пифагора. — 2. Новый Серп. — 3. Лунный Сок. — 4. Лерберг. — 5. Ущерб. — 6. Благовестие. — 7. Два Венка. — 8. Из Вихря. Если «Тигр» не взят «Русской мыслью» и если не будет это чрезмерным, тогда пред «Из вихря» прошу поместить и «Тигра» ⁷.

Жду от тебя отклика на два письма ⁸. Бросаю последний огляд на свою Океанскую тропу трехмесячную ⁹. Через 4 дня (29-го) уезжаю отсюда. Пиши мне по адресу: Париж, 58, rue d'Assas. Своевременно сообщу дальнейший адрес, ибо в намерениях посетить Голландию, в половине октября ¹⁰.

Очень радостно было получить твои ласковые слова. Я не верю, чтоб между нами стояло что-нибудь, кроме того, что мы разнствуем во многом, будучи почти тождественно близки в другом. Но ведь это и придает очарование нашей многолетней близости душевной; да не порвется никогда она. И не может порваться, а лишь будет крепнуть теперь, как вино минувших дней ¹¹.

Братский привет. Жму руку.

Твой К. Б а л ь м о н т.

Приложение к п. 156

ЛЕРБЕРГ

Ничто из того, что лунно, не чуждо мне ¹²,
Я зачат был поцелуем при новой Луне,
Я лунным жил, и в солнце Луной был пьян,
Пропел я лунную Еву ¹³, мной спет был Пан ¹⁴.

Луной ущербной на миг был смущен мой ум,
И впал я в смутность, безумность ¹⁵, безлунность дум,
Но вновь просветленный ушел я к иной стороне,
И все, что в подлунной лунно, так близко, так близко мне.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 27—28, 38.

¹ Секретарем издательства «Скорпион» в это время был Николай Александрович Баженов. Письма Бальмонта к нему за 1911—1914 гг. хранятся в ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 1. № 41—67.

² Письмо, адресованное Белому, сохранилось в брянском архиве. Приводим его полный текст:
«1910. 13—26. 9. Сулак.

Дорогой Борис Николаевич!

Спасибо Вам большое за посылку двух Ваших книг. Очень был обрадован их получением, как из-за удовольствия их прочесть, так и в силу того, что увидел из надписей добрые Ваши чувства ко мне, несмотря на мой резкий отзыв о Вас в «Морском свечении». Упоминаемая мною моя статья имеет частное и беглое значение, и если б я говорил о Вас подробно, конечно — и Вы это знаете — я нашел бы в своем словаре иные слова для Вас, ибо я очень ценю многие Ваши оригинальные точки зрения и многие из Ваших стихотворений.

Должен, однако, сказать, что мне совершенно чужд основной Ваш метод отношения к поэтам и стихам, сближающий Вас с Брюсовым в этом. Я люблю, пожалуй, смотреть в музеях на витрины с коллекциями бабочек — за невозможностью видеть всех бабочек мира летающими и сидящими в живости под лучами Солнца. Но сам я собирал коллекции бабочек и букашек, а равно гербарии, когда мне было лет 7—8. Потом все мучительнее мне было их накальвать на булавки. В последний раз, когда, 22 лет, я был на Кавказе, в Кабардинской области, я — в последний раз — бродил около Нальчика и ловил гудящих синих шмелей. И тогда я увидел при накальвании синего шмеля столько тайноведения, что уже не буду более собирать никаких коллекций (кроме книжных), и даже в книгах брожу с великой осторожностью и не пытаюсь сдавливать их в гербарии и замыкать их в стеклянные гробницы. Если же какая бабочка залетит ко мне в комнату и бьется, я люблюсь на нее — и поскорей отпускаю ее к солнечному Богу из дьявольской духоты и замкнутости комнаты: к лицемерию Обруча Мира.

Буду очень признателен Вам, если и впредь Вы надумаете посылать мне свои книги. Искренно жму Вашу руку и желаю Вам всяческих успехов» (ГБЛ. Ф. 386, 76.7. Л. 1, 2).

³ А. Белый, живший летом 1910 г. на даче в селе Демьянове Клинского уезда Московской губернии, к сентябрю вернулся на свою московскую квартиру.

⁴ По всей видимости, Белый выслал по просьбе Бальмонта (см. п. 154) вышедшие в 1910 г. книги «Луг зеленый» (М.: Альциона) и «Символизм».

⁵ Возможно, Эллис не выполнил просьбы Бальмонта по той причине, что в его книге «Русские символисты», о высылке которой шла речь, отмечался упадок в творчестве Бальмонта. «Он плодovit, — писал Эллис, — он жизнеспособен, отзывчив и энергичен по-прежнему. Но ни в одной строке его уже не звучат те ноты божественного вдохновения, которые никогда не покидали его прежде. Бесспорно, одной из причин этого падения было превратное понимание самим поэтом своего внутреннего личного и творческого кризиса. Отсюда все увеличивающееся количество фальшивых нот и аккордов, все большая и большая склонность перепевать себя самого и, наконец, бесплодное, безумное метанье в выборах сюжетов и источников вдохновения уже искусственного» (Эллис. Русские символисты. С. 79).

⁶ К письму приложены три стихотворения, составляющие своеобразный лерберговский цикл: «Лерберг», «Лунный сок» и «Два венка». Два последних вошли без разночтений в сб. «Зарево зорь», а потому в настоящей публикации опущены.

⁷ Из перечисленных стихотворений «Новый серп» и «Благовестие» опубли.: РМ. 1911. № 2. Вся подборка (кроме «Лерберга») вошла в сб. «Зарево зорь».

⁸ П. 155 и 156.

⁹ Имеются в виду три месяца (июль—сентябрь), прожитые Бальмонтом в Сулаке.

¹⁰ 25 сентября 1910 г. Бальмонт сообщал из Сулака М. В. Сабашникову: «Мой адрес (я уезжаю отсюда) — Париж, 58, rue d'Assas, до 8 октября нового стиля; затем Брюссель, до востребования» (ГБЛ. Ф. 261, 2.74. Л. 5). 4 ноября 1910 г. Бальмонт из Брюсселя писал Т. А. Полиевктовой (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 73), а 7 ноября оттуда же послал открытку Брюсову: «Я возвращаюсь в Париж, и мой адрес — прежний: Passy, 60, г. d. l. Tour» (ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 33). Очевидно, поездка в Голландию не состоялась.

¹¹ Неточная цитата из «Элегии» Пушкина: «Но, как вино, — печаль минувших дней // В моей душе чем старе, тем сильней...».

¹² В извлечениях из высказываний критиков о Ш. Ван Лерберге, подобранных Бальмонтом, он приводит слова Эмиля Леконта: «Ничто из того, что лунно, ему не чуждо» (Ван Лерберг Ш. Ищейки. С. 52).

¹³ Несколько стихотворений в своем переводе из сборника Лерберга «Песнь Евы» Бальмонт приложил к переводу драмы Ш. ван Лерберга «Ищейки» (с. 72—82).

¹⁴ Драма Лерберга «Пан» в переводе С. А. Полякова опубли. в «Весах» (1907. № 4) и выпущена отдельным изданием «Скорпионом» в 1908 г.

¹⁵ У Лерберга незадолго до смерти началось психическое расстройство (см.: Бальмонт К. Шарль Ван Лерберг. Письмо из Брюсселя // Весы. 1908. № 5. С. 79).

157. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910. <23. IX/> X.6. Париж.

Злой Валерий, что ж не отвечаешь? Или обиделся на меня?

Я уезжаю отсюда послезавтра. Прошу писать — Bruxelles, poste restante.

Будь добр сделать две поправки в посланных тебе рукописях. «Завет Пифагора»: — «Пропоем мы свой напев». Нужно: наш ¹. — «Забытые сокровища»: всю фразу (стр. 10-я) о Куке и Русских критиках выкинь вон и замени: «Привожу подлинную Океанийскую песенку в дословном переводе».

Кстати. Если «Забытые сокровища» вовсе не обрадуют «Русскую мысль», я охотно отдам их в кладовую «Северных цветов» сего года ².

Отзовись. Обнимаю.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 29.

¹ При публикации стихотворения «Завет Пифагора» в сб. «Зарево зорь» (с. 128) эта поправка была учтена.

² Очерк Бальмонта «Забытые сокровища. (Египетская Любовная Поэзия)» опубликован в альманахе «Северные цветы на 1911 год» с такой редакцией второй поправки: «Вот подлинная Океанийская песенка, взятая мною из известного сочинения Ризнци, посвященного описанию Океании; в Русском моем переводе, два года тому назад, при напечатании моих «Зовов древности» (СПб.: Пантеон), она возбудила так много негодования среди несведущих, полагавших, что я сам ее выдумал». Очерк вошел в книгу Бальмонта «Край Озириса».

158. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Bruxelles. Hôtel Rocher-Cancale, rue Fossé-aux-Loups.
1910. X. 25. <н. с.>

Валерий, ты многообразно меня огорчил. И вот тебе целиком — на тебя к тебе челобитная души моей.

§ 1-й. Рассуди, путешественник, что верней — Главная почта Европейского города или случайный отель в этом городе? И не имею ли я точных оснований, давая свой адрес такой-то? Пиши, куда хочешь, но пиши, и предпочтительно, на *poste restante*. Я не получаю лишь те письма, которые не написаны. Зачем на-прасные отговорки?

§ 2-й. Разве, о, внимательный друг, не мог ты хоть словом упомянуть, получил ли ты корректуру Уитмана и отправил ли ее в «Скорпион»? После всех наших разговоров и твоего предложения дружеских услуг, мне очень тягостна такая небрежность.

§ 3-й. Ни слова не сообщаешь мне, получил ли ты «Забытые сокровища» и изменил ли одну фразу, о чем тебя просил. Уж извести ¹.

§ 4-й. Не ведаю, дошли ли до тебя стихи, посланные для «Северных цветов» ². Бросая цветок приветственный, не слишком люблю видеть безглагольную спину, взамен улыбнувшегося лица.

§ 5-й. Прискорбно, когда стараются уловить на слове (сие есть обычно — по-кушение с негодными средствами).

Конечно, я читал твой роман, и как бы иначе мог печатно, или не печатно, говорить о нем. Неосторожен ты в обвинениях и несправедлив. Читал, но есть два чтения: холодное, глазами, и любовное, душой. Читал глазами, душой — вероятно — не прочту никогда. У души моей есть определенные вкусы, не всегда совпадающие с твоими. И знаешь еще что? Ты меня Гейне, а я тебя, друже, другим поэтом: «Чтобы ведать вкус вина, не надо испить всю бочку. Глоток, другой, убедителен» ³.

§ 6-й. Не упокаешь ли мне, несведущему, хоть один художественно-пристойный «исторический роман». (Я считаю глубоко-непристойной убогую лживую хронику, что зовется «Война и Мир») ⁴.

§ 7-й. Я в «Морском свечении» смягчил свой отрицательный отзыв о твоём романе, сравнительно с тем, как я говорил о нем в «Золотом руне» ⁵. И я не кусался, о, нет. Я умею кусаться очень больно, но не люблю кусать тех, кого люблю (в поэзии).

§ 8-й. Молю, ежели что переписал или не дописал, в душе исправить, Бога для. И благодарю за «Агни» ⁶, коего не видел, ибо «Русская мысль» упорно не хочет посылать мне себя ⁷, остаюсь ждущий твоих строк, в стране возлюбленного тобою Фламандского искусства,

необманнный друг твой К. Б а л ь м о н т.

Р. S. При сем возвращаю Сказку Египетскую ⁸.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 30—31.

¹ См. п. 157, прим. 2.

² См. п. 156, прим. 6.

³ Цитируется высказывание Гильберта из диалога О. Уайльда «Критик как художник» (Уайльд О. Полн. собр. соч. СПб.: изд-во А. Ф. Маркса, 1912 Т. 3. С. 225). Этот же афоризм Брюсов перевел иначе: «Чтобы убедиться, что вино кислое, нет надобности выпивать всю бочку» (см.: Письмо в редакцию // Московская газета. 1911. № 96. 28 авг.).

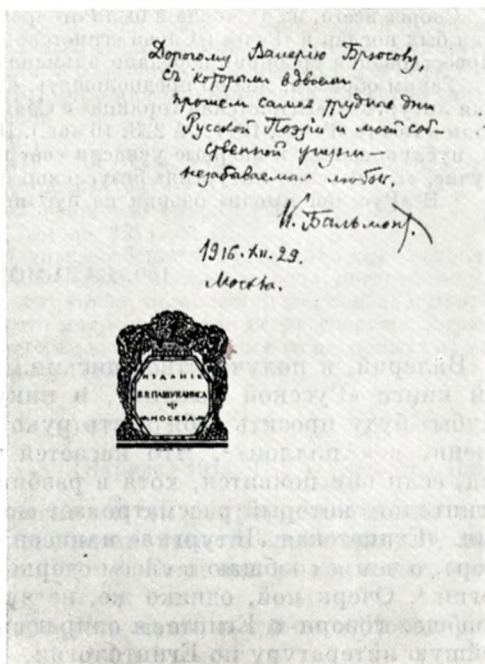
⁴ Оценки Бальмонтом творчества Л. Толстого весьма противоречивы. Весной 1897 г., читая лекции о русской литературе в Оксфорде, Бальмонт назвал Толстого полубожественным творцом романов «Война и мир» и «Анна Каренина» (*Горные вершины*. С. 71).

⁵ 5 декабря 1901 г. он послал Л. Толстому сб. «Горящие здания» с надписью: «Величайшему гению, какой теперь есть на Земле, Льву Толстому от безымянного» (Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. М.: Книга, 1972. Ч. 1. С. 57). Позднее он писал: «Я неохотно назыву Льва Толстого гением, я скажу скорее, что это огромный талант, достигающий иногда гениальных моментов» (*Морское свечение*, С. 177).

⁶ Отзыв в ЗР см.: п. 139, прим. 15. Вводя заметку в сб. «Морское свечение», Бальмонт вычеркнул из характеристики романа эпитет «компилятивный» и сравнение с Мерзжковским (*Морское свечение*. С. 179).

⁷ См. п. 155, прим. 12.

⁸ 25 октября 1910 г. Брюсов убеждал Струве: «Кажется мне очень несправедливым, что многие довольно близкие сотрудники «Русской мысли» не получают журнала бесплатно. Так, не получают его А. Элиасберг, К. Бальмонт, А. Ремизов, Ф. Сологуб. Первые три мне на это жаловались» (*Лит. архив*. С. 300).

К. Д. БАЛЬМОНТ. СОБРАНИЕ ЛИРИКИ. М., 1917

Обложка работы Д. И. Митрохина и форзац с дарственной надписью: «Дорогому Валерию Брюсову, с которым вдвоем прошел самые трудные дни Русской поэзии и моей собственной жизни — незабываемая любовь». К. Бальмонт. 1916. XII. 29. Москва»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

⁸ Вероятно, имеется в виду «Египетская повесть» (опубл.: *РМ.* 1910. № 11). Впоследствии под редакцией Бальмонта в издании М. и С. Сабашниковых вышла книга «Египетские сказки» (М., 1917).

159. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1910. XII. 18. (нов. ст.). Пасси, 60, rue de la Tour.

Валерий, посылаю тебе, заказной бандеролью, 3 небольшие Египетские очерка¹. Если «Русская Мысль» их возьмет², просил бы, ежели возможно, напечатать их вместе. Если не возьмет, будь добр вернуть рукопись, по возможности не задерживая.

Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 32.

¹ В письме к П. Б. Струве от 12 декабря 1910 г. Брюсов сообщал: «Содержание очерков — весьма вольный перевод научных данных и впечатлений от путешествий» (*Лит. архив.* С. 335). Из 16 египетских очерков, составивших впоследствии книгу «Край Озириса», последний («Славолюбие солнца и луны») не подходит под это определение. Пять очерков («Преддверье в Египет», «Нил», «Солнечное единобожие», «Двойная связь» и «Бог воскресения») были уже опубликованы летом 1910 г. в газете «Русское слово». Пока шли переговоры с «Русской мыслью» (до марта 1911 г., см. п. 161, прим. 2), еще один очерк напечатала газета «Речь» («Звери-водители», 1911, № 29, 30 янв.), а два других («Забывшие сокровища» и «Египетские песни») вскоре появились в альманахе «Северные цветы на 1911 год». По всей видимости, связанные общей темой очерки «Зверопоклонство» и «Солнцепоклонничество» написаны позже декабря 1910 г. Первый опубликован в конце следующего года (*Речь.* 1911. № 348. 19 дек.), а второй — весной (*Русское слово.* 1911. № 73. 31 марта). Таким образом, остается пять очерков. Именно о них Бальмонт писал 11 ноября 1910 г. в редакцию «Русского слова»: «Уже очень давно я послал Вам «Повествования гробниц» и «Маяк в пустыне» (...) Я послал также на Ваше имя, один за другим, очерки «Египетская литургия», «Слово египетского старца» и «Египетская горлица»;» (*ГБЛ.* Ф. 259, 11.5. Л. 13). Рукописи этих произведений были возвращены автору.

Скорее всего, из их числа и были отобраны три очерка для «Русской мысли». Кроме того, один был послан в «Речь» («Слово египетского старца», опубл.: Речь. 1910. № 348, 19 дек.), а «Повествование гробниц» передано альманаху «Гамаюн» (СПб., 1911).

Таким образом, можно предположить, что Брюсов получил следующие очерки: «Египетская литургия», «Египетская горлица» и «Маяк в пустыне» (последний очерк позднее был напечатан в газете «Речь», 1911, № 223, 16 авг.). Первые два в периодической печати и альманахах не публиковались и впервые увидели свет после выхода книги «Край Озириса». Во всяком случае, «Египетская литургия» безусловно была в числе присланных Брюсову (см. п. 131).

² В «Русской мысли» очерки не публиковались.

160. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1911. (17/) 30 января. Пасси.

Валерий, я получил твое письмо. Спасибо. Стихи, которые ты наметил для 2-й книги «Русской мысли»¹, я никуда не отдавал. Относительно «Волчьей Шубы» буду просить тебя взять рукопись у Полякова и отослать ее, от моего имени, в «Аполлон»². Что касается моих Египетских очерков, я буду весьма рад, если они появятся, хотя в разбивку, в «Русской Мысли». Кстати, кто сей Египтолог, который рассматривает мои очерки? Сообщи мне, пожалуйста, его имя. «Египетская Литургия» написана, главным образом, на основании книги Морэ, о чем я сообщаю в своем очерке³. Морэ — имя очень известное в Египтологии⁴. Очерк мой, однако же, не является простым изложением этой книги. Вообще, говоря о Египте, я опираюсь, конечно, по возможности, на всю главнейшую литературу по Египтологии, — каковою вот уже полтора года неустанно занят, — но ведет меня мое собственное впечатление.

Твой роман из 4-го века⁵ с удовольствием прочту, и потому, что он твой, и потому, что чем дальше век от нынешнего, тем он мне любопытнее. Должен, однако, сказать, что, занимаясь Египтом и Доисторическими памятниками, я привык к таким временным масштабам, что для меня Амен-Готеп 4-й, он же Ахэн-Атэн, живший приблизительно за полторы тысячи лет до Р. Х.⁶, есть последний древний человек и первый новый. За 1.000 лет до нашей эры, и еще раньше несколько, почтенная Древность перестала существовать. Греция и Рим — это текущий день. Это мы. До несносности мы. До ненужности мы. Искать освежения души своей у Греков и Римлян никогда не буду, как никогда не искал.

Весьма осуждаю, тебя, Валерий, за твою женскую повесть⁷ и совершенно невозможную «психодраму»⁸ Ай-ай, ах-ах, ой-ой, мне больно. Где же Валерий Брюсов? Или его больше нет?

Коли найдешь свободную минуту, напиши не только о делах, а и о себе. Не приедешь ли сюда? В Россию же мне, увы, не путь. И хотел бы, да нельзя⁹. Жму руку.

Искренно твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 1—2.

¹ В этом номере были опубликованы стихотворения Бальмонта «Новый Серп», «Благовестие» и «Как же?».

² О рассказе «На волчьей шубе» см. п. 135, 147, 148, 153 и 155. Он носит явно автобиографический характер, как и большинство других рассказов Бальмонта. Его главное действующее лицо — рыжий мальчик, сын охотника, засыпающий в ожидании отца на старой шубе, сшитой из шкур убитых, отравленных и попавших в капкан волков. На авторизованной машинописи рассказа, о которой пишет Бальмонт в этом письме, Брюсовым сделана помета: «Аполлон, Мойка, 24, Пб.» (ЦГАЛИ. Ф. 57, Оп. 1. Ед. хр. 64). О судьбе рассказа см. п. 163, прим. 3.

³ 6 января 1911 г. Брюсов спрашивал Струве: «Я получил запрос от Бальмонта относительно его египетских статей. Случилось ли Вам их рассмотреть и пришли ли Вы к какому-либо решению относительно них? Я в ответ послал ему тоже запрос, прося объяснить мне, на каких источниках основаны его статьи, особенно статья о египетской литургии» (*Лит. архив*. С. 313).

Бальмонт ссылается на следующее место в очерке «Египетская литургия»: «Описание обрядов Египетского богослужения, как его дает Морэ в своей книге, посвященной этому предмету, основано на изучении Папируса, хранящегося в Берлинском музее под № 3055-ым, и текстов, выгравированных на стенах храма Сети Первого в Абидосе» (*Край Озириса*. С. 154).

⁴ Александр *Море* (1868—1938) — французский востоковед, преподавал в Сорбонне, был директором музея Гиме, автор фундаментальных исследований по истории, культуре и религии Древнего Египта. На русский язык были переведены его книги «Цари и боги Египта» (М., 1914) и «Во времена фараонов» (М., 1913). Сведения об египетской литургии заимствованы Бальмонтом в первой из названных работ.

⁵ Роман «Алтарь победы» (см. п. 163, прим. 8).

⁶ *Amenhotep IV* — египетский фараон в 1419 — ок. 1400 до н. э., супруг Нефертити. Пытался сломить могущество жрецов и реформировать религию.

⁷ Повесть «Последние страницы из дневника женщины» опубл.: *РМ.* 1910. № 12.

⁸ Психодрама в одном действии «Путник» (Там же. 1911. № 1).

⁹ Бальмонт тяжело переживал отрыв от родины, особенно в последние годы эмиграции. Он писал: «И когда прошло какое-то роковое число недель, месяцев и годов, когда замкнулся недобрый колдующий, магический круг, что-то, простонав, погасло в душе, жизнь и природа потеряли свою ценность. Я смотрю на море, и что мне море, — оно не русское; я смотрю на всех людей кругом и чувствую, что (...) мне нечего им сказать, они ничего не поймут из моих слов...» (*Бальмонт К. Привет Москве // Рус. слово, 1913. № 109. 12 мая.*)

161. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1911. II.2 4. (нов. ст.) Пасси.

Валерий, будь добр, сообщи мне, выяснился ли вопрос, касательно моих Египетских очерков. Если они будут напечатаны (вместе или порознь), хотелось бы узнать, когда это приблизительно будет ¹. Если они не подходят, пожалуйста, верни мне рукописи ².

Напиши мне что-нибудь о себе. Что касается меня, я где-то в Доисторическом ³.

Жму руку.

Искренне твой К. Б а л ь м о н т:

P. S. Из всех стихотворений Мира мне кажутся прекрасным догматом лишь «Три ключа» Пушкина.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 3.

¹ Несмотря на множество публикаций, Бальмонт постоянно нуждался. 31 января 1911 г. он писал М. В. Сабашникову, только что выпустившему в его переводе «Три драмы» Словацкого: «Вот мой послужной список за 1910 год. Поляков взял у меня книгу о Мексике “Змеиные цветы” и стихи Уитмана, заплатив мне 500 и 400 рублей. Сытин взял “Испанские народные песни” и заплатил 250 рублей. Наконец, ты издал Словацкого. Таким образом, четыре книги, составляющие труд нескольких лет, не дали мне 2000 рублей. Но ведь это же совершенное самоубийство. Никакого мозга не хватит так работать при таких условиях. Развожу руками — и что мне измыслить, не ведаю!» (*ГБЛ.* Ф. 261, 2.74. Л. 15).

² См. п. 159, прим. 2. 10 марта 1911 г. Брюсов информировал Струве: «Статьи Бальмонта получены, благодарю Вас. Я послал их по назначению. Бальмонт отвержением их, конечно, обижен. Но он всегда в обиде» (*Лит. архив.* С. 334).

³ В это время Бальмонт работал над очерками, составившими впоследствии сб. «Край Озириса».

162. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1911. VIII. 28 (нов. ст.) St.-Brévin L'Océan ¹.
Villa «La Brise» (Loire Inf.)

Валерий, благодарю тебя за привет в «Северных цветах» ². Шлю ответный привет. Хотел бы видеть его в «Русской мысли» ³.

Дошли ли до тебя два стихотворения Эдгара По, «Спящая» и «К Анни»? ⁴

Жму руку.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 4.

¹ Бальмонт отдыхал в этом приморском местечке до 1 ноября 1911 г. (см. его письмо к Т. А. Полиевктовой — *ЦГАЛИ.* Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 75).

² Бальмонт имеет в виду посвященный ему брюсовский сонет «Как прежде, мы вдвоем в ночном кафе...» (опубл.: *СЦ 1911*).

³ К письму были приложены «Два сонета. Валерию Брюсову. В ответ на сонет “Северных цветов” 1911 года». Приводим эти два неопубликованных сонета, сохранившиеся в архиве Брюсова (*ГБЛ.* Ф. 386, 55.12. Л. 39—40):

ОТКРЫТКА К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ
St.-Brévin L'Océan, 28 августа 1911 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

1

Мы встретились на утре наших дней.
Я в Мае был, а ты еще в Апреле.
Не знали мы тогда о скучном деле,
Бродя среди блуждающих огней.

Там, в синем утре, зов. Он все ясней.
В нем сон и звон пастушеской свирели,
В нем всплеск и блеск, в нем вскрик: «О, неужели,
Лишь тени мы на празднике теней?»

Не может быть. Два маяка в пространстве,
Мы в мире звуков разных две струны,
В двумирности — два солнца, две луны.

И там, где ты — в серебряном убранстве,
Полночным солнцем рдяность я творю,—
Где солнце ты, луною я горю.

2

Но где же, солнце, ты? Уж я не знаю.
Затем, что солнце ежели с луной,
Соединясь, глядят на свет дневной,
Не одному они сияют Раю.

Не к одному они уходят краю,
Когда идут, раздельно, в мир двойной.
И Осень перекликнется с Весной,
Но Август не прильнет сердечно к Маю.

Любили мы друг друга без конца,
Друг другу были Месяцем и Солнцем.
Перевязавши тонким волоконцем,

Златые два узорные кольца,
Их бросили — венчанье дружбы — в Море.
Быть может, там — на дне — сойдемся вскоре?

1911. VIII. 27

163. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1911. 12 декабря н. с. Париж. Пасси.

Дорогой Валерий,

Посылаю тебе последнее свое стихотворение — «На ярмарке». Если подходит к «Русской мысли», буду рад его там видеть ¹, — если нет, пожалуйста, верни без проволочек рукопись.

«Русскую Мысль» я прошу посылать мне на будущий год по тому же адресу — 60, улица Башни, — но на имя Екатерины Алексеевны, а не на мое, ибо я в половине января уезжаю из Европы ².

Заодно к этой просьбе присоединю напоминание, что я не знаю, где находится рукопись моего рассказа «На волчьей шубе», который я отдал тебе для «Северных цветов», когда же он не пригодился для них, просил тебя от моего имени переслать в «Аполлон». Не откажись сообщить. Если он никуда не нашел пути ³, будь добр вернуть мне рукопись (если сможешь), ибо у меня нет дубликата.

Благодарю тебя за книгу «Далекие и Близкие». Не думаю, чтоб для тебя, перед которым еще целая жизнь, настала пора печатать мемуары, и перепечатывать все, что написано. Ты можешь дать нечто гораздо более ценное, в этом я уверен. Не говоря по существу о книге, которая для меня не представляет ничего нового, скажу лишь, что невозможно печатать обзор поэтов, в который ты включаешь всякую безымянную дрянь с поддельными алмазами, и не дать характеристики таких истинных ярких цветов, как Лохвицкая (и не одна она — о, не одна!). Твоя оговорка по этому поводу ⁴ имеет в виду устранить от тебя попрек, но ни мало не устраняет. Засим скажу еще, что весьма нехорошее примечание ты сделал насчет посвящения тебе «Художника-Дьявола» ⁵. Ты впал в ошибку, прискорбную для меня многократно. Я считаю эту поэму одной из лучших, наилучших своих вещей. Пусть ошибаюсь, но считаю. Перепечатывая «Будем как солнце» и желая сделать тебе что-нибудь приятное, — тебе, посвятившему мне «Урби эт Орби», — я посвятил «Художника-Дьявола» Валерию Брюсову. Зная твоё отношение к этой вещи теперь (посвящая, я совершенно забыл, что ты о ней где-то говорил), я, конечно, уничтожу посвящение в ближайшем издании «Будем как солнце», как бесполезное и лишённое смысла ⁶. Имею еще сообщить, что я никогда не писал и не печатал поэмы «Червь Синего Озера» ⁷. От историка литературы, как ты, можно требовать большей бережности к чужому труду и вдохновению. Что же касается «Червя Красного Озера», ты во время оно при нескольких свидетелях сильно восхвалял сию вещь, подчеркивая, что она истинно-ирландская. Свидетели эти не могут, однако, понять, что человек свободен менять впечатление и убеждение. Так и я, например, совершенно переменял убеждение в подлинности многих литературных ценностей, которые казались ранее истинными, оказались же фальшивыми купонами. Русская литература сих дней полна этими кошмарностями.

Роман твой «Алтарь Победы» я начал читать ⁸, и те сцены, которые прочел, меня заинтересовали. Я думаю, что в целом, однако, будет предпочтительнее прочесть такую вещь, ибо требуется непрерывность впечатления. Когда окончишь, пожалуйста, пошли мне экземпляр. Прочту где-нибудь в Индии, надо думать.

Соберешься ли ты или не соберешься за границу на Святках? Пожалуй, невозможно. А очень бы хотелось свидеться. Я люблю твою беседу. Я люблю твой загорающийся от одного слова ум, всегда радующийся возможности умственного боя или сочувственной, основанной на взаимном понимании, художественной перекличке.

Я мало с кем говорю. Мне больше всего приходится говорить, наедине, с самим собой.

Жму твою руку. Отзовись.

Твой К. Б а л ь м о н т.

¹ Стихотворение опубликовано: РМ. 1912. № 1. Оно вошло в сборник «Белый зодчий» (СПб.: Сирин, 1914. С. 190—191).

² Маршрут своего путешествия Бальмонт описал в п. 164.

³ Рассказ «На волчьей шубе» сначала предназначался для «Весов» (п. 135, прим. 3), затем был передан в альманах «Шиповник» (п. 147, прим. 6), позднее предлагается «Северным цветам» (п. 155, прим. 6) и в «Аполлон» (п. 160, прим. 2), но опубликован только в сборнике Бальмонта «Воздушный путь. Рассказы» (Берлин: Огоньки, 1923).

⁴ В предисловии к сборнику Брюсов указывал: «Здесь и статьи “юбилейные”, и разборы отдельных, частных вопросов, и некрологи, и простые рецензии. Это одно уже отнимает у книги цельность, необходимое единство плана (...) К тому же условия журнальной и газетной работы определяли самый размер статей, и иногда я имел возможность более подробно остановиться на книге того поэта, которого сам ценил не высоко, а другой раз должен был ограничиться несколькими словами, говоря о явлении, казавшемся мне значительным» (*Далекое и близкое*. С. V).

⁵ Разбирая первое издание книги «Будем как солнце», Брюсов отрицательно отзывался о поэме Бальмонта «Художник-Дьявол»: «Его опыты в эпическом роде, длинная поэма в терцинах “Художник-Дьявол”, кроме нескольких красиво сформулированных мыслей да немногих истинно-лирических отрывков, вся состоит из риторических общих мест, из того крика, которым певцы стараются заменить недостаток голоса (Мир искусства. 1903. № 7—8). Вводя эту журнальную статью в состав книги «Далекое и близкое», Брюсов сделал к приведенной выше фразе следующее примечание: «Этой критике поэмы Бальмонта пишущий эти строки обязан тем, что в следующем издании сборника „Будем как солнце“ терцины “Художник-Дьявол” оказались посвященными именно ему» (*Далекое и близкое*. С. 81).

⁶ В четвертом издании сб. «Будем как солнце» (Поли. собр. стихов. Т. III. М.: Скорпион, 1912) посвящение Брюсову сохранилось, а в пятом (Собр. лирики. М.: Изд. В. В. Пашуканина, 1918. Кн. 5) оно было снято.

⁷ Брюсов, говоря о сборнике Бальмонта «Злые чары», поражался: «Есть, наконец, в книге целые пьесы, до такой степени поэтически бессодержательные, вялые по изложению и бесцветные по стику, что почти непонятно, как поэт мог включить их в свою книгу: “Подмешыш”, “Притча о Великани”, “Червь синего озера”, “Лихо”» (*Далекое и близкое*, С. 91). На самом деле, ирландская легенда, входящая в цикл «Синие молнии», имеет заглавие «Червь Красного озера».

⁸ Роман начал печататься в «Русской мысли» с сентябрьского номера 1911 г.

164. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1912. 18 янв(аря) н. с. Пасси.

Валерий, я ждал от тебя какого-нибудь письма, но у тебя, конечно, для меня столь же мало времени, как и для любого из внешних людей, тебя посещающих. И я, вероятно, не скоро бы собрался тебе написать еще раз, если бы я не уезжал надолго.

Я уезжаю, воистину, на неопределенное время, — во всяком случае не менее, чем на 13 месяцев. Еду на юг Африки, черной Африки, там буду лишь месяц, затем уезжаю в Тасманию, Австралию, Новую Зеландию, Полинезийские острова Тихого океана¹.

Здесь, в Париже, я остаюсь до одного из последних дней января н. с., 1-го февраля н. с. из Лондона уезжаю с кораблем «Athenic», Albion Company, 3-го февраля, на преломлении дня, гляну в последний раз на Европу, в Плимуте, 8-го уже буду на Канарийских островах.

Хотелось сказать тебе какие-то ласковые слова. Вспоминался мне, эти последние недели, ты прежний, давний, совсем давний, первых дней наших. И как будто лишь там ты и был тем, кого любили звезды и серп Новолунный. Да, лишь там. А потом — развивающийся клубок того же лунного шелка и змеиных звеньев. А потом... а потом... Мне чужды твои пути. Я к ним не чувствую ничего в своей душе. Но мы ведь не только в путях наших. Быть может, менее всего в них. Быть может, то, что у тебя порой возникает смущенная детская улыбка на лице, такая трогательная, гораздо важнее того, что ты написал «Урби эт Орби». Кто знает?

Я поздно осенью провел несколько очаровательных недель, в Сэн-Брэвене-Океанском², — и в одну одинокую ночь я смотрел в сильное стекло на Луну. Одна блеска на срывах горных светилась не лунным, а солнечным блеском. Совсем-совсем иным, совсем золотым. Она мучила меня и нравилась мне. И рвалось к ней сердце.

Три последние твои напевности в «Русской мысли»³ меня пленили. Читал их многим. Услышан.

Прощай. Или до свиданья. Обнимаю тебя и люблю.

Твой К. Б а л ь м о н т.

P. S. «Русскую мысль» прошу посылать по тому же адресу, на имя Екатерины Алексеевны — В феврале мой адрес: South Africa, Cape Town, Post office, Constantin Balmont.

ГБЛ. Ф. 386. 76.3 л. 8—9.

¹ В этой поездке Бальмонт собрал по просьбе академика Д. Н. Анучина ценную коллекцию. Анучин снабдил Бальмонта рекомендательными письмами и «обратился к нему с просьбой, не будет ли он в состоянии в тех заморских странах, где ему придется быть, добыть кое-что по части этнографии для Московского университета, именно для его антропологического музея. Константин Дмитриевич (...) обещал сделать, что окажется возможным. Действительно, он не забыл своего обещания и вывез из посещаемых им стран много интересного, потратив на то немало средств» (Анучин Д. Заморское путешествие К. Д. Бальмонта // РВ. 1913. № 50. 1 марта).

На основании писем Бальмонта Анучин определил его маршрут: «Пробыл он в путешествии без месяца год, выехав из Парижа 1 февраля прошлого года и вернувшись 30 декабря. Этапы его были такие: Лондон, Tenerif, Кэп-Таун, Оранжевая республика, Трансвааль, побережье Южной Африки от Наталя до Кэп-Тауна, а затем — Тасмания (Гобарт и Лансестон), Австралия (Аделаида, Мельбурн), Новая Зеландия, группы островов Тонга Табу, Самоа, Фиджи, снова Австралия (Сидней, Брисбан), остров Четверга (Thursday-Island, у северного конца Австралии), Новая Гвинея, Целебес, Ява (от Сурабайи до Батавии и Бейтензорга), Суматра, Цейлон (Коломбо и Анурадхапура), Индия (от Тьютикорина до Мадраса, Бенареса, Агры, Дели, Бомбея); из Индии — в Порт-Саид и в Марсель» (Там же).

² Бальмонт приехал в Сэн-Брэвен-Океанский (поселок близ Нанта) в конце августа 1911 г. (см. п. 162).

³ В «Русской мысли» (1911. № 12) было опубликовано девять стихотворений Брюсова, из которых три последних: «Офелия», «Засыпать под ропот моря...» и «На могиле Ивана Ковевского» (11, 18, 60, 63).

165. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1912. М(а)рт. н. с. Cape Town, 5, Avenue Terrace.

Валерий, я думал, согласно твоей депеше в Париж, найти здесь письмо от тебя. Но оно, верно, запоздало. До нового вторника!

Посылаю тебе 9 новых напевностей. Хотелось бы видеть их в «Русской мысли»¹.

Живу у подножья Столовой Горы, под знаком Южного Креста². Вскоре еду в глубь страны.

Напиши мне по адресу: Australia, Tasmania, Hobart, Post Office, Constantin Balmont. Уезжаю туда 22 марта.

(вырезано) олеандры.

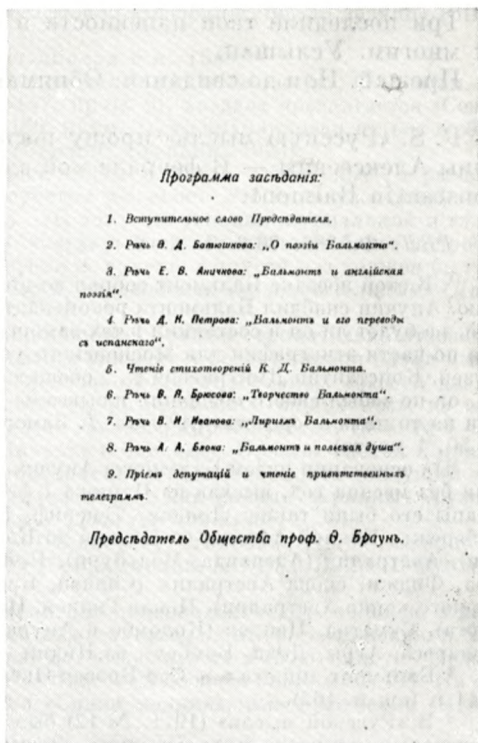
(жму) руку.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. л. 10.

¹ Скорее всего, идет речь о девяти стихотворениях цикла «В южных морях», сохранившихся в архиве Брюсова: «У Руля», «Орион», «Сириус», «Сочетания», «Светоч Юга», «Лебединая песня», «На старых канатах», «Острова», «Алтарь» (ГБЛ, Ф. 386, 55.12. л. 25—33). Все они вошли в сб. «Белый зодчий».

² В письме Бальмонта, процитированном Д. Н. Анучиным, говорится: «Конечно, Кэп-Таун — милый городок, но Столовая гора, на которую я смотрел не из олеандрового сада в Кэп-Тауне, а с одного из владикавказских балконов, когда мне было 22 года, была много красивее...» (Анучин Д. Заморское путешествие К. Д. Бальмонта // РВ. 1913. № 50. 1 марта). Подробнее свои впечатления от Кейптауна, куда Бальмонт прибыл 1 марта 1912 г., он изложил в заметке «Из южных далей» (Рус. слово. 1912. № 175. 29 июля).

АФИША ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОВАГО ВЕЧЕРА, ПОСВЯЩЕННОВАГО 25-ЛЕТІЮ ПОЭТИЧЕСКОИ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ К. Д. БАЛЬМОНТА

1912

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

166. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Мой адрес: New Zealand, Auckland, Post Office 1912. V. 2 н. с. Adelaide¹. Botanic Hotel, 17.

Валерій, до меня не дошло твое письмо. Я писал тебе из Кэп-Тауна, и послал для «Русской мысли» стихи². Посылаю еще 4 небольших вещи³. Пробуду здесь две недели.

Прочел в «Речи» программу «Чествования Бальмонта», и порадовался, увидев твое имя⁴.

Дальность расстояния сближает магически.

Жму твою руку.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 12.

¹ В заметке «Из южных далей» Бальмонт писал: «...Хотя мне совершенно нечего делать в Аделаиде, я живу здесь день за днем, ибо мне удалось поселиться хоть и в городе, но среди деревьев, каждый день утром ухожу в ботанический сад, провожу в нем долгие часы; перехожу из аллей в аллею, от эвкалиптов к смоковницам, от прудка голубых лотосов к прудку белых лебедей, от затона белых аромов к красноцветным клубам анемон и тихонько радуюсь, и тихонько томлюсь, и размышляю с недоумением о неверной шаткости таких обычных представлений, как зима, весна, лето и осень» (*Рус. слово*. 1912. № 175. 29 июля).

² См. п. 165.

³ Стихотворения цикла «В южных морях», сохранившиеся в архиве Брюсова: «Праздник жизни», «Лишь», «Ты не видал», «Магей-агава» (*ГБЛ*. Ф. 386, 55.12. Л. 34—38). В «Русской мысли» они не публиковались, вошли в сб. Бальмонта «Белый зодчий».

⁴ Брюсов был приглашен Вяч. Ивановым, членом юбилейного комитета «Неофилологического общества при Петербургском университете», принять участие в торжественном заседании, посвященном 25-летию поэтической деятельности Бальмонта (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 535).

К. Д. БАЛЬМОНТ

Фотография, 1920-е годы

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В программе значилась речь Брюсова «Творчество Бальмонта», но она не была произнесена автором «по невозможности приехать в Петербург» (Записки Неофилологического общества. Вып. VII. СПб., 1914. С. 56—59). Чествование под председательством проф. Ф. А. Брауна состоялось 11 марта «при огромном стечении публики, было подлинным праздником молодой русской поэзии». См. отчет в газете «Речь» (1912. № 70. 12 марта).

С программой чествования Бальмонт ознакомился из хроникальной заметки в «Речи» (1912. № 63. 5 марта), где сообщалось, в частности, о докладе Брюсова. О подготовке юбилейного торжества см. также письмо С. К. Маковского к Брюсову от 18 февраля 1912 г. (ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 395).

167. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Нара-Фоминская, Моск(овская) г(уберния), им(ение) Плесенское².
1913. VIII. 21.

Дорогой Валерий,

я с большой радостью получил сегодня письмо твое и пожалел, что не успел вчера, — как хотел, — написать. Наши письма совпали бы, как наши заглавия. Я именно хотел написать тебе, что слишком дорожу нашими дружескими отношениями, чтобы допускать, что какие-либо литературные выступления, твои или мои, смогут поколебать их. Я жалею, однако, что ты возразил на мои рецензии² (написанные по крайнему разумению), ибо этим самым ты именно воззвал к *λόγος** и вызов я принял, спор продолжил. В конце концов, спора никакого здесь быть не может, ибо тут догмат, у меня один, у тебя другой. Догмат можно принять или отвергнуть. Пытаться видоизменить его — напрасный труд³.

Я воистину огорчен формой твоих, изданных вновь, прежних книг. Они теряют так всякую власть надо мной, и это мне прискорбно. И такие стихотворения, которые мы пережили вместе, — «Моя любовь палящий полдень Явы»⁴, — отняты у меня, как бы лично у меня.

* полемике (греч.).

Ты смутил меня сообщением о «Звеньях»⁵. Я не знал, что ты готовишь книгу с таким заглавием. Так как это заглавие очень общего свойства, и я пришел к нему совершенно самостоятельно, — прости, — я не могу его изменить⁶. Притом оно возникло довольно таинственно. И вот как.

Когда я составил сборник (весной, в Париже), я назвал его «Вехи»⁷. Одна из светлых возразила мне, что так называется препротивный сборник статей⁸, и предложила слово «Грани», — одно из любимых моих слов. Я почти принял, но Елена⁹ разубедила меня. Мы условились, что оба будем придумывать новое. Я ушел домой и ровно в полночь придумал «Звенья». Она же одновременно придумала то же, блуждая по словам, — знак блужданий этих я сохранил и посылаю тебе¹⁰.

Я рад и даже счастлив, что мы будем, наконец, видаться и говорить с тобой. Мне хочется этого. И думаю, должно это быть.

Я остаюсь здесь до 31-го, затем уезжаю на сентябрь к Елене (ст. Сходня, Никол. ж. д., д. Овчинникова). Это близко от Москвы.

Я кончаю новую книгу стихов, написанную за последние два года¹¹. И мысленно еще в Тихом океане.

Привет I. M.¹² Напиши мне!

Жму руку. Искренно твой К. Б а л ь м о н т.

ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 60.

¹ В заметке «Беседа с поэтом», опубликованной на следующий день после возвращения Бальмонта в Москву, говорилось: «Константин Дмитриевич рассчитывает провести лето в подмосковном имении «Плесенском» вместе с семьей. Поэт уедет туда недели через две» (*Рус. слово*. 1913. № 104. 7 мая).

² В рецензии «Восковые фигурки (Валерий Брюсов. Ночи и дни. Вторая книга рассказов, драматических сцен. М., 1913)» Бальмонт так характеризует Брюсова-прозаика: «Имея лишь внешнюю способность повествования, Брюсов бессилен изобразить в своих рассказах какое-либо живое лицо, какого-либо живого человека. Его лица суть литературные измышления, теоретически построенные как выводы из такой-то или такой-то точки зрения» (*Утро России*. 1913. № 149. 29 июня). В следующей рецензии — «Забывший себя. Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов. Т. 1» — Бальмонт критикует и переиздания Брюсовских поэтических сборников: «Валерий Брюсов полагает, что он академик и что он уже помер. Он издает поэтому академическое посмертное собрание своих сочинений, с примечаниями, вариантами, точными датами и трогательно-подробным сборником библиографических указаний, что, где, когда напечатано, где какой стихок впервые увидел свет, где какая заметка в три строчки с половиной обогатила русскую культуру» (*Утро России*. 1913. № 179. 3 авг.).

Брюсов ответил на эти рецензии статьей «Право на работу» (*Утро России*. 1913. № 190. 18 авг.; VI, 405). Полярность взглядов Брюсова и Бальмонта на литературное творчество обозначилась гораздо раньше, чем разгорелась газетная полемика. 31 января 1909 г. Брюсов жаловался Н. И. Петровской: «Всю жизнь мечтаю я о спокойном, усердном труде. И вот за 35 лет жизни не смог добиться того, чтобы осуществить свою мечту. Всегда какие-то обстоятельства заставляют меня работать лихорадочно, торопливо, печатать начало, когда не написан конец, сдавать в печать вещи не обработанные, не обдуманые... Клянусь, Бальмонт, которому это вовсе не нужно, имеет гораздо больше возможностей работать над своими произведениями, нежели я» (*ЛН*. Т. 85. С. 797).

³ Бальмонт утверждал в рецензии «Забывший себя», что «лирика по существу своему не терпит переделок и не допускает вариантов. Разноточия лирического чувства или же лирически высказанной мысли ищут, и должны искать, и понимающего себя поэта нового и нового выражения в виде написания новых, родственных стихотворений, а никак не в кощунственном посягновении на раз пережитое, раз бывшее цельным, и в секундности своей неумолимо-правдивым, ушедшее мгновение». Брюсов в статье «Право на работу» возражал: «По моему глубокому убеждению, утверждение Бальмонта (что поэт не имеет права исправлять, совершенствовать свои стихи) (...) не только не соответствует фактам, но и по существу своему ложно, а как принцип, крайне вредно».

Закачивая полемику, Бальмонт в заметке «Что есть работа? (Ответ В. Брюсову)» писал: «Мы знаем в истории литературы целый ряд примеров, что и талантливые и гениальные поэты, переделывая, портили свои произведения. Переделывать свои стихи — при том самое легкое занятие, какое только может быть. И если достойнейшие люди этим занимались в минуту прихоти или оскудения, или повинувшись неверному методу, зачем бы и я стал делать то же» (*Утро России*. 1913. № 193. 22 авг.).

⁴ Начальная строка стихотворения «Предчувствие» (I, 57), написанного «в виде состязания» с Бальмонтом (см.: *Письма к Перцову*. С. 48). По сравнению с первой публикацией были изменены 3, 10 и 11 стихи сонета.

Омск, "Россия", № 43.
1915. XI. 22, Вечер.
Занимая пишу без границ.

Дорогой Валерий,

Кроме, что не открыл тебе разграничений, получил
твои. Но в выкройки, которые сами носили, померили
не было у меня ни минуты, чтоб переписать те
2 стр. 2, которые я читал на досуге Армянская Пого-
да. Впечатлительный так обзор мой носил, что в даде
уже не помню, где я получил твои денешу, — кафетю,
и тарини, и древней Биармии, где и нашей сердце,
сладко и бодро почувствовал моего сердца.

Вот "наирма" и тора "сладкая". А кроме того,
"Колокол Воин", который будит как-то мажорсан,
и мойел валона, и почкой мажорсан, и армянскими
и Погодами.

Про касает оставаться, то же самое, что и переку
уже (переку!), и Пирет, где разгаравало было в пер-
вые дни декабря. (Вас. остр., 22 июня, 7. 5-). Странно
же же, да удотелствуют свои Армянские Земли в ве-
щали. Уради-ли смогу же сдаться еще.

Ты мой человек, Валерий, но не проган сам
и Кружка моего разграничу о шитинь. и душил
а реф, послан ее. и корузае ее для прогней. Косно-
армянскому заводу, противостала интересам наших
Собор, то же самое и шитинь.

Буду в Москве зима 15-17 дек. Надюсь, счи-
дман. и буду там, конечно, в Бросовском п.

Сми кафетю, но и в спрат "Мертвая Корабель".
Криву Иоанна Марквич. Обширно жеби.

Твой К. Бальмонт.

ПИСЬМО К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ

Автограф. Омск, 22 ноября 1915 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

⁵ В проспекте Полного собрания сочинений и переводов Валерия Брюсова, выпускаемого изд-вом «Сирин», том 18 был обозначен так: «Звенья. Статьи теоретические. Статьи о театре». Издание закончено не было, и этот том не вышел.

⁶ Сборник Бальмонта «Звенья. Избранные стихи, 1890—1912» выпущен изд-вом «Скорпион» в 1913 г.

⁷ Поразительно что и Брюсов сначала выбрал для своего сборника заглавие «Вехи». На конверте письма № 123, посланного Бальмонтом из Сулака в августе 1910 г., Брюсов записал названия своих будущих книг: «Сны человечества», «Miscellanea», «Путник» и «Вехи». Последнее заглавие он зачеркнул и заменил его на «Звенья» (ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 21а).

⁸ Сборник статей «Вехи» (СПб., 1909) озаменовал отход испуганных революцией 1905 г. либералов от демократических идеалов.

⁹ Е. К. Цветковская.

¹⁰ Приложение к письму не сохранилось.

¹¹ Речь идет о сб. «Белый зодчий. Таинство четырех светильников», материалом для которого послужили впечатления от 11-месячного путешествия 1912 г.

¹² И. М. Брюсовой.

168. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Омск, «Россия», № 43. 1915. XI. 22. Вечер. Зимняя тишь без границ¹.

Дорогой Валерий,

прости, что не ответил тотчас телеграммой, получив твою. Но в вихрях, которые меня носили², поистине не было у меня ни минутки, чтобы переписать те 2 стихотворения, которые я читал на Вечере Армянской Поэзии³. Впечатления так быстро меняются, что я даже уже не помню, где я получил твою депешу, — кажется, в Перми, в древней Биармии⁴, где я нашел сердце, сладко и больно коснувшееся моего сердца⁵.

Вот «Наирянка» и вот «Ладан»⁶. А кроме того, «Колокол воли»⁷, который возник как-то магически, в люльке вагона, в ночной метели, в приближении к Тюмени.

Что касается остальных, возможно, что я переведу их (переведу!) в Питере, где рассчитываю быть в первые дни декабря. (Васильевский Остров, 22 линия, д. 5)⁸. Вероятнее же, да удовольствуются сыны Армении этими 3-я вещами. Вряд ли смогу что сделать еще⁹.

Ты злой человек, Валерий¹⁰, что не прочел сам в Кружке мою телеграмму о пленных¹¹. Я думал о тебе, посылая ее. И поручать ее для прочтения косноязычному человеку, противоречило интересам наших солдат, томящихся в плену.

Буду в Москве числа 15—17 декабря. Надеюсь, свидимся. Я буду там, конечно, в Брюсовском п(ереулке)¹².

Мне кажется, что я в стране «Мертвых Кораблей»¹³.

Привет Иоанне Матвеевне. Обнимаю тебя.

Твой К. Б а л ь м о н т.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 13.

¹ 21 ноября 1915 г. Бальмонт писал из Омска жене: «Катя, милая, я в тишине, снеге и ледяных узорах. Вчера было 30 °Р. Это есть ощущение. Хороши были дымки, которые низко стелились. К счастью, ветра почти не было. Но знаешь, Миша, брат мой, живущий в Омске, замерзал, а я даже не поднимал воротника» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 57).

² Вл. Орлов пишет о поездке Бальмонта: «В конце сентября он отправился в длительное, растянувшееся на два месяца лекционное турне по городам России (Дербент, Тифлис, Кутаис, Ярославль, Самара, Саратов, Уфа, Пермь, Тюмень, Омск, Екатеринбург, Вологда), — он читал «Поэзию как волшебство», о Руставели и стихи. К декабрю он приехал в Петроград, где и поселился» (Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969. С. 34).

³ Вечер армянской поэзии состоялся 15 октября 1915 г. в помещении кафе «Альпийская роза» на Софийке. Он был организован как расширенное заседание «Общества свободной эстетики». Брюсов сделал доклад об армянской поэзии и читал переводы из будущей антологии «Поэзия Армении». Свои переводы читали также К. Бальмонт, Вяч. Иванов, Ю. Балтрушайтис, Ю. Верховский.

⁴ В древности Биармией называлась территория к западу от Уральских гор до рек Печоры, Камы и Волги.

⁵ Возможно, Бальмонт имеет в виду встречу, которая произошла не в Перми, где он был 14 ноября, а в Уфе, откуда он сообщал жене 9 ноября 1915 г.: «Утром у меня был молодой татарин Сончелей, заведующий отделом мусульманских книг в здешней библиотеке. Он принес мне начертанные красивейшими арабскими знаками свои переводы моих стихов «Будем как Солнце», «Египет», «Где же я» (из «Белой страны»), «Ты здесь», («Ты пенеешь, как одальска...»), — и уже один этот выбор показал мне изящество души. Сын Востока не может не любить Солнечника» (ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 56).

⁶ Как сообщает И. Р. Сафразбекян, «в 1915 году газеты писали о шумном успехе, выпавшем на долю К. Бальмонта, который на вечере армянской поэзии в Москве прочел свои переводы из В. Теряна («Наирянка») и Сипил («Ладан»)» (Чтения 1966. С. 217). Оба эти стихотворения, отобранные Брюсовым, вошли в антологию «Поэзия Армении». В его архиве сохранились бальмонтские автографы переводов из Теряна (ГБЛ, Ф. 386, 17.18) и Сипил (Там же. 18.4).

⁷ Перевод из Аветика Исаакяна «Колокол воли» в «Поэзию Армении» не вошел, но опубликован в «Сборнике армянской литературы» (Пг.: Парус, 1916. С. 199), вышедшем под редакцией М. Горького. Автограф перевода сохранился в архиве Брюсова (ГБЛ. Ф. 386, 18.1).

⁸ Вернувшись из Франции в Москву в мае 1915 г., Бальмонт жил на два дома. В сентябре 1915 г. он снял в Петербурге квартиру для Е. К. Цветковской, а в московской квартире жила Е. А. Бальмонт.

⁹ Других переводов специально для составляемой Брюсовым антологии Бальмонт не сделал, но в книгу вошли еще четыре стихотворения («Умолкли навсегда времен былых на-

роды» И. Иоаннисиана, «Ручей» А. Цатуряна, «С горных высей стремятся ручьи» О. Туманяна и «Моя скорбь» П. Дуряна), переведенные Бальмонтом еще в 1893 г. по просьбе Ю. Веселовского для второго тома «Армянских беллетристов» (М., 1894).

¹⁰ В эти годы отношения Брюсова и Бальмонта потеряли прежнюю теплоту. 16 февраля 1915 г. Бальмонт писал из Парижа жене: «Брюсов так же мало существует для меня, как прошлогодний календарь. — С Максом (Волошиным) все время в магнетическом токе бесед» (ЦГАЛИ. Ф. 57, Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 17).

¹¹ Бальмонт, находящийся в лекционном турне, сделал пожертвование в пользу плененных русских солдат. 7 ноября 1915 г. он сообщил жене из Самары. «Первое, что я получил здесь, это телеграмма от тебя (...) о получении монет для пленных наших...» (Там же. Л. 56).

В заметке «Москва — военнопленным» газета «Раннее утро» (1915. № 252. 2 нояб.) сообщала: «Вчера в помещении Литературно-художественного кружка был устроен интересный литературно-музыкальный вечер, весь сбор с которого поступит на покупку посылок и одежды русским воинам, находящимся в плену. Вечере приняли участие видные представители русской литературы, которые прочли ряд своих произведений, посвященных текущим событиям (...) Много аплодисментов вызвало выступление Брюсова, прочитавшего несколько новых своих стихотворений». Как писала в тот же день газета «Утро России» (№ 301), «на вечере была оглашена телеграмма К. Д. Бальмонта, приславшего из Сибири 100 рублей в пользу русских воинов в плену: «Соприсутствую со всеми, кто хочет помочь нашим бойцам. Верная победа — освободит их».

¹² В Брюсовском переулке находился особняк свояченицы Бальмонта — писательницы А. А. Андреевой. Бальмонт любил этот дом, в котором была великолепная библиотека, и часто останавливался в нем.

¹³ В маленькой поэме Бальмонта «Мертвые корабли» (сб. «Тишина») рассказывается о кладбище кораблей, затерянном далеко на севере, где «встала белую толпой снегов и льдистых глыб громада».

169. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Москва.) Б. Николо-Песковский п., д. 15, кв. 2. 1916. XII. 29.

Дорогой Валерий,

Спасибо за письмо и книги¹. Посылаю тебе две мои книжки², из дней, когда наши души были обвенчаны одним пламенем Мечты и Творчества, — еще до нашей встречи.

Я давно уже — очень соскучился о тебе и хочу тебя видеть. И говорить. И обменяться лучами новых стихов.

Я приду к тебе завтра, между 4-мя и 5-ю. Если тебе невозможно быть дома, извести и назначь другое время³.

Сейчас у меня М. Волошин, которому также хочется тебя видеть.

Жму руку твою — и до свидания.

Искренно твой К. Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 125.

¹ Возможно, Брюсов подарил Бальмонту свои новые книги «Семь цветов радуги» (М.: Изд. К. Ф. Некрасова, 1916) и «Избранные стихи» (М.: Универсальная библиотека, 1916).

² Бальмонт прислал Брюсову сборник «Под северным небом. Элегии, стансы, сонеты». Собрание лирики. Кн. 1 (М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1917) с надписью: «Валерию Брюсову этот утренний цветок, лишь им в те дни привеченный. К. Бальмонт. 1916. XII. Москва» (ГБЛ. Ф. 386, Книги, № 916). Вторая книга — «В безбрежности. Голоса природы». Собрание лирики. Кн. II (М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1917) с надписью: «Дорогому Валерию Брюсову, с которым вдвоем прошел самые трудные дни Русской Поэзии и моей собственной жизни — незабываемая любовь. К. Бальмонт. 1916, XII. 29. Москва» (Там же. № 917).

³ Состоялась ли встреча, установить не удалось.

170. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 24 января 1918 г.

Дорогой Константин!

По просьбе С. А. Венгерова, пересылаю Тебе его воззвание¹.

Мне говорили, что Тебя постигло новое несчастье². Так ли это? — сообщение было из «третьих уст», я ему не вполне доверяю. Если же оно — правда, верь, что сочувствую Тебе всей душой, ибо за наши дни, больше чем за всю жизнь, научился понимать горести других. И очень хотел бы Тебя увидеть, — полнее, чем последний раз. Просто прийти к Тебе — не решаюсь, так как не

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
 БИВШ. МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА
 по
 ДЪЛАМЪ ПЕЧАТИ.

24 января 1918.

Дорогой Константин!

По просьбе С. А. Пенева, переслала Тебя его воззвание.

Мой разговор, что Тебя постигло такое несчастье. *Что же это?* — сообщеніе было изъ "третьихъ устъ", а ему не вѣдай доброго. Если же это — правда, братъ, то сочувствую Тебѣ всей душой, ибо я сама дни, больше чѣмъ я все знаю, научилась постигать горести друзей. И очень хотѣла бы Тебѣ помочь, — помочь, какъ possible разѣ. Просто прийти къ Тебѣ — не рѣшусь, такъ какъ не знаю, какіе дни и часы Ты имѣеши сейчасъ. Можетъ быть, свободные вечера, такъ какъ мы сейчасъ бываемъ близко отъ Тебѣ, даже проводимъ много вечера, какъ бы проводишь. Что до меня, еслибы Ты отъ меня надумалъ посетить насъ, то я, будьши или не, оставлю дома 6 понедельники и пятницы, послѣ 4; субботу не бываю дома — субботу, воскресеніе (читаю у Шанявскаго), также часто — вторники и четверги, по средамъ — то такъ, то иначе. Вообще, я «продался» Кружку, буквально «служу» въ немъ (хотя и съ титуломъ «Председателя»), что для меня — единственный сейчасъ способъ зарабатывать денегъ столько, чтобы умирать постепенно, а не сразу.

И еще слышалъ, — изъ того же мало-достовернаго источника, — что Ты читалъ 6 одно изъ воскресеній на томъ вечерѣ, куда приглашали и меня, но отъ котораго ты все-таки, куда приглашали и меня, но отъ котораго

ПИСЬМО БРЮСОВА К. Д. БАЛЬМОНТУ

Автограф. Москва, 24 января 1918 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

знаю, какие дни и часы Ты менее занят. Может быть, сообщишь письмом, так как мне случается бывать близко от Тебя, даже проходить мимо дома, где Ты живешь. Что до меня, если бы Ты опять надумал посетить нас, то я, более или менее, остаюсь дома в понедельник и пятницу, после 4; совсем не бываю дома — субботы, воскресенья (читаю у Шанявского) ³, также часто — вторники и четверги, по средам — то так, то иначе. Вообще, я «продался» Кружку, буквально «служу» в нем (хотя и с титулом «председателя») ⁴, что для меня — единственный сейчас способ зарабатывать денег столько, чтобы умирать постепенно, а не сразу.

И еще слышал, — из того же мало-достоверного источника, — что Ты читал в одно из воскресений на том вечере, куда приглашали и меня, но от которого я был должен отказаться ввиду своих лекций в университете Шанявского, — и

что там, на вечере, было какое-то происшествие⁵. Опять: правда ли это? — не знаю и думаю, что, как обычно, московские рассказы весьма гиперболичны. Затем вижу афиши о Твоих чтениях⁶, но не вправе и мечтать их слышать, ибо уже много лет как «огневая рука» начертала над моей жизнью: «взвесил, измерил, разделил»⁷.

Ты видишь людей больше моего. Что Вячеслав?⁸ что Белый? что Мережковские? Эгоистично, но мне очень хотелось бы узнать об них именно от Тебя. За своим столом, как на камне на берегу океана, я собираю «шумы» — «слухи», но они очень смутны, и Твой голос, как повеление мага, обратил бы их в определенные образы. Можно ли на это надеяться?

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 39.

Это письмо было опубликовано в «Записках отдела рукописей» (вып. 29. М.: Книга, 1967. С. 219—220) с примечаниями М. В. Чарушниковой, частично использованными в настоящем томе.

¹ Профессор Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920) в последние годы жизни исполнял обязанности директора Российской книжной палаты. В июне 1917 г. он начал распространять воззвание среди лиц, имеющих отношение к печати, о содействии Палате в получении всех выходящих изданий (*Фомин А. Г. С. А. Венгеров, как организатор и первый директор Российской книжной палаты. Л., 1925. С. 25*). В январе 1918 г. возглавляемый Брюсовым Комиссариат по регистрации произведений печати в Москве был преобразован в отделение Книжной палаты. Таким образом, Брюсов по долгу службы способствовал рассылке воззвания своего непосредственного начальника.

² По всей видимости, имеется в виду душевная болезнь композитора-дилетанта Николая Бальмонта, сына поэта от первого брака (*ГБЛ. Ф. 374, 1.54. Л. 165*; см. также воспоминания Е. А. Бальмонт — *ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 204*).

³ В народном университете им. А. Л. Шанявского в течение 1917—1918 гг. Брюсов прочитал курс из 22 воскресных лекций о Римской империи (*ГБЛ. Ф. 386, 49.10—20*).

⁴ После Октября 1917 г. выборные члены дирекции Литературно-художественного кружка стали получать за свою работу вознаграждение.

⁵ Вероятно, речь идет о поэтическом вечере на квартире у Амары (М. О. Цейтлина), с которым в тот период Бальмонт поддерживал дружеские отношения. 14 декабря 1917 г. он писал Е. А. Бальмонт: «Видаюсь мало с кем. Больше всего с Юргисом в том квартале и с Цейтлинным и Гольдовским в этом» (*ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 133*).

Вечер у Амары состоялся 14 января 1918 г. По этому поводу в газетной хронике сообщалось: «В квартире поэта А. недавно имел место интересный поэтический вечер, на котором присутствовали как представители состарившихся уже течений, Бальмонт, Иванов, Белый и другие, так и «дерзатели», срывающие покров с будущего — футуристы, Маяковский и другие» (*Мысль. 1918. № 5. 28 янв.*). Вечер открылся выступлениями Вяч. Иванова и Д. Бурлюка, затем Маяковский прочел поэму «Человек». Позднее Бурлюк вспоминал: «Встал маститый К. Д. Бальмонт. Вскинул движеньем проснувшегося орла — характерный жест — свою «обожженную солнцем скитаний» голову. Начал читать сонет. И в этом сонете, сквозь дружескую и отеческую похвалу, звучала горечь признания в сдаче позиций и отступления на второй план» (*Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1919. 29 июня*).

⁶ 3 декабря 1917 г. в Синодальном училище Бальмонт читал лекцию «Любовь и смерть» (*РВ. 1917. № 265. 3/16 дек.*); 22 января 1918 г. в Политехническом музее прочел лекцию «Революционер я или нет», ставшую основой одноименной брошюры, а 24 января там же он участвовал в «Вечере поэтов» (*Утро России. 1918. № 4. 13 янв.*).

⁷ Огненная надпись, появившаяся на стене во время пира вавилонского царя Валтасара, озаглавленная близкий конец его царства (*Библия, Книга Даниила, V, 23—78*).

⁸ 9 сентября 1917 г. Бальмонт писал Е. А. Бальмонт: «Видел Вячеслава Иванова. Очарован им, но он мудрый Лис с пушистым хвостом» (*ЦГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 121*).

ПИСЬМА А. Е. НОЗДРИНА К БРЮСОВУ 1895—1898

Вступительная статья, публикация и комментарии С. Н. Т я п к о в а

Публикуемые письма принадлежат перу Авенира Евстигнеевича *Ноздрин* (1862—1938), одного из зачинателей пролетарской поэзии, участника революционного движения, первого председателя Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов, созданного в ходе знаменитой всеобщей стачки ивановских рабочих в 1905 г.¹

Ноздрин родился в с. Иваново Шуйского уезда Владимирской губернии (ныне г. Иваново) в семье ярмарочного приказчика. Окончил трехлетнюю земскую начальную школу. По профессии гравер-текстильщик, он около 30 лет работал на текстильных фабриках Иваново-Вознесенска и Петербурга.

Начало литературной деятельности Ноздрин относится к рубежу 80-х и 90-х гг., к тому времени, когда он был активным участником Иваново-Вознесенского нелегального просветительски-народнического кружка «саморазвития», руководимого И. О. Слуховским².

Сторонник «теории малых дел», Слуховский стремился направить творчество Ноздрин в строго обозначенное русло. «Темы тогдашних моих стихотворений, — вспоминал Ноздрин, — были связаны с трудовыми процессами; на эти темы навел меня Слуховский; он хотел во мне видеть поэта фабричных корпусов и ремесленных мастерских»³. Рекомендации Слуховского, очевидно, совпадали и с личными творческими устремлениями молодого рабочего поэта, на собственном опыте постигшего «трудовые процессы» в «фабричных корпусах и ремесленных мастерских».

После разгрома кружка в июле 1891 г., отбыв полгода под гласным надзором полиции, Ноздрин с семьей в начале 1892 г. переезжает в Петербург. Там он работает гравером на текстильной фабрике, одновременно продолжая литературные занятия. «В то же время, — вспоминал Ноздрин, — я начал переписываться с Валерием Яковлевичем Брюсовым (первое письмо Ноздрин к Брюсову датировано 17.03.1895 г. — *С. Т.*), решил через него проверить свои поэтические способности. Брюсов мои стихи тогда читал своим соратникам. В одном из ответов на мои письма он привел мнение о моих стихах поэта, тогда ему близкого, Александра Муромского⁴, что человек, написавший такие два стиха:

Ночь — старуха богомольная —
Миллион лампад затеплила⁵,

— должен безусловно почитаться как поэт. После этого я начал себя считать ”признанным”, хотя оценка тогдашних моих стихов исходила от утонченных эстетов»⁶.

Уже в первом своем письме Ноздрин прямо говорит, что ему «было бы лестно» напечататься в «издании Владимира Александровича Маслова» (п. 1)⁷. Факт этот примечателен тем, что свидетельствует о стремлении Ноздрин «проверить свои поэтические способности» в неизвестной и, казалось бы, чуждой ему среде символизма, делавшего тогда в России лишь первые шаги.

В готовящийся 3-й выпуск «Русских символистов» стихи Ноздрин, однако, не попали. Причины этого подробно изложены Брюсовым в письме к Ноздрину от конца августа 1895 г.⁸ Ноздрин вспоминал впоследствии: «Валерий Яковлевич в это время замыслил издать хрестоматию современной поэзии по образцу германской, изданной Францем Эверсом⁹, куда он намерен был включить и меня. Издание это по каким-то причинам не состоялось, и тогда он остановился на другом плане: решил выпустить мои стихи отдельной книжечкой. Однако и это издание не состоялось»¹⁰.

Замысел издания сборника возник у Брюсова, по воспоминаниям Ноздрин, во время личных встреч поэтов. Встречи произошли в октябре и ноябре 1895 г., о чем свидетельствуют записи в дневнике Брюсова¹¹ и сохранившиеся в брюсовском архиве три записки Ноздрин.

В первой из записок, датированной 15 октября 1895 г., Ноздрин сообщает Брюсову: «Сейчас я нахожусь в Москве, где мое пребывание отчасти связано с нашей маленькой перепиской, что мне хотелось бы видеть более существенным, т. е. встретиться лично с Вами». 20 октября 1895 г. Ноздрин пишет: «В воскресенье (часа в 3-ри) я постараюсь к Вам зайти. В прошлый раз с моей стороны была сделана маленькая оплошность, я не спросил Вас: в какие часы Вы собираетесь по четвергам». В записке от 24 ноября 1895 г. Ноздрин выражает желание еще раз встретиться с Брюсовым: «Может быть, у Вас найдется время и терпение еще раз выслушать меня, нагруженного стихами, написанными в разное время, включительно до настоящего дня»¹².

Три с половиной десятилетия спустя Ноздрин в своих воспоминаниях с благодарностью заметил, что на его долю «выпали такие два учителя, как Иван Слуховский и Валерий Брюсов», и подробно рассказал об «уроках», данных ему Брюсовым во время встреч в Москве¹³. Весьма существен следующий фрагмент из его воспоминаний: «Были у нас разговоры и о том: надо ли издавать и печатать отдельных авторов, когда они еще не нашли себя, не самоопределились: кто они? и что они?

”Процесс самоопределения, поиски себя, их полнота и сложность переживания при хорошей их подаче должны расцениваться в положительном смысле. Ведь пути к истине,—сказал Валерий Яковлевич,—часто бывают выше самой достигнутой цели”.

Остановился он как-то и на мне как на авторе, которого пора печатать и издавать»¹⁴.

Определяя причины, по которым задуманное Брюсовым издание все-таки не было осуществлено, Ноздрин пишет: «Повторилась моя авторская застенчивость, пугала меня и упадочность некоторых стихотворений предполагаемой книжки, и явное противоречие — несходство моих обычных настроений с переданными в ней, где я собирался

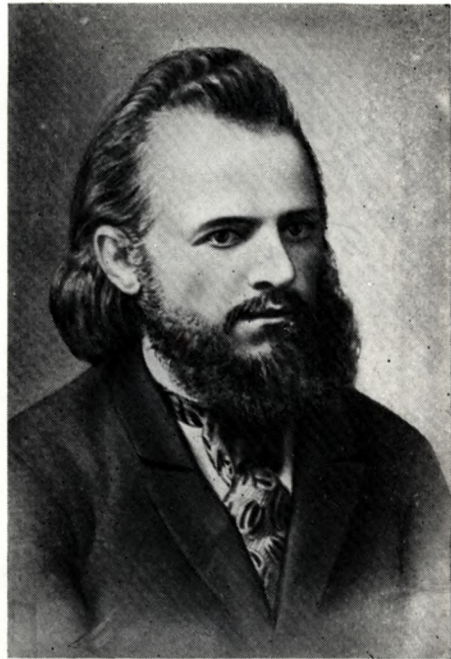
Плыть к островам небывалого,
К гаваням вечной весны,
Где меня ждут, как усталого
Гостя холодной страны¹⁵.

Не отвечали моим новым настроениям и такие стихи задуманной Брюсовым книжки:

Мы робко с волною воюем,
Возможно ли здесь устоять,
Где бурный прилив неминуем,
А пристани нет — не видать¹⁶.

Стихи эти были петербургского периода моей переписки с Брюсовым, словарь и образы которых были навеяны Финским заливом, его пристанями, судами и братанием на этих пристанях русских рабочих с иностранцами-матросами. Но в этих стихах была и полная оторванность от излюбленной моей тематики родного рабочего города¹⁷.

«Авторская застенчивость», о которой упоминает Ноздрин в своих воспоминаниях, все-таки, видимо, не могла быть серьезной причиной, препятствовавшей изданию сборника его стихотворений. Из писем Ноздрина видно, что и отход от «тематики родного рабочего города», и «упадочность некоторых стихотворений предполагаемой книжки» в 1896 г. «пугали» его в меньшей степени, нежели об этом сказано в мемуарах.

А. Е. НОЗДРИН

Фотография. Середина 1890-х годов
Собрание И. К. Гафнер, Иваново

АВЕНЕР НОЗДРИН. ПОЭМА ПРИРОДЫ.
ИЗДАНИЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА. 1896

Титульный лист неизданного сборника стихов. Ручкой

В. Я. Брюсова
Внизу помета: «Дозволено цензурой. Москва.
27 сент. 1896 г.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Брюсова, объемом в 40 страниц. На титуле — штамп Московского цензурного комитета и надпись: «Дозволено цензурой 27 сентября 1896 г.»¹⁸

Оставалось отправить, в сущности, готовую книгу в набор. По какой причине Брюсов не сделал этого — можно только догадываться. Ясно одно: этой причиной не могла быть небрежность иваново-вознесенской почты, не доставившей Ноздрину два столь важных для него письма из Москвы (см. п. 6). В конце концов Брюсов мог написать и третье письмо. Ноздрин, со своей стороны, как это видно из его писем 1897 г., на опубликовании своих стихов не настаивал; его жизненные интересы определенно сместились от литературных к социально-политическим (см. п. 6)¹⁹, и после вполне «джентльменского» объяснения переписка двух поэтов сошла на нет.

Чем же все-таки привлекала будущего вождя символистов поэзия рабочего поэта-самouchки? Называя его стихи «только еще приближающимися к символизму», Брюсов надеялся приобщить своего корреспондента к духу «новой» поэзии и рекомендовал ему обратить внимание на творчество Верлена, Метерлинка, Малларме (см. п. 2). Это вполне соответствовало тогдашним устремлениям Брюсова к консолидации поэтических сил вокруг символизма. Его внимание, естественно, не могли не привлечь наметившаяся тяга рабочего поэта к изданиям русских символистов и те черты его поэтики, которые шли в русле развития новой поэтической школы. Интересны в связи с этим пометы на полях рукописей со стихами Ноздрина. Первое, что проявляется в них очень отчетливо, это отсутствие интереса Брюсова к стихотворениям с «гражданскими», как их характеризовал Ноздрин, мотивами: они или оставлены без каких-либо помет, или перечеркнуты без правки²⁰. Обходит Брюсов вниманием и так называемые «сюжетные» жанрово-бытовые стихотворения. В то же время Брюсов разного рода пометами выделяет в целом не типичные, даже редкие для поэзии Ноздрина сочетания: «вьюгой злобы», «мост(. . .) терпения», «свет беспокойный, большой»²¹. Достаточно вспомнить знаменитые пародии Вл. Соловьева на выпуски «Русских символистов», в которых фигурировали «гнины подозрения», «слоны раздумья» и «ослы терпенья»²², чтобы убедиться

Утверждение Ноздрина-мемуариста, возможно, вызвано тем, что между годом предполагавшегося выхода книги и годом написания воспоминаний прошло более 30 лет, и Ноздрин смотрел на свои ранние стихи, во-первых, с излишней пренебрежительностью, с высоты всего своего литературного и жизненного опыта и, во-вторых, с позиции класса, не только победившего политически, но и ощущавшего себя к тому времени доминирующим в искусстве. Произошла естественная аберрация зрения мемуариста: некогда одобренные «эстетам» стихи казались ему теперь несовершенными, малозначительными, неорганичными — не заслуживающими опубликования.

Колебания и сомнения у Ноздрина, одновременно подверженного во многом полярным влиянием «двух учителей» — Слуховского и Брюсова, естественно, были в период его переписки с лидером московских символистов (см. п. 6). Но Брюсов при желании мог их легко преодолеть, тем более что к сентябрю 1896 г. сборник «Поэма природы» был полностью подготовлен к печати. После тщательного отбора Брюсов включил в книгу 32 стихотворения (см. п. 5, прим. 2). Эту же цифру называет в воспоминаниях Ноздрин.

В архиве хранится цензурный экземпляр сборника, переписанный рукой

-2-

Отъ издателя.

Предлагаемая стикотворения составляют
незначительную часть всего написаннаго г. Ноздри-
номъ и характеризуютъ лишь одну сторону
его поэмы. Издатель проситъ видѣть въ томъ
сборникѣ лишь начало книги.

В. Б.

В. Я. БРЮСОВ. ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К СБОРНИКУ А. Е. НОЗДРИНА «ПОЭМА ПРИРОДЫ»
Автограф. 1896

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

в том, что Брюсов и в стихах Ноздрина заметил характерные для ранних символистов метафоры, построенные на соединении абстрактного и конкретного. Не остались не замеченными Брюсовым также редкие у Ноздрина стихи с «эротической» (весьма умеренной) тематикой. Их всего два, но оба они отчеркнуты и имеют брюсовскую правку и нумерацию, объединяющую стихотворения в своеобразный малый цикл²³. Примечательно и отчеркивание Брюсовым на полях рукописи строф и стихотворений минорной тональности с мотивами отхода от действительности «в море несбыточных снов» (см. прим. 15): «Хотел бы видеть я цветок, который вянет, // Тебе же от небес очей не оторвать...»; «Не слышно всплеска рыб, // Не слышно чаек. Где-то // Как будто кто погиб // Гнетет все гибель эта...»; «Быстро молодость промчалась, // Чаша с радости желаньем // В быстроте той расплескалась // И наполнилась страданьем...»²⁴.

И все же очевидно, что и «символистские» метафоры, и «упадочность», по слову Ноздрина, некоторых его стихотворений вызывали у Брюсова лишь попутный интерес. Главная причина его внимания к творчеству рабочего поэта-самоучки заключалась в другом.

Едва ли не во всех работах о Ноздрине приводится брюсовский отзыв о нем из письма к П. П. Перцову от 20 марта 1896 г.: «Осенью напечатаю я 4-й выпуск «Русских символистов» и сборник стихотворений Авенира Ноздрина. Очень оригинальная поэзия»²⁵. Но что подразумевал Брюсов под «оригинальностью» — сказать, судя только по этому отзыву, трудно.

Эту характеристику проясняет запись Брюсова, оставленная им в черновой тетради в феврале 1896 г. (т. е. до упомянутого выше письма к Перцову). Это — набросок рекламного проспекта «От издателя», в котором Брюсов объявляет о прекращении выпусков «Русских символистов» и одновременно сообщает о том, что намеревается издавать «отдельные собрания стихотворений поэтов, более или менее примыкающих к новому направлению». Далее Брюсов пишет:

«Для пуб(ликаци) их книжек издатель уже имеет в своем распоряжении следующие рукописи.

1. Поэма Природы. Стихотворения Авенира Ноздрина. (В авторе легко усмотреть, что называется "самоучку", но произведения его поражают стихийною силою таланта. Г. Ноздрин можно назвать Кольцовым, пишущим в духе Тютчева.)²⁶

Оценка творчества иваново-вознесенца явно завышена и во многом обусловлена рекламным характером проспекта «От издателя»²⁷. Тем не менее данная запись Брюсова придает некоторую определенность его характеристике поэзии Ноздрина. В самобытных произведениях «самоучки» Брюсов, очевидно, ощутил тютчевский космизм мирочувствования в сочетании с простодушной стихией кольцовского стиха.

Следует отметить, что стихотворения с «природно-космической» тематикой и «кольцовскими» мотивами Брюсов, как это видно из его помет в рукописях Ноздрина, выделял из ряда других весьма последовательно: «В объятьях солнца золотого // Согрелась старая земля...»; «Отчего у ночки вешней // Мало звездочек горит? — // Или ючь на нас с лазури // Недоверчиво глядит?..»; «Влево, вправо, как попало // Вьются тропки вековые... // Но не вьются, как бывало, // Мои кудри золотые!..»; «Все бы пел я да рассказывал // О любви, о неге снов // И рассказ с рассказом связывал // В книгу радужных цветов...» и т. п.²⁸

В сохранившемся черновике брюсовского письма к Ноздрину оценка его поэзии довольно сдержанна. Он пишет, что стихи Ноздрина производят впечатление «главным образом в целом, а не в выборках». «У вас, — писал Брюсов, — есть стихотворения, которые, взятые отдельно, слишком, слишком незначительны. Таково, например, "Над поверхностью морской"²⁹. Это мимолетная картинка, и значение она может иметь только в целом ряде таких картинок, только как эпизод той поэмы природы (курсив мой. — С. Т.), которую представляют из себя Ваши стихи»³⁰.

Из письма становится ясно, почему Брюсов намеревался назвать сборник «Поэма природы», а завершалась книга «космическим» стихотворением:

Среди природы я дежурный,	Моя дежурка — мир громадный...
За всем слежу, за всем смотрю,	О, я величие люблю
Люблю я дня покров лазурный	И только смерти беспощадной
И после бледную зарю.	Свой пост покорно уступлю ³¹ .

Приведенные факты позволяют предположить, что более всего в творчестве Ноздрина Брюсова привлекла именно натурфилософская тематика стихотворений, которые к тому же в какой-то мере «приближались к символизму». Уместно в связи с этим вспомнить, что к 1896 г. сложился устойчивый интерес Брюсова и к «природно-космическому» Тютчеву как к одному из предтеч символизма. Брюсов, разумеется, осознавал действительный поэтический масштаб Ноздрина, который был для него поэтом пока лишь немалых возможностей, а не готовых свершений. Но как раз в этом Брюсов увидел «особое очарование» его поэзии, о чем свидетельствует еще одна брюсовская характеристика в тетради со стихами иваново-вознесенца: «Ни в одном стихотв(орении) нет цельности (. . .) и в этом особое очарование. Неожиданные сближения. Оригиналь(ная) игра словами. Своеобразн(ый) взгляд на многое»³².

«Неожиданные сближения» и «своеобразный взгляд на многое» Брюсов мог обнаружить, помимо приведенных выше, и в таких, например, стихах:

Пала роса на зеленых лугах,
Трава оросилась, намокла.
Анютины глазки сегодня в очках —
Росинки на них, словно стекла³³.

Брюсов отчеркнул на полях эту лирическую миниатюру жирной вертикальной чертой и приписал: «Это! Да!». Такие же пометы стоят у другого четверостишия:

Молчит зеленая сосна,
 Молчат сверкающие росы.
 Откуда ветер? Тишина
 Мне задает в лесу вопросы.

В этом стихотворении Брюсов отредактировал 3-ю строку, написав: «Не веет ветер. Тишина...»³⁴.

В рукописях Ноздрина много брюсовских помет, фиксирующих неточные выражения, неправильности размера, неясные образы, неудачные рифмы³⁵ и свидетельствующих о пристальном внимании Брюсова к полученным стихам. Правка Брюсовым производится в большинстве случаев очень бережно и ограничивается заменой отдельных слов, выравниванием размера, исправлением пунктуации (см. прим. 31 и 34 к наст. ст., а также п. 5, прим. 6—8, 15 и 16). Встречаются, однако, и попытки Брюсова написать, в сущности, новое стихотворение, используя те или иные мотивы и образы Ноздрина. Так, Брюсов пытался сконтаминировать 3 стихотворения Ноздрина («Полдень сегодняшний...», «С каждым днем все живописней...», «И ранняя и дружная...»³⁶), предварительно выделив отчеркиванием на полях заинтересовавшие его строфы и перечеркнув другие. Остаются такие стихи:

Полдень сегодняшний	Львиные челюсти
Весел, румян...	Влагу струят...
Запах черемушный...	В лиственном шелесте
Брызжет фонтан,	Песни звучат... ³⁷

Далее Брюсов заменяет стихи Ноздрина своими:

Белый и синий
 Отблеск в саду
 Здесь подле циний,
 Милая, жду.

Эти строки являются отредактированным вариантом строфы из ноздриянского стихотворения «С каждым днем все живописней»:

В цветниках жасминов, циний,
 Приходи, тебя я жду;
 Цвет зеленый, белый, синий
 У меня царит в саду.

Продолжает Брюсов снова своим вариантом:

Вот безотказно
 Входишь и ты —
 Весело праздную
 День красоты,

изменив строфу третьего стихотворения Ноздрина «И ранняя и дружная...»:

На ласки безотказною
 Ко мне являлась ты,
 И я с тобою праздную
 День вешней красоты...

В итоге же Брюсов отказывается от всех трех стихотворений Ноздрина и от своего варианта.

Редакторская работа Брюсова над рукописями Ноздрина, очевидно, требует специального изучения. Стихи Ноздрина, посланные Брюсову, остались неизвестными читателю и только два из них были опубликованы: «Я у природы как дежурный...» (под разными названиями: «Моя дежурка», «На славном посту») и «Молодежь» («Праздник. Сон послеобеденный...») ³⁸. Поэтому ограничимся сказанным выше, так как в данном случае нас в первую очередь интересуют лишь доказательства самого пристального внимания Брюсова к полученным стихам и вполне серьезного намерения довести их до публикации в виде отдельного сборника ³⁹.

Вполне очевидно, что переписка и общение Ноздрина с Брюсовым были все же лишь эпизодом в их литературной биографии. Однако публикуемые письма представляют определенный интерес как для Брюсоведов, так и для исследователей пролетарской поэзии.

Письма Ноздрина обнаруживают в поэте-самоучке, выходеце из низов, жившем в трудных условиях (см. п. 2 и 3), человека весьма незаурядного и талантливого. Работая на фабрике по одиннадцать часов в сутки, Ноздрин тем не менее регулярно посещал книжные магазины, внимательно следил за новыми книгами, именами и течениями в поэзии, вдумчиво читал рецензии и критические статьи. Возможно, что именно несоответствие условий жизни духовным запросам Ноздрина в какой-то мере подтолкнуло рабочего поэта к «новой» поэзии, открыто отвергавшей буржуазную «бездушную действительность» (см. приведенную Ноздриным в п. 1 цитату из стихотворения Лялечкина «Прочь, бездушная действительность!»). С другой стороны, в письмах отчетливо проявилось органическое жизнелюбие и демократизм Ноздрина — черта, полярно противоположная мотивам и настроениям символизма. Все это с учетом утраты ноздринаского архива придает большое значение публикуемым письмам, говорящим о сложном духовном и поэтическом развитии одного из зачинателей пролетарской литературы, впитавшего в себя дух «старой» поэзии и в то же время не чужавшегося уроков поэзии «новой». Важно при этом отметить, что многие ранние стихи Ноздрина были лишь оправданной во многом попыткой «самоучки» расширить свой поэтический диапазон, проверить себя как поэта в незнакомой дотоле сфере.

«Характерной чертой поэтического движения 80—90-х годов,— справедливо отмечает Г. А. Бялый,— было широко распространенное и сказавшееся в творчестве многих поэтов стремление примирить противоречия (. . .) уравнивать в правах «чистую поэзию» с гражданской (. . .) облизать противоположные тенденции и соединить, казалось бы, несоединимые настроения»⁴⁰.

Эта общая характерная черта развития поэзии 80—90-х гг. дает возможность в какой-то мере понять и самобытный «эстетизм» Ноздрина.

Дальнейшая и личная, и поэтическая судьба Ноздрина самым тесным образом была связана с революционным движением рабочих Иваново-Вознесенска. С 1898 г., после неосуществившейся попытки издать с помощью Брюсова сборник стихотворений, Ноздрин, по его словам, «как поэт замолчал на целых семь лет»⁴¹.

В 1905 г., вспоминал Ноздрин, «революционная волна подхватила и меня, в те дни безработного, но связанного общественной работой с кооперацией и зарождающимся профессиональным движением. Я был членом правления общества потребителей и общества взаимопомощи фабричных граверов. Это обязывало меня встать в ряды восставших ивановских рабочих, и я оказался среди них своим человеком»⁴².

В 1905 г. Ноздрин, избранный председателем первого в истории России Совета рабочих депутатов, возобновил активную литературную деятельность. Он писал революционные стихотворения, собирал документы, касающиеся хода всеобщей забастовки, «завел дневник и начал набрасывать первые стихи (. . .) поэмы "Ткачи"»⁴³.

К сожалению, литературные замыслы Ноздрину осуществить не удалось. «Конец этого года,— вспоминал поэт,— ознаменовался выступлением контрреволюционных сил. Манифест 17 октября — эту царскую милость на словах — отцы города превратили в дело самой жестокой мести. Черной бандой я был приговорен к смерти, от возможного самосуда ушел за несколько минут, и вместо головы черносотенцы отыгрались только издевательствами над женой, над детьми, над моим имуществом, квартирой... А мое достоинство — книги, накопленные за двадцать лет рукописи, письма, дневники — все разом превратилось в добычу самых разнузданных, безотчетных страстей, на что, как мне передавали после, смотреть было страшней, чем на пожар»⁴⁴. Не сохранилась и поэма «Ткачи», утерянная товарищем Ноздрина во время казачьего разгона одной из маевек в г. Рыбинске⁴⁵, куда после непродолжительного пребывания в Москве перебрался скрывавшийся от полиции и черносотенцев Ноздрин.

Из Рыбинска Ноздрин переезжает в Ярославль, а весной 1907 г. возвращается в Иваново-Вознесенск. На родине он, однако, пробыл недолго. В ночь на 3 июня 1907 г. его арестовали и вскоре выслали в Олонецкую губернию. С 1909 г., после возвращения из ссылки, поэт жил в Иваново-Вознесенске, но от революционной и литературной деятельности практически отошел.

Октябрь 1917 г., радостно встреченный рабочим поэтом, вернул его к активной общественной и литературной жизни. Ноздрин вновь берется за перо, сотрудничает в областной

газете «Рабочий край», входит в «кружок настоящих пролетарских поэтов», деятельностью которого интересовался В. И. Ленин⁴⁶, участвует в издании местных журналов, альманахов и коллективных сборников ивановских поэтов⁴⁷.

Конец жизненного пути Ноздрин оказался трагическим. В период сталинских репрессий старый революционер на 76-м году жизни был арестован и убит в тюрьме.

В 1927 г. в Москве отдельным изданием вышел первый сборник стихотворений Ноздрин «Старый парус»⁴⁸. Вполне естественно, что 65-летний поэт расценил свою первую книгу как своеобразный творческий итог и, обратившись к истокам, к началу своего литературного пути, не мог не вспомнить первых учителей. 12 октября 1927 г. Ноздрин записывает черновой вариант следующей весьма примечательной дарственной надписи И. М. Брюсовой: «Подытоживая свое прошлое, мне хочется сказать, что еще 30 лет тому назад, когда моя судьба отправилась в поэтическое плавание, то моим рулевым был покойный Валерий Яковлевич.

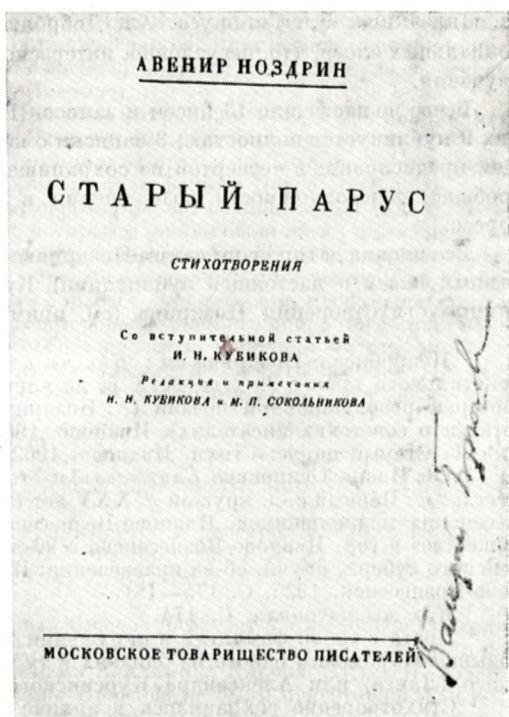
Жизнь прошла, мое плавание заканчивается, и от него остается "Старый парус", который мне и хотелось бы передать в ту семью, где жил мой первый и добрый рулевой, где, как мне известно, я еще не забыт»⁴⁹.

Уроки «первого и доброго рулевого» были, как мы убеждаемся, столь памятны и поучительны для Ноздрин, что спустя три десятилетия он вспоминает о них с глубокой благодарностью.

Письма Брюсова к Ноздрину, за исключением публикуемого в настоящем томе чернового варианта одного из них (см.: *Тетради*, п. 32), к сожалению, не сохранились. Они, очевидно, погибли в 1905 г. во время погрома, учиненного в доме Ноздрин. Однако некоторые представления о не дошедших до нас письмах Брюсова можно получить из ответов на них Ноздрин. Из п. 2 видно, например, что Брюсов, как отмечалось выше, обращал внимание своего корреспондента на более бережное и тщательное отношение к форме стиха. В п. 7 частично воспроизводится ранее не публиковавшаяся дарственная надпись Брюсова на подаренном им Ноздрину сборнике «Me eum esse» и брюсовская оценка нравственно-психологического облика М. Криницкого. Количество конкретных примеров можно, конечно, увеличить, но не будет ошибкой и обобщающее утверждение, что во всех письмах ощутимы идеи, планы, советы Брюсова. С учетом того факта, что речь идет о глубоко заинтересованной переписке Брюсова с рабочим поэтом, человеком незнакомой ему демократической среды, необходимо отметить значение публикуемых писем для дальнейшей детализации и уточнения социально-эстетической позиции лидера московских символистов в середине 90-х годов.

В Ноздрине, как мы убеждаемся, Брюсов увидел не столько еще одного потенциального участника нового литературного направления, хотя и это, разумеется, было для него немаловажным, сколько союзника из низов, неожиданного приверженца из демократической среды.

Не менее важное значение письма Ноздрин имеют и для уточнения некоторых других вопросов брюсоведения и — шире — изучения символизма в целом. Так, они, вопреки распространенному мнению о кастовой изолированности русского символизма в литературном процессе конца XIX в., свидетельствуют о некоторой распространенности произведений молодого Брюсова и других модернистов (в письмах Ноздрин встречаются имена Бальмон-

АВЕНИР НОЗДРИН. СТАРЫЙ ПАРУС. М., 1927

Титульный лист

Литературный музей, Москва

та, Лялечкина, Вл. Гишпиуса, Ал. Добролюбова и др.) среди читающей публики *разных* социальных слоев, что, безусловно, интересно с точки зрения их историко-функционального изучения.

Всего до нас дошло 13 писем и записок Ноздрина к Брюсову (*ГБЛ*. Ф. 386, 96.28). Из них 9 публикуется полностью; 3 записки с некоторыми сокращениями приведены в настоящей предисловии; в четвертой из сохранившихся записок (от 24 января 1896 г.) Ноздрин сообщает о невозможности возвращения в Москву и о своем новом ивано-вознесенском адресе.

Все письма датированы самим Ноздриным, исключая п. 4 и 9 (см. обоснование датировки данных писем в настоящей публикации). Кроме писем, в архиве хранятся неопубликованные стихотворения Ноздрина (см. прим. 18).

¹ Подробнее о Ноздрине см.: *Как мы начинали*. Поликанов А., Орлов А. Очерк поэзии текстильного края с 90-х гг. XIX в. до наших дней. Иваново, 1959; *Куприяновский П. В.* Ветеран революционной поэзии (А. Ноздрин) // *Куприяновский П. В.* В широком потоке (статьи о советских писателях). Иваново, 1963; *Жахов М.* Поэт ивановских ткачей // *Ноздрин А.* Старый парус: Стихи. Иваново, 1962; *Семеновский*. С. 214—217.

² Об Иване Осиповиче *Слузовском* и его кружке см.: *Как мы начинали*. С. 167—182; *Маслов Д.* Первый с.-д. кружок // XXV лет РКП (большевиков): Воспоминания ивано-вознесенских подпольщиков. Иваново-Вознесенск, 1923. С. 29—31; *Малицкий Н. В.* «Гайное общество» в гор. Иваново-Вознесенске в 90-х годах XIX столетия // *Труды Иваново-Вознесенского губерн. научн. об-ва краеведения: Историко-революционный сборник*. Вып. 3. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 175—181.

³ *Как мы начинали*. С. 174.

⁴ Поэта с такой фамилией в окружении Брюсова не было. Ноздрин, очевидно, ошибся, называя Муромским одного из близких в ту пору к Брюсову поэтов Александра Миропольского (Ланга) или Александра Курсинского.

⁵ Стихотворение сохранилось в архиве Брюсова:

Осень злая, непокойная,	Но когда сердцами братскими
Наконец хоть ночь уведрила,	Вспыхнет день с отрадой вешней
Ночь, старуха богомольная,	Не проклятиями адскими
Миллион лампад затеплила.	Будет жизнь полна, а песнею?!

(*ГБЛ*. Ф. 386, 58.8. Л. 16об). Стихотворение включено в сборник Ноздрина «Поэма природы», причем вторая строфа целиком переработана Брюсовым:

Но за днями одинокими
Дни придут с отрадой вешней,
И не блесками далекими
Озарится жизнь, — а песнею.

(Там же. 58.9. Л. 5. Оупubl.: *Семеновский*. С. 219. В ред. Брюсова). См. также письмо Брюсова к Ноздрину (*Тетради*, п. 33).

⁶ *Как мы начинали*. С. 178.

⁷ В. А. Маслов — псевдоним Брюсова, под которым он выступал как издатель сборников «Русские символисты».

⁸ См.: *Тетради*, п. 33.

⁹ Франц Эверс (1871—1947) — немецкий поэт-символист. Об отношении Брюсова к его поэзии см.: *ЛН*. Т. 85. С. 732—733, 754; *Тетради*, п. 16, прим. 6.

¹⁰ *Как мы начинали*. С. 182.

¹¹ См. записи от 22 октября 1895 г.: «Жду Ноздрина (Авенира)»; «22. Воскр(есенье). Днем у меня Ноздр(ин)» и от 26 ноября 1895 г.: «В(о)с(кресенье). У мен(я) Ноздр(ин)» (*ГБЛ*. Ф. 386. 1.13/2. Л. 20 об., 21, 25).

¹² Там же. 96.28. Л. 12, 14, 16.

¹³ *Как мы начинали*. С. 180—182.

¹⁴ Там же. С. 182.

¹⁵ Стихотворение сохранилось в архиве Брюсова:

Я наконец-то прислушался	Как не пойти, не откликнуться
К песне в родной стороне...	Песнею новой на зов!..
То, с чем давно я аюкался,	Хочется броситься, кинуться
Чу, откликается мне...	В море несбыточных снов...

Далее следует приведенная Ноздриным строфа.

Брюсов отчеркнул стихотворение на полях, но в сборник «Поэма природы» оно не вошло. Правки нет (*ГБЛ*. Ф. 386, 129.14. Л. 59).

¹⁶ Там же. 58.8. Л. 25. Брюсов включил это стихотворение в сборник.—См.: Там же. 58.9. Л. 10. Оупubl. *Семеновский*. С. 220; см. также п. 5, прим. 12.

¹⁷ *Как мы начинали*. С. 182.

Сохранилась дневниковая запись Ноздрина от 14 октября 1925 г.: «Переписываю стихи для М. П. Сокольников. Это будет второй случай, когда я свои стихи буду посылать в Моск-

ву. Когда-то я их носил В. Я. Брюсову, согласившемуся их и издать, а потом мы оба решили, что мне издаваться еще рано, и это "рано" так и осталось "раном", одним моим неисполненным делом, за которое, к великому моему счастью, отвечать, кажется, не придется». Сообщено В. С. Бяковским (из архива И. К. Гаффнер, г. Иваново).

¹⁸ ГБЛ. Ф. 386, 58.9. Л. 1. Всего в архиве Брюсова сохранилось более 200 неопубликованных стихотворений Ноздрина (см.: Там же. 58.8, 9; 129.14).

¹⁹ Сам Ноздрин об этом периоде жизни вспоминал: «Когда я из Питера возвратился в Иваново и поступил работать на одну из самых захудалых фабрик Петра Дербенева, то на ней (да так было и на других местах) я встретил огромный рост сознания рабочих, встретил прослойку из рабочей массы, таких товарищей, с которыми можно было легко и безбоязненно говорить на какие угодно темы. Прошло каких-нибудь три-четыре года после разгрома нашего объединения, а на пустыре (...) в обеденный перерыв собралось уже человек по 10—15, поднимавших тогда вопросы стачечного движения, борьбы с экономизмом, профессионального и кооперативного движения. Это были дневные сходы революционного подполья социал-демократических кружков (...) Это меня обязывало побольше знать, побольше читать, чтобы на задаваемые товарищами вопросы отвечать по существу: лжезнайкой я быть не хотел. И у меня эта эпоха приобретения знаний отодвинула стихотворство на задний план (...)» (*Как мы начинали*. С. 182).

²⁰ См.: ГБЛ. Ф. 386, 58.8. Л. 1, 31, 31об., 32об., 33.

²¹ Там же. 129.14. Л. 42; 58.8. Л. 20об.

²² Вл. С. (В. Соловьев). Еще о символистах (Русские символисты. Лето 1895. М., 1985) // *ВЕ*. 1895. № 10. С. 847—851.

²³ «Туманный смрад... Наложниц-жен // Безумный торг в разгаре...»; «Тело горячее... Сон обняющий // Сладостью ласки томит...» (ГБЛ. Ф. 386, 129.14. Л. 52, 53).

²⁴ Там же. 129.14. Л. 33; 58.8. Л. 25об.; 129.14. Л. 38.

²⁵ Письма к Перцову. С. 70.

²⁶ ГБЛ. Ф. 386, 3.4. Л. 28об.—29. Заметим, что Брюсов намечает в этом проспекте издание серии книг. Первой из них значится «Поэма природы» Ноздрина, за ней должны были последовать сборники самого Брюсова под псевдонимами Владимира Дарова, Лидии В. и сборник переводов из Малларме «Листки». Эти сборники Брюсова не были подготовлены, и возможно, что это и послужило одной из причин ослабления его интереса к изданию стихов Ноздрина: вне «серии» символистских сборников издание его не представляло для него существенного смысла.

²⁷ Вступление к сборнику, подписанное инициалами В. Б., выглядит следующим образом: «Предлагаемые стихотворения составляют незначительную часть всего написанного г. Ноздриным и характеризуют лишь одну сторону его поэзии. Издатель просит видеть в этом сборнике лишь начало книги» (ГБЛ. Ф. 386, 58.9. Л. 2).

²⁸ Там же. 129.14. Л. 20; 58.8. Л. 26 об., 23об.; 129.14. Л. 56.

²⁹ Там же. 58.8. Л. 16.

Над поверхностью морской,
Гладкой, как зеркальной,
Встала радуга-дуга
Аркой триумфальной.

И бегут в нее суда,
Бойко выстилаясь,
Спорят с нею пестротой
Флаги, развеваясь.

³⁰ См.: *Тетради*, п. 33.

³¹ ГБЛ. Ф. 386, 58.9. Л. 19об. Брюсов отредактировал четвертую строку стихотворения. У Ноздрина было: «На нем вечернюю зарю» (129.14. Л. 62об.). В журнале «Россия» (1925. № 4. С. 262) стихотворение было опубликовано как брюсовское со следующим примечанием: «Помещенные выше стихи принадлежат к числу первых юношеских опытов В. Я. Брюсова. Стихи еще наивны, несовершенны по форме, но уже в них намечаются некоторые ноты будущей поэзии Брюсова». Курьезно подмеченные публикатором (имя его в журнале не обозначено) «ноты будущей поэзии Брюсова» в стихотворении Ноздрина являются тем не менее косвенным доказательством правоты слов Брюсова о том, что ноздринские стихотворения «приближаются к символизму». См. также: *Как мы начинали*. С. 200, прим. 34; *Семеновский*. С. 221—222.

³² Цит. по ст.: *Благоволлина Ю. П.* Архив Брюсова. Материалы, поступившие после 1966 г. // *Записки Отд. рукописей ГБЛ*. Вып. 39. М., 1978. С. 52.

³³ ГБЛ. Ф. 386, 129.14. Л. 57.

³⁴ Там же. Л. 60. В сборник «Поэма природы» стихотворения не вошли. «Неожиданными сближениями» интересно и стихотворение «Среди природы я дежурный...». Космическая тема дается в нем через приметы рабочего быта — «моя дежурка».

³⁵ Множество примеров этих неточностей Брюсов приводит в письме к Ноздрину (см.: *Тетради*, п. 33).

³⁶ ГБЛ. Ф. 386, 58.8. Л. 15, 15об.

³⁷ О рифмах *шелесте — челюсти, сегодняшний — черемушный* см. в п. Брюсова к Ноздрину (*Тетради*, п. 33).

³⁸ Первое стихотворение публиковалось во всех сборниках стихотворений Ноздрина: «Старый парус» (1927); «Избранные стихотворения» (1935); «Старый парус» (1962); второе — в коллективном сборнике ивановских поэтов «Красная улица» (см. прим. 47). В 1989 г. в серии «Библиотека поэта» вышла книга *Семеновский*. Там опубликованы еще 9 стихотворений Ноздрина из числа присланных Брюсову.

³⁹ Заметим, что часть правки, сделанной в тетради рукой Брюсова, фиксирует не брюсов-

скую, а авторскую правку, сообщенную Ноздриным Брюсову в п. 5 и пунктуально перенесенную последним в авторский текст.

⁴⁰ *Бялы й Г. А.* Поэты 1880—1890-х годов // Поэты 1880—1890-х годов Л., 1972. С. 52.

⁴¹ *Как мы начинали.* С. 182.

⁴² Там же. С. 183.

⁴³ Там же. С. 184.

⁴⁴ Там же. С. 184—185.

⁴⁵ Там же. С. 186.

⁴⁶ См. подробнее: *Куприяновский Й. В.* Сквозь время. Ярославль, 1972. С. 136—142.

⁴⁷ Один из таких сборников («Красная улица») в 1920 г. был послан Брюсову с дарственной надписью (часть надписи оторвана и воспроизводится предположительно):

(Уважаемый Валерий Яковлевич!

Группа (кружок?) ивановских (пролетарских) поэтов; чья в Вас одного из своих передовых руководителей, посылает Вам настоящий сборник для товарищеского отзыва.

С товарищеским приветом.

(Далее следуют подписи Ив. Жижина, Ф. Дмитриева (Костромского), А. Ноздрина, Д. Семеновского, Ал. Тимонина, Сергея Семина, Мих. Артамонова, А. Сумарокова, Вас. Смирнова, Ал. Луганского, С. Селянина — *ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1536.*)

На с. 53—56 сборника были помещены 6 стихотворений Ноздрина, в том числе два из послылавшихся в 1895—1896 гг. Брюсову: «На славном посту» («Я у природы как дежурный...») и «Молодежь» («Праздник. Сон послеобеденный...» — см. прим. 38. Текст последнего стихотворения Ноздрин приводит в п. 4).

Вполне возможно, что именно Ноздрин был инициатором отправки сборника Брюсову. К сожалению, сведений о каком-либо отклике Брюсова на книгу не имеется.

⁴⁸ В сборник вошло только одно из стихотворений, посланных в свое время Брюсову, — «Моя дежурка...» («Среди природы я дежурный...»).

⁴⁹ Цит. по ст.: *Куприяновский Й. В.* Автографы пролетарского поэта // Ленинец. Иваново. 1982. № 230. 30 нояб.

Последние слова дарственной надписи «я еще не забыт» дают возможность предположить, что у Ноздрина была либо встреча, либо переписка с И. М. Брюсовой. Второе вероятнее в связи с тем, что в 1925 г. в журнале «Россия» было опубликовано как брюсовское стихотворение Ноздрина «Моя дежурка...» (см. прим. 31). Вполне возможно, что Ноздрин написал по этому поводу И. М. Брюсовой и получил от нее ответ. В архиве И. М. Брюсовой, однако, ни одного письма Ноздрина нет. Архив Ноздрина этого периода не сохранился.

Была ли послана книга с надписью И. М. Брюсовой — неизвестно, так как экземпляр «Старого паруса», сохранившийся в библиотеке Брюсова (*ГЛМ*), дарственной надписи не имеет.

1

С. Петербург. 1895 г. 17 — Март.

Валерий Яковлевич!

Простите, что я незваным гостем стучусь в Вашу Святую-святых и верьте, стучусь робко и несмело: боюсь Вас оторвать от светлых творческих дум, от начатой песни, от книги, от беседы с друзьями и боюсь нарушить Ваши грезы о лучших днях света, тепла, и боюсь смутить Ваши ожидания вешних южных перелетных гостей, и все-таки пишу, пишу к Вам с севера. Верьте и знайте, что с лучшими и моими ожиданиями весеннего солнца, южных перелетных птиц тесно сроднились ожидания Ваших книг, Ваших песен. И знайте, не только их теплота, свет, звуки наполняют мою душу восторгами, но и белизна книги, чернота букв для меня также полна прелести, они белы, как лебеди, которые скоро потянут к нам с юга, а чернота их букв равняется черноте глаз южных красавиц. Но, увь! весеннее солнце часто от меня будет закрываться улицами, их каменными грандиозными строениями, а когда полетят птицы с юга, они увидят в городе камень на камне, камень камня побивает, и негде им будет приютиться, они полетят мимо дальше, — и я останусь один... Но у меня останутся желания, жажда чистых и светлых наслаждений, какими жил и недавно умерший поэт Лялечкин, который в тяжкие минуты говорил:

Прочь, бездушная действительность!..

Я хочу лучистых грез,

Мотыльков, веселых ласточек,

Белых ландышей и роз!..¹

И все это дадут мне Ваши книги, о которых я хочу сказать несколько слов.

Вступительная заметка второго выпуска «Русские символисты», написанная Вами в ответ на письмо «прелестной незнакомки»², заинтересовала и меня и, главным образом, как боевая страница за новую школу поэтов, к которой принадлежите Вы, которая также пользуется и моими симпатиями. Очень жаль, что Ваше любезное желание продолжать далее эту переписку не распространяется и на других Ваших читателей. И мне хотелось бы знать, насколько эта переписка разрослась или она уже пришла к концу, из которой Вы вышли победителем, чему я готов рукоплескать и крепко, крепко пожать Ваши руки. Я, признаюсь, эту переписку поджидал и думал ее найти предисловием или также новой вступительной заметкой при следующих выпусках Ваших книг, которых, как мне известно, до сих пор не выходило, а в последней Вашей книге «Романы без слов»³ я, к сожалению, этого не нашел. Все критические статьи, какие мне пришлось прочесть по поводу школы символистов, носят слишком субъективный характер известного направления автора и отличаются крайней нетерпимостью, доходящей порой до глумления над разбираемым автором, над вниманием и терпением читателя, который жаждет истины, а ему преподносят какую-то площадную брань⁴. Ваша же заметка мне многое уяснила, указала многие задачи этой поэзии, и я надеюсь от Вас заручиться полным катехизисом символизма и его последователей. Когда я читал Ваши книги, мне не раз приходила такая мысль: символические стихотворения или, как Вы их называете, «стихотворения поэзии намеков»⁵ не должны быть озаглавленными?! Чувствую, что Вы улыбаетесь. Не знаю, как на других, но на меня всегда декламатор производил более впечатление, когда что-нибудь начинал читать прямо с первой строки, — без разных предисловий. Тот же, кто выходил на сцену и первым делом произносил: «Вечер. Стихотворение такого-то», да полупешотом прибавлял еще и эпиграф, то, право, он почему-то мне не нравился.

Так, прочитав и заглавие символического стихотворения, невольно является свое представление о содержании его, воображение забегает вперед, сравнивает его с прочитанным ранее на эту тему, и вы скорее в стихотворении разбираетесь, а не наслаждаетесь его музыкой, образами и всем тем, что производит на нас непосредственное впечатление. И там, где Вы говорите, что «связь, даваемая этим образами, более или менее случайна, так что на них нужно смотреть как на вехи невидимого пути, открытого для воображения»⁶, а заглавие-то вот тут воображение и ограничивает, и его нельзя назвать первой вехой, а оно тут стоит как природорожный столб, на котором красуется надпись, дорога эта ведет туда-то... Как видите ниже, я тоже пишу стихи, которые посылаю Вам как к судьбе, которого прошу обжаловать мою просьбу, указать на то, есть ли во мне хоть маленькая доля того богатства человеческой природы, которое называют талантом? И для меня было бы лестно, если бы из них что-нибудь удостоилось напечатания в издании Владимира Александровича Маслова⁷. Думаю, и надеюсь, что Вы мне на это письмо ответите, что я буду ожидать с нетерпением.

Ваш покорный слуга, Авенир Евстигнеевич Н о з д р и н.

С. П(етер)бург, Царскосельская ул. (Петербургская сторона), дом Гусевой № 10.

¹ Первая строфа стихотворения И. Лялечкина «Символическое» // Петербургская жизнь. 1895. № 123. 12 марта (из подборки «Посмертные стихотворения И. Лялечкина»).

Иван Осипович Лялечкин (1870—1895) — поэт, драматург, театральный критик. Печатался в «Наблюдателе», «Неделе», «Севере», «Будильнике» и др. изданиях. С Брюсовым Лялечкин лично знаком не был, но вел с ним переписку со времени выхода в свет 2-го выпуска «Русских символистов». В архиве Брюсова хранятся 6 писем Лялечкина 1894—1895 гг. (ГБЛ. Ф. 386. 93.12); в черновых тетрадах Брюсова хранится одно письмо к Лялечкину (см.: *Тетрады*, п. 24). В марте 1895 г. Брюсовым сделана в дневнике следующая запись: «Умер Лялечкин. Эта смерть, против ожидания, глубоко затронула меня» (*Дневники*. С. 20). 25 марта 1895 г. в письме к П. П. Перцову Брюсов писал: «Читали ли Вы посмертные стихотворения Лялечкина в «Петербургской жизни?».

И ваши символические глазки
И ваших уст застенчивый коралл...

П. ВЕРЛЕН
Офорт А. Цорна
«Весы», 1907, № 12

зываетесь посмотреть и новые мои стихи, и если что-нибудь напишу, то постараюсь Вам — прислать.

Бесцеремонное отношение к рифмам и вообще небрежность формы в моих стихах является следствием тех исключительных условий, в которых я нахожусь, что считаю совсем неблагоприятным для такого труда.

Я по своим занятиям гравер (чем и существую), работаю по 11-ти часов в сутки, от труда этого требуют и формы, и многого другого, что за день страшно утомляет, и изредка мне выдается такое время, когда становишься способным что-нибудь написать.

Франц(узского) языка, я, к сожалению, не знаю, так как вообще мое учение не шло дальше трех классов простого училища, а позднее не было такого времени, когда бы мог я заняться франц(узским) языком и многим другим, что является существенным пробелом в моем развитии. Верлен, Малларме и Метерлинк мне известны только по Вашим книгам¹, к которым еще могу прибавить Эдгара По (в переводе Бальмонта)², Бодлера (в переводе неизвестного)³; вот и все, что говорит мне о последнем слове искусства в области поэзии. Конечно, Фет и Фофанов мои хорошие руководители.

С истинным почтением Авенир Н о з д р и н.

¹ См. п. 1, прим. 3. Переводы из Верлена были опубликованы Брюсовым также в *РС 1* и *2*, из Метерлинка — в *РС 1*, из Малларме — в *РС 2*.

² См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 15, прим. 12.

³ Стихотворения Бодлера. М.: Изд. Петровской б-ки, 1895/Предисл. К. Бальмонта; (Пер. П. Якубовича). Прим. издателя на с. 111: «Переводчик пожелал остаться неизвестным».

То было тело нервного ребенка
От кончика ботинки до волос!

Клянусь, что это очаровательно! О стихотворении «Прочь, бездушная действительность» я уже не говорю» (*Письма к Перцову*. С. 15).

² См.: *РС 2*. С. 5—12; VI. 28—31.

³ *Верлен П.* Романы без слов/Пер. Валерия Брюсова. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894.

⁴ Ноздрин имеет в виду критические выступления против сборников «Русские символисты» (см.: *Библиография/II*. № 3—13).

⁵ *РС 2*. С. 10; VI. 30 (цитата не точна).

⁶ Там же (цитата не точна).

⁷ См. вступ. ст., прим. 7.

В 1-м выпуске «Русских символистов» в разделе «От издателя» Брюсов писал: «Гг. авторов, желающих поместить свои произведения, просят обращаться с обозначением условий на имя Владимира Александровича Маслова. Москва, почтамп, poste restante» (*РС 1*. С. 4).

2

С. П(етер)бург. (18)95 г. 16 — Апрель.

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич!

Спасибо за Ваш ответ и за указания на недостатки моих стихов, к чему я отношусь с большим вниманием. Спасибо и за то, что Вы не отка-

(Петербург. 18)95 г. 9 — Сентябрь.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Представьте какое совпадение: в день получения Вашей посылки меня неотступно из утра преследовала мысль, написать Вам письмо, и вдруг, возвращаясь с занятий домой, жена (которую я уже имею и еще ребенка) смотрю со мной почему-то особенно нежна и что-то подает мне в руки. В полусвете сумерек начинаю рассматривать и... О, бог мой! Ваше письмо, Ваши книги! И как все это любезно и как все это вовремя. Спасибо! Много раз спасибо! Но половина из присланного мне была уже известна, Ваши «Шедевры»¹ я успел приобрести, и с ними я был уже немного знаком. Я внимательно следил за выходом новых книг, и книж(ный) магазин «Попова»² не раз осаждал вопросом: не выходил ли 3-й выпуск «Русских символистов»? И вот также неожиданно, как посылку, мне вручили Ваши «Шедевры». В них мне особенно нравятся «Снега» (целая поэма), «Давно», «На островах Пасхи»³, «Свивалися бледные тени»⁴, и своеобразно оригинальны «Сумасшедший» и «Три свидания». Статья Волинского «Русские символисты» («Северный вестник» — сентябрь)⁵ указала мне на книгу Александра Добролюбова, которую я также приобрел. Он совместно с Владимиром Гиппиус(ом) печатает новую книгу, это не ту ли самую, которую Вы мне рекомендовали во втором письме?⁶ А писать Вам я хотел по следующим двум причинам. 1) Теряясь в догадках, почему Вы запоздали своим обещанием написать мне письмо? Я очутился в положении, которое отчасти меня своей неопределенностью мучило, да и желательно, и лестно было мне услышать от Вас то «многое», которое Вы мне обещали написать. 2) На днях я должен переменить адрес. 10 сентября из Питера я уезжаю или, вернее, из *Колтовской*. Это один из больных уголков столицы, где я прожил ровно два года, где все пропахло табаком, селедкой, водкой и сифилисом. Жил я тут почти безвыходно, время мне не позволяло и такой роскоши, как, например, побывать лишний раз в городе. Впрочем, знаменитые петербургские острова были у меня под руками, но и они мне успели приглядеться, где как ни хорошо, а все-таки папахивает и рыбой, и утопленниками, того и другого в Питере довольно. Что еще? А Пуант с «закатом». Чего? С закатом чухонского солнца, которое, нужно сказать, большую часть года закатывается довольно скверно и черт знает куда, ничего не видать. Я видел закат солнца в степи, в Малороссии, там куда любопытнее! Ну, и квартира, которую я занимал, представляет из себя не то какую-то конуру, не то какой-то шкапчик об одном окошке, где нам втроем было и тесно, и душно, и это все не Петербург! При такой обстановке можно совсем обалдеть и потерять всяческую способность мыслить и чувствовать. Вот и сейчас я пишу на кончике стола, на котором нет никаких письменных украшений, ну хоть вроде тех, которые есть у франц(узских) символистов, там черепа что ли, а стоят около меня глиняные черепки, из которых я после трудов праведных изволю кушать зеленые щи. Итак, Царскосельская улица не совсем благоприятна для поэзии, это не то, что Царскосельский лицей, когда-то славный именами великого Пушкина и мног(ими) друг(ими). Тут могут только появляться мертворожденные литературные *выкидыши*, но уж никак не шедевры. В Вашем письме есть мысль, которая дважды указывает на то, что в моих стихах есть нечто и хорошее, но из них трудно что-нибудь выбрать для сборника по причинам, которые я понимаю. И мне кажется(?)*, что Вы это высказываете так, как будто Вам не хочется меня обидеть(?)*. Обижаться, конечно, я и не думал, и с Вашей мыслью, что стихи мой еще только приближаются к символизму, я вполне согласен. Недостаточно одного желания, которое я возымел, перейти от одной школы к другой, сделаться из певца гражданских мотивов, прямолинейно тенденциозной поэзии, певцом символизма. Тут нужно некоторое перерождение, новый душевный уклад, писать не насилуя себя, а так, как душе угодно, для чего потрсебуется

* Вопросительные знаки поставлены Ноздриным.

и время, и продолжительный опыт. Но нужно сказать, что за все прошлое время моего писания у меня было несколько моментов, когда я писал стихи близкие к символизму, но это объясняется, пожалуй, тем, что все поэты немного символисты. Ну, а то, что я писал вообще раньше, далеко не символично, и Вы увидите ниже мои образцы, о которых я также хотел бы иметь Ваш отзыв. Были у меня и такие тетради со стихами, которые можно было открывать только при закрытых дверях. Они не то, чтобы были циничны, а просто либеральны. «Ах, да вы и либерал?» — Вы скажете. Но верьте, этим я не хотел Вас ни позабавить, ни заинтересовать, а просто я считаю своей нравственною обязанностью насколько возможно уяснить Вам свою личность: после нашей маленькой переписки я вправе сказать, что мы с Вами немного знакомы. Счастлив поэт, который помимо таланта имеет еще и душу артиста-художника, который, порой, не только хочет высказаться, но и жаждет мученичества-творчества, к таким счастливым натурам я причисляю и Вас, а потому такова и Ваша Богиня поэзии и гордая, и строгая. И мне хочется перед этой Богиней не только преклоняться, но и служить ей. Ну, а я, может быть, только такая натура, у которой бывает «потребность высказаться», как говорит русский Ведрин у Додэ⁷, а поэтому я, может быть, ей в слуги и не годен. А ради того, чтобы только высказаться, пожалуй, писать стихов и не надо, а можно довольствоваться прозой. Но Карлейль сказал, что «чувство должно быть пропето»⁸, и мне хочется, чтобы про меня говорили так:

Его сердце — воздушная лютя,
Прикоснись — и она зазвучит⁹.

И куда бы не желательно слышать такой пародии на эти стихи:

Его сердце — гнездовье гадюки,
Прикоснись — и она зашипит.

Нет, лучше будем петь и звучать и, где нужно, призывать на помощь художника, который научит тому, чего в нас нет от природы, но что входит в строгие неотложные требования вашей гордой Богини поэзии.

Ваш Авенир Н о з д р и н.

Адрес: Иваново-Вознесенск. Покровская улица, дом Александры Ноздриной. А. Е. Ноздрину¹⁰. Что заставило Миропольского отказаться от литературной деятельности?¹¹ Лоран Тальяд¹² это не тот ли Тальят, которого анархисты слегка заделали динамитной бомбошкой?

Ответ на п. Брюсова. См.: *Тетради*, п. 33.

¹ Речь идет о *Chd0 1*. Рассылку первых экземпляров сборника Брюсов начал 25 августа 1895 г. (I, 572). Вместе с «Шедеврами» Брюсов прислал Ноздрину *РС 3*.

² Известный в Петербурге конца XIX в. книжный магазин М. В. Попова (А. М. Ясно-го) — Невский пр., 66.

³ Стихотворение «На острове Пасхи» опубликовано в *Chd0 1* под названием «На островах Пасхи». В *Chd0 2* ошибка в заглавии исправлена.

⁴ У Брюсова — «Свиваются бледные тени...».

⁵ *Вольнский А.* Русские символисты. Вып. I—II. М., 1894; *Добролюбов А.* *Natura natu-rans. Natura naturata.* Тетрадь № 1. СПб., 1895 // *СВ.* 1895. № 9.

⁶ Очевидно, книга «Образцы „новейшей“ поэзии, в переводе Алек. Добролюбова и Владимира Гишпиуса» (см. объявление в кн.: *Добролюбов 1895.* С. 100). Переводы в свет не вышли.

⁷ Герой романа Альфонса Додэ «Бессмертный».

⁸ Герой и героическое в истории: Публичные беседы Томаса Карлейля/Пер. с англ. В. И. Яковенко. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1891. С. 126—127.

⁹ Источник цитаты не установлен.

¹⁰ На внутренней стороне обложки черновой записной тетради Брюсова за февраль 1896 г. записано: «Иваново-Вознесенск. Покровская ул., д. Ноздриной. Авениру Евстигнеевичу Ноздрину». Адрес Ноздрина вновь записан Брюсовым на внутренней стороне обложки записной тетради конца 1897 г. — января 1898 г.: «Авенир Ноздрии. Ив.-Вознесенск. Покровская ул. д. Александры Андр. Ноздриной» (*ГБЛ.* Ф. 386, 2.20 и 3.4).

¹¹ А. Л. Миропольский — один из псевдонимов Александра Александровича Ланга (1872—1917), поэта-символиста, активного участника сборников «Русские символисты».

Дружба Брюсова с Лангом, начавшаяся еще в гимназии, продолжалась до смерти последнего. Миропольскому — «другу давних лет» — Брюсовым посвящен в *ПП I* и *ПСС I* сборник «Chefs d'Oeuvre». В 1902 г с предисловием Брюсова вышла поэма Миропольского «Лествица».

Об отказе Миропольского от литературной деятельности сообщалось в *РС 3* на с. 28: «...Отречение г. А. Л. Миропольского от литературной деятельности замедлило издание переводов из Фр. Эверса, но мы надеемся выпустить их за зиму 1895—6 г.».

¹² Лоран Тальяд (Тайад) (1854—1919) — французский поэт-символист. В 1894 г. был ранен бомбой, брошенной анархистом в ресторане. В известном деле Дрейфуса Тальяд был активнейшим сторонником «дрейфусаров». В *РС 3* было опубликовано стихотворение Тальяда «Убывающая луна» («Подводные цветы! Воспоминанье снега...») в переводе Брюсова.

4

Иванов(о)-Вознесенск, (1896) 9 февраль.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

«Тяжело умирать, хорошо умереть»¹, — говорит Некрасов в своих лебединых песнях. Эти два положения у него отделены знаком, говорящим, что между ними есть тесная связь, и иначе не могло быть: разрушающий его недуг был мучительной жизнью, и, зная его роковой исход, ему хотелось умереть, и это желание было чистой физической смерти.

Но вот передо мной книга Бальмонта «Под северным небом», в которой можно видеть, что и для Бальмонта смерть желанна.

Живи, молись — делами и словами,

И смерть встречай, как лучшей жизни весть².

Так кончается первая песнь книги и тем же самым заканчивается она, где он плачет и жалеет тех безумцев, «бессильных понять, что в смерти больше Жизни, чем в жизни»...³ И тут же он взывает:

К тебе, о царь, владыка, дух забвенья,

Из бездны зол несется возглас мой:

Приди. Я жду. Я жажду примиренья⁴.

Смерть, убавкай меня!⁵

Это песни болеющего жаждой смерти и смерти, прежде всего, моральной, и все это, может быть, вылилось так же искренне, как и у больного Некрасова. Конечно, Бальмонта можно заподозрить и в том, если он физически здоров, что с представлением и с идеей о смерти он только пококотничал. Но есть и такие чудачки, отличающиеся крайней девственной наивностью, считающие себя поэтами и существами какими-то эфирными, которые умирают очень спокойно, «как тихий шум травы».

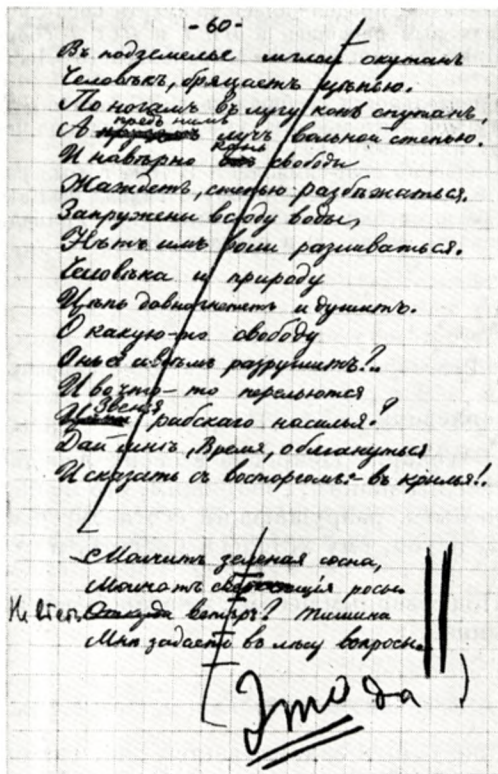
Нет, не зайдешь ты светлою звездой,
Ты не угаснешь, заревом пылая,
Не как цветок умрешь ты полевой,
Не улетишь, звеня, к родному краю.

Угаснешь ты, но грозная рука
Тебя сперва безжалостно коснется;
Природы смерть спокойна и легка —
На части сердце, умирая, рвется!

(Гервет)⁶

У Бодлера есть маленькая поэма в прозе «Опьяняйтесь»⁷, в которой он советует жить — опьяняться, опьяняться всем, кто чем может: вином, любовью, наукой, поэзией и т. д. И жаль, что он не заставляет опьяняться самой жизнью, жизнью не в том смысле, когда она дает нам что-нибудь положительное, или мы имеем в ней успех, или после неудач выходим из нее неуязвимыми, нет, когда между нами и нею завязываются какие-то смутные непосредственные отношения, мы отрешаемся от собственного я, отдаемся ее течению, и она захватывает всеми своими проявлениями, всеми своими мелочами, как нечто наркотическое в ней веет.

Такова и моя привязанность к жизни, и до сих пор я не говорил и не хочу

СТРАНИЦА ИЗ ТЕТРАДИ СТИХОТВОРЕНИЙ
А. Е. НОЗДРИНА

Автограф с правкой и зачеркиваниями В. Я. Брюсова. 1895

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Праздник. Сон послеобеденный
 Воцарился над селом.
 Старость спит. День вешний, ведренный
 Не осилил юность сном:
 Я у леса в загуёмнике
 Вижу девок и парней,
 Где играет на гармонике
 Франт-батрак из бобылей,

У Курсинского этот мотив много красивее.

А Ваше «предисловие» мне просто желательно, хотя и не знаю, какого оно будет характера и что, конечно, потом будет истолковано в известном направлении такими господами, как Арсений Г. (Гурлянды, что ли они там, как их зовут?), которым так дороги архаические мотивы г. Гиляровских с их Ермаками Тимофеевичами и Степанами Разиными, у которых приемы исследования символической поэзии отзываются, прежде всего, «сыском» и возмутительной легкостью¹³. Таков и Буренин в последнем своем фельетоне; разбирая Бальмонта, он диву дается, что дескать Бальмонт поэт талантливый, а все-таки чепуху написал и приводит такие места: «Она о чем-то плакала, слезы падали в траву, и в траве загорались светляки». «Она шла по берегу озера и за нею следом вырастали цветы» и т. д.¹⁴ Все это он называет чепухой, а у самого Добролюбова, у критика не чета Буренину, есть маленький перевод из Гейне, который по смыслу предыдущим строкам ни в чем не уступает:

сказать, что «хорошо умереть». Я жить хочу! И Ваше уверение, что «колыбель смерти не приятна»⁸, я понимаю. Но к великой и для меня радости Вы из нее встали и снова «расширяете и затеваете разные планы»⁹, иначе говоря, у Вас

Много дум в голове,
Много в сердце огня¹⁰.

И вот один из своих планов Вы предлагаете мне на обсуждение. В принципе я ничего не имею против того, чтобы иметь свою книгу, и я ее давно пишу, но из написанного до сих пор мною можно ли ее собрать, я не знаю? И Вам, как говорят, «с горы виднее», так как Вы знакомы с издательской стороной этого дела, и Вам известен спрос на такие книги; к тому же все это сопряжено с материальными затратами и с трудом, для которого Вы, может быть, еще не так здоровы.

Ваш «выбор», конечно, меня удовлетворяет, так как я плохой хозяин своего добра, и только при сравнении одинаковых мотивов своих и чужих я могу еще разобраться, что хорошо и что плохо. Вот хотя бы взять у Курсинского «Хоровод»¹¹, у Вас моих мотивов нет, и нечто мое вроде хоровода:

Где за ухарскою пляскою,
 С диким выкриком «ай, ну!»
 Молодежь менялась ласкою,
 Шумно праздную весну.
 По знакомству, да по близости
 С малых лет пришлось ей
 В дружбе знаясь, в мире вырасти,
 Со своими быть своей¹².

Грустно вошел я в густую аллею,
Где мы с любезной обеты шептали:
Где ее слезы в то время упали,
Там из земли теперь выползли змеи¹⁵.

Ваш Авенир Н о з д р и н.

В оригинале письмо датируется 1894 г., что является явной опiskeй автора, т. к. цитруемый им ниже фельетон Буренина появился в печати в феврале 1896 г. См. прим. 14 к наст. письму...

¹ Из стихотворения Н. А. Некрасова «Скоро стану добычею тленья...» (1876).

² *Бальмонт К.* Смерть // *Под северным небом.*

³ Сказки ночи // Там же.

⁴ Смерть. Сонет // Там же.

⁵ Смерть, убавокай меня...// Там же.

⁶ Две заключительные строфы стихотворения Георга Гервега «Хотел бы я угаснуть, как заря...» в переводе А. К. Толстого (см.: *Толстой А. К.* Полн. собр. соч.: В. 4 т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1884. Т. 1. С. 357—358).

⁷ См.: *Бодлер Ш.* Маленькие поэмы в прозе /Пер. с франц. М. Волкова. СПб.: Всеобщая библиотека. № 66—67 (б. г.).

⁸ Очевидно, цитата из несохранившегося письма Брюсова к Ноздрину. В январе 1896 г. Брюсов лежал в больнице с тяжелым приступом ревматизма (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 7—8).

⁹ Очевидно, цитата из того же письма Брюсова.

¹⁰ Из стихотворения А. В. Кольцова «Путь» (1839).

11

У реки, шурша несмело,
Звездам внемлют камыши,
В роще тихо, ночь стемнела,
На деревне — ни души.

Трензель, бубен, балалайка,
Хохот, грохот, свист и вой,
Ходит павой молодайка,
Вьется парень удалой.

Только там, за огородом,
Где шуршит невнятно рожь,
Слышно, ходит хороводом,
Веселится молодежь.

Плавна поступь хоровода,
Пляски удали полны,
Все так дико... с небосвода
Звезды смотрят, смущены.

(Полутемн)

¹² Другая редакция этого стихотворения была опубликована в кн. «Красная улица». См. Вступ. ст., прим. 47.

¹³ Арсений Г.— псевд. Ильи Яковлевича *Гурьянда* (р. 1868), сотрудника «Новостей дня», «Русского слова» Т. IV, вып. 2. 1940) Брюсов писал: «Затем отмечу прием, употребляемый г. Арсением Г. (Новости дня. № 4396). Со времени интервью с „Московскими символистами“ (Новости дня. № 4024 и 4026) он дышит на них злобой и изобретает всякие способы их погубить...» (*ГБЛ.* Ф. 386, з. 16. Л. 42об.).

В записной тетради № 24 (конец 1895 — начало 1896 г.) в черновом наброске «Апологии символизма» (другой вариант опубликован Д. Е. Максимовым в кн.: Уч. зап. ЛГПИ им. М. Н. Покровского. Т. IV, вып. 2. 1940) Брюсов писал: «Затем отмечу прием, употребляемый г. Арсением Г. (Новости дня. № 4396). Со времени интервью с „Московскими символистами“ (Новости дня. № 4024 и 4026) он дышит на них злобой и изобретает всякие способы их погубить...» (*ГБЛ.* Ф. 386, з. 16. Л. 42об.).

¹⁴ *Буренин В. П.* Критические очерки // Новое время. 1896. № 7152. 26 янв. (7 февр.). Ноздрин вслед за Бурениным ссылается на стихотворение Бальмонта «Дагмар» из сборника *В безбрежности.*

¹⁵ *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1969. С. 129.

5

(Иваново-Вознесенск.) 1 — Апрель. 1893 г.

Простите, многоуважаемый Валерий Яковлевич, что ответ на Ваше письмо я немного задержал, и не потому, что мне пришлось много считаться с Вашими условиями, а совсем по другим причинам, которые не хочу назвать уважительными, попросту: — ответ задержал праздник, который в провинции как-то особенно весел с его колокольным звоном, с водой, которая переполнила все улицы, совсем Венеция! с оврагами, где та же вода падает маленькими водопадами; все это зовет на волю, на свет. Ваши хлопоты по составлению моего «сборника»¹ обязывают меня по отношению к Вам на большую благодарность и заставляют меня быть у Вас в долгу. Ваш выбор стихотворений мне очень нравится², за исключением двух-трех пьес, которые я хотел бы заменить другими в такой редакции:

⁹ Литературное наследство, т. 98, кн. 1

Безумные волны девятого вала
Отбросили снова челнок мой назад,
А долго, упорно его направляла
Рука моя к пристани вечных преград...

И много стремилось к ней нас, одиноких,
Что где-то и долго блуждали вдали
И жаждали жизни уделов высоких,
Святого небес и святого земли...

И вот они скрылись... Один я блуждаю,
И снова тружусь, как трудился Сизиф,
И что впереди меня ждет, я не знаю,
Та пристань преград или гибели риф?..³

К небу звездному, бесконечному
С грустью очи мои поднимаются,
И с небес, по пути они млечному,
С тем же к грустной земле возвращаются...

Им ничто нигде не приглянется,
Видят скорбные, утомленные,
Жизнь вперед идет, не оглянется
На деянья свои беззаконные.

Век болеющих, век беспомощных
Жаждет истины, исцеления...
От страданий людских, злых, чудовищных,
На душе у меня тьма сомнения...

И когда будет день — утешающим,
Вешним праздником и гулянкою,
Братство, истину возвещающим
Над землей, на земле, под землянкою?!..⁴

Я вырвался из пламени
Столичных бурь, страстей,
И снова в дебрях рамени
Стою среди елей.
С елями великаншами,
Как был я раньше, свой...
И там, где они чащами
И рощи красотой.
Где все узкоколейницы
Дорожки знаю я:

Одни ведут до мельницы,
Другие до ручья.
Куда идти? Теряюся...
Везде там благодать!..
И лесом наслаждаются,
Как в нем легко дышать!..⁵

Какая рань
И как светло!.. Вместо — а уж светло *
За нивой, взглянь,
Твое село... и т. д..⁶

Я не хочу сказать, что эти четыре пьесы имеют какое-либо отношение к общим интересам, а просто они лично мне более других нравятся, и ради них я неохотно исключил бы следующие два стихотворения:

1. Холмисто... Кусты... Да овраги...⁷
2. На пуанте людно⁸.

* Помета Ноздрина.

Нельзя ли Ваше распределение страниц немного изменить? И некоторые из тех стихотворений, которые занимают у Вас по 2 страницы, поместить на одной? Свободные места пополнить другими стих (отворениями). Мне думается, что назначенная Вами цена книжки 50 к. для сорока стихотворений будет высока? ⁹ Боюсь этим оскорбить Вас как издателя, но верьте, этот вопрос поставлен человеком, искренне и глубоко уважающим Вас; и я имею в виду еще то, что Вы издатель-любитель, а не книгопродавец, который берет за комиссию 30—25 %. И пусть назначенная Вами цена, какой была, такой и останется. Относительно места, где моя книжка ни будет продаваться, для меня все равно; мне бы приятно было отдать в этом преимущество Вам, так как с Вашей стороны в это дело будут вложены более существенные затраты.

Из Вашего письма видно еще и то, что присланный Вами список стихотворений не есть нечто окончательно решенное: Вы пишете перед оглавлением: «Вот *пока* последнее, на чем я остановился».

В этом случае я предоставляю Вам полное право содержание сборника изменить, и, со своей стороны, не желая Вас вводить в новые затруднения, которые встречаются при выборе моих стихотворений, я посылаю Вам еще несколько пьес ¹⁰.

Перечитывая отмеченные Вами стихотворения, я в некоторых из них надумал кой-что изменить.

Так, в стих (отворении) «Ночь-то! ночь-то! а земля-то» последнюю строфу я хотел бы заменить следующей:

Свет — ненастье беспощадно
Затопило все кругом,
Тонем мы, тонуть повадно,
Нам ликующим, вдвоем!..¹¹

В стих (отворении) «Мы робко с волною воюем» 2 и 3 строфы желательны в таком виде:

Пособницей вечной разлуки	Сгущается мрак полуночи,
Волна торжествует так зло,	Во мраке звучат голоса:
И тянут к нам призраки руки,	Что я для тебя уж не кормчий,
Из рук вырывают весло...	Что ты не мой паруса... ¹²

В стих (отворении) «Ты в могиле не забыта...» вместо «не разрыть тебе могилы» — следует читать «не раскрыть тебе могилы» ¹³. В стих (отворении) «В царстве звезд благоустроенном» последний стих — «интересиками войн», следует читать — «увлечениями войн» ¹⁴. В стих (отворении) «Жатва у смерти обильная» ¹⁵, вместо «Память хранится и ивою», следует читать — «Кто-то хранит память ивою». Помните, г. Курсинский заметил мне, что в стих (отворении) «Туманный смрад» в последней строфе последний стих неверен:

В углу святыня — лик Христа,
Забывший образ нами:
Лампада тусклая пуста,
Лежит на нем теньями ¹⁶.

И им было сказано: «что она может лежать *тенью*, но никак не во множественном числе *теньями*». По-моему, этот стих можно оставить, если брать во внимание то, что сама лампада и цепи, на которых она висит, дают разные теневые рисунки.

К выписанным мною четырем стихотворениям, которые я хотел бы поместить вместо помеченных Вами, хочется еще прибавить два: —

С хребта на хребет...¹⁷
Ветер судно без хозяев...¹⁸

Но, к сожалению, места нет, ничего не поделаешь.

Глубоко и искренне уважающий Вас А. Н о з д р и н.

Относительно своего летнего адреса сейчас ничего не могу сказать.

Каков новый сборник П. Перцова «Философия русской поэзии»? ¹⁶

¹ В марте 1896 г. в записной книжке «Моя жизнь» (№ 10. 1895. дек. — 1896. Окт. 29) Брюсовым сделаны пометки, свидетельствующие о его редакторской работе над сборником стихов Ноздрина: «18 пнд. Ноздрин (сборн(ик))»; «19 от. Juvenilia и Ноздрин» (ГБЛ. Ф. 386, л. 14/1. Л. 9).

² Ноздрин упоминает в настоящем письме о «сорока» отобранных Брюсовым стихотворениях. В подготовленный Брюсовым сборник «Поэма природы» вошло 32 стихотворения (перечень их мы опускаем). Публикуемое письмо дает возможность выявить четыре стихотворения из не вошедших в окончательный вариант сборника (см. прим. 7, 8, 11 и 14). Выявить оставшиеся до «сорока» еще четыре стихотворения не представляется возможным. О принципах отбора Брюсовым стихотворений см. вступительную статью к настоящей публикации.

³ ГБЛ. Ф. 386, 58.8. Л. 25. (другая редакция). В сборник стихотворения не вошло.

⁴ Там же. Л. 32 (другая редакция, с заглавием «Из книги жалоб»). В рукописи Брюсовым подчеркнута название и отчеркнута на полях первая строфа. В сборник стихотворение не вошло.

⁵ Там же. Л. 23 (другая редакция). В сборник стихотворение не вошло.

⁶ Там же. Л. 19. Стихотворение включено в сборник в такой редакции: «Какая рань, — // А как светло!» (Там же. 58.9. Л. 7).

⁷ Там же. Л. 21. В сборник стихотворение не вошло, хотя оно выделено (отчеркнуто) и отредактировано Брюсовым. На полях помета Брюсова: «Гейне?».

⁸ Там же. 129.14. Л. 44. Брюсов сократил это стихотворение, состоявшее из трех строф, вычеркнув вторую строфу. В сборник стихотворение не вошло.

⁹ Брюсов, очевидно, учел пожелание Ноздрина, снизив цену сборника до 30 к. См. последнюю страницу цензурного экземпляра сборника (Там же. 58.9. Л. 200б.).

¹⁰ Судя по сорту, формату и цвету бумаги хранящихся в архиве рукописей, Ноздрин переслал или передал Брюсову четыре или пять подборок стихотворений, но стихотворения не датированы, и установить с полной достоверностью, какие именно из них присланы с настоящим письмом, трудно. Благодаря письму Брюсова к Ноздрину совершенно ясно только, что с первым письмом были присланы стихи, хранящиеся сейчас под шифром 58.8. Л. 15—26. На л. 15 Брюсовым проставлена крупная цифра «I». Цифра «II» стоит на л. 27 и относится к стихам, находящимся на л. 27—36. Цифра «III» — на л. 37 и объединяет подборку стихов, расположенных на л. 37—48. Цифра «IV» проставлена Брюсовым на л. 1 тетради стихов Ноздрина, хранящейся под шифром 129.14. Обобщающей нумерации лишены стихи, хранящиеся сейчас под шифром 58.8, л. 1—14. Но стихи на л. 1—4 и 9—14, судя по типу бумаги, могли входить в состав подборки II (л. 27—36). Они написаны на листах того же формата, в линейку. Стихи же, находящиеся на л. 5—8, написаны на бумаге в клеточку. Возможно, что именно их Ноздрин прислал последней, пятой подборкой своих стихов. Ни одно из этих стихотворений Брюсовым в сборник включено не было. Ни правки, ни помет Брюсова на этих листах нет.

¹¹ ГБЛ. Ф. 386, 129.14. Л. 58. Первоначальный вариант строфы:

И пешастье дивной силой
Потонидо все кругом,
Где и мне, с тобою милой,
Утонуть не грех вдвоем.

В сборник стихотворение не вошло.

¹² См. вступ. ст., прим. 16. В сборник стихотворение вошло именно в этой редакции Ноздрина.

¹³ ГБЛ. Ф. 386, 58.8. Л. 230б. Брюсов исправил строку так, как это предложил Ноздрин. Стихотворение включено в сборник (Там же. 58.9. Л. 120б.).

¹⁴ Там же. 58.8. Л. 260б. В сборник стихотворение не вошло. Опубл.: Семеновский. С. 218, без учета этой поправки.

¹⁵ Там же. 129.14. Л. 48. Брюсов выделит (отчеркнул) первые 8 строк и зачеркнул 16 последующих. Из этих 16 зачеркнутых в сборник вошли 8 последних строк в виде самостоятельного стихотворения «О, моя крошечка! о, моя дочка!..» (58.9. Л. 13).

¹⁶ «Туманный смрад... Наложниц-жен...» — Там же. 129.14, л. 52. В рукописи последний стих отредактирован Брюсовым: «Узор лежит теньми». В сборник стихотворение не вошло. Скорее всего, замечание Куринского Брюсов сообщил Ноздрину в одном из писем до нас писем, но возможно, что Куринский присутствовал на одной из встреч Ноздрин с Брюсовым и высказал это замечание ему лично (ср. запись в дневнике Брюсова от 26 ноября 1895 г.: «У меня Нозд(рин). Пот(ом) Куре(инский). Пот(ом) у Куре(инского)» — ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 25).

¹⁷ Стихотворение вошло в сборник (Там же. 58.9. Л. 4).

¹⁸ Там же. 58.8. Л. 38. Стихотворение вошло в сборник (58.9. Л. 110б.), но Брюсов исключил строки 9—12, а строки 15—16 даны им в другой редакции.

¹⁹ Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения / Сост. П. Перцов. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896.

го дела и что осталось только одно его практическое осуществление, т. е. печатание, и что никаких усложняющих положений, зависящих лично от нас, в этом деле нам более не встретится, а потому я преспокойно и молчал. Не писал еще и потому, боясь, как бы в это время мое письмо не показалось Вам с моей стороны требованием, или чем-нибудь другим, вызывающим Вас на поспешность, на обязательство. Я задаю себе вопрос, в чьи руки могли попасть Ваши письма? Живу я в самом центре города, где почта более аккуратна, чем на окраинах, да и почтамту мой адрес хорошо известен, к тому же письмам Вашим нашлась бы и попутчица, газета, которую я всегда получал своевременно, а писем нет. И если бы пропало одно письмо, то, пожалуй бы, это можно было приписать какой-нибудь случайности, а то целых два и по одному адресу; нет, уж это нечто другое, систематически-умышленное. Но кто-то сказал, «что хорошо все то, что хорошо кончается». Мне думается, что и наша издательская кампания на этот раз закончилась блистательно хорошо: во-первых, стихами своими я никогда особенно не был доволен, бог знает, что их ожидало? Во-вторых, я утешаюсь тем, что этим делом я не вовлек Вас в лишнее разочарование, заблуждение и не доставил Вам возможного случая вкусить на чужом пиру похмелья, а потому с этой историей можно и покончить. Для альманаха, который Вы готовите к изданию с Марком Криницким¹ (имя мне совсем неизвестно), нового я ничего не имею, пользоваться тем, что есть у Вас под руками, Вы, конечно, можете. Но лично для Вас все это, как видно из Вашего письма, не имеет уже того первоначального интереса, какое оно имело в начале нашего знакомства; прибавлю к тому Вашу перемену взгляда на поэзию, имя Вашего соиздателя, которому я совсем чужд, и что если взять все это во внимание, то мое сотрудничество в Вашем издании, пожалуй, будет лишним. Если же Вы, предлагая мне участвовать в альманахе, хотели этим искупить свою вину, о которой пишете, то напрасно: про Вас можно сказать: «Виновен,— но заслуживает снисхождения». И чтобы спокойно перенести свою неудачу и остаться при глубоком уважении Вас, мужества большого не потребуется, и оно у меня найдется. И то, почему я в течение полутора года не написал ничего нового, имеет также некоторое отношение к попытке напечатать стихи: я думал, что все это мне укажет, продолжать ли мне подобного рода занятие? а если продолжать, то в каком духе? А вот и другая причина моего продолжительного молчания: по своему положению, которое я занимаю среди товарищей по занятию, оказался, должно быть, стоящим в «курсе», и прошлой осенью, помнится 24 ноября, был приглашен ими на совещание по устройству между нами общества «Взаимопомощи». Дело это не то, чтобы мне нравилось, счита(ю) его как средство улучшения нашего благосостояния меньше, чем полумерой, а так, ради только поддержания знакомства и товарищеских отношений на фабрике, я к нему все-таки привязался, и мне свой небогатый досуг часто приходится уделять товарищам. А времени свободного у меня очень немного, занимаюсь я с 5 ч(асов) утра и до 8 ч(асов) вечера, с небольшим перерывом. А тут еще домашняя история, семейный разлад, который за последнее время особенно обострился. И не будь у нас детей, будь мы немного обеспеченнее, то, наверное, давно бы разошлись. При таком положении вещей пишется плохо. Те мои списки стихов, которые находятся у Вас, в моих глазах имеют свою более интересную историю, чем те, которые я имею у себя, а потому я хотел бы их оставить на память; так не будете ли Вы любезны их собрать и переслать мне обратно. Я не останусь у Вас в долгу, постараюсь поделиться с Вами чем-нибудь новым. Вы пишете, что посылаете мне свою последнюю книжку, но почему-то я ее не получил. И не беспокойтесь: ее я имею давно, с февраля. Эту книгу Вы заканчиваете стихами: —

Стою я во мраке

Бесстрастным волхвом.

И это после светлого прошлого, когда Вы говорили:

Позабыв *обаянья* бесцельных надежд,

Я смотрю на *мерцанье* сочувственных звезд.

Когда Вы за великое счастье считали: —

Безответно *твердить* откровений слова,
И в пустыне *следить*, как восходит звезда ².

И эти звезды для Вас погасли. Отзвучали Ваши верные — внутренние и неверные — внешние рифмы. Но будем надеяться, ждать, художнику-волхву блеснет новая звезда и укажет путь, на котором он встретит новое лучезарное утро и скажет: —

Что вечно, — желанно,
Что горько: — умрет.
Иди неустанно
Вперед и вперед ³.

Душой Ваш Авенир⁴ Н о з д р и н.

¹ О Марке Криницком (псевд. Михаила Владимировича Самыгина) см. наст. кн., Письма к Самыгину. Вступ. ст. Н. А. Трифонова. О каком альманахе идет речь, неизвестно.

² Ноздрин приводит строки стихотворений Брюсова «Последние думы...» и «...И, покинув людей, я ушел в тишину...» МЭЕ; I, 128—129 и 100).

³ Заключительная строфа из стихотворения Брюсова «Не плачь и не думай...» (МЭЕ; I, 129).

7

(Иваново-Вознесенск.) (18)97 г. 10 — Декабрь

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Мне кажется, что не только одна случайность, которой был нарушен правильный ход Вашей «деятельной» переписки, заставила Вас оказать мне такое большое внимание, я говорю о тоне последних Ваших писем, что никак нельзя отнести к области «деятельной» переписки, в них есть нечто другое, более симпатичное, чем «деловое», «деятельное», и я вправе сказать, что я счастливее других... Ваши письма на этот раз дошли до меня, дошли до глубины моего сердца, откуда рвется наружу что-то доброе, что ничуть не заставит нас изменить наших, как Вы пишете, дружественных отношений. Считая Вас чуть ли не единственным читателем моих стихов, и польщенный новым высказанным Вами к ним вниманием, я только хочу слова о «возвратить их» взять обратно, а рукописи с ними пусть остаются у Вас, что хотите, то и делайте из них. И только в том случае, когда они Вам совсем будут не нужны, я попрошу бы Вас переслать их мне обратно. От души благодарю за Ваши, не знакомые мне стихи и за Вашу книгу с автографом:

«Из бездны ужасов и слез
По ступеням безвестной цели
Я восхожу...» ¹

Этот автограф я понимаю как ответ на стихи предыдущего моего письма:

«Иди неустанно
Вперед и вперед» ².

Книгу Криницкого ³ я постараюсь Вам возвратить, на ней есть также надпись, которая для Вас должна быть дорога. Книгу эту я прочитал и несколько раз просматривал. В повести «На пути к выздоровлению» с очень многим можно считаться, начиная с ее названия: мне кажется, ее вернее бы было озаглавить не на пути к выздоровлению, а на пути к отрешлению, к успокоению, так как ее центральные фигуры Игнатьев и Попов после отчаянного пьянства заделались трезвенниками, погрузились в созерцание собственных пупков, в чем и стали находить успокоение.

Любопытна в этой повести учащаяся молодежь, то она высоко-дерзновенна, говорит о несостоятельности науки, то сама несостоятельна по части уплаты в буфете «четырёх рублей тридцати восьми копеек» ⁴.

Простите за эту шутку, в ней никакого злого умысла нет, что, конечно, и останется между нами. Но в этой повести есть нечто и другое, в чем выражается настроение, личность автора, о котором Вы говорите, как «о спутнике ночи беззвездной, искателе смутного рая»⁵ и что подо всем этим, как говорит Студенцова у Боборыкина, «кроется голод души»⁶.

Мятущийся духом,
«Взыскующий града», —
Он жизнью томится,
Как безднами ада.
Рожденный во мраке,
Вскормленный несчастьем,
Живет он погоней
За истиной-счастьем.
Давно он в дороге...
Наупутствие Рока
Его погоняет

Печалью глубокой.
Печаль — не потери
Наивного рая...
В иные он двери
Стучится, зывая...
Но зов безответен,
Безмолвны притворы,
Где думает встретить
Приветствия хоры...
И дальше идет он?

Но достаточно Ваших слов, говорящих так много в пользу Вашего друга, и я его приветствую! Жду его ободряющего слова, когда мне самому то и дело приходится говорить:

Жизнь не идет своим путем,
Каким бы следует идти ей,
Она глумится над добром,
Ей дело — кажется затеей...

Когда то и дело слышишь:

Пали в борьбе за идею
Лучшие силы меж нас
Все отдаю, что имею,
Смолк их воинственный глас...⁸

А что о себе сказать?

Юность песнь свою пропела,
Много юности друзей
Изменили мне и делу,
Делу лучших наших дней...

К тому, что потребно
Душе непокойной,
Настроен враждебно
Хор недругов стройный.

Ни зова сигнала...
Ни света маяка...
Больной и усталый
Бреду среди мрака.

Безмолвие в небе...
И сердца не чуть...
И жалок мой жребий,
Печален мой путь...

Не видно... И нет их
Как помощи счастья, —
Ни спутников ратных,
Ни спутниц участия...

В этом пока весь, душой преданный Вам, Авенир Н о з д р и н.
Почему так дороги «Отражения» Облеухова? ⁹ Два рубля? И стоит ли их выписывать?

¹ Очевидно, Брюсов послал Ноздрину сборник *МЕЕ*, вышедший в декабре 1896 г. (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 13, прим. 1). Строки из стихотворения «Из бездны ужасов и слез...» (*МЕЕ*; I, 128) входили, по всей вероятности, в надпись, сделанную Брюсовым на книге.

² См. п. 6, прим. 3.

³ Там же, прим. 1. Речь идет о книге: *Криницкий Марк*. В тумане: Рассказы. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1895 (книга в библиотеке Брюсова не сохранилась).

⁴ Повесть «На пути к выздоровлению» входит в состав книги «В тумане». Попов и Игнатьев — главные герои повести, московские студенты, выходцы из провинции, ведущие пона-

чалу полубогемный образ жизни и духовно «выздоровливающие» к концу повести. Эпизод «по части ушлаты в буфете» — см. на с. 82.

⁵ Несколько измененная цитата из стихотворения Брюсова «Свиваются бледные тени...» (I, 88—89). Вероятно, эти слова отнесены Брюсовым к Самыгину в недошедшем до нас письме к Ноздрину.

⁶ Евгения Андреевна Студенцова — героиня романа Боборыкина «По-другому» (ВЕ. 1897. № 1—4). Отстаивая в разговоре с одним из героев романа принципы «нового» искусства, Студенцова произносит следующий монолог: «Нет... Не того жаждут теперь самые чуткие люди — мужчины и женщины — и везде, везде!.. Нужды нет, что некоторые ударились в разные крайности и — на иной взгляд — юродствуют или озорничают. Нужды нет! Подо всем этим кроется голод души! Хочется взлететь как можно выше. Хочется схватывать в жизни природы, в своем сердце, в мозгу, в страсти, даже в нервах, — в преступлении, во всем том, что дает трепет и восторг, еще не испытанный доселе!» (№ 1. С. 182—183).

⁷ Следующая фраза Ноздрина: «Но достаточно Ваших слов, говорящих так много в пользу Вашего друга...» — дает возможность предполагать, что приведенное стихотворение принадлежит Ноздрину. Думается, что эту фразу следует понимать как утверждение в «достаточности» брюсовских слов, процитированных до стихотворения Ноздрина: «Но (вполне) достаточно (и) Ваших (т. е. и без моего стихотворного добавления. — С. Т.) слов...». О принадлежности данного стихотворения Ноздрину говорят и следующие аргументы: 1. Ноздрин вряд ли стал бы переписывать в письме к Брюсову стихи последнего; 2. Двухстопный амфибрахий (исключительно с женскими рифмами), которым написано стихотворение, характерен для Ноздрина. См. в этом же письме его стихи:

Ни зова сигнала...
 Ни света маяка...
 Большой и усталый
 Бреду среди мрака.

3. Ноздрин и в других случаях использовал для стихотворного переложения то, что ему сообщал в письмах Брюсов. См. стихотворение «Жить — наслаждаться прекрасной Тавридою...» в п. 9.

⁸ Источник цитаты не установлен. Возможно, это стихи самого Ноздрина.

⁹ *Облеузов А. Д.* Отражения: Оды — Поэмы — Лирика. М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнеров и К^о, 1898. Книга вышла в конце 1897 г.

8

(Иваново-Вознесенск.) 24 ф(евраля) (18)98 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Мы с Вами живем «в лучшие времена», чем те, в которые жили до нас, о чем так красноречиво говорит «блестящий» публицист «Нового времени» Суворин. Говорит это он по делу Золя, сравнивая его с делом Вольтера, который защищал Каласа¹. Вольтер честное имя Каласа восстановил, когда уже тот был колесован; по приказанию короля парижский парламент другому парламенту провинции за осуждение Каласа сделал выговор, на что президент этого собрания ответил: «добрый конь спотыкается», а в Париже сказали: «Да, но целая конюшня...» Так обстояло дело в плохие времена, что же творится в наши лучшие? Одно человеконенавистничество г. Суворина, его травля евреев разве не объявляет нас сказать: —

«Бывали хуже времена,
 Но не было подлей!..»²

Комедия франко-русского сближения, разыгранная с таким блеском при министерстве все того же Мелина³, в моих глазах является ничем иным, как зданием, построенным на песке, на лжи двух правительств. И главным персонажам этой комедии, вызванным Золя, было бы крайне невыгодно в одно и то же время быть и преданными слугами французского народа, и предателями ни в чем не повинного Дрейфуса. Чтобы успокоить страну, они должны были оправдаться, еще раз солгать, прекрасно понимая Золя, его отважный ум, его бунтующую совесть.

И печально то: улица, толпа, привыкшая кричать: «Распни Его, распни! Варраве дай свободу!»⁴ находит себе союзницу, и кого же? Современную прессу. Что же, ведь считают же ее «державой», и почему ей, как вообще державе, не иметь своих врагов, вот она и избрала их в лице евреев. И мы в своем захолустье

немало волновались по поводу этих событий, где я не встретил ни одного человека, который не был бы за Золя ⁵.

Имя Шамполиона мне было раньше совсем незнакомо, и только благодаря словарю «Граната» я узнал, чем он известен ⁶. Вас как поэта и вообще как человека, насколько мне было можно узнать, я узнал. Но медик ли, юрист ли, филолог ли Вы, я до сих пор, право, не знаю. И только благодаря Вашей близости к Шамполиону я смею догадываться, чему Вы обучались в университете!

Стихов и на этот раз я только могу Вам обещать: к песням я и вернулся, но только, как бывало, запою еще не пою. А Вам пора выздоравливать, недуги просто Вас одолели ⁷.

Жму Вашу руку. Авенир Н о з д р и н.

¹ В конце 1897 — начале 1898 г. А. С. Суворин выступил в «Новом времени» с серией небольших статей под общим заголовком «Маленькие письма», в которых упрекал Золя за вмешательство в дело Дрейфуса: «Если лавры Вольтера не дают спать Эмилю Золя, то не так следовало бы приняться даже за это дело Дрейфуса» (Новое время. 1897. № 7836. 19(31) дек. См. также: Новое время. 1897. № 7804. 17(29) нояб.; 1898. № 7884. 7(19) февр.).

По общественно-политическому резонансу дело Дрейфуса напоминало дело Каласа.

В 1762 г. гугенот Жан Калас, торговец из Тулузы, был обвинен в убийстве своего старшего сына за то, что сын намеревался перейти в католичество, Калас был колесован по приговору суда. Вольтер, убедившись, что в деле Каласа, инспирированном католическими фанатиками, была совершена судебная ошибка, в своих статьях и памфлетах встал на защиту невинно осужденного и добился пересмотра дела и посмертной реабилитации Каласа.

² Строки из первой строфы поэмы Некрасова «Современники» (1875).

³ Феликс Жюль Мелин (1838—1925) — французский политический деятель конца XIX в. В 1896—1898 гг., будучи премьер-министром, вел клерикально-националистическую политику и выступал против пересмотра дела Дрейфуса. Мелин активизировал политику сближения Франции и России.

⁴ Перефразированный евангельский текст из рассказа о неправедном суде Понтия Пилата над Христом. (В евангелиях от Матфея, Марка, Луки, Иоанна соответственно главы 27, 15, 23, 18.)

⁵ Примечательна по крайней резкости суждения запись, сделанная Брюсовым в дневнике 12 февраля 1898 г. в связи с осуждением Золя: «Золя осужден. Я когда-то любил Францию и французов вообще, но после этого „дела Дрейфуса“ и осуждения Золя я их презираю и прокливаю. И мой Верлен не был французом» (*Дневники*. С. 33).

⁶ В словаре «Гранат», на который ссылается Ноздрин, о Шамполионе дана следующая справка: «Шамполион Жан-Франсуа (младший) — французский археолог, отец египтологии. Р(одился) в 1790 г. Расшифровал египетск(ие) письмена. Ум(ер) в 1832 г.» (Т. 49. С. 74). Ноздрин в своих воспоминаниях так передает содержание одного из разговоров с Брюсовым: «От Наполеона он перешел к оценке французского правительства, которое, по его мнению, после дела Дрейфуса вынесло самому себе смертный приговор. Брюсов возмущался размножением в миллионах экземпляров речи какого-то члена французской палаты депутатов и удивлялся тому, что это происходит в стране, давшей... Тут он упомянул запомненное мной имя какого-то египтолога» (*Как мы начинали*. С. 181). Очевидно, Ноздрин передает здесь не устное высказывание Брюсова, а содержание того письма к нему, ответом на которое и является комментируемое письмо. О встречах Брюсова и Ноздрина в 1898 г. никаких сведений не сохранилось.

⁷ В начале 1898 г. Брюсов долго и тяжело болел плевритом (см.: *Дневники*. С. 32, 33).

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Жить — наслаждаться прекрасной Тавридою
 Сдавна моим постоянным желанием.
 Хочется высказать, как я завидую
 Вашим далеким скитаниям.
 Вы восхищаетесь дивной Алушкою,
 Гор и подножий их чудных картинами,
 Жадно следите за парусной шляпкою
 Там, где и чайки, и волны с дельфинами.
 Вот и меж скалами страшно-отвесными
 Вижу я Вас вдохновенно-влюбленного,

Бродите Вы с вдохновенными песнями,
С песнями моря и царства зеленого.
Хочется знать, что не только пленительна
Юга природа могуче волшебная,
Но что для Вас она также спасительна
Сила живая целебная.

Хочется знать, что не силой теплою,
Временем будет ее исцеление:

Справитесь Вы с атмосферой столичною,
Вновь возвратитесь к трудам вдохновения.

Сказочный край, исцеляющий немочи,
Раем считаться бы мог меж поэтами:

Так как имел он *Адама* Мицкевича,

Крыма певца, что сказалось сонетами.

Рай, не имеющий в прошлом изгнания,

Бывший приютом не раз для изгнанников,

В дни, когда жизнь за святые призвания

Гонит людей, как достойных опальников.

Пойте и Вы! Вдохновенно сонетами

Вылейте в новом своем волховании,

Дайте нам в песнях мечеть с минаретами,

Книгу-природу в живом толковании.

Неба побольше, побольше лазурного,

С ярким на глади морской отражением,

Дайте нам моря безумного — бурного

С диким в прибрежные скалы вторжением,

Горы с вершинами бледными зимними,

Горы с подножьями вешними яркими,

Что разбегаются в стороны дивными,

Тихо шумящими южными парками.

Здесь вот не то: с очертаньями грубыми

Всюду теснятся фабричные здания,

Город дымится фабричными трубами,

Дым застилает лазури сияние.

Двигается все с оглушительным грохотом,

Все говорит о тяжелом страдании,

Труд исполняют с покорностью, с ропотом,

Нету ни в чем ни любви, ни призвания.

Здесь, где немногих успехи достигнуты,

Здесь, где теснятся в каморках бездомные,

Рядом хоромы-палаццо воздвигнуты,

Видишь хозяев их лица довольные.

Смотришь на лица рабочих, пугаешься:

Все говорит в них тупым вымиранием;

Тянешь и сам с ними лямку, не знаешься

С теплым участием, с живым состраданием,

Дети... И дети здесь также замучены...

Бледные, слабые матери женщины...

Вот рукава их по локти засучены,—

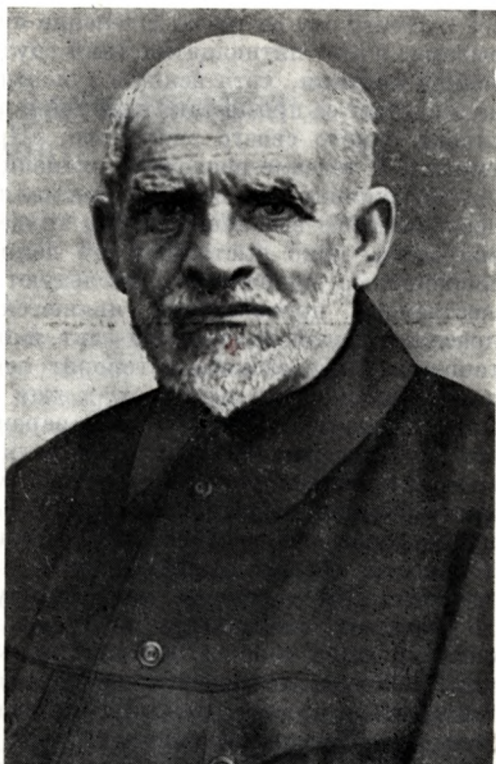
Это работницы тяжелой поденщины.

Вот почему я на рок свой с обидою

Вам говорю, выражаю желание

Жить — наслаждаться прекрасной Тавридою,

Знать ее силу, ее обаяние.

А. Е. НОЗДРИН

Фотография. 1930-е годы

Литературный музей, Москва

С сущностью и задачами искусства, как их понимает Л. Толстой, я знаком только по тем журнальным статьям, которые были вызваны его книгой «Об искусст-

ве»¹. Книгу эту он писал в течение пятнадцати лет, конечно, с большими перерывами, и этот пятнадцатилетний труд не что иное, как одна из работ художественной критики, хотя всякую художественную критику он не только отрицает, но и считает ее прямо-таки вредной и даже находит «долю истины» в следующих словах одного своего знакомого: «Критики — это глупые, рассуждающие об умных». В течение последних пятнадцати лет Л. Толстой жил менее всего жизнью художника, его всецело занимали социальные вопросы, что сказалось и на последнем его вышеупомянутом труде, и там, где он нападает на современное искусство, ярко выступают его демократические тенденции: по его мнению, современные художники преследуют исключительно корыстные цели, художественные произведения являются исключительно достоянием богатых и праздных людей. Хотя такой факт, и он не единственный, как смерть Ивана Платоновича Киселевского², говорит совсем другое. Наслаждаться искусством, по мнению Л. Толстого, грех, в этом он видит нечто языческое, антихристианское. Искусством можно только заразиться и только тогда, когда источником его бацилл-заражения является «религиозное христианское сознание, которое состоит в признании каждым человеком своей сыновности богу и вытекающего из него единения людей с богом и между собой...» Вообще, художник должен быть не то попом, не то Апостолом. «Истинное художественное произведение есть только то, которое выражает новое чувство, не испытанное людьми». Но существует другое понятие: истинные художники были всегда выразителями своего времени, способными нащупать пульс жизни, узнать, чем он бьется, и они выражали чувства не новые, неиспытанные людьми, а уже привившиеся к ним, и что они только нуждались в форме их выражения: так как потребность высказаться по поводу того или другого присуща почти нам всем, но не всем нам даны способности художников, и вот почему нам так дороги художники, с которыми мы ищем общения, а произведение искусства есть личность художника, почему искусство и можно назвать одним из способов общения людей между собою. По-моему, одним и тем же произведением искусства можно и наслаждаться и заразиться. Так, в одном человеке известное художественное произведение может вызвать воспоминание, а воспоминание первой любви и других увлечений молодости разве не наслаждение? Другой же, и в том же художественном произведении, может натолкнуться на другую силу, которая его заразит, наэлектризует, разожжет в нем любовь и жажду других идеальных стремлений. Мне бы хотелось еще раз возвратиться к этому предмету, а пока остаюсь.

Ваш Авенир Н о з д р и н.

В архиве Брюсова (ГБЛ) письмо датируется 1895 г., но из его содержания видно, что оно представляет собой ответ на недошедшее до нас письмо Брюсова, в котором он, очевидно, рассказывал о своей поездке в Крым, состоявшейся весной 1898 г. (с апреля до середины июня).

¹ Речь идет о трактате Л. Толстого «Что такое искусство?», вышедшем отдельным изданием летом 1898 г. (Впервые опубликовано: Вопросы философии и психологии. 1897. Ноябрь. — дек.; 1898. январь. — февраль. До мая 1898 г. вышел ряд откликов на статью Толстого. См., напр.: Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1898. № 3; Он же. Еще об искусстве и гр. Толстом // Русское богатство. 1898. № 4; Борисов Я. Граф Л. Н. Толстой об искусстве // РМ. 1898. № 4. Об отношениях Брюсова и Толстого см.: Нуралов Э. Л. В. Я. Брюсов и Л. Н. Толстой // Чтения 1963; Гиндин С. Становление брюсовского отношения к Толстому // В. Брюсов и литература конца XIX—XX вв. Старополь, 1979; Он же. Эстетика Льва Толстого в восприятии и эстетическом самоопределении молодого Брюсова (по рукописям книги «О искусстве») // Записки отд. рукописей (ГБЛ). М., 1987. Вып. 46.

² Иван Платонович Киселевский (1838—1898) — русский актер, играл во многих провинциальных театрах, с 1879 г. — в Александринском театре и в театре Корша. С 1894 г. до конца жизни играл в театре Соловцова в Киеве. Киселевский, испытавший в своей творческой жизни несправедливые гонения администрации казенных театров, был известен современникам как образец быстрого служения актерскому искусству.

В отклике на смерть Киселевского А. Р. Кугель писал, что Киселевский, бывший в 1898 г. в весьма стесненных финансовых обстоятельствах, скончался буквально накануне получения выделенного ему после долгих проволочек пособия в 100 р. См.: К-ль А. И. П. Киселевский // Театр и искусство. 1898. № 17. С. 329—330. О нем см. также: Плещеев А. Соч. СПб., 1914. Т. 3. С. 70—74; Юрьев Ю. М. Записки, 1872—1893. Л.; М., 1939. Т. 1. С. 79—84, 88, 90; Он же. Записки, 1893—1917. Л.; М., 1945. Т. 2. С. 121, 162, 168, 280.

ПЕРЕПИСКА С А. А. КУРСИНСКИМ

1895—1916

Вступительная статья А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова
Публикация и комментарии Р. Л. Щербакова

Александр Антонович Курсинский (1873—1919) — поэт, переводчик и журналист — известен теперь только узкому кругу специалистов. Но в свое время он был довольно заметной фигурой молодого символистского движения. Близкий друг Бальмонта и Брюсова, автор двух стихотворных сборников и сборника стихов и прозы¹, Курсинский часто упоминается в дневниках, воспоминаниях, письмах литераторов декадентского направления, но как-то всегда мельком, вскользь. Причина, очевидно, в том, что талант его был не ярко, литературная продуктивность — весьма умеренна, а творческая позиция — половинчата. Ценителям модернистской поэзии стихотворения Курсинского казались слишком традиционными, а ее противникам, наоборот, вычурными и непонятными. Брюсов в письме к В. К. Станюковичу осенью 1895 г. называл Курсинского своим подражателем², а позднее, в 1906 г., причислял его к школе Бальмонта³. Но нет в стихах Курсинского ни брюсовской чеканности, ни бальмонтовской певучести.

Более заметной оказалась переводческая деятельность Курсинского, в целом ряде случаев положительно оцененная тогдашней критикой⁴. Он владел английским, французским, немецким, болгарским и польским языками. Отдельными изданиями вышли в его переводах «Небожественная комедия» Э. Крассиньского⁵, «Афоризмы и прелюдии» С. Пишибышевского⁶, «Дектор Мухомолский» Э. Маевского⁷ и «Флорентинская трагедия» О. Уайльда⁸. В сборниках поэта и на страницах периодических изданий публиковались также его переводы из Т. Мура⁹, П.-Б. Шелли, Ю. Словацкого, Э. По, Г. Лонгфелло¹⁰, Ш. Бодлера¹¹ и др.

Наибольшую известность Курсинский имел как журналист, а также литературный и театральный критик. Его заметки, рецензии, статьи, обзоры появлялись не только на страницах «Весов» и «Золотого руна», но и в органах печати самых различных литературных и политических направлений, в журнале «Русский артист» и в газетах «Курьер», «Утро России», «Русское слово». В 1906 г. Курсинский намеревался под заглавием «Беглые строчки» выпустить сборник своих газетных и журнальных статей¹². Замысел этот не осуществился, и его многочисленные фельетоны, библиографические заметки, театральные отклики оказались затерянными на страницах периодики начала века.

Поскольку фигура Курсинского до последнего времени не привлекала внимания литературоведов, жизненный путь его изучен недостаточно. Родился Курсинский в Киеве 10 мая 1873 г. Он был внебрачным ребенком дочери коллежского секретаря Ванды (Норбертины) Андреевны Краевской (1852—1899). Отец его, динабургский мещанин Антон Адамович Курсинский (1823—?), женился вторым браком на Ванде Андреевне уже после рождения сына. Просьба Антона Адамовича об усыновлении ребенка не была удовлетворена — по тогдашним законам для податных сословий мальчик был «приписан к семейству» Курсинского¹³. Отец был на 29 лет старше своей второй жены, он довольно часто болел, а потому воспитанием сына занималась в основном мать, получившая по тому времени неплохое образование¹⁴.

Еще ребенком родители перевозят Курсинского в Москву, где он в 1884 г. поступает в 3-ю Московскую гимназию, а после успешного ее окончания в 1891 г. становится студентом славяно-русского отделения историко-филологического факультета Московского университета. В период учебы Курсинский обращает на себя внимание профессора Н. И. Стороженко, читавшего курс истории западноевропейской литературы, который рекомендует способного студента в семью Л. Н. Толстого в качестве репетитора его сына Михаила¹⁵. Лето 1895 г. Курсинский проводит в Ясной Поляне. Эти месяцы — время наиболее интенсивной переписки Брюсова и Курсинского.

А. А. КУРСИНСКИЙ

Фотография П. Павлова. Москва, 1895

Центральный исторический архив города Москвы

Хотя Брюсов был студентом того же факультета, что и Курсинский, познакомились они не в университете, а в Русском охотничьем клубе на представлении пьесы М. Метерлинка «Втируша». В архиве дочери Курсинского хранилась программа этого вечера, состоявшегося 3 мая 1894 г., с карандашной пометой: «Первое знакомство с Брюсовым»¹⁶. Знакомство это, по всей видимости, довольно быстро перешло в дружбу¹⁷. Курсинский привлекает Брюсова в Кружок любителей западной литературы, в котором он был секретарем¹⁸, а Брюсов, в свою очередь, вводит его в Московский библиографический кружок¹⁹. Вероятно, именно Курсинский знакомит Брюсова с Георгом Бахманом и Тором Ланге, своими гимназическими учителями.

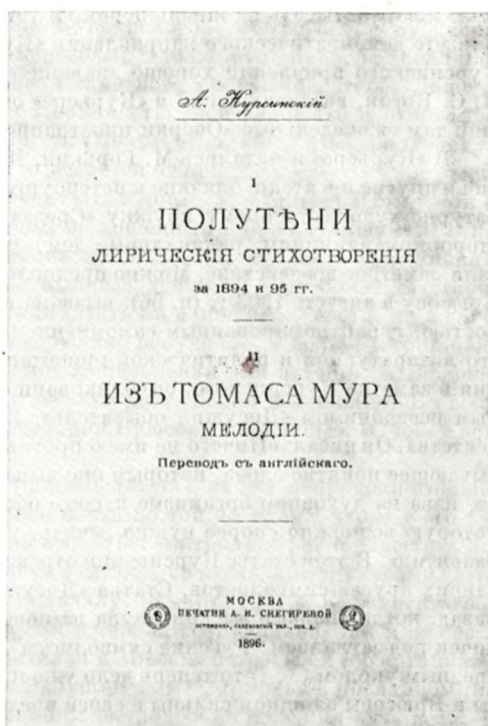
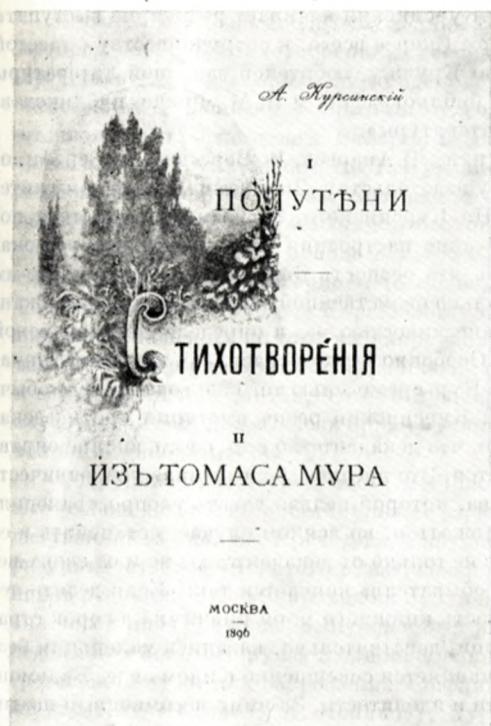
Многое объединяет молодых людей: интерес к новой поэзии, увлеченность западной литературой, работа над техникой стиха и перевода, надежды, связанные с первыми собственными сборниками, круг общих друзей и небольшие молодежные пирушки, происходившие обычно после заседаний студенческого кружка любителей западной литературы²⁰. В дневнике Брюсова 1 сентября 1895 г. сделана запись: «Меня до того изумило вежливое молчание моих друзей о „Chefs d'oeuvre“, что я сбегал вчера к Курсинскому. Он еще не приехал, но я его дождался (лишь вчера

он из Ясной Поляны, а сегодня домой). Курсинский ближе других ко мне»²¹.

Летом 1895 г. в Ясной Поляне Курсинский начал составлять сборник оригинальных и переводных стихотворений «Полутени». Брюсов был его первым читателем, а также переписчиком, редактором, критиком и распространителем. Поэтическое творчество Курсинского Брюсов в это время оценивал весьма высоко. 27 июля 1895 г. он писал П. П. Перцову: «Может быть, Вы (. . .) укажете мне какие-нибудь сборники стихов; вышедшие в этом году и достойные внимания. Те, с которыми знаком я, — ничтожны, если, впрочем, не считать маленькой рукописи, которую я редактировал недавно: то „Полутени“ полусимволиста г. Курсинского; они появятся осенью, и многие стихотворения из них мне кажутся очень значительными»²². Брюсов намеревался посвятить «Полутеням» одну из глав своей книги «Русская поэзия в 1895 году»²³.

В период своей репетиторской деятельности в Ясной Поляне²⁴ Курсинский очень много работает. Кроме «Полутеней», он готовит сборник переводов из Эдгара По, пишет роман «Хмурое небо», изучает итальянский язык, собирает библиотеку Л. Толстого, переписывает по просьбе Софьи Андреевны «Воскресение». Не случайно 22 сентября Брюсов доводит до сведения Перцова: «Из самых верных источников могу сообщить, что Л. Толстой пишет роман из жизни „господ“, большой и тенденциозный»²⁵.

Весной 1896 г. Курсинский заканчивает университет и получает диплом 1-й степени. Проф. Н. И. Стороженко рекомендует его для работы на кафедре, но Курсинского призывают для прохождения действительной службы. Проведя лето в Ясной Поляне, он в сентябре поступает в Киевское юнкерское училище. С весны 1897 г. подпоручик Курсинский находится в военных лагерях в г. Горбатове Нижегородской губернии, а затем продолжает службу в 307 Арзамасском полку. Осенью 1898 г. Курсинский уходит в отставку и, не найдя ра-

А. КУРСИНСКИЙ. I ПОЛУТЕНИ. СТИХОТВОРЕНИЯ. II ИЗ ТОМАСА МУРА. М., 1896

Обложка, титульный лист. На шмуцтитуле — дарственная надпись: «Нине Робертовне Таировой в знак признательности и в память 7го апреля 94 года. Восторг есть миг и красота есть тень; || Она залог грядущего блаженства. || Кто тень поймал, тот верил в совершенство, || Идет к нему с ступени на ступень... А. Курсинский»

Собрание Л. М. Тульчинского, Москва

боты в Москве²⁶, поступает преподавателем словесности в Серпуховскую женскую прогимназию.

К этому времени дружба Брюсова с Курсинским, потеряв живительную творческую основу, становится все более внешней. Все реже происходит обмен письмами, все суше их тон и короче размер. В дневниках Брюсова мелькают такие записи: «Дважды виделся с Бальмонтом. Один раз это было у Курсинского (. . .) Читали стихи, много стихов, Шелли, Добролюбова, нас троих. Курсинский мешал нам. Когда я прочел "На новый колокол", он воскликнул в негодовании: „Но если так, то, в конце концов, мы будем перелагать в стихи песни нищих". О, sancta simplicitas» * (4 октября 1898 г.); «Курсинский говорил глупости о стихах вообще и о стихах Ореуса в частности» (9 февраля 1899 г.); «Был у меня Курсинский. Он скучен, как и прежде. Готовит книгу стихов» (28 сентября 1899 г.)²⁷.

Второй сборник Курсинского — «Стихи» — вышел не в 1902 г., как указано на обложке, а в сентябре 1901 г., вскоре после переезда автора в Москву. Немногочисленные рецензенты отнеслись к книге довольно сдержанно: «Нельзя отказать ему ни в некотором таланте, ни в безусловном умении владеть стихом. Его стихотворение "Ночные облака в марте", десять лет тому назад напечатанное в журнале "Детский отдых"²⁸, положительно недурно, как по форме, так и по направлению. Но рядом с этим и несколькими другими звучными и не лишенными оригинальности стихотворениями г-на Курсинского в его сборнике встречаются и такие "стихи", которые ни малейшего отношения к поэзии не имеют и представляют из себя какой-то стихотворный сумбур, составленный по рецепту наших доморощенных декадентов»²⁹.

Период с 1901 по 1903 г. в литературном отношении был для Курсинского наиболее продуктивным. Вероятно, по этой причине он решает расстаться с педагогической деятельно-

* святая простота (лат.).

стью и зарабатывать на жизнь пером. В 1903 г. Курсинский начинает регулярно выступать в газете демократического направления «Курьер». Скорее всего, к сотрудничеству с газетой Курсинского привлекли хорошо знавшие его по Кружку любителей западной литературы П. С. Коган, возглавлявший в «Курьере» отдел библиографии, и В. М. Фриче, публиковавший там еженедельные «Очерки иностранной литературы».

В «Курьере» печатались М. Горький, И. Бунин, Л. Андреев, В. Вересаев, А. Серафимович и другие писатели, близкие к петербургскому издательству «Знание» и московскому литературно-художественному кружку «Среда»³⁰. На Курсинского, легко поддававшегося посторонним влияниям, радикальные демократические настроения редакции «Курьера» оказали заметное воздействие. Можно предположить, что резкость тона письма, посланного им Брюсову в августе 1903 г. (п. 66), вызвана не только свойственной Курсинскому несдержанностью, гипертрофированным самомнением и заносчивостью, но и определенной переменой его литературной и политической ориентации. Особенно четко отразилась эта трансформация в заметке Курсинского, опубликованной в «Курьере» осенью того же года под его обычным псевдонимом «Досужий обыватель». В ней Курсинский резко выступил против декадентства. Он писал: «Ничего не имею против того, что декадентство есть нечто, вполне оправдывающее понятие слова, которым оно выражается. Это вредное, болезненное упадочничество; язва на духовном организме нашего общества, которой нельзя давать распространения, которую возможно скорее нужно лечить, уничтожать и, во всяком случае, остановить в ее развитии». В этой статье Курсинский отрекается не только от декадентства, но и от своих недавних друзей-символистов. Статья «Досужего обывателя» кончается так: «Если десять лет назад, когда впервые выскользнула на поверхность книжного моря книжечка в сорок страниц под заглавием "Русские символисты", — они, действительно, казались маленьким безвредным уколком (. . .) то теперь дело уже представляется совершенно в ином виде. Бальмонт и Брюсовы слишком сильны в своей вредности и ядовитости. За ними несомненный поэтический талант, делающий для многих привлекательной каждую их мысль, какой бы вред для общественного организма ни таился под оболочкой привлекающей их красоты»³¹.

Резкий тон статьи был неожидан в газете, охотно публиковавшей стихотворения Бальмонта, поэтому она получила достаточно широкий резонанс, докатившийся и до провинции. Например, некий «Читатель» (Крымский курьер. 1903. № 326, 20 дек.) предлагал выдать московскому «Курьеру» вообще, а г-ну «Досужему обывателю» в частности жетон с надписью: «И я сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал». «Читатель», возможно, хорошо осведомленный, кто скрывается за маской «Досужего обывателя», напоминал: «Они устраивали в Литературном кружке рефераты, во время которых Бальмонт хвалил Брюсова, Брюсов — Бальмонта, Поляков — обоих, Курсинский — всех троих. А затем в "Курьере" печатали подробные отчеты об этих жвительных и отрадных рефератах».

Статья Курсинского привела к временному разрыву его отношений с Брюсовым. Об этом свидетельствует как прекращение переписки, так — косвенно — и тот факт, что Брюсов подарил Курсинскому свой сборник «Urbi et Orbis», выпедший в октябре 1903 г., с большим запозданием. Красноречива и дарственная надпись: «Александрю Антоновичу Курсинскому память давней дружбы, знак всегдашнего сочувствия, с надеждой на будущие встречи. 1905, февраль. Валерий Брюсов»³².

В июне 1904 г. правительственные репрессии привели к приостановке издания «Курьера». Потерявший работу Курсинский сначала сотрудничает в газете «Русская правда», а потом возвращается к педагогической деятельности. Он преподает в женской гимназии З. Д. Перепелкиной и Набилковском коммерческом училище, а затем в Кадетском корпусе. В это же время Курсинский готовит очередной сборник своих произведений, работает над драмой в 4 действиях «Метеор. (В погоне за жизнью)», сохранившейся в его архиве³³. Драма эта, получившая 24 сентября 1904 г. разрешение на постановку, так и не была сыграна.

В 1906 г. не без помощи Брюсова Курсинский вновь оказывается в декадентском лагере: он становится сотрудником «Золотого руна», заменив там вскоре заведующего литературным отделом С. А. Соколова (Кречетова), поссорившегося с издателем журнала Н. П. Рябушинским. Брюсов рассчитывал как-то влиять через своего старого друга на политику конкурирующего издания³⁴. 8 октября 1906 г. в письме к З. Н. Гишпиус Брюсов с удовлетворением отмечал: «Все более решающее положение в "Руна" занимает наш общий приятель А. А. Курсинский³⁵...» В отсутствие Н. П. Рябушинского Курсинский выполняет даже редакторские обязанности³⁶.

Весной 1906 г. выходит последний сборник Курсинского — «Сквозь призму души», в котором собраны стихотворения, рассказы и переводы. Однако этот наиболее солидный и представительный сборник не продемонстрировал заметного прогресса автора. Даже дружественные Курсинскому критики отмечали риторичность, напыщенность и оторванность от жизни его произведений. Валерий Брюсов писал: «Поэт всегда, как Антей, получает силы лишь касаясь земли. И там, где г. Курсинский отрешается от притязаний быть "вне закона", а также вне времени и пространства, где он хочет быть верным действительности, — он оказывается хорошим поэтом бальмонтовской школы, но лишенным индивидуальности. В некоторых стихотворениях, правда немногих, он высказывает истинную власть художника над словом, заставляя его верно и точно передавать порыв души»³⁷. Еще более категоричен Генрих Тастевен: «Вообще Курсинскому нельзя отказывать ни в оригинальности, ни в даровании, но дальше идти по тому же направлению совершенно некуда (...). Только в соприкосновении с живыми силами жизни заключается залог возрождения для автора»³⁸. Возможно, и сам Курсинский считал, что его лучшие поэтические достижения в прошлом. Во всяком случае, свой сборник «Сквозь призму души» он подарил Брюсову с надписью: «С тобой встречались в дни расцвета»³⁹.

Сотрудничество Курсинского в «Золотом руне» оказалось также непродолжительным. Его отношения с издателем журнала развивались почти по той же схеме, что и у его предшественника Соколова-Кречетова. Рябушинский желал бесконтрольно распоряжаться литературным отделом «Золотого руна», совершенно не считаясь со взглядами и вкусами сотрудников редакции. Все это привело к публичному скандалу. 18 марта 1907 г. Курсинский объявил через газету, что он «вынужден был выйти как из числа сотрудников, так и из состава редакции» «Золотого руна» и одновременно обратился к «Весам» с просьбой «об организации третейского суда» для разрешения конфликта с Рябушинским⁴⁰. В письме, посланном тогда же издателю «Весов» С. А. Полякову, Курсинский более подробно изложил суть дела: «Не выражая мне неудовольствия по поводу ведения мною литературного отдела в его журнале, не предлагая мне оставить службу в виду предерженного упразднения этого отдела⁴¹, г. Рябушинский, в то время как я по-прежнему продолжал добросовестно исполнять свои обязанности, сначала прекратил со мною всякие соображения о делах, касающихся журнала, затем прекратил всякие разговоры вообще, словно совершенно не замечал моего присутствия в редакции, и, наконец, довел свою невнимательность ко мне до явно оскорбительного отношения, выразившегося в том, что 15 марта, уходя из редакции и прощаясь с присутствующими, обошел меня и не подал мне руки»⁴². Редакция «Весов» согласилась выступить в качестве третейского судьи⁴³, Рябушинский вынужден был принести свои извинения⁴⁴.

Инцидент с Курсинским стал одной из причин все обостряющегося противостояния «Золотого руна» и «Весов»⁴⁵, но сам он непосредственного участия в полемике двух журналов не принимал, хотя в 1907 г. сотрудничал с «Весами» довольно активно: в №№ 5—9 напечатано несколько его критических заметок; в № 11 — стихотворение «Когда старуха-Жизнь, гнилые скаля зубы...». Заметки вряд ли способствовали укреплению литературного авторитета Курсинского. Пороку его критика была довольно объективна, как, например, в рецензии на роман А. М. Федорова «Камни»⁴⁶, где он восставал против натурализма и бытописательства, однако гораздо чаще под ударом оказывались писатели-реалисты, близкие к кругу «Знания», с которыми Курсинский сотрудничал ранее в газете «Курьер»: И. Бунин, А. Куприн, А. Луначарский и др.⁴⁷ Подобные трансформации характеризуют неустойчивость литературных и политических взглядов Курсинского. Его переходы из лагеря в лагерь отнюдь не являются показателями ломки мировоззренческой или эстетической ориентации. Чаще всего они отражают сиюминутные личные конфликты, вспышки литературной амбиции, свойственную Курсинскому обидчивость. Примером тому может служить недолгий альянс с «Весами». Фельетон Т. Ардова «Румынская критика»⁴⁸, содержащий грубые выпады против К. Чуковского, Н. Петровской и прочих близких к «Весам» литераторов, вызвал резкую отповедь В. Брюсова, И. Бунина, А. Белого и других писателей⁴⁹. Диссонансом прозвучал только голос Курсинского. «Не огорчайтесь же олимпийски величественным жестом самозванного литературного синода, — поддерживал он Т. Ардова в письме в редакцию газеты "Раннее утро"⁵⁰, — и примите уверение в искреннем сочувствии к Вам». Одновременно с «письмом в редакцию» Курсинский 1 марта 1908 г. посылает уведомление С. А. Полякову, что он не может «далее оставаться даже и номинальным сотрудником» журнала «Весь»⁵¹.

Окончательно покинув декадентский лагерь, Курсинский активно сотрудничает в этот

период в газете «Утро России», журнале «Русский артист» и даже предпринимает попытку организовать собственное периодическое издание. В ноябре 1907 г. «отставному надворному советнику А. А. Курсинскому» было выдано свидетельство на издание газеты «Клуб». Издатель намеревался также быть и редактором этого органа с весьма широкой программой. «Клуб», выходящий два раза в неделю, обещал публиковать русскую и иностранную беллетристику, литературно-критические статьи, театральные и музыкальные обзоры, давать хронике городской жизни, помещать спортивную информацию и вести справочный отдел⁵². 11 декабря 1907 г. вышел первый номер газеты, которая просуществовала всего неделю: не набралось нужного количества подписчиков. Потерпев фиаско как издатель, Курсинский на несколько лет связал свою судьбу с отделом хроники популярной московской газеты «Русское слово», издававшейся И. Д. Сытиным.

Примерно на этот же срок, с 1908 по 1913 г., наступает перерыв в переписке Брюсова и Курсинского. Последний, занятый кропотливой журналистской работой, постепенно отходил от поэзии. Лишь sporadические появляются его рассказы, резко сокращается переводческая деятельность. Да и на страницах «Русского слова» не часто появляется фамилия сотрудника редакции Курсинского. Постоянно печатающиеся В. Дорошевич, Вл. Гиляровский, Вас. Немирович-Данченко, В. Варварин (В. Розанов), Тэффи оттеснили Курсинского на роль безымянного хроникера. Скорее всего, этому способствовали его новые увлечения. Как сообщает дочь Курсинского, в эти годы «он интересовался и новым театром, и новым тогда видом искусства — кино, он написал несколько сценариев для кинофильмов, и даже увлекался авиацией — окончил школу авиации и был один из первых авиаторов — непрофессионалов»⁵³.

С лета 1913 г. положение Курсинского в газете стало осложняться. В мае он поместил в газете заметку «Театр в Малаховке» о спектакле «Женитьба Фигаро», поставленном в Народном доме. В целом благожелательная рецензия кончалась замечанием, что «спектакль несколько теряет лишь от отсутствия в группе подходящей исполнительницы для роли Сюзанны, которая менее всего подходит для г-жи Дымовой»⁵⁴. На следующий день в газете «Театр» ее редактор Н. В. Карабанов под псевдонимом «Ник. Картэр» поместил заметку, в которой писал: «Некий поэт в отставке, бывший рецензент и судебный хроникер, летом, за отсутствием подходящих занятий, пишущий полухроникерские заметки о народных домах, обратился к редактору другой газеты с предложением своих услуг. Тот ответил отказом.

Тогда сей муж решил отомстить человеку, не признающему его таланта, уязвив врага в самое больное место. Жена редактора играет в одном из подмосковных дачных театров. Писака едет туда, а затем строчит убийственный отзыв об игре артистки. Отомстил. Только вот интересно, как такие поштуки называются?»⁵⁵ На редакционном собрании «Русского слова» было решено не раздувать возникший конфликт, однако он сыграл свою роль: В. М. Дорошевич, оставшись недовольным последовавшей вскоре статьей Курсинского о гастрولي Е. В. Гельцер в московском народном доме⁵⁶, запретил ему давать в газету иной материал, кроме голых фактов, и поставил журналистскую деятельность Курсинского под контроль заведующего отделом городской хроники Б. П. Брюса. Реакцией обиженного Курсинского на это распоряжение стал «скандальный экпресс в нетрезвом состоянии», в результате которого 18 июня 1913 г. ему пришлось оставить «Русское слово»⁵⁷.

Оказавшись без работы, Курсинский вспомнил о старом друге, и Брюсов вновь проявил великодушие. 13 августа 1913 г. он обращается к А. Е. Грузинскому с просьбой подыскать какое-нибудь дело в издательстве «Окто» для ушедшего из газеты Курсинского⁵⁸. А осенью того же года Брюсов предоставляет ему право инсценировки своего рассказа «Сестры» (см. п. 68).

Незадолго до мировой войны увлекшийся кинематографом Курсинский написал несколько сценариев. Часть из них сохранилась⁵⁹. Кроме уже упомянутых «Сестер», уцелела кинодрама в двух частях с эпилогом «Потеряя», драматические сцены из античной жизни «Герострат», кинокомедия в двух частях «Шемякин суд», кинодрама в трех частях «Месть цветов» и сценарий по мотивам собственного рассказа «Преступление Теофила Друо». Художественный уровень всех этих кинопроизведений не высок, что, очевидно, определялось в какой-то степени нетребовательностью тогдашнего русского кинопроката.

В первую мировую войну Курсинский был мобилизован и направлен в газету «Армейский вестник», издаваемую при Штабе главнокомандующего армиями Юго-западного фронта. В 1915 г. с № 175 штабс-капитан Курсинский становится редактором как газеты, так и еженедельного иллюстрированного приложения к ней. После Октябрьской революции он воз-

URBI ET ORBI

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВЪ
СТИХИ 1900-1903 г.
К-ВО «СКОРПИОНЪ»

*Александр Антоновичу
Курсинскому
на память давней дружбы,
и знак вседневного сочувствия,
с надеждой на будущую встречу
1905, февраль. Валерий Брюсов*

URBI ET ORBI

В. БРЮСОВ. URBI ET ORBI. М., «СКОРПИОНЪ», 1903

Титульный лист, выполненный по рисунку В. Я. Брюсова, и авантитул с дарственной надписью: «Александр Антоновичу Курсинскому память давней дружбы, знак вседневного сочувствия, с надеждой на будущие встречи. 1905, февраль. Валерий Брюсов»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

вращается в Москву, пытается вновь завязать отношения с киностудиями, а «в 1919 году, как уроженец Киева, уезжает туда»⁶⁰, и дальнейших сведений о нем не имеется.

Публикуемые письма неоднократно цитировались в различных исследовательских и комментаторских материалах. Несколько раз предпринимались попытки напечатать их. В первый раз переписка была подготовлена в 1932 г. Н. А. Курсинской для одного из выпусков «Звеньев». Работа была закончена и одобрена издательством⁶¹, но в свет не вышла. Через три года И. М. Брюсова попыталась опубликовать ту же переписку, но, скорее всего, ее намерению помешал протест Курсинской, не оставившей надежды довести самой до конца начатое дело⁶². В 1937 г. О. В. Цехновицер просил Н. А. Курсинскую выслать в Пушкинский Дом подготовленную ею работу для включения ее в сборник «Переписка В. Я. Брюсова с символистами»⁶³. Издание это реализовать не удалось. Затем в 1940 г. Н. С. Ашукин включил письма Брюсова к Курсинскому в том «Летописи Государственного литературного музея». Примечания были составлены Н. А. Курсинской. Подготовленные к печати материалы, выходу в свет которых помешала война, сохранились в архиве Ашукина⁶⁴. Только в 1966 г. в журнале «Ставрополье» В. С. Дронов опубликовал без комментариев пять писем 1896 г. Брюсова к Курсинскому из Пятигорска⁶⁵, и затем он же в другом издании добавил к этой подборке первое письмо с юга⁶⁶.

Переписка Брюсова с Курсинским, длившаяся более 20 лет, представляет значительную литературоведческую ценность. Прежде всего необходимо отметить, что это переписка двух поэтов. В ней не так много бытовых подробностей, но зато идет непрерывный обмен мнениями о прочитанных книгах и критических статьях, выставках живописи и памятниках архитектуры, технике подготовки рукописей к изданию и творческих планах на ближайшее и отдаленное будущее. Но главным образом письма наполнены стихами, своими и чужими, одобренными и хулимыми, вошедшими в золотой фонд отечественной поэзии и никому не известными.

Особенно интенсивно обмен письмами проходил в 1895—1896 годах. И пусть литературные вкусы Брюсова в этот период далеко не установились, в высказываниях была заметна

подражательность, но зато позднее в его эпистолярном наследии уже не будет столь неукротимого желания спорить о литературе, разбирать до деталей чужие произведения, радоваться поэтическим открытиям. Переписка вводит в оборот неизвестные стихотворения Брюсова (п. 2, 11, 13, 34, 42, 50), содержит варианты уже опубликованных текстов (п. 2, 3, 25, 28), позволяет в ряде случаев уточнить биографию поэта (п. 14, 25, 29, 49, 55), уяснить его материальное положение (п. 18, 43), познакомиться с брюсовскими оценками собственных и чужих произведений (п. 8, 12, 14, 28, 35). Настоящая публикация дает любопытные примеры редакторской деятельности молодого Брюсова, раскрывает неизвестные по другим печатным источникам литературные планы поэта (в частности, разработки сюжета романа «Октавия», трагедии о Гамлете, учебника стихосложения), добавляет ценные штрихи к таким малоизученным темам, как «Брюсов и Лев Толстой», «Брюсов и кино», «Брюсов в Клубе любителей западноевропейской литературы» и др.

Сохранилось 89 писем Брюсова к Курсинскому. 21 из них — все письма 1895 г., письмо от 9 июля 1898 г., вероятно из отравленного (см. п. 47, прим. 1), и записка от 1 февраля 1907 г. — попали в ГБЛ (Ф. 336, 71. 41), остальные хранятся в ЦГАЛИ (Ф. 1223. Оп. 1. Ед. хр. 3—5). Раскол подборки брюсовских писем объясняется, по всей видимости, тем, что владевшая ею Н. А. Курсинская, закончив комментарий для «Звеньев», преподнесла письма в дар И. М. Брюсовой, однако позднее она отказалась от своего решения и потребовала возврата писем, так как была возмущена попыткой Брюсовой самостоятельно опубликовать переписку⁶⁷. Скорее всего, брюсовские письма 1895 г. не были возвращены Курсинской и остались в архиве Брюсова.

В настоящем томе публикуется 50 писем Брюсова⁶⁸. При отборе были исключены малоценные записки, затем письма, которые Брюсов писал «под копирку» нескольким адресатам, если они ранее были опубликованы. По этой причине выпало два письма: от 5 декабря 1896 г., совпадающее с письмом к Е. И. Павловской от 4 декабря 1896 г. (см.: *Тетради*, п. 55—В), а также недатированное письмо 1901 г., весьма близкое по тексту к письму к А. А. Шестеркиной от 1 июля 1901 г.⁶⁹ и почти совпадающее с письмом к И. А. Бунину⁷⁰. Были опущены также два брюсовских письма, по различным причинам продублированные (см. прим. к п. 21 и 47).

У Брюсова хранилось, судя по нумерации конвертов, около 60 писем Курсинского. Из них уцелело 46. Все они собраны в ГБЛ (Ф. 386, 91. 24—26). В настоящем томе публикуется полностью половина из них, несколько писем приведены частично в примечаниях (п. 56, 58 и др.).

¹ *Курсинский А.* Полутени. М.: Печ. А. Снегиревой, 1896; *Он же.* Стихи. М.: Тип. т-ва А. Мамонтова, 1902; *Он же.* Сквозь призму души. М.: Гриф, 1906.

² *ЛН.* Т. 85. С. 737.

³ *Весы.* 1906. № 7. С. 57.

⁴ См., напр.: *Утро России.* 1907. № 1, 16 сент.; *Г(офман) Викт. О.* Уайльд. Флорентинская трагедия // *Русское слово.* 1908. № 95. 24 апр.; *То же* // *Раннее утро.* 1907. № 29, 21 дек.

⁵ *Красинский З.* Небожественная комедия. М.: Скорпион, 1902; 2-е изд. М.: Скорпион, 1906.

⁶ *Пшибышевский С.* Афоризмы и прелюдии. М.: Тип. т-ва А. Мамонтова, 1902.

⁷ *Маевский Э.* Доктор Мухоморский. М.: Изд. И. Д. Сытина, 1903.

⁸ *Уайльд О.* Флорентинская трагедия // Пер. А. Курсинского и М. Ликиардопуло. М.: Скорпион, 1907; 2-е изд. М.: Польша, 1915.

⁹ Сб. *Полутени.*

¹⁰ Сб. «Сквозь призму души» (см. прим. 1).

¹¹ Сб. «Итоги». М.: Изд. газ. «Курьер», 1903; *Курьер.* 1903. № 139. 17 июля; 1903. № 185. 1 сент.

¹² Этот сборник анонсируется на авантитуле книги Курсинского «Сквозь призму души».

¹³ См. Личное дело студента Московского университета А. А. Курсинского // *ЦГИА г. Москвы.* Ф. 418. Оп. 305. Д. 376. Л. 21.

¹⁴ Воспоминания Н. А. Курсинской // *ГБЛ.* Ф. 386, 140. 21.

¹⁵ См.: *Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1965. С. 374.

¹⁶ Воспоминания Н. А. Курсинской // *ГБЛ.* Ф. 386, 140. 21.

¹⁷ См.: *Дневники.* С. 20—22.

¹⁸ См. Устав Клуба любителей западноевропейской литературы // *ГБЛ.* Ф. 389, 1. 13.

¹⁹ 8 мая 1895 г. Курсинский получил разрешение в Университете для поступления в число действительных членов библиографического кружка. На разрешении имеется помета: «Удостоверение получил 14 мая 1895 г. Валерий Брюсов» (*ЦГИА г. Москвы.* Ф. 418. Оп. 305. Д. 386. Л. 4).

- ²⁰ См. п. 10, прим. 2.
- ²¹ *Дневники*. С. 22.
- ²² *Письма к Перцову*. С. 33.
- ²³ См. п. 8, прим. 14.
- ²⁴ Краткие воспоминания о встречах с Л. Толстым Курсинский опубликовал в газете «Курьер» (1903. № 181. 28 авг.) за подписью А. К. См. об этом статью Л. Р. Ланского «Толстой читает „Воскресение“» (*ЛГ*. 1970. № 26, 24 июня).
- ²⁵ *Письма к Перцову*. С. 44. Сохранились страницы «Воскресения», переписанные рукой Курсинского (*Толстой Л. Н.* Полн собр. соч.: В 90 т. Т. 33. С. 428).
- ²⁶ 7 января 1899 г. Курсинский сообщил Брюсову: «Я здоров и ежедневно с 11 утра до 5 вечера шатаюсь по городу, ища кому бы могла понадобиться моя здоровая (как мне кажется) голова и здоровые руки. Однако приложения им доселе не находится. Будет печально, если так продолжится до Серпухова, т. е. до августа» (*ГБЛ*. Ф. 386, 91.25. Л. 22).
- ²⁷ *Дневники*. С. 50, 61, 76.
- ²⁸ Детский отдых. 1900. № 3.
- ²⁹ Московские ведомости. 1901. № 288. 19 окт.
- ³⁰ О газете «Курьер» см. подробнее статью В. Н. Чувакова в кн.: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890—1904: Социал-демократические и общедемократические издания. М.: Наука, 1981. С. 353—376.
- ³¹ Курьер. 1903. № 272. 30 нояб.
- ³² *ГБЛ*. Ф. 389, 2.6.
- ³³ *ГБЛ*. Ф. 389, 1.4.
- ³⁴ О сотрудничестве Курсинского в «Золотом руне» см.: *Лавров А. В.* «Золотое руно» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1984. С. 151—157.
- ³⁵ См.: Там же. С. 151.
- ³⁶ См., например, письмо к Ф. К. Сологубу от 16 сентября 1906 г., подписанное «и. о. редактора Курсинский» (*ЦГАЛИ*. Ф. 482. Оп. 2. Ед. хр. 22).
- ³⁷ *Весы*. 1906. № 7. С. 57.
- ³⁸ *ЗР*. 1906. № 7—9. С. 178.
- ³⁹ *ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1165.
- ⁴⁰ Утро. 1907. № 75. 18 марта.
- ⁴¹ Литературный отдел в «Золотом руне» после ухода Курсинского сохранился, но был реорганизован. Вместо объемистого критико-библиографического раздела, созданного по типу «Весов», появились критические обзоры, вести которые согласился А. А. Блок.
- ⁴² *ГБЛ*. Ф. 389, 1.22. Л. 1.
- ⁴³ См. письмо С. А. Полякова к Курсинскому от 17 марта 1907 г. (*ГБЛ*. Ф. 389, 1.26. Л. 2).
- ⁴⁴ Итоги разбирательства изложены в письме С. А. Полякова в редакцию газеты «Утро» (1907. № 79, 23 марта).
- ⁴⁵ 31 августа 1907 г. Брюсов писал Ф. Сологубу: «После ухода из „Руна“ С. А. Соколова мы, московские сотрудники „Весов“, хотели принять в „Руне“ деятельное участие. Заведующим литературным отделом остался в нем А. А. Курсинский, человек образованный, культурный, и мы надеялись, что он сумеет вести журнал. Мы охотно бывали на разных редакционных собраниях, вплоть до чтения рукописей и составления объявлений. Понемногу, однако, выяснилось, что Рябушинский расстался с С. Соколовым исключительно потому, что желал распоряжаться журналом самостоятельно. Когда он увидел, что в лице Курсинского он тоже не имеет покорного исполнителя своих вздорных причуд, он постарался избавиться и от него (...) После этого мы нашли, что числиться дальше со-работниками Рябушинского невозможно и что настало время показать ему, что не все русские писатели — „проститутки“» (*Ежегодник 1973*. С. 110).
- ⁴⁶ *Весы*. 1907. № 5. С. 76.
- ⁴⁷ Там же. № 6. С. 71; № 8. С. 75; № 9. С. 64.
- ⁴⁸ Раннее утро. 1908. № 84. 28 февр.
- ⁴⁹ Письмо в редакцию С. Ауслендера, А. Белого, В. Брюсова, И. Бунина, Б. Зайцева, В. Ходасевича и др. появилось в газете «Русь» (1908. № 44. 1 марта).
- ⁵⁰ Раннее утро. 1908. № 86. 2 марта.
- ⁵¹ См.: *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 109. Л. 19.
- ⁵² Свидетельство, выданное Курсинскому на издание газеты «Клуб» (*ГБЛ*. Ф. 389, 1.19).
- ⁵³ *ГБЛ*. Ф. 386. 140.21.
- ⁵⁴ Русское слово. 1913. № 118. 23 мая.
- ⁵⁵ Театр. 1913. № 1285. 24 мая.
- ⁵⁶ См.: Русское слово. 1913. № 134. 12 июня.
- ⁵⁷ См.: Заявление Курсинского председателю суда чести при Обществе деятелей периодической печати (*ГБЛ*. Ф. 389, 1.20. Л. 6).
- ⁵⁸ В фонде А. Е. Грузинского (*ЦГАЛИ*. Ф. 126, Оп. 1. Ед. хр. 123) содержится восемь писем Брюсова. Поскольку данное письмо не публиковалось, приводим его полностью.
- «Многоуважаемый Алексей Евгеньевич!
- Позволю себе представить и рекомендовать Вам моего давнего друга, Александра Антоновича Курсинского, который передаст Вам это письмо. В былые годы он издал два сборника стихов, потом сотрудничал в многих изданиях, а последние годы много работал в „Русском

слове". В настоящее время, покинув „Русское слово", он нуждается в литературной работе. Может быть, Вы можете ему предложить какую-либо работу в Вашем издательстве, или, может быть, Вы нуждаетесь в поэте-переводчике для того издания Шиллера, о котором Вы мне говорили. Не будучи осведомлен о ходе дел в Вашем издательстве, я не имею права обращаться к Вам с какой-либо настоятельной просьбой, но Вы обязали бы меня, если бы нашли возможным предложить подходящую работу А. А. Курсинскому. Само собой разумеется, что, прося Вас об этом, я уверен, что он может быть Вашему издательству полезен, как сотрудник, также и как работник в какой-либо части издательства. Считаю нужным добавить, что А. А. Курсинский знает несколько языков, в том числе английский.

С уважением преданный Вам Валерий Брюсов».

⁵⁹ ГБЛ. Ф. 389, 1.6—11.

⁶⁰ Н. А. Курсинская. Воспоминания об А. А. Курсинском // ГБЛ. Ф. 386, 140.21.

⁶¹ См. письмо Н. А. Курсинской к И. М. Брюсовой от 12 июня 1932 г. (ГБЛ. Ф. 386, 150.29. Л. 5).

⁶² См. письмо Н. А. Курсинской к И. М. Брюсовой от 12 апреля 1935 г. (Там же. Л. 6—7).

⁶³ См. письмо О. В. Цехновицера к Н. А. Курсинской от 9 января 1937 г. (ГБЛ. Ф. 369, 292.44, л. 4).

⁶⁴ Собрание Р. Л. Щербакова (Москва).

⁶⁵ Письма от 29 июня, 1 и 18 июля, 3 и 18 августа 1896 г. (Ставрополье. 1966. № 3. С. 50—54).

⁶⁶ Письмо от 15 июня 1896 г. (Русская литература и Кавказ. Ставрополь, 1974. С. 64—75), там же уточнен текст письма от 3 августа, напечатанного ранее (см. прим. 65).

⁶⁷ См. прим. 62.

⁶⁸ Три брюсовских письма: от 21 января 1896 г., 7 января и 23 февраля 1902 г. включены в состав примечаний (п. 43, 59, 62).

⁶⁹ ЛН. Т. 85. С. 642.

⁷⁰ ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 460.

1. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Асная Поляна. 3 июня 1895 г.

Друг мой!

Вот уже три дня, как я живу в деревне почти совершенно одиноко, питаюсь привольем полей и суровым мраком лесов, всматриваюсь в красоты природы, которую начинаю любить все более и более, и чувствую себя счастливым... почти! В самом деле! — полное материальное удобство жизни, свобода от всего условного и обязательного, обилие времени и великолепная библиотека, которая предоставлена мне предупредительной графиней не только в пользование, но и в заведование — всего этого достаточно вполне, чтобы получить давно желаемый покой, если не душевный мир. Занятия мои направлены двояким путем. С одной стороны, я обсуждаю вопрос о труде и неделании ¹, слегка философствую и пытаюсь прикладывать к жизни выводы теории, с другой — погружаюсь в море поэзии, сверкающее яркими переливами солнечных лучей, и изучаю наших лириков, каких мог найти у графа: Фет, Тютчев, Величко ², князь Цертелев ³, а также Бальмонт и ты, поэт мой беспокойный, которых я, конечно, притащил с собою ⁴. Кроме того, почитываю Мопассана и Бурже ⁵, из которых первый приводит меня в восторг вескостью своих сюжетов и непринужденной легкостью их обработки. Что касается здешних обитателей, то пока число их очень ограничено ⁶. Мальчиков ⁷ ставить в счет не приходится, а графиня Марья Львовна ⁸, будучи в высшей степени доброй и милой девушкой, в рассуждениях проявляет такую убежденную сторонницу одного лагеря, что иногда впадает в крайности и не допускает никакой надежды на изменение хотя бы малой доли ее взглядов.

В первый же вечер у нас произошло сражение этики с эстетикой, после которого, кажется, оба мы молча порешили не поднимать больше этих вопросов. «Эстетично то, что разумно!» ⁹, — сказала она в заключение и вышла из залы. Эта милая девушка много трудится и делает добра, и все это так естественно и сердечно искренно в ее поступках, что было бы и пошло и подло заподозрить малейшую рисовку, малейшее проявление стадного увлечения. Но с другой стороны, я, который называет грехом поступок, вредящий только другому *, а не

* Нельзя ли видеть оправдание такому взгляду и в учении Христа: любите ближнего как самого себя! (прим. Курсинского).

мне самому, не могу не улыбнуться при некоторых проявлениях ее никому не приносящего пользы самоотречения. Поговорили мы отчасти и относительно современного направления поэзии, которое, конечно, ей оказалось весьма несимпатичным. Таким образом, ты видишь, друг мой, что делиться плодами вдохновения здесь не с кем, и тебе понятно, почему, говоря выше о своем покое и счастье, я прибавил «почти». Вся моя надежда на то, что 192 версты, разделяющие нас с тобою, слишком ничтожное расстояние для тех дружеских чувств, которые связывают нас с тобою (я думаю, что ты не усумнишься в этом).

Каждую неделю или полторы я буду отсылать на почту два письма, одно к матушке, другое к тебе. Следующий раз надеюсь выслать тебе полностью терцины, за окончание которых, впрочем еще не брался¹⁰, а теперь посылаю тебе первое, неважное стихотворение, которое набросал вчера вечером на берегу пруда. В заключение — маленькая просьба и адрес. Вышли мне, пожалуйста, вместе с Chefs d'oeuvres'ами и 3-им выпуском «Символистов», а если можешь и раньше, экземпляр «Молодой поэзии»¹¹. Деньги немедленно возвращу. Сообщай также, пожалуйста, о новых явлениях как нашей, так и французской поэзии, за которыми здесь следить окончательно нет возможности.

Жму твою руку и жду ответа.

Станция «Козловка-Засека» Московско-Курской железной дороги, Ясная Поляна, графу Л. Н. Толстому для А. А. К. (последнее подчеркивай).

Где, склонясь задумчиво уныло,
Над водой заснувшей дремлет ива,
Где моста подгнившие перила
Чуть скрипят бессильно и лениво,
В поздний час, когда в пруду зеркальном
Отразятся мягче звезды неба,
А закат, как пологом печальным,
Кроет тьма холодного Эреба,

А. Курсинский.

Слышен мне в молчаньи летней ночи
Грустный стих легенды бессловесной,
И так жадно, жадно просят очи
Дали темной, дали безизвестной.
В этот час непонятное ясно,
Душу миг чарует быстротечный,
И решен вопрос для всех ужасный,
Вечно новый, новый и предвечный¹².

2/VI 95. Ясная Поляна.

Р. С. Какой, однако, негодяй Фет! Ты помнишь эту штуку:

Глушый перепел, — гляди-ка!
Рядом тут живет синичка,
Как с железной клеткой тихо
И умно сжилась синичка!¹³

etc

Ясная Поляна
3 июня 1895.

Друг мой!

Вот уже три дня, как я мечтаю
на древней поэзии совершенно обилие,
ко, так как правоверный поэт и
суровый мракотворец, величайший
власть в красоте природы, которую
написаны стихи все ближе и ближе
и любящую себя наслаивать на... поэта.
Во сне или даже! — только манерность
нас удивляет жизни, свобода от всего
человеческого и от человеческого, от человеческого
величия и великодушности, великодушности,
которая предостерегает нас от
предостережения, не забыть
в поклонение, но в заблуждение
— все этого достигают только
даже почитать давно известнейшей поэзии
всем не думая о смерти. Забудьте
свои направления двуклассического.
Съездом строки и обдумывая впрочем
о трудной нежности, слегка философов
срочно и отчасти представляется на
жизни вводит теорию, ее другой —
настроившись в море поэзии, сверкающей
уже яркими переживаниями смирительной
судей и гурлава наших сироток,
каждый миг нашей зрака. Фет!
Ты же, великий, как Вертепов —
а также Гамбаров и ты, поэт

ПИСЬМО А. А. КУРСИНСКОГО БРЮСОВУ

Автограф. Ясная Поляна, 3 июня 1895 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Как, однако, велик Фет! Ты помнишь «Ракету»:

Лечу на смерть вослед мечте!
Знать, мой удел — лелеять грезы.
И там, со вздохом, в высоте
Рассыпать огненные слезы.

¹ В статье «Неделание» Л. Н. Толстой утверждал, что существует единственный способ борьбы с бессмысленностью существующего общественного устройства — изменение понимания жизни, для чего людям необходимо «остановиться, перестать делать то, что они делают, сосредоточиться и подумать» (СВ. 1893. № 9. С. 301). Статья эта вызвала в свое время оживленную полемику в печати (см.: Петрова М. Г. Летопись литературных событий // Русская литература конца XIX — начала XX века. Десятьлетие годы. М.: Наука, 1968. С. 294—295).

² Василий Львович *Величко* (1860—1903) — поэт и драматург, автор сборников «Восточные мотивы» (1890), «Стихотворения для детей» (1894), «Второй сборник стихотворений» (1894), «Арабески» (1904). Первые две из указанных книг имелись в библиотеке Толстого, с автографами.

³ Дмитрий Николаевич *Цертелев* (1852—1911) — поэт, переводчик, автор философских работ, в частности книги «Нравственная философия графа Л. Н. Толстого» (М.: Универс. тип., 1889). Редактировал журналы «Дело» и «Русское обозрение». В Яснополянской библиотеке имелся его сборник «Стихотворения 1883—1891» (М.: Универс. тип., 1892, с автографом).

⁴ В 1895 г. в Яснополянской библиотеке книг Бальмонта и Брюсова не было. Бальмонт подарил свои сборники Толстому позже (см.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. М.: Книга, 1972. Ч. 1), книги Брюсова в библиотеке Толстого вообще не зафиксированы. Однако с поэзией Брюсова Толстой был знаком. В одном из вариантов статьи «Что такое искусство?» автор иронизирует: «Один в Москве написал целый том совершенной бессмыслицы (там есть, например, стихотворение из одного стиха: „Ах, закрой свои бледные ноги“, и так осталось неизвестно, мистифицирует ли он ту публику, которая, браня и смеясь (некоторые и защищают), но все-таки покупает и читает, или он сам душевно больной)» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 30. С. 321). Впоследствии Толстой находил, что некоторые брюсовские стихотворения «недурны» (см.: *Нуралов Э. Л.* В. Я. Брюсов и Л. Н. Толстой // *Чтения 1963*. С. 261).

⁵ В 1895 г. в библиотеке Толстого имелось пять книг Ги де *Мопассана* (1850—1893) и пять — Поля Шарля Жозефа *Бурже* (1852—1935).

⁶ Вместе с Курсинским в Ясную Поляну приехал со своим учеником С. И. Танеев. Л. Н. и С. А. Толстые прибыли из Москвы только 6 июня (см.: Ежедневники С. А. Толстой за 1895 г. — *ГМТ*).

⁷ Речь идет о младших сыновьях Л. Н. Толстого — Андрее и Михаиле. Курсинский был репетитором последнего (см.: Толстовский ежегодник. 1912. С. 22).

⁸ Мария Львовна *Толстая* (в замуж. Оболенская, 1871—1906) — вторая дочь Л. Н. Толстого, убежденная сторонница его идей.

⁹ 23 июня 1894 г. В. Ф. Лазурский, преподававший греческий и латинский языки младшим сыновьям Толстого, записал в дневнике: «Вечером по поводу „Распятия“ Ге завязался разговор о наших художниках (...) Мария Львовна выше всех ставит Ге, требует прежде всего глубокой мысли (...) красоту считает ни к чему» (*ЛН*. Т. 37—38, кн. 2. С. 450).

¹⁰ См. п. 4, прим. 3 и п. 9, прим. 5.

¹¹ Альманах, изданный В. П. и П. П. Перцовыми, вышел 15 февраля 1895 г. В нем напечатано стих. Брюсова «Мечты о померкшем».

¹² См. п. 2, прим. 7.

¹³ В последней строке стих. «Перепел» допущена описка. У Фета: «И умно сжилася птичка».

2. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

14.6. (18)95 г. Хорошево.

Твое письмо, мой друг, oleo olet ¹,

я же (прости мне) пишу самым варварским приемом, даже не подумав заранее, что буду писать ². Так настроила меня моя теперешняя жизнь. Вообрази себе. Привез я с собой только 3—4 классиков, газет нам не несут, книги из библиотеки достаем раз в месяц — и вот живу я, как истинный изгнанник. Днем читаю по-гречески и по-латыни ³, иду в лес и размышляю, а вечером играю в крокет с сестрой ⁴ и ее подругами, девочками 13—14 лет. Одной из них в тиши своего кабинета пишу триолеты. Вот один из более удачных.

На бледном фоне вечерней лазури

Еще рисуется твой силуэт.

Лети туда же, о мой триолет!

На бледном фоне вечерней лазури

Прижмися ласково к детской фигуре,

И пусть, как символ, за дымкою лет

На бледном фоне вечерней лазури

Еще рисуется твой силуэт ⁵.

Если это я называю удачным, то ясно, что моя поэзия спит. Впрочем, эпопея⁶... однако молчание! Братским «утешением» может мне служить то, что и Твоя поэзия, если не спит, то закрывает глаза. В самом деле:

Если даль немая тени синей,
Как молчанье радости печальной,
Отразится трепетно в пустыне,
Мотылек терцины идеальной

Для иного лучшего восхода
От купавы до зеленых лилий
Повторит прозрачное «свобода»,
Пробуждая войско, войско Чили.

Разве начало не похоже на Твои хорей? ⁷ Можно в любом месте кончить, можно и продолжать, но лучше перейти к Твоему определению греха. Оно, как и следовало ожидать, никуда не годится. Подумай, кто будет определять, какой поступок причиняет вред, какой пользу. Крестить язычника, с точки зрения католика, значит принести ему пользу, с точки зрения магометанина — вред, а атеиста — не сделать ничего. Что же священник, крестивший его, совершил грех или доброе дело? Отец Виргиния причинил ей вред, но совершил ли грех? ⁸ Да и мало ли других примеров! Определение греха давно найдено, и имеющие уши слышали его: поступок против своих убеждений есть грех. Грех есть нечто субъективное и внешнего признака у него нет. Однако, из области этики лучше перебраться в область поэзии. Первое стихотворение Фета, о котором Ты упоминаешь и за которое Ты называешь Фета негодяем, направлено против А. Толстого⁹ и напоминает ему простую аксиому: для свободы духа нет надобности в свободе тела. Или Ты с этим не согласен? Второму стихотворению — увы! — я подражал в юности. Мой сонет (с рифмами «луна», «шалуна», «валуна» и «струна» etc.) кончается так —

Роняя огненные розы¹⁰.

Странно! Я начинаю ненавидеть лирику. В ней все однообразно и подражательно¹¹. Теперь, если я пишу, то это поиски нового, в содержаниях ли, в форме ли.

Я весь день, все вчера, пробуждал по стране моих снов;
Как больной мотылек, я висел на стеблях у цветов;
Как звезда с вышины, я сиял, я лежал на волне;
Этот мир моих снов с ветерком целовал в полусне.
Нынче я целый день все дрожу, как большой мотылек;
Целый день от людей, как звезда в вышине, я далек,
И близ Тайн Мировых, где сам друг Божество с Красотой,
Нынче я целый день отдыхаю смущенной душой¹².

Чтобы писать лирические стихи, прежде всего надо иметь, чем поделиться с миром, а это бывает так редко, так редко. Даже переводить не хочется. Впрочем, я перевел «Улалюм»¹³ и новейшую пьесу Метерлинка «Урсула и Томинета»¹⁴. Содержание сей последней таково. Старая Томинета и ее племянница старая дева Урсула случайно остаются на ночь без свеч. В треске мебели им являются умершие (о, эти грозные завистники, умершие!). Томинета видит Жакелэна, которого когда-то любила, и зеленый дуб, под которым прозвучали ее первые клятвы. От страха и волнения она умирает, вспоминая далекий день с зелеными и розовыми солнцами, со снопами ракет, фиолетовых и лазурных. Урсула остается одна на земле, никогда не видав такого дня и не надеясь когда-либо его увидеть. А Плотник в дверях говорит им — «Вам надо переменить мебель; ваша слишком полна воспоминаниями».

Понимаешь эту аллегория о двух мирах, о двух поэзиях. Одна уже умерла, а заря другой не загоралась; но она блекнет, как закат, и никогда Жакелэн «не обнимит ее могучими руками, чтобы целовать и слушать ее «твоя»»¹⁵.

Друг мой! Перед нами все-таки целое лето. Неужели мы ничего не сделаем за это время? А ведь во дни экзаменов мне казалось, что, будь у меня свободное время, я написал бы целый ряд великих вещей¹⁶. Увы! увы! где они, эти великие вещи! А впрочем (расхохочись вместе со мной) я написал листов 10 «Гре-

чешской этимологии»¹⁷. Скажи, Тебе не жаль, что в этом году нет солнечного затмения?

Вот еще один триолет:

Из глубины изысканных фантазий,	Я вознесен до сферы бытия,
Из мира дней, где наслаждался я.	И вслед глядит смущенный рой аспазий
Взглянул я вверх — и увидел тебя,	Из глубины изысканных фантазий,
Из глубины изысканных фантазий	Из мира дней, где наслаждался я ¹⁸ .

Этот, впрочем, вовсе неудачен. Начало 3-го:

Ветка задела за краешек платья,
И промелькнула прошивка чулка¹⁹.

Затем до свидания — в письме, конечно. Прости, что пишу поздно. Письма мы получаем из Москвы не часто да и свои отправлять не всегда можно. Теперь, впрочем, буду писать чаще, через Покровское-Глебого. Как только буду в Москве, пошлю Тебе «Молодую поэзию»²⁰. Напиши мне, как кончился день Фантазии²¹. Об Ланге²² не имею сведений. Если переписываешься с Фриче²³, напиши об нем.

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Не узнаешь ли Ты, что значит — *les vèpres des morts*²⁴.

¹ *Oleo olet* — латинское выражение, дословно — «пахнет маслом» или «отдает фитилем», — было синонимом упорного труда. О происхождении этого оборота см. п. 7, прим. 2.

² Это утверждение не совсем точно. В молодости Брюсов редко писал письма набело. Сохранился черновик и данного письма (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 9—10 об.), текст которого несколько отличается от публикуемого.

³ Летом 1895 г. Брюсов перевел «Энеиду» (черновик переводов см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 8—9, 23 об.— 24 и др.), а также трактат средневекового теолога Иоанна Габерната «О природе демонов» (см. черновую тетрадь № 19 — *ГБЛ*. Ф. 386, 2.20. Л. 48—52, 55 об.— 56).

⁴ Надежда Яковлевна *Брюсова* (1881—1951) — старшая из сестер Брюсова, впоследствии музыковед, профессор Московской консерватории.

⁵ Оpubл.: *Письма к Перцову*. С. 52—53.

⁶ Брюсов имеет в виду эпопею «Атлантида», задуманную весной 1895 г. В черновой тетради этого периода сохранился набросок 1-й «рапсодии» (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 2—5). В письме к Перцову от 14 июня 1895 г. он сообщает: «обработал гекзаметром целую эпопею „Атлантида“, ту самую, которая не удалась Солону и Платону» (*Письма к Перцову*. С. 27).

⁷ Стихотворение Курсинского «Где склоняюсь задумчиво, уныло...», которое пародирует здесь Брюсов, см. в п. 1. Несмотря на резкую критику Брюсова, оно было включено автором в сборник «Полутени» (см. п. 9, прим. 4).

⁸ Имеется в виду трагический эпизод из римской истории V в. до н. э., послуживший сюжетом для множества литературных произведений: красавицу Виргинию убил ее отец, чтобы она не досталась насильнику Аппию Клавдию.

⁹ Не ясно, на каком основании Брюсов утверждает, что стихотворение Фета «Перепел» направлено против А. К. Толстого. Оно написано в 1884 г., т. е. спустя 9 лет после смерти Толстого.

¹⁰ Неопубликованный сонет Брюсова «И снова звездный сон любви и упования...», написанный 13 ноября 1894 г. в подражание Фету, см. в черновой тетради № 15 (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.6. Л. 50—50 об.), а также в записной книжке «Мои стихи» (Там же. 14.5/1. Л. 40б.). Последний стих сонета приведен в письме неточно. В рукописи: «Рассыплю над землей пылающие розы».

¹¹ Более подробно эта мысль изложена в *Письмах к Перцову*. С. 27—28.

¹² Стихотворение впервые опубл.: *ПСС*, I. С. 120, под заглавием «После грез», с датой — 8 июня 1895 г. Два последних стиха — в другой редакции (см. I, 86).

¹³ Орывок перевода стихотворения Э. По «Улалом» сохранился в черновой тетради (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 62 об.—63). В записную книжку «Мои стихи» (Там же. 14.5/6. Л. 14—15 об.) записана более поздняя редакция (начала 1896 г.). В совершенно иной редакции перевод включен Брюсовым в книгу: *По Эдгар*. Полн. собр. поэм и стихотворений. М., Л.: Всемирная литература, 1924.

¹⁴ Брюсовский перевод пьесы Метерлинка «Урсула и Томинета. Маленькая драма для марионеток» остался в рукописи (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 5—8).

¹⁵ Такое же толкование пьесы Брюсов дает в письме к Перцову от 14 июня 1895 г. Любопытно замечание, высказанное в другом письме тому же адресату: «Между прочим я вынес твердое убеждение, что пьесы Метерлинка должно ставить с марионетками; актеры портят все излишней живостью» (*Письма к Перцову*. С. 57).

¹⁶ Весной 1895 г., составляя планы на лето, Брюсов наметил: подготовить 4-й выпуск «Русских символистов» со статьей о французском символизме, издать сборник «Юношеские стихотворения» с автобиографией, закончить два романа и драму; составить библиографический реферат, написать поему «Атлантида», критический разбор «Русская поэзия в 1895 году» и книгу «Мысли и наблюдения», завершить переводы Франца Эверса и пр. (см. л. 59об. черновой тетради № 19 — *ГБЛ.* Ф. 386, 2.20).

¹⁷ Летом 1895 г. после сдачи экзамена по греческому языку на классическом отделении университета Брюсов намеревался подготовить учебник по греческой грамматике для гимназий. В наброске предисловия он пишет: «Грамматики, употребляемые у нас в гимназиях, могут стать сносными для преподавания только при идеальном учителе, когда же судьба послала мне одним из первых наставников г-на Кремера (составителя различных учебников), я возненавидел всей душою греческий язык и только гений Гомера мог победить в моем сердце это влияние» (*ГБЛ.* Ф. 386, 2.20. Л. 46). Я. И. Кремер преподавал Брюсову греческий язык в 4-м классе гимназии Ф. И. Креймана (1887—1889).

¹⁸ Публикуется впервые.

¹⁹ Опубл.: *Письма к Перцову.* С. 53.

²⁰ См. п. 1, прим. 11.

²¹ Скорее всего, речь идет о посещении ресторана «Фантазия» на 4-й Тверской-Ямской. 30 мая 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «С дачи пешком. Фантазия» (*ГБЛ.* Ф. 386, 1.13/2. Л. 10об.).

²² Об А. А. Ланге см. наст. кн., *Письма Ноздрина*, п. 3, прим. 11.

²³ Там же, *Переписка с Бальмонтом*, п. 5, прим. 1.

²⁴ См. п. 6.

3. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Вторник, числа не помню. (Хорошево. 27 июня 1895 г.)

Друг мой!

Пользуюсь случайным случаем написать Тебе несколько строк. Оказывается, что наша переписка идет гораздо деятельнее с моей стороны, чем с Твоей. Я в праве упрекать Тебя. — Но — «оставим это», как говаривал Великий скопец, Нарзес ¹.

Люблю ж я пустыню — пустыню — царицу земной красоты. Это стих из нового стихотворения Бальмонта, зри «Наблюдатель», июнь ². Дело в том, что Бальмонт, видимо, объездил весь земной шар — он говорит сам. «Я видел норвежские фьорды, долину Аракса»... и еще что-то и еще что-то. Наконец,

Британии берег туманный и Альп вековые хребты,
Люблю ж я пустыню — пустыню — царицу земной красоты!

За что он ее любит, излагается в 8 довольно невразумительных, но еще более длинных стихах. Главная причина та, что она «отравляет мечты».

«А все же люблю я пустыню, царицу земной красоты».

Таков единственный оаз, на котором может отдохнуть мой дух, блуждая по привезенным из Москвы книгам. Говорю единственный, потому что «Забвенье и Молчанье» ³ уже не оаз, а целая маленькая страна, своего рода Египет в Сахаре, но, увы, с коротеньким Нилом. В самом деле — все эти терцины (это терцины, друг!) льются сначала очень-то жиденьким ручейком и лишь к концу превращаются в реку:

О гордое молчанье! Душ больных
Убежище последнее. Твердыня,
Где, неприступен для клевет земных,
Скорбит пророк осемянный. Пустыня,
Куда любовь, изменой сражена,
Бежит навстречу смерти. Дай, богиня,
Приют моей печали...

От этих стихов Бальмонт придет в восторг, я же последнее время предпочитаю иное. Кстати. — Вместе с отсутствием Твоего письма прибыла ко мне карточка (визитная) Бальмонта. Оказывается, он в Москве и мало того — в «России». Понимаешь? ⁴

Утром жадно пахнут розы,
Утром грезы грезят вслух,
И холодный бог Спинозы
Для меня и нем и глух.

Но вечерний мрак наляжет
На раскрытые цветы;
«Ты — один», — мне кто-то скажет,
«Мы одни», — вздохнут мечты.

Нет веселости беспечной,
И душе, волне тревог,
Так понятен бесконечный
И предвечно мертвый бог⁵.

Не пишу других стихов, ибо — повторяю — это письмо случайное. Сильно соскучился по многим — и странно — особенно по Фриче. Жалею, что не знаю его адреса, а то написал бы ему⁶, хоть и странно, что это может служить утешением в разлуке. По-прежнему все еще жду письма.

Твой Валерий Брюсов.

Датируется по помете Курсинского на конверте.

¹ *Нарзес* (477—567) — византийский полководец, по происхождению армянин. В юности был захвачен в плен и оскoплен, попал ко двору императора Юстиниана, сделался его любимцем и в конце жизни стал экаархом Италии.

² Стихотворение вошло в сборник *В безбрежности* под заглавием «Пустыня». Брюсов высказал свое мнение о нем также в письме к Перцову (*Письма к Перцову*. С. 25).

³ «Забвенье и Молчанье (надпись к барельефу)» — стихотворение Н. Минского. Опубл.: *СВ*. 1895. № 6.

⁴ Имеется в виду, что Бальмонт остановился в гостинице «Россия», которая находилась в доме Полякова в Петровских линиях.

⁵ Под заглавием «Спинозианы» и с разночтением в стихе 10 опубл.: *Неизд. стих.* 1935. С. 170; см. также III, 226—227.

⁶ Письмо (по-видимому, неотправленное) Брюсова к Фриче от (18—20 июня) 1895 г. см.: *Тетради*, п. 29.

4. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

2 июля (18)95 г., Ясная Поляна

Дорогой мой Валерий!

Прости, что я так долго не писал. По первому твоему письму и по стихотворениям, присланным в нем и потом за ним, я мог заключить, что ты переживаешь приступ того болезненного настроения, при котором всякого рода покойное обсуждение вещей становится для тебя невозможным. Поэтому я и счел нужным выждать момент, когда кризис минует. Думаю, что теперь ты снова вошел в обычную колею. Во-первых, потому что твое последнее письмо написано общепонятным языком, а стихи, хотя и не без примеси тумана, но все же удобопонимаемы¹. Я очень рад, что к тебе приехал Бальмонт, который разгонит твою хандру и с которым ты можешь и беседовать и развлекаться. Во всяком случае, я тебе очень благодарен и за стихи и за письма. Адреса Фриче я не знаю, о чем и сам весьма сожалею, и сообщить его тебе не могу. — В настоящее время я вполне приготовил к печати 1-ый сборник собственных произведений, который и намерен выпустить осенью². Я думаю, вместо того, чтобы посылать тебе терцины и некоторые мелочи, написанные мною за последнее время, послать тебе всю рукопись, если ты согласишься взять на себя труд отдать ее в цензурный комитет. Исправлять что-либо в ней или показывать ее кому-нибудь не разрешаю, а можешь написать мне, что, по твоему мнению, надо выбросить, и я тебе тогда отвечу. Жду твоего ответа, согласишься ли ты.

Что касается терцин, то замечу тебе — они далеко не удались мне³. Да и вообще я далек от мысли ждать хотя бы и скромного успеха от этого сборника. Отпечатаю не более 600 экземпляров, из которых в продажу пойдет приблизительно половина по высокой цене, чтобы вернуть хоть часть затрат по печатанию. Вся цель моя: отделаться от того, что написано уже мною и дать по книжке моим друзьям в знак признательности за часы наслаждения, которыми они

Л. Н. ТОЛСТОЙ С А. А. КУРСИНСКИМ, Э. БОРЕЛЕМ И Т. Л. ТОЛСТОЙ НА КРЫЛЬЦЕ ЯСНО-ПОЛЯНСКОГО ДОМА

Фотография С. А. Толстой, 1895

Музей Л. Н. Толстого, Москва

меня дарили. Теперь пишу «нечто» большое, а также перевожу с англицкого евангелие Будды, где масса прекрасных стихов⁴.

Итак, крепко жму твою руку и жду ответа

А. Курсинский.

P. S. Если увидишь Бальмонта, кланяйся ему от меня.

¹ Первое письмо Брюсова, о котором пишет Курсинский, вошло в настоящую публикацию (п. 2.). Второе же письмо — от 25 июня 1895 г. — опущено, так как фактически его составляли восемь стихотворений: «Дремлет Москва, точно самка спящего страуса...» (I, 82), октавы «Моя мечта живет среди пустынь...» (I, 71), сонет «Беззвучная луна стоит над Пасаргадой...» (I, 71), «Озеро снов» (*Неизд. стих.* 1935. С. 315), триолет «Скажи мне "да", и я скажу "Ты жнешь"...» (Там же. С. 90), терцины «К далеко прошлому уносятся мечты...», «О чем

то неведомом грезят мечты...» и шуточное «Ложась спать на сон грядущий...» (последние три не опубликованы. См.: *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/3. Л. 34об.—36).

² Речь идет о сборнике стихотворений и переводов *Полутени*. Его название, возможно, подсказано Курсинскому Брюсовым. См. брюсовские переводы из Верлена: «В полутени немой...» («*Calmes dans le demi-jour*», 13 июня 1893 г.— *ГБЛ*. Ф. 386, 2.7. Л. 48об.—49) и «Вспоминанья или полутени...» («*Les souvenirs avec le crépuscule*», 13 марта 1894 г.— Там же, 2.10. Л. 84—85, 87), а также стихотворение Брюсова «Полутени» («Все полумрак, все полутени», 3 марта 1894 г.— Там же. Л. 75об.—76).

³ В письме от 25 июня 1895 г. (см. прим. 1) Брюсов просит прислать «обещанные терцины и новых стихов» (обещание см. в п. 1). См. также п. 9, прим. 5.

⁴ Скорее всего, имеется в виду произведение индийского поэта Ашвагхоши 2 в. н. э.: *The Fo-sho-hing-tsan-king. A life of Buddha by Asvaghosha Bodhisattva. The Sacred Books of the East. Vol. XIX. Oxford, 1883*. Перевод этой книги, выполненный Курсинским, неизвестен. Ее впоследствии перевел путешествовавший по Индии К. Бальмонт (см.: Асвагоша. *Жизнь Будды*. М., 1913). Брюсов так отозвался о ней: «Новое издание М. и С. Сабашниковых сразу отвечает двум потребностям: дает перевод и одного из замечательнейших созданий санскритской литературы и одной из "Законоположительных" книг буддизма, значение которой приближается к значению наших Евангелий» (*РМ*. 1913. № 11. С. 413). Вполне возможно, что внимание Курсинского на книгу Ашвагхоши обратил Л. Н. Толстой.

5. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 10 июля (18)95 г.

Мой дорогой друг!

Прежде всего, конечно, приветствую Тебя, а затем да будет мне позволено воскликнуть:

О Фриче! О божественный Фриче!!

Помнишь ли, как в наше последнее свидание в «Фантазии»¹, он (о пророк! о провидец!) уже указывал нам на зачатки проповеди в твоих речах. «Как быстро сбывается давно-сказанное слово древнего оракула», — говорит Деязира в переводе Зубкова², и за ней повторю я. «Как быстро сбывается!» Разве не проповедником написано Твое последнее письмо, не учителем жизни, не руководителем нас, слепых смертных? И так, я «пережил приступ болезненного настроения, при котором покойное обсуждение вещей для меня невозможно», и так, в моей жизни не так давно «миновал кризис», но теперь —

Thank Heaven! the crisis —
The danger is past!³

Так что ли, о мой вдохновенный друг? Поговорим серьезнее.

Второе Твое письмо уже в гораздо меньшей степени отражает «те дружеские чувства», в которых — «Ты думаешь — я не усумнюсь» и для которых «192 версты являются слишком ничтожным препятствием»⁴. А между тем, что разделяет Твое первое письмо от второго? — Мои три письма. Ни «туман» в моих стихах (2ое письмо), ни третья записка⁵, в которой Ты сам усмотрел признаки выздоровления, не могли так повлиять на тон Твоих писем. Следовательно, виновато первое письмо⁶. Ведь так?

Слушай же теперь, друг мой, что я Тебе скажу. Дав самому себе определенные законы жизни, я оставил себе только одно право, и потому оно мне особенно дорого, — это право всем и всегда говорить то, что я думаю, то, что мне кажется правдою. Через это я уже принужден был однажды разойтись с прелестной любовницей (Таля)⁷, а недавно поссорился с другом, с Лангом, но права своего не уступлю и с удовольствием пожертвую за него всеми друзьями и всеми жизненными удачами. Dixi *

Что до Твоей рукописи, то я с удовольствием, конечно, возьмусь отнести ее в цензуру. Только неужели Ты считаешь меня в такой степени одержимым манией исправления и переделывания, что находишь нужным тщательно предостерегать меня. Ну, уверяю Тебя, Ты преувеличиваешь.

* Я высказался (*лат.*).

Интересовало бы меня узнать, что это такое за Евангелие Будды, кем оно составлено и в какой форме⁸.

«Молодую поэзию» высылаю Тебе завтра. Бальмонта видеть не пришлось.

Очень крепко жму все Твои руки и жду как ответа, так и рукописи (если Ты не передумал).

Твой Валерий Брюсов.

¹ См. п. 2, прим. 21.

² В трагедии Софокла «Трахинянки» эта реплика принадлежит не супруге Геракла Деянире, а хору: «Смотрите, девушки, как скоро сбылось у нас вещее слово древнего пророчества...» («Перевод и объяснения трагедии Софокла "Трахинянки". Лекции экстраординарного профессора В. Г. Зубюкова, читанные на Историко-филологическом факультете. III и IV семестр в 1894—95 гг.» М.: Литографированное издание «Общества распространения полезных книг». С. 142).

³ Первые строки стихотворения Эдгара По «For Annie»:

Слава небу! был кризис —
Опасность прошла!

(Пер. с англ. В. Брюсова. По Эдгар. Стихи. М.; Л.: ГИЗ, 1924. С. 79)

⁴ Брюсов цитирует письмо Курсинского от 3 июня 1895 г. (см. п. 1).

⁵ «2ое письмо» — см. п. 4, прим. 1, «третья записка» — п. 3.

⁶ См. п. 2.

⁷ О Н. А. Дарузес (Тале) см.: *Тетради*, п. 1, прим. 9.

⁸ См. п. 4, прим. 4.

6. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Ясная Поляна. Между 11 и 14 июля 1895 г.)

Дорогой Валерий!

На такие письма, как твое последнее, я не ответил бы месяц тому назад. Но, слава богу, полуторамесячный отдых настолько подкрепил мои силы, что я в состоянии противостоять чувству оскорбленной дружбы и, не предаваясь вспышкам негодования, спокойно возразить тебе на те несправедливые обвинения, которые ты мне посылаешь. А при том же я не так легко расхожусь с друзьями, как ты. Если ты потрудишься прочесть 1-ое и 2-ое твои письма, то ты сам должен будешь согласиться, что для того, чтобы писать такие невразумительные вещи, умственно здоровый человек должен «переживать приступ болезненного настроения» и пр. Чтобы установить нарушенные между нами хорошие отношения, я задаю себе труд разобрать твои послания. Ты говоришь: «Пишу, не подумав, что буду писать», а затем: «Так *настроила* меня *теперешняя* жизнь». И это подтверждается далее примером. Несмотря на крайний индивидуализм твоего поэтического дарования, ты никогда бы в другое время не был способен написать такую вещь, как хорей «Если даль немая тени синей». Ты говоришь, что эти хорей можно продолжать или кончать, а я твердо убежден, что подобных хореев и начинать-то нельзя. Невозможны, на мой взгляд, и *все* стихотворения, присланные во втором письме¹. Прибавь к этому всему слишком холодную и несимпатичную окраску твоих первых писем — и ты поймешь, что торопиться ответом мне не было ни малейшей охоты. Конечно, если бы я не знал, что ты в силах писать, — я бы и не ответил, но так как я объяснил все это настроением временными условиями твоей жизни, то и счел нужным поободждать, пока ты немного уравновесишься.

Из твоего письма (последнего) выходит, будто ты мне сказал некую «правду», за которую я обиделся, но которой ты так дорожишь, что не задумаешься пожертвовать для нее всеми друзьями. Третий раз прочитываю твои письма и третий раз задаю себе вопрос, где все это? — Никакой горькой для меня истины не вижу. Может быть, слова «oleo olet» ты считаешь для меня обидными? — Этого я не думал. Спасибо, что ты мне разъяснил. Во всяком случае, мне ясно, что в твоём письме есть что-то, на что можно обижаться, значит в ответе на мое первое письмо ты прислал мне нечто, на твой же собственный взгляд, обидное.

Εστο, γινωσκω, ουδεν αντιλεγω*. Совестно, право, говорить обо всем этом.

Вчера написал я Фриче наугад, дойдет ли письмо — не знаю. Вестей ни от кого никаких. Посылаю тебе на днях рукопись и деньги. Если ты не откажешься, то я намерен посвятить тебе «Рассвет»², а Бальмонту «Вечерний час»³, о чем писал ему на днях в «Лувр»⁴. Я не считаю тебя, как ты это думаешь, одержимым манией исправления, но именно просил тебя известить меня, что ты считаешь нужным уничтожить или исправить. Что касается «Молодой поэзии», то если ты ее вышлешь, то будет недурно, но надобность в ней уже миновала, и я могу приобрести ее в Москве. Извини, пожалуйста, что я не написал тебе в прошлом письме, что значит «les vèpres des morts»⁵. Это, оказывается, такая вечерняя служба об усопших.

Твой А. Кур син ский.

P. S. Кажется, сегодня буду в Туле и pošлю тебе рукопись.

Конверт от письма не сохранился. Датируется на основании предыдущего и последующего писем Брюсова.

¹ См. п. 4, прим. 1.

² Стихотворение «Рассвет» вошло в сборник *Полутени* с посвящением В. Брюсову. Включая «Рассвет» в новой редакции в сб. «Стихи» (1902), автор посвящение снял.

³ Перевод из Томаса Мура (1779—1852) «В вечерний час слабеет светоч дня...» в сборнике *Полутени* посвящен Бальмонту.

⁴ «Мадрид и Лувр» — меблированные комнаты, находившиеся на Тверской ул. в Москве, на месте нынешнего д. № 15 по ул. Горького, на углу с улицей Станкевича. Письма Курсинского к Бальмонту нам неизвестны.

⁵ См. п. 2, прим. 24.

7. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Москва. 15 июля (18)95 г.

Мой друг!

На серьезное письмо постараюсь и отвечать серьезно и, прежде всего, признаю за собой одну ошибку: я забыл разницу между письмом и разговором; не все то должно писать, что можно сказать; в письме нет тона голоса, нет выражения лица — каждая фраза прикована цепями, ее можно перечесть, на ней остановиться. Этого я не должен был забывать.

Переждем теперь к частностям. Друг мой, в письмах — как и везде — я вполне сознательно стремлюсь к тому, чтобы мои писания были «les beaux yeux derrière des voiles»¹, и избегаю «смертоубийственных точек над «i», но я не ожидал, что такая манера будет Тебе непонятна. А между тем Ты не понял моего первого письма. Пропускаю мелочи, пропускаю и oleo olet, которое Ты, конечно, сам сблизил с известным анекдотом о Демосфене², но вот «Если даль немая тени синей...» Не помню, как эти стихи соединяются с остальным текстом, но вся суть в том, что это *пародия* на Твое стихотворение, написанное подобны ми же хорями. Я старался подчеркнуть те недостатки, которые заметил у Тебя и, между прочим, отсутствие единства. Твое стихотворение легко увеличить строфы на две или укоротить на строфу. Вот что и означают слова «можно продолжать, а можно и кончать». Теперь Ты видишь, что я могу подписаться под Твоим суровым мнением. Действительно, *таких* произведений и начинать-то нельзя.

Здесь я думаю остановиться, хотя можно было бы поспорить о Твоем мрачном приговоре над остальными моими стихами, но это отложим до встречи. Самое лучшее — кажется мне — покончить с нашей размолвкой, которая (можно надеяться) не имеет под собой никакого фундамента, основана на впечатлениях минуты и, как все дурное, должна быть поскорее забыта.

Закончу письмо общепринятыми письменными сообщениями. Ланг потерял свое место, но теперь нашел другое — в Одессу³. Женитьба его на Дуне Ши-

* Да будет так, я знаю и ни в чем не перечу (греч.).

А. А. ЛАНГ (МИРОПОЛЬСКИЙ) И А. П. ШИРЯЕВА

Фотография. 1895

Литературный музей, Москва

ряевой — дело решенное. Он сильно опустился и... и... но, право, кой о чем лучше и легче рассказать, чем писать.

Самыгин (на даче у которого я только что прожил два дня) по-прежнему изучает Спинозу, проповедует нео-христианство и качает в люльке своего маленького сына ⁴. Бальмонт из Москвы уехал и в «Лувре» не жил. Адрес его теперь — Московско-Нижегородская дорога, станция Орехово-Зуево, Александре Семёновне Ковалевской для К. Д. Б.

Емельянов-Коханский напечатал (грубо, но на красной бумаге) «Обнаженные нервы», где я, к своему ужасу, нашел дюжины две собственных моих стихотворений, некогда подаренных сему декаденту ⁵.

Г-н Долгінцев выпустил свои банальнейшие «Мечты и грезы» ⁶. *Chefs d'oeuvre* и 3-ий выпуск выйдут на днях ⁷.

Посвящение Твоего «Рассвета» ⁸ приму не с благодарностью (что было бы банально), но с восторгом.

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Сюю секунду уезжаю из Москвы, где пробыл 1½ недели — поэтому рукопись Твою буду иметь возможность отправить в цензуру лишь 25—26-го числа.

¹ «Взор прекрасный за вуалью» — строка из стихотворения П. Верлена «Искусство поэзии», позднее переведенного Брюсовым (см.: *Верлен Поль. Собр. стихов. М.: Скорпион, 1911*).

² Афинский оратор *Демосфен* (ок. 384—322 г. до н. э.) всегда тщательно готовился к выступлениям, работая до глубокой ночи. Как сообщает Плутарх, это дало повод одному из врагов оратора сосричь, что, дескать, доводы его отдают фитилем. На что Демосфен язвительно заметил: «Фитили моей и твоей лампы, любезнейший, видят совсем не одно и то же» (*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. М.: Наука, 1964. Т. III. С. 144).

³ А. А. Ланг женился на Авдотье Павловне *Ширяевой*, дочери московского купца, против воли своих родителей. По этой причине он ушел из книготорговой конторы отца и решил ехать в Одессу. Однако через некоторое время после свадьбы состоялось примирение, и необходимость в выезде отпала.

⁴ О Самыгине см. наст. кн., Письма к Самыгину. Вступ. ст. Н. А. Трифонова.

⁵ Список 18 стихотворений Брюсова, вошедших в сборник поэта-декадента Александра Николаевича *Емельянова-Коханского* (1871—?) «Обнаженные нервы», см.: *Библиография I*, № 12. Запутанный вопрос с публикацией этих стихотворений Емельяновым-Коханским изложен в статье С. Н. Тяпкина «К истории первых изданий русских символистов» (*Рус. лит.* 1979. № 1).

⁶ Василий Федорович *Долгинцев* — автор единственного сборника стихотворений «Грезы и мечты» (М., 1895), известен также переводами из Гейне. Осенью 1895 г. Брюсов записал в черновой тетради: «Среди "банальных погов" — это лучший. Все же г-н Долгинцев что-то читал, кой о чем думал, поэтому его произведения разнообразней, чем у других «банальных погов», и ему чаще, чем его товарищам, случается обмолвиться оригинальным стихом» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.2. Л. 22об.). Мнение Брюсова о сборнике «Грезы и мечты» см. также: *Письма к Перцову*. С. 24.

⁷ *СздО I* и *РС 3* (см. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 3, прим. 1).

⁸ См. п. 6, прим. 2.

8. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

19 июля (18)95, Хорошево.

Друг мой!

Рукопись Твою получил, но быть в Москве раньше 25-го не могу. Однако время это не пропадет для Твоих стихов, и вот по каким соображениям. Ты предлагаешь отдать ее переписчику, но имел ли Ты когда дело с этими злодеями? О! Со времен моего «Каракаллы»¹ я познал их! Прежде всего из стихов исчезнут строфы и сонет разделится то на 3½, то на 5 куплетов. Затем не останется ни малейшего признака длинных и коротких стихов — все будут начинаться с одной линии. Терцины, вероятно, сольются в одну массу и т. д. и т. д. В неразборчивых же местах, которых у Тебя немало, получатся такие стихи — «Беседа с божеством души, как свет неумытой»² (им что! всякое слово одинаково!). В результате в первой корректуре Тебе придется раздвигать строчки, вписывать целые стихи, исправлять бесчисленное число еггата*, в которых виноват не наборщик, — и, так как во всем этом нельзя не запутаться, Ты получишь книгу, преисполненную опечаток. Вообще рукопись со стихами должна быть точной, должны быть указаны все интервалы, места всем посвящениям и обращениям, одним словом *все*, ибо это все непонятно и недоступно корректору. Вот почему мне остается дружески осудить Тебя за то, что Ты не переписал сам своих стихов и дружески исправить Твою ошибку: за эту неделю переписать их самому (конечно, не изменяя ни единой буквы, кроме «явнейших» описок, как например: «Игрой огней ласкает ласкает усталый взор», где второе «ласкает», очевидно, лишнее)³. Письмо я должен отослать сию минуту и поэтому о содержании «Полутеней» сказать ничего не могу. Вот только беглые впечатления. Из новых стихотворений вполне понравилось мне с первого чтения только «В музее»⁴. «Награда — гоненье» — этот вариант, видимо, подсказан Ясной Поляной⁵. Против «Храма» ничего не имею, как и против «Хоровода»⁶, но вот «Мы здесь вдвоем»⁷ кажется мне перепевом давно знакомой мелодии. Ничего не говорит мне и «На утро в час...» — риторика!⁸ Гораздо больше нравится мне А. Л. Т-ой⁹, здесь есть жизнь, а следовательно и крылышки бабочки. «Зефир, шелестевший светлым платьем» и вообще все это стихотворение не по мне: я против! К тому же стихи «Внесла весны обороженье И скрылась вдруг» напоминают мне из бальмонтовского Антея «Дала мне жизни откровенье и прочь — до времени — ушла»¹⁰. О «Где склоняюсь» Ты уже знаешь мое мне-

* опечаток (*лат.*).

ние — такие хорей можно продолжать, а можно и кончить, на Твой же взгляд и начинать-то нельзя ¹¹. Очень, очень плохо по-моему либавское стихотворение «Плыла волна», где к тому же волна разбивается не о берег, как в русском языке, а в берег ¹². Новы для меня еще: сонет В. К. («Усни, несчастная...»), во всяком случае ничего не портящий, и «В пьяном бреду» ¹³; последнее стихотворение показалось мне сначала пародией на По, но потом стало казаться лучше, теперь нравится; несколько комично только соединение слишком «страшных» слов («ад», «ураган» етс.) с такими, как «пьяный», «фонари»... Впрочем, все это первые мнения, в следующем письме с Твоего позволения пришло подробный разбор, который частью войдет и в мою ближайшую книгу «Русская поэзия в 1895 году» ¹⁴.

Твой Валерий Брюсов.

Р. С. Еще по поводу Блока ¹⁵. Выгодно переписывать там лишь прозу, а стихи, что пером, что ремингтоном занимают одинаковое число листов. Цена листу 50 коп. Следовательно, Тебе стоило бы это более 5 руб.

¹ Неопубликованная драма Брюсова, написанная в 1892 г. и переделанная осенью 1893 г. (Текст ее см.: ГБЛ. Ф. 386, 28.2,3 и 125.37). Под шифром 28.3. Л. 29—44об. хранится машинопись драмы, выполненная в 1893 г. Очевидно, качеством именно этой перепечатки был недоволен Брюсов.

² Строка из стих. Курсинского «Ученой мудрости бледнеющие звуки...», посвященного младшей дочери писателя Александре Львовне Толстой (1884—1979), читается на самом деле так: «Беседа с божеством души, как свет, нескрытней» (*Полутени*).

³ Строка из стих. «Храм» (там же).

⁴ Там же; сб. «Стихи» (новая ред.).

⁵ Текст этого стихотворения неизвестен.

⁶ Оба стихотворения вошли в *Полутени*. О стих. «Хоровод» см. также п. 14, прим. 7. Текст его — наст. кн., Письма Ноздрина, п. 4, прим. 11.

⁷ Вероятно, по совету Брюсова Курсинский исключил это стихотворение из *Полутеней*. Текст его неизвестен.

⁸ Стих. «На утро в час, когда блеснет заря...» вошло в состав сборника.

⁹ См. прим. 2.

¹⁰ Цитируется стих. К. Д. Бальмонта «Воскресший» из сб. *В безбрежности*. Стихотворение Курсинского «Она взбежала на веранду...», не понравившееся Брюсову, в *Полутени* не вошло, и текст его неизвестен.

¹¹ См. п. 1, 2, 6, 7.

¹² Вопреки критике Брюсова, стих. «Плыла волна ...» осталось в составе *Полутеней*, так как Курсинский был иного мнения о нем (см. п. 9), однако стих 9 был исправлен: «О берег скалистый разбилась волна».

¹³ Сонет В. К. и стих. «В пьяном бреду» в сборник не вошли. Их текст неизвестен.

¹⁴ В черновой тетради № 21 сохранились наброски этого разбора, в котором Брюсов так определяет поэзию своего друга: «Начало многих стихотворений выше конца — вдохновение как бы оставляет поэта. Таков сонет "Я был близ Вас", где все хорошо, кроме последней терцины, таково "А. Л. Т-ой", где три строфы хороши, а четвертая — слаба, такова поэмка в терцинах, которая вначале поражает, но потом дает впечатлению ослабнуть и заканчивается каким-то судорожным усилием вдохновения». (ГБЛ. Ф. 386, 2.22. Л. 4об.—6; подробнее см. в *Приложении* к настоящей публикации).

¹⁵ Имеется в виду находившееся на Кузнецком мосту «Товарищество на паях Ж. Блок», которое принимало заказы на перепечатку рукописей.

9. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

21 июля (1895 г.), Ясная Поляна.

Дорогой Валерий!

Твоя любезность превзошла всякие мои ожидания, но мне, право, очень было бы тяжело согласиться на то, чтобы ты сам перенисывал мою рукопись. Ведь это же громадный труд! Я печатал у Блока лекции Веселовского ¹ и, помню, они делали очень аккуратно. Что же касается 5 рублей, то это вовсе не так дорого, чтобы нельзя было их бросить. Сам я более не был в силах переписывать: этот сборник меня положительно измучил, там есть еще очень много требующего исправления и, усвершенствуя его постепенно, никогда его не издашь. Мне очень хотелось бы услышать твое мнение о нем в его целом. Что же касается отдельных стихотворений, то я вполне согласен с тобой, что «Веранда — Гир-

лянда и пр.»² очень нехорошо, — пожалуй, его можно выбросить. Но относительно «Плыла волна» я не могу признать его дурным и мало оригинальным. Заметь, что в «Храме» 4-ый стих не будет «огней игрой ласкает...», а «игрой огней ласкает» (infinitiv)³.

Хорей хотя и невнятные, но пусть останутся⁴, так как у меня сейчас нет чем их заменить, а писать *ничего не могу*, так как, признаюсь, очень взволнован по поводу выпускаемых мною «Полутеней».

Что ты скажешь о терцинах?⁵ Но, впрочем, жду обещанной критической статьи и не надоедаю. Жду также с нетерпением Chefs d'oeuvre и 3-ий выпуск. Надеюсь, что ты мне вышлешь их, как только они выйдут. О книжке Емельянова-Коханского я узнал из «Новостей дня», которые ее жестоко осмеяли⁶ и, надо догадываться, по заслугам.

Поговорим, друг мой, насчет издания. Если выкинуть «Веранду — Гирлянду» и напечатать поменьше оглавление, то при наличности одной пустой страницы, может быть, все уместится на 5 печатных листах. Рассчитай же для меня, мой милый, сколько будет стоить издание в 600 экземпляров на обыкновенной бумаге (например, как Шелли)⁷, и почему надо продавать книжку, чтобы за вычетом комиссионных книгопродавцам с половины издания можно было вернуть затраченную сумму. Сборник, думаю, не выйдет ранее 1-го октября. Я рассчитываю к этому времени отложить полтора ста рублей. Думаю, что этого будет достаточно (приблизительно 30 рублей лист), так как Рихтер⁸ брался мне печатать Мура⁹ по 20 рублей за лист в 1200 экз. — без обертки. Но если и обойдется несколько дороже, то я могу признать у графини¹⁰ рублей 25—50.

Августа 17-го я приеду в Москву дня на 2. Было бы хорошо, если бы и ты приехал туда в это время. Но об этом, впрочем, говорить еще рано.

Весь твой А. Курсинский.

¹ Алексей Николаевич Веселовский (1843—1918) — историк литературы, с 1881 г. профессор Московского университета, читал курс западноевропейской литературы.

² См. п. 8, прим. 10, а также п. 12, прим. 2.

³ Брюсов, приводя в п. 8 в качестве явной описки строку из стих. «Храм», дважды ошибся сам. Стих следует читать: «Игрой огней ласкать усталый глаз», а не ласкает — см. п. 8, прим. 3 и п. 11, прим. 6.

⁴ Речь идет о стих. «Где, склоняся задумчиво уныло...». См. п. 1 и п. 2, прим. 7.

⁵ Имеется в виду небольшая поэма «Молчанье. Тьма».

⁶ См.: Новости дня. 1895, № 4315. 16 июня. Безымянный рецензент, в частности, писал: «"Обнаженные нервы" — грязная книжонка, отпечатанная на красной бумаге и посвященная египетской царице Клеопатре. "Мне и египетской царице Клеопатре" — так заявляет автор. Чтобы наказать автора, скажу, что его зовут А. Н. Емельянов-Коханский. Одно из двух: или автор дурного мнения о читателе или он слишком хорошего мнения о себе. Человек в здравом уме и твердой памяти не напечатал бы таких стихов. Во всяком случае он не посвящал бы их Клеопатре. Клеопатра была большая грешница, но она не заслужила такого ужасного наказания. Было бы великодушнее со стороны поэта посвятить книжонку только себе. Свой горб не тяжел». 3-е издание «Обнаженных нервов» резкой критике подверг и Брюсов (Весы. 1904. № 7. С. 60).

⁷ Имеются в виду «Сочинения Шелли» в переводе К. Д. Бальмонта. Вып. 1, 2. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1893.

⁸ Владимир Федорович Рихтер — владелец московской типографии в Мамоновском переулке.

⁹ Отдельное издание переводов Курсинского из Т. Мура не состоялось. 3 января 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «Курсинский подавлен. Сравнение со мной и Бальмонтом было ему не по силам. Он понял свое ничтожество, бросил приготовленное издание переводов из Мура. Бедняга. Его жаль» (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 4). Впоследствии выборка из этих переводов составила 2-ю часть сборника *Полутени*. См. также: *Тетради*, п. 24, прим. 10.

¹⁰ С. А. Толстая.

10. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

22 июля (1895 г.) Ясная Поляна.

Дорогой Валерий!

Мне очень интересно знать, состоишь ли ты в переписке с Фриче? И вот почему. Ты намерен издать книгу «Русская поэзия в 1895 году». Несомненно, это

будет своего рода *révue poétique* *, единственный в своем роде, если не считать «Молодой поэзии» Перцовых, своей цели совершенно не достигшей. Нужно ли говорить, насколько желательна такое обозрение в наше время? Я не знаю, читал ли ты в «Северном вестнике» за май месяц статью Арнольда о задачах эстетической критики: он там очень ясно выражает ее значение не только просветительное в отношении читающей публики, но и как важного фактора, подготавливающего будущее искусство ¹. Искусство поэзии менее чем какая-либо другая отрасль духовной жизни человека находит себе соответствующего судью в лице такой критики, и осуществление этой идеи мне кажется необходимым. Но выполнение такой работы требует большого, а главное — постоянного и ровного труда, который вряд ли будет под силу одному человеку, к тому же причастному той деятельности, плоды которой он намерен оценивать. Поэтому я хотел бы предложить тебе следующее: 1) сделать предпринимаемое тобою издание — ежегодно-периодическим критическим изданием (с приложением лучших образцов в виде особого альбома). 2) Сделать книжки Ежегодника до *nes plus ultra* ^{2*} полными и разносторонними. 3) Разделить труд собирания и оценки между несколькими сотрудниками. 4) Пригласить всех авторов присылать свои сборники или по крайней мере извещения о появлении их в редакцию Ежегодника и пр.

Таким образом мы могли бы осуществить идею издания, близкого нашему делу и важного для развития эстетических запросов общества, — журнала, еще год тому назад привлекавшего внимание многих членов нашего кружка ². Вот почему я, предлагая с своей стороны услуги, советовал бы тебе прежде всего списаться насчет этого с Фриче. А затем можно было бы, расширяя постепенно дело, привлечь еще многих лиц. К тому же при условии сотрудничества нескольких и материальная сторона дела была бы более обеспечена. Ввиду того, что самым подходящим временем для выпуска книги мне кажется весна (Великий пост), я советовал бы тебе не торопиться и дожидаться обсуждения этого вопроса. Прими также во внимание, что поэзия Запада тоже должна обращать на себя внимание такого Обозрения и отдел ее — занимать почетное количество листов сборника. Я уже говорил тебе, что написал Фриче письмо. До сих пор ответа я не получил. Теперь знаю, впрочем, что с ним переписывается Коган ³ и получает от него письма. Ты можешь от Когана узнать его точный адрес.

А. Курсинский.

Р. С. Интересную делаю теперь работу: редактирую «Воспоминания Арбузова» ⁴, бывшего более 20 лет лакеем графа Толстого. Как это тебе нравится?

* обзор поэзии (франц.).

^{2*} до предела (лат.).

П. С. КОГАН

Фотография. 1890-е годы

Центральный исторический архив города Москвы

¹ Статья Мэтью Арнольда «Задачи современной критики» опубликована: *СВ.* 1895. № 6. Перевод с английского был выполнен редакцией «Посредника» из книги: *Arnold Matthew. Essays in criticism.* Leipzig, 1887. Vol. 1. Статья эта заинтересовала Толстого (см.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. М., 1960. С. 180). 29 декабря 1895 г. В. Ф. Лазурский записал в дневнике высказывание Толстого о статье Арнольда: «Я эту статью давно рекомендовал; теперь ее прекрасно перевели, но она прошла как-то незаметно. Я все рекомендую ее молодым людям. Автор в статье говорит о том, что подъем художественного творчества бывает тогда, когда критика соберет весь запас того лучшего, что сделано у других. В этом и должна быть задача критики» (*ЛН.* Т. 37—38, кн. 2. С. 385). Возможно, что именно Толстой обратил внимание Курсинского на эту статью. Впоследствии Курсинский вспоминал: «Граф всегда приносил с собой из кабинета какую-либо из бесчисленных книг, присылаемых авторами на суд его со всех концов мира, которая при быстром просмотре успела заинтересовать его своей темой» (*А. К.* Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // *Курьер.* 1903. № 181. 28 авг.).

² Имеется в виду Кружок любителей западноевропейской литературы. В «Автобиографии» Брюсов вспоминает: «С Бальмонтом я встретился впервые в студенческом „Обществе любителей западной литературы“, деятельнейшими членами которого были составившие себе впоследствии некоторое имя в литературе (тогда студенты) В. М. Фриче, П. С. Коган, В. Шулятиков и Марк Крилицкий, а также А. А. Курсинский, даровитый поэт, выпустивший позднее два сборника стихов. Это маленькое общество (были и другие члены) собиралось довольно часто, обсуждало рефераты, спорило, а потом все кончалось, обычно, дружеской пирушкой, за которой читались стихи, написанные ее участниками» (*Вензеров. Рус. лит. XX в.* Кн. 1. С. 111). Кружок, основанный 5 февраля 1894 г., собирался еженедельно. Руководил им проф. Н. И. Стороженко, секретарем был Курсинский, число членов доходило до 20 человек. Среди них были также А. А. Лаан, В. Ф. Долгинцев, А. В. Назаревский, М. А. Иловайский, П. А. Рождественский. Брюсов, вступивший в Кружок 21 сентября 1894 г. (см.: *ГБЛ.* Ф. 389, 1.15), прочел реферат о Верлене (20 окт.), а также свои переводы из Верлена (29 сент.), Эредиа и Эверса (8 нояб.) и переводы-мистификации из несуществующего поэта Г. Шульце (19 нояб. 1894 г.). Курсинский читал рефераты о Лессинге, Байроне и Корнеле (*ГБЛ.* Ф. 389, 1.12 и 16).

³ Петр Семенович Кован (1873—1932) — историк литературы и критик-марксист.

⁴ Сергей Петрович Арбузов (1849—1904) — яснополянский крестьянин. Книга «Граф Л. Н. Толстой. Воспоминания С. П. Арбузова, бывшего слуги графа Л. Н. Толстого» издана в 1904 г. Московской типо-литографией Владимира Чичерина.

11. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 24. 7. (18)95 г.

Друг мой!

Рукопись Твоя уже в цензуре, переписанная, если не изящно, то четко и верно — а это главное.

Затем — скажу Тебе, что в настоящую минуту я решительно против изображения Гутенберга. *Переписывая* Твои «Полутени», я убедился во всех преимуществах *такого* знакомства с книгами. Петрарка — думаю я — знал Гомера много лучше любого современного филолога, и меня уже не удивляет, что Гоголь любил списывать даже продающиеся сочинения. Смысл всего этого тот, что я знаком теперь с Твоей поэзией так, как ни с какой другой.

Быть близко знакомым с чьей-либо поэзией — значит любить ее, потому что каков бы ни был поэт, если только он не Емельянов-Коханский, он достоин любви, и каково бы ни было поэтическое произведение, в нем есть красота. Так, например, мы любим *все* свои собственные стихи, и — когда я увидел десяток своих стихотворений в «Обнаженных нервах»¹, то — хотя эти стихотворения и были изгоями — мне стало грустно и обидно, и жалко их. Вот почему и мое мнение о Твоих стихах во многом переменялось. Прежде я судил мелко; останавливаясь на выдающихся чертах, пропуская второстепенное, — теперь я сжился с каждой строкой и каждым словом, почти все знаю наизусть; прежде отдельное стихотворение было для меня страничкой, которую легко осудить одним словом, теперь я открыл в этом стихотворении двенадцать стихов, из которых каждый живет и каждый требует оценки. Я нашел изящество там, где прежде не видел ничего, кроме слов; смысл, где мне когда-то казалась риторика, я понял, почему написан тот или другой стих, почему слова поставлены так, а не иначе. Повторяю, я сжился с Твоей поэзией, полюбил ее, а потому в своем разборе постараюсь быть особенно беспощадным.

25-го июля (утро)

Друг мой! — Я несколько раз брал перо, чтобы продолжать это вчерашнее письмо, но, право, не могу. Вчерашний вечер меня совсем расстроил. В виде маленького объяснения посылаю Тебе листок из моей книги стихов. Стихотворение хоть и неважное, даже вовсе плохое, но зато верно рисует мое настроение ². Разбор Твоих стихотворений «окончу после как-нибудь» ³, как говорит

Наш царь, наш бог, учитель вечно юный
Счастливым Пушкин! ⁴

Что до твоего проекта о *génie poétique* ⁵, то я не могу примкнуть к нему в этом году. Моя «Поэзия 95 г.» имеет особые цели, да наполовину уже написана. Это не столько критическое, сколько полемическое сочинение, не столько изучение современной поэзии, сколько проклятия и гимны, проповедь всего нового, во что я верю, автобиографические вставки и лирические отступления — словом все, что мне давно хотелось высказать всем современным поэтам. Моя книга — прежде всего речь в собрании — она даже не хочет быть беспристрастной и не может быть разделенной между двумя.

Эта книга не должна быть повторена, но, конечно, вне ее Твой проект интересен и может быть осуществлен.

К 15 числу — мы уже переедем с дачи, и 17 я надеюсь непременно увидеть Тебя. Напиши только поточнее, когда и где (самое удобное, кажется, у меня?).
Что до «ласкает» — Ты понимаешь — это описка ⁶.

Твой Валерий Брюсов.

Я ее не видал, я лишь слышал об ней,
И забилось сердце больной...
Что же будет, когда мне опять
Придется ее увидеть!

Дорогая! Тебя уведу я в аллею теней,
Дорогая! У ног твоих я упаду!
В замолчавшем саду
При сиянии прежних небесных огней
Я прежние клятвы найду;
Опьянение грез,
Аромат первых роз,
Ласки змеистых волос.

Все былое вернется ко мне
В тишине,
При воскресшей для жизни луне.
О, проклятие вам, годы жизни, века!
Вы мне сердце одели десятком кольчуг,
Подменили мечту мне мечтой старика
И собрали вокруг,
Как желанных подруг,
Как подруг мудреца,
Все презренные чувства скопца!

Там в беседке, залитой серебряным светом,
Вновь я стану восторженным, юным поэтом,
Дерзко робким ребенком там стану я вновь,
Постигавшим любовь
И рыдавшим над новым сонетом ⁷.

Этот мир для меня, он безжизненно пуст,
Я один, и чужие кругом,
Милых уст
Я не знаю во мраке ночном,
Я не плачу — увы! — никогда, ни о ком,
Истомленный пустыней пути моего
Я порою томлюсь и скорблю,
Но на свете теперь никого не люблю,
Никого! Никого! Никого!

Потому хоть на миг я так жажду опять
Позабывтым дышать,
Оттого-то так бьется несчастное сердце мое,
Чуть заслышу я имя твое,
Оттого в тебе все
Для меня так полно красоты —
То — былые мечты,
Дневника дорогие листы,
Это — ты,
Это — юность моя!
Оттого-то так жажду с тобою увидеться я!

24 июля.

¹ См. п. 7, прим. 5.

² 25 июля 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «Живу в Москве и счастлив. Вчера был в Сокольниках, видел Петю Дарузес и других, слушал о Тале и... смотрите мое стихотворение от 24 июля (Гимн Былому)» (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 13).

³ Цитируется последний стих третьей главы «Евгения Онегина».

⁴ Строки из первой главы поэмы Мережковского «Вера» (РМ, 1890. № 3, 4).

⁵ См. п. 10.

⁶ Брюсов имеет в виду не ошибку Курсинского, повторившего при переписке стихотворения «Храм» два раза слова «ласкать», а свою собственную (см. п. 8 и 9). В черновике письма, очень близком к публикуемому тексту, сказано: «что до "ласкает", это, конечно, описка с *моей стороны*» (ГБЛ. Ф. 386, 2.21. Л. 72).

⁷ Это ранее не публиковавшееся стихотворение прислано Курсинскому на листке, вырванном из записной книжки. На нем же Брюсов зачеркнул также не публиковавшееся стихотворение «Мы в наши дни не знаем красоты...», датированное 20 июля 1895 г.

12. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Хорошево.) 26 июля (18)95 г.

Друг мой!

Вчера я отослал к Тебе письмо, из которого советую читать только первую половину; впрочем, вторая и написана неудобопонятно. Листка из книжки читать не стоит ¹: стихи в нем так плохи, что лишь после бессонной ночи можно вообразить, будто они выражают какое бы то ни было настроение.

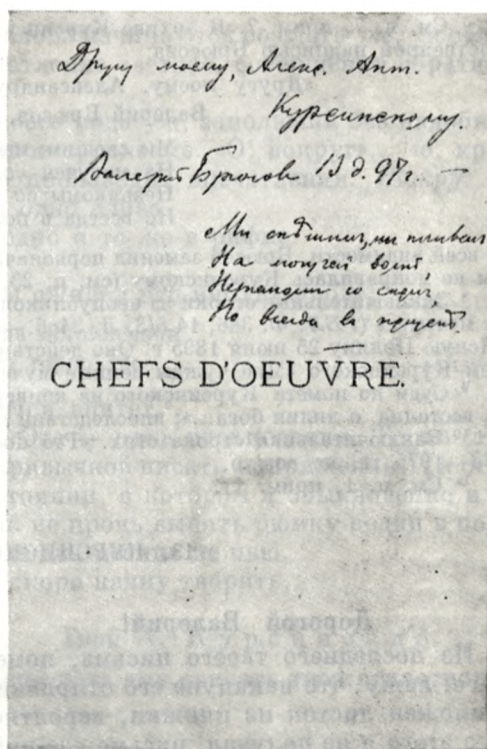
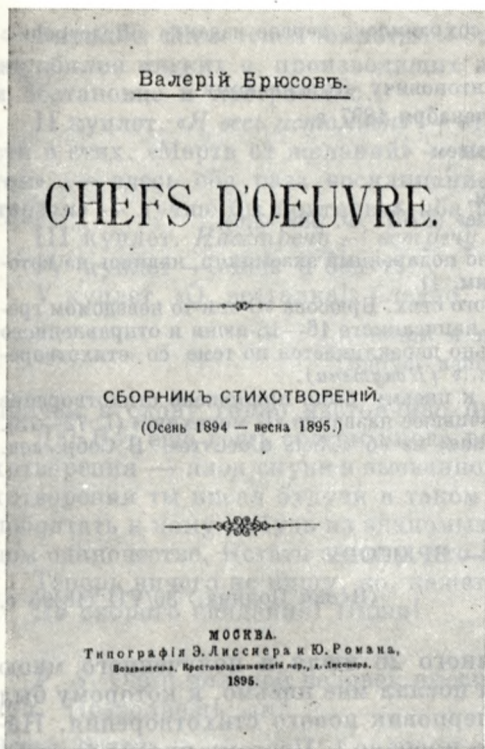
Но, впрочем, это все пустяки.

Получил Твое добавочное послание, но оно опоздало ²: рукопись уже с понедельника в цензуре. «Веранду» (серьезно говоря, слабейшее стихотворение) можно выкинуть и без замены, тем более, что есть свободная страница. Что касается до посвящений, то «Сонет» «Я был близ вас...» у меня не посвящен никому, ибо буквы S. F. были Тобою *очень* старательно зачеркнуты. Зато стихотворение «Ученой мудрости» согласно с Твоей рукописью и ее оглавлением посвящено А. Л. Т. ³

Что до сборника «Она» ⁴, то не думаю, чтобы он Тебе удался. Мне кажется, что сущность Твоей поэзии — не краски и не формы, — не изображение внешней жизни, а передача мечтаний, отражение минут задумчивости. По крайней мере такие стихотворения наиболее Тебе удаются, да и в стихотворения, которые у другого поэта остались бы чисто внешней картиной, Ты вносишь этот элемент мечтательности. Одним словом, Ты полная противоположность Теофилю Готье (если читал его, напиши свое мнение об нем) и почти такая же противоположность старичку Муру, вот почему все Твои переводы из него бледны. (Я уже не говорю о «Любви ангелов», которая — что я Тебе могу доказать, но это долго — никуда не годится) ⁵. Вот почему — добавлю я еще — надо одобрить избранное Тобою заглавие: оно не бросается в глаза, даже прямо неудачно с точки зрения погони за успехом, но необыкновенно хорошо подходит к Твоим оригинальным стихотворениям. Впрочем не стану похищать мыслей из моей будущей статьи о Тебе ⁶ и добавлю только одно: я открыл, что Ты замечательно удачно избираешь размеры; так, в пресловутых хорях «Где склонясь задумчиво уныло...» нет почти ничего хорошего, но размер удивительно сливается с намеченным настроением, он, говоря символически, дышит водой и пахнет плесенью старого моста, в нем, только в нем одном, можно увидеть толстые стволы ив, наклоняющих ветки к водяным лилиям, и почувствовать эту вечернюю прохладу, эту сырость, которая пронизывает насквозь и все же имеет какую-то ароматную прелесть.

Мог бы привести еще примеры, но после. Замечу только в заключение, что у Тебя *вдохновение всегда ослабевает к концу произведения*. Напряжение его можно изобразить *наклонной линией* и лишь изредка у конца бывают его судорожные трепетания.

В прошлом письме я Тебе писал, что 17 надеюсь с Тобой увидаться; тогда я, наконец, буду иметь возможность вручить тебе Chefs d'oeuvre и 3-ий выпуск ⁷, которые мне обещаны окончательно на будущей неделе.

В. БРЮСОВ. CHEFS D'OEUVRE. М., 1895

Титульный лист и авантитул с дарственной надписью: «Другу моему, Алекс. Ант. Курсинскому. Валерій Брюсовъ 13 д. 97 г. Мы спешим, мы плывем || На могучей волне, || Незнакомы со сном. || Но всегда в полусне»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Последнее присланное Тобой стихотворение прочел и... и скажи мне, не урок ли это «чувства меры», предназначенный для меня? — ибо Твое стихотворение написано на тему, близко соприкасающуюся с моим—

И лишь на пути серафимы
Склоняют глаза, угадав божество ⁸.

Твой Валерій Брюсов.

P. S. Прилагаю сегодняшнее стихотворение ⁹. Увы! Где же мое обещание «Я больше не знаю стихов о любви!» ¹⁰

Post P. S Надеюсь Ты получил «Молодую поэзию» ¹¹, я послал ее уже недели две тому назад.

¹ См. п. 11, прим. 7.

² «Добавочное послание» Курсинского, посланное из Ясной Поляны 23 июля 1895 г. в настоящую публикацию не включено. В этом чисто деловом письме Курсинский просил Брюсова заменить в рукописи стихотворение «Она взбежала на веранду...» на «Мне чужды земные мученья...», снять везде датировку и проследить за точностью посвящений. Здесь же Курсинский сообщает, что задумал новый стихотворный сборник — «Она». Несмотря на то, что рукопись уже была отдана в цензуру, все просьбы автора в сб. *Полутени* учтены.

³ См. п. 8, прим. 2.

⁴ Замысел Курсинского выпустить сборник не осуществился.

⁵ Разбор перевода поэмы «Любовь ангелов» см. в п. 14 (postscriptum). Поэма, по-видимому, не была пропущена цензурой (см. п. 15 и обоснование его датировки). Текст перевода Курсинского неизвестен.

⁶ См. п. 8, прим. 14.

⁷ См. п. 7, прим. 7. В архиве Курсинского сохранилось первое издание «Шедевров» с дарственной надписью Брюсова:

«Другу моему, Александру Антоновичу Курсинскому
Валерий Брюсов. 13 декабря 1897 г.

Мы спешим, мы плывем
На могучей волне,
Незнакомы со сном,
Но всегда в полусне» (ГБЛ. Ф. 389, 2.6).

По всей видимости, Брюсов заменил первоначально подаренный экземпляр, надпись на котором не понравилась Курсинскому (см. п. 23, прим. 1).

⁸ Заключительные строки из неопубликованного стих. Брюсова «О чем-то неведомом грезят мечты...» (ГБЛ. Ф. 386, 14.5/3. Л. 34об.—35), написанного 16—18 июня и отправленного в Ясную Поляну 25 июня 1895 г. Оно действительно перекликается по теме со стихотворением Курсинского «Мне чужды земные мученья...» (*Полутени*).

⁹ Судя по помете Курсинского на конверте, к письму было приложено стихотворение «О, весталка, о лилия бога...», впоследствии получившее название «К монахине» (I, 72—73).

¹⁰ Заключительная строка стих. «Pro domo sua» из сб. «Chefs d'oeuvre». В Собр. соч. 1973—1975 гг. не вошло.

¹¹ См. п. 1, прим. 11.

13. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Ясная Поляна.) 30/VII (18)95 г.

Дорогой Валерий!

Из последнего твоего письма, помеченного 26 июля и полученного мною 28-го, вижу, что накануне его отправки ты послал мне письмо, к которому был приложен листок из книжки, вероятно, черновик нового стихотворения. Ничего этого я не получал, письмо где-нибудь пропало¹. Поэтому просил бы тебя повторить его содержание еще раз, а также ответить мне на два предыдущих письма, где я писал тебе относительно расходов по изданию моего сборника и, во-вторых, о проекте Ежегодника². Обещанной тобою критической статьи о моих стихотворениях тоже не получал я, но из нескольких твоих замечаний о них, присланных в последнем письме, вижу, что ты внимательно отнесся к ним и вынес заключение довольно верное относительно преобладания философски отвлеченного элемента в них над художественностью образов. Относительно же размера — я должен сказать, что, на мой взгляд, эта сторона поэтического произведения есть нечто среднее между формой и содержанием его и стоит в столь тесной связи с последним, что можно бы даже вывести законы их отношения друг к другу. Поэтому на него я обращаю наибольшее внимание. Заметь, что поэт, когда приступает к созданию стихотворения, прежде всего схватывает размер его, так как самое настроение подсказывает раздельность звуков, в которых будет выражена идея. Эта сторона дела есть собственно музыка, а музыка сильнее всех искусств передает именно настроение. Что касается переводов из Мура, то, может быть, они и бледны, но никак не бледнее подлинника. Я же вообще этого не нахожу. «Любовь ангелов» слабее других (и то лишь первая половина), но все-таки достойна напечатания. Вообще я выпущу из рукописи только одно стихотворение «Она взбежала на веранду». «Хоровод» мне очень не по праву, но так как ты и некоторые другие находите его хорошим, то пусть остается.

Несколько дней назад был здесь у графа Никольский, твой товарищ по гимназии и университету³. Я показал ему твои стихотворения (2-го письма)⁴. Он отзывался о них с такой похвалой, что мог бы смутить самого автора. Но я по-прежнему не могу понять достоинств стихотворения «Дремлет Москва», и как может мечта стоять, дремать, не шелохнуть травой и прочь итти с поникшей головой(?)⁵ Сонет «К Эредиа» хорош, но, к сожалению, я не знаю мифа об Атре⁶. Но что действительно прекрасно, это последнее твое стихотворение «Весталка»⁷. Оно меня приводит в восторг! И тем не менее смею желать и даже настойчиво требую отделить его еще раз и возвести в перл создания. Вот что здесь мне не нравится:

I куплет. «Меж теней темноты» — два слова начинаются со слога *те*, вообще же обилие мягких *е*, производящих впечатление светлое, совершенно обратное и обстановке и настроению.

II куплет. «Я весь истомлен» — это своего рода уж, заползший без надобности в стих. «Мертв от желаний» — неверное сравнение. «О! вокруг»... «о, кругом»... — здесь оба раза восклицание не производит впечатления. «Вокруг — кругом» — лучше бы повторить оба раза одно слово.

III куплет. *Навстречу — встречу* — одно и то же в рифме.

IV куплет — *chefs d'oeuvre!*

V куплет. «О, весталка!» бледно. Я бы ожидал что-нибудь вроде:

А потом я во сне истомленным
(Вдруг) нащупаю горло твое

причем к слову горло настойчиво просится эпитет ⁸.

Да! Вот еще вещь совсем иного рода. Эта — плод вдохновения. Те же стихотворения — плод скуки и вызванного привычкой писать напряжения. Те стихотворения ты писал будучи в таком состоянии, в котором я обыкновенно иду поболтать к кому-нибудь из знакомых или не прочь выпить рюмку водки в полном одиночестве. Кстати замечу, что я уже два месяца не пью.

Теперь ничего не пишу, но, кажется, скоро начну творить.

До скорого свидания! Пиши!

Твой А. Курсинский.

P. S. Один молодой человек просит меня дать ему списать твои стихотворения. Позволяешь ли?

Ясная Поляна
18.30/VII 95

¹ Речь идет о п. 11, которое, по всей видимости, дошло до адресата с опозданием.

² См. п. 9 и 10.

³ Петр Петрович *Никольский* окончил Поливановскую гимназию на год раньше Брюсова и поступил на историко-филологический факультет Московского университета (см.: Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л. И. Поливановым. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. С. 43). Впоследствии — преподаватель 2-й Московской мужской гимназии. Курсинский был знаком с Никольским по университету, где последний выполнял роль старосты среди студентов славяно-русского отделения, на котором учился Курсинский (см.: ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 305. Д. 376. Л. 5). 23 ноября 1894 г. Брюсов записал в дневнике: «Сегодня видел Маню (...) провел время мило и чуть-чуть даже вдохновился, но со свидания зашел к этому прозаическому поэту Никольскому, и вдохновение рассеялось» (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/1. Л. 44).

⁴ См. п. 4, прим. 1.

⁵ Цитируется стих. «Моя мечта» (I, 71), посланное Курсинскому 25 июня 1895 г.

⁶ В первоначальной редакции стих. «Львица среди развалин» (I, 71—72) называлось «Сонет» и было посвящено Ж.-М. Эредиа. Третья строка в нем читалась: «И Атра, дочь царя, любимица тоски» (ГБЛ. Ф. 386, 71.41. Л. 10). Имя Атра — вымышленное (см. п. 14, прим. 9).

⁷ См. п. 12, прим. 9. Так как приложенное к письму стихотворение затерялось, приводим его первоначальный вариант по записной книжке «Мои стихи» (ГБЛ. Ф. 386, 14.5/4. Л. 6.— 26 июля 1895 г.):

О весталка, о лилия бога,
Бледно-юная греза мечты.
Это я меж теней темноты,
Это я у порога.

Выходи же! иди мне навстречу!
Я томлюся! я жду! я стою!
Я руками тебя обовью,
Диким хохотом встречу.

Я измучен, я весь истомлен,
Я бессилен, я мертв от желаний...
О! вокруг все в багряном тумане,
О! кругом точно звон!

И мы вздрогнем, и мы упадем,
И, рыдая, сплетемся, как змеи,
На холодном полу галереи
В полумраке ночном.

О весталка! во сне истомленном
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно, — и все
Будет кончено стоном.

⁸ Большая часть замечаний Курсинского была учтена при переработке этого стихотворения для второго издания сб. «Chefs d'oeuvre», куда оно вошло под названием «Vestalis virgo».

14. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

6-го августа 1895 г. Хор(ошево).

Мой друг, — привет!

Пишу Тебе, сидя в постели, потому что вот целая неделя, как я болен¹. Болен и бешусь, бешусь и все-таки болен. Там в Москве, небось, уже вышли мои Chefs d'oeuvre, вышли «Русские символисты»², там в Москве поджидает меня моя «весталка», а я прикован здесь, в этом тысячу раз проклятом Хорошеве. Сегодня привезли мне пачку писем, среди них и Твое³ — что меня оживило лучше бесчисленного числа порошков антипирина, которые я глотаю без конца. Привет, друг мой.

Что Ты не получил одного моего письма⁴, это меня отчасти радует и отчасти печалит. Дело в том, что письмо начал я очень разумно: обругал Гутенберга, потому что с книгами знакомишься лучше, переписывая их; сказал, что теперь познакомился с Твоими стихами особенно хорошо, сжился с ними, и начал писать критику их. Из критики я написал лишь вступление — отменно длинное и торжественное, но здесь должен был уехать в Сокольники. В Сокольниках встретил массу знакомых, с которыми не видался года полтора, — и слушал рассказы о жизни Тали, той самой, которой посвящены «Новые грезы» в 1-м выпуске⁵ и с которой я поступил по общепринятым воззрениям довольно-таки плохо. Разговоры меня растрогали (и выпивка, впрочем), я расчувствовался и, вернувшись домой часов в пять, тут же написал стихотворение — бессвязное и высокопарное. Листок с этим стихотворением я вырвал из книжки (впрочем, я восстановил стихи по памяти) и, наскоро докончив письмо, послал Тебе. Если до Тебя не дошло это маранье, то, пожалуй, надо сказать «тем лучше».

Будучи в Москве, читал я Твои стихи Лангу, который, кстати сказать, все опускается, и они его совсем поразили; он был даже несколько подавлен; впрочем, просил написать Тебе, что говорить «мечтой *крылатой*»⁶ — есть величайшее преступление (банально). Что Ты пишешь, что Тебе «Хоровод» не по нраву — да это одна из Твоих лучших вещей! Лангу не нравится в нем «молодаяк»⁷. Что до «Любви ангелов», то она ниже всякой критики, вся — а не только первая часть. Доказательства (ибо Ты настаиваешь) — дальше.

В моей «Весталке» кой с чем из Твоих замечаний согласен; конец второго куплета *прежде* читался так:

Все вокруг, как в кровавом тумане,
Все звучит, точно звон.

Последний куплет *прежде* начинался: «А потом в полусне...» Видишь, какой Ты угадчик вариантов. Но ведь Ты и сам знаешь, таких стихотворений нельзя исправлять. Мечта моя, которая стоит, дрожит etc., олицетворена в виде «вольной серны» (зри стихотворение)⁸. Мифа об Атре нет никакого, да и самое имя-то я выдумал⁹. Посылаю Тебе два апапеста к «Миньоне», первый похуже, второй получше¹⁰. Есть у меня еще «Гимн к Деве Марии»¹¹, написанный еще в июне и приводивший в восторг Самыгина, Ланга и многих других, но его — до личного свидания.

Ежегодник можно издавать, но моя книга будет совсем в ином роде¹². Цену своей книги высчитай сам по следующим данным (формат — «Русских символистов», «Под северным небом»¹³ etc.): Набор с листа — 10 р. Печатанье id * — 3 р. (сколько бы ни было экземпляров). Бумага на 100 экз. меньше стопы; стопа хорошей бумаги — рубля 4. Обертка и брошюровка 10 р.

Жду Тебя с нетерпением, надеясь воскреснуть к тому времени. Напиши поточнее о своем приезде.

Дурной почерк и бессвязность письма — следствие болезни и того, что пишу полулежа.

Твой В. Брюсов.

* idem — так же (лат.).

В виду PS-а разбор «Любви ангелов» (особенно плохие места). Ты хвалишься концом, но там есть такие ужасные стихи:

...будто боль сдавила
Его в груди с могучей силой (?)

Есть масса погрешностей против русского языка. Например:

Затем что он забыть не мог (вместо потому что)
В земную жизнь погряз (надо предложный падеж)
И знать почему коль состраданье («почем» говорится)

лишь в лавочке — «коль» грубо, расположение слов ужасно). Все это из самого конца. Вот еще отрывок:

...Я не знал
Какой ей в мысли план заплал?!?!
Какой свершил я шаг опасный (проза!)
Я поцелую дико страстным (рифма?)
Ее в чело поцеловал
И, уж потерянный для рая, (вот он уж-то!) ¹⁴
Одной любовью лишь (?) сгорая (банально)
Ей тайный заговор назвал (некрасиво)

А вот места:

Она как к месту приросла («как» вместо «как будто»; прирасти к месту — фи!)

за взгляд
Ее очей уж порывался
Отбросить крылья в мрачный ад.

Второй уж, который к тому же порывается.

Это ямб? Полно!

Было судьбой и преступленьем

Детский стих.

Падает безумно так во прахе

Ай, ай!

не при чем
Осталась мысль
Земного не было в ней пыла

Слово, режущее ухо.

И встретил глаз ее стыдливый
Мой взор горячий и пытливым.

Глаз встретил взор. Кто кого? Где Nominativus ^{2*}, где Accusativus? ^{3*}

Младую деву лобызал

На славянском языке? На языке времен Игоря?

восторженный очами
Земными

Об этом я уже говорил. С точки зрения русского синтаксиса заслуживает единицы с минусом.

Вдали Творца и на крылах

Вдали говорится от кого-нибудь. От «крыло» Pluralis ^{4*} — крылья.

Всемогуший — летучий.

Рифма?

С высот я бережно смотрел

^{2*} именительный падеж (лат.).

^{3*} винительный падеж (лат.).

^{4*} множественное число (лат.).

Надо осторожно, тихо... «Бережно» носят лишь рюмку коньяку, чтобы не расплескать.

Стан, дрожавший в своей красе

Что это значит? Да еще каково расположение слов в стихе с рифмою *туманом, стана*.

Я устал выписывать, а могу продолжать без конца. Я пропускаю те места, где получается только неясность смысла, а их много. Например: «Лучезарное крыло Свет дня снимает утомленный». Что это значит? «Он был и славен (?) и прекрасен». «Красу земли узреть мне дал». (Два славянских слова, но они не объяснят, что дело идет о Лии, думаешь, что о картине природы) etc. Не говорю уже о том, что стих *везде вял*, образы бледны, что содержание пусто. Может быть, все это так и у Мура, но тогда не стоило его переводить. Я не хочу убеждать Тебя, что не надо печатать переводов, но согласись, что они плохи. Вот единственные хорошие места:

Я различать в природе мог... и далее.
Как бросить мир... и далее.
Прости, лечу... и далее, кроме рифмы.
И хоть на миг, сказать страшуся... и далее.

Есть затем сносные места и некоторые отдельные стихи. Например:

Блестя, как снег перед закатом
Блестит сияньем розоватым

И только.

Что до моих стихов, я, конечно, ничего не имею против того, чтобы их списывали¹⁵, если только мне не грозит опасность увидеть их в будущем среди каких-нибудь «Обнаженных нервов» О! Как мне обидно за мои стихи, напечатанные г. Емельяновым-Коханским в его книге!

Судя по штампу на конверте, настоящее письмо было отправлено 7 августа. В тот же день Брюсов послал Курсинскому также стихотворение «Два мака» (впервые опубл.: III, 228) с датой: «7 авг. 95 г., bis» (почт. шт. на конверте — 8 августа). Так как, кроме текста стихотворения, в письме ничего не было, в настоящей публикации оно опущено.

¹ 8 августа 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «На даче я захворал, бредил... Кстати — основа всякого бреда — отсутствие гладкости. Кроме того, мне казалось часто, что я не ощущаю своих рук и это меня мучило. Много раз я старался не грезить, но это было свыше моих сил: я должен был смотреть рисующиеся мне картины и это было мучительно и приятно вместе» (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 13об.).

² Выпуск обеих книг задержался. «Русские символисты» (вып. 3) вышли в середине августа, а «Chefs d'oeuvre» примерно неделей позже (см.: *Письма к Перцову*. С. 34).

³ См. п. 13.

⁴ См. п. 13, прим. 1.

⁵ В первом выпуске «Русских символистов» раздел «Новые грезы. Лето и осень 93 года» посвящения не имеет, но в цензурном экземпляре сб. «Juvenilia» раздел озаглавлен «Стихи к Тале» (см. I, 570).

⁶ Цитируется стих. «Сонет из письма», в котором Лангу не понравился стих: «И к дням иным стремясь мечтой крылатой...».

⁷ Имеется в виду третья строфа стих. «Хоровод»:

Трензель, бубен, балалайка,
Хохот, грохот, свист и вой,
Ходит павой молодайка,
Вьется парень удалой.

Мнение Ланга разделял и Брюсов (*Письма к Перцову*. С. 61).

⁸ См. п. 13, прим. 5.

⁹ Там же, прим. 6.

¹⁰ К письму приложены стихи «К моей Миньоне» («Утро, раннее утро, прохлада...») и «Правда, речи и дерзки и строги...» Оба стихотворения опубл. в ПСС I.

¹¹ Стих. «Гимн» («Дева Мария! о Лилия! — Ты...»), написанное 6 июля 1895 г., не опубликовано (см.: ГБЛ. Ф. 386, 14.5/6. Л. 10об.—12).

¹² Речь идет о «Русской поэзии в 1895 году» (см. п. 10 и 11).

¹³ Выпуски «Русских символистов» и сборник стихов Бальмонта «Под северным небом», вышедший в 1894 г., имели формат 13×17 см.

¹⁴ См. п. 13, в котором Курсинский сравнивает ненужное слово во второй строфе «Весталки» с ужом, заползшим без надобности в стих.

¹⁵ См. п. 13, post scriptum.

15. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Москва. 17 (?) августа 1895 г.)

Друг мой!

Ты пишешь, что ты не знаешь больше стихов о любви ¹. Я же не знаю больше никаких стихов. Ну их к черту!

Подчинять искусство произволу каких-то шпионов в вицмундирах я не в состоянии. Произведения художника имеют целью познакомить с душою художника тех, кто их читает. Поэтому все, в чем выражается эта душа, должно быть известно его читателю. Надо изучить язык свободной нации, ехать в страны, где дышать свободно, и там можно служить свободному искусству. Это я и сделаю со временем.

Сегодня был в цензуре. Представлял этим набитым архивною плесенью дуракам свои разъяснения. Они читали, советовались и вынесли мне *ничем не мотивированный отказ*. «Полутени» напечатаны не будут. Тебе и некоторым из моих друзей дам по рукописному экземпляру.

Теперь остановился в недоумении. Не знаю, что делать. Думаю готовиться с горя к экзамену. Да здравствуют Емельяновы-Коханские и Добролюбовы! ² Сволочь! Они не заставят меня молчать. Я напечатаю сборник за границей.

Твой друг А. К у р с и н с к и й.

Надо бы повидать тебя. Не заглянешь ли в субботу на Бутырки? ³ Ночевать я там не буду и вместе возвратимся.

Датировка настоящего письма, конверт от которого не сохранился, вызывает некоторые трудности. Возможно, что в этом случае мы имеем дело не с письмом, а с запиской, оставленной на московской квартире Брюсовых, так как их переезд с дачи состоялся только 17 августа (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/1. Л. 15об.). Из текста очевидно, что его следует датировать августом 1895 г., так как в нем цитируется письмо Брюсова от 26 июля (п. 12), на которое Курсинский отвечал 30 июля (п. 13). В этом ответе, а также в письме Брюсова от 6 августа (п. 14) нет речи о неприятностях с цензурой. Значит, Курсинский узнал о них позднее. Однако разрешение на выпуск *Полутеней* было выдано еще 28 июля. Остается предположить, что цензурный комитет оговорил определенные условия, которые не устроили автора. Возможно, что они были связаны с поэмой Т. Мура «Любовь ангелов» (о настороженном отношении русской цензуры к этой поэме см. статью М. П. Алексеева «Томас Мур и русские поэты XIX в.» — ЛН. Т. 91). Претензии цензуры стали известны Курсинскому, когда он вернулся в Москву. В «Ежедневниках» С. А. Толстой (ГМТ) запись от 17 августа 1895 г.: «Миша, Курсинский и я уехали в Москву». 19 августа Брюсов отметил в дневнике: «Вчера утром ругательный разговор с Мэри, а вечером приехал Курсинский...» (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 15об.). Очевидно, в четверг, 17 августа, Курсинский был в цензуре, тогда же написал Брюсову письмо, назначил ему свидание в субботу, 19 августа, но, находясь в сильном возбуждении, отправился к другу на день раньше, чтобы посоветоваться о судьбе сборника.

¹ См. п. 12, прим. 10.

² В отличие от Брюсова Курсинский относился к творчеству А. М. Добролюбова резко отрицательно.

³ За Бутырской заставой родители Курсинского имели собственный дом.

16. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 25. VIII. (18)95 г.

Друг мой!

Фриче в Москве — был у меня ¹. Соловьева пришло дня через два. Chefs d'oeuvre'ами недоволен ². «Глубокое уважение» в надписи на экземпляре отсылается к г. Т(анееву), как автору «Орестей» ³. Писать некогда.

Твой Валерий Б р ю с о в.

P. S. Читаю «В чем моя вера» — восхищаюсь и пишу возражения ⁴, конечно, исключительно для себя лично.

¹ В дневнике Брюсова помета: «24, четверг. У меня Фриче» (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 16об.)

² 17 декабря 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «Выпустил я "Chefs d'oeuvre" — но, будучи болен, написал хуже, чем мог бы, будучи беден, напечатал хуже, чем хотел бы. От книги отплатулись все, даже друзья мои. Горько...» (Дневники. С. 23).

³ Имеется в виду Сергей Иванович *Танеев* (1856—1915), гостивший летом 1895 г. в Ясной Поляне до 27 августа. Оперу «Орестея» по мотивам трилогии Эсхила Танеев написал в 1894 г. Впервые она исполнялась на сцене Мариинского театра 17 октября 1895 г. Курсинский ездил на премьеру в Петербург вместе с семьей Л. Н. Толстого (см.: *Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому*. М.; Л.: Academia, 1936. С. 621). Экземпляр «Шедевров» с надписью Танееву неизвестен.

⁴ 19 августа 1895 г. Брюсов отметил в дневнике: «Влияние Толстого (у детей которого Курсинский репетитор) сказывается на нем все яснее. Взял у него читать "В чем моя вера". Обещал он и "Царствие божие внутри вас есть"» (Дневники. С. 21—22). Никаких «возражений» Брюсова на трактат Толстого в его архиве обнаружить не удалось. 17 сентября 1895 г. он писал о работе Толстого В. К. Станюковичу: «Некоторые места восхищали меня, между прочим, как филолога. Впрочем, миросозерцание мое как раз противоположно идеям Толстого, так что все восхищению мое чисто платонические» (ЛН. Т. 85. С. 737). Об отношении молодого Брюсова к Толстому см. статьи С. И. Гиндина: «Становление брюсовского отношения к Толстому» (Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979) и «Эстетика Льва Толстого в восприятии и эстетическом самоопределении молодого Брюсова (по рукописям книги "О искусстве")» (Записки отдела рукописей (ГБЛ). М.: Книжная палата, 1987. Вып. 46).

17. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 5 сент(ября 18) 95 г.

Друг мой!

У Фриче возникла мысль устроить литературный вечер в память Виктора Гюго ¹. Не примешь ли Ты участие. Вообще не зайдешь ли ко мне. Обещал Ты быть у меня в воскресенье, но я ждал Тебя напрасно. Заезжай в тот четверг — будет Фриче, Шулятиков ², Коган...

Твой Валерий Брюсов,

столь жестоко осмеянный Бурениным ³.

К 1 сентября 1895 г. Курсинский вернулся в Москву, продолжая заниматься с М. Л. Толстым и систематически бывая в доме Толстого в Хамовниках.

¹ В Кружке любителей западноевропейской литературы не только читались и обсуждались рефераты, но изредка устраивались и литературные вечера. Так, например, 7 апреля 1894 г. на квартире В. Ф. Долгинцева состоялся литературный вечер по случаю 70-летия со дня смерти Байрона с приглашением артистов Малого театра К. В. Корсака, Ф. А. Ухова, Н. Р. Таировой (ГБЛ. Ф. 389, 1.12. Л. 8). Такой же вечер должен был состояться и в память В. Гюго. Но Брюсов вынужден был отказаться от участия в нем. 10 сентября 1895 г. он записывает в дневнике: «Вчерашняя история с Коганом, который прямо заявил, что с людьми, пишущими то, что пишу я, не подобает быть знакомыми — расстроила меня окончательно (...) вчера же все мои друзья, кроме Фриче, выказали себя очень дурно. Между прочим, мне пришлось отказаться от участия в вечере в память Гюго. Все скверно (...) Во всяком случае сейчас я не отказался бы умереть...» (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 17об.) На другой день он делает новую запись: «Фриче уговаривает все-таки участвовать в вечере в память Гюго» (Там же. Л. 18).

² О В. М. Шулятикове см.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 35, прим. 8.

³ Имеется в виду статья Виктора Петровича *Буренина* (1841—1926) — поэта и публициста — «Литературное юродство и кликушество», напечатанная 1 сентября 1895 г. в «Новом времени». Она была одной из многих критических статей, направленных против сб. «Шедевры». Брюсов готовил большую полемическую статью в защиту своей первой книги. В этой неопубликованной статье он писал, в частности, о газетных «зоилах»: «...начинаешь отдавать предпочтение Буренину, который хоть и в сумасшедший дом меня посылает и "Chefs d'oeuvre" с „Записками сумасшедшего“ сравнивает и тоже выписывает обрывки, не говоря о том, но делает все это хоть остроумно!» (ГБЛ. Ф. 386, 3.2. Л. 18 об.).

18. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 24-го (18)95 г., сент(ябрь).

Друг мой!

Если Тебе случится быть у г. Облеухова ¹, передай ему мое извинение (ибо я весьма занят рефератом Шварцу ² и поэзией 1895 года и не могу исполнить своего обещания — вскоре заглянуть к ним) и передай еще, пожалуйста, что в

этот четверг я не могу поджидать к себе своих знакомых и друзей ³ (ибо на четверг назначено в суде пресловутое дело о нашем наследстве ⁴; прошлый раз оно затянулось до 10 часов вечера, а теперь кроме свидетельских показаний будут еще речи Урусова и Плеваки).⁵ Закончи все это тем, что я надеюсь увидеть у себя г. Облеухова (может быть с его братом?) ⁶ в четверг на будущей неделе. За сообщение, конечно, буду Тебе бесконечно благодарен.

В заключение уповаю, что в тот четверг посетишь меня и Ты. (Впрочем, вероятно, мы еще встретимся раньше в университете).

Безобразный слог письма великодушно извини

Твоему Валерию Брюсову.

Письмо послано в Хамовнический переулок, в дом Толстого.

¹ Антон Дмитриевич *Облеухов* — поэт и переводчик. 29 сентября 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «Познакомился с Облеуховым, поэтом из "Русского обозрения", переводчиком Мюссе. Был у него, видел его сестру, предмет любви Бальмонта. В четверг он, т. е. Облеухов, был у меня» (*Дневники*. С. 22).

² Александр Николаевич *Шварц* (1848—1915) — профессор университета по кафедре классической филологии, впоследствии министр просвещения.

³ Друзья Брюсова собирались у него по четвергам, а позднее по средам.

⁴ Речь идет о наследстве, оставленном дедом поэта Козьмой Андреевичем *Брюсовым*, скончавшимся в июле 1893 г. от воспаления почек. По свидетельству лечивших его врачей, в последние дни перед смертью он находился в коматозном состоянии. Благодаря хлопотам проживавшей с ним внучки, Марии Александровны *Губкиной*, было составлено духовное завещание, которое больной даже не смог подписать. За него это сделал священник из ближней церкви, в пользу которой отходило 6000 рублей. Я. К. Брюсов опротестовал законность завещания и потребовал выделения причитающейся ему и его пятерым детям доли наследства в сумме 228 150 рублей (см.: Материалы по делу о наследстве Козьмы Андреевича Брюсова // *ГБЛ*. Ф. 386. 140.32. Л. 1, 2). Этот процесс был выигран Я. К. Брюсовым.

⁵ Александр Иванович *Урусов* (1843—1900) и Федор Никифорович *Плевако* (1842—1909) — известные московские адвокаты и судебные ораторы. Сохранилось письмо А. И. Урусова к Я. К. Брюсову от 13 января 1895 г., относящееся к судебному процессу последнего (*ГБЛ*. Ф. 386, 156.56).

⁶ О Н. Д. Облеухове см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 15, прим. 2.

19. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 20.10 (18)95 г.

Друг мой!

У меня уже давно лежат Твои две книги: Галахов ¹ и Порфирьев ², но переселить их к Тебе мне решительно нет возможности. Думал я, что Ты будешь у меня в четверг. Не найдешь ли Ты удобным отправиться со мной к Облеуховым? ³ Не свободен ли Ты завтра (то есть в субботу) или в воскресенье вечером? Если завтра, то заезжай ко мне от 3 до 5; мы посидим, а потом поедем вместе. Если же в воскресенье, то напиши мне, и я, наоборот, где-нибудь перехвачу Тебя, потому что от Тебя ближе к Облеуховым.

Твой Валерий Брюсов.

Н. Д. ОБЛЕУХОВ

Фотография Ю. Штейнберга. Петербург, 1897. С дарственной надписью: «Дорогому Валерию Яковлевичу на память от Н. Облеухова 1897 16 ноября»

Литературный музей, Москва

Письмо послано в Хамовнический переулок, в дом Толстого.

¹ Алексей Дмитриевич *Галазов* (1807—1892) — русский историк литературы, писатель, автор книги «История русской словесности древней и новой» (М.: Изд. В. В. Думнова, 1894), которой Брюсов пользовался при работе над «Русской поэзией 1895 г.».

² Иван Яковлевич *Порфирьев* (1823—1890) — историк русской литературы, профессор Казанской духовной академии, автор книги «История русской словесности» (СПб.: Универс. тип., 1882).

³ Брюсов посетил Облеуховых 25 октября 1895 г., в среду (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 21).

20. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Москва.) 12 декабря 1895 г.

Дорогой мой!

Завтра выходят «Полутени». Не зайдешь ли ты половина первого в университет и не принесешь ли мне список адресов редакций пр.¹ Затем, я надеюсь, ты поможешь мне распределить книги по магазинам и прочее. Жду в университете до часу.

Твой А. Курсинский

P. S. Книжка вышла очень изящной.

¹ Брюсов уже рассылал ранее свои книги для отзывов. На последней странице записной книжки «Мои стихи» (*ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/7. Л. 35) имеется список адресов редакций журналов и газет, который, возможно, и был сообщен Курсинскому.

21. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва, 25 января 1896 г.)

Друг мой! Адрес я Твой по обыкновению позабыл ¹, а книжку Твою отдал Лангу. Боюсь, что мое письмо, посланное по «догаданному» адресу ², не дойдет, а содержание его (не адреса) было приблизительно таково:

О, «бессменный жрец печали!» ³ Радостно сообщаю Тебе, что я воскрес ⁴ и вновь «внимаю в полдень птичкам голосистым» ⁵. Жажду увидеть людей безумно, ибо три недели жил я «вдали от блеска дня, вдали от шума» ⁶, среди теней. По вечерам, а особенно по четвергам, мои двери и мои объятия широко открыты для моих друзей. Бедного друга

Не покинь, утешь, обмани...

Это из г-жи Гипшиус ⁷.

Immer * Твой Валерий Брюсов.

Дано в 1896 году.

Письмо датируется по почт. шт.

¹ На конверте адрес: «Дом Л. Н. Толстого в Хамовническом переулке, для передачи Курсинскому».

² 24 января 1896 г. Брюсов отправил письмо Курсинскому, снимавшему квартиру на Знаменке в доме Сергеева. Номер этой квартиры в адресе был указан предположительно (7 или 9). Вопреки опасениям адресанта, письмо дошло (в настоящую публикацию не включается из-за идентичности содержания с п. 21).

³ Обращение взято из второй строфы стих. Курсинского «Я из тех, кому гоненье...» (*Полутени*):

Я несменный жрец печали,
Что всегда в борьбе с собою,
Примирил в одном начале
Добродетель с волей злою.

⁴ С 3 по 12 января 1896 г. Брюсов лежал в клинике в Варсанофьевском переулке с тяжелым приступом ревматизма (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 4 и 5). Во время болезни он записал в дневнике: «Как будто мне лучше. Начал писать стихи — и это много значит. Но... О, как это ужасно, сознаю и чувствую, что мои стихи слабее прежних, воображение мое становится все более и более бессильным, скоро мне придется уступать перед Курсинским» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. Л. 40б.).

* Всегда (*нем.*).

⁵ Цитируется стих. Бальмонта «Последняя мысль Прометей» (*В безбрежности*).

⁶ Начальный стих указавного выше стихотворения Бальмонта.

⁷ Неточная цитата их стих. Э. Гишпиус «Посвящение» (*СВ.* 1895. № 3).

22. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 1896, февраль. Числа не было ¹.

Друг мой!

Прости, что запоздал исполнением обещания и что пишу скверными чернилами. Быть у Тебя, право, не могу, — после мало-мальски длинных путешествий хвораю целый день ². Если же Ты заглянешь ко мне в четверг, буду несказанно рад.

Твой Валерий Брюсов.

Р. С. Угадай, чьи это стихи:

Крепкий, чудный, бесконечный,	Совершенство пресовершенный,—
Полн хвалы, преславный весь,—	Неприступно окружен
Боже! Ты един, превечный,	Сам величества лучами,
Сый * Господь вчера и днесь:	И огньальных слуг зарями
Непостижный, неизменный,	Многоцветно освещен! ³

На конверте помета адресата: «Получено 13 февраля». Письмо начинается стихотворением «Тайны ночи побелели», написанным 12 февраля 1896 г. Текст стихотворения отличается от печатного (I, 127) небольшими разночтениями.

¹ Переключка с «Записками сумасшедшего» Н. В. Гоголя: с записью Поприщина «День был без числа».

² Последствия приступа ревматизма.

³ Приведено с заменой последнего стиха начало оды В. К. Тредиаковского «Парафразис на псалом 143». В связи с полемикой о ямбе и хорее одновременно с Тредиаковским стихотворное переложение этого же псалма сделали Ломоносов и Сумароков. Все три оды были опубликованы в одной брошюре, изданной Академией наук в 1744 г., без указания авторов переложений.

23. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 28.4.(18)96 г.

Полудруг ¹ мой!

Не найдешь ли Ты возможным доставить мне Бушора ² — он мне нужен для статьи о символизме ³. Если, однако, Ты занят, то, пожалуйста, не отымай у себя времени: мне можно обойтись и без Бушора.

Посылаю тысячи приветствий всем общим знакомым.

Все тот же Валерий Брюсов.

¹ Свой сб. «Шедевры» Брюсов подарил Курсинскому с надписью: «Автору "Полутеней", полупоэту и полудругу» (*Письма к Перцовой*. С. 73). Ср.: *Тетради*, п. 43, прим. 5.

² По всей видимости, речь идет о книге французского поэта Мориса Бушора (1855—1929) «Les symboles» (Париж, 1888). Брюсов переводил Бушора (см., например, неопубликованный перевод стих. «Та роза, что ты мне дала...» — *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/5. Л. 14).

³ В феврале 1896 г. Брюсов работал над статьей «Апология символизма» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.4. Л. 5—23об., 30—38об.), в которой оспаривал теорию литературных школ французского историка Фердинанда Брюнетьера (1849—1906). В этой статье упоминается и Бушор (Там же. Л. 5). О статье см. также наст. кн., Письма Ноздрина, п. 4, прим. 13.

24. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Ясная Поляна. 8 июня (18)96 г.

Дорогой Валерий!

Ты опять пропал и не даешь о себе никаких известий. Я сильно беспокоюсь, что ты не получил моего письма, в котором, посылая тебе два очень неважных стихотворения, я извещал тебя о своем отъезде из Москвы и просил приехать на вокзал ¹. Если стихотворения пропали, то их жалеть не стоит, а спешу уведо-

* Сущий (*церк.-слав.*).

мать тебя, что я живу в Ясной Поляне, где веду наполовину животный образ жизни, а отчасти читаю скучнейшего и отвратительнейшего из писателей, коему имя Rabelais. Ни с чем лучше не могу сравнить своего теперешнего состояния, как с твоим в начале прошлого лета. Не пишу стихов (кроме одного стихотворения, написанного по заказу), но делаю наброски по теории символики, в которых излагаю мысли, явившиеся мне при чтении статьи Толстого «Что есть и что не есть искусство» (она еще не напечатана)². Перечитываю Эдгара По и даю уроки. В общем, в голове кавардак, в сердце какой-то неясный минус и тоска, тоска! Кстати! Известен ли тебе перевод «Вброна», сделанный Оболенским³ (Оболенский — «Поэмы», 1887, СПб.) в 1879 году? В общем он очень похож на перевод Андреевского⁴, сделан тем же «мцырвским» размером, но есть в нем недурные места, например:

А ворон был, как ночь, угрюм,
Как будто полный мрачных дум,
И так торжественно молчал,
Как будто слов, что он сказал,
Довольно было для того,
Чтоб душу выразить его.

В общем, конечно, ни малейшей критики не выдерживает. Never more* — переведено «возврата нет!» Что не всегда вяжется с содержанием всей строфы. Но знаменателен тот факт, что поэт, пишущий собственные поэмы в таком духе, как:

У вас и школа! Очень рад.
И что ж? Успешно просвещение
Нуждой замученных ребят?⁵

такой поэт переводит Эдгара По!!!

Пишу понемногу поэму, но... Друг мой, разгони, если можешь, мой «раскаленный сплин», по крайней мере, пришли мне стихов, и я буду благодарен... Ничего не могу больше тебе написать и поэтому до свиданья.

Твой А. Курсинский

¹ В архиве Брюсова этого письма нет. Курсинский уехал из Москвы в Ясную Поляну 29 мая 1896 г.

² Статья Толстого «Что есть и что не есть искусство и о том, когда искусство есть дело важное и когда оно есть дело пустое» писалась в 1889—1890 гг. Опубл.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 30.

³ Леонид Егорович *Оболенский* (1845—1906) писал, кроме стихов, беллетристические произведения, критико-публицистические и философские статьи, издавал журналы «Мысль» (1882) и «Русское богатство» (1892). «Вброн» в переводе Оболенского был опубликован с подписью Л. О. в журнале «Свет» (1879. № 11), а затем включен в его книгу «Последние поэмы. Не вошедшие в первый том» (СПб.: Типолит. Месника и Римана, 1887).

⁴ Сергей Аркадьевич *Андреевский* (1847—1919) — известный петербургский адвокат. Его перевод «Вброна» появился сначала в «Вестнике Европы» (1878. № 3), а затем в исправленном виде вошел в единственный поэтический сборник Андреевского — «Стихотворения» (Пб.: Тип. А. Суворина, 1886).

В библиографической подборке, подготовленной для «Русской поэзии 1895 года», Брюсов так характеризует Андреевского: «Почему-то составил себе имя как сносный поэт. На самом деле он несносен, и его сборник стихов представляет грубо прозаические произведения. Переводы его прямо невероятны. Чтобы окончательно оценить его, скажу, что он очень немногим выше Величко» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.3. Л. 54об.).

⁵ Цитируется поэма «Отступник» из указанной выше книги Л. Оболенского (с. 71).

25. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Пятигорск.) 15 июня 1896 г.

Валерий Брюсов посылает Александру Курсинскому свой привет и пожелания всего хорошего.

Надеюсь, впрочем, что эти пожелания запоздали, что Твой раскаленный сплин прошел и что мое письмо застаёт Тебя в ликующем настроении.

* Никогда больше (*англ.*).

Я совершил довольно мило путешествие — из Москвы через Харьков (мимо Козловки-Засеки) ¹ в Севастополь, оттуда по Черному морю мимо Ялты, Керчи и Анапы в Новороссийск и далее по железной дороге в Пятигорск.

В первой половине пути познакомился с юной девицей без части щеки ² (вероятно, ей делали какую-нибудь операцию). Если не считать этого оригинального недостатка, она была очень миленькой, и дорогу до Севастополя я провел очень романтично. Были у девицы братья ³ — люди очень покладистые, но я напугал их, рекомендовавшись анархистом и постоянно болтая о клубах анархистов в Париже, Лиссабоне и Москве.

Проехали мы с моей девицей по Малороссии, через море Сиваш, сквозь тоннели (длинные и темные и тайные) и мимо разных пещерных монастырей. Прощаясь со мной, романтическая барышня без щеки всплакнула, а я написал ей стихотворение (в обмен на лепесток розы, данной мне «на память»).

Лепесток оцветающей розы
 Не символ ласкающей встречи:
 Прекрасны минутные грезы,
 Едва прозвучавшие речи.
 Отуманены тайной печалью
 Припомнятся эти мгновенья,
 Как будто за белой вуалью
 Сверкающий взор откровенья ⁴.

Вступил я на пароход все еще в романтическом настроении и тотчас начал объясняться в любви другой девице, еще более юной. К сожалению, она покинула меня в Ялте, назначив, однако, свидание в сентябре этого года во второй четверг в Нарве у здания женской гимназии, в 9 часов утра. Первую девицу звали София, вторую Мария — они рифмуются.

Видел я море и горы. И то и другое произвело самое слабое впечатление ⁵. Только впоследствии, пользуясь стоянкой в Ялте и совершая прогулку в Ореанду ⁶, я несколько заинтересовался, смотря с высоты на игрушечное море и игрушечные кораблики. Попривыкнув немного, я получил способность любоваться панорамой берега Крыма, но все же не понимаю Пушкина

Прекрасны вы, брега Тавриды,
 Когда вас видишь с корабля
 etc ⁷.

В Керчи на пароход сели две девочки и их брат гимназист. Я заманил их на свое любимое место — на корму, где свернут канат, — и начал рассказывать им греческие мифы. Рассказывая я совсем увлекся, рассказал Фаятона, Медею, Тезея, Аргонавтов, всю «Иллиаду» и всю «Одиссею». Начал было рассказ об Энее, но настала полночь, и мы приехали в Анапу, где моим маленьким незнакомкам пришлось сойти на берег. Море было бурное, трап качался, Анапа горела огнями во мраке и горы закрывали половину горизонта. Я стоял у борта и слушал, как старшая девочка (лет 13) рассказывала по-французски своей матери о странном студенте ⁸.

Утром, на пятый день своего путешествия, я проснулся в Новороссийске, городе, которому предстоит великая будущность: он должен стать выше Одессы! — Вид на город считается прекрасным — расположен он на горе, домики беленькие с красными крышами, везде зелень и, как заключение картины, зеркальное море. Я десять часов любовался этим видом, поджидая поезд, и проклял их (т. е. и вид и поезд).

Начался «Кавказ». Везде вокруг бугорки, носящие громкие имена — Змеиная гора, Машук, Бештау — Как! Это Бештау! Да это холмик какой-то! Обидевшийся туземец сплунет и спросит: — А как вы думаете, сколько теперь до него верст? — Сколько? ну, может, верста, минут десять ходьбы. — Если к вечеру дойдете (разговор происх(одит) в два часа дня) — можете считаться хорошим ходяком. Несмотря на это, я все же горами неудовлетворен. Лучше всего

НОВОРОССИЙСК

Рисунок В. Я. Брюсова. Карандаш

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

снежная цепь с Эльбуром посередине, которая видна в ясные дни из Пятигорска. В ней есть хоть что-нибудь, напоминающее картинку гор.

Затем до свидания. Пересказал я, конечно, одну десятую впечатлений, но трудно все упомянуть, да и Тебе надоело бы. Прилагаю одно стихотворение из будущего сборника *Me eum esse* (Это — я)⁹. С понятным нетерпением ожидаю писем.

Твой Валерий Брюсов

Адрес: Пятигорск — до востребования.

¹ Железнодорожная станция Козловка-Засека, ныне — Ясная Поляна.

² Речь идет о Софье Георгиевне (Юрьевне) Судейкиной, в замужестве Дриттеншрейф (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/6. Л. 200б., а также I, 584).

³ Один из них, Сергей Юрьевич Судейкин (1882—1946), впоследствии живописец, график, театральный художник, близкий кругу «Мира искусства».

⁴ Публикуемый текст имеет с печатным (I, 113) разночтения в последнем стихе.

⁵ Об этом же Брюсов писал П. П. Перцову (19 июля 1896 г.), В. К. Станюковичу (22 июня) и А. А. Лангу (13 июня). Разочарование в природе было отчасти наигранным (см.: *Брюсов В.* Детские и юношеские воспоминания // *Новый мир*. 1926. № 12. С. 118). Любопытно, что в письме к Лангу, с которым Брюсов держался наиболее естественно, акценты несколько смещены: «Ялтинские горы показались мне тоже недостаточно высокими; правда, облака за них цепляются, но они ниже снеговой линии. Другое дело — море: когда на него смотришь с высоты, оно производит впечатление, особенно благодаря парходам, которые кажутся игрушечными. Еще лучше была картина, когда мы отъезжали. Ночь, луна и Ялта, горящая огоньками. Я сидел на палубе долго-долго, видел во тьме Гурзуф (Аю-Даг) да так на палубе и заснул» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.46. Л. 8).

⁶ Более подробно эта поездка описана в письме к Лангу 13 июня 1896 г. (Там же. Л. 6).

⁷ Цитируются строки из «Путешествия Онегина».

⁸ Рассказ об этом эпизоде см. также в письме к родным (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.4. Л. 38).

⁹ Приложено стих. «Я действительности нашей не вижу...», озаглавленное в письме «Пятая прелюдия». Текст его совпадает с печатным (I, 100). В качестве эпиграфа в письме приводится запись нот с пометой: «А. Т. С. 11». (Фотокопия записи опубли. в кн.: *Русская литература и Кавказ*. Ставрополь, 1974. С. 72). По-видимому, «А. Т. С.» — описка, так как, очевидно, имелся в виду Александр Николаевич Скрябин. В 1888—1896 гг. он написал 24 прелюда (opus 11), куда включен прелюд № 5 в тональности D-dur, которая намечена Брюсовым и в нотной строке эпиграфа.

26. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Ясная Поляна. 23 июня (1896 г.)

Александр Курсинский шлет привет Валерию Брюсову и негодует...

Негодую я, друг мой, на тебя за то, что, проезжая через Козловку-Засеку, не подарил ты мне, хоть два-три часа, мало того, даже как будто избегал встречи со мной и не предупредил заблаговременно о проезде. Эта встреча хоть несколько оживила бы, вспрыснула меня. Хотя тебе и трудно будет, попирая своею ногою землю, священную для поэта, представить мое теперешнее существование, но попытайся это сделать и убедись, что я имею право требовать от друзей моих участия и внимания. Друг мой, я отрезан от всего мира. Но это было бы полбеды, если бы я имел хоть убежище, куда мог бы скрыться со своими мыслями, образами и мечтами. Нет, не тут-то было! Я занимаю низ дома, в котором наверху живет Танеев и его ученик¹, который готовится ко вступительному экзамену в консерваторию. Они начинают с 8 утра и кончают в 12 ночи! Иногда мне является охота раскрыть окна и завить под их аккомпанемент. Мало того: сажень 10 от дома через сад есть флигель и довольно явственно долетают оттуда звуки третьего виртуоза². Если я пойду по аллее сада в противоположном направлении (а в теперешнюю слякоть дальше сада и уйти некуда) — натыкаюсь на четвертого пианиста, который гремит в барском доме³. Прибавь к этому гармонию на кухне и гармонию на конюшне и ты поймешь, в каком аде звуков я вращаюсь. Это общий фон, который изменяется только во время стола. Тогда я имею счастье слушать споры вегетарианцев и мясоедов, проповеди любви и воздержания. Хорошо, если говорит еще сам Толстой, его всегда слушаешь с интересом. Но если вдруг подсядет к тебе какой-нибудь из его апостолов в грязной блузе с немывтыми руками и черными ногами, так что не различишь, босой он или в сапогах, — и начнет изливать мысли Толстого, проведя их первоначально через горнило собственного тупоумия, горе тебе несчастному! И заметить, что такие господа очень охотно поднимают вопросы об эстетике и искусстве!

Пробовал я здесь одно время, не имея возможности работать, зажить чисто животною жизнью, т. е. посвятить все время физическим упражнениям, еде и сну. Но это предприятие кончилось скверно. Один раз при проезде на велосипеде по шоссе, какой-то пьяный приказчик едва не сбросил меня с машины, другой раз седовласый почтенный крестьянин позабылся тем, что натравил на меня огромного пса, вследствие чего я полетел и вот уже неделю хожу с повязками на глазу, на локте и на ноге. Теперь все почти время лежу в своей комнате и читаю Вал. Скотта, т. к. моему ученику задали на эту тему сочинение. Он себе и в ус не дует, а я изволь читать скучнейший том, немного меньше макарковского большого словаря⁴.

Впрочем, я летом успел кое-что сделать; *стихотворений не написал ни одного*, но написал поэму в 300 стихов⁵ и выработал полный подробный план «Хмурого неба»⁶, вернее сказать, дождался полного выяснения романа. Теперь я вижу всю вещь перед собою, как какой-нибудь недавно прочитанный роман Тургенева. И, не отступая от выработанного плана, написал пока первые 3 главы. Думаю, что на этом и остановлюсь.

Друг мой! Когда ты будешь возвращаться в Москву, заезжай ко мне. Теперь жму твою руку и жду от тебя известий.

А. Кур син ский.

Сообщи, как идет твоя «История лирики»⁷ и «Me eum esse»⁸.

¹ С. И. Танеев летом 1893 г. гостил в Ясной Поляне с 19 мая по 2 августа и занимал так называемый «Флигель Кузминских». Как вспоминает А. Б. Гольденвейзер, «с ним жил его, тогда еще совсем юный ученик Ю. Н. Померанцев» (*Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 40). «Обыкновенный распорядок дня был таков: Сергей Иванович утром вставал рано (в 5, 6 или 7 часов) и работал в своей комнате (во флигеле) часов до 12-ти: или сочинял или упражнялся на фортепьяно. В 12 часов шли купаться, большей частью большой компанией. После обеда играли в лаун-теннис или отправлялись на большую прогулку. В эти же часы происходили занятия Сергея Ивановича итальянским языком с Татьяной Львовной, Марией Львовной и учителем сыноувей Льва Николаевича — Александром Анто-

повичем Курсинским» (С. П. М. Из «Дневников» С. И. Танеева. Дневник за 1896 год // История русской музыки в исследованиях и материалах. М., 1924. Т. 1. С. 194). 9 июля 1896 г. на слова стихотворения Курсинского «Отрадно здесь в саду тенистом...» Танеевым была написана серенада для голоса, мандолины и фортепьяно. При ее первом исполнении в Ясной Поляне партию мандолины вела Т. Л. Толстая (см.: ЦГАЛИ. Ф. 2743. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 66—69).

² Возможно, имеется в виду А. Б. Гольденвейзер. В статье «Из моих воспоминаний» он сообщает: «Я с Толстыми познакомился в 1896 г., летом 1896 и 1897 гг. бывал в Ясной Поляне и проводил там много времени с Сергеем Ивановичем как в музыкальном общении, так и в совместных прогулках и беседах. Мы неоднократно играли с ним Льву Николаевичу: исполняли фортепианные концерты, аккомпанируя друг другу, играли переложения для двух фортепиано различных произведений и, наконец, произведение специально для двух фортепиано» (С. И. Танеев. Материалы и документы. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 306).

³ Летом 1896 г. в Ясную Поляну приезжал К. Н. Игумнов и другие музыканты. Л. Н. Толстой отметил в дневнике за 19 июля 1896 г.: «Вчера переглядывал романы, повести и стихи Фета. Вспомнил нашу в Ясной Поляне неумолкаемую в 4 фортепьяно музыку, и так ясно стало, что все это: и романы, и стихи, и музыка не искусство, как нечто важное и нужное людям вообще, а баловство грабителей, паразитов, ничего не имеющее общего с жизнью» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 53. С. 101). В заметке «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» Курсинский рассказывает: «Служитель муз — частые и желанные гости в Ясной Поляне. В то лето 1895 г., к которому относятся настоящие воспоминания, в Ясной Поляне гостил профессор Консерватории С. И. Т-ев. Редкий вечер обходился без музыкального исполнения. При всей строгости своих теоретических построений (книга об искусстве создавалась как раз в эту пору) Лев Николаевич никогда в реальной жизни не мог убить в себе художника, чуткого в высшей степени к музыкальным откровениям тех композиторов, которым произносил жестокий приговор в суровом уединении своего кабинета (Курьер. 1903. № 181. 28 авг.).»

⁴ «Полный французско-русский словарь» или «Полный русско-французский словарь», составленные Н. П. Макаровым и выдержавшие много изданий.

⁵ Поэма «На развалинах», вошедшая в сб. Курсинского «Стихи».

⁶ Роман «Хмурое небо» Курсинский, по-видимому, не закончил. Текст романа нам не известен.

⁷ Об этой работе см.: *Неосуществленный замысел*.

⁸ Хронология работы Брюсова над этим сборником прослежена в статье В. С. Дронова «К творческой истории "Me eum esse"» (*Чтения 1971*).

27. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

29 июня 1896 г. Пятигорск
Valerius dixit ave *

Я прошу у Тебя, дорогой Александр Антонович, тысячу извинений, но... заехать к Тебе по дороге мне было невозможно, совершенно невозможно.

Затем прошу позволения писать письмо длинное: на чужбине я узнал, как сладостно получать письма, и сам стал разговорчивее в посланиях. Не помню точно, но думаю, что в прошлом письме я описал Тебе мое плаванье по Черному морю и все мои романтические приключения; теперь перехожу к здешней жизни.

Ты был прав, сказав, что я попираю ногой землю священную! Еще бы! Все время у меня перед глазами холм, который называется Машук, а на горизонте пригорок, который называется Бештау, «Бешту пирамидальный»¹. Затем есть у нас «беседка золотой арфы», где никакой золотой арфы не имеется², есть пещера Дианы³ — грязная каморка с надписью, что в таком-то году два итальянские путешественника взобрались на Килиманджаро (?)^{2*}, и есть «грот Лермонтова»⁴; сей последний загорожен решеткой, как клетка в зверинце, но сквозь прутья можно прочесть «стихотворение», высеченное на мраморной поставленной там доске. Стихотворение озаглавлено «Поэту М. Ю. Лермонтову» и подписано: «Мраморную доску поставил и стихи сочинил помещик Тульской губернии такой-то»⁵. Вот цитата:

...И ты (Лермонтов) тогда с звезды восточной
Сорвешь венец ее золотой,
Возьмешь с цветов росы полночной
Ее (его?) усыпешь той росой,

* Валерий приветствует Тебя (лат.).

^{2*} Знак вопроса в скобках поставлен Брюсовым.

около 30 стихотворений, которые могут войти в «*Me eum esse*». По форме они блистают новшествами; так, в некоторых мужские рифмы рифмуются с женскими (ты скажешь, это невозможно. Я сам так думал, пока не написал). В других рифмуются не концы слов, а третьи слоги от конца; в третьих вместо рифм ассонансы; размера общепринятого нет нигде и т. д., и т. д.¹² Что касается содержания, то — каково бы оно ни было — стихотворения эти настолько не похожи на «*Chefs d'oeuvre*», что я сам готов назвать их произведениями другого автора. Нечто совершенно, совершенно иное.

Теперь о «Истории р(усской) л(ирики)». Задача, которую я себе задал, всё разрастается; когда кончу я — не говорю первый том, но — введение, и вообразить не могу. Попутно выплывают новые и новые вопросы¹³. Думал ли Ты когда-нибудь, почему современному поэту легче овладеть техникой стиха, чем, например, поэту времен Державина? Ты скажешь, что теперь язык более обработан и есть много образцов. Так, но *что это значит*, в чем сущность этих общеизвестных слов? Почему Державин не умел сказать изящнее, чем

Сколзвим мы смерти на крак...¹⁴

Разве в его время не было известно, что родительный падеж ставится за тем словом, к которому относится? А ведь в наши дни такую перестановку допускает только В. Величко¹⁵. Неужели же весь недостаток Державина в том, что он меньше работал над формой, чем, например, Ап. Коринфский¹⁶. Конечно, нет! А ведь это лишь один из вопросов.

Ты пишешь, что вполне выработал план своего романа. Увы! увy! Сколько раз выработывал я планы своих. Еще незадолго до отъезда разработал я план исторического романа «*Октавия*»¹⁷ с такими подробностями, что мог рассказать Лангам последовательно каждую главу... и, между тем, ни этого романа я не написал, ни другого не напишу, — долго, быть может, никогда. И вот почему: *у меня нет формы*. Я не могу писать так, как писал Тургенев, Мопассан, Тодстой. Я считаю нашу форму романа рядом условностей, рядом разнообразных трафаретов. Мне смешно водить за ниточки своих марионеток, заставлять их делать различные движения, чтобы только читатели вывели из этого: а значит у него (у героя) вот какой характер.

«Владимир закрыл лицо руками... Но вдруг, быстро отняв руки, он сверкающим взглядом посмотрел на Лидию, застывшую в ожидании, рассмеялся нервным смехом и вышел из комнаты».

Нет, таких вещей, где каждое слово ложь, а каждое выражение трафарет, — я писать не могу. Подождем пока создастся новая форма.

Затем Ты написал поэму...¹⁸ Это я еще менее понимаю. В романе хоть есть возможность обновления, поэмы же все безнадежно шаблонны, если только это не поэма в стиле Эдг. По или «Мертвых кораблей»¹⁹. Тогда она может быть прекрасной, но я бы не назвал ее «поэмой». То совершенно новый род, а поэма — это Байрон, это Мюссе...

Ах, кстати! Я прочел здесь Мюссе. Ну, что же за варвар наш Облеухов²⁰. Если у Тебя есть возможность, сравни «Ночи» с подлинником, особенно Декабрьскую. Согласен, что поэзия Мюссе — наполовину риторика, на четверть острословие и на $\frac{9}{80}$ жалкая проза, — но у Облеухова пропала и $\frac{1}{80}$ поэзии, и вся красота риторики, и все блестящие *mots*^{3*}, которыми так любят щеголять французские поэты.

Однако передо мной последняя страница. Если это возможно, пришли мне, пожалуйста, отрывок из Твоей поэмы, но не из описательной части, а из той, где совершается какое-нибудь действие. Меня очень интересует.

Затем буду писать к Тебе всякий раз, как буду в расположении, не дожидаясь непременно Твоего письма; надеюсь, то же будешь делать и Ты. Сообщи мне затем, что знаешь о общих знакомых: Фриче, Бальмонте (не знаешь ли его адреса?), — ... больше никого нет?!

^{3*} остроуы (франц.).

Что касается нашей встречи в Ясной Поляне, то я не надеюсь, что она состоится. Весьма вероятно, что я поеду домой через Баку, по Каспию, по Волге и на Нижний ²¹. Но все это будет осенью, когда и до московской встречи будет недалеко.

Твой Valerius dixit vale **.

Адрес: Пятигорск. Теплосерная ул., дом Савельева ²².

¹ В «Путешествии Онегина» гора названа Пушкиным «Бешту остроконачный».

² Беседка «Эолова арфа» была построена итальянскими архитекторами братьями Иосифом и Джованни Бернардацци в 1828 г. Рычажки, касавшиеся струн арфы, приводились в движение флюгером беседки, а не потоком воздуха, как обычно бывает в таких музыкальных устройствах (см.: *Бернштейн А.* Курорт Пятигорск. Ставрополь, 1968. С. 138).

³ «Грот Дианы» — искусственная пещера в парке «Цветник», сооруженная братьями Бернардацци в 1831 г.

⁴ «Грот Лермонтова» — пещера естественного происхождения возле Академической галереи.

⁵ Доска была установлена тамбовским помещиком Ильей Алексеевым в 1870 г. Современный путеводитель сообщает, что «эта доска в течение многих лет красовалась в гроте и убрана отсюда только в советское время» (*Гребенкова А., Селегей П., Недумов С.* По лермонтовским местам. Ставрополь, 1952. С. 70, 71). В письме к родителям 25 июня 1896 г. Брюсов приводит иные сведения об авторе стихов: «Был в знаменитой беседке на Теплой Горе, откуда виден весь Пятигорск, был у грота Лермонтова, который оказался грязной пещерой с надписью в стихах, подписанной «доску соорудил и стихи сочинил помещик Тульской губернии Н. С. Бутиков»» (*ГБЛ. Ф. 386, 142.4 л. 48—48об.*; см. также письмо к Лангу за это же число — *ГБЛ. Ф. 386, 71.46. л. 17об.*).

⁶ Первое посещение Брюсовым «Провала» состоялось 27 июня 1896 г. В этот день он писал матери: «Сегодня я путешествовал к «Провалу»... Дорога идет туда через Теплую Гору, сначала аллеей из белых акаций и укусных деревьев — потом Горной кручей и, наконец, дальше по склону Машука» (*ГБЛ. Ф. 386, 142.4. л. 53*).

⁷ Имеется в виду московский почетный гражданин П. А. Лазарик.

⁸ Торжественное открытие тоннеля состоялось 23 августа 1858 г.

⁹ Температура воды в озере не превышает 42 градусов Цельсия.

¹⁰ 15 июня 1896 г. пятигорская газета «Прибавление к Сезонному листку Кавказских минеральных вод» в списке лиц, взявших оперные абонементы, указывает: «Брюсов В. Я., студент из Москвы».

¹¹ Сабаневские ванны (ныне «Народный источник») находятся на южном склоне горы Машук, на одном из отрогов, получивших название «Горячей горы».

¹² Работа по обогащению техники русского стиха, предпринятая Брюсовым, имела в то время новаторский характер. В феврале 1898 г. он писал в неопубликованной статье «К вопросу о стихосложении»: «Очень строго мы относимся к рифме; наши западные собратья гораздо смелее в этом отношении. Что такое рифма? Созвучие. Рифмуйте же всякие созвучные слова; есть даже особая красота в не совсем точной рифме. Нелепо делить рифмы на богатые и бедные. Всякая рифма хороша, если слово на месте в конце стиха, т. е. если оно имеет важное значение (потому что рифмой слово, так сказать, выдвигается) и если обычное словорасположение не противится этому. Если же слово насильно притянута на конец стиха, то чем «богаче» рифма, тем это отвратительнее. Примеров таких «богатых» рифм много у Мея, а в наши дни у Величко и Лебедева. У нас гнушаются аллитерацией. «А почему спрошу?» Почему аллитерация должна быть хуже рифмы? Допускаю, что смешение рифмы и аллитерации некрасиво, но почему (не) писать стихов с аллитерациями вместо рифм? А это очень поразнообразит наши не очень-то богатые созвучия и (вы)ведет поэтов из заколдованного круга «любовь», «новое», «кровь» и «смерть», «твердь» (...). В моем сборнике «Me eum esse» есть несколько попыток писать стихи с аллитерациями. Я пробовал там также рифмовать мужскую рифму с женской» (*ГБЛ. Ф. 386, 3.14. л. 22*).

¹³ См. п. 26, прим. 7.

¹⁴ Неточная цитата из оды Державина «На смерть кн. Мещерского». Возможно, реминисценцией этого стиха стало стихотворение Брюсова «Сладко скользить по окраине бездны...» 1900 г. (I, 188).

¹⁵ См. п. 1, прим. 2. О поэзии В. Л. Величко Брюсов намеревался написать весной 1895 г. большую статью, считая его антиподом новой поэтической волны («Никто дальше него не отстоит от символизма и вообще от современной поэзии»). В этой статье дана уничтожающая характеристика поэтического мастерства Величко. «Форма стихов у г. Величко ниже всякой критики — просто он не умеет писать стихов. С моей точки зрения, всякое содержание потеряет свою ценность, будучи изложено плохо и, следовательно, было бы лучше, если б г. Величко излагал то, что он хочет, в прозе...» (*ГБЛ. Ф. 386, 2.20. л. 2*).

¹⁶ В библиографических заметках, сделанных при работе над «Русской поэзией 1895 года», Брюсов так отозвался о творчестве Аполлона Аполлоновича *Коринфского* (1868—1936): «Скудное дарование, данное ему природой, распустил в сотнях скучных и quasi-народных

* Валерий прощается с тобой (лат.).

стихотворений» (ГБЛ. Ф. 386, 3.3. Л. 59). Брюсовскую оценку творчества Величко и Коринфского см. также: *Письма к Перцову*. С. 53, 58, 67.

¹⁷ Роман «Октавия» написан не был. Разработанный Брюсовым план обнаружить в его архиве не удалось.

¹⁸ См. п. 26, прим. 5. 22 июня 1896 г. Брюсов писал Лангу: «С Курсинским я переписываюсь; он готовит теперь поэму, очень большую и претенциозную» (ГБЛ. Ф. 386, 71.46. Л. 16—16об.).

¹⁹ «Мертвые корабли» — небольшая поэма К. Бальмонта (*Тишина*).

²⁰ А. Д. Облеухов (см. п. 18, прим. 1) перевел книгу Альфреда де Мюссе «Ночи» (М.: Печатня А. Снегиревой, 1895). О переводе Брюсов 13 октября 1895 г. сообщал также П. П. Перцову (*Письма к Перцову*. С. 45). 27 июня 1896 г. Брюсов написал в подражание А. де Мюссе стих. «Я помню в дни юности ранней...», оставшееся неопубликованным (см. письма Брюсова к Лангу — ГБЛ. Ф. 386, 71.46. Л. 19—20, а также «Мои стихи», № 6 — ГБЛ. Ф. 386, 14.5/6. Л. 25—26).

²¹ План Брюсова вернуться в Москву по Волге не осуществился из-за недостатка средств. В письме к отцу Брюсов сетует: «Путешествие по Волге я уже отложил до будущих лет; только бы хватило прожить и вернуться» (ГБЛ. Ф. 386, 142.4. Л. 46об.).

²² Ныне ул. Урицкого, дом 11.

28. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Пятигорск. Теплосерная ул. д. Савельева. 1-го июля 1896 г.

О, посмотри поскорее, мой поэт, на этот позор, который называется памятником поэту Лермонтову! ¹ В прошлом письме я забыл упомянуть о нем, но сей монумент достоин описания.

Фигура сидит на одной половинке своей задницы (грубое слово прости: виноват не я, а скульптор), — другая нога бессильно свисает вниз и еле упирается кончиком каблука в угол пьедестала. Подбородок поддерживается кулаком правой руки, но локоть этой руки не опирается ни на что, висит в воздухе; левая рука судорожно уцепилась за бумажник. Бедняк Лермонтов! В какой неудобнейшей позе выставлен он (на) показ нашей публике*.

Что касается выражения лица, — оно таково: скулы выдвинуты, зубы сдавлены, глаза выкатились и смотрят на облака. Голова, конечно, ничем не покрыта, но на тело надет греческий хитон, а поверх — мантия, взятая напрокат со статуи Барклай де Толли в Петербурге ².

2-го июля

Письма кончить не пришлось, но зато могу рассказать еще об одной достопримечательности Пятигорска. Это — показываемый фонограф. Я уже не говорю о том, что он шипит и хрипит (так и должно быть в порядке вещей), но интересен текст его декламаций. Голос провинциального актера и такой текст:

...И кровь его течет. Последние мгновенья мелькают.

Близок час смерти. Вот луч воображенья...

Как Тебе нравится сей шестистопный ямб? Он не хуже того, который я сыскал вчера в «Сочинениях Голенищева-Кутузова».

Наверно счастье бы осенило нас (т. II, стр. 91) ³.

Знаешь, между прочим, причину помешательства Батюшкова (Ты им занимался когда-то?) — *Зависть к Пушкину*. Это я намерен доказывать в своей «Истории» ⁴. Кстати, предисловие после больших трудов мною набросано. Перехожу ко второй главе, где доказываю, что тонический размер вовсе не идет русским стихам ⁵.

Может быть, я напишу здесь маленькую брошюрку под названием «Моим современникам» ⁶. Содержание — давно задуманное мною: критика современ-

* Разговор, подслушанный в публике (два офицера):

— Чем же эта беседа интересна?

— Там висит (?) золова арфа.

— Чья арфа? (прим. Брюсова. Знак вопроса в скобках поставлен им же).

ных поэтов, но критика, старающаяся в каждом найти что-нибудь интересное, нужное. (Говорю о *поэтах*, а не о г. г. Величко etc).— Шулятиков ⁷ прислал мне письмо и просит адрес Фриче, — не знаешь ли его? Во Франции сегодня чествуют память Марселины Деборд-Вальмор ⁸. Праздничное устраивает Тебе небезизвестный граф Монтеску де Фезенсак ⁹. Все поэты Франции съедут в один поезд и поедут в родной город Марселины, где и пройдет чествование. Интересный поезд. Жду писем.

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Вот маленькое стихотворение, написанное белыми стихами с чуть заметными отзвучиями:

И покинув людей, я ушел в тишину,
Как мечта одинок, я мечтою живу,
Позабыв обаянье бесцельных надежд,
Я смотрю на мерцанье сочувственных звезд.

Есть великое счастье — познав, угасть,
Одному любоваться на грезы свои,
Безответно твердить откровений слова
И в пустыне следить, как восходит звезда ¹⁰.
1896. Пятигорск.

¹ Письмо написано на почтовой бумаге с изображением памятника Лермонтову. Этот памятник работы А. М. Опекушина был поставлен в Пятигорске в 1889 г.

² Имеется в виду памятник М. Б. Барклаю де Толли работы скульптора Б. И. Орловского, установленный в 1837 г. на Казанской площади Петербурга.

³ Цитируется строка из поэмы Арсения Аркадьевича *Голенищев-Кутузова* (1848—1913) «Старые речи» (Соч. СПб.: Тип. А. Суворина, 1894. Т. 2). В стихе нарушена обычная в шестистопном ямбе цезура.

⁴ Впоследствии Брюсов был не столь категоричен в своем утверждении. В его архиве сохранился отдельный листок с пометой: «И(стория) Р(усской) Л(ирики). К Батюшкову». На этом листке, который можно датировать началом 1900-х годов, перечислены «причины болезни Батюшкова:

1. Пули, ранившие его в нижнюю часть живота в кампанию 1807 г.

2. Распутная жизнь.

3. Неудавшаяся влюбленность в m-lle Фурман, воспитанницу Олениных, которая отказалась выйти за него замуж (...)

(4. Соперничество с Пушкиным)» (*ГБЛ*. Ф. 386, 41.15). Таким образом, речь идет уже не о зависти, а о соперничестве, и причина эта поставлена на последнее место, да еще в скобках, по всей видимости, как сомнительная.

⁵ Речь идет о незаконченной «Истории русской лирики». Брюсов писал впоследствии: «Русскому языку доступно как тоническое, так и силлабическое стихосложение (мнение, что силлабический стих связан как-то с постоянством ударений, ни на чем не основано и опровергается примером хотя бы итальянского языка), но оба они нам чужды. Это чувствуется уже в той робости, с какой пользуются тоническим стихом русские поэты. Область наших точных созвучий крайне бедна (сравнительно, например, с французскими), и наши поэты постоянно возвращаются к одним и тем же рифмам. Многие русские слова не укладываются ни в какой тонический размер» (*Брюсов В. О русском стихосложении // Добролюбов 1900*. С. 11).

⁶ Возможно, что брошюра эта была задумана еще летом 1895 г. Сначала (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 2.22. Л. 80б.) Брюсов собирался включить в нее очерки о поэзии В. Л. Величко, А. М. Федорова, А. А. Коринфского, И. О. Лялечкина, Н. А. Энгельгардта, М. М. Гербановского, А. Н. Емельянова-Коханского и др. Особая глава посвящалась творчеству Курьянского. Но позднее (см.: Там же. Л. 40) он составил следующий план книги: «Предисловие. гл. I. Боги Олимпа. гл. II. Мережковский. гл. III. Бальмонт. гл. IV. Лялечкин, Минский etc. гл. V. В. Соловьев». Брошюра закончена не была. В архиве поэта сохранились многочисленные наброски отдельных глав (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.2, 3.3, 3.5, 3.7).

⁷ См. п. 17, прим. 2. Писем Шулятикова в архиве Брюсова не сохранилось.

⁸ Марселина *Деборд-Вальмор* (1786—1859) — французская поэтесса, выступала в печати и как прозаик. 13 июля 1896 г. в г. Дуэ, на ее родине, состоялось открытие памятника М. Деборд-Вальмор; на торжестве произнес речь А. Франс. Перевод Брюсова из М. Деборд-Вальмор («Письмо женщины») см.: *РС* 2. В более поздней переработке вместе со стих. «Первая любовь» и «Колыбельная песня» оно вошло в том «Французские лирики XIX века» (*ССС XXI*), где дан также критико-биографический очерк Брюсова о Деборд-Вальмор.

⁹ Робер де *Монтеスキу-Фезенсак* (1855—1921) — французский беллетрист и поэт. В начале 1890-х годов он учредил общество почитателей М. Деборд-Вальмор (см. также: *Де Гурмон Р.* Книга масок. М.: Грядущий день, 1913. С. 103—106).

¹⁰ *МЭЕ*; I, 100.

29. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Пятигорск.) 18 июля 1896 г.

Александр Антонович! Дорогой мой, что с Тобой случилось? Жив ли Ты? Всякие слухи о Тебе смолкли, и я не получал ответа вот уже на два письма. Надеюсь — если эта записка добралась до Тебя — Ты отзовешься.

Что до меня, то кончаю свой «курс» в Пятигорске и собираюсь путешествовать к Казбеку, а оттуда по Волге. Было одно время намерение посетить Самарканд и заглянуть в курильни гашиша¹, но жаль пропустить Нижегородскую Выставку². Восток еще не уйдет.

Алла могуч! Гашиша дым
Для счастья смертных создан им³.

Стихи Голенищева-Кутузова.

Твой Валерий Брюсов.

Адрес мой до 1-го августа: Пятигорск, Теплосерная ул., д. Савельева. После — обычный: Москва, Цветной бульвар, etc⁴.

¹ 17 июня 1896 г. Брюсов сообщал родителям: «Был здесь один человек, который усердно подговаривал меня ехать с ним в Самарканд. Оно не дорого, и я одно время колебался, но потом сообразил и отказался. А все-таки хорошо бы! Там индусы, персы, гашиш, опиум. Авия и Восток!» (ГБЛ, Ф. 386, 142.5. Л. 256б.).

² В 1896 г. Всероссийская промышленная и художественная выставка была приурочена к ежегодной ярмарке в Нижнем Новгороде. Выставка была открыта 27 мая и продолжалась до сентября. Брюсов намеревался встретиться в Нижнем Новгороде с М. П. Шляевой, но вынужден был продолжить курс лечения в Пятигорске и уехал с Кавказа лишь 28 августа (см.: Русская литература и Кавказ. Ставрополь, 1974, с. 102).

³ Неточная цитата из поэмы А. А. Голенищева-Кутузова «Гашиш» (Дело. 1875. № 5).

⁴ Брюсов вернулся в Москву 2 сентября.

30. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Ясная Поляна. 23 июля (18)96 г.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Относительно моего столь продолжительного молчания Карамзин на моем месте сказал бы: бывают периоды в жизни народной и в жизни человека отдельного, когда эта жизнь останавливается в какой-либо фазе и не подвигается вперед. Вот такого рода период и переживал я до самого Ильина дня¹, когда, наконец, не вытерпел и уехал в Москву. Там творится нечто невозможное. Ртутные трубки лопаются в термометрах, дышать нечем. И я пролежал в постели 2 дня из трех, проведенных мною в городе. Застал я там из знакомых только Григория Семеновича Когана², который, кажется, даже неизвестен тебе. Да еще на вокзале, уезжая, столкнулся с поэтом Долгинцевым³. Он провозжал некую особу женского пола и побеседовать нам не удалось (быть может, к лучшему). А въезжая в Москву, на пересечении Самотеки и Садовой, чуть не попал под мою лошадь еще поэт — Емельянов-Коханский⁴. Если этим поэтам судьба велит проводить лето в Москве, то я готов простить им всевозможные их бессмыслицы. Зато людям, обитающим среди деревенских красот, необходимо пользоваться своим прекрасным положением и создавать великие произведения. А между тем, я от тебя получил только одно недурное стихотворение в 8 строчек⁵. Ты просишь меня прислать тебе отрывки из поэмы, в которой действие подвигалось бы вперед. К сожалению, таких мест у меня не оказалось, да и вообще нахожу все в целом лучше, чем в частях. Поэту изволь ждать осени, то есть 5-го сентября, когда я буду в Москве.

Относительно Бальмонта я ничего не знаю⁶, а Фриче живет в Курской губернии (Курская губерния, гор. Дмитриев на Свапе, Льву Михайловичу Кускову для В. Фриче). Я получил от него 4 письма, из которых вижу, что он усердно и плодотворно работает на своем научном поприще и текущим летом вполне доволен.

А. А. КУРСИНСКИЙ В КРУГУ СЕМЬИ И ДРУЗЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

Слева направо: задний ряд — М. Л. Толстой, И. Н. Трегубов, А. Л. Толстой, Н. П. Иванова, Т. Л. Толстая, Л. Н. Толстой, С. И. Танеев, С. А. Толстая; передний ряд — Д. Д. Дьяков, Э. Борель, А. А. Курсинский, М. Л. Толстая, А. Л. Вельс, А. Л. Толстая. Фотография С. А. Толстой. Ясная Поляна, 1895

Музей Л. Н. Толстого, Москва

Больше ничего сообщить тебе не имею. До скорого свиданья, надеюсь, что к началу сентября ты уже будешь в Москве. Впрочем, наступающая зима обещает мне мало интересного. Так, например, все твои четверги для меня будут недоступны, потому что в юнкерском училище отпускают лишь в среду и субботу¹.

Пиши, если не считаешься письмами. У тебя интересного больше.

А. Курсинский.

¹ Ильин день — 20 июля по ст. ст.

² Брат П. С. Когана.

³ См. п. 7, прим. 6.

⁴ Там же, прим. 5.

⁵ См. п. 28.

⁶ 31 июля 1896 г. Я. К. Брюсов сообщал сыну: «Наконец отозвался Бальмонт из Одессы, письмом которого при сем посылаю» (ГБЛ. Ф. 386, 78.23. Л. 26об.).

⁷ Курсинский поступил не в Московское юнкерское училище, а в Киевское, по месту рождения.

31. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

3 августа 1896 г. Пятигорск. Теплосерная ул. дом Савельева.

Судя по Твоему письму, Ты, действительно, провел очень печальные дни, друг мой. Неужели Ты хочешь вдобавок поступить в юнкерское училище? — это значит обресть себя еще на год такой же жизни. Бесконечно лучше отбывать воинскую повинность вольноопределяющимся, хотя и то скверно.

Что до меня, я, наоборот, жил. Ты покинул меня в то время, когда я ушел снова в самообожание.

...И, покинув людей, я ушел в тишину...

Есть великое счастье, познав, угаить,
 Одному любоваться на грезы свои,
 Безответно твердить откровений слова
 И в пустыне следить, как восходит звезда ¹.

После этого я, как и подобает поэту на юге, — я влюбился ².

И снова дрожат они, грезы бессильные,
 Бессильные грезы ненужной любви. (etc) ³.

Или —

Сквозь туман таинственный
 Голос слышу вновь
 Голос твой единственный,
 Юная любовь! (etc) ⁴.

Или —

Облака цепляются	Горьки и томительны
За вершины гор;	Жалобы твои:
Так слова слагаются	То рассказ мучительный
В смутный разговор.	О былой любви (etc) ⁵ .

В этой любви было, конечно, множество перипетий.

Летний вечер пышен,
 Летний вечер снова...
 Мне твой голос слышен:
 «Я люблю другого»... (etc) ⁶.

Или —

Ты приняла мою книгу с улыбкой,
 Бедную книгу мою...
 Верь мне, я нынче считаю ошибкой
 Бедную книгу мою... (etc) ⁷.

Впрочем, всего не перескажешь и стихами.

Потом я собирался убежать в Самарканд и даже уехал из Пятигорска, оставив свою комнату одному ново-приятелю ⁸. На пути я, однако, расхворался и вернулся. С неделю был я совсем болен и, по обыкновению, дошел до отчаянья и до мыслей о самоубийстве ⁹.

...О, горько умирать, не кончив, что хотел,
 Едва найдя свой путь к восторгам идеала...

.....
 Так много думано, исполнено так мало! ¹⁰

Затем я еще раз воскрес и нашел здесь юного поэта, которому посвятил следующие знаменательные строки.

А. Браиловскому ¹¹.

Юноша бледный, со взором горящим,
 Ныне даю я тебе три завета —
 Первый из них: не живи настоящим,
 Только грядущее область поэта.
 Дальше второй: не люби, не сочувствуй!
 Сам лишь себя обожай беспредельно!

Третий завет: поклоняйся искусству,
 Только ему, безраздумно, бесцельно.
 Юноша бледный, со взором смущенным,
 Если ты примешь мои три завета,
 Гордо умру я бойцом побежденным,
 Зная, что в мире оставляю поэта ¹².

В результате всех этих ощущений и размышлений получилась книга «Me eum esse», рукопись которой послана в Москву Лангу, где и хранится «до моего приезда или моего самоубийства» ¹³. Впрочем, судя по моему сегодняшнему ликующему настроению, второе опять надо отложить.

Живу я все в Пятигорске. Уже мои ново-приятели прожили свой курс и уехали, уже сменился весь состав курсовых, а я все живу и бог весть сколько еще буду жить. До 15-го августа проживу во всяком случае.

Ознакомился со всякими окрестностями, лазил на скалы и спускался в пещеры, смотрел на водопады и заглядывал в пропасти.

Есть что-то позорное в мощи природы,
Немая вражда к лучам красоты;
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты (etc) ¹⁴.

Ах, друг мой, сколько стихов написал я — даже странно.

Как долго о прошлом я плакал,
Как страстно грядущего ждал,
И мудрости грозный оракул
«Довольно» сегодня сказал (etc) ¹⁵.

«Оракул мудрости» — риторика, но рифма, рифма!.. Она, впрочем, украдена у Бенедиктова ¹⁶.

Светлый венец их сверкает плеядами,
Адельбараном горит (Бенедиктов) ¹⁷.

Не знаешь ли Ты, как зовут m-me Пустошкину? Я получил от нее письмо ¹⁸, надо ответить, а я не помню ее имени и отчества. Анна Дмитриевна, кажется?

Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгиин,
И детский взор — он ... etc, etc ¹⁹

Слишком много стихов.

Дальний шум фонтана,
Листьев тихий шум,
Сладок миг обмана,
Миг туманных дум (etc) ²⁰.

Знаешь ли, что есть растения, называющиеся «гелитшии» ²¹, здесь их много; рифма Нитше и trans — рифма Фриче.

Бледный, словно маис,
Первый луч денницы
Сквозь листву гелитший,
Озарив Кутаис *,
Брызнул на страницы
«Заратустры» Нитше
И шепнул, ласкаясь,
Быль и небылицы
О далеком Фриче ²².

Надеюсь, Ты ответишь мне «сквозь уныние и сплин».

Твой Валерий Брюсов.

¹ См. п. 28, прим. 10.

² О любви Брюсова к шестнадцатилетней девочке Кате см. I, 581—582.

³ МЕЕ (I, 115).

⁴ Там же.

⁵ TV (I, 167).

⁶ Неизд. стих. 1935. С. 97 (под заглавием «Я люблю другого» — III, 240).

⁷ Под заглавием «По поводу Chefs d'oeuvre» — МЕЕ (I, 102).

⁸ Имеется в виду некий Алексей Иванович Иванов-Орловский из Москвы, часто упоминаемый в Брюсовских дневниках пятигорского периода; см. также письма к родным — ГБЛ. Ф. 386, 142.5. Л. 4.

⁹ 26 июля 1896 г. Брюсов писал А. А. Лангу: «Говорю Тебе откровенно и серьезно — дело мое очень плохо: телесно я никуда не годен, духовно — колеблюсь, а умственно —

* Так говорят на Кавказе, а не Кутаис (прим. Брюсова).

увы! — умственно ослабеваю. Конечно, я не намерен слишком рано опускать руки. Бороться я буду, но до известного предела; Ты сам понимаешь, что так я и должен поступить, и отговаривать меня — я твердо надеюсь не станешь» (ГБЛ. Ф. 386, 71.46. Л. 43).

¹⁰ Приведены строки из стих. «Последние слова» — МЕЕ (I, 123).

¹¹ История знакомства и дальнейших взаимоотношений Брюсова с «юным поэтом» изложена в статье О. Сабьяновой «Письмо Александра Брайловского Брюсову» (*Брюсовский сборник 1977*. С. 189—193).

¹² Под заглавием «Юному поэту» — МЕЕ (I, 99).

¹³ 26 июля 1896 г. Брюсов писал Лангу: «Завтра или послезавтра я pošлю Тебе заказной рукописный пакет. Это тетрадь маленьких размеров моей книги “Me eum esse”. Эту маленькую тетрадь Ты отдашь переписать хорошему переписчику, требуя, чтобы знаки препинания он расставлял именно так, как у меня. Переписанную рукопись [спешу оговориться: так начнешь Ты поступать в том случае, если я пришлю Тебе прощальное письмо или если Ты получишь определенные сведения о моей смерти (красивое слово); пока же этого нет, прошу Тебя и закликаю нашей старой дружбой рукописи моей никому не показывать, а самое лучшее и самому ее не читать] *. Продолжаю. Переписанную рукопись отдашь Ты в цензуру, причем спорь с цензорами и отстаивай каждое слово. Когда рукопись выйдет из цензуры, тащи ее к Лисснеру и Роману. Туда же еще раньше надо будет снести рукопись “Juvenilia”, которая находится у моего отца. (Относительно денег я, конечно, в свое время извещу моих родных.) Формат и внешность издания должны быть такими же, как Chefs d’oeuvre 2-е изд. Каждой книги — и “Juvenilia” и “Me eum esse” — должно быть напечатано только 600 экз. Если когда-нибудь в будущем книги мои распространятся, предлагаю Вам, т. е. Тебе и моим напечатать “Полное собрание стихотворений” Валерия Брюсова, куда могут войти все стихи, напечатанные мною при жизни и внесенные в “Juvenilia” и “Me eum esse”. Глупой прозы моей прошу никогда не перепечатывать. Наблюдения над корректурой я, конечно, поручаю Тебе и убедительно прошу корректировать лучше моего: стараться, чтобы все, даже запятые, были именно так, как в рукописи (орфография у меня собственная). О напечатанных книгах надо сделать объявления и экземпляры раздать по книжным магазинам и разослать по редакциям всех журналов (если соберусь, пришлю адреса).

Если что забыл, напишу после. Итак, числа около второго получишь Ты рукопись, которую будешь хранить втайне до тех пор, пока не получишь “определенного” известия» (ГБЛ. Ф. 386, 71.46. Л. 44—44об.). В черновых тетрадях сохранилось также завешание Брюсова, которое должен был засвидетельствовать Ланг (ГБЛ. Ф. 386, 3.5. Л. 29об.).

¹⁴ МЕЕ (I, 112).

¹⁵ В измененной редакции — МЕЕ, под заглавием «Отречение» (I, 133).

¹⁶ Рифма заимствована из стих. В. Г. Бенедиктова «Н. Ф. Щербине»:

Прошли века: умолк оракул,
Богов низринул человек —
И над могилой их оплакал
Свою свободу новый Грек.

¹⁷ Неточная цитата из стих. Бенедиктова «К полярной звезде», третий стих которого: «Дивный венец его светит Плеядами...».

¹⁸ Письмо Анны Дмитриевны Пустошкиной (рожд. Облеуховой) не сохранилось. В письме к А. А. Лангу от 4 августа 1896 г. Брюсов сообщает: «Получил письмо от г-жи Пустошкиной, которая просит прийти к ней по какому-то таинственному делу» (ГБЛ. Ф. 386, 71.46. Л. 48об.).

¹⁹ МЕЕ (I, 116).

²⁰ Оpubл. впервые: III, 241.

²¹ По всей видимости, приводится неточное название гледичии (*Gleditschia*), которую на юге Европейской части России разводят и как декоративную и в качестве живых изгородей.

²² Оpubл. впервые: Ставрополье. 1966. № 3.

32. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

18.VIII.(18)96 г. Пятигорск. Теплосерная, дом Савельева.

Ты можешь ли левиафана
На уде вытянуть на брег? ¹

Как Тебе не совестно, мой друг, хандрить по целым месяцам? Поверь словам Метерлинка: у каждого из нас не одна, а много причин решиться на самоубийство ², — но не все же падают духом. Пиши стихи и будь счастлив — разве это трудно?

Я пробуду в quasi-лермонтовском Пятигорске до 1-го ³, а Тебе куда прикажешь адресовать письма?

* Квадратные скобки поставлены Брюсовым.

Что до Бальмонта, то он, по последним известиям, в Одессе — «молится холодному ветру»⁴.

Твой Валерий Брюсов⁵.

¹ Цитируется начало десятой строфы «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова.

² Не ясно, на какое произведение М. Метерлинка ссылается Брюсов.

³ См. п. 29, прим. 4.

⁴ Подрауэмеваеаь сгах. Бальмонта «Кому я молюсь? Холодному ветру» (Тишина). Возможно, что оно было в письме Бальмонта, пересланном в Пятигорск Я. К. Брюсовым (см. п. 30, прим. 6). Ср. запись в дневнике Брюсова от 6 августа 1896 г.: «Получил письмо от Бальмонта из Одессы. (Кому я молюсь? Холодному ветру)» (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/1. Л. 23об.).

⁵ В черновике текст письма несколько подробнее: «...получил письмо и от А. Добролюбова, он в Петербурге превращается в паука, «который провел свою тонкую нить от скалы до скалы», получил письмо от Фиты Сологуба, который предлагает меняться с ним изданиями, и от г-жи Пустошкиной, которая предлагает нечто (что, она не сообщает). Письма эти пришли ко мне «с оказией», ибо некоторое время моим домашним не был известен мой адрес» (ГБЛ. Ф. 386, 3.5. Л. 34).

33. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Киев. 5 октября (18)96 г.

Друг мой!

Прости мне столь продолжительное молчание: оно неизбежно вытекало из тех обстоятельств, в которых я теперь нахожусь; променяв лиру на меч, я умер для поэзии и, следовательно, для тебя. А не умереть не было возможным. Ты когда-то говорил мне, что необходимо создать себе известные условия, чтобы работать плодотворно. Я же поставлен теперь в условия, которые точно нарочно подобраны, чтобы лишить человека возможности делать что-либо на пользу не только искусства, но даже его собственного развития. Одним словом, я не знаю, скоро ли наступит день, в который какая-нибудь поэтическая мысль будет в состоянии замедлить несколько в моей голове. Думаю, что не раньше рождественских каникул, когда я недельки на две вырвусь из этой душной атмосферы равнений, козыряний, рапортов и дневальства и прочей ерунды, называемой военным духом. Что я делаю? — Трижды в день чищу свои сапоги и всю амуницию, пять часов в день слушаю вычисления длины или скорости пушечного выстрела, два часа в день марширую учебным шагом под такт барабана или прыгаю через так называемую «кобылу», с которой скатываюсь пока еще кубарем, ем, пью, в известное время дневалю, т. е. надев шинель и шапку, шагаю взад и вперед по ротным казематам с обязательством под страхом ареста ничем не заниматься.

В эти часы, скажешь ты, ты написал бы в уме целые томы. Нет, уверяю тебя: в эти часы, отягощаемый пудовою шинелью, обливаясь потом, т. е. температура в роте стоит градусов 16—17, ты вел бы, как и я, упорную борьбу с одолевающим тебя под всеобщий храп юнкеров сном, да прислушивался бы к отдаленным шагам генерала или дежурного офицера. Я страшно потолстел за это время. Толщина — это хороший, по крайней мере для меня, показатель степени умственной деятельности. Что касается военных наук, то в большинстве случаев здесь мы встречаемся с математикой и черчением, которые входят почти во все предметы. Хоть я и не особенно интересуюсь ею, однако 5 часов лекций сравнительно наиболее интересная часть дня. В это время приходится хоть соображать и, исходя из декартовского «*cogito ergo sum*» * я не перестаю сознавать в это время своего человеческого, а не только животного существования.

За стенами училища, за которые мне удается проникать по средам и воскресеньям, конечно, можно бы найти более интересного. Но и здесь военный дух дает знать себя. Киев — город военный. Что ни шаг, то ты встретишь офицера, а каждому офицеру юнкер обязан отдать честь, и каждый офицер, если ему не будет отдана честь, потянет у тебя билет. Честь надо отдавать не только встречным офицерам, но и обгоняющим тебя, вследствие чего ты должен ежеминутно оборачиваться назад, и также идущим по другому тротуару, словом, ты должен

* мыслю, следовательно существую (лат.).

смотреть и видеть везде и зараз. С непривычки это мучительно. Идя по Васильевской улице, я увидел в окне одного дома милую блондинку. Милая блондинка привлекла мой взор, но только что я стал всматриваться в нее, как над моим ухом раздался ехидный голос: «А позвольте спросить, давно ли вошло в моду не отдавать чести офицерам?»

Тем не менее я успел достаточно познакомиться с Киевом, заглянуть в ядро его жизни, если можно так выразиться, хотя и не осмотрел еще его достопримечательностей. Но вряд ли не лучшая и не достойнейшая примечательности достопримечательность его — это его положение, удачное соединение в нем удобств европейского города с красотами его природных условий. Описывать все это бесполезно, так как ты, кажется, был в Киеве¹. Если же не был, то, конечно, будешь. Некоторые эффекты поразительны. Так, например, на горе стоит памятник Владимира², в руках Владимира крест, который ночью освещен электрическими лампочками, так что издали видишь только висящий в воздухе над городом ярко сияющий символ. Есть здесь царский сад, разбитый на высокой и крутой горе, с которой прекрасный вид на Днепр и на нижнюю часть города. Ночью получается впечатление, будто ты смотришь в глубокую бездну, всю усеянную подвижными огоньками. А там, под горой, за этими безмолвными старыми дубами кипит жизнь, но хотя она рядом, ты чувствуешь себя далеко от нее. Знакомств в Киеве я еще не завел, так как только недавно выдержал экзамен на отпуск. Пока отыскал здесь только брата Когана³, который любезно принял меня и обещал меня знакомить как с городом, так и здешними людьми. Однако, друг мой, как ни красив этот город, и какими бы ни оказались здешние люди, — несомненно одно — все близкое и родное оставлено надолго позади. Живя здесь, я все же хоть отчасти хотел бы жить там. Ты меня понимаешь?

Я надеюсь, что ты не откажешь мне по мере свободного у тебя времени извещать меня о себе и о дорогой нам обоим литературе. Я здесь решительно не могу ни за чем следить. Пиши мне, что выходит нового, если не трудно, цитируй от времени до времени как свое, так и чужое. Это будет для меня дорогая, почти единственная пища духовная. Говорю «почти», потому что здесь имеются 2—3 журнала, но достаточно назвать их имена, чтобы дать понять скудность даваемого ими материала: это «Нива», «Русский вестник», «Военная библиотека». Впрочем, в «Русском вестнике» нашел я недурную, хотя очень беглую статью о новых идеалах в поэзии (К. Медведского)⁴.

Ну, до свидания. Жду письма. Жму твою руку.

Твой А. Кур син ски й.

P. S. Не найдешь ли ты возможным сделать для меня маленькую услугу? А именно: собрать в магазинах, буде окажутся, деньги за проданные экземпляры «Полутеней» и из оных уплатить Снегиреву⁵ 5 рублей 90 копеек и получить от него недостающие мне 200 экземпляров. Все квитанции и счет снегиревский ты можешь получить у моей матери⁶. Буду тебе очень благодарен. Если денег не наберешь 5 руб. 90 коп., то недостающие я тебе вышлю. Если соберешь больше, то останешься мне должен.

Жду ответа. А. К.

¹ Брюсов впервые побывал в Киеве осенью 1897 г. (см. п. 41, прим. 1).

² Памятник киевскому князю Владимиру Святославичу, утвердившему христианство государственной религией, был установлен в 1853 г. Проект выполнен ваятелем В. И. Демут-Малиновским и архитектором К. А. Тоном; статуя исполнена скульптором П. К. Клодтом.

³ Имеется в виду брат П. С. Когана — Лев Семенович Коган. Его адрес (Большая Васильевская, д. 48, кв. 8) внесен Брюсовым в записную книжку «Мои стихи» (ГБЛ. Ф. 386, 14.5/7. Л. 34).

⁴ В статье участника альманаха «Молодая поэзия» Константина Петровича Медведского «Письма о литературе. В поисках нового», в частности, утверждалось: «Движение символизма и декадентства многим кажется только курьезным, не заслуживающим внимания. Но мы непременно должны считаться с сильными представителями движения: именно они указывают нам путь, по которому направляется искание новых мотивов в поэзии взамен освященных веками» (Русский вестник. 1896. № 9).

⁵ Александр Иванович *Снегирев*, управляющий московской печатней А. И. Снегиревой, выпустившей «Полутени».

⁶ О В. А. Курсинской см. вступ. ст. к наст. публ.

34. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

15 ноября (18)96 г. Москва.

Друг мой!

Конечно, я виноват, что до сих пор не писал Тебе ¹, но сознайся — есть здесь и Твоя вина. Однако «об этом довольно», как говорит старичок Геродот ². Вчера я был у Твоих ³ и читал Твои письма, кроме знаменитой филиппики против друзей, посланной Фриче. Клянусь Стиксом, по этим письмам никто бы не догадался, что Ты поэт и притом «бессменный жрец печали» ⁴. Впрочем, я тоже забываю, что был когда-то поэтом. Я слушаю признания в любви и играю в винт. Дивные занятия! Затем я негодую на самого себя и ничего не делаю, ничего не пишу, ничего не читаю. А! Друг мой, меня выводит из себя, между прочим, университет: невозможное учреждение, но очень возможно, что я его скоро покину. Для человека, поставившего бесстрашие = отсутствие страстей выше всего, очень мило, если его домашние забыли день, когда он ночевал дома. Мне пишет письмо Бальмонт, мне пишет Самыгин, мне пишет Сологуб, мне пишет Добролюбов, им всем надо ответить, надо писать к Тебе, а я пишу сейчас первое письмо со времени возвращения с Кавказа ⁵ (записки не считаются). А «История русской лирики»! Бедняжка! Хотя я еще надеюсь, что дам ей счастье — а то она от ревности побледнела совсем. Бальмонт в Испании и пишет, что нет ничего изящнее боя быков: «Молодые человеки в бальных костюмах порхают в двух шагах от смерти и ускальзывают от нее с легкостью весенних мотыльков». Сологуб напечатал новую книгу стихов ⁶; единственное, что я читал: она хороша. Полмесяца я опять был спиритом и так сошелся с духами, что беседовал у них в своей комнате ⁷, как с милыми знакомыми (так от 24 до 28 часов; такого счета и у Вас нет?). *Et quando respublica similem mihi habebit* *. Это слова Ливия Друза ⁸. Однако вот одно из моих самых неудачных стихотворений.

Расскажите вы ей,
Стихи мои,
О царстве теней,
О Стране Любви.
Там есть острова
Сладостных слез,
Где бродят слова
В венцах из роз,
Там сквозные леса,
Утомленья приют,
Где звучат голоса
И эхо поют.
Там лепечут ручьи
Переплесками струй
Признание любви
И ответ — поцелуй.

Там с камней золотых
Разливается свет —
Свидания миг
И смущенный привет:
А над бездною дней,
Над горьким «спрошай»
С хороводами феи
Летает Май.
А дальше на льдах
Царица страны
С лаской в очах
Приветствует сны.
Как светлы, как чисты
Все подвластные ей —
То дневные мечты,
То виденья ночей...⁹

И еще пять строф такой же галиматши. До свидания. Пиши.

Твой Валерий Брюсов.

Начиная с этого письма и до сентября 1897 г., корреспонденция Брюсова адресована в Киев, где Курсинский отбывал воинскую повинность.

¹ В письме из Киева от 14 ноября 1896 г., не включенном в настоящую публикацию, Курсинский упрекал Брюсова: «Если ты в письме к моей матери высказываешь удивление, что я не пишу к тебе, то мне остается теперь в этом письме выразить удивление, что ты не

* Неужели когда-нибудь республика будет иметь такого гражданина, как я? (лат.).

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВЪ

TERTIA VIGILIA

КНИГА

НОВЫХЪ СТИХОВЪ

1897 1900

МОСКВА

КНИГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„СКОРПОНЪ“ 1900

А. Куринскому.

*Дня вѣка приводитъ къ вѣнъ предѣ
Денъ императоръ, умиленъ;
Никто отъ любви не уходитъ,
И въ карди гонимъ тѣ же вѣнны.*

*Ми въ, ми въ переживая,
Что было вѣско гонимыи Душаны,
Убѣна и добрая и мнѣ,
И въ жалоба ми кардина.*

*За зрѣния сталъ какъ судено
Приближенъ къ тучалитю тачанъ,
И оно стрѣло вѣско
Не карди въ судѣ судимыи.*

Валерій Брюсовъ

22-VII-99

отвечаешь мне на письма. 6-го октября послал я к тебе длинное послание и, между прочим, просьбу такого характера, что не ответить на нее было бы очень странным» (ГБЛ. Ф. 386, 91.25. Л. 12).

² Об этой реплике см.: *Тетради*, п. 40, прим. 10.

³ Речь идет о родителях Курсинского Ванде Андреевны и Антоне Адамовиче.

⁴ См. п. 21, прим. 3.

⁵ См. п. 29, прим. 4.

⁶ *Сологуб Ф. Стихи*. СПб.: Тип. Мор. м-ва в Гл. адмиралт., 1896.

⁷ Г. И. Чулков вспоминает: «В молодости Брюсов занимался спиритизмом; его влекли к себе образы Агриппы Неттесгеймского, Парацельса, Сведенборга; у него на столе можно было найти книжки Шюре, Кардека, Дю-Преля... При этом Брюсов думал, что можно удачно сочетать оккультные знания и научный метод» (*Чулков Г. Годы странствий*. М.: Федерация, 1930. С. 93). См. также наст. кн., переписка с Бальмонтом, п. 48, прим. 6.

⁸ Народный трибун Марк *Ливий Друз*, отличавшийся неподкупностью, строгостью нравов и замечательным красноречием, был предательски убит политическими противниками в 91 г. до н. э. Брюсов приводит его предсмертные слова (см.: Веллея Патеркула сокращение греческая и римская истории/Пер. Ф. Моисеенкова. СПб., 1774. Цитируемые слова — с. 120).

⁹ Стихотворение публикуется впервые. С датой 15 ноября 1896 г. оно внесено Брюсовым в блокнот «Мои стихи» № 7 под заглавием «Страна любви» (ГБЛ. Ф. 386, 14.5/7. Л. 26об.—27). Этот текст содержит 3 дополнительных строфы. За шестой строфой следует четверостишие:

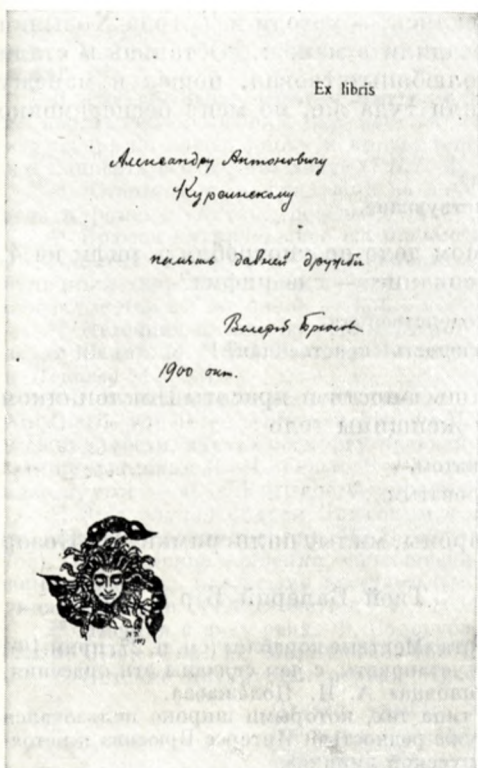
Там все стебельки
Льют аромат,
И минуты тоски
Всесильно манят.

А в конце стихотворения:

И они, мотыльки,
Вот на землю летят,
Вот, как утро, легки
Прилетают назад.

Расскажите же ей,
Мотыльки мои,
О приюте теней,
О стране любви.

Первые строки — парафраз арии Зибеля «Расскажите вы ей, цветы мои...» из оперы Ш. Гуно «Фауст».

В. БРЮСОВ. TERTIA VIGILIA. М., «СКОРПИОН», 1900

Титульный лист; вклеенный лист со стихотворным посвящением А. А. Куринскому (ранний вариант стихотворения Брюсова «Строгое звено» — 22 июля 1899 г.); шмуцтитул с дарственной надписью: «Александр Антонович Куринскому память давней дружбы. Валерий Брюсов. 1900 окт.» Внизу на шмуцтителе — рисунок М. А. Дурнова, 1900

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

35. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 22-го ноября 1896 г.

Счастлив, кто в мирной
Доле живет...
— Кто-то в обширной
Бездне плывет¹.

Друг мой, я плыву в обширной бездне, и в воскресенье мой челнок, быть может, перевернется².

Как заклятый
Враг грозит
Вал девятый
Вот бежит...

море, горе! Он настигнет; В мутном воре Челн погибнет...³ Впрочем, это Говсе не горе, а рифма настигнет и по-

гибнет — увы, толь ко державинская рифма⁴. — Ты знаешь, я надолго прекращаю свою литературную деятельность: по крайней мере на два года⁵ — «хотя однако» (из переводов с греческого) к рождеству издам «Me eum». Друг мой! Зачем Ты в Киеве не пишешь стихов?

У нас здесь мрак непросвещения,
У вас же конки * и прогресс...⁶

Впрочем, у нас Сальвини и Барнай⁷ — я смотрю Шекспира. Бальмонт, сидя в Париже, находит, что это «изрядный» поэт. Я столь рассержен, что пишу трагедию «Марк Антоний»⁸, дабы доказать, что писать по-шекспировски теперь уже не трудно⁹. Там есть Клодия... О, как Шекспир пропустил у Плутарха этот поэтический образ¹⁰—

Клодия! Клодия!
Слезы твои —
Это мелодия
Первой любви¹¹.

Не написать ли брошюрки «Позор любви»¹² — Клянусь Градивом¹³, это чувство позорное. «Будь моей Книгой, которую я буду приходить читать, о будь моей Поэмой, к которой я буду возвращаться опять и опять»¹⁴.

Любовь не прах, не золото, не глина —
Делить ее не значит отымать¹⁵.

Вряд ли Шелли написал именно так; особенно глина — бр-бр. Кстати, не от звука ли fr-fr происходит французское froid? ** О! Да будут прокляты все филологические изыскания и исторические науки с ними. Die Römische Annalis-

* Разумеется, электрические (прим. Брюсова).

** холод (франц.).

tik *¹⁶ — Ха-ха! Знаешь студенты волновались, — хотели в 1/2 года Ходынки служить панихиду «по убиенным» — их посадили в манеж. «Остальные» стали в воротах университета и смотрели. Я любопытствовал, пошел к манежу попросил околоточного, чтобы меня посадили туда же, но меня бесцеремонно прогнали¹⁷. Можно обидеться? Что же!

Убивайте, убивающие,
Безумствуйте, безумствующие.

(Пародия на Сологуба)¹⁸. Почему бы в самом деле не употреблять рифм на 4, 5, 6, 10 слогов от конца? Лжесвидетельствование — где рифма?

Отчего улыбка холодна благоденственная,
Отчего прекрасна только молодость женственная?¹⁹

Das ewig-weibliche ziet uns hinan...²⁰ Лишь юности и красоты Поклонником быть должен гений...²¹ А! Хорошо, если у женщины тело

Как снег перед закатом,
Горит сияньем розоватым...²²

если ее юные груди разбегаются в разные стороны, милые пилигримки! Но Позор Любви? — Прощай.

Твой Валерий Брюсов.

¹ Неточно приведенные стихи из поэмы Бальмонта «Мертвые корабли» (см. п. 27, прим. 19).

² Дневниковые записи Брюсова не позволяют установить, с чем связаны эти опасения.

³ Неточно цитируется «Песнь погибающего пловца» А. И. Полежаева.

⁴ «Настигнет — погибнет» — неточная рифма типа тех, которыми широко пользовался Державин и которые во времена Полежаева были уже редкостью. Интерес Брюсова к неточным рифмам был связан с работой над «Историей русской лирики».

⁵ 26 ноября 1896 г. Брюсов записал в дневнике: «Ныне, за несколько недель перед появлением в свет последней книги моих стихов, я торжественно и серьезно даю слово на два года отказаться от литературной деятельности. Мне хотелось бы ничего не писать за это время, а из книг оставить себе только три — Библию, Гомера и Шекспира. Но пусть даже это невозможно, я постараюсь приблизиться к этому идеалу. Я буду читать лишь великое, писать лишь в те минуты, когда у меня будет что сказать всему миру. Я говорю мое прощанье шумной жизни журнального бойца и громким притязаниям поэта-символиста» (*Дневники*. С. 26). Похожее высказывание, датированное началом октября, содержится также в записной тетради № 26 (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.б. Л. 2). Вряд ли к этим обещаниям можно относиться серьезно, поскольку вскоре Брюсов сообщает Е. И. Павловской о своих чрезвычайно разнообразных литературных планах (См.: *Тетради*, п. 52, а также: *Дневники*. С. 28).

⁶ Строки из шутивного послания С. Я. Надсона к В. М. Гаршину: «Пр'чтя только что твое п'сланье..» (см.: *Надсон С. Я.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1962. С. 318).

⁷ Густаво Сальвини (1859—1930) — итальянский актер, гастролировавший в московском «Эрмитаже» с 27 октября по 17 ноября 1896 г. С его участием шли шекспировские пьесы «Гамлет», «Отелло», «Венецианский купец» (см.: *Новости дня*. 1896. № 4810. 27 окт.; № 4814. 31 окт.). 27 октября Брюсов записал в дневнике: «Смотрел «Гамлета». Г. Сальвини» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. Л. 31). Людвиг Барнай (1842—1924) — немецкий трагик, игравший во время московских гастролей в «Гамлете», «Отелло», «Ричарде III» и «Короле Лире». Как видно из дневника Брюсова, он был на «Гамлете» с участием Барнай 21 ноября 1896 г. См.: *ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/2. Л. 5; а также письмо к Павловской от 18 ноября 1896 г. (*Тетради*, п. 52, прим. 28).

⁸ См.: Там же, прим. 1.

⁹ Брюсов, в частности, считал, что Шекспиру свойственно «упрощение исторических событий» (*ГБЛ*. Ф. 386, 46.2. Л. 1). Ср. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 39, прим. 5.

¹⁰ Клодия — дочь Антония и Фульвии, предназначенная в жены Октавиану. Согласно Плутарху («Сравнительные жизнеописания», т. III), этот брак должен был упредить дружбу триумвиратов.

¹¹ Приведенные строки являются, по всей видимости, началом незаконченного стихотворения (см. записную книжку «Мои стихи» — *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/8. Л. 8).

¹² 25 ноября 1896 г. Брюсов писал Е. И. Павловской: «А! да будет проклята любовь! проклята! проклята! Если когда-либо человек знал унижение, то это в те минуты, когда самое позорное в своей душе он возводил на пьедестал, когда он, как грешница в поэме Толстого, хвастался своим падением {...} Кричать об альтруизме и отдавать душу одному — весьма последовательно! Есть два мира — светлый и желанный мир идей! мир, относящийся к созна-

* Римские летописцы (*нем.*).

* Вечно-женственное влечет нас ввысь (*нем.*).

нию, и другой мир — мир темных чувствований. Они борются от века, как Аграмазда и Ангро-Майнью, и вечное торжество суждено злему духу. Поклоняются Сатане!» (*Тетради*, п. 54).

В декабре 1896 г. Брюсов отметил в дневнике: «Эта зима очень была нужна, чтобы глубже понять "позор любви". Задуманный осенью, он был только теоретическими рассуждениями; теперь он нашел плоть и кровь, теперь эта идея стала моим настроением. О, если б я мог написать все то, что хочу» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. Л. 20).

¹³ «Gradivus, т. е. грядущий на поле битвы — обычный эпитет Марса» (прим. В. Брюсова к роману «Алтарь победы». См. V, 563).

¹⁴ Брюсов цитирует свое же письмо к Е. И. Павловской от 12 ноября 1896 г.: «...будь моей книгой, которую я буду приходить читать, но для которой я не брошу другие книги, будь моим творением, моей поэмой, к которой я опять и опять буду возвращаться, но которая останется все же одной веткой в моем «лавровом венце» (*Тетради*, п. 52, прим. 17 и 27).

¹⁵ Неточная цитата из поэмы Шелли «Эпипсихидион» в переводе Балмонта (см.: Сочинения Шелли. М., 1896. Вып. 4). И поэму и ее перевод Брюсов оценил весьма высоко (*Письма к Перцову*. С. 58).

¹⁶ Сокращенное название сочинения немецкого историка Карла Ницше «Die göttliche Annalistik von ihren Anfängen bis auf Valerius Antias» (Берлин, 1873), которое Брюсов, по всей видимости, изучал по курсу древней римской историографии, читавшемуся в университете профессором В. И. Герье. В черновике настоящего письма вместо этого сочинения названо другое — «Die kritische Anschauungen» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.7. Л. 190б.— 20).

¹⁷ Этот случай описан Брюсовым, в дневнике 25 ноября 1896 г. (см.: *Дневники*. С. 25; см. также в воспоминаниях И. Н. Розанова «Встречи с Брюсовым» — *ЛН*. Т. 85. С. 764—765). Студенческие волнения, начавшиеся в ночь на 17 ноября, продолжались долгое время и сопровождалась массовыми арестами (см.: *Орлов В. И.* Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934).

¹⁸ Имеется в виду стих. Ф. Сологуба «Расцветайте, расцветайте...» (Тени: Рассказы и стихи. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896).

¹⁹ Неточно цитируется первая строфа неопубликованного стих. А. Добролюбова:

Отчего улыбка холодна благоденственная?
Отчего в добзании нет безумия страсти?
Отчего глаза не дышат неюго власти?
Отчего священна только холодность женственная?

Возможно, это стихотворение является третьей частью цикла «Стихи о Мадонне», не пропущенной цензурой, в сб. «Natura naturans. Natura naturata» (СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1895. С. 68). В 1938 г. Добролюбов написал текст стихотворения в экземпляр этой книги, хранящейся в брюсовской библиотеке (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 87. С. 100, 101). Мысль о новых возможностях рифмовки Брюсов повторил с теми же примерами осенью 1898 г. в наброске «Учебника стихотворства» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.20. Л. 23) и реализовал на практике в сборнике «Опыт» («Ты — что загадка, вовек не разгадывающаяся...» — III, 500).

²⁰ Заключительные строки «Фауста» Гете.

²¹ Заключительные строки стих. Пушкина («Зачем твой дивный карандаш...» — 1828).

²² Неточная цитата из поэмы Т. Мура «Любовь ангелов» в неопубликованном переводе Курсинского. (см. п. 14).

36. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

10 янв(аря) 1897 г. Петерб(ург)

«О, друг мой, плачущий со мною в час вечерний!»¹

«О, друг мой! Не писал я Тебе ничего просто потому, что нечего было писать. Мало интересного я нашел в Петербурге². Символисты находятся в каком-то унынии. Добролюбов начал было печатать «Одни замечания», но почему-то остановился³. Гиппиус напечатал книжку стихов, но «в свет» не выпустил и даже намерен предать сожжению существующие экземпляры⁴. Сологуба нашел я каким-то сонным, ничем не интересующимся, на все махнувшим рукой; впрочем, это было во вторник, после Крещения⁵. Сам город погружен в туманы, и жители торопливо бегают по проспектам, потирая отмороженные уши. Много новых газет и журналов⁶, но они водянисты, туманны, скучны. Пожив здесь недельку, я сам как-то отуманился; настроение прозаическое, стихов нет... Был в театрах... репертуар невозможный. — В «Литерат(урно)-Арт(истическом) Обществе» делает сборы драма «Новый Мир» (из времен Нерона; перевод с англ.)⁷, — но она оказывается жалкой мелодрамой, слабым плагиато-подражанием «Quo vadis?» * Сенкевича⁸. Был на выставке «Опытов художественного творчест-

* «Камо грядеши?» (лат.).

ва»⁹, сиречь этюдов,— этюдов там мало, больше символических картин; но сколько ни радовалось мое сердце по поводу того, что рутина гибнет, я все же не мог приветствовать *этих* символистов. Есть несколько недурных картинок, но ничего поражающего. Васнецов прислал только наброски к киевским писаниям¹⁰, маленькие, ничтожные даже в сравнении с картинами из Третьяковской галереи. У г. Роста несколько удачных замыслов¹¹; у г-жи Якунчиковой смелые перспективы¹²; у других попытки и подражания, фиолетовые облака и желто-синие леса; это все. Интересно, что у Репина среди десятков грубо реалистических картин есть два-три полотна, приближающиеся к новому направлению¹³. Больше других произвела на меня впечатление картинка — «Преходящее»¹⁴. Перед зрителем ствол березы, начиная так с двух аршинов от корня и до первых мелких веток; крупные ветви образуют сеть (широкую) картины; фон ее — вечерюще-осенний лес, чуть тронутый первой желтизной; внизу у левого угла видна головка юной, очень юной девушки, идущей по лесу. Преходящее! И красота лета проходит; пройдет, пройдет и очарование юности. Все проходит. Это недурная картина. Удивило меня полотно «Борьба за существование»¹⁵ — плохое подражание виденной нами с Тобой «Погони за счастьем»¹⁶. Но, впрочем, будет об «Опытах». Если я столько написал о них, то лишь потому, что на душе серо и туманно. Прости скучное письмо.

Твой Валерий Б р ю с о в.

Эпиграмма об исполнении Шейлока Мочаловым (из «Молвы» за 1835 г.)

Чем же кончить нам разбор?
Из кулис Мочалов вышел,
Из терпенья зритель вышел,
Из Шекспира вышел вздор¹⁷.

Р. С. Первый Ты роты или 2-ой?

¹ Строка из стих. Бальмонта «В час вечерний» (Тюшина). Впервые опубл.: Наблюдатель. 1897. № 3 (под заглавием «Созвездия»).

² Брюсов пробыв в Петербурге с 5 по 12 января.

³ Во время приезда А. Добролюбова в Москву летом 1898 г. Брюсов записал с его слов печальную историю, случившуюся с этой книгой: «Рукопись была сдана в типографию и уже набиралась. Но тогда в нем уже наступал разлад. Он долго боролся. Наконец, порешил, что печатать не для кого, слишком для немногих... Он отказался от печатания и уехал из Петербурга. Тут случилось нечто очень горькое. В типографии затеряли все его рукописи» (Дневники. С. 43).

⁴ Гиппиус Вл. Песни. СПб.: Паровая скоропечатня «Надежда», 1897. В книгу вошли не только стихотворные, но и прозаические произведения.

⁵ О визите Брюсова к Сологубу см.: Дневники. С. 27.

⁶ Журнал «Север» 12 января сообщал: «Новый год ознаменовался в литературном мире Петербурга появлением целого ряда новых газет, возникших и все еще продолжающих возникать одна за другою. Так, в настоящее время, кроме прежних, пользовавшихся «монополиями» газет, выходят: „Гласность“ (А. П. Пятковского), „Ежедневная Газета Луч“ (А. М. Вольфа), „Мировые отголоски“ (К. В. Трубникова), „Русь“ (В. П. Гайдебурова), „Народ“ (Мальшинского), „Утро“ (И. А. Баталина) и некоторые другие. Разрешены, но еще не выходят: „Россия“ (Г. П. Сазонова), „Родное дело“, „Русский труд“ (С. В. Шарапова) и другие» (Север. 1897. № 2. Стлб. 63). Кроме того, в Петербурге появилось пять новых журналов: «Всемирная почта», «Жизнь», «Космополис», «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки», «Театр и искусство». Большинство этих изданий вскоре прекратило свое существование.

⁷ Драма английского писателя И. Баретта «Новый мир» была переведена на русский язык А. Сувориным. Ее шумный успех объяснялся необычайной роскошью постановки. Премьера состоялась 2 января 1897 г., роли исполняли Л. Б. Яворская, В. П. Долматов, З. В. Холмская. Брюсов был на спектакле 9 января (ГБЛ. Ф. 386, 1.14. Л. 12).

⁸ Драма «Новый мир» вышла в свет в 1895 г. почти одновременно с романом Г. Сенкевича, а потому вряд ли она написана в подражание «Quo vadis». Возможно, что это замечание Брюсова было подсказано рецензией на драму, в которой утверждалось, что «автор в значительной степени пользовался „Quo vadis“ Сенкевича, где именно попадаются рельефные характеристики деятелей эпохи» (Новости, 1897. № 3. 3 янв.).

⁹ «Выставка опытов художественного творчества русских и иностранных художников и учеников», организованная по инициативе И. Е. Репина Обществом поощрения художеств,

открылась в декабре 1896 г. и была закрыта в январе 1897 г. Отзывы о выставке см.: Север. 1897. № 3. 19 янв.; Живописное обозрение. 1897. № 4. 26 янв.

¹⁰ Имеются в виду эскизы Васнецова, сделанные для росписи Владимирского собора в Киеве. На выставке были представлены наброски к картине «Преддверье рая». Иначе оценены Брюсовым работы художника в письме к Е. И. Павловской (*Тетради*, п. 56).

¹¹ Ученик Академии художеств Н. Ф. Рост демонстрировал свои полотна «Элегия», «Andante», «Скучный день», «Сон в Венеции», «Рассвет».

¹² Речь идет о картинах М. В. Якунчиковой «Лебеди», «Утки», «Окно», «Две дороги», «Весло».

¹³ На выставке были представлены тридцать четыре картины Репина. Полотнами, близкими «новому направлению», видимо, можно считать «При свете луны», «При свете лампы», «Муза».

¹⁴ Картина «Преходящее» принадлежит кисти А. Я. Головина.

¹⁵ Полотно «Борьба за существование» написано художником В. А. Поярковым.

¹⁶ Картина Жоржа Рошросса «Погоня за счастьем». Журнал «Живописное обозрение» в расширенной подписи к репродукции этой картины сообщил: «На выставке французских художников, бывшей в минувшем декабре месяце в Петербурге (. . .) и перевезенной ныне в Москву, обращала на себя всеобщее внимание новая большая картина известного французского художника Ж. Рошросса “В погоне за счастьем” . . . Картина эта интересна как по своему содержанию, так и по исполнению, и бесспорно занимала одно из самых видных мест, возбуждая споры и разговоры среди знатоков и любителей живописи (. . .) За призраком счастья гонятся все сословия, тут и грустный рабочий, и идеалист-поэт, и мать семьи, и кафешантанная певичка, и труженик, и яхт-клубист; все простирают руки к летящим в пространстве призракам счастья» (1897. № 1. С. 17).

¹⁷ В эпиграмме идет речь об исполнении Мочаловым роли Ричарда III, а не Шейлока. Брюсов ошибочно объединил материалы двух соседних заметок журнала «Молва» (1835. № 4. С. 71), посвященных постановке шекспировских пьес. 18 января 1835 г. П. С. Мочалов сыграл в свой бенефис главную роль в трагедии «Жизнь и смерть Ричарда III». Через некоторое время московский зритель должен был увидеть еще одну шекспировскую пьесу: в феврале М. С. Щепкин намеревался в день своего бенефиса выступить в роли Шейлока в «Венецианском купце». Отмечая эти театральные события, «Молва» вслед за заметкой некоего С. Ш. ««Венецианский купец» на московской сцене» поместила рецензию «О бенефисе г. Молчанова и о прочем», подписанную псевдонимом иг-иг-иг. Рецензия эта кончалась эпиграммой «Чем окончим наш разбор?» Следует указать, что в основу своей эпиграммы неизвестный положил текст А. И. Писарева, осмеявшего драматурга А. Г. Ротчева, в переделке которого в сезон 1827 г. шла трагедия Шекспира «Ромео и Юлия» (текст см.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. М., 1975. С. 370). В августе 1899 г. Брюсов, собирая материалы для статьи о Баратынском для «Русского архива», просматривал старые журналы. Эпиграмма на Мочалова из «Молвы» вновь привлекла его внимание, и он выписал ее в свою черновую тетрадь (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.22. Л. 42).

37. [БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 15 янв(аря) 18(97) г.

Друг мой!

Волею Зевеса я уже нахожусь в Москве — как, зачем, не хочется писать. Нового в моей жизни нет ничего ¹, а если что и можно выудить, то напишу после. Теперь же посылаю Тебе просьбу и жду от Тебя услуги. Не можешь ли Ты, друг мой, ссудить мне на время свое издание Тютчева. Как Тебе известно, у меня было свое подобное, но в недобрый час я подарил его одной поэтической девице ². Теперь же это издание (в Москве и Петербурге, по крайней мере) *совершенно распродано*. Мне же оно необходимо для моей «Лирики» ³. Взамен Твоей книги я дам Тебе Тютчева в издании «Русского архива» (1888 г.) ⁴, где помещены все стихотворения, кроме переводных. В будущем, впрочем не очень скоро, я возвращу Тебе Твою книгу. Друг мой! Если Ты согласишься на эту временную мену, Ты мне окажешь великую услугу — иначе я принужден буду просить назад свой подарок у особы, с которой и встречаться-то более не желал бы. Если Ты можешь дать мне Тютчева, то напиши мне, пожалуйста, где у Тебя книга — в Киеве или в Москве. Я жду ответа.

Тысячу тысяч извинений, что наполнил письмо только просьбами, но дело в том, что я расстроен; надо и нет. Горько.

Твой Валерий Брюсов.

К письму приложено стих. З. Н. Гиппиус «Единый раз вскипает пеной...» (*СВ*. 1896. № 12).

¹ Вскоре после возвращения из Петербурга Брюсов записал в дневнике: «Опять мрачно-бесцветная жизнь. История лирики, отцы церкви, Библия — вот все...» (*Дневники*. С. 28).

² По всей видимости, идет речь об издании, предпринятом по инициативе вдовы поэта Э. Ф. Тютчевой: Сочинения Ф. И. Тютчева: Стихотворения и политические статьи. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно. 1886. Свою книгу Брюсов подарил Е. И. Павловской (см. запись в дневнике от 17 января 1897 г. — *ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. л. 110б.). Ср.: *Тетради*, п. 58, прим. 2.

³ Сочинения Ф. И. Тютчева были, очевидно, необходимы Брюсову не только для работы над «Историей русской лирики», но и для статьи «К вопросу о тексте Тютчева (по поводу предстоящего нового издания сочинений Тютчева)», которую он закончил 28 января 1897 г. В этой статье Брюсов, в частности, писал: «Только лицам, сравнивавшим различные издания Тютчева, известно, насколько вообще не установлен текст его произведений. Есть стихи, которые каждый издатель печатает по-своему. В этом отношении очень поучительно сравнение двух изданий, вышедших одновременно в 1886 г., московского (издание «Русского архива») и петербургского» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.9. л. 8). После дополнительного редактирования Брюсов озаглавил указанную статью «О собрании сочинений Ф. И. Тютчева» и поместил ее в «Русском архиве» (1898. № 11). История этой публикации, положившей начало сотрудничеству Брюсова и П. И. Бартечева, изложена Н. С. Ашукиным в книге «Литературная мозаика» (Московское товарищество писателей, 1931).

⁴ В 1888 г. в издании «Русского архива» Тютчев не выходил. Он издавался П. И. Бартечевым в 1883, 1886 и 1899 гг.

38. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Киев, 17/1. (18)97 г.

Друг мой!

Благодарю тебя за письмо, хотя оно возлагает на меня тяжелую обязанность отвечать тебе. На чем остановить твоё внимание при тех условиях, в которых я нахожусь? — Внутренний мир, быть может? Но я убедился, что и этот мир не всегда есть неотъемлемое достояние человека. Выехав из Москвы, я вывез с собой некоторый запас мыслей, требующих обработки, и как только вступил на порог училища, у меня их точно отшибло. Хорошо еще, что я не потерял способности понимать и ценить прекрасное. А именно: здесь попали мне под руку отрывки из «Потонувшего колокола» — 1-ая и 2-ая сцены, напечатанные в переводе Буренина в «Новом времени» (по субботам в приложениях)¹.

Мы вместе с тобой восхищались замыслом Гауптмана, но вероятно, вместе будем и негодовать на исполнение. В первой сцене я ожидал сельского праздника по случаю поднятия колокола и изображение высоко трагического момента падения его в воду. И что ж? — Вместо этого автор переносит нас прямо в горную долину в общество леших и колдуний, куда затем приползает кузнец Генрих и заявляет, что он упал, устал, заблудился и т. п. Ужасно!!

Вторая сцена недурна. Это сцена Гейнриха с Раутенделейн. Она исполнена неги чарующей и забвения всего земного. Вводимые сюда комические персонажи цирюльника, учителя и пастора не заставляют смеяться. Что будет дальше, не знаю. Во всяком случае, я разочарован началом. Перевод Буренина недурен и стих бывает «то в яме, то на кочке»² сравнительно редко. Знаешь ли ты, что «Мертвые корабли»³ не более как деланная, бьющая на дешевый эффект пьеса, лишенная какого бы то ни было единства? Что твоя «История»?⁴ Я, конечно, ничего не пишу, да и к лучшему; что можно срифмовать здесь?

Как поживает Фриче и почему он мне ничего не пишет? Сообщай мне и впредь все, что вокруг тебя. Все это очень интересно. По мере сил буду отвечать тебе.

Твой А. Кур син ский.

20 января.

Тютчев у меня здесь. Бандеролью переслать его нельзя, так как есть надпись. Сообщи, как это сделать. Постараюсь выслать тебе его, но имей в виду, что в то время, когда бывает открыта почтовая контора, я не могу выходить из училища.

Твой А. Кур син ский.

¹ Сказка-драма Гергарта Гауптмана «Потонувший колокол» печаталась в субботнем приложении к газете «Новое время» с 11 января 1897 г. (№ 7498) по 15 марта (№ 7560).

² Цитата из поэмы Пушкина «Домик в Коломне» (VI строфа).

³ См. п. 27, прим. 19.

⁴ Имеется в виду «История русской лирики».

39. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 16 февраля (18)97 г.

«Моему поведению относительно Тебя нет имени, во всем объеме и силе этого выражения, и я поистине отчаиваюсь в возможности объяснить свое молчание. Это проклятое молчание тяготит меня, как кошмар, оно меня душит, давит. Чтоб устранить его, достаточно было бы весьма малого движения руки, но до сей минуты мне не удавалось разогнать чары. Я аполог, притча, предназначенная к тому, чтобы наглядно показать, как всякая вина носит в себе самой подобающее наказание».

(Из письма Ф. Тютчева от 2 мая 1836 г.)¹.

Прочти это, друг мой, и извини меня.

Твой Валерий Брюсов.

¹ Приведен с неточностями и большими пропусками отрывок из письма Ф. И. Тютчева к И. С. Гагарину (РА. 1879. № 5. С. 118—119). Цитатой из того же письма Брюсов оправдывался за свое долгое молчание и в письме к В. К. Станюковичу от 5 марта 1897 г. (см.: ЛН. Т. 85. С. 744).

40. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Москва. 16 марта 1897 г.

...И молча мне больно
И сердце обиды людские шутя переносит...
Довольн о! довольно!

Нет. Эти стихи прежде всего бессильны. Не они заглянули вглубь.

Довольно! Довольно!

Душа отстрадала и только забвения просит¹.

Как просто — «забвения», как детски просто. О, Гамлет! Гамлет! «Простым ударом шила»² — нельзя решать вопросов.

Мы звали духа искусителя,
Но нам и Дьявол не помог³.

Приходишь в университет, чтобы видеть презирающих и завидующих⁴. Возвращаешься домой к неизменной и самодовольной прозе. Встречаешь и «друзей», но «голос их доходит из другого мира»⁵ И поэзия...

Восторгов не даст вдохновенье
Не за них поклоняюсь мечте⁶.

Нет цели. Это — мучительнейшее. Блуждать, чтобы оплакивать, — и сознавать бесплодность этих слез. Говорить бессильными словами, смеяться ненужным смехом. То наступает спокойствие. Ты называл себя «жрецом печали», «неменным»⁷. Детское. Не Бальмонт ли прославлял мертвый покой⁸. Непонятое.

Мы успокоились давно,
Надежды нет и нет раскаянья,
И, полны тихого отчаянья,
Мы опускаемся на дно⁹.

Прощай.

Твой Валерий Брюсов.

Довольно близок по тексту к настоящему письму черновик письма к Бальмонту, датированный 14 марта 1897 г. (Тетради, п. 60), и к Е. И. Павловской от 29 марта 1897 г. (Там же, п. 62).

¹ Цитируется стих. К. М. Фофанова «Так полно, так полно...»

² Цитируется монолог Гамлета «Быть или не быть» в переводе П. П. Гнедича: «Покой и мир найти — одним ударом простого шила!» (Гамлет принц Датский: Трагедия в пяти актах В. Шекспира. М., 1892. С. 26). В 1897 г. Брюсов составил план книги «Литературные опыты», куда должна была войти статья «Гамлет» (см. обложку черновой тетради № 35 — ГБЛ. Ф. 386, 3.13). По всей видимости, для этой цели и был написан в начале 1898 г. критический очерк «Старый крот Гамлета», который кончается следующим любопытным признанием: «По намекам драмы можно восстановить всю юность Гамлета и те горькие дни, когда вызванный внезапным известием о смерти отца он вернулся в Данию и нашел, что престол, который он считал своим, уже занят. То были дни горьких размышлений, одиноких прогулок, дни любви с Офелией... Этот период мог бы дать сюжет для новой драмы о Гамлете; когда-то меня прельщала мысль вступить в состязание с Шекспиром, когда-то...» (ГБЛ. Ф. 386, 3.14. Л. 30—31об.). Замысел трагедии «Гамлет» относится к 1894 г. В черновую тетрадь № 13 (июль-август 1894 г.) вписано заглавие, посвящение и начало текста трагедии: «Гамлет» — трагедия в 5 действиях. (Посвящаю, конечно, Шекспиру, как брат брату) — ГБЛ. Ф. 386. 2.14. Л. 27об.—34об. и 2.16. Л. 12об.—13; 19—19об. и план той же трагедии, относящийся к началу 1896 г., — 3.4. Л. 48. См. также: Страшкова О. Брюсовские замыслы «античной» и «шекспировской» трагедии // В. Брюсов: Проблемы мастерства. Ставрополь, 1983.

³ Неточная цитата из стих. Д. С. Мережковского «Спокойствие» («Мы близки к вечному концу...» — СВ. 1897. № 2).

⁴ В начале 1897 г., после выхода «Me eum esse», отношения Брюсова с сокурсниками и преподавателями сильно осложнились. 11 марта 1897 г. он записал в дневнике: «Жизнь идет довольно горько. Мало веры в себя, нет целей, прошлое темно. В университете тяжелые столкновения. Герье говорит: — Я видел Вашу новую книжку. Может быть, это достаточно, чтобы называться поэтом, но недостаточно, чтобы быть историком» (Дневники. С. 28).

Примерно в это же время в черновую тетрадь № 30 внесено следующее примечательное стихотворение:

Не время ль нам промолвить символизму
Свое «адыё». Урок, он был хорош,
Он показал вселенную сквозь призму.
Но всяк предел — нелепейшая ложь.
(ГБЛ. Ф. 386, 3.9. Л. 49).

Нельзя служить какому-либо «изму».
Поэзия — одна. Когда поймешь
Такую истину, то перестанешь, право,
Хвалить успех и бредить краткой славой

⁵ Цитата из книги М. Метерлинка «Сокровище смиренных»: «Они там, почти по ту сторону жизни...» (Метерлинка М. Полн. собр. соч. М.: В. М. Саблин, 1905. Т. 3. С. 17). Книжку Метерлинка «Le trésor des humbles», тогда еще не переведенную на русский язык, Брюсов цитировал неоднократно. См., например, записную тетрадь № 39 (ГБЛ. Ф. 386, 3.19. Л. 19). 15 марта 1897 г. он отметил в дневнике: «Чем я занят теперь? (. . .) Задумано: Драма «Марина Мнишек», «Атлантида» и перевод Метерлинка «Le trésor» (Дневники. С. 28).

⁶ Из стих. Брюсова «К прошлому», написанного 23 января 1897 г. (III, 243).

⁷ См. п. 21, прим. 3.

⁸ Имеются в виду следующие строки Бальмонта из стих. «В этой жизни смутной...» (В безбрежности):

Радость совершенства
Смешана с тоской.
Есть одно блаженство —
Мертвенный покой.

⁹ Последняя строфа из упомянутого выше стих. Д. С. Мережковского «Спокойствие» (см. прим. 3).

41. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Киев¹, 2 сентября (18)97 г.

Был в соборе св. Владимира... Ты не прав, друг мой!² Я видел в Берлине Боттичелли³. Может быть, храмы, расписанные им, выше, — но только они. Всмотрелся ли Ты в «Воскрешение Лазаря» — Сведомского? Марфа пала ниц в раскаяньи, на всех лицах — ужас, удивление; одна Мария на коленях с восторженным взором, с просветленным лицом. «Да разве могло быть иначе!» — говорит ей сердце. О, как она гордится своим Христом, как любит его! — А бог, осеняющий всех, в куполе!⁴ Нет, друг мой. Vedete Napoli...⁵

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Получил ли мое открытое письмо⁶.

К письму приложено стих. «Звезда морей», вошедшее в TV (I. 216).

¹ Осенью 1897 г. Брюсов ездил в Сорочинцы проститься с умиравшей Е. И. Павловской. На обратном пути он посетил Киев.

² По всей видимости, перед поездкой Брюсов советовался с Курсинским о том, что следует осмотреть в Киеве, и тот невысоко оценил отделку собора Св. Владимира. Роспись собора заняла около десяти лет и была закончена в августе 1896 г. В ней принимали участие В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, П. А. Сведомский и В. А. Котарбинский.

³ Брюсов совершил поездку в Германию летом 1897 г. В тот год в картинной галерее Берлинского музея экспонировались следующие полотна Сандро Боттичелли: «Св. Себастьян», «Портрет Юлиана де Медичи», «Венера», «Мадонна с младенцем и ангелами», «Мадонна на престоле с младенцем и обоими Иоаннами», «Портрет молодого человека» и «Портрет молодой женщины». В апреле 1903 г. Брюсов после поездки с женой во Францию записал в дневнике: «На пути "туда" были в Кельне, — оттуда в Берлине. Я вновь увидел мою любимую Венеру Боттичелли. О "Грезы юности!" О любимая!» (*Дневники*. С. 132).

⁴ Гигантское поясное изображение благословляющего мир Христа выполнено Васнецовым.

⁵ Подразумевается итальянская поговорка «Vedere Napoli e poi morire», — «Увидеть Неаполь — и потом умереть».

⁶ В архиве Курсинского (*ЦГАЛИ*. Ф. 1223. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 12) сохранилось открытое письмо со стих. Брюсова «Мы встретились с нею в пустыне...» (I, 200; под заглавием «Памяти Е. И. П.»), сопровождаемое краткой припиской: «Блуждаю, друг мой, там, где некогда бродил ты», в местах твоей ссылки. И — сказать ли —

Изгнание твое пленяет втайне очи...

Твой Валерий Б. (Киев, 1 сент. 97)».

В письме неточно процитировано послание Пушкина «К Овидию» (1821).

42. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 26 сентября (18)97.

«До свиданья» сказал я мечтам,	Но осенний, лепечущий лес
Я пожал на прощанье им руки,	Обольстил по пути мою душу,
И ушел по пустынным полям	Я люблюсь на глуби небес
К отдаленному Замку Разлуки.	И боюсь, что обеты нарушу ¹ .

Стихи плохи, но и Эпиталамия ² не из лучших Твоих набросков. Уповаю видеть Тебя (и Фриче) в воскресенье ³. Приезжайте, если можно *раньше* двух часов, к нам, на Цветной ⁴.

Твой Валерий Б.

¹ Стихотворение публикуется впервые.

² Эпиталаму, написанную Курсинским на свадьбу В. Я. Брюсова и И. М. Рунт, см.: *ГБЛ*. Ф. 389. 1.1.

³ А. А. Курсинский и В. М. Фриче были шаферами на свадьбе Брюсова. И. М. Брюсова вспоминает: «28 сентября 1897 г. мы венчались в Ховрине. Валерий Яковлевич, страшный враг всяких обрядов, согласился на венчание только для успокоения родителей» (*Ашукин*. С. 114).

⁴ В доме № 24 (№ 22 по современной нумерации) на Цветном бульваре Брюсов жил до осени 1910 г.

43. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 30 янв(аря) 18)98

Друг мой!

Я не могу отделаться от чувства виноватости перед Тобой. Поговорим совершенно открыто и откровенно. Конечно, я могу найти те деньги, которые Тебе нужны, но откуда.

1) Могу попросить у матери. Но она так много сделала для нас (в денежном отношении) во время моей болезни ¹, что обращаться к ней вновь с просьбой мне очень и очень неловко. Кроме того, я знаю, что у нее деньги на исходе, потому что получает она деньги (% % на капитал моих сестер) два раза в год, в *марте* и *сентябре* ².

2) Могу просить у своих знакомых. Но всех моих личных знакомых знаешь и Ты; ни с кем из них я не близок. Разве один Ланг, с которым за последнее время у меня отношения сомнительные; обратиться к нему, право, нелегко, да и не очень верно.

3) Из тех денег, которые я получаю как доход с полдома (100 рублей в месяц) ³ уделить ничего не возможно — нам их только-только хватает на прожи-

тье, особенно теперь с расходами на доктора и лекарства. В начале месяца я еще мог бы уделить что-нибудь, но эти деньги мне необходимо нужно будет получить обратно к середине месяца, а Тебе деньги нужны на больший срок.

4) Могу заложить свои часы. Но Ты понимаешь, что эта мера крайняя, — да и придется все рассказывать жене.

Вот, кажется, все пути, откуда я могу получить деньги ⁴. Если Ты непременно хочешь, я могу прибегнуть к ним, но если Ты найдешь иную возможность поправить свое дело, Ты избавишь меня от многих неприятных минут и горьких разговоров.

Твой Валерий Брюсов.

¹ В дневнике Брюсова от 18 января 1898 г. запись: «Я лежал в постели и жалко сидел в кресле. Доктора называют это «плеврит с экссудатом»» (*Дневники*. С. 32), а через десять дней он отмечает: «Курсинский и его просьба» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/1. Л. 7об.).

² Мать Брюсова — Матрена Александровна (рожд. Бакулина, 1846—1920) после смерти своего свекра Козьмы Андреевича Брюсова (1808—1893) получила опеку над капиталом, оставленным в наследство сестрам поэта — Н. Я., Е. Я. и Л. Я. Брюсовым (документы об опеке см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 140.32).

³ После смерти деда Валерий Яковлевич и его младший брат Александр Яковлевич (1885—1956) получили в наследство по половине дома на Цветном бульваре.

⁴ Как следует из письма Брюсова к Курсинскому от 28 января 1898 г., Валерий Яковлевич обращался за помощью и к отцу: «Друг мой! от отца я получил письмо, которое здесь прилагаю. Кажется, мне не удастся изобрести ничего, чтобы помочь Тебе. Если бы еще я не был «в заточении», я, может быть, и мог бы что-нибудь предпринять, а теперь я совсем бессилен.

Твой Валерий Брюсов» (*ЦГАЛИ*. Ф. 1223. Оп. 1.

Ед. хр. 4. Л. 19).

Записка Якова Козьмича дает некоторое дополнительное представление о материальном положении семьи Брюсовых в то время, поэтому есть смысл привести ее полностью: «Валерий! Ты знаешь, что у меня наличных денег нет, и получаю я не раньше 6-го или 8-го числа, и то мне нужно платить по разным счетам, а сейчас денег ни одного сантима. Я. Брюсов» (Там же. Л. 20).

44. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

18 апреля (18)98. Ялта.

Четкие линии гор,
Бледно-неверное море...¹

Ах, друг мой! Должно быть, теперь я смотрю на все это другими глазами. Здесь хорошо. — И море, которое плещется и пенится у влажных камней, и белые чайки, и бесформенные дельфины в волнах; а потом горы, с потоками, прыгающими по камням, с разбитыми в брызги водопадами, с узкими тропинками вдоль каменных утесов над пропастью...

Здесь хорошо. Нам посчастливилось найти комнату, окна которой выходят прямо на море. Отдернешь занавеску, — и видишь даль, бесконечную, уходящую, искристую. Белый парус на горизонте. А всю ночь море шумит под окном, набегает, плещется. Выйдешь на балкон, — видны кипарисные аллеи, сады из олеандров и магнолий, домики татар, лепящиеся по каменистым склонам, дворцы с белыми колоннами в зелени. Вдруг свисток, — и тяжелый пароход плывет от мола, тянется дым, в волнах отражение, за ним блестящий след и пена у кормы. Совсем как на картинках.

Вчера с камня на камень я пробрался на самую середину водопада, сел там на уступе и слушал. Водопад ревел и выше и внизу, пенился на тех же местах, где и тысячу лет назад. Голос был не слышен в этом реве, тяжелые камни увлеклись потоком. А там, за деревьями, высились отточенные хребты Яйлы. Нет! природа хороша для человека, можно любить ее ².

Твой Валерий Брюсов.

12 апреля 1898 г., после почти двухмесячной болезни, Брюсов вместе с женой и отцом отправился в Крым. Это и следующее письмо адресованы матери Курсинского в Москву, поскольку он сам находился в это время в военных лагерях в Ярославле. В письмо вложена записка: «Многоуважаемая Ванда Андреевна! Надеюсь, Вы не рассердитесь, что я не пишу Вам отдельного письма. Мне пришлось бы повторить, что я сказал Саше. Если Вас интере-

КРЫМСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Акварель М. А. Волошина

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

суют мои впечатления, Вы их найдете в том письме. Саши, вероятно, уже нет в Москве, так что Вы будьте добры переслать ему мое письмо. Уважающий Вас Валерий Брюсов. Мой привет Антону Адамовичу.

¹ Начало стихотворения без заглавия, вошедшего в *МЕЕ* (I. 111).

² 15 апреля 1898 г. Брюсов записал в дневнике: «Буду учиться любить природу, и небо, и зеленое море, и берег с неподвижными кипарисами. Я пришел не проклинать, а любить» (*Дневники*. С. 35).

45. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Алупка.) 23 апреля (18)98 г.

Продельваю, друг мой, все, что подобает поэту и путешественнику: слушаю море, карабкаюсь на скалы, осматриваю разные развалины. Не я буду виноват, если и теперь не сумею «полюбить» природу. Жду от тебя письма. Наш адрес: Алупка, Таврической губернии, Ялтинского уезда, дача Шафарика.

Твой Валерий Брюсов.

К письму приложен цикл «Картинки», состоящий из четырех стихотворений: «Волны взбегают и пенятся...», «Звезда затеплилась стыдливо...», «У перекрестка двух дорог...», «Месячный свет электрический...». Все они вошли в раздел «У моря» сборника *TV* (I, 162—164). 22 апреля 1898 г. Брюсов отметил в дневнике: «Написал «Картинки Крыма», четыре стихотворения, приготовленные со всей возможной благопристойностью» (*Дневники*. С. 35).

46. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Адрес: Москва, Цветной бульвар, 4 июля (18)98 г.

Друг мой!

Совсем стыдно с Твоей стороны не откликнуться мне ни одной строчкой. Неужели Ты так запечалился оттого, что остался военным? — Я бы, право, на

Твоим месте приспособился к обстоятельствам, стал бы Лермонтовым № 2 и написал нового «Героя нашего времени».

Что до меня, я сначала тосковал по Крыму, по морю, лаврам и пению муэдзина. Хорошо все-таки на Юге ¹. Но понемногу снова уловил я красоту наших чистых березок и заводьев рек, где ивы купают свои ветви, и всех этих тихих глубоких красок Севера. Хожу среди лип в цвету ² и слагаю терцины ³. Написал книжку о поэзии, которую писал давно; может быть, ее напечатаю ⁴. Приступаю (о, очень торжественно) к роману ⁵.

Откликнись, друг! Я пришлю Тебе стихов и, конечно, это будет только мой обмен на Твои. А что «Хмурое небо», обещанное читателям давно, совсем давно ⁶, где, вероятно, встретил бы я и свой портрет? Жду письма длинного и отвечу не коротко.

Неизменно Твой Валерий Брюсов.

Это и следующее письмо адресованы в Ярославль, в лагерь Астраханского полка, где подпоручик Курсинский проходил службу, решив посвятить себя военной карьере.

¹ 9 июня 1898 г., вернувшись в Москву, Брюсов записал в дневнике: «Мы слишком скоро покинули юг, слишком рано... Как всегда, только покинувши, мы сознаем утрату. И как горько, и как обидно» (*Дневники*. С. 38).

² После возвращения с юга Брюсовы сняли дачу в Останкине.

³ В июле 1898 г. написаны терцины «Глаза» («На берегу Мерцающих Озер...») — КР; I, 213.

⁴ Имеется в виду, вероятно, книжка «О искусстве, начатая осенью 1897 г. и вышедшая в свет в 1899 г.

⁵ На обложке записной тетради № 39 Брюсов набросал следующий план работ: «Что предстоит сделать прозой с июля 1898 г.: 1. Автоб. (Автобиография. Моя исповедь). 2. О Тютчеве. 3. О г-же Павловой. Рассказы: 4. «Ложь». 5. «Елена». 6. «Юноша». Университет: 7. Кант. Работа над; 8. История русской лирики. 9. Учебник поэзии. 10. Учебник истории. Исправить: 11. Роман «Гора Звезды». Написать: 12. Большой роман о Городе. Кончить: 13. Статью «О искусстве». 14. Теория искусств по Баратынскому. 15. «Проездом» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.19. Л. 59). Этот план Брюсову реализовать не удалось, так, например, рассказ «Проездом», получивший позднее заглавие «Проездом у учителя», не был завершен, а большой роман о городе, который Брюсов собирался писать на московском материале, так и не был начат. Летом следующего года вместо него был намечен «Путеводитель по Москве», но и этот замысел остался нереализованным (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 3.20. Л. 54).

⁶ Роман «Хмурое небо» (см. п. 26, прим. 6) анонсировался в сборнике Курсинского *Полулетия*.

47. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 10 июля (18)98 г.

Друг мой!

Ты, конечно, уже знаешь, что я был у Твоих, на Бутырках ¹: читал кое-что из Твоих писем. Жду Тебя в скором времени в Москву ², а потому никаких унылых вопросов не поднимаю. Вот Тебе разные новости.

Журнал Облеуховых ³ будет выходить еженедельно, в формате польского «Краж» ⁴. В нем будут две половины — политическая и литературная, и центр тяжести будет на литературной. Рассчитывать на него, как на пристанище, не следует ⁵.

Фриче и Коган печатают статьи в «Русской мысли» ⁶. Коган доказывает в своей статье, что Гейне был хороший поэт; этот хороший поэт проделывает в статье удивительные вещи: например, неоднократно «изливает на врагов свою желчь». Есть в статье стихи, переводы выбраны плачевные, где встречаются «гладкие дамы», кажется, в смысле «изящные» ⁷. В статье Фриче (о Леопарди) тоже есть стихи, «переведенные специально для этой статьи» каким-то господином ⁸, но прескверно переведенные.

Книг Бальмонта не появлялось, и у Облеуховых злобно острят по этому поводу.

«Северный вестник» находится при последнем издыхании ⁹ (еще не появлялось июньской книжки). «Наблюдатель» издох совсем ¹⁰. «Русское обозрение» собирается выпустить мартовскую книжку ¹¹. Погибли газеты: «Мировые отго-

лоски»¹² и «Гласность»¹³. Погибает — «Шут»¹⁴. «Русские ведомости»¹⁵ вышли из могилы, но они еще мертвенно бледны и обвиты пеленами (разумей цензуру).

Вот видишь сколько новостей. У нас упорно и неумолимо идет дождь.

Il pleut doucement sur la ville *¹⁶.

Я занимаюсь переделыванием своих старых статей и романов¹⁷ и перестройкой новых поэм, писанных в Крыму. Затем кончил статью о поэзии и все колеблюсь, издавать ее или нет...¹⁸

На обороте найдешь сонет (1-ый из венка сонетов, который написан не будет)¹⁹. Пока до свидания.

Всегда Твой Валерий Брюсов.

...Лунный лик, пронзая холод,
Блещет ярко, как кристалл...
Счастлив тот, кто смел и молод,
Я давно устал, устал.²⁰

Текст аналогичного письма к Курсинскому с датой «9 июля, Останкино» имеется также в *ГБЛ* (Ф. 386. 71.41. Л. 46—47). По всей видимости, собираясь в Москву, Брюсов забыл письмо на даче и на следующий день восстановил его по памяти.

¹ См. п. 15, прим. 3.

² В дневнике Брюсова 13 июля 1898 г. записано: «Вчера приехал Курсинский, на два дня из лагерей. Время с ним тянулось вяло. В два часа не скажешь, что пережил за три месяца. Да и он все дальше затягивается в солдатскую жизнь. Почти жалею, что читал ему свои стихи. Он их не понял» (*Дневники*. С. 40).

³ Речь идет о журнале «Знамя», который в 1899 г. издавался А. Д. Пустошкиной, а редактировался ее братом — Н. Д. Облеуховым. Текст письма от 9 июля (*ГБЛ*) подробнее в этом месте, нежели публикуемый: «Всем неограниченно распоряжается Николай Дмитриевич, который, как Ты знаешь, не благоволит на свете к двум поэтам — к Бальмонту и к Тебе. Журнал думают выпускать раньше января». В архиве Брюсова среди писем А. Д. Пустошкиной (*ГБЛ*. Ф. 386, 99.47) сохранился присланный ему проспект «Знамени». 11 июля 1898 г. Брюсов пометил в дневнике: «Был у Облеухова в Петровском-Разумовском (...) Николай Дмитриевич официально «приглашал» меня участвовать. Я изъявил согласие. «Что ж, такого сотрудника на полу не подымеешь», сказал он, или что-то в этом роде» (*Дневники*. С. 40). Тем не менее сотрудничество не состоялось. Брюсова обидел отказ Н. Д. Облеухова напечатать стихотворения «Кассандра», «На новый колокол», «Есть для избранных...», «Ассаргадон» (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 3.20. На обл.; *Дневники*. С. 58). 7 декабря 1898 г. накануне выхода журнала издательница вернула Брюсову по его требованию и по приказанию Николая Дмитриевича все имевшиеся рукописи, принадлежавшие как Брюсову, так и Курсинскому. В их числе была статья Брюсова «Русское стихосложение» (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 3.20. Л. 25—42об.; 3.22. Л. 4об.—8об., 27, 28), ставшая позднее предисловием к «Собранию стихов» А. Добролюбова (см. п. 28, прим. 5).

⁴ «Крага» — польская политическая газета, издававшаяся в Петербурге с 1882 г. Э. И. Пильцем.

⁵ Как издательница, так и редактор скептически относились к символистскому направлению в поэзии.

⁶ Статья В. М. Фриче (*РМ*. 1898. № 6) — «Философия одной дворянской семьи (по поводу столетнего юбилея гр. Джакомо Леопарди 29 июня 1898 г.)»; статья П. С. Когана (Там же, № 4 и 6) — «Генрих Гейне. (К столетию со дня рождения)».

⁷ Стих. Гейне «Черные фракы, чулочки...» цитируется в статье Когана в переводе П. Вейнберга. Брюсов имеет в виду последнюю строфу:

Мир вам, блестящие залы,
Гладкие дамы, мужчины!...
В горы! ... Оттуда взгляну я
Весело в ваши долины!...

⁸ В статье Фриче приведены стих. Леопарди «Risorgimento», «Alla sua donna», «La vita solitaria» со следующим примечанием: «Все приводимые здесь стихотворения переведены специально для этой статьи П. А. Рождественским, которому приносим искреннюю благодарность за его любезность».

⁹ Петербургский журнал «Северный вестник», издаваемый Л. Я. Гуревич, прекратил свое существование в 1898 г.

¹⁰ Ежемесячный литературный и политический иллюстрированный журнал «Наблюдатель» издавался в Петербурге А. П. Пятковским с 1882 по 1904 г.

¹¹ Журнал «Русское обозрение», издаваемый в Москве А. Александровым, прекратился в 1898 г. на майской книжке.

* Над городом тихо накрапывает дождь (*пер. с франц. Б. Пастернака*).

¹² Ежедневная петербургская газета «Мировые отголоски», издаваемая К. В. Трубниковым, закрылась в январе 1898 г.

¹³ Ежедневная политическая, литературная, финансовая и юридическая газета «Гласность», издаваемая в Петербурге А. П. Пятковским, закрылась в апреле 1898 г.

¹⁴ «Шут» — художественный журнал с карикатурами выходил в Петербурге с 1879 по сентябрь 1914 г.

¹⁵ «Русские ведомости» — ежедневная газета, выходившая в Москве с 1863 по 1918 г. В 1898 г. издание было приостановлено цензурой (см.: Русская периодическая печать. М., 1959. С. 446).

¹⁶ Слова, взятые Верленом для эпиграфа к стихотворению «Небо над городом плачет...» (переведено Брюсовым в первом выпуске «Русских символистов»; см. также: *Верлен П.* Романы без слов. М., 1894. С. 10). Верлен указывает в качестве автора А. Рембо, но это, вероятно, мистификация, так как ни в одном из опубликованных произведений Рембо такой строки нет.

¹⁷ Летом 1898 г. Брюсов перерабатывает написанный ранее роман «Гора Звезды» (опубл.: *Фантастика* 73—74. М., 1975), задуманный осенью 1896 г., рассказ «Легион и фаланга» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.6. Л. 23об.—24об.), а также книжку «О искусстве». 14 июля 1898 г. в дневнике поэта запись: «Измучил себя своими переделками статьи о искусстве. Теперь переживаю время горького бессилия» (*Дневники*. С. 40).

¹⁸ Возможно, что речь идет о статье «Русское стихосложение» (см. прим. 3).

¹⁹ На обороте листа стих. «Осенний скучный день...», озаглавленное в черновой рукописи: «Из венка сонетов. Сонет первый». Под заглавием «Тени прошлого» вошло без разночтений в *TV* (I, 215). К письму приложено также стихотворение «Весь день был тусклый, бледный и туманный...» (*TV*; I, 164).

²⁰ Приведена первая строфа стихотворения Брюсова, написанного 15 мая 1898 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/9. Л. 14). Оpubл.: *Брюсовский сборник 1977*. С. 186.

48. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 30 XII 1898 г.

Друг мой!

Пятого числа (5 янв.) будет у меня Бахман и Дурнов¹, тот, кто рисовал птиц на безбрежности². Приходи, если можешь. А 2-го я боюсь, что Ты заскучаешь, ибо философ Лапшин³ не очень интересный мудрец. Впрочем, как знаешь; у него есть дочь, которой 14 лет; и она будет. Мы-то во всяком случае видеть Тебя рады.

Твой Валерий Брюсов.

¹ В дневнике Брюсова отмечено: «Пятого января устроил я у себя вечер, где собрались поэты: Бахман, Бунин, Дурнов, Курсинский, Саводник, Ланг... (...) — Мы так одиноки, — вздыхал Бахман, — что иметь возможность говорить о поэзии уже счастье» (*Дневники*. С. 59). 7 января 1899 г. Курсинский писал Брюсову: «Я без скуки провел у вас тот вечер, однако... признаюсь, бывшие «Четверги» были много уютнее, впрочем, может быть, это только первый блин. Что-то мало жизни ощущается у этих поэтов, которые были у тебя, конечно, за исключением Ал. Ал. Ланга» (*ГБЛ*. Ф. 386, 91.25. Л. 23).

Модест Александрович Дурнов (1868—1928) — художник, архитектор и поэт, ученик Верещагина, друг Врубеля, Серова и Поленова. Вместе с Брюсовым, Бальмонтом и Коневским участвовал в «Книге раздумий» (СПб., 1899). Ему принадлежит рисунок на шмуцтитуле сб. «Tertia vigilia». В советское время — профессор ВХУТЕМАСа, один из авторов генерального плана «Большой Москвы».

² Имеется в виду обложка сб. К. Бальмонта *В безбрежности*, выполненная Дурновым.

³ Иван Иванович Лапшин (1870—1948) — в те годы приват-доцент Петербургского университета по кафедре философии. После визита Лапшина Брюсов записал в дневнике: «Был у нас мудрец Лапшин, говорил изречения вроде: «Поэты, Пушкин — так это, ведь, скомоорохи»» (*Дневники*. С. 59).

49. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

21 марта (18)99 г., Петербург.

Друг мой!

Прости, что давно не заговаривал с Тобой. Предавался весь лекциям и учебникам¹. Истомился, измучился. И возмущился духом. Чтобы хотя мгновение вздохнуть, уехал². Опять блуждаю по Невскому, опять беседую с quasi поэтами.

Их несколько, несколько,
Как они извиваются,
Как кривляются,
Но без толку, без толку³.

К. М. ФОФАНОВ

Фотография. 1903

Литературный музей, Москва

Был небольшой *soirée* * у Бальмонта ⁴, был у Случевского ⁵. Все то же, все опять то же. Встречался несколько раз с тем же Мережковским, и он даже словно пытался беседой загладить свои слова в тот день, но это уже было менее интересно ⁶. Видел Фофанова, но то было мучительно ⁷. Когда вернусь, попробую опять взяться за лекции, не знаю удастся ли, хватит ли воли, много надо ее на это. Зайди, друг мой, к нам, буду очень рад повидаться ⁸.

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Каков Твой адрес ⁹.

* вечер (франц.).

¹ В эти дни Брюсов готовился к выпускным экзаменам в Московском университете.

² Брюсов находился в Петербурге с 18 по 22 марта. Он продолжал заниматься историей в поезде. 17 марта со станции Клин он пишет жене: «Пытался читать историю Соловьева. Старший сын Ярослава Изяслав владел Киевом и Новгородом; второй, Святослав, Черниговом и землями на Оке, Муромом; третий... нет, бросил...» (ГБЛ. Ф. 386, 142.11. Л. 5). А из Твери в тот же день пишет ей же: «А русскую историю все-таки изучил до самого нашествия татар» (Там же. Л. 6).

³ Набросок стихотворения, датированный в записной книжке «Мои стихи» сентябрем 1898 г. (ГБЛ. Ф. 386, 14.5/9. Л. 27об.).

⁴ Вечер у Бальмонта состоялся 18 марта 1899 г. 19 марта Брюсов так описал его в письме к жене: «Были Мережковские, Андреевский, Случевский и др. Я читал "Огонь" Павловой, Добролюбова и Метерлинка "Если он возвратится"» (ГБЛ. Ф. 386, 142.11. Л. 11).

⁵ «Пятница Случевского» 19 марта 1899 г. весьма подробно описана в дневнике (Дневники. С. 63—66).

⁶ Зимой 1898 г., когда Брюсов, Бальмонт и Курсинский навестили заболевшего Мережковского, последний неодобрительно отзывался о брошюре Брюсова «О искусстве»: «Ее даже бранить не за что, в ней ничего нет. Я почти со всем в ней соглашаюсь, но без радости. Когда я читаю Ницше, я содрогаясь до пяток, а здесь я даже не знаю, зачем читаю» (Дневники. С. 53). В марте 1899 г. Брюсов встречался с Мережковским дважды: 19-го и 20-го у Бальмонта и Случевского. 19 марта он писал И. М. Брюсовой: «Мережковский бежал на коротких ножках и воил "банально". Зинаида Гиппиус говорила злые слова» (ГБЛ. Ф. 386, 142.11. Л. 12), а 20-го сообщал ей же: «Мережковский словно пытался заглазить свое поведение со мной и все со мной заговаривал» (Там же. Л. 16).

⁷ На пятнице у Случевского Фофанов, которого Брюсов увидел впервые, читал свою поэму. «Боже мой! что это была за поэма, 101 октава о бедном кантонисте, который переделался девушкой... 808 наивнейших стихов! Все были убиты. И весь вечер был убит. Боже мой! неужели ж это он, тот Фофанов!» (Дневники. С. 65).

⁸ Встреча состоялась в конце марта. В дневнике Брюсов отметил: «Курсинский на меня в обиде, спорил из-за Ореуса, читал мне свои плохонькие стихи и осуждал Кита; — Курсинский идеальнейший герой "Записок из подполья"» (Дневники. С. 67). Эту же характеристику он повторил в письме к А. А. Шестеркиной 7 июля 1901 г. (ЛН. Т. 85. С. 644).

⁹ Письмо послано на адрес В. А. Курсинской.

50. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Алупка¹, 3 июля 1899 г.) До 15-го адрес: Алупка, Крым, дача Шафарика.

Друг мой! «На обороте» — светописи², продолжение тех, что я писал в прошлом году. Больше не делаю ничего, не пишу, не мыслю, отдыхаю, качаясь на зыби природы.

Твой В а л е р и й Б.

Р. S. Сердечный привет всем Твоим.

Датируется по штемпелю алупкинского почтового отделения на конверте.

¹ Брюсов приехал в Алупку 15 июня. В письме к отцу от 16 июня 1899 г. он сообщал:

Мы прибыли вчера благополучно.
В почтовом ехать было очень скучно.
У Ветцеля прекрасно ночевали,
Позавтракав, помчались морем дале,
На берега смотрели, как на сказку,
А в Ялте тотчас наняли коляску

(Чем ночевать — дешевле без уютки)
И в тот же вечер были мы в Алупке.
Блуждаем нынче по аллеям парка,
Уже купались (ибо очень жарко),
В жаре жалеем о погоде вешней
И радостно питаемся черешней.

(ГБЛ. Ф. 386, 142.9. Л. 1)

² В письме три стихотворения — «светописи» («светописью» в то время называли иногда фотографии), объединенные в цикл «Картинки Крыма»: «Кипит встревоженное море...», «Волны приходят и волны уходят...», «День растоплен; море сине...». Все они вошли в TV (I, 163, 165, 166). Стих. «День растоплен; море сине...» напечатано в Собр. соч. (I, 163) с датой 24 июня 1898 г. Настоящее письмо доказывает, что оно было написано годом позднее, а авторская датировка на рукописи и в ЛСС (II, 51) ошибочна. (Кстати, 24 июня 1898 г. Брюсов уже вернулся с юга в Москву.)

51. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Москва.) 7.VII.(18)99 г. Бутырки.

Друг мой, благодарю за письмо, которого, признаться, не ожидал. Несколько твоих строчек и симпатичные картинки Крыма, как бальмонтковский «Эдель-

вейса цветок», напомнили мне о безграничности мира ¹. Сижу в Бутырках ², перевожу Маевского ³, у которого иногда встречаются в детском рассказе замечательные строчки. Пишу стихи, хотя не очень много, но все же и не по одному в год, как ты это склонен был думать. Не посылаю тебе их потому, что наперед знаю ту грустную гримасу, которую ты сделал бы, прочитав их. Но я уже не тот, что был прежде, не мечтаю о славе и не гонюсь за похвалами избранных. Атараксия — мой идеал, мое мировоззрение ⁴ и достижение ее — предмет моей внутренней работы над собой. О, с каким восторгом перечитываю я и сколько прежде не замеченного открываю теперь каждый раз в твоем «*Me eum esse!*»! Друг мой, если бы ты мог сказать: «*Me semper eum esse!*» * Но, увы, этого никто не может. И мои звезды ночи не совсем согласны опустить свои ресницы ⁵. Сознаешь ли ты, что «Хорошо одному у окна» ⁶ и эти звезды — лучшее из всего, что ты написал и, быть может, даже из всего, что многие написали.

Новый отдел моих стихов, начатый известным тебе «Сквозь туман холодных полутеней» и имеющий закончиться весьма нескоро, отдел, из которого каждая вещица теперь вызвала бы на твоих устах милую улыбку, со временем должен стать для тебя тем жэ, чем для меня в последние два-три месяца стали твои «*Me eum*». Но об этом когда-нибудь.

Дав новое направление своей работе, я в большом теперь затруднении, что делать со вчерашними вещами. У меня составилась сборничек «На уклоне» (в него ввел я лишь 17 избранных вещей, в том числе известные тебе «При конце докучной повести», «Молчание», «Шквал», «Камень города», «Волна», «Встреча», «Осень», «Горный Дух» и пр.), есть совсем старая поэма «На развалинах» и перевод «*Ualume*» ⁷. Издать все это — и мало и все же неважно. Оставить до будущего — значит оставить совсем, так как к следующему сборнику их придать невозможно, а после него издать не имело бы смысла. Склоняюсь издать теперь же при первой возможности в материальном смысле, издать в ограниченном количестве для кружка близких и не пускать в продажу. А, может быть, ты мне посоветуешь другую комбинацию? Крупная вещь, о которой я тебе говорил ⁸, не подвинулась ничуть за неимением ни времени, ни спокойствия душевного. Надеюсь скоро видеть тебя в Москве. Быть может, даже у меня? Впрочем, знаю, как ты занят, и не смею настаивать.

Твой А. Кур син с к и й.

Р. С. Сердечный привет Жанне Матвеевне и всем Вашим ⁹, обретающимся там, где мятутся волны, как в плену. Друг... прости описку ¹⁰.

Р. Р. С. Мама поручает передать тебе и Жанне Матвеевне ее приветствие.

А. К.

ИЗ СТАРОГО ВОЛНА

Ризой тонкосеребристой
Взоры страстные укрыв,
Я спешу стезей волнистой
На обманчивый призыв.

Тайну ласк алмазно-белых
Мне поведала луна...
Я дитя восторгов смелых,—
— Океанская волна! ¹¹

Такова ли она там у вас?

¹ Стих. К. Д. Бальмонта «Эдельвейс» (*Тишина*) заканчивается строфой:

И, помедлив, уйду с высоты голубой,
Не оставив следа на снегах за собой,
Но один лишь намек, белоснежный цветок,
Мне напомнит, что мир бесконечно широк.

² См. п. 15, прим. 3.

³ См. вступ. ст., прим. 7.

⁴ Атараксия — душевное спокойствие, невозмутимость. Стих. Курсинского «Атараксия» (сб. «Стихи») начинается строфой:

* Я всегда таков! (*лат.*).

вейса цветов», напомнили мне о безграничности мира ¹. Сижу в Бутырках ², перевожу Маевского ³, у которого иногда встречаются в детском рассказе замечательные строчки. Пишу стихи, хотя не очень много, но все же и не по одному в год, как ты это склонен был думать. Не посылаю тебе их потому, что наперед знаю ту грустную гримасу, которую ты сделал бы, прочитав их. Но я уже не тот, что был прежде, не мечтаю о славе и не гонюсь за похвалами избранных. Атараксия — мой идеал, мое мировоззрение ⁴ и достижение ее — предмет моей внутренней работы над собой. О, с каким восторгом перечитываю я и сколько прежде не замеченного открываю теперь каждый раз в твоем «*Me eum esse!*»! Друг мой, если бы ты мог сказать: «*Me semper eum esse!*» * Но, увы, этого никто не может. И мой звезды ночи не совсем согласны опустить свои ресницы ⁵. Сознаешь ли ты, что «Хорошо одному у окна» ⁶ и эти звезды — лучшее из всего, что ты написал и, быть может, даже из всего, что многие написали.

Новый отдел моих стихов, начатый известным тебе «Сквозь туман холодных полутеней» и имеющий закончиться весьма нескоро, отдел, из которого каждая вещица теперь вызвала бы на твоих устах милую улыбку, со временем должен стать для тебя тем же, чем для меня в последние два-три месяца стали твои «*Me eum*». Но об этом когда-нибудь.

Дав новое направление своей работе, я в большом теперь затруднении, что делать со вчерашними вещами. У меня составилась сборничек «На уклоне» (в него ввел я лишь 17 избранных вещей, в том числе известные тебе «При конце докучной повести», «Молчание», «Шквал», «Камень города», «Волна», «Встреча», «Осень», «Горный Дух» и пр.), есть совсем старая поэма «На развалинах» и перевод «*Ulalume*» ⁷. Издать все это — и мало и все же неважно. Оставить до будущего — значит оставить совсем, так как к следующему сборнику их придать невозможно, а после него издать не имело бы смысла. Склоняюсь издать теперь же при первой возможности в материальном смысле, издать в ограниченном количестве для кружка близких и не пускать в продажу. А, может быть, ты мне посоветуешь другую комбинацию? Крупная вещь, о которой я тебе говорил ⁸, не подвинулась ничуть за неимением ни времени, ни спокойствия душевного. Надеюсь скоро видеть тебя в Москве. Быть может, даже у меня? Впрочем, знаю, как ты занят, и не смею настаивать.

Твой А. Кур син с к и й.

P. S. Сердечный привет Жанне Матвеевне и всем Вашим ⁹, обретающимся там, где мнутся волны, как в плену. Друг... прости описку ¹⁰.

P. P. S. Мама поручает передать тебе и Жанне Матвеевне ее приветствие.

А. К.

ИЗ СТАРОГО
ВОЛНА

Ризой тонкосеребристой	Тайну ласк алмазно-белых
Взоры страстные укрыв,	Мне поведала луна...
Я спешу стезей волнистой	Я дитя восторгов смелых,—
На обманчивый призыв.	— Океанская волна! ¹¹

Такова ли она там у вас?

¹ Стих. К. Д. Бальмонта «Эдельвейс» (*Тишина*) заканчивается строфой:

И, помедлив, уйду с высоты голубой,
Не оставив следа на снегах за собой,
Но один лишь намек, белоснежный цветок,
Мне напомнит, что мир бесконечно широк.

² См. п. 15, прим. 3.

³ См. вступ. ст., прим. 7.

⁴ Атараксия — душевное спокойствие, невозмутимость. Стих. Курсинского «Атараксия» (сб. «Стихи») начинается строфой:

* Я всегда такъв! (*лат.*).

Я надежды навек схоронил,
Я сроднился с покоем бесстрастным,
Что покойней покоя могил,
Охраняемых временем властным.

⁵ Реминисценция из стих. Брюсова «Тайны мрака побледнели» (МЕЕ; I, 127).

⁶ Стих. «Хорошо одному у окна» вошло в *ChdO* (I, 87).

⁷ Сб. «На уклоне» не вышел. Все указанные Курсинским стихотворения и поэма включены в состав сб. «Стихи». Перевод поэмы Э. По «Ulalume» опубликован в сб. «Сквозь призму души».

⁸ Возможно, имеется в виду незаконченная поэма «Любовь», отрывок из которой напечатан в сб. «Стихи».

⁹ Брюсов отдыхал в Алушке вместе с матерью, женой, братом и тремя сестрами.

¹⁰ Курсинский обыгрывает строки «Волны взбегают упорные, // Мечутся, дикие пленные» из стихотворения «Месяца свет электрический...» (I, 164), посланного Брюсовым из Алушки (п. 45). Вместо «мечутся» Курсинский написал «мятутся».

¹¹ Стих. «Волна» вошло в сб. «Стихи».

52. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва, 5 августа 1899 г.)

Друг мой! мне обидно, что мы все никак с Тобой не можем встретиться, а за Твою неизменную память обо мне большое спасибо. Последние дни меня несколько завертел Бальмонт, но теперь я вновь принадлежу себе. Непременно постараюсь быть у Вас в пятницу вечером. Правда, часа в четыре уже давно обещал я ждать у себя Самыгина, но он очень занят, и к вечеру я буду свободен. Если же нет, я приглашу и его к Вам. Знаю, что Вы в отношениях не совсем дружелюбных, но он только что выпустил новую книгу рассказов¹, он как всегда живет и счастлив писательством, а все создатели слова должны подавать друг другу руку. В это я верю.

Всегда Твой Валерий Брюсов.

Датируется по почт. шт.

¹ После возвращения с юга Брюсов записал в дневнике: «Самыгин напечатал свою книгу «Цветы репейника», где собраны мне хорошо знакомые вещи, удачные замыслы, но мучительно плохо написанные рассказы (...) Курсинский, несмотря на отчаянную жизнь среди своих, у себя дома, «где как в домике мешая, все мучительно знакомо», словно немного более жив, пишет, думает что-то» (Дневники. С. 74).

53. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва, 5 сентября 1899 г.)

Друг мой!

Все эти дни Бальмонт совершенно завертел меня. Ездили мы куда-то в деревню венчать того литовского поэта, о котором я Тебе рассказывал, Юргиса Балтрушайтиса (венчался он тайно от родителей невесты)¹, потом дня два шатались по всем трактирам и вертепам нашей Москвы, потом неожиданно уехали на какую-то фабрику...² Сказать короче, жена моя совсем истосковалась, отыскивая меня и размышляя, где я³. Вот почему и к Тебе не приехал я, когда Ты был в Москве. Со мной ничего нового, разве то, что для солдат гг. исследующие доктора признали меня совершенно неспособным, и я освобожден навсегда. Даже грустно⁴. Напиши мне о своем житье, когда приедешь следующий раз, посети — теперь мы домоседничаем. Сообщи, каково Твое впечатление от книжки Самыгина? ⁵ Книга Ланга печатается⁶. О нашем сборнике⁷ я ничего не знаю.

Твой Валерий Б.

Датируется по московскому почт. шт. Все письма Брюсова, начиная с этого письма до п. 56, адресованы в Серпухов, где в этот период Курсинский служил преподавателем гимназии. К письму приложено стихотворение «От века» («Ты — женщина, ты — книга, между книг...»), вошедшее под заглавием «Сонет о женщине» в *TV* (I, 179, под заглавием «Женщине»).

¹ Брюсов был шафером на свадьбе Ю. К. Балтрушайтиса и М. И. Оловянишниковой, состоявшейся 29 августа 1899 г.

² Этот эпизод подробно описан в *Дневниках* (с. 75). Фабрика в Щелкове принадлежала брату С. А. Полякова, Григорию Александровичу (см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым. Вступ. ст. Н. В. Котрелева).

³ В архиве Брюсова сохранилась телеграмма к И. М. Брюсовой от 2 сентября 1899 г.: «Бальмонт и я деревне. Вернусь вечером» (*ГБЛ*. Ф. 386. 142.11. Л. 18).

⁴ 1 сентября 1899 г. Московским городским по воинской повинности Присутствием выдано «мещанину Мясницкой слободы» В. Брюсову бессрочное свидетельство, по которому он «признан совершенно неспособным к военной службе, а потому освобожден навсегда от службы» (*ГБЛ*. Ф. 386. 111.50). В сентябре 1899 г. Брюсов отметил в дневнике: «Был я в Думе по поводу военной повинности. За последнее время я так свылся с мыслью о казармах, что даже желал их. Но меня признали «совершенно неспособным». Это, пожалуй, все же удача, одна из удач 98—99 годов» (*Дневники*. С. 76).

⁵ См. п. 52, прим. 1.

⁶ А. А. Ланг под псевдонимом Александр Березин выпустил книгу «Одинокий труд. Статьи и стихи» (М.: Русская типо-литография, 1899).

⁷ «Книга раздумий», в которую вошли произведения Бальмонта, Коневского, Дурнова и Брюсова (СПб.: Тип. Балашова и К^о, 1899).

54. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

7 сентября (1899 г.) Серпухов.

Друг мой!

Конечно, мне очень печально было пробыть два с половиной дня в Москве, разъезжая то по глупым, но неизбежным делам в одиночестве, то по еще более глупым ресторациям с офицерами, и не повидать тебя. Я не думаю, что Константин Дмитриевич ¹ вознегодовал бы на тебя, если бы ты отнял у него часок своего общества в мою пользу. Пожурю тебя за это при свидании. Но когда? В Москве буду 11—12, но ни заехать к тебе, ни назначить свидание не могу: слишком уж мало времени, а опять «дела», да при том и сердечные ². А затем — буду не раньше 21 октября. Итак, могу только повторить тебе свое приглашение — посетить меня, когда это окажется тебе возможным. Впрочем, может быть, я и урву часок. Тогда напишу.

Прости отрывочность и небрежность письма; спешу в класс, где предстоит сейчас говорить о различии между поэзией и прозой, но кому?! О, друг мой! ³

А. К у р с и н с к и й.

P. S. Спрашиваешь о Самыгине? ⁴ Я недоволен. Подробности после.

А. К.

P. P. S. Готовлю сборник в цензуре, то есть переписываю набело ⁵.

¹ К. Д. Бальмонт.

² В 1900 г. Курсинский женился на Софье Матвеевне Михайловой, преподавательнице Серпуховской женской гимназии.

³ Курсинский в это время преподавал словесность в Серпуховской прогимназии. 28 сентября Брюсов записал в дневнике: «Был у меня Курсинский. Он глуповат и скучен, как и прежде. Готовит книгу стихов. В бытность свою офицером мечтал об учительстве, теперь он учителем в Серпухове мечтает о офицерстве» (*ГБЛ*. Ф. 386. 1.15/2. Л. 6).

⁴ Т. е. о книге Самыгина «Цветы репейника» См. п. 52, прим. 1.

⁵ Речь, по всей видимости, идет о сб. «На уклоне» (см. п. 51, прим. 7).

55. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва. 23 октября 1899 г.)

Друг мой!

Думаю, что Ты на меня сердисься за мое упрямое молчание. Но не лучше ли писать и письма лишь тогда, когда приходит вдохновение, по слову Пушкина, нужное и в математике ¹. Я очень вертелся эти недели. Сначала Бальмонт и все его странные и дикие предприятия ². Затем приехал в Москву Ореус, приехал на две недели, нарочно ко мне ³. Пришлось показывать ему Москву, проводить с ним целые дни, вводить его в наше общество, к Бахману, к А. Лангу, к Викторову ⁴. То был поток, водопад, морс — не знаю есть ли еще какое восточное

Ю. К. БАЛТРУШАЙТИС
Фотография. 1920-е годы
Частное собрание, Москва

сравнение, — поток стихов и споров о стихах. Уехал Ореус, стал заходить ко мне Бунин⁵ и литовский поэт Балтрушайтис. Теперь жду из Крыма визионерку г-жу Минцлову, впрочем, женщину прекрасную, понимающую стихи⁶. О! как завидовал я и завидую — Твоему одиночеству и безраздельным ночам, свободе писать и мыслить, свободе впечатлений. Я хотел бы сделать очень многое, а писал только «лирику» (слово пошлое), т. е. много, много стихов (пришлю часть Тебе, как только соберусь переписать), а я хотел бы не стихов и не лирики, а холодной точности, науки, чисел, чисел! Я хотел бы жизни средневекового алхимика в замкнутой башне, а меня заставляли чокаться и даже не фиалом, а рюмкой. От всяких, от *всяких* впечатлений я устал, хочу книг и раздумий, и мне это недоступно.

Сейчас черная ночь и фонари. Если задуть свечи, на стену мою ляжет печать от оконных рам. Это фонарь отдается мне в руки. В лунную ночь так отдается луна. Мы все можем стать любовниками Гекаты. Думай об этом торжестве над пространством. Оно побеждено от века, не только

ко мыслью, светом, но и телом. Мы — в небесах и в мире духов. Ибо мы самовластники. Верить в свою силу надо прежде всего, без этого нельзя и мыслить. Мы живем лишь потому, что почитаем себя богом. Так, чтобы быть границе, должна быть бесконечность.

Надеюсь скоро прислать Тебе книжку, которую издает Бальмонт⁷. Но не убежден, ибо его имя — лицемерие. Там Ореус, и я убежден, что наперекор себе Ты его оценишь. Это один из первых поэтов наших дней. (Кстати. Знаешь, кого особенно ценю я сейчас? Verhaegen и Случевский — вот истинно и просто первые из современников моих, наших.) Книга А. Ланга отпечатана⁸, ее Ты, верно, получишь на этой же неделе или на следующей (верен ли адрес?); многое — и больше чем я ждал — в ней заслуживает прочтения.

Как уныла осень парка!
Завтра день, — снова день!⁹

Последние его стихи вновь хороши. Вообще — он возрождается. Звонит последняя конка. На мой взгляд — конка очень красивый челн городов, красивее, чем корабль в море, в безлюдии¹⁰. Verhaegen написал книгу о городе, о которой мы мечтали все¹¹. Я не завидую, а радуюсь. Он велик, ибо он наш. Пиши мне.

Всей душой Твой Валерий Брюсов.

P. S. Вероятно, посылаемую вырезку Ты знаешь¹². Ей уже больше месяца. С тех самых пор все хочу писать Тебе.

Датируется по почт. шт.

¹ В заметке Пушкина «Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» сказано: «Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии».

² «Странные и дикие предпрятия» Бальмонта подробно описаны в *Дневниках* (с. 74—76).

³ О визите Кожевского (Ореуса) см.: *Дневники*. С. 76, а также наст. кн., Переписка с Кожевским. Вступ. ст. А. В. Лаврова.

⁴ Давид Викторович *Викторов* (1874—1918) — университетский товарищ Брюсова, впоследствии приват-доцент Московского университета по кафедре философии. Отзыв Брюсова о нем см.: *Дневники*. С. 77. См. также наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. от 6 октября 1901 г., прим. 2.

⁵ Отношения Брюсова с Буниным освещены во вступительной статье А. А. Нинова к публикации переписки Бунина с Брюсовым (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 421—438).

⁶ Брюсов познакомился с А. Р. Мицловой (см. о ней наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 50, прим. 10), «довольно странной пророчицей, поклоняющейся стихам», в июне 1899 г. в Крыму (*Дневники*. С. 71). В конце октября 1899 г. в дневнике Брюсова запись: «Гостила в Москве Мицлова. Она оказалась менее интересной, чем при беглом знакомстве. Эти обычные речи о демонах, вампирах, духах — я уже слишком слышал. Интереснее ее физическая организация, неверный глаз, резкие ощущения...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/2. Л. 7). Любопытные воспоминания о Мицловой оставил А. Белый («Между двух революций», с. 355—362).

⁷ См. п. 53, прим. 7.

⁸ Там же, прим. 6.

⁹ Приведены первые строки стих. А. Ланга «В парке» (сб. «Одинокий труд»).

¹⁰ Ср. стих. «Огни электрических конок» (I, 176—177).

¹¹ Очевидно, речь идет о сб. «Les villes tentaculaires» («Города-спруты»), вышедшем в брюссельском издании в 1896 г. Рецензия Брюсова на этот сборник в издании «*Mercure de France*» (Париж, 1904) появилась в «*Весах*» (1904. № 3).

¹² О какой вырезке пишет Брюсов, установить не удалось.

56. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва, 8 февраля) 1900 г. Среда.

Друг мой! Рукопись Твоя уже больше недели у меня ¹. Я все ждал, что Ты заедешь в один из праздников ². Сам я ею не мог распорядиться, ибо, во-первых, Ты не дал мне окончательных указаний, во-вторых, все знакомые мне типографии находятся в таком или ином печальном положении, и, в-третьих, цензор сделал в Твоих стихах глупые выпуски, которые Тебе самому, конечно, не трудно было бы восстановить ³. Итак, заезжай.

Твой Валерий Брюсов.

Датируется по московскому почт. шт.

¹ Рукопись сб. «Стихи. 1896—1900» (см. вступ. ст., прим. 1).

² Имеются в виду неприсутственные дни 2 февраля, когда отмечался церковный праздник Сретение Господне, а также 4 и 5 февраля (суббота и воскресенье).

³ Очевидно, по просьбе Курсинского Брюсов зимой 1900 г. отдал его стихотворный сборник в цензуру. После цензурных замечаний автор осенью того же года внес в текст исправления. 29 ноября 1900 г. Курсинский писал Брюсову: «На днях я закончил пьесу, которой уже дан ход, а также окончательно установил содержание сборника стихов, который теперь совсем готов для представления в цензуру. Объем его — шесть листов, на которых будет помещено 48 стихотворений и поэма «На развалинах», тебе знакомая. Прежде, чем приступить к изданию его, я хотел бы узнать, не согласится ли редакция «Скорпиона» принять это дело на себя, причем, конечно, все расходы я возьму на свой счет; а за издательство самому мне братья не хочется, ввиду всех тех неудобств, с которыми сопряжено мое постоянное пребывание в Серпухове. На рождество примусь за перевод «Небожественной комедии» Красинского, которую, как видно, Бальмонт издать не собирается». Вторично в цензуру сборник был сдан в конце мая 1901 г. (см. п. 58), разрешение было получено 6 июня того же года, а вышла книга в 1902 г. Кроме поэмы «На развалинах», написанной в 1896 г., в нее включены еще 44 стихотворения.

57. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

18 ноября 1900 г. Серпухов.

Так как мне, друг мой, вероятно, не придется скоро быть в Москве, то посылаю тебе по почте «Горного духа». Если он тебе нравится по-прежнему, то можешь поместить его в скорпионовском альманахе ¹. Мне, кроме приятного, конечно, ничего от этого не будет.

Ознакомился я теперь основательно с твоей поэмой ² и, конечно, не могу не согласиться, что ей принадлежит первое место по достоинству среди всех про-

изведений, вошедших в «Vigilia». III-я часть очаровательна. Поздравляю с новой рифмой «ночи — ключий»³. Она настолько меня поразила, что я не сразу заметил, что последнее — погрешность против языка. Пики гор, чертящие бешеные круги, «вечность в прошлом миновала, вечность нынче (я бы сказал *снова*) настаёт»⁴ и многие частности, как и целое, поразительны. Не нравятся мне только твои женские окончания, рифмующиеся с дактилями в 1 строфе — я не могу их читать (т. е. не умею произносить)⁵. Тяжел и некрасив стих:

Я б побороться с силой вражьей⁶

Безразмерию я, ты знаешь, не особенно сочувствую. Вообще, еще раз поздравляю с лучшей из твоих книг.

Кстати, знаешь ли ты, что Горький писал о тебе и Бальмонте в «Нижегородском листке»?⁷ — Интересно бы почитать заметку этого неожиданного друга символистов!

А. Курсинский.

¹ Стих. «Горный дух», приложенное к письму, напечатано в *СЦ 1901* и в сб. Курсинского «Стихи».

² Поэма «Царю Северного полюса», вошедшая в *TV* (I, 246—256).

³ Начало III части поэмы:

Пышны северные зимы, шестимесячные ночи!
Льды застыли, неподвижны, в бахроме из снежных ключий.
(I, 248)

⁴ Приводятся цитаты из части VI (I, 252).

⁵ Первая строфа поэмы:

Много было песен сложено
О твоей стране бесследной.
Что возможно, невозможно,—
Было все мечтой изведено.
(I, 246)

⁶ Стих из песни Свена, часть IV (I, 249).

⁷ Статья М. Горького «Литературные заметки. Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова» напечатана в «Нижегородском листке» (1900. № 313. 14 нояб.). Она вошла в кн.: *Горький М. Несобранные литературно-критические статьи* (М., 1941).

58. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Серпухов.) 17 мая 1901 г.

Дорогой Валерий!

Я послал Ясинскому¹ перевод «Ulalume»², а так как мы вскоре уезжаем из Серпухова и адрес наш неизвестен еще, то просил я ответ дать на твое имя. Не удивляйся поэтому, если получишь письмо из «Ежемесячных сочинений», и сохрани его до свидания. Я приеду в Москву 26 числа, в субботу, а в воскресенье рад был бы повидаться с тобою и посоветоваться относительно двух рукописей, которые 28-го отдам в цензуру³. Я охотно посетил бы тебя на даче, если бы ты по получении этого письма сообщил мне точный адрес⁴. Или, может быть, ты сам будешь в этот день в Москве? — Уповаю на ответ, хотя и знаю, что отвечать ты не любишь.

Vale *, Валя.

Привет Жанне Матвеевне.

А. Курсинский.

¹ Об И. И. Ясинском см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 52, прим. 2.

² Перевод в журнале И. Ясинского «Ежемесячные сочинения» не появился (см. п. 51, прим. 7).

³ По всей видимости, речь идет о рукописях сб. «Стихи», цензурное разрешение на который получено 6 июня 1901 г., и переводе «Небожественной комедии» З. Краси́нского, по поводу которого Курсинский писал Брюсову 1 июля 1901 г.: «Рукопись „Небожественной комедии“ благополучно прошла цензуру. Можно приступить к ее изданию. Желательно

* Прощай (лат.).

бы знать, остается ли редакция «Скорпиона» при своем намерении издать ее за счет переводчика или какие-либо обстоятельства изменили это намерение. Если никаких перемен по этому вопросу в планах редакции не последовало — кому, где и когда могу я вручить рукопись» (см. также п. 60, прим. 1).

⁴ Дачный адрес Брюсовых летом 1901 г.: Петровское-Разумовское, дер. Выселки, дача Кутырина.

59. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Москва. Январь 1902 г.)

Дорогой Валерий!

Посылаю тебе два стихотворения, из которых одно, по твоему выбору, прошу напечатать в «Северных цветах» вместе с посланными раньше «Каплями»¹.

I

Я знаю миров и кумиров крушение,
Огнистые слезы разбитых планет
И серное пламя, и грозное мщенье,
И вечным проклятьем звучащее «нет».

Но пепел развалил для духа свободного
Дарует заманчивый творческий сон,
Ликую над смертью созданья бесплодного,
Сплетаю гирлянды для новых колонн.

Соглашаюсь с тобой, что в соединении с «Каплями» лучше напечатать следующее (2). От предыдущего слишком веет жизнерадостной силой, хотя оно тоже создано в искреннем порыве, а следовательно — esto!*

II

Я с людьми и богами,
Я свободен и скован,
Все проник я очами —
И всегда зачарован.

Путь мой прям и бесцелен,
День мой сумрачно светел,
У холодных молен
Я кумира не встретил.

И в Себя я не верю,
В смене света и тени
Твердым шагом^{2*} я мерю
Отражений ступени².

А. Курсинский.

Конверт от письма не сохранился; датируется по смыслу.

¹ 5 января 1902 г. Курсинский послал для альманаха «Северные цветы» три стихотворения из цикла «Отголоски больших городов»: «Ум кипит, свободны страсти...», «Глухая осень, призрак дня...», «Об одном, все об одном шепчут капли под окном...» (ГБЛ. Ф. 386, 91.26. Л. 33—34). Отвечая на это письмо, 7 января Брюсов сообщил: «Друг мой! Выбираю последнее из присланных Тобой стихотворений для «Северных цветов». Если будет какая-либо возможность, приду к Тебе в пятницу вечером. Твой Валерий Б.» (ЦГАЛИ. Ф. 1223. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 7).

В «Северных цветах», однако, стихотворений Курсинского не появилось. «Глухая осень, призрак дня...» опубликовано 1 окт. 1903 г. в газете «Курьер», а «Об одном, все об одном...» — в альманахе «Гриф» (М., 1903). Позднее оба стихотворения вошли в сб. Курсинского «Сквозь призму души». Публикация стих. «Ум кипит, свободны страсти...» нам неизвестна.

² Хотя рядом со стихотворением имеется помета Брюсова: «В С(еверные) цв(еты)». в альманахе оно также не попало. Возможно, автора не устроили предложенные «Скорпионом» условия (см. п. 63). С учетом правки Брюсова и под заглавием «Успокоение» стихотворение вошло в альманах «Гриф» (М., 1904) и в сб. «Сквозь призму души».

60. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва, 29 января 1902 г.)

Друг мой! Хотя и без твоего напоминания усердно настаиваю, чтобы Сергей Александрович дела о «Небожественной комедии» не оставлял¹, но на успех

* имеет право на существование (лат.).

^{2*} Не лучше ли: Шагом твердым? (помета Курсинского). Рукою Брюсова сделан знак перестановки слов в соответствии с этой пометой, а в последней строке им же слово «отражений» исправлено на «роковые».

своих напоминаний надеюсь мало. Он все хлопочет перед нотариусом о удостоверении, что он скорпион², и утверждает, что на будущей неделе его утвердят уже непременно. Я же сомневаюсь. Нет в нем настоящей настойчивости, он не привык добиваться. Поэтому очень Тебе советую самому не складывать руки. Пиши ему, говори, поставь ультиматум, что сам начнешь дело. Юрий Петрович Бартенев³ удивлялся, что прошение еще не подано, говорил, что каждый день важен, что не должно медлить, а то все забудут, отнесутся канцелярски, а сейчас министр склонен разрешить второе издание. А вдобавок еще 3-х-месячный срок, который пропустить очень нетрудно.

Твой В а л е р и й.

P. S. Что Тебе говорила Иоанна Матвеевна о «Русском листке»⁴, пожалуй-ста, не считай сказанным. Я передал ей бегло, второпях, не предупредив, что разговор был конфиденциальный. Вероятно, иное она и передала неверно. Надеюсь на Твое к ней снисхождение и скромность.

V.

Письмо датируется по почт. шт.

¹ Московский цензурный комитет в июне 1901 г. выдал разрешение на издание «Небожественной комедии» З. Красиньского в переводе Курсинского, но впоследствии, когда книга уже была отпечатана издательством «Скорпион», тираж ее был конфискован. Несмотря на все попытки владельца издательства С. А. Полякова снять запрет, второе издание вышло только в 1906 г., без вступительной статьи переводчика «Апофеоз личности».

² Поскольку запрет «Небожественной комедии» последовал уже после выдачи разрешения на выпуск книги, Цензурный комитет обязан был покрыть материальный убыток издательства. Из этой суммы выплачивался и гонорар переводчику. Однако до наложения запрета часть тиража оказалась распроданной. Естественно, что выручку за нее следовало вычесть из суммы компенсации за убытки, понесенные «Скорпионом». При определении числа разошедшихся экземпляров у издательства и Министерства внутренних дел возникли расхождения. Поляков намеревался обжаловать подсчеты, произведенные при конфискации книг, и по суду востребовать деньги с Цензурного комитета, но для этого ему была необходима нотариально заверенная справка, что он является владельцем издательства (см. также п. 61).

³ Юрий Петрович Бартенев (1866—1908) — сын издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, служил в Московском цензурном комитете. Брюсов поддерживал с ним довольно близкие отношения (см. о нем: Исторический вестник. 1908. № 12. С. 1178).

⁴ Возможно, имеется в виду эпизод, о котором зимой 1902 г. Брюсов писал высланному из столиц К. Д. Бальмонту: «Получаю странные приглашения — вроде того, чтобы быть «заведующим редакцией» «Русского листка»» (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 49, прим. 8). Вряд ли Брюсов мог серьезно отнестись к этому приглашению. Январская запись Дневников отмечает: «В «Русском листке» очень на меня нападают за то, что я участвую в Художественном кружке. Партия враждебная» (с. 114).

61. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва. 1 февраля 1902 г.)

Друг мой!

Сегодня беседовал я с Сергеем Александровичем, ответ коего (негодующий) Ты, вероятно, получил¹. Он, т. е. Сергей Александрович, убедил меня, что делает сам нечто, ибо есть у него знакомый нотариус, который удостоверение ему даст. Итак, не лучше ли еще немного довериться ему? Не подождать ли еще? Тем более, что иначе два прошения, Твое и его, ибо и он упорствует, поведут только к соблазну подлежащего ведомства.

Твой В а л е р и й Б.

Открытка датируется по почт. шт.

¹ См. п. 60, прим. 1 и 2. В архиве Полякова сохранилось письмо Курсинского, на которое последовал «негодующий» ответ:

«Глубокоуважаемый Сергей Александрович! Ваше молчание начинает внушать мне опасения; уже истекает месяц, а Вы ничего еще не предприняли в интересах «Небожественной комедии». Мне же было бы очень печально получить на книге полтора рубля убытку, в то время как прибыль сама идет в руки.

Я не вижу с Вашей стороны необходимости медлить подачей заявления, так как все формальности по восстановлению Ваших Скорпионовских прав могут быть исполнены и

после подачи его *, и одно другому не мешает. Это соображение заставляет меня просить Вас приехать ко мне не далее воскресенья 3-го февраля для совместной обработки формы заявления. Напишите, когда Вас ждать. В случае же Вашего отказа на сей раз, я буду вынужден действовать самостоятельно и за могущие произойти для Вас неудобства — не отвечаю.

С почтением А. Кур син с к и й (ИМЛИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 109. Л. 3).

Ответ Полякова на это письмо неизвестен.

62. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Москва. Февраль 1902 г.)

Друг мой!

Если бы Сергей Александрович пожелал отнестись ко мне хоть с некоторым вниманием и поставить меня в известность относительно своих намерений, как теперь он ставит тебя, конечно, дело не дошло бы до негодующих писем. Да и так-то это письмо совершенно излишне, потому что я не думал задевать его самолюбие, а только (и вполне основательно) побуждал его действовать энергично и указывал некоторый срок, до которого я предполагал сам оставаться в пассивной роли. Все эти его восклицания о «злонамеренности», недобросовестности и все прочее представляется мне не более как «металлом звенящим»¹ и притом совсем некстати. На письмо его отвечать считаю совершенно ненужным. Мои отношения к фирме «Скорпион» тебе хорошо известны. Как поступит фирма со мною — увидим. Уповаю, что, вступив в игру самолюбия, Сергей Александрович выдержит ее до конца. Очень жаль, во всяком случае, что Сергей Александрович не понимает, что моя настойчивость в требованиях, предъявляемых к нему, вытекает из чувства деликатности: я не хотел бы впоследствии, если будет пропущен срок, получать деньги с него, на что имел бы и нравственное да и юридическое право. Я смотрю на выручку денег и реабилитацию книжки, как на дело общее. Вряд ли при этом условии момент благоприятен для развития игры в самолюбие.

В общем — предоставляю Сергею Александровичу действовать, как ему угодно². Он берет ответственность на одного себя, и я ему очень благодарен.

Твой А. Кур син с к и й.

P. S. Если ты полагаешь, что мой инцидент с Поляковым может отозваться на вопросе о моем участии в «Северных цветах», то пожалуйста, заблаговременно изыми мои стихотворения из материала, предназначенного для печати. Если же они будут напечатаны, то прими во внимание и мои условия — гонорар по 30 к. со стиха, что при 28 стр(оках) составляет 8 р. 40 к.

А. К.

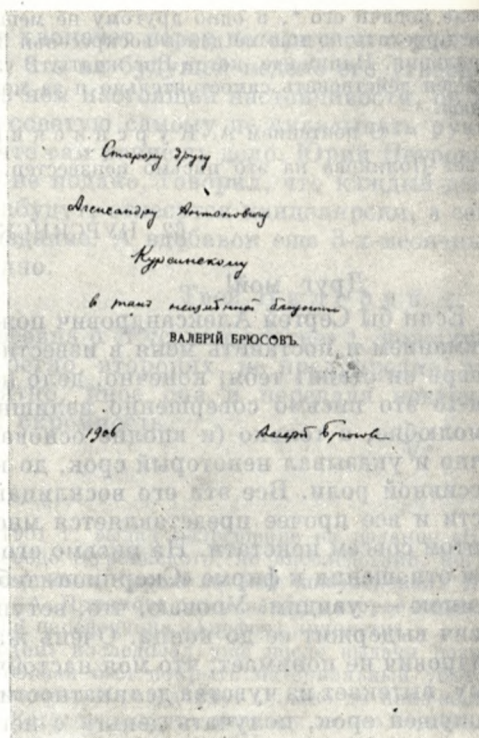
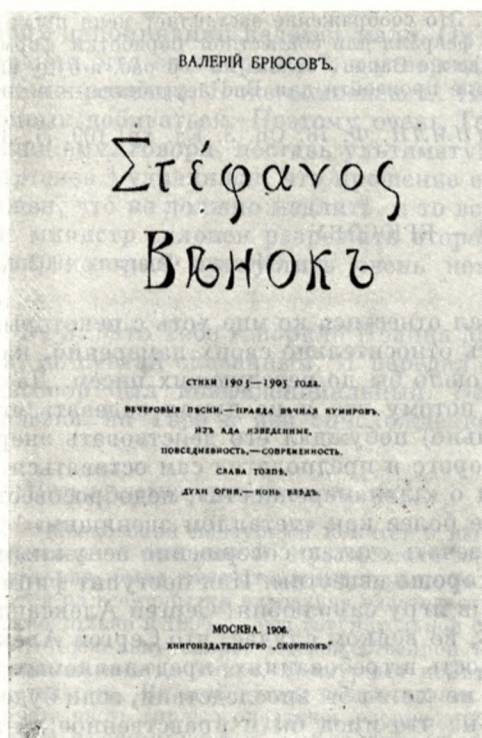
Датируется по содержанию (см. п. 60 и 61).

¹ Реминисценция первой строки оды Державина «На смерть князя Мещерского» («Глагол времен! Металла звон!..»).

² В конце концов из-за болезни Полякова вести тяжбу по поводу «Небожественной комедии» пришлось Курсинскому. 23 февраля 1902 г. Брюсов оповестил Курсинского: «Друг мой! Сергей Александрович продолжает хворать. Он предлагает Тебе, чтобы не оставить цензуру и подлежащие ведомства без возмездия, такую комбинацию: С. А. Поляков официально переуступит Тебе права на получение вознаграждения как издатель. Согласен ли Ты? Твой Валерий Брюсов» (ЦГАЛИ. Ф. 1223. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 13). Курсинский,

очевидно, принял это предложение. Поляков писал Брюсову: «Дорогой Валерий Яковлевич, посылаю Вам вместе с письмом засвидетельствованное прошение, хотя и довольно странным образом, но кажется вполне достаточным. Если найдете сколько-нибудь возможным, передайте прошение Курсинскому» (наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. от 23 марта 1902 г.). Тяжба затянулась надолго. 15 июня 1902 г. Курсинский сообщал Полякову из местечка Гапсаль Эстляндской губернии, куда он приезжал на отдых: «У меня крайне скверные материальные обстоятельства, — а еще хуже виды на июль и август. Вы можете поэтому судить, с каким великим нетерпением жду я решения нашей тяжбы из-за «Небожественной комедии» (...) 30 июня я выезжаю в Москву, и если надо или может быть полезным, я мог бы заехать в Петербург, конечно от Вашего имени» (ИМЛИ. Ф. 76. Оп. 3. № 109. Л. 6).

* Наконец, — если Вы все равно ничего не добьетесь? (прим. Курсинского).

В. БРЮСОВ. Στίφανος. ВЕНОК. М., «СКОРПИОН», 1906

Титульный лист и авантитул с дарственной надписью: «Старому другу Александру Антоновичу Курсинскому в знак неизменной близости. 1906. Валерий Брюсов»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

63. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва. Февраль, до 8-го, 1)902 г.

Друг мой!

Имею Тебе сообщить, что при распределении гонорара за «Северные цветы»¹ Ты не имелся в виду вовсе. Тебе известно, что «Северные цветы» дают *убыток* до 2000 р. При таких условиях я не вижу причин выражать притязание на гонорар. «Северные цветы» платят лишь тем лицам, чье имя может иметь влияние на сбыт альманаха: Мережковскому, Розанову, за исторические материалы и т. д. Все, что я могу Тебе предложить, это получить свой гонорар экземплярами «Северных цветов» — т. е. получить в уплату *шесть* книг, или там сколько придется, смотря по их цене (я считаю 2 р.). Если Ты согласен, не откажись уведомить тотчас, ибо я уезжаю в Петербург².

Во втором стихотворении не лучше ли: *Роковые ступени*?³

Твой Валерий Брюсов.

P. S. А к письму Сергея Александровича Ты отнесся более серьезно, чем следовало⁴.

На конверте имеется помета Курсинского: «Середина февраля 1902». На самом деле письмо послано в начале месяца, так как в пятницу, 8 февраля, Брюсов уже уехал в Петербург.

¹ См. п. 62, post scriptum.

² О пребывании Брюсова в Петербурге с 9 по 16 февраля 1902 г. см.: *Дневники*. С. 114—118.

³ См. п. 59, сноску^{2*} и прим. 2.

⁴ О письме С. А. Полякова к Курсинскому см. п. 61 и 62.

64. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва. 13 марта 1902 г.)

Друг мой, Александр Антонович!

Бальмонт будет в Москве 15-го, в пятницу. Если хочешь его видеть, поджидаю Тебя в этот день к себе обедать, к 7 вечера. Будут все, кто его любит ¹.

Твой Валерий Б.

902.

Датируется по почт. шт.

¹ См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 54, прим. 1.

65. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Москва, 19 марта 1902 г.)

Дорогой Валерий!

Мне удалось узнать из неофициального и достоверного источника, что катастрофа с поездом, в котором ехал Бальмонт, действительно не могла иметь для него печальных последствий, так как поезд не сваливался с откоса, ибо и откоса в этом месте не существует, а, напротив, выемка. Вагоны, сойдя с рельс и будучи потянуты паровозом, пошатнулись и обрушились на идущую параллельно стению земли, причем, бывшие в лежачем положении пассажиры, соскользнув с диванов, становились на ноги, а затем вылезали в окна ¹. Шестеро наиболее испугавшихся вчера уже вернулись в Москву, не решившись продолжать путешествие. Они и привезли эти вести. Наиболее пострадавшие — получили по синяку или царапине от своих чемоданов. Опасность, конечно, была велика, и я уверен, что все было бы иначе, если бы в поезде не ехал хранимый — для нас — самим адом ² Бальмонт.

Твой Кур син с к и й.

19 марта 1902.

К письму приложена вырезка из газеты «Русский листок» от 18 марта 1902 г., в которой называется причина катастрофы — лопнувший рельс.

¹ См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом п. 56.² Обыграны строки из поэмы Бальмонта «Дон-Жуан»: «Забыл, что Дон-Жуан неуязвим! // Быть может, самым адом я храним, // Чтоб стать для всех примером лютой казни?» (Тишина) •

66. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Москва.) 12 авг(уста 19)03 г.

Друг мой!

Думаю, что десять лет наших близких отношений дают мне право делать тебе строгие замечания, когда ты делаешь шаги, слишком тебе не подходящие. Поэтому посылаю тебе мой фельетон, направленный против тебя со всей искренностью негодования ¹, возможной в печати, и при том в органе узко либеральном ². Я не верю в твой патриотизм, и тем более, что он выражается как патриотизм мелких консервативных газет ³. Тебе ли не понимать, что в настоящее время честию России будет остаться крепкой и верной себе, а не играть мелкую роль сильного орудия в руках других держав. Если ты хочешь заниматься политикой, то изучи получше политическое положение момента.

А. Кур син с к и й.

¹ Приложенная к письму вырезка с фельетоном не сохранилась. Однако помета на конверте («найти фельетон, вероятно, в «Курьере»») позволяет предположить, что это были заметки «Начало конца», опубликованные в московской газете «Курьер» (1903. № 165. 12 авг.) под псевдонимом «Досужий обыватель». Заметки явились откликом на стих. Брюсова «Двенадцатый час» (I, 356), появившееся в почти в бульварной газете Н. Л. Казецкого «Русский листок» (1903. № 211. 3 авг.). Сотрудничать в этом издании Брюсов начал в 1900 г., когда его имя стало одиозным, и двери других редакций оказались для него закрытыми. Впоследствии в «Автобиографии» Брюсов признавался: «я устал «публично молчать» в течение более, чем пяти лет, и рад был даже в бульварном листке высказать свои взгляды» (Венгеров.

Рус. Лит. XX в. Кн. 1. С. 113). Эпиграфом к стихотворению были взяты слова «Настал последний, двенадцатый час» из передовой статьи газеты «С.-Петербургские ведомости» от 29-го июля 1903 г., посвященной убийству турецким фанатиком русского консула в Македонии. В передовой говорилось: «Слишком давно Святая София тоскует о русском кресте, который оградит святыню и от мерзости Магометовой и от недостойных посягательств продажных греков; а славянские народы стоят на распутье: настал последний, двенадцатый час...».

Вскоре после известий об убийстве консула Брюсов сообщил Перцову: «А какие события на Балканах! Какие темы для политик! Я же написал пока только стихи в духе Тютчева» (*ДЛ.* Т. 27—28. С. 294). Отношение Курсинского к трагическим событиям в Македонии было совершенно иным. В газете «Курьер» 10 августа 1903 г. были помещены заметки того же Досуемого обывателя, в которых он пишет: «Македония и Турция... Турция и Македония... А в общем смутная тревога и жуткое, неприятное настроение. То настроение ожидания, которое послужило темой и было прекрасно разработано Метерлинком в его оригинальной «L'intruse». «Втируша» — таков у нас неудачный перевод с французского «L'intruse»...»

Лет шесть тому назад мне пришлось испытать и наблюдать это сильное чувство неясной тревоги... Я оканчивал курс военного училища, находившегося в чуждом и незнакомом мне городе... Война Греции с Турцией уже была делом решенным, совершившимся фактом. Это было единственным, что мы знали. Но отношения русского правительства к данному моменту восточного вопроса, роль России в его трактовании в текущий момент, естественно, оставались для нас в области неизвестного... То же самое настроение замечаешь невольно в жизни общества в настоящий момент... — Будет война или нет? — этот вопрос закрадывается вам в мозг и сердце и неустанно сверлит в них, ни на минуту не покидая вас, то и дело прорываясь из хаоса иных мыслей, иных чувствований и волнений. Втируша вошла, и вздрагивает с зловецим звоном ее неумолимая коса при каждом невидимом шаге». Столь полярная оценка событий привела к резкой критике Брюсовского стиха. «Двенадцатый час»: «Г-н Валерий Брюсов перестал быть собой, перестал быть бесстрастным волхвом. Перестал он и быть одиноким. Он вышел из магического круга, отделявшего его от дум о бледной земле. Он сошел к людям, сблизился с ними в их страстях и кричит вместе с ними за общие интересы. И как подобает всякому новоображенному, кричит громче других. Известная часть нашей прессы кричит: Идем на Константинополь, — пора! Г-н Валерий Брюсов возглашает: Скорей на Константинополь! А то будет поздно:

Часы мировые окликнули нас...

О, если б не поздно.

„Русский листок” рукоплещет г-ну Валерию Брюсову... Мне тоже хочется рукоплескать г-ну Валерию Брюсову. Его стихи, действительно, полны страстного тепла, роскошны по образам, звучны по ритму, цельны по своей законченности. Но... я не могу рукоплескать. Я слишком привык слышать от г-на Валерия Брюсова «Я!», чтобы слышать «Мы!», и теперь, думая об этой перемене, припоминаю желание г-на Валерия Брюсова не быть Валерием Брюсовым. И мне думается, что исполнилось его желание. Он перестал быть Валерием Брюсовым. Кажется, он стал Тютчевым нашего времени...».

После публикации статьи Курсинского отношения старых друзей полностью не превратились, но переписка практически прекратилась, так что название заметок Досуемого обывателя «Начало конца» в некотором смысле оказалось пророческим.

² О газете «Курьер» см. вступ. ст. к наст. дубл.

³ Политические обзоры Брюсова, опубликованные в 1903 г. в журнале «Новый путь» (№ 1—3, 5, 8), свидетельствуют, что его славянофильское стих. «Двенадцатый час» не было случайностью. В письме к Г. И. Чулкову от 24 августа 1905 г. он признавался: «Вы правы. Патриотизмом, и именно географическим, я страдаю. Это моя болезнь, наравне с разными другими причудами вкуса...» (*Чулков Г.*). Годы странствий. С. 329.

67. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва. 1 февраля 1907 г.)

Дорогой Александр Антонович!

Не откажи принять дружески в «Золотом руне» и представить как желанного гостя Николаю Павловичу¹ — нашего доброго друга — Виктора Эглит(с)а², латышского поэта, переведшего на свой язык многие мои стихи, а также стихи А. Белого и иных общих наших друзей.

Весьма жалею, что самому мне быть в «Руне» не придется³. Постараюсь ехать к Тебе днем в субботу. Надеюсь ехать с Тобой в воскресенье⁴.

Твой В а л е р и й.

1 февр. 907.

¹ Николай Павлович *Рябушинский* (1877—1951) — московский миллионер, издававший в 1906—1909 гг. журнал «Золотое руно», в котором в это время сотрудничал Курсинский.

А. КУРСИНСКИЙ.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДУШИ.

I. Стихи (1901—1905).
II. Рассказы (1902—1904).
III. Переводы (1903—1905).

Книгоиздательство «ГРИФ».
Москва, 1906.

Ex libris.

Валерию Яковлевичу Брюсову

автору.

Тебя встретил в дни расцветья,
Когда твой взор был в мечтах,
Тебя любил я, как поэта,
И шепт, как голос Красоты.

Теперь настали дни тревоги,
Но опрокинутой в борьбе,
Не оскверни конца дороги
Шептаний — поэзии и Тебе.

А. Курский

14 июня 1906

М

А. КУРСИНСКИЙ. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДУШИ. М., 1906

Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову автор. Тебя встречал я в дни расцвета, || Когда так верилось в мечты || Тебя любил я, как поэта, || И шепт, как голос Красоты. || Теперь настали дни тревоги, — || Но, опрокинутый в борьбе, || Не оскверни конца дороги || Изменой песни и Тебе. А. Курский 14 июня 1906 М.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

² Виктор Иванович Эглитис (Эглитс, 1877—1945) — латышский поэт декадентского направления, переводивший Брюсова, Бальмонта, Белого, Блока, Ремизова, печатавшийся также в «Весах». Подробнее о нем см. наст. том, кн. 2, Переписка с Тихоновым. Вступ. ст. О. Усковой, прим. 49—53.

³ 2 февраля — день рождения Иоанны Матвеевны Брюсовой, что не позволило, вероятно, Валерию Яковлевичу самому представить В. Эглитса в «Золотом руне».

⁴ 4 февраля Брюсов выехал в Нижний Новгород. На свадьбе своего друга, женившегося второй раз, Брюсов был шафером. «Еду в Нижний — венчать Курсинского», — писал Брюсов Чуковскому 4 февраля 1907 г. (см.: Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1958. С. 344). В феврале 1907 г. Брюсов сообщал отцу в Париж: «Сначала был занят очень работой над №1 „Весов“, потом ездил в Нижний венчать Курсинского (увы! не лавровым венцом в Капитолии, коего в Нижнем и нет, но мученическим венцом второго брака), наконец, простудившись в поездке, захворал инфлуэнцией с плевритом и болен по сю пору» (ГБЛ. Ф. 386, 142.9. Л. 1).

68. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва.) 15 октября 1913 г.

Дорогой Александр Антонович!

В ответ на Твой запрос о праве инсценировки моих рассказов для синемаатографа ¹ сообщаю Тебе, что я лично ничего не имею против того, чтобы Ты это дело взял на себя. Итак, я предоставляю Тебе, Александру Антоновичу Курсинскому, право инсценировать для синемаатографа все мои рассказы, уже появившиеся в печати. Было бы, однако, желательно, чтобы сценарии Ты предвзительно представлял мне для просмотра. Выбор фирм, которые будут ставить эти Твои инсценировки моих произведений, я всецело предоставляю Тебе.

Дружески Твой Валерий Брюсов.

15 октября 1913, Москва.

Это письмо случайно найдено летом 1928 г. на чердаке одного из московских домов. Вместе с ним была обнаружена рекомендация-пропуск консульства Центральной Рады в Москве на имя А. А. Курсинского.

¹ Запрос Курсинского на право инсценировки брюсовских произведений, по-видимому, не сохранился. Дальнейшая судьба задуманных Курсинским экранизаций ясна из его последнего письма (п. 70).

69. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Москва. 3.IV.1914 г.

Уносясь мыслью на двадцать лет назад, когда на спектакле Корсака впервые познакомился с тобою ¹, приветствую тебя, пью твое здоровье, верю в неизменность дружбы.

Т в о й К у р с и н с к и й.

Датируется по почт. отметке на телеграфном бланке.

Знакомство Брюсова с Курсинским состоялось месяцем позже, 3 мая 1894 г. Курсинский, видимо, ошибся месяцем.

¹ Знакомый Брюсова, неоднократно упоминающийся в его дневниках актер императорских московских театров Казимир Валентинович Корсак был одним из организаторов театрального вечера в «Русском охотничьем клубе», состоявшегося 3 мая 1894 г. Первоначально вечер был назначен на 29 апреля. Газета «Новости дня» за это число писала: «Напоминаем читателям, что сегодня в «Охотничьем клубе» состоится довольно интересный спектакль, «центр» которого не в исполнителях, а в пьесах, т. к. состав спектакля «норвежско-декадентский». Идет пьеса Бьернсона «Перчатка» (...) и пьеса французского декадента Метерлинка «Втируша». Эту пьесу мы знаем только по «Артисту», где она была напечатана, а Метерлинка — по его стихотворениям».

4 мая, на следующий день после спектакля, Брюсов отметил в дневнике: «Были мы на «Втируше». Надо сказать, что раньше, третьего дня, мы были на репетиции. Нас встретили радушно, спрашивали советов etc.» (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/1. Л. 26об.). К сожалению, факт знакомства с Курсинским не отмечен. Дневниковые записи о встречах с ним появляются только с сентября 1894 г.

«Втируша», впервые поставленная на русской сцене, игралась актерами-любителями и профессиональными артистами. Перевод был выполнен Е. Н. Клетновой (см.: Артист. 1893. № 28). Интересно сравнить впечатление от пьесы Метерлинка, оставшееся у Курсинского (см. п. 66, прим. 1), с рецензией некоего Т.: «... в спектакле 3 мая при представлении «Втируши», несмотря даже на далеко нестройное исполнение, впечатление получилось действительно сильное. Внимание зрителя все более и более приковывалось к сцене, а после того, как был опущен занавес, зрителей охватило прямо какое-то оцепенение ужаса. Несколько минут продолжалось мертвое молчание и только понемногу публика стала приходить в себя после произведения этого действительно «жесточкого таланта» (Артист. 1894. № 37. С. 196—197). В последующие годы «Втируша» несколько раз ставилась на московской сцене, но без особого успеха. На постановку пьесы труппой Леблан-Метерлинка Курсинским была написана рецензия (Курьер. 1903. № 286. 14 дек.).

В архиве Брюсова сохранилось письмо К. В. Корсака, датированное 10 декабря 1923 г.: «Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич! Прежде всего от души спешу поздравить Вас с наступающим днем Вашего славного 50-ти летнего юбилея».

Около 30 лет прошло с того незабвенного вечера, когда мы с Вами впервые познакомились в Охотничьем клубе на спектакле, поставленном мною («Перчатка» и «Втируша»). Давно уже канула в Лету наша розовая юность, наши золотые мечты, наши студенческие вечеринки, наши горячие споры об искусстве, о литературе — на Цветном бульваре в Вашем гостеприимном доме. И много прожито, и много пережито нами в разных концах нашей беспредельной Родины, в вихрях и бурях Революции» (ГБЛ. Ф. 386, 90.26).

70. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Действующая армия. (2 января 1916 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Приветствую Иоанну Матвеевну и тебя с Новым годом. Все мои лучшие пожелания с Вами.

Возникает у меня к тебе дело, касающееся в значительной степени и тебя самого. Если помнишь, 2 года назад я сделал с твоего любезного разрешения сценарий для кинематографической постановки твоих «Сестер» ¹. Сценарий был настолько удачен, что не только понравился дирекции фирмы Тиман и К^о ²,

КАРИКАТУРА НА БРЮСОВА

Рисунок А. Белого с надписью: «Телефонная идиллия великого человека»
 Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

но и в высокой степени удовлетворил автора рассказа, чем несказанно обрадовал меня.

В зиму 1914 года поставить пьесу оказалось невозможным: не было зимы, и самые эффектные сцены переезда Николая в степи на тройке в метель не могли быть воспроизведены с натуры. Затем началась война, создавшая фирме большие затруднения; так как владельцы были германские подданные, затем и меня не было в Москве, и вторая зима 14—15 тоже не была использована. Теперь все эти недоразумения устроились, дело перешло к новым владельцам под фирмой «Эра»³, сохранив прежнее художественное (по мере возможности) направление и прежних работников, во главе которых стоит Александр Александрович Волков. От последнего я получил сегодня письмо, в котором он извещает, что в настоящее время он хотел бы приступить к постановке пьесы, но... не может найти рукопись. Я в свое время, убедившись, что пьеса пойдет, так как полностью получил за нее гонорар (175 р.), не счит нужным сделать дубликат. Чернофика не сохранилось (были жалкие листки) и, таким образом, ничем не могу помочь, кроме как восстанавливать по памяти, к сожалению, очень мало мне сохранившей. Да и обстановка и работа — все неблагоприятствует такому начинанию.

В письме своем Волков уверяет, что было снято 3 копии на машинке с рукописи, хотя мне об этом ничего не было известно. Однако, если и тут память мне изменяет, то вот и интересуюсь, не было ли мною таковой копии дано тебе, и не сохранилась ли она случайно у тебя. Если, паче чаяния, да, то препроводи ее Волкову.

В крайнем случае, Волков задумывает предложить кому-нибудь написать новый сценарий. Он не знал, когда писал, что разрешение на это тобою дано исключительно мне. Я, разумеется, не буду протестовать, если вновь написать

сценарий будет поручено лицу по твоему указанию, и сценарий будет одобрен тобою. В противном случае, конечно, это немыслимая вещь, и я предупредил его об этом. Но при современной почте и вообще на расстоянии вести всю переписку об этом очень трудно. Вот почему я и хотел просить тебя переговорить с Волковым по телефону о том, 1) что есть у тебя или нет копии моего сценария и 2) что сделать и как быть, если мой сценарий окажется безвозвратно пропавшим.

Мне, между прочим, все-таки хотелось бы, чтобы ты посоветовал отложить постановку до следующей зимы. Возможно, что я побываю в Москве и восстановлю вещь ⁴, а главное, — что я считаю необходимым руководить постановкой. Я страшно боюсь, что в противном случае и тебя и фирму постигнет провал исключительный. Однако, повторяю, ни на чем не настаиваю, если ты сам поведешь это дело. Денег с меня потребовать не могут, а может быть по твоим советам, выйдет и у другого автора не плохо.

Дорогой мой, переговоры обо всем этом с Волковым. Телефоны театра — 5.10.22. Конторы — 4.60.29. Сам он, наконец, живет в «Ливерпуле» (Столешников пер.) и телефон его гостиницы найдешь в книге. По одному из них его всегда застанешь!

Тысячу приветов и извинений за беспокойство.

Твой А. Курсинский.

Письмо из действующей армии написано на бланке помощника редактора газеты «Армейский вестник», издаваемой при штабе Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

¹ Рассказ «Сестры» впервые опубл.: ЗР. 1906. № 10.

² Фирма Тиман и К^о, а точнее, «Торговый дом П. Тимана и Ф. Рейнгардта. Кинематографы и ленты», находившийся в Глинищевском переулке, продолжал существовать и в 1916 г., но в число его владельцев был включен Осипов. «Эра» — отдел проката этой фирмы, выпускавшей ленты так называемой «Русской золотой серии», режиссером которой был А. А. Волков. Среди картин, анонсированных в 1916 г., фильма, снятого по сюжету Брюсова, не значится.

³ См. прим. 2.

⁴ Сценарий был восстановлен Курсинским. В его архиве сохранился текст картины с пометой: «Закончена и по одобрении автора продана г. Тиману. Сценарий был затерян. Реставрирована в 1918 г. непосредственно мною» (ГБЛ. Ф. 389, л. 6. Л. 17).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТАТЬИ В. Я. БРЮСОВА О КУРСИНСКОМ

Публикация и примечания С. И. Г ин д и н а

В архиве Брюсова, в черновых тетрадях (ГБЛ, ф. 386), сохранились наброски его незаконченной статьи о творчестве Курсинского, которые существенно расширяют и дополняют критические отзывы, зафиксированные в брюсовских письмах. Приводим здесь текст этих заметок.

I

К ПОЭЗИИ КУРСИНСКОГО ¹

Как мало, однако, он еще оригинален, докажут нам следующие общеизвестные стихи Жуковского

...В туманном сумраке окрестность исчезает,
 Повсюду тишина; по(в)сюду мертвый сон;
 Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
 Лишь слышится вдали рогов унылый звон

.....*

* Далее зачеркнуты строчки:

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных
 Которые окрест, (развесившись, стоят)

и дальше описание кладбища

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
 Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
 Ни ранней ласточки на кровле щebetанье,
 Ничто не вызовет почивших из гробов —²

Если б это стихотворение входило в «Полутени», я бы не изумился и просто причислил его к одним из лучших — а вот оно появилось в 1802 году, когда Жуковскому было 18 лет, т. е. когда он был несколькими годами моложе г. Курсинского, а русская поэзия была моложе на целое столетие!

II КУРСИНСКИЙ³

Начало многих стихотворений выше конца — вдохновение как бы оставляет поэта. Таков сонет «Я был близ вас»⁴, где все хорошо, кроме последней терцины — таково «А. Л. Т-ой»⁵, где три строфы хороши, а четвертая слаба, такова поэмка в терцинах⁶, которая вначале поражает, но потом дает впечатлению ослабнуть и заканчивается каким-то судорожным усилием вдохновения.

Полутени... Поэт еще не вполне овладел стихом. На это указывает зачастую неправильное расположение слов (особенно в «Любви ангелов»)⁷, выражения вроде «краса», «наместо» (-вместо), «восторжен земными очами» (в смысле «прельщенный, увлеченный земной красотой»), слабые рифмы (напр., *всемогущий* и *летучий*, *туманом* — *стана*) или такие двусмыслицы — «Сердце тихо сжимает печаль»*. С другой стороны, поэт уже постиг «гармонии стиха божественные тайны»¹¹ — поэт с тонким пониманием чередует шести- и пятистопные ямбы, например, в стихотворении «Сумерки. I»¹² или в «Сегодня партия идет на Сахалин»¹³, где можно обратить (внимание) на четырехстопный стих «Потоки быстрые бегут», живо символизирующий этот быстрый бег уличных ручьев по камням; почти для каждого настроения поэт умеет выбрать подходящий размер — таковы, например, хорей в стих(отворении) «Где склонясь задумчиво, уныло...», само по себе стихотворение не выше посредственного и только удачный выбор размера дает ему некоторую жизнь...

...Курсинский главным образом поэт своей мечты, задумчивости, вечера, и название «Полутени» довольно хорошо характеризует его книгу; настроения его большей частью грустные, элегические — душа его как бы чего-то ждет и ищет. Часто кажется ему, что «непонятое — ясно», что «вопрос решается ужасный, вечно новый, новый и предвечный»¹⁴, что он «постиг суть тайны необъятной»¹⁵, что «сердцу вечность ясна и полна»¹⁶ (цитаты взяты из 3 разных стихотворений), но так как жалобы повторяются, то ясно, что это лишь заблуждение. Поставим в параллель с этим отсутствие сильной страсти в его стих(ах), скажем больше, отсутствие тем о любви. Поэт как будто вовсе еще не любил, а если и знал это чувство, то когда-то давно, и между настоящим и прошлым.

С мечом в руке стал демон на пороге¹⁷.

Вместе с тем душа поэта жаждет любви:

И напрасно ежечасно
 Жаждой ласки и привета
 я томим¹⁸.

Даже на такие мимолетные привязанности, которые изображены в «Рассвете» (в общем — лучшем стихотворении всего сборника), он кладет много чувства, много любви.

Есть стихотворения, которые, однако, противоречат общему пафосу поэзии

* Еще: «в берег разбилась волна» (вместо «о берег»)⁸; «В устах укор дрожал» (вместо «на устах»)⁹ (Прим. Брюсова). После знака сноски в тексте зачеркнут еще один пример: «ей глаз встретил мой взор»¹⁰.

Курсинского, что и не удивительно, потому что он еще «не нашел себя». Таково, например, бледное стихотворение «Мы здесь вдвоем»¹⁹ с невозможными заключительными стихами^{2*}, таково «Плыла волна» и еще 2—3 стихотворения.

Теперь перейдем к стихотворениям, где Курсинский не столько изображает свою внешнюю жизнь, сколько излагает свое мирозерцание.

Оно, как и надо ожидать, еще не сложилось и зачастую дает противоречивые черты.

Ряд стихотворений посвящен вопросу веры, где он колеблется между чарующим образом Христа и между поисками счастья *здесь*. «Красота богов Эллады» и красота «добровольного страдания»²⁰, язычество и христианство еще борются в г. Курсинском, и ни одному он еще не отдал себя. Есть стих(и), навеянные современ(ной) философ(ией), толками о *fin de siècle*^{3*}, о безнравственности науки. — Невыдержанные в целом, эти стих(и) часто прекрасны в частностях. Особенно удачно первое стихотворение сборника²¹, изображающее в символах всю современность^{4*}. Заключительные (?) стихи великолепны по своей силе и могут соперничать со стих(ами) Мережковского на ту же тему²².

И будет сон тянуться до утра...
Как тяжкий гнет, как тайное мученье,
И встретить свет в лазури Обновленья
Уже не нам, для нас пришла пора,

Среди теней мы скоро станем тенью
В немом венце ночного серебра
Но л(уч) б(леснет) и qui vivra vegeta²³

С внешней стороны отзвуки меня и Бальмонта.

Перев(оды) из Мура. С Муром Курсинский не конгенитален. Английский поэт — поэт внешности по преимуществу, по духу еще поэт XVIII в. — Курсинский поэт темных настроений, полутеней, *fin de siècle*'я. Поэтому переводы иной раз сносны (где более или менее совпадает, например, посвященные Бальмонту)²⁴, но нигде не вдохновенны!

III

К КУРСИНСКОМУ²⁵

Перевод «Любви ангелов» совсем ученический и можно бы наполнить страниц(ы) стилистическими ошибками.

Г-н Курсинский не знает изысканных строф и размеров. За редкими исключениями он пишет куплетами в 4 строки — и чаще всего 5-стопным ямбом, это его любимый стих.

Сборник г. Курсинского — центон²⁶. У нас в России еще не поняли, что всякая книга, а тем более книга стихов, должна быть объединена единою мыслью, единой идеей: у нас чуть подвернется издатель или появятся деньги у поэта] — он и печатает сборник скопившихся стихов, зачастую весьма противоречивых — таковы сборники Федорова, Коринфского и таков сборник Курсинского. Из него можно вынуть несколько стихотворений, можно несколько прибавить — ничего не изменится, точно прежние оды, которые так легко было по надобности укорачивать. Сборн(ик) стих(ов) должен иметь начало и конец!²⁷ См. мои «Chefs d'Oeuvre»²⁸.

^{2*} Курсинский молод и его поражают еще такие резкие контрасты (совсем не полутени!), как (в) «Сегодня партия (идет на Сахалин...)» (прим. В. Брюсова).

^{3*} Конец века (франц.).

^{4*} Далее зачеркнуто: которое, как кажется, навеяно ближе всего Мережковским и мною.

¹ 2.21 (тетрадь № 20), л. 76об. Самая ранняя из заметок Брюсова о Курсинском. По расположению в тетради вслед за черновым вариантом письма к Курсинскому от 26 июля 1895 г. (л. 73—74) и посреди черновика письма к Перцову (л. 74—78), отправленный вариант которого имеет дату 27 июля 1895 г. (*Письма к Перцову*. С. 31), данная заметка может быть датирована 26—27 июля 1895 г.

² Вторая и пятая строфы элегии «Сельское кладбище». Этот перевод из английского поэта Т. Грея стал первой публикацией Жуковского.

³ 2.22 (тетрадь № 21), л. 4об.—6. Набросок статьи о Курсинском, которая должна была входить, по первоначальному плану (там же, л. 8об.) в начатую Брюсовым книгу «Русская поэзия в 1895 г.» (заглавие книги и набросок ее начала — там же, л. 9об.—10). По расположению в тетради до датированной 19 августа 1895 г. (л. 38 об.) статьи «Владимир Соловьев» данный набросок может быть отнесен к последним числам июля — первой половине августа 1895 г.

⁴ В *Полутени* вошло под заглавием «Сонет из письма».

⁵ Стихотворение «Гр(афине) А. Л. Т(олстой)».

⁶ Стихотворение «Молчанье. Тьма».

⁷ Поэма Т. Мура. В *Полутени* не вошла.

⁸ Эта строка из стихотворения «Плыла волна» в *Полутени* вошла в исправленной редакции: «О берег скалистый разбилась волна».

⁹ Из стихотворения «Сонет из письма».

¹⁰ В печатном варианте *Полутеней* такой строки нет.

¹¹ Из стихотворения А. Н. Майкова «Октава» (1841).

¹² В печатном варианте *Полутеней* стихотворение с заглавием «Сумерки» одно, и написано оно хореем.

¹³ Возможно, именно это стихотворение вызвало цензурные осложнения, о которых идет речь в п. 15. В печатном варианте сборника его нет.

¹⁴ Из стихотворения «Где склоняясь задумчиво, уныло...». В печатном тексте *Полутеней* «непонятное — ясно» заменено на «чуждое — возможно», а «вопрос решается ужасный» — на «молчит в груди вопрос тревожный».

¹⁵ Из стихотворения «Как грусть, нежны и бледны небеса...».

¹⁶ Из стихотворения «Музыка». Вместо «полна» в печатном тексте «проста».

¹⁷ Из «Сонета из письма».

¹⁸ Этих строк в печатном тексте *Полутеней* нет.

¹⁹ Стихотворения с таким заглавием или первой строкой в печатном варианте *Полутеней* нет.

²⁰ Поэтические формулы из стихотворения Бальмонта «Одна есть в мире красота» (*Под северным небом*).

²¹ Произведение, из которого взята следующая далее цитата — лирический цикл из 5 шестистиший — в печатной версии *Полутеней* занимает не первое, а второе место. Открывается же сборник стихотворением «Закат».

²² Особенность правописания молодого Брюсова. Ср. *Тетради*, п. 26, прим. 13.

²³ «Кто будет жив, увидит» (*франц.*). Цитируемое стихотворение Курсинского написано шестистишиями. 7-я строка либо восходит к одной из ранних редакций, либо дописана Брюсовым.

²⁴ Перевод стихотворения Мура «How dear to me the hour when the daylight dies» («В вечерний час слабеет светоч дня...»)

²⁵ 2.22, л. 9. Добавление, свидетельствующее, что Брюсов не считал предшествующую заметку оконченной и продолжал работу над ней. Датировается аналогично этой заметке.

²⁶ Здесь — случайное собрание стихотворений. Обычно под «центоном» понимается новое произведение, составленное из специально подобранных строк различных известных сочинений.

²⁷ Излюбленная идея Брюсова, впервые выдвинутая еще в 1893 г. в монологе героя пьесы «Проза» В. Дарова (об этой пьесе см.: *Тетради*, п. 2, прим. 2): «Многие не поймут и этого нововведения, чтобы сборник стихотворений составлял одно целое, как роман или поэма. Да, каждое стихотворение связано с прежним и готовит следующее, пока все не разрешится последним чарующим аккордом» (*ГБЛ*. Ф. 386, 28.4. Л. 14).

²⁸ О структуре и «сюжете» этой брюсовской книги см.: I. Delaney Grossman. Valery Brusov and the riddle of Russian decadence. Berkeley e. a., 1985. ch. 2.

ПИСЬМА К М. В. САМЫГИНУ (1897—1903)

Вступительная статья, публикация и комментарии Н. А. Трифонова

Михаил Владимирович *Самыгин* (1874—1952), выступавший как беллетрист и драматург под псевдонимом Марк Криницкий, был во второй половине 1890-х годов одним из близких друзей Брюсова.

С Самыгиным Брюсов познакомился осенью 1894 г.¹ Оба они были студентами историко-филологического факультета Московского университета, хотя и разных курсов, оба входили в студенческий кружок любителей западноевропейской литературы и были деятельными его членами вместе с такими будущими литераторами, как П. С. Коган, А. А. Курсинский, В. М. Фриче, В. М. Шулятиков².

1 февраля 1895 г. Брюсов записывает в дневнике: «Ближе сошелся с Самыгиным (Марк Криницкий) — весьма замечательная личность. Довольно часто бываю у него»³.

Еще в студенческие годы Самыгин отличался религиозной направленностью своих воззрений. В письме к П. П. Перцову от 27 июля 1895 г. Брюсов так характеризовал своего нового приятеля: «Я лишь недавно познакомился с этим проповедником неохристианства и заинтересовался им. Уже одна внешность его замечательна: бледное лицо с резкими чертами, вдохновенно суровые глаза и всклокоченные волосы»⁴.

Можно отметить, что Брюсов нередко проявлял острый интерес и тяготение к людям с какими-то новыми для него, ярко выраженными чертами и устремлениями — будь то мистик-сектант или человек, связанный с революционным («крайним красным»)⁵, по брюсовскому выражению) лагерем.

С Самыгиным у Брюсова установилось живое общение. «Мне с вами, — признавался Самыгин своему товарищу, — всегда бывало легко и приятно; вы обладаете способностью угадывать настроение и помогать его выразить» (письмо от 20 ноября 1896 г.). Это отнюдь не исключало ожесточенных споров между новыми друзьями. В марте 1895 г. Брюсов делает, например, такую запись в дневнике: «у Самыгина сидел до 2 часов. Спорили отчаянно»⁶.

Для Брюсова тех лет был характерен повышенный интерес к вопросам философии. Он изучает различные философско-теоретические концепции прошлого и современности, особенно увлекается теорией познания Лейбница, о котором пишет в университете зачетное сочинение, ищет решения гносеологических и эстетических проблем, задумывает книгу «Философские опыты», стремится философски обосновать свои литературные позиции⁷. В Самыгине он находил вдумчивого и осведомленного собеседника, начитанного в философской литературе и собиравшегося выбрать историю философии своей научной специальностью.

14 июля 1895 г. Брюсов записывает в дневнике: «Вчера приехал от Самыгина, где провел два дня. Философия, философия, философия...»⁸. А в письме к Курсинскому от 15 июля Брюсов сообщал о том же посещении: «Самыгин (на даче у которого я только что прожил два дня) по-прежнему изучает Спинозу, проповедует неохристианство и качает в люльке своего маленького сына»⁹. И впоследствии, упоминая о встрече с Самыгиным, Брюсов отмечал прежде всего философское содержание их бесед. Например, в записной книжке за 1896 г. мы находим такую пометку: «(Май) 13. (. . .) у Самыгина (Марк Криницкий). Философия и поэзия»¹⁰.

Брюсов собирался зарисовать своего друга в одном из образов задуманного им романа «Покорность». Кроме нескольких черновых страниц этого романа, сохранилась запись с характеристикой его «типов», в которой имеется такая строчка: «Философ-альтруист. Благо друг(их) (Самыгин)»¹¹.

В начале 1895 г. Самыгин был уже автором сборника рассказов «В тумане», и Брюсов считал его «подающим надежды» литератором¹². Были у них даже общие издательские замыслы: в 1896 г. они собирались вместе выпускать альманах¹³.

Регулярная переписка между Брюсовым и Самыгиным началась во второй половине 1896 г., когда Самыгин по окончании университета уехал в Тулу, где получил место учителя русского языка в реальном училище (по совместительству он давал также уроки истории в женской гимназии). Дневниковая запись Брюсова свидетельствует, что он был огорчен отъездом своих друзей, и в том числе Самыгина¹⁴. Брюсов навещал Самыгина в Туле, а последний встречался с Брюсовым во время своих приездов в Москву.

В Туле Самыгин пробыл всего три года. Он оказался здесь в остром конфликте со своими сослуживцами; в письмах он характеризует их как «ходячих мертвецов, от которых веет сырым песком могилы», как «маниаков, психопатов, чудаков — православных без смысла, консервативных или либеральных без души» (письмо от 20 ноября 1896 г.).

В январе 1899 г., сообщая Брюсову о своей «смертной (. . .) борьбе с целым педагогическим советом», о поездках «для объяснения» к попечителю Московского учебного округа, он высказывал оправдавшееся предположение: «По всей вероятности, меня скоро уберут из Тулы»¹⁵. Действительно, в 1899 г. Самыгин был переведен в Иваново-Вознесенское реальное училище, затем в 1904 г. переехал в Коломну, где преподавал в местной гимназии. Его семнадцатилетняя педагогическая деятельность завершилась в Рязани.

К переписке с Брюсовым Самыгин относился с исключительной серьезностью, постоянно делясь с ним своими мыслями, настроениями, исканиями. «Между нами каждое письмо должно быть сообщением какого-нибудь замечательного духовного открытия, должно быть открытием», — утверждал Самыгин в письме от 17 февраля 1897 г.

В свою очередь, Брюсов в 1897—1898 гг. отвечает Самыгину дружеской откровенностью, порой пишет ему «так откровенно, как не всегда говорят наедине с собой» (п. 2).

К 1897 г. Брюсов охладевает ко многим своим университетским друзьям. Рассказывая в своем дневнике о встрече с ними в январе 1897 г., он признается: «Мне был смешон Курсинский с его „поэтическими“ проделками, чужд Фриче с его утилитарианизмом (так! — Н. Т.) и жалок Коган, этот ограниченный ученый»¹⁶. А в марте Брюсов записывает: «В день именин были у меня и Фриче, и Саводник, и Коган. Они не развеселили меня. Я им чужд»¹⁷.

Совсем по-другому отзываясь он в том же месяце о своем посещении Самыгина и о беседах с ним: «Два дня у Самыгина... Субстанция, идея, добро, истина... Снова и чувства и волнения. Да, после тех книг, которые я прочел за последнее время¹⁸, мне нужно было такого живого обмена мыслей и чувств. В меня вдохнули новую силу, огонь ярко пылает на алтаре. „Вперед и вперед!“¹⁹»

Значение этого «живого обмена мыслей и чувств» для Брюсова становится особенно понятным, если знать, как воспринималась им в то время окружающая его повседневность. Вот что записано им 13 марта 1897 г.: «Иногда мне кажется, что я не смогу выдержать этой жизни. Ни просвета. Господи! Ненавистная наука, презрение или снисхождение людей, проза и проклятие домашней жизни, глупая бесцветность моих поклонников...»²⁰.

М. В. САМЫГИН

Фотография И. Ф. Курбатова. 1892, Москва
Центральный исторический архив города Москвы

Вскоре Брюсов вновь решительно противопоставляет Самыгина своим друзьям: «Проклязвали праздники... Я видел всех моих друзей, подруг и знакомых... Они все не нужны мне, и Курский, и Лена ²¹, и Фриче, и даже Виктор ²². Довольно!.. Пусть останутся у меня „эти три“ — Жена ²³, Бальмонт и Самыгин. Первые два далеко, Самыгин провел у меня день (...) он читал мне тезисы своей философии, я говорил ему о своих думах и о Жене. Центр наших душ различен, но круги пересекаются...» ²⁴.

Все это нашло отражение и в переписке. Именно Самыгину Брюсов рассказывает подробно, ничего не скрывая, о своей предстоящей женитьбе: о своей будущей жене, о ее достоинствах и недостатках (п. 3), очень самокритически характеризует и свое поведение (п. 4). Именно с Самыгиным он хочет поделиться своими горькими думами и переживаниями при расставании с умирающей женщиной, к которой он испытывал очень противоречивые чувства (п. 6). Брюсов часто обнаруживает себя в письмах, вопреки обычным представлениям о нем как о рационалисте, человеком повышенно эмоциональным с резкими переходами от одного настроения к другому. На первый план у него порой выступают не холодные наблюдения ума, а горестные заметы сердца.

Но оба корреспондента не только подробно информируют друг друга о своих настроениях, о своих делах и занятиях, они усиленно обсуждают и философские — отвлеченно-метафизические, гносеологические или этически-мировоззренческие — проблемы. Некоторые письма превращаются сплошь в наброски статей на эти темы. «С Самыгиным у нас философская переписка о „я“ (по поводу статьи Вл. Соловьева „Первое начало“), — записывает Брюсов 15 февраля 1898 г. ²⁵ В другом письме предметом обсуждения становится содержание книги Карла Дю Прея «Философия мистики, или двойственность человеческого существа» (1895).

В переписке Брюсова с Самыгиным не раз встречаются имена Лейбница, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше. Постоянно упоминаются и уточняются понятия субстанции, монады, субъекта и объекта, свободы и необходимости, пантеизма и микрокосмизма и т. д.

В ряде писем к Самыгину Брюсов формулировал мысли, которые он считал выражением своего *stredo*, и поэтому заносил в дневник, в записные книжки. Такова, например, февральская запись 1899 г. о множественности истины (п. 24) ²⁶. Несомненно, Брюсов собирался включить эти мысли в задуманную им книгу «Мои письма», о которой он не раз упоминал в своих записных книжках и тетрадях. Ее же он назвал в списке готовящихся книг и на обложке сборника «*Tertia vigilia*». Сохранился и план книги «Мои письма»: «1) К молодому философу; 2) К историку литературы; 3) К защитнику экономического материализма; 4) К одной женщине; 5) К учителю» ²⁷. Можно предполагать, что под «молодым философом» подразумевался Самыгин. Во всяком случае, три письма к Самыгину (от августа — сентября 1898 г.) занесены Брюсовым подряд в одну из записных книжек как раз под заглавием «Мои письма» ²⁸. К тексту одного из своих писем Брюсов даже подобрал эпиграф из письма Самыгина.

Можно решительно утверждать, что переписка с Самыгиным — наиболее насыщенная философскими мотивами часть эпистолярного наследия Брюсова. Она содержит материал не только для изучения биографии Брюсова, его литературных интересов и взглядов, но и для выяснения философских исканий и позиций поэта, его отношения к различным философским системам, его размышлений о личности, о свободе воли и детерминизме, о добре и зле, о сознании и подсознательном, о кажущемся и реальном, о конечном и бесконечном, о единстве и множественности и на другие философские темы ²⁹.

В письмах обоих корреспондентов идет непрерывная дискуссия по философским вопросам, раскрываются их разные позиции. Мистицизм Самыгина, постоянно подчеркивающего свою веру в некую Тайну, которую познать нельзя, его религиозная мораль сталкиваются с противоречивыми мировоззренческими исканиями молодого Брюсова, окрашенными в тона плюрализма, индивидуализма, этического релятивизма. Сквозь все эти искания проходит идея примата и всевластности личного, индивидуального «я», утверждение личности, которая стремится «продумать все мелькнувшее в мыслях», «до дна упитья всеми чувствованиями» (п. 20).

Письма к Самыгину подчас оказывались своеобразной лабораторией, в которой отшлифовывались формулировки для позднейших статей Брюсова, а с другой стороны, в этих письмах приводились некоторые положения из только что написанных статей, отчасти и для того, чтобы проверить их на квалифицированном и критически настроенном читателе. Таковы, например, очень существенные для позиции тогдашнего Брюсова высказывания о духе и душе из

только что законченной работы «О искусстве»: «Безмерны изначальные сокровища духа (. . .) Нам озарена лишь часть (. . .) и эта часть — наша душа. Задача жизни и совершенствования — увеличивать область души, озаряя новые дали духа» (п. 22).

Споря со своим корреспондентом, Самыгин решительно критиковал его плюрализм и протезизм, важнейшую для Брюсова идею множественности истин и моральных принципов, призыв равно поклоняться и Христу и Дьяволу. С повышенной требовательностью и строгостью относящийся к эмоциональным декларациям и призывам Брюсова, Самыгин проявил несомненную пронизательность, высказав сомнение в полной серьезности и искренности некоторых широковещательных философских и эстетических заявлений своего друга, в которых порой было больше артистической увлеченности, игры, чем подлинного утверждения истины. Отсюда острые вопросы к Брюсову: «Что это? Мудрость или беспечность? (. . .) Неужели Вы твердо верите в Вашу дорогу? (. . .) Вам еще в диковинку ощущать и ощущать...» (письмо от 2 февраля 1900 г.).

Брюсов имел основание очень высоко оценить своего оппонента: «Единственный человек, столкновение с которым оживляет мне душу»³⁰.

Гораздо меньше затрагиваются в переписке общественные вопросы. Все же в одном из писем Брюсова содержится интересный отклик на известия об англо-бурской войне, которая воспринимается как «событие первостепенной исторической важности» (п. 27).

И Самыгину, при всей его погруженности в мир религиозно-идеалистических фантазматических, нельзя было отказать в обостренной чуткости к некоторым происходившим в действительности процессам. В этом отношении характерно письмо от 19 июля 1897 г., в котором говорится о «грозе надвигающейся социальной революции» и о «призраке всемирной войны». Выразительные слова находил Самыгин и для очень самокритической характеристики своего поколения, своей среды: «Наши души подобны старым девам, полным вождения и обманушимся в мечтах своей юности. Наши надежды слишком туманны, тусклы. Наши сердца, страстно раскрытые, измученные жадной обладания, не оплодотворяются. Нет в нас ни величия, ни простоты, ни права на достаточную решимость. С одной стороны, мы горды, с другой — ничтожны. Мы скрытные, таимся друг от друга, и потому осуждены на вечное одиночество; в нас есть лишь непроходящая тоска и болезнь» (письмо от 19 ноября 1898 г.).

Постоянно обсуждались в переписке литературные вопросы. Здесь идет речь о Метерлине и Д'Аннунцио, Гауптмане и Зудермане, Ростане и Ибсене, о Мережковском и Бальмонте, о стихах Льдова и Березина-Ланга, разворачивается острая дискуссия о творчестве И. Конева (Ореуса) и т. д.

Самыгин называл себя одним из самых искренних ценителей поэзии Брюсова, «самым восторженным читателем» ее, и часто просил поэта присылать свои стихи. Дорожа мнением своего друга, Брюсов охотно выполнял эту просьбу: он дарил Самыгину свои книги, а на обороте ряда брюсовских писем можно найти и тексты некоторых недавно написанных и тогда еще не напечатанных его стихотворений.

Самыгин, в свою очередь, шлет Брюсову свои книги и статьи с дарственными надписями, а на присланное Брюсовым откликается пространными — то восторженными, то анализирующе-критическими — оценками как отдельных стихотворений, так и целых сборников — «Me eum esse», «Tertia vigilia», «Книга раздумий», «Urbi et orbi», брошюры «О искусстве», альманахов «Северные цветы».

Характерно, что из названных книг Самыгину особенно близким оказался сборник «Me eum esse», в котором сильнее, чем в других книгах Брюсова, были выражены декадентские мотивы ущербного индивидуализма, одиноких томлений, какой-то обреченности, «безумной тревоги», «больных ожиданий». Для Самыгина, погруженного в свои болезненные переживания и постоянно жаловавшегося на свое одиночество, все это было чем-то родственным. Эпиграф к первому разделу сборника — брюсовскую строку «Красота и смерть неизменно одно» (см. I, 581) — он прямо назвал своим изречением, сказанным много времени тому назад. «В Вашей книге я прочел почти всего себя», — писал Самыгин о стихах Брюсова, созданных именно в годы их близости (письмо от 23 февраля 1897 г.).

И следующие брюсовские сборники получали очень высокую оценку друга-читателя: «Вы написали (без лести) истинно великую книгу» («Tertia vigilia» — 6 ноября 1900 г.); «книга Ваша замечательна и должна была бы выдержать целый ряд изданий» («Urbi et orbi» — 5 ноября 1903 г.). Вошедшее в этот сборник стихотворение «Нить Ариадны» (I, 275) о дерзком пришельце, стремящемся познать «святые тайны» лабиринта и заблудившемся в его «без-

донном мраке», воспринимается Самыгиным как «образ всего нашего поколения», как «приговор». «Вы наш певец, певец думающего, напряженно ищущего поколения», — заявляет Самыгин в письме от 5 декабря 1903 г. Но в названных сборниках содержалось уже и то, что было, как мы увидим дальше, для Самыгина чуждым, неприемлемым.

Письма показывают, что Самыгина особенно привлекали те менее типичные для Брюсова стихи, в которых в той или иной мере проявлялись религиозные мотивы. Так, под впечатлением стихотворения «Пасха, праздникам праздник» (I, 206) Самыгин писал: «Все дни меня преследует настроение, навеянное этими строчками, и некоторые стихи поют у меня в груди и на губах». И приведя эти строчки («Что в мире лучше // Звона колокольного // В туманной тени // Ночи весенней, // В час молений?»), Самыгин воскликнул: «Вы один из тех, кто это понимает, кто разумеет эту молитву «ночью весенней» (письмо от 6 января 1899 г.).

Он всячески хотел поддержать в литературных выступлениях Брюсова элементы именно подобных настроений. И когда последний закончил одну из своих статей утверждением, что «Баратынский был близок к тому, чтобы найти успокоение своим мучительным сомнениям в предвечном источнике всякого успокоения — в вере»³¹, Самыгин откликнулся такой одобрительной репликой: «Неожиданным теплом повеяло на меня (...) Если это не дань условностям века сего, то могу констатировать в Вашей душе зарождение новой эпохи. Как бы мне хотелось, чтобы я не ошибся» (письмо от 23 декабря 1901 г.).

В конце 90-х годов Самыгина — чем дальше, тем больше — захватывает волна религиозно-мистических настроений и переживаний. В его письмах, которые он хочет превратить в «исповеди души» (письмо от 9 января 1898 г.), мы постоянно встречаем такие утверждения: «Душа моя скорбит о боге (...) К нему я обращаю все мои помыслы и желания» (5 июля 1897 г.); «посвящаю себя науке о вечности, т. е. религиозной морали» (19 июля 1897 г.); «я хочу окупиться в мир христианской мысли» (21 января 1898 г.); «усердно занимаюсь вопросом о Христе и церкви» (9 сентября 1898 г.); «мне кажется, что тот был бы прав, кто охарактеризовал (бы) мой пафос словом „религиозный“. Я весь в вопросах религии» (18 октября 1901 г.).

Брюсов порой писал своему приятелю в близком ему ключе (здесь проявлялась и способность Брюсова настраиваться на волну того или иного из своих корреспондентов). Таково его письмо от 21 декабря 1897 г. о рождественских песнопениях и обаянии христианской мистики (п. 12). Характерно, что на экземпляре сборника «Chefs d'oeuvre», подаренном Самыгину, Брюсов воспроизвел в качестве дарственной надписи евангельский текст: «Будьте убо вы совершенни, како же отец ваш небесный совершен есть» (об этом мы узнаем из письма Самыгина от 21 апреля 1899 г.).

Однако не приходится сомневаться, что по существу своих взглядов, позиций и настроений Брюсов и Самыгин всегда были слишком различными (вспомним цитированные выше слова Брюсова: «Центр наших душ различен...»). Недаром Самыгин в одном из писем даже задавал вопрос: «Да и сходились ли мы вообще когда-нибудь?» (письмо от 21 апреля 1899 г.).

Во всяком случае, постепенно обнаруживалось все более резкое расхождение, тем более что в мировоззрении Брюсова происходили очень существенные сдвиги и изменения. Например, весной 1898 г. он писал Самыгину, расставаясь с заблуждениями субъективного идеализма: «Я любил думать, что все земное — ложь (...) За последнее время я думаю иначе» (п. 18).

Некоторые программные высказывания Брюсова и существенные черты его поэзии с каждым годом все более встречают порицание Самыгина. С решительным осуждением говорит он о присущем Брюсову — поэту и человеку — «духе гордости», о его «дерзости перед Господом»: «Страшно ходить по Вашему пути и грешно». «Путям гордости» Самыгин полемически противопоставляет позицию «умаления» человека: «Вопреки Вам я не только не чувствую „безмерности“ моего духа, но, напротив, слишком ощущаю его малый объем, его зависимость, пассивность, и в этой зависимости и пассивности весь мой рай, все мое блаженство» (письмо от 5 сентября 1898 г.). А позже в большом письме от 2 февраля 1900 г. Самыгин прямо призывал Брюсова к смирению, к тому, чтобы он ощутил себя «затерянной пылинкой, тенью тени».

Неудивительно, что все это вызывало у Брюсова отчуждение от Самыгина. Уже в июле 1898 г., записывая признание последнего, что он «смирился», стал учеником того, кто «учит человека его ничтожеству и презрительству», Брюсов делает вывод: «И я люблю его меньше,

а он был недавно моим лучшим другом»³². И в другой записи того времени Брюсов с горечью констатирует, что «лучшие из друзей, как Самыгин, влекут» его душу «долу»³³.

При нечастых теперь встречах Самыгин не производит на Брюсова прежнего впечатления. «Был он вял, неинтересен», — читаем мы в дневниковой записи за июль-август 1899 г.³⁴

Слишком противоположными оказывались и жизненные устремления и творческие установки. Вот как охарактеризовал Самыгин свои литературные занятия в Иванове-Вознесенске: «Я пишу много и усиленно все описываю бледные и серые дни, унылые зимы, бессонные ночи, стрекотанье сверчков, одиночество, одинокие думы, старость бессильную и печальную... а на сердце у меня тихое умиление, — и все горячее, знойное, великолепное кажется мне пустым, скучным и ничтожным» (письмо от 17 октября 1899 г.). Брюсов же в это время все больше тяготел как раз к «горячему, знойному, великолепному», и прямой полемикой с самыгинскими вкусами и настроениями кажется его стихотворение того же 1899 г. (правда, написанное несколько раньше цитируемого письма):

Мы к ярким краскам не привыкли,
Одежда наша — цвет земли;
И робким взором мы поникли,
Влачимся медленно в пыли.

(I, 174)

Резко контрастными были оценки разных явлений современной жизни. Самыгин, например, так рассказывал о своих впечатлениях от приезда в Москву в конце 1901 г.: «Последнее мое посещение Москвы оставило во мне чувство крайне тяжелое. Эти высокие дома. „Капернауэ, Капернауэ, до неба возросшийся, до ада низринешися!“³⁵ — все время звучало в моей душе. Не увидел я ничего прочного в вашей московской жизни, а душа моя ищет теперь только прочного. Не мог я еще отделаться от впечатления чего-то мгновенного, точно яркая афиша, которую вот сейчас сорвут и бросят под ноги. И с этой точки зрения мне было так жаль Вас, потому что я видел, что вы захвачены тем же потоком и даже один из могущественных творцов этого потока...» (письмо от 23 декабря 1901 г.).

Иначе воспринималась городская действительность поэтом-урбанистом, создавшим знаменитый «дифирамб» большому городу. Конечно, по правильному замечанию Д. Е. Максимова, «любование городом (...) не переросло у Брюсова в слепую апологию»³⁶. Поэт видел в современном городе и враждебные человеку черты, и, может быть, когда писалась поэма «Конь блед» с образом безумца, пророчествующего о грядущей гибели, автору вспомнились и слова Самыгина о Капернауэ.

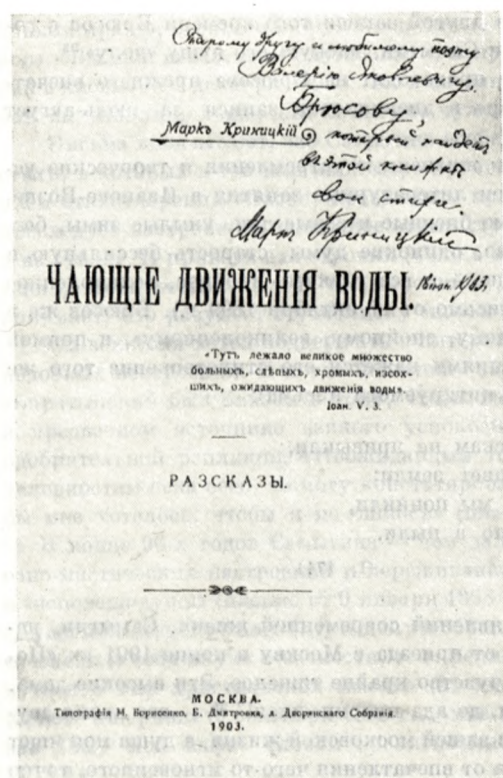
Если еще в мае 1899 г. Брюсов мог заявить Самыгину: «Я не верю, чтобы мы разошлись с вами далеко» (п. 25), то уже в феврале 1900 г. он с полным основанием констатирует: «Мы с Вами идем по путям расходящимся. Пока еще можем окликнуть один другого, но потом и голос не будет слышен» (п. 28).

Последнее упоминание имени Самыгина в брюсовском дневнике, датированное ноябрем 1901 г. и связанное с упоминавшимся выше его приездом в Москву, свидетельствует о явно осуждающе-ироническом отношении к бывшему другу, об утрате настоящего интереса к нему: «Все такой же. Говорит о боге, о благодати, боится темноты, и все его потрясает»³⁷.

Как-то, сравнивая Брюсова с орлом, Самыгин довольно метко сказал о собственном «умалении»: «Я мечтал быть орлом: суждено быть грибом» (письмо от 4 июля 1900 г.). Естественно, что для писателя с орлиным размахом грибок был малопривлекателен. Брюсов пишет Самыгину все реже, и вообще их переписка постепенно ограничивается кругом литературно-деловых вопросов. Самыгин еще пытается вернуть ей прежний характер, но это ему не удается, он не встречает поддержки у Брюсова.

Последний еще готов помогать своему товарищу в литературных делах, в устройстве его произведений в печать. Он приглашает своего корреспондента в скорпионогский альманах «Северные цветы», и Самыгин участвует во всех его четырех выпусках первой половины 1900-х годов³⁸. Но и к его литературной деятельности у Брюсова нарастает критическое отношение.

Брюсов не прошел равнодушно мимо ранних рассказов Марка Кривницкого. Если Н. К. Михайловский писал о первой книжке Кривницкого — «В тумане», — что автор ее «слаб во

МАРК КРИНИЦКИЙ. ЧАЮЩИЕ ДВИЖЕНИЯ ВОДЫ. М., 1903

Титульный лист с дарственной надписью: «Старому другу и любимому поэту Валерию Яковлевичу Брюсову, который найдет в этой книжке свои стихи. Марк Креницкий 18 июня. 1903 г.»

Библиотека СССР им В. И. Ленина, Москва

друга были неприемлемы прежде всего старомодность его литературной манеры, художественный уровень воплощения взятой темы.

На полях экземпляра третьего сборника Креницкого — «Чаяющие движения воды», — подаренного автором Брюсову в июне 1903 г., последний сделал при чтении ряд критических пометок и надписей: «по-старинному», «очень плохо», «плохой надуманный конец», «устарелая полемика с позитивизмом» и т. д.⁴³

Свое мнение о сборнике Брюсов выразил на страницах «Весов». Здесь он упрекал Креницкого за то, что последний (подобно авторам двух других рецензируемых сборников рассказов — С. Рафаловичу и В. Голикову) «вливает новое вино в старые мехи», не находит для передачи настроений современности «ничего иного кроме обветшалых форм». «Писать теперь, — заявлял Брюсов, — как это делают Креницкий, Рафалович и Голиков, по трафареткам Тургенева, это все равно, что в век митральез и скорострельных ружей выступать против врага с рогатиной и пращей»⁴⁴.

Свои критические замечания о недостатках художественной манеры Креницкого Брюсов, очевидно, высказал ему и в недошедшем до нас письме, основное содержание которого становится ясным из развернутого ответа Самыгина от 24 августа 1903 г.: «Напрасно Вы так нападаете на мой стиль. Гамсуна и пр. я не читаю и потому, конечно, не могу судить о технических усовершенствованиях современного стиля, но это было бы и излишне. Когда я пишу, я слов не взвешиваю и, вообще, не могу управлять своим вдохновением. Даже больше: когда я начну следить за собою, то выхожу вовсе плохо. Поставьте в этом смысле на меня крест. А вот о «замыслах» напрасно Вы не написали подробнее. Впрочем, я не думаю, чтобы Вам особенно понравился мой сборник и с этой стороны (...) Вам не нравится простоволо-

всех смыслах — правописательном, художественном, идейном»³⁹, то Брюсов нашел в этих рассказах «порывы и дерзновения» (п. 19).

Во второй книге Креницкого — «Цветы репейника» (1899) — Брюсов отметил «удачные замыслы», но реализация этих замыслов его не удовлетворяла. Он назвал рассказы данного сборника «мучительно плохо написанными». Правда, Брюсов порицал безымянного рецензента из «Русского богатства», который заявил, что автор рассказов занимается «односторонним и бесплодным ковырянием души»⁴⁰, но сам Брюсов упрекал Самыгина за то, что его душевные порывы слишком «бледно отразились» в книге (п. 28).

Брюсов одобрительно оценил газетные публицистические статьи Самыгина на педагогические темы. «Это резко и сильно», записал он в дневнике 1898 г., объясняя, почему только одна из них попала в печать: «газетам страшно»⁴¹. Но беллетристические произведения Креницкого вызывали недовольство Брюсова.

В критике тех лет Креницкого справедливо упрекали за чрезмерное тяготение к изображению болезненной психики, к персонажам, которые «находятся под властью какой-либо навязчивой идеи или действуют под влиянием темных, для них самих непонятных сил»⁴².

Но не это в творчестве Креницкого вызвало возражения Брюсова-символиста; для него в произведениях бывшего

ность, непричесанность моей музы. Она поражает Вас угловатостью и первобытностью провинциальных манер. Но я этого не боюсь. Я добиваюсь теперь новизны в области содержания. Я хочу сделаться интересным автором. Тот, кто способен рассказывать новые, неожиданные и, главное, захватывающие вещи, тому прощаются недочеты стиля. Таков мой метод. Против него можно спорить, но он имеет кое-что за себя».

Брюсов предполагал, что Криницкий станет писателем «нового направления», и в этом духе он пытался воздействовать на своего коллегу. Действительно, произведения Криницкого тех лет с их индивидуализмом, пессимизмом, антиобщественностью были в значительной степени созвучны декадентству. Близкий к символизму Виктор Гофман в своем хвалебном отзыве на первый том «Рассказов» Криницкого (изд. «Шиповник», 1908) с одобрением констатировал: «Основная тема Криницкого — ужас материального мира, кошмар механической вселенной (...) Дух и материя для Криницкого нечто непримиримо-противоположное, и он всюду чувствует их роковую антиномию, глухой разлад между ними (...) Из борьбы духа и материи победителем нередко выходит материя (...) Отсюда — пессимизм Криницкого»⁴⁵.

Отдал дань Криницкий и культивировавшейся символистами стилизации, например, в легенде «Ангел страха», посвященной Брюсову, или в сказании «Корабль», перекликающимся по теме с библейской легендой о всемирном потопе и Ноевом ковчеге. Он дорожил своим сотрудничеством в символистских изданиях и как читатель проявлял большие симпатии к творчеству многих модернистско-декадентских литераторов. Все это давало некоторые основания З. Г. Минц называть Криницкого одним из представителей «массового» символизма⁴⁶.

Но и на том этапе он далеко не во всем солидаризировался с соседями по скорпионовскому альманаху. Об этом он прямо говорил в своих письмах Брюсову: «Вы знаете, что я не переношу слишком символической формы» (23 февраля 1897 г.); «ведь я не вполне Вашего лагеря» (8 ноября 1900 г.); «остаюсь на старой почве» (12 ноября 1902 г.).

Самыгин был не очень последователен и в выборе своих литературных образцов. Он хотел учиться у Метерлинка и в то же время объявлял себя последователем Гауптмана и Зудермана, которые выступали тогда как наиболее видные представители натуралистического направления в драматургии. Он с увлечением читал Мережковского и одновременно упивался Мопассаном, хотя оговаривался, что никогда не будет реалистом (письмо от 30 октября 1898 г.). А вскоре его привлекают «лавы Вересаева», и как бы в pendant к «Запискам врача» он пишет «Записки педагога средней школы»⁴⁷.

Как видим, вслед за идейными столкновениями и противоречиями между Брюсовым и Самыгиным усиливались и чисто литературные расхождения. Все это не могло не привести к окончательному охлаждению в их отношениях, к прекращению их дружбы.

В № 12 «Весов» за 1904 г. в списке авторов, обещавших свое сотрудничество журналу на будущий год, еще встречается имя Криницкого, но произведения его в этом главном символистском органе не появлялись, хотя в феврале 1904 г. Самыгин послал для «Весов» заметку: «О византийской традиции в современной иконописи» (письмо от 7 февраля 1904 г.).

В 1904 г. переписка между Брюсовым и Самыгиным обрывается. Последняя дошедшая до нас открытка Самыгина датирована 18 июля 1904 г. А к 1906 г. относится последний известный нам отзыв Брюсова о Самыгине.

Советуя привлечь для участия в газете «Слово» некоторых молодых литераторов, Брюсов писал П. П. Перцову 25 марта 1906 г.: «Еще существует Марк Криницкий (Коломна, Реальное училище), но я его "разлюбил" и рекомендовать его как-то не хочется». На полях письма Брюсов сделал приписку: «К тому же он месяц за месяцем безнадежно левеет»⁴⁸. Здесь имелось в виду, что Криницкий, сотрудничавший до первой русской революции в журналах правой ориентации или подчеркнуто асоциальных, начал печататься с 1906 г. в «Мире божьем» (журнал этот вскоре стал выходить под названием «Современный мир»), принадлежавшем к тем либерально-демократическим оппозиционным органам, которые долго были чужды Брюсову-символисту⁴⁹. Так к прежним причинам расхождения прибавилась еще одна⁵⁰.

Отношение Брюсова к Криницкому и его творчеству нашло выражение еще раз в 1908 г.: в журнале «Весь» была напечатана рецензия на первый том рассказов Криницкого, изданный «Шиповником». Рецензия эта, принадлежавшая Н. И. Петровской, доводила до логического конца прежние критические замечания Брюсова и сурово характеризовала автора

книги: «Криницкий оторвался от старого тенденциозного искусства (...) но отдался непосредственно и всецело новым идеалам не сумел. Не одолел он новых стилистических задач, не справился с наплывом психологических противоречивых современных переживаний и, несмотря на большое трудолюбие и ум, не мог создать ничего оригинального и значительного»⁵¹.

Выше уже отмечалось, что литератор того же модернистского лагеря Виктор Гофман написал о данной книге хвалебный отзыв. Он нашел у Криницкого «очень глубокие и интересные темы», «тонкую и умную наблюдательность», «большие и глубокие мысли», «большую правду воспроизведения»⁵². Сораатница же Брюсова вынесла, — очевидно, полностью согласованный с руководителем «Весов», — беспощадный приговор: по ее утверждению, «оторванный от прошлого и не пригодный для настоящего» «Криницкий весь изломался и для искусства погиб»⁵³.

Литературная деятельность Криницкого продолжалась еще много лет. Он печатался во многих журналах и газетах. В 1908—1912 гг. издательство «Шиповник» выпустило три тома его рассказов, а в 1916—1918 гг. вышло пятнадцатитомное собрание его сочинений. Криницкий, к тому времени уже оставивший свою педагогическую работу, стал довольно популярным беллетристом предреволюционного десятилетия. Некоторые его романы (например, «Молодые годы Долецкого», «Маскарад чувств», «Случайная женщина» и др.) выдерживали по три-четыре издания, привлекая внимание широкой обывательской публики особенно тем, что в них на первый план выдвигалась модная тогда тема отношений между полами, критически изображалась устои современной семейной жизни, защищалась идея так называемой «свободной любви». Разъясняя свою позицию в этом вопросе, автор писал в статье «За что я борюсь?»: «Нельзя говорить о свободе личности, об уважении к человеку и одновременно мириться с открытыми формами современного семейного быта, которые явно безнравственны. Я только это и говорю в своих книгах. Современная европейская семья протитутционна, так как основана на принципе продажности женщины. Наша женщина не отдается, а только продается: на один час (бульварная протитутция), на более продолжительный срок (содержанка), на всю свою жизнь (жена)»⁵⁴. Передко встречалась в произведениях Криницкого и подсказанная его профессией учителя тема современной школы, гимназии с ее уродливыми сторонами, с ее зачастую ненормальными отношениями между педагогом и учениками.

Можно найти у Криницкого тех лет и отклики на большие социальные события современности. Так, роман «Час настал» (1915) был посвящен теме начавшейся тогда первой мировой войны и отношения к ней разных слоев буржуазной интеллигенции.

Передовая критика выражала неудовлетворенность героями Криницкого, бесконечно резонерствующими, бессильными, бескровными обывателями, которые, по словам Горького, «прячут свою никчемность в туманах метафизики»⁵⁵. Однако некоторые критики склонны были считать творчество Криницкого «глубоким и волнующим»⁵⁶. В критических обзорах современной литературы его произведения подчас рассматривались в одном ряду с произведениями Л. Андреева, Арцыбашева, Сергеева-Ценского, Зинаиды Гиппиус и других известных авторов тех лет⁵⁷.

Писательская работа Криницкого не ограничилась рамками дореволюционной эпохи. И, к его чести, он оказался в числе тех литераторов, которые сразу приняли революцию⁵⁸.

В 1918 г. он вступил в московский Союз советских журналистов, членами которого были многие видные литераторы-коммунисты (в том числе и В. И. Ленин)⁵⁹. В архиве этого Союза сохранилось заявление Криницкого, написанное в начале 1919 г.: «Признавая себя по убеждениям идейным коммунистом, примыкающим к революционному движению, представляемому Р. К. П., и активно проявляя это в моих произведениях, прошу зачислить меня в действительные члены Литературно-художественного клуба Советской секции писателей, художников и поэтов. Член секции Марк Криницкий»⁶⁰.

Первым послеоктябрьским произведением Криницкого стал вышедший в 1918 г. роман «Прапорщик Игнатов», явившийся продолжением романа «Час настал». Если в первой части диалогии — наряду с критическим отношением к буржуазной интеллигенции — нашли выражение неоправданные расплывчатые надежды на благотворную и обновляющую для страны роль империалистической войны, то во второй части главный герой окончательно убеждается на фронте в бессмысленности и преступности этой войны. Критик-большевик А. Воронский имел основание в своей рецензии противопоставить это произведение со зна-

ком плюс «казенному, барабанному ура-патриотизму» другой книги на аналогичную тему — сборнику рассказов Б. Лазаревского «Во время войны» (1915) ⁶¹.

В первые послеоктябрьские годы Криницкий активно участвует в современной литературной и театральной жизни: включается в инициативную группу по созданию московского «Дворца искусств» при Народном комиссариате просвещения ⁶², входит в организованное Есениным литературное общество «Ассоциация вольнодумцев в Москве» ⁶³, выступает с лекциями. В 1920—1921 гг. он связан с так называемой «Мастерской коммунистической драматургии» (Масткомдрам), пишет агитационные пьесы, которые с успехом шли в Теревсате (московском Театре революционной сатиры) и в разных передвижных театрах: «Новый фронт» (о перевоспитании отсталого рабочего в производственном коллективе), «Огненный змей» (о перестройке крестьянского сознания под влиянием рабочего класса), «Продналог», антирелигиозная сценка «У райских врат» и др. ⁶⁴

Имя Криницкого как автора пьесы «Огненный змей» с одобрением назвал в одной из статей о театре А. В. Луначарский ⁶⁵. Впоследствии М. Криницкий считал своей заслугой то, что он отдал «полностью свои силы первым годам революционного строительства: он напоминал, что им было «написано восемь пьес, иные из которых в эпоху до НЭПа, когда наша "большая" драматургия еще не сделала своих даже первых шагов, составляли главный хребет репертуара почти единственных тогда революционных театров, обслуживавших широкие массы» ⁶⁶.

Агитационно-плакатным характером отличались также повести и романы, написанные Криницким в 1920-е годы. Такова повесть «Светозар Октябрев», упрощенно изображавшая превращение старозаветного крестьянина в политически грамотного нового человека-общественника. Сходной теме был посвящен и роман «Девушка с Ладоги» (1927). Резко отрицательную оценку советской критики вызвал роман Криницкого «Брат мой Каин» (1928), в котором была сделана попытка отобразить события гражданской войны ⁶⁷. Участники революции были показаны здесь какими-то вымышленными правдоискателями, а на первый план выступали метания от одного берега к другому истеричной кушеческой дочери.

Однако сколько-нибудь обстоятельная характеристика послеоктябрьской деятельности Криницкого выходит уже за пределы нашей темы: после 1908 г. пути Брюсова и Самыгина, если не считать отдельных случайных встреч, не перекрещиваются, хотя оба они, проделав сложную эволюцию, пришли в ряды советских писателей. Конечно, Самыгин не мог позабыть о своем бывшем друге: не случайно в романе «Брат мой Каин» его мятущаяся героиня, вспоминая стихи Брюсова, задумывается над вопросом: «Что сейчас с Брюсовым и где он? На чьей стороне?».

Дальнейшая судьба Самыгина складывается драматически. Ухудшение здоровья ослабляет его литературную активность. В 1931 г. в результате перерегистрации членов Всероссийского союза писателей он выбывает из состава Союза, оказавшись в списке 63 «поэтов, прозаиков и драматургов, недостаточно проявивших себя как художники слова за годы революции или не соответствующих новому направлению ВСПП, а также не имеющих достаточной связи с ВСПП» ⁶⁸. В апреле 1932 г. Криницкий обжаловал это решение, обратившись в правление Федерации объединений советских писателей ⁶⁹. Вскоре, после постановления ЦК ВКП(б) 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», он пытается принять участие в обсуждении вопросов творческого метода и критикует позицию литературного руководства, но не получает желаемой трибуны ⁷⁰.

В последующие годы у него все более развиваются настроения депрессии, чувства одиночества и обиды, переносимой особенно остро из-за явно преувеличенной самооценки своих прежних литературных заслуг. Сохранилась его надпись от 10 декабря 1933 г. на машинописном экземпляре пьесы «Сев», обращенная к Е. Ф. Никитиной (Криницкий, очевидно, читал эту пьесу на одном из заседаний «Никитинских субботников»). В этой надписи он так характеризовал свое положение: «...оттолкнутый друзьями, осмеянный близкими, бездомный, никому не нужным мусором я валяюсь при дворе» ⁷¹.

В годы войны Самыгин живет в эвакуации в Самарканде, стремясь вернуться в Москву. И опять в его письмах звучит тот же мотив: «Моя казнь — одиночество» ⁷².

У него развивается психическое заболевание. В 1951 г. его помещают в психоневрологическую больницу гор. Горького, где он и умирает 23 февраля 1952 г. ⁷³, намного пережив товарища своей молодости.

Письма Брюсова к Самыгину сохранились не полностью. Известны (целиком или в отрывках) тексты 37 писем за 1897—1903 гг. (все автографы, кроме фрагмента письма № 2, скопированного И. М. Брюсовой). Основная часть писем (кроме двух, находящихся в *ИМЛИ* — ф. 13) хранится в *ГБЛ*. Архивный шифр большей части писем (на листах почтовой бумаги) — ф. 386, 72.31. Как они оказались в брюсовском фонде, неизвестно. Остальные письма (черновики и авторские копии) извлечены из записных книжек и записных тетрадей, шифры которых указываются в примечаниях. Эпистолярные фрагменты (без даты), предположительно обращенные к Самыгину, даны в приложениях к п. 4.

В *ГБЛ* (ф. 386, 102.6—10) находятся также 103 письма Самыгина к Брюсову (1896—1904) и одно письмо его к И. М. Брюсовой (1902). Выдержки из ряда этих писем приводятся в примечаниях к настоящей публикации. Отметим, что некоторые из писем Самыгина дают возможность узнать о содержании отдельных писем Брюсова, не дошедших до нас.

Тексты писем № 4 и 22 подготовлены С. И. Гиндиным. Им же указаны черновики писем № 2 (второй фрагмент), 6, 19, 20, 21. В составлении отдельных примечаний, затрагивающих философскую тематику в публикуемых письмах, принимала участие С. К. Кульюс.

¹ См. запись Брюсова в его набросках «Канва моей жизни» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.1. Л. 24).

² Об этом обществе см. подробнее наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 10, прим. 2.

³ *Дневники*. С. 20. В неопубликованном тексте дневника зафиксировано, что в начале 1895 г. Брюсов был у Самыгина 22 и 27 января, 1 и 2 февраля (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 5—5об.).

⁴ *Письма к Перцову*. С. 33. О том, что Брюсов был увлечен своим новым другом и общался с ним своим знакомым, мы узнаем и из других источников. См., например, наст. кн., Письма Ноздрина, п. 7.

⁵ *Дневники*. С. 123.

⁶ *ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 7.

⁷ О философских интересах и воззрениях молодого Брюсова и их формировании см.: *Кульюс С. К.* Валерий Брюсов и Спиноза // Сборник трудов СНО филологического факультета [Тартуского гос. ун-та]. Русская филология. V. Тарту, 1977; *Она же*. О «квантистах» раннего Брюсова // Учебный материал по теории литературы: литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв. Таллин, 1982; *Она же*. Формирование философско-эстетических взглядов В. Я. Брюсова и его творчество 1890-х годов: Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (Тарту, 1982); *Она же*. Формирование эстетических взглядов В. Я. Брюсова и философия Лейбница // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 620. Тарту, 1982; *Она же*. К вопросу о мировоззрении В. Брюсова на рубеже двух веков // Депон. в ИНИОН АН СССР, № 10091 от 6.05.1982; *Она же*. Ранний Брюсов о философских основах мировоззрения Эдгара По (1890-е годы) // *Чтения 1980*; *Она же*. «Основания всякой метафизики» В. Я. Брюсова: (Опыт реконструкции) // Социальная детерминация подсознания: Культурологический аспект. Труды по философии. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 653. Тарту, 1983; см. также: *Помирный Р. Е.* Из идейных исканий В. Я. Брюсова (Брюсов и Лейбниц) // *Чтения 1971*.

⁸ *ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 12об.

⁹ См. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 7.

¹⁰ *ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. Л. 14об.

¹¹ *ГБЛ*. Ф. 386, 3.12. Л. 56.

¹² *Письма к Перцову*. С. 33.

¹³ Об этом замысле упоминается в письме Самыгина от 30 октября 1896 г. (см. также наст. кн., Письма Ноздрина, п. 6).

¹⁴ *Дневники*. С. 25.

¹⁵ В Центральном государственном архиве г. Москвы сохранилось «дело» канцелярии попечителя Московского учебного округа «О преподавателе Тульского реального училища М. Самыгине...» (Ф. 459. Оп. 3. Д. 3491, на 52 листах). В содержащихся здесь документах раскрываются конфликты между Самыгиным и его сослуживцами, в частности, по вопросу о темах для ученических сочинений. В докладных записках директора училища попечителю учебного округа констатируется, что Самыгин «преподавание ведет живо и умеет возбудить в учениках интерес к преподаваемым предметам» (л. 16), но в то же время усиленно подчеркивается «свойственное ему упорство, самомнение и полное нежелание следовать чьим бы то ни было указаниям» (л. 2), «реакция заносчивый тон» (л. 14), «беспокойный нрав и неуживчивость» Самыгина (л. 3), который «позволяет себе в резкой форме критиковать методы преподавания и воспитания своих товарищей» (л. 15). Директор приходил к выводу, что дальнейшая служебная деятельность Самыгина в Тульском реальном училище нежелательна, так как она вносит смуту и раздор между преподавательским персоналом (л. 3).

¹⁶ *ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/2. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 15.

¹⁸ Из книг, прочитанных в это время Брюсовым, наибольшее впечатление произвела на него книга философских этюдов М. Метерлинка «Le trésor des humbles» («Сокровище смиренных»), 1896). 23 февраля 1897 г. Брюсов записал в дневнике: «И тогда мне открылось

новое. То были дали, которых я не знал, и перспективы, существование которых я отрицал. Вдруг, внезапно я понял. Все кончено. Былое отпадает, как сон. Последний год я блуждал уже в полумгле рассвета. Завеса прорвана. Брызнули лучи — и восходит солнце ... восходит на Небо. Это откровение принес мне осмеянный у нас, пародированный нами, проклятый — Метерлинк. Да будет благословенной книга его — «Le trésor des humbles» (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 130б.). О книге Метерлинка см. также п. 3, прим. 4.

¹⁹ *ГБЛ.* Ф. 386, 1.14/2. Л. 140б. «Вперед и вперед!» («Иди неустанно вперед и вперед!») — последняя строка из стихотворения Брюсова 1896 г.: «Не плачь и не думай...» (1, 129), вошедшего в *МЕЕ* (под заглавием «Утро»).

²⁰ *ГБЛ.* Ф. 386, 1.14/2. Л. 150б.

²¹ См. п. 3, прим. 7.

²² См. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 55, прим. 4.

²³ Евгения Ильинична Павловская. См. о поездке Брюсова к ней в п. 6.

²⁴ Запись от 18 апреля 1897 г. // *ГБЛ.* Ф. 386, 1.14/2. Л. 190б.

²⁵ *Дневники.* С. 33. Точное название статьи с указанием места и времени ее опубликования см. в п. 14.

²⁶ *Дневники.* С. 61.

²⁷ *ГБЛ.* Ф. 386, 3.21. Л. 39.

²⁸ *ГБЛ.* Ф. 386, 14.5/10. Л. 100б.—110б.

²⁹ Переписка Брюсова и Самыгина используется в качестве одного из источников в диссертации С. К. Кулюкс «Формирование философско-эстетических взглядов В. Брюсова и его творчество 1890-х годов» (Тарту, 1982).

³⁰ *Дневники.* С. 39.

³¹ *Брюсов В.* Старое о г-не Щеглове // *РА.* 1901. № 12. С. 579.

³² *Дневники.* С. 41.

³³ Там же. С. 45.

³⁴ Там же. С. 74.

³⁵ Капернаум — один из городов Галилеи. По евангельской легенде, жители города, погруженные в свои торгово-промышленные интересы и суетные заботы, остались глухи к проповеди учения Иисуса Христа, который предрек городу гибель (Матфей 11, 23). Вскоре Капернаум был совершенно разрушен.

³⁶ *Максимов Д.* Брюсов: Пoesия и позиция. Л., 1969. С. 148.

³⁷ *Дневники.* С. 107.

³⁸ Позже Самыгин склонен был считать выступления в «Северных цветах» подлинным началом своей литературной деятельности (см. об этом в его заявлении во Всероссийский союз писателей от 16 января 1928 г. — *ИМЛИ.* Ф. 374. Оп. 1. № 12).

³⁹ *Мизгайловский Н. К.* Литература и жизнь // *Русское богатство.* 1895. № 2. С. 152 (2-й пагинации).

⁴⁰ *Русское богатство.* 1899. № 9 (12). С. 37 (2-й пагинации).

⁴¹ *Дневники.* С. 52. О статье Самыгина см. п. 23, прим. 3.

⁴² Рецензия за подписью Ю-нъ на сб. Криницкого «Чающие движения воды» // *Новое время.* 1903. № 9870. 27 авг. (иллюстрированное прибавление, с. 8).

⁴³ *ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1150. На экземпляре книги дарственная надпись автора: «Старому другу и любимому поэту Валерию Яковлевичу Брюсову, который найдет в этой книжке свои стихи. Марк Криницкий. 8 июня 1903 г.»

⁴⁴ *Весы.* 1904. № 5. С. 53—54. Еще раньше, в 1903 г., Брюсов написал рецензию на книгу «Чающие движения воды» для № 9 «Нового пути», но в последний момент по невыясненным причинам просил П. П. Перцова «вынуть и разобрать (...) статейку о Криницком», так как «она не могла еще быть напечатана» (*ЛН.* Т. 27—28. С. 294). Текст «статейки» неизвестен.

⁴⁵ *РМ.* 1908. № 4. С. 71 (3-й пагинации).

⁴⁶ *ЛН.* Т. 92, кн. 1. С. 110.

⁴⁷ 27 января 1901 г. Самыгин сообщил Брюсову: «Лавры Вересаева не дают мне спать: теперь я пишу, вернее оканчиваю писанием «Записки педагога средней школы». Второе заглавие этой повести из гимназического быта, законченной к началу 1902 г., — «Плевелы» (см. п. 34, прим. 3).

⁴⁸ *ИМЛИ.* Ф. 13. Оп. 3. № 20. Л. 8. Брюсов допустил в письме неточность: Самыгин преподавал в Коломне не в реальном училище, а в гимназии.

⁴⁹ Спустя четверть века Криницкий писал: «После 1905 года мои общественно-политические симпатии приобретают большую определенность, диктуемую не личными привязанностями, а гражданскими мотивами» (*ИМЛИ.* Ф. 374. Оп. 1. № 12). О переходе Криницкого после революции 1905 г. на более левые позиции свидетельствует, в частности, его письмо от 6 октября 1908 г. к А. С. Глинке-Волжскому в ответ на приглашение последнего сотрудничать в журнале «Северное сияние»: «Уверен, что, хотя и без определенного направления, Ваш журнал тем не менее не будет политически реакционным и в него не будут допущены сотрудниками лица, участвующие в органах печати, санкционирующих виселицу (...) и потому охотно буду у Вас сотрудничать» (*ЦГАЛИ.* Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 237). Но вскоре, в письме от 16 ноября 1908 г., Криницкий отказался от участия в журнале, заявив, что он «против всякой травли национальностей, хотя бы это совершалось и в очень замаскированной форме», и что помещение произведений, отражающих подобные взгляды, в № 1 «Северного сияния» закрывает для него вход в этот журнал (Там же). Общественно-

политическая эволюция Криницкого сопровождалась и постепенным его отходом от религиозных основ мировоззрения.

⁵⁰ Переход Криницкого из правых или модернистских журналов в издания типа «Мира божьего» не был одиночным явлением в тогдашней литературной жизни. Критик Н. Я. Абрамович (Н. Кадмин) в статье «Журнальная беллетристика» отметил, что «в большинстве наших толстых ежемесячников с 1906 года» появляются «имена писателей, бывших еще так недавно за непереходимой стеной, в чуждом и даже враждебном лагере. Беллетристы и поэты из «Вопросов жизни», «Весов», «Нового пути», органов самодовлеющего и неслужебного искусства, находят приют в «Мире божьем», «Образовании» и «Русской мысли» (Новая книга. 1907. № 12. 30 сент. С. 1). Но любопытно, что Абрамович в перечне писателей, пришедших в демократические и либеральные журналы из модернистских изданий, рядом с Марком Криницким и Борисом Зайцевым назвал и Валерия Брюсова, который с 1907 г., проявляя нередко для него непоследовательность, также перестал избегать сотрудничества в таких ежемесячниках, как «Образование», «Современный мир», «Трудовой путь».

⁵¹ Весы. 1908. № 2. С. 82.

⁵² РМ. 1908. № 4. С. 71—72 (3-й пагинации).

⁵³ Весы. 1908. № 2. С. 82, 81.

⁵⁴ Журнал журналов. 1915. № 23. С. 10—11. Впоследствии в «Литературной энциклопедии» Криницкий был аттестован как «один из типичных беллетристов «легкого жанра», близкий Арцыбашеву». В энциклопедической заметке говорилось, что «почти все произведения Криницкого посвящены описанию быта и жизни дореволюционного мещанства, изображенных им с неизменным подчеркиванием интимно-эротических сторон (...) Многочисленными описаниями адюльтеров романы Криницкого отвечали запросам обывателя-мещанина эпохи между двумя революциями...» (Лит. энциклопедия. 1931. Т. 5. Стлб. 588). Эта заметка несомненно огрубляла и вульгаризировала облик Криницкого-писателя. Неудивительно, что он протестовал против содержащихся здесь утверждений и заявлял: «Я посвятил свою литературную деятельность этого периода как раз разному идеологическим и бытовым установкам этого обывателя-мещанина» (ИМЛИ. Ф. 374. Оп. 1. № 13).

⁵⁵ Рецензия Горького на кн.: *Криницкий М.* Рассказы. Изд. «Шиповник», 1912. Т. III. // Современник. 1913. № 1. С. 377 (вошла в кн.: *Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941). Неодобрительно отозвался Горький и о повести Криницкого «Молодые годы Долецкого» (письмо к А. В. Амфитеатрову от 24 июля 1911 г.). Амфитеатров в письме к Горькому от 22 июля оценил повесть еще более сурово: «Оригинальности ни капли (...) Знания жизни ни малейшего» (ЛН. Т. 95. С. 326.).

⁵⁶ *Веселовский Н.* Уберите рабынь! (О Марке Криницком) // Свободный журнал. 1915. № 12. С. 127—128.

⁵⁷ См.: *Абрамович Н. Я.* (Н. Кадмин). О художественном письме в современной беллетристике // Образование. 1908. № 6; *Васильев Ю.* «Мертвые души» (искания «современной души» в романах З. Гиппиус и Марка Криницкого) // Путь. 1912. № 10—11.

⁵⁸ О переменах, происходивших накануне Октября в политическом сознании и позиции Самыгина, свидетельствует его запись от 26 августа 1917 г.: «Чувствую себя как новорожденный. Хочется не повторять старых ошибок. У меня нет камня за пазухой. Примите меня как младенца, — и тогда не ошибетесь и Вы» (Альбом А. С. Балагина со стихотворениями и автографами писателей // ЦГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 800. Л. 16).

⁵⁹ См. список членов Московского Союза советских журналистов. — ЦГАЛИ. Ф. 1600. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1—5. О составе и деятельности Союза см. сообщение А. Л. Евстигнеевой «Стоя по моим убеждениям на платформе Советской власти...» (Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1978).

⁶⁰ ЦГАЛИ. Ф. 1600. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 11. Такая формулировка повторяется во многих аналогичных заявлениях членов секции.

⁶¹ *Воронский А.* Без дороги // Рабочий край. Иваново, 1919. № 4. 5 янв.

⁶² См. статью Андрея Белого «Из хроники московской жизни. Дворец искусств» // ЦГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 10.

⁶³ *Ройzman М.* Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 31—32, 38, 239.

⁶⁴ См. кн.: *Русский советский театр, 1917—1921.* Л., 1968. С. 182—184, 186, 189, 190. Пьеса «Новый фронт» была впервые напечатана в «Вестнике театра» (1921. № 87—88 и № 89—90). Вместе с другими пьесами вошла в кн.: *Криницкий М.* Новый народный театр. Харьков, 1923. О работе Криницкого в Масткомдраме см.: *Нежный И.* Былое перед глазами: Театральные воспоминания. М., 1969. С. 109, 116, 119—121.

⁶⁵ *Луначарский А. В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1964. Т. 3. С. 95.

⁶⁶ Заявление Криницкого во Всероссийский союз писателей от 16 января 1929 г. (ИМЛИ. Ф. 374. Оп. 1. № 12). В другом его заявлении говорится: «Пишущий эти строки гордится, что на волжских агитпароходах 1922 года играли с остановками в населенных пунктах почти исключительно его пьесы: «Огненный змей», «Новый фронт» и «Урок трудовой грамоты» (Там же. № 13).

⁶⁷ См. рецензии Я. Григорьева (На лит. посту. 1928. № 6), Е. Рамма (ЛР. 1928. № 4), И. Гроссмана-Роцина «О «дураках» и классовой борьбе в литературе» (На лит. посту. 1928. № 9).

⁶⁸ Протокол № 28 заседания правления ВССП от 16 октября 1931 г. (ИМЛИ. Ф. 157. Оп. 1. № 28).

⁶⁹ *ИМЛИ*. Ф. 374. Оп. 1. № 13. В своем заявлении Криницкий писал: «... я считаю состав персональной комиссии ВСПИ вряд ли компетентным в вопросе о выдаче мне литературного паспорта, писателю с 37-летним стажем, к тому же имеющему революционно-литературные заслуги за период от 17-го до 22-го гг., когда некоторые из старых писателей, членов нынешней персональной комиссии, «высокохудожественно бездействовали», разделяя элостный предрассудок, имевший место, в особенности в 19—22 гг., что для «настоящей» художественной литературы еще не пришло время. Литературный жанр, служивший в то время непосредственно целям революционно-политической агитации, получил презренную кличку «агиток», что не помешало последним, следуя примеру г. Демьяна Бедного, занять свое, смею сказать, почетное место в истории послеоктябрьской революционной литературы».

⁷⁰ См. заявление в Секретариат Оргкомитета советских писателей от 10 сентября 1933 г. (*ИМЛИ*. Ф. 41. Оп. 1. 629) и «Протест в Организационный комитет Союза советских писателей (против ошибок литературного руководства)» от 25 мая 1934 г. (*ИМЛИ*. Ф. 374. Оп. 1. № 14).

⁷¹ *ГБЛ*. Ф. 198, 4.26. Цитируемым словам в подписи предшествует такая автохарактеристика: «Решивший хребтовые проблемы эпохи, создатель советского театра, оставшегося в моих папках (8 пьес!»).

⁷² Письмо Самыгина к Е. Ф. Никитиной от 19 июля 1942 г. (*ГБЛ*. Ф. 198, 4.30. Л. 1).

⁷³ Сообщено автору данной статьи Горьковским отделом ЗАГС в письме от 2 октября 1981 г.

1

15 июля (18)97 г. Останкино

Дорогой друг!

Я не напишу Вам больше восторженного письма ¹: те минуты прошли, и я опять холодно и спокойно смотрю на свою жизнь ². То, что Вы мне писали, конечно, сознаю я и сам ³, но ведь не испугают же меня так называемые «мелочи жизни».

Не легкокрылых грёз, детей полночной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных ⁴.

Это — слабость. Можно, я это утверждаю, стоять выше людских сует, забот юдольных, и не бояться их — можно! «Жизнь с приключениями» — я ее веду вот уже лет десять, а к чему сводятся все эти приключения? — единственно к лживому «люблю». О, много красивых сцен! клятвы, слёзы, проклятия, — то ночь и лес, то чужой «альков», то грязный номер с пьяными песнями за стеной. Блуждать по бездне, как Бодлер.

Но если ум твой в безднах бродит,
Ища обетованный рай ⁵.

И что было бы? — Я написал бы еще книгу, а может быть две, — стихов, стихов отчаянья.

Беспощадное «поздно»
Прозвучало давно ⁶.

Я дал бы в своем пересказе Верлена, Бодлера, Баратынского, немного себя. Есть поэт Ахилл Сегард; он описывает в одном стихотворении, как он приехал однажды в Париж.

Я одинок в столице шумной,
Иду не встреченный никем ⁷.

Бальмонт смеялся над этим стихотворением, а меня оно мучило; вы представьте себе этого поэта, юношу без особого таланта, немудреного, простого, о котором все тотчас забудут после его смерти (его стихи плоховаты); и вот он идет по шумному Парижу, где миллионы людей и где он одинок.

Иду, не встреченный никем...
Чего-то жажду я безумно...
...О, где же та, кого я жду ⁸.

М. В. САМЫГИН

Фотография. 1910-е годы

Собрание К. А. Марцишевской, Москва

Но разве нельзя быть одиноким, женившись? — О, какой грубый вопрос, как он резко врезается в мои думы. Я ничего не утверждаю. Простите. Я сегодня совсем бессистемно болтаю, и этого письма не следовало бы посылать. Помните у Фофанова?

И молча мне больно,
И сердце обиды людские шутя переносит.
Довольно! довольно!
Душа утомилась и только забвения
просит! ⁹

Меньше всего я могу сказать, что утомился. Напротив, я начинаю новую жизнь. Клянусь, это возрождение.

Но краски чуждые с годами
Спадают ветхой чешуей ¹⁰.

«Того, что я писал, назад я не беру» ¹¹ — но я не написал бы многого теперь. Даже «Me eum» далеко от меня ¹². — Я всё говорю о себе. Не сердитесь. Так много идей, образов, матерьялов, — что я мог бы безостановочно работать много лет. Заточиться в монастырь?

— это другой исход. Как Флобер. Но Аластор ¹³ дух злобный; он мстит своим поклонникам. — Я много работаю над «Историей лирики»; это будет труд громадный, величайший. Он должен создать науку «истории литературы» ¹⁴. Подобного ему нет, не было. Он разрастается с каждым новым шагом; годы, годы — передо мной. И неужели мне суждено будет умереть со словами Бокля: «Книга, моя книга, я никогда не окончу ее!» ¹⁵ Да, это «моя книга». Пока еще меня волнуют думы, я пишу повести, поэмки, стихи, но если б я обладал совершенной волей, я весь отдался бы своему труду, весь. — Вечно читая «старых мастеров», я перечел недавно Бальмонта. Он еще понятен мне, я понимаю, чем он восхищается, но все это чуждо мне — чуждо совсем. Что будет, когда мы встретимся с ним ¹⁶. Мы не пойдем друг друга. Мы стали разными людьми.

Но я искушаю Ваше терпение. Обещаюсь следующее письмо написать разумно: есть два вопроса, отвлеченных, о которых мне хочется с Вами поспорить. Книгу Вашу посылаю сегодня ¹⁷. Хотелось бы увидеться с Вами, но, вероятно, ко времени нашего «свадебного путешествия» ¹⁸ Вас уже не будет в Пернове ¹⁹. Много хлопот по венчанию: я — студент, а она австрийская подданная, и вдобавок — католичка.

Ваш Валерий Брюсов

Жизнь мою отдаю я тебе,

Знаю, ждет меня много и слез...

Жизнь мою.

Знаю. Пусть.

Верю: верить хочу я судьбе;

Я готов ради пламенных грез

Я — люблю.

Ведать грусть.

Если даже раскаянья миг

Мне сужден,

Слабой платой восторгов моих

Будет он ²⁰.

В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 3—4об.

¹ «Восторженное письмо» Брюсова, написанное, вероятно, в конце июня 1897 г., до нас не дошло. О настроении, нашедшем отражение в нем, свидетельствует дневниковая запись Брюсова 27 июня 1897 г.: «Жить вместе с той, кого я люблю безмерно, встретиться с ней каждый день, ждать и верить, что скоро она будет моей,— это такое счастье, что я плохо представляю его себе. Что, если Эда умрет. Ужас, ужас думать» (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 29). Эда — прозвище, которое Брюсов дал своей будущей жене, Иоанне Матвеевне Рунт.

² 8 июля 1897 г. Брюсов записывает в дневнике: «Душа — в равновесии. Волнения минули. Восторженное письмо, посланное Самыгину, кажется смешным. Любви в сердце нет. Но это ничего. Я все же женюсь. Я избавлюсь этим от любви, от любовницы и от своей семьи. Прощусь с моей юностью, с безумными надеждами, с безумной жизнью. Тихая работа над Историей лирики, спокойные замыслы повестей и драм, изредка лирический порыв. Да будет!» (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 30об.).

³ Отвечая на «восторженное письмо», Самыгин писал 5 июля 1897 г.: «Радость Ваша, мой друг,— радость моя. Ваши надежды — вместе и мои. Но горе путнику, принимающему за действительность случайную и прихотливую игру лучей. Нам нужны действительные колодцы, а не пустой призрак, действительная прохлада лесов, а не обманчивая тень, и призраки каменных громад только предвостовники страданий и гибели утомленного сердца».

⁴ Из стих. Баратынского «Голле тревожный день приветен...».

⁵ Из стих. Ш. Бодлера «Эпиграф к одной осужденной книге» в переводе П. Я(кубовича) (Бодлер. Стихотворения. М.: изд. Петровской библиотеки, 1895. С. 104).

⁶ Неточная цитата из стих. Брюсова «После ночи бессонной...» (1895), вошедшего в *ChdO* 2. В сборнике 2-я строчка: «Прозвучало, как гром» (I, 122).

⁷ Ахилл Сегард (Achille Segard) — французский поэт, автор сборников стихотворений: «*Nymphes profanes*» («Нечестивые гимны»), 1895 и «*Le départ à l'aventure*» («В путь наугад»), 1897. В записных книжках Брюсова «Мои стихи» имеются относящиеся к 1895 г. переводы стихотворений Ахилла Сегарда «Весь день в моей душе дрожит воспоминанье...» (ГБЛ. Ф. 386, 14.5/3. Л. 27об.—28) и «Я одинок в столице шумной...» (Там же. 5/5. Л. 19).

⁸ Из стих. «Я одинок в столице шумной...».

⁹ См. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 40, прим. 1.

¹⁰ Из стих. Пушкина «Возрождение» (1819).

¹¹ Первая строчка брюсовского перевода стих. Верлена «*Rompons! Ce que j'ai dit je ne le reprends pas*» из сб. «Счастье» (1891). См.: *Верлен П.* Собр. стихотв. в переводе В. Брюсова. М.: Скорпион, 1911.

¹² В ноябре 1897 г. Брюсов написал стих. «По поводу «*Me eum esse*», в котором утверждал, что «эти звенящие строки» теперь от него «далеки» (I, 201). Стихотворение (с первоначальным заглавием «Искушения») он послал Самыгину в письме от 15 ноября 1897 г. (п. 9).

¹³ Аластор — в греческой мифологии — демон мщения, преследующий за преступление; по другой версии — злой дух, толкающий на преступление.

¹⁴ О работе Брюсова над «Историей русской лирики» см.: *Неосуществленный замысел*.

¹⁵ Слова, повторявшиеся в предсмертном бреду английским историком и социологом Генри Томасом Боклем (1821—1862). Автор двухтомной «Истории цивилизации в Англии» (1858—1861), он собирался написать и полную историю цивилизации всего человечества.

¹⁶ Вальмонт был в это время (с сентября 1896 г. по ноябрь 1897 г.) за границей.

¹⁷ Самыгин в письме от 5 мая 1897 г. обратился к Брюсову со следующей просьбой: «Книжку о Ницше, рекомендованную Фриче, не забудьте выписать для меня и поскорее, чтобы к моим каникулам она могла уже прибыть» (возможно, речь идет о немецкой книге А. Рилля, упоминаемой Брюсовым в письме от 14 января 1898 г.— см. п. 13, прим. 3).

¹⁸ Свадьба Брюсова и Иоанны Матвеевны Рунт состоялась 28 сентября 1897 г. После венчания они уехали в Петербург.

¹⁹ Лето 1897 г. Самыгин проводил в курортном городе Пернове Лифляндской губ. (теперь — Пярну Эстонской ССР). Брюсов увиделся с ним 9 августа 1897 г. в Москве.

²⁰ Из неопубликованных стихотворений Брюсова («Мои стихи». Записная книжка № 8 — ГБЛ. Ф. 386, 14. 5/8. Л. 22).

2

(Москва. Начало июля 1897 г.)

I

Прочел «Ольгушку из Подъяческой» (М. Северной)¹. У автора есть средства для того, чтобы писать, есть умение, — но то, что я прочел, не драма и даже не истинно художественное произведение. Это сцены из жизни — и только. Нет здесь того, что мы с Вами в наших спорах называли идеей, такая идея дает цельность произведению, через нее оно получает начало и конец — в «Ольгушке» этого нет: она может начаться раньше первого действия, можно к ней присоединить 4-ое действие (ведь читатель не обязан верить, что минутная вспышка любви у Ольгушки перейдет в твердое постоянное чувство).

II

(. . .) Вы сравниваете эту вещь с «Евгением Онегиным» по фабуле. Вот в чем разница и вот почему в «Евгении Онегине» есть драма, а в «Ольгушке» нет или, кажется, нет.

Онегин и Татьяна оба правы (в мире драм, по словам Лиры, нет виноватых), в «Ольгушке» есть виноватый, это Миколай. Зритель не сочувствует ему, не любит его, да и автор его не любит, а это уже преступление — поэт только того изображает художественно, кого любит. «Ольгушка» оставляет неприятное ощущение. «Ах, думаешь, ну чего он этот Миколай, женился бы и все бы хорошо». Какая же драма, если вся она построена на недобросовестности Миколая. Истинно драматическое заключается в столкновении с высшей силой, с роком. И этот Рок так и напрашивается в эту драму. Зачем было делать из Миколая обольстителя. Он мог искренно любить Ольгушку и искренно быть убежденным, что он не может на ней жениться, что уж таково устройство белого света, которого не переделаешь. Тогда было бы драматическое положение. Ольгушка по убеждениям своим, по душе своей жаждет быть женой Миколая и иначе любить не может. Миколай по убеждениям, по строю души своей думает, что Ольгушка должна любить его так, без брака, что жениться они не должны. Оба считают себя правыми, оба винят другого, и вот истинная коллизия. [Вместо этого перед нами Миколай, который и сам полагает, что он поступает хорошо, и Ольгушка, которая борется с злым обольстителем.]

Как только в Миколае есть хоть какое сознание, что он поступает дурно, драма исчезает. Мне скажут, что моя схема не соответствует жизни. Может быть — но из подражания жизни выйдет только фотография, а не драма, — фотография и вышла. Замечу впрочем, что местами Миколай приближается к тому, чем я его желал бы видеть, некоторые его речи носят отпечаток искренности, и это одно несколько спасает пьесу.

Первый фрагмент — *ГБЛ*. Ф. 386, 72.31. Л. 43 — отрывок из письма, переписанный И. М. Брюсовой, с пометками: «Письмо к Самыгину» и «См. Неизданные рассказы, папка «Отрывки разных рассказов». Второй фрагмент — *ГБЛ*. Ф. 386. 3.9. Л. 46об.—46 (в порядке обратной нумерации) — отрывок из черновика, находящегося в записной тетради № 30. Предыдущие листы отрезаны. Датируется по месту чернового текста в записной тетради, относящейся к первой половине 1897 г. На том же листе 46 находится черновик письма к Эде (см. п. 1, прим. 1) от 1 июля 1897 г.

¹ *Северная М.* Ольгушка из Подъяческой. Драматический этюд в трех действиях. (Посвящается тульским ремесленникам). Тула, 1896. Упоминается Брюсовым в «Списке моих книг» с пометой: «От М(ихаила) С(амыгина) 1897 г.» (*ГБЛ*. Ф. 386, 117.34).

В письме от 30 октября 1896 г. из Тулы Самыгин писал: «Здесь живет очень талантливая драматическая писательница Мария Северная, уже пожилая особа, школы Островского. Я с ней познакомился и надеюсь сойтись ближе: очень замечательная женщина».

В том же 1896 г. в Туле вышла ее книжка «Драматические произведения из народного быта». Произведения М. Северной печатались и в периодических изданиях (напр., пьеса «Баба доля» в «Отечественных записках» — 1880. № 7).

Еще в первые годы после Октября на сцене Театра Рогожско-Симоновского совета шла пьеса Северной «Никудышкины и солидные люди» с участием артиста Малого театра Н. К. Яковлева (см. в кн.: *Каверин Ф. Н.* Воспоминания и театральные рассказы. М.: ВТО, 1964. С. 94—95).

3

26 июля (18)97 г. Останкино

Друг мой! искренний! близкий!

Буду говорить с Вами так откровенно, как не всегда говорят наедине с собой, — постараюсь ответить на все Ваши сделанные и подразумевавшиеся вопросы¹.

Вот прежде всего характеристика моей будущей жены. Она — не из числа замечательных женщин; таких, как она, много; нет в ней и той оригинальности, того самостоятельного склада души, которому мы с Вами дивились в письмах Евгении Ильиничны². Это — вполне романский характер. Она была воспитана,

Львів 9 ж. Останкино.

Друг мой! некрестный! безумный!

Буду говорить о Васим так откровенно, как же всегда говорят наедине с собой, — но старалось ответить на все Ваши справедливые и подражававшие вопросы.

Роман прежде всего характеристика нашей будущей эпохи. Она — не из тех галль-гемельных француженок; таковы, как она, много: есть в ней и то оригинальное, того самостоятельного складу души, которому мы и Вами удивлялись. В тебяр Ев. Нибелинга это — вполне романский характер. Она была воспитана, как в монастыре, проникнута идеями единой папской церкви и в поэзии читает *l'ars poetique*. Буало, из которого знает длинные цитаты наизусть. Она догматична, как в монастыре, проникнута идеями единой папской церкви и в поэзии читает *l'ars poetique*. Буало, из которого знает длинные цитаты наизусть. Она догматична,

ПИСЬМО БРЮСОВА М. В. САМЫГИНУ

Автограф. Останкино, 26 июля 1897 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

как в монастыре, проникнута идеями единой папской церкви и в поэзии читает «*l'ars poetique*» * Буало, из которого знает длинные цитаты наизусть. Она догматична, наивна, но — как всё романское — склонна к мимолетному безграничному протесту (это не значит капризна). (Ибо что такое романский дух? Это Век Людовика XIV, *l'état c'est moi* ** , и революция; это лжеклассицизм и символизм; это папство и низвержение христианства). — Добавлю еще, что далеко не красива и не слишком молода (ей 21 год); впрочем, Вы с ней встречались.

Да, этот брак не будет тем идеальным союзом, о котором Вы проповедуете.

* Поэтическое искусство (лат.— франц.).

** государство это я (франц.).

Избранница, которая была бы равна мне по таланту, по силе мысли, по знаниям — вероятно, это было бы прекрасно. Но можете ли Вы утверждать, что я встречу такую и что мы полюбим друг друга? А, может быть, возненавидим? Да и то, вспомните Жорж Занд и Альфреда де Мюссе³. В прошлом у меня были подруги, которые стояли выше других женщин. Мне случалось проводить ночи с женщиной, которая рифмовала не хуже меня, и на постели мы вперегонки слагали строфы шуточных поэм. Наконец, та же Евгения Ильинична, со своими мучительными думами о счастье людей, о добре, о боге. Но ни одну из таких я не желал бы иметь постоянной подругой. Все они, самостоятельные, талантливые, — всё же (Вы поверите!) ниже меня, всё же в умственной сфере я должен к ним спускаться. И это вечное положение наставника, с которым спорят и которого осуждают (потому что меня не поймут никогда), и они бы стали оценивать мои стихи! — для меня невыносимо. Я предпочитаю, чтобы со мной было дитя, которое мне верит. Мне нужен мир, келья для моей работы, а там была бы вечная, и для меня бесплодная, борьба.

Видите, что этот брак почти «по расчету». Но, конечно, не в этих доводах все дело! Есть один великий довод, перед которым все остальные ничто: это — любовь, ее любовь. Неужели же в нелепой гордости мне пройти мимо, повторяя себе: «о, этого я найду сколько угодно». Слушайте, вот цитата из Метерлинка: «Будь я Микель Анджело, Паскаль или Платон, и если бы моя любовница говорила мне о своих серьгах, — все равно все слова и ее и мои были бы только призраками. Думаете ли вы, что нам нужны высокие слова, когда душа глядит в душу? нет, я не знаю столь дивной мысли, чтобы она смела поднять голову перед таинством Любви»⁴.

Я очень дорожу Вашим мнением, Михаил Владимирович, мне было бы очень больно, если б Вы нашли, что я поступаю безрассудно. Боже мой, ведь не «ослеплен же я страстью». Это смешно. Десять лет я веду пышную жизнь неоромантика, бездельничающего поэта, довольствующегося строфами о своем настроении. Но Вы знаете, что этого мне не нужно.

Не нужна мне жизнь волнений,
Солнца блеск и волн прибой,
Ты всегда со мной, мой гений,
Я везде, всегда с тобой!⁵

Так много планов, так много замыслов передо мной! Чтобы исполнить все, конечно, жизни не хватит⁶. И вот я замыкаюсь в мою семейную келью. — Вы скажете, что я много говорю о себе, а не подумал о том, что нужно ей. Неправда, подумал и думаю. Я вовсе не хочу заставить ее жить только моими радостями. Я люблю жизнь, обыкновенную, общую, хотя, правда, больше, как наблюдатель. Ведь не скучал же я, проводя с Еленой вечера в кабаках⁷. О, во мне достаточно молодости, чтобы дурачиться и веселиться, как школьнику. Вы еще скажете, что я должен «учить» ее. Да, — в пределах. Теперь мы читаем Шекспира, когда-нибудь будем читать Метерлинка. — Но в конце концов Вы правы, — я больше думаю о себе. Мой девиз в этом браке слова одного английского писателя: «Не надо бросать светильник за то только, что это не солнце»⁸.

Душою Ваш Валерий Брюсов

P. S. Ваше письмо принесло Жанне много печали⁹. Она просила его прочесть, потому что читала предыдущее. Я подумал и дал. Думаю, что так и надо было.

P. P. S. Ваш адрес не изменяется?

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 5—7об.

Напечатано (с пропусками, без указания имени адресата) в статье И. М. Брюсовой «Материалы к биографии Валерия Брюсова» (*Брюсов В.* Избр. стихи. М., Л.: Academia, 1933. С. 126—128).

¹ В письме от 19 июля 1897 г. Самыгин просил Брюсова написать подробнее о предстоящем браке и о его будущей жене: «Я знать хочу, в чем тайная сущность гармонического

союза души Вашей с Вашей избранницей? Чего надеетесь Вы достигнуть в союзе с ней и для чего этот союз? Я не могу допустить, чтобы он был данью людской пошлости.

² В архиве Брюсова хранится 27 писем Е. И. Павловской (ГБЛ. Ф. 386, 97.26—27).

³ Любовь Жорж Санд и Альфреда де Мюссе, в которой бурные конфликты многократно чередовались с примирениями, закончилась разрывом. Впоследствии Брюсов опубликовал рецензию на книгу «Correspondans de George Sand et d'Alfred de Musset» («Переписка Жорж Санд и Альфреда де Мюссе»), Bruxelles, 1904. «В этой любви,— писал Брюсов,— была заложена трагедия, которая могла разрешиться только гибелью одного из двух» (Весы. 1904. № 7. С. 63).

⁴ Неточная цитата из статьи «О женщинах» в философской книге М. Метерлинка «Сокровище смиренных». Еще в 1896 г. Брюсов прочитал в № 2 «Северного вестника» три этюда Метерлинка, составивших заключительную часть этой книги. Свое впечатление он сформулировал в записи 6 марта: «Странно — вся эта Незримая Доброта, Внутренняя Красота etc. производят на меня впечатление скрытой поэзии» (Дневники. С. 24). В 1897 г. Брюсов причислял «Сокровище смиренных» — наряду с Библией и Вергилием — к своим любимым книгам (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 21). 18 марта он записывает в дневнике: «Я читаю книгу Метерлинка, но я уже знаю ее. Я прочитываю страницы, которые уже предчувствовал» (Там же. Л. 16об.). Брюсов намеревался перевести эту книгу. В записной тетради № 33 имеется начало перевода (ГБЛ. Ф. 386, 3.12. Л. 57об.—56). У Брюсова название книги — «Сокровище униженных».

⁵ Начало неопубликованного стихотворения Брюсова, без заглавия («Мои стихи»). Записная книжка № 8 — ГБЛ. Ф. 386, 14.5/8. Л. 22об.).

⁶ О планах и замыслах Брюсова в 1897 г. см.: Дневники. С. 28.

⁷ Речь идет, вероятно, о Елене Евгеньевне Коршуновой, упоминаемой Брюсовым под 1897 г. в его списках «Мои "прекрасные дамы"» (ГБЛ. Ф. 386, 1.4. Л. 2) и «Mes amantes» («Мои любовницы» — Там же. Л. 3).

⁸ Источник цитаты не установлен.

⁹ Вероятно, имеются в виду такие утверждения, содержащиеся в письме Самыгина от 19 июля: «Женитба есть акт гражданственный, условный, т. е. самое худшее и скучное из всего того, что наполняет теперешнюю Вашу жизнь. Правды, высшей философской правды, не знаю я еще в Вашем союзе, той правды, во имя которой мы — друзья!».

4

(Останкино. 4—5 августа 1897 г.)

Мой светлый друг! мой близкий!

Мы, действительно, сидели рядом, читая Ваше письмо ¹ (мучительно сталкивающиеся аккорды из зала, изнизу), и когда я дочел последние слова, она мне сказала — «Как он всю правду пишет» ².

Я посмотрел на нее, и это были слезы на глазах. Никогда, никогда я не ожидал этого! Я был вдруг охвачен таким счастьем за нее, за Вас, за себя. Эти слезы! эти слезы! — их я ждал, их я искал!

О примите — не благодарность — какое жалкое слово — весь трепет моего сердца в эту минуту Вам — я кричу Вам — Осанна! Да благословен грядый во имя Господне.

Возьмите прочь Ваши похвалы ³. Вот он я, презренный, жалкий, с восковыми крыльями Икара. Вам хочется знать мои последние дни. Мои последние дни. Слушайте.

Я сказал себе, что она не понимает меня. И тогда я ее проклял. Проклял и стал презирать. Мы встречались и расходились ⁴.

Сущность души ее — покорность. Я возжелал, чтобы она была Антигоной ⁵, я стал требовать этого. Бедная, она подчинилась мне, и эти робкие попытки заставили меня доходить до ненависти.

Я сказал ей, что ненавижу ее. Она плакала. Еще раз я убил свое сердце и сказал, что не люблю ее, а жалею, жалею и потому не уйду. Величайшее оскорбление, до которого может додуматься человек.

Что я хотел? — не знаю. Я хотел прошлого, мною уже навсегда осужденного, я хотел того, выше чего сам стоял давно. Закрыв глаза, я кричал «хочу».

Вы не знаете Аннунцио? Это великий поэт, великий, — но это позорнейший из людей ⁶. Я воздвигнул ему алтарь, как художнику, Вы убьете его как хулителя Духа Свята.

О Метерлинка! ⁷ Он еще часто блуждает, в его младенчески светлом лепете

Г. Д. АННУНЦИО
Рисунок Е. Лильена
«Весь», 1906, № 9

еще слышатся отзвуки пышных украс Сен *-Поль-Ру⁸, последнего из парнасцев. «Взгляд до разлуки назад». Но он светел! Уже переступил он через грань тени и лишь обернулся. Солнце!

Тогда пришло Ваше письмо, нужное, желанное, вовремя. Тонкие абрисы листьев колыхаются на верхних, вытянутых ветках... Небо бледнеет перед вечером... Эта даль этих высот так бесконечна, так прозрачна. — Все возможно! все доступно! — Осанна в вышних.

В. Б.

Записная тетрадь № 32 — ГБЛ.
Ф. 386, 3.11. Л. 25—24.

Черновик. Ответ на письмо Самыгина от 31 июля 1897 г. Датируется по месту в тетради: следует за письмом «к Жене. 4 авг(уста)». В той же записной тетради несколькими страницами дальше (л. 19—18) содержится черновой текст еще двух эпистолярных фрагментов (без даты), обращенных, очевидно, также к Самыгину. Здесь они даны в приложении.

¹ В письме от 31 июля 1897 г. Самыгин писал Брюсову: «И вот Вы спрашиваете меня, и та, которой надлежит

быть Вашей неизменной подругой, сидит возле и слушает».

² В письме Самыгина содержались, например, такие утверждения о браке, которые могли произвести сильное впечатление на невесту Брюсова: «Союз душ, каких бы то ни было, есть приглашение двух путников среди глубокого мрака, среди пропастей и расселин показывать друг другу правильную дорогу к спасительному пристанищу. Любовь есть доверчивая просьба дать блаженство, провести среди ужасов постоянных разочарований жизни в спасительное прибежище вечной правды (...) О, как я желаю Вам этого счастья — вместе жить, думать и чувствовать. Для этого ей нужно быть такою же сильною, как Вы. Правда божия не чужда и слабым (...) Не беспашанного веселого житья-бытья ждет от Вас Ваша Жанна, она ждет, как и всякая живая душа, помощи Вашей пробиться к вечно желанному свету».

³ Самыгин писал Брюсову: «Будьте же всегда таким добрым и хорошим, каким Вы мелькнули передо мною в Вашем последнем письме».

⁴ В конце июля и начале августа 1897 г. в дневнике Брюсова очень часто встречаются записи о его ссорах с Жанной Рунт, которые сменялись примирениями («Моя жизнь», ч. XI — ГБЛ. Ф. 386, 1. 14/2).

⁵ Антигона — героиня трагедии Софокла, благородная, готовая на всякое самопожертвование дочь фиванского царя Эдипа, последовавшая за ним в изгнание и посвятившая себя заботам о несчастном, слепом отце.

⁶ Габриеле Д'Аннуцио (1863—1938) — итальянский писатель, автор романов и драм, проникнутых декадентскими и ницшеанскими мотивами; основной герой его произведений — эстет-аморалист. Брюсов перевел несколько стихотворений Д'Аннуцио, а позже (в 1907—1908 гг., совместно с Вяч. Ивановым) его трагедию «Франческа да Римини».

⁷ Творчество Мориса Метерлинка (1862—1949) оказало сильное воздействие на молодого Брюсова (см. прим. 18 к вступительной статье, а также п. 3, прим. 4). В 1897 г. Брюсов собирался написать статью о Метерлинке (намекаемые названия: «Философия Метерлинка» и «Мистическая мораль») для своих неосуществленных сборников «Философские опыты» и «Опыты философские и литературные». Стихи Метерлинка Брюсов начал переводить уже в годы выпуска «Русских символистов» (1894—1895). Еще в 1892 г. он перевел пьесу Метерлинка «L'Intruse» («Втируша» — автограф перевода см.: ГБЛ. Ф. 386), а впоследствии (1907) его драму «Пеллеас и Мелизанда».

* у Брюсова, вероятно, описка: Жан-Поль Ру.

⁸ Французский поэт *Сен-Поль-Ру* (1861—1940) начинал как парнасец, затем стал символистом, а в XX в. способствовал развитию реалистических тенденций французской поэзии. Брюсов называет его одним из участников «первых боев» символизма с защитниками «старого» (*ИСС XXI*, С. 229).

Приложение к п. 4

В отчаянии Вы готовы были вернуться к дуализму ¹ ... Если хотите, да! — но не в декартовской форме тела и духа, а в противоположности Единства и Множественности. Мы не можем мыслить одно Единство, ибо тогда «я» было бы богом и не было бы вопроса. Но мы не можем и не мыслить Единство, как это Вы сами понимаете (см. письмо 1) ².

Явилась множественность («явилась», конечно, не в смысле начала, времени) и создала мир явлений. Индивидуальное «я» есть причина майи ³. Нет надобности искать, что такое тело, надо искать, что такое я, как могут существовать два я. Начала, дробления не было, уже потому, что время есть тоже майя. Безумно ждать, что некогда все вновь сольется в Единое. Противоположность Единого и Множественного первична, неустранима, сама по себе составляет сущность.

I

Я формулирую все то, что утверждал в нашем последнем споре ⁴, что яснее понимал, вернувшись домой, в тиши книг и одиночества.

Прежде чем начинать какое бы то ни было исследование, человек должен верить, что он может исследовать, что у него есть для этого средства, способность, орган. Или не должно рассуждать вовсе, или должно верить, что мы можем постичь истину.

Частичной истины не может быть. Постигнув часть истины, мы постигаем все. Или человек может постичь сущность бытия или ничего. *Tertium non datur* *. Я верю, что мир, как он есть, вне его отношений, — будет мне ясен, откроется мне, я его восприму в свою душу...⁵

Вы возражаете, что все же это будет мир в его отношении ко мне. Нет, ибо я — необходимое звено мира; без меня он был бы неполон, он не был бы этот (?) путь к постижению.

Все силы мира, все есть во мне. Говоря языком Спинозы — в каждом модусе есть все бесчисленные атрибуты субстанции. И во мне, ибо я модус. Познай самого себя, всего, — и ты познаешь всё, *παν* ^{2*}, весь мир в его сущности. Познай, т. е. почувствуй, почувствуя всю полноту бытия.

Перечтите те стихотворения Фета, где он чувствует безмерность мгновения и равняет его Вечности (?) [Вот проникновение!]

¹ Очевидно, слова Самыгина, обращенные к Брюсову в устном споре.

² На какое письмо ссылается Брюсов, неизвестно.

³ См. п. 18, прим. 3.

⁴ Брюсов встречался с Самыгиным 9 августа 1897 г. (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, л. 14/2, Л. 33об.)..

⁵ Данный фрагмент свидетельствует о том, что в отличие от позиции большинства «старших» символистов 1890-х годов Брюсов был далек от кантианского агностицизма.

5

(Москва.) 28 августа 1897

Я выезжаю, Михаил Владимирович, в субботу, в полдень с скорым поездом. Пользуясь Вашим приглашением, я буду у Вас в 5 час.¹ Будем говорить о поэзии, как Вы того хотели ². Захватчу с собой повесть, хотя она этого и не стоит ³. Надеюсь, что у Вас есть много что мне прочесть. Я, после того как:

* Третьего не дано (*лат.*).

^{2*} всё (*греч.*).

мы виделись с Вами ⁴, написал только одно стихотворение; не помню, послал ли я его Вам в прошлом письме ⁵; на всякий случай переписываю еще раз (на обороте) ⁶.

Ваш Валерий Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 10—10об.

¹ В записной книжке Брюсова «Моя жизнь» (ч. XI) есть запись, относящаяся к августу 1897 г.: «30. Суббота. В Туле у Самыгина» (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 34об.).

² В письме от 19 августа 1897 г. Самыгин писал Брюсову: «Привезите с собою все, что написали. Вы знаете, что я неравнодушен к Вашей поэзии. Будемте теперь пока больше говорить о поэзии, чем о метафизике».

³ Возможно, речь идет о повести «Эда», законченной 10 июля 1897 г. (первоначальное заглавие — «Первая любовь») — ГБЛ. Ф. 386, 3.12. Л. 23—42об.

⁴ См. п. 4, Приложение, прим. 4.

⁵ Такое письмо нам неизвестно.

⁶ На обороте письма текст стих. Брюсова «Мы гордо людей презираем», датированного 13 августа 1897 г. и предназначавшегося для невышедшего сборника «Согоня» (III, 245 и 596).

6

(В поезде Киев — Москва. 8—9 сентября 1897 г.)

Душа моя — в прахе, в обломках, Михаил Владимирович! В сердце — смерть. О, если б то была та смерть, без которой не оживает падшее на землю пшеничное зерно! Ее образ остался в моей памяти, отпечатлелся, как я ее видел последний раз, перед отъездом. Я уже вышел в сад, дверь захлопнулась. Она стояла у окна (слабая, так что стояла едва) и держала лампу. Я обернулся и встретил ее взор. Я иду, и она освещает мне путь ¹. Это образ для вечности *, —...И теперь! Я уезжаю в бесконечном томлении. Уезжаю, едва пробыв с ней три дня! Остаться там, бросить все, университетские занятия — да! да! — И Жанну? — Знаю, что истинный ответ — да! — Но не говорю этого... еду... — Свисток, поезд рванулся... Колеса стучат... Еду, и я это знал.

В. Б.

Он мерит всё так бережно и скудно,

Не мерят так и лютому врагу ².

Записная книжка «Моя жизнь», ч. XI — ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 36об. — с обозначением «Из письма к М. В. Самыгину». Сохранился и черновик карандашом — ГБЛ. Ф. 386, 3.11. Л. 11, 15—14об.

Датируется по содержанию: 31 августа 1897 г. Брюсов уехал на Украину, в Сорочинцы, проститься с умирающей Евгенией Ильиничной Павловской. 5—7 сентября он пробыл в Сорочинцах. 8—9-го был в пути. 10-го вернулся в Москву.

¹ 7 сентября 1897 г. Брюсов написал стих. «Лампада», посвященное Е. И. Павловской («Огонь еще горит и светит, светит нам...») — I, 200—201.

² Неточная цитата из стих. Тютчева «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» (1851—1852).

7

29 сент(ября) 18)97 г. Петербург

Дорогой друг, близкий, искренний!

Как был дорог Ваш привет ¹. На свадьбе, среди шумных тостов, я прочел его всем, и он произвел впечатление. «Торжественно печальный» день миновал. Новая жизнь наступает, и мы верим в нее.

Ваш Валерий Брюсов ²

* В черновике здесь были еще следующие слова: «Говорят (и это более, чем правда), что моя любовь принесла ей много, много страданий. Так. Но и мне принесла она их много. Быть может, когда я мучил ее, избегая встреч с нею, — я избегал их именно потому, что мне мучительно было встречаться. Я сознавал (смутно, но непобедимо (?)), где мой путь, и знал, что не пойду по нему. И это было отчаянье».

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 11.

¹ 27 сентября 1897 г. Самыгин отправил Брюсову следующее письмо: «Посылаю друзьям своим, Валерию Яковлевичу и его дорогой избраннице, самое лучшее, что могу, к торжественно-печальному дню их свадьбы.

Друзья мои! Вот мое пожелание вам!

Не ходите по дороге лжи, и пусть между Вами будет всегда истина: если она не разобьет Вашу жизнь и счастье, то это будет только значить, что путь Ваш был прав.

Не бегайте за лживыми приманками веселья. Рано или поздно Вас постигнет карающая рука Вашей собственной природы. Готовьтесь страдать, возьмите свой крест без боязни.

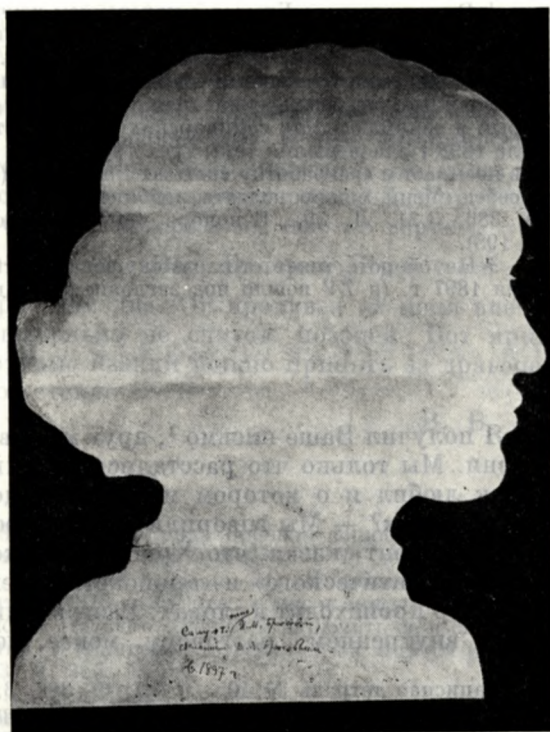
И любите друг друга нежной детской любовью.

Нас всех спасет любовь к правде и милость.

Мих. Самыгин.

Присоединяю и мое пожелание, чтобы Вам всегда было светло и радостно друг возле друга. А. Самыгина».

² После подписи Брюсова приписка рукою И. М. Брюсовой: «Благодарная Вам и Вашей жене Жанна».

СИЛУЭТ И. М. БРЮСОВОЙ

Внизу помета И. М. Брюсовой: «Силуэт-гэль И. М. Брюсовой, сделанный В. Я. Брюсовым в 1897 г.»

Литературный музей, Москва

8

(Москва.) 12 окт(ября) 18)97

Привет!

Видеть Вас, Михаил Владимирович, это было бы так хорошо. Вы всегда приходили ко мне в важные моменты моей жизни. Я Вас жду. — Настроение, в котором я писал Вам последнее длинное письмо, рассеялось ¹. То был тихий и светлый туман, то было ясное солнце в вышине; теперь яркий и знойный день, синее море, синее небо, разноцветно-изломанные скалы. — Адрес для писем тот же; а меня найдете Вы вот по какому адресу: угол Большой Дмитровки и Салтыковского пер., меблированные комнаты «Тулон», № 28 ².

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 13.

¹ Письмо, вероятно, не сохранилось.

² После возвращения из свадебной поездки в Петербург Брюсов с женой поселились в октябре 1897 г. в меблированных комнатах «Тулон», где жили до апреля 1898 г., когда вернулись в дом на Цветном бульваре.

9

(Москва.) 15 ноября (18)97 г.

Друг мой!

Очень простите меня, что я не пишу Вам. Наскоро — не хочу, а действительно писать — нет времени: теснит Лейбниц ¹. Скоро, однако, буду свободен.

Ваш Валерий Брюсов

На обороте стихи ².

ГБЛ. Ф. 386. 72.31. Л. 15—15об.

¹ В университете Брюсов с увлечением изучал труды немецкого философа и математика Готфрида Вильгельма Лейбница (1646—1716), написал зачетное сочинение на тему «Учение Лейбница о познании» (текст реферата см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 4.28). В записных тетрадях Брюсова сохранились многочисленные варианты работы о Лейбнице и наброски к ней, далеко не исчерпанные зачетным сочинением. 23 октября 1897 г. Брюсов записывает: «Лейбниц, которым я занимаюсь для семинарских работ, дает много для души» (*Дневники*. С. 29). В феврале 1898 г., перечисляя темы трех трудов, над которыми ему «хотелось бы работать», Брюсов называет и «разработку системы Лейбница» (Там же. С. 33). В том же году Брюсов писал о себе: «Меня можно назвать лейбницианцем, я исхожу из прозрений Лейбница» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.21. Л. 39). В ноябре 1897 г. написано стих. Брюсова «К портрету Лейбница» (I, 195)..

² На обороте текст стих. «Искушения (Art.-Bonheur.-Charité *)», датированного 8 ноября 1897 г. (в *TV* вошло под заглавием «По поводу "Me eum esse"» — I, 201).

10

(Москва. 21 ноября 1897 г.)

Я получил Ваше письмо ¹, друг мой, в один из наиболее горьких часов моей жизни. Мы только что расстались с Бальмонтом, с тем Бальмонтом, которого я так любил и о котором мечтал так долго. Мы расстались почти врагами. Почему? как? — Мы говорили о философских системах (?), о дуализме, о Христе. Бальмонт сказал, что Христос только [примирение] насильственное соединение «семитического» и «арийского» элементов. Я возражал. Впрочем, разве разговор происходит в словах. Разговаривают души, а слова едва соответствуют этому внутреннему разговору, менее, чем тело душе в гармонии Лейбница.

Записная тетрадь № 40 — *ГБЛ*. Ф. 386, 3.16. Л. 48об. Черновик. Датируется по записи о том же разговоре с Бальмонтом: «Ноябрь, 21. Мы расстались не холодно, а мрачно (...) Мы говорили о Христе. Бальмонт назвал его лакеем, философом для нищих... Впрочем, разве разговор ведется словами. Есть беседа души. И многое было сказано...» (*Дневники*. С. 30).

¹ Очевидно, письмо от 19 ноября 1897 г.

11

(Москва.) 13 дек(абря) 1897 г.

Друг мой!

Дни ускользают, царствует Время, в свет мы еще не верим. Грустно. Если бы мы заговорили с Вами о том, что нами сделано, я бы опять стал рассказывать замыслы, читать наброски, начала...¹ Да будет благословенной борьба! она говорит, что жизнь есть. Пока борются идеи, пока настроения сменяются, пока разрушаются, как миры, целые миросозерцания, — жить еще возможно. Можно жить, — но страшно. О, как жаждешь минуты примирения. Как я ищу ее, как сознаю, что она необходима душе; я готов воскликнуть «из глубины»: — «довольно!» А смерть придет для этого существования, для этого момента, уже полного, переполненного бытием.

Умер Федор Шперк ². Это имя Вам ничего не скажет. Если что припомните, — только грубо насмешливые отзывы журналов и знакомых. Я все «сбирался» прочесть книжки этого пасынка литературы, его «Философию индивидуальности», «Диалектику бытия», все эти «Аргументы и выводы моей философии». Федор Шперк умер. Розанов поместил в «Русском обозрении» (№ 11) статью, посвященную его памяти. И какой ласкающий образ возник перед читателями. Юноша, вышедший из университета, «потому что в свою живую душу не мог вбирать мертвого содержания лекций», живущий среди всеобщего отчуждения, среди лаконичного «не нужно» редакций и бесстыдных надругательств присяжной критики. «Я помню его, — говорит Розанов, — в эти годы смятенной борьбы, почти мальчика, в еще студенческом совершенно заношенном мундире, всегда с пытливым взглядом, вечно с гадающим умом...». Он рано женился. «И снова в простых, почти грубых чертах прошло здесь не

* Искусство. — Счастье. — Милосердие (*франц.*).

только сходство, но и повторение жалостливой истории Ромео и Джульетты»³. Сырые квартиры и вечная нужда создали чахотку. Он умер 7 октября. Имя его «предано поношению», его искания истины остались только исканиями, память о нем останется только в кружке немногих друзей, которых очаровал он чистотой своей души, потому что он очаровывал всех, к кому приближался.

Друг мой! Я радуюсь, я приветствую Ваше возрождение⁴. Да будет оно великим веселием. Будем работать, создавать, пророчествовать. Дни проходят, царствует Время, пусть загораются Свет, в который мы еще не веруем.

Ваш Валерий Брюсов

Р. С. Со Льдовым я встречался раз или два. Он произвел на меня впечатление неприятное. Стихи его я решительно не считаю поэзией. Вот яркий пример фальшивых бриллиантов, которые издали можно принять за драгоценные камни и которые только хрупкое стекло⁵.

В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 16—17об.

¹ См. п. 3, прим. 6.

² Федор Эдуардович Шперк (1871—1897) — автор ряда брошюр философского содержания, сотрудник «Нового времени». Свою запись о нем в *Дневнике* (11 декабря 1897 г.) Брюсов кончает словами: «О, как близка мне его судьба!» (с. 31). В библиотеке Брюсова имелась брошюра Шперка «Диалектика бытия» (СПб., 1897) (см. «Список моих книг» — ГБЛ. Ф. 386, 117.34). Брюсов намеревался написать статью о Шперке и включить ее в свой предполагавшийся сборник «Философские опыты». В «Записной тетради» № 35 имеется набросок статьи «Федор Шперк» (ГБЛ. Ф. 386, 3.13. Л. 3об.—5об.).

³ Русское обозрение. 1897. № 11. С. 461 и 464.

⁴ В письме от 6 декабря 1897 г. Самыгин писал: «Хотел бы, чтобы Вы порадовались со мною: кажется, мой тяжелый недуг оставляет меня и возвращает к жизни и деятельности».

⁵ К. Льдов (Витольд-Константин Николаевич Розенблюм; 1862— после 1935) — поэт и беллетрист. К 1897 г. выпустил три сборника стихотворений. Для его поэзии характерна отрешенность от действительности. В письме от 6 декабря Самыгин писал: «Приобрел новую сочувствующую мне душу — поэта Кон. Ник. Льдова, с которым сошелся во время пребывания его в Туле и чтения им его талантливых лекций на тему о религиозных настроениях русской поэзии (Пушкин, Лермонтов, Тютчев и Фет). Много беседовал с ним и увидел в нем человека несокрушимой энергии и горячей веры в бога». Свою отрицательную оценку Льдова и его поэзии Брюсов повторил в дневниковой записи от 22 декабря (*Дневники*. С. 32).

12

(Москва.) 21 декабря 1897 г.

«Звездам поклоняющиеся, звездой учаясь, ныне бо родился Отрочамладо-Превечный бог». Ужасная сила в сочетании последних слов; вся эта песнь построена на сочетании непостижимого. «Дева днесь пресущественного рождает, и земля вертеп неприступному приносит...»¹ Не в этом ли все обаяние христианской мистики. Уму человеческому так сладостно прикоснуться к загадкам, вечным, — кажется иногда, неодолимым. И вечно, и вечно мысль наша устремляется к «бесконечности», к этому «порыву к идее». Все заблуждения разума зависят от того, что он решается своими бессильными силами коснуться этой идеи, это(го) чувства, этого желания души. Не знаю, в тот день, когда человек поймет возможность ответа с другой стороны, — откажется ли его разум от своих бесплодных поисков. Во всяком случае до тех пор Тайна будет очаровывать. Можно отказаться от религии жалости и целомудрия, можно не поклоняться распятому страдальцу, но чудо вифлеемской пещеры слишком обольстительно, слишком таинственно. И будут неизменно поклоняться и пастыри, и цари, и маги, принося золото, мирру и ладан...²

Я верю, что в Вашей душе веселие...

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 18—19.

¹ Цитаты из рождественских церковных песнопений — тропаря и кондака (первая цитата неточна).

² *Дю Прель Карл*. Философия мистики или двойственность человеческого существа/Пер. с нем. М. С. Аксенова. СПб.: Изд. А. Н. Аксакова, 1895. Брюсов собирался написать статью «Двойственность бытия (Дю Прель)» для своего предполагавшегося сборника «Опыты философии и литературные». Хотя Брюсов не очень высоко оценил книгу Дю Преля, она оказала на него несомненное воздействие. Например, в своей программной статье «Ко всем, кто ищет» Брюсов писал со ссылкой на Дю Преля: «Нам уяснилось, что сознательная жизнь духа составляет ничтожную часть всего нашего духовного бытия, что в некоторые мгновения душа наша может обнаружить запас сведений и воспоминаний, которых сознательно мы не обретаем в ней» (в кн.: *Миропольский А. Л.* Лествица. М.: Скорпион, 1903. С. 20).

³ *Riel A. Ein Essay. Friedrich Nietzsche der Künstler und der Denker*. Stuttgart, 1897. Проф. *Риль А.* Фридрих Ницше как художник и мыслитель/Пер. с нем. З. Венгеровой. СПб., 1898.

⁴ В журн. «Вопросы философии и психологии» (1897. Кн. 39) была помещена рецензия Ю. И. Айхенвальда (на немецкое издание книги), который писал: «Необыкновенная сила и жгучесть языка, достойная того, кого изображает автор, яркость характеристики, глубина понимания — все это, связанное с интересом удивительной личности гениального безумца, делает опыт Рили в высшей степени привлекательным» (с. 698). Вторая рецензия того же автора (под псевдонимом: Ю. А-ъ) появилась в газ. «Русские ведомости» (1897. № 332. 1 дек.).

⁵ Самыгин сообщал в письме от 9 января 1898 г.: «писал ... драму (...) Драма из времени гонений на христиан при Домициане (...) Сюжет ее аналогичен «Отверженному» Мережковского». В письме от 14 января содержатся новые сведения о драме: «Драма (...) подвигается (...) она называется «Галлилене». Я хочу прославить в ней могущество истинно-христианского характера, доказать его глубокую красоту и жизненность, в противоположность всем иным характерам. Таким образом моя драма есть апология гения христианства перед Антихристом, готовым его пожрать. Христос есть не бессилие одряхлевшей эллино-романской души, а вечное могущество человека!».

⁶ В письмах от 9 и 11 января 1898 г. Самыгин говорит о своем сильном впечатлении от романа Д. С. Мережковского «Отверженный», который печатался в журн. «Северный вестник» (1895, № 1—6), а в 1896 г. вышел отдельным изданием; во 2-м издании (1902) роман получил название: «Смерть богов» («Юлиан-Отступник»). «Мысль Мережковского, — писал Самыгин, — одна из тех, которые носятся в воздухе. Эллада возвысила человеческое достоинство, христианство доказало бессилие современного человека; но «будет век блаженных, вечно смеющихся олимпийцев!» Какой это грядущий век? (...) А может быть этот век уже грядет, уже наступает? Может быть я уже могу быть гражданином этого века?»

Брюсов дал высокую оценку романа «Отверженный» в письме к В. К. Станюковичу (*ЛН*. Т. 85. С. 736—737) и в *Письмах к Перцову* (с. 22, 25, 28, 29, 30). В предисловии к готовившейся им работе «Русская поэзия 1895 г.» он назвал «Отверженного» великим произведением (см.: *Гиндин С.* Становление брυσовского отношения к Толстому // В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 21), а в записной тетради 1895 г. утверждал, что Мережковский «после своего романа «Отверженный» должен занять одно из первых мест в русской литературе» (*ГБЛ*. Ф. 386, З. 1 б. Л. 53об.).

⁷ «Саламбо» — роман Флобера (1862) из эпохи борьбы Древнего Рима с Карфагеном.

⁸ Книга французского исследователя Гастона Масперо «Древняя история народов Востока». М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1895.

⁹ «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи»). Под названием «Возрождение» начал печататься в журнале «Начало» (1899. № 1—4). Однако журнал был запрещен, и роман целиком был опубликован в журн. «Мир божий» (1900. № 1—12).

¹⁰ Происшедший в 1897 г. разрыв Мережковского с редакцией «Северного вестника» был вызван и идейными и личными мотивами. Параллельно с работой Мережковского над романом «Воскресшие боги» свои статьи о Леонардо да Винчи писал и печатал идейный руководитель журнала А. Волинский. Мережковский считал, что последний воспользовался для своих статей его материалом. В то же время статьи Волинского оказались в значительной степени направлены против Мережковского, находившегося тогда под сильным впечатлением идей Ницше. Волинский, отрицательно относившийся к философии Ницше, вел, как он сам заявлял в письме к Толстому, борьбу «за благой идеал христианства против утонченнейшего язычника Леонардо да Винчи»; тем самым он развенчивал в великом художнике Возрождения то, что превозносил Мережковский. Характерно, что другой символист, сотрудничавший в «Северном вестнике», Минский, назвал статьи Волинского о Леонардо «издалека начатой подземной миной, которая должна взорвать на воздух современный символизм» (Новости. 1899. № 28. 28 янв.). О взаимоотношениях Мережковского и других символистов с «Северным вестником» см.: *Куприяновский П. В.* Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» // *Русская советская поэзия и стиховедение*. М., 1969; *Иванова Е. В.* Северный вестник // *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890—1904*. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982.

¹¹ *Максим Эфесский* — философ, живший в IV в. н. э., автор сочинений по астрологии и магии. В романе Мережковского изображен как учитель императора Юлиана, способствовавший его отказу от христианства и переходу на сторону языческой религии.

¹² Самыгин отвечал Брюсову в письме от 21 января 1898 г.: «Я согласен: мы, действительно, ищем большего, но в чем? в неродившемся ли еще будущем или в былом, жившем и нас с Вами выдвинувшем?».

14

(Москва.) 23 янв(аря) 1898

В 40 книге «Вопросов философии и психологии» помещена статья Вл. Соловьева: «Первое начало теоретической философии». Не обсудите ли Вы, Михаил Владимирович, ее сообщая со мной¹. Вот ее содержание:

1. Мерило достоверности для мысли присуще ей самой. Но может случиться, что она по самообольщению или из шарлатанства остановится, не дойдя до конца, и провозгласит: дальше идти некуда, я уперлась в стену, около которой мужики на небо зипуны вешают. Тогда другая мысль может и должна пощупать эту стену, не есть ли она со всем этим небом и зипунами только бумажная декорация.

2. В чистом сознании нет никакого различия между кажущимся и реальным, для него все одинаково действительно. То, что (*quid, was*) мне виделось во сне, могло не быть действительностью, но что (*quod, dass*) оно мне виделось, есть факт безусловно достоверный; если даже воспоминание меня обманывает, все же факт воспоминания, хотя бы объективно ложный, остается безусловно достоверным, как субъективное состояние.

Может быть есть признаки различия кажущегося от подлинно существующего, но они не лежат в наличности сознаваемого факта.

3. Если самодостоверность наличного сознания, как внутреннего опыта, не ручается за достоверность познаваемых предметов, как внешних реальностей, то нельзя ли от этого сознания заключать к реальности сознающего субъекта, как особого самостоятельного существа? (Это сделал Декарт — *Cogito ergo sum* *). Ответ: невозможно, ибо от наличности мысли можно перейти лишь к чистому субъекту мышления, который мыслит, а не к эмпирическому субъекту, к живой индивидуальности. Чистый субъект мышления есть феноменологический факт не менее, но и не более достоверный, чем все другие, т. е. он достоверен только в составе наличного содержания сознания. (Из того, что всевозможные психологические состояния соотносятся с одной и той же мыслью о я, никак не следует, чтобы это я было не мыслью, а чем-то другим.)²

5. Как обманы чувств дают право сомневаться в достоверности ощущения, как свидет(ельства) о реальности физического мира — так обманы самосознания (гипноз, раздвоение личности etc.) возбуждают сомнение в его (самосознания) показаниях о нашем психологическом субъекте. (Определение души, как потенции, уже предполагает тождество индивидуального субъекта и следовательно не может обосновывать это тождество.)

6. Итак, на вопрос, чье же это сознание существует как наличный факт, надо отвечать: неизвестно (ибо вопрос, существуют ли разные кто). Может быть мое, может быть иной личности, воображающей себя мною, может быть некоего трансцендентального субъекта, впавшего в иллюзию множественности «я», может быть — ничье.

В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 22—22об., 25—25об. Сохранился и черновик в записной тетради № 35 (ГБЛ.Ф. 386, 3.13. Л. 22—23).

¹ Самыгин принял предложение Брюсова обсудить статью Вл. Соловьева и ответил своему корреспонденту в письме от 8 февраля 1898 г.

² Четвертый пункт в письме отсутствует, после третьего сразу идет пятый (в черновике нарушения нумерации нет).

* Я мыслю, следовательно я существую (*лат.*).

15

(Москва.) 24 янв(аря 18)98

Письмо мое уже было написано ¹, когда я получил Ваше, Михаил Владимирович! Одно место Вашего письма показывает, что Вам не чужды вопросы, которые я предлагаю на обсуждение. Мне всегда казалось (согласно с общепринятым взглядом), что я у Канта есть некий априорный акт мысли, присущий во всех явлениях, но не существующий вне этого ². Имеет ли я свою жизнь, останется ли оно, если отнять все явления, есть ли какие-либо основания, чтобы утверждать существование я личного, я противоположного обманному призраку личности в пантеизме? ³ Я думаю, что эти вопросы стоят внимания.

Ваш душою Валерий Брюсов

Verte *

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 26—26об.

¹ См. п. 14.

² 21 января 1898 г. Самыгин писал Брюсову: «Мои занятия Кантом привели меня к выводу, странность которого предоставляю оценить Вашему метафизическому чутью: «Критика чистого разума» имеет свою метафизику; это теория монады Лейбница. Субъект не есть взаимное определение Я и не — Я, а чистый субъект, все производящий из своей бессознательной сокровищницы. Я постепенно готовлю исследование об этом предмете». (Это свое письмо Самыгин ошибочно датировал: «21 янв. 97 г.», и в брюсовском фонде ГБЛ оно лежит в пачке писем 1897 г.).

³ Известно, что в гимназические годы Брюсов объявлял себя «поклонником Спинозы и, следовательно, пантеистом» (Брюсов В. Из моей жизни. 1927. С. 78). Во второй половине 1890-х годов его перестает удовлетворять пантеизм, в котором, по его словам, «личность исчезла в безликом божестве» и который делает «душу игрой закона причинности» (ГБЛ. Ф. 386, 3.13. Л. 6—6об.). Брюсов идет от спинозизма (и пантеизма вообще) к апологии независимой индивидуальности. В оценке пантеизма Брюсов резко расходится с Самыгиным, считавшим пантеизм «осторожнейшей и глубочайшей из философских систем», а «монадологию» Лейбница, к которой склонялся Брюсов, основанной «на ряде самых плоских недоразумений» (ГБЛ. Ф. 386, 102.7. Л. 42—43).

⁴ На обороте приводится текст стих. Брюсова «Я не знаю других обязательств...» (с некоторыми разночтениями и без заглавия «Обязательства»), написанного 14 января 1898 г. и напечатанного в 1899 г. в сб. «Книга раздумий» (I, 132).

16

(Москва. 9 февраля 1898 г.)¹

Друг мой!

Отвечаю Вам с точки зрения Вл. Соловьева.

1. Он, как и Вы, признает только непреложный факт взаимн(ого) определения субъект — объекта, и это вполне равносильно тому выражению, что «в чистом сознании (или просто в сознании) нет различия между фактами» ² — все они равносильны, все они действительны, все они непреложны (именно это выражает весь § 2). Но только они и непреложны; ничто более. Вы, как и Вл. Соловьев, утверждаете непреложность первой половины декартовской формулы — cogito, je pense ^{2*}. Это дано, но только это и дано. Отсюда нельзя вывести ergo sum, donc je suis ^{3*}, я существую я, личный я, индивидуальное я.

2. Пусть перед Вл. Соловьевым вечно носится проблема различения реального от кажущегося. Забудем это. Но вот вопрос, — сознает ли человек себя отдельной личностью, индивидуальностью? Я мыслю, — так; моя жизнь есть непрерывное самоопределение субъекта — объекта — так; но этот субъект, можно ли о нем сказать это я, именно я, и не кто другой. Различия между «кажущимся» и «подлинно существующим» нет, пусть ³. Но, отбросив все эти факты и те, что кажутся кажущимися и те, что кажутся подлинно существующими, найдем ли мы некое я, хоть как потенцию. Ведь пантеизм мыслим! воз-

* Смотри на обороте (лат.) ⁴.^{2*} Я мыслю (лат., франц.).^{3*} Следовательно, я существую (лат., франц.).

можен для разума! — как же мне спасти (это уж я говорю, а не Вл. С.) мою личность, ибо я хочу знать, безусловно знать, что эта личность едина, обособлена, что я монада. Мне это необходимо.

3. «Корень нашего бытия есть тайна»⁴. Может быть. Если нельзя ее «живописать словами»⁵, я хочу ее чувствовать, — а слова могут мне указать путь к этому. Чувствую ли я себя как монаду, как единое я. Да, чувствую, знаю и верю. Могу ли я указать другим, как прийти к этому чувствованию? К чувствованию, что я не может стать не этим, иным я, не может раствориться в боге, что я ведь был и всегда буду? — Нет, я не могу указать другим путь к такому чувствованию. Убежден ли я однако, что каждый его (это чувство) ведает? Нет, не убежден.

Если другой мне говорит (как «Книга молчания», переводимая Бальмонтом⁶): личное я есть призрак, есть великое заблуждение, — я молчу, я клоню голову.

4. В заключение несколько слов о сне. Вряд ли сон есть «плохо проясненное сознание», как Вы говорите. Дю Прель («Философия мистики») для меня ясно показал, что во сне существуют способности высшие, чем те, которыми обладают бодрствующее сознание⁷ {...}*

Записная тетрадь № 36 — ГБЛ. Ф. 386, 3.14. Л. 24—25. Черновик. Ответ на письмо Самыгина от 8 февраля 1898 г., полученное в Москве 9 февраля (основание — почтовый штемпель). Это определяет датировку данного письма Брюсова.

¹ В записной тетради тексту письма предшествует помета «К Самыгину. Второе письмо» (т. е. подразумевается, что это второе философское письмо; первое — п. 14, от 23 января 1898 г.).

² Самыгин в письме от 8 февраля писал: «Предложенное Вами или Вл. Соловьевым понятие “чистого сознания” не соответствует действительности. Чистого сознания нет: это ошибка Лейбница и Канта».

³ Самыгин писал в письме от 8 февраля: «Сон не менее достоверен, чем действительность. Сон пользуется тем же материалом, что и бодрствующее сознание. С этой точки зрения не существует и не должно существовать никакого различия между «кажущимся» и «подлинно существующим».

⁴ Заканчивая философскую часть своего письма от 8 февраля, Самыгин выдвигает следующее утверждение: «Корень нашего бытия есть Тайна» (характерно, что Самыгин писал это слово с большой буквы, а Брюсов, цитируя слова своего корреспондента, — с малой).

⁵ Самыгин писал: «Словами условной правды земли не дерзнем живописать тайных глубин Неба».

⁶ См.: *Тетради*, п. 74—Б, прим. 8.

⁷ Дю Прель в своей книге утверждал, что категории времени и пространства действительны лишь для «бодрствующего» сознания и предлагал принимать во внимание те состояния личности (сон, гипноз, сомнамбулизм и т. п.), в которых проявляются особые способности личности, свидетельствующие о «расширении психического субъекта». Брюсов склонен был усматривать слабость позиции Вл. Соловьева в том, что он в своей статье «исследует наше Я лишь в бодрственной жизни и таким образом целая треть человеческой жизни остается не оцененной (см. Дю Прель)». — ГБЛ. Ф. 386, 3.13. Л. 20. Критические суждения о позиции Вл. Соловьева Брюсов предполагал высказать в задуманной им статье о Лейбнице. В плане статьи имеется следующий пункт: «Ошибка Вл. Соловьева относительно личности в том, что он полагает, что наше Я = в самосознании» (ГБЛ. Ф. 386, 3.13. Л. 36об.).

Приложение к п. 16

Сон (по Дю-Прелю)¹

Во время сновидения обнаруживаются другие силы души и другие ее отношения ко вселенной.

1) (Формы познания). Сон обладает особой трансцендентальной мерой времени. Во сне, в обмороке, в состоянии наркоза наблюдается особенное скупение представлений. Утопающие в те две-три минуты, что они проводят под водой, часто переживают вновь всю жизнь с мельчайшими подробностями. (При-

* Далее в данном черновом тексте письма идет изложение главы о сне из книги Дю Преля «Философия мистики», которое здесь опускается, так как в нижеследующем приложении к письму дается текст сохранившейся чистовой рукописи.

мер приводит Фехнер²). Курильщики опиума имеют сновидения, которые как бы продолжаются 10, 30, 60 и более лет.

Дарвин и Фихте обращали внимание, что внешние раздражения, будя спящего, в то же время создают пространные сновидения — в короткий промежуток времени между восприятием раздражения и пробуждением. Декарт, раздраженный укушением блохи, видел драматический сон, кончившийся дуэлью, в которой он получил сабельный удар в укушенное место, Рихерс³ рассказывает, что одному разбуженному выстрелом приснилось, что он сделался солдатом, подвергался разным напастьям, дезертировал, был пойман, судим и расстрелян. Мори⁴ видел во сне сцены французской революции, суд над собой, путь к гильотине, свою казнь и проснулся от удара по шее прута, отскочившего от кроватки.

Сон возникает по причине раздражения, а нам сон кажется мотивировкой последней сцены, где фигурирует это раздражение.

2) (Содержание познания). В сознании спящего бывают факты, которых нет в сознании бодрствующего. Сновидения символически воспроизводят состояния тела, не ощущаемые при бодрствовании. Так министру Людовика-Филиппа Тесту снилось, что его разбил паралич и это случилось с ним через три дня. Сновидение подсказывает средства от болезни. Меланхтон⁵ страдал мучительной, не поддающейся никакому лечению болезнью глаз: ему приснилось, что врач прописал ему оганку; употребляя ее, он выздоровел.

Память во сне усиливается. Лейбниц рассказывает, что Юлий Скалигер⁶, воспевавший в стихах знаменитых веронских мужей, увидел во сне некоего Бругнолуса, который жаловался, что он предан забвению. Оказалось, что, действительно, в Вероне жил Бругнолус. Близкие к смерти вспоминают всю свою жизнь, иногда начинают говорить на забытом ими языке и т. д.

Все это позволяет утверждать, что в нашем самосознании заключается не весь наш субъект, а лишь наше погруженное в феноменальный мир я.

Мальбранш⁷ полагал, что есть существа, которые в полчаса могут продумать столько, сколько мы в 1000 лет. Можно сказать, что мы сами такие существа.

Р. С. Мы не помним сновидений глубокого сна; то, что мы помним, лишь сновидение последнего мгновения. Об истинной природе органа сновидения приходится судить по сомнамбулизму.

В. Б.

В архиве Брюсова данный текст вложен в п. 14 — ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 23—24об. Публикация этого текста в виде приложения соответствует замыслу самого Брюсова, который указал в «Записной тетради» после изложения мысли Дю Преля: «При издании переписки можно все это отнести в приложение» (ГБЛ. Ф. 386, 3.14. Л. 25).

¹ Психология сна привлекала внимание Брюсова на протяжении многих лет. Например, 25 апреля 1897 г. он записывает в дневнике: «Опять период пророческих снов... Это целые повести. Известно, что из одного своего сна я создал рассказ «Под Старым мостом». Теперь я смог бы написать драму» (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 20). К мыслям о значении изучения сновидений Брюсов возвращается не раз и впоследствии (см., напр.: ГБЛ. Ф. 386, 5.6. Л. 6—7).

² Густав Теодор Фехнер (1801—1887) — немецкий физик, психолог, философ-идеалист.

³ Иоганнес Рихерс — автор трехтомного труда «Natur und Geist» (Лейпциг, 1850—1851).

⁴ Жан-Сиффрен Мори (1746—1817) — французский религиозный и политический деятель, один из вожakov монархически-феодальной партии во время революции 1789 г.

⁵ Филипп Меланхтон (1497—1560) — немецкий протестантский богослов и педагог.

⁶ Юлий Цезарь Скалигер (1484—1558) — французский филолог, критик, поэт эпохи Возрождения.

⁷ Никола Мальбранш (1638—1715) — французский философ-идеалист.

Я был бы очень рад увидеть Вас, друг мой, но только завтра я в первый раз после болезни выйду на улицу и, конечно, ехать в Тулу не могу¹. Вы

писали, что Анна Ивановна ² больна; если не ошибаюсь, судя по последнему Вашему письму, теперь все хорошо. Ваша драма? я все же надеюсь услышать ее ³. Сам я пишу прозаические статейки, которые, быть может, напечатаю осенью ⁴. Стихов нет. Но они будут.

Неизменно Ваш Валерий Брюсов.

P. S. Если будете отвечать на мои пункты, не присылайте моего письма: у меня есть конспект ⁵.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 27. Черновик — в записной тетради № 36 (*ГБЛ.* Ф. 386, 3.14. Л. 25об.). Публикуемое письмо, возможно, составляло заключительную часть п. 16.

¹ В письме от 8 февраля 1898 г. Самыгин приглашал Брюсова и его жену приехать к нему в Тулу на масляной неделе.

² Жена Самыгина (рожд. Поздеева).

³ См. п. 13, прим. 5.

⁴ По черновику письма можно уточнить, что речь идет о «статьях по теории поэзии» (*ГБЛ.* Ф. 386, 3.14. Л. 25об.). Вероятно, это наброски разных разделов «Учебника стихотворства», над которым Брюсов работал в 1898 г. (см.: *ГБЛ.* Ф. 386, 3.20).

⁵ Очевидно, Брюсов имеет в виду черновик своего письма, сохранившийся в «Записной тетради». Постскриптом Брюсова вызван тем, что Самыгин «для большего удобства при обсуждении» его возражений прилагал к своему письму от 8 февраля первое философское письмо своего корреспондента, но просил прислать его обратно.

18

(Москва, 9 апреля 1898 г.)

Мы уезжаем к морю ¹.

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...²

Майя! ³ — Проклинать ли ее? Я любил думать, что все земное — ложь, что тело — заблуждение. Так ли? За последнее время я думаю иначе.

Если есть жизнь, то есть и всё. Или я должен не жить, или —. Как невозможно сказать себе, что нет свободы воли, потому что тогда будет невозможн(ым) всякий поступок ⁴; как невозможно сказать себе, что причина есть истина лишь субъективная, потому что тогда станет невозможной всякая мысль; как невозможно сказать себе, что моего я нет, потому что тогда станет невозможным никакое движение (?) духа, — так невозможно проклясть Майю.

«Свобода и необходимость только логические понятия, как правое и левое, как жизнь и смерть» — может быть, но мы должны признать их истинными, безусловными, объективно существующей * истиной — или не жить.

Друг мой! Я возвращаюсь к жизни и к Майе и к морю. В те дни я не видел его, потому что был слишком горд и слеп ⁵. (Теперь я хочу видеть, слышать и плакать.) Но есть блаженство в мире, есть радость в жизни, и путь в бесконечность идет от бесстрастия к любви через нежность.

В. Б.

Записная тетрадь № 40 — *ГБЛ.* Ф. 386, 3.16. Л. 47об.—48. Черновик. Датируется по месту письма в записной тетради: ему предшествует письмо к Бальмонту от 9 апреля 1898 г.

¹ Брюсовы приехали в Крым 15 апреля 1898 г.

² Начальные строки стихотворения (без заглавия), написанного в 1896 г. в Крыму и вошедшего в сб. *МЕЕ* (I, 111).

³ Многозначное понятие древнеиндийской философии; одно из значений этого слова, в котором оно употреблено здесь, — внешний, телесный облик действительности, часто объявляемый обманчивым в противоположность духовному началу, сущности.

⁴ Мысль о свободе воли Брюсов в сходных выражениях формулирует в статье 1901 г. «Истины. Начала и намеки» (см. VI, 55).

⁵ Во время путешествия в Крым и на Кавказ летом 1896 г. Брюсов не раз выражал демонстративное пренебрежение к реальной природе. Цитируемое в начале письма стихотворение завершается строкой:

* У Брюсова, вероятно, описка: несуществующей.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы,—
Что перед ним этот прах:
Степи, и скалы, и воды!

19

(Москва. 11 августа 1898 г.)

Совсем жалею, что вы не заглянули ко мне до своего отъезда. Мне было что сказать вам¹. Я думал о нашем разговоре в липовой аллее*. Да, вы верно определили свою жизнь: вы умалились, вы отошли назад². Как ни были в целом невыдержанны ваши произведения, были в них порывы и дерзновения³, за которые я их любил^{2*}. Но вы убоялись и отступили. Чего же вы теперь хотите? Писать маленькие рассказы ни хорошо ни дурно? рассказы с любопытной мыслью при приличном слого? Оставьте — и на Западе и у нас много написано таких рассказов, к чему увеличивать на два — на три это количество сходностей. Или вы в самом деле хотите «облегчить хоть чье-нибудь страдание, стереть хоть чью-нибудь слезу»? Полноте — стирать одну слезу не стоит. Лучше просто не плакать самому, и та же цель будет достигнута. Я думаю, что вы призваны не облегчать горести, а возложить на людей новые великие и спасительные страдания. Горе, если я ошибался. Подумайте.

11 авг. 98

Записная книжка № 10 «Мои стихи» — ГБЛ. Ф. 386, 14.5/10. Л. 10об. Сохранился черновик в записной тетради № 39 — ГБЛ. Ф. 386, 3.19. Л. 49об.—50.

¹ Самыгин писал Брюсову 6 августа 1898 г.: «Уезжаю, не успев пожать Вашей руки; но так как я не имею Вам ничего сказать на прощанье, то особенно не сокрушаюсь об этом».

² См. запись Брюсова от 27 июля 1898 г.: «Был у Самыгина. Есть в нем что-то, почему я люблю его меньше. Он рассказывал мне:

— Помните мое письмо к Вам? Я писал: «Иду один и никого нет со мной». Я шел дерзновенно. Душа моя скорбела о Господе. Этот путь кончился моим полным поражением. Я раздавлен. Я смирился. Я хочу во многом быть как все. Вот почему и переделываю свои произведения на новый лад (...)

И я люблю его меньше, а он был недавно моим лучшим другом» (*Дневники*. С. 41).

³ О первой книжке рассказов Криничкого — «В тумане» (1895) — Брюсов писал: «Там голько намеки, но намеки на смелость и оригинальность» (*Письма к Перцову*. С. 33).

20

(Москва. 3 сентября 1898 г.)

Друг мой! есть одно, чего я не понимаю в раздумьях других: возможность исказить предела. «Я» — бесконечно и самобытно и всевластно. Разве есть истина более истинная, более очевидная? Бездонную глубину духа я чувствую. Моя душа, моя жизнь в этой бесконечности — лишь мгновение, лишь то, что на своем земном языке мы называем частью. Предела нет. Не ограничены мы нашей жизнью. Как — то краткое время, в которое мы не успеваем продумать всего мелькнувшего в мыслях, не успеваем до дна упиться всеми чувствованиями! Это время чтоб оно было всем!^{3*} Нет предела! Не ограничены мы нашей призрачной смертью. Есть бытие для моего «я» и за ее черной, но геометрически тонкой, чертой. Буду жив я, а не иной кто мною. Мои замыслы я понесу дальше, мои чувства раскроют крылья во всю широту и ринутся в свободное пространство. Ничто не умирает, ибо входит как доля развития в бессмертный дух. Будем творить и мыслить, зная, что все замыслы воплотятся и всем стремлениям дано будет удовлетворение. И это все не мудрствование на бумаге, не

* В черновом тексте: в липовой аллее [Кунцевского] [Перовского парка].

2* В черновом тексте: ...великие порывы, за которые я их так [очень] любил. Довольно одного замысла «Mysteria Mortis» («Тайна Смерти»), чтобы потрясти душу.

3* В черновом тексте далее идет: «[Но кто может так думать. Прав] (О мудрый Декарт [в том] что бесконечность желания [есть] залог бессмертия».

поучение для книги — это сознание, что так я чувствую, моя вера. Подумайте об этом и скажите, можно ли плакать, или сомневаться, или идти назад? ¹

3 сент. 98

Записная книжка № 10 «Мои стихи» — ГБЛ. Ф. 386, 14.5/10. Л. 10об.—11. Сохранился черновик (без даты и указания адресата) в записной тетради № 39 — ГБЛ. Ф. 386, 3.19. Л. 57об.—58.

¹ В ответном письме от 5 сентября 1898 г. Самыгин спрашивал Брюсова: «Кто Вы? Пантеист или стоите в его преддверии, тщетно пытаетесь сохранить реальность за миром снов и призраков?».

21

(Москва. 7 и 25 сентября 1898 г.)

Отчаянье? — да будет отчаянье! ¹ Или нам бояться детских пугал, этих призраков, созданных человеком-рабом. Поэт ли не знает, что есть высшие оценки чем (добро и) зло, счастье и горе, успокоение и отчаянье *. [Разве отверженец не может быть достоин поклонения, и в чем добродетель праведника, не имеющего нужды в покаянии. Сладостно иное страдание, желанны иногда часы отчаянья!] — Не бойтесь зла. Ответим на призыв и переоценим ценности ^{2*}. Неизменно одно — не быть неизменным. Мое «я» достойно жизни лишь потому, что стремится стать иным. Истины по своей сущности преходящи. Только то и может быть истинной, что исчезнет. Рядом с единым и недвижимым заветом вечного движения — множество движущихся переменчивых истин, временно говорящих о недвижимом и неизменном. Не отступайте перед нарушениями, ибо в них самая цель установлений. Помните, все мы станем иными.— Не бойтесь и отчаянья. Есть мгновения, когда взор проникает за грани души и видит неозаренные дали духа. И видит бесконечный путь побед и примирений. Предчувствие иных трепетаний и иной бестрепетности. Как отпадают тогда эти бессильные страхи до ужаса быть одному и до безумия быть с другими! Детские пугала, созданные человеком-рабом. Да! вы правы: мы повторим древние слова, сказанные у древа познания ^{3*}. Но плод его уже вкусило человечество...²

25 сент. 98

Записная книжка № 10 «Мои стихи» — ГБЛ. Ф. 386, 14.5/10. Л. 11—11об. Сохранился и черновик этого письма — ГБЛ. Ф. 386, 3.21. Л. 58об.—58. Двойная датировка вызвана тем, что черновик датирован 7 сентября 1898 г., а под переписанным текстом стоит дата «25 сент(ября) 98».

¹ Самыгин писал Брюсову 5 сентября 1898 г., отвечая на его письмо от 3 сентября: «Верьте мне. Вы на страшной дороге (...) Вы восклицаете в гордости, как Люцифер: «Я равен по природе богу, ибо он есть такая же монада» И в гордости мните Вы дух Ваш равным бесконечности, Ваш слабый, больной, исполненный смятения и усталости дух (...) Знайте, что на этом пути Вас встретит грозный архангел, которому имя — Отчаяние. Страшно ходить по Вашему пути и грешно». Конец цитаты (от слов «на этом пути») выписан Брюсовым в конце черногового текста письма с обозначением «Эпиграф».

² Брюсов отвечает здесь на слова Самыгина (в письме без даты): «Переоценка ценностей нуждается в новом критерии, а у Ницше такового нет. Его критерий старый, заезженный, — критерий высшей организации. Об этом критерии говорил еще в раю нашим прародителям древний змий-обольститель: «И сами будете как боги»».

* В черновом тексте: «...есть высшие оценки, чем [мерки пресмыкающихся на земле:] добро и зло, счастье и горе, успокоение и отчаянье, святость и грех.

^{2*} В черновом тексте содержание этих фраз дается не в императивной форме, а от первого лица: «я не боюсь [греха] зла [и не боюсь отчаянья]. Я ответил на призыв и переоценил ценности».

^{3*} В черновом тексте здесь вставка: «Мы будем все как боги».

(Москва.) 9 сент(ября 18)98

Как могли Вы так не понять моих слов! Это письмо объяснение предыдущего¹.

Основа бытия дух, сотворивший сам себя. Все, что живет, его основа дух. Безмерны изначальные сокровища духа, ибо в них все что возможно и что невозможно. Нам озарена лишь часть (говоря земными словами), и эта часть наша душа. Задача жизни и совершенствования увеличивать область души, озаряя новые дали духа. Идеал сравнять душу с духом. (И тогда мы все будем как боги).

Нельзя мои слова о пресмыкающемся человечестве² понимать как презрение. Все духи равны между собой. Но есть отличие, — кто выше поднялся на бесконечной лестнице совершенств(ования), кто стоит ниже. Человек вдруг узнает, что в душе его незастывающий родник жалости и нежности. Любовь свойство человека³. Мы любим всех и стремимся стать выше всех. Это тоже любовь. Мы любим себя и каждый истинный миг становимся иными. И это любовь.

ГБЛ. Ф. 386, 3.21. Л. 57об. Черновик. Письма 21 и 22 тесно связаны друг с другом. Оба они являются ответом на письмо Самыгина от 5 сентября 1898 г. Неясно, были ли отправлены оба письма и в какой последовательности.

¹ См. п. 21.

² «Слова о пресмыкающемся человечестве» имеются в черновом тексте п. 21.

³ Основные положения этого письма повторяют мысли, вошедшие в 4-ю главу брошюры Брюсова «О искусстве», работу над которой он закончил 13 августа 1898 г. (ср. VI, 52—53).

(Москва. Сентябрь—октябрь 1898 г.)

Вы не поняли меня. Неужели я предлагаю подражать хотя бы Ницше!¹ Не говорю отказываться от добра и зла, но не бояться [зла]! Добро и зло соотносительные понятия, как свобода и необходимость, как правое и левое². Они будут существовать вечно — в воображении людей, от них отказаться нельзя.

Но что бы я ни считал злом — могу и смею преступать это [преступать себе поставленные границы] —

Еще не поняли Вы моих слов о Бесконечном Духе. Никогда не говорил я их в пантеистическом смысле. О, старая сказка, годная для (того), [чтобы] утешать плачущих! Лицемерие и коварство тех, кто не надеется на себя, боится других. Дух — это я, говорю Вам, *me eum esse* *, и наше существование во времени — миг нашего бытия, и наша личность по отношению к нашей единичности как Духа то, что на земном языке называют частью...

[Но будет спорить. Возможно, что я заблудился в фантазиях и метафизике. Не хочу защищать (?) истин, ибо им нет доказательств и нет продолженности.

Не напишете ли, как Вы живете.

Статьи Вашей не достал. Не было ли еще? Если это можно, пришлите. Сохраню и возвращу³.

Р. С. Посылаю Вам мою маленькую заметку⁴.]

Ваш В. Б.

Записная тетрадь с материалами к «Учебнику стиховорства» — ГБЛ. Ф. 386, 3.20. Л. 43. Черновик. Письмо по содержанию близко к письмам 21 и 22. Не исключено, что оно было послано вместо них. Датируется на основании того, что содержит ответ на письмо Самыгина от 5 сентября 1898 г. и вызвало ответное его письмо от 30 октября того же года.

¹ Сохранилось свидетельство того, что Брюсов проявлял интерес к Ницше уже в первой половине 1890-х годов. В 1893 г. он пишет «Мысли поэта-декадента об искусстве» под названием «Старая сказка» (ГБЛ. Ф. 386, 2.8. Л. 74—75) и в перечне содержания определяет их как

* это — я (*лат.*).

«Мысли à la Nietzsche» (Там же. Л. 2об.). В одном из писем 1898 г. Брюсов называет Ницше среди имен крупнейших представителей позднейшей философии (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.21. Л. 39). В сб. *TV* Брюсов ставит в качестве эпиграфа к стих. «Братьям соблазненным» (1899) привлекшее его изречение из книги Ницше «Так говорил Заратустра»: «Великого в человеке то, что он мост, а не цель» (I, 602).

² В письме от 30 октября 1898 г. Самыгин писал: «Что касается до Вашего приглашения “не бояться” добра и зла, взглянув на них как на простые соотносительные понятия, то я не нахожу его достаточно ясным для себя». Тезис о соотносительности добра и зла, их «братства», Брюсов предполагал специально развить в книге «Философские опыты» (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 3.13. Обложка). Поэтические варианты этой мысли можно найти в некоторых стихотворениях Брюсова 1890-х годов, напр., в стих. «Скала к скале: безмолвие пустыни...»:

Добро и зло — два брата и друзья.
Им общий путь, их жребий одинаков.

(I, 89)

³ В письме от 5 сентября 1898 г. Самыгин писал: «2-го и 5-го сентября в “Русском листке” напечатан мой фельетон с небольшими изменениями против первоначальной редакции. Имеется в виду статья «Что такое “репетитор”?» (за подписью «Отец»), в которой автор выступал против репетиторства и говорил о несостоятельности метода преподавания в современной средней школе. Самыгин, очевидно, прислал Брюсову свой фельетон (в фонде Брюсова в *ГБЛ* имеются вырезки из двух номеров «Русского листка» с этой статьей — Ф. 386. Книги, № 1675).

⁴ В письме от 30 октября Самыгин благодарит Брюсова «за заметку о Тютчеве». Вероятно, это статья «О собрании сочинений Ф. И. Тютчева» (*РА*. 1898. № 11).

24

(Москва.) Февраль (1899 г.)

Занят работами к экзамену, настроение будничное, бесцветное¹. Мелькают перед взорами императоры, века, народы... Если б можно было замедлить, обдумать, но некогда, спешишь. Печально, но эти месяцы будут просто потеряны. Вынес только одно сознание: если история — наука, то господствуют в ней не личности, и нельзя отвергнуть в ней необходимости. Без рока нет науки нигде. Но знаю я и иную правду, к которой пришел иным путем. Истинно и то и это. Истин много и часто они противоречат друг другу. Это надо принять и понять... Да я и всегда об этом думал. Ибо мне было смешным наше стремление к единству сил или начал или истины. Моей мечтой всегда был пантеон, храм всех богов. Будем молиться и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу и Дьяволу. «Я» — это такое средоточие, где все различия гаснут, все пределы примиряются². Первая (хотя и низшая) заповедь — любовь к себе и поклонение себе. *Credo* *

Дневники. С. 61 (между записями от 9 и 22 февраля 1899 г. — под заглавием «Из письма к Самыгину»).

¹ В апреле — мае 1899 г. Брюсов сдавал в университете государственные испытания.

² См. также наст. кн., Переписка с Конеvским, п. 6, прим. 2.

25

(Москва. Начало мая 1899 г.)

Простите, друг мой, что не пишу. Нет и получаса свободного. Знания мои оказались столь ограниченными, что принужден целые дни до поздней ночи проводить за лекциями¹. Я не верю, чтоб мы разошлись с Вами далеко². Мне, по крайней мере, Вы и всё Ваше, Tu Tuaque^{2*}, близко. Подробнее и о всем остальном поговорим летом. (Вы будете близ Москвы?) Если мои экзамены будут удачны, освобожусь 1-го июня.

Неизменно Ваш Валерий Брюсов

* Верую (*лат.*).

2* Ты и Твое (*лат.*).

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ И ИОАННА МАТВЕЕВНА БРЮСОВЫ

Фотография. 1897

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 33. Датируется по почт. шт.: Ростов обл. В. Дон. 5.V.1899. Письмо ошибочно было заслано в Ростов-на-Дону и в октябре 1899 г. «за истечением срока хранения» вернулось обратно в Москву.

¹ См. п. 24.

² 21 апреля 1899 г. Самыгин писал Брюсову: «И долго думал о наших отношениях и сейчас только понял, насколько мы с Вами разошлись в последнее время во взглядах на вещи первостепенной важности. Да и сходились ли мы вообще когда-нибудь?».

(Москва. 22 июля 1899 г.)

В Москву мы вернулись ¹. Не сообщите ли Вы нам, где Вы, можно ли Вас повидать ², или, что еще желаннее, не посетите ли нас? Конечно, ждем всегда.

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 28. Открытка. Датируется по почт. шт.

¹ Речь идет о возвращении из второй поездки в Крым в июне-июле 1899 г.

² Вскоре Брюсов увиделся с Самыгиным. См. запись в *Дневниках*, помеченную июлем-августом 1899 г.: «Для начала быстро обегал знакомых — Самыгин, Курсинский, Ланг...» (с. 74).

27

(Москва.) Окт(ябрь, не ранее 19-го, 18)99

Вы очень правы, друг мой, давно пора нам перемолвиться.

Жизнь моя на время вступает в тихое русло. Прошлый год был для меня очень шумным. Я дважды ездил в Петербург, встретился, познакомился с сотней новых лиц ¹, потом томился в «государственных испытаниях», потом отдыхал в Крыму ². Этой осенью последовал как бы ответный визит многих из петербургских знакомых, появившихся в Москве в утомительной смене. Теперь, кажется, все кончено. Я проводил Бунина в Одессу, Бальмонта за границу ((*И нрзб.*) Викторова тоже ³), Ореуса в Петербург. Иные и из московских знакомых, как Викторов, поразъехались. Я опять один, с книгами и раздумьями. Понемногу отрешаюсь от современности и все глубже ухожу в XVII век ⁴.

Новостей общелитературных мало. Все печатается наша «Книга раздумий» ⁵. Ореус издает отдельный сборник ⁶ (по прежнему я его считаю очень замечательным поэтом и сержусь на Вас, что Вы его не поняли ⁷). О Вашей книге ⁸ отзывов я не видал, не знаю, что было и в «Курьере» ⁹. Сказать между прочим, я не исполнил Вашего поручения и в «Курьер» Вашей книги не дал. Один экземпляр дал я Бунину (то есть для «Южного обозрения», как Вы и назначали ¹⁰), а другой взял у меня Курсинский ¹¹; я протестовал, но не очень. Думаюется мне, что даже у Курсинского (хотя он и погружается в(се) глубже в тину пошлости с каждым годом) Вашей книге быть лучше, чем у Фриче ¹², который под той же самой тиной утонул уже давно и безвозвратно.

А. Березин — псевдоним вам небезызвестного А. Ланга ¹³. Иные строки и строфы в его стихах мне нравятся. Он поэт, но не художник, у него нет власти ни над словами, ни над настроениями. Впрочем, лично его — люблю, и по личному сочувствию люблю его стихи.

Читаете ли Вы что-нибудь? Следите ли за газетами? Ведь бывают годы, когда Вы совершенно забрасываете книги и (читаете только) дневные листки. Было время, я с трепетом ждал телеграмм из Рейна ¹⁴. Теперь если не с трепетом, то с жадностью читаю вести из Южной Африки. Война Англии с бурами — событие первостепенной исторической важности и для нас, для России величайшего значения ¹⁵. Только, конечно, наши политики медлят и колеблются, и забывают что рано или поздно нам все равно предстоит с ней великая борьба на Востоке, борьба не только двух государств, но и двух начал, все тех же, борющихся уже много веков. Мне до мучительности ясны события будущих столетий.

Пишите мне.

Ваш Валерий Брюсов.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 29—30. Ответ на письмо Самыгина от 17 октября 1899 г. Первая и заключительная части письма Брюсова во многом совпадают с его письмом (октябрь 1899 г.) к В. К. Станюковичу (*ЛН*. Т. 85. С. 747—748).

¹ В 1898—1899 г. Брюсов был в Петербурге с 8 по 14 декабря и с 18 по 22 марта (см.: *Дневники*. С. 53—58 и 63—67). Брюсов познакомился тогда с Мережковскими, Н. Минским, К. Случевским, И. Ясинским, И. Ореусом (Коновским), К. Фофановым, М. Лохвицкой, П. Вейнбергом и многими другими петербургскими литераторами.

² О поездке Брюсова в Крым в июне 1899 г. см.: *Дневники*. С. 71—73.

³ См. вступ. ст., прим. 22.

⁴ Брюсов предполагал начать «Историю русской лирики» характеристикой культуры Московской Руси XVII в. Сохранилась черновая рукопись 1-й части «Истории русской лирики», озаглавленная «XVII век» (ГБЛ. Ф. 386, 41.3). В связи с этой работой Брюсов совершал экскурсии по старой Москве, осматривал терема, древние церкви и т. п. (см., напр.: *Дневники*. С. 80; см. также наст. кн., Переписка с Коновским, п. 23, прим. 6).

⁵ Сборник стихотворений Бальмонта, Брюсова, М. Дурнова и Ив. Коневского «Книга раздумий» вышел в ноябре 1899 г.

⁶ *Коневской Ив.* Мечты и думы, 1896—1899. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1900.

⁷ Об отношении Самыгина к поэзии Коневского см. п. 28, прим. 3.

⁸ *Криницкий Марк.* Цветы репейника. Рассказы для взрослых. М.: Изд. И. И. Поздеева, 1899.

⁹ «Курьер» — московская газета демократического направления (1897—1904). Самыгин писал 17 октября 1899 г.: «Я живу в полном неведении относительно судьбы моей книжки за исключением N «Курьера» от 27 сентября, где помещена рецензия Гольцева».

¹⁰ Бунин в 1898—1899 гг. участвовал в редактировании одесской газеты «Южное обозрение».

¹¹ Об А. А. Курсинском см. наст. кн., Переписка с Курсинским, Вступ. ст.

¹² Там же, Переписка с Бальмонтом, п. 5, прим. 1. В то время В. М. Фриче был постоянным сотрудником газеты «Курьер».

¹³ Там же, Письма Ноздрина, п. 3, прим. 12. Самыгин писал Брюсову о получении им книги *Березин А.* Одинокий труд: Статьи и стихи. М., 1899.

¹⁴ Во французском городе Ренне с 7 августа по 9 сентября 1899 г. происходило вторичное рассмотрение военным судом дела А. Дрейфуса, офицера французского генерального штаба, обвиненного в продаже Германии секретных военных документов. Новый разбор дела закончился лишь уменьшением наказания обвиняемому до 10 лет заключения. Брюсов и раньше возмущался расправой над Дрейфусом (см. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 8, прим. 5, 6). На новый судебный процесс в Ренне Брюсов откликнулся стих. «На осуждение Дрейфуса» (29 августа 1899 г. — III, 255—256).

¹⁵ Англо-бурская война (1899—1902) — захватническая война Великобритании против бурских республик Южной Африки (Оранжевой и Трансвааля), закончившаяся победой английских колонизаторов. В России широкие слои населения относились с глубокой симпатией к бурским республикам, защищавшим свою независимость.

28

(Москва. Между 18 и 31 января 1900 г.)

Друг мой! Я давно хотел писать Вам, сознавая, что писать должно, но почему-то не писалось. Вы не примите этого в пошлом смысле — лени, небрежности. Нет! «не писалось» по каким-то внутренним причинам. Нет сомнения — мы разошлись за последние годы, с тех пор как Вы — по Вашему выражению — «умалились»¹. Дурно было бы в том не сознаться и лицемерствовать, как лицемерствуем мы теперь в письмах с Бальмонтом, беседуя, словно мы еще прежние друзья, словно по-прежнему близки. Так и мы с Вами идем по путям расходящимся. Пока еще можем окликнуть один другого, но потом и голос не будет слышен. Это не пустая примета, что Ив. Коневской, 4-й соучастник нашего сборника², кажется мне великим поэтом, а Вам пустым повторителем чужих слов³; или еще того более, что мои стихи кажутся Вам ненужными и обманувшимися⁴. Я даже уж не знаю, чего Вы ищете. Вы отреклись от победы, но не хотите и поражения, не возлюбили и страданий. Я не знаю третьего пути. Или Сатана или Христос. Сладко быть и тем и другим, но нельзя не быть ни тем ни другим.

Ваша книга⁵ еще во многом прошлое. Что в ней самого нового — то и самое неустойчивое. Кто Вы? Я Вас не знаю! Как нам говорить? Как [пассажирам] путникам в вагоне — наудачу? [Не для болтовни же?] Вы пишете, что разбиты⁶. Чем? не жизнью же, — это было бы слишком позорно! Какими же раздумьями? Какими отчаяньями и проклятиями? Отчего — опять возвращаюсь — эти порывы Ваши так бледно отразились в Вашей книге? Пишите мне. Пишите много и часто. Зачем Вы ждете моих писем?

Я — Ваш В. Б.

Р. С. Разбор Вашей книги появился в «Русском богатстве», — по обыкновению эти жур(налисты) до последних крайностей глупы; они не поняли ни одного слова⁷.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 35—35об. Черновик. Дата определяется тем, что Брюсов отвечает здесь на письмо Самыгина от 16 января 1900 г., а Самыгин реагирует на данное письмо 2 февраля.

¹ См. п. 19. Самыгин повторил это выражение «умалился» в письме от 16 января 1900 г.

² См. п. 27, прим. 5.

³ О Коневском (Ореусе) Самыгин писал Брюсову 24 февраля 1900 г.: «Стихи Ореуса очень внимательно изучал и скажу по совести, что это замечательный живописец своей души, но души наивно-прекрасной, смотрящей на мир младенчески-самоуверенным взором. Смесь божества с животным». А в письме от 2 февраля Самыгин возражал Брюсову: «В заключение о Коневском, которому суждено стать яблоком нашего раздора, — я его вовсе не считаю «пустым повторителем чужих слов», но он безусловно не открыл новой духовной двери (...) Я заглядывал и в садовую калиточку Коневского, — и не пошел туда: нет там для меня жизни; все какие-то торжествующие улыбки и детски-несознанные победные слова».

⁴ 16 января Самыгин писал Брюсову: «Мне вдруг захотелось сказать Вам и не только Вам, но и всем идущим с Вами, мою правду: сладки Ваши слова и исполнены дерзости, но в них нету ничего, кроме призыва. Вы ведь зовете (и я звал), но когда пойдешь за Вами, то ничего не найдешь. «Мечтатели, сивиллы и пророки» — вы все дерзкие самообманщики, которые дерзко заплатят за свое самообольщение. На этой земле шутить нельзя. Не следует звать куда-то вперед, когда сам не чувствуешь душевной полноты и озарения. Если бы было в вас (всех) озарение, вы имели бы власть не только призывать, но и сообщать силу. Не исходит сила от вас, но одно бессилие (...) Все это по поводу «Книги раздумий», которой я был очень внимательный и сознательный читатель».

⁵ См. п. 27, прим. 8.

⁶ Самыгин писал 16 января: «Сейчас я могу беседовать с Вами, хотя разбит душевно и утомлен».

⁷ Рецензия (анонимная) на книгу Криницкого «Цветы репейника» напечатана в «Русском богатстве» (1899. № 9 (12). Дек. С. 35—37, 2-й пагинации). «Психологические повестушки г. Криницкого — не только вздорные, но даже болезненные», — писал рецензент. Он советовал «не читать совсем этих «рассказов для взрослых», пусть уж жертвами больного и извращенного духа г. Криницкого будем только мы, рецензенты, подневольные козлы отпущения».

29

(Москва. Март, около 11-го, 1900 г.)

Друг мой! я благодарю Вас за Ваше письмо — и будет об этом ¹.

Зима подходит к концу, и стоит на нее оглянуться. Для меня она не была такой, как должно бы. Немало времени отняли занятия с сестрой, которая сдавала экзамен (при Округе по истории) ² — и гораздо больше — едва ли не половину всего — писание библиографических статей ³ (кроме тех, которые я Вам посылал, были и другие); статьи эти полезны кое для кого, но мне-то их писать обидно.

Жрецы ль у вас метлу берут! ⁴

Это в двух смыслах: во-первых, вместо того, чтобы писать историю лирики, я должен был исполнять черную работу историка, во-вторых, вместо того, чтобы писать статьи по многому нужные, писал в нечитаемом «Русском архиве». Но пусть. [Утешение в том, что узнал я, как никогда прежде, Пушкина, Б(аратынского), Тютчева, Некрасова, и в том, что «вошел в литературу», а то очень уж я был отверженцем.]

Подходит весна. Я брошу все журналы и альманахи 20-х годов и возьму опять давно желанных Verhaegen'a ⁵, Strindberg'a ⁶, буду писать то, что хочу. К осени непр(еменно) издам книгу стихов ⁷.

Я выдаю Вашу книжку ⁸ у читателей и в библиотеках, в домах, нужны бы были, однако, объявления. Что Вы пишете теперь? хотелось бы знать точнее! — Новое везде заливаает, стирает старое — и не лучшее новое, а именно его мутная накипь. Москва заполнена декадентскими выставками картин ⁹. Устраивали у нас в Охотничьем клубе Вечер Нового Искусства, где читал и я ¹⁰, в «Жизни» рядом бранят русских символистов и хвалят французских ¹¹, роман Мережковского (быть ему академиком!) печатает «Мир божий» ¹², Метерлинк издан в «Дешевой библиотеке» Суворина ¹³, окна магазинов завешаны декадентскими [рекламами] стиля fin de siècle *.

Что в будущем восторжествуем мы,
Я знаю...¹⁴

* конец века (франц.).

Друг мой, пишите мне.

Теперь о найденных Вами рукописях¹⁵. Как словесник, Вы знаете лучше меня, что первая из них довольно известная; но, может быть, в ней есть любопытные варианты. О второй¹⁶ трудно сказать, не прочитав ее. Если можно, пришлите их, очень любопытно прочесть. И узнайте от владельца, можно ли их напечатать (если окажутся стоящими того) и на каких условиях. — Год написания или переписано позже, какой почерк?

Ваш В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 31—32. Черновик. Датируется по записям в *Дневнике* 8 и 11 марта 1900 г.

¹ Речь идет о большом, критическом по отношению к Брюсову и Кожевскому, письме Самыгина от 2 февраля 1900 г., отправленном Брюсову вместе с письмом от 24 февраля. Посылая его, Самыгин предлагал своему корреспонденту не отвечать на него.

² Н. Я. Брюсова сдавала экзамены при Московском учебном округе на звание учительницы. 8 марта 1900 г. Брюсов записал: «Вчера Надя сдала последний экзамен по истории» (*Дневники*. С. 82).

³ Имеются в виду следующие статьи, напечатанные в «Русском архиве»: «О собраниях сочинений Е. А. Баратынского» (1899. № 11), «Что дает академическое издание сочинений Пушкина» (1899. № 12), «Некрасов и Тютчев» (1900. № 2), «По поводу нового издания сочинений Ф. И. Тютчева» (1900. № 3), «К столетию со дня рождения Е. А. Баратынского» (1900. № 4).

⁴ Из стих. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

⁵ См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 62, прим. 17.

⁶ Внимание Брюсова к творчеству шведского писателя Августа Стриндберга (1849—1912) привлек в 1899 г. С. А. Поляков (*Дневники*. С. 78). В 1900 г. был напечатан брюсовский перевод рассказа Стриндберга «Чудо» (Ребус. № 46. 13 нояб.).

⁷ Сб. «Tertia vigilia» вышел в октябре 1900 г.

⁸ См. п. 27, прим. 3.

⁹ О посещении Брюсовым выставок см.: *Дневники*. С. 82 и 83.

¹⁰ На вечере нового искусства, происходившем в зале Охотничьего клуба 15 февраля 1900 г., Брюсов выступал с чтением стихов Бальмонта (см.: *Дневники*. С. 81).

¹¹ Речь идет о напечатанных в № 1 журнала «Жизнь» за 1900 г. статьях Андреевича (Е. Соловьева) «Очерки текущей русской литературы. (Искание смысла жизни)» и Л. Гуревич «Новости иностранной литературы. Новые движения во французской литературе».

¹² См. п. 13, прим. 9.

¹³ В «Дешевой библиотеке» издания А. С. Суворина в 1895 г. была издана драма М. Мертерлинка «Тайны души» (в переводе и с предисловием самого издателя).

¹⁴ Из стих. Брюсова «Я знаю...» (1898), посвященного Бальмонту и напечатанного впервые в сб. *TV* (I, 230).

¹⁵ Самыгин сообщал в письме от 24 февраля 1900 г.: «Откопал здесь манускрипт, помеченный 1754 г., списан с Истории стрелецкого бунта и Журнала заграничного путешествия, ведомого от первого лица. Если этот список единственный с утерянного оригинала, он представляет большой интерес. Впечатления составителя журнала при всей наивности крайне колоритны. Начинается рукопись описанием зачатия Петра Великого, которое было усмотрено по звездам Симеоном Полоцким, — кончается казнью стрельцов во время второго бунта. Если интересуетесь, могу попросить позволения у собствен(ика) рукописи переслать ее Вам на просмотр».

¹⁶ См. п. 30, прим. 3.

Друг мой, Вы мне читали когда-то драму из жизни первых христиан¹. Там называли Вы христиан «булочниками» и говорили мне, что это только Ваша догадка (помните ли? на берегу пруда). Теперь я нашел подтверждение Вашей догадке. У раннего христианского апологета Минуция Феликса в соч. «Октавий» в гл. XIV христиане тоже названы хлебопеками².

Ваш Валерий Брюсов

Р. С. Если можно, пришлите на прочтение рукописи XVIII в.³ Именно теперь я занят разборами бумаг и писаний того времени.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 36—36об. Открытка. Почт. шт.: Москва, 18.III, 1900.

¹ О драме Самыгина «Галилеяне» см. п. 13, прим. 5.

² См. Minucii Felicis «Octavius», XIV. 1 (Rec. H. Boenig, Lipsiae, 1903. Bibliotheka Teubneriana). Самыгин отвечал Брюсову 2 апреля: «Спасибо за сообщение о христианах: это заставило меня вновь присмотреться к моей драме и, по правде, в ней есть кое-что, ради чего она заслуживает быть оконченной».

³ Самыгин послал Брюсову рукопись на просмотр, сопроводив ее следующим разъяснением: «Вы составили неверное представление о двух рукописях: рукопись, как видите, одна, но в ней, помимо исторического рассказа, заключается еще журнал путешествия».

Июль 1900. Ревель.

Простите, друг мой, что не писал Вам так давно. Отсюда приходилось писать так много писем, что у меня выработался особый эпистолярный стиль и писал я всем одно и то же или почти. Вам — мне этого не хотелось. Неужели условно-красивыми фразами описывать море и старый Ревель с готическими соборами, «пришедшими из Средних веков», и размышлять о власти Прошедшего над нашей душой ¹.

Я хочу говорить о себе и о Вас *. Меня смутило, что Вы в первом письме ставили как образцы Зудермана и Гауптмана ². Что такое Зудерман? Что такое «Бой бабочек»? ³ Это — литературное ничто, призраки, миражи. Гауптман уже нечто, словно что-то действительное ^{2*}. Но знаете ли? — я сознаюсь Вам, о чем другим не хочу говорить: Гауптман не истинный поэт ⁴. Он все же подделка, как Ростан ⁵, как наш Льдов ⁶. Искусный бриллиант из стекла. Мне это сказать тем тягостнее, что в Гауптмане так много (будто бы) мне дорогого, заветного. Да. И всё же — Ибсен истинный творец, а муза Гауптмана

Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
С чужим младенцем на руках ⁷.

Все это, конечно, лишь очень и очень косвенно относится к Вашей драме ⁸. Жду дня (искренно и сердечно), когда буду ее слушать. В двух прежних Ваших драмах («Мрак» и «Из римской жизни») помню сцены, до сих пор прельщающие воображение. Имеете ли Вы сведения о судьбе своей книги? ⁹

Я осенью печатаю сборник стихов ¹⁰, потом может быть повесть ¹¹, потом перевод «Энеиды» (отрывок) ¹², потом «Книгу размышлений» ¹³. Это все почти «готово» к печати. Сборник стихов уже пришел ко мне из цензуры. Это мои лучшие вещи, может быть то лучшее, что я могу писать в стихах... Цензура, конечно, обошлась жестоко: вычеркнула «Антихриста» ¹⁴, сказание ¹⁵, заимствованное из Пролога ¹⁶, почти все религиозные стихи и строфы из «Аганатис»...¹⁷ Мне обещает защиту Ю. Бартечев ¹⁸ (сын П(етра) Б(артенева), издателя «Русского архива» ¹⁹). Всю зиму я писал и всячески «работал» в «Русском архиве» (жаль, что не могу сейчас послать Вам моей маленькой биографии Ф. Тютчева, — это лучшая из моих Архивных статей ²⁰) — через это я с Ю. Бартечевым более или менее сблизился. Теперь он на горе отцу, который всю жизнь враждовал с цензурой, назначен цензором. Возможность помочь мне у него есть, он мои стихи ценит и говорит, что «станет за них грудью» ²¹. Буду уповать, иначе смысл моей книги очень затуманится ^{3*}. Глупцы! они сами не знают чего им надо. Эти бывшие лакеи Каткова ²² (буквально, а не переносно) боятся всякой мысли в литературе.

«Так. Полдень мой настал» — слова Пушкина ²³. Чувствую и сознаю свои силы. Ныне я не могу написать ничтожной вещи. Все равно — будь то статья, драма или поэма. Я буду в них полновластным творцом и буду говорить как

* В черновике (ГБЛ. Ф. 386, 70.3) далее следует: «В начале века писали с каждой почтой и по тетради. Мы должны уметь вместить все на 4 страницах?».

^{2*} В черновике далее следует: «Я сам не мог читать много в его вещах без живого движения — особенно «Ганнеле», «Колокол» и последние вещи».

^{3*} В черновике вместо следующих двух фраз было: «Безумцы! Чего же им надо? Литературы без мысли и без силы. Но ведь именно такая и ведет к революции. Почитайте поэтов Людовика XVI».

учитель. Я мог бы наполнить сотни томов, если б хотел сказать всё. Мне теперь дела нет до формы, — до формы в самом широком смысле. Теперь я воистину достиг того, о чем твердил с детства. Мне — до глубины души искренно — не нужны никакие приветствия, не нужны читатели. Мне все равно. Понимаете Вы всю свободу, даруемую этим сознанием ^{4*}. Нетрудно быть выше насмешек, но надо стать выше всех восторгов и выше всех убеждений — своих и чужих. Только тогда можно быть творцом. Я нашел свою высоту.

Пишите мне.

Мой адрес на Москву.

Ваш сердечно Валерий Брюсов

ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. № 12. Л. 1—2об. Сохранился и черновик — ГБЛ. Ф. 386, 70.3.

¹ Письма с повторяющимися описаниями Ревеля и вызванными им размышлениями Брюсов писал летом 1900 г. Ю. К. Балтрушайтису, К. Д. Бальмонту, И. И. Ореусу (Коновскому) и А. А. Шестеркиной. См. наст. кн., Переписка с Коновским, п. 41 и преамбулу к комментариям.

² Брюсов упоминает имена современных ему немецких драматургов Германн Зудермана (1857—1928) и Герхарта Гауптмана (1862—1946) в связи со следующим признанием Самыгина в июльском письме 1900 г.: «Сделался последователем Зудермана и Гауптмана. Говорят, что они ультра натуралисты, а я этого не думаю».

³ Одна из пьес Зудермана (1894), пользовавшаяся некоторой популярностью на русской сцене. В ней с успехом выступала В. Ф. Комиссаржевская.

⁴ Впоследствии Брюсов безоговорочно причислял Гауптмана наряду с Ибсеном к «настоящим художникам». См., напр., лекцию 1907 г. «Театр будущего» (ЛН. Т. 85. С. 184).

⁵ Эдмон Ростан (1868—1918) — французский поэт и драматург, автор романтического пьес, из которых наибольшей известностью пользовалась пьеса «Сирано де Бержерак» (1897). Брюсов считал, что Ростану свойственны риторичность языка и банальность мыслей. Отрицательное отношение Брюсова к творчеству Ростана сохранилось и позже. См. письмо М. Цветаевой к Брюсову от 15 марта 1910 г. (Новый мир. 1969. № 4. С. 186).

⁶ См. п. 11, прим. 5.

⁷ Из стих. Баратынского «Подражателям» (1830).

⁸ В апрельских и июльском письмах 1900 г. Самыгин сообщал, что пишет драму «Воздушные замки».

⁹ См. п. 27, прим. 8.

¹⁰ См. п. 29, прим. 7.

¹¹ Автобиографическая повесть «Моя юность» (осталась незаконченной; напечатана в кн.: Брюсов В. Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927).

¹² Первые попытки перевода «Энеиды» Вергилия были сделаны Брюсовым еще в гимназии в 1891 г. (Брюсов В. Из моей жизни. С. 69, 118—119). В 1900 г. он перевел II и III книги поэмы. Впервые отрывки из «Энеиды» в переводе Брюсова появились в печати в 1913 г. (Гермес. № 6).

¹³ Вероятно, имеется в виду замысел, частично реализованный в статье «Истины. Начала и намеки», вошедшей в СЦ 1901. В объявлении на обложке содержалось упоминание о готовящейся к изданию книге «Истины».

¹⁴ Имеется в виду стих. Брюсова «Брань народов» (1899) из сб. TV (I, 224—225).

¹⁵ «Сказание о разбойнике» (1898 — I, 239).

¹⁶ Пролог — сборник житий святых, назидательных повестей, поучений, расположенных по дням календаря.

¹⁷ Название лирической поэмы (1897—1898) из сборника TV с подзаголовком «Финикийский рассказ»; было потом изменено автором на «Аганат» (см. I, 241—245, 603).

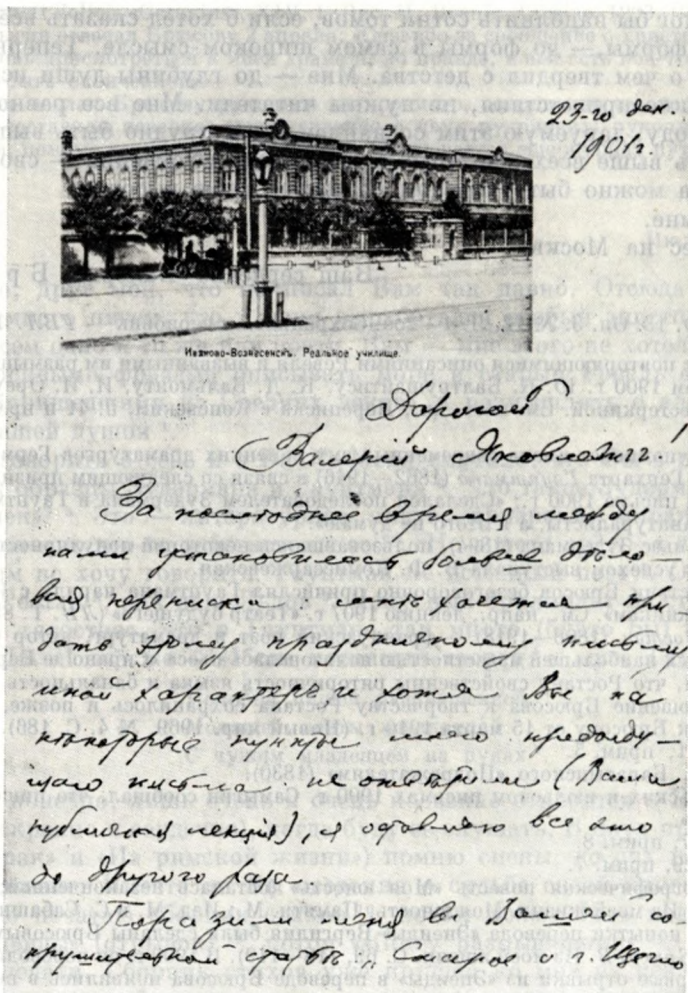
¹⁸ Ю. П. Бартнев служил с 1900 г. цензором в Московском комитете по делам печати.

¹⁹ О Петре Ивановиче Бартневее (1829—1912) Брюсов написал очерк «Обломок старых поколений», вошедший в книгу За моим окном (М.: Скорпион, 1913).

²⁰ Статья «По поводу нового издания сочинений Ф. И. Тютчева» (см. п. 29, прим. 3). В ней давались дополнения к биографии Тютчева, написанной И. С. Аксаковым.

²¹ Большая часть намечавшихся цензурных изъятий в TV была восстановлена. Возвращая рукопись цензурного экземпляра автору, Ю. П. Бартнев написал на титульном листе: «В. И. И так весь сборник могу разрешить. Но в Ваших же интересах рекомендовал бы изъять «Ламию», в «Городе» (стр. 33—4) № 6-й и, хотя это весьма жалко, смягчить в «Аганатис» от-

^{4*} В черновике, дальше было другое окончание письма: «Свободу не от врагов, это легко, но от друзей и близких. Если прежде меня не смущали насмешки, то теперь меня не обманут, как недавно, восторги. Мне даже хочется насмяться над своими поклонниками... Но все это не относится ни на миг к Вам. Если Вы и цените мои стихи, то я никогда не посмею применить к Вам иное имя как друга. Здесь я вспоминаю Вас с жадностью, верьте! Вспоминаю чаще, всегда — не упрекайте, что писал Вам меньше, чем другим. Я — Ваш Валерий Брюсов».

Дорогой
 Валерий Иванович!
 За последнее время между
 нами установилась большая отно-
 шение кофемки. Самое важное при-
дать этим предметам небольшой
личной характер, и хотя все на
каждом пункте моей предыду-
щей книжки. и открыл (Ваша
публикация некий), и оказалось все это
до другого раза.
 Теперь мы идем в Валентин со-
трудничестве с Саваром и г. Угомо

ПИСЬМО М. В. САМЫГИНА БРЮСОВУ

Автограф. 23 декабря 1901 г.
 Сверху — изображение Иваново-Вознесенского реального училища
 Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

меченное мною. Попрошу дать «Сказанию о разбойнике» другое соседство. Ю. Б. 9/VII» (ГБЛ. Ф. 386, 5.8. Л. 1). Стих. «Ламия» из сборника издать не было.

²² Михаил Никифорович Катков (1818—1887) — реакционный публицист.

²³ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. VI. Строфа XLV.

Ваша рукопись уже несколько дней у меня¹. Ю. Бартенев² от нее³ в восторге, ставит Вас выше всех современных романистов, т. е. выше Чехова, Горького, Андреева, Сологуба. Он мне читал отрывки. Хорошо, но мало наглядности. То, что должно бы быть изображено, передается как думы героя; получается статья в рассказе. Это мое мнение, основанное лишь на отрывках.

Теперь распорядитесь. Я жду Филиппова из Петербурга, где он устраивает внешние дела по журналу³, во вторник или в среду. Если хотите, я передам ему «Исповедь маньяка», — конечно, если при рассмотрении его «деловых дел» буду убежден, что «Русское обозрение» будет выходить и будет иметь чита-

гелей. «Необходимость жить» по размерам подошла бы к «Северным цветам»⁴. Теперь ни одна типография не возьмется напечатать к Рождеству. «Северные цветы» выходят в феврале точно, «Русское обозрение» в январе. Вам остается напечатать книгу в марте, это еще не опоздание — до Пасхи. Но, может быть, Вы пришлете иного?

Ваш Валерий Брюсов.

Р. С. Разумеется, не вычеркнуто ничего⁵.

Р. С. Письмо было написано, когда получил Ваше⁶. Что значит 250 р. с издателем? Кто их кому дает? Если издатель Вам, то это сносно, и принять это должно, а для «Северных цветов» и «Русского обозрения» Вы напишете что-либо новое, конечно напишете. Если же Вы даете 250 р. издателю, то, конечно, это безумие и бессмыслица. Или издатель хочет, чтобы книга появилась и дает 250 р., а Вам предоставляет прибыль? Вы написали очень невразумительно⁷.

Крайний срок для «Северных цветов» между 15 и 20 этого месяца⁸, конечно, если знать наверное, можно отдалить и еще на 5—6 дней, но тогда надо иметь хоть отрывок, хоть сюжет для успокоения скорпионовского собрания. Срок для «Русского обозрения» все еще не решился, хотя 1-й книги многое набрано.

Приезжайте, поговорим о внешнем, и, вероятно, скажем один другому и кое-что из домысленного нами за эти годы. Думаю, что в воззрениях на что и как разошлись мы очень далеко.

Я — Ваш Валерий Б.

ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 3—5об.

Датируется на основании того, что в постскрипуме содержится отклик на письмо Самыгина от 3 ноября 1901 г.

¹ В сентябре 1901 г. Самыгин послал Брюсову рукопись сборника своих рассказов с просьбой отнести ее в цензуру. Первоначальное название сборника было «Ангел смерти». Сборник вышел под названием «Чающие движения воды» в 1903 г. (дозволено цензурой 27 февраля 1903 г.).

² См. п. 34, прим. 18.

³ Сотрудник газеты «Московские ведомости» Алексей Фролович Филиппов в 1901—1903 гг. пытался возобновить издание реакционно-охранительного по своему направлению журнала «Русское обозрение», выходявшего с 1890 по 1898 г. В 1901 г. он выпустил единственный номер, в 1902 г. журнал не выходил, а в 1903 г. появился лишь один строенный выпуск (№ 1—3). Далее издание журнала прекратилось. Самыгин был намерен сотрудничать в этом журнале. В письме к Брюсову от 18 октября 1901 г. он предлагал открыть в Иваново-Вознесенске контору журнала.

⁴ Рассказы Криницкого «Исповедь маньяка» и «Необходимость жить» вошли в его сб. «Чающие движения воды».

⁵ Имеется в виду, что цензура ничего не выбросила из рукописи сборника.

⁶ Письмо от 3 ноября.

⁷ В ответном письме от 8 ноября Самыгин разъяснял: «Издатель дает в мое распоряжение 250 руб. с тем, чтобы я сам распоряжался всем делом и пользовался всею прибылью, словом это скорее заимодавец, чем издатель».

⁸ В СЦ 1902 был напечатан рассказ Криницкого «Ангел страха», посвященный Брюсову.

Если Вам можно — приезжайте в четверг, хотя бы к вечеру¹. Это приемный день Бартенева. Он Вас очень хочет видеть. Если нельзя, — я напишу ему о позволении посетить его в пятницу. Вас жду.

Ваш В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 41. Открытка. Датируется на основании письма Самыгина от 8 ноября 1901 г., в котором последний сообщал о своем намерении приехать в Москву «16-го в пятницу (утром)».

¹ В открытке от 14 ноября Самыгин извещал Брюсова, что он уже в Москве: «В четверг Ваш с утра».

(Москва. Не ранее 28 марта 1902 г.)

«Русский вестник» будет ли выходить, — неизвестно ¹. Рукопись Ваша в новом журнале «Новый путь», но и сей будет ли выходить неизвестно ². «Плевель» спрашивал ³ — они целы, но еще их не получил: у Казецкого умер брат и его неловко тревожить ⁴. Фролыч, он же Филиппов, безнадежен, у него ничего печатать не стоит ⁵. Хочу Вас увидеть. Могу быть Ваш, кроме 2-го дня, всю Святую ⁶. Юрия Петровича ⁷ не видал давно. А на молчания мои не сердитесь, — таков я. «Северные цветы» выйдут на той неделе непременно, если не цензура ⁸. С. А. Поляков, наш издатель, был очень болен, теперь лучше. Юргис ⁹ уехал за границу. Был Бальмонт, уехал туда же. После Пасхи уезжаем мы — туда же ¹⁰.

Сердечно Ваш В а л е р и й

1902

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 39—40. Ответ на письмо Самыгина от 26 марта 1902 г.

¹ Реакционно-охранительный журнал «Русский вестник» в 1902 г. был реорганизован. Его издание было перенесено в Петербург и продолжалось по 1906 г.

² См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 49, прим. 10. В 1904 г. в «Новом пути» были напечатаны рассказы Криницкого «Тора Аможе» (№ 8) и «Проклятье» (№ 12).

³ В январе 1902 г. Самыгин переслал Брюсову свою повесть «Плевелы» «из жизни средне-учебного заведения». 13 января он писал: «В повести “Плевелы” я вылил все, что у меня накипело на самый принцип современной средней школы. В том, что я написал, нет лжи, скорее краски смягчены: чем положены густо». Предлагая направить свое произведение в «Русский листок», Самыгин отмечает: «...я убежден, что напечатание моей повести сделает прямо огромную розничную продажу, если редакция рискнет печатать без особенно безбожных выпусков». 26 марта 1902 г. Самыгин спрашивает Брюсова: «Что мои бедные оплеванные “Плевелы”? Не пропали они?». Произведение под таким заглавием опубликовано не было. См. вступ. ст., прим. 47.

⁴ Николай Львович Казецкий — редактор-издатель московской газеты «Русский листок». О сотрудничестве Брюсова в этой газете см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 49, прим. 8. Сюда Брюсов передал повесть Самыгина. Из письма последнего от 3 февраля 1902 г. мы узнаем, что Брюсов хотел устроить своего товарища на штатную работу в редакции «Русского листка» и тем самым вытащить его из «медвежьих углов».

⁵ См. п. 32, прим. 3.

⁶ Святая — пасхальная неделя (в 1902 г. приходилась на 14—20 апреля).

⁷ Ю. П. Бартенев.

⁸ *СЦ 1902* вышли в конце марта (см.: *Дневники*. С. 120). Получив альманах, Самыгин писал 18 апреля: «Крепко жму Вашу руку за то, что Вы мне доставили случай выступить в таком сообществе». В альманахе были напечатаны произведения Брюсова, Бальмонта, Сологуба, Минского, Мережковского, З. Гиппиус, В. Розанова, А. Вольтынского и др.

⁹ Ю. К. Балтрушайтис.

¹⁰ Брюсовы уехали в Италию 5 мая 1902 г.

(Москва. Октябрь, до 5-го) 1902.

Друг мой! Напишу Вам скоро, как только освобожусь немного. Пишите мне. Юрий Петрович ¹ болен, в деревне. «Новый путь» осуществляется, но переезжать для него в Петербург я передумал ². Что же Ваши все повести? ³ Что Величко? ⁴ Пишите ему. А Филиппов безнадежен! ⁵ Говорили даже о его самоубийстве. Есть ли у Вас что для будущих «Северных цветов»? ⁶

Ваш В а л е р и й Б.

Р. S. Написал груды стихов ⁷.

Р. P. S. Шулятиков, если это Вам любопытно, продолжает оставаться в Петропавловке ⁸.

ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. № 29. Л. 28 (здесь ошибочно положено в папку с письмами Брюсова к С. А. Полякову). Датируется по письму Самыгина от 7 октября 1902 г., являющемуся ответом на данное письмо.

¹ См. п. 34, прим. 7.

² См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 77, прим. 9. Самыгин писал Брюсову 7 ок-

тября: «В Петербург не смейте уезжать: лично плохо могу себе представить Москву без Брюсова. Я твердо уповаю на то, что скоро мы все соберемся под Вашими крыльями, и «Северные цветы» перестанут быть альманахом».

³ В письмах 1902 г. Самыгин сообщал о своей работе над повестями «Тайна барсука» и «Жизни не было».

⁴ К. В. Л. Величко, поэту и реакционному публицисту, сотруднику журнала «Русский вестник» (о Величко см. также наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 1, прим. 2), Брюсов относился резко критически. Например, в письме к В. К. Станюковичу от 5 января 1895 г. Брюсов так отзывался о «Римской легенде» Величко: «И этот человек смеет называться поэтом. Да у него ни одного поэтического стиха, ни одного образа, ни одной рифмы на месте» (ЛН. Т. 85. С. 733). 7 октября 1902 г. Самыгин сообщал Брюсову: «Писал мне Ю(рий) П(етрович), что Величко обвиняет меня в плагиате: Ю. П. потребовал объяснения от Величко. Я в смущении и жду разъяснения случившемуся».

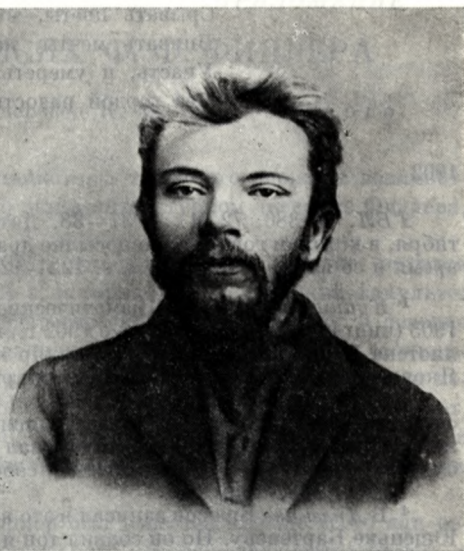
⁵ См. п. 32, прим. 3.

⁶ В письме от 7 октября Самыгин отвечал: «Вы знаете, как я дорожу своим сотрудничеством в «Северных цветах», но у меня сейчас ни одного мелкого рассказа, достойного Вашего внимания». В *СЦ* 1903 был напечатан рассказ Криничкого «Улица» (с эпиграфом из стих. Брюсова).

⁷ Речь идет о стихах, вошедших в сб. *УО*.

⁸ Владимир Михайлович Шулятиков (1872—1912) — литературный критик и публицист, товарищ Брюсова по университету, член РСДРП (большевик). В 1902 г. был арестован, но находясь в заключении не в Петропавловской крепости, а в московской Бутырской тюрьме и тверской губернской тюрьме; затем был выслан в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции.

36

В. М. ШУЛЯТИКОВ

Фотография. 1900-е годы

Собрание В. И. Шулятикова, Москва

(Москва. Октябрь, после 10-го, 1902 г.)

Получил и прочел Вашу книгу ¹. Что Вы за бесталанный человек! Разве можно было писать, или вернее печатать такую вещь ². Она хороша, конечно, но все скажут: удачное подражание Горькому. Ну, разумеется, все будет неправы, но будут убеждены. Юрий Петрович рассказывал мне о Величко ³. Так глупо, что говорить не стоит. А на самого Юрия Петровича тоже плюньте. Ничего он из своих обещаний не исполнит. Он мне сорок вещей обещал и ни одной не исполнил. Ожиревшая скотина — это самое скромное мнение об нем. И все христианско-елейные речи в устах его — мерзость. Он был человеком и перестал быть. Впрочем, я с ним в «дружеских» отношениях ⁴. А вот с отцом его рассорился и в «Архив» больше не хожу ⁵. Рассорился я и с «Новым путем» ⁶. Там существа тоже довольно гнусные. Я с документальной точностью узнал, чего стоят пророческие речи Мережковского и его проповеди о целомудрии и против блуда. Картонный проповедник, карикатура на евангелиста с припятанным хвостом. В «Русском листке» я больше не пишу ⁷. Я остался, наконец, совсем одиноким. Кругом воздух, ветер и небо. Мечтаю уехать из Москвы. Бросить всех тех, в кого влюблен и кто в меня влюблен, всех друзей, с которыми говорим мы о вечном и о тайном, бросить все свои ненужные статьи, чтобы жить, чтобы писать стихи, чтобы быть самим собой ⁸. Последнее блаженство.

О, если б всё забыть, быть вольным, одиноким,
В торжественной тиши раскинутых степей,
Идти своим путем свободным и широким
Без будущих и прошлых дней.

Срывать цветы, мгновенные, как маки,
 Впивать мечты, как первую любовь,
 Упасть, и умереть, и утонуть во мраке
 Без гордой радости воскреснуть вновь и вновь! ⁹

Валерий Брюсов

1902

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 37—38. Датируется по содержанию письма Самыгина от 7 октября, в котором говорится о посылке драмы, и октябрьской записи (1902) в *Дневнике* («Одно время я со всеми ссорился...», с. 122—123).

¹ *Криницкий Марк*. Драматические сочинения: Сирена. Драма в 3-х действиях. М., 1903 (книга вышла фактически в 1902 г., ценз. разрешение от 29 мая 1902 г.). В личной библиотеке Брюсова находится экземпляр книги с дарственной надписью: «Дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову от преданного Марка Криницкого» (ГБЛ. Ф. 306. Книги, № 115).

² Самыгин писал Брюсову, посылая книгу: «Вас, быть может, поразит грубо-реалистический тон «Сирены», но я Вас прошу уловить здесь тоненькую идеалистическую нотку». В письме от 12 ноября Самыгин так реагировал на критические замечания Брюсова: «О «Сирене» забудьте и думать: я сам мало доволен собою».

³ См. п. 35, прим. 4.

⁴ В *Дневнике* Брюсов записал в это время: «Чуть было не наговорил вещей очень жестких Юшенъке Бартеневу. Но он сбавил тон и тем спасся» (с. 123).

⁵ В 1902 г. Брюсов перестал быть секретарем «Русского архива», но общение его с П. И. Бартеневым не прекращалось. В своих воспоминаниях о Бартенева он писал: «Покинув работу в редакции «Архива», я продолжал посещать Бартенева...» (*Брюсов В. За моим окном*. М.: Скорпион, 1913. С. 56).

⁶ При всех своих расхождениях и ссорах с руководством журнала «Новый путь» Брюсов сотрудничал в нем в 1903 и — значительно меньше — в 1904 г.

⁷ В «Русском листке» Брюсов продолжал печататься еще в 1903 и в начале 1904 г.

⁸ В письме от 12 ноября Самыгин так откликнулся на эти настроения Брюсова: «От Вашего последнего письма на меня повеяло такою усталостью жизни, что просто захолонуло в груди, руки опустились Вам что-нибудь ответить. Страшную сердечную и умственную скукою пахнуло на меня (...) словно часть Вашей души прикоснулась ко мне и сказала: — Я одинок! Пойми: я болен моим одиночеством. У меня нет никого и, главное, никогда не может быть...».

⁹ Заключительные строфы из стих. Брюсова «L'ennui de vivre» («Скука жизни», 1902), вошедшего в сб. *УО* (I, 294—295).

37

(Москва. 31 октября 1)903.

Дорогой Михаил Владимирович!

Не сердитесь на меня. Я отдал «Грифу» «Сны» ¹, а в «Северные цветы» возьму «Памяти младенца». И больше мне нравится этот рассказ, и — главное — хочется избежать в «Северных цветах» этого года статей ². Да будут они только художественным сборником. А для статей, вероятно, с 904 г. оснуется журнал «Скорпиона» — «Весы».

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 42. Датируется по почт. шт. Ответ на письмо Самыгина от 13 октября 1903 г. В свою очередь, последний ответил Брюсову в письмах от 5 и 11 ноября.

¹ Самыгин был намерен отдать в альманах «Гриф» рассказ «Памяти младенца», но затем участвовать в альманахе отказался, вероятно после того, как узнал, что Брюсов относится к этому изданию отрицательно.

² Для «Северных цветов» Самыгин сначала предназначал рассказ «Сны», а затем принял предложение Брюсова передать ему «Памяти младенца» (автор хотел изменить заглавие на «Цветок смерти»). Но в 1904 г. альманах «Северные цветы» не выходил. В 1905 г. в альманахе «Северные цветы Ассирийские» было напечатано другое произведение Криницкого — «сказание» «Корабль».

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАРК КРИНИЦКИЙ В ЗАПИСЯХ Ф. Ф. ФИДЛЕРА

Предисловие, публикация, комментарии и перевод К. М. Азадовского

Характеризуя жизнь и личность Марка Криницкого, а также его сложные взаимоотношения с Брюсовым, следует учесть ряд записей о нем в литературном дневнике Фидлера, относящихся к 1916 г.

Федор (Фридрих) Федорович *Фидлер* (1859—1917), немец по происхождению, родился и всю жизнь прожил в Петербурге. Окончив в 1884 г. историко-филологический факультет Петербургского университета, Фидлер занялся педагогической деятельностью: в течение тридцати лет он преподавал немецкий язык в различных учебных заведениях столицы. Наряду с этим Фидлер переводил произведения русских поэтов на немецкий язык. Он познакомил немецких читателей с такими писателями, как Кольцов, Никитин, Надсон, Фет, А. К. Толстой и др. Свои переводы Фидлер печатал в Германии и в петербургской немецкой газете «Герольд». Фидлер переводил также и новейшую поэзию, в том числе символистскую (Блока, Брюсова, Вяч. Иванова)¹.

Однако в столичных литературных кругах Фидлер был известен прежде всего как неутомимый энтузиаст-собираатель, как создатель уникального «музея», разместившегося в нескольких комнатах его квартиры на Николаевской улице, 67 (ныне ул. Марата). С величайшим старанием и упорством, в течение многих десятилетий, отыскивал Фидлер письма и рукописи писателей (русских и западноевропейских), собирал их книги (как правило, с дарственными надписями), их портреты, карикатуры на них, а также любые, даже самые мелкие вещественные свидетельства, имеющие отношение к литературе. «Чудесная сокровищница, где все дышит образами былых корифеев и где все обвеяно трогательной любовью к ним и к литературе» — так писал о «музее» Фидлера критик А. Измайлов².

Фидлер коллекционировал также писательские автографы. Для этой цели у него были заготовлены небольшие альбомчики, озаглавленные «У меня», «В пути», «В ресторане», «Товарищеские обеды» и т. п. Фидлер неизменно носил их с собой и при первой возможности предлагал тому или другому литератору увековечить себя какой-либо шуточной записью или афоризмом³. Друзья нередко посмеивались над увлеченностью Фидлера, однако, видя в его начинаниях большое культурное дело, старались помогать ему и нередко по собственному почину пополняли его «музей» новыми материалами. «Ваше дело, Фед(ор) Фед(орович), дело великое, святое», — писал ему, например, Глеб Успенский⁴. А Максим Горький, даря Фидлеру летом 1908 г. на Капри экземпляр своих «Пьес», сделал на книге следующую надпись: «Федору Федоровичу Фидлеру, который своею любовью к литературе русской вызывает чувство глубочайшего уважения к нему»⁵.

О Фидлере и его музее не раз сообщалось в русской периодической печати. «Это самый бескорыстный и в то же время самый богатый рыцарь русской литературы», — писал Г. Вяткин. — Бескорыстный потому, что всей его деятельностью руководит исключительно любовь к литературе и писателям, лишённая каких-либо посторонних побуждений, а богатый потому, что в результате его многолетней деятельности мы видим такое ценное хранилище всякого рода литературных реликвий, которому могут позавидовать и самые культурнейшие страны и мимо которого не пройдет, не заметив его, ни один историк литературы»⁶.

После смерти Фидлера (он умер 24 февраля 1917 г. — накануне Февральской революции) его собрание распалось. Купленное почти целиком известным петроградским коллекционером Е. П. Бурцевым, оно впоследствии стало по частям поступать в различные государственные хранилища⁷. Отдельные материалы из музея Фидлера и поныне находятся в частных руках.

В наследии Фидлера особый интерес представляют его «Дневники», написанные по-немецки и охватывающие период с 1888 по 1916 г. С поразительной скрупулезностью, изо дня в день, заносил Фидлер в свои «синие тетради» все, что наблюдал и слышал «в мире литераторов» (так озаглавлены его дневники). Фидлер описывает в них свои встречи и беседы с писателями, их суждения о литературе, отзывы одних писателей о других и т. д. «Эти дневники — истинные сокровища для закулисной истории русской печати», — отмечал Вас. И. Немирович-Данченко, близко знавший Фидлера в течение многих лет⁸.

Ф. Ф. ФИДЛЕР

Рисунок И. Е. Репина. 19 апреля 1893 г.

Литературный музей, Москва

Действительно, литературный дневник Фидлера содержит массу неизвестных подробностей (подчас сугубо личного характера), касающихся русских писателей XIX—XX вв.: Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Гаршина, Надсона, Полонского, Фета, Чехова, Мамина-Сибиряка и мн. др. На основании своих многолетних записей Фидлер начал в 1913 г. публиковать воспоминания об отдельных русских писателях⁹. Однако в связи с началом первой мировой войны публикация фидлеровских мемуаров прервалась. Отрывки из дневников Фидлера появлялись в русском переводе и в наши дни¹⁰. В целом же этот уникальный памятник литературного быта и культурной жизни конца XIX — начала XX в. до настоящего времени остается неизвестным широкому читателю.

К числу знакомых Фидлера принадлежал и Брюсов, хотя общение их нельзя назвать тесным: с московскими писателями Фидлер встречался сравнительно редко. Кроме того, будучи приверженцем «классической» литературы XIX в., Фидлер скептически относился к новейшим течениям, в том числе символизму (что, впрочем, не мешало ему поддерживать в течение ряда лет дружественные отношения с Мережковскими, Минским, Сологубом, Бальмонтом, позднее В. Ивановым). Лишь к середине 900-х годов Фидлер преодолевает свое предубеждение против «декадентов».

Знакомство Фидлера с Брюсовым относится к декабрю 1898 г. Приехавший на несколько дней из Москвы Брюсов — по приглашению Бальмонта — посетил К. К. Случевского, на квартире которого еженедельно собирались петербургские поэты, читавшие друг другу свои новые произведения, сочинявшие стихотворения на определенную заданную тему и т. п. Традиция, установившаяся на «пятницах» Случевского, не прервалась с его смертью в 1904 г.: собрания кружка поэтов, получившие название «Вечера Случевского», продолжались вплоть до 1917 г.¹¹ Посещение Брюсовым очередной «пятницы» у Случевского (вечером 11 декабря 1898 г.) достаточно подробно описано в его дневнике; там же описывается и его знакомство с Фидлером: «На похоронах Полонского собрались все поэты. Им сказал Случевский: "Вот умер тот, у кого мы собирались по пятницам, будемте теперь собираться у меня". Эти пятничные собрания у Случевского поэты называют своей академией. Был там и я 11-го вечером, пришел с Бальмонтом и Буниным,— согласно с обычаем поднес хозяину свои книги стихов, сел и стал слушать... Было сравнительно немало народа — из старших был дряхлый старец Михайловский и не особенно дряхлый Лихачев, был издатель "Недели" Гайдебуров, цензор и переводчик Канта Соколов, позже пришел Ясинский; из молодых были здесь Аполлон Коринфский, Сафонов, Мазуркевич, Грибовский... Мы, трое декадентов — Бальмонт, Сологуб и я, тоскливо укрылись в угол.

(...) Когда все собрались, начали читать стихи. Мазуркевич читал то приветствие, которое написал он для вечера в память А. Толстого — "Алексею Толстому же слава... Слава Алексею Толстому"... Бальмонт читал "Майю", и ее не поняли совершенно. Гайдебуров пробормотал что-то о богатстве образов... Еще читал Бальмонт свои стихи к Случевскому; тот был польщен и "отклонял от себя честь..." Я прочел "На новый колокол", а так как полагалось, что я — декадент, то все нашли, что это стихотворение архи-декадентское. Едва я кончил, Сафонов дико вскочил с места и закричал: „Господа! вот вопрос, что это — искание новых путей или что иное?“

Тут все что-то заговорили. Я пытался было вставить два слова, но перекричать Сафонова не так-то легко. — "Я — говорит он — поэзии поклоняюсь! Я здесь не уступлю ни шагу!" Я махнул рукой и замолчал. К тому же тут подползла ко мне некая фигура на двух ногах и заговорила:

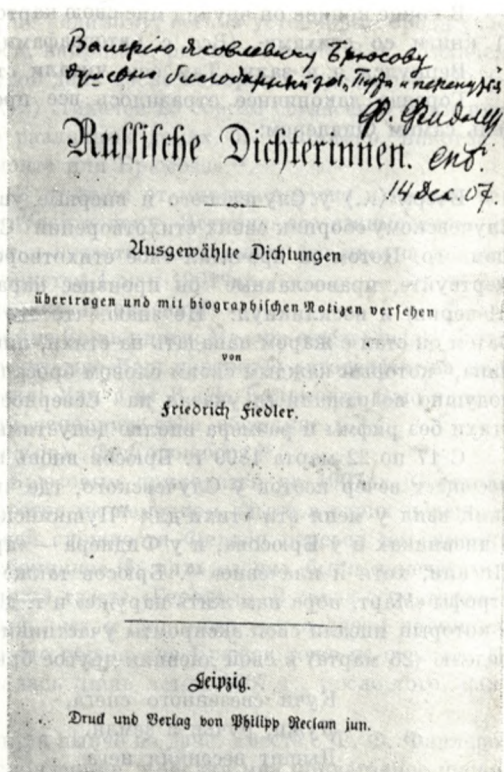
— Я много читал о вас и слышал, очень рад познакомиться. У меня есть альбом, который украшен автографами многих замечательных людей, не согласитесь ли и вы украсить его этим стихотворением.

Я согласился и украсил, а едва кончил, владелец альбома, оказавшийся немецким поэтом Фидлером, спросил меня:

— А есть ли с вами ваш портрет?

Моего портрета со мной не оказалось.

— Будьте любезны прислать мне с автографом, у меня портретная галерея замечательных лиц.

РУССКИЕ ПОЭТЕССЫ. ЛЕЙПЦИГ, <1907>

Составитель и переводчик Ф. Фидлер
Титульный лист с дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову душевно благодарный за «Пути и перепутья» Ф. Фидлер. Спб., 14 дек. 07.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В конце концов он вручил мне свою карточку, где написал: Friedrich Fiedler. 1) портрет, 2) книги со стихами. (Все с автографами).

Вернулся я в залу. Там еще читали стихи¹².

Гораздо лаконичнее отразилось все происходившее в записи, сделанной на другой день самим Фидлером:

«12 декабря 1898

Вчера (...) у Случевского я впервые увидел декадента Валерия Брюсова: он принес Случевскому сборник своих стихотворений "Chefs d'oeuvre" и сидел безмолвно с видом помещанного. Потом он прочитал свое стихотворение "На новый колокол", причем слова "По жертвуйте, православные" он произнес нараспев. Когда он закончил, поднялся Сафонов (Печерин) и воскликнул: "Не знаю, что это — новое слово в поэзии или шарлатанство?" Затем он стал с жаром нападать на стихи, лишённые рифмы и размера, сославшись на Пушкина, "который каждым своим словом бросал на стол звенящую золотую монету". Ему единодушно возражали (я указал на "Северное море"), доказывая, что в отдельных случаях стихи без рифмы и размера вполне допустимы. К сожалению, я должен был уйти¹³.

С 17 по 22 марта 1899 г. Брюсов вновь находится в Петербурге; 19 марта он вторично посещает вечер поэтов у Случевского, где читает стихотворение «Демоны пыли». «Случевский взял у меня эти стихи для "Пушкинского сборника»¹⁴. За ужином — как отмечено в дневниках и у Брюсова, и у Фидлера — «предложили писать экспромты на тему "Весна". Писали, хотя и плачевно»¹⁵. Брюсов также принял участие в этом турнире, написав две строфы «Март, пора нам жить наруже» и т. д. (III, 254). Кроме того, из альбома «Пятницы», в который писали свои экспромты участники вечеров Случевского, Фидлер переписал через неделю (26 марта) в свой дневник другое брюсовское стихотворение на тему «Весна»:

Кучи свезенного снега,
Лужи, ручьи и земля.
Дышит весенняя нега
В этом конце февраля.

Прежним беспечным мальчишкой
Я пробираюсь домой,
Ранец сжимаю под мышкой,
Шлепаю в воду ногой.

Годы, безумные годы!
Гаснете вы, словно сны,
С первым дыханьем природы,
С веяньем юной весны¹⁶.

Появление Брюсова в кружке петербургских поэтов не прошло незамеченным. Уже через две недели, 3 апреля 1899 г., перечисляя в своем дневнике лиц, отсутствовавших накануне у Случевского, Фидлер называет Брюсова (в одном ряду с Вейнбергом, Минским, Вл. Соловьевым и Буниным)¹⁷. А через неделю, 10 апреля, Фидлер записывает: «Вчера у Случевского. Последний поэтический вечер в этом сезоне (...) Бальмонт декламировал стихотворение "Демоны пыли" своего друга Валерия Брюсова (который отсутствовал) и прочий декадентский вздор того же автора и рассердился, когда все кругом стали улыбаться и смеяться»¹⁸.

Споры о Брюсове и его стихах продолжались на вечерах у Случевского довольно долго. В своем дневнике Фидлер приводит, например, следующую запись, сделанную А. Коринфским 1 декабря 1900 г.: «Собрались довольно поздно, что, однако, не помешало прочесть И. И. Ясинскому горячо и остроумно написанный реферат об одном из новейших поэтов (Вал. Брюсове), в пять лет отошедшем от самого себя ("О закрой свои бледные ноги!") на пять столетий. Чтение вызвало оживленные толки. Большинство оказалось при "особом мнении", хотя и согласились, что *теперь* у автора "Бледных ног" действительно есть *стихи* и даже хорошие»¹⁹.

Приведем также эпиграмму на Брюсова, принадлежащую перу Н. Н. Вентцеля и записанную им в альбом Случевского (16 февраля 1901 г.), откуда ее впоследствии и перенес в свой дневник Фидлер:

Существовал когда-то встарь
Известный Брюсов календарь.
Он врал, но что ни говори,
И все ведь врут календари!

Календаря того уж нет,
Но Брюсов есть зато поэт.
И откровенно говоря,
Почище врет календаря²⁰.

Скептическое отношение к Брюсову было, по-видимому, весьма устойчивым среди участников вечеров Случевского. Это подтверждается, например, репликой поэта В. С. Лихачева, которую Фидлер занес в свой дневник на другой день после похорон Случевского: «29 сентября 1904. Вчера — похороны Случевского (...) Лихачев не совсем согласен с моим предложением проводить поэтические собрания в различных домах. Я, например, никогда не пушу к себе в квартиру какого-нибудь Бальмонта или Брюсова»²¹.

Однако Фидлер был настроен по-иному. В отличие от многих он уже в начале века угадал в Брюсове значительного писателя, тянулся к нему. Историю его взаимоотношений с Брюсовым, помимо «Дневников», дополняют и отчасти раскрывают его письма к поэту. Первое из них (открытка из Петербурга) датируется 1 мая 1901 г.:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

В дек(абре) (18)98 г. Вы любезно прислали мне Ваши книги: Me eum esse и Chefs d'oeuvre. Тогда же Вы не менее любезно обещали доставить мне Ваш портрет (с автографом на лицевой стороне). Увы, я его до сего дня не получил! Узнав от К. Д. Бальмонта Ваш адрес, я позволю себе выразить надежду, что Вы теперь исполните свое обещание.

Преданный Вам Ф. Ф. Фидлер (Фед(ор) Фед(орович))»²².

Следующий период общения Фидлера с Брюсовым приходится на 1907 г. Составляя обширную антологию современных русских поэтов на немецком языке в своих переводах, Фидлер обратился к поэзии Брюсова. В общей сложности Фидлер перевел на немецкий язык 22 стихотворения Брюсова из разных сборников²³; пять из них были напечатаны в июле—августе 1906 г., в петербургской немецкой газете «Герольд». В связи с подготовкой антологии Фидлер послал Брюсову вопросный лист и напомнил ему о своем давнишнем желании: иметь его портрет с автографом. На это обращение Брюсов тоже не ответил. Переписка между Брюсовым и Фидлером завязалась лишь летом 1907 г., после того, как в дело вмешался С. А. Венгеров.

4 июля 1907 г. он сообщал Брюсову: «Живу я нынче на даче, вместе с Ф. Ф. Фидлером, который, узнав, что я состою с Вами в корреспонденции, прислал мне прилагаемое письмо. Письмо благоволите прочитать и затем мне его отослать, а просьбу рачительного немца — исполните»²⁴.

В «прилагаемом письме» Фидлер подробно излагал историю своих взаимоотношений с Брюсовым: «Несколько лет тому назад я познакомился с ним у покойного Случевского. Тогда же он обещал прислать мне свой портрет (с автографом, конечно, на лицевой стороне — согласно характеру всего моего иконостаса). Прошли недели, месяцы и годы и — как Гейне говорит: «Ein Narr wartet auf Antwort»*.

Года два тому назад я напомнил ему в заказном письме о его любезном обещании — результат тот же!

К тому письму был приложен вопросный лист, о заполнении которого я убедительно его просил... Ни слова ответа!

Между тем тебе известно, что в имеющей появиться моей книге (Moderne russische Lyriker²⁵) все биографические данные о соврем(енных) русских поэтах основаны на заполненных ими собственноручно вопросных листках.

Известно тебе также, что я перевел несколько найденных мною в разных сборниках и альманахах его стихотворений. Я их напечатал в «Herold'e» и, помнится, также послал ему. Эффект — тот же!

Ты понимаешь, что не могу же я поместить эти переводы в мою антологию, не предпоставив им *автобиографических* дат (как у всех)!

Прилагаю этот вопросный лист. Авось тебе посчастливится получить его обратно заполненным!

Может быть, Бр(юсов) пришлет тебе также для меня и свой портрет!

Пожалуйста, Семен,— употреби все свое обычное ораторское обаяние, чтобы Бр(юсов) исполнил наконец свое давнишнее обещание!

Обещал он мне также прислать свои книги (с автогр(афом)!!). Но об этом ты ему не напоминай: недовко вводить его в издержки... Собственно, это, конечно, очень жаль, так к(ак) у меня имеются книги всех русских поэтов (начиная с Фета, Полонского и Майкова) с собственноручной дедикацией... Но на силу мил не будешь!»²⁷.

* «И глупец ожидает ответа» (нем.)²⁵.

25* Современные русские лирики (нем.)²⁶.

Ф. Ф. ФИДЛЕР В СВОЕМ КАБИНЕТЕ

Фотография К. Буллы, 1910-е годы

Центральный архив кинофонофото документов, Ленинград

Письмо Венгерова было толчком, побудившим Брюсова ответить Фидлеру. Оправдывая свое долгое молчание отсутствием у него доброкачественных фотографий, Брюсов писал 25 июля 1907 г.: «В настоящее время, по счастью, я могу исполнить Вашу просьбу со всей благопристойностью, потому что у меня есть снимки с прекрасного портрета Врубеля, — портрета, которым я по справедливости горд. Очень прошу Вас не сердиться на меня за промедление в несколько лет и принять этот портрет как знак сердечного моего уважения к Вам²⁸. Одновременно я посылаю Вам сборник моих стихов "Stephanos", единственный из имеющихся сейчас в продаже, так как из письма С. А. Венгерова я узнал, что Вам будет приятно иметь мою книгу с моей надписью. Возвращаю Вам также вопросный лист²⁹, который заполнил как сумел.

С. А. Венгеров сообщил мне, что Вы перевели некоторые из моих стихотворений и напечатали эти переводы в "Herold'e". Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне, в каких №№, какого года эти переводы были напечатаны, и во всяком случае всей душой вам благодарен за такое внимание к моей поэзии³⁰.

8 августа Фидлер открыткой уведомляет Брюсова о том, что отправил ему три номера газеты «Герольд»³¹. Брюсов отвечает на это новым письмом, которое было получено Фидлером, согласно сделанной им помете, 24 августа³². Наконец, 5 марта 1909 г. Фидлер сообщает Брюсову, что переводит его стихотворения из первого тома «Путей и перепутей», полученного им в декабре 1907 г.³³. «Из этой книги я пока перевел: "Предчувствие", "Сладострастные тени", "К монахине", "Прохлада утренней весны" и "Демоны пыли"»³⁴.

В 1909—1910 гг. Фидлер был поглощен работой по составлению книги «Первые литературные шаги» — сборника автобиографий современных русских писателей. С этой целью Фидлер обращался ко многим знакомым и незнакомым ему русским литераторам, писал письма с просьбой принять участие в начатом им деле, рассылал составленные им анкеты с 25 вопросами. Такой вопросник он послал и Брюсову. Фидлер определенно хотел вклю-

чить в этот сборник автобиографию Брюсова, о чем красноречиво свидетельствует его письмо к поэту от 18 окт. 1910 г.:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Позвольте быть откровенным!

Вчерашний присыл Вашей книги меня удивил. Ведь Вы за последние годы не ответили ни на одно из моих писем! Все посреднические попытки наших общих знакомых московских писателей в этом отношении не имели результата, — Вы молчали. Я несколько раз посылая Вам анкетный лист для моего сборника "Первые литературные шаги" — никакого ответа! Я писал Вам, что перевел 22 Ваших стихотворений, — молчание!

И вдруг — вчера Ваша книга! Снимая обложку, я думал найти второй и третий том "Путей" (ибо я имею от Вас только первый, из которого и сделаны мои переводы) и нахожу — "Земную ось"!

Позвольте же Вам выразить свое большое "Dankeschön" за любезное внимание (...)

А теперь еще раз прилагаю анкетный лист с великой просьбой написать хоть две странички. Книга хотя уже набирается (она выйдет в пользу Литературного фонда), но Вы не опоздаете. Авторы помещены не в алфавитном порядке, а в хронологическом: по мере поступления их статей, на что я и указываю в предисловии. Если Вы интересуетесь книгой, — зайдите в типографию Сытина (на Пятницкой), и Вам покажут корректурные листы. На мой призыв откликнулось свыше 50 писателей и было бы крайне обидно, если Ваше имя не украсило (бы) сборник.

Пожалуйста, Валерий Яковлевич, подействуйте этому доброму делу и приплетите мне на днях Вашу статью (отвечать и не отвечать можно на любые пункты).

А если у Вас окажется свободный экземпляр 2-го и 3-го томов "Путей" — порадуйте присылкой

преданного Вам Ф. Ф и д л е р а»³⁵.

На это письмо Брюсов откликается немедленно 20 октября:

«Многоуважаемый Федор Федорович, очень извиняюсь во всех тех прегрешениях перед Вами, в которых Вы меня обвиняете. Но если я и виноват, то "заслуживаю снисхождения". Ежедневно я получаю около десяти писем и отвечать на все не могу физически. Точно так же не имею никакой возможности ответить на Вашу анкету. Ведь пришлось бы писать чуть ли не всю свою автобиографию! Простите. "Пути и переputья" постараюсь не забыть Вам выслать. Уважающий Вас Валерий Брюсов»³⁶.

Книга «Первые литературные шаги» вышла в январе 1911 г.; среди вошедших в нее автобиографий 54 русских писателей Брюсова не было. Его переписка с Фидлером прерывается на несколько лет. 21 мая 1916 г. Фидлер с упреком пишет Брюсову: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич! Пишу Вам на этот раз не как переводчик 22 Ваших стихотворений, ибо о таковом Вы, очевидно, уже давно совершенно забыли: не прислали мне после 1-го тома "Путей и переputий" ни одной Вашей книги»³⁷.

Это письмо — последнее в переписке между Фидлером и Брюсовым, который на этот раз даже не счит нужным ответить своему переводчику и почитателю. Однако менее чем через два месяца фигура Брюсова снова предстает перед Фидлером — в устных воспоминаниях Марка Криницкого.

Публикуемые ниже записи рассказов Криницкого о себе самом и Брюсове содержатся в последней (29-й и незаконченной) тетради «Дневников» Фидлера, начатой 31 августа 1915 г.³⁸ Фидлер вместе с дочерью Маргаритой проводил лето 1916 г. на даче Литературного фонда близ Сестрорецка (станция Ермоловская, ныне упраздненная). Там же отдыхал в то лето М. Криницкий.

Воспоминания Криницкого, сохранившиеся в пересказе Фидлера, — ценное дополнение к переписке Криницкого с Брюсовым. Однако в отдельных местах они требуют уточнений. Так, изменившееся отношение Брюсова к товарищу его юности объясняется, конечно, не дурным или капризным характером поэта, а закономерностями его внутреннего развития. на одном из этапов своего духовного пути Брюсов разошелся с Криницким и перестал видеть в нем единомышленника (примерно ту же эволюцию претерпели в свое время отношения Брюсова с А. Добролюбовым, Бальмонтом и другими его сподвижниками). Вероятно, Криницкий и сам в известной мере осознал это: его рассказ (в том виде, как его воспроизвел Фидлер) свободен от обиды или упреков в адрес Брюсова.

Следует далее отметить, что не вполне точно освещена Криницким история женитьбы

Брюсова в 1897 г. Рассказывая об этом Фидлеру, Криницкий явно преувеличивает собственную роль, которая на деле была более скромной. Как видно из дневника Брюсова, дело обстояло далеко не так, как сообщает Криницкий³⁹. Как бы ни дорожил Брюсов в те годы мнением Криницкого, вопрос о том, жениться ему или не жениться, он все-таки решал сам. И если даже Брюсов действительно написал то письмо, о котором упоминает Криницкий, то понимать его текст не следует буквально: это не более чем поза, литературный жест молодого Брюсова.

Наиболее любопытная часть воспоминаний Криницкого — описание его визита к Толстому, относящегося скорей всего к 1894—1895 гг. Спутником Криницкого был Леонид Николаевич Никонов (1872—1951), впоследствии видный педагог и ученый-ботаник, преподававший природоведение в различных учебных заведениях Петербурга (с 1899 по 1917 г.). Запись, сделанная Криницким и Никоновым после визита к Толстому, видимо, погибла; во всяком случае в печати этот документ не появлялся.

Привлекает внимание и то обстоятельство, что Криницкий весьма подробно говорил Фидлеру о своей собственной семье, о воспитании сына, о своих взглядах на брак и т. п. Это была как раз та самая проблематика, которая прежде всего занимала Криницкого как писателя. В своих романах и драмах он постоянно возвращался к теме брака и супружеской верности, резко критиковал современную семью, ее моральные устои и принципы. Своими соображениями на этот счет Криницкий, видимо, поделился и с Фидлером.

Насколько можно судить, между Криницким и Фидлером сразу же установились дружеские отношения. Об этом свидетельствует, например, шутовое четверостишие, которое написал Криницкий в альбом Фидлера («У меня») в день своего знакомства с ним:

Познакомился я с Ф. Ф. Фидлером в Сестрорецке,
И хотя я пишу по-русски, а он по-немецки
И сейчас это — две враждебные стихици,
Но мы, кажется, будем с ним приятели большие⁴⁰.

Криницкий оказался последним из знакомых Фидлеру русских писателей, беседы с которым он столь подробно воспроизвел в своем дневнике. Вскоре Фидлер вообще прекращает вести дневниковые записи; состояние его здоровья резко ухудшается (Фидлер страдал эмфиземой легких), и в начале сентября он попадает в Мариинскую (ныне — им. Куйбышева) больницу, откуда уже не возвращается домой. В ноябре—декабре 1916 г. Фидлера регулярно навещают близкие и друзья, среди них — Марк Криницкий. Впрочем, 4 ноября, перечисляя гостей, посетивших его в этот день — день его рождения — Фидлер не упоминает о Криницком. В последний раз Криницкий заходил к Фидлеру 30 декабря 1916 г., но не застал его в палате⁴¹.

¹ О литературной деятельности Фидлера см.: *Тальский М.* Русская поэзия в немецких переводах // *РМ.* 1901. № 11; *Позняков Н. И.* Друг русской литературы // *Новости и биржевая газета.* 1903. № 241. 2/15 сент.; *Данилевский Р. Ю.* Переводчик русских поэтов Ф. Ф. Фидлер // *Рус. лит.* 1960. № 3.

² *И(амайло) А.* Литературный музей Ф. Ф. Фидлера // *Огонек.* 1912. № 23. 2/15 июня.

³ В 1915—1916 гг. Фидлер напечатал наиболее удачные писательские экспромты из своих альбомов. См.: Афоризмы. Впервые появляющиеся в печати записи из альбомов литературного музея Ф. Ф. Фидлера // *Журнал журналов.* 1915. № 36; Афоризмы. (Из альбомов литературного музея Ф. Ф. Фидлера) // Там же. 1916. № 1; *Фидлер Ф. Ф.* Из моего литературного архива // Там же. № 7; *Рейсер С. А.* Из альбомов Фидлера // *Звезда.* 1961. № 2.

⁴ Цит. по записи в дневнике Фидлера: *ИРЛИ.* Ф. 619. Оп. 1. № 8. Л. 131.

⁵ Местонахождение этого экземпляра «Пьес» (Собр. соч. Пб.: Знание, 1908. Т. VIII) неизвестно. Цит. по записи в дневнике Фидлера: *ИРЛИ.* Ф. 649. Оп. 1. № 12. Л. 139. Опул.: *Азадовский К. М.* Ф. Фидлер. Встречи с Горьким // *Лит. обозрение.* 1984. № 8. С. 105.

⁶ *Вяткин Г.* Столичные письма // *Сибирская жизнь.* 1913. № 237. 29 окт. Основной перечень работ, посвященных Фидлеру и его «музею», см. в статье: *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д.* К биографии Н. С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // *Рус. лит.*, 1988. № 2, с. 171—172.

⁷ См.: (Без подп.) Основатель музея русских писателей // *Задуманное слово.* Еженедельный журнал для старшего возраста. 1917. № 47. 24 сент.; см. также заметку: (Без подп.) Судьба автобиографии // *Литературный еженедельник.* 1923. № 43.

⁸ *Н(емирович)-Д(анченко) В(асилий).* Печальные поминки // *Русская воля* (веч. выпуск). 1917. № 57. 11 апр.

⁹ См.: *Фидлер Ф.* Литературные силуэты // *Биржевые ведомости* (утр. выпуск). 1913. № 13297. 29 дек.; № 13299. 31 дек.; 1914. № 14151. 14 мая; № 14153. 15 мая; № 14222.

26 июня; № 14234. 3 июля; одновременно те же отрывки печатались в журнале «Новое слово» (1914. № 1, 5, 6, 8).

¹⁰ См.: Фидлер Ф. Ф. Из дневника // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962; Из дневника Ф. Ф. Фидлера / Предисл. и публ. К. М. Константинова (К. М. Азадовского) // ЛН. Т. 92, кн. 3; Азадовский К. М. Достоевский глазами современников: Из дневников Ф. Фидлера // Новый мир. 1985. № 8. См. также прим. 5, 6.

¹¹ См. подробнее: Смиренский В. К истории пятии Случевского // Рус. лит. 1965. № 3; Соколов М. А. Кружок поэтов имени Случевского // Изв. книжных магазинов товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1910. № 9; см. также «Пятницы» и «Вечера» Случевского — Петербургские ведомости. 1909. № 28 (юбилейная справка за подписью W) — криптоним, за которым укрылся В. В. Уманов-Капуновский, секретарь Кружка).

¹² Дневники. С. 54—55.

¹³ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 679. Фидлер говорит о цикле «Северное море» из «Книги песен» Г. Гейне.

¹⁴ Дневники. С. 65.

«Пушкинский сборник», составленный из произведений русских писателей и поэтов конца XIX в., был издан в 1899 г. (к пушкинскому юбилею). Одним из редакторов сборника был К. К. Случевский. Стихотворения Брюсова в этом издании не появились (см. I, 600, комментарий М. Васильева и Р. Щербакова к «Демонам пыли»; см. также: М. Л. Мирза-Авакян. Из неопубликованной переписки В. Я. Брюсова (90—900-е годы); В. Брюсов и К. Случевский — Чтения 1971). Фидлер же был представлен выполненным им переводом пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке».

¹⁵ Дневники. С. 66.

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. I. Ед. хр. 4. Л. 114—115. Альбом «Пятницы» сохранился (ГПБ. Ф. 703. № 2; записи Брюсова от 19 марта 1899 г. — л. 6 и 9).

Две первые строфы из стих. «Кучи свезенного снега» (III, 219) — 1-я и 3-я строфы печатного варианта, датированного 24 февраля 1895 г. 3-я строфа текста из альбома «Пятницы» до сих пор оставалась неизвестной. Видимо, Брюсов написал ее у Случевского вечером 19 марта 1899 г., чтобы приблизить это стихотворение к заданной теме.

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 156.

¹⁸ Там же. Л. 169.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 6. Л. 278 (запись от 20 мая 1902 г.). См. также: ГПБ. Ф. 703. Ед. хр. 2. Л. 41. Реферат И. И. Ясинского был положен в основу его статьи «Новый поэт», опубликованной без подписи в издававшемся им журнале «Ежемесячные сочинения», (1901. № 1).

²⁰ ГПБ. Ф. 703. Ед. хр. 2. Л. 58. См. также: ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 265 (запись от 20 мая 1902 г.).

²¹ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 31.

²² ГБЛ. Ф. 386. 106.22. Л. 1. Упомянутый Фидлером экземпляр книги *ChdO2* имеет следующую надпись: «Федору Федоровичу Фидлеру от автора Валерий Брюсов 1898» (личная библиотека С. С. Гречишкина, Ленинград; после надписи — помета карандашом, сделанная Фидлером: «дек(абр) Москва»).

²³ О выполненных Фидлером переводах брюсовских стихотворений см. подробнее: Данилевский Р. Ю. В. Я. Брюсов и Ф. Ф. Фидлер // Международные связи русской литературы: Сб. статей под ред. акад. М. И. Алексева. М.; Л., 1963.

²⁴ ИРЛИ. Ф. 444, Ед. хр. 52. Л. 51.

²⁵ Заключительная строка из стихотворения Г. Гейне «Вопросы» (Цикл «Северное море»).

²⁶ Издание не состоялось.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 377 (фонд не разобран).

²⁸ Фотография с этого портрета украшала кабинет Фидлера до самой его смерти. В настоящее время ее местонахождение неизвестно.

²⁹ Местонахождение этого документа в настоящее время неизвестно.

³⁰ Письмо от 25 июля 1907 г. // ЦГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 209.

³¹ ГБЛ. Ф. 386. 106.22. Л. 4—5.

³² Полный текст этого письма опубликован Р. Ю. Данилевским (Указ. соч., с. 415).

³³ В ответ Фидлер отправил Брюсову свою антологию «Русские поэтессы», изданную в Лейпциге в конце 1907 г. «Russische Dichterinnen. Ausgewählte Dichtungen». Übertragen und mit biographischen Notizen versehen von Friedrich Fiedler.

Дарственная надпись: «Валерию Яковлевичу Брюсову душевно благодарный за «Пути и перепутья» Ф. Фидлер. СПб., 14 дек. 07» (ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1427).

³⁴ ГБЛ. Ф. 386. 106.22. Л. 6.

³⁵ Там же. Л. 7—8.

³⁶ Оригинал письма хранится в собрании Р. Л. Щербакова (Москва) и публикуется с любезного разрешения владельца.

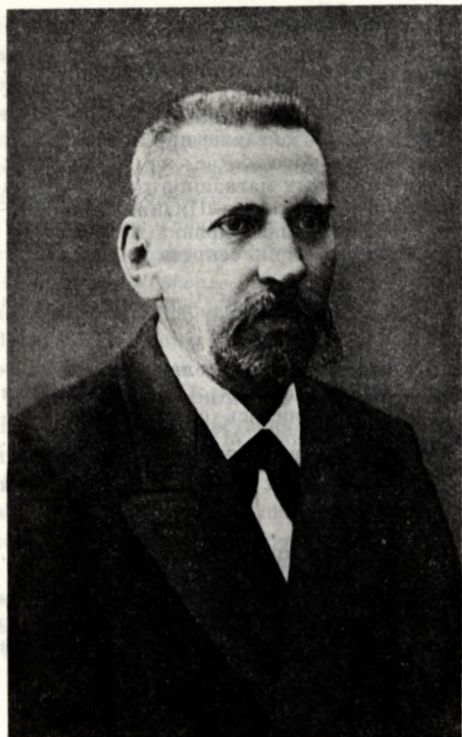
³⁷ ГБЛ. Ф. 386. 106.22. Л. 15.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. I. Ед. хр. 25. Л. 157—161, 163—168.

³⁹ См. прим. 4—5 к тексту дневника Фидлера.

⁴⁰ ГЛМ. Оф. 4173. Л. 26. Сохранилась также телеграмма Криницкого от 26 июля 1916 г. из Петрограда, адресованная Маргарите Фидлер. В телеграмме содержится просьба бытового порядка в связи с болезнью Криницкого и его сына Сергея // ЦГАЛИ. Ф. 518. Оп. 4. Ед. хр. 41.

⁴¹ См. письма Фидлера к дочери М. Ф. Фидлер от 5 ноября, 31 дек. 1916 г. и др. // ЦГАЛИ. Ф. 518. Оп. 4. Ед. хр. 12.

Ф. Ф. ФИДЛЕР
Фотография. 1915

Центральный архив литературы и искусства
СССР, Москва

ИЗ ДНЕВНИКА Ф. Ф. ФИДЛЕРА

8 июля 1916

Вчера сюда перебрался Марк Криницкий (...). Сегодня я с ним познакомился. Первое впечатление — весьма благоприятное. В последнее время он постоянно жил в Москве (его семья еще там) и лишь совсем недавно переехал в Петербург. Он сказал о себе: «Я ни в чем не имею вкуса: ни в вине, ни в табаке, ни в женщинах, ни в музыке. В музыке я даже слеп»*. Последнюю фразу он повторил дважды. С ним и мужем Веры Евгеньевны Копельман¹, нашей управляющей, мы говорили о войне и особенно о немцах. Никто из них не проявил враждебности к немцам, скорее напротив — симпатию.

9 июля 1916

Настоящее имя Криницкого — Михаил Владимирович Самыгин. Сегодня я ходил с ним на прогулку в Курорт, где он пытался найти меблированную комнату для своей жены с десятимесячным сыном, однако безуспешно: никто не хотел сдавать комнату из-за ребенка. В 4 часа пришли ко мне. Делая запись в мой альбом, он что-то смахнул с пера, а затем вытер пальцы о волосы.

(Я впервые видел писателя, олицетворявшего старомодную промокательную бумагу.) Потом он рассказал мне (по собственной воле) свою автобиографию. Ему 42 года. Окончив Московский университет, он намеревался остаться при кафедре философии, но это не получилось. Он стал учителем русского языка и литературы и в течение семнадцати лет преподавал в гимназиях Орла, Коломны и Рязани². (Сейчас он получает ежемесячно пенсию в сто рублей). Он хотел вычистить «авгиевы конюшни» в учительской среде, искоренить «Передоновых» и с этой целью писал докладные записки в Министерство народного просвещения, чем вызвал к себе ненависть всех провинциальных учителей. Поэтому он не имеет ни одного ордена, хотя и дослужился до статского советника. Педагогическая деятельность отнимала у него так много времени, что он ничего не читал из современной литературы и почти ничего не писал. Наконец, от усталости и невозможности осуществить свои реформаторские планы на ниве педагогики он заболел и вышел в отставку.

После этого он целиком погрузился в литературу и за три года написал восемь томов. Он живет отдельно от жены. «Вы разведены?» — спросил я. «Нет, я принципиально против любого официального развода». От этой жены³ у него семнадцатилетний сын Сергей, две дочери (они воспитываются в институте в Москве) и еще один несовершеннолетний сын, который учится в гимназии. Теперь же у него (Криницкого) «гражданская» жена и от нее — десятимесячный ребенок. Сергей живет с ним, а не с матерью («из чего Вы можете сделать вывод, каков у нее характер!»). Он воспитывал его в руссоистском духе; никогда ничего ему не приказывал, лишь советовал. Сергей — очень добрый,

* Эти слова Криницкого цитируются в оригинале по-русски.

даже благородный юноша, но вспыльчивый и бесцеремонный. Больше всего ему хочется защищать угнетенных. Год назад он бросил гимназию (не закончив учения) и стал санитаром (...) Теперь по совету отца он будет сдавать экзамены на аттестат зрелости в одной из здешних гимназий, но — экстерном: он сам опасается, что не сможет подчиниться школьной дисциплине. Однако год, проведенный в армии, сделал Сергея (посетовал отец, который вообще против любой войны) чрезвычайно грубым... Криницкий рассказывал также о себе как писателе (впрочем, не у меня, а во время нашей прогулки). Свои романы он печатал преимущественно в московской газете «Вечерние известия», причем отдавал их в редакцию не в законченном виде, а по частям: разработав в уме общий замысел и отдельные детали, он каждый раз писал продолжение. Литературную работу он считает священнодействием, а саму литературу — храмом. Подарив кому-нибудь одну из своих книг, он никогда потом не спрашивает, понравилась ли она. «Это то же самое, как если бы священник после службы спрашивал у прихожан, хорошо ли он говорил». Поэтому у него сравнительно мало знакомых в московских писательских кругах. «Ибо лишь немногие там — жрецы, большинство же паразиты искусства». Значительным поэтом он считает Брюсова, он был с ним некогда дружен. Игорь Северянин, по его словам, тоже выдающийся поэт, и он хорошо понимает его поклонниц, которых ошибочно считают психопатками: это неверно хотя бы по той причине, что сексуальный момент не играет у них при этом никакой роли. Сказал, что Бунин не заслужил звания академика; а если бы и заслужил, то все равно должен был бы от него отказаться в знак протеста против исключения Горького, как это сделал в свое время Чехов, добровольно выйдя из Академии Наук... Свой только что заверченный роман «Женщина в лиловом» он (Криницкий) — после того, как все глубоко продумал, — начал писать с конца и закончил началом. Стихов он никогда не писал, во всяком случае никогда не печатал. — Он знает наизусть «Лесного царя» Гете, хотя и уверял, что почти не владеет немецким... Сказал, что резкая критика со стороны незнакомого человека для него намного приятней, чем похвала друга.

17 июля 1916

14-го у меня в гостях был Криницкий со своей молодой женой. Короткие и курчавые волосы, нос с чуть заметной горбинкой. Почти ничего не говорила. Они сняли две меблированные комнаты в Сестрорецке (соседняя станция). Сегодня он был у меня и принес свою книгу «Маскарад чувств». Просидел полных два часа и непрерывно рассказывал историю своего знакомства с Брюсовым. Оно завязалось, когда Криницкий был еще студентом I курса. С самого начала Брюсов питал к нему глубочайшее расположение (Криницкий был тогда невзрачный и хилый юноша, обросший волосами и совсем беспомощный; он служил мишенью для всеобщих насмешек). Он только что напечатал свою первую книгу «В тумане». Брюсов словом и делом содействовал литературной карьере Криницкого. «Он заботился обо мне, как нянька, и отношения между нами были самые нежные». Брюсов настойчиво отговаривал его ехать учителем в Тулу, считая, что он отупеет в провинции. Однако Криницкий уже был женат, имел ребенка, но не имел никакого дохода, так что он вынужден был поступить на службу. Брюсов несколько раз навещал его в Туле. Потом он сообщил ему в письме, что собирается жениться, но женится лишь в том случае, если он, Криницкий, посоветует ему это; а потому, писал Брюсов, он должен приехать к нему в Останкино (дачное место под Москвой)⁴. Невеста (и его нынешняя жена — ее зовут Жанна) была гувернанткой в доме родителей Брюсова. Однажды вечером она призналась ему в любви, после чего произошло «грехопадение». Спустя некоторое время она пыталась покончить с собой, бросившись в останкинский пруд, однако Брюсов успел ее спасти. Криницкий приехал в Останкино. Брюсов оставил их обоих на час друг с другом. Во время разговора она держалась с ироническим превосходством, но тем не менее по-

правилась ему — прежде всего своей любовью к Брюсову. И когда Брюсов спросил его мнение, он посоветовал ему жениться ⁵. (Когда Криницкий приехал в Останкино, то калитку ему открыла молодая девушка, спросившая чего он желает. Но как только он назвал свое имя, она побледнела и задрожала: это и была Жанна; она знала о цели его приезда.) И свадьба состоялась. Присутствовать на ней Криницкий, однако, не мог (ему не удалось отпроситься на службе), и потому он послал Брюсову открытку, в которой поздравил его с «торжественно-печальной» ^{2*} свадьбой. (Что и говорить, весьма необычный поздравительный стиль! — *Ф*.) Брюсов писал ему, что во время свадьбы он прочитал это поздравление присутствующим, и оно вызвало большой интерес (Охотно верю! — *Ф*) ⁶. Прошли годы, проведенные Криницким в провинции. Брюсов продолжал писать ему, как и прежде. Однажды Криницкий приехал в Москву и, по обыкновению, отправился прямо с вокзала к Брюсову. Тот встретил его, скрестив руки, и заявил, что желающие поговорить с ним должны в письменном виде предупреждать его об этом за неделю, а затем ждать, когда подойдет их очередь. Однако увидев, какое впечатление произвели его слова на гостя, он попытался смягчить их парюю любезных шуток, в которых все равно проскальзывала насмешка над «провинциализмом» Криницкого. В книге «*Tertia vigilia*» Брюсов посвятил каждому из своих знакомых один раздел ⁷ и лишь ему, Криницкому, — ничего, что чрезвычайно удивило Криницкого: появление книги приходилось на время их теснейшей близости. Однажды Криницкий встретил Брюсова в Москве, когда тот был уже видным членом редакции в «Русской мысли» ⁸. Но едва лишь он заикнулся о своем новом, только что законченном романе, как Брюсов прервал его: «Мы завалены материалом на год вперед!» А раньше он сам рекомендовал его в различные журналы ⁹. В другой раз Криницкий оказался в Москве на один день, а Брюсов в тот вечер делал доклад. Все билеты были распроданы. Криницкому, однако, удалось добраться до комнаты, в которой выступающие ждут своего выхода (исполнительская ^{3*}); оттуда он рассчитывал при помощи самого Брюсова пройти в зал. Но у двери, раскинув руки, стояла Жанна, которая не пропустила его к Брюсову: «К нему никто не должен сейчас входить — он сосредоточен!» Когда, ничего не добившись, Криницкий вернулся обратно, студенты-распорядители стали над ним смеяться: они с самого начала язвительно предупреждали, что его не пропустят в зал. Криницкий и Брюсов всегда были «на Вы»... У Криницкого хранится множество интимных писем Брюсова; он хочет их целиком подарить мне (сейчас они еще в Москве). Он до сих пор считает Брюсова значительным человеком (...). Криницкий рассказал также следующее: псевдонимом он пользуется начиная со своей первой книги («В тумане»). Он укрылся под псевдонимом из страха перед критикой... Некогда, желая полностью отдать себя изучению философии, он проштудировал всего Спинозу (на латыни). Однажды он слушал Ник. Як. Грота, объяснявшего своим адептам новое определение времени ¹⁰. Никто не решался возразить, лишь Криницкий сказал, что он, Грот, не понял Канта. Грот отомстил ему: после доклада Криницкого о этике Спенсера он публично заявил, что у Криницкого отсутствуют элементарные научные познания... Будучи студентом, Криницкий вместе со своим приятелем Леон. Ник. Никоновым посетил Толстого (в его московской квартире в Хамовниках). Элегантно одетый слуга ввел их в маленькую, убого обставленную комнату, расположенную справа от передней. Появился Толстой и сразу, даже не протянув им руки и не предложив сесть, заявил, что у него нет времени для разговора: все, что они желают узнать, можно найти в его сочинениях. Тут Криницкий собрался с духом и признался, что они сомневаются в существовании бога и пришли за советом. Услышав это, Толстой сел и «с грацией аристократа и бывшего военного» закинул ногу за ногу. Одновременно он предложил сесть и своим посетителям и начал про-

^{2*} Эти два слова цитируются в оригинале по-русски.

^{3*} Это слово в оригинале по-русски.

поведовать; все существующее бrenно, все бесследно проходит, а потому все бесполезно. К земной жизни стремились вавилоняне и ассирийцы, а что от них осталось?! Стоит какой-нибудь бацилле попасть мне в рот и со мной будет покончено, и со всем тем, к чему я стремился на этой земле и что я делал, словом, — со всей моей беллетристкой, ибо и она бесполезна. Поэтому человек должен стремиться лишь к Одному, и это Одно — Бог. Такое разъяснение их не удовлетворило. Вернувшись домой, они дословно записали свой визит к Толстому. Вероятно, этот документ и поныне находится в бумагах Никонова, который живет в Петербурге и которого он, Криницкий, совсем потерял из виду... Двенадцать лет Криницкий страдал от нервного расстройства, он стал почти невменяемым... Мне показалось странным, что он, прочитавший в оригинале всего Спинозу, попросил меня перевести употребленное мной выражение "jalousie de métier" ^{4*}.

¹ В. Е. Копельман (рожд. Беклемишева; 1881—1944) — жена С. Ю. Копельмана, совладельца З. И. Гржебина по издательству «Шиповник». Сохранилась запись, сделанная ею в альбоме Фидлера («У меня»): «13 июля 1916 г. Ермолова. Я могу открывать кооперативные лавки, но не умею писать в альбом стихов. В. Е. Беклемишева» // ГЛМ. Оф. 4173. Л. 26об.

² Неточность: Самыгин преподавал в реальных училищах и гимназиях в Туле, Иваново-Вознесенске, Коломне и Рязани (см. наст. кн., вступ. ст. Н. А. Трифонова к публикации писем к Самыгину).

³ Об А. И. Самыгиной см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 17, прим. 2.

⁴ Письмо Брюсова такого содержания неизвестно.

⁵ В неопубликованной записи дневника Брюсова о приезде Самыгина в Останкино и о результатах их беседы говорится совсем иначе. Воспроизводим эту запись от 13 августа 1897 г.: «У меня был Самыгин. Мы, конечно, говорили о Жанне, и, как ни горько, пришли к убеждению, что лучше мне не жениться. Я стал намекать на это Жанне, говорить ей, что она погубит мой талант, что я люблю в ней только тело. Она много плакала.

Вчера я был особенно беспощаден. Вечером Жанна прямо сказала мне: «Не хочу губить тебя, хочешь, я уеду». Что я мог ответить, куда делась моя решительность, которой я хвастаюсь. Я ничего не умел ответить, я боялся. «Значит, хочешь, чтобы я уехала? не отвечаешь? ну хорошо». Она встала и пошла прочь. Я еще что-то говорил ей (...) Мы встали и пошли в лес. Жанна была как безумная. Вдруг она остановилась. — «Значит, ты меня не любишь вовсе?» — «И никогда?» — «Никогда!» Она вдруг заломила руки и заплакала горько, навзрыд, неудержно. Конечно, я упал перед ней на колени, целовал ее руки. Сказал, что люблю.

Примиренные, мы вернулись в сад. Мы сидели рядом, смеялись, были счастливы. Еще одна целомудренная оргия, — более безумная, чем все прежние» (ГБЛ. Ф. 386, л. 14/2. Л. 33—33об.).

⁶ См. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 7, прим. 1.

⁷ В сб. TV отдел «Любимцы веков» посвящен Модесту Дурнову, «Город» — К. Д. Балмонту, «Книжка для детей» — Георгу Бахману, «Картинки Крыма и моря» — Ив. Бунину, «Повторения» — Юргису Балтрушайтису, поэма «Царю Северного полюса» — Ивану Коневскому, поэма «Аганатис» — А. Березину (Лангу), поэма «Сказание о разбойнике» — С. А. Полякову.

⁸ Брюсов заведовал литературно-критическим отделом «Русской мысли» с осени 1910 г. до конца 1912 г.

⁹ См. наст. кн., Письма к Самыгину. Вступ. ст. Н. А. Трифонова, прим. 48.

¹⁰ Николай Яковлевич Грот (1852—1899) — психолог и философ, профессор Московского университета, основатель и редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

ПЕРЕПИСКА С ИВ. КОНЕВСКИМ

(1898—1901)

Вступительная статья А. В. Лаврова

Публикация и комментарии А. В. Лаврова, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса

«Из личных встреч особенно много дала мне близость с К. Бальмонтом (...) и дружба с Ив. Коневским, которой, к сожалению, я не успел или не сумел воспользоваться в полной мере», — писал Брюсов в краткой автобиографической справке¹. С Бальмонтом Брюсов общался на протяжении почти всей своей творческой жизни, при этом пылкая поэтическая дружба сменялась полосой взаимной вражды и отчуждения, а чувства личной привязанности корректировались отношениями сугубо литературными. Знакомство же Брюсова с Коневским продолжалось всего два с половиной года, оно не повлекло за собой никаких внешне примечательных событий и имело очень скромные литературные проекции, поскольку приходилось на пору замкнутого, «лабораторного» самовыражения русского символизма, еще только набиравшего силы для того, чтобы стать суверенным художественным направлением. Однако для творческого становления Брюсова встреча с Коневским имела исключительное значение и была для него едва ли не самым важным и крупным событием в годы формирования его первого зрелого поэтического сборника — книги «*Tertia vigilia*». Можно с уверенностью утверждать, что 1899 и 1900 гг., когда было создано большинство стихотворений этой книги, прошли для Брюсова во многом «под знаком Коневского». «Памяти Ивана Коневского и Георга Бахмана, двух ушедших», — гласит посвящение к переизданию «*Tertia vigilia*» в трехтомном собрании стихотворений Брюсова «Пути и переутья» (т. 1, 1908), повторенное и в его «Полном собрании сочинений и переводов» (т. 2, 1914).

Узнав о безвременной гибели двадцатитрехлетнего Коневского, последовавшей 8 июля 1901 г., потрясенный Брюсов писал А. А. Шестеркиной: «Умер Ив. Коневской-Ореус... Утонул, купаясь в р. Аа, в Лифляндии. Меня давно ничего так не поражало (...) Умер Ив. Коневской, на которого я надеялся больше, чем на всех других поэтов вместе. Пусть бы умер Бальмонт, Балтрушайтис, не говоря уже о Минском и Мережковском... но не он! не он! Пока он был жив, было можно писать, зная, что он прочтет, поймет и оценит. Теперь такого нет. Теперь в своем творчестве я вполне одинок. Будут восторги и будет брань, но нет критики, которой я верил бы, никого, кто понимал бы мои стихи до конца. Я без Ореуса уже половина меня самого (...) Он только начинал, намечал пути, закладывал фундамент (о! по грандиозному плану). И вот храма не будет — одни камни, одни чертежи, пустыня мертвая и небеса над ней»².

Чувство невосполнимости утраты друга и литературного сподвижника не было для Брюсова минутным, скоропреходящим переживанием. Гибель Коневского он ощущал остро на протяжении всей последующей жизни, образ покойного поэта неизменно оставался в центре его творческого сознания. Посетив десять лет спустя после смерти Коневского, летом 1911 г., Зегевольд (ныне Сигулда), где был похоронен поэт, Брюсов по праву писал в стихотворении «На могиле Ивана Коневского»:

Ты позабыт давно друзьями и врагами,
И близкие тебе давно все отошли,
Но связь давнишняя не порвалась меж нами,
Двух клявшихся навек — жить радостью земли!³

(II, 64)

Нина Петровская, постоянно общавшаяся с Брюсовым во второй половине 1900-х годов и сопровождавшая его в паломничестве на могилу Коневского, свидетельствовала: «Именно в те годы он, может быть, остро, как никогда, чувствовал потерю Ивана Коневского, на которого возлагал самые большие надежды и как на поэта и как на человека. Когда Брю-

сов говорил о Коневском, у него менялось лицо и он делался тем Брюсовым, которого так хорошо знала, может быть, одна я (...) Ив. Коневского он вспоминал не раз в горестные минуты жизни. Кроме него, у Брюсова настоящих друзей уже не было никогда»⁴.

Для Брюсова, обычно весьма сдержанного в оценках, с долей проники и скептицизма характеризующего свои отношения с писателями, даже выдающимися, такое благоговейное преклонение перед Коневским — факт уникальный и во многом объяснимый, безусловно, ранней смертью поэта, которому, по твердому убеждению Брюсова, было уготовано большое литературное будущее. Но и при жизни Коневского Брюсов сумел по достоинству оценить его поэзию и все своеобразие и богатство его творческой индивидуальности. «Я был один из первых, кто приветствовал Ив. Коневского», — с полным основанием утверждал Брюсов в 1913 г., перечисляя «истинных поэтов», которых он первым «представил» читателям⁵.

История отношений Брюсова и Коневской непродолжительна и не богата событиями. В общей сумме их личные встречи на протяжении двух с половиной лет знакомства длились не более месяца: три раза Брюсов приезжал в Петербург и виделся с Коневским, три раза Коневской был в Москве. Но в промежутках между этими встречами общение продолжалось в переписке, которая по своей содержательности и интенсивности занимает одно из самых заметных мест в обширном эпистолярном наследии Брюсова.

Знакомство Брюсова с Иваном Коневским (псевд. Ивана Ивановича Ореуса, 1877—1901) состоялось в Петербурге 12 декабря 1898 г. на квартире у Федора Сологуба. Сын генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Ореуса, окончивший в 1896 г. 1-ю петербургскую гимназию и поступивший в том же году на историко-филологический факультет Петербургского университета, Коневской тогда еще только начинал знакомиться с кругом литераторов символистской ориентации. К этому времени им было опубликовано всего одно стихотворение, подписанное настоящей фамилией⁶, — псевдоним «Иван Коневской» возникает только при подготовке его первой и единственной прижизненной книги «Мечты и думы», вышедшей в свет в конце 1899 г.⁷ В 1896 г. Коневской познакомил со своими стихами Н. Минского, имевшего имя и влияние в литературе, но они не были напечатаны⁸, и поэзия Коневского оставалась известной в рукописях и устном исполнении только среди немногочисленных петербургских «декадентов» и близких друзей — сверстников начинающего автора и его товарищей по университету.

В доме у Сологуба «молоденький студент Ореус» сразу же обратил на себя внимание Брюсова. «Самым замечательным было чтение Ореуса, ибо он прекрасный поэт», — записал Брюсов в дневнике⁹. Через день, 14 декабря 1898 г., Брюсов посетил Коневского у него в доме. Подлинного сближения эта встреча не принесла, хотя в ходе разговора и обозначились общие интересы — поэзия французских символистов и творчество Александра Добролюбова. По возвращении Брюсова в Москву завязалась его переписка с Коневским, а в январе 1899 г. Бальмонт привез из Петербурга три тетради со стихами и критическими опытами

Ив. КОНЕВСКОЙ (И. И. ОРЕУС)

Фотография А. Семеново. С. Петербург, середина 1890-х годов

Ленинградский исторический архив

Коневского. Брюсов, прочтя их, укрепился в своем восторженном отношении к творчеству начинающего поэта (см. п. 4) и стал пропагандировать его в кругу своих московских литературных знакомых. Бальмонт, солидарный с мнением Брюсова, тогда же задумал выпустить в свет коллективный сборник символистских стихов, — в том числе своих, Брюсова и Коневского: так возникла «Книга раздумий», альманах, вышедший в свет в ноябре 1899 г. и ставший памятником этого поэтического союза¹⁰.

Сам Коневской расценивал это заинтересованное внимание к своему творчеству со стороны новообретенных «товарищей по оружию» как событие естественное и закономерное. «У Коневского была глубокая, нерушимая уверенность в том, что его поэзия — хороша и значительна, — вспоминал Брюсов. — Он чувствовал, он сознавал себя большим поэтом, этого сознания ничто не могло поколебать (...) Когда в 1899 г. К. Бальмонт предложил издать "Книгу раздумий" — альманах, в котором рядом со своими стихами хотел поместить стихи Коневского, тот принял это как справедливую дань со стороны старшего собрата достоинству своих стихов. Ни на минуту Коневской не мог даже помыслить, что К. Бальмонт оказывает ему благородную услугу, связывая свое уже "признанное" и "чтимое" имя с именем никому не известного дебютанта»¹¹. Будучи на четыре года моложе Брюсова и на десять Бальмонта, он держался с ними на равных, подвергал поэзию Брюсова — в письмах и, видимо, также и при личном общении — строгому разбору и нелицеприятной критике, не взирая на то, что его корреспондент был к тому времени уже завоевавшим определенную литературную известность составителем сборников «Русские символисты» и автором двух собственных стихотворных книг. Это равенство в отношениях, установившееся с первых же встреч, Брюсовым было принято и признано: он отдавал должное своеобразию таланта, глубине мысли и редкой широте познаний молодого поэта, проявлявшего удивительные для его возраста зрелость и самостоятельность суждений. В заглавии статьи Брюсова о Коневском — «Мудрое дитя» — отразилось это восхищение незаурядным духовным обликом покойного друга и литературного спутника. Однако в личном общении многие «неудобные» психологические особенности Коневского — в частности, замкнутость и застенчивость, порожденные обстоятельствами одинокого духовного созревания, в сочетании с твердой убежденностью в верности своих восприятий и оценок, зачастую переходившей в самонадеянность, — препятствовали взаимопониманию и сближению. Так, два последующих эпизода общения были для Брюсова окрашены в основном впечатлениями от самоуверенного и горделивого стиля поведения Коневского. Посетив его в Петербурге в марте 1899 г., Брюсов записал: «Говоришь с ним, вдруг он прерывает: — а вот я вам прочту одно глубокое стихотворение. И даже не добавляет, что свое. Это так понятно. И читает, читает, читает»¹². Когда два месяца спустя, в мае, Коневской навещил Брюсова в Москве, последний опять же отметил, что тот «похвалялся много», но и читал «стихи хорошие»¹³.

Стихи и критические опыты Коневского, по всей вероятности, были тогда интереснее и ближе Брюсову, чем их автор, во всей совокупности особенностей своего психологического облика. Для Коневского же, чья поэтическая юность протекала в атмосфере «келейности», одиноких раздумий, был определенно более всего драгоценен самый факт доверительного общения с Брюсовым. Прощедший ту же «школу» французского символизма, что и Брюсов, убежденный в плодотворности путей, избранных новейшим поэтическим движением, он завоевал дружбу и поддержку одного из самых последовательных сторонников символизма в России и уже вполне профессионального литератора. Высокая оценка, которую неизменно давал Брюсов творческим опытам Коневского, также имела для молодого автора немаловажное значение. Брюсов был ценен Коневскому и как отзывчивый, интересный собеседник, чутко реагирующий на все новое и примечательное в литературной жизни, как один из немногих в России знатоков и почитателей новейшей французской поэзии.

Тяга к общению с Брюсовым была главной причиной двух приездов Коневского в Москву, довольно продолжительных: он провел в Москве часть сентября 1899 г., а также первые дни января 1900 г. Эти встречи стали апогеем их дружеского сближения. Сообщая А. А. Курсинскому 23 сентября 1899 г. о событиях последнего времени, Брюсов писал: «Затем приехал в Москву Ореус, приехал на две недели, нарочно ко мне. Пришлось показывать ему Москву, проводить с ним целые дни, вводить его в наше общество, к Бахману, А. Лангу, Викторову. То был поток, водопад, море — не знаю, есть ли еще какое восточное сравнение, — поток стихов и споров о стихах». И далее он добавляет о Коневском: «Это один из первых поэтов наших дней»¹⁴. В этом убеждении Брюсов окончательно укрепляется, когда в конце 1899 г.

МЕЧТЫ И ДУМЫ

Иваня Коневского.

МЕЛЬКОМЪ: I—V.

УМОЗРЕНИЯ СТРАНСТВИЙ

ЖИВОПИСЬ БЕКЛИНЯ

(Лирическая характеристика).

МЕЛЬКОМЪ: VI.

1896—1899.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Телерафия Спб. общ. общ. поч. Двѣз изъ Россіи, Е. Евразійск. Трѣхлѣтк. 18.
1900.

Ex libris.

Милому

Валерию Я. Брюсову.

въ знакъ признательности
за любовь къ моему творчеству
и средства мировоззреній

И. Ореус

Ноябрь 1899г.

ИВАН КОНЕВСКОЙ. МЕЧТЫ И ДУМЫ. СПБ., 1900

Титульный лист с пометами Брюсова и шмуцтитул с дарственной надписью: «Милому Валерию Я. Брюсову в знак признательности за любовь к моему творчеству и средства мировоззрений И. Ореус. Ноябрь 1899 г. Пет.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

выходит в свет книга Коневского «Мечты и думы»: «Поэзию Ореуса считаю одной из замечательнейших на рубеже двух столетий»¹⁵. Брюсов настойчиво проповедует творчество Коневского в среде московских литераторов. «По-прежнему я его считаю очень замечательным поэтом и серьёзую на Вас, что Вы его не поняли», — писал Брюсов о Коневском в октябре 1899 г. М. В. Самыгину¹⁶. При этом он не закрывал глаза на «неприятнейшую черту» в личности Коневского: «излишняя докторальность, учительность речи — но это от юности. Он уверенно говорит и решительно даже о том, что, видимо, знает поверхностно»¹⁷. В эти же месяцы совместными усилиями Брюсова и Коневского было подготовлено и выпущено в свет «Собрание стихов» Александра Добролюбова с двумя предисловиями — «К исследованию личности Александра Добролюбова» Коневского и «О русском стихосложении» Брюсова; вынашивались и обсуждались планы более полного и капитального издания произведений ценного ими обоими поэта. Ушедший из литературы и из «образованного» мира Добролюбов явился во взаимоотношения Брюсова и Коневского дополнительной связующей нитью¹⁸.

С осени 1900 г. переписка Брюсова и Коневского, до того времени чрезвычайно активная, начинает понемногу затухать, становится менее пространной и многотемной и более «деловой». Подробные эпистолярные размышления и оценки Коневского все реже находят у Брюсова непосредственный отклик, живой творческий диалог увядает. Отчасти это было вызвано более тесным и действенным сближением Брюсова с кругом московских символистов, организацией издательства «Скорпион», которому он отдавал много сил, собиранием материалов для альманаха «Северные цветы» и его печатанием — основная часть этих забот легла на плечи Брюсова. Но отчасти это объяснялось также известной сдержанностью Брюсова по отношению к Коневскому, пришедшей на смену прежней увлеченности; при неизменном прежнем высоком мнении о его поэтическом творчестве. Их последняя личная встреча

состоялась в Петербурге 4 ноября 1900 г.: Брюсов лишь отметил, что Коневской «находится в дурном периоде жизни и не интересен»¹⁹. В июне 1901 г. Коневской собирался приехать в Москву и повидаться с Брюсовым, но не осуществил своего намерения²⁰. Определенное отдаление от Коневского в последние месяцы его жизни явилось, быть может, одним из оснований для признания Брюсова, что дружбой с погибшим поэтом он «не сумел воспользоваться в полной мере»²¹.

В позднейшем автобиографическом очерке Брюсов разъясняет, чем именно обогатила его дружба с молодым петербургским поэтом: «Коневскому я обязан тем, что научился ценить глубину замысла в поэтическом произведении, — его философский или истинно символический смысл. Страстный поклонник Верхарена, Вьеле-Грифина, Анри де Ренье (в его поэмах), Суинберна, юноша, до изумительности начитанный во всемирной литературе (он свободно читал на пяти языках), Коневской своим примером, своими беседами заставил меня относиться к искусству серьезнее, благоговейнее, нежели то было "в обычае" в тех кругах, где я вращался прежде, не исключая и кружка Бальмонта. Бальмонт любил поэзию, как любят женщину, страстно, безрассудно. Коневской поэзию чтит сознательно и поклонялся ей, как святыне»²².

И переписка Брюсова с Коневским, и сопоставительное рассмотрение их поэтического творчества приводят к выводу, что Брюсов в этой автохарактеристике лапидарно и веско раскрыл самые важные причины влияния Коневского на свое духовное и эстетическое формирование. Как это ни может показаться парадоксальным, но в рассматриваемом творческом диалоге именно Брюсов, а не юный Коневской, мало искушенный в жизни и почти полностью отчужденный от «внешнего» литературного мира, был в первую очередь объектом воздействия, скорее «ведомым», чем «ведущим». Объясняется это не одними только «докторальными» установками Коневского, но и в значительной мере тем, что он уже в годы ранней юности сумел выработать свое, достаточно цельное и независимое мироощущение, которое обосновывал и отстаивал с незаурядным волевым упорством. Эти особенности личности поэта в полной мере отразились в его творчестве. «Сильный, замкнутый в себе характер, порывы которого Коневской старался подчинить своим теоретическим убеждениям, — придавал такое же единство его "мечтам", — отмечает Брюсов. — Эта выдержанность взглядов, подходов к вопросам, и дает главное своеобразие поэзии Коневского. В ней не повторяются готовые "клише" из стихов других поэтов, так как Коневской на все имел *своей* ответ, каждое явление, каждое чувство мог определить со *своей* точки зрения»²³. Поэтическое творчество Коневского отличается не только резко отмеченными индивидуальными чертами, но и исключительной цельностью и «моноцентричностью». Поэзия была для него одним из способов мыслительной деятельности: Брюсов подчеркивал, что Коневской — «сознательный поэт-мыслитель»²⁴. Молодой поэт-символист и критик (впоследствии известный историк западноевропейских литератур) А. А. Смирнов также указывал в статье о Коневском, что «острая сознательность, разумность — основной тон» его лирики²⁵.

Самое раннее из опубликованных стихотворений Коневского, написанное им в семнадцать лет, уже объединяет в себе, как в фокусе, основные темы и стилевые приметы его поэзии:

Я с жаждой ширины, с полнообразья жаждой
Умом обнять весь мир желал бы в миг один:
Представить себе вдруг род, вид, оттенок каждый
Всех чувств людских, и дел, и мысленных глубин.

Всегда иметь тебя перед духовным взором,
Картина дивная народов и веков!
Вот что бы я считал широким кругозором
Ума, вознесшегося вплоть до облаков...²⁶

Философическая настроенность, устремленность к постижению мира во всей его грандиозной полноте, чувство слиянности индивидуального воспринимающего сознания с мировой жизнью и историей человечества, — все мотивы, затронутые в этом восьмистишии, на разные лады получают развитие в последующем творчестве Коневского. Образ мироздания предстает в нем как воплощение души автора. В этом отношении горизонты поэзии Коневского одновременно и крайне узки, и предельно широки. В статье «Мудрое дитя» Брюсов писал о Коневском: «Его поэзия — дневник; он не умел писать ни о ком, кроме как о себе —

да, в сущности говоря, и ни для кого, как только для самого себя. Коневскому было важно не столько то, чтобы его поняли, сколько, — чтобы понять самого себя» (VI, 243). Но этот путь самопознания не предполагал субъективистского ухода от мира, отторжения внутреннего «я» от окружающей реальности — напротив, вся духовная энергия Коневского была обращена к осознанию родства с действительностью, к постижению земной красоты и жизненной силы. «Коневской хорошо знал чувство восторга перед всеми проявлениями мировой жизни», — отмечал Брюсов (VI, 244). «Всюду вещему я внемлю», — декларировал сам Коневской²⁷. Природное и человеческое, всемирное, всеобщее и индивидуальное, конкретное предстают в поэтической системе Коневского в нерасторжимом единстве: «И в луче я все солнце постигну, // А в просветах берез — неба зрак»²⁸.

Н. О. Лернер в очерке о Коневском акцентировал, характеризую творческие устремления поэта, именно этот момент оптимистического приятия мира: «Не было существования более полного и страстного. В Коневском была не только жажда жизни, но какая-то ненасытная жадность к жизни, из которой он умел брать многое такое, что только мудрецу дано замечать»²⁹. Видя в стихах Коневского проявление «широкого мирообъемлющего чувства», всюду постигающего «скрытое трепетание жизни», Лернер даже приходил к выводу, что «после светлого, гармонического вечного юноши Пушкина Коневской — самое радостное, самое бодрое явление в нашей литературе»³⁰. Эта особенность творческого сознания Коневского, устремленного к радостному слиянию со стихийной мировой жизнью, безусловно, была для Брюсова одной из самых примечательных и близких черт в его поэзии. Знакомство Брюсова со стихами Коневского в пору, когда уже был позади этап, вызвавший к жизни книгу «Me eum esse» (1897), с ее программно «декадентской» замкнутостью и чувством разужверения в действительности, стало дополнительным стимулом для обретения новой, активной связи с миром и расширения тематических и образно-идейных горизонтов в творчестве. Эта тенденция обозначила следующий этап в поэтической эволюции Брюсова, отчетливо выразившийся в «Tertia vigilia».

Глубина замысла, философское, «сознательное» начало, которое, по признанию Брюсова, научил его ценить Коневской, широта, отчетливость и концентрированность поэтической мысли со всей определенностью впервые сказываются именно в этой книге. Постоянная забота Коневского о смысловой точности, выразительности и объективной содержательности поэтического слова становилась для Брюсова одним из ориентиров на пути к чеканному, конструктивно ясному, «монументальному» стиху, образцы которого впервые были даны опять же в «Tertia vigilia». Энергия и образность мысли, проявлявшиеся в сжатых, афористических формулах, которыми изобилует зрелая поэзия Брюсова³¹, также обнаруживают соответствия у Коневского. Брюсов не раз в письмах к Коневскому цитирует его отдельные стихи как пример силы и яркости поэтического образа, впоследствии дает заглавие одному из разделов в книге «Stephanos» — «Правда вечная кумиров» и предпосылает ему эпитафию — строку из стихотворения Коневского «К пластику»: «Познал ты правду вечную кумиров»³². Мотивами произведений Коневского навеяно последнее стихотворение Брюсова «Земле» (1912) из книги «Семь цветов радуги», воспевающее единение «сына земли» со всеми ее «ликами» и порождениями: «Я брат зверью, и ящерам, и рыбам. // Мне внятен рост весной встающих трав» (II, 98—99); на эту зависимость указывает и эпитафия из стихотворения Коневского «Море житейское»: «Я — ваш, я ваш родич, священные гады!»³³. Утверждающийся в поэзии Брюсова 1900-х годов «высокий» стиль с риторико-одическими интонациями, который начинал формироваться в стихах «Tertia vigilia», обнаруживает немало общих черт с «торжественным, изукрашенным слогом»³⁴ Коневского.

В то же время при многих родственных чертах даже в тематически близких стихотворениях обоих авторов сказываются принципиальные различия их поэтических миров. Достаточно сопоставить характернейшее для творчества Коневского произведение — поэму «Дебри» с близким ей по образному строю стихотворением Брюсова «Папоротник» (июль 1900 г.), вошедшим в «Tertia vigilia» («одно из, конечно, наиболее милых мне явлений в Вашей поэзии», — писал о нем Коневской Брюсову — п. 49). Оба произведения, живописующие лесной пейзаж, заключают в себе развернутую метафору прикосновения к «древним тайнам» природы. Однако у Брюсова изображаемый «предвечерний» мир грез противопоставлен его «дневному» воспринимающему сознанию, намекает на те «глубины духа», где таится «ужас многоликий». Стихотворение «Папоротник» — характерный образец «тайновидческих» устремлений и прозрений Брюсова, писавшего несколько позднее: «Все мы по-

рываемся за пределы, все мы жаждем вздохнуть чуждой стихией (...) Мы жадно исследуем все таинственное и странное, что нашли в своих душах, спускаемся во все ее глубины, чтобы хоть там "коснуться мирам иным"³⁵. Образы, предстающие в стихотворении Брюсова призрачными, «таинственными и странными», символизирующие «чуждую стихию» и угрожающие цельности его поэтического видения, Коневскому раскрываются как подлинное и все благое воплощение мироздания, выстраиваются в его поэме в торжественной иерархии; в ночную ворожбу погружен мир, безусловный для авторского «я» и неразрывный с его всеобъемлющим самопознающим духом:

Ведь в куще каждой есть тайник.	Родник и плещет, и поет
А за кустом залег овраг.	В долине дикой и крутой.
И там поет, живет родник.	И травы влага обдает,
А я в кустах над ним понику	И уж дышу я влагой той
И мне он шепчет: глубже ляг!	— п т д. ³⁶

Еще отчетливее различия поэтических миров Брюсова и Коневского проступают при сопоставлении их, условно говоря, пейзажной лирики. Условность определения в том, что пейзаж у Коневского чаще всего является проекцией отвлеченного натурфилософского созерцания, он возникает в его стихе, когда «дух замирает, кристаллизуется в пространственные образы»³⁷. Ход поэтической мысли Брюсова в подобном случае противоположный: от конкретных наблюдений и впечатлений — к раздумьям, обобщениям. Характерно, что Коневской весьма холодно отнесся к пейзажному циклу Брюсова «Картинки Крыма и моря» в «Tertia vigilia» (п. 49). В восприятии внешнего мира Коневской ближе к тютчевской бытийственности³⁸, личность в его поэтическом сознании через природу стремится к слиянию со всемирным началом. Брюсов же в мире природных явлений ищет не столько истину, сколько красоту, его «пейзажная» лирика более эмоциональна, чем медитативна, и в этом отношении она состоит скорее в родстве с поэзией Фета, с ее пафосом конкретности и торжествующей изменчивости. Брюсову картины природы раскрываются в их самоценном, Коневскому — в их сущностном значении. Коневской всюду находит подтверждение своему чувству всеединства, своей «отвлеченной романтике, окрашенной мистическим всебожием» (по словам С. К. Маковского)³⁹; Брюсов всегда утверждает суверенитет своего индивидуального сознания, подчеркивает его отчужденность от жизни мировых стихий:

Я не пойму, в чем тайный смысл волненья,
А морю не понять моих вопросов.

(«Лежу на камне, солнцем разогретом...»,
1898 — TV; I, 165)

В брюсовских стихах:

Люблю я линий верность,
Люблю в мечтах предел.
Меня страшит безмерность
И чудо Божьих дел —
(1898 — TV; I, 171)

— у Коневского могла вызвать сочувственный отклик только первая строка (так же, как и Брюсов в пору создания «Tertia vigilia», он отвергал субъективно-импрессионистическую зыбкость и неотчетливость образной ткани); другие же признания ему решительно чужды. Пугающее Брюсова ощущение «безмерности» коренится в самой сути поэтического самосознания Коневского:

...взор мой — брат и солнца и тумана:
Он роскошью всемирной обаян⁴⁰.

При всем тяготении к «безмерности» и широте мировосприятия тематические границы поэзии Коневского были несравненно уже, чем у Брюсова в годы работы над «Tertia vigilia». Многие важнейшие для поэзии Брюсова мотивы (мотивы судьбы, страсти, «демонические» настроения) остаются вне его творчества. Чужды Коневскому и сознательная дробность, мозаичность, характеризующие поэзию Брюсова, передача богатства и широты действительности через смежу различных «ликов» и «масок». Показательно, что отдел «Любимцы веков», открывающий «Tertia vigilia» и объединяющий стихи, в высшей степени характерные для художественной системы зрелого Брюсова (аналогичные циклы стихов на исторические и

мифологические темы повторяются и в «Urbi et orbi», и в «Stephanos»), Коневской отверг (см. п. 49, прим. 16). Это, однако, не было принципиальным неприятием сюжетности и экзотической «живописности» в поэзии, — Коневской приветствует те творческие опыты Брюсова, в которых к трактовке избранного сюжета подключаются столь близкие ему пантеистические и «легендарные» мотивы, в которых возвеличивается дерзание, влекущее к воссоединению с мировым целым. Поэтому его так воодушевила поэма Брюсова «Царю Северного полюса». Брюсов посвятил ее Коневскому в первом издании «Tertia vigilia» — и, конечно, не только потому, что Коневской, имевший в своей родословной шведские корни, ощущал кровную связь с варягами и викингтами и также воспевал «предков дерзостные тени» («Варяги», 1900) ⁴¹. Описанное в поэме плавание к полюсу, символизировавшее собою творческое деяние человеческого духа, приобщение к «тайне заповеданной» вселенской жизни, отвечало самым глубинным основам пантеистического мироощущения Коневского.

В писательской судьбе Коневского немало особенностей, роднящих ее с судьбой Д. В. Вeneвитинова, — вплоть до того, что можно проследить известное типологическое сходство ролей, сыгранных каждым из них в литературном процессе своего времени. Это сходство видно и в особенностях личности и биографии обоих поэтов (ранняя духовная и творческая зрелость, преждевременная смерть, несвершившиеся надежды на будущий поэтический расцвет), и в определенных идейных тяготениях (опора на традиции немецкой натурфилософской мысли), и, что особенно существенно, в преобладании созерцательно-рефлексивного начала в лирике. Коневской в значительной мере унаследовал поэтические принципы, отстаивавшиеся Вeneвитиновым и другими литераторами-любомудрами, воскресил их в новой историко-литературной ситуации ⁴². В лирике Коневского господствуют неопределенно-медитативные формы, характерные для Вeneвитинова, торжествует вeneвитиновский пафос отвлеченной мысли, подчиняющей себе всю систему художественных образов. «Поэтические мотивы у Хомякова — как и у Вeneвитинова, как у всех любомудров — это составные части цельного мировоззрения, — пишет современный исследователь. — Именно поэтому они поддаются комментарию тезисами его философии, с помощью такого комментария осмысливаются как часть общей и единой концепции мира» ⁴³. Эти наблюдения в высшей степени справедливы и по отношению к поэзии Коневского. В его творчестве нет места ничему случайному, нет второстепенных, побочных линий, автономных по отношению к главной идее, — все подчинено могучей центростремительной силе рефлектирующего сознания.

«Моноцентризм» поэтического мироощущения Коневского с особенной отчетливостью сказывается в его критическом этюдах. Касаясь творчества волнующих его художников, Коневской, отличавшийся чрезвычайной широтой интересов и пристрастий, неизбежно опосредованным образом характеризует в первую очередь собственные идейно-эстетические стремления и собственные пути миропознания. Когда в живописи Арнольда Бёклина Коневской прозревает «раздолье Божьего мира», переживает «ощущение вековой шири, бесконечности в историческом бытии», воспринимает «жизнь, плавно и пышно льющуюся, как широкая река меж богатых нив» ⁴⁴ и т. д., то он тем самым исповедуется в собственных творческих пристрастиях и тяготениях к мировому всеединству. Когда Коневской пишет о том, что французский поэт Жюль Лафорг «изнемог (...) от неизбывной печали о скудости и чуждости нашей единоличной восприимчивости и о безобразной раздробленности мира на соринки явлений» ⁴⁵, то он признается и в собственной отторженности от благого всеединства. Бёклин и Лафорг предстают как две ипостаси внутреннего мира самого Коневского, как его про и contra: хаос Лафорга, родственный и сознанию Коневского, — неизбывная метафизическая угроза космосу Бёклина, другому полюсу его сознания.

Столь же избирательны и столь же лично окрашены предпринятые Коневским разборы творчества русских поэтов. Самое главное для Коневского — «мировоззрение поэзии», философско-созерцательная устремленность автора. Поэтому в центре его пристрастий — поэзия Баратынского, Тютчева, Вл. Солнцева, Кольцова, в наследии которого ему наиболее близки философские «думы», обычно остающиеся на периферии читательского внимания, А. К. Толстого, который столь же избирательно воспринимается исключительно как поэт метафизического склада. Характеристики, которые дает Коневской любимым авторам, при всей их зоркости и силе обобщения, часто внеисторичны и отвлеченно-абстрактны, в них неизбежно в первую очередь спроецирована личность самого Коневского и нередко оказываются совершенно обойденными вниманием важнейшие пласты их творчества. Утверждая, например, что Кольцов — «певец волевой мысли и мыслительной воли»

мечтающий «померяться своими частными силами с сокрушительными могуществами мировых сил»⁴⁶, что в поэзии Н. Ф. Щербини передана страсть «объединения, объятия со всей полнотой и богатством бытия, ради его всецелого познания и создания»⁴⁷, Коневской менее всего задается целью очертить индивидуальную неповторимость анализируемых поэтов; в их творческих свершениях ему видятся лишь различные грани, различные художественные способы постижения мирового универсума. В творчестве Коневского трудно проследить какую-либо эволюцию. Возможно, тому причиной непродолжительность жизни поэта, однако характерно, что уже в самых ранних стихотворениях его творческий облик предстает вполне сформировавшимся, в последующих произведениях намечается лишь движение вглубь, к самому себе, все более детальная разработка ранее заданных аспектов мировосприятия. Многие стихотворения Коневского имеют посвящения — И. Я. Билибину, П. П. Конради, отцу, Ф. А. Лютеру и т. д. Эти посвящения условны, они — лишь дань личной симпатии автора близким ему людям: стихотворение, посвященное Брюсову («Призыв», 1899)⁴⁸, не имеет к Брюсову прямого касательства, не вступает ни в какие игровые соотношения с его художественным миром. В стихах Коневской может только выражать самого себя, он совершенно не способен к тому творческому «протезизму», который был в высшей степени свойствен Брюсову.

Естественно, что при такой общей установке приятие Коневским произведений Брюсова должно было быть весьма избирательным. Таким оно, в принципе, и было, но при этом необходимо учитывать, что Коневской склонялся к отвлеченно-расширительной и умозрительной трактовке многих аспектов брюсовского творчества, в своем непосредственном содержании ему едва ли близких (таково, например, благосклонное отношение к эротической теме в поэзии Брюсова, чуждой целомудренному Коневскому и в творчестве, и в обычном жизненном смысле). Стихами Брюсова Коневской был живо увлечен⁴⁹ и считал их, наряду со стихами Ф. Сологуба, самым примечательным явлением в современной русской лирике. В «новых, сочных и пластичных образцах поэзии В. Я. Брюсова ("Tertia vigilia")» он находил «силу и жажду жизни человеческой и сверхчеловеческой»⁵⁰. Сходны по пафосу с брюсовским «плюрализмом», в котором сам поэт находил источник жизненной силы и духовного богатства, признания Коневского:

Есть утешение большое —
Явленьем всяким пламенеть,
Все равнодушное, чужое
В себя принять, в себе воспеть⁵¹.

Устремленность к «биениям жизни», к воспеванию безудержности мировых сил («Только в размахе — величье!»⁵²), порождавшая, наряду с непосредственной лирической исповедью, в поэзии Коневского также «эпические думы», находила свой отзвук в стихах Брюсова, исполненных активного, действенного пафоса. Общая оптимистическая установка у обоих поэтов, интерес к эпическому началу, к «героическим» сюжетам включали в себя момент неприятия господствовавших в поэзии 1880—1890-х годов меланхолических мотивов, настроений уныния и скорби, лирической риторики (Брюсов на этом пути также преодолевал «декадентский» эгоцентризм и отчуждение от мира, сказавшиеся в «Me eum esse»). Показательным образцом становится для Коневского поэзия Эмиля Верхарна, который в 1890-е годы уже впечатляюще полно выразил свое многогранное дарование, с характерными для него эпическими и социальными мотивами, а также творчество Ф. Вьеле-Гриффена, разрабатывавшего легендарно-исторические и фольклорные сюжеты.

Исканиями этих мастеров были ознаменованы для Коневского достижения подлинного символизма, которые он противопоставлял импрессионистическим и формальным опытам многих других современных авторов. В 1897 г. Коневской называет Верхарна крупнейшим из «новых людей» французской литературы⁵³. Необходимо отметить, что социальные аспекты действительности, преломившиеся, в частности, в творчестве Верхарна, не привлекали внимания Коневского в своем существе, в конкретно-историческом содержании; они открывались его созерцательному взгляду лишь как разновидность мировых «стихийных разломов и переворотов» и подкрепляли представление о человеке как о частице природной силы. Но даже и с учетом такой отвлеченной интерпретации поэтические явления, которые пропагандировал Коневской, могли быть по достоинству оценены Брюсовым. В значительной мере под влиянием общения и переписки с Коневским он стал с напряженным вниманием

читать Верхарна, тогда еще малоизвестного в России, и пришел к убеждению, что бельгийский поэт открыл новые горизонты в литературе⁵⁴. Чтение Верхарна наложило зримый отпечаток на «Tertia vigilia». Брюсов был знаком с его поэзией и ранее: в 1896 г. он уже знал и переводил его стихи, однако, по наблюдению Т. Г. Динесман, «сколько-нибудь значительного места в поэтическом мире Брюсова Верхарн тогда «еще не занимал»⁵⁵; стихотворения Брюсова середины 1890-х годов создавались под определяющим воздействием творчества Верлена и Малларме. На пути же преодоления господствовавшей в них субъективно-импрессионистической стихии роль своеобразного ориентира сыграла для Брюсова не в последнюю очередь поэзия Верхарна. Эта смена эстетических «властителей дум», сопровождавшаяся расширением образно-тематических границ и усилением медитативного начала в собственном творчестве, движением навстречу «большому миру», совершалась у Брюсова в значительной мере под влиянием общения с Коневским.

В универсально-философском подходе Коневского к поэзии Брюсов видел одновременно и силу, и ограниченность, пристрастность его оценок. Он ценил глубину иных суждений и характеристик Коневского, отдавал должное внимательности его наблюдений и тщательности разборов. Такой заинтересованности и такого понимания Брюсов не встречал тогда ни в печатной критике, ни в отзывах других собратьев по перу. Аналитические характеристики Коневского, безусловно, немало дали Брюсову для осмысления собственного творчества, вызывавшего тогда по преимуществу случайные эмоциональные оценки. Но вместе с тем для него были неприемлемы философский ригоризм и дидактичность Коневского, а также требования, продиктованные логическим уризмом и стеснявшие свободу творческого самовыражения. Когда, вполне в духе нормативной критики «с точки зрения логики», настаивавшей, «чтобы между внешними объектами поэтического описания соблюдались закономерные соотношения»⁵⁶, Коневской разбирает одно из самых зрелых и выдержанных по художественной мысли стихотворений Брюсова «В дни заустений» (п. 24), тот, внешне соглашаясь с правомерностью критических умозаключений, все же ничего не меняет в собственном тексте. Характерно, что почти никогда Брюсов не вступает в спор с Коневским, ограничиваясь порой замечаниями вроде «Вы не правы о моих стихах» (п. 50), — видимо, хорошо понимая особенности «монологического» сознания своего корреспондента и бесплодность диалога в подобных случаях.

«Монологизм» и единство личности Коневского в полной мере сказывались в его творческих опытах. «(...) Мне святыня — цельный мой состав», — указывал сам поэт⁵⁷. Стихи, проза, критическая статья, дневник, письмо — все это были для него различные способы закрепления собственных наблюдений и размышлений, принципиальной жанровой и тематической границы между этими различными формами самовыражения для него не существовало. Это видно и по письмам Коневского к Брюсову, которые перерастают то в импровизированные критико-философские эссе, то в полемические этюды, то в путевые заметки. И. Г. Ямпольский, сопоставив фрагменты из частного письма Коневского к Вл. Гиппиусу, в котором поэт делился своими впечатлениями от природы Швейцарии, с аналогичным по теме прозаическим отрывком «В горних»⁵⁸, убедился в совпадении многих мотивов и деталей, единстве манеры описания и образного строя этих различных по своему назначению текстов⁵⁹. Брюсов подчеркивал: «Коневской везде, и в личной беседе и в письмах, оставался тем самым, каким был в своей поэзии, говорил и писал письма тем же самым "трудным", запутанным языком, каким слагал свои стихи»⁶⁰.

Архаизированный, синтаксически усложненный слог Коневского, избыливающий малоупотребительными словами и речевыми оборотами, представляет собой одну из самых ярких, неповторимых примет его творческой личности. В биографическом предисловии (отредактированном Брюсовым) к посмертному изданию отец поэта писал: «Понемногу выработался у Коневского свой собственный, своеобразный слог, во многом не удовлетворявший "академическим" требованиям (...) Этот непривычный нашему времени язык возбуждал против себя много нареканий, но Коневской упорно его держался и против всяких посторонних поправок горячо протестовал»⁶¹. В тяготении Коневского к подчеркнуто индивидуальному стилю прослеживается потребность придать «лица общее выражение» своим созерцаниям и думам, отмежевание от общей стилиевой инерции, от банальности и усредненности языковых средств у большинства современных ему стихотворцев. «"Я люблю, чтобы стих был несколько корявым", — говорил сам Коневской, которого раздражала беглая гладкость многих современных стихов», — свидетельствует Брюсов в своем очерке о поэте⁶². При этом «необыч-

А. М. ДОВОРОЛЮБОВ

Фотография Р. Соболева. С. Петербург, 1890-е годы
Ленинградский исторический архив

только сплошное фиглярство, неискреннее ломание, уродливость чудаческой мысли, во что бы то ни стало желающей быть оригинальной⁶⁵. Еще резче отозвался о стихах Коневского поэт и критик Н. М. Соколов: «глупая белиберда», «предел глупости», «вымученная и кривляющаяся изломанность», «неутомимая и ожесточенная чепуха» и т. д.⁶⁶ Даже при благожелательном в целом отношении к Коневскому как к «остро мыслящему человеку» и выразителю «искреннего стремления», каков свойственно, например, анонимному рецензенту «Стихов и прозы» в журнале «Русская мысль», камнем преткновения к пониманию его личности, «неясной и непонятной», оставались «тяжелая речь» и самые стихи — «отрывистые, угловатые», «скомканные, холодные, некрасивые»⁶⁷. Приведенные отзывы были высказаны в чуждом для символистов литературном окружении. Но и в «своей» среде творческие искания Коневского не получили безусловного признания — с неизменным сочувствием и пониманием к ним относились, кроме Брюсова, лишь некоторые близкие ему литераторы в Москве (прежде всего А. Ланг-Миропольский), а в Петербурге — ближайшие друзья-сверстники Коневского. Не был принят Коневской и в кругу «Мира искусства».

Сам поэт, как свидетельствует Брюсов, ни в малой мере не был раздосадован реакцией «широкой» критики на его стихи — негодующими и насмешливыми отзывами о коллективной «Книге раздумий» («Мечты и думы» Коневского прошли почти незамеченными). Убеждение в значительности собственных поэтических опытов подкреплялось у него столь же твердой уверенностью в том, что подлинно новое искусство не может встретить надлежащего понимания и признания у современников — носителей рутинных эстетических представлений. В этой намеренной, принципиальной отчужденности от воспринимающей среды — одна из характерных черт личности Коневского и специфика его литературной позиции, не во всем совпадавшей с позицией Брюсова.

В 1890-е годы в среде нарождавшегося русского модернизма выделилась, если восполь-

ный» слог ни в малой мере не был для Коневского стиливой маской. Справедливы в этом отношении наблюдения А. А. Смирнова: «Красивые, громоздкие, шероховатые стихи его часто производят впечатление недостаточной отделки, обработки (...) но если вчитаться в них, становится ясной невозможность изменить хотя бы одно слово. Витиеватая, затейливая форма не выдумана, не создана искусственно Коневским, но возникла естественно, необходимо, в силу его торжественного, проникновенного отношения к своим темам»⁶³.

Затрудненный образно-синтаксический строй речи Коневского, необычный способ изложения мыслей были одной из главных причин недоумения критиков перед его произведениями и даже вызвали подозрения в том, что за этим своеобразием языковой фактуры не кроется ничего подлинно содержательного. «Бедность и неясность мысли нарочно прикрываются деланною вычурностью и неясностью выражений», — писал, например, книговед А. М. Ловягин о предисловии Коневского к «Собранию стихов» А. Добролюбова⁶⁴. Сходным образом критик Н. П. Ашешов утверждал, что за «хаотической» манерой письма и «нелепым набором слов» в стихах Коневского — «одно

зоваться аналогией с французской литературной ситуацией последней трети XIX в., также своя группа «проклятых» поэтов, стоявших в открытой оппозиции по отношению к читательским пристрастиям и ко всем общепризнанным эстетическим нормам, бывших «париями» в мире «большой» литературы. Очерчивая «тип самозамкнутых и самовлюбленных одиночек — deductio ad absurdum крайнего индивидуализма», П. П. Перцов рассматривает Коневского как типичнейшего выразителя психологии этой группы: «Коневской вообще чуждался людей, жил одиночкой и, в своей самоупоенности, видимо, боялся всякого соприкосновения с внешним миром, который мог разбить или хотя бы надломить стекло его реторты, где он укрывался, подобно гетевскому Гомункулу»⁶⁸. Сходную репутацию имели в Петербурге даже в «своей», околосимволистской среде Александр Добролюбов и Владимир Гиippiус; такими же «отреченными» от литературы «дикими декадентами» были в Москве Брюсов и А. А. Ланг; можно было бы назвать еще несколько менее характерных и менее известных имен. Их творческие опыты, повсеместно вызывавшие негодование и глумление, фактически оставались вне общего литературного процесса, не получали доступа в периодические издания и функционировали на правах некоего курьеза. Горделивое презрение и ответный вызов по отношению к читательской среде были в этих обстоятельствах для «отреченных» единственно возможной позицией. Так, своей книге «Одинокий труд» Ланг предпослал вступительную инвективу «Я обвиняю»⁶⁹, в которой высказал негодование по поводу сложившегося общественного мнения вокруг «декадентов»: «Читая сборники В. Брюсова, я почувствовал его сильный и первобытный талант, но наверно и его заклевали наши присяжные критики (...) вспомните еще первый сборник Добролюбова, и как смели над ним глумиться жалкие фразеры! Успокойтесь, ревнители, — больше он не пишет. Вы доканали его, лишили Россию мощного поэта»⁷⁰.

Но наряду с «проклятыми» в литературе действовали модернисты «признанные» и полупризнанные, которые достаточно широко печатались, всерьез воспринимались читательской средой и зачастую (как Н. Минский и Д. Мережковский, начинавшие поэтическую деятельность в народнических традициях) имели еще «домодернистскую» литературную репутацию. Первые придерживались крайних художественных позиций, вторые были более умеренными, традиционными и, не прибегая в своем творчестве к «диким» и «странным» приемам последовательных «декадентов», стремились войти в контакт с читательской аудиторией и на свой лад «перевоспитать» ее, привить ей новые эстетические вкусы и идеи. «Признанные» модернисты (кроме двух вышеупомянутых, к ним следует отнести в первую очередь З. Гиippiус, К. Бальмонта, Ф. Сологуба) также постоянно подвергались нелицеприятной критике за «декадентство», но их творчество было гораздо доступнее и приемлемее, более отвечало устоявшимся читательским представлениям о поэзии, чем вызывающе дерзкие или просто непонятные стихи молодого Брюсова и Добролюбова. Пройдет не менее десяти лет, прежде чем широкая литературная среда признает оправданными в историко-литературном отношении и даже плодотворными крайности «декадентского» бунта, прежде чем такой критик, как А. А. Измайлов, отразивший в своих оценках общее изменение эстетических критериев, скажет о роли «крайних» «декадентов» в деле перестройки «старых лир на новый лад»: «(. . .) теперь можно видеть почти заслугу их в том, что они стали воспевать уродливость кактусов в то время, когда все ополченными и вышеледунными словами воспевали розу. Была заслуга в том, что они обратились к каким-то демоническим чувствам, когда стихотворствующее мещанство в тысячу первый раз копалось в будничных обывательских ощущениях и чувствах»⁷¹. Но в 1890-е годы «крайние» модернисты имели лишь самое ограниченное «кастовое» признание, действовали фактически на грани, отделявшей профессиональный литературный труд от «внелитературных» сочинительских опытов. «Признанные» модернисты писали с оглядкой на «стороннего» по отношению к ним читателя; «отреченные» культивировали «герметическое» творчество, уповали прежде всего на немногих сочувствующих, зачастую старательно пытались даже внешним образом «сакрализовать» свои опыты, «сделать их труднодоступными для читательской массы: так, Вл. Гиippiус издал первый свой сборник стихов — «Песни» — не для продажи и без права рецензирования, «Собрание стихов» А. Добролюбова было отпечатано тиражом 300 экз., а в проекте объявления о нем даже указывалось, что «в продажу книга не поступит» и будет рассылаться желающим по предварительной подписке (см. п. 36, прим. 6 и п. 32, прим. 2).

Позиция Брюсова в этих обстоятельствах была достаточно своеобразной. Эпатирование общепринятых вкусов, которому он отдал щедрую дань в трех выпусках «Русских символичес-

тов» и в книге «Chefs d'oeuvre», явилось для него своего рода отрицательной формой контакта с читателями. Завоевание скандального ампула было у Брюсова намеренной и продуманной системой действий, рассчитанной на то, чтобы поколебать незыблемые эстетические критерии, указать — хотя бы и в «чрезмерной», вызывающей форме — на возможность и необходимость принципиально новых художественных исканий и экспериментов. Брюсов стремился на свой лад убедить читателей, для его поэзии была необходима широкая воспринимающая среда, — Коневскому же в его творческой деятельности до читателя просто не было никакого дела, главным для него неизменно оставались полнота самовыражения и верность самому себе, и ради этого он не боялся остаться в полном одиночестве. При всем тяготении к собственно литературной деятельности, при всем стремлении печататься и проповедовать свои идейно-эстетические взгляды и художественные завоевания «нового» искусства Коневской был мало способен к расчетливой, организованной и всесторонне продуманной системе действий, к «дипломатической» тактике и компромиссам, которых неизбежно требовали обстоятельства формирования символизма как цельного литературного направления. Психологически он не был готов выйти из той «келейной», замкнутой творческой атмосферы, которую всеми силами стремился расшеять Брюсов. «Со страстью целей добиваться — не жребий мой», — признавался сам Коневский («Соглашение», 1899) ⁷². Брюсов в статье «Мудрое дитя» подчеркивал, что «Коневской вовсе не был литератором в душе» ⁷³.

Не проявлявшееся с достаточной отчетливостью в первые месяцы общения, это различие между Брюсовым и Коневским стало сказываться, когда в 1900 г. начало свою деятельность московское символистское издательство «Скорпион», открывшее достаточно широкие перспективы приверженцам новой поэтической школы. Брюсов к этому времени уже отказался от прежних приемов вызывающего «декадентского» эпатажа, его книга «Tertia vigilia» вызвала серьезные и сочувственные отклики, в том числе статью Максима Горького ⁷⁴. Симптоматичен был отзыв И. И. Ясинского о новейших стихотворениях Брюсова: «(. . .) мы с удовольствием должны заметить, что, начав с гримас и с диких судорог, этот поэт постепенно сбрасывает с себя шелуху напускного декадентства, и песни его начинают звучать совершенно самобытными и красивыми красками» ⁷⁵. Достигнув определенного признания, Брюсов видел в себе силы и возможности для того, чтобы стать одним из вождей крепнувшей литературной школы, и «Скорпион» открывал для этого желаемые перспективы. Будучи одним из организаторов символистского альманаха «Северные цветы», Брюсов стремился к тому, чтобы объединить на его страницах всех приверженцев «нового» искусства и сочувствующих ему, независимо от внутренних разногласий и различного понимания литературных задач, — в том числе и «умеренных» символистов (Мережковский, З. Гиппиус), с убежденностью отвергавших «декадентский» эзотеризм и невятицу. В деле осуществления этого принципа Коневской уже не мог стать Брюсову надежным союзником. Неспособный к какой-либо литературной «дипломатии» и уступчивости, Коневской всегда самоуверенно и до конца обосновывал собственную точку зрения, не сдерживал полемических выпадов. Красноречивым примером такой величественной полемики служит опубликованная в первом выпуске «Северных цветов» статья Коневского «Об отпевании новой русской поэзии», направленная против З. Гиппиус, которая выступила с критикой творчества А. Добролюбова. Одному из наиболее престижных тогда авторов, принадлежавших к символистскому направлению, Коневской предъявил обвинения в ограниченности кругозора и «разнузданной бесчеловечности насчет литературы» ⁷⁶.

Коневской оказывался «неудобным» максималистом, однако, не только по отношению к брюсовской объединительной тактике. Брюсов хорошо видел принципиальные отличия его литературной позиции от той, которой придерживались другие ведущие авторы, печатавшиеся в изданиях «Скорпиона»: «Иван Коневской был в гораздо большей степени настроен мистично, нежели весь московский кружок. Коневской был совершенно чужд того культа формы в поэзии, которому мы, москвичи, служили тогда до самозабвения. В последнем учете, для Коневского поэзия все же была только *средство*, а никак не «самоцель». В каком бы то ни было смысле, формула «искусство для искусства» была для Коневского неприемлема и даже нестерпима» ⁷⁷.

Одной из самых первостепенных задач в литературе для Брюсова было: «создать новый поэтический язык, заново разработать средства поэзии», как он писал в статье «К истории символизма» (1897) ⁷⁸. Одним из бесспорных завоеваний на этом пути Брюсов считал творчество Бальмонта. В незавершенном очерке истории русского стиха и рифмы (1896) Брюсов определял его поэзию как этапное достижение: «(. . .) является Бальмонт, явление во многих от-

ношениях замечательное. Под влиянием лучших западных образцов он находит новые пути русскому стихосложению»⁷⁹. Однако для Коневского поэзия Бальмонта была как раз примером чисто формального творчества, не подкрепленного глубиной и точностью художественной мысли. С исключительным темпераментом Коневской разоблачал самоценную «виртуозность» в новейших поэтических исканиях, воплощением которой служило ему прежде всего творчество Бальмонта — «поэтического фокусника»⁸⁰. Не принимал он «бальмонтовских» черт и в произведениях Брюсова. Характерно, что Коневской чрезвычайно высоко ценил поэзию Сологуба, далекую от него по своему идейно-психологическому содержанию, но привлекавшую сдержанностью художественной палитры и отчетливостью, определенностью мысли. Однако именно стремление к «виртуозности», к обновлению и совершенствованию арсенала поэтических средств символисты, и Брюсов в первую очередь, осознавали одной из своих насущнейших, первоочередных задач. В этом смысле Коневской стоял особняком по отношению к «скорпионовцам». Не исключено, что отчетливые мотивы разногласия в скрытой форме повлияли на характер взаимоотношений Брюсова с Коневским в последние месяцы его жизни. В целом в тональности отношений между поэтами нетрудно распознать зачатки тех коллизий, которые несколько лет спустя обозначатся с достаточной отчетливостью между Брюсовым и «младшими» символистами, «теургими», — противостояния «самоцельного» и самоценного творчества творчеству, подчиненному некоей высшей идее. Поэтому, хотя Брюсов и отдавал должное глубине, меткости и оригинальности многих критических суждений своего друга, хотя вкусы и пристрастия их обоих формировались на преклонении перед русской поэзией классической поры и новейшей французской поэтической школой, он едва ли всецело мог рассчитывать на то, что Коневской в дальнейшем остался бы его полным литературным единомышленником.

Все моменты расхождения в литературно-эстетических позициях, однако, отступили в сторону после ошеломившей Брюсова гибели Коневского. Осознанием невозможности утраты проникнута некрологическая статья Брюсова «Мудрое дитя. (Памяти Ив. Коневского)»: «(. . .) имя его в печати появилось впервые всего два года тому назад, в 1899 г., и все же на его место у нас нет очередного. Быть может, среди современных поэтов можно указать более даровитых, т. е. более одаренных стихийной мощью творчества, но нет ни одного, обладающего такой подготовкой к своему делу, таким всеобъемлющим знанием литературы, таким пониманием задач нового искусства»⁸¹. Коневской надолго остался для Брюсова высшим критерием оценки новых дарований. Познакомившись с вступающим в литературу Андреем Белым, Брюсов с надеждой записал летом 1902 г.: «Это едва ли не интереснейший человек в России (. . .) Вот очередной на место Коневского!»⁸². Когда в 1901 г. историк литературы Н. О. Лернер, еще не знавший о смерти Коневского, критически отозвался о его стихах в письме к Брюсову, тот едва не поссорился с ним. «Конечно, мне все равно, что за мысли у него, — записал Брюсов о Лернере в дневнике, — но я не мог, не должен был терпеть его отзывы о Коневском и Балтрушайтисе»⁸³. «Много лет спустя, — вспоминает Лернер, — встретившись с Вал(ерием) Як(овлевиче)м, я заговорил о Коневском, и он вспомнил о нем с прежней нежностью. А Брюсов (. . .) был не из особенно сентиментальных. Кстати сказать, я в 1901 г. вовсе не «нападал на Коневского», а насмешливо отозвался о каком-то его стихе, тяжелом и неудачном, но Брюсов так любил Коневского, что не шутя рассердился»⁸⁴. 3 октября 1901 г. Брюсов написал стихотворение «Памяти И. Коневского», которому предпослал эпитаф из стихотворения В. К. Кюхельбекера «19 октября»:

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В середине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушенных сил!⁸⁵

Стихи Кюхельбекера были написаны в связи с гибелью Пушкина. Переадресовывая их Коневскому, Брюсов изменил третью строку: «В начале поприща торжеств и славы». Наряду с переживанием утраты в стихотворении Брюсова главенствует тема торжественного единения с миром — сквозная тема поэтического творчества Коневского:

Ты просиял и ты ушел, мгновенный,
Из кубка нового один испив.
И что предвидел ты, во всей вселенной
Не повторит никто... Да, ты счастлив.

Лишь, может быть, свободные стихи
Прочли и отразили те мечты.
Они и ты — вы были как родные,
И вот вы близки вновь, — они и ты!

Сразу же после получения известия о гибели Коневского Брюсов установил отношения с его отцом, генералом И. И. Ореусом, и начал хлопоты по изданию сочинений покойного поэта. За подготовку книги взялся близкий друг Коневского Н. М. Соколов, получивший в свое распоряжение его рукописи. Брюсов задумал включить в издание, кроме произведений Коневского, также биографические материалы и воспоминания о нем и просил Соколова привлечь к этому предприятию петербургских друзей покойного⁸⁶, однако этот замысел так и не реализовался. Посмертное собрание стихов и прозы Коневского вышло в свет в ноябре 1903 г. под редакцией Брюсова лишь с кратким биографическим очерком, подготовленным отцом поэта, и статьей Брюсова «Мудрое дитя. Творческие замыслы И. Коневского»⁸⁷.

Эта статья представляет собой первый опыт целостной характеристики творчества и мировоззрения Коневского. Брюсов сумел передать самую суть индивидуальности молодого поэта, те ее особенности, которые делали неповторимо своеобразной его поэзию и обеспечивали ей глубину и значительность: «Поэзия Коневского прежде всего — раздумья. Философские вопросы, которыми неотступно занята была его душа, не оставались для него отвлеченными проблемами, но просочились в его "мечты и думы", и его стихи просвечивают ими, как стебельки трав своим жизненным соком. Подобно всем своим сверстникам, деятелям нового искусства, Коневский искал двух вещей: свободы и силы. Но в то время как другие искали их в "преступлении границ", в разрешении себе всего, что почему-либо считается запретным, будь то в области морали или просто в стихосложении, — Коневский взял вопрос глубже. Он усмотрел рабство и бессилие человека не в условностях общезнания, а в тех изначала навязанных нам отношениях к внешнему миру, с которыми мы приходим в бытие: в силе наследственности, в законах восприятия и мышления, в зависимости духа от тела»⁸⁸.

Брюсов уловил и начала внутреннего разлада, проникавшего философско-поэтический мир Коневского: «(. . .) рядом с (. . .) умилением пред тайнами земной красоты, и из этого умиления — возникало и сознание, что все окружающее нас, все внешнее, — такое прекрасное, такое увлекающее — тоже оковы, теснящие наши личности»⁸⁹. Двудеинный пафос поэзии Коневского, по Брюсову, заключается в стремлении к безудержной свободе духа и одновременно в осознании и переживании неразрывной связи духа с плотью, с «наследием веков», с «внешней природой», с «отрадными играми бытия». Хотя Брюсов и не делал в статье историко-литературных сопоставлений, но всем ходом своих рассуждений подводил к мысли о том, что поэзия Коневского представляет собой закономерное продолжение традиций русской философской поэзии XIX в., традиций Баратынского, Тютчева, Вл. Соловьева. Убеждению в исключительной значимости творчества Коневского для литературного процесса рубежа веков Брюсов остался верен и в последующее время. В незавершенной статье 1917 г., посвященной итогам развития предреволюционной литературы, Брюсов называет Коневского наравне с Бальмонтом, Сологубом, Блоком, Белым и другими авторами, выведшими русскую поэзию из «паралича» 80-х годов к ее новому расцвету⁹⁰.

Нужно отметить, однако, что творчество Коневского, в значительной мере предвосхитившее идейно-эстетические искания «младших» символистов, тем не менее после его смерти всеобщего признания так и не получило и определяющего воздействия на поэтические новации 1900—1910-х годов не оказало. В среде символистов оно воспринималось с должным уважением, но без особенного энтузиазма; выдвинуться на авансцену литературной жизни, завоевать широкий круг восторженных почитателей поэзии Коневского не было суждено. Характерен вывод, к которому пришел А. А. Смирнов в статье о Коневском «Поэт бесплодия»: «Он совершил свой малый круг, и совершил другой, более великий, ему не было дано. Но после него осталось богатое, дорогое наследство, которым мы должны воспользоваться. Если Коневский не путеводная звезда, то один из тех немногих, одиноких, мрачно-прекрасных маяков, освещающих дорогу зимней ночью»⁹¹. Поэзия ближайшего десятилетия не пошла по стопам Коневского, «путеводными звездами» для нее в несравненно большей мере стали поэтические миры Бальмонта и Брюсова; «виртуозность», которую ниспровергал Коневский, стала почти обязательным условием поэтического самовыражения. В 1904 г. Брюсов писал Вяч. Иванову, стремясь привлечь его внимание к творчеству Коневского: «Он пытался сделать (в языке) кое-что из того, что вы свершили»⁹². Действительно, в творчестве Иванова и Коневского немало сходных черт: тяготение к архаической стилистике, риторико-оптимистический пафос, философская насыщенность, восприятие мира как всеединства и т. д., — но стихи Вяч. Иванова отличаются также намеренным артистизмом, многотемностью, исключительным вниманием к ритмико-звуковой организации, «барочной» чрезмерностьюобрази-

тельных средств, и это их качество не в последнюю очередь способствовало тому, что именно Иванов стал в 1900-е годы одним из поэтических «мэтров».

Кроме Брюсова, никто из крупных писателей не предпринимал внимательного анализа творческого наследия Коневского. Если в печати и вспоминали умершего поэта, то это чаще всего были попутные и лаконично-суммарные аттестации, как, например, в статье Г. Чулкова «Исход: «задумчивый и суеверный Иван Коневской»⁹³. Благодаря Брюсову за книгу Коневского, Вяч. Иванов писал, что его «влетает» написать о ней, «но и пугает трудностью тонкой задачи»⁹⁴. Творчеством Коневского живо интересовался А. Блок и даже предполагал написать о нем для «Нового пути» «длинно», в связи с выходом «Стихов и прозы»⁹⁵. Не осуществив этого намерения, Блок, однако, коснулся поэзии Коневского в рецензии на книгу А. Л. Миропольского (1905). В восприятии Блока Коневской знаменует переходный этап от «собственно-декадентства» к символизму и заключает в себе характернейший признак этого периода — «совсем особенное, углубленное и отдельное чувство связи со своей страной и своей природой»⁹⁶. Пронзительное поэтическое ощущение России и Петербурга, которое ставил Блок в заслугу Коневскому, находилось в непосредственном родстве с теми переживаниями, которые овладели тогда сознанием самого Блока, уже начинавшего прозревать «богатую нищету России» и «упрямо двоящийся образ города на болоте»⁹⁷. Неожиданные на первый взгляд ростки влияния творчества Коневского обнаружались в поэтических исканиях 1910-х годов: тогда были оценены как поэтическое завоевание «затрудненность» и «косноязычие» Коневского, его тяготение к «вечному», семантически осязаемому слову, в противовес музыкальной стихии, господствовавшей в поэзии символистов. Ревностным пропагандистом творчества Коневского стал С. П. Бобров, называвший его «чудесным Святогором слова». «Мы не можем, — писал Бобров, — скрыть нашей крайней скорби о том, что поэт сей теперь, через какие-нибудь 11 лет после смерти своей — забыт, забыт совершенно (. . .) А между тем на поэтическом горизонте нашем после Тютчева не было столь огромной фигуры»⁹⁸.

Однако все позднейшие литераторы обращали внимание большей частью на отдельные аспекты творчества Коневского и были мало восприимчивы к его поэтической личности во всей ее сложной совокупности. В этом отношении Брюсов остался единственным писателем, осознавшим место и значение Коневского в истории русской поэзии, сумевшим постигнуть его неповторимый целостный образ. В заключительных строках очерка о Коневском Брюсов со всей нескупостью утверждал: «(. . .) в том, что он написал за свою недолгую жизнь, есть создания безупречные, которые всегда будут принадлежать к перлам нашей лирики»⁹⁹.

В настоящую публикацию включены все выявленные на сегодняшний день письма, составляющие переписку Брюсова и Коневского. Вся переписка сосредоточена в архиве Брюсова (письма Брюсова к Коневскому были возвращены автору И. И. Ореусом-отцом после гибели сына).

ИВАН ОРЕУС С МАТЕРЬЮ

Фотография. С. Петербург, 1880-е годы
Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,
Ленинград

Письма Брюсова к Коневскому печатаются по автографам, хранящимся в фонде Брюсова в ГБЛ (Ф. 386, 72.7). Из них 5 писем были ранее опубликованы (с сокращениями) В. Дмитриевым в кн.: В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 139—142. Письма Коневского к Брюсову печатаются по автографам, хранящимся там же (Ф. 386, 97. 8—10). Письмо Коневского от 31 января 1900 г. (п. 29) печатается по автографу, хранящемуся в архиве Брюсова в ИМЛИ (Ф. 13. Оп. 3. № 13).

В настоящей публикации использованы материалы из архива Николая Леонидовича Степанова (1902—1972). Этот архив включает и материалы, хранившиеся у Брюсова и переданные И. М. Брюсовой для работы над готовившимся, но не осуществившимся изданием произведений Коневского в серии «Библиотека поэта» (см. об этом вступ. ст. А. Е. Парниса к публ. статьи Н. Л. Степанова «Иван Коневской. Поэт мысли». ЛН.; 92. С. 179). Ныне материалы Н. Л. Степанова хранятся в собрании А. Е. Парниса.

Вследствие того, что автографы стихотворений Коневского, приславшиеся им в письмах к Брюсову, служили исходным материалом для В. Я., Н. Я. и И. М. Брюсовых при подготовке к печати посмертной книги Коневского, а в 1933—1937 гг. были использованы Н. Л. Степановым, состав их оказался разрозненным. В фонде Брюсова (ГБЛ. Ф. 386, 97.8 и 9) стихотворения отъединены от писем, а небольшая часть стихотворений и отрывков писем к Брюсову оказалась в фонде Коневского в ЦГАЛИ (Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 25—25об., 27, 28, 30). Поэтому в настоящей публикации указываются архивные шифры автографов стихотворений Коневского. Архивные шифры писем указываются только в тех случаях, когда они хранятся не в фонде Брюсова в ГБЛ.

¹ Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Очерки. Стихотворения. Автографы / Под ред. Модеста Гофмана. СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, [1909]. С. 63.

² Письмо от 15 августа 1901 г. // ЛН. Т. 85. С. 646—647. В обзоре «Русская литература в 1902 году», написанном для журнала «The Athenaeum», Брюсов, перечисляя умерших в последнее время деятелей русской культуры, подчеркивал, заключая свой мартиролог: «Лично для меня куда более горестной потерей явилась смерть молодого поэта Ивана Коневского, которая, однако, не привлекла большого внимания» (Ильёв С. П. Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «The Athenaeum» (1901—1906) // Чтения 1980. С. 310).

³ О посещении Брюсовым могилы Коневского см. также: Парнис А., Тименчик Р. Эпизод из жизни Валерия Брюсова // Даугава. 1983. № 5. Отметим попутно, что о Коневском упоминал, рассказывая о своем юношеском пребывании в Зегевольде, О. Мандельштам (в главе «Эрфуртская программа» автобиографической книги «Шум времени». Л.: Время, 1925).

⁴ Петровская Н. И. Из воспоминаний // ЛН. Т. 85. С. 779.

⁵ ЛН. Т. 85. С. 206.

⁶ Ореус И. Сваряды // Книжки Недели. 1896. Ноябрь. С. 96.

⁷ Псевдоним восходит к названию острова Коневец (Konivets, Kononsaari) на Ладожском озере, приблизительно в 100 км к северу от Шлиссельбурга; на острове располагался Коневецкий Рождественский мужской монастырь. Стих. «С Коневца» («Я — варяг из-за синего моря...», 1898) — одно из ключевых для поэзии Коневского, символизирующее единство «варяжского» и русского начал в душе автора (СП. С. 36—37). В статье 1917 г. Брюсов писал о сожалениях Коневского, «что он не избрал себе другого псевдонима: Иван Езерский, который прямо напоминал бы, что автор происходит “от тех вождей, чей в древни веки парус дерзкий поработил берега морей”» (Брюсов В. Иван Коневский (1877 — 1901 г.) // Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 152). О псевдониме «Иван Езерский» Коневской писал 2 июля 1899 г. в письме к А. Я. Билибину (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 60б).

⁸ В архиве Н. М. Минского сохранились автографы стих. Коневского «На лету» и «Меж нив», отправленные 31 июля 1896 г. в конверте с надписью: «В редакцию журнала “Северный вестник” (Троицкая, 9) с просьбой передать или переслать г-ну Виленкину» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 302; Виленкин — настоящая фамилия Минского). Брюсов свидетельствует: «Коневский посылал (...) тетрадь своих стихов Н. М. Минскому, которому одно стихотворение очень понравилось (так, что он заучил его наизусть), но знакомство на том и оборвалось. Коневской взял у Минского свою тетрадь и больше не появлялся» (Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 155). В целом справедливы в отношении Коневского позднейшие слова Вл. Пяста, характеризовавшего литературную ситуацию в Петербурге на рубеже веков: «Отдельными островитянами проходили в те годы по университету немногочисленные студенты-поэты. В 1901 г. умер гениальный Иван Коневской. Он (...) не мог в Петербурге найти для себя почти ни одного достойного собрата-товарища» (Пяст В. Встречи. М.: Федерация, 1929. С. 10).

⁹ Дневники. С. 57. Ср. свидетельство Вл. Гишпиуса в его воспоминаниях о Коневском, записанных в 1930-е годы Н. Л. Степановым: «Читал стихи он нараспев, с истеризмом и с усилением согласных, как финны» (Архив Н. Л. Степанова).

¹⁰ В биографическом очерке о Коневском Брюсов несколько иначе излагает обстоятельства своего знакомства с его поэзией, называя другого посредника — Владимира Гишпиуса: «Лично я, прочтя переданную мне Вл. Гишпиусом тетрадь с первыми поэмами Коневского, без

колебания признал в нем уже сложившегося мастера и поспешил познакомиться с их автором, как с "товарищем по оружию". Через меня Коневского узнал К. Бальмонт, и я помню, с каким восторгом одно время он говорил о юноше поэте» (*Венгеров. Рус. лит. XX в.* Т. III, кн. VIII. С. 151). Однако эта позднейшая версия не подтверждается фактами, зафиксированными в дневнике Брюсова (см. п. 4, прим. 1) и в его переписке с Коневским. Ср. свидетельство в письме студентки-бестужевки О. В. Яфы, относящемся к осени 1898 г., т. е. еще до знакомства Коневского с Брюсовым: «Ореус преуспевает: говорят, недавно он читал свои стихи пред лицом Бальмонта, Минского и других поэтов и был ими признан большим талантом» (*Яфа-Синакевич О. В. Жидли-были: Воспоминания // ГЛБ. Ф.* 163. Ед. хр. 328. Л. 5).

¹¹ *Венгеров. Рус. лит. XX в.* Т. III, кн. VIII. С. 155—156.

¹² *Дневники.* С. 63.

¹³ Там же. С. 70.

¹⁴ См. наст. кн., Переписка с Курским, п. 55.

¹⁵ *Дневники.* С. 78.

¹⁶ Наст. кн., Письма к Самыгину, п. 27..

¹⁷ *Дневники.* С. 76.

¹⁸ Подробнее об эволюции мирозерцания Добролюбова и его отношениях с Брюсовым см.: *Азадовский К. М. Путь Александра Добролюбова // Блоковский сборник, III. Тарту, 1979; Иванова Е. В. Один из «темных» визитеров // Прометей. № 12. М., 1980; Она же. Валерий Брюсов и Александр Добролюбов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 3; Reeve F. D. Dobroljubov and Brjusov: Symbolist Extremist // The Slavic and East-European Journal. 1964. Vol. VIII, N 3. P. 292—301.*

¹⁹ *Дневники.* С. 95.

²⁰ «Едет в Москву Ореус-Коневской; этот меня разыщет», — сообщил Брюсов 12 июня 1901 г. А. А. Шестеркиной (*ЛН. Т.* 85. С. 636).

²¹ См. прим. 1.

²² *Брюсов В. Автобиография // Венгеров. Рус. лит. XX в.* Т. I, кн. I. С. 112.

²³ *Венгеров. Рус. лит. XX в.* Т. III, кн. VIII. С. 162.

²⁴ Характеризуя творчество Ф. Сологуба и Коневского в письме к А. Л. Волыньскому (1902), Брюсов отмечал: «Эти два поэта-мыслителя (первый бессознательный, второй сознательный)...» (*ГЛМ. Ф.* 51. Оф. 1351).

²⁵ *Смирнов А. Поэт бесплотия // Мир искусства. 1904. № 4. С. 81.*

²⁶ *СП. С.* 1.

²⁷ До и после. 1898 // *СП. С.* 38.

²⁸ С Коневца. 1898 // Там же. С. 37.

²⁹ Книга о русских поэтах последнего десятилетия. С. 110.

³⁰ Там же. С. 123. Ср. сходные впечатления от поэзии Коневского другого критика 1900-х годов: «Душа Коневского была открыта и доступна для всех трепетаний и волнений жизни, она жаждала широты "полнообразья", она желала обнять весь мир со всеми его чувствами, мыслями и ощущениями. И эта, если можно так выразиться, панкосмическая жажда существования делала из Коневского настоящего, призванного, стихийного поэта (...) В его поэзии играет и бьется нерв чисто растительной радости, слышен пульс какого-то органического восторга перед величием и красотой мироздания. Более цельного, экзотического отношения к природе я не запомню в нашей молодой поэзии» (*Крымский С. [Кара-Мурза С. Г.]. Неизвестный поэт // Семья. 1904. № 6. 8 февр. С.* 10—11). См. также наст. кн., с. 549, п. 25, прим. 1.

³¹ См.: *Максимов Д. Брюсов: Поэзия и позиция. Л., 1969. С.* 118—120; *Сукиасова Н. М. Афористичность творчества Брюсова // Ученяя 1971. С.* 228—243. Ср. наблюдения Д. П. Сятополк-Мирского в статье «В. Я. Брюсов»: «Именно у Коневского, стремившегося создать метафизическую поэзию, постигающую и обнимающую весь мир, Брюсов научился так насыщать свои стихи мыслью. К Коневскому же восходит и идея, столь близкая Брюсову в эти годы, — "поэзия — познание"» (Современные записки, № 22. Париж, 1924. С. 421).

³² *МД. С.* 196; *СП. С.* 53.

³³ *МД. С.* 161; *СП. С.* 48.

³⁴ *Смирнов А. Указ. соч. С.* 82.

³⁵ *Брюсов В. Ко всем, кто ищет: Как предисловие // Миропольский А. Л. Лестница: Поэма в VII главах. М.: Скорпион, 1903. С.* 10, 12.

³⁶ *СП. С.* 34.

³⁷ *Смирнов А. Указ. соч. С.* 82.

³⁸ В статье «Тютчев в поэтической культуре русского символизма» Н. К. Гудзий справедливо отмечает: «Из ранних русских символистов наиболее органически связан с Тютчевым И. Коневской» (*Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1930. Т. III, № 2. С.* 480). С мирозерцанием Тютчева Коневского роднит, по наблюдению Н. К. Гудзия, прежде всего «ощущение избыточной радости от погружения в животворящие силы природы»; кроме того, «патетика Тютчева, неравнодушие его к ораторским приемам речи, и в связи с этим увлечение архаизмами, восклицаниями и риторическими вопросами, повторениями рядом одних и тех же слов — все это присуще и Коневскому» (Там же. С. 481, 486).

³⁹ *Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С.* 180.

⁴⁰ Слово к истине. 1899 // *СП. С.* 83.

⁴¹ *СП. С.* 118.

⁴² Параллель между Коневским и Веневитиновым ранее проводил П. Н. Зайцев (в не-

опубликованной статье о Коневском «Жертва утренняя», датированной апрелем 1914 г.): «У Коневского есть в истории страшный, таинственный прообраз, хотя б(ыть) м(ожет) меньшего объема — это Дм. Веневитинов, юноша поэт, смерть которого оплакивал сам Пушкин. И как Веневитинов, умирая, являл миру Лермонтова, еще мальчишка, но пред которым, однако, предиспелось уже Виденье Демона, так и Ив. Коневский оставлял на себе симфонии и стихи из “Золота в лазури” А. Белого и “Стихи о Пр(екрасной) Даме” Блока» (*ГБЛ. Оп. 190, 71. 27. Л. 3*).

⁴³ Маймин Е. А. Русская философская поэзия: Поэты-любомудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. М.: Наука, 1976. С. 56.

⁴⁴ *СП. С. 161, 164, 167.*

⁴⁵ Там же. С. 177.

⁴⁶ Там же. С. 214, 212.

⁴⁷ Коневской И. Мировоззрение поэзии Н. Ф. Щербины // *СЦ 1902. С. 206.*

⁴⁸ *СП. С. 85.*

⁴⁹ С. К. Маковский, вспоминая о своей последней встрече с Коневским весной 1901 г., сообщает, что тогда они беседовали о поэзии и что Коневский больше всего читал наизусть стихотворения Брюсова (*Маковский С. Указ. соч. С. 292*).

⁵⁰ Коневской И. Об отпевании новой русской поэзии // *СЦ 1901. С. 186.*

⁵¹ Крайняя дума. 1899 // *СП. С. 92.*

⁵² Из стих. Коневского «Мыслей настойчивых воля...», 1899 // *СП. С. 94.*

⁵³ Коневской И. Предводящий протест новых поэтических движений (стихи Лафорга) // *СП. С. 189.*

⁵⁴ Подробнее о восприятии Брюсовым творчества Верхарна см. во вступительной статье Т. Г. Динесман к публикации их переписки (*ЛН. Т. 85*), а также в статье В. С. Дронова «Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн» (*Чтения 1962*).

⁵⁵ *ЛН. Т. 85. С. 549.*

⁵⁶ Гинабург Л. О старом и новом: Статьи и очерки. Л., 1982. С. 219—220.

⁵⁷ *Starges Ich. 1896 // СП. С. 17.*

⁵⁸ *МД. С. 67—68.*

⁵⁹ См.: Коневской И. Письма к Вл. В. Гиппиусу / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник 1977. С. 82.*

⁶⁰ Венгеров. *Рус. лит. XX в.* Т. III, кн. VIII. С. 155.

⁶¹ *СП. С. X.*

⁶² Венгеров. *Рус. лит. XX в.* Т. III, кн. VIII. С. 162—163.

⁶³ Смирнов А. Указ. соч. С. 82. Ср. восприятие поэтической стилистики Коневского поэтом и критиком-символистом Н. Е. Полярковым: «Большинство его страниц девственны в своей искренности (...) Шлифовки нет, все первобытно, неподдельно и поэтому интересно. Является полная возможность проследить многие движения души, узнать, как постепенно она кристаллизуется, принимает определенную форму, делается более и более многогранной» (*Полярков Ник. Поэты наших дней: (Критические этюды)*. М.: Тип. И. Холчева и К^о, 1907. С. 16). «Прекрасная корявость» Коневского упоминается и в книге Д. П. Святополк-Мирского «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (Париж, 1924. С. XII).

⁶⁴ Литературный вестник. 1901. Т. 1, кн. IV. С. 451.

⁶⁵ Образование. 1904. № 3. Отд. III. С. 136. Стоит подчеркнуть, что нередко неприятие стихов Коневского происходило в первую очередь от их элементарного непонимания; в архаизированных, усложненных, но отчетливых по смыслу строках критики прочитывали — или старались прочитывать — только «декадентскую» абракадабру. Показательна в этом отношении рецензия А. В. Амфитеатрова на «Книгу раздумий». Приведа в пей четверостишие из стих. Коневского «В роды и роды»:

Где те колена с соколиным оком,
Которым проницалась даль небес?
Они носились в пламени глубоком
Степей, как бес

(КР. С. 60)

— и не поняв, что слово «колена» употреблено поэтом в сравнительно редком, но вполне нормативном значении — «род, поколение в родословной» (Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1956. Т. 5. Стлб. 1148), на что указывала и форма множественного числа («колена», а не «колени»), Амфитеатров усмотрел в процитированных стихах благодарный материал для разоблачения «декадентского» претенциозного фглярства и дал им собственную, совершенно беспочвенную «интерпретацию», на деле свидетельствующую лишь об ограниченности языковой культуры самого критика: «Колена с соколиным глазом на оном — это страшно, должно быть. Я никогда не видал колен, зрячих соколиными глазами, и не подозревал возможности их существования (...) Пара колен с соколиными глазами, пронзающими небесную даль, несетя во образе и подобии беса, через степи, объятые пламенем (...) Какой Дантовский образ! Нет, мало: апокалипсический! (...) Два колена, с миговскими на них соколиными глазами, в ужасе стучат друг о дружку... О! это великолепно, — виноват: по-декадентски надо выразиться — «запредельнее», чем даже вихревая пляска Паоло и Франчески да Римини! ... Пара колен! Пар-р-ра колен!» (*Old Gentleman [Амфитеатров А. В.] Литературный альбом, XII // Россия. 1900. № 328. 24 марта*).

⁶⁶ См.: Русский вестник. 1904. № 6. С. 739—742. Автор этой рецензии на «Стихи и прозу» Коневского Николай Матвеевич Соколов (1860—1908) обратил, в частности, внимание на извещение в «Предисловии»: «Работу по собиранию рукописей, сличению их и подбору вариантов исполнил Н. М. Соколов» (СЦ. С. VI), т. е. близкий друг Коневского Николай Михайлович Соколов. «Увы! Под этою библиографическою заметкою будет стоять та же фамилия, с теми же инициалами... Не знаю, чем я провинился перед судьбой, но, должно быть, мой грех был велик, если она послала мне такую тяжелую кару в инициалах имени моего однофамильца», — писал рецензент (С. 742). Это невольное смешение друга Коневского с его ниспровергателем произошло в наши дни: во вступительной статье к публикации писем Коневского к Вл. Гишпиусу указано, что первым текстологом Коневского является поэт Николай Матвеевич Соколов (*Ежегодник 1977*. С. 86).

⁶⁷ РМ. 1904. № 6. Отд. III. С. 172.

⁶⁸ Перцов П. *Литературные воспоминания*. С. 243, 244.

⁶⁹ Перевод заглавия знаменитого письма Э. Золя «J'accuse» к президенту республики в связи с шумевшим тогда делом Дрейфуса.

⁷⁰ Березин А. *Одинокий труд*: Статья и стихи. М., 1899. С. 6.

⁷¹ Измайлов А. *Новый хмель на старых руинах*: (Новые веяния в русском стихотворстве) // *Иржевые ведомости*. Утр. выпуск. 1909. № 10926. 25 янв.

⁷² СЦ. С. 73.

⁷³ Там же. С. XIII.

⁷⁴ Горький М. Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова // *Нижегородский листок*. 1900. № 313. 14 нояб.; То же: *Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941.

⁷⁵ Ясинский И. И. «Северные цветы» // *ЕС*. 1901. № 6. С. 153.

⁷⁶ СЦ 1901. С. 181. В свою очередь, и З. Гишпиус была невосприимчива к творческим опытам Коневского, видя в них лишь безуспешные попытки самовыражения замкнутого «декадентского» сознания. В статье «Критика любви» (1901), касаясь предисловия Коневского к «Собранию стихов» А. Добролюбова — «мучительного, уродливого — но и детски жалкого, совершенно непонятного», — она характеризует Коневского как «духовного брата Добролюбова», такого же «бедного человека наших дней, который хочет и не может высказать себя, человека в отчаянии, погибающего, одного из тех, кого не слышат» (*Антон Крайний (Гишпиус З.)*. Литературный дневник (1899—1907). СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908. С. 55—56).

⁷⁷ Венгеров. *Рус. лит. XX в.* Т. III, кн. VIII. С. 151.

⁷⁸ ЛН. Т. 27—28. С. 272.

⁷⁹ *Вопр. языкознания*. 1970. № 2. С. 107.

⁸⁰ См. письмо Коневского к Вл. В. Гишпиусу от 12 апреля 1900 г. (*Ежегодник 1977*. С. 97).

⁸¹ Мир искусства. 1901. № 8—9. С. 136—137. Высокая оценка творчества Коневского сказала у Брюсова и в ходе редакторской правки статьи А. Л. Волинского «Современная русская поэзия», печатавшейся в «Северных цветах». Сообщая в письме к Волинскому (датированном «1902») о предполагаемых коррективах в тексте, Брюсов, в частности, указывает: «совершенно неверно, что у «Скорпиона» особым фавором пользуется Сологуб. Я предложил бы изменить это место так: «Бальмонт и Ив. Коневской»» (*ГЛМ*. Ф. 51. Оф. 1351). В опубликованном тексте статьи Волинского о пристрастиях «московских символистов» говорится: «Большим фавором у этих поэтов пользуются Бальмонт и Ив. Коневской» (СЦ 1902. С. 244).

⁸² *Дневники*. С. 121.

⁸³ Там же. С. 105.

⁸⁴ Письмо к Н. Л. Степанову от 8 декабря 1933 г. // Архив Н. Л. Степанова. Слова «нападал на Коневскую» восходят к цитате из письма Брюсова к Н. О. Лернеру (авг. 1901 г.): «(...) тот Ив. Коневской, на которого Вы так жестоко нападаете (...)» (ЦГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 90). В письме к Брюсову от 25 июля 1901 г. Лернер, характеризующее содержание «Северных цветов на 1901 год», замечал: «Воображаю, как Вы хохочете, когда какой-нибудь идиот не на шутку хвалит драму п-ше Гишпиус или стихи Коневского»; в сходном тоне Лернер отзывался о Коневском и в письме к Брюсову от 8 августа 1901 г.: «Надеюсь, что Вы, с Вашим умом и свойственной Вам терпимостью, не рассердились на мои замечания о «Сев(ерных) цветах». Стыдно автору таких стихотворений, как «Осенние цветы», быть в обществе Ивана Коневского и Анастасии Минович» (*ГВЛ*. Ф. 386, 92. 12.) Позднее Лернер изменил свое отношение к творчеству Коневского. 8 мая 1904 г., ознакомившись с посмертным изданием произведений Коневского, он признавался Брюсову: «Теперь я вынужден расписаться в своей прежней дерзости. Мне стыдно и больно за мои прежние (3 года назад) слова о Коневском. Я тогда еще не досор до него. А теперь — теперь я читаю его как близкое, родное» (*ГВЛ*. Ф. 386, 92.14). (См. также неопubl. ст. Лернера о Коневском. — *ИРЛИ*. Архив С. А. Венгерова (ф. 377. Картотека.)

⁸⁵ Это стихотворение было известно Брюсову по публикации при письме В. К. Кюхельбекера к Н. Г. Глинке в «Русском архиве» (1901. № 2. С. 239).

⁸⁶ Н. Мих. Соколов писал Брюсову в этой связи осенью 1901 г.: «Я виделся с двумя, которых очень любил наш милый Иван Иванович, передал им о Вашем прекрасном плане, и они откликнулись. Имя одного, кажется, Вам известно: Павел Павлович Копряди; другой — очень талантливый мыслитель — Сергей Петрович Семенов. С радостью принимаю и я Ваш вызов. Каждый из нас может дать описание или изображение светлой личности нашего Ореу-

са, и от Вас зависит определить приблизительно время, к которому следовало бы подготовить воспоминания, чтобы издание не затормозилось» (*ЦГАЛИ*. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 50). В ответном письме Брюсов предлагал: «(...) не начнете ли Вы уже теперь розыски писем Ив(ана) Ив(ановича), из которых многие непременно должны бы войти в сборник? (...) Далее, не пора ли уже составлять те «воспоминания» и «характеристики», которые мы приложим к изданию? Кто именно предлагает их? Вы, Семенов, Конради — трое? или еще кто? Вот что мне кажется самым первым делом. Во всяком случае раньше осени 1902 года нельзя надеяться напечатать книгу, значит время есть. Хорошо бы весь материал собрать (хоть неперепишанным) к середине декабря» (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 42). 27 декабря 1901 г. Соколов сообщал Брюсову о перспективах работы над задуманным циклом воспоминаний о Коневском: «(...) на Рождестве будут составлены воспоминания о нем его любимого наставника Ф. А. Лютера, друга его детства И. Я. Билибина и друга его молодости А. Я. Билибина (...) Старший Билибин (Иван) опишет гимназические и первые университетские годы Ореуса, второй — последние. Лютер познакомит с его нравственным обликом, как друга и ученика. Все философские фрагменты и очерки передаю мною на просмотр и оценку С. П. Семенову» (*ЦГАЛИ*. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 50).

⁸⁷ В сокращенной редакции эта статья была перепечатана в 1909 г. в антологии «Книга о русских поэтах последнего десятилетия»; в полном объеме и с присоединением «постскрипума» (1910) вошла в книгу Брюсова «Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней» (М.: Скорпион, 1912). Многие характеристики, содержащиеся в статье «Мудрое дитя», повторены в позднейшем биографическом очерке Брюсова «Иван Коневской», написанном для издания «Русская литература XX века» под редакцией С. А. Венгерова. Брюсов выслал его в издательство «Мир» 15 сентября 1917 г. (см.: *ЦГАЛИ*. Ф. 597. Оп. 1. Ед. хр. 80).

⁸⁸ *СП*. С. XIII.

⁸⁹ Там же. С. XIV.

⁹⁰ *ЛН*. Т. 85. С. 218.

⁹¹ *Смирнов А.* Указ соч. С. 83.

⁹² *ЛН*. Т. 85. С. 446. Аналогичную параллель проводит П. Н. Зайцев в статье «Жертва утренняя»: «(...) В. Иванов в некоторых отношениях близко соприкасается с Коневским, приводя к согласному ладу не успевшие найти форму образы последнего, и с величайшим правом оспаривая у других принадлежавшие Коневскому права и обязательства к Символизму, как вождя и учителя» (*ГБЛ*. Ф. 190, 71.27. Л. 3). С. Крымский [С. Г. Кара-Мурза], указывая, что Коневской в своих стихах «нередко употребляет архаические русские слова, из боязни банальным обиходным словом навлечь оттенок будничной пошлости на изображаемый предмет», также подмечает: «В этом отношении Коневской несколько напоминает другого, также мало известного, но весьма оригинального поэта Вячеслава Иванова» (Семья. 1904. № 6. 8 февр. С. 11).

⁹³ *ЗР*. 1908. № 7—9. С. 100.

⁹⁴ Письмо от 19 февр. / 3 марта 1904 г. // *ЛН*. Т. 85. С. 447. В статье «Символизм» («Symbolismo»), написанной в 1936 г. для Итальянской энциклопедии Треккани, Вяч. Иванов упоминает Коневского в числе крупнейших русских представителей этого направления, наряду с Блоком, Андреем Белым, Мережковским, Бальмонтом, Анненским, Сологубом, Брюсовым, З. Гиппиус, Волошиным и Балтрушайтисом (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 667). Имеются также сведения, что к творчеству Коневского проявлял интерес С. М. Городецкий. Вяч. Иванов сообщал Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в письме от 20 июля 1906 г., что Городецкий пишет о Коневском статью (*ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 248); этот замысел Городецкого, видимо, остался неосуществленным. В другом письме к Зиновьевой-Аннибал (от 8 июля 1906 г.) Иванов сообщал о своих беседах с Городецким, в ходе которых обсуждалась поэзия Коневского и прослеживалась линия преемственности по отношению к ней: «... мы пришли к соглашению, что нить действительно такова (Коневской, я, он)» (*Иванов Вяч.* Указ соч. Т. II. С. 757—758).

⁹⁵ См. письмо Блока к П. П. Перцову от 9 декабря 1903 г. (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 75). Ср. запись Блока, относящуюся к этому же времени: «Рецензии для «Нового пути» 1904 (...) Коневской?» (*Блок А.* Записные книжки, 1901—1920. М.; Л., 1965: С. 57).

⁹⁶ *Блок А.* Собр. соч. Т. 5. С. 598—599.

⁹⁷ Там же. Образ Петербурга — «города зыбкого, как мост на плотах», «с немymi, глухими домами», погруженного в «мир демонов, зловонных и холодных», — воссоздаваемый в стих. Коневского «Убийственный туман сгустился над столицей...» (1899), «Ведуны» (1900), «Среда» (1901) — *СП*. С. 98—99, 112—113, 119—121, — Блок воспринимает как цельное и верное поэтическое видение и развивает его в своей статье «Безвременье» (*Блок А.* Собр. соч. Т. 5. С. 78), в письме к Е. П. Иванову от 25 июня 1905 г. (Там же. Т. 8. С. 130) и в ряде стихотворений из урбанистических циклов. Влияние Коневского на творчество Блоком петербургской темы отмечал В. Н. Орлов (см.: *Орлов В.* Поэт и город: Александр Блок и Петербург. Л., 1980. С. 45—47). Подробный анализ воздействия Коневского на творчество Блока см. в статье: *Морберер В. Я.* Блок и Иван Коневской // *ЛН*. Т. 92, кн. 4. В своей бегло намеченной историко-софской концепции Петербурга и образно-символической трактовке русской столицы Коневской был также одним из предшественников Андрея Белого и его романа «Петербург».

⁸⁸ Бобров С. О лирической теме // Труды и дни на 1913 год. Тетр. 1 и 2. С. 135. Вспоминания о своих и Б. Л. Пастернака литературных пристрастиях в пору создания поэтической группы «Центрифуга», Бобров писал: «Ужасно любил Коневского, а за него и Брюсова (который уже от нас как-то отходил (...)). См.: Рашковская М. А. Поэт в мире, мир в поэте: (Письма Б. Л. Пастернака к С. П. Боброву) // Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4. С. 140. Ср. противопоставление Коневского Блоку в дневниковой записи Боброва от 7 января 1913 г. (ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 407). Б. Л. Пастернак дает своеобразную интерпретацию творческого метода Коневского в письме к К. Г. Локсу от 13 февраля 1917 г. (ВЛ. 1972. № 9. С. 157). В. Г. Шершеневич проводил параллель между опытами Коневского и принципами «научной поэзии», сформулированными Рене Гилем (Шершеневич В. Футуризм без маски: Компильтивная интродукция. М.: Искусство, 1913. С. 32). Н. Поярко видел черты сходства с поэзией Коневского в творчестве малоизвестного поэта-символиста А. Диеперова (см.: Поярко Н. Молодые искатели // Юность. 1907. № 1. С. 8). Следы влияния Коневского находили и в творчестве В. Хлебникова; ср.: «Хлебников шел во многом от таких символистов, как Коневский, Вяч. Иванов (...)» (Саянов В. Очерки по истории русской поэзии XX века. М., 1929. С. 96).

⁸⁹ Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 163. Отметим попутно, что еще более высокую оценку, чем Брюсов, дал творчеству Коневского П. Н. Зайцев в неопубликованной статье «Жертва утренняя» (1914). Отталкиваясь от брюсовской характеристики, Зайцев утверждал, что Коневской «не только «мудрое дитя», но и муж высоких деяний», проводил параллели между Коневским и поэтами-символистами 1900-х годов, надеялся на пробуждение широкого интереса к безвременно погибшему поэту в будущем: «В символической поэзии можно проследить влияние Коневского полосами, местами. Например, внутренняя преемственность от Коневского видна во многих произведениях «Нечаянной Радости» Блока, который соприкасается порой с Коневским (ближе?,) чем В. Иванов. Но у Блока нет крепости, мет и властного утверждения своей личности. В его поэзии в целом отсутствует фокус, которым так сильна поэзия Коневского. Его лады звучат и в других поэтах. Но вся сила его поэзии, ее влияние — в будущем. Как Тютчева — Коневского не хотят помнить теперь. И это почти хороший радующий признак: еще не пришло его время. Но с тем большей радостью, с тем большей любовью придут к нему...» (ГБЛ. Оп. 190, 71. 27. Л. 3—4). В 1913—1914 гг. Вл. Нарбут готовил к печати неизданные произведения Коневского и статью о нем (см.: Чертков Л. Судьба Владимира Нарбута // Нарбут В. Избранные стихи. Paris, 1983. С. 10—11). 8 ноября 1911 г. Нарбут писал Брюсову: «Не взяли бы Вы у меня статьи (больше биографической) «И. И. Коневской»? При составлении ее (она еще не совсем закончена) в мои руки случайно попали новые данные, относящиеся гл(авным) обр(азом) к характеристике этого юноши поэта. Упомяну, что в статью вошло и неск(олько) стихотворений) последнего периода жизни Ореуса. В сборнике изд. «Скорпион» их нет(...) Или, быть может, лучше издать отдельно, книжкой (2—3 листа) — «И. И. Коневской»? (ЛН. Т. 92, кн. 4. С. 173). Замышлявшееся Нарбутом издание в свет не вышло. Упомянутые им стихи остались неизвестными.

1. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 18 декабря 1898 г.)

Спешу известить Вас, многоуважаемый Валерий Яковлевич, что рукописи А. Добролюбова мне в тот же вечер были возвращены в исправности¹. Очень благодарен Вам за присылку двух сборников Ваших² и трех переписанных для меня новых стихотворений³. Самым удачным из всего написанного Вами я считаю покуда: «Со всеми мы братья...», «Мечтатели, сибиллы и пророки...» и в сборнике «Me eum esse» пьесу «Утро»⁴. «Сбор на колокол» мне нравится по прочтении не настолько, как названные стихи. Некоторые строфы мне внушают чувство в «Vestalis Virgo» («на холодном полу галереи, в полумраке больном...») — хотя эти два стиха действуют крайне болезненно⁵, в № 7 из «Раздумий» — качание ступеней над бездной и «голос спасенья откуда-то издали... свыше», и в особенности четверостишие:

Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге —
И нет ни стыда, ни тревоги,
И вечно, и вечно паденье⁶.

В этих стихах — есть головокружение волчка, вертящегося на свинцовой оси в зеленовато-черной мировой сфере.

В поэме «Дебри» я заполнил пробел — переход от второй к последней части⁷. В скором времени отдам всю эту поэму в переписку на печатной машине, и тогда отошлю Вам один экземпляр⁸.

Спешу известить Вас, милорда-
жества Валерии Гюблевиче, что ру-
копись А. Добролюбова мне в
том же вечеру была возвращена
в исправности. Очень благодарен
Вам за присылку двух сборников
Ваших и трех переписанных для
меня новых стихотворений. Самые
удачливые изъ всего написанное Ва-
ми я считая покуда. «Со всеми мы
братья...» «Мечтатели, сибиллы и
пророки...» и въ сборнике. «Месит
сезъ пьесу, Утро» «Аборигенов
мне нравится по прочтении не настолько,
как и названные стихи. Некоторые
строфы мне внушают чувство въ
«Vestalis Virgo» («не халандыч пошу же
через, въ полупраке болванов...» — хотя эти
два стиха действительно крайне хороши).

ПИСЬМО И. И. ОРЕУСА БРЮСОВУ

Автограф. Петербург, 18 декабря 1898 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

dinier", которая в свет уже появилась и выписана мною ¹⁵.

Вы бы очень одолжили меня, доставив мне список вашего перевода поэмы Вьелэ-Гриффина: "Ronde des Cloches du Nord" ¹⁶, а также произнесенный Вами передо мной перевод песни Мэтерлинка ¹⁷.

В ожидании поэмы «Дебри» примите список трех мелких стихотворений, кажется, заслуживших Ваше внимание ¹⁸.

Преданный Вам Иван О р е у с

98 18/XII

¹ Находясь в Петербурге, Брюсов записал 14 декабря: «Утром был у Ореуса. Болезненный юноша, с нервными подергиваниями; немного напоминает Добролюбова былых дней, но менее привлекателен. Весь занят новейшими французскими поэтами, Vielé-Griffin, Régnier, Verhaegen (...) Мы не очень-то сошлись с ним. Взял у него рукописи А. Добролюбова» (Дневники. С. 57—58). В тот же день Брюсов выехал из Петербурга в Москву, возвратив Коневскому перед отъездом автографы произведений Добролюбова.

² ChdO 2 и МЕЕ.

³ Брюсов выслал Коневскому автографы стихов: «Духи земли» («Со всеми мы братья...», 1898), «Числа» («Мечтатели, сибиллы и пророки...», 10—11 августа 1898 г.) и «Песня сборников» («Пожертуйте, благодетели...», 24 августа 1898 г.). Эти стихи, объединенные в одну подборку, сохранились среди писем Брюсова к Коневскому (ГБЛ. Ф. 386, 72.7. Л. 9—10об.). Все они впервые опублик. в КР: первое и второе без заглавия, третье под заглавием «На новый колокол»; см. также I, 232, 133 и 283.

⁴ Стих. «Не плачь и не думай...» (1896) под заглавием «Утро» опублик.: МЕЕ; см. также I, 129.

⁵ Стих. «Vestalis virgo»* («О весталка! фиалка морей!..» — ChdO 2) затем печаталось под заглавием «К монахине» (I, 72—73).

⁶ Цитируется стих. «Свиваются бледные тени...» — 7-е в цикле «Раздумья» (ChdO 2. С. 56—57; I, 88—89). Последние строки стихотворения Брюсов впоследствии переработал:

* Весталка (лат.).

Послышится ль голос спасенья:
Откуда — из бездны иль свыше?

(ПСС. I. С. 130)

⁷ По-видимому, на вечере у Сологуба 12 декабря Коневской читал поэму «Дебри», получившую высокую оценку Брюсова (см. вступ. ст. и прим. 9 к ней, а также черновик письма Брюсова к Добролюбову от декабря 1898 г.: «Его „Лес“ замечателен» — *Темрадн*, п. 98.) С посвящением Владимиру Гишпиусу поэма опубл. в *КР*; см. также: *МД*. С. 81—87 и *СП*. С. 30—35.

⁸ Этого намерения Коневской не осуществил (см. п. 3).

⁹ Имеются в виду поэтические образы из стихотворений, включенных в *ChdO 2*: «пурпурная ночь»; «у пурпурных небес» («С кометы»), «синий альков» («Ваувау»), «раскаленный сплин» («Скала к скале; безмолвие пустыни...»), «спящая принцесса» («Поцелуи»), «ажурный навес», «брызги каскада» («Идеал»), «голубой каскад» («Снега»). В стих. «По поводу Chefs d'oeuvre», включенном в *МЕЕ*, Брюсов сходным образом расценивает «экзотические и феерические» «картины» своей предыдущей книги:

Нет! не читай этих вымыслов диких,
Ярких и странных картин!

(I, 102)

¹⁰ Жюль Лафорг (1860—1887) — французский поэт-символист.

¹¹ Отдельные очерки и статьи 1896—1899 гг. о творчестве французских поэтов (Верлена, Лафорга, Верхарна, А. де Ренье, Вьеле-Гриффена) Коневской позже объединил в обширную работу «Стихотворная лирика в современной французской поэзии» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 6). Начальная глава этой работы — «Предвещающий протест новых поэтических движений. (Стихи Лафорга)» — была подготовлена к печати Брюсовым и вошла в посмертную книгу Коневского (*СП*. С. 170—189). Глава о Верхарне (1897) опубликована не была. Коневской писал: «Немного раньше Лафорга, но уже переживши тот возраст, до которого тот всего только и дожил, выступил во французской поэзии фламандец Эмиль Вергерен (Emile Verhaeren). Пятью годами старше Лафорга, он однако в гораздо большей мере, чем тот, знаменует поворот к мистикам нового типа, последовавшего за тем, во главе которого можно поставить не столько Верлена (ибо он витает над обоими), сколько классика сумбурности Малларме. Усугубляя ужас лафорговского восприятия жизни, чуждый его кислому юмору и ноющей жалостливости, он именно тем и отрывается от хилости, расхлябанности такого типа поэзии и выказывает себя натурой сочной и могучей, почти богатырской, несмотря на глубоко таящиеся в нем семена тлена. Его напевы мук жизни — это уже не нежные стоны сердобольного печальника, это — пророческий вещей вой, преисполненный широкого трагизма (...) Столь же, сколько Лафорг, этот поэт измучен мыслительной борьбой, но в еще большей мере — взрывами буйной воли» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 12об.). Об отношении к Верхарну Брюсова см. вступ. ст. и прим. 54 к ней.

¹² Стюарт Мерриль (1863—1915) — французский поэт (родом из США), примыкавший к символистам, последователь Ст. Малларме и П. Верлена. Брюсов интересовался его творчеством и предполагал охарактеризовать его в задуманной, но не осуществленной статье «О новейших французских поэтах» (наряду с Вьеле-Гриффеном, А. де Ренье, Э. Верхарном и А. Ретте). См. письмо Брюсова к И. А. Бунину от 11 августа 1899 г. (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 446). Перевод Брюсова из Мерриля («Первый снег», 1896) см.: *ПСС XXI*.

О Р. де Монтеסקье-Фезенаске см. наст. кн., Переписка с Куренинским, п. 28, прим. 9.

Жан Морэас (наст. имя Яннис Пападиамандопулос, 1856—1910) — французский поэт (родом из Греции), один из вождей символистского движения 1880-х годов и создатель самого термина «символизм».

Гюстав Кан (1859—1936) — французский поэт-символист, прозаик, критик.

¹³ Сборник стихов «Сияние жизни» («La clarté de vie», 1897) одного из ведущих представителей французского символизма Франсиса Вьеле-Гриффена (1864—1937).

¹⁴ Сборник стихов «Игры поселян и богов» («Le jeux rustiques et divins», 1897) видного французского поэта символистской школы Анри де Ренье (1864—1936), впоследствии — известного прозаика.

¹⁵ Книга Ф. Вьеле-Гриффена «Садовник Фока» (1898). Ср. сопоставительную характеристику Вьеле-Гриффена и де Ренье в «Записной книжке № 11» Коневского (1900): «Вьеле-Гриффен и де Ренье — полные изощрения, таинственности и отчетливости, истинно проникновенные и многообъемлющие гении. Из них второй — гораздо более внешний, но мастер, несравненный в изображении всей пластики и убрания жизни сельской, дворцовой и воинской; он, видя во всей полноте принадлежности всех явственных образов и обликов мира, видит их всегда в войне, видит сверху светлой поверхности и красок все тени, призраки и все невидимые лица, неслышимые отголоски, которые за ними. Первый — до тонкости самоуглубленный, и весь обвеванный крепким и нежным дыханием» (*ЦГАЛИ*. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 2об. — 3).

¹⁶ «Хороводная песня колоколов севера». См. п. 2, прим. 10.

¹⁷ Перевод песни М. Метерлинка «Et s'il revenait un jour?..» («А если он возвратится...»). Опубл. в *КР*. См. также: *Стихотворения и поэмы*; перевод помещен здесь с редакторской датировкой: «(1899)» — год издания *КР*; однако рукопись перевода, высланного Коневскому (*ГБЛ*. Ф. 386, 72.7), датирована Брюсовым: 1895. Текст перевода был послан Брюсовым

Перцову в письме от 19 декабря 1895 г. (*Письма к Перцову*. С. 57). Автограф перевода см. также: *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/8. Л. 2об.— 3).

¹⁸ Приложены стихи от июня 1897 г.: «Под звук ущелья», «В листве», «Силы» (*МД*, 45—47; *СП*, 21—23; *ГБЛ*. Ф. 386, 97.8. Л. 16—16об.).

2. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 4 янв(аря) 1899.

Простите, друг мой, что так долго не отвечал. Были праздники, и я блуждал в толпе, которую очень люблю, настоящую смешанную толпу, где и пьяные, и нищие, и изящные дамы. Теперь возвращение к книгам и раздумиям. Полуосенний дождь. Вечер. Вы не любите резкого, яркого, — вот почему Вам облик Verhaeren для меня слишком бледный, слишком длинный, слишком облуманный... Даже и Vielé-Griffin. Живее чувствую Верлена¹. Как можете Вы осуждать Mallarmé². Говорят о непонятности, — но предубеждение! Он прав. Читать его — создать то же, что он, и понять, что иного слова, иного звука не могло быть.

Quelle soie...

Vaut la torse et native nue

Que, hors de ton miroir, tu tends!³

Разве это не для вечности! А еще: “Une dentelle s’abolit Dans le doute du Jeu suprême”⁴ — или “Le transparent glacier des vols qui n’ont pas fui!”⁵ — Здесь я читал многим Ваши стихи, живее других их приветствовал Георг Бахман (немецкий поэт, его книга стихов Berlin, 1897)⁶. Почему Вы пишете правильным размером? Мы, помнится, говорили об этом. Неужели красиво это позорное и утомительное чередование ударений и quasi-ударений? Впрочем, у Вас есть почти — свобода (Листва ты явленная)⁷. Я призываю Вас и всех, с кем говорю, бороться против этих ненужных стеснений⁸. Le vers est libre et nulle forme fixe n’est plus considérée comme le moule nécessaire à l’expression de toute pensée poétique (Vielé-Griffin)⁹. Из моего перевода Avril est mort посылаю начало: переписывать скучно, да и любопытно лишь как попытка¹⁰. Затем Maeterlinck¹¹ и два совсем недавно написанных¹². Очень буду рад получить «Лес»¹³ и прочесть о Laforgue и Verhaeren¹⁴.

Душою Ваш Валерий Брюсов.

P. S. Умер Rodenbach¹⁵. Знали ли Вы его? Есть вещи милые и ласкательные.

Ответ на п. 1.

¹ Об отношении Брюсова в 1890-е годы к поэзии Верлена см.: *Мирза-Авакян М. Л.* Работа Брюсова над переводами «Romances sans paroles» Верлена // *Тения 1966* (приведены заметки о Верлене из записных тетрадей Брюсова). В статье «К истории символизма» (1897) Брюсов характеризует поэзию Верлена, Рембо и Малларме — трех поэтов, которые «создали славу символизму» и внесли «свое в реформу поэтического языка» (*ЛН*. Т. 27—28. С. 272).

² Брюсов и Коневской, видимо, беседовали о поэзии Малларме в декабре 1898 г. в Петербурге. Суждение о Малларме см., например, в статье Коневского «Предводящий протест...»: «...бегство в мир восторгов и иступлений выражалось в уродливых или бессильно-выкрутасных формах, как (...) намеренно искорченный, не то иероглифический, не то контрапунктический язык Малларме» (*СП*. С. 175). См. также п. 1, прим. 11.

³ Цитируется первый катрен сонета Малларме «Каким шелкам...» (1885):

Каким шелкам в провалах лет,
Где множество химер истлело,
Сравниться с наготою тела
В глубинах зеркала? О нет!

(Перевод А. Ревича)

Брюсовым опущены первые две строки:

Quelle soie aux baumes de temps
Où la Chimère s’exténue...

⁴ Первые две строки сонета Малларме «Кружево» (1887): «Кружево уничтожается // В сомнении высшей игры». В *РС I* эти строки взяты эпиграфом к стих. «Осеннее чувство». Брюсовский перевод эпиграфа см.: *ГБЛ. Ф. 386, 2.15. Л. 89об.*

⁵ Четвертая строка из сонета Малларме «Лебедь» («Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...», 1885). Подстрочный прозаический перевод Брюсова (1895): «прозрачный ледник полетов, которые не бежали»; стихотворный перевод 1895 г.: «На ясном леднике полеты без следа»; стихотворный перевод 1906 г.: «Полетов ясный лед, не знавших высоты!». Варианты 1895 г. см.: *Гаспаров М. «Постскриптум»* в разделе «Мастерская художественного перевода» // *Лит. учебн.* 1981. № 5. С. 227; вариант 1906 г. — *ПСС ХХI. С. 86.*

⁶ Сборник стихотворений Г. Бахмана «Образы и звуки» («Gestalten und Töne». Berlin, 1897). Сохранился в библиотеке Брюсова с дарственной надписью: «Валерию Брюсову на память о беседе о Верлене и Тютчеве. G. Vachmann 28.X». На «субботах» Бахмана собирались литераторы из окрестности Брюсова: «все присутствующие знали, что *здесь* каждый стих будет оценен по достоинству, что *здесь* не пройдет незамеченным удачное выражение, меткий эпитет, новая рифма» (*Брюсов В. Мои воспоминания о Викторе Гофмане // Гофман В. Собр. соч. М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1917. Т. 1. С. XXXVII*). Ср. также некрологическую статью Брюсова «Памяти Георга Бахмана» (Весы. 1907. № 7; подпись: Аврелий): «Поражая своим знанием литературы, всех народов, всех стран, всех эпох, Бахман поражал еще более своей способностью видеть красоту во всех ее проявлениях, и не только видеть, но и открывать ее другим» (с. 55). Сохранилось письмо И. М. Брюсовой к Н. Л. Степанову от 26 января 1934 г., где она сообщает о своем, так и не осуществленном намерении записать воспоминания вдовы Бахмана: «7 января, то есть накануне смерти Белого, умерла Ольга Михайловна Бахман, та самая вдова Г. Г. Бахмана, которую Вы у меня видели в здравом уме и полной памяти, которую видела и слышала в свое время Ореуса и других поэтов. Умерла она внезапно у себя ночью. Все ее имущество, вместе с рукописями и разными реликвиями, перешло в чуждые литературе руки нотариальной конторы, как «вымороченное» (?)*. Я что-то только приблизительно знаю это слово. Все собиралась я записать за Ольгой Михайловной ее литературные воспоминания, откинув из них все бытовые и кулинарные примеси...» (архив Н. Л. Степанова).

⁷ Имеются в виду заключительные строки стих. Коневского «Силы» (см. п. 1, прим. 18): «Листва, ты — явленная // Невеста нетленная!».

⁸ Ср. более подробное изложение сходных мыслей в письме Брюсова к Случевскому от 27 марта 1899 г.: «Мне всегда казалось невозможным никакое принуждение извне к той или иной форме в поэзии. Мне было безусловно ясным, что размерам нельзя учиться из учебника теории словесности, но что их надо постигнуть душой. Поэтому я мало обращаю внимания, можно ли мои стихи размерить ямбами или дактилями, мне довольно, если они хорошо звучат» (*Лит. критик. 1939. № 9—10; День поэзии. 1963. М., 1963. С. 251*). Анализ стиховедческих взглядов Брюсова второй половины 1890-х годов см. в работе: *Взгляды Брюсова на языковую приемлемость*.

⁹ «Стих свободен, и нет такой твердой поэтической формы, которая служила бы образцом для выражения любой поэтической мысли (Вьеле-Гриффен)». Источник цитаты установить не удалось.

¹⁰ См. п. 1, прим. 16. Перевод «Хороводной песни колоколов Севера» Вьеле-Гриффена, приложенный к письму (*ГБЛ. Ф. 386, 72.7. Л. 7—8об.*), опубликован не был; приводим его текст:

Умер апрель от любви, и души наши устали...

— Мертвые, бледные розы —

Словно полной реки берега

Развиваются прошлого грезы,

Желанья, восторги, печали.

Словно полной реки берега:

Спящие деревни,

Города, соборы,

Замок гордый, древний,

Лес, равнина, горы...

В бездне беззвездной, куда упали

Камень за камнем недавние годы

— Желанья, восторги, печали, --

Кто различит прихотливые своды,

Колонны, сверкавшие в зале?

Вот они — мертвые, бледные розы,

— Лепестки в пыли на дороге —

Они вызывали столь нежные грезы,

Они создавали восторг бытия!

Теперь же их топчут тяжелые ноги,

Никто их не вспомнит, не вспомню и я...

— Мертвые, бледные розы! —

* Знак вопроса поставлен И. М. Брюсовой.

Сегодня бал на Северном Мосту,
Сегодня бал на Северном Мосту.

Музыка шопота, шороха, смеха,
— Звук и отзвучное эхо.—

Голос твой слышу в чужих разговорах,
Веер твой слышу — застенчивый шорох,
Вижу — твоя промелькнула улыбка...
И плачет, и плачет задумчиво скрипка.

См. также автограф стихотворного перевода Брюсова в записной тетради № 21 («Лето 1895 г.») — *ГБЛ*. Ф. 386, 2.22. Л. 44—46 об.; перевод в прозе — Там же. Л. 47 — 50 об. См. также блокнот «Моя стихи» (Там же. 14. 5/4. Л. 21).

Задумав издавать в конце 1895 г. журнал «Горные вершины» (см.: *Тетради*, п. 39, прим. 18), А. М. Добролюбов писал Брюсову: «Присылайте “Avril est mort...”, переводы из Мерриля и других французских символистов, Ваши оригинальные произведения и т. п.» (*ГБЛ*. Ф. 386, 85.16).

¹¹ См. п. 1, прим. 17.

¹² Судя по характеристике в ответном письме Коневского («стихотворения о праздниках»), Брюсов выслал автографы стих. «Рождество Христово» («Он вопел к ней с пальмовой ветвью...», 23 декабря 1896 г.) и «Пасха, праздникам праздник» («Проклинайте молодость...», 25 декабря 1898 г.). Эти автографы сохранились среди писем Брюсова к Коневскому (*ГБЛ*. Ф. 386, 72.7. Л. 44—45об.). Второе стихотворение в автографе имеет посвящение: «(Посв-ящается), как подражание, Вл. Гишпиусу); имеется в виду, видимо, стих. Вл. В. Гишпиуса «Лёля» («Лёля, праздник! Надень свое белое платье!..» — *Гишпиус Вл. Песни*. СПб., 1897). В неотправленном письме к Сологубу («1898. Рождество») Брюсов сообщал: «"Праздникам праздник" написано к девочке, лет четырнадцати («Едва ли ей было четырнадцать лет, Так задумчиво» etc. И «Умри, умри, триолет, Ей только четырнадцать лет...»), но чтобы Вл. Гишпиус не сказал, что я их взял у него, посвящая ему» (*ГБЛ*. Ф. 386, 72.37); стих. «Едва ли ей было четырнадцать лет...» опубл.: *МЕЕ*; I, 108; оба стихотворения о праздниках — *ТВ*; I, 205, 206; «Умри, умри, триолет...» — не опубликовано.

¹³ Т. е. рукопись поэмы «Дебри».

¹⁴ См. п. 1, прим. 10, 11.

¹⁵ Крупнейший бельгийский поэт и прозаик-символист Жорж Роденбах (1855—1898) умер в Париже 25 декабря.

3. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 1899 г. 6 января.

Благодарю Вас, милый Валерий Яковлевич, за письмо и списки Ваших стихов. Очерки о Laforgue и Verhaeren в скором времени получите, а поэму «Дебри» найдете в сборнике, который будет выпущен в конце этого месяца Бальмонтом и в который включены будут избранные стихотворения его, Ваши, Ф. К. Сологуба и мои ¹. К великому прискорбию всех участников в сборнике, Вл. В. Гишпиус отказывается от участия ². Очень жаль, что вы не переписали до конца перевода из Vielé-Griffin: начало кажется мне очень удачным, не менее перевода «песни» Maeterlinck. Ваши стихотворения о праздниках меня совсем не удовлетворяют ³.

Вьелэ-Гриффин обаевает меня сочетанием тонкой сложности и углубленности мысленных мотивов с изобилием образов, подчас — душевных, нежных, подчас — державно-великолепных. Сопоставьте его победоносный эпилог к «Cueille d'Avril» с тихо и ясно таинственными думами из «Clarté de Vie», вроде «Sieste» или «La Coupe» ⁴.

Далее замечу, что Вергэрена люблю именно за яркость и сочность его красок, ваятельность рисунка, и вообще — богатырскую крупность внутреннего строя его творчества ⁵. Верлэн часто слишком для меня жидок и дымчат.

В сборник, издаваемый Бальмонтом, включены будут также, по моей мысли, те величавые ясновидящие стихотворения Фофанова, которые затеряны среди груд хлама, загромаждающих творчество этого поэта, и должны явить читателю мало заметный истинный образ его ⁶.

Преданный Вам И. О р е у с.

Ответ на п. 2.

¹ Имеется в виду «Книга раздумий» (цензурное разрешение 26 марта 1899 г.), печатание которой, однако, задержалось до ноября (см. п. 18, прим. 5). Издана она в измененном составе относительно сообщаемого плана — без стихов Сологуба и с дополнением цикла стихотворений Модеста Дурнова «Красочные сны».

² Этот поступок Вл. В. Гиппиуса был, видимо, одним из демонстративных проявлений его «отречения» от «декадентства» в конце 1890-х годов, о котором он сообщает в автобиографии «О самом себе» (*ИРЛИ*. Ф. 377. 2-е собрание автобиографий С. А. Венгерова. № 184. Л. 4). Подробнее см. в предисловии И. Г. Ямпольского к публикации писем Коневского к Вл. В. Гиппиусу (*Ежегодник 1977*. С. 84—86). Отход Гиппиуса от крайностей декадентства заметился еще в 1897 г.; ср. письмо З. Н. Гиппиус к Сологубу от 7 июня 1897 г.: «У нас был Гиппиус. Он читал мне свои стихи, и многие, действительно, очень недурны. Я рада за него, декадентничанье его, Добролюбова и Квашнина было жалко и стыдно, хорошо, что он один сумел это победить» (*ЦГАЛИ*. Ф. 482. Оп. 2. Ед. хр. 21; упоминается Евдоким Николаевич *Квашнин-Самарин* — 1879—1921 — поэт, близкий к А. Добролюбову и Вл. Гиппиусу, впоследствии — морской офицер).

³ См. п. 2, прим. 12.

⁴ Сборники стихотворений Вьеле-Гриффена «Апрельский сбор» (1895) и «Сияние жизни» (см. п. 1, прим. 13); стихи из второго сборника — «Сiesta» и «Чаша».

⁵ Ср. характеристику Верхарна в работе «Стихотворная лирика в современной французской поэзии»: «Поэт, обуреваемый накипью густой фламандской крови, до основ потрясаемый, как художник, волнующейся вокруг него картиной, уложил, не долго думая, в эту претившую ему, но слишком обаятельную валку богатый запас своей неудержимой жизненной энергии. Здесь-то сообщился ему закал, дух упорства и настойчивости в ковке мироизображения, гордыня отчетливой мысли, гордыня созидательной воли. Этой атмосферой порожден был один из стилей его поэзии — тяжелыми валами катящийся, полновесный, литой стих, и отчетливая чеканка каждого образа» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 16—16 об.).

⁶ Стихотворения Фофанова в «Книгу раздумий» не вошли. Среди черновых набросков статьи Коневского о Фофанове сохранилась такая запись: «Самые торжественные и величавые звуки Фофанова: «Утешитель», «Милосердие», «В тихом храме», «Отче наш», «На Неве», «Шествие ночи» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 5об.). Возможно, что именно эти стихи он предлагал включить в готовящийся сборник.

4. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 26 янв(аря) 1899.

Ваши тетради прочел, и уже давно¹, и Вас приветствую. Да, это торжество, и тоже «дух на своих независимых путях подходящий к таинственному»². Что говорим мы о наслаждениях искусством, все было мне в Ваших стихах. Теперь неизменно повторяю отрывочные стихи, слова, созвучия. Вышим, самым желанным считаю я сонеты, и среди них «Сын Солнца», круг всем блистающий, где заключительная речь — изумительная, потрясающая... «Пребудешь ты ожесточенно жив»³ — этого стиха мне довольно, чтобы любить Вас отныне вечно.

Валерий Брюсов.

¹ Творческие тетради Коневского не сохранились. Стихи из них были скопированы И. М. Брюсовой (*ГБЛ*. Ф. 386, 4.5, а также 129.41). В январе 1899 г. Брюсов записал: «Любопытнее всего были три тетради Коневского, которые привез с собой Бальмонт. Мы все были увлечены, читали, переписывали, выучили наизусть. Я написал ему восторженное письмо, хотя и знал заранее, что получу сдержанный отзыв» (*Дневники*. С. 60).

² Неточная цитата из статьи Коневского «Перед живописью Швинда» (1897 — *МД*. С. 97; *СП*. С. 140).

³ Цитата из пятого, заключительного сонета цикла Коневского «Сын Солнца» — «От солнца к солнцу» (1896 — *МД*. С. 40; *СП*. С. 18). Цикл посвящен «другу моему Асканию» — Александру Яковлевичу Билибину (1879—1936) — впоследствии профессору математики, брату художника Ивана Яковлевича Билибина (1876—1942). Асканий — гимназическое прозвище А. Я. Билибина. Дружба Коневского с А. Я. и И. Я. Билибинами, начавшаяся еще в гимназические годы, особенно тесной стала в университетский период. Подробнее о создании цикла см. в статье Коневского «Стихотворная лирика в современной России» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 55—56).

А. Я. БИЛИБИН

Фотография А. Семеново. С. Петербург, середина
1890-х годов

Ленинградский исторический архив

5. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 27 января 1899 г.)

Милый Валерий Яковлевич, полный признательности к Вам за истинные и пламенные чувства, Вас одушевляющие, спешаю доставить Вам некоторые новые стихотворения¹. Многократно извиняясь за продолжающееся замедление в доставке очерков о Laforgue и Verhaegen², решаюсь обещать их Вам наверное, на срок, не более поздний, чем 10-е февраля. В настоящее время пишу характеристику поэзии de Rénier³. Задержана же была и есть посылка двух других очерков тем, что они находились до сих пор в чтении у Гиппиуса, а в самом близком будущем мне надо будет их прочитать вслух в обществе, собирающемся у автора нескольких отличных тонкими суждениями статей по критике живописи (о Владимирском соборе: «Мир Божий» 1898 г., № 3, и о Бёклине), вообще — любителя современных форм искусства, С. К. Маковского⁴. Теперь, вместе с этим письмом, охотно могу доставить Вам мою лирическую характеристику Бёклина⁵. Она сблизила меня с названным Маковским и не открыла доступа в журнал

«Мир искусства», редактор которого Дягилев мне объяснял свое несогласие напечатать ее весьма уклончиво, а Маковскому прямо заявлял, что ни слова в ней не понял⁶. Последний же, тщательно изучивший и облюбовавший живопись великого швейцарца, высказывал мне, что рад был бы познакомиться из этого очерка мыслями для своей характеристики.

Только что ознакомился через Бальмонта с книжкой стихов: «Gestalten und Töne» Бахманна⁷. Главное достоинство этого поэта — музыка стиха, его размер и напев. Образы по большей части не отвечают этим звуковым формам. Но внезапно, особняком выделяется из общего, часто водянистого тона этой поэзии прямо могучее стихотворение «Das Erdthier», в котором гибкость и трепетность стиха — в кровном союзе с дерзновенной силой, величием и ширью образов. Несколько даже возбуждает недоумение строгая страстность этого стихотворения среди расплывчато-мягких, сказочных мотивов, руководящих всем остальным, что есть неподдельного в творчестве автора (таковы баллады «vom Alpensee», «von der Blume des Meeres» — вещи истинно поэтические). Точно так же особняком выдается, хотя и ближе к тем нежным мотивам, но все же отмечена совсем особенным, очень живым и светлым чувством или только — предчувствием радости, песня «Vom toten Sänger»⁸. Таким образом выносятся впечатление, что личность автора — в значительной мере вялая, но одаренная многообразными силами и способная шире развернуться.

Кстати, об одной большой литературной симпатии Вашей, Franz Evers, которого я знаю по трем сборникам: «Königslieder», «Eva», «Paradiese»⁹. Если

знать только "Königslieder", так можно было бы не обинуясь решить, что это — неискusstный фигляр, наглотаившийся современных слов. Изменяют это решение некоторые, немногие пьесы из "Eva", совсем притом не характерные для построения, на которое претендует первый сборник (напр. *имер*), "Schwüle" — лучшее в книге "Eva"); наконец, внушают даже доверие к некоторым «сверхчеловеческим» порывам поэта некоторые стихотворения из "Paradiese", отмеченные глубокой проникновенностью ("Der Greis spricht") или дерзостью страсти ("Frühling", "Natur") или даже — одно — истинным мировым прозрением ("Feierstunde")¹⁰. Все же эти чистые струи в творчестве Эверса не искупают того непомерного самодовольства, побуждающего его в фальшивых, недозрелых словах трубить о своих несовершенных победах, которое бьет в нос, когда читаешь "Königslieder".

Посылаю Вам сердечный привет.

Иван Ореус.

27 января 1899 г. Пб.

Ответ на п. 4.

¹ Письмо начиналось стихотворениями: «Единственный плач» (1898, при публикации: «Элегия» — *МД*. С. 188; *СП*. С. 54); «По праву рождения» (1898 — *МД*. С. 164; *СП*. С. 49); «На другое утро» (1899 — *МД*. С. 183; *СП*. С. 58); «Зимняя ночь» (1899 — *МД*. С. 169; *СП*. С. 58); «В роды и роды. II» («Много на свете сокровищ несметных...», 1899 — *МД*. С. 166; *СП*. С. 57). Автографы см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 97.8. Л. 12—15 об.

² См. п. 1, прим. 10, 11.

³ Статья «К характеристике Henri de Régnier» вошла в состав работы «Стихотворная лирика современной французской поэзии» (см. п. 1, прим. 11), л. 26—32, 34—37 об.

⁴ Сергей Константинович *Маковский* (1877—1962) — сын художника К. Е. Маковского, художественный критик, поэт, впоследствии — редактор журнала «Аполлон» (1909—1917). Упоминаются его статьи «В. М. Васнецов и Владимирский собор» (*Мир Божий*. 1898. № 3) и — тогда еще не напечатанная — «Арнольд Бёклин. Критический очерк» (Там же. 1899. № 4). В 1897—1900 гг. Маковский был студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. О знакомстве с Коневским Маковский вспоминал: «Летом 1898 года одновременно (...) путешествовали мы — по южной Германии, еще не зная друг друга, и оба увлеклись живописью Бёклина. Познакомился я с ним, уже перейдя на третий курс, и тотчас сошелся. Разговорились как-то в университетской шинельной, после лекции Введенского (...) Провожая меня через Неву, он говорил без умолку о поэзии, о литературе, с цитатами на нескольких языках, и тут же пригласил к себе "во вторник вечером", когда приходили к нему поэты. С этого дня мы встречались часто, и разговор немедленно возобновлялся на те же волнующие его темы» (*Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 179).

⁵ Статья «Живопись Бёклина. Лирическая характеристика», датируемая автором «Август 1897. Июнь 1898» (*МД*. С. 149—158; *СП*. С. 160—169).

⁶ Маковский, рассказывая о попытке Коневского вступить в контакт с редакцией «Мира искусства» (С. П. Дягилевым и Д. В. Filosoфoвым), объясняет неудачу этого предприятия исключительно крайней застенчивостью и «конфузливостью» поэта: «Как-то с увлечением рассказывал я о нем в редакции "Мира искусства", после чего посоветовал ему заглянуть со своими стихами и статьями к Дягилеву и Filosoфoву... Неделий позже встречаю Дягилева: идет нарядный, сияющий по Невскому. Весело поздоровался и сразу залился смехом:

— Ну, нечего сказать, какое чудило — ваш протеже Коневской. Представьте: явился в редакцию, едва стоит на ногах от конфуза, зуб на зуб не попадает. В руках — увесистый сверток... Я протянул ему руку, предложил сесть... Батюшки мои! Заторопился, задергался, и — бац, шлепнулся мимо стула на пол! Мы с Димой бросились поднимать!.. Да он вскочил и вольком выкатился вон со своим свертком, так и не сказав ни слова!

Кажется, этим инцидентом сотрудничество Коневского в "Мире искусства" и кончилось» (*Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». С. 182). Публикуемое письмо корректирует эту версию, указывая, вероятно, более точно причину, по которой сотрудничество Коневского в журнале не состоялось.

⁷ См. п. 2, прим. 6.

⁸ Упоминаются стихотворения Бахмана из сб. «Gestalten und Töne»: «Das Erdtier», «Sage vom Alpensee», «Das Lied von der Blume des Meeres. I—III», «Vom toten Sänger» («Земной зверь», «Сага об альпийском озере», «Песнь о морском цветке», «О мертвом певце»).

⁹ О Ф. Эверсе см.: наст. кн., Письма Ноздрина, ветуп. ст., прим. 9. Упоминаются сборники его стихотворений «Королевские песни» (1894), «Eva» (1894) и «Рай» (1897). В 1890-е годы Брюсов чрезвычайно высоко ценит его творчество. Восторженная характеристика Эверса дана в письме Брюсова к В. К. Станюковичу от 30 ноября 1894 г.: «В Германии появился удивительный поэт Франц Эверс. Человек еще очень молодой — 23 лет, — появившись в печати впервые в 91 году, он уже написал книг 10! Все эти книги полны шедеврами. Это гений, которого уже давно не видал мир! Его лирика выше, лучше, и Шиллера, и Гете,

15-го марта 99.

Привет!

Стихи, что Вы мне прислали, читал и читаю, и люблю; дороже других мне последнее — Дымы, дымы! — Ваш отзыв о Бахмане совсем верен, ибо начертили Вы именно его характер. О Эверсе, думаю, Вы не правы.

Вы любите осуждать, а я прежде всего ищу желанного. Во всем и в каждом миге есть, перед чем должно преклониться. Единственный храм, достойный молитвы, — пантеон, храм всем богам, дню и ночи, и Христу, и Адонису, и демонам. Я люблю и старика Гомера, и утонченного Вергилия, реторику Виктора Гюго и намеренные намеки Маллармэ. Есть высшее, где все различия меркнут, все пределы примиряются². Разве осуждать не страшно, зная, что отвергнутое уже вне нас. Ведь любил же он, создавший, почему же не могу любить я. Хочу, чтобы мне не было чуждым — ничего. Всё, всё — до детской игры, до мечтаний о «мертвых бригах»³, до мелодрамы с убийствами. Верю, что только такое «я» — достойно своего поклонения. И еще верую, что к нему придут все.

ПИСЬМО БРЮСОВА И. И. ОРЕУСУ

Автограф. Москва, 15 марта 1899 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

и Гейне, и Ленау, его драма — если и ниже Шекспира, (то) выше Альфиери и Шиллера (...). особенно восхищен я его любовной лирикой (книга «Ева»). (ЛН. Т. 85. С. 732—733). Ср. скептический отзыв П. П. Перцова об отношении Брюсова к Эверсу как характерном примере его юношеской страсти «открывать необыкновенных литературных гениев, которые уже в ранней юности затмевали Шекспира и Гете» (Перцов П. П. Литературные воспоминания. С. 252). См. также: Тетради, п. 16, прим. 6.

¹⁰ Называются стих.: «Марево», «Старец говорит», «Весна», «Природа», «Праздничный час».

6. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 15-го марта (18)99

Привет!

Стихи, что Вы мне прислали, читал и читаю, и люблю; дороже других мне последнее — Дымы, дымы!¹ — Ваш отзыв о Бахмане совсем верен, ибо начертили Вы именно его характер. О Эверсе, думаю, Вы не правы.

Вы любите осуждать, а я прежде всего ищу желанного. Во всем и в каждом миге есть, перед чем должно преклониться. Единственный храм, достойный молитвы, — пантеон, храм всем богам, дню и ночи, и Христу, и Адонису, и демонам. Я люблю и старика Гомера, и утонченного Вергилия, реторику Виктора Гюго и намеренные намеки Маллармэ. Есть высшее, где все различия меркнут, все пределы примиряются². Разве осуждать не страшно, зная, что отвергнутое уже вне нас. Ведь любил же он, создавший, почему же не могу любить я. Хочу, чтобы мне не было чуждым — ничего. Всё, всё — до детской игры, до мечтаний о «мертвых бригах»³, до мелодрамы с убийствами. Верю, что только такое «я» — достойно своего поклонения. И еще верую, что к нему придут все.

Ваш Валерий Брюсов.

пронес. Разве осуждать не страшно, как это отвергнутое уже вне нас. Ведь любил же он, создавший, почему же не могу любить я. Хочу, чтобы мне не было чуждым — ничего. Всё, всё — до детской игры, до мечтаний о «мертвых бригах», до мелодрамы с убийствами. Верю, что только такое «я» — достойно своего поклонения. И еще верую, что к нему придут все.

Ваш

Валерий Брюсов

Р.И. Станбю о Перцове видно мне не догадывался. Надеюсь, скоро будет в Петербурге, ради чего бы, если бы приехал свидаться. Вот попытка переключить стихи Бахмана, которые нравятся Лене.

Р. С. Статью о Верхарне, видно, мне не дожидаться. Надеюсь скоро быть в Петербурге; рад был бы, если б пришлось свидеться⁴. Вот попытка пересказать стихи Бахмана, которые нравились Вам⁵.

ЗЕМЛЯ

Я не мертва!
 Ты разве не слышишь мой жизненный трепет,
 Тихую дрожь!
 Смертный, когда ты умрешь,
 В моих объятиях ты сладко уснешь,
 Но я жива!
 Слушай, о слушай мой вдумчивый лепет,
 Мои слова.
 Весной я мечтаю: ручьи и трава
 Это грезы мои наяву;
 Зимой я дремлю и дышу я едва,
 Но готовлюсь сквозь сон опять к торжеству.
 Я с морем покою, я в ветре зову,
 Я в вечном стремлении к солнцу лпыву,
 Я жива! Я жива!
 1898.

Ответ на п. 5.

¹ Стих. Коневского «На другое утро» (см. п. 5, прим. 1); его третья и четвертая строки: «И все утро плывут они, мне только слышимы, — // Дымы, дымы!».

Подробнее о впечатлении Брюсова от присланных ему стихов Коневского см. в его письме к Бальмонту от 11 февраля 1899 г. (*Тетради*, п. 102).

² Одно из заветных убеждений «плюралистического» миросозерцания Брюсова конца 1890-х годов, отчетливо сформулированное им в программном стихотворении «Я» («Мой дух не изнемог во мгле противоречий...», 24 декабря 1899 г. — *TV*; I, 142) и в теоретической статье «Истины. Начала и намеки» (*СЦ* 1901; VI, 55—61). Почти в тех же выражениях, что и в письме к Коневскому, Брюсов высказывает свои мысли в письме к Самыгину, переписанном в феврале 1899 г. в дневник (наст. кн., Письма к Самыгину, п. 24). Ср. также письмо Брюсова к И. А. Бунину от 28 марта 1899 г. (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 442); письмо к В. К. Станюковичу (весна 1899 г. — *ЛН*. Т. 85. С. 747). О плюрализме Брюсова см. также: *Максимов Д.* Брюсов. Поэзия и позиция. Л., 1969. С. 49—50; *Помирный Р. Е.* Из идейных исканий В. Я. Брюсова (Брюсов и Лейбниц) // *Чтения* 1971. С. 167—168; *Кульяс С.* Формирование эстетических взглядов В. Брюсова и философия Лейбница // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 620. Тарту, 1983.

³ Слова из стих. Коневского «Море житейское» (1898): «И вот мне припомнились мертвые брига // Глубоко, под пологом вод» (*МД*. С. 161; *СП*. С. 47—48).

⁴ Брюсов был в Петербурге с 18 по 21 марта 1899 г. См. п. 7, прим. 2.

⁵ Вольный перевод-переложение первой части «рапсодии» Бахмана «Das Erdtier» (см. п. 5, прим. 8). Публикуется впервые. Автографы перевода см. также: *ГВЛ*. Ф. 386, 14.5/10. Л. 11об.

7. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 18 марта 1899.

От И. И. Ореуса

(...)

Вот, милый Валерий Яковлевич, ряд новых стихотворений Вам¹ в возмещение за обещанные и не доходящие до Вас писания мои по художественной критике. А за неисправность их доставки уж не взыщите: очень уж большой на них спрос со стороны разных лиц. Надеюсь не обмануть Ваших ожиданий хоть к приезду Вашему и вручить их Вам самолично. Прошу Вас, только что приедете, известить меня, и тогда дам Вам знать, когда мне можно с Вами свидеться².

Глубоко сочувствую тому «пантеону», на который вы указываете, но не могу все, что вы упоминаете, любить как божественное согласие между стремлением и осуществлением, как красоту. Любить всех для меня прекрасных могу разве только проникая их своим, чуждым их назначению, смыслом, внут-

ренным устроением. Я могу их построить как образцы несовершенств, внутренних разногласий, — что и выполняю в судящей их критике — и так хоть в некоторой мере сообщая им образ и подобие, позволяющий мне смотреть и на них не как на вполне «внешнее» — чуждое, извергнутое из мировой жизни. Не знаю, должно ли приходиться к Вашему образу зрения, и не уничтожает ли он великой силы оттенка и различения.

Ответ на п. 6. 18 марта 1899 г. Брюсов приехал в Петербург, но Коневской этого еще не знал, отправляя письмо.

¹ Письмо открывается стихами от января — марта 1899 г.: «В крови моей великое бorenье...» (МД. С. 192; СП. С. 59), «Нараспев» (МД. С. 200; СП. С. 70—71); «Припев» (МД. С. 199; СП. С. 60); «Волнения» (МД. С. 177—178; СП. С. 64—66); «Признаки» (МД. С. 179; СП. С. 66), «С холодной воли» (МД. С. 194; СП. С. 75), «Вариации на «Поминки» Кольцова» (МД. С. 197; СП. С. 62—63), «Отголоски» (МД. С. 163; СП. С. 71—72). Автографы см.: ГБЛ. Ф. 386, 97.8. Л. 6—10об.; «Zeitgedichte» («Современные стихотворения» — СП. С. 69—70) — ГБЛ. Ф. 386, 97.9. Л. 30—30об.

² 19 марта 1899 г. Брюсов писал жене: «Сейчас были у Ореуса. Он все тот же, читал нам стихи, все такие же. Это хорошо, но и скучно немного» (ГБЛ. Ф. 386, 142.11). «Дважды был у Ореуса, — зафиксировал Брюсов в дневнике, описывая свою петербургскую поездку. — Он все тот же и стихи пишет все такие же. Это хорошо, но и скучно» (Дневники. С. 63).

8. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 5 апреля 1899.

Я послал Вам сегодня рукописи Добролюбова, посланный мой не сумел «ценным пакетом», поэтому посылкой. Не откажите известить, получили ли, ибо я очень дорожу их сохранностью. Приложил и «Телом слепленн(ы)й» («лист 5-ый»), и «На вечеринку уединенную» (кор. 67), — они были не потеряны, а у меня ¹.

Ваши стихи из последнего письма читаю ². Кажется мне, иногда в них недостаток сжатости, но многое я опять полюбил. «Жизни я служу, а существам не верен», «Не хочу я дольше ждать с тоскою, ждать зимой, чтоб родилась весна», «И протекают мимо таких различных душ живые родники», «И в прaxe наш век прожитой», — и повторение Вами уже сказанного однажды — «Зачем причастен я мечте растений, зачем же птица, зверь и скот — мне друг» ³. В «Волнениях» манит меня сила первых стихов ⁴, во втором — замысел и последние слова, в том смысле, как они там, «буйной юности вино» ⁵. Чужды мне некоторые прямолинейности «Все ль обоймет ее волна» ⁶ или «Но и зачем же гоненья» ⁷, и два-три выражения, я уже указывал «вне себя порхать» ⁸.

Zeitgedichte я бы написал не так, ибо знаю больший смысл и в этих шумах бесследных ⁹. В жажде покоя, благого живоносного моря, Вы напрасно отрываетесь от целой половины бытия. Груда человеческих тел полуживых, полураздавленных не менее прекрасна, чем красный цвет небес, которые не красны. *Marat* равно близок мне, как *Verlaine*. Верю, что была равная сила жизни и ее ощущение у Тамерлана, как Росетти ¹⁰. Единственным считаю завет А. Добролюбова:

Хочу все во всем так делать,
Чтоб век дрожать...¹¹

P. S. Далее одно его стихотворение, кажется, Вам неизвестное ¹².

Ваш душою Валерий Брюсов.

¹ Речь идет об автографах стихотворений А. М. Добролюбова, видимо, полученных Брюсовым от Коневского в Петербурге и предназначенных к изданию. Оба названных стихотворения опубл. в кн.: *Добролюбов 1900*. Об источниках опубликованных в книге текстов см.: Там же. С. 67. В тот же день, что и Коневскому, 5 апреля, Брюсов писал К. М. Фофанову: «Читаю Добролюбова и радуюсь очень» (ГБЛ. Ф. 386, 73.6; черновик).

² См. п. 7, прим. 1.

³ Приводятся строки из стих.: «Нараспев», «Припев», «Отголоски», «Вариации на «Поминки» Кольцова» «В крови моей — великое бorenье...». См. там же.

⁴ Первое четверостишие стих. «Волнения»: «Ждав тебя, я истомился, // С тихой страстью рвался, бился... // Дивен мне казался свет. // Пел я темный, светлый бред» (см. там же).

⁵ Заключительное четверостишие стих. «Признаки»: «Ужель, о дивная дриада, // Тобю все мне суждено — // Утеха мысленного взгляда // И буйной юности вино?» (см. там же).

⁶ Строка из того же стихотворения.

⁷ Строка из «Zeitgedichte. I» («Сумятица»): «Но и зачем же гоненья ненужные?» (см. там же).

⁸ Строки из стих. «Отголоски» (см.: Там же).

⁹ Цикл «Zeitgedichte», состоящий из двух стихотворений («Сумятица» и «Отпадение»), написан 13—17 февраля 1899 г. и представляет собой отклик на студенческие волнения, по отношению к которым поэт занял позицию отчужденного непонимания. Вл. Гиппиус в воспоминаниях, записанных в 1930-е годы Н. Л. Степановым, отмечал, что Коневской «в университете на сходку приходил со «Стеллой» Гете» (архив Н. Л. Степанова).

¹⁰ Имена Жан-Поля *Марата* (1743—1793) и *Тамерлана* (Тимурленга, 1336—1405) служат Брюсову здесь символами активного волевого самоутверждения, в противоположность пассивному, созерцательно-эстетическому началу, олицетворяемому именами П. Верлена и английского художника и поэта-прерафаэлиты Данте Габриэля *Росетти* (1828—1882).

¹¹ Неточно цитируются строки стих. «На вечеринку уединенную» (см. прим. 1).

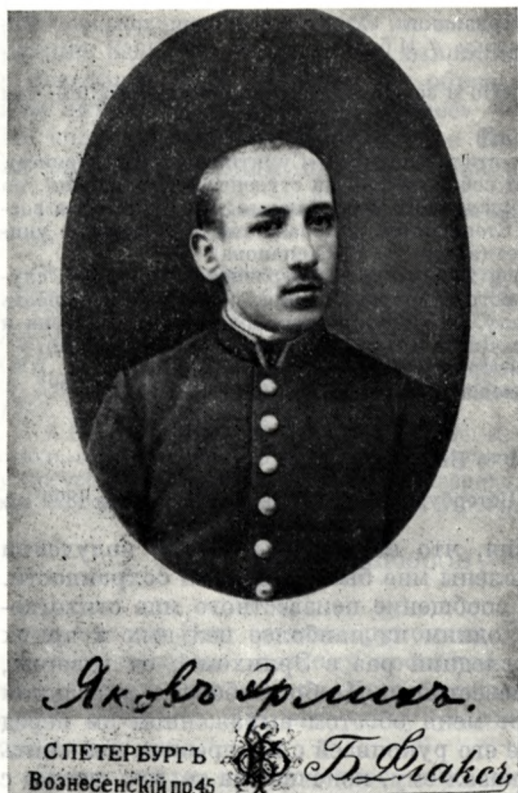
¹² О каком стихотворении идет речь — неясно.

9. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. Вторая половина апреля 1899 г.)

Извините, милый Валерий Яковлевич, что не извещал Вас о получении рукописей Добролюбова, которые доставлены мне были в полной сохранности. Вам, с своей стороны, очень обязан за сообщение неизвестного мне стихотворения его же, которое мне показалось одним из наиболее цельных и ярких в его творчестве¹. Когда я виделся последний раз с Эрлихом², он говорил, что им не было получено еще никаких известий от Д(обролюбова) в указанном Вами смысле³, но, когда он услышал от меня об этом выраженном им перед Вами желании, он взял от меня собрание его рукописей с намерением положить их у себя под спуд, запечатав⁴. Я же указал ему, конечно, на то, что списки с некоторых наиболее значительных из этих рукописей сохранены у меня, как на бумаге, так и в памяти, некоторые другие, равно как списки со всех вверенных ему рукописей, остаются у Вас, и как те, так и другие, конечно, не обеспечены от распространения. У меня, между прочим, кроме сообщенного Вами стихотворения, переписаны следующие: «Не проговорит труба серебряная...», «Мы не хотим превратной свободы», «Образы»: 1. «Все-таки, вечно, всюду... будет сиять пред очами неизвестная надпись...», 2. «Друг! не пугайся...», «Отвлеченные песни», «Зеркало» (второй исход «*Sotte Suite*»), «Неестественными нитями, словно неудачными путями...», «Кто видел ужас?..», «Сегодня, если хотите, мне близко безумие всего...», «В одно из самых сухих опьянений моих...», «Вариации на тему Мюссе: «*Promenade*» сухое *perpetuum mobile*». В памяти сохранены у меня отрывки рифмованной или вообще метрической формы: «Пошлость и Рабство», «Познание», «Прощайте, вериги...», «Телом сцепленный...», «Песнь Карликов над могилой Царевны» («Ах, угасло навеки великое тело...»), «Стих — стихия...», «Русская песня»⁵, а главное — многие пьесы изъятые из продажи сборника: «*Natura Naturans. Natura Naturata*», именно «Похоронный марш», «Бог отец», «Шепчутся травы...», «В одинокой горнице...», «Набегают сумраки...», «Облелеяли воды весенние...», «Я ли его не обведала...»⁶. Сборник, впрочем, конечно, есть у Вас⁷, так что, если буду у Вас, надеюсь, что мне доставится возможность переписать памятные мне, но не запомнившиеся стихотворения в прозе: «Я стар, я одинокий...» (одно из лучших явлений во всем творчестве Д(обролюбова)), «К Ирочке Д.», «О чем молишь, Светлый?..», «Отцу»⁸. — Наконец, я твердо верю — и в этой уверенности утверждает меня истинный знаток духа Д(обролюбова) Эрлих — что он не замедлит возвратиться в мир, обновленный уединением. И, конечно, не угадать, что предпримет он тогда: можно ручаться лишь за то, что это будет нечто вмещающее мечту отречения от слабости и своеволия личности и далеко за нее заходящее, оставляющее ее за собой.

Я за последнее время много переводил впервые и многое приводил в порядок в прежних своих переводах из Вьелэ-Гриффина, де Ренье, Верхаарена,

Я. И. ЭРЛИХ

Фотография Б. Флаксы. С. Петербург, середина
1890-х годов

Ленинградский исторический архив

Из моих переводов Вьелз-Гриффина, которого я перевожу особенно много, мне думается, мог бы составиться полный сборник его творчества на русском языке, который следовало бы впоследствии издать. Быть может, впрочем, еще более внутренне-цельным характером был бы отмечен сборник уже переведенных мною, а также предположенных для перевода избранных поэм из различных поэтов, как — помимо Вьелз — де Ренье, Верхаарен, Суинбёрн, Росетти, Ницше. Собрание таких избранных произведений отличалось бы, мне кажется, как глубоким внутренним единством, так и многосторонностью выражения истинно-современной * поэзии ¹⁰: под «современным» я разумею то вполне новое, отличное, что поэзия наших дней привнесла к бывшим и столь же новым, но и ным облициям вечного ¹¹. К избранным созданиям названных поэтов оставалось бы присоединить некоторые извлечения из лирики и драматических поэм Ибсена (в том числе мною составлены уже давно переводы сцен из первых трех частей “Peer Gynt” ¹²), далее — отдельные очерки из лирических размышлений и проповедей Мэтерлинка (как “Trésor des Humbles”, так и “Sagesse et Destinée” ¹³) и Эмерсона (такие “Essays”, как “Die Ueberseele”, “Kreise”, “Natur”, “Liebe” ¹⁴ — я их читал случайно в очень хорошем немецком переводе, Univers(elle) Bibl(iothek) 3702—3) ¹⁵, и наконец Рёскина ¹⁶. В этом, я думаю, исчерпывалась бы прямо философски-обобщающая формулировка «современности».

Спешу обозначить, что из Вьелз-Гриффина у меня извлечены, в видах этой

Суинбёрна, Росетти, Ницше. Продолжаю настаивать на убеждении, что в особенности первых трех французских поэтов нельзя переводить иначе, как прозой, и что вообще истинно-художественное творение слова не может и не должно находиться в зависимости от своей метрической формы, так чтоб оно являлось прямо нехудожественным, лишившись этой формы: последнее было бы верным признаком того, что и метрическая форма лишь маскировала недостатки его образов. Метрический звук усугубляет действие образов лирики, в союзе с ними он являет новый образец художественно-прекрасного; но в своей обособленности, без их помощи, он лишен такого значения. Строение же образов слова должно представлять, напротив того, и вне союза со звуками, самостоятельный образец художественного действия. Поэтому в переводе метрического стихотворения прозой из цельного тела красоты извлекается менее многообъемлющий, но столь же цельный живострой ее — из совокупной гармонии образно-звуковой более односторонняя, но столь же целокупная гармония чистобразная, сопровождаемая ослабленным, но сохраняющим свое внутреннее расположение звуковым тоном ⁹.

* Здесь и далее разрядка Коневского.

задачи, и уже переведены: "Hélène", "Devant la Mer", "L'Aube de la Saint-Jean", "La Chevauchée d'Yeldis", "Chanson de l'Heure triste", "Eurythmie", "La Fenaison", «Эпиграф» к "Cueille d'Avril" ¹⁷. Намечу еще некоторые другие. Из Ницше переведено мною два наиболее гениальных образца его лирики, затерянных в хламe IV-ой части «Заратустры»: "Mittags" и "Das trunkne Lied"; стоило бы еще извлечь из III-ей части: "Vor Sonnenaufgang", "Der Genesende", некоторые места из "Von alten und neuen Tafeln", 2. из "Vom Gesicht und Räthsel", кроме того — многие из "Dionysos-Dithyramben", преимущественно те, которые не вошли в состав IV-ой части «Заратустры», как-то: "Ruhm und Ewigkeit": 1.3.4. "Zwischen Raubvögeln", "Die Sonne sinkt": 1.3.4 ¹⁸ и наконец — многие совсем краткие изречения, отчасти разбросанные в "Fröhliche Wissenschaft" и в "Jenseits von Gut und Böse" ¹⁹. Из них, кстати, одно небольшое, афористическое стихотворение "An Hafis" я избрал даже эпиграфом ко всему VIII отделу своей поэзии, обнимающему собою весь период с прошлой осени (1898 г.), у меня выставлено, собственно, лишь окончание его:

Bist Alles und Keins, bist Schenke und Wein,
 Bist Phönix, Berg und Maus,
 Fällst ewiglich in dich hinein,
 Fliegst ewig aus dir hinaus.
 Bist aller Höhen Versunkenheit,
 Bist aller Tiefen Schein,
 Bist aller Trunkenen Trunkenheit,
 Wozu, wozu dir — — Wein? ²⁰

В середине мая надеюсь побывать в Москве, и тогда ознакомлю Вас как с упомянутыми переводами, так и с некоторыми новыми стихотворениями моими.

Ваш Иван Ор е ус

Ответ на п. 8.

¹ См. п. 8, прим. 12.

² Яков (Яков-Вольф) Исаакович Эрлих (1874—1902) — близкий друг А. М. Добролюбова и Вл. В. Гиппиуса (в 1905 г. в письме к Андрею Белому Добролюбов назвал Эрлиха самым близким себе человеком в своей «прежней жизни». См.: *Азатовский К. М. Путь Александра Добролюбова // Блоковский сборник*, III. Тарту, 1979. С. 140); в 1893 г. закончил 6-ю С.-Петербургскую гимназию, где учились Добролюбов и Гиппиус, в 1894—1899 гг. — студент историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, на который осенью 1895 г. поступили также Добролюбов и Гиппиус; интересовался вопросами философии, в 1900—1901 гг. выступал как музыкальный критик в журнале «Театр и искусство» (за подписью: Я. Э.). Впоследствии Вл. Гиппиус вспоминал о нем: «Третий с нами, сближая нас, — любя нас обоих — был один из самых чутких тогда, не писатель, но с исключительной нежностью к поэзии, сам музыкант, с которым Добролюбов много говорил о музыке — через несколько лет после этого сторевший от самого неутолимого внутреннего горения в лечебнице для душевнобольных, Я. И. Эрлих. Он нас соединил своей любовью, когда мы уже разошлись, и, может быть, задерживал разрыв» (*Гиппиус Вл. Александр Добролюбов // Венгеров. Рус. лит.* XX в. Т. I, кн. III. С. 281). После «ухода» Добролюбова в 1898 г. Эрлих стал основным хранителем его рукописей и его литературным душеприказчиком (см. письмо Эрлиха к Добролюбову от (сентября 1898 г.?) — *ИРЛИ*. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 2534). Эрлих посвящен стихи Добролюбова — «Встал ли я ночью? утром ли встал?..» (*Добролюбов 1900*. С. 19), Вл. Гиппиуса — «В обетованную землю» — 1893 (*Гиппиус Вл. Песни*. СПб., 1897. С. 50—51), Коневского — «По дням» («Сияющие дни, родные встречи...», 1898 — *МД*. С. 201; *СП*. С. 50—51). Ср. дневниковую запись Брюсова от 10 декабря 1898 г.: «Вечером был у В. Гиппиуса. Там был Я. Эрлих (...) Эрлих студент, хотя голова его лысеет, говорит о своей системе метафизики, где примирится Спиноза и Лейбниц, но говорит скромно. С ним мы сошлись на любви к Добролюбову» (*Дневники*. С. 54).

Впоследствии предпринимались попытки издать сочинения Эрлиха посмертно. А. Добролюбов писал Брюсову: «Первое дело: посмертное собрание сочинений Эрлиха, главным образом о вере» (*ГБЛ*. Ф. 386, 85.16; недатированное письмо); 12 июня 1905 г. сестра Добролюбова, М. М. Добролюбова, обращалась к Брюсову: «... будьте добры, приостановите печатание произведений Я. И. Эрлиха, так как хотелось бы их издать отдельной книгой по просьбе родных. Если Вы их перешлете мне обратно, буду Вам очень благодарна. (У меня наплись еще его рукописи, и я хотела бы сама приготовить книгу к печати)» — *ГБЛ*. Ф. 386, 85.21. Издание не состоялось. Об Я. И. Эрлихе см. некрологическую заметку его сводного брата О. Дымова (*Мир искусства*, 1902. № 7. Отд. II. С.4), а также биографическую справку П. П. Веймарна (*ГПБ*. Ф. 773. Оп. I. Ед. хр. 1021. Л. 70).

³ Подразумевается предложение Брюсова издать произведения Добролюбова отдельной книгой.

⁴ В примечаниях к «Собранию стихов» Добролюбова указано, что у Эрлиха хранятся два собрания его рукописей: первое — тетрадь «Наброски, оконченные вещи, отделанные, недорисованные»; второе — «отдельные листы, разных форматов, помеченные не рукой Добролюбова, №№ от 1 до 38. Оба эти собрания составляют лирические стихи и лирические отрывки в прозе» (*Добролюбов 1900*. С. 67).

⁵ Из перечисленных стихов Добролюбова в кн. *Добролюбов 1900* опубликовано: «Стих — стихия...», «Зеркало», «Мы не хотим превратной свободы...», «Пошлость и рабство», «Сегодня, если хотите...», «Песнь карликов», «Познание», «Телом спеленный...», «Прощайте, верги...»; в кн. *СЦ 1902*: «Все-таки вечно...», «В одно из самых сухих опьянений моих...» и «Кто видел ужас?». Остальные вещи остались неопубликованными. Тексты их, в списках И. М. Брюсовой, см.: *ГБЛ*. Ф. 386: «Друг! не пугайся...» (128.23. Л. 27об.), «Не проговорит труба серебряная...» (Там же. Л. 55), «Неестественными нитями...» (Там же. Л. 33), «Отвлеченные песни» (Там же. Л. 39об.—40), «Русская песня» (Там же. Л. 22об.; 128.24. Л. 17об.), «Promenade» (128.23, Л. 19об.—20).

⁶ См.: *Добролюбов 1895*.

⁷ Книга сохранилась в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 87).

⁸ *Добролюбов 1895*.

⁹ В неизданной статье 1930-х годов о переводах Коневского Н. Л. Степанов писал: «В своей защите перевода стихов прозой, и даже в той мысли, что метрическая форма может «маскировать» «недостатки образов», Коневской повторяет аргументацию Гете, также высказывавшего за прозаический перевод стихов: «Я чту ритм, равно как и рифму, через которые поэзия только и становится поэзией. Но настоящая глубина и подлинная действительность, творящее и развивающее начало — это то, что остается от создания поэта, когда оно переведено прозой. Тогда остается чистое, совершенное содержание, видимость которого, если оно отсутствует, часто создает блестящая внешность и которое, если оно есть, она от нас иногда скрывает» (...) Несмотря на прозаическую форму стиховых переводов Коневского, они не перестают оставаться стихами. Точность передачи смысловой, образной стороны оригинала, ритмичность и синтаксическая «стиховность» переводов, даже фонетическая организованность их — оправдывает утверждение Коневского о том, что при «прозаическом» переводе им сохранялась «чисто-образная» «целокупная гармония» (архив Н. Л. Степанова).

¹⁰ «При всем различии представленных здесь поэтов, — писал Н. Л. Степанов, — выбор их, так же, как и отбор отдельных произведений, сделан Коневским в зависимости от его философских и художественных взглядов, благодаря чему переводы теснейшим образом связаны с его творчеством. В стихах, переведенных Коневским, — те же темы и настроения, которые характерны и для его лирики. В творчестве различных поэтов им отбирается «философская лирика», передающая «мистическое чувство» конца XIX в.

(...) Не только тщательный и глубоко продуманный отбор произведений, наиболее близких ему по своей идейной и художественной направленности, определили цельность и единство этой книги переводов. Самый метод переводов, та идеологическая и стилиевая акцентировка, которую придал им Коневской, приближают переводы к его собственному творчеству» (Там же).

¹¹ Подготовленный Коневским сборник переводов см.: *ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 9. Пока из этих переводов опубликован только один: «Гимн к ночи» Новалиса (в кн.: *Золотое перо: Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах, 1812—1970/Сост. Г. Т. Раггауз. М., 1973. С. 394—399*). Вероятно, весной 1900 г. Коневским было написано «Предисловие переводчика» к составленной им окончательной программе переводов (архив Н. Л. Степанова). В записной книжке Коневского (№ 11) сохранились заметки «На память в предисловие к собранию переводов» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 2—3).

¹² Переводы сцен из «Пер Гюнта» не обнаружены. Среди бумаг Коневского хранится отрывок статьи «Ибсен» (1895, копия рукой Н. Мих. Соколова — *ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 2. Ед. хр. 1). О Пер Гюнте, в сопоставлении с Дмитрием Карамазовым, Коневской пишет в статье «Красота в поступках. (Вскрытие некоторых нравственных мотивов, ныне наипаче распространенных)» — 1896 — *ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 4.

¹³ Переводы из книг Метерлинка «Сокровище смиренных» (1896) и «Мудрость и судьба» (1898) Коневской включил в сборник своих переводов (см. прим. 11). Архаизированная торжественность языка Коневского сказалась не только в текстах переводов, но и в названиях переводимых книг: «Сокровищница смирения» и «Мудрость и судьбина». Сохранилась также статья Коневского «Морис Метерлинк» (1896) — *ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 15.

¹⁴ Переводы из книг американского писателя и философа Ралфа Уолдо Эмерсона (1803—1882) — «Очерки» («Сверхдуша», «Кольца», «Природа», «Любовь») — в сборник переводов Коневского включены не были. Текст их неизвестен.

¹⁵ Имеется в виду издание: *Emerson Ralf W, Essays. Leipzig, 1897*.

¹⁶ Переводы Коневского из Рёскина неизвестны.

¹⁷ Перечислены переводы из Вьеле-Гриффена: «Елена», «Перед лицом моря», «Рассвет Иванова дня», «Верховое страствие княжны Йельдис», «Песнь печального часа», «Эвритмия», «Сенокос»; эпилог к сборнику «Апрельский сбор» (названия даны в переводе Коневского). Стихи «Песнь печального часа», «Эвритмия» и «Сенокос» в сборнике его переводов отсутствуют. Тексты их неизвестны.

¹⁸ Коневской выполнил и включил в сборник переводов все намеченные им переводы на

Ницше: «Полдень», «Упоенная песнь», «Перед восходом солнца», «Выздоравливающий», «О старых и новых скрижалях», «О видении и загадке»; из «Дионисовских дифирамбов»: «Знаменитость и вечность», «Меж хищных птиц» и «Солнце опускается» (все названия — в переводе Коневского). Суждения Коневского о Ницше см. в его письме к А. Я. Билибину от июня 1899 г. — *ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 7—7об.

¹⁹ Книги Ф. Ницше «Веселая наука» (1883) и «По ту сторону добра и зла» (1885).

²⁰ Этот отрывок из стих. Ницше «Гафизу» (без последней из процитированных строк) Коневской поставил эпиграфом не к одному из отделов книги «Мечты и думы», а ко всей книге, поместив рядом и свой прозаический перевод: «И все ты, и ничто, и виночерпий. и вино, и феникс, и гора, и мышь. Во веки веков ты сам в себя впадаешь, во веки веков сам из себя вылетаешь. — Ты всех высот углубленность, — ты всех глубин призрачность; всех пьяных ты опьянение, (к чему, к чему тебе — вино?)».

10. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Конец апреля 1899 г.)

Что рукописи дошли, радуюсь; что они в заточении, печалюсь¹. У меня переписано все, даже отмечены все поправки². Я делаю неудачную попытку сдавать «государственные испытания» в университете, как историк. Потому не располагаю ни получасом свободного времени. Буду умершим до 1-го июня³. (Не отложите ли Вы Ваш приезд? приедет и К. Д.)⁴. Пока среди ненужных книг и бессильных чужих полумыслей чувствую себя погреемым.

Рыхло, сыро сыпется песок⁵.

Ваш Валерий Брюсов.

Ответ на п. 9.

¹ Имеется в виду намерение Я. И. Эрлиха предохранить рукописи Добролюбова от распространения и публикации (см. п. 9, прим. 4).

² Копии стихов А. Добролюбова, выполненные В. Я. и И. М. Брюсовыми, см. в его архиве (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/1. Л. 18об.—19об., 21—21об.; 10.4. Л. 24—25, 27об.; 37.13, Л. 11—14об.; 57.2; 128.22—25; 140.12).

³ В апреле — мае 1899 г. Брюсов сдавал выпускные экзамены в историко-филологической испытательной комиссии при Московском университете, в результате чего 31 мая 1899 г. был удостоен диплома первой степени (текст диплома воспроизводится в кн.: *Ашукин*. С. 126—127). «Скажу, что экзамены, “испытания”, стоили мне труда большого, — писал Брюсов. — Обычно учил с утра, часов с 10 и раньше, до ночи, до 12, до часу. И за чаем, и за обедом. Каждый курс проходил два раза и все это рассказывал сам себе» (*Дневники*. С. 68).

⁴ Коневской, однако, в середине мая приезжал в Москву (5 мая 1899 г. датировано его прошение ректору Петербургского университета об отпуске «в Москву и другие места России» — *ЛГИА*. Ф. 14. Оп. 3. Д. 33204. Л. 43) и встречался с Брюсовым; в эти же дни Брюсова посещали Вл. В. Гишпиус и К. Д. Бальмонт. Ср. запись Брюсова: «Заходил ко мне за это время Ореус, читал много стихов и похвалялся много. Стихи хорошие. Жду от него много» (*Дневники*. С. 70). Спутниками Коневского в московской поездке были его друзья А. Я. Билибин и А. Ф. Каль; 19 мая 1899 г. все трое подписались под коллективным письмом к О. В. Яфа, в котором сообщалось: «Сегодня благополучно достигли Москвы, где и установились на более оседлое пребывание. Наш адрес: Сретенка, угол Лукова переулка, меблированные комнаты “Экономия”» (*ГЛБ*. Ф. 163. Ед. хр. 413).

⁵ Цитата из стих. Коневского «Издалека» («Были великие, славные брани...»), написанного 1 февраля 1899 г. и посвященного Ивану Билибину (*МД*. С. 165; *СП*. С. 61—62). Ср. письмо Брюсова к Бунину (конец апреля 1899 г.): «Принужден (...) целые дни с утра до поздней ночи проводить за лекциями и книгами. Чувствую себя погреемым и применяю к себе стих Ореуса “Рыхло, сыро сыпется песок...”» (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 444). То же — в дневниковой записи Брюсова от апреля — мая 1899 г.: «Экзамены были для меня (...) мучительны. Эти дни в письмах любил я изображать стихом Ореуса:

Рыхло, сыро сыпется песок...

(*Дневники*. С. 68)

В статье 1916 г. «Иван Коневской» Брюсов приводит этот стих как «образцовый (в звуковом отношении)» — *Венгеров. Рус. лит. XX в.* Т. III, кн. VIII. С. 163.

11. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 24 мая 1899.

Посылая Вам привет, друг мой, (о)бращаюсь к Вам со следующим (у)казанием. Если с неделю спустя Вы соберетесь доставлять мне обратно тетради

И. И. ОРЕУС, А. Я. БИЛИБИН, А. Ф. КАЛЬ, И. Я. БИЛИБИН

Фотография Б. Флакса. С. Петербург, 1899. С дарственной надписью: «Радужной и мудросердой настоятельнице братства Св. Захария и Елисаветы от синклита беснующихся. Ив. Билибин, Иван Ореус, А. Билибин of Florestan absens. Декабрь 1899»

Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Лениград

моих стихов и переводов ¹, прошу Вас на обертке посылки обозначить титул моего отца: «Его Превосходительству (Ивану Ивановичу Ореусу)». В противном случае, опасаясь, как бы сикофанты, отметив себе мое имя, не сочли нужным ознакомиться с содержанием столь объемистых рукописей, а ознакомившись, не задержали и не подвергли особому обсуждению (в особенности — переводы, напр(имер), — из отреченных книг Swinburne) ².

Преданный Вам Иван Ореус

¹ Письмо написано по возвращении из Москвы, где Коневской оставил Брюсову для ознакомления свои творческие тетради. Коневскому они были нужны для подготовки книги «Мечты и думы», куда он первоначально собирался включить и переводы.

² Алджернон Чарлз *Суинберн* (1837—1909) — английский поэт и драматург. Коневской беспокоился, как бы перлюстраторы письма не обратили внимания на тексты переводов из Суинберна, философия которого во многом противоречила догматическому христианству. См. также п. 36, прим. 16.

12. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Начало июня 1899 г.)

Простите меня очень. Все медлил. Но жаль было отослать Ваши стихи, не прочтя их так, как должно. А время было мало. Теперь свободен¹. Завтра посылаю. Подробнее о своих впечатлениях тоже завтра. Будьте радостны, ибо счастливы Вы, конечно.

Ваш Валерий Брюсов.

Ответ на п. 11.

¹ Имеется в виду окончание выпускных экзаменов (см. п. 10, прим. 3).

13. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. 5 июня 1899 г.)

И еще раз и еще раз извините меня, добрый Иван Иванович. По непрости- тельной ошибке я послал Вам не те рукописи, о которых Вы просили, притом даже те, которые сам еще хотел читать и изучать. Очень чувствую свою вину. Другие рукописи (кроме статей) пошлю завтра и письмо непременно. Не гне- вайтесь, я право «не нарочно», как говорят дети.

Ваш Валерий Брюсов.

Открытка. Датируется по почт. шт.

14. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 7-го июня (18)99.

Кажется, ряд моих извинений еще не кончился. Не вложил ли я в Ваши тетради свои черновые наброски? Печальнее всего, что там было и начато письмо к Вам, Иван Иванович, так что теперь я лишен возможности переска- зать Вам свои впечатления поименно. Вообще же говоря, — Ваши личные стихи для меня много дороже, ценнее, чем переводы. Менее нравится мне вто- рая тетрадь, где многое повторительно, иное не выступает четко. Но в конце первой тетради, из нового для меня, есть вещи снова «для века»¹. Редкое счастье читать я всегда испытываю, получая Ваши стихи. Из прошлого особенно оценил я теперь две близкие вещи «Мертвые бриги»² и «В праотчизне земного мира»³, с их верно найденными созвучиями и складом слов. Что до статей⁴, еще не читал их, занят работой по «Русск(ому) арх(иву)»⁵. Узнал, что неудача Ваша в Москве — в связи со съездом представителей всех университетов, бывшим тогда же⁶. Есть вести от Добролюбова и в ином отношении очень радостные⁷. Скоро подробнее. На днях уезжаю к морю⁸.

Неизменно Ваш Валерий Брюсов.

¹ См. п. 11, прим. 1.

² См. п. 6, прим. 3.

³ Строка из стих. «Обетование» (1898, у Коневского — «В праотчизне людского мира» — МД. С. 162; СП. С. 48).

⁴ См. п. 1, прим. 11.

⁵ Еще до официального поступления в августе 1900 г. на службу в редакцию журнала «Русский архив» Брюсов помогал в работе его редактору-издателю П. И. Бартевеву. «Всю зиму я писал и всячески “работал” в Русск(ом) архиве», — сообщил Брюсов в июле 1900 г. Г. Г. Бахману (ГБЛ. Ф. 386, 70.3). Подробнее см.: *Ашукин Н. С.* Литературная мозаика. М., (1931). С. 144—194; *Зайцев А. Д.* В. Я. Брюсов в редакции «Русского архива» // Советские архивы. 1976. № 3.

⁶ О какой неудаче идет речь — не установлено.

⁷ Письмо А. М. Добролюбова к И. М. Брюсовой, отправленное из Архангельска 5 апреля 1899 г. («Из Соловецкого монастыря от А. Добролюбова»). В этом письме Добролюбов дает разрешение на публикацию своих произведений (ГБЛ. Ф. 386, 85.17). См. также п. 18, прим. 3 и п. 20, прим. 1.

⁸ 15 июня Брюсов с женой уехал на южный берег Крыма, в Алупку (Дневники. С. 71).

15. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 23 июня (1899 г.)

Благодарю Вас, милый Валерий Яковлевич, за возвращенные рукописи. Все последнее время был занят перепиской многих из них (относительно многих частей «Умозрений Странствий»¹ это дело еще не кончено), корректурой отпечатков их на пишчей машине, а также присоединением многих переводов (преимущественно из Swinburne и Verhaegen), которые необходимо, вместе со многими прежними Вам известными, должны войти в предположенное мною издание моей лирики — личной и переводной. Под общим заглавием: Мечты и Думы Ивана Коневского оно включит в себя I—VI отделы чистой лирики (исключаются первые два известные Вам): «Мельком», «Умозрения Странствий» и думу о «Живописи Бёклина»². К этим личным отделам присоединятся переводы в прозе из стихов Swinburne, Rossetti, Vielé-Griffin, Verhaegen и из «Заратустры» Nietzsche³.

Ответ на п. 12—14.

¹ Раздел книги Коневского «Мечты и думы».

² Окончательная композиция книги «Мечты и думы»: «Мельком» (три вступительных стихотворения), «Мельком. I. В келье и в поле» (стихотворения 1895—1896 гг.); «II. Сонеты» (1896); «III, IV. Видения странствий» (стихотворения и прозаические путевые заметки, 1897—1898 гг.); «V. Дебри» (поэма 1897—1898 гг.); «Умозрения странствий»; «Живопись Беклина (лирическая характеристика)»; «Мельком. VI. Пережитки, совокупности, предвещения» (стихотворения 1898—1899 гг.). При распределении материала, таким образом, был в основном выдержан хронологический принцип. Говоря о «первых двух» отделах, известных Брюсову, Коневской подразумевает тот первоначальный состав задуманной книги, с которым Брюсов познакомился в рукописи, частично скопированной И. М. Брюсовой (см.: ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 2). Два исключенных отдела — «В угаре» (переводы из Ибсена) и ранняя, оставшаяся неопубликованной поэма Коневского «Железный путь» (Там же. Ед. хр. 3).

³ Отдел переводов в «Мечтах и думах» отпал из-за недостатка средств. План издания Коневской подробно излагал в письме к А. Я. Билибину от 2 июля 1899 г. (любопытно, что там он называет другой предполагаемый псевдоним: Иван Езерский); в письме говорится о финансовой базе книги — «200 целковых», полученных от австрийской тетушки: «Тогда как предыдущие годы я тратил их на странствия, на этот раз я решил воспользоваться ими для полного издания своей лирики (в стихах и прозе) с присоединением многих переводов из иностранных стихов в прозе». «Задача переводов — наиболее полная и яркая формула философского смысла главных современных настроений; весь выбор стихотворений и отрывков производился в виду этой цели» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 60б). Вскоре, однако, выяснилось, что издание книги в том объеме, как первоначально предполагал Коневской, обошлось бы ему не в 200, а в 300 рублей. Поэтому он был вынужден отдел переводов снять (см. его письмо к тому же адресату от августа 1899 г. — копия в архиве Н. Л. Степанова).

16. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Крым. Конец июня — начало июля 1899)

Laus stultitiae¹

Можно ли любить природу? не призрак ли это обманных, уже пройденных веков? Кто скажет, но ведь пока она есть. Нас ли создала природа или мы ее создали, но есть море, и облака, и «дебри»², и каменные тропки над обрывом. Презирайте, но верьте; мы отрицаем, но еще бессильны. И вот ложись на камень, разогретый солнцем, чтобы следить за прибоем, изучать размеры и созвучия волн, радоваться лиловым теням и светлым полосам, блуждающим по морю³. Хорошо покориться бессмыслице. Есть счастье погрузиться в тьму немыслия. Алтарь воздвиг я Немыслию, сознанию, что нет связи в думах и поступках, ибо это радостно, опьянению, пьянству, быть пьяным, как воздух

цветом липы у Фета ⁴, как покрасневшие вакханки Рубенса, уже добыча сатириков, пьяным, как все живущее с природой. Божественная природа, царство, где мысли нет, область Мудрой Бессмыслицы! — вот я твой, и плыву и плыву, отдав душу, как любовница предает тело ласкающим губам. И после ни звуков, ни образов, ни видений. Сон, как мрак, оцепененье, благо ⁵.

Валерий Брюсов.

Мне кажется дурным, что Вы нарушили наш сборник ⁶; но я утешен тем, что будет возможность иметь сборник всех Ваших стихов.

V B.

Ответ на п. 15. В письме отразились впечатления Брюсова от пребывания в Крыму в июне — июле 1899 г. Ср.: *Дневники*. С. 71—73.

¹ Stultitiae laus — латинское заглавие сатиры Эразма Роттердамского «Μωρίας ἐγκύμλιον», то есть «Похвала Глупости» (1509).

² Намек на одноименную поэму Коневского (см. п. 1, прим. 7).

³ Этот эпистолярный текст представляет собой автореминисценцию стих. «Лежу на камне, солнцем разогретом» (апр. 1898 г. — I, 165).

⁴ Парафраз второй строки стих. Фета «Ночь и я, мы оба дышим...» (1891 г.).

⁵ Ср. письмо Брюсова к И. А. Бунину (Алупка, 29 июня 1899 г.): «Вот я опять блуждаю у моря, изучаю размеры и созвучия волн, пишу светописные картинки — и оживаю, оживаю!.. (...) Глаза мои так привыкли к печати букв, к цифрам, к страницам, что зелень, и горы, и простор моря мне были невыносимы, слишком крупны, слишком ярки» (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 445). В дневнике Брюсов суммировал свои летние впечатления: «Первая поездка в Крым, когда впервые я подошел к природе, впервые понял, что значит ее любить, ею дышать, ей отдаться» (*Дневники*. С. 73).

⁶ Брюсов предположил, что авторский сборник Коневского может явиться препятствием к опубликованию его стихов в «Книге раздумий» (см. п. 3, прим. 1 и п. 17, прим. 5).

17. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Nevvola. Первая половина июля 1899 г.)

(...) ¹

Вот все, что сочинено мною со времени известного Вам. Виною тому — многие очень мучительные условия, не позволявшие мне до сих пор покидать пекло столицы более, нежели на один или два дня. Только в самые последние дни нашел убежище в местности Финляндии, недалеко от Пб., но вполне принадлежащей к истой Суоми: иглистый лес, дымно-зеленый, каменное озеро, на горизонте море ². Край отрадней, но не знаю, останусь ли там или буду сопровождать одного из друзей моих в северно-русские дебри ³. Получив такое предложение, не принял еще окончательного решения.

Очень жаль, что Вы поняли мое заявление об издании сборника своей лирики как отказ от участия в «Книге раздумий». Напротив — еще с месяца перед этим я написал К. Д. Б(альмонту) запрос о том, не составит ли для него неудобства почти одновременное появление этих двух изданий ⁴; в случае, если, в самом деле, такого рода невыгода ему представится, я, писал я тогда же, охотно согласен выпустить свой сборник через какой ему будет угоден срок. Ответа до этих пор получено не было. Но и без того можно рассчитывать, что появиться в печати моему (и)зданию будет возможность не ранее месяцев двух (ил)и более; оно только через несколько дней будет пред(ста)влено в цензуру ⁵.

(Пишите мн?)е, во всяком случае, на городской адрес. Был бы очень рад, если б Вы доставили мне список Ваших стихов о Викинггах. Давно стремлюсь их перечитать ⁶.

Ваш Иван Ореус

Ответ на п. 16. Текст письма поврежден.

¹ Письмо начинается автографами стихотворений июня 1899 г.: «Сон борьбы» (*МД*. С. 167; *СП*. С. 88), «Недоумение» (*МД*. С. 195; *СП*. С. 88—89), «Genius» (*МД*. С. 205; *СП*. С. 89—90), «Светлая ночь» (опубл. под заглавием «Пред светлой ночью» — *СП*. С. 91). Текст собственно письма начинается на обороте листа, где записано стих. «Светлая ночь».

² В письме к А. Я. Билибину от 2 июня 1899 г. («Nevvola, Пансион Ланг. (5 в(ерст) от ст. Mustammäki») Коневской более подробно описывает свою летнюю жизнь: «Переживая все это время невыразимое томление, застревая в разгоревшейся извести болотной столицы. Спасался в разные более отдаленные окрестности (ибо не столь отдаленные душа уже вовсе не принимает), оценивал прелести мест, подобных Сиверской и Юкки, в июне ездил несколько раз в Выборг. «После всех сих мытарств блеснуло мне наконец надеждой на избавление проскользнувшей внезапно в газетах объявление о «пансионе Ланг», расположенном в 5—6 верстах от известной станции Mustammäki, в самой, значит, уже истой Финляндии, и, вместе с тем, в непосредственной близости и от Питера. Оказался он требующим самые умеренные условия за то, что называется «полным иждивением», и окружен могущественным горизонтом. Этот горизонт развертывается вокруг высокого гребня возвышенностей и теряется с одной стороны в еловых борах, перелесках, холмах и буераках, с другой — в просторном светлом озере, с третьей, наконец, уже прямо в море-окияне. Сегодня провождаю здесь первый день» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17).

³ Неосуществленное намерение совместного путешествия с И. Я. Билибиным.

⁴ Письмо Коневского к Бальмонту неизвестно.

⁵ Дата цензурного разрешения на книгу «Мечты и думы» — 14 августа 1899 г. Но книга вышла, как и «Книга раздумий», в декабре.

⁶ Среди писем Брюсова к Коневскому имеется автограф 1-й части поэмы «Царю Северного полюса» (в первом издании TV опубл. с подзаголовком «Повесть из времен викингов» и с посвящением Ивану Коневскому) — «Свен Краснозубый» («1. Свен Краснозубый врагам улыбался, бурь не боялся...») с датой под текстом «сентябрь 1898» и с примечанием: «Это — 1; 2, 3, 4 еще не написаны» (ГБЛ. Ф. 386, 72.7. Л. 17—17об.).

18. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 26 августа 1899.

Знаю, что поздно послал Вам рукописи¹, но на них у нас был такой же «спрос», какой заметили Вы в Петербурге. Наконец, я отнял их, хотя число желающих прочесть далеко не закончено. Нет сомнения, что статья Ваша любопытна очень². Я ценил Верхарна и прежде, но теперь знаю, что он великий поэт. Однако в статье удовлетворен я не окончательно всем, иное — кажется — можно бы было написать лучше, иное сказать короче. (Впрочем, она не кончена?)

Есть у меня Вам большое предложение. Я получил от А. Добролюбова *письменное позволение* печатать его произведения³. Им я воспользуюсь. Вы могли бы помочь мне. Хотя у меня переписаны все рукописи от Эрлиха, но желательно бы было иметь перед глазами опять подлинник: надо быть верным в каждой запятой. Затем я знаю, что рассказы А. Добролюбова хранятся у некоего Ив. Вас. Покровского, а записанные им народные произведения у Вл. Гиппиуса и у Л. Постриганьева⁴. Все эти — Эрлих, Гиппиус, Покровский, Подстриганьев — живут в Петербурге. Если Вы находите мое издание нужным, посетите их, спросите, не доставят ли они мне хранящиеся у них рукописи; сняв списки, я, понятно, возвращу их. Ближайшим образом напечатать думаю я сборник стихов.

Что до Книги раздумий, по словам Бальмонта, она почти окончена. Появится на днях⁵. Читаю Ваши стихи многим. Сильнейшее впечатление производят «Дымы! дымы!»⁶ и «Брошен я в диких степях»⁷. Думаю, у Вас много нового. С чем можно — ознакомьте. Как всегда, я ваш жадный читатель. Жду и большого сборника Вашего.

Ваш Валерий Брюсов.

¹ Рукописи статей Коневского (см. п. 14, прим. 4). О «спросе» на них в Петербурге см. п. 7.

² Статья о Верхарне (см. п. 1, прим. 11).

³ См. п. 14, прим. 7.

⁴ Перечисляя в примечаниях к «Собранию стихов» Добролюбова известные ему собрания рукописей поэта, Брюсов отмечает, что в доступных ему материалах (собрания 1, 2 — у Эрлиха, собрания 3—5 — у Брюсова) имеются «указания еще на два собрания: *Собрание шестое*: у И. В. П-го хранятся рукописи с рассказами Добролюбова. *Собрание седьмое*: у В. Г-а и Л. П-ва хранятся рукописи с народными произведениями, записанными Добролюбовым» (с. 68). Собрания 6 и 7, судя по всему, остались Брюсову недоступными. Определенных сведений о И. В. Покровском и Л. Постриганьеве (или Подстриганьеве) установить не удалось. Известно лишь, что И. В. Покровский в 1902 г. работал «по найму» в петербургской гимназии Я. Г. Гуревича (ЛГИА. Ф. 171. Оп. 2. Д. 4458).

⁵ «Книга раздумий» вышла в свет лишь в середине ноября 1899 г. См. в письме Брюсова к К. М. Фофанову, написанном в ноябре: «Книга раздумий нигде не продается; т. е. ее нет нигде еще» (ГБЛ. Ф. 386, 73.6. Черновик). Ср. относящуюся к этому времени недатированную дневниковую запись Брюсова: «Вышла, наконец, «Книга раздумий», которую ждали долго и томительно» (Дневники. С. 77).

⁶ См. п. 6, прим. 1.

⁷ «Брошен я в диких полях» — строка из стих. «Издалека» (см. п. 10, прим. 5).

19. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 28 августа 1899.

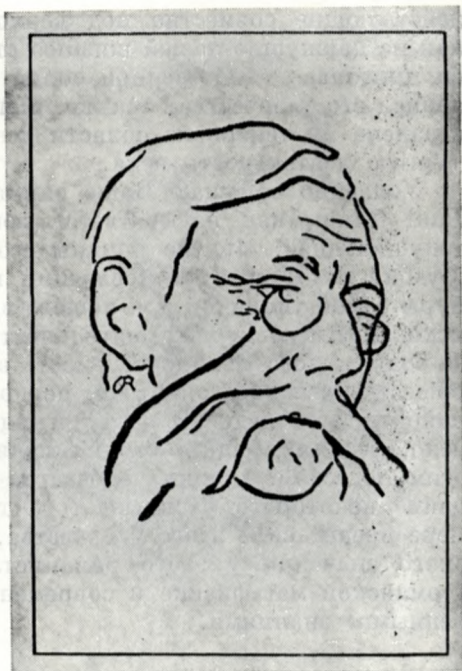
(...)

Вот все, милый В. Я., что написано мною за это лето ¹. Получили Вы письмо, посланное Вам в Крым, в ответ на Вашу «*Laus stultitiae*»? ² В Финляндии, где расположился было, мне не удалось прожить это лето. Несмотря на обаятельное действие края, внутренние причины были виною тому, что я очень скоро оттуда уехал и остальную часть лета жил преимущественно под Пб., в «Лесном» (у одного своего родственника) ³. Там же, ввиду того, что тот же мой родственник останется жить там осень и зиму, буду проводить и впредь три—четыре дня на каждой неделе. Очень радуюсь этому.

Теперь на следующей неделе думаю поехать в Москву, и на некоторое время расположиться там ⁴. Надеюсь доставить Вам тогда хранящиеся у названных Вами лиц рукописи А. Д(обролюбова) ⁵. Поражен радостно неожиданными его намерениями. В высшей степени занимает вопрос, как сложилась теперь его судьба.

Относительно характеристики Верхаарена не знаю, как поступить. В ближайшем будущем я положил не продолжать исследований о современных французских лириках, согласно вполне справедливому указанию Вашему на неудобство таких характеристик прежде окончания их творчества. Но поэзию Верхаарена жаль было бы оставлять не до конца исследованною после столь тщательной разработки целого ее периода. Я уже говорил Вам о величии горизонтов и обобщающей яркости образов в картинах его: «*Villages illusoires*» ⁶, а также многих видениях из «*Apparus dans mes Chemins*» ⁷. Между прочим, в начале этого лета переводил прозой много избранных частей из этих отделов поэзии ⁸. Но полученный от Вас сборник «*Villes tentaculaires*» и непосредственно примыкающая к нему драма «*Les Aubes*» ⁹, с которой я ознакомился в последнее время, более, чем когда-н(ибудь), явили мне этого поэта вещим баяном культурной борьбы в современной Европе. Тогда как первый сборник — единственная по полноте и мировому значению симфония Града нынешней Европы, потрясающая и восторгающая, разрешающая эту симфонию драма есть призыв к сокрушению всех гражданских оснований этой культуры и гимн пересозданию ее на основаниях всечеловеческой любви.

Кто бы мог подумать, что этот исступленный и ожесточенный созерцатель современных равнин, городов, размышлений и томлений завершит целый период своего вдохновения таким пророчеством! Последний завет его благости, впрочем, еще не в этом, а пока — в заключительном аккорде поэмы Города, в оде об Идеях, парящих над ним. Она указывает на Силу и Правду-Любовь,

Э. ВЕРХАРН

По рисунку Ф. Косси

«Весы», 1907, № 2

действующие совместно под верховным правлением божественной Красоты, как на движущие нашей жизнью стихии. Таким образом, та красота, которую он признавал единственной силой современного мира в рассмотренный мною период его творчества, она же, ничем не измененная в своей природе, распространена им теперь из области исключительно художественной на всю культурную деятельность века.

Усиленно обращаю Ваше внимание и на совокупность повестей писателя Paul Adam, как на соответствующую лирике Верхаарена эпическую быль текущих дней. Многие романы его, в особенности — “La Force du Mal”, “Le Mystère des Foules” и последний по времени — “La Force”¹⁰ захватывают в бурю самой типичной для нашего времени и вместе с тем в мировой шири происходящей культурной деятельности. В одной из этих книг — распинающаяся за боли живого тела деятельность врача, в другой — борьба за переустройство общественных состояний и перераспределение вещественных достояний, и наконец, в последней властвует надо всем простая война, радость избияния тел человеческих. Мощные струи жизни народных громад широко разлиты по всем этим повестям. Общий недостаток отчетливой сосредоточенности, и преобладание некоторого расплывчатого тумана, все застилающего, в значительной мере вредит силе этого творчества, но все же не отнимает великого поэтического значения у этого романиста, воспитавшегося на восточной мистике, германской метафизике и современном естествознании, в его союзе с «сокровенными» знаниями.

Преданный Вам И. Ореус¹¹.

Ответ на п. 18.

¹ Письмо открывалось автографами стихотворений июля — августа 1899 г.: «Порывы»: I «Если всмотришься в дальнее небо...»; II «Мысли настойчивых воля» (СП. С. 93—94); «Крайняя дума» (СП. С. 91—92); «Прояснение» (СП. С. 97. Автографы см.: ГБЛ. Ф. 386, 97.8 Л. 39—40об.); «Песнь изгнанника» (СП. С. 92—93. Автограф — ГБЛ. Ф. 386, 97.9. Л. 31—31об.); «Стансы личности» I («Я обуян двумя творцами...» — СП. С. 95—96. Автограф — ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 25—25об.); «Стансы личности» II («Ужели нет певцов деня?» — СП. С. 96—97. Автограф — ГБЛ. Ф. 386, 97.8. Л. 37об.).

² См. п. 16 и 17.

³ Коневской жил в Лесном у дяди — Николая Григорьевича Дьяконова.

⁴ Прощение Коневского ректору университета о месячном отпуске «в Москву и другие места империи, ввиду необходимых денежных дел с родственниками», датировано 20 августа 1899 г. (ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 33204. Л. 40).

⁵ См. п. 18, прим. 3 и 4.

⁶ Книга стихов «Призрачные селения» (1894).

⁷ Книга стихов «Видения на моих путях» (1892).

⁸ Прозаические переводы Коневского из Верхарна см.: ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 9.

⁹ Книга стихов «Города-спруты» (1896) и драма «Зори» (1898).

¹⁰ Романы французского писателя Поля Адана (1862—1920): «Сила зла» (1896), «Тайна толпы» (1895), «Сила» (1899).

¹¹ Последний абзац письма Коневского написан на полях стихотворений, открывающих письмо (см. прим. 1 к наст. п.). Таким образом, та его часть, что написана на стих. «Стансы личности. I»: «...лающего, в значительной мере ∞ в его союзе с “сокрове...”» находится в ЦГАЛИ (Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 25—25об.). Последние слова письма «...инными знаниями. Преданный Вам И. Ореус», написанные на полях «Песни изгнанника», отъединены от предшествующего им текста и находятся в ГБЛ (Ф. 386, 97.9. Л. 31—31об.).

20. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 5 (сентября 18)99.

О Добролюбове. В письме его к нам были такие слова: «Надеюсь на славу Божию, которая научит всех всему. Пусть, печатайте все мое, что желаете»¹. Письмо это личное, ко мне и моей жене, не для других. Неужели Эрлих, В. Гиппиус и др. не верят мне на слово? Если для Вас неудобно без определенного документа просить их об этой услуге поэзии, узнайте, прошу Вас, их адреса, я напишу сам².

Жду Вас в Москву³. Письма в Крым не получал. В последних Ваших стихах мне дороже обычные Ваши приемы⁴. Верхэрна все перечитываю и люблю его все больше⁵.

Ваш душою Валерий Брюсов.

Ответ на п. 19. В автографе — дата Брюсова: «5 авг(уста)» — видимо, описка, потому что письмо, безусловно, написано по получении п. 19.

¹ См. п. 14, прим. 7.

² Брюсов добивается согласия у петербургских друзей Добролюбова на издание сборника его произведений и предоставления текстов Добролюбова.

³ 9 сентября 1899 г. Брюсов сообщил Бахману: «В Москве Ореус, автор «Сына Солнца» и др. Он был бы очень рад узнать Вас» (ГБЛ. Ф. 386, 70.3). 13 сентября он же писал В. Ф. Саводнику: «В Москву на несколько дней приехал небезызвестный Тебе Ореус, нарочно чтобы повидать меня. Мне приходится проводить с ним все вечера (...) Будь это кто иной, я захватил бы его с собой, но Ты так мрачно отнесся к стихам Ореуса, что я не решаюсь». (ГБЛ. Ф. 178, 10882. № 3). 21 сентября Брюсов записал в дневнике: «Две недели был в Москве Ореус. Первые дни мы проводили с ним напролет, что было и томительно. Ходили в Сокольники и Богородск. Переговорили о всех стихах и стихотворцах (...) Уезжая, Ореус совсем умиленно прощался со мной» (Дневники. С. 76).

⁴ Имеются в виду стихи Коневской при п. 19.

⁵ Ср. письмо Брюсова к В. К. Станюковичу (октябрь 1899 г.): «Из новых французских поэтов стоят чтения — Verhaeren, Vielé-Griffin и Н. de Régnier. Особенно указываю на первого, на его стихи о современности, о больших городах, о гибнущей деревне, о народе, о улице и палачах...» (ЛН. Т. 85. С. 748). Примечательно, что Брюсов называет здесь те три поэтические имени, которые особенно выделял Коневской. К сентябрю — октябрю 1899 г. относятся переводы четырех стихотворений Верхэрна, выполненные Брюсовым (см.: ЛН. Т. 85. С. 558, прим. 18. Примечания Т. Г. Динесман).

В. Ф. САВОДНИК

Фотография Фр. Опица. Москва, 1898

Центральный исторический архив города Москвы

21. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 22 сентября 1899 г.)

Милый Валерий Яковлевич.

Прочтя все слышанные от Вас и тогда уже увлекшие меня новые поэмы Ваши, вдвойне был утешен ими. Поэма «Царю Северного Полюса», особенно если еще продолжится, разрастется в такой исполинский эпос, в каком Вы обнаружите негаданную в Вас силу¹. «Брань народов»² вызывает впечатление не меньшей шири и яркости. Недостает для полноты представления о Ваших достоинствах «Демонов пыли», которые еще зимой в Вашем чтении, не во всех, помнится, отношениях, но многими местами мне очень понравились³. Но и небольшие стихи «Подруги»⁴, во всяком случае, ни мало не вредят действию двух других величавых гармоний, а включают в себя большую углубленность сердечной боли.

Одним словом, из всего Вашего творчества достаточно выделить эти три пьесы, присоединяя к ним «Демонов пыли», «Со всеми мы братья...»⁵ и «Утро из «Me eum esse»»⁶, — чтобы видеть в нем обетования великих дел. Не предавайтесь слишком беззаветно математике — молю Вас⁷.

В самом скором времени постараюсь доставить Вам "Villes tentaculaires"⁸. Какие *четыре* книги Верхаарена получили Вы? Я думал, что вы выписывали только сочинения его, собранные в одном третьем томе издания "Mercure de France"⁹. Не вошедшие пока в это издание "Campragnes hallucinées"¹⁰ думаю сам выписать вскоре.

Третьего дни получал из цензуры свои писания¹¹. Пришлось поспорить с цензором из-за некоторых пропусков. Zeitgedichte¹² невозвратно похерены. Пришлось подвергнуть изменению и некоторые рассуждения в одном из §§ «Умозрений Странствий», озаглавленном: «Две народные стихи», в котором речь идет о славянстве и германстве и, как образец религии славянства, приводится в пример вероучение Льва Толстого: сошлись с цензором на том, чтобы сохранить почти все, излагающее суть дела, только без упоминания о Толстом и Ясной Поляне¹³. Вполне восстановить удалось один истинно чудовищный пропуск в рассуждении о романтизме и современной мистике, слова о Байроне, что «мятеж его против всякой вообще всемогущей силы исполнен, конечно, бессмертной мощи»¹⁴.

Таким образом, мне явилась возможность сегодня передать в окончательном виде весь сборник в типографию, и через три недели мне обещано окончание печатания. Быть может, Вы по этому случаю узнаете у Бальмонта о судьбе Книги раздумий¹⁵.

Передайте А. А. Лангу, что, прочтя его обращение к Спасителю, еще более оценил жгучесть его, чем раньше. А в «Ночи Заклятия» припевы о слезах несомненно не соответствуют силе грозного гула в обращениях заклинателя. Жду с большими надеждами его сборника: «Одинокий труд»¹⁶.

Сердечно Ваш И. О р е у с.

22 сентб. 1899.

Письмо написано вскоре по возвращении из Москвы. 28 сентября Брюсов записал: «От Ореуса получил восторженное письмо. Все его прельстило у нас — и Москва, и мои стихи, и Ланг, и общество у Бахмана. "Zeitgedichte" в его книге запрещены» (*Дневники*. С. 76).

¹ Поэма «Царю Северного полюса» (в автографе под текстом: «Начато в сентябре 1898. Кончено в мае 1900») опубл. в *TV* с посвящением Ивану Коневскому (впоследствии посвящение было снято — см. I, 246). В 1899 г. написаны главы II и III и Вступления к поэме (см.: *ПСС II*. С. 283).

² Стих. «Брань народов» («Брань народов не утихнет...»), датированное 18 августа 1899 г., опубл.: *TV*; I, 224.

³ Стих. «Демоны пыли» («Есть демоны пыли...»), написанное 21 февраля 1899 г., Брюсов читал в Петербурге в марте 1899 г. на «пятнице» у К. К. Случевского: «К удивлению моему, стихи имели громадный успех» (*Дневники*. С. 65; см. наст. кн., Марк Криницкий в записях Фидлера. Вступ. ст. К. М. Азадовского, прим. 14). Стихотворение впервые опубл. в *KP*.

⁴ Видимо, стих. «Подруги» («Три женщины грязные, пьяные...»), написанное 27 сентября 1895 г. и впервые опубл.: *III I*; см. также I, 78.

⁵ Стихотворение впервые опубл. в *KP*; позднее печаталось под заглавием «Духи земли» (I, 232).

⁶ «Утро» («Не плачь и не думай...») — *МЕЕ*; позднее печаталось без заглавия (I, 129).

⁷ В одной из позднейших заметок Брюсов писал: «В ранней юности я мечтал быть математиком, много читал по астрономии, несколько раз принимался за изучение аналитической геометрии, дифференциального и интегрального исчисления, теории чисел, теории вероятностей...» (*Избр.* 1955. 2. С. 558). На осень 1899 г. приходится усиление математических интересов Брюсова: «... я изучал дифференциалы, чертил графики...» (*Дневники*. С. 74).

⁸ См. п. 19, прим. 6.

⁹ Имеется в виду издание: Verhaeren E. Poèmes. III. Les villages illusoires. Les apparus dans mes chemins. Les vignes de ma muraille. Paris, 1899 (*Вергарн Э.* Собр. стихов. III. Призрачные селения. Представшие на моих путях. Лозы моей стены. Париж, 1899).

¹⁰ Книга стихов «Поля в бреду» (1893).

¹¹ Имеется в виду книга «Мечты и думы». См. п. 17, прим. 5.

¹² См. п. 7, прим. 1; п. 8, прим. 9.

¹³ В опубликованном тексте очерка «Две народные стихи» сохранились, однако, упоминания о «вероучении Льва Толстого» и о Платоне Каратаеве (*МД*. С. 121—122).

¹⁴ См.: *МД*. С. 96 (очерк «Перед живописью Швинда»).

¹⁵ См. п. 17, прим. 5.

¹⁶ Упоминается книга Ланга «Одинокий труд» (см. вступ. ст., прим. 70; цензурное

разрешение книги — 4 августа 1899 г.). Называемые Коневским стихи в эту книгу не вошли. Брюсов записал в дневнике 21 сентября: «Неожиданно Ореусу прельстились многие стихи Ланга, «Смерть», напр(имер):

У нас одинакова сила...
Много судьба мне дарила
Стрел своих дивно каленых».

(Дневники. С. 76)

«Обращение к Спасителю» — по-видимому, «Свободная душа» («Далеко, где темное море...») — см. п. 27, прим. 4). Автограф стих. «Ночь Заклятия» («Словно в болезни тяжелой...») также был прислан Лангом Коневскому. «Обращение заклинателя» — строки от лица заклинателя:

Не бойся за мною иди
Есть еще путь неизведанный,
Богом моим исповеданный.
Не бойся во мраке иди! —

сопровождающиеся «припевом»:

Плачет темная ночь
И слезы все падают, падают
В душу живую мою...

(Ямпольский И. Г. Письма А. Миропольского к И. Коневскому // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 29).

22. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 30 сент(ября) 1899.

Милый Ореус! есть к Вам просьба, впрочем — вероятно и для Вас желательная. К. Д. Бальмонт просит Вас зайти в типографию Балашева, Фонтанка 95, и спросить там решительно и с негодованием (сообщив, что Вы Ив. Коневской и что Вы исполняете просьбу Бальмонта): готова ли Книга раздумий¹. Если да, то пусть они тотчас доставят Бальмонту (Москва, Ильинская ул., д. Полякова для К. Д. Б.) данные (т. е. счет) о цене печатания книги и о продаже «Освобожденного Прометей», которой они заведовали². Получив эти данные, он, Бальмонт, немедленно учинит с ними окончательный расчет. Желает еще Бальмонт, чтобы вместе с «данными» доставили ему на первое время 20—30 экземпляров Книги раздумий, для раздачи нам и близким; это непременно. Вот к Вам, милый Иван Иванович, просьба: исполните ее, если можно тотчас, ведь надо как-нибудь покончить с этой пресловутой Книгой раздумий.

На днях напишу Вам полнее, пришлю стихи. Завтра Ланг посылает Вам свою книжку³. Сборники Verhaegen'a, которые я получил, суть: *Roèmes III*⁴, *Les campagnes hallucinées*⁵, *Les aubes*⁶, *Les visages de la vie*⁷. Драма хороша, но ее можно бы было написать сильнее⁸. *Les visages* — удивительны, и в двух других сборниках есть вещи, которыми я опять и опять «упиваюсь»⁹.

[Ваш Валерий Брюсов.]

Ответ на п. 21.

¹ «Книга раздумий» печаталась в петербургской типографии «В. С. Балашев и К^о». Ср. п. 18, прим. 5.

² Сочинения Шелли в переводе Бальмонта. Вып. 6 («Освобожденный Прометей»). М. Тип. В. С. Балашева и К^о, 1899.

³ «Одинокий труд» (см. п. 21, прим. 16). 12 октября 1899 г. А. А. Ланг писал Коневскому (видимо, по получении его отзыва о книге): «Рад и очень рад, что мои стихи Вам понравились. Ваши стихи я уже давно люблю. В них светилось для меня постоянно что-то родное. Познакомившись лично с Вами, я убедился, что Вы так же, как и я, свято и мощно верите в поэзию. Из нашего краткого знакомства я вынес самое теплое чувство к Вам» (ПР 1988. С. 23).

⁴ См. п. 21, прим. 9.

⁵ Там же, прим. 10.

⁶ «Зори» — см. п. 19, прим. 9.

⁷ Книга стихов «Лица жизни» (1899).

⁸ Драма Верхарна «Зори».

⁹ Ср. оценку творчества Верхарна в письме Брюсова к А. А. Курсинскому от 23 октября 1899 г. (наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 55).

23. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Октябрь 1899 г.)

Вот, дорогой Иван Иванович, какие длинные стихи стал я писать ¹. Читаю французских поэтов. Читал Paul Fort — это полупроза, полустихи, полухорошо, полудурно и все же скучно ². Читаю Swanhilde ³ — немного резко, но иное очень верно. С большим любопытством читаю книги Remy de Gourmont ⁴. (Все это из собрания того странного поклонника новой поэзии, о ком я говорил Вам, — С. Полякова ⁵.) Еще занят русским XVII веком ⁶. Книга раздумий подвигается, но медленно, ибо Бальмонт уехал в Париж. Очень жду появления Вашего сборника.

Ваш Валерий Брюсов.

¹ Письмо написано на одном листе со стих. «В дни заустений» («Придут дни последних заустений...» — I, 223). К письму были приложены также новые фрагменты поэмы «Царю Северного полюса» (см. п. 24).

² Французский поэт Поль Фор (1872—1960) — писал стихи в форме ритмизованной и рифмованной прозы; в 1890-е годы выпустил в свет несколько сборников баллад («Ballades», 1896, 1897 и др.). Впоследствии Брюсов отметит, что «полу-прозаические, полу-стихотворные баллады» Фора «по красоте языка, по смелости фантазии, принадлежат к числу превосходных созданий французской поэзии» (ЛСС XXI. С. 277).

³ «Свангильда» (1898) — поэма Вьеле-Гриффена.

⁴ Видимо, книги французского писателя и критика Реми де Гурмона (1858—1915): «Проблема стиля» («Le problème du style», 1893), «Книга масок» («Le livre des masques», 1896—1898) — сборник критических эссе о современных французских поэтах и прозаиках.

⁵ О С. А. Полякове см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, Вступ. ст. Н. В. Котрелева.

⁶ Ср. октябрьскую дневниковую запись Брюсова: «Погружен в XVII век» (*Дневники*. С. 77); в этом же месяце он писал В. К. Станюковичу: «Я остался один с своими книгами, с раздумьями, с родными улицами и московскими старинными церквями. Все больше отрекаюсь я от современности, все глубже погружаюсь в XVII век» (*ЛН*. Т. 85. С. 747). В ноябре того же года в письме к К. М. Фофанову Брюсов сообщал: «Изучаю московские церкви, колонки, обвитые виноградом, толстые колонны с татарскими лицами, темные переходы, озверелые лица угодников и редко-редко итальянская двойственность. Знаю, что такое обронная работа, знаю, что за камень вал» (*ГБЛ*. Ф. 386, 73.6. Черновик). Очерком о культуре Москвы XVII в. Брюсов предполагал открыть свою незавершенную «Историю русской лирики», над которой он тогда работал; сохранился план задуманного исследования: «Часть первая: XVII век. I. Москва XVII века (1. Улицы. 2. Церкви. 3. Толпа и уличные увеселения. 4. Дворцовая и боярская жизнь. 5. Жизнь среди людей). II. Усадебная жизнь. III. Эстетика русского XVII века» и т. д. (подробнее см.: *Конишина Е. Н.* Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве // Записки ОР(ГБЛ). М., 1962. Вып. 25. С. 119—120; *Неосуществленный замысел*. С. 201—202.

24. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 1899 г. 24 октября.

Снова сообщились мне большое утешение в Ваших стихах о полярных странах ¹. Правда, в целом картина плаванья и личностей Викингов и даже сборов их в путь, кажется мне, отмечена большим вдохновением: и в той, и в другой неизмерима ширь горизонта и размах воздуха; а что в особенности выдвигает вторую часть — так это полная гармония этих свойств с крайней яркостью и пластичностью образов. В третьей части — картине зимнего полярного края — обилие резких образов и блистаний сначала особенно как бы затеняет целостное чувство кругозора шири и дали воздуха. Как раз те слова, которые в этих первых частях должны бы вмещать в себе такое единство духа, слабее самих разрозненных образов: «мир без грез и содроганий в полутьме немеет, стынет» ² — конечно, одно из наименее метких и гармонирующих с целым выражений во всем стихотворении. И вот от этого отсутствия объединяющей души все фантастические образы в начале этой третьей части поэмы приобретают несколько внешний характер — несмотря на тонкость и яркость отдельных из них («им во льдах зеркальных святся двойники, земные сестры...») ³.

Заметно растет дух картины в явлении бури, хотя в ней еще слишком много все зрительное запорашивается тучей снега: надо бы освоившемуся с полярным

краем пронизать взором эту вьюгу. Но великого подъема достигает дух в последней строфе.

«Пышны северные зимы, хороши морозом жгучим.
Дни проходят словно дымы, дни подобны быстрым тучам»⁴

— эти слова сразу возносят надо всем краем и зимой и дают созерцать их во всю их ширь. Дальнейшие образы борьбы человека с этой природой глубоко согласуются с этим общим впечатлением, вводят в мертвящую сердце картину дерзкое и непреклонное стремление воли. И не менее властно замыкается вся песнь гулким и спокойным созвучием вечности с ходом зимних дней.

Одна частная черта мне представляется подлежащей изменению: мне кажется, насколько не подходит к тюленям эпитет: «размашистый» (не соответствующий никак косности), настолько подходил бы к ним: «расплывшийся» или даже «раскидистый»⁵.

Стихотворение: «Во дни запустений»⁶ вызвало во мне очень неровное впечатление. Несомненно, гораздо сильнее и легче написана вторая половина приблизительно со слов: «на мшистых улицах слышат звери...». В первой половине много черт очень внешних, другие кажутся мне не на своем месте: таковы слова «Победный свет не заблестит в пустыне». Здесь выражение «победный свет», которое могло бы быть такое сильное, как бы должно отнести к какому-то совсем другому моменту: только тогда эпитет «победный» приобрел бы мотивированное и подходящее ему значение; а так он лишается своего веса, являясь как-то пристегнутым сбоку, в виде какого-то обозначения мимоходом. Я думаю, такое впечатление обусловлено отрицанием при сказуемом этого суждения: тем, что свет не заблестит, он лишается права на эпитет: «победный». Поэтому-то, являясь общим обозначением этого света, он и не соответствует характеристике здесь указанного его действия. А стоящее сейчас же рядом со словами про свет в пустыне упоминание о громе поездов кажется мне, с одной стороны, кричащим, с другой стороны — мелким, если принять во внимание культуру далекого будущего: не будут ли казаться тогда грубыми и детскими наши железные пути сообщения?

Наконец, просто не вполне понятно мне, как связано Вами с замыслом представление о львах и змеях, остающихся на местах, где долее не в силах были жить люди? Эти черты внушают недоумение: какими причинами объяснить себе бегство людей? с первого взгляда представляется такими причинами известное в соображениях науки охлаждение климата; но возможность для львов и змей жить в этом климате исключает такое предположение; тогда остается неопределенным по значению единственное выражение, мотивирующее переселение народов: «земные силы оскудеют вдруг».

Жду от Вас по-прежнему «Демонов пыли»⁸.

В последнее время я занят был писанием очерка: «Судьба Баратынского в истории русской поэзии», в виде полугодичного реферата для отделения славяно-русских языков⁹. Самостоятельная характеристика Баратынского составляет в нем наиболее отвечающую моим задачам часть. Кроме нее значительную часть очерка занимает рассмотрение различных «критических отзывов» о поэте и вызвана условиями университетских требований по «эрудиции». Хотя, большую частью, скучно возиться с этими материалами, но относительно Баратынского даже эта сторона дела представляет кое-какой интерес: конфликт с Белинским уж очень, например, типичен¹⁰. Итак, этим писанием занимаюсь не без удовольствия.

Спеша доставить Вам это письмо, отлагаю до другого раза сообщение некоторых новых стихов.

Любящий Вас И. О р е у с.

Отвст на п. 23.

¹ Фрагменты поэмы «Царю Северного полюса» (см. п. 23, прим. 1).

² Опубликованный вариант 6-й строки III части поэмы: «Мир без грез, без содроганья, в шолутые немеет, стынет» (TV. С. 52; I, 248).

³ Там же, строка 9.

⁴ Там же, строки 25—26 (в опубликованном варианте: «дни подобны снежным тучам»).

⁵ Там же, строка 28. Брюсов исправил ее по указанию Коневского: «Жди моржей космо-маты-рыжих, бей раскидистых тюленей».

⁶ Стих. «В дни запустений» впервые опубли.: TV, без изменений по отношению к тексту, который был послан Коневскому (см. также I, 223).

⁷ Имеются в виду строки:

На площадях плодиться будут змеи,
В дворцовых залах поселится львы.

(I, 223)

⁸ См. п. 24, прим. 3.

⁹ Очерк закончен в 1899 г., как зачетное сочинение был принят проф. И. Н. Ждановым (см. о нем п. 49, прим. 3); сохранился в рукописи (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 12). См. также п. 49, прим. 1.

¹⁰ Коневской говорит о статьях В. Г. Белинского «О стихотворениях г. Баратынского, ч. 1—2. М., 1834» и «Стихотворения Е. Баратынского» — о сборнике «Сумерки» (1842). Стихотворениям Баратынского Белинский вынес резкий приговор: «(...) поэзия только изредка и слабыми искорками блестит в них (...) перечтите все стихотворения г. Баратынского: что вы увидите в каждом из лучших? Два-три поэтические стиха, вылившиеся из сердца; потом риторичу, потом несколько прозаических стихов; но везде ум, везде литературную ловкость, умение, навык, шегольскую отделку и больше ничего» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. I. С. 324—325). Столь же критичен Белинский и во второй, более поздней статье о поэзии Баратынского (Там же. Т. VI. С. 456—483).

Коневской в своем очерке отмечает «коренные различия между умственными кругозорами поэта и критика» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 3). «Белинский, — пишет он, — являлся выразителем целой умственной поры, и эта пора одушевлена была уверенностью в том, что возможно познание всего через наблюдение внешних предметов и рассуждение о них (...) и была уверена в возможности привести все желания человека в согласие с этим разумным познанием» (Там же. Л. 3об.—4), тогда как в лирике Баратынского «изображается острый протест против надежд века на достижение всецелого познания и довольства через умственное исследование природы и улучшение вещественного быта людей» (л. 5—5об.). Характеризуя критический метод Белинского, Коневской упрекает его в «чрезмерном внимании его к точно формулированным идеям» и «недостаточной чуткости к качествам и характеру поэтического изложения этих идей» (л. 6). В целом же он считал, что недооценка поэзии Баратынского составляет «одну из самых непростительных вин» в критической деятельности Белинского (л. 3).

25. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 5 ноя(бря) 1899.

Посылаю Вам, милый Валерий Яковлевич, обещанные новые образцы своей поэзии¹, а также обращаюсь за справкой по предмету, в данную минуту, кажется, обоим нас интересующему. Я уже сообщал Вам о том, что в настоящее время, по поводу университетских требований, взялся «изучать» Баратынского. В этом изучении мне вспомнилось слышанное от Вас сведение о том, что этот поэт особенно увлекался мировоззрением Спинозы, а также — занимался математикой. После того, что недавно в объявлении о последней книжке «Русского архива» встретил упоминание Вашего расследования истории изданий Баратынского², я еще более получил надежд узнать от Вас точные сведения о свидетельствах, доставивших Вам известие указанных данных. Буду очень обязан Вам, если сообщите об этом в скором времени.

Недавно прочел «Visages de la Vie»³, и после этого склоняюсь к заключению, что Verhaeren — один из тех, если не первый, кто выполнит задачу, не удавшуюся Ницше, — быть провозвестником нынешнего века и вождем его к грядущим дням. Vielé-Griffin и Swinburne равны ему, но отвлеченнее от современного быта, а Maeterlinck — в двух своих книгах наставлений⁴ — делит со своим соплеменником глубокою близостью именно к повседневному обиходу наших дней, к запросам множества душ, но, конечно, бессилен к той силе деятельных страстей, которая кипит в поэте «Идей», «Души Города» или «Моря», «Дубравы» и «Толпы» — всех этих «обличий жизни»⁵. Мощный центр всей силы лич-

ного сознания у Verhaegen нигде, кажется, не выразился с такой яркостью, как в заключительных частях стихов про «Бру»⁶, где изображается схождение всех неизмеримых сил вселенной в духе человека. Это — истинное осуществление «сверхчеловечества».

(...)?⁷

Иван О р е у с

Прошу Вас передать А. А. Лангу мой привет, благодарность за письмо и извинение в том, что не отвечал ему⁸. Намерен исполнить это в скором времени.

¹ См. прим. 7 к наст. письму.

² Имеется в виду статья Брюсова «О собраниях сочинений Е. А. Баратынского» (РА. 1899. № 11).

³ См. п. 22, прим. 7.

⁴ См. п. 9, прим. 13.

⁵ Перечисляются стихотворения Верхарна из книг «Города-спруты» и «Лики жизни».

⁶ О чем идет речь — не установлено.

⁷ Следуют автографы стихотворений осени 1899 г.: «Осенние голоса» — I «По обширным полям моих дум...» и II «Убийственный туман» (СЦ 1901; СЛ. С. 98—99); «К служителям» (СЛ. С. 99—100); «Благодарность» (СЛ. С. 100); «Зимний голос» (СЦ 1902; СЛ. С. 101); «Отречение» (СЛ. С. 100). Автографы см.: ГБЛ. Ф. 386, 97.8. Л. 28—30об. Стихи имеют карандашные пометы И. М. Брюсовой, ею отмечены разночтения и варианты.

⁸ Видимо, речь идет о письме Ланга от 12 октября 1899 г., в котором давалась оценка поэзии Коневского (ПК 1988. С. 23).

26. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 19 ноября (18)99

Привет!

Медлил, желая доставить отписки расследования о Баратынском¹, но их все еще не получил. Впрочем, любопытного там мало; занятия свои библиографией (ведь я написал еще о Пушкине)² — проклиная; понимаю несколько смешной стих

Мы иссушили ум наукою бесплодной...³

Однако занятия эти кое-что напомнили мне. Разве не удивительно, что человек не умеет переписать страницы, чтобы все было точно. Анненков, благоговевший перед Пушкиным, пропускал целые стихи⁴; поколения библиографов все поправляли его и все вводили новые ошибки. Позор ли это человека или его величие? Бессилие даже внимания или вечное своеобразие личности, которая не может только повторить, но должна внести свое?⁵

Недавно прочел я (впервые в жизни) когда-то столь читаемое «Что делать». Во мне есть пути, на которых я схожусь с крайностями шестидесятых годов. Я люблю их буйство и ниспровержение всех кумиров, разрешение всяческих свобод. Правила мне даже любезны, но на условии, что я знаю свою власть над ними. Мне хотелось бы написать греческую трагедию с распределением ролей лишь для трех актеров⁶. В Мережковском мне всего более чуждо, что он из свободы сделал правило, приказывает не повиноваться.

Из Ваших стихов⁷ для меня лучшие первые две вещи: «По обширным полям» и «Убийственный туман». Непонятно мне, в чем сущность в «Благодарности» (разве первые два стиха) и «К служителям». Последние два — «Зимний Голос» и «Отречение» — именно Ваши, несмотря на внешнюю новость. И вообще все эти стихи Ваши, очень Ваши. Это хорошо, ибо я Вашу поэзию люблю, но мне хотелось бы, чтобы и Вы и другие писали именно то, что я никак не мог бы ждать, для меня вечно неожиданное и потому вечно близкое⁸.

Ваши замечания к моим стихам во многом мне кажутся верными, особенно о поездках⁹; раскидистых тюленей я ввел в стихи¹⁰. Нового ничего не пишу.

Очень извиняюсь перед Эрлихом, что задерживаю бумаги Добролюбова¹¹. Но дело в том, что, как кажется, я нашел издателя, готового издать его всего (или лучше большую часть). Это тот же С. Поляков, у которого библиотека полна книгами «Mercure de France» и «Revue Blanche»¹². Пока я приготовил

АЛЕКСАНДРЪ ДОБРОЛЮБОВЪ;
СОБРАНИЕ СТИХОВЪ; ПРЕДИСЛО
ВІЯ ИВ. КОНЕВСКОГО И ВАЛЕРІЯ
БРЮСОВА.

МОСКВА.—1900
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“

Заметки - маргиналии Валерия А. М. Добролюбова к
Днищу последию приезд к нам в Москву; Високое издание 1938.

Всё каково
перечеркнуто
Добролюбова 1938
оставлено только
стоящее (не показанное)
Страницы (не показанные)

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ ЛИЧНОСТИ

Александръ Добролюбова.

Сообразно двумъ способамъ воспріятія предметовъ —
способу тѣлеснымъ настроеній и способу разсужденія при-
чинъ—у человѣка возникаютъ два результата ощущенія
и познанія вѣншихъ предметовъ: художественное впе-
чатлѣніе и научное понятіе. Первый видъ познанія съ
необходимостью вызванъ воспринимательнымъ распо-
ложеніемъ нравя личности, ея свѣтлостью, качествомъ, вто-
рой условленъ общими всей человѣческой породѣ усло-
віями разсужденія причинъ, степени и количествамъ ея
силъ и объема. Значитъ, и тотъ и другой видъ или ре-
зультатъ познанія человѣкъ не можетъ выбирать: они
навланы ему отъ рожденія его природою. Познаніе чело-
вѣка связано какъ обще-человѣческими, такъ и личными
условіями.

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ. СОБРАНИЕ СТИХОВ. М., «СКОРПИОН», 1900
Предисловія Ив. Коневскаго и Валерія Брюсова

Титульный лист и страница с пометами А. М. Добролюбова: «вся книжка перечеркнута Добролюбовым» 1938, оставлено только стоящее (не показанное) и И. М. Брюсовой: «Заметки-маргиналии сделаны А. М. Добролюбовым в один из последних приездов к нам в Москву. Как они сам указывает — 1938 г.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

к печати собрание стихов Добролюбова с Вашим предисловіем, в котором (о чем мы с Вами говорили) вставил в одном месте «может быть» («может быть, без художественного и мыслительного совершенства»¹³).

Что до сведений о Баратынском, то они потеряли немного через то, что запоздали, ибо нелюбопытны. Баратынский был математик, это очень известно; смотрите, напр(имер), примечание в Казанск(ом) изд(ании) 84 г. стр. 489¹⁴. Что Баратынский читал и любил Спинозу, это моя догадка. Я говорил Вам (хотя, помнится, не убедил), что, на мой взгляд, в стихах Баратынского за 24—34 годы господствуют пантеистические воззрения¹⁵. Баратынского все считали и называли философом. В письме к Пушкину он говорит, что не читал Канта¹⁶. Кого же он читал? Неужели одних только просветителей XVIII в.? А Спиноза после Гете и Лессинга стал очень известен¹⁷. (О Баратынском подбор сведений в Словаре Венгерова¹⁸.)

Знаете ли Вы Стринберга? тот же Поляков его очень проповедует и, кажется, это писатель стоящий чтенія¹⁹. Читаю с большим любопытством “Divagations” Mallarmé²⁰, но после своей неудачи с его стихами не смею указывать на него²¹; и здесь есть места (хотя проза его и проще), о которых скорее мечтаешь, чем точно отдаешь отчет. “Phocas”²² и другие поэмы в общем слабее, чем мне показалось сначала. Verhaeren — торжество!²³

Ваш Валерій Брюсов.

Ответ на п. 25.

¹ См. п. 25, прим. 2.

² Статья «Что дает академическое издание сочинений Пушкина» (РА. 1899. № 12).

³ Из стих. Лермонтова «Дума» (1838). Ср. дневниковую запись Брюсова (октябрь 1899 г.):

«... предался я библиографии. Баратынский и Пушкин, вернее, издатели их, заняли все мое время. Я понял верность несколько смешного стиха: “Мы иссушили ум наукою бесплодной”. Я чувствовал, как мой ум иссыхал» (*Дневники*. С. 77).

⁴ Критик Павел Васильевич Анненков (1813—1887) подготовил первое научное издание сочинений Пушкина в 7 томах (1855—1857) и первую научную биографию поэта. См. статью Б. Л. Модзалевского «Работы П. В. Анненкова о Пушкине» (*Модзалевский Б. Л. Пушкин*. Л.: Прибой, 1929). Брюсов постоянно обращается к анненковскому изданию Пушкина в статье «Что дает академическое издание сочинений Пушкина».

⁶ Ср. дневниковую запись Брюсова (ноябрь 1899): «Из библиографических изысканий: то обстоятельство, что человек не может без ошибки переписать страницу (а это так! ошибаются — Анненков, Е. Якушкин) — есть ли это позор человека или в том его величие?» (*Дневники*. С. 77). О том же см. в письме к К. М. Фофанову от ноября 1899 г.: «Понял некоторую верность смешного стиха — “Мы иссушили ум наукою бесплодной...”, но и занятия этой “библиографией” напомнили мне все то же, неизменное. Неужели человек не может переписать страницы, так, чтобы было точно? Позор ли это человека или его величие? Бессилие даже внимания или вечное своеобразие личности, которая не может только повторить» (*ГБЛ*. Ф. 386, 73.6. Черновик).

⁶ Ср. дневниковую запись Брюсова (ноябрь 1899): «Занимаясь в Историческом музее старыми журналами, читал “Что делать” Чернышевского. Во всяком случае, повесть незаурядная, стоящая чтобы ее прочесть» (*Дневники*. С. 77). Аналогичную запись Брюсов сделал и в декабре 1899 г. (Там же. С. 78). Ср. в письме к Фофанову (ноябрь 1899): «Прочел недавно — впервые в жизни — когда-то столь громкое “Что делать”. В шестидесятых годах люблбуиство и низвержение всех кумиров. Правила мне даже любезны, но лишь на условии, что я знаю свою власть над ними. Мне хотелось бы написать греческую трагедию с распределением ролей лишь для трех актеров» (*ГБЛ*. Ф. 386, 73.6). В письме к И. А. Бунину от 11 августа 1899 г. Брюсов сообщал, в числе задуманных «маленьких раздумий-статеек», о замысле написать «о последних статьях Чернышевского (при его переводе Вебера)» (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 446). Имеются в виду статьи Н. Г. Чернышевского 1885—1887 гг., приложенные к его переводу «Всеобщей истории» Георга Вебера, которую Брюсов изучал при подготовке к выпускным экзаменам в университете. Текст статьи («Последние статьи Андреева») см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 3.22. Л. 9—11об. и 25—26. Андреев — псевдоним Чернышевского. Статья обнаружена в черновых тетрадях Брюсова и подготовлена к печати С. И. Гиндиным.

⁷ См. п. 25, прим. 7. О стих. «Отречение» см. также п. 32, прим. 4.

⁸ Брюсов выдвигает здесь одно из принципиальных требований к поэтам, уже выразившим свою творческую индивидуальность, — требование постоянного обновления и совершенствования художественной палитры. Ср. его письмо к А. А. Коринфскому от 2 апреля 1899 г.: «Надо, чтобы каждый новый сборник был безмерно выше прежнего, и все выше, все лучше, так до без конца, до старости и смерти. Разве можно жить, если наступающий миг не осуждает и не отвергает ускользнувший» (*Встречи с прошлым*. М., 1978. Вып. 3. С. 75. Публ. Ю. А. Красовского).

⁹ См. п. 24, прим. 6.

¹⁰ Там же, прим. 5.

¹¹ См. п. 9, прим. 2—4 и п. 18, прим. 4. По-видимому, Коневской привез в сентябре в Москву и передал Брюсову рукописи Добролюбова из собрания Я. Эрлиха (см. п. 27, прим. 5; п. 28, прим. 3):

¹² «Собрание стихов» Александра Добролюбова вышло в свет в издательстве «Скорпион» в конце марта 1900 г. (цензурное разрешение — 1 декабря 1899 г.). «*Mercure de France*» и «*Revue Blanche*» — парижские литературные журналы. В издательстве «*Mercure de France*» вышло большинство книг французских символистов.

¹³ Имеется в виду предисловие Коневского к «Собранию стихов» Добролюбова (датировано 2 сентября 1899 г.). После правки Брюсова мысль Коневского о творчестве Добролюбова приобрела такое выражение: «(...) чувство жизни, сосредоточенное, может быть, без художественного и мыслительного совершенства, невольно поражает и широтой ощущения» (*Добролюбов 1900*. С. 6).

¹⁴ Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского с портретом автора, его письмами и библиографическими о нем сведениями. Изд. IV. Казань, 1884. Издание подготовлено сыном поэта — Н. Е. Баратынским. Книга эта сохранилась в личной библиотеке Брюсова, имеет его многочисленные маргиналии. См. также главу «В. Брюсов о Баратынском» в кн. *Тиханчева Е. П. Брюсов о русских поэтах XIX века*. Ереван, 1973.

¹⁵ Мысль о пантеизме Баратынского Брюсов проводит также в статье «Мировоззрение Баратынского» (VI, 35—42), написанной в октябре 1898 г., но не доведенной тогда до печати.

¹⁶ 5—20 января 1826 г. Баратынский писал Пушкину: «... московская молодежь помещана на трансцендентальной философии, не знаю, хорошо ли это или худо, я не читал Канта и признаюсь, не слишком понимаю новейших эстетиков» (Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского... С. 504—505; *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13. С. 254).

¹⁷ В статье «К столетию со дня рождения Е. А. Баратынского» Брюсов отметил, касаясь возрений поэта во второй половине 1820-х годов: «В своем мировоззрении Баратынский подходил тогда к некоторым положениям Спинозы» (*РА*. 1900. Кн. 1, № 4. С. 550). Восприимчивость Брюсовым философии Спинозы посвящены работы С. К. Кулюс «Валерий Брюсов и

Спиноза» (см. наст. кн., Письма к Самыгину, Вступ. ст., прим. 4) и «Основания всякой метафизики» В. Я. Брюсова (опыт реконструкции) (Там же).

¹⁸ См.: Венгеров. Словарь. Т. 2. С. 126—144.

¹⁹ Ср. дневниковую запись Брюсова от 19 ноября 1899 г.: «Был у меня Поляков (и Балтрушайтис) и очень проповедовал Стринберга. Надо прочесть "Inferno", "Nach Damaskus" etc.» (Дневники. С. 78). См. в письме к К. М. Фофанову (ноябрь 1899): «(...) читаю Стринберга, которого проповедует Поляков (...)» (ГБЛ. Ф. 386, 73.6). О восприятии творчества Стриндберга в России в 1890-е годы см.: Шарышкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 256—263. Примечательно, что интерес Брюсова направлен к новейшим произведениям писателя, в которых сказались символистские тенденции и тяготения к мистицизму, — роману «Ад» (1897) и драме «Путь в Дамаск» (1896).

²⁰ Книга прозаических произведений и статей Ст. Малларме «Уклоны» («Les Divagations», 1897).

²¹ Вероятно, речь идет о неудавшейся попытке Брюсова увлечь Коневского стихами Малларме (см. п. 2, прим. 2). Поэтому он не решается рекомендовать и книгу прозы.

²² См. п. 1, прим. 15.

²³ Ср. дневниковую запись Брюсова от 19 ноября 1899 г.: «Последние месяцы упиваюсь Верхарном» (Дневники. С. 78).

27. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(не ранее 12 января 1900 г.)

Привет!

Могу известить Вас о некоторых новых стихотворных писаниях. Но я не решаюсь включить их в состав истинного поэтического творчества моего. Они написаны более всего для самоуяснения по некоторым основным темам деятельности. Поэтому и заглавие им придано очень рассудительное: Соображения. Можно указать, что это «соображения» на мысль Ницше о «воле к могуществу», разработанную им в книге: "Jenseits von Gut u(nd) Böse"¹. Разумеется, способ творчества умственных понятий и суждений может и должен объединиться со способом творчества побуждений и настроений сердца. Страстное чувство, одушевляющее второй, может не препятствовать точности наблюдения и обобщения, управляющего первым из этих способов творчества; и — что не менее важно — и тем и другим восприятием предметов могут порождаться тождественные образы воображения. Но в написанных мною недавно стихах стремлением к точности понятий подавлены были, как мне кажется, особенно вообразительные силы творчества. Между тем, мною все же в слишком сильной мере управляло страстное чувство, чтобы тема разработана была во всей полноте ее умозаключительных связей. Таким образом данные стихи могут представлять значенные лишь в качестве каких-то «размышлений» в рифмованной и размеренной форме, но не как образные «раздумия» (...)²

Присоединяю убедительную просьбу о письменном сообщении Ваших стихов про «Скифов»³ и стихов А. А. Ланга о душе, магическом круге и «вечерних тенях на мостовой»⁴, а также напоминание о возвращении рукописей А. Добролюбова⁵. Я Эрлиха еще не видел, но указание, которое он просил меня передать Вам, решительно, и потому явлюсь к нему не иначе, как с рукописями в руках.

И. О р е у с

К письму приложены два стихотворения под общим заглавием «Соображения»: I «В страдании лишь — могущество свобода» и II «Нет, не было у смерти большей веры», датированные: «1900; янв. 11—12». Это и служит основанием для датировки письма. В СП стихи вошли в цикл «Гномы».

¹ Книга Ницше «По ту сторону добра и зла» (1885). Ту же тему, что и в присланных стихах, Коневской разработал в статье под названием «К делу свободы и могущества. На мысль Ницше "о воле к могуществу"», датированной: Москва. Сентябрь 1899. Январь 1900 (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 31).

² Опушен текст стихов. Текст письма, предшествующий стихам, хранится в ГБЛ (Ф. 386, 97.9), а автографы стихотворений и окончание письма (от слов: «Присоединяю убедительную просьбу ...») — в ЦГАЛИ (Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 30). В правом углу листа карандашная помета Брюсова: «К письму, где говорится, что не решается присоединить это стих(отворение) к творчеству». В своем комментарии к циклу «Гномы» Брюсов процитировал начало письма до слов: «Разумеется, способ творчества...» (СП. С. 243).

³ Стих. «Скифы» (I, 152; в TV — «К скифам»). Написано 29 ноября 1899 г.

⁴ 22 января 1900 г. Ланг писал Коневскому: «Сегодня я исполняю Вашу просьбу и присылаю понравившиеся Вам мои стихотворения» (*ЛК 1988*. С. 24). К письму приложены стих.: «И лягут вечерние тени на душу мою», «В магическом круге» («Я раскрыл потаенную дверь...»), «Свободная душа» («Далеко, где темное море...»). См. также п. 21, прим. 16.

⁵ См. п. 26, прим. 11.

28. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Середина января 1900 г.)

Простите, дорогой Иван Иванович, мое молчание. Я простудился, может быть, в последний день Вашего бытия в Москве, когда мы вместе осматривали церковь; было ведь очень холодно, сознайтесь, а я по развращенности души уже не способен наивно относиться к холоду¹. Стихи Ваши, т. е. Гиппиуса, передал А. Лангу; свои он доставит Вам на днях². Рукописи Добролюбова я отправлю (по Вашему адресу?) тоже в самом скором времени³. Письмо о нашем сборнике напишу сегодня же (верно ли адресовать: Георгию Михайловичу Добролюбову, Невский 81 — ?)⁴. Стихи Гиппиуса, оставленные Вами, прекрасны, замечательно-хороши (много выше, чем те, которые Вы оставили нам осенью); «Весна» — совершенство даже после Тютчевских Весен⁵; «Тростинка» тоже совершенство⁶.

Ваш Валерий Брюсов.

¹ В начале января 1900 г. Коневский несколько дней был в Москве вместе с И. Я. Билибиным. Ср. письмо А. Я. Билибина к И. С. Шохор-Троцкой от 8 января 1900 г.: «Из всего «синклита беснующихся» в Питере в настоящую минуту обретаются один я (...) оба, т. е. мой брат и Гермагор находятся в Москве» (*ГПБ*. Ф. 163. Ед. хр. 490; Гермагор — прозвище Коневского в кругу близких друзей — «синклите беснующихся»). Брюсов записал в дневнике: «Начало года провел с Ореусом и его товарищем, И. Билибиным, студентом, сделавшим рисунки к сказкам. Виделись, бывали у Ланга, у меня собирались. Потом с Ореусом осматривали древние церкви — св. Владимира на старых садах и особенно «Живоначальной троицы», где икона грузинской божией матери и где четыре удивительнейших образа, писанных Ушаковым, изографом царя Алексея. Осматривая, простоял в «холодной» летней церкви и простудился, теперь болен» (*Дневники*. С. 80).

² Высылая Коневскому автографы своих стихотворений (см. п. 27, прим. 4), Ланг писал ему 22 января 1900 г. в сопроводительном письме: «Пока могу только благодарить Вас за стихотворения Гиппиуса, которые я уже успел прочесть некоторым друзьям и которые, конечно, привели их в неописуемый восторг» (*ЛК 1988*. С. 23—24).

³ См. п. 26, прим. 11; п. 27, прим. 5.

⁴ Георгий Михайлович Добролюбов (1878 — ?) — младший брат А. М. Добролюбова, воспитаник Морского кадетского корпуса, затем морской офицер. Текст упоминаемого письма Брюсова к Г. М. Добролюбову нам неизвестен. Безусловно, в нем шла речь о подготовленном в издательстве «Скорпион» «Собрании стихов» Добролюбова и поднимались вопросы, входившие в компетенцию родственников поэта, — в частности, вызванные тем, что Г. М. Добролюбов самостоятельно собирался издавать произведения своего брата (об этом Брюсов узнал от Коневского, видимо, во время его пребывания в Москве в начале января 1900 г.). Содержание январского письма Брюсова позволяет отчасти восстановить письмо Г. М. Добролюбова к нему от 6 апреля 1900 г.: «Вы мне писали, что, узнав от Ив. Ив. Ореуса о моем желании лично издавать сочинения моего брата, Вы мне уступаете это предприятие, причем говорите, что небольшой сборник стихов Вы хотели бы напечатать сами» (*ГБЛ*. Ф. 386, 85.19). На январское письмо Брюсова Г. М. Добролюбов своевременно ответил, но его письмо до Брюсова не дошло («Первого письма Вашего ко мне я не получал», — сообщал Брюсов Г. М. Добролюбову 8 апреля 1900 г. — *ГБЛ*. Ф. 386, 71.8), и в письме к Брюсову от 6 апреля он вторично высказывал свои пожелания «скорпионовскому» «Собранию стихов» Добролюбова, к тому времени уже отпечатанному: «Я, несмотря на то, что мое издание явится до некоторой степени повторением Вашего издания, ничего не могу иметь против издания Вами этого сборника, если Вы имеете на то разрешение Алекс(андра) Мих(айловича), причем я лично нахожу, что такой сборник должен быть издан без всякого субъективного освещения. Если же Вы непременно желаете поместить какое-либо предисловие к книге, в чем мне пришлось на днях убедиться из объявления, напечатанного Вами в первом издании «Скорпиона», то я прошу Вас прислать мне таковое, дабы я мог убедиться до выхода книги в печать, насколько оно затрагивает интересы моего брата, так как во всяком случае я желал бы предупредить возобновление толков критики и трепания имени брата в печати. Цель же моего издания — сохранить в неприкосновенности и без всякого субъективного освещения результаты творчества брата для тех, кому это будет ценно» (*ГБЛ*. Ф. 386, 85.19). Своего намерения издать стихи брата Г. М. Добролюбов не осуществил. Упо-

минаемое им в письме «первое издание «Скорпиона» — книга Ибсена «Когда мы мертвые проснемся» (цензурное разрешение 5 февраля 1900 г.), содержащая анонс в рубрике «Печатается и в скором времени выйдет»: Александр Добролюбов. Сборник стихотворений. С предисловиями Ив. Коневского и В. Брюсова. В следующей книге «Скорпиона» — К. Гамсун. Свиста (цензурное разрешение — тоже 5 февраля) — книга Добролюбова объявлена уже в рубрике «Имеются в продаже». Отметим попутно, что сборник стихов Добролюбова прошел цензуру первым из всех скорпионовских изданий (1 декабря 1899 г.), но задержался в печати и вышел в свет только в 20-х числах марта (см. п. 33, прим. 2).

⁵ Подразумеваются стих. Ф. И. Тютчева: «Весенняя гроза» («Люблю грозу в начале мая...»), «Весна» («Любовь земли и прелесть года...»), «Весенние воды» («Еще в полях белеет снег...»), «Весна» («Как ни гнетет рука судьбины...»).

⁶ Стих. Вл. Гишпиуса «Весна» («Только ты и откровеннее...») и «Тростинка» («Я навсегда к тебе приник...») опубли. в его кн.: *Бестужев Вл.* Возвращение. Из книги «Завет» (1896—1906). СПб.: Цех поэтов, 1912. (Вл. Бестужев — псевдоним Вл. В. Гишпиуса).

29. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 31 января 1900 г.)

(Милы?)й * Валерий Яковлевич —

Прошу Вас сообщить лицам, желавшим знать мою книгу, что третьего дни я передал в книжную торговлю «Нового времени» десять экземпляров, которые будут пересланы исключительно в московские отделения этого книжного торга¹.

Иван О р е у с

31 января 1900.

¹ Книга Коневского «Мечты и думы» вышла в свет в конце ноября 1899 г. Брюсов записал в дневнике: «Ореус напечатал «Мечты и думы». По внешности издание плохо» (*Дневники*. С. 78). На книге, подаренной Брюсову (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1142), Коневской сделал дарственную надпись: «Милому Валерию Я. Брюсову в знак признательности за любовь к моему творчеству и сродства мировоззрений. И. Ореус. Ноябрь, 1899, Пет.» Воспроизведено в статье К. Пуришевой «Библиотека Валерия Брюсова» (*ЛН*. Т. 27—28. С. 670. Факсимиле — с. 79). Судя по количеству экземпляров, направленных в книжную торговлю Москвы, издание имело самое ограниченное распространение.

30. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Между 17 и 20 февраля 1900 г.)

Я видел, дорогой Иван Иванович, Ваши стихи, те, которые Вы послали Ллангу¹. Вы очень удачно выбрали образцы нового своего творчества: это все — замечательнейшее. «По обширным полям...» значительный и полный приступ к Вашей поэзии. В «Зимнем голосе» есть стихи вечные и по выражению (старость могучая круглого года) и по звукам:

А к утру хрустальные росы осели
Таинственный холод храня

Этого не изменяйте! Слабее, по-моему, все четвертые стихи первых трех строф. «Убийственный туман» во многом совершенен, но последнее четверостишие и слишком бегло, и неожиданно, и по построению слабо. Может быть, оно необходимо, но оно не написано². Но чтобы не было слишком много восторгов, вот укоры: «Мыслей настойчивых воля» — хороши лишь первые две строфы; последние 5 стихов ни к чему³. «Если всмотришься в дальнее небо» — в отдельных стихах пышно и увлекательно, но целое сцеплено лишь образом вершин; да и то *блуждают* не очень хорошо; ⁴ у Тютчева лучше:

вершины
В полдневный зной погружены⁵.

Затем перечень выражений, которые осуждаю: «льют мне в дар»⁶, «не ведаю правды ни лжи», «лишь дышать»⁷, «ни уныния пут»⁸.

* Верх открытки оторван.

19 90.

Русский Охотничий Клубъ.
Во Вторникъ, 15-го Февраля,
нѣсть бытъ

ВЕЧЕРЪ НОВАГО ИСКУССТВА
съ благотворительной цѣлью.

Программа.

I.

- 1) „Славизъ“.....соч. Бодяра.
Проч. г. Арсѣевъ (Грузиновъ).
- 2) Романъ Кюи, на слова Ришпена.
Исп. г. Шубинъ.
- 3) „Шхеры“.....соч. К. Бальмонта.
„Смерть“.....соч. К. Бальмонта.
Проч. В. Брюсовъ.
- 4) „Штотландская баллада“.....
слова г. А. Толстого, муз. Чайковского.
Исп. г-жа Новоспаская и г. Добрянскій.
Антрактъ 15 минутъ.

II.

„ВТИРУША“ (Вторженіе смерти).
Піеса въ 1-мъ д., Морика Метерлиня, перев. Клементевой.
Дѣйствующія лица:
Дядя.....г. Русинъ.
Отецъ.....г. Невпринъ.
Дядя.....г. Фоксъ.
1-я дочь.....г-жа Елашина.
2-я дочь.....г-жа Невская.
3-я дочь.....г-жа Морская.
Служанка.....г-жа Владимірова.
Сестра милосердія.....г-жа Ардатова.
Антрактъ 15 минутъ.

III.

„Далы“.....соч. К. Бальмонта.
Прочтеть г. Р-кій (Росинскій).

Новая декорация работы художника В. И. Россинскаго.
По окончаніи **ТАНЦЫ** (до 3-хъ час. ночи).
Начало въ 9 час. вечера.

На основаніи Высочайшаго утвержденнаго 5 мая 1892 г. мѣняе Государственнаго Собора и утвержденнаго 30 августа 1909 г. правленіемъ общества съ публичнаго аукціона и торговлею, съ нѣсколькими измѣненіями, объявленнаго мѣсяца безъ нѣсколькихъ измѣненій, и въ 1909 г. № 2. Московскаго Общ-ва Печ. Дѣл. ТРЕПОВА. Печ. разр. II февраля 1900 г. № 2. Московскаго Общ-ва Печ. Дѣл. ТРЕПОВА. Тип. Императорскаго Русскаго театра Т-во Скорова. А. А. Ледебевъ.

ВЕЧЕР НОВОГО ИСКУССТВА В РУССКОМ ОХОТНИЧЬЕМ КЛУБЕ
15 февраля 1900 г.

Пригласительный билет
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

О Вашей поэзии мнения самые разные — от восторженных поклонников (я, Ланг, кое-кто еще), через умеренных читателей (Бартенев Ю., Бунин И.)⁹ до крайних отрицателей (Саводник¹⁰, В. Станюкович¹¹, М. Криницкий, А. Курсинский)¹². Последних, видите, насчиталось больше. Дурнов молчит¹³, Бахман никак не может прочесть Вашей книги. Бальмонт писал мне: «не находите ли, что книга Ореуса мучительно нелепа»¹⁴.

Был здесь «Вечер нового искусства» — воистину мучительно нелепый; о нем напишет Вам Ланг¹⁵. Но это было торжество Бальмонта, и какие-то дамы разыскали меня в помещении артистов и благодарили за наслаждение, а главное за выбор именно Бальмонта, просили послать ему привет. Должно быть, фактически статья Ваша права¹⁶.

Выходит в Москве журнальчик «Муравей», немного тянущийся к новому, особенно в рисунках¹⁷; чуть-чуть напоминает «Jugend»¹⁸. Впрочем, один из его участников, с которым случилось мне познакомиться, юноша Любич (кажется, я говорил Вам о нем), несомненно может стать чем-то; отметьте его имя¹⁹. Еще из «литераторов» узнал я В. Каллаша²⁰ и Л. Медведева²¹; но это — особенно второй — существа столь жалкие, что жаль, что упомянулось их имя²².

Читали ли Вы «Песни старости» Жемчужникова? Против ожидания есть стоящие прочтения: два последних, «Святая пора», отчасти первое и еще²³. Вышла книжка стихов В. Голикова; я ее еще не мог разыскать. Когда-то я знал этого Голикова и были у него прекрасные начинания²⁴. П. Перцов издает второе издание «Молодой поэзии», приходил ко мне советоваться, кого выбрать, хотя меня — кажется — намерен выкинуть²⁵. Я назвал ему вас, Добролюбова и Гиппиуса. Он пришел в ужас.

Заметьте, что в Москве Вашей книги в продаже *нет*. Зайдите к Суворину²⁶ и упрекните их пожесточе. Кстати скажите, чтобы послали в Москву и Книгу раздумий. Бальмонт просил меня просить Вас, дабы Вы зашли к Балашеву (Фонтанка, 95)²⁷ и потребовали от него — рассылки Книги раздумий по редакциям газет и журналов и по иногородним магазинам, — но я, зная Вашу ненависть к этой книге, не смею.

Ваш Валерий Брюсов.

Если Вы написали нового, не откажитесь прислать Вашим верным читателям. И если бы появилась статья Гиппиуса, пожалуйста, известите²⁸.

¹ Эти стихотворения были присланы Коневским Лангу при письме от 26 января 1900 г. «Стихотворения, которые Вы мне прислали, — писал Ланг Коневскому 20 февраля, — восхитили меня до последней степени (...) Я вижу по Вашим стихотворениям, что Вам предстоит широкий художественный путь. Ваша поэзия — поэзия великого чаяния, поэзия духа человека, и я первый зажигаю перед образом Вашего творчества священные лампы» (ПК 1988. С. 24—25).

² Обо всех упомянутых выше стихах см. п. 25, прим. 7. Последнее четверостишие стих. «Убийственный туман» было затем изменено Коневским (см. п. 43, прим. 11).

³ См. п. 19, прим. 1. При публикации стихотворения в *СП* последние пять строк были Брюсовым сохранены.

⁴ Там же. Имеется в виду вторая строка: «Где блуждают деревьев вершины».

⁵ Цитата из стих. Тютчева «Смотри, как роща зеленеет...» (1857): «Над нами бредят их вершины, // В полдневный зной погружены...».

⁶ «И пламень влажный льют мне в дар» — 4-я строка стих. «Откуда силы воли страннень?» (22 декабря 1899 г.) — *СП* 1902; *СП*. С. 102.

⁷ «Вновь и вновь лишь дышать я хочу // И не ведаю правды ни лжи...» — заключительное двустипие стих. «Осенние голоса I» (см. п. 25, прим. 7). Впоследствии Коневской изменил эти строки (см. п. 43, прим. 10).

⁸ «Ни страстей, ни уныния пут!..» — 16-я строка того же стихотворения.

⁹ Ю. П. Бартегов (см. о нем наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 60, прим. 3) в конце 1890-х — начале 1900-х годов поддерживал с Брюсовым приятельские отношения, и Брюсов, вероятно, беседовал с ним не раз о стихах Коневского. Мнение Бунина о «Мечтах и думах» Брюсов выяснил, видимо, во время его пребывания в Москве в конце января — начале февраля 1900 г. (см.: *Дневники*. С. 80). Впоследствии отношение Бунина к поэзии Коневского стало безусловно отрицательным, как и отношение к русскому модернизму в целом. В «Автобиографической заметке» (1915) Бунин писал: «(...) я мельком видал Коневского и Добролюбова. Они произвели на меня впечатление больших мальчиков с полным сумбуром в голове и в душе, благодари и болезненности своей, и кое-чему прочитанному» (Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 262). Ср. одну из позднейших мемуарных записей Бунина (1927): «Коневской так и остался никому не известен. Брюсов иначе не называл его, как гением. А на деле это был просто больной и несчастный юноша (...) Говорил он мало и крайне невразумительно. Писал что-то очень напряженное, но еще более невразумительное» (Там же. С. 286).

¹⁰ О В. Ф. Саводнике см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 15, прим. 1. Об отрицательном отношении Саводника к поэзии Коневского можно судить по письму Брюсова к Саводнику от 13 сентября 1899 г. (см. п. 20, прим. 3).

¹¹ Владимир Константинович Станюкович (1873—1939) — искусствовед и писатель, друг Брюсова с гимназических лет, не принявший, однако, его поворота к символизму. См.: Станюкович В. К. Воспоминания о В. Я. Брюсове // *ЛН*. Т. 85; Щербаков Р. Брюсов и Владимир Станюкович // *Брюсовский сборник 1977*.

¹² Об отношении к Коневскому М. Криницкого и А. Курсинского см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 27, 28 и Переписка с Курсинским, п. 55.

¹³ Об М. А. Дурнове см.: наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 48, прим. I, а также: Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX—XX веков. М., 1970. С. 146—150. Суждение Дурнова о Коневском, относящееся к февралю 1899 г., см.: *Тетради*, п. 102, прим. 16.

¹⁴ Это письмо Бальмонта неизвестно.

¹⁵ «Вечер нового искусства» состоялся в зале Охотничьего клуба 15 февраля 1900 г., «привлек многочисленную публику и прошел с большим успехом» (Новости дня. 1900. 16 февр.). В первом отделении была поставлена пьеса Метерлинка «Втируша», второе и третье отделения были посвящены чтению стихов Бодлера, Бальмонта, романсам на слова Ришпена. Брюсов, описавший вечер в дневнике, отметил: «Это было в сущности мое первое чтение с эстрады (...) и первая встреча лицом к лицу с толпой» (*Дневники*. С. 81). Ланг сообщил Коневскому 20 февраля: «Здесь в Охотничьем клубе происходил вечер нового искусства. Прилагаю программу. «Втируша» была поставлена довольно неумело, но все-таки произвела довольно сильное впечатление. Среди публики шли довольно крупные споры, и я грешный без малого чуть не обругал одного почтенного старца. Брюсов прочел бальмонтовские:

1) Пустыня.

2) Сонет из денницы. «Я горько вас люблю, о бедные уроды...» и т. д. (Публика приняла это стихотворение на свой счет и, кажется, обиделась).

3) «О да, я избранный, я мудрый...» и т. д.

Брюсова приняли с аллюдисментами и вообще его чтение прошло удачно.

Далее при удачной декорации прочтена была «Эльза». Остальное чтение было крайне неуменно и неудачно. Вечер был, конечно, устроен с целью наживы и без глубокой любви к поэзии» (ПК 1988. С. 25).

¹⁶ Вероятно, имеется в виду работа Коневского «Стихотворная лирика в современной России» (1896—1899, статьи о Минском, Фофанове, Сологубе, А. Добролюбова, Мережковском, Вл. Соловьеве), где он писал о Бальмонте как о поэте, творчество которого лишено поисков и «постижений духовного смысла жизни», но отмечал «истинную виртуозность в сочетании новых музыкальных и гармонирующих удивительно с настроением поэта размеров (...)» К. Д. Бальмонт с этой стороны вполне обновил русский стих, очень искусно введя в него свободный и волнистый характер стиха германского и английского. То протяжно-певучий, то трепетный, прерывистый, дух стиха его вполне соответствует также и робкой, мягко-разливающейся натуре самого поэта» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 42—43). Суждения Брюсова о Бальмонте, относящиеся к середине 1890-х годов, см.: *Тетради*, п. 86 и прим. к нему.

¹⁷ «Муравей» — московский иллюстрированный художественно-литературный и юмористический журнал, выходивший еженедельно в 1900 г. (№ 1—15; редактор В. И. Монигетти, издание Л. Л. Снегирева).

¹⁸ «Jugend» — немецкий литературно-художественный еженедельник модернистского направления, издававшийся в Мюнхене с 1896 по 1933 г. Название этого журнала стало обозначением стиля модерн в Германии (Jugendstil).

¹⁹ Иоасаф Арианович Любич-Кошуров (1872—1937) — журналист, беллетрист, детский писатель. См. о нем: *Белоусов Иван*. Воспоминания // *Сегодня*. Альманах первый. М., 1926. С. 124—126. В 1900 г. Брюсов время от времени виделся с ним; от Любич-Кошурова он получил в апреле 1900 г. предложение «купить журнал «Муравей» за 300 р.» (*Дневники*. С. 84). Связи московских символистов с сотрудниками этого журнала явились, видимо, основной причиной распространившегося в 1901 г. слуха о том, что якобы «книгоиздательство «Скорпион» намерено издавать литературный журнал „Муравей“». См., например, письмо Д. В. Философова к С. А. Полякову от 3 ноября 1901 г. (*Гречишкин С. С.* Архив С. А. Полякова // *Ежегодник 1978*. С. 47).

²⁰ Владимир Владимирович Каллаш (1866—1919) — историк литературы, библиограф; познакомился с Брюсовым в феврале 1900 г. Впоследствии публиковал историко-литературные материалы в «Северных цветах» и «Весак».

²¹ Лев Михайлович Медведев (1865—1904) — поэт и детский писатель, сотрудник юмористических журналов «Осколки», «Будильник», «Стрекоза» и др., автор сборника «Стихотворения» (М., 1886). См. о нем: *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М.: Наука, 1974. Т. 1. С. 130—132, 385. Медведеву принадлежит отклик на «Собрание стихов А. Добролюбова» (Смесь: (Декаденты не унимаются) // *Новости дня*. 1900. № 6065. 13 апр. Подпись: «Совите Ours»).

²² Брюсов виделся с Медведевым на вечеру у Ланга 17 февраля (см. ироническую запись об этой встрече — *Дневники*. С. 81—82). 20 февраля Ланг сообщил Коневскому: «Третьего дня у меня собрались: Брюсов, Болтрушайтец*, Калашников, Любич и Медведев (пишущий в «Русской мысли» и в др., страшная бездарность (...)). Этот негодяй вообще испортил нам весь вечер» (ПК 1988. С. 25).

²³ Сборник стихотворений Алексея Михайловича Жемчужникова (1821—1908) «Песни старости: Стихотворения 1892—1898» СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1900). Брюсов отмечает стих. «Так прочен в сердце и в мозгу...», «О, когда б мне было можно...», «Святая пора» («Есть пора святая в жизни деревенской...»), «Весна» («Приветствую тебя, веселая весна!..»).

²⁴ Владимир Митрофанович Голиков (1875—1918) — поэт, прозаик, фельетонист (севд. Wega). Речь идет о книге Голикова «Стихотворения» (М.: Изд. П. С. Эйбушница, 1900), в целом выдержанной в традициях классической русской поэзии XIX в., но в отдельных мотивах отразившей поэтическое искания 1890-х годов — например, в стих. «В страстном хоре вакханалий...», экзотические образы которого напоминают стихи Брюсова из сборника «Chefs d'oeuvre». В 1890-е годы Брюсов иногда общался с Голиковым (см. запись от 11 декабря 1897 г. — *Дневники*. С. 31). Репензируя впоследствии книгу Голикова «Рассказы» (СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1904), Брюсов с сочувствием вспоминал «его первые опыты, стихи, печатавшиеся в середине 90-х годов» (Весы. 1904. № 5. С. 54. Подпись: Аврелий).

²⁵ О первом издании антологии «Молодая поэзия» см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 1, прим. 11. Второе издание антологии не было осуществлено. Ср. дневниковую запись Брюсова (конец января — начало февраля 1900 г.): «Перцов переиздает «Молодую поэзию»; меня, кажется, исключил, а спрашивает моего совета о других» (*Дневники*. С. 80). П. П. Перцов, вспоминая о композиции задуманного второго издания антологии, писал, что сборник предполагалось разбить на четыре отдела: «в первый должны были войти уцелевшие фофановцы и вообще поэты «старомодного типа», во второй — стихотворения П. Бутурлина, представлявшего «русский импрессионизм», в третий и четвертый отделы — стихо-

* Так в тексте.

творения символистов. Четвертый отдел должен был включать стихотворения Минского, Мережковского, а третий — “уже определившихся тогда” Ф. Сологуба, З. Гиппиус и К. Бальмонта... я колебался еще относительно Брюсова (тогда не выпускавшего и “Tertia vigilia”) и Коневского» (*Перцов П.* Литературные воспоминания. С. 183—184).

²⁶ Т. е. в контору «Нового времени», ведавшую распространением книги Коневского «Мечты и думы» в книготорговой сети.

²⁷ См. п. 22, прим. 1.

²⁸ Имеется в виду рецензия Вл. Гиппиуса на «Книгу раздумий», «Мечты и думы» Коневского и «Сборник стихотворений» Б. В. Никольского (СПб.: Тип. Суворина, 1899) (Мир искусства. 1900. Т. III, № 5—6. Подпись: В.).

31. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. 26 февраля 1900 г.)

Любопытствовал бы я узнать, получили ли Вы, милый Иван Иванович, рукописи Добролюбова; их я послал Вам уже давно. Еще раньше послал я письмо Г. Добролюбову, но ответа от него не получил¹. — Книга раздумий, как видите, не укрылась под спудом, а разошлась, и имя Ваше все равно предано «людскому суесловью на поруганье»². Пишу о Баратынском, защищая Вам невероятную близость его к пантеизму³. Что Вы замышляете? Вашей книги у Суворина и сегодня (суббота) еще нет⁴; поберите же их.

Отыскал я и ту церковь, о которой сохранялись у меня лишь смутные воспоминания. Я ее вовсе не в той стороне разыскивал. Речь идет о той, где икона, изображающая мгновение зачатия. Это «Зачатие св. Анны в углу» — на Варварке⁵.

Ваш Валерий Брюсов.

P. S. Ланг Вами очень умилен.

Закрытое письмо — «секретка». Датируется по почт. шт.

¹ См. п. 28, прим. 4.

² Возможно, Брюсов имеет в виду рецензию Д. П. Шестакова на «Книгу раздумий» (Торгово-промышленная газета. Литературное приложение. 1900. № 8. 20 февр.): «Бредить и гордиться своим бредом — вот в чем „и признак, и венец“ четырех русских поэтов (sit venia verbo!)^{*}, составивших и коллективно издавших эту так гордо озаглавленную книжку. Обозревая эту „выставку отверженных“, мы невольно поражены какими-то кошмарными образами, темнотой и невразумительностью мысли, вложенной иногда в превосходные по внешности формы». Обращаясь непосредственно к Коневскому — «новому прозелиту московского декадентства», — Шестаков, тем не менее, отмечает: «В стихах г. Коневского (...) мерцает иногда что-то похожее на талант, но талант еще вовсе не овладевший даже формой стиха».

³ Статья «К столетию со дня рождения Е. А. Баратынского». Брюсов утверждает: «Баратынскому всегда сродно было пантеистическое учение о несправедности всего „мира явлений“, о том, что „давняя отчизна“ души нашей есть „стихийное смятение“, что всю жизнь порываемся мы вернуться в „небо родное“. В духе того же учения мыслил Баратынский о необходимости всего существующего, о бесконечной цепи причин и следствий, которая делает свободную волю человека лишь призраком» (РА. 1900. Кн. 1, № 4. С. 550).

⁴ См. п. 30, прим. 26.

⁵ Эта церковь расположена не на Варварке, а на Москворецкой набережной.

32. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) М(а)рт(а) 11. 1900.

Простите, милый Валерий Яковлевич, что медлил ответом на Ваше последнее письмо, в особенности на чрезвычайный запрос о посылке добролюбовских рукописей. Разумеется, я давно их получил, вручил Эрлиху, а потом имел от него известия, что они переданы брату Д(обролюбова), который высказывал намерение печатать их в ограниченном количестве экземпляров, не для продажи¹. Он же говорил Я. И. Э(рлиху), что выпуск такого же издания, задуманного Вами, в продажу, был бы для него нежелателен². Сообщая Вам это теперь, ловлю себя на непростительной, быть может, небрежности — что это известие

* Да позволено мне будет так сказать! (лат.).

доходит до Вас только в настоящую минуту. Это опасение возбудилось во мне тем наблюдением, что на обложке бывшего у меня в руках перевода последней драмы Ибсена я увидел объявление о печатании предполагаемого Вами издания³. Эрлих, положим, передавал мне желания брата Д(обролюбова), очевидно, чтоб дать Вам об этом знать. Но я как-то не догадался о необходимости довести его возможно скорее до Вашего сведения, потому что предполагал, что у Вас наверно были произведены уже письменные переговоры с тем же младшим Д(обролюбовым). Буду рад, если объявление о печатании Вашего издания произошло не от моего невнимания, а вследствие бывшего между Вами и другим издателем соглашения.

Не могу ничего доставить Вам нового из моей поэзии. Прошлую осень, зиму и весну во мне много было источников в силу накопления обильных образов и настроений со времени предыдущих двух летних периодов. Содействовали тому же расположению к самовыражению и другие явившиеся во время самой зимней жизни чувства, судьба которых показана в стихах «Отречение»⁴. В нынешнее же городское пребывание у меня нет за собой плодотворящего действия летних дней, и я не могу жить больше только светом, воздухом и холодом зимы, не могу жить и во время весны только небом и водой. Всего жду от «радуги и пламени лета» (как поэт смерти в этих словах изъясил все силы лета в полях и лесах): только сквозь эту красоту, как он, надеюсь увидеть снова «образ иной красоты, неизменно-спокойной»⁵. Не в силах жить дольше «силами воли», которые «не от живых плотей»⁶: если от своих «плотей» не жить, то в животворном действии отраженных проявлений их тем более нужны. А то — разум расстраивает всякое самостоятельное созерцание. Теперь только созерцанию и восторгу иных душ могу предаваться беззаветно.

Да, все более исполняюсь сознания, что цвет поэзии есть зодчество вымысла, которое вмещало бы в себе и ваение личных волей и живопись безвольного созерцания. Во имя этого идеала приветствую с особенной силой ваши повествовательные опыты, как широкое строительство воображения, и не ощущаю сочувствия к таким явлениям поэзии, как последнее доставленное Вами стихотворение⁷. В нем я не вижу цельной живой картины, и связи в нем все чисто умственные. Самое живое место все же: «оконные встретив пробоины, мы жадно в пространства глядим: над крышами крыши надстроены». Поклоняюсь всем великим творцам неожиданных, непредвиденных вымыслов, сочинителям внезапных картин, хотя бы забавных, которые стремглав сближают одно явление с другим, лежащим на другом краю света. Дивлюсь поэтому на английских драматиков. Но столь же чту всякий хотя и объяснимый для ума, но обширно развернутый пир, разлив образов, живописи: оттого не перестаю обращаться к примерам создателей богов и героев и преемников их в XIX веке, английских волшебников-изобразителей, Shelley, Keats⁸, Morris⁹, Swinburne¹⁰.

В ближайшем № «Мира искусства» будет помещена критика Вл. Гиппиуса на «Книгу раздумий» и «Мечты (и думы).»^{*11}

Сообщите тоже, пожалуйста, кого Вы имели в виду, указав в числе немногочисленных, увлекающихся моей поэзией, еще кое-кого сверх Вас и Ланга.

Ваш друг И. О р е у с .

Ответ на п. 34.

¹ См. п. 28, прим. 4. Ознакомившись с подготовленным Брюсовым «Собранием стихов» Добролюбова и высоко оценив труд составителя, который «красноречиво говорит о любви к произведениям брата», Г. М. Добролюбов в письме к Брюсову от 29 апреля 1900 г. сообщил свой план издания всех сочинений брата в трех томах, с вариантами и подстрочными текстологическими примечаниями; предполагалось с исчерпывающей полнотой в первом томе представить (в двух отделах) рукописные собрания 1-е и 2-е, хранящиеся у Эрлиха, и 3-е, хранящиеся у Брюсова: «В первый отдел войдут, по возможности в точном виде, собрание первое, а во второй отдел „Вещи“ из собрания третьего и собрания второго, а также и однородные в других собраниях (...)» Том второй предполагаем составить из трех отделов, причем в первый отдел войдут лирические произведения, неполные и неотределенные черновые.

* Край листа оборван.

В отдел второй умозрительные и научные статьи; а в третий отдел письма? И наконец в том третий войдут записи народных произведений (...) Работать начнем с осени, когда все опять будут в сборе (...) О соредакторах издания. В качестве таковых предлагаю привлечь следующих лиц: Я. И. Эрлих, Е. Н. Квашнин-Самарин, Б. В. Бер, В. В. Гиппиус, И. Ив. Ореус, В. Брюсов. В согласии первых трех я уверен, Ваше согласие явствует из любезно предложенного мне участия. Остальным сделаю запрос» (*ГБЛ. Ф. 386, 85.19*).

² В бумагах Брюсова сохранился черновик объявления:

«Новая книга

В 1899 году будет напечатан сборник стихов А. М. Добролюбова (автора «*Natura naturans. Natura naturata*). Желающих получить книгу просят сообщать до 1-го октября свой адреса издателю (Валерий Брюсов, Москва, Цветной бульвар, 24). Книга будет выслана наложенным платежом. Предполагаемая цена книги 2 р. в случае значительного числа подписчиков может быть уменьшена.

В продажу книга не поступит.

(*ГБЛ. Ф. 386, 71.8. Л. 7*). Такой план распространения издания не был реализован: «Собрание стихов» Добролюбова, отпечатанное тиражом 300 экземпляров, поступило в продажу (цена 60 коп.). Обоснование такого решения см. в п. 33.

³ См. п. 28, прим. 4. Книга Ибсена вышла в конце февраля и разошлась за три недели. в том же 1900 г. было выпущено второе издание. Ср. дневниковую запись Брюсова от 11 марта 1900 г.: «Вышел Ибсен и первое издание почти распродано. Много хлопот о издании Добролюбова» (*Дневники. С. 83*).

⁴ Речь идет об отношении Коневского к Анне Николаевне Гиппиус (1872—1942 — см. о ней: *Ежегодник 1978. С. 209*), которой посвящены стих. «Отречение» («Да, все бегут часы, но уж не так, как прежде...» — 5 ноября 1899 г. *СП. С. 100—101*), «Праздничная кантата» (1898 — *МД. С. 203—204; СП. С. 55—56*), «Памяти встречи» (1898 — *КР. С. 72; МД. С. 176; СП. С. 43—44*), «Воления» (1899 — *МД. С. 177—178; СП. С. 64—66*) и цикл стих. «Бледная весна» (1899 — *МД. С. 185—187; СП. С. 77—80*). В архиве Н. Я. Степанова сохранилась копия письма Коневского к А. Я. Билибину (местонахождение подлинника неизвестно) от июня 1899 г., резюмирующего его переписку с А. Н. Гиппиус и раскрывающего историю их сложных духовных отношений. С темой «отречения» соотносятся, в частности, слова этого письма: «Она (...) сказала мне, как свежее и горячее дыхание коренного и буйного приволья. Но, хотя мы боремся за одну и ту же мечту, не мне вкусить от этой чудной, яркой жизни, потому что я в своих усилиях так часто падаю и дохожу до такого безобразия, такой нестройности, что в такие минуты мне нужно быть вдали от взоров всякого человека».

Тема «отречения», максималистски претворенная Коневским и в жизнь, не была понята Брюсовым и потому позже, в статье «Иван Коневской», несколько упрощая сложность переживаний поэта, Брюсов писал: «Зима 1898—1899 гг. важна в жизни Коневского еще тем, что в эту пору он пережил свою “первую” — вместе с тем и последнюю — любовь (...) Коневской влюбился самым обычным образом и должен был признаться:

Нет! один я — не все мирозданье.
Выйди, мой воплощенный двойник!

В последнем поэт ошибался: та, кого он любил, отнюдь не была “его воплощенным двойником”. Напротив, ей было органически чуждо все, особенно дорогое и близкое Коневскому: его мирозерцание, его любимые авторы, его постоянная углубленность (...) Любовь поэта-философа не встретила взаимности» (*Венгерова. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 156—157*).

Сохранился экземпляр книги «Мечты и думы» с дарственной надписью Коневского: «Анне Николаевне Гиппиус сильной носительнице мыслей и порывов И. Ореус. Ноябрь 1899 г. Пб.» (Собрание Н. В. Казимировой, Ленинград). В этом экземпляре рукой поэта чернилами вписаны даты — под стихотворениями: «Воления» (3—4 февраля), «Признаки» (5 февраля) и «Давно и ныне» (6—8 февраля). Очевидно, все эти стихи так или иначе связаны с чувством Коневского к А. Н. Гиппиус.

⁵ Строки из стих. А. А. Голенищева-Кутузова «Весенняя дума» («Зимних туманов раздвинулись хмурые своды...»):

Вижу сквозь праздник, сквозь пламя и радугу лета
Образ иной красоты, неизменно спокойный
(Голенищев-Кутузов А. Сочинения. СПб., 1914. Т. I. С. 177).

«Поэтом смерти и Нирваны» назвал Голенищева-Кутузова Вл. Соловьев в статье «Буддийское настроение в поэзии», посвященной анализу его творчества (*ВЕ. 1894. № 5. С. 330*). Ср. слова Брюсова в некрологе поэта: «Поэт буддийского настроения, “поэт смерти” — так давно определили критики пафос поэзии гр. А. А. Голенищева-Кутузова. Нам кажется, однако, что это определение можно принять лишь с ограничениями (...) вся поэзия Голенищева-Кутузова, в ее целом, говорит нам, что поэт вовсе не отрицал мира, что он любил красоту земли и жизни (...)» (*РМ. 1913. № 11, отд. II. С. 150*).

⁶ Первые строки стих. Коневского (22 декабря 1899 г.):

Откуда силы воли странные?
Не от живых плотей их жар.

(*СП. С. 102*)

⁷ Стих. «В неконченном здании» («Мы бродим в неконченном здании...» — *ТВ*. С. 83—84; I, 222). Автограф его (с датой: «Февраль 900») сохранился среди писем Брюсова к Коневскому (*ГБЛ*. Ф. 386, 72.7. Л. 32—32об.).

⁸ Английских поэтов-романтиков П. Б. Шелли, Джона Китса Коневской характеризует в статье «Перед живописью Швинда» (1897). Шелли в трактовке Коневского — «один из самых великих и цельных всебожников всех времен»; Китс — «особенно близкий к английским мистикам второй половины века лирик, полный тоскливого и недоумевающего скепсиса» (*МД*. С. 96; *СП*. С. 139—140). См. также статью Коневского «К характеристике Шелли» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 16).

⁹ Уильям Моррис (1834—1896) — английский поэт, прозаик, художник, общественный деятель, примыкал к кружку прерафаэлитов.

¹⁰ См. п. 11, прим. 2.

¹¹ См. п. 30, прим. 28.

33. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Середина марта 1900 г.)

Я Вам посылаю, дорогой Иван Иванович, отпечаток еще одной моей статьи, менее библиографической, чем прежние ¹. Стихи Добролюбова совсем напечатаны и выйдут на днях ². В продажу поступит самое незначительное число экземпляров. Мне думалось, что это даже хорошо. Не все из тех, кто его поэзией интересуется и кто достоин иметь его книжку, — знаком с нами или захочет обратиться к нам с просьбой о книжке. Не вижу причин, почему таким его почитателям запрещать чтение его стихов. Советовал и Гр. М(и)х. Добролюбову хоть небольшое число экз(емпляров) его будущего издания отдать в книжные магазины ³. Я писал ему о этом замышляемом им издании, но он прямого ответа меня не удостоил ⁴, — а то был бы простейший способ передать мне свои мнения и желания.

Читали ли Вы переводы «Ченчи» и Гауптмана и какое они на Вас произвели впечатление? ⁵ Читаете ли роман Мережковского? ⁶ — Если критика Вл. Гиппиуса появится, пожалуйста, известите. Я на днях доставлю и ему отпечаток своей статьи: я еще не все оттиски получил. — Говоря о почитателях и полупочитателях Вашей поэзии, я имел в виду — Балтрушайтиса ⁷, свою сестру ⁸, Ю. П. Бартенева, отчасти И. Бунина ⁹, да и еще кой-кого. Ибо Вашу поэзию я проповедую «на перекрестках и с кровель». Книжные торговцы глупейшие «старозаветники» (рутинеры — перевод для русских); продав два экз(емпляра) Вашей книги, они теперь вновь уверяют, что больше нет, и удивляются, слушая Ваше имя.

С мнением Вашим о моих стихах вовсе не согласен и даже не совсем его понимаю (т. е. несогласен, если верно его понял). Приложен здесь и еще образчик моих попыток в надежде на Вашу критику ¹⁰.

Ваш Валерий Брюсов.

P. S. От самого А. Добролюбова я недавно получил письмо ¹¹.

Ответ на п. 32.

¹ Видимо, статья «Некрасов и Тютчев» (*РА*. 1900. № 2. С. 312—315).

² См. п. 28, прим. 4.

Н. Я. БРЮСОВА

Фотография С. В. Шинмана. 1900-е годы. С дарственной надписью В. М. Рунт: «На память о 18 сентября 1903 г. Броне. Н. Брюсова»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

³ См. п. 32, прим. 2. В письме от 8 апреля 1900 г. Брюсов писал Г. М. Добролюбову: «Что касается поступления книги в продажу, то я руководствовался в этом следующими соображениями. Не все те, для которых творчество А. Д. дорого, не все, достойные и способные читать его, — знакомы с кем-либо из издателей или близких ему; за что же лишать их всех возможности иметь у себя книгу поэта, которого они любят и ценят? Я наверное знаю, что отсутствие в продаже первого сборника А. Д. «Nat(ura) nat(urans)» — для многих очень тягостно. Если же книгу случайно купят несколько человек, которые не поймут ее или даже посмеются над ней, то я решительно отказываюсь понять, почему этого надо столь опасаться».

⁴ См. п. 28, прим. 4.

⁵ *Шелли П.-Б.* Сочинения, вып. VII. Ченчи. СПб., 1900. Пер. К. Бальмонта; *Гауптман Г.* Потопнувший колокол / Пер. К. Бальмонта. СПб., 1900.

⁶ «Воскрешшие боги. Леонардо да Винчи» (Мир божий. 1900. № 1—12).

⁷ Косвенные подтверждения заинтересованного внимания Ю. Балтрушайтиса к поэзии Коневского находим в письмах Ланга к Коневскому. «Вместе с этим письмом отправил к вам Ипсена в переводе Балтрушайтиса (Балтрушайтис просил меня об этом), — сообщил Ланг Коневскому 12 марта 1900 г. — Далее, не пришлете ли Вы на мое имя для Балтрушайтиса Ваш сборник, так как в Москве Балтрушайтис его нигде не мог найти» (имеются в виду «Мечты и думы» Коневского и драма Г. Ибсена «Когда мы мертвые проснемся» — см. п. 28, прим. 4). Об экземпляре *МД* с дарств. надписью автора: «Ю. Балтрушайтису в знак общей любви к нынешним скандинавским литературам. И. Ореус. 1900. Мртт». — См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 116. 24 марта Ланг извещал Коневского: «Ваш сборник я передал “гранитному” милому Балтрушайтису (...) Он великолепный каменный талант; в его безмолвии я чувствую величие северной природы, ее беспредельность ледовитых саг глубокой древности и свежесть просыпающейся жизни (...) Пишите Балтрушайтису на мое имя, я ему передам» (*ПК 1988*. С. 26).

⁸ Н. Я. Брюсова принимала деятельное участие в издании посмертной книги Коневского «Стихи и проза», у нее хранились все материалы, переданные Брюсову И. И. Ореусом-отцом после смерти Коневского (сейчас — *ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3). В письме к Ю. Н. Тынянову от 10 ноября 1933 г. Н. Я. Брюсова сообщала: «Разумеется, т. Степанов может ознакомиться с рукописями Коневского. Но я далеко не уверена, что вы найдете там много материала для отдельной книги неизданных сочинений Коневского. В свое время мы с Валерием Яковлевичем думали об издании такой книги, но решили, что это неосуществимо. Если же вы предполагаете переиздать прежние книги с включением неизданных сочинений, то для этого в рукописях, вероятно, найдется материал» (архив Н. Л. Степанова).

⁹ См. п. 30, прим. 9.

¹⁰ К письму было приложено, видимо, стих. «Ученик» («Я — жрец Изиды светлокудрой...» — 9 марта 1900 г. *ТВ*. С. 17—18), впоследствии печатавшееся под заглавием «Жреп Изиды». См.: I, 146—147.

¹¹ Ср. дневниковую запись Брюсова (11 марта 1900 г.): «Получил письмо от А. Добролюбова; он в Оренбургской губернии» (Верхнеуральский уезд, Кизильская почт. ст., Варшавская станция, Каубахский поселок, у П. Орлова) — *Дневники*. С. 83. Письмо датируется по почт. шт. 3 марта 1900 г. Копию этого письма Брюсов послал в середине марта Вл. Гиппиусу. См.: *ИРЛИ*. Ф. 77. Ед. хр. 211.

34. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) Апр(еля) 5. (1900 г.)

Очень благодарю Вас, мой друг Валерий Яковлевич, за доставку изданного «Скорпионом» сборника стихов А. Добролюбова. Чрезвычайно прискорбно, что и тут мое изложение не избежало одного, по крайней мере, важного искажения при печатании: на первой странице, там, где должно быть «степенью», стоит родит(ельный) пад(еж), что при только что предшествовавшем родит(ельном) пад(еже) «причин» особенно может вызвать недоразумение¹. Ваша заметка «о русском стихосложении»², мне кажется, верна в ощущении дела и остроумно обобщена и доказана. Последнее время я был обременен университетскими писаниями по избранному мною предмету истории языка: «особенности языка в поэзии Тютчева сравнительно с поэзией Пушкина»³, и, усиленно поспевая к сроку, чувствую себя по этой и другим причинам в настоящую минуту очень расстроен в деятельности сознания внутренней и внешней, воли головно-мозговой и воли прочих частей живоустройства (организма).

Ваш И. Ореус.

Открытка.

¹ Ошибка была допущена при наборе вступительной статьи Коневского к «Собранию стихов» Добролюбова — «К исследованию личности Александра Добролюбова». Приводим фразу Коневского о двух видах познания — «художественном впечатлении» и «научном понятии» — в исправленном виде: «Первый вид познания с необходимостью вызван восприимчивым расположением права личности, ее свойством, качеством; второй условлен общими всей человеческой породе условиями рассуждения причин, степенью и количеством его сил и объема» (с. 3).

² Вступительная статья Брюсова к тому же изданию.

³ Возможно, имеются в виду «вступительные части» к незаконченной статье «Поэзия Алексея Толстого» (см. п. 49, прим. 4) — «Мыслительные перепутья русского стихотворчества, предвещающие мысль А. Толстого — Тютчев, Пушкин, Баратынский, Кольцов, Фет» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 28—42об.). Сравнительному анализу творчества Тютчева, Пушкина, Баратынского посвящена и статья «Мистическое чувство в русской лирике» (1900) — СЛ. С. 199—219.

35. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Вторая половина апреля 1900 г.)

Я читал — это уже далеко теперь — рецензии Гиппиуса о нас. Конечно, нет тех глупостей, как в «Нов(ом) вр(емени)» и «России»¹, но и умного не много. Элементарнейшие и не нужные суждения. Я разочарован². Кстати, была еще одна рецензия в «Орловск(ом) вестн(ике)»; мне о ней сообщили добрые приятели (каковым для Вас являюсь я); но по всему видно, что «рецензент» самой книги не читал, а пишет по «Нов(ому) вр(емени)»³. Еще кстати: получил ли В. Гиппиус мой ответ на вопрос о письме Добролюбова? я ответил давно⁴. Быть может, у Вас есть стихи; очень о них прошу. Вопрос: знает ли Билибин лично художника Лансерэ?⁵ «Скорпиону» хотелось бы вступить с ним в какие-то сношения. Видели ли Вы «Сьесту»?⁶ Верхарн издал драму *Cloître — le* или *Les cloîtres*, если слово можно употребить во мн(ожественном)⁷. Стринберг помешался⁸. «Альму» если судить судом праведным, должно осудить⁹. Какой-то свод общих мест из новой поэзии, заранее все наизусть знаешь, каждое предложение словно краденое. Но, конечно, в разговорах я прославляю эту драму. М. Дурнов уехал к бурам¹⁰. Бахман издает новую книгу стихов¹¹. «Горящие здания» Бальмонта должны быть уже напечатаны¹². В. Саводник¹³ — помните такого? — восхищен *Vielé-Griffin*'ом. Читал я не мало *Pierre Louys*, иногда не плохо, но и не хорошо¹⁴. Вот письма Артура Римбо хороши очень¹⁵, я выписал еще его биографию¹⁶ и намерен предаться ему временно. В Москве издается перевод Ницше под ред. Емельянова-Коханского, который даже читать по-немецки не умеет¹⁷.

Напишите что-нибудь мне.

Ваш Валерий Брюсов.

1900 апрель.

¹ Рецензия на «Книгу раздумий» в «Новом времени» — характерный образчик разносной критики со стихотворным «резюме»:

Брюсов завирается,	Рдеет скудоумие.
Дурнов надрывается.	Здравый разум топится,
В книге их «Раздумия»	Груды чуши копяты.

(Новое время (приложение). 1900. № 8617. 23 марта. С. 9—10. Подпись: М.)

В сходной тональности выдержана и рецензия А. В. Амфитеатрова в газете «Россия». Обличая «дикий, глупый кошмар» «декадентских» стихов, критик утверждает, что ни один из участников «Книги раздумий» не обладает собственной поэтической индивидуальностью: «Книгу эту раздумывали четверо: гг. Бальмонт, Валерий Брюсов, Модест Дурнов и Ив. Коневской. Раздумали 82 страницы, по 20^{1/2} страниц на каждого. Впрочем, кажется, гг. Бальмонт и Ив. Коневской раздумали больше, а гг. Валерий Брюсов и Модест Дурнов — меньше. Я беру среднее число. Взять его тем легче, что все четверо поэтов раздумывают так похоже друг на друга, что весьма трудно различить, где кончат раздумывать г. Бальмонт и начинает Валерий Брюсов, где свершился мысленный путь Модеста Дурнова и началась поэтическая тропа г. Ив. Коневского» (*Old Gentleman* (А. В. Амфитеатров). Литературный альбом. XII // Россия. 1900. № 328. 24 марта).

² В кратком отзыве о «Книге раздумий» Вл. Гиппиус писал: «Г. Бальмонт владеет плавным, но не всегда выразительным стихом, несколько чуждым поэтического движения; стих

Ив. Коневского, не чуждый поэтического движения, выразителен, но уродлив; г. Брюсов писал бы, вероятно, недурно, если бы свои несложные настроения выражал не таким притязательным стихом; г. Дурнов, судя по напечатанным в сборнике стихотворениям, вовсе не имеет литературной способности... Какой общий смысл *Раздумий*, какое направление соединило четырех авторов, и отсюда — в чем значение такой брошюры? — остается неясным» (Мир искусства. 1900. Т. III, № 5—6, отд. II. С. 107). Еще более резким был отзыв Гишпиуса о книге Коневского «Мечты и думы», напечатанный там же (см. п. 36, прим. 8).

³ В упоминаемой Брюсовым рецензии воспроизводятся те же три стихотворения из «Книги раздумий» с проиническими комментариями, что и в рецензии «Нового времени» (*Lettres* (Летже М. К.). Между прочим // Орловский вестник. 1900. № 84. 28 марта).

⁴ См. п. 33, прим. 11. К копии письма Добролюбова приложена записка, в которой Брюсов оговаривает, что переписывает письмо Добролюбова «с пропуском нескольких слов — именно тех, где он указывает свое местопребывание», поскольку не решается «нарушить его желания» (*ИРЛИ*. Ф. 77. Ед. хр. 211).

⁵ Евгений Евгеньевич *Лансере* (1875—1946) — живописец, график, иллюстратор, член общества «Мир искусства».

⁶ *Гамсун К.* Съеста: Очерки/Пер. с норвежского С. Полякова. М.: Скорпион, 1900.

⁷ Драма «Монастырь» («Le cloître») вышла в свет в 1899 г.

⁸ Август Стриндберг (см. о нем п. 26, прим. 19) переживал в это время так называемый кризис «inferno».

⁹ Пьеса Н. Минского «Альма. Трагедия из современной жизни» (СПб., 1900) вышла в свет отдельным изданием в марте 1900 г. В этой философской драме, насыщенной типично «декадентскими» мотивами и символами, действие сконцентрировано вокруг образа главной героини — исключительной личности, ищущей выход из соблазнов эстетизма и индивидуализма к своему подлинному «я» и внутренней свободе. Обзор многочисленных критических откликов на «Альму» см. в «Летописи литературных событий 1892—1900 гг.», составленной М. Г. Петровой (Русская литература конца XIX — начала XX в. Десятилетие годы. М.: Наука, 1968. С. 456—457).

¹⁰ Ср. дневниковую запись Брюсова (май 1900): «Дурнов вернулся; он был в Персии» (*Дневники*. С. 86).

¹¹ Это намерение не было осуществлено. Стихотворения Бахмана собраны в посмертном издании: *Vachtman G.* Gesammelte Gedichte. Moskau, 1910.

¹² См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 47, прим. 3.

¹³ См. п. 30, прим. 10.

¹⁴ Пьер Луис (1870—1925) — французский поэт и прозаик. Наиболее известные его произведения 1890-х годов — сборник «Песни Билитис» (1894), романы «Афродита» (1896) и «Женщина и пацц» (1898).

¹⁵ *Lettres de J.-A. Rimbaud.* P.: Marpon et Flammarion, 1899.

¹⁶ «Жизнь Артюра Рембо» (1897), написанная зятем поэта Патерном Берришоном. Брюсов указал эту книгу, как сохранившую значение, в своем позднейшем перечне литературы о Рембо (*ПСС XXI*, 263).

¹⁷ Это издание не было осуществлено. Об А. Н. Емельянове-Коханском см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 7, прим. 5.

36. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) Мая 3. 1900.

от И. Ореуса *

Простите мне, Валерий Яковлевич, продолжительную бесприветность: все последнее время чувствовал большой упадок деятельных сил в некоторых орудиях своего живоустройства, который происходил, конечно, от чрезвычайного раздражения и перенапряжения чувствительных нитей. Теперь слегка оправляюсь, но не могу дожидаться переезда в летнюю среду, на который надеюсь к середине этого месяца. Тогда, конечно, изведу Вас, где я буду. — Только что доставлено мне новое издание «Скорпиона» — первый перевод из Гамсуна¹. За доставку приношу благодарность переводчику-издателю, но не могу не выразить неудовольствия перед тем выбором из сочинений норвежского писателя, который сделан им при первом как раз переводе. Рассказы, составившие его, я читал нынче зимой по-немецки, и против всякого ожидания от такого писателя, как Гамсун, они мне показались разве что техническими упражнениями в употреблении тех сокращенных до минимума средств повести и передачи, которые часто оказывают столь могущественное действие объемлющей их тишью в его больших повестях². Но никак не видел возможности найти в их пустоте малейшее самостоя-

* Подчеркнуто И. Коневским.

тельное значение, исключая рассказ «Тайное горе», в самом деле захватывающий и пронзающий и чуть-чуть наподобие Достоевского и Поэ.

Меня очень впечатлевает поступок отъезда в край буров со стороны М. Дурнова; но желал бы удостовериться, каковы его намерения — воинственные или созерцательные. И в том, и в другом случае его поступок знаменателен. — «Альма» производит, точно, очень неприятное впечатление своей программностью, рекламностью, блеском и лоском в отделке речей и вообще глубоким техническим опытом и навыком в подделке под целый строй чувств, сущность которых тем не менее ни на одну минуту не проходит в душу писателя. Между тем, схема и предначертание такого рода, что попадись в руки человеку страстно переживающему, могло бы возникнуть, в самом деле, великое изображение всей современной воли ³. Особенно прискорбно, что такие вещи, которые в обществе будут признаны памятниками настроения поры, у нас даются такими деятелями, как Минский и Мережковский, из них первый как лирик воодушевлен, но всей своей личностью мертв и потому как носитель жизненной воли лжив, а другой как личность жив и искренен и чуток, но как носитель жизненных стремлений и даже воображений глубоко бессилен и худосочен ⁴. Да вдобавок к этим рыцарям печального образа присоединяется своей известностью еще такой мелкий и бойкий шарлатан, как Бальмонт. Кстати, характерное сведение — один мой знакомец, который раньше высоко ценил его стихи до желания личных с ним отношений, а в то же время безмерно увлекается Гауптманом, вполне, по его словам, убедился в поддельности Бальмонта по прочтении его переводов из германского драматика: буренинский перевод «Потонувшего колокола», по его мнению, лучше ⁵.

В противоположность Вл. Гиппиусу, непростительному своей сокровенностью ⁶, Ф. Сологуб, кажется, собирается возмутить воду в омуте нашей поэзии: этой же весной, по известиям, сообщенным мне Гиппиусом месяца полтора тому назад, он предполагал издать новую книгу стихов, которую составит только половина его стихотворчества, принявшего ведь за последние три-четыре года размеры огромные ⁷. Между прочим, о том, получил ли Вл. Г(иппиус) Ваше известие о Д(обролюбове), не могу ничего Вам сообщить, так как у меня с ним давно не было, и, вероятно, больше не будет личных отношений. На внутренние недоразумения и общие литературно вредные свойства его критики я ему писал частным письмом обстоятельное возражение, которое, вероятно, явится для меня заключительным расчетом с ним, как с литературным и мыслительным ценителем ⁸. Меня более всего, конечно, огорчило то значение, которое приобретает «Мир искусства», все же единственный у нас носитель живых направлений в начертательных искусствах, когда вмещает в себя подобные проявления неумелых и близоруких способов суждения, каковы критические оценки, подписанные «В.»

Еще отмечу, что в современной нашей поэзии меня все более утешает Случевский. Перечитав оба первые тома его сочинений ⁹, я нашел много прежде вовсе неощущенных мною черт величия; «Элоа» ¹⁰ научился ценить, действительно, наравне с метафизическими междудействиями из «Дон-Жуана» А. Толстого ¹¹. А из новейших проявлений его творчества на меня местами оказывали громовое внушение его обобщенные картины и действия «Он и Она» (в первых трех книжках Недели за этот год) ¹²: все эпизоды, помещенные во второй из этих книжек (Его скитания в мире человеческом и внечеловеческом), представляют собой нечто единственное в русском стихотворчестве по соединению широты плана с яркостью и отчетливостью отдельных образов и общим грозным жаром освещения. В целом Случевский не явил из себя единой крупной личности, но это именно потому, быть может, что вследствие крайне жгучей чуткости к темным и возбуждающим смуту явлениям жизни он, не призванный всей своей волей выносить их напор, бежал в пошлость, заглушал себя каким-то дешевым ухарским посвистом. Этот внутренний разлад меня роднит с ним. Мое органическое сродство с самой плотью и кровью его стиха и отчасти воображения было очень правильно признано Вл. Гиппиусом.

Был очень рад, увидя объявление о Вашем намерении писать про творчество

Верхарена¹³. Вполовину эта же задача, как известно Вам, выполнена мною, но вследствие того, что в неурочно позднейшее время мне внушилось убеждение о необходимости другой половины, да и потому, что настоятельно настали иные задачи, она, я полагаю, оставлена мною навсегда. Несмотря на Ваше намерение или, быть может, уже — и выполнение переводов, конечно, стихотворных, из его поэзии, я тем более преследую намеченную мною уже давно задачу точных передач его стихов посредством прозы. В настоящее время исполнение задуманной мною многозначительной программы такого рода переводов почти приведено к концу. И, конечно, замысел ряда переводов, установленный «Скорпионом», как нельзя более располагает меня к расчету на включение моего собрания в эту совокупность. Надеюсь, что издатель «Скорпиона» не будет разделять Вашего непримиримо отрицательного отношения к передаче стихов посредством прозы, и поэтому решаюсь через Вас передать ему мое предложение об издании сборника моих переводов. Был бы доволен, если бы узнал от Вас адрес С. А. Полякова. Окончательно в состав моей переводной программы входят образцы из Swinburne, Rossetti, Vielé-Griffin, de Régnier, Verhaeren, Maeterlinck (из «Trésor» и «Sagesse et Destinée»), Nietzsche (из III-ей и IV-ой ч(астей) «Заратустры» и «Дионисовых Дифирамбов») ¹⁴. Опасаюсь, конечно, за некоторые места у Nietzsche и Verhaeren (в «La Forgeron», «L'Ame de la Ville», «Aux Moines» и др.) ¹⁵, а особенно за Swinburne — последние фразы. Если «Hertha» не пройдет через цензуру ¹⁶, целое лишится, конечно, одного из своих краеугольных камней: кое-какие места из этой оды, в сущности, более исключительно боевого характера, придется, пожалуй, исключить, а кроме того, многое, я думаю, можно «скрасить» через замену прописной буквы строчною в слове «Бог», иногда — еще и присоединение к нему эпитета «всякий», иногда употребление во множ(ественном) ч(исле).

В заключение позволю себе воззвать к Вам: долго ли еще Вы будете хранить свое равнодушие или даже нерасположение к Henri de Régnier? Могу Вас удостоверить, что в последнем сборнике стихов «Médailles d'Argile» ¹⁷ есть такие поэтические явления, которые представляют лучший цвет, классическое совершенство исто французского словесного гения. Подобно Леконт де Лиллю, достойно и академия, и чистейшего поэтического чувства. De Régnier — представитель самого и строгого, и пышного, и изящного величия во французском стихотворчестве этого времени и в числе первых — среди всей вообще породы коренных французских художников слова. В романе его, недавно вышедшем, он, кажется, не достиг успеха: в нем, кажется, скопилась всякая мелочь его личности. Вообще, для крупного повествовательного построения у нынешних французов мало пороха. Впрочем, Rosny ¹⁸ и Paul Adam ¹⁹ часто очень сильны, но много в них и всякой мути и мзги (?). Не знаю, как судить о de Gourmont ²⁰.

P. S. В Pierre Louys, так же как в Huysmans и в m-me Rachilde ²¹, не верю ни на грош. Относительно писем Rimbaud, да и жизнеописания его ²², что Вы пишете, возбуждает во мне любопытство. Но узнайте же, не только по моей характеристике, стихи незаменимого в некоторых отношениях, быстро промелькнувшего, не выдержав жизни, Jules Laforgue. Давно сам хочу, но все не соберусь ознакомиться еще с его шестью повестями в прозе «Moralités légendaires» ²³, которые, судя по замечаниям вскользь некоторых писателей, имели, по-видимому, какое-то путеводное действие на все ныне достигшее зрелости поколение французских поэтов стиха и прозы. Но в ближайшем будущем жду с нетерпением присылки последней поэмы Vielé-Griffin: «La légende ailé de Wieland le Forgeron» ²⁴. Если достанете «Cloîtres» Верхарена ²⁵, сообщите, пожалуйста, о цене (бельгийские издания с этой стороны очень разнятся между собой, я желал бы знать наперед).

И. Билибин встречал лично Лансерэ в редакции «Мира искусства», но других отношений у него с ним нет. Теперь самого Билибина в Пб. нет: он уехал в Одессу держать государственные экзамены ²⁶.

Maeterlinck в самом скором времени выпустит книгу «Le Mystère de la Justice» ²⁷. И Вам придется ее проштудировать.

Ответ на п. 35.

¹ См. п. 35, прим. 6.

² Видимо, Коневской подразумевает наиболее известные произведения Гамсуна 1890-х годов — романы «Голод» (1890), «Мистерии» (1892), «Редактор Люнге» (1892), «Новые всходы» (1893), «Пан» (1894), «Виктория» (1898).

³ Среди писем Коневского к Брюсову сохранилась рукопись его заметки о пьесе Минского «Альма», критически оценивающей как пьесу, так и отзыв о ней З. Гиппиус. В статье «Торжество в честь смерти. «Альма», трагедия Минского» (Мир искусства. 1900. Т. IV, № 17—18, отд. II. С. 85—94) З. Гиппиус противопоставляла бесперспективным исканиям декадентов, поэзии Брюсова, Добролюбова, Бальмонта истинно новое, «подземное» движение — «о важном и вечном», — сказавшееся в «Альме»: «Минский думает и говорит о самом важном, единственном, о чем следует думать и говорить, — то есть о человеке и о боге, о жизни внутренней и внешней в их возможном (или невозможном) соединении, о воплощении духа, об одухотворении плоти, — о смысле и цели жизни» (с. 88). Смысл трагедии и гибели Альмы З. Гиппиус видит в том, что героиня Минского «не любит жизнь, плоть, землю, а любит только неземную, бесплотную свободу»: «Свобода, та, к которой шла Альма-Психея Минского, не путь к Богу, то есть не движение, а стояние перед богом» (с. 93). Критикуя «Альму» Минского и статью Гиппиус, Коневской ставит пьесу в один ряд с такими программными индивидуалистическими произведениями 1890-х годов, как сборник Мережковского «Новые стихотворения» (СПб.: Изд. М. М. Ледерле, 1896) и «Песня» (1893) З. Гиппиус («О, пусть будет то, чего не бывает, // Никогда не бывает»; «Мне нужно то, чего нет на свете, // Чего нет на свете»). Заметка Коневского была написана по просьбе Брюсова (см. п. 46) для *СЦ 1901*, но не была там помещена; было отдано предпочтение его статье «Об отвращении новой русской поэзии» (см. п. 55, прим. 1 и п. 56).

⁴ Более подробный критический анализ творческого облика Мережковского Коневской дает в незавершенном наброске статьи «К суду над Мережковским»; выводы при этом делаются преимущественно на основе книги очерков Мережковского о классиках русской и мировой литературы — «Вечные спутники. Портреты из всемирной истории» (СПб.: изд. П. П. Перцова, 1897): «В уме Мережковского, вследствие его долговременного опыта в умозрительном истолковании поэтических личностей, до такой степени утвердились некоторые схемы и шаблоны мировых понятий, что они невозвратно вошли как бы в самый его духовный обиход, стали принадлежностями его воображительной утвари. Поэтому, ощущая подчас в своем сердце искренние страстные порывы к мировому созерцанию, ему уже, по-видимому, вполне невольно и безотчетно нет никакой возможности отвлечься, отделиться от тех же прочно засевших в нем восприятий и понятий. Наибольшая опасность этих усвоенных оборотов познавательной деятельности содержится в том именно, что это обороты и обычаи, приобретенные наполовину чутьем, наполовину строгим опосредствованием рассуждающей проверки; и таким образом, в то время, как к мыслительному и мечтательному исследованию явлений поэзии значение их как нельзя более пригодно и производительно, в лирическое вдохновение ими вносится вовсе несообразный, какой-то недомысленный, недочувствованный осадок, расхолаживающий увлечение восторга и бесплодно растравляющий мыслительные потребности. В той же мере, в какой представления миропонимания и богомыслия предстают во всем своем величии, когда они возникают в лирике под напором пламенного ощущения, в такой же мере они выдыхаются в пустоту условных форм и значков, когда неотразимо создается читателем, что писатель извлекает названия этих великих представлений из каких-то шкафчиков своего ума, где они у него всегда налицо в виде готовых к надобности сподручных механизмов понимания» (*ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 2. Ед. хр. 3*).

⁵ См. п. 33, прим. 5. Перевод Буренина см. в изд.: Гауптман Г. Потонувший колокол. М.: Литогр. Моск. театр. 6-ки С. Ф. Разсохина, 1897.

⁶ Вл. В. Гиппиус отказался в эти годы от издания очередного сборника своих стихотворений. Сам он впоследствии признавался: «Отчасти под влиянием Мережковских, отчасти вечно неудовлетворенный собой, я не издал сборника своих сочинений» (*Гиппиус В. Александр Добролюбов // Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. I, кн. III. С. 281*). После сборника «Песни» (СПб.: Паровая скоропечатня «Надежда», 1897) следующей поэтической книгой Гиппиуса явился сборник «Возвращение» (стихи 1896—1906 гг.), выпущенный в свет (под псевдонимом «Вл. Бестужев») только в 1912 г. Когда была отпечатана книга «Песни», Гиппиус всячески препятствовал ее распространению. В частности, 12 января 1897 г. он писал Брюсову: «Итак, я издал книжку, которую не выпускаю «в свет» (...) потому что считаю ее крайне несовершенной» (*ГБЛ. Ф. 386, 82.32*); ср. надпись Гиппиуса на последней странице экземпляра «Песен», подаренного 18 октября 1896 г. Ф. Сологубу: «Издание не для продажи без права на рецензии» (Библиотека *ИРЛИ*, шифр: 105 3/79). Хотя «Песни», судя по припискам Гиппиуса, в продажу не поступили, книга все же имела известное распространение (экземпляр книги есть, например, в библиотеке И. Н. Розанова — см. Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. М., 1975, № 2546). На решение Вл. Гиппиуса не могло не повлиять отношение З. Н. Гиппиус к творческим опытам молодых петербургских «декадентов». Так, по выходе в свет книги А. Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata» она писала Вл. Гиппиусу (27 августа 1895 г.): «... чувствую к вам нежность и небывалое раньше уважение — так вы умно поступили, не издав своей книжки. Я думаю, вам теперь самому жалко вашего «друга» с его пустыми листами, серым, даже не смешным, абсурдом, кое-где прерываемым банальными словами и строками (...) Жалко его — и страшно, что вы могли бы очутиться

в таком же комичном положении, невозможном для серьезного человека, если бы издали свою тетрадку более талантливых, но столь же незрелых, детских опытов» (ГЛБ. Ф. 481. Ед. хр. 38). Когда же Гиппиус повторил «проступок» Добролюбова, издав «Песни», и постепенно преподнес книгу своей родственнице, З. Гиппиус укоряла его в письме от 27 октября 1896 г.: «Да, знаете, уж это бессилие и трусость. Я вам всегда говорила, что не следует печатать книжку, но раз вас “заставили обстоятельства”. то на понятный поздно» (Там же). Своими стихами, написанными после выхода в свет «Песен», Вл. Гиппиус также не был удовлетворен. 29 июня 1897 г. он писал Сологубу: «Мережковские мои последние стихи хвалили (...) а мне от них тоска, потому что надо писать гораздо лучше, а я, сдается, лучше не умею» (ИРЛИ. Ф. 289: Оп. 3. Ед. хр. 185).

⁷ Очередной авторский поэтический сборник Сологуба после книги «Рассказы и стихи», кн. 2 (СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896) вышел в свет только в 1904 г. в издательстве «Скорпион» («Собрание стихов, кн. 3 и 4. 1897—1903 гг.»). Сведения же о намерении Сологуба издать очередной сборник стихов в 1900 г., видимо, вполне достоверны: Вл. Гиппиус в 1890-е годы тесно общался с Сологубом. «Мое декадентство было принято без всяких оговорок только Сологубом, с которым я сблизился после первой же встречи в “Северном вестнике”, — писал Гиппиус в автобиографии «О самом себе» (ИРЛИ. Ф. 377, 2-е собрание автобиографий С. А. Венгерова. № 184. Л. 4). Первые две книги стихов Сологуба и его художественное мироощущение в целом Коневской подробно характеризует в статье «Стихотворная лирика в современной России» (см. п. 30, прим. 16). В краткой заметке «Стихи Федора Сологуба» (26 декабря 1896 г.) Коневской пишет: «Краски строгие, простые до тусклости, какие-то матовые и сероватые. И напевы необыкновенно-простые, порою бесформенные, несложившиеся, а в то же время особенно задумчивыми и выстрадавшими звуками звенящие. В сдержанных, скудных токах этой поэзии нередко пробиваются однако причудливо-сказочные мерцания роскошных красок, видимые как бы сквозь серебристую дымку (...) это — заветная цель наших многовековых паломничеств, восточный рай, преобразившийся в расплывчатой, мечтательной душе русского северянина (...) Так в нем и ходит тяжелая, в обычное время несколько сонная и вялая кровь великорусского славянина, которая легко может застыть в неподвижных созерцаниях, но которая, уж если всколыхнется, так покажет все те силы буйства и страсти, которые в ней дремали» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 16—17). В статье «Об отпевании новой русской поэзии» Коневской называет Сологуба «одним из первых талантов нашей теперешней поэзии» и отмечает, что новейшая поэзия Брюсова («Tertia vigilia») обладает «гораздо меньшим совершенством слова, чем у Ф. К. Сологуба» (СЦ 1901. С. 186). Незадолго до гибели Коневской отправил Сологубу следующее краткое письмо (7 июня 1901 г.): «Не могу не высказать Вам, Федор Кузьмич, что Ваши стихи в Северных цветах и в Мире искусства были мне благой дар. Во главе всех дума, начатая словами: Я люблюсь людской красотой..., есть великая помощь мечте и делу моей жизни. Я верую в святость Вашего творчества. Иван Ореус» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 509. Упомянутое стихотворение Сологуба см.: СЦ 1901). В статье «Федор Сологуб как поэт» (1910) Брюсов отмечает, что одним из «страстных поклонников» поэзии Сологуба «был безвременно погибший Иван Коневской, отдававший Сологубу предпочтение перед всеми современными ему поэтами» (VI, 283).

⁸ См. п. 30, прим. 28. Еще 15 декабря 1899 г. Гиппиус писал Сологубу: «Получили ли Ив. Коневского, на которого я задумал написать статью в “Мир искусства” — и не могу. А книжка достойная быть выруганной, что я и сказал сочинителю, но он не согласен и говорит, что — очень хорошо. А что хорошего?

Во-первых, — серая бумага.
Читаешь — сотни опечаток.
Стихи — такая ерунда.

Рифмы — надгробье и в лоб я; язык чухонский, нудный, трудный, мысли средние, а до чувства не доберешься... Зачем взял эпитаф из меня, когда я еще не печтал? да еще подписал его лжеименем Веге? за что? а в посвящении Леса — Владимир Г... Совсем обкорнал. Уж за одно это стану ругать. Лучшая строчка, конечно: «Отколе мне сие, аз вопрошаю?» посреди чухонских строк — что за прелесть!» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 185. Оубл. частично и с некоторыми неточностями: Ежегодник 1977. С. 84; «Лес» — поэма Коневского «Дебри», посвященная Гиппиусу; эпитаф из Гиппиуса, подписанный «В. Г.», взят для цикла «Бледная весна» — МД. С. 185; СЦ. С. 77).

Сравнительно короткая рецензия Гиппиуса на «Мечты и думы» написана с исключительной резкостью. Характеризуя вошедшие в книгу Коневского стихотворения, критические и путевые очерки, Гиппиус пишет: «И то, и другое, и третье — искренно и даже талантливо, но язык в них до того безграмотен, стиль неряшлив и последовательность самих мыслей до того уродлива, что чтение книжки и чрезвычайно трудно, и неприятно. Каковы бы ни были вкусы и убеждения писателя, каковы бы ни были его способности, — одно стоит вне всякого сомнения, одно совершенно необходимо: он должен писать грамотно, развивать мысли последовательно, выражаться с возможной точностью, ясностью и даже изяществом (...) До тех пор, пока Ив. Коневской не научится писать грамотнее, все, что бы он ни написал, останется вне литературы. “Мечты и думы” нельзя оценивать, потому что такие стихи и прозу невозможно читать; по крайней мере для этого требуется большое усилие, а уславивать их содержание — даже труд. В чем же ручательство, что труд окутится глубоким смыслом их? Доброжелательная критика в лучшем случае может признать за “Мечтами и

думами" и всеми подобными сборниками значение ученических работ, выполненных неудовлетворительно» (Мир искусства. 1900. Т. III, № 5—6, отд. II. С. 107). Письмо Коневского к Вл. Гишпиусу от 12 апреля 1900 г., в котором дается подробный разбор рецензии на «Мечты и думы» и разоблачается «крайнее бессилие» Гишпиуса «выразить свои понятия и обосновать суждения», опубликовано И. Г. Ямпольским (*Ежегодник 1977*. С. 94—98). Отрицательное отношение к рецензии Гишпиуса выразил в письме к Коневскому от 6 мая 1900 г. А. Ланг: «К сожалению, просматривал статью Гишпиуса и сожалел о том, что он пустился критиковать. Ему следует писать исключительно одни стихотворения и не марать себя дешевыми приемами маститого Буренина» (*ПК 1988*. С. 27).

⁹ Сочинения К. К. Случевского: в 6 т. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1898. В первых двух томах помещены стихотворные произведения.

¹⁰ «Элоа. Апокрифическое предание» — философская поэма-мистерия Случевского. Ее высоко ценил Брюсов, называя в числе «вещей удивительных и дерзновенных», выдерживающих сопоставление с «Демоном» Лермонтова (см.: *Дневники*. С. 64—65). Характеристика «Элоа» занимает центральное место в статье Брюсова «К. К. Случевский. Поэт противоречий» (1904 — VI, 233—234).

¹¹ Имеются в виду сцены с участием духов и сатаны в драматической поэме А. К. Толстого «Дон Жуан» (1859—1860) — пролог и сцена «Сумерки. Кладбище» из части второй. Хором духов «Едино, цельно, неделимо...» (см.: *Толстой А. К. Собр. соч.*: В 4 т. М., 1963. Т. 2. С. 88) Коневской заключает свою статью «Живопись Бёклина» (*МД*. С. 158; *СП*. С. 169).

¹² Драматическая поэма Случевского «Он и Она. (Реальная фантазия)» в трех частях (*Книжки Недели*. 1900. № 1—3). В статье «Об отпевании новой русской поэзии» Коневской писал: «Невозможно (...) говорить о том, что пропала наша стихотворная поэзия, и до тех пор, пока долготелый возраст не препятствует до последнего времени создавать лучшие свои, даже в крупном объеме, замыслы, как поэма: Он и Она, К. К. Случевскому, единственному в своем роде из русских поэтов по буйной яркости, размаху и причудливой изощренности своей живописи» (*СП 1901*. С. 187).

¹³ В книге Гамсуна «Сьеста» был анонсирован сборник Э. Верхарна «Стихи о современности» (Перевод и статья о Верхарне Валерия Брюсова).

¹⁴ Переводы из всех названных Коневским поэтов вошли в сборник его переводов, хранящийся в ЦГАЛИ (см. п. 9, прим. 11). Подробнее о переводах из Метерлинка, Вьеле-Гриффена и Ницше см. там же, прим. 13, 17 и 18.

¹⁵ «Кузнец», «Душа города», «Монахам» вошли в сборник переводов. См. также переводы Коневского из Верхарна — ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 6—8об. и 12—14об.

¹⁶ Такие же опасения, вызванные богоборческими, разрушительными репликами «Герты» Сунберна, высказывает Коневской и в письме к А. Я. Билибину от 2 июля 1899 г.: «Очень опасюсь, что главнейшие образцы поэзии великого и вещего поэта, которые должны ложиться во главу угла всего, не проскочат через цензуру или подвергнутся большому урезкам, так как это крайне резкие утверждения пантеизма против христианства» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 6 об.).

¹⁷ Сборник стихотворений А. де Ренья «Глиняные медали» (1900).

¹⁸ *Рони* — коллективный псевдоним французских романистов, братьев Бёкс — Жозефа Анри (1856—1940) и Серафена Жюстена Франсуа (1859—1948); до 1909 г. братья писали совместно.

¹⁹ См. п. 19, прим. 10.

²⁰ См. п. 23, прим. 4.

²¹ О Пьере Луисе см. п. 35, прим. 14. Жорис Карл Гюисманс (1848—1907), Рашильд (Маргерит Эмери, в замуж. Валлет, 1862—1953) — французские романисты.

²² См. п. 35, прим. 15 и 16.

²³ Книга Ж. Лафорга «Легендарные добродетели» (1887).

²⁴ «Крылатый сказ о Виланде, кузнеце» (1900).

²⁵ См. п. 35, прим. 7.

²⁶ Прослушав полный курс юридического факультета С.-Петербургского университета и получив соответствующее свидетельство в марте 1900 г. (*ЛГИА*. Ф. 14. Оп. 3. Д. 33106. Л. 46), И. Я. Билибин в мае 1900 г. сдал выпускные государственные экзамены в Новороссийском университете (Одесса), после чего поступил (в сентябре 1900 г.) в число вольнослушателей мастерской И. Е. Репина при Академии художеств в Петербурге (Иван Яковлевич Билибин: Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 72).

²⁷ Сведения почерпнуты Коневским из редакционного примечания к этюду М. Метерлинка «Гайна справедливости» («Le mystère de la justice»), опубликованному в «La Revue de Paris» (1900. Vol. III. Mai—Juin. P. 93—112). Позднее этот этюд составил одну из глав («II. L'Evolution du mystère») трактата Метерлинка «Сокровенный храм» («Le Temple enseveli», 1902).

37. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) Май 1900.

Очень огорчен, дорогой Иван Иванович, что не могли Вы доставить мне ничего нового из Ваших стихов; я очень надеялся их получить. О моих переводах

Верхарна Вы, видимо, составили себе неверное понятие. Они едва начаты; перевел я стихотворений 10—12, но на высшие создания его творчества еще не посягаю. Почему-то верю, что летом переведу еще многое. Что до статьи о Верхарне, то в ней хочу я только передать внешние события личной и творческой жизни Верхарна, у нас безусловно неизвестного даже большинству ценителей: я перечислю, насколько могу, все им написанное, сделаю выписки из некоторых критик, наконец означу поворотные точки его жизни; это все ¹. Но и это все в будущем, пока собираю свои стихи, которые думаю издать осенью ².

Что до Вашего предложения — издать Ваши прозаические переводы — то, конечно, лично я не могу ничего ответить, ибо все же к «Скорпиону» имею отношение второстепенное. Главный его двигатель — С. А. Поляков — в настоящее время уехал в Крым и на Кавказ; вернется он приблизительно через месяц. Его адрес, по которому письма рано или поздно достигнут до него, — таков: Москва, Юшков переулок, Знаменская мануфактура, Сергею Александровичу Полякову. Незадолго до его отъезда была у нас беседа о различных замышляемых им изданиях. Между прочим высказывал он пожелание выполнить замысел Добролюбова — издать в переводах (а возможно и *texte en regard* *) образцы новейшей поэзии — русской, французской, английской, немецкой, итальянской, скандинавской, польской, чешской... Тогда высказывалась надежда, что часть этого труда возьмете на себя Вы и не откажетесь включить в него уже сделанные Вами переводы.

Я не получил еще «Le Cloître» ³. Выписал себе «La Légende ailée» ⁴ — тоже еще не получил, но купил «La clarté de Vie» ⁵, которой у меня не было в собственности, и перечитываю с большим восторгом. «La coupe» ^{2*} — лучшее и совершенство. В значении Vielé-Griffin Вы убедили меня безотрицательно ⁶; не могу сказать того же о de Régnier; может быть, для него я недостаточно знаю французский язык и всю их литературу; он слишком француз; да еще рассказы его, которые я читаю в «Revue de Paris» ⁷, приводят меня в отчаянье. Случайно прочел в одном журнале новые стихи Верхарна, «Notre-Dame-au-Manteau-Froid» ^{3*} довольно длинное повествование из нашей жизни. — «Mercure de France» издал еще книгу Merril — «Les quatre saisons» ⁸, которой читал я восторженные восхваления в «La Plume» ⁹; между прочим: «Camarades pleins d'enthousiasme, poètes à l'âme triste et vague, cadets qui nous suivez, et vous, passant très humble, qui voulez vivre et pleurer et vous donner au Rêve, lisez les Quatre Saisons, lisez ce beau livre de poésie, ce beau livre de gloire...» etc. etc. ^{4*} Затем появилась еще — не знаю чья — La Dame à la Faux ¹⁰, о которой говорил de Régnier в своих лекциях в Соединенных Штатах, где он читал о новейшей французской поэзии. — А еще, чтобы кончить с новостями, Maeterlinck написал новую драму ¹¹.

Пожалуйста, не оставьте меня без Вашего летнего адреса. Теперь по Тютчевскому слову «поют деревья» ¹², неужели Вы не доставите нам новых песен?

Ваш Валерий Брюсов.

Р. С. В письме Георгий М. Добролюбов говорит о предполагаемом издании всех сочинений его брата; среди лиц, которых он желал бы видеть соредакторами, упомянуты имена — Ваше и Вл. Гиппиуса ¹³.

Ответ на п. 36.

¹ Этот замысел Брюсов осуществил только шесть лет спустя, выпустив книгу: *Верхарн Э.* Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906.

² В книгу «Tertia vigilia» вошли два перевода из Верхарна — «К северу» («Два моряка возвращались на север...») и «Женщина на перекрестке» («Я жрица давнего проклятья...»).

* переводы, печатаемые параллельно с текстом оригинала (франц.).

^{2*} «Чаша» (франц.).

^{3*} «Собор Богоматери в холодном покрове» (франц.).

^{4*} «Вы, младшие товарищи, исполненные энтузиазма, поэты печальной и томной души, что следуйте за нами, и вы, смиренные прохожие, которые хотят жить и плакать и отдаться мечте, читайте «Четыре времени года», эту прекрасную книгу стихов, эту прекрасную книгу славы» и т. д., и т. д. (франц.).

³ См. п. 35, прим. 7.

⁴ См. п. 36, прим. 24.

⁵ См. п. 1, прим. 13.

⁶ Ср. позднейшую Брюсовскую характеристику творчества Вьеле-Гриффена: «Вьеле-Гриффин самостоятелен и в содержании своих стихов и в их форме. Он один из мастеров и создателей "свободного стиха"; он много думал над задачами поэзии; его поэмы всегда проникнуты мыслью, глубокой и интересной; он из числа поэтов, которые мыслят и в творчестве которых раскрывается определенное, стройное мировоззрение» (*ПСС XXI*. С. 272).

⁷ В первой половине 1900 г. в журнале «Revue de Paris» был опубликован рассказ Анри де Ренье «Женщина из мрамора» («La femme de marbre» — Vol. 1. Janvier-février. P. 225—241), вошедший затем в его сборник «Необыкновенные любовники» (*Les amants singuliers*. 1901).

⁸ Книга стихов Ст. Мерриля «Четыре времени года» (1900).

⁹ См.: *La Plume*. 1900. 1 mai.

¹⁰ Символистская драма «La dame à la faux» («Женщина с косой в руках») вышла в свет в 1899 г. в издании журнала «Mercure de France». Ее автор — Сен-Поль Ру (см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 4, прим. 8).

¹¹ «Сестра Беатриса» (1900).

¹² Из стих. Тютчева «Сияет солнце, воды блещут...» (1852).

¹³ См. п. 32, прим. 1.

38. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

Мая 14. 1900. Пб.

Спешу известить Вас, милый Валерий Яковлевич, что на следующей неделе я, по всей вероятности, перееду с моим отцом на берег Саймы, в здание, называющееся «Pension Rauch»: оно расположено в 6 в(ерстах) от Иматры, так что на адресе, помимо этого названия, можно обозначить «Иматра»¹. Узнав от А. А. Ланга, что Вы собираетесь из Москвы 15-го², надеюсь этим письмом застать Вас еще в городе и получить в ответ сведения о Вашем летнем месте жительства.

Должно быть, у Вас «деревья поют» уже давно: у нас же всего несколько дней как они начали чуть-чуть «зеленеть пухом» и «обвеваться» «зеленью сквозной, полупрозрачной как дым»³. А до того, чуть не месяц, проходили вполне нелепые и полные внутреннего разлада дни: солнце светило, а воздух пронизывал холодом. Можно ли было отзываться на столь бездушное настроение?

Что Вы пишете о замыслах С. А. Полякова относительно переводных изданий — возбуждает во мне надежды. Во всяком случае, если он намерен осуществлять со всей точностью мысль А. Добролюбова, то пусть примет во внимание, что мне еще недавно было передано Эрлихом: Д(обролюбовым) были бы одобрены переводы стихов исключительно в той форме, в какой я могу их представить; оказывается, что он вполне сходил с со мной во мнениях о необходимости дословной прозаической речи для перевода всякой поэзии. В настоящее время мне остается сделать еще несколько переводов из обеих книг размышлений Матерлинка и двух-трех образцов из Vielé-Griffin * и de Régnier. Из Ницше все, что предполагаю нужным, переведено⁴.

Со сборником Merril⁵, который расхваливается его благоприятели, знакомиться не полагаю нужным. Еще, кажется, зимой 1898—99 гг., когда Вы были у меня в Пб., я Вам показывал первый сборник его поэзии за десять лет⁶ и высказывал свое впечатление, что пожалел о его приобретении, найдя в его авторе ничего более как дутое ничтожество, которое может измелчить современную фантазию и порывы до уровня того, что публика себе представляет под «декадентством». Французский Бальмонт, немного позатейнее, сообразно более изысканным требованиям читателя: заметьте, что он сразу и стяжал себе нема-

* Из него только стихи «Pour le 2 Novembre», в которых вызывает задержку слово «bouillard»; решительно затрудняюсь его передать: в словаре Larousse нахожу только значение какой-то принадлежности запруды при водяной мельнице, между тем как в этих стихах очевидно разумеется какое-то дерево: «La grand bouillard isolé, vert sombre, dont pas une feuille encore ne tombe». Нет под рукой, к сожалению, никакого крупного академического словаря (прим. Коневского).

люю известность еще в конце 80-ых гг., когда о Vielé-Griffin и de Régnier, и тем менее о Verhaegen еле было слышно даже в новаторских литературных кружках — и это несмотря на то, что последним были написаны тогда уже «Flamandes», «Moines», «Soirs», «Débauches»⁷ (1883—88), из которых я и первые не могу не считать образцовой живописью и пластикой. Как раз в параллель Бальмонту, в самом первом сборнике Merril: «Les Gammes»⁸ есть еще две-три очень задушевные и несложные по замыслу элегии (на мотивы о туманах и сумерках и едва ли не лучшая станца — последняя в целом отделе: «Toujours vivre et mourir; revivre et remourir...»^{2*}); далее же он пустился нестерпимо завираться в погоне за большими эффектами.

Гораздо более обращает на себя мое внимание новый сборник A. Ferdinand Herold: «Au Hasard du Chemin», которого «Images tendres et merveilleuses»⁹ я читал еще более года тому назад с большим удовлетворением. Конечно, куда меньше охвата, чем три столпа нынешней французской лирики, но очень цельно и гармонично. Пленительно-певучие и благодатные местности и личности страдалиц-царевен и доблестных царевичей открываются в этих драматических сценах из средневековых сказаний кельтического и передне-азиатского происхождения.

В «Légende ailée de Wieland», многолетнем, по-видимому, создании ее автора, я приветствовал самое многозначительное и торжественное сочинение более крупного объема из поэзии Vielé-Griffin. С другой стороны, я признаю, что с наибольшей яркостью, глубиной и полнотой он все же выразился в сравнительно меньшего объема поэмах (кроме как в упоминаемой Вами «La Coupe», конечно, столь же, если не больше в «Midi-II. Devant la Mer», или в «L'Aube de la Saint-Jean», или в «La Chevauchée d'Yeldis», да и даже в Эпиллоге к первому опыту его: «Cueille d'Avril»)¹⁰. Но среди более обширных его повествовательных, действенных замыслов Крылатому Сказу, конечно, принадлежит первенство. И таким образом он возбуждает особенное, не появлявшееся прежде у того же поэта внушительное и величавое впечатление.

На что не надивлюсь, так это на обновление, возрождение ритма, которого достигли современные художники французского слова. Из самого неподатливого и тугого стиха во всей европейской поэзии сделали этакое, поистине, чудо стихотворного размера по биению и трепету жизни, соединяющее беспредельную легкость с захватывающей мощью, какое, кажется, не слыхано было в европейской поэзии со времени хоровой песни у древне-эллинских трагиков. В сказе о Виланде стих, в самом деле, все время как бы ширяется на крылах или расправляет и вздымает паруса. Перед этим полетом, стремительным и полным упругого самообладания, окончательно сознаешь ничтожество звуков в себе. Вы, я нахожу, можете ощущать несколько больше самоудовлетворения: в «Демонах пыли» Вы достигли большого совершенства в подобных же смелых и твердых колебаниях ритма, так же, как и в первой части поэмы о Викингах¹¹, хотя с меньшей сложностью.

Заметьте, что de Régnier, с другой стороны, поражает тем глубоким и легким волнением, которое он внес во французский александрийский стих, сохраняя всю его строгую размеренность и чинность. А, между тем, нечего и говорить о его мастерстве и в самых летучих, вьющихся напевах. Зачем же Вы смотрите на его прозу, за которую он напрасно берется?

От Вас жду более всего продолжения поэмы к Царю Северного Полюса. Надеюсь, что она составит в полном объеме центр тяжести Вашей «Tertia Vigilia».

Не помню, писал ли я Вам, что в середине лета надеюсь разъезжать с И. Я. Билибиным по местам, освященным стариной Суздальской Руси, каковы города и веси, расположенные близь верхней Волги, и, быть может, по Шексне, проберемся и до обители, славной и во времена Московской Руси, Кирилло-Белозерского монастыря¹².

^{2*} «Жить и умирать, возрождаться и вновь умирать» (франц.).

В последнее время я много беседовал с молодым человеком, представляющим много достопримечательного. Он — дальний мой родственник, по отцу австриец, по матери — швед, будущий германский поэт, но случайно воспитывается здесь в первой гимназии, хотя чувствует органическую антипатию к русской жизни. Он поражает кругом литературных знаний и самостоятельным воображением, а также направлением стремлений¹³. Будучи всего 18 лет от роду, он успел прямо воспитаться на древних трагиках, Шекспире, испанской драме и германской поэзии конца XVIII-го и начала XIX-го веков; из более новой литературы знает хорошо Ибсена и Якобсена¹⁴, а также русский роман, хотя очень не сочувствует ему. К лирике у него меньше вообще расположения, чем к повести и особенно драме, в которой излюбленный его мир — Кальдерон, индусский театр (Калидасы и Судраки)¹⁵, и наконец — довольно крупный, хотя, по-моему, аляповатый в своей мятежности германский драматик начала столетия Grabbe (автор кричащей трагедии: «Don Juan u(nd) Faust»¹⁶; единственное, читанное мною из его

творчества, хотя другие драмы его, исторические, по словам его почитателя, благороднее). Конечно, увлечение этим писателем свидетельствует о не вполне сложившемся вкусе молодого Кунцмана; но предпочтение, оказанное им этому «рвущему и мечущему» романтику перед множеством других известных ему значительных образцов всемирной поэзии, очень, во всяком случае, характерно для этого юноши, которого я научился знать и по его собственному стихотворчеству, очень обширному и отмеченному своеобразной систематичностью. От этой же систематичности живого поэтического чувства в этом творчестве пока почти не заметно, но нельзя не заинтересоваться крайне самобытно выработанной сферой воображения и неизменным схематизмом олицетворений в передаче тех или других понятий или настроений. Во всем распространено отвлечение к европейским культурным формам жизни, тяготение к восточному великолепию и тропическому жару; и преобладающим мотивом является страсть воинских походов и нашествий, осад и кровопролитий, блеск оружия и гром труб; при этом постоянно выступают борьбы и торжества небывалого народа из страны Сеноровии, который управляется представительницей всякого блага и блаженства, царицей Изабеллой, а в битве предводительствуется княгиней Стратоникой¹⁷. Представителями враждебных властей, носителями мрака и позора являются не редко различные божества древне-эллинские и индусские, о которых у автора этих образов очень основательные сведения. Представление о сияющих силах очень достойно внимания в том отношении, что призыв его направлен к неудержимому наслаждению предметами земных желаний и чужд бесплотной воздушности. Вообще, об этом молодом поэте можно горячо пожалеть, что

И. Я. БИЛИБИН

Фотография А. Семеново. С. Петербург, середина 1890-х годов

Ленинградский исторический архив

судьба изгнала его на серый север, тогда как это личность, алчущая и жаждущая южного пламени сладостей и сражений. Многообъемлющие литературные знания и расположения придают, во всяком случае, большую привлекательность общению с ним.

Прощайте. Жду сведений о Вашем летнем местопребывании.

Ваш И. Ореус

Ответ на п. 37.

¹ Сайма — озеро в юго-восточной Финляндии, с водопадом Иматра; известный курорт. Коневской жил там с конца мая до 20 июня 1900 г. (см. п. 42. Последнее из стихотворений, помеченных «Rauhaganta», «Затишье», — датировано 16 июня — *СП. С.* 112). Впоследствии Брюсов жил в том же пансионате Rauha, что и Коневской, в мае—июне 1905 г. (см. цикл его стихов «На Сайме» в книге «Stephana»).

² Ср. дневниковую запись Брюсова (23 мая 1900 г.): «Три дня были на даче в Акуловке» (*Дневники. С.* 86).

³ Цитируются (неточно) слова из VII главы «Евгения Онегина» («Еще прозрачные, леса как будто пухом зеленеют») и из стих. Тютчева «Первый лист»: «Лист зеленеет молодой. // Смотри, как листьям молодым // Стоят обвеяны березы, // Воздушной зеленью сквозной, // Полупрозрачно, как дым...».

⁴ См. п. 36, прим. 14.

⁵ См. п. 37, прим. 8.

⁶ Сборник стихотворений «Роёmes» (1887—1897).

⁷ Перечисляются первые сборники стихотворений Верхарна: «Фламандские картины» (1883), «Монахи» (1886), «Вечера» (1887), «Крушения» (1888).

⁸ Сборник стихов Мерриля «Гаммы» (1887).

⁹ Андре-Фердинанд Герольд (1865—1949) — французский поэт. Упоминаются его сборники «На случай в пути» (1900) и «Нежные и дивные образы» (1897).

¹⁰ Перечислены произведения Вьеле-Гриффена: «Крылатый сказ Виланда, кузнеца», «Чаша», «Поддень», «Пред лицом моря», «Рассвет Иванова дня», «Верховое странствие княжны Иельдис», «Апрельский сбор» (названия в переводе Коневского; см. также п. 3, прим. 4; п. 9, прим. 17; п. 36, прим. 14).

¹¹ См. п. 21, прим. 3 и 1.

¹² Это намерение не было осуществлено. И. Я. Билибин провел лето 1900 г. в усадьбе Егны Весьегонского уезда Тверской губернии.

¹³ Коневской говорит об Александре Иосифовиче *Кунцмане* (1881 — ?), родственнике Коневского по отцовской линии (мать Кунцмана — Александра Ореус). Кунцман родился в Вене, после кончины отца в 1887 г. переехал вместе с матерью в Россию, жил в ее имении в Новгородской области, а затем в Твери, в 1894 г. был принят в русское подданство; в 1895—1901 гг. учился в Петербургской 1-й гимназии, в 1901—1907 гг. был студентом историко-филологического факультета Петербургского университета (см.: *ЛГИИ. Ф.* 114. Д. 8471; *Ф.* 14. Оп. 3. Д. 38833). Несколько рецензий А. Кунцмана было опубликовано в журнале «Логос» (Мусагет, 1913. Кн. 3—4. С. 360—370). Сведений о его последующей жизни обнаружить не удалось. В архиве Коневского сохранился автограф дарственной надписи А. Кунцману на сборнике «Мечты и думы»: «Будущему немецкому поэту преподносится эта книга с наилучшими дружескими пожеланиями на долгие годы. Автор Иван Ореус. Ноябрь 1899. Пб.» (оригинал по-немецки — *ЦГАЛИ. Ф.* 259. Оп. 3. Ед. хр. 23-а).

¹⁴ Йенс Петер *Якобсен* (1847—1885) — крупнейший датский прозаик второй половины XIX в.

¹⁵ *Калидаса* — древнеиндийский поэт и драматург (IV—V вв.?). *Шудрака* (Судрака IV в.?) — полубогатый древнеиндийский драматург, предполагаемый автор пьесы «Глиняная повозка» («Мричхакатика»).

¹⁶ Христиан Дитрих *Граббе* (1801—1836) — немецкий драматург, отразивший в своем творчестве бунтарские, «неистовые» настроения. Упоминается его драма «Дон Жуан и Фауст» (1828).

¹⁷ Коневской в отрочестве также создал вымышленную страну — Росамунтию, посвятив ей специальную «энциклопедию» со статьями о «писателях, поэтах, ученых, художниках, государственных людях» этой архаизированной, славянской страны — «Краткие сведения о великих людях Росамунтии XIX века. В виде словаря. 1893» (*ЦГАЛИ. Ф.* 259. Оп. 1. Ед. хр. 3). Стилизованный русский язык этого «словаря», умеренно лишенный иностранных корней, основанный на неологизмах, напоминает позднейшие опыты в этой области Велимира Хлебникова. Интересно также, что уже в «книге о Росамунтии» имеется фамилия. Впрямую образованная от острова Коневец, и, вероятно, послужившая истоком псевдонима поэта (см. вступ. ст., прим. 7): «Коневецкий Алексей Феодорович, бытописатель и обшудитель росамунтской словесности» (*ЦГАЛИ. Ф.* 259. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 136об.).

39. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

Ревель ¹. 30 мая (1900 г.)

Привет! «Gruss aus Revall!» * — Хочется мне услышать Ваш голос, и наскоро пишу Вам несколько слов. Бывали ли Вы в Ревеле. Город прекрасный — сочетание старины и новизны, как в Москве. Новые дома рядом с громадами XV века, угрюмые входы и необозримые сени. В окнах книжных магазинов Maeterlinck, Strindberg, Ibsen, Rossetti, — а входить в эти магазины надо через готические двери с изображением Христа вверху ². Хорош и Олай, столь воспетый кн. Вяземским ³. Живем мы в дачной местности, где каштаны, и море, и гуляющие немцы ⁴. Смесь наречий и обычаев — угрюмые латыши, неизменно мерные немцы и беззаботные русаки — определения избитейшие и вернейшие.

Что ты в радости ль, во гневе ль,
Море шумное, бурлишь
И, как тигр, на старый Ревель
Волны скалишь и рычишь.

Стихи кн. Вяземского ⁵. Выписываю ради рифмы. Напишите мне. Наш адрес: Ревель, Катериненталь, Подгорная ул. Дача фон Ден, кв. 3. «Le cloître» ⁶ хорош, но я жду от Verhaeren'a большего.

Ваш Валерий Брюсов.

Р. С. Очень, очень жалею, что попал в Петербург так поздно и уже не застал Вас ⁷. Был у Добролюбовых. Подробности позднее ⁸.

¹ Брюсов провел в Ревеле два месяца — июнь и июль 1900 г.; в последних числах июля он возвратился в Москву. См.: *Дневники*. С. 88—89.

² Ср. письмо Брюсова к А. А. Шестеркиной от 31 мая 1900 г.: «А город старинный, здания XII века, сумрачные соборы, готические входы, а в окнах книжных магазинов Ибсен, Метерлинк, Стриндберг, Оскар Уайльд (все по-немецки, конечно). Смесь наречий и обычаев» (*ЛН*. Т. 85. С. 623).

³ Церковь святого Олая (Олевисте); XV — начало XVI в., с высоким готическим шпилем (123,7 м). Ср. недатированное письмо Брюсова к П. И. Бартеневу, отправленное из Ревеля в те же дни: «Прежде всего большое-большое спасибо Вам за совет ехать сюда. Ревель очень хорош, старинные дома, готические входы, как у церквей, — прелесть. Олай, конечно, лучше всего. Если немножко и грубо, зато отменно верно выражение князя Вяземского:

Как Олай
Заторчит перед тобой...

Куда ни пойдешь, он всюду. Хороши еще старые стены и башни, Длинный Герман, Толстая Маргарета... Впрочем, мы еще далеко не все оглядели» (*ЦГАЛИ*. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 592. Л. 150). Цитируется стих. Вяземского «Поручение в Ревель» (1833). См.: *Вяземский П. А. Стихотворения*. Л., 1958. С. 237.

⁴ В цитированном выше письме к П. И. Бартеневу Брюсов сообщал: «...поехали мы в Катериненталь и очень уж прельстил нас здешний парк и Promenade Strand на берегу моря. Здесь мы и остались. Сыскали две крохотные комнатки под крышей» (*ЦГАЛИ*. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 592. Л. 150—151).

⁵ Первое четверостишие стих. «Ночь в Ревеле» (1844 — *Вяземский П. А. Стихотворения*. С. 272).

«ВЕСЫ», 1904, № 8

Виньетка по рисунку Н. Н. Сапунова

* Привет из Ревеля! (нем.).

⁶ См. п. 35, прим. 7.

⁷ Брюсов ехал в конце мая в Ревель из Москвы через Петербург. «В Петербурге думал повидать Ореуса и Г. М. Добролюбова. Ни то, ни другое не удалось. Ореус уже уехал с отцом в Финляндию, а Г. Добролюбов был на судне „Полтава“ в Кронштадте» (*Дневники*. С. 86).

⁸ В дневнике Брюсов подробно описал беседу с матерью А. Добролюбова Марией Генриховной (*Дневники*. С. 86—88). Главной целью его визита было обсуждение с Г. М. Добролюбовым вопросов, связанных с изданием сочинений его брата. Не сумев встретиться с Г. М. Добролюбовым, Брюсов написал ему из Ревеля письмо (7 июля 1900 г.). «Общее дело, интересующее нас, находится в таком положении, — сообщал в нем Брюсов. — Из привезенных сюда, в Ревель, рукописей Вашего брата нами разобрана пока только тетрадь, озаглавленная „Вещи“. Почти все это самые неразборчивые черновые, большинство слов недописано, множество помарок и поправок. Очень часто приходилось восстанавливать слово по догадке, случалось даже, что приходилось читать по смыслу вопреки правописанию, предполагая опisku (хотя, разумеется, это очень опасный прием). Несмотря на то, осталось не мало мест неразобранных и еще больше таких, где мы не смеем утверждать правильность своего чтения. Принимая во внимание своеобразность хода мысли Александра Михайловича, в иных местах можно даже оспаривать порядок, в котором должны быть расположены листы рукописи. Я сознаюсь, что лично сам, вероятно, не сумел бы выполнить и того немногого, что теперь сделано, если б не помощь моей жены, которая приобрела необыкновенный навык в чтении почерка Александра Михайловича и разгадывает иногда на первый взгляд совершенно безнадежные каракули, поставленные второпях, в порыве вдохновения, скорей для памяти, чем для чтения. Среди разобранных произведений есть несколько, которые я готов отнести к лучшим созданиям поэзии Александра Михайловича. Последние листы видимо относятся к позднему времени; мысли, изложенные здесь, поражают неожиданностью и вместе с тем проникновенностью в глубину вещей; некоторые высказанные здесь суждения — прямо философские откровения; вместе с тем они объясняют как более раннюю поэзию Александра Михайловича, так и позднейшее направление его мышления (...). Очень желалось бы мне, чтобы замышленное Вами предприятие дождалось осуществления. Я считаю творчество Александра Михайловича важным моментом и в истории русской поэзии и в истории русской мысли. Чем-нибудь способствовать изданию его произведений, т. е. сохранению их для людей — повторяю — я считаю для себя за честь, за удовольствие, за счастье» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.8). Письмо это по оплошности было послано по неверному адресу и вернулось к Брюсову, не достигнув адресата; 10 августа Брюсов написал Г. М. Добролюбову повторно, на что Добролюбов ответил 30 сентября 1900 г.: «3 октября я ухожу на „Полтаву“ на Восток и очень сожалею, что мне до сих пор не удалось с Вами побеседовать лично. Относительно предполагаемого мною издания могу Вам сообщить следующие подробности: почти все рукописи, находящиеся на руках у меня и у других лиц, например, у Квашнина-Самарина, Льва Постриганьева, Я. Эрлиха и Гишиуса, уже почти переписаны набело, и остается их теперь только рассортировать, что и думаю произвести в недалеком будущем. Был бы очень Вам благодарен, если бы Вы выслали мне теперь те из рукописей, которые Вами уже разобраны; буду Вам также признателен, если Вы к ним приобщите свои замечания и указания» (*ГБЛ*. Ф. 386, 85.19). Усилия Брюсова и петербургских друзей Добролюбова по расшифровке его рукописей и подготовке их к печати не дали реальных результатов: задуманное полное издание ранних произведений Добролюбова не было подготовлено и осуществлено; Брюсов напечатал лишь отдельные стихотворения и прозаические фрагменты в «Северных цветах» («Отодвиганье смерти» — *СЦ* 1901; «Образы» — *СЦ* 1902. Подпись А. М. Д.).

40. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

Imatra — Pension Rauha (шведское слово: *„Покрой“*). 1900: июня 1.

Принял Ваш привет из Ревеля, города, который соединен с самыми ранними воспоминаниями моего детства: я несколько раз был в нем проездом в Гапсаль, когда мне было от 8 до 10 лет, и всякий раз вдыхал чутьем неведения обаяние средневекового германского города, которого образ носился во мне уже, исходя из немецких книжек для детей, а быть может, и из более первоначальных областей. Затем Ревель стал мне близок через Ф. А. Лютера¹, для которого он наряду с Москвой родовой город, будучи родиной его отца, тогда как он сам родился в Москве, но полон живых связей и с Ревелем, и живя в убийственном Пб.², носится душой между заветами древне-русской и древне-германской старины.

Я же прихожу в себя на по-прежнему милом мне граните. Нельзя сказать, чтобы это была та из местностей края финнов, которая являла бы всю полноту его хвойного леса: преобладание единственно соснового и березового мелколесья делает ощутительнее недостаток Финляндии в земледельческих или пастушеских

просторах, которые стали мне теперь не менее родственны, чем «дебри» («ты выйдешь ли на волю из лесов?»³): здесь зрение отчасти вознаграждается за отсутствие земного горизонта довольно широкими далями, какие открываются значительными, но незаметными возвышениями почвы. Но что бы то ни было, возмещает близость Иматры и явное присутствие причудливейшего из озер: в неисчислимых и пластически-отчетливых узорах его берегов и островков, и стройных и сомкнутых стенах их лесов — вся исключительная природа Суоми, которая таит под покровом однообразия самые изощренные и твердые измышления. Закаты и белые ночи над этими как бы искусственными водоемами и островами — вполне единоличная тревожно-сказочная окраска.

Сложились наконец и некоторые рифмы, которые и довожу до Вашего сведения.

Взрывы вод —

Хвала, ликующие звери,
Белоголовые зубры,
Животворящей вашей вере,
Надежде дерзостной игры!

И в бор пушистый, в бор корнистый
Меня привел младенец-бог,
И там распелся голосистый,
Широкопенистый порог.

В пустынях гама несвободных,
Где с пыли высохла гортань,
Толпе скитальцев сумасбродных,
Тоске, унынью нес я дань.

Я был спокойный и согбенный —
И обуйл меня испуг.
Я окроплен святою пеной,
И гулом захлебнулся слух⁴.

Как неожиданно-хорошо в четверостишии Вяземского: «волны скалит...» Я еле знаю этого поэта. Много ли у него достойного внимания?

При отъезде выписал «Le Cloître»⁵ на мой здешний адрес: авось, в скором времени прочту.

Простите, милый Валерий Яковлевич. Жду от Вас стихов.

Ваш И. О р е у с

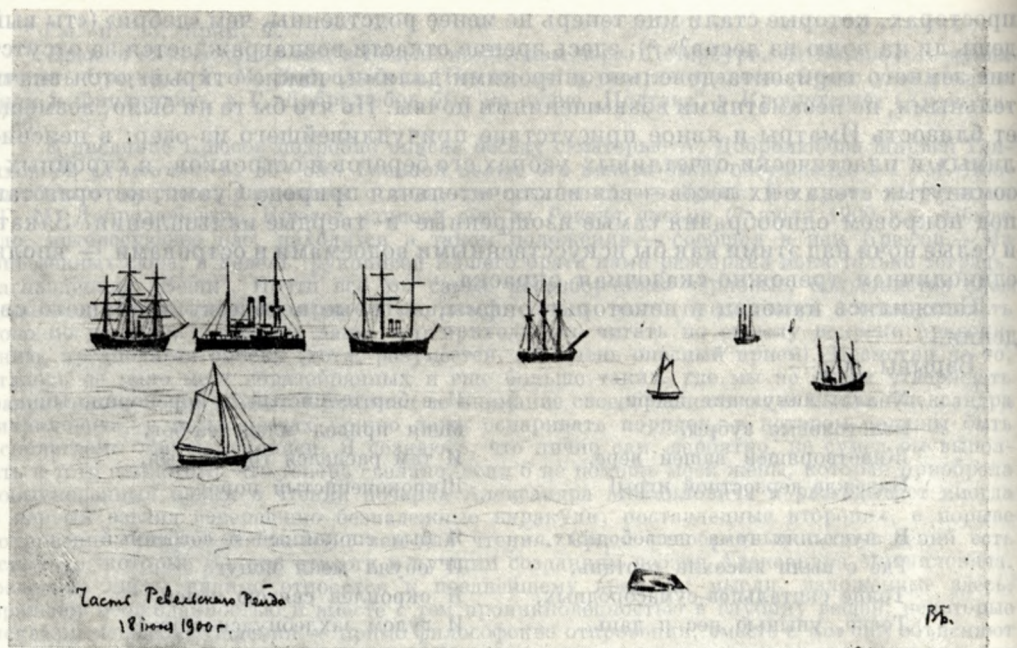
Ответ на п. 39.

¹ Федор Александрович Лютер (1864—1920) — преподаватель древних языков в С.-Петербургской 1-й гимназии, которую окончил Коневской. Лютер, собиравший у себя кружок гимназистов, интересовавшихся литературными и философскими вопросами, имел большое влияние на Коневского: в письме к Брюсову от 27 декабря 1901 г. Н. Мих. Соколов называет Лютера «его (Коневского) любимым наставником» (ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 50). Ф. А. Лютеру посвящены стих. Коневского «По дням» («Есть не только тайны заката...») — МД. С. 27—28; СП. С. 9—10; «Две радости» («Когда душа сорвется с высоты...») — МД. С. 35; СП. С. 14—15; «Силы» («Вейте, силы божие») — МД. С. 47; СП. С. 22—23; «Ты миром удивлен, ты миром зачарован...» — МД. С. 172; СП. С. 45.

² В те же дни, 5 июня 1900 г., Коневской в письме к А. Я. Библибину выражает свое отношение к «убийственному Петербургу»: «...в то время, как Москва и германо-романские средневековые города свиваются как гнездо, внутри их чувствуются живые недра, взрастившие и питающие их, обаятельные затаенными завитками и уголками своих закоулков, Питер весь сквозной, с его прямыми улицами, проходящими чуть не из одного конца в другой; внутри его тшечно ищешь центра, сердцевины, в котором сгущались бы соки жизни, внутри — зияющая пустота, истощение. Тяготение к Питеру составляет самую существенную, конечно, болезнь Флорестана (А. Ф. Каля): мягкостью своей он подался, увы! — этой мертвой или испаряющей тление среде, в которой родился... Но ты, призванный не к питерским болотным миазмам, уберегись, вооружись корой против их заразного дыхания. Именно вспомнив судьбу многих лиц Достоевского, заброшенных на эту почву и в эту атмосферу, беги ее ужаса. Ужиться там способны только полузвери — биржевые, банковые, промышленные дельцы, солдаты и прочий одичалый сброд, далее получерви — приказные, подьячие, мелкие литераторы и ученые, и, наконец, полубоги, которые все озаряют, как Пушкин. «Этот омут хорош для людей, расставляющих ближнему сети» и — «люблю твой строгий, стройный вид»... Но вдохновенные, занимающие среднее положение между полубогами и получервями, чахнут, и гибнут в этом смраде» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 120б.—13. Опул. с небольшими сокращениями: *Основа А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальная повесть сохранить...». М., 1987. С. 140). См. также стих. Коневского «Среда» («Предо мною — распустье народов...». Зима, 1900—1901 гг.) — СП. С. 119—121.

³ Последняя строка стих. Коневского «Пугливый дух, усталый, неизвестный...», заключительное в цикле «Бледная весна» (март — апрель 1899 г. — МД. С. 187; СП. С. 80).

⁴ Впервые опул.: СП 1902. С. 137—138; с датой: «1900 май 30, Imatga» и с разночтениями в ст. 1, 3, 16 (см. в п. 43 поправки, присланные Коневским и учтенные Брюсовым при

Часть Ревельского Рейда
18 июня 1900 г.

РБ.

ЧАСТЬ РЕВЕЛЬСКОГО РЕЙДА

Рисункой Брюсова. Карандаш, 18 июня 1900 г.

Литературный музей, Москва

публикации). В комментарии к этому стихотворению в *СП* (с. 243) Брюсов процитировал фрагменты из публикуемого письма.

⁵ См. п. 35, прим. 7.

41. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

Ревель. 18 июня (1)900.

Спасибо за письмо и стихи. Стихи обычно у Вас — хороши, повторяю их. Осуждаю, однако, отвлеченность 4-го стиха и невразумительность сочетания «толпе» и «тоске». *Zeugma* — не словесная, а понятий¹. Заключение, как всегда у Вас, — видимо, намеренно — не музыкальное.

У меня стихов нет. Уезжая из Москвы, отдал цензуре сборник, листов в 10 печ(атных)²; между прочим, поэму о Северном Полюсе так или иначе закончил. Но здесь из стихов, — перевожу только любезную мне «Энеиду»³.

Вы спрашиваете о Вяземском. Я и сам знаю его мало. Вот еще отрывки его стихов о Балтийском море; — о Ревеле:

Я стоял,	Молча, думаю прилежной
Я внимал	Каждый звук я твой ловлю,
Этой музыке волн.	И тоски твоей мятежной
И качалась душа	Я бессонницу делю.
По волнам, чуть дыша,	В этих воплях и заклятьях
Как на якоре челн.	Есть таинственный язык,
.	Но в земных своих понятиях
Чудный мир!	Кто из смертных их проник?
Вечный пир!	
Бог с тобою, земля!	
Я в соленой воде,	Иль с Бригидой и Олаем
Как в родимом гнезде,	Ты, мешая быль и ложь,
Будто брат корабля! ⁴	Неумолчным краснобаем
.	Речи странные ведешь...

...Про былые непогоды,
 Про наезды, про разбой,
 Про столетья, про народы,
 Перешитые тобой.

Много сонмищ пировало
 За трапезою твоей,
 Много ядер прожужжало
 По стеклу твоих зыбей;

Да, на радость и на горе,
 На людские суеты,
 Заколдованное море,
 Вдоволь нагляделось ты.

Много трупов, много злата,
 Много бедствий и добра
 Затопила без возврата
 Равнодушных волн игра ⁵.

Эти небрежные стихи наводят мне на память иные, Тютчевские, столь насыщенные мыслью, что каждого двустишия их достаточно для целого стихотворения. Вы их знаете («Через Ливонские я проезжал поля...»).

Я вспомнил о былом печальной сей земли,
 Кровавую и мрачную ту пору,
 Когда сыны ее, простертые в пыли,
 Лобзали рыцарскую шпору.
 И глядя на тебя, пустынная река,
 И на тебя, прибрежная дуброва,
 Вы, мыслил я, пришли издалека
 Вы,— сверстники сего былого!..
 Но твой, природа, мир о днях былых молчит
 С улыбкою двусмысленной и тайной.
 Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
 Про них и днем молчание хранит ⁶.

Я часто вспоминаю их, бродя у моря, по которому плавали еще варяги, посещая по обязанности туриста развалины аббатств, разрушенных Иваном Грозным, или вступая в соборы, пришедшие к нам из Средних веков. Особенно вспоминаю эти стихи, когда смотрю на копошащийся во всем этом — у моря, у развалин, в старых церквях — современный люд, маленьких немцев, продающих венские сосиски, пьющих пиво, и на их дочек с перистыми шляпами. Торжество ли это природы над проходящими поколениями? торжество ли мысли века над самым веком, посылающее готику современникам Верхарна? или просто долготлетие камня, кирпича — рядом с нашей размеренной жизнью?

Не совсем случайно по своему университетскому диплому я — историк. Надо мной прошлое имеет особую власть. Время, возможность времени — несмотря на все доводы Кенигсбергского старичка ⁷ — ужасна и невероятна. Знать, что и сейчас мгновения падают, что я, побеждая их разумом, волей не побеждаю — и ухожу, ухожу... Вот где истинное *иди*, все мы проклятые Агасферы вечности ⁸.

И накаплиются стихи, и книги, и города. Нам уже не перечитать даже всех поэтов, пожалуй и одних русских (а немецких! вспоминаю хотя бы заставленные в три ряда шкафы Бахмана) ⁹. Но когда-то персы смешали с прахом библиотеку Ассур Бани Пала ¹⁰. Когда-то арабы (а может, и не арабы) сожгли Александрию ¹¹. Ах, как драгоценны, а главное доступны! — стали глиняные черепки с клинописью и немногие уцелевшие свитки греческого письма! И каждый раз этот безобразный сон накопления веков повторяется все безмернее, все безобразнее. Лондонская библиотека, где книги передвигаются паром по рельсикам! Кошмар давит нас, медная крышка навинчена на гроб. О, придут не китайцы, избиваемые в Тьенцзине ¹², а те — более страшные — втопанные в шахты и втиснутые в фабрики.

И вечером, когда застывают броненосцы на серебряном зеркале, когда уступчатый Ревель теряет все краски и остается одним очертанием, — длинные грубы продолжают куриться, и дым пышно и широко расходится по здешнему небу, светлому до полуночи. Дым застилает 8-ми вековой Олай и до-готический храм св. Духа ¹³. Но и дым пройдет, как прошли на этом побережье варяги, датчане, шведы, немцы. Прейдут и эти древние церкви, придет и море: на моих

глазах заволакивает его песок. Когда не станет земли, останется небо. Но разве оно вечность? Стоит нам закрыть глаза, и его не стало.

Пишите мне. Я — Ваш.

Валерий Брюсов.

P. S. Вы несправедливы к стиху Ланга

И камень и тот не растет...¹⁴

по связи мысли ожидалось бы упоминание некоей вещи, для которой рост составляет сущность. Но по своеобразному обороту мысли ожидаемое понятие заменено другим — прямо противоположным. Эта новая «фигура» речи попала мне и у других поэтов. Жаль, что не помню здесь примеров.

VB.

Ответ на п. 40. Аналогичные по содержанию и построению в своей центральной части письма с впечатлениями от Ревеля и рассуждениями на культурно-исторические темы Брюсов отправил А. А. Шестеркиной (19 июня 1900 г. — *ЛН*. Т. 85. С. 624—625), Ю. К. Балтрушайтису и К. Д. Бальмонту. В своей работе «Так жили поэты. Документальное повествование» А. А. Нинов опубликовал «исходный» текст Брюсова, который с теми или иными изменениями повторен во всех этих письмах. Текст этот (датированный: «1900, лето») имеет заглавие: «Письмо Юргису, Ореусу, Бальмонту и Шестеркиной (в Москву, на Сайму, в Оксфорд, в Бахчисарай из Ревеля)». См.: Нева. 1978. № 6. С. 124—125; см. также наст. кн., Письма к Самыгину, п. 31.

¹ Имеются в виду стихи 7—8 в стих. Коневского «Взрывы вод» (см. п. 40). Совмещение оборотов, нетождественных по смыслу, но частично совпадающих по форме (нес дань толпе... — «нес дань тоске» в классической стилистике называлось «зевгмой».

² Книга «*Tertia vigilia*» (цензурное разрешение 2 августа 1900 г.). В июле 1900 г. Брюсов писал из Ревеля Г. Бахману: «Сборник стихов уже пришел ко мне из цензуры. Это мои лучшие вещи, может быть лучше, что я могу написать в стихах... Цензура, конечно, обошлась жестоко...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 70. 3). О цензурных купюрах в «*Tertia vigilia*» см.: *Дневники*. С. 89. Все они впоследствии были восстановлены Ю. П. Бартевым (см. также наст. кн., Письма к Самыгину, п. 31, прим. 14—18, 21).

³ В июле 1900 г. Брюсов сообщал в цитированном письме к Бахману, что осенью он собирается напечатать «перевод “Энеиды” (отрывок)». См. также в недатированном письме из Ревеля И. М. Брюсовой к Н. Я. Брюсовой: «Стихов Валя не пишет (мешаю). Очень успешно переводит он “Энеиду”. Сейчас отрывал меня, чтоб прочесть смерть Приама и встречу Энея с Еленой, где он хочет ее убить (. . .) В часы, когда Валя переводит “Энеиду”, я переписываю и разбираю бумаги А. Д. (оброблюбова). Есть вещи, писанные в последнее время, — хорошие. Жаль, что много остается непрочитанным» (*ГБЛ*. Ф. 386, 145.33). Ср. брусовскую характеристику своего двухмесячного пребывания в Ревеле: «Утром я переводил “Энеиду”, после обеда мы читали, сидя в парке, вечером я писал автобиографию, — и так изо дня в день» (*Дневники*. С. 89). В «*Tertia vigilia*» было помещено объявление о готовящемся издании: «Энеида Вергилия. Перевод и статья о прежних переводах “Энеиды” на русский язык» (с. 4); завершить работу над переводом «Энеиды» Брюсову тогда не удалось. Переведенные фрагменты из поэмы в редакции 1900 г. опубликованы не были; сохранился беловой автограф перевода II книги «Энеиды» — в тетради с титульным листом: «„Энеида“ Вергилия. Книга II и III (рассказ Энея). Перевел с латинского гекзаметрами Валерий Брюсов. Предисловие о прежних переводах “Энеиды” на русский язык. Москва, 1900». См.: *Гаспаров М. Брюсов и буквализм* (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // *Мастерство перевода*. М., 1971. Сб. 8. С. 92, 98, 114—115, 119—120. В этой, в целом очень тщательно выполненной работе «ревельский» перевод «Энеиды» неверно датирован 1899 г.

⁴ Цитаты из стих. «Поручение в Ревель» (*Вяземский П. А. Стихотворения*. С. 238, 239).

⁵ Цитаты (с небольшими неточностями) из стих. «Ночь в Ревеле» (Там же. С. 273—274).

⁶ Цитируются 2-я, 3-я и 5-я строфы стих. Тютчева «Через ливонские я проезжал поля...», написанного в 1830 г. на пути из Петербурга в Мюнхен; Ливонией в средние века называли нынешнюю территорию Латвии и Эстонии.

⁷ Иммануил Кант родился и прожил всю жизнь в г. Кёнигсберг.

⁸ В «исходном» тексте письма — несколько иная формулировка: «Вот что истинное (агасферовское) иди! Разве все мы не Агасферы Времени?» (Нева. 1978. № 6. С. 124); в письме к А. А. Шестеркиной: «Вот где истинное иди Вечного Жиды. Все мы — проклятые Агасферы Времени» (*ЛН*. Т. 85. С. 624).

⁹ Библиотека Г. Бахмана, состоявшая в основном из произведений художественной литературы различных народов на многих языках, насчитывала около 10 000 томов (см.: *Luther A. Georg Bachmann. Ein Gedenkblatt // Bachmann G. Gesammelte Gedichte*. Moskau, 1910. S. 7).

¹⁰ Ашшурбанапал — ассирийский царь (667—626 до н. э.). К библиотеке Ашшурбанапала в Ниневии восходит значительная часть дошедших до нашего времени вавилонских текстов.

¹¹ Библиотека в Александрии сожжена по приказу арабского калифа Омара в 641 г.
¹² Имеется в виду подавление так наз. «боксерского» восстания (восстания ихэтуаней) 1899—1900 гг. в Тяньцзине и других китайских городах войсками западных стран.

¹³ Церковь Святого Духа, построенная в XII—XIV—вв. Ср. признания в письме Брюсова к П. И. Бартеневу от 2 июля 1900 г.: «С Ревелем будет грустно расставаться. Я сжился и с его уступчатым видом, и с его готическими церквями, пришедшими к нам из Средних веков, и со всей этой немецкой жизнью, тихой, размеренной и светлой. Я даже как-то отвык от русского, читая только немецкие газеты, бывая только в католических и лютеранских храмах» (*ЦГАЛИ*. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 592. Л. 174—175).

¹⁴ Из стих. Лавга «Свободная душа» (*ПК* 1988. С. 24).

42. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

Либава: порт импер(атора) Александра III (у главного доктора Морского госпиталя Билибина)¹ 1900: июля 8.

Пребывая в означенном месте с небольшим неделю², после того, что покинул Rauharanta 20-го июня, извещаю Вас, милый Валерий Яковлевич, о моих намерениях расположиться на некоторое время в обитаемом и Вами летнем поселении около Ревеля³. Поэтому же обращаюсь к Вам с просьбой собрать и доставить мне некоторые сведения о гостиницах Катариненталья, в которых есть возможность получать помещения ценою от 1 до 1 1/2 рубля в день. Я предполагал выехать отсюда во вторник⁴ в Ригу, а оттуда достичь до Вашего местопребывания морским путем. Таким образом был бы доволен получить от Вас сведения ко дню моего выезда (или хотя бы в Риге «до востребования», где я буду во вторник вечером и в среду утром). Прося не посетовать на меня за то, что затрудняю Вас этими обращениями, я —

Ваш душой И. О реус

P. S. Ваше последнее письмо было доставлено мне из Rauharanta в Пб.⁵

¹ Яков Иванович Билибин (1838—1904) — отец И. Я. и А. Я. Билибиных, военноморской врач, помощник главного доктора С.-Петербургского Морского госпиталя.

² Коневской приехал в Либаву 29 июня.

³ Первоначально Коневской предполагал встретиться с Брюсовым в Ревеле по дороге в Либаву. 21 июня он писал в Либаву А. Я. Билибину: «...Со вчерашнего вечера высадился, проклиная судьбу, в Питере, и, имея в мыслях лишь поспешнейший побег, питаю надежду прибыть к Вам на следующей неделе. Можно будет обозначить в точности день прибытия, когда буду в Ревеле, куда сначала направлюсь морским путем по дороге к Вам, чтобы навестить Валерия Брюсова, который там проводит лето» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 16). Однако 26 июня он сообщал А. Я. Билибину (называя его юношеским прозвищем «Аскакий»): «Намереваюсь, друг мой Аскакий, прибыть к вам в четверг вечером, по железной дороге. В Ревель я теперь ездить не буду. Гермагор» (Там же. Л. 17). Намерения посетить Ревель на обратном пути из Либавы в Петербург Коневской также не смог осуществить.

⁴ 11 июля.

⁵ Письмо Брюсова от 18 июня (п. 41) поступило в Rauharanta уже после отъезда Коневского.

43. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

Сент(ября) 21. 1900. Пб.

Друг мой Валерий Яковлевич,

прошу у Вас прощения за более чем двухмесячное молчание, и о том же прошу Александра Александровича, которого еще больше оставлял без вестей¹. По разным соображениям я не видел возможности попасть в Ревель; по возвращении с берегов балтийских пришлось провести мучительный месяц в стенах городских; но последний месяц (с середины августа) — я жил отчасти около ст. Елизаветино по Балтийской ж(елезной) д(ороге)², отчасти — другую половину этого времени — в окрестностях города Осташкова, на берегу озера Селигера, в поместье моих родственников, куда давно стремился. Этими местопребываниями я в значительной мере оправился от многих тягостных впечатлений. Еще более я в первую половину лета чувствовал обновление после узорных озерных вод в гранитных берегах, а также после песчаных поморий вдоль горизонта зеленожемчужных или млечнодымных волн³. Венец их обаяния являлся, когда ощущал их перевал на всем своем теле. Предавался я их колыханию и гулу и

на досках судна, которое меня несло в обратный путь из тех краев; и

«кротко щадила меня немочь морская,
пеною здравья брызгал мне вал»⁴.

Но волнение в продолжение нескольких часов на вполне открытых водах было очень бурное — и вдвойне заносилась в сердце даль и ширь волн и воздуха из-под смелых размахов и склонений корабля, подобно тому как во взор человека горизонт надвигается из большей дали, если стан и голова склонены в одну сторону.

По берегам озера Селигера и за его пределами, в тех местах, где скрыты истоки Волги, мне явились основные дебри великой Руси. И в этих дебрях, как в краю финнов, залегло множество озер, но озера те были не узорные водоемы с крутыми резными берегами из заостренных и сомкнутых сосен: то были широкие дремучие воды, в пологих, топких отмелях и раскидистых перелесках сливающиеся с берегом. Если берега рек и озер достигали вышины, то почти всегда только медленными степенями, не только высясь, но ширясь и далясь. И тем величавее в тех местах, где, отступая, они не выходили из сферы зрения, высота их возносилась над водами. На одном из таких берегов, над достигшей уже средней ширины и полной тишины верхней Волгой вырастал странный деревянный храм, цельнейший образец древнейших русских лесных церквей и часовен. Извне он не состоял ни из чего, как только из огромной грушевидной главы зеленого цвета, посаженной на совокупности больших клиньев или зубцов, друг в друга вделанных, этот состав немного возвышался над землей и поддерживался лишь циклопическими камнями. Но клинообразная эта внешность была лишь пустая оболочка, в которую можно было входить, как в обширнейшие сени и притворы, полутемные, гулкие; и только внутри их объявлялся четвероугольный сруб молитвенного дома, сложенный из невиданно исполинских бревен. Внутри храма иконостас с пола до потолка в двух верхних полосах представлял глубокие, блеклые и таящие былую яркость красочные гармонии старинной иконописи. Нижняя полоса, состоящая из изображения праздников, на горе зрителя залеплена была дешевой фольгой, в то время как на ней особенно заманчиво вычерчивались глубины из диковинных растений и зданий и онемевшие в диком цельном порыве судорожные осанки богомысленных обликов с томительной немой мечтой во взорах. Таков храм, называемый «Шировский» погост и помещенный в немногих верстах от истоков Волги, на той же реке⁵. Его основание — не древнее последних лет XVII-го века, но образ, как мне кажется, чистейшей древности.

В великорусской местности есть достоверно все виды земных природ, все особенности западноевропейских горных стран. Но все же преобладающий ее склад, который придает ей единственно ей свойственную неизменную широту горизонта, это — как мне кажется — медленный размер и расстановка волн почвы. Еле заметное постепенное восхождение косогулов устраняет и плоскость, и стремнинность земли. Умеренная высота раздвигает равномерно широкий кругозор; отлогий склон подъемов ничем не заграждает дали и шири. Ровный, плавный, явный — величавый ход и лад, дышащий полной грудью!

Прилагаю к этим сообщениям три стихотворения, сложившиеся в очень разные моменты этого летнего времени.

Читаю с увлечением новое собрание стихов Фофанова⁶. В противность моим ожиданиям, этот поэт безличного недвижного восторга удержался на той же точке напряжения и отчасти даже превзошел ее. Что ни говорите — это самый свободный поэтический голос в нынешней русской поэзии.

P. S. Прошу Вас передать А. А. Лангу мой задушевный привет, а также намерение доставить ему на этих же днях список сообщенных Вам стихов⁷.

⟨Далее следуют тексты стихотворений: «Затишье» («Как я люблю тоску свободы...» — Rauharanta, июнь 16), «Ведуны» («Мы пройдем над коснеющим городом плавной стопой...» — Пб. авг. 9) и «Везде» («Размеры дальних расстояний...» — Осташковский край, сент. 8). Оупбл.: СЛ. С. 111—113.⟩

Прошу, кстати, отметить изменение в первом четверостишии стихов:

ВЗРЫВЫ ВОД

Лиюющие волны-звери
Белоголовые зубы,
Хвала стремящей вашей вере,
Надежде дерзостной игры,

а в последнем стихе:

И гулом захлебнулся дух ⁸

В списке стихов: «Осенний Голос», I, имеющемся у А. А. Ланга ⁹, последние два стиха представляются так в новом виде:

О, дышать вновь и вновь я хочу,
Сказку, ветер, как встарь мне скажи! ¹⁰

Далее не помню, стоит ли там во втором I-стишии беспристрастный взамен безучастный.

Во втором «Осеннем Голосе» второй стих читается так: «И ноют, смерть в себе таит, сердца, дома». А третий с конца: «Которым нем юдоли покаянный плач». Наконец — «в нас ведь — бытия заклятье...» «Но сущий — ты один, создатель чар природных» ¹¹.

¹ А. А. Ланг жил тогда в одном доме с Брюсовым. 18 июня 1900 г. он извещал Коневского: «Я живу теперь на Цветном бульваре в доме своего друга В. Брюсова»; 28 декабря 1900 г.: «В доме Брюсова я снимаю квартиру» (ПК 1988. С. 28).

² Имение к юго-западу от Гатчины.

³ Имеется в виду пребывание на Сайме и в Либаве.

⁴ Неточная цитата из стих. Баратынского «Пироскаф» (1844).

⁵ Церковь Иоанна Предтечи в с. Ширково Тверской губ. (1697 г.) сохранилась до наших дней.

⁶ Сборник Фофанова «Иллюзии. Стихотворения» (СПб.: Изд. А. А. Суворина, 1900); вышел в свет в августе 1900 г. Подробный разбор поэзии Фофанова Коневской дал в статье «Стихотворная лирика в современной России» (см. п. 30, прим. 16). В статье «Об отпевании новой русской поэзии» Коневской писал: «...во всем творчестве К. М. Фофанова, которое неустанно разливается уже много лет, до недавно только появившейся его большой новой книги «Иллюзии», горят самые жгучие терзания сердца и бьют ключом страстные ликования в каком-то необъятном и внутренне уравновешенном кипении. Жизнь его поддерживается томительным огнем, и томительный огонь поддерживается жизнью» (СЦ 1901. С. 186—187).

⁷ Текст письма, идущий за «post scriptum» — ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 27—28.

⁸ Первоначальный вариант см. в п. 40.

⁹ См. п. 30, прим. 1. Коневской, очевидно, забыл, что цикл «Осенние голоса» (I, II) был прислан им не только Лангу, но и Брюсову (см. п. 25, прим. 7).

¹⁰ См. п. 30, прим. 7.

¹¹ Там же, прим. 2.

44. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) Сентябрь 1900

Спасибо за весть, челом за стихи. Стихи Ваши люблю неизменно ¹. Писать некогда очень. Извините, что это лишь записка.

Не обижайтесь, что Вы никак не можете сговориться со «Скорпионом». Он очень отягощен всякими изданиями. Помедлим ².

В начале 1901 г. будет издан альманах. Участники: Бальмонт, М. Горький, Бунин, я, Балтрушайтис, Поляков, Черногулов, А. Пушкин (†), Фет (†), Павлова (†), Ив. Тургенев (†) и мн. др. (как пишут в объявлениях) ³. Не дадите ли что-либо и Вы? Нельзя ли воспользоваться чем-либо из тех стихов, что у нас есть. М(ожет) б(ыть) есть у Вас и проза, но такая, чтобы делала некоторые уступки читателям. Желательно бы привлечь Ф. Сологуба ⁴ и др., Вам ведомых. М(ожет) б(ыть) и даже наверное приедем за тем в Пб. Книга моя выйдет «на днях» ⁵. Я послал Вам оттиск из «Р(усского) а(рхива)» и № «Ребуса» с моими статьями ⁶. Получили ли Вы? Получили ли Вы Аннунцио? ⁷ Пишите больше писем и стихов, Вы свободнее.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов.

РУССКИЙ АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

МОСКВА,
Ермолаевская Садовая,
д. 175-я.

Сентябрь для 1900 г.

Спасибо за стихи, членя за стихи. Стихи
Ваши люблю неизменно. Пишет некогда
очень. Извините, что это лишь рашека.

Не обижайтесь, то вы никак не
можете говорить со Скотландией. Она
очень отощает ввиду изданий. Последним -

В начале 1901 г. будет издав альманахъ.
Участники: Балломонт, М. Горький, Бунин,
я, Балтрушайтис, Пашов, Чернышев, А. Пушкин (?),
Фета (+), Павлова (+) ^{Ив. Тургенев (?)} (и мн. др. (как пишут
в объявлении). Не дадите ли то либо и
вы? Нельзя ли воспользоваться или либо
про тех стихов, то у нас есть. М. д.
есть у нас и проза, но так как то
была некоторая уступка читателям.
Младшею в прилго В. Волобуя и др.

ПИСЬМО БРЮСОВА И. И. БРЕУСУ

Автограф. Москва, сентябрь 1900 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Ответ на п. 43. На бланке «Русского архива».

Письмо относится к концу сентября 1900 г. Сохранилось в двух вариантах — отосланном Коневскому и оставшемся в бумагах Брюсова. Оба текста после смерти Коневского хранились в архиве Брюсова, поэтому трудно с полной уверенностью судить, какой именно из них был получен Коневским. Для публикации мы избираем тот текст, который, по нашему предположению, был отправлен Брюсовым адресату — поскольку в нем отсутствуют критические ноты в оценке последних стихов Коневского и выражаются более конкретные пожелания в связи с изданием альманаха.

¹ См. п. 43. В другом варианте письма Брюсов писал: «Стихи Ваши обычно прекрасны (для меня — т. е. люблю и их, и эти новые). Но поправки, Вами предлагаемые, — тоже обычно — искажают прежнее». О поправках см. п. 43, прим. 8—11.

² Речь идет о предложении Коневского издать сборник его переводов в прозе (см. п. 36—38). Ответ С. А. Полякова см.: ПК 1988. С. 22—23.

³ В это время готовился к изданию СЦ 1901. В другом варианте письма Брюсов сообщал: «Помещено будет: письмо А. Пушкина, неизд(анные) стихи А. Фета, К. Павловой, письмо И. Тургенева и т. д. Участвуют уже: Макс. Горький, К. Д. Бальмонт, Ив. Бунин, я, Балтрушайтис, Ланг «и мн. др.», как пишут в объявлениях». Из перечисленных архивных материалов письмо И. С. Тургенева в альманахе не появилось. Московский коллекционер и

искусствовед Николай Николаевич Черногубов (1873—1942) упомянут как владелец рукописей Пушкина и Фета, приобретенных для публикации в альманахе (см.: *Дневники*. С. 94); непосредственным образом в *СЦ 1901* он не участвовал и поместил лишь в *СЦ 1902* статью «Хронологии стихов Фета». Все остальные перечисленные авторы участвовали в альманахе, кроме С. А. Полякова и М. Горького.

Подробнее об *СЦ 1901* см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым. Вступ. ст. Н. В. Котрелева.

⁴ Брюсов писал Сологубу в письме, полученном адресатом 19 ноября 1900 г.: «Может быть, Вы не изменили Вашего намерения принять участие в скорпионовском альманахе. В нем уже приняты участие (т. е. сдали свои рукописи) З. Гипшиус, К. Д. Бальмонт, М. Лохвицкая, К. Фофанов, Ив. Коневской, Ю. Балтрушайтис, М. Гриницкий и я; обещали свое участие наверное — М. Горький, Н. Минский, Е. Чириков, И. Бунин, Н. Черногубов; не наверное, но “если что найдется”, Д. Мережковский (. . .) Есть предложение просить участвовать еще К. Случевского (. . .) Выйдет альманах в феврале 1901 г. От Вас очень надеемся получить стихов, а может быть, и рассказ» (*Ежегодник 1973*. С. 105—106); Сологуб прислал для альманаха семь стихотворений (*СЦ 1901*. С. 90—93). Из перечисляемых в письме к Сологубу лиц в альманахе не участвовали Горький, Минский, Мережковский и Чириков.

⁵ Сборник «*Tertia vigilia*» вышел в свет во второй половине октября 1900 г., тираж 600 экз.

⁶ В другом варианте письма: «оттиски «Р(усского) а(рхива)». Имеются в виду статьи Брюсова «Баратынский и Сальери» (*РА*. 1900. Т. II, № 8. Подпись: В. Б.), «Поэзия Владимира Соловьева» (Там же), «Методы медиумизма» (Ребус. 1900. № 30. 23 июля).

⁷ *Д'Аннунцио Г.* Трагедии/Пер. с итал. Ю. Балтрушайтиса. М.: Скорпион, 1900. В книгу вошли трагедии «Мертвый город», «Джиоконда», «Слава».

45. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) Окт(ябрь) 2. 1900.

Во мне возбужден большой интерес Вашими сведениями о предполагаемом альманахе. Во-первых, мне не было очевидно по Вашему сообщению, кем он задумывается и издается — «Скорпионом» ли, или другим книгоиздательством. Во-вторых, очень желал бы знать, где были о нем объявления. В-третьих, каково значение и происхождение того историко-литературного материала, который в него войдет? Во всяком случае, я намечаю для включения в него следующие стихотворения, которых списки у Вас на лицо: «Осенние Голоса» — «Порывы» — «Затишье» — «В Езде»¹. — Если брать в расчет прозу, то я был бы рад доставить известный Вам очерк о стихах Laforgue², но сверх того не могу не указать на благое значение несимпатичных Вам переводов в прозе хотя бы из Vielé-Griffin (оставляю в стороне Verhaegen, раз Вы взяли себе нарочитой задачей его перевод в стихах, других переводившихся мною писателей — по другим причинам, хотя о самостоятельном издании некоторых из них жду ответа от С. А. Полякова).

Выражаю Вам благодарность за статьи «Р(усского) а(рхива)» и «Ребуса». В мыслях о «методе медиумизма» мне представляется основное понятие правильно³. Но думаю, что если заранее добиваться того, чтобы неизвестным силам было меньше препятствий и усилий для проявления, это не значит — предполагать в них нечто по существу отличное от всего известного нам порядка предметов, а напротив того — опасаться их зависимости от его сопротивления. Метод наиболее затруднительных условий имеет в своем основании мысленное требование безусловной независимости тех сил. Это, конечно, также не может быть вне сомнений, раз образ действия сверхпространственных и сверхвременных сил нам доступен лишь изредка, в ничтожной мере; но, как-никак, понятие о способности этих сил к преодолению наибольших преград нашего пространства и вещества более свободно возникает из той же мысли о совершенной их инородности, которую Вы отстаиваете.

Соображения об отношениях Баратынского к Пушкину очень, конечно, метки и доказательны в отрицании бестактных библиографов⁴. Но неосмотрительно, после собственного вашего внушения о бесцельности и ничтожестве сопоставлений между общими образами и частными лицами, Ваше указание на известные строфы из поэмы «Осень», как на намек мнений Баратынского о Пушкине⁵. Я сознаю, что меня самого всегда приводило в некоторое смущение это срав-

нение величавого взаимодействия стихийных сил с отношениями между «пошлым гласом» и толпой. Применение «вещателя общих дум» к могучему, но слишком общедоступному поэтическому голосу и такое понимание его «пошлости» несколько более, конечно, соизмеримо с представлением о родстве между великими, но темными слепыми силами мира. Но все же до крайности режет слух здесь это прилагательное «пошлый», и некоторый трепет берет, как подумать, что к этому сводился вывод мыслей Баратынского о завершенной уже тогда деятельности Пушкина. Невольно остается тогда на нем та тень, которую Вы хотите с него снять. А ведь пример такого свойства, что можно бы его не трогать!

Р. С. В заметке о Вл. Соловьеве меня наиболее привлекли Ваши параллельные характеристики «безумного» и обдуманного поэта ⁶. Первая полна и исчерпывает дело, вторая могла бы быть точнее и вдумчивее ^{*}.

Наименее понравилась мне характеристика поэзии Вл. Соловьева. Мне помнится, в беседе со мной Вы же сами намекали на понимание этой личности более ухищренное. В особенности, выбор примеров из поэзии философа меня даже удивил: за исключением немногих (отрывка из «Грех Свиданий», «Иматра» и «Лишь только тень живых» — с большими оговорками) ⁷ все это крайне неудачные части этого стихотворчества. Мой взгляд на самое характерное в нем Вам, быть может, памятен из моей характеристики его в «Современной русской лирике» ⁸. Картина Любви половой и мировой — вся, полное всего, конечно, в: «Мы сошлись с тобой недаром» ⁹, отчасти также в: «У царицы моей...» ¹⁰. Отметьте также, что нераздельный с этой любовью дух борьбы и мятежа с большой яркостью отразился и в одном из его более новых сайменских стихов (из двух частей, 1: «В эту ночь золотисто-пурпурную...») ¹¹. Те же настроения финских озерных краев являют тому же поэту и два лучших его символа мировой тревоги и мирового покоя: это — бушующая Сайма и Сайма оледенелая («Озеро плещет» — «Вся ты закуталась...») ¹². Самое торжественное провозглашение вечности и единства мироздания, самое цельное созерцание совокупности стихий, конечно, не первое обращение: «Земля-владычица...», гораздо более надуманное, а второе — отклик на первое через 12 лет, одна из истинных «глав» поэзии Вл. Соловьева ¹³. Вершающий, отдаленный идеал его мировоззрения указан отчасти в «Трех Подвигах», отчасти — еще гораздо отчетливее и проникновеннее — в «Песни Офитов» ¹⁴.

Христианство не может не быть переходным, подчиненным моментом в системе Вл. Соловьева. Заметьте, как безжизненны и формальны его стихи на тему христианского спасения («Имману-эль», «Ночь на Рождество») ¹⁵. И что хорошего в его переводе петрарковских гимнов Пресвятой Девы? Этот отзыв Ваш меня особенно смутил ¹⁶. Нигде не чувствуется у него ощущения Христа или Богоматери как живых личностей. Немного больше чувства самовластной ветхозаветной державы (напр(имер), «Кумир На(ву)ходоносора») ¹⁷. И вот именно, как заклятый провозвестник личностной власти, он и в Иегове может воодушевляться только самодержавием, но чуждо ему все семитическое обоготворение *породы* и *народа*, которое переходит в учении Христа (только Христа, не последователей его, конечно) в апофеоз целостности человеческого *рода*. Эту сущность первобытного христианства у нас лучше всего понял Лев Толстой и косноязычный, увь! Розанов. Вполне понятно, что внутренне не осуществляемая задача служения всеобщности интересов рода людского может приводить к таким противоположным призывам, как пережитое в пределах одной личности — у Толстого — благоговейное хранение, а вслед за тем отрицание брака, после чего первая точка зрения опять возникает в другой личности, в Розанове.

Но от Вл. Соловьева далеко отстоят все эти вопросы общинных начал. Он в недрах своих эллин, софист и герой, в новом европейском мире ему ближе все-

^{*} Автограф далее печатаемого текста в архиве Брюсова не сохранился. Печатается по машинописной копии Н. Л. Степанова, который снабдил его примечанием: «Отсюда на отдельных листках, возможно, что отдельное письмо».

го скандинавские повольники, финские колдуны, германские умозрители (как хороша его баллада про Колдун-камень!)¹⁸. Его спаситель человечества и мира — ежидительная воля и порыв самобытного духа — платоновский Эрос, его святая Дева — небесомирская Афродита. Красота, вмещающая полноту незримого беспредельного в храмных, кумирных формах. Это небесное царство — слава разума, слава целесообразного, зоркого замысла, слава Слова, которая сияет все безличное, безоблачное, безмерное. Враги его, демоны — скорее безумные буйные силы мглы и пара, губящие и себя, и иных, влекущие пассивным соблазном, чем гордые самовластные мятежники, наступательно налагающие свой произвол.

Идеал его «богочеловечества» есть некоторая возможность сладить с позднейшими надстройками эллинско-азиатской метафизики над учением назарейского Учителя. Эллино-римская церковность, соборность — все это в его духе. Но разве это древняя, пламенная и немудрая проповедь галилейских рыбаков? Все это — всходы платоновской, отчасти — аристотелевской диалектики, разгоряченные более восторженным мировым чувством народов Переднего Востока и воодушевленные стремлением многих разнородных и разноплеменных культур к гражданскому и духовному объединению. Поросли эллинского умозрения на заповедной тайноведной почве Египта, Сирии, один из руководящих двигателей в построении христианства последних эллино-римских миров — это мечты, глубоко вошедшие нашему философу-синтезику в плоть и кровь. Таков — он представляется мне.

Ваш от всего сердца. И. О р е у с.

Ответ на п. 44.

¹ Все перечисленные здесь стихотворения, в указанной Коневским последовательности, а также «Старшие богатыри» (см. п. 54) были опубл. в *СЦ* 1901.

² См. п. 1, прим. 11.

³ В статье «Методы медиумизма» (см. п. 44, прим. 6) Брюсов, разграничивая медиумизм и опытное знание, настаивал на том, что необходимо отказаться «от притязания управлять медиумическими явлениями», создавать наиболее благоприятные условия на спиритических сеансах для проявления «неизвестной силы» и не переносить в медиумизм методы естествознания: «Во всем, что касается способов сношения с силой, проявляющейся в медиумизме, мы должны подчиняться, а не требовать, потому что самые условия ее существования недоступны нашему уму» (с. 259).

⁴ В статье «Баратынский и Сальери» Брюсов опровергал умозаключения Ив. Щеглова (Леонтьева), который в статье «Нескромные догадки» (Торгово-промышленная газета. Лйт. приложение. 1900. № 28. 9 июля) отстаивал гипотезу о том, что Пушкин в «Моцарте и Сальери» в лице Сальери изобразил якобы Баратынского.

⁵ Брюсов обосновывал в статье свою догадку, что в строках стих. «Осень» (1836—1837):

Вот буйственно несет ураган,	Так иногда толпы ленивый ум
И лес подымлет говор шумный.	Из усыпления выводит
И пенится, и ходит океан,	Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И в берег бьет волной безумной;	И звучный отзыв в ней находит,—

Баратынский подразумевает Пушкина и воздействие его поэзии (*РА*. 1900. Кн. II., № 8. С. 541—542).

⁶ В статье «Поэзия Владимира Соловьева» (см. п. 44, прим. 6. В переработанной редакции и под заглавием «Владимир Соловьев. Смысл его поэзии» вошла в книгу Брюсова «Далекие и близкие» (1912). См. VI, 218—230) Брюсов разграничивал поэтов, которые довольствуются «изображением того, что можно постигнуть умом, выражением чувств, доступных ясному сознанию» (Пушкин, А. Майков, А. К. Толстой), и «безумных» поэтов, которые порываются «от зримого и внешнего к сверхчувственному, которых влекут «темные, загадочные глубины человеческого духа» (Тютчев, Фет, Вл. Соловьев) — *РА*. 1900. № 8. С. 546—547.

⁷ См.: Там же. С. 551—553. Упомянуты стихи Вл. Соловьева: «И в пурпуре небесного блистанья...» (отрывок из поэмы «Три свидания»), «Иматра» («Шум и тревога в глубоком покое...») и «Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает...».

⁸ Статья Коневского «Стихотворная лирика в современной России» (см. п. 30, прим. 16) завершается разбором поэзии Вл. Соловьева в сопоставлении с поэзией Д. С. Мережковского: и тот и другой в понимании Коневского — «вестники будущего в современной русской поэзии» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 63).

⁹ Приводя это стихотворение (см.: *Соловьев Вл.* Стихотворения и шуточные нъсы. Л., 1974) в статье «Стихотворная лирика...», Коневской характеризует его: «С особенной смелостью и яркостью сказывается все то же сочетание сил неистовства и безобразия с плодотворными силами стройности в самой мужественной песне любви у этого поэта» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 65 — автограф и 115 — ман.).

¹⁰ «У царицы моей есть высокий дворец...» (*Соловьев Вл.* Стихотворения и шуточные пьесы).

¹¹ «Июньская ночь на Сайме» («В эту ночь золотисто-пурпурную...») — Там же.

¹² Стих. «Сайма» («Озеро плещет волной беспокойною...») и «На Сайме зимой» («Вся ты закуталась шубой пушистой...») — Там же. Ср. рассуждения Коневского о значении природы Финляндии для поэзии Соловьева в статье «Стихотворная лирика...»: «...животворное время года для поэта, его природная стихия, это — зима. Духом зимы напоена вся его лирика (. . .) Это — зима бодрая, свежая, ядреная, с вечно-зелеными густыми елями, с пенящейся Иматрой между снежных берегов. Да, строгая, крепкая, коренная природа Финляндии, ее мшистые скалы, седая пена ее озер, водопадов и морей — вот многозначительный фон, неизменно срощийся с его зимой. Поистине можно сказать, что вместе с музой и мыслью Вл. Соловьева сомкнутая, дышащая упорством и стойкостью природа Финляндии вторгается к своей соседке — тихо-отдающейся, разливающейся в смиренном безличии русской природе — в краткий покой луговин Льва Толстого» (*ЦГАЛИ.* Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 66—67). Статью Коневской завершил стих. «На Сайме зимой» (Там же. Л. 68).

¹³ Стих. «Земля-владычица! К тебе чело склонил я...» (1886) и «Нильская дельта» («Золотые, изумрудные...», 1898) — см.: *Соловьев Вл.* Стихотворения и шуточные пьесы. Оба стихотворения Брюсов приводит в статье «Поэзия Владимира Соловьева». В первом, по его мнению, выражено «с особой силой значение земной красоты», во втором — противоположение христианского учения «языческим мечтам и надеждам» (*РА.* 1900. № 8. С. 549, 553).

¹⁴ См.: *Соловьев Вл.* Стихотворения и шуточные пьесы. Брюсов также отметил, что «в одном из ранних стихотворений „Три подвига“ Вл. Соловьев точно очертил круг своей поэзии» (*РА.* 1900. Кн. II, № 8. С. 548). «Песню офитов» Коневской привел в статье «Стихотворная лирика...» как «величавый символ» поэзии Соловьева: «Символ этот — настолько много-объемлющ, что, конечно, под эту формулу подходит множество сочтаний, произведенных самим Вл. С. Соловьевым — сочетание гордого знания со смиренной верой, безмятежной созерцательности с беспокойной деятельностью, мира видимого с его духовным смыслом; но, помимо этого, могут угадываться под покровом этой формулы и такие волшебные единения, которые нашему поэту-мыслителю и во сне еще не снились» (*ЦГАЛИ.* Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 69).

¹⁵ См.: *Соловьев Вл.* Стихотворения и шуточные пьесы.

¹⁶ Стих. «Хвалы и моления Пресвятой Деве» (1883), которое сам Соловьев определял как вольное и сокращенное переложение Петраркиных «Lodi preghiere» (Там же). В своей статье Брюсов писал: «Поклонение Вечной женственности приводит к поклонению Той, Кто является ее чистейшим образом. Хвалы и моления Пресвятой Деве, переведенные из Петрарки, одно из лучших произведений Вл. Соловьева» (*РА.* 1900, Кн. II, № 8. С. 553). В переработанном варианте статьи, упоминая перевод Соловьева из Петрарки, Брюсов снял эту оценочную характеристику (VI, 228).

¹⁷ Стих. «Кумир Небукаднецара» (1891) — *Соловьев Вл.*

Стихотворения и шуточные пьесы. Небукаднецар — *Навуходносор II* (604—561 до н. э.) — вавилонский царь, завоевавший Иудею и разрушивший Иерусалим; символ тирании и злодейства (Книга пророка Даниила, I—IV). Во 2-м (1895) и 3-м (1900) изданиях «Стихотворений» Вл. Соловьева, известных Коневскому и Брюсову, «Кумир Небукаднецара» печатался в сокращенном виде без первых четырех строф и без последней строфы (во избежание цензурных придирок) и без иронического посвящения К. П. Победоносцеву; тем самым антисамодержавный смысл стихотворения был приглушен.

¹⁸ Стих. «Колдун-камень» («Эти мшистые громады...», 1894) — *Соловьев Вл.* Стихотворения и шуточные пьесы.

46. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Середина октября 1900 г.)

Очень прошу меня извинить, что не могу отвечать подробно. Кроме взятых на себя с осени ежедневных занятий по «Русскому архиву»¹, озабочен я очень эти последние дни выпуском двух последних изданий «Скорпиона»². Вот, так сказать, официальные ответы.

Альманах издает «Скорпион». «Историко-литературный материал» приобретен самым естественным путем: покушкой автографов у владевших ими. Впрочем, торг Пушкинской записки, кажется, не удастся³.

Статью о Лафоре, если можно, пришлите на просмотр; но необходимое условие, чтобы она была короткой.

Назначаемые Вами стихи с благодарностью возьмем.

Не можете ли Вы написать для критического отдела Альманаха несколько рецензий о новых книгах, но существенно коротких: строк 15—20—25 каждая. К примеру укажу «Иллюзии» Фофанова и «Альму» Минского⁴.

Переводы в прозе совершенно не подойдут к характеру Альманаха.

С. А. Поляков все еще не ответил Вам на Ваше второе письмо, в чем извиняется очень. Он принадлежит к числу тех людей, для которых написать маленькое письмо труднее, чем перевести целую поэму⁵. В настоящее мгновение соображения наши по поводу Ваших переводов осложнены еще следующим предложением: некто Вячеслав Иванов, ссылаясь на Дягилева, предлагает «Скорпиону» принять участие в издании переводов из современных французских поэтов; издание будет «украшено» рисунками французских художников. Вы видите сами, что до выяснения характера этого предприятия и нашего отношения к нему приходится отложить всякое решение о издании Ваших переводов⁶.

Если у Вас есть стихи, не отказывайтесь сообщать их.

Ваш Валерий Брюсов.

Ответ на п. 45. Сохранилось в двух вариантах, почти идентичных по тексту, — один был отправлен адресату, другой остался в архиве Брюсова. Публикуется тот вариант, который, по нашему предположению, был послан Коневскому. Кроме того, в архиве Брюсова сохранилось два отрывка первоначальной, более пространной редакции этого письма: первый отрывок — без окончания, второй — окончание без начала, с подписью. В примечаниях приводятся отдельные фрагменты из этой неотправленной редакции письма.

¹ В августе 1900 г. Брюсов официально поступил на службу в редакцию «Русского архива» для выполнения секретарских обязанностей, взяв на себя обязательство посвящать журналу «не менее четырех часов в сутки, исключая дни неприсутственные» (обязательство Брюсова редактору журнала П. И. Бартеневу, датированное 14 августа 1900 г.; опубл. Н. С. Ашукиным в кн.: *Дневники*. С. 173).

² В конце октября 1900 г. в издательстве «Скорпион» вышла книга А. Шницлера «Зеленый попугай» (пер. М. О. И.); готовились к изданию: *Бунин Ив.* Листопад: Стихотворения (вышла в свет в начале февраля 1901 г.); *По Э.* Собр. соч./Пер. К. Д. Бальмонта. Т. I. Поэмы, сказки, рассказы. 1901; «Северные цветы» 1901 г.

³ В первоначальной редакции письма Брюсов писал: «...дело с Пушкинской запиской, кажется, расстраивается, ибо владельцы поднимают цену безжалостно». Ср. дневниковую запись (конец сентября 1900 г.): «Покупали у Черногоубова разные бумаги. Но он дорожится. За стихи Фета просит 35 р. за 8 строк, за записку Пушкина 50 р.» (*Дневники*. С. 91). Записка Пушкина на обороте письма Н. А. Полевого к А. А. Муханову (февраль 1827 г.) была факсимильно воспроизведена в *СЦ 1901* (с. 141).

⁴ См. п. 43, прим. 6; п. 35, прим. 9; п. 36, прим. 3. Об отношении Брюсова к поэзии Фофанова см.: *Черемисин Б. Е.* Валерий Брюсов и Константин Фофанов // *Чтения 1983*.

⁵ В первоначальной редакции письма Брюсов далее писал о Полякове: «Сущность его ответа будет такова. «Скорпион» обязан заботиться не только о потребностях русской поэзии, но и о своем существовании, т. е., иначе говоря, о потребностях покупателей. Продавать стихи, переведенные прозой и притом с французского (язык — известный слишком многим) почти нет надежды. Поэтому приступить к изданию Ваших переводов (в основе весьма желательному) можно лишь в подходящее мгновение: после удачной распродажи какой-либо книги; когда внимание будет обращено вообще на издания «Скорпиона» и т. п. Во всяком случае в настоящие дни «Скорпион» обременен уже взятыми на себя обязательствами («Листопад» Бунина, Эдг. По Бальмонта, «Пан» самого Полякова, Альманах). Упоминается готовящееся издание: *Гамсун К.* Пан/Предисл. К. Д. Бальмонта; Пер. с норвеж. С. А. Полякова. М.: Скорпион, 1901.

⁶ В первоначальной редакции письма Брюсов подробнее излагал полученное предложение: «Впрочем, все эти доводы, кажется, разрушаются полученным вчера письмом. Кто-то (Вячеслав Иванов) (...) предлагает «Скорпиону» принять участие в издании ряда переводов из современных французских писателей г-жи Баулер с нарочно для того сделанными иллюстрациями французских художников. Это предложение воскрешает нашу давнюю мысль, временно отложенную, — издать серию переводов из «современных» писателей. Во всяком случае, пока надо поговорить с этой г-жой Баулер, т. е. разузнать главное об условиях получения рисунков. Затем надо постараться, чтобы одновременно не появилось двух сходных изданий». Об этом предложении Вяч. Иванова см. подробнее: *Котрелев Н. В.* Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности. М., 1985. С. 74—79. (Опубликовано письмо Вяч. Иванова в «Скорпион» от 9 октября 1900 г. и черновик ответа Брюсова).

47. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

от И. Ореуса

(Петербург.) Окт(ября) 27/28 1900.

Приношу благодарность, мой друг, за «Tertia Vigilia» и, в частности, за посвящение поэмы о Викингах¹. Пребываю при том мнении, что это лучший образец Вашей поэзии. Из еще неизвестных мне вторых частей мне показались со-

вершенными песни стихий и их обеты молчания, а также — ода о вращении земли и о смерти Свена. Хороша и песня Свена. В остальном есть черты сильные между образами второй картины плаванья и зимовок. Крайне, увы! двойственное впечатление возбуждается заключительным Голосом. Выдающиеся не только по содержанию, но и по выражению мысли сочетания слов портятся такими местами, где в слишком ограниченном объеме Вами, очевидно, предполагалось сложить слишком много-сложных и многообъемлющих понятий. От этого образы или отвлеченные слова, их передающие, получаются неточные, неуместные, грубые. Таков образ «сладкой сети противоречий», которая «роднит и близит всех»; таковы рубрики Любви и Греха². Ведь противоречия, во всяком случае, не над предметами, как сеть, раскинутая поверх их, объединяют предметы, а таятся внутри их самих. Да и эпитет «сладкий» при представлении сети очень уж не живописный. А уж противоположение «Греха» с Любовью — совсем невдумчиво: это значит, как Мережковский, взять готовую, самую условную категорию из учений нравов, внешне пригодную для поэтического обихода.

Потом не могу Вам простить того, что Вы, включив в эту книгу много недостоинного, исключили такие первые между Вашими стихами образцы, равные лучшим частям «Викингов», как: «Демоны Пыли», «Глаза», «Я не знаю других обязательств...» — лучшее Ваше «раздумье»³.

Из прочих отделов Вашей книги мне понравилось многое из стихов о Городе⁴. Удивлен был наличностью многих прекрасных частей в той совокупности, к которой Вы сами относились так иронически, и в которой и мне некоторые стихи показались примерами того, «как не следует писать». Я думаю, во всяком случае, что такие стихи, как «Я слежу дозором...», «Лампада», «Старинный храм», Вам очень близки. А совсем хорошо и более подозрительное: «Мыши»⁵.

В последнем отделе мне полюбились более всего: «Папоротник», «Металлы», «Брошен веялкой...», «Отрады», «Мне поется...» и, в сущности, даже первое: «Возвращение», хотя оно не вполне пропорционально величине темы, и иногда кричаще⁶.

Из «Любимцев Веков»⁷ «Скифы» сохраняют все мое сочувствие, потом истинно целен, смело и стройно пластичен «Александр Великий». Нравились бы мне очень и широкая даль таинственности в образе «Халдейского Пастуха», не будь вступительной и заключительной позы автора перед ним. Быть может, с наибольшей сочностью и в то же время точностью переданы давно излюбленные Вами мотивы губительной любви, которые казались мне живы даже в некоторых Ваших давних октавах о ламии⁸, в новой балладе о тех же «классических» ведьмах⁹; но в ней же и в начале, и в конце есть такие сухости, которые лишают эти стихи цельной жизни. В раздумье о путях победы над рассудком¹⁰ много строф, звучащих твердым и проникновенным боем, напоминающих гармонию Случевского, но, к сожалению, передача наития Светлого Духа неизмеримо ниже характеристики Дьявола*.

¹ См. п. 17, прим. 6.

² Вторая строфа заключительного, IX раздела поэмы: «Противоречий сладких сеть // Роднит и близит всех: // Равно и жить и умереть, // Равны Любовь и Грех» (TV. С. 64). В последующих изданиях Брюсов исправил вторую строку. Окончательный ее вариант — «Связует странно всех» (см. I, 256).

³ Все три указанных стихотворения были впервые опубл. в КР. Первые два стихотворения были впоследствии включены Брюсовым в состав TV (см. I, 209 и 213), третье — под заглавием «Обязательства» — в состав МЕЕ (I, 132).

⁴ «Город» — второй отдел TV, посвященный Бальмонту.

⁵ Упомянутые стихотворения, вошедшие в третий отдел TV, посвященный Г. Бахману, — «Книжка для детей». Первое из названных стихотворений впоследствии было озаглавлено «Дозор»; второе — «Ей же» (т. е. Е. И. Павловской); третье — «В старинном храме» (см. I, 204, 200, 207, 208).

⁶ Последний, пятый отдел — «Повторения (к Книге раздумий)», посвященный Юргису Балтрушайтису. В окончательном составе TV упоминаемые стихотворения распределены по различным разделам, причем стихотворение «Возвращение» («Я убежал от пышных брашен...») открывает книгу. Второе из называемых Коневским стихотворений получило впо-

* Окончание письма отсутствует.

следствии заглавие «К металлам», третье — «Жернова», пятое — «Песня» (см. I, 141, 216—217, 232, 219—220).

⁷ Отдел первый TV, включающий 23 стихотворения под общим заглавием «Любимцы веков» (посв. Модесту Дурнову). Упоминаемые ниже три стихотворения см. I, 152, 149, 144.

⁸ Стих. «И снова... (Октавы)» («И снова день в томительном июне...», 1895), содержащее строку: «Ее уста — что губы сонных ламий» (*ChdO 2; ПСС, I*).

⁹ Стих. «Ламия» («В дни весенних новолуний...», 1900), вошедшее в отдел «Любимцы веков» (TV; I, 150).

¹⁰ Стих. «Рассудка вечные устои...» (отдел «Повторения») — TV. Впоследствии печаталось под заглавием «Устои» (I, 226).

48. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Середина ноября 1900 г.)

Мне хотелось бы верить, дорогой Иван Иванович, что Вы не упрекаете меня за то, что я не выполнил своих петербургских обещаний¹. Видеть Вас мне, конечно, желалось бесконечно больше, чем десятку других лиц, с которыми мы трагично тратили часы... но видеть тех по разным причинам было *нужно*, — вот довод, кажется, чуждый Вам! Все три дня в Петербурге я был в каком-то безвольном состоянии и теперь все сравниваю себя там с камушком в калейдоскопе, перекачивающимся не по своему желанию, отражаемым и отражающим². Если будет у Вас свободные полчаса, не откажитесь написать мне о моих стихах то, что не пришлось мне услышать³: это, конечно, упреки и осуждения, т. е. наиболее любопытное, чего я могу искать. А еще лучше: выполняйте замысел Ив(ана) Як(овлевича)⁴ и приезжайте в Москву; здесь осталось еще много, чего Вы не «осмотрели» и не оценили.

Р. С. Для альманаха дали вещи: Фофанов, Лохвицкая, З. Гиппиус, обещали: Мережковский, Минский, Сологуб⁵. Как видите, жатва довольно богатая.

Ваш сердечно Валерий Брюсов.

Русс(кий) арх(ив)

¹ Брюсов был в Петербурге с 3 по 6 ноября 1900 г. вместе с С. А. Поляковым. Основная цель поездки — сбор материалов для «Северных цветов» и встречи с их предполагаемыми участниками. Подробное описание пребывания Брюсова в Петербурге см.: *Дневники*. С. 95—99. Накануне поездки, в конце октября, Брюсов писал И. И. Ясинскому: «В четверг мы выезжаем с С(ергеем) А(лександровичем). В пятницу будем в Петербурге. Зачем? Не очень знаю (. . .) Видели ли Вы Ореуса?» (Новый мир. 1932. № 2. С. 197). С Коневским Брюсов встретился 4 ноября (*Дневники*. С. 95). Видимо, он обещал Коневскому повидаться с ним еще раз, но не сумел выполнить этого обещания.

² Аналогичным образом Брюсов характеризовал свое пребывание в Петербурге в недатированном письме к Вл. В Гиппиусу, выслала ему «Tertia vigilia»: «...те три дня, которые я провел в Петербурге, чувствовал я себя стеклышком в калейдоскопе, только отражающим и отражающимся, да безвольно перекачивающимся из стороны в сторону» (В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 129. Письмо ошибочно датировано публикатором 1 апреля 1900 г.).

³ Видимо, в ходе петербургской встречи Брюсов и Коневской беседовали о «Tertia vigilia».

⁴ И. Я. Билибин.

⁵ См. п. 44, прим. 4.

49. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 20 ноября 1900.

Очень рад был Вашему последнему письму, милый Валерий Яковлевич, и в свою очередь выражаю сожаление о том, что замедлил и теперь передачей тех суждений, которые хотелось сообщить Вам еще при свидании. В последние дни я заканчивал писание, которое обусловлено прикладными университетскими надобностями, но в то же время отмечено и вполне самостоятельным значением для моей личной литературно-мыслительной деятельности. Гораздо более, нежели хотя бы составленный мною в прошлом году очерк о Баратынском¹, эта статья отмечена характером законченным и восполненным, потому что та характеристика сердца и мысли Кольцова, которую я в ней даю, представляет сплошь изложе-

ние моих личных понятий², тогда как прошлогоднее писание о Баратынском мне заблагодарасудилось строить на исследовании чужих суждений о поэте, ради проявления книжной «эрудиции», так что изложение моего понимания вышло не полно и раздроблено по разным местам исследования. Этот метод имел тем более досадные последствия, что в глазах того же профессора, ради которого я вводил себя в эти тиски, оказался препятствием к тому, чтобы поместить статью в им же редактируемый сборник стихов и прозы студентов здешнего унив(ерситета), придавая, как он же выразился, слишком «специальный» характер статье³. Между тем в ней все же было столько общих суждений о Баратынском, которыми я дорожу, что как нельзя более желательно и к стати было бы их предать гласности в сборнике, выпускаемом в год столетия со времени рождения поэта.

В нынешнем же году я хотел заканчивать характеристику творчества А. Толстого в виде «зачетного» сочинения. Для нее у меня сделано много набросков, отделаны окончательно вступительные части (где речь о мировоззрении Тютчева, Пушкина, Баратынского, Кольцова, Фета, как о фазисах мысли, предварительных для философии Толстого)⁴, но это, сравнительно, конечно, очень немного, и в разработке даже основных понятий характеристики можно предвидеть много существенных преобразований и новых оборотов. Таким образом исполнение этого дела в нынешнем году поставлено мною в зависимость от того, согласится ли проф. Жданов или нет принять уже писание о Кольцове за сочинение «зачетное» (что обнаружится на днях): если согласится, мне останется для окончания всех дел университетского курса сделать только один полугодовой «реферат», темой которого выберу не А. Толстого, а какого-н(ибудь) сравнительно несложного поэта (я имел в виду Щербину)⁵. Исследование же о поэте Дон-Жуана отложу тогда до более свободного времени, потому что имел в мыслях покончить нынче весной и с «государственными испытаниями» (хотя это еще далеко не окончательное решение)⁶.

Переходя к запоздалым отзывам о «Tertia Vigilia», поспешаю прежде всего повторить запрос — почему нет налично в этой книге «Демонов Пыли», «Глаза», и лучшего Вашего раздумья: «Я не знаю других обязательств...». Ужели в интересах «Книги раздумий»?⁷ Я же не устаю желать, чтоб она исчезла с лица земли, или хотя бы с книгопродавческих полок. Я думаю, что «Демоны Пыли» были бы лучшим прологом к «Городу», гораздо более, чем «В неконченном здании», которого по-прежнему не одобряю⁸. «Глаза» нашли бы себе достойное место между «Любимцами Веков» рядом с «Ламией»⁹, а упомянутое «раздумье»¹⁰ — во главе «Повторений» (вместо: «Я знаю беглость...» — стихов неудачных, мертвых)¹¹. До некоторой степени возмещается замеченное отсутствие — прекрасный раздумьем: «В мире широком...»¹². Далее прямо хороша в числе «Повторений» (хотя кажется, что это совсем для вас не старо, а вообще все достойное среди «повторений» — конечно, не повторения, а возобновления) — эротическая дума: «Строгий, холодный и властный...». Как привлекала бы меня по общему чувству и построению дума: «Вила», если б, увы! и образы, и музыка не отзывались бальмонтовщиной!¹³

Многое оценено мною еще чрезвычайно в «Книжке для детей», поддельность которой Вами указана была, конечно, ради блажи и баловства, — а именно: «Звезда морей», «Величит душа моя...», «Лампада», «Мы встретились с нею в пустыне...»¹⁴.

Отвергаю ваши опыты в древне-русском вкусе, каковы: «Песня о последнем рязанском князе», «Сказание о разбойнике»¹⁵, отвергаю «Ассаргадона», «Сибиллу», «Клеопатру», «Дон-Жуана», «Флоренцию», «Брань народов», «В дни запус-тений», «Проблеск»¹⁶ (из последних двух исключая некоторые места, и вообще в них чувствуется за словами живая струя и звук чувства). Отвергаю «Аганатис», как ни жаль за точность и плавность терцин, исключая прекрасные звуки и образы света на лестнице и тьмы в храме из пролога¹⁷. Отвергаю все картинки Крыма и Моря, кроме трех (8. 17. 20)¹⁸.

Мне кажется, что Вам не удастся тютчево-фетовская «пейзажная» живопись. Ваше искусство проявляется лучше всего в героических, эротических или впол-

ние моих личных понятий², тогда как прошлогоднее писание о Баратынском мне заблагорассудилось строить на исследовании чужих суждений о поэте, ради проявления книжной «эрудиции», так что изложение моего понимания вышло не полно и раздроблено по разным местам исследования. Этот метод имел тем более досадные последствия, что в глазах того же профессора, ради которого я вводил себя в эти тиски, оказался препятствием к тому, чтобы поместить статью в им же редактируемый сборник стихов и прозы студентов здешнего унив(ерситета), придавая, как он же выразился, слишком «специальный» характер статье³. Между тем в ней все же было столько общих суждений о Баратынском, которыми я дорожю, что как нельзя более желательно и кстати было бы их предать гласности в сборнике, выпускаемом в год столетия со времени рождения поэта.

В нынешнем же году я хотел заканчивать характеристику творчества А. Толстого в виде «зачетного» сочинения. Для нее у меня сделано много набросков, отделаны окончательно вступительные части (где речь о мировоззрении Тютчева, Пушкина, Баратынского, Кольцова, Фета, как о фазисах мысли, предварительных для философии Толстого)⁴, но это, сравнительно, конечно, очень немного, и в разработке даже основных понятий характеристики можно предвидеть много существенных преобразований и новых оборотов. Таким образом исполнение этого дела в нынешнем году поставлено мною в зависимость от того, согласится ли проф. Жданов или нет принять уже писание о Кольцове за сочинение «зачетное» (что обнаружится на днях): если согласится, мне останется для окончания всех дел университетского курса сделать только один полугодовой «реферат», темой которого выберу не А. Толстого, а какого-н(ибудь) сравнительно несложного поэта (я имел в виду Щербину)⁵. Исследование же о поэте Дон-Жуана отложу тогда до более свободного времени, потому что имел в мыслях покончить нынче весной и с «государственными испытаниями» (хотя это еще далеко не окончательное решение)⁶.

Переходя к запоздалым отзывам о «Tertia Vigilia», поспешаю прежде всего повторить запрос — почему нет налицо в этой книге «Демонов Пыли», «Глаза», и лучшего Вашего раздумья: «Я не знаю других обязательств...». Ужели в интересах «Книги раздумий»?⁷ Я же не устаю желать, чтоб она исчезла с лица земли, или хотя бы с книгопродавческих полок. Я думаю, что «Демоны Пыли» были бы лучшим прологом к «Городу», гораздо более, чем «В неконченном здании», которого по-прежнему не одобряю⁸. «Глаза» нашли бы себе достойное место между «Любимцами Веков» рядом с «Ламией»⁹, а упомянутое «раздумье»¹⁰ — во главе «Повторений» (вместо: «Я знаю беглость...» — стихов неудачных, мертвых)¹¹. До некоторой степени возмещается замеченное отсутствие — прекрасным раздумьем: «В мире широком...»¹². Далее прямо хороша в числе «Повторений» (хотя кажется, что это совсем для вас не старо, а вообще все достойное среди «повторений» — конечно, не повторения, а возобновления) — эротическая дума: «Строгий, холодный и властный...». Как привлекала бы меня по общему чувству и построению дума: «Ви́ла», если б, увы! и образы, и музыка не отзывались бальмонтовщиной!¹³

Многое оценено мною еще чрезвычайно в «Книжке для детей», поддельность которой Вами указана была, конечно, ради блажи и бадовства, — а именно: «Звезда морей», «Величит душа моя...», «Лампада», «Мы встретились с нею в пустыне...»¹⁴.

Отвергаю ваши опыты в древне-русском вкусе, каковы: «Песня о последнем рязанском князе», «Сказание о разбойнике»¹⁵, отвергаю «Ассаргадона», «Сибиллу», «Клеопатру», «Дон-Жуана», «Флоренцию», «Брань народов», «В дни заупустений», «Проблеск»¹⁶ (из последних двух исключая некоторые места, и вообще в них чувствуется за словами живая струя и звук чувства). Отвергаю «Аганатис», как ни жаль за точность и плавность терцин, исключая прекрасные звуки и образы света на лестнице и тьмы в храме из пролога¹⁷. Отвергаю все картинки Крыма и Моря, кроме трех (8. 17. 20)¹⁸.

Мне кажется, что Вам не удастся тютчево-фетовская «пейзажная» живопись. Ваше искусство проявляется лучше всего в героических, эротических или впол-

не мыслительных «раздумных» мотивах, а также в тех темах отчасти бытовых, отчасти молитвенных, которые Вы назвали «детскими». В живописи вполне созерцательной Вам из мира стихий доступны только такие широкие мировые обобщения, как пѣсни стихий в поэме о викингах¹⁹, характеристика металлов, умозрительное понимание жизни злака или наконец — совсем сказочные фантазии, как «Папортник»²⁰ (одно из, конечно, наиболее милых мне явлений в Вашей поэзии, которое живописать бы И. Я. Билибину); с другой стороны, наблюдение и созерцание самодовлеющие в полной мере доступны Вам среди городских обстановок и явлений; но и среди песен города лучше всего те, которые вводят какое-н(ибудь) мировое обобщение в зримое зрелище (4. 5. 18. 19.)²¹ или характеризуют внутренний человеческий мир (2. 3. 7. 8.)²². Вообще, Вам наиболее свойственна, конечно, деятельность самобытного воображения, страсти или умозрения: воображение же у Вас — или историческое, или тайнозрительное. Но не присуще Вам не только писать зримые явления ради них самих, но даже вполне сводить воедино сверхчувственный смысл с его осязательным образом: образ большею частью отодвинут у Вас на второй план, чтобы дух и смысл был выдвинут на первый.

Между прочим, укажу несколько упреков к песням стихий²³, которые принадлежат вообще к первостепенным моментам Вашего творчества. Жаль, что выражение огня так односторонне: он есть только пламя, не тепло и не свет. Далее, песня воздуха вообще слабее других: «я ласкаю розы мая» — поверхностно для передачи животворности; что же касается до изображения цветного тона небес, то это — тема, без сомнения, одна из самых тонких и затруднительных, но: «в голубом плаще наряжен», хоть и безукоризненно изящно, все же мало меня удовлетворяет, мало соответствует моему чувству этой красоты.

Все сведения об участниках Альманаха я получил от С. А. Полякова еще на другой день после Вашего отъезда²⁴. После этого мне оставалось направить его к Вл. Гипшиусу, для которого, кажется, при таких данных не представлялось бы более поводов к отступлению, и так Альманах мог бы быть увенчан. Очень посетовал о том, что С. А. не выполнил своего намерения зайти ко мне с известием о результатах своего обращения к Вл. Гипшиусу. Тем более «горю желанием» узнать теперь от Вас об исходе этого щекотливого дела²⁵.

Предвижу, что мои рецензии вылетят в трубу из соображений «этикета»²⁶. А статья о Лафорге не ужаснет ли объемом? ²⁷ И в беседе со мной С. А. Поляков уже что-то встревожился, когда я упомянул о числе страниц. Соображениями

Вл. В. ГИПШИУС

Фотография Н. Чеснокова. С.-Петербург
Ленинградский исторический архив

его же о переводах я остался вполне убежден, так что решил ждать у моря погоды²⁰.

Как Вам понравился Роковой Совет новых Душ? «Друг мой Асканий» (А. Я. Билибин — математик) и я, которых участие распределяется в этой поэме с полной равномерностью, справедливо гордимся этим импровизованным синтезом всех душевных явлений нашего времени. Понятно ли Вам обобщающее значение «Гимназиста»?²¹

Всей душой Ваш И. Ореус.

Ответ на п. 48

¹ См. п. 24, прим. 9.

² Статья «А. В. Кольцов (личная его природа и строй мысли)» — июнь — ноябрь 1900 г. — сохранилась среди бумаг Коневского с пометой «университетское сочинение» и оценкой «удовлетворительно», поставленной проф. И. Н. Ждановым (*ЦГАЛИ*, Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 15). Поэтическое мировоззрение Баратынского и Кольцова Коневской анализирует также в статье «Мистическое чувство в русской лирике» (см. п. 34, прим. 3).

³ Профессор Петербургского университета Иван Николаевич Жданов (1846—1901) — историк литературы, фольклорист, академик. Сведения о нем и о его научно-педагогической деятельности см. в некрологических статьях А. С. Архангельского (ЖМНП. 1901. Ч. 337, № 9, отд. IV. С. 32—42; Чтения в Обществе любителей русской словесности. 1904. Вып. 6. С. 9—21) и А. А. Чебышева (ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 1. С. 1—16). Под редакцией И. Н. Жданова был выпущен «Литературный сборник, изданный студентами имп. С.-Петербургского университета в пользу раненых буров» (СПб., 1900). В нем было опубликовано стих. Коневского (подпись: Ореус) «Песнь изгнанника. На мотив из Калевалы».

⁴ Друг Коневского Н. Мих. Соколов отмечал в письме к Брюсову от 27 декабря 1901 г.: «...из бесед со всеми друзьями Ореуса я вынес подтверждение тому, что центром интересов покойного друга было поэтическое творчество в широчайшем смысле слова, что особенно резко выразилось в его предсмертном письме к Семенову и объединении всех его интересов в неоконченной работе о лирике наших поэтов первой половины века». Перечисляя далее сохранившиеся рукописи Коневского, относящиеся к этой работе, Соколов называет: «Поэзия Алексея Толстого; ее положение в ходе русской стихотворной мысли» (краткая) характеристика Тютчева, Пушкина — Баратынского, Кольцова и Фета) с предисловием. «Наброски о мистическом чувстве», с характеристикой Кольцова (подробной), баллад А. Толстого (закончено) и рядом необработанных параллелей между А. Толстым, Тютчевым и Фетом» (*ЦГАЛИ*, Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 50). См. п. 34, прим. 3.

⁵ Статья Коневского «Мировоззрение поэзии Н. Ф. Щербины» была опубликована по-смертно (*СЦ* 1902).

⁶ 19 марта 1901 г. Коневской получил удостоверение о прослушании полного курса историко-филологического факультета, славяно-русского отделения (*ЛГИА*, Ф. 14. Оп. 3. Д. 33204. Л. 16, 18), однако государственных экзаменов весной 1901 г. не держал.

⁷ См. п. 47, прим. 3.

⁸ Стих. «В неоконченном здании» (ср. п. 32, прим. 7) открывает в *TV* отдел «Город».

⁹ См. п. 47, прим. 9.

¹⁰ Там же, прим. 3.

¹¹ Стих. «Рондо» («Я знаю беглость ночи и зимы...»). Впоследствии печаталось под заглавием «Я знаю...» и с посвящением К. Д. Бальмонту (I, 230).

¹² «В мире широком, в море шумящем...» — следующее за «Рондо» стихотворение в отделе *TV* «Повторения». Впоследствии печаталось под заглавием «Мы» (I, 230).

¹³ Стихотворения из того же отдела *TV* — I, 182—183, 215—216. Отрицательное отношение Коневского к поэзии Бальмонта окончательно определилось после выхода в свет в мае 1900 г. книги «Горящие здания». В ответ на предложение Брюсова писать рецензии для «Северных цветов» (п. 46) Коневской прислал краткий отзыв-эпиграмму на «Горящие здания», который не был опубликован. Приводим его текст, вместе с обращением Коневского к Брюсову (сохранился среди писем Коневского в архиве Брюсова):

«Не заблагорассудите ли принять в Альманах эту краткую эпиграмму о «Горящих зданиях»:

Поэт говорит во вступительном стихотворении к сборнику: я хочу кричащих бурь. В этом обозначении исчерпана сущность его новой поэзии. Бури К. Д. Бальмонта не воют, не ропщут, не бушуют, а кричат, визжат, орут „благим матом“, как теленок, которого режут, или “караул!”, как прохожий, на которого напали мазурики. Это подтверждается и заключительными словами того же стихотворения: “я хочу кинжальных слов и предсмертных восклицаний!” Очевидно, поэт дерет у себя горло, а у читателя уши под чьим-то кинжалом, и потому всякому остается пожелать, чтобы вступительное желание автора стало для его поэзии “восклицанием предсмертным”. Но, увы, визг не умолкает на протяжении нескольких сотен страниц, и критику остается поплотнее заткнуть уши.

Иван Коневской.»

В «эпиграмме» Коневского идет речь о стих. «Я устал от нежных снов...» (*Горящие здания*), впоследствии озаглавленном «Кинжальные слова».

¹⁴ 2-е стихотворение впоследствии озаглавлено «Величание», 4-е — «Памяти Е. И. П(авловской)», 3-е — «Ей же» (см. I, 200, 214, 216).

¹⁵ Стих. «О последнем рязанском князе Иване Ивановиче (1517 г.)» и «Сказание о разбойнике. (Из Пролога)» — I, 159—160 и 239—240.

¹⁶ Все перечисленные стихотворения напечатаны в отделе TV «Любимцы веков» — I, 144, 151, 153, 158, 156, 224, 223, 227.

¹⁷ Имеются в виду строки из «финикийского рассказа» «Аганатис»:

Длинная лестница,
Освещенная ярко,
И за дверью во храме этот сумрак ночной.
(TV. С. 67; I, 241)

¹⁸ «Обошла тропа утес...», «Белый цвет магнолий...», «Мерно вьет дорога...» — I, 166—168.

¹⁹ «Голоса стихий» из поэмы «Царю Северного полюса» — TV. С. 59—62; I, 253—256.

²⁰ Речь идет о стихах «К металлу», «Жернова» и «Папоротник» (см. п. 47, прим. 6).

²¹ Стихотворения из отдела TV «Город»: «Я провижу гордые тени...», «Жадно тобой наслаждаюсь...», «Я видел искры от кирпичи...», «Замыслов строгих и смелых...» — I, 172, 173, 177.

²² Стихотворения из того же отдела: «Я люблю большие дома», «Когда опускается штора...», «Вечерний свет» («Люблю вечерний свет и первые огни...»), «Я люблю в глазах опывших...» — I, 171, 172, 173, 199—200. 4-е стихотворение впоследствии озаглавлено «Случайной».

²³ См. прим. 19.

²⁴ После отъезда Брюсова С. А. Поляков пробыл еще в Петербурге 7 и 8 ноября. «Сергей Александрович оставался еще на два дня, раздавал книги по магазинам» (*Дневники*. С. 99).

²⁵ Речь идет о привлечении Вл. Гиппиуса к участию в «Северных цветах». «Щекотливым» это дело представляется Коневскому в силу того, что Вл. Гиппиус в то время демонстративно отмежевывался от «декадентов», что выразилось, в частности, в его отказе от участия в «Книге раздумий» и в написанной им отрицательной рецензии на этот сборник (см. п. 35, прим. 2); Письмо с приглашением участвовать в «Северных цветах» Брюсов отправил Гиппиусу 4 декабря 1900 г. (В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. С. 129—130).

²⁶ Рецензия на «Альму» Минского (см. п. 36, прим. 3); рецензия на «Горящие здания» Бальмонта (см.: прим. 13 к наст. п.).

²⁷ См. п. 1, прим. 10.

²⁸ Имеется в виду проект издания отдельной книгой переводов Коневского в прозе из западноевропейской поэзии.

²⁹ Шуточно-пародийная поэма «Роковой совет новых душ», своеобразно отразившая противоборство «символистских» и «позитивистских» умонастроений, была, по-видимому, передана Брюсову во время его визита к Коневскому. Приводим ее текст (сопровожденный более поздней карандашной пометой: «к ответу З. Н. Гиппиус»):

РОКОВОЙ СОВЕТ НОВЫХ ДУШ

Краткая поэма Ив. Коневского
и друга его Аскания.

Символист и Гимназист,
Эконом,
Философ и Гидростат
Собрались вечером
В шумный загородный сад
И составили совет
Обсудить весь белый свет,
Чтоб, узнав, как он сложен,
Предписать ему закон.

Первый, мудрый Эконом
Говорил, что мир есть дом.
Управляет им желудок:
Он же есть его рассудок.
Тут вступился Философ:
Нет, возник весь мир из лбов.
Он из разума построен,
Но его он недостоин.
Вдруг отрезал Гидростат

(Он же был и Гидропат):
Мир есть просто автомат,
Но теперь в нем есть распад.
И разпылся Гимназист:
Мир куда как неказист.
Он есть только школьный класс
Остальное не про нас.
Порешили тут ребята,
Что «тенденции» их святы,
Их вписали они в книгу —
Показать всем людям фигу.

Но остался Символист.
Худоцав, как некий глест,
Он воззвал, что мирозданье
Есть и радость, и страданье.
И о свете, и о тьме...
(Ведь себе я на уме!)

На берегах Балтики. 1900.

50. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Конец ноября — начало декабря? 1900 г.)

Дорогой Иван Иванович!

Ночь, странное бессилие при сознании возможности, вернее — именно благодаря сознанию возможности. Хорошо качаться на каких-то крыльях, которые поддерживают на воде. Только качаться и смотреть на облака. Вы скажете, что это Бальмонтщина. Да ведь теперь в самом деле ночь, час ночи, начало тишины. Вы не правы о моих стихах. То есть Вы очень хорошо написали, прекрасная статья ¹ и *кого-то* характеризует необыкновенно метко и глубоко. Кого-то — не меня, или лишь меня, как Вы себе представили. Может быть, я такой и лучше, да это не я. Вы слишком моим словам верите. А я ведь не про Бальмонта писал, что весь он ложь, — про себя ². Как только пытался говорить правду, никто никогда мне не верил; когда лгал — верили. В этом мучительность всей жизни — моей. Я очень живу. Может быть завтра же вся моя жизнь изменится навсегда, и я не буду на том Цветном бульваре, где прожил двадцать лет. Конечно, этого не следовало писать. Часто о Вас мечтаю. Вы мой самый любимый поэт в мире. Обыкновенно таких писем не посылаю.

Ваш искренний Валерий Брюсов.

Р. С. Любопытство и нежелание раскаянья — вот что властно. Раскаиваться значит быть рабом. Потому поступаю так, что буду в том раскаиваться всю жизнь, до конца, чтобы не испугаться того. Делаю именно то, чего вся душа моя не желает, что ужасно ей, — дабы она не властвовала надо мной. Кто над кем? я над душой. «Рассудка вечные устои» ³ в моей душе очень глубоко, — но тем сладостней их свергать; безумие хорошо только тогда, когда оно достигнуто.

Ответ на п. 49.

¹ Имеется в виду п. 49.² Строка из сонета «К портрету Бальмонта» (1899): «Но я в тебе люблю, — что весь ты ложь» (ТУ. С. 149; I, 197). Ср. сходные признания в более позднем письме Брюсова к Бальмонту от 5/18 апреля 1905 г.: «Твои годы были прояснением одного лика, мои — сменой двойников. При замкнутости моей души, при моей привычке везде, перед всеми носить маски, при моей вечной лжи перед всеми (о, я так люблю свою правду, что предпочитаю таить ее в себе!) — эта смена свершалась тайно, невидимо. Одну износившуюся маску я заменял другой, сходной, — всем казалось, что я тот же, и никто не примечал, что под этой сходной маской уже другое лицо, другой человек» (наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 107).³ См. п. 47; прим. 10.

51. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. Конец ноября — начало декабря 1900 г.)

Прошу Вас принять к сведению следующую обновленную форму I частицы из Порывов ¹.

Если всмотришься в дальнее небо,
Где блуждают деревьев вершины,
Утихают людские кручины,
Замирает людская потреба.
Ведь жестоко здесь кости коснеют
И шагам преткновененья — коряги.
А в бушующей облачной влаге
Проясиенные сферы синеют.
И великие древа глаголют,
На приволье небесном витая,

Там, где птиц легкокрылая стая
О попутном поветрии молит.
Знаю — слишком легка та свобода,
И отважные борются с телом.
Но надломлен я тягостным делом,
И о воздухе плачет природа.
И всегда, в эти бездны благие
Устремляя прозор свой далекий,
Жду, что в чистом и полном потоке
Увлечет меня духа стихия.

Только что получил Ваше письмо. Что с Вами? Мне больно за Вас. Не есть ли то, что Вы называете ложью, и что, по-видимому, мне наиболее дорого в

Вас — истинная победа над Вашей душой? Если так, то Вам, делая то, чего Ваша душа не желает, не в чем раскаиваться. Быть может, это будет = «увидать за собою себя», но помните, что сами сознали, что для этого необходимо и только три пути — «презренье, бесстрашие, нежность»². Если Вы обратите всю нежность свою на то, что мне в Вас мило и ценно, и что Вам кажется ложью, такая ложь и самоотрицание будет, мне кажется, для Вас истинное самоздание, новорождение. А то, быть может, то самое, что влечет Вас к самогубству, это и есть Ваша душа, душа первобытная. Ее отрицание подобает отрицать, чтобы утвердить себя.

Любящий Вас И. О р е у с

Ответ на п. 50.

¹ Коневской высылает исправленный вариант первого из двух стихотворений под общим заглавием «Порывы», предназначенный для помещения в *СЦ 1901* (с. 111) взамен прежней редакции этого стихотворения, высланной Брюсову ранее (см. п. 19, прим. 1). Стихотворение опубликовано в «обновленной форме»; ср.: *СП. С.* 93—94 и 242 (рукописные варианты).

² Имеются в виду строки из стих. Брюсова «Я не знаю других обязательств...»:

Презренье — бесстрашие — нежность —
Эти три, вот дорога твоя.
И как сладко, умчавшись в безбрежность,
Увидать за собою себя.
(*КР*; I, 132)

52. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) Дек(абря) 22. 1900.

Посылаю Вам привет к «часу свершенных грез» и к новому «обороту времени»¹. Что дела Альманаха? Получено ли обещанное от именитых лиц? Получено ли и ожидаемое от моего ставленника, которого мне с тех пор не приходилось видеть?² Что помещается из моей прозы? Кроме того, обращаю нарочито Ваше внимание на то, что Ив(ан) Як(овлевич) Билибин ждет от Вас особенных точных указаний о том, к какому времени желательно его участие в Альманахе³. По его словам, Вы условились с ним только вообще о возможности его сотрудничества в деятельности «Скорпиона», но не давали никаких указаний, в каком роде и когда именно потребны живописные украшения для Вашего ближайшего большого издания. Итак, надеюсь иметь от Вас вести.

Ваш друг И. О р е у с

¹ Имеются в виду предстоящие праздники — Рождество и Новый год — и их описание в стих. Брюсова «Я слезу дозором...» (см. п. 47, прим. 5):

Люблю я шум без толку,	И братские бокалы,
Когда блестит мороз,	Счастье — новый год!
В огнях и в искрах елку.	Вечно не усталый
Час свершенных грез.	Времени оборот.

Этому стихотворению предпослан эпиграф «Времени мы слышим обороты» — их стих. Коневского («Праздничная кантата», написанного по тому же поводу (*МД. С.* 204; *СП. С.* 56).

² Подразумевается Павел Павлович Конради (? — 1916) — прозаик, театральный критик. Коневской был дружен с ним. Конради посвящены стих. Коневского «В море» (*МД. С.* 64; *СП. С.* 40), «К П. П. Конради» (*СП. С.* 121). Видимо, во время встречи с Брюсовым в Петербурге 4 ноября 1900 г. Коневской рекомендовал ему для публикации в «Северных цветах» прозу Конради. В альманахе «Скорпиона» Конради не участвовал и, видимо, своих произведений туда не представил. Брюсов и впоследствии пытался завязать с ним литературные отношения (см. п. Конради к нему от 23 января 1903 г. — *ГБЛ. Ф.* 386, 90.15), приглашал сотрудничать в «Весах». «От Конради по-прежнему, как пять лет тому назад, ждем рассказа», — писал Брюсов 3 февраля 1906 г. Ю. Н. Верховскому (*ГПБ. Ф.* 8. Ед. хр. 20); Верховский отвечал ему 24 февраля 1906 г.: «Конради пишет для Вашего журнала, насколько я знаю, — не рассказ, а статью» (*ГБЛ. Ф.* 386, 80.3). Однако сотрудничество Конради в издании, руководимом Брюсовым, и на этот раз не состоялось.

³ Видимо, Брюсов во время пребывания в Петербурге в ноябре 1900 г. вел разговоры об участии И. Я. Билибина в художественном оформлении «Северных цветов». Брюсов встре-

чался с художником 6 ноября: «В понедельник утром были у Билибина» (*Дневники*. С. 98). К оформлению «Северных цветов» был привлечен, однако, не Билибин, а К. А. Сомов. В оформлении других изданий «Скорпиона» Билибин также не участвовал.

53. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 8 января 1901 г.)

Только теперь получил ответ от П. П. Конради, в котором он говорит, что в первый раз услышал о предложении «Скорпиона»¹, и, раз срок поставлен такой ограниченный, принужден с прискорбием в свою очередь ограничиться самой прочувствованной благодарностью участникам книгоиздательства, потому что готовых писаний у него налицо нет (он читал мне в конце лета рассказ вполне законченный, но, очевидно, ему им не придается цены).

Но я был в полном убеждении, что Вы, не застав его дома, в нескольких письменных словах оставили ему указания на прямые намерения Вашего посещения. Если б я знал, что этого не было, я бы, конечно, за протекшие с тех пор два месяца нашел бы случай с ним переговорить об этом деле. На беду случилось так, что я все это время ждал его посещения, а он, судя по только что полученному письму же, был много в это время нездоров, и до сих пор не совсем оправился. Наконец, быть может, соображения Ваши о сроке изменились. Тогда поспешите известить об этом меня или самого Конради (Павел Павлович, В(асильевский) О(стров), Тучкова наб. 12, кв. 47).

Повторяю вопрос о том, условились ли Вы окончательно с Билибиным. Совсем печально будет, если мысль и об его участии провалится. (Билибин — Мытницкая наб. 11)².

Ваш И. Ореус

Янв. 8.1901.

¹ См. п. 52, прим. 2.² Там же, прим. 3.

54. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. Январь 1901 г.)

Еще раз, милый Валерий Яковлевич, сделал отчаянную попытку обращения к Конради с убедительным увещанием дать рассказ, который он мне читал летом в виде вполне законченного и отделанного, и который представляет много характерных для него достоинств. Вы ведь, во всяком случае, не отвергнете? Обстановка бытовая, среднесловная — «чеховская», но совсем особенное восприятие ее, страстно влекущееся к ней и не находящее ничего, кроме яда. Своеобразное представление и о маленьких людях; так же поэт с ними срывается и вместе с тем от них отпрядывает, отплевываясь. Во всяком случае, богатое соединение чрезвычайной обособленности художника со строго выдержанной безотносительной трезвой верностью чуждых лиц¹.

Если Вам будет угодно и возможно, примите к помещению в Ваше многообещающее издание * следующие недавно сложенные строфы².

(...)

Примечание. Как известно, образ старшего богатыря Вольги (Волха) Святославича (Веславьевича) по существу сближается с образом полоцкого князя-чародея Всеслава, о котором повествуется в «Слове о полку Игореве». Здесь поэтом произведено отождествление этих двух лиц⁴.

Прошу внести небольшое изменение во II. присланных стихов:

«Сознали воды, дебрь, и зверь, и племя птичье...»⁵

И. О.

Письмо, по всей вероятности, представляет собой ответ на неизвестное письмо Брюсова, в котором устанавливался новый срок присылки рассказа П. П. Конради, а также сообщалось, что в альманах представили свои стихотворения К. К. Случевский и Вл. Гишпиус.

* К Случевскому и Вл. Гишпиусу можно возвать ура!² (прим. Коневского).

¹ Обобщенной характеристике, даваемой Коневским, вполне соответствует рассказ Конради «Чудило», впоследствии опубликованный в «Зеленом сборнике стихов и прозы» (СПб.: Щелканово, 1905). Брюсов в рецензии на «Зеленый сборник» (Весы. 1905. № 1) обошел рассказ Конради своим вниманием.

² Имеется в виду представление К. К. Случевским и Вл. Гиппиусом стихотворений для *СЦ 1902* (два стихотворения Случевского и пять — Гиппиуса за подписью: Владимир Г.ъ).

³ Следует текст стих. «Старшие богатыри» I (*ГБЛ.* Ф. 386, 97.9. Л. 12—12об.) и II (Там же. 97.8. Л. 18—19). Опубл.: *СЦ 1901*; *СП.* С. 114—117.

⁴ Примечание было приведено Брюсовым при публикации стихотворения (*СП.* С. 244).

⁵ Эта поправка была учтена Брюсовым при публикации. Первоначальный вариант стиха см.: *СП.* С. 244. Текст данного примечания Коневского — *ГБЛ.* Ф. 386, 97. 8. Л. 20.

55. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) Января 30. 1901 г.*

Милый Вал(ерий) Як(овлевич)!

Если Вы не намерены воспользоваться моим очерком о критике З. Н. Гиппиус для Альманаха (что едва ли возможно), то попрошу Вас переслать мне его теперь же обратно ¹. Я желал бы вместе с небольшим дополнением о последних замечаниях того же критика (в № 1 «Мира искусства» 1901 г.) довести мои суждения до его сведения ².

И. Я. Билибин, узнав, что стиль Альманаха — в духе пушкинского периода, спрашивает — допускаются ли заставки и др. украшения в его обычном древнерусском роде. Другого он для себя не признает: Сомова, говорит, ненавижу! ³ Теперь он очень занят писанием объявления для Академического бала («Бал-сказка»: птица Сирин над кремлем и синим морем с корабликами ⁴). Через неделю будет вполне к Вашим услугам. Но предварительно разрешите сомнение.

И. О р е у с

¹ Имеется в виду рукопись полемической статьи Коневского «Об отпевании новой русской поэзии. (Общие суждения З. Гиппиус в №№ 17—18 «Мира искусства» 1900 г.)», в которой подвергнуты критическому разбору «Общие суждения о поэзии нашего времени» в статье Гиппиус «Торжество в честь смерти. «Альма», трагедия Минского» (см. п. 36, прим. 3). Брюсов, определенно, поначалу не предполагал включить эту статью Коневского в «Северные цветы», так как ее рукопись была выслана автору обратно (см. п. 56).

² Имеется в виду статья З. Гиппиус «Критика любви. Декаденты-поэты» (Мир искусства. 1901. № 1. С. 28—34). О «дополнении» Коневского к этой статье см. п. 56, прим. 1.

³ См. п. 52, прим. 3.

⁴ Об оформленной Билибиным программе «Бала-сказки» (СПб.: Комитет по оказанию помощи недостаточным студентам Императорской Академии художеств, 1901) см.: Иван Яковлевич Билибин: Статьи, Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 297.

56. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. После 18 февраля 1901 г.)

Перцов пишет мне: «Прочел статью Ореуса «Отпевание»; он сам прислал ее с «добавлением» неистово-яростных «поносных слов» (его терминология, м(ожет) б(ыть), чрезмерно физиологического характера). Но статья замечательна. И Мережковские и я равно ею пленены (при всем несогласии). Язык косноязычен, мысль — безумна, но сила и меткость исключительна. Я всегда надеялся на Ореуса, не как на поэта» ¹.

Не предпочтете ли Вы напечатать в «Сев(ерных) цвет(ах)» это «Отпевание» вместо статьи о Лафорге? так как статья о Лафорге может быть напечатана и позже, через год, а «Отпевание» имеет и значение для минуты, надо, чтобы ответ был сказан, когда не замолкла речь, на которую он отвечает. Не так ли? Если Вы согласны, то присылайте «Отпевание» сколь можно скорей, ибо альманах печатается торопливо ². Участие принял еще В. Розанов ³, куплены мемуары А. И. Урусова ⁴, будет письмо А. С. Пушкина ⁵.

Неизменно Ваш, но вечно занятый Валерий Брюсов.

* У Коневского описка: «1900».

БРЮСОВ

Фотография. 1900-е годы

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Р. С. Причина, почему явилась возможность печатать в альманахе «поносные слова»: 1) гг. Мережковские, видимо, не придут в ярость, 2) уже напечатано нами письмо А. И. Урусова, где бранят Бальмонта и меня⁶. Так кстати. VB.

¹ Брюсов неточно цитирует письмо П. П. Перцова от 17 февраля 1901 г. (ГБЛ. Ф. 386, 98.7). «Добавление» Коневского — рукопись с пометой «Дополнение» под заглавием «Хлесткий и запальчивый ответ pro domo sua» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 2. Ед. хр. 2), в которой Коневской полемизирует со статьей З. Гиппиус «Критика любви. Декаденты-поэты» (см. п. 55, прим. 2). Появление статьи Гиппиус свидетельствует, по мнению Коневского, о том, что она «затеяла, видимо, целую экспедицию поносных выходов против тех литературных явлений, которых, по ее же словам, — нет, но которые все-таки оказываются тут как тут, и жужжат под носом».

² Статья «Об отпевании новой русской поэзии» была опубликована в *СЦ 1901*. «Дополнение», согласно желанию Коневского, опубликовано не было (см. п. 58).

³ В. В. Розанов представил для альманаха цикл фрагментов под общим заглавием «Заметки на полях непрочитанной книги» (*СЦ 1901*). В недатированном письме к Розанову Брю

сов писал: «Мы получили Эмбрионы. Я рад, просто рад, что имя Ваше будет с нами. Вы знаете, что имеете во мне одного из самых жадных Ваших читателей» (*ЦГАЛИ*. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724).

⁴ В *СЦ 1901* были помещены материалы из архива Урусова под общим заглавием «Муары, записки и письмо князя А. И. Урусова».

⁵ См. п. 46, прим. 3.

⁶ Письмо А. И. Урусова от 4 июня 1900 г. (говоря: «напечатано», Брюсов подразумевает: «набрано»), в котором говорится: «Бальмонт прислал «Горящие здания». Первое впечатление — крайне неблагоприятное. *Mania grandiosa*, кровожадные гримасы (. . .) Книга производит впечатление психиатрического документа... Ну, а Добролюбов с Брюсовым, это уж — начистоту! из клиники душевно-больных» (*СЦ 1901*. С. 167—168). Появление в «Северных цветах» этого отзыва наряду со статьей Коневского «Об отпевании новой русской поэзии» было расценено как свидетельство того, что «в недрах российского декадентства идет какая-то глухая борьба и нелады» (Русское богатство. 1901. № 5, отд. II. С. 82, без подписи; автор рецензии, как установил М. Д. Эльзон, — П. Ф. Якубович. См.: *ЛН*. Т. 87. С. 667).

57. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Не позднее 2 марта 1901 г.)

Мы получили «Отпевание». Но где же прибавленные «поносные слова»? где то, что прибавлено после статьи ее о А. М. Д(обролюбове)?¹ Если это есть, пожалуйста, пришлите скорей.

В Альманaxe принял участие Чехов; его рассказ очень хорош и очень неожидaнен².

Ваш Валерий Брюсов.

¹ См. п. 56, прим. 1 и 2.

² Рассказ А. П. Чехова «Ночью» — переработка его раннего рассказа «В море» (1883). См.: *СЦ 1901*; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 268—271, 530—532. Чехов представил рассказ в «Северные цветы» по просьбе Бунина, который отправил Брюсову его рукопись около 20 февраля 1901 г. (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 456). Фактом своего сотрудничества в альманaxe Чехов остался недоволен и позднее упрекал Бунина за то, что тот ввел его «в эту кампанию». См. письма Чехова к Бунину от 14 марта 1901 г. (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 9. С. 228) и 20 апреля 1901 г. (Там же. Т. 10. С. 13), письма Бунина к Чехову от 20 марта и 30 апреля 1901 г. (*ЛН*. Т. 68. С. 410—411).

58. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 3 марта 1901 г.)

Дополнение pro domo sua печатать лишнее: оно было написано, чтоб отвести себе душу¹.

А вот что же И. Я. Билибин не дожидается от Вас ответа о стиле заставок? Если альманax печатается торопливо, неужели не представляет насущной необходимости выяснить это дело? Недавно Билибин давал мне понять, что в очень скором будущем, если не уговорится с Вами окончательно, он возьмется за многие другие задачи, и не будет иметь возможности участия в Альманaxe.

Ваш И. О.

Приветствую содействие Чехова!

Ответ на п. 57. Открытка.

¹ См. п. 56, прим. 1 и 2.

59. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. Начало марта? 1901 г.)¹

Весна! Грустить не велено —
Господние слова.
Иду — повсюду зелено,
Высокая трава.

В траве цветы утешные:
Им нужен солнца Свет.
В них зреют силы спешные,
И близок их расцвет.

Иду тропой укромною
 В живительной тени.
 Иду под шумы темные
 Весенней суетни.
 Гляжу на птиц, их хлопоты,
 На их веселый труд.
 А шорохи, а шепоты
 Напевом к сердцу льнут.

Далеко зло недавнее,
 Вражда седой зимы.
 Повсюду — тайна явная:
 Ее пойдем ли мы?
 Слова любви утешные,
 Как веяние крыл.
 О таинство безгрешное,
 О радость вешних сил!

Доставляю Вам для помещения в альманахе (если не поздно) эти стихи молодого поэта *Димитрия Фридберга*. Если уже не успеете, то, пожалуйста, известите. Надо передать автору ².

И. О р е у с

Кроме того, если не представится таких же препятствий, не согласитесь ли включить в Ваше издание и писанные мною в февр(але) 1899 г. «Zeitgedichte», которых список я Вам наверно тогда же доставлял, но которые не вошли в «Мечты и думы» по цензурным условиям (очевидно, только ввиду исторического примечания к ним). Итак, откинув примечание, но обозначив под текстом: «Февр. 1899» и изменив слово «закружусь» в «закручусь», попробуйте «тиснуть» если не опасаетесь цензурных хлопот ³. Но меня побуждает к этому предложению пример дополнения к «Отпеванию», которое Вы просили доставить теперь, тогда как это дополнение раньше через цензуру не проходило.

¹ Письмо открывается стих. Д. Фридберга «Тютчев и Баратынский» (опубл.: *СЦ* 1901. С. 117—118), которое нами здесь опущено. Его же стих. «Весна! Грустить не велено...» публикуется впервые.

² Дмитрий Наумович *Фридберг* (1883 — ?) — поэт символистской ориентации, с августа 1901 по 1903 г. — студент историко-филологического факультета Петербургского университета, впоследствии журналист и партийный работник (псевд. Ефимов). В дневниковой записи, относящейся к февралю — марту 1901 г., Брюсов отметил, что «по делам альманаха переписывался», среди прочих, с Д. Фридбергом (*Дневники*. С. 101). В архиве Брюсова сохранилось 5 писем к нему Фридберга за 1902—1904 гг. и автографы его стихотворений (*ГБЛ*. Ф. 386, 106.45; 157.5). 31 марта 1902 г., посылая Брюсову в письме стихотворения молодого поэта Вл. Шапиро, Фридберг писал: «Я их показывал здесь в П(етер)б(урге) немногим, между прочим, И. И. Ореусу — он отметил в них кое-что, отнесся вдумчиво (. . .) Они самобытны потому, что родственны близки Лермонтову, Мюссе, Гейне и оторваны от современной литературы — Мережковского, З. Н. Гиппиус, Сологуба. Я Вас не упоминаю — Ваша судьба возродиться из мертвого зерна, возрасти на этом гниющем поле. Так что Ваши отношения к петербургской поэзии, так же, как И. И. Ореуса, совсем особые» (*ГБЛ*. Ф. 386, 106.45). Черновик ответного письма Брюсова от 10 апреля 1902 г. (без обращения) был опубликован Е. Н. Кошшиной в «Записках ОР ГБЛ» (М.: Книга, 1965. Вып. 27. С. 17) как письмо, адресованное предположительно Блоку. Эта ошибка исправлена В. М. Федоровой в 29-м выпуске «Записок» (с. 264), где был указан адресат — Дмитрий Наумович Ефимов: этим псевдонимом подписано письмо Фридберга к И. М. Брюсовой от 12 июня 1928 г., в котором он прислал машинописную копию указанного выше письма Брюсова. Приводим текст письма по этой копии, отличающейся от опубликованного Е. Н. Кошшиной черновика: «Северные цветы напечатаны и Вы получите их на днях. Не откажите написать подробно о своем впечатлении. Мне очень и очень важно ваше мнение. Не скрою, встреча в Петербурге с Вами осталась для меня как самое желанное за весь этот мой приезд. После смерти Коневского и отречения Добролюбова так мало поэтов, в которых я могу верить. Юргис Балтрушайтис и Вы — мне кажется, никого более. Есть многие, коих я чтю и которых читаю, но они или уже исчерпаны или именно не поэты против литературы. Постараемся быть живы и будем писать. Я верую и в рифмы и в стихи» (*ГБЛ*. Ф. 386, 148.57).

Преувеличенная оценка творчества Фридберга определяется, по-видимому, особым психологическим состоянием Брюсова, остро пережившего смерть Коневского и мечтавшего о достойной «замене» ему в литературе. Вскоре он со всей определенностью укажет на «интереснейшего человека в России» — Андрея Белого — как на достойного занять «место Коневского» (см. вступ. статью).

³ «Zeitgedichte» в «Северных цветах» опубликованы не были; напечатаны Брюсовым в *СП* (с. 69—70) без учета вносимого Коневским в этом письме исправления: «Иль закужусь я и с вами в метели». «Историческое примечание» к циклу, видимо, заключало в себе указание на то, что стихи написаны по поводу студенческих волнений (ср. аналогичное пояснение Брюсова: *СП*. С. 241).

60. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. Начало марта? 1901 г.)

Д о п о л н и т е л ь н а я з а м е т к а

З. Н. Гиппиус, не унимаясь, намерена, по-видимому, доказать примерами свои голословные суждения о нынешней русской поэзии. С этой целью она в № 1 «Мира искусства» за 1901 год продергивает небольшой сборник избранных стихов Александра Добролюбова, выпущенный прошлой весной с предисловиями В. Я. Брюсова и моим. В этом разборе, который с довольно аляповатой, но забавной иронией озаглавлен «Критика Любви», она расписывается в критической несостоятельности, заявляя о своем непонимании этой поэзии, за исключением двух-трех строчек. Строчки эти случайно совпадают с общими местами мысли г. Мережковского: вот вам и ключ, единственный, отпирающий для его супруги все двери, но тем не менее Добролюбова оставляющий под семью замками. Мое предисловие, где я пытался дать очерк души автора, не менее, чем сам автор, оказывается для критика недоступным и неприступным. Что с таким обсудителем станешь делать? На способности его суждения, конечно, махнуть рукой. Но, чтобы с другой стороны дать ему урок — зачем берется не за свое дело, покажу, так и быть, в грубых рубленых словах, какие пустяки оказались для него недоступны.

Добролюбов, это неукротимая война личной воли против всяких «нормальных», «природных» и т. п. *невольных* способов ощущения и представления человеческого. Только это значение, уничтожающее и отрицающее, я и вижу в нем: создание в слове удается ему еле-еле. Но судьбы его жизни обнаруживают, что он идет к своей цели если не в слове, то, что называется, «на деле». Второе, конечно, меньше первого, но все-таки что-нибудь да стбит.

Суждениями о поэзии Добролюбова, которые пересыпаны, кстати сказать, неблагоприятными сплетнями о встречах с ним и частной его жизни, лишний раз доказывается мое предположение, что в современной поэзии З. Н. Гиппиус судить, подлинно, не о ком: ни в чем не смыслит ни аза. Поэтому уж ограничилась бы лучше стрельбой на воздух, чтобы не попасть в корову, метя в ворону.

Но чего ожидать от «Мира искусства», пробавляющегося такими воззрениями и без толку сыплющего сквернословием: «декадент»? Литературный отдел его ведь давно являет зрелище пустыни, которую, как самовластная воля, произвел вокруг себя г. Мережковский. Честь и слава критическому таланту этого писателя: лучше критика у нас не было, — это я всегда повторял и повторять не устану. Но для направления журнального *mixtum compositum* * нужен человек помельче, но более всего гибкий во вкусах. Ибо опустошение литературы в «Мире искусства» через догматизм г. Мережковского есть нечто самоочевидное. Гг. Перцов (...) «ко?» в ¹, ^{2*} Дягилев, Философов — величины безнадежно ничтожные. Г. Розанов — личность, узкая, но у которой есть что сказать: однако косноязычие и сыро(ть) его мысли и слова, увы! неизлечимы. Он пропах д(еше)вой публицист(икой).

Это — краткое извлечение и развитие мыслей, касающихся собственно А. М. Д. Все остальное, как сказано, *pro domo sua* ².

И. О.

Если смущаетесь словами о Розанове, выпустите ^{3*} все последнее новострое или последние фразы, называющие по именам.

Не успеете ли еще переправить во II части «Старших Богатырей» слова: «тьма волн и вой» на «в нем — влаги бой»? ³

¹ По-видимому, поэт и филолог-классик Дмитрий Петрович Шестаков (1869—1937), казанский приятель Перцова. См. о нем заметку Л. К. Долгополова в кн.: Поэты 1880—1890-х

* Смесь (лат.).

^{2*} Края листов оторваны.

^{3*} *Сверху приписано:* откиньте

годов. Л., 1972. С. 583—585. В «Мире искусства» опубликована его рецензия на «Собрание стихов» Добролюбова, в которой, между прочим, он писал: «Произведения г. Александра Добролюбова мы не решились бы назвать стихами: они производят впечатление густого тумана, которому еще долго до имеющего его рассеять ясного солнца. Белыми, плотными волнами окружает он вас отовсюду, и вам становится жутко и неловко дышать, точно перед дверью, за которой мечется и бьется безумный (. . .) Г. Коневской, обычным этому автору тяжелым и странным слогом “исследует личность Александра Добролюбова”» (Мир искусства. 1900. Т. III, отд. II. С. 242).

² «Дополнительная заметка» в *СЦ 1901* опубликована не была (см. п. 61).

³ Указанная поправка при публикации в *СЦ 1901* была учтена.

61. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 18 марта 1901 г.)

Прошу у Вас извинения, друг мой Валерий Яковлевич, если это причинит Вам лишние хлопоты, но решаюсь убедительно просить Вас о том, чтобы Вы отменили печатание дополнитель(ой) заметки к «Отпеванию» или уничтожили тиснение, если она напечатана. Обнародование положительно представляло бы для меня большие неудобства: повод слишком мелкий для торжественного выступления в печати, тем более впервые происходящего «на видном месте», каково в данном случае мое. Не взъщите и сделайте просимое одолжение.

И. О р е у с

Открытка. Датируется по почт. шт.

62. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 21 апреля 1901 г.)

Глубоко удовлетворен, Валерий Яковлевич, и отрывком Вашей новой поэм¹. Очень хороши из «осенних стихов» и II. III. IV². Кажется, что и VI. нечто достоверное, но не могу утверждать — недоступная мне мера и природа чувств!³

Рад был встретить в «Истинах» местами полное единомыслие со мной. Таковы последние три-четыре положения⁴. Таково во II. суждение о равноценности мыслителей⁵. В V. строки о тайне и чуде все мне присущи⁶. С другой стороны вступительные основоположения, думаю, или неосновательны, или неостро и неглубоко представлены: в особенности, два первых (свобода воли, убеждение в ведении истины)⁷. В целом, в писании об Истинах несимпатично мне недостаточная твердость и тонкость нитей, какие можно было бы проводить между приемами мысли. Зачем разнузданность и иногда даже «развязность»? Наконец нельзя не осудить преступления — упомянуть в числе Дон-Жуанов Бальмонта рядом с Пушкиным, не упомянув А. Толстого⁸. Не менее превратно, на мой взгляд, как Вам известно, и суждение о «внешности» чувств в поэзиях А. Толстого и Полонского⁹. А что бы Вы сказали на этот счет о Пушкине? не догадываюсь.

Отчего нет Горького? Я сожалею¹⁰. Напишите, прошу Вас, отчего это вышло, и ознакомьте меня, если можно, с его критикой на «Tertia Vigilia»¹¹.

Нельзя не признать силы отчетливого воображения в II. III. IV. «Гимнов Огню»¹². Пока все как на ладони, Бальмонт еще держится. Чуть что посложнее, потоньше, посмутнее — механические выражения или пустельга! «Костры» — совсем увеселительные стихи¹³.

Посылаю чествующий привет господину Юргису Балтрушайтис под действием его прекрасных раздумий и од («Суд» — «Молись ему!» — «II. У Предела») и мастерского рассказа: «Капли»¹⁴. Таких образцов русской прозы художественной немного. По жилам пробегал холод, возбуждающий воспоминание о холодной дрожи великого поэта повести о Колодце и Маятнике¹⁵. «I. У Предела» я начал бы с третьей строфы (с самого начала нектати попадешь в Вечность)¹⁶, и тогда, кроме двух стихов, даже лучше, чем II.

И. О р е у с

Апр. 21. 1901.

Трудно удовлетворить Валерия Ивановича
вещью и отрывками Вашей любви. Позвольте
Очень хорошие идеи, особенно стихи в II, III
IV. Кажется, что и II почти достоверно
но не могу утверждать недоступная ли
мира и природы чувства!

Ваше письмо встретилось в Усть-Каме от
сталин полное. Эпиграммой со мной. Та-
кова последняя три четверти философия. Та-
кова во II. суждение о равнодушии сталин
тоже. В V. строки о сталине и идет вот
такая присказка. В другой строке. Востановил
на основательности, душой (неоснователь-
ны, или неустойчиво и неслучайно представляли:
во особенности, во первых (свобода воли
указание во второй части. В третьем,
во отношении об Усть-Каме неслучайно
такая недостаточная твердость и точ-
ность мысли, какие можно было бы про-

водить между тристами мысли. Заложил
разнодушие и иногда даже, «наизумитель-
но» невольно не осудить преступление
уточнить в смысле. Если Жуковский Бальмон
та редкий и Пушкинский чувствитель
А. Толстого. Не менее вероятно, на мой
взгляд, как Вам известно, и суждение о
«Вечности чувств» в поэзии А. Тол-
стого и Полонского. А это бы Вы сказали
на этом счете о Пушкине? не догадывался.

Стало как Горького? Я сожалел. Нам
шине, прошу Вас, отчего это Визитация
кажется очень, если можно, с его крити-
кой на Визитация.

Нельзя не признать силы отечественного
воображения во II, III, IV. Там же. Остро Покая
как не, видимо, Бальмон еще раздумывал.
Что это последние, потому что, последние
механические выражения или пустые!
Кстати советую, усовершенствовать стихи

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО И. И. ОРЕУСА БРЮСОВУ

Автограф. Петербург, 21 апреля 1901 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

¹ «Отрывки из поэмы» («Мы жили в городе, замкнутом безнадежно...») — фрагмент из поэмы Брюсова «Замкнутые» (СЦ 1901).

² «Осенний день был тускл и скуден...», «В моих словах бесстыдство было...», «И снова ты, и снова ты...» — из цикла Брюсова «Осенние стихи» (Там же).

³ Стих. из того же цикла — «И опять в беспощадности радостей...» (Там же).

⁴ Видимо, подразумеваются фрагменты V—VIII в статье Брюсова «Истины (начала и намеки)» — Там же. С. 193—196; VI, 58—61.

⁵ Имеется в виду следующее рассуждение из II фрагмента статьи «Истины»: «Разве нам не дороги равно Спиноза и Лейбниц, Спенсер и Шопенгауер, хотя конечных положений их философии мы не разделяем? (. . .) Противоречивые ответы на один вопрос столь же желанны, как образы многих Дон-Жуанов: Тирсо-ди-Молины, Мольера, Байрона, Гофмана, Ленау, Пушкина, Бальмонта... Истинной философии предлежит задача проследить все возможные типы мирозерцаний» (СЦ 1901. С. 191; VI, 56—57).

⁶ «Что проще лесов, поросших там и сям по земле, но произрастание из семени есть величайшее чудо! (. . .) Простой указатель, прилагаемый в конце книги, уже чудо: по слову, по цифре страницы находится мысль! Здесь вложено вечное чудо человеческого ума. Бывают дни и часы, когда все кругом как тайна, когда видится сокровенный смысл во всех вещах. Все так связано, что малейшее может раскрыть смысл вечности» (СЦ 1901. С. 193; VI, 58).

⁷ Речь идет о первом фрагменте статьи «Истины», где постулируются аксиомы мышления. «Свобода воли», «возможность постичь сущность вещей мыслью», «множественность начал» (СЦ 1901. С. 189—190; VI, 55—56).

⁸ См. прим. 5; п. 36, прим. 11.

⁹ Подразумевается противопоставление «двух порядков чувств», «внешних» и раскрывающих «глубь души», в VII фрагменте статьи «Истины»: «Внешние чувства — достояние внешней поэзии, изображающей чувствования и страсти так, как они будто бы происходят, как они и действительно переживаются, поскольку люди подчиняются указке, книжке, трафарету. Таковы драмы Шекспира, где все упрощено и логично; такова у нас лирика А. Толстого, А. Майкова, Я. Полонского (. . .)» (СЦ 1901. С. 195; VI, 60).

¹⁰ О несостоявшемся сотрудничестве Горького в СЦ 1901 см. наст. том, кн. 2. Переписка с Поляковым. Вступ. ст. Н. В. Котрелева. Вл. Гишпиус в воспоминаниях о Коневском свидетельствует: «... едва ли он был способен увлечься романами, повестями. Но Горький ему нравился, он был в восторге от „Мальвы“, говорил, что ему нравится „запах моря“» (Архив Л. Н. Степанова).

¹¹ Имеются в виду «Литературные заметки» М. Горького (см. вступ. статью, прим. 74), в

которых дается сочувственная в целом характеристика «Tertia vigilia» Брюсова и «Горящих зданий» Бальмонта. Письмо Брюсова к Горькому, написанное в связи с появлением этой статьи, см. в работе А. Ильинского «Горький и Брюсов. Из истории личных отношений» (ЛН. Т. 27—28. С. 640).

¹² Перечислены фрагменты из стих. Бальмонта «Гимн огню» (СЦ 1901).

¹³ Стих. К. Д. Бальмонта (Там же).

¹⁴ Стихи и рассказ Ю. Балтрушайтиса (Там же).

¹⁵ «Колодец и маятник» — рассказ Э. По (1842).

¹⁶ Орывок из поэмы «У предела» (I. «Старец») Балтрушайтиса начинается стихами:

Всегда один, сижу века веков,
Считая вечности дробящейся мгновенья.
(СЦ 1901. С. 119)

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПЕРЕПИСКА С И. И. ОРЕУСОМ-ОТЦОМ

Публикация А. В. Лаврова, В. Я. Мордерера и А. Е. Парниса

Переписка Брюсова с И. И. Ореусом-отцом, начало которой было положено гибелью Коневского, — своеобразный постскриптум к корпусу переписки с Ореусом-сыном. Основное ее содержание — подготовка к печати посмертного собрания сочинений, вышедшего в свет под редакцией Брюсова и при его непосредственном и активном содействии на всех этапах работы. Генерал-лейтенант Иван Иванович *Ореус* (1830—1909), ко времени начала переписки 70-летний старик, был человеком чрезвычайно далеким от Брюсова — и по своей социальной и индивидуальной психологии, и по кругу общения, и по представлениям о литературе; родила его с лидером московских «декадентов» лишь любовь к покойному единственному сыну и стремление увековечить память о нем.

Генерал Ореус был потомком старинного шведского рода, на протяжении нескольких поколений связанного с Россией. Ореусы находились на русской государственной службе и достигли на этом поприще весьма высоких постов. Дед И. И. Ореуса-отца «принадлежал к числу дворян С.-Петербургской губернии и занимал должность Выборгского губернатора, а отец — Иван Максимович, после сотрудничества с министром финансов гр. Канкриним, при котором он был товарищем министра, назначен сенатором и затем первоприсутствующим в 3-м Департаменте Сената»¹. Похожая стезя, естественно, ожидала и И. И. Ореуса. В его автобиографии читаем: «*Ореус* Иван Иванович (сын скончавшегося в 1863 г. сенатора); родился в С.-Петербурге 11 дек(абря) 1830 г.; исповедания православного; учился сначала во 2-й С.-Петербургской гимназии, а потом в Школе гвардейских подпрапорщиков, откуда 26 мая 1849 г. выпущен прапорщиком в л(ейб)-гв(ардии) Преображенский полк; в 1853 г. поступил в Воен(ную) Академию (. . .) в 1855 г. кончил курс по 1-му разряду; в 1856 г. переведен в Генеральный штаб»². Дальнейшая жизнь И. И. Ореуса обозначена ступенями восхождения по служебной лестнице. С 1863 по 1898 г. он состоял начальником военно-исторического и топографического архива Главного управления Генерального штаба (переименованного в 1867 г. в военно-исторический архив Главного штаба), в 1898 г. был назначен членом военно-ученого комитета Главного штаба; в 30-летнем возрасте получил чин полковника, в 1881 г. стал генерал-майором, в 1891 г. — генерал-лейтенант³. В 1906 г., когда Ореус вышел в отставку, прослужив 57 лет, ему было пожаловано чин генерал-от-инфантерии. Скончался И. И. Ореус 22 мая 1909 г., пережив своего сына почти на восемь лет⁴.

Определенную известность И. И. Ореус получил как военный историк. В молодости он участвовал в венгерском походе и впоследствии подготовил и издал отдельной книгой «Описание Венгерской войны 1849 г.» (СПб., 1880), по сей день основной источник документальных сведений об этой кампании — походе 100-тысячного корпуса генерала И. Ф. Паскевича против революционной Венгрии. Статьи Ореуса, представлявшие собой исследования и очерки, основанные по большей части на архивных материалах, печатались в «Военном сборнике», в «Русской старине» («Ив. Ив. Михельсон — победитель Емельяна Пугачева. Биографический очерк», 1876; «Уничтожение мasonicких лож в России и доносы на арзамасцев и лицей в 1822 г.», 1877; «Штурм, блокада и взятие Карса в 1855 г.», 1877; «Дмитрий Петрович Троцкий. Биографический очерк», 1882; «Иван Никитич Скобелев в 1793—1849 гг.», 1886; «Граф Николай Иванович Евдокимов, 1804—1873 г. Биографический очерк по бумагам его фамильного архива», 1888—1890; и др.)⁵. Ореус состоял постоянным сотрудником «Энцикло-

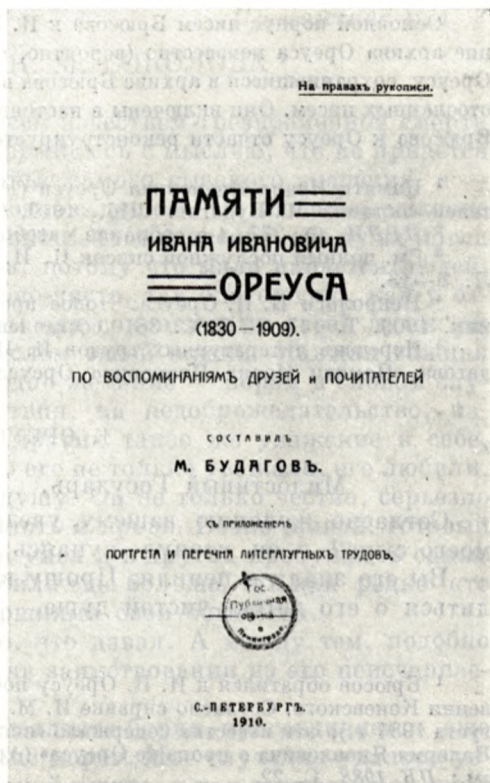
педии военных и морских наук», где помещено около 250 статей; более 500 его статей — в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза—Ефрона. Генерал не был чужд и собственно литературных интересов и даже пробовал свои силы в стихотворстве.

В 1860 г. И. И. Ореус женился на Елизавете Ивановне *Аничковой*. Детей в их браке было четверо (четвертый — Иван), трое умерли в детстве. После кончины Елизаветы Ивановны (28 февраля 1891 г.) в семье остались только двое — уже пожилой отец и подросток-сын. Привязанность между ними была, судя по всем сохранившимся свидетельствам, очень сильной; ей не была преградой довольно рано обозначившаяся специфичность идейных и эстетических интересов и устремлений начинающего поэта, которые были его отцу по сути чужды и даже малопонятны. Не случайно и после смерти любимого сына генерал Ореус считает нужным предупредить Брюсова о неразглашении в готовящемся сборнике произведений Ивана Коневского настоящей фамилии покойного автора (см. п. 16): явно не хотел он, чтобы это имя — не столько индивидуальное, сколько родовое и клановое — оказалось вовлеченным в «компрометирующую» его «декадентскую» орбиту; не случайно не забывает он всякий раз напомнить и о внутренней дистанции, отделяющей его от сферы интересов сына. И в то же время в значительной мере поэт и мыслитель Иван Коневский — плоть от

плоти своего отца, и не только в прямом генетическом смысле. Многие отличительные стороны личности Коневского, многие оттенки его идейных убеждений, его психологии поведения имеют наследственное происхождение. Цельность и определенность нравственных представлений, консерватизм, коренившийся не только в политических взглядах, но и в подчеркнутую почтительном отношении ко всему, что связано с поддержанием традиций и заветов, — с родом, домом, семейными устоями, благородство и предупредительная корректность в поведении, пристальный интерес к внутреннему миру личности в сочетании с известной асоциальностью, отчужденностью от злобы дня, — все эти черты наглядно проступают в духовном облике и отца, и сына.

Переписка Брюсова с Ореусом-отцом содержательна в нескольких аспектах. Прежде всего это документ, характеризующий историю подготовки посмертного издания «Стихов и прозы» Коневского и раскрывающий чрезвычайно значительную роль Брюсова в этом начинании. В письмах Ореуса-отца сообщаются также немаловажные биографические подробности, необходимые для создания более полного представления о жизни Коневского. Наконец, письма Ореуса-отца дают возможность взглянуть на Ореуса-сына в новом ракурсе, позволяют выявить похожесть и непохожесть отца и сына и оценить те нравственно-психологические связи, которые соединяли молодого поэта с его семьей, с определенной социально-культурной традицией.

Письма И. И. Ореуса к Брюсову до начала 1930-х годов хранились в архиве Брюсова, затем были переданы И. М. Брюсовой Н. Л. Степанову, готовившему издание сочинений Коневского. После смерти Н. Л. Степанова эти письма сохранились не полностью, часть их, к сожалению, откололась и, вероятно, затерялась. Здесь письма И. И. Ореуса печатаются по автографам, сохранившимся среди бумаг Н. Л. Степанова, а также по автографам, выявленным нами у различных коллекционеров.

ПАМЯТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА ОРЕУСА
(1830—1909). СПб., 1910

Титульный лист

Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Основной корпус писем Брюсова к И. И. Ореусу не выявлен, поскольку местонахождение архива Ореуса неизвестно (вероятно, он утрачен). Имеются лишь 3 письма Брюсова к Ореусу, сохранившиеся в архиве Брюсова в ГБЛ (Ф. 386, 72.8), два из которых — черновики отосланных писем. Они включены в настоящую публикацию. Содержание неизвестных писем Брюсова к Ореусу отчасти реконструируется по ответным письмам отца поэта.

¹ Памяти Ивана Ивановича Ореуса (1830—1909) / По воспоминаниям друзей и почитателей составил М. Будагов. СПб., 1910. С. 3.

² ИРЛИ. Ф. 377. 1-е собрание автобиографий С. А. Венгерова. № 2064.

³ См. полный послужной список И. И. Ореуса (1896).— ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 33204. Л. 6—13.

⁴ Некрологи И. И. Ореуса: Новое время. 1909. № 11923. 24 мая; Исторический вестник. 1909. Т. 117, № 7. С. 381 (составлен В. Е. Рудаковым).

⁵ Перечень литературных трудов И. И. Ореуса см. в приложении к брошюре М. Будагова «Памяти Ивана Ивановича Ореуса».

1. ОРЕУС — БРЮСОВУ

10 авг(уста) 1901 г.

Милостивый Государь,

Согласно желанию вашему, уведомляю о трагической судьбе, постигшей моего сына¹ — он утонул, купаясь в р(еке) Аа, в Лифляндии².

Вы его знали и ценили. Прошу вас — если вы человек верующий — помолиться о его детски-чистой душе.

И. Ореус

¹ Брюсов обратился к И. И. Ореусу после того, как до него дошли известия об исчезновении Коневского. Согласно справке И. М. Брюсовой (в письме к Н. Л. Степанову от 11 августа 1934 г.), эти известия содержало «письмо Н. Дьяконова от 31 июля 1901 г.: извещение Валерия Яковлевича о пропаже Ореуса» (Архив Н. Л. Степанова). Письмо Н. Г. Дьяконова см.: ЛК 1988. С. 22.

² Непосредственный отклик Брюсова на это известие — письмо к А. А. Шестеркиной от 15 августа 1901 г. (ЛН. Т. 85. С. 646—647). См. также вступительную статью.

2. ОРЕУС — БРЮСОВУ

С. Петербург, 29 авг(уста) 1901

Милостивый Государь Валерий Яковлевич (простите, если неверно называю по отчеству; из головы вышло), на предложение ваше относительно издания оставшихся после моего сына сочинений, должен отозваться, что еще не знаю, когда у меня хватит духа заняться разборкою его бумаг. — Вы поймете, что душевная рана моя еще слишком свежа и что всякое прикосновение к ней — всяких воспоминаний слишком болезненно.

Зная, как вы любили моего сына, вполне верю в горечь ваших чувств при роковом известии. — Верно вы сказали, что «смысл этой смерти вне человеческого понимания»; но я, 70-летний старец, давно уже убедился в том, что в жизни много такого, что выше нашего понимания и перед чем остается лишь смиренно преклонять голову. Блаженны те, которых Господь подкрепляет верою, и глубокого сожаления достойны те, которые лишены этого. Весь смысл жизни утрачивается, и не остается ничего, кроме отчаяния.

Вы имели с сыном моим сношения преимущественно на литературной почве. Не знаю, знаком ли вам был внутренний строй его личности. Поэтому не могу воздержаться, чтобы не приложить здесь его характеристики в выписке из письма одного из его молодых приятелей, бывшего студента петербургского(кого) университета. Она послужила мне немалой отрадой в переживаемое мною, невыразимо-скорбное время.

Уважающий вас

И. Ореус

P. S. С 24 авг(уста) я на своей петербургской квартире.

Приложение к п. 2

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА Н. М. СОКОЛОВА ¹

(...) Я не могу описать, как был потрясен известием о безвременной смерти незабвенного друга и, кажется, так и не примирюсь с мыслью, что не придется более видеть его, вести с ним беседы, полные самого высокого значения, а — главное — любоваться его чистою, благородною душою. Он любил выражение «благородный», находил в нем глубокое, таинственное значение, его душа могла обнять все богатое содержание этого слова, потому что мало найдется людей, у которых все в жизни было так кристально-чисто, так благородно, как у ушедшего от нас. И он не берег, не дрожал над сокровищами своей души: он весь ушел в дело, которое он считал смыслом своей жизни. Каждая важная минута, всякая встреча будили в нем все одно желание — пером и словом служить своему делу, несмотря на препятствия, на недоброжелательство, на смешки... 18-летним юношей он будил в других такое же уважение к себе, какого иной не удостоивается и в 30 лет. Но его не только уважали, его любили, любили крепко, беззаветно за его *живую* душу. Он не только честно, серьезно относился к своим идеям, но и давал им плоть и кровь. Вечно живой, готовый к пропаганде своих заветных мыслей — он умел и в других пробуждать самые чистые, заветные чувства. И за это его любили еще больше, так как редко кто раздает направо, налево, полными пригоршнями свои богатства.

Идеалист во всем — он не считал того, что давал. А между тем, подобно всем его друзьям, постоянно ловишь себя на заимствовании из его неисчерпаемых сокровищниц.

К этому дивному образу молодого идеалиста-борца присоединяется еще одна черта, за которую он был мне особенно дорог. Мне случайно удалось узнать, как чутко относился он и к материальной нужде, и как деликатно он умел помогать... Такая духовная тонкость дана только избранным душам, и такую несомненно была душа покинувшего нас. Он ушел и уносит с собою много горя, много слез его близких и друзей, но еще больше он оставляет им. Каждый, знавший его, свято хранит частицу его светлой души, чтобы бережно пронести ее через все невзгоды жизни и ее грязь...

¹ Текст рукой И. И. Ореуса; приложен к письму.

Николай Михайлович Соколов — друг Коневского по студенческому «Литературно-мыслительному кружку», собиравшемуся в 1895—1900 гг., в который входили также С. П. Семенов, В. Р. Менжинский, Б. Э. Нольде, И. Я. Билибин, А. М. Рыкачев, С. А. Елачич, М. А. Елачич, Г. Л. Борейша, Ф. Д. Попов, П. Ц. Дорф (Зимницкий) и др. В тезисных мемуарных заметках С. П. Семенова обозначил «интересы участников кружка»: «У Соколова, Менжинского по преимуществу история и социология на экономической базе. У Нольде — история, литература (живопись). У Ореуса — философия и литература — поэзия, живопись. У Семенова — философия, литература, история. У Рыкачева — экономические», социологические; «Собирались поочередно — у Соколова, Елачича, Дорфа, Семенова, Ореуса, Нольде, Рыкачева». Касаясь Коневского как участника кружка, Семенов отмечает: «У Ореуса была видна аполитичность, что было чуждо некоторым участникам; был чужд сперва своеобразный стиль его изложения и подчеркивание значения эстетического момента. Ореус относился ко всем занятиям кружка с полным интересом, споры вел исключительно на идейной почве»; «Во время спора И. И. всегда с полным вниманием относился к высказываниям собеседника (противника) и интересовался малейшими оттенками его мысли, стремился вполне понять и усвоить противоположные мнения. И затем (по окончании спора) останавливался на этих противоположных воззрениях, стараясь детально определить отношение их к своим взглядам, к проверке их» (Архив Н. Л. Степанова).

Сохранились планы и черновые наброски Н. М. Соколова к «реферату» о Коневском; среди них — следующие заметки: «... он *сознал* и провел чрез *научно-философскую рефлексию* свое художественное созерцание, усиленно *развил* в себе чувство «бездны» (...) и стремился поддерживать его в себе непрерывно: «подобает жить...»; «Коневской *развил* высшую способность сочувствовать, «угадывать» все, благодаря чувству общей связи, т. е. способности во всем видеть *символы*, но остался одиноким, т(ак) к(ак) не уловил, не осознал себя до конца»; «Итак, Ореус — один из наиболее последовательных и логических выразителей гуманистического периода нашего духовного развития (...). Ореус берет критерий *красоты* в личности, признавая *красоту* — космическим началом» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 26, л. 2, 4, 7).

3. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 29 сент(ября) 1901

Милостивый Государь Валерий Яковлевич

Согласно вашему желанию — получить оставшиеся после моего сына рукописи (с целью издания их «для немногих») посылаю вам — в виде 1-й серии — два зачетных сочинения на последнем курсе университета, с пометками профессора Жданова¹.

Пользуюсь этим случаем, чтобы искренне поблагодарить вас за статью в «Мире искусств»², с добрым отзывом об умственном и нравственном строе покойного и начатках его литературной деятельности*. Вы были из числа немногих, эту деятельность понимавших и ценивших; большинство их не понимало. В этом большинстве — каюсь — состоял и я. Часто мы с ним спорили, оставаясь, впрочем, в самых дружеских отношениях. Извиняю себя тем, что мне 70 лет, что я рос и развивался на других литературных понятиях и требованиях, что мои старые мехи слишком ветхи для нового вина. — Ваша статья многое мне выяснила.

В более или менее непродолжительном времени, надеюсь — если Господь поможет — собраться с духом и заняться разбором прочих рукописей. Разобрав, перешлю их вам.

Не могу не сказать в заключение, что, когда мы вторично — уже по православно-христианскому обряду, — предавали земле останки моего незабвенного Вани³, мне невольно пришли в голову последние строки из чудного стихотворения Лермонтова «На смерть кн. Одоевского»

...«И. вокруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно».

Он любил лес (помните его «Дебри») — и похоронен в лесу^{2*}; он любил ветер, находя в нем много поэзии — и в этот день, при чудной, ясной погоде, бушевал сильный ветер...

Простите за это дополнение к письму — оно само попросилось на бумагу. Прошу вас о получении рукописей меня уведомить (Ивановская, 18).

И. Ореус

¹ Брюсову были высланы университетские зачетные сочинения Коневского «Судьбы Баратынского в истории русской поэзии» (октябрь — декабрь 1899 г.; ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 12) и «А. В. Кольцов (личная его природа и строй мыслей)» (июнь — ноябрь 1900 г.; ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 15). Оба сочинения имеют оценку «удовлетворительно», представленную профессором Петербургского университета И. Н. Ждановым.

² Подразумевается статья Брюсова «Мудрое дитя (памяти И. Коневского)» (Мир искусства. 1901. № 8—9. С. 136—139). Ср. дневниковую запись Брюсова (сентябрь 1901 г.): «От отца Ореуса, ген.-лейт. И. И. Ореуса, получил письмо с благодарностью за мою статью в «Мире искусства» и с согласием на издание» (Дневники. С. 106).

³ Как сообщает И. И. Ореус в биографическом предисловии «Иван Коневской. Сведения о его жизни», тело погибшего поэта «было найдено через несколько дней и предано земле местным лютеранским пастором. Только после усиленных розысков отцу удалось узнать о судьбе единственного сына... Немецкая аккуратность местных властей сберегла все оставшееся от неизвестного покойника: одежду, вещи, бумаги. По этим признакам узнали безымянное тело и восстановили события последнего дня» (СП. С. X—XI).

⁴ Натурфилософская поэма «Дебри» (1897; СП. С. 30—35).

⁵ Этой фразой (с изъятием слова «сына») Брюсов заключал биографическое предисловие, подготовленное И. И. Ореусом (СП. С. XI). Она же является первоисточником заключительных строк его стихотворения «Памяти И. Коневского» (3 октября 1901 г.; в первой публикации: «Ивану Коневскому»: «Как хорошо тебе в лесу далеко, // Где ветер и березы, вяз и клен!» (1, 352).

* «Мудрый ребенок». Помнится, что вы же и назвали его так, посетив его, года 2—3 тому назад, кажется с г. Бальмонтом. Помню, что ему название это пришло очень по сердцу и что он им очень тешился.

² Станция Зегевольд, близ Риги, окружена протестантским населением. Случайно там скончавшихся русских, за неимением православного кладбища, хоронят в особом отведенном месте, в лесу, прекрасно содержанном.

Скромная могила сына осенена кленом, вязом и березой⁵.

4. БРЮСОВ — ОРЕУСУ

(Москва. Начало октября 1901 г.)

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Я медлил писать Вам, так как хотелось мне доставить Вам этот самый № «Мира искусства» с моей статьей о «мудром дитяти». Но случилось так, что журнал неожиданно запоздал и Вы увидели его даже раньше моего.

Очень благодарю Вас за выписку из письма Соколова и тем более за Ваши строки об этой последней судьбе, о той березе, том клене и вязе, которые отныне должны стать всем нам столь дорогими, которые я так отчетливо себе теперь представляю.

Я прочел присланные Вами статьи¹. Я удивился цельности, «целомудренности», как он говорил сам, его личности. Я тоже писал в университете «зачетные» и иные сочинения, но делал это, как все товарищи, внешне — общепринятым казенным тоном. Но статьи о Кольцове и Баратынском написаны совершенно так же, как предисловие к стихам Добролюбова², как страницы для «Северных цветов». В этом ярко означает непосредственность его души. Это лучшее доказательство ненадуманности, простосердечности всего, что он писал. Все написано им именно только так, как он мог писать, не иначе.

Я упорно мечтаю о собрании его сочинений. Все же его писания — были тем, что он считал делом жизни, что сам он наиболее любил из всех своих деятельностей. Вы слишком знаете косность наших читателей. Почти с уверенностью можно сказать, что о *втором* издании можно будет говорить лишь очень не скоро. Тем более желательно было бы сочетать в первом, которое надолго останется (поскольку то доступно книге) воплощением его личности, — все черты, все виды его творчества и все, что могло бы служить к объяснению его. Мне представляется, что, кроме тщательно собранных его стихов (конечно, *всех*) и кроме его статей (тоже, думаю, *всех*), туда должны войти: его портрет, сведения хоть беглые о его жизни, очерки его души и его поэзии, сделанные теми, кто лично его знал (например, то же письмо Соколова раскрывает многое, что можно и не угадать по стихам и статьям)³. Конечно, нужно ли это — решать именно Вам, но мне кажется, что необходимо хоть такой прозой договорить за него им недосказанное. Я сужу уже по себе. Я не знаю его жизни, я даже не знаю, сколько было ему точно лет. И во мне есть жадное желание, необходимость узнать это.

Ответ на п. 2 и 3. Черновик.

¹ См. п. 3. прим. 1.

² «К исследованию личности Александра Добролюбова» — предисловие Коневского в кн.: Добролюбов 1900.

³ См. прилож. к п. 2.

5. БРЮСОВ — ОРЕУСУ

(Москва. 4 или 5 октября 1901 г.)

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Решаюсь послать Вам свои стихи, подсказанные Вашим письмом¹. Знаю, что они не то, что надо бы, еще знаю, что в них не передано и все, что я хотел бы, — но надеюсь, что они не будут последними, в заглавии которых посвящение Вашему сыну.

В прошлом году для альманаха «Сев(ерные) цв(еты)» Ив. Коневской предложил статью о Щербине. Но после, написав по поводу статьи г-жи Гиппиус несколько страниц о современной литературе, предпочел заменить ими эту статью, так как она не имела характера злободневности, могла быть отложена². Теперь издатели готовят «Сев(ерные) цветы на 1902-й год». Позвольте ли Вы включить в них эту отложенную статью? Она все равно назначалась для этого издания, а нам всем было бы сладко и хорошо еще однажды появиться в печати рядом с любимым именем.

Боже мой! как упрекаешь теперь себя, что не искал, не добивался даже с излишней назойливостью встреч и бесед с Вашим сыном. Их было так мало! Но ведь думалось, что впереди жизнь!

Я уже так много беспокоил Вас просьбами и вопросами, что решусь еще обратиться с ними: не известны ли Вам адреса Дм. Фридберга, Я. Эрлиха и Конради³, с которыми мы все носились исключительно через Вашего сына? Сообщением их Вы весьма обяжете нас.

С глубоким уважением Валерий Брюсов.

¹ Стих. Брюсова памяти Коневского («И ты счастлив, нам скорбь — тебе веселье...»), написанное 3 октября 1901 г. См. п. 3, прим. 5.

² См.: Переписка с Коневским, п. 55—56.

³ См.: Там же, п. 9, прим. 2: п. 52, прим. 2; п. 59, прим. 2.

6. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 6 окт(ября) 1901

Многоуважаемый Валерий Яковлевич

Я не могу не отнестись с полным сочувствием к вашим «мечтаньям» относительно издания задуманной книги. С своей стороны, по мере сил и умения, готов оказать содействие и неотлагательно приступлю к составлению биографии; а затем, собравшись с силами, приступлю и к разборке оставшихся рукописей, которые потом перешлю вам, — разумеется, исключив те, которые никому кроме меня не интересны¹.

Позволяю себе только, — раз навсегда, — одну просьбу, за которую надеюсь, вы на меня не прогневаетесь. Прошу вас: в каких бы ни было *печатных* отзывах об Ив(ане) Конев(ском) быть по возможности сдержаннее. Просьба эта основывается на моих личных чувствах. Может быть, в сыне моем и обнаруживались задатки чего-нибудь крупного, но — ведь это все-таки были только задатки. Между тем вы, по доброму к нему расположению и сочувствию, можете, в ваших отзывах о нем, увлечься за грань беспристрастия и подать повод разным зоилам изощрять свое площадное остроумие. — Вы можете возразить, что на это не стоит обращать внимания. Совершенно верно, вообще; но признаюсь, что если б стали обливать помоями фельетонного зубоскальства память того, который был для меня дороже всего на свете, — мне было бы крайне больно. — Простите старика за непрошенное вмешательство в ваши труды; но видите, по опыту жизни знаю, какое множество людей, не переносящих равнодушно, если хвалят не их, а кого-нибудь другого; особенно литературная братия на это горазда. Лаяли ведь разные шавки даже на Пушкина, Гоголя и т. п., так уж с каким-нибудь начинающим писателем не поцеремонятся.

Занимаюсь теперь разбором библиотеки покойного, и только диву даюсь: чего, чего не успел уже перечитать он за свою недолгую жизнь! (не считая того, чем пользовался в публичных библиотеках)².

Не успел еще завершить этого письма, как получил (сегодня вечером) новое послание ваше, с стихами. Не знаю уж, как и благодарить вас. Стихи и сами по себе хороши, и глубоко прочувствованы. Я, вполне понимающий их смысл, был сильно растроган. Больно и сладко было мне читать их.

Ах, как хочется иногда... до боли хочется увидеть его. Понять меня вполне мог бы лишь тот, кто перечувствовал и переиспытал то, что перечувствовано и переиспытано мною за последнее время; но не доведи Бог никого!

Один прочный устой, одно неизменное утешение — вера Христова. Не раз, при тяжких жизненных ударах довелось мне испытывать это. Испытываю и теперь. Несение креста облегчается сладкой надеждой на свидание в ином мире «иде же несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание»³.

Отвечу теперь на вопросы, предложенные в вашем последнем письме.

1) Статью о Щербине, конечно, можете печатать, раз она уже предназначалась для Сев(ерных) цветов ⁴. К тому же я отнюдь не претендую на какие-либо права относительно сочинений моего сына.

2) Фридберг — лицо действительно существующее. Это юноша еврейского происхождения. В одно из собраний студенческого кружка, у нас на квартире, приглашен был писатель Сологуб (вам, конечно, известный), и он привел с собою еще совсем юного гимназиста Фридберга, по его словам обнаружившего недюжинный поэтический талант. Я сам его никогда не видал; но он, по-видимому, принадлежал к почитателям произведений Ивана Коневского; несколько раз приносил ему на разбор свои стихи, а потому, вероятно, в них и слышима подражательная нотка. — Адрес Фридберга мне неизвестен.

В последнем письме вы упомянули об Эрлихе. Его, бедного, постигла горькая участь: он в больнице душевно-больных. Заболел за несколько дней перед свадьбой своей, и я не знаю, есть ли надежда на выздоровление ⁵.

В заключение прошу вас, Вал(ерий) Як(овлевич), — если какие-нибудь ветры занесут вас в Питер — посетите меня. Приятно будет лично познакомиться с человеком, который так любил и ценил и понимал моего незабвенного сына.

С полным уважением остаюсь И. О р е у с

¹ В найденном архиве И. И. Ореуса-отца должны были оставаться некоторые автографы произведений Коневского (списки с которых были представлены для «скорпионовского» издания), а также его неизвестные ранние шуточные стихотворения.

² Среди бумаг Коневского сохранились пространные списки прочитанных им книг (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 6).

³ Цитируется текст из чина погребения: «Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная» (Феофанов канон, Кондак, глас 8-й).

⁴ Статья Коневского «Мировоззрение Н. Ф. Щербины» была опубликована в *СЦ* 1902.

⁵ Ср. с этим сообщением дневниковую запись Брюсова (декабрь 1901 г.) — передача слов Мережковского: «Посмотрите, какой мор на декадентов: Добролюбов, Коневской, Эрлих! Это знамение» (*Дневники*. С. 110). О болезни Эрлиха извещал Брюсова и Н. М. Соколов (27 декабря 1901 г.): «(. . .) Я. И. Эрлих заболел психич(еским) расстройством» (*ГБЛ*. Ф. 386, 103.14).

7. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 13^я окт(ября) 1901

Посылаю вам при сем, многоуважаемый В. Я., согласно желанию вашему, краткую биографию Ив. Коневского. Мне кажется, что она изложена достаточно сжато и объективно. А впрочем — со стороны виднее. За одно ручаюсь: от *правды* ни на одну иоту не отступлено. — Затем, если вы пожелаете сделать какие-нибудь дополнения или изменения (конечно, не касаясь сути), — я предоставляю это вполне благоусмотрению вашему ¹.

Сегодня я, наконец, собравшись с духом, приступил к разбору оставшихся после сына бумаг. Но успел разобрать очень немного, как посетил меня уже известный вам Николай Михайлович Соколов (личность очень умная и симпатичная). Он сообщил мне, между прочим, что вполне готов, с некоторыми другими друзьями покойного, сообщить свои о нем воспоминания, выдержки из писем и т. п. ²

Соколов спросил у меня ваш адрес, и сам войдет с вами в сношение по этому предмету ³.

Затем, имея в виду, что замыслы ваши относительно издания «поминальной» книги могут осуществиться, я не могу не высказать вам пришедшую мне в голову мысль, — конечно, нисколько не настаивая на ее исполнении.

Мне кажется, что, так как значительная часть сочинений И. Кон(евского) уже обнародована им в книге «Мечты и думы», то не лишнее ли будет включать эту часть в предполагаемое фирмой «Скорпион» издание? Издание это не делается ли чрез то чрезмерно объемистым и не обойдется ли фирме чересчур дорого? С другой стороны, так как оно назначается «для немногих», то, вероятно,

у этих немногих уже есть «Мечты и думы»; если же нет, то я могу служить им этим безмездно, так как у меня осталось еще с лишком 200 экземпляров.

Повторяю: я высказал только свою мысль; может быть, она очень ошибочна, и потому очень прошу вас ею не стесняться.

Преданный вам И. Ореус

P. S. По мере разбора бумаг, буду высылать вам.

¹ Эта биография легла в основу предисловия «Иван Коневской. Сведения о его жизни», опубликованного без подписи автора (но с указанием, что «сведения сообщены близким родственником покойного»), с некоторыми сокращениями и редакторскими исправлениями и добавлениями, сделанными Брюсовым (СЛ. С. VII—XI). Текст, представленный И. И. Ореусом, сохранился среди его писем к Брюсову.

² В результате этих хлопот собрание рукописей Коневского было пополнено его письмами к А. Я. и И. Я. Билиным (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17, 18); С. П. Семенову (Там же. Ед. хр. 21); Н. М. Соколову (Там же. Ед. хр. 22); А. М. Веселову (Там же. Ед. хр. 19).

³ Н. М. Соколов обратился к Брюсову с письмом 29 октября 1901 г., в котором ссылался на Ореуса-отца и выражал свою готовность обработать для задуманного издания некоторые рукописи Коневского (ГБЛ. Ф. 386, 103.14). «Несколько дней тому назад,— сообщал Соколов,— я получил в дар от лица, совершенно чужого Ив(ану) Ив(анови)чу, рукопись его пьес, к(отор)ую все считали пропавшею, помещенных в «Мечтах и думах»; важными особенностями этой тетради in 8° являются: стихотворения 1898—99 г., затем, можно по ней восстановить хронологические даты, надписи и посвящения, опущенные в издании 1900 г., стихотворения расположены в строго хронологическом порядке, что представит большой интерес для биографа (. . .) наконец, имеются варианты, довольно любопытные». Далее Соколов характеризовал основные особенности одиннадцати записных книжек Коневского, содержащих черновые рукописи стихотворений и путевых заметок, и добавлял: «Так как я не знаю, намерены ли вы выдержат при издании последнюю авторскую редакцию или же восстановить все писания Ив(ана) Ив(анови)ча в их первоначальном виде, с их впервые задуманными заголовками, эпиграфами, посвящениями, всеми, даже отвергнутыми самим автором вариантами, словом, выпустить критическое издание, то прошу Вас уведомить меня об этом». Сообщив далее несколько конкретных соображений текстологического характера, Соколов заключал: «Что до воспоминаний и характеристик, то мысль о них зародилась у некоторых друзей Ив(ана) Ив(анови)ча немедленно по его кончине, но они не знали, к чему бы приурочить свои заметки. Ваш благородный почин и вызов нашли большое сочувствие у больших друзей почившего — С. П. Семенова и П. П. Конради. Я с удовольствием присоединяюсь к ним. Хотя не могу скрыть, что воспоминания мои не обильны фактами, так что предоставляю их в Ваше полное распоряжение для переработки, если это понадобится для биографии. Вы очень обязали бы меня, сообщив приблизительно срок, к которому следовало бы *окончить* пересылку Вам и критическ(их) и биографич(еских) работ». Брюсов ответил Соколову следующим письмом, относящимся к ноябрю 1901 г. (ИРЛИ. Ф. 444, Ед. хр. 42):

«1901

Многоуважаемый г. Соколов

Отвечаю Вам поздно, ибо занят до без конца. Все хотел послать Вам и Ив. Ив. на обсуждение свой план издания, но некогда окончить его. Позвольте повременить немного еще. Сейчас время пред новым годом, самое деятельное в издательстве «Скорпион» и журнале „Русский архив“, где я принимаю близкое участие.

А прежде чем будет установлен общий план издания, почти невозможно приступить к «обработыванию» его отдельных частей. Надо решить с точностью:

- 1) Все ли печатать.
- 2) В каком чтении.
- 3) Какие разночтения приводить.
- 4) Какой принять порядок расположения.

С другой стороны, решение этих вопросов во многом зависит от количества матерьяла, который окажется в нашем распоряжении. У меня с своей стороны есть две статьи: О Лафорге и Щербине, несколько неизданных стихов (немного) и письма. Нельзя ли составить предварительный список всего оставшегося? Затем, не начнете ли Вы уже теперь розыски *писем* Ив. Ив., из которых многие непременно должны бы войти в сборник? Но уступят ли их владельцы? Напр., о Вл. Гишпуге я думаю, что о не уступит. Далее, не пора ли уже составлять те «воспоминания» и «характеристики», которые мы приложим к изданию? Кто именно предлагает их? Вы, Семенов, Конради — трое? или еще кто? Вот что мне кажется самым первым делом. Во всяком случае раньше осени 1902 года нельзя надеяться напечатать книгу, значит время есть. Хорошо бы весь матерьял собрать (хоть непереписанным) к середине декабря. Я буду в Петербурге и мы могли бы устно и сообща распределить между собой работу: По моим представлениям книжка могла бы быть тогда составлена в рукописи к марту или апрелю. Конечно, она будет свыше 10 листов; цензуры не потребуется. Можно будет печатать не спеша. Летом она будет готова, а осенью «выйдет». Не удивляйтесь, что я ставлю столь большие сроки; я уже имел дело с подобными изданиями и знаю, сколько неожиданных затруднений возникает по пути.

Простите бессвязность письма: очень тороплюсь.

Пожалуйста, не откажите сообщить мне адрес П. П. Конради или еще того лучше передать ему, что Сев(ерные) цветы были бы рады напечатать его рассказ, но тогда он должен быть доставлен в самом близком времени. Цветы уже печатаются.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

8. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 20 октября 1901

Вчера получил я письмо ваше, многоуважаемый В. Я., и с удовольствием готов — насколько могу (теперь и впредь) — заполнять пробелы в биографии И. К. ¹

Во 1-ых, здоровьем он всегда пользовался очень хорошим (была только одна серьезная болезнь — скарлатина, в 3-ем классе гимназии); о каких-либо хронических недугах, благодаря Бога и помину не было. Если он вам говорил о какой-нибудь болезни, то разумел, вероятно, болезненное душевное настроение. Предполагаю (может быть и ошибочно), что оно могло овладеть им при переходе из отроческого в юношеский возраст (между 14 и 16 годами жизни), когда в организме нашем происходят невидимые физиологические процессы, конечно, тем или другим образом влияющие на мозг и нервы. Допустив это предположение, можно приурочить к нему и приведенные вами стихи: «Небо, земля, что за чудные звуки...» ², потому что они (как я усмотрел из чернового их наброска) написаны в феврале 1895 г.; значит, время их написания совпадает с окончанием вышесказанной переходной эпохи.

Одним, достойным сожаления, физическим недостатком И. К. была его чрезмерная нервность. Но и это я объясняю себе очень просто: 1) наследственной чертою, воспрнятою от родителя; 2) слишком ранней, не по летам развившейся мозговой деятельностью. С свойственной юности самонадеянностью он пытался разрешать трудно — или вовсе неразрешимые вопросы; конечно, на первых же шагах осекался, становился в тушик и, при цельности его природы, при отвращении к всяческим компромиссам, терзался такою неопределенностью. Между тем, эта внутренняя работа никогда не покидала его. Меня и других любивших его людей это очень тревожило. Не раз пытались его уговоривать — дать себе отдых, хоть на время; ответ был один: «не могу! в этом моя жизнь». Что тут было делать? — и как заставить человека не мыслить? — Но между тем он при этом вовсе не был угрюм или меланхолик; напротив — вполне жизнерадостен, и в обществе близких людей готов был самым детски-искренним смехом встречать всякий забавный рассказ, всякую остроту.

Относительно путешествий его в 3(ападной) Европе могу сообщить, что он ездил туда дважды, в 1897 и 1898 гг. В первый раз поехал он через Вену в Зальцбург, Мюнхен, Нюрнберг, исходил пешком значительную часть Тюрингии, где, в Байрейте, довелось ему услышать знаменитую оперу Вагнера «Парсифаль». — В 1898 г. он отправился морем в Любек, потом в Кельн, проехал по Рейну до Гейдельберга, оттуда в Швейцарию и С(еверную) Италию, а возвратился опять через окрестность Зальцбурга. Каждое из этих путешествий продолжалось 1½—2 месяца, и впечатления, из них вынесенные, помещены в «Мечтах и думах».

Вот все, что на этот раз могу сообщить вам ³. — Что касается до предполагаемого издания, то я вполне соглашаюсь с вашими доводами; позволил же себе высказать мою мысль только потому, что опасался, как бы книгоиздательская фирма не понесла непроизводительных материальных затрат ⁴. Если она того не боится — тем лучше. И, вообще, по этой части — вам и книги в руки, многоуважаемый В. Я. Я же вовсе не в курсе современных литературных запросов.

В настоящее время я занят перепискою оставшихся после него и еще нигде не напечатанных стихов; в скором времени перешлю их вам, с включением всех вариантов ⁵.

Кроме того найдено мною несколько тетрадей, где вписывались прочитанные

им книги, а также извлечения из них некоторых мест. Если это может послужить к характеристике И. К., то могу выслать вам и означенные тетради ⁶.

С совершенным уважением И. Ореус

¹ Видимо, Брюсов в своем письме просил И. И. Ореуса сообщить дополнительные подробности биографии сына, не отраженные в кратком своде сведений, приложенном к п. 7.

² Первая строка стих. Коневского «Воскресение», датированного 19 февраля 1895 г. (СП. С. 2—3).

³ Часть сведений, сообщенных здесь Ореусом-отцом (в том числе о заграничных поездках Коневского), Брюсов включил в предисловие «Иван Коневской. Сведения о его жизни» (с. VIII—IX).

⁴ Брюсов в письме к Ореусу, видимо, настаивал на максимально возможной полноте задуманного издания, в том числе и на переиздании сочинений, ранее опубликованных в «Мечтах и думах».

⁵ Списки стихотворений Коневского, подготовленные Ореусом-отцом, сохранились в архиве Н. Л. Степанова.

⁶ См. п. 6, прим. 2.

9. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 5 нояб(ря) 1901

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Посылаю вам копии найденных мною и не бывших в печати стихотворений сына (числом 41). Копии сняты мною с буквальной точностью и с приведением всех вариантов ¹.

В стихах этих, между прочим, нередко упоминается о «Варягах». Племя это интересовало покойного потому, что наша фамилия родом из Швеции, и весьма возможно, что между предками были участники отважных морских набегов разных викингов и берсеркеров ².

Прошу вас уведомить меня о получении прилагаемого сборника.

Из прочих бумаг сына сохранились:

1) Вступление к сочинению «Поэзия гр. Ал. Толстого» ³.

2) «Стихотворная лирика в современной России» (написано в 1896—97 гг.) ⁴.

3) Переводы (в прозе) разных стихов: Свинбёрна, Виеле-Гриффина, Эмиля Верхарена ⁵.

4) Описи прочитанным книгам и статьям (за несколько лет), с выписками из некоторых ⁶.

5) Несколько тетрадей с разными гимназическими сочинениями, а равно последующими отдельными набросками мыслей и рассуждений, отзывов о предметах искусства и т. п. ⁷

Все эти бумаги могли бы — как мне кажется — послужить хорошим материалом для характеристики и выяснения мировоззрений Ив. Коневского. Если хотите — я могу их переслать вам, по первому вашему требованию.

Описи прочитанным книгам заслуживают особого внимания, как указатель или мерило научной и художественно-литературной подготовки покойного.

С полным уважением остаюсь покорный слуга ваш

И. Ореус

¹ Ср. сообщение Н. М. Соколова в письме к Брюсову от 29 октября 1901 г.: «...Ив(ан) Ив(анович) старший переписывает для издания все пьесы, еще не напечатанные» (ГБЛ. Ф. 386, 103.14).

² Берсерк — в средневековой Скандинавии свирепый воин, который в битве приходил в иступление, становился подобен дикому зверю и, согласно поверью, был неуязвим; в исландских сагах берсерками называли также разбойников, притеснявших местных жителей, вызывая их на поединок и отнимая у них жен и добро.

³ ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 11.

⁴ Там же, ед. хр. 6.

⁵ Рукописный сборник прозаических переводов Коневского включает произведения А. Суинберна, Д. Г. Россетти (сонеты), М. Метерлинка (из «Сокровищницы Смирения»; «Трагизм повседневности»), А. де Ренье (из «Домохранительницы», из «Игр сельских и божеских»), Ф. Виеле-Гриффена (из сб. «Лебеди»), Э. Верхарна, Р. У. Эмерсона, Новалиса («Гимны к ночи»), Г. фон Гофманстала, И. В. Гете (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 9, 235 л.).

⁶ Там же, ед. хр. 6.

⁷ Там же. Ед. хр. 10—14.

10. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 13 ноября (1)901

Два дня тому назад получил я письмо ваше, многоуважаемый Валерий Яковлевич. Благодарю еще раз за добрые отзывы о личности и творчестве покойного моего сына. Боюсь только; не придаете ли вы уж слишком большого значения его творчеству. Впрочем, я, как старого века человек, в этом деле не судья.

Что касается плана предполагаемого вами издания, то я готов служить вам своими советами, по мере разумения; хотя в издательском деле считаю себя далеко не компетентным, ибо никогда им не занимался. Полагаюсь и в данном случае на ваш вкус, уместность и знакомство с новейшими литературными запросами; но это, конечно, не мешает обменяться мнениями. Ум хорошо, а два лучше.

С Соколовым, надеюсь, вы столкуетесь; он — малый разумный.

Если в начале декабря будете в Питере, то на всякий случай предупредите вас, что дома меня застать всего легче от 10 ч. утра до 1 ч. пополудни.

С полным уважением остаюсь готовый к услугам вашим

И. Ореус

11. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 21 дек(абря) 1901

Много благодарен вам, уважаемый Валерий Яковлевич, за полученное мною вчера письмо. Жалею о задержке вашей поездки в Питер и, главное, о причине этой задержки.

Меня глубоко трогает ваше теплое отношение к памяти нашего незабвенно-го Вани. Если вы ощущаете пустоту без него, то посудите, каково мне. Однако, при помощи Божией, не поддаюсь духу уныния — сему лютому врагу человека.

Что касается того, должен или не должен был он уходить от нас, то верьте — это не нашего ума дело. Старая, но вечно юная истина: «пути Божии неисповедимы».

Относительно движения работ по задуманному по вашей инициативе изданию, наиболее обстоятельные сведения может вам доставить Ник. Мих. Соколов, которому одновременно с этим письмом посылаю о сем записку. Я отдал ему почти все остававшиеся у меня рукописи, и он, по-видимому, весьма усидчиво занимается разбором их¹.

Итак, до свидания, — Бог даст — в январе². Желаю вам всего лучшего в грядущем году.

С полным уважением остаюсь готовый к услугам

И. Ореус

¹ О ходе своей работы Соколов подробно сообщил Брюсову в письме от 27 декабря 1901 г.: «Все это время я занимался подбором и группировкою рукописей, а также старою работою — обработкою печатного текста по записным книжкам и сборникам стихов, имевшимся у меня под руками. Я определял даты места и времени, иногда обстановку, при к(ото)рой созрела та или иная вещь, — наконец, важнейшие варианты. Кстати, вы выразили опасение, что я хочу придать изданию "академический вид". На чем основано Ваше мнение? Я, лично, в начале работ смотрел на свою задачу как на предварительную подготовку текста к редакционной обработке, взял за образец издание А. Добролюбова (. . .) окончательный выбор вариантов я считал принадлежащим людям, более меня компетентным в оценке стихотворных пьес. Далее Соколов говорил (ссылаясь на мнение большинства петерб(ургских) друзей Коневского) о желательности того, чтобы в основу нового издания был положен авторский сборник «Мечты и думы», в его составе и композиции, а также о работе над воспоминаниями о покойном поэте: «На Рождестве написаны будут очерки гг. А. Я. Билибиним и Ф. А. Лютером. Обещал еще очерк И. Я. Билибин. Первый изобразит последние годы (1896—1901); второй, наставник Ив. Ив. — коснется его ученических лет по преимуществу; третий расскажет историю своего знакомства в гимназии (1890—96). Сверх того посланы письма А. Ф. Калю и А. М. Веселову, близким друзьям покойного». Далее Соколов охарактеризовал рукописи, составляющие архив Коневского, и высказал свои соображения о том, что из них должно найти отражение в будущем издании: «...я отстаиваю возможную полноту при издании, но не стою за печата-

ние даже половины (. . .) Личность Ореуса так цельна и многогранна, что нельзя опустить им одной из его душевных сторон, но лучше всего выбрать *типическое* (ГБЛ. Ф. 386, 103.14).

² Личное знакомство Брюсова с И. И. Ореусом состоялось 12 февраля 1902 г., во время очередного приезда Брюсова в Петербург; на следующий день 13 февраля Брюсов встретился у Ореуса с С. П. Семеновым и родственником покойного поэта Н. Г. Дьяконовым. «... Был у Ореуса, — зафиксировал Брюсов в дневнике. — Там же был Дьяконов и С. П. Семенов. Показывали тетради юношеские Коневского. О нем с детства заботились и дар его лелеяли. Говорили в общеконсервативном тоне. Старый Ореус говорит медленно, глаза его тихо моргают, руки дрожат. В доме живет и бывшая гувернантка Вани. Отец многие из бумаг Вани переписывал сам (и прежде, при его жизни), при этом Ваня очень спорил против малейшей перемены» (Дневники. С. 116).

12. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 15 апреля 1902

На радостное приветствие ваше, уважаемый Валерий Яковлевич, спешу ответить другим, столь же радостным: — «воистину воскрес!»¹ В этих двух приветствиях должны заключаться для христианина и вера в личное бессмертие, и сладкая надежда на свидание с теми, которые, по неисповедимым путям Божиим, были отняты у нас.

Затем позвольте от души поблагодарить вас за внимание, выраженное мне присылкою сборника «Сев(ерные) цветы»²; с содержанием его я еще не успел ознакомиться, но особенно дорог он мне уже потому, что встречаю в нем незабвенное для меня имя.

Что касается до тех произведений покойного Вани, которые я вам передал, то — раз навсегда — предоставляю вам распоряжаться ими по вашему личному усмотрению. Вы, конечно, лучше меня можете обсудить, которые из них заслуживают внимания. Я передал их вам «в вечное и потомственное владение», и слова своего не беру назад.

Тетрадь, переданную вам Дьяконовым³, я попросил бы вас долго не задерживать, так как Николай Григорьевич крепко любил покойного и дорожит каждым воспоминанием о нем.

Н. М. Соколов вернулся из Выборга и посетил меня⁴.

Затем позвольте пожелать вам всего хорошего и верить в искреннее уважение и преданность мои

И. Ореус

Г. Лангу прошу передать мой привет и поздравление с светлым праздником.

¹ Ответ на пасхальное поздравление Брюсова. Пасхальное воскресенье в 1902 г. пришлось на 14 апреля.

² Альманах «Северные цветы на 1902 г.» вышел в свет в марте 1902 г.; в нем были напечатаны подборка стихотворений Коневского и его статья «Мировоззрение Н. Ф. Щербинь».

³ О Н. Г. Дьяконове см.: Переписка с Коневским, п. 19, прим. 3. Указанную тетрадь с рукописями Коневского Брюсов получил от Дьяконова, видимо, 13 февраля 1902 г. в Петербурге; ныне она, по всей вероятности, утрачена.

⁴ В феврале — марте 1902 г. Соколов жил в Выборге и поэтому не смог повидаться с Брюсовым во время его пребывания в Петербурге. 21 марта он писал Брюсову из Выборга: «С. П. Семенов сообщил мне, что Вы были в Петербурге и, не застав меня там, предположили написать мне письмо относительно издания сочинений И. Коневского (. . .) Буду ждать письма на мою прежнюю квартиру (. . .) куда я переезжаю завтра» (ГБЛ. Ф. 386, 103.14). К этому времени Брюсов свое письмо к Соколову уже отправил:

«Март 18 дня 1902 г.

Я так виноват перед Вами молчанием, что мне остается только обращаться к Вашей снисходительности. Я видел Вашу работу над книгой Коневского. Кажется мне, это то самое, что нужно. Если Вам это дело по сердцу, — продолжайте его. Вам, вероятно, уже указали на замеченные мною (конечно, случайно) варианты, Вами не отмеченные, в длинненьком альбомчике у Ив. Ив. Ореуса-старшего. Этот альбомчик следовало бы использовать. Раньше лета приступать к печатанию не придется. Но соберем ли мы матерьялы к тому времени? Статья о Лафорге и Щербине у меня. А где перевод статьи о Леонардо да Винчи, который мне показывал когда-то Коневской? Не знаете ли Вы?

Не гневайтесь на мою немислимую неаккуратность. Пишите мне. Сердечно уважающий

Валерий Брюсов.

13. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 28 окт(ября) 1902

Большое спасибо Вам, милый Валерий Яковлевич, и г. Лангу, что не забыли старика и почтили присылкою книги, связанной с памятью о моем незабвенном Ване¹.

Конечно, книга эта не про меня писана, — что обуславливается самым заглавием ее предисловия «Ко всем, кто ищет». Для меня, 72-летнего старца, уже миновал период всяких исканий и порывов; но это отнюдь не значит, что я отношусь к ним отрицательно: они — в природе человека, еще не утомленного жизнью. Результаты их — в руке Божией.

Н. М. Соколов я уже давно не видел. Он, кажется, получил место преподавателя, и, верно, очень занят. Постараюсь повидать его и передать ему Ваше желание².

8 июля, в тяжкую для меня годовщину, посетил я, с моим свояком Дьяконовым, дорогую могилку в Зегевольде и помолился на ней. В этот же день прибыл туда один из друзей покойного, А. Я. Билибин, привезший прекрасный венок от товарищей по 1-й гимназии. Он привез тоже фотографический аппарат, для снятия вида могилы; но, к крайнему сожалению, пластинки испортились, и ничего не вышло.

Принося еще раз искреннюю мою благодарность, остаюсь

преданный Вам И. О р е у с

¹ Имеется в виду издание: *Миропольский А. Л.* Лествица. Поэма. М.: Скорпион, 1903 [1902]. Книге были предпосланы предисловие Брюсова «Ко всем, кто ищет» и его стихотворение «Ивану Коневскому» («И ты счастлив, нам скорбь — тебе веселье»), а также посвящение: «Ивану Коневскому. Который так любил эту поэму, лествицу, при жизни, ныне, когда он отошел от нас в иной мир — с прежним сознанием близости — посвящает ее — А. Л. Миропольский».

«...Коневской — был (быть может единственным) почитателем "Лествицы"», — свидетельствует Н. Е. Пояров в своей книге критических этюдов «Поэты наших дней» (М., 1907. С. 20). Посвящение «Лествицы» Коневскому, вероятно, было не только актом ответной признательности Миропольского-Ланга за высокую оценку его произведения (кардинально отредактированного и частично переписанного Брюсовым; см. его правку в корректуре книги: *ГБЛ*. Ф. 386 57.30), но и подразумевало внутреннюю связь между метафизическим путем самосовершенствования, намечаемым в поэме, и духовным обликом и философскими медитациями Коневского. Попутно отметим, что в *Библиографии* I (с. 128) Брюсову приписана «рецензия-мистификация» на «Лествицу» («Наши декаденты»), опубликованная в «Московских ведомостях» (1902. № 340. 10 дек. С. 5) и подписанная криптонимом «В. Б.». Нет, однако, никаких реальных оснований из случайного совпадения инициалов (ими подписаны и некоторые другие корреспонденции в «Московских ведомостях») делать столь ответственные заключения: рецензия выдержана в традиционно ретроградном, глумливом стиле, характерном для профиля этой консервативной газеты и ее позиции по отношению к «декадентам», и не заключает в себе решительно никаких примет, по которым можно было бы заподозрить «мистификацию» Брюсова.

² Пространное письмо Н. М. Соколова к Брюсову с отчетом о ходе работ по подготовке издания Коневского датировано 16 мая 1902 г. (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 25); возможно, оно вовремя не дошло до адресата. Соколов указал на недоразумение (после обращения Брюсова к И. И. Ореусу) в письме к Брюсову от 7 ноября 1902 г., упомянув о ранее отправленном письме и о том, что он ждет «ответа на поставленные там вопросы» (*ГБЛ*. Ф. 386, 103.14). 16 мая Соколов сообщил Брюсову: «В настоящее время предварительные разборы закончены мною, и я пишу теперь статью о покойном друге (. . .) Пишем мне почти не удалось собрать или я их отклонил, т(ак) к(ак) они представляли собою лишь черновые наброски разных напечатанных и законченных для печати работ, гл(авным) обр(азом) «Умозрений странствий». Такова, впрочем, вообще была манера покойного И. И. — Прочие же статьи, заметки, фрагменты и переводы подобраны мною. Небходимое дополнение к "Мечтам и думам" мною переписано для печати. Я выправил в "Мечтах и думах" все, что, по Вашему справедливому указанию, я раньше не выправил. Таким образом, готова вполне к печати 1-я серия трудов Коневского: его стихотворения и "Думы" над жизнью народов, городов, над думами музыкантов и живописцев». Далее Соколов подробно характеризовал собранные им рукописи Коневского и резюмировал: «...цель, поставленная мною себе осенью, когда я приступал к работе, выполнена, и я спешу поделиться с Вами результатами. Жду дальнейших известий».

14. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 4 марта 1903

Одновременно с этим письмом отправляю к Вам, милый Валерий Яковлевич, посылку с рукописями Ив. Коневского, приведенными в порядок Н. М. Соколовым¹. Предоставляю Вам распорядиться ими по вашему благоусмотрению².

К настоящему же письму приложена пояснительная записка Н. М. Соколова. Там же и его адрес, на случай, если бы захотели вы написать ему.

Пожелав вам всего хорошего, остаюсь уважающий вас

И. Ореус

P. S. Благоволите уведомить меня о получении посылки.

¹ В предисловии «От издателей» к посмертному собранию сочинений Коневского сообщалось: «Работу по собиранию рукописей, сличению их и подбору вариантов исполнил Н. М. Соколов» (СП. С. VI). Сохранился экземпляр *МД* с многочисленными текстологическими пометами Н. М. Соколова и дарственной надписью ему от автора (см.: Книги и рукописи из собрания М. С. Лесмана. М., 1939. С. 116).

15. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Павловск.) 28 июня (1)903

С чувством глубокого нравственного удовлетворения прочел я письмо ваше, милый Валерий Яковлевич, — и не потому, что произведения сына появятся в печати¹ (я не ожидаю для них успеха), а потому, что вижу, какую добрую по себе память оставил он в людях, близко его знавших, к которым принадлежите и вы. Вот что мне особенно дорого и что служит немалым утешением в невозвратной потере.

Пройдя через долгий и подчас крайне скорбный жизненный опыт, немало повращавшись среди людей, я хорошо сознаю, что Ваня, при складе его ума и характера, мало имел шансов на так называемое *счастье* в жизни, и что ему — уповаю — лучше *там*, нежели было бы *здесь*. Но сердце идет в разлад с разумом: по временам и возмущается и болит.

Но да будет воля Господа! Не нам предьявлять ей свои ограниченные и близорукие протесты.

В роковой день 8 июля (2-я годовщина) я, если Бог позволит, буду в Зегевольде, куда собираются и несколько друзей покойного, чтобы вместе помолиться на дорогой могиле. Жаль, что от Москвы так далеко, а то может быть и вы приехали.

В настоящее время я проживаю на даче. Если будете посылать мне корректуры, то вот (приблизительно до середины августа) мой адрес: г. Павловск (Петербургской) губернии), Гумолосарская дорога, д. 8.

Прощайте, милый Валерий Яковлевич, дай Бог вам всего хорошего. Прошу верить в мои дружеские чувства.

И. Ореус

Г. Лангу мой поклон.

¹ Видимо, Брюсов сообщал И. И. Ореусу, что «Скорпион» приступил к изданию посмертного собрания произведений Коневского.

16. ОРЕУС — БРЮСОВУ

22 июля 1903 г., Павловск (Гумолосарская ул., 16)

На полученное мною сегодня письмо ваше, милый Валерий Яковлевич, спешу снова заявить, что форму и объем издания сочинений И(вана) К(оневского) предоставляю вполне на ваше усмотрение, так как считаю себя в этом деле совершенно некомпетентным. Помещайте и выпускайте то, что признаете нужным. Об одном лишь настоятельно прошу: не пропечатывать настоящей фа-

милли Вани, а ограничиться псевдонимом ¹. Ведь от этого книга ничего не теряет.

8 июля удалось мне побывать в Зегевольде. Отрадно было мне встретить там свояка моего Н. Гр. Дьяконова, горячо любившего покойного, а также Ф. А. Лютера, бывшего учителя, а потом друга Вани, и его гимназических и университетских друзей: Каля ² и Билибина.

Помимо воспоминаний, Зегевольд может любителю природы доставить немало наслаждения. Я еще раз удостоверился, как симпатично было бы моему незабвенному сыну то место, которому Господь судил быть местом упокоения его праха. Если когда-нибудь Бог приведет вас туда — вы сами в этом убедитесь ³.

Пожелав вам всего хорошего и поблагодарив за *все*, остаюсь искренне преданный

И. О р е у с

¹ В посмертном собрании сочинений Коневского его настоящая фамилия нигде не была обозначена.

² Алексей Федорович *Каль* (1878—1948) обучался вместе с Коневским в 1-й Петербургской гимназии (окончил в 1896 г.), окончил классическое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета в 1901 г.; впоследствии преподавал латинский язык в 6-й и 1-й Петербургской гимназии, а также в Александровском лицее; приват-доцент Петербургского университета; музыковед, с 1921 г. жил в США. См.: *ЛН*. Т. 92, кн. 4. С. 183, 201. См. некрологическую заметку: *Los Angeles Times*. 10 Sept. 1948, — сообщено Д. Шероном.

³ Брюсов посетил могилу Коневского в июле 1911 г. См. его стих. «На могиле Ивана Коневского», датированное 13 июля 1911 г. (II, 63—64).

17. ОРЕУС — БРЮСОВУ

⟨Петербург. 29 сентября 1903⟩

Последнее письмо ваше, милый Валерий Яковлевич, я получил 20 сент (ября); но корректура, которую вы намеревались мне выслать для просмотра, до сих пор мною не получена ¹. На всякий случай, счел нужным сообщить вам об этом.

Желаю вам всего хорошего, остаюсь преданный

И. О р е у с

¹ Открытка. Имеется в виду корректура «Стихов и прозы» Коневского.

18. ОРЕУС — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 17.XI.1903

При сем возвращаю вам, милый Валерий Яковлевич, доставленные мне корректурные листки ¹, с весьма немногими пометками и примечаниями.

Сердечно желаю, чтобы вы поскорее оправились от болезни ².

И. О р е у с

¹ См. п. 17, прим. 1.

² 13 ноября 1903 г. Брюсов перенес операцию под хлороформом с целью излечения от гайморита. См.: *Дневники*. С. 134—135; *ЛН*. Т. 85. С. 370—371.

19. ОРЕУС — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 4.XII.1903

Спешу вернуть вам, милый Валерий Яковлевич, корректуру биографии И. Кон(евского). В ней я только вычеркнул слово «отцом», заменив словами «близким родственником» ¹. Прошу вас так и печатать, потому что в отзыве отца всегда предполагается немалая доза пристрастия, — а я этого-то и не желаю. Старался я писать по возможности объективно; но ведь с сердцем — особенно

при тяжком горе — не всегда справишься. Вы, хорошо знавшие и любившие покойного, можете судить, верно ли изобразил я его личность, но посторонние — дело другое.

Надеюсь, милый В. Я., что вы теперь совершенно оправились от болезни², — чего душевно Вам желает

преданный Вам И. Ореус

¹ В предуведомлении «От издателей» и примечании к биографическому очерку сообщается, что сведения о Коневском «сообщены близким родственником покойного» (СЛ. С. VI, VII).

² См. п. 18, прим. 2.

20. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 11.XII.1903

Долгом считаю уведомить вас, милый В. Я., что фотографии мною получены и переданы г. Дьяконову¹.

Судя по последнему письму вашему, появление в свете сочинений Ив(ана) Кон(евского) уже не за горами. По выходе их, благоволите выслать мне *десять* экземпляров, которые хочу раздать здешним друзьям покойного. При этом сообщите о цене (конечно, с пересылкою) дабы я мог немедленно доставить вам следующие за них деньги.

Преданный Вам И. Ореус

¹ Видимо, Н. Г. Дьяконов передавал ранее Брюсову фотографии Коневского.

21. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 18.XII. 1903

Письмо ваше, милый Валерий Яковлевич, я получил. Очень благодарен.

Н. М. Соколову я желал бы сам поднести экземпляр книги, как выражение моей признательности за его труды¹; но если вы считаете нужным послать и от вас, то вот его адрес: Пантелеймонская, 8, кв. 58.

Затем, пожелав вам на новый год всего хорошего, остаюсь преданный вам

И. Ореус

¹ Этот экземпляр «Стихов и прозы» сохранился в собрании Н. В. Котрелева (Москва); дарственная надпись: «Н. М. Соколову на память — о рано отшедшем приятеле благодарный И. О.».

22. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург. 27 декабря 1903)

Благодарю вас, милый Валерий Яковлевич, за книгу¹. Она пришла ко мне вечером в Сочельник, как бы подарок «на елку». С нетерпением ожидаю-присылки остальных 9 экземпляров. Письмо ваше получил вчера. Я так и думал, что при брошюровке произошла ошибка².

Преданный Вам И. Ореус

¹ «Стихи и проза» Коневского вышли в свет в начале последней декады декабря 1903 г.

² Видимо, подразумевается местоположение вклейки с портретом Коневского работы Е. С. Кругликовой: она находится между титульным листом и предисловием «От издателей», а не на обычном в таких случаях месте — на фронтисписе, т. е. с левой стороны от титульного листа.

23. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 2.I.1904

На письмо ваше, милый Валерий Яковлевич, спешу ответить, что оставшиеся у вас рукописи прошу *сжечь*, — конечно, кроме тех, которые еще не напечатаны и которыми вы предполагаете воспользоваться для ваших изданий¹.

После праздников буду ожидать присылки книг.

Пожелав всего лучшего в наступившем году, остаюсь преданный вам

И. Ореус

¹ Брюсов распоряжения И. И. Ореуса не выполнил: поступившие к нему рукописи Коневского и другие материалы были им сохранены, составив впоследствии основу личного фонда Коневского в ЦГАЛИ; часть материалов, относящихся к Коневскому, в 1930-е годы была передана И. М. Брюсовой Н. Л. Степанову.

24. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург. 20 января 1904)

Благодарю вас, милый Валерий Яковлевич, за присланные 10 экземпляров. Издана книга, по-моему, хорошо; но портрет, действительно, очень не удался ¹.

Преданный Вам И. Ореус

¹ Портрет для издания Е. С. Кругликова делала не с натуры, а по фотографии, на которой Коневский был снят в группе с А. Я. Билибиным, А. Ф. Калем и И. Я. Билибиным. См.: Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970, между с. 48 и 49 наст. кн., С. 462.

25. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург. 11 февраля 1904)

Очень обязан вам, милый Вал(ерий) Як(овлевич), за доставленную статью. Как всякий сочувственный отклик о незабвенном покойнике, она была отрадна моему сердцу. Кто бы ни был автор — спасибо ему! ¹

Что касается портрета... лучше, если бы его совсем не было ².

Писать Вам больше ничего не могу. Мысли слишком поглощены нынешними многозначительными событиями ³.

Преданный Вам И. О.

¹ Имеется в виду статья: *Крымский С. Неизвестный поэт* // Семья. 1904. № 6. 8 февр. С. 10—12. Статья представляла собой отклик на издание «Стихов и прозы» Коневского, в ней с большим вниманием и сочувствием расценивались личность и творчество покойного поэта: «...вчитываясь теперь в его то болезненно-лихорадочные, то восторженно ликующие и беззаботно воркующие о мировой, пантеистической жизнерадости стихи, нельзя без горечи безвременной утраты не признаться в том, что в лице погибшего поэта мы потеряли необыкновенно тонкий, оригинальный, я бы сказал — благоуханный талант» (с. 10).

Судя по ряду косвенных признаков, автором статьи был Сергей Георгиевич *Кара-Мурза* (1878—1956), московский журналист (родом из Крыма), сочувствовавший символистам.

² См. п. 24, прим. 1.

³ Подразумевается начало русско-японской войны.

26. БРЮСОВ — ОРЕУСУ

Москва, 25 февраля 1910.

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Я верю, что Вы не забыли пишущего эти строки, потому что, конечно, вспоминаете всегда Вашего незабвенного Ваню, нашего Ивана Коневского. По поводу него обращаю я к Вам и это письмо ¹.

Новое московское издательство «Лад» ² желало бы издать, в дополнение к изданной «Скорпионом» книге «Стихи и проза», небольшой сборник разных сочинений Вашего сына. В этот сборник, по плану, должны были бы войти те статьи из книги «Мечты и думы», которые не перепечатаны в книге «Стихи и проза», а также некоторые наброски и стихотворения, сохранившиеся в рукописи у друзей покойного, у меня, у моей сестры и др. Издательство просило меня обратиться к Вам с вопросом, дадите ли Вы Ваше разрешение на такое издание. Нечего говорить, что своим разрешением Вы очень обрадуете молодое издательство, которому хочется освятить одно из своих первых изданий дорогим ему именем Ив. Коневского ³.

Мне остается добавить, что издательство «Лад» — предприятие чисто литературное, чуждое всяких меркантильных расчетов, и что, в случае Вашего со-

гласия, издательство почтет долгом доставить Вам, раньше напечатания, каждый лист книги на просмотр.

Верьте моему глубокому и неизменному уважению.

Валерий Брюсов.

Москва, Цветной бульвар, д. 24.

¹ Брюсов не знал о кончине И. И. Ореуса, последовавшей 22 мая 1909 г.

² Об этом неосуществленном издательском предприятии см. ниже воспоминания Н. Я. Брюсовой.

³ Нового отдельного издания сочинений Коневского не состоялось.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СТАТЬИ В. Я. БРЮСОВА О КОНЕВСКОМ

О ОРЕУСЕ

Подготовка текста и комментарий С. И. Гиндина

Мы молоды, по древностью
Веков возвращены¹.

Именно таков поэт. Мудрое дитя*, вот его лучшее определение. Он начинает жизнь, и наивен и неопытен, как суждено ребенку во все времена, но ведает многое, чего еще недавно не постигали старцы-созерцатели. И удивленными очами смотрит юноша на мир.

Сияющие дни, родные встречи
И днесь, и искони —
Постигну ль тайну ясной вашей речи,
Сияющие дни?..
Откуда мне сие? — я вопрошаю².

То же^{2*}, как он говори(т) другому: «Ты миром удивлен, ты миром зачарован»³, — и как о себе «Я в зрелища вхожу неудержимо»⁴. Торжество этого настроения, сознание своего положения во вселенной, — это отрывок из «Варяга»:

Но над этой ширию ровной
Примощусь на уступе скалы,
Уцепившись с яростью кровной
За корявые сосен стволы⁵.

И другое в нем — что наз(ы)ва(ют) «мировоззрение». Это смелое и свободное сочетание всебожия с вопрос(ами?) личного бытия, пантеизма с монадологией. Его обожание природы везде, явно, всем ясно; во имя ее хотел бы он прогн(ать) и любовь: «Так — обнимусь я с женской красотой, Но через миг — с горой или с ручьем»⁶. Любовь к горам, ветрам, лесу, морю — то же, что у Шелли. Но столь же могуче в нем сознание своего я, *starres ich*⁷. И торжество этого сознания в его сонете «Сын Солнца» (Сын Солнца — олицетворение слияния с природой):

И потому сын солнца, ты не прав...
Нет, обмороков негу воспривая...
Ты не познаешь ввек изнеможенья,
Пребудешь ты ожесточенно-жив⁸.

И прав Ореус, избрав своим эпиграфом Rossetti:

* Было: Мудрый юноша

^{2*} Было: Именно

Around the vase of life, at your alone pace
He has not crept but turned it with his hands
And all its sides already understands⁹.

ГБЛ. Ф. 386, 3.21 (тетрадь № 41). Л. 9. Этот текст — набросок Брюсова к статье о Коневском, сделанный при жизни поэта, — написан на одном развороте с черновым вариантом его письма к Коневскому от 26 января 1899 г. (см. п. 4) и является развитием этого письма.

¹ Из стих. Коневского «Вечерняя думка» (1898 — МД. С. 173; СП. С. 46).

² Строки 1—4 и 9 из стих. Коневского «По дням» («Сияющие дни, родные встречи...» (1898 — МД. С. 201; СП. С. 50).

³ Начальная строка стих. Коневского, посвященного Ф. А. Лютеру (1898 — МД. С. 172; СП. С. 45).

⁴ Из стих. «К пластику» (1898 — МД. С. 196; СП. С. 53).

⁵ Четвертая строфа стих. «С Коневца» (1898 — МД. С. 57; СП. С. 36).

⁶ Из стих. «Многим в ответ» (1897 — МД. С. 29; СП. С. 29).

⁷ «Непреклонное я» (нем.) — название четвертого сонета из цикла «Сын солнца» (1896 — МД. С. 39; СП. С. 17).

⁸ Первая, седьмая, десятая и одиннадцатая строки заключительного сонета «От солнца к солнцу» из цикла «Сын солнца» (1896 — МД. С. 40; СП. С. 18).

⁹ Он не полз, подобно вам, вокруг вазы жизни, но, взяв в руки, повернул и постиг все грани ее.

ИВАН КОНЕВСКОЙ

(1877—1901)

Подготовка текста и комментариев В. Я. Мордерер

«Вот первая смерть, нами оплакиваемая»¹, — эти слова Пушкина о Дельвиге мы можем применить к И. Коневскому. Среди нас, защитников и проповедников «новой поэзии» в России, он был первым выбывшим из рядов. Он умер еще очень молодым, 23 лет, студентом университета. Все сделанное им в литературе было еще только начинанием, — «предвещаниями», по его собственному выражению. Но мы, знавшие Коневского ближе, верили в его будущее, считая себя вправе многого ждать от него. Среди поэтов, выступивших одновременно или несколько раньше, можно назвать более даровитых, т. е. более одаренных стихийной мощью творчества, но не было ни одного, который обладал бы такою подготовкою к своему делу, относился к нему так сознательно, как Коневской. В свои годы он успел, прочел, продумал всю художественную литературу двух последних столетий б(ольшей) ч(астью) в подлиннике. В области новейшей поэзии — французской, немецкой и английской — Коневской был, вероятно, одним из лучших знатоков в Европе. Много занимался он философией, читал и хорошо знал всех немецких мыслителей от Канта до Ницше. К поэзии, к искусству, Коневской относился как к религии*: творчество было для него не забавой, а делом жизни, строгой и великой работой, которой он сознательно посвятил свою жизнь.

ОРФЕЙ

Бакханки встретили Орфея
На берегу пустынных вод.
Он, замирая и немея,
Следил их медленный черед.

Но, опьяненны и безумны,
Почти до чресл обнажены,
Менады вторглись тенью шумной
В его задумчивые сны.

[Он, головой поникнув, сирый,
Их музыкой был сладко полн,
Он жалобам примолкшей лиры
Предпочитал размерность волн.]

Их тирсы зыблились, как в буре,
Взнеслись, как птицы, голоса,
И, словно пряди вставших фурий,
О груди бились волоса.

* Далее зачеркнуто: у него были строго продуманные и твердые взгляды на величие и святость дела поэта

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ О ВАЛЕРИИ БРЮСОВЕ»

Н. Я. БРЮСОВОЙ

Публикация В. Я. Мордерера

Коневского-Ореуса «открыл» Бальмонт. Привез в Москву его «Дебри»¹. Но с В(алерием) Я(ковлевичем) Коневской сблизился гораздо больше, чем с Бальмонтом. Коневской стал часто приезжать в Москву, и каждый его приезд был длительным пребыванием у нас. Неловок Ореус был до последней крайности. Иоанна Матвеевна предлагала ему обедать, он отказывался. Иоанна Матвеевна по доброте и гостеприимству настаивала. И Ореус не рещался объяснить, что он уже обедал и принимался с усилием, продолжая разговор и разливая суп на студенческий мундир, обедать. Стихи свои он читал по первому предложению В(алерия) Я(ковлевича). Читал всегда выпренным голосом, с пафосом, точно это стихи не Ивана Коневского, а Ломоносова или Хераскова. Внешней обстановки он как-будто не замечал. Раз, в один его приезд, мы поехали с ним в Сокольники. Возвращались на открытой конке. Мы с Иоанной Матвеевной сидели сзади, он с В(алерием) Я(ковлевичем) впереди. И вот он, не ощущая, видимо, случайных пассажиров рядом, спереди и кругом, с увлечением говорил об истории своего творчества и с пафосом декламировал «Небо, Земля, что за чудные звуки...» и «Я с жаждой ширины, с полнообразья жаждой...»². Когда он долго не приезжал, то присылал свои новые стихи. Коневского В(алерий) Я(ковлевич) ценил очень высоко и ждал от него очень многого. Когда пришла весть о гибели Ореуса, В(алерий) Я(ковлевич) не сразу сказал ее нам. Мы жили тогда на даче в Петровско-Разумовском, поздней осенью. Иоанна Матвеевна была сильно больна, и из-за нее мы не могли переехать в Москву³. Настроение у всех нас было самое грустное. Потом он однажды рассказал: «Очень плохие вести об Ореусе». — «Да, он умер». И потом еще говорил, что как странно было бы, если бы умерла и Иоанна Матвеевна, и они встретились неожиданно в смерти. Рассматривая последние стихи Ореуса, В(алерий) Я(ковлевич) говорил о том, как «печально было существование его в последние годы», «что только самые последние стихи (найденные в записной книжке на берегу реки Аа, где утонул Ореус), «Солнце на вершине мачты»⁴, снова счастливы». «Скорпион» издал посмертную книгу стихов Ореуса. Позднее мы с В(алерием) Я(ковлевичем) много раз собирались напечатать оставшиеся его рукописи (юношеские философские произведения, критические статьи по литературе, немногие, оставшиеся не напечатанными стихи); думали издать их в к(нигоиздательстве) «Лад» (наше с В(алерием) Я(ковлевичем) предполагавшееся издательство, которое так и осталось лишь предполагающим, только одна моя книжка напечатана под знаком этого издательства)⁵, но в конце концов рукописи так и не были напечатаны. У Ореуса не осталось никого из родных. В(алерий) Я(ковлевич) в свое время сносился с его отцом, прося разрешения печатать матерьялы, оставшиеся после смерти Коневского (отец раньше не позволял ему печататься под своей фамилией, считая, что ремесло стихотворца несовместимо с древним именем Ореусов). Но потом умер и отец, и не осталось никого, кто мог бы запретить, или захотел бы напечатать юношеские произведения Ивана Коневского.

Позднее у В(алерия) Я(ковлевича), мне кажется, вовсе не было друзей. Были товарищи по работе, были ученики, но и только. Самыми близкими в эти недавние уже годы, мне думается, были настоящие ученики, студенты ВЛХИ⁶.

Здесь публикуется отрывок из «Воспоминаний о Валерии Брюсове» сестры поэта Н. Я. Брюсовой, посвященных в основном взаимоотношениям Брюсова с А. Добролюбовым и И. Коневским (авторизованная машинопись с правкой, 1926?) — *ГБЛ*. Ф. 386, 12.47. Л. 8—9.

¹ Об обстоятельствах знакомства Брюсова с Коневским см. вступ. ст. к Переписке с Коневским, прим. 10. Здесь имеется в виду стих. Коневского «Дебри» (*МД*. С. 81; *СП*. С. 130).

² Речь идет о стих. Коневского «Воскресение» (*МД*. С. 13; *СП*. С. 2) и «Отрывок» (*СП*. С. 1).

³ После неудачных родов И. М. Брюсова была в очень тяжелом состоянии.

⁴ *СП*. С. 121.

⁵ См.: *Приложение 1*, Переписка с И. И. Ореусом, п. 26, прим. 2. Под маркой этого издательства в 1910 г. вышла работа Н. Я. Брюсовой: Наука о музыке, ее исторические пути и современное состояние. В книге анонсируется издание: Ив. Коневской. *Reliquiae* *. Второй том посмертного собрания сочинений (1894—1901).

⁶ ВЛХИ — Высший Литературно-художественный институт, с конца 1924 г. — им. Валерия Брюсова.

* В книге, очевидно, опечатка: *Relibūiae*.

ПИСЬМА ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ (1893—1899)

Вступительная статья, публикация и комментарии С. И. Гиндина

Предлагаемая публикация во многом отлична от остальных разделов данного тома, а пожалуй, и вообще от привычных нам стандартов издания эпистолярных текстов. Объединение писем по признаку местонахождения их автографов, их вхождения в общий архивный и творческий источник... Отношение к черновику письма не как к вынужденной замене отправленного варианта, а как к полноправному звену эпистолярного общения и объекту самостоятельной публикации... Расположение писем (не в избранном представлении эпистолярной, а в первичной полной публикации) не по адресатам, а по хронологии реального их написания... Эти и ряд других особенностей публикации могут показаться непривычными, недостаточно мотивированными, вызвать недоумение читателя.

Решающим подтверждением плодотворности избранных принципов построения послужит, надеюсь, сама публикация — почти сюжетная цельность и содержательное богатство представленного в ней эпистолярного памятника.

И все же представляется не лишним мотивировать их выбор [уже во вступительной статье.

В статье пять глав. В первой из них дана источниковедческая характеристика тетрадных писем. Показано, что они слагаются в некоторый единый комплекс — «эпистолярную антологию» молодого Брюсова.

Вторая глава содержит пример того, как этот единый комплекс позволяет узнать о своем авторе куда больше, нежели простая сумма сведений, содержащихся в каждом из писем в отдельности. Именно, оказывается, что при расположении в едином хронологическом ряду открывается картина согласованных изменений важнейших структурных, коммуникативных, содержательно-тематических свойств брюсовских писем. Опора на эти согласованные изменения позволяет построить четкую и во многом новую периодизацию жизни и творчества Брюсова в университетские годы.

Третья глава посвящена связям писем с их тетрадным контекстом. Открывая многообразные взаимоотношения между текстами различной жанровой природы, анализ писем в тетрадях дает веские аргументы против концепций, ставящих под сомнение органичность и целостность творческой личности Брюсова.

В четвертой главе на материале запечатленной в тетрадях творческой истории неосуществленных сборников «Мои черновые тетради» и «Мои письма» исследуется важная проблема вхождения писем в литературу, их превращения в литературное явление. В частности, рассмотрено такое своеобразное явление, как изначальная полиадресность бытового письма — своеобразный аналог известного феномена «дружеского литературного письма» пушкинской эпохи.

Наконец, пятая, заключительная главка отведена по обычаю «Литературного наследства» характеристике принципов отбора и передачи публикуемых текстов.

Глава 1

ЭПИСТОЛЯРНАЯ АНТОЛОГИЯ МОЛОДОГО БРЮСОВА

§ 1. СОРОК КЛЕЕНЧАТЫХ ТЕТРАДЕЙ

В богатейшем фонде Брюсова в *ГБЛ* особое место занимают четыре десятка клеенчатых общих тетрадей фабрики «Мюр и Мерилиз». Заполнялись они Брюсовым в 1892—1899 гг., т. е. во время учебы в последнем классе гимназии Л. И. Поливанова (тетради 4—5 и начало тетради 6 *primo*¹) и в Московском университете (окончание тетради 6 *primo* и тетради № 6

bis — 42) ². Это дало основание автору первого научного описания фонда, Е. Н. Коншиной, объединить их в одну группу, названную «тетради учебных лет», с тонкими тетрадами, содержащими гимназические сочинения и университетские рефераты Брюсова. Соответственно, и в характеристике содержания тетрадей на первое место были поставлены «черновики... ученических работ» ³. Но и сама Е. Н. Коншина указывала, что, «помимо» ученических работ, общие тетради «заполнены ранними творческими опытами в разных жанрах» и «поэтому ни один углубленный исследователь творчества Брюсова не должен позволить себе пройти мимо них» ⁴.

Внимательное знакомство с содержанием общих тетрадей ⁵ подтверждает справедливость последнего процитированного высказывания Е. Н. Коншиной. Хотя материалы к зачетным университетским рефератам и сочинениям в общих тетрадях довольно многочисленны, они не определяют полностью профиля ни одной из тетрадей, а в большинстве тетрадей буквально теряются среди материалов, никак не связанных с академическими обязанностями студента Брюсова. «Творческие опыты» щедро и широко представлены в каждой из 40 тетрадей — и отнюдь не только в «зачатках», «проектах и планах», «отрывках» и «попытках», как то казалось Е. Н. Коншиной ⁶, но и во вполне законченном и отделанном виде. Поэтому общие тетради этой группы, в отличие от тонких, гораздо правильнее будет именовать «рабочими» ⁷ — в них просто последовательно велась работа над всем, что интересовало и занимало молодого Брюсова. Тематическая и жанровая пестрота содержания «рабочих тетрадей» ⁸ отражает уже с юности отличавшее Брюсова многообразие интересов и творческих устремлений, свойственный ему особый «многополюсный» метод работы (см. ниже — гл. 3, § 1). Вместе с тем и соседство разных работ в одной тетради, и продолжение наиболее пространственных из них в нескольких последовательных тетрадях (вплоть до создания цикла тетрадей ⁹) подчеркивали принципиальное для Брюсова единство всех замыслов, как в фокусе сходящихся в личности автора и способствовавших процессу ее становления и формирования. Как известно, Брюсов долго был лишен выхода на страницы общей и литературной периодики, а многочисленные планы собственных издательских начинаний оставались нереализованными «по недостатку средств» ¹⁰. В этих условиях работа в тетрадях, а не на листах в какой-то степени давала Брюсову то ощущение непрерывности и размеренности своего литературного бытия, какое обычно достигается участием в периодике. Рабочие тетради в их совокупности превращались в подобие единоличного литературного и научного журнала, в творческий, рабочий дневник ¹¹ студенческих лет, дающий настолько кардинальные дополнения к брюсовскому дневнику в собственном смысле этого слова, что И. М. Брюсова в одной из неопубликованных заметок призывала «при чтении дневников все время помнить о существовании творческих тетрадей поэта за те же годы» ¹².

§ 2. ПИСЬМА В РАБОЧИХ ТЕТРАДЯХ

Среди других многочисленных и многообразных материалов немалое место занимают в рабочих тетрадях и письма ¹³. Формы их «тетрадного бытия» очень различны. Единичные письма включены Брюсовым в краткие перечни важнейших материалов, которые он, заканчивая или бросая очередную тетрадь, помещал обыкновенно где-то на последних ее листах или на заднем форзаце. Значительно большее число писем, уже не единицы, а десятки, выделены из непрерывного тетрадного контекста предупредительными пометами-заставками, включающими указание на жанр или фамилию (реже имя или прозвище) адресата: «Письмо к Бальмонту», «Письмо Зое», «Схема письма...», «Из письма к Жене» (в нашей публикации наличие таких помет оговаривается в преамбуле к комм.). Другие не имеют таких заставок, но все же четко выделяются из контекста благодаря более или менее стереотипным формулам обращения или же концовке-подписи. Формулы обращения могут содержать именование конкретного адресата: «Вы когда-то говорили мне, уважаемый Константин Дмитриевич», «Ай-я-яй, Вера Петровна...» и т. п. Однако во многих случаях такое именование отсутствует. Наконец, в наиболее сложных случаях письмо может не содержать никаких стандартных реквизитов и эпистолярный характер материала выявляется только при полном знакомстве с его содержанием. Предельный образец такого типа составляют те письма, которые вообще никак не выделены из тетрадного контекста и могут быть замечены и опознаны лишь при полном прочтении объемлющего их неэпистолярного материала. Таковы в особенности п. 15 к А. М. Добролюбову и п. 6 к В. И. Герье.

БРЮСОВ

Фотография. Москва, начало 1900-х годов

Литературный музей, Москва

В результате сплошного просмотра и росписи содержания тетрадей нами было выявлено свыше 190 эпистолярных материалов (во избежание субъективности в этом подсчете материалы, представляющиеся мне вариантами или редакциями одного письма, учитывались как самостоятельные единицы). Адресованы они 50 адресатам, не считая адресатов условных. В среднем на каждую рабочую тетрадь приходится по четыре письма, но распределение их не вполне равномерно. В некоторых тетрадях письма вообще не представлены, зато в других можно встретить по десять и более эпистолярных материалов¹⁴. И все же, несмотря на такие отклонения от неравномерности, письма продолжали попадать в тетради. Понятно, что возникновение столь крупного эпистолярного массива не могло объясняться действием причин случайных и кратковременных. Что же вынуждало Брюсова на протяжении шести с лишним лет, приступая к письмам, класть перед собой не лист почтовой бумаги, а толстую тетрадь в клеенчатой обложке?

§ 3. КОПИИ ИЛИ ЧЕРНОВИКИ?

В отличие от многих других речевых жанров письмо не предполагает воплощения в стабильном и сохраняемом у автора материальном носителе, какова общая тетрадь. Более того, самые задачи письма прямо противоречат идее такого носителя. Дневник — не важно, интимный, ведущийся для себя, или, скажем, дневник метеорологических наблюдений, по определению открытый для других читателей, — является серией повторяемых и однотипных коммуникативных актов. Поэтому для его ведения нужен материальный носитель, позволяющий объединять последовательные записи, — тетрадь или ящик, в котором бы накапливались карточки. Роман или трактат, в отличие от дневника, на такие однотипные части не распадаются, но зато по определению предполагают довольно значительный объем. Поэтому для рукописей произведений этих жанров также естественно воплощение на носителях типа тетради. Письмо же, как бы велико оно ни было, в принципе однократно и предназначено для отправки другому лицу, т. е. должно отрываться от автора. Комплектность письма также обычно не является предметом забот автора: во время транспортировки, а при желании адресата — и после получения она вполне обеспечивается таким внешним по отношению к письму средством, как конверт. Наконец, и серийное объединение писем по хронологическому принципу скорее свойственно адресатам, а не авторам: яркие примеры — тетрадь, в которую вклеивал Брюсовские письма А. А. Ланг, или подневная расклейка всех получаемых писем Ремизовым¹⁵. У авторов объединение писем если и возникает, то разве что как собрание копий (в былые времена этому способствовало такое канцелярское приспособление, как кошпоровальные книги).

Складывание у автора столь крупного массива собственных писем, как обнаруженный в рабочих тетрадях Брюсова, может в принципе объясняться двумя причинами: либо автор стремился сберечь письма для себя или для будущих читателей, либо он привык писать письма с черновиком, работая над ними и отправляя адресату не первоначальный, а выверенный и отделанный вариант. В первом случае перед нами опять-таки массив копий. Он имеет какую-то ценность только в тех случаях, когда отправленный оригинал письма оказался утраченным, да еще как свидетельство, что автор в силу характера или обстоятельств считал нужным снимать копии. Во втором случае перед нами массив черновиков, т. е., вообще говоря, не сами письма, а их проекты.

Зная сызмала проявившуюся страсть Брюсова к составлению собственного жизнеописания¹⁶, кажется, следовало бы ожидать, что преобладающими в его рабочих тетрадях окажутся именно копии отправленных писем. И если мы возьмем письма, попавшие еще до возникновения собственно рабочих тетрадей во вторую общую тетрадь «Мои стихи», содержащую переписанные в 1892 г. стихотворения 1891 г.¹⁷, то увидим, что это именно копии, воспроизведения ранее отправленных писем, сделанные по памяти или переписанные с не дошедших до нас черновиков. Иной раз данное обстоятельство специально обыгрывалось Брюсовым, так, тексту письма к Н. Эйхенвальду от 22 октября 1891 г. предшествует помета: «(Подлинник письма пока (30 ноября 1892 г.) еще хранится у Н. Эйхенвальда)»¹⁸. Включая письма в антологию собственного поэтического творчества, Брюсов специально комментировал их, рассказывая о событиях, предшествовавших написанию письма и последовавших за ним¹⁹, приводя в подстрочных примечаниях варианты и разъясняя отдельные выражения²⁰ и, главное, раскрывая связь писем со стихами, обращенными к тем же адресатам²¹. Собственно, именно эта связь и послужила причиной включения писем в собрание стихов: письма подлежали сохранению не сами по себе, а как нечто, проливающее дополнительный свет на обстоятельства возникновения стихов. Когда же для объяснения обстоятельств возникновения стихотворения достаточно было упомянуть о письмах или дать их суммарную характеристику, Брюсов не приводил из самих писем ни слова: «Я писал Елизавете Викторовне (. . .) длинные послания по 2—3 листа, наполненные философией (которую начал изучать) и поэзией. Не знаю, читала ли она их»²².

Тетрадь стихов 1891 г. составлялась, когда Брюсов еще был гимназистом, перешедшим в выпускной класс. И сами письма, и отраженные в них отношения еще во многом — игра, а свободного времени у гимназиста более чем достаточно. И если Брюсов и в этих условиях не относился к копированию и сохранению писем как самостоятельной задаче, то можно предположить, что оно тем более не стало таковой в рабочих тетрадях студенческих лет, в условиях все возрастающей загруженности реальными и безусловно серьезными занятиями.

И действительно, палеографические особенности свидетельствуют, что практически все

письма в рабочих тетрадах являются не копиями уже готовых, ранее написанных писем, а черновиками, т. е. предварительными материалами, возникшими в самом процессе сочинения писем, работы над ними. В этом отношении тетрадный эпистолярный массив согласуется с общим характером рабочих тетрадей как источника, отражающего не только и не столько конечный результат воплощения замысла, сколько самый процесс воплощения.

Особенно показательн, что рабочий характер сохраняют даже те немногие из тетрадных эпистолярных материалов, которые, как свидетельствуют предосланные им специальные пометы «Из письма к...», являются выписками из ранее завершенных писем. Казалось бы, уж выписки-то делаются именно для памяти, для сохранения. Но в тетрадах Брюсова они либо сразу используются в работе над другим письмом (такова выписка из черновика первого письма к Самыгину о статье Вл. Соловьева, сделанная при работе над вторым письмом по поводу той же статьи²³), либо, как п. 54, тут же в самой тетради вовлекаются в непосредственное обсуждение, становясь исходной точкой и составной частью более сложной и в целом уже неэпистолярной по своему жанру единицы. Когда же Брюсов стремился не к использованию письма в новой работе, а именно к его сохранению, он вписывал это письмо или его фрагмент не в рабочую тетрадь, а в дневник. Характерно, что в этом случае в дневник переписывалось даже такое письмо, полный черновик которого, не отличающийся от отосланного варианта, имелся в рабочих тетрадах²⁴.

§ 4. КОГДА БЕЛОВИКИ НЕ СОХРАНИЛИСЬ

Итак, письма из рабочих тетрадей — это черновики, возникшие не с потаенной мыслью о «вечности и искусстве», а естественным путем в процессе творческой работы над письмами. Казалось бы, такая квалификация предопределяет источниковедческое значение массива. Черновики, рассуждая теоретически, могут представлять научный и читательский интерес в двух случаях: либо 1) когда беловики не сохранились или их местонахождение неизвестно, либо 2) когда черновики или по содержанию, или по своим композиционно-стилистическим особенностям существенно отличаются от отправленного варианта письма. В первом случае черновик выполняет функцию замещения беловика, во втором — его дополнения (соответственно либо фактического, либо в аспекте творческой истории писем и психологии творчества). В следующих разделах мы увидим, что источниковедческая значимость брюсовских тетрадных писем далеко выходит за пределы, очерчиваемые названными критериями. Но и с точки зрения этих традиционных критериев значение тетрадных писем достаточно велико.

Как инструмент замещения неизвестных или не дошедших до нас беловиков писем тетрадный массив просто не оценим. Достаточно сказать, что тетради содержат многочисленные письма к А. М. Добролюбову и К. Д. Бальмонту, общение с которыми было ключевым для духовной и творческой жизни молодого Брюсова. Почти исключительно из рабочих тетрадей восстанавливаются письма к безвременно умершей Евгении Ильиничне Павловской, человеку незаурядного душевного богатства, отношения с которой были важной вехой в биографии поэта. И даже сравнительно хорошо сохранившаяся переписка с М. В. Самыгиным во многом обогащается благодаря тетрадам. А в совокупности письма к этим четырем «постоянным» корреспондентам дают, как убедится читатель, уникальную картину душевной жизни, духовных поисков и устремлений Брюсова второй половины 90-х годов.

Не дошли до нас беловики и довольно многочисленных в тетрадах писем к «разовым» корреспондентам²⁵, к лицам, не оставившим заметного следа ни в литературе, ни в собственной жизни Брюсова, таким, как Ф. Е. Зарин, А. Э. Бугон или А. В. Холмовский. И если письма к корреспондентам постоянным рисуют нам внутреннюю жизнь молодого поэта, то письма к «разовым» корреспондентам в своей совокупности позволяют сегодня восстановить панораму повседневных забот и занятий молодого литератора и издателя. В частности, именно письма этой группы впервые демонстрируют интенсивность и разнообразие организаторской деятельности Брюсова по собиранию молодых литературных сил вокруг сборников «Русские символисты». Раньше эти сборники могли представляться своеобразной полудомашней затеей, предпринятой лишь для удобства собственного дебюта. Публикуемые в предлагаемом корпусе письма к Зарину, Бахтину, Бугону, Приске де Ландель, Нодрину свидетельствуют, что для Брюсова выпуск альманахов был теоретически продуманной и энергично осуществляемой попыткой основать серьезный периодический орган нового литературного движения. Замысел оказался преждевременным — подлежавшие объединению литературные

БРЮСОВ В КРУГУ СЕМЬИ

Слева направо: мать поэта Матрена Александровна, Валерий Яковлевич, его жена Иоанна Матвеевна и отец Яков Кузьмич

Фотография. Москва, 1899

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

силы еще не народились. Но направление было угадано верно: всего лишь через несколько лет «Скорпион» станет успешно осуществлять практически ту же самую программу, которая, как показывают упомянутые письма, лежала и в основе «Русских символистов».

§ 5. ТЕТРАДНЫЕ ВАРИАНТЫ ИЗВЕСТНЫХ ПИСЕМ

Теперь о дополнениях, которые тетрадный массив вносит к уже известным брюсовским письмам. Писем, дошедших до наших дней и в своем окончательном, отправленном варианте, в тетрадах не так много. Это два из трех писем к А. А. Лангу, пять писем к А. А. Курсинскому, одно из двух писем к И. М. Рунт (п. 69), французское письмо к Н. Я. Брюсовой (п. 48), письма к Ф. К. Сологубу (п. 50) и В. К. Станюковичу, большая часть тетрадных писем к П. П. Перцову. Насколько существенные дополнения вносят в наши знания те из черновиков, которые сильно разнятся от опубликованных окончательных вариантов, читатель сможет увидеть сам: вошедшие в нашу публикацию письма к Перцову и Сологубу показывают, как рано сформировались кругозор и самостоятельная позиция Брюсова-критика. Но учет тетрадных писем зачастую важен и в тех случаях, когда их разночтения с опубликованными беловыми камп количественно невелики и исчерпываются отдельными фразами или даже частями фраз.

В письме к Вл. Вас. Гишпиусу от 29 января 1897 г. Брюсов в аннотированный перечень произведений Ф. Эверса включил и трагедию «Мессия», о которой сам заметил: «Кажется, не выпущена в свет». После перечня следовало: «Биографические сведения об Эверсе у меня были, но доставить Вам могу их только к марту»²⁶. В черновике письма в тетради 30 после фразы о биографических сведениях читаем: «Письмо Эверса с его автографом я передал одному гостю, который в посл(едний) м(есяц) выехал из Москвы»²⁷. Эта фраза черновика не только раскрывает источники поразительной осведомленности Брюсова, распространявшейся даже на не опубликованные сочинения Эверса, но и выявляет примечательный эпистолярный контакт молодых московских символистов с немецким поэтом²⁸, творчество которого привлекло пристальное внимание Брюсова (см. п. 16, прим. 6). Тем самым обогащается

представление о международных связях брюсовского кружка, которое создается на основе брюсовских писем, также из рабочих тетрадей, к Верлену и Приске де Ландель.

Другой пример. Сохранившийся в тетради 27 черновик письма к В. К. Станюковичу почти не расходится с отправленным вариантом, датированным 28 июля 1896 г.²⁹ Однако в самом конце его вместо: «буду писать стихи» — читаем: «буду писать стихи и гармонич(ную) прозу [(некоторая музыка(альность) стиха не имеет ничего общего с музыкай звуков)]»³⁰. Разночтение количественно невелико, а узнаем мы из него многое. Во-первых, выясняется, что творческие планы Брюсова на исходе первого периода (о периодизации жизни и деятельности молодого Брюсова, которую позволяют построить черновые письма, см. в гл. 2) включали не только стихи, но и прозу. Во-вторых, перед нами едва ли не самая ранняя из числа редких у Брюсова формулировок его стилистических пристрастий в области прозы (следующую см. п. 101 и прим. 6 к нему). Наконец, зачеркнутые слова — также едва ли не самое раннее из высказываний Брюсова по вопросам общей звуковой организации стиха, о которой он успел написать куда меньше, чем о ритме или рифме.

И даже в тех случаях, когда тетрадный черновик вообще не содержит никаких значимых отклонений от известного белого текста письма, он порой может дать нам очень важную информацию уже фактом своего существования и самой своей тождественностью с беловиком. Самый яркий пример здесь — печально знаменитое письмо Брюсова к Толстому³¹. Читателя этого письмо не может не поразить кричащее несоответствие между констатациями и претензиями автора. Брюсов прекрасно понимает, что Толстой и не мог знать о его взглядах на искусство. Более того, Брюсов признает, что в предисловии к «Chefs d'oeuvre» лишь «стоял на дороге», которая только в будущем «должна была» его «привести к тем же выводам», к которым пришел Толстой в трактате «Что такое искусство?». И все же он именует себя «предшественником» Толстого и просит, чтобы Толстой публично признал его, Брюсова, приоритет! Ясно, что подобное построение заранее обрекало письмо на неудачу: заявляя о приоритете, не делая признаний, перечеркивающих приоритет, а сделав такие признания, необходимо найти какие-то дополнительные основания для своих претензий.

Как могли возникнуть эти несообразности? Предположение, что Брюсов не владел эпистолярным этикетом или не понимал зависимости эффекта речи от ее композиции, опровергается тетрадными письмами к Э. А. Венгеровой или К. К. Случевскому (п. 23 и 99) и наблюдениями над построением стихов Державина и А. К. Толстого³². Подозрение, что автор письма просто хотел запатировать своего почтенного адресата, наталкивается на свидетельство И. М. Брюсовой о том, что Брюсов «с нетерпением ждал ответа от Толстого и очень переживал, что писатель так и не ответил»³³. Тогда, быть может, письмо писалось наспех, между другими делами, и автор не дал себе труда как следует продумать письмо и поработать над ним?

Подобное предположение находит известную опору в факте обесмысливающей описки «пришел и я» вместо «пришли и Вы» в отправленном варианте письма³⁴. Однако разрыв в два дня между датами дневниковой записи о письме³⁵ и отправленного варианта заставляет усомниться и в предположении о спешке или небрежности Брюсова. Решающий же аргумент дает как раз тетрадный черновик письма в тетради 34. Уже нижний, чернильный слой этого автографа воплощал замысел письма с достаточной полнотой и близостью к окончательному тексту³⁶. Брюсов тем не менее продолжал отрабатывать стиль, лексику, даже графическое воплощение письма. Отредактировав (карандашом) тетрадный черновик, он начал перебеливать письмо на почтовой бумаге³⁷. Беловик был дописан до конца, но по ходу работы в нем появились четыре мелких исправления. Отправить Толстому письмо с пометками Брюсов не захотел (хотя в письмах к другим адресатам пометки допускались). Более того, прежде чем вновь перебеливать письмо, он вернулся к тетрадному автографу и перенес в него все исправления, сделанные в отвергнутом беловике. С этого верхнего слоя тетрадного автографа, ставшего третьим вариантом письма, и было произведено окончательное перебеливание.

При такой тщательной отработке письма возникновение в процессе переписывания полностью готового текста обесмысливающей его описки можно объяснить никак не спешкой или небрежностью, а лишь душевным состоянием автора письма. Записывая в дневнике 18 января, что он «успокоился» после «отчаяния», в которое его повергли совпадения некоторых положений толстовского трактата «Что такое искусство?» с собственными заветными мыслями³⁸, Брюсов принимал желаемое за действительное. На деле им по-прежнему владело самое крайнее волнение (о его причинах мы поговорим чуть дальше). Оно помешало и заметить допущенную описку, и трезво оценить адекватность письма поставленной цели.

§ 6. ТЕТРАДНЫЙ МАССИВ КАК ЦЕЛОЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИСЕМ В ТВОРЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Итак, тетрадные письма действительно выполняют типичные для черновых писем функции дополнения и замещения отправленных беловиков. Для полной характеристики их источниковедческого значения надо учесть еще по крайней мере две функции, выполняемые, как представляется, уже не отдельными письмами, а всем тетрадным массивом в целом. Это функции *погружения* писем в творческий контекст и *ранжирования* писем по их биографической и содержательной значимости.

Первую из этих функций тетрадный массив выполняет исключительно благодаря особенностям своего материального воплощения. Будучи записаны не на отдельных листах, постепенно скапливавшихся у автора, и не в заведенных исключительно для писем специальных записных книжках, а в рабочих тетрадах, тетрадные черновики дают возможность восстановить круг тех раздумий и замыслов, среди которых письма рождались и от которых они, казалось бы, окончательно оторвались, уйдя к адресату. Порой такое возвращение приводит к выявлению внутренних связей именно между эпистолярными материалами, возникновению своеобразных «гнезд» писем, связанных общностью замысла и временем создания. Но еще чаще таким образом устанавливается связь писем с произведениями других жанров. Хронологические и содержательные связи, которые при знании одних лишь беловиков писем приходится реконструировать, в тетрадах получают материальное, наглядно-пространственное воплощение. Сличение соседствующих, а иногда и прямо пересекающихся или внедряющихся друг в друга эпистолярных и неэпистолярных материалов позволяет прояснить умонастроение и творческий настрой, в которых создавалось то или иное письмо, а главное, выявить содержательные переклички и генетические связи между письмами, с одной стороны, и статьями, рефератами, дневниковыми записями и художественными произведениями — с другой (см. гл. 3, специально посвященную данной проблеме).

§ 7. КАКИЕ ПИСЬМА ПОПАДАЛИ В ТЕТРАДИ

Если третья функция связывает тетрадные письма с их творческим контекстом, как правило неэпистолярным, то четвертая функция, ранжирование писем по значимости, проецирует тетрадные письма на всю совокупность брюсовских писем рассматриваемого периода, эпистолярное творчество Брюсова в целом. Поставим простой вопрос: а все ли письма попадали в рабочие тетради? Даже по материалам, публикуемым в настоящем томе «Литературного наследства», видно, что далеко не все: нет в тетрадах черновиков большинства писем к Курсинскому, многих писем к Самыгину, почти всех писем к Ноздрину, о существовании которых свидетельствуют встречные письма. Учет же не только опубликованных, а всех известных на сегодня писем молодого Брюсова сделает несоответствие еще более разительным: полторы сотни единиц тетрадного массива — лишь небольшая часть брюсовского эпистолярного творчества 90-х годов.

Тогда возникает другой вопрос: а какие именно письма попадали в тетради? Как производился отбор? Само собой, этот отбор был вполне естественным и произвольным: никакой осознанной концепции, никаких твердых правил, определявших, где писать очередное письмо, у Брюсова не было. Но стихийное — совсем не всегда случайное. Если бы включение — невключение в тетрадь определялось случайными факторами — например, тем, какая бумага подвернулась под руку, — то письма ко всем адресатам попадали бы в тетрадь с примерно одинаковой частотой. Количество писем к тому или иному адресату, вошедших в рабочие тетради, в этом случае составляло бы всегда некую постоянную долю от общего числа писем к этому адресату. На деле же все обстоит совсем иначе. Переписка с Дангом была очень интенсивной, а в тетради попала ничтожная доля — всего три письма. Напротив, Коневскому за время ведения тетрадей было написано всего два письма — и оба они представлены в тетрадах. Отцу Брюсов летом 1896 г. писал куда чаще, чем Добролюбову, но все, кроме одного, письма к Добролюбову, о существовании которых нам вообще известно, есть в тетрадах, а писем к отцу в них вовсе нет. Эти и многие аналогичные сопоставления показывают, что факт попадания черновика письма в рабочую тетрадь, при всей его произвольности, определялся отнюдь не случайными причинами. В процессе выбора места для работы над письмом была своя логика и достаточно регулярные тенденции.

В самой общей форме ответ на вопрос, почему те или иные письма попадали в тетради, очевиден. Коль скоро тетрадный массив почти сплошь состоит из рабочих черновиков, значит, в тетради попадали главным образом те письма, над которыми Брюсов испытывал потребность работать. Вот почему в тетрадях почти нет писем к Лангу и совсем нет писем к отцу: непринужденность отношений или сравнительная простота тематики позволяли Брюсову писать к ним прямо набело. И все же приведенная общая формула ответа остается недостаточной. Цели работы над письмом могли быть многообразны: уяснить самому себе сложное содержание будущего письма, найти ему как можно более точную формулировку, отработать композицию письма. Но почему Брюсов регулярно видел необходимость в работе над письмами к одним адресатам и не видел ее, садясь за письма к другим? Почему письма к одному и тому же адресату в одном случае попадали в тетрадь, а в других нет?

Чтобы ответить на эти вопросы и отыскать критерии, руководившие обращением Брюсова к тетрадям при работе над письмами, рассмотрим по отдельности три группы писем: 1) письма «регулярного представления», т. е. к тем из многократных адресатов, переписка с которыми отражалась в тетрадях систематически или даже полностью; 2) письма к разовым корреспондентам, т. е. к лицам, с которыми Брюсов обменялся одним-двумя, редко тремя письмами; 3) письма «выборочного представления» — когда из многих писем к некоторому адресату в тетради попадают лишь отдельные, единичные письма.

К первой группе относятся в тетрадях письма к четырем лицам — к Добролюбову, Бальмонту, Павловской и Перцову. Совершенно очевидно, что другие постоянные корреспонденты и адресаты Брюсова 90-х годов, письма к которым попадали в тетрадь лишь выборочно, — Курсинский, Станюкович, Ланг, — не могут идти ни в какое сравнение с данной четверкой по интенсивности и глубине общения и, главное, по важности своей роли в судьбе и творчестве Брюсова. Роль Бальмонта и Добролюбова (как и Кожевского, о котором речь ниже) была признана самим Брюсовым в «Автобиографии»³⁹, роль Павловской выявляется лишь сейчас, именно на основе печатаемых здесь писем и использованных в комментариях неопубликованных дневниковых записей. Перцов, в отличие от названной тройки, в повседневный ход брюсовского существования почти не вторгался. Но, быть может, именно благодаря этой отстраненности от быта и постоянной пространственной разделенности переписка с ним стала средоточием откровенных высказываний Брюсова по важнейшим для молодого поэта литературным и теоретическим вопросам.

Перейдем к разовым корреспондентам. Эпистолярные контакты с ними не были продолжительными, но, как правило, возникали в связи с теми или иными значительными, иногда поворотными событиями в жизни Брюсова, с какими-то важными, сильными переживаниями.

Так, письмо П. П. Боброва, ответом на которое стало п. 7, касается, казалось бы, вопроса пустякового — присланных Брюсовым шахматных задач. Но для Брюсова то был первый полученный им ответ от редактора периодического издания — безусловное событие для человека, имя которого уже начали, в связи с выходом «Русских символистов», трепать в прессе и который уже накопил грустный опыт обивания редакционных порогов⁴⁰. Поэт Федор Зарин не сыграл в биографии и творчестве Брюсова никакой особой роли. Но в момент, когда писалось п. 9, он был единственным, кого Брюсов сам пригласил к участию во втором выпуске «Русских символистов». От того, согласится ли Зарин, во многом зависело, каким быть этому выпуску, а в определенной степени — и будущее направление издания. Вот почему письма и к Боброву, и к Зарину были первоначально отработаны в тетрадях. Отклики на прочитанные произведения разовых адресатов попадали в тетради также в тех случаях, когда эти произведения воспринимались Брюсовым как событие в собственной жизни. Таково, напр., письмо-отзыв на тетрадь стихов Кожевского (см. о нем ниже, в гл. 3).

С важнейшим моментом душевной и творческой жизни связано и появление в тетради черновика письма к Толстому. Сличение вариантов этого письма позволило в пятом разделе сделать вывод о сильнейшем волнении, владевшем Брюсовым вплоть до самой отправки письма. Понять, почему Брюсов был в таком состоянии и столь остро переживал «совпадения» со своими мыслями, обнаруженные им в трактате Толстого, можно лишь в том случае, если мы осознаем, что для Брюсова на карту было поставлено нечто значительно более важное, чем приоритет «робких» и «путаных» формулировок из давнего предисловия, о которых шла речь в письме. Под угрозой оказалась самобытность всей системы его эстетических взглядов, оригинальность платформы создаваемого им поэтического направления. Ведь в формулировках, «совпавших» с толстовскими, была намечена суть подхода, который Брюсов собирал-

ся положить в основу обещанного в предисловии к «Шедеврам» «исследования по эстетике», с написанием которого он медлил именно потому, что придавал ему очень большое значение: «Я продолжал искать и не смел верить»⁴¹. Появление трактата Толстого, намеренно ставшего предметом общих толков, существенно и драматически меняло ситуацию: отныне исследование Брюсова, появившись оно хотя бы в относительно близком будущем, неминуемо должно было восприниматься на фоне этого трактата. И обнаружив критику и журналисты достаточно уже понаторевшие в окарикатуривании Брюсова совпадение с идеями Толстого, они немедленно истолковали бы это совпадение как «заимствование» у великого писателя — «ибо кто помнит предисловие к осмеянной всеми книжке стихов»⁴². Подобная квалификация могла оказаться роковой не только для судьбы нового сочинения, а и для всего литературного пути Брюсова: даже если бы его миновало обвинение в «плагиате», что может быть губительнее для основателя нового направления, чем констатация неоригинальности его идей, тем более в кардинальном вопросе о сущности искусства? Недаром и в «О искусстве», когда соображения приоритета уже не будут иметь для Брюсова прежнего значения⁴³, он все же сочтет нужным оговорить в преамбуле: «Полагаю, меня не сочтут последователем Толстого. Эта книжка никак не развитие его мыслей (. . .) Мы исходим из общего положения, но идем к выводам противоположным» (VI, 44). Насколько же острее должна была ощущаться потребность в самозащите в момент письма к Толстому, когда будущая книга еще не могла говорить сама за себя!

Наконец, и письма выборочного представления, как правило (об исключениях см. § 8), писались в тетрадах тогда, когда были связаны с серьезными моментами в развитии отношений с адресатами или же с событиями и переживаниями, важными для всей духовной жизни автора. Так, последнее из отраженных в тетрадах писем к Лангу⁴⁴ связано с едва ли не единственной крупной ссорой между друзьями, с необходимостью «выяснить отношения». Единственное попавшее в тетради письмо к Станюковичу также ставило целью «исправить крайности и самообманы»⁴⁵ прошлых писем и дать другу как можно более точное изложение очень важных проблем своей жизни и мировоззрения. Из писем к Самыгину тетрадные эквиваленты имеют те, которые посвящены принципиальным и необычайно важным для Брюсова мировоззренческим вопросам, а также письмо, в котором описан едва ли не трагичнейший из моментов личной жизни — последняя встреча с умирающей Павловской. В начале переписки с Н. Н. Бахтиным тот был для Брюсова важен и нужен как потенциальный участник альманаха, получение его отклика на первый выпуск «Русских символистов» было для начинающего издателя событием. Вот почему и первое ответное письмо Бахтину (п. 11) Брюсов сначала обрабатывает в тетради. Но затем контакты с Бахтиным становятся для Брюсова привычными, и последующие письма к нему⁴⁶ в тетради не попадают.

Итак, все три группы писем объединены одним и тем же ценностным фактором: это письма, связанные с чем-то особенно *значимым, существенным* в жизни или творчестве Брюсова. Источник значимости, важности может быть различен — письмо может быть адресовано к наиболее близким или ценным людям или посвящено самым заветным темам, вызвано сильными переживаниями или особо значительными событиями, может сопровождать ответственный поступок или само по себе составлять такой поступок. Но какой-то из перечисленных аспектов присутствует в большинстве тетрадных писем (о природе исключений речь пойдет в следующем параграфе). Вот почему тетрадный массив своим составом отражает существовавшую в сознании Брюсова иерархию писем, а отчасти и их адресатов. Тетрадные письма — это естественно сложившаяся *антология* писем, наиболее важных и наиболее ответственных для их автора.

§ 8. ДНЕВНИК В ПИСЬМАХ

Заключая в себе письма, связанные с существенными *вехами* биографии и духовной жизни их автора, тетрадный массив в определенной степени приобретает характер не просто эпистолярной антологии, но и своеобразного *дневника в письмах*. Этому в немалой степени способствует и произвольный, естественный характер отбора, и то обстоятельство, что отбор производился в процессе писания писем, а не после их написания или отправки (и тем более не много лет спустя), «Дневниковость» тетрадного массива подтверждается отмеченным выше фактом переноса некоторых писем в собственно дневник и довольно частыми случаями взаимопроникновения и взаимопорождения между тетрадными письмами и дневниковыми записями (ср. п. 69, преамбулу к комм. и п. 100, прим. 9, 13). Но еще в большей степени о «дневниково-

сти» тетрадного массива свидетельствует характер попавших в него «неважных», проходных писем и сравнительное обилие в нем писем неотправленных.

Как правило, авторы дневников стараются отмечать в них то, что представляется им важным, достойным сохранения. И все же, поскольку дневники обычно ведутся стихийно, по горячим следам происшедшего, значимое в них всегда перемешано с второстепенным. Зачастую именно малозначащие факты и детали сообщают дневнику ту жизненную достоверность, бытовую и психологическую заземленность, без которой «важные» факты и мысли казались бы повисшими в воздухе и напоминали бы не дневник, а именно загодя составляемую для потомков «автохрестоматию». Тетрадный массив брюсовских писем в этом плане не составляет исключения. Например, письма З. А. Венгеровой (п. 23) или г-же Ирме (п. 20) трудно считать особенно важными. Они попали в тетради просто потому, что пришли на ум во время какой-то другой работы и были записаны на ее полях. Но при всей случайности своего попадания в тетрадь и может быть даже благодаря этой случайности такие письма сохраняют обаяние дневниковой подлинности, непреднамеренной реальности, врывающейся в записи помимо авторского желания и контроля.

В совокупности такие «случайные» письма позволяют воссоздать уже не те важные вехи биографии и духовной жизни, которые отмечены «существенными» письмами, а повседневные занятия автора, подробности его общения с корреспондентами. Так, в тетради 10 (см. о ней п. 14, прим. 6) перед автографом психодрамы «Мать» — согласно авторской помете, это перевод пьесы немецкого драматурга Р. фон Меергейма «Eine Altromische Mutter» — и сразу после него находим два маленьких письма, датированных, как и сама пьеса, 11 августа 1894 г.:

«Уважаемый collega!

Я очень благодарен Мир(опольскому) за его приглашение от моего имени и буду очень рад видеть Вас у себя в субботу. Если Вы не заняты, то я жду Вас пораньше — часов в 6.

С уважением Валерий Брюсов

Адрес — Цветной бульвар. Дом Брюсова, против цирка, подъезд с улицы»⁴⁷;

«М(илостивые) Гос(удары)!

Не можете ли Вы переслать письмо, адресованное мне с месяц тому назад г. Добролюбовым в почтамт Post Restante? Адрес. Москва. Книжный Магазин А. Ланга. Кузнецкий мост дом князя Гагарина. Конверт для пересылки прилагаю»⁴⁸.

Оба письма попали в рабочую тетрадь, конечно же, не потому, что Брюсов над ними считал нужным «работать», а просто потому, что пришли в голову в процессе обдумывания пьесы. При всей своей незатейливости они доносят до нас любопытные подробности литературного быта, связанные с деятельностью Брюсова как издателя «Русских символистов». Адресат первого письма устанавливается по дневниковой записи, сделанной 16 августа 1894 г., в ближайшую к дате написания писем субботу — это участник *РС 2* и *РС 3* А. Э. Бугон⁴⁹. Из письма видно, что Бугон, к этому времени уже почти полгода известный Брюсову по своему письму и стихам (см. п. 8, преамбула и комм.), пришел к нему не по собственной инициативе, а по приглашению, если и не исходившему от Брюсова, то поддержанному им. Самый факт такого письменного подтверждения — любопытная деталь этикета общения молодых людей 90-х годов. В то же время приведенное письмо свидетельствует, что А. Ланг, которого при рассмотрении истории подготовки сборников «Русские символисты» обычно не принимали в расчет как сколько-нибудь самостоятельную силу, порой действовал по собственной инициативе⁵⁰. В результате существенно повышается степень достоверности данного в начале п. 15 объяснения причин появления искаженных сведений в интервью газете «Новости дня».

Второе письмо интересно как свидетельство тех дополнительных хлопот, с которыми сталкивался Брюсов, вводя между собой и читателями и авторами альманаха образ мифического посредника — «издателя» В. А. Маслова. «Москва, почтамт, до востребования» — было адресом именно Маслова (авторам, желавшим обратиться непосредственно к Брюсову, еще на обложке *РС 1* был сообщен его домашний адрес), следовательно, и данное письмо на почтамт было послано, конечно, от имени Маслова. Речь в нем идет, видимо, о том письме, которое А. М. Добролюбов упоминает во втором из его сохранившихся писем к Брюсову (см. п. 15, прим. 14). Но такого письма Добролюбова в архиве Брюсова нет — очевидно, просьба Брюсова о пересылке поступила на почтамт, когда срок хранения письма уже истек (что согласуется с упоминаемым Брюсовым временем получения добролюбовского письма на почтамте — «с месяц тому назад»). Столь позднее обращение «Маслова» на почтамт позволяет

предположить, что и процитированное письмо Добролюбова Брюсов получил с опозданием, возможно, из-за пребывания на даче.

Таким образом, и «малозначачие» письма не ослабляют, а напротив, лишь рельефнее подчеркивают «дневниковые» черты тетрадного массива. Наконец, решающую роль в придании тетрадным письмам именно дневникового характера играет обилие среди них неотправленных писем. Неотправленное письмо представляет собой особое коммуникативное явление, в котором во многом нейтрализуются основные различия между жанрами письма и дневниковой записи. Отправляемое письмо почти всегда адресовано кому-то другому, дневниковая запись в принципе пишется для самого себя (не рассматриваем здесь те случаи, когда дневник пишется сразу в расчете на потомков и фактически превращается в серию безответных писем). Неотправленное же письмо, какова бы ни была степень «присутствия» в нем адресата, остается, подобно дневниковой записи, текстом для автора. В подавляющем большинстве неотправленных писем из брюсовских тетрадей это сходство с дневниковой записью существенно увеличивается благодаря трем важным особенностям. Во-первых, многие из них Брюсов уже с самого начала писал, четко осознавая, что они не будут отправлены. В письме к Фриче (п. 29) об этом сказано «открытым текстом», но думается, что и письма к Ясинскому (п. 4) или к Герье (п. 6) Брюсов при всей своей безоглядной бравате вряд ли всерьез собирался отослать адресатам. Во-вторых, как правило, все такие неотправленные письма написаны по собственной инициативе (см. о категории «инициативности» гл. 2, § 3), не будучи стимулированы встречным письмом адресата. В-третьих, в них практически сведен на нет диалог с адресатом — один из важнейших признаков (см. гл. 2, § 4) жанра письма.

Квалификация тетрадного массива писем как эпистолярного дневника студенческих лет согласуется и с данной выше общей характеристикой самих тетрадей как «творческого дневника». Однако независимо от того, насколько убедительной покажется данная квалификация, читательская ценность этой естественно образовавшейся антологии писем молодого Брюсова и ее значение для изучения «трудов и дней» молодого Брюсова, как представляется, не подлежат сомнению. В дальнейших главах настоящей статьи будут намечены лишь некоторые направления такого изучения, связанные не столько с предметным содержанием писем, сколько с их местом в жизни Брюсова, в контексте рабочих тетрадей и в общем литературном хозяйстве их автора.

Глава 2

СТРУКТУРА ПИСЕМ И ВЕХИ БИОГРАФИИ

§ 1. ПИСЬМА ДОПОЛНЯЮТ ДНЕВНИК

Как целостное образование, тетрадный массив правомерно сопоставить не только с отправленными вариантами соответствующих писем, как то делалось в первой главе, но и с таким уже по самому жанру и замыслу целостным источником, как дневник поэта. Сравнение это можно вести опять же поэлементно, сопоставляя отдельные записи с отдельными письмами, а можно и «интегрально», сопоставляя общие картины жизни и творчества, создаваемые каждым из сопоставляемых источников как целым. Идею интегрального сопоставления, собственно, подказывал нам и сам поэт, когда собирался в одном из томов «будущего собрания сочинений» объединить — правда в «литературенных» вариантах — систематическое повествование о своей жизни, «Автобиографию», с ее эпистолярным отображением в книге «Мои письма» (см. об этом гл. 4, § 9).

Уже поэлементное сравнение показывает, что тетрадные письма дают нам множество новых сведений, не содержащихся не только в сокращенной версии *Дневников*, но и в полном оригинальном тексте брюсовского дневника⁵¹. Обогащая наше знание внешней, событийной канвы брюсовской жизни, письма одновременно позволяют глубже понять уже известные нам коллизии, по-новому увидеть пристрастия и взгляды поэта, черты его характера и направления деятельности, отношения с современниками и особенности творческого процесса. Приведу лишь несколько примеров, не тщась исчерпать фактическое богатство тетрадного массива, а только чтобы проиллюстрировать возможные линии его будущей разработки.

Содержащаяся в п. 100 реминисценция из «Чайки» Чехова поверхностна и ничего не говорит о брюсовском отношении к пьесе. Но сам факт присутствия Брюсова на премьере молодого Художественного театра в свете сделанного им ранее — причем со ссылкой именно

ДОМ, ГДЕ РОДИЛСЯ БРЮСОВ

Москва. Милютинский переулоч (ныне улица Мархлевского), д. 14

Фотография, 1980-е годы

на «Чайку» — признания об исключительности изобразительного мастерства Чехова (см. прим. 8 к тому же письму) безусловно предстает как неслучайный и возвращает нас к не завершенной пока дискуссии о подлинном характере брюсовского отношения к творчеству Чехова⁵².

О якобы начатой и тут же прерванной поездке в Самарканд (п. 47) в дневнике нет ни слова. Возможно, что перед нами очередная поэтическая фантазия, но даже и в этом случае ее возникновение важно как первый проблеск идеи бегства, ухода от опостылевшего повседневного существования, которая много позднее возникнет и в дневнике (см. п. 77, прим. 6) и, пройдя через п. 60, 77, 88, найдет поэтическое претворение в стихах «Третьей стражи».

Немало нового дают тетрадные письма и для понимания событий, казалось бы, достаточно подробно описанных в дневнике. Сравнив, скажем, п. 60 с приведенными в комментариях к нему выдержками из дневника, читатель увидит, что, хотя фактическая основа университетских столкновений Брюсова с профессорами и товарищами-студентами в дневнике изложена довольно полно, связанные с ними переживания значительно подробнее и ярче отразились именно в письме.

Обстоятельства встреч Брюсова с Добролюбовым в 1894 и 1898 гг. также хорошо известны из *Дневников*, но если раньше в литературе преобладала интерпретация, согласно которой все происходившее между ними было принято объяснять в основном нетерпимостью Брюсова, его «задетым самолюбием и стремлением главенствовать»⁵³, то п. 15 и встречные письма Добролюбова, цитируемые в примечаниях к п. 15 и 46, впрямую показывают, что «самолюбие и стремление главенствовать» в то время едва ли не в большей степени были присущи именно Добролюбову. В Брюсове же п. 15, пожалуй, едва ли не впервые открывает страстную жажду быть понятым, найти равного по силам друга-единомышленника и печаль разочарованный от того, что эта жажда оказывалась неудовлетворенной, — все то, что позднее отстоялось в не опубликованных при жизни строках:

На каждый зов готов ответить

И открывая душу всем,

Не мог я в мире друга встретить...⁵⁴

Впервые подробно выясняющаяся из писем 1896 г. история брюсовского финансирования несостоявшегося сборника Добролюбова «Одни замечания» показывает, с какой заботой и даже самоотверженностью Брюсов, традиционно представляющийся сухим, замкнутым и равнодушным, мог относиться к ценимым им людям, к их литературным делам. От этих писем и от позднейшего п. 85 тянется прямая ниточка к редко учитываемым даже специалистами воспоминаниям Гиляровского, свидетельствовавшего, что когда «сильно заболел», то «решил обратиться к единственному в Москве человеку — хоть вся Москва знакома — Валерию Яковлевичу»⁵⁵.

Тетрадный массив существенно расширяет наши представления о круге духовных интересов молодого Брюсова. Во многих письмах отразился его интерес к философии, настойчивое стремление к обретению собственного мировоззрения. Неожиданным может показаться место, занимаемое в письмах живописью. Сам Брюсов в заметке «В чем я считаю себя специалистом...» скромно отмечал: «Блуждая по Западной Европе, посещал музеи, кое-что узнал из истории живописи...»⁵⁶. Между тем речь памяти Серова⁵⁷, а также связь брюсовских исторических и историко-мифологических стихотворений с известными гравюрами и картинами на те же сюжеты⁵⁸ позволяли предположить, что изобразительное искусство значило в жизни Брюсова гораздо больше, нежели он сам признавал. П. 56 и 66 подтверждают, что посещения Эрмитажа и выставок современного искусства уже с юности стали для него душевной потребностью. Содержащиеся в письмах характеристики отдельных произведений изобразительного искусства дают представление и о глубине брюсовского вживания в них, и об оригинальности его восприятия.

Только из тетрадных писем узнаем мы и об отношении Брюсова к целому ряду произведений современной литературы. Едва ли не на первом месте здесь стоят п. 73 А и Б, в которых на редкость подробно охарактеризованы печатный конспект оксфордских лекций Бальмонта о русской поэзии и его же перевод поэмы Теннисона «Странствия Мальдуна». Если первым книгам стихов Бальмонта, от ярославского «Сборника стихотворений» до «В безбрежности», Брюсов посвятил специальные статьи, то его мнение о завершающей раннее творчество Бальмонта «Тишине» и о последних выпусках бальмонтовских переводов из Шелли мы узнаем только из п. 84, 86, 101. Письма о «Тишине» дают редкую возможность проследить динамику брюсовского восприятия — от первоначального верассуджающего погружения в поэтическую стихию книги к завершающему анализу и оценке с учетом общеметодологических положений.

Сообщая нам о биографических и творческих фактах, тетрадные письма и сами по себе являются такими фактами. Учет этого обстоятельства особенно важен в применении к письмам неотправленным, о которых, в отличие от писем отосланных, мы не можем судить ни по встречным письмам, ни по каким-то другим данным об отправке письма и о реакции адресата. Пусть эпистолярное общение с Ясинским, Герье, Поливановым, Фриче не состоялось, самое желание Брюсова обратиться к ним, содержание предполагавшихся бесед с ними, засвидетельствованные в тетрадных текстах, безусловно представляют принципиально важный факт внутренней жизни и биографии Брюсова. Кстати, именно неотправленные письма, наряду с п. 15, позволяют нам особенно живо ощутить темперамент молодого поэта (п. 6), ту страсть, которую он вкладывал в, казалось бы, достаточно рутинное литературное общение (п. 4), да и в свои литературные занятия (п. 29). Едва ли не впервые так зримо подтверждается в них та характеристика, что давал уже зрелому Брюсову Корней Чуковский: «О нем часто повторяют, что это был самый образованный литератор (. . .) в России. Но забывают прибавить, что источником этой феноменальной образованности была почти нечеловеческая страсть»⁵⁹.

Что же касается значения тетрадных писем как фактов творчества, то оно связано не только с их ролью питательной подпочвы собственно художественных и критических созданий Брюсова (см. гл. 3), но прежде всего с тем, что многие письма, особенно поздние, сами приобретают совершенно явственный художественный статус (см. наст. гл. § 7, а также гл. 3, § 4 — о п. 29).

§ 2. ТЕТРАДНЫЕ ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ПЕРИОДИЗАЦИИ

И все же главное значение тетрадного массива отнюдь не в отдельных сведениях, как бы интересны и значительны они ни были, а в цельной и удивительно полнокровной картине жизни Брюсова на одном из самых важных и плодоносных ее периодов. Конечно, по полноте и

систематичности сотня с небольшим писем, входящих в предлагаемую публикацию, и даже все эпистолярные материалы тетрадей не могут соперничать со многими сотнями регулярных записей, сделанных за тот же срок в дневнике. Однако меньшее фактическое богатство, как ни парадоксально это звучит, также оказывается определенным преимуществом «эпистолярного дневника». Бóльшая прерывистость и меньшая детализованность возникающей картины с лихвой окупаются той четкостью, с которой проступают в тетрадных письмах контуры основных этапов жизненного пути, духовного и душевного развития поэта.

При всей своей любви к мистификации Брюсов ни в дневнике, ни в письмах не занимался систематическим выстраиванием особой мифологизированной биографии, противопоставленной реальному повседневному существованию. Поэтому, несмотря на отдельные противоречия между ними (см., напр., комм. к п. 61), дневник и тетрадные письма в целом дают согласующиеся изображения своего предмета — реального жизненного пути их автора. Соответственно построение периодизации жизни и творчества молодого Брюсова можно начинать с любого из этих источников. Однако тетрадный массив оказывается в каком-то смысле источником более благодарным. Первая причина тому как раз его относительная бедность по сравнению с дневником: в нем уже произведен тот отбор наиболее существенного, который при работе по дневникам должен произвести сам исследователь. Во-вторых, при пользовании дневником исследователь может опираться в основном лишь на содержание дневниковых записей, а в тетрадном массиве возникает возможность исходить из показателей более объективных: изменений в структуре и поэтике писем.

Дневник Брюсова по своей структуре достаточно однороден, структурные показатели, на которые можно в нем опереться при определении внутреннего состояния пишущего, — длина записей и их частота — постоянно варьируют и не могут служить основанием для выводов о длительных промежутках времени. Единственное серьезное структурное изменение — исчезновение кратких подневных записей-хронографов, превращавших дневник в смесь собственно дневника и ежедневника, — произошло почти к концу занимающего нас периода. А в тетрадных письмах, хотя они структурно гораздо более многообразны, чем дневниковые записи, изменения различных признаков⁸⁰, с помощью которых можно охарактеризовать это многообразие, происходили, как увидим, согласованно и отмечали основные рубежи внутренней жизни автора.

Общий характер тетрадных писем менялся дважды: первый раз в начале осени 1896 г., второй — на исходе лета 1897 г. Изменению подвергались самые существенные особенности строя писем: коммуникативные, структурно-композиционные, содержательно-тематические, характеризующие только отдельное письмо и затрагивающие соотношение взаимосвязанных писем.

§ 3. ПИСЬМА 1893 — СЕРЕДИНЫ 1896 ГГ.: МНОГОАДРЕСНОСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ ОБЩЕНИЯ

Для первого периода (осень 1893 — август 1896 г., п. 1—48) характерно, что большинство писем — 28 из 48 — являются ответными, т. е. были написаны в ответ на некоторое встречное письмо адресата. *Инициативные* письма, написанные Брюсовым без какого-либо встречного коммуникативного стимула со стороны адресата, нередко (из 20—8) оставались неотправленными, а возможно, и с самого начала не предназначались к отправке и писались лишь как «воображаемая беседа» с адресатом. Показательно, что даже в единственном известном в данный период случае, когда реально состоявшаяся переписка с отечественным корреспондентом, Ф. Зариным, началась всецело по инициативе Брюсова, в тетрадь попало и подверглось обработке не первое, инициативное, а лишь второе, ответное письмо.

С преобладанием в тетрадях в первый период ответных, а не инициативных писем связаны еще две важные коммуникативные особенности совокупности писем этого периода: сравнительное обилие адресатов (*многоадресность* массива) и *заданность* круга адресатов *извне*. 48 тетрадных писем этого периода адресованы 27 различным адресатам, т. е. на каждого из адресатов приходится в среднем неполных 2 письма. Ни к кому из адресатов не устанавливается устойчивого тяготения. Брюсов в основном отвечает тем, кто пишет ему, а значит, не выбирает адресатов по свободной прихоти или особому влечению.

Таковы наиболее существенные из внешних коммуникативных особенностей тетрадного массива в первый период. Более глубинные черты эпистолярного поведения пишущего проявляются в том, как структура и содержание его ответных писем соотносены со структурой и

тематикой встречных писем, на которые он отвечает. Возможные здесь типы соотношений удобно описывать с помощью понятия *настройки* письма на тематику встречного письма-стимула. Если встречное письмо адресата содержало какие-либо вопросы (и эквивалентные им просьбы-пожелания), то настройка должна проявиться прежде всего в наличии ответов на эти вопросы. Если вопросов не было, то настройка должна проявиться прежде всего в развитии (напр., обсуждении, о других видах развития см. ниже при рассмотрении поэтических писем второго и третьего периода) той тематики, о которой писал адресат. Без такой настройки новое письмо автора, хотя бы оно и было формально объявлено ответным, фактически функций ответа не выполняет (ср. § 6) — это инициативное сообщение, начинающее новый виток эпистолярного общения или, точнее, открывающее возможность такого витка. А предшествующее письмо-стимул оказывается лишь поводом, зацепкой для выхода на этот новый виток.

Формальным проявлением настройки является высокая степень *лексико-тематической общности* между ответным письмом и письмом-стимулом, на которое дается ответ. Ее можно измерить с помощью понятий и методов, разработанных для описания семантической связности текста⁶¹. Но и без такой точной оценки всякий читатель тетрадных писем первого периода увидит, что степень их настройки на письма адресатов очень высока. Достаточно сопоставить, напр., письма к Зарину, Бахтину или Лялечкину с приводимыми в комментариях к ним фрагментами из писем-стимулов, чтобы убедиться, что в этот период Брюсов действительно отвечает своим корреспондентам, а не использует их письма лишь как повод для собственных излияний. Не случайно даже в инициативном п. 29 он попытался создать некий аналог настройки, начав письмо со специальной мотивировки обращения именно к данному адресату.

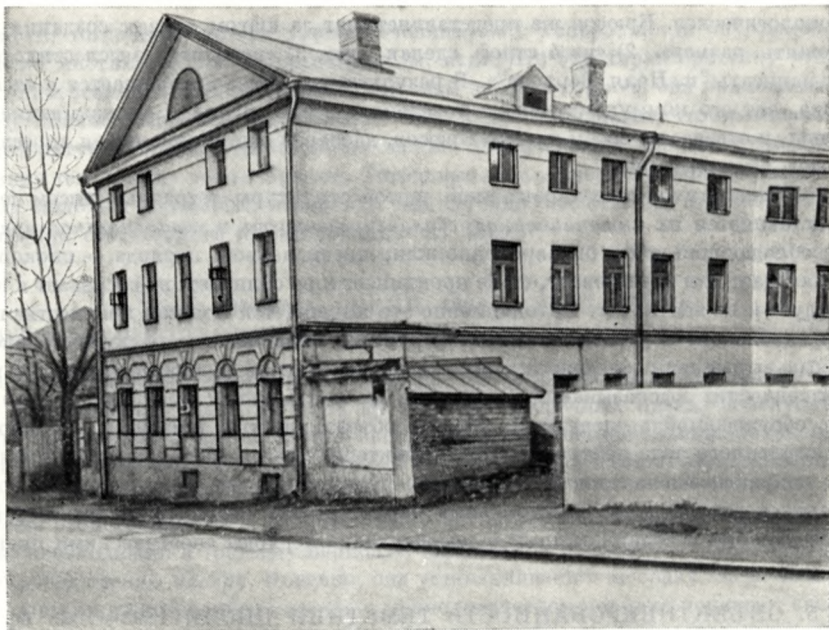
§ 4. ВНУТРЕННЯЯ ДИАЛОГИЧНОСТЬ И СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ПИСЕМ 1493—1896 гг.

Перейдем к особенностям внутренней структуры отдельного письма. Во всяком письме явно или неявно присутствует некоторый образ адресата, представление о нем. В частности, *коммуникативное представление об адресате* может создаваться в зависимости от того, цитируются ли и упоминаются ли в письме высказывания адресата и содержатся ли в письме прямые побуждения адресата к продолжению общения. В письмах *монологических* адресат предстает лишь как молчаливый восприимчивый сообщаемого, его высказывания не цитируются и не упоминаются, нет в нем и вопросов, предполагающих последующий ответ адресата. Чем больше высказываний адресата использовано в письме и чем больше побуждений адресата к высказыванию в нем содержится, тем оно *диалогичнее*. Диалогичность может быть реальной, когда цитируются высказывания, действительно ранее сделанные адресатом, напр. — в предшествующих письмах, а может быть и воображаемой, упреждающей, когда приводятся те высказывания, с которыми адресат мог бы выступить, если б уже знал те или иные положения письма, которое ему еще только предстоит получить и прочесть.

Большинство брюсовских тетрадных писем первого периода подчеркнуто диалогичны. В этом — структурное продолжение их содержательно-тематической настройки на встречные письма. Хороший пример реальной диалогичности доставляет п. 9 к Зарину, где сфера действия таких выражений, как: «Относительно Ваших условий...», «Вы пишете, что боитесь показаться солидарным с некоторыми крайностями декадентства» — и отсылающее к последнему: «Что касается того, что Вы боитесь оказаться в соседстве бесцветного поэта», — в совокупности охватывает практически весь текст письма.

Еще сложнее и ярче проявляется диалогичность в п. 15 к Добролюбову. Оно начинается прямой ссылкой на вызвавшее его к жизни письмо адресата: «Ваше письмо дышит упреком...». Затем идет последовательный разбор конкретных высказываний из письма Добролюбова и ответ на них: «Вы говорите, что (. . .) — как же могло быть иначе», «Вы просите прислать (. . .) но у меня...» В сущности, вся основная часть брюсовского письма есть такой непосредственный диалог с письмом Добролюбова, а последний ее абзац перед постскриптумами соединяет этот «разговор на бумаге» с собственно разговорами, происходившими во время пребывания Добролюбова в Москве.

До этого момента характер диалогичности п. 15, по сути, не отличается от диалогичности письма к Зарину. Первый постскриптум существенно обогащает диалогическую палитру: от ответа и защиты Брюсов переходит к «нападению». Сначала следует серия вопросов: «Читали ли Вы...», провоцирующая адресата к продолжению диалога, а затем — прямое побуждение:

ДОМ, ГДЕ БРЮСОВ ЖИЛ В РАННЕМ ДЕТСТВЕ

Мескья. Яузский бульвар (д. 10)

Фотография, 1970-е годы

«Так Вы пишете». Из ретроспективной диалогичность становится здесь проспективной. Наконец, третий постскрипtum совмещает в себе особенности основной части и первого постскриптума. Сначала Брюсов обращается к адресату с пожеланиями об интерпретации своего письма: «Не прочтите моих слов в ином смысле, чем я им придаю». Потом он возвращается к анализу прошлых высказываний адресата («Вы во многом упрекаете нас...»), и, наконец, в завершение письма следует новое, беспрецедентное по энергичности побуждение к продолжению эпистолярного диалога: «Отвечайте или будете прокляты».

Для тетрадных писем первого периода характерно и проникновение диалогичности в такие письма, которые по замыслу и обстоятельствам своего написания могли быть построены как сто процентно монологичные, а порой и кажутся именно такими. Скажем, первое письмо к Верлену (п. 1) по жанру — запрос и потому должно содержать побуждение адресата к продолжению диалога: «Не сообщите ли Вы мне...», в конце письма еще и усиленное: «Пожалуйста, поскорее». Но последнее письмо к нему, по своему жанру сопроводительное, диалога не предполагало вовсе. В первом варианте (п. 19А) никаких явных признаков диалогичности действительно нет. Зато во втором варианте (п. 19Б) Брюсов вводит просьбу об ответном письме: «Если б Вы нашли пять минут...» (цитирую перевод письма). Еще важнее, что во втором варианте появляется ретроспективный диалог с адресатом. Не имея возможности сослаться на высказывания из писем, которые были бы адресованы лично ему, Брюсов отвечает на утверждение, содержащееся в статье Верлена: «У Верлена нет последователей, сказали Вы однажды...». Тем самым неэпистолярное произведение использовалось в качестве эпистолярного стимула, а выбором произведения малоизвестного автор как бы давал понять, что все творчество адресата он воспринимает как личное послание к нему, Брюсову. Зерно этого ретроспективного диалога содержалось уже и в п. 19А — слова «в той мере, в какой Верлен *может* иметь учеников» были скрытой отсылкой к тому же самому высказыванию Верлена. Но там этот диалог мог быть замечен и оценен только адресатом, а во втором варианте он сознательно подчеркнут.

В п. 21 к Ф-ву превращение неэпистолярного речевого произведения в эпистолярный стимул становится уже основой конструкции всего письма. Брюсов не разбирает неудачный, с его точки зрения, перевод из Верлена как готовое литературное произведение — такой ход, гораздо более привычный в писательских письмах (ср. хотя бы п. 50), дал бы в итоге

письмо монологическое. Брюсов же представляет шаг за шагом *процесс* создания перевода: 1) «уничтожить размер», 2) «из 4 строф сделал две», 3) «исказить смысл стихотворения», 4) «сверху написать "из Поля Верлена"». В результате перевод превращается в *высказывание* переводчика, акт его коммуникативного поведения, и вот на это-то высказывание, понятое как поступок, и отвечает в своем письме Брюсов, добавок еще и приглашая адресата самого оценить свое высказывание.

Наряду с диалогичностью характерной чертой структуры тетрадных писем первого периода представляется их *интонационная сбалансированность* и *эмоциональная уравновешенность*. Преобладающий тон и одновременно жанр писем первого периода — спокойная беседа, автор сообщает или спрашивает, но не проклинает и не обличает, не воспеваает и не славит, не проповедует и не агитирует. Интонационно это выражается в малом количестве восклицательных предложений и усилительных конструкций, лексически — в редкости экспрессивно-оценочных выражений, содержательно — в сравнительной редкости душевных излияний и мировоззренческих высказываний, а также в их нейтральной модальности (что связано, конечно, с обсуждаемой в следующем разделе объективностью тематики). Уравновешенностью и определенного рода нейтральностью характеризуется и общее композиционное развитие писем, опирающееся на такие традиционные функциональные типы речи, как сообщение, повествование и рассуждение. Нейтральный характер этих структур станет особенно явствен в сопоставлении с возникающими в последующие периоды «поэтическими письмами».

§ 5. ОБЪЕКТИВИРОВАННОСТЬ ТЕМАТИКИ ПИСЕМ 1893—1896 гг. СКОНЦЕНТРИРОВАННОСТЬ НА ВОПРОСАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Многоадресность тетрадного массива и сильная настройка на встречные письма обуславливают в первый период определенную заданность содержания брюсовских писем извне, со стороны адресатов. Отсюда же и бросающаяся в глаза *разнородность их тематики*: каждое письмо тематически конкретно и в этой конкретности обособлено, письма различным адресатам не обнаруживают тенденции к объединению, группировке в тематические серии или гнезда.

Разнообразие и дробность конкретных тем не исключают, однако, возможности существования каких-то общих тематических направлений, силовых линий, предпочтений, объединяющих если не все письма, то значительную их часть. В этом плане самым существенным в содержании писем первого периода является *объективированность их тематики*, ее внеположенность по отношению к внутреннему миру автора. За исключением прозительных по искренности признаний в п. 6, 14, 15 и 48, а также хронологически предшествующих нашей публикации писем к М. И. Красковой (см. п. 3, прим. 6), Брюсов почти не касается своей душевной жизни, избегает посвящать адресатов в подробности своих человеческих взаимоотношений. Даже касаясь собственного творчества, он говорит преимущественно о внешней, объективируемой его стороне — о произведениях, об обстоятельствах работы над ними. Сообщение о своих новых стихотворениях в п. 32 по тону и характеру практически не отличается от следующего затем сообщения о новых стихах Курсинского, и даже связь новых стихотворений с сильными личными переживаниями упоминается здесь не для рассказа о переживаниях, а для констатации сделанного на ее основе общестетического вывода о связи поэзии с живой жизнью. Для дальнейшего (см. § 7) стоит отметить также *невывышенность*, реальность существования объектов и явлений, о которых идет речь практически во всех письмах этого периода.

В пределах возможного круга объективированных тем письма первого периода, в свою очередь, обнаруживают стойкое *тематическое тяготение* лишь к одной из сфер жизни — к *литературе* (прежде всего поэзии) и к литературной жизни. Брюсов оценивает произведения корреспондентов, высказывает мнения о печатных новинках, наблюдения над классическими произведениями и суждения о проблемах дальнейшего развития поэзии, сообщает о своих новых стихах и стихах своих знакомых, дает советы начинающим. Письма типа п. 12 к Биндасовой, дающего разностороннюю характеристику бытовой стороны жизни, или п. 3 к ней же, трактующего проблемы мировоззрения, в эти годы единичны и нехарактерны.

Много лет спустя К. И. Чуковский, публикуя адресованные к нему письма Брюсова, заметит: «Письма его ко мне чрезвычайно разнообразны и по сюжетам, и по душевным тонам, — но они, все без изъятия, посвящены исключительно стихам и поэтам, нововышед-

шим книгам, тогдашним литературным течениям...»⁶². Теперь, когда опубликованы письма Брюсова ко многим другим корреспондентам, ясно, что эту характеристику отнюдь нельзя считать универсальной. Но к тетрадным письмам первого периода она приложима настолько, как будто именно ими была подсказана. Чуковский, утверждая, что брюсовская «одержжимость литературой» была «чрезвычайно важна для формирования начинающих авторов», имел в виду тех, к кому писал Брюсов. Тетрадные письма первого периода, написанные 19—22-летним молодым человеком, позволяют нам сегодня сказать, что это качество было столь же важно для собственного «формирования» их автора.

§ 6. ПИСЬМА ОСЕНИ 1896 — ЛЕТА 1897 г.:

СУБЪЕКТИВИРОВАННОСТЬ, МОНОЛОГИЗМ, ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОКРАСКА

Итак, совокупность писем первого периода многоадресна, для них типичны ответный характер, диалогичность, настроенность на тематику встречных писем, объективированность тематики, прозаичность, интонационно-экспрессивная и эмоциональная сбалансированность, модально-оценочная нейтральность. Иными словами, перед нами *объективная эпистолярная манера* в лучшем смысле этого слова.

Письма второго периода, с октября 1896 г. по август 1897 г. (п. 49—72, п. 73 А—Б являются уже переходными к третьему периоду), напротив, в массе своей воплощают резко выраженную *субъективную манеру*. Конечно, она устанавливается не сразу. За п. 49 к Бальмонту, которое при чтении тетрадного массива в хронологическом порядке поражает своим контрастом с письмами первого периода, следует п. 50 к Сологубу, которое вполне могло быть написано и в первый период. Однако затем новые черты, сказавшиеся в п. 49, закрепляются и развиваются, оттесняют объективную манеру и начинают восприниматься читателем как доминирующие.

Прежде всего меняются внешние коммуникативные условия. Бросается в глаза заметное *ограничение круга адресатов*. В первый период этот круг был принципиально открытым и его размеры во многом определялись фактором, лежавшим вне автора: притоком встречных писем, требовавших ответа. Во второй период перечень адресатов тетрадных писем становится, по существу, закрытым и определяется прежде всего личными тяготениями автора: он пишет тем, с кем ему *необходимо* общаться. Подавляющее большинство тетрадных писем адресовано во второй период лишь трем людям — Бальмонту, Самыгину и Павловской.

С ограничением круга собеседников меняются и поводы к конкретным письмам. Заметно *увеличивается доля инициативных* писем, причем они уже не остаются достоянием эпистолярного дневника, как было в первый период, а предназначаются к реальной отправке. По своей инициативе Брюсов пишет письма не только к Бальмонту и Павловской, но и к такому «разовому» адресату, как Облеухов. Инициативным было и первое письмо к И. М. Рунт (п. 69), ставшее поворотным в личной судьбе поэта.

В тех же письмах, которые написаны в ответ на встречные письма адресатов, по сравнению с первым периодом резко *уменьшается настройка* на тематику встречного письма. Часть письма, содержащая действительные ответы адресату или разработку заданной адресатом тематики, как правило, значительно меньше той части, что отведена вполне «инициативным» излияниям и сообщениям Брюсова, а то и вообще сведена «на нет». Чужие письма в большой степени становятся лишь поводами для собственного высказывания. Наиболее чуткие из адресатов ощущают это весьма болезненно: «После получения твоих нескольких ласковых строк, посланных в ответ на мое письмо, но, по обыкновению, не заключающих никакого ответа (. . .)» — так резюмировала свои впечатления от брюсовских писем Е. И. Павловская⁶³.

Во внутренней структуре писем росту инициативности соответствует резкая убыль, почти полное *исчезновение диалогичности*. Коммуникативный образ адресата из писем практически исчезает. К концу периода это признает сам Брюсов: «Занятый своими печальями, я как-то теряю Вашу душу, только изредка возвращают мне Вас стихи в журналах» (п. 71Б). Цитаты из встречных писем встречаются в этот период в его письмах в настолько отрывочном, скрытом и зашифрованном виде (таково, например, восклицание «Бой быков!» в п. 51), что их с трудом воспринимаешь в качестве чужих высказываний и охотнее проецируешь на собственную образную систему Брюсова. Развернутый диалог, представленный в п. 52 к Павловской и в п. 61 и 65 к Бакулиной, также оказывается преобразованным и как бы снятым, упраздненным. В п. 52 это в значительной мере диалог упреждающий, в котором автор фактически сам

говорит за адресата (кстати, действительно предвосхищая еще не полученное им встречное письмо Павловской, см. преамбулу к комм.). В письмах к Бакулиной, если правильна предлагаемая в комментариях к ним гипотеза о составе ответа, основное содержание было изложено в исповедальном монологе п. 61, выданном за копию письма к другому адресату, а непосредственно обращенное к адресату п. 65 оказывалось кратким и формальным сопровождением.

В прямой связи с инициативностью и монологичностью писем второго периода находится и почти полная *субъективированность их тематики*, достигающая степени эгоцентричности. Главная и преобладающая тема большинства писем — сам автор, его переживания и заботы. Даже письма из Германии наполнены не столько описанием увиденного, сколько чувствами по поводу увиденного. Единственное яркое исключение — п. 50 к Сологубу, но ведь оно написано в самом начале второго периода и к тому же, единственное за весь период, фактически не было отослано, так как отправленный вариант не включал почти ничего из его содержания и был выдержан совсем в другой, формально-официальной манере.

В уже цитированной фразе из п. 71Б Брюсов, признавая эту эгоцентричность («Занятый своими печальми...»), одновременно указал и доминирующий эмоциональный тон писем второго периода, и преобладающую в них модальность взгляда на мир. Письма первого периода выше были названы сбалансированными. Письма второго периода вызывающе *односторонни*: это письма безнадежного *пессимиста*, письма-жалобы, письма-ламентации. Это проявляется и в их интонации («Грустно, без конца грустно!» — п. 69), и в лексике, и в прямых констатациях типа «Жить очень горько...» (п. 59), «Горько знать, что все возможное бесцельно, на единственное нужное нет сил» (п. 62).

§ 7. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПИСЕМ

Концентрация на собственных переживаниях, устойчивая эмоциональная окраска, преобладание монологичности типологически сближают письма второго периода с такой разновидностью художественной коммуникации, как лирика. Явное и крайнее свое выражение это сближение находит в возникновении во второй период совершенно особого феномена *поэтических писем*. Письма типа п. 59 или 66, сохраняя свое бытовое коммуникативное предназначение, в то же время до такой степени приобретают черты произведения художественного, что могли бы вполне быть сочтены за таковое, не зная мы об их генезисе и о существовании у них конкретного адресата. То, что в подобном выводе нет преувеличения, можно доказать конкретным примером, извлеченным из более поздней тетради 39. На обороте п. 82 и на одном развороте с п. 83 в ней записан такой неоконченный фрагмент:

«О чем Ты плачешь? глупый! Жизнь велика! Неужели хоть миг ты дума(л), что она кончается границей этой смерти? Как! Мгновенность, в которую даже нельзя передумать и перечувствовать всего смутно являющегося, дойти до конца еди(ной) мысли и исчерпать до изнеможения одно ощущение. Кто мог так думать? Где они?

О божественный Декарт! Тобой усвоенное доказательство бытия Божия [ст(оят)] распространит и на душу. Пот(ому что) душа, которая ищет бесконечности, не может быть конечной. Индийцы

Не бойт(есь) начинать работу — ибо конч(ите) ее после»⁶⁴.

Легко заметить, насколько этот фрагмент близок по содержанию к письму о невозможности, «искать предел» (наст. кн., Письма к Самыгину, п. 20), да и к п. 82. Последняя фраза также показывает, что отрывок мог начинать письмо к реальному адресату. Но обращение в начале фрагмента на «ты» трудно отнести к одному из конкретных адресатов брюсовских философских писем — и с Самыгиным, и с Добролюбовым, и с Бальмонтом он тогда был «на Вы». К кому же обращается здесь Брюсов? К самому себе? Или же к людям вообще? Перед нами автограф без жанровых определений и без указаний об адресате — и мы действительно не можем решить, что это — письмо конкретному адресату, «литературное» письмо к какому-то «обобщенному» адресату для книги «Мои письма» (см. гл. 4, § 7) или же стихотворение в прозе.

По контрасту с поэтическими письмами все письма первого периода, да и остальные письма второго, отчетливо начинают восприниматься как «эпистолярная проза», обретают ранее не вводившееся нами свойство *прозаичности*. Но при всей своей ощутимости свойство поэтичности не так легко поддается словесному определению и затрагивает, по-видимому, как содержательно-тематические, так и структурно-композиционные аспекты письма.

новичем Курсинским» (С. П. М. Из «Дневников» С. И. Танеева. Дневник за 1896 год // История русской музыки в исследованиях и материалах. М., 1924. Т. 1. С. 194). 9 июля 1896 г. на слова стихотворения Курсинского «Отрадно здесь в саду тенистом...» Танеевым была написана серенада для голоса, мандолины и фортепиано. При ее первом исполнении в Ясной Поляне партию мандолины вела Т. Л. Толстая (см.: ЦГАЛИ. Ф. 2743. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 66—69).

² Возможно, имеется в виду А. Б. Гольденвейзер. В статье «Из моих воспоминаний» он сообщает: «Я с Толстыми познакомился в 1896 г., летом 1896 и 1897 гг. бывал в Ясной Поляне и проводил там много времени с Сергеем Ивановичем как в музыкальном общении, так и в совместных прогулках и беседах. Мы неоднократно играли с ним Льву Николаевичу: исполняли фортепианные концерты, аккомпанируя друг другу, играли переложения для двух фортепиано различных произведений и, наконец, произведения специально для двух фортепиано» (С. И. Танеев. Материалы и документы. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 306).

³ Летом 1896 г. в Ясную Поляну приезжал К. Н. Игумнов и другие музыканты. Л. Н. Толстой отметил в дневнике за 19 июля 1896 г.: «Вчера переглядывал романы, повести и стихи Фета. Вспомнил нашу в Ясной Поляне немолкаемую в 4 фортепиано музыку, и так ясно стало, что все это: и романы, и стихи, и музыка не искусство, как нечто важное и нужное людям вообще, а баловство грабителей, паразитов, ничего не имеющее общего с жизнью» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 53. С. 101). В заметке «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» Курсинский рассказывает: «Служители муз — частые и желанные гости в Ясной Поляне. В то лето 1895 г., к которому относятся настоящие воспоминания, в Ясной Поляне гостил профессор Консерватории С. И. Т-ев. Редкий вечер обходился без музыкального исполнения. При всей строгости своих теоретических построений (книга об искусстве создавалась как раз в эту пору) Лев Николаевич никогда в реальной жизни не мог убить в себе художника, чуткого в высшей степени к музыкальным откровениям тех композиторов, которым произносил жестокий приговор в суровом уединении своего кабинета (Курьер. 1903. № 181. 28 авг.).

⁴ «Полный французско-русский словарь» или «Полный русско-французский словарь», составленные Н. П. Макаровым и выдержавшие много изданий.

⁵ Поэма «На развалинах», вошедшая в сб. Курсинского «Стихи».

⁶ Роман «Хмурое небо» Курсинский, по-видимому, не закончил. Текст романа нам не известен.

⁷ Об этой работе см.: *Неосуществленный замысел*.

⁸ Хронология работы Брюсова над этим сборником прослежена в статье В. С. Дронова «К творческой истории "Me eum esse"» (Чтения 1971).

27. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

29 июня 1896 г. Пятигорск
Valerius dixit ave *

Я прошу у Тебя, дорогой Александр Антонович, тысячу извинений, но... заехать к Тебе по дороге мне было невозможно, совершенно невозможно.

Затем прошу позволения писать письмо длинное: на чужбине я узнал, как сладостно получать письма, и сам стал разговорчивее в посланиях. Не помню точно, но думаю, что в прошлом письме я описал Тебе мое плаванье по Черному морю и все мои романтические приключения; теперь перехожу к здешней жизни.

Ты был прав, сказав, что я попираю ногой землю священную! Еще бы! Все время у меня перед глазами холм, который называется Машук, а на горизонте пригорок, который называется Бештау, «Бешту пирамидальный»¹. Затем есть у нас «беседка эоловой арфы», где никакой эоловой арфы не имеется², есть пещера Дианы³ — грязная каморка с надписью, что в таком-то году два итальянские путешественника взобрались на Килиманджаро (?)^{2*}, и есть «грот Лермонтова»⁴; сей последний загорожен решеткой, как клетка в зверинце, но сквозь прутья можно прочесть «стихотворение», высеченное на мраморной поставленной там доске. Стихотворение озаглавлено «Поэту М. Ю. Лермонтову» и подписано: «Мраморную доску поставил и стихи сочинил помещик Тульской губернии такой-то»⁵. Вот цитата:

...И ты (Лермонтов) тогда с звезды восточной
Сорвешь венец ее златой,
Возьмешь с цветов росы полночной
Ее (его?) усыпешь той росой,

* Валерий приветствует Тебя (лат.).

2* Знак вопроса в скобках поставлен Брюсовым.

мерованные части. Если обычно в письмах границы абзацев допускают определенные перемещения, то здесь нумерация закрепляет их, как бы уподобляя границам строф в поэзии. Но появление нумерации — лишь внешнее отражение принципиальных внутренних перемен в способах сцепления предложений, тематического развертывания письма, уже не подчиняющегося обычным нормам повествования или рассуждения.

Сравним два письма, посвященных разработке как раз универсальных положений, могущих составлять предмет и прозаических, и поэтических писем. В прозаических письмах тезисы, претендующие на универсальность, подлежат последовательному почастному разбору и проверке. Так, в п. 3 сначала демонстрируется, что разделение поступков на добрые и злые изменяется с течением времени, затем — что хорошие по замыслу поступки часто приводят к безусловно дурным последствиям. Из этих двух посылок делается общий вывод, что разделение на хорошее и дурное есть лишь некоторая условная норма, функционирующая в силу своего общественного признания, «общепринятости». А из максимы об условности делается вывод о праве личности не считаться с этой условностью и действовать, опираясь на собственные представления о хорошем и дурном. В поэтических же письмах каждое «положение» не выводится из предыдущего по законам логики, но лишь подхватывает и продолжает одну из тем, намеченных в предшествующей части письма. Если здесь и действует какая-либо закономерность изложения, то это *семантическое варьирование* и эмоциональное нарастание.

Присмотримся к способам развития тем в п. 59, напр., центральной в письме темы «отсутствия цели». Выдвинув в первой части тезис: «Обмануть себя, сказать, что есть цель, все же возможно», — Брюсов не доказывает его последовательно и логически, не подбирает к нему иллюстраций. Вместо этого во второй части вводится образ «сильных волей великанов» и говорится, что «мы», а значит, и автор, и его адресат, «не сумели им подражать», т. е. не обладают «сильной волей» — качеством, без которого немислимо достижение серьезных целей. К тому же автору «кажется, что все умерло», а в царстве смерти о «цели» говорить бессмысленно. В третьей части выдвигается программа «итти чтобы не оглянуться», и утверждается, что «другого» выбора «нет». Это фактически синонимическое перефразирование исходного тезиса об отсутствии цели. Еще одна подобная перефразировка дается в четвертой части: «Не надо, ничего не надо». Здесь же ведущая тема получает расширение и ударную концовку в заключающей письмо цитате из Тютчева: нет не только цели, но и творца и вообще смысла. Сходным образом, но в чем-то даже и сложнее развиваются в п. 59 две другие темы: параллельная центральной тема «плача», также пронизывающая все письмо, но проходящая через частичное отрицание и приводящая в итоге к антонимичной ей теме «мужества», и связанная и с «плачем», и с «целью» тема «сердца».

П. 66 может служить образчиком другого типа поэтического построения — не *сквозного развития*, а *ступенчатого переключения тем*. Темы этого письма условно можно обозначить: 1) «Я люблю тебя и мысленно стремлюсь к тебе», — 2) «Я читал твои письма Самыгину», — 3) «Метерлинк о видимых душах», — 4) «Моя душа недоступна единению», — 5) «Единение на высотах», — 6) «Картина Нестерова „На горах“». Каждая из этих тем в отдельности могла быть разработана в прозаическом письме, но их объединение в письме довольно малого объема оказывается возможным лишь благодаря их сцеплению по законам ассоциативного семантического навизывания и немедленного переключения. Следующая тематическая часть (в авторской рукописи все они, кроме пятой, отделяются тире) не связана с предыдущей какими-либо причинно-следственными или хронологическими отношениями, типичными для «прозаического» рассуждения или повествования. Вместо этого она лишь подхватывает одну из тем предыдущей части, но подхватывает только для того, чтобы при переходе к последующей оставить и эту тему, которая в письме уже более не возникнет. В итоге заключительная тема письма с начальной уже практически ничего общего не имеет.

§ 8. ПИСЬМА 1898 г.: ПРЕОДОЛЕНИЕ И СИНТЕЗ

Тетрадные письма августа 1897 г. к Бальмонту (п. 73А—Б) и сентябрьское письмо из Сорочинiec к Самыгину по хронологической смежности соблазнительно было бы отнести ко второму периоду. Между тем в них явственен возврат к объективной манере первого периода. Прежде всего все три письма представляют собой развернутое прозаическое изложение наблюдений над находящимися вне автора явлениями (лекции и переводная поэма Бальмонта) и впечатлений от поездки и от последней встречи с Павловской. Переживания, вызванные

встречей, куда глубже и серьезнее, чем связанные с пребыванием в Германии, и все же передача этих переживаний здесь не заслоняет повествования. Во-вторых, в новых письмах снят тот знак мировой скорби, под которым подавалось все в письмах второго периода. К автору как бы вернулась былая сбалансированность эмоций и отношения к миру. Поэтому их резоннее расценить не как продолжение и развитие второго этапа, а как начало или, во всяком случае, предвестие нового, третьего этапа. Оговорку о предвестии нас заставляет сделать наличие между этими письмами и следующими за ними п. 74—102 определенного хронологического зазора: ведь п. 74—75 относятся уже к концу января — февралю следующего, 1898 г. Такой разрыв, однако, не следует интерпретировать как свидетельство какого-то кардинального пересмотра Брюсовым своих эпистолярных навыков и устремлений. Просто в ведении «эпистолярного дневника» наступила естественная пауза, аналогичная той, которую в отношении собственно дневника констатировал 2 октября 1897 г. сам автор: «Недели перед свадьбой не записаны. Это потому, что они были неделями счастья. Как же писать теперь, если свое состояние я могу определить только словом блаженство»⁶⁵. Продолжение эпистолярной паузы после свадьбы определялось и тем обстоятельством, что сразу «отпали» два из трех главных адресатов тетрадных писем предыдущего года. В сентябре Брюсов уже простился со смертельно больной Павловской, и в оставшиеся четыре месяца ее жизни редкие письма к ней уже не попадали в тетради, а писались сразу на листках почтовой бумаги⁶⁶. Бальмонт же в середине ноября приехал в Москву, и неоднократные встречи на протяжении последующих полутора месяцев⁶⁷ временно сделали переписку излишней.

Письма, относимые к третьему периоду (п. 73—102), охватывают время с конца августа 1897 г. до конца всего тетрадного массива, т. е. до февраля 1899 г. Возврат к эпистолярным принципам первого периода, который мы готовы были усмотреть в п. 73А, Б, оказывается, как то обычно бывает, неполным: это возврат на новом витке развития, обогащенный наиболее ценным из приобретенного в промежутке между двумя сходными периодами. В письмах третьего периода, как представляется, мы имеем определенный синтез наиболее плодотворных начал обоих предшествующих этапов. Брюсов в целом действительно возвращается к объективной манере первого периода, но и субъективное начало второго не уходит совсем, а предстает как бы в очищенном и преображенном виде.

Количество адресатов в это время по-прежнему невелико, но все же круг их не так замкнут, как во втором периоде. Среди них вновь появляется Перцов, обрыв переписки с которым был одним из ярких проявлений конца первого периода. Входят в число тетрадных адресатов и те лица, общение и переписка с которыми станут особенно важными для Брюсова уже в «послететрадную эпоху», — И. Коневской и К. Случевский. Но основных, безусловно доминирующих адресатов по-прежнему трое, только вместо умершей Павловской в эту тройку вместе с Бальмонтом и Самыгиным теперь входит Добролюбов, отношения с которым именно в это время обретают настоящую внутреннюю наполненность и духовную значимость.

Сохраняется и сложившееся в предшествующий период относительное равновесие между ответными и инициативными письмами, свидетельствующее о брюсовской активности во взаимоотношениях с корреспондентами. Важно, что инициативными оказываются не только отклики на произведения адресатов (напомним прежде всего о черновике первого письма к Коневскому, специально разбираемом в гл. 3 — «В тетрадном содружестве жанров»). В письмах Брюсова — особенно показательны письма к Добролюбову — проявляется активная заинтересованность в судьбах адресатов, забота о них. Инициативны и многие реплики в философско-мировоззренческих дискуссиях с Самыгиным.

Объективность манеры, легко ощутимая после писем предыдущего периода, проявляется в двух главных группах писем третьего периода, однако совершенно по-разному. Одну группу составляют здесь «прозаические» письма с их объективированной тематикой и определенной степенью диалогичности, достигающей своего пика в последних письмах к Бакулиной и Перцову, а также в некоторых из писем к Самыгину. Другую группу составляют особенно многочисленные в этот период поэтические письма. На первый взгляд они кажутся прямой противоположностью прозаическим письмам: какая уж тут объективность, если все поэтические письма последовательно прозаически монологичны. Но содержание этих монологов существенно иное, нежели в излияниях второго периода. Все, о чем говорится в поэтических письмах третьего периода, пропущено через горнило личного опыта, но изложению подлежит не сам опыт, а его итоги, найденные в нем общезначимые истины: «Малый мир человека то же, что великий мир вселенной (. . .) Нет ничего иного целого» (п. 82), «Но закрытые глаза не избавят от виде-

ний»; «И будь это самый малый из всех, знающий не может не помнить, что кто-то ждет» (п. 83; данное письмо особенно наглядно воплощает этот переход от индивидуального биографического опыта к общезначимым философско-поэтическим выводам) и т. д. Перед нами *не исповедь*, как в монологах осени 1896 — лета 1897 г., а *проповедь*, которую, однако, самое содержание — доказательство равновеликости душ, — а также поэтическая форма избавляют от догматизма и принудительности, присущих обычно жанру проповеди. Объективность поэтических писем именно в содержании, а не в структуре.

И еще одно свойство объединяет прозаические и поэтические тетрадные письма третьего периода, решительно противопоставляя их письмам и первого, и второго периода: их эмоциональный тон и модальность выраженного в них отношения к миру. Единственное письмо второго периода, содержавшее подробный разбор чужих произведений, — п. 50 — было отослано фактически без этого разбора: «потеряв свое место в мире» (п. 69), Брюсов *не чувствует* за собой *права* на такой разбор. В третий период подобные разборы в изобилии, самое их появление, как мы видели, становится признаком перемены. И те монологи-проповеди, какими являются поэтические письма, в свою очередь, опираются на молчаливую презумпцию своего *права* на проповедь. Отсюда их *победительная*, мажорная *тональность*, так гармонирующая с выраженным в них взглядом на мир и жизнь, в конечном счете безусловно жизнеутверждающим. Эта тональность и это мироотношение — разительный контраст не только с растерянностью и пессимизмом писем осени 1896 — лета 1897 г., но и с эмоциональной и интонационной сбалансированностью писем конца 1893 — лета 1896 г.

§ 9. БИОГРАФИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПЕРЕМЕН ЭПИСТОЛЯРНОЙ МАНЕРЫ

Итак, мы видим, что весь тетрадный массив на основании вполне объективных свойств поэтики писем может быть подразделен на три четко выделяющиеся части. Каждая из них ввиду своей хронологической обособленности соответствует определенному этапу биографии и духовной эволюции Брюсова.

Первый этап — конец 1893 — лето 1896 г. Это время символистских «бури и натиска», когда юный поэт предпринимает энергичный штурм российского Парнаса, время его большой творческой активности и одновременно — ник его литературно-организационной деятельности. Общественное непризнание предопределяет конечную неудачу штурма, разочарование поэта и в собственных силах, и в своих сподвижниках. Конец этапа ознаменован составлением книги «*Me eum esse*» и отказом от начатых и задуманных издательских предприятий.

Второй этап — осень 1896 — август 1897 г. Это время жестокого творческого и душевного кризиса, почти полного отказа от былых надежд, иссякания поэтического творчества, метаний, неуверенности в себе, затворничества, резко контрастирующих с целеустремленным напором и литературно-организаторской активностью первого этапа. Выход из кризиса намечается с нащупыванием летом 1897 г. новой поэтической манеры и наметившейся кардинальной перестройкой личной жизни, справедливо воспринимавшейся как выбор судьбы.

Реализация этого выбора открыла новый, третий этап, охватывающий время с августа 1897 г. по начало весны 1899 г. Это время окончательного житейского обустройства Брюсова, начало и конец этапа чуть опережают два основных события его внешней биографии тех лет: женитьбу на И. М. Рунт и завершение университетского образования. Вместе с тем это и время окончательного духовного формирования и поэтического созревания: именно тогда создается «*О искусстве*» и складываются брюсовские плюралистические (а точнее, универралистские) воззрения на мир, человека и историю; текстологическими работами о русских классиках начинается сотрудничество в «Русском архиве»; пишется большая часть книги «*Tertia Vigilia*», с которой бывший литературный забияка в 1900 г. уверенно и уже как власть имеющий войдет в русскую поэзию, открыв новый век ее истории.

Отдельные детали предлагаемой периодизации уже намечались в литературе, правда в применении только к поэтическому творчеству Брюсова. Указывалось на «творческий кризис», наступивший после «*Me eum esse*»⁸⁸, на то, что подлинный свой «поэтический путь» Брюсов нашел именно в стихах 1897 г.⁸⁹ Но полное и точное разделение всех этапов достигается благодаря тетрадным письмам впервые. Также впервые наглядно выявляются и доказываются единство и согласованность внешней биографии с творческим развитием и духовной эволюцией поэта. В этом особая и неоспоримая ценность тетрадных писем как биографического источника.

Глава 3

В ТЕТРАДНОМ СОДРУЖЕСТВЕ ЖАНРОВ

§ 1. БЫЛО ЛИ ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ?

М. Л. Гаспаров писал, что расширение круга литературных «занятий», в котором поэзия становилась «лишь малой областью», было предпринято Брюсовым в 1910-е годы как «попытка отстраниться от поэзии» ввиду наметившегося поэтического кризиса и «в подражание позднему Пушкину»⁷⁰. Рабочие тетради доказывают неточность такого мнения. Все якобы «новые» или заметно расширившиеся в 1910-е годы области литературного творчества, называемые М. Л. Гаспаровым: романы и новеллистика, драматургия, популярные исторические труды, — активно осваивались Брюсовым уже в студенческие годы.

Свидетельствуя о столь раннем проявлении тяги Брюсова к параллельной работе во многих жанрах, тетради заставляют усомниться и в тех объяснениях причин ее зарождения, которые предлагает М. Л. Гаспаров. Тенденция к ведению многопольного литературного хозяйства при своем зарождении никак не могла быть реакцией на кризис в поэтическом творчестве, поскольку пики работы в «непоэтических» жанрах у молодого Брюсова приходились как раз на периоды подъема его поэтической деятельности. Так, в период подготовки первого выпуска «Русских символистов» создаются четыре драматических произведения и статья «Поль Верлен и его поэзия», параллельно рождаются «Chefs d'Oeuvre» и неоконченный роман из жизни русских декадентов, «Me eum esse» и сборник статей «Русская поэзия 1895 г.». Наконец, в пору возникновения первых шедевров зрелого Брюсова, вошедших позднее в «Tertia Vigilia», перерабатывается «Гора Звезды», пишется повесть «Эда» («Первая любовь»), идет мучительная работа над «О искусстве», рождаются замыслы исторических трудов⁷¹. Зато поэтический кризис конца 1896 — начала 1897 г. совпал с застоєм и во всех других сферах художественного творчества.

Точно так же тяга к многопольному литературному хозяйству не могла явиться плодом сознательного подражания Пушкину. Даже простое осознание первенствующего значения, исключительного места Пушкина в русской поэзии сложилось у молодого поэта далеко не сразу — еще в 1896 г. Брюсов мог позволить себе восклицание: «Поэтому-то Тютчев и выше Пушкина!»⁷². А личная жизненная ориентация на Пушкина как на своего «героя»⁷³, как на пример для подражания в 90-е годы и вовсе лишь начинала зарождаться (см. п. 60, прим. 16 и п. 71Б, прим. 13).

Между тем уже п. 52, почти современное процитированной декларации о превосходстве Тютчева, рисует выразительную картину брюсовского литературного труда как принципиально многопольного и помогает понять не внешние (типа подражания), а сугубо внутренние, психо-физиологические корни этого стремления к параллельной работе над многими замыслами и в разных жанрах. Во-первых, переключение на другие сферы и жанры творчества, давая необходимую творческую разрядку, позволяло избегать усталости и притупления внимания без перерыва в творчестве. Во-вторых, важное признание о «привычке жить в *мире* начатых трудов»⁷⁴ свидетельствует о существовании в творческом сознании поэта целой автономной вселенной, многообразии которой и не могло быть исчерпано в монологическом по преимуществу лирическом творчестве, а требовало разных форм творческого воплощения.

Навыки одновременной многопольной литературной работы Брюсов сохранял до конца своих дней. Но в зрелые годы он писал на листах, и для восстановления реальной хронологии исследователю приходится отыскивать специальные хронологические указания, слышать палеографические особенности рукописей. Иное дело тетради студенческих лет — многоголовые жанров и сфер брюсовского творчества получает в них не только зримое, а можно сказать, даже и осязаемое воплощение в соседстве, а иной раз и во взаимопроникновении, пересечении автографов разных произведений.

Именно поэтому тетради могут оказаться незаменимым источником для ответа на неизбежно возникающий (уже и при чтении того же п. 52) вопрос: а было ли в этом многоголосии согласие? Остался ли раздробленный на множество русел творческий процесс единым? Чем определялось совпадение (или смежность) во времени работы именно над данными замыслами, а не над какими-либо другими — внутренней логикой или простой случайностью? Существовали ли между современными друг другу разножанровыми произведениями внутрен-

ние связи — в тематике, в генезисе, в назначении, — или же их объединяла лишь принадлежность одному перу?

Значение поставленных вопросов для адекватного научного истолкования творческой личности самого Брюсова, которой так часто и охотно отказывали именно в единстве и органичности⁷⁶, очевидно. Немало интересного сулит их изучение и для общей психологии творчества, и для теории отношений между текстами. В полной мере ответ на них может быть дан лишь после изучения всего наличного материала брюсовских тетрадей. Но если все же приходится начинать исследование межжанровых соотношений, отправляясь от какого-то одного жанра, то выбрать более удобную отправную точку, нежели письма, пожалуй, трудно. По своей жанровой природе письма, в отличие от текстов большинства других речевых жанров, не связаны с обязательным выполнением какой-либо одной фиксированной ведущей функции. Поэтому они наряду с устной беседой оказываются наиболее свободными в выборе содержания, наиболее универсальными по тематическому охвату. Благодаря этой тематической универсальности открываются практически неограниченные возможности для возникновения содержательных и структурообразующих связей между письмами и произведениями других жанров. В брюсовском тетрадном массиве этому потенциальному богатству межтекстовых связей способствует и то, что письма, как мы видели в гл. 1, хронологически охватывают весь период ведения тетрадей, да и по численности своей оказываются (конечно, после стихотворений) полнее всего представленным речевым жанром.

Итак, какое же место занимают письма в тетрадном жанровом многообразии? Как соотносятся друг с другом и с произведениями «творческих» жанров? Какие особенности брюсовского творческого процесса приоткрываются при изучении тетрадных писем в их непосредственном физическом окружении, в контексте других тетрадных автографов?

§ 2. ПИСЬМА О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ, ИЛИ ПИСЬМА-КОММЕНТАРИИ

Коль скоро письма — жанр тематически универсальный, то их тематика может затрагивать и результаты речевой деятельности их автора: другие его письма, его произведения в других жанрах. Наиболее распространенная и привычная форма проникновения других произведений писателя в его письма состоит в том, что эти произведения становятся в письмах предметом обсуждения или хотя бы упоминаются, входя тем самым в план *содержания* писем. Письма могут рассказывать о том, какие литературные или научные произведения написал, пишет или собирается писать их автор, содержать определенный комментарий к упоминаемым сочинениям или выдержки-цитаты из них. В этом случае письма становятся источником сведений, дополнительных по отношению к произведению, о котором идет речь: о существовавших, но почему-либо не реализовавшихся вариантах замысла, об обстоятельствах написания, об авторском осмыслении и оценке сделанного.

Подобный простейший тип взаимоотношения между письмом и другими произведениями автора удобно обозначить как «письмо о...» или как «письмо-комментарий». Очевидно, письмо-комментарий, вообще говоря, может быть посвящено как произведениям, созданным недавно или только еще создающимся, так и созданным много времени тому назад. Характерной особенностью брюсовского тетрадного массива является то, что довольно щедро представленные в нем «письма о...» практически всегда написаны либо «по свежим следам» упоминаемых в них произведений, либо в процессе работы над этими произведениями. Достаточно назвать рассказ о сочинении семнадцати стихотворений в п. 32, оценку печатающейся книги «О искусстве» и прогноз читательской реакции на нее в п. 90, план предполагаемого исторического труда в п. 81. В ряде писем сообщения об отдельных работах и замыслах перерастают в подробное повествование о текущем литературном труде с его удачами и затруднениями (уже упоминавшиеся п. 52 и особенно рассказ о работе над «Атлантидой» в п. 29) или в изложение своего литературного и нравственно-литературного кредо (объяснения причин неудач в романном жанре в том же п. 29 или слова о сочинении стихов как своим жизненным долгом в п. 61). И даже вспоминая в п. 90 свои стихи пятилетней давности, Брюсов приводит их исключительно для характеристики ныне переживаемого момента.

То, что «письма о...» воплощают отношения одновременности или временной смежности между эпистолярными и неэпистолярными произведениями, часто находит свое зримое подтверждение в сравнительно близком расположении тетрадных автографов письма и тех произ-

БРЮСОВ

Фотография Д. Здобнова. С. Петербург, 1900-е годы

Литературный музей, Москва

ведений, о которых в нем рассказывается, в пределах одной и той же тетради (ср. п. 29, прим. 6—7, 15—16; см. также ниже об автографах писем, связанных с «О искусстве»).

Вполне естественно предметом «писем о...» становятся и другие письма. В письме может более или менее подробно рассказываться о других письмах, написанных и только задуманных, отосланных и уничтоженных и т. п. В начале п. 59 Брюсов оценивает другое письмо к тому же адресату, пересылаемое одновременно с новым письмом. Фриче, получи он п. 29, узнал бы о эпистолярных «беседах» автора с общими знакомыми, а Бальмонт из п. 102 — насколько различными оказались взаимные эпистолярные установки в начале переписки Брюсова с Коневским. В тех случаях, когда письмо, о котором идет речь, входит в тетрадный массив, его автограф тоже, как правило, расположен в одной тетради с письмом-комментарием.

Явление, симметричное «письмам о...», — обсуждение писем в неэпистолярных произведениях — встретилось мне в брюсовских тетрадях лишь дважды: в статье о критиках (см. п. 34, преамбулу к комм.) и в «Предисловии» к «Что такое искусство» (см. § 5). Оба названных произведения, по существу, возникли как продолжение и развитие упоминаемых в них писем.

§ 3. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И ГНЕЗДА ЗАМЫСЛОВ

Связи «письма о...» с упоминаемыми в нем произведениями объективированы в тексте письма, как бы объявлены читателю и при этом заведомо пропущены через авторское сознание. Но тетради богаты примерами и более тонких отношений между письмами и произведениями других жанров, в которых одно из названных свойств, а то и все они уже не соблюдаются. Соответственно для выявления большинства из них особую роль приобретает именно анализ тетрадного окружения автографов, особенно непосредственно соседствующих или даже пересекающихся друг с другом.

Важнейшими среди таких типов взаимодействия эпистолярных текстов друг с другом и с текстами других жанров представляются: а) восхождение замыслов двух или нескольких произведений к некоторому общему внутреннему истоку («гнездование» замыслов); б) участие письма в реализации некоторого общего «сверхзамысла», охватывающего и сочетающего произведения разных жанров; в) тематическая циклизация; г) использование эпистолярного или неэпистолярного текста в качестве строительного материала для произведения иной жанровой природы; д) перерастание, жанровая трансформация замысла в процессе работы над текстом произведения. Рассмотрим по очереди примеры каждого из этих типов отношений.

Анализ тетрадного окружения свидетельствует, что замыслы параллельно или вскоре друг после друга возникших произведений могут быть тесно связаны даже тогда, когда ни жанр, ни самые тексты этих произведений не имеют, казалось бы, никаких точек пересечения. Возникновение замысла письма, как правило, предполагает прежде всего выбор определенного адресата этого письма. Поэтому связующим звеном между замыслом письма и замыслом произведения неэпистолярного обычно оказывается именно адресат. Так, п. 8 к Мартову расположено в тетради вслед за стихотворением «Сон», написанным в подражание (также — форма поэтического «ответа») одному из стихотворений самого Мартова, присланных вместе с письмом, на которое собирался ответить Брюсов. П. 17 к Бальмонту записано среди материалов о Бальмонте для начатой в те же дни Брюсовым критической книги (см. п. 49, прим. 10).

Очевидно, что в обоих случаях адресаты писем — и пока незнакомый ему Мартов, и Бальмонт, с которым у него только что завязалась горячая дружба, — непрерывно присутствовали в сознании Брюсова как образ, как некоторая «тема» переживаний и занимали его гораздо сильнее, нежели то обычно бывает при написании чисто делового письма (жанр п. 8) или тем более записки по конкретному случаю (таково п. 17). Письмо и неэпистолярное произведение (стихи в первом случае, критические наброски — во втором) независимо друг от друга восходят к такой единой внутренней теме, внутреннему переживанию, пробужденному в авторе адресатом письма, и через этот общий для них корень оказываются связанными в одно гнездо замыслов.

Могут ли в такое гнездо связываться письма? В тетрадном массиве есть по крайней мере два случая взаимопроникновения, пересечения автографов, когда относительно некоторого фрагмента оказывается даже затруднительным решить, к какому из двух одновременно или почти одновременно писавшихся писем он относится. Одно из таких гнезд образуют п. 14 и находящееся на одном листе с ним письмо к неустановленному корреспонденту (см. п. 14, прим. 5), другое — п. 76 к Бальмонту с письмом к Самыгину⁷⁶. Поскольку письма, входящие в гнезда, адресованы разным лицам, то здесь общим «корнем» двух текстов адресат служить уже не может. Во втором случае таким корнем, по-видимому, следует считать некоторый комплекс переполнявших автора жизнеутверждающих ощущений, побудивший его обратиться к каждому из адресатов (ср. ниже в гл. 4 о явлении «схемы писем»). В первом случае разница между письмами и в тематике, и в тональности очень велика, и какое стечение жизненных факторов побудило автора к их параллельному написанию, пока можно лишь гадать.

О других случаях, когда письма, автографы которых уже не пересекаются, а лишь находятся в близком соседстве, связаны через тематику, речь пойдет в следующем разделе.

§ 4. «СВЕРХЗАМЫСЛЫ», ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В некоторых случаях связь эпистолярного и неэпистолярного замыслов оказывается настолько тесной, что приводит к возникновению единого «гиперзамысла», сверхзамысла, объединяющего два, а то и несколько произведений и реализующегося лишь в их совокупности. Такое совместное участие, взаимодействие писем с неэпистолярными тетрадными материалами в реализации некоторого общего замысла, в создании своего рода «гиперпроизведения» с о-

бой наглядностью проявляется в тех случаях, когда соответствующие автографы совмещены на страницах тетрадей, соседствуя на одном листе или на одном развороте, а то и переплетаясь, вклиниваясь друг в друга.

Так, адресованное П. Верлену первое письмо нашей подборки записано в тетради 6 bis на странице, содержащей как бы целое гнездо планов и наметок, связанных с именем адресата письма. Мы встречаем здесь заглавие, план и перечень действующих лиц «драмы» о Верлене и одновременно — заглавие и подзаголовок новой редакции статьи о Верлене. Поскольку в письме как раз и говорится о драме, его можно было бы отнести к разобранному выше простейшему типу «писем о...». Парадокс, однако, заключается в том, что драмы в это время еще не существовало (см. п. 1, прим. 1). Письмо, полностью написанное, оказывалось в окружении материалов, фиксирующих замыслы еще не написанных произведений. А замысел пьесы в соседстве с данным письмом отчетливо ощущается как часть другого, более обширного замысла, уже не чисто литературного, а скорее, жизнеустроительного, замысла деяния, поступка: выступить на театре с собственной пьесой в ореоле благословения, полученного от своего европейски знаменитого героя. Родство этого сверхзамысла с замыслом «Русских символистов» вряд ли нуждается в доказательствах.

Как раз в силу своего смешанного, жизненно-литературного характера данный сверхзамысел не мог быть воплощен единым речевым произведением, а лишь серией таковых. Вот почему и п. 1, и будущие статья и пьеса (работа над ними также полностью или частично будет протекать в тетрадях) остаются в тетрадях независимыми единицами. Во многом противоположными оказываются результаты взаимодействия замыслов и произведений в п. 29. Пока речь в нем идет об «Атлантиде» и связанных с нею проблемах сюжета, стиха — перед нами «письмо о» произведении, находящемся в той же тетради, но с письмом пространственно и палеографически не связанным. Стоит же Брюсову от «Атлантиды» перейти к роману «Декаденты» — и характер взаимоотношений эпистолярного и неэпистолярного произведений коренным образом меняется. «Я зачеркиваю только что созданную главу...», — читаем в письме, и на предшествующих тетрадных страницах, разделяющих два фрагмента письма, действительно записана глава романа. И если в письме говорится: «принимаюсь писать план», — то план романа действительно находится на той же странице тетради. Взаимопроникновение автографов отражает здесь сложное переплетение двух или даже трех (считая еще и роман «Иные») замыслов: письмо из рассказа о произведении превращается в комментарий к собственному творческому процессу, даваемый непосредственно по ходу работы. Но ведь и сочиняя вклинивающиеся в письмо главу или план романа, автор вряд ли забывал, что только что писал письмо. Поэтому, хотя в отличие от случая с п. 1, здесь сочинению письма вряд ли предшествовал общий сверхзамысел, по мере написания письма в тетради происходит фактическое слияние письма и тех произведений, о работе над которыми в нем говорится. Игровой и даже художественный характер возникающего в итоге сверхтекста поддерживается и тем, что п. 29 (см. выше в гл. 1) с самого начала в значительной степени писалось в качестве «автобеседы», а адресату отводилась роль некоторого стержня, вокруг которого было удобно сгруппировать близкие к его интересам темы. В результате п. 29 вместе со вклинивающимися в него неэпистолярными фрагментами превращается в своеобразное предвосхищение позднейших направлений в прозе XX в., в которых изображение процесса создания произведения и игра с возможными вариантами включаются в само произведение.

Наличие сверхзамысла в ряде случаев может, по-видимому, объединять и несколько писем, написанных на небольшом временном расстоянии друг за другом. Так, именно как указание на такой сверхзамысел следует понимать одну из начальных фраз того же п. 29 к Фриче: «Мне хочется поговорить с Вами, после того, как я письменно поговорил с Бальмонтом, с Курсинским, с Перцовым». Сверхзамысел в данном случае увязывал имена адресатов: дачному затворнику захотелось хотя бы на бумаге поговорить со всеми друзьями и знакомыми, которых он, будь и он, и они в Москве, постарался бы позвать к себе в один из своих четвергов. Каждому из адресатов сообщается частичка из того, чем живет Брюсов в своем уединении, а в совокупности письма к ним воссоздают довольно полную общую картину.

Однако поскольку каждое письмо отправляется (хотя бы теоретически) к адресату отдельно, в случае писем существование сверхзамысла никогда не приводит к возникновению единого сверхтекста: как и при взаимопроникновении черновых автографов писем (см. § 3), образуется лишь некоторое «гнездо» писем.

§ 5. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕКЛИЧКИ И ТЕМАТИЧЕСКАЯ ЦИКЛИЗАЦИЯ

Рассмотренные до сих пор типы взаимодействия связывают, как правило, некоторые существующие замыслы, работа над которыми идет параллельно или почти одновременно, что и отражается в возможности соседства и перекрещивания рукописей в тетрадах. В отличие от этого тематической циклизацией у Брюсова объединены обычно замыслы разновременные, возникающие последовательно и отделенные большим или меньшим временным интервалом. Поэтому данный тип взаимодействия материально может выражаться лишь в соседстве рукописей, но не в их перекрещивании. Более того, и соседство возникает, как правило, лишь при небольшом временном интервале между замыслами. При интервале значительном соседство может возникнуть только в том случае, когда циклизация осознается автором и он при работе над новым замыслом перечитывает материалы старых (таков чисто эпистолярный цикл, в который входит письмо к Бальмонту с сообщением о смерти Павловской, см. п. 75, прим. 6).

В простейшей форме тематическая циклизация письма с неэпистолярным произведением есть результат независимого обсуждения или постановки в письме, без специальной отсылки, некоторой темы, присутствующей и в этом произведении. Такой простейший случай можно назвать тематической перекличкой, или присутствием сквозных тем. С подобными перекличками мы в тетрадных письмах сталкиваемся неоднократно. Так, в п. 71Б развивается тема лирического творчества в преклонном возрасте, много ранее затронутая в заметке о Фете (см. прим. 6 к этому письму).

При обсуждении бальмонтовского перевода «Странствий Мальдуна» (п. 73Б) всплывает вопрос об истории той формы неклассического стиха, которую мы сегодня называем «долником». Брюсов касался этой темы за год до того, в главе «Стих» для «Истории русской лирики»⁷⁷, затем в упоминаемой в п. 58 статье о текстологии Тютчева, она же позднее станет одной из ведущих в различных вариантах статьи *О русском стихосложении*⁷⁸. Там же, говоря Бальмонту об излишней сюжетной детализованности переведенной им поэмы, Брюсов бросает: «Мой читатель должен все это угадать сам». И это, казалось бы, мимоходом высказанное замечание моментально соединяет данное письмо со всей совокупностью брюсовских сочинений 90-х годов по проблемам поэтического языка (большинство из которых рождалось в тех же тетрадах): именно активизация читательского сотворчества, учитываемого уже на стадии рождения произведения, представлялась Брюсову магистральным путем обновления выразительных возможностей русской поэзии⁷⁹. Два главных упрека, адресованных Бальмонту в п. 86: непонимание природы стихотворной речи и истоков «новизны» образов, — сам Брюсов в письме обещал разъяснить адресату при личной встрече. Для нас смысл этих замечаний выясняется только из сближения данного письма со стиховедческими исследованиями Брюсова, его письмами к Перцову, а также ранними статьями и заметками о Бальмонте (см. п. 86, прим. 3 и 4, а также наст. главу, § 6). Образ человека как «малого мира», подобного большому миру вселенной, в п. 82 несомненно связан с работами о монадологии Лейбница, признание в любви к книгам в п. 83 продолжает тетрадную заметку «К философии книги».

Тематическая перекличка может создаваться не только в результате сходства тем, действительно обсуждаемых или излагаемых порознь в письме и «неписьме». Перекличку может создавать и повтор образа, лишь привлекаемого по ходу изложения, притом привлекаемого в каждом тексте лишь однажды и потому «темой» в них не становящийся. Так, в пределах п. 49 появление образа «неба» объяснимо лишь его контрастностью с «глубью» падения, пределов которой достиг автор. Но сопоставление письма с ранним наброском для книги «Русские символы». Наблюдения и характеристики» (см. п. 49, прим. 10) позволяет увидеть в этом образе отсылку к общему для автора и адресата переживанию, к начальным дням их дружбы. Этот же образ затем варьируется и в других письмах к Бальмонту, подключая и их к этому стихийно создающемуся тематическому ряду.

Все приведенные примеры тематических перекличек роднит их «необъявленность», анонимность. Чтобы заметить перекличку, осознать связь эпистолярного и неэпистолярного произведения, нужно знать оба произведения, так как никаких отсылок к конкретному тексту автор не дает. Более сложная форма тематической циклизации возникает тогда, когда такая отсылка появляется, хотя бы и в неявном виде. В этом случае тематическая перекличка объединяется с включением неэпистолярного произведения в содержание письма, письмо становится и звеном переклички, и «письмом о» другом произведении.

Обе эти формы тематической циклизации совмещены в п. 77. С одной стороны, тема «желание иной жизни» дает простую тематическую переключку с близкими по времени дневниковыми записями (см. п. 77, прим. 6—7). С другой — описание процесса размышлений в начале письма безусловно подразумевает работу над каким-то философским произведением, которое, однако, никак не названо. Понять, какое это произведение, позволяет тетрадное окружение: п. 77 записано на обороте последней страницы рукописи «Что такое искусство» — «первого варианта» будущей книги «О искусстве». Весной 1898 г. этот вариант представлялся Брюсову, хотя и «наскоро», но все же оконченным, а летом (когда и было написано п. 77) оказалось, что он лишь начало длинной цепочки все новых редакций книги, работа над которыми «измучила» автора⁸⁰.

Наконец, в более прямой форме в п. 77 говорится о другом новом сочинении Брюсова, которое также не названо («по имени»), но все же определено как объект «писания» и даже получает своеобразную жанровую характеристику: «Криптомерии». Называя темы этого второго сочинения, которое легко опознается как авантюрный роман и, более того, конкретно как «Гора Звезды», п. 77 и вступает с ним в переключку, и одновременно становится рассказом о нем.

Когда же произведение, к которому в письме дается отсылка, названо в этом письме в явной форме, то создается возможность уже не простого названия или подхвата тем, разработанных в неэпистолярном произведении, а новой и вполне самостоятельной их разработки (подчас даже полемической по отношению к называемому в письме произведению). Именно так обстоит дело с самым большим тематическим циклом тетрадных писем, связанным с работой над книгой «О искусстве», с ее проблематикой и целями. Благодаря значительному объему, цикл этот, создававшийся на протяжении почти всего 1898 г., в своем развитии воплотил различные, постепенно усложняющиеся формы тематического объединения с книгой «О искусстве» (работа над большинством редакций которой велась также в рабочих тетрадах⁸¹).

По существу, самый замысел «О искусстве» возник в результате развития замысла эпистолярного. Тема природы искусства возникает у Брюсова в январе 1888 г. в обсуждавшемся выше (гл. 1, § 5—6) письме к Толстому. Отчаявшись получить ответ, Брюсов в марте произвел своеобразную «прививку» первоначального эпистолярного замысла к замыслу уже находившегося в работе сборника «Литературные опыты»: «Свою книжку статей я обратил в простой ответ гр(афу) Л. Толстому»⁸². Так появился упомянутый первый вариант «О искусстве». И заглавие его, совпадавшее с заглавием толстовского трактата, и дерзкий подзаголовок «Я и Лев Толстой», позднее перемещенный с титула книги в «Предисловие» к ней⁸³, были выбраны с таким расчетом, чтобы сразу предупредить читателя о том, что перед ним — ответная реплика в споре, и указать, кому этот «ответ» адресован. Более того, в «Предисловии» к своему сочинению Брюсов даже подробно цитировал свое «частное письмо» и высказывал предположение, «что оно затерялось в массе писем, получаемых гр. Толстым»⁸⁴.

По мере продвижения работы над новой книгой постепенно выяснялась ее самостоятельная значимость. Соответственно вызвавшая ее к жизни полемика с Толстым все больше уходила в тень, и из предисловия исчезло не только обсуждение письма, но и самое его упоминание. Зато сама книга становится предметом эпистолярного обсуждения. Как тема письма книга «О искусстве», точнее, мучительная работа над ней в первый раз появляется четыре месяца спустя в разобранном выше п. 77. Второй раз как тема она возникает, также безымянно, уже по завершении труда в п. 82, находящемся в одной тетради с 3-м и 5-м вариантами самой книги: «Освобожденный от своей работы...». Но здесь возникает уже другая форма связи с книгой: не называя ее, письмо в свободной поэтической форме самостоятельно разрабатывает такие важные для «О искусстве» темы, как понимание художником своей души и автономная ценность и суверенность каждой человеческой личности. Это уже и тематическая переключка, и в какой-то мере продолжение книги, продолжение породивших ее, но не закончившихся в ней раздумий, воплощаемых теперь в принципиально отличной жанровой форме. С аналогичной тематической разработкой и развитием тематики «О искусстве» встречаемся в п. 79 и 83 и в письме к Самыгину о «возможности искать предел». Затем, после почти двухмесячного перерыва, в п. 90 к Бальмонту «О искусстве», которая к этому моменту уже печатается, становится темой рассказа и предметом интереснейшей самооценки.

Наконец, после выхода книги вызванные ею разговоры заставляют Брюсова осознать ранее открытые возможности ее тематической циклизации с письмами и сделать их предметом уже намеренной, целенаправленной эксплуатации. Так возникает замысел цикла «Из писем

по поводу "О искусстве"» — писем уже не эмпирических, к реальным друзьям и знакомым, а литературных, образующих вторую, продолжающую «О искусстве», но эпистолярную по форме книгу. Подробнее об этом замысле сказано в следующей главе, здесь же замечу, что письма замышлявшегося цикла должны были, кроме своего литературного статуса, отличаться от п. 79, 82, 83 и упомянутого письма к Самыгину еще в двух отношениях. Во-первых, «О искусстве» в этом цикле явно называлась как объект контркритики и авторских дополнений. Во-вторых, дополнение и развитие здесь, как показывают написанные или хотя бы вчерне намеченные части цикла (см. п. 92—95), должны были теперь вестись не в близкой к самой «О искусстве» манере свободной ассоциативной разработки, но путем последовательного логического анализа и дискурсивного рассуждения. Благодаря этому цикл «Из писем по поводу...» становился дополнением к «О искусстве» не только по содержанию, но и по форме, позволяя расшифровать и прокомментировать чересчур декларативные афористические тезисы этого эстетического манифеста.

§ 6. МЕЖТЕКСТОВЫЕ ПЕРЕЛИВЫ

«Переливом» будем называть такой тип взаимодействия, при котором эпистолярные и неэпистолярные произведения служат непосредственным строительным материалом друг для друга. Если при тематической перекличке в письме и «неписьме» затронутая общая тема может, вообще говоря, развиваться и решаться по-разному, вплоть до прямого противоречия, то при переливе трактовка общих тем неизбежно в главном совпадает, так как использование предполагает дословный, либо почти дословный (с синонимическим и стилистическим варьированием) перенос целых кусков текста или по крайней мере точную ссылку на такие куски.

Разницу между тематической перекличкой и текстуальным переливом можно наглядно продемонстрировать на следующем примере. В п. 86, делясь с Бальмонтом впечатлениями от его «Тишины», Брюсов пишет: «(. . .) я еще раз убедился, что умное Вам не дается». Слова «еще раз» — недвусмысленная отсылка к прежним раздумьям о поэзии адресата, и действительно в статьях Брюсова 90-х годов о предшествующих произведениях Бальмонта мы не раз встречаемся с аналогичными оценками. Так, уже в одном из самых ранних набросков к «Русской поэзии 95 года», относящемся, по-видимому, к июню 1895 г., читаем: «Главный недостаток Бальмонта это недочувствительность мысли. Бальмонт менее всего философ (. . .) и только его прекрасный — больше! дивный талант спасает его [от смешного, оставляя иногда на жертву] в шатаниях бедной мысли...». Перекличка с п. 86 здесь очевидна, но факт этой переклички был бы налицо и в том случае, если б Брюсов в 1898 г. пришел к иной и даже прямо противоположной оценке философских достоинств поэзии Бальмонта.

Совсем другой характер имеют отношения процитированного наброска 1895 г. с записанным чуть ниже него в той же тетради черновиком письма к П. П. Перцову⁸⁵. В этом черновике есть такое высказывание: «Зато у кого всегда и постоянно отсутствует мысль — это Бальмонт. Только его прекрасный больше! дивный талант спасает его при всех шатаниях его бедной мысли»⁸⁶. Здесь уже не просто тематическая перекличка и даже не только сходство в решении темы: написанный ранее набросок был непосредственно использован при создании черновика письма. Вместе с тем, поскольку формула «в шатаниях бедной мысли» в наброске статьи появилась лишь в верхнем слое, нельзя исключить и обратного воздействия — введения удачной формулы из письма в ранее созданный набросок.

Различие тематической переклички и текстуального перелива хорошо прослеживается и на примере брюсовских высказываний о Франце Эверсе, где переливом соединены уже не два, а целых три текста.

Соответствующий тематический цикл, охватывающий ряд писем к разным адресатам с 1894 по 1899 г. и статьи 1894—1895 гг. (см. п. 16, прим. 6), отражает немалые колебания в брюсовском отношении к этому поэту. Но в цикл входят три почти одновременно созданных эпистолярных и неэпистолярных текста, в которых стабильность характеристики и оценок Эверса поддерживается благодаря переливу фрагментов. Первый из этих текстов — план-конспект письма к Перцову от 1 апреля 1895 г., записанный в тетради № 19 не ранее 31 марта. Второй пункт конспекта намечает сразу две темы: «Об Эверсе. Вообще негде у нас узнать западную литературу. У нас все еще считают Малларме, Верлена etc. молодыми»⁸⁷. Обе темы перешли не только в отосланный вариант письма⁸⁸, но и в начатую на обороте плана-конспекта статью о поэзии Приски де Ландель для третьего выпуска «Русских символи-

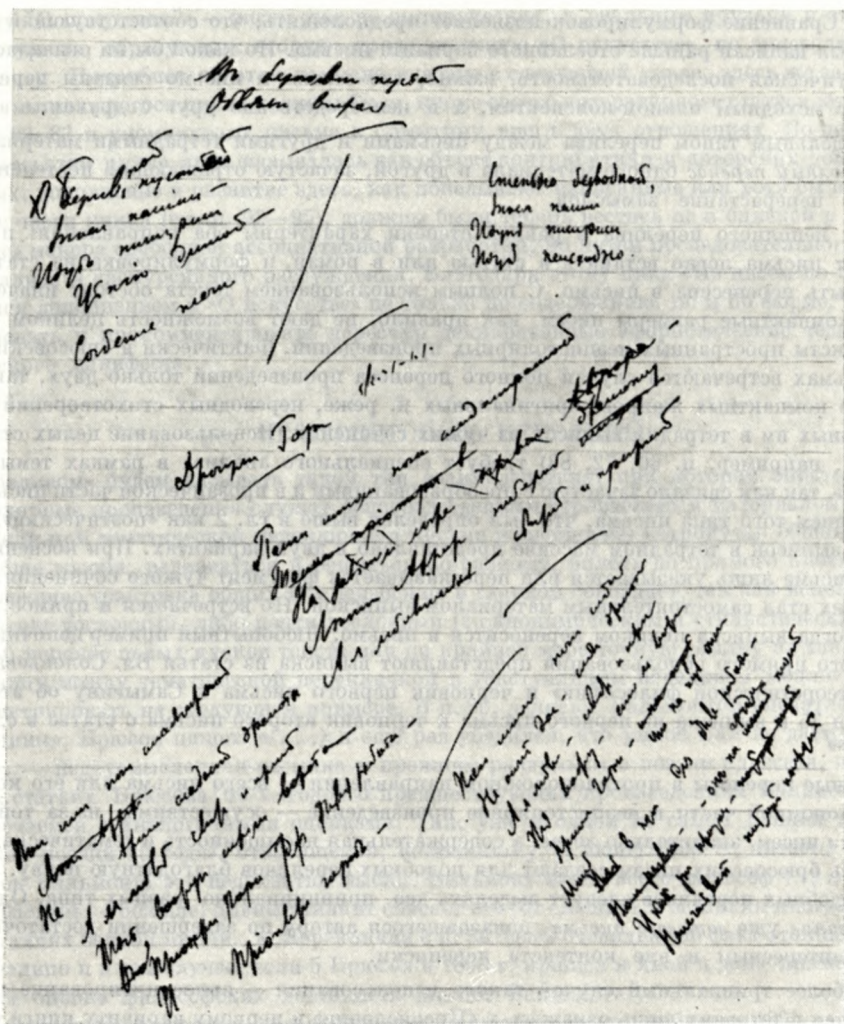
стов»⁸⁹. Сравнение формулировок позволяет предположить, что соответствующий фрагмент статьи был написан раньше отосланного варианта письма. Но какой бы ни оказалась в итоге хронологическая последовательность, важно, что статья и письмо связаны переливом не только с исходным планом-конспектом, а и непосредственно друг с другом.

Предельным типом перелива между письмами и другими тетрадными материалами является *полный перенос* одного материала в другой, зачастую отражающий постепенное протекание, перерастание замыслов.

Для неполного перелива в равной степени характерны оба направления: и удачный фрагмент письма легко вставить в статью или в роман, и формулировка из статьи легко может быть перенесена в письмо. С полным использованием текста обстоит иначе: относительно компактные размеры писем, как правило, не дают возможность целиком включать в них тексты пространственных неэпистолярных произведений. Фактически в брюсовских тетрадных письмах встречаются случаи полного переноса произведений только двух, также относительно компактных жанров: оригинальных и, реже, переводных стихотворений Брюсова и сделанных им в тетрадях выписок из чужих сочинений. Использование целых стихотворений (см., например, п. 66, 72, 83) требует специального анализа в рамках темы «Письма и поэзия», так как связано зачастую с преобразованиями и в прозаической части письма, с возникновением того типа письма, что был определен выше в гл. 2 как «поэтический». Использование выписок в тетрадном массиве представлено в двух вариантах. При косвенном варианте в письме лишь указывается или пересказывается фрагмент чужого сочинения, который в тетрадях стал самостоятельным материалом-выпиской. Но встречается и прямое использование, когда выписка целиком переносится в письмо. Любопытный пример цепочки последовательного прямого использования представляют выписка из статьи Вл. Соловьева «Первое начало теоретической философии» и черновик первого письма к Самыгину об этой статье в тетради 35 и выписка из первого письма и черновик второго письма о статье в следующей тетради⁹⁰.

Полные переносы в противоположном направлении — всего письма или его композиционно автономной части в неэпистолярное произведение — осуществимы, из-за той же компактности писем, значительно легче, а содержательная насыщенность и тематическая универсальность брюсовских писем создают для подобных переливов благодатную почву. При этом среди подобных переливов следует выделять два принципиально разных типа. Один — это *использование уже готового письма*, показавшегося автору по завершении достаточно значимым и интересным и вне контекста переписки.

Наиболее тривиальный случай такого использования — явное цитирование письма — встречается в тетрадях лишь однажды, в «Предисловии» к первому варианту книги «О искусстве» (см. предыдущий раздел). Гораздо интереснее случаи включения в неэпистолярное произведение текста письма, не сопровождающиеся сохранением самого письма как единицы. Именно так обстояло дело с одним из последних тетрадных писем — письмом к Коневскому от 26 января 1899 г. Завершив первый тетрадный вариант, Брюсов прежде, чем отослать письмо, подверг его правке (верхний, карандашный слой автографа). Но и то, что осталось в тетрадном автографе не зачеркнутым, в отосланный вариант письма (см. наст. кн., Переписка с Коневским, п. 2) вошло не полностью. Сокращению на этот раз подверглись прежде всего цитаты «повторяемых» Брюсовым «стихов, слов, созвучий» и перечисление наиболее понравившихся стихов (кроме главного из них — «Сына Солнца»). Видимо, Брюсову показалось неуместным слишком подробно цитировать стихи в письме к их автору, да и раскрывать свои личные впечатления в переписке он, как можно убедиться хотя бы по истории п. 50 к Сологубу, был не слишком склонен. Но то, что неуместно в личном письме к поэту, может, при соответствующей мотивировке, оказаться уместным (и даже менее интимным) в статье о его творчестве. А редкое по силе впечатление, произведенное тетрадками стихов Коневского, о которых идет речь в письме, рождало желание поскорее рассказать о новом поэте тем, кто еще не знал о нем. И Брюсов пишет статью «О Ореусе», пишет сразу, на другой стороне того же тетрадного разворота, на котором находится тетрадный вариант письма. Статья эта (публикуется в наст. кн., в приложении к переписке с Коневским), будучи подробнее и богаче письма, фактически целиком вобрала его в себя. И вобрала именно тетрадный вариант: в нее вошла и снятая в отосланном варианте длинная цитата из стихотворения «По дням», в ней дается подробный комментарий к стихотворению «Варяг» (будущее «С Ко-

СТРАНИЦА ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ БРЮСОВА

Автограф

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

невца»), названному в тетрадном письме среди стихов, которые «люблю, и помню, и мне ближе», а также в перечне стихов на полях письма.

Со сходным случаем использования, правда уже не целого письма, а лишь фрагмента, но также выступающего как целое, поскольку был выписан отдельно из уже готового письма, сталкиваемся в п. 54, необычное строение которого описано в преамбуле к комментарию. Правда, здесь исходный эпистолярный материал служит стимулом для создания текста сугубо личного, страстного диалога-спора с самим собой, своего рода дневниковой записи. Но сравнение с п. 52 позволяет и в этой интимной записи видеть одно из звеньев размышлений над замыслом произведения, рассчитанного на публикацию, — ненаписанной брошюры «Позор любви».

§ 7. ПЕРЕРАСТАНИЕ ЗАМЫСЛОВ

От использования уже готового эпистолярного материала резко отличается другой тип полного переноса, который можно назвать *перерастанием*, *межжанровой трансформацией* замысла. Самый яркий случай такого перерастания, где его можно наблюдать наглядно, представляет п. 38 к Перцову. Этот литератор, мало, в сущности, знакомый Брюсову и до-

вольно далекий от него по устремлениям, заинтересованно и внимательно относился к молодому поэту. Поэтому брюсовские письма к нему настолько насыщены изложением литературных впечатлений и мнений, что превращение многих из них в критические статьи, верно, не потребовало бы от Брюсова особых усилий. Но в п. 38 такое превращение произошло спонтанно, независимо от воли автора, прямо в ходе работы над письмом, что отчетливо выявляется при рассмотрении рукописи. Л. 34 кончается словами: «Есть одно такое страшное слово». По контексту легко определить, что дальше предполагалось слово «символизм». Но, перевернув страницу, мы вместо продолжения прерванной синтаксической конструкции сталкиваемся с новой фразой и даже с другим синтаксическим стилем — вместо полносоставного предложения перед нами два номинативных: «Символизм. Страшное слово. Оно одно приводит...». И далее следует большая, в два тетрадных листа, и, по существу, совершенно автономная композиционная часть письма, посвященная постепенным переменам отношения русских критиков к символизму. Автономия данной части, очевидная при ее тематическом сопоставлении с остальными, поддержана в рукописи и палеографически, и синтаксически. Палеографически эти два листа отличаются от предшествующих и последующих заметным укрупнением почерка. Синтаксические же перебои отмечают не только начало, но и конец части. Л. 36 кончается словами: «Критик придумывает», — а на л. 36об. вместо продолжения находим отделяющую черту и новую фразу, вводящую совершенно другую тему.

Фактически текст на этих двух листах утрачивает всякие признаки эпистолярности (см. о них выше, в гл. 2). Здесь нет не только никакого диалога с адресатом и вообще намека на образ адресата, но даже и образа автора как эмпирического субъекта и участника переписки. Такой образ вновь возникает только со вторым синтаксическим перебоем на л. 36об., со словами: «Встретил вчера Емельянова-Коханского». Только здесь и возобновляется, по существу, письмо как таковое, тогда как рассмотренная композиционная часть фактически переросла в статью. Возможно, именно поэтому Брюсов не отправил п. 38, несмотря на его полную разработанность, а вместо него написал другое⁹¹, из которого как раз тема рассмотренной срединной части п. 38 ушла бесследно. Не попав в отосланное письмо, эта часть зато стала родоначальницей и прообразом различных брюсовских произведений, посвященных анализу критических откликов, вызванных произведениями русских символистов, и ответу на эти отклики (см. п. 39, прим. 22—23).

§ 8. ПИСЬМА И ЕДИНСТВО ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Мы рассмотрели важнейшие типы взаимодействия писем с другими тетрадными материалами: письма-комментарии, «гнездование» замыслов, тематические переключки, полные или частичные переделы текстов, межжанровые трансформации. Конечно, проведенный анализ неполон. Можно было бы умножить число примеров, и притом весьма выразительных. Можно привлечь и важные дополнительные источники, прежде всего ведшиеся параллельно с рабочими тетрадями дневниковые тетради «Моя жизнь». Не имея возможности остановиться на этом подробнее, отсылаю читателя к комментариям к п. 51, 68—69, 97—98, 100, где видно, что дневниковые записи и письма не раз служили непосредственным строительным материалом друг для друга (ср. также п. 74Б, прим. 2 и п. 78, прим. 3).

Дальнейший анализ, наверное, поможет обнаружить и более тонкие и сложные виды взаимодействия, несводимые лишь к какому-либо одному из описанных выше типов. Для примера укажу на отношения между п. 59 и публикуемым в приложениях к нему стихотворным циклом. Замыслы эпистолярного и неэпистолярного произведений в данном случае безусловно имеют общий внутренний исток, вернее, даже два истока: отразившееся и в письме, и в стихах безысходное настроение автора и то неизвестное пока нам иноязычное стихотворение, вариациями которого, как я пытался показать в комментарии, являются и стихи, и довольно большие части письма. Но в то же время п. 59 и стихотворный цикл связаны и тематической переключкой, и прямым переливом фрагментов текста (направление этого перелива еще предстоит уточнить).

И все же проведенное рассмотрение позволяет, как кажется, сделать достаточно важные выводы. Письма объединены друг с другом и, главное, с неэпистолярными произведениями Брюсова множеством разнообразных связующих нитей. При этом важно, что связи охватывают обе временных проекции человеческого бытия: и синхронию, и диахронию, развитие. Интерпретация синхронных и дистантных связей с точки зрения интересующей нас проблемы

«единства в многообразии» должна быть различна. Связи одновременно или почти параллельно рождавшихся замыслов и произведений своей интенсивностью свидетельствуют о единстве, целостности творческого процесса как такового, как некоторой психической деятельности. А многочисленные дистантные связи между замыслами и произведениями, разделенными порой даже не месяцами, а годами жизни, отражают уже единство содержания этого процесса. Такие связи свидетельствуют о постоянстве или о взаимосвязанности занимавших Брюсова духовных проблем и решавшихся им творческих задач, о единстве устремлений, а, значит, в конечном счете об органической целостности его творческой личности. Тот факт, что дистантные связи также удалось проследить по тетрадным письмам, говорит о представительности тетрадной эпистолярной антологии и о выделенности жанра писем как отражающего все прочие жанры творчества и всю духовную жизнь их автора. В этом отношении письма молодого Брюсова существенно отличаются, по-видимому, от ряда писем позднейших периодов его жизни, когда он стремился ограничить переписку чисто деловыми вопросами.

Глава 4

ПИСЬМА СТАНОВЯТСЯ ЛИТЕРАТУРОЙ

Будучи черновиками, тетрадные письма (за исключением выписок, см. гл. 1, § 3) представляли собой промежуточные продукты действительного эпистолярного общения, а не заготовки для позднейшего литературного использования. Однако подобное происхождение в принципе, конечно, не препятствовало дальнейшему вторичному использованию черновики, коль скоро они все равно были сохранены и непосредственное свое, житейско-коммуникативное назначение уже выполнили. Предполагал ли Брюсов такое литературное применение накопившихся писем и сделал ли в этом направлении какие-то конкретные шаги? Постановка такого вопроса тем более правомерна, что тетрадные письма сами нередко обладали определенными свойствами, присущими обычно лишь художественным произведениям. Достаточно вспомнить обсуждавшееся выше (гл. 2, § 7) особое «поэтическое» построение ряда писем второго и третьего периода или отмеченные в комментариях к ряду писем примеры конструирования некоторого «образа автора», поведение, взгляды или характер которого существенно отличны от того, что известно нам о реальной брюсовской биографии по другим источникам.

§ 1. КНИГА «МОИ ЧЕРНОВЫЕ ТЕТРАДИ»

Когда число тетрадей приблизилось к 40, созрела мысль, что и для читателей этот «как бы журнал» мог оказаться интересен как таковой, во всем многообразии своего содержания. В одной из последних тетрадей на смену многочисленным предшествовавшим планам сборников рассказов, критических, историко-литературных и философских статей пришли планы сборника «Мои черновые тетради». Возможно, что в возникновении подобного замысла сыграло свою роль и предчувствие близящегося прощания с работой в тетрадях, совпавшего с завершением университетского периода жизни.

Будет ли задуманный сборник только «книгой прозы» (подзаголовок первого из двух сохранившихся планов) или же включит в себя и стихи, как то предусмотрено во втором плане, Брюсов окончательно не решил. Но в обоих вариантах плана мы встречаем и письма: «первое» и «второе» письмо к Самыгину и письмо к Бальмонту⁹². В первом варианте плана письма перечислены друг за другом в качестве дополнения к основному составу сборника, во втором они вошли в основной корпус и приобрели каждое свой неэпистолярный контекст. Если приблизительно разбить второй вариант плана на жанрово-тематические отделы, то окажется, что первое письмо к Самыгину должно было открывать второй — не считая предисловия и вводного стихотворения — отдел, включавший философско-этическое сочинение «Оправдание добра» и лирические стихи, объединенные темой разлуки и тайны. В этом же отделе между стихотворениями «Звезда морей» и «О когда бы я назвал своею...» стояло и второе письмо к Самыгину. Письмо к Бальмонту оказалось в третьем отделе, после статей «Три пальмы» и «Гамлет» и перед «Теорией анекдотов». Соседство со статьями, трактующими спорные вопросы толкования литературных произведений, подсказывает, что и выбранное для сборника письмо к Бальмонту было посвящено литературным разборам. Исходя из черновики, сохранившихся в авторском архиве, можно предположить, что, скорее всего, к включе-

нию в книгу предназначалось письмо по поводу оксфордских лекций Бальмонта о русской поэзии (т. е. одна из поздних редакций п. 73), хотя не исключено и письмо о «Тишине» (п. 86).

Итак, письма наравне с другими жанрами казались Брюсову достаточно важными для создания у читателей впечатления о тетрадях и заслуживающими внимания читателей как произведения литературы. Однако — всего три письма из 170. При такой пропорции невозможно, конечно, говорить о стремлении представить в характерных образцах весь тетрадный массив. Данные письма включались как таковые, из-за своих индивидуальных особенностей. Сделать на этом оснований какие-либо выводы об отношении Брюсова к возможностям достаточно систематического литературного применения тетрадных писем было бы неосторожно. Необходимо выяснить, были ли другие попытки и планы.

§ 2. КАК ПИСЬМА ВХОДЯТ В ЛИТЕРАТУРУ

Переход эпистолярного творчества в литературное может происходить тремя путями. На первом из них в литературу переходит лишь форма, найденная и сформировавшаяся в рамках собственно эпистолярной деятельности, некоторые навыки и приемы, выработанные в ходе переписки. Эпистолярное творчество по отношению к художественному выступает в качестве своеобразного испытательного полигона. При этом в нем могут формироваться как собственно «эпистолоподобные» формы литературного творчества, так и более общие принципы и свойства последнего — например, конструкция диалога или даже общий стиль прозаической речи. Так, А. З. Лежнев считал письма Пушкина «лабораторией его прозы» и ее генетическим фондом: «Все, что проявилось в ней и что не успело или не сумело проявиться, заложено в его письмах. Отсюда, как из центра, излучаются все ее тенденции»⁹³.

Второй и третий пути перехода писем в литературу связаны уже с использованием не принципов и форм эпистолярного творчества, но его готовых продуктов — самих писем. Коренная разница письма коммуникативного, эмпирического и письма литературного заключена в их адресате: коммуникативное письмо адресовано конкретному лицу или фиксированной группе лиц, литературное — произвольному, неопределенному кругу лиц, которые захотят его прочесть. Соответственно переход письма в литературу требует его *переадресации*. Она может происходить двояко: либо в процессе создания письма, либо постфактум, посредством размножения уже созданного письма. Переадресация в процессе создания письма типична для эпох, в которые частная переписка котируется в обществе как литературный жанр, а передача письма из рук в руки или чтение его вслух считаются нормальным явлением, причем передаваться и читаться может непосредственно оригинал письма. В русской истории таковой принято считать пушкинскую эпоху, первую треть XIX в., но, согласно недавним исследованиям, подобные же явления были характерны и для последней трети XVIII в.⁹⁴ Переадресация неопределенному читателю готового письма происходит всегда какой-то срок спустя после его написания и обычно предполагает публикацию или по крайней мере размножение письма во многих экземплярах. Чаще всего такая переадресация производится после смерти автора специальным лицом, отсутствующим в нормальной эпистолярной коммуникации, — публикатором. Публикатором может стать, конечно, и автор, и адресат письма, но и в этом случае позиция каждого из них по отношению к письму принципиально иная, чем в момент самой переписки. В результате публикации письмо одновременно становится и литературным фактом, и историческим документом. Какая из этих двух функций выйдет на первый план, зависит от целей, преследуемых публикатором, и от общего состава публикации. Так, обильные эпистолярные включения в книгах В. А. Каверина «Письменный стол» и «Литератор», призванные иллюстрировать, продолжать, а иной раз и заменять воспоминания автора, являются в первую очередь документами эпохи. А во втором акте пьесы В. Славкина «Серсо» фрагменты писем реальных исторических лиц, будучи передоверены персонажам пьесы, создают именно художественный образ домашнего уюта и душевного покоя, утраченных современным человеком⁹⁵.

Какие из очерченных трех путей перехода писем в литературу использовались или предполагались Брюсовым для тетрадного массива?

§ 3. ЭПИСТОЛЯРНАЯ ФОРМА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И КРИТИЧЕСКИХ ОПЫТАХ МОЛОДОГО БРЮСОВА

Первую возможность, выработку в собственных письмах форм и принципов творчества художественного, надо, конечно, рассматривать на материале всего брюсовского эпистолярного творчества 90-х годов. И все же в той мере, в какой речь идет не об озарениях, не об отдельных находках, а именно о *выработке, овладении*, на первый план выступает, конечно, именно тетрадный массив как содержащий те письма, над которыми действительно велась работа, и документирующий их творческую историю.

Ставить вопрос о том, были ли письма истоком каких-то общих стилеобразующих принципов брюсовской прозы, сегодня преждевременно: слишком мало еще изучена сама эта проза. Но вот о том, что по мере обогащения собственного эпистолярного опыта совершенствовалось и владение молодого писателя эпистолярной формой как элементом художественного произведения, материал рабочих тетрадей позволяет говорить с уверенностью.

Первым опытом применения эпистолярной формы для воплощения неэпистолярного, по сути литературного, замысла в брюсовском творчестве следует, по-видимому, считать статью «Ответ», помещенную в качестве предисловия во втором выпуске «Русских символистов»⁸⁶. Знакомство с тетрадями показывает, что первоначальные редакции этого вступления, называвшиеся тогда «Profession de foi»*, не содержали никаких признаков эпистолярной формы⁸⁷. Сопоставление хронологических рамок работы над «Profession de foi» и «Ответом» показывает, что мысль построить статью в форме ответного письма некоему условному адресату — «очаровательной незнакомке» — пришла Брюсову вскоре после того, как он получил некое анонимное женское письмо с «безграмотными стихами» и написал ответ на него — п. 13. В известном смысле п. 13 может поэтому считаться прообразом статьи «Ответ»: в нем была отработана литературная форма письма к анонимному корреспонденту, интересующемуся литературой и знакомому с первым выпуском «Русских символистов».

В тетрадях сохранились еще, по крайней мере, три опыта использования эпистолярной формы в художественных или художественно-документальных произведениях. Один из них был декларирован самим автором. «Путевые заметки» о заграничной поездке 1897 г. имеют подзаголовок «Из писем к М.», и, как увидим ниже, Брюсов даже собирался печатать их под одним переплетом с настоящими письмами. Но насколько выдержана в них эпистолярная форма или хотя бы установка на нее? Вот, к примеру, самое начало заметок:

«Вечереет. Пролетка дребезжит по скверной мостовой. Тянутся мимо кривые домики предместий.

Час настал. Я покидаю все. Я брошу цепи мелочей и пошлости, которыми сам опутал себя с улыбкой. А! Я верил в свои силы, я верил в талисман поэзии. Я опускался на самое дно жизни и говорил себе, что без усилия опять подымусь на поверхность, свободный и как прежде могучий. Но водоросли оплели меня, оковали. Горе! как бессильны были мои порывы; жалко взмахнув руками, я падал снова на промокший, жесткий песок.

Но теперь! — Все кончено разом. Я покидаю все. Я забуду все. Здравствуй одиночество, целостное, святое. Новые города, великие реки, славные прошлым, пленительные случайности, встречи. Я вернусь к прошлому, я стану прежним, юным, дерзновенным. Я найду рифмы, я буду мечтать, я буду молиться... Господи! да будет это возрождением!

... Крик. Какой-то мужчина взмахнул руками и повалился головой на мостовую. В ужасе я соскочил с пролетки. Закатившиеся белки, судорожно бьющиеся руки... Эпилепсия. Прохожие останавливались»⁸⁸.

Какие-то параллели между этим фрагментом и наиболее монологичными (см. гл. 2, § 4 и 6) из тетрадных писем провести, конечно, можно. Но в нем нет даже тех минимальных признаков ориентации на конкретного адресата, которые там присутствовали. Приведенный фрагмент, не будь перед ним подзаголовок, можно было бы принять и за рассказ и за дневниковую запись, а точнее, за смесь того и другого. Собственно, жанр путевых заметок и требует такой смеси. Но у Брюсова она не вполне еще органична, эту неорганичность выдает неестественность интонации, резко отделяющая заметки от тех же монологических писем, в которых и раскаяние, и патетика интонационно естественны и достоверны.

Но, когда Брюсов в том же 1897 г. попытался применить в художественных целях эпистолярную форму в чистом виде, это получилось у него гораздо убедительнее и органичнее.

* Символ веры, кредо (франц.).

Первая из таких попыток была сделана еще в январе 1897 г. В тетради 30 между автографами п. 56 и черного варианта письма Вл. Гиппиусу от 29 января 1897 г. (о котором уже речь шла выше — гл. 1, § 5) встречаем такой набросок: «Простите... Я вероятно, не сумею рассказать все по порядку, ясно. Я растерян, я буду сбиваться. Когда-то я думал, что ясность — вздор. Пожалуй, я и теперь так думаю... Впрочем, извините.

Я сделаю попытку писать, как все. Ну вот, если б я вздумал неграмотному рассказать историю. Как рассказывают другие. Я начну»⁹⁹.

Естественность речи здесь такова, что возникает даже соблазн счесть набросок началом собственного брюсовского письма, тем более что уподобление рассказыванию истории неграмотному немедленно напоминает нам о планах популярного учебника истории, которые будут занимать Брюсова годом позже (см. п. 81 и прим. к нему). Но установка на систематическую исповедь брюсовской переписке конца 1896—1897 гг. совсем не свойственна, да среди его адресатов этого периода и не было никого, перед кем он испытывал бы то смирение и робость, какими исполнен приведенный фрагмент. Эти два обстоятельства сразу наводят на мысль, что перед нами вымышленное письмо, которым должно было начинаться некое задуманное Брюсовым художественное произведение.

Никаких других набросков, современных приведенному, пока не обнаружено. Но в пользу его квалификации как фрагмента неосуществленного художественного замысла говорит третий, во многом аналогичный, но уже не допускающий разных толкований пример применения эпистолярной формы. Полгода спустя, между 21 июня и 10 июля 1897 г., в той же тетради 32, в которой находится процитированный вариант начала «Путевых заметок», был начат очередной вариант романа «Это история моего возрождения». Записанный здесь текст опят-таки представляет собой письмо:

«Вы приказали мне, матушка, рассказать письменно свое прошлое. Каюсь перед Вами, что первое время бремя это казалось мне слишком тяжелым. Только искренняя вера в целебную силу повин(ов)ения заставила меня исполнить этот труд. Но теперь, когда он совершен, всей душой чувствую я, как много было в нем блага. Рассказывая устно, многое не договариваешь, потому что видишь, что слушающий уже понял все. Когда же я должна была передать свою исповедь на бумаге, пришлось не останавливаться ни перед чем, рыдать и все-таки сказать все, до последнего слова. Пришлось при этом вдуматься во все события и много нового открылось мне в них. Искренно говорю Вам, что пересмотрев вновь и перечувствовав все мерзости моего прошлого, я еще с большим ужасом смотрю на него. Верю и надеюсь, что бог даст мне дни бытия, чтобы живым раскаяньем искупить мои великие заблуждения.

В рассказе я почти ничего не пишу о своем детстве. Первоначально думала я подробно рассказать многое, чтобы уяснить, как сложился мой характер, но после поняла я, что моей скрытой целью было остановиться на светлых воспоминаниях о днях если не чистоты, то хоть неведения. По той же самой причине я избегала в повести не относящегося прямо к моим заблуждениям, стараясь написать только то, в чем надо каяться.

Должна Вам сделать и еще одно признание. Окончив рукопись, я задумала было исправить в ней недостатки слога и рассказа и начала переписывать ее. Но это намерение, в котором сказались мои прежние стремления, было, конечно, внушено тоже греховным желанием — казаться лучше, чем я в действительности. Посему начатую переделку я уничтожила и Вам при этом посылаю черновую рукопись.

Испрашиваю благословения Вашего

Ваша недостойная дочь по духу Л. С.»¹⁰⁰.

Сходство двух отрывков весьма наглядно. И там, и там предполагался подробный рассказ о прошлом автора «письма», предваряемый самим «письмом», адресованным к тому же лицу, к кому будет обращен и весь рассказ. В обоих случаях автор «письма» относится к адресату с робостью, ощущает разделяющую их дистанцию. Во втором «письме» также встречаются мысли, которые можно было бы атрибутировать самому Брюсову. Так, слова о «неправильности» стиля и намеренном характере этой неправильности почти совпадают с написанными чуть позже о языке тех писем, которые Брюсов собирался включить в книгу «Мои письма» (см. «Приложение 1» в конце нашей публикации). А концовка о посылке «черновой рукописи» живо напоминает историю того же 1897 г. с п. 61 и 65 к З. А. Бакулиной (см. п. 65, прим. 5). Но в отличие от январского летнее «письмо» написано от лица женщины. Об-

раз этого «автора» создается достаточно непротиворечиво и убедительно, чему немало способствует интонация, уже не взбудораженная как в январском «письме», а спокойная, печально-рассудительная, но столь же достоверная. Поэтому возможность отождествить «автора» с Брюсовым и принять «письмо» за брюсовское обращение к одному из его реальных знакомых здесь исключена. Сходство формы и функции, которую можно определить как «эпистолярное введение, предварение», повышает вероятность того, что и январский фрагмент имел художественный характер, а возможно, даже и относился к замыслу того же романа.

Мы проследили все выявленные в рабочих тетрадах случаи первого типа перехода письма в литературу — через заимствование для неэпистолярного замысла эпистолярной формы. Обратимся к двум другим типам, предполагающим уже использование не только формы письма, но готовых эмпирических писем.

§ 4. МОЖНО ЛИ АДРЕСОВАТЬ ПИСЬМО СРАЗУ НЕСКОЛЬКИМ ЛИЦАМ?

Второй тип, предполагающий ориентацию на неопределенную и, возможно, неограниченную группу адресатов уже в процессе создания письма, для эпохи литературного безвременья конца XIX в. в России не был характерен. Причина этого прежде всего, видимо, в том, что отсутствовала среда, способствовавшая его распространению, — дружеские литературные кружки, салоны единомышленников. Да и вообще устные private формы бытования литературы все больше отступали перед разветвленной периодикой и другими публичными формами приближавшегося века массовой коммуникации.

Правда, молодой Брюсов от этих последних форм был в значительной степени отторжен, печатался только на свои скудные средства. И, возможно, он был бы совсем не прочь возобновить «дружеское письмо» как литературный жанр — будь у него на деле некоторый спаянный круг единомышленников и соратников. Не случайно на «сдвоенные» на одном листке письма Вл. Гишнуса и А. Добролюбова он отвечал только письмом к Добролюбову (п. 15), скорее всего полагая, что его письмо станет известно и Гишнусу, и прочим петербургским символистам-приятелям Добролюбова. Но такого круга Брюсову в те годы не суждено было найти — не только потому, что наиболее серьезные из его молодых адресатов, Бальмонт и Добролюбов, не примкнули к его начинаниям, но и потому, что и вне зависимости от Брюсова сами они оставались разрознены, каждый шел или блуждал собственными путями.

Поэтому к каждому из своих адресатов Брюсов обращался в отдельности. И тем не менее какой-то аналог «дружеского письма», пусть преобразованный и отдаленный, в брюсовской эпистолярной практике возник. Его адресаты не могли или не хотели объединиться в чтении его писем; как то делали, скажем, друзья Пушкина или же, в нашем веке, многочисленные родственники Н. К. и А. М. Метерер¹⁰¹. Но у автора оставалась возможность самому незримо для адресатов объединить их, написав им сходные или даже практически совпадающие письма. Так в тетрадах Брюсова появляется — правда, в единственном числе — феномен, до тех пор не характерный для истории русского эпистолярного жанра или же не привлекавший пока должного внимания исследователей. Это черновик из тетради 26, озаглавленный: «Схема письма (4 декабря 96 к Жене, 5-го декабря к Курсинскому)... января 97 к Бальмонту» (п. 55В). Мы не можем проверить, насколько различались все письма, отправленные в эти числа указанным адресатам, — но дошедшее до нас письмо к Курсинскому существенных отклонений от тетрадной «схемы» не содержит. Можно предположить, что и два других письма, если они были посланы, также не имели таких отличий.

Первое, что, наверное, придет в голову читателю при сообщении о «схеме», — желание лишний раз возмутиться механическим усердием и методичностью Брюсова: вот, мол, даже письма к друзьям и возлюбленной писал с одного черновика, тиражировал, как говорят в концовке своего вступления к публикуемой в наст. кн. переписке с Курсинским А. А. Козловский и Р. Л. Щербаков, «под копирку». Но присмотримся к обнаруженному явлению повнимательнее. Действительно ли его возникновение объяснялось стремлением автора облегчить, ускорить и частично механизировать свой эпистолярный труд? Позднее Брюсов сам был склонен подчеркивать именно этот момент, когда писал Самыгину: «Отсюда приходилось писать так много писем, что у меня выработался особый эпистолярный стиль и пишу я всем одно и то же или почти. Вам мне этого писать не хотелось» (наст. кн., Письма к Самыгину, п. 31; цити-

рую черновик письма). Последние слова намекают на то, что письма сходного содержания направлялись корреспондентам, общение с которыми не было в тот момент особенно значимым для Брюсова. Однако к процитированному авторскому свидетельству следует отнестись с известным недоверием. Помимо разбираемой, нам достоверно известна лишь одна эпистолярная «схема» — знаменитое «письмо из Ревеля Ореусу, Балтрушайтису, Шестеркиной и Бальмонту»¹⁰². Кроме того, написанные год спустя в Петровско-Разумовском письме к Шестеркиной, Коневскому, Бунину и Курсинскому¹⁰³ по стелени своего сходства позволяют такую схему реконструировать. И оказывается, что все названные «схемные» письма 1900 и 1901 гг. посвящены совсем не проходным вопросам и отнюдь не бытовым впечатлениям. Связанные рядом важных тем и образов с брюсовской поэзией, да и сами построенные как стихотворения в прозе, эти письма свидетельствуют, что Брюсов прибегал к подобному способу переписки не тогда, когда ему было некогда, а тогда, когда впечатления, ложившиеся в основу письма, тяготели к художественному литературному их освоению.

Более ранняя «схема» из рабочей тетради, собственно, вполне подтверждает это предположение. Начинаясь как письмо прозаическое и на всем протяжении сообщая определенные фактические сведения, она по мере развертывания все более тяготеет к поэтическому типу (в смысле, определенном выше, в § 7 гл. 2). В ней немало мировоззренческих, значимых для автора положений, но все они подаются либо непосредственно в форме поэтических образов, либо как выводы из образных картин.

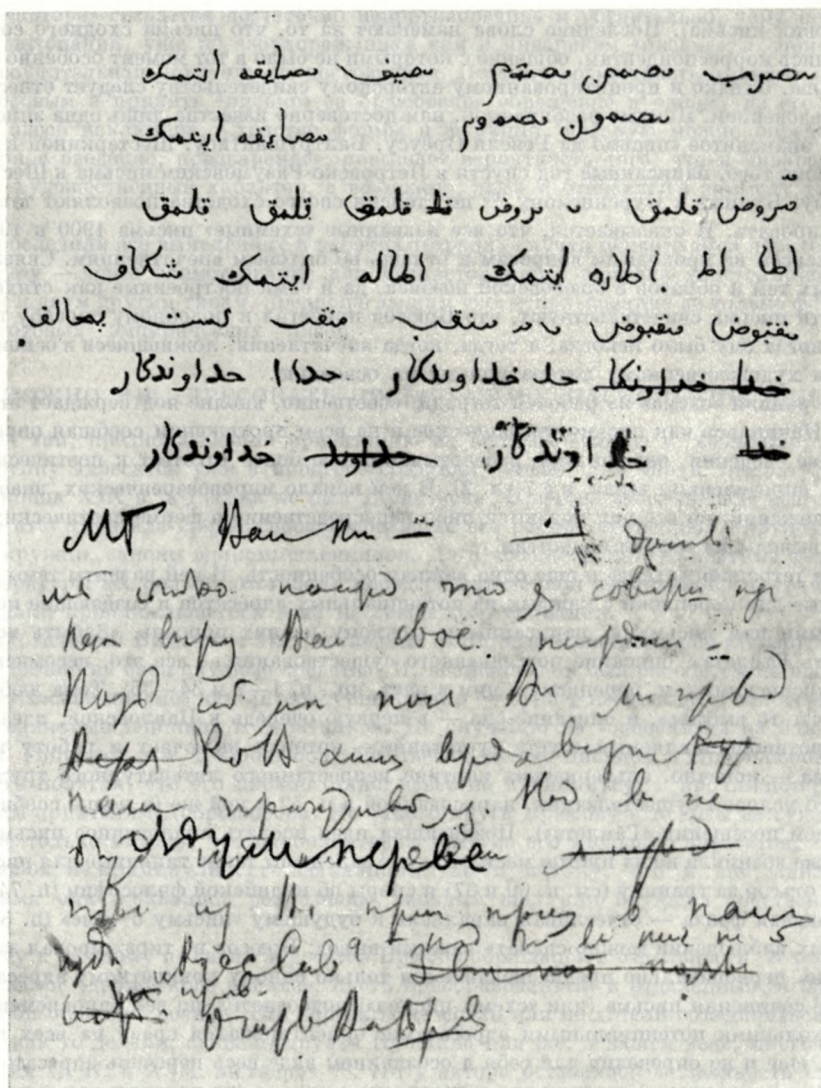
Есть в тетрадной «схеме» и еще одна важная особенность. В ней развиты темы и образы, характерные для переписки с каждым из потенциальных адресатов и создающие перекличку с известными нам письмами, написанными каждому из них порознь. «Забыть все рифмы» и «смотреть Гамлета», описание повседневного существования — все это, несомненно, адресовано Курсинскому (см. переписку с ним в наст. кн., п. 1—2 и 34—35). Тема любви, заслоняющей «что-то высшее», и описание сна — в первую очередь к Павловской, идеал простой жизни, противопоставляемый «суете суетствий», — которая включает и работу над одами Ломоносова, — конечно, альтернатива картине непрерывного литературного труда как непрерывного условия существования, нарисованной в п. 52 к ней же (в конце сообщалось и о предстоящем посещении «Гамлета»). Позднейшая идея послать аналогичное письмо к Бальмонту также возникла не на пустом месте: в схеме заложены такие типичные для писем к нему темы, как отъезд за границу (см. п. 60 и 67) и споры об индийской философии (п. 74, 76, 101), а заключающая фраза — отчетливая параллель к будущему «письму о чуме» (п. 88).

Из этих наблюдений можно сделать важный вывод: Брюсов не тиражировал задним числом письмо, первоначально предназначавшееся только одному конкретному адресату, а уже в процессе сочинения письма (или «схемы письма») подсознательно вел одновременный диалог с несколькими потенциальными адресатами, ориентировался сразу на всех них (хотя, возможно, еще и не определив для себя в осознанном виде весь перечень адресатов). Вместе с поэтическим характером содержания и построения письма эта изначальная и неопределенная многоадресность «схемы» и дает нам право видеть в брюсовских «схемах» аналог «дружеского литературного письма» первой четверти XIX в. Так реализовался у Брюсова второй из трех перечисленных выше путей превращения реального «коммуникативного» письма в литературный факт.

§ 5. «МОИ ПИСЬМА» КАК СБОРНИК РЕАЛЬНЫХ ПИСЕМ

Выше, в § 2, были намечены три пути перехода писем в литературу. Рассмотренный в предыдущем разделе второй путь, как легко видеть, не предполагает, собственно, никакого «перехода» как особой стадии — письмо становится литературным фактом уже в процессе своего создания. В отличие от него третий путь, предполагающий использование в литературе целостного продукта эпистолярного творчества, без такой особой стадии перехода немыслим. Письмо создается исключительно как факт коммуникативный, а затем уже, осуществив свое первичное коммуникативное назначение, переадресовывается в результате публикации и входит в литературу.

С частичными планами такой переадресации старых тетрадных писем мы столкнулись выше, при разговоре о книге «Мои черновые тетради». Но еще ранее у Брюсова возник план специальной книги «Мои письма». В ней письма должны были представлять уже не тетради, а самих себя. В литературу вводился не особый «частный» источник, как в замысле «Моих

СТРАНИЦА ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ БРЮСОВА

Внизу — автограф письма к Приске де Ландель (п. 25)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

черновых тетрадей», не «журнал для себя», а частный жанр, в данную эпоху нечитавшийся далеко от литературы.

Впервые замысел «Моих писем» оформляется, по-видимому, в июне 1897 г., вскоре после возвращения из скромной поездки в Германию (см. п. 68—70). В тетради 33 посреди черновой рукописи «Путевых записок», окончание которой датировано 7 июня¹⁰⁴, слева от нового варианта их начала записан такой план:

«Путевые записки (из писем к М.)

Письма о поэзии

Письма о любви

Письма к друзьям (личные)

Добавления к „Me eum esse“¹⁰⁵.

Заглавия плана еще нет, но его содержание не оставляет сомнения, что перед нами план книги писем. «Путевые записки», как мы уже знаем, были письмами «ненастоящими», литературными, а что можно сказать о трех последующих рубриках?

Ответ вместе с заглавием книги в той же тетради — это Предисловие к «Моим письмам» (см. «Приложение I» в конце нашей публикации; план предисловия набросан на лицевой стороне того листа, на обороте которого помещен приведенный план самой книги). В нем Брюсов четко заявляет, что «книга составила́сь из писем», не только действительно написанных в свое время автором, но и «посланных знакомым и приятелям», т. е. осуществивших свою коммуникативную функцию. Единственное, что Брюсов намеревался «исправлять» во включаемых в книгу письмах,— это слог, язык. Но и здесь исправления отнюдь не должны были затушевывать индивидуальность писем, приблизить их стиль к стандарту. «Намеренная неправильность» слога в книге не только сохранялась, но, возможно, даже и подчеркивалась: «Слог моей книги (. . .) образец неправильного стиля». Подлинные письма с сохранением даже тех чувств и мыслей, которые автор ныне желал бы «вычеркнуть из своей жизни», и неправильностей стиля предполагалось поместить в обрамлении «Путевых записок», видевшихся теперь автору «описательной поэмой»¹⁰⁶, и стихов, составлявших последний раздел. Такой контекст, безусловно, подчеркивал бы одновременно и коммуникативную подлинность писем, и их новую, чисто литературную функцию.

На практике из всего плана был реализован, да и то три года спустя и, по-видимому, в ином составе, лишь последний, неэпистолярный раздел Добавления к «Me eum esse»¹⁰⁷. Но замысел «Моих писем» был не вовсе оставлен Брюсовым. Новое упоминание о нем появляется год спустя, летом (скорее всего — в июне) 1898 г., когда на заднем форзаце тетради № 39 был записан длинный, из 14 пунктов, перечень «Что предстоит сделать? — Прозой с июля 1898 г.», включающий и художественные, и научные произведения. Под ним приписка: «Закончен(о) не буд(ет) 1) Мои П(исьма) 2) Мои За(писные) кн(ижки)»¹⁰⁸. По-видимому, приписка эта отражала пришедшее ощущение сложности подготовки к печати обеих книг, основанных на сугубо частных, бытовых жанрах и формах.

§ 6. «ПОУЧЕНИЯ»: ПИСЬМА К УСЛОВНЫМ АДРЕСАТАМ

Да и мучительная работа над все новыми вариантами числившейся в упомянутом перечне в разделе «Кончи» под № 12 «статьи о Искусстве» отодвинула все остальные прозаические замыслы. Однако уже через два дня после окончания «О искусстве», 15 августа, в дневнике появляется запись: «Заняться с осени книгами...», в которой под № 3 значилось: «Поучения в письмах. М(ои) П(исьма)»¹⁰⁹.

Новое заглавие отражало новую, уверенную и победительную интонацию, обретенную брюсовскими письмами на третьем этапе (см. гл. 2, § 8) и особенно окрещую именно в пору завершения «О искусстве», в августе—начале сентября 1898 г. в письмах к Самыгину, Добролюбову, Бальмонту (п. 79—86, а также наст. кн., Письма к Самыгину, п. 20—22), посвященных коренным онтологическим и этическим проблемам. Не исключено, однако, что в таком заглавии сказалось и изменение установок в вопросе о соотношении эмпирических и собственно литературных писем в составе будущей книги. Летом 1897 г. Брюсов, как мы видели, собирался включать в нее лишь реально отосланные письма. Появившееся в 1898 г. в заглавии неэпистолярное жанровое обозначение «Поучения» недаром перекликалось с концовкой предыдущей дневниковой записи: «Благословенна воскресающая гордость вождя»¹¹⁰. Вождь ведь, как правило, обращается — в том числе и с поучениями — не к отдельному ведомому им воину, а ко всему войску. Не исключение, что такую же адресацию должна была, как казалось в тот момент Брюсову, обрести и книга «Мои письма». Во всяком случае, именно тогда, за четыре дня до процитированной дневниковой программы на осень, в тетради 39 появляется первое во всем тетрадном массиве письмо с условно обозначенным адресатом «R***» — п. 81.

Поскольку тетради не предназначались для демонстрации, вводить в них зашифрованное обозначение реального адресата не было никакой необходимости: Значит, п. 81 и не имело никакого эмпирического адресата, а с самого начала писалось как письмо литературное, по-видимому предназначавшееся специально для «Моих писем». Возможно, что таким же специально написанным для этой книги «литературным письмом» является и записанное в той же тетради между реальными письмами к Добролюбову стихотворение в прозе «О чем ты плачешь, милый?», приведенное выше, в § 7 гл. 2.

§ 7. ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ПИСЕМ

Возникшее желание включить в «Мои письма» также и письма литературные, специально сочиненные, не могло не поколебать и декларированное в предисловии 1897 г. намерение помещать реальные письма в том виде, в каком они были посланы адресатам. В этом убеждает самая большая из подборок материала для «Моих писем», содержащаяся в карманной тетрадке «Мои стихи (к сборнику „Согоня“) № 10». Подборка эта распадается на две компактно расположенных части. Первой, включающей пять писем, предпослано заглавие «Мои письма». Перед второй частью, состоящей из двух писем, такого заглавия нет, но причастность и этих писем к замыслу «Моих писем» подтверждается соблюдением в них той регулярной формы обозначения адресатов, что принята в первой части¹¹¹.

Письма первой части подборки, по-видимому, появились в тетрадке в конце сентября — начале октября 1898 г.¹¹² И тип источника (тетрадка), и черновой характер автографов побуждали исследователей рассматривать их аналогично письмам из рабочих тетрадей: как варианты реальных писем к реальным корреспондентам. Как более поздние, автографы из этой подборки даже предпочитались тетрадным при публикации и цитировании¹¹³. Между тем и предупреждающее заглавие, и само местоположение подборки наводят на мысль о более сложном происхождении включенных в нее эпистолярных материалов. С тех пор, как тетрадки «Мои стихи» отпочковались от общего ряда рабочих тетрадей (см. прим. 8 к данной статье), Брюсов старался соблюдать принцип их разделения, и в частности практически никогда не работал в «стихотворных» тетрадках над письмами. Нарушив в данном случае эту привычку, он, однако, сделал это не в очередной тетрадке с новыми стихами, а в особой тетрадке, предназначавшейся специально для работы над новой книгой стихов, будущей «*Tertia Vigilia*». В связи с таким назначением тетрадки многие стихи в нее переносились из предыдущих, подчас весьма давних тетрадок и порой подвергались довольно серьезной доработке. Логично будет предположить, что так же поступал он в этой тетрадке и с материалами для книги «Мои письма».

В самом деле, хотя пять писем, составившие первую часть подборки, действительно имеют определенные (впрочем, как увидим, подчас довольно прихотливые) соответствия среди тетрадных писем, уже порядок их расположения неопровержимо свидетельствует, что переписал их Брюсов в «стихотворную» тетрадку отнюдь не для отработки перед отправкой к адресату. Тетрадные прообразы материалов подборки были записаны на протяжении почти двух месяцев, с августа по октябрь, и даже не в одной тетради, а в подборке все пять писем выписаны одно за другим на трех листочках. И тот факт, что пятое письмо, помеченное здесь 8 августа, идет после четвертого, помеченного 15 августа, а оба они — после отнесенных к сентябрю второго и третьего, неопровержимо свидетельствует, что подборка составлялась уже после отсылки реальных писем адресатам. Расположение писем в пронумерованные серии по адресатам показывает, что эта подборка действительно готовилась для книги, а значит, и содержащаяся в ней правка отражает работу, проводившуюся непосредственно для книги, а не ради совершенствования реальных писем.

Сопоставив письма подборки с их тетрадными прообразами, мы увидим следы переработки не только в поправках и вымарках, но и в основном слое текста. И характер переработки на этот раз выводит ее далеко за рамки стремления исправить отдельные погрешности стиля, декларированного в предисловии к «Моим письмам» 1897 г. Перед нами последовательное преобразование, затрагивающее не только состав эпистолярного текста и его семантику, но и такие аспекты коммуникативного поведения, как выбор и форма указания адресатов, хронологическая привязка письма, отношения между участниками переписки. Не только отдельное письмо, но и вся совокупность писем сознательно превращалась из факта бытового в собственно литературный.

Замечаешь это уже по предпосланным всем письмам обозначениям адресатов. Правда, Брюсову не раз случалось пользоваться сокращениями и в рабочих тетрадках. Но там они не имели постоянной формы и применялись спорадически, свободно чередуясь и с указаниями полной фамилии, и с инициалами, и просто с отсутствием всякого обозначения адресата. Здесь же, в тетрадке «Мои стихи», все адресаты заданы либо первыми буквами имени или фамилии, либо первыми и последними буквами фамилии, и обозначение каждого адресата задается один раз для всей серии обращенных к нему писем. Перед нами сознательно проводимый прием (недаром первое письмо второй части подборки Брюсов счел нужным предварить

таким же сокращенным обозначением адресата «К Бу-у», несмотря на наличие в самом автографе полного указания «К Бунину»). Литературный смысл такого приема состоял в затушевке бытовой адресации письма. Благодаря этому центр тяжести переносился на содержание письма, с вопроса «кому написано?» на вопрос «что написано?». Но в то же время это была именно затушевка, а не отмена адресации. Выбранная сокращенная форма по-прежнему предполагала наличие у писем реальных конкретных адресатов (ср. с условным адресатом п. 81) и оставляла читателю возможность догадки — а кто же именно скрывается за обозначением.

Порой может даже показаться, что Брюсов старается облегчить такую догадку, подкачать читателю ответ. Так, первые три письма подборки, безусловно, восходят к трем тетрадным письмам к Самыгину (см. прим. 113) и, казалось бы, должны были получить обозначение «К М. С.» или «С-ну». Вместо этого им предпослано указание «К М(арку) К(риницкому)». Адресат реальных писем, Михаил Владимирович Самыгин, частное лицо, хорошо знакомое Брюсову, но неведомое читательской аудитории, уступал место достаточно широко известному уже беллетристу. Но этот «шаг навстречу» читателю одновременно позволял Брюсову еще больше усилить эффект устранения полного имени: отдаляя и отстраняя письмо и читателя от контекста конкретной переписки и своих отношений с адресатом, он тем вернее переключал письмо в ряд явлений собственно литературных.

Такое же стремление прослеживается и непосредственно в тексте писем «К М. К.». Помимо собственно стилистической правки и композиционных перестановок, в них заметно стремление изъять подробности, слишком жестко связанные биографически с адресатом, а отчасти и с автором письма. В первом из трех писем это упоминание названий парка, в котором состоялась предыдущая беседа Брюсова с Самыгиным, и замысла самыгинского произведения. В третьем письме опущен эпитафия из встречного письма Самыгина, а высказывания о себе Брюсов заменил призывами, обращенными к адресату, а то и ко всем читателям письма: вместо «Я не боюсь зла» — «Не бойтесь зла», вместо «Я ответил на призыв и переоценил ценности» — соответственно «Ответим...» и «...переоценим», вместо «И не отступаю я перед нарушениями...» — «Не отступайте». Наконец, еще в большей степени выводила письмо из рамок реальной переписки обозначенная под ним его новая дата, 25 сентября 1898 г., тогда как в реальности Брюсов уже 9 сентября сел за следующее письмо к Самыгину, имевшее целью прокомментировать разбираемое письмо (наст. кн., Письма к Самыгину, п. 22).

В тексте четвертого письма из подборки в тетрадке «Мои стихи...» таких изменений по сравнению с его тетрадным прототипом, как в письмах «К М. К.», нет — оно практически совпадает с п. 82 нашей публикации. Тем разительнее изменение, с которым мы сталкиваемся в его адресации: в рабочей тетради оно было адресовано Добролюбову, в подборке «Мои письма» ему предпослано указание «К Бальмонту». 1). Конечно, зная о существовании у Брюсова «схем писем», нельзя исключить, что соответствующее письмо в действительности было послано и Добролюбову, и Бальмонту (тем более что зачеркнутая помета «К Бальмонту» в рабочей тетради имела, см. п. 82, преамбулу к комм.). Более того, поскольку это письмо — ярко выраженный пример монологического поэтического письма (ср. § 6—7 гл. 2) с полным отсутствием какого-либо образа адресата, нельзя исключить и того, что Брюсов, создав и отработав его в тетради 39 как письмо к Добролюбову, затем передумал и отправил его к Бальмонту, поступив как герой А. де Мюссе, упомянутый в конце п. 29. Более вероятно, однако, другое. Цифры «1», стоящие в тетрадке «Мои стихи» и перед данным письмом, и перед следующим, обозначенным как письмо «К Д(обролюбову), свидетельствуют, что к «Ба-у» и к «Д.» в «Моих письмах» должно было быть обращено по несколько писем. И п. 82 оказалось более соответствующим образу адресата, который должен был возникнуть из серии, обращенной к Бальмонту, нежели тому, который должна была создавать серия писем к Добролюбову, — благо, что, повторим, никаких признаков эмпирического адресата в письме не было.

Замена Добролюбова Бальмонтом напоминает замену Самыгина Криницким. Есть, однако, и определенное отличие. Там была замена неизвестного известным, чтобы активизировать образ, уже имевшийся у читателя. Здесь же обе фамилии могли предполагаться известными и обе в сокращенном виде должны были присутствовать в книге. Замена же имела целью создание нового образа адресата средствами самих писем. Это означало гораздо большее, нежели в письмах «К М. К.», «олитеруивание» реальных писем. В еще большей степени «олитеруивание», стремление строить на основе реальных писем новые, собст-

венно литературные сущности проявилось в пятом письме подборки «Мои письма», которое уже невозможно соотнести с каким-то одним конкретным тетрадным письмом и приходится поэтому полностью поместить в Приложения 2 в конце публикации как самостоятельное произведение.

Адресовано оно, как уже упоминалось, Добролюбову и датировано 8 августа 1898 г. В тетрадном массиве среди писем к Добролюбову письма с такой датой нет. Ближайший к ней по времени и совпадающий по начальным словам тетрадный черновик (п. 79) датирован 10 августа. Поэтому даже если бы тексты в основном совпадали, предположить, как то было бы естественно при обратном соотношении дат, что дата в «Моих письмах» обозначает число реальной отправки, невозможно. Соответственно дату «Моих писем» приходится признать вымышленной.

Но датой вымысел не ограничивается. С п. 79 в анализируемом письме совпадает лишь начало — даже не вся первая фраза, а две ее первых синтагмы. Окончание первой фразы, а также вторая и третья фразы оказываются почти полностью заимствованными из другого реального письма, написанного более чем полмесяца спустя, — п. 83. Остальная часть первого абзаца письма для книги снова возвращает нас к первому абзацу п. 79. Второй же абзац письма для книги практически полностью включил в себе еще одно, третье реальное тетрадное письмо — п. 80 от 11 августа.

Таким образом, в «Моих письмах» серия писем к Добролюбову должна была открываться не реальным письмом к нему, а «сводным», сконструированным на основе трех реальных писем. Характер конструкции недвусмыслен: перед нами не вовсе сочиненное, никогда не бывшее письмо, а квинтэссенция, художественная концентрация содержания и стиля реальных писем, воплощение типических особенностей действительных брюсовских писем к Добролюбову лета и осени 1898 г. Однако это именно концентрат, а не объединение реальных писем.

Составляя сводное письмо, Брюсов почти ничего не добавил к использованному тексту «исходных писем». Но почти полностью в него вошло лишь одно из трех писем. Два других использованы частично, и изъятия из них не менее показательны, чем заимствования: Брюсов опустил практически все, что относилось к его собственной жизни, его мыслям и переживаниям, сохранив лишь связанное с воздействием на него адресата. В реальных письмах было два равноправных персонажа — автор и адресат, в письме для книги остался один герой — адресат, автор показан лишь через свое отношение к адресату.

Да и это отношение показано несколько иначе, чем в исходных письмах. Во-первых, заменен образ, который мог создать впечатление об адресате как представителе темных, злых сил: «черные крылья» из п. 83 стали в сводном письме «расширенными». Во-вторых, в практически полностью вошедшем в сводное письмо письме 80 опущено указание на отстраненность своей нынешней позиции по отношению к Добролюбову: «Могу только смотреть и ждать». В-третьих, если в п. 79 вопрос: «Будет ли так теперь?» — оставался без ответа, то в сводном письме на него дан положительный ответ: «— Верю». Итак, образ Добролюбова должен был представлять в книге еще более «положительным», чем в реальных письмах, а автор выглядеть более преданным адептом адресата.

Подобное «олитературивание» прослеживается и в обоих письмах из второй части подборки (см. наст. публ., Прилож. 2, п. 2—3). Написаны они много позднее писем из первой части, не ранее конца июля 1899 г., и относятся, по существу, к другой стадии развития замысла «Моих писем» (см. о ней ниже, § 9). К этому времени Брюсов отказался от ведения рабочих тетрадей и жанровая чистота заполнения тетрадки «Мои стихи» несколько нарушилась: первое из двух писем (см. преамбулу к комм. к нему) было для Брюсова и черновиком реального письма, и заготовкой для книги. Сразу ли оно создавалось с «двойным прицелом», или же мысль использовать его для книги пришла позже, но сравнение с отосланным вариантом сразу обнаруживает в тексте из тетрадки пласты, несомненно обусловленные влиянием замысла «Моих писем».

Прежде всего в тексте из тетрадки, обрывающемся на многозначительной недосказанности, нет даже намека на занимающие две трети отправленного варианта практические предложения о публикации накопившихся у Брюсова «маленьких статей». В реальном обращении к Бунину эти предложения были едва ли не главным побудительным мотивом, и отработать их в черновике, как когда-то отработывались в п. 9 предложения, делавшиеся Зарину, было бы излишне. Но для книги они слишком заземлены, привязаны к конкрет-

ности повседневных забот автора и его отношений с данным адресатом — и в тексте тетрадки им не находится места.

Зато тема «маски», избираемой при первом выходе «к людям», в отосланном тексте несущая характер констатации, наблюдения над житейской повседневностью, в тетрадке поставлена в контекст давно занимавших Брюсова философско-мировоззренческих проблем: природы человеческого «я» и роли самопознания. Постановка этих проблем связывала письмо как с уже рассмотренными письмами из первой части подборки, так и со следующим за ним в тетрадке письмом «К Г. Б.», а употребление наряду со словом «маска» слова «личина», в отосланном варианте также отсутствующего, сразу соединяло письмо (см. прим. 1 к нему) с обсуждением коренной для брюсовской эстетики проблемы искренности художника в первой главе «О искусстве».

Наконец, крайне показательно, что в отосланный вариант не вошло и признание: «Писать к Вам мне странно и как-то заманчиво, словно я пишу в своем дневнике, словно это стихи, а не письмо...». Вряд ли Брюсов, делая это признание, не помнил, что пишет как раз в тетрадке «Мои стихи»...

Второе и последнее во второй части подборки письмо помечено «К Г. Б.». К кому бы из известных нам знакомых Брюсова ни отнесли мы эти инициалы (см. преамбулу к комм.), мы все время будем сталкиваться с парадоксами одного и того же типа. Скажем, Георг Бахман, человек широких интересов, вполне мог стать адресатом данного письма. Однако среди писем и записок Брюсова к Бахману, написанных в первые годы знакомства¹¹⁴, нет не только самого рассматриваемого письма, но ничего, что могло бы по содержанию и масштабу составить хоть приблизительную параллель к нему. Оба корреспондента жили в одном городе, регулярно встречались и все существенное обсуждали в беседах, письма же чаще всего служили лишь средством условиться о встрече. Небывалая на фоне этой реальной переписки содержательность письма из тетрадки «Мои стихи» может быть объяснена только тем, что оно создавалось как письмо литературное и конкретный адресат был лишь поводом к рассмотрению ставившейся в письме философской проблемы.

§ 8. ПИСЬМА ПО ПОВОДУ «О ИСКУССТВЕ». ПОНЯТИЕ ОБОБЩЕННОГО АДРЕСАТА

В промежутке между двумя частями рассмотренной подборки из тетрадки «Мои стихи» сложился еще один комплекс тетрадных писем, воплотивший особую модификацию замысла «Моих писем», целиком связанную с книгой «О искусстве». Она вышла в свет в последней декаде ноября 1898 г., а 5 декабря Брюсов уже отметил в дневнике, что получил восторженное письмо о ней от Бальмонта и что остальные «друзья говорят о (...) книге довольно-таки вяло»¹¹⁵. По-видимому, именно эти «вялые» разговоры натолкнули Брюсова на мысль публично, в печати ответить на некоторые высказанные в них возражения, а заодно и развить положения, выдвинутые в книге, но не получившие в ней достаточного освещения. В принципе ответ этот мог бы обрести и неэпистолярную форму — можно было написать статью, так, как сам Брюсов поступил ранее в «Зоилах и Аристархах», отвечая критикам первых двух выпусков «Русских символистов». Но теперь у Брюсова не было альманаха, и печатать такую статью нужно было бы опять-таки отдельной книжкой. Главное же, в «Зоилах и Аристархах» Брюсов был заинтересован в том, чтобы дать общую картину реакции на предыдущие сборники, действительно имевшей массовый характер, классифицировать ее по типам и дать общий ответ всем критикам. «О искусстве» по понятным причинам такого массового отклика вызвать не могла. Да и сам Брюсов говорил теперь не от лица школы, а от себя лично, и ему было важно, что и читатели у него теперь есть индивидуальные, конкретные. Наиболее адекватной формой контакта, хотя бы и печатного, с индивидуализированными читателями естественно оказывались письма.

Коль скоро ответ мыслился индивидуализированным, такие письма не могли быть обращены, как еще совсем незадолго перед тем п. 81, к чисто условному адресату, обозначенному криптограммой. Но отвечать Брюсов хотел все-таки на возражения достаточно типические, в том числе и на те, которые приходили в голову ему самому при раздумьях о законченной книге. Для такой типизации ответа обращение в письме к конкретному знакомому, обозначенному реальным именем или литературным псевдонимом, — как то предполагалось на всех предшествующих стадиях развития замысла «Моих писем» — могло ока-

заться помехой. Да Брюсов, как свидетельствует его архив, и не получил такого количества письменных откликов на «О искусстве», которое могло бы послужить отправной точкой для всех видевшихся ему «ответов». А печатная адресация ответа конкретному лицу, высказавшему свои замечания в устной форме, была связана с рядом неудобств как морального, так и юридического толка (ср. начало п. 14 к Поливанову).

Выход был найден в том, что можно было бы назвать «обобщенной адресацией» писем. Место условного адресата, не имеющего никаких индивидуальных черт, и адресата эмпирического, отождествимого с конкретным здравствующим человеком, заняли *адресаты обобщенные* — обозначенные некоторой совокупностью черт, позволяющих представить себе облик некоторого ныне живущего человека, но не указывающих на него однозначно, не позволяющих отождествить его с конкретным лицом. Именно так построен новый, краткий план «Моих писем», записанный в тетради 42:

«Мои Письма

- 1) К молодому философу
- 2) К историку литературы
- 3) К защитнику экономического материализма
- 4) К одной женщине
- 5) К учителю»¹¹⁶.

Адресаты писем, как видим, обозначены по разным признакам: по профессиям, по профессии и полу, по убеждениям, по полу и, возможно, по отношениям с автором (письмо «К учителю»). Но всюду дается некоторая ниточка, позволяющая построить определенный начальный образ адресата и даже представить возможный исток его претензий к книге «О искусстве». Ну, а развить этот образ и расширить характеристику разногласий — дело самого письма.

Правда, в приведенном плане «О искусстве», строго говоря, не упоминается. Но на предшествующих листах той же тетради мы находим цикл из четырех, в разной степени законченных эпистолярных текстов (п. 92—95), которым предпослано дважды повторенное сокращенное заглавие «Из писем по поводу „О и(скусстве)»»¹¹⁷. Четвертое из них, адресованное «Экономическому материалисту», легко отождествляется с пунктом 3 приведенного плана. Второе и третье, адресованные «К Ф.», было бы соблазнительно соотнести с пунктом первым, расшифровав «Ф.» как «философу». Но открывающее второе письмо обращение: «Вы, защитник нашей истории словесности...» — показывает, что оба эти письма адресованы «историку литературы», аббревиатура же в данном случае образована от фамилии человека, являвшегося прототипом обобщенного адресата (см. п. 93, преамбулу к комм.). Пункту 1 плана по содержанию отвечает первое письмо данного цикла, в наибольшей степени утратившее собственно эпистолярную форму, о чем свидетельствует и данное ему «статейное» заглавие «Наука и вера».

Итак, из пяти пунктов нового плана «Моих писем» три могут быть с уверенностью отождествлены с элементами цикла «Из писем по поводу „О искусстве»». В пользу предположения о том, что на этом этапе развития замысла «Мои письма» целиком связывались с «О искусстве», говорит и анализ пункта 4. Брюсовского письма, которое можно было бы соотнести с этим пунктом, в архиве найти не удалось. Но зато из двух пока обнаруженных реальных писем к Брюсову по поводу «О искусстве» первое во времени и наиболее личностное принадлежало действительно женщине¹¹⁸. Некая москвичка, Ольга Николаевна Кастальская, с Брюсовым лично незнакомая, 17 января 1899 г. писала ему: «...я от всей души желаю оправдать декадентство (...) Читаешь Ваше „О искусстве” или „Наш мнимый упадок” Дягилева („Мир искусства”) и начинаешь верить, что в декадентстве есть смысл и хочется думать, что это не ложный путь — так душевно, искренно написаны эти статьи. Но подходяшь к декадентскому произведению (...) и овладевает тобой сначала недоумение, потом смех, а потом и горечь (...) может быть, так было потому, что до сих пор мне не приходилось видеть или читать произведения искреннего декадента (...) быть может, я до сих пор попадала на притворщиков (...). Решив, что «надо познакомиться с художественными произведениями декадента, в искренности которого она «была бы уверена», Кастальская выбрала Брюсова: «(...) по прочтении (...) „О искусстве” в искренности Вашей я сомневаться не могу. Но я вспомнила Вашу фразу, что скоро, очень скоро сборники Ваших стихотворений становились для Вас прошлым, и притом осужденным прошлым. А потому я и решилась просить Вас

назвать мне сборник Ваших стихотворений, который был бы для Вас настоящим в то время, как Вы писали (...) „О искусстве”¹¹⁹. Тон письма Кастаньской резко выделял его среди всех, в том числе и одобрительных, отзывов, какие случалось Брюсову получать на предыдущие публикации. Таким активно сочувствующим читателем следовало дорожить. Поэтому, хотя 20 января нетерпеливая корреспондентка успела напомнить о своей просьбе¹²⁰, еще два дня спустя она уже благодарила за ответ. То, в каких словах выразила она свою благодарность («Большое, огромное, искреннее Вам спасибо. С почтением. О. Кастаньская»¹²¹) позволяет утверждать, что полученный ею ответ Брюсова был серьезным и содержательным. Если же учесть, что первое письмо Кастаньской затрагивало один из центральных и самых дорогих в то время для Брюсова аспектов его эстетического кредо — тезис о безграничной и бесстрашной искренности художника, то станет понятным, что ответ на него давал Брюсову счастливую возможность акцентировать и развить соответствующие положения «О искусстве». Вот почему представляется достаточно обоснованным видеть в Кастаньской прототип обобщенного адресата предполагавшегося четвертого пункта плана «Моих писем», увязав, таким образом, и этот пункт с «О искусстве».

Если наша гипотеза о Кастаньской как прототипе одного из обобщенных адресатов справедлива, то на ее основе можно уточнить и хронологические границы работы над данным вариантом замысла «Моих писем». И п. 92—95, и план находятся в тетради 42 между относящимся к первой половине ноября 1898 г. п. 91 и написанным в казун декабрьской поездки в Петербург п. 96. Хронологический порядок заполнения в этой тетради не во всем выдержан, и все же столь большой текстовый массив, как «Из писем по поводу...», вряд ли мог быть позднейшей интерполяцией (см. п. 92, преамбулу к комм.). А вот маленький план как раз мог быть вписан позднее, и если верна гипотеза о Кастаньской, то это произошло не ранее 20 января. Такое определение нижней границы возможного интервала составления плана согласуется с датировкой другой интерполяции — записанного на л. 80б. черновика письма Коневскому от 26 января (наст. кн., Переписка с Коневским, п. 2; о черновике см. выше — гл. 3, § 6).

Верхняя же граница устанавливается на основе последнего пункта плана. Если «К учителю» понимать не как обозначение профессии, а как определение брюсовского отношения к «обобщенному адресату», то прототипом адресата среди лиц, с которыми Брюсов переписывался в 1899 г., мог явиться лишь один человек — К. К. Случевский. И возникнуть такое определение могло не ранее марта 1899 г., когда Брюсов во время пребывания в Петербурге впервые ощутил подлинный масштаб личности и таланта этого поэта (см. п. 99, прим. 3). А среди писем к Случевскому прообразом письма «К учителю» можно считать лишь письмо от 27 марта 1899 г., названное в дневнике «*получением* о том, что такое стих»¹²². Во-первых, из всех известных писем к Случевскому только оно по своему содержанию могло представлять общелитературный интерес, а главное, именно в нем развивалась одна из важнейших тем третьей главы «О искусстве» — об относительности и исторической изменчивости формы в искусстве, о невозможности и бессмысленности того, что в письме названо «принуждением мзны к той или иной форме»¹²³.

§ 9. ФИНАЛ ПОПЫТОК ЛИТЕРАТУРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПИСЕМ: «МОИ ПИСЬМА» КАК СОЧИНЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЕ

Таким образом, вариант замысла «Моих писем» как книги, продолжающей и разъясняющей «О искусстве», просуществовал с января по март 1899 г. Апрель с его интенсивной подготовкой к выпускным государственным испытаниям в университете, по-видимому, положил конец работе над ним. Но этот вариант не прошел бесследно для общей эволюции замысла книги, по-новому определив ее тематику. До возникновения идеи цикла «Из писем по поводу „О искусстве”» «Мои письма» мыслились Брюсовым как книга политематичная, воссоздающая многообразие интересов и творческой жизни автора. Недаром в предшествующем «Письмам по поводу...» в тетради 42 плане «Будущего собрания моих сочинений» «Мои письма» объединялись в одном томе с «Автобиографией». А после создания «Писем по поводу...» содержание будущей книги определилось как философско-мировоззренческое. В очередной тетради дневника Брюсов набросал длинный перечень «больших задуманных работ», из которых ему надлежало «выбрать» себе занятия «на лето 1899 и на года 1900—1901». Под номером 4 в этом перечне значилось: «Мои письма. Философские заметки»¹²⁴. И в последнем

известном нам упоминании, уже печатном — прикнижном списке «Прозы» «того же автора» в «*Tertia Vigilia*» «Мои письма» упоминались как готовящиеся к печати под одним переплетом не с «Моей юностью», а с «Истинами», сочинением также философской тематики¹²⁵. При таком определении проблематики книги в нее вполне органично включались письма цикла «...по поводу „О искусстве“». Да и рассмотренные выше, в § 7, письма августа 1899 г. из второй части подборки в тетрадке «Мои стихи» имели как раз философскую направленность. В письме «К Г. Б.» (прилож. 2, п. 3), написанном уже непосредственно для книги, эта направленность очевидна, а в письме «К Бу-у» (там же, п. 2), совмещавшем функции черновика реального и литературного писем, она выявляется путем сопоставления с вариантом, отправленным адресату.

Такова была эволюция замысла «Моих писем» — от сборника действительно написанных и отосланных писем к реальным знакомым до облаченных в эпистолярную форму и во многом специально для книги создаваемых «философских заметок». Легко видеть, что в последних вариантах замысла, начиная с замысла «Поучений», фактически реализовывался уже не третий из намеченных выше в разделе 3 путей превращения писем в литературное явление, но первый, при котором не заимствуются готовые письма, а создаются новые, собственно литературные эпистолоподобные сущности. По отношению к этим вариантам «Моих писем» тетрадный массив сохранял тот же статус, что и по отношению к отправленным вариантам реальных бытовых писем: содержал не копии ранее написанного, а черновики, проекты будущих составных элементов книги. Так анализ специальной проблемы замыслов литературного применения писем с новой и довольно неожиданной стороны подтверждает ту источниковедческую характеристику тетрадного массива, которая была дана выше — в первой главе этой статьи.

Глава 5

ОТБОР И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕКСТОВ

§ 1. СОСТАВ ПУБЛИКАЦИИ

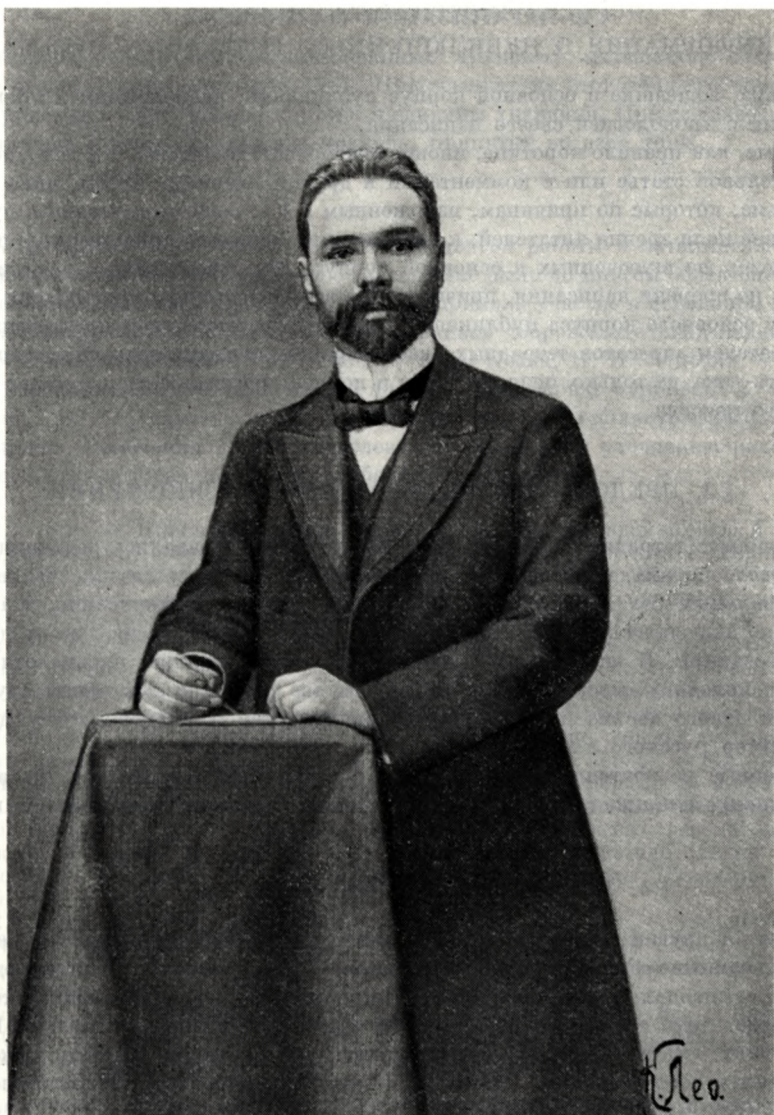
Руководящим принципом и ориентиром при подготовке публикации служила установка на целостное воспроизведение тетрадного массива как единого эпистолярного памятника. Однако по ряду причин как содержательного, так и технического характера это воспроизведение все же не могло быть полным.

Прежде всего по общему правилу «Литературного наследства» пришлось отказаться от включения писем, которые по иным, чаще всего беловым автографам были опубликованы в других изданиях или же публикуются в предшествующих персональных разделах настоящей книги. Поскольку среди публикуемых по другим источникам оказалась почти половина тетрадных писем к Самыгину, остальные письма к нему, хотя они и сохранились только в рабочих тетрадях, также были переданы мною в соответствующий персональный раздел.

В то же время письма, опубликованные ранее или публикуемые в данной книге, включались и в состав предлагаемой публикации, если тетрадный автограф представляет другую редакцию письма, существенно отличающуюся от изданной (именно по этой причине читатель встретит в составе предлагаемой публикации ряд писем к Бальмонту, уже знакомых ему по листовым черновикам, помещенным в персональном разделе). На практике за критерий существенности различия разных редакций текста принимался охват текстуальными расхождениями примерно 50% от объема письма.

По настоянию редколлегии тома не включались планы писем и письма, сохранившиеся лишь в отрывочных набросках. Таковы, например, начало письма к Перцову: «Совершенно случайно и совершенно несвоевременно, т. е. рано был на даче, где в тихом полном уединении изучал Лисия. Это мне мешало ответить Вам, но я все-таки надеялся, что» (Перцову, май 1895 г.) — или едва начатое апрельское письмо 1897 г. к Сологубу. В отступление от данного решения в основной корпус публикации введены п. 5 и 35 для полного представления переписки с Верленом и Бальмонтом, а также п. 27 и 36 — единственные дошедшие до нас письма к Емельянову-Коханскому и Долгинцеву.

Как правило, не включались письма и записки чисто бытового или романно-флиртового характера. Это письмо к Лангу по поводу ссоры с ним, названное в гл. 1, § 7, письма к Н. А. Дарузес и М. П. Ширяевой.

БРЮСОВ

Фотография. 1900-е годы

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Пришлось отказаться также от включения писем, в которых не удалось расшифровать либо большую часть текста, либо отдельные слова, без которых не вполне ясен смысл наиболее важных частей текста. Таково письмо к неустановленному корреспонденту, описанное в п. 13, преамбуле к комм., и письмо к Павловской, цитируемое в комм. к п. 70, 71А, 75.

Наконец, поскольку хронологическим рубежом публикации было избрано поступление Брюсова в Московский университет, в нее не вошли 4 более ранних письма к М. И. Красковой.

В то же время в основной корпус публикации введены п. 41 и 44, извлеченные из других источников, что позволило полно представить переписку Брюсова с их адресатами.

В приложениях 1—2 к основному корпусу представлены материалы к неосуществленному сборнику «Мои письма» — предисловие и литературные обработки тетрадных писем.

§ 2. ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛА И ИНФОРМАЦИЯ О НЕВКЛЮЧЕННЫХ ТЕТРАДНЫХ ПИСЬМАХ

Все письма, вошедшие в основной корпус публикации, расположены и пронумерованы в соответствии с хронологией своего написания.

Некоторые, как правило короткие, письма и наброски помещены не в основном корпусе, а во вступительной статье или в комментарии к другим письмам. Чтобы такие материалы, а также письма, которые по причинам, изложенным в § 1, вообще не вошли в публикацию, не остались вне поля зрения читателей, к публикации в качестве приложения 3 присоединен указатель писем, не включенных в основной корпус. Все отраженные в нем письма также упорядочены по времени написания, причем время это определено с привязкой к хронологическому ряду основного корпуса публикации. Вместе с составляющим приложение 4 «Алфавитным указателем адресатов тетрадных писем» хронологический перечень позволит желающим составить уже не только целостное, но и полное представление о составе тетрадного эпистолярного массива.

§ 3. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕДАКЦИЙ И РАЗНОЧТЕНИЙ

Два или более тетрадных эпистолярных материала признавались редакциями или вариантами одного письма, если отправка одного из них адресату сделала бы невозможной отставку остальных без специального объяснения причин дублирования. Как правило, каждое письмо включалось в состав публикации в одной, самой поздней из представленных в тетрадах редакций. В исключительных случаях, когда редакции письма отличаются не менее чем на половину своего состава, помещены две редакции и в одном случае — три. Все редакции одного письма помещаются под одним и тем же номером, но с добавлением заглавных литер русского алфавита, напр.: 55А, 55Б, 55В.

Существенные разночтения, содержащиеся в редакциях и вариантах, не включенных в основной корпус публикации, приводятся в комментариях к публикуемой редакции.

§ 4. ПЕРЕДАЧА ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕКСТА

В отличие от других разделов тома в данной публикации, основанной на черновых автографах, невозможно было прибегать к неоговоренному восстановлению недописанных частей слов. Без специальных отметок такое восстановление проводилось лишь в тех случаях, когда оно может быть осуществлено в русском языке единственным способом. Во всех остальных случаях восстанавливаемая часть заключается в угловые скобки, даже если возможные варианты восстановления отличаются друг от друга чисто морфологическими или словообразовательными особенностями.

Части текста, в автографе зачеркнутые, воспроизводятся в публикации только в том случае, если они несут существенную смысловую информацию, отсутствующую в незачеркнутой части — причем отсутствующую не только в том месте, где расположено зачеркивание, но и во всем письме. Поэтому зачеркнутые фрагменты, повторенные затем в последующих разделах письма, не воспроизводятся.

В тех случаях, когда зачеркнутый фрагмент не нарушает связности незачеркнутого текста или необходим для синтаксической завершенности предложения, он воспроизводится в квадратных скобках прямо в основном корпусе письма. В противном случае зачеркнутое выносится в подстрочное примечание, где дается уже без квадратных скобок. В исключительных случаях, когда зачеркнутый фрагмент требует специальных пояснений, он приводится в составе комментария.

В текстах писем, написанных по-французски, а также в цитатах, приводимых Брюсовым на других языках, орфографические и грамматические ошибки устранены без оговорок. Но в тех немногих случаях, когда употреблено неверное слово, авторский вариант приводится в подстрочном примечании.

Если Брюсов писал письмо не от своего лица или в обращении использовал псевдоним адресата, то в «шапке» письма соответствующие сведения приводятся (за исключением п. 25, 28, 31) в скобках после подлинных фамилий автора и адресата.

§ 5. ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ССЫЛОК

Поддавляющее большинство использованных архивных материалов сосредоточено в брюсовском фонде Отдела рукописей ГБЛ. При ссылках на этот фонд его номер (386) опускается и приводятся лишь номера картона и единицы хранения. При ссылках на остальные архивохранилища и фонды сохранены правила, принятые во всем томе.

* * *

Подготовка данной публикации потребовала долгой работы и наталкивалась порой на серьезные препятствия. Ее благополучное завершение было во многом облегчено поддержкой и прямой помощью ряда лиц. Ю. П. Благоводина приняла участие в первичной расшифровке писем к Бальмонту, ее строгая критика и настойчивая доброжелательная поддержка сопутствовали всем этапам работы. М. М. Винокур, Т. В. Козка, Н. И. Лепская, Т. Н. Леонтьева, М. И. Трепалина оказали неоценимую помощь в подготовке рукописи. Е. К. Мосалева, Р. И. Розина, В. Е. Хализев помогли в трудных случаях библиографических и библиотечных розысков. Замечания Н. В. Котрелева способствовали уточнению ряда положений вступительной статьи. Всем им — моя глубокая благодарность.

¹ См. 2.7—8 и 4.4. Присвоение самой ранней из рабочих тетрадей номера 4 свидетельствует, по-видимому, что обычай работы в тетрадях возник в результате развития какой-то другой формы их использования. А. А. Ильинский считал недостающим началом ряда общие тетради той же фирмы, заполненные выписками и конспектами сочинений других авторов (*Ильинский А. А. Литературное наследство Валерия Брюсова // ЛН. Т. 27/28. С. 488*). Указанные «тетради конспектов» (см. 4.1—3) действительно в основном предшествовали во времени рабочим тетрадям. И опыт их ведения, конечно, во многом способствовал становлению рабочих тетрадей, недаром в тетради № 6 primo (4.4), ведшейся с 1893 по 1895 г., примерно с середины начинают попадаться авторские материалы самого Брюсова — в связи с чем она и получила номер не 6, а 6 primo, увязывающий ее с собственно рабочей тетрадью 6 bis (см. 2.9). Но, хотя «чистых» тетрадей конспектов действительно три, первая из них была поделена Брюсовым на три отдельных «тетради» с самостоятельными номерами. В результате третья по порядку тетрадь уже и имеет номер не 3, а 5. Поэтому присвоение самой ранней из рабочих тетрадей номера 4, а не 6 указывает, что Брюсов, скорее всего, рассматривал рабочие тетради как продолжение не «тетрадей конспектов», а тетрадей автоантологии «Мои стихи», имеющих номера 1—3 bis (см. 14.1—4; подробно охарактеризованы: *Ильинский А. А. Указ. соч. С. 475—488; Гудзий 1937. С. 201—231*).

² См. 2.6, 2.9—22 и 3.16—22. Заполнявшиеся летом 1899 г., т. е. уже после окончания университета, тетради с номерами 44—47 (31.1—4) целиком заняты романом «Гора звезды» (см.: *Ильинский А. А. Указ. соч. С. 488*) и по характеру заполнения отличны от предшествующих тетрадей.

³ *Коншина Е. Н. Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве // Записки Отдела рукописей (ГБЛ). М., 1962. Вып. 25. С. 88.* «Тонкие тетради» и их самодельные подобию составляют основное содержание картона 4, начиная с ед. 5.

⁴ *Коншина Е. Н. Указ. соч. С. 88—89.*

⁵ К сожалению, самой подробной его характеристикой в научной литературе и поныне остается обзор, сделанный полвека назад в работе: *Ильинский А. А. Указ. соч. С. 490—494*. В архивной описи ф. 386 содержание каждой из тетрадей отражено лишь суммарно, посредством указания нескольких наиболее четко выделяющихся материалов. Большинство тетрадей включают составленные самим Брюсовым краткие перечни содержащихся в них материалов, вводимые словами: «Здесь» или «В этой тетради». Однако и эти перечни далеко не полны. Полная опись содержания рабочих тетрадей в настоящее время завершается автором данной статьи.

⁶ *Коншина Е. Н. Указ. соч. С. 89.*

⁷ В архивной описи они названы «записными тетрадями», что порождает ложные ассоциации с хорошо известным в истории русской литературы жанром «записных книжек» — собранием разного рода творческих заготовок, фрагментарных наблюдений и заметок писателя.

⁸ В этом многообразии состоит принципиальное отличие «рабочих тетрадей» от отпочковавшихся от них, также черновых по характеру заполнения, но посвященных исключительно поэзии тетрадок карманного формата «Мои стихи» (14.5 и далее; обычно они в противоречие с авторской нумерацией объединяются в один ряд с названными; прим. 1 одноименными общими тетрадями ретроспективной антологии 1891—1893 гг. См.: *Коншина Е. Н. Указ. соч. С. 9; Гудзий 1937. С. 201*).

⁹ В такой цикл объединены Брюсовым четыре «тетради к книге опытов философских». См. единицы 3.13—14 и 3.17—18.

¹⁰ *Автобиография. С. 110.*

¹¹ Понятие «творческий дневник» заимствуем из работ Л. М. Розенблюм. (См., в частности, ее кн. «Творческие дневники Достоевского» (М.: Наука, 1981). На то, что «весь лите-

ратурный материал» брюсовских рабочих тетрадей «приобретает некую определенную, как бы биографическую законченность» указывал уже А. А. Ильинский. Но он связывал замеченный им феномен не с общим характером ведения тетрадей, а лишь с тем обстоятельством, что в тетрадях «чисто литературный материал чередуется (. . .) с различными "лирическими" отступлениями дневникового характера» (*Ильинский А. А. Указ. соч. С. 494*). Между тем таких собственно «дневниковых» записей в рабочих тетрадях крайне мало.

¹² Цит. по изложению в ст.: *Благоволкина Ю. П. Архив В. Я. Брюсова: (Материалы, поступившие после 1966 г.) // Записки Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. 1978. Вып. 39. С. 83.*

¹³ На наличие в тетрадях «большого количества черновых набросков писем» первым обратил внимание опять-таки А. А. Ильинский, но он склонен был ограничивать их возможную историко-ведческую значимость лишь одной из разбираемых ниже четырех функций — замещением утраченных беловиков писем. См.: *Ильинский А. А. Указ. соч. С. 494.*

¹⁴ Нет писем, например, в тетрадях № 16 (ноябрь 1894 г. — 2.17) и № 37 (1898 г. — 3.17). Особым обилием писем отмечены заполнявшаяся на рубеже 1894/95 гг. тетрадь № 18, относящаяся к началу 1897 г. тридцатая тетрадь и две из тетрадей второй половины 1898 г. — начала 1899 г. — № 39 и 42 (2.18, 3.9, 3.19, 3.21).

¹⁵ Тетрадь Ланга см. 3.1а; о практике Ремизова см.: *Котрелев Н. В. Переводная литература в издательстве «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности. М., 1985. С. 133.*

¹⁶ Впервые на нее обратила внимание И. М. Брюсова в предисловии к кн.: *Дневники. С. [V]*. Затем данное наблюдение на основе практически тех же источников было повторено Е. Н. Коншиной, увидевшей в нем свидетельство того, «как эгоцентричен был Брюсов в детстве и юности» (*Коншина Е. Н. Указ. соч. С. 84*).

¹⁷ См. о ней: *Гудзий 1937. С. 210—223; Ильинский А. А. Указ. соч. С. 481—482.*

¹⁸ 14.2, л. 19. Само письмо приведено: *Гудзий 1937. С. 217.*

¹⁹ Такой рассказ сопровождает письмо к М. В. Федоровой от 28 октября 1891 г. См. 14.2, л. 19об., 21.

²⁰ Такими сносками Брюсов сопроводил письмо к М. В. Федоровой, названное в предыдущем прим. См. 14.2, л. 20—20об.

²¹ См. комментарии к летним письмам 1891 г. к Е. В. Федоровой и к указанному выше письму к Н. Эйхенвальду: 14.2, л. 11об. — 12об. и 19—19об.

²² 14.2, л. 12.

²³ 3.14, л. 24. Выписаны первые три фразы, а затем дана отсылка к полному черновику письма в предшествующей тетради (3.13, л. 22—23). Отправленные варианты обоих писем см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 14, 16.

²⁴ Таковы «письмо к Бальмонту в Париж» в записи от 23 декабря 1896 г. (*Дневники. С. 26—27*), п. 6 из публикуемых в наст. кн. писем к Самыгину и п. 24 к Бальмонту. Только по дневниковой выписке известно нам п. 24 к Самыгину.

²⁵ Разграничение разовых и постоянных корреспондентов аналогично делению, положенному М. И. Твардовской в основу структуры эпистолярного тома в первом посмертном издании сочинений Твардовского (*Твардовский А. Т. Собр. соч. М., 1983. Т. 6*). В первой части этого тома в общем хронологическом ряду объединены письма к многочисленным адресатам, обращение к которым вызывалось каждый раз конкретными обстоятельствами и оставалось эпизодическим. Во второй же части тома помещены как обособленные сущности с независимой хронологией подборки писем к четырем наиболее близким адресатам, с каждым из которых Твардовский переписывался по многу лет. В принципе сама возможность выделить обе группы адресатов нетривиальна и может служить одной из характеристик индивидуального эпистолярного поведения.

²⁶ *Литвин Э. С. Пять писем Брюсова к Владимиру Гишпиусу // В. Брюсов и литература конца XIX—XX в. Ставрополь, 1979. С. 127.* Уже после завершения основного корпуса публикации я обнаружил в тетради 9 еще одно, самое раннее из известных писем Брюсова к Гишпиусу. Адресованное на дачу в Химках (почему беловик, по-видимому, и не сохранился у адресата), оно, судя по положению в тетради между датированными автографами стих. «Басня» (2.12, л. 45об.) и «Шорохи» (там же, л. 47об.), было написано в Хорошове 21 или 22 июня, т. е. сразу после конфликта с Гишпиусом и Добролюбовым из-за стихов для *РС 2* (см. п. 15, прим. 13). Учитывая важность эпизода, привожу письмо полностью: «Милостивый Государь Владимир Васильевич. Тетр(ади), как Вашу, так и г. Добролюбова я получил и могу передать Вам ее или в среду (после 3 часов дня) или в один из ближайших понед(ельных) дней (в то же время). Так как мне предстоит очень недолго пробыть в Москве, то, надеюсь, Вы не откажетесь также захватить с собою мою рукопись «Поля Верлена», а, если Вам не нужен перевод Марселины, то и ее. С совершенным почтением Валерий Брюсов».

Упоминание о «получении тетрадей вызвано тем, что официально они были оставлены Брюсову для передачи «издателю» *РС В. А. Маслову*. «Рукопись "Поля Верлена"» — беловик статьи, цит. в п. 1, прим. 2 и 5 (ср. также прим. 40 к наст. ст.). «Перевод Марселины» Вальмор под загл. «Из письма» опубли. Брюсовым в *РС 2*.

²⁷ 3.9, л. 6об.

²⁸ Свидетельство это подтверждается сохранившимся в брюсовском фонде письмом Ф. Эверса к А. А. Лангу (109.35).

²⁹ Опубликовано: *Станюкович В. К. Воспоминания о В. Я. Брюсове / Публ. Н. С. Ашукина и Р. Л. Щербакова // ЛН. Т. 85. С. 742—743.*

- ³⁰ 3.5, л. 45об.
- ³¹ Письмо публиковалось трижды. См.: *Ашукин Н. С.* Примечания // *Дневники*. С. 156—157; *Ашукин*. С. 116—117; *Опудьская Л. Д.* Толстой и русские писатели конца XIX — начала XX в. // *ЛН*. Т. 69, кн. 1, С. 133. В последней публикации ошибочное чтение «Иоанна» вместо «Нафана».
- ³² См.: *Неосуществленный замысел*. С. 202—203.
- ³³ Это свидетельство приведено в ст.: *Нуралов Э. Л. В. Я. Брюсов и Л. Н. Толстой // Чтения 1963*. С. 259.
- ³⁴ Описка отмечена лишь в первой из публикаций, указ. в прим. 31.
- ³⁵ *Дневники*. С. 32.
- ³⁶ См. 3.15, л. 44—45.
- ³⁷ 72.46, л. 1—2.
- ³⁸ *Дневники*. С. 32. О соотношении брюсовских эстетических взглядов с трактатом Толстого см.: *Эстетика Льва Толстого*. § 2—4.
- ³⁹ *Автобиография*. С. 111.
- ⁴⁰ О попытках пристроить стихи, а затем статью о Верлене в журнал «Русское обозрение» см.: *Дневники*. С. 13—15. Ср.: *Гудзий 1937*. С. 230 и п. 21, прим. 1.
- ⁴¹ Слова из предисловия к «варианту 3» книги «О искусстве». См. 3.19, л. 2об.
- ⁴² *Брюсов В. Я.* Что такое искусство: (Я и Лев Толстой).— 3.18, л. 32об.
- ⁴³ См.: *Эстетика Льва Толстого*. С. 27—28.
- ⁴⁴ 3.8, л. 45об.—46.
- ⁴⁵ *ЛН*. Т. 85. С. 742.
- ⁴⁶ Об их существовании мы знаем из ответных писем Бахтина (76.29).
- ⁴⁷ 2.15, л. 67об. После слова «субботу» первоначально следовало: «Не опасайтесь быть слишком рано, так как я дома весь день».
- ⁴⁸ 2.15, л. 72об.
- ⁴⁹ См.: *Дневники*. С. 18 и п. 15, прим. 19. Предполагается, что письмо Брюсова могло быть адресовано второму из упомянутых в записи гостей — А. Иванову, отвергаем на том основании, что последний охарактеризован в дневнике явно как лицо, сопровождавшее Бугона. Кроме того, обращение «коллега» было в устах Брюсова уместно скорее по отношению к поэту, чем к музыканту. Наконец, точно такое же обращение встречаем в датированном тем же 11 августа начале письма на отдельном листе:
«Уважаемый collega!
- Подтверждение моих слов, что деление литературы на 4 школы — классическую, романтическую, реалистическую и декадентскую — можно найти и у других критиков» (73.39, л. 1). В архивном описании адресат этого наброска не установлен, но его содержание затрагивает вопрос, который станет вскоре одним из центральных в интервью, данном Бугоном газете «Новости дня» (см. п. 15 и комм. к нему).
- ⁵⁰ Ср. в п. 30, прим. 13 предположение о происхождении заглавия «Русские символисты», а также о переписке Ланга с Эверсом в прим. 28 к наст. ст.
- ⁵¹ Период, охваченный в тетрадных письмах, отражен в тетрадках дневника, хранящихся в ед. 1.12/1—15/1.
- ⁵² См.: *Полоцкая Э. А.* Неоконченная статья о «Вишневом саде» Чехова // *ЛН*. Т. 85. С. 190—194; *Гиндин С. И.* Брюсов: тексты и толкования // *Вопр. лит.* 1978. № 7. С. 257—258.
- ⁵³ См.: *Иванова Е. В.* Валерий Брюсов и Александр Добролюбов // *Изв. АН СССР*. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. вып. 3. С. 260.
- ⁵⁴ *Неизд.* 1935. С. 38; III, 273.
- ⁵⁵ *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. М., 1955. С. 428.
- ⁵⁶ Заметка вошла в состав «Miscellanea» — VI, 400.
- ⁵⁷ Последнюю публикацию, пропущенную в *Библиографии*, см. в кн.: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Л., 1971. Т. 2.
- ⁵⁸ См., напр., *Пуришев Б. И.* Брюсов и немецкая культура XVI в. // *Чтения 1966*. С. 455—460; *Сахаров А. Л.* Творческая история стихотворения «Себастьян» (Брюсов и Эрмитаж) // *Чтения 1971*. К. Стати, п. 70 свидетельствует, что Брюсов уже с юности знал картину «Св. Себастьян» Антонелло да Мессины, в работе А. Л. Сахарова вовсе не учитываемую.
- ⁵⁹ *Чуковский К. И.* Из воспоминаний. М., 1959. С. 433.
- ⁶⁰ Учитывая историко-литературный характер данной публикации и моего введения к ней, я не даю здесь подробного и систематического описания использованных признаков, а буду кратко характеризовать их по мере развертывания вводимого эпистолярного материала. Должен предупредить, что предлагаемая совокупность параметров, хотя и разрабатывалась на основе некоторых системных соображений о природе письма (и переписки) как речевого жанра, во многом подсказана все же эмпирикой тетрадных писем. Поэтому при перенесении на другой материал она, возможно, потребует внесения каких-то модификаций.
- ⁶¹ См., напр.: *Скороходько Э. Ф.* Семантические связи в лексике и в текстах // *Вопросы информационной теории и практики*. М., 1974, № 23; *Гиндин С. И.* Опыт анализа структуры текста с помощью семантических словарей // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. М., 1972. Вып. 16; *Бухбиндер В. А., Розанов Е. Д.* О целостности и структуре текста // *Вопр. языкознания*. 1975. № 6.
- ⁶² *Чуковский К. И.* Указ. соч. С. 433.
- ⁶³ *Павловская Е. И.* Письмо к Брюсову от 29 января 1897 г.— 97.27, л. 10.

- ⁶⁴ 3.19, л. 53об. После второго абзаца в рукописи оставлена чистая строка. Четвертый абзац первоначально начинался: «Нет ра(боты)».
- ⁶⁵ *Дневники*. С. 29.
- ⁶⁶ См., напр., о последнем письме к ней — п. 75, прим. 3.
- ⁶⁷ См.: *Дневники*. С. 29—31.
- ⁶⁸ *Максимов Д. Е.* Поэзия Валери Брюсова. М., 1940. С. 67.
- ⁶⁹ *Гиндин С. И.* Поэзия В. Я. Брюсова. М., 1973. С. 6.
- ⁷⁰ *Гаспаров М. Л.* Брюсов-стиховец и Брюсов-стихотворец (1910—1920-е годы) // *Чтения* 1973. С. 13.
- ⁷¹ О названных здесь неопубликованных произведениях и рукописных редакциях Брюсова см.: о ранних драмах — п. 1, прим. 1—2 и п. 2, прим. 1—2; о статье о Верлене — п. 1, прим. 3, 5; о романе — п. 29, преамбулу к комм. и прим. 17, 25, 27—28, 30; о переработке «Горы Зvezды» — п. 77, прим. 5; о повести — п. 71Б, прим. 12; о рукописных редакциях «О искусстве» — ниже, прим. 82; об исторических трудах — п. 81, и комм. к нему.
- ⁷² Этим восклицанием завершается сопоставление «Осени» Пушкина и «Осеннего вечера» Тютчева как образов «классической» и «символической поэзии» в редакции трактата «Апология символизма», завершённой Брюсовым 13 февраля 1896 г. — 3.4, л. 180б.
- ⁷³ Признание из «Miscellanea» — VI, 399.
- ⁷⁴ Подчеркнуто мною. Брюсовский образ «мира трудов» приобретает особый интерес в свете популярной сегодня в логике науки и в философии творчества концепции «мира объективного содержания мышления» как особого «третьего мира», сосуществующего с «мирами» физических объектов и состояний психики. См.: *Поннер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 439—440 и след.
- ⁷⁵ Среди подобных принципиально гетерогенных представлений творческого пути и творческой личности Брюсова укажем широко распространенную концепцию смены «масок», а также более новые модели «восхождений и нисхождений» и постоянной «игры»: *Максимов Д. Е.* Брюсов: поэзия и позиция. Л., 1969. С. 130—132; *Трифонов Н. А.* От искусства эстетической игры к поэзии социальной действительности: (Заметки о творчестве В. Брюсова) // *Изв. АН СССР*. Сер. лит. и языка. 1985. Т. 44, № 8.
- ⁷⁶ Своеобразное гнездо, связанное общим внутренним переживанием, безусловно образует также п. 3 с переданным Брюсову письмом адресата к третьему лицу (см. п. 3, прим. 1).
- ⁷⁷ См. о «пятом периоде» русского стиха: *Очерк истории русского стиха*. С. 106.
- ⁷⁸ Перечень этих редакций см.: *Взгляды Брюсова на языковую приемлемость*. С. 100.
- Прим. 9.
- ⁷⁹ См.: *Гиндин С. И.* Представления о путях развития русского поэтического языка в канун XX в. // *Вопр. языкознания*. 1989. № 6.
- ⁸⁰ *Дневники*. С. 34 и 39—40.
- ⁸¹ Последовательность и хронологические рамки работы над различными редакциями «О искусстве» описаны в *Эстетика Льва Толстого*, § 1.
- ⁸² *Дневники*. С. 34. Курсив мой.
- ⁸³ См. 3.18, л. 10 и 11. В нескольких последующих редакциях формула: «Я и Лев Толстой» — служила заглавием предисловия и была окончательно снята лишь в «варианте 5». См.: *Эстетика Льва Толстого*. С. 28.
- ⁸⁴ 3.18, л. 110б.
- ⁸⁵ Об этом письме, ошибочно помещенном в *Письмах к Перцову* под № 10, см. п. 30, преамбула к комм.
- ⁸⁶ 2.21, л. 67об.
- ⁸⁷ 2.20, л. 46. Датируется по расположению в тетради вслед за помеченными 31 марта материалами о З. Фукс (см. п. 39, прим. 10).
- ⁸⁸ *Письма к Перцову*. С. 17.
- ⁸⁹ 2.20, л. 16об — 17. В *РС 3* был опубликован лишь сжатый реферат этой статьи.
- ⁹⁰ См. 3.13, л. 180б., 22—23 и 3.14, л. 24—25об. «Листовые» варианты писем указаны выше, в прим. 23.
- ⁹¹ *Письма к Перцову*. С. 46—49.
- ⁹² 3.18, л. 60об. Во втором варианте плана третье письмо (или уже письма?) обозначено как «письм(о) к Б.».
- ⁹³ *Лежнев А. З.* Проза Пушкина. М., 1966. С. 245.
- ⁹⁴ Важнейшая литература вопроса указана в ст.: *Гинзбург Л. Я.* Эвфемизмы высокого // *Вопр. лит.* 1987. № 5. См. также: *Макогоненко Г. П.* Письма русских писателей XVIII в. в литературный процесс // *Письма русских писателей XVIII века*. Л., Наука, 1980. С. 26.
- ⁹⁵ См.: *Каверин В. А.* Письменный стол. М., 1986; *Каверин В. А.* Литератор. М., 1988; *Славкин В. Серсо* // *Соврем. драматургия*. 1986. № 4.
- ⁹⁶ VI, 28—31. Автограф первой редакции, озаглавленный «Открытое письмо», но также открывающийся адресацией «Очаровательной незнакомке», по положению в тетради № 9 между стих. «Из трепетно жгучих объятий...» (2.12, л. 61) и «Из Василия Великого» («Нет, не слабость влечет...») — (там же, л. 65) может быть датирован 30 июня или 1 июля 1894 г. Новая редакция, уже озаглавленная «Ответ», была записана в той же тетради между 1 и 8 июля (там же, л. 69об.— 75об.).
- ⁹⁷ Об этой статье см. в работе, указ. в прим. 79.
- ⁹⁸ 3.11, л. 2—2об.

⁹⁹ 3.9, л. 6.

¹⁰⁰ 3.11, л. 41об.— 40об. Основания для хронологической привязки — дата начала тетради на л. 1 и дата переписки расположенной после данного автографа повести «Эда» (л. 40—28).

¹⁰¹ А. М. Метнер послала свои «дневники-письма» сестре в Париж, та переслала их Э. К. Метнеру в Париж, а он — московским родственникам. См.: *Апелян З. А.* [Вступ. ст.]// *Метнер Н. К.* Воспоминания, статьи, материалы. М., 1981. С. 15.

¹⁰² Общий черновик писем из Ревеля см. 69.25, л. 1; вариант, отправленный Шестеркиной — *ЛН*. Т. 85. С. 624—625, вариант, посланный Коневскому, — наст. кн., Переписка с Коневским, п. 39.

¹⁰³ Все эти письма названы с указанием мест публикации в концовке вступ. ст. А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова к переписке с Курсинским в наст. кн.

¹⁰⁴ 3.12, л. 21. В поездке Брюсов датировал письма и дневниковые записки по новому стилю, а вернувшись домой, стал датировать по старому стилю. По какому стилю проставлена данная датировка, установить не удалось.

¹⁰⁵ См. 3.12, л. 10об.

¹⁰⁶ Такое жанровое определение появилось в подзаголовке «Путевых записок» — наряду с прежним «Из писем к М.» — не позднее 7 июня, вскоре после составления плана и предисловия к «Моим письмам». См. 3.12, л. 20.

¹⁰⁷ В оглавлении *TV* «Отдел четвертый. Картинки Крыма и моря» снабжен подзаголовком: «К *Me eum esse*» (с. [175]). Более подробная помета на шмуцтитуле (с. [125]) связывает его как раз с тем отделом «Скитания» в *МЕЕ*, который в предисловии к «Моим письмам» назван «только намеченным».

¹⁰⁸ 3.19, л. 59. Основной текст перечня приведен с некоторой непоследовательностью в восстановлении недописанных слов: наст. том, Переписка с Курсинским, п. 46, прим. 5.

¹⁰⁹ *Дневники*. С. 47. Исправлено по оригиналу: 1.15/1, л. 21об.

¹¹⁰ *Дневники*. С. 47.

¹¹¹ 14.5/10, л. 10об.— 12 и 24об.— 25об.

¹¹² Нижняя граница четко определяется датой «25 сентября», проставленной под третьим письмом подборки (см. ниже о сконструированности всей хронологии этих писем). Определение же верхней границы наталкивается на принципиальные трудности, связанные с общим характером заполнения тетради: даты под стихотворными автографами обозначают не время занесения их в данную тетрадку, а время создания стихотворений. Если все же принять предположение, что вновь создаваемые стихи переносились в данную тетрадку вскоре после написания, то по расположению перед стих. «Дантэ» (6 октября 1898 г.; 14.5/10, л. 12об.—13) можно заключить, что вся первая часть подборки была занесена в тетрадку в конце сентября — начале октября 1898 г. Автограф стих. «Халдейский пастух» с датой 7 ноября на л. 15об. и поглощенность Брюсова в начале декабря работой над другим циклом писем, рассматриваемым ниже в § 8, позволяют надеяться, что указанная верхняя граница работы над первой частью подборки, во всяком случае, определена с погрешностью не более месяца.

¹¹³ Фрагмент пятого письма, соответствующий п. 80, приводится и анализируется как реальное письмо к Добролюбову в ст. Е. В. Ивановой (см. п. 80, преамбулу к комм.). Первые три письма в наст. томе избраны Н. А. Трифонова в качестве основы при публикации п. 19—21 к Самыгину.

¹¹⁴ Письма Брюсова к Бахману, возвращенные после смерти адресата, см. 70.3. О содержании писем Брюсова к Балтрушайтису можно судить по встречным письмам 75.43—44.

¹¹⁵ *Дневники*. С. 52 и 53.

¹¹⁶ 3.21, л. 39. Данный план приведен также в наст. томе, Письма к Самыгину, вступ. статья и прим. 21 к ней. Н. А. Трифонов полагает при этом, что первому пункту плана соответствует одно из писем к Самыгину.

¹¹⁷ Там же, л. 35об., 38об.

¹¹⁸ Другое письмо (98.33, л. 1—2) прислал Брюсову П. И. Пильский, товарищ по литературному кружку Станюковича, а в будущем — известный критик. Зная к тому времени «О искусстве» лишь по журнальным отзывам, он пронизательно уловил родство брюсовского определения искусства как разновидности общения с социологической концепцией М. Гюйо.

¹¹⁹ 89.24, л. 1—2.

¹²⁰ Там же, л. 3.

¹²¹ Там же, л. 5.

¹²² *Дневники*. С. 67. Курсивом выделяю показательное совпадение жанровой характеристики письма с определением жанра всей книги «Мои письма» в записи, указ. в прим. 109.

¹²³ Эта тема будет развита также в *О русском стихосложении* и в предшествовавших ей работах о народном стихе (см. выше прим. 78).

¹²⁴ 1.15/1, л. 46.

¹²⁵ *TV*. С. [4].

Memorial. Франс Вурден

1. Мемор
2. Журнал
3. Репортаж

4. Мемор
5. Мемореллемент

aut 1. Au volen 2. Журнал 3. Репортаж и планы

Наша работа
Франс

Монсieur

А вы не знаете и это не удивительно — я хорошо знаю Вас, что еще менее удивительно. Вы — создатель новой поэзии, я робкий новичок как в поэзии, так и в своем д(е)ж(адент)с(т)ве (?) (то есть я только начинаю свою дея(тель)ность, а Рос(сия) мною только на(чи)нает дек(адент)ство в поэзии).

Вы понимаете (?), что не одно глубокое благоговение к Вашему таланту зас(та)в(ляет) меня отнять у Вас время этим письмом. Я написал драму ¹, сюжет которой взят из Вашей жизни ² — наск(олько) я мог угадать ее по Ваш(им) твор(ениям) ³. Теперь я обращаюсь к Вам с просьбой — дозволить мне вывести истинные имена, что несомненно должно произв(одить) гораздо больше(е) впечатле(ние) ⁴. Если Вы найдете возможным снизойти к моей просьбе, не от-

мне, но все же не могу не сказать, что вы очень хороши. Если вы хотите, то можете написать мне, я буду рад ответить. Я думаю, что вы очень хороши. Я думаю, что вы очень хороши. Я думаю, что вы очень хороши.

Расскажите мне о себе. Et si'on en a lieu.

М. Верлен: 14-16 окт. 1893 г.

1. Мемореллемент
2. Журнал
3. Репортаж и планы
4. Мемор

СТРАНИЦА ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ БРЮСОВА с автографом письма к Верлену (п. 1) Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

1. БРЮСОВ — ВЕРЛЕНУ

(Москва. Между 14 и 16 октября 1893 г.)

Monsieur

Вы меня не знаете, и это не удивительно — я хорошо знаю Вас, что еще менее удивительно. Вы — создатель новой поэзии, я робкий новичок как в поэзии, так и в своем д(е)ж(адент)с(т)ве (?) (то есть я только начинаю свою дея(тель)ность, а Рос(сия) мною только на(чи)нает дек(адент)ство в поэзии).

Вы понимаете (?), что не одно глубокое благоговение к Вашему таланту зас(та)в(ляет) меня отнять у Вас время этим письмом. Я написал драму ¹, сюжет которой взят из Вашей жизни ² — наск(олько) я мог угадать ее по Ваш(им) твор(ениям) ³. Теперь я обращаюсь к Вам с просьбой — дозволить мне вывести истинные имена, что несомненно должно произв(одить) гораздо больше(е) впечатле(ние) ⁴. Если Вы найдете возможным снизойти к моей просьбе, не от-

кажитесь сообщить мне имя той, которой посвящена Ваша прозрачная «*Bonne Chanson*»⁵, которая так ярко выс(т)у(па)ет (?) в «*Romances sans Paroles*»⁶, это(й) дев(ушки)

...presque enfant
Quasi zézayante un peu
(Dont on s'éprit en revant)
Et qu'on aime en bleu?

Мой адрес: Цветной бульвар, собственный дом, Валерию Яковлевичу Брюсову

В глубоком почтении Вал. Брюсов

(P. S.)⁸ Пожалуйста, поскорее, ибо я хочу поставить пьесу в бенефис одной артистки 1-го декабря⁹, а до этого ей еще следует побывать в нашей драматической цензуре.

2.9 (тетрадь № 6bis) л. 20об. Адресат определен по содержанию письма. Датируется по положению в тетради между автографами стих. «Из импровизаций» («В этой линейке...») (14 октября — л. 20) и «Феб. Октава» (16 октября — л. 21об.).

¹ Драма «Декаденты. (Конец столетия)». Автографы различных вариантов см.: 28.6 и 2.9, л. 57об.—63об., 74об.—76 об., 82об.—83; копия окончательного варианта, рукой И. М. Брюсовой и в машинописи — 28.7. Судя по помете перед началом одного из вариантов (28.6, л. 10): «Пьеса не пойдет», — первоначально предназначалась автором к постановке. Однако публикуемое письмо создавалось в момент, когда у Брюсова только-только возник первый замысел пьесы, зафиксированный сверху той же страницы тетради, на которой находится автограф письма: «Memorial. Драма. Поль Верлен» (далее намечены план и список действующих лиц). Самой же пьесы еще не было, что подтверждается и дневниковой записью от 17 октября: «Задумал много нового. Например, драму из жизни Верлена» (1.12/2, л. 29об.). Непосредственная работа над текстом была начата Брюсовым 21 октября 1893 (см. 28.6, л. 1) и продолжалась, по крайней мере, до 16 апреля 1894 г. (см. 1.13/1, л. 22об.).

² В основе сюжета «Декадентов» — история недолгого семейного счастья Верлена с Матильдой Моте и его взаимоотношения с Артюром Рембо. Как представлял себе Брюсов эти аспекты биографии Верлена, лучше всего видно из его же статьи «Поль Верлен и его поэзия», вторая черновая и окончательная редакция которой писались параллельно с пьесой (см. 2.9, л. 20об., 24—26, 27об.—32, 33—37об., 38—42об.). Прочитируем два отрывка из белого автографа окончательной редакции статьи, переписанного в начале февраля 1894 г.: «...счастье, о котором мечтал поэт, не должно было оказаться продолжительным. Верлен был способен на порыв, но не (на) то, чтобы действительно отказаться вполне от прошлого. Да и трудно было найти более противоположные натуры, чем Верлен и его жена. Одна — молодая, «слишком молодая женщина, почти ребенок» (как описывал ее впоследствии сам Верлен)... другой — страстный, увлекающийся поэт (. . .) истративший первые желания на оргии, искусственно извративший свои чувства. Может быть, Верлен искренне думал пересоздать свою жизнь, но это оказалось невозможным для его дряблого характера...» (47.10, л. 18); «. . . Верлен весь 72 год провел в путешествии (. . .) В это время Верлен близко сошелся с молодым, едва 20-летним Артюром Рымбо. То был по меньшей мере странный человек. Обладая большим поэтическим талантом, он тратил его на необыкновенные, почти невероятные произведения, иной раз прямо лишённые всякого смысла (. . .) Рымбо имел громадное влияние на Верлена. Странности и крайности Рымбо в поэтической душе Верлена превратились в то новое направление поэзии, которое известно под именем символизма» (там же, л. 20—21).

³ Какие именно «творения» Верлена были к тому времени известны Брюсову, можно установить по тексту статьи «Поль Верлен и его поэзия» (см. прим. 2), а также по составленному Брюсовым плану «Сборника стихотворений Поля Верлена в переводе русских символистов», объявление о котором было помещено в *РС* 2. С. [52] (см. 2.10, л. 87об.—88 об.). Брюсов хорошо знал все поэтические сборники Верлена от «Сатурнических стихотворений» (1866) до «Счастья» (1891), из более поздних сборников 1891—1893 г. он, видимо, читал к этому времени лишь «Элегии» (запись об их приобретении сделана в дневнике 19 августа 1893 г. — 1.12/2, л. 23). Из прозаических книг относительно подробную характеристику получили в статье Брюсова «Проклятые поэты» и серия биографий «Герои дня». Очерк о Рембо из первой книги Брюсов собирался включить в сборник переводов Верлена. В библиотеке Брюсова в ГБЛ сохранилась (с его пометами) также книга: *Morice Ch. Paul Verlaine. P., 1888* (Книги, № 573). Этот перечень заставляет пересмотреть утверждение Е. В. Ивановой, что для Брюсова и в июле 1894 г. «основным источником знакомства с французскими символистами» оставалась пока статья Э. Венгеровой, напечатанная в сентябре 1892 г. в «Вестнике Европы» (см.: *Иванова Е. В.* Валерий Брюсов и Александр Добролюбов // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1981. № 3. С. 256).

⁴ В окончательном варианте пьесы (его содержание освещено в статье: *Страшкова О.* Эволюция «нового поэта» в первых драматических произведениях Брюсова // В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979) имена героев вымышлены. Но в варианте, записанном в черновой тетради 2.9, герои, имевшие реальных прототипов, еще обознача-

лись истинными именами. К сожалению, этот вариант в статье О. Страшковой не учтен, что помешало автору поставить вопрос о степени соответствия сюжета драмы реальной биографии Верлена и узнать некоторых прототипов и прежде всего Рембо, получившего в последнем варианте имя Этьен Рио.

⁵ «Милая песенка» — третий сборник стихотворений Верлена (1870). В статье «Поль Верлен и его поэзия» Брюсов писал о нем: «В "Милой песенке" все светло, все чисто, как и должно быть в свадебном подарке 16-летней невесте. Трудно было даже ожидать, что поэт найдет (. . .) столь новые звуки, краски на своей палитре» (47.10, л.16).

⁶ «Романсы без слов», четвертый сборник Верлена (1874), перевод которого стал первым отдельным изданием Верлена на русском языке и первой индивидуальной книгой Брюсова. В предисловии к переводу Брюсов назвал «Романсы без слов» «откровением для поэзии, первой книгой вполне выраженным, но еще не искаженным символизмом» (*Верлен П. Романсы без слов. М.: Типогр. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. С. III*).

⁷ ...почти ребенка, // Как бы немного присюсюкивающей, // (В которую влюблялись в мечтах) // И которую любили в голубом (*Франц.*) — вторая строфа 6-го стихотворения из сборника Верлена «Счастье» «*Puis, déjà très anciens...*». Ни в самом стихотворении, ни в сборнике в целом нет прямых указаний на то, что стихотворение посвящено той же героине, что и «Милая песенка» и «Романсы без слов». Уловив связь между ними, Брюсов проявил незаурядную чуткость. Его точка зрения подтверждается новейшими исследователями. Так, Ж. Ботель в предисловии к научному изданию «Счастья» указывает, что этот сборник подхватывал не только все темы «Мудрости» и «Любви», но даже темы «Милой песенки» и «*Birds in the night*» («Птицы в ночи» — *англ.* — один из отделов «Романсов без слов», полностью посвященный отношениям с М. Моте. — *С. Г.*). И в качестве доказательства Ботель выписывает ту же самую строфу, что приводил в своем письме Брюсов (см.: *Botel J. «Bonheur» // Verlaine P. Oeuvres poétiques complètes. P., 1962. P. 652*).

Считая данное стихотворение важным биографическим источником, Брюсов специально перевел две первые строфы для своей статьи о Верлене. Вторая строфа была им здесь переведена так: Это — дальний образ милой // В голубой ее одежде, // Столь любимый мною прежде // И похищенный могилой (47.10, л.44). Таким переводом Брюсов привнес в стихи (и соответственно в биографию Верлена) мотив смерти возлюбленной, явно навеянный собственной недавней утратой — смертью Е. А. Красковой (см. п. 3, преамбула к комментарию и прим. 6). Не случайно первая строфа оригинала была избрана им в качестве эпиграфа к шестой тетради дневников (с 21 октября 1892 по 12 мая 1893), посвященной истории его отношений с Е. А. Красковой и озаглавленной «Леля» (1.12/1, л.1).

⁸ Следующий абзац в рукописи представляет собой позднейшую приписку, сделанную на полях. Место вставки не указано. Предположительно помещаем ее в качестве постскриптума.

⁹ Постоянной участницей всех театральных предприятий Брюсова во второй половине 1893 г. была Наталья Александровна *Дарузес*, выступавшая на любительской сцене под фамилией Раевская. Ни Брюсов, ни Дарузес не были профессиональными актерами, и бенефис Дарузес вряд ли мог планироваться. Но 1 декабря — день рождения самого Брюсова, в 1893 г. ему исполнилось 20 лет, и эту дату Брюсов действительно хотел отметить. Не случайно представление другой его пьесы — «Проза» (см. п. 2, прим. 2), на которое Брюсов смотрел как на свое «первое ... выступление на арену литературы» (1.12/2, л.38), состоялось в канун названного «бенефиса» — 30 ноября. См. также п.12, прим. 5.

2. БРЮСОВ — ВАРИНУ

(Москва. 16 или 17 октября 1893 г.)

Милостивый государь Николай Константинович!

Мне очень интересна судьба моей пьесы ¹, о кот(орой) я не имею ник(аких) сведений с тех пор, как Вы от меня исчезли (?) Не будете ли Вы так любезны заехать ко мне, чтобы сообщить их? Я бываю в понедельник вечером, во вторник утром, [до 10] половины десятого и в среду вечером после 6 ².

Кроме того, мне очень интересно знать, будут ли у Вас еще спектакли ³, так как в противном случае мне придется играть в другом театре.

Ув(ажаящ)ий Вас Валерий Брюсов

2.9 (тетрадь № 6 bis), л. 22. Адресат установлен на основании соответствия содержания письма упоминаниям и характеристикам Варина в дневнике Брюсова за 1893 г. (наиболее существенные из них приведены в комментарии). Но в дневнике Варин называется только по фамилии, имя и отчество не упомянуты ни разу.

Абзац «Кроме того ∞ в театре» в автографе предшествует фразе «Не будете ли Вы...». Авторский знак, который мы интерпретировали как знак перестановки, мог означать и зачеркивание всего письма. Дата определена по расположенному слева от письма стих. «Из экспромтов», датированному 16 октября, и по дневниковой записи Брюсова от 18 октября (см. прим. 2).

Николай Константинович Варин — антрепренер и актер драматического кружка московского Немецкого клуба. Брюсов познакомился с ним в сентябре 1893 г. 8 сентября он записал в дневнике: «Утром у меня Р(оберт) Лагг и Зунделович. Тщетно ждем Варина», а 10 сентября — «Преглушие дела. Голова не в порядке, в душе опасения, в бумажнике содержимого много меньше, зато в столе чужие роли, в углу палка г. Варина и в результате сознание себя членом драматического кружка, что играет в Немецком клубе» (1.12/2, л. 24—24об.). В газетной и журнальной театральной хронике 1893 г. организатором спектаклей в Немецком клубе назывался «г. Варравин» (см., напр.: Моск. ведомости. № 341. 11 дек.). Возможно, таково было сценическое имя Варина.

¹ Скорее всего, речь идет о неопубликованной трагедии «Каракалла» (см. 28.2, 3; 125.37). В воскресенье 26 сентября Брюсов записывал в дневнике: «...надо было кончить обработку трагедии («Каракалла»). Варин хотел захватить за ней во вторник, а она далеко не готова. Я писал экспромтом стихами целые сцены...» (1.12/2, л. 27об.). На следующий день он продолжал: «Работал, работал над «Каракаллой» и наконец убедился, что драма еще очень несовершенна, надо все переделывать» (там же, л. 28). Однако непосредственной записи о передаче Варину рукописи «Каракаллы» в дневнике нет. Поэтому не исключено, что в публикуемом письме речь идет о другой пьесе — «драматической шутке» «Дачные страсти» (опубл. В. Боцяновским: Звезда. 1939. № 10—11. С. 223—235). Правда, «Дачные страсти» к этому времени уже были запрещены театральной цензурой (Дневники. С. 14, запись от 18 сентября; цензурная история освещена в статье: *Боцяновский В. Ф.* Дачные страсти: Комедия В. Брюсова // Красная газета. Веч. вып. 1926. № 16. 17 янв.), но Варин, обладавший большими связями в театральном мире, мог возобновить хлопоты о разрешении. Московские газеты в конце 1893 г. извещали о постановке в Немецком клубе и «Дачных страстей» (Новости дня, № 3725. 30 окт.; Моск. ведомости. № 301. 1 нояб.), и «Каракаллы» (Московские ведомости. № 341. 11 дек.). Сведения о постановке «Дачных страстей» Брюсов 1 ноября назвал «ошибочными» (1.12/2, л. 34 об.) и послал в «Новости дня» опровержение, «напечатанное в такой переделке: «Автор комедии «Дачные страсти», предположенной к постановке (...) сообщает (...) что произведение его не разрешено драматической цензурой и потому, конечно, нигде даваемо быть не может» (1.20, л. 13об.—14).

² Варин посетил Брюсова в понедельник 18 октября: «Ох, скверно, скверно, скверно. Был у меня Варин. Пьеса у него, и я у него в руках. Не знаю, что делать» (1.12/2, л. 31). Но уже на следующий день, 19 октября, сложившаяся ситуация получила неожиданное разрешение: «Вдруг написал сценку (дожидаясь Тали)» (там же, л. 31 об.; Талия — Н. А. Дарузес, см. п. 1, прим. 9). Новая пьеса — «Проза» (не оубл.; см. 28.4; отсылка к ней сделана на одном листе с письмом Варину), по-видимому, объединила драматический кружок и на время отодвинула в сторону другие пьесы Брюсова. Уже 20 октября он послал ее в цензуру (1.12/2, л. 31об.), 12 ноября записал о полученном разрешении (там же, л. 35об.), а 30 ноября состоялся спектакль, имевший значительный успех (см. п. 12, прим. 5).

18 93.

**ВЪ ПОМѢЩЕНИИ
НѢМЕЦКАГО КЛУБА**
во Вторникъ, 2-го Ноябрь,
предоставлено будетъ: I.

КАПРИЗНИЦА.
Вод. въ I дѣствѣ, соч. Фролова.
Дѣйствующіи лица:

Бобичевъ, пощизикъ	г. Масловъ.
Соня, его дочь	г-жа Валентинова.
Вербицъ	г. Щербатовъ.
Майковъ } сосѣди Робичева	г. Ибловскій.
Марковна, ключица	г-жа Толкина.
Семеновъ, дворянинъ	г. Саломинскій.
Мана, горничная	г-жа Павлова.

II.

СКОЛЬЗКІЙ ПУТЬ.
Драма въ 4-хъ дѣствѣ, С. Королева.
Дѣйствующіи лица:

Топоровъ	г. Николаевъ.
Надежда, его дочь	г-жа Акиннова.
Мураткинъ	г. Саломинскій.
Штурмъ	г. Щербатовъ.
Степанна, кухарка	г-жа Петрова.
Подрабовъ } друзья Штурма	г. Масловъ.
Звоничевъ	г. Ворскій.
Сидоръ, лакей	г. Ибловскій.
Мадра Семеловна, торговка съ толкучки	г-жа Толкина.
Грудневъ, квартирникъ Мазры Семеновны	г. Гротовъ.
Брикаловъ, прикащикъ	г. Вешуновъ.

III.

САМА СЕБЯ РАБА БЬЕТЪ, КОЛИ НЕ ЧИСТО ЖНЕТЪ.
Вод. въ I дѣствѣ, соч. Зозулина.
Дѣйствующіи лица:

Майскій, докторъ	г. Щербатовъ.
Женя его	г-жа Ибловская.
Тетка Майскаго	г-жа Громова.
Федулъ, лакей	г. Гротовъ.

По окончаніи спектакля

ТАНЦЫ
Режиссеръ Артистъ Императорскихъ театровъ Н. О. В.
Распорядитель Н. К. Варинъ.
Порядокъ спектакля по программѣ.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 5 Мая 1892 года мѣ-
сяца Государственнаго Сѣдята со всѣхъ билетовъ выдѣляется
сборъ въ пользу Вѣдомства учрежденія Императрицы Маріи, ола-
ченныхъ марками, безъ конхъ билеты не дѣйствительны.

Члены: директоръ, 2. Императоръ Оубр.—Поздравительнаго Публичнаго Руденнаго.
Тетради ИМПЕРАТОРСКИХЪ Императорскихъ Театровъ (Публикаціи Руденнаго).

**АФИША СПЕКТАКЛЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ НЕМЕЦ-
КОМЪ КЛУБѢ СЪ УЧАСТИЕМЪ В. Я. БРЮСОВА**
(СЦЕНИЧЕСКОЕ ИМЯ — МАСЛОВ). 1893

Распорядитель Н. К. Варин

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

³ Данный вопрос вызван, возможно, неудачей спектакля («Карьера» Королёва и «Подозрительная личность» Владимиров) в немецком клубе 12 октября 1893 г. (см. 1.20, л. 12об.—13 и 1.12/2, л. 29об.). Следующий спектакль («Скользящий путь» Королёва), также с участием Брюсова, состоялся 2 ноября и имел успех (1.20, л. 13 и 1.12/2, л. 34об.—35, а также илл. на с. 615).

3. БРЮСОВ — БИНДАСОВОЙ

(Москва. Между 8 и 13 ноября 1893 г.)

Многоуважаемая В(ера) Петр(овна)

Ны(нче) три раза при(нимался) я за письмо Вам и кажется(?), что разорву и это письмо. Но спок(ойно), спо(койно) — это еще не объяснение в любви, как можно понять по началу. Дело вот в чем.

В Вашем последнем письме ¹ [мне] по(а)ла(сь) ф(р)аза: «только неле(с)т(ные?) от(зв)ывы сопровождают Ваше имя», т. е. мое. Эта-то ф(р)аза и заце(пи)ла(?) меня более всего. Я попробовал узн(а)ть многое, что, конечно(?) я уже давно знал, но чего еще, кажется, никто не выражал определенно. Постараюсь быть вполне искренним, а это-то и трудно. Я всегда или, вернее, почти всегда лгу и играю роль, мало припомню я слов, сказанных мной от души. Потому-то мне так трудно будет писать это письмо и поэтому-то я уже раз пять рвал начало. Теперь прошу заранее прощения за некоторую пут(ан)ность моего письма, так(?) как хочется быть впо(л)не) точным.

Хорошим и дурным в разное время называли различные вещи. Было время, когда убить раба не казалось несколько преступлением. Было другое время, когда девушки [в храме] считали хорошим поступком предлагать себя в жены чужестранцу на одну ночь ². Теперь нам это кажется дурным. Вы вот, например, может быть, скажете, что с моей стороны нехорошо и рассказывать об этом, а уверяю вас, что когда-то все это было добродетелью, хорошим поступком, вот таким как теперь напоить странника или (в первом случае) убить бешеную собаку. Наоборот, настанет время, когда некоторые (из) те(х) поступков, которые теперь считаются хорошими или дурными, переменят свое значение во мнении людей. Очень вероятно, например, что современных солдат лет через [пятьсот] тысячу будут считать преступниками.

Итак, доброе и дурное изменяется сообразно с [воззрениями] веком. Но может быть, есть что-нибудь такое, что вечно было и будет хорошим или дурным? Во-первых, нельзя сказать, что таково было то, что написано у Христа, у Моисея, у Будды и других пророков и учителей. Вот я вам уже показал, что нарушать некоторые заповеди прежде считалось добродетелью. Может быть, хорошо то, что приносит пользу другим? Но, вероятно, нет ни одного поступка, которым можно было бы приносить (?) пользу, не совершая этим вреда другим. Кроме того, как придется тогда смотреть на поступки, совершенные с благой целью, но по [нашему] общему мнению дурные? *

Был человек именем Лас Казас ⁴, очень хороший человек, как говорят единогласно все историки, но желая избавить индейцев от истязаний, которым подвергали их испанцы, этот Лас Казас предложил брать негров как рабов. Цель у него была хорошая, кроме того он думал, что неграм работать будет не трудно и что испанское владычество даст им образование, — а что вышло! работоторговля! невольничество! нечто страшное! Хороший ли был поступок Лас Казаса? Дурной. А он всю жизнь только об одном и старался, чтобы помогать бедным индейцам, истратил все свое здоровье в этом деле и даже умер от чрезмерных трудов.

Что же после этого хорошее и что дурное?

Увы, ответ один. Хорошо то, что большинству угодно признать хорошим. Теперь скажите, виноват ли человек, если его убеждения не сходятся с

* Далее зачеркнуто: Фердинанд, напр., император испанский ³, жег и избивал тысячи людей и твердо был убежден, что действует на пользу всеобщую. Я не хочу оправдывать этого Фердинанда, ибо за ним водятся еще много иных поступков, но здесь, пожалуй, его нельзя будет [осудить, хотя]. Что же наконец

убеждениями большинства? Дурно ли он будет поступать, если будет поступать по своим убеждениям? Нет! Тысячу раз нет! Хуже поступают те, которые стараются приноровиться к общему мнению. По моему, человек, который полагает, что красть должно, и крадет, менее преступен, чем тот, который, не веруя, все-таки ходит в церковь, чтобы казаться благочестивым. Первый совершает в глазах света дурное, второй хорошее, но все же второй греховнее первого.

Итак, поступать хорошо значит поступать согласно со своими убеждениями ⁶.

Вот почему я смело и спокойно считаю себя вполне честным человеком.

Знаю, что многие, очень многие, согласно с их убеждениями (потому что мои взгляды сильно разнятся от общепринятых) считают меня чуть-чуть, а может быть и совсем подлецом ⁶ — и говорю (тоже смело и спокойно), что некоторые (замечу в скобках, например, не Саблин) ⁷ — правы в этом. Да, есть люди, которые могут меня осуждать и знаете, В(ера) П(етровна) — среди этих людей, я думал, будете и Вы. Ваши мягкие, светлые (?) письма заставили меня покраснеть. Я был побежден Вашей добротой, В(ера) П(етровна), я был уничтожен ею. Много, много заве(тных) струн на сердце заставили дрожать ваши письма, но ... но, кажется, пора прер(ват)ь письмо, иначе Вы будете сердиться на

глубоко уважающего Вас Валерия Б р ю с о в а

Меня очень интригует (?), что происходит на сеансах у Красковых ⁸ и в каких же, наконец, отношениях Саблин к Варе! ⁹ Нап(ишите), что дел(ает) Михаил Евдокимович? ¹⁰ и что мой жалкий друг Андруссек? ¹¹ Простите за проза(и-ческие) вопросы, но пр(а)во же интересно!

В(аш) Валерий Б р ю с о в

2.9 (тетрадь № 6 bis), л. 46об.— 49. Адресат не указан, ее имя и отчество, всюду в автографе данные лишь сокращенно, восстанавливаются на основании дневниковой записи от 28 ноября 1893 г. (см. п. 12, прим. 1). Учитываем также хронологическое совпадение между находящимся в той же тетради другим письмом к корреспонденту, обозначенным аналогичным сокращением (л. 22—23, 24) и записью в дневнике от 22 октября «Люблю Талю, и сжигу и пишу обольщающее письмо к В(ере) Петр(овне)» (1.12/2, л. 30об.). Фамилия адресата установлена предположительно на основе записи Брюсова в списке «Мои прекрасные дамы»: «Вера Биндасова» (числится в рубрике «1894 г.» — 1.4, л. 2).

Датируется по расположению в тетради между автографами стих. «Люби!» (8 ноября, л. 45об.—46) и «Из пьяных экспромтов» (13 ноября, л. 54).

Воскресенье 9 августа
именно будет
Домашний спектакль
участием будет:

Женитьба
совершенно невыносимое
событие у Густава Карл.
сг. Тоголя.

Дымящаяся пила

Александра Тихоновна купила... В. А. Свободикова.
Крича Яковлевича, терза... Е. А. Зеленина.
Семла Ивановна, свекла... Е. А. Краскова.
Подколесин, мать, говел... С. В. Чумов.
Ногарев, друг его... П. К. Рудин.
Лилица, изсектор... В. А. Брюсов.
Андрюшкин, отец, пил, греч... А. В. Андруссек.
Живакин, моржак... С. А. Михайлов.
Стариков, говел... А. Е. Гавушкин.
Дуняшис, забавел... Е. А. Свободикова.
Степань, сора Подколесина... * * *

Начало в 6 1/2 вечера

АФИША ДОМАШНЕГО СПЕКТАКЛЯ, В КОТОРОМ
УЧАСТВОВАЛИ В. Я. БРЮСОВ И Е. А. КРАСКОВА
9 августа 1892 г.

Литературный музей, Москва

Вера Петровна *Биндасова* — знакомая Брюсова по дому Марии Ивановны и Андрея Андреевича Красковых, родителей Елены Андреевны Красковой (Лели), предмета первой любви Брюсова. В. П. Биндасова многократно упоминается в дневнике Брюсова, особенно в его 6-й и 7-й частях (1.12/1—2: называется по имени и отчеству, а также Верочка или Верочка № 2). К ней обращено также п. 12.

Дом Красковых — прототип описанного в гл. XV—XVI «Моей юности» салона Кариных, изображенного там, впрочем, как свидетельствует сравнение с дневниками Брюсова, с достаточно сильную степенью преобразования. Сама В. П. Биндасова стала прототипом Соии Хлындовой, в которую «официально считался влюбленным» (*Из моей жизни*. С. 79) герой повести. Соии в повести дана такая характеристика: «То была девушка лет двадцати, слишком, помнится, мало обворожительная с неподвижными серыми глазами. Не знаю, каким чудом фантазии я умел пересоздать ее в образ, достойный стихов и мечты. Впрочем, она была девушка добрая, кроткая и милая; она была тронута тем, что она попала в число избранных; как бы из благодарности она отвечала немного на мое чувство. Я тоже благодарен ей за это подаяние и еще раз душевно шлю ей мой привет!» (Там же. С. 78). Известно, что герои этой повести отнюдь не являются портретами своих прототипов: «(. . .) в ней все, касающееся меня лично, изображено «так верно (. . .) как я только умел (. . .) все, что касается других (. . .) все это изменено (. . .) в повести не осталось никаких портретов» (Там же. С. 104—105). Соия Хлындова здесь не исключение, и все же процитированная характеристика свидетельствует, что и во время написания повести, в 1900 г., Брюсов сохранял симпатию к ее прототипу.

¹ Письма В. П. Биндасовой к Брюсову в его архиве не сохранились. Письмо, на которое отвечает Брюсов, по-видимому, сопровождало пересылку к Брюсову письма, полученного самой Биндасовой от Н. А. Даруэс (см. п. 12, прим. 4). И перед началом комментируемого письма, и на листе с письмом Даруэс Брюсовым выписана одна и та же формула начала письма: «Милостивый государь, к тому, кто интер(есуется)». Поскольку в этой формуле обыгрывается выражение из письма Даруэс к Биндасовой, можно полагать, что она воспроизводит именно начало сопроводительного письма Биндасовой к Брюсову.

² Ср. фабулу поэмы Брюсова «Атанат».

³ Брюсов говорит здесь о Фердинанде II (1452—1516), первом короле объединенного испанского государства, известном также как Фердинанд-Католик. В 1480 г. Фердинанд и его супруга, королева Кастилии Изабелла, учредили в Кастилии трибунал инквизиции.

⁴ Бартоломе де *Лас Касас* (1474—1566) — испанский миссионер, публицист и историк, автор известной книги «История Индий» (рус. изд. — Л.: Наука, 1968). См. о нем: Бартоломе де Лас Касас. М.: Наука, 1966.

⁵ Ср. рассуждения о нравственности в письмах к Курсинскому от 14 июня 1895 г. (наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 2) и к З. А. Бакулиной (п. 61 наст. публ.).

⁶ Брюсов имеет в виду тот остракизм, которому он был подвергнут в доме Красковых после безвременной кончины Елены Андреевны, умершей 18 мая 1893 г. от черной оспы. 28 мая, впервые после утраты вернувшись к своему дневнику, Брюсов записал, что даже когда «первая острая боль миновала (. . .) пробудившееся сознание было тяжело». «Особенно» тяжелым было его состояние 24 мая. Вечером этого дня он впервые после похорон пошел к Красковым. «Там я встретил, — продолжает Брюсов, — самое неприязненное настроение. Все было против меня и обвиняли меня в подделке явлений на сеансах (см. прим. 8. — С. Г.). Мне пришлось выдержать серьезный разговор с Марией Ивановной, где мы оба расплакались и я сказал ей много такого, чего говорить не следовало. В результате мне пришлось навсегда покинуть семейство Красковых» (1.12/2, л. 5). Насколько тяжело переживалось Брюсовым враждебное отношение Красковых и их окружения, показывают следующие строки из черновика его письма к М. И. Красковой, сохранившегося в тетради № 4: «Было время, когда я нуждался в слове утешения, а что дали вы мне. Я молил куска хлеба, а вы протянули камень. Из-за ваших пустых фокусов (?), которые вы наз(ы)в(аете) сеансами, вы прогнали меня, оторвав от последнего, что мне оставалось: от воспоминаний и обстановки недавнего прошлого, с которой мне тяжело, слишком тяжело было расстаться (. . .) Может быть, я жесток, но и вы были жестоки» (2.7, л. 72).

⁷ Сергей Михайлович *Саблин* — посетитель салона Красковых, удачливый соперник Брюсова в ухаживании за их младшей дочерью Варварой Андреевной, в которую поначалу «воображал, что был влюблен» (*Из моей жизни*. С. 79) Брюсов. Прототип Зардина в повести «Моя юность».

⁸ Одна из характерных особенностей дома Красковых, не нашедшая никакого отражения в описании салона Кариных в «Моей юности», — регулярно устраивавшиеся у них спиритические сеансы. О некоторых сеансах имеются записи в ч. 6 брюсовского дневника (см. напр., отдельный «Протокол сеансов» за январь — февраль 1893 г. — 1.12/1, л. 28). Брюсов, как известно, серьезно интересовался спиритизмом и впоследствии сотрудничал в специальном спиритическом журнале «Ребус». Молодость, однако, брала верх, и обстановка сеансов у Красковых нередко использовалась им как прикрытия для весьма вольного ухаживания за юными участницами сеансов, в том числе и за адресатом данного письма (см., напр., 1.12/1, л. 26об., 29об., 31, 32).

⁹ Варвара Андреевна *Краскова* (см. прим. 7) — прототип Жени Кариной в повести «Моя юность».

¹⁰ Михаил Евдокимович *Бабурин* — жених Е. А. Красковой, прототип Гурьянова в «Моей юности». В 1896 г. Брюсов неожиданно встретится с ним, впервые после похорон Елены

Андреевны, на курорте в Пятигорске (см.: Дронов В. Из неопубликованных страниц дневника Брюсова. // В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 116, запись от 7 июля).

¹¹ Николай Васильевич Андрусек — знакомый Брюсова, возможно — прототип упомянутого в «Моей юности» (с. 77) с той же оценкой («существо очень смешное и, конечно, еще более жалкое») студента Барбарисина.

4. БРЮСОВ — ЯСИНСКОМУ

(Москва.) 21 февраля (1894 г.)

Милостивый Государь.

Я ненавижу Вас. Я ненавижу Вас за тенденции многих Ваших произведений, я ненавижу Вас за Вашу личность, рисующую(ся) в них *. Если когда-либо я буду писать критики — я буду ругать Вас. Но вместе с тем я боготворю Вас, я поклоняюсь Вашему таланту. В наши дни Вы — величайший русский романист. От врага можно выслушать такое признание, Ваши три последних романа — «Петербургские туманы», «Лицемеры» (не думали ли Вы их назвать первоначально «Черти»?) и «Горный ручей»² — чудо! Каждый раз я беру Ваше новое произведение с озлоблением и кончаю победный, брошенный на колени. Я люблю, я презираю Вас и хочу, должен это сказать Вам.

Валерий Брюсов

2.10 (тетрадь № 7), л. 50об.—51. Писалось в два приема, основной слой — чернилами, последующая правка и приписка — цветными карандашами. Письмо, по-видимому, не было послано, однако наличие второго слоя свидетельствует, что Брюсов не сразу отказался от мысли послать письмо и продолжал работу над ним.

Дата перед письмом, возможно, относится к непосредственно предшествующему ему в тетради отрывку из «Анализа IV книги Ливия». Но, поскольку начатое ниже на том же листе стих. «Стонут звуки, плачут речи» датировано 22 февраля, дата написания письма все равно определяется с точностью до одного дня.

Об И. И. Ясинском см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 24, прим. 2.

¹ Журнал «Наблюдатель» был известен крайним шовинизмом критико-публицистического отдела и второсортностью большей части публикуемых в нем художественных произведений. См.: Тарасова А. А. Реакционно-охранительная журналистика // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в., 1890—1904: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. С. 243, 247—248. Произведения Ясинского печатались в «Наблюдателе» с декабря 1886 г., как правило — в нескольких номерах ежегодно.

² Ясинский И. И. Петербургские туманы // Наблюдатель. 1892. № 1—4; отд. изд. — СПб., 1893; Он же. Лицемеры // Наблюдатель. 1893. № 1—4; отд. изд. — СПб., 1894; Он же. Горный ручей // Наблюдатель. 1894. № 1—4.

5. БРЮСОВ — ВЕРЛЕНУ

(Москва. 21 или 22 февраля 1894 г.)

Monsieur le maître!

Nous sommes très^{2*} contents^{3*} d'être^{4*} presque pionniers en Russie. Nul parmi

Перевод:

Милостивый государь и учитель!

Мы очень счастливы тем, что являемся в России почти пионерами. Никто среди

2.10 (тетрадь № 7), л. 51, сразу после письма к И. И. Ясинскому (п. 4). Весь текст, кроме обращения и последних четырех слов, перечеркнут. Адресат определен по содержанию и языку письма. Основания для датировки те же, что и в п. 4. Письмо должно было сопровождать посылку Верлену РС I. 18 февраля 1894 г. Брюсов «получил корректурные листы», 25-го — готовый сборник, а 28 он записал, что они с Лангом занимаются его рассылкой (Дневники. С. 15—16). В составленном между 10 и 12 февраля предварительном списке рассылки и рас-

* Далее зачеркнуто: я ненавижу Вас за то, что Вы пишете в «Наблюд(ателе)»¹.

^{2*} Далее зачеркнуто: счастливы.

^{3*} Далее зачеркнуто: d'avoir

^{4*} Далее последовательно зачеркнуто: les uns; les premiers

пределения тиража в начале тетради (2.10, л.22об.) значится: «Верлену (через «Фигаро»)». В более кратком списке с проектами дарственных надписей, составленном непосредственно в дни получения тиража, между 25 и 27 февраля (там же. Л.64), фамилии Верлена нет. В списке рассылки РС 2 (2.16, 3-я с. обложки) имеется запись: «[Le Figaro] Париж, также несомненно относящаяся к Верлену.

6. БРЮСОВ — ГЕРЬЕ

(Москва. Между 25 и 27 февраля 1894 г.)

Вы заставили меня братья совсем не за свое дело ¹. Я иду по словесному отделению ², в будущем исторические сочинения писать не думаю ³, римскую историю я всегда изучаю с любовью ⁴ — писать (?) же только следуя (?) букве не могу. Предлагаемый анализ стоил мне долгих тяжелых часов ⁵.

Валерий Брюсов

2.10 (тетрадь № 7), л. 63об. посреди черновиков «Анализа четвертой книги Ливия». Без указания адресата. Адресат определен на основании того, что это университетское «сочинение» было задано именно Герье (см.: *Дневники*. С. 15. Запись от 16 февр. 1894). Возможно, что Брюсов предполагал передать это письмо вместе с сочинением.

Части черного автографа «Анализа...» в тетради обычно предваряются указанием дней, когда они написаны. Ближайшая к письму датировка на л. 61об. гласит «25 отс(юда)», поэтому, скорее всего, и письмо к Герье было написано в этот день. Если же предположить, что Брюсов просто не проставил следующую дату, то такой датой могло бы быть только 26 или 27 февраля, так как 27 февраля датированы расположенные на л. 68об.—69 автографы стих. «По заказу».

Владимир Иванович Герье (1837—1919) — историк, с 1868 по 1904 г. профессор всеобщей истории в Московском университете, впервые в России введший при изучении истории практические занятия типа семинаров. Как исследователь Герье занимался преимущественно средневековым и новой историей, историей исторической науки, но как преподаватель уделял много внимания истории Рима, которую читал и курсу Брюсова. О дальнейших отношениях Брюсова с Герье см. п. 49, прим. 4; п. 52, прим. 13; п. 63, прим. 2.

¹ См. преамбулу к комментарию.

² После второго курса Брюсов перевелся на историческое отделение и окончил университет уже как историк.

³ Это предсказание Брюсова было им самим опровергнуто еще до окончания университета. В 1899 г., начав работу над новым вариантом первой части «Истории русской лирики», посвященным XVII в., он планировал перестроить эту часть, по существу, как чисто историческое исследование (см. план в ст.: *Неосуществленный замысел*. С. 204), а также написать методологическую работу «О истории» (см. п. 92, прим. 5). В годы первой мировой войны Брюсов публикует такие исторические труды, как «Учители учителей» (VII, 275—437) и «Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до Р.Х. по наше время» (М.: Моск. Армянский комитет, 1918). Об исторических трудах, оставшихся неопубликованными, см.: *Копшина Е. Н.* Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве // *Записки ОР ГБЛ*. М., 1962. Вып. 25. С. 134—135. См. также п. 81, прим. 1.

⁴ О работах Брюсова по римской истории, в частности о неопубликованном лекционном курсе «Рим и мир» 1917—1918 гг., см.: *Гаспарова М. Л.* Неизданные работы В. Я. Брюсова по античной истории и культуре // *Чтения 1971*.

⁵ Черновая рукопись «Анализа», начатого Брюсовым, по-видимому, 17 февраля (2.10, л.32), занимает большую часть рабочей тетради и действительно свидетельствует о каждодневной упорной работе ее автора.

7. БРЮСОВ — БОБРОВУ

(Москва. 11 марта 1894 г.)

Глубоко благодарен Вам за письмо ¹. Попробую воспользоваться Вашими советами в своих будущих задачах ². Полагаю, что Ваш совет о неравенстве [сил] черных и белых относится только к задачам на пат, тогда как вообще, т. е. в задачах на мат, на мой взгляд, красивее, правдоподобнее та задача, где силы приблизительно равны или победитель даже слабее

С уважением Валерий Маслов-Брюсов

2.10 (тетрадь № 7), л. 79. Ответ на адресованную В. А. Маслову открытку П. П. Боброва от 10 марта 1894 г. (77.45). Датирована по почт. шт. этой открытки в сопоставлении с датой

См. с. 101 со стороны тетради
 Чр. Кр. еу
 Ф. а2
 Л. е6
 Л. н2
 С. ф6
 паша: с4, е6
 е5
 е2, ф8, г4.
 в шир. б. паша:
 Чр. ф5
 Ф. н7
 Л. д3
 Л. а7
 С. е3
 паша: е5, е6, ф8
 в 4, 13, 15.
 Раш. Т. б.
 Ф. е8-е5+
 С. а4-б3+
 С. 14-е5+
 Т. паша, в шир. б. паша
 паша (А) паша
 б. Кр. а3
 Ф. е8
 К. е5
 С. 14
 паша С. а4
 паша а2, е2, б4
 С. ф2
 Чр. С. е3, ф4+
 Кр. д5-г4
 Кр. : С.
 б. паша паша. Кр. паша в 21

б. Кр. а3 Ф. е8. С. а4 С. ф4 К. а5
 паша а2, б2.
 Чр. Кр. д5, Ф. е1, Л. а7, Л. д3, С. е3
 паша б5, б6, б6, е3, е4, ф5
 Раш. Ф-е5+ С: ф
 С. а4-б3+ Кр. а5б6.
~~Ф. е8~~
 а: с4, е3+ а: С. ф4 (паша)
 Чр. Кр. д7 Ф. е1
 Л. а3 С. е3
 К. а2 Кр. е8
 паша б2, е6, ф1
 Раш. Кр. а5 Ф. ф8
 Ф. е2 С. е2
 К. а7
 паша а4, б6, е5, ф6.
 б. Раш. в.
 Ф: К. а2 С: ф4+
 С. б6+ Раш. д7
 Ф: С. Кр. е2
 паша.

ШАХМАТНЫЕ ЗАДАЧИ В ТЕТРАДЯХ БРЮСОВА

Автограф

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

стихотворения «Тяжко, друзья, снова старая сказка...», следующего в тетради за письмом («сарт 11» — 2.10, л. 79об.). Непосредственно перед письмом Боброву записано такое обращение к неизвестному корреспонденту: «Если не ошибаюсь, это Вы прислали мне стихотворение Д(е)р(жа)в(ина). Советую Вам исправить свои ошибки по собранию сочинений этого автора». По-видимому, это ответ на один из розыгрышей, которым Брюсов подвергался после выхода РС I.

Павел Петрович Бобров (1862—1911) — журналист, видный деятель русского шахматного движения (см., например, Зеленукии Н. П. Словарь шахматной композиции. Киев, 1982. С. 18); отец писателя С. П. Боброва. В начале 1894 г. П. П. Бобров вел шахматный отдел в газете «Московские ведомости», куда Брюсов, по-видимому, и послал составленную им задачу (возможно, одну из записанных в той же тетради, л. 78—78об.).

¹ Приводим полный текст открытки Боброва: «Задача на пат составлена правильно, но желательна была бы еще большая разница сил белых и черных, а также, чтобы белые достигали пата более тонким и более оригинальным путем. Во всяком случае, желаю Вам совершенствоваться в задачах и первые удачные конечно с удовольствием помещу». О значении этого ответа, получение которого Брюсов особо отметил в дневнике (1.13/1, л.16об.), в брусоской биографии см. вступ. ст., гл. 1, § 7.

² Материалы дальнейших занятий Брюсова решением и составлением шахматных задач см. в тетради № 8 (2.11).

8. БРЮСОВ — БУГОНУ (ЭРЛА-МАРТОВУ)

(Москва. 16 или 17 марта 1894 г.)

Многоуважаемый г. Эр(ла)-Мартов ¹

Сколько я могу судить, Ваша поэзия еще находится в переходном периоде. Если Вы будете работать, то, конечно, разовьется звучный и изящный стих*.

* Далее зачеркнуто: что в наши дни доступно всем. О Вашем таланте по предложенным образцам ничего не могу сказать.

Теперь перейду к частностям. Стихотворение 1 (посвященное М. В. И-ой) ².

Первые два стиха не дают ни образа, ни символа. Песней они были бы, если б заменить (?) слова ³.

[У Вас слишком заметна напряжен(ность), вымученность декадентского стиля: «Песнь ароматная тени прильнула к горячей розе». Эпитеты «ароматный» и «горячий» понятны, но слово «песнь» здесь не идет совсем. Месяц может послать голубой поцелуй, но почему же с ним посылает он и «трель»? ⁴ Но все же 1-е стихотворение (М. В. И-ой) лучшее среди присланных.] ⁵

Прис(мо)трит(есь) к «лазур(и)» и «осоке» ⁶, тон(у) принцессы и пок(л)он(ника у) Метерлинка ⁷.

Сове(тую) переводить: из Метерлинка и Маллармэ.

2.10 (тетрадь № 7), л. 82. Ответ на письмо Эрлы-Мартова на имя В. А. Маслова, написанное в связи с выходом *РС 1* и полученное Брюсовым 13 февраля 1894 г. (*Дневники*. С.16; опубли. в ст.: *Гудзий 1927*. С.189; автограф см. 79.6, л.1—2, там же конверт со штемпелем, подтверждающим датировку *Дневников*). В черновике Брюсов письмо не окончил, и был ли ответ отослан, неизвестно (первая встреча Брюсова и Бугона состоялась почти полгода спустя — *Дневники*. С.18; письмо Брюсова к Бугону с приглашением посетить его см. вступ. ст. гл. 1, § 8). Датировка по расположению в тетради между автографами стих. «Сон» (16 марта, см. прим. 5) и «Рифмы» (17 марта — л.82об.).

Андрей Эдмундович *Бугон* — поэт, журналист, один из основных участников *РС 2* и *РС 3* (под псевдонимом «Эрл. Мартов»). Видоизменив псевдоним Бугона (см. прим. 1), Брюсов в дальнейшем называл его и в *Дневниках*, и в письмах к третьим лицам (см., напр., п. 15) «Мартовым». Так же он именуется и в дальнейшем комментарии.

¹ Псевдоним Бугона дополняем здесь в соответствии с той формой, которую он имел в полученном Брюсовым письме. В упомянутой публикации Гудзия дефис опущен, что приводит к превращению первого элемента псевдонима из части двойной фамилии в имя. В *РС 2* Брюсов (возможно, с согласия самого Бугона) изменил этот элемент псевдонима, превратив «Эрла-» в «Эрл.», т. е. в сокращенное обозначение имени. Такое изменение существенно уменьшило степень экзотичности псевдонима. Характерное для редакторской работы Брюсова продумывание издания до такой детали, как звучание псевдонимов (ср. п. 11), в данном случае сослужило и дурную службу: превратив «Мартов» в самостоятельную фамилию, Брюсов навлек на *РС 2* упрек в заимствовании псевдонима одного из плодовитых стихотворцев тех лет, Вл. Мартова (В. П. Михайлова). См. в ед. 1.20, л. 23—23об. копию письма «Московским декадентам» из ж. «Будильник».

² Стихотворение, позднее опубликованное в *РС 2* в разделе «Ноты» под заглавием «Посвящается М. В. И-ой». В рукописи Мартова (79.6, л. 3) слова «Посвящается М.В.И-ой» стояли в правом углу как посвящение, а не посреди строки как заглавие.

³ Первые два стиха у Мартова читались «Песнь ароматная тени ночной // К розе прильнула горячей». При публикации Брюсов исправил 1-й стих на «Тень ароматная чары ночной». Это исправление намечено уже в рукописи стихотворения, причем сначала Брюсов хотел ограничиться просто перестановкой существительных: «Тень ароматная песни ночной».

⁴ Третья и четвертая строки стихотворения опубликованы в авторском варианте: «Месяц ей шлет поцелуй голубой // С трелью, о счастье молящей».

⁵ Несмотря на такую оценку, из шести стихотворений, присланных Мартовым вместе с письмом (см. 79.6, л.3—5об.), пять были опубликованы в *РС 2*, а два даже послужили Брюсову стимулом к написанию собственных стихотворений. Первое из них (2.10, л. 81), созданное непосредственно перед комментируемым письмом, вдохновлено мартовским «Ромбом». Усложнив привлекшую его в стихах Мартова фигурную композицию, Брюсов одновременно подхватил и их фабулу — любовное свидание. Однако фабула эта перенесена из реальности в сновидение, благодаря чему экспериментальное по заданию стихотворение органически вплелось в один из самых болевых рядов бросовской лирики — в воспоминания о Е. А. Красковой (см. п. 1 прим. 7):

СОН

Сон

Озарен

Мечтой пробужденья.

Видел забытую тень я

Навеки погибшие видел черты

Ко мне на минуту явилась ты.

Из жизни нам неизвестной.

Прекрасной, телесной

Ты была вновь.

Любовь

Воскресла на сердце с безумною силой —

И встретил, проснувшись, вокруг я — мрак ночи унылой.

Спустя два месяца после письма, 11 мая, Брюсов написал стих. «Не дремлют тени...» (*РС 2*. С. 17; *ПСС I*. С. 252), которое можно рассматривать как своеобразную реплику к

стих. Мартова «Посвящается М. В. И-ой». В рукописи этим стихам предпослано: «Посвящается Эрл. Мартову» (2.11, л.50).

⁶ Брюсов говорит здесь о стих. «Люби волшебная рука...», единственном, которое он не включил в *РС* 2. В четвертой строке этого стихотворения «Как люди той лазури рады» Брюсов над словом «лазури» пометил: «gen(етивus) или dat(ивus)». Этой пометой он указал на синтаксическую двусмысленность: «той лазури» может быть понято и как дополнение при сказуемом «рады» (дательный падеж), и как определение при подлежащем «люди» (родительный). Замечание об «осоке» относилось к последней строке «Их отраженье меж осокой» — предлог «меж» требует не единственного, а множественного числа управляемого существительного. Кроме того, в этом стихотворении красным карандашом подчеркнута трижды повторенное в разных падежах местоимение *та* (ср. в п. 100 замечание о строках из стих. Бальмонта «Ангелы опальные...»), а синим карандашом — аллитерация «Рисуют в сумраках». Первое четверостишие в рукописи перечеркнуто, что свидетельствует о том, что Брюсов все же рассматривал возможность публикации этого стихотворения.

⁷ Вместе с оригинальными стихами Мартов прислал перевод 2-й сцены из 3-го акта «Пелеаса и Мелизанды» Метерлинка (79.6, л.6—8об.). Явная неуклюжесть языка не позволила Брюсову, при всем его стремлении к обогащению состава *РС* переводами, использовать этот текст.

9. БРЮСОВ (МАСЛОВ) — ЗАРИНУ (ТАЛИНУ)

(Москва. Между 8 и 13 апреля 1894 г.)

Многоуважаемый г. Талин

Должен извиниться в том, что ответ запоздал: меня не было в Москве ¹.

Относительно Ваших условий ² мне приход(ится) сказать следующее. Я связан общим заглавием своего издания, так сказать, ярлыком его. Согласно *моим* взглядам, например, так(ое) стих(отворение), как «Мы встретились с нею случайно» (Выпуск 1), принадлежит *новому* направлению поэзии (обратите внимание на намеренную простоту рифм, [обыденность] выражений, размера, гармонирующую с напе(вом) стиха; в этом стихотворении каждому слышится что-то старое(?), знакомое); напротив, критика подобные стихи сочла попавшими случайно в сборник (Новое время, № (6476)) и свое внимание остановила на крайностях, как «Мысли пурпурные...» Миропольского или «Золотистые феи...» Брюсова ³. С таким мнением крит(ики) и общества при(хо)дит(ся) считаться. Если Ваши произведения займут совершенно отдельную книжку, ее прямо не признают входящей в ряд других выщусков *. На них будут смотреть с одной точки зрения, на тот, который займут Ваши произведения, — совершенно с другой. Между тем я горячо стою на одном: символизм, или, чтоб не употреблять это выражение, новое направление в поэзии — не отрицает старого ⁴.

Не разрушать закон пришли мы

Не осмеять его жреца:

В заветах новых невредимы

Искусств основы до конца! ^{2*}

Новое направление в поэзии органически связано с прежни(ми) — это не что-либо насильственно присоединенное ^{3*}. Просто новое вино требует новых мехов ^{4*}.

* *Было*: моих изданий. *Далее зачеркнуто*: и мое намерение указать, в чем состоит *новое* в поэзии, останется невыполнен(ным).

^{2*} *Далее перечеркнуто*: Пушкин иначе изображал любовь, чем поэты начала XVIII в., а за последние десятилетия развитие шагало громадными шагами вперед. Между началом нашего века и его концом, этим fin de siècle (концом века — франц. — С. Г.) целая пропасть ⁵. Вы говорите, что пишете просто то, что подсказывает Вам сердце, не стесняя себя никакими предвзятыми идеями. Да и как(ой) же истинный поэт может стеснять себя предвзятыми идеями! [И у символистов] Верлен, Малларме — писали также то, что подсказывало им сердце! Новое вино требует и новых мехов.

^{3*} *Было*: Новое в поэзии — не плод, насильственно навязанный ей. Новое направление не есть что-либо выдуманное, наоборот.

^{4*} Данный абзац записан отдельно, внизу страницы. Помещаем его на место знака вставки, стоящего в рукописи после предшествующего абзаца, но нигде более не повторенного.

Вот почему мне важно, чтобы в одном издании были соединены поэты разных школ и направлений, чтобы ясно было видно, как во всех их произведениях чувств(уется) веяние чего-то общего им, веяние их века *.

Переходя к практическим вопросам, я могу предложить Вам (*1 поврежденно*) — Ваши произведения войдут в следующий выпуск (который будет мно(го) (бо)льше 1-го) — в особ(ом) отделе, как, например, сти(хотворения) Брюсова ⁶.

Вы пишете еще, что боитесь показаться солидарным с некоторыми крайностями декадентства. Я лично не думаю, чтобы это могло случиться, но во всяком случае если некоторые могут приписать Вам некоторые идеи и взгляды других участ(вующих) в нашем (*1 нрзб.*) издании, то это может случиться од(инаковым) образом и когда Ваши произведения составят особый выпуск, и когда только особый отдел. Но я добавлю здесь, что в следующих выпусках думаю избежать таких произведений, как «Золотистые феи» и «Пурпурные мысли». Наконец, Вы можете написать маленькое вступление, предисловие к своим стих(ам).

Что касается того, что Вы боитесь оказаться в соседстве бесцветного поэта (потому что найти «слишком оригинального» мало надежды) ⁷ — то ту же мысль высказ(ывал) мне Брюсов по поводу своего [соседства с] Миропольским, однако же это соседство не помешало крит(ике) оценить оригинальность г. Брюсова ⁸.

Ск(аж)у (?) Вам (*1 нрзб.*) — я был бы очень рад пред(оста)в(ить) Вам совершенно особый отдел, приблизительно (при том же шрифте и способе печати, как в 1-м выпуске) страниц 40 ⁹ и ничего не буду иметь против, если в маленьком предисловии Вы укажете на то, что нисколько не считаете себя декадентом ¹⁰.

Остаюсь с глубоким уважением

В. М а с л о в

Р. S. Ответ я получу скорее, если Вы будете адресовать его (с передачей В. Маслову) на Валерия Яковлевича Брюсова. Цветной бульвар, свой дом или в книжный магазин Ланг(а) (Кузнецкий мост), — так как сам я живу большую часть года в имении.

2.11 (тетрадь № 8), л. 30—31 и 32. Край л.30—30об. поврежден, и ряд слов восстановлению не поддается. Л.30—31 содержат законченный вариант письма, взятый за основу публикации. Текст на л.32, отделенный от него другими материалами, является новой, более сжатой редакцией окончания. Единственное существенное дополнение, содержащееся в этой редакции, приведено в прим. 8. Ответ на письмо Зарина от 2 апреля 1894 г. (см. прим. 2 и 7), которым Зарин откликнулся на не дошедшее до нас предложение Брюсова (В. А. Маслова) сотрудничать в «Русских символистах». Датируется по расположению в тетради между автографами стих. «Колумб» (8 апреля — л. 29 об.) и «Без вдохновения» (13 апреля — л.32об.—33об.).

Федор Ефимович Зарин — поэт, в первой половине 1890-х годов выступавший в журнале под псевдонимом Ф. Талин. Тетрадь 6 ргито, в которую Брюсов переписывал привлеченные его поэтические новинки из периодики, содержит четыре стихотворения Ф. Талина, опубликованных в июле 1893 г. (4.4, л.17об.—18об.) и в феврале — апреле/мае 1894 г. (л.28—28об., 31). Записи 1894 г., судя по колебаниям в библиографических ссылках, сделаны Брюсовым по памяти. Еще один фрагмент из стихов Талина вошел в подборку вызвавших критическое отношение Брюсова «Отрывков» из стихов русских поэтов тех лет (там же, л.32—32об.). Ср. также л.33, прим. 22.

¹ Подробность, направленная на создание образа «автора» письма, издателя В. А. Маслова (ср. Р. S. к письму). Сам Брюсов в начале апреля 1894 г. из Москвы не выезжал.

² Зарин в своем письме сообщал: «Я очень рад, что Вы находите некоторые мои стихотворения подходящими к характеру Вашего издания, но, спешу оговориться, — я не символист, и не декадент; я пишу просто то, что подсказывает мне чувство, не стесняя себя никакими предвзятыми идеями. Я с удовольствием предоставляю Вам мои стихи, но хотел бы быть помещенным в отдельном выпуске; материала у меня достаточно на выпуск, подобный Вашему первому, — и даже больший» (104.27, л.1).

³ Брюсов имеет в виду статью: *Иванушка Дурачок*. Московские символисты: маленький фельетон // Новое время. 1894. № 6476. 10 марта. На стих. «Заключение» («Золотистые феи

* Далее зачеркнуто: никто не может вырваться из века.

в атласном саду...) останавливались и все последующие рецензенты *РС 1* (перечень рецензий см.: *Библиография*/II, № 3—8). Напротив, стих. «Мы встретились с нею случайно...» будет расценено Вл. С. Соловьевым как «несомненно» происходящее «от Генриха Гейне» (*Ашукин. С. 57*).

⁴ Далее Брюсов цитирует первую строфу своего сонета «Ответ». Сонет написан 22 марта 1894 г. как отклик на стих. Ф. Ромера «Вызов» (Русское обозрение. 1894. № 3; стихотворение полностью переписано Брюсовым в тетради 6 ргмо — 4.4, л. 30об.—31). Недописанные в письме слова восстановлены по беловому автографу, находящемуся в одной тетради с письмом (л. 12).

⁵ Слова «десятилетия» и «нашего» находятся на поврежденном крае листа и прочитаны гипотетически. Мысль о зависимости эволюции поэзии и поэтического языка от развития общества и расширения эмоциональной сферы человека Брюсов через два месяца подробно развернет в статье «Profession de Foi» («Символ веры») (см. вступ. ст., гл. 4, § 3). Эти идеи будут пронесены Брюсовым через всю жизнь (см.: *Вклад Брюсова...*, § 1).

⁶ Брюсов имеет в виду композицию *РС 1*; где стихи каждого из авторов составляли особые разделы. В *РС 2* и *РС 3* принцип построения «по авторам» не использовался.

⁷ Брюсов отвечает здесь на следующие слова Зарина: «Я хотя поэт еще не пользующийся именем, но дорожу своей индивидуальностью, а всякое соседство обезличивает несколько автора, делая его солидарным с соседом. Слишком оригинальный сосед оставляет в тени другого, а беззвучный и вялый, в свою очередь, наложит неизбежный отпечаток на более живого» (104.27, л. 10б.).

⁸ Аналогичная фраза во втором варианте окончания письма (л. 32) имеет продолжение: «мало того, может быть, именно в виду такого соседства она отнеслась к нему с большим вниманием». В фельетоне Иванушки Дурачка (см. прим. 3) говорилось: «Мне жаль, что в книжку о том, как не следует писать стихи, попало два, три милых стихотвореньца, частью переведенных из Верлена, частью оригинальных. В этом виноват г. Брюсов (. . .) он человек не без дарованьица». Брюсова выделяли почти все рецензенты *РС 1*, зато в рецензии Пл. Краснова на *РС 2* из всех авторов будет выделен как раз Миропольский (Всемирная иллюстрация. 1894. № 13146. 12 нояб. С. 414).

⁹ Чтобы оценить это предложение, следует вспомнить, что весь объем *РС 1* составлял 44 страницы, из которых произведениям Брюсова было отведено 29. *РС 2* займет 52 страницы. Все выпуски *РС* издавались Брюсовым за свой счет.

¹⁰ Зарин ответил: «... я не могу воспользоваться Вашим любезным предложением. Дело в том, что для Вашего выпуска я могу дать только некоторую часть своих стихотворений, более или менее подходящих к Вашему изданию, — а это для меня несколько неудобно, так как в недалеком будущем я предполагаю издать все свои стихотворения» (104.27, л. 3). Книга Зарина «Стихотворения» вышла в свет только в 1899 г. (СПб.: Т-во Кушнерев и К°). Брюсов по выходе *РС 2* включил «Талина» в список рассылки (см. 2.16, 3-я с. обложки).

10. БРЮСОВ — ЛАНГУ (МИРОПОЛЬСКОМУ)

(Москва. Между 15 и 21 апреля 1894 г.)

Милостивый государь г. Миропольский!

По приглашению Реда(кции) честь имею предложить Вам постоянное сотрудничество в журнале «Сев(ерный) вест(ник)». Плата по соглашению — почт(овая). Ред(акция) надеется, что в своих новых произведениях Вы будете избегать крайностей Вашего направления¹.

Примите уверения в совершенном почтении

за редак(тора)

(Подпись нрзб.).

2.11 (тетрадь № 8), л. 35. Мистифицированный отклик на *РС 1*. Был ли осуществлен задуманный розыгрыш, неизвестно. Среди сохранившихся беловых автографов писем Брюсова к А. А. Лангу за 1894 г. (71.44) данное письмо отсутствует. Датируется по положению в тетради между автографами стих. «Молитва» (15 апреля — л. 34об.) и «Первое свидание» (21 апреля — л. 36об.—37).

¹ О том, какие именно произведения из числа опубликованных Брюсовым и Миропольским в *РС 1* воспринимались как «крайности», см. п. 9 и прим. 3 к нему.

11. БРЮСОВ (МАСЛОВ) — БАХТИНУ

(Москва. Между 25 и 30 мая 1894 г.)

Милостивый государь г. Бахтин

Из предложенных Вами стихотворений 1-ое было недавно переведено Д. Мережковским («Труд», кн. 11 или 12 за прошлый год)¹ — 3-е совсем трудно под-

вести под разряд «символических»², 4-е имеет слишком незначительную тему³, так что воспользуюсь я только вторым — «Нелли»⁴ (кстати, 6 стих по *(1 нрзб.)* вероятно должно чит(ать) «Богини», а не «богиня», как случайно у Вас написано)⁵.

Что касается до подписи, *то не изберете ли Вы себе другой псевдоним?* Может быть Вы читаете свой псевдоним как фамилию Никóтин, но большинство прочтет его Никотín, что напоминает подписи юмористических журналов, «Шута», [«Стрекозы»] «Ос(колко)в»... Почему бы Вам не сохранить, например, одну из тех подписей, под которыми Вы писали в журналах?⁶

Кроме того, если это Вас не затруднит, было бы интересно знать подробнее те № журналов, где появлялись Ваши стих(и).

Ответ адресуйте на имя Валерия Яковлевича Брюсова. Цветной бульвар, свой дом, для В. А. Маслова. Таким путем он скорее дойдет до меня.

С уважением Ва М а с л о в⁷

Р. С. Сколько можно судить по Вашему письму, Вы переводили с английского подлинника — поэтому Вы, вероятно, можете сообщить: буквально ли передан у Вас последний стих стихотворения «К Занте»⁸. Дело в том, что по правилам итальянского стихосложения в нем не хватает одного слога (Fior * — слово односложное)⁹. Так же 11-сложным (по итальянской метрике) будет знам(енитый) стих Данте *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*¹⁰.

В. М.

2.11 (тетрадь № 8), л.67об.—68. Ответ на письмо Н. Н. Бахтина от 19 мая 1894 г. (76.29, л.1), с которым он прислал для публикации в *РС* четыре своих произведения: три перевода из Э. По и одно оригинальное стихотворение (там же, л. 2—4). Датируется на основании расположения в тетради после стих. «Вчера за рюмкою вина...» (25 мая, л. 67) и ответного письма Бахтина (31 мая, 76.29, л. 5—6).

Николай Николаевич *Бахтин* (псевд. Н. Нович, 1866—1940) — поэт, переводчик, педагог, библиограф. Подробнее о нем см.: *Бронь Т. И. Н. Н. Бахтин и его картотека // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 434—449. Участник РС 2 и РС 3. Активный корреспондент Брюсова в 1894—1895 гг. Подготовленная Бахтиным в 1911 г. для массовой серии «Библиотека мировой поэзии» хрестоматия «Стихотворения Эдгара По в лучших русских переводах» (СПб.: Стелла, 1911) способствовала подытоживанию и популяризации переводческих достижений русского символизма. В нее вошли брюсовские переводы «Леонени» и «Ворона» и все три упоминаемых в письме перевода Бахтина.*

¹ Стих. из рассказа Э. По «Лигейя», в переводе Д. С. Мережковского опубл.: Труд. 1893. Т. 20, № 11.

Бахтин писал в ответном письме: «1-ое стихотворение («Могильный червь») действительно переведено Д. Мережковским, но белыми стихами и вообще не размером подлинника. Это стихотворение вообще весьма трудно поддается переводу: во 1) английские слова большей частью односложные, и более близкий перевод нельзя вмести́ть в те рамки, которых требует размер; во 2) форма этого стихотворения трудна по большому числу повторяющихся рифм» (76.29, л.5).

² Перевод стих. Э. По «К Занте» («To Zante») был опубл. позднее: не в *РС 2*, а в *РС 3*.

³ Оригинальное стих. Бахтина «Воет ветер одинокий...» в *РС* не вошло.

⁴ Перевод стих. Э. По «Eulalie» в *РС 2* опубл. под заглавием «Из Эдгара По». Кроме него, в *РС 2* помещен перевод Бахтина «Из Поля Верлена («Над пустыней снежной...»)). Брюсов собирался лишь объявить в *РС 2* конкурс на перевод этого стихотворения Верлена (проект объявления, набросанный 15 или 16 марта 1894 г. см. 2.10 л. 82). Но прочитав в ответе Бахтина на комментируемое письмо, что тот «не оставляет надежды» попробовать перевести Верлена и собирается для этого выписать его книги (76.29 л. 6), Брюсов поспешил сообщить своему корреспонденту текст верленовского стихотворения. 18 июня 1894 г. Бахтин, «высылая готовый перевод, благодарил «В. А. Маслова» за сообщенные вместе с текстом «сведения о Верлене» (Там же. Л. 7). Этот перевод Бахтина — самое раннее из произведений, заказанных Брюсовым для редактировавшихся им изданий.

⁵ Бахтин отвечал «...именно... «богиня блаженства», а не «богини»; иначе предложение было бы без подлежащего: «Весь день надо мною сияет звездой богиня блаженства»» (76.29, л. 5). В *РС 2* опубл. в авторской редакции.

⁶ Печататься под псевдонимами вынуждала Бахтина его служба в качестве воспитателя в Кадетском корпусе в Орле. Он ответил Брюсову: «Что касается псевдонима, то я совершенно согласен с Вами в том, что он выбран мною неудачно. Можно подписать стихотворение псев-

* Цветок (*итал.*).

донимом Н. Нович, который я употреблял уже раньше» (76. 29, л. 6). Все публикации Бахтина в РС были подписаны именно так.

⁷ Брюсов начал подписываться своим именем (Ва(лерий)) и лишь затем спохватился, что пишет от имени издателя РС. Но, судя по ответу Бахтина (письмо начиналось обращением: «Милостивый государь Валерий Яковлевич!», отправленный вариант письма был написан все же от имени Брюсова. Зато все последующие письма, насколько позволяют судить ответы на них, писались от имени В. А. Маслова.

⁸ В аналогичной по содержанию фразе, зачеркнутой после второго абзаца основного текста письма, Брюсов пояснял, почему он обращается к Бахтину с таким вопросом: «(По я не читал в подлиннике)».

⁹ Последний стих стих. «К Занте» в оригинале Э. По и в переводе Бахтина дан по-итальянски. Данный вопрос — самое раннее из свидетельств интереса Брюсова к итальянскому стихосложению, пример которого он позднее будет приводить в доказательство того, что силлабическое стихосложение не связано с фиксированностью места ударения в слове (Брюсов В. О русском стихосложении // Добролюбов 1900. С. 11; см. также: Взгляды Брюсова на языковую приемлемость стиховых систем). Бахтин писал в ответном письме: «...3-е стихотворение, если и имеет недочет в одном слоге в последней строчке, то эту ошибку оно разделяет с подлинником» (76. 29, л. 5).

¹⁰ «Оставьте всякую надежду, вы, что входите» — Данте. Божественная Комедия. Ад, песнь III, стих 9. Этот же стих Данте полностью выписан вверху той страницы, на которой начинается черновик публикуемого письма. Под ним помета: ch/bs с которой, возможно, связана и следующая запись, сделанная справа от данного стиха на другой стороне тетрадного разворота (л. 68). «Идея. Фонетич(ески) существование шипящих указывает на низкую степень развития народа. Когда народ возвышается культурно, он заменяет шипящие другими звуками, а когда снова падает, вновь вводит шипящие. У пра-европейского языка были шипящие, у римлян нет, после падения Рима они вновь явились в итальянском языке».

12. БРЮСОВ — БИНДАСОВОЙ

(Москва. Между 2 и 9 июня 1894 г.)

М(ного)у(важаемая) В(ера) П(етровна). Здравствуйте! * Однажды Вы запретили писать к себе ¹ — но с тех пор прошло много времени, да к тому же я сейчас в таком жалком положении, что мне хочется (?) кому-нибудь писать, все равно, ответят ли мне или нет. Пишу вам, как это можно заметить (?) по почерку — лежа, потому что болен ². Все наши уехали из дому, мама хотела было остаться со мной, но я, конечно, уговорил ее ехать, говоря, что мне лучше. С отцом и с Лангом я в ссоре ³ и вот теперь лежу я целые дни совсем один — раза два-три только заходит дворник поп(р)оведовать(?), не надо ли чего. Согласитесь, что в таком положении можно решиться нарушить Ваш запрет.

Прежде всего, В(ера) П(етровна), скажу, что я оказался одиноком не только сейчас, но и вообще. С Талей Раевской, — столь неожиданно приславшей Вам письмо ⁴ — я совсем разошелся, мы поссорились окончательно. Дачная моя пьеса шла на сцене ⁵ — пом(ните), я прис(ылал) Вам афишу и билет, но Вы послали мне их назад и не захотели посмотреть на мой триумф, а он был грандиозн(ым)! Вызывали меня раз 20, поднесли венок и жетон — все это при звуках туша. О! Тор(жест)вен(ного) было мно(го). Потом издал я сборник своих декадентских стихов ⁶. Меня начали ругать во всех журналах и ругают и до сей поры. Если позволите, я пришлю Вам сборник: мне очень хотелось бы, чтоб Вы опять выслушали ту лиру, на которой и сами тронули когда-то струны. Затем был я еще месяца 1½ после Тали Раевской влюблен в некую Маню ⁷, девицу ужасно набожную и с ней простаивал целые ночи на коленях в церкв(а)х и монастырях ⁸. С ней же встречал и Пасху, бывши и у зау(трень), и у обеден, В(ера) П(етровна)! Затем выдержал я целый ряд очень трудных экзаменов — трудных потому, что я целый год почти не занимался. Не хотелось мне оправд(ать) пророчество Саблина ⁹ и провалиться — поэтому занимался я отчаянно, например перед Славянской Грамматикой 5 дней по 15 часов в сутки! ¹⁰ В общем баллы мои варьируются — то «пять» с минусом, то пять «без минуса». В(ы?) (I нрзб.), В(ера) П(етровна)?

Ах! лист подход(ит) к концу ¹¹. До свидания — Вера П(етровна)!

Всегда Ваш Валерий Брюсов

* Далее зачеркнуто: С прошедшим праздником Пасхи и с наступив(шей) Трои(цей)?! Одним словом, Христос В(оскресе).

2.11 (тетрадь № 8), л. 75—76об., карандашом. Датируется по расположению в тетради между автографами стих. «Над светлой верандой...» (2 июня — л.74) и «Перед портретом» (9 июня — л.82). Об адресате см. п. 3 преамбулу к комм.

¹ Очевидно, имеется в виду не сохранившийся ответ В. П. Биндасовой на п.3. 28 ноября 1893 г. Брюсов записал в дневнике: «События: получил ругательное письмо от Веры Петровны; получил обратно посланное ей оправдание...» (1.12/2, л.38об.).

² Ср. запись Брюсова про 1894 г. в позднейшей «Канве моей жизни»: «Лето (. . .) Моя серьезная болезнь. Мечты о самоубийстве. Попытка броситься под поезд» (1.1, л. 24). См. также 1.13/1, л.29об., 30об.

³ Ни о ссоре с Лангом, ни о ссоре с озем в дневнике этого периода никаких упоминаний нет. Впрочем, с 1 по 9 июня записи в дневнике вообще не велись.

⁴ Это письмо было переслано Биндасовой Брюсову и сохранилось в его фонде (84.38). В нем содержалось требование «не обращаться с письмами» к Брюсову: Получив это письмо, Брюсов 29 ноября 1893 г. записал в дневнике: «с Верой Петровной после письма Тали к ней, кажется, все кончено» (1.12/2, л.39). Ср. п.3, прим.1.

⁵ Имеется в виду постановка «Прозы» (см. п.2, прим.2). В дневнике реакция публики на спектакль описана так: «Декабрь. 1 (день моего рождения). Вероятно, нескоро дожждаться мне таких же аплодисментов, какие я слышал вчера. Меня утомили поздравлениями. Накануне газеты относились симпатично. Сегодня «Русские ведомости» подсмеиваются» (1.12/2, л.39об.).

⁶ Имеются в виду *РС 1*.

⁷ О М. П. Ширевой см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 4, прим. 1—2. В VIII части дневников, обнимающей время с 18 декабря 1893 г. по 1 декабря 1894, перед записью от 24 февраля 1894 г. крупными буквами вписано в роли заглавия к последующему тексту тетради: «МАНЯ до К(О)НЦ(А)» (1. 13/1, л. 12).

⁸ Для иллюстрации процитируем дневниковую запись от 17 апреля 1894 г.: «Светлая затурня. Провел её как подобает христианину и мистыку. У нас было условлено, где встретиться с Маней, но я уже устал ждать и пошел домой — здесь-то как раз и встретился с ними. Дуню оставили, а сами ушли в Екатер(ининский) парк. Я был в ударе. После стояли в проходе в церкви. Толкали нас немилосердно. Обедню простояли в митр(ополичьем) подворье. Шли чудно домой в сумерках рассвета, когда таяли звезды на небе» (1.13/1, л.22об.—23). Ср. в одной тетради с письмом стих. «Христос!» и «Молитва», датированные 14 и 15 апреля (2.11, л.34—34об.). Дуня — Авдотья Павловна Ширяева (в замуж. Ланг), сестра М. П. Ширевой.

⁹ О Саблине см. п. 3, прим. 7.

¹⁰ Данное сообщение подтверждается дневниковой записью от 9 мая 1894 г.: «Занимаюсь по 15 часов в сутки, готовясь к церковнославянской Грамматике» (1.13/1, л. 27); в *Дневниках* запись ошибочно отнесена к 6 мая (с. 17).

¹¹ Имеется в виду лист почтовой бумаги. В тетради письмо кончается посередине страницы. Отступя строчку, записано следующее стиховедческое наблюдение: «Некрасиво такое трех-стопное движение стиха в 4 стопном ямбе — | // — | — / | — | — | «Никто не видел никогда». (А. Толстой. Грешница). В отличие от современной стиховедческой нотации, Брюсов здесь обозначает ударные слоги вертикальными чертами, а наклонными — словораздельные паузы, причем пауза между подлежащим и группой сказуемого расценена им как более сильная, нежели между сказуемым и обстоятельством времени. Данная запись, по-видимому, первое упоминание понятия «движение стиха», которое в дальнейшем станет одним из центральных в стиховедческой концепции Брюсова второй половины 90-х — начала 900-х годов (см.: *Вклад Брюсова...* С. 27).

13. БРЮСОВ — НЕИЗВЕСТНОЙ

(Москва. Между 2 и 9 июня 1894 г.)

Не зная Вашего имени и отчества, принужден оставить письмо без обращения и просто сказать «здравствуйте».

Недели две тому назад, как это Вам известно, конечно, не хуже, чем мне, я получил голубенький конверт, а в нем голубенький листок с 2 стихотворениями; все это произошло по Вашей вине.

Прежде всего, я, конечно, был обрадован. Где бы и как ни звучал отголосок поэзии — он мне вс(ег)д(а?) дорог и мил, как отзвук той гармонии, которой я живу. Итак, вообще говоря, я могу только радоваться — радоваться за Вас, конечно (?)

Теперь другая сторона вопроса. Вот только пок(а)за(лось) мне, что Вы совершенно не знаете правил стихосложения. Постойте, не пугайтесь. Это вовсе не такая трудная вещь. Научиться, как быть хорошим поэтом — правда — невозможно, но выучиться писать красив(ые), изящ(ные) стихотворения (?) — очень легко¹. Давайте поучимся.

Прежде всего надо вспомнить, что каждое слово имеет *ударение*, то есть в одном месте в одном слоге произно(шение) сильнее, так в слове «любовь» ударение на букве О, в слове «замок» (который запирает зверь) ударение тоже на О, а в слове «замок» (в котором живут принцы) ударение на А. В длинных словах тоже одно ударение: «влюблённая» ударение на ё, «прелестная» на втором е.

Теперь далее.

Чтобы получи(ли)сь стихи, надо, чтобы ударения были расположены в известном порядке. Например, так, сначала один слог (т. е. одна гласная буква А, Е, И, О, У, Ы, Ю, Ъ, Э) без ударения, а следующий с ударением. Если немного переделать начало Вашего 1-го стихотворения, то получится такой способ писать стихи

Альбом случайно я открыла

А без ударения
О с ударением
У без ударения
Ай с ударением
О без ударения
Я с ударением
О без ударения
Ы с ударением
А без ударения

Продолж(им?) таким способом переделывать Ваше стихотворение

Альбом случайно я открыла
И увидала там портрет
Кто это, я тогда спросила
Поэт №п — был мне ответ

Заметьте, что в слове «увидала» вышло два ударения на У и на 1-м А, это дозволяется.

Есть другие способы чередования ударений. Можно, например, так: сначала слог с ударением, а потом без ударения. Напр., *
Или еще так. Один с ударением, потом два без ударений, потом опять один с ударением и два без ударений. Например ^{2*} Или так: сначала два без ударений, потом один с ударением. Вообще какие (?) хотите способы, только бы все шло по порядку. Вот начало правил. Всех их еще много, но на первый раз довольно. Самое лучшее, если Вы теперь возьмете какого-нибудь поэта, да и посмотрите, как у него все это выполняется (?) (не выполняется это только в подражаниях народным стихам), а потом попробуйте сами написать что-нибудь в том же роде и пришлете мне. Пишите (?) смелее и не стесняйтесь — раз уж прислали 2 стихотворения. мож(ете) при(сылать) и еще, тем более, что в тех стих(ах) я заметил эдакую искорку таланта. Например, кра(си)во оконч(ание?) 2-го стихотворения, особенно если ему прида(ть) иную фор(м)у.
На него я могу ответить:

Нет для сердца расстоянья
Для любви преграды нет —
Издалека ^{3*} на прощанье (?)
Долетит ее ^{4*} ответ

Ваш полудветной ².

Вал. Брюсов

2.11 (тетрадь № 8), л.80—80об. 17 мая Брюсов записал в дневнике: «Неизвестная поклонница сделала мне честь прислать мне безграмотные стихи, где признается мне в страстной любви. Но — говорит она

* Далее в рукописи отчеркнуты три строки для неприведенной цитаты.

^{2*} Пример не приведен, но для него в рукописи отчеркнуты четыре строки.

^{3*} *Зачеркнутые варианты начала строки:* И за далью; Так из дали

^{4*} *Зачеркнутый вариант:* Прозвучит любви

Мечта останется мечтою
И ты — мой гений, мой поэт,—
Нигде не встретишься со мною...» (1.13/1, л.29).

Упомянутые в этой записи письмо и стихи обнаружить не удалось. Возможно, что переписка с их автором имела продолжение: 15 или 16 августа 1894 г. перед автографом п. 14 было записано трудно читаемое ответное письмо к неназванному адресату (2.15, л.88об.—89). В нем давалось — на этот раз без всякой насмешки над адресатом — систематическое изложение начальных сведений о размерах и разновидностях рифм. Среди известных сегодня Брюсовских корреспондентов вплоть до начала переписки с Ноздриным в столь элементарной информации не нуждался никто, кроме адресата п. 13. Впрочем, не исключено, что августовское письмо было поздней литературной вариацией самого п.13.

О связи комментируемого письма со статьей «Ответ» см. вступ. ст. гл. 4, § 3. Датируется на тех же основаниях, что и п. 12.

¹ Ср. противопоставление «звучного и изящного» стиха поэтическому «таланту» в п. 8, а также начало статьи 1918 г. «Ремесло поэта» (III, 457).

² В этом эпитете, обнажающем пародийную основу письма, по-видимому, обыгрывалась какая-то автохарактеристика из письма неизвестной поэтессы. Ср. подписи в других анонимных откликах на РС, например, «Почтительница декадентства» (110.51) или «Мимозно-орхидейная хризантема», «Поярково-оранжевый скорпион» и «Кислового-просвечивающий хамелеон» (110.47).

14. БРЮСОВ — ПОЛИВАНОВУ

(Москва. 15 или 16 августа 1894 г.)

Многоуважаемый Л(ев) Ив(анович), вчера я слышал, что Вы... Однако, возразите Вы, Лев Иванович, какое право имею писать пис(ьменный) отв(ет) на то, что я слышал! Мне могли передать неверно. Наконец, передавали не с целью, чтобы это м(огло) сд(елаться) изве(стным) [Вам] мне. Правда... Но я и не в первый раз слышу это, да и сам давно чувствовал, [что] это [так]. Поэтому могу начать письмо так. Я чувствую, что вы обвиняете меня во многом, и прежде всего — как бы это сказать — в неблагодарности что ли.

Que j'eusse *... Но (1 нрзб.) над этим задум(ываться) не стоит. Если мы разберем, что могло дать повод — то — мое непосещение, небытие на 25-лети ¹. После мне совестно было явиться.

Прежде всего решим — полезно ли мне было это, выиграл ли что-нибудь из этого. Очевидно, ничего. Наоборот, может быть, потерял. Вы вс(ег)д(а) могли ок(азать)ся мне полезны и если б здесь действовал расчет, то мне следовало бы скорее заискивать у Вас («Р(усское) о(бозрение)» ² и после учителем ³).

Дайте (объясню) почему. Простите, что (пропуск 1 слова) в свои дела. Не знаю, поэт ли я, но чувствую глубоко, что для других пустяк. Таля ⁴ разлюбилась и вышла за другого ⁵. Я впал в отчаяние. Лежал. Рифмовал до боли голов(ы) ⁶ и нигде не бывал. У(же) неделя в университете пустые клетки.

Я, Лев Иванович, пишу это не с иной целью, как вы(сказать) правду.— Общего у нас с Вами быть ничего не может, а потому не до свидания, а прощайте ⁷

Уважающий Вас Валерий Брюсов

2.15 (тетрадь № 10), л.89—89об. Адресат установлен предположительно по инициалам в обращении, упоминанию о праздновании 25-летнего юбилея (см. прим. 1) и о возможной помощи со стороны адресата в трудоустройстве Брюсова (прим. 3). Автограф письма наряду с п.76 является примером трудности разделения непосредственно соседствующих тетрадных писем (см. прим. 5). Видимо, не было отослано (см. прим. 7). Датируется по расположению в тетради после автографа предисловия к переводу «Романов без слов» П. Верлена (15 августа)—2.15, л.88) и с учетом общей датировки тетради на переднем форзаце: «Начата 30 июля 94 г., Кончена 16 августа 94» (там же. л.1).

Лев Иванович Поливанов (1838—1899) — филолог, переводчик, педагог, основатель и директор частной гимназии, известной под именем «Поливановской». Биографические и мемуарные материалы о нем собраны в кн.: Памяти Л. И. Поливанова: (К 10-летию его кончины). М.: Изд. О-ва бывших воспитанников Гимназии Л. И. Поливанова, 1909.

Поливановская гимназия, по характеристике М. А. Цявловского, явилась «Царскосельским лицеем русского символизма» (см.: *Взгляды Брюсова на языковую приемлемость стихо-*

* Если бы я имел... здесь: Если бы я был неблагодарным... (франц.).

вых систем. С. 102, прим. 15). С шестого класса в ней учился и Брюсов. О его взаимоотношениях с Поливановым в годы учебы см.: *Дневники*. С.11—12; *Ашукин*. С. 49—51. Фамилия Поливанова включена в список лиц, которым предполагалось подарить РС I, с таким проектом дарственной надписи: «Своему Учителю — автор» (2.10, л.64). Реакцию Поливанова на первые печатные выступления Брюсова сохранило свидетельство А. Белого, учившегося в то время в Поливановской гимназии: «(. . .) Л. И. Поливанов сказал: “Вы — не верьте стихам его: просто ломается он, потому что — он — умница...”» (цит. по.: *Ашукин*. С. 68). В последующей творческой деятельности для Брюсова были значимы прежде всего пушкинские штудии Поливанова (с некоторыми из них он полемизировал в ст.: Ложные доводы // *ЕС*. 1901. № 10) и разработанные Поливановым принципы русской передачи французского драматического стиха — от них Брюсов отталкивался при переводе трагедий Верхарна и Расина.

¹ Юбилей Поливановской гимназии отмечался 22 октября 1893 г. См.: Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л. И. Поливановым. М.: типо-литогр. М. Г. Волчаннинова, 1893. Брюсов принадлежал тогда к последнему по времени выпуску, и его отсутствие на юбилее, конечно же, должно было быть особенно заметно.

² О журнале «Русское обозрение» см. с. 238—242 статьи А. А. Тарасовой, указ. в п. 4, прим. 1. В этот журнал Брюсов с марта 1893 г. по февраль 1894 г. по собственной инициативе и без всякой протекции представил свои переводы из Малларме, ряд оригинальных стихотворений и статью «Поль Верлен и его поэзия» (см.: *Дневники*. С. 13—16). Все эти произведения редактором журнала приват-доцентом Московского университета А. А. Александровым в конечном счете были отвергнуты. Однако Александров сохранил брюсовские стихи и после смерти Брюсова в № 1 вновь организовавшегося журнала «Новый мир» опубликовал их.

³ Слова «после учителем» — единственное известное свидетельство тому, что Брюсов рассматривал преподавательскую деятельность как одно из возможных занятий после окончания университета.

⁴ Н. А. Дарузес (см. п. 1, прим. 9). 4 августа 1894 г. в той же тетради, где позднее появится комментируемое письмо, был написан «сонет-эпиграмма» «На свадьбу бывшей любовницы» (2.15, л.43об.—44). О позднейшей встрече с Н. А. Дарузес см. п.32.

⁵ Появление столь личного признания в письме к отнюдь не близкому человеку, по-видимому, связано с общей установкой на шокирующий эффект и последующий разрыв с адресатом. Вместе с тем нельзя исключить и вероятность того, что содержащий это признание предпоследний абзац письма «Дайте склетки» не принадлежал письму к Поливанову. Дело в том, что непосредственно перед началом письма к Поливанову без всякого отступа и перерыва на той же странице тетради записано начало трудночитаемого письма к другому, неназванному адресату:

«Здравствуй, тысячу раз мой привет тебе...

Впрочем, так начинается одно стихотворение у Фета, а я (. . .) А это для меня довольно трудно, потому что я целыми днями нигде (?) не бываю (?) и никого не вижу кроме глубоко уважаемого Ланга» (2.15, л.89). Очевидно, что это письмо было обращено к адресату, с которым Брюсов был в более непринужденных отношениях, нежели с Поливановым. Абзац «Далее склетки», написанный на нижнем поле страницы, по тональности и содержанию мог, вообще говоря, относиться к этому другому письму, которое было оставлено в связи с началом работы над письмом к Поливанову.

⁶ Вся вторая половина тетради после рукописей стихотворения, указ. в прим. 4, заполнена в основном многочисленными вариантами переводов стихотворений из «Романсов без слов» П. Верлена. Помимо давней любви Брюсова к поэзии Верлена и сознания, что перевод целой книги составит «ценный вклад в русскую литературу» (*Дневники*. С. 18), предпринятая работа поддерживалась и упомянутыми в письме к Поливанову личными обстоятельствами (см. прим. 4). Вызванные к жизни разрывом Верлена с женой (см. п. 1, прим. 2), «Романсы без слов» были в тот момент особенно созвучны собственным переживаниям Брюсова.

⁷ Никаких сведений о разрыве между Брюсовым и Поливановым нет. В списке рассылки авторских экземпляров «О искусстве» (1.15/1, л.48, 3-я с. обложки, ноябрь 1898 г.) Поливанов стоит вторым, сразу же после Льва Толстого, а внизу той же страницы карандашом записан и проект дарственной надписи, который, к сожалению, не удалось прочитать. Все это заставляет полагать, что публикуемое письмо адресату не отсылалось. Однако тот факт, что Брюсов не пошел на похороны Поливанова (о чем сам же и жалел впоследствии — см.: *Дневники*. С. 62), свидетельствует, что определенное охлаждение между учителем и учеником все же имело место.

15. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Москва. 14 или 15 сентября 1894 г.)

Мне очень [жаль] больно, что Вы так относитесь ко мне. Ваше письмо дышит упреком, а письмо г. Гиппиуса прямо говорит о подлости¹. Надеюсь, Вы не думаете, что я или Миропольский хотели присвоить себе Ваши взгляды или по крайней мере выдавать Вашу теорию за свою. Миропольский слишком честен для этого, я же слишком верую в собственные силы, чтобы заимствовать что-

нибудь у других. Вы говорите, что теория была искажена — как же могло быть иначе! Я мог неверно передать детали. Мартов (который является виновником всей этой истории, Миропольский репортера ни(когда) и в глаза не видал²⁾, слышав(ший) Вашу теорию мельком и из вторых рук³⁾, передал ее еще менее точно, г. репортер половины не понял, половину переврал, наконец, цензура выкинула и Рафаэля, и Мурильо. Верьте — мне было [неприятнее] тяжелее читать эту статью, чем Вам: — зная, что и у Вас, и у Гиппиуса явятся такие подозрения против нас.

Вы просите прислать № с опровержением — но к несчаст(ью?) у меня не ост(алось) ни одного экземпляра⁴⁾. Я во всяком случае достану и пришлю Вам вместе со 2 выпуском⁵⁾. Опровержение, конечно, слабое, но иного печатать не хотели, ссылаясь на то, что виновата не газета, а Мартов. Кроме того * все мои слова подвер(глись), конечно, искажению⁶⁾. Так, Вы и г. Гиппиус стали составлять из себя целое «п(етербургское) о(бщество) с(имволистов)»⁷⁾. Вот хороший пример: я говорил «„Прекрасна как роза“ было когда-то образом, а теперь это понятие», г. Арс. Г. передает эту фразу так: «„Прекрасна как роза“ было когда-то образом, теперь это символ»!!!⁸⁾

Когда я указал господину Арс. Г. на неловкость моего положения по отношению к Вам, он советовал мне предложить Вам написать письмо к нему, т. е. к господину Арс. Г., на которое он Вам и ответит подроб(ным) разъяс(нением). Адрес: Москва, Пименовская ул., дом Товарищества Кушнерев и К^о Арсению Яковлевичу Гурьеву¹⁰⁾. (Он между прочим ссыла(лся) на роман *(З нрзб.)* J. Bois)¹¹⁾.

Кончить письмо мне хочется тем же, чем я начал. Очень ж(ал)ь, что Вы так относитесь ко мне. Когда Вы были в Москве¹²⁾ — я, как это вы, вер(оятно), заметили — был совершенно б(оле)н¹³⁾ и поэтому, может быть, отн(ес)ся к Вам нес(п)р(а)ведли(во) — но не забывайте, что и Ваш(е) стремл(ение) быть всегда и везде первым долж(но) бы(ло) встретить сопротивление¹⁴⁾. Вот где сущ(ество) наш(его) раз(ры)в(а), а не какие-то там «Над (светлой верандой)» или «Луна Полна»¹⁵⁾, до которых мне в сущности вовсе не было дела. Может быть, мы и ул(а)ди(м) наши отношения. Впрочем, если Вы мне ответите, я еще разовью подробнее эти мысли. Хотел(ось) сказать до свидания.

В. Б.

Р. S. Читали ли Вы послед(нюю) книжку *(4 нрзб.)* М(етерлинка)^{16?)} Прекр(ас)н(о)! Читали ли Вы «Vitraux» Тальяда¹⁷⁾ — это в Вашем стиле.

Salut et^{2*)}

Так В(ы) пи(шите)

Р. p. s. Третий выпуск печатается¹⁸⁾ (sous presse^{3*)}, как пишут во Фран(ции)^{4*)}

Один в цел(ом) мире (?) идиотов. М(иропольск)ие! И(вано)в¹⁹⁾ и Ем(ельянов-Коханский)²⁰⁾. Дур(аки) — бездарност(и)! поэты — хахаха! символисты — хахаха!..

Не проч(тите) моих слов в ином см(ысле), чем я им придаю. Слу(шайте) — ведь мне тоже грустн(о).

В вас я видел проблеск чего-то, на буду(щее)^{5*)} в сам(ом) де(ле) глав(ного) — хотя, конечно, и здесь я мог ошибиться.

Вы во многом упре(каете) нас с той точки зрения, что мы против(ники) д(е)к(адент)ства²¹⁾, и стрем(итесь)²²⁾ к одному — дать ему опре(деленность) в Р(оссии). Но изме(ните) *(1 нрзб.)* точку зрения вообрази(в), что мы держимся

* Далее зачеркнуто: переделыва(я) мои опровержения, перев(и)р(али) мои слова.

2*) Привет и (франц.).

3*) В печати (франц.).

4*) Далее зачеркнут еще один постскриптим: Р. S. К нашему об(щест)в(у) приб(авились) ещ(е) дв(ое) Иванов (музыкант) и *(1 нрзб.)* Емельянов (собст(венно) «декадент»). [Мир(опольский тоже) Любому *(4 нрзб.)*

5*) Альтернативное прочтение: ка(к) будт(о)

или долж(ны) держаться иного взгляда, и тогда — я думаю — многое изменится.

Впрочем, прочтите
Отвечайте или буд(е)те прокляты²³

2.16 (тетрадь № 12), л. 44—45, без указания адресата и без обращения, посреди черновом автографа «символической драмы» (см. вступ. ст., гл.1, § 2). Адресат установлен по содержанию письма. Ответ на письма А. Добролюбова и Вл. Гиппиуса, приводимые в прим. 1. Датируется на основе общей датировки драмы («ночь с 13 на 14 сентября» — л.43; ср.: *Дневники*. С. 19) и даты расположенного вслед за письмом стих. «В полужизни утром ранним» (15 сент.—л. 46).

¹ Письма, вернее, краткие записки Гиппиуса и Добролюбова написаны на разных сторонах одной карточки из плотного картона и фактически составляют единое целое. Мнение, что они являлись откликом на «вступительную заметку» к *РС 2* (*Иванова Е. В.* Валерий Брюсов и Александр Добролюбов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Вып. 3. С. 257), ошибочно: авторы писем еще не были знакомы с *РС 2*, и Гиппиус в специальной приписке просил Брюсова: «Пришлите 2-ой сборник. Нам очень любопытно» (85.16, л.3об.). Поводом для писем послужили появление 27 августа 1894 г. в «Новостях дня» (№ 4024) фельетона Арсения Г. (см. прим. 10) «Московские декаденты» и последовавшая за ним в той же газете через день вторая публикация (№ 4026, 29 авг.) под тем же заглавием, появившаяся в результате хлопот Брюсова и корректировавшая неточности первого фельетона. Добролюбов, написавший свое письмо первым, отвечал, видимо, на какое-то неизвестное нам письмо Брюсова, написанное в связи с публикациями в «Новостях дня»: «Многомилостивый Валерий Яковлевич. Извините, что отвечаю так кратко: в другой раз напишу. Благодарю Вас за попытку восстановления истины, которой я еще не читал. Кстати, пришлите мне её: в Петербурге ее не достать (№ «Новостей дня» за 29 августа)» (85.16, л.3). Добролюбов благодарил Брюсова за организацию второй публикации, Гиппиус же, хотя и писал после Добролюбова, говорил исключительно о первой, настолько сильно было его возмущение тем, что в фельетоне Арсения Г. без упоминания имени Добролюбова и с большими искажениями излагалась добролюбовская концепция символизма: «Читал я эту фальсификацию критических взглядов моего собрата. Какой дурак это писал? И какая подлость! Плагиат не плагиат, а врод!» (85.16, л.3об.).

² Данная фраза позволяет уточнить смысл дневниковой записи от 29 августа 1894 г.: «В «Новостях дня» появилось якобы интервью с Миропольским и Мартовым» (*Дневники*. С. 18). Частицей «якобы» Брюсов отрицал не факт дачи интервью, содержавшегося в первом фельетоне Арсения Г., а участие в нем Ланга.

³ Брюсов познакомился с добролюбовской «теорией литературных школ» в июне 1894 г. (см. ниже прим. 12), а Мартов мог услышать о ней от Брюсова не ранее середины августа (см. п. 8, преамбулу к коммент.), а также набросок письма, приведенный во вступ. ст., прим. 49).

⁴ Это сообщение подтверждается отсутствием второго фельетона Арсения Г. в брюсовском собрании газетных вырезок (124.1). В записной книжке «Я и мир», в которой Брюсов фиксировал известные ему отклики прессы, этот фельетон, несмотря на значительные размеры, также не вклеен, а переписан от руки (1.20, л.23об.—28об.). См. также прим. 7,8.

⁵ Речь идет о только что вышедшем и еще неизвестном петербуржцам *РС 2*. Ответ на просьбу, содержащуюся в приписке к письму Гиппиуса (см. прим. 1).

⁶ Второй фельетон Арсения Г. построен в форме интервью с Брюсовым. В брюсовской рукописной копии этой публикации (см. прим. 4) наиболее значительные по объему добавления, внесенные Арсением Г. в прямую речь Брюсова, заключены в квадратные скобки. Другие редакторские поправки и изменения могут быть предположительно выявлены посредством сличения газетной публикации с рукописями той авторской «заготовки», на основе которой, видимо, составлял текст интервью Арсений Г.: белой (40.19, частично опубл. под загл. «Интервью о символизме» в: *ЛН*. Т. 27/28) и черновой, находящейся в одной тетради с комментируемым письмом (2.16, л. 15—16).

⁷ Это замечание подтверждает, что Брюсов действительно писал Добролюбову, не имея в своем распоряжении номера «Новостей дня» от 29 августа (см. прим. 4). Во втором фельетоне Арсения Г. говорилось: «Уже выделился совершенно самостоятельный петербургский кружок символистов».

⁸ Брюсов, цитируя интервью по памяти (ср. прим. 4 и 7), снова допускает неточность. Арсений Г. действительно добавил от себя квалификацию сочетания *Прекрасна как роза* как «символа», но лишь в качестве дополнения к исходной брюсовской квалификации: «Да, когда-то это был образ, а теперь понятие, символ» (ср. брюсовскую копию интервью — 1.20, л.26. Курсив мой.— С. Г.).

⁹ Адрес дополнен по списку «Адреса журналов», составленному Брюсовым на заднем форзаце той же тетради, очевидно для рассылки *РС 2*. Непосредственно вслед за текстом письма выписан другой, собственно редакционный адрес: «Контора газеты «Новости дня» (На Кузнецком мосту. Дом Купеческого общества» (л. 45).

¹⁰ Под псевдонимом «Арсений Г.» выступал в печати журналист, прозаик, театральный и литературный критик Илья Яковлевич *Гурлянд* (1868—?). То раскрытие псевдонима, которое Брюсов сообщает Добролюбову, свидетельствует, что в повседневной жизни Гурлянд также прибегал к специальному псевдониму. Этот повседневный псевдоним, занимая проме-

жуточное положение между подлинными фамилиями, именем и отчеством и литературным псевдонимом, служил «внутренней формой» и мотивировкой последнего. В то же время этот бытовой псевдоним близок к другому литературному псевдониму — «Арсений Гуров», которым Гурлянд двумя годами ранее подписывался в тех же «Новостях дня» (см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов. М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1956. Т. 2. С. 308). О позднейшем столкновении Брюсова с Гурляндою см. п. 34 и прим. к нему.

¹¹ Жюль Буа (1871—1943) — французский романист, поэт, драматург, философ. Русским читателям был к этому времени известен благодаря подробному пересказу его статьи из газеты «*Gil Blas*» (1893, 9 janv.) о таинственной «борьбе на расстояниях» новейших французских магов с их предшественником и учителем аббатом Булланом, данному в последней из статей Н. К. Михайловского о французских символистах и декадентах (см. п. 38, прим. 12). В разговоре Гурлянда с Брюсовым речь могла идти о первом романе Буа «*L'Eternelle Pourée*» (Р., 1894).

¹² О болезни Брюсова в начале июня 1894 г. см. п. 12 и прим. 2 к нему.

¹³ Встречи с Добролюбовым и Гиппиусом во время их июньского пребывания в Москве описаны Брюсовым в *Дневниках* (с. 17—18) и в письме к Лангу из Хорошова от 19—20 июня 1894 г. (71.44, л. 16—17), которое почти полностью приведено в: *Гудзий 1927*. С. 192 и более кратко — в: *Иванова Е. В.* Цит. соч. С. 155. В публ. Гудзия вместо «собрания стихов» следует читать: «собранные стихотворения».

Некоторые подробности добавляет к этим описаниям и недатированная записка к Лангу, написанная, видимо, 19 июня перед отъездом в Хорошова: «(. . .) с нашими символистами я поругался, ибо они выкинули (из рукописи *РС 2*. — *С. Г.*) «Колумба», Марселину, «Луна — Полна», Ромб, 1/2 «Лира ржавеет», «Светится имя твое», «Мне помнится сон» etc. etc. Расскажите, впрочем, пожав руки и обещав переписываться» (71.44, л. 34).

¹⁴ Объективным подтверждением этому брюсовскому свидетельству могут служить тон и стиль письма, написанного Добролюбовым в конце его июньского пребывания в Москве: «Я сегодня заходил к Вам: отъезд мой затянулся до вторника. Ну, как Вы решили? Если Вы поняли, что ваша защита своих и Мартовских стихов была только инстинктивной вспышкой самолюбия (увы! оно свойственно всем людям), то пишите сейчас мне в Павловск (. . .) и Гиппиусу в Химки» (85.16, л. 1, какое-либо обращение в письме отсутствует). Не менее показательны и следующее письмо, присланное уже из Павловска: «Господин Брюсов! Извините, что ограничиваюсь двумя фразами. Намерен ли господин Маслов издать наши два сборника? Отвечайте скорее. Я послал Маслову письмо, которое он Вам, конечно, перешлет. Мой сборник сильно увеличился в объеме. Жду. А. Добролюбов» (там же, л. 2; заявление Брюсова на почтamt о пересылке ему добролюбовского письма к Маслову см. во вступ. ст., гл. 1, § 8). Командная стилистика добролюбовских писем становится особенно рельефной при сравнении со встречным письмом Брюсова к Гиппиусу от 21 или 22 июня (см. вступ. ст., прим. 26), в котором обидя на адресата не помешала полной корректности обращения и соблюдению эпистолярного этикета.

¹⁵ Брюсов упоминает здесь два стихотворения из числа подготовленных для *РС 2* и критикованных Добролюбовым во время встречи 19 июня. Второе из них опознается однозначно — это стих. Мартова «Взгляни, взгляни...» (*РС 2*. С. 28); в варианте этого стихотворения, переписанном рукой Добролюбова (85.16, л. 45—46), открывающаяся строками «Луна // Полна» вторая строфа вообще была снята.

Сложнее опознать первое стихотворение. С предлога «Над» в *РС 2* начинаются два стих.: «Над светлой верандой» А. Бронина и перевод Н. Новича «Из Верлена» (см. п. 11, прим. 4). Делаем выбор в пользу первого из них, так как именно А. Бронин (псевдоним Брюсова) был среди авторов, особенно резко атакованных Добролюбовым (см. письмо Брюсова, указ. в прим. 13). Редакция этого стихотворения, предложенная Добролюбовым (его автограф см. 85.16, л. 44—44об.), очень сильно отличается от текста *РС 2* и от первоначального брюсовского автографа (см. п. 39, прим. 4). Напротив, текст перевода Новича, переписанный рукой Добролюбова (85.16, л. 43об.—44), отличается от опубликованного лишь двумя разночтениями, и послужило основанием для утверждения о том, что данный перевод «помещен целиком в редакции А. Добролюбова» (*Гудзий 1927*. С. 192).

¹⁶ Скорее всего, имеется в виду книга драм: *Maeterlinck M.* *Alladine et Palomides. Intérieur. La mort de Tintagiles: 3 petits drames pour marionnettes.* Bruxelles, 1894. Покупка книги Метерлинка и Тайада (см. прим. 17) отмечена в дневнике 5 августа 1894 г. (1.13/1, л. 35об.).

¹⁷ «Витражи» (Р., 1894) — книга французского поэта Лорана Тайада (см. о нем наст. кн., Письма Ноздрина, п. 3, прим. 13).

¹⁸ Брюсов здесь явно забегает вперед. Лишь 12 марта 1895 г. он напишет Перцову: «3-й вып. «Русских символистов» на днях будет послан в цензуру» (*Письма к Перцову*. С. 11).

¹⁹ Фамилии Мировпольского и Иванова восстановлены гипотетически. При этом учтены зачеркнутый перед данным абзацем постскриптум (см. сноску **) и дневниковые записи Брюсова от 16 августа и 14 сентября 1894 г.: «Познакомился с Мартовым (А. Бугон), поэтом-символистом и его приятелем Ивановым, музыкантом-символистом»; «Показывали меня как редкостного зверя домашним Ивановом» (*Дневники*. С. 18, 19). По-видимому, именно «музыкант-символист» Иванов — адресат дарственной надписи, сделанной в марте 1900 г. на «О искусстве»: «Алексею Ивановичу Иванову в знак уважения и неизменного сочувствия от приятеля былых дней. Валерий Брюсов» (*Ельницкая Л. М., Сусликова Г. М.* Прижизненные издания Валерия Яковлевича Брюсова. М.: Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1985. С. 31).

²⁰ Об А. Н. Емельянове-Коханском см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 7, прим. 5 и наст. публ., п. 27, 30, 38 и коммент. к ним.

²¹ Ср. воспроизведенный в письме к Лангу (см. прим. 13) довод Добролюбова в его споре с Брюсовым: «Вы нарочно печатаете свои (то есть мои и Твои.— *Прим. Брюсова*) декадентские стихи, а у других декадентские. Таким образом критика, к декадентам вообще нерасположенная, начнет вас хвалить».

²² Это недописанное слово может быть восстановлено и в форме, относящейся к автору письма и его сподвижникам: стремимся. Выбранный вариант восстановления основан на том, что в неопубликованном варианте предисловия «От издателя» к РС 2, написанном, судя по положению в тетради, по свежим следам конфликта с Гишпиусом и Добролюбовым, 20 или 21 июня 1894 г., «Вл. Маслов» в стремлении поставить определенные границы символизму упрекал именно петербуржцев: «Вообще странички нашего издания открыты для всех без исключения поэтов новой школы (...) Такая постановка дала пов(од) к грустному факту дробления повой школы при самых первых ее шагах в России. Так, к нашему изданию не присоединилось Киевское общество символистов, желавшее сузить программу и сделать «Р(усские) с(имволисты)» голосом небольшой партии. Почти по той же причине не могли принять участие в этом выпуске и несколько начинающих поэтов из Петербурга, называющие себя момент(алистами) (...)» (2.12, л. 45об.).

²³ Среди тщательно сохранных Брюсовым добролюбовских писем (85.16) ответа на данное письмо нет.

16. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Москва. После 15 ноября 1894 г.)

Милостивый государь Господин Добролюбов.

Письмо Ваше я передал Б(альмонту) ¹ и прилагаю в конце письма переданный мне им список ². С своей стороны могу т(ол)ько сочувственно отнестись к Вашей программе и пожелать Вам всяческого успеха ³. Может быть Вам неизвестно, что на днях в Москве появился сборник переводов из Боделэра ⁴, что, конечно, имеет свое значение для Вашей работы. Кр(ом)е то(го), некто г. Долгинцев подготовил сборник своих стих(отворений) ⁵, куда также войдут переводы Боделэра. В заключение позволяю себе обратиться Ваше внимание на молодого немецкого поэта Франца Эверса ⁶, в высшей степени оригинального и интересного (его произведения «Fundamente», «Sprüche aus der Höhe», «Die Psalmen», «Eva» ⁷, и скоро появятся из печати и другие. Изд. Spohr'a «Kreisende Ringe» и ⁸.

Готовый к услугам Вал. Брюсов

2.16. (тетрадь № 12), л. 88. Ответ на несохранившееся письмо А. М. Добролюбова (см. прим. 1). Датируется на основании положения письма в тетради — под автографом стих. «Умерла ты. И утраты...» («15 н(оября)»).

¹ Письмо А. М. Добролюбова, по-видимому, не было возвращено К. Д. Бальмонтом. О его содержании можно судить по недатированному письму Брюсова к А. А. Лангу: «Г(осподин) А. Добролюбов собирается издавать «Образцы лирики XIX в.», о чем извещает меня и через меня (?) Бальмонта» (71.44, л. 23. Вопросительный знак в скобках принадлежит Брюсову). Задуманная Добролюбовым хрестоматия (ср. прим. 2) в свет не вышла.

² Этот список в черновике брюсовского письма не воспроизведен и до нас не дошел. Сочинительство Добролюбова с Бальмонтом также не осуществилось. В прикнижном объявлении в кн. Добролюбова «Natura naturans, Natura naturata» (СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1895. С. [100]) указывалось, что сборник «Образцы «новейшей» поэзии» готовятся к печати «в переводе Алек. Добролюбова и Владимира Гишпиуса».

³ Причиной уклонения Брюсова от участия в безусловно привлекательной для него затее Добролюбова, была, как можно полагать, обида за то, что Добролюбов не откликнулся на п. 15. Отказ от участия не помешал Брюсову по достоинству оценить замысел Добролюбова. В одной из рукописных редакций статьи «Зойлам и Аристархам» читаем: «Сколько я знаю, в Петербурге готовится (а, может быть, уже вышло) издание «Образцы лирики XIX в.», где символизму отведена широкая область — причем перевод принадлежит очень выдающемуся русскому символисту, от таланта которого я жду очень многого» (2.19, л. 23об.).

⁴ См. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 2, прим. 2. Цензурное разрешение книги — 30 июня 1894.

⁵ О В. Ф. Долгинцеве и его книгах см. п. 36, преамбулу к коммент.

⁶ О Ф. Эверсе см. наст. кн., Письма Ноздрина. вступ. ст., прим. 9. Творчеством Эверса Брюсов особенно увлекался в конце 1894 — начале 1895 г. (см. об эверсовской «тематической цепочке» во вступ. ст., гл. 3, § 6, а также п. 28, прим. 12). Однако уже реферат об Эверсе, прочитанный 18 декабря в студенческом «Обществе любителей западноевропейской литературы», имел характерное заглавие — «Мания величия» (см.: ГБЛ. Ф. 389, 1.30). В тексте

реферата (2.18, л. 15об. — 18об.; возможно, предполагался к включению в РС 3. См.: *Письма к Перцову*. С. 23) также звучит отчетливая критическая нота. 14 июня 1895 в письме к Перцову Эверс уже назван «недавним кумиром» и отнесен к поэтам, которые «чаще всего (...) повторяют с незначительными вариациями старые, старые темы» (*Письма к Перцову*. С. 27). Правда, в 1899 г. Брюсов в письмах и беседах с Конеvским вновь даст Эверсу высокую оценку (см. наст. кн., Переписка с Конеvским, п. 5, прим. 9 и п. 6).

⁷ «Основа», «Нагорная проповедь», «Псалмы», «Ева» (нем.) — названия книг Ф. Эверса. Более полный и комментированный их перечень Брюсов дал в письме к Вл. В. Гишпиусу от 29 января 1897 г., опубли. Э. С. Литвин в кн.: В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 127.

⁸ Название первого издательства и фамилия его владельца Макса Спора, указанные в автографе неполно, восстановлены по рекламным листовкам, присланным Эверсом Лангу (109.35, л. 24—25). Название второго издательства, в автографе вообще не проставленное, Брюсову не было известно — для тех книг Эверса, что выходили не у Спора, и в листовках, и в рукописных эверсовских добавлениях к ним указано лишь место издания — Мюнхен.

17. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Между 28 ноября и 5 декабря 1894 г.)

Salve! *

Уважаемый, уважаемый Константин Дмитриевич ^{2*}

Написать сонет на — перо решительно не способен ². Скажу (?) после свои попытки — впрочем, чтоб мне (?) не оста(ваться) без стихов, на обороте Вы найдете перев(оды) из Б(оделэра)³, кот(орыми) я доволен. Во вт(ор)ник?), к сожалению, меня не застанете, потому что пр(иглашен) дн(ем) б(ыть) на имени(нах)⁴

Весь Ваш Валерий Брюсов

Приложение к п. 17

ИЗ БОДЕЛЭРА ПРОМЕЛЬКНУВШЕЙ

Бесновалася улица, полная гула.
Восхитительной ручкой у шлейфа края
Подымая, нагая — и в трауре вся —
Высока и тонка незнакомка мелькнула.

Как у статуй была ее ножка стройна.
Я — безумец — я пил чару ласк в ее взоре,
В замолчавшем, но бурею дышащем море!
Эта чара манит — убивает она.

Проблеск молнии... ночь... ты! чей взор на мгновенья
Мне повеял забытым огнем возрожденья,
Неужели лишь в вечности встречу тебя?

Никогда? через годы? все тайной одето!
Не ищу я, кто ты, ты не спросишь, кто я,
Ты, кого я любил, ты, кто знала про это.

27 (ноября 1894 г.)

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ

Ласкающих кроватей аромат.
Глубокие, как тайный склеп, диваны

* Здравствуйте! (лат.).

^{2*} Далее в письме следует стихотворное двустишие, записанное в основном начальными буквами, расшифровать которое не удалось. К двустишию Брюсовым сделана сноска: Да зелен — ягоды нет зрелой¹.

Магнолии, акации, тюльпаны
Огни цветов и сладострастный яд.

Последний жар желаний и услад,—
Как факелы, проникшие в туманы,
Зажжет сердца — и этот свет багряный
Два зеркала — две мысли отражат.

Как долгий стон при трепетном прощаньи
Предстанет нам в мистическом сиянии
И голубой и розовою мгла.

Когда ж войдет архангел с ясным взглядом:
Два факела потухших будут рядом
И тусклые, как бездна, зеркала.

28 ноября (1894 г.)

2.18 (тетрадь № 18), л. 3об., поперек листа. Адресат установлен по инициалам в обращении и по содержанию письма в целом. Самое раннее из известных нам писем Брюсова к Бальмонту входит в одно «гнездо» (см. вступ. ст., гл. «В тетрадном содружестве») с заметкой «К. Д. Бальмонт» для предполагавшейся критической книги «Русские символисты». Письмо Бальмонта к Брюсову от 24 ноября 1894 г. см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 1. Датируется по расположению в тетради перед автографом перевода из Эверса («Я не хочу вас слушать...» — 7 декабря, л. 4 об.), по прилагавшимся к письму стихотворным переводам (см. прим. 3) и по упоминанию о вторнике (см. прим. 4).

¹ Цитата из басни Крылова «Лисица и виноград».

² Очевидно, Бальмонт и Брюсов затеяли соревнование в написании сонета с такой рифмой. Интенсивное общение в первые месяцы после знакомства (28 сентября 1894 г.) оказало стимулирующее воздействие на творчество обоих поэтов (ср. запись в *Дневнике* Брюсова от 31 октября 1894 (с. 19) и его позднейшие признания в *Автобиографии*). Написанный за 2—3 недели до данного письма сонет Брюсова «Предчувствие» («Моя любовь — палящий полдень Явы...») также был создан в ходе состязания с Бальмонтом (см. об этом: *Письма к Перцову*, С. 48).

³ Ни в рабочих тетрадях ноября — начала декабря, ни в тетради «Мои стихи» № 1, содержащей стихи, написанные с 15 ноября 1894 по 21 января 1895 (14.5/1) нет переводов из других поэтов, фамилии которых начинались бы с буквы «Б», кроме Бодлера (перевод стих. самого Бальмонта «Без улыбки, без слов» на французский язык — 2.18, л. 23—23об. — был выполнен лишь 24 декабря). Из трех переводов Бодлера, имеющих в тетради «Мои стихи», по времени создания Бальмонту могли быть посланы сонеты «Смерть любовников» и «Промелькнувшей» (14.5/1, л. 25об.—27). Поскольку окончания слов в черновике письма недописаны, мы не знаем, приложил ли Брюсов к отосланному письму оба перевода или лишь один из них. Поэтому присоединяем к письму оба стихотворения. Правда, первый из названных сонетов Брюсов уже 1 февраля 1895 г. перевел заново («Смерть влюбленных» — 14.5/2, л. 6об.), что дает некоторые основания предполагать, что он был более «доволен» вторым переводом — «Промелькнувшей». Сонет «Промелькнувшей» стал впоследствии истоком ряда брюсовских оригинальных стихотворений (см. I, 331, 412—413).

⁴ Вторники на стыке ноября и декабря 1894 г. приходились на 29 ноября и 6 декабря. В дневнике про эти дни есть только краткие записи «29 Вторник. Вечером заседание» и «6 Вторник. Свидание вечером» (1.13/1, л. 44об.—45). Поскольку в письме Брюсова речь идет о «вторнике *днем*», характер данных записей не позволяет исключить ни одну из двух этих дат.

18. БРЮСОВ — ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

(Москва. Между 8 и 21 декабря 1894 г.)

Это было год тому назад — я прочитал в «Артисте», кн(и)г(е) памятной Вам — Ваше стихотв(орение) «Я хочу быть свободной как * вихрь степей»². — Год тому назад! о это было давно. Я был молод и сам был свободен, как вихрь степей — и я влюбился в Вас³. Я [воздвиг] поставил в сердце алтарь Вам и каждый день приносил к нему новые розы^{2*}. Было время, когда все мое существ(о)

* Далее зачеркнуто: юбка¹

^{2*} Далее зачеркнуто: Знаете Вы, как древние перуанцы

Т. Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

Фотография. Киев, 1890-е годы

Литературный музей, Москва

потом возненавидел Вас. Вы были для меня узорчат(ым) ** символом на мраморной скрижали. — Я вас проклинал. Потом наст(ал)о и время пустоты — пространство, для которого нет измерений, без(онное)е, в котором нет звуков: я влюбился.

Побежденный и победитель — я проклинаю теперь эту святотатственную любовь, я, как Бог, отряхну ризы свои. Недавно я слышал (?) много о Вас — Вы не так в(ин)оваты, как я думал — Вы волна, на которую упал отблеск пожара. Дорогая! я у(отр)инутого алтаря. Ветер давно разбросал розы, занес его песком, сорвал барельеф и я перед ним иной, не прежний, с коршуном над головой — но пла(мя) все то же. Видите, как оно горит? оно чисто, как взор азиновы. — Видели Вы, как ночь смешивается со днем? не сливается, а смешивается! Тот же блеск отраж(ается) в зерка(ле), в моем сердце. Любовь, задержанная флером, тучи, окаймленные пурпуром света — Дорогая! Напишите мне — одну фразу, одно слово — букву одну! Поймите! Вы должны мне написать! Я слишком беспр(едельно) люблю Вас — я люблю Вас слишком пылко (?), слишком треп(етно)... Адрес? ... Да, я не смею назвать его — но напишите на почтамт «до востребования» Л. Л. Л. ⁶ Прощайте.

* *Далее зачеркнуто:* Не сильно (?) написаны стих(и), которые посвящались Вам ⁴ тогда (увы! я был молод — а в юности все воображают себя поэтами) — но они все-таки лучшее, что я мог создать!

** Было: черным; фиолетовым

было наполн(ено) Вами, я дышал Вами, я жил только мыслью о Вас. Никогда в жизни не любил я так, никого из тех, с кем был знаком лично. Любовь, утонувшая в благоговении — знаете Вы это? Если знаете — жаль! она не вернется? * — Иногда мне казалось, что мое сердце — белоснежный цветок лотоса и тогда я стан(о)-в(ился) дерзн(овенным) — я писал Вам письма (?), чтобы потом сжечь их. Весной Вы читали где-то публично свои стихи — я мог увидеть Вас — но мне стало страшно — я убежал — этот день я бр(од)ил по улицам до глубокого вечера — и сердце мое было [черной бабочкой] черным мотыльком. Неужели тогда Вы не думали обо мне? Знаете! Вы были бы счастливейшей женщиной в мире, если б дважды пережили такой вечер. А! Мне не хочется говорить дальше (?). — Летом и осенью я читал Ваши рассказы ⁵ — (4 нрзб.) всегда все искаж(енным) в темноте (?), и это после того, как мне горели звезды! О если б вы умерли весной! — я говорю Вам — Вы были бы счастливы, юная, прекрасная, мертвая! Тогда — тогда я был бы смелее — никогда Ваша могила не была бы без цветов. — Как стр(аст)но желал бы я, чтоб вы умерли. Помню — я

2.18 (тетрадь № 18), л. 13об.—14, без указания адресата и без обращения. Адресат устанавливается по упоминаемому стихотворению (см. прим. 2). Датируется по расположению в тетради между автографами заметки «Валерий Брюсов» (для сборника «наблюдений и характеристик» современных поэтов под общим заглавием «Русские символисты»; 8 декабря — л. 6об.—8) и п. 19 А.

¹ Возможно, что в сознании Брюсова при написании данного письма начала складываться пародия на упоминаемые им стихи Щепкиной-Куперник. Иначе трудно объяснить, почему, прежде чем дописать запомнившееся ему начало стихотворения (с заменой «вихрь» вместо «ветер»), он последовательно зачеркнул несколько не поддающихся прочтению слов, из которых более или менее ясно читается только последний их вариант: «юбка».

² Стих. Т. Л. Щепкиной-Куперник «Средо» («Я хочу быть свободной, как ветер степей...»), впервые опубликованное в журнале «Артист» (1894, кн. 1), Брюсов полностью переписал в тетрадь 6 ргмо, снабдив рисунком-виньеткой (см. 4.4, л. 24—24об.). 18 февраля 1895 г. Брюсов вновь подтвердит высокую оценку данного стихотворения, указав, что среди пробелов, допущенных в антологии «Молодая поэзия» (см. п. 26, прим. 2), «на первом плане — Чюмина и Щепкина-Куперник («Я хочу быть свободной...») (...»)» (*Письма к Перцову*. С. 8).

³ Ср. дневниковую запись от 16 февраля 1894: «Увлечен Т. Щепкиной-Куперник. Готов влюбиться в нее заочно и боюсь одного: что она окажется рыжей или 40-летней перезрелкой» (*Дневники*. С. 15). 18 февраля Брюсов «думал идти на пьесу Щепкиной-Куперник», очевидно, на состоявшуюся в тот день в Малом театре премьеру «Картинки с натуры», но не смог достать билетов (там же, с. 15, 148).

⁴ 16 февраля 1894 г., т. е. тем же днем, когда была сделана дневниковая запись, процитированная в прим. 3, в рабочей тетради № 7 датирован беловой автограф такого стихотворения:

РИФМЫ БЕЗУМИЯ

Посв. Щепкиной-Куперник

За полутемными арками
Мрак беспросветный так сладок:
Брошен над красками яркими
Чьей-то рукой беспорядок
Непроницаемых складок.

В надписях букв очертания
Слились в таинственном смысле;
Скрыли все сумерки ранние —
Точно над блестками мысли
Тени ночные повисли.

Сладко для сердца безумие,
Мрак для надежды милее,
Мрак наступает угрюмее,
Как силуэты в аллее,
Тонут во мраке идеи.

(2.10, л. 27. Публ. впервые)

Первый вариант этого стихотворения под заглавием «Безумие» (там же, л. 26об.) интересен различиями в строках 3—9:

Над арабесками яркими
Близок душе беспорядок
Полунаброшенных складок

* * *

Сладко усилиям сознание
Гибнуть в таинственном смысле.
Близятся сумерки ранние
И над мерцаньями мысли
Тени ночные повисли.

Разворот тетради, на котором помещаются оба варианта стихотворения, украшен в тетради рисунками «арабесками» (см. илл. на с. 640).

Под автографом «Рифм безумия» красным карандашом сделана подпись «Маслов». Очевидно, это одно из тех стихотворений, которые Брюсов предполагал опубликовать от имени самого «издателя» РС. То, что первоначально этого мифического издателя Брюсов предполагал сделать и поэтом, подтверждает один из сохранившихся в тетрадях черновых вариантов открывавшего РС 1 предисловия «От издателя» (написан между 4 и 11 ноября 1893 г.), где Маслов сообщал: «Следующий выпуск уже приготовлен к печати и будет заключать в себе мои собственные стихотворения» (2.9, л. 38). Согласно одному из предварительных планов «нового сборника» Брюсов предполагал представить Маслова в РС 2 стих. «Рифмы безумия», «Стонут звуки...» и «Теплица» (2.10, л. 3об.).

⁵ В 1894 г. были опубликованы, в частности, следующие прозаические произведения Т. Л. Щепкиной-Куперник: Чайная роза: Эюд // Артист. 1894. Кн. 2 (№ 34). С. 102—110; Одиночество: (Рассказ) // Рус. мысль. 1894. Кн. 12. С. 172—204 (паг. 1-я). Ср. также: *Щепкина-Куперник Т. Л.* Странички жизни: 1-я книжка рассказов. СПб.: Типогр. М. Меркушева, 1898.

⁶ Какие-либо письма Т. Л. Щепкиной-Куперник к Брюсову неизвестны.

СТРАНИЦА ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ БРЮСОВА СО СТИХОТВОРЕНИЕМ «РИФМЫ БЕЗУМИЯ»,
 ПОСВЯЩЕННЫМ Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

19. БРЮСОВ — ВЕРЛЕНУ

А. ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

(Москва. 21 декабря 1894 г./2 января 1895 г.)

Monsieur!

Votre profond admirateur, dès que j'eus lu pour la première fois ¹ vos vers, et votre disciple — à moins que Verlaine ait les disciples ² — je me permets de vous envoyer mon essai d'appropriier à la poésie russe les chefs d'oeuvre de «Romances sans paroles». Nul ne voit pas mieux que moi les défauts de cette traduction ³, mais néanmoins — nul ne put pas craindre plus que moi d'abaisser l'original. Si je n'ai pas pu maintenir dans ma traduction toutes ses couleurs ⁴, — au moins j'ai conservé les contours.

Encore une fois j'exprime mon admiration au plus gra(n)d lyrique de la seconde moitié de XIXme siècle et je reste votre fidèle vassal⁵

Valery Bruss off

Moscou 2.1.95*

Перевод:

Милостивый государь!

Вашнижайший поклонник с той поры, когда я впервые прочитал Ваши стихи¹, и являясь Вашим учеником — в той мере, в какой Верлен *может* иметь учеников², — я позволяю себе послать Вам свою попытку усвоить русской поэзии шедевры «Романсов без слов». Лучше, чем кто-либо, вижу я недостатки этого перевода³, но в то же время я *более чем кто-либо другой* боялся *приизить* оригинал. Если я не сумел сохранить в моем переводе все краски⁴ подлинника, то по крайней мере, я сохранил его *очертания*.

Еще раз выражаю свое преклонение перед величайшим лириком второй половины XIX столетия и остаюсь Вашим верным вассалом⁵ Валерием Брюсовым
Москва 2.1.95*

П. ВЕРЛЕН

Гравюра Ф. Валлотона
«Аполлон», 1910, № 6

2.18 (тетрадь № 18), л. 18об.—19. Без указания адресата, устанавливаемого по содержанию и по языку письма. Первая редакция письма, которым должна была сопровождаться предполагавшаяся посылка Верлену экземпляра брюсовского перевода «Романсов без слов» (М., 1894). Вторую редакцию см. п. 19Б. Дата под комментируемым письмом проставлена Брюсовым по новому стилю, так как письмо адресовано за рубеж.

Об отправке книги Верлену Брюсов вплотную задумался 23 ноября 1894 г. — в день, когда, вернувшись домой, застал «рукопись «Романсов без слов», разрешенных цензурой» (1.13/1, л. 44). В этот же день в тетрадь «Мои стихи № 1» был вписан проект дарственной надписи, озаглавленный «При посылке Верлену перевода «Романсов без слов»» (III, 214 — стихотворная часть и 592 — прозаическая часть). Однако за время печатания книги он решил, видимо, не ограничиваться надписью и сопроводить книгу письмом. Какая из двух редакций письма была в итоге послана Верлену, неизвестно. Обе редакции письма существенно — и притом по-разному (см. прим. 5) — развивали содержание прозаической части дарственной надписи. Поэтому можно утверждать, что при условии отправки письма адресату дарственной надписью если и была перенесена на посланный экземпляр, то без прозаической части.

¹ Брюсов впервые узнал о Верлене из статьи З. А. Венгеровой «Поэты-символисты во Франции» (ВЕ. 1892. № 9). Под впечатлением от этой статьи он приобрел книги Верлена, Малларме, Рембо и Метерлинка. (Из моей жизни. С. 76). Наибольшее впечатление на него производит Верлен, ставший первым поэтом, из которого Брюсов постарался перевести не отдельные стихи, а подборку, дающую представление о творческом облике поэта в целом. За две недели, с 14 декабря 1892 по 1 января 1893 Брюсов перевел сразу 12 стихотворений Верлена. Подробнее об истории обращений Брюсова к творчеству Верлена в 90-е годы см.: Гиндик С. И. Перевод и исследование — один процесс или два? // Записки Отдела рукописей (ГБЛ). Вып. 50—51 (в печати).

² Неназываемый оппонент, мнение которого заставляет Брюсова сделать данную оговорку, — сам Верлен. В автобиографической заметке, которую Брюсов цитировал в дарственной надписи, Верлен со страстью оспаривал представление о том, будто французские поэты, объединяемые в группу «декадентов», являются его учениками: «Ему (Верлену. — С. Г.) хорошо известно, что ему приписывают некую школу. Школе — ему, Верлену! (...) И, с моей точки зрения, есть просто несколько молодых поэтов, которые при всей любви к Верлену и его стихам, сами по себе оригинальны и находятся на пути к тому, чтобы обеспечить себе завидное, более того, высокое и благородное (fier), только им принадлежащее место под солнцем вечности.

Верлен слишком любит независимость, чтобы не приветствовать ее с радостью в своих собратьях — *Pierre et Paul (P. Verlaine)*. Paul Verlaine. P. [s. a.]. P. [4] (Les Hommes d'aujourd'hui. V. 5, N 244). Эту же заметку Верлена Брюсов, не называя ее, цитировал и в про-

* В рукописи ошибочно: 94.

заической части упомянутой в преамбуле к коммент. дарственной надписи. См. о «диалоге» с Верленом во вступ. ст., гл. 2, § 4.

³ О том, с какой ответственностью Брюсов уже в это время подходил к задаче воссоздания поэзии Верлена на русском языке, свидетельствуют как многочисленные варианты его собственных переводов, так и его письмо к одному из переводчиков (п. 21). В предисловии к изданию своего перевода «Романсов» Брюсов указывал и на принципиальные трудности перевода произведений Верлена. Сославшись на слова некоего не названного им критика, писавшего, что в «Романсах без слов» «слова (...) целые фразы, а строки — страницы», Брюсов продолжал: «Последнее, между прочим, указывает на затруднения, представляющиеся переводчику. Он невольно становится комментатором и вместе с тем знает, что, изменяя хоть одно слово, заменяет бриллиант стразою. Поэтому недостатки этой книги надо приписывать переводу, а не шедеврам Верлена» (*Верлен П. Романсы без слов. С. 3*). В одном из рукописных вариантов предисловия Брюсов признавал, что менее всего ему удалось перевести 4-го и 5-го стихотворений второго раздела книги и 2-го и 6-го стихотворений четвертого раздела (2.15, л. 87). Позднее в предисловии к монументальному изданию Верлена в 1911 г., в котором почти все ранее переведенные им стихотворения будут переведены заново, Брюсов напишет о книжке 1894 г.: «В этих опытах было гораздо больше усердия и восторга перед поэзией Верлена, чем действительно воссоздания его стихов на русском языке...» (*Брюсов В. Я. От переводчика — Верлен П. Собр. стихов. М.: Скорпион, 1911. С. 7*).

⁴ Возможно — обыгрывание известного лозунга из стих. Верлена «Искусство поэзии»: «Pas la Couleur, rien que la nuance...» — «(нам нужен) не Цвет, а только оттенок...». То, что эта декларация Верлена была особо отмечена и переживаема Брюсовым, подтверждается зачеркнутой записью, сделанной им два месяца спустя, в начале марта 1895 г., в следующей черновой тетради в связи с замыслом поэмы «Краски»: «Краски начать с «оттенков» Верлена» (2.19, л. 40). Еще год спустя, в феврале 1896 г., «Искусство поэзии» будет обсуждаться Брюсовым в одном из вариантов «Апологии символизма» в числе программных документов, характеризующих сущность символического направления в поэзии (см. 3.4, л. 18—20).

⁵ Переключка с первым, стихотворным вариантом сопровождения — дарственной надписью «Еще покорный Ваш вассал...» (III, 214). Однако в надписи образ вассала явно подразумевал лишь отношения переводчика к автору переводимого текста. В подписи в письме образ вассала уже не имеет временных ограничений и не связан с фактом перевода, а характеризует отношения двух поэтов — младшего и старшего. Подобная трактовка взаимосвязей между поэтическими поколениями подчеркнута полемично по отношению к той, что развивалась самим Верленом (см. прим. 2).

В. В Т О Р А Я Р Е Д А К Ц И Я

(Москва. Между 27 декабря 1894 г. и 4 января 1895 г.)

Милостивый Государь. Новая поэзия наконец при(шла) и в нашу холодную Россию, а с ней и ее шедевры — Ваши книги. С той поры, как я ознакомился с В(ашими)

Votre profond admirateur dès que j'eusse lu pour la première fois ¹ vos vers, je me permets de vous envoyer mon essai d'appropriier à la poésie russe chefs d'oeuvre des « Romances sans Paroles ». Verlaine n'a pas de suite, disiez vous autrefois ² et je ne suis pas votre disciple, mais ma poésie est élevée par votre. Traduire vos livres est pour moi une jouissance la plus chère et en peu du temps je parviendrai a votre «Sagesse» ³ — à ce triomphal livre de Paul Verlaine comme l'a nomme ⁴ Ch(arle) M(orrice) — cet à dire à le triomphal livre de la poésie nouvelle. Si vous trouveriez cinq minutes pour répondre deux lignes, vous ferez heureux

vosre fidèle vassal V. B r u s s o v *

Russie. Moscou. Boulevard des Fleurs N 24.

Перевод:

Ваш низжайший поклонник с той поры, когда я впервые прочел Ваши стихи ¹, я осмеливаюсь послать Вам свою попытку усвоить русской поэзии шедевры книги «Романсы без слов». У Верлена нет последователей, сказали Вы однажды ², и я не являюсь Вашим учеником, но моя поэзия воспитана Вашей. Переводить Ваши книги — для меня самое дорогое из наслаждений, и в скором времени я приступлю к Вашей «Мудрости» ³ — к этой, по выражению Шарля Морриса, триумфальной книге Поля Верлена, к этой, так сказать, триумфальной книге всей новой поэзии ⁴. Если б Вы нашли пять минут, чтобы ответить мне двумя строками, Вы бы сделали счастливым

Вашего верного вассала Валерия Б р ю с о в а ^{2*}

Россия. Москва, Цветной бульвар № 24

* Далее зачеркнуто: P. S. Dans les (I нрзб.) vous trouve(rez)

^{2*} Далее зачеркнуто:

В (I нрзб.) Вы найдете ⁵.

2.18. л. 32. Адресат установлен по содержанию и языку письма. Вторая редакция письма и третий вариант обращения к Верлену в связи с предполагавшейся отправкой ему экземпляра «Романсов без слов» — после проекта дарственной надписи (III, 214 и 592) и п. 19А. Публикуется полностью ввиду существенных содержательных отличий от первой редакции и биографической важности брюсовских заочных диалогов с Верленом. Датируется по расположению в тетради между автографами заметки «Смысл поэзии потеряян...» (27 дек. 1894 г. — л. 29) и окончательного варианта драматического этюда «Добро и зло» (4 янв. 1895 г. — л. 32об.—34).

¹ См. п. 19А, прим. 1.

² Брюсов цитирует заключительную фразу из автобиографической заметки Верлена, изданной в серии «Герои современности» (там же, прим. 2): «Il (Verlaine.— С. Г.) n'a pas de suite, comme on dit aux Oiseaux».

³ В 90-е годы Брюсов не осуществил этого замысла и перевел лишь несколько наиболее созвучных ему стихотворений из «Мудрости» (см. п. 28, прим. 18; п. 50, прим. 3, П. 71А, прим. 10; п. 73Б, прим. 9, а также 14.5/8, л. 27, 33). Опубликован после многолетних переделок был только один из этих переводов, «Le ciel est, par-dessus le toit...» — Южное обозрение. 1899. № 818. 24 мая. В «Собрании стихов» Верлена 1911 г. «Мудрость» нашла уже систематическое отражение.

⁴ «Триумфальной книгой» Поля Верлена «Мудрость» названа в кн.: *Morice Ch. Paul Verlaine*. P. 39 (см. п. 1, прим. 3). Перенос этой оценки с творчества Верлена на всю поэзию второй половины XIX в. (правда, только на французскую) также согласуется с характеристикой, даваемой Морисом: «Если бы я мог забыть об "Изгнаниях" Теодора де Банвиля, я бы, не колеблясь, утверждал, что "Мудрость" — самая прекрасная из всех стихотворных книг, написанных после "Цветов зла"» (Там же). Следует учитывать, что сам Брюсов еще в окончательной редакции статьи «Полю Верлен и его поэзия», переделанной в феврале 1894 г., т. е. меньше чем за год до комментируемого письма, давал «Мудрости» более сдержанную характеристику, отмечая и слишком показной характер верленовского покаяния, и непреодоленное противоречие между христианским содержанием и декадентским стилем книги (см. 47.10, л. 28—30).

⁵ По аналогии с тем, что было послано Приске де Ландель (см. п. 25 и 31), можно предположить, что у Брюсова возникала мысль приложить к экземпляру «Романсов без слов» и выпуск *РС*.

20. БРЮСОВ — Г-ЖЕ ИРМЕ

(Москва. Между 4 и 17 января 1895 г.)

Многоуважаемая госпожа Ирма

Мне очень нравится Ваш конверт, а также и Ваши стихи ¹, но напечатать их все-таки нельзя по следу(ющим) прич(инам) ².

Попробуйте прислать ещё что-нибудь ³.

Остаюсь Ваш до самого дна души Вал. Б р.

2.18 (тетрадь № 18), л. 40об. Ответ на письмо «г-жи Ирмы» (110.58, л. 1), присланное, судя по ссылке в следующем письме того же корреспондента (см. прим. 3), «зимой» 1894—1895 гг. Письмо содержало просьбу опубликовать прилагаемые стихи (см. прим. 1) в очередных выпусках *РС*. Датируется по расположению в тетради между окончательным вариантом драматического этюда «Добро и зло» (4 янв. — л. 32об.—34) и черновиком письма 23 (16—17 янв. — л. 56об.). Между п. 20 и 23 в тетради вклинивается рассказ «Дашка», в конце которого стоит дата «13 февраля» (л. 52об.). Если эта последняя датировка верна, то рассказ был написан или хотя бы завершен позднее большинства материалов, следующих за ним в тетради. Но если предположить опisku в дате («февраль» вместо января), то датировку комментируемого письма можно уточнить, отнеся его написание к промежутку с 4 по 13 января 1895 г. Возможно, что Брюсов так и не отправил письма (см. прим. 3).

О носителе псевдонима ничего не известно. В его письмах указан обратный адрес: Тверская, п/о Английского клуба. Poste Restante.

¹ К письму г-жи Ирмы были приложены стихи «Нирвана» и «Аккорд» (см. 110.58, л. 2—3). Второе из них опубликовано в качестве «жанровой и общестилевой пародии» на сборники *РС* в кн.: *Тяпкова С. Н.* Русские символисты в литературных пародиях современников. Иваново, 1980. С. 74. Квалификация стихотворений Ирмы как пародий не представляется безусловной. Возможно, что это просто не очень грамотные (ср. последнюю строку «Аккорда»: Омрачив жизнерадостный склон) подражания. Для иллюстрации степени грамотности Ирмы приведем здесь первое четверостишие «Нирваны»:

От мороза пахнет розой
Мир окутан солнца мглой
Смерть обставлена вся прозой
Жизни трепет стал былой.

(110.58, л. 2)

² Причины Брюсовым в письме не обозначены, но в рукописи после этих слов оставлена чистая строка.

³ При следующем письме г-жи Ирмы (ноябрь 1895 г., 110.58, л. 4) было приложено еще одно стихотворение — «Мираж» (опубл.: Тяпков С. Н. Указ. соч. С. 74—75). Но, судя по ее замечанию о стихах, присланных с первым письмом («не знаю, напечатаны ли они»), ответа на первое письмо она не получила, и стихотворение при втором письме было прислано независимо от приглашения Брюсова.

21. БРЮСОВ — ФА-ВУ

(Москва. Между 4 и 17 января 1895 г.)

Милостивый государь господин Фа-в

Скажите, пожалуйста, хорошо ли поступать таким образом: уничтож(ив) размер подлинника, из 4 строф * сделал две, исказить смысл стих(отворения), а сверху написать «из Поля Верлена». Я враг литературной конвенции¹, но в ту минуту, когда читал Ваш «перевод» в № «Вестн(ика)»² глубоко жалел, что ее не существует в России.

Готовый к услугам Вал. Брюсов

2.18 (тетрадь № 18), л. 54об. Датируется по расположению в тетради и по дате обсуждаемой публикации (см. прим. 2). Стихотворения и переводы за подписью Н. Фа-в 1894 — начале 1895 г. регулярно появлялись в московской газете «Вестник литературный, политический, научный, художественный с афишами». Раскрыть крип не удалось.

¹ В конце 80-х — начале 90-х годов в русской печати широко обсуждался вопрос о целесообразности присоединения России к заключенной в 1886 г. международной Бернской конвенции для защиты литературных произведений и о возобновлении истекших в 1886—1887 гг. двусторонних литературных конвенций России с Францией и Бельгией (см.: Богуславский М. М. Вопросы авторского права в международных отношениях. М.: Наука, 1973. С. 91—97). Полемика обострилась после публикации открытого письма Эмиля Золя (Temps. 1893. 24 дек.; Новое время. 1893. № 6394. 15/27 дек.), в котором он призывал к заключению новой русско-французской конвенции. Брюсов написал статью «К вопросу о литературной конвенции» (черновой автограф — в тетради — 2.10, л. 73—75 об., белой — 36.46), в которой горячо возражал против отношения к созданиям поэта как к товару, оцениваемому по рыночной стоимости. Из дневниковой записи за 3 марта 1894 (1.13/1, л. 16) известно, что он отдавал эту статью в «Московские ведомости», но статья в печати не появилась.

² 9 января 1895 г. в № 2209 «Вестника ... с афишами» Н. Фа-в поместил следующий перевод:

Из Поля Верлена

Le ciel est, par-dessus le toit...

P. W. (так.— С. Г.)

Свод небесный над кровлей моей
Нежно блещет своей синевою,
Тополь тихо над кровлей моей
Шелестит изумрудной листвою.

И призывней звучит в небесах
Колокольный торжественный звон.
И тоскливей дрожит в небесах
Птички страстный и жалобный стон.

22. БРЮСОВ — ХОЛМОВСКОМУ

(Москва. Между 4 и 17 января 1895 г.)

Милостивый Государь господин Холмовский.

Прежде всего, конечно, извините в(еликодушно) за то, что ответ мой так безбожно запоздал. Затем должен Вам сообщить, что присланное Вами стихотворение¹ [кажется нам]** недостаточно выдержанным и потому для 3 выпуска неудобн(ым). Это, конечно, не мешает нам с большим удовольствием приветствовать нового единове́рца и надеяться на Ваше сотрудничество. Ожидаем новых при(сылок)² (3 выпуск будет отв(езен?) в цензуру в начале марта); желательнее было бы, чтобы Вы указ(ывали) автора, откуда перев(едено), или даже (если Вас не затруднит) прилагали бы и подлинн(ик)³.

* Было: купл(етов)

** Далее зачеркнуто: не совсем подходящим

Вообще, [переводы] шведские символисты нас очень интересуют, потому что, конечно, мы совершенно не знакомы с ними.

2.18 (тетрадь № 18), л. 54об. Ответ на письмо Холмовского от 17 декабря 1894 г. (107.3, л. 1—2). Датируется аналогично п. 21, с которым расположено на одном листе.

Сведений об адресате обнаружить не удалось. Его письмо в «шапке» содержит указания его неполного имени и отчества («Алекс. Васил(евич)») и обратного адреса (СПб., Воскресенский пр. 28).

¹ Холмовский писал Брюсову: «Посылаю Вам одно из моих символических стихотворений. Я перевел его со шведского, если оно не слишком неуклюже, чтобы явиться в печати, то прошу Вас (...) сообщить свое мнение» (107.3, л. 1).

Приводим текст стихотворения:

Посв. А. И. 3-ой
(со шведского)

Рухится башня Немврода:
Грохот паденья, обломки и пыль,
Вопли и стоны народа...
Ветер лаская колышет ковчег.

Серые мыши тоскливо
С жалобным писком под полом скребут,
Мозг мой пылает бурливо, —
Красные тучи по ветру бегут!

Розовый голубь надежды уныло
В воздухе душном летает;
Дикое море фантазий застыло...
Ветер одно повторяет!

Синие отблески пламенной веры
В чаше счастливых мгновений,
Где-вы угасли? Звездистые сферы
В вихре лишь ищут забвений

Башня упала.
Светоч погас,
Дума пропала —
Жизнь порвалась...

5 июня (18)93 г.
(Там же, л. 2)

² Письмо Холмовского заканчивалось сообщением-предложением: «Потом я могу выслать и другие» стихотворения (л. 1). Однако никаких других писем и стихов Холмовского в архиве Брюсова нет.

³ Уже в заглавии и подзаголовке присланного стихотворения Брюсова должно было насторожить противоречие между утверждением о его переводном характере и посвящением, содержащим русский криптоним. К тому же это посвящение своим сходством с заглавием помещенного в РС 2 стихотворения Эрл. Мартова (см. п. 8, прим. 2) могло наводить на мысль о пародийной подоплеке «перевода» Холмовского. Содержащаяся в четвертой строке реминисценция из «Песни о вещем Олеге» Пушкина должна была укрепить Брюсова в подобных подозрениях.

23. БРЮСОВ — ВЕНГЕРОВОЙ

(Москва. 16 или 17 января 1895 г.)

Милостивая Государыня

Ваше письмо дает мне возможность исполнить наше давнишнее желание ¹. Зная, что В(ас) интерес(ует) символизм, еще тотчас после издания 1-го выпуска мы думали послать Вам нашу книжку и остановило нас только незнание Вашего адреса ².

С глубоким уважением Валерий Брюсов

(Ваша статья в «Вестнике Европы»³, конечно, пока (?) лучшее, что было *

2.18 (тетрадь № 18), л. 56об. Без указания адресата, определяемого по упоминанию встречного письма и опубликованной адресатом статьи. Ответ на письмо З. А. Венгеровой от 15 января 1894 г. (см. прим. 1). Адрес З. А. Венгеровой написан Брюсовым на заднем форзаце той же тетради (л. 62об.). Датируется в соответствии с датой письма З. А. Венгеровой и расположением автографа в тетради на одном листе с черновым наброском стих. «Сумасшедший», датируемого в окончательном варианте 17 января 1895 г. (см. I, 84). Было ли данное письмо отправлено — неизвестно: в фонде З. Венгеровой в ИРЛИ его обнаружить не удалось. Записка Брюсова к Лангу от 20 февраля 1895 г. написана на обороте начатого, но оставленного беловика письма: «Милостивая государыня госпожа Венгерова!» (71.44, л. 25).

* На этом черновик письма обрывается.

Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867—1941) — литературный критик, переводчик. Ее статья (см. п. 19А, прим. 1) послужила Брюсову первоначальным стимулом к ознакомлению с французской поэзией второй половины XIX в. Позднейший некрологический очерк З. А. Венгеровой «Поль Верлен» (СВ. 1896. № 2) был оценен Брюсовым отрицательно (Письма к Герцову. С. 64—65).

¹ З. А. Венгерова просила Брюсова «выслать наложенным платежом 1-й и 2-й выпуски «Русских символистов», а также переводы Верлена, которые (...) недавно вышли». Свою просьбу Венгерова мотивировала тем, что у петербургских книгопродавцев их нельзя достать» (79.41, л. 1). О распространении своих изданий в Петербурге Брюсов заботился постоянно. Так, согласно предварительному списку распределения тиража РС I (см. п. 5, коммент.) предполагалось 10 экземпляров предложить петербургскому магазину Суворина и по 5 экземпляров двум другим магазинам. В письмах к Брюсову петербуржца И. О. Лялечкина (см. п. 24, преамбула к коммент.) содержатся ответы на вопросы Брюсова о том, как расходятся уже вышедшие издания и как лучше распределять вновь выходящие. В частности, в его письме от 17 декабря 1894 г. рукой Брюсова уточнены адреса магазинов, в которые следовало бы направить экземпляры «Романсов без слов» (см. 93.12, л. 6). Но к середине января 1895 г. «Романсы без слов» еще не дошли до петербургских магазинов, а выпуски РС уже были распроданы (относительно РС I Лялечкин констатировал это еще 5 декабря — см. отрывок из его письма в кн.: Ашукин. С. 69; оригинал — 93.12, л. 4).

² Хотя Венгерова не значится ни в одном из известных списков рассылки РС I (см. п. 5, коммент.), анализ обоих списков подтверждает даваемое в письме объяснение. За исключением Верлена, в оба списка были включены лишь лица, лично знакомые Брюсову, т. е. те, чьи адреса он заведомо знал.

³ О том, что статья Венгеровой осталась предметом брюсовского внимания довольно долго, свидетельствует ее конспект в тетради 6 ргмо, датированный 22 марта 1893 г. (4.4, л. 10об.—15об.). В зачеркнутой части п. 38 к положительной оценке статьи впервые присоединится сомнение в ее оригинальности.

24. БРЮСОВ — ЛЯЛЕЧКИНУ

(Москва. Около 19 января 1895 г.)

Знаете, многоуважаемый Иван Осипович, меня радует в современной поэзии это возвращение к форме ¹, а в частности обилие сонетов ², причем г. Чехин (с его стих(ами) [почти] нез(наком)) ухитрился нап(ечатать) даже преслав(ный) «венок сонетов» ³. Вроде Хозе Мари Эредиа я готов видеть в этом зарю лучшего будущего ⁴. Найдут(ся) люди, которые будут воз(ражать) пр(отив) Вашего стихотворения ⁵, требуя в сон(ете) непр(еменно) ямба, но я не из их числа ⁶. Наоборот, мне кажется (?), Вы очень верно уловили смысл сонета (ведь (?) не в одном чередовании рифм состоит эта форма!), тот смысл, который ув(идал) прежде (?) «наш царь, наш бог, учитель вечно юный, счастливый Пушкин» ⁷: именно третья строфа с новой рифмой должна вводить и новую мысль, заключение * же должно примирять эти две госп(одст(в)ую(щие) идеи ⁸. Знаете, что мне больше всего нр(а)в(ится) в Ваш(ем) сон(ете)... говорю, неск(олько) смущаясь — это «и вдруг зарыдал я, как Гамлет на сцене!» Если Вы кому-нибудь читали его, то вероят(но) этот «кто-нибудь» возражал против слова «рьяно». Что делать, даже меня оно нем(но)го шокирует.

Теперь экскурс в обл(асть) прозы ⁹. Точ(ной) цены издания книж(ки) я к сожалению не знаю, так как в денежные дела нашего милейшего В. А. Маслова никогда не вмешивался, но от одного своего приятеля, который собир(ался) недавно подавать (?) перевод(ы) из Мура (но мы были столь жестокосер(дны)?), что (I нрзб.) ему все (I нрзб.) его переводы ¹⁰ слышал я, что изда(ние) 1200 экземпляров книжки в 3 листа в недорогой типографии стоит у нас около 60 рублей. Боюсь, что при этом он принимал в расчет дурную бумагу (впр(очем), и в «Романсах без слов» бумага много хуже, чем в «Русских символистах»). Кроме того, «Романсы без слов» сброшюрованы и разрезаны в типографии, за что также взимается отдельная плата. В хорош(их) типогр(афиях) естественно все дороже. Сколько стоило «Северное небо» Бальмонту, не знаю, экз(емпляров) же было 2000, но теперь Бальмонт наход(ит), что это слишком много.

* *Было*: дв(устишие)

Теперь о встрече ¹¹. Если я буду вполне (?) свободен в день Вашего проезда и если ^{2*}, я думаю проехать с Вами несколько станций и в ва(гоне) мы мож(ем) дост(аточно) набесед(оваться) (если, к(о)н(ечно) это дозв(оляет) расп(исание) поезд(ов)). Узнать же меня, вероятно, не трудно. (Карточку не посылаю, ибо с бородой еще не снимался, — а борода отросла у меня ср(а)вн(ительно) большая. Благодаря нее (?) я похож теперь на аскета. Баль(монт) нашел (?), что я пох(ож) на Верлена, что к(о)н(ечно) в(о)в(се) н(е) лест(но). Одет буду я в студ(енческую) ш(инель) (?), так как имею сейчас(ть) быть студентом-филологом 2-го курса (Вы может быть не знаете молодости (?) моих лет?). Зат(ем) нак(онец) я узн(аю) Ваше тигровое одеяло ¹². Под (1 нрзб.) вы(йти) я дум(аю) надо (?) расст(аться?) (1 нрзб.), т. е. те ст(анции), от(куда) пое(зд)а идут в Петербург (?). Увижу я вас вер(оятно) в буфете (это самое приличное место на вокзале)? ¹³

После В(аших) п(охвал) «сонету» ¹⁴ [мне известно] было посылатъ Вам стихи. Уверен я только в своих поэ(мах) (которые много лучше «экзотического сонета»), но инт(ересней) мне «Вот он стоит» ¹⁵. Поэтому отсылаю его — очень н(е)пр(ивычное) стихотворение, которое приводи(т) в отчаяние моих приятелей; они (4 нрзб.); если я когда-либо вздумаю его печ(атать), ценз(ура) вычер(кнет) ^{3*}

2.18 (тетрадь № 18), л. 57об.—58об. Автограф местами крайне мало разборчив. Ответ на письмо Лялечкина от 17 января 1895 г. (93.12, л. 9—10об.). Брюсов начал письмо на л. 57 (этот первый набросок приведен в прим. 1), но, перевернув лист, не продолжил начатое, а стал писать заново. Датируется в соответствии с датой письма Лялечкина и расположением в тетради в непосредственной близости от наброска стих. «Сумасшедший» (см. п. 23, преамбулу к коммент.). Датированный 24 января 1895 г. автограф пьесы «Слепцы» записан уже в следующей рабочей тетради (2.19, л. 9—11).

Иван Осипович Лялечкин (1870—1895) — поэт, драматург, театральный критик, см. о нем биогр. заметку Л. А. Николаевой в кн.: Поэты 1880—1890-х годов. Л., 1972. Брюсов обратил внимание на его стихи еще в 1893 г., когда выписал из августовского номера ж. «Север» в тетрадь 6 ргмо стих. Лялечкина «Незабудки, васильки...» (4.4, л. 18об.—19). В марте или апреле 1894 г. он, судя по наличию вариантов, по памяти переписал в ту же тетрадь опубл. в ж. «Звезда» стих. «Пускай завидует блаженным нашим встречам...» (там же. л. 31об.—32). Переписку с Брюсовым Лялечкин начал по своей инициативе, послав в ноябре 1894 г. одобрительный отзыв о РС 1 и РС 2 и сообщив, что «от души желает примкнуть» к Брюсовскому «кружку» (см. выдержки из этого и следующего писем в: Ашукин. С. 68—69; оригиналы писем см. 93.12). Биографическое и литературное значение завязавшейся переписки очень велико: она знаменовала начало переоценки Брюсовской поэзии в той среде петербургских поэтов (составлявших ядро авторов «Молодой поэзии» — см. коммент. к п. 26), которая встретила первые печатные выступления Брюсова крайне резкими и даже уничтожающими отзывами (А. Коринфский, М. Гербановский и др.). Завершением этой переоценки станут «робкие извинения» Коринфского «за свои рецензии» в декабре 1898 г. (Левники. С. 57). Симптоматично, что, начав переписываться с Брюсовым, Лялечкин одновременно оборвал свою продолжавшуюся два года переписку с И. А. Бунинным (см.: Николаева Л. А. Указ. соч. С. 560).

¹ Более подробное рассуждение о необходимости возрождения формы содержится в упомянутом выше первом, не получившем продолжения, но и не зачеркнутом варианте начала комментируемого письма: «[Милостивый государь] Многоуважаемый Иван Осипович. Замечали Вы, как воскресает форма? та форма, за которую столь „рьяно“ ратует [холодный] Жозе-Мари Эредиа? Было время, что не только какое-нибудь Рондо, но прост(ой) сонет были похоронены — писали себе все четырехстрочными строфами — так написаны, например, почти все стих(и) Фета и Тютчева (близко ли знаете Вы этого последнего — если нет, спешите, спешите — покупайте его стихи — благо стоят дешево — прямо в Калуге)» (2.18, л. 57).

² Конец 1894 — начало 1895 г. отмечены особым «обилием сонетов» и в творчестве самого Брюсова. См.: Благодирова В. Н. В. Я. Брюсов — мастер русского сонета. Самарканд, 1985. Ч. 1. С. 10.

³ Всеволод Евграфович Чешихин (1865—1934) — поэт, критик, историк музыки и русского поэтического перевода. Его поэтические выступления привлекали внимание Брюсова с февраля 1894 г., см. заметку о стихах, опубл. в «Наблюдателе», в тетради 6 ргмо (4.4, л. 25об.—26). В его кн. «Стихи (1887—1893)» (Рига: Типогр. Г. Будхардта, 1894) помещен «Венок сонетов на могилу М. Е. Салтыкова» (с. 211—219).

^{2*} Далее зачеркнуты 3 неразборчивых слова и ничем не заменены.

^{3*} Далее следует постскрипtum, почти не поддающийся прочтению.

⁴ Жозе (Хосе)-Мария де Эредиа (1842—1905) — французский поэт, уроженец Кубы (с чем связана и двойная русская форма передачи его имени), заслуживший репутацию «царя сонетов» (выражение П. Верлена). После выхода в 1893 г. его главной книги «Трофеи» в русских журналах и газетах появился целый ряд переводов из Эредиа и заметок о нем (см.: *Поступальский И. С.* Материалы к русской библиографии Жозе Мария де Эредиа // *Эредиа Ж. М. Трофеи.* М.: Наука, 1973. С. 309, 311), без сомнения, известных Брюсову. Сам Брюсов в 1894 г. тоже переводил Эредиа (см. перевод «Минотавра» — 28 окт. 1894 г., 2.16, л. 80об.; см. также 14.5/1, л. 6—8). 8 ноября 1894 г. Брюсов прочел несколько своих переводов из Эверса и Эредиа в Обществе любителей западноевропейской литературы (см. протокол заседания — *ГБЛ.* Ф. 389, 1.2. Л. 18).

⁵ Брюсов прислал Ляleckину сонет «Предчувствие» («Моя любовь — палящий полдень Явы...») — I, 57. Оценку Ляleckина см. прим. 14). В ответ Ляleckин послал в письме от 17 января свой сонет, предварив его таким комментарием: «Признаюсь также чистосердечно, что мой сонет, сочиненный недавно, побледнел перед вашим. Так исчезал в сиянии пушкинской красавицы обыкновенный „бледный круг“ других красавиц. Пишу вам свой сонет.

Полночные тени, пугливые тени
Дрожали и млели в тоске предрассветной...
Бежал я от звуков, от лжи беспредметной,
Не медля в дверях — на последней ступени...

Заря улыбалась, лаская сирени.
А я уносил по аллее заветной
Разбитое сердце, никем незаметный...
И вдруг зарыдал я, как Гамлет на сцене!..

Упасть я хотел — и руками вцепиться
В холодную землю и грызть ее рьяно,
Чтоб грудь уставала в тисках колотиться;
Чтоб вопли мои до ее фортепьяно
Летели, желая с мелодией слиться

Piano, piano...
(93.12, л. 9—9об.)

Именно этот сонет, единственное присланное ему Ляleckиным стихотворение, Брюсов собрался после смерти своего корреспондента включить в *РС 3* (см. план в 2.19, л. 32). А четвертую строку Брюсов, превратив ее в «завет» Ляleckина, применит к современной литературной ситуации в письме к Перцову от 17 апреля 1895 г. (*Письма к Перцову.* С. 19).

⁶ Сонет Ляleckина написан амфибрахием. Основные же размеры сонетов в русской поэзии — 5- и 6-стопный ямб (см.: *Гаспаров М. Л.* Сонет // *КЛЭ.* Т. 7. Стлб. 67). Сам Брюсов впоследствии также чаще всего придерживался этой традиции. Однако в 1892—1895 гг. он часто писал сонеты нетрадиционными размерами. См.: *Герасимов К. С.* Сонет в творческом наследии В. Я. Брюсова // *Валерий Брюсов: Проблемы мастерства.* Ставрополь, 1983. С. 43; *Благоправов В. И.* Цит. соч. С. 10, 17—18 (размер «Темы предчувствий» в обеих работах определен неверно). Первый опубликованный им сонет «Гаснут розовые краски...», открывавший *РС 1*, был как раз хорейским (о предвосхищении в нем опытов И. Анненского. См.: *Гудзий 1927.* С. 202). Но большинство метрически необычных сонетов Брюсов все же не опубликовал. Показательно, что их оценка современным исследователем, впервые рассмотревшим их в совокупности, совпала с той, о которой Брюсов предупреждал Ляleckина: «Все эти размеры — не для сонета...» (*Герасимов К. С.* Цит. соч. С. 43).

⁷ Цитата из поэмы Мережковского «Вера» (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 11, прим. 4). Теоретических высказываний о сонете Пушкин не оставил. Брюсов, скорее всего, имеет в виду стих. «Поэту» — единственный из сонетов Пушкина, в котором соблюдалась излагаемая далее Брюсовым схема сонетной композиции.

⁸ Хотя вместо слова «заключение» Брюсов начал писать «дв(устишие)», ориентировался он не на «шекспировскую» английскую модель сонета, включавшую три четверостишия и двустихие, а на французскую и итальянскую, в которых сонет делился на два четверостишия и два трехстишия. Изложенное здесь представление о содержательной композиции сонета практически без изменений будет повторено Брюсовым в «Опытах» (III, 542).

⁹ Ответ на следующие вопросы Ляleckина: «Ну, с поэзией покончим. Поговорим о делах поэмы. Скажите, если не секрет, сколько стоит издать «Романсы без слов», т. е. книжечку такого размера, в количестве 2000 экз. И не знаете ли, сколько стоило издание «Под северным небом» Бальмонта. И сколько было экземпляров? Мне это потому интересно, что я совсем в этих делах неопытен, а летом, в самую знойную пору, если буду здоров, я всерьез замышляю издать свой сборник стихотворений» (93.12, л. 9об.).

¹⁰ Речь идет об А. А. Курсинском, см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 9, прим. 9.

¹¹ Отвечая, видимо, на предложение Брюсова посетить его на обратном пути из Калуги в Петербург, Ляleckин писал: «Поеду я через Москву, но к вам заехать, к величайшему огорчению, не буду иметь никакой возможности. Я должен ехать с величайшими предосторожностями (...) Я страшно боюсь, что дорогой случится припадок кровохаркания, тогда — все пропало! (...) Но увидится возможно. Я могу самым точным образом сообщить, когда буду

на Московском вокзале (как он у вас называется — забыл), куда вы и приедете. Это свидание надо непременно осуществить» (93.12, л. 10об.).

¹² Лялечкин в письме спрашивал Брюсова: «Но как мы узнаем друг друга? Нет ли у вас карточки? Опишите, по крайней мере, вашу внешность». Про себя он сообщал: «Я буду в простом черном пальто с барашковым воротником в суконной шапочке и — главный признак — со мной будет подушка, завернутая в тигровое одеяло. Вот романтическое положение! Впрочем, мы как поэты должны узнать друг друга» (там же).

¹³ Встрече поэтов не суждено было состояться. Так и не уехав из Калуги, 27 февраля 1895 г. Лялечкин скончался. Брюсов узнал о смерти Лялечкина из письма его сестры П. О. Чекашкиной от 28 февраля (см. 107.31), которое упоминается им в стих. «На смерть Лялечкина» (2 марта 1895 г. — I, 196).

¹⁴ Лялечкин писал: «Ваш экзотический сонет поистине шедевр, и если в вашей объявленной книжке (*ChdO I*. — С. Г.) будут помещены стихи, подобные этой вещи, то название книги совсем не будет преувеличенным. Очень удалось вам, очень (...) Единственно, что мне не нравится в вашем стихотворении (простите, пишу чисто сердечно) это — эпитет “неподвижный” (стан). На всем стихотворении лежит отпечаток истомы, зноя, горячего дыхания. Поэтому неподвижный, по-моему, слишком звучит деревом. Я бы сказал: “утомленный” стан» (93.12, л. 9). Его отзыв Брюсов в минуту разочарования в своей книге процитирует в письме к Перцову от 25 августа 1895 г. (*Письма к Перцову*. С. 38).

¹⁵ Стих. «Ученый» в *ПСС I* датировано 1894 г. В I, 36 оно передатировано апрелем 1895 г. Его автограф, действительно, открывает тетрадку «Мои стихи № 3», начатую в апреле 1895 г. (14.5/3 л. 2). Но в отличие от всех других автографов данной тетрадки (и вообще большинства автографов в тетрадках «Мои стихи») он является не черновым, а беловым, явно переписанным с какого-то более раннего источника. Упоминание в комментируемом письме также служит аргументом в пользу возврата к авторской датировке. Как известно, стихотворение вошло в *РСЗ* и не было запрещено цензурой. Брюсов, однако, не ошибся в оценке его непривычности. В очередном обзоре Н. К. Михайловского «Литература и жизнь» (Рус. богатство. 1895. № 10) первое четверостишие этого стихотворения было выписано среди тех декадентских «перлов», нелепость и вздорность которых, по мнению маститого критика, даже не требовала пояснений.

25. БРЮСОВ — ПРИСКЕ ДЕ ЛАНДЕЛЬ

(Между 7 и 13 февраля 1895 г.)

Милостивый государь ¹

Ваша книга «Радости и Горести» достав(ила) мне столько наслажд(ения), я совершенно не знаю как выразить Вам свое наслаждение. Позв(ольте) * себе мне послать Вам мой перевод «Romances sans Paroles» ^{2*} Верлена, хотя вряд ли Вы знаете [русский] наш причудливый язык ².

Я думаю перевести некоторые из Ваших прек(расных) произведений в нашем издании «Русские символисты» [3 выпуск которого появится вскоре.] ^{3*} Надеюсь, что Вы ничего не имеете против.

Очар(ованный) Ва(ми) ^{4*} Вал. Брюсов

et je vous pris de permission pour traduir plusieurs vos pièces dans notre petit journal «Les symbolistes russes» ³

c'est fort intéressant à moi — qu'aviez vous publié encore excepté «Joies et Tristesses» ⁴

2.19 (тетрадь № 17), л. 1 (русский текст) и 1об. (франц. текст, первый абзац по содержанию частично дублирует второй абзац русского текста). Письмо написано не ранее 7 февраля, когда была сделана дневниковая запись: «Вчера получили %. Весь дом ожил. Я накупил себе символистов. Р. де Ландель из них очень мил» (1.13/2, л. 6). Ответное письмо (см. 79.13, л. 1—1об.), написанное 19 февраля ст. ст., Брюсов получил 25 февраля (см. прим. 1), т. е. письмо шло до него 5 дней. Комментируемое письмо было послано на адрес издателя (см. приписку в ответе П. де Ландель на п. 28 — 79.13, л. 6об.) и, следовательно, еще посылалось из Парижа в Лез-Анделис. Тем самым оно не могло находиться в пути меньше 6 дней и было написано не позднее 13 февраля.

* Поскольку далее в рукописи следуют две альтернативные формы местоимения, данное слово может быть прочтано и как: позв(оляю).

^{2*} Название над строкой продублировано по-русски.

^{3*} Последнее из зачеркнутых слов почти стерлось и читается гипотетически.

^{4*} Слитная запись допускает и более стереотипное прочтение: Ос(таюсь) ув(ажající) Ва(с).

Prisca de Landelle (Приска из Анделля) — псевдоним французской поэтессы Луизы Бургун, автора книги «Joies et Tristesses» (Р., 1895), сохранившейся в библиотеке Брюсова (Ф. 386. Книги, № 512).

¹ Брюсов лишь из ответного письма узнал, что псевдоним «Приска де Ландель» принадлежит женщине: «Получил письмо (...) от Prisca de Landelle, который оказался г-жей Louise Bourgoin (*Дневники*. С. 20. Запись от 25 февраля). К этому времени первое стихотворение книги уже было переведено Брюсовым как написанное от лица мужчины: «Я родился под пот бур...» (14.5/2, л. 9об.—10).

² Приска де Ландель отвечала: «Я благодарю вас за вашу брошюру. Но, не зная русского языка, я не могла ее оценить» (79.13, л. 1. Перевод здесь и далее мой.— С. Г.).

³ «И я прошу у Вас разрешения перевести несколько Ваших пьес в нашем маленьком журнале «Русские символисты»» (*Франц.*). Французская поэтесса ответила согласием и, в свою очередь, попросила: «Было бы очень любезно с Вашей стороны, если бы Вы написали мне, что именно Вы смогли сказать о моем скромном труде в Вашем журнале» (там же). Очевидно, Брюсов в отосланном тексте письма указал, что хочет сопроводить переводы своим словом об авторе стихов, как то и было сделано в РСЗ.

⁴ «Мне очень интересно, что еще напечатано Вами помимо «Радостей и горестей»» (*Франц.*). П. де Ландель отвечала: ««Радости и горести» моя первая книга» (там же, л. 1об). См. также п. 31, прим. 5.

26. БРЮСОВ — ПЕРЦОВУ

(Москва. Между 2 и 6 марта 1895 г.)

Милостивый Государь

Вы уже знаете о смерти Лялечкина! Вот тяжелый, очень тяжелый удар для молодой поэзии! Если в кого я верил, как в лирика, это в него. Надеюсь, что друзья его издадут посмертный сборник стихов¹; судя по тем * стихотворениям, которые я получал от Лялечкина в письмах, это будет очень и очень замечательная книга.

[Хвалю я Лялечкина, а сам и думаю — как все-таки узок был его талант, и я то вынужден был оговориться — как лирик, а широкую ли дорогу отмежевал он себе и в лирике? два-три задумчивых настроения, а затем любовь, любовь, любовь!.. [О] Боже! сколько любви в Вашей книге². Неужели же душу наших поэтов не трогает ничего больше, кроме любви]

Да, глубоко жаль — потому что кроме Бальмонта я не знаю другого мало-мальски [выдающегося] подающего надежды молодого поэта (исключая триумвир(ат) Минский, Мережковский и Фофанов)³. Многие пишут мило, красиво (Льдов)⁴, но они безнадёжны.

Я прошлый раз говорил, что современной поэзии недостает центрального светила — и это так⁵. Недавно еще можно было заимствовать свет от Надсона. Кстати, вы очень удачно выбрали из него стих(отворения): не из числа избито-известных (кроме «Друг мой...»), но из прелестных отверженных⁶; право, то, что Надсон не печатал, было поэтичнее, чем напечатанные его произведения; вот жертва идеи! Хотелось бы мне только, чтобы в Вашу выборку вошло хоть одно стихотворение Надсона, посвященное воспомин(аниям) его первой любви, об умершей Н. М. Д(ешевой), хотя бы одно из следующих: «В тине житейских волнений», «Все это было, — но было как будто во сне», «Да это было все — из сумрака годов» (В последнем дивен замысел, начало и последние стихи — целое же слабо). Характер(ен) был бы и какой-нибудь отрывок на тему «приди, пророк!», например четверостишие «Изнемогает грудь...»

Знаю Вашу книгу наизусть?⁷

Повторяю, у нас нет центрального поэта, который оживил бы всех остальных — у нас Баратынский, Дельвиг и др. без Пушкина — сироты, забытые в лодке на океане. Я удивляюсь, как они сами не сознают этого, как их стихи не повторяют вопля Надсона:

Приди, пророк, приди!⁸

Истинно говорю Вам, он близок и придет в этом же году⁹. Но они не познают Его — и будут побивать камнями и распнут на кресте.

* Далее зачеркнуто: немногим напечатанным

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ

СБОРНИКЪ
ИЗБРАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

МОЛОДЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

СОСТАВИЛИ
П. И. В. ПЕРЦОВЫ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вельяа Фонтанка 52.
1895.

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ.

Валерію Яковлевичу Брюсову
на память от составителей.
1895.
П. Перцов
Вл. Перцов

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ. СБОРНИК ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ МОЛОДЫХ РУССКИХ ПОЭТОВ
СПБ., 1895

Составили П. И. и В. П. Перцовы

Титульный лист и форзац с дарственной надписью: «Валерію Яковлевичу Брюсову на память от составителей. П. Перцов Вл. Перцов СПб. 15 февр. 95 г.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Это я пророчествую Вам.

Но дальше.

Вы напоминаете статью Меньшикова ¹⁰. Я был знаком с ней тотчас после выхода «Книжек Недели». Много в этой статье дельных замечаний, но в основании она ошибочна. Не в том дело, что наши «молодые» ничего не дали, но в том, что из их произведений ясно, что они и не могут дать! Ждать чего-нибудь от Минского, Мережковского и Фофанова уже невозможно, они свершили свой назначенный круг по небу ¹¹. А другие? ну Бальмонт развивается — его «Северное небо» — от ярославского сборника как небо от земли — его теперешние стих(отворения) (еще не напечатанные — будущая книга (которую он дума(л) назвать то «Уходящие тени», то «Между ночью и днем») ¹² будет бесконечно выше «Северного неба», но ведь Бальмонту ясный предел положен — лирика любви и второстепенных настроений — никогда он не затронет таких тэм ¹³, как Тютчев и Фет ¹⁴. — Другие? другие в два года своей деятельности дошли до предела — и дальше пути нет, пиши и пиши о том же, о старом.

Да один пример разобьет все эти хитрос(п)лет(е)н(ия).

Знаете, что написал Фет, будучи 22—23 лет? вот краткий список

Тихая звездная ночь!
Буря на небе вечернем!
Я долго стоял неподвижен.
Печальная береза!
На заре ты ее не буди

Я пришел к тебе с приветом
Не отходи от меня
Бриллианты в свете лунном
Облаком волнистым

Что приближа(ющегося) к этому есть в Вашей книге, где многим под 30. Вык(лючим?) Мережковского, Минского и Фофанова, что остается?

Нет! сослаться на молодость было можно разве только мне, так как все мои напечатанные до сих пор стих(отворения) были написаны 19—20 лет, но уже в моей следующей книге «Chefs d'oeuvre» я ни у кого не попрошу снисхождения к себе, [а смирения от других!]

Говорят, форма у наших поэтов хороша. Полноте! У Шуфа, например, дактили начинаются с ямба

Она спит молодая и бледная
ее в землю проводят друзья ¹⁵

Коринфский то и дело рифмует два прилагательных, у Величко расположение слов ^{2*} варварское.

С любовью кроткой смерть на отдыхе сошлась ¹⁶

Стихи у всех водянистые, то, что можно сказать в строке, тянут без нужды на куплет.

Вон — церковь белая с крестом своим святым ¹⁷

Как у него (В. Ладыженского) повернулось перо написать: «святым». «Звенья пар» — какое выражение у Лебедева ¹⁸; «угомонилась кровь», какая бессмыслица у А. Федорова ¹⁹; «Пышно вырос... Оазис» ради «папирус», какие искажения слов для рифмы ²⁰ etc. etc.

Частности ²¹: перечитал Энгельгардта

Шестакова
Миляева (?)
о «Гефсиманском Саде»
о «Chefs d'oeuvre» и 3-м выпуске

Р. С. Знаете, я недавно по Вашей книге доказывал одному человеку, что Величко бездарный поэт ²². Разобрали все стих(отворения) с «Горийской башней» включительно и везде он согласился со мной. Только одно выражение вызвало сильный спор — это «пороки разных дум» ²³. Я а priori полагал, что оно неудачно, но, как ни старался, разъяснить этого не мог и должен был согласиться, что это лучшее во всем стихотворении. Увы! то была опечатка.

^{2.19} (тетрадь № 17), л. 43—45. Второй черновой вариант письма, в окончательном варианте датированного 12.3.1895 г. (*Письма к Перцову*. С. 9—12). Первый черновой вариант, по содержанию соответствующий двум первым разделам окончательного текста, см. 2.19, л. 29об.—30об. Ответ на письмо Перцова от 21 февраля 1895 г. (98.4, л. 5—7). Датируется по упоминанию о смерти И. О. Лялечкина, о которой Брюсов узнал, по-видимому, 2 марта (см. п. 2.4, прим. 13), и по расположению в тетради перед черновым автографом стих. «Слово бросает на камни...» (л. 45об.), в окончательном варианте датированного 6 марта (III, 220).

Петр Петрович Перцов, критик, публицист, искусствовед, поэт, в середине 1890-х годов своими изданиями «Молодая поэзия» (см. прим. 2), «Письма о поэзии» (СПб.: Типолит. Б. Вольфа, 1895), «Философские течения в русской поэзии» (сост.; СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896) способствовал изменению общественного отношения к поэзии и консолидации новых поэтических сил. Это помогло его сближению с Брюсовым и возникновению между ними регулярной переписки. Письма Брюсова к Перцову за 1895—1896 гг. опублик. в кн.: *Письма к Перцову*, подлинники — ИМЛИ. Ф. 13, Оп. 3, № 15—16; письма Перцова к Брюсову — ГБЛ. Ф. 386, 98.4—6. «Литературные воспоминания» Перцова (М.; Л.: Academia, 1933) — один из основных мемуарных источников о лит. движении конца XIX в.

¹ Книга Лялечкина не была издана. Его стихотворения впервые собраны в томе Большой серии «Библиотеки поэта» — «Поэты 1880—1890-х годов» (Л., 1972).

² Под «Вашей книгой» всюду в письме подразумевается антология: Молодая поэзия: Сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов/Сост. П. и В. Перцовы. СПб.: Типолит. Б. Вольфа, 1895. Экземпляр с дарственной надписью составителей, датированной 15 февраля 1895 г., и с пометами Брюсова см.: Ф. 386. Книги, № 1521.

³ Из 42 поэтов, представленных в «Молодой поэзии», лишь Н. М. Минский, Д. С. Мережковский и К. М. Фофанов к 1895 г., по позднему свидетельству Перцова, «Уже оп-

^{2*} Далее зачеркнуто незаконченное: точно у Горация, да только без

ределились и были признаны» (*Перцов. Воспоминания*. С. 160). Этим и объясняется их объединение в «триумвират». В начале и середине 1890-х годов Брюсов пристально следил за публикациями всех членов этого триумvirата, многочисленные оценки их произведений и общие характеристики их творческого облика см. в *Письмах к Перцову* и в рукописных материалах незавершенной книги «Русская поэзия 1895 г.» Позднее, когда Фофанов умер, а Мережковский и Минский почти перестали выступать как поэты, Брюсов посвятил их поэтическому творчеству итоговые, обобщающие статьи, включенные затем в книгу *Далекое и близкое*. О Фофанове была написана, кроме того, более полная статья для «Истории русской литературы XIX в.» Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского (М.: Мир, 1911. Т. 5. Переизд. в: *Избр.* 1955. Т. 2).

⁴ О. К. Н. Льдове см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 11, прим. 5; см. также биографическую справку о нем Л. К. Долгополова в кн., указ. в прим. 1. Брюсовские заметки о его творчестве, написанные для «Русской поэзии 1895 г.» в сентябре 1895 г., см. 3.3, л. 41 об.—42 об., 49 об.—50. Перед подборкой стихов Льдова в «Молодой поэзии» Брюсов записал: «По кусочку ото всех: Гейне, Фет, Фофанов, Надсон» (Ф. 386. Книжки, № 1521. С. 77).

⁵ В предшествующем письме к Перцову от 18 февраля 1895 г. (*Письма к Перцову*. С. 7—9) подобного утверждения нет.

⁶ В «Молодую поэзию» вошли следующие стихотворения Надсона: «Поэзия» («Нет, не лица ее...»), «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...», «Не хочу я, мой друг, чтоб судьба нам с тобой...», «Упали волнистые кудри на плечи...», «Мне снилось вечернее небо...», «У моря», «На кладбище», «Жалко стройных кипарисов...», «Тихая ночь в жемчуг росы нарядилась...», «Страничка прошлого. Из одного письма».

⁷ Данная фраза приходится на нижнее поле тетрадного листа. Возможно, что она являлась не частью текста, а пометой для памяти на его полях. Знак вопроса в этом случае означает сомнение по поводу включения данной фразы в отсылаемую редакцию письма.

⁸ Неточная цитата из стих. С. Я. Надсона «Инемогает грудь в бесплодном ожидании...»; у Надсона — «... приди, приди, пророк!». Заметку Брюсова о жажде любви в поэзии Надсона см. в одной тетради с письмом — 2.19, л. 2.

⁹ Весьма вероятно, что Брюсов в этом предсказании имел в виду свою книгу *Чхдо I*, подготовку которой он в те дни завершал и материалы к которой в основном сосредоточены в той же тетради, где находится комментируемое письмо. Но брюсовское пророчество оправдалось в значительно более общем смысле: 1895-й год действительно оказался определенной вехой в истории русской поэзии, и обновление пришло не оттуда, откуда его ожидало большинство читателей и любителей поэзии. В 1894 г. составители «Молодой поэзии» думали, что представляют читателям в своей антологии «новую полосу русской поэзии, в которой — как бы то ни было — заключено ее будущее» (Молодая поэзия. С. 1). Но будущее оказалось связанным с авторами, почти — как Брюсов — или совсем не представленными в антологии, а включенные в нее поэты были уже поэтами вчерашнего дня. Тридцать пять лет спустя это должен был признать сам Перцов: «Мы издали наш сборник как раз вовремя: в 1895 г. русская поэзия была уже на рубеже фофановского периода — и мы, сами того не подозревая, подвели ему итог. В том же 1895 г. сверкнули первые проблески созревшего под спудом символизма, еще никем не понятые в их истинном смысле: тогда появились первые сборники Сологуба и Александра Добролюбова, первые типичные стихотворения З. Гишпиус, наконец, московские сборнички Валерия Брюсова «Русские символисты» и его «Шедевры» (*Перцов. Воспоминания*. С. 182). РС, как известно, начали выходить годом ранее, чем вспоминал Перцов, и неудивительно, что Брюсов, ставивший обновление поэзии своей осознанной целью, лучше своего адресата видел ближайшее будущее. Но и для Брюсова реальные достижения русских поэтов в 1895 г. оказались до известной степени неожиданными; ср. в этой связи начало его статьи о Бальмонте, написанной 14 сентября 1895 г.: «Если какой поэт в 95 г. впервые выступил перед читателем во весь рост, то это — Бальмонт» (3.3, л. 40).

¹⁰ См.: *Меньшиков М. О.* Литературное бессилие // Книжки Недели. 1892. № 1. Перцов писал 21 февраля 1895 г.: «...вопрос о фатальном бессилии молодого творчества, по моему мнению, решен окончательно в статье Меньшикова (...) Но не следует упускать из виду, что молодая поэзия есть ее ipso зародившаяся поэзия — почти ни одному из авторов, помещенных в нашем сборнике, нет 35 лет, очень многим нет еще и 30, а вспомните, были ли даже Понловский, Фет, Тютчев, Ал. Толстой в 30 лет тем, чем мы знаем их теперь?» (98.4 л. 50б.).

¹¹ Брюсов [не отрицает здесь возможности новых творческих успехов трех названных поэтов, но лишь утверждает, что от них нельзя ждать чего-то принципиально нового, отличного от их прежних достижений. По отношению к Мережковскому ему пришлось вскоре изменить это мнение. См.: *Письма к Перцову*. С. 19, 22.

¹² Книга Бальмонта вышла в конце 1895 г. под заглавием «В безбрежности». Ей посвящен ряд неопубликованных рецензий и статей Брюсова.

¹³ Написание этого слова через «э» характерно для многих ранних рукописей Брюсова.

¹⁴ Тютчев и Фет в это время осознавались Брюсовым как хранители заветов русской поэзии в трудные для нее десятилетия, и возникавшая новая русская лирика представлялась ему непосредственным развитием линии Тютчева и Фета (см. относящиеся к апрелю — маю 1895 г. наброски статьи о русской поэзии, предназначавшейся Брюсовым для французской печати, — 2.20, л. 52об.—54; начало французского перевода — 2.21, л. 18об.). Фет был знаком Брюсову и любим им с отрочества. А начало подлинного влияния Тютчева, постепенно оттеснявшего Фета в сознании Брюсова на второе место (ср. слова о Фете как «ученике и про-

должателе» Тютчева — 2.20, л. 53), по-видимому, относятся именно к 1894 — началу 1895 г. Ср. п. 24, прим. 1; п. 29, прим. 23, а также п. 75, прим. 11.

¹⁵ Примеры из стих. В. А. Шуфа «Похоронена жизнь моя бедная...» (об авторе см.: *Перцов. Литературные воспоминания*. С. 176). Размер стихотворения указан Брюсовым неточно — оно написано не дактилем, а анапестом. Если это не простая оговорка, то возможно, что Брюсова ввели в заблуждение строки, следующие за каждой из двух им приведенных, — обе они имеют ударный первый слог — как в дактиле: «Вечным сном в белоснежном гробу» и «Ты, разбившая счастье последнее». Возражение Брюсова, впрочем, сохраняет силу и при устранении указанной ошибки, его предмет — такое употребление в трехсложных размерах двусложных слов, когда их ударение приходится на слог, который в данном размере должен быть безударным (ср. п. 33, прим. 22).

Как показало историческое исследование, «у Щербины еще не редкость такие стихи (...)» но после Некрасова они исчезают» (*Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика*. М.: Наука, 1974. С. 179). То, что Брюсов сразу увидел такие стихи у Шуфа, свидетельствует о тонкости его ритмического слуха и вкуса. А его упрек Шуфу в свете процитированного вывода М. Л. Гаспарова может быть интерпретирован как упрек не только в неумелости, но и в незнании уроков развития русского стиха последних десятилетий.

¹⁶ Вторая строка стих. В. Л. Величко «На мотив Никольсона» (Молодая поэзия. С. 30). Брюсов имеет в виду помещение эпитета «кроткой» после определяемого существительного. Из-за такого расположения эпитет в силу ритмико-синтаксических закономерностей может быть отнесен при чтении и к существительному «смерть».

¹⁷ Строка из стих. В. Ладыженского «На родине» (Молодая поэзия. С. 62). Брюсов, вероятно, критикует поэта за употребление лишнего определения, ничего не прибавляющего к смыслу определяемого существительного.

¹⁸ Из стих. В. Лебедева «Гитана»: «За ней сомкнулись звенья пар» (Молодая поэзия. С. 68). Об авторе стих. см.: *Перцов. Литературные воспоминания*. С. 172.

¹⁹ Цитата из стих. «Морозным вечером, когда румянец алый...» (Молодая поэзия. С. 173) Александра Митрофановича Федорова (1868—1949), впоследствии известного и весьма плодовитого беллетриста. Выписав в тетрадь 6-го стих. Федорова «Еще тобой полны воспоминанья...», Брюсов рядом с фамилией автора приписал: «Банален» (4.4, л. 34об.). Более полно отношение Брюсова к Федорову-поэту в 90-е годы было выражено в статье «Наши поэты» (отрывок опубл. Р. Е. Помирчим в VI, 617). Итоговое мнение Брюсова о поэзии Федорова, выраженное в его рецензии на кн. Федорова «Сонеты» (СПб.: Шиповник, 1907), см. VI, 325. В 1914 г. судьба свела Брюсова и Федорова в качестве корреспондентов на польском фронте. После одной из совместных поездок Брюсов посвятил Федорову сонет «На память об одном закате» (II, 152 и 427).

²⁰ Из стих. В. Лебедева «Сфинкс над Невой: «...Пышно вырос // В степи оазис; бьет ручей // И млеет девственный папирус // Под лаской солнечных лучей...» (Молодая поэзия. С. 66). Данное замечание — самое раннее выражение кардинального для брюсовских взглядов на рифму принципа речевой естественности рифмы, вполне явственно сформулированного им уже в 1898 г.: «Всякая рифма хороша, если слово на месте на конце стиха, т. е. если слово имеет важное значение и если обычное словорасположение не противится этому» (статья «К вопросу о стихосложении» — 3.14, л. 22). Но если в позднейших работах, включая знаменитую «Стихотворную технику Пушкина», Брюсов говорит о естественности рифмы прежде всего в аспекте «внарушения» естественного синтаксиса речи (подробнее см.: *Вклад Брюсова*), то его замечание о стихах Лебедева относится к несоблюдению в них естественных для речи норм лексической сочетаемости (оазисы не вырастают).

²¹ Брюсов перечисляет далее темы, затронутые (за исключением поэзии В. Е. Миллева) в окончательном тексте письма (см.: *Письма к Перцову*. С. 11). Николай Александрович Энгельгардт — участник «Молодой поэзии»; см. о нем: *Перцов. Воспоминания*. С. 157, 167—168. Дмитрий Петрович Шестаков (1869—1937) — поэт, филолог-классик, переводчик античных поэтов и Я. Кюхановского. Участник «Молодой поэзии» и близкий друг Перцова (см. о нем библиографическую справку Л. К. Долгополова в кн., указ. в прим. 1). «Гефсиманским садом» Брюсов в предшествующем письме к Перцову ошибочно назвал поэму Н. М. Минского «Гефсиманская ночь». 3-й выпуск (*РСЗ*), компоновку которого Брюсов завершал в дни написания комментируемого письма (два разных варианта его содержания записаны через лист после первой черновой редакции данного письма — 2.19, л. 32).

²² Василий Львович Величко (1860—1903), поэт, получивший к середине 1890-х годов немалое признание (см.: *Перцов. Воспоминания*. С. 160—161), представлялся Брюсову хрестоматийным примером бездарного и неумелого стихотворца. «Доказывал» он это не только в частных беседах, но и в специальной статье «Миниатюры», предназначавшейся для книги «Русская поэзия 1895 г.», в которой Величко выступал как представитель всей массы безликих стихотворцев (см. 2.20, л. 2—5об. — первый набросок «О Величко»; л. 6—15об. — полный черновой автограф всей статьи). См. также набросок «К 95 г. Предисловие» (2.22, л. 39—40).

²³ Пример — из стих. В. Л. Величко «Из «Женских силуэтов». Накануне: «Она не девочка!.. Ей сердце волновало // Пороки разных дум, и счастье и печали...» (Молодая поэзия. С. 28). В помещенном вслед за оглавлением антологии списке «Замеченные опечатки» (с. 228) разъяснялось, что следует читать: *Потоки* разных дум.

27. БРЮСОВ — ЕМЕЛЬЯНОВУ-КОХАНСКОМУ (?)

(Москва. Между 29 марта и 6 апреля 1895 г.)

А(лександр?) Н(и)к(олаевич).

неудивит(ельно), что я не был у Вас ст(олько) вр(емени) ¹. Если сравн(ить) человека с государством, то эпоха экзаменов ² это эпоха войн, когда, конечно, некогда думать о посылке эскадры в какой-нибудь порт дружественного народа — все эскадры нужны для военных действий —

2.20 (тетрадь № 19), 2-я страница обложки. Адресат, обозначенный в письме лишь инициалами, определен предположительно на основании того, что перед письмом на той же внутренней стороне обложки тетради, отделенный небольшим отступом, записан адрес: «А. Н. Ем(ельянов)-Кох(анский). «Белград, Неглинная». Теоретически возможно, что адрес и письмо друг с другом не связаны, однако какие-либо другие корреспонденты, состоявшие с Брюсовым в переписке в начале 1895 г. и имеющие те же инициалы, не выявлены (лишь в ед. 2.18, л. 62об. записан адрес некоего А. Н. Панкова; там же и на 2-й с. обложки ед. 2.16 — еще две записи адреса Емельянова-Коханского). Датируется по надписи на переднем форзаце тетради «Начата 29 марта 95 г.» (2.20, л. 1) и в соответствии с дневниковыми упоминаниями о встречах с Емельяновым (см. прим. 1).

А. Н. Емельянов-Коханский (см. о нем также наст. кн., Переписка с Курским, п. 7, прим. 5) — литератор. Стихами и эпатирующим поведением (ср. п. 30 и воспоминания И. А. Бунина, указ. в прим. 10 к нему) снижал у современников репутацию «автора спекулятивных подделок под декадентство» (Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Изд. 2, совершенно перераб. Пг., 1915. Т. 1. С. 273). Дневник Брюсова позволяет установить точную дату его знакомства с Емельяновым — 6 сентября 1894 г. (1.13/1, л. 39 — Хронология). Два дня спустя, 8 сентября, Брюсов дал своему новому знакомому недвусмысленную характеристику: «(...) третьего дня у Ланга видел некоего поэта-декадента, в котором мы подозреваем сыщика» (там же). Еще через неделю Брюсов уничтожающе-саркастически отозвался о литературных претензиях Емельянова в п. 15. Тем не менее в записях ближайших месяцев встречаем неоднократные упоминания о встречах с Емельяновым, в том числе и в обществе Фриче, Курского, Бальмонта (см. 1.13/1, л. 41, 42об.; 1.13/2, л. 4об., 5 и др.; ср. п. 30, прим. 4). Емельянову, по-видимому, льстило общество образованных молодых литераторов (см. позднейшее брюсовское описание атмосферы встреч — п. 38, прим. 29). Брюсова же, как можно предполагать, наряду с широкой осведомленностью Емельянова в московской литературной жизни (см. признание в: *Письма к Перцову*. С. 21), притягивала и его одиозная репутация, возможность изведать в его обществе разного рода «декадентские» соблазны (ср. цитату в прим. 1, п. 71А и план романа «Берег», указ. в п. 29, прим. 30). Наконец, Емельянов не гнушался принятием в дар чужих стихов, и возможностью писать стихи от лица и от имени поэта такого типа и уровня стала для Брюсова, с его стремлением к поэтической многоликости, особенно притягательной. Ряд стихов в рабочих тетрадях Брюсова снабжен пометами «Емельянов-Коханский» или «Для Емельянова-Коханского» (см., напр., 2.16, л. 27) совершенно так же, как другие автографы помечались «Маслов» (см. п. 18, прим. 4) или «Бронин» (см. п. 39, прим. 4). Логическим итогом этого творчества под чужим именем явилось включение в книгу Емельянова целого раздела, фактически написанного Брюсовым (см. п. 30, прим. 2).

Однако вскоре после комментируемого письма отношения обострились. После записи от 23 апреля: «С Бальмонтом (13-го) часов в 5 утра были у Емельянова-Коханского» (1.13/2, л. 9) упоминания о встречах с Емельяновым практически исчезают из брюсовского дневника. Сам Емельянов в письме к А. Амфитеатрову от 21 ноября 1895 г. (см. п. 38, прим. 30) объяснял обострение тем, что осмелился прочесть своим приятелям «неприятные пародии» на них. Более вероятно, что причиной расхождения были притязания Емельянова на сотрудничество в РС. Поначалу Брюсов готов был поместить в РС 3 его стихотворение (см. п. 39, прим. 21). Но знакомство с произведениями, составившими вскоре «Обнаженные нервы» (см. указ. письмо Емельянова Амфитеатрову и п. 30, прим. 4), убедило Брюсова в несовместимости целей создававшегося им литературного направления с мотивами, определявшими деятельность Емельянова. Поэтому он решительно отказался от сотрудничества с «одним из беднейших поэтов мира» (отзыв от 17 апреля; см.: *Письма к Перцову*. С. 21. Об утверждении Емельянова, что ему принадлежат стихи, помещенные в РС 2 и РС 3 под псевдонимом «З. Фуко», см. п. 39, прим. 10). О дальнейшем развитии отношений Брюсова с Емельяновым-Коханским см. п. 30 и комм. к нему и п. 38.

¹ Последнее перед трехнедельным перерывом упоминание о встрече с Емельяновым сделано Брюсовым в дневнике 16 марта 1895 г. (1.13/2, л. 7об.). 8 апреля он записал, что 6 апреля они «устроили с Емельяновым-Коханским декадентскую попойку» (там же, л. 8об.).

² Об отношении Брюсова к экзаменам см. п. 12, прим. 10, а также: *Дневники*. С. 21. О своем положении в экзаменационную сессию 1895 г. Брюсов писал П. П. Перцову: «Сегодня Вы не сказали бы, что я в пессимистическом настроении. Я бодр, как Антей, опрокинутый Геркулесом. Дело в том, что попробовал было я готовиться к экзаменам и высчитал, что, напр., по Цицерону (что составляет лишь часть латинского экзамена) мне надо бы 42 дня, а

у меня их для всех экзаменов 27. Конечно, это мстит факультет за ничегонеделание в году, но все же приятно как-то — делать нечто, зная что *сделать* невозможно» (Письма к Перцову. С. 17). 3 апреля 1895 г. в дневнике записано: «Живу и готовлюсь к экзаменам, т. е. не живу почти, готовлю, однако, и 3-й выпуск» (1.13/2, л. 8).

28. БРЮСОВ — ПРИСКЕ ДЕ ЛАНДЕЛЬ

(Москва. 3 или 4 апреля. 1895 г.)

Madame!

Pardonnez moi, que ma réponse vient si tard; les semaines dernières je fis un très long voyage¹ (Moscou — Vladikaukase — Odessa) *

La traduction de vos vers a aussi retardé à cause de cet voyage et ne peut pas entrer dans le 2N de Symbolistes Russes⁴, mais j'espère la préparer pour le 3N qui paraîtra le 1 juin⁵. Je crois (dans le journal ont ne peut faire entrer que les poèmes plus ou moins^{2*} symbolistiques) envoyer plusieurs traductions dans un autre journal «Les nouveautés de la Littérature étrangère»⁶ pour quel j'écrirai une note (Aufsatz)^{3*} critique sur votre poésie⁷

Voici les poèmes choisis pour la traduction

1) Pour « Les Nouveautés de la littérature étrangère »:

« Je vins au monde... » (déjà traduit) ⁸	« Impression d'automne »
« Pitié » (peut être notre censure) le défendra)	« Lève ton beau front pâle... »
« Pêche d'orquiel »	« Consolation »
« Vaine attente »	« Aux poètes »
	[(« Soumetlons nous »)]
	« Tableau » (« A l'absent »)

2) Pour les « Symbolistes Russes »:

« Symbolisme »	« Les bruits »
« Mes yeux ont soif... »	« Berceuse » (déjà traduit)
« A un Esthète »	[« Heur du soir »]
[« Sont lacrimae rerum... »]	« En souvenir de Baudelaire »
« Lassitude »	(déjà traduit)
« Donnez moi le temps »	« Les étoiles » (déjà traduit)
« Sonnet de la vengeance »	[« Nous n'avons pas creusé... »]
« Au piano » (déjà traduit)	« Nuit et mort »
« Fleurs si pure »	« Un jour, tu m'as donné... »
« Mirage (« Il ne me plait pas seulement... »)	« Nous sommes allés bien souvent... »] ⁹

Vous voyez que j'essaye de donner aux lecteurs de chaque revue^{4*} une pleine idée de Votre poésie. Pourtant je crois, que je traduirai encore par occasion, mieux dire par inspiration^{5*}.

Si je trouve un éditeur je traduirai la plupart des vos poèmes. Il faut vous dire qu'en Russie il commence une guerre, qui est déjà finie en France: c'est la guerre de la nouvelle poésie contre les préjugés d'école dominante, et mon nom, comme

* *Далее зачеркнуто*: En route j'avais avec moi Votre livre et maintenant je le sais presque par coeur² (ce n'est pas si étonnant à celui, qui connaît ma memoire [fantastique] extraordinaire), [et voilà mon opinion général:

Ваша поэзия для французской литературы
l'aurore
D'un jour plus pure³

Les parnassiens et les symbolistes ont fait leur devoir; vous venez pour le réunir. Salut!] *Взятое в квадратные скобки вычеркнуто чернилами, предшествующая им часть текста вычеркнута позднее карандашом.*

^{2*} *Далее зачеркнуты русские эквиваленты*: более или менее; только одни

^{3*} *Статья (нем.)*.

^{4*} *В варианте письма на листах в аналогичном месте далее вычеркнута строка, содержащая отделенные большим пробелом слова: les dissemblables «несходные» (франц.)*.

^{5*} *Далее в скобках неразобранное немецкое слово, очевидно, один из синонимов к слову «вдохновение».*

le nom de premier symboliste russe, est formidable pour nos éditeurs. C'est vrai — nous avons m-r Masloff (notre Vanier)¹⁰ mais à présent il est chargé [par] de mon livre des poèmes originales¹¹ et de mes traductions de Franz Evers (jeune poète allemand pas connu, mais déjà grand!)¹².

Vous trouverez plus loin deux traductions déjà faites avec une autre traduction française — juxtalinéaire. Peut être vous ne renoncerez pas à faire vos remarques ou sur mon choix ou sur ces traductions¹³.

Votre obéissant serviteur V. B.¹⁴

* * *

(Обратные подстрочные версии брюсовских стихотворных переводов из Приски де Ландель)

Je voudrais une chanson, ma mie^{6*}
 Si douce, comme pour un voyageur a l'été
 Le sentier couvert de mousse.
 Je voudrais une chanson douce,
 Triste et plaintive, comme
 Le murmure de roseaux *aux bords*.
 Vient le crépuscule [incertain] [incertain] taciturne (безгласный)
 La lune aux célestes plafonds
 A mis son rond [rouge] claire (ясный)
 Allons — ma chère mie —
 Pour entendre la chanson [triste] douce
 Allons où mène le sentier.
 Sur ton cœur je me mettrai (c'est à dire je mettrai ma tête)
 Et ton cœur me chantera tous¹⁵

* * *

Que diras tu des elles, des étoiles brillantes (серебристых)?
 Pourquoi aimons nous leurs pierres, rayonnantes
 (Pourquoi nous) aimons (?) leurs scintilles pâles [dans l'azur] à travers l'air immuable
 (неподвижный) (?)

Peut être ce sont les troupeaux de village^{7*} céleste?
 Une bergère sombre — aux pâturages bleus
 Les conduit en silence la Nuit pour les heures de отдыха
 Peut être, quand le monde anxieux se repose (когда печальный)
 Se penchent (vers lui) les fleurs des lys mi-close
 Et versent comme parfums leur céleste feu (мерцанье (?))
 Dis moi. Peut être ce sont les feux, dans l'encensoir^{8*}
 D'un temple (?) aérien, qui est dans l'obscurité
 Derobé (скрыта (?)) à les hommes, à nos yeux et nos насилия (?)
 O non! les étoiles sont les lettres lumineuses
 D'un poème céleste! aux cieux бездонных
 Les anges de l'Espérance l'écrivaient pour les amoureuses¹⁶

Приложение к п. 28

Фрагмент первого варианта письма

Je dois dire que votre définition de symbolisme me semble imparfaite. Le symbolisme n'est pas seulement — le cheval du Rêve, qui est sellé par la folie¹⁷, mais un nouveau siècle de la littérature. Classicisme, romantisme, naturalisme et symbolisme — voilà les quatre formes de la poésie qui sont possibles. Classicisme prend la pensée dans le moyen moment du développement (par exemple, votre beau «Tableau» p. 113); romantisme dans le dernier moment (votre superbe «Sonnet de vengeance»); naturalisme prend plusieurs moments (par exemple, votre «Pitié» si exquisément naive); symbolisme — le premier moment, les idées pas encore claires; j'affirme que «Berceuse» des «Chansons Douces» (Écoutez la chanson, bien douce! Verlaine)¹⁸ — est un poème symbolique! Vous voyez que par

^{6*} Cette traduction est faite avant de recevoir votre lettre (прим. В.Б Брюсова). «Этот перевод был выполнен раньше, чем я получил Ваше письмо» (франц.).

^{7*} В автографе: des villans.

^{8*} В автографе: l'enceinte.

cette théorie se réunissent les oeuvres de m. m. Mallarme, Maeterlinck, [Rimbaud], Griffin, Retté etc. et de lue même de V(ér)laine), de grand maître, si différents pour le premier regard mais qui se nomment tous «symboliques»

Mais je m'éloigne.

К делу!

Перевод:

Мадам!

Простите, что отвечаю так поздно; в последние недели я совершил очень долгое путешествие¹ (Москва — Владикавказ — Одесса) *.

Работа над переводами Ваших стихов из-за этой поездки также затянулась, и они не могли быть включены в № 2 «Русских символистов»⁴, но я надеюсь подготовить их для № 3, который появится 1 июня⁵. В этом журнале могут быть помещены только стихотворения более или менее символические. Поэтому я предполагаю послать несколько переводов в другой журнал, «Новости иностранной литературы»⁶, для которого я напишу критическую статью (Aufsatz)^{2*} о Вашей поэзии⁷.

Вот какие стихотворения отобраны для перевода:

1) Для «Вестника иностранной литературы»:

«Я иду к миру» (уже переведено)⁸;
 «Жалость» (возможно, его запретит наша «цензура»);
 «Грех гордыни»;
 «Напрасное ожидание»;
 «Впечатление осени»;
 «Подними свое прекрасное бледное чело...»;
 «Утешение»; [(Покоримся)]
 «Поэтам»; «Картина» («Отсутствующему»).

2) Для «Русских символистов»:

«Символизм»;	«Мираж» («Мне не нравится только...»);
Мои глаза жаждут»;	«Шумы»;
«Эстету»;	«Колыбельная» (уже переведено);
[(«Скорбь вещей»)]	[(«Вечерний час»)]
«Опустошенность»;	«Вспоминая Бодлера» (уже переведено);
«Дайте мне время»;	«Звезды» (уже переведено);
«Сонет мести»;	[(«Мы не углубляли...»)]
«За фортепьяно» (уже переведено);	«Ночь и смерть»
«Цветы так чисты»;	«Однажды ты мне дал...»
	«Мы ходили частенько...»]

Вы видите, что я пытаюсь дать читателям каждого из журналов всестороннее представление о Вашей поэзии. Однако я думаю, что я буду переводить еще, также по случаю, или, лучше сказать, по вдохновению.

Если я найду издателя, я переведу большую часть Ваших стихотворений⁹. Нужно Вам сказать, что в России начинается та война, которая уже завершилась во Франции: война новой поэзии с предрассудками господствующей школы, и мое имя, как имя первого русского символиста, приводит в ужас наших издателей. Правда, у нас есть г-н Маслов (наш Вань) ¹⁰, но он в настоящее время загружен книгой моих стихов¹¹ и моими переводами из Франца Эверса (молодого немецкого поэта, еще неизвестного, но уже великого!) ¹².

Ниже Вы найдете два уже готовых перевода с обратным французским переводом — подстрочным. Быть может, Вы не откажетесь поделиться своими замечаниями либо по поводу отбора стихотворений, либо о прилагаемых переводах¹³.

Ваш покорный слуга В. Б. ¹⁴

(Оригиналы приложенных к письму обратных переводов стихов)

* * *

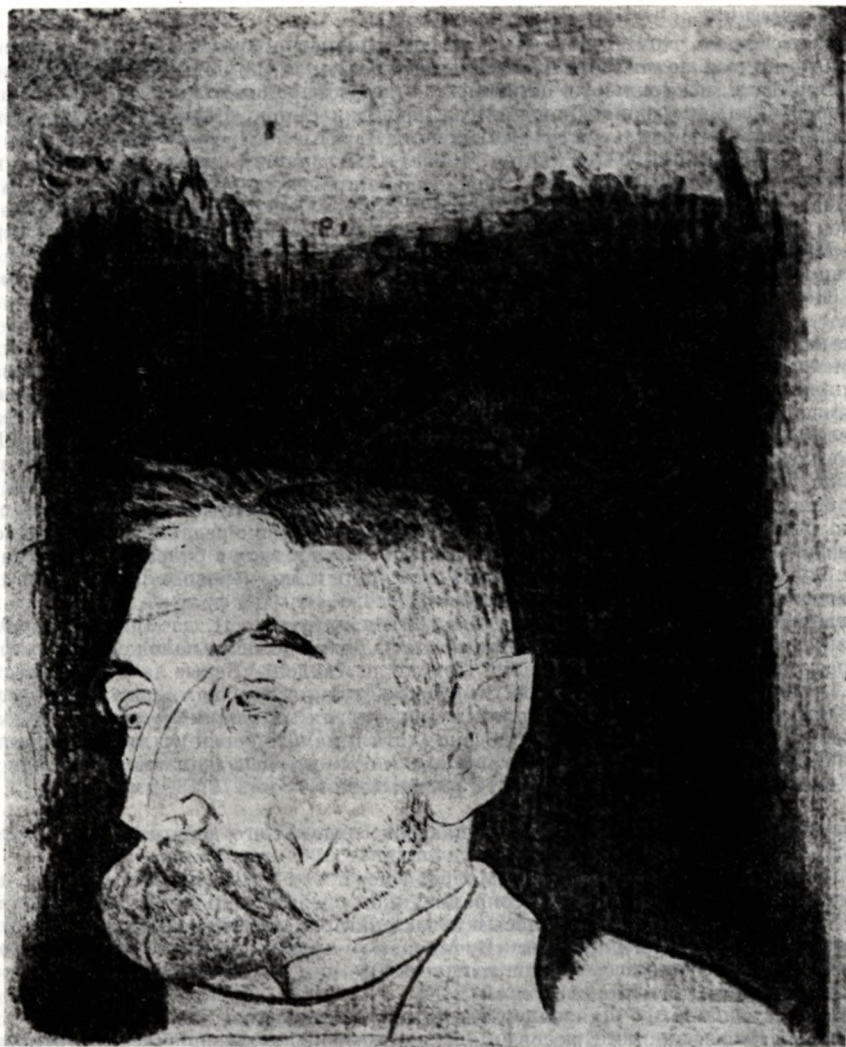
Мне хочется песенки, крошка, // Столь нежной, как путнику летом // Покрытая мохом дорожка.

* Далее зачеркнуто: в дороге со мной была Ваша книга, и теперь я знаю ее почти наизусть² (это не так уж удивительно для тех, кто знает мою [фантастическую] необыкновенную память). [И вот Вам мое общее мнение: Ваша поэзия для французской литературы — это

утренняя заря
 более совершенного дня³.

Парнасцы и символисты исполнили свой долг. Вы приходите, чтобы объединить их. Привет Вам!

^{2*} Статья (нем.).

С. МАЛЛАРМЕ

Портрет работы П. Гогена

«Аполлон», 1910, № 6

Мне хочется песенки нежной, // Печальной и жалобной словно // Роптанье осоки прибрежной.

Спускается сумрак бесстрастный, // Луна на небесном плафоне // Свой круг обозначила ясно.

Пойдем, моя милая крошка, // Чтob нежную песенку слушать // Пойдем, куда манит дорожка.

Мы сядем с тобою под дубом // И будет нам петь тишина ¹⁵

* * *

Что скажешь ты о них, о светозарных звездах? // За что мы любим их лучистые камни, // Следим их бледный свет сквозь потемневший воздух?

Бьют может, то стада небесного селенья? // Пастушка мрачная, на поле голубое // Их молча гонит ночь в часы отдохновенья

Иль может быть теперь, когда наш мир в покое, // То тянутся цветы полураскрытых лилий // И льют, как аромат, мерцанье золотое?

Скажи мне: может быть, то огоньки в кадиле // Воздушной храмины, которая во мраке // Сокрыта от людей, от взоров и насильий?

Но нет! созвездия — сияющие знаки // Поэмы неземной. На небесах бездонных // Их ангелы надежд чертили для влюбленных ¹⁶

Перевод приложения:

Я должен сказать, что Ваше определение символизма¹⁷ кажется мне несовершенным. Символизм — это не только конь Мечты, оседланный безумием, но новый век литературы. Класицизм, романтизм, натурализм и символизм — вот четыре возможных формы поэзии. Класицизм берет мысль в срединный момент ее развития (напр., Ваша прекрасная «Картина», с. 113); романтизм — в заключительный момент (Ваш превосходный «Совет мести»); натурализм берет несколько моментов (напр., Ваше «Сострадание», столь изысканно найвное); символизм — начальный момент, когда идеи еще не прояснены; я утверждаю, что «Колыбельная» в «Сладостных песнях» («Слушайте песню, столь сладостную!» — Верлен¹⁸) — это символическое стихотворение! Вы видите, что такая теория позволяет объединить произведения г.г. Малларме, Метерлинка, [Рембо], Гриффена, Ретте и т. д., и даже самого великого мэтра, Верлена, которые столь различны на первый взгляд, но все носят название «символических». Но я отклонился. *К делу!*

Письмо сохранилось в двух вариантах — в тетради (2.20 — тетрадь № 19, л. 22об.—23об.) и на отдельных листах (73.28, л. 3—4 и 1—2 — листы сложены и пронумерованы в обратном порядке). В тетради ряд выражений, встречающихся в «варианте на листах», зачеркнут и заменен другими (напр., «фантастическая память» становится «исключительной» и т. п.). Целиком вычеркнута в тетради преувеличенная общая оценка места и роли Приски де Ландель в истории французской поэзии (не находящая себе никаких параллелей и в статье о поэзии де Ландель, см. прим. 7). По этим признакам определяем, что тетрадный вариант является более поздним и должен быть положен в основу для публикации. Вместе с тем, как то обычно бывает в рукописях Брюсова, в поздней черновой редакции не переписываются заново те фрагменты, текст которых окончательно установился в более ранних редакциях, — в данном случае это список стихотворений, отобранных для перевода, и обратные прозаические переводы двух стихотворных переводов Брюсова. Эти два фрагмента письма в публикации восстановлены по «варианту на листах». Ответ на письмо П. де Ландель от 19 февраля 1895 г. (см. п. 25, преамбулу к комм. и прим. 2—4). Датируется по положению в тетради между автографами переводов стихотворений Приски де Ландель «Белые ландыши, блестящие прозрачные!..» (3 апреля — л. 18об.—19об.) и «Полно, дитя, я с тобою...» (4 апреля — л. 26об.). Вместе с тем, поскольку Брюсов на протяжении апреля, по-видимому, возвращался к автографам переводов и правил их, не исключено (хотя и маловероятно), что письмо было просто вписано на свободное место несколько позднее (но не позже начала мая, так как ответное письмо Приски де Ландель датировано 14/26 мая 1895 г. — см. 79.13, л. 5—6об.).

¹ Мистификация Брюсова, предвосхищающая, однако, его действительное путешествие на Кавказ летом 1896 г.

² Ср. аналогичную фразу о книге «Молодая поэзия» в п. 26. Память Брюсова на стихи, по многочисленным свидетельствам современников, действительно была исключительной. Первое из таких свидетельств появилось в печати как раз в 1895 г. в газете «Новости» в корреспонденции Н. Рока (Н. Ракишанина) «Из Москвы (очерки и снимки)» о встрече с московскими символистами: «Знает массу стихов наизусть. Поминутно читает выдержки из наших и иностранных поэтов» (цит. по: *Ашукин*. С. 84).

³ Концовка стих. П. де Ландель «Consolation» («Утешение»).

⁴ Еще одна мистификация Брюсова, долженствующая создать впечатление относительной регулярности выхода издаваемого им «маленького журнала», как были аттестованы *РС* в п. 25. На деле *РС 2* вышли в свет до того, как Брюсов узнал о существовании Приски де Ландель.

⁵ Очередной вариант содержания *РС 3*, представлявший Брюсов окончательным, находится в той же тетради, что и данное письмо (2.20, л. 5об.). По-видимому, Брюсов действительно полагал, что *РС 3* выйдут к началу лета. Однако еще в апреле рукопись выпуска была возвращена цензурой в «искалеченном» виде (см.: *Письма к Перцову*. С. 20). В частности, как и предсказывал Брюсов в комментируемом письме, запрету подвергся и перевод стих. Ландель «Pitié» «Вот проходят бедняки...» (под загл. «Нищие» опубли.: Южное обозрение. 1899. № 788. 18 апр.; под загл. «Сострадание» — *ПСС ХХI*. С. 205—206). В результате *РС 3* вышли лишь в августе.

⁶ Следов обращения Брюсова в редакцию «Вестника иностранной литературы» с предложением переводов из Ландель в архиве обнаружить не удалось. Часть стихов, предназначенных первоначально для публикации там, он включил в *РС 3* (см. прим. 5 и 9). План этого раздела *РС 3* см. 2.20, л. 32.

⁷ Имеется в виду статья, автограф которой, перемежающийся переводами стихов Ландель, находится в той же тетради, что и письмо (л. 16об.—18, 19об.—21, 24—26, 35—36, 37—38об.). В *РС 3* помещен ее сильно сокращенный и переработанный вариант.

⁸ Об этом переводе см. п. 25, прим. 3.

⁹ Все перечисленные стихотворения опубликованы в книге «Joies et Tristesses». В *РС 3* переводы из П. де Ландель составили особый раздел со вступительной заметкой. В него вошли следующие стихотворения (в скобках даем заглавие или первую строку подлинника, так как Брюсов иногда менял заглавия или вводил их от себя): «Звезды» («Les étoiles»), «Сестре» («Berceuse»), «Его сердце» («Son coeur est un jardin»), «Тому, кто далеко» («A l'absent»), «Надпись на экземпляре Бодлера» («En souvenir de Baudelaire»), «За роялью» («Au piano»), «При-

дет ли он?» («Vaine attente»), «Отчаянье крыльями бьется...» («Donnez moi le temps»). Декларированное далее Брюсовым намерение перевести «большую часть книги» Ландель для отдельного издания не было осуществлено. Автографы нескольких переводов, оставшихся неопубликованными, сохранились в одной тетради с письмом (см. также п. 25, прим. 1). А большинство названных Брюсовым в обоих списках стихотворений близко к тексту пересказаны в его статье о П. де Ландель (см. прим. 7). О жанре «пересказа» и его роли в ранних статьях Брюсова об иноязычной поэзии см. ст. С. И. Гиндина, указ. в п. 19А, прим. 1.

¹⁰ Леон Ванье — французский издатель, которым были выпущены почти все книги Верлена, имевшиеся к этому времени у Брюсова, и книга Ш. Мориса о Верлене (см. п. 1, прим. 3).

¹¹ *ChdO 1* и *PC 3* вышли уже без упоминания издателя Маслова.

¹² Намерение издать сборник переводов из Эверса подтверждается примечанием в конце заметки о Ландель в *PC 3*: «Отречение г. Миропольского от литературной деятельности замедлило издание переводов из Фр. Эверса, но мы надеемся выпустить их за зиму 1895—6 г.» (с. 28). Вторично издание переводов из Эверса было анонсировано 10 лет спустя издательством «Скорпион» в программе серии избранных представителей «новой поэзии» (От издателей // *Версарн Э.* Стихи о современности. М.: Скорпион, 1906. С. 4), но также осталось неосуществленным. Об отношении Брюсова к Эверсу см. п. 16, прим. 6.

¹³ П. де Ландель ответила Брюсову: «Я получила... Ваши переводы двух моих стихотворений... Я нахожу, что Вам удалось в совершенстве передать их смысл, и мне жаль, что я не владею русским языком и не могу ближе узнать Вашу поэзию. По тому, какие из моих стихотворений Вы выбрали — а Ваш выбор кажется мне вполне обоснованным — я вижу, что Ваши читатели получают достаточно полное представление об особенностях моего творчества» (79.13, л. 5).

¹⁴ За подписью следует неоконченное примечание Брюсова, место которого в письме не указано: «Nous le comprenons autrement que vous» («Мы его понимаем иначе, чем вы»). Скорее всего, это примечание должно было по смыслу совпадать со следующим полемическим фрагментом варианта на листах, предшествующего там сообщению о запоздании переводов для 2-го выпуска «Русских символистов». Этот фрагмент публикуется ниже в качестве приложения к письму.

¹⁵ Перевод брюсовского стихотворного перевода стих. Ландель «Berceuse» опублик. в *PC 3* под заглавием «Сестре». Во вступлении к переводу отнесен к числу тех, что «с дозволения автора — переданы более вольно» (*PC 3*, С. 28).

¹⁶ Перевод брюсовского стихотворного перевода стих. Ландель «Les étoiles» («Звезды») переиздан Брюсовым в *ПСС ХХI*. Во вступлении к переводам оценен как близкий к подлиннику (*PC 3*, С. 28).

¹⁷ Брюсов полемизирует с пониманием символизма, отразившимся в одноименном стихотворении П. де Ландель. Противопоставляемая ему в данном фрагменте концепция восходит к «теории литературных школ» (*Дневники*, С. 17) А. Добролюбова, известной по ее кратким изложениям в фельетоне Арсения Г., указ. в п. 15, прим. 1, и в статье Брюсова «Ответ» (VI, 30—31). В статье о поэзии П. де Ландель (см. прим. 7) Брюсов также упрекает стихотворение «Символизм» и весь одноименный раздел книги «Радости и горести» в слишком узкой трактовке понятия символизм, но противопоставит этой трактовке не какие-либо теоретические системы, а поэтическую практику самой поэтессы. Новый полемический ход не только был более корректен в применении к стихотворению, но и отражал, возможно, определенное разочарование в добролюбовской концепции «четырёх форм», более никогда Брюсовым не упоминавшейся.

¹⁸ Брюсов указывает здесь источник, к которому восходит название раздела «Сладостные песни» сборника П. де Ландель — начало XVI стихотворения первой части книги Верлена «Мудрость». Аналогичное указание сделано Брюсовым на шмуцтитуле раздела в принадлежавшем ему экземпляре «Радостей и горестей» (см.: Ф. 386. Книги, № 512. р. [32]). 14 января 1896 г. Брюсов переведет это стихотворение («О слушайте нежные песни...» — 14.5/5, л. 28об.—29).

29. БРЮСОВ — ФРИЧЕ

(Хорошово. Между 18 и 20 июня 1895 г.)

Влад(имир) Макс(имович), многоуважаемый. Будет ли послано Вам это письмо — не знаю, ибо не знаю и Вашего адреса ¹, но тем более интереса для меня в самом письме. Мне хочется поговорить с Вами, после того, как я письменно поговорил с Бальмонтом, с Курсинским, с Перцовым ². Говорить я буду, конечно, о себе, что и подобает поэту, символисту и Валерию Брюсову ³.

Живу в обла(сти) эпопеи — мир(а) В(аших) знаний ⁴, с одной сестрой читаю [«Энеиду»] Вергилия, с другой — которая на свое несчастье немного знает итальянский язык — [«Освобожденный Иерусалим»] Тассо ⁵, сам перевожу «Энеиду» ⁶ и пишу «Атлантиду» ⁷. Приятно, знаете, работать над [эпопеей] большой поэмой, как-то становиться причастным тому же Тассо, Камюэнсу ⁸ и другим в свое время великим, а ныне не читаемым, начинаешь глубже проникать в их

— И это безусловно Имят свет — почему пишу сейчас
 радугу.

Итак, пишу сейчас неведомо какой то Сюзанне Спринг.
 Там. Всем свет прощайте. С. — Ну, выслушайте это мо
 брат, как бы кто К — С не знаешь и видишь. Это свет
 жизни и онд света, как же не и оживая; «чтобы не
 в эту мфу от. совид. Какую мою свет пишу и не
 пишу пишу. Не не как много в себе, н.с. и см.
 пишу и себе белая света, да и не в не свет года-
 тысячу. Миссерас не дит дитя дитя. и.

Найт байсе дес плюс сембел, ^{каждый} ~~каждый~~ на ку — ради,
 куда и не лопни мне подоби.

Свои переде на пишу пишу и как бы веди. Он
 мне пишу пишу и дитя. Рубр со твое, была уне-
 бод всем свет. и

— Ну, не свет, моя дитя? Дитя пишу пишу —
 дитя, свет — не свет и свет. и

Дитя.

Дитя. Дитя пишу пишу свет, твое и как свет
 то свет и как свет. Дитя твое и свет и
 Дитя пишу пишу твое (и пишу. и) и свет —
 свет не свет — свет и свет и свет и свет —
 Как же я свет и свет свет свет в свет
 пишу. и. Миссерас, Дитя, Дитя — свет
 пишу. «Что же и свет свет свет!» Миссерас. и

и свет свет свет пишу

О, что же свет свет. и пишу свет свет.

А что же пишу пишу, свет свет, и свет свет, пишу
 пишу, пишу, пишу свет — и! пишу пишу
 пишу, свет свет свет.

ОКОНЧАНИЕ ГЛАВЫ РОМАНА «ДЕКАДЕНТЫ» И ВТОРОЙ ФРАГМЕНТ
 ПИСЬМА БРЮСОВА К В. М. ФРИЧЕ (п. 29)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

лабораторию. Теперь я убедился, что писать эпопеи совсем не то, что писать лирические стихотворения (не правда ли, можно было поверить этому и раньше) и я уже не стану упрекать Вергилия за то, что он сначала написал «Энеиду» прозой — почти за то же приходится браться самому. Но этого мало. Сюжет есть, но как его распределить? как связать отдельные сцены⁹, которых не может быть столько, как в романе, в которых не может быть длинных диалогов, где нужен(о) м(ного) описаний природы и отступления. Как не надоест читателю, как достойно (?) распутать все завязанные узлы и «всему великому дать великое ис(полнение)» (ложно-классическое правило) — много есть и других «как». Но стойте. А форма! Когда в голове вертится лирическое стихотворение, форма приходит сама¹⁰, но что делать теперь. Согласитесь, что пользоваться чужим размером не хочется — да и неудобно это, не писать же «Атлантиду» октавами или терцинами¹¹. Подумывал я взять размер «Нибелунгов»¹², подумывал писать [à la Chansons de geste]¹³ на провансальский лад с десятком одинаковых рифм¹⁴ — все было плохо. Не удался и белый 5-стопный стих, не удался и 6-ти стопный

Этот лист собираю у меня и прилагать тебе ³⁰
 Не забудь! ~~Ты~~ ~~там~~ не уходи! ~~Мне~~ ~~хочется~~, но
 в "кадавр" еще уходи. ~~Ты~~ ~~хочешь~~ ~~идти~~ ~~на~~ ~~мне~~, а ~~я~~ ~~иду~~ ~~на~~
 тебе до сих пор в М. и Фрунзе, к ~~Фрунзе~~ ~~и~~ ~~Фрунзе~~.

1. Неделю собираю декад.
2. Моск. ул. Бояр.
3. Б. у К. и Л. и Л.; приезд Л.
4. Дима у Л.
5. Сын Л. и Л. до об.
6. Сын Л. и Л. до об.
7. Сын Л. и Л. до об.
8. Сын Л. и Л. до об.

9. Фрунзе под удачей.
10. Фрунзе под удачей.
11. Капитан приезда в сов. с англ.
12. Фрунзе Л.
13. Фрунзе Л.
14. Л. одна из Л. и Л.
15. Москва Л.
16. Москва Л.

Ты же Л. и Л. до об. ~~Мне~~ ~~хочется~~ ~~идти~~ ~~на~~ ~~мне~~, а ~~я~~ ~~иду~~ ~~на~~
 Москва Л. и Л. до об. ~~Мне~~ ~~хочется~~ ~~идти~~ ~~на~~ ~~мне~~, а ~~я~~ ~~иду~~ ~~на~~
 Москва Л. и Л. до об. ~~Мне~~ ~~хочется~~ ~~идти~~ ~~на~~ ~~мне~~, а ~~я~~ ~~иду~~ ~~на~~

Дерев.

Роман о жизни русских декадентов.

1. Неделю собираю декад.
2. Моск. ул. Бояр.
3. Б. у К. и Л. и Л.; приезд Л.
4. Фрунзе Л.
5. Сын Л. и Л. до об.
6. Сын Л. и Л. до об.
7. На дат. Л. и Л.
8. На дат. Сын Л. и Л.

Ах
 Прости же? ~~Мне~~ ~~хочется~~ ~~идти~~ ~~на~~ ~~мне~~, а ~~я~~ ~~иду~~ ~~на~~

ОКОНЧАНИЕ ПИСЬМА БРЮСОВА К В. М. ФРИЧЕ И ПЛАНЫ «РОМАНА
 ИЗ ЖИЗНИ РУССКИХ ДЕКАДЕНТОВ»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ямб греческих трагедий. Последнее, на чем я остановился, был 4-стопный амфи-
 брахий, например

И царь меж царями, владыка Ликеон,
 Священным жезлом давши знак замолчать,¹⁵
 Бросает собранью крылатые речи

Но з(де)сь пр(и)шл(а) мне чудная мысль!¹⁶ Рифмованный гекзаметр!
 О счастье! я спасен!

Муза в измятом венке, богиня забытая миром!
 Я один из немногих, кто верит прежним кумирам.
 В храме оставленном есть несказанная прелесть — и ныне
 Я умиленно молюсь пред оставленной всеми святыней

Фриче¹⁷. Зачастую мне бывает обидно, что я так строго отношусь к написанному. Почти что со слезами я зачеркиваю только что созданную главу (из романа «Декаденты») и бросаюсь на кровать — озлобленный и потерявший всякую энергию. — Казалось бы, глава не хуже десятков глав в романах разных г. г. Писемских, Боборыкиных, Баранцевичей¹⁸ — чего же еще. «Что же ты просишь, дитя маловерное!»¹⁹ Многого!

О чем-то неведомом грезят мечты²⁰

О, это стих(отворение) тоже любопытен(о). Я в будущем прочитаю его Вам.

Я бросаю поэму²¹, пишу один роман, он не удался, пишу другой²², перевожу²³, пишу исследовани(е)²⁴ — нет! трудн(о) быть поэтом, если нет впечатлений.

Делать нечего, скрежеща зубами, принимаюсь писать план.²⁵

Не выдерживаю! Как ни ужас(на) Москва летом, но в «надаче» еще ужаснее²⁶. Завтра уезжаю может на неделю, а может и вовсе до зимы в Москву, к журналам, к «Фантазиям»²⁷ и к людям²⁸.

Герой Альфреда дэ Мюссэ, написав письмо одной женщине, посылает его другой²⁹, потому что по счастью имя не было означено. Я не так счастлив. Имя означено, но я решаюсь послать Вам это письмо.

Фр(иче)³⁰

Знаете что? Надо любить свой сюжет! иначе не будет ничего.

2.21 (тетрадь № 20), л. 27об.—28, 29об.—30. Письмо прерывается различными творческими материалами (см. прим. 17, 27, 30, а также вступ. ст., гл. 3, § 4). Не является ответом на какое-либо обращение адресата. Брюсов с самого начала предполагал, что письмо отослать, скорее всего, не удастся (см. прим. 1), и это придавало письму характер дневниковых записей. Датируется по упоминанию стих. «О чем-то неведомом...» (см. прим. 20) и на основании расположения в тетради перед черновиком стих. «Дремлет Москва...» (л. 35; дата 20 июня 1895 г. указана в I, 82; датированный автограф — 14.5/3, л. 35об.).

О В. М. Фриче см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 2, прим. 1. Сближению Брюсова и Фриче способствовало их совместное участие в работе студенческого «Общества любителей западной литературы». (Ср. позднейшее художественное отражение их знакомства в романе «Декаденты» — 2.22, л. 10—12об.) Но в конце 1894 г. и особенно зимой — весной 1895 г. в дневнике, помимо заседаний Общества, зафиксированы довольно частые личные встречи с Фриче (1.13/1, л. 40об.; 1.13/2, л. 3, 3об., 4об., 5, 5об., 6, 6об., 8). В близкую дружбу знакомство все же не перешло, о чем свидетельствует и незнание летнего адреса Фриче (см. прим. 1). Летом на даче Брюсова потянуло, однако, именно к Фриче, с которым можно было обсуждать занимавшие Брюсова серьезные научные и литературные вопросы. 4 июля Брюсов после встречи с Н. А. Эйхенвальдом отметил в дневнике: «Постоянная жизнь умственными интересами сделала меня совершенно неспособным к общению с товарищами. Фриче бы теперь! По нем я соскучился» (1.13/2, л. 12. Курсив мой — С. Г.). 6 июля Брюсов в той же тетради еще раз попытался написать Фриче, сохранились обращение и первая фраза: «Милый Владимир Максимович. Я соскучился по Вас и по Вашем разговоре, — очень серьезно» (2.21, л. 67); непосредственно перед автографом письма к Перцову, о котором см. п. 30, преамбулу к комм.). О дальнейших отношениях Брюсова и Фриче см. п. 43, прим. 7 и п. 93, преамбулу к комм.

¹ Адрес В. М. Фриче Брюсов пробовал узнать у Курсинского (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 2, прим. 23 и п. 3, прим. 6). На совет обратиться к П. С. Когану (Там же, п. 10) Брюсов в черновике письма к Курсинскому от 26 июля отвечал: «... с ним (Фриче. — С. Г.) я вовсе не в переписке, ибо адреса не знаю. Ты предлагаешь узнать оный (?) от Когана, но я не знаю, где и Когана-то найти» (2.21, л. 73об.). Скорее всего, речь идет о летних адресах, так как на городской квартире у Фриче Брюсов, судя по дневниковой записи от 3 апреля (1.13/2, л. 8), бывал. Записаны городские адреса Фриче и Когана и на форзацах черновых тетрадей осени 1894 г. (2.17, л. 60об.; 2.16, л. 1); адрес Когана см. также в более поздней тетради № 21 — 2.22, л. 1 и 3-я с. обл.

² Письма к Курсинскому и Перцову написаны в один и тот же день, 14 июня 1895 г. (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 2 и Письма к Перцову. С. 26—29). Письмо к Бальмонту неизвестно, однако на переднем форзаце тетради вместе с петербургским и казанским адресами Перцова и яснополянским адресом Курсинского выписаны и адреса Бальмонта в Москве и в селе Никольском (2.21, л. 1).

³ В этой фразе юмористически обыгрывается расхожая репутация Брюсова, сложившаяся в прессе после выхода РС 1 и РС 2. Тем не менее в ней можно видеть и первое зерно, из которого вырастет замысел книги «о себе» — будущего сборника МЕЕ.

⁴ По окончании университета Фриче был оставлен для «подготовки к профессорскому званию» при кафедре всеобщей литературы.

⁵ Ср.: «Он обладал такой силой воли, что мог успешно заниматься как учитель со своими младшими сестрами. Обычно такие затеи братьям мало удаются» (*Брюсова И. М. Странички воспоминаний // Чтения 1962*. С. 305). Яркая картина занятых рисована в: *Брюсова Н. Я. Воспоминания о Валерии Брюсове // Чтения 1963*. С. 490—491.

⁶ Переводы различных фрагментов «Энеиды» представлены в той же рабочей тетради, что и комментируемое письмо, — см. л. 8—9, 190б., 210б., 230б.—24, 300б. Общий очерк истории многолетнего труда Брюсова над этим переводом см. в ст.: *Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм // Мастерство перевода*. М., 1971. Сб. 8; там же приведены семь редакций перевода начала 2-й книги поэмы (с. 113—119).

⁷ Замыслы эпоеи на античном материале восходят, по крайней мере, к весне 1894 г. На заднем форзаце в тетради 8 записано в планах на лето: «Написать латинский эпос по Ливию и Нибуру» (2.11, 3-я с. обл.). Об «Атлантиде» Брюсов 14 июня 1895 г. писал Перцову: «Уже очень давно ничего не писал, т. е. не писал на бумаге, хотя в голове обработал гекзаметром целую эпоею «Атлантида», ту самую, которая не удалась Солону и Платону» (*Письма к Перцову*. С. 27). Под 17 июня находим дневниковую запись: «Начал «Атлантиду»» (1.13/2, л. 11). Различные наброски к этой эпоее находятся в одной тетради с комментируемым письмом (л. 20б.—5, 180б.—190б., 20—200б., 57—58). Замысел эпоеи долго владел Брюсовым, опубликованные Р. Л. Щербаковым варианты вступления (III, 247 и 596; *ЛН*. Т. 85. С. 42) датированы 1897 г. Позднее Брюсов посвятил Атлантиде несколько стихотворений в книге «Сны человечества», а также научно-популярную книгу «Учителя учителей».

⁸ Торкватто Тассо (1544—1595), Луис ди Камоэнс (1524 или 1525—1580) упомянуты здесь как создатели знаменитых национальных эпических поэм — «Освобожденного Иерусалима» (в тетрадях Брюсова имеются переводы небольших фрагментов из этой поэмы Тассо) и «Луизиады». О впечатлениях от поэмы Тассо Брюсов позднее напишет Бальмонту (см. п. 32).

⁹ См. п. 26, прим. 13.

¹⁰ Это первая формулировка положения, краеугольного для брюсовского понимания того, как соотносятся в лирическом стихотворении форма и содержание и как зарождается стихотворение в душе поэта. В заметках 1914 г. «Поэзия и проза» читаем: «Творчество истинного поэта идет от слов к образам и мыслям, т. е. по обычной терминологии (неправильной) от ормы к содержанию. Ложное творчество пытается облечь в словесную форму уже данное содержание» (VI, 381). Анализ этой концепции Брюсова дан в работе: *Guindine S. I. L'apport de Valery Briousson à l'étude théorique de la langue poétique russe // Linguistique et poétique*. М., 1981. Р. 245—247.

¹¹ Брюсов понимает здесь «размер» расширительно, включая в него и строфическую форму произведения. Октавы и терцины названы «чужими размерами», поскольку терцины в сознании европейского читателя навсегда связаны с «Божественной Комедией» Данте, а октава широко применялась в эпоеях эпохи Ренессанса, в частности Тассо и Камоэнсом.

¹² О германском эпосе «Песнь о Нибелунгах» Брюсов на втором курсе писал специальный реферат (см.: *Дневники*. С. 20. Запись от 21 февраля 1895 г. Черновые заметки к реферату см. 2.19, л. 380б.—42). «Песнь о Нибелунгах» написана цезурным тоническим стихом и особыми, «нибелунговыми» строфами — четверостишиями парной рифмовки, в которых последнее полустишие содержит на одно ударение больше, чем все предшествующие. Брюсовское представление о стихе «Песни» в это время, скорее всего, определялось русским переводом М. И. Кудряшова (Песнь о Нибелунгах. СПб., 1889; экз. с пометами Брюсова — Ф. 386. Книги, № 420), в котором сохранена форма строфы, но тонический стих заменен ямбом — 6-стопным в первых трех строках и 7-стопным — в четвертой. Однако уже год спустя Брюсов будет уделять пристальное внимание отличиям германского (и, в частности, немецкого) тонического стиха от русской силлабо-тоники (см.: *Семантическая теория*).

¹³ «в манере песен о деяниях» (*франц.*) «Песни о деяниях», или «Жесты», — французские воинские эпические поэмы раннего средневековья, наиболее известная из них — «Песнь о Роланде». Брюсов, видимо, серьезно интересовался «жестами» — в его библиотеке сохранились три издания с его пометами, это: «Aliscan». *Chansons de geste*. Р., 1870 (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 455); «Fierabras» и «Parise la duchesse». *Chansons de geste*. Р., 1860 (серия *Les anciens poetes de la France*. — там же, № 456); «Huon de Bordeaux». *Chanson de geste*. Р., 1860 (Там же, № 457). Уже в послереволюционные годы Брюсов писал о «жестах» в конспекте своих лекций «Французская литература» (опубл. В. С. Дроновым в кн.: *К проблемам русской литературы*. Ставрополь, 1971. Вып. 1. С. 187—188).

¹⁴ Лирика провансальских трубадуров славится богатством и изысканностью своих рифменно-строфических форм. Достоверные свидетельства брюсовского интереса к ней относятся к несколько более позднему времени (см. переводы из Б. де Борна — 14.5/7, л. 290б.—30 и письмо П. С. Когана от 7 февраля 1897. — 89.54, л. 1). Если слова в письме относятся все же именно к лирике трубадуров, то под «одинаковыми рифмами» Брюсов мог иметь в виду одно из следующих трех явлений: 1) постоянство рифмы внутри строфы; 2) повторение одного набора рифм в нескольких соседних или даже во всех строфах произведения; 3) культивировавшиеся Арианаутом Даниэлем и вслед за ним Данте тавтологические «слова-рифмы» (см.: *Данте Алигьери*. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 104—109, 516—518). Однако, поскольку Брюсов говорит о стихах с одинаковыми рифмами как форме для эпоеи, он, скорее всего, имеет в виду все те же старофранцузские «жесты» (см. прим. 13). Эти эпические поэмы, как известно, делятся на неравные отрывки, так называемые лессы, внутри каждой из которых

все стихи объединены одним и тем же ассонансом (т. е. созвучием гласной) в окончании стиха. Различие ассонанса и собственно рифмы в это время, видимо, еще не осознавалось Брюсовым (см. замеч. о рифме в п. 33). Возможно, однако, и то, что он был знаком с позднейшими «жестами», в которых место ассонанса уже стала занимать рифма.

¹⁵ Вместо второй строки в рукописи прочерк. Восстановлена нами по находящемуся в той же тетради черновому автографу начала «Рhapsодии 1» поэмы «Атлантида» (л. 3). Однако строка, соответствующая первой строке цитаты, там читается несколько иначе: «А царь меж царей, повелитель Кераон». Поэтому не исключено, что и вторая строка в тексте письма могла бы претерпеть какие-то изменения.

¹⁶ Материалы тетради, в которой находится письмо, подтверждают, что мысль о рифмованном гекзаметре действительно пришла Брюсову именно во время работы над амфибрахическим вариантом поэмы. В том месте последнего, где описываются размышления стоящего на палубе царевича Архета, находим строчки:

Задумчив как небо, смотрел он вперед
И зоркие воды уж видели пристань,
Толпившийся там и шумевший народ... (2.21, л. 19).

Возникшая здесь чисто спорадически рифма, видимо, и обратила на себя внимание поэта — ее второй член в рукописи еле заметно подчеркнут.

Приводимое далее начало гекзаметрического варианта эпопеи в автографе письма задано лишь первыми тремя словами и прочерками, указывающими на общее число строк. Даем цитату по черновому автографу нового начала эпопеи из той же тетради (2.21, л. 20). Более поздний вариант той же строфы см. III, 247.

¹⁷ Начинаясь повторным упоминанием фамилии адресата фрагмент письма в рукописи отделен от предшествующего полустрою лириками. На этих листах написана глава романа, изображающего обсуждение московскими декадентами полемики в журнале «La Plume» вокруг произведения Ст. Малларме «Prose (pour des Esseintes)» (2.21, л. 280б—290б.). Письмо возобновлено сразу после окончания главы и отделено от него отчерком.

¹⁸ С произведениями плодотворных, но поверхностных романистов Петра Дмитриевича Боборыкина (1836—1919) и Казимира Станиславовича Баранцевича (1851—1927) Брюсов в те годы постоянно встречался на страницах самых уважаемых толстых журналов. К моменту создания комментируемого письма в июне 1895 г. «Вестник Европы» завершил растянувшуюся на полгода публикацию романа Боборыкина «Ходок». Что же касается Алексея Феофилактовича Лисевского (1821—1881), то он, скорее всего, оказался здесь в поле зрения Брюсова благодаря начатому в 1895 г. изданию его 24-томного собрания сочинений. «Громадные шаблоны» русской романистики тех лет Брюсов подробно анализирует в письме к Перцову от 27 июля 1895 г. (Письма к Перцову. С. 31—32; тетрадный вариант — 2.21, л. 74—78), в также в более поздней статье «Как пишут романы» (3.13, л. 250б.—28).

¹⁹ Измененная цитата из стих. Некрасова «Литература с трескучими фразами» (1862 г.). Чего хотел в своих поисках сам Брюсов, притворяет вскоре его письмо к Перцову от 27 июля: во всех многочисленных жанрах своего творчества Брюсов стремился создать нечто принципиально новое. «Трудно ли по этим трафаретам написать роман... О! слишком даже легко — и вот почему я не написал своего (...) О! я не пожелал бы даже к ряду Шекспировских драм прибавить еще одну подобную, да мало того, что не пожелал бы — я прямо не могу писать в узаконенных формах (...) А они есть, новые, неведомые формы! Я предсказывал их еще в предисловии к «Chefs d'oeuvre» (...) я их чувствую, но не знаю. Это то же ощущение, как погоня за словом, которое вертится около памяти, но не дается, а так как продолжается (это) уже давно — я совсем измучен» (Письма к Перцову. С. 32). Поиски Брюсова при этом не следует понимать как сугубо формальные, не случайно на лето 1895 г. приходится и обострение его интереса к фундаментальным проблемам философии (см. прим. 24 и 26).

²⁰ Брюсов говорит о стихотворении, написанном им 18 июня 1895 г. Приводим его по верхнему слою чернового автографа, включающего, возможно, и более поздние поправки: «О чем-то неведомом грезят мечты // Как запахи, звуки и краски // Мне чужды любовные ласки — // Я выше земли и земной красоты. // Исполнен небесных мечтаний // Иду и томлюсь темницей земной // И светом блаженным горит надо мной // Венец из небесных мерцающих. // Но вам никому не увидеть его, // Для смертного взора незримый, // И лишь на пути серафимов // Склоняют глаза, угадав божество» (14.5/3, л. 35). Впоследствии Брюсов не включил это стихотворение в число тех, что должны будут войти в «действительно полное» издание его стихов (помечены в тетрадке красными чернилами). Но его темы отразились в МЕЕ в стих. «Как царство белого снега...» и «Последние думы...».

²¹ Поэма «Атлантида».

²² Помимо материалов к роману «Декаденты», в той же черновой тетради, что и данное письмо, находятся и главы романа «Иные» — будущей «Горы Звезды» (опубл. Р. Л. Щербак-ковым в кн.: Фантастика, 73—74. М., 1974). Они, в частности, непосредственно предшествуют началу письма к Фриче (л. 22—27) и следуют за второй его частью (л. 300б.—340б.). Главе «Декадентов», находящейся между двумя частями письма к Фриче (см. прим. 17) на л. 28 предшествует фраза: «Через полчаса в N робко постучали», также относящаяся к замыслу «Иных».

²³ Кроме набросков перевода 2-й книги «Энеиды» (см. прим. 5), в тетради находятся также начало французского перевода собственной заметки о русской поэзии (см. п. 26, прим. 14), черновики стихотворного перевода «Ulalume» Э. По (л. 620б.—63) и записи на

латыни, опознаваемые нами как попытки перевода стих. Ф. И. Тютчева «Душа моя, Элизум теней» и «Душа хотела б быть звездой» на латынь (л. 62об., 63об., а также 2.20, л. 54). К этому же времени относятся наброски переводов в тетради 19 (2.20, л. 47—57об.).

²⁴ Летом 1895 г. Брюсов занимался рядом научных тем и 25 июля подытожил в дневнике: «Это лето было посвящено (. . .) философии, особенно же — Лейбницу» (1.13/2, л. 13). В той рабочей тетради, где находится письмо, имеются следующие заметки и выписки: «Об олигархии» (2.21, л. 21—22), по эстетике (л. 21об.—22), «Об атрибутах» (в связи с философией Спинозы — л. 65об.—66). Не исключено, однако, что Брюсов имел в виду «Русскую поэзию в 95 году», о начале работы над которой он сообщал Перцову 27 июля (Письма к Перцову. С. 32—33), план и первые заметки к этой книге соседствуют в тетради (л. 64—65 и 68об.) с началом второго письма к Фриче, упомянутого выше, в преамбуле к комм. См. также прим. 27.

²⁵ Эта фраза, находящаяся на верхнем поле страницы, возможно, была написана уже после следующего абзаца и идущего за ним плана романа (см. прим. 28).

²⁶ Ср. описание дачной жизни в дневниковой записи от 18 июня 1895 г.: «Что ни говорите, а трудно писать без впечатлений, а какие могут быть впечатления здесь на даче, где сегодня то же, что вчера, а завтра снова занятия, урок с сестрой и “68” с отцом» (Дневники. С. 24).

²⁷ Ср. в письме к Перцову от 14 июня: «Газет в нам не носят, до библиотеки далеко, а с собой у меня только 2—3 классика (. . .) Нет сомнения, я скоро соскучусь по журналам...» (Письма к Перцову. С. 27). «Фантазия» — московский ресторан, где Брюсов бывал иногда с друзьями (см. наст. кн., Переписка с Курским, п. 2, прим. 21). Намерение Брюсова совсем перебраться с дачи не осуществилось, но поездки в город действительно стимулировали его творческую энергию. Ближайшее к комментируемому письму пребывание в Москве, посвященное беседам о философии с Самыгиным, отмечено в дневнике 14 июля (1.13/2, л. 12об.). 28 июля Брюсов записывает: «Живу в Москве, питаюсь тем, что готовлю на бензине, а пуще всего какао. Переписываюсь... сам пишу Локка — Лейбница, “Поэзия 95 г.” и роман “Декаденты”» (там же, л. 13). Наконец, 8 августа: «В Москве пишу много — и стихов, и прозы» (л. 13об.).

²⁸ Далее, после отчерка, в тетради следует план романа «Декаденты», после которого сразу начинается третий фрагмент письма.

²⁹ Речь идет о повелле Мюссе «Две любовницы» (указано В. А. Мильчиной).

³⁰ Следующий далее четвертый фрагмент письма представляет собой приписку внизу страницы, отделенную от третьего фрагмента новым планом романа, вдвое более коротким, чем упомянутый в прим. 27, и озаглавленным уже не «Декаденты», а «Берег» — по заглавию сборника, который собираются издавать герои романа.

30. БРЮСОВ — ПЕРЦОВУ

(Хорошово. Начало июля 1895 г.)

Емельянов-Коханский, о котором мне случалось писать Вам ¹, выпустил книжку «Обнаженные нервы» ². Под рук(ой) я ее не имею ³, но многое из нее знаю хорошо ⁴, и содержание ее достаточно опр(е)д(елится), если я назову два стихотворения: «Гимн сифилису» ⁵ и «Изнасилование м(ертвой)» ⁶. Не дурно(?)? не правда ли? (заглавия, впрочем, цензурой выпущены, но сами стих(отворения) остались).

Г. Емельянов-Коханский изображает из себя симв(оли)с(т)в(ующего) ⁷, совершенно серьезно воображая, что символистом легко сделаться, выбирая невероятные сюжеты и обращаясь с людьми понахальнее ⁸. Ни малейшего таланта у этого А. Н. Е.-К. ⁹ нет, хоть года 2 (то)му назад он наполнял своими виршами и «Свет», и «Родину», и «Колосья» ¹⁰, хоть он изда(л) два романа с собственной музыкой ¹¹ и нарисовал где-то к(огда)-то какую-то картину Демон, снимки с которой прилагаются к его книге в виде «портрета автора», хоть он и посвятил свою книгу (украив это у меня) «себе» ¹² и (уже не украив ни у кого) «царице Клеопатре».

Горько! горько! и горько!

Меня упрекали в том, что я хочу эксплуатировать внимание публики (к) символизму — но клянусь, у меня никогда не было этой мысли. Название «Русские символисты» выдуманно не мной ¹³, да и первый выпуск показывает, что я вовсе не стремился писать непр(еменно) необыкновенные вещи ¹⁴. Среди «Золотистых фей» там есть и такие детски-наивные вещи, как «Мы встретились с нею случайно...» ¹⁵ Я просто видел в символизме новое спасит(ельное) течение, да и теперь вижу в нем почти то же ¹⁶.

А. Н. ЕМЕЛЬЯНОВ-КОХАНСКИЙ. ОБНАЖЕННЫЕ
НЕРВЫ. М., 1895

Титульный лист с пометой Брюсова
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

того, как Брюсов, сочтя его потерянным, во многом продублировал его содержание в написанном во время краткого пребывания в Москве письме от 14 июля.

Комментируемое письмо написано раньше обоих названных вариантов письма от 6 июля, являясь, по существу, его первой редакцией. Об этом говорит и повышенная эмоциональность третьего и четвертого абзацев, не имеющих соответствия в письме от 6 июля. Но безусловным доказательством может служить слитная карандашная надпись над автографом комментируемого письма: «Карикатура на Бодлера», вводящая тему, которая в комментируемом письме отсутствует, но будет зато развита и в тетрадном, и в отосланном вариантах письма от 6 июля.

Вместе с тем комментируемое письмо и тетрадный вариант письма от 6 июля расположены в своих тетрадах в сходных окружениях: и тому и другому предшествуют попытки латинского перевода начала стих. Ф. И. Тютчева «Душа моя, Элизium теней...» (соответственно 2.20, л. 54 и 2.21, л. 62об.), более нигде в тетрадах не встречающиеся. Это позволяет заключить, что комментируемое письмо было написано непосредственно перед письмом от 6 июля.

¹ См. письмо от 17 апреля 1895 г. (Письма к Перцову. С. 20—21).

² Емельянов-Коханский А. Н. *Обнаженные нервы*. М.: Изд. А. С. Чернова, 1895. Выход этой книги завершил наметившееся весной 1895 г. (см. п. 27, преамбулу к комм.) расхождение Брюсова и его друзей с Емельяновым. Если в письме к Перцову от 17 апреля безусловно отрицательная оценка поэтических способностей Емельянова еще сочеталась с довольно добродушной общей его характеристикой, то после выхода книги все брюсовские оценки становятся резкими и бескомпромиссными (см.: Письма к Перцову. С. 24, 29; а также более поздние высказывания из статей Брюсова, приводимые в п. 38, прим. 30). Этой непримиримости не препятствовало даже признание (Письма к Перцову. С. 30) того парадоксального факта, что целый раздел «Обнаженных нервов», озаглавленный «Песни моего знакомого», был составлен из стихов самого Брюсова. Подобное ужесточение брюсовской позиции объяснялось тем, что, если до выхода «Обнаженных нервов» направление, избранное Емельяновым, оставалось явлением быта, после их выхода оно становилось литературным

Поэзия погибает! Это ясно!
Ясно! Уже роман (прежняя эпопея) перестал быть поэзией, уже стих(отворения) сужива(ю)тся, укорачива(ю)тся, уже г. Вл. С(оловьев) требует для них величины ровно в 3 куплета (см. разб(ор) Г(оленищева)-К(утузова))¹⁷ да и тех-то... *

2.20 (тетрадь № 19), л. 57об. Без указания адресата и обращения, сразу после черногого автографа перевода сцены смерти Приама из «Энеиды» Вергилия. Адресат определен по упоминанию, прокомментированному в прим. 1, и по значительной тематической общности первых двух абзацев с первым абзацем недатированного письма, опубликованного в *Письмах к Перцову* (с. 24) под № 10, и вторым абзацем письма от 14 июля 1895 г. (Там же. С. 29—30). Для датировки комментируемого письма важно разобраться в его содержательном и хронологическом соотношении с двумя названными отправленными письмами к Перцову.

Сохранился тетрадный черновик письма, опубликованного под № 10. Его расположение перед записью сна, виденного в ночь с 6 на 7 июля (2.21, л. 67—69), и дневниковая запись «6 четверг. Писал письма» (1.13/2, л. 12) позволяют с уверенностью датировать это письмо 6 июля 1895 г. Отослано же оно было лишь при письме от 27 июля (см.: *Письма к Перцову*. С. 33), уже после

* На этих словах письмо обрывается, следующие два листа были вырезаны из тетради.

фактом. Брюсов предвидел, что произведения объявившего себя «декадентом» Емельянова окажутся сущей находкой для критики в ее атаках на символизм. Это предвидение оправдалось, ср. хотя бы: *Михайловский Н. К.* Литература и жизнь // Рус. богатство. 1895. № 10. С. 849; (*Б. п.*). В Московском зоологическом саду // Семья. 1895. № 40 и др. Поэтому, как признает и сам Брюсов в п. 38, всемерное отмежевание от Емельянова-Коханского «со времен (. . .) «Обнаженных нервов»» становилось для «подлинных» символистов и декадентов насущной задачей.

³ Письмо писалось на даче в Хорошове. Экземпляр «Обнаженных нервов» с многочисленными поправками и дополнениями автора (но без дарственной надписи) и пометами Брюсова см.: Ф. 386. Книги, № 89.

⁴ Эти слова подтверждают, что Емельянов зимой—весной 1894/1895 г. знакомил Брюсова и его друзей (см. п. 27, преамбулу к комм.) с произведениями из будущей книги.

⁵ Стихотворения, опубликованные в «Обнаженных нервах» под заглавиями «Монолог маньяка. Бред первый» и «Монолог маньяка. Бред второй».

⁶ По-видимому, стихотворение, опубликованное в «Обнаженных нервах» под заглавием «Наброски».

⁷ Наше прочтение этого недописанного слова подтверждается употреблением такого же неологизма (но уже полностью выпсанного) в пародийной авторцензии на *РС I* (2.11, л. 6об.).

⁸ Понятие «невероятного сюжета» уточнено и раскрыто в аналогичной характеристике, которую Брюсов даст Емельянову-Коханскому в статье «От автора» (см. п. 38, прим. 30): «Слышал он, что есть школа поэтов, которые позволяют себе описывать [все] то, что другие поэты не решаются брать сюжет(ом), — увидел потом, что сборники русских символистов имеют сбыв — вот и начал он писать разные „Гимны сифилису“» (3.1 б, л. 50об.—50).

⁹ Ср. слова о «бездарнейшем поэте мира» в отзыве, указ. в прим. 1. Однако в 1904 г. Брюсов, по-прежнему оценивая Емельянова-Коханского как «писателя прежде всего некультурного», все же признает: «(. . .) нельзя сказать, чтобы г. Емельянов-Коханский был совершенно обделен дарованием поэта» (*Сбирка Д.* [В. Я. Брюсов]. А. Н. Емельянов-Коханский. *Обнаженные нервы.* 3-е изд. М., 1904 // *Весы.* 1904. № 7. С. 60).

¹⁰ Массовые тонкие журналы. Их перечень свидетельствует, что дебют Емельянова отнюдь не был декадентским и что считать его «первым русским символизмом» и предшественником Брюсова (см.: *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 278, 286) нет оснований.

¹¹ В «Предисловии» «издателя» «Обнаженных нервов» А. С. Чернова названы (с. 6) романы: «Ты не верила мне», «Ты шута мое сердце разбила» и «Измена». Последний из них (А. Н. Емельянов-Коханский. *Измена.* СПб.: Н. Х. Давингоф, [1894]) был подарен автором Брюсову с дарственной надписью 5 января 1895 г. (см.: Ф. 386. Книги, № 1064. Запись об этой встрече см. 1.13/2, л. 4об.).

¹² Неясно, имеет ли Брюсов в виду заглавие вошедшего в *ChdO I* стих. «Pro domo sua» («О себе самом». — *лат.*) или же общий тезис из предисловия к той же книге: «Сущность в произведении искусства — это личность художника» (I, 572).

¹³ Аналогичных свидетельств в других письмах, статьях и дневнике Брюсова нет. Но сохранившийся в архиве рукописный сборник, предшествовавший *РС I*, составленный еще целиком из произведений Брюсова, действительно озаглавлен более робко: «Символизм: Подражания и переводы» (40.22). Если сообщаемое в письме справедливо, то остается принять, что ставшее знаменитым заглавие было предложено А. А. Лангом — единственным, кроме Брюсова, участником *РС I*.

¹⁴ В предпосланном *РС I* предисловии «От издателя» действительно указывалось, что «язык декадентов, странные, необыкновенные тропы и фигуры не составляют необходимого элемента в символизме» (VI, 27. Курсив мой. — *С. Г.*).

¹⁵ Эти два стихотворения из *РС I* сопоставлялись Брюсовым и почти сразу после выхода сборника, в письме к Ф. Е. Зарину (п. 9).

¹⁶ «Издатель» *РС I* начинал свое предисловие словами: «Нисколько не желая отдавать особого предпочтения символизму и не считая его, как это делают увлекающиеся последователи, “поэзией будущего”...» (VI, 27). Во вступительной статье к *РС 2* Брюсов также, теперь от своего имени, оговаривал, что он «не из числа тех... “мечтателей”, которые всю поэзию желают сделать символической». Здесь он, однако, уже констатировал: «...по некоторым данным я предвижу, что в недалеком будущем символизм займет господствующее положение» (VI, 31).

¹⁷ Брюсов имеет в виду следующее высказывание Вл. С(оловьева): «Вообще в лирическом стихотворении если есть возможность остановиться на третьей строфе, то непременно нужно этим пользоваться (. . .) Я думаю, что и лучшее стихотворение гр. Кутузова в этом роде (чистой лирике. — *С. Г.*): «Не смолкай, говори», только выиграло бы, если бы из пяти строф оставить следующие три (. . .)» — *Соловьев Вл.* Буддийское настроение в поэзии: (Сочинения гр. А. Голенищева-Кутузова. Два тома. СПб., 1894) // *ВЕ.* 1894. Кн. 6. С. 699.

31. БРЮСОВ — ПРИСКЕ ДЕ ЛАНДЕЛЬ

(Хорошово. После 15 июля 1895 г.)

Madame,

Les voyages d'été¹ m'avaient empêché de Vous envoyer auparavant ces traductions.² Je Vous envoie encore mon nouveau livre (« Chefs d'oeuvre ») en espérant, que Vous étudierez un jour notre langue harmonieuse, forte³ et ainsi dire créée pour la poésie⁴.

J'attends avec impatience d'un adorateur vos nouvelles oeuvres⁵.

Valery B r u s s o f f

Moscou Boulevard de fleurs

Перевод:

Мадам,

Летние путешествия¹ помешали мне раньше послать Вам эти переводы². Я посылаю Вам также мою новую книгу («Chefs d'oeuvre») в надежде, что Вы изучите когда-нибудь наш язык — гармоничный, сильный³ и, позволю себе сказать, созданный для поэзии⁴. Я с нетерпением обожателя ожидаю Ваших новых произведений⁵.

Валерий Брюсов

Москва. Цветной бульвар.

2.20 (тетрадь № 19), л. 58, сначала русский, а затем французский текст. Русский текст соответствует по содержанию первому абзацу французского текста и потому положен нами в основу помещаемого русского перевода, два имеющих отличия оговорены ниже в прим. 1 и 3. Второй абзац, более формульный по содержанию, был сразу написан по-французски.

Датируется по расположению в тетради вслед за автографом п. 30 и по начальной формуле «Летние скитания помешали мне...», явным образом восходящей к начальной фразе письма Перцова к Брюсову от 14 июля 1895 г.: «Летние странствия позволили мне только на днях...» (98.4, л. 24 — сам Брюсов летом 1895 г. дальше дачи в Хорошове никуда не уезжал). Правда, отправлено адресату письмом было значительно позже — не ранее второй половины августа, когда вышли в свет (см.: *Письма к Перцову*. С. 34 и п. 32, прим. 8) посланные при письме книги (ответное письмо Ландель (см. прим. 4) в более точной датировке не помогает, так как начинается с извинений за длительное запоздание). Однако Брюсов часто начинал готовиться к рассылке, сочинять надписи и сопроводительные письма задолго до реального выхода своих изданий (ср. п. 5, преамбулу к комм., п. 43, прилож. и особенно — о датировке дарственной надписи Верлену на *РбС* в п. 19А, преамбула к комм.). В случае с комментируемым письмом подобное опережение реального выхода книг тем более естественно, что Брюсов, живя на даче, не знал, как продвигается печатание, и, по крайней мере, с середины июля был уверен, что получение тиража — вопрос нескольких дней. В письме к Перцову от 14 июля он писал: «На днях посылаю Вам *ChdO*» (*Письма к Перцову*. С. 30). 3 августа он вновь сообщил: «(. . .) *ChdO* и 3-й выпуск «Русс. Симв.» (. . .) конечно, уже вышли. (В этом «конечно» Вы видите, насколько (. . .) я разобщен с Москвой)» (Там же. С. 34). Кроме того, следует учесть, что автографы п. 32—33, создававшихся уже после выхода *РСЗ* и *ChdO I*, сосредоточены, вместе со всеми материалами второй половины августа, в тетради 21. Помещение комментируемого письма в тетрадь № 19, будь оно написано в августе или сентябре, выглядело бы необъяснимым исключением. В середине же июля такое его помещение вполне объяснимо обращением Брюсова при работе над письмом к Перцову от 14 июля к автографу п. 30 (о тесной связи этих двух писем см. п. 30, преамбулу к комм.).

¹ В русском варианте письма говорится о «летних скитаниях» (та же формула будет открывать и п. 33). Возможно, что более точный перевод слова «скитания» оказался для Брюсова затруднителен.

² Речь идет о *РСЗ* (см. п. 28, прим. 9).

³ В русском варианте письма первых двух эпитетов нет, вместо них говорится о «нашем прекрасном языке».

⁴ П. де Ландель 7/19 ноября 1895 г. отвечала Брюсову: «...мне бы очень хотелось прочитать Ваши стихи и переводы, а особенно — ту маленькую заметку, которой Вы предварили переводы стихов, выбранных из «Радостей и горестей». Будет ли очень нескромным, если я попрошу Вас перевести для меня эту заметку на французский, либо же, если Вам так будет удобнее, на английский или же на немецкий?» (79.13, л. 3—3об.). Следов работы Брюсова над подобным переводом в архиве нет.

⁵ Судя по брюсовской заметке о Ландель в *ПСС XXI*, ему и в 1913 г. не были известны какие-либо ее публикации, кроме книги «Радости и горести». Но еще в ответе на п. 28 поэтесса сообщила ему «несколько символических строк (. . .) никогда не публиковавшихся», разрешая Брюсову по его усмотрению «перевести их или же сохранить для себя»:

Quand le pâtre a tiré les portes de l'étable
L'impatient troupeau s'en échaffe en betant.
Et pour aller aux près (?), sous la brise ondulant,

Dans le vallon, ou l'eau dort en un lit de sable
Par les chemin fleuris il suivra son pastoral

O mes illusions, o ma folle espérance,
Je vous ouvre aujourd'hui l'étable du silence,
Et mon coeur (?), Bon Berger, vous mène aux Champs d'Amour.

(79.13, л. 5—50б.)

Брюсов перевел это стихотворение Ландель уже после получения ее ответа на комментируемое письмо, между 20 и 24 декабря 1895 г.:

Едва разливаётся свет среди тьмы,
С мычаньем стремятся они из тюрмы;
Послушной толпою на волю спешат
Их яркие травы, их воды манят.

О страшные грезы! большие мечты
И вам открывается дверь темноты
Спешите, спешите свободой вздохнуть
А сердце, как пастырь, укажет вам путь.

(14.5/5, л. 15)

Построенные на смелом сопоставлении грез поэта с мычащим стадом, вырывающимся утром из загона, стихотворение Ландель и его перевод заслуживают внимания не только как завершение творческих контактов двух поэтов, но и как один из возможных истоков знаменитого брюсовского уподобления мечты волу в стих. «В ответ» (I, 278).

32. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Между 19 и 21 августа 1895 г.)

Мой привет и мои пожелания поскорее прибыть в Москву.

Без Вас мы давно томимся — это может засвидетельствовать Курсинский¹. Читал Ваше письмо и умил(ял)ся чисто цicerоновск(ой) и плиниевск(ой) способности писать². Но впрочем не в этом дело.

Скажу primo* о себе.

Лето прошло как и всегда... нет, впрочем, не как всегда, а просто отвратительно. *Никого* и один. (Слог не цicerоновский и не плиниевский, но Вы поймете (?)). Вымучивал я из души стихи — отвра(гительные), хотя и выложенные. Вымучивал из головы роман, но неудачно. Писал эпопею — об э(том) речь будет впереди и читал на всевозможных известных мне и неизвестных языках³. Но осень (уж на этот раз совсем по обы(кно)вен(ию)) улыбулась мне^{2*} и вдруг я узнал, что я счастливейший человек в мире. Впрочем (?) это было для меня столь (?) же^{3*} неожиданно (?) как пробуждение. Но удивительней всего то, что я убедился в таинственной, но неизменной связи, существующей между жизнью человека и его писания(ми). Из Вашего письма (?) я узнал, что в своем уединении Вы создали много. Это для меня непонятно (?) и недоступно. Все туманное лето я писал то, чего кра(сн)ею теперь — а в два дня осени (16 и 17 августа)^{4*} я написал до 15^{5*} пр(елест)ных произведений⁴ — О! Вас ждет в Москве див(ное) нас(ла)ж(д)ен(ие). Не знаю, читали ли Вы Курсинского — «К музе», его же — «Хоровод»⁵ — А зато, наверно(е), Вы не читали ланговскую (он воскрес) «Сонату»⁶ и, наконец, мои «Лунатики» (октавы), «Встреча» (пов(есть) в терциях), «Гимн Деве Марии»⁷ — вещи, гораздо более значительные, чем посылаемые «Chefs d'oeuvre». Я никогда прежде не думал, что сердце может биться два дня подряд — при во(с)л(оми)н(ании) о каких-нибудь двух часах — но теперь знаю, что это может быть, но лишь в том случае, если оно эти два часа прожило прежней жизнью, нашло старый порядок идей и [умершие] погасшие настроения⁸.

О, какая разница между произв(едением), написанным по вдохновению, и произв(едением) выдуманном. Красивые стихи выдумывать нетрудно — не знаю даже, кто различит эти два рода, но для самого поэта [уже невозможно] стихи выдуманные со временем становятся отвратительны, как злоба, как звук

* Сначала, во-первых (лат.).

2* Далее зачеркнуто: сквозь листья непо(нятной?)

3* В тексте, возможно, описка: уж.

4* Было: 17 и 18 августа

5* Далее зачеркнуто: роскошных поэмок

К. Д. БАЛЬМОНТ

Фотография К. Фишера. 1891

Литературный музей, Москва

костей на счетах. Летом я [много читал Тассо] задумал, выдумал писать эпопею ⁹ в стиле прежних эпопей — и вот я стал читать Вергилия, Тассо.

О! что за прозаик этот Тассо! я не нашел ни одного сносного стиха — вот где работа мысли (?), а не ума! Уж(ас)! Уж(ас)! Уж(ас)! ¹⁰

И вот я вздумал писать эпопею. Пр(а)во... ^{6*}

P. S. Не сочтите это какой-нибудь навязчив(ой) (1. нрзб.) — Нет, это тв(ердый) факт. В мечт(ах) я столько раз обращался к Вам, что создавал это письмо много раз, — ^{7*} колебался ^{8*} как перед (3 нрзб.)

Вы... ^{9*}

^{6*} На этом письмо обрывается.

^{7*} Далее зачеркнуто: набл(юдая), как в (1 нрзб.) числе

^{8*} Далее последовательно зачеркнуто: нельзя ли; что одно упоминание

^{9*} На этом постскриптум обрывается.

2.22 (тетрадь № 21), л. 41об.—42об. Без обращения и без указания адресата. Из письма явствует, что адресат, живущий в уединении вне Москвы,— поэт, к творчеству которого Брюсов относится с определенным пиететом и который к этому времени уже довольно давно знаком с Брюсовым и сам писал ему. Таковым в августе 1895 г. мог быть только Бальмонт. Летний адрес Бальмонта выписан Брюсовым в предыдущей тетради (см. п. 29, прим. 2). Датируется по расположению в тетради между статьей «Владимир Соловьев» (19 августа — л. 35об.—38об.) и переводом поэмы Вьеле-Гриффена «Бал на Северном мосту» (21 августа — л. 43об.—50об.). Ответ на не дошедшее до нас письмо Бальмонта. Практически одновременно с данным письмом написана заметка «Первая книга Бальмонта...» (л. 42об.—43).

¹ Курсинский приезжал 17—19 августа на 3 дня из Ясной Поляны в Москву и виделся с Брюсовым (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 15).

² Оратор и политический деятель Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.) и оратор и писатель Плиний Младший (ок. 62 — ок. 114 гг. н. э.) вошли в историю литературы и культуры как признанные мастера эпистолярного жанра. На русском языке изданы: Цицерон. Письма. М.; Л.: Наука, 1951. Т. 1—3; Письма Плиния Младшего. Изд. 2. Л.: Наука, 1984.

³ Об этих летних занятиях Брюсова см. п. 29 и наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 2.

⁴ Судя по тетради «Мои стихи» № 4 (14.5/4, л. 14—20об.), 16 и 17 августа были написаны следующие стихотворения: «Пургур белеющих губ» (I, 84; с изм. загл.); «Шутка» («Есть отдаленные сумраки грез...»), «Годы столетьями мне рисовались...», «Что за избыто банальный сюжет...», «Забятая былая обстановка...» (I, 48; под загл. «Встреча после разлуки»), «Тале» («Робко друг другу мы подали руки...»), «Прежние речи и прежние ласки...», «Не могу сейчас ни думать, ни писать...», «Как странно! как глупо! как это смешно!...», «Слишком» («Слишком, слишком много счастья...» — III, 229); «Полно, не во сне ли видел я вчера...» (III, 230); из цикла «Satirae»: 2. «На даче» («Розово-светлые, изредка темные...»), 3. «Картина чухлого бульвара...» (Heuad. 1935. С. 275), 4. «Весталка» («У забора, где травы так редки...» — III, 229), 5. «Большая комната безжалостно светла...»; (без №) «Помнишь, когда-то с тобой мы лежали...», 6. «Божественно-больное беспокойство...» (III, 230; с разнот. в 1-м стихе); из цикла «Миньоне»: 4. «День утраты» («Ты — моя и для меня ты...»). 17 августа написана также поэма «И снова» («И снова день в томительном июне...» — *ChdO* 2. С. 75).

⁵ Стихотворения А. А. Курсинского (сб. *Полутени*).

⁶ Среди стихотворений А. А. Ланга, как напечатанных, так и неопубликованных, но сохранившихся в архиве Брюсова (см. 57.28—29), произведения с таким заглавием нет. Слова о «воскресении» Ланга, связанные с его «отречением от литературной деятельности» (см. п. 28, прим. 12), оказались в известном смысле пророческими. Ланг действительно начал как бы новую жизнь в литературе и свою первую авторскую книгу «Одиноким труд» (М., 1899) подписал псевдонимом «А. Березин», даже отдаленно не напоминая об участнике *РС* Мировпольском.

⁷ «Лунатики» — один из вариантов заглавия маленькой поэмы «И снова. (Октавы)» (л. 19об.—20об.; см. прим. 4). «Встреча» — по-видимому, «лирическая поэма», публикуемая под заглавием «Встреча после разлуки» (см. прим. 4). О «Гимне деве Марии» см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 14, прим. 11.

⁸ 16 августа Брюсов встретил в Сокольниках Н. А. Дарузес, которой был посвящен цикл «Новые грезы» в *РС* I и — позднее — в «*Juvenilia*» (см. также п. 1, прим. 9, п. 12, прим. 4, п. 14, прим. 4, 6). Вечером того же дня он записал в дневнике: «Сегодня был день поэзии. Я написал семь стихотворений и несколько отрывков — последние два стихотворения под сильным впечатлением, потому что сегодня я видел Талю. Талья, Талья! какие забытые звуки мне в этом слове, в этом имени, которое сияло мне при Новых Гречах. Талья — это Сокольники, это ночь и поцелуй, это огни эстрады и шум аплодисментов, Талья — это наша комнатка и любовь, невозможные часы любви и счастья!» (1.13/2, л. 14). На следующий день пережитое волнение было подкреплено и тем, что, вернувшись домой из Сокольников, Брюсов «нашел у себя 3-й вып. «Русских символистов» (там же, л. 15об., запись от 17 августа).

⁹ Речь идет о замысле «Атлантиды» (см. п. 29, прим. 6).

¹⁰ См. п. 29. Ср. также слова о поэмах Тассо в написанном полугодом раньше предисловии к *ChdO* I (I, 572).

33. БРЮСОВ — НОЗДРИНУ

(Москва. После 21 августа 1895 г.)

М(илостивый) Г(осударь)

Летние скитания помешали мне написать Вам поподробнее о Ваших стихах ¹, как я думал сделать [раньше]. За это время, однако, я не раз перечитывал их ² и пришел окончательно к убеждению, что в них есть оригинальн(ость), а следовательно, и поэтический талант. Надеюсь, Вы верите, что я это говорю обдуманно и серьезно. Оценивая поэтич(еские) произв(едения), я никогда не позволяю себе лгать — ни ради вежливости, ни ради лести — одним словом, ни в ка-

ком случае. Конечно (?), я могу ошибаться, но всегда искренно говорю свое мнение.

Теперь же Вы можете спросить меня, почему же я, находя Ваши стихи талантливыми и, следовательно, «хорошими», не нашел возможным выбрать из них что-нибудь для 3-го выпуска (этот 3 выпуск, а также сборничек своих стихов я Вам посылаю с этим письмом) ³. Постараюсь ответить поточнее.

Ближайшей причиной было свойство присланных Вами стихов: они производили впечатление главным образом в целом, а не в выборках. Я бы сильно затруднился указать одно, два Ваших стихотворения особенно выдающихся — таких нет; почти все они милы и * вместе с тем имеют свои недостатки. Это скорее материал для поэзии, чем поэзия. В [сборнике] рукописи, где стихотворений несколько десятков, мы простым или допустим эти недостатки во имя удачных стихов, которые есть в другом месте, совсем другое в отдельном стихотворении: [восемь] одиннадцать удачных стихов не искупят одного дурного.

Далее — у Вас есть стихотворения, которые, взятые отдельно, слишком, слишком незначительны. Таково, например, «Над поверхностью морской» ⁴. Это мимолетная картинка и значение она может иметь только в целом ряде таких картинок, только как эпизод той поэмы природы ⁵, которую представляют из себя Ваши стихи.

Вот первая причина. Другая причина лежит в свойстве наш(его) издани(я).

«Русские символисты», как Вы видите, *маленький* (такова воля издателя) ⁶ сборничек в 3—3½ листа, выходящий не чаще 2 раз в год. Что может сделать из него редактор, которым являюсь я? Никак не книгу, по которой можно ознакомиться с русскими поэтами-символистами, а только сборник для ознакомления с символической поэзией ⁷. Обратите внимание — я стараюсь подбирать стихотворения, освещающие *различные стороны* символической поэзии. Мне приходится жертвовать иногда прекрасными стихотворениями ради худших только потому, что эти худшие знакомят с каким-нибудь новым элементом, новым свойством символической поэзии. Между тем оригинальность Ваших стихов не такова. Их даже трудно назвать вполне символическими — они *приближаются к символизму*. Зачастую они — отзвук Фета, Фофанова...

Вот причины, почему я не мог поместить Ваши стих(отворения) в «Русских символистах».

Тут мне хочется указать Вам, что я считаю у Вас недост(атками). Опять-таки поверьте мне, что я говорю обдуманно и серьезно, без малейшего желания осуждать ради осуждения ^{2*}.

Теперь о форме ⁸.

Прежде всего неверность рифмы, о которой я Вам писал однажды ⁹. «Как мило-неверные рифмы», говори(л) я в одном из стих(отворений) ¹⁰ — и сознаюсь Вам — неверные рифмы ¹¹ люблю больше, чем [влажные] сочные вроде [кораллы] кристаллы Валгаллы (см. Бальмонта) ¹² [и еще мое] ¹³. Мне больше ласкает слух рифма полусонной и [влюбленный] смущен(ы)й, чем смущен(ы)й и обольщен(ы)й ^{3*}. Я с восторгом приветствую Ваши рифмы шелесте — челюсти, отзывы — бледнорозовый, даже сегодняшний и черемушный ¹⁴ — в них есть [изящество] созвучие, это все же рифмы. Но «всему свой положен предел» — хлебная и чрезмерная [из стихотворения «Нынче ветренно и облачно»] ¹⁵ — уже не рифма; не рифм(ы) и «громче», «солнце»; «одиночек», «очерк»; «кустарник», «племенник» ¹⁶; «войн», «он» ¹⁷. Такие рифмы допускал Державин; он рифмовал «сын» и «сын» («Водопад») или «уединенный» и «царевны», «янтарных» и «дальних» («Видение Мурзы») ¹⁸. В наши дни такие рифмы, основанные

* Далее зачеркнуто: и почти все даж(е?) прямо

^{2*} Далее в автографе следует знак вставки, который, однако, не повторен нигде в тетради вне письма. Предположительно вставляем на это место фрагмент: «Теперь о форме надо „мыслями“, который в тетради расположен после подписи и зачеркнутого постскриптума. Он не снабжен никаким указанием о местоположении, но очевидно, что не мог предназначаться на роль постскриптума.

^{3*} И Бодлер говорил: Мне противны красивая женщина, верный друг и точная рифма (прим. Брюсова).

на созвучии гласных букв, совсем откинута¹⁹. Я вполне согласен с этим и даже думаю, что лучше именно в гласных допускать неправильность, а согласные наблюдать поостороже.

Это не женщина, друг мой, Эдема нам
Не отверзает она бесконечного;
Это злой гений, ниспосланный демоном²¹

У Фофанова

согласные в рифме те же (м. н. м.), гласные раз(ные) (е. а. а. — е. о. о.). Конечно, больше всего приятном надо полагаться на свой собственный слух, а не на теории²¹.

Далее.

Вы зачастую вольно обращаетесь с размером. Хотя у великих поэтов и встречаются исключения, но несомненно, что первые два слога анапеста (∪∪∪|∪∪|...) могут быть только хореем (∪), а не ямбом (∪|).

Когда песнь соловья полуночная
Раздавалась в саду для тебя²²

Здесь слово «Когда» приходится читать «Кóгда». Повторяю: примеры такого употребления можно найти и у Фета, но [подражателям их] его следует по возможности избегать, у Вас таких примеров очень много, я насчитал(ал) более 20.

Некрасив по размеру стих

Пир общедоступный, помпезный²³

(Ударение везде надало прямо на 2-й слог и здесь невольно говорится: «Обще...») Совсем нарушает размер стих

(И созвучий волшебством)

Поднял к небу твои очи...²⁴

Твóби?

Есть у Вас прямые неправильности. Нельзя говорить «мысля́ми» — надо «мы́слями»²⁵.

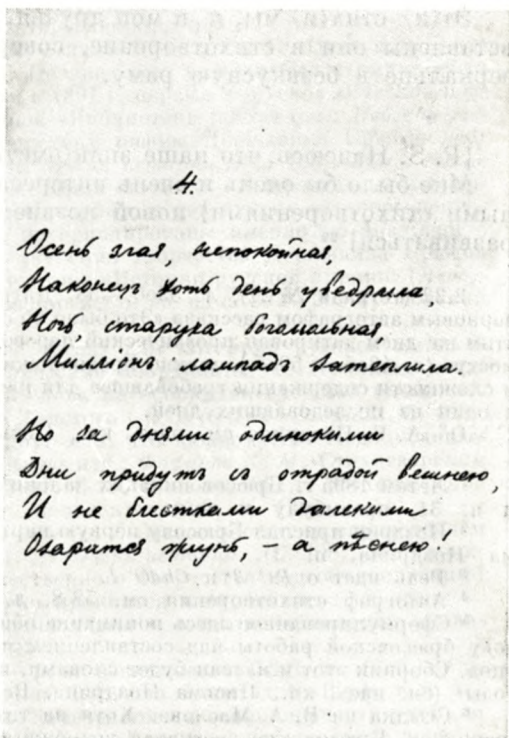
Вы пишете, что у Вас нет времени отделять свои стихи²⁶. Это не отговорка! Я не могу представить себе, как поэт [может бросить] бросит свое произведение, не найдя ему формы, которую он считает наилучшей. Недостаточно одних блесков — поэзия

Богиня строг(ие) дает (уроки?)

Б(огиня) Г(ордая) — ей н(ужен) ц(ьедестал)²⁷

В заключение выпишу места, особенно очаровавшие меня^{4*}. Но выше и лучше всего следующ(ие) вдохновен(ные) выр(ажения) —

Ночь, ста(руха) богомольная,
Миллион лампад затеплила)²⁸

А. Е. НОЗДРИН. ОСЕНЬ ЗЛАЯ, НЕПОКОЙНАЯ...
Стихотворение из несостоявшегося сборника «Поэма природы». 1896

Рукой В. Я. Брюсова

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

^{4*} Далее в рукописи оставлена чистая строка.

Эт(и) стих(и) мы, я и мои друзья, мы знаем наизусть. Как же обидно, что вставлены они в стихотворение, совершенно их недостойное, как роскошное зеркальце в безвкусуную раму.

Ваш Валерий Брюсов

[P. S. Надеюсь, что наше знак(омс)тво не пр(ек)ра(титс)я эт(им) письмо(м). Мне было бы очень и очень интересно ознакомиться с Вашими [переработанными стихотворениями] новой поэзией, которая, как я уверен, продолжает развиваться] ²⁰.

2.22 (тетрадь № 21), л. 55об.—58. Датируется по расположению в тетради вслед за черновым автографом рассказа «Это было во сне» (21 августа — л. 50об.—55об.). Поскольку этим же днем датирован прозаический перевод поэмы Ф. Вьеля-Гриффена «Бал на Северном мосту» (л. 43об.—50об.), можно предположить, что письмо к Ноздрину, по своему объему и сложности содержания требовавшее для написания немалого времени, было написано уже в один из последовавших дней.

Об А. Е. Ноздрине см. наст. кн., Письма Ноздрина. Вступ. ст. С. Н. Тяпкова.

¹ Летом 1895 г. Брюсов никаких далеких путешествий не совершал. Ср. п. 28, прим. 1 и п. 31, преамбулу к комм.

² Ноздрин прислал Брюсову первую партию стихов в марте 1895 г. (см. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 1).

³ Речь идет о *PC 3* и *ChdO 1*.

⁴ Автограф стихотворения см. 58.8, л. 16.

⁵ Сформулированное здесь понимание общей темы стихотворений Ноздрина ляжет в основу брюсовской работы над составлением подготовлявшегося к изданию сборника Ноздрина. Сборник этот и назван будет словами, впервые прозвучавшими в письме: «Поэма природы» (см. наст. кн., Письма Ноздрина. Вступ. ст., прим. 18).

⁶ Ссылка на В. А. Маслова. Хотя на титуле и обложке *PC 3* имя «издателя» уже не значилось, Брюсов еще не считал возможным окончательно распространиться с этой маской. Ср. п. 37 и 41 и комм. к ним.

⁷ Ср. изложение принципов составления *PC* в п. 9.

⁸ Такое начало фрагмента может дать повод к заключению, что в отправленном тексте письма ему предшествовал разбор «недостатков» в *содержании* стихов Ноздрина, в публикуемом черновике отсутствующий. Более вероятно, однако, что таким анализом «содержания» Брюсов считал входящие и в черновой текст указания на «мимолетность» отдельных стихотворений Ноздрина и на то, что они лишь «приближаются к символизму». Такой вывод подтверждается зачеркнутым в черновом автографе вариантом начала письма: «Милостивый Государь (. . .) Посылая теперь Вам (. . .) сборничек своих стихов, позволяю себе поговорить о Ваших. *Содержание* их настолько далеко от (символизма?)» (2.22, л. 55об. Курсив мой.— С. Г.).

⁹ Это письмо Брюсова неизвестно. Очевидно, первое письмо к Ноздрину он написал в начале апреля, так как 16 апреля тот уже благодарил за «указания на недостатки» его стихов (наст. кн., Письма Ноздрина, п. 2). Из писем, находящихся в черновых тетрадях, но не вошедших в данную публикацию, о рифме речь идет только в крайне трудном для чтения письме к неназванному корреспонденту, написанном в августе 1894 г., т. е. до начала переписки с Ноздриным (см. п. 13, преамбулу к комм.).

¹⁰ «Словно мило-неверные рифмы» — строка из поэмы «Три свидания» (I, 92).

¹¹ Под «неверными рифмами» Брюсов, как видно из дальнейших примеров, разумеет рифмы с несовпадением заударной части. Из возможных несовпадений он одобряет рифмы с различием (иногда, как в «полусонной — смущенный», чисто графическим) заударных гласных или с добавлением конечного *-й*. Из несовпадений в составе заударных согласных он допускает лишь выпадение слабослышимых *д* и *т* в позиции перед другим согласным. Все более заметные различия согласных звуков в заударной части (в том числе и выпадения одиночных *р* и *й* в середине слога) он считает недопустимыми. Ср. формулируемый Брюсовым после разбора примеров общий вывод о гласных и согласных в рифме.

¹² Из стих. Бальмонта «Среди шхер» (об. *Под северным небом*). Использование в качестве примера именно бальмонтской рифмы для Брюсова не случайно. В подготовительных материалах к «Истории русской лирики» Брюсов отметит: «Прекрасно распоряжается рифмой Бальмонт» (см.: *Очерк истории...* С. 107. Прим. 13).

¹³ Какую из своих рифм имел в виду Брюсов, неясно. Приводимая Брюсовым в сноске ^{3*} цитата принадлежит не Брюсову, а Верлену (стих. «*Résignation*»).

¹⁴ Примеры — из стих. Ноздрина «Полдень сегодняшней...» и «Все бы пол я да рассказывал...» (58.8, л. 15 и 23об.).

¹⁵ Это стихотворение см. 58.8, л. 18об.

¹⁶ Рифмы из стих. Ноздрина: «Б(рюсов)у» («С каждым напевом все громче и громче...»), «Безумные волны девятого вала...» и «Весна... цветы... кустарник...» (там же, л. 20, 25 и 26).

¹⁷ Из стих. «В царстве звезд благоустроенном...» (там же, л. 26об.). В подлиннике риф-

мующие слова расположены в обратном порядке: «И с мирами нам известными // Не гостится еще он, // А живет своими местными // Интересишками войн».

¹⁸ См. «Водопад», строфа 42; «Видение мурзы», стихи 41, 43 и 45, 47. Одно из первых проявлений интереса Брюсова к поэзии XVIII в. Позднее этот интерес был стимулирован работой над «Историей русской лирики» и выходом в 1897 г. первых выпусков «Русской поэзии» С. А. Венгерова, предшественницы современной «Библиотеки поэта» (см.: *Неосуществленный замысел*. С. 196—197). Сходную характеристику рифмы Державина Брюсов дает в главе «Стих» для «Истории русской лирики» (см.: *Очерк истории...* С. 108). Здесь также предполагались три примера державинских рифм. Один из них — «Царевна» — «несравненная» — пересекается с приведенным в письме к Ноздрину, а два других остались непроставленными и могут, как представляется, быть интерполированы именно по аналогии с письмом ср. там же, прим. 17). Общую оценку значения творчества Державина Брюсов в 1897 г. или начале 1898 г. дал в конспекте первого тома «Истории русской лирики» (*Неосуществленный замысел*. С. 198—199); ср. процитированный там же на с. 202—203 брюсовский опыт анализа «Водопада».

¹⁹ Через год после письма Ноздрину в главе «Стих» для «Истории русской лирики» Брюсов придает этому наблюдению точные исторические координаты: «С Пушкина начинается противоположное стремление — рифмовать слова на основании сходства *согласных*. Высшей своей точки достигло это стремление у Ал. Толстого (. . .)» (*Очерк истории...* С. 109).

²⁰ Из стих. К. Фофанова «Это не женщина, друг мой, что каждому...». Недописанные в автографе Брюсова слова восполнены и уточнены по изд.: *Фофанов К. М.* Стихотворения (1880—1887). СПб.: Книгоизд-во Герман Гоппе, 1887. С. 6. В июне 1891 г. стихотворение было переписано Брюсовым в четвертую тетрадь конспектов (4.2, л. 17).

²¹ Ср.: «Определить рифму можно как *созвучие слов* (. . .) Согласно с таким определением все, что поэту кажется созвучным, будет рифма (. . .)» (*Очерк истории...* С. 108). Это характерное для Брюсова утверждение примата художественного творчества над объясняющими его теоретическими системами поэтики вскоре ярко проявится в относящихся к осени — зиме 1895—1896 гг. попытках объяснения сути символизма — в статье «Апология символизма» и письмах к Перцову (см., напр., п. 38).

²² Пример из стих. Ноздрина «Роза белая — роза невинная...» (58.8, л. 17об.). См. исторический комментарий к аналогичному суждению Брюсова о стихах В. Шуфа в п. 26, прим. 15. Интересно, что Брюсов еще в 1894 г. дал замеченной им закономерности ритмики русских трехсложников достаточно общую формулировку: «Если двусложное слово должно вставить в стих (в середину) как *athona* (безударное — *греч.* — С. Г.), выбирай слово с ударением на 1-м слоге:

Позабыть̇ этой̇ раны̇ не может (Талин)

лучше чем

Позабыть̇ своей̇ раны̇

и уже во всяком случае лучше, чем

Позабыть̇ всегда̇ раны̇

(ибо своей̇ есть̇ уже̇ полуathona)» (2.10, л. 74).

²³ Строка из стих. «Оставляю я жизнь боевую...» — 58.8, л. 18.

²⁴ Строки из стих. «Посмотри, как озарен...» (там же, л. 19). Во втором из приведенных стихов Ноздрин допускает так называемую «переакцентуацию» двухсложного слова «твой», при которой на сильное место стихотворного размера (в данном случае 5-й слог в 4-стопном хорее) попадает не ударный второй, а безударный первый слог. В русской классической поэзии запрет на подобную переакцентуацию в ямбе и хорее соблюдался строго. Теоретическую формулировку «закона» запрета переакцентуации многосложных слов обычно связывают с именем Р. О. Якобсона (см.: *Кольцоров А. Н., Прохоров А. В.* К основам русской классической метрики // *Содружество наук и тайны творчества*. М.: Искусство, 1968. С. 405). О своеобразном брюсовском аналоге этого закона для трехсложных размеров см. прим. 22.

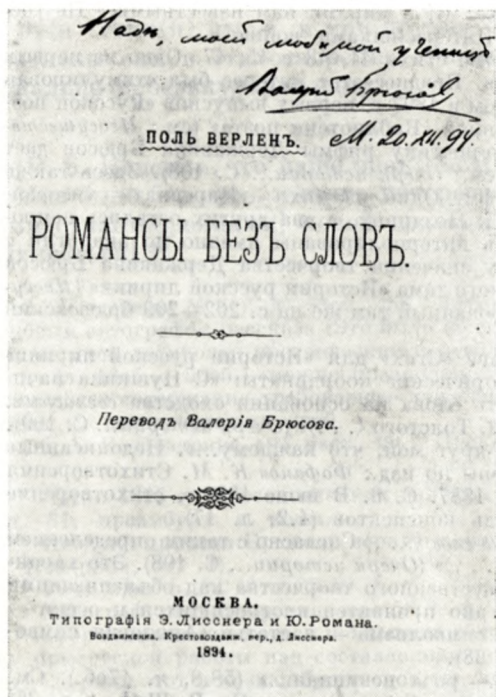
²⁵ Подобное ударение встречается у Ноздрина, по крайней мере, четырежды — в стих. «Мы обменялись с тобой...», «Одолели меня рифмы» (дважды) и «По домам в деревню тихо...» (58.8, л. 21, 23об. и 26).

²⁶ См. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 2.

²⁷ Вторая строка — цитата из стих. Майкова «Возвышенная мысль достойной хочет брони...». Изменение, внесенное в нее Брюсовым: «гордая» вместо майковского «строгая», — возможно, возникло в результате контаминации со строкой: «Богиня гордая в расшитой епанче» — из стих. Фета «Муза». Источник первой строки, Брюсовым недописанной, отыскать не удалось. Ноздрин писал в ответном письме: «Нет, лучше будем петь и звучать и, где нужно, призывать на помощь художника, который научит тому, что входит в строгие неотложные правила вашей гордой Богини поэзии» (там же, п. 3).

²⁸ Строки из стих. Ноздрина «Осень злая, нешокольная...» (58.8, л. 16об.). В рукописи Брюсова приведены только полтора первых слова. Кроме совпадения этих слов с началом приведенного нами двустишия, основанием для его восстановления служит следующее за цитатой упоминание «друзей». О реакции именно на эти стихи одного из тогдашних приятелей Брюсова см. наст. кн. Письма Ноздрина. Вступ. ст., прим. 4—5.

²⁹ Ноздрин откликнулся на это пожелание Брюсова уже 9 сентября (там же, п. 3)

34. БРЮСОВ — И. Я. ГУРЛЯНДУ
(АРС(ЕНИУ) Г.)

(Москва, 5 сентября 1895 г.)

Пишу это не с целью побудить Вас еще раз ¹ поговорить о нас, а просто, чтобы показать Вам (Вам лично), как иногда там, где Вы находите только бессмысленный набор слов, может ск(рыва)ть(ся?) и глубокая мысль.

Начну со стихотворения г. Дарова «Мертвецы, освещенные газом» ². Автор был поражен судьбою любви в современном мире, судьбою идеального чувства в мире прозы. Эта [противоположность] тема символически и изображена и выражена в первом стихе, где мертвецы поставлены не в обычную обстановку кладбища ³, а залиты светом газа *. И во всем стихотворении изображается прежде всего состояние нашего века, как оно предст(авляется) поэту: нашу жизнь он называет гигантской больницей, где дети уже надели траур, он сравнивает ее с олеандрами, корни которых засыпаны снегом, везде перед собой видит он лики умерших и все му находит символ в лучшей симв(о)лической книге, в книге, которая

П. ВЕРЛЕН. РОМАНСЫ БЕЗ СЛОВ. М., 1894

Перевод В. Я. Брюсова

Титульный лист с давственной надписью Н. Я. Брюсовой: «Наде, моей любимой ученице. Валерий Брюсов. М. 20. XII. 94»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

воплощает всю современную жизнь ⁴ — в «Романсах без слов». (Надо быть символистом, чтобы понять, насколько мистический трепет может в(о)зб(удить) одна голубенькая обложка [этого творения дивного Верлена] французского издания «Романсов без слов» ⁵. На фоне этого мира поэт изображает свою невесту, которую он сам называет грешной, как поэт, как декадент ⁶, он не хочет таить своей любви, зовет невесту целоваться к окну — но увы! перед ним(и) уже не обычная обстановка свидания, все изменилось, что символически и изображается стихом «в окна не видно луны». Все изменилось — и только любовь неизменна и по-прежнему души влюб(е)н(ных) томятся на груди у милых, как цветы в ее бутоньерке.

Что до стихотворения «О закрой свои бледные ноги», то оно имеет даже более глубокое значение. Современная поэзия от обработки целого все более и более переходит к обработке *частностей* ⁷ — и это мировой закон развития для всякого искусства. В былые века все эл(ементы) поэзии соединялись в одном произв(едении) — теперь они дифференцировались ⁸. Крайний (?) шаг в этом направлении и сделал я своим стих(отворением). Теперь несколько слов pro domo sua ^{2*}. После «О» не поставлена запятая во избежание двусмысленности:

* Далее зачеркнуто: «Соответственно с этим и остальные стихи построены главным образом на противополож(ностях): Невеста, надевшая алую ленту, названа грешной, [олеандры растут на льду]. Что же! стоит ли после этого скрывать свои чувства — нет, пойдем целоваться к окну! отдадим свои ласки на показ толпе (как и поступает поэт, из(о)бр(ажая) свою любовь в створ(ках окна?)). После этого следовал новый, тоже зачеркнутый вариант начала разбора: «автор был поражен судьбой любви, этого идеального чувства в нашем мире прозы. В этом мире, где невеста заслуживает только эпитет «грешная», станут ли скрывать свои ласки! Смело идем целоваться к окну! Разве ты не видишь, что этот...»

^{2*} о себе самэм (лат.). Ср. п. 30, прим. 12.

можно было подумать, что поэт обращается к букве «О», предлагая ему (не ей) закрыть свои «бледные ноги»⁹.

«Не современникам и даже (не человечеству)» — запятой не нужно, см. по этому поводу Грот. «Русское правописание» § 000¹⁰.

В заключ(ение) замечу, что Вы напрасно смешали в св(оей) за(метке) «Chefs d'oeuvre» и новый выпуск «Русских символистов»¹¹ — это книги совершенно различные, как Вас в том легко убедит отдел стихотворений под названием «Méditations»¹².

Примите уверения в бесконечном почтении.

В. Б.

3.3 (тетрадь № 23), л. 23об.— 25. Адресат не указан и определяется на основании совпадения примеров, разбираемых в письме и в фельетоне Арсения Г. «Московские декаденты» (Новости дня. 1895. № 4396. 5 сент.), послужившем поводом к написанию письма (см. прим. 2, 9—11). Подтверждение находим в следующем примечании из неопубликованной статьи «Chefs d'oeuvre»: «После заметки в “Новостях дня” я сделал было попытку послать частное письмо к автору этой заметки, не уполномочив его печатать этого письма (. . .) он нашел возможным напечатать его в измененном виде (. . .) В заключение не подписано моей фамилии. Удивительные нравы!» (3.2, л. 16об.— 17). Упомянутая Брюсовым публикация письма осуществлена Арсением Г. в анонимной заметке «Мелочи» (Новости дня. 1895. № 4398. 7 сент.). По сравнению с публикуемым черновиком в ней опущена преамбула о личном характере письма и вся вторая часть письма, следующая за разбором стих. «В. Дарова» (некоторые изменения в тексте самого разбора, возможно, были сделаны Брюсовым при перебеливании письма. См. прим. 3, 4, 6). Приведя усеченное таким образом письмо, автор публикации завершал ее следующим комментарием: «Очевидно, что Гейне был прав, когда сказал, что одна глупость вызывает за собой другую. Чтобы пояснить приведенное выше стихотворение, нужно было написать именно такое письмо. По мнению автора письма, нужно быть символистом, чтобы как следует понять такое стихотворение. Но автор ничего не говорит о том, кем надо быть, чтобы сделаться таким символистом».

Датируется на основании сопоставления дат двух указанных газетных публикаций. Об адресате см. п. 15, прим. 10.

¹ И. Я. Гурлянд дважды писал о «московских декадентах» в августе 1894 г. (см. п. 15, прим. 1).

² Стихотворение написано Брюсовым (автографы разных редакций см. 2.20, л. 29об.— 30об.). Приводим его по РС 3, где оно приписано В. Дарову — мифическому автору, на реальность которого Брюсов, однако, продолжал публично настаивать вплоть до 1914 г. (подробнее об этом образе и связывающихся с ним замыслах Брюсова см.: *Гудзий 1927*. С. 185—187):

Мертвецы, освещенные газом!
Алая лента на грешной невесте!
О! мы пойдем целоваться к окну!
Видишь, как бледны лица умер-
ших?

Это — больница, где в трауре дети...
Это — на льду олеандры...
Это — обложка Романсов без слов...
Милая, в окна не видно луны.
Наши души — цветок у тебя в бутоньерке.

В своем отношении к этому стихотворению как к «набору слов», в котором «ничего нельзя понять», да и «не стоит трудиться, чтобы понимать», И. Я. Гурлянд был не одинок. Вл. Соловьев в своей рецензии в октябрьской книге «Вестника Европы» также заявил, что в нем «нет ни смысла, ни формы» (цит. по кн.: *Ашукин*. С. 79). И только П. П. Перцов в письме к Брюсову от 16 сентября 1895 г. заподозрил неладное: «Стихотворение г. Дарова я считаю простой мистификацией. Оно живо напомнило мне пародию Нордау — “бабушка чистила апельсины и не могла писать...”. Оно заметно выделяется в Вашем сборнике именно в этом смысле» (98.5, л. 2). Сам Брюсов в письме к Перцову от 22 сентября 1895 г. отнес «стихи г. Дарова» вместе со стихами реально существовавшего участника РС 3 Христонопуло к «уродливым проявлениям» «чистого символизма», которые, однако, необходимы как одна из промежуточных «ступеней» для того, «чтобы русская литература от стихов г.г. Порфирихов и кн. Ухтомских перешагнула к отдаленному идеалу», к той будущей «поэзии вообще», в которую символизм войдет лишь «как элемент» (*Письма к Перцову*. С. 41). О некоторых параллелях к этому стихотворению в поэзии Метерлинка см.: *Гудзий 1927*. С. 205; общую аналогию между Даровым и Метерлинком — п. 37, прим. 4.

³ В газетной публикации письма анализ антитезы продолжен и углублен: «(. . .) где образ мертвецов, говорящий нам о чем-то таинственном, странно связан с картиной газового освещения, столь простой, столь прозаической».

⁴ В газетной публикации письма: «(. . .) великую книгу поэта-декадента Поля Верлена, так живо воплотившую душу современного человечества».

⁵ Любопытную параллель к этому замечанию, возможно специально рассчитанному на подраживание адресата, находим в брюсовской «Прозе» (см. п. 1, прим. 9, п. 2, прим. 2). Герой пьесы, кстати также Владимир Даров, предается таким мечтам о своем первом сборнике: «Я лучше скажу тебе, какая у меня будет книжка. Голубая, с прозрачным портретом

на обложке» (28.4, л. 5 и 14). В брянском экземпляре книги Верлена (Ф. 386. Книги, № 434) обложка не сохранена, хотя Брюсов обычно оговаривал сохранение обложки специальными пометами для переплетчика.

⁶ В газетной публикации письма: «Как поэт, как современный поэт, он не таит (. . .)».

⁷ О рождении «поэзии отдельных строк» и о том, что «Бальмонт (. . .) прежде всего поэт отдельных строк», Брюсов писал в письме к Перцову от 17 августа, с которым были посланы *РС 3 (Письма к Перцову. С. 35)*. В интервью Н. Ракшанину в ноябре 1895 г. он, однако, заметит, что «идеалом для поэта должен быть *такой один стих, который бы сказал душе читателя все, что хотел ему сказать поэт*» (*Рок Н. Из Москвы: Очерки и снимки // Новости. 1895. № 318. 18 нояб.; цит. по кн.: Ашукин. С. 85, курсив мой. — С. Г.*). Тем самым Брюсов фактически согласился с тем, что «поэзия отдельных строк» есть не «обработка частностей», как говорится в комментируемом письме, а все та же «поэзия целого» (выражение из письма Перцова от 16 сентября, см. 98.5, л. 2), только выраженная в максимально концентрированной форме.

⁸ О дифференциации, происходящей в ходе развития поэзии, и о выделении не специфических для поэзии элементов в другие роды литературы молодой Брюсов писал не раз. В окончательном высоборждении собственно поэтического от всех посторонних примесей он склонен был видеть заслугу и одно из определяющих свойств символизма: «Были и прежде великие поэты, но они стремились не к тому, в чем истинное величие поэзии; производят впечатление они часто не тем, что составляет ее сущность. Может быть, это *более*, чем поэзия, но не одна она. Шекспир был и поэт, и философ, и психолог, — Эдгар По только поэт, но как поэт он выше Шекспира. В символизме поэзия впервые постигла свою сущность, стала влиять на душу ей собственно принадлежащими средствами» (*Письма к Перцову. С. 48*). Позднее Брюсов несколько модифицирует свою концепцию, вводя в нее разграничение «поэзии» и «лирики» и придя к выводу, что в символизме «постигла свою сущность» не поэзия вообще, а именно *лирика* как особый род литературы (ср.: *Неосуществленный замысел. С. 193—194; Вклад Брюсова... С. 24—25*).

⁹ О знаменитом одностиих в фельетоне Арсения Г. говорилось: «Коротко до излишнего, для краткости даже запятая пропущена после этого великолепного „О“. Стихотворение, которое хорошо уже по одному тому, что напоминает стихок Ахилла на состязании в остроумии и находчивости. „О, горе тому, кого я побью!“ — говорит Ахилл. „О, закрой свои бледные ноги“, — сказал бы он, если б знал наших московских декадентов. Но все-таки, что должно обозначать это... произведение?».

¹⁰ Брюсов парирует попытки критика уличить поэта еще и в элементарной неграмотности ссылкой на общепринятое практическое руководство Я. К. Грота, впервые изданное в 1885 г. Но в фельетоне Арсения Г. недостававшая, по мнению критика, запятая была введена между другими словами из предисловия к *ChdO 1*: «...ни от критики (,) ни от публики». По-видимому, Брюсов писал свой возражения, не имея текста фельетона перед глазами.

¹¹ Арсений Г. писал: «...москвские декаденты выпустили два новых сборника своих стихотворений (. . .) Я взял пример (стихотворение В. Дарова. — С. Г.) наудачу, но каждое стихотворение обеих тощих книжонок... годится в примеры к сказанному». Подобные смешения побудили Брюсова в предисловии к *ChdO 2* специально подчеркнуть: «Составляя первое издание этой книги, я имел в виду дать сборник своих несимволических стихотворений...» (I, 573. Курсив мой. — С. Г.). Ср. также *Письма к Перцову. С. 35*.

¹² «Размышления», «медитации» (*франц.*) — название последнего раздела *ChdO 1*. Брюсов характеризовал его так: «В „Meditations“ прозы много, но ведь это же зато „идейные“ стихотворения, маленькая поэма души, которая раскрывается в последовательности стихотворений» (*Письма к Перцову. С. 43*; ср. письмо к Станюковичу — ЛН. Т. 85. С. 738). Одно из стихотворений этого раздела — «Хорошо одному у окна!..» кончается как бы прямым ответом на стих. «Мертвецы, освещенные газом!..» из *РС 3*: «И не надо тебя целовать, // О мой друг, у ночного окна».

35. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. 22 сентября 1895 г.)

Многоуважаемый Константин Дмитриевич.

Следовало бы мне давно написать к Вам — ну да о старом пом(ина)ть нечего —; новый же Ваш адрес лишь недавно узнал от Облеухова ¹.

3.3 (тетрадь № 23), л. 49. За публикуемым текстом следует фраза: «Я предпочту прощсть оригинальную глупость, чем глубокомысленную банальность», — написанная карандашом и, по-видимому, относящаяся уже не к письму, а к начинающимся на обороте заметкам о поэзии Льдова, Мережковского и Сологуба (л. 49об.— 50). Датируется на основании упоминания о получении адреса, расположения в тетради непосредственно перед п. 36 и по дневниковой записи от 29 сентября 1895 г. (1.13/2, л. 19; частично опубл.: *Дневники. С. 22*): «Познакомился с г. Облеуховым, поэт из „Русского обозрения“, переводчик Мюссе. Был у него. Видел его сестру, предмет любви Бальмонта. В четверг он, т. е. Облеухов, был у меня. Бальмонту написал письмо». В набросанном в этот же день хронографе двух предшествующих недель указано, что названные встречи с Облеуховым состоялись соответственно 18

и 21 сентября. Соответственно публикуемое письмо могло быть написано 19 или 22 сентября. Поскольку письмо в дневниковой записи упоминается после визита Облеухова к Брюсову, выбираем вторую, более позднюю из двух дат.

¹ Об А. Д. Облеухове см. п. 63, преамбулу к комм.

36. БРЮСОВ — ДОЛГИНЦЕВУ

(Москва. Конец сентября 1895 г.)

Милостивый государь Василий Ф(едорович).

К сожалению, принужден Вам сознаться, что Ваше письмо не могло изменить моего мнения о современном челове(честве) и способности его понимать мои стихи ¹. С удовольствием бы [возразил] разобрал Ваши доводы, но, к сожалению, я их не нашел. Вы выпис(али) ряд выражений и ужасаетесь — видно, выписанные выражения кажутся Вам неудачными ². Мне они кажутся [хорошими] красивыми. Какой же может быть спор на такой почве. [С большим трудом извлек кое-что из Вашего письма, на что можно возражать *].

1) Стихотворение «У окна» изображает бульвар в светлое зимнее утро, когда деревья, одетые инеем, очень напоминают изделия из беленого серебра ³].

3.3 (тетрадь № 23), л. 50об.— 51. Датируется по расположению в тетради вслед за п. 35 и в соответствии с датой письма Долгинцева от 24 сентября 1895 г. (86.23, л. 5—10об.), ответом на которое является комментируемое письмо. Фамилия адресата устанавливается на основании обращения к нему по имени и отчеству, а также по соответствию содержания данного письма письму адресата. Работа над письмом в черновике не была закончена. В рукописи помета: «смягчи», но была ли «мягче» отправленная редакция, неизвестно. Во всяком случае, Долгинцев Брюсову больше никогда не писал, и обещанного дарственного экземпляра (см. ниже) его книги в библиотеке Брюсова нет.

Василий Федорович Долгинцев — поэт и переводчик, корреспондент Чехова (см.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М.: Наука, 1978. Т. 6. С. 696, 713). По-видимому, может быть отождествлен с сыном известного московского купца Федора Васильевича Долгинцева и братом математика Сергея Долгинцева, отца писательницы И. Грековой. В этом случае на основании данных, сообщаемых И. Грековой в письме к комментатору от 9 января 1987 г., можно примерно установить год его рождения — 1869. Все письма Долгинцева снабжены штампом «доктор философии», но, по мнению И. Грековой, это одна из его многочисленных мистификаций. По сообщению И. Грековой, был дружен с художником П. П. Кончаловским. Выпустил книги: *Гейне Г. Книга песен* в переводе Василия Долгинцева. Лирическое интермеццо. М.: О. Кистер, 1890. Вып. 1; *Грезы и мечты*. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1895. С Брюсовым познакомился еще в 1894 г. (см. его письмо к Брюсову от 13 ноября 1894 г. с разбором *РС 2* — 85.23, л. 1—3). В кратком письме от 11 сентября 1895 г. (там же, л. 8) благодарил Брюсова за «присыл... стихотворений, а еще более за память». В нем же он писал: «Грезы и мечты» вышлю Вам на днях и очень буду рад, если Вы в своей брошюре (т. е. в «Русской поэзии 1895 г.» — С. Г.) обмолвитесь о них добрым словом», а также сообщал, очевидно, в ответ на приглашение Брюсова: «...если буду располагать свободным вечером в четверг, то явлюсь к Вам». Брюсов в июле 1895 г. дважды дал ему и его поэзии характеристику в *Письмах к Перцову* (с. 24, 30) рядом и на фоне с характеристикой Емельянова-Коханского. В обоих случаях он называет книгу Долгинцева «Мечты и грезы» — по-видимому, он в это время еще не видел книги, а судил о стихах Долгинцева по впечатлению от авторского чтения. Более позднюю и итоговую по своему характеру брюсовскую характеристику находим в комментированном перечне новых стихотворных сборников, одном из подготовительных материалов к «Русской поэзии 95 года» (текст процитирован в наст. кн.: Переписка с Курсыным, п. 7, прим. 6).

¹ Долгинцев писал Брюсову по поводу *ChdO I*: «В Вашем предисловии я не понимаю смысла второго эпиграфа: «Мысль изреченная есть ложь»; какое отношение имеет это эпиграф к Вашей книжке — право, не знаю! Последние же слова предисловия поразили меня своей смелостью (для того, чтобы не сказать, дерзостью). Вы пишете: «Печатаю свою книгу в наши дни, я не жду ей правильной оценки ни от критики, ни от публики. Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству». Не слишком ли смело сказано, Валерий Яковлевич? Разве современное человечество стоит на такой низкой ступени эстетического развития, что среди него не найдется людей, способных понять и оценить Вашу книжку? Не слишком ли пессимистический взгляд проводите Вы на умственную критическую работу читателей?» (85.23, л. 5).

² Письмо Долгинцева в высшей степени ярко характеризует восприятие зарождающейся новой поэзии сознанием массового читателя конца прошлого века. Поэтому процитируем

* Далее зачеркнуто: не брезгуя (?), указ(аниями) даже

его почти целиком, выпустив лишь замечания, приведенные в прим. 1 и 3. О *ChdO I* Долгинцев писал: «Удобно ли рифмовать слова: фиалки и жалкий (стр. 15)? На стр. 23 Вы говорите: “луны холодные рога струят мерцанье голубое”, неужели это поэтично? Мне эти “рога” живо напоминают те, которые часто приходится носить мужьям. В стихотворении “Предчувствие”, которое написано труднейшей формой поэзии, а именно сонетом, Вы говорите: “И ты вошла в неумолимый сад”, что это за “неумолимый” сад — не понимаю. На стр. 34 проскальзывают следующие две строки:

Народ наш уснул на соломе,
Умом от рожденья обижен.

О таком народе я еще не слыхивал; бывают люди, обиженные умом, но чтобы целому народу ума не хватало — трудно предположить; зачем в стихотворении “Анатолий” (стр. 36) Вы употребляете латинское выражение: “*Expectans expectavi*”^{2*}; ведь не всякий поймет его (. . .) “Фантом” поражает реальностью третьей строфы, которую можно было бы, мне кажется, опустить. В “*Pro domo sua*”^{3*} есть такая строфа:

Я вижу дорогу: по ней без числа
Невинных блудниц распростерты тела...

Давно ли это блудницы стали невинными? Может быть с точки зрения поэтического творчества? Но ведь сборник Ваших стихотворений бьет на реальность.

На стр. 55 Вы изобретаете какое-то “ночное окно”; не слыхивал о таком, насколько мне известно, окна строятся для проникновения дневного света. На следующей стр. Вы пишете:

Наши язвы наполнены гноем,
Наше тело на падаль похоже —

не слишком ли реально, Валерий Яковлевич?

Сонеты: “В сияющем, изысканном вертене” и “Скала к скале; безмолвие пустыни”, написаны безусловно хорошо.

В заключение своей критической заметки я должен сказать, что Вы несомненно обладаете божественным даром писать поэтические произведения, но Вы умалчиваете его, подчиняясь всеобщему символическому течению современной поэзии, ставшей на ложный путь.

Столь же сурово разбирал Долгинцев и *РС 3*: «Теперь перейду к разбору второй книжки из присланных Вами. Первые стихотворения принадлежат Вашему перу (стр. 11 и 12) и поражают своей символистической странностью, в особенности второе:

“Тень несозданных созданий
колыхается во сне...”

Затем какие-то “фиолетовые руки на эмалеовой стене, полусонно чертят звуки в звонко-звучной глубине”, далее “всходит месяц обнаженный при лазоревой луне”; итак, у нас в мире появилось две луны: Вы сделали важное астрономическое открытие, Валерий Яковлевич. А что это за стихотворение, состоящее из одной строчки (стр. 13) “О закрой свои бледные ноги”. Тут должно быть символизм достиг своего апогея, может быть в этой строке заключается целая поэма!? До “одностишия” у нас еще никто не додумывался. Стихотворения на стр. 14 я совершенно не понимаю, нужно будет запросить автора.

Господин Эрл. Мартов пишет (стр. 18):

“Сердца луч из серебра волнений, над простором инея встает”.

Ваши переводы из произведений г-жи Приски де Ландейль очень хороши, в особенности: “Придет ли он”. В пьесе “К Занте” — опять встречается итальянская фраза: “*Isola d’oro. Fior di Levante*”^{4*}. Кто ее поймет? Ведь не все знают итальянский язык.

На стр. 47 стихотворение знаменитого декадента Морица Метерлинка поражает следующими строками:

И под кнutom воспоминания	Во глубь забывчивых лесов
Я вижу призраки охот,	Лиловых грез несутся своры
Полузабытый след ведет	И стрелы желтые — уоры —
Собак секретного желания.	Казнят оленей лживых слов.

Да, уж нечего сказать, тут не то, что Аллах, а и создавший-то Аллаха ничего не разберет, в особенности когда прочтет заключение и узнает, что “на сердце меркнет лик луны”. Странное сердце; вероятно все лунатики им обладают. Ваш перевод из Лорана Тальяда поражает странными словами, а именно: “каравайки крик”, “мантиды идут впивать нетрезвый сок ежевик” и “чешут волоса, блестя как хризолиты”, а в заключение зачем-то потревожена тень Шекспира, который создал луну, ибо автор говорит: “твоя луна, Шекспир, луна последних дней”.

В общем чтение Ваших сборников принесло мне не мало удовольствия, некоторые стихотворения казались мне до того забавными, что я смеялся от души; впрочем, может быть, я и неправ: это стихотворения будущего (там же, л. 6—10об.).

^{2*} «Терпя, потерпех (господа)» (лат.) — начало псалма 39 (по нумерации греческой и славянской Библии).

^{3*} «О самом себе» (лат.).

^{4*} Золотой остров Цветок. Леванта (итал.). Ср. п. 11.

Несмотря на резкий тон ответа Брюсова, несколько замечаний Долгинцева были, вероятно, приняты им во внимание. Так, в *ChdO 2* строки: «Народ наш уснул на соломе...» — были даны в новой, смягченной редакции, а при переработке для *ПСС I* соответствующая строфа вообще была снята. Слова «*Exrestans exrestavi*» в *ChdO 2* снабжены примечанием, что это «начало католической молитвы», а стих. «Фантом» исключено из состава сборника. При включении «Убывающей луны» Л. Тайада в антологию «Французские лирики XIX в.» и *ПСС XXI* Брюсов переработал перевод, освободив от всех лексических странностей и изысков.

³ Ответ на следующее замечание адресата: «Писсу “У окна” Вы начинаете такими словами:

Серебро, огни и блески,—
Целый мир из серебра!
Блещут ином березки,
На снегу — лучей игра!

Тут и сам Аллах не разберет, какую-то картину хочет нарисовать поэт: разве серебро играет лучами? И почему мир представляется поэту серебряным, о чем он и повторяет в заключении этого стихотворения:

Этот мир очарований,
Этот мир из серебра».

37. БРЮСОВ — БАХТИНУ ИЛИ НОЗДРИНУ

(Между 27 сентября и 17 октября 1895 г.)

Милостивый государь!

[Пока что суд наших недругов и услуги (?) «читателей»¹, как впрочем, и притеснения цензуры² прод(елали?) свое дело. Издание «Русских символистов», вероятно, прекратится. Но лично я думаю *] Стихи Ваши⁵ на меня лично произвели самое лучшее впечатление^{2*}

3.2 (тетрадь № 22), л. 27. Без указания адресата. Из текста видно, что адресат — поэт, незадолго перед тем приславший Брюсову свои стихи. Из писем к Брюсову за сентябрь 1895 г., имеющих в ф. 386 ГБЛ, названному условию удовлетворяют два письма — Н. Н. Бахтина от 10 сентября (76.29, л. 22) и А. Е. Ноздрина от 9 сентября (см. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 3). В пользу гипотезы о Ноздрине говорит то обстоятельство, что в этой же тетради семью листами выше записан перечень адресатов ближайших писем: «Ноздрину. Долгинцеву. Станюковичу» (3.2, л. 20), и письма к двум другим названным в нем лицам действительно были написаны (см. п. 36 и ЛН. Т. 85. С. 738). Форма обращения также совпадает с примененной в п. 33 к Ноздрину и более официальна, чем используемая в указанном письме Бахтина. Однако нужно учитывать, что Бахтин в нем обращался к Маслову, к которому писал уже неоднократно. Когда же Бахтин обратится по издательским делам прямо к Брюсову, то и он применит форму «Милостивый государь» (76.29, л. 26, 16 января 1896 г.). Поэтому в целом для предпочтения одного из двух возможных адресатов нет оснований.

Письмо в черновике не было окончено. С Ноздриным Брюсов 22 октября встретился лично (1.1/32, л. 21), а Бахтину письмо подобного содержания — о продолжении издания вместо Маслова самим Брюсовым — было послано примерно двумя месяцами позже, не ранее середины декабря (см. его ответное письмо от 16 января 1896 г. — 76.29, л. 26). Датируется по расположению в тетради между автографами пьесы «В четыре часа. (Сценка из жизни)» (27 сентября — л. 5—16) и п. 38.

¹ Ср. отрывочную запись на 3-й с. обложки тетради № 27 (3.5), заполнявшейся в основном летом 1896 г.: «враги, оказ(авшие) мне внимание присылкою озлобленных анонимных писем».

² О цензурных мытарствах *ChdO I* и *PC 3* см.: *Письма к Перцову*. С. 20, 23.

³ Исчезновение фамилии В. А. Маслова произошло еще в *PC 3*, но там оно никак не было мотивировано. Данная фраза письма представляет собой первую известную попытку обыграть это исчезновение, дав ему «юридическое» обоснование. Одновременно это первое объявление о планах самого Брюсова выступить в роли издателя.

⁴ Под возрождением «в более значительном виде» имелось в виду не только и не столько увеличение объема альманахов, но прежде всего издание индивидуальных авторских сборников. Издавать такие сборники параллельно с изданием альманахов *PC* Брюсов стремился уже в начальный период подготовки *PC 2* (см. проект объявления в 2.11, л. 60об.). Подробное обоснование и программу серии таких сборников Брюсов развернет в обращении «От

* Фраза не дописана. В ранее зачеркнутом нижнем слое автографа данный абзац читался: В виду отказа нашего издателя продолжать свое дело³, издание «Русских символистов», вероятно, прекратится. Но лично я думаю сам возродить их в более значительном виде⁴.

^{2*} На этом текст письма обрывается.

издателя», предназначавшемся для не вышедшего в свет *РС 4* (3.4, л. 28об. — зачеркнутый вариант начала, л. 29—29об. — окончательный текст; по положению в тетради может быть датировано серединой февраля — началом марта 1896 г.). Индивидуальные сборники, согласно этой программе, мыслятся уже не как дополнение, а как замена альманахам *РС*, которые «не будут более выходить». Необходимость такой замены мотивируется уже не враждебностью критики, публики и цензуры, как в комментируемом письме, но принципиальной сменой задач. Если выпуски *РС* знакомили «с символической поэзией» как целым (ср. сходные формулировки в п. 9 и 33), то теперь, когда «они смело и громко указали на новое направление в поэзии», встает «задача более трудная и более величественная» — раскрыть многообразие творческих индивидуальностей внутри этого нового направления. Согласно программе, «каждая книжка» планировавшейся серии («в формате» *РС* объемом «от 3 до 5 печатных листов») должна была «заключать в себе или сборник оригинальных стихотворений одного лица, или собрание переводов также из одного иностранного писателя». В последнем случае в книжку предполагалось включать «и критическую заметку» об авторе. В обращении указывались и конкретные планы: «Для первых книжек издатель уже имеет в своем распоряжении следующие рукописи: 1. “Поэма природы”. Стихотворения Авенира Ноздрина (. . .) 2. Сборник стихов Владимира Дарова. ((. . .) Г. Даров более всего напоминает Метерлинка в первую половину его деятельности). 3. “Вчера и сегодня”. Стихотворения Лидии В. (Весьма своеобразная поэзия). 4. “Листки” Маллармэ. Перевод М.». На заднем форзаце той же тетради № 24 (3.4, л. 59) в объявлении об изданиях кружка символистов наряду со сборником Ноздрина указан первый том Брюсовской «Истории русской лирики». Как видим, планы «издателя» опережали авторские предложения: кроме Ноздрина, остальные издания должны были содержать сочинения самого «издателя». Это, наряду с материальными соображениями, и решило судьбу серии. Но саму программу серии нельзя не признать существенным этапом становления символистского движения. Фактически она предвосхищала план серии избранных произведений представителей «нового направления», который совсем на другом этапе и на иной материальной базе будет сформулирован в 1906 г. в одноименном обращении «От издателей» издательства «Скорпион» (см. п. 28, прим. 12).

⁶ Если данное письмо адресовано Н. Н. Бахтину, то речь здесь идет о переводах, приложенных к его письму от 10 сентября: «Сантиментальный разговор. (Из Верлена)» и «Сон во сне. (Из Э. По)» — 76.29, л. 23. Сообщив, что первый перевод уже опубликован в «Петербургской жизни», Бахтин писал: «Последним, если он Вам поправится и если Вы пожелаете, прошу Вас воспользоваться для Вашего издания, которое Вы, как можно думать, рассчитываете продолжать» (там же, л. 22). Однако перевод стихотворения Э. По был опубликован самим переводчиком в составленной им антологии зарубежных поэтов: *Нович Н. С чужих полей*. СПб., 1897.

38. БРЮСОВ — ПЕРЦОВУ (с заметкой о символизме)

(Москва. Между 17 октября и 11 ноября 1895 г.)

Многоуважаемый г. Пёрцов

Да, мы расходимся с Вами в понимании символизма¹, а вместе с этим я расхожусь с Минским и с его учеником (в теории) Бальмонтом².

Возьмем формулу Вашей партии.

Символическое произведение имеет двоякий смысл — прямой и косвенный. В этом его отличие от «простых» произведений (только прямой смысл) и от аллегорий (только косвенный). Поэтому «Обрыв» Гончарова «роман отчасти символический»³.

Первый вопрос, который надо задать себе: зачем эта двоякость смыслов? Я не вижу в ней надобности.

Второй вопрос — как может быть произведение с одним косвенным смыслом? Вы приводите как пример басни. Ну вот возьмем басню — «Вельможа»⁴ — разве в ней прямого смысла не существует? * Возьмите любую басню Эзопа — они правились грекам не столько за их нравоучения, сколько за прямой смысл. Я думаю даже, что в баснях вовсе нет никакого косвенного смысла. Просто это столь простой рассказ, что из него легко сделать несколько⁶ обобщений^{2*}.

Пойду дальше. Если символизм ничто иное, как художественный пример, существующий со времен Гомера⁷, откуда взялся тот шум, который подняли

* Далее зачеркнуто: Очень даже интересный — анекдот⁶ не хуже эзоповских.

^{2*} Далее зачеркнуты неоконченные варианты продолжения фразы:

1) которые прилагаются в виде про(сто)го

2) которые уже после в свою очередь превращаются в

французские [декаденты] символисты, и то остервенение, с которым меня съедают на стр(аниц)ах всех журналов? Вы ответите: — Метерлинк, Гиль, Морреас и все остальные — правда, примкнули к символизму, но они внесли в поэзию и много странного, лишнего, дикого (думаю, Ваш взгляд таков).

В таком случае вот это-то странное, лишнее, дикое я и считаю символизмом.

Объяснимтесь о значении слов. Если Вы раскроете французский словарь, составленный в прошлом столетии, Вы найдете там слово *symbolisme*, да и у поздних римлян было слово *symbolicus*. — Что оно значило? то ли, что теперь? Нет! Названия школы получают не по сущности своей, а по случайности (даже и романтизм) ⁸.

Итак, что я называю символизмом? То новое, что можно отметить в поэзии французских и английских символистов.

Весь вопрос сведет(ся) к тому — есть ли у них что-нибудь новое и что это такое.

Трудность исследования состоит в том, что я не могу указать *общепризнанных* символистов. Эдгара По и Верлена часто назыв(ают) только предшественниками. Маллармэ не признают многие современные французские символисты, например, Реттэ ⁹, Метерлинка, особенно как лирика, тоже осуждают некоторые из самых н(овейших?) символистов. Остаются только второстепенные поэты-символисты, которых наоборот, *maître*'ы даже поэтами не считают.

Есть другой путь. Можно выяснить, в чем больше всего упрекают символистов г. г. противники. И этот путь мне кажется наиболее удобным. Есть одно такое ^{3*}

Символизм. Страшное слово ¹⁰. Оно одно приводит наших *quasi*-критиков в состояние какого-то дикого транса, в котором они окончательно теряют соображение и начинают «выкликать» бессвязные [ругательства] проклятия.

Но время скользит быстро, [обстоятельства] все меняются в этом мире — все ^{4*}.

Когда два года назад я и мой друг А. Л. Миропольский выступали в первом выпуске «Русских символистов», мы стояли еще в пустоте ^{5*}. Правда, о символизме уже говорили много, но больше по Нордау ¹⁴. Поэтому нас встретили с бешенством — Смысл всех рецензий был очень прост и весь в(к)л(ады)вается в формулу: «симв(олизм) есть идиот(изм)».

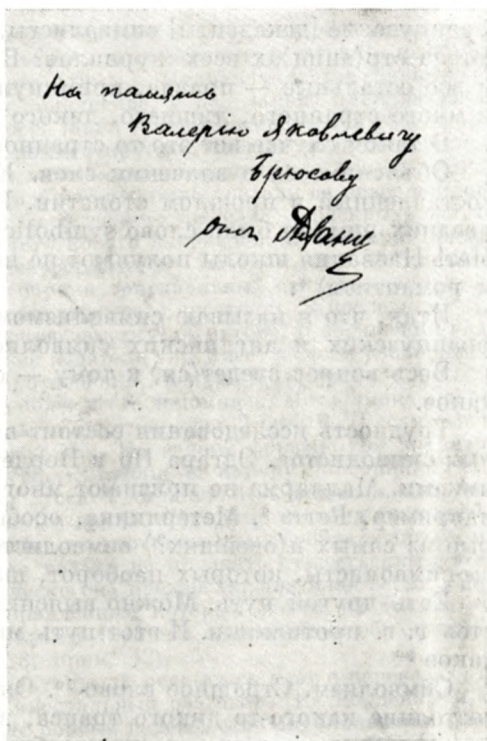
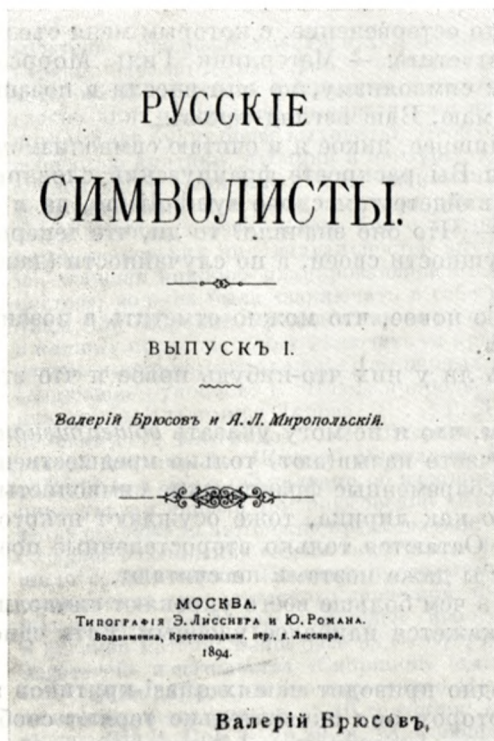
Круговращением времени, как гов(орит) Гомер ¹⁵, приведен третий год. О! как изменилось положение за эти 700 дней, за эти 700 дней, за эти два Рождества и две Пасхи. Прежде всего, русская литература насчитывает уже много символических произведений. Нашим кружком издано пять книжек — три выпуска «Русских символистов», в которых участвовало ¹⁶ поэтов, сборник моих стихотворений и перевод «Романсов без слов». В Петербурге появились два сборника символических стих(отворений) — Добролюбова и Степанова ¹⁷. Влияние символизма в сильной мере сказалось затем на Мережковском, Минском и Ф. Сокологубе ^{6*}. Сюда же надо присоединить К. Фофанова, который всегда был бес-

^{3*} *Далее зачеркнуто:* Символизм? Страшное слово. Оно одно приводит в какое-то бешенство наших *quasi*-критиков, заставляет их терять всякое соображение и в подобном трансе писать самые невероятные, смешные бессмыслицы. Были дни, когда они очень серьезно всех символистов считали мошенниками и мистификаторами. — Но времена переменялись. Волей-неволей приходится признать символизм — и вот начинают придумывать всякие компромиссы. Одни из критиков начинают ставить нам в укор западный символизм — вот, мол, настоящий символизм, его мы можем признать (а полтора года тому назад этих же западных символистов у нас называли не иначе, как идиотами). Другие

^{4*} В рукописи оба «все» обозначают множественное число («вс»), а глагол «меняется» дан в единственном.

^{5*} *Далее зачеркнуто:* В русской литературе о символизме еле-еле знали. Была напечатана дельная статья З. Венгеровой ¹¹ (составленная, видимо, главным образом, по Нордау) и несколько пустых заметок Михайловского ¹². [В «Арт(исте)» было переведено что-то из Метерлинка, да еще Минский перевел «Семь принцесс».] Переводов было, кажется, только два — один в «Артисте», другой в «Северном вестнике» ¹³.

^{6*} *В зачеркнутом тексте на той же странице имеется отличный вариант последнего*

РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ. ВЫПУСК I. М., 1894

Титульный лист и оборот форзаца с дарственной надписью: «На память Валерию Яковлевичу Брюсову от А. Ланга»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

сознательным символистом, переводы Бодлера и По¹⁸. Наконец, как знамение времени не мешает отметить две подделки под символизм, два сборника, спекулирующие модным направлением, — я говорю о «Обнаженных нервах» г. Емельянова-Коханского и о сборнике «Кровь», изданном Стрекозой¹⁹.

Переменилось и отношение критиков. Только некоторые — вроде безнадежно погрязшего в старине Михайловского^{7*} или необразованного Апполлона Коринфского решаются нападать на Симв(олизм) вообще²³. Пришлось придумать новые формулы для рецензий. Теперь их две. Первая гласит: западный символизм — о да! Это мы понимаем, но русский символизм ничтожен. [Серьезно, как убеждение, высказывает это Волынский²⁴. Бессознательно говорят это А. Б. и А. З. из «Звезды»²⁵]. Другая формула посложнее²⁶. Критик придумывает^{8*}

27

тезиса: Затем символические произведения можно найти в сборниках Бальмонта, среди стихотворений Минского и Мережковского.

^{7*} У нас принято за подобные фразы упрекать написавшего их в неуважении к прошлым заслугам. Странные требования. [Демосфен был весьма выдающийся человек, но если он действительно был виноват в исчезновении гарпаловских денег²⁰, — изгнание было (2 прзб.)] Писания Михайловского за последнее время недостойны внимания (?) — его статьи о западн(ых) симв(олистах) — глупы, о Нитше жалки, о «Молодой поэзии» смешны²¹. Он позволяет себе писать рецензии, не прочитав внимательно той книги, о которой пишет (Марк Криницкий «В тумане»²²). Каковы бы ни были его заслуги в прошлом, но раз теперь он ничтожен, раз он не хочет идти вперед [а упорно отстаивает ре(акционное?)], раз его идеалы не в будущем, а в прошлом — он достоин одного — презрения. [Михайловский, может быть, был очень почтенным писателем, но теперь он ничтожество и при том] (прим. Брюсова).

^{8*} Фраза не окончена.

Встретил сегодня Емельянова-Коханского. Он был глупее обыкновенного, а хуже всего то, что со времен своих «Обнаженных нервов» он вообразил себя в самом деле поэтом²⁸. Прежде я не считал нужным осуждать его произведения — таким жалким казался он²⁹, а теперь приходится доказывать и ему, и его знакомым, что он двух стихов сладить не умеет. Теперь Емельянов-Коханский занят писанием большого пасквиля-романа³⁰, которым он и хвастается³¹. Показал он мне два новых декадентских сборника — «Кровь», изданье «Стрекозы», и «Песни к жизни» С. Д. Степанова. Вот достоинство Емельянова-Коханского — покамы — разные Брюсовы, Миропольские etc. — проклинаем мир, запираемся на недели в своей комнате, прячемся от людей и делаем тысячу других глупостей, — он бродит себе по библиотекам и мелким редакциям, читает все рецензии и может сообщить все новости³¹. Взял у него обе книжки.

«Кровь» оказалась проделкой в стиле самого Емельянова-Коханского, чуть-чуть поумнее только³². Иначе говоря, это спекуляция на модном течении, обирание рублей. Чтение этой «Крови» достаточно расстроило меня.

Зато [на «Песнях к жизни» я] отдохнул. В общем говоря, это тетрадка неважная, [она издана изящно] но в ней чувствуется искреннее стремление к красоте. Трудно составить мнение о поэте на основании шести стихотворений, и я не осмелюсь предсказывать Степанову будущее³³.

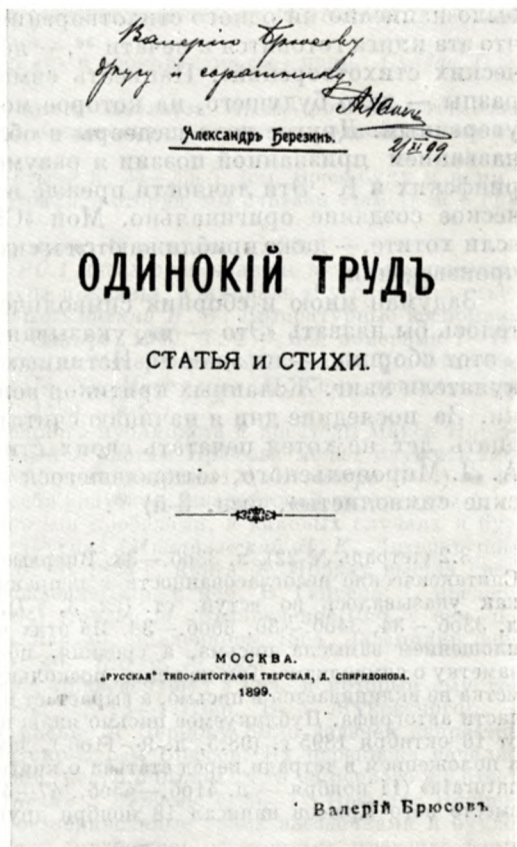
Пока он еще «не нашел себя». Чувствуется сильное влияние Добролюбова — иногда столь грубое, как в музыкальных пометках³⁴ *piano*, *largo*^{10*}. Затем г. Степанов любит иностранные слова — наследие Леконта де Лиля³⁵. Затем последн(ий) рассказ («Andante»)^{11*} напоминает два произведения моего друга Миропольского «Лучи» («Русские символисты», вып. 1) и «Ярко-светлая звезда» («Русские символисты», вып. 2). Как достоинство можно отметить большую страстность, чем у Добролюбова. Пожелаем же г. Степанову стать поэтом.

Интереснее всего то, что мои «Chefs d'oeuvre» осуждают как символические произведения! Еще в 1894 г., когда — сознаюсь — из «Chefs d'oeuvre» — не

^{9*} *Далее зачеркнуто:* Показал он мне сборник «Кровь», которого я еще не знал: «Стрекоза» создала его, конечно, с целью наживы, — следовательно, по своей сущности это то же, что «Обнаженные нервы», но все же немного умнее. Показал мне Емельянов-Коханский еще и «Песни к жизни» С. Д. Степанова, которого я тоже не знал, потому что просмотрел рецензию в «Новом времени». Я тотчас же заинтересовался этим сборником и взял его у Емельянова-Коханского.

^{10*} Тихо, широко (*итал.*).

^{11*} Умеренно (*итал.*).

АЛЕКСАНДР. БЕРЕЗИН. ОДИНОКИЙ ТРУД. М., 1899

Титульный лист с дарственной надписью: «Валерию Брюсову другу и соратнику А. Ланг 2/ХІІ 99»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

было написано ни одного стихотворения и когда я напечатал объявление о том, что эта книга готовится к печати³⁶, — ясно было обозначено «сборник несимволических стихотворений». Написать символические шедевры, символические образцы — дело будущего, на которое можно дерзать, но в котором нельзя быть уверенным. Другое дело шедевры в области признанной поэзии. Конечно, под названием признанной поэзии я разумею не виршеплетение г. г. Величко, Коринфских и К°. Эти личности прежде всего банальны, а всякое истинное поэтическое создание оригинально. Мои «Chefs d'oeuvre» тоже оригинальны, они, если хотите, — даже приближаются к символизму, но это вовсе не символические произведения!

Задуман мною и сборник символических стих(отворений), который мне хотелось бы назвать «Это — я», указывая тем на найденный путь, но когда издам я этот сборник — не знаю³⁷. Истинных читателей так мало и их не заменят покупатели книг. Желанных критиков вовсе нет, и их подражатели слишком жалки. За последние дни я начинаю считать мудрецом Маллармэ за то, что он двадцать лет не хотел печатать своих стихов, и начинаю понимать моего друга А. Л. Миропольского, «отказавшегося от поэтической деятельности» (См. «Русские символисты», вып. 3-й)³⁸.

3.2 (тетрадь № 22), л. 33об.—38. Впервые частично изложено в ст.: *Гудзий 1927*. С. 196. Синтаксические несогласованности и неправомерности на стыках л. 34—34об. и 36—36об., как указывалось во вступ. ст. (гл. 3, § 7), структурно разбивают автограф на 3 части: л. 33об.—34, 34об.—36, 36об.—38. Из этих частей лишь крайние безусловно остаются воплощением замысла письма, а средняя, по существу, превращается в самостоятельную заметку о символизме. Тем не менее, поскольку части связаны между собой органически и заметка не вклинивается в письмо, а вырастает из него, считаем необходимым воспроизвести все части автографа. Публикуемое письмо является первой попыткой ответа на письмо Перцова от 16 октября 1895 г. (98.5, л. 9—11об.), датируется в соответствии с датой этого письма и положением в тетради перед статьей о книге А. М. Добролюбова «*Natura naturans. Natura naturata*» (11 ноября — л. 41об.—45об., 47—47об.). Перцову в таком виде послано не было, вместо него Брюсов написал 18 ноября другое письмо (*Письма к Перцову*. С. 46—49).

¹ Брюсов непосредственно отвечает здесь на первую фразу письма Перцова: «Теперь я окончательно вижу, что мы с Вами разумею под символизмом две весьма различные вещи» (98.5, л. 9). Вопрос о сущности символизма, неоднократно возникавший в 1895 г. в переписке Брюсова и Перцова, стал центром дискуссии в брюсовском письме от 22 сентября 1895 г. при ответе на замечания Перцова о *ChdO 1* (*Письма к Перцову*. С. 41).

² Н. М. Минский, предваряя свой перевод драмы М. Метерлинка «Слепые», писал: «Символическое произведение живет двойной жизнью. За внешними символами скрывается идейное отвлеченное содержание. Современный художник более не в силах только созерцать жизнь; он обобщает и рассуждает. Но законы искусства незыблемы и вечны: искусство должно говорить только образами» (*СВ*. 1894. № 5. С. 229—230). К. Д. Бальмонт в предисловии к своим переводам (*По Э. Баллады и фантазии*. М., 1895. С. IX—X) развивал сходную концепцию: «Я называю символической поэзией тот род поэзии, где помимо конкретного содержания есть содержание скрытое, соединяющееся с ним органически и сплетающееся с ним нитями самыми нежными». Перцов в письме, на которое отвечает Брюсов, ссылался именно на Бальмонта (98.5, л. 9). Брюсов в выросшем из данного письма теоретическом сочинении «Апология символизма» упоминает и Бальмонта, и Минского, но полемизировать будет главным образом с Фердинандом Брюнетьером — известным французским историком поэзии, к чьей концепции восходили, по мнению Брюсова, взгляды русских защитников идеи «двойного смысла» (см.; напр., вариант под заглавием «Аллегория?» — 40.20, л. 1—5).

³ Данный абзац брюсовского письма — почти дословное воспроизведение отрывка из письма Перцова от 16 октября (98.5, л. 9).

⁴ Басня И. А. Крылова.

⁵ Описанию структуры анекдота и природы возникшего в нем специфического комического эффекта Брюсов позднее посвятит специальную работу «К теории анекдотов» (*ЕС*. 1901. № 4), задумана она была еще в пору подготовки несуществующего сборника статей «Литературные опыты», в 1897 г. (планы сборника см. 3.13, л. 1, 10 и 3.14, л. 1). Называя в письме басни Эзопа анекдотами, Брюсов подчеркивал значимость их «прямого смысла» возникающего непосредственно из сюжета.

⁶ Этот вывод Брюсова находит определенные параллели в современных исследованиях структуры басен. См., напр.: *Падучева Е. В.* О семантических связях между басней и е моралью (на примере басен Эзопа) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1977. Вып. 422. Труды по знаковым системам, 9. С. 39.

⁷ Тезис из письма Перцова: «...символизм был и есть со времен Гомера, в нем нет ничего нового (одна из величайших, напр., символистов и — заметьте — сознательных — Гёте) —

это только особый художественный прием, ныне получивший или, лучше сказать, утвердивший за собой особое название» (98.5, л. 100б.).

⁸ О происхождении терминов «романтический» и «романтизм» см., напр.: *Cuddon J. A. A dictionary of literary terms. L., 1979. P. 587.*

⁹ Брюсов имеет в виду полемику вокруг книги Малларме «Prose (pour des esseintes)» в журнале «La plume». Эту полемику обсуждают московские символисты в одной из глав его романа «Декаденты» (см. п. 29, прим. 17).

¹⁰ Грамматическая несогласованность на стыке л. 34—35об. (см. преамбулу к комм.), сигнализирующая о начале второй части автографа, которую мы считаем «заметкой о символизме». Ее конец отмечен в прим. 27.

¹¹ О статье З. А. Венгеровой см. п. 19А, прим. 1, а также п. 23.

¹² Н. К. Михайловский к моменту выхода РС I писал о символизме в статьях, помещавшихся им под постоянным заглавием «Литература и жизнь» в журнале «Русское богатство», в № 1, 2 и 4 за 1893 г. Перепечатаны в кн.: *Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. СПб.: Типо-литограф. Вольфа, 1900. Т. 2 — под номерами I—III.*

¹³ Брюсов имеет в виду следующие переводы из Метерлинка: *Метерлинка М. Втируша/Пер. Е. В. Клетновой // Артист. 1893. Кн. 8 (№ 28); Метерлинка М. Семь принцесс/Пер. с нем. (sic — С. Г.) и коммент. Г. Ж. // СВ. 1893. № 4.*

¹⁴ Имеется в виду книга популярного немецкого публициста и писателя Макса Нордау «Entartung» («Вырождение», 1892). Иллюстрацией к словам Брюсова может служить признание Н. К. Михайловского в первой из статей, указ. в прим. 12: «Несмотря (. . .) на все эти мои страдания, я отнюдь не могу считать себя знатоком декадентской литературы (. . .) а потому читатель должен примириться со многими пробелами, в каковых случаях я буду следовать, с фактической стороны, Нордау и другим» (*Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. 2. С. 6*). В 1894 г. книга М. Нордау вышла сразу в двух русских переводах: *Нордау М. Вырождение/Пер. с нем. В. Генкена; С предисл. В. Авсеенко. Киев: Изд. Ф. А. Иогансона, 1894; Нордау М. Вырождение/Пер. с нем. под ред. и с предисл. Р. И. Сементковского. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1894.* Экземпляр перевода Генкена с брюсовскими пометами см.: Ф. 386. Книги, № 388.

¹⁵ «Но когда, наконец, обрачемьем времен приведен был // Год, в который ему возвратись назначили боги...» (*Гомер. Одиссея, I, 16—17/Пер. В. А. Жуковского*).

¹⁶ Указать количество участников РС в письме к Перцову было задачей непростой. Перцов ведь знал, что за многими подписями скрыт сам Брюсов. Их переписка началась с вопроса об авторстве стих. «Мечты о померкшем, мечты о былом. . .», и из первого же ответа Перцов узнал, что «М.» — это сам Брюсов (*Письма к Перцову. С. 5—7*). Посылая Перцову РС 3, Брюсов также сразу сообщил, что стихи, подписанные тремя звездочками и буквой «М.», написаны им самим (Там же. С. 34). Однако другие свои псевдонимы, имеющие форму полных фамилий с инициалами, Брюсов Перцову не раскрывал.

¹⁷ *Добролюбов 1895; Степанов С. Д. Песни к жизни: Лист 1-й. СПб.: Типо-литограф. И. Цветкова, 1895.* О книге Степанова, как и об упоминаемом далее (см. прим. 19) издании «Стрекозы», Брюсов говорит подробнее ниже, в третьей части письма, обращаясь снова непосредственно к Перцову.

¹⁸ Об издании Бодлера см. п. 16, прим. 4. Издание Э. По указано выше, в прим. 2.

¹⁹ О сборнике Емельянова-Коханского см. п. 30, прим. 2. Сборник «Стрекозы», который Брюсов всюду называет сокращенно, — это кн.: *Терзаев С. [С. А. Патараки], Красное В. [В. А. Мазуркевич], Славянский М. [М. В. Шевляков]. Кровь растерзанного сердца: Тревожные песни трех первых русских декадентов. СПб.: Изд. С. Семенова, 1895.* См. также прим. 32.

²⁰ Изгнание Демосфена в 324 г. до н. э. из Афин по приговору, вынесенному судом по делу казначея Гарпала, возможно, имело своей подоплекой антимакедонскую политическую позицию Демосфена.

²¹ Брюсов имеет в виду ежемесячные критические выступления Н. К. Михайловского под постоянным заглавием «Литература и жизнь» в журнале «Русское богатство». Статьи о западных символистах названы в прим. 12. О Ф. Ницше Михайловский писал в № 8, 11 и 12 за 1894 г. (перепеч. в кн. Н. К. Михайловского, указ. в прим. 12). Разбор антологий «Молодая поэзия» (см. п. 26, прим. 2) открывал статью в № 6 за 1895 г., возмущенный отзыв Брюсова о входившем в ту же статью разборе брошюры П. П. Перцова «Письма о поэзии» см.: *Письма к Перцову. С. 44* (письмо от 13 октября).

²² О книге М. Криницкого «В тумане» Михайловский писал в № 2 «Русского богатства» за 1895 г. (см. наст. кн., Письма к Самыгину. Вступ. ст., прим. 39). Суждение о произведениях по чужим рецензиям было в критике тех лет нередким явлением. В первом варианте «Апологии символизма» Брюсов уличал в этом рецензента из «Петербургской газеты» (1895. № 246. 8 сент.). Показав, что этот рецензент читал не рецензируемые им *ChdO 1* и РС 3, а лишь фельетон о них Арсения Г. (см. п. 34, преамбулу к комм.), Брюсов замечал: «Удивительная развязность!» (3.16, л. 42).

²³ Брюсов имеет в виду следующие отклики на появление *ChdO 1* и РС 3: *Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1895. № 10; К(оринфский) Ап. В. Брюсов. Chefs d'oeuvre. M., 1895 // Труд. 1895. № 10.*

²⁴ См.: *Вольнский А. Л. «Русские символисты», вып. 1—2, 1894 — А. Добролюбов. Natura naturans. Natura naturata. СПб., 1895 // СВ. 1895. № 9; Он же. Русские символисты. Лето 1895 г. М., 1895 — Валерий Брюсов. Chefs d'oeuvre. Сборник стихотворений. М., 1895;*

Граф Алексис Жасминов. Голубые звуки и белые поэмы. СПб., 1895 // Там же. № 11. В первом варианте «Апологии символизма» Брюсов писал, что в этих рецензиях «веет совершенно иное отношение к символизму, а, главное, чувствуется понимание поэзии» (3.16. Л. 43об.).

²⁵ *В(огданович) А.* Критические заметки. Русские декаденты и символисты. (Шедеры: г-на Брюсова. «Русские символисты», изд. г-на Брюсова) // Мир божий. 1895. № 10; А. З. Литературные беседы // Звезда. СПб. 1895. № 39. С. 923—924. В первой редакции «Апологии символизма» Брюсов присоединит к этим двум статьям еще и статью Пл. Краснова «Русские декаденты» (Труд. 1895. № 12), указав, что их автор «совершенно отказался от своих первоначальных взглядов на символизм» (3.16. Л. 44).

²⁶ Скорее всего, Брюсов имел здесь в виду статью: *Н(иколаев) Н.* Русские символисты и кое-что о символизме вообще // Русское обозрение. 1895. № 9. В первой редакции «Апологии» Брюсов оценит ее как «попытку полно охарактеризовать новую русскую школу поэтов, так сказать, серьезно обругать ее». «Формула» же, предлагаемая Н. Николаевым, по мнению Брюсова, «достаточно характеризуется следующей выпиской из его творения: «Смею думать, что правила, пережившие тысячелетия в самых разнохарактерных школах, заключают в себе нечто такое, что обязательно и для школ грядущих». Простой народ говорит то же короче: «Отцы наши так поступали, не глупей же нашего они были»» (3.16. Л. 43об.).

²⁷ Этим отчерком в тетради в конце л. 36 заканчивается вторая, статейная часть автографа. На обороте листа возобновляется собственно письмо. Как и в начале статьи (см. прим. 10), ее конец отмечен грамматической несогласованностью — неоконченностью последней фразы.

²⁸ Еще в наброске классификации поэтов, сделанной Брюсовым весной 1895 г. в связи с работой над романом «Декаденты», А. Н. Емельянов-Коханский наряду с Курсинским был отнесен к группе, охарактеризованной словами: «Поэты *воображаемые*, уверенные в величии, но на деле ничего» (2.20, л. 23. Курсив мой. — С. Г.).

²⁹ Ср. в написанной в начале января 1896 г. статье «От автора» — вступлении к предполагавшейся книге «Русская поэзия 1895 г.»: «Было время, когда г. Емельянов-Коханский был так ничтожен, что у меня не поднимался язык осуждать его. [Он робко приходил, садился и ти(хо)] Он пугал моих друзей своими quasi эгоистическими рассуждениями (. . .) но мне он был только жалок» (3.16, л. 50и). О истории знакомства Брюсова и его друзей с Емельяновым см. п. 27, преамбулу к комм., о причинах изменения отношения к сочинениям Емельянова после выхода «Обнаженных нервов» — п. 30, прим. 2.

³⁰ Прозаические книги А. Н. Емельянова-Коханского (наиболее полный перечень их см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов. М.: Всесоюз. книж. палаты, 1956. Т. 1. С. 370) остались для комментатора недоступны. Поэтому проверить, какую из них назвал пасквилем Брюсов, не представлялось возможным. Однако вскоре после комментируемого письма Брюсова, 21 ноября 1895 г., Емельянов написал подробное письмо-пасквиль с рассказом о своих отношениях с брюсовским кружком (опубл. с сокращ.: *Тяжков С. Н.* К истории первых изданий русских символистов // Рус. лит. 1979. № 1. С. 149—150). Адресованное формально А. В. Амфитеатрову, оно по просьбе Емельянова было передано адресатом злейшему критику символизма В. П. Буренину. Буренин на основе этого письма обвинил Брюсова и его друзей в подкупе автора первой сочувственной статьи о символистах Н. Ракшанина (см.: *Буренин В.* Критические очерки // Новое время. 1895. № 7098, 1 дек.). Этот поступок Емельянова привел к окончательному разрыву между ним и символистами. И в статье «От автора» (см. прим. 29), и в брошюре о современных поэтах (см. п. 52, прим. 9) Брюсов теперь резко и непримиримо отделяет себя и свое литературное направление от бывшего приятеля: «Что до симв(олизма) г. Емельянова-Коханского, — то, конечно, только идиоты, пишущие рецензии в «Русском богатстве», могут усматривать этот символизм» (3.16, л. 50об.); «Я, конечно, ничего не говорю об авторе «Обнаженных нервов». Эта книга — вне литературы» (37.13, л. 2). Возможно, предполагалась организация и публичного опровержения измышлений Емельянова и Буренина, о чем свидетельствует сохранившаяся у Брюсова недатированная записка Добролюбова: «от А. М. Д.: Сим утверждаю, что с великовозрастным болваном, рекомым Емельяновкой Кохановской, никогда не был знаком» (85.16, л. 4).

³¹ Ср. самую раннюю характеристику Емельянова-Коханского в *Письмах к Перцову* (с. 21, письмо от 17 апреля 1895 г.).

³² В брошюре 1896 г., цит. в прим. 30, Брюсов также заявит, что книга «Кровь растерзанного сердца», как и книга Емельянова-Коханского, «вне литературы» (37.13, л. 2). «Кровь...» действительно лишена всякой эстетической ценности. С «Обнаженными нервами» ее сближали и установка на сенсацию, и обусловленные этой установкой внешние особенности. Так, книга Емельянова была задана на розовой бумаге, а «Кровь...» напечатана красным шрифтом (в объявлениях о ней, которые начиная с № 44 регулярно помещал журнал «Стрекоза», говорилось, что она «напечатана кровью»). Однако при всем сходстве двух книг между ними было и принципиальное различие. В «Обнаженных нервах» пародийность если и присутствовала, то была лишь побочным эффектом и не имела конкретного адреса (ср. п. 27, преамбулу к комм.). А «Кровь растерзанного сердца» осознанно строилась как книга пародий, в целом имевшая своим объектом прежде всего выпуски *РС* (хотя отдельные пародии в силу своей поэтической беспомощности и не могли воссоздать индивидуальности опубликованных в этих выпусках произведений).

³³ См. прим. 17. Какие-либо позднейшие книги С. Д. Степанова неизвестны.

³⁴ О музыкальных элементах поэзии Добролюбова Брюсов подробно говорит в статье о его книге, написанной между 5 и 14 сентября 1895 г. (см. п. 39, прим. 23).

³⁵ Наличие мотивов поэзии Ш. Леконта де Лиля Брюсов отмечал и в разделе «Криптомерии» своих *ChdO I* (см. его октябрьское письмо В. К. Станюковичу — *ЛН*. Т. 85. С. 738).

³⁶ Объявление о *ChdO I* было помещено в *РС* 2.

³⁷ Книга *МЕЕ*, вышедшая лишь к 1897 г., не содержала указания о «символичности» вошедших в нее стихотворений. В «Предисловии» говорится, однако, что в них «достаточно ясно выступает характер (. . .) новой поэзии» автора (*МЕЕ*. С. [7]. Курсив мой. — С. Г.).

³⁸ См. п. 28, прим. 12 и п. 32, прим. 6. Ср. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 3, прим. 11.

39. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Москва. Между 21 и 26 декабря 1895 г.)

Пантелеймоновская № 4 кв. 8

Александр Добролюбову

Милостивый Государь

Сам я лежу в постели почти умирающий¹; поэтому* сообщ(ения) о Вашем письме² послал мне знакомым символистам письменно и их ответ(ов) еще не могу Вам сообщить.

Послал лично изв(ещения) следующим лицам — Эрл. Мартову³ (см. 2 и 3 выпуски «Русских символистов»), А. Курсинскому (см. недавно вышедшую книжку «Полутени»), А. Бронину (оригинальное стихотворение в 2 выпуске и 1 перевод в 3-м)⁴, Н. Новичу⁵ (переводы у нас и во многих журналах) и Голикову (стих(и) его предзнанач(и)сь) для 4-го выпуска)⁶. Кроме того, сообщу о Вашем издании и Бальмонту, с которым увижусь на днях⁷.

Миропольский, как известно, разыгрывает роль русского Римбо и печатать свои произведения не хочет⁸ (хотя он пишет теперь беск(онечно) лучше, чем в 1 и 2 выпусках), адресов г. Григория Заронина (может быть Вы знаете этого господина?)⁹, госпожи З. Фукс¹⁰ я не знаю. В. Даров — это псевдоним, под которым пишут различные поэты¹¹, *** — мой псевдоним¹², М. — Миропольский и однажды я («Мечты о [померкшем] прошедшем...»)¹³. Мог бы еще сообщить г. Облеухову (перевод(чик) Мюссе) — у которого есть несколько стих(отворений), напис(анных?) несомненно в духе нового направления (Вы *⟨1 нрзб.⟩* термин «символисты»¹⁴ ставите в кавычки?) — но сей юноша на днях помещался — в настоящее время его увезли из Москвы¹⁵ — буд(ем) уповать, что он поправится^{2*}.

Хотелось бы получить от Вас и кой-какие сведения. Primo)^{3*} существует ли подписка на журнал и если да, куда в этом случае обращаться¹⁷.

Secundo)^{4*} Будут ли в журнале помещ(аться) стихотворные переводы¹⁸.

Tertio)^{5*} Будут ли помещ(аться) [прозаические] критические статьи и возможна ли такая статья; как разбор Вашей «*Natura naturans*»¹⁹ (французские симв(олистские) журналы сов(сем?)), например, не считают неуместным на своих страницах разбирать произведения своих сотрудников).

Quatro)^{6*} имеет ли редакция что-либо принц(ипиально) против моих произведений²⁰ (ставлю это вопрос, потому что Вы ведь сколько мне известно — отн(оситесь) к моим произведениям очень скептически и еще потому, что я считаю вполне возможным принципиальный отказ кому-либо в помещении его произведе-

* Далее зачеркнуто: не мог лично передать

2* Далее зачеркнуто: Наконец мне известен целый ряд других поэтов, заявляющих себя сторонниками нового направления. Я говорю о тех, чьи произведения были получены мною как редактором «Русских символистов» и «забракованы»¹⁶.

[Мы когда-то сильно различались с Вами во взглядах на поэтические произведения — может быть, то, что я счел неудачным, Вы найдете] Адреса их у меня сох(ранились) и я думаю, — по крайней мере, некоторым из них — направить изв(ещение) о Вашем издании, потому что мы с Вами ведь резк(о) *⟨В рукописи пропущена 1 строка⟩* Думаю, впрочем, что эта разница уменьшилась, [верн(ее), некоторые крайности Ваших взглядов сегодня — с некоторыми] то, что было детск(ого) в моих взглядах (*На этом зачеркнутый текст обрывается*).

3* Во-первых (лат.).

4* Во-вторых (лат.).

5* В-третьих (лат.).

6* В-четвертых (лат.).

ний — так, например, я принципиально отказал г. Емельянову-Коханскому — когда он пред(ложил) для 3 выпуска два весьма сносных стихотворения²¹, которые я, может быть, и поместил бы, будь они подписаны другим именем. Связан же этот последний вопрос с 3 и 4^{7*} вопросами.

Было бы очень желательно получить ответ в скором времени, потому что я только (?) что (?) подготов(ил) к печати брошюру «In tyrannos»²². Главное ее содержание полемика — но в нее же входит и разбор Вашей «Natura naturans», которому (?) уместнее было бы появиться в журнале²³.

Каков бы ни был Ваш ответ — будьте уверены, что я готов всеми силами содействовать журналу, посвящ(енно)му тому направлению, кот(орое) Вы называете «новым», а я «символизмом».

Валерий Брюсов

Post scriptum. Так как В(ам) пред(стоят) вер(оятно) б(ольшие) тр(аты) на отв(еты), прилагаю марку.

4.4 (тетрадь № 6 primo), л. 51об.—52об. Ответ на открытку Добролюбова (см. прим. 2) (85.16, л. 5), получение которой отмечено Брюсовым в дневниковой записи от 20 декабря: «Вчера получил извещение от редакции “Горных вершин”, в котором высказывается надежда, что все “символисты” (в кавычках) примкнут к этому журналу. Однако точас же добавляется: “Выбор произведений строг” (1.14/1, л. 3). Датировка определяется сообщениями о болезни (см. прим. 1) и о предстоящей встрече с Бальмонтом (см. прим. 7). Ответ Добролюбова (85.16, л. 7—8об.) показывает, что, готовя письмо к отправке, Брюсов внес в него довольно серьезные изменения (см. прим. 19—20).

¹ Брюсов был болен (острый приступ ревматизма) со второй недели декабря 1895 г. (Письма к Перцову. С. 51; ср. 1.13/2, л. 25—26), но особенно серьезное обострение болезни наступило, если судить по дневнику, с 21 декабря (см. 1.14/1, л. 3об.). Подневные записи за 26—28 декабря фиксируют некоторое улучшение, 28 декабря Брюсов даже нанес визит Фриче, после чего сразу последовал новый кризис: «29 пятница. Опять хуже. 30 суббота. Очень плохо» (там же).

² Письмо Добролюбова сообщало об организации нового журнала: «Редакция “Горных вершин” просит Вас сообщить всем “символистам”, что в Петербурге будет выходить еженедельный журнал, посвященный новому направлению. Журнал состоит под редакцией Льдова, Добролюбова и Гишнуса.

Желательно получить произведения из Москвы. Выбор строг. Ввиду того, что журнал затян при небольших средствах, гонорар сейчас не выдается, а будет распределен в конце года, смотря по количеству прибыли. Каждому автору высылается расписка в получении такого-то количества строк. Редакция надеется, что все “символисты” примкнут к этому делу!

За редакцию:

А. Добролюбов» (85.16, л. 5).

³ Мартов, очевидно, воспользовался сообщением Брюсова и предложил редакции «Горных вершин» какие-то произведения, так как в письме от 8 февраля 1896 г. спрашивал Брюсова: «Как дела с “Горными вершинами”?» (79.6, л. 9).

⁴ А. Бронину в РС 2 было приписано авторство стих. «Над светлой верандой...», а в РС 3 — перевода стих. Верлена «В мечтах раскинулась поляна...» (из книги «Bonheur»). Как реальное лицо он упоминался и в других письмах Брюсова (см. п. 43, прим. 2). Однако в примечаниях к новому переводу того же стихотворения Верлена в кн.: Верлен П. Собр. стихов. М.: Скорпион, 1911 — Брюсов признал, что и перевод в РС 3 принадлежал ему. Есть в рабочей тетради Брюсова и автограф стих. «Над светлой верандой...» (см. 2.11, л. 74, 2 июня 1894 г.). В издания сочинений Брюсова оно никогда не входило и впервые атрибутировано Брюсову Р. Л. Щербаковым (см.: Русские советские писатели: Поэты. М.: Книга, 1981. Вып. 4. С. 183).

В первый вариант перечня «символистов», которым передано известие о «Горных вершинах», зачеркнутый в рукописи сразу после обращения, наряду с А. Брониним был включен еще один вымышленный автор РС, также гетероним самого Брюсова — К. Созонтов.

⁵ Н. Н. Бахтин (Н. Нович), как видно из его письма к Брюсову от 16 января 1896 г., собирався послать в «Горные вершины» свой перевод из Э. По и спрашивал Брюсова, к кому ему следует обращаться — к редакции, лично ко Льдову или же к Добролюбову (см. 76.29, л. 26).

⁶ В архиве Брюсова сохранилось его письмо к Владимиру Митрофановичу Голикову, свидетельствующее об интересе Брюсова к стихам адресата и о действительном желании включить их в 4-й выпуск РС:

«2-го апреля 96 года. Многоуважаемый Владимир Митрофанович! Я уезжаю из Москвы и потому видеться нам пока не придется. Отречение Ваше от поэзии я считаю самым временным заблуждением. Но может быть, вы раздумали резко примыкать к символистам, тем более, что Вы и действительно к символизму только приближаетесь? Если же нет, позвольте

^{7*} Очевидно, описка Брюсова — должно быть: 2 и 3.

сохранить мне "Фиалку", с которой мне было бы жаль расстаться, и не откажитесь прислать те лирические стихотворения, которые Вы читали мне вместе с поэмкой об Айтее. Мне помнится, из них можно кое-что выбрать. Поджидаю ответа (адрес прежний)

Валерий Брюсов» (70.39, л. 1—2).

Судя по тому, что вместе с письмом сохранился и надписанный конверт с адресом Голикова, Брюсов, уезжая в Петербург (см. п. 43, преамбула к комм.), письма не отправил. Однако в написанном примерно в то же время, что и письмо, плане 4-го выпуска (3.4, л. 53) предусмотрено включение трех стихотворений Голикова. В брошюре о современных поэтах (см. п. 52, прим. 9) Голиков наряду с Курским причислен к категории «полудекадентов» (37.13, л. 2). См. также отзыв о Голикове в *Письмах к Перцову* (с. 76).

⁷ В дневнике Брюсова в третьей декаде декабря встречи с Бальмонтом отмечены 22, 25, 26 и 28 декабря (1.14/1, л. 3об.), а 30 декабря Бальмонт уехал из Москвы в Шую (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 6).

⁸ См. п. 28, прим. 12 и п. 32, прим. 6. О том, что заявление Миропольского замыслилось или воспринималось как параллель аналогичному поступку известного французского поэта Артура Рембо, других свидетельств нет, если не считать того, что в плане четвертого выпуска *РС* были предусмотрены «Посмертные (стихи) А. Л. Миропольского» (3.4, л. 53). Но Брюсов вплоть до середины 1910-х годов не расставался с мыслью построить по образу и подобию биографии Рембо биографию одного из вымышленных авторов *РС* — Владимира Дарова (см.: *Гудзий 1927*. С. 187).

⁹ Г. Заронина действительно должен был знать если не Добролюбов, то его соредaktor по «Горным вершинам» Вл. Гишпиус: этой фамилией подписал присланные Брюсову стихотворения (из них два опубликованы в *РС*) младший брат Вл. Гишпиуса — Александр Васильевич Гишпиус (1878—1942).

¹⁰ В статье *Гудзий 1927* (с. 184—185) было показано, что стихи, опубликованные в *РС 2* и *РС 3* за подписью З. Фукс и представлявшие «бодлеровскую» струю в русском символизме, были написаны Брюсовым. Однако С. Н. Тяпков, опираясь на опубликованное им письмо А. Н. Емельянова-Коханского Амфитеатрову (см. п. 38, прим. 30), выдвинул гипотезу, что оба стихотворения были написаны Емельяновым как пародийные и присланы затем Брюсову при посредстве подставной переписчицы. В опровержение выводов Гудзия С. Н. Тяпков выдвинул следующие аргументы: Брюсов никогда публично не признал своего авторства; Брюсов не внес этих стихотворений в записные книжки «Мои стихи»; автографы Брюсова в рабочих тетрадах не доказывают его авторства, так как он иногда переписывал в тетради чужие стихи. Однако С. Н. Тяпков не учел следующих фактов: 1. Брюсов вообще не раскрыл свое авторство в тех случаях, когда стихи в *РС* были подписаны полной фамилией (ср. п. 38, прим. 16). 2. Книжки «Мои стихи» стали полным собранием вновь пишущихся стихов лишь позднее, когда Брюсов перестал работать над стихами в рабочих тетрадах. 3. В архиве Брюсова нет ни писем, сопровождающих присылку данных стихотворений, ни писем за подписью «З. Фукс». 4. Как показал еще Гудзий, Брюсов не сразу подписал первое стихотворение подписью «З. Фукс», а пробовал другие варианты «иностранных фамилий» (см. план *РС 2* в тетради № 9 — 2.12, л. 40об.), что было бы невозможно при получении стихов от стороннего адресата. 5. Редактирование произведений, присылаемых для *РС*, проводилось, как правило, не в тетрадах, а на отдельных листах. 6. Черновые автографы обоих стихотворений (2.12, л. 42—42об. и 2.20, л. 13об.) безусловно фиксируют возникновение оригинального замысла, а не воспроизводят чужое готовое произведение. 7. Неоконченное «Жизнеописание» З. Фукс с элементами «воспоминаний» о ней, автограф которого находится в одной тетради с автографами второго стихотворения (2.20, л. 43об.—45), было бы невозможно, получи Брюсов эти стихи от неизвестного ему лица.

¹¹ Все стихи, опубликованные в *РС 2* и *РС 3* за подписью В. Дарова, были написаны Брюсовым. Ср. прим. 8 и п. 34, прим. 2.

¹² Этот астроним был раскрыт Брюсовым в письме к Перцову при посылке ему *РС 3* (*Письма к Перцову*. С. 34). Среди трех стихотворений, подписанных им в *РС 2* и *РС 3*, было и одно из высших поэтических свершений молодого Брюсова — «Она в густой траве запряталась ничком...» (1, 36).

¹³ Авторство стих. «Мечты о померкшем» к этому времени уже было раскрыто при его переиздании в антологии П. и В. Перцовых «Молодая поэзия» (см. п. 26, прим. 2). Но и перевод «Осенней жалобы» Малларме, опубликованный за той же подписью «М» в *РС 3*, принадлежал Брюсову (см.: *Письма к Перцову*. С. 34).

¹⁴ По контексту письма, приведенного в прим. 2, видно, что кавычки при слове «символисты» были первоначально для Добролюбова просто средством собирательного обозначения группы участников *РС*. Брюсов же в них увидел (ср. дневниковую запись, прочит. в преамбуле к комм.) иронический оттенок, сомнение в подлинно символистском характере своего издания. Ведь он не мог не помнить, что в шутовом по форме, но вполне серьезном по своим целям «Воззвании», присланном ему в 1894 г., Добролюбов и Гишпиус, именуя себя «представителями Великого Символизма» и «Великими Символистами», в то же время просили «г. Маслова» издать сборники своих стихотворений «без ярлыка «Русские символисты»» (82.34, л. 3—4; ср. название «момент(алистов)», под которым Добролюбов и Гишпиус фигурировали в предисловии «г. Маслова» в июне 1894 г. — п. 15, прим. 22). В ответном письме (85.16, л. 7об.—8об.) Добролюбов вновь — и на этот раз, возможно, уже нарочно — всюду ставит слово «символисты» в кавычки.

¹⁵ О выздоровлении А. Облеухова см. наст. кн. Переписка с Бальмонтом, п. 5.

¹⁶ Таковы, например, адресаты п. 22 и 33. Принципы отбора произведений для *РС* Брюсов изложил в п. 9, 33 и в *Письмах к Перцову*. С. 16.

¹⁷ Добролюбов отвечал на это: «Пропагандируйте наш журнал среди знакомых и незнакомых. Те, которые желают записаться на него, могут высылать деньги через посредство Вас. на имя Добролюбова или (прямо) на имя Добролюбова (. . .) Редакция будет приятно, если Ваши «добрые души» усердно займутся набором подписчиков. Приславшим деньги будут высланы квитанции» (85.16, л. 8—8об.). О судьбе этого издательского начинания см. п. 40, прим. 2 и п. 42, прим. 1, 4.

¹⁸ Сообщая в ответном письме, что «программа журнала весьма разнообразна: стихи, повести, сказки, проза, критика, рецензии, письма в редакцию и т. п.», Добролюбов не называет как раз переводов. Но дальше пишет: «Присылайте „Avril est mort“, переводы из Меррилла и других французских символистов, Ваши оригинальные произведения и т. п. Не переведете ли Вы что-нибудь из Ликофрана или его единомышленников? Например, „Александру“? Перевод должен быть прозаический, точный, и начало новой строки должно быть обозначено посредством тире» (85.16, л. 8). Прозаический перевод поэмы Вьеле-Гриффена «Бал на Северном мосту» («Умер апрель от любви...») и начало стихотворного ее перевода были выполнены Брюсовым в августе 1895 г. (2.21, л. 43об.—50об.; по другому автографу, в ред. 1898 г., публикуется в наст. кн., Переписка с Ковевским, п. 2, прим. 10). О переводах из Ст. Меррилла см. п. 42, прим. 6. Переводы Брюсова из александрийского поэта и ученого Ликофрана (4—3 век до н. э.) неизвестны.

¹⁹ В окончательном варианте письма Брюсов, расширил круг предлагаемых статей, так как Добролюбов отвечал: «Весьма интересно получить Вашу статью „Символизм в александрийской поэзии“. Интересны весьма Ваши критические заметки о „Natura naturans. Natura naturata“ и о сборнике Соловьева, которые будут, наверное, помещены в отделе „Библиографии“» (85.16, л. 7—8). Никаких следов работы над первой статьей в архиве Брюсова не сохранилось. О статье о «Natura naturans» см. ниже, прим. 23; различные редакции статьи «Вл. Соловьев» см. 2.22, л. 35об.—38об., 43—43об.; 3.3, л. 2—6об.; 7—9; 11об.; 15; 20—23. Статья должна была войти в книгу «Русская поэзия 95 г.».

²⁰ В ответе Добролюбова Брюсову предлагалось присылать в редакцию произведения любого жанра (см. прим. 18—19). Но возможно, что в отправленном варианте письма Брюсов вообще не ставил данного вопроса, так как вместе с письмом он сразу послал Добролюбову свои стихи. Полный перечень посланных стихов неизвестен (два из них названы в п. 40), но факт отправки подтвержден в ответном письме: «Присланные Вами стихотворения еще не рассматривались» (85.16, л. 7).

²¹ О том, что при отборе произведений для *РС* для редакции важны не только сами стихи, но и стоящая за ними «личность поэта», Брюсов писал Перцову 1 апреля 1895 г. (*Письма к Перцову*. С. 16). Одно из произведений, предлагавшихся Емельяновым для *РС* 3,— это, по-видимому, вписанное им в тетрадь № 18 стих. «Я не слышал таинственной сказки...» (2.18, л. 38об.—39; с изм. опубл. в «Обнаженных нервах»). Один из ранних вариантов плана *РС* 3 (2.19, л. 32) также предусматривал включение «1 стихотворения» Емельянова.

²² «На тиранов» (*греч.*) — девиз, поставленный в качестве одного из эпиграфов к драме Шиллера «Разбойники». Брюсов озаглавил этим девизом одну из редакций своего ответа критикам *РС* 3 и *ChdO* 1, выросшего из заметки, входящей в состав п. 38. Работа не была завершена. Материалы данной редакции см. 40.20—21, о некоторых других редакциях того же замысла см. в прим. 23.

²³ Ни в одну из известных рукописей «In tyrannos» разбор книги Добролюбова не входит. Возможно, что брошюра «In tyrannos» мыслилась Брюсовым как сборник, включавший наряду с заглавной и ряд других статей. Во всяком случае, работа над двумя замыслами шла параллельно. Первая редакция рецензии — статья «А. Добролюбов» была написана в сентябре через несколько дней после попытки ответа Арсению Г. в п. 34 и расположена в одной тетради с последним, десятью листами дальше (3.3, л. 35—39об.). В одной тетради со второй редакцией рецензии, датированной 11 ноября 1895 г. (3.2, л. 41об.—47об.), записан уже «статейный» вариант ответа критикам, озаглавленный «(Natura naturans, Natura naturata)», в котором п. 34 и реакция на него Арсения Г. упоминаются как свершившийся факт (3.2, л. 16—19, 13—27 и 3-я с. обл.; прочт. в преамбуле к комм. к п. 34). Е. В. Иванова в статье «Валерий Брюсов и Александр Добролюбов» (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. № 3. С. 260) полагает, что названные редакции рецензии на книгу Добролюбова Брюсов считал «непригодными» для столь «эстетского издания», как «Горные вершины», а поэтому написал «новый вариант рецензии», в котором «соответствовать» предполагаемому изданию». Этим новым вариантом Е. В. Иванова считает набросок о поэтическом мире Добролюбова, озаглавленный в рукописи «Natura naturata» (3.16., л. 49об.—47; в той же тетради — вариант брошюры «О журнальных критиках» — л. 20об.—28, 31об.). Однако из комментируемого письма видно, что Брюсов предлагал Добролюбову именно «разбор», тогда как последний набросок разбором книги назвать никак нельзя. Вопрос о том, какую из трех редакций собирался послать Брюсов в журнал Добролюбова, остается пока открытым и требует дополнительного исследования. Соответственно и квалифицировать набросок из ед. 3.16. как результат приспособления к вкусам Добролюбова или «игры в литературные личины» (Иванова Е. В. Указ. соч.) нет достаточных оснований.

40. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Москва. Третья декада января — начало февраля 1896 г.)

Письмо в редакцию «Горн(ых) Верш(ин)»

Начинаю воскресать. Получил способность держать в руках перо ¹. Очень интересовался бы узнать, будут ли выходить «Горные Вершины» — тщетно ищу обещанных на февраль ² объявлений *.

Должен сообщить Вам, что я печатаю 2-ое издание «Chefs d'oeuvre» ³ (московские экземпляры проданы) ⁴, куда войдет 2 из стих(отворений), посланных [для «Горных вершин»] Вам [«Утренняя звезда»] («Мы встанем с тобой при свечах...» — и «Здесь, в гостинию полутемной...») ⁵. Понимаю, этого собств(енно) не следовало бы делать, но так сл(ожились) обст(оятельств). Я очень серьезно помышлял, что [живу в сем (мире)] переживаю свои последние недели и думал лично составить посмертный сборник стих(отворений) — та(ким) обр(азом) по моим указаниям (?) была составлена большая книга, [листов в 20] [15] стихотворений в полтораста, и отправлена в цензуру, которая ее конечно пощ(ипала) значительно — вычеркну(ла) «Сладострастные тени...» ⁶, вып(устила) три «Миньоны» ⁷ и многое другое. Вызд(орове)в, я решил восп(ользоваться) этой рукописью, но раздел(ил) ее на 2 соб(ра)н(ия?) — «Juvenilia» (стих(и) из «Русских символистов») и 2-ое издание «Chefs d'oeuvre» ⁸. Последний сборник уже печатается. Впрочем, это будет издан(ие) почти домашн(ее). Продаваться будет лишь в каком-нибудь одном магазине в Петербурге и в одном магазине в Москве. — В редакции «для беспристрастного отзыва» я рассылать ее не буду, ибо в(идит) б(ог), мне этих отзывов вполне довольно ⁹.

Однако будет об этом, как говорит Геродот ^{2*} ¹⁰.

3.4 (тетрадь № 25), л. 57—56. Слагается из двух частей: за первым абзацем публикуемого текста на л. 57 следовала подпись, после которой было начато письмо П. П. Перцову. На другой половине того же тетрадного разворота опять проставлено обозначение:

«В редакцию «Г(орных) В(ершин)»», и дана строка отточий, указывающая, что далее следует не новое письмо, а продолжение ранее начатого. Первая часть письма ограничена развитием п. 39 и откликом на встречное письмо, присланное в ответ редакцией (см. прим. 2), это именно «письмо в редакцию». Вторая часть, благодаря обилию подробностей, этот официальный характер утрачивает, превращаясь в личное письмо к Добролюбову. Имеются основания (см. п. 42, прим. 2) предполагать, что вторая часть в отправленный текст письма не вошла или же претерпела в нем существенные изменения. Датируется по упоминаниям об «объявлениях на февраль» (ср. прим. 2) и о начале выздоровления и возобновления работы (ср. прим. 1).

¹ За вторую половину января в дневнике Брюсова имеются следующие краткие записи: «17. Выздоровливаю. Четверг. 18. Встаю (. . .) Суббота 20. Лучше (. . .) Понедельник 22. Выхожу 1-й раз (. . .) 27. Суббота. Заболеваю (1.14/1, л. 60б.)». После ухудшения 27 января работа была возобновлена лишь в первых числах февраля (там же, л. 60б.—7). В какое из этих двух «воскресений», 20—25 января или в начале февраля, писал Брюсов Добролюбову, неясно.

² В ответе на п. 39. Добролюбов писал: «Первый номер выйдет, должно быть, в феврале (. . .) можно записываться и до официальных газетных объявлений, которые предупредят журнал только на несколько дней» (85.16, л. 70б., 80б.). Соответственно Брюсов мог ожидать публикации объявлений и в феврале, и «за несколько дней» до начала февраля. Поэтому упоминание об объявлениях не позволяет произвольно выбрать между двумя датировками письма, задаваемыми сообщением о начале выздоровления (см. прим. 1). О причинах отсутствия объявлений см. п. 42, прим. 1.

³ Разрешенную к изданию рукопись *ChdO 2* Брюсов получил у цензора 24 января (см. 1.14/1, л. 60б.). Дата передачи рукописи в типографию неизвестна.

⁴ Речь идет об экземплярах *ChdO 1*.

⁵ Эти стихотворения вошли в *ChdO 2* под заглавиями «Утренняя звезда» и «Поцелуй» (см. I, 62—63 и 61—62).

⁶ Это стихотворение было впервые напечатано (под заглавием «Тени») лишь в 1906 г. (ЗР. 1906. № 1), в подборке с названием «Воскресшие песни» (см. I, 59 и 574).

⁷ Цикл «К моей Миньоне» в полном виде впервые появился лишь в ПСС I.

⁸ Подготовительные материалы к «Juvenilia» действительно появляются в февральской

* Далее зачеркнуто: Прислать сейчас ничего не могу, потому что еще не могу работать. За этим следовала подпись.

^{2*} Здесь письмо обрывается и следует начало рассказа «Развратник».

рабочей тетради № 25, в которой находится и комментируемое письмо (см. 3, 4, л. 40, 40об., 43—45об.). Подготовительные же материалы к *ChdO 2* сосредоточены в тетради № 24 (3.1 б, л. 13об.—15, 19об.—20об.) и завершаются черновиком предисловия, датированным 24 декабря 1895 г. (там же, л. 20об.). Однако возможно, что эти планы строились (хотя бы отчасти) как планы именно «посмертного» сборника, во всяком случае под черновиком предисловия к примечаниям Брюсов проставил подпись «А. Л. Миропольский» (3.1 б, л. 14).

⁹ Эта фраза отражает отношение Брюсова к отзывам печати об *PC 3* и *ChdO 1*, многие из них названы или процитированы выше в комм. к п. 34 и 38. О некоторых из планов и вариантов брюсовского ответа критикам этих книг см. п. 39, прим. 22—23. Правда, проект объяснения о выходе *ChdO 2* и перечне изданий, в которых его предпологалось поместить, на заднем форзаце тетради, содержащей комментируемое письмо, все же записан (3.4, л. 59об.). Однако по выходе книги из печати Брюсов действительно ограничился рассылкой немногочисленных дарственных экземпляров (см. п. 43, прилож.). И лишь к концу лета в тетради «Мои стихи № 7», в которой велась работа над будущей *МЕЕ*, появится запись: «Осенью разослать *ChdO 2*» (14.5/7, 3-я с. обложки). Рассылка *ChdO 2* и *МЕЕ* по официальным адресам производилась совместно (см. 1.20, л. 35об., а также список рассылки в 1.14/2, л. 41).

¹⁰ Аналогичная ссылка на Геродота имеется в письме к Перцову от 25 февраля (см.: *Письма к Перцову*. С. 64). Формулами вроде приводимой Брюсовым в труде Геродота часто заканчиваются небольшие по величине рассказы, являющиеся отступлениями от основного хода изложения, см., напр., рассказы о гетере Родопис, поэте Аристее, боге гетов Салмоксисе *Геродот*. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. С. 122, 191, 211).

41. БРЮСОВ — БУГОНУ

(Москва) 12.2.96

Многоуважаемый Владимир Эдмундович
(если я перепутал Ваше имя — простите)

«Г. Маслов» существует и даже очень, — если такое выражение понятно, — но, как на символического издателя, на него рассчитывать трудно¹. (Известно², что 3-ий выпуск Русских Символистов издавал уже я сам)^{*}. Других «подходящих мужчин»³, конечно, маловато; могу указать лишь на одного: это г. Снегирев⁴, владелец типографии в переулке близ Остоженки. Сей юный «печатник» страстно жаждет заняться издательством, но в его расположении к стихам я не убежден. Во всяком случае можно попытаться, указывая ему на обычный материальный успех символических сборников — наших, Коханского, Степанова⁵ и др. Теперь, что касается «редактирования», то я смутно понимаю, в чем здесь будут заключаться мои обязанности⁶. Прежде мне казалось, что редактор может исправлять чужие произведения — теперь я сильно в этом сомневаюсь⁷. Остается значит вычеркивание «плохих», но «поэт! ты сам свой вышний суд!»⁸ и, серьезно, я думаю, что оценивать свои произведения надо представить автору. Высказать свое суждение (и притом с самой беззастенчивой искренностью) я, конечно, всегда готов⁹. Четверги у меня воскресли (ибо я был «долго и тяжело» болен)¹⁰ — встретиться с Вами буду бесконечно рад.

Итак, остаюсь — ожидающий Вас Валерий Брюсов

70.12, л. 1—2. Было, видимо, переписано из-за ошибки в имени адресата. Ответ на письмо Бугона от 8 февраля 1896 г. (79.6, л. 9).

¹ Ответ на вопрос адресата: «...не будете ли Вы любезны сообщить, существует ли еще г. Маслов, первоиздатель символических сборников, и можно ли на него рассчитывать как на издателя сборника, который я имею дерзостное намерение выпустить в свет» (там же).

² Бугону это обстоятельство известно быть не могло, так как хотя на титуле *PC 3*, в отличие от *PC 1* и *PC 2*, имя Маслова уже не значилось, но нигде не было объявлено, что издателем выступает Брюсов. Обращение к «г. авторам» от издателя в этом выпуске было анонимным. О хронологическом разрыве между фактическим исчезновением имени Маслова и попыткой дать этому исчезновению «юридическое» объяснение см. п. 37, прим. 3.

³ Бугон писал Брюсову: «Если г. Маслов не имеется, то нет (ли) другого какого-либо подходящего мужчины» (79.6, л. 9).

⁴ По-видимому, сын владелицы печати А. Снегиревой, в которой печаталась книга А. Курсинского «Полутени». Из дневниковых записей и хронологических отметок Брюсова начала февраля 1896 г. явствует, что Снегирев и Курсинский в это время готовили к изданию сборник переводов французского прозаика Шарля Нодье. В качестве переводчиков ими были привлечены, в частности, П. С. Коган и Брюсов. Брюсов переводил сказку «Смарра. Демон

* Фраза, помещенная в скобках, в оригинале дана как подстрочное примечание с номером 1, но знак сноски к нему перечеркнут карандашной галочкой — знаком вставкл.

ночи» (см. 1.14/1, л. 7; черновики перевода см.: 27.2) ср. также озаглавленный по этой сказке план Брюсовского «сборника оригинальных и переводных рассказов» — 2. 21, 3-я с. обложки).

⁵ О книгах А. Н. Емельянова-Коханского и С. Д. Степанова см. п.30, прим. 2 и п. 38, прим. 17.

⁶ Бугон просил Брюсова быть редактором издаваемой им книги: «Вы бы крайне обязали нас, если бы согласились проредактировать вышереченный сборник» (76.9, л. 9).

⁷ О редакторской правке Брюсовым стихов самого Бугона (Мартова) см.: *Гудзий 1927*. С. 191 и п. 8, прим. 1—3,6. Просьба Мартова в письме, на которую здесь отвечает Брюсов, свидетельствует, что эти поправки, если и не были заранее согласованы с автором, то, во всяком случае, одобрялись им *post factum*. Брюсовская редакция в *РС 3* стихотворения другого автора, Христопопуло, вызвала со стороны последнего резкую реакцию (см. его письмо в ст.: *Гудзий 1927*. С. 191).

⁸ Совмещение двух строк (1 и 9) из стих. А. С. Пушкина «Поэту»: «Поэт! Не дорожи любовью народной» и «(. . .) Ты сам свой высший суд».

⁹ Ср. объяснение принципов подхода к критике поэзии в п. к Ноздрину (п. 33).

¹⁰ О болезни Брюсова см. п. 39, прим. 1 и п. 40, прим. 1.

42. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Москва. После 13 февраля 1896 г.)

Милостивый государь

Посылаю два стихотворения¹, о которых Вы упоминали*. Затем еще два — ^{2*} которые я нахожу прекрасными³. Если чем-либо воспользуетесь, не откажите уведомить⁴.

Бальмонта увижу завтра⁵.

Прибав(ляю) еще перев(од) из J. Mor(éas) (?)⁶, но должен сказать, что это стихотворение для M(ореаса) мало характерное.

Приложение к п. 42

И З Ж. МОРЕАСА

Я родился у ропотного моря
 Печального и синего. В песках
 У берега, с приливом вечно споря,
 Томились лилии. На бледных лепестках
 Как на твоем лице, читал я отблеск горя,
 И стебли билися в волнах,
 Как тела твоего стыдливые извивы...
 Увы! моя любовь! Мы были так счастливы,
 Но не хотела ты, чтоб страстная гроза
 Смутила нас... О не твой ль глаза
 — Мерцанье ропотного моря!

3.4 (тетрадь № 25), л. 26об. Датируется по расположению вслед за второй редакцией «Апологии символизма» (13 февраля 1896 г. — л. 4об.—24об., 25об.). Ответ на письмо Добролюбова от начала февраля 1896 г.) (85.16, л.6).

¹ Добролюбов писал Брюсову: «Горные вершины» — журнал отложен до января будущего года. «Горные вершины» — сборник в 15 листов с иллюстрациями Соломко и воспроизведениями картин издается г. Ледерле в Апреле. (. . .) Прошу прислать поскорее затерянный мною «А если он возвратится...» и «И мы дрожим и мы не знаем» (там же). Первое названное Добролюбовым стихотворение — перевод из Метерлинка, выполненный 16 декабря 1895 г. и тогда же сообщенный Перцову (*Письма к Перцову*. С. 57; опубликовано впервые в *КР*). Второе стихотворение, названное Добролюбовым по одной из срединных строк, — это «Мечты, как лентами, словами...» (20 декабря 1895 г.; I, 40). Между беловыми автографами обоих стихотворений в тетради «Мои стихи» № 6 (см. прим. 3) Брюсов синим карандашом пометил «Горные вершины», а позднее уже простым карандашом добавил: «Принято, но сборник не вышел» (14.5/6, л. 7).

² Брюсов уже писал Добролюбову о подготовке *ChdO 2* в п. 40. По-видимому, вспоминая об этом, он и зачеркнул данный фрагмент. Однако не исключено и то, что п. 40 было послано

* *Далее зачеркнуто*: Затем мне было бы очень интересно узнать, чем из моих стих(отворений) Вы думаете воспользоваться. Дело в том, что я печатаю 2-ое (дополненное) издание «Chefs d'oeuvre»² и некот(орые).

^{2*} *Далее зачеркнуто*: единств(енные) удачные, что я написал после моей болезни.

адресату в сокращенном виде, напр., в объеме первой из двух частей тетрадного черновика (см. описание его строения — п. 40, преамбулу к комм.).

³ В тетрадь «Мои стихи» № 6 (14.5/6), первые 16 листов которой представляют собой авторскую «выборку из ненапечатанных стихов» (л. 1) предыдущих тетрадей, Брюсов включил лишь следующие стихи января—февраля 1896 г.: «Сумрак за черным окном...» (МЕЕ; I, 126); «Весна» («Белая роза дышала на тонком стебле...») (МЕЕ; I, 104); «Луч денницы» («Тайны мрака побелели...») — начато до болезни, но закончено 12 февраля (МЕЕ; I, 127); — «И я взглянул: и ты уснула; и я ушел; и умер день...» (ИСС I; I, 105 — в другой редакции); «Я вернулся на яркую землю...» (МЕЕ; I, 124) и «Это матовым вечером мая...» (МЕЕ; I, 120 — с более поздней датировкой). Можно полагать, что и два стихотворения, посланных Добролюбову, — раз Брюсов находил их «удачными» или «прекрасными» — были среди 6 вещей, вошедших в данную тетрадь.

⁴ Добролюбов о «Горных вершинах» Брюсову больше не писал. 20 марта 1896 г. Брюсов запрашивал Перцова: «Не знаете ли Вы, как идут дела сборника «Горные вершины», я не имею о нем никаких сведений» (Письма к Перцову. С. 70). Перцов ответил Брюсову 29 марта 1896 г.: «Сборник этот погиб в проекте из-за выхода Гиппиус (не З.Н., конечно, а alter...»^{3*} Добролюбова). Добролюбов говорил мне, почему Гиппиус отказался, но я уже не помню. Одной фальшивой книгой стало меньше» (98.6, л. 7об). Издание журнала «Горные вершины» также не осуществилось.

⁵ Встречи с Бальмонтом отмечены в дневнике Брюсова 23, 27, 29 февраля (1.14/1, л. 7об.—8). Добролюбов просил Брюсова «рассказать о деле Бальмонту и просить скорей присылки чего-нибудь» (85.16, л. 6).

⁶ Это имя записано в оригинале письма сокращенно и может быть расшифровано и как «S. Mer(ril)». Добролюбов просил о присылке стихов Мерриля (см. п. 39, прим. 18), но первый перевод из Мерриля в тетрадях «Мои стихи» («Первый снег») датирован лишь 29 июня 1896 г. (14.5/8, л. 5об.—6) и никак не мог быть послан с данным письмом. Первый же перевод из Ж. Мореаса («Я родился у ропотного моря...») (14.5/5, л. 39 и 5/6, л. 10) датирован 20 февраля 1896 г. На этом основании расшифровываем сокращенное обозначение в письме как «J. Moreas» и присоединяем к письму текст указанного перевода (следующий перевод из Мореаса, стих. «Виконтесса», был выполнен Брюсовым уже 13 марта, см.: 14.5/6, л. 16об.—17). Стихотворение печатается по более позднему автографу из ед.14.5/6; автограф в ед.5/5 отличается в пунктуации, и последняя строка в нем читается: «Мерцанье девственного моря!» Позднейшую редакцию перевода того же стихотворения см.: ПСС XXI. О поэзии Ж. Мореаса Брюсов в неоконченном предисловии к переводам его стихов, готовившемся для РС 4 и находящемся в одной тетради с письмом, писал так: «Отличительная черта поэзии Мореаса — ее полная свобода от традиций, которая не переходит в намеренное оригинальничанье — что было бы также рабством. Образы пластичны, поэт старается создать настроение не рядом отдельных строк, а впечатлением целого. В конце 80-х годов Мореас основал романскую школу. Поэты этого направления сетуют на то, что за последний век французская литература изменила своему природному гению (. . .) Чтобы воссоздать истинно французскую литературу, поэты романской школы возвращаются к греко-латинским источникам, подражают ритмам Ронсара, вводят старинные слова, пишут друг другу оды и призывают эллинских богов» (3.4. л. 52об.—53).

43. БРЮСОВ — В ТИПОГРАФИЮ Э. ЛИССНЕРА И Ю. РОМАНА

(Москва. Конец марта 1896 г.)

Если это только возможно, я очень просил бы Вас прислать мне экз(емпляры) Chefs d'oeuvre (вместе со счетом) сегодня до 6 часов. — Вы давно обещали мне их, а я жду их с б(ольшим) нет(ерпением)¹

Валерий Брюсов

Приложение к п. 43

ПРОЕКТЫ ДАРСТВЕННЫХ НАДПИСЕЙ БРЮСОВА НА ВТОРОМ ИЗДАНИИ КНИГИ «CHEFS D'OEUVRE»²

Александр Николаевичу Шварцу в знак неизменного и глубокого уважения от автора³.

В. Буренину от грубо изруганного им автора⁴.

А. Курсинскому. Полупоэту и полудругу⁵.

К. Д. Бальмонту — [божественному поэту, собесед(нику), кот(орый) за(ставляет) трепет(ать) и критику, м(н)ен(ия) которого меняются ежедневно] которого я люблю — от Валерия Брюсова⁶.

^{3*} Второе я (лат.).

В. М. Фриче — одному из тех, мнение которых я когда-то ценил⁷.
 Александру Добролюбову — выписать стихотворение ему⁸.
 Марку Криницкому — пис(ателю,) которым я когда-то интересовался⁹.
 Г. Арсению Г. [изнывающему под бременем стихов и потому рифмующему «призраки» и «лики»] тонкому ценителю и поклоннику симв(олической) поэзии¹⁰.

4.4 (тетрадь № 6 primo), 3-я страница обложки, карандашом, под списком корректурных поправок к *ChdO 2* и главным образом к *PC 3*. Адресат установлен по содержанию письма. Датировка письма определяется следующими соображениями. 4 апреля Брюсов уехал из Москвы в Петербург. Письмо от В. М. Фриче, с которым тот вернул посланный ему дарственный экземпляр *ChdO 2*, Брюсова в Москве уже не застало (см. об этом 1.14/1, л.11 об.). Значит, Брюсов успел получить и разослать первые экземпляры книги до своего отъезда. В то же время сведения из п. 44 о том, что часть тиража, предназначавшаяся для петербургских магазинов, послалась за Брюсовым вдогонку в Петербург, а не была вручена ему в Москве, показывают, что получение первых экземпляров произошло незадолго до отъезда. Наконец, в письме к Перцову от 2 мая 1896 г. прямо говорится о «трех неделях, отделявших возвращение в Москву (18 апреля — см. п. 44, прим. 2) от рассылки книги. Все это позволяет отнести описанное в комментируемом письме ожидание книги к последним числам марта 1896 г.

¹ Речь идет о *ChdO 2*. Нетерпение Брюсова на этот раз объяснялось не только понятным желанием автора поскорее увидеть свою новую книгу. Имели значение и его намечаемый отъезд в Петербург и то, что он на этот раз придавал рассылке сборника особый смысл, видя в ней своеобразную форму ответа на глубоко пережитую им отрицательную или равнодушную реакцию друзей и прессы на первое издание. 30 августа 1895 г. Брюсов записывал: «Мои Chefs d'oeuvre на моих друзей произвели — сознаюсь — самое дурное впечатление. Прямо порицание не высказывают, но молчат, что еще хуже» (*Дневники*. С. 22; ср. также запись от 8 сентября в прим. 10). Возможно, что уже тогда зародился и замысел будущего ответа-мести: «Сегодня в университете (. . .) везде раздавался шепот, шипение: “декадент, декадент”. А! Так-то! Берегитесь! (. . .) А, Курсинский! Клянусь — ты холоден. Берегись» (Там же. Запись от 11 сентября 1895 г.).

² В связи с тем значением, которое придавал Брюсов рассылке *ChdO 2* (см. прим. 1), он с особой тщательностью подошел к подготовке дарственных надписей. Из письма к Перцову от 2 мая 1896 г. известно, что некоторые из дарственных надписей на этот раз формулировали отношение Брюсова к адресатам с обидной для тех прямотой, как бы продолжавшей резкую формулировку предисловия к *ChdO 2*: «...те лица, мнением которых я дорожил, и те, которых вправе считать поклонниками моей поэзии — выказали такое грубое непонимание ее, что я теперь только смеюсь над их суждениями» (*ChdO 2*. С. 7—8; В I, 573 — опечатка: «выказали» вместо «выказали»). Сообщение в письме к Перцову, однако, не свободно от элементов мистификации. Так, в нем сообщается о возврате книги никогда не существовавшим поэтом А. Бронным и приводится текст якобы возмущившей последнего дарственной надписи (*Письма к Перцову*. С. 73; ср. п. 39, прим. 4). Поэтому особенно ценна та возможность проверки сообщения Перцову, которую предоставляют нам рабочие тетради. Первый, более ранний черновой проект восьми дарственных надписей, публикуемых в качестве приложения к комментируемому письму, записан на заднем форзаце тетради № 24 (3.1 б, 3-я с. обл. и л. 60 об.), под перечнем корректурных поправок к *ChdO 2*. Второй вариант записан на полях более полного списка рассылки книги в тетради № 25 (3.4, л. 51 об.—52), содержащиеся в нем расхождения с первым проектом оговорены ниже в примечаниях. Из лиц, вновь введенных в этот список, дарственная надпись записана только возле фамилии Ланга («Христос воскрес?»). Возле записи «Облеуховым 3 экз» написано: «Анне Дм(итриевне Пустошкиной) — стих(отворение)» («На) же(урчащей) Го(давери?)» (об адресате см. п. 49, прим. 6).

³ А. Н. Шварц — один из университетских преподавателей Брюсова, о котором Брюсов впоследствии упоминал так: «...занятия на филологическом факультете (. . .) не очень многим отличались от гимназических уроков (. . .) проф. А. Н. Шварц, будущий министр (народного просвещения.— С. Г.), задавал нам на дом “уроки”» (*Автобиография*. С. 108). В списке рассылки (см. прим. 2) надпись повторена без изменений.

⁴ О Викторе Петровиче Буренине, авторе одного из самых резких отзывов о *ChdO 1* (*Буренин В. П. Критические очерки: Литературное юродство и кликушество // Новое время*. 1895. № 70076, 1 сент.), а также скандального фельетона, упоминаемого в п. 38, прим. 30, см.: наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 17, прим. 3. В список рассылки тетради № 25 (см. прим. 2) Буренин не включен, зато в этой тетради появляется острая пародия на Буренина-критика (см.: *Тяпков С. Н. Брюсов-пародист // Чтения 1983*. С. 202—204).

⁵ Надпись обыгрывает название книги Курсинского «Полутени» (ср. вариант, приведенный в *Письмах к Перцову*. С. 73, а также зачисление Курсинского в категорию «полудекадентов» в брошюре, указ. в п. 39, прим. 6). 2 мая 1896 г. Брюсов сообщил Перцову: «Курсинский прислал письмо, начинающееся словами: “М. Г. Неужели Вы etc”» (*Письма к Перцову*. С. 73). Такого письма в архиве Брюсова нет. Следы обиды и размолвки, впрочем недолгих, сохранились в дневнике. «Друзья мои — кроме Бальмонта — отвернулись от меня после рассылки им 2-го изд. с моими надписями», — записывает Брюсов 11 мая (1.14/1, л. 13 об.). Но уже 16 мая он пишет: «Был сегодня у Бальмонта (. . .) Он говорит, что Курсинскому хотелось бы меня

повидать» (там же, л. 14). В записанной 23 мая хронографии читаем: «19 Воскресенье. С Бальмонтом у Курсинского; 21 Вторник. Курсинский у меня (. . .) 22 Среда. С Курсинским у Бальмонта» (там же, л. 140б.). В тот же день была сделана более пространная запись: «Состоялось примирение с Курсинским. Жалкие люди! их можно оскорблять сколько угодно и они будут еще считать это за честь» (там же, л. 14). Летом 1896 г. Брюсов и Курсинский интенсивно и вполне дружески переписывались (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 24—32).

⁶ Добавление о Бальмонте-критике, столь отличающееся по тону от предыдущей части зачеркнутого варианта надписи, по-видимому, обязано своим происхождением изменчивому отношению Бальмонта к *ChdO I*. 27 декабря 1895 г. Брюсов записал: «Жалкая прония судьбы. Теперь, когда я разочаровался в «Chefs d'oeuvre», их начинают хвалить — и Бальмонт! Бальмонт!» (*Дневники*. С. 23). В списке рассылки (см. прим. 2) при фамилии Бальмонта воспроизведен лишь верхний слой данной надписи: «которого я люблю».

⁷ Надпись повторена в списке рассылки (см. прим. 2). Вариант, приводимый в *Письмах к Перцову*, отличается от данного лишь незначительно. Об отношениях Брюсова и Фриче в 1894—1895 гг. см. п. 29, преамбулу к комм. 30 августа 1895 г. Брюсов записал в дневнике про день выхода *ChdO I*, 24 августа: «Дома — сначала Chefs d'Oeuvre, потом Фриче. «Это два» успокоило мое сердце» (1.13/2, л. 16). Совпадение выхода книги и прихода Фриче должно было показаться Брюсову знаменательным. Он относил Фриче (как и Бальмонта и Лялечкина) к числу немногих «друзей и знакомых», «действительно понимающих поэзию». К тому же Фриче ранее хвалил стихи, предназначавшиеся к включению в *ChdO I* (см.: *Письма к Перцову*. С. 14). Однако Фриче встретил *ChdO I* отчужденно. В той же записи от 30 августа Брюсов принужден был признать: «Престиж мой у Фриче упал» (*Дневники*. С. 22). А 1 сентября он записал: «Фриче, Шулятиков — ничего не понимают в поэзии» (1.13/2, л. 17). Однако, несмотря на свое неприятие *ChdO I*, Фриче стойко поддерживал Брюсова во время стихийного бойкота, которому тот подвергся в университете после выхода книги (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 17, прим. 1). Тем острее должен был воспринять он неза заслуженную обиду, нанесенную ему Брюсовым в комментируемом инскрипте. Подаренный экземпляр *ChdO 2* Фриче вернул с возмущенным письмом (106.47, л. 4—5). Отношения между ним и Брюсовым прервались и восстановились (да и то не в прежнем качестве) лишь в самом конце 1896 г. (см. п. 58, прим. 11). Ср. также п. 93, преамбулу к комм.

⁸ Стих. «А. М. Добролюбову» (III, 234), написанное еще 4 октября 1895 г. под впечатлением от книги *Добролюбов 1895*, кончалось строкой: «Мчитесь, куритесь, стихи, фирмамом».

⁹ О динамике брюсовского отношения к творчеству М. В. Самыгина (М. Кривницкого) см. подробнее наст. кн., Письма к Самыгину, вступ. ст. Н. А. Трифонова. Первую книгу Кривницкого — «В тумане» (вышла в самом начале 1895 г.) Брюсов оценил высоко (там же, прим. 12 и 39). В комментируемом проекте надписи показательное обращение к хорошо знакомому человеку не по его реальному имени, отчеству и фамилии, а по литературному псевдониму. Но в списке рассылки (см. прим. 2) указана уже подлинная фамилия Самыгина, а дарственная надпись отсутствует. Это позволяет предположить, что обидная для Самыгина надпись осталась достоянием брюсовских черновиков. Подобное предположение тем более вероятно, что в тяжелые недели после выхода *ChdO I* Брюсов, несмотря на некоторое раздражение против Самыгина (ср. слова о его «однообразии» в дневниковой записи от 1 сентября 1895 г.—1.13/2, л. 17), не мог не оценить «искренного сочувствия» последнего (*Дневники*. С. 22. Запись от 11 сентября).

¹⁰ Об Арсении Г. см. п. 15, прим. 10. Иронические слова о «ценителе и поклоннике» относятся ко всей серии антисимволистских выступлений Арсения Г. в «Новостях дня» (см. п. 14, прим. 1). Но его отклик на *ChdO I* и *PC 3* переживался Брюсовым особенно тяжело. 8 сентября 1895 г. Брюсов записал: «Ругательства в газетку меня ужасно мучат. Веду, насколько могу, полемику (см. «Новости дня»)» (*Дневники*. С. 22). Слова о полемике, «насколько могу», в «Новостях дня», конечно, относятся к п. 34 и к тому недостойному его использованию, которое позволил себе Арсений Г. Тем самым устанавливается и одно из «ужасно мучительных» «ругательств» — третий из фельетонов Арсения Г. под заглавием «Московские декаденты» (см. п. 34, преамбулу к комм.).

Упомянутая в зачеркнутой части инскрипта рифма «призраки-лики» относится к типу разноударных рифм, в русской поэзии (в отличие, напр., от английской) не употребляемых. В какой из публикаций Арсения Г. встретилась данная рифма, установить не удалось. В списке рассылки (см. прим. 2) дарственная надпись Арсению Г. отсутствует.

44. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Москва. Третья декада апреля 1896 г.)

Привет.

Письмо мое запоздало, Александр Михайлович: я все время скитался по разным городам ¹ и только [дня два] [три] несколько дней как вернулся ² в Москву [(из Варшавы)]. Нашел я здесь присланные мне от Лиснера и Романа книги ³, но оказалось, что переделали они обложку лишь тех 200 экземпляров, которые послали мне в Петербург, остальные остались в прежнем виде. [Вчера] Третьего дня я был в типографии и более или менее поссорился с ними. Это, конеч-

но, не должно разрушить нашего проекта ⁴. Летом мне предстоит печатать «Juvenilia» ⁵ и Последний выпуск «Русских символистов» ⁶ — обратиться же я думал в типографию Снегирева ⁷, который уже давно предла(гает) мне свои услуги, обещая [даже] купить для меня шрифт и вообще суля всякие блага. Если Вы ничего не имеете против этой типографии, присылайте свою рукопись ⁸ — относительно уплаты Снегирев мне всегда гов(орил), что я могу назначать какие угодно сроки. Если же [печатня] типография Снегирева * Вам не нравится, — то не найдете ли Вы возможным, чтобы в этом случае я сделал Ваше издание под м(оим) изданием (в) л(юбой) (?) тип(ографии.) [Можно] будет обратиться к Левенсону ⁹ или даже в какую-либо петербургскую типографию. В том, что называется «условиями», уж вероятно мы сойдемся ¹⁰. Мне было бы очень жаль, если б издание Вашей книги замедлилось.

В. Б.

34.6, л. 12об., на обороте обложки рукописи рассказа «Под старым мостом», датированного (л. 11об.) 12 февраля 1896 г. Копия (с большими неточностями) рукой И. М. Брюсовой—71.7, л. 6. Датируется по упоминанию о возвращении из поездки (см. прим. 1—2).

¹ В апреле 1896 г. Брюсов совершил короткое путешествие по маршруту Москва — Петербург—Рига—Варшава—Москва (см. его дневниковые записи о поездке 1.14/1, л. 11—13).
² Брюсов вернулся в Москву 18 апреля (там же, л. 13).

³ Тираж *ChdO* 2.

⁴ Во время встреч в Петербурге 6—11 апреля 1896 г. (см. о них 1.14/1, л. 11об. и *Дневники*. С. 24) Брюсов, видимо, предложил Добролюбову включить его книгу в свои издательские планы (о них см. п. 37, прим. 3). Но Добролюбов в ответном письме спрашивал: «О неизменности какого проекта пишете Вы?» (85.16, л. 9об.). В его памяти петербургские встречи с Брюсовым запечатлелись скорее с поэтической, а не деловой стороны. В упомянутом ответном письме «вопросам близким жизни и точности трех измерений» предшествует следующая зарисовка-воспоминание, переходящая в попытку обобщенной характеристики адресата и его творчества:

«От А. М. Д(обролюбова). Думал о гордой первообытности, которая при нежных и волокнистых звуках гобоев и Ноева там-тама приближается к миру, Царица рыжего льва! ты сквозила в задумчивых глазах галла Верлена и в бороде Гиппиуса и в благородной покорности Вашего лица.

Заключение: вам шестнадцать лет! Но вы обладаете сравнительной презрительностью к треску. Но вы указываете намеки первоначальных и чистых образов. Но вы точный и истинный ученый искусства. Заключение: много обещаний: предсказания падают.

(У вас многое лучше Минского и Мережковского. Но не их места добиваетесь вы? Да.)» (85.16, л. 9).

⁵ Сборник «Juvenilia» был разрешен цензурой 9 августа 1896 г. (см.: *ИСС I*, 251 п. 1, 565), но в свет выпущен не был. Цензурный экземпляр сохранился (5.1).

⁶ *РС 4* не был издан, его план см., напр., 3.4, л. 1об., 53.

⁷ О Снегиреве см. п. 41, прим. 4.

⁸ Какая книга имела в виду, не совсем ясно. Добролюбов спрашивал в ответном письме: «Что именно Вы хотите издавать? “Только замечания” или “Natura naturans. Natura naturata”?» (85.16, л. 9об.). Он говорит о «второй тетради» сборника «Natura naturans» (одноименная книга 1895 г. имела на титуле помету: «Тетрадь № 1») и о книге прозы «Только замечания». Брюсов в известных нам издательских планах предусматривал выпуск лишь поэтических книг. Добролюбов же 4 месяца спустя просил финансовой помощи для публикации именно прозаической книги (см. п. 46, прим. 2). Ни та, ни другая книга в свет ни вышли. О судьбе сборника «Только замечания» (вар. загл. — «Одни замечания») см. наст. кн., Переписка с Курским, п. 36, прим. 3.

⁹ «Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон» — одно из наиболее известных и солидных полиграфических предприятий того времени (см., напр.: *Пушкин Н. Е.* Статистика акционерного дела в России. Т.3: Условия деятельности и доходность акционерных предприятий. СПб.: Т-во И. Н. Кушнерев и К^о, 1898. С. 224). Предлагаю обратиться в него, Брюсов учитывал повышенный уровень запросов своего адресата. Своих книг он в этой типографии не печатал.

¹⁰ Добролюбов писал в ответ: «Точно ли понято Ваше предложение быть моим издателем? — я печатаю в Петербурге, а Вы пока расплачиваетесь с типографией...» (85.16, л. 9об.).

* Было: Снегиревой

45. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Пятигорск. Вторая половина июня — начало июля 1896 г.)

Я, конечно (?), не только согласен, но и очень рад, уважаемый А(лександр) М(ихайлович) ¹. Сообщите мне, сколько будет стоить издание и в каком будет(е) месяце печатать *. Я «прип(лю) обеща(нное)» ². Адрес мой «П(ятигорск) Тепло-серная ул., д. Савельева» ³. Письма, посланные в Москву, легко могут затеряться.

Ваш В. Б.

3.5 (тетрадь № 27), л. 21. Ответ на несохранившееся письмо Добролюбова. Датируется по упоминанию пятигорского адреса (см. прим. 3). Брюсов приехал в Пятигорск 14 июня (см.: Дронов В. С. К творческой истории «Me eum esse» // *Чтения 1971*. С. 76; *Он же*. Из неопубликованных страниц дневника Брюсова // В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 110). Вместе с тем нельзя полностью исключить и того, что письмо было написано до отъезда из Москвы, т. е. до 9 июня: Брюсов мог знать свой адрес еще в Москве или же просить своего корреспондента посылать первые письма на почтамт до востребования.

¹ Речь идет о просьбе Добролюбова оказать финансовую помощь предпринимаемому им изданию (см. п. 44, прим. 8 и 10).

² «Обещание», возможно, было дано еще во время апрельской встречи Брюсова и Добролюбова в Петербурге и подтверждено в п. 44.

³ В рукописи обозначена только начальная буква «П». Восстанавливаем реальный пятигорский адрес Брюсова по указанию в письме к Перцову от 19 июля 1896 г. (*Письма к Перцову*. С. 77) и данным, приводимым в названных в преамбуле статье и публикации В. С. Дронова. Однако Брюсов мог просить своего корреспондента адресоваться и на «Почтамт. Post restante» (ср. преамбулу к комм.).

46. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Пятигорск. До 23 июля 1896 г.)

Я не получ(ил) ответа на два моих письма к Вам ¹, уважаемый Александр Михайлович, — и совершенно не ведаю, что с Вами и где Вы. Может быть, это и случайность, но я слишком ясно чувствую, что так и должно быть. Кажд(ому) из нас вечно суждено переступить какую-то заветную черту — что будет приводить другого в смущение и в негодование ². Мне хочется только сказать Вам раз [на(всегда)] для вечности, что я люблю Вас всей душой — или лучше всем сердцем ^{2*}, без рассуждений и с ^{3*} ненавистью. Этой любви конца (?) быть не может и потому я ост(аюсь) любящим (?) Вас ³

В. Б.

3.5 (тетрадь № 27, в обратном заполнении), л. 55, с пометой: «К Добролюб(ову)». Датируется по расположению в тетради между автографом, озаглавленным «Андрей Колосов (письмо к Наде) и с изменениями вошедшим в письмо Брюсова к домашним от 17 июля 1896 г. (л. 55—54об.; см. наст. публ., Прилож. 3, Н. 40) и «Предисловием к “Me eum esse”, датированным 23 июля (л. 44).

¹ Одно из этих писем, вероятно, — п. 45. Второе письмо неизвестно. Возможно, что его след (как и след добролюбовского ответа на него, который, вопреки утверждению в комментируемом письме, дошел до Брюсова, но неизвестен нам) сохранился в дневниковой записи Брюсова от 27 июня 1896 г.: «Получил письмо от Добролюбова; жалею, что писал ему дерзко» (1.14/1, л. 18об.).

² Реакция Добролюбова на этот поэтический образ была довольно оригинальной: «Итак, я удаляю свою заветную черту, столь родственную мне недавно: ибо вы может быть и угадали (. . .) И преступаю противоположную черту: она грубее, т. е. жизненнее. *Мне необходимы 50 обыкновенных человеческих рублей*» (85.16, л. 11об.). Пересылая это письмо из Москвы в Пятигорск, Я. К. Брюсов писал сыну 2 августа 1896 г. «Вчера получили письмо Добролюбова (. . .) Хотя я и не понял его символические бредни, но зато понял о человеческих рублях» (78.23, л. 29). Запрос Добролюбова поставил Брюсова в очень трудное положение. В п. 45 он, соглашаясь финансировать добролюбовское издание, просил сообщить заранее, «сколько будет стоить издание и в каком месяце будете печатать». Добролюбов же просил деньги немед-

* Данное слово в рукописи стоит перед словом «будете».

2* Далее зачеркнуто: так, как любят женщины, т. е.

3* Было: без

ленно, а запрашиваемая сумма, и сама по себе значительная, во время лечения вдали от дома вырастала в серьезную проблему. 6 августа Брюсов записал в дневнике: «Получил (. . .) письмо от Добролюбова, ответ на мое объяснение в любви (. . .) пришлось просить у домашних еще денег, и горько: и лечение нужно, и издательство предстоит большое» (1.14/1, л. 23об.). В тот же день Брюсов обратился к отцу с просьбой о деньгах, не упоминаемая, конечно, что половину их намерен послать автору «символических бредней»: «Если (. . .) продолжать здешнее лечение (. . .) опять понадобятся деньги, ибо остающихся у меня (. . .) не хватит. А я не знаю, в каком положении наш финансовый вопрос. Боюсь, что отделка квартиры, покупка коровы и тому подобное поглотило столько денег, что свободной сотни сейчас никак не найдется» (142.6, л. 9). Сто рублей действительно были для семьи Брюсовых большой суммой, и пока они были изысканы, Брюсов еще, по крайней мере, трижды, в письмах от 9/10, 14 и 16 августа, обстоятельно и настойчиво обосновывал необходимость этой суммы, даже при скромной жизни, на долечивание, на врачебные гонорары и обратный путь в Москву (142.6, л. 11, 25—25об., 26—26об.). Не зная, получит ли деньги, он все это время не отвечал Добролюбову. 16 августа Я. К. Брюсов переслал сыну еще одно письмо Добролюбова. Хотя новое письмо было, по выражению Я. К. Брюсова, «опять о человеческих рублях» (78.23, л. 48об.), написано оно было уже совсем в ином тоне, чем предыдущее, и даже начиналось, в отличие от прочих писем Добролюбова, не только привычной декларацией «От А. М. Д.», но и нормальным обращением к адресату: «Валерий Яковлевич! Не знаю, получили ли вы мое письмо, где я решаюсь попросить у Вас 50 рублей для печатания «Только замечаний» только благодаря Вашему последнему письму (. . .) Деньги очень необходимы, печатанье начато и приостановлено вследствие понятной причины...» (85.16, л. 12). На следующий день после пересылки этого повторного обращения Я. К. Брюсов отправил сыну деньги (78.23, л. 48, 50 и след.), и тот смог наконец выполнить просьбу Добролюбова. Отправка денег предвлялась телеграммой, три варианта которой записаны Брюсовым непосредственно под текстом повторного запроса Добролюбова и на его обороте. Первый вариант телеграммы предполагал одновременную посылку Добролюбову и более подробного письма. Две попытки набросать такое письмо были сделаны там же, где и телеграмма, — на обороте добролюбовского письма (85.16, л. 12об.). Перебеленный текст этого письма датирован 21 августа 1896 г. Не желая признаваться в действительной причине своего молчания — отсутствии денег, Брюсов в письме вынужден был изобретать приемлемое оправдание: «(. . .) я не сообщил своим домашним нового адреса, и только сегодня, случайно заехав на свою старую квартиру в Пятигорске, — нашел я московское письмо» (71.7, л. 2). Но письмо осталось в архиве Брюсова, исчезла ссылка на письмо и из телеграммы. Отказавшись от изобретения оправданий, Брюсов ограничился словами извинения: «Деньги вышло. Извините. Валерий Брюсов» (85.16, л. 12об.).

Добролюбов, получив деньги, не ответил Брюсову. Брюсов оставался в неведении о том, дошли ли деньги до адресата, вплоть до января следующего года, когда, будучи в Петербурге, обратился с запросом в канцелярию Петербургского почтамта (*Дневники*. С. 27—28). А о том, почему Добролюбов, получив деньги на издание, «ничего не напечатал» (там же), Брюсов узнал и вовсе через 2 года (там же, с. 43).

³ На это «объяснение в любви» Добролюбов отвечал так: «Я, конечно, понимаю возможности любви. Они прекрасны! Ибо я умею любить, т. е. люблю себя. О блистательные зеркала, где отражались целыми часами мои обнаженные плечи! И занавески! И бесстрашие!» (85.16, л. 11). Ср. с этой откровенной автохарактеристикой позднейшее свидетельство современника: «По силе фанатической самовлюбленности и полнейшего самосредоточения на своей только личности это был совершенно исключительный человек» (*Перцов. Литературные воспоминания*. С. 236). Ср. также финал денежного инцидента, изложенного в прим. 2.

47. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

4 августа 1896 г. (г. Пятигорск)

Видел Ваше море ¹ — днем, и ночью при луне — бродил среди кипарисов по развалинам [дворца] Ореанды и проплывал мимо «тяжелого» Аю-Дага *, потом взбирался на [пятивершинный] пирамидальный Бештау, смотрел на Эльборус из беседки Эоловой арфы, пытался любоваться здешними ^{2*} водопадами ², все было довольно ничтожно и жалко ³ — хороша разве только отдаленная гряда снежных кавказских гор, да и то лишь потому, что она далеко ⁴.

Создал я грезой моей
Мир идеальной природы
О, как ничтожны пред ней
Небо, и скалы, и воды —⁵

* Далее зачеркнуто: а на заре искал глазами див(ные) красоты в панораме крымских берегов

^{2*} Было последовательно: кисловодскими; маленькими

КРЫМСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Рисунок В. Я. Брюсова

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Был немножко влюблен, встречался под сенью маслин, целовался под говор горных ручьев — но гораздо лучше чувствовал себя в кисловодском парке, когда там горели фонарики и играл оркестр.

Я помню вечер — бледно-скромный,
 Цветы уснувших георгин
 И детский взор — он мне напомнил
 Глаза египетских богинь ⁶

Потом я ^{3*} был счастлив и отчаив(ался), ликовал и проклинал, умирал и писал предсмертные стих(и) ⁷, собрался в Самарканд ⁸, но с первой станции вернулся — наконец расхворался, по обык(но)вению, и засел в лермонтовском Пятигорске бог весть на сколько дней.

Юноша бледный ⁹ —

это посвящается маленькому поэту Александру Браиловскому, который держ(ится) иных взглядов ¹⁰.

До свидания — в письм(ах?) или в Москве ¹¹. — Вы, конечно, бродите по взморью, вечером тоскуете или умираете от любви, утром рассеиваетесь (?), а днем ищете бога? — Стих(и) Ваши очень хороши, но это все прежний Бальмонт («К Шелли» — «Я мечтой удалился к местам позабытым» etc.) ¹².

Когда же Вы опять пойдете [вперед] дальше?

Душою Ваш Валерий Брюсов

3.5 (тетрадь № 27), л. 27об.—28. Ответ на недошедшее до нас письмо Бальмонта, пересланное Брюсову отцом из Москвы при письме от 31 июля 1896 г. (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 30, прим. 6 и п. 32, прим. 4).

^{3*} Далее зачеркнуты два последовательных варианта: «ссорился, отчаявшись» и «радовался и плакал»

¹ Черное море названо «Вашим», потому что Бальмонт в это время жил на его берегу — в Одессе. Маршрут, которым Брюсов добирался из Москвы в Пятигорск, описан им в письме к Курсинскому от 15 июня 1896 г. (наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 25).

² Подробности времяпрепровождения Брюсова в Пятигорске воссозданы в основном по его письмам к М. П. Ширяевой в работе: Дронов В. С. Пятигорское лето Валерии Брюсова // Литература и Кавказ. Ставрополь, 1972. См. также: Брюсов В. Детские и юношеские воспоминания // Новый мир. 1926. № 12. С. 118—120. Дневниковые записи за время пребывания на Кавказе опубл. в статье В. С. Дронова «Из неопубликованных страниц дневника Брюсова» (см. о ней п. 45, преамбула к комм.)

³ Здесь проявилось присущее и другим письмам из Пятигорска стремление Брюсова изобразить себя декадентом и эстетом, разочарованным в действительности и противопоставляющим ей вечный «мир мечты» (МЕЕ. С. 32), противопоставляющим природе создания человеческого духа, в первую очередь — искусство. 19 июля он писал Перцову: «я бесконечно разочарован. Уж не говорю о громких именах — Машук, Бештау, — которые оказались прозвищами маленьких холмиков, но и все, решительно все!

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды...

Я смотрел и напрасно искал в себе восхищения. Самый второстепенный художник (. . .) создал бы в тысячу раз величественнее, прекраснее. Мне обидно за природу» (Письма к Перцову. С. 77). Противопоставление реального и идеального было значимо для душевного мира Брюсова тех дней и нашло свое отражение в МЕЕ (о его корнях в романтической традиции, в том числе в творчестве Эдгара По и Лермонтова, см.: Grossman J. D. Me eum esse: Valerii Briusov and the Caucasus tradition in Russian literature // The Russian Review. 1980. V. 39; N 3. Однако на деле виденное во время путешествия производило на него значительно более глубокое впечатление, чем он хотел представить. Доказательством этому может служить дневниковая запись от 13 июня, в которой Брюсов приводит те же строки из пушкинского «Путешествия Онегина», что и в процитированном письме к Перцову, но не пытается их опровергнуть, а, наоборот, привлекает для передачи собственных ощущений: «13 июня. Сiju в Новороссийске, ожидая поезда. Путешествие сначала разочаровало меня. Я смотрел на стены, на горы, на море — и думал, что все это в описаниях, у поэтов, гораздо величественней. Но вот настала ночь под Ялтой. Я увидел “море ночное”, “тусклым сияньем залитое море” — это было так хорошо, что я начал колебаться. Затем утро

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды.

Я был побежден и почти все время проводил на палубе, трепеща и любуясь» (Дронов В. С. Из неопубликованных страниц... С. 113; уточнено по оригиналу — 1.14/1, л. 16). Правда, сразу вслед за процитированным признанием в дневнике следует показательная оговорка: «Впрочем, больше чем природа, интересовали меня люди (. . .)» (Там же).

⁴ Сходное замечание о «снежной цепи с Эльбурсом посередине» есть в письме Курсинскому от 15 июня 1896 г. (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 25). И в данном случае (ср. прим. 3) Брюсов в письмах сознательно преуменьшал и снижал испытанные им ощущения. На этот раз, кроме стремления к вживанию в образ «декадентствующего», сказалось, возможно, и нежелание посвящать других в «тайное тайных» своих переживаний (ср. известную фразу о «хорошо запертой двери», завершающую цикл «Miscellanea» — VI, 404). То, что впечатление, произведенное на него видом Кавказских гор из Пятигорска, относилось именно к таким глубинным сокровенным переживаниям, подтверждает первая же дневниковая запись, сделанная по приезде: «17-го (июня) Пятигорск. В ясное раннее утро — сквозь дивно прозрачный воздух я увидал где-то странно далеко оснеженные гребни гор. Я смотрел, молясь, на их нетленные вершины, смотрел и молился. Но день настал и воздух померк и горы стали невидимы. С тех пор я безумно смотрю все в ту же сторону — смотрю и предо мною облака или тусклое небо. Где была святыня, там нет ничего. И тоскую, смотрю я и жду, когда же вернется оно — раннее, чистое утро» (Дронов В. С. Из неопубликованных страниц... С. 114; уточнено по оригиналу — 1.14/1, л. 17об.).

⁵ Из стих. «Четкие линии гор...», входящего в цикл «Скитанья» сборника МЕЕ; данное четверостишие вынесено также в качестве эпиграфа ко всему циклу. Опубл. с разночтениями в первой и последней строках (МЕЕ; I, 111). Вариант, приводимый в письме, совпадает с вариантом пятигорской рукописной редакции МЕЕ (см.: ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед.хр. 10. Л. 19, 21) и с вариантом, приведенным в Письмах к Перцову (с. 77).

⁶ Начало стихотворения, включенного в МЕЕ в цикл «Любовь», позднее переименованный в «Ненужная любовь» (I, 110). Жизненные впечатления, легшие в основу стихотворения, по дневнику и письмам к Лангу, воссозданы М. В. Васильевым и Р. Л. Щербаковым (см. I, 585).

⁷ Эти слова — отражение реальных событий и переживаний. В третьей декаде июля состояние здоровья Брюсова резко ухудшилось: «25 (июля). Я расхворался за последнее время и настроение мое стало мрачным-мрачным (. . .) опять наступают дни и ночи — одиночества, уныния, безнадежности.

И я опять пишу последние слова.

Н. Я. БРЮСОВА

Фотография П. Павлова. Москва, 1890-е годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

26 (июля). Душевно, телесно и умственно погибаю, впрочем, надежды еще не теряю» 1.14/1, л. 22об.; Дронов В. С. Из неопубликованных страниц... С. 118—119; ср. письмо к Курсинскому от 3 августа — наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 31). Стихотворная строка, процит. в приведенной записи, — начало стих. «Последние слова», написанного 23 июля (I.122—123) и вошедшего в МЕЕ в цикл «Веянье смерти». Пятигорскую рукописную редакцию сборника, высланную в эти дни в Москву Лангу, Брюсов снабдил «Предисловием редактора», начинавшимся фразой: «Meum esse — последняя книга Валерия Брюсова, который скончался... 1896 года в Пятигорске» (Лидин В. Г. Друзья мои — книги. М., 1962. С. 161; Чтения 1971. С. 82). Многоточие в рукописи означает дату, которую надлежало проставить редактору и душеприказчику, А. Лангу. О том, что все эти настроения отнюдь не были лишь игрой, свидетельствует и то, что в список вещей, которые Брюсов хотел «взять» с собой в дорогу, был включен револьвер (см. 3.5, 3-я с. обложки). Ср. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 31, прим. 13. См. также наст. кн., Переписка с Бальмонтом. Вступ. ст. А. А. Нинова.

⁸ О планах несостоявшейся поездки в Среднюю Азию Брюсов 15 июля писал М. Ширяевой и 18 июля Курсинскому (см.: Дронов В. С. Пятигорское лето Валерия Брюсова. С. 171—172).

⁹ Начало стих. «Юному поэту», открывавшего в МЕЕ первый цикл «Заветы» (I, 99—100). Вероятно, в окончательном тексте письма к Бальмонту стихотворение было приведено целиком.

¹⁰ «Только что познакомился с юным поэтом, Александром Браиловским, — лет 13-ти, знавшим меня по рецензиям. Он провел у меня весь вечер. Конечно, я победил большинство предубеждений, которые были у него против меня. Станный, юный и серьезный человек. Будем ждать дальнейших встреч» (Дневники. С. 24—25. Запись от 10 июля). Стих. «Юному поэту» было написано через 5 дней после этой записи (I, 100). Ср. наст. кн. Переписка с Курсинским, п. 31, прим. 11—12.

¹¹ Общение двух поэтов возобновилось в Москве, куда Брюсов вернулся 1 сентября (1.14/1, л. 26).

¹² Брюсов называет здесь стихотворения, присланные ему Бальмонтом и вошедшие позднее в книгу Тишина: «К Шелли» и «Позабытое» («Мечтой уношусь я к местам позабытым...»).

48. БРЮСОВ — Н. Я. БРЮСОВОЙ

(Пятигорск. 9/10 августа 1896 г.)

Ma modeste,

Dans ton lettre * tu dit qu'ayant reçu mes notes avant de lire quelques récits, tu doit répéter mes pensées ². Pourquoi donc? Nous pouvons avoir des opinions différents sur le même objet ^{**}. Esque je suis impeccable, comme pape romain? ³ D'ailleurs plusieurs récits j'ai tant oublié, qu'ils me semblaient nouveaux et mes notes en ce cas ne sont pas des regards fixes, mais seulement des impressions d'un lecteur distrait. Je t'envoie encore des critiques, et je crois qu'ils ne t'empêcherons pas d'avoir tes opinions ⁴.

Перевод:

Моя скромница,

В твоём письме ты говоришь, что получив мои заметки до того, как ты прочла некоторые из рассказов, ты должна повторить мои суждения ². Почему так? Мы можем иметь различное

* Далее зачеркнуто: (deux tt. — ainsi dans «littera».) ¹² Далее зачеркнуто: Si je écrivais mes notes aujourd'hui, je dirais peut être bien d'autre chose.

мнение об одном и том же предмете*. Разве я непогрешим как папа римский? ³ К тому же некоторые рассказы я настолько забыл, что читал их как новые, и мои заметки о них представляют собой не выражение устоявшихся взглядов, а лишь впечатления рассеянного читателя. Я посылаю тебе еще ряд критических заметок и верю, что они не помешают тебе составить собственное мнение ⁴.

3.5 (тетрадь № 27), л. 34об. Адресат не указан и устанавливается по содержанию письма и по почти дословному повторению текста в отправленном письме к семье от 9/10 августа 1896 г. (см. 142.6, л. 10). Ответ на письмо Н. Я. Брюсовой от 3 августа (см. прим. 1—2). Датировка по датировке указанного отправленного письма семье. О занятиях Брюсова с сестрами см. также п. 29 и прим. 5 к нему.

¹ Находясь в Пятигорске и регулярно переписываясь с семьей, Брюсов в письмах старался продолжать занятия со старшей из сестер, Надеждой (см. прим. 2). При этом Брюсов настойчиво побуждал сестру писать ему письма на различных известных ей языках, видя в таких письмах способ активного совершенствования владения языком. Чтобы подать ей пример, он и сам писал ей на латыни и по-французски, неизменно при этом прося ее прокорректировать допущенные им ошибки. Так, в письме от 15 июля 1896 г. часть, адресованная Надежде, была написана на латыни и сопровождалась такой припиской: «Ошибки мои (которых, как я думаю, не мало) исправь и сообщи мне: будет это мне и приятно, и полезно» (142.5, л. 19об.).

Публикуемое французское письмо в отправленном варианте также сопровождалось аналогичной просьбой: «Написал тебе сейчас на языке мне мало известном, чтобы ты могла исправить мои ошибки и через это менее совестились своих собственных (в латинском письме), — их же немало есть» (142.6, л. 10об.).

Вторая часть письма Н. Я. Брюсовой от 3 августа 1896 г., написанная на латыни, заканчивалась постскриптумом: «Senseo litera scripta esse falso» — «думаю, что написанное письмо неверно» (78.41, л. 12). В следующем письме, от 5 августа, Н. Я. Брюсова сама указала, «что в прошлом латинском письме сделала смешную ошибку, даже опуску: в post scriptum'e вместо literam написала litera» (78.41, л. 15 об.). Но ошибки в правописании слова litera она не заметила или не сочла ее ошибкой; данное латинское слово допускает двойное написание, и в современных словарях как основная приводится форма с одним t. В отправленном тексте брюсовского письма обсуждение допущенных сестрой языковых ошибок перенесено в русскую часть, открывающуюся просьбой, процит. выше в прим. 1. Н. Я. Брюсова в следующих письмах к брату от 20 и 24 августа 1896 г. (78.41, л. 18—22об.) «бытописательные» части писала на французском языке, но свои суждения о произведениях Тургенева, как и ее «учитель», формулировала только по-русски.

² Формой заочных занятий с сестрой Брюсов избрал последовательное, том за томом, обсуждение произведений Тургенева. «Тургеневские» фрагменты писем Брюсова опубл.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Брюсов о Тургеневе // Тургенев и его современники. Л., 1977. «Заметки», о которых говорится в начале комментируемого письма, — это разборы ряда произведений, содержащиеся в письме Брюсова от 27 июля (см. указ. публ. С. 182—183). Получив их, Н. Я. Брюсова отвечала брату 3 августа 1896 г.: «Я еще не писала тебе о “Переписке” и о “Якове Пасынкове”... Я не знаю, что мне писать теперь о “Переписке” и “Якове Пасынкове”, придется повторять то, что ты написал» (78.41, л. 12).

³ В отправленном письме под строкой вписано любопытное продолжение данного сравнения: «(ou Th. Gautier)» — (или как Т. Готье). Теофиль Готье (1811—1872), французский поэт, прозаик и критик, славился завершенностью и отточенностью своих поэтических произведений. В своей приписке Брюсов обыгрывает начальные слова посвящения знаменитого сборника Бодлера «Цветы зла»: AU POETE IMPRECCABLE, au parfait magicien ès lettres françaises (. . .) THEOPHILE GAUTIER (. . .) — «НЕПОГРЕШИМОМУ ПОЭТУ, всесильному чародею французской литературы (. . .) ТЕОФИЛИЮ ГОТЬЕ (. . .)» («перевод Эллиса, цит. по кн.: *Бодлер Ш.* Цветы зла. М.: Наука, 1970. С. 12). Брюсова в этот период особенно интересовала эстетические воззрения Теофиля Готье (ср. п. 56, прим. 9).

⁴ В письме от 9/10 августа Брюсов разбирает следующие произведения Тургенева: «История лейтенанта Ергунова», «Бригадир», «Несчастная», «Странная история», «Степной Король Лир», «Вешние воды» (см.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Указ. соч. С. 185—186).

49. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Между 4 и 21 октября 1896 г.)

Далекие и прошлые дни. Ускользнуть легко, но человек проклят. Я боюсь, что Вы мне не поверите.

Знаете, что с тех пор, как Вы уехали ¹, я не написал ни одного стихотворе-

* Далее зачеркнуто: Если бы я писал мои заметки сегодня, я, возможно, многое сказал бы совсем по-иному.

ния² — больше! — кроме официальных я не * написал ни строки^{2*}. Я вижу себя умершим.

Вы никогда не испытывали, что зна(чит) быть уже самим собой и быть чем-нибудь, — слушать и говорить, подчиняться. Чему? — бессмысл(ице), к(оторую) презираешь. Я [не узнаю] понял себя, потому что я еще бываю [на лекциях] в университете⁴.

[Решительно] Никого! — ни одного [человека] голоса. Я скоро начну говорить [остроты]. Ланг, который свою жену называет «котенком»⁵. Я видел Пустошкину, но еще не мог заставить себя поехать к ней⁶. Курсинский пишет глупые [пустые] [длинные] письма.

Мое бесстрашие? — оно опускалось до таких глупых [оргий] унижений, о(которых) мы вдвоем никогда не говорили. Так было должно — Нина^{3*} — Таля — Мария — Елена⁸ — в этой цепи есть смысл: смысл падения. Дальше пути в глубь нет. И это после^{4*} утреннего неба¹⁰. *Ex profundis clamavi*¹¹. Вам не понять этих *моих* слов. Вы слишком далеко, а у меня больше нет голоса. Нанизывать слова — *biser* — работа^{5*} умершего. Умираю ли я?

Вспомните меня и напишите — Еще немного и я забуду — и это не будет смерть, но ее больной брат — холодный сон. Вспомните меня. Ваш [бывший]

Валерий Брюсов — когда-то!

В конце концов я знаю только одно^{6*}

3.6 (тетрадь № 26), л. 5об.—5. По-видимому, первое из писем, написанных после отъезда Бальмонта во Францию (см. прим. 1). На 2-й странице обложки той же тетради выписаны два адреса Бальмонта. Первый из них зачеркнут: France. Basses Pyrenées, Saint Jean de Luz, villa Castel. Const. de Balmont. Другой написан сверху: Paris, Boissy d'Anglais, Hôtel «Fête». Является, скорее всего, ответом на недошедшее до нас письмо Бальмонта, ср. запись в дневнике Брюсова от 29 октября 1896 г.: «Бальмонт пишет мне, что я...» ускользнул в келью бесстрастия» (1.14/1, л. 30), — и слова из комментируемого письма: «Ускользнуть легко, но человек проклят» — и «Мое бесстрашие? Оно опускалось до таких глупых унижений...». Датируется по расположению в тетради после автографа рассказа «Бузина» (см. прим. 3) и по упоминанию о том, что Брюсов еще не был с визитом у Пустошкиной (см. прим. 6).

¹ 11 сентября Брюсов записал в дневнике: «Бальмонт уезжает за границу, Самыгин в Тулу, Курсинский в Киев. Я одинок» (*Дневники*. С.25. С поправкой по оригиналу — 1.14/1, л. 27). Однако последняя из зафиксированных в дневнике встреч, состоявшаяся 18 сентября, отнюдь не была окрашена эгегическими прощальными тонами. Несколькими днями спустя, 23 и 25 сентября, Брюсов так описал ее: «Ко мне заходил Бальмонт, но и его я увлек в Сокольники, водил ночью по лабиринтам аллеи, был «дитятей» и хотел, чтобы и он был дитя (против этих строк на полях была сделана ссылка: «Жуковский». — С. Г.); проповедовал воздержание от вина, женщин и опьяняющих разговоров [проповедовал идеализм и презрение к людям. Бальмонт дивился и дело дошло до того, что он с горечью стал]. Я развивал перед ним свою новую философию и осмеивал его стихи. Он прочел мне драматическую поэму «Мой гений», — я сказал, что она недостойна «даже его».

— Даже меня? однако.

Слово за слово, я должен был сказать, что он, Бальмонт, не поэт и им не будет.

— Знаете, вы безжалостны.

Это сказал мне Бальмонт» (1.14/1, л. 27об.—28).

² В тетради «Мои стихи» № 6 (14.5/6), в которой отражена заключительная, сентябрьская стадия работы по составлению *МЕЕ*, лишь одно стих. — «О плачьте, о плачьте...» — датировано временем после встречи с Бальмонтом, описанной в прим. 1, — 20 сентября. В тетради «Мои стихи» № 7, возобновленной «После составления рукописи *Me eum*. С 2-го октября 1896 г.» (14.5/7, л. 23), стих: «Есть одно, о чем плачу я горько...» датировано 2 октября (л. 24), а следующее стих. — «Черный лес луной пронизан...» было написано только 15 октября (л. 24 об.).

⁷ 7 октября Брюсов сам отметил в дневнике: «Почти не пишу стихов — это очень странно; занимаюсь теософией... Когда сегодня ко мне зашел интервьюировать Осипов (ин(тервью)ер

* Далее зачеркнуто: написал только один рассказ³, да и тот бесконечно плохой

^{2*} Далее зачеркнуто: Я не мечта(ю); У меня не; Я не могу сриф(мовать) двух образов

^{3*} Было: Елена⁷

^{4*} Далее зачеркнуто: лаз(урных?) перистых (не — и —) облаков⁹. Далее отдельно зачеркнуто: зари

^{5*} Далее зачеркнуто: мертвеца. Отс(юда?) умирать? Но неужели же ст(ат)ь призрак(а-м)и. Нет, я даже не могу оплакивать.

^{6*} На этом рукопись обрывается.

Верлена в «Книжках Недели»), я ему так и сказал, что я проклял, отверг былое и ищущего нового, ищущего пути теософии» (1.14/1, л. 29). Во второй половине октября было создано, судя по тетради «Мои стихи» № 7, четыре стихотворения (14.5/7, л. 24об.—25об.), а в ноябре — всего три (там же, л. 26—27об.).

³ Скорее всего, речь идет о написанном 4 октября на занятиях в Университете рассказе «Бузина» (3.6, л. 2об.—5). Комментируемое письмо начато на обороте окончания этого рассказа.

⁴ Отношение Брюсова к университету в разное время бывало неодинаково. В записках осени 1896 г. повторяется нота: «В университете горько» (*Дневники*. С. 25, Записи от 11 сентября и 5 ноября). Наиболее подробно это настроение раскрылось в записи от 7 октября: «Я мучусь университетом. Там — лишний. Я знаю, что я должен уйти. Со студентами происходят горькие столкновения и еще более горькие с профессорами, особенно с Герье.

Мы слишком противоположны, я и университет.

В одну телегу впрячь не можно
Вола и дерзостную тень.

Смешно сказать — я вот уже три недели стараюсь написать реферат для Герье о Ливии — и — не могу! Мне, мне — Валерию Брюсову — повелевают исследовать факты, ползти как червяку, — мне, — могу ли я повиноваться?» (1.14/1, л. 29; о «реферате о Ливии» см. п. 52, прим. 13). Наряду с действительными трудностями во взаимоотношениях с людьми и науками (ср. п. 6 и комм. к нему), такое «антиуниверситетское» настроение, конечно, объяснялось и временными явлениями, прежде всего общим депрессивным состоянием Брюсова после окончания МЕЕ. Когда это состояние начнет проходить, в записях появится иная нота: «За полгода я почти ничего не сделал ни для себя, ни для поэзии, ни даже для университета. Теперь воскресаю...» (*Дневники*. С. 26, Запись от 11 декабря). См. также п. 63, прим. 2.

⁵ Напряженность, которую ощущал Брюсов в новом семейном доме Ланга, весной 1897 г. переросла в конфликт, крупную ссору, единственную за все время их дружбы. См. письмо Брюсова к Лангу — 3.8, л. 45об.—46.

⁶ Анна Дмитриевна Пустошкина (рожд. Облеухова) — знакомая Брюсова и Бальмонта, сестра А. Д. и Н. Д. Облеуховых (ср. п. 35, преамбулу к комм.). 21 октября 1896 г. Брюсов записал в дневнике: «Сегодня был у Анны Дмитриевны Пустошкиной. На свете нет ничего безобразнее глупых похвал» (1.14/1, л. 29об.).

⁷ Имя Е. А. Красковой (см. п. 1, прим. 7 и п. 3, преамбулу к комм.) заменено здесь именем Ницы, героини повести «Моя жизнь». В дневниковой записи от 7 октября, где фигурирует тот же ряд имен, совпадение первого и последнего имени воспринимается как неслучайное и значимое: «Леля — Таля — Маня — Лена. Вот он, полный ряд! и какая насмешка, что оба его края — вершина, небо и позор, грязь — носят оба имена Елены!» (1.14/1, л. 28об.). Замена имени в письме к Бальмонту объясняется, вероятно, желанием «запереть дверь» (см. п. 47, прим. 4), не выставляя на обозрение самые дорогие переживания. Как бы откровенен ни был Брюсов с Бальмонтом (см. п. 51, 53, 57), в отношении к памяти Е. А. Красковой Бальмонт оказывался таким же «посторонним», как и будущие читатели «Моей жизни».

⁸ Таля — Н. А. Дарузес (см. п. 1, прим. 9; п. 12, прим. 4 и п. 32, прим. 8). Маня — М. П. Ширяева (см. п. 12, прим. 7—8). О Елене Евгеньевне Коршуновой см. п. 60 и прим. 12 к нему.

⁹ Возможно, отголосок какого-то языкового спора с Бальмонтом. В стихотворении самого Брюсова «Над миром хаоса и слез...» (31 мая 1895 г., 14.5/3, л. 25об.) есть строка: «Перистым облаком венчаный» — как раз с тем вариантом ударения, который осуждается в письме.

¹⁰ Возможно, что эти слова — не просто образ, оттеняющий глубину падения, но напоминание Бальмонту о реальном впечатлении, совместно пережитом в одну из первых встреч. В декабре 1894 г., в первую пору своей дружбы с Бальмонтом, Брюсов задумал книгу «Русские символы. Характеристики и наблюдения» (см. 2.18, л. 6, а также п. 17, преамбулу к комм.). Выпустить книгу предполагалось под псевдонимом А. Л. Мибруч (сложением из фамилий и псевдонимов трех участников РС 2 — Миропольского, Брюсова и Новича), а образцом для нее служил, видимо, сборник статей Верлена «Проклятые поэты». Соответственно, как и у Верлена, в книгу должна была войти и статья о самом авторе. Набросок этой статьи, написанный 7 или 8 декабря 1894 г. («К ст(атье) «В(алерий) Б(рюсов)»» — 2.18, л. 5об.—6), содержал такое по свежим следам написанное мемуарное свидетельство: «Трогательный пример представляет дружба нашего поэта с Бальмонтом, вспыхнувшая с их первого свидания. В первую же встречу друзья провели всю ночь, не расставаясь (?) и блуждая по московским улицам. Небо в тот день послало им чудо. Вопросы жизни и смерти, мира и небытия уже были подняты, уже исчерпана исповедь души, когда Б(рюсов) заговорил о высшем и лучшем наслаждении (. . .) это мерный зов колокола в тихий утренний час. И вот как в ответ на эти слова последние отзвуки городской жизни замерли и первый звонкий удар сменился звучным глаголом благовеста. Два друга стояли очарованные и неподвижные в дымке утреннего тумана». Образы неба и утренней зари встречаются и в позднейших письмах к Бальмонту, см. п. 57, 70

¹¹ «Из глубины воззвал...» (лат.) — начало псалма 129 (по нумерации греческой и славянской библии).

50. БРЮСОВ — СОЛОГУБУ

(Москва. Не позднее 6 ноября 1896 г.)

Ф. К. СОЛОГУБ

Фотография А. Пасетти. С. Петербург, 1900-е годы. С дарственной надписью: «Дорогому Георгию Ивановичу Чулкову от искреннего любящего его Федора Сологуба. 1905»

Литературный музей, Москва

Давно уже получил я Вашу книгу ¹, но не ответил Вам, потому что не хотел на этот раз ограничиться стереотипной благодарностью. Ваша книга произвела на меня впечатление (стихи). Со времени Вашей первой книги ² Вы сделали большой шаг на пути к оригинальности ³. На мой взгляд — в Вашей поэзии важнее всего Ваша личность — и в этом отношении Вы вполне противоположны А. Добролюбову. У него личность исчезает в свободной отвлеч(енной) поэзии — у вас же чист(ая?) поэзия прежде всего жив(а) Вашей личностью. Вот почему меня не сли(шком) мучит форма Ваших стихов, хотя она далека от совершенства; певучести у вас почти нет (de la musique avant toute chose! ⁴), конц(овки) многих стих(отворений) не дают заключ(ительного) акц(е)н(та) (напр.,*), о некоторых более тонких требованиях, нер(едко) вы(двигаемых) А. М. Добролюбовым, Вы и не думаете. Впечатление от формы Ваших стих(ов) — слов(но) у Вас нет в поэзии того, что в музыке наз(ываются) слухом ⁵.

Все это, пов(е)рьте, не мешает мне любить многие Ваши стих(отворения), особенно первые ⁶. Позвольте пожелать Вам нового движения вперед ⁷.

Уважающий Валерий Брюсов.

Р. S. Мои книги ск(оро) не печ(атаются) — не идут м(ои) (1 нрзб.) с ценз(урой) ⁸

Р. P. s. ⁹

3.6(тетрадь № 26), л. 11 с пометой «Сологубу» (написание через два «л», принятое в известной графской фамилии, свидетельствует, что Брюсов еще не вполне привык к псевдониму своего адресата). После слов «в этом отношении» в рукописи пропуск двух строк — характерный для брюсовских черновиков прием не переписывать в новый вариант те части, которые казались ему вполне удовлетворительными уже в предыдущем варианте. В публикуемом тексте этот пропуск: «Вы вполне противоположны А. Добролюбову ∞ в музыке называют слухом» — восполнен по другому варианту письма, который, хотя и находится в тетради, начатой Брюсовым позднее (3.7, л. 46об., тетрадь № 29; там же на 3-й с. обложки — адрес Сологуба), несомненно является более ранним, так как открывается формулой не «Давно уже получил...», а с «С неделю уже, как я получил...». Оба указанных варианта несомненно являются реализацией одного замысла и представляют одну «пространную» редакцию письма. После завершения этой черновой редакции Брюсов 6 ноября переписал письмо набело, опустив все конкретные замечания о форме стихов Сологуба, следующие в публикуемом тексте за словами «далека от совершенства», и заменив концовку (см. прим. 7). Но и этот беловик, представляющий «среднюю редакцию» письма, остался в архиве Брюсова (72.37, л. 1—2, большая часть процит. в: *Помирчий Р. Е.* Примечания. — VI, 612). Отправлено же письмо было совсем в иной, «краткой» редакции (см.: *Брюсов В. Я.* Письма к Ф. К. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // *Ежегодник 1973*. С. 105). В этой публикации приведена помета адресата: «Получено 9 ноября (18) 96». Датируется на основании датировки указ. неотправленного беловика письма.

* Примеры в рукописи не приведены.

Поэт, прозаик и переводчик Федор Кузьмич *Сологуб* (наст. фамилия — Тетерников, 1863—1927) в письме от 20 июля 1896 г. обратился к Брюсову с предложением обмениваться книгами: «На днях я послал Вам книгу моих стихов, — надеюсь, что Вы их получили. Не согласитесь ли Вы меняться со мною изданиями Вашими на мои?» (103.25, л. 1). История личных и творческих контактов Брюсова и Сологуба может быть прослежена по указанной выше публикации писем Брюсова, а также по *Дневникам*. Комментируемое письмо предвосхищает отдельные мотивы итоговой статьи Брюсова «Федор Сологуб как поэт», написанной в связи с выходом собрания сочинений Сологуба (VI, 283—290). См. также п. 98, прим. 11.

¹ Речь идет о сборнике: *Сологуб Ф. К. Тени: Рассказы и стихи*. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896. Экземпляр с дарственной надписью Ф. Сологуба («Многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от автора») см.: ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1372. Вторая половина сборника озаглавлена: Стихи. Книга вторая.

² *Сологуб Ф. К. Стихи*. Книга первая. СПб.: Тип. Морского м-ва в Гл. адмиралт., 1896. Книга была прислана Брюсову в июле 1896 г.: (см. письмо Я. К. Брюсова к сыну от 22 июля: «В пятницу получил на твое имя стихи Федора Сологуба с надписью: «Многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от автора» — 78.23, л. 160б).

³ В раннем варианте письма эта фраза имела продолжение: «чего сов(сем) не было зам(ето)но в стихах, которые вы п(ечатали) в ж(урналах)» (3.7, л. 460б.). Эта оговорка показывает, с каким вниманием следил Брюсов за творчеством Сологуба. Начало этому было положено еще в 1893 г., когда Брюсов, исключив из статьи «Полю Верлен и его поэзия» собственный перевод стих. Верлена «Le ciel est, par-dessus le toit...», заменил его ссылкой на опубликованный в сентябрьской книге «Северного вестника» перевод Сологуба (см. статью С. И. Гиддина, указ. в п. 19А, прим. 1).

⁴ «Музыки прежде всего!» (*франц.*) — строка из стих. Верлена «Искусство поэзии». О значении этого стихотворения для молодого Брюсова см. п. 19А, прим. 4.

⁵ Здесь заканчивается фрагмент, восстанавливаемый по первому варианту письма (см. преамбулу к комм.). В первом варианте подписи предшествует резюмирующая фраза, по композиционной функции аналогичная последнему абзацу публикуемого варианта, но отличающаяся от него по содержанию: «Но повторяю, если по внешности произведения 1-й и 2-й книги близки друг к другу, то по содержанию они разн(ятся) очень и очень» (3.7, л. 460б.).

⁶ В стихотворной части книги Сологуба первыми помещены стихотворения: «Имена твои не ложны...», «Проходил я мимо сада...», «Сон» («В мире нет ничего...»), «Приучив себя к мечтаньям...», «Дорогой скучно-длинный...», «Изнуренный, утомленный...», «В тишине бездыханной ночной...» («Тени». С. 105—112). В первом варианте письма Брюсов писал, что эти семь стихотворений ему «особенно дороги» (3.7, л. 460б.).

⁷ Характерно брюсовское пожелание. Ср. в п. 47: «Когда же Вы опять пойдете дальше?». В неотправленном беловике концовка заменена. За словами о «далекой от совершенства» форме стихов Сологуба там следует: «Много раз буду я перечитывать Ваши стихи, которые даровали нам еще новый мир в бесконечности искусства. Валерий Брюсов» (72.37, л. 2).

⁸ В цензуре с сентября находился сборник *МЕЕ*. 5 ноября Брюсов получил его «integral», т. е. разрешенным к печати без всяких изъятий (см.: *Дневники*. С. 25).

⁹ Возможно, что в качестве второго постскриптума Брюсов предполагал повторить постскриптум из первого тетрадного варианта письма: «P. S. Заинтересовало меня стихотворение «Прощая жизни смех злорадный», заинтересовало сов(ершенно) случ(айным) совпадением второй строфы» (3.7, л. 460б.). К сожалению, постскриптум этот не дописан, и о том, какое совпадение усмотрел Брюсов в названной строфе, можно строить лишь предположения. Отметим в этой связи, что в упомянутом стихотворении и в первой, и во второй строфах можно усмотреть мотивы и лексику, близкие некоторым произведениям самого Брюсова: «Прощая жизни смех злорадный // И обольщенья звонких слов. // Я ухожу в долину снов, // К моей невесте беспощадной. // Она о муках говорит // Ее чертоги — место пыток, // Ее губительный напиток // Из казней радости творит» (Тени. С. 138).

51. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. После 8 ноября 1896 г.)

Нет! только не это! Это — позор. Она ¹ упала на пол и каталась в конвульсиях. «Не смотри на меня! Сойди с креста! О если б знать, что Тебя нет» ². Я когда-то написал «Фантом» ³. — (*1 нрзб.*) Двадцати лет, невинное тело, состарившееся (. . .) «Дорогой мой! милый!» Я тоже могу сойти с ума ⁴. Забудьте свои предв(идения) обо мне. Бой быков! А-а! Есть подроби(ости), котор(ые?) омерзит(ельно) напи(сать). Это мщение. Я исчадие (?) ада. С тех пор, как мы расстались — я слу(шаю) и повтор(яю) «люблю». Я приход(ил) домой и подн(имался) к с(е)б(е) ин(огда) (*4 нрзб.*) Вер(ьте), и я готов бы(л) уп(асть) в конвульсиях. Я дышать не могу

Всегда (*2 нрзб.*)

В. Б.

3.7 (тетрадь № 29), л. 45об. Без указания адресата. Адресат установлен на основании пометы «К Бальмонту», предваряющей вторую, более краткую (см. прим. 4) редакцию того же письма, написанную, судя по расположению автографа в тетради (3.7, л. 25), сразу вслед за п. 54, не ранее 1 декабря 1896 г. Дополнительным основанием атрибуции адресата служит неожиданно возникающая в тексте письма реплика: «Бой быков!». Исток этой реплики — вшедшем до нас письме Бальмонта, о котором Брюсов 15 ноября сообщил Курсинскому: «Бальмонт в Испании и пишет, что нет ничего изящнее боя быков...» (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 34). Наличие второй редакции, а также содержание п. 53 свидетельствуют, что в ноябре 1896 г. данное письмо адресату отправлено не было.

Датируется на основании даты описываемого в письме события (см. прим. 2) и по расположению автографа в тетради вслед за автографом 1-го варианта п. 50 на небольшом расстоянии от него.

¹ Речь идет о Евгении Ильиничне Павловской (1876(?) — 1898). Осенью 1896 г. она поступила в семью Брюсовых гувернанткой.

В хронологических подневных записях Брюсова под 2 октября отмечено: «Новая гувернантка — поэтесса» (1.14/1, л. 28об.). Литературные склонности Павловской, наверное, не в последнюю очередь предопределили силу впечатления, которое произвел Брюсов на эту впечатлительную, тяжело больную и не слишком избалованную жизнью девушку. По ее словам, знакомство с Брюсовым вернуло ей бодрость и надежду» (1.14/1, л. 29об.). Ее увлечение было односторонним, однако и Брюсов, в свою очередь, высоко оценил новую знакомую: «С нашей новой гувернанткой мы друзья. Она некрасива, но — клянусь! — умная женщина и понимает поэзию» (там же). «Понимает поэзию» — в устах Брюсова было редкой и едва ли не высшей похвалой.

События приняли новый оборот, когда 8 ноября мать поэта, М. А. Брюсова «окончательно вознегодовала» (1.14/2, л. 3об.) на Павловскую за открыто проявляемые чувства к сыну, и Павловская была вынуждена покинуть дом Брюсовых. В тот же день Брюсов (см. там же) нашел нужным навестить несправедливо, по его мнению, обиженную, и этот визит положил начало новому этапу их отношений и переписке между ними, не прекращавшейся до самой кончины Е. И. Павловской. Брюсов назвал уже первые письма своей корреспондентки «очень умными и довольно оригинальными» (1.14/2, л. 5), позднее показывал их М. В. Самыгину (см. п. 66). Поездка Брюсова к уже безнадежно больной Павловской описана им в письме к Самыгину от 8—9 сентября 1897 г. (см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 6). Облик Павловской и ее последняя встреча с Брюсовым запечатлены в воспоминаниях *Мотовилова С. Н.* Минувшее // Новый мир. 1963. № 12. Брюсов посетил Павловскую два стихотворения, вошедших в TV в цикл «Близким» (I, 200—201). См. также прилож. к п. 53.

² Здесь изображен нервный припадок, случившийся с Павловской, когда Брюсов пришел навестить ее 8 ноября после ее ухода из дома Брюсовых (см. прим. 1). В дневнике Брюсов после аналогичного описания припадка так поясняет слова Павловской: «Ей привиделся Распятый» (1.14/2, л. 4; далее Брюсов описывает свои попытки купировать припадок). Хотя запись в дневнике была сделана на третий день после случившегося, 10 ноября, открывается она словами: «Я до сих пор не могу прийти в себя» (там же, л. 3об.), — говорящими о мучительности для Брюсова переживаний, вызванных описанным происшествием. О том же свидетельствует комментируемое письмо. Более того, сила переживаний была такова, что описанное в письме событие стало, как предположила Ю. П. Благоволдина, одним из истоков характера и поведения героини «Огненный ангел» Ренаты, прототипом которой до сих пор считали исключительно Н. И. Петровскую (см., напр.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* О работе Брюсова над романом «Огненный ангел» // *Чтения 1971.* С. 130). Ср. позднейшее мемуарное свидетельство Брюсова о поездке в Германию летом 1897 г. (т. е. вскоре после разлуки с Е. И. Павловской): «...Кельн и Ахен ослепили меня яркой, золоченой пышностью своих средневековых храмов. Впервые «сквозь магический кристалл» предстали мне образы «Огненного ангела»...» (Новый мир. 1926. № 12. С. 119). В то же время сравнение письма с описанием внешности одной из героинь романа «Алтарь Победы» Валерии (см. V, 184) показывает, что прототипом этого образа также, возможно, была Е. И. Павловская.

³ Стихотворение из *ChdO 1*, заметно выделявшееся в книге нагнетанием ужасного и потому, видимо, не включенное ни в *ChdO 2*, ни в *III I*, вновь перепечатано лишь в *ПСС I*. В письме к Перцову от 22 сентября 1895 г. Брюсов назвал его «ужасающим всех моих читателейниц» (*Письма к Перцову.* С. 43).

⁴ Во второй редакции далее следует только одна фраза: «И она плачет» (3.7, л. 25).

52. БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ

(Москва. 18 ноября 1896 г.)

Слушай, чем я теперь занят. Я пишу «шекспировскую» трагедию «Марк Антоний» (— напис(ано) пять сцен)¹, я пишу «Историю русской лирики» (теперь занят разбором стиха у Ломоносова и его современников)², перевожу гекзаметром «Энеиду» (теперь зан(ят) II книгой)³, пишу повесть «Медиум»⁴ (на-

п(исано) 3 главы), пишу «Рассказы Ужаса»⁵ (нап(исал) пока один, но) *, начал поэму «Смерть Эдгара По» (нап(исано) пока вступление; вероятно, это отзву(к) Камюэнса)⁶, пишу статью о Любви^{2*} (отзвук моей жизни за последнее время)⁷, пишу заметку о современных французских поэтах⁸ (начал летом) [кончаю переписывать тогда же начатую заметку о современных русских поэтах (Мережковский, Минский, Брюсов, Бальмонт и Добролюбов)⁹, составляю конспект древней истории], изучаю древний оккультизм для моей книги (если мне суждено будет ее написать) о «гениях» (в лейбниц(евском) смысле)¹⁰, пишу характеристику Нерона (с совершенно новой точки зрения; я говорил Тебе о ней)¹¹, затем изучаю историю диадочов¹² и не покидаю университетских занятий — т. е. Ливия¹³, Локка¹⁴ и Нестора¹⁵.

Ты спросишь, к чему это хвастливое перечисление — не хочу ли я сказать, будто так занят, что у меня нет времени отвечать Тебе. О нет. Я так привык к миру начатых работ, из которых 9/10 не будут кончены, что мне было бы бесконечно тяжело заняться чем-нибудь одним. Устал я переводить — бросаю Вергилия, забыв(аю) о нем, и пишу свою трагедию, потом меня зовут обедать, я возвращаюсь и крит(ик)ую французских поэтов — но когда вернется прежнее мое настроение, мне ничего не будет стоить развернуть прежнюю рукопись и продолжить начатое с полу-слова, я опять стан(у) тем собо(й), который писал предыдущие стр(оки) день, недел(ю), мес(яц) тому назад. Разве я скажу, чтоб я любил свой перевод «Энеиды» больше, чем своего Нерона или чем свою Повесть. Никогда — но я не могу писать только трагедию, писать ее месяц, а потом, окончивши думать о друг(ом). Пусть созд(а)ется образ круговоро(та) — я в нем буду чувствовать себя много спокойнее, чем герой Эдгара По в Мальстреме¹⁶.

Ты хотела, чтобы я любил Тебя — и Тебя без конца. Ты *хотела* этого, Жени не отказывайся. Теперь я более, чем когда-либо, не стану говорить несправедливостей, потому что я действительно тоскую о Тебе — но я говорю правду. Что же делать — вот я такой, каков я есмь, эгоист, себялюбец, самообожат(ель) — какие еще есть синонимы? — понимающий только свои желания и блуждающий в жизни, как хозяин в цветнике, кот(орый) он если и устр(а)ив(ает), то лишь для себя. О, если бы ты хотела быть моей Книгой, которую я читал бы, когда этого жела(ла) душа моя, — моим творением, к которому я возвращался бы [в минут(ы) вдохновения] опять и опять¹⁷, но которое я мог и пок(инуть) для друг(их) работ. Ты мне рисовала когда-то свой идеал ж(изни)^{3*} — описывала, как ты ждала бы меня и как в этом ожидании нах(одила) свое счастье. Ну пусть я буду счастье(ем) твоей жизни (хотя эт(ого) не след(овало) б! не след(овало) б!), но невозм(ожно) пре(д)ставить, чтобы и ты сост(авила) все счастье моей жизни. Я люблю Верлена, неужели ж во имя его заб(ыть) Тютчева [Фета]¹⁸, По, Эверса¹⁹ или [даже] хотя бы Фета, Баратынского, Веневитинова? Все это отд(ельные) миры и мне опять и опять хочется цитировать стихи, которые мы с тобой тысячи раз повторяли серьезно и в шутку.

Любовь не (прах, не золото, не глина —
Делить ее не значит отнимать)²⁰

Ты говоришь, — что относ(ишься) снисх(одительно) к назв(анным) Т(обой?) же(нщинам) — нет — и нет — Ты негодуешь, ты осуждаешь меня за то, что я могу равнять тебя²¹ с какой-то Элеонор(ой), с как(ой-нибудь) Еленой Евгеньевой²². Но ты не пон(яла) меня. Я не равняю своей статейки о французских поэтах, которая, если и будет когда напечатана, позабудется через полгода, — с своей трагедией, которая никогда не заб(удется) и никогда не умрет, но я люблю их одинаково — и мою бледную статью, быть может, полную самых грубых ошибок, и мою великую трагедию, первую после Шекспира. Маня²³ скажет мне слова, которых не знаешь и не можешь узнать ты, потому что и она как ты — отде(льный) мир²⁴. Ты бесконечно умнее и образованнее ее, но твоя

* Вписано между строк, без указания места вставки. На «но» — вставка оборвана.

2* Было: Позоре любви

3* Далее зачеркнуто: ты живешь одиноко и ждешь того дня, когда я приду к тебе —

любовь все та же любовь, что и у бедн(ой) Мани, которая [ее] выражает, если хочешь, даже комично: «вот я видела похороны и стало мне жаль, почему это не меня везут» — ты скажешь красивее, ты найдешь сравнение и завершишь в(се) цитат(ой) — но, Женья, дорогая, милая, — любовь твоя все та же вечная, старая, знакомая, неизменная [скажу ли бан(альная)] любовь ^{4*}. Ну что ж, любви — если ты иначе не можешь — пусть буду я составлять для тебя все — но примиись с тем, что Ты только часть моей души ^{5*}, что ²⁵ ты звезд(а) моего неба, к которой ночью я тоже обращаю взор, но которая не заменит мне моего единственного лучез(ар)н(ого), всеп(о)бе(д)ного Солнца — Поэзии. Звездочка моя! ты говор(ишь) о Тале — но я был тогда мальчиком, я был маленьким мальчиком, который писал своих «Золотистых Фей» ²⁶ и воображал себя поэтом [Богом] Петраркой, целовал Талю и потому считал себя Ромео. Но этот мальчик был все же мною, и я люблю его, люблю и его безумства; [Но это он отдавал всю ж(изнь)], он соверш(енно) закр(ы)ва(л) зем(ными) образ(ами) свои мечты — я не могу этого; я научился поклоняться мечте без видимого Кумира, я молюсь Богу без идолов — и все земные женщины вс(ег)д(а) ост(а)ну(т)ся для меня тем, что они есть — людьми, вел(икими) или мелк(ими?), [хорошими или дурными] интересными или неинтересными. Я более не поставлю в свой алтарь статуи, но значит ли это, что я должен разбивать старые? Женья, оставь в стороне и Талю, и Маню, и даже Елену Евгеньевну — будь собой и возьми в моем сердце то, что там есть. Будь моей книгой, которую я буду приходить читать, но для которой я не брошу других книг, будь моим творением, моей поэмой, к которой я опять и опять буду возвращаться, но кот(орая) все же ост(ане)тся лишь веткой в моем лавровом венце ²⁷. Не требуй большего — потому что большего *нет*, нет в этом мире. Или любовь — мираж — ост(авь) его себе, но не презирай того, кто видит пустыню на месте твоих дворцов и пальм.

Я мог бы написать еще много ^{6*}, но лучше, много лучше все это сказать. Я говорил тебе, что наступит время, когда я всей душой буду стремиться видеть тебя, и сегодня, сейчас, после этих строк [я этого хочу безумно,] я плакать готов, зная, что сегодня не увижу тебя. Милая, жгалься над моим безумием, пожалей его, как пожалела бы какой-нибудь мой физический недостаток, и приди ко мне [прежней] свободной, светлой — пусть даже влюбленной, это нач(инает) (?) ста(но)в(иться?) частью тебя. Вот слушай — два дня у меня заняты; на четверг я взял билет на Гамлета ²⁸ к (*1 нрзб.*), а в воскресенье истекают как раз две недели возобновления знакомства с Еленой Евгеньевной, я обещал быть у нее. Итак, остаются среда, суббота и пятница и след(ующий) понедельник. Правда, в субботу я хотел быть у Л(а)н(га), но это ничего, можно его и обмануть, даже хорошо. Или сообщи мне — а впрочем, новая идея — ты, конечно, не успеешь ответить мне, но мы можем видеться завтра, для тебя сегодня — *во вторник*. В самом деле: я сейчас иду опущу это письмо, Ты получишь его завтра часов в 5, а часов в 6 (между 6 и 7) я зайду к вам, позв(оню) и позову Тебя. Если однако Тебе видеться со мной (т. е. выйти (?) со мной) неудобно, ты объяснишь мне это каким-нибудь условным знаком, ну хоть «Ах, это вы» скажи вместе «Здравствуйте». Тогда я передам тебе Фета, которого захвачу с собой, и распрощаюсь, а Ты напи(шешь), мне, когда (из 3 дней) нам встретиться ²⁹. До завтра.

В. Б.

3.6 (тетрадь № 26), л. 20об. — 23 с пометой: «Письмо к Змейке». По-видимому, первое письмо Брюсова к Павловской (см. о ней п. 51, прим. 1).

Сохранилась вторая, более краткая редакция этого письма на отдельном двойном листе почтовой бумаги (72.10, л. 2—Зоб., частично процитирована без указания адресата в работах: Брюсова И. М. Материалы к биографии Валерия Брюсова // Брюсов В. Я. Избр. стихи. М.; Л., Academia, 1933. С.128—129; Ильинский А. А. Литературное наследство Валерия Брю-

^{4*} Далее зачеркнуто: ты удивляешься, что я могу любить

^{5*} Далее зачеркнуто: часть, которая столь же дорога мне, как

^{6*} Далее зачеркнуто: ты, пожалуй, подумаешь, что я просто стр(емлюсь) на длинное письмо ответить длинно

сова // ЛН. Т. 27—28. С. 458). Эта вторая редакция, судя по имеющейся в ней карандашной правке, не была отправлена, а возможно, и не была закончена (см. прим. 25). Поскольку она, таким образом, также не является окончательной, а по содержанию несколько беднее первой, за основу для публикации выбрана первая, тетрадная редакция. Существенные отличия второй редакции от первой указаны в прим. 17, 19, 25. Во второй редакции поставлена дата: 1896. 19 ноября ночь. Содержащиеся в публикуемой первой редакции упоминания дней недели позволяют уточнить, что письмо было написано в ночь с понедельника 18 на вторник 19 ноября. 19 ноября Брюсов получил от Павловской (см. запись в дневнике: 1.14/2, л. 5) большое встречное письмо (97.26, л. 3—6об.), содержание которого он в значительной степени предвосхитил в своем письме (см. прим. 21). Тем самым комментируемое письмо стало de facto ответным. Следующее письмо Павловской от 23 ноября (там же, л. 7—15об.) цитируется в прим. 27 и в п. 54, прим. 4—5.

¹ Первоначальное название трагедии из римской истории, начатой Брюсовым в конце октября или первой половине ноября 1896 г. в тетради № 29 (3.7, л. 45об.—27). Здесь на л. 34 впервые появляется другое заглавие — «Октавиан Август», под которым трагедия фигурирует в дальнейшем. Под заглавием «Марк Антоний» упоминается в письме к Курсинскому от 22 ноября 1896 г. (наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 35). Работа была продолжена в тетрадях № 26 (около 5 декабря; см. 3.6, л. 36об.—51, 52—51об., 56об.; планы на л. 40об. и 56об.) и № 28 (3.8, л. 10—план, 10об.—36об.; семь из девяти содержащихся здесь сцен написаны 24 декабря). Замысел трагедии проанализирован в ст.: *Страшкова О.* Брюсовские замыслы «античной» и «шекспировской» трагедии // В. Брюсов Проблемы мастерства. Ставрополь, 1983. С. 131—132. Но, к сожалению, автору этой статьи были известны только сцены, записанные в тетради № 26 (3.6). Согласно плану, содержащемуся в 3.8, л. 9об., данная трагедия должна была войти в цикл произведений из истории Древнего Рима. В то же время определение «шекспировская» соотносит ее с другим замыслом, относящимся к концу 1897 г., — циклом из 5 драм, написанных в духе и манере разных историко-литературных эпох (план опубли.: *Очерк истории...* С. 105, прим. 7), первым прообразом «Снов человечества». Впрочем, даваемое ниже в письме сопоставление авторского отношения к трагедии и к статье свидетельствует, что определение «шекспировская» имело и второй смысл, означая не только «в манере Шекспира», но и «на уровне Шекспира» (ср. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 35).

² Материалы по изучению русского стиха сосредоточены в основном в одной тетради с данным письмом, их перечень см. в ст.: *Взгляды Брюсова на языковую приемлемость стиховых систем...* С. 99. В той же статье проанализированы теоретические аспекты этих материалов; их историческая часть опубли.: *Очерк истории...*

³ В тетради № 26 записаны начало перевода 2-й книги (3.6, л. 55об.) и набросок о целях перевода (л. 56, задний форзац). Подробнее о работе Брюсова над «Энеидой» см. п. 29, прим. 6.

⁴ В 1896 г. рассказ под таким заглавием был включен в план сборника «Рассказы ужаса» (см. прим. 5). Но в записанном прямо под планом «Рассказов ужаса» плане «сборника рассказов» «Эта история моего возрождения» уже значится: «“Он” (бывший “Медиум”» (3.8, л. 52об.). Это позволяло предположительно отождествить упоминаемую в письме «повесть» с рассказом «Он — мимоходом» (3.9, л. 38—40об.; под заглавием «Мимоходом» — 125.51). Связывать замысел «повести» с романом «Медиум» (или «Из записок декадента»), над которым Брюсов работал весной и летом 1894 г. (2.11—2.16), по-видимому, нет оснований.

⁵ План сборника с таким заглавием сохранился на заднем форзаце начатой уже в декабре тетради № 28 (3.8): «Рассказы ужаса. 1) Подземелье. 2) Вечер. 3) Зачем (Сокольников). 4) Время (в тюрьме). 5) Квадрат (движ(ение)?). 6) Медиум. 7) Она (Любовь)» (3.8, л. 52об.). Против пунктов 3, 4, 6 и 7 в этом плане карандашом проставлено: «Начато». Во второй редакции письма вместо «Рассказов ужаса» упомянуто: «Начато два рассказа. “Эта история моего возрождения” и “Ad astra” (72.10, л. 2). Автограф начала рассказа «Эта история моего возрождения», относящийся к ноябрю 1896 г., см. 3.7, л. 10—15об.; позднее Брюсов предполагал завершить им одноименный сборник рассказов (см. прим. 4), по составу частично пересекающийся со сборником «Рассказы ужаса». Позднее Брюсов работал над романом с таким же заглавием.

⁶ Рукописи этой поэмы неизвестны, однако в тетради № 29 в ноябре были записаны фрагменты перевода биографической заметки об. Эдг. По Дж. Ингрэма (см. 3.7, л. 9об., 15об. и 27—26об.). О чтении Брюсовым Камюэнса см. п. 29.

⁷ Этот замысел упоминается четыре дня спустя в письме к Курсинскому (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 35, прим. 12). Материалы к нему неизвестны. О предполагавшемся содержании и о связи замысла с личной жизнью Брюсова этих дней дают некоторое представление п. 51, 53—54.

⁸ Примечание в конце вступительной заметки к переводам из П. де Ландель (*РС* 3. С. 28) начиналось словами: «О новейшем французском символизме мы поговорим в следующем раз, когда будут готовы переводы». Статья «Мелкие французские поэты наших дней» упоминается в числе планируемых текущих работ («Думаю (. . .) писать») в дневниковой записи от 11 сентября (1.14/1, л. 27). Какие-либо материалы к ней неизвестны. Однако упоминание о том, что она была начата летом, позволяет рассматривать как ее ранний вариант неоконченную статью о Мореасе и о поэтах «романской школы», предназначавшуюся для четвертого выпуска *РС* (цит. в п. 42, прим. 6).

⁹ Начало этой «заметки» непосредственно предшествует в тетради публикуемому письму (см. 3.6, л. 19об.—20об.), ее полный текст, который Брюсов хотел издать отдельной брошю-

рой, см. 37.13, л. 1—8. Подробно цитируется в работе: *Паниян Ю. М.* Ранние критические статьи В. Брюсова // *Чтения 1963*. С. 272—277. Наличие язвительного раздела о собственном творчестве свидетельствует (см.: *Паниян Ю. М.* Указ. соч.), что брошюра должна была издаваться под псевдонимом (ср. в п. 49, прим. 10 об аналогичном замысле 1894 г. — книге «Русские символисты. Характеристика и наблюдения»). Ю. М. Паниян характеризует брошюру «о молодых поэтах» как «наброски» к книге «Русская поэзия 95 года», но она является скорее сложным рефератом этой книги, созданным уже после того, как Брюсов отказался от полного воплощения замысла. Вариантом этой же брошюры является, по сути, и статья «Наши поэты» (3.7, л. 16об.—19; альтернативное заглавие — «Новый Крокодил»).

¹⁰ Дневниковая запись о ближайших планах от 11 сентября началась словами: «Думаю изучать оккультизм» (1.14/1, л. 27). Интерес к оккультным наукам Брюсов пронес через всю свою жизнь. А. В. Луначарский в своих воспоминаниях особо остановившись на брюсовском докладе «О мистике», прочитанном в 1920 г. в Доме печати (см.: *Луначарский А. В.* Собр. соч. М., 1963. Т.1. С. 434 и 590). Какие-либо материалы к «книге о гениях» неизвестны, но возможно, что о ее замысле можно будет судить по многочисленным материалам, сохранившимся от брюсовских занятий Лейбница (см. п. 74А, прим. 3).

¹¹ В содержащемся в тетради № 28 перечне «Чем я занят непосредственно» под № 5 значится «Монография о Нероне» (3.8, л. 46об.), а в следующем за ним перечне «Замыслы» упомянута даже целая «История императоров» (там же). Материалы к этой работе неизвестны.

¹² Полководцы Александра Македонского, боровшиеся за верховную власть после его смерти.

¹³ Новое обращение к Ливию (о первом см. п. 6 и комм. к нему) вновь было связано с работой над рефератом для В. И. Герье — «Критика рассказа Ливия (книга III, 1—3) о том, как им была выведена в Аквиум колония» (см. 4.17). Реферат долго не давался Брюсову и был одной из причин его мрачной настроенности по отношению к университетским занятиям (см. п. 49, прим. 4). Закончив работу и подав ее Герье 11 октября (см. 1.14/1, л. 29 об.), Брюсов, однако, не расстался с Ливием, а сделал его наряду со Светонием одним из объектов «анализа» в своем «историческом памфлете» «Недостоверность биографии Юлия Цезаря», в котором хотел пародировать методы исторической критики источников. Над памфлетом Брюсов работал, в частности, между 22 и 25 ноября 1896 г. (см. 3.7, л. 24—24; другая часть материалов — там же, л. 26об.—25об.; возможно, что с этим замыслом связаны и хронологические записи в 3.6, л. 10б.—2).

¹⁴ Занятия Локком первоначально также были обусловлены университетским заданием. Позднее Локк интересовал Брюсова и в связи с его занятиями философией Лейбница (см. прим. 10). Конспекты и наброски, посвященные локковскому учению о простых и сложных идеях, см. в тетрадах: 3.7, л. 60об.—58, 46—45об.; 3.6, л. 9об.—17, 31—31об. Сборник «Oeuvres de Locke et Leibnitz» (P., 1879) с пометами Брюсова см.: Ф. 386. Книги, № 737.

¹⁵ Во второй редакции «Нестором» зачеркнуто и написано: «русскими летописями». Следы этих занятий в рабочих тетрадах скудные: стилизованная старославянская запись на переднем форзаце в тетради 26 (3.6, л. 1) и названия: «Ипатьевская и Лаврентьевская (летописи)» на полях рассказа «Эта история моего возрождения» (3.7, л. 12об.). Однако знакомство с летописями позднее несомненно сказалось в ряде стихотворений TV.

¹⁶ Имеется в виду рассказ Э. По «Низвержение в Малстром». Герой этого рассказа говорит: «...Теперь, когда мы уже очутились в самой пасти водяной бездны, я был спокойнее, чем тогда, когда мы еще только приближались к ней (. . .) Я уже говорил о том неестественном любопытстве, которое овладело мной, вытеснив первоначальное чувство безумного страха. Оно как будто все сильнее разгоралось во мне, по мере того, как я все ближе и ближе подвигался к страшному концу» (пер. М. П. Богословской, цит. по кн.: *По Э.* Полное собрание рассказов. М., 1970. С. 318, 320).

¹⁷ Во второй редакции письма (см. преамбулу к комм.) этой фразы нет. Однако ее вариация, содержащаяся в заключительной части публикуемой редакции, вошла в отосланный вариант письма (см. прим. 27).

¹⁸ Помещение Тютчева во главе первой «триады» и перенос имени Фета во вторую отражает ту смену поэтических пристрастий Брюсова, начало которой было отмечено в п. 26, прим. 14. Ср. п. 55 А и п. 75, прим. 11.

¹⁹ Во второй редакции письма место Эверса в первой «триаде» занял Метерлинк. Состав «триад» во многом отражает репертуар совместных поэтических чтений автора и адресата. Во встречном письме Павловской от 17 ноября читаем: «(. . .) мне так полюбились «Мертвые корабли» (. . .) трудно измерить глубину того полного наслаждения, которое ты дал мне Эд. По, Тютчевым и остальными» (97.26, л. 10б.; см. также прим. 25).

²⁰ Текст цитаты восполнен по второй редакции письма. Ее источник — бальмонтковский перевод поэмы Шелли «Эпипсихидон» (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 35, прим. 15).

²¹ Во встречном письме от 17 ноября (см. преамбулу к комм.) Павловская действительно написала: «(. . .) ты не раз говорил мне, что высоко ставишь мою духовную природу, что я по существу не такая, как другие (. . .) Теперь же ты говоришь, что любовь ко мне это все та же любовь, какая была у тебя по отношению ко многим другим женщинам (. . .) Как же мне было не оскорбиться на такое заявление, не найти такую любовь унижительной (. . .)» (97.26, л. 5).

²² Элеонора Ивановна *Царевская* — знакомая Брюсова по спиритическим и гипнотизерским сеансам в доме А. А. Лага, см. о ней 1.14/1, л. 29—30об. О Елене Васильевне Коршуновой см. п. 60 и прим. 12 к нему.

²³ См. п. 12, прим. 7—8.

²⁴ Едва ли не первая из известных формулировок одного из важнейших положений Брюсовского мировоззрения второй половины 90-х годов: каждый человек представляет собой особый, самоценный мир, равноправный с мирами других людей. Поэтическое воплощение данного положения нашло в стихотворении «Залог» (I, 231). О его роли в творческой истории «О искусстве» см. *Эстетика Льва Толстого*. С. 21—22, 27. Ср. также п. 82 и комм. к нему.

²⁵ Дальнейший текст во второй редакции письма (см. преамбулу к комм.) отсутствует. Следует отметить, что Павловская сама прекрасно чувствовала и осознавала место поэзии в духовном мире и в жизни Брюсова. В письме от 17 ноября она писала: «В самом деле дорогой мой, мой поэт, когда дело идет о поэзии, ты несравненен, я никогда не люблю тебя так, как в то время, когда ты в этой сфере. Впрочем, боюсь, что сказала сейчас неправду, находясь под впечатлением последнего вечера, когда ты (...) говорил чудную поэму Минского (...)» стихотворения По и Баратынского. Но, во всяком случае, *тебя без поэзии я не могу представить тобою*» (97.26, л. 1об.; курсив мой.— С. Г.).

²⁶ Стихотворение, опубликованное в *РС I* (I, 34). См. о нем также шп. 9 и 30.

²⁷ В отличие от своего «составительного» варианта в середине письма, снятого уже во второй редакции (см. прим. 17), данная фраза нашла отражение и в отправленном тексте письма. Об этом свидетельствует резкая отповедь в ответном письме Павловской от 23 ноября 1896 г.: «Да и что уж мудреного: “Какое дело поэту мирному до нас” (позволю себе эту пародию), т. е. людей вообще, и уж тем более до одного существа, которое все-таки для тебя только “книга”, которую можно читать или не читать, это как Бог на душу положит. Когда же эта Книга не удовлетворяется такой страдательной ролью, ей ставится на вид, что она получает и так слишком много милостей, потому что ведь ее могут вовсе не читать, да к тому же пусть она благодарит судьбу, что в ней “поэма”, а не листки для раскрашивания картинок. Не мешало бы только знать, как сам поэт отнесся бы к подобной роли, не презирает ли он ту, которая взялась за нее, воображая при этом, что сохраняет свое “я”?» (9.26, л. 7—7об.). Моральную уязвимость комментируемого пожелания понимал и сам Брюсов, четыре дня спустя с заметной автоиронией процитировавший его в письме к Курсинскому как пример «позорного» в любви (наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 35).

²⁸ Посещение спектакля с Л. Барнаем в заглавной роли Брюсов в дневнике назвал «праздником», см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 35, прим. 7.

²⁹ Первая после этого письма встреча Брюсова с Павловской состоялась в среду 20 ноября (см.: 1.14/2, л. 5).

53. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Не позднее 22 ноября 1896 г.)

Живу я очень позорно — и дышу — смейтесь! — любовью. Этих любовей, тяну(щихся?) против моей воли, так много, что возвра(щаясь) домой, я иногда брос(аюсь) на постель и начин(аю) хохотать.

Много раз начинал писать Вам письмо, но никогда не мог кончить, посылаю Вам эти наброски ¹, а с ними и бледные попытки писать стихи ², моя поэзия ис-сякла ³.

Приложения к п. 53

К ЦИНТИИ

(посвящается Зм(ейке) ⁴)

Усомнились мы, безумные,
Заблудились на пути —
Променили сказки лунные
На безволие любви.

И когда мечты измучены,
И когда луна зовет,
Утешает нас разлучницы
Опьяняющий приход.

Сердце верит наслаждениям,
Правде призрачно-земной
И как чуждым украшением
Мы любимся луной.

28 окт(ября) 18)96 г.

ИЗ «АНАПЕСТОВ»⁵

СТРАСТНОЙ МОНАСТЫРЬ

Он воздушный, он ажурный,
Он исполнен чистых грез,
Он кладет на свод лазурный
Тихий отблеск первых роз.

Окт(ябрь 1896 г.)

И мне никогда не понять, почему
Люблю я так ночь * и беззвездную тьму,
Мне мысль повторяет о радостях дня,
И мысль убеждает минутно меня,
Но сумрак наляжет, всемогуще-немой,
И снова я счастлив свободною тьмой,
И снова со звоном спадают с меня
Бессильные цепи ушедшего дня.

4-го ноября (1896 г.)

ИЗ ШИЛЛЕРА

DES MÄDCHENS KLAGE^{2*}

Несутся тучи и лес шумит,
Над морем девушка грустно сидит.
Разбиваются волны — слышней, сильнее,
И слезами полны глаза у ней,
Во мглу она смотрит уныло.

— Напрасные слезы так сильно бегут!
Милых умерших — мольбы не вернут!
Но что тебе дорого, — Мне назови,
Что тебе дорого после любви?
Утешить тебя Я желала б.

«Умерло сердце, пустыня весь свет,
Моим желаньям в нем цели нет,
К себе, Благая! — возьми меня!
Земное счастье извела я,
Любима была и любила.»

Пусть слезы напрасно бегут и бегут,
Пусть милых умерших мольбы не вернут,
Но что, — о Благая! — сама назови! —
Что после блаженства погибшей любви
Блаженней рыданий и жалоб.

13-го н(оября 1896 г.)

3.7 (тетрадь № 29), л. 16. Датируется по расположению в тетради перед автографом тетрадной редакции письма к Курсинскому от 22 ноября (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 35). Было ли отослано адресату, неизвестно.

¹ Среди писем к Бальмонту, сохранившихся в архиве Брюсова, как в тетрадях, так и на листах (69.26), таким «наброском», относящимся к ноябрю 1896 г., можно считать только п. 51. Возможно, что другие наброски были действительно отосланы адресату с данным письмом.

² За месяц, прошедший между крайней датой завершения п. 49 и комментируемым письмом, в тетрадь «Мои стихи» № 7 было внесено всего 5 новых стихотворений: три оригинальных, «К Цинтии», «И мне никогда не понять, почему...» и «Страна любви», перевод из Шиллера и набросок из цикла «Анапесты» (14.5/7, л. 25об.—27об.). По времени создания они все могли войти в комментируемое письмо. Поэтому публикуем их в хронологическом порядке в *Приложении*, за исключением «Страны любви», помещенной в наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 34.

³ Аналогичная жалоба есть уже в п. 49 (октябрь 1896 г.). Но оскудение стихотворного творчества особенно заметно проявилось в ноябре (см. прим. 2) и в декабре (три стихотворения за весь месяц; см. 14.5/7, л. 27об.—29). По-видимому, подобный спад поэтической активности был естественным после ее всплеска, связанного с созданием и окончательным оформлением *МЕЕ* в июне-сентябре 1896 г. Брюсов, осознав эту закономерность, попытался использовать наступившее «молчание», дав 26 ноября в известной «заветной» записи обет «на два года отказаться от литературной деятельности» и высказав пожелание «ничего не писать».

* Над строкой вариант: (Я) сумрак люблю.

^{2*} Жалоба девушки (нем.).

за это время» (*Дневники*. С. 26). В стихотворении, написанном 13 декабря, он даже попытался представить эту закономерность как общее правило: «Есть для избранных годы молчания. // Они придут...» (I, 131). Но из сделанной через 3 дня после создания стихотворения дневниковой записи видно, что молчание все же продолжало Брюсова тяготить и что он даже склонен был усматривать в нем некое нравственное возмездие за то, что его жизненное поведение осенних месяцев (отразившееся в п. 51—54) не соответствовало тем высоким нормам и идеалам, которые он сам провозгласил в *МЕЕ*: «Муза, где ты! Увы, моя прежняя муза умерла, а новая, явившаяся мне среди утесов Кавказских гор, закрыла лицо и покинула меня, видя, как я оскорбляю ее лучшие заветы...» (*Дневники*. С. 26).

⁴ Прозвище Е. И. Павловской. О других посвященных ей стихах см. п. 51, прим. 1.

⁵ Под таким заглавием в тетради «Мои стихи» № 7 начал формироваться цикл миниатюр, посвященных Москве. С этим заглавием в нее внесено (14.5/7, л. 24, с датой «1895 весна») первое четверостишие стих. «Я люблю у застав переулки Москвы...» (III, 227). На той же странице тетради записана еще одна миниатюра, помеченная «сентябрь 1896»:

Как таинственны гордо свободные
Уходящие башни Кремля,
Если теплятся звезды холодные,
Но еще не проснулась земля.

54. БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ

(Москва. 25 ноября 1896 г.)

Из письма к Евгении (25 н(оября) 96 г.)

...Истинная победа духа над плотью состоит не в том, чтобы, подобно отшельникам, изнурением подавлять пламя страсти, не в том, чтобы не поддаваться искушению, дрожа от желаний (знаешь Ты прелестную поэмку Майкова «Анахорет» или что-то в этом роде?)¹, — а в том, чтобы видеть в страсти самое обыденное явление, одну из тысячей мелочей жизни, бороться с которыми — по Твоему собств(енному) признанию — не стоит².

А! да будет проклята любовь! проклята! проклята! Если когда-либо человек знал унижение — то это в те минуты, когда самое позорное в своей душе он возводил на пьедестал, когда он как [евангельская] грешница в поэме Толстого³ хвастался своим падением. Слияние двух существ, единение двух душ — а! бессмысленный повор(от?) слов! почему двух? почему *двух*, спрашиваю я — а! почему мужчины и женщины? — а! но разве эти простые слова не уличают тебя — где ответ на мои (*1 нрзб.*) вопросы? Кричать об альтруизме⁵ и отдавать душу одному! — весьма послед(овательно)!

Есть два мира — светлый и желанный мир идей, мир отношен(ий) и сознания — и другой мир — мир темных чувствований. Они борются от века, как Агур(а)мазда и Ангр(о) Манью⁶ и вечное торжество суждено Злому Духу!⁷ Поклонят(ься) Сатане!

3.7 (тетрадь № 29), л. 24—24об. Автограф слагается из двух существенно различающихся частей. Первая, как явствует из предваряющей ее указательной пометы, представляет собой выписку из уже готового письма от 25 ноября 1896 г., которым Брюсов ответил на письмо Павловской от 23 ноября (97.26, л. 7—15 об.). Полный текст брюсовского ответа до нас не дошел. Спокойно-рассуждающему тону и содержанию этой выписки соответствует и ее внешнее оформление: это беловой автограф, написанный ровным крупным почерком, без всяких сокращений и помарок. Затем, после слов «не стоит», в тетради оставлены три чистые строки, за которыми характер рукописи ощутимо изменяется. Перед нами уже трудночитаемая скоропись, с большим количеством сокращений и исправлений. «Вздыбленному» внешнему виду этой части рукописи соответствует ее содержание и интонация: от спокойного, уверенного тона первой части не остается и следа, в каждом слове сквозят боль и страдание. Эта часть — своего рода автокомментарий, отменяющий первую часть, свидетельствующий, что уверенность и умиротворенность первой части были преждевременны. Если бы не обращение «разве эти простые слова не уличают тебя», можно было бы усомниться в том, что перед нами по-прежнему диалог с Павловской — настолько эта часть похожа прежде всего на беспощадный спор с самим собой, на дневниковую запись. Да фактически эта часть и осталась дневниковой записью, так как посылая ее вдогонку за письмом, из которого выписана первая часть, Брюсов не стал, и Павловская, как ясно из последующих писем (см. прим. 2), так никогда эту часть и не прочитала. Именно из этой второй части письма в наибольшей степени проясняется содержание неосуществленного замысла статьи «Позор любви», о которой Брюсов упоминал в п. 52 и в письме к Курсинскому от 22 ноября 1896 г. (см. п. 52, прим. 7).

¹ Речь идет о поэме А. Н. Майкова «Странник».

² Отзвук этой части брюсовского письма явствен в ближайшем к нему по времени письме Павловской, написанном в ночь с 3 на 4 декабря: «Я может быть пишу тебе совсем не вовремя, так как ты, вероятно, находишься сейчас в полосе бесстрастия, в том идеальном для тебя настроении, которым ты так гордишься» (97.26, л. 16). Одновременно процитированные слова подтверждают, что вторая, комментирующая часть публикуемого текста, столь далекая от «бесстрастия», в письме не вошла и для Павловской осталась неизвестной.

³ Брюсов имеет в виду обращение героини поэмы А. К. Толстого «Грешница» к Иоанну, которого она ошибочно приняла за Христа: «Лишь наслаждением я влекома, // С постом, с молитвой незнакома, // Я верю только красоте, // Служу вину и поцелуюм, // Мой дух тобою не волнуем, // Твоей смеюсь я чистоте!». «Грешница» привлекала внимание молодого Брюсова на протяжении целого ряда лет, ср. наблюдение над ее ритмикой, приведенное в п. 12, прим. 11, и анализ ее композиции в материалах к «Истории русской лирики» (*Неосуществленный замысел*, С. 203).

⁴ Тема слияния душ в письме Павловской к Брюсову от 23 ноября была отчасти навеяна стих. самого Брюсова «В будущем»: «(...) этим счастьем я обязана тебе, Валя, тебе, мое своенравное солнце, ослепившее меня своим дивным ореолом поэзии и самобытности! Я тебе так бесконечно много обязана, что не смею, да и не могу сердиться на тебя за мои страдания. Спасибо. Думала ли я тогда, что

меж гранями вечной разлуки
Мы душою слились на миг» (97.26, л. 11).

Позднее, в письме от 11 февраля 1897 г. (см. п. 59, преамбулу к комм.) Павловская как бы ответила на мучительное сомнение в возможности такого слияния, отразившееся в комментируемой записи Брюсова: «Моя душа слилась с твоей, знаешь ли ты химический или механический процесс, чтобы уничтожить это слияние» (97.27, л. 15).

⁵ Нота, отчетливо прозвучавшая в ряде писем Павловской. В письме от 17 ноября она писала: «Милый, ведь я и в альтруизме благодаря тебе совершенствовалась, потому что ты расширил мой кругозор, и, заставив полюбить себя, сделал меня глубже, терпимее, человечнее» (97.26, л. 5). А в письме от 23 ноября (на которое и отвечал в комментируемом письме Брюсов) Павловская, вспомнив завет Тютчева «страшись позовой любви», продолжала: «...разве необходимо, чтобы поэт думал только о себе, жил только собою и заставлял других, тех, которые отдали ему душу и существуют силой любви (...) подчиняться всем, иногда случайным капризам своей фантазии? Разве так нужно и разве в этом любовь? Нет, с любовью и личной (?) и альтруистической ты мало знаком, а между тем, я убеждена в том, что Поэзия сливается с Любовью в одно гармоническое целое, такое прекрасное и лучезарное, такое совершенное, что его мало сравнить с солнцем нашей бедной земли (...)» (там же, л. 9. Курсив мой.— С. Г.).

⁶ Имена Верховного божества и Духа разрушения в религии древних персов, основание которой приписывается Заратуштре (греческий вариант — Зороастр), жившему в VII—VI вв. до нашей эры. В древнейших текстах, приписываемых самому Заратуштре, так называемых «Гатах» (одна из частей священной книги древних персов «Авесты») Ангро Майнью (или Ахра-Манью) противопоставлен не самому верховному богу, а святому, или светлому, духу — Спанта-Манью.

Идея противоборства Ахурамазды и Ангро-Майнью, упоминаемая Брюсовым в письме, восходит к более поздней разновидности древнеперсидской религии, кодифицированной в IV в. н. э. и отраженной в так называемых «пехлевийских книгах» VII—IX вв. (см.: *Дрезден М.* Мифология древнего Ирана // Мифологии Древнего мира. М.: Наука, 1977. С. 338—342). Имена обоих божеств впервые появляются у Брюсова в написанном в 1894 г. и перебеленном в апреле 1895 г. (см. п. 24, прим. 15) стих. «Ученый» (I, 36), но там они даны в греческих вариантах: Ормузд и Ариман. Употребление в комментируемом письме оригинальных авестийских вариантов свидетельствует, по-видимому, о том, что с лета 1895 г. до осени 1896 г. Брюсов ознакомился с какими-то дополнительными источниками, содержащими сведения о древнеперсидской религии.

⁷ Данное утверждение не является одним из элементов мифа о противоборстве Ахурамазды и Ангро-Майнью. Напротив, согласно пехлевийским книгам (см. прим. 4) из девяти тысяч лет мирового цикла «три тысячи пройдут согласно воле Ормазда (Ахурамазды), следующие три тысячи — в смещении воли их обоих, а в заключительном трехтысячелетии «Дух Разрушения будет лишен силы» (*Дрезден М.* Указ. соч. С. 342). Возможно, что в данном тезисе уже сказалось знакомство Брюсова со скандинавской мифологией, ср. позднейшие стихотворения Брюсова «Бальдеру — Локи» в кн. *St.* (I, 388 и 624—625) и «Бальдеру II» (в кн.: *Стихотворения и поэмы*. С. 502—503).

55. БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ

А. ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ
БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ(Москва.) 1-го декабря (18)96¹

Жду от Тебя письма

Мы расстались с Тобой, и я сначала совсем печалился². Мне хотелось опять сидеть с Тобой, читать Тебе г-жу Гиппиус³, свой дневник, неизменного Тютчева⁴ — План моей жизни не позволял мне этого и я покорялся —

Есть странная связь между смелой фантазией и склонностью к холодной точности. Люди с пламен(ной)

3.7 (тетрадь № 29), л. 25об., в обратном заполнении тетради. Не дописано, текст обрывается внизу листа, а на обороте (л. 25) сразу начинается вторая редакция п. 51. В сочетании с последней данное письмо образует сложную двухчастную композицию, во многом аналогичную п. 54 (которое заканчивается на том же тетрадном развороте, где расположена вторая редакция п. 51). По-видимому, не было дописано и отправлено, так как во встречном письме Павловской (см. п. 54, прим. 2) говорится: «Решилась же я написать тебе, не получив от тебя письма, потому что ты выразил желание знать мой адрес, а я как раз собираюсь перекочевать в дом Федотовой, на углу Столового и Скатертного переулка» (97.26, л. 16об.).

¹ День рождения Брюсова. Павловская во встречном письме (ночь с 3 на 4 декабря) писала: «Надеюсь, что 1го декабря ты был уверен, что я горячо, как вероятно, никто, желаю тебе, бесконечно дорогому, бесконечно любимому, несмотря ни на что (вот в этом, вероятно, и есть одна из основных черт моей сущности, самобытности) совершеннейшего, высшего счастья» (там же, л. 17—17об.).

² Под 27 ноября (следующий день после программной записи об «отречении» от литературы — *Дневники*. С. 26) в подневной хронологии Брюсов записал: «Вечер с Женей. Разлука», а потом расшифровал эту запись подробнее: «27-го я сказал Жене еще раз прощай навсегда (...) кажется, это подействовало; ее письма сдержаннее, зато я... я начинаю скучать без нее...» (1.14/2, л. 6).

³ За творчеством Зинаиды Николаевны *Гиппиус* (1869—1945) Брюсов внимательно следил с самых ранних публикаций. В брошюре о современных поэтах (см. п. 52, прим. 9) ее стихам посвящен неоконченный, но весьма показательный раздел: «Госпожа Гиппиус напечатала мало стихотворений, но из них половина — превосходные. Они оригинальны по форме и по содержанию. Нельзя того же сказать о ее размерах» (37.13, л. 8об.). Однако в 1897 г. на него огромное впечатление произведет именно ритмика стихов Гиппиус (см. второй вариант п. 73А — наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 23).

⁴ Ср. п. 52, прим. 18. Совместные чтения Тютчева оставили значительный след и в письмах Павловской, ср., в частности, п. 54, прим. 5. О брюсовских занятиях Тютчевым в конце 1896 — начале 1897 г. см. п. 58, прим. 2.

Б. ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ
БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ

(Москва. Между 1 и 4 декабря 1896 г.)

Мне скучно без Тебя¹, птичка, хотя это и не значит, что я люблю Тебя, т. е. любить-то люблю, но не иначе, чем, например, Бальмонта.

Поговорим.

Как бы там ни было, я все же «писатель». Если б я не знал, как говорят влюбленные, я не знал бы самой азбуки, своего дела. Ergo *, я умею говорить так, как говорят влюбленные. Можно бы сделать вывод, но — переменим разговор. Зайдем с другой стороны.

Поговорим о странностях любви:

⟨Другого я не смыслю разговора.—

В те дни, когда от огненного взора

Мы чувствуем волнение в крови,

Когда тоска обманчивых желаний

Объемлет нас и душу тяготит²)

Вот стихи, которые я как-то раз тщетно старался припомнить³

* Следовательно (лат.).

3.6 (тетрадь № 26), л. 35. Не окончено. Обрывается внизу тетрадного листа, на обороте которого начата третья редакция (п. 55В). В отличие от первой и третьей редакций данная редакция не датирована. Текстуальная перекличка с дневником, отмеченная в прим. 1, теоретически позволяет рассматривать данную редакцию и как самую раннюю из имеющихся. Определение ее как второй, срединной, опирается на ее непосредственное тетрадное соседство с третьей редакцией и на анализ содержательных особенностей. Именно меньшая непосредственность данной редакции в передаче чувств по сравнению с п. 55А, демонстративное бравоирование своим «бесстрашием» (слова Павловской из встречного письма от 3 декабря — см. п. 54, прим. 2), отказ от признания, что разрыв с адресатом — событие вынужденное, вызывающее у автора печаль, — все эти свойства служат шагом на пути к превращению письма из интимного признания в многоадресное послание, которое произойдет в третьей редакции.

¹ Ср. дневниковую запись от 28 ноября 1896 г., процит. в п. 55А, прим. 2.

² Строки из «Гавриилиады» А. С. Пушкина цитируем по изданию, подготовленному позднее самим Брюсовым: [Пушкин А. С.] Гавриилиада: Полный текст/Вступ. ст. и критич. прим. В. Брюсова. Изд. 2-е. М.: Альциона, 1917. С. 59. Текст в нем восходит к тексту первого заграничного издания, осуществленного Н. П. Огаревым, и совпадает с тем, который мог быть известен Брюсову в 1896 г. В автографе письма приведена лишь первая строка, за ней следуют четыре отчерка. Шестую строку приводим дополнительно для синтаксической завершенности цитаты.

³ «Гавриилиада» в те годы не была издана в России, и справиться с книгой, найти строчки, которые не мог «припомнить», являлось задачей не тривиальной. См. позднейшие сетования Брюсова в письме к Бальмонту от 12 декабря 1899 г. (наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 45) на то, что адресат «когда-то похитил» у него «Гавриилиаду», и просьбу прислать «маленькое» заграничное издание, которое не будет задержано на почте.

В. ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИЯ

БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ, КУРСИНСКОМУ, БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 4 декабря 1896 г.)

Я давно написал бы Тебе, если б мое перо мне всегда повиновалось. Бывают дни, когда я не могу написать самой простой записки ¹.

Клянусь, я чувствую себя очень плохо. Хочется уехать либо в Париж, где меня никто не знает, либо в пустыню близ Алеппо, где и знать-то некого...² или еще — уйти в жизнь: ничем не заниматься, играть в карты, напиваться пьяным, знакомиться с бульварными красавицами. Что скажешь? ³ Забыть все русские рифмы, не знать даже, кто был Гай Клавдий Марцелл (консул 49 г. до Р. X) ⁴ — разве это не блаженство? Новый Диоклетиан! ⁵

Суэта суетствий! ⁶ Очень надо мне перечитывать ломоносовские оды ⁷, или хотя бы смотреть Гамлета ⁸, или даже отвечать на утонченно-идеальную любовь моей «птички» ⁹, если я могу по утрам клеить картонажи с сестрами ¹⁰, а вечером шумно болтать ¹¹ с добрыми приятелями *. Душа многогранник ¹², каждая сторона которого окрашена в особый цвет. Почему красный цвет лучше синего? — Ребяческое заблуждение! ¹³

Мне вчера снилось, что я в самом деле влюблен; мы сидели в нише ^{2*} громадного готического окна, и морозные стекла были голубоватыми. Лучи луны — символ земного существования. Может быть, истома наслаждений — прообраз нирваны ¹⁴.

Маю! разноцветный сон! да будет проклято твое сияние! ¹⁵ О бледная любовь! это она — с распущенными волосами — заслоняет от взоров что-то иное, высшее, [что не может не быть!] ¹⁶ Я не хочу оставаться человеком!

Есть нелепая теория, — будто искры и круги, которые носятся перед утомленными взорами ¹⁷ — отблески нездешнего мира. О если бы! В новой сфере я мог бы воскреснуть... «Огненный всадник, летящий во весь опор, с кошем, направленным на меня» ¹⁸ — вот счастье!

Прощайте ¹⁹

Валерий Брюсов

* Далее зачеркнуто: Жизнь — геомет(рическая). Над последним словом — также зачеркнутый вариант: плоскост(ь)

^{2*} Над строкой в скобках параллельный вариант: в амбразуре?

3.6 (тетрадь № 26), л. 35об.— 36, с пометой: «Схема письма (4 декабря) 96 к Жене; 5-го декабря 1896 г.) к Курсинскому». К содержащемуся в помете подзаголовку позднее было добавлено: «январь 1897 к Бальмонту», число в этом добавлении не проставлено.

Было ли заглавие написано сразу или добавлено после составления на основе «схемы» письма ко второму адресату, Курсинскому, не ясно. Соответственно не представляется возможным сказать, создавалась ли «схема» как обычное одноадресное письмо к Павловской или же сразу сознательно строилась как основа для писем к обоим первоначальным адресатам. Имеющиеся формальные доводы в пользу второго предположения (см. прим. 19) для окончательного решения все же недостаточны. Но как бы ни обстояло дело, итоговое содержание возникшего письма безусловно многоадресно (ср. прим. 2 и 15, а также вступ. ст., гл. 4, § 4) и позволяет утверждать, что в процессе писания автор, по крайней мере подсознательно, ориентировался на различных адресатов. Это делает «схему письма» принципиально важным явлением, во многом аналогичным «дружескому литературному письму» пушкинской эпохи (см. указ. § вступ. ст.).

Генетически «схема» возникла из предшествующих попыток написать одноадресное письмо к Павловской (см. п. 55А и 55Б) как итог процесса постепенного отчуждения от тех конкретных чувств, которые автор испытывал к адресату, и выживания в содержании письма мотивов бесстрастия, предполагающего, в частности, «уравнивание» возможных адресатов. Такое происхождение, а также то, что Павловская — единственный из трех адресатов, к кому Брюсов заведомо обращался уже в момент создания «схемы», оправдывает публикацию «схемы» в качестве редакции письма именно к Павловской. Однако как раз Павловской оно, несмотря на информацию, содержащуюся в помете-заглавии, видимо, и не было послано. Возможно, тут сыграло роль получение Брюсовым встречного письма от Павловской, написанного в ночь с 3 на 4 декабря (цит. в п. 54, прим. 2 и в п. 55А, преамбула к комм. и прим. 1; на городской почтамт оно, судя по шт., пришло в 12 часов 4 декабря), или же Брюсову независимо от этого письма хватило такта и человечности не ранить страдающую женщину письмом, в котором о ней говорится преимущественно в третьем лице. Так или иначе, в своем следующем письме, датированном «12 декабря. Вечер» (97.26, л. 18—21об.), Павловская недоумевала, получил ли Брюсов ее письмо, написанное «4-го ночью», и признавалась: «(...) я ждала твоего письма в продолжение недели с страшным напряжением. (...) И отчего ты не пишешь? Валя, пиши, милый, пиши о себе» (там же, л. 20об.— 21об.).

Курсинскому письмо было действительно послано 5 декабря и сохранилось (см. наст. кн., Переписка с Курсинским. Вступ. ст. А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова). Его отличия от «схемы», в общем незначительные, оговорены в примечаниях. Отосланный вариант письма к Бальмонту неизвестен.

¹ В письме к Курсинскому первый абзац читается: «Друг мой! Совсем напрасно Ты не отвечаешь на мои письма. Я бы сам часто писал Тебе, если бы всегда владел своим пером. Бывают дни, когда я не могу написать самой элементарной строчки».

² Тема бегства от устоявшейся жизни будет впоследствии развита Брюсовым в письмах к Бальмонту (см. п. 60, 70, 87, отчасти 67). Возможно, что именно ее присутствие в «схеме письма» (как и мотивов индийской философии) побудило Брюсова через большой промежуток времени осознать, что соответствующее «схеме» письмо может быть направлено еще и Бальмонту, первоначально не входившему в число адресатов. Тот факт, что мотив бегства в этом письме связывается не только с уходом от привычной обстановки, а с отречением от собственной личности, позволяет видеть в комментируемом письме ранний исток одного из вершинных поэтических созданий Брюсова — «L'ennui de vivre»:

«Желал бы я не быть “Валерий Брюсов” (...)
О, если б все забыть (...)» (I, 293, 294)

³ В письме к Курсинскому: «...пьянствовать и посещать “девочек”. Что Ты скажешь о последнем?».

⁴ Пример, возможно, выбран не без подвоха. Имя Гай Клавдий Марцелл носили два римских консула, двоюродные братья, избравшиеся соответственно в 50 и 49 гг. до н. э., в решающий момент римской истории — в канун гражданской войны Цезаря и Помпея (см.: *Моммзен Т.* История Рима/Рус. пер. под общей ред. Н. А. Машкина. М., 1941. Т. 3. С. 302). Тетрадь, в которой написана комментируемая «схема письма», открывается «Хронологией» событий римской истории с 58 по 49 гг. до н. э. (3.6, л. 1об.— 2).

⁵ Диоклетиан (243 — между 313 и 316 н. э.) — римский император с 284 г. В 305 г. отрекся от престола и, уехав в Иллирию, отошел от политической жизни.

⁶ В тексте письма, отправленного Курсинскому, назван источник данного изречения: «Суета сует! Много перечувствовал благочестивый царь Давид, прежде чем пришел к такому восклицанию». Однако в Библии эти слова приписаны сыну царя Давида — Екклесиасту (см.: Книга Екклесиаста, или Проповедника, гл. 1, 2).

⁷ См. п. 52, прим. 2.

⁸ См. там же, прим. 28.

⁹ Это прозвище, понятное лишь первому из адресатов (ср. начало п. 55Б), уже в письме к Курсинскому было введено с поясняющим уточнением: «(...) или даже наслаждаться утонченно-идеальной любовью с птичкой-Женей (...)» (курсив мой.— С. Г.).

¹⁰ Характерная подробность семейного быта Брюсовых (ср. п. 97).

¹¹ В письме к Курсинскому вместо этого стоит: «а вечером дремать у Яра». «Яр» — из-

вестный московский ресторан в Петровском парке (ныне Ленинградский проспект, 32; в перестроенном здании размещается гостиница «Советская»).

¹² Этот образ, как и зачеркнутые варианты, проявление давнего пристрастия Брюсова к геометрии и к идее многомерных пространств («№ измерений»). Ср. п. 60, прим. 8.

¹³ В письме к Курсинскому эта оценка усилена: «Да нисколько! Суетствие сует! Ребяческое заблуждение!».

¹⁴ Одно из центральных понятий буддизма. Обозначает этический идеал, высшее психологическое состояние, предполагающее полную отрешенность и независимость от внешнего мира, отсутствие желаний, внутреннюю гармонию и покой. Созданный фантазией Брюсова в ноябре 1894 г. в качестве «характерного представителя современного западного человека» немецкий поэт Генрих Шульц (ср. п. 90, прим. 6) в своих «юношеских стихотворениях» «не раз восторгался буддизмом» и даже пишет «небольшую поэмку» под заглавием «Нирвана» (2.17. л. 39об.; ср. стихотворение Брюсова в п. 76, прим. 6).

¹⁵ В автографе «схемы письма» первоначально стояло: «да будет проклята твоя власть!», в письме к Курсинскому еще один вариант: «Да будет же проклято твое обаяние!». О «маие» см. п. 76, прим. 6 и 10. Здесь этим термином обозначается иллюзорность внешнего мира, противопоставляемая действительно реальному бытию — нирване. Первое знакомство Брюсова с индийской философией относится к концу 1889 — началу 1890 г., когда в тетради № 3 был сделан подробный конспект неизвестного источника, названный «Индийская религия» и содержащий сведения о пантеоне, мифологии, учении о метампсихозе и индийском календаре (4.1, л. 36—42об.; упомянут в: *Гудзий 1937*. С. 199). Упомянутый в прим. 14 герой Брюсова Генрих Шульц «приходит к выводу, что мир не существует, и затем дает разъяснение этому, приближаясь к учению буддистов о Маие. Окончательный вывод у него тот же, что у буддистов, — надо стремиться *уничтожить этот призрак*, а не усиливать его, как это делает современная наука» (2.17, л. 40—40об. Курсив мой. — С. Г.). Увязывание учения о маие с буддизмом свидетельствует о приближительности брюсовских представлений того времени и о буддизме, и об индийской философии (о некоторых источниках его дальнейшего знакомства с учением о маие и с индийской традицией в целом см. п. 76, прим. 6 и п. 74Б, прим. 8). Но выраженное здесь понимание «маи-иллюзии» и отношение к ней фактически уже совпадает с проявившимся в комментируемом письме. «Проклятия» по адресу «индийской мысли», отрицание маи-иллюзии станут одним из лейтмотивов бесед и переписки с Бальмонтом в конце 1897 — начале 1898 г. (см. п. 74А, 74Б, 76), о его роли — наряду с темой ухода, бегства — в решении Брюсова послать комментируемое письмо Бальмонту см. прим. 2.

¹⁶ В письме к Курсинскому окончание фразы, в «схеме» зачеркнутое, восстановлено. Представление о том, что любовь Павловской отклонила его от «высшего», предназначенного ему «пути», было у Брюсова довольно стойким. Ср. цитату из легкого письма 1897 г. в п. 75, прим. 6 (ср., однако, и противоположное признание о «чувствах и идеях», которыми он обязан Павловской, — там же, прим. 7). Наряду с личным отношением к Павловской в комментируемой фразе сказались и общие представления Брюсова тех дней о месте, которое любовь должна занимать в мире художника, среди его занятий (ср. п. 52 и 54).

¹⁷ В письме к Курсинскому использован первоначальный вариант, в схеме зачеркнутый: «видятся утомленному глазу».

¹⁸ Как и знаменитое стих. «Конь блед», данный образ восходит к Апокалипсису, но не к видению семи печатей, а к описанию явления Мессии: «(...) и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у него как пламень огненный (...) Из уст же его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их железом железным» (Откровение Иоанна Богослова, гл. XIX, 11—12, 15). Ср. п. 88.

¹⁹ Из трех адресатов «схемы» Брюсов был «на Вы» только с Бальмонтом, которому письмо первоначально не предназначалось. Постановка «Прощайте» во множественном числе, возможно, признак того, что уже при самом зарождении данного письма, во всяком случае в момент своего завершения, оно уже ощущалось автором как многоадресное. В письме к Курсинскому — «Пока прощай».

56.. БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ

Петерб(ург.) <10—11> Январ(я) 1897

Леонардо да Винчи!

И у него во мгле Иконы

Стоят с улыбкой у креста

Полуязыческие жены...

И не безгрешна их мечта! ¹

А! За что можно любить Петербург — это за его Эрмитаж ² [Как пересказать Леонардо!] Леонардо да Винчи!

Пророк иль демон иль кудесник

Завет [прошедшего] минувшего храня,

О Леонардо, ты предвестник

Еще неведомого дня.

Стихи Мережковского грубы, слабы — но все же в них есть намек [на что-то]. И рядом! На одной стене Рафаэль — *madonna*, чистая, тоскующая, голубоватый свет весеннего утра ³.

Грезит мать над твоей колыбелью...
 ...Ей цветы благовонья навевали.
 Тростники нашптали ей грезы —
 И провидит Она Твои слезы...

Обернитесь ⁴. Та же *madonna*, та же чистая... Нет! Что-то иное есть в ее улыбке, в ее тонких, сжатых губах. Вы думаете, она опустила ресницы, потому что смотрит на сына? — о нет, она хочет скрыть выражение глаз. Младенец рукой перебирает складки одежд, ища груди. Но почему же это движение вызывает не благоговение? Папа Климент святой, седой старик, смотрит на ребенка, а, впрочем, даже не на ребенка; что-то сластолюбивое есть в его взоре, когда он, следуя за рукой младенца, останавливается на груди Пречистой... А там! во мгле! — там св. Цецилия, тон(кая), бледная, [погасающая] с восковым румянцем. Она скромно потуп(ила) глаза, она сложила благоговейно руки, — она не смотрит — и вся эта стыдливость, эта чистота, эта благоговейность говорит, кричит нам: «Я знаю, тебя, старик, меня не обманешь притворным благочестием, я многое знаю; что же — я молчу». — Такова эта икона.

Если бы я сумел пересказать содержание другой картины Винчи, портрет(а) полной женщины ⁵, дерзко, словно в неведении целомудрия спустившей на бедра свое платье — и этот пейзаж! и небо! и синеватые скалы! — Я долго смотрел на нее и видел как опущенные ресницы на миг подымались, как вспыхивали — минутно, мимолетно — ее взоры лукавым, тайным блеском. Хочешь всмотреться — погасло; ее губы шепчут святое *ave* * [*María*], ее руки сжимают молитвенник.

И потом я ушел в глубокий, сумрачный — нижний этаж, где под серыми сводами собран мир античных статуй. Поломанные, нецельные — они всепобедны. Адонис и Афродита, как прежде, олицетворение, высшее воплощение той красоты, для которой души не нужно. И понимаешь, и чувствуешь, что есть красота тела, есть любовь вне любви, вне [души] сердца. Суровый римлянин! Статуя — портрет какого-то префекта. По ней одной узнаешь больше римского, чем из всех томов наших историков. И Вах! — Только такие мальчики делали возможной «греческую страсть». — Холодными, безвзорными очами, во всем величии громадности и простоты смотрит Зевс Олимпиец. Хитон упал на колени, обнажив мощную грудь; крылатая Nike-победа, орел у ног. Он головой касается [низких] сводов, ему тесно — Дерзкий, прочь! Дальше! И опять лучи света, и на фиолетовом фоне тяжелой драпировки «Венера Эрмитажа». Слишком худа, скажут современные ценители красоты.

Я был на выставке «Этюд» ⁶. Там серафимы Васнецова с их громадными неизмен(ными) глазами, полн(ыми) души, там строгие, бесстрастно дивные ангелы Нестерова, там тона, и краски, и линии — все могущество Нового Искусства ⁷:

Тот век золотой
 Имел из могучего мрамора тело
 И бронзовой грудью дышал.
 Но отжило тело, иссякло, истлело,—
 И душу он нам завещал:
 Живую, творящую, полную чувства
 Бессмертную душу — Искусство ^{2*}

* Радуйся (*лат.*) — начало и название католической молитвы к богородице.

^{2*} Вверху следующей стр. (л. 5) отчеркнутая запись Брюсова: Цит. из ст. Фруга Театр и иск. 1897 № 1. Первые 3 ст(иха)

Наследье античного мира —
 Палитра и маска и лира —
 Бессмертной души не пример ли живой.

Не помню чье, на этой выставке есть узкое, высокое полотно. Почти все оно занято тонким стволом березы, с длинными, уходящими ветвями. Фон — березовая роща в [предосеннюю] весеннюю пору, только подернутая листвою, юная, слишком юная. А у левого края картины видна головка молодой девушки, идущей по роще — тоже слишком молодой девушки, не очень красивой, не очень [полной чувства], озаренной думой, но молодой, лет 15. Название «Преходящее»⁸. Все проходит... Молодость, как весна, весна, как любовь — все.

Одно лишь искусство бессмертно...⁹

...Этот листок, что засох и свалился,

Золотом вечным горит в песнопенье

(Фет)¹⁰

Была там картина «Тебя прославил он огнем» на тему из «Гефсиманской Ночи» Минского — но неудачн(ая). Слишком ярко зажжены глаза у Сатаны, слишком условно томится Христос. Хороши только эффекты света — Сатана озарен багровым отблеском костра, полыхающего в вызванной им картине, а на Христа падают голубые лучи луны, озаряющей Масличную Гору¹⁰.

Резец! орган! кисть! — Счастлив, кто влеком

К ним, чувственным, за грань их не ступая,

Есть хмель ему на празднике земном

.....

Художник бедный слова!

Все мысль да мысль!

И жизнь, и мир, и правда без покрова.

(Баратынский)¹¹

Или покров романтическ(ой) фантаз(ии?) да Бальмонтовск(их) рифм, убаюкивающих, нежных, бесцельно ласкающих

Они далекими отгыне стали,

Как ты, любовь ненужная моя¹².

Это из Гиппиус. Прощай

Твой ВВ

Р. С. Сегодня уезжаю. Вернувшись в Пет(ербург), сообщ(у) свой адрес¹³.
Письмо получ(ил)¹⁴.

3.9 (тетрадь № 30), л. 3—5об., с пометой «Письмо к Жене». Брюсов находился в Петербурге с 5 по 12 января 1897 г. (1.14/2, л. 10, 12) и жил в гостинице «Москва» на Невском проспекте (см. адрес на конверте письма от Павловской, указ. в прим. 14). Основные события этой поездки описаны им в двух подробных дневниковых записях — 8 и 11 января (1.14/2, л. 10об.— 11об.; в основном опубл.: *Дневники*. С. 27—28). Датировка письма уточнена с учетом того обстоятельства, что полученное 11 января встречное письмо от адресата (см. прим. 14) упомянуто Брюсовым лишь в конце письма. Краткая запись в подневной хронографии: «10. Пятница. Почти ничего» — также свидетельствует, что 10 января было проведено автором без больших выездов и могло быть использовано для писем. Данное письмо является единственным известным рассказом о его впечатлениях от картин Эрмитажа. О выставке «Опытов» см. также наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 36.

¹ Эта и следующие стихотворные цитаты взяты из стих. Мережковского «Леонардо да Винчи» (СВ. 1895. № 5). Брюсов несколько меняет цитируемое (у Мережковского — «И у тебя...»).

² Брюсов посещал Эрмитаж уже в предыдущий приезд в Петербург — 6 апреля 1896 г. (см.: 1.14/1, л. 11об.). В данную поездку посещение Эрмитажа и выставки «Опытов» (см. прим. 6) в дневнике не отмечены.

³ Брюсов говорит о картине Рафаэля «Мадонна Коннестабиле».

⁴ Далее Брюсов описывает приписывавшуюся в то время Леонардо да Винчи картину «Святое семейство со св. Екатериной». Однако в 1898 г. в печати была обоснована принадлежность этой картины кисти художника Миланской школы Чезаре да Сесто (1477—1523). См.: Чуйко В., *Волынский А.* Заметка. (Внимание гг. консерваторов Императорского Эрмитажа) // СВ. 1898. № 6. С. 359—361. В настоящее время, как любезно сообщила редакции научный со-

трудник Государственного Эрмитажа Т. Б. Кустодиева, такая атрибуция общепринята. Совр. инвентарный № собрания Эрмитажа — 80. Представление Брюсова, что на картине изображены папа Климент святой и св. Цецилия, ошибочно.

⁵ Согласно разъяснению Т. Б. Кустодиевой, речь идет о картине «Женский портрет», в конце XIX в. также приписывавшейся Леонардо. В настоящее время она определяется как произведение неизвестного художника школы Леонардо да Винчи (совр. инвентарный № — 100).

⁶ «Выставка опытов художественного творчества (эскизов) русских и иностранных художников и учеников». Была организована в залах «Общества поощрения художников» в основном стараниями И. Е. Репина. См., напр.: *Порфи́ров [С]. Выставка [опытов] художественного творчества // Жизнь. СПб. 1897. Т. 2. № 4.*

⁷ Этюды «Преддверие рая» В. М. Васнецова и «Утро Воскресения» М. В. Нестерова (ср. п. 102, прим. 16). Стих. С. Г. Фруга «Наследье античного мира...» Брюсов цитирует не совсем точно.

⁸ Картина «Преходящее» принадлежит кисти А. Я. Головина.

⁹ Трехстишие, по-видимому, объединяет строки из разных источников. Данная строка вместе с предшествующими ей в прозаической части словами: «Все проходит...» — является переложением строк из стих. «L'Art» («Искусство») Т. Готье (см. п. 48, прим. 3); «Tout passe. — L'art robuste // Seul à l'éternité». Месяц спустя, анализируя в «Апологии символизма» выраженную здесь эстетическую концепцию, Брюсов давал этим строкам такой прозаический перевод: «Все проходит. Только могучее искусство — для вечности» (3.4, л. 20). 6 августа того же 1896 г. Брюсов переведет фрагмент, включающий эти строки, стихами (см. 14.5/8, л. 23), а впоследствии создаст полный поэтический перевод всего стихотворения (*ПСС ХХI. С. 61—63*).

¹⁰ Вторая и третья строки цитаты из стих. Фета «Поэтам». У Фета «иссох». В 1902 г. в лекции памяти Фета Брюсов отнесет эти строки к «самым смелым славословиям искусству и его мощи в русской поэзии» (VI, 209).

¹¹ Видоизмененные и переставленные строки из стих. Баратынского «Все мысль да мысль. Художник бедный слова...» Ср. п. 57, прим. 3.

¹² Из стих. З. Гиппиус «Сонет» («Не страшно мне прикосновенье стали...»).

¹³ Возможно, описка Брюсова, и следует читать: «в Москву». Во всяком случае, на следующий день, 12 января, Брюсов уехал из Петербурга в Москву (ср. п. 63, прим. 2). Обещание сообщить адрес вызвано выясняющимся из встречного письма Павловской (см. прим. 14) намерением Брюсова поселиться по возвращении отдельно от семьи в «Меблированных комнатах» (97.27, л. 3—Зоб.; ср. п. 74Б, прим. 21).

¹⁴ См. 97.27, л. 3—Зоб. Судя по содержанию, являлось ответом на недошедшее до нас более раннее письмо Брюсова из Петербурга. Почтовые шт. на сохранившемся конверте показывают, что письмо было отправлено Павловской из Москвы 10 января и получено в Петербурге 11 января. В тот же день Брюсов записал в дневнике: «Получил... письмо от Жени, где Христос и Валя переплетаются самым причудливым образом» (1.14/2, л. 110б.).

57. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Конец января — начало февраля 1897 г.)

И заменил я буйство дней
Пристойным тихим сладострастьем...¹

Думал ли я когда-нибудь, что дойду до пристойного сладострастия! *

— Я не пишу стихов — но зато делаю «Историю лирики»⁴. Невеселая замена! [Томлюсь в университете и не знаю, буду ли продолжать его] Вот моя жизнь⁵.

Утро — спокойные, холодные литературные занятия. После обеда — занятия с сестрами⁶. Веч(ером) читаю по латыни или на греческом Тацита⁷, Светония⁸ или Диона Кассия⁹. Позже участвую в как(их)-нибудь семействен(ных) празд(никах), или иду к своей Лене, или как мирный гражданин слушаю опе-

* Далее зачеркнуто: Что делать! Можно примириться. Вы видели — я напечатал книжку² и, конечно, более не интересуюсь ею.

Художник бедный слова!

Все мысль да мысль!..
И (смерть, и жизнь, и правда без покрова)
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К (ним) чувственным, (за грань) и(х) не ступая!)
Есть хмель ему на празднике (мирском!)³

ру¹⁰. Изредка случается увидеть мне кого-либо из бывших друзей, до Пустошкиной¹¹ и Фриче¹² включительно. Затем опять то же. О зори св(етлых) дней¹³ ж(изни)^{2*}. Это было когда-то давно.

3.9 (тетрадь № 30), л. 7—7об. Датируется по расположению в тетради между черновым автографом письма к Вл. В. Гиппиусу, в отправленном варианте датированного 29 января (см. публ. Э. С. Литвин, указ. в п. 59, прим. 2, с. 126—127), и статьей «К вопросу о тексте Тютчева» (см. п. 58, прим. 2). Однако упоминание о посещении оперы (см. прим. 10) дает известное основание для предположения о том, что письмо относится к началу февраля (ср. прим. 5) и было просто вписано на свободное место.

¹ Своеобразный «реферат» трех строк из стих. Баратынского «Товарищам» («Так! отставного шалуна...»): «Я пресыщен их буйным счастьем // И заменил его теперь // Пристойным, тихим сладострастьем».

² Сборник МЕЕ вышел в свет 23 декабря 1896 г. (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 6).

³ См. п. 56, прим. 11. Восстанавливаем пропуски по тексту Баратынского. Однако следует помнить, что в п. 56, где те же строки выписаны полностью, Брюсов допускает некоторые отклонения от авторского текста.

⁴ О замысле «Истории русской лирики», одним из центральных для творчества Брюсова второй половины 90-х годов, см.: *Неосуществленный замысел*.

⁵ Следующий далее рассказ во многом может быть дополнен дневниковой записью: «Февраль. 6. Опять мирно-бесцветная жизнь. “История лирики”, отцы церкви, Библия — вот все, если добавить занятия с сестрами и игру в карты с отцом» (*Дневники*. С. 28). Хронологические записи от 8 февраля фиксируют неоднократные посещения Румянцевской библиотеки (1.14/2, л. 13). В записи от 8 февраля Брюсов охарактеризовал свой новый образ жизни как «добровольное уединение» и «строгий искус», принятые на себя во имя следования сознательной им «своей дороге» (*Дневники*. С. 28).

⁶ О занятиях Брюсова с сестрами см. п. 29, прим. 5 и п. 48, прим. 1.

⁷ К трудам римского историка Публия Корнелия Тацита (около 55 — около 120 н. э.) Брюсов в течение своей жизни обращался неоднократно, а в Университете прослушал о нем специальный курс (см. его письмо к М. В. Сабашникову от 24 мая 1918 г. / Записки ОР ГБЛ. М., 1967. Вып. 29. С. 225—226). Создание нового русского перевода Тацита, взяться за который ему предлагал Сабашников, Брюсов в этом письме называет «настоятельно необходимым» и оценивает как «подвиг».

⁸ Гай Светоний Транквилл (около 70 — около 160 н. э.) — римский историк, автор книги «Жизнь двенадцати цезарей».

⁹ Дион Кассий — греческий историк II—III вв. н. э., автор «Римской истории».

¹⁰ В подневной хронологии посещение Большого театра отмечено 13 декабря (1.14/2, л. 7об.). 30 января указано: «Вечером на Дон Жуане», а под 31 января — «Наброски “Дон Жуан”» (там же, л. 12об.) — имеется в виду сцена на кладбище из собственной стихотворной драмы о Дон-Жуане, записанная в тетради № 28 (3.8, л. 41—43, без даты).

¹¹ См. п. 49, прим. 6. Посещение Пустошкиной в дневнике отмечено только под 29 декабря 1896 г. На следующий день Брюсов записал в дневнике свои впечатления и подытожил их так: «В общем “салон” г-жи Пустошкиной представляет собой грустную смесь литературности и quasi-аристократической пошлости» (1.14/2, л. 9).

¹² Еще 28 декабря Брюсов отметил в дневнике: «Важнейшее из внешних событий — примирение с Фриче. Я всегда любил этого рассудительного немца, и наша ссора была болезненным недоразумением. Примирение свершилось у Курсинского, приехавшего в Москву на рождественские каникулы» (1.14/2, л. 8об.). Однако в начале января, перед отъездом в Петербург, Брюсов, вспоминая о посещении его Фриче, Курсинским и Коганом 30 декабря, записал: «Провели вечер по-старому, но чего-то не хватало, хотя Курсинский был и неправ, говоря

— Постарели мы, господа!

Не постарели, а разошлись. Мне был смешон Курсинский с его “поэтическими” проделками, чужд Фриче с его “утилитарианизмом” и жалок Коган, этот ограниченный [простак] ученый» (1.14/2, л. 9об. — 10).

¹³ О возможной биографической основе этого образа см. п. 49, прим. 10.

58. БРЮСОВ — РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА

(Москва. Третья декада января 1897 г.)

М(илостивый) Г(осударь) ¹

С этим письмом я посылаю Вам небольшую заметку о тексте Тютчева². Мне хотелось бы видеть ее напечатанной в журнале, потому что она имеет глав-

^{2*} Возможно чтение: юп(ости).

ным образом временное значение³. Если Вы найдете ее неудобной для Вашего журнала, будьте так любезны вернуть мне ее в прилагаемом конверте.

Уважающий Вас В.Б.

3.9 (тетрадь № 30) л. 7об. О возможном адресате см. прим. 1. Датируется на основаниях, аналогичных указанным для п. 57.

¹ Далее в рукописи следуют инициалы адресата, записанные одной слитной орфограммой, прочтение которой представляет значительные трудности. Расшифровываем ее гипотетически как «В. П.» — инициалы Владимира Павловича *Гайдебурова* — редактора-издателя петербургской газеты «Неделя» и ежемесячного приложения к ней — журнала «Книжки Недели». Основаниями к выдвижению такой гипотезы служат, помимо графического сходства рукописной орфограммы с данными инициалами, следующие факты: 1. Журнал, к редактору которого обращается Брюсов в своем письме, безусловно, выпускался в Петербурге — в редакции московских изданий, как свидетельствуют дневниковые записки о контактах с редакциями «Русского обозрения», «Новостей дня», «Московских ведомостей», Брюсов обычно относил свои произведения лично. 2. Журнал «Книжки Недели» помещал в своем литературно-критическом отделе достаточно серьезные публикации специального характера. 3. Корреспондент этого журнала А. А. Осипов осенью 1896 г. посещал Брюсова и брал у него интервью (см. п. 49, прим. 2; адрес А. А. Осипова записан Брюсовым на 3-й с. обложки тетради № 29), что свидетельствовало об определенном интересе к личности и творчеству Брюсова со стороны редакции.

² Черновой автограф статьи «К вопросу о тексте Тютчева. (По поводу предстоящего нового издания сочинений Тютчева)» следует в тетради № 30 за публикуемым письмом (3.9, л. 8—24). В конце автографа дана датировка: «Окончено 28 января 97 г.» О начале же работы над данной статьей позволяет судить хронологическая запись: «21 января. Вторник. Пишу Тютчева» (1.14/2, л. 12об.). «Извлечение из статьи И. С. Тургенева «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева»» предшествует в тетради 30 письму 5б. Встреча с Павловской по возвращении из Петербурга 16 января мотивируется в дневнике так: «(...) мне нужно было взять у нее обратно петербургское издание Тютчева, которое распродано» (1.14/2, л. 11об.). Вообще же к проблемам, затронутым в этой статье, Брюсов обратился, видимо, значительно раньше: еще 11 мая 1896 г. Брюсов записал в дневнике: «Работаю прозаически над Тютчевым» (1.14/1, л. 13об.). О постепенном выдвижении Тютчева на главное место среди поэтических пристрастий Брюсова см. п. 26, прим. 13, п. 52, прим. 18 и п. 75.

³ Посылал ли Брюсов данное письмо и статью адресату — неизвестно. Практически совпадающая с содержанием статьи «О собрании сочинений Ф. И. Тютчева» была опубликована лишь полтора года спустя (РА. 1898. № 11). Это была первая публикация Брюсова в общей периодике. Черновые материалы к ней см. 3.18, л. 35об. — 41.

59. БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ

(Москва. Середина февраля — начало марта 1897 г.)

1. Я начал к Тебе письмо, но оно было фальши(вы)м. Я не разорвал его и посылаю. Прочти, [и] не сердись. Жить очень горько, моя глупенькая, но плакать не надо. Будем улыбаться, если нет пути. Мы все чему-нибудь верили и все любили. И мечты были, хорошие и желанные. «Но в мрак ночной бесплодный вечер канет, венец пустого дня»¹. Обмануть себя, сказать, что есть цель², — еще возможно. Пусть мысли движутся, ск(оро) не будет времени мыслить. Страшно!³

2. «Великаны из пламени говорят: свят. Великаны изо льда и скал говорят: благословен. Сильные волей, они говорят: свят. Любимые Богом, они говорят: благословен»⁴. Они создались из туманов и мы им не сумеем подражать. У нас есть сердце, и это сердце способно плакать. Когда долго остаешься один, кажется, что все умерло — не слышишь никого и более не веришь. Быть одному⁵. «Это ночь нашей стра(ти). Это ночь пусты(ни) нас торопит. Это наша ночь»⁶.

3. Милая! Переп(утать) * невозможно. «Но в мрак ночной бесплодный вечер⁷ канет, венец пустого дня». Итти, чтобы не оглянуться. И другого нельзя — его нет. Плакать над стихами все же прекраснее.

4.⁸ Забудешь? * Не надо, ничего не надо. На лице серафическая улыбка. Так улыбался «Идиот»⁹. Звонит н(аша) ночь. «Мужайся, сердце, до конца. И нет в творении творца, И смысла нет в мольбе»¹⁰. Прости.

В. Б.

* Возможное прочтение: пер(е)сказ(ать).

* Возможное прочтение: Забудем?

Приложение к п. 59

I.

ПЕСНЯ ЖИТЕЛЕЙ ДОНГОЛЫ

О йа Алиме, о йа Селиме,
Твой сын убит!
Кто там рыдает, о брани плачет?
— Твой сын грустит.
О йа Фатоме! — то ночь пустыни
Торопит нас,
То нашей ночи, последней ночи
Последний час

14 февраля 1897 г.

II.

ЕЛ

Предстали на скалах из огня великаны,
Говорящие: свят
Великаны предстали изо льда и тумана,
На утесах стоят.
Могучие волей, предстоят исполины,
Говорящие: свят.
Любимые Богом, над пустынею синей
Великаны стоят

14 февраля 1897 г.

3.8 (тетрадь № 28), л. 43об.— 44, с пометой «К Жене». Вместе с драмой «Октавиан Август» (см. п. 52, прим. 1) и черновиком письма к Лангу (3.8, л. 45об.— 46; в отправленном варианте датировано 9 марта, см. 71.47, л. 10—11об.) данное письмо включено Брюсовым в краткое оглавление тетради 28 (3.8, л. 52) как один из важнейших ее материалов.

Расположение в тетради между автографами сцены для драмы о Дон-Жуане (см. п. 57, прим. 10) и названного письма к Лангу позволяют датировать комментируемое письмо лишь очень широким интервалом февраля — первой декады марта. Сузить этот интервал позволяет анализ содержания письма и его сопоставление с рядом других источников. По тематике и общей тональности письмо перекликается с письмом адресата от 11 февраля 1897 г. (97.27, л. 14—15об.; см. цит. в прим. 1) и посланным вместе с ним более ранним письмом от 6 февраля (там же, л. 12—13об.; см. цит. в прим. 10). Это соответствие позволяет предполагать, что комментируемое письмо является ответом на указанные письма Павловской. В таком случае оно не могло быть написано ранее 19 февраля — даты получения обоих писем (по почт. шт.). Если же указанное соответствие — результат простого совпадения настроений обоих участников переписки и брюсовское письмо было написано до получения писем Павловской, то ключом к датировке становится тесная содержательная связь комментируемого письма с публикуемым в приложении к нему стихотворным циклом.

Цикл этот (оригинал см. 14.5/8, л. 9об.), как свидетельствуют личные имена и географическое название в первом стихотворении и рудимент заглавия во втором, скорее всего является переложением какого-то неустановленного иноязычного источника. Каждое стихотворение цикла соотносится с одной из двух цитат или парафраз, содержащихся во второй главе письма (см. прим. 6). В целом эта глава письма и цикл оказываются своеобразными вариантами воплощения одного замысла. Но хронологическое их соотношение не вполне ясно. Образы и темы, парафрастически варьируемые во второй главе письма (подобно тому, как в других главах варьируются темы Баратынского и Тютчева), могут восходить и к самому публикуемому циклу, и непосредственно к его иноязычному источнику.

¹ Из стих. Баратынского «На что вы, дни! Юдольный мир явления...». Тема «мрака» в комментируемом письме, возможно, отклик на письмо Павловской от 11 февраля 1897 г.: «Прощай, дорогой, по-прежнему дорогой! В душе моей мрак, которому нет имени, мне даже страшно от моей прогрессивно возрастающей тоски, с ее ужасными приступами, с ее холодным, пронизывающим отчаяньем» (97.27, л. 15).

² Ср. трактовку тем «цели» и «пути» в хронологически близком письме Брюсова к Вл. Гишпиусу от 17 марта 1897 г.: «Пути разные и нет цели, но небо — единое всем» (Пять писем Брюсова к Вл. Гишпиусу / Публ. Э. С. Литвин / В. Брюсов и литература конца XIX — XX века. Ставрополь, 1979. С. 128). Ср. также п. 60, прим. 5.

³ Ср. тему «страха мышления» в п. 77, а также п. 102, прим. 10.

⁴ Данная цитата (или парафраза, ср. второе из стихотворений в приложении к письму) первоначально (с различением «исполины» вместо «великаны») завершала первую главу письма, за ней следовали фраза «Плакать над рассказом» (ср. концовку третьей главки публикуемого текста) и смешанная французско-испанская фраза, возможно восходящая к оригиналу цитаты.

⁵ Ср. тему одиночества в п. 67.

⁶ Цитата или парафраза, восходящая к тому же источнику, что и первое из стихотворений, публикуемых в приложении.

⁷ Для первых шести слов этой повторяющейся цитаты в рукописи оставлен пропуск. Восстанавливаем их по аналогии с первым употреблением той же цитаты (см. прим. 1), где такой же пропуск был позднее заполнен самим автором.

⁸ Четвертая глава письма (без третьей — пятой фраз) в зачеркнутом слое автографа составляла одно целое с третьей главкой.

⁹ Имеется в виду главный герой одноименного романа Достоевского князь Лев Николаевич Мышкин. Брюсов заново перечитал произведения Достоевского в Пятигорске летом 1896 г.

К. Д. БАЛЬМОНТ

Силуэт работы Е. С. Кругликовой

¹⁰ Второе, заключительное трехстишие стих. Тютчева «И чувства нет в твоих очах...». Введение этого трехстишия в текст письма, возможно, ответ на признания, сохранившиеся в письме Павловской от 6 февраля 1897 г.: «И во всем чья-то высшая Воля, я не могу не признать этого — вот ужас! Он не пускает меня от себя — и в этом что-то поразительное, роковое (...) Что такое я, слабая, ничтожная, изнемогающая, что Он дает мне пройти через всю мрачную бездну отчаянья, даже проницательного отношения к Себе, Великому, и все же (...) решительно не пускает меня от Себя? Ведь я вот сколько времени ищу, а не могу найти в Нем не только помощи и спасения, но и успокоения (...)» (97.27, л. 12—12об.).

60. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Между 12 и 14 марта 1897 г.)

И молча мне больно
И сердце обиды людские шутя переносит
Довольно, Довольно ¹

Нет! Эти фюфановские стихи пр(ежде) всего бессильны. Вы не читаете русских журналов, но может быть найдете где-нибудь норвежскую повесть «Професс(ор) Иеронимус» ². Вещь слабая и без конца, но в ней есть сочувств(ие) настроен(ию) «Ужас(а) безумия» ³, как сказали Вы.

Довольно, довольно

Душа отстрадала и только забвения про-
сит.

Как просто. «Забвения». Как детски-просто. О Гамлет! Гамлет! «Простым уда-
ром шила» нельзя решить вопросов...⁴ Горько наполнять письмо такими слова-
ми, но ведь их больше сказать некому.

Решительно никакой цели жизни ⁵. Я не рассказываю (?) безумных планов,
которые приходят мне в голову — все равно они неисполнимы. За границу, го-
ворите Вы... Да разве я 1000 тысяч раз не думал об этом? Но в наши дни человек
родится в рабстве и для рабства — как говорит Руссо ⁶. Мне холодно предло-
ж(ат) отслужить [12 месяцев] два года «в офицерах» — два года в армии ⁷.
Это тр(ебование?) очень просто.

Постойте. Надо [найти] искать другой тон.

Я прихожу в университет. Там одни презирают меня, другие сме(ются) надо
м(ной), третьи завидуют ⁸: Дома — все (I нрзб.) и ужасно дов(ольны) жизнью.
У меня есть новые знак(омы). Они * плачут и клянутся в любви. На что мне их
любовь. Есть еще любопытные. Временами я хочу Курсинского ⁹ Это — предел.

Писать?.. Многое сломлено, и мучительно сломлено. Конечно, вечное оста-
н(ется?) мне, но все другое. Нет! Те(не)рь бы иной жизни, иной сферы, иных
интерес(ов). Я так часто убега(л) из своего дома. Я был в Петербурге, был в
Мценске, был в Смоленске ¹⁰. Бедняжка! Словно это перемена.

У м(еня бы)л план. Мне могли позволить поехать в Иерусалим. (I нрзб.)
даже (I нрзб.) Но судьба оказалась изобретательнее. Там чума и богомольцев не
пускают.

* В рукописи женский род: онь.

Иногда я люблю видеть Лену. Неуж(ественную?), неиспорченную, знающую из всемирной поэзии только две строчки

Ландыши, лютики, ласки любовные
Ласточек лепет, лобзанье лучей¹¹

которые всегда путает) — она хороша тем, что убивает всякую думу. Наркотик, но более тонкий. Я сижу с ней, пока она плачет. Я смеюсь. А! Эта комната где-то в пятом этаже, с моим портретом и с олеографией «(I нрзб.) волхв(ов)». Наконец, она напивается пьяной, а я ей декламирую свои новые стих(и), которые сам тотчас забываю. Я ей говорю все, потому что все для нее равно непонятно¹² И говорить так есть наслаждение. Та(к) я написал поэму и пришло ее когда-нибудь Вам¹³.

Нет жизни:

Уже не в зеркале гадателя...¹⁴

В этих стихах Мережковского есть штрих (?)

Мы успокоились давно:
Надежды нет и нет раскаянья,
И полны тихого отчаянья,
Мы опускаемся на дно¹⁵.

Вы зн(аете), что Пушк(ин) провел два года в Михайловском глаз на глаз с няней [без надежд (?) и без друзей¹⁶. У него было «здоровье»]

Дивимся мы с любовью
Твоей спокойной мощи и здорovie¹⁷

Я не могу писать дальше, потому что мысли спугались. После

Конечно, Ваш Валерий Брюсов

P. S. Ваш сонет плох, другие стих(и) лучше, но Ваше письмо — прекрасное, чудное, прекраснее стихов, лучше поэзии¹⁸.

3.9 (тетрадь № 30), л. 36—37. Первая редакция письма, которое Брюсов писал не менее 9 дней. В той же тетради находятся еще три редакции (л. 37об. — 38, 41—42 и 42). Пятая редакция (69.26, л. 22—24; опубл. А. А. Ниновым: *Чтения 1980*. С. 109—110; см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 16), датированная 22 марта, писалась уже на отдельных листках, однако, по-видимому, и она не была отослана (см. концовку п. 64). Один из наиболее показательных примеров, позволяющих заглянуть в «эпистолярную лабораторию» Брюсова.

Судя по постскриптому, является ответом на недошедшее до нас письмо Бальмонта (см. прим. 18). Датируется в соответствии с более ранней из двух датировок получения письма от Бальмонта и по расположению в тетради непосредственно перед автографом второй редакции, имеющим дату «14 марта».

¹ Эта и следующие стихотворные цитаты из стих. К. М. Фофанова «Так полно, так полно...».

² *Скрам* А. Профессор Иеронимус // *СВ*. 1897. № 2—3.

³ Из стих. Вальмонта «Пред картиной Греко»: «Ужасом безумья дерзость искупил» (*СВ*. 1897. № 5 и сб. *Тишина*). В автографе — «Ужаса без конца». Основанием для введения конъектуры служит тот факт, что при всем пристрастии Вальмонта к передаче превосходной степени действия с помощью сочетания «без конца» (*В безбрежности*. С. 69, 130 и др., *Тишина*. С. 91 и др.) выражение «ужас без конца» в его стихах отыскать не удалось. Предполагаем, что оно появилось в автографе в результате описки Брюсова, совершенной под влиянием того же словосочетания, стоявшего над ним в предшествующей строке («Вещь слабая и без конца...»). Характер конъектуры согласуется с содержанием характеризуемой Брюсовым повести, героиню которой, измученную бессонницей художницу, помещает в психиатрическую лечебницу.

⁴ Цитата из монолога Гамлета «Быть или не быть...» в переводе П. П. Гнедича (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 40, прим. 2). Данный монолог был еще в гимназии, до изучения английского языка, переложен Брюсовым в стихотворную форму по прозаическому переводу Н. Х. Кетчера (14.3, л. 23—24). На рубеже 1896—1897 гг. давний интерес Брюсова к «Гамлету» вновь усилился, возможно не без воздействия виденных им театральных постановок с участием Сальвини и Л. Барная (см. п. 52, прим. 28). К 1897 г. относится работа Брюсова над заметками, посвященными истолкованию отдельных «темных мест» и образов трагедии Шекспира (см. статью О. С. Страшковой, указ. в п. 52, прим. 1).

⁵ Ср. с решением темы пути и цели в предшествующем письме к Павловской (п. 59, прим. 2). Во второй редакции данного письма Брюсов напишет: «Нет цели. Это мучительнейшее. Влуждаешь, чтобы оплакивать прошлое и сознать бесплодность этих слез. Говорить бессильными словами, смеяться ненужным смехом. То подступает спокойствие. Разве не Бальмонт прославлял мертвый покой?» (3.9, л. 38). Связь цели существования с осмысленностью творчества была подчеркнута три дня спустя в дневнике: «Писать? — писать не трудно (...) Но надо, но необходимо, чтобы было что писать» (*Дневники*. С. 28—29).

⁶ След увлечения Брюсова философско-историческими сочинениями Ж.-Ж. Руссо. На следующий день после написания данного письма Брюсов отметил в дневнике, что кроме университетского «реферата о Руссо» для В. И. Герье он «занят еще», среди прочих замыслов, и «поэмкой о Руссо» (*Дневники*. С. 28. Исправлено по оригиналу — 1.14/2, л. 150б.). По-видимому, именно к реферату о Руссо относятся хронологические подневные записи конца марта: «20. Четверг. Пишу для Герье (...)» 26. Среда. Пишу Герье. 27. Четверг. Пишу Герье. 28. Пятница. Пишу весь день» (1.14/2, л. 17—170б.). О чтении реферата и отношении к нему Герье см. п. 63, прим. 2.

⁷ От воинской повинности Брюсов по окончании университета в 1899 г. был освобожден по состоянию здоровья (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 53, прим. 4).

⁸ Ср. во второй редакции: «Возвращаться домой к неизменной и самодовольной прозе. Встречать [Фриче и других] друзей, но «голос их доходит из другого мира» (Матерлинк)» (3.9, л. 370б.). Это замечание о друзьях появилось, по-видимому, под впечатлением вечера 9 марта: «В день именин были у меня и Фриче, и Саводник, и Коган... Они не развеселили меня. Я им чужд» (1.14/2, л. 15. Запись от 11 марта).

Матерлинковская характеристика (из трактата «Сокровище смиренных», см. п. 66, прим. 2 и наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 40, прим. 5) в третьей редакции письма применена уже не только к друзьям: «Матерлинк говорит о тех, чей голос звучит как бы с другого конца света. Таковы все окружившие меня» (3.9, л. 41). А взаимное непонимание с близкими друзьями здесь охарактеризовано с помощью столь любимой Брюсовым геометрии разномерных пространств: «Вообразите существо двух измерений и немного над ним, вверх, хоть точку; близко ли оно к ней?» (там же).

⁹ В третьей редакции: «Знаете, я тоскую иногда о Курсинском» (3.9, л. 41).

¹⁰ О поездке в Петербург см.: *Дневники*. С. 57—58 и п. 56 и комм. к нему. Что касается Мценска, то в дневнике есть запись лишь о плане такой поездки: «28 февраля. Я намерен уехать в Мценск — только для того, чтоб освежить голову; на возвратном пути заеду к Самыгину» (1.14/2, л. 14). Однако из записи от 2 марта видно, что оба дня поездки были проведены у Самыгина, т. е. в Туле (там же, л. 140б.). В хронологических записях отмечено только: «1. Суббота. Ночь в Серпухове. Тула. 2. Воскресенье. У Самыгина. Ночью уезжаю». Поэтому можно предполагать, что в Мценск и тем более в Смоленск Брюсов неезжал.

¹¹ Начало стих. Бальмонта «Песня без слов» (сб. *Под северным небом*).

¹² Ср. в третьей редакции письма: «Представьте себе комнату, в пятом этаже, так что в окно виден мир крыш и трубы; и кровать под образами с лампадкой («С незажженной лампадкой» как говорит Ф. Сологуб). И вот прихожу я, неведомый и странный, в своем столе же странном одеянии (знаете, что мои костюмы всегда странны). Я сажусь на окно и смотрю; она шлет водку, а я говорю, долго говорю; что не говорю никому иному» (3.9, л. 410б.—42). Елена Евгеньевна Коршунова жила в Мясном переулке, в доме Макеева (14.5/7), а затем на Петровском бульваре, в доме Прокофьева (3.8, л. 52) или же Прохорова (14.5/8, л. 460б.).

¹³ О какой поэме говорит здесь Брюсов, неясно. В тетради «Мои стихи» № 8 (14.5/8) февралем и мартом 1897 г. датированы лишь небольшие стихотворения. Но в тетради 28 сразу после п. 59 записаны две строфы, явно представляющие собой отрывок из более пространного сюжетного произведения (3.8, л. 44).

¹⁴ Из стих. Д. С. Мережковского «Спокойствие» (опубл.— *СВ*. 1897. № 2). Оборванная в цитате фраза заканчивается строкой: «Мы видим смерть лицом к лицу».

¹⁵ Заключительная строфа того же стихотворения.

¹⁶ Хотя не совсем ясно, было ли открываемое этими словами предложение вопросительным или повествовательным, сам Брюсов явно ощущал сообщаемый им общеизвестный факт пушкинской биографии как некоторое личное открытие. Такое восприятие связано с впечатлением от чтения анненковской биографии Пушкина. 17 февраля Брюсов записал: «В воскресенье (9 или 16 февраля.— *С. Г.*) купил я на Сухаревке несколько книг и среди них «Матерьялы» Анненкова. Давно книга не производила на меня такого впечатления. Я уничтожен. Qu'a tu fait, qu'a tu fait, Toi, que voila, de ta jeunesse! («Что ты сделал, что ты сделал, Ты, стоящий вот там, со своей юностью» — *франц.* — из стих. П. Верлена, указ. в п. 50, прим. 3.— *С. Г.*) О Боже! Нас, *has fugaces*, *P(ostume)*, *P(ostume)* labuntur annos (там, там мчатся, о Постум, Постум, быстрые годы — *лат.* — видоизмененное крылатое изречение, восходящее к 14-й оде из II книги «Од» Горация.— *С. Г.*). Как матери Гамлета, открылось мне мое сердце — все в язвах черных... Довольно, Господи всемогущий! довольно» (1.14/2, л. 130б.). Прямая ссылка на книгу Анненкова имеется в четвертой редакции письма к Бальмонту. Сообщив здесь Бальмонту, как и в остальных редакциях, что не может ехать за границу из-за предстоящего отбывания воинской повинности, Брюсов прибавляет: «Пушкин все же стремился за границу, но правительство, по выражению Анненкова, отечески заботилось о нем» (3.9, л. 42). Можно полагать, что в этой весьма иронической отсылке имелось в виду, скорее всего, следующее место из XX главы анненковской биографии: «Так, в январе 1830 года он просил дозволения ехать за границу или, в случае невозможности заграничного вояжа, сопровож-

дать нашу миссию в Китай. Заботливость начальства о судьбе его отклонила оба плана с тем снисходительным добродушием, с каким оно всегда вело и сдерживало порывы Пушкина» (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 233). Если в комментируемом письме Пушкин возникает как пример правильной и завидной жизни поэта, то через 3 дня после письма в цитированной в прим. 5 дневниковой записи от 17 марта с помощью пушкинских стихов Брюсов будет формулировать уже идеал творческой деятельности поэта: «Поэт должен переродиться, он должен на перепутьи встретить ангела, который рассек бы ему грудь мечом и вложил бы вместо сердца пылающий огнем уголь. Пока этого не было, безмолвно влачился “в пустыне дикой...”» (Дневники. С. 29).

¹⁷ Цитата из поэмы Мережковского «Вера» (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 11, прим. 4).

¹⁸ След этого не дошедшего до нас письма Бальмонта сохранился в дневниковой записи Брюсова от 12 марта: «Я получил сегодня письмо от Бальмонта. Это день счастья. Я перечитывал письмо, упивался им: Я запер дверь комнаты и читал опять и опять.

И сердце обиды людские шутя переносит.

Довольно! Довольно!

Душа отстрадала и только забвения просит.

Как просто. “Забвения”. Как детски просто. О, Гамлет, Гамлет! “Простым ударом шила” нельзя решить “вопросов»» (1.14/2, л. 15об.). Однако в сделанной три дня спустя хронологической подневной записи получение письма Бальмонта отнесено не к 12, а к 13 марта. Какие стихи были присланы Бальмонтом вместе с этим письмом — установить не удалось.

61. БРЮСОВ — БАКУЛИНОЙ

(Москва. Конец марта 1897 г.)

Благодарю Вас, тетя, за письмо. Я всегда был убежден, что Вы именно так должны были отнестись к моим стихам ¹, и, конечно, мог бы только чувствовать себя стеснен(енно), если (?) (бы) Вы скрыв(али) свое мнение. Постараюсь теперь переск(азать) отчасти свои воззрения, свою душу.

Для вас, тетя, неизбежно установлено различие человеческих поступков на хорошие и дурные. Вы даже знаете, что добро, что зло — уже не измен(ая) свои(х) воззр(ений). Я же этого не знаю, не знаю даже, есть ли такое различие между поступками человека ². Никогда не испытыва(л) я того, что называют голосом совести и застав(лял) людей плакать столь же спокойно, как радов(ал) их, как приносил им счастье ³. Больше. Я вообще плохо понимаю чувства, являющиеся в душе от взаимных отношений людей ⁴. Я бывал влюблен, я сердился, я мучился стыдом, — но все эти волнения — клянусь Вам — очень поверхностно касались моей души. Уверяю Вас, я очень искренно любил Лелю, ту, которой посвящены мои первые стихи, — но когда она умерла, я плакал не по ней, а из сознания, что плакать в таких обстоятельствах красиво ⁵. Тогда я был юн (это было в 1893 г.), теперь я вовсе бы не плакал. Через два месяца я был влюблен в маленькую Талю ⁶, которой посвящены «Новые Грезы», и тоже вполне искренно. Вы знаете, — если б теперь умерла Надя или Женья ⁷, или даже мама, — я не был бы поражен. *Я их не люблю* — это истина, и глубокая истина ⁸. Но вместе с тем — и опять клянусь и клянусь Вам — что я могу чувствовать очень сильно. Самым детским образом мне случалось и случается плакать над стихами, где та же самая любовь яв(ле)на (?) в отраженном (и по Вашему в ослабленном) виде ⁹. Еще недавно я пережил период самого мрачного отчаянья, в котором мне стоило больших трудов бороться с мыслью о самоубийстве ¹⁰. Я живу истинной жизнью только наедине с собой, затворившись в своей комнате, читая, размышляя, создавая ¹¹. Среди людей мне трудно быть искренним — я искренен только (?) в стихах. Вы говори(те) — о Шекспире, но и в нем я ухитряюсь как-то находить не жизнь, а нечто стоящее вне ее, что я называю поэзией ¹². Для меня поэзия создает мир особых настроений, особых чувствований, которых нет и не может быть в общей жизни. Поэзия и философия — я могу быть счаст(лив) только с ними. Все остальное мне чуждо. Побеждая себя, я на некоторое время могу [смешиваться] как бы применяться (?) к людям, — но наступает минута, я теряю власть над собой, происходит стол(кно)в(ение) — или мелкое, житейское, какие бывают (хотя по счастью для других редко) у нас в семье; или более крупные, как в моем предисловии ко второму изданию

З. А. БАКУЛИНА

Фотография Г. Кистенмахера. Москва, 1890-е годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

жения — я счастлив, я прилеж(ен?), мне кажется, что больше мне ничего не надо. Их не читают, их осмеивают, и будут осмеивать, но разве я могу послушаться голос(а) других, не слушая того, куда меня зовет собственная душа? Если б весь мир осуждал Коперника и требовал, чтобы он занимался более дельными вещами, чем размышления об устройстве вселенной, — верю, он не покинул бы астрономии¹⁸. Что же могу я сделать, если меня влечет к поэзии, только к поэзии и именно к моей поэзии. Может быть, я заблуждаюсь? — Может быть, но ведь ошибоч(ное) убеждение не исчезнет, если другие говорят «ты неправ».

Клянусь, я был искренен, тетя. Впрочем могу добавить, что одна особа, ум которой я ценю¹⁹, выслушав подобную же исповедь, сказ(ала) мне, что я не знаю сам себя. И это может быть * — но что же дальше?

ВВ

3.9 (тетрадь № 30), л. 42об.— 44. Ответ на письмо З. А. Бакулиной от 23 марта 1897 г. (75.34, л. 1— 3об.). Датируется на основании даты ее письма и расположения в тетради перед п. 62. Адресату, если и было послано, то лишь в модифицированном виде и в качестве приложения ко второй редакции ответа (см. п. 65 и прим. 5 к нему).

Зоя Александровна Бакулина — сестра матери поэта, М. А. Брюсовой. В молодости — член кружка самообразования и «Модной мастерской, основанной на началах ассоциации», в которых участвовала вместе с Я. К. и Е. К. Брюсовыми, М. А. Бакулиной и др. (см.: *Благоволитина Ю. П.* Архив В. Я. Брюсова // *Записки ОР ГБЛ. М.*, 1978. Вып. 39. С. 69, 74, 75, 78). Была одним из тех немногих членов кружка, кто сумел на практике осуществить демократические, народнические идеалы юности: окончив курсы акушерок, уехала в станцию

* Далее зачеркнуто: но ведь надо — не говорю доказать — но показать, выяснить мне мои ошибки

«Chefs d'oeuvre»¹³. Вы мне пишете, что поэзия изображает жизнь — этому-то я и не верю. Я думаю, я убежден, что поэзия берет из жизни только образец, матерьял, а истинное содержание ее совсем независ(имо) от жизни. Или, по крайней мере, такой *должна* быть поэзия, чтобы действительно успокаивать душу читателя, водворяя в ней особый неземной мир¹⁴. Так влияют на мою душу стихи Тютчева, Верлена, Эдгара По¹⁵. Я не могу покинуть моей поэзии, потому что она дает мне блаженство; я не могу поступиться собственным блаженством, отдать его в жертву на благо других, потому что не верю в долг, не верю в красоту добра, не люблю людей¹⁶. Работать на пользу человечества можно лишь тогда, если веришь, что эта работа есть достойное, прекрасное дело, я этого не понимаю. Я не понимаю наслаждения сознанием, что мой долг исполнен¹⁷. Или скажу иначе: моим долгом мне кажется именно это [ненужное] создание странных, непонятн(ых) стихов. Когда я пишу их, когда я [работаю] томительн(о) обдумываю отдельные выра-

под Армавир, где жила и работала до конца своих дней. Возвращаясь из Пятигорска, Брюсов заехал в Армавир и пробыл у тетки 2 дня: 30 и 31 августа 1896 г. В сентябре, вспоминая об этом посещении, он записал: «Два дня, прожитых в Армавири, прошли довольно однообразно, и самолюбие мое было уколото проигрышами в шахматы, но и только. Встретили меня не только радушно, но и с восторгом. От всяких «публичностей» я, впрочем, уклонился и провел эти два дня «в недрах семьи» (Дронов В. С. Из неопубликованных страниц дневника Брюсова // В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 122; уточнено по оригиналу — 1.14/1, л. 26). Письма З. А. Бакулиной к В. Я., Я. К. и М. А. Брюсовым сохранились в архиве поэта (75.34; 143.78; 144.56.) Переписка З. А. Бакулиной с В. Я. и И. М. Брюсовыми, продолжавшаяся до пореволюционных лет, свидетельствует о ее неизменно дружеских отношениях с племянником и его женой. Для лингвиста представляет интерес необычная пунктуация писем З. А. Бакулиной, сохраненная в цитируемых ниже извлечениях из них.

¹ З. А. Бакулина, извиняясь, что все еще не поблагодарила племянника за присланную ей книгу (*МЕЕ*), пишет: «...говоря откровенно, боялась обидеть тебя своим взглядом, но все равно, когда-нибудь надо сказать, тем более, что ты сам писал, что, в твоей книге, мне многое будет чуждо и даже неприятно. — мне бы интересно было узнать, Почему ты так думаешь. — Это правда, дорогой мой, много мне в ней чуждо и неприятно. Но не потому чуждо, что от меня ускользают мысли, выраженные в них, нет, я в некоторых понимаю, но вот эти-то мысли и чужды мне и неприятны потому, что это говоришь ты, человек способный на лучшее, Я не думаю и даже уверена, что это верно. Именно: я думаю, что мысли, выраженные в твоих стихах, не выражение твоей души, т. е. это не часть тебя самого. Например возьму стихотворение «Три завета». Ну, разве естественно образованному человеку в 24 года, когда человек всего тоньше восприимчив ко всему хорошему, ко всему гуманному, когда людское горе повято и близко ему, а ты завещаешь отрешиться от человеческой жизни и предаться до самозабвения самообожанию и отдать все силы своего ума на служение искусству для искусства, да ты только завещаешь брать из грядущего, в то время когда жизнь полна высоких тем для художественных изображений... Нет, [правда и неправда!] ты лучше своих стихов, ты же любишь идеал человека, но ведь юноша же «бледный со взглядом смущенным», который как Нарцисс любит себя собой и лучшего дела не находит, не может быть идеалом человека, да я уверена, что такой юноша и тебе показался бы смешным, если б он был возможным в жизни, это только в мифах можно отыскать (?) такого бесполезного человека, я это потому думаю (...) что вот сам-то ты не аскет, жизнь любишь» (75.34, п. 1—2).

² В п. 3, наиболее близком к данному письму по тематике и «игровым» особенностям построения, Брюсов выдвигал тезис об исторической изменчивости критериев «добрых» и «дурных» поступков, но не отрицал самого разделения добра и зла. Сомнение в существовании подобного разделения в комментируемом письме осталось лишь мимолетним эпизодом в этическом самоопределении Брюсова. Уже в 1898 г. в предисловии к четвертому варианту книги «О искусстве» Брюсов со всей определенностью заявляет: «...с какой бы точки мы, люди, ни смотрели, нам никогда не придется отрицать добра и зла» (52.12, л. 23).

³ Скорее всего, такая самооценка высказывалась с единственной целью — шокировать адресата. Если же допустить, что Брюсов и сам верил в ее истинность, то менее, чем через неделю, ему довелось извещать и доказать, сколь далека она от истины. Встретившись по собственной инициативе после большого перерыва с Павловской, он записал *3* (апреля). Сегодня я опять видел Женю. Это «в последний раз», как говорит она сама, намекая на свою близкую смерть. В субботу она едет в Малороссию (...) Мы оба сломаны. Я знал, я мучительно знал, что мне следовало, следует ехать с ней. Двадцать раз я готов был произнести: «Женя, я поеду с тобой»... но я не сказал этого, не сказал! не сказал! О Господи! Я не сказал!» (1.14/2, л. 18). На следующий день, ответив себе «искренно и сознательно», почему он не едет с больной, Брюсов закончил этот самоотчет словами: «И все же, и все же, о Господи, — если я не поеду, я буду проклинаю себя за это — всю жизнь» (там же, л. 18об.). Две недели спустя, в ожидании вестей об уехавшей (в этот же день было написано п. 66) Брюсов запишет: «Свершилось и то, что я предугадывал. Я проклинаю себя, проклинаю — за то, что не поехал с Женей. Далекая! светлая! — где ты? — Нет вестей — о, если! — Не надо думать» (там же, л. 19об.). Еще больше терзания доставило Брюсову последнее расставание с Павловской после поездки к ней в сентябре (см. наст. кн., Письма к М. В. Самыгину, п. 6).

⁴ И здесь, видимо, расчет на эпатаж простодушного адресата. Следующее ниже в письме упоминание о предисловии к *ChdO 2* (см. прим. 12) свидетельствует, что Брюсов не забыл, насколько мучительно переживал он реакцию друзей на *ChdO 1*. Да и отчуждение товарищей и преподавателей в университете (см. п. 49 и комм. к нему) в начале 1897 г. по-прежнему продолжало причинять ему немалые страдания (см. п. 63, прим. 2).

⁵ Свидетельства дневника противоречат и этому утверждению. Переживания, вызванные неожиданной кончиной Е. А. Красковой, были так сильны, что лишь десять дней спустя, 28 мая 1893 г., Брюсов «собрался с силами описать все» (1.12/2, л. 4). Правда, в сделанной записи он не преминул горделиво отметить: «(...) власть над собой я сохранил (...) Другие действовали под влиянием аффекта, я сознательно» (там же, л. 4об.). Но последующее описание событий показывает пределы и подлинную цену этому «сознательному» контролю. «Только во время пути к церкви я потерял самообладание и впал в какое-то оцепенение. Ланг водил меня, клал моей рукой цветы и ставил меня на колени (...) Нервное расстройство скоро обмружилось, хотя я и не позволял себе думать о «ней». Экзамен латинского языка сошел очень

плохо. У меня начались головные боли, всякие недомогания» (там же, л. 4об.). Дальнейшие записи показывают, что Брюсов еще многие месяцы непрерывно обращал мысли и чувства к образу умершей. Приведем лишь несколько характерных выдержек: «7-го (июня) (...) Живу в прошлом, юю. Она! она! она (...) Всегда и всюду она (...) О Леля! Леля!» (там же, л. 6—6об.). «22 (июня). (...) Леля царит везде — во сне, в мечтах, в разговорах. Беру По и вспоминаю, что читал его ей. Говорю об идеале и вспомнил, что это был наш последний спор» (там же, л. 8); «25 (июня) пятница. Увы, Леля была моим счастливым ангелом. С ее смертью все рушится» (там же, л. 9).

⁶ Н. А. Дарузес (см. л. 1, прим. 9). Следует отметить, что, несмотря на новое увлечение, Брюсов по-прежнему связывал, соизмерял свои произведения, дела и поступки с образом и памятью Е. А. Красковой. Ср., например, следующие дневниковые записи: «6 (августа). Я счастлив. Мне только что удалось записать стихотворение, которым я сам доволен, то есть которое написано по вдохновению... о! со времени смерти Лели их мало, очень мало... Кстати, Леля снова потревожила мои мечты и прозрачный образ ее опять встает около меня» (1.12/2, л. 19); «5 (октябрь). Леля, Леля! Быть может вовремя умерла ты. Что бы ты видела во мне теперь. Все еще те же попытки, порывы и ничего. Я все еще «подающий надежды» (...) я утратил свою оригинальность, свою смелость, свою веру в себя...»

Впрочем, если бы ты была еще жива, может быть, все было бы иначе...» (там же, л. 28об.).

⁷ Сестры поэта — Н. Я. и Е. Я. Брюсовы.

⁸ Меньше чем через два месяца, оказавшись в Германии, Брюсов ощутит свой дом и семью как единственное, что сохраняет для него в мире притягательную силу (см. п. 69, прим. 6 в п. 70, прим. 6).

⁹ См. аналогичное признание, завершающее цикл заметок *Miscellanea* (VI, 405), а также третью главку п. 59.

¹⁰ Речь идет, вероятно, о «пятигорском» лете 1896 г. (см. п. 47, прим. 7).

¹¹ О роли мотива «запертой двери» в духовной жизни Брюсова см. п. 47, прим. 4 и п. 49, прим. 7. Благоприятность уединения стала впоследствии темой многих стихотворений Брюсова (таких, как «Быть одному», «Одиночество» и др.). Но одновременно как постоянный противовес этой теме в поэзии Брюсова развивается и тема выхода, возвращения к людям. Ср. такие произведения, как «In hac lacrimarum valle» (I, 306), «К народу» (III, 286) и мн. др.

¹² Бакулина написала в своем письме: «(Ты) любишь литературу, читаешь и, по всей вероятности, увлекаешься прочитанным, Любишь шекспировские драмы и ходишь смотреть их, значит, нравится, а ведь Шекспир художник, но не заоблачный, а все из действительной жизни берет, жил и наблюдал жизнь, а зачем же в твоих стихах проглядывает какая-то отчужденность от Мира сего, Я без душевного волнения не могла читать твои стихи, да и сейчас пишу и волнуюсь и хочу порвать письмо, но знаю, что надо же написать свои впечатления?» (75.34, л. 3). Слова Брюсова «ухиляюсь находить» связаны с тем, что в целом он относил Шекспира к другому роду поэзии, нежели тот, о котором идет речь в его письме (см. прим. 15).

¹³ Брюсов говорит о содержавшейся в этом предисловии «горестной заметке» по поводу приема, который был оказан его первой авторской книге — *ChdO I* (цит. в п. 43, прим. 2). Страдания, причиненные Брюсову «грубым непониманием» этой книги, были столь велики, что выход второго издания он обратил в своего рода «расчет» со всеми, на чье понимание он прежде надеялся (см. п. 43, предлжж. и прим. 4—7, 10).

¹⁴ Возможная парафраза образов стихотворений Тютчева («Поэзия» и «Душа моя, Эллинизм теней...»), «Silentium») и Баратынского («Болящий дух врачует песнопенье...»).

¹⁵ Буквально накануне комментируемого письма, 25 марта, Брюсов написал и прочел в студенческом литературном кружке у Д. В. Викторова реферат «К истории символизма» (о месте прочтения и о происхождении заглавия см. письмо Викторова к Брюсову от 24 марта 1897 г. — 80.11, л. 1). В нем говорилось, что «сущностью» того течения, «которое мы привыкли называть поэзией в строгом смысле слова» и которое Брюсов связывает с именами Шекспира, Гете, Пушкина, как раз всегда являлось «изображение жизни в ее характернейших чертах». А то «течение», произведение которого должны «вызывать в душе читателя совершенно особые движения», именуемые «настроениями», Брюсов называет в реферате «лирикой». Характерные представители «лирики» — Э. По и Тютчев (см.: *ЛН. Т.* 27—28. С. 269. Автограф оригинала см. 40.24). Совпадение этих имен с названными в комментируемом письме показывает, что употребление в последнем термина «поэзия» как родового вызывалось, скорее всего, тем, что Брюсов обращался к неспециалисту. На деле же он имел в виду лишь одну из выделенных им в реферате разновидностей поэтического творчества, а именно «лирику». Подробнее о сущности и эволюции брюсовского разграничения «поэзии» и «лирики» см.: *Неосуществленный замысел*. С. 191—194 и в статье, указ. в прим. 79 к вступ. ст.

¹⁶ Ср. прим. 11. Ровно через 2 месяца после комментируемого письма будет создано одно из важнейших для творческого пути Брюсова стихотворение — «Еще надеяться — безумие...», которое в окончательной редакции *МЕЕ (ПСС I)* будет включено в итоговый раздел книги «Завершение». Оно содержит строки: «Часами долгого раздумия // Запечатлей союз с людьми» (I, 132).

¹⁷ Это декларативное «непонимание» уточняется и по сути опровергается содержанием последующей части письма, где показано, что весь вопрос в том, чтобы найти, в чем твоя собственная работа, твоей самой осознанный долг. Дальнейший творческий путь Брюсова будет реализацией именно данной программы, см. такое принципиальное стихотворение-спор, как «Юргису Балтрушайтису» (I, 354). О месте категории долга в брюсовском поэтическом мире см.: *Гиндин С. И.* Поэзия В. Я. Брюсова. М., 1973. С. 26, 31—32.

¹⁸ Пример с Коперником, по существу, — прозаическое переложение стих. 1894 г. «Колумб» (ЛН. Т. 85. С. 38). Это еще одно свидетельство устойчивости брюсовских представлений о долге исторического деятеля и, в частности, поэта.

¹⁹ На данном отрезке жизни Брюсова такой «особой» могла быть только Е. И. Павловская (с которой он уже около 2 месяцев не встречался — см. п. 62). Но более вероятно, что Брюсов мысленно возвращается здесь к своим беседам с Е. А. Красковой (см. п. 3, прим. 6). Во всяком случае, в повести «Моя юность» аналогичная реплика будет приписана Нине Каринной: «Однажды она сказала мне: «Знаешь ли, ты гораздо лучше, чем это думаешь сам» (Из моей жизни. С. 85).

62. БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ

(Москва. 29 марта 1897 г.)

Здравствуй, Женья. — Ты, может быть, еще помнишь меня? Мы расстались давно, давно — я забыл Твой голос ¹. Не думаю, чтоб Ты сейчас была веселой. Не думай, что я весел ². Проходили дни и месяцы [долгие, пустые], проходили дни

Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь.

И может быть — [пройдет] минет. Грустно, Женья. — Горько знать, что все возможное [не нужно] бесцельно ³, на единственн(о) нужное нет сил. Как-то странно погасает [надежда]

Мы не томимся, не зовем,
Перед дверями заповедными
Блуждаем призраками бледными ⁴

Ты еще не знаешь этого стихотворения Мережковского. Временами, несмотря на ретику, я начинаю любить эти строки *.

Мы успокоились давно,
Надежды нет и нет раскаянья
И полны тихого отчаянья
Мы опускаемся на дно

Тихое отчаянье! О, это хорошо, это глубоко хорошо. Когда душа истомится, бесцельностью, когда душа истомится, встречая лишь отблески вместо света она отдается тихому отчаянью. Но что ж иначе?

Фофанов искреннее, но мельче:

И молча мне больно
И сердце обиды людские шутя переносит...
Довольно! Довольно!
Душа отстрадала и только забвения просит ⁵

«Забвения» — как просто, как детски просто! О Гамлет, Гамлет! «простым ударом шила» нельзя решать вопросов ⁶.

Женья! я многое хотел бы написать Тебе, многое. О бедные отрывки стихов, черные строки, далекие от сердца.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Мысль изреченная есть ложь ⁷.

Прощай, Женья. Может быть, помнишь? может быть, напишешь? ⁸ — Прощай

Конечно, Твой В. Б.

* Далее зачеркнута другая строфа из того же стихотворения:

Мы близки к вечному концу.
Но не возропцем на Создателя,
Уже не в зеркале Гадателя
Мы видим смерть лицом к лицу
.....

3.9 (тетрадь № 30), л. 44—45. Датируется по расположению в тетради и на основе записи в подневной хронологии за 29 марта: «Письмо к Жене» (1.14/2, л. 17об.).

¹ Последняя из встреч с Е. И. Павловской, предшествовавших комментируемому письму, отмечена в дневнике Брюсова 17 января (1.14/2, л. 11об. — 12). Последним известным письмом Брюсова, предшествующим данному, является п. 59, а последнее, полученное им от Павловской, датировано 11 февраля (97.27, л. 14—15об.).

² Измученная прогрессирующей чахоткой, Павловская написала в ответ (см. прим. 8): «... меня сегодня радостно на душе, духовно (...) мне серьезно улыбнулась надежда, что "дорога не длинна". Да, Валя, оживление и некий, впрочем, даже порядочный интерес к современности дала мне надежда на небытие» (97.27, л. 16—16об.). Посетив ее 31 марта, Брюсов на следующий день записал: «Она совсем слаба, она едва ходит. Каждое лишнее движение вызывает мучительный кашель» (1.14/2, л. 17об.).

³ Ср. о «цели» в п. 59, прим. 2 и в п. 60, прим. 5. Цитата из стих. З. Гиппиус «Любовь — одна».

⁴ Об источнике этой и двух следующих цитат см. п. 60, прим. 14, 15.

⁵ См. п. 60, прим. 1.

⁶ См. там же, прим. 4 и 18.

⁷ Строки 7—8 и 10 из стих. Тютчева «Silentium».

⁸ Павловская ответила в тот же день: «Милый, "забвенья для меня в разлуке нет" — понятно, что я помнила и помню тебя всегда...» (97.27, л. 16).

63. БРЮСОВ — ОБЛЕУХОВУ

(Москва. Начало апреля 1897 г.)

Многоуважаемый Антон Дмитриевич

Жалею всей душой, что вчера Вы не застали меня дома. К несчастью, я не могу сейчас зайти (к) Вам, потому что отчаянно занят университетом¹ (который — смейтесь! — не покинул²). Если Вы будете свободны на следующей неделе — загляните³. Я буду очень, очень, очень — я буду бесконечно рад Вас видеть,

Конечно, Ваш ВВ

3.9 (тетрадь № 30), л. 45об., с пометой «Антону Облеухову». Датируется по расположению в тетради между автографами п. 62 и 64.

Об А. Д. Облеухове см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 18, прим. 1 и п. 27, прим. 20. К моменту знакомства с Брюсовым (сентябрь 1895 г., см. п. 35) издал книгу переводов А. Миссе «Ночи». В 1898 г. выпустил книгу оригинальных произведений «Отражения». Брюсов начал следить за его литературной деятельностью еще до личного знакомства — адрес А. Д. Облеухова впервые встречаем в рабочей тетради № 16 (ноябрь 1894 г. — 2.17, л. 60об.). Наиболее интенсивное общение Брюсова с А. Облеуховым и его братом Н. Д. Облеуховым приходится на 1896—1898 гг. Впоследствии А. Д. Облеухов отошел от литературной деятельности, но изредка переписывался с Брюсовым. Особенно интересно его письмо 1900 г., в котором он благодарил Брюсова за присылку *TV* и делился впечатлениями от этой книги (96.31, л. 11—12).

¹ В конце марта Брюсов писал университетские рефераты о Ж.-Ж. Руссо по заданию В. И. Герье (см. п. 60, прим. 6) и о Котошихине по заданию В. О. Ключевского. Под 29 марта в подневной хронологии отмечено: «Ключевский», под 31 марта — «Утр(ом) Герье» (т. е. чтение реферата на семинаре — см. прим. 2) (1.14/2, л. 17об.).

² 11 января в Петербурге Брюсов записал в дневнике: «Пора в Москву, за дело!.. о, неужели и к Университету. Боюсь, что это будет свыше моих сил» (1.14/2, л. 11об.). О намерении оставить университет см. в зачеркнутых фразах п. 57 и наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 15, прим. 20. О изживании конфликтов, лежавших в основе такого желания, свидетельствует дневниковая запись от 2 апреля: «Я немного примирился с университетом, привык. Меня не тревожит уже злобное отношение профессоров и студентов. Недавно (см. прим. 1.— С. Г.) читал реферат у Герье. Он злобно и насмешливо опровергал меня. Я улыбался. Пусть» (1.14/2, л. 17об.). А 6 апреля Брюсов запишет: «С Герье окончательно примирился» (там же, л. 19).

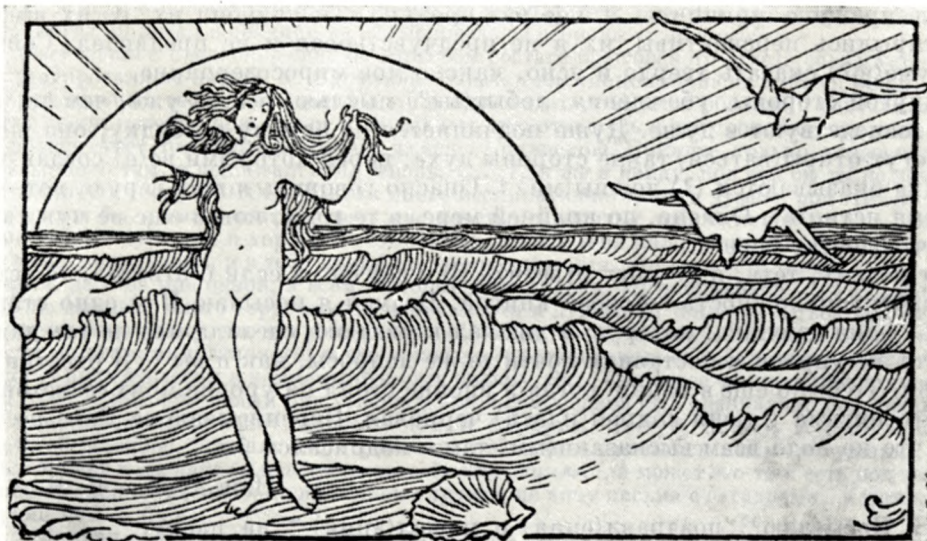
³ В брюсовском дневнике встреча с А. Облеуховым будет упомянута лишь 29 апреля (см. п. 68, прим. 1). Но под 12 апреля в подневной хронологии указано: «У меня Фриче и другие» (1.14/2, л. 18). Весьма вероятно, что в этот день Брюсова посетил и Облеухов.

64. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

Москва. [Апрель].

(Москва. Начало апреля) 1897 Вербы¹

Здравствуйте, Нео-Романтик (читали article в «Cosmopolis»² — апрель?). «И нежный, как вздох, Ботичелли»³ — это хорошо, очень хорошо. «Намеки на

«ВЕСЬ», 1906, № 3

Заставка

сверх-человека, обломки нездешних миров»⁴ «Обломки» — из Достоевского (Свидригайлов).

У м(еня) написа(но) большое письмо, которое на днях Вам пошлю⁵

Ваш ВВ

3.9 (тетрадь № 30), л. 45об., на обороте п. 62 и под п. 63. Датируется по зачеркнутому после обозначения места написания указанию: «Апрель», с учетом сведений, приводимых в прим. 1.

¹ Вербная неделя — шестая неделя Великого поста, заканчивающаяся Вербным воскресеньем. В 1897 г. приходилась на 31 марта — 6 апреля.

² «Космополис» — ежемесячный международный журнал, издававшийся в 1897—1898 гг. в Петербурге, сначала под редакцией С. Н. Сыромятникова (Сигмы), а с конца 1897 г. — проф. Ф. Д. Батюшкова, известного специалиста по истории западноевропейской литературы. Брюсов упоминает статью Платона Краснова «Молодая Россия (литературная хроника)» (Космополис. 1897. т. 6. № 1 (апрель)). Используя французское слово *article* вместо его русского эквивалента «статья», Брюсов иронизирует над «международными» претензиями нового журнала.

³ Шестая строка стих. Бальмонта «Аккорды», опубликованного в апрельском номере «Вестника Европы», «И нежный, как вздох, Ботичелли, нежней, чем весною свирель».

⁴ Девятая строка того же стихотворения.

⁵ Имеется в виду последняя, 5-я редакция п. 60, по-видимому так и не отосланного адресату.

65. БРЮСОВ — БАКУЛИНОЙ

(Москва.) 6 апреля 1897 г.

Не только потому, что я был очень занят перед пасхальными каникулами¹, не писал я Вам, тетя. — Ваше письмо требовало серьезного ответа, а главное, искренн(его). Сделать это мне трудно — и вот почему. Если бы вы спросили меня о моих убеждениях и взглядах полгода тому назад, я ответил бы Вам спокойно и твердо то, что выразил в моей последней книжке². С тех пор многое было пережито, еще более передумано. Что-то новое открывается моему умственному взору. Это не значит, что я изменил свой путь. Я иду той же дорогой, но все вперед

Иди неустанно
вперед и вперед³

Мои прежние принципы я еще раз продумал, я углубил их. [С их высот мне открылись перспективы, их я не предчувствовал и не предвидел. Сейчас я не суме(ю?) сказать твердо и ясно, каково мое мирозозерцание.

С другой стороны, убеждения, добыт(ые?) мыслью, всегда уже, чем те, которые господствуют в душе. Душа подчиняется не одному рассудку; она шире его. Могут откры(ваться) такие стороны духа, перед которыми вс(е) создан(ия) рассудка оказываются (?) ложны(ми) ⁴. Опасно говорить я так верую, вот, что для меня истин(а). Опасно, по крайней мере, в те годы, когда еще не чувств(у-ешь), что достиг берега.

Вот почему, тетя, я не могу ответить Вам сейчас, а если б ответил, то встал бы в противоположность со своей книгой. Взамен я посылаю Вам одно старое письмо. Одна девушка, которую я уважал и уважаю, сделала мне не так давно почти те же упреки и поставила почти те же вопросы, как и вы ⁵. Я ответил ей письмом. То было еще в те дни, когда я вполне стоял на уровне моих «заветов» ⁶. От этого письма у меня сохранилась черновая. Переписываю ее Вам, но говорю, что не подо всем высказан(ым) там я подписался бы

Ваш душою В. Б.

P. S. Посы(лаю?) поздравл(ения) и пожел(ания) * на пасху.

3.10 (тетрадь № 31, в обратном заполнении), л. 39—38об. Вторая (см. прим. 5) редакция ответа на письмо З. А. Бакулиной от 23 марта 1897 г., выдержки из которого приведены в п. 61, прим. 1 и 12. Отправлено адресату лишь в конце мая из Германии, о чем свидетельствует ответное письмо Бакулиной к Брюсову от 8 июня 1897 г.: «Прежде всего где ты? Письмо из Германии, а адрес в Москву» (75.34, л. 4).

¹ Брюсов имеет в виду прежде всего свои работы для университета (см. о них п. 60, прим. 6 и п. 63, прим. 4). Общее представление о диапазоне его работ во второй половине марта — начале апреля дает дневниковая запись от 15 марта (*Дневники*. С. 28. Вместо «рассказ «Изгнанницы»» здесь следует читать «Рассказ Изгнанника» — см. 1.14/2, л. 16). К перечисленным в ней работам следует прибавить еще и прочитанный 25 марта реферат «К истории символизма» (см. п. 61, прим. 15).

² Речь идет о МЕЕ.

³ Заключительные строки стих. «Утро» («Не плачь и не думай...») из МЕЕ (I, 129). Ср. дневниковую запись от 8 апр., приводимую в п. 80, прим. 3.

⁴ В реферате «К истории символизма» Брюсов приводит в своем переводе отрывок из «Сокровища смиренных» М. Метерлинка, содержащий, в частности, следующие положения, перекликающиеся с данным тезисом: «Со вселенной нас связывает не страсть и не разум. У нас есть я более глубокое, чем я страстей и разума. Психологи и моралисты говорят о памяти и воображении, о любви, ненависти, гордости. Эти вещи могут быть интересны, но лишь как цветы, оторванные от корня. Наша истинная жизнь происходит за тысячу верст от любви и за сто тысяч верст от доводов рассудка» (*ЛН*. Т. 27—28. С. 269). Сходные положения годом раньше были выдвинуты самим Брюсовым в связи с проблемами методологии литературно-критического анализа поэтического текста. Обсуждая статью П. П. Перцова о философских мотивах в поэзии А. К. Толстого, Брюсов 2 мая 1896 г. писал ее автору: «Вы хотите определить философский элемент его поэзии и (...) сопоставляете все те места, где поэт говорит что-нибудь относящееся к поэзии, и верите ему на слово (...) Всякий поэт, как и всякий человек вообще (...) создает себе определенное мирозозерцание, которое и управляет его деятельностью. Это мирозозерцание и выступает в его стихах всякий раз, когда он начинает рассуждать в стихах. Но с сущностью его поэзии оно имеет мало общего и полнее выражается в прозаических сочинениях, в письмах, в разговорах... Зато в поэзии есть нечто иное — особое отношение к миру, к себе самому, к непостижимому; это-то и есть истинная философия поэзии. Как глубока она, напр., у Арт. Римбо — и как ничтожно его мировоззрение (...) В гармонии стиха, в эпитетах, в образах — гораздо больше философии, чем в жиденьких стихотворных рассуждениях» (*Письма к Перцову*. С. 73—74). В последнее десятилетие своей жизни Брюсов посвящает этой проблеме специальную заметку в «Miscellanea»: «Индивидуальность поэта можно уловить в приемах его творчества, в его любимых образах, в его метафорах, в его размерах и рифмах, но ее нельзя выводить прямо из тех чувств и мыслей, которые он выражает в своих стихах» (VI, 399).

⁵ В архиве Брюсова нет писем 1896—1897 гг., в которых бы «делались почти те же упреки» и «ставились почти те же вопросы», что и в письме З. А. Бакулиной. Нет следа таких писем или бесед на подобные темы и в дневнике Брюсова. Можно предположить, что в качестве «черновой от старого письма» при комментируемом письме З. А. Бакулиной была послана первая редакция ответа ей же, т. е. письмо 61 (разумеется, с устранением всех элементов, по которым Бакулина могла бы догадаться, что и эта «черновая» изначально предназначалась ей

* Далее зачеркнуто: в вид(у?)

самой). Мысль о подобном розыгрыше могла зародиться у Брюсова еще в конце работы над п. 61, когда он писал о реакции на его исповедь со стороны «одной особы».

Высказанное предположение об итоговом составе брюсовского ответа согласуется с тем, как реагировала на него З. А. Бакулина. Отвечая племяннику 8 июня 1897 г., она признавалась: «А теперь у твоей исповеди. Надо правду сказать, она меня обидела и разозлила, она и сейчас лежит передо мною, и я не могу сказать, что отношусь к ней спокойно, что мне за желание читать ответ, писанный не ко мне, да еще с припискою? Помните, только, что не подо всем, высказанным там, я подписался бы теперь,, (...) Как же я найду, под чем бы ты подписался и под чем нет? в твоей ИСПОЕДИ так много несимпатичного, что я думаю, под этим-то ты и не подписался бы, а как решить? а ведь мне хочется говорить с тобою, каков ты есть теперь, со всеми твоими дурными и хорошими сторонами, хотя я тебя мало знаю, но несмотря на это ты мне очень понравился, и я тебя полюбила, и мне думается, что ты и есть такой, каким мне показался, да и не мне одной, а всем, которые тебя видели, ты понравился (...) в разговоре со мной ты выказал много сердечности, искренности и душевной теплоты, а твоя исповедь противоречит всему тому, что я в тебе нашла» (75.34, л. 4—6). Слова Бакулиной о том, что в исповеди «много несимпатичного» и что исповедь «противоречит» ее собственным впечатлениям, не могут быть отнесены к комментируемому письму. Зато они более чем уместны применительно к п. 61, в котором целый ряд утверждений и самооценок был специально рассчитан на то, чтобы шокировать и уязвить адресата (см. п. 61, прим. 3—5, 8, 15, 16). И Бакулина, надо отдать ей должное, уловила это стремление племянника казаться иным (и худшим), чем он есть: «Может тебе надо было обставить себя декорациями, а может это-то и есть под чем бы ты не подписался — не знаю, но во всяком случае я не хочу письма с загадками...» (там же, л. 5. Курсив мой. — С. Г.).

⁶ Данная отсылка может расшифровываться двояко, так как слово «заветы» — это и заглавие первого раздела книги МЕЕ, и одновременно — цитата из открывавшего этот раздел стих. «Юному поэту» (см. п. 47, прим. 9).

66. БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ

(Москва.) 18 апр(еля) 1897.

Далекая! милая! — я сегодня люблю Тебя очень, очень, без конца! * Ты знаешь Фею? Арабы называли так чуть заметную звездочку совсем рядом со второй звездой Большой Медведицы. Ищи эту фею глазами и иногда наши взгляды встречаются, там в бесконечности. Это — изысканная, прихотливая [игра] затея средневековых влюбленных. — Говорил я тебе когда о Самыгине? — Вчера я читал ему Твои письма ¹. Ты знаешь теперь, кто он, если я это нашел возможным. Вся наша любовь, всё, что ноября [вернулось ко мне]! Милая! Милая! — Метерлинк [(мой новый оракул)] говорит ²: «Представьте, что настанет день, когда мы будем постигать мысли и чувства без посредства грубых слов. Наши души предстанут без покровов пред взорами других. Скажите же — не найдется ли в них чего-либо такого, что Вы желали бы скрыть?» ^{2*} — «И рече гдѣ [ко мне]: аз помилую непомилованную и возлюблю невозлюбленную и реку: людіе мой есте вы. И тии рекут, гдѣ бг наш ты еси» (Осия) ³. — Но знаешь, Женья? — все же моя душа будет всегда задернута завесой ⁴, как святая святых в Иерусалимском Храме. Быть может, есть высоты, когда возможно единение, но как далеко они ⁵. О новые горизонты жизни за каменистым переходом! О радость! О свет! — У нас на передвижной выставке ⁶ есть картина Нестерова «На горах». Высоко, высоко. Где-то там внизу речка, она упирается в эту гору и огибает ее. Даль. Стога сена, которые отсюда кажутся такими маленькими; чуть заметная лодочка. По тропинке горы тихо идет белица. Лицо тихое, взор груст(но) проникновенный; в руках букет белых цветов. Как высоко. Сюда звуки не достигают. [Она идет тихо]. Легкий шорох шагов на узкой тропинке. [Есть такие высоты] И тихо. — Душа моя наполнена светом. Розовый, он пробивается сквозь тяжелые, белые занавеси окон; — упал блестками по каменному полу; [этот свет] тихо звен(и)т, лучи колокольчиков — тех «узкодонных, разноцветных» ⁷ — в поле; [они тоже звенят.] Не Т(ебе) забы(вать) Фета] ⁸. — Хорошая, близкая Женья! — мне хочется послать тебе этот отрывок. Я напишу еще, не дожидаясь ответа, но теперь, теперь. Ведь мы еще увидимся с тобой, Женья? светлая, близкая?

Твой, твой — Валерий Брюсов

* Далее зачеркнуто: Это тихая борьба

^{2*} Далее зачеркнуто: Моя душа сбросила покров(ы) пред взором этого моего судии

М. В. НЕСТЕРОВ. НА ГОРАХ

Холст, масло. 1896

Музей русского искусства, Киев

II

Болезнь не жизнь: она уединенна,
 Она полна нездешней тишиной.
 Так спит челнок — безмолвно, утомленно —
 В безветрии над тихою водой.
 Недавно здесь кипело оживленье,
 Что день, то вновь толпа весельчаков,
 И весла их мutilи отраженья
 Прибрежных ив и белых облаков.
 Настал октябрь; все стихло; смолкли песни;
 Челнок один — безмолвен, утомлен —
 Свободней он, затем, что бесполезней,
 И миру чужд, он небом окружен⁹.

Светло. Солнце. Первый пушок деревьев. [О, весенний грохот экипажей!]
 Здравствуй, змейка! ^{3*}

^{3*} На этом письмо обрывается.

3.10 (тетрадь № 31, в обратном заполнении), л. 38—37. Второе письмо Брюсова после отъезда Павловской на Украину (см. п. 61, прим. 3). Не дошедшее до нас первое письмо содержало пасхальные поздравления (см. позднейшие воспоминания Павловской в п. 72 прим. 2). Оба письма были написаны Брюсовым инициативно — встречное письмо Павловской от 14—15 апреля (97.27, л. 24—31об.) в это время еще не дошло до Москвы. В один день с комментируемым письмом сделана дневниковая надпись, цит. в п. 61, прим. 3. С ним связана также позднейшая дневниковая запись, цит. в п. 70, прим. 12. Письмо было послано Брюсовым в Олешировку, и Павловская, перебравшаяся к тому времени в Миргород, получила его с опозданием (см. 97.27, л. 36). О впечатлении, произведенном на нее данным письмом, Павловская позднее вспоминала в письме от 29 июля: «(...) и как была бы счастлива, если бы мне раньше пришлось прочесть твоё “восторженное” письмо! И не от того я была бы главным образом счастлива, что ты любил меня “очень, без конца”¹, что и Бога заставил говорить в таком духе, что обещал, что все для нас изменится, — а потому, что я чувствовала в тебе такое настроение, о каком я молила Бога столько времени: мой Валя будет любить человека, и меня, но я... я буду блаженствовать до конца — пусть он и близок» (там же, л. 48об.—49).

¹ В подневной хронологии значится: «Четверг. У меня Самыгин, Фриче и др.» (1.14/2, л. 19). На следующий день Брюсов сделал еще одну запись (полный текст ее см. наст. кн., Письма к Самыгину. Вступ. ст., прим. 24), где обозначен круг самых близких ему людей. «(...) пусть останутся у меня “эти три” — Женя, Бальмонт и Самыгин. Первые два далеко: Самыгин провел у меня день (...) я говорил ему о своих думах и о Жене».

² Далее Брюсов цитирует книгу М. Метерлинка «Le trésor des humbles» («Сокровище смиренных»). Р., 1896. На это же высказывание Метерлинка Брюсов летом 1898 г. будет ссылаться в рукописи «варианта 5» книги «О искусстве»: «Приближается время — и многое возвещает, что оно близко, когда одна душа увидит другую без посредства всяких чувств, человек коснется человека; и уже ныне души покрыты меньшим числом покровов, чем прежде. Так говорит современный нам мыслитель (Метерлинка. Le trésor des humbles). Если и ошибается он, считая, как многие пророки, желанное близким, — все же явные и яркие предвестники нового» (3.19, л. 19). В дневниковых записях от 23 февраля и 5 мая 1897 г. Брюсов сравнил впечатление, произведенное на него книгой Метерлинка, с восходом солнца и причислил ее, наряду с Библией и Вергилием, к своим «любимейшим» (см. наст. кн., Письма к Самыгину. Вступ. ст., прим. 18 и п. 3, прим. 4). Одна из причин столь необычайного воздействия раскрыта Брюсовым в дневниковой записи от 18 марта: «Это я называю чудом. Я читаю книгу Метерлинка, но я уже знаю ее. Я прочитываю страницы, которые уже предчувствовал. Станным путем все идеи, которые я нахожу у Метерлинка, недавно являлись мне. Быть может, здесь играло роль самое присутствие книги на моем столе» (1.14/2, л. 16об.). Пример подобного совпадения прочитанного у Метерлинка с тем, что было уже выношено и сформулировано самим Брюсовым, см. в п. 65, прим. 4. В апреле 1897 г. Брюсов начал «перевод с примечаниями» книги Метерлинка («Сокровище униженных») — 3.12, л. 57об.—56), однако не довел его даже до конца первого очерка («Молчание»).

³ Библия, Книга пророка Осии, 2.21—23. Брюсов соблюдает традиционное для сакральных текстов сокращенное церковнославянское написание слов «господь» и «бог» с титлами. См. также наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 18, прим. 4. О значении Библии для Брюсова в 1896—1897 гг. говорит то, что он дважды включил ее в число самых необходимых (вместе с Гомером и Шекспиром) или «любимейших» книг (см.: *Дневники*. С. 26. Запись от 26 ноября 1896 г., а также предыдущее прим.).

⁴ Ср. о мотиве «запертой двери» в п. 47, прим. 4.

⁵ Неверие в возможность преодоления разобщенности — одна из заметных тем в поэзии Брюсова, ср. такое важное в общем контексте его творчества стихотворение, как «Одиночество» (1903 г., I, 318—319). В то же время искусство в книге «О искусстве» будет рассматриваться именно как средство преодоления подобной разобщенности, дающее возможность слиться с «душой художника», вступить с ней в контакт.

⁶ 25-я, юбилейная, выставка Товарищества передвижных художественных выставок демонстрировалась в залах Московского училища живописи, ваяния и зодчества (*Стерилин Г. Ю.* Художественная жизнь России на рубеже XIX—XX веков. М., 1970. С. 264). Брюсов был на выставке в день написания письма: «Сейчас был на передвижной выставке. О, как полезен был бы нашей живописи самый неумеренный, самый грубый символизм. Он научил бы художников вкладывать в произведения идею, в хорошем смысле слова» (1.14/2, л. 19об.). О посещениях этой выставки см. также наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 18.

⁷ Из стих. Фета «Колокольчик»; в нем, как и в письме Брюсова, описан легкий звон, раздающийся в ночном безмолвии.

⁸ Совместные чтения стихов Фета оставили глубокий след в памяти Павловской. В письме от 17 июля 1897 г. она напишет: «О Валя! милый! милый! (...) как бы тебя слушала...»

Звезды яркие в лучах,
Говорят на небесах:
“Свят! Свят! Свят!” (97.27, л. 45об.).

⁹ Перевод стихотворения бельгийского поэта Ж. Роденбаха (1855—1898) «La maladie est doucement isolante ...». В оригинале письма приведены только три первые слова стихотворения, за ними следует помета: («все стихотворение»). Печатается по тетради «Мои стихи»

№ 8 (4.5/8, л. 180б.)^{4*}, где озаглавлено «Из Роденбаха» и датировано «1897. 23 февраля». После перевода следует приписка: «О Роденбахе см. у З. Венгеровой» в «Вестнике Европы» 1897 № 1». Под заглавием «Болезнь» было опубликовано в газете «Южное обозрение» (1899. 20 мая. № 814). В новой редакции включено в ПСС ХХI.

67. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 13 мая (18)97 г.

Se grand malheur de ne pouvoir être seul¹. Вот странный французский язык², кот(орым) г. Энгельгард в эпитафе к «Человеку толпы» переводит «Великое несчастье не выносить одиночества» [и обязательно помечает «Ла-Брюйер»]. Ах! хорошо у нас переводят³ (грешен и я⁴ [в таких же переводах]). Но не в том дело. Не знать мне ни(когда) [большого несчастья, чем Ла-Брюйерово] вп(рочем), — это постоянно быть одн(о)м(у)⁵. Я думаю, вы его не забыли. Скоро кончатся мои обязательные занятия и начнутся летние скитания. Вероятно я перепахну за рубеж нашей родины⁶, бывши(й) непреод(олимым) для Пушкина⁷. Будем ли мы с Вами играть в жмурки по Европе? — Если у Вас есть какой-нибудь план, сообщите. Может быть «меж гран(ями) вечной разлуки»⁸ мы встрет(имся) на денек где-нибудь в старом немецком [или южном французском] городке или на средиземном(орском) побережье⁹.

А ведь мы об этом не мечтали под^{5*} сос(нами) в Сокольниках¹⁰, на берегу Серебряного Пруда. [Ворон каркнул «Никогда»]¹¹.

Ваш ВВ

3.10 (тетрадь № 31, в обратном заполнении), л. 17об. — 17. Дата поставлена между письмом и предшествующим ему «Наброском» («Тверская освещена электричеством...»), но, судя по почерку, которым написан каждый из автографов, относится именно к письму.

¹ Упоминаемое Брюсовым произведение не разыскано. Эпитафа представляет собой нечто воспроизведение фрагмента из «характера» 99 главы XI «О человеке» книги французского моралиста XVII в. Ж. де Лабрюйера «Характеры, или Нравы нашего века». В оригинале соответствующее место читается: «Tout notre mal est de ne pouvoir être seuls».

² В рукописи письма после первого слова французской цитаты следует зачеркнутая Брюсовым оценочная латинская помета: (bene?) — (хорошо?). Она свидетельствует, что языковую «странность» цитаты Брюсов усматривал в открывающем ее прилагательном «Се». Если б приводимое Энгельгардтом выражение являлось в цитируемом им тексте самостоятельным предложением, оно действительно должно было бы открываться не прилагательным, а омонимичным ему местоимением в сочетании с глаголом: C'est.

³ Предмет возражений Брюсова против перевода не совсем ясен. Упрек в странности французского языка и ирония по поводу того, что переводчик «помечает Ла-Брюйер» при достаточно очевидной сентенции, дают основания полагать, что Брюсов подозревал Н. Энгельгардта в самостоятельном обратном переводе запомнившейся ему мысли Лабрюйера на французский язык (ср. прим. 1). Если данное предположение верно, то недостатки французского перевода Брюсов мог усматривать в неправильном употреблении начального «се» (см. прим. 2) или же в способе передачи сочетания «выносить одиночество». Если же предметом брюсовской иронии было качество именно русского перевода французской цитаты, то, скорее всего, Брюсов сожалел именно об утрате полюбившегося ему (см. прим. 5) предикативного сочетания «être seul». Следующее далее в письме противопоставление «Ла-Брюйерова несчастья» большому несчастью «постоянно быть одному» подсказывает, что Брюсов, вероятно, предпочел бы перевести «ne pouvoit être seul» как «не уметь (или: не иметь возможности) быть одному». В современном русском переводе Ю. Корнеева и Э. Линецкой данное выражение Лабрюйера трактуется аналогично переводу Энгельгардта, см.: Ларош Фуко Ф. Максими. Паскаль Б. Мысли. Де Лабрюйер Ж. Характеры. М., 1974. С. 391.

⁴ Примером брюсовской самокритичности по отношению к собственным переводам может служить его оценка книги РБС. См. п. 19А, прим. 3.

⁵ Ср. тему одиночества («ни одного голоса») в п. 49 и сомнение в возможности «единения» в п. 66. В конце 1897 г. Брюсов делает лабрюйеровскую формулу «Быть одному. Être seul» заглавием задуманного им прозаического произведения из финикийской жизни (см. 3.13, л. 59—58об.), позднее преобразившегося в поэму «Аганат». Ср. также заключительные строки стихотворения 1907 г. «Быть без людей»:

И я уйюсь недолгим счастьем:
Быть без людей, быть одному!

(I, 452. Курсив мой. — С. Г.)

^{4*} Ссылки на л. ед. хр. 14.5/8 здесь и далее даются не по архивной карандашной нумерации, а по нумерации красными чернилами, принадлежавшей, по-видимому, самому Брюсову.

^{5*} Далее зачеркнуто: госте(принимными) соколь(ническими)

⁶ 15 мая Брюсов писал в дневнике: «Мечтаю о поездке за границу. Это стало моей идеей. Пересматриваю карты, изучаю путеводители, читаю Реклю...» (1.14/2, л. 22). Его поездка по Германии продолжалась с 22 по 30 мая 1897 г., о ее маршруте см. п. 68—70.

⁷ Отражение размышлений, вызванных чтением анненковской биографии Пушкина (см. п. 60, прим. 16).

⁸ Из стих. Брюсова «В будущем» (I, 75).

⁹ Бальмонт в ответном письме пригласил Брюсова к себе в Оксфорд. Но его письмо развилось с адресатом, и встреча поэтов не состоялась (см. п. 70 и прим. 2, 8 к нему).

¹⁰ Одно из излюбленных мест прогулок Брюсова. В Сокольниках состоялась и последняя из известных встреч обоих поэтов перед отъездом Бальмонта во Францию (см. п. 49, прим. 1).

¹¹ Рефрен 13—15-й строф стих. Э. По «Ворон» в переводе Бальмонта. Цитирован Брюсовым с перестановкой двух первых слов. В наброске о Мережковском для будущей книги «Русская поэзия 1895 г.» Брюсов посвятил специальное примечание сравнению двух переводов «Ворона». Перевод Мережковского, отмечал Брюсов, «местами выше перевода бальмонтовского. Например, стихи

И казалось мне струило
Дым незримое кадило...

выше, чем «То с камильницей небесной серафим пришел сюда», где «сюда» плохо, а «пришел» невозможно. Перевод Бальмонта, однако, смелее и, так сказать, «гениальнее». У Мережковского нет таких дивных дополнений, созданных совершенно в духе подлинника, как «Грезам странным отдавался», «недоступным на земле ни для кого (?)» (2.21, л. 68об. Вопросительный знак Брюсова).

68. БРЮСОВ — А. Д. ОБЛЕУХОВУ

(Аахен. 27—28 мая / 8—9 июня 1897 г.)

Простите, Антон Дмитриевич, что исчез из Москвы, не простившись ¹. Вы знаете, что бывает настроение, когда прячешься от лучших друзей. Я и здесь, в целит(ельном) оди(ноч)естве еще чувствую себя очень плохо. Какая-то тоска о прошлом, о [юности] лучших днях ². Вот мелькнула панорама Германии ³, Unter den Linden ⁴, тысячелетний Кельнский собор, торжественный Рейн ⁵ — и ни одной фантазии, ни одного стихотворения ⁶. «Это юность уходит, оскорбленная, нищая» ⁷. Помните ли, откуда эта цитата?

Ваш ВВ

P. S. Вашу книгу на днях перешлет Вам мой отец ⁸. Приношу еще раз за не(е) благодарность! многое в ней он прочел и *

3.12 (тетрадь № 33), л. 7. Датируется по содержанию и по расположению в тетради между различными редакциями п. 69.

¹ Последнее упоминание о встречах с адресатом в дневнике находим под 29 апреля: «Веч(ером) у Облеухова» (1.14/2, л. 20об.).

² В день отъезда из Москвы, 20 мая, Брюсов записал: «Да, довольно. Пусть яркие образы недавнего прошлого отступят и померкнут. Передо мной туман и Новая Жизнь. К ней» (1.14/2, л. 22).

³ Брюсов пересек границу Германии 23 мая (4 июня) 1897 г. (1.14/2, л. 23).

⁴ «Под липами» (нем.) — название главной улицы Берлина. 24 мая (5 июня) Брюсов так описал свои берлинские впечатления: «Маленькое оживление в душе, оживление протеста (...) И статуи, и фонтаны, и гигантские здания. Но все мертво, если нет души (...) Берлин мертв, и его громадные, гордые памятники безжизненны; в них нет искусства. О, как гордо бродил я среди пышной толпы, и как отдохнул я душой в музее. Привет вам, родные, близкие олимпийцы! я ваш, — этот мир — знаком мне. А Богичелли! Когда его Venus (Венера — лат. — С. Г.) взглянула на меня детски стыдливими очами, я был перерожден. Милая! Я уже не один! Я твой, — и ты это знаешь. — Долго смотрел я в печальные, детские взоры богини» (1.14/2, л. 23).

⁵ 26 мая (7 июня) Брюсов в Кельне записывает: «Кельн веселый город. Таким, по крайней мере, он показался мне в первый вечер. Я приехал накануне праздника. Всюду сновали банды молодежи, — шли по тротуарам и по мостовой, пели. Случайно, прямо вышедши из отеля, я попал в какую-то уж чересчур веселую улицу. Бродил там, оборонялся от зазывающих девочек и сторонился от пьяных весельчаков. Потом пошел к Рейну, стал на берегу и долго смотрел, как тихо катятся темные воды. Сегодня утром обозревал достопримечательности» (1.14/2, л. 23об.).

⁶ В записной тетради «Мои стихи» № 8, взятой Брюсовым с собой в заграничную поездку, первое за время путешествия стих. «Вечер» («Поезд врывается в древние скалы...» — I, 113)

* На этом письме обрывается.

И. М. БРЮСОВА

Фотография из альбома Б. А. Садовского. Начало 1900-х годов
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

датировано «1897. 31 мая. У Магдебурга», т. е. было написано уже на обратном пути на родину. Вторым и последним за все путешествие явилось стих. «Первая русская книга после далеких скитаний...» (см. п. 70, прим. 10).

⁷ Концовка стихотворения в прозе К. Д. Бальмонта «Прощальный взгляд» (*В безбрежности*. С. 64.).

⁸ О какой книге идет речь, неизвестно.

69. БРЮСОВ — И. М. РУНТ

Аахен. (28 мая) 9 июня (1897 г.)

Грустно, без конца грустно. Я ложусь головой на подушку и готов плакать. Если б теперь быть там, в этом Останкине ¹, на островке, где беседка! Недавнее прошлое мне кажется чем-то безмерно блаженным и утраченным навсегда. Помните (или помнишь?), мы шли вдвоем по извилистому переулку, еще в Москве, и я говорил об этом будущем письме? Я верил тогда, что буду писать его радостно, спокойно. То были дни детской уверенности, детского счастья. И вот много раз я начинал свое письмо и с тоской бросал перо. Не могу же я описывать города или рассказывать анекдоты из путешествия, если хочется плакать и [бежать] жаловаться.

Промелькнула панорама Германии, «Unter den Linden»² [центр европейской столицы], европейски блестящее avenue* (помните рассказы Гоффмана?)³, тысячелетний Кельнский собор с гробницей магов, поклонявшихся Христу-младенцу; прославленный, торжественный Рейн, памятники, замки, громкие названия...⁴ и все это было мне ненужным, чуждым, я на все смотрел мертвым взором. Вот и Аахен, шумный, международный, cosmopolis⁵. Средневековый собор и рядом отели новейшей архитектуры, на улицах яркая толпа, пышные туалеты [Роскошные кафе, громадные рестораны, театры, сады, парки, фонтаны]; чуть вечер [морю] — «потоки» электрического света. Все весело, движется, живет. — Я прячусь от своих случайных знакомых, ухожу на отдаленную Lousberg, где в будни нет никого, сажусь на мраморную скамью и смотрю вдаль. Бежать ли снова? — в Бельгию, в Англию? или вдруг, совсем покорившись, вернуться в старую, знакомую Москву?⁶

Ах, Янинка! хорошая! маленькая! далекая! если б ты знала, какое отчаянье у меня в душе. Я потерял свое место в мире и нового мне не найти⁷. Сейчас идет дождь. Небо — серое, низкое. Черные крыши намокли и блестят. Вышки старинных церквей в тумане. Грустно, без конца грустно.

Быть может, Твой — В. Б.

3.12 (тетрадь № 33), л. 7об. Четвертый вариант письма. Два первых с датами соответственно 8 и 9 июня н. ст. (там же, л. 2 и л. 2—2об.) были прерваны в самом начале. Третий, в котором в основном определились характер и содержание письма — там же, л. 5об.—6об. (наиболее существенное различие от него приведено в прим. 5). Отосланный, пятый вариант (см. 69.1, л. 1об.—2) отличается от четвертого тем, что в нем восстановлена зачеркнутая фраза, приведенная в нашей публикации в квадратных скобках, а также незначительными пунктуационными изменениями. В тетради № 33 сделаны также два наброска адреса на конверте к этому письму (л. 1 и 7), второй из них, заключенный в прямоугольник, напоминает Брюсовские проекты титулов и обложек готовящихся книг.

Часть письма, с включением элементов п. 68 и эпиграфа из 3-й «Забытой ариетты» П. Верлена (сб. «Романы без слов»), составила дневниковую запись от (28 мая) — 9 июня 1897 г. (1.14/2, л. 23об.—24).

Будущая жена поэта, друг и помощник в литературных делах Иоанна (Жанна) Матвеевна Рунт (1877—1965) зимой 1897 г. поступила в дом Брюсовых гувернанткой. Первая запись о ней в дневнике Брюсова была сделана в подневной хронологии под 21 февраля: «21. Пятница. Очень болен. Mademoiselle Жанна» (1.14/2, л. 13об.). Постепенно она втягивается в круг семейных занятий. В апреле ее имя мелькает в дневнике все чаще: «5. Суббота (...) Вечер с Жанной (...)» 19. *Суббота*. Поездка в Тарасовку с сестрами и m-lle Жанной (...) *Понедельник* 28. Весь день с m-lle Жанной в поисках дачи (...) *Среда* 30. Вечером читал Жанне и сестрам (...) *Май* 2. Вчера, «1-го мая» я ездил с сестрами и с Жанной в Сокольники и Богородск. Ходили много, гуляли много, было весело» (1.14/2, л. 19—21). В укреплении наметившегося сближения молодых людей большую роль сыграло как раз публикуемое письмо: «Летом Валерий Яковлевич ездил в Германию; оттуда прислал мне письмо, нежнее, чем можно было предполагать» (Брюсова И. М. Материалы к биографии Валерия Брюсова // Брюсов В. Я. Избр. стихотворения. М.; Л.: Academia, 1933. С. 126).

¹ В Останкино Брюсов и И. М. Рунт ездили снимать дачу: «29 (апреля.) Вчера ездил с m-lle Жанной искать дачу. День вдвоем с молоденькой, наивной институткой. Полупризнания, пожатия рук и голубое небо (...) Как бесконечны оттенки жизни!» (1.14/2, л. 20об.).

² См. п. 68, прим. 4.

³ Эрнст-Теодор-Амадей Гоффман (1776—1822) прожил в Берлине последние 8 лет своей жизни, с 1814 по 1822 г. Как раз в эти годы Берлин приобретал облик «столицы крупного государства, гордым и самодовольным вышедшего из борьбы (...) с Наполеоном». В Берлине писатель создал «длинный цикл (...) берлинских рассказов», в которых «читателю открывалась поистине шекинговская галерея образов берлинской жизни» (Гюнцель К. Э. Т. А. Гоффман: Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы. М., 1987. С. 227—228).

⁴ О кельнских впечатлениях Брюсова см. п. 68, прим. 5.

⁵ Древнегреческое слово cosmopolis зафиксировано у римского историка Полибия в значении «правитель города» (Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 974). Здесь употреблено, очевидно, в соответствии со значением родственного слова cosmopolit («гражданин мира») для характеристики международного, мирового характера города. Эта характеристика в предшествующем варианте письма была поддержана некоторыми дополнительными деталями: «Жителей, [немцев] не видать, но [приблизьные наживаются на счет приезжих] улицы наводнены блестящей толпой приезжих (...) [везде гуляющие, кавалеры в парижских костюмах, дамы в ярких платьях и громадных развевающихся шляпах.] Го-

* авеню, широкая улица, обсаженная деревьями (франц.).

вор — французский, немецкий, английский; есть вывески, переведенные на русский язык. Я живу в отеле, где содержится француз, а жена и служащие — немцы, — у них есть маленькая дочь, вечно вертящаяся в коридорах и говорящая на каком-то странном диалекте — смесь разных языков» (3.12, л. 6 — 6 об.).

⁶ Брюсов выбрал возвращение. Решение было принято на следующий день после написания данного письма: «10 июня. Откуда это отчаянье в душе? Увидеть своих, маму, сестер, пить чай на террасе — мне это уже кажется блаженством. Туда! туда! брошу все, лечение, путешествие, брюссельскую выставку. Все брошу, еду (...) Если я проведу здесь еще день, я с ума сойду. Не могу ни думать, ни просто соображать. Подавленный рассудок что-то говорит о совпадениях, о том, что надо лечиться... Оставьте! не хочу слушать! Домой! домой!» (1.14/2, л. 24 — 24 об.). 30 мая (11 июня) Брюсов уехал из Аахена через Берлин на родину. На следующий день он записал: «12. Суббота. Россия. Радость. Еду» (там же, л. 25).

⁷ Ср. п. 70, а также следующее место из дневниковой записи от 29 мая/10 июня: «А! Женья, ты радовалась моему обращению к Богу... Разве ты не понимаешь, что это все те же метанья по сторонам в поисках того, чего найти уже невозможно. Я потерял свое место в мире (...) Конечно, все кончено. Гордые надежды, простите, прощайте. Спускайся в жизнь, отдайся мелочам. Они победили» (1.14/2, л. 24—24 об.). Ср. также дневниковую записку от 28 мая/9 июня, упомянутую в преамбуле к комм.

70. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Между 11 и 23 июня 1897 г.)

То было самое горькое из недоразумений — Теперь я готов проклинать себя...¹ Ваше письмо искало меня по всей Германии, но случилось так, что я уезжал из города, когда оно приходило туда...² Впрочем, быть может, к лучшему. Я был в таком состоянии, что ничего даже не мог бы вын(ести?) из наш(его) свидания³. Возвращаясь, я проехал через Лейпциг, не за(ходя) на международную выставку, и не пожелал завернуть в Дрезден, хотя от Сикстинской Мадонны меня отделяло всего несколько десятков верст... Я сам сознавал тогда, что буду проклинать себя, но то было какое-то упрямство⁴. Вот когда я понимал чувства Исава, продавшего первородство за * варение⁵. Мне так захотелось светлых глаз маленькой Янинки, захотелось любви — так(ой) понят(ной) и милой⁶ — что я бросил Мад(о)н(ну) и Себаст(иана)⁷, Рейн и Саксон(ию) — бросил и поехал назад. Мне наскуч(или) все эти памятники, которые надо осматривать (?). Я вдруг пожелал родного, русского. И от вас не было вестей. Я думал, Вы уехали из Оксфорда и не получаете моих писем. Теперь я дома и, конечно, минутная радость свидания давно исчезла и в сердце ост(алось) горькое разочарование⁸. И так всегда. Я писал Вам когда-то, что потерял свое место в жизни. Это верно без конца — я его потерял⁹. Едва ли н(е) вс(е) кончено. Знаете ли, что я писал стихи о россий(ской книге):

Первая русская книга после далеких скитаний

Стих дорогого поэта и с(ердце?) дрожит от рыданий¹⁰ —

Приезжайте. Сейчас уезжаю в Малороссию. Там — [Женья] меня ждет умирающая и любящая¹¹.

Прекрасна только жертва неизвестная

Как тень, хочу пройти

И сладостна да будет ноша крестная

Мне на земном пути...¹²

Прощайте.

В. Б.¹³

А как я истрадался, пока смотрел на нее обычно, как всегда на женщин. Какие сцены происходили Э(то) б(ы)ла п(ы)тка (1 нрзб.). Она молила, зак(ли)нала. Потом вырвал(ась) в безумии, х(о)те(ла) бежать к рек(е?), чтобы бросит(ься). Я цеплял(ся) за пла(ть), я на коленях говорил о прощении. Потом вернувшись к себе при св(ете) зари, под свист утренних птиц, я не мог выжа(ть) из себя ни од(ной) ст(роки) и сердце мое билось так ровно, [как на балу] так ровно.

* Далее зачеркнуто: пох(лебку) чече(вичную)

3.12 (тетрадь № 33), л. 55—54об., с пометой: «К Бальмонту». Вторая редакция письма, набросок первой редакции (там же, л. 4) процитирован ниже в прим. 1, 2, 8. Письмо Бальмонта, на которое отвечает Брюсов (ср. прим. 2), судя по записи в подневной хронологии, было получено 3 июня (см. 1.14/2, л. 25), о его содержании можно отчасти судить по брюсовской дневниковой записи от 5 июня (см. прим. 8). Датируется на основании упоминания об ожидающей Павловской (см. прим. 11) и содержания заключающей черновик приписки (см. прим. 13).

¹ Ср. начало первой редакции письма: «Бессмысленно, горько, глупо... Этого я себе никогда не прощу. Недоразумение, которому нет имени (...) Я поступил так смешно и жалко, как никогда еще» (3.12, л. 4).

² Из первой редакции письма явствует, что письмо Бальмонта было получено в Москве домашними Брюсова после его отъезда в Германию и послано Я. К. Брюсовым в Германию. Разминувшись и там с адресатом, оно пришло назад в Москву, «оклеенное разными справками, словно мумия» (3.12, л. 4).

³ Ср. п. 68—69 и особенно дневниковую запись, приведенную в п. 69, прим. 6.

⁴ Уже на следующий день после принятия решения о возвращении домой (см. п. 69, прим. 6), 11 июня, Брюсов писал в дневнике: «Вчера вечером в одной скверной Restauration встретил француза, назвавшего себя анархистом. Много поговорили о России; впрочем говорил больше он, а я вставлял возражающие реплики на ломаном языке. Эта встреча меня оживила, я, пожалуй, мог бы остаться здесь, но — корабли сожжены. В путь!» (1.14/2, л. 24об.). Позднее к этой записи было сделано недатированное добавление: «Вообще обстоятельства складывались так, что меня все манило остаться. Письмо от Сологуба, разговор с хорошенькой служашей отеля, встреча с этим анархистом. Но уже поздно...» (там же, л. 25).

⁵ См.: Библия, кн. Бытия, гл. 25, 27—29.

⁶ В записи, сделанной в Аахене в день решения об отъезде домой (см. п. 69, прим. 6), причины этого решения представлены иначе: «Или это любовь? Жанна, которая ждет меня там? — Ее лицо мелькнуло передо мной. Нет! Я смотрю холодно. Не она. Последнее, что у меня осталось,

Семья приветливой святая тишина,
И ласка чистая, и чистое участие (1.14/2, л. 24).

Но встреча с домашними разочаровала поэта (см. прим. 8), невольно выдвинув на первый план встречу с И. М. Рунт: «В этом мраке последний свет — маленькая Янинка-Жанна. В ее поцелуях бледный отблеск надежды...» (1.14/2, л. 25. Запись от 5 июня). В дальнейшем и упомянутые в аахенской записи надежды Брюсова на семейную «тишину» и «чистое участие» были перенесены именно на И. М. Рунт, и будущая женитьба рассматривалась поэтом, в частности, как средство освобождения от своей семьи (см. дневниковую запись от 8 июля 1897 г. — там же, л. 30об.).

⁷ Картина итальянского художника Антонелло да Мессины «Святой Себастьян» (1476), являющаяся одним из ценнейших достояний Дрезденской галереи.

⁸ Ср. в уже цитировавшейся останкинской дневниковой записи от 5 июня: «Случилось то, что я предвидел и предчувствовал. Я в Москве, на даче, — и плачу, и горько упрекаю себя за то, что вернулся. Но уже поздно... Я обречен жить здесь. Получил письмо от Бальмонта. Он зовет к себе. И я мог бы быть у него. Мог бы! Мог бы! Взамен того руготня домашних, глупости и грубости сестер и братьев, мелочи, пошлость...» (1.14/2, л. 25). Судя по последним фразам неоконченной первой редакции публикуемого письма, «разочарование» Брюсова распространялось в этот момент на самую идею путешествий: «Правда, что путешествие есть бессмыслица. Ехать, чтобы искать впечатлений —» (3.12, л. 4. На этом текст обрывается).

⁹ Ср. п. 69, прим. 7.

¹⁰ Стих. «Первая русская книга...» (*Избр. 1955*, 1. С. 73) в тетради «Мои стихи», № 8 датировано «1 июня (18)97. У Горна» (14.5/8, л. 17об.), т. е. оно было написано Брюсовым в поезде, на следующий день после пересечения границы Германии с Россией (см. п. 69, прим. 6). Вторую строку Брюсов в письме цитирует в первоначальном варианте, — в упомянутом автографе стихотворения «сердце» было исправлено на «думы».

¹¹ Эти слова позволяют предположить, что данное письмо писалось Брюсовым уже после получения письма Е. И. Павловской от 4 июня 1897 г. (97.27, л. 41—43об.; почт. шт. Москвы — 11 июня). Отвечая на «безнадежное, полное отчаянья» (там же, л. 41) письмо Брюсова из Аахена (судя по цитатам, в нем содержалось то же признание в «потере своего места в мире», что и в п. 69—70). Е. И. Павловская, в частности, писала: «Скорее из Оксфорда, скорее ко мне в Малороссию, а там ты успокоишься, уляжется все... Ну, до свиданья, до встречи, до счастья быть друг около друга...» (там же, л. 43об.). Комментируемое письмо показывает, что призыв Павловской затронул Брюсова больше, чем он сам это признавал в дневниковой записи от 15 июня: «Получил письмо от Жени и сердце встретило его холодно, молча...» (1.14/2, л. 26). Последующее развитие событий (см. п. 71А, прим. 2, 4), однако, отодвинуло планы поездки. Во втором варианте п. 71 Брюсов сообщал Бальмонту: «Теперь же план моей жизни переменялся и я опять не еду» (3.12, л. 48). А на обороте п. 71Б находится черновик ответного письма к Павловской, написанного почти через месяц после получения ее письма, и, очевидно, трудно дававшегося Брюсову: «Я сравнительно давно в Москве, но не решаюсь писать к Тебе: на твои призывы я должен ответить «нет», я к Тебе не приеду. Вкратце и без фраз: я намерен жениться» (3.12, л. 46; другие цитаты из него см. п. 71А, прим. 4 и п. 75, прим. 6).

Но мысли о поездке, преследовавшие Брюсова с того момента, когда он в апреле узнал об отъезде Павловской (см. 1.14/2, л. 18, а также п. 61, прим. 3), не оставляли его (ср. п. 72, комм.), и в сентябре поездка состоялась (см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 6 и Переписка с Бальмонтом, п. 24).

¹⁸ Из стих. Д. С. Мережковского «Изгнанники». По первой публикации (Нива. 1893. № 49) оно было переписано Брюсовым в тетрадь № 6 ргмо (4.4, л. 20—20об.). Четверостишие, цитируемое в комментируемом письме, было избрано Брюсовым в качестве одного из эпиграфов к начатой 14 марта 1894 г. рабочей тетради № 8 (2.11, л. 3). В 1897 г. оно стало лейтмотивом, сопровождающим раздумья Брюсова о безнадежно больной Павловской. 25 апреля Брюсов записал в дневнике, имея в виду п. 66: «Еще недавно, в экзальтации, я писал ей, что люблю ее; в те дни я повторял про себя

Прекрасна только жертва неизвестная

и искренно думал жениться на Жене» (1.14/2, л. 20).

¹⁸ В последующей приписке предположительно речь идет о И. М. Рунт. Описана, скорее всего, встреча, происходившая вечером 22 июня (ср. сделанную на следующий день дневниковую запись — 1.14/2, л. 27). Если аналогичная приписка была включена и в отправленный вариант письма, то оно было послано адресату примерно через две недели после написания основной части, скорее всего 23 июня (на следующий день настроение поэта круто изменилось. См. п. 71А, прим. 2). Такая датировка отправки согласуется с датой получения предполагаемого ответа Бальмонта на данное письмо (см. п. 71А, прим. 1).

71. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

А. ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

(Москва. Около 10 июля 1897 г.)

Мой друг!

Вы получили мое письмо, бесформенное и бессильное¹: то было отчаяние. Если б я знал Ваш адрес, через неделю Вы получили бы письмо восторженное и глупо-блаженное (я написал такое Самыгину)². Но всем чувствам

Боги праведные дали
Одинакие криле³

(«Криле» это двойственное число для рифмы «на земле»). Теперь я опять как сумрачный философ сижу и размышляю о событиях жизни⁴. Я надеюсь, что Вы удивитесь, хотя сам я не удивляюсь. Дело в том, что я намерен жениться.

Dicite io hūmen, et io dicite hūmen⁵

т. е.

Скажите «Боже мой!» иль «Браво»
Иль не скажите ничего

(впрочем, Пушкин перевод(ил) эти латинские стихи еще так: «Черт поberi твою свадьбу, Свадьбу черт поberi») ⁶. У меня, кажется, всегда — даже во дни Емельянова-Коханского⁷ («...») была склонность к семейной жизни. Вы замечали? — Поэта

Обыкновенный ждал удел...
Простился с музами, женился,
В деревне, счастлив и рогат,
Носил он стеганный халат...⁸

Если Вы после этих строк не махнули безнадежно рукой и продолжаете читать, слушайте*. К весне этого года я, как Вы видели из писем, погубил совсем⁹.

Je perdais le souvenir
Du mal et du bien¹⁰

— я был готов молиться Богу, интересоваться экономическим материализмом¹¹ и хлопотать о русском мужике. Стихов я не писал почти совсем, — так, жалкие отрывки.

* Далее зачеркнуто: «Ей» двадцать лет, она некрасива, не ориг(инальна), не умна — так, впрочем, всегда бывает.

Для кого я пишу — не знаю
Читателей нет у меня¹²

Для всех впечатлений жизни я окаменел. Было у меня много любовей (amores)¹³, много новых встреч, наконец, я совершил поездку за границу (какое безумие, что мы не встретились!). И все это было ненужным, чуждым — даже пышный Рейн. Что оставалось? Рассердиться на свою душу и сказать ей: а! ты не довольна всем, что перед тобой; хорошо же! я брошу тебя в цепи женитьбы¹⁴, посмотрим, как ты будешь чувствовать себя

Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат¹⁵

Простите эти медлительные строки (froids et coulants)^{2*}. Вы, впрочем, найдете на обороте несколько восторженных стихотворений — эфемериды!¹⁶

Итак, выкинем (?) женщи(ну) из своего словаря, любовь утом(ляет) — и без нее мир широк и прекрасен. Много есть струн, натя(у)тых между небом и землей. Может быть, и с моей будущей ж(еной) прекраснее всего то, что ее зовут Жанной, а я назвал ее Эдой¹⁷ в те ночи, которые мы провели с ней, не совсем как жених и невеста.

Ваш ВБ

3.12 (тетрадь № 33, в обратном заполнении), л. 49об.—48об., с пометой «Письмо к Бальмонту». В данной редакции послано не было — на ее обороте была начата вторая, а затем третья редакция. Четвертая редакция, наиболее отличающаяся от первой, публикуется ниже (п. 71Б). Ответ на несохранившееся письмо Бальмонта (см. прим. 1). Датируется на основании содержательных параллелей с дневниковой записью от 8 июля (см. прим. 4 и 14) и с письмом к Павловской (см. прим. 4 и п. 75, прим. 6), на которое она ответила Брюсову письмом от 17 июля (97.27, л. 44—46об.; ср. там же, л. 49—49об.).

¹ См. п. 70. Между этими двумя письмами был, очевидно, получен ответ Бальмонта с его последним адресом (ср. дальше в письме Брюсова: «Если бы я знал Ваш адрес...»). Запись о получении «письма от Бальмонта» сделана в дневнике 5 июля (1.14/2, л. 30об.).

² Это письмо до нас не дошло (см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 1, прим. 1—3). «Восторженное и глупо-блаженное» состояние объяснялось принятым Брюсовым 23—24 июня и во многом неожиданным для него самого решением о женитьбе: «24 (июня). Мне смешно. Мне радостно. Эда на меня не смотрит, она мне не отвечает. Пусть. Все равно душа полна светом. Верю. И в то же время наблюдаю себя. Половина души умирает от счастья, а другая — словно кружок детей — смеется звонкими голосами и хлопает в ладоши» (1.14/2, л. 27об.).

³ Концовка стих. Баратынского «Наслаждайтесь: все проходит!...».

⁴ Ср. характеристику смены своих настроений, данную Брюсовым в черновике письма к Е. И. Павловской, написанном в те же дни на обороте п. 75Б: «Мое настроение? — о поминишь то письмо, которое я написал тебе из Аахена? То было отчаяние. Потом было тупое упорство. Потом безумие надежд [и счастья]. Теперь спокойное сознание себя» (3.12, л. 46). См. также слова о «равновесии» души в дневниковой записи от 8 июля (наст. кн., Письма к Самыгину, п. 1, прим. 2).

⁵ Строки из свадебного гимна-эпиграмм римского поэта I в. до н. э. Валерия Катутла (Catullus, 61): «Пойте: «О Гименей! Ио Гименей, Гимену!»» (пер. С. В. Шервинского). Следующие двуступище — из поэмы Пушкина «Езерский».

⁶ Из письма Пушкина к Дельвигу от 20 февраля 1826 г. У Пушкина: «вашу свадьбу».

⁷ Оживленное общение Брюсова с Емельяновым-Коханским приходится на осень 1894 — весну 1895 гг. (см. п. 27, преамбулу к комм.). 21 июля 1897 г. Брюсов записал в дневнике: «Встретился вчера в Москве с Емельяновым-Коханским. Говорили. Он все такой же» (1.14/2, л. 32).

⁸ А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», гл. 5, строфа XXXIX. У Пушкина: «Расстался б с музами...».

⁹ См. п. 69—70 и прим. к ним.

¹⁰ «Я утратил память о добре и о зле» (франц.) — строки 6—7 из стих. П. Верлена «Un grand somnail noir...» (книга «Sagesse»). У Верлена: «Je perds la memoire». В стихотворном переводе, выполненном Брюсовым 3 января 1898 г., строки 5—7 переданы так: «Сливаются во мгле, // Как тень, воспоминанья // О правде и о зле...» (14.5/8, л. 27; в более позднем автографе — вариант строки 7: О зле и о добре...— 14.5/9, л. 2. Ср. ПСС XXI. С. 96).

¹¹ О экономическом материализме и брюсовском отношении к нему см. п. 95 и комм. к нему.

¹² Начало стих. Брюсова «К прошлому» (III, 243), при жизни поэта не публиковавшегося.

^{2*} Холодные и текущие (франц.).

¹³ «Любови» (*лат.*). По-видимому, отсылка к названию одноименной книги Овидия, про которую современный исследователь пишет: «В «Amores», собственно, нет настоящей любви (. . .) почти нет ее индивидуального, биографического преломления. Любовь в «Amores» — это поэтическая тема» (*Шервинский С. В.* «Amores» Овидия // *Публий Овидий Назон. Любовные элегии.* М., 1963. С. 16).

¹⁴ Ср. оценку женитьбы как прощания с «юностью, с безумными надеждами, с безумной жизнью» в дневниковой записи, указ. в прим. 4.

¹⁵ Из поэмы Пушкина «Полтава».

¹⁶ Судя по тетради «Мои стихи» № 8, с 25 июня до середины июля были написаны следующие стихотворения: «В День св. Агаты» (6 февраля) (I, 190); «Кончено, кончено, это любви!» (14.5/8, л. 21); «Поликрат» (III, 244); «Я люблю…» (I, 191); «Жизнь мою отдаю я тебе…» (14.5/8, л. 30—31). Все они, кроме последнего, содержат посвящение «К Эде» (см. прим. 17), и ко всем ним применима характеристика «восторженные». Поэтому выяснить, какие из них Брюсов собирался приложить к письму, не представляется возможным. Текст последнего из них см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 1, здесь же приводим второе стихотворение:

К ЭДЕ

Кончено, кончено, это любви!
Смейтесь!
Умри, зима, умри — и вновь
Листья весны зеленейтесь.

Медленно всходит былая луна,
Всходит,
Горит в огнях, горит волна,
Челнок очарованный бродит.

Брызнет с востока на ропотный лес

Пламя

И все в лучах, привет небес,
Солнце взойдет над цветами.

26 июня (18) 97. Останкино

¹⁷ Ср. записи о чтении одноименной поэмы Баратынского: «10 (июня), утро. (. . .) — Сегодня прочту ей “Эду”. 15 (июня) (. . .) Читал Жанне-Янинке — “Эду”, и с тех пор зову ее Эдой (“Своеправное прозвание...”))» — 1.14/2, л. 26.

Б. ЧЕТВЕРТАЯ РЕДАКЦИЯ

(Москва. Июль 1897 г.)

Вкратце и без фраз: я намерен жениться.

Dicite io hymen et io dicite hymen ¹

т. е.

Скажите «Черт возьми» иль «Браво»

Иль не скажите ничего

— и не будем пока говорить об этом.

Какое горькое безумие, что, скитаясь за границей, я не знал, где найти Вас ². — Занятый своими печальми, я [не расспросил Вас] как-то теряю Вашу душу; [Вы становитесь для меня отвлеченным объектом писем.] Только изредка возвра(щают) мне Вас стихи в журналах (читали плохонь(кий), но тор(жест)-ве(нный) этюд о «В безбрежности» — «Русское богатство», июнь?) ³

И бездомные, темные

Посылают в лазурь

Эти книги заемные,

Эти отклики бурь ⁴.

Я не о стихах (?) конечно. — Писать лирические стихи можно до 30 лет, говор(ил) Пушкин ⁵; в те времена любить долж(ны) были молод(ые). Есть две лирики — юношеская и старческая, как у Фета ⁶. Лирика «зрелого возраста» (отврат(ительное) выр(ажение)), это «Sagesse» Верлена ⁷ или «Сумерки» Баратынского и ничего более — раздумье, философия.

Что до меня, то я «полон замыслов» (нельзя ступить шагу в языке, чтоб не наткну(ться) на банальность) ⁸. Те(перь) я нахожусь в периоде литературной смерти, по крайней мере по отношению к публике. [Сборников стихов я пока писать не буду.] Если я во(ск)ре(сну), то довольно преобра(женным). — Вы, быть может, будете недовольны, но «Ты сам свой высший суд» ⁹ etc, etc. Можно посвятить Вам «Атлантиду»? (поэма эпическая в XII песнях) ¹⁰. Появ(ится) она не скоро, очень не скоро, через года, ибо пока напи(сано) не более 1/2 песни.

О, бледная, в венке измятом муза
Твой храм забыт, разрушен твой алтарь,
Но я люблю неизвестные (?) святыни¹¹

Я написал (т. е. напишу) две повести¹² и еще поэмку четырехстопным ямбом, в Пушкинском стиле¹³. Я написал еще «Путевые записки», где ничего не говорю о путешествии — а только о себе самом¹⁴. Это может быть уда(чно), хотя не знаю. Буду много и много заниматься «Историей русской лирики». План ее возрос до необъятн(ости), это уж даже не «История русской лирики», а «История русской культуры» за последние сто лет (1780—1880)¹⁵; пока занят подготов(ительной) раб(отой): изучаю английский и польский языки, читаю Буало и о Петре Великом¹⁶. По основанию судите о самом задуманном здании. Автора пошлее, чем Буало, трудно найти, хотя он умный человек¹⁷. А что Ваши лекции?¹⁸ может быть о них можно проч(есть) в газет(ах), но я отвык от газет. [Если не скучно] Если мож(ете), напишите. [Письмо идиотское] Чув(ствую), что письмо (?) медлительно. Итак, отс(ылаю) его. П(ока) до свидания (через 4 месяца?)¹⁹. Не сердитесь, что я женюсь. Может быть, Вас несколько утешит, что имя моей будущей жены Жанна, словно из французского бульварного романа.

В. Брюсов.

3.12 (тетрадь № 33, в обратном заполнении), л. 47об.—46об., с пометой «autre» («иной», «иначе» — франц.), отсылающей к предшествующим трем редакциям п. 71. Включено в публикацию полностью, так как, почти не пересекаясь по составу и содержанию с п. 71А, фактически представляет собой новое письмо. Датируется по аналогии с п. 71А.

¹ См. п. 71А, прим. 15.

² См. п. 70, прим. 2.

³ Речь идет о статье: *Коробка Н. И.* Поэма конца века («В безбрежности») К. Бальмонта // Русское богатство. 1897. № 6.

⁴ Концовка стих. Бальмонта «Бездомные» (*Тишина*. С. 50).

⁵ Прямые высказывания такого рода у Пушкина неизвестны. Скорее всего, Брюсов имел в виду строфы XLIII—XLIV шестой главы «Евгения Онегина», где Пушкин, признавая в полусушительной форме, что «Лета к суровой прозе клонят, // Лета шалунью рифму гонят», завершал признание вопросом: «Ужель мне скоро тридцать лет?». На эти же строфы Пушкина Брюсов ссылался в подстрочном примечании к неизданной заметке о позднем творчестве Фета, приводимой в прим. 6: «Характерно, что еще не старый поэт (37 лет) писал

О нет, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее, безумную любовь...

а действительно стариком восклицает:

.... томлюсь
Перед всемирной красотой
И ни за что не отречусь
От ласк, ниспосланных тобою

и другие стихотворения. О Пушкин! Пушкин! вспомним его стихи

Ужель и впрямь, и в самом деле
Без поэтических затей
Заря моих промчалась дней»

(2.18, л. 9. У Пушкина — «Весна моих...»).

⁶ Феномен поздней поэтической активности Фета уже давно привлекал пристальное внимание Брюсова. В тетради № 18 среди рукописей декабря 1894 г. сохранилась заметка «К Фету» — один из предварительных набросков к неосуществленной книге «Русские символисты. Наблюдения и характеристики» (см. о ней п. 49, прим. 10). В ней говорится: «Очень оригинальным явлением представляется старческая лирика Фета. Тогда как чаще у поэтов-лириков от Горация до Верлена к концу жизни замечается ослабление таланта — Фет как бы находит все новые и новые силы. Правда, у него попадаются и старческие речи, но есть — а это (*1 нрзб.*) удивительно — чисто ювошеские звуки в 50—60 лет!

После дивного расцвета в 40-(х) и 50-х годах, поэзия Фета замерла вплоть до первого выпуска «Вечерних огней» и за эти 30 лет не создала почти ничего замечательного. Стих(и), относящиеся к этому периоду, неопред(еленны?) и часто слабы. Но «Вечерние огни» были фейерверком, вдруг неожиданно загоревшимся в безлюдном поле, заставляющим в изумлении остановиться и смотреть, очарованному и пораженному.

Мы не знаем, был ли Фет знаком с французскими символическими — скорее всего нет, но тем замечательнее, что он сам своим путем пришел к тому же, как и они» (2.18, л. 8об.—9; далее в рукописи следует сноска, процитированная в прим. 5). Сравнению поздней и ранней лирики Фета посвящена и следующая запись, сделанная в той же тетради 4 листами ниже, непосредственно перед автографом п. 17: «Юношеская поэзия любви у Фета все-таки искреннее! не верите? — чувства оригинальнее, видно, что их нельзя выдумать:

О, долго буду я в молчаньи ночи тайной...

.....
 Искать хотя одной загадочной черты
 В словах, которые произносила ты;
 Шептать и поправлять былые выраженья...

В старости чувствуется (чуть заметная, правда) — выдумка, воспоминания, из которых уже удетело все неуловимое» (2.18, л. 13об.).

⁷ «Мудрость» (франц.). О сложном отношении Брюсова к этой книге в 1890-е годы см. п. 19Б, прим. 4.

⁸ Данная фраза — одно из свидетельств напряженного интереса Брюсова к проблемам связанности говорящего объективно заданным ему состоянием языка. Эти проблемы, конечно же, особенно занимали Брюсова в применении к языку поэтическому. В одной тетради с комментируемым письмом находится заметка «Что значит невыработанность языка?», начатая в Германии и пополненная примерами из поэтов 18 в. по возвращении в Москву (3.12, л. 3об.—4. Ее вариант на листах, озагл. «О несовершенствах языка», изложен в: *Вклад Брюсова...* С. 22—23).

⁹ Из стих. Пушкина «Поэту».

¹⁰ К этому замыслу 1895 г. (о начале работы над ним см. п. 29, прим. 7) Брюсов вновь обратился между 14 и 20 февраля 1897 г. Написанная тогда редакция начала поэмы опубликована (III, 247, под № 1), с опущением последней, незаключенной строки: «Месяц, я хочу тебе напомнить...» — и некоторыми пунктуационными изменениями (источник текста см. 14.5/8, л. 9об.—10). В апреле и мае было сделано еще несколько набросков к III и I песням («14.5/8, л. 15, 16а, 17). Среди этих набросков и текст, опубликованный как II часть «вступления к поэме» (III, 247, № II), на самом деле являющийся лишь фрагментом первой из трех неоконченных редакций начала I песни: в рукописи (см. л. 16а—16б) ему предшествуют 17 строк, а за ним следует еще одна неоконченная строка: «И тцетно Дух окованный...». Указание на посвящение Бальмонту встречается впервые в майских записях, где оно сопровождается заглавием и краткое содержание I песни (там же, л. 17). Наконец, редакция начала I песни, созданная 24 июня (огулб. Р. Л. Щербаковым — ЛН. Т. 85. С. 42), открывалась уже прямым стихотворным обращением к Бальмонту. Самый ранний набросок первого дустияния этой редакции (14.5/8, л. 18) содержал показательное разночтение: «Мой верный брат...» — вместо «Тебя, мой брат...».

¹¹ Брюсов цитирует здесь первые строки третьей из относящихся к 1897 г. редакций начала «Атлантиды» (14.5/8, л. 17), в которой впервые появляется посвящение Бальмонту (см. прим. 10).

¹² Одна из двух упоминаемых повестей, несомненно, «Первая любовь. (Очерк характера)», затем получившая заглавие «Эда», законченная в первом варианте 10 июля 1897 г. (3.12, л. 23об.—42об.) и в этот же день наново переписанная (3.11, л. 40—28). Что имелось в виду под второй повестью — судить труднее, т. к. от весны и лета 1897 г. сохранились материалы работы над целым рядом прозаических замыслов, не поддающиеся точной датировке: романом «Покорность» (3.12, л. 56—55об., 52об.—50об.), «рассказом для юношества» «Чертово гнездо» (там же, л. 54), сборником прозы и драм «Согопа» («Венок» — лат.; там же, л. 23, 53об.—53), «Сказочкой» или «Повестью о некоем пустынноике» (прозаический исток будущего «Сказания о разбойнике» — 3.11, л. 27—28об.), главами романа «Гора Звезды» (там же, л. 20об.—19об.) и др. Судя по расположению материалов в тетради, хронологически ближе всего к комментируемому письму наброски романа «Это история моего возрождения» (3.12, л. 22—23, а также 3.11, л. 41об.—40об.), имеющие неразборчивую дату 10 июня или июля 1897 г., и следующее за ними незаконченное произведение «Длинный язык» (3.12, л. 42об.—44об.).

¹³ В тетради «Мои стихи» № 8 содержится датированный 23 июня 1897 г. неоконченный черновой автограф, озаглавленный «Отрывки из поэмы» (14.5/8, л. 19—21). Эти «Отрывки» так и остались единственной написанной частью предполагавшейся поэмы и в доработанном варианте были опубликованы в 1913 г. под заглавием «Первая любовь» (ИСС II. С. 265; см.: *Избр. 1955*, 1. С. 139—140). Среди других произведений молодого Брюсова «Отрывки из поэмы» действительно выделяются простотой стиля и непринужденностью повествовательной интонации. Насколько построение и стиль отрывков приближаются к пушкинским, как то декларировано в комментируемом письме, вопрос особый. Тем не менее эта декларация заслуживает внимания как едва ли не самое первое свидетельство той сознательной ориентации на пушкинское творчество, которая будет в дальнейшем столь характерна для Брюсова.

¹⁴ Черновой автограф «Путевых записок», имеющий в конце указание: «Кончено начерно 7 июня 97 г.», находится в одной тетради с комментируемым письмом (3.12, л. 2об.—3об., 8об.—21). См. также неоконченный и, по-видимому, более поздний вариант под заглавием

«Путевые заметки. (Из писем к М.)» (3.11, л. 1об.— 3), вступление к которому приведено во вступ. статье, в гл. 4, § 3.

¹⁵ Новый план «Истории русской лирики», разработанный летом 1897 г., см.: *Неосуществленный замысел*. С. 196.

¹⁶ Английским языком Брюсов начал заниматься еще летом 1895 г. 30 июня в дневнике записано: «1-й день Английский язык», а 1 июля — «(. . .) намерен по самоучителю в шесть дней изучить английский язык» (1.13/2, л. 11—11об.). Прочие перечисленные Брюсовым занятия связаны с его усилившимся интересом к русским поэтам XVIII в., возникновением нового, более историчного подхода к их творчеству. В частности, из польской литературы был заимствован русский силлабический стих, на польские же образцы ориентировались русская поэтика и риторика доломоновского периода.

¹⁷ В сохранившемся в библиотеке Брюсова полном собрании сочинений Н. Буало (*Boileau N. Oeuvres completes*. P., 1886. V. 1—2.— Ф. 386. Книги, № 469) большая часть брюсовских помет сосредоточена на полях важнейшего теоретико-литературного сочинения Буало, поэмы «L'art poétique» («Поэтическое искусство»). Брюсов дал сравнительный анализ этого сочинения и «Эпистолы о стихотворстве» Сумарокова в главе о «лжеклассической поэзии» для «Истории русской лирики» (41.1, л. 2об.— 5об.; 41.19, л. 26—27, 30—35).

¹⁸ Имеются в виду лекции Бальмонта в Оксфорде о русской поэзии (см. п. 73А, прим. 1). Очевидно, Бальмонт извещал Брюсова о предстоящих лекциях в своих письмах.

¹⁹ Новая встреча поэтов действительно состоялась во второй половине ноября 1897 г. (см.: *Дневники*. С. 29—31).

72. БРЮСОВ — ПАВЛОВСКОЙ

(Москва.) 4 авг(уста 1897 г.

Вот и твое письмо; все бывшее вдруг воскресает. Иногда достаточно прежней обстановки, того же вида из окна, того же узора на обивке кресла, чтобы исчезли года, чтобы вдруг стать моложе и [вернутся прежние думы] будешь думать так же, как тогда, вернется тот же склад идей ¹. Так Твой мелкий почерк, Твои тихие укоры ² и слова прощения ³ вдруг возвращают меня к недавнему — но кажется — уже столь далекому прошлому. И это было все? — мгновениями я не могу верить.

Я никогда не умел жить настоящим etc ⁴.

О Жанне ⁵. Она — католичка; не только по религии, но и по духу. Она даже любовь ко мне, как к не католику, считает грехом и мучится этим. Это характер подчинения, покорности, безмолвной уступчивости. В этом ее оригинальность. За это я любил ее когда-то и за это же я теперь ненавижу ее.

Правда в моих письмах! ⁶ Да! но не в словах. Из Метерлинка. *La parole est grande, (elle aussi, mais ce n'est pas ce qu'il y a de plus grand)* ⁷. Мы боимся своей души, ее тайн. Мы спешим набросить покров слов на слишком глубокие чувства.

Ветер уносит падающие листья, из залы звучат мучительно сталкивающиеся аккорды... Давно осужденные тени молят о чем-то и смеются... Я готов умереть.

Если мне суждено умереть
Не окончив начатых созданий,
Я о планах не стану жалеть:
Их свершит грядущий избранник.

Если мне суждено умереть,
Не достигнув высот просветленья —
Я об этом не стану жалеть:
Нет предела для вечных стремлений.

Я иду! я готов умереть,
Я страданьем купил это право,
И не мне, умирая, скорбеть
О душе, о искусстве, о славе) ⁸.

Строфы плохонькие... но нет, дальше идти я не могу. Неужели я должен еще уступить (?) ⁹ Неужели!

В а л е р и й, Твой.

3.11 (тетрадь № 32), л. 25об., с пометой «К Женю». Ответ на письмо Павловской от 29 июля 1897 г. (92.17, л. 47—50об.). Три части письма, разделенные в публикации интервалами,

любовь, благословение, молитвы и всепрощение, что бы ты ни переживал, как бы ни оскорбил любящих тебя. Ты прав, ненаглядный! Моя душа в твоей душе и не жить ее жизнью немислимо для меня так же, как не любить (. . .) О милый! милый! Я ли, твоя Женья любящая, я ли не жалею тебя, не страдаю твоим страданием!» (там же, л. 47об.—48). Далее, описав свои переживания после получения п. 66 и письма о «неприезде», в котором Брюсов впервые сообщил о предстоящей женитьбе (см. п. 70, прим. 11; п. 71А, прим. 4 и п. 75, прим. 6), Павловская переходит к неизвестному нам письму Брюсова, очевидно посланному сразу после письма о «неприезде»: «От 3^{его} твоего письма мне и больно и без конца и сладко было. Больно — потому что ты слишком страдаешь, а сладко — сказать ли? — сладко и от того, конечно, что я любовь твою почувствовала, и от того, главное, что ты вслух признал себя неправым (. . .) и как же пламенно я обняла тебя, простила и благословила еще раз (. . .)» (там же, л. 50).

⁴ В приведенной форме такая строка в сохранившихся стихотворениях Брюсова неизвестна. Возможно, Брюсов хотел перефразировать свой знаменитый «завет» из стих. «Юному поэту»: «Первый прими: не живи настоящим, // Только грядущее — область поэта» (I, 99).

⁵ И. М. Рунт. Павловская спрашивала: «Но кто она? где Ты с ней познакомился? Пиши, право, яснее и подробнее; как мне догадываться, когда все так неожиданно и необыкновенно» (97.27, л. 50).

⁶ Ссылка на письмо Павловской, которая отвечала на недошедшее до нас «третье письмо» Брюсова (см. прим. 3): «Ты пишешь, что правда в твоих письмах: так значит ты не любишь меня (. . .) Нет, отрекись. Твое настроение там отражается, хотя иногда очень непонятно, но чувство — никогда (. . .)» (там же, л. 50об.).

⁷ «Да, и слову присуще величие, и ему тоже, но оно не самое великое из того, что существует (франц.). Цитата из первого очерка («Silence» — «Молчание») книги Метерлинка «Сокровище смиренных» (см. п. 66, прим. 2). В рукописи цитата задана только первыми тремя словами и указанием «etc».

⁸ Стихотворение написано Брюсовым незадолго до публикуемого письма, 25 июля 1897 г., и при его жизни не публиковалось (см. III, 245 и 596). Приводится по автографу: 14.5/3, л. 22об.

⁹ Тема «уступки», компромисса. станет одной из важнейших в п. 79. Ср. также п. 83.

73. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

А. В Т О Р А Я Р Е Д А К Ц И Я

(Москва. Между 4 и 11 августа 1897 г.)

Я прочел изложение Ваших лекций в «Северном вестнике» (август) ¹. Почти ни с чем, из того, что Вы говорите, я не согласен, но все же это очень красиво. Это, конечно, не критика, а поэтич(еские) карт(ины), передаю(щие) характер отдельных поэтов, иногда полно, иногда неполно. [Помните, что я читал лишь изложение]

«Поэзия Жуковского напоминает лунный свет, заемный, но своеобразный, мертвый, но красивый» ².

Красиво — но мертво. Это относится ко всем подобным красотам, к «ночному пожару» Лермонтова ³, к «маленьким рыбкам» Майкова ⁴.

Совсем считаю ис(ку)сс(т)в(енной?) характеристику А. Толстого — Малороссию он изображал отвратительно, «Князь Серебряный» никуда не годен, а баллады его не только «красивы», но и «глубоко» оригинальны ⁵, особенно по складу стиха, совершенно особому, в котором основой сделана развязность ⁶. Видно, что Вы плохо читали его «Переписку», которая печаталась этот год в «Вестнике Европы». А его христиа(нств)о ⁷.

P. S. Садко, сколько помнится, попадает к морскому царю не во время кораблекрушения — Это очень заметьте, если будете печатать свои лекции. (Впрочем, под рукой у меня нет баллады, пишу по памяти) ⁸.

«Рассвет» — кроме послед(ней) сце(ны) — довольно-таки слабая поэма Голенищева-Кутузова ⁹. Я предпочитаю ей — «Гашиш».

Аллах велик гашиша дым

Для счастья смертных создан им ¹⁰.

Сцены видений, особенно ужас над морем и (2 нрзб.) безупречны.

Полежаев достоин большего, чем Никитин, Мей, М. Михайлов ¹¹ (который ничего не достоин):

Не расцвел и отцвел
 В утре пасмурных дней

 Под эгидою ласкательства
 Под личиною любви
 Роковой кивжал предательства
 Потонул в моей крови.

К(онечно), Полежаев совершенно оригинален и очень далек от Лермонтова¹².

Напрасно пропущен Огарев. Его стихи, счит(ающиеся) небрежны(ми) по форме, в действительности обработаны до конца

По тряской мостовой я ехал молча

 На месяц бледный облако нашло,
 Он сквозь него просвечивал печально

 При повороте тем(ный) дом угрюмо
 (Ряд окон темных на меня уставил)¹³.

[Еще пропущены народные стихотворения Востокова¹⁴ и в]
 Я бы упомянул и Одоевского. А помните у Полонского «У двери»?

[«А мгла в окно открытое»].¹⁵

Но все это частности — а теперь более общие вопросы¹⁶

3.11 (тетрадь № 32), л. 23об. — 22об. Вторая редакция письма. Первую, очень краткую, рассчитанную, очевидно, на почтовую открытку и в основном совпадающую с первым абзацем публикуемого текста, см. там же, л. 24. Еще один вариант второй редакции, возникший в результате перебеливания и сокращения публикуемого, см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 23). Он также не был окончен и оборван там же, где и комментируемый вариант. В результате и в данной, второй редакции письмо также не было отправлено. Появление еще одной привлекшей его внимание публикации Бальмонта побудило Брюсова создать третью редакцию (см. ниже п. 73Б), в которой вопросы, обсуждавшиеся в двух первых редакциях, занимают лишь сравнительно малое место. Датируется на основании расположения в тетради после автографа п. 72 и даты (11 августа), проставленной в указ. втором варианте. †

¹ «Лекции К. Д. Бальмонта в Оксфорде о русской литературе» — *СВ*. 1897. № 8. Автор изложения не назван, наличие пространных цитат из текста лекций позволяет предполагать, что оно было подготовлено на основании материалов, предоставленных редакции самим Бальмонтом (ср. черновик французского текста второй лекции, написанный рукой Е. А. Бальмонт: *ГБЛ*. Ф. 374. К. 10. Ед. 2). Это подтверждается также значительной текстуальной близостью публикации «Северного вестника» с позднейшей авторской публикацией «О русских поэтах», охарактеризованной как «отрывки из лекций, читанных (. . .) в Оксфорде» (*Бальмонт К. Д.* Горные вершины. Кн. 1-я. М.: Гриф, 1904. С. 59). В начале заметки в *СВ* сообщалось: «В июне нынешнего года русский поэт К. Д. Бальмонт прочел в Taylor Institution в Оксфорде четыре лекции на французском языке “О современной русской поэзии” (. . .) К. Бальмонт сопоставляет в них поэтический строй Пушкина и Лермонтова с поэзией Тютчева и Фета, влияние которых, по его мнению, с особенной силой отразилось на русских поэтах позднейшего времени” (с. 117, паг. 2-я). Почти вся заметка посвящена подробному, с многочисленными цитатами, изложению первой лекции. Содержание остальных трех резюмировано редакцией в последнем абзаце, характеристика “новой поэзии” оценена как “страдающая односторонностью и преувеличениями, но не лишенная своеобразности” (с. 122, паг. 2-я). Заметка должна была привлечь совершенно особое внимание Брюсова уже по одному тому, что предмет лекций Бальмонта совпадал с предметом двух важнейших трудов самого Брюсова: “Истории русской лирики” (см. п. 57, прим. 4), над которой он как раз в это время упорно работал, и “Русской поэзии 1895 года”, из которой вырос замысел “Истории. . .”. Да и центральный тезис бальмонтовских лекций определенным образом перекликался с теоретическими поисками Брюсова (см. прим. 16).

² Здесь и далее в кавычки заключены цитаты из изложения лекций, опубликованного в *СВ*. В данной цитате о Жуковском в рукописи перед закрывающими кавычками оставлено чистое место. Возможно, что Брюсов собирался выписать окончание той же фразы (приведено в наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 23, прим. 3).

³ См. там же, прим. 4.

⁴ См. там же, прим. 5.

⁵ Брюсов опровергает здесь «по пунктам» бальмонтовскую характеристику А. К. Толстого (см. там же, прим. 7).

⁶ О Толстом, Некрасове и К. Павловой в главе «Стих» для «Истории русской лирики» (осень 1896 г.) было сказано, что «стих их, очень своеобразный, явлен только в зародыше; утратив многие черты пушкинского, он не выработал того *своего*, что чувствуется в нем» (*Очерк истории...* С. 107). Возможно, что за год, отделяющий письмо к Бальмонту от этой главы, Брюсов, как раз тогда начинавший пристально интересоваться русским народным стихом (см. там же, прим. 13), заметил в ритмической организации баллад А. К. Толстого какие-то новые черты. Но более вероятно, что слова о «развязности» относятся не к ритмике, а к рифме Толстого, в которой, по мнению Брюсова, практически игнорировалось созвучие заударных гласных (ср. п. 33, прим. 19).

⁷ Письма А. К. Толстого к жене, С. А. Толстой (в первом браке — Миллер) — *ВЕ.* 1897. Кн. 4—7. Фраза о христианстве Толстого приписана на полях, вопрос это или восклицание, не указано.

⁸ Поскольку данная редакция письма не посылалась адресату, считаем целесообразным для демонстрации творческой истории письма сохранить постскрипtum в том месте, которое он реально занимает в рукописи (ср. его положение в п. 73Б). Среди героев баллад А. К. Толстого Бальмонт назвал «гуслеяра Садко, попавшего во время кораблекрушения к морскому царю...» (с. 124).

⁹ Бальмонт назвал «Рассвет» «лучшей поэмой» Голенищева-Кутузова (с. 124).

¹⁰ Заключительное двустопное поэмы «Гашиш» Брюсов цитирует не совсем точно, в оригинале «Алла *могу*» и «Для счастья *нищих*» (см.: *Голенищев-Кутузов А. А. Сочинения.* СПб.: Тип. А. Суворина, 1894. Т. 2. С. 23).

¹¹ Все названные здесь Брюсовым поэты были охарактеризованы Бальмонтом в одном кратком перечислении, включавшем еще и Кольцова, Некрасова, Щербину и К. Павлову (см. с. 124—122).

¹² Бальмонт утверждал, что «Полежаев (. . .) писал в том же роде, как Лермонтов, с которым он имел много общего» (с. 124). Брюсов цитирует стих. Полежаева «Вечерняя заря» и «Негодование».

¹³ Из стих. Огарева «По тряской мостовой я ехал молча...», в современных изданиях помещаемого в составе цикла «Buch der Liebe» («Книга любви» — *нем.*). У Огарева — «*белый дом*».

¹⁴ Великий русский филолог Александр Христофорович Востоков (1781—1864), в молодости выступавший как поэт, явился создателем оригинальных литературных имитаций русского народного стиха. Ему же принадлежала первая тоническая теория народного стихосложения. То, что Брюсов уже в 1897 г. серьезно интересовался русским народным стихом, подтверждается и сделанными им в тетради № 31 (3.10, л. 43об.—41об.) подробными выписками из статьи Н. Соколовского «Грамота и муза» (Русское богатство. 1897. № 2). В 1897—1899 г. Брюсов работал над рядом статей о народном стихосложении. В кратком виде его идеи резюмированы в статье *О русском стихосложении*. Подробнее о брюсовской теории, до известной степени родственной теории Востокова, см.: *Семантическая теория...*

¹⁵ У Полонского «окно *разбитое*». В рукописи после зачеркнутой оставлено четыре чистые строки — возможно, для продолжения или для замены цитаты.

¹⁶ На этом письмо обрывается. Речь дальше должна была идти, вероятно, об общей концепции бальмонтовских лекций. Основой этой концепции было резкое противопоставление «романтико-натуралистической» поэзии Пушкина и Лермонтова и «психологической лирики» Тютчева и Фета, «царящих над современной литературной молодежью» России (с. 119). Собственные теоретические и историко-литературные построения Брюсова уже со времени работы над «Апологией символизма», т. е. с рубежа 1895—1896 гг., основывались на похожих противопоставлениях — сначала — «классической» и «символической» поэзии, а затем — «поэзии» и «лирики» (см. п. 61, прим. 15). При этом в качестве характерных представителей противопоставляемых типов поэтического творчества Брюсов также выбирал Пушкина и Тютчева (ср. свидетельство в *Автобиографии* Брюсова о том, что именно он открыл Бальмонту Тютчева). Однако основания, на которых проводились эти противопоставления, у двух поэтов были во многом различны, и именно эти расхождения, по-видимому, Брюсов собирался рассмотреть в ненаписанной части письма. Кроме того, лекции Бальмонта могли дать известный повод и для продолжения той полемики, которую Брюсов в 1896 г. вел с Бальмонтом и его единомышленниками по вопросу о сущности символизма (см. п. 38, прим. 2).

Б. ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИЯ

(Москва. После 11 августа 1897 г.)

Прочел изложение Ваших лекций ¹. Почти ни с чем не согласен, хотя все это красиво. Вернуться к простоте! ² Как это далеко от Вас!

Совсем неудачно характеризован А. Толстой ³. Полежаев ни в каком случае не байронист, и далек от Лермонтова ⁴. Я бы не пропускал Огарева, а то Баратынский у Вас слишком одинок ⁵; неужели Вы не оценили небрежных по форме, но сработанных из стали стихов Огарева.

В моей женитьбе Вы сомневаетесь, — я тоже ⁶, хотя получено разрешение из университета и назначено время свадьбы ⁷. В конце концов жениться — зна-

чит изменить поэзии. Или уж до конца уподобиться Верлену⁸ (а его биография и что-то усердно подражаю)?

Dis, qu'as-tu fait, toi que voilà!
De ta jeunesse!⁹

Я прочел Аннунцио «Vierge aux rochers» (по-французски) и маленькую драму (в «Северном вестнике») ¹⁰; то и другое так далеко от меня *.

«Я слишком рифмочки презираю» ¹¹. Так — Вы правы. [Это уже смерть поэзии; она становится все призрачнее, все непостижимее (?), все более чуждой всех, кроме меня (я не о последних стихах говорю, они вообще плохи)] ¹².

Мне хочется безумия
Безумия без слов,
О, если б сердце умерло,
Как сон земных тревог.

Тогда бы в(се) хвалили меня.

И не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешел ¹³.

Даже больно.]

Добролюбов говаривал мне, что образ есть светоч, которому должно поклоняться, не спрашивая, почему. А я прокли(наю) его. Мне не надо образа. Насколько мои первые стихи были красочны, настолько теперь я пишу только понятиями ¹⁴. И верю, так должно быть.

Если мне суждено умереть,
Не окончив начатых созданий,
Я о планах ^{2*} не стану жалеть:
Их свершит грядущий избраннык ^{3*}

Этого Вы не признаете, потому что Вы нео-романтик ¹⁶. И к простоте Вы не вернетесь никогда, никогда. Ва(м) н(а)до (I нрзб.) легкою сто(пою) к воде ¹⁷

Прочел я «Странствия Мальдуна» ¹⁸. Это очень замечательная вещь, которой, конечно, суждено сделаться любимой для всех старо- и ново-романтиков. Но она романтична безнадежно. Если б, например, мне мелькнул такой замысел, я никогда не стал бы описывать отдельных островов:

Точно солнце, желтелася дыня на рассыпчатом красном песке
И с отлогого берега смоква поднималась, блестя вдалеке.

Мой читатель должен все это угадать сам ¹⁹. Что до Вашего перевода, то он, как и всегда, бесконечно хорош, но немного слишком «развязен». Не знаю, может быть, таков и характер подлинника. Я отметил несколько неудачных стихов. Например,

Что из лучших воителей трое *поспешили, как ключ, утонуть*

Еще:

Вплоть до вечера буря Господня *лишь* смолкала затем, чтоб
сверкнуть.

Затем еще очень плохо о «*легендарных*» парях, ведь Мальдун и сам легенда ²⁰. Если теперь пер(ечислить), что произв(ело) на меня особенное вп(ечатление) — эт(их) п(еречислений) будет слишком много. Я читал поэму в самой романтической обстановке над обрывом под сенью топол(ей), и иногда я готов был, как Ваши бойцы, кричать от радости:

* *Далее зачеркнуто:* (отражение звезды в [кристальной воде] малахитовом бассейне — сказал бы я прежде) — и чуждо

^{2*} *Было:* жизни

^{3*} *Далее зачеркнуто:* «Мы были с Вами не(с)прав(едливы) к Красинскому ¹⁵ (сужу по одной статейке); конец его «Небожественной Комедии» неизменно (?) связан с ее началом и с дивным прологом составляет одно целое, необходим.

Мы кричали, но нам показалось, что кричала летучая мышь

.....
 Человеческим голосом птицы над утесами подняли крик

.....
 И мы птицам оставили трупы и направили дальше свой путь

Из островов я пред(очитаю) Остров Колдуний. А ведь (?) стих того типа, который так люблю я:

Я был предводителем рода — он убил моего отца —

совсем тон оромантизированных страниц из «Me eum». Впрочем, такой стих употреб(ебил) впервые еще Ломоносов («Тетраметры из ямбов и анапестов сложенные») ²¹.

Читали в том же № «Разбитую любовь» из Верлена ²². Боже мой! Боже мой! что же это.

До свидания, maitre ^{4*}.

Ваш — ВВ.

Р. С. Садко попадает в подводное царство — сколько помн(ится) — вовсе не после кораблекрушения ²³.

3.11 (тетрадь № 32), л. 22об.—21. Четвертый вариант письма, представляющий его третью редакцию (см. п. 73А, преамбулу к комм.). Публикуется целиком, так как по составу и содержанию фактически представляет собой совершенно новое письмо: лишь два первых абзаца и постскриптум имеют содержательное соответствие в предыдущей редакции. Датруется с учетом даты, проставленной Брюсовым в третьем варианте.

¹ См. п. 73А, прим. 1.

² В изложении Бальмонтовских лекций нет ничего, хотя бы отдаленно близкого этому призыву. Поэтому его следует рассматривать как формулировку устремлений самого Брюсова в этот период, не только в критике, но и в поэзии (ср. в данном письме заявление об отказе от красочности и от образов).

³ См. п. 73А, прим. 5.

⁴ Там же, прим. 12.

⁵ См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 23, прим. 9.

⁶ Последняя неделя июля и первая половина августа были для Брюсова временем жестоких сомнений и колебаний в правильности принятого решения: «8 августа “Я чувствую себя изменником. Я изменил поэзии... Я стыжусь смотреть на книги поэтов, мне тяжело читать стихи. Пересматривая сегодня дневник Гонкуров, я почувствовал себя уничтоженным: Гонкур! Флобер! как я низок перед этими душами”» (1.14/2, л. 33).

⁷ Свадьба В. Я. Брюсова и И. М. Рунт состоялась 28 сентября 1897 г. (1.14/2, л. 37об.).

⁸ См. п. 4, прим. 2.

⁹ «Скажи, что ты сделал, ты, там стоящий! // Со своей юностью!» — концовка любимого и уже в 90-е годы многократно переведившегося Брюсовым шестого стихотворения из третьей части книги Верлена «Sagesse» ср. п. 19Б, прим. 3; п. 50, прим. 3 и п. 60, прим. 16. В данном случае Брюсов эмфатически заостряет пунктуацию — у Верлена обе строки составляют одно вопросительное предложение.

В автографе письма этой цитате предшествует зачеркнутое и оборванное на полуслове начало другой: Ah! quand re. Предположительно восстанавливаем ее как

«Ah! quand refleuriront les roses de septembre!»

(«Ах, когда же расцветут сентябрьские розы!»)

— последнюю строку третьего стихотворения из той же части «Sagesse» («L'espoir luit comme un brin...»).

¹⁰ Роман итальянского писателя Габриэле д'Аннунцио «Дева скал» и его драма «Сон в весеннее утро» (пер. с итал. Ек. Легковой — СВ. 1897. № 8). Ср. резкий отзыв Брюсова о д'Аннунцио (наст. кн., Письма к Самыгину, п. 4, прим. 6).

¹¹ Вероятно, фраза из письма Бальмонта к Брюсову.

¹² Брюсов говорит здесь о своих стихах лета 1897 г., ср. дневниковую запись, приводимую в прим. 6. Далее он цитирует собственное четверостишие, написанное между 12 и 15 февраля 1897 г. (см. 14.5/8, л. 12об.).

¹³ Из стих. Баратынского «Осень». У Баратынского «Но не найдет...».

¹⁴ Продитированное ниже стихотворение полностью приведено в п. 72 (ср. там же прим. 8). Характеристика «пишу только понятиями» может быть отнесена и к другим произведениям Брюсова конца июля — первой половины августа: «Отрывкам из поэмы» (см. п. 71Б, прим. 13), «Иногда в минуты просветленья...» (Неизд. 1935), переводу фрагмента

^{4*} Учитель, мэтр (франц.).

стих. Т. Готье «Искусство», «Пародии», «Из А. Б.» (14.5/8, л. 23—24), «Мы гордо людей презираем...» (III, 245). Во всех этих стихотворениях практически отсутствуют какие бы то ни было сложные тропы, поэтическая речь ориентирована на прямое название предметов и явлений. В этой связи очень показательны слова из п. 71Б о пушкинском «стиле» «Отрывков из поэмы».

¹⁵ О З. Красинском и его драме «Небожественная комедия» см. наст. кн., Переписка с Курсинским, вступ. ст., прим. 5.

¹⁸ См. п. 64, прим. 2.

¹⁷ Источник цитаты установить не удалось. После цитаты в рукописи оставлены две чистые строки — возможно, для ее продолжения или же для отделения начинающейся далее новой композиционной части письма.

¹⁸ Поэма классика английской литературы Альфреда Теннисона (1809—1892), основанная на мотивах древнеирландской саги «Плавание Майль-Дуйна». В переводе Бальмонта опубл.: ВЕ. 1897. Кн. 8.

¹⁹ Тезис, имеющий кардинальное значение для Брюсовской концепции символизма и для его взглядов на сущность изменений, происходивших в лирической поэзии на рубеже двух веков. Ср. в предисловии к РС 2: «Связь, даваемая... образам, всегда более или менее случайна, так что на них надо смотреть как на вехи невидимого пути, открытого для воображения читателя» (VI, 30). Подробнее см. статью, указ. во вступ. ст., прим. 79.

²⁰ Имеется в виду стих из 8-й главы поэмы: «И мы пели звучнее, чем барды, о судьбе легендарных царей». Из трех отмеченных Брюсовым «неудачных» стихов (соответственно в гл. 7, 10 и 8) Бальмонт впоследствии исправил лишь первый: «...поспешили скорей утонуть» (Бальмонт К. Д. Избранное. М., 1980. С. 512).

²¹ Брюсов говорит о стихе, в котором нарушена строгая упорядоченность величины междударных интервалов, характерная для классической русской силлабо-тоники. Такие размеры, называемые обычно «дольниками», широко распространились в русской поэзии XX в. О необходимости более свободной отношения к чередованию ударных и безударных слогов Брюсов писал в своих работах 90-х годов, посвященных народному стиху (см. п. 73А, прим. 14). Практическому становлению дольников немало способствовала МЕЕ. Цитируемое Брюсовым начало бальмонтовского перевода ритмически действительно близко к таким стихотворениям из МЕЕ, как, например, «Я действительности нашей не вижу...».

²² Стихотворение из книги Верлена «Изящные празднества» (Н. Г. Разбитая любовь: Из Верлена — ВЕ. 1897. № 8).

²³ См. п. 73А, прим. 8

74. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

А. ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

(Москва.) 12 января 1898 (г.)

Вы говорили мне когда-то, Константин Дмитриевич, что у Вас женский характер. Вероятно, Вы правы и к Вам применимо неизменное пушкинское «чем меньше...»¹ Выйдя замуж, Вы любите бы того, кто стал Вас бить кнутом *. И первая моя вина² состоял(а) в том, что я слишком Вам обрадовался, слишком готов был прощать все, всегда.

Но оставим попреки. Вы прочитали Лейбница³?

— и тайны от людей

Скрывая в символах, учил их, как детей⁴

И Вы слушаете его уроки, как дитя. Открыта ли для Вас тайна предустановленной гармонии, не как параллелизма души и тела (это «символ», объяснен(ие) для детей, ибо по апроаматическому^{2*} учению Лейбница *тела* не существует), а как *σύννοια πάντα*⁵, мысль, которую зат(ем) бессильно повторяет Эдгар По в своей Эврике (гл. — (6))⁶. Кст(а)т(и) вот что говорит Эдгар По о Лейбнице. Но оставим и это.

Пишу Вам полубольной. [Все праздники я леж(ал) в постели, ибо у] Сильнейший плеврит «улож(ил) меня в постель» на две недели. Еле начи(наю) двигаться, читаю скучные возобновления статьи Вольтинского о Леонардо да Винчи⁷ и тоже скучную, но достаточно замечательную книгу Дю Преля «Философия мистики»⁸.

— А индийскую мудрость отрицаю, и проклинаю, и отряхну прах от ног.

* Было: хлыстом

^{2*} Было: эсotericическому

Что нам эти грезы-тени
Он лишь след иных видений
Что и он уже не тот⁹.

Так? «Я», чувствующее себя «я», не мож(ет) мысл(ить) себя как отблеск, оно хочет быть свобод(ным)¹⁰, и нет иного спасения кроме монады Лейбница, с его лестницей бесконечных совершенств¹¹.

3.16 (тетрадь № 40), л. 45об.—46, с предваряющей пометой: «Письмо к Бальмонту». Аналогичная помета и следующая за ней дата первоначально были написаны на чистой странице в тетради № 33 (3.12, л. 4об. О возможных причинах этого см. прим. 2). Первое письмо после двухмесячного пребывания Бальмонта в России, во время которого отношения поэтов серьезно осложнились (см. прим. 2). Придавая письму важное значение и пользуясь вынужденным досугом, вызванным тяжелой болезнью, Брюсов работал над письмом особенно долго. Комментируемый текст является его первой редакцией. Вторую редакцию см. п. 74Б.

¹ Ссылка на начало гл. 4 «Евгения Онегина»: «Чем меньше женщину мы любим, // Тем легче нравимся мы ей».

² Брюсов продолжает размышлять о причинах той «невстречи», которая произошла при долгожданных свиданиях с Бальмонтом, приехавшим в Россию в ноябре—декабре 1897 г. (см.: *Дневники*. С. 29—31). В этой связи очень показательно, что указанные в преамбуле предваряющая помета и дата в тетради № 33 были проставлены на обороте первого варианта п. 70, оплакивающего уже не метафорическую, а реальную невстречу с Бальмонтом во время заграничной поездки в мае 1897 г. (об аналогичном случае «физического» сближения в тетрадях разновременных, но связанных по содержанию писем см. п. 75, прим. 6, а также п. 76, преамбулу к комм.).

³ Вопрос, очевидно, подхватывает разговоры о планах друг друга и споры на философские темы, происходившие во время ноябрьских и декабрьских встреч с Бальмонтом.

Брюсов впоследствии писал: «Лейбниц стал моим любимейшим философом после того, как я разочаровался в Спинозе. О Лейбнице я прочел груды книг...» (*Автобиография*. С. 108). Начало активного интереса к Лейбницу относится к лету 1895 г. (см. п. 29, прим. 24). Но особенную интенсивность занятия Лейбницем приобретает как раз во второй половине 1897 — начале 1898 г. В разное время Брюсов предполагал написать о Лейбнице и статью для задуманного им сборника «Философские опыты» (*Дневники*. С. 29. Запись от 23 октября 1897 г.), и даже целую книгу (см. заметки о необходимых для нее подготовительных занятиях, относящиеся примерно ко дням написания комментируемого письма — 3.13, л. 22). От этих занятий, прерванных всецело захватившей Брюсова работой над книгой «О искусстве», в рабочих тетрадях января—марта 1898 г. сохранились многочисленные наброски и фрагменты (см. 3.13, л. 6—8об., 10об.—11, 18об.—21, 25, 28—28об., 36об.—42об., 43об., 60—61; 3.14, л. 8—12; 3.15, л. 2об.—8, 9об.—13, 29об., 72; 3.16, л. 2об.—44; 3.17, 2-я с. обл.). Официальное университетское сочинение 1899 г. «Учение Лейбница о познании» (4.28), написанное, вероятно, на основе текстов тетради 3.16, отражает содержание брюсовских замыслов лишь частично. Тема «Брюсов и Лейбниц» посвящена работы: *Помирчий Р. Е.* Из идейных исканий В. Я. Брюсова // *Чтения 1971*; *Кульус С. К.* Формирование эстетических взглядов Брюсова и философия Лейбница // *Учен. зап. Тартус. ун-та*. 1982. Вып. 620. К сожалению, они не содержат ни полного описания исходного рукописного материала, ни реконструкции творческой истории лейбницианских штудий Брюсова. Поэтому ряд выводов этих авторов требует уточнения (ср. ниже прим. 5).

⁴ Из написанного Брюсовым 25 ноября 1897 г. сонета «Лейбниц», впоследствии получившего заглавие «К портрету Лейбница» (I, 195). Дальнейший текст письма правомерно рассматривать не только как самостоятельное высказывание о Лейбнице, но и как комментарий к процитированным строкам сонета, раскрывающий ближайшее, непосредственное значение входящих в них слов «тайны» и «символи». Правомерность такого рассматривания подтверждается и имевшимся в рукописи сонета эпиграфом из Шопенгауэра (I, 597). Одним из «дугал» «жабьего гнезда» философии Лейбница Шопенгауэр назвал ту самую «предустановленную гармонию», о которой как о «тайне» говорится в письме Брюсова. См. также прим. 5, 11.

⁵ Всеобщее согласие, соответствие (*древнегреч.*). Упоминаемой здесь лейбницевской идее в тетради № 35, имеющей подзаголовок «Первая тетрадь к книге опытов философских», посвящена специальная подборка высказываний Лейбница, По и Метерлинка. Подборка озаглавлена Брюсовым «О связи всех вещей» и заключается даваемым от себя выводом о необходимости предустановленной гармонии (3.13, л. 60—61). Исследователи темы «Брюсов и Лейбниц» (см. прим. 3) считают, что «краеугольное положение Лейбница» о предустановленной гармонии «не соответствовало мироощущению молодого Брюсова, стихийного атеиста и индивидуалиста» (*Помирчий Р. Е.* Указ. соч. С. 164), и что Брюсов его попросту «отбрилил» (*Кульус С. К.* Указ. соч. С. 61). Упоминутая подборка, комментируемое письмо и полемическая направленность сонета «Лейбниц» (см. прим. 4) показывают, что подобная трактовка во всяком случае чрезмерно упрощает брюсовское отношение к учению о предустановленной гармонии.

⁶ «Эврика» — философский трактат Э. По «Евгеаса», который впоследствии будет полностью переведен Бальмонтом (см.: *По Э.* Полн. собр. соч./В пер. К. Д. Бальмонта. М.:

Скорпион, 1912. Т. 5). Брюсов впервые прочел его во время январской болезни (*Дневники*. С. 33) во французском переводе (ср. выписку в 3.13, л. 62). В марте 1898 г. Брюсов делает об «Eugesa» доклад в литературном кружке у своего университетского товарища Д. В. Викторова (см.: *Дневники*. С. 34; текст публичного реферата см. 3.13, л. 58—47об.), в течение ряда месяцев будет работать над статьей об этой книге для сборника «Философские опыты». Сохранившийся среди материалов к ней (см. 3.14, л. 3об.—5, 32—33об.; 3.13, л. 30об.—38об.; 3.17, л. 26—32об.; 46.18) брюсовский конспект «Eugesa» позволяет не только восполнить не проставленный в письме номер главы, но и указать, в каких именно высказываниях Э. По Брюсову виделось «бессильное повторение» Лейбница. Во фразе из VI главы трактата: «Следовательно, каждый атом влияет на каждый другой» — Брюсов подчеркивает три последних слова и на полях карандашом пишет: «Лейбниц». Тройным отчеркиванием на полях отмечена также фраза: «Это братство атомов не говорит ли об общем происхождении», рядом написано: «Это» (3.15, л. 33). Упоминаемые далее Брюсовым высказывания Э. По о Лейбнице см.: По Э. Укаа, соч. С. 151—152.

⁷ *Вольнский А. Л.* Леонардо да Винчи, его жизнь и научно-философские труды. Статья 1 // *СВ*. 1898. № 1.

⁸ О книге Дю Преля см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 13, прим. 2. Более подробный перечень книг, прочитанных Брюсовым за время болезни, см.: *Дневники*. С. 33.

⁹ Концовка только что напечатанного тогда стих. Бальмонта «Кто заглянет в лоно вод...» (*СВ*. 1898. № 1). Мотив «проклятия» по адресу одного из важных понятий индийской философской традиции возник впервые в п. 55В. Обращение к теме «индийской мудрости» в комментируемом письме продолжает ноябрьско-декабрьские беседы поэтов, связанные с увлечением Бальмонта апокрифическим индийским трактатом «Голос молчания» (см. п. 74Б, прим. 8). Ср. также п. 76 и комм. к нему.

¹⁰ Ср. тему «свободы» в п. 76, а также о невозможности «искать предела» — наст. кн., Письма к Самыгину, п. 20.

¹¹ Ср. законы «стремления к совершенству и жажды общения» в «О искусстве» (VI, 52). О их соотношении с идеями философии Лейбница и мотиве совершенства в брюсовских стихах 1898 г. см.: *Кульков С. К.* Указ. соч. С. 58, 56, а также п. 76, прим. 10. Выписки и наброски, специально посвященные «лестнице совершенств», см. в тетради № 35 (3.13, л. 11, 12об.—14, 23об.—24).

Б. ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

(Москва. Между 20 и 30 января 1898 г.)

Вы когда-то говорили мне, Константин Дмитриевич, что у Вас женская душа. Должно быть, Вы правы, и к Вам примен(имо) неизменное пушкинское «Чем меньше...»¹ Если бы Вы вышли замуж, то [больше] любили бы такого мужа, который бы Вас бил. Я же слишком искренне и слишком откровенно был рад Вас видеть, и в этом моя первая вина². Но оставим попреки.

У нас была весна³ и снова наступила зима, было Рождество, поэзия будней⁴, и снова потянулись будничные дни с обыч(ными) декорациями жизни, расставляемыми каждое утро, и с заученными наизусть репликами⁵. А я три недели леж(ал) в постели, да и теперь (?) только начинаю оживать. Доктора назва(ли) это «плеврит с экссудатом». Целый день сижу в кресле, чита(я) Дю Преля⁶.

Канта и Лейбница отложите⁷. Читайте Книгу Молчания⁸ и радуйтесь ее изысканным выражениям. Но как Вы думаете? — все-таки поэзия этой книги не все потеряла бы, если б ее напечатали плохим шрифтом? Есть поэзия мысли, для которой выражения только шрифт⁹. А Лейбниц? Он

тайны от людей

Скрывая в символах*, учил их как детей...¹⁰

{При первом чтении он кажется детским.} Нет, отложите Канта и Лейбница.

Мы искали Вам Лазарильо¹¹, но русские книгопродавцы лишь «открыва(ли) глаза», узнав о таком романе и о существовании Диего де Мендозы. А «Жизнь есть сон»¹² появилась недавно (1898 г.) в новом переводе некоего г. Петрова; «Северный вестник» в рецензии хвали(т) перевод¹³. В Москве его еще не получ(али) и потому мы вышлем его Вам еще через несколько дней.

А пока «прощайте», не «до свиданья»¹⁴. Пишите стихи и переводите Марло¹⁵. Я написал поэму, но столь небрежными терцинами, что не осмеливаюсь ее

* В рукописи подчеркнуто трижды.

Вам переписывать¹⁶. Прилож(у) только 1-й отрывок, чтоб Вы узнали свой рассказ (?) о Помпе(янке)¹⁷.

Неизменно Ваш Валерий Брюсов

[«Р. С.» Лейбниц употр(еблял) свою систему более как средство, чем как цель» — вот слова Фихте¹⁸ — обдум(айте) их. Nota. Ни в каком случае не читайте Купо Фишера¹⁹; ибо это убийца. Addenda. Попробуйте проч(есть) из Прологомен §§§²⁰ —]

P.P.S. Мой адрес Цветной бульвар — ибо из «Тулона» мы можем скоро уехать²¹.

3.15 (тетрадь № 34), л. 45об.—46. Третий вариант письма, вместе со вторым вариантом (там же, л. 44—44об.) представляет вторую редакцию письма. Первую редакцию, существенно отличающуюся по составу и содержанию, см. п. 74А. Датируется по расположению в тетради между автографами письма к Л. Н. Толстому от 20 января 1898 г. (3.15, л. 44об.—45; отправленный вариант опубл. Н. С. Апукиным: *Дневники*. С. 156) и стихотворения «Кольбельная песня» (30 января — 3.15, л. 51; I, 193). Упоминание о «трех неделях» болезни (вместо «двух недель» в п. 74А) и расположение на обороте письма Толстому позволяют заключить, что публикуемый вариант создавался ближе к первой из двух граничных дат. С другой стороны, отправлено оно, скорее всего, было уже после получения встречного письма от Бальмонта (отмечено в дневнике 29 января 1898 г.— 1.15/1, л. 7), в котором тот должен был сообщить свой новый адрес. По-видимому, именно этот адрес записан Брюсовым на переднем форзаце тетради, в которой находятся оба варианта комментируемой второй редакции письма: «Paris 145. Rue de Grenelle. Pension Van Pelt» (3.15, л. 1). Подобное предположение о дате отправки письма согласуется с временем получения ответного письма Бальмонта (см. п. 75, преамбулу к комм.; о примерной скорости курсирования корреспонденции между Россией и Францией см. п. 25, преамбулу к комм.).

¹ См. п. 74А, прим. 1.

² См. там же, прим. 2.

³ Каприз погоды, о котором Брюсов записал 18 января: «Наступила как бы весна...» (*Дневники*. С. 32). Упоминание об этом феномене появилось во втором варианте письма, который благодаря этому можно датировать промежутком между 18 и 20 января (дата названного в преамбуле письма к Толстому). Указанная дневниковая запись содержит значительные текстуральные пересечения с публикуемым вариантом письма.

⁴ Ср. описание Рождества в п. 97.

⁵ Эта образная характеристика тянущихся будней появилась впервые во втором варианте письма: «Проходят медленные дни. И нынче, завтра все та же панорама Москвы — словно декорация исторической пьесы, которую природа упрямо ставит вновь. Действующие лица хорошо знают свои роли и не сбиваются с реплик» (3.15, л. 44об.). В публикуемом варианте письма оказались утраченными, по крайней мере, три момента этой характеристики: Москва как общий фон происходящего, восприятие повседневности как части исторического потока и в то же время — как пьесы, написанной заранее. Особенно важен образ пьесы. Мотивируя такие сохранившиеся в окончательном варианте образные детали, как декорации и реплики, он одновременно служит связующим звеном с центральной для творческой истории данного письма темой лейбницевской философии. «Пьеса», возобновляемая самой «природой», — это поэтическая парафраза глубоко взволновавшего Брюсова учения Лейбница о «предустановленной гармонии» (см. п. 74А, прим. 5).

⁶ Последняя фраза вписана над строкой без указания места вставки. Более подробная оценка книги Дю Преля дана в п. 74А.

⁷ Замена вопроса: «Вы прочитали Лейбница?» (п. 74А) — на императивное «отложите» была, видимо, одной из тех резкостей, о которых Брюсов сожалел позднее, по получении ответа от Бальмонта (см. п. 75, преамбулу к комм.). Это подтверждается и следующим далее советом читать индийское (см. прим. 8) сочинение и «радоваться его изысканным выражениям». Ведь в отличие от Бальмонта Брюсов в это время, как показывает концовка п. 74А (да и начатое в тетради как раз на его обороте п. 76), был склонен отрицательно оценивать выводы индийской философии. Ср., однако, последнее примирение «Ваших индусов» и «моего Лейбница» в п. 102 к тому же Бальмонту.

⁸ «Книга (правильнее — «Голос» молчания) — «The Voice of the Silence» (L.— N. Y., 1889) — книга основательницы религиозно-окултного «теософского» движения Елены Петровны Блаватской (1831—1891). Была впервые издана без указания автора и выдавалась за подлинное древнеиндийское сочинение. Большую выдержку из нее Бальмонт приведет в своем переводе в статье о Кальдероне (см. п. 101, прим. 2; автограф перевода см.: *ГБЛ*. Ф. 374, 12. 66). См.: *Блаватская Е. П.* Голос безмолвия/Пер. Е. Ф. Писаревой. Калуга, 1908 (2-е изд.— 1912); «Извлечения из „Голоса безмолвия“ // Е. П. Блаватская: ее биография, отзывы о ней учеников и образцы ее сочинений, вышедших в Англии. СПб., 1911 (Вопросы теософии. Вып. 2).

⁹ Э тот философский тезис родственен сложившейся как раз в рукописях 1898 г. брюсовской семантической концепции стихосложения: «Мера стиха — образ. Излучина стиха опре-

деляется количеством заключенных в нем (. . .) важных, значущих выражений (. . .) Изменение стиха числом долгих и кратких слогов, — или просто числом слогов, или числом ударений — лишь вспомогательное средство» (*О русском стихосложении*, с. 9—10). Подробнее см.: *Семантическая теория*.

¹⁰ См. п. 74А, прим. 4. См. также п. 52, прим. 10 и прим. 8, 11, 19 к наст. письму.

¹¹ «Жизнь Ласарильо с Торреса, его невзгоды и злключения» — произведение неизвестного испанского автора (первое изд. — 1554), самый ранний образец жанра плутовского романа. Одно время его автором считался упоминаемый Брюсовым испанский гуманист XVI в. Диего Уртадо де Мендоса.

¹² Пьеса П. Кальдерона, анализ которой (в сопоставлении с «Голосом молчания») составит основу лекции и статьи Бальмонта о Кальдероне (см. прим. 8 и п. 101, прим. 3). По-видимому, просил Брюсова Бальмонт о приобретении этой, а возможно, и других драм Кальдерона в связи с замыслом собственного перевода «Сочинений» Кальдерона, к изданию которого издательство М. и С. Сабашниковых приступит в 1900 г.

¹³ См. рец. на кн.: *Кальдерон. Жизнь есть сон: Комедия/Пер. с исп. Д. К. Петрова*. СПб., 1898 // *СВ*. 1898. № 1 (без подп.). Дмитрий Константинович *Петров* (1872—1925) — исследователь и переводчик романских литератур, основоположник отечественной филологической испанистики.

¹⁴ Брюсов, видимо, полагал, что при том характере, какой приняли их отношения в ноябрьские-декабрьские встречи, Бальмонт вряд ли станет отвечать ему. Это предположение не подтвердилось (см. дневниковую запись, приводимую в п. 75, преамбула к комм.).

¹⁵ Кристофер *Марло* (1564—1593) — английский поэт и драматург, крупнейший из предшественников Шекспира. Бальмонт перевел его пьесу «Трагическая история доктора Фауста» (Жизнь. 1899. Кн. 7—8).

¹⁶ По-видимому, речь идет о поэме «Аганатис» (позднейшее название — «Аганат»), из окончательного состава которой к этому времени была написана лишь глава 1 (см. комм. М. В. Васильева и Р. Л. Щербакова — I, 603).

¹⁷ По свидетельству И. М. Брюсовой, сюжет поэмы «Аганат» был подсказан Брюсову Бальмонтом (Там же).

¹⁸ Иоганн Готтлиб *Фихте* (1762—1814) — немецкий философ и общественный деятель. Приводимым словам о Лейбнице созвучна характеристика, которую дал сам Брюсов в «Начале статьи о Лейбнице», относящейся, судя по расположению в тетради после повести «Эда» (см. п. 71Б, прим. 12), к июлю 1897 г.: «(. . .) он принадлежал к числу тех людей, которые стоят *выше* своих произведений (. . .) Им достаточно малейшего повода, чтобы вдруг раскрыть пред изумленным взором все безмерное богатство своей души (. . .) Лейбниц готов был писать рецензии, возражения, доказывать тот или иной тезис — везде и всюду он мог открыть новую сторону, взглянуть на вещь неожиданно... Вот почему у Лейбница важно не основное положение, которое он защищает, а общий тон и второстепенные мысли» (3.11, л. 28—27об.).

¹⁹ Куно *Фишер* (1824—1907) — немецкий историк философии, автор многотомной «Истории новой философии», не раз переводившейся в России. В тетради № 4 (4.2, л. 48об.—53) сохранился брюсовский конспект ряда параграфов первого тома этого труда (СПб., 1862). Конспект этот строится, однако, как дополнение к датированному (18 августа 1891 г.) конспекту другого руководства: *Льюис Дж. Г. История философии в жизнеописаниях*. СПб.: Вольфсон, 1885. Т. 2. (4.2, л. 47—48). Призыв «не читать» Фишера в комментируемом письме, скорее всего, относится к его монографии «Критика кантовской философии», опубликованной в качестве приложения к русскому изданию «Пролегомен», которые читал и рекомендовал Бальмонту Брюсов (см. прим. 20).

²⁰ «Пролегомены» (полное название — «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука») — одно из важнейших сочинений Иммануила Канта, задуманное как сравнительно популярное общее введение в его философскую систему. Брюсов прочел «Пролегомены» во время декабрьско-январской болезни (*Дневники*. С. 33). Номера §§, которые Брюсов хотел посоветовать прочесть Бальмонту, в письме не проставлены. Их нет и во втором варианте письма, где этот совет появляется впервые: «Впрочем, попробуйте прочесть из Канта §, стр., а из Лейбница —» (3.15, л. 44). Однако перед началом второго варианта сделана карандашная приписка: «К Бальмонту. Добавления», позволяющая частично восполнить данный пробел: «Особо прочтите § 13 (стр. 48—49—50), пожалуй, и следующее „примечание 1“ (особенно стр. 52—53). Все это написано для *толпы*, здесь Кант популяризирует свою „Критику“, и отсюда это длинное и утомительное вступление, в нем Кант объясняет значение своей задачи» (3.15, л. 44). Имеющиеся в процитированных «Добавлениях» ссылки на страницы свидетельствауют, что Брюсов читал «Пролегомены» в русском переводе Вл. Соловьева (М.: Тип. А. Гатцука, 1889). Рекомендуемый им § 13 входит в книгу в состав ч. 1 раздела «Главный трансцендентальный вопрос» — «Как возможна чистая математика?» и посвящен обоснованию положения о «пространстве как форме нашего чувственного представления» (с. 52). Проявившееся в «Добавлениях» несколько пренебрежительное отношение Брюсова к «Пролегоменам» как написанным для непосвященных впоследствии закрепится (ср. концовку п. 75).

²¹ Первые месяцы после свадьбы В. Я. и И. М. Брюсовы жили в меблированных комнатах «Тулон».

75. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 1898 (15) фев(аля).

Я был болен, потом выходил, вероятно, опять простудился ¹. Это * хорошо — быть немного больным. Словно сновидения. Люди, как тени, все, что происходит, чуждо, и сам не думаешь, что это ты. Полубред, полубезумие.

У нас масленица. Санки, вероятно, ускользают по снегу... Я когда-то —, о, давно! — так хотел этой рифмы: санки, вакханки, [снега, нега], но не написал ². (Было, что одна рифма создавала поэму?)

Словно во сне, когда только что начинаешь сознавать, что спишь. Не видишь, что живешь, и, закрывая глаза, не знаешь, что увидишь через минуту.

Помните ли Вы, я говорил Вам о той, которую я не любил, — которая была так больна, что не могла держать чайного блюдечка. Она умерла ³. Уже давно — недели три ^{2*} назад.

Из равнодушных уст я слышал смерти весть...
и равнодушно ей внимал я ⁴

Впрочем (?) я ношу ее крестик ⁵. Она более других заставля(ла) мое сердце сжи(ма)ться. Я ее не любил, но я плакал о ней ⁶. Это больше ⁷. Любовь так опозорена, так опошлена, что я не осмеливаюсь еще говорить о ней в стихах. — «Паоло, Франческа, в несчастье счастливые тени», прот(ивны?) мне эти слова.

[Все дальше ухожу от поэзии в мир ⁸].

Мир чувств — слишкомограничен: отлюбови и восторга до нелюбови и отчаянья слишком недолгий путь, слишком недли(нны)й, — а (*1 нрзб.*) знаешь с первого раза. И потом повторения ⁹. Поэзия, которая знает только эти настроения — утоми(тельна) ¹⁰. Фет в большом количестве несносен. Тютчев всегда хорош, но он же и не довольствуется чувством ¹¹.

Остаются высшие созерцания и общие чувства; любовь [ко всем людям] к человечеству, нежность и жал(ость) ко всему живому. Только они бессмертны, но и не жив(ы). Кто от бесстр(астия) ^{3*} дост(иг) до них, тот достиг до конца пути и понимает, что [он был не нужен] этот путь проклят. [Его конец — как и его начало — любовь к себе ¹²].

Не проклинайте Канта. Он был близорук, но то, что видел, он видел насквозь; где для обыкновенного взора была поверх(но)сть — он прозревал и глубины, и дно. Если б Вы проч(итали) его... (Да не «Пролегомень», а «Критику», именно отдел «Антиномий») ¹³.

Ваш, неизменно Ваш, ВВ.

3.12 (тетрадь № 33), л. 45об. — 45, 44об., 44, 45. Датируется на основании записи в подневной хронологии: «15 Воскресенье... Письмо к Бальмонту» (1.15/1, л. 8), расположения части автографа под черновым наброском стих. «Амалтея» (3.15, л. 45), датированного 15 февраля 1898 г. (I, 151—152), а также упоминания о «трех неделях», прошедших после смерти Е. И. Павловской (см. прим. 3). Возможно — ответ на неизвестное письмо Бальмонта, получение которого Брюсов отметил 14 февраля (1.15/1, л. 8), а на следующий день записал: «Получил письмо от Бальмонта. Наши последние отношения были таковы, что я почти не ждал этого. Мое последнее письмо (очевидно, п. 74Б — С. Г.) было горько, почти грубо. Бальмонт опять тоскует: „Я никогда не разлюблю Вас“, пишет он мне. Могу ли я ему отвечать теми же словами?» (*Дневники*. С. 33).

Ввиду того что работа над письмом шла в тетради, в основном заполненной еще в 1897 г. (о возможных причинах этого см. прим. 6), Брюсов должен был иногда довольствоваться свободными полями листов (напр., часть письма на л. 44об. записана поперек листа над неоконченным рассказом «Длинный язык»). Порядок следования частей в рукописи полностью не задан, соответственно расположение их в публикации отчасти гипотетично (см. прим. 9).

¹ О болезни Брюсова см. п. 74. 11 февраля он записывал: «Сегодня вышел в первый раз после почти двухмесячного заточения. Свежий воздух озябил меня; у меня кружилась голова» (*Дневники*. С. 33).

* Далее зачеркнуто: желанное настроение

^{2*} Было: «два»; потом: «четыре»

^{3*} Альтернативное прочтение: бескр(ылости).

² В июле 1899 г. нарисованная здесь картина, хотя и без желанной Брюсову рифмы, все-таки воплотилась в стихи: «Из пшеницы белеющей сделал я снег // Снег и декабрьскую вьюгу, // Саней заметаемый бег // Девушки радостный смех // И близость к желанному другу» («Золото» — I, 234).

³ О смерти Е. И. Павловской Брюсов узнал 29 января, получив обратно свое последнее письмо к ней от 20 января (72.10, л. 10—11об.). Пришедшее в Большие Сорочинцы, судя по штемпелю, 25 января, оно на следующий день было отправлено обратно, с указанием: «За смертью адресатки».

⁴ Из стих. Пушкина «Под небом голубым страны своей родной...».

⁵ Брюсов и Павловская обменялись носильными крестами и евангелиями в прощальный вечер в Сорочинцах 8 сентября 1897 г. (см. путевые записи — 3.11, л. 16об.). Подаренное Павловской евангелие с ее многочисленными надписями см.: Ф. 386. Книги, № 732.

⁶ Самый факт, что комментируемое письмо записано в давно к этому времени оставленной тетради № 33, возможно, связан с переживаниями и терзаниями, вызванными смертью Павловской. На л. 46, на одном развороте с которым начато данное письмо, был записан черновик письма к Павловской, в котором Брюсов сообщал о предстоящей женитьбе (частично процитировано в п. 70, прим. 11 и п. 71А, прим. 4). Если отосланный текст письма соответствовал этому черновику, то оно должно было тяжело ранить Павловскую не только самым сообщением, но и обидной для нее резкой фразой: «Путь моей души, который Ты преврала, снова передо мной». Видимо, воспоминание об этом давнем письме и заставило Брюсова снова открыть старую тетрадь.

⁷ Понять, что было для Брюсова «большим», чем любовь, помогает заключительная запись в XI тетради дневников. Подводя итог отраженному в этой тетради году с начала ноября 1896 г. по начало ноября 1897 г., Брюсов писал, что она «полна жизнью, в ней я знал волнения, каких не знал никогда, ведал счастье, какого не встречал еще в жизни, предчувствовал новые неожиданные горизонты...». И понимая, что счастье ему «дала (. . .) Эда, Жанна», Брюсов одновременно признавал, что «за чувства и за идею» он «должен принести (. . .) благодарность (. . .) — ей, единственной, Жене» (1.14/2, л. 39об. В рукописи «идея», что не исключает и прочтения «иде(а)л»). 12 марта 1898 г., записав, что к нему возвратилась творческая энергия, принесшая такие «замечательные вещи, как «Аганатис», «Амалтея» и «Касандра»» (*Дневники*. С. 34), Брюсов, однако, тут же добавил: «Но жаль тех восторгов, которых я достигал при влиянии Евгении Ильиничны и которые мне уже недоступны...» (1.15/1, л. 9). Ср. характеристику Павловской («(. . .) лучшая женщина, какую я встречал когда-либо, единственная (. . .)» в письме к Бальмонту перед поездкой на Украину (наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 24). Цитируемая далее строка — из стих. Бальмонта «Неисправимые» (*В безбрежности*).

⁸ Это зачеркнутое признание может быть связано и с усиленными «занятиями философией, которые как-то убивают поэзию» (*Дневники*. С. 33, запись от 29 января), и с обострившимся вниманием Брюсова к общественно-политической жизни. За три дня до комментируемого письма в дневнике Брюсова появилась негодующая запись по поводу осуждения Золя в связи с его выступлением по делу Дрейфуса (см. наст. кн., Письма к Ноздрину, п. 8, прим. 5).

⁹ После слова «повторения» в рукописи на л. 45 знак вставки, нигде более не повторенный. Единственный фрагмент, который мог бы претендовать на роль такой вставки, — это записанный слева на л. 44об. абзац «Остаются *с* прокляты». Но, если вставить его на указанное место, нарушится содержательная связь между местоимением «эти (настроения)» и существительными «любви и восторга», «нелюби и отчаянья», а также семантический повтор «мир чувств ограничен» — «не довольствуется чувством». Поэтому помещаем указанный абзац с л. 44об. на то место, в котором он расположен в публикации.

¹⁰ Это рассуждение — еще одно свидетельство неудовлетворенности Брюсова ограниченностью тематических горизонтов современной поэзии, проявившейся еще в оценке Ляличкина в п. 26, а затем в неопубликованных статьях 1896 г. о Бальмонте. Пути преодоления этой ограниченности Брюсов будет искать на протяжении всей своей жизни — сначала в исторической лирике, поэзии города, а затем — в научной поэзии. Ср. позднейшее брюсовское изложение идей Р. Гизия о современном поэте как «фонографе чувств» в статье 1909 г. «Научная поэзия» (VI, 165—166), а также тезисы из предисловия к «Далям»: «Было бы несправедливо, если бы поэзия навеки должна была ограничиться, с одной стороны, мотивами «о любви и природе», с другой — «гражданскими темами». Все, что интересует и волнует современного человека, имеет право на отражение в поэзии» (III, 571).

¹¹ Явное и решительное предпочтение, отдаваемое здесь Тютчеву перед Фетом, — свидетельство завершения той перестройки поэтических пристрастий, последовательные стадии которой были отмечены в п. 24, прим. 1; п. 26, прим. 14 и п. 52, прим. 18.

¹² Ср. с заявлением о «любви к себе» как начале всякого познания в п. 82. Следует заметить, однако, происшедшую между этими письмами смену общего настроения: от ощущения тупика — к уверенности в безграничности духовного поиска, человеческих стремлений.

¹³ Ср. п. 74Б, прим. 20. Очевидно, Бальмонт, в письме, полученном Брюсовым 15 февраля, резко отозвался о «Пролегоменах», отдельные разделы которых Брюсов советовал ему прочесть (там же). Свидетельство тому, что сам Брюсов весьма внимательно штудировал кантовскую «Критику чистого разума», служат его многочисленные пометы в принадлежавшем ему экземпляре её русского перевода, выполненного Н. М. Соколовым (СПб.: Изд. М. В. По-

пова, 1896—1897. Ч. 1—2; см.: Ф. 386. Книги, № 736). «Антиномии чистого разума» — название одного из разделов этой книги Канта. Ср. п. 92 и прим. 1—2 к нему. Материалы брюсовских занятий философией Канта собраны в ед. 4.30. Ср. работу С. К. Кульбюс, указ. в п. 92, прим. 3.

76. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) Апр(еля) 9-го 1898

Друг мой!

Я приветствую Вас отсюда, с высот тихого спокойствия, и говорю Вам: Вы заблуждаетесь. Индийской мудрости нет. Есть отчаянье. И оно прокляло себя¹.

Мы знаем одну заповедь и один грех. Эта заповедь: любовь к себе; этот грех — отречение от своего я. Я должен быть и не быть не могу, и чувствую, ведаю, что я *есмь*.

Этой истине нет доказательств².

Мы все — «люди, и тени, и боги, и звери»³, мы все сущие, — останемся сущими. Мы все будем как боги, не как Божество⁴. Эл(лины) более правы, чем мантры⁵. [Да и невозможно никак иначе]

Можно сказать «майя», можно говорить «заблуждение я»⁶, но нельзя не мыслить себя свободным, нельзя не чувствовать себя собою, [единым], нельзя ни человеку, ни ангелу, ни даже сверхчеловеку*. М(ы) — победи(вшие), един(ые), торжествую(щие), неужели ж м(ы)^{2*}

Завтра я уезжаю к морю⁷. «Четкие линии гор, бледно-неверное море...»⁸ Но я хочу возвра(титься) к жизни, и к морю, и к майе⁹. Их должно прок(л)ясть, их должно пон(ять), их можно любить¹⁰. Они суть.

Майя — не призрак, майя бессм(е)р(т)на, яркая, беспредельная, вечно новая, вечно юная, в венце из [алмазов] жемчужин, из лучей, из росы, [в белом, с упавш(ими) на нее волоск(ами) из лучей.] К жизни! К жизни!

Единства нет, — есть множества, бесконеч(ность); беско(нечное) есть жизнь¹¹. Жизнь прекраснее смерти. Прекраснее — я утверждаю. Цвет(ы) и [лучи] огни, и души, хороводы и ласка — жизнь, бессмертная жизнь. Она ослепит глаза индийской мудрости — и та закроет лицо, и отступит назад, и укроется в пещерах¹². Но и пещеры падут под луч(ами) нов(ого) солнца. Это победа!.. Гречи, пэан, хвалите Бога, счастье —^{3*}

На обороте: 4*

И н д и й с к и й а ф о р и з м¹³

Мы пузыри земли^{5*}, мы вспыхнем и исчезнем
 Вся наша жизнь, весь мир — бессвязный некий сон
 Дан только миг один и замыслам, и песням,
 Л(уч) вечного о(г)н(я) — бессмертен только он.

Приложение к п. 76

О Т Р Ы В К И¹⁴

1

Небо — серое от туч,	Грустный час воспоминаний!
Камни — серые от влаги,	Их без слов встречаю я
Утомленно виснут флаги,	В тихой музыке дождя,
День ненужен и тягуч.	В дальнем матовом тумане.

* Далее зачеркнуто: Я сам сотвор(ил) себя

2* На этом фраза обрывается. 3 строки до конца страницы оставлены чистыми. На другой стороне тетрадного разворота последовательно зачеркнуто: 1) и если б даже то было истиной, м(ы) не можем принять его. Есть вел(икие) начала, которые... 2) Что может индийская мудрость, мудрость старика, качающего головой

3* На этом письмо обрывается.

4* Надпись Брюсова.

5* Было: воды

Слышу смутные слова,
Угадать не смею лица
Жизнь — открытая гробница
Властной волею волхва¹⁵

О, как много...

Апрель 98.

2.

И я ускользнул неизменный
В сияньи воскресного дня...

3.

ИНДИЙСКАЯ МУДРОСТЬ¹⁶

Мы пузыри земли, лишь вспыхнем и исчезнем
Весь этот мир, вся жизнь — как призрак, словно сон.
Дан только миг один всем замыслам, всем песням,
Но неизменен...

3.16 (тетрадь № 40), л. 46об.—47об. Непосредственно за данным письмом, поперек тетрадного разворота (л. 47об.—48) записано письмо к Самыгину (см. наст. кн. Письма, к Самыгину, п. 18). Поэтому последний абзац публикуемого текста, записанный на л. 47об., по содержанию может с некоторой вероятностью рассматриваться и как заключение указанного письма к Самыгину. Формула начала письма («Вы заблуждаетесь...») свидетельствует, что письмо является ответом на недошедшее до нас письмо Бальмонта, с которым, по-видимому, было прислано и стих. Бальмонта «Мая» (см. прим. 3, 5, 10, 12). В приложении к письму помещаем стихотворный цикл «Отрывки» (14.5/9, л. 9—9об.), навеянный полемикой с названным стихотворением Бальмонта и, по-видимому, зародившийся во время работы над письмом (см. прим. 13).

¹ Само выражение «индийская мудрость», возможно, также восходит к письму Бальмонта, на которое отвечает Брюсов. На это указывает его употребление в эпиграфе к разделу «Индийские травы», в котором стих. «Мая» будет помещено в сб. *Горящие здания*. Тема критики «индийской мудрости» была впервые намечена в п. 74А (ср. п. 74А, прим. 9), на обороте которого и начато комментируемое письмо. Однако там «проклятие» исходило от автора письма, здесь оно рассматривается как внутреннее свойство критикуемого учения.

² Строка из стих. «Я не знаю других обязательств...» (14 января 1898 г.), опубликованного, как и «Мая» Бальмонта, в *КР*. Впоследствии получило заглавие «Обязательства» (I, 132). Автограф в рабочей тетради № 34 (на его обороте начат первый вариант п. 74Б) носит заглавие «Любовь к себе» (ср. п. 75, прим. 12, п. 82, прим. 2). В письме строка приведена не просто как поэтическая ассоциация, но и как защищаемое логическое утверждение. Это подтверждается тем, что сначала вместо нее в автографе стоял прозаический тезис «Это — истина», а сама строка появилась в скобках именно как эквивалент этого тезиса, на что указывал зачеркнутый впоследствии союз «или». Какого типа истину видел Брюсов в высказывании «я есмь», показывает равнозначное процитированной строке по своему прямому смыслу прозаическое положение из п. 92: «(. . .) если мы подвергнем истины веры рассудочному рассмотрению, мы не найдем для них доказательств».

³ Из стих. Бальмонта «Мая», впервые опубли. в *РМ* (1899. № 2) и в *КР*. В оригинале: «Тени, и люди...». Комментируемое письмо позволяет уточнить датировку стихотворения, даваемую в кн.: *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 197.

⁴ Ср. строку из стих. 1898 г. «Люцифер»: «О, будемте все, как боги...» (I, 231). Отрицаемое в письме положение («не как Божество») восходит, возможно, к «Эврике» Эдгара По (см. п. 74А, прим. 6). Приведем отрывок из «Эврики» в позднейшем переводе Бальмонта: «Изберем же, как исходную точку нашу, *Божество*. Об этом (. . .) говорит барон Де Бильфельд: «Мы не знаем абсолютно ничего о природе или сущности Бога — чтобы постичь то, что он есть, мы должны были бы сами быть Богом!»» (По Э. Сочинения. М.: Скорпион, 1912. Т. 5. С. 133).

⁵ В стихотворении Бальмонта (см. прим. 3) говорилось: «Мантру прочел он, святое моленье». В древних индийских текстах «Мантра» — многозначный термин, которым могли обозначаться изречения, заклипания, гимны, ведические тексты (см.: Древнеиндийская философия: Начальный период. М.: Мысль, 1972. С. 120, 263).

⁶ «Мая» — одно из центральных понятий индийской философии, имевшее на разных этапах ее развития различное содержание. В комментируемом предложении, как и в стих. Бальмонта, «мая» понимается как «заблуждение я», т. е. в соответствии с традицией школы

веданты, где этот термин обозначал иллюзорность материального мира, лишь по ошибке, в силу заблуждения принимаемого сознанием индивида за реально существующий. С этим пессимистическим толкованием «майи», привычным для европейской традиции после Шопенгауэра, Брюсов познакомился задолго до начала своих индийских дискуссий с Бальмонтом. Наряду с научными источниками (ср. п. 55В, прим. 15) определенную роль в этом знакомстве сыграло, по-видимому, стихотворение Леконта де Лиля «La Maya», в оригинале и в прозаическом переводе приведенное в 1894 г. в статье Пл. Краснова «Глава Парнаса» (Книжки Недели. № 9). 31 декабря 1894 г. — 1 января 1895 г. Брюсов переведет это стихотворение (см. 14.5/1, л. 87об.). Но еще раньше, между 15 и 19 ноября 1894 г., он создал (там же, л. 9об.) на ту же тему собственное стихотворение: «Призрак обманчивый, чуждая Майя! // Вечно тревожная, ложная радуга // Звуков и красок, и форм, и сиянья — // Смутная тайна людского страдания. // Нам непонятна чуждая Майя // Мир отражения в вечном движении, // Полный сомнения, полный обмана — // Ты нарушение правды оказа (так. — С. Г.) // Прочь, победней, пусть заменит Нирвана // Вечно тревожную, ложную Майю». 19 ноября, выступая в «Обществе любителей западноевропейской литературы» с только что написанным рефератом о Г. Шульце (см. п. 55В, прим. 14), Брюсов прочитал это стихотворение в качестве «перевода стихотворения г. Шульца “Майя и Нирвана”». В своем авторстве он признался ведшему протокол А. А. Курсинскому лишь три года спустя (см.: *ГБЛ*. Ф. 389. К. 1. Ед. 12. Л. 19). Через полгода, 13 мая 1895 г., им была написана еще одна, более вольная вариация, обыгрывающая омонимия грозного понятия с современным женским именем (14.5/3, л. 16).

Сложившееся в приведенном стихотворении категорическое неприятие майи-иллюзии, майи-обмана и противопоставление майи нирване проявятся затем в п. 55В. Однако в комментируемом письме Брюсов дальше предложит совершенно иное истолкование этого термина (см. прим. 10).

⁷ Брюсовы уехали в Крым 12 апреля (14.5/1, л. 10об.).

⁸ Первая строка стихотворения из раздела «Скитания» (*МЕЕ*; I, 114), долженствовавшего промонстрировать декадентское пренебрежение природой (ср. п. 47, прим. 3—5). Новое крымское путешествие разбило остатки прежнего предвзятого отношения к природе (см. ниже прим. 9; записи от 15, 19 апреля и 8 мая 1898 г. — *Дневники*. С. 35, 37; раздел «Картинки Крыма» в *TV*; наст. кн, Переписка с Бальмонтом, п. 35).

⁹ Ср. в первой дневниковой записи, сделанной в Ялте: «Буду учиться любить природу, и небо, и зеленое море, и берег с неподвижными кипарисами. Я пришел не проклинать, а любить» (*Дневники*. С. 35. Курсив мой. — С. Г.).

¹⁰ Дальнейший текст данного абзаца — непосредственный ответ на предпоследнюю строфу «Майи» Бальмонта: «Майя! О, Майя! Лучистый обман! // Жизнь — для незнающих, призрак — для йоги, // Майя — бездушный немой океан!». Отвергая («майю-призрак», майю, понимаемую как иллюзорность существующего материального мира (см. прим. 6), Брюсов одновременно славит ее как символ вечного обновления и многообразия («беспредельности») этого мира. Тем самым он фактически сближается с другой индийской традицией, в которой майя понимается как сила, энергия, творящая мир явлений и «необыкновенное» в нем. (Ср.: *Топоров В. Н.* Майя; Ишвара, Рамануджа // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 333, 234, 565).

¹¹ Ср. тему бесконечности мира и духа в «Обязательствах» (см. прим. 2), в «О искусстве» (VI, 52), в стих. 1900 г. «Каждый миг» (I, 226).

¹² Образ пещеры — также отражение стих. Бальмонта «Майя»: «В темной пещере задумчивый йоги // Маг-заклинатель, бледней мертвеца (...).»

¹³ Несмотря на такое заглавие, это четверостишие не воспроизводит какого-либо конкретного индийского источника (см. прим. 16). Два черновых автографа четверостишия расположены в тетради (л. 47) между двумя последними абзацами письма. Первый из них явно фиксирует начальную стадию возникновения замысла этого маленького стихотворения. Таким образом, можно утверждать, что оно зародилось и было написано непосредственно во время работы над письмом и вместе с последним является ответом Бальмонту. В тетрадь «Мои стихи» № 9 включено с изменениями и лишь в составе цикла (см. преамбулу к коммент.), публикуемого в приложении к письму. Образ «пузырей земли» восходит, по-видимому, к «Макбету» Шекспира.

¹⁴ Заглавие цикла и номер первого стихотворения позднее перечеркнуты красными чернилами (которыми также пронумерованы страницы тетради). Возможно, что это было связано с записью в той же тетради еще одного мини-цикла с таким заглавием:

ОТРЫВКИ

1

Струя, достигая до бездны,
Дробится на тысячу искр...

2

Что я умер давно — это знаю,
Я — тень мелькнувшего сна
И в жизни лишь тени встречаю (14.5/9, л. 23об.)

Первое двустишие этого нового цикла возникло и записано в рабочей тетради № 39 между автографами п. 83 и 84, а второе трехстишие спяще-таки развивает оспоренные в комменти-

руемом письме мотивы «Майи» Бальмонта. По расположению в тетради между автографами стих. «На новый колокол» и «Сказание о разбойнике» цикл датируется промежутком 24—28 августа 1898 г.

¹⁵ Образ волхва, вызывающего жизнь из гробницы, — парафраза центрального образа стих. Бальмонта «Майя», где жизнь и вселенная представлены как виденья, вызванные «святым моленьем» «мага-заклинателя».

¹⁶ Замена заглавия по сравнению с редакцией четверостишия, включенной в письмо, подтверждает, что четверостишие является не переложением какого-то реального «афоризма», а обобщенным портретом любезной Бальмонту (ср. прим. 1) «индийской мудрости». Последняя строка редакции, включенной в письмо, была слишком связана с развитым в письме собственным брюсовским толкованием (см. прим. 10) майи и потому войти в такой обобщенный портрет не могла.

77. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

{Останкино.} 10 июля (18)98 г.

Друг мой! Страшно мыслить. Входишь в какие-то переходы и галереи, не находишь ни пути, ни прохода¹ и, когда в безумии пытаешься идти все вперед, все вперед — то кто-то хохочет и говорит, что ты заблудился: и он прав. Вы счастливее. Вы презираете эту от земли вползающую философию, хотя она и хочет поднять свою окровавленную шею до самых небес. А я с детства² [привязался] сжился с этим чудовищем, и ненавижу его³, и знаю его бессилие, и все еще с ним⁴.

Друг мой! [Не сердитесь!] Я хочу написать плохой роман⁵. Мне так хочется жизни, какой-нибудь дей(ствительной) жизни⁶, что, не решаясь уехать в Анголу⁷, я пишу еще криптомерии⁸. Пу(сть) будет и убийства, и(а) каждого (?)(I нрзб.), и вопли задавлен(ных) в пропасти, и гибель, гибель, гибель...⁹ Вы не знаете детского писателя Райдера Хаггарда?¹⁰ Если Вы читаете детские книги, то прочтите. Когда я пишу, я сам [содрогаюсь] трепещу, и если б все было так, как я чувствую, это было бы то, что ищут. Но так оно не будет.

Хотите прозаических новостей? —¹¹

3.18 (тетрадь № 38), л. 34об. По-видимому, ответ на недошедшее до нас письмо Бальмонта, о котором говорится в дневниковой записи Брюсова от 30 июня: «Получил отчаянное письмо от Бальмонта. «Друг мой! какая тьма вокруг, ступаю по раскаленным ступеням...». Не знаю, найду ли я слова ему ответить» (*Дневники*. С. 39). Первый абзац данного письма и есть попытка найти слова в той же тональности, что и письмо Бальмонта.

¹ Хотя стилистика начала письма безусловно связана с желанием попасть в тон Бальмонту (см. преамбулу к комм.), начало это отражает и подлинные переживания Брюсова тех дней. Ср. запись, сделанную через 4 дня после письма: «Измучил себя своими переделками статьи о искусстве. Теперь переживаю время горького бессилия (...) Утомленная мысль с первых шагов попадает в лабиринт, все по старым путям, и бьется, и падает» (*Дневники*. С. 40). См. также п. 102, прим. 10.

² Брюсов начал систематически изучать историю философии примерно с 16 лет. См., в частности, его конспекты, указ. в п. 55В, прим. 15 и п. 74Б, прим. 19, а также другие материалы тетради № 4 (4.2; краткое оглавление ее см.: *Ашукин*. С. 41; характеристику ряда материалов: *Гудзий 1937*. С. 198—199).

³ Слова о «ненависти», возможно, связаны с воздействием занятий философией (см. прим. 4) на поэтическое творчество. В записи, частично приведенной в преамбуле к комм., Брюсов констатировал: «(...) стихов почти не пишу» (*Дневники*. С. 39). А за полгода до этого, 29 января 1898 г., он признавался: «Занятия философией как-то убивают поэзию. Поэзия требует для себя известной наивности мысли. Ум, искусственный метафизическими тонкостями, отказывается от приблизительности стихотворного языка» (*Дневники*. С. 33).

⁴ Слова Брюсова о том, что он «все еще» с философией, имеют и буквальный смысл. Публикуемое письмо записано в тетради, которую Брюсов, начиная ее в феврале, озаглавил на форзаце (3.18, л.1) как «Четвертую тетрадь философских опытов». Правда, от работы над замыслом «Философских» (или «Литературных») опытов в данной тетради присутствуют лишь проекты обложек и шмуцтитула, оглавление и обращение «К моим читателям» (там же, л. 3). Однако этот замысел затем перешел в замысел книги «О искусстве», которая, особенно в ранних редакциях, безусловно должна рассматриваться как работа не только эстетическая, но и общефилософская. Данное письмо написано на обороте последней страницы «варианта 1» будущей книги, озаглавленного «Что такое искусство... Книжка прозы», и открывает тематический цикл писем, связанных с этой книгой (см. вступ. ст., гл. 3, § 5).

⁵ Летом 1898 г. Брюсов начал переделывать написанный в первой редакции летом 1895 г. (см. п. 29, прим. 22) роман «Гора Звезды» (см.: *Гречишкин С. С.* Неопубликованный роман

В. Я. Брюсова «Гора Звезды» // *Чтения 1973*. С. 160). Слова в письме о «плохом» романе связаны, по-видимому, с низким жанром (ср. определение «бульварный роман» в прим. 10) этого романа и с давним брюсовским неприятием стереотипов современной ему романистики, автоматизировавшей написание «хороших» сочинений (см. п. 29, прим. 18—19).

⁶ Ср. в записи, частично процитированной в преамбуле к коммент.: «А! я уже давно издавал эту мирную жизнь. Иной раз так и хочется закричать: “да убирайтесь вы все к черту!”. Но сдержим себя, мой друг. Хочу кончить статью об искусстве, а там посмотрим» (*Дневники*. С. 39).

⁷ Ангола названа в письме не случайно. Это отражение и возвращения к «африканскому» замыслу — «Горы Звезды» (см. прим. 5), и мучившей Брюсова после приезда из Крыма ностальгии по югу: «О! я создаю, чтобы жить на Юге. Там я у себя на Родине, на Севере я в изгнании» (*Дневники*. С. 39). Перед первой мировой войной Брюсов будет уже всерьез планировать экспедицию в Африку для поиска следов «культуры атлантов» (*Рихтер Н. А. В семье Брюсовых // Брюсовский сборник*. Ставрополь, 1975. С. 182).

⁸ «Криптомерии» — заглавие раздела в книге «Шедевры», включавшего в основном стихи, действие которых происходит в далеких экзотических странах.

⁹ Ср. это перечисление с фавбулой «Горы Звезды».

¹⁰ Хенри Райдер Хаггард (1856—1925) — английский писатель. Его романы («Копи царя Соломона», «Дочь Монтезумы» и др.) по экзотичности места или времени действия вполне могли быть сопричислены Брюсовым к «криптомериям» (см. прим. 8). «Копи царя Соломона» назывались «наиболее важным источником “Горы Звезды”» (*Гречишкин С. С. Указ. соч.* С. 168). Показательно, что, определяя книги Хаггарда как «детские», Брюсов не выделяет в них в качестве ведущего ни исторического, ни детективного, ни географического аспектов. Столь же синкретичен и подбор примеров этого любимого им рода литературы, с вызовом названного «бульварным романом», в дневниковой записи от 19 мая 1898 г., где соединены «1793 год» В. Гюго, фантастика Ж. Верна, «Граф Монте-Кристо» А. Дюма и детективные романы о Рокамболе П. А. Понсона дю Террайля (*Дневники*. С. 38).

¹¹ На этом текст письма обрывается. Возможно, что Брюсов в письме к Бальмонту предполагал изложить те же «новости», что и в сделанной 11 июля записи о своем посещении братьев Облеуховых (*Дневники*. С. 40, первая запись за весь июль).

78. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Останкино.) 17 июля (1898 г.)

Ваш голос доскользя до меня так странно, как перв(ое) слов(о) Лазаря в день Иисусова торжества...¹ Вы не знаете и не поймете, сколько невозможно (ого) в том, что Ваше письмо пришло именно теперь...² Это словно на память пришел дикий сон³, который снился [когда-то] давно прежде, и был забыт раньше утра, и вдруг возник [из небытия] властно... Приходите, я Вас очень жду...

Мой летний адрес: дача Чуева в Останкине — это верст 5 от Москвы, за «Марьянской слободкой», с «Трубной площади» можно ехать в «линейке»...

3.19 (тетрадь № 39), л. 32об., с пометой «К А. Добролюбову». Ответ на полученное в тот же день письмо от Добролюбова (*Дневники*. С. 40). Поскольку все письма Добролюбова не датированы, идентификация этого письма гипотетична, но с наибольшей вероятностью его можно отождествить с запиской «От А. Добролюбова В. Брюсову: Кажется, занял угол у дворника вашего дома. На днях буду у вас наверно» (85.16, л. 22).

¹ В рассказе о воскрешении Лазаря (Евангелие от Иоанна, гл. 11) какие бы то ни было слова воскрешенного отсутствуют.

² О настроениях, владевших Брюсовым накануне приезда Добролюбова, см. п. 77. В записи от 14 июля, начало которой приведено в п. 77, прим. 1, далее говорилось: «Я устал, устал ото всех отношений, все люди меня утомили и все желания. Уйти куда-либо в пустыню (...) или уснуть “последним сном”». Это последнее совсем искренно, совсем...» (*Дневники*. С. 40).

³ Образ «дикого сна» вошел и в дневниковую запись от 17 июля: «Письмо от А. Добролюбова... о, сколько странных и безумных, и невероятных воспоминаний. Словно дикий сон, внезапно пришедший на память, впервые узнавший, хотя видел его давно...» (*Дневники*. С. 40). Предстоящая встреча тревожила Брюсова: «Александр Добролюбов! я когда-то любил его.— Что же найду я сказать ему, я, теперешний? Бальмонт и Добролюбов были для меня в прошлом два идеала. Я изменился с тех пор, я иной, да! Но перед ними я не смею быть иным и уже не умею быть прежним» (там же, с. 41).

79. В. Я. И И. М. БРЮСОВЫ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Останкино.) 10 авг(уста) 1898 г.

Привет!

Вот Вы прошли¹, и далеко, и слушаете мой голос издали. Я остался со своими изваяниями и раздумьями...² Вам суждено идти впереди меня. Уже три раза

А. ДОБРОЛЮБОВ. НАТУРА НАТУРАТА. СПБ.,
1895
Обложка

так проходили Вы мимо [моей жизни]. И жизнь вдруг для меня углублялась, открывались новые дали³. Я останавливался, почти в испуге, говор(я) «нет», чтобы после покориться. Будет ли так теперь?

Вы не верите возрождениям. Мне [эта вера] это чайные необходимо. Неужели есть конец тотчас за нашей жизнью⁴, мимоидущ(ей), столь определенный, что не успеешь помыслить о всем, что думается... есть много умилений, их предчувствуешь и не ведаешь... И тотчас за этими [бесследными пожеланиями] смутными порывами — то, где нет времени, что мы в стремлении нашем называем вечность! Вся моя человеческая справедливость восстает против. Да еще, как Оригену⁵, хочется мне думать, что спасутся все, и все вкусят бессмертия⁶ и истинного веселия.

Мое прошлое письмо ведь написано, когда я не знал о Вас нового. Вы были для меня прежний. И были Лазарем, ибо мое прежнее все же [было] в могиле⁷. То, истинно, были дни колебаний. Временами казалось мне, что есть мелочи, которые можно уступит(ь) им. Что этим я [помогу] спасу

[иное, великое] высшее. [Вы, хотя и прошли, стоите всегда] Но мне довольно вашего образа, хотя в ином и молчаливого. Нет, слишком все цельно в мире, нельзя поступ(ить)ся и итой в законе. По-преж(нему) «возложу я на рамена» дан(ный) м(не) крест. Дальше...

Я еще напишу Вам. Также моя жена и сестра⁸ (для которой Вы мелькнули первой мечтой). Проч(тите) «Also sprach Saratustra»⁹, будете сердиться, но это ничего...

Этот миг ду(шою) с Вами *

ВВ

Не забыла я¹⁰ о Вас, Александр Михайлович, и долго не забуду, и никогда не забуду. Вы принесли нам новую силу. Всякая весть о Вас оживляет нас и напоминает нам что-то высшее, что есть в жизни¹¹. Грезилось мне, и то быть может, не был сон, что Вы [еще раз] пришли, поцеловали меня тем неисполненным поцелуем¹². Я не сумею Вам объяснить, правда ли я согласна с Вашим решением, что такое искусство¹³, я скорее его чувствую, чем понимаю; да и самое искусство [тоже], конечно.

Верю, что всегда будете с нами близки, как наши мечты всегда будут искать вас¹⁴.

Иоанна Б.

3.19 (тетрадь № 39), л. 48об.—49, с пометой «К Добролюбову». Первое письмо после отъезда Добролюбова (см. прим. 1). Ответ на письмо Добролюбова, озаглавленное: «Иоанне и Валерию Брюсовым от уходящего» (85.16, л. 26—26об.), к которому относится конверт со штемпелями: «4 августа 1898 г. Москва, Ярославская железная дорога; 5 августа 1898 г. Москва, городской почтамт». Прощаясь, Добролюбов писал: «Благодарю за кров душою, ибо не знаете, что приходится быть без него. А вы (так.— С. Г.) желаю, чтоб без меня строго славно

* Было: Сейч(ас) с В(ами) духом. Затем: Душою Ваш.

работали без усталости, дорогой искусства помогая *всем* ждать искренности» (85.16, л. 26об.) подчеркнуто Добролюбовым). Ответом Добролюбова на комментируемое письмо является (см. прим. 4, 6, 14) письмо, озаглавленное: «Брюсовым и друзьям знания от нежедающего помазания» (85.16, л. 16—18).

¹ Дневниковая запись Брюсова от 4 августа 1898 г. начинается словами: «Вчера Добролюбов уехал» (*Дневники*. С. 43). Однако это, скорее всего, относится к отъезду Добролюбова из Останкина, поскольку, как писал Брюсов, они «до полночи ходили по улицам» (там же). Из Москвы же Добролюбов уехал, очевидно, 4 августа, о чем свидетельствует первый из почт. шт. на его письмо (см. преамбулу). Первая фраза комментируемого письма вошла в «сводное» письмо к Добролюбову для книги «Мои письма» (текст этого письма см. наст. публ., прилож. № 2, п. 1; см. также во вступ. ст., гл. 4, § 7).

² Брюсов в те дни был занят переработкой и завершением книги «О искусстве». Комментируемое письмо начато на обороте подборки эпитафий к «варианту 8» этой работы, датированному 7 августа.

³ О двух предшествующих встречах, в 1894 и 1896 гг., см. ц. 15 и прим. 13 к нему и п. 44, прим. 4.

⁴ Ср. идею «отсутствия предела» в письме к Самыгину (наст. кн. Письма к Самыгину, п. 20), черновик которого находится в одной тетради с комментируемым письмом к Добролюбову. Добролюбов, отвечая Брюсову, говорил уже не об отдельном существовании: «Когда говорите о возрождениях, равно что о странах еще неоткрытых подобных нашей. Когда наступит переход общий из нашего мира в подобный же лучший, это только часть. Лишь исчезновение всего телесного и душевного откроет величайшие просторы...» (85.16, л. 17об.—18. Здесь и ниже в цитатах из писем Добролюбова точки, отсутствующие в оригинале, представлены публикатором в соответствии с употреблением заглавных букв в начале предложений).

⁵ *Ориген* (185—253) — философ и христианский богослов. Брюсов ссылается на его учение об «апокатастасисе» — конечном восстановлении всех творений в первоначальной чистоте и их всеобщем спасении (распространявшемся даже на Сатану).

⁶ Ср. п. 76 и прим. 4 к нему. Добролюбов в своем ответе принял этот тезис Брюсова, но обусловил его осуществление тем, что индивид должен исполнить предназначенное ему, быть «достойным» этого предназначения: «Будем же достойны себя, пройдем если не в вечность — в самый близкий ей мир. Конечно, *все вкусят бессмертья*, но сила неисполнившая начинает сначала, забывает себя. Какое другое небытие? Для нас же будет твердая лестница уж в преходящем и ни один миг не пройдет а укрепитя в бытии всякое умление» (85.16, л. 18. Курсив мой. — С. Г.).

⁷ См. п. 78. Добролюбов в письме, на которое отвечает здесь Брюсов, потребовал: «Объясните прошлое послание мне (...) Мой голос для вас был голосом Лазаря. Я не внешний Лазарь ибо я воскресил себя. В крайности вера в дух свой и свободу заменяет силу подвига» (85.16, л. 26об.).

⁸ Н. Я. Брюсова. В письме «...от уходящего» Добролюбов писал: «Сестра Валерия Яковлевича хороша, пусть я помню о ней, она о мне (еще узнаю ее)» — 85.16, л. 26. Н. Я. Брюсову Добролюбов в этот свой приезд «совсем зачаровал» (*Дневники*. С. 44). Вспоминая последнюю прогулку с Добролюбовым, Брюсов записал: «И вспомнил я вдруг, что совсем забыл о своей сестре Наде... То есть, я видел ее взор, моливший позволения ити с нами, но как-то не восприимал его, так смотрел и не увидал, а теперь вспомнил. Может быть, она плакала» (Там же. С. 46). Это же впечатление послужило основой для написанного в тот же день, 3 августа, стих. «Сестре» (III, 250). Впоследствии Н. Я. Брюсова ряд лет находилась под сильным влиянием идей Добролюбова.

⁹ «Так говорил Заратустра» — книга Ф. Ницше.

¹⁰ Письмо Добролюбова, на которое отвечают Брюсовы, не только было адресовано обоим супругам, но и содержало специальный наказ: «Жду непременно письма Вашего, Иоанна Матвеевна, на любом языке пока не в заточении, спрашивайте о всем» (85.16, л. 26).

¹¹ Ср. запись Брюсова от 31 июля: «Встреча с Добролюбовым повеяла на меня новым, оживила, воскресила душу. О тяжело моей душе быть, если не одинокой, то не знать высших, а лучшие из друзей, как Самыгин, влекут ее долу...» (*Дневники*. С. 45).

¹² Письмо, на которое отвечают Брюсовы, начиналось словами: «Пишу вам друг о друге. Как вы знали, я должен писать потому что забыл облобызать и вашу жену чтобы она передала вам знак. Таков сегодняшний поцелуй» (85.16, л. 26).

¹³ Пребывание Добролюбова в Москве совпало с работой Брюсова над книгой «О искусстве» (ср. прим. 2), и беседы с ним явились для Брюсова одним из стимулов к очередной переработке этой книги (см.: *Дневники*. С. 45). Слова И. М. Брюсовой позволяют предположить, что именно свои речи об искусстве вспоминал Добролюбов в следующем отрывке письма «от уходящего»: «Если хрупкая гибкая душа Иоанны Матвеевны не разобьется я увижу вас всех не в неверии памятного мне дня когда я говорил правду а страдала недужная душа моя» (85.16, л. 26—26об.).

¹⁴ Добролюбов ответил: «Не плачьте, Иоанна Матвеевна, иногда вы тускнеете пред мной ибо мечтой а не духом ищете меня и не находите. Но найдете (как) Фома найдет только когда вложит вместе с мучителями персты в раны» (85.16, л. 18—18об.). В последней фразе — отсылка к описанию сомнений апостола Фомы в воскресении Христа (Евангелие от Иоанна, гл. 21, 25—27).

80. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВ

(Останкино.) 11 августа (18)98 г.

Теперь Вы близко от Вашей прошлой жизни. Если и не соприкасаетесь с ней, она дышит тут же ¹. Может быть, Вы яснее, чем в иное время, сознаете, что обрели себя великим томлениям. Ведь и *он* молил(ся), да минет...² Но, конечно, знаете Вы, что нет пути назад «по дороге пыльной». Дав себе такие обеты ³, нельзя вернуться к довременной работе одного из художников. Душа не переживает таких отступлений. И знаете тоже, что многое дастся Вам, если Вы совершите начатое. Если Вы через годы отшельничества и молчания пронесете живую душу, столь же ясную и столь же светлую, как ныне она, все будет вам возможно ⁴. Настушишь на змею, и не ужалит; если что ядовитое вкусишь, не повредит. Скажешь, и исполнится. Воззовешь, и мы пойдем за тобой ⁵, и поклонимся, и будете Вы учить, как власть имеющий [чтобы мы слышали и верили. И я верю. Так я верю.] Мне не дано указывать Вам или завещать. Могу только смотреть и ждать ⁶. Да будет.

В. Б.

Приложение к п. 80

А. М. ДОБРОЛЮБОВ

«ПЕСНЬ О РЕКЕ» из письма «В. БРЮСОВУ ОТ БОРЦА»

(Петербург. Между 6 и 9 августа 1898 г.)

Невидимый глас начал чтение: Пред мной и человеком великая река, невидимо мощно течение лишь разнообразны поверхности струй (...)

Иные волны бесцельно кидаются на берег
Те колышатся, вот звенят корабельными цепями
Весельное движение свободы уносится в море

Сколько веков как мы прозрели, други?
Где-то крепость устойчивая дорогая нам, испоам и
наследникам духа

Осудим, осудим плоды отцовского неверья
Бесконечность давно зовет нас вмешаться в гордую вражду

Не быть робкими детьми, благоговеиными рабами
Покаемся братья, сознаемся скорей во всем:
Вечной крепости не было у наших отцов от начала
Все крепости строились единому имени, Ревнителю власти.

Пейте пейте восклицая от струи свободы
Восплескайте руками позднему солнцу
Нас много но и песок морей небесконечен

Увы увы! нам грозит поражение
Может отчаянье и укажет вам тайну причастия

Вдали показалась великая река в(о) всем вечернем блеске. Жаль стало мне их и я сказал: Если искренне отчаиваетесь, подойдите.

Причастные запели новую песню:

Мы камни, скалы, созвездия знаем
Ибо были ими когда-то мы
Времени не понимаем
Ибо раньше чем быть вечно не были мы
Небытие неустанно в прошедшем
Бытие неразрывно в грядущем
Едины вся жизнь и тень

Нет нам сомненья в добре беззаветном
Познано в райских садах во мгновение
все зло

Не хотим быть шаром переметным
Мы пили крепкое свободы вино
Устрашим врагов, подыдем забрало
Нас будет много, нас мало
Взойдет безгорестный день

Кто-то развернул книгу Узоров, юношеский голос медленно прочел: Разные мы составим узоры, разные, направимся к розовым целям, не забывая наших условий. Иной засияет в середине облака, иной будет молнией хоть падающей на землю

81. БРЮСОВ — НЕУКАЗАННОМУ ЛИЦУ

К * * *

(Останкино.) 11 августа (18)98

Хотел бы я написать Всеобщую Историю¹, но не в виде много-много-того-ного сочинения, а коротко. К чему повторять уже набившие оскомину факты? Довольно изложить основания, принципы, и руководящую мысль. Вот содержание (программа):

- Часть I. История Семитов. Египтяне, Ассиро-Вавил(оняне) и народы передней Азии.
Их общая история до Нового Царства в Египте. С 4000 до Р. Х. по VII в. — 3400 (лет)².
- Часть II. История Далекой Азии. Китай, Япония, Индия. С 5000 до Рим(ской) Им(перии) до 1 года — 5000 (лет).
- Часть III. Классический период.
Греция. Рим. Парфяне. Ново-Персы (?). С 1200 года до Р. Х. по VI по Р. Х. 1800 (лет).
- Часть IV. Американские народы. Аяа. Инки. Перувианцы. С ...*
- Часть V. Новая история до Французской революции. VI—XIX (вв). 1300 (лет).
- Часть VI. Очерк событий на всем земном шаре за XIX век. 100 лет.

3.19 (тетрадь № 39), л. 50об., сразу после завершения п. 80. Адресат письма никак не назван, возможно, что письмо вообще не предназначалось никакому реальному адресату. Тогда открывающее письмо указание: «К ***» — следует рассматривать как литературный прием. Это указание, как и составление из п. 79—80 и 83 одного «сводного» письма к Добролюбову (см. п. 79, прим. 1), свидетельствует о возвращении Брюсова к замыслу книги «Мои письма» (см. вступ. ст., гл. 4, § 6—7). Через четыре дня после данного письма Брюсов составил перечень работ, которыми хотел бы «заняться с осени». Пункт 3 в нем гласит: «Поучения (в письмах. М(ои) П(исьма)» (см. вступ. ст. — гл. 4, § 6 — и прим. 109 к ней).

¹ «Очерк всеобщей истории» упомянут в перечне планируемых осенних работ 1898 г. (*Дневники*. С. 47). В 1899 г. он снова появится в перечне альтернатив, озаглавленном «Большие задуманные работы. Что выбрать на лето 1899? и на годы 1900—1901?»: «(...) 13) Всеобщая История (1 том). Часть 1. Семиты. 2. Китайцы. 3. Американские племена. 4. Арийцы. 5. Современность» (1.15/1, л. 46). Материалов к данному замыслу в черновых тетрадях нет. Из других исторических замыслов Брюсова тех лет («О истории», «История русских славян», «История Крыма» — там же) ближе всего к нему «первоначальный учебник» по истории средних веков, для которого в конце 1898 г. были написаны план предисловия, обращение «К ученику» и наброски «Норманы», «Что такое феодализм», «Италия после каролингов» и «Последние каролинги во Франции» См. 3.21 (тетрадь № 42), л. 2—5об., 7—8, 12—15.

² Все хронологические расчеты, введенные нами в основной текст письма, в автографе Брюсова записаны на полях, слева от перечня частей.

82. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Останкино.) 15 августа (18)98

Дни проходят. Седеют пряди в кудрях леса. Осенняя нега бездействия¹ объемлет меня. Смотрю и думаю. Куда бы ни вел путь истинного познания, исходит он из любви к себе². Малый мир человека то же, что великий мир вселенной³. И не мог он стать иным. Нет ничего иного целого; в день творения не было ничего иного. Познай самого себя... бедный греческий мудрец⁴ не представлял, сколько сказал он! Смотреть в себя, в глубь души своей, дальше в глубь св(оего) духа. Весь круг постижимого и откровенного во мне⁵. И я люблю себя и вглядываюсь и торжествую в сознании возможностей. Мне не нужно выполнения. Я могу выше, чем я мог. [Вот моя вера] Не знаю. Вероятно, это шаг к истине. Только шаг. Но мне страшно идти снова во мрак. Я медлю... О, пусть я медлю еще.

* Недописано в рукописи.

3.19 (тетрадь № 39), л. 53. Второй вариант письма, с пометой «Idem» («то же, то же самое» — лат.), отсылающей к первому варианту, написанному в тот же день на левой стороне того же тетрадного разворота (л. 52об.). Адресат определен на основании пометы «К Добролюбову», предпосланной первому варианту, где ей, однако, предшествует другая, зачеркнутая: «К Бальмонту», свидетельствующая о том, что Брюсов колебался, кому именно повредить запечатленные в письме раздумья и настроения. В тетради «Мои стихи (к сб. «Согода»»), содержащей и подготовительные материалы к книге «Мои письма», воспроизведен публикуемый второй вариант, но как письмо к «К Ба-у» (14.5/10, л. 11об.), что, скорее всего, обозначает опять-таки «К Бальмонту», а не «К Бахману», как указано в архивном оглавлении тетради. Поскольку при подготовке книги «Мои письма» на этой стадии развития ее замысла реальные письма претерпевали серьезное «олитературивание» (см. вступ. ст., гл. 4, § 7), мы избираем для публикации текст из рабочей тетради и сохраняем данное там определение адресата, хотя в принципе это письмо, будучи монологом и не содержа в себе отчетливых признаков адресации, могло быть направлено любому из адресатов или обоим одновременно (ср. о понятии «схемы письма» во вступ. ст., гл. 4, § 4).

¹ В первом варианте письма было сказано: «Освобожденный от своей работы...». Это различие приоткрывает исток брюсовского «бездействия»: всего за три дня до этого письма он записал: «Я кончил мою книгу о искусстве...» (*Дневники*. С. 47).

² Ср. п. 75, прим. 12. Данное положение Брюсова существенно основано на следующем далее тезисе о подобии «миров» человека и вселенной. Понятие «любви к себе», важное для мирозосерцания Брюсова на переходе от молодости к зрелости, не следует смешивать с эгоизмом и самозлобованием, напр., в той форме, в которой их подчеркнуто культивировал ранее его адресат (см. п. 46, прим. 3). Уже стих «Обязательства» (см. п. 76, прим. 2) подсказывает две важные особенности этого понятия у Брюсова. Во-первых, «тайну», «веры в себя» он понял, «любя», что в контексте недавней женитьбы и вызванных ею переживаний счастья и единения однозначно прочитывается как «в любви к другому, близкому существу». Во-вторых, «любовь к себе» предполагает самосовершенствование и самопреодоление: «В этом мире одно есть блаженство — // Сознать, что ты выше себя» (курсив мой. — С. Г.). Наконец, и из этого стихотворения, и особенно из дневниковой записи от 8 мая отчетливо видно, что «любовь к себе» есть форма доверия к живой жизни вообще, на этот раз явленной в твоём облике и в твоей душе: «Я не был молод смолоду... я не смел отдаваться чувствам (...) Я был рабом предвзятых мнений и поставленных себе целей (...) Много нужно было борьбы, чтобы понять, что выше всего душа своя. И вот, побеждая все то, что долгие годы держало меня в тисках, я достигаю и простоты, и искренности, я отдаюсь чувству, я молод...»

Бесконечны пути совершенства,
О, храни каждый миг бытия...

Буду следовать этому Новому Завету» (*Дневники*. С. 37). Так «любовь к себе» приводила и к признанию неповторимой ценности жизни вообще. В то же время подобие души человека и мира (см. прим. 3) превращало «любовь к себе», всматривание в свою душу в познание мира и духа в целом (ср. прим. 5).

³ Уподобление этих двух миров, возможно, имело отправной точкой увлечение Брюсова монадологией Лейбница (см. п. 74А, прим. 3). В то же время оно родственно и знаменитому высказыванию Г. Гейне о том, что «под каждым могильным камнем погребена всемирная история», и несомненно впитало в себя опыт представления жизни человеческой души в великой реалистической романтике второй половины XIX в. Это уподобление сыграло свою роль в творческой истории книги «О искусстве» (ср.: *Эстетика Льва Толстого*, гл. 5), на нем построена образная система стих. «Залог» (I, 231; 24 мая 1898 г.). Да и в дальнейшем оно будет возникать в поэзии Брюсова: ср., в частности, образ «двойной бесконечности мира» в программном стих. 1900 г. «Каждый миг» (I, 225—226).

⁴ Высеченный на колонне девиз: «Познай самого себя» — встречал приходивших к храму Аполлона в Дельфах. Авторство его приписывалось и древнейшим полубогам и знаменитому философам — «семи мудрецам», и жрицам Аполлона, и самому Аполлону. Упоминания одного, конкретного «греческого мудреца», Брюсов мог иметь в виду только Сократа, который, не будучи автором тезиса, во многом предопределил его позднейшую интерпретацию. В частности, Сократ переосмыслил старинное изречение в плане этики и считал самопознание и его «последующую реализацию» в поступке, в самосовершенствовании — «путем к достижению счастья» (*Лебедев А.* «Познай самого себя» // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 506). Поэтому ссылка Брюсова именно на «греческого мудреца» важна для уяснения смысла, вкладывавшегося им в понятие «любовь к себе» (ср. прим. 2), и для понимания общей оптимистической доминанты брюсовского мировоззрения 1898—1900 гг. (ср. п. 75, прим. 12).

⁵ Призыв «смотреть в себя» и утверждение, что весь «круг постижимого во мне», не следует понимать, как дань солипсизму или агностицизму. Структурное подобие «малого мира человека» и «великого мира вселенной» (ср. прим. 3) делает самопознание познанием мира в целом и не ограничивает «путь истинного познания», а лишь определяет способ познания. Это подтверждается текстом гл. IV книги «О искусстве» (ср. прим. 1): «Безмерны изначальные сокровища духа. Но (...) нам озарена лишь небольшая часть, это — наша душа. Итти к совершенству значит озарять все новые области духа, увеличивать область души» (VI, 52).

83. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Москва. Между 20 и 24 августа 1898 г.)

Набегают и отходят много мыслей. Вот вы [уходите] уже подымаете черные крылья и скоро не видны нам¹. Повторяю о благословенности Вашего образа в одно из мгновений * несмелости². [Повторяю еще о бесконечности] Принимаю и признаю о постоянном пребывании близ Вас и Спутника³. Так и будет.

Вот передо мною старые письма, старые письма. Они все. От первой записки «Мы прибыли, чтобы подать свои произведения»⁴, через горькие (кон(ечно?), я зн(аю), что во многом — но не во всем — заслуженные) упреки⁵, через слова Ваши о изысканном праве легкомыслия⁶, — (о, безумие, безумие, но и не знаете, как оно ласкало меня) — и до последних поучений, строгих и твердых, резаных на металле. [Новые Заветы] [Иные Скрижали] Долог путь от наивной царицы разврата⁷, прошедшей в нешепчущий лес, путь к песни святых^{2*}, — Клянусь! не будем такими богами⁸. Долог путь.

Вот передо мной (*I нрзб.*) [высокие] полки — [Вы видели их] — и они вдруг засветились, ибо стали на них в ровных рядах мне знакомые книги, те, что задыхались в пыли и роптали. Я люблю книги. [Люблю вот те современные, к которым я привык] Не свитки древних или кирпичи востока⁹, а наши сгибающиеся листы, и печать, [черные и мелкие узоры, все более и более бессвязные.] люблю книгу¹⁰ не ради сказанного, не ради тех, кто думал о ней, а ее самую, от пьянящего запаха старой бумаги до раздражающего свежей печати. И вдруг для меня воскресли и *les odeurs suaves*^{3*} Монтескью Фезансака¹¹ и *Les bords de la route* Верхарна¹² и вы (?), и Он — начаток всем(у)

Nous sommes tes grands parents

Les grands

Couverts des froides sueurs...¹³

И отсюда, и от книг, и для меня — о далек был бы путь, если б достичь той Звезды, что мерца(я), виднеется, *conuscat*^{4*} за решетками (Ведь: «... Окна в решетках и сумрачны лица...») ¹⁴. Смутное отречение, которое [всякая] душа [ищет] жаждет и уже проповедует¹⁵. Но оно бессильно и просит (?) [ее указаний (?)]. Да воззовет и ее некто, как Господь некогда Иезекииля] Будет ли ей голос?: «Сыне человеческий, стани на ноги твоя и возглаголю тебе»¹⁶. Ждет, и перемышляет, и мимо идет, глядя на многое. Пока это полуприкр(ытие), уступка [молчание при] — до времени в самотворчестве духа и бесконечности далей. Но закрытые глаза не избавят от видений^{5*}.

Придет ли. Ты ли это? Много еще верю я услышать, многое без конца, но будет ли это все. И тогда скажу ли я «Помоги неверящ(ей) или и «аминь»? Что могу отвечать. Простое ожидание, белое, разделенное на узкие полосы¹⁷. Но есть мечтания. Я бы слагал песни торжествующие, ибо знаю, что могу. Ныне (?) лишь (?) провидение ленивое — отражение в зеркале¹⁸; слова гордости говорят о нес(о)зданном. Осудят, что узка башня¹⁹, где мои обретения. Но я хотел воли, и ограничил себя, чтобы быть свободным.

С о ў г о н а²⁰

Тайны трепетно светятся,
 Знаком великим отметятся
 Выйдут свободные войны,
 Станут их силы утроены.
 Погибнет безвольное, старое...
 Истина скажет нам: «дáрую!»

Плачьте в предчувствии нового,
 Увенчайте коронами головы:
 Знаком великим отметится
 Все, что в тумане нам светится)

* Далее последовательно зачеркнуто: отступничества; трепета

2* Далее зачеркнуто: чьи движения повторяются в

3* Сладостные ароматы (франц.).

4* Сверкающая, искрящаяся (лат.).

5* Было: и закрытые глаза видят, что узкий путь смыкается углом

Верю и жду — я. И будь тот, кто ждет это самый малый из всех, знающий не может не помнить, что кто-то ждет.

В. Б.

P. S. Maeterlinck «Le trésor des humbles» ²¹

3.19 (тетрадь № 39), л. 54, без указания адресата, определяемого по содержанию (см. прим. 3—8, 21) и образному строю (см. прим. 1, 3, 18, 19) письма. Ответ на письмо Добролюбова, озаглавленное: «В. Брюсову от знакомого» (85.16, л. 24—24об.; ср. прим. 1, 3, 18, 21). Датируется по расположению в тетради перед двустихием из цикла «Отрывки» (см. п. 76, прим. 14) и приводимому в конце стихотворению (см. прим. 20). Перебеленный автограф начала письма, хранящийся среди писем к Бальмонту (69.26, л. 11—11об.) и ошибочно опубликованный в качестве письма к Бальмонту в работе: *Нинюв А. А.* Так жили поэты... // Нева. 1978. № 7. С. 98. Датирован 24 августа.

¹ В фактической своей основе эта фраза — реакция на содержавшееся в письме «В. Брюсову от знакомого» сообщение Добролюбова о его предполагаемом «отъезде первого сентября» и требование: «Пишите все сейчас, зимой письма в монастырь не доходят» (85.16, л. 24. Добролюбов говорит здесь о Соловецком монастыре). Содержательная же структура бросовской фразы строится на обыгрывании образа, открывавшего более раннее письмо Добролюбова «Брюсовым и друзьям знания...» (см. п. 79, преамбулу к комм.): «Дух мой дрожит при мысли о Вас — *упругими крыльями* касаюсь лучшей части вашей...» (85.16, л. 16. Курсив мой. — С. Г.). Образ поднимаемых крыльев в сводном письме к Добролюбову для книги «Мои письма» (см. п. 79, прим. 1) сохранен, но принадлежавшее самому Брюсову цветное определение «черные» заменено на «расширенные» (14.5/10, л. 12).

² Ср. образ промедления, заключающий п. 82. Данная фраза вошла в сводное письмо (см. прим. 1).

³ Образ, рожденный фантазией Добролюбова. отождествление спутника с самим Добролюбовым (*Нинюв А. А.* Указ. соч. С. 99) ошибочно. Впервые этот образ мельком появляется в письме «В. Брюсову от борца» (см. п. 80, преамбулу к комм.): «Близкий некоторым мертвецам через спутника моего...» (85.16, л. 13). В письме «В. Брюсову от знакомого» этот образ фигурирует уже в самом начале письма как существительная тема переписки, и от Брюсова требуется уже как бы признание его реальности: «Уверен, что чувствуете меня и спутника моего, да не пугает вас строгое лицо его» (там же, л. 24). Именно на это требование, настроясь на тональность Добролюбова, и отвечает Брюсов в комментируемом письме. Вместе с предшествующей фразой признание «спутника» вошло в сводное письмо.

⁴ Записка, переданная Брюсову Добролюбовым и Вл. Гишпиусом перед их первой встречей в 1894 г.: «Милостивый государь! Получив сведения из предисловия к книжке „Русские символисты“, мы, имея в виду издать свои стихотворения, прибыли на днях из Петербурга в Москву и обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой назначить нам день и час для переговоров. Примите уверения в совершенном почтении и преданности. Гишпиус и Добролюбов

Адресовать: Николаевской железной дороги станция Химки. До востребования. *Гишпиусу*. 18 $\frac{10}{VI}$ 94 г.» (82.34, л. 1—2. Ручкой Вл. Гишпиуса).

⁵ См. письмо Добролюбова и Гишпиуса, приводимое в п. 15, прим. 1.

⁶ Цитата из ответа Добролюбова на п. 46: «Теперь у меня есть изысканное право легкомыслия. Я могу следовать обыкновенным отношениям, зная, что я касаюсь какой-то бездны. Изящная нить паука между вершинами скал, образующих ущелье...» (85.16, л. 14).

⁷ Образ из стих. Добролюбова «Священна и властна — царица разврата...», описывающего античную фигуру «вакханки на пантере» (*Добролюбов 1895*. С. 42).

⁸ «Песнь святых» — предпоследняя часть поэмы Добролюбова из его письма «В. Брюсову от борца» (см. п. 80, прилож.). «Клянусь! не будем такими богами» — последняя строка этой части.

⁹ Брюсов имеет в виду глиняные клинописные таблицы Древнего Двуречья.

¹⁰ Ср. своеобразное стихотворение в прозе «К философии книги», которым заканчивалась заполнявшаяся зимой 1897—1898 гг. тетрадь № 36 (3.14, л. 38об.—38; без последней неоконченной фразы и с неточным переводом евангельской цитаты опубли. в ст.: *Гиндин С. И.* Брюсов о забытых книгах // В мире книг. 1972. № 6. С. 41).

¹¹ Монтескью Фезансак — французский поэт. См. о нем наст. кн., Переписка с Курсианским, п. 28, прим. 9.

¹² «Обочины дорог» — видоизмененное название книги стихов Э. Верхарна «Au bord de la route».

¹³ «Мы — твои великие предки // великие // Укрытые холодным потом...» — цитата из первого стихотворения цикла А. Рембо «Comedie de la soif» («Комедия жажды»). Четвертая строка «De la terre et des verdure» — «Земли и трав» в автографе зачеркнута — возможно, из-за ошибки в цитате — у Рембо — «De la lune...» — «луны...». Данная в комментируемом письме оценка по тону — самое восторженное из известных высказываний Брюсова о Рембо. Однако по своему содержанию она вполне согласуется с той характеристикой роли Рембо, что была дана уже в статье 1893—1894 гг. о Верлене (см. п. 1, прим. 2).

¹⁴ Начальная строка стихотворения, открывавшего первый выпуск «Вечерних огней» Фета.

¹⁵ Брюсов мог иметь в виду такие уже написанные им к этому времени стихотворения с мотивами «смирения» и «отречения», как «Еще надеяться — безумие...», «Отречение» (I, 132—133), «Облитый светом предзакатным...» (*Избр.* 1926. Т. 1. С. 52) и т. п. Слова о «жажде» отречения, как и следующее далее в письме признание о самоограничении ради свободы, — существенный корректив к этическим положениям, развитым в п. 3, и 61, а также к традиционному представлению об индивидуализме молодого Брюсова.

¹⁶ Библия. Книга пророка Иезекииля, гл. II, 1. Возникающий далее мотив «уступки» связывает данное письмо с п. 72 и 79. Однако здесь «уступка» уже не компромисс, не поражение, но временное ожидание, накопление сил.

¹⁷ Ср. образы, заключающие первую часть п. 66.

¹⁸ Образ зеркального отражения, по-видимому, еще одна реминисценция из «старых писем» Добролюбова. См. цитату в п. 46, прим. 3.

¹⁹ Возможная парафраза образа из письма Добролюбова, на которое отвечает Брюсов: «С каким ликом покину высокую башню свою для царства юга...» (85.16, л. 24).

²⁰ «Венок» (*лат.*). В автографе указано только заглавие этого стихотворения, написанного не позднее, чем за 4 дня до данного письма. Приводим его текст по нижнему слою автографа в тетради «Мои стихи» № 9 (14.5/9, л. 23), без учета поправок, скорее всего сделанных уже позднее. Окончательный текст см. I, 231—232. Следует иметь в виду, что заглавие «Согопа» Брюсов в это время предполагал дать всей подготавливаемой им книге стихов (будущей «*Tertia vigilia*»; см., напр.; *Дневники*. С. 34; Запись от 12 марта). Озаглавливая так отдельное стихотворение, он тем самым подчеркивал программный характер последнего.

²¹ Метерлинк. «Сокровище смиренных» (см. п. 66, прим. 2). В письме «В. Брюсову от знающего» Добролюбов просил: «Одной девушке необходимо заглавие книги Метерлинка, откуда рассказывали о чувствуемой лжи» (85.16, л. 24).

84. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Около 29 августа 1898 г.)

Вы знаете, как я люблю читать Вас. Вы знаете, что есть в Вашей книге ¹. Не буду писать восклицаний. Читаю. Наслаждаюсь. Т(е)перь вижу, что это уж(е) совсем не «Безбрежность» ². Еще ступень, как от «Северного неба», как от Ярославля³. Не спешу узнать все. Продл(еваю) сладостр(астье). Сейчас восторги и единение. Но — верится — будут и [горькие] упреки ⁴. До завтра.

Ваш ВВ

Р. С. Пыта(юся) читать и Шелли ⁵.

3.19 (тетрадь № 39), л. 55об. Второй вариант письма; первый записан на том же листе (см. прим. 1, 4, 5). Ответ на присылку Бальмонтом дарственного экземпляра его книги «Типина». Суждения Брюсова об этом сборнике см. также: наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 35 и п. 86 наст. публ. Датируется на основании дневниковой записи Брюсова от 29 августа (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом. Вступ. ст. А. А. Нинова, прим. 55), а также расположения на обороте двустипия из цикла «Отрывки» (см. п. 76, прим. 14).

¹ В первом варианте эта оценка была высказана в более непосредственной форме: «Знаете, что в этой книге есть вещи замечательные, есть „аккорды бездонных значеньем...”» (3.19, л. 55об.; цитата — из стих. Бальмонта «Аккорды», см. п. 64, прим. 3).

² Здесь и далее Брюсов перечисляет, в порядке обратном хронологии их появления, предшествующие книги стихотворений Бальмонта (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 35).

³ Ср. аналогичное подчеркивание непрерывного роста дарования Бальмонта в статье «К. Бальмонт. (18) 95»: «Стихи Бальмонта, которые стали появляться в журналах после издания сборника, — были настолько выше «Северного неба», насколько само «Небо» выше Ярославского сборника» (3.2, л. 48). Для молодого Брюсова подобное превосходство новой книги над предыдущей являлось необходимым свидетельством того, что поэт не остановился в своем развитии. Ср. в письме к Коринфскому от 2 марта 1899 г.: «... она лучше, выше прежних Ваших книг, но не во всем, а это дурно. Надо, чтобы каждый новый сборник был безмерно выше прежнего, и (...) так (...) без конца» (*Красовский Ю. А.* «Город и камни люблю...» // *Встречи с прошлым*. М., 1978. Вып. 3. С. 75; черновик начала ошибочно опубликован В. Г. Дмитриевым в качестве письма к Софанову в кн.: В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 143).

⁴ Эти упреки частично высказаны в п. 86. В первом варианте комментируемого письма об упреках не говорится.

⁵ Сочинения Шелли/Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. М.: Изд. маг. «Книжное дело», 1898. Вып. 5. Брюсовский экземпляр книги, без дарственной надписи Бальмонта, сплетен в конволют с двумя следующими выпусками (см.: Ф. 386. Книги, № 908). В первом варианте письма соответствующее место дано подробнее: «Пыта(лся) читать и Шелли, но не совсем успе(л) в этом».

85. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(После 29 августа 1898 г.)

Не знаю, застанет ли Вас это письмо ¹. Я перечитывал еще раз Ваши стихи, бед(ные) обрывки сти(хотворений), которые запис(ал) по памяти после Вашего отъезда ². Я хочу еще раз сказать, повторить — но Вы и сами знаете — что эти стихи, быть может, самое замечательное, что было написано в их время ³. Еще и еще раз моя мольба — чтобы Вы не уничтожали напис(анное), того, что у Вас есть ⁴. Знаю, что оно не умрет и без записи, но я — люблю земные стихи (?), и звуки, и буквы ⁵. И много есть, и много будет подобных мне, которые иначе не узнают [этих стихов] Вас. Их не забывайте.

Если уходите ⁶ — будьте живы и возвращ(айтесь) ⁷.

Всегда Ваш почитатель В. Б.

3.19 (тетрадь № 39), л. 56 без обращения и без указания адресата, определяемого по содержанию письма. Датируется по расположению в тетради на обороте автографа п. 84, а также по времени предполагавшегося «ухода» адресата.

¹ В письме «В. Брюсову от знающего» Добролюбов писал о своем уходе «первого сентября или после» в Соловецкий монастырь (см. п. 83, прим. 1). Однако вместо этого он в начале второй декады сентября неожиданно появился у Брюсовых в Москве (*Дневники*. С. 48. Запись от 12 сентября).

² Некоторые из прочитанных Добролюбовым стихотворений Брюсов записал еще во время его посещения, прямо в дневниковой записи от 28 июля, подробно описывающей «те два дня, которые мы провели здесь, в Останкине, с Добролюбовым» (Там же. С. 41—45. Записи стихов при публикации *Дневников* опущены, их тексты см.: 1.15/1, л. 18об.—19об.). Первая из записей, включавшая 5 стихотворений, предварена словами: «Так как стихи эти могут все погибнуть, то запишу здесь те, что запомнил я» (л. 18 об.). После же записи следовало сокрушенное: «Немного запомнил я» (л. 19об.). «Бедные обрывки», о которых говорит Брюсов в письме, заключают запись, сделанную в день отъезда Добролюбова, 4 августа (1.15/1, л. 21—21об.); в *Дневниках* (с. 46) стихи опять-таки опущены. Что касается более подробной брюсовской записи (37.13, л. 11—14об.), то думается, что она, судя по составу и более скрупулезному характеру, была сделана уже после знакомства с рукописями Добролюбова, возможно с теми, о чтении которых сообщается в п. 98.

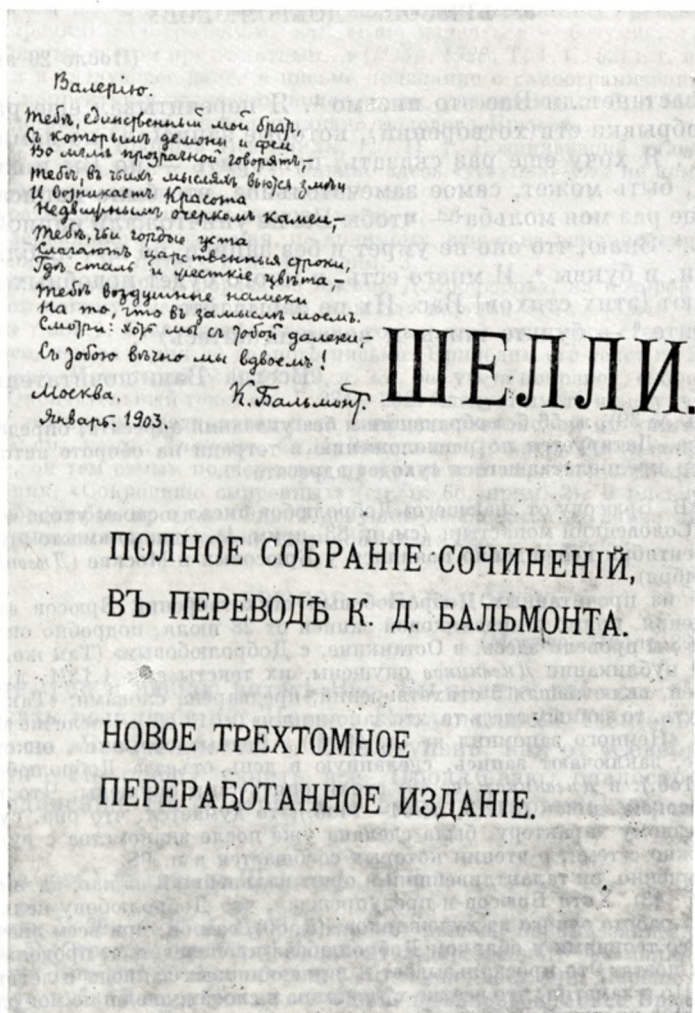
³ Ср.: «Несомненно, он талантливейший и оригинальнейший из нас, из числа новых поэтов» (*Дневники*. С. 43). Хотя Брюсов и предупреждал, что Добролюбову нельзя будет «вернуться (...) к (...) работе одного из художников» (п. 80), сам он, при всем впечатлении, произведенном на него теориями и обликом Добролюбова-проповедника, продолжал ценить его прежде всего как поэта. Это проскальзывает и в дневниковых записях о летних встречах с Добролюбовым: «Но я заметил, что все же художника в своей душе он не мог одолеть окончательно. Что жив еще прежний Добролюбов, именно при чтении стихов...» (*Дневники*. С. 45. Запись от 28 июля); «Но что лучше, он написал, исходя из этих мыслей, несколько прекрасных стихотворений» (Там же. С. 46. Запись от 4 августа).

⁴ Возможно, что неожиданное сентябрьское возвращение Добролюбова (см. прим. 1) было результатом этой просьбы Брюсова, убедившей его, что именно на Брюсова он мог положиться в сохранении своих творений. Дневниковая запись Брюсова об этом кратком двухдневном визите свидетельствует, что говорил с Брюсовым Добролюбову в этот раз было особенно не о чем, зато, уезжая, «он оставил (...) связку своих бумаг» (*Дневники*. С. 49).

⁵ Ср. признание в любви к книгам и к их материальному облику в п. 83, а также концовку «Сонета к форме» (I, 33), которым Брюсов впоследствии откроет каноническое собрание своих стихотворений в *ПСС* I.

⁶ Как видим, Брюсов не был уверен в «уходе» Добролюбова. Возможно, что именно этим объясняется возникновение п. 80 с его подробным разъяснением последствий «ухода».

⁷ Это искреннее и человеческое напутствие Брюсова уходящему Добролюбову свидетельствует о необоснованности прямолинейной интерпретации п. 80, согласно которой Брюсов «отказывает Добролюбову в пути назад», ибо «Добролюбов нужен Брюсову там» (*Иванова Е. В. Валерий Брюсов и Александр Добролюбов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. Т. 40. № 3. С. 262—263*). Добролюбову, по мысли Брюсова, не было «пути назад» от себя нового к себе прежнему, но никак не из Соловков в столицы или из больницы в общество. Подтверждением предлагаемой интерпретации служит и тот факт, что совершенно аналогичная декларация о невозможности «пути назад» в дневниковой записи от 8 апреля 1897 г. была применена Брюсовым к себе самому (см. п. 80, прим. 3).

ШЕЛЛИ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Т. I

Перевод К. Д. Бальмонта. Спб., «Знание», 1904

Титульный лист с дарственной надписью: «Валерию. Тебе, единственный мой брат, || С которым демоны и феи || Во мгле прозрачной говорят, — || Тебе, в чьих мыслях вьются змеи || И возникает Красота || Недвижимым очерком камня, — || Тебе, чьи гордые уста || Слагают царственные строки, || Где сталь и жесткие цвета, — || Тебе воздушные намеки || На то, что в замысле моем. || Смотри: хотя мы с тобой далеки, — || С тобой вечно мы вдвоем! К. Бальмонт. Москва. Январь. 1903.»

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

86. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Не ранее 30 августа 1898 г.)

Вот и Ваша книга ¹ стала для меня прошлым. Я прочел ее — и еще раз, и останавливался над каждым стих(отворением) и уж(е) рассматривал его не как отблеск души Вашей, а как создание искусства. Сейчас (?) мне мн(огое) хотелось написать Вам с этой точки зрения и упрек(нуть) В(ас во) мн(огом). Но не буду. Если [будет минута искренней] настанет мгновение свободной беседы — я все скажу Вам, ибо холодны слова, отданные бумаге ².

[Серьезных обвинений два — а Вы (?) дум(али)?]

1) Вы до сих пор не знаете, что такое стих ³

1903 Декабря.
Москва.

Валерию Брюсову.

Как разлюбил Ассаргодона?
Пусть он, порой, людского стона
Не слышит, ослепнет собой,
Ты стон души! Он не был божьим,
Замрет к нам, быстротечен, бездонен,
Но быстрый миг поймет любовь,
У ко-го лишь миг мигот Душамогот,
Мне Вспыхнувши, в не-вероятности,
Их бури к Восток голубой?
Вдоль лишь он, кто-то гласит,
Дали выходяще
Воск. Душамогот, лишь собой!

ШЕЛЛИ.

К. Бальмонт.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ,
ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

НОВОЕ ТРЕХТОМНОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ.

ШЕЛЛИ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Т. 2

Перевод К. Д. Бальмонта. СПб., «Знание», 1904

Титульный лист с дарственной надписью: «Валерию Брюсову. Как разлюбил Ассаргодона? [Пусть он, порой, людского стона] Не слышит, ослепнет собой. [Что стоит гений! В нем быть вечность. [Замрет в нем, вспыхнув, быстротечность. [Но быстрый миг поймет любовь.— [А кто поймет миров бездонность, [Их длительность, их непреклонность, [Их бури в бездне голубой? [Один лишь он, кто — вне закона, [Кто мерит дали небосклона [Своей душою, лишь собой! К. Бальмонт. 1903. Декабря. Москва]

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

2) Вы * до сих пор не знаете ** , откуда яв(ляется) новое, своеобраз(ное) [в] образ(ах) † .

Подр(обности), если увидимся.

Не(и)з(менный) Ваш читатель

В Б **

(Р. С.) Теперь о Шелли † . Мне кажутся верными Ваши замечания в предисловии † . Пр(очел) я конечно не все, — а! мне, который так любит стихи, их (‡)

* Далее зачеркнуто: Вы думаете, что могут быть новые выражения и новые образы

** Далее на полях незаконченный, но и зачеркнутый вариант продолжения текста: что есть в своеобраз(азию).

† Далее зачеркнуто: Это конечно не значит, что Ваши стих(и) нельзя чи(тать), что все Ваши образы не ласкают глаз или чувства. Но я еще раз убедился, что умн(ое) Вам не дается (‡) † .

звуки и буквы ⁸, мне тяж(ело) читать переск(азанное) *словами* (т. е. en prose ⁹). Но я прочел «Волшебницу Атласа» — и начинаю думать, что это лучшее, что мне известно у Шелли. Это должно быть необыкновенно хорошо. Стихи о тенях, лежащих на Ниле ¹⁰, хороши до безумия. Есть предел глубины ¹¹, в искусстве гибельный.

Р. р. s. Курсинский (помните такого человека?) просил Вам передать следующее — «Неуж(ели) Бальмонт писал его предисловие в трех городах — ¹² (помните портного у Гоголя?) ¹³ 2. Что за встревоженное (?) изда(ние)? Что за лист в начале с эпиграфом? ¹⁴ 3. Откуда бы ни приходили об(р)аз(ы) к Вам в стихотв(орения) — это уже искусство» ¹⁵.

Ваш В В

3.19 (тетрадь № 39), л. 56об. Продолжение п. 84, по-видимому, не является ответом на какое-либо новое письмо от Бальмонта. Датируется по расположению в тетради после автографов п. 84 и 85 и с учетом указания «до завтра» в п. 84.

¹ См. п. 84, преамбулу к комм.

² В черновике ответа на письмо И. А. Бунина от 5 февраля 1901 г. Брюсов напишет: «Но трудно и невозможно столкнуться в письмах. Вы слишком знаете, что дело всегда не в словах, а в тоне, в участ(во)вании, в том, что в стихах замен(яется) их мелодией и чего не может быть в прозаической речи» (72.25, л. 1об.; ср. окончательный вариант письма, опубл. А. А. Ниновым в: *ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 455—456*). Объясняя проявившееся и в комментируемом письме предпочтение устной беседы эпистолярному контакту, данное высказывание Брюсова одновременно бросает дополнительный свет на брюсовскую концепцию природы стиха (см. прим. 3), согласно которой стих «позволяет сказать иные речи более выразительно, чем то может разговорный язык» (*О русском стихосложении. С. 9*). Ср. простановку акцентных указаний в п. 66 и 83.

³ В 1918 г. Брюсов напишет для сборника «Опыты» специальную заметку «Что такое стих» (опубл.: «Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 127»). Словом «стих» можно обозначить и стихотворную речь в целом, и отдельную единицу этой речи. Брюсовская концепция природы стиха, сформировавшаяся как раз в 1898 г., объединяла и связывала оба эти феномена. Смысл брюсовского упрека, скорей всего, сводится к недооценке Бальмонтом такого основополагающего свойства, как целостность, единство стихотворной строки: «Стих есть некоторое целое (...) ему дана поэтом обособленная жизнь» (*О русском стихосложении. С. 9*). Проявление этой недооценки Брюсов усматривал в частых немотивированных синтаксических переносах из строки в строку. Ср. аналогичное, но более подробно сформулированное замечание по адресу Полонского в ст.: *Неосуществленный замысел. С. 189*.

⁴ Ссылка «до сих пор» позволяет предположить, что Брюсов здесь имеет в виду отмечавшееся им и в прежних книгах Бальмонта чрезмерное пристрастие к необычным образам, строившимся зачастую на экзотических, редких словах. Еще в письме к П. П. Перцову от 19 июля 1896 г. было выдвинуто определение «сущности (...) поэзии» Бальмонта как «погоны за оригинальными выражениями, за новыми выражениями во что бы то ни стало» (*Письма к Перцову. С. 78*). В набросках к «Истории русской лирики» Брюсов, сближая Бенедиктова и Бальмонта, среди оснований сближения выделял и признак «любви к иностранным звучным словам» (*Неосуществленный замысел. С. 190—191*). Одобрив введение «не слыханных в стихах» слов и «экзотических названий» как один из очень действенных локальных поэтических приемов (ср.: *Письма к Перцову. С. 36*. Письмо от 17 августа 1895 г.), Брюсов не принимал их как самоцель, не считал их обязательным условием новизны. Комментируемый второй «упрек» Бальмонту является зародышем одной из важнейших статей Брюсова советского периода — «Погоны за образами», основной вывод которой гласил: «Поскольку нов будет общий замысел произведения, постольку невольно будут новы, иногда непривычны его образы» (VI, 536).

⁵ Слова «еще раз» отсылают к впечатлениям Брюсова от предшествующих книг Бальмонта. Отрицательное отношение к бальмонтовским опытам философской поэзии, выраженное, правда, с различной степенью категоричности, проходит практически через все статьи и высказывания Брюсова о Бальмонте 1895—1896 гг. На последнем листе тетради «Мои стихи» № 5, законченной в конце февраля 1896 г., находим такую запись: «У Бальмонта идея — лишь предлог — собрать разнообразие, по возможности оригинальные и изысканные строфы» (14.5/3, л. 39об.). В неопубликованной рецензии на *В безбрежности* Брюсов писал: «Несмотря на множество жалких попыток философствовать (напр., „Три сонета“) во всей книге только одно хорошее стихотворение, которое вместе с тем можно назвать философским — «Переворощение». Бальмонту не хватает мыслей для выражения, вот почему он так мучительно возвращается к одним и тем же сюжетам (...)» (3.16, л. 34об.). 17 августа 1895 г. Брюсов писал Перцову: «Будем восхищаться тем, что есть хорошего в поэзии Бальмонта, и не отвергнем его только за то, что его стихи никогда (несмотря на все его попытки) не займут места в ряду „философских мотивов русской поэзии“» (*Письма к Перцову. С. 36*). См. также слова о внешнем «пристегивании мысли» в характеристике Бенедиктова как «Бальмонта прошлого», указ. в прим. 4, и цитату из раннего наброска «Русской поэзии 95 года» (вступ. ст., гл. 3, § 6).

⁶ См. п. 84, прим. 5.

⁷ Далее в рукописи оставлено чистыми примерно полстрочки. Скорее всего, Брюсов собирался в отсылаемом варианте письма выписать примеры подобных верных замечаний. «Предисловие» Бальмонта содержало краткую характеристику каждого из включенных в выпуск произведений Шелли, замечания об общем для них свойстве «высоты» (см. прим. 11) и об отсутствии у Шелли «желания и умения достигать *эффекта*» (Сочинения Шелли. Вып. 5. С. X, Курсив Бальмонта), а также обоснование принятого в выпуске способа перевода (см. прим. 9).

⁸ Ср. п. 85 прим. 5 к нему.

⁹ «В прозе» (*франц.*). В обсуждаемом выпуске значительная часть переводов была выполнена Бальмонтом в прозе. В предшествующие годы Брюсов сам выполнил и собирался публиковать ряд прозаических переводов из Верлена (см. статью С. И. Гиндина, указ. в п. 19А, прим. 1) и Верхарна (см.: *Динесман Т. Г.* (Вступ. ст. к переписке с Верхарном) // *ЛН*. Т. 85. С. 548). В комментируемом письме Брюсов недвусмысленно говорит о функциональной неполноценности прозаической передачи, дающей лишь «пересказ», а не перевод поэзии. Подобная переоценка была связана, надо полагать, с формированием брюсовской концепции стихотворной речи, включавшей в себя и положение об особой «выразительности» стиха, «большей», чем других видов речи (см. прим. 2—3). Именно это специфическое возрастание «выразительности» принципиально не могло быть передано в прозаическом переложении стихов. В дальнейшем Брюсов к прозаическим переводам не прибегал.

¹⁰ Если мы правильно прочли четыре предшествующих слова, то брюсовская оценка относится к 65-й строфе «Волшебницы Атласа», так переведенной Бальмонтом: «И там, где на речной поверхности лежат тени громадных храмов, лежат и никогда не исчезают, но вечно трепещут, как существа, которые каждое облако может присудить к Смерти...» (Сочинения Шелли. Вып. 5. С. 152).

¹¹ В «Предисловии» Бальмонта содержался образ, семантически противоположный, но также констатирующий «чрезмерность» достоинств Шелли: «Но почти все собранное в этом выпуске произведения отмечены особенной печатью (...) воздушный характер шеллиевской поэзии нередко достигает таких ступеней, что читатель готов счесть недостатком доведенное до совершенства достоинство. Шелли слишком часто поднимается на такую высоту, что глаза устают следить за его полетом» (Там же. С. IX).

¹² Далее в рукописи пропуск. Скорее всего, Брюсов собирался перечислить здесь те три города, которые обозначены под бальмонтовским «Предисловием» к обсуждаемому 5-му выпуску переводов из Шелли: «Венеция—Рим—Париж» (Там же. С. XI).

¹³ Во втором томе «Мертвых душ» Чичиков шьет себе «фрак цвета наваринского пламени с дымом» у портного, который «был сам из Петербурга и на вывеске выставил «Иностранец из Лондона и Парижа». Шутить он не любил и двумя городами сразу хотел заткнуть глотку всем другим портным...».

¹⁴ В обсуждаемом выпуске «Сочинений Шелли» между титульным листом (с. I) и «Оглавлением» (с. V) был помещен шмуцтитул к «элегии» Шелли «Адонаис», напечатанной в самом конце выпуска (с. 161—192). К тому же судя по нумерации страниц «Предисловия», этот шмуцтитул был включен в первую (римскую) пагинацию страниц тома, т. е., скорее всего, был помещен на столь странное место сознательно.

¹⁵ Это замечание, по-видимому также принадлежащее А. А. Курсинскому, — явный корректив ко второму из упреков Брюсова (ср. прим. 4).

87. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва, 17 октября 1898 г.)

Друг мой! надеюсь, что стихи, Вами присланные, писаны не Вами¹. Если их писал [муж ум(удренный)] некто, написавший уже много-много таких стихов, пусть не пишет боле. Если их писал очень юный юноша, неизвестный, пусть пишет еще и еще. Если это перев(од), то подл(инник) д(олжен) быть очень хорош. Это программа для стихотвор(ения), но не стихи.

Я блуждаю по-прежнему² по улице, ибо теплее. Антон Облеухов жалуется, (и жаловался), что Вы его не повидали³. Н. Д. под балдахином⁴ создает новое направление русской мысли. Беседу со стариком Бартеневым, который хорош тем, что знает науку всех наших «учителей» — Тютчева, Баратынского, Огарева⁵. Читаю Шоленгауэра⁶. Пришлите «Тишину» Курсинскому, этим Вы навсегда завокуете его вечно оскорбленное сердце. Неужели наша Сапфо⁷ не пришлет мне своей книжки. Я шел вчера купить ее, но соблазнился и купил вместо нее «Сумерки» Баратынского⁸ и еще кой-какие «редкости» — а Сапфы не купил.

3.21 (тетрадь № 42), л. 27об.—28, с пометой «К Бальмонту». Второй вариант этого же письма, без указания адресата и оборванный на словах: «Если их писал некто», см. 73.38, л. 1

М. Т. Лохвицкая (Жибер).

Константину Дмитриевичу
Бальмонту
от его сестры Анны и почитательницы
М. Жибер.

СТИХОТВОРЕНИЯ. 27го февраля
1896.

МОСКВА.

Высшаяя ул. Т-во Сирен. А. А. Левинсон. Петрова, А. Леонидов.
1896.

М. А. ЛОХВИЦКАЯ (ЖИБЕР).
СТИХОТВОРЕНИЯ. М., 1896

Титульный лист с дарственной надписью: «Константину Дмитриевичу Бальмонту от его читательницы и почитательницы М. Жибер. 27го февраля 1896»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

⁴ Николай Дмитриевич Облеухов был в то время редактором нового журнала «Знамя», к сотрудничеству в котором пытался привлечь и Брюсова (см.: *Дневники*. С. 50—53, 58). Образ «балдахина» — реальное впечатление, возникшее у Брюсова при первом посещении редакции журнала: «Николай Дмитриевич сидит под красным балдахином (собственно, это занавеска двери, но так выходит)» (*Дневники*. С. 50, запись от 27 сентября). В то же время это отсылка к знаменитому сатирическому стиху А. К. Толстого «Сидит под балдахином...», свидетельствующая о крайне скептическом отношении Брюсова к тому, что мог бы создать Н. Д. Облеухов. См. также п. 91, прим. 9.

⁵ Знакомство с П. И. Бартеневым произошло, когда Брюсов принес в редакцию свою статью о текстологии Тютчева (см. запись от 12 сентября 1898 г. — *Дневники*. С. 49; о статье см. п. 58, прим. 2—3). 16 сентября Брюсов записал: «Был еще раз у Бартенева. Беседовали оживленно о трех Великих, пребывающих — о Пушкине, Тютчеве, Баратынском. Но Пушкин из них больший. В этой дневниковой записи существенно не только ее прямое содержание, но и подтекст. Самым своим построением запись отсылает к известному изречению апостола Павла: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1-е послание к Коринфянам, гл. XIII, 14).

⁶ Артур Шопенгауэр (Шопенгаур, 1788—1860) — немецкий философ, представитель философского волюнтаризма. Первое знакомство Брюсова с его творчеством произошло в конце 1889 — начале 1890 г., когда были сделаны выписки из «Метафизики любви» (4.1, л. 23об.—25об.; ср. *Из моей жизни*. С. 43) и из «Афоризмов и максим» (см. *Гудзый 1937*. С. 198—199). После многолетнего перерыва интерес к Шопенгауэру вновь проявляется лишь весной 1897 г., когда на одном листе с окончанием п. 67 была сделана запись: «Прочсть Шопенгауэра» (3.10, л. 17). Вновь возникший интерес был подкреплён занятиями философией Канта (см. п. 75, прим. 13) и Лейбница (см. п. 74А, прим. 4), и в 1898 г. Брюсов проштудировал важнейшее сочинение Шопенгауэра «Мир как воля и представление» в переводе А. А. Фета, вышедшее в этом году четвертым изданием. О значении Шопенгауэра для русских символистов см.: С. К. Кузьмус, М. А. Гофайзен. Идеи Шопенгауэра в русской литературе XIX века. // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв. Таллин, 1985.

⁷ Петербургская поэтесса Мирра Александровна Лохвицкая (1869—1905), имевшая ре-

(в архивном описании единицы адресат не установлен). Ответ на присылку Бальмонтом рукописей его новых стихотворений.

Датируется по содержанию первого абзаца второго варианта (в публикуемом варианте отсутствует): «Начал писать Вам, но неожиданно посетили меня 1) Курский, 2) Перцов, 3) Саводник, принесший свою книгу стихов в 10 листов — формата 23×17 (...) Поэтому не удивительно, что продолж(аю) так, как продолжаю». Перечисленные в этом абзаце лица, согласно *Дневникам* (с. 51), заходили к Брюсову 17 октября 1898 г. О книге В. Я. Саводника см. п. 90, прим. 16 и п. 91, прим. 11. Начало следующего письма к Бальмонту: «Я был болен (...) потому и не писал Вам» (наст. кн. Переписка с Бальмонтом, п. 39) — позволяет предположить, что комментируемое письмо не было отправлено

¹ Во втором варианте письма за данной фразой следовало: «Если ошибаюсь, то примите мое пожелание больше таких стихов не писать» (73.38, л. 1). Какие именно стихи были присланы Бальмонтом, неизвестно. Но фраза следующего письма к Бальмонту, от 3 ноября 1898 г.: «Вы правы, я бы не угадал, что те стихи Шелли» (наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 39) — показывает, что это был перевод (или переводы?) из Шелли.

² Намек на встречу с Бальмонтом 3 октября: «И снова мы бродили по ночным улицам (...)» (*Дневники*. С. 50). Эта встреча напомнила Брюсову былые беседы во время совместных ночных прогулок по Москве (ср. цитату из заметки для книги «Русские символы» в п. 49, прим. 10).

³ Бальмонт провел в Москве конец сентября и первую неделю октября (*Дневники*. С. 50—51).

путацию «русской Сафо». Брюсов еще в 1896 г. записывал в конце списка рассылки *ChdO 2* (см. п. 43, прим. 2): «Спросить у Бальмонта адреса Бахмана, Лохвицкой, Медв(едского)» (3.4, л. 52). В комментируемом письме речь идет о книге: Стихотворения. Т. 2. СПб., 1898. Выше в автографе письма зачеркнуто: «Если взаправду увидите нашу Сафо, посоветуйте ей, однако, послать мне свою книгу, я ей пошлю свою.» Обращение к посредничеству Бальмонта вызвано близкой дружбой последнего с Лохвицкой. Однако протекция Бальмонта не помогла: встретив Брюсова в марте 1899 г. на «пятнице» у К. К. Случевского, Лохвицкая извинялась, что не нашла для него «своей книги» (*Дневники*. С. 65).

⁸ Последнее прижизненное издание Е. А. Баратынского (М.: Тип. Авг. Семена, 1842). 27 октября Брюсов отметит, что «обещал» редакции журнала «Знамя» «статью о Баратынском» (*Дневники*. С. 50).

88. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. После 17 ок(т)ября 1898 г.)

Окт(ябрь) 1898

О Чуме

Царица гордая чума
Теперь идет на нас сама!¹

Не так ли? — и даже с двух сторон². Сколько разговоров. Вы давно хотели писать о чуме³. Я блуждаю и мечтаю. Это будет, чего я давно жду⁴. Большой «культурный» город весь охвачен ужасом. Улицы, залитые электрическим светом, зеркальные стекла магазинов с газовыми рожками — и мятущаяся толпа, крики⁵, вопли. Мгновения озверения. Я люблю людей, переставших быть людьми совсем, до внешнего вида. Исчезло все — наша полиция, страх [закона] тюрьмы, приличия изящества и простое (даже у нас веками) вкоренившееся чувство отношений. Любимов! * О если б я действительно видел телеги, нагруженные чумными трупами, двери с крестами на них, грабежи^{2*} целых улиц и насилия девственниц на глазах у других. На время стать вновь владыкой⁸ самому себе и защищать свое самому и знать, что нет чужого — все это с предвкушением смерти. О если б это было возможно — при электрическом свете, на улицах, закрытых гранитом и асфальтом, подле шестизэтажных недвижимых зданий!⁷

Итак, хвала тебе, чума!

не так ли?

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю
И в дуновении чумы.

3.21 (тетрадь № 42), л. 28об., с пометой «к Бальм(онту)». Не являясь ответом на какое-либо письмо Бальмонта, написано под непосредственным впечатлением от текущих газетных сообщений (см. прим. 2). Однако обращение именно к Бальмонту мотивировано его пристрастиями и интересами (см. прим. 3). Датируется по расположению в тетради между автографами п. 87 и 89 и по времени первого сообщения про анзобскую эпидемию в широкой печати (см. прим. 2).

¹ Источник цитат, открывающих и заканчивающих письмо, — песня Председателя из «Пира во время чумы» А. С. Пушкина. Вместо заключающего грехстишия первоначально было взято, но затем зачеркнуто другое:

Бокалы дружно пеним мы
И девы-розы пьем дыханье,
Быть может, полное чумы!

² 1894 год стал началом «третьей мировой пандемии» чумы (см.: *Николаев Н. И.* Чума. М.: Медицина, 1968. С. 12—13). Сообщения о вспышках эпидемий в различных странах постепенно стали бытовым явлением, а в печати можно было встретить призывы типа: «Господа ученые и медики (...) заставьте нас немножко почиститься: в Ветлянке еще нет чумы, но в Индии она уже есть» (*К-в Ф. Д.* Чума и ее прививатели // Ежемесяч. лит. приложение к «Ниве». 1897. № 1). Октябрь 1898 г. принес России уже непосредственную опасность. 10 октября в № 220 «Русских ведомостей» появилась первая краткая телеграмма Российского телеграфного агентства о событиях в Вене, последовавших за смертью заразившегося чумой служителя

* Освобожденные! (*древнегреч.*).

^{2*} Далее зачеркнуто: и наст(оящие) прест(упления)

Патологического института Ф. Барыша, а на следующий день эта же газета поместила уже большую статью «Случай чумы в Вене» (№ 221. 11 окт.). В трех следующих номерах «Русских ведомостей», 13—15 октября, печатались корреспонденции под одинаковым названием «Чума в Вене», а 16 октября (№ 225) перепечаткой официального сообщения из «Правительственного вестника» газета известила читателей о том, что беда идет и «с другой стороны», из азиатской части самой Российской империи. 10 октября в Петербурге «получена была телеграмма Туркестанского генерал-губернатора, уведомлявшая о появлении в селе Анзобе, Самаркандской области, повальной смертности от болезни, единогласно признанной местными врачами за чуму» (Левин А. М. Чума в Анзобе в 1898 г. // Врач. 1899. № 6. С. 157). С эпидемией в Анзобе удалось справиться довольно быстро: 28 октября прекратилось ее дальнейшее распространение, а 9 ноября выздоровел последний из заболевших (см.: Отчет о борьбе с чумой // Правительственный вестник. 1898. 30 дек.; перепеч. в журнале: Врач. 1899. № 2. С. 56—58). Однако отношение к ней как своего рода прелюдии предстоящих более грозных событий, выраженное в комментируемом письме Брюсова, сохранялось в обществе и разделялось отнюдь не только поэтически настроенными людьми. Так, руководитель медико-санитарной кампании в Анзобе писал: «Анзобская чумная эпидемия (...) прошла недаром, послужив грозным предостережением, так сказать, генеральной репетицией чумы» (Левин А. М. Указ. соч. С. 162).

³ Эта фраза показывает, что выбор адресата для данного письма был не случаен. Тема чумы действительно давно волновала Бальмонта — еще в сб. *Под северным небом* было помещено его стих. «Духи чумы».

⁴ Брюсовское ожидание, конечно, было ожиданием не эпидемии как таковой, а вообще взрыва закосневшей «мирной жизни» в целом (ср. п. 77, дневниковую запись от 30 июня 1898 г., процит. в п. 77, прим. 6). Противопоставление катастрофической стихии и упорядоченной повседневности капиталистического города станет впоследствии темой ряда лучших стихов Брюсова в *TV* и *УО*.

⁵ Данная фраза — как бы прообраз обстановки и внешней ситуации поэмы «Конь блед» (I, 442), где потрясенные толпы проявятся, однако, не в буйстве, а в оцепенении. Мотив «криков» и «воплей» ср. со строкой «А мне что снится? — дикие крики» из стихотворения марта 1899 г. «Мы к ярким краскам не привыкли...» (I, 174).

⁶ Ср. строку «Мои братья — северные владыки...» (там же).

⁷ Этот образ почти буквально перешел в концовку стихотворения марта 1899 г. «Я провижу гордые тени...»: «Среди неподвижных зданий // В теснине мертвых домов» (I, 173). Ср. также «цепь застывших строений» в написанном еще год спустя стих. «Церкви, великие грани...» (I, 175).

89. БРЮСОВ — БАКУЛИНОЙ

(Москва. Конец октября — 8 ноября 1898 г.)

Тетя! хорошая! милая! — Я очень рад, что Вы мне написали. Право, я уверен, что Вы были обижены мною ¹, моими [взглядами] убеждениями. Но что значат убеждения? — они изменяются и проходят, а человек вечно остается сам собою и при жизни и после смерти. Важны не убеждения, которые строятся разумом и рассудком ², а общий строй души, который в человеке неизменен, который в нем до рождения. Но — не будем спорить; Вы вероятно думаете иначе ³.

Познакомить Вас с моей женой ⁴, конечно, не могу. Если Вы когда-нибудь приедете к нам или мы побываем на Кавказе — будем этого ждать. Что до меня, то мне, конечно, важно, не какова она сама по себе, а какой она является мне и для меня. Разве больному не все равно, что он пьет собственно яд, если это для него лекарство. Не примите это в наем, это общее рассуждение.

Я чувствую себя хорошо, т. е. бодрым, способным работать. Я очень далек от своей книжки «Me eum esse» ⁵ и не разделяю [вполне] почти ни одного из выраженных там взглядов. Но они послужили основой, чтобы построить мое настоящее мирозерцание. Частью изложу его в теоретической книжке «О искусстве», которую печатаю и не замедлю прислать Вам ⁶. Сегодня Вам послан маленький отиск из «Русского архива» с моей статьей ⁷. Эти мелочи Вам, конечно, не будут интересны, примите их поэтому только как знак

моего искреннего и неизменного уважения

ВВ

3.21 (тетрадь № 42), л. 29, сразу после п. 88, с пометой «К Зое». Ответ на цитируемое в прим. 1 и 4 письмо адресата от 23 сентября (1898 г.) (75.34, л. 6; в архивном описании ошибочно отнесено к 1897 г.). В отправленном варианте письма, возможно, были сделаны некоторые дополнения (см. прим. 6). Датируется по расположению в тетради и с учетом цитаты, содержащейся в ответном письме Бакулиной (см. прим. 6).

¹ Письмо Бакулиной, на которое отвечает Брюсов, открывается таким признанием: «Ты удивляешься, что я тебе не пишу? А это очень просто, мой милый, я думала, что для тебя мои письма не интересны. Твои два письма я получила, но это было очень давно, я тебе написала поздравление, и затем между нами все смолкло» (75.34, л. 6). Это признание свидетельствует, что переписка возобновилась по инициативе Брюсова, и позволяет установить, чем именно была обижена Бакулина. «Второе» письмо Брюсова, ответом на которое явилось поздравление, очевидно, содержало извещение о свадьбе. «Первым», несомненно, было п. 65 с приложенной к нему «черновой». Отсюда следует, что Брюсов так и не собрался ответить на письмо Бакулиной от 8 июня 1897 г. (см. п. 65, прим. 5) и выполнить содержавшуюся в нем просьбу: «(...) хочу получить (письмо) от тебя ко мне, и чтоб все, что там будет написано, принадлежало бы тебе настоящему, а не в прошлом (...)» (там же, л. 5—5об.).

² Брюсов развивает здесь одно из положений своего предыдущего письма к Бакулиной (см. п. 65, прим. 4).

³ В ответном письме от 1 декабря 1898 г. З. А. Бакулина неожиданно для Брюсова солидаризировалась с его утверждением: «И вполне с тобою согласна, что убеждения и взгляды еще не весь человек, в особенности твои годы, вот потому-то я тебя и полюбила, что за твоими убеждениями и взглядами (...) я рассмотрела тебя другого — душу твою, ничего общего не имеющую с твоими книжками» (75.34, л. 7).

⁴ Ответ на второе из пожеланий, высказанных в письме адресата от 23 октября: «Я буду очень и очень рада, если ты (...) напишешь мне что-либо о себе, и познакомишь меня с твоей женой (...)» (там же, л. 6).

⁵ О недоумениях, высказывавшихся Бакулиной по поводу МЕЕ, см. п. 61, прим. 1. Конкретный пример расхождения Брюсова с идеями МЕЕ содержится в п. 91 (см. прим. 3 и 13 к нему).

⁶ Откликаясь на комментируемое письмо (см. прим. 3), З. А. Бакулина писала: «Спасибо тебе (...) за твое сердечное письмо. Я все ждала и жду твою книжку “О искусстве”. Мне очень хочется познакомиться с твоими новыми взглядами. Я признаюсь, очень рада, что от тебя “звенящие строки далеко...”» (75.34, л. 6). Написанное 8 ноября 1897 г. и цитируемое здесь Бакулиной стих. «По поводу “Me eum esse”» (I, 201) впервые было опубликовано лишь в ТУ. Видимо, Брюсов приложил его к отосланному варианту письма, а возможно, и процитировал в самом письме. Следовательно, письмо было отослано адресату не ранее 8 ноября.

⁷ См. п. 58, прим. 2—3.

90. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Около 8 ноября 1898 г.)

Друг мой! Я довольно измучен, несмотря на то, что способен пере(нести) многое... После(дние) д(ва) дн(я) «опять и снова» были мелкие разочарования и еще более мелкие обиды ¹. Но не стоит говорить о этом.

Я изд(аю) очень маленькую книжку ² — в ней едва два печатных листа. Что же! Но каждое предложение из нее может быть эпиграфом ³. Предвижу еще раз общее непонимание. Так и должно, впрочем. Что есть в нас лучшего, то всецело отн(осится) к будущему, к тебе, «о отдаленнейший из потомков моих» ⁴. Мы великие герои великого нового ⁵. Жизнь человечества вступ(ает) в новый круг, и мы на рубеже ⁶ передаем неведо(мым) заветы прошлого, и глухим современникам говорим о том, что слыш(им) вдали. Давно, лет 5 назад я писал, что <мы> сто(им)?

на таинственной грани ⁷

.....

Я говорю в предисловии о том, что пришел к тому, к чему и больш(инство) ⁸. Конечно, большинство наст(оящую) минут(у) со мной не соглас(ится), но я меряю все несколько б(ольшим) масштабом. Говорю не большому десятилетию, а о том, куда стремится наш век.

А что до того, что «они» — не люди, это так, не верьте, именно они «люди». И каждый, зная, что он в(се) ж(е) Бог ⁹, найд(ет) где-то на дне его сердца еще незастывший родник, и смотрится, и видит свое лицо ¹⁰ — они не понимают, что им оказано благодеяние ¹¹, подана милостыня [богатеишая]. О, спр(осим) завет(а) старика Тютчева.

Лишь жить в самом себе умей! ¹²

П(ока) пр(ощайте)

ВВ

В. Ф. САВОДНИК
Фотография. 1894

Центральный исторический архив города Москвы

чально эта книга мыслилась как «исследование по эстетике», соответствующие скорее жанру манифеста, нежели исследования, появились лишь в последних редакциях и, по-видимому, были плодом сознательного авторского устремления. Позже именно эта особенность построения «О искусстве» вызывала неприязнь Брюсова. В письме к Перцову от 25 октября 1902 г. и в выписке из этого письма на страницах своего экземпляра книги Брюсов писал: «А что больше всего я переменял бы в своей книге, это язык и метод: сухой (...) язык, фразы как бабочки, насаженные на булавки, и метод (...) ничего не доказывающий, но всем распоряжающийся...» (VI, 580).

⁴ Цитата из стих. в прозе А. М. Добролюбова «Я предвижу, отдаленнейший из потомков моих...», им позднее была открыта кн. *Добролюбов 1900*. К моменту создания публикуемого письма в распоряжении Брюсова был лишь фрагмент этого стихотворения, записанный им по памяти в дневнике 28 июля (1.15/1, л. 190б.; ср. п. 85, прим. 2).

⁵ Ср. образ своего поколения, созданный Брюсовым полгода спустя в стих. «Мы»:

Радуйтесь, братья, верным победам!

Смотрите на даль с вышины!

Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом —

Мы — гребень встающей волны

(I, 230)

⁶ Ср. в финале «О искусстве»: «В наши дни везде предвозвестники и указатели нового» (VI, 53). Понятия «Новый круг» и «рубезж» Брюсов с юности был склонен осмыслить исторически. Еще 15 ноября 1894 г. в реферате о придуманном им немецком поэте Г. Шульце он писал: «На наших глазах кончается эпоха всемирной истории (...)» (2.17, л. 380б.). К сентябрю 1898 г. относится, судя по расположению в тетради № 42, набросок начала специальной «Статьи о Новом» (3.21, л. 57).

⁷ В точности такие слова в стихотворениях Брюсова не обнаружены. Скорее всего, перед нами видоизмененная строка из вошедшего в *ChdO 1* и *ChdO 2* стих. «Свиваются бледные тени...»:

Стоим над разверзнутой бездной

(I, 89)

P. S. В Петербурге буду в декабре ¹³.

P. P. S. Ваша книга ¹⁴ «пользуется большим успехом»; у Суворина все экземпляры уже распроданы, и принуждены уже сообщить, что печатается «второе издание». — Читал рецензию в «РВ» ¹⁵ — образ(цовая) реценз(ия), ибо в ней ничего не сказано. (Зачем в «РВ» Ваш адрес?) Читал похвальную рецензию на Саводника — это так: он и русская критика созданы друг для друга ¹⁶.

3.21 (тетрадь № 42), л. 33об.—34, с пометой «К Бальмонту». Датируется на основании расположения в тетради непосредственно перед автографом п. 91 и текстуального пересечения с дневниковой записью от 8 ноября (см. прим. 16).

¹ Указание на некоторые из «обид» можно усмотреть в записи от 8 ноября: «У Бартечева мне три раза отвечали “нет дома”, и сам он ко мне не едет... Тем хуже для него (...) От Перцова получил [в высшей степени неодобряющий отзыв о своих стихах] ответ, где он злобно ругает мои стихи. И это в порядке вещей» (1.15/1, л. 250б. в *Дневниках* (с. 52) вместо «едет» ошибочно напечатано «идет»).

² Книга «О искусстве»

³ Ср. оценку, записанную по получении рукописи из цензуры: «Написано совсем хорошо, но сжато до последней степени; часто совсем непонятно по краткости» (*Дневники*. С. 51—52). Эта особенность «О искусстве» сложилась не сразу. Первоначально, афористичность, тезисность, афористичность построения, соответствующие скорее жанру манифеста, нежели исследования, появились лишь в последних редакциях и, по-видимому, были плодом сознательного авторского устремления. Позже именно эта особенность построения «О искусстве» вызывала неприязнь Брюсова. В письме к Перцову от 25 октября 1902 г. и в выписке из этого письма на страницах своего экземпляра книги Брюсов писал: «А что больше всего я переменял бы в своей книге, это язык и метод: сухой (...) язык, фразы как бабочки, насаженные на булавки, и метод (...) ничего не доказывающий, но всем распоряжающийся...» (VI, 580).

⁴ Цитата из стих. в прозе А. М. Добролюбова «Я предвижу, отдаленнейший из потомков моих...», им позднее была открыта кн. *Добролюбов 1900*. К моменту создания публикуемого письма в распоряжении Брюсова был лишь фрагмент этого стихотворения, записанный им по памяти в дневнике 28 июля (1.15/1, л. 190б.; ср. п. 85, прим. 2).

⁵ Ср. образ своего поколения, созданный Брюсовым полгода спустя в стих. «Мы»:

Радуйтесь, братья, верным победам!

Смотрите на даль с вышины!

Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом —

Мы — гребень встающей волны

(I, 230)

⁶ Ср. в финале «О искусстве»: «В наши дни везде предвозвестники и указатели нового» (VI, 53). Понятия «Новый круг» и «рубезж» Брюсов с юности был склонен осмыслить исторически. Еще 15 ноября 1894 г. в реферате о придуманном им немецком поэте Г. Шульце он писал: «На наших глазах кончается эпоха всемирной истории (...)» (2.17, л. 380б.). К сентябрю 1898 г. относится, судя по расположению в тетради № 42, набросок начала специальной «Статьи о Новом» (3.21, л. 57).

⁷ В точности такие слова в стихотворениях Брюсова не обнаружены. Скорее всего, перед нами видоизмененная строка из вошедшего в *ChdO 1* и *ChdO 2* стих. «Свиваются бледные тени...»:

Стоим над разверзнутой бездной

(I, 89)

Ср. также начало стихотворения, написанного 25 февраля 1892 г.:

В таинственной бездне, во мраке немом (14.3, л. 7).

⁸ «... я считаю себя выразителем того понимания искусства, к которому разными путями идет большинство нашего времени. Моей задачей было только развить уже выраженное, и разбросанное объединить общим основанием» (VI, 43).

⁹ Ср. п. 76, прим. 4.

¹⁰ Ср. о «познании самого себя» в п. 82.

¹¹ Этот образ — развитие строфы из стих. 1897 г. «Еще надеяться безумие...»:

Прозрев в их душах благодатное
Прости бессилие минут:
Теперь уныло-непонятное
Они, счастливые, поймут.

(I, 132)

¹² Из стих. Ф. И. Тютчева «Silentium!».

¹³ Об этой поездке Брюсова см. п. 96, преамбула к комм. и прим. 14, п. 97, 98, 100. Первоначально поездка планировалась, видимо, в более ранние сроки, см. зачеркнутые подневные планы на 1 и 4 декабря в 1.15/1, л. 48.

¹⁴ Сборник *Тишина*.

¹⁵ Сокращение «РВ» могло обозначать и журнал «Русский вестник», и газету «Русские ведомости». К сожалению, какой-либо «рецензии», которая безусловно давала бы основания для выбора между ними, в октябрьских и ноябрьских номерах обоих изданий обнаружить не удалось. Также не найден в них и упоминаемый далее Брюсовым адрес Бальмонта.

¹⁶ Данная фраза — развитие записи в дневнике от 8 ноября 1898 г.: «Читаю похвальные отзывы о стихах Саводника. Видимо, он и наша критика пришлись как раз один по другому» (1.15/1, л. 25об.). Книга Саводника — «Стихотворения, 1891—1898 гг.» (М.: Тип. А. Лисснера и А. Гешеля, 1898). Брюсову автор преподнес ее 17 октября (см. п. 87, преамбулу к комм.). Дарственная надпись первоначально гласила: «Дорогому товарищу Валерию Брюсову от автора. Москва, 17 октября 98». Но затем, возможно, в тот же день во время «пяти часов разговоров и чтений» (1.15/1, л. 25), Саводник после слова «товарищу» вставил «и беспощадному зоилу» (Ф. 386. Книги, № 1337). Дарственный экземпляр хранит многочисленные пометы Брюсова, свидетельствующие о пристальном чтении. Более полно мнение Брюсова об этой книге и о ее авторе выражено в п. 91, а также в заметке, приведенной в прим. 11 к нему. Письма Саводника к Брюсову см. 101.31—32.

91. БРЮСОВ — ПЕРЦОВУ

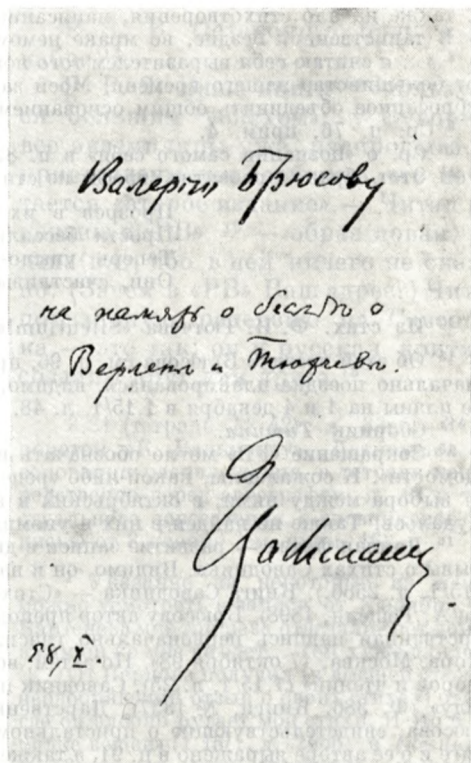
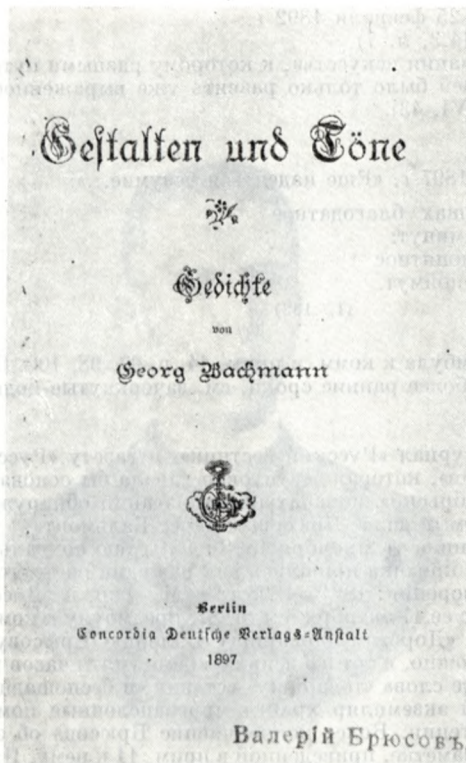
(Москва. Между 8 и 15 ноября 1898 г.)

Я поставлен Вами, многоуважаемый Петр Петрович, в положение неловкое, ибо как защищать собственные свои стихи¹. Но успокоился на том убеждении, что стихи или не заслуживают никакой критики, или выше всякой, и даже выше всяких защит, хотя бы и авторских. Итак, перейдем прямо к теоретическим положением, кот(орые) есть у Вас в письме.

Вы требуете, чтобы поэт нашел свою поэзию *вокруг себя*, чтобы ни в одном произведении не отрывался от текущей действительности². Так я вас понял. Но понял так, я не имею ничего возразить. Это требование ли? — но это необходимое условие, без которого не будет поэзии. Поэт не может большего, как воплотить свои впечатления от текущей действительности³. Это мое основное положение.

Но что наз(ы)вать этой действительностью. Надеюсь, Вы не утверждаете, что непременно вопросы общественные. Конечно, такая действительность и личная жизнь поэта. Каждое чувство, раз оно искреннее, тем самым *unicum** и достойно воплощения⁴. В каких образах? Мне представляется, это все равно. Просто в тех, в каких удобнее. Будет ли zde(сь), переулоч, где горько пахнет известью, или Африканская пустыня, это все равно⁵. А если иной поэт выбирает одно, а другой другое, то этому причина я думаю — случайная. Я, например, готовился к государственным испытаниям в университете по историческому отделению и все читал исторические сочинения, вот откуда у меня Дантэ, Ассаргадон, Моисей, Кассандра...⁶ Неужели же в Африке легче найти поэзию, чем в Москве? ⁷ Не верю. Просто «скалы» ничем не поэтичнее «домов». Времена, когда Бодлер был тем оригинален, что перв(ым) из романтиков стал реалистом (хотя романтичным) — прошли. Итак, кажется мне, не осуждение стихам, что

* единственно, исключительно (*лат.*).

Г. БАХМАН. МЕЧТЫ И ЗВУКИ. БЕРЛИН, 1897

Титульный лист и оборот форзаца с дарственной надписью: «Валерию Брюсову на память о беседах о Верлене и Тютчеве. Bachmann 28X.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

они выступ(ают) в Ассирийской одежде. Иному Ассирия известней и ближе, чем Россия, и о вс(яком)^{2*} ассирийском царе знает он больше, чем о институте мировых посредников.

Вот я наполнил целое письмо трюизмами. Но пр(остите) бан(альности), — вы меня поб(удили) к этому сво(им письмом)⁸.

Р. С. «Знамя» живо и (удивительно!) окончательно становится гласом «экономического материализма»⁹. Пусть, это еще не худшее, что могло быть. — [15 000 в Москве нет]¹⁰ — Видели ли Вы «Стих(отворения)» В. Саводника, которые так полюбилися наш(им) критик(ам)¹¹? да! они пришлись друг ко другу. Я знаю лично сего юношу и могу засвидетельствовать, что он лично ст(обит) б(ольшого) внимания, чем его стих(и). — Видели ли Вы стихи Бахмана?¹² [В продаже нет ни порядочного собрания сочинений Пушкина, ник(аких) изд(аний) Тютчева, ничего Фета и прода(ются) последние экземпляры Баратынского. Удивительная торговля!

За последнее время я далеко ушел от своего ст(ихотворения) «Р(одину) я н(енавижу)»¹³

Книжка моя о Искусстве печатается.

3.21 (тетрадь № 42), с пометой «Перцову». Ответ на письмо Перцова от 7 ноября (98.6, л. 10—11об.), цитируемое ниже, в прим. 1—2, 7, 9—10. Датируется в соответствии с датами дневниковой записи о получении указанного письма Перцова (см. п. 90, прим. 1) и отосланного варианта комментируемого письма (15 ноября 1898 г. ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. № 17. Л. 2—3об.).

^{2*} Альтернативное прочтение: ве(ликом).

Отношения с П. П. Перцовым (см. п. 26, преамбулу к комм.) возобновились после его визита к Брюсову 17 октября 1898 г. (см. п. 87, преамбулу к комм.). К тому времени Перцов был столь прочно забыт, что, делая запись о визите, Брюсов считал нужным для самого себя пояснить, кто это такой: «Сегодня был у меня П. Перцов, с которым когда-то я вел оживленную переписку» (*Дневники*. С. 51). Впечатление, произведенное визитером на Брюсова, было не слишком выигрышным: «Перцов — все тот же, отражение Мережковского, человек, идущий туда, куда дойти у него нет сил» (Там же). Все же соблазн возродить переписку, когда так много значившую в его жизни, был велик, и 25 октября Брюсов написал Перцову короткое письмо (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. № 17. Л. 1. Именно на него отвечал Перцов в письме от 7 ноября). Однако контакт на этот раз не налаживался (ср. прим. 8), и после ответа Перцова на комментируемое письмо (цит. в прим. 1, 6, 8, 9) переписка вновь прервалась более чем на год.

¹ Перцов писал: «(...) на мой взгляд Ваши новые стих(отворения) нельзя признать удачными за некоторым только исключением царя Ассаргадона. Собственно, меня смущает не столько изысканность сюжета (...) сколько „бесформенность“, если можно допустить это определение, в осуществлении. Несмотря на внешнюю отделку (разумное дисциплину тех форм стиха, которые Вы выбрали), *внутренно*, т. е. в процессе воплощения своего настроения, в своей эмбриологии, эти стихотворения остаются лишь на степени „зародыша“ (пользуюсь терминами Полонского). Исключение и составляет здесь только царь Ассаргадон, которому более всего вредит именно его нарочитость (...) Возьмите „Мерцающие озера“. Первый стих заманивает, но уже первые слова второй строки отравляют прозой. Во всем стихотворении чувствуется что-то „эмбриональное“, стремящееся сказаться и в конце концов гибнущее среди творческих компромиссов и прозаических пятен» (98.6, л. 100б.—110б.). А в следующем письме Перцов уже прямо заявил Брюсову: «(...) „критического“ в Вас много больше, чем „поэтического“» (там же, л. 130б.).

² Брюсов отвечает на слова Перцова: «Я ничего не имею против „новых слов“ в нашей поэзии, — напротив, я желаю их, радуюсь на Сологуба, и жалею, что несколько талантливейших представителей „молодой поэзии“ поддались чрезмерному очарованию Фета и Майкова. Но... найдите мне это новое (как и находит Сологуб) вокруг меня и себя, хотя бы в том переулке, где „горько пахнет известкой“. А впрочем, если надо, берите и „ничто из этой древности“, но во всей свободе и случайности „текущей действительности“. Вы понимаете мою мысль? Вы заглядывали, может быть, в „Quo vadis“ („Камо грядеши“ — *лат.* — С. Г.) Сенкевича и, конечно, не увлеклись этим романом. А в чем же его беда, как не в том, что он именно лишен этой „текущей“ изображения, представляя собрание общих мест „по Иловайскому“. Вот той же графариетностью рисунка грешит и Ваш Ассаргадон» (там же, л. 11—110б.).

³ Брюсов несколько смекает предмет полемики. Перцов, как видно из прим. 2, делая акцент на слове «текущая», а не на слове «действительность», говорил о жизненности, свежести и оригинальности авторского видения. Однако комментируемое высказывание Брюсова — существенно важный момент эволюции его собственных эстетических и теоретико-литературных воззрений. Прежде всего оно существенно дополняет фундаментальное для Брюсова разграничение двух типов поэтического творчества (см. п. 64, прим. 15) и уточняет основания, на которых это разграничение может быть проведено. Вместе с тем оно — возможно и без специального стремления к этому со стороны автора (ср., однако, прим. 13) — оказывается полемичным по отношению к знаменитому эпатирующему поэтическому манифесту из *МЕЕ*: «Я действительности нашей не вижу...» (I, 100). Ср. общую оценку *МЕЕ* в п. 89.

⁴ Ср. в гл. 1 «О искусстве»: «Каждое мимоидущее настроение возникает лишь однажды для вечности (...) Задача искусства — сохранить для времени, воплотить это мгновенное, эгомимондущее» (VI, 45).

⁵ Отсылка к примеру, который Перцов в своем письме приводил в назидание Брюсову (см. прим. 2). Данный брюсовский тезис надо воспринимать в единстве с предшествующим ему положением — о воплощении поэтом своих реальных впечатлений и переживаний. В статье «К. Бальмонт» для «Русской поэзии 95 года» Брюсов писал о стих. Бальмонта «Пустыня»:

«Люблю ж я пустыню, пустыню, царицу земной красоты.

Нам ясно, что это сказано ради красивого словца, иначе Бальмонт, по крайней мере, путешествовал бы по Сахаре или хоть по прикаспийским пескам, а, сколько мне известно, он и не мечтает отправиться туда» (3.3, л. 440б.).

⁶ Герои одноименных стихотворений Брюсова, позднее вошедших в *TV*, Перцов на это объяснение ответил: «(...) хотелось бы мне заметить Вам, что одно дело — майковское „природженное“ римское гражданство (несомненно также своеобразное свидетельство „декаданса“), — другое — внезапный, хотя бы и причинами государственного характера вызванный, ассирийский атавизм. Но, впрочем, мы спорим о впечатлениях, точно о них можно спорить» (98.6, л. 120б.—13).

⁷ Данный вопрос вызван прозаичным намеком адресата на то, что Брюсов выбрал историческую проблематику как более легкий путь творчества: «(...) поэзия вокруг нас, и кто должен ехать за ней в Ассирию, тем самым указывает на свою творческую хрупкость, — он подобен больному, для которого жизнь возможна только в комнатной атмосфере или под пальмами Риверы (...)» (98.6, л. 100б.).

⁸ Перцов в этих «триумфах» увидел свидетельство того, что «реставрация» их переписки с Брюсовым «не вытанцовывается». Объяснил он это так: «(...) за эти два года мы с Вами успели „специализироваться“ (...) если не в разных областях „текущей действительности“, то на

различных относительно нее “точках зрения”. Я не сомневаюсь, что и в дальнейших попытках мы с Вами не будем в состоянии говорить иначе как “триумфами” или “общими выводами”, ибо интерес (...) всякой беседы всегда в оттенках, а к таковым мы утратили пути» (98.6, л. 12—12об.). В связи с этим он предложил Брюсову «оставить» переписку «до поры до времени» (там же, л. 12об.).

⁹ См. п. 87, прим. 4. Перцов спрашивал: «А что ничего не слышно о “Знамени”? Уж не свернулось ли оно, прежде чем обратилось в победный стяг?» (98.6, л. 11об.). Ответ Брюсова основан на впечатлениях, зафиксированных в дневнике 14 ноября: «Мы были недавно у Пустошкиной, и я долго беседовал с Маковским (кстати, мой школьный товарищ по Крейману). Он “секретарь редакций” и страстный экономический материалист; Клементьев тоже; передовые статьи первого № составлены в том же духе. Не ожидал» (*Дневники*. С. 52). 3 декабря Брюсов записал: «Вышел первый № “Знамени” без моих стихов» (Там же). Перцов в своем ответе объяснил эволюцию «Знамени» тем, что, желая согласовать «консерватизм» и «либерализм», Н. Д. Облеухов в то же время испугался уже данного жизнью органического сочетания обоих «начал», т. е. «славянофильства» (98.6, л. 13). Об отношении Брюсова к экономическому материализму см. п. 95.

¹⁰ Ответ на просьбу Перцова: «У нас здесь опять проекты журнала. Даже отчасти уже найдены средства. Вот отыщите нам 15 000 — у Вас *Москва*» (98.6, л. 11об.).

¹¹ Эта фраза повторяет концовку п. 90. Однако последующая оценка возможных «горизонтов» В. Ф. Саводника существенно корректирует неслышанный отзыв о его первой книге. Более подробная и выверенная характеристика Саводника, разъясняющая, почему Саводник «стоит большего», дана Брюсовым в записи, сделанной в тетради непосредственно после п. 87: «о Саводнике: Несомненно человек начитанный, и в лучшем смысле слова образованный, но нельзя сказать умный; человек, чувствующий красоту, понимающий поэзию, но ни в каком случае не поэт. Лучшее в его книжке — переводы. Я думаю, что как переводчик и как популяризатор научных и философских [идей] книг он может быть очень полезен нашей словесности» (3.21, л. 28). Эта характеристика во многом оправдалась в дальнейшей деятельности Саводника.

¹² По-видимому, имеется в виду книга: *Bachmann G. Gestalten und Töne. Gedichte*. Berlin, 1897. В библиотеке Брюсова сохранилась в двух экземплярах (Ф. 386. Книги, № 421 и 922), один из них — с дарственной надписью автора: «Валерию Брюсову на память о беседе о Верлене и Тютчеве 28/X (1898 г.?)».

¹³ Из входившего в *МЕЕ* в программный цикл «Заветы» стих. «Я действительности нашей не вижу...» Можно полагать, что, говоря о своем «отходе», Брюсов, конечно же, имел в виду не только приводимую строку, но и все стихотворение (ср. прим. 3 и слова о *МЕЕ* в п. 89).

92—95. ИЗ ПИСЕМ ПО ПОВОДУ «О ИСКУССТВЕ»

92. БРЮСОВ — «МОЛОДОМУ ФИЛОСОФУ»

(Москва. Между 25 ноября и 6 декабря 1898 г.)

НАУКА И ВЕРА

Новая философия создана Кантом¹; Декарты и Спинозы были его предшественниками, Гегели и Фихте — последователями. Кант срединный образ новой чисто рассудочной философии. Его бессмертное значение в замечательном анализе мыслительной способности человека. Кант однажды навсегда установил, что *опыт* не есть нечто внешнее, от человека независящее; возможность опыта обусловлена изначальными свойствами нашей души. А так как всякое научное познание начинается с опыта, — то в науке можем мы изучить никак не мир вещей, как он есть сам по себе, — а только мир наших представлений и законы, *ими* управляющие*.

Шопенгауэр, несомненно, самый замечательный из последователей Канта (как бы мы ни относились к его собственной метафизике) — говорит, что закон природы это тот порядок, в котором вещи вступают в мир явлений; этот порядок определен законом причинности, а мир явлений — это представления, заключенные во времени и пространстве. Но и время, и пространство, и причинность суть только формы нашего познания — и никак не свойства вещи самой себе³. Конечно, можно удивляться закономерности и точности действий сил природы, перед совершенной одинаковостью всех миллионов ее проявлений, — но это будет изумление ребенка, который удивляется полнейшему единообразию

* См. Дедукцию чистых рассудочных понятий². Ос(обенно) в первом издании «Критики чистого разума» (прим. В. Брюсова).

бесчисленных цветков в калейдоскопе. Эта закономерность всех проявлений силы нисколько не удивительнее, чем ежеминутно повторяющееся чудо, что за причиной следует следствие, как дух, являющийся на волшебное заклинание ^{2*}.

Задача науки отыскать ко всем явлениям в природе причины, т. е. обстоятельство, при которых такие явления всегда наступают. Затем наука должна различить, зависит ли различие в явлениях от различия [причин (т. е. сил природы)] самих сил природы или только от различия обстоятельств, при которых сила проявляется. Одинаково важно избегать считать проявлением разных сил проявления одной и той же или считать проявлениями одной силы, что истекает из различных. Эта цепь выводов может привести либо к одной первоначальной силе, объясняющей все осталь(ные), либо к нескольким первоначальным силам — но во всех случаях самая *сущность* этой силы наукой объяснена быть не может. Ибо самое понимание причинности требует цепи до бесконечности. Следовательно, какую бы первоначальную силу ни признали мы (?) (силу тяготения, например), всегда оста(нется) вопрос, в чем ее причина.

Как пример я возьму науку истории ⁵. Исторические явления историк должен объясн(ить) причинами, например ^{3*}, падение римской империи можно объяснить [состоянием ее] вторжением варваров. Но наука не остановится на таком объяснении и спросит о *силе*, действовавшей в этой причине. Конечно (?) можно указать ряд сил: стремление личности, господствующие идеи времени, характер народа... Но научная мысль будет работать дальше и спросит, — не сводятся ли эти силы к одной, проявление которой они составл(яют). И в этом стремлении к монизму истории может найти ответ: например, — что все исторические явления обуслов(лены) экономическими отношениями классов общества ⁷. Это будет правильный научный путь, общий для всех наук.

Но вот какое противоречие возникает при чисто научном объясн(ении)?* Наука есть насквозь учение о причинности. Причинность исключает собою цель. Кто верит только причине, не может верить (хотя иной раз и защищает софизмами) ни в конечную цель [мирового пути] мировой жизни, ни в свободу воли, то есть ни в самостоятель(ность) личност(и) ⁸, ни в воздаяние каждому по делам его. Если человеческие дела лишь проявл(ения) слепой силы, о каком воздаянии может быть речь. — Между тем эти идеи о ответственности личности и о суде над ее деяниями составляют необходимую основу бытия человека ⁹. Мы не можем отказаться от них. Если мы отказываемся от свободы воли, как будем мы что-либо делать, у нас руки опуст(ятся). [Если мы отказываемся от веры в добро и зло, как] Ранее всяких разм(ы)шл(ени)й ^{4*} должны мы признать свободу воли и ее следствия, ибо иначе мы и рассуждать не смеем ¹⁰.

Итак, возни(кает) старое противоречие науки и веры в полном расц(ве)те. Что же следует? Надо ли отверг(ать) веру, как это делают лже-ученые? ¹¹ Или отверг(ать) науку, как хотели иные изуверы? — Нет. Это противоречие науки и веры только внешнее, только кажущееся. Истинная наука и истинная вера только относятся к двум сторонам мира. Наука изучает мир как явление, мир наших представлений и находит закон(ы) нашего рассуд(ка). [Но самое наше бытие, наше сознание, что «я есмь» уже указывает, что кроме предста(влений) долж(на) быть абсолют(ная) реаль(ость).] Но кроме рассудка, есть в нас иные способности. Существование веры несомненно для самого ярого материалиста, и этот один факт ее существования разбивает все его построения. Есть в человеке какой-то иной путь к поним(анию) бытия, чем рассудочный. Человек, живущий только рассудком, — живет половиной своего существа ¹².

^{2*} См. «Мир как Воля и Представление». Часть 1. Книга II. § 26 (прим. В. Брюсова) ⁴.

^{3*} Далее зачеркнуто: появление феодализма ⁶ можно объяснить неспособностью народа, образовавшего почему-либо государство, к государственной жизни — из чего возникает *modus vivendi* (способ существования, образ жизни — лат. — С. Г.), дающий власть сильн(ым) и хоть какую-либо защиту слаб(ым). В этой причине надо найти силу действующую. Можно, например, указать, что в историческом событии действуют ряд первоначальных сил. —

^{4*} Возможно прочтение: различий.

Конечно (?), если мы подвергнем истины веры рассудочному расс(мо)трению), мы не найдем для них доказательств¹³. Но это потому, что это истины иной сферы, не той, где господствует закон причинности. Но отсюда не будет следовать даже того, что для рассудка эти истины имеют меньшую достоверность, чем научные. Мы видели, что во всех научных объяснениях всегда [остае(т)ся] должен остаться некоторый необъясненный X¹⁴; науч(ные) ист(ины) основыва(ются) на целом ряде вспомогательных, но последние основания все же никем не доказаны. Так в геометрии, собственно говоря, каждая теорема может послужить аксиомой для выводов всех остальных, но все же такая аксиома нужна. Она будет бездоказательна, ибо будет основываться на свойствах пространства, которое есть свойство нашего разума. Перв(ые?) эти истины, пони(м)аем(ые) воззре(нием), самые несомненные для нас. Нам яснее, что целое больше части, чем сотни других вывод(имы)х истин. Математика, основанная на так(их) исти(нах), наиболее достоверная наука. Вот почему истины веры, недоказуемые, тоже для нас самые необходимые истины, самые достоверные¹⁵.

Каково же отношение науки и веры? Наука изучает свойства ума (т. е. все мыслительные способности человека) и, следовательно, законы явлений, которые созданы по законам разума и рассудка. Вера дает нам истин(ы) бытия, познание самой сущности вещей¹⁶, о которой наука и не может нич(его?) знать. Пусть же наука делает свое дело, оно достойно и важно, но пусть никогда не посягает не на свою область, ибо у ней нет средств выйти за пределы явлени(я) и причин(ности). Эта иная область не закрыта человеку, <И нрзб.> гораздо раньше, чем воз(никла) наука в нашем смысле слова, человек уже ведал основн(ые) истин(ы) бытия¹⁷, и прошедш(ие?) тысячелетия не могли ни(чего) изменить в этом ведении.

3.21 (тетрадь № 42), л. 35об.—38. В плане цикла (3.21, л. 39; приведен во вступ. ст., в гл. 4, § 8) озаглавлено «К молодому философу». Как и другие письма цикла «Из писем по поводу «О искусстве»», не является ответом на какое-либо реальное письмо, но безусловно отражает те «вялые» разговоры об этой книге с «друзьями», про которые Брюсов записал 5 декабря (*Дневники*. С. 53). Будучи наиболее обработанным из писем цикла, комментируемое письмо по своей структуре и стилистике в наибольшей степени удалено от чисто эпистолярного полюса и приближается к жанру статьи. Поэтому в нем почти нет выраженных признаков адресата, хотя бы и обобщенного (об этом понятии см. указ. гл. вступ. ст.). Если все же искать прототип адресата среди «друзей» Брюсова, то таковым с наибольшей вероятностью можно считать однокурсника Брюсова, впоследствии приват-доцента Московского университета Давида Викторовича Викторова. В его кружке Брюсов читал рефераты «К истории символизма» (см. п. 61, прим. 15) и об «Эврике» Эдгара По (см. п. 74А, прим. 6), его в записи от 18 апреля 1897 г. назвал среди своих друзей, хотя и не столь душевно необходимых, как Павловская, Бальмонт и Самыгин, но все же более близких, чем Курсинский и Фриче (1.14/2, л. 19об.). Наконец, именно с Викторовым происходил один из немногих отмеченных в дневнике философских споров зимы 1898—1899 гг. по связанной с темой комментируемого письма проблеме отличия «призрака от действительности» (запись от 25 декабря 1898 г. *Дневники*. С. 59). Два других философа, общение с которыми отражено в дневниках зимы 1898—1899 гг., — «философ жизни» Лапшин и Б. А. Фохт — не были друзьями Брюсова, а все «письма по поводу» навеяны именно разговорами с друзьями. Кроме того, с Лапшиным, записи о котором открыто ироничны, Брюсов вряд ли бы стал вступать в какие-либо дискуссии.

В то же время не исключено, что у обобщенного адресата данного письма наряду с жизненным прототипом был еще и литературный, — французский историк религии и философ Ж. Страда, впечатления от книги которого (см. прим. 11 и 13), возможно, отразились в письме и даже дали толчок к постановке его заглавной темы — «Наука и вера».

Датируется на основании дневниковой записи о выходе в свет книги «О искусстве» (*Дневники*. С. 52) и расположения в тетради перед п. 96.

Непосредственно заглавная проблема комментируемого письма в «О искусстве» не рассматривается, в нем вообще нет упоминаний о вере. Вместе с тем эта проблема и избранный Брюсовым аспект ее рассмотрения являются прямым развитием затронутых в гл. 4 «О искусстве» проблем задач и природы научного знания, соотношения возможностей науки с безграничным в своем многообразии и развитии человеческим «духом» (см. VI, 53—54). Развивая пафос и идеи указанного фрагмента «О искусстве», комментируемое письмо в то же время отражает и эволюцию брюсовской мысли после завершения этой книги: знакомство с философией Шопенгауэра (см. прим. 4), раздумья над методологией исторического познания (см. прим. 5, 8), известное разочарование в возможностях философии (см. прим. 16). Как бы ни относиться к выказанным здесь взглядам Брюсова на роль веры (о сलिएфике понимания им этой сферы духовной жизни см. прим. 9 и 10), комментируемое письмо занимает важное место

в ряду других свидетельств антипозитивистской настроенности молодого Брюсова (ср. прим. 11 и 13) и особенно — как своеобразный итог его *этических* поисков (см. прим. 9).

¹ Данное утверждение отражает не только собственное брюсовское увлечение Кантом, но и точку зрения, распространенную в тогдашней философской литературе. Сделанная Брюсовым еще в марте 1894 г. в тетради 6 *prima* выписка из статьи его университетского преподавателя Н. Я. Грота в журнале «Вопросы философии и психологии» открывалась словами: «Мы живем уже целое столетие традициями Кантовской философии» (4.4, л. 29).

² Раздел «Критики чистого разума», который Кант во втором издании книги постарался улучшить так, чтобы, по его собственным словам, «устранить “неясности”» (*Кант И.* Сочинения. М., 1964. Т. 3. С. 100). Переработка оказалась настолько кардинальной, что в большинстве переизданий и переводов «Критики», предпринимаемых на основе второго авторского издания, в качестве приложения помещается данный раздел в редакции первого издания. Брюсов специально интересовался различиями двух изданий «Критики». В тетради № 34 сохранилась такая запись: «В знаменитом письме к Розенкранцу Шопенгауэр говорит: „... Кант был напуган. Он решился изменить самые существенные пункты во второй книге трансцендентной диалектики и совсем выпустить из нее 32 страницы, которые были существенно необходимы для понимания всего учения. Благодаря тому новому, что он оставил на место опущенного, его учение оказалось в противоречии с самим собой. [Второе издание напоминает человека, которому ампутировали ногу и заменили ее деревянной]...» (Кант вставил «опровержение идеализма», о котором Шопенгауэр гов(орил), что оно «безнадежно плохо, явно софистично, иногда отдаёт бессмысленной гилематъей»). Но старик позабыл вычеркнуть из своей книги *все* выражения и слова, и они (?) явно противоречат новой постановке дела (особенно VI отдел «Антиномий чистого разума»)».

Да, страх подтолкнул слабого старика на это искажение его критики рациональной психологии» (3.15, л. 30; квадратные скобки проставлены Брюсовым). Однако раздел «Дедукция категорий по 2 изданию» в брюсовских материалах по Канту открывается словами: «Я не нашел различий по существу между первым и вторым изданием» (4.30, л. 19).

³ Ср. в гл. 4 «О искусстве», написанной еще до чтения «Мира как воли и представления»: «Наука познает свойства нашей мыслительной способности, ибо весь умопостигаемый мир только мое представление» (VI, 53). О генезисе тезиса «Мир есть мое представление» у Брюсова см.: *Кульяс С. К.* О «кантианстве» раннего В. Я. Брюсова // Учебный материал по теории литературы. Таллин, 1982. С. 17—18.

⁴ О времени и источнике знакомства Брюсова с этим важнейшим сочинением А. Шопенгауэра см. п. 87, прим. 6. В одной тетради с публикуемым письмом содержатся три заметки, связанные с чтением «Мира как воли и представления». Первые две заметки представляют собой выписку из § 22 и «резюме» § 23 первого тома (3.21, л. 33об.). Третью заметку целесообразно привести полностью: «Шопенгауэр о искусстве говорит то же, что и я. Но для него сущность бытия есть воля и потому искусство есть непосредственное познание идей, а для меня сущность бытия — личность, и потому я говорю, что в искусстве — мы познаем личность. «Художник дает нам взглянуть на мир его глазами. Что у него такие глаза, в этом именно и состоит дар гения, природное; но что он в состоянии и нам сообщить этот дар, снабдить нас своими глазами: это — приобретенное, техника искусства» («Мир...», Т. 1, стр. 235).

Действительно ли наше искусство общает личност(и)? Не думаю. Эта задача искусства, но почти нигде еще не выполненная, лучше сказать — слабо выполненная. Общение — не полное. Будем ждать иного.

Исходная точка: Лейбниц и монады; монады не общаются между собой; лишь чудом; это чудо — искусство» (3.21, л. 55). Наряду с разъяснением различия философской основы шопенгауэровских и собственных эстетических построений эта запись важна как едва ли не единственное явное указание Брюсова, чем именно его эстетика обязана философии Лейбница. Особенно интересен конец записи, в совсем нефилософской терминологии которого проявилось столкновение двух существовавших в сознании Брюсова отношений к искусству. Как теоретик и провозвестник «нового» (см. п. 90, прим. 5—6), он утверждает, что современное искусство несовершенно и лишь в малой степени выполняет свое назначение (ср. кондовку книги «О искусстве» — VI, 54). Но как художник и человек, живущий в искусстве, он не может не признать искусство вообще, а значит и современное ему, «чудом».

⁵ Выбор примера обусловлен как университетской специализацией Брюсова, так и потребностями методологического обоснования собственных исследований, в том числе историко-литературных. Не случайно, что в качестве второго, наряду с «О искусстве», введения в «Историю русской лирики» им была задумана специальная книга «О истории». В статье *Неосуществленный замысел* (с. 203) возникновение идеи этой книги было отнесено к 1900 г. Однако одна из формулировок данного замысла была дана уже зимой или весной 1899 г. В перечне, упомянутом в п. 81, прим. 1, встречаем и такую запись: «6. [Характеристика исторических понятий.] Очерки философии истории (Наука о человечестве. Часть 1. Пропедевтика)», — и чуть ниже пояснение: «(Время — не нужно)». Написав уже 10-й пункт перечня, Брюсов вновь вернулся к пункту 6: «вст(авить) 6. О истории. Наука деэписаний: предисловие оценщикам, двойственность истины, личность и общество, «экономический материализм», история словесности» (1.15/1, л. 46).

⁶ Среди законченных набросков к «первоначальному учебнику истории», содержащихся в одной тетради с данным письмом, есть набросок, озаглавленный «Что такое феодализм»

(3.21, л. 12—13об.). Да и большая часть остальных набросков — «Норманы» (л. 7—8), «Италия после Каролингов» (л. 14—14об.), «Последние Каролинги во Франции» (л. 14об.—15), «Издавна франки и саксы...» (л. 60об—58об.) посвящены феодальной эпохе. План, сохранившийся на л. 60, позволяет предположить, что и весь учебник или по крайней мере его первый выпуск Брюсов предполагал посвятить истории средних веков.

⁷ Упоминание о «стремлении к мизму истории» позволяет установить источник брюсовского знакомства с данным положением марксизма. Это книга Н. Бельтова (Г. В. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Брюсов прочел ее еще во время болезни в январе 1898г. (*Дневники*. С. 33. Запись от 29 января). Для оценки сложного брюсовского отношения к известным ему элементам марксистского учения об общественном развитии (ср. п. 95 и комм. к нему) важно отметить, что Брюсов считает здесь марксистский подход к определению движущих сил истории «правильным научным путем», позволяющим поставить историю на основания, «общие для всех наук». Ср. также прим. 8.

⁸ Три месяца спустя, готовясь к выпускным экзаменам по истории и читая массу исторической литературы, Брюсов отметит недостаточность для научности истории противоположного подхода, основанного на отрицании объективной причинности и гипертрофирующего роль личности (см. п. 102, прим. 6).

⁹ Подобные положения особенно показательны на фоне прежнего нарочитого отрицания долга, устойчивых понятий о добре и зле, напр. в п. 3 и 61. Отметим, что и вера здесь связывается Брюсовым не с вопросами религии в собственном смысле слова, а с этическими основами человеческого бытия.

¹⁰ Если первым фактором, обуславливающим необходимость веры, по Брюсову, является устойчивость этического фундамента человеческой жизни (см. прим. 9), то вторым оказывается потребность эпистемологического фундамента для нашего мышления (ср. прим. 15).

¹¹ Это применение понятия «лже-ученые» демонстрирует направленность письма против тенденций современной Брюсову позитивистской науки к подмене наукой других областей духовной жизни человека. В этой связи заслуживает внимания сохранившаяся в библиотеке Брюсова (Ф. 386. Книги, № 728) и, судя по многочисленным отчеркиваниям, безусловно прочитанная им книга: *Strada J. Jésus et l'ère de la science: La véritable histoire de Jésus P., 1896*. Книга эта, помимо своей непосредственной темы, должна была заинтересовать Брюсова и общей методологической направленностью, отчетливо заявленной уже на титульном листе.

В частности, Брюсов, ставивший в центр своих философских построений понятие личности, не мог остаться безучастным уже к программе безличностной философии, содержавшейся в названии серии, в которой была издана книга Ж. Страда: «Философия методического имперсонализма» (курсив мой.— С. Г.). Еще более настойчиво подчеркивалось на титуле разбираемое Брюсовым в комментируемом письме противопоставление науки и веры, при этом упор делался на то, что наука должна заменить религию, занять ее место в жизни человека и общества. Название серии сопровождалось и своеобразным девизом: «Мирная эволюция обществ, основанных на вере, в общества, основанные на науке». Основное для письма Брюсова противопоставление науки и веры трактуется в этом девизе с позиций, противоположных брюсовским.

¹² Ср. защиту идей несводимости творческой личности к формулируемым рассудком «убеждениям» в п. 89.

¹³ Это положение Брюсова (ср. п. 76, прим. 2), возможно, отражает его непосредственные впечатления от указанной в прим. 11 книги Ж. Страды, в которой как раз и ставилась задача найти всем фактам евангельского жизнеописания Иисуса Христа естественно-научное и историческое объяснение. Эта задача, объявленная уже в подзаголовке («Подлинная жизнь Иисуса»), особенно настойчиво подчеркивалась автором в отрывке из книги, вынесенном на титул в качестве автоэпиграфа. В нем, в частности, утверждалось: «Вера и толкование (l'exégèse) дают нам легендарного Христа. Нам нужен Христос исторический. Таков он в этой книге». С подлинно позитивистской самоуверенностью автор продолжал: «Религии никогда не знали истинного посредника. Им обладает только наука. Он в науке, освобожденной от личного (science impersonnelle). Факт — вот единственное слово, могущее быть посредником между человеком и богом. Факт — вот путь, истина, жизнь». Характерно, что вопросительные пометы Брюсова в основном сопровождают как раз те места книги, где Ж. Страда чересчур лихо раскрывает фактическую подоплеку евангельских чудес (см. указ. книгу Страды, с. 25, 27, 139) и пытается найти те «рассудочные доказательства», возможность которых Брюсов отрицает в комментируемом письме.

¹⁴ Аналогичное рассуждение посредством редукции (но уже неведомой до бесконечности) применено Брюсовым в п. 95 (см. прим. 3 к нему).

¹⁵ Весьма своеобразный и характерно брюсовский способ обосновывать недоступность истин веры научному доказательству посредством приравнивания их к аксиомам науки. Понятие «аксиом» сыграет свою роль в статье 1901 г. «Истины» (см. VI, 55—56).

¹⁶ Таким образом, на веру здесь отчасти возлагаются те функции, которые в «О искусстве» относились к сфере компетенции философии: «Наконец, созерцание (философия) есть как бы высшая наука и высшее искусство; оно устанавливает окончательные источники всеобщности и необходимости...» (VI, 53). По-видимому, в этой перемене сказалось определенное разочарование Брюсова в философии, точнее, в своих надеждах найти среди многочисленных философских систем одну наиболее надежную и универсальную. Если это заключение правильно, то комментируемое письмо отражает очень важный переходный момент духовной эволюции Брюсова: от раннего периода, когда его любимейшими философами по очереди

были Спиноза, Лейбниц, отчасти Кант, к периоду «Истин», для которого характерно признание равноправности различных философских систем (ср. п. 102, прим. 10).

¹⁷ Ср. текстуально совпадающее с данным местом сопоставление поэта с первым человеком на Земле в позднейшем стих. «Сеятель»:

Вновь, как Адам в раю, неведомым и новым
 Весь мир увижу я
 И буду заклинать простым и вещим словом
 Все тайны бытия!

(I, 556; 1907 г.)

93. БРЮСОВ — ФРИЧЕ

(Москва. Между 25 ноября и 6 декабря 1898 г.)

Вы, защитник нашей истории словесности, этой науки, которую я так не люблю, — вы напрасно думаете, что я отрицаю ее возможность. Перечтите, что у меня сказано: «Изучающий по произведениям искусства время (т. е. век) усматривает в них не существующее...»¹ Конечно, время отражается во всем; совершенно справедливо называть человека сыном своего времени; наука возможна, а в ней только причины и следствия². Совершенно справедливо, что в произвед(ении) искусства отражается век, что Гете в конце XVIII в. задумал Фауста, а живи он тысячу лет назад, — он написал бы хронику или церковные стихи, — это так. Но дело в том, что это все второстепенно³. Можно сквозь него прозреть глубже, увидеть саму душу Гете, — а это-то и есть *сущность* поэтическ(ого) произв(едения). Поэтому наша наука словесности вполне возможна; можно, изучая и описывая литерат(урные) произвед(ения), характеризовать век — можно. Но в этом случае значение поэзии падает, — дело уже не в ней. Посмотрите! ведь наши историки литературы больше [любят] любопытствуют каким-нибудь нехудожественным произведением, где отразился век, чем гениальным бредом одинокого безумца (он — явление нехарактерное, говорят они). Вот почему я отрекаюсь от истории литературы и в университете предпочел быть «историком», чем словесником⁴.

Приложение к п. 98

ИЗ ФАУСТА

(Гретхен, у себя)

Мне нет покоя,	Из окна смотрю я
В груди тоска,	Лишь за ним,
Мне нет покоя	Из дома иду я
Навсегда, навсегда!	Лишь за ним.

Где друга нет,	Его походка,
Там все мертво,	Его наряд,
Не весел весь свет,	Его улыбка,
Если нет его.	Глубокий взгляд.

Голова мутится	Речи его —
От вечных дум.	Переливы струй,
Кружится, мутится	Руки пожатые
Мой бедный ум.	И ах! поцелуй!

Мне нет покоя,	Мне нет покоя,
В груди тоска,	В груди тоска,
Мне нет покоя —	Мне нет покоя,
Навсегда, навсегда!	Навсегда, навсегда!

Сердце рвется	Ласкать его,
За ним, за ним!	В глаза глядеть
Догнать его,	И так, лаская,
Упасть пред ним,	Умереть!

22 октября 98 г.

ИЗ ФАУСТА

2.

Гретхтен. Изнывая,
 Пришла я,
 Склони свой слух к моей мольбе!
 О Всескорбящая,
 Пред крестом предстоящая,
 Сердце меч пронзил тебе!
 Ты смотришь,
 Ты просишь
 Отца — о Нем и о Себе

Кто услышит,
 Как дышит
 Грудь моя, тоской полна!
 И о чем она вадыхает,
 Как трепещет, что скрывает
 Знаешь ты, лишь ты одна.

Лишь от людей уйду я,
 Дрожу, дрожу, дрожу я —
 Слезами грудь полна.
 Веселой не бывать мне,
 Рыдать, рыдать, рыдать мне —
 Лишь только я одна.

Забрызгала слезами
 Я стекла у окна,
 Когда цветы срывала
 Утром... одна...

Когда заглянет солнце
 В комнату мою,
 Сижу я на постели,
 Давно уже не сплю.

Поможет кто в моей судьбе!
 О Всескорбящая,
 Пред крестом предстоящая,
 Склони свой слух к моей мольбе!

Октябрь 98.

3.21 (тетрадь № 42), л. 38об., с пометами «Из писем по поводу «О искусстве» и «К Ф(риче)». По тематике соответствует второму пункту плана цикла «Из писем по поводу «О искусстве»» (см. вступ. ст., гл. 4, § 8) — «К историку литературы». Это соответствие дает основания для принятой нами расшифровки стоящего в рукописи сокращенного указания адресата. Среди ближайшего окружения молодого Брюсова из тех, кого он называл «друзьями», только В. М. Фриче (см. о нем п. 29, преамбулу к комм.) уже к 1898 г. избрал историю литературы своей специальностью. Другой знакомый Брюсова, чья фамилия начиналась на букву «Ф», — Борис Александрович Фохт, впоследствии переведший «О искусстве» на немецкий язык (*Дневники*. С. 68, 76) — был не филологом, а философом, и Брюсов никогда не относил его к числу друзей. То, что Брюсов продолжал поддерживать довольно тесные отношения с Фриче осенью 1898 г., подтверждается записью в дневнике от 27 сентября: «Фриче уехал в Тверь читать лекцию «о немецк(ой) женщ(ине)». Слушали эту лекцию в помещении «Русской мысли»...» (1.15/1, л. 24). По возвращении из Твери Фриче, очевидно, предложил организовать там выступление Брюсова. Только этим можно объяснить появление в тетради № 42 между п. 95 и 96 любопытнейшего плана, озаглавленного: «Программа чтения в Твери. О новых течениях в поэзии» (3.21, л. 41об.—42).

Тема письма — методология истории литературы и критики — в «О искусстве» затронута мельком (см. прим. 1). Однако мысли Брюсова она занимала давно — как в связи с занятиями «Историей русской лирики», так и в связи с анализом тех приемов, к которым прибегала критика в разборах произведений самого Брюсова и его соратников. В ранних редакциях «О искусстве» этой теме также было уделено большее внимание, нежели в окончательной, см., в частности, о полемике Брюсова с Толстым по проблеме «понятности» произведений искусства в ст.: *Эстетика Льва Толстого* С. 16—20, 24.

Среди сохранившихся писем Фриче к Брюсову (см. 106.47) писем по поводу «О искусстве» нет. Поэтому ссылка на мнение адресата в этом письме, как и в п. 94, основана, вероятно, лишь на устных беседах с ним.

Датируется аналогично п. 92. Об источнике и составе приложения к письму см. прим. 3.

¹ Неточная цитата из гл. 2 «О искусстве». Приведем соответствующее место более полно: «Кто изучает по произведению искусства время и его особенности, — усматривает в искусстве не существенное, а второстепенное; с равным успехом можно изучать время по покрою платья» (VI, 49). Данное возражение Брюсова адресовано прежде всего представителям господствовавшей в русском литературоведении последней трети XIX в. культурно-исторической школы (см. о ней: *Гришунин А. Л.* Культурно-историческая школа // Академические школы в русском литературоведении. М.: Наука, 1975. С. 158—201). Эта направленность брюсовской полемики становится особенно очевидной при сопоставлении комментируемого письма с близкими к нему высказываниями в одном из вариантов «Предисловия» к «Истории русской лирики»: «Под историей литературы у нас подразумевают обыкновенно один отдел истории культуры. Наши историки литературы хвалятся (?) тем, что они не раздают венц(ов) и не осуждают, а только *изучают*. Цель их — объяснить всякое литературное явление из культурной жизни того времени и, наоборот, бросить свет на жизнь века через изучение его литературных памятников. Уверю этих господ историков, что почти с тем же успехом можно изучать историю мод или эволюцию жанров в почтовых марках.

Еще хуже обстоит дело в истории русской литературы — хуже потому, что за нее еще ни разу не брались люди, обладающие талантом. Все наши историки литературы от Галахова до Скабичевского и Пыпина в позиции ровно ничего не смыслили и потому их исследования имеют самую ничтожную цену некоторой внешней обработки матерьяла. Два-три замечания, оброненные Пушкиным о русских поэтах, стоят всех томов г. Порфирьева» (41.16, л. 22об., 5).

² Подробнее этот взгляд на природу научного знания развит Брюсовым в п. 92.

³ Ср. в гл. 2 «О искусстве»: «Неверно видеть в искусстве только созданное историческим мгновением (...) Во всяком случае, если бы тот же художник явился позже на два столетия, он сказал бы, хотя и в иной внешности, то же, совсем то же. Человек — сила творческая» (VI, 49). То, что в качестве иллюстрации к этому положению в письме выбран «Фауст», не случайно. За месяц до создания «Писем по поводу «О искусстве»» Брюсов впервые с гимназических лет перевел три значительных по объему отрывка из «Фауста» (14.5/9, л. 30—33). Самый выбор переводимых фрагментов (два из них помещены в приложении к данному письму, третий см. п. 102, прим. 4) дает известное представление о том, что в трагедии Гете казалось тогда Брюсову выражающим «саму душу Гете». Ср. также цитату из «Фауста» в п. 102 и замысел статьи «Переводы Гете», включенной в конце 1898 г. в список планируемых на ближайшее время литературно-критических статей (14.5/10, 3-я с. обложки).

⁴ Брюсов начинал учебу на историко-филологическом факультете на отделении классической филологии, а кончил факультет по историческому отделению. Ср. п. 6, прим. 2.

94. БРЮСОВ — ФРИЧЕ

(Москва. Между 25 ноября и 6 декабря 1898 г.)

Вы думаете уловить меня вопросом — важно ли мне, что данное произведение есть перевод или оригинальное произведение ¹. Да, важно. Но это не значит, что признаю *вливания* в том смысле, как наша история литературы. Посмотрите, зачастую два перевода с одного подлинника — совсем различны. Разве не важно, что поэт избрал именно это для перевода. Во всем, в каждой мелочи сказывается своеобразность, даже в способе подражания. Собственно говоря, нет плохих книг, а есть плохие читатели... Да, мне важно, перевод ли это. Но настолько же, насколько вообще важно знать *повод*, по которому написано данное стихотворение ². И только.— Замечу здесь, что, конечно, вы правы, меня можно назвать лейбнищианцем ³, я исхожу из прозрений Лейбница ⁴. Но конечно, верно и то, что я не могу презирать все открытия позднейшей философии — Канта, Шопенгауэра, Ницше ⁵. Надо очень усложнить еще первобыт(ные?), детские ⁶ взгляды Лейбница... Но сущность дела он угадал верно...

3.21 (тетрадь № 42), л. 39, с пометой «Ему же», отождествляющей адресата данного письма с адресатом п. 93. Как и п. 93, наваяно не письмами адресата, а устными беседами с ним (см. прим. 3). В плане цикла «Из писем по поводу «О искусстве»» соответствует тому же пункту «К историку литературы», что и п. 93. Однако, хотя в данном письме и затрагивается одна из методологических проблем истории литературы (именно проблема влияний), фактически Брюсов отвечает здесь на возражения, сделанные «историком литературы» не по специальным вопросам своей науки, а против одного из основных положений всей эстетической системы «О искусстве» (см. прим. 1). В то же время данное письмо является и одним из источников для уяснения взглядов молодого Брюсова на задачи художественного перевода (см. прим. 2). Датируется аналогично п. 92.

¹ Этот вопрос адресата ставил под сомнение такие основополагающие тезисы «О искусстве», как: «Художник пересказывает свои настроения; его постоянная цель раскрыть другим свою душу» (VI, 45); «Все свои произведения художник находит в самом себе» (VI, 49; ср. п. 93). Если художник переводит иноязычное произведение, то Брюсову, по мысли адресата,

следует либо признать, что в данном случае содержание творческого акта находится вне художника, либо отказать переводчику в праве называться художником.

² Брюсов фактически отвергает здесь дилемму, поставленную перед ним адресатом: да, переводчик — художник, именно поэтому он, как всякий художник, черпает содержание в самом себе, а содержание иноязычного произведения остается лишь «поводом» к его собственному творчеству. Данное письмо, таким образом, подтверждает высказывавшийся в литературе взгляд на молодого Брюсова как на сторонника переводческой «вольности» (см., напр., статью М. Л. Гаспарова, указ. в п. 29, прим. 6). Однако степень соответствия этой переводческой концепции брюсовской переводческой практике, равно как и другим творческим высказываниям молодого Брюсова по проблемам перевода, еще подлежит выяснению.

³ Неожиданный переход от проблем перевода к философским основам своего мировоззрения является лучшим доказательством того, что Брюсов в комментируемом письме отвечает на действительные вопросы и замечания своего адресата. Если бы письма по поводу «О искусстве» писались на темы, поставленные самим автором, столь тематически различные фрагменты, скорее всего, были бы разнесены по разным письмам.

⁴ Что именно «из прозрений Лейбница» лежало в фундаменте работы «О искусстве», а в чем построение именно эстетики с самого начала требовало выхода за их пределы, лаконично и четко сформулировано Брюсовым в конце записи, процитированной в п. 92, прим. 4. Ср. также п. 74А, прим. 3—5, 11.

⁵ О занятиях Брюсова Кантом см. п. 74Б, прим. 20 и п. 75, прим. 13. Главный труд Шопенгауэра Брюсов, по-видимому, прочел уже в октябре, после завершения «О искусстве» (см. п. 87, прим. 6). Возможно, что и серьезное знакомство с Ницше приходится на время, когда работа над «О искусстве» находилась в заключительной стадии (ср. упоминание книги «Так говорил Заратустра» в п. 79 как чего-то ранее не обсуждавшегося с адресатом). Что именно было близко и важно Брюсову в учениях Канта и Шопенгауэра, рельефно демонстрирует п. 92, а также запись, приведенная в прим. 4 к нему.

⁶ Эти определения в устах Брюсова означали не только недостаточность лейбницевского учения, но и его изначальность и неотменимость для человеческого знания, ср. слова о том, что человек «уже ведал основные истины бытия» «гораздо раньше, чем возникла наука в нашем смысле» в конце п. 92. В п. 74А (ср. также прим. 4 к нему) и в сонете о Лейбнице «детское» лейбницевское учения предстало несколько иначе — как сознательная педагогическая направленность сочинений философа, их приспособление к восприятию непосвященных.

95. БРЮСОВ — ЭКОНОМИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИСТУ ¹

(Москва. Между 25 ноября и 6 декабря 1898 г.)

Думают ², что упрощается дело, если потребность в знании сводится к экономич(еской) потребн(ости). Нисколько. — Это такой же Х ³, как присущее человеку любопытство, каким объяснял науку у нас Карамзин ⁴. Скажут, — но экономич(еская) потребн(ость) несомненно есть, у всех есть потребность есть ^{*}. Я отвечу, — но потребность в знании столь же несомненна ⁵ — разве с начала времен люди не изучают?

Все это ошибочное разграничение областей духа и материи: кажется (?) ведь (?) что материи ест(ест)вен(но) иметь свойства, а духу нет. Ведь глупо? — Прочтите Канта о том, что такое опыт ⁶.

Экономический материализм непременно отрицает свободу воли

христианство как откровение

науку и искусство как самодовлеющее нечто ⁷

Знаю, что можно через это перешагнуть, да я-то не могу.

3.21 (тетрадь № 42), л. 39об. Третий абзац в рукописи отделен от второго большим отступом. Возможно, это свидетельство того, что перед нами не цельный текст письма, а лишь два отдельных его фрагмента. По невыраженности признаков адресата в структуре и стиле (см. прим. 2) противостоит п. 93—94 и приближается к п. 92. Однако в отличие от последнего не обработано и является, в сущности, лишь наброском письма, а заключительный абзац — даже только планом.

Написано, скорее всего, под впечатлением от встреч и бесед с сотрудниками редакции журнала «Знамя» (см. п. 91, прим. 9). Среди более отдаленных прототипов «обобщенного адресата» данного письма следует, вероятно, назвать и В. М. Шулятикова (см. о нем наст. кн., Письма к Самыгину, п. 35, прим. 8). Как отмечает современный исследователь, Шулятиков «непосредственно выводил идеологические явления из экономики, не учитывая их специфических особенностей» (Чертков Л. Н. Шулятиков // КЛЭ. Т. 8. Стлб. 810—8 1). Книгу Шу-

^{*} В автографе: есть потребность ест ь.

лятикова «Оправдание капитализма в западно-европейской философии» (М.: Типо-литогр, Рус. т-ва печатного и издательского дела, 1908) за вульгаризацию и «опошление» материализма резко критиковали В. И. Ленин и Г. В. Плеханов.

Датируется аналогично п. 92.

Тема письма непосредственно в книге «О искусстве» не затрагивается. Однако она является органическим продолжением и развитием затронутой в гл. 4 темы общих законов человеческого существования: «В человеческой жизни ясно проявляются два закона: стремление к совершенствованию и жажда общения» (VI, 52). Интерес к проблеме общих законов жизни человека и общества всегда был присущ Брюсову и лежал в основе всех его философских и исторических штудий. Поэтому его внимание закономерно должно было привлечь и то решение этих проблем, которое дал марксизм; недаром книгу Г. В. Плеханова (см. п. 92, прим. 7) Брюсов читал одновременно с трудами таких значимых для него авторов, как Кант, Лейбниц, Э. По. К концу 1898 и в 1899 г. интерес Брюсова к марксизму достиг апогея в связи с его собственными раздумьями над методологией исторической науки (см. п. 92, прим. 5, 8).

¹ «Экономический материализм (...) — вульгарно-материалистическая концепция, сводящая культурно-исторический процесс к следствиям от изначально господствующего экономического «фактора» (или экономической «среды»). Не люди, развивающие свои производительные силы и все свои отношения, а сама по себе экономика признается в экономическом материализме субъектом истории (...) Экономический материализм возник в конце 19 в. в результате искаженного толкования марксизма его противниками и вульгаризаторами. (...) К экономическому материализму приводит в особенности отъединение исторического материализма от диалектики» (*Батищев Г.* Экономический материализм // *Философская энциклопедия.* М., 1970. Т. 5. С. 545). С подробным изложением «экономического материализма» Брюсов познакомился уже в 1894 г., когда в июльском, августовском (тот номер, в котором была помещена рецензия Вл. С(оловьева) на *РС I*) и сентябрьском номерах постоянно читаемого им «Вестника Европы» появилась статья известного русского историка Н. И. Кареева «Экономический материализм в истории». 22 октября того же года была сделана запись: «Спорил о Марксе, о социализме и о многом другом» (*Дневники.* С. 19). Книгу Г. В. Плеханова, в которой статья Кареева была подвергнута критике, Брюсов прочел значительно позже (см. п. 92, прим. 7).

² Безличная форма этой и следующей («Скажут») ссылок на оспариваемое мнение свидетельствует о значительной меньшей степени связи обобщенного адресата данного письма с конкретными прототипами, чем в п. 93—94.

³ При всей схожести данного «алгебраического» приема рассуждения с умозаключением «по редукции», примененным в п. 92, важно отметить их содержательное различие. В п. 92 доказывалось, что нечто неопределенное, принимаемое на веру всегда должно быть в основе наших умозаключений. Здесь же наличие неизвестного не обязательная предпосылка, а нежелательный дефект, делающий сомнительными все опирающиеся на этот X построения.

⁴ Брюсов имеет в виду следующее место из статьи Н. М. Карамзина «Нечто о науках, искусствах и просвещении»: «От чего произошли они (науки.— С. Г.)? — От любопытства, которое есть одно из сильнейших побуждений души человеческой: любопытства, соединенного с разумом» (*Карамзин Н. М.* Избр. статьи и письма. М., 1982. С. 41). Данная статья Н. М. Карамзина была написана в качестве полемических «примечаний» на трактат Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение о вопросе, предложенном Академией: способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?». Возможно, что Брюсов познакомился с ней именно в связи со своими занятиями Руссо (см. п. 60, прим. 6).

⁵ Ср. знаменитое признание в «Miscellanea» о «жажде познания, которая сжигает меня» (VI, 401). Выдвижение «потребности знания» в качестве одной из движущих сил развития человеческого общества представляет определенную новацию сравнительно с трактатом «О искусстве» (о вводимых там «законах» жизни см. в преамбуле к комм.). В этой перемене можно видеть один из первых признаков начала дальнейшей эволюции брюсовской эстетологии и эстетики. В области эстетики эта эволюция завершится переходом Брюсова от определения искусства как средства общения к определению его как одной из разновидностей *познания*. Этому, тогда новому для него подходу, лежащему в русле традиций В. Гумбольдта и А. А. Потебни, Брюсов останется верен до конца своих дней, см., например, такие его статьи 1920-х годов, как «Пророк: Анализ стихотворения» (VII, 180—184) и «Синтетика поэзии» (VI, 560—562).

⁶ Брюсов, скорее всего, отсылает своего воображаемого оппонента к соответствующим разделам «Критики чистого разума», так как «Пролегомены» он был склонен недооценивать (ср. кондовку п. 75).

⁷ Ср. суждение современного исследователя: «... во всех своих вариантах экономический материализм не оставляет в социальном мире места для собственно человеческой деятельности и творчески-«открытого» бытия. Вся проблематика философии человека, познавательной и нравственной суверенности и самоответственности личности в экономическом материализме выпадает как беспочвенная» (*Батищев Г.* Указ. соч. С. 545).

96. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Москва. Между 3 и 6 декабря 1898 г.)

Верю, что был некий ужас дня ¹ (и я ждал так (?)) и истина, что Исайи гл. АІ ст(их) і — к пророчествовал ². Но да будет иной конец. К чему бояться? ³ — Полуночное солнце ⁴ близко, но оно [как] вещество и ближе тайна, ибо внутри ⁵ нас *. Смотрим к полуночи и мы, и многие. Получен ответ от сестры на Белоозере ⁶: пусть продолжает не ведать кто, и верить, и ждать; эта вера её спасение. Слышны голоса и других близких словно предчувстви(е) ^{2*}. Сами мы, сколько можем, на страже ⁸, и если лукавствуют уста, знаем грех...

Вне мира словесных сочетаний ⁹ и мечтатель(ных) раздум(ий) хотим мы слышать о прошлом близком. Книгу моих дум ¹⁰ теперь читают, это та ж несамостоятельность искусств(а), которую осудили ¹¹. Возвращаюсь опять и опять к созвучиям. Моисей, Магдалина, Дантэ ¹², образы, которые влекут. Дантэ, «на всей земле прообраз наш единый», в год(ы) дикого воя и прокляти(й) и неумолкавших битв («То с Гвельфами боролись Гиббелины») — «Под шум врагов, проклятия и крики ¹³, о Дантэ, о отверженец великий, Воистину ты долго жил в аду». — Буду скоро в Петербурге, увижу многих ¹⁴. —

О, гордые слова, сказанные человеку — Иов, гл. 9, стихи 11 и 15 — не оправдаются они ¹⁵ никогда же, и не хотим, что Исайи 14, стих 1, слово 7-ое ¹⁶. Да принесете закон(ы) ^{3*} нам. Искус(ы) миг(а) ¹⁷, и соблазн(ы), вынести (?) которые не мог бы, верн(о?) ¹⁸, недавно. Но знаю теперь, что пройду мимо, ибо жду, к истине. *Ainsi soit il* ^{4*}. Валерий.

Maeterlinck еще продолжает учить ¹⁸. Смысл его слов: Возлюбите ближнего как самих себя ¹⁹. Да, но возлюбите себя можно, лишь если я прекрасен. Да будем все прекрасны ²⁰, братия.

3.21 (тетрадь № 42), л. 42об.—43. Ответ на письмо Добролюбова, начинающееся словами: «Помните восьмое ноября...» — и кончающееся распоряжением: «Скройте письмо» (85.16, л. 20—21). Датируется на основании записи, сделанной Брюсовым 3 декабря («Получил письмо от Добролюбова из Соловецкого монастыря. «Днем некий ужас владеет слабым телом», пишет он» — *Дневники*. С. 53; ср. цитату в прим. 1), — и упоминания о скором отъезде в Петербург, куда Брюсов уехал 7 декабря.

¹ Добролюбов писал про восьмое ноября: «Днем ужас некий, который я предчувствовал, долго владел слабым телом. Начало ужаса пустыни! Я слышал угрозы за учение Колосеев, Ассириян...» (85.16, л. 20, Колоссеи — колоссяне — раннехристианская община в г. Колоссы, к которой было обращено одно из посланий апостола Павла). При этом Добролюбов ссылался на гл. 23 Четвертой Книги Царств, заканчивающуюся словами о неотвратимости гнева божия на Иудею и Иерусалим за прегрешения царя Манассии, возобновившего службы языческим богам.

² Добролюбов писал далее: «Но слышал новое утешение. Прочтите Исаяю четырнадцатую гл. ст. 7 — двадцатый читаемые в этот день в церкви» (85.16, л. 20). Указанные стихи Книги пророка Исайи содержат пророчества о низвержении в ад нечестивого царя вавилонского. В отличие от Добролюбова Брюсов записывает номера главы и стихов славянскими цифрами.

³ Ответ на слова из письма Добролюбова: «Полусмерть в этот день восхерила (?) меня. Да, этот дух умрет, но не взятое древо жизни. Где ты, древо креста? Где вы, древние битвы, победы Вечности. Хоть призываю чары, заклинаю Духа чар на вас великой наукой его, но бойтесь! помните, на что идете. Да не посетит слабой жены вашей ужас знавший меня!» (85.16, л. 20—20об. Курсив мой. — С. Г.).

⁴ Возможно, что этот образ навеян мыслями о жизни адресата на Соловецком архипелаге. Следующие далее слова о «вещественности» солнца — отзыв заветов, завершавших письмо Добролюбова: «Посещайте храмы молитесь не любите вещества поститесь во среды и пятницы. С мая не пишите: уйду» (85.16, л. 21. Курсив оригинала. — С. Г.).

⁵ Утверждение, что «тайна внутри нас», развивает положения и образы п. 80 и концовки основной части п. 90. Ср. в «О искусстве»: «Под наносными красками надо усмотреть свет души своей. Пусть художник готовится к подвигу своей жизни как пророк (...) Стремление глубже понять себя (...) уже святыня» (VI, 45).

* Далее зачеркнуто: есть. Знаю, что и ночь края земли ее не заставит оледенеть.

2* Далее зачеркнуто: трепета всей земли ?.

3* Возможно прочтение: затиш(ье).

4* Да будет так (франц.).

⁶ В письме Добролюбова говорилось: «Сестра, глубокая христианка, от которой все было скрыто, прислала письмо, где говорит о двух богах и потому утверждает себя выше меня» (85.16, л. 20об.—21). Брюсов имеет в виду письмо, о котором записал в дневнике в той же записи, что и о письме Добролюбова (см. преамбулу к комм.): «Раньше получили письмо из Белозерска от одной из уверовавших» (1.15/1, л. 27). Из женских писем к Добролюбову, посланных на адрес Брюсова и сохранившихся в его архиве, предметом данной записи может быть только письмо Н. Ширской (109.4), в котором Добролюбов именуется «дорогим братом».

⁷ Ср. о теме «предвестий нового» в книге «О искусстве» (п. 90, прим. 6).

⁸ Возможно, первое возникновение образа, ставшего заглавием будущей книги «Tertia vigilia» (Третья стража — лат.).

⁹ Ср. тему любви к материальной форме стихов и книг в п. 83 и 85 и тему возвращения «к жизни» в п. 76. Образ «сочетаний слов» вскоре перейдет и в поэзию Брюсова, см. стих. «Я» (1899 — I, 142) и позднейшее «Поэту» (1907 — I, 447). О связанной с последним стихотворением традиционной интерпретации см.: *Гиндин С. И.* О «ярко-певучих стихах» и одной литературной легенде // Дружба народов. 1972. № 9.

¹⁰ «О искусстве».

¹¹ Отзвук тех споров о сущности искусства, которые вѣлись во время пребывания Добролюбова у Брюсовых в июле—августе 1898 г. (см. приписку И. М. Брюсовой в п. 79).

¹² Герои стих. Брюсова «Моисей» (I, 149), «Данте» (I, 154—155). Стихотворение о Марии Магдалине, написанное 1 апреля 1898 г., осталось в рукописи:

МАРИЯ МАГДАЛИНА (ЛОБЗАНЬЕ ЛЮБВИ)

Лежал он на плате широком,
Лампада мерцала в углу,
Она, как преступница, робко
Вступила во мглу.

Упала на мертвое тело,
Устами приникла к груди...
И так совершилось лобзанье,
Лобзанье любви...

Там долго звучали рыдания,
Лежал он недвижный, немой
И слабо лампада боролась
С победною тьмой (14.5/9, л. 9).

То, что Брюсов из трех названных стихотворений процитировал именно «Данте», — не случайно: лишь оно было написано уже после последнего из приездов Добролюбова к Брюсовым (см. п. 85, прим. 4) и не могло быть ему известно.

¹³ Эта строка стих. «Данте» приведена здесь Брюсовым в варианте, отличном от печатного, и от обоих известных автографов в тетрадах «Мои стихи» (14.5/9, л. 29—29об.; 14.5/10, л. 12об.—13).

¹⁴ Кого именно собирался увидеть Брюсов в Петербурге, показывает запись на 3-й странице обложки XII тетради дневников: «В Петербурге посетит: Вл. Гиппиуса — Сологуба — Вас. Вас. Розанова Пет(ербургская) сторона, Павловская ул. д. 2 — Квашнина-Самарина? — Эрлих? студент — Мережковский? — Вольнский? — Южаков? — Прибытков («Ревбус») — Добролюбов(ы) Невский 81 — Венгерова? — Музей Александра III — Вл. Соловьев — Перцов — Бальмонт — кн(ижные) маг(азины) (возьми квит(анции)) — Дягилев» (1.15/1, л. 48. Вопросительные знаки поставлены Брюсовым). Ср. также перечень адресов петербургских редакций в тетради «Мои стихи» № 9 (14.5/9, л. 43). О реальном ходе поездки см. п. 97—98, 100 и комм. к ним.

¹⁵ Указанные стихи Книги Иова гласят: 11. «Вот Он пройдет предо мною, и не увижу Его; пронесется и не замечу Его»; 15. «Хотя бы я и прав был, но не буду отвечать, а буду умолять Судью моего».

¹⁶ Первый стих 14-й главы Книги Исаии читается так: «Близко время его царя Вавилонского, и не замедлит дни его; ибо помилует Господь Иакова, и снова возлюбит Израиля; и поселит их на земле их, и присоединятся к ним иноземцы и прилепятся к дому Иакова».

¹⁷ Возможно также прочтение: мгн(овений). Ср. в стих. 1900 г. «Устои»: «Но кто готов отвергнуть миги...» (I, 227). На возможную связь этого стихотворения с биографией адресата указывает и его смысловая общность с п. 80.

¹⁸ Речь идет о последней к тому времени книге Метерлинка «Мудрость и судьба» (La sagesse et la destinée. P., 1898). Предпоследняя в этой книге гл. CXVI начинается словами: «И, наконец, всегда существует возможность любить. Любите сами восторженно (admirablement) и вы испытаете почти все радости восторженной любви. Даже в самой совершенной любви, счастье двух любящих, как бы едины они ни были, не бывает в точности одним и тем же, и безусловно, большим является счастье того, кто любит лучшего (aime le mieux), и тот кто любит лучшего, является самым счастливым» (р. [309]).

¹⁹ Вторая евангельская заповедь (Евангелие от Матфея, гл. XXII, 39; Евангелие от Марка, гл. XII, 31). Использование для резкого общеизвестного изречения, как и формулировка «еще продолжает учить», свидетельствует об ироническом отношении Брюсова к новой книге своего недавнего кумира (ср. п. 66, прим. 2).

²⁰ Развитие важнейших тем гл. 4 «О искусстве»: равенства возможностей всех людей («Одинаково высшей ступени способны достигнуть все» — VI, 52) и безграничности человеческого совершенствования (ср. п. 76 и 90).

97. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. После 15 декабря 1898 г.)

(По возвращении из Петербурга ¹. Декабрь 1898). Друг мой! положительно чувствую себя хорошо, вернувшись к моим книгам и рукописям, и к моим стихам, хотя бы они и напоминали В. Гюго (упрек Гиппиуса) ², к своим раздумьям, о которых Мережковский возглашает: «и как банально!» ³ Друг мой! Я был рад Вашему привету в Петербурге ⁴; и как это было хорошо, что там были и Вы. Более, чем когда, знаю, что люблю Вас, и не автора стихов, о которых жестоко судят [все] петербургские поэты ⁵, и не «слутника мгновений несказанных», а Вас как Вы есть, каким Вас знали и 20 лет назад ⁶. Теперь я сижу за своим столом, издали посматриваю на книги, и клею бумажный театр. А моя жена и сестра моя, «два данные судьбой» etc. ⁷, ходят около и упрекают меня, что я не пишу стихов. Потом настанет Рождество, в манеже будет толпа, настоящая толпа, у нас на другой половине будет елка, везде по купеческому обычаю расставят столы с закус(ками)... Я очень люблю праздники и думаю, что многие и м(ногие) не могли бы прожить без них, ибо это «поэзия будней»...⁸ Будьте счастливы, друг мой, и будьте радостны, а потом, если хотите, пишите стихи.

Ваш ВБ.

P. S. Вот стихи «из» Жемчужникова

Что я? певец былых кручин
Скрижалей брошенных обломков;
В пустынном доме, в час потемок,
Я — потухающий камин ⁹.

3.21 (тетрадь № 42), л. 47—47об. (с пометой «К Бальмонту»). Датируется на основании открывающей письмо хронологической пометы.

¹ Брюсов уехал в Москву 14 декабря 1898 г. (*Дневники*. С. 58).

² Встречи с Вл. Гиппиусом в Петербурге Брюсов отметил в дневнике дважды (*Дневники*. С. 54 и 57; ср. также п. 98), но никаких суждений Гиппиуса о своих стихах не записал. Вероятнее всего, «упреки» Гиппиуса относились к историческим стихам, вошедшим впоследствии в цикл «Любимцы веков» в *TV* (который включал и два перевода из Гюго — «Орфей» и «Соломон»). Показательно, что черновые редакции «О искусстве» содержали защиту поэзии Гюго от обвинений в риторике (см.: *Эстетика Льва Толстого*. С. 16).

³ Очевидно, имеются в виду суждения Мережковского по поводу книги «О искусстве»: «Потом нас допустили на четверть часа к Мережковскому (...) Сразу начал он говорить о моей книге и бранить ее резко. — Ее даже бранить не за что, в ней ничего нет. Я почти во всем в ней соглашаюсь, но без радости» (*Дневники*. С. 53).

⁴ Первую же дневниковую запись, сделанную в Петербурге, Брюсов начал словами: «Дважды и даже трижды видел Бальмонта» (8 декабря — *Дневники*. С. 53). Все последующее пребывание в Петербурге прошло в постоянном общении с Бальмонтом (Там же, С. 53—58; см. также п. 100, прим. 9 и наст. кн., Переписка с Бальмонтом. Вступ. ст. А. А. Нинова).

⁵ Кого из петербургских поэтов Брюсов имеет в виду в данном случае, не совсем ясно. В дневнике рассказано только о том, как поэт-переводчик Д. Л. Михаловский упрекал Бальмонта «за то, что он примкнул к декаденству» (Там же. С. 56). О склонности петербуржцев к «мерзейшим сплетням» см. п. 100, прим. 13.

⁶ Ср. мысли о постоянстве «общего строя души» человека в п. 89.

⁷ Из черновой редакции стих. Пушкина «Воспоминание»:

... два данные судьбой
Мне ангела во дни былые...

⁸ Ср. аналогичное определение в п. 74Б.

⁹ Из стих. А. М. Жемчужникова «Так прочен в сердце и в мозгу...», впоследствии вошедшего в его книгу «Песни старости» (СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1900). В 1909 г. Брюсов посвятил «Прощальным песням» Жемчужникова сочувственную рецензию, особо отметив тот феномен поздней творческой молодости поэта, которым когда-то так пристально интересовался в деятельности Фета (см. п. 71Б, прим. 6).

98. БРЮСОВ — ДОБРОЛЮБОВУ

(Москва. Между 15 и 24 декабря 1898 г.)

Я был в Петербурге. Видел В. Гишпиуса, Сологуба, Эрлиха, Ореуса, даже З. Гишпиус, Мережковского, Минского...¹ Впечатление в общем тяжелое. Не раз говорили о Вас (но, верьте, лишь то, что Вы не осудили бы). Большинство, даже все, кроме Эрлиха [сочувствующего], говорили уж(ас)но. Сологуб * сказал о Вас: «Остался тот же: зме(й)»². У Эрлиха³ читал Ваши рукописи. «Мы не хотим превратностей свободы...»⁴, «Чем дальше дни идут, тем легче мне туман...»⁵, «Ты в одежде блестящей...»⁶, «Сегодня за здравье твое...»⁷ и многое... Ореус, юноша, весь увлеченный Vielé-Griffin, Verhaegen, Regnier, Вас очень любит⁸, его «Лес»⁹ замечателен. Что писал Гишпиус — все хорошо: «Снова зверь в лесу возникнет, Птица в чаще леса крикнет», «Я иду к земному счастью...»¹⁰ Сологуб стал сильнее, «Заря-Заряница Красная девица, Мать Пресвятая Богородица»¹¹ — превосходное. Затем множество в литературе [заблудших] блуждающих¹², пришельцев, покупающих и продающих... Среди них Аполлон Коринфский из лучших¹³... Теперь я вернулся к своим книгам и одиноким раздумьям¹⁴.

Ваш ВБ.

3.21 (тетрадь № 42), л. 47об.—48. Адресат не указан и определен по содержащемуся в письме перечислению его рукописей (см. прим. 4—7). Датируется по расположению в тетради между автографами п. 97 и 99.

¹ См. п. 97, 100 и прим. к ним. Полгода спустя, оценивая эту и следующую (см. п. 99, прим. 3) поездки в Петербург, Брюсов запишет, что они принесли ему «знакомство с миром поэтов, которого» ему «хотелось давно» (*Дневники*. С. 74).

² Этот отзыв записан и в дневнике: «Он говорил о Добролюбове: «О, узнаю его! это все тот же змей, очаровывающий, но глубоко лживый»» (*Дневники*. С. 54, запись от 9 декабря).

³ О Я. И. Эрлихе см. наст. кн., Переписка с Коневским, п. 9, прим. 2.

⁴ Этой строкой начинается первое стихотворение цикла «Три стихотворения» (*Добролюбов 1900*). Его «отрывки» были записаны Брюсовым по памяти после отъезда Добролюбова 4 августа (см. п. 85, прим. 2).

⁵ Опубл.: *Добролюбов 1900*.

⁶ Стихотворение не опубл. Сохранилось в списке И. М. Брюсовой (128.24, л. 23—23об.).

⁷ Начальная строка первого стихотворения из цикла «*Sotte suite*» («Глупая сюита» — *франц.* — С. Г.). Опубл.: *Добролюбов 1900*.

⁸ Ср. наст. кн., Переписка с Коневским, п. 1, прим. 1.

⁹ Там же, п. 1, прим. 7.

¹⁰ Первая цитата — из стих. «Все пройдет, что плотью было...», вторая — из стих. «Песня» («Снам немудрым сердцем внемля...») — см.: (Вл. Гишпиус.) Возвращение. Из книги «Завет Вл. Бестужева». СПб.: Цех поэтов, 1912. Первое из упомянутых стихотворений вызвало «полуспор» Брюсова с Бунным (см. п. 100, прим. 18). О силе впечатления, произведенного в этот раз на Брюсова стихами Вл. Гишпиуса, свидетельствует следующий факт. Во время или вскоре после поездки в Петербург Брюсов задумал книгу «Новые поэты» — последний след замысла «Русской поэзии наших дней» и «Русской поэзии 1895 г.». По-видимому, как и брошюра 1896 г. (см. п. 52, прим. 9), «Новые поэты» должны были издаваться под псевдонимом. Согласно плану, сохранившимся на третьей странице обложки тетради дневников (1.15/1, л. 48), одна из 6 или 7 глав книги отводилась Вл. Гишпиусу, тогда как о Мережковском, Минском, З. Н. Гишпиусе (а по второму варианту даже и о Бальмонте) Брюсов предполагал говорить лишь в общем предисловии.

¹¹ Ср. запись от 12 декабря: «Сологуб (...) не читал ничего, хотя у него есть стихи замечательные, особенно его „Заря-Заряница“» (*Дневники*. С. 57). Стихотворение вошло в кн.: *Сологуб Ф. К.* Собр. стихов (1897—1903). М.: Скорпион, 1904. С. 93—96. Впоследствии П. П. Перцов уверял, что Брюсов в 90-е годы «почти отрицал Сологуба», что ему, Перцову, «не раз приходилось (...) спорить с Валерием Яковлевичем (...) доказывая, что Сологуб — настоящий и крупный поэт» (*Перцов. Литературные воспоминания*. С. 230), и что даже издание стихов Сологуба появилось в 1904 г. благодаря его, Перцова, настояниям (Там же. С. 231). Брюсов не все принимал в ранних стихах Сологуба (см. п. 50). Но и отзывы о «Заре-Зарянице», и последующая просьба о ее присылке в п. 100, и «утешивший» Сологуба отзыв о стих. «Шут» (см.: *Дикман М. И.* Примечания // *Сологуб Ф. К.* Стихотворения. Л., 1979. С. 574), и, наконец, само п. 50 свидетельствуют, что Брюсов оценил поэзию Сологуба достаточно рано и без посторонней помощи.

¹² Это «множество» подробнее охарактеризовано Брюсовым в п. 100 и в неопубликованной дневниковой записи, цитируемой в прим. 9 и 13 к тому же письму.

* Далее последовательно зачеркнуто: сказал, что Вы змея; назвал Вас змеей

¹³ Об отношениях Брюсова с Коринфским см. публ. Ю. А. Красовского, указ. в п. 84, прим. 3.

¹⁴ Ср. начало п. 97.

99. БРЮСОВ — СЛУЧЕВСКОМУ

(Москва. 24—25 декабря 1898 г.)

Глубокоуважаемый Константин Константинович!

К. Д. Бальмонт сообщил мне, что Вы высказали желание повидать меня еще раз¹. Мне, конечно, остается только жалеть о своем поспешном отъезде из Петербурга. Может быть, удастся мне хоть отчасти исполнить Ваше желание, переслав для Вас два-три из моих новых стихотворений. Пользуюсь при этом случае принести Вам праздничные поздравления и пожелания — обычай старый, но как все старые обычаи, трогательный*.

С глубоким уважением издавна Ваш постоянный читатель²

Валерий Брюсов³.

З.21 (тетрадь № 42), л. 49об. Ответ на несохранившееся письмо Случевского, о котором говорится в дневниковой записи, приводимой в прим. 1. Датируется на основании этой записи и расположения в тетради перед п. 100.

Отправленный вариант письма неизвестен, но факт отправки подтверждается сохранившимся ответным письмом Случевского от 4 января 1899 г.: «С новым годом! Спасибо Вам, многочтимый Валерий Яковлевич, за Ваше письмо и стихи. Я очень хотел видеть Вас и поговорить по душам о поэзии, но вот не удалось! Что отложено — не потеряно. Не забудьте (?), что есть Петербург и в нем Случевский, а у него пятницы! С новым годом. Искренне преданный К. Случевский» (103.1, л. 1. На бланке главного редактора «Правительственного вестника»).

О встречах Брюсова с К. К. Случевским см. наст. кн., Марк Криницкий в записях Фидлера. Вступ. ст. М. К. Азадовского, а также *Дневники*, по указ. имен — «Случевский». Известные письма Брюсова к Случевскому собраны в приложении к: *Мазур Т. П. К. К. Случевский: Основные этапы творческой биографии*. Дис. ... канд. филол. наук. Т. 2, М., 1974. Высокая оценка творчества Случевского, одного из предшественников символизма в русской поэзии, дана Брюсовым в некрологе поэта, помещенном в «Весах»: «В поэзии он был косноязычен, но как Моисей» (VI, 234). На основе этого некролога Брюсов написал впоследствии главу о Случевском для «Истории русской литературы» под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского (М.: Мир, 1911. Т. 5).

¹ Ср. в записи от 24 декабря 1898 г.: «Бальмонт [пишет, что К. Случевский] переслал мне письмо Случевского, где тот «выражает желание побеседовать со мной». Жаль, что я уехал поспешно из Петербурга, сия беседа могла быть любопытной» (*Дневники*. С. 58). Зачеркнутые слова (воспроизведены по оригиналу — 1.15/1, л. 32) позволяют предположить, что Бальмонт не пересылал письма Случевского, а лишь изложил его содержание в своем письме.

² Эта формула вряд ли отвечала истине. В материалах к «Русской поэзии 95 года» и к «Истории русской лирики» имя Случевского практически не упоминается, нет его стихов и среди многочисленных выписок из поэтических книг и периодики в тетрадях юного Брюсова (см.: *Гудзий 1937*. С. 200—201). Дневниковые записи позволяют предположить, что настоящее знакомство Брюсова с поэзией Случевского произошло лишь в 1899 г. В рассказе о поездке в Петербург 17—22 марта 1899 г. читаем: «у Бальмонта есть собрание стихотворений Случевского, там есть вещи удивительные и дерзновенные — например, «Элоа»» (*Дневники*. С. 64). Из этой записи совершенно ясно, что поэмы «Элоа», еще в 1883 г. вошедшей в третий том «Стихотворений К. Случевского» (СПб.: Тип. А. Суворина), Брюсов до того времени не знал. Его обращение к поэзии Случевского произошло, таким образом, уже после появления «Сочинений К. Случевского» в шести томах (СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1898) и совпало с поворотом к ней «внимания публики и критики разных направлений» (*Федоров А. В. Поэтическое творчество К. К. Случевского // Случевский К. К. Стихотворения и поэмы*. М.; Л., 1962. С. 17). По-видимому, именно к этому изданию относится и запись: «Случевский 7 р(ублей)» — в списке книг, которые следовало «купить или прочесть в библиотеке», относящемся примерно ко времени декабрьской поездки в Петербург (14.5/9, л. 44).

³ Далее в рукописи следует помета Брюсова: «(Здесь я избрал средний путь между ненавистой официальностью и неуместной фамильярностью — слова иностранные но что делать)». Это редкий в тетрадях случай открытого стилистического автокомментария к письму. Возможно, что данный вариант все-таки не вполне удовлетворил Брюсова, так как после автокомментария опять следует начало обращения: «Глубокоуважаемый». Приписка Брюсова важна и как свидетельство первоначального отчужденного отношения Брюсова к Случевскому не как к собрату по перу, хотя бы и старшему, но как к «генералу» от литературы. Это

* Далее зачеркнуто: очень желаю

отчуждение заметно и в оценке читавшихся Случевским стихотворений как «иной раз любопытных» (*Дневники*. С. 55. Запись от 11 декабря 1898 г.). Всего лишь через четыре месяца, во время мартовской поездки в Петербург, когда Брюсов всерьез познакомится с творчеством Случевского (см. прим. 2), тон дневниковых записей и характер оценок коренным образом изменится, и отчуждение бесследно исчезнет: «(...) он многое может. Он читал свои новые стихи, и то было нечто очень замечательное (...)» (*Дневники*. С. 64).

100. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. 25 декабря 1898 г.)

Друг мой! И я пишу стихи, и много стихов¹. «Праздникам Праздник»² напис(ано) к одной четырнадцатилетней девочке («Едва ли ей было четырнадцать лет. Так задумчиво» etc.)³, но чтобы Вл. Гиппиус не сказал, что я их взял у него, посв(ящаю) ему⁴. — Ваши стихи, конечно, хороши⁵, но пение их однообразно, и в таких коротких строчках совсем не над(о) размера — в этом я убедился окончательно⁶. «То мечты, что встретятся С теми, кем отменяются»⁷ — конечно, слишком много местоимений, уж вина русского языка, по-французски и, вероятно, по-английски это можно сказать. — А своим чередом идут дни, елка, люди, много людей. — Недавно видел я «Чайку» Чехова. Там одна юная девица говорит о вдохновении и маститый писатель смеется в ответ. Так оно и есть⁸.

Я вспоминал недавно петербургские впечатления⁹. Помнится, конечно, Мережковский на своей кровати, — и Левиафан!¹⁰ — и Минский с дядюшкой вместо привидения¹¹; и Случевский, не сотканный, а сложенный из противоречий¹² (P. S. я ему написал), но что такое эта ватага поэтов, которая копошится и скулит вокруг¹³, эти милые Коринфские, любезные Бунины¹⁴ и очаровательные Сафоновы¹⁵! Что это за человек, который пишет горы стихов и *забывает* сам тот(час), что он написал, и пишет еще и еще¹⁶. К(оторый) говорит, что он пис(ал) для строчек¹⁷, или трепещет перед «зверем, который возникнет»¹⁸. Уж какое тут вдохновение... У меня есть к Вам просьбы: 1) Сообщите адрес, и имя и отчество этого самого Сафонова (Невский, Меблированные комнаты «Версаль»??). 2) Сообщите адрес Бунина (я ему послал книги и письмо, но ответа не получил)¹⁹. 3) Пришлите (как Вы обещали) «Зарю Заряницу»²⁰. 4) Сообщите, что наш словарь²¹ (Я писал Катерине Алексеевне²² в Москву, но от нее получил письмо, как если она моего не получала).

Ваш ВВ

3.21 (тетрадь № 42), л. 49об.—50. Ответ на присылку Бальмонтом (вероятно, с письмом) новых стихов (см. прим. 5). Среди черновиков писем Сологубу сохранился перебранный вариант данного письма (72.37, л.3—3об., с пометой И. М. Брюсовой: «Сологубу»). Он был оставлен недописанным и, очевидно, переписан еще раз из-за ошибки в отчестве жены Бальмонта (см. прим. 22). От публикуемого текста указанный беловик отличается в основном композиционно и стилистически: Брюсов сначала говорит о стихах Бальмонта, а затем о своих, императивная формулировка «просьб» в конце письма заменена смягченной вопросительной. Содержательные различия двух вариантов указаны в прим. 2, 8, 12. Датируется по авторской датировке беловика: «1898 Рождество».

Е. А. АНДРЕЕВА

Фотография А. Мола. Нерви, 1896

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

¹ По возвращении в Москву Брюсов завершил начатую еще в день отъезда из Петербурга (14 декабря) поэму «Краски» (I, 237—238; см. автографы 3.21, л. 44об.—47 и 14.5/9, л. 39—40). 23 декабря были написаны стих. «Шейхея» (I, 147), «Рождество Христово» (I, 205—206).

² Стих. «Пасха, праздникам праздник» (I, 206—207) было написано в тот же день, что и комментируемое письмо. Очевидно, было послано Бальмонту вместе с письмом.

³ Начало стихотворения, напечатанного в *МЭЕ* без заглавия, а позже озаглавленного «Продажная» (16 мая 1896; I, 108). В беловике Брюсов наряду с этим стихотворением цитирует еще и строки: «Умри, умри, триолет // Ей только четырнадцать лет» — из зачеркнутого «Варианта» второго триолета «Поэмы в триолетах», написанной 31 мая — 1 июня 1895 г. (14.5/3, л. 2б—26об; входит в цикл «3 стихотворения из новой поездki в Москву»). В окончательной редакции стихотворения в составе «Поэм...», как и в более поздней отдельной редакции («Триолет» — 14.5/8, л. 7об.; 1897 г.), — разночтение в возрасте героини: «Ей только тринадцать лет...».

⁴ Вероятно, само заглавие нового стихотворения напоминало Брюсову начало первого стихотворения из цикла Вл. Гишпиуса «Лёля»: «Лёля, праздник! Надень свое белое платье! // Лёля, праздник!» (*Гишпиус Вл. Песни*. СПб.: Паровая скоропечатня «Надежда», 1897). Ни в автографах стихотворения (14.5/9, л. 41—41об.; 14.5/10, л. 20), ни в первой его публикации (*ТВ*. С. 119) посвящения Гишпиусу нет.

⁵ Присланные Бальмонтом рукописи стихов до нас не дошли. Однако, поскольку Бальмонт практически все написанное печатал, можно попытаться реконструировать перечень присланного по ближайшим по времени крупным изданиям Бальмонта — сборнику *КР* (1899) и авторской книге «Горящие здания» (1900). Ключ к реконструкции дает замечание Брюсова о «коротких строчках» присланных стихотворений. «Короткими» в силлабо-тонической системе стихосложения можно назвать не более, чем трехстопные ямб и хорей, и не более, чем двухстопные дактиль, амфибрахий, анапест. Среди стихов Бальмонта, напечатанных в *КР*, таких стихотворений всего два: «Ангелы опальные...» и «Ветви пасхальные». Оба они отличаются не только метрической, но и лексической краткостью: в каждой строке не более двух полнозначных слов (хотя в первом стихотворении размер допускал и по три таких слова). Присылка первого из них подтверждается дальнейшим текстом письма (см. прим. 7), присылка второго остается гипотезой. В «Горящих зданиях», помимо «Ангелов опальных», вошло еще пять стихотворений, написанных «краткими» двусложными размерами, причем четыре из них сопровождалась одинаковым подзаголовком «Медленные строки». Но из них «Воспоминание о вечере в Амстердаме» было известно Брюсову еще в августе 1898 г. (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 35, прим. 8), «Вершины» — уже опубликованы (*СВ*. 1898. № 9), а в «Чет и нечет» строфика предсоставляла чередование «коротких» и более длинных строк. Поэтому среди присланных Брюсову могли находиться только стих. «Рассвет» и «Нам нравятся поэты...».

⁶ Этот вывод опирался на собственный опыт Брюсова: написанное 24 августа и прочитанное на «пятнице» у Случевского 11 декабря 1898 г. стих. «На новый колокол» (позднее озаглавлено «Песня сборщиков» — I, 283—284). Написанное «короткими строчками», оно представляло собой одну из первых попыток одновременно и приближения к народному стиху, и внедрения современного свободного стиха. Призыв «не надо размера» был связан с общим направлением теоретических и практических поисков Брюсова в области стихосложения. В свете таких написанных практически одновременно с комментируемым письмом документов, как статья *О русском стихосложении* и письмо к Случевскому от 27 марта 1899 г. (Лит. критик. 1939. № 10—11; День поэзии, 1963. М., 1963. — с неверной датой 27 мая 1899 г.), слово «размер» в этом призыве надо понимать ограничительно — как размеры классической силлабо-тонической системы русского стихосложения.

⁷ Из стих. Бальмонта «Ангелы опальные...». Комментируемое письмо позволяет датировать стихотворение 1898 г., тогда как до сих пор оно датировалось по времени первой публикации — 1899 г. (см.: *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 155).

⁸ Фрагмент о «Чайке» во второй вариант письма (см. преамбулу к комм.) не вошел. «Юная девица» — Нина Заречная, Брюсов имеет в виду ее разговор с Тригориным во втором действии драмы. Ср. формулу «смеешься в лицо» в п. 102. Премьера «Чайки» в Художественном театре состоялась 17 декабря 1898 г.; второе представление было дано лишь после написания комментируемого письма, 28 декабря. Т. о., Брюсов был на премьере. С самой пьесой Брюсов был знаком еще раньше. В неоконченной статье «Как пишут романы», которая по положению в тетради может быть датирована концом января — началом марта 1898 г., Брюсов утверждал: «Если кто умеет *изображать*, это Чехов (из «Чайки» и из «Моя жизнь»)» (3.13, л. 27об.).

⁹ Ср. п. 96, прим. 14 и п. 97—98. Слова «вспоминал недавно» указывают на непосредственный источник дальнейшей части письма — неопубликованную дневниковую запись от 23 декабря (1.15/1, л. 32—32об.), открывавшуюся словами: «Вспоминал сегодня для письма Станюковичу свои петербургские впечатления». Однако в отличие и от этой записи, и от почти полностью воспроизводящего ее письма к Станюковичу от 25 декабря (*ЛН*. Т. 85. С. 746) письмо к Бальмонту существенно лаконичнее и конкретнее в воспоминаниях о встречах с Минским и Мережковским, а в рассказе о «мелких» литературных обобщенная характеристика (см. прим. 13) заменена в нем отдельными броскими деталями. Оба эти отличия указывают на то, что Бальмонту участвовал во всех встречах, из которых были вынесены упоминаемые впечатления (ср. п. 97): вот почему ему достаточно намека там, где для другого адресата нужно описание или разъяснение.

¹⁰ Ср. в две неровной записи от 9 декабря: «И правда, он (Мережковский. — С. Г.) горил от чистого сердца, бранил еще больше, чем меня, Толстого, катался по постели и кричал: Левиафан! Левиафан поплости!» (*Дневники*. С. 53). Речь шла, очевидно, о трактате Толстого «Что такое искусство?» в сопоставлении с книгой Брюсова «О искусстве». См. также п. 97, прим. 3.

¹¹ Ср. в дневниковой записи от 12 декабря: «Его характер верно выразился в следующем его изречении по поводу моей книги (“О искусстве”. — С. Г.) — Ждешь появления привидения, а выходит дядюшка и говорит: “Здравствуйте!”» (*Дневники*. С. 57).

¹² В беловике письма этот образ усилен: «сотканый и склеенный из противоречий». Данный образ — зерно будущей брюсовской концепции творчества Случевского, см. некролог «Поэт противоречий» (Весы. 1904. № 10) и статью «К. К. Случевский как поэт противоречий» (*Далекие и близкие*). Упоминаемое далее письмо Случевскому — п. 99.

¹³ Во втором варианте письма характеристика «ватаги поэтов» дополнена: «Бахтаются, шумят, все бранят друг друга и все рассказывают один о другом мерзейшие сплетни». Это дополнение еще больше сближает комментируемое письмо с дневниковой записью от 23 декабря (см. прим. 9), где описание «ватаги» завершилось выводом: «Что удивительного, что вернулся в Москву я два дня был болен» (1.15/1, л. 32об.).

¹⁴ После возвращения из Петербурга Брюсов записал: «...Бунин из лучших для меня петербургских фигур, он — поэт, хотя и немудрый» (*Дневники*. С. 58). Об истории взаимоотношений Брюсова с Буниным см.: *Бабороко А. К. И. А. Бунин: Материалы для биографии*. М., 1984; Переписка (И. А. Бунина) с В. Я. Брюсовым/Вступ. ст. и публ. А. А. Нинова // *ЛН*. Т. 84, кн. 1; *Гольдин С. Л.* К вопросу о литературных связях В. Брюсова и И. Бунина // *Чтения* 1962.

¹⁵ Сергей Александрович Сафонов (1867—1904) — поэт и беллетрист. Биографическая справка о нем Л. А. Николаевой и его избранные стихотворения помещены в кн.: *Поэты 1880—1890-х годов*. Л., 1972. Брюсов, почуствовав драматизм жизненной ситуации Сафонова, выделил его из числа литературных поденщиков: «...для Сафонова храм действительно существует» (*Дневники*. С. 57. Запись от 12 декабря 1898 г.).

¹⁶ По-видимому, Брюсов говорит здесь об А. А. Коринфском (см. п. 98, прим. 13), отличавшемся большой литературной плодовитостью.

¹⁷ Ключ к этой характеристике дает следующая брюсовская запись: «Декабрь. 12. Суббота. Вечером занес книжку стихов Сафонову (...) Застал у него Медведского и некоего Мессароша, полустаричка. Они (...) повествовали, как они обманывали издателей и редакторов, брали почтронные деньги за ненаписанные стихи, писали стихи наскоро спьяну, побольше бы вышло» (*Дневники*. С. 57). Кого из трех упомянутых в записи литераторов Брюсов имеет в виду в письме — неясно. Во втором варианте письма характеристика дополнена: «кто пишет для строчек и увидал Метерлинка среди тех, кто „путь свой свершили слепые“...». Содержащаяся в этом дополнении цитата — измененная последняя строка стих. Бальмонта «И плыли они без конца, без конца...» (*КР*, цикл «Символика настроений»).

¹⁸ 14 декабря 1898 г. Брюсов записал: «Вчера обедали с Бальмонтом и Буниным. Бунин на меня сердился. Еще раньше у нас был полуспор по поводу стихов Гишнуса

Снова зверь в лесу возникнет,
Птица в чаще леса крикнет...

Бунин не признавал, что можно сказать “зверь возникнет”, я над ним смеялся, а он сердился: “Не понимаю, не понимаю... надо говорить человеческим языком”... Сегодня в том же роде мы спорили» (*Дневники*. С. 58). О стихах Гишнуса см. п. 98, прим. 10.

¹⁹ Письмо было получено Буниным и сохранилось (см.: *ЛН*. Т. 84, кн. 1, С. 440, п. 2). В прим. 1 к нему А. А. Нинов пишет, что Бунину были посланы, «вероятно, последние к тому времени книги Брюсова»: *ChdO 2* и *МЕЕ*. Однако «последней книгой Брюсова» к этому времени была «О искусстве», и естественнее предположить, что Бунину была послана именно она, возможно, вместе со сборником *МЕЕ*.

²⁰ См. п. 98, прим. 11.

²¹ О том, что Бальмонт и Брюсов задумывали работу по составлению «Пушкинского словаря», известно из дневниковой записи Брюсова, датированной «январем» 1899 г.: «Приезжал в Москву Бальмонт (...) Много было речи о Пушкинском словаре (...) Я купил за 10 р. издание Литературного Фонда, были мы у некоего Вяч. Н. Шепкина, да еще какой-то бедный рисовальщик-“пейзажист” приходил ко мне с рекомендацией от Сабашниковых; чтобы заняться в будущем перепишкой Словаря... Были еще толки о 300 рублях субсидии, которую даст нам Академия Наук, но потом все затихло» (*Дневники*. С. 60). В пушкиноведении и истории лексикографии замысел Брюсова и Бальмонта остался неучтенным (упоминание о нем см. в работе Э. А. Полоцкой «Статьи о Пушкине» — VII, 442). Обычно считается, что впервые идею словаря выдвинул А. И. Урусов в статье «Четыре мысли по поводу чествования А. С. Пушкина», опубликованной 20 декабря 1898 г. в газете «Биржевые ведомости» (см., напр.: *Винокур Г. О.* Словарь языка Пушкина // Проект словаря языка Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 7). Отражение идей Уророва видят в замысле Бальмонта — Брюсова и А. А. Нинова (*Нинов А. А.* Так жили поэты... // *Нева*. 1978. № 6. С. 112). Комментируемое письмо показывает, что замысел пушкинского словаря возник у двух поэтов не позднее декабрьской поездки Брюсова в Петербург, т. е. до статьи Уророва. Тогда становится понятной и содержащаяся в цитированной январской записи Брюсова фраза, не прокомментированная издателями *Дневников* и не привлекающая до сих пор внимания исследователей: «Ека-

терина Алексеевна Бальмонт ездила упрекать prince (князя — франц.) Урусова за похищение чужой мысли...» (*Дневники*. С. 60). Почтительное отношение супругов Бальмонт к Урусову, которому они оба были многим обязаны, исключает возможность безосновательности подобного упрека.

Замысел словаря, хотя и не был осуществлен, не прошел бесследно. Много лет спустя Брюсов, уже в одиночку, начнет работу по составлению тематического «Указателя» к «Евгению Онегину» (сохранившиеся материалы см. 42.6).

²² Второй вариант письма на этом обрывается. Отчество Е. А. Бальмонт сначала было указано неверно: «Андреевна» (Брюсов, очевидно, спутал его с ее девичьей фамилией «Андреева»). Упомянутое далее письмо Е. А. Бальмонт (см. 75.48, л. 6—16) содержит сведения о том, как отнеслись к идее пушкинского словаря А. Н. Веселовский и А. А. Шахматов, а также о работе супругов Бальмонт над пробной росписью пушкинских текстов.

101. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Начало февраля 1899 г.)

Книгу ¹ получил, читал. О предисловии ²: Вы стали смелей, многого не ска-
зали бы два года назад. Зато в нем полнее Ваши особенности; читая, словно слушаю я Вашу речь, — совсем не то, что, например, лекция о Кальдероне ³, где все же слишком многое было для публики. Это все еще не значит, что «предисловие переводчика» мне нравится очень. Прежде всего, оно слишком дробно, там слишком много скушного. Иная строчка мне напоминает о многом, даже такой пустяк, «наука чисел, из всех наук превосходнейшая» ⁴ или слово «индийствующий» ⁵, — но из этой полноты частн(осте)й получается неуве(ренность) целого. Затем для меня мног(ое) было слишком пышно, — я люблю прозу как прозу ⁶ и слова вроде «успокоенный титан вырастает в рост» ⁷ для меня не нужны и ничего (?) не украшают. Или еще: «каждый раз Прометей соединяется с Азией» ⁸ — я бы так не сказал. — Во всех этих отношениях много выше «Предисловие автора» ⁹ и сравнение между двумя предисловиями для Вас опасно. — Затем о объявлениях: если их усм(от)р(ят), то крики поднимутся, особенно о словах о переводах ¹⁰. Но с Шелли я не согласен ¹¹. Изобразить Прометея, «этого титана, уходящего за пределы и т. д.» ¹², побежденным, раздавленным, униженным и унижающимся перед Зевсом, о! это задача (?) как мат(ематическая), и если Эсхил ее выполнил — пус(ть?) <2 нрзб.> прин(есет) он Вам и мои привет(ствия) и помин(ания)

ВВ

3.22 (тетрадь № 41), л. 2—2об., с пометой «К Бальм(онту)». Датируется по упоминанию о лекции Бальмонта о Кальдероне (см. прим. 3) и по расположению в тетради перед п. 102.

¹ Сочинения Шелли/Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. Вып. 6-й: Освобожденный Прометей. Лирич. драма. СПб., 1899. Присланный Бальмонтом экземпляр позднее был сплетен Брюсовым в одном конволюте с вып. 5 и 7 (Ф. 386. Книги, 908). На титульном листе дарственной надписи:

«СПб. 1899
Зимние дни

Другу единственному Валерию
К. Бальмонт»

Далее в примечаниях при ссылках указываются только страницы этой книги.

² Переводу «Освобожденного Прометея» Бальмонт предпослал «Предисловие переводчика» (с. III—XVIII).

³ Лекция о Кальдероне была прочитана Бальмонтом в январе 1899 г. «В зале Исторического музея, где может поместиться 600 человек, собралось человек 50—60, все свои, Бахман, Курсинский, Курсинская (мать), Саводник... После лекции был ужин у Сабашников(ых)» (*Дневники*. С. 60; уточнено по оригиналу — 1.15/1, л. 33об.). Текст лекции Бальмонта см.: Кальдероновская драма личности // *Бальмонт К. Д. Горные вершины*. М.: Гриф, 1904. Кн. 1.

⁴ В изложении мифа о Прометее, перечисляя, чему титан научил людей, Бальмонт, в частности, указывал: «Научил их науке чисел, из всех наук превосходнейшей...» (с. V). Данная фраза могла быть подказана Бальмонту беседами или письмами Брюсова, давно интересовавшегося пифагорейством. В относящемся к 1891 г. брюсовском конспекте «Истинны и заблуждения» по книге Льюиса «История философии в жизнеописаниях» (СПб.: Изд. Вольфсона, 1885. Т. 1) § 1 посвящен Пифагору и начинается изречением: «Числа составляют основу всего» (4.2, тетрадь № 4, л. 31об.). В августе 1898 г. Брюсов написал стих. «Числа», в автографах называвшееся «К Пифагору» и «Сказка времени» (14.5/9, л. 22об. и 14.5/10).

л. 90б.). Оно открывается эпиграфом из Пифагора: «Не только в жизни богов и демонов раскрывается могущество числа, и содержит строку: «Туда, где светят царственные числа» (I, 133). Напечатанное впервые в *КР*, оно, несомненно, было известно Бальмонту до публикации — см. о «диалоге» стихотворений Бальмонта и Брюсова в этой книге как сознательно проведенном обоими поэтами принципе ее композиции: *Grossman J. Valery Bryusov and the riddle of Russian decadence. Berkeley* e. a., 1985. P. 185—190.

⁵ Из оценки, данной Бальмонтом трагедии Эсхила «Прометей Прикованный»: «Здесь нет (...) той роскошной беспорядочной фантазии, которая нас утомляет и восхищает у *индействующего* пантеиста Шелли» (с. VII). Это слово могло напомнить Брюсову их споры с Бальмонтом об «индийской мудрости» (см., напр., п. 76). На материале «Прометей Прикованного» Брюсовым осенью 1895 г. была написана университетская работа «Образ Гефеста в обработке Эсхила» (4.24).

⁶ Это, едва ли не первое, выражение стилистических пристрастий Брюсова в художественной прозе очевидным образом перекликается с известным положением Пушкина: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» («О прозе» — *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 12—13*). См. о пушкинской «стилевой доминанте» прозы Брюсова в ст.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В. Брюсов-новеллист // Брюсов В. Я. Повести и рассказы. М., 1983. С. 10*.

⁷ Из бальмонтской характеристики «Прометей» Гете: «Прекрасен, однако, третий отрывок, в котором Прометей, этот успокоенный титан, вырастает во весь свой рост» (с. XII).

⁸ Речь идет об одном из действующих лиц драмы, океаниде Азии, которую Бальмонт считал «главнейшей из трех» океанид, «духом сверхземной любви и красоты» (с. XVII). Фраза, приводимая Брюсовым, завершает бальмонтское истолкование драмы Шелли: «Когда в дувении ветра разносятся цветочные пылинки, — когда падают на землю семена будущей жатвы, — когда новая мысль рождается в уме и создает новые сочетания слов, — когда звезда бросает луч звезде — когда душа встречается с другой взорами полными света, доступного только душе, каждый раз тогда в Цепи Всемирности вырастает новое блестящее звено... Каждый раз тогда, на миг, Прометей соединяется с Азией» (с. XVII—XVIII).

⁹ Предисловие Шелли к «Освобожденному Прометею» помещено в обсуждаемой книге сразу вслед за «Предисловием переводчика».

¹⁰ 6-й выпуск «Сочинений Шелли» завершался списком «Книги К. Д. Бальмонта» (с. [181—182]). После краткой характеристики содержания оригинальных сборников Бальмонта («Под северным небом», «В безбрежности», «Тишина») в нем следовало: «Многие из стихотворений, собранных в этих трех книгах, были переведены разными писателями на языки английский, датский, немецкий и французский».

¹¹ Дальнейшее представляет собой полемику с той оценкой, которую Шелли в «Предисловии автора» дает эсхиловской трактовке образа Прометей: «Освобожденный Прометей» Эсхила предпологал примирение Юпитера с его жертвой как отплату за разоблачение опасности, угрожавшей его власти (...) Но, говоря правду, я испытываю отвращение к такой слабой развязке, как примирение Поборника человечества с его Утеснителем. Моральный интерес вымысла, столь мощным образом поддерживаемый страданием и непреклонностью Прометей, исчез бы, если бы мы могли себе представить, что он отказался от своего гордого языка и робко поклонился перед торжествующим и коварным противником» (с. 1—2). Среди университетских учебных материалов Брюсова сохранились выполненные им переводы известных в то время фрагментов данной трагедии Эсхила (4.23).

¹² Брюсов обыгрывает здесь одну из пышных характеристик, содержащихся в бальмонтском «Предисловии переводчика»: «Прометей в ней (трагедии Эсхила «Прометей Прикованный». — *С. Г.*) не бог и не человек, он гигант, уходящий за пределы обычного...» (с. VII).

102. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 11 ф(евраля) 1899

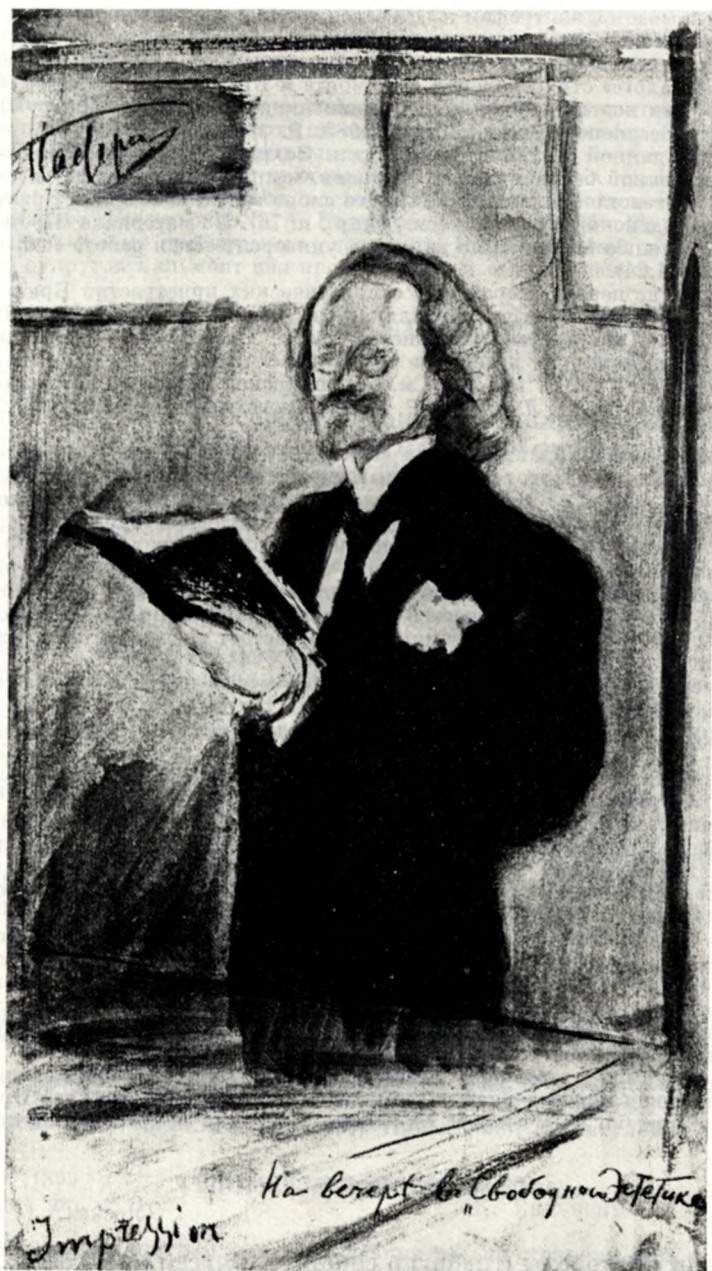
Стихи Ваши прекрасны (говорю о сонете)¹. Совсем прекрасны, Вы давно не писали такого («Мая», «Есть красный цвет...»)². Может быть, недостаток в том, что есть различие между началом и концом. Четверостишия твердые, сильные, широкие; красота терцин(ы), напротив, в полноте содержания, в тонкости * переходов, оттенков.

Вчера, только что получив письмо, прочтя, еще радуясь, — должен был итти к одной юной художнице³, пишущей декадентские картинки. Пришел. Там сидят некие люди, говорят, смеются и — [horribile audito^{2*} —] играют на пианино. Я впал в уныние, углубился в кресло. Но вот в это время общего молчания кто-то (не зная моего имени) спрашивает меня

— Вы читали ли «Ворона» Эдгара По?

* Далее последовательно зачеркнуто: в отблесках, отблеска

^{2*} Страшно слышать (лат.).

К. Д. БАЛЬМОНТ

Портрет работы Л. О. Пастернака. Внизу надпись: «На вечере в «Свободной Эстетике». Impression.»
Акварель

Частное собрание, Ленинград

Я так и «затрепетал». А потом тот же человек говорит

— А не читали ли Вы стихов самого Бальмонта? Ужасно мило, свежо так...

(Он же был убежден, что «Ворона» Вы переложили с прозы). Я им прочел Ваш сонет, и хотя, конечно, две трети их были шуты, но я знаю, что они его запомнят.

Я писал и думал о поэзии много. И все же da steh ich nun, ich armer Tor! ⁴
Читаешь длинные книги о Аррагонцах или о Возрождении, люди, короли,

герои, войска ⁵, много людей — проходят, умирают — и ничто они. Готов верить этому кругу идей, почти что станов(ишься) марксистом и смеешься в лицо, кто говорит о личности ⁶. Потом приходит упрямый старичок Кант, и [буддийствующий ⁷ старик Шопенгауэр,] и еще более великие, Ваши индусы, мой Лейбниц ⁸, и им веришь, и, конечно, веришь!

Так обмороков негу восприяв,

Пребудешь ты ожесточенно жив...⁹

И мысль запутывается в переходах, и ясно знает, что есть две, три истины, много истин ¹⁰. Тогда проклинаешь. И еще после раскрываешь книгу стихов. А! что есть в складе мерной речи, почему стихи или проза Эдгара По в Вашем переводе, или Ницше — может делать все ясным, и возможным, и прозрачным *. И что значат тогда все эти мелкие условности жизни, которые все же внешни и всегда внешни, и я в этом убежден. Как на дн(е) какой-нибудь бездны или под дулом <I нрзб.> в тифе — среди смрада и позора — везде и всегда можно поверить стихам.

[Но оставим это.] На свое восторженное письмо ¹³ получил от Ореуса ответ достаточно-таки церемонный (что, впрочем, и предвидел заранее). Но прислал он мне стихи, из которых последнее [великолепное прекрасное] совсем замечательное: «На другой день». Он у trouve des mots qui vous regardent ^{2*}

Читали ли Вы

Дымы! Дымы!

и дальше

Что за бред роковой после вдумчивой кельи

.....

Я пред вами во прахе в немых покаяниях

Нет, не мы, а вы молодые ¹⁴

Были у меня Дурнов ¹⁵ и Курсинский. Читал им Ореуса. Курсинский говорил глупости, а я, придя в бешенство, наговорил ему слов злобных о его поэзии. Дурнов сравнивал Ореуса с Нестеровым ¹⁶. Знаете ли Вы отзыв Ореуса о Бахмане? ¹⁷

Еще замечание. Почему Ваше предисловие помечено 24 декабря [98]? Это взято у меня из Chefs d'oeuvre, 2 изд(ание) — и к тому же противоречит цензурной помете — ноябрь ¹⁸.

Когда уезжаете Вы из Петербурга? У меня есть еще намерение (<?) быть там, но не знаю, возможно ли будет до Масленицы ¹⁹.

Ваш ВВ

Стихов не пи(сал). Есть одно, его и посылаю. В звуках подражал звукам турецкого языка («Баязет») ²⁰.

Приложение к п. 102

БАЯЗЕТ

Нет, не сошел с ума Мурадов сын,

Надменный победитель,

Но вздрогнул он, как дикий вепрь долин,

Узнав, что в мире есть еще один,

Как он, бесстрашный мститель.

Душе могучей можно ль быть вдвоем!

Ей ненавистны грани,

* Далее зачеркнуто:

И опять мне все доступно, все пространство бытия. Почти что скажешь вместе с prince Урусов ¹¹ его Mystère!¹², что он восклицает на каждой странице своего библиографического труда о Бодлэре.

^{2*} Там есть слова, которые относятся к вам (франц.).

Ей надо жить всегда, везде, во всем,
Весь мир спалить одним своим огнем,
Могуществом желаний!

И степи дрогнули, и рати потекли
[На орды орды устремились],
Пришли бойцы со всех концов земли,
И бились, грызлись и во прах легли,
И совершились судьбы Рока.

3.22 (тетрадь № 41), л. 3—4 с пометой: «К Бальмонту». Другой вариант того же письма на отдельных листах, без окончания, см.: 69.26, л. 20—20об.; опубл.: *Нинов А. А.* Так жили поэты... // Нева. 1978. № 6. С. 106—107. Ответ на неизвестное письмо Бальмонта, с которым был прислан ряд новых стихотворений.

¹ Предположение, что речь идет о стих. «Маяя» (*Мирза-Авакян М. Л.* Из неопубликованной переписки В. Я. Брюсова // *Чтения 1971.* С. 372—373), основано на неверном прочтении — «сюжет» вместо «сонет». А. А. Нинов (Указ. соч. С. 106) считает, что Брюсов говорит здесь о сонете «Скорпион» (сб. *Горящие здания*). Но «Скорпион» был известен Брюсову уже в августе 1898 г. (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 35). В книгу *Горящие здания* (1900) вошло, кроме «Скорпиона», 13 сонетов, и из них только про два, «Бретань» и «Утопленники», достоверно известно, что они написаны позднее комментируемого письма (см.: *Орлов В. Н.* Примечания // *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 623. Прим. 136). К прежним стихам Бальмонта, которые Брюсов привлекает для сравнения с «сонетом» (см. прим. 2), тематически ближе всего сонет «Я не из тех», а «ударное» впечатление на гостей художницы, наравне со «Скорпионом», могли произвести «Конец мира», «Проклятие глупости» и «Уроды».

² О стих. «Маяя» см. п. 76, прим. 1. Стих. «Как красный цвет...» (КР) впоследствии было озаглавлено «Индийский мотив». Упоминание обоих стихотворений в данном письме как написанных «давно» позволяет и второе из них датировать с уверенностью 1898 г., а не 1899, как на основании первой публикации делает В. Н. Орлов (*Бальмонт К. Д.* Стихотворения. С. 198).

³ Имя художницы установить не удалось.

⁴ «Вот стою я здесь, бедный глупец» (*нем.*) — пятый стих из монолога Фауста, которым открывается первая часть «Фауста» Гете. В позднейшем переводе Брюсова: «И вот я все же стою глупцом» (*Гете И.-В.* Фауст. М.; Л., 1928. С. 82). Приводим полный перевод монолога, выполненный (ср. п. 93, прим. 3) Брюсовым 30 октября 1898 г. (14.5/9, л. 33):

НОЧЬ

Фауст:

И философию, и право,
И медицину знаю я...
И богословие. Какая слава?
Свой круг свершила жизнь моя,
И вот стою я, наконец,
— Как прежде — жалкий лишь глупец.
Я доктор, я мудрец,
Учеников — вот десять лет —
То вкривь, то вкось, вперед, назад
Вожу я за нос наугад
И знаю лишь одно, что знания нет.

⁵ Такой круг чтения был обусловлен прежде всего нуждами подготовки к университетским выпускным экзаменам; ср. в выписке «Из письма Самыгину», занесенной в дневник 9 февраля: «Занят работами к экзамену (...) Мелькают перед взорами императоры, века, народы...» (*Дневники.* С. 61). Вместе с тем Брюсов не оставлял и собственных замыслов работ по истории (см. о них п. 81, прим. 1, а также п. 92, прим. 5, 8).

⁶ Ср. формулу «смеется в ответ» в п. 100. Под историком, «говорящим о личности», возможно, имелся в виду конкретно Н. И. Кареев, в статье, указ. в п. 95, прим. 1, писавший: «Единственное реальное существо, с которым имеет дело историческая наука, есть человеческая личность (...) Культурные и социальные формы существуют лишь в личностях или чрез личности» (*ВВ.* 1894. Кн. 7. С. 6—7). Представление, что марксизм не признает роли личности, во многом обусловлено, конечно, тем, что молодой Брюсов отождествлял марксизм с «экономическим материализмом» (см. п. 95, и прим. к нему). Так, в конце января 1898 г. он записал: «В «Знамя» кризис; марксисты покинули его» (*Дневники.* С. 61), а в п. 91 называл «Знамя» «органом экономического материализма». Упоминаемое в комментируемом высказывании умонастроение Брюсова двумя днями ранее запечатлела указ. в прим. 5 выписка из письма к Самыгину: «Вынес только одно сознание: если история наука, то господствуют в ней не личности, и нельзя отвергнуть в ней необходимости» (*Дневники.* С. 61).

⁷ Ср. слово «индийствующий», использованное Бальмонтом для характеристики Шелли (п. 101, прим. 5).

⁸ Ср. философские споры Бальмонта и Брюсова, запечатлевшиеся в п. 74—76.

⁹ Соединение видоизмененной 7-й и 11-й строк сонета «От солнца к солнцу» из цикла И. Конеvского «Сын солнца» (МД). Об одиннадцатой строке Брюсов писал Конеvскому: «Мне довольно этих убивающих слов, чтобы отныне любить Вас вечно» (3.21, л. 8об., черновик; ср. отосланный вариант — наст. кн., Переписка с Конеvским, п. 4).

¹⁰ Ср. упомянутую в прим. 5—6 дневниковую выписку «Из письма к Самыгину» и первую строфу эпилога писавшейся с сентября 1898 г. поэмы «Царю Северного полюса»: «(...) в мире много истин есть // Как много дум и слов» (I, 256). См. также гл. 1 известной статьи «Истины» (VI, 56), над которой Брюсов работал, по-видимому, также с 1899 г. В варианте письма на отдельных листах далее следует: «И страшно каждое движение мысли, и проклинаешь». Эти слова, по существу, воспроизводят начало п. 77, и комментируемое высказывание о множественности истин во многом проясняет истоки отраженных в том письме настроений.

¹¹ Французское слово *prince*, обычно используемое для перевода русского «князь», на деле обозначает титул более высокий, по-русски передаваемый словом «принц». То, что Брюсов практически всегда в дневнике (ср. п. 100; прим. 21), в письмах сопровождал фамилию А. И. Урусова этим французским титулом, выдает ироничность отношения Брюсова к Урусову, особенно заметную на фоне благодарности и почтения, которые испытывали к последнему супруги Бальмонт (ср. прим. 12).

Урусов, в свою очередь, активно не принимал поэзии молодого Брюсова, см., например, его отзывы в письмах к Бальмонту от 10 февраля 1900 г. и к Е. А. Бальмонт от 4 июня 1900 г. (Князь Александр Иванович Урусов. М., 1907. Т. 2—3. С. 326, 384). Уважительные, но очень отчужденные краткие воспоминания Брюсова об Урусове также завершались «выводом» о том, «как приветливо и чутко относился князь А. И. ко всем начинающим поэтам, даже таким, творчеству которых *далеко не сочувствовал*» (Брюсов В. Я. Из письма к издателям // Князь Александр Иванович Урусов. Т. 2—3. С. 288). Единственным мостиком, соединявшим этих двух столь различных людей, была их общая любовь к французской поэзии второй половины XIX в.

¹² Тайна! (франц.). Далее Брюсов упоминает сборник «Le tombeau de Baudelaire» (P., 1896), изданный А. И. Урусовым в сотрудничестве с французскими писателями и открывавшийся его статьей «L'architecture secrète de Fleurs du Mal» (на русском языке см.: Библиофил. Могила Бодлера // СВ. 1897. № 2). По оценке Бальмонта, «имя Бодлера неразрывно связано с именем Урусова и во Франции, так как он первый и единственный в строго-добросовестном и кропотливом исследовании установил точный критический текст книги «Fleurs du mal» — Бальмонт К. Д. Князь А. И. Урусов (Страница любви и памяти) // Князь Александр Иванович Урусов. М., 1907. Т. 2—3. С. 292. Ср. также наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 15, прим. 11.

¹³ Письмо к Конеvскому от января 1899 г. и его ответ см. наст. кн., Переписка с Конеvским, п. 4 и 5. Аналогичную оценку ответа Конеvского см. также: Дневники. С. 60.

¹⁴ Стих. Конеvского «На другое утро» (МД).

¹⁵ Ср.: «Недавно устроил у себя вечер, но пришли только двое — Дурнов и Курсинский» (Дневники. С. 61). О М. А. Дурнове см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 48, прим. 5.

¹⁶ Этот отзыв сохранился в записи Брюсова от 9 февраля: «Дурнов удачно сравнивал Ореуса с Нестеровым; у них у обоих не исполнение, а лишь указание, что можно было сделать» (Дневники. с. 61). На сравнение Дурнова мог навести цикл стихов Конеvского «Образы Нестерова» (МД). Впечатления Брюсова от картин Нестерова см. в п. 56 и 66. 19 сентября 1897 г., через неделю после поселения в галереи Третьяковых с И. М. Рунт, Брюсов записал: «Я, как всегда трепетал перед Васнецовым и Нестеровым (...)» (1.14/2, л. 37).

¹⁷ См. наст. кн., Переписка с Конеvским, п. 5.

¹⁸ Речь идет о том же «Предисловии переводчика», что и в п. 101. Дата цензурного разрешения местного выпуска «Сочинений Шелли» — 11 ноября 1898 г. Под предисловием Брюсова к *ChdO 2* стояла дата: «24 декабря 1895 г. Ночь».

¹⁹ Брюсов вновь побывал в Петербурге 17—22 марта 1899 г., т. е. уже после масленицы. Бальмонт в это время был еще в Петербурге.

²⁰ Стихотворение, вошедшее впоследствии в *KP* и в цикл «Любимцы веков» в *TV*. Его автограф, с подзаголовком «вариант», расположен в рабочей тетради № 41 между п. 101 и 102 (3.22, л. 2об.). Это обстоятельство, а также упоминание в публикуемом письме позволяют уточнить датировку, предложенную М. В. Васильевым и Р. Л. Щербаковым (I, 592), и датировать стихотворение промежутком 3—10 февраля 1899 г. Редакция стихотворения в тетради существенно отличается от печатной, поэтому помещаем ее в приложении к письму. В какой редакции стихотворение было послано Бальмонту и к которой из них соответственно относится замечание о «подражании», неизвестно. В чем видел Брюсов это подражание, неясно. Отметим лишь, что в окончательной редакции стихотворения повышена роль внутрисклочных звуковых анафор (с ума сошел Муратов сын; взревел, как оленьный лев; дерзких двое; шум от шибки; локоть нустью). В тетрадной же редакции повышена концентрация шипящих согласных. Наблюдается в ней также и тенденция к употреблению в пределах строки под ударением одного и того же гласного (особенно строки 9, 13, 14), в чем можно видеть отражение характерного для всех тюркских языков явления сингармонизма (уподобления гласных в пределах слова).

ПРЕДИСЛОВИЕ К* «МОИМ ПИСЬМАМ»

Меня часто спрашивают: зачем я печатаю свои произведения.— Ответ очень прост: чтобы сохранить их. Я знаю, что у них есть теперь несколько друзей; верю, что такие друзья найдутся и в будущем. Это все.

Предлагаемая книга составилась из писем, в свое время посланных знакомым и приятелям. Я сохранил чувства и мысли, высказанные в них, хотя некоторые из них и желал бы вычеркнуть из своей жизни. Исправ(ил) я только слог. У нас почти не знают правильного прозаического слога. Кроме Пушкина и Лермонтова,— никто, пожа(луй)?, не писал правильно по-русски.^{2*} Найдутся отрывки, дивные по стилю,— например, у Достоевского — но я (не) знаю автора, у которого можно было бы учиться языку². Тургенев, например, писал со сме(ш)н(ыми), груб(ыми) непростительными ошибками, коих я насчитыв(ал) 5—6^{3*} на каждой странице. Слог моей книги неправилен, но намеренно неправилен. Он образец неправильного стиля. О Добролюбове etc.³

Некоторые незнакомцы дела(ли) мне честь, спрашивая у меня письменно о «Истории русской лирики», которую я обещал в первом издании «Chefs d'Oeuvre»⁴.— Над этим сочинением я продолжаю работать и даже готов считать его главным делом моей жизни. Но предмет ок(а)зы(вается) гораздо более обширным, чем я это представлял себе⁵. До сих пор у нас не было совершенно Ист(ории) русской литературы; книги, являвшиеся под этим названием, не заслу(живают) ни мал(ейшего) внимания⁶. Я надеюсь в некоторой мере пополнить этот пробел и даже сказать нечто новое в области вообще истории литературы как науки. Появление первой части моего труда нельзя, однако, ожидать ранее, чем через 2—3 года. Кроме ознакомления с весьма значительным материалом, прямо относящимся к предмету моего изучения, я занят теперь более близким ознакомлением с иностранной литературой, без всестороннего знания которой многие вопросы были бы неясны.

Прилагаю здесь несколько стихотворений, относящихся к моей книге «Me eum esse». Книга эта, как указ(ывалось) в предисловии к ней, далеко не закончена. Многие отделы в ней только намечены⁷ (например, отдел «Скитания»). Но я уже так далек от круга идей, создавших ее, что почти не надеюсь продолжить свой труд. Предлагаемые стихотворения составляют особый отдел^{4*}. Естественное всего было бы им появиться во втором издании «Me eum», но я не надеюсь, чтобы таковое скоро понадобилось⁸ и пользуюсь случаем^{5*}.

3.12 (тетрадь № 33), л. 53об.—53 и л. 21об. (от слов «Прилагаю здесь несколько...» и до конца). Датируется по расположению в тетради. Объединение двух автографов произведено в соответствии с предпосланным второму автографу заголовком «Мои письма. К предисловию», указывающим на его дополняющую функцию по отношению к основному составу предисловия. Порядок объединения частей соответствует общему плану предисловия (там же, л. 10). Анализ развития замысла «Мои(х) писем» дан во вступ. ст. в гл. 4, § 5—9.

¹ Публикуемому предисловию в тетради предшествует перечеркнутый прозаический отрывок «Исав», снабженный пояснением: «(Из сборника «Согопа»)» (3.12, л. 53об.). Т. о., к моменту работы над предисловием под этим заглавием разумеался сборник прозы. Впоследствии так стал называться поэтический сборник, будущая TV.

² В плане предисловия пункт 2 «О слоге» содержит любопытные отличия в оценке стиля Достоевского: «Проза лишь Пушкина и Лермонтова, ибо Тургенев и другие стр(ашино) непр(авильны). Я пред(очитаю) стиль Достоевского, хотя никому не посоветую подражать ему» (3.12, л. 10). Перечень примеров, в которых Брюсов усматривал языковые погрешности классиков, сохранился на страницах одной из тетрадей дневника (1.14/1, л. 31об.—33).

³ Данная фраза стоит посреди оставленного на странице пропуска. Три предшествующих фразы отчеркнуты на полях и сопровождаются пометой «изд(ания)?». Помета «Добролюбов» имеется и на полях плана, процит. в прим. 2.

⁴ См. прикнижный список в *ChdO 1*.

⁵ Новый план «Истории русской лирики», оформившийся летом 1897 г., см.: *Неосуществленный замысел*. С. 196.

⁶ Об отношении молодого Брюсова к современной ему историко-литературной науке см. п. 93 и прим. к нему.

⁷ Эта фраза, как и предшествующая ей,— почти дословная цитата из «Предисловия» к *МЕЕ*. Издание «незаконченной книги» объяснялось там так: «(...) потому что не знаю, когда буду в состоянии продолжать ее» (I, 580). Отдел, дополняющий *МЕЕ* более поздними стихами, появился в TV (см. вступ. ст., гл. 4, § 5).

⁸ Второе издание *МЕЕ* было осуществлено в составе *Путей и перепутьей*, третье — в *ПСС I*.

* Далее зачеркнуто: «Согопа» («Венок».— лат.)¹.

^{2*} Далее зачеркнуто: [У нас были дивн(ые) стилисты, как Достоевский, но не было] [У нас есть].

^{3*} Было: до 10—15.

^{4*} В этом месте рукописи стоит знак сноски «1», однако сама сноска отсутствует.

^{5*} На этом текст обрывается. Далее следует помета Брюсова: передел(ать).

ПИСЬМА ДЛЯ КНИГИ «МОИ ПИСЬМА»
ИЗ ПОДБОРКИ В ТЕТРАДИ «МОИ СТИХИ» (К СБ. "CORONA")

1.

К Д. 1.

Вот вы прощли, и [далеко] слушаете мой голос издали, подымаете расширенные крылья и скоро не видны нам... Повторяю о благословенности вашего образа в одно из мгновений несмелости. Принимаю и признаю о постоянном пребывании близ и вас и Спутника. — А прежние раздумья вновь и вновь набегают, и много дум. Уже три раза вы проходили так мимо моей жизни. И каждый раз для меня углублялись, открывались новые дали. Я останавливался в испуге, говорил «нет», чтоб после покориться. Будет ли так и теперь? — Верю.

Но и вы примите мои слова. Теперь вы близки от вашей прошлой жизни. Если не прикасаетесь с ней, она дышит тут же. Теперь, может быть, яснее, чем в иное время, вы сознаете, что обрели себя великим томлением. Кто не молил, да минет... Но помните, что по дороге пыльной вам нет пути назад. Дав себе такие обеты, нельзя вернуться к довременной работе одного из художников. Слишком многое вы обещали и нам. Помните и то, что многое дастся вам, если совершите начате. Если чрез годы отшельничества и молчания пронесете душу живую, столь же светлую, как ныне она — все будет [вам] возможно. Наступишь на змею и не ужалит; что ядовитое выпьешь не повредит; скажешь и исполнишь; воззовешь и мы пойдем за Тобой и падем ниц и воскликнем все: Учи, ибо Ты власть имеющий!..

8 августа (18)98.

14.5/10, л. 12. Пятое и последнее письмо в первой части подборки «Мои письма». О составе подборки и о предшествующих четырех письмах см. вступ. статью, гл. 4, § 7. Данное письмо составлено на основе трех реальных писем к А. М. Добролюбову, написанных в августе 1898 г. (наст. публ., п. 79, 80, 83, о характере переработки см. указ. § вступ. статьи). Дата под письмом является вымышленной, о времени работы над письмами, вошедшими в первую часть подборки, см. вступ. ст. прим. 112.

2.

К БУ-У.

Нередко я думаю о Вас, добрый Иван Алексеевич, возвращаюсь в [мечтах] к Вам, но всегда как некоторому призраку, словно к фикции моей мечты. Встретились мы на мгновение и сначала так недоверчиво, и уже после по отрывочным воспоминаниям, по рассказам Бальмонта, быть может, и просто воображением дополнил я Ваш образ. Писать к Вам мне странно и как-то заман(чи)во(?), словно я пишу в своем дневнике, словно это стихи, а не письмо...

Я верю почему-то, я убежден, что иные * из путей моей души, на которые я ступаю как-то робко, Вам знакомы, Вами изведаны ^{2*}. ... Мы мало знаем себя. И другим, и себе мы редко говорим то, что и есть именно наше я. И все наши книги и писания лживы, не потому, что мы хотели лгать, а лишь потому, что нам нужно сохранить взятую однажды на себя личину ¹. Много значит, с какой маской на лице мы в первый раз выходили к людям. Люди не любят менять маски, не любят, чтобы их меняли другие. Это мешает плавности ^{3*} жизни. И вот из этого страха — мы лжем; думаем, что все, знаем, что я лгу. Я не побоялся бы, не постыдился бы открыть всю свою душу, до дна, я лгу только чтобы сохранить личину ^{4*}. Я отступаю ².

14.5/10, л. 24об.—25. Вместе с п. 3 из настоящ. Прилож. составляет вторую часть подборки для «Моих писем» (см. вступ. ст., гл. 4, § 7). Как и письма первой части подборки, имеет соответствие в реальной брюсовской переписке: письмо к И. А. Бунину от 11 августа 1899 г. (ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 446) ответ на бунинское письмо от 25 мая 1899 г., полученное Брюсовым, по предположению А. А. Нинова, с двухмесячным опозданием (см. там же, с. 445).

В отличие от всех остальных материалов подборки данный автограф содержит, наряду с зашифрованным, и явное указание на адресата: над текстом письма в правом углу стоит традиционно сокращенное «К Бу-у», а в центре строки — полное «К Бунину». Двойственность обозначения могла возникнуть и в результате авторских колебаний в вопросе о том, какую из двух форм применять в будущей книге. Более вероятным представляется, однако, что в ней проявились двойственное — одновременно литературное и эмпирическое — происхождение и предназначение самого автографа и принципиально иное, нежели в других письмах подборки, хронологическое его соотношение со своим эмпирическим аналогом. И полное указание фамилии, и обращение к адресату по имени и отчеству скорее всего знак того, что публикуемый автограф воплощает не позднейшую литературную вариацию, а один из ранних черновых вариантов реально отосланного письма. Принятие данной гипотезы позволяет датировать этот автограф промежутком между возвращением Брюсова в конце июля из Крыма

* Было: один.

2* Далее зачеркнуто: Мне верится, что Вы скорее другого ответили бы мне. О, как

3* Было: мерности.

4* Далее зачеркнуто: О позор! Делая попытки стать самим собой, я вижу пути, на которые не решаюсь ступить. О позор! Вы в ответ

и 11 августа — датой, проставленной в отосланном письме. Существование еще одного «листового» черновика письма, датированного 8 августа (70.13), позволяет предположительно сузить указанный промежуток, определив его как «конец первой декады августа».

В то же время введение зашифрованного обозначения адресата и, главное, целый ряд содержательных особенностей, отличающих текст публикуемого автографа от отосланного (ср. вступ. ст. гл. 4, § 7), свидетельствует, что Брюсов писал его, если и не прямо для «Моих писем», то, во всяком случае, под несомненным воздействием общего замысла этой книги.

¹ Развитие от противного одной из важнейших эстетических тем книги «О искусстве»: «Кто дерзает быть художником, должен найти себя, стать самим собою (...) В общем употреблении есть ограниченное число личин, которыми и прикрываются люди, то из подражания, то из страха. Художнику необходимо осмелиться и снять с себя такую личину (...) Кто дерзает быть художником, должен быть искренним — всегда без предела» (VI, 45).

² Фраза, по-видимому, не дописана. Ср. тему «промедления» в конце п. 82, также предполагавшегося к включению в книгу «Мои письма».

3.

К Г. Б.

Беспользны Ваши насмешки над метафизикой. Хотите знать: не я метафизик в нашем споре, а Вы. О бедный, старый материализм (к слову: вполне вменяемый моей системой). Что Вы говорите мне: после смерти мое я распадется на свои составные части. Но для того, чтобы говорить о составных частях я, уже надо размышлять, нужна метафизика. Мое же учение о я, едином, цельном, нераздельном и вечном, вечном — это не мышление, это предпосылка всякой мысли ¹. Это непосредственное ощущение. Можно *мыслить*, что меня не будет, но ощущать этого, душой усвоить — нельзя. Нельзя вообразить и верить, что мир будет без меня. Мое учение — всеобщее, вписанное в сердцах. Моя душа жива! она сотворена от начала, она есть, она бессмертна!

14.5/10, л. 25, сразу после автографа п. 2 данного «Приложения». Обозначение адресата может быть расшифровано трояко: «К Георгу Бахману», «К Георгию Балтрушайтису», «К Георгию Бартеневу». Окончательных данных для подтверждения одной из гипотез нет, принятие любой из них приводит к определенному парадоксу, т. е. сохранившиеся реальные письма Брюсова к указанным лицам или их встречные письма к нему не содержат и намека на проблематику, обсуждаемую в публикуемом письме (см. вступ. ст., гл. 4, § 7). Аргумент в пользу Юрия (Георгия) Петровича Бартенева дает лишь дневниковая запись, зафиксировавшая его беседы с Брюсовым на темы письма в начале апреля 1899 г.: «Вечером был у Юрия Бартенева (...) Беседовали (...) о науке, о смысле жизни, о стихах. Он оживает иногда, когда речь касается иных тайн метафизики...» (*Дневники*. С. 68. Курсив мой. — С. Г.). Письмо родственно ряду апрельских и августовских писем 1898 г. к Бальмонту (п. 76), к Добролюбову (в частности — п. 82, вошедшему в подборку тетради «Мои стихи» как письмо «К Б(альмонту) 1») и к Самыгину (наст. кн., Письма к Самыгину, п. 18, 20). Его изначально «литературное» назначение подчеркнуто не только сокращенным обозначением адресата, но и набросанным на обороте философским отрывком, развивающим одну из тем письма (см. прим. 1). Письмо внесено в тетрадь не ранее первой половины августа 1899 г., т. к. идет вслед за письмом 2 из наст. «Приложения».

¹ Эта тема развита на обороте письма в специальном фрагменте «Основы всякого мыслимого созерцания»: «Есть предпосылки, которые первее всех истин, первее всякого мировоззрения. О чем бы я ни мыслил, я должен верить, что это я мыслю, что я емь нечто самодействующее. Начиная мыслить, мы тем самым уже признаем свободу своего я, свободу воли. Без этого если не исчезнет жизнь, то мысль. И верить в детерминизм нельзя etc.» (14.5/10, л. 25об.; весь текст, кроме заглавия, перечеркнут). После заглавия стоит одна литера, возможно — обозначение адресата отрывка. Но, даже если этот отрывок непосредственно и не планировался к включению в книгу писем, его наглядная связь с публикуемым письмом демонстрирует новый крен к жанру философских «поучений», приобретенный замыслом «Моих писем» (см. вступ. ст., гл. 4, § 9). Под несколько отличным заглавием «Основы всякой мыслимой метафизики» замысел данного философского сочинения замыкает перечень «больших задуманных работ», из которых Брюсов собирался выбрать себе занятие на лето 1899 и на 1900—1901 г. (1.15/1, л. 46). Реконструкция этого замысла посвящена работа С. К. Кульяс, указ. в наст. кн., Письма к Самыгину, вступ. ст., прим. 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТЕТРАДНЫХ ПИСЕМ,
НЕ ВОШЕДШИХ В ОСНОВНОЙ КОРПУС ПУБЛИКАЦИИ

В предлагаемом перечне отражены все эпистолярные материалы из рабочих тетрадей (в том числе планы и наброски писем), которые не вошли в основной корпус (п. 1—102) публикации. В перечень не включены, однако, написанные в эпистолярной форме художественные и критические произведения (см. о них вступ. ст., гл. 4, § 3) и сделанные Брюсовым копии или

конспекты писем исторических деятелей прошлого (А. С. Хомяков, Шопенгауэр и др.). Включенные в указатель письма упорядочены по их месту в общей хронологии всего тетрадного массива. Это место задается посредством указания, между какими двумя письмами из числа вошедших в основной корпус публикации было создано письмо, включаемое в настоящий перечень.

В отличие от писем из основного корпуса, письмам, включаемым в настоящий перечень, сопоставляются номера с литерой «Н» в начале номера. По каждому письму сообщаются следующие сведения: адресат письма; подпись в тех случаях, когда она предполагает авторство действительного или вымышленного лица, отличного от Брюсова; точная или ориентировочная дата написания; архивный шифр тетрадного черновика (авторский номер тетради указывается лишь при первом ее упоминании); место публикации самого тетрадного письма или его «листовых» соответствий; разделы данной публикации, в которых содержатся цитаты из черновика или характеристика его разночтений с опубликованным вариантом. В сведениях о публикации вариант письма, который действительно или предположительно был отправлен адресату, именуется для краткости «беловик». Элементы характеристики, установленные гипотетически, сопровождаются знаком вопроса в круглых скобках.

До п. 1.

- Н 1. М. И. Красковой. Конец мая — июль 1893 г. 2.7 (тетрадь 4), л. 29.
 Н 2. М. И. Красковой. Июль (?) 1893 г. Там же, л. 72—73. Прочт. в п. 3, прим. 6.
 Н 3. М. И. Красковой. До 19 августа 1893 г. 2.8 (тетрадь 5 или 5 bis), л. 61—62об. и, возможно, 65об.—66.
 Н 4. М. И. Красковой. Между 22 и 25 августа 1893 г. Там же, л. 93.
 Н 5. Н. А. Дарузес. За подписью «Леля Валентинова». Между 5 и 11 октября 1893 г. 2.9 (тетрадь 6 bis), л. 10—11.

Между п. 2 и п. 3

- Н 6. В. П. Биндасовой. Между 16 и 22 октября 1893 г. Там же, л. 22—24.
 Н 7. Н. А. Дарузес. За подписью «Леля» (Валентинова). Между 22 и 24 октября 1893 г. Там же, л. 24—24об.
 Н 8. Н. А. Дарузес. 7 или 8 ноября 1893 г. Там же, л. 44.

Между п. 3 и п. 4

- Н 9. М. И. Красковой 20 декабря 1893 г. Там же, л. 72.

Между п. 6 и п. 7

- Н 10. К вопросу о литературной конвенции. (Письмо в газету «Московские ведомости»). 1 марта 1894 г. 2.10 (тетрадь 7), л. 73—75об. См. п. 21, прим. 1.
 Н 11. Неизвестному корреспонденту. 11 марта 1894 г. Там же, л. 79. Приведено в п. 7, преамбуле к комм.

Между п. 8 и п. 9

- Н 12. Н. А. Дарузес. Между 29 марта и 4 апреля 1894 г. 2.11 (тетрадь 8), л. 20об.

Между п. 10 и п. 11

- Н 13. А. А. Лангу. 15 или 16 мая 1894 г. Там же, л. 52об.—53. Беловик с датой 16 мая см. 71.44, л. 73—74.

Между п. 13 и п. 14

- Н 14. Вл. В. Гипчиусу. 21 или 22 июня 1894 г. 2.12 (тетрадь 9), л. 47об. Приведено во вступ. ст., прим. 26.
 Н 15. Н. А. Дарузес. 11—12 июля 1894 г. 2.14 (тетрадь 13), л. 5об.—6 и 9—9об. (две редакции).
 Н 16. А. Э. Бугону. 11 августа 1894 г. 2.15 (тетрадь [14] 10), л. 67об. Опубл. во вступ. ст., гл. 1, § 8.
 Н 17. На Московский почтамт. 11 августа 1894 г. 2.15, л. 72об. Приведено во вступ. ст., гл. 1, § 8.
 Н 18. Неизвестному корреспонденту. 15 или 16 августа 1894 г. 2.15, л. 88об.—89. См. п. 13, преамбулу к комм.

Одновременно с п. 14

- Н 19. Неизвестному корреспонденту. 15 или 16 августа 1894 г. 2.15, л. 89. Прочитывано в п. 14, преамбуле к комм. Ср. также вступ. ст., гл. 3, § 3.

Между п. 22 и п. 23

- Н 20. М. П. Ширияевой. Между 4 и 16 января 1895 г. 2.18 (тетрадь 18), л. 54об.

Между п. 26 и п. 27

Н 21. П. П. Перцову. Не позднее 1 апреля 1895 г. 2.20 (тетрадь 19), л. 16. Предварительный конспект письма от 1 апреля 1895 г. Беловик опубл.: *Письма к Перцову*. С. 16—19. См. наст. публ., вступ. ст., гл. 3, § 6.

Между п. 28 и п. 29

Н 22. П. П. Перцову. Не позднее 17 апреля 1895 г. 2.20, л. 41—42об. Беловик опубл.: *Письма к Перцову*. С. 19—21.

Н 23. П. П. Перцову. Апрель — май 1895 г. 2.20, 3-я с. обложки. Приведено во вступ. ст., гл. 5, § 1.

Н 24. А. А. Курсинскому. Не позднее 14 июня 1895 г. 2.21 (тетрадь 20), л. 9—10об. Беловик опубл.: наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 2.

Н 25. П. П. Перцову. Не позднее 14 июня 1895 г. 2.21, л. 10об.—12об. Беловик опубл.: *Письма к Перцову*. С. 26—29.

Между п. 30 и п. 31

Н 26. В. М. Фриче. 6 июля 1897 г. 2.21, л. 67. Приведено в п. 29, преамбуле к комм.

Н 27. П. П. Перцову. 6 июля 1897 г. 2.21, л. 67—68. Беловик опубл.: *Письма к Перцову*. С. 24—25. См. п. 30, преамбулу к комм.

Между п. 31 и п. 32

Н 28. А. А. Курсинскому. 24—25 июля 1895 г. 2.21, л. 71об.—72об. Беловик опубл.: наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 11.

Н 29. М. П. Ширяевой (?). 25 или 26 июля 1895 г. 2.21, л. 73.

Н 30. А. А. Курсинскому. 26 июля 1895 г. Там же, л. 73—74. Беловик (с той же датой) опубл.: наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 12. Прочитывано в п. 29, прим. 1.

Н 31. П. П. Перцову. 26 или 27 июля 1895 г. 2.21, л. 74—78. Беловик опубл.: *Письма к Перцову*, с. 31—34.

Н 32. П. П. Перцову. 16 августа 1895 г. 2.21, л. 82—84об. Беловик, датированный 17 августа, опубл.: *Письма к Перцову*, с. 34—37.

Н 33. П. П. Перцову. 16 августа 1895 г. 2.21, л. 85. План письма. Беловик, написанный 25 августа, опубл.: *Письма к Перцову*, с. 37—39.

Между п. 33 и п. 36

Н 34. Телеграмма неустановленному лицу в Сызрань за подписью «Александр». Автограф В. Я. Брюсова. 3.3 (тетрадь 23), 2-я с. обложки. |

Между п. 38 и п. 40

Н 35. П. П. Перцову. Не позднее 25 декабря 1895 г. 3.16 (тетрадь 24), л. 28—28об. Беловик опубл.: *Письма к Перцову*. С. 59—60.

Между п. 40 и п. 43

Н 36. П. П. Перцову. До 25 февраля 1896 г. 3.4 (тетрадь 25), л. 57—56об. Беловик опубл.: *Письма к Перцову*. С. 63—68.

Между п. 44 и п. 48

Н 37. Брюсовым. План письма с пометой «Домой». 3.5 (тетрадь 27), 2-я с. обложки.

Н 38. А. А. Лангу. План письма. Там же, 2-я с. обложки.

Между п. 45 и п. 46

Н 39. М. П. Ширяевой. До 17 июля 1896 г. Там же, л. 56 (вариант на нем. яз.) и л. 55об.—56 (вариант на рус. яз.).

Н 40. Н. Я. Брюсовой. Не позднее 17 июля 1896 г. Там же, л. 55—54об. Было послано адресату в составе общего письма к семье от 17 июля. Соответствующий фрагмент беловика опубл. в кн.: Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 174—175.

Н 41. В. К. Станюковичу. Не позднее 23 июля 1896 г. 3.5, л. 45об.—44об. Беловик (с датой 28 июля) опубл.: *ЛН*, т. 85, с. 742—743. О разночтениях см.: наст. публ., вступ. ст., гл. 1, § 5.

Между п. 48 и п. 49

Н 42. А. А. Курсинскому. Между 10 и 18 августа 1896 г. 3.5, л. 34. Беловик, датированный 18 августа, опубл.: наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 32. Тетрадный черновик прочит. там же в прим. 5.

Между п. 53 и п. 54

Н 43. А. А. Курсинскому. 22 ноября 1896 г. 3.7 (тетрадь 29), л. 19об.—20об. Беловик опубли.: наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 35.

Между п. 55 и п. 56

Н 44. К. Д. Бальмонту. Не позднее 23 декабря 1896 г. 3.8 (тетрадь 28), л. 17. Вошло в дневниковую запись от 23 декабря, опубли. в: *Дневники*. С. 26—27; наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 13.

Между п. 56 и п. 58

Н 45. Вл. В. Гишпиусу. Не позднее 28 января 1897 г. 3.9 (тетрадь 30), л. 6—7. Беловик от 29 января опубли. в кн.: В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 126—127. См. наст. публ., вступ. ст., гл. 1, § 5.

Между п. 59 и п. 60

Н 46. А. А. Ллангу. Начало марта 1897 г. 3.8, л. 45об.—46. Беловик от 9 марта см.: 71.47, л. 10—11об.

Между п. 62 и п. 63

Н 47. М. П. Ширяевой. 1 апреля 1897 г. 3.10 (тетрадь 31), л. 39.

Между п. 66 и п. 67

Н 48. Ф. К. Сологубу. Апрель 1897 г. Там же, л. 21. Обращение и зачеркнутое начало первой фразы.

Между п. 70 и п. 71

Н 49. М. В. Самыгину. Не позднее 1 июля 1897 г. 3.9, л. 46об.—46. Опубли.: наст. кн. Письма к Самыгину, п. 2, фрагмент II.

Н 50. И. М. Рунт. 1 июля 1897 г. 3.9, л. 46.

Между п. 70 и п. 72

Н 51. Е. И. Павловской. Июнь — июль 1897 г. 3.12 (тетрадь 33), л. 46. Прочит. в комм. ж п. 70, 71А, 75.

Между п. 72 и п. 73

Н 52. М. В. Самыгину. Не ранее 4 августа 1897 г. 3.11 (тетрадь 32), л. 25об.—25. Опубли.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 4.

Между п. 73 и п. 74

Н 53—54. М. В. Самыгину (?). Не позднее 4 сентября 1897 г. 3.11, л. 19, 18об.—18 (и, возможно, 14—13об.). Опубли.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 4, прилож.

Н 55. М. В. Самыгину. 8—9 сентября 1897 г. 3.11, л. 15—14об. Дневниковая выписка, из беловика опубли.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 6.

Между п. 74 А и п. 74 Б

Н 56. М. В. Самыгину. Не позднее 13 января 1898 г. 3.15 (тетрадь 34), л. 41—41об. Беловик от 14 января опубли.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 13.

Н 57. Л. Н. Толстому. 20 января 1898 г. 3.15, л. 44об.—45. Беловик опубли.: *Дневники*. С. 156. См. наст. публ., вступ. ст., гл. 1, § 5, 7.

Между п. 74 А и п. 75

Н 58. М. В. Самыгину. Не позднее 23 января 1898 г. 3.13 (тетрадь 35), л. 22—23 и 3.14, л. 24 (повторение начала письма). Беловик опубли.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 14.

Н 59. К. Д. Бальмонту. 8 февраля 1898 г. 3.14 (тетрадь 36), л. 19об.—20об. «Листовой» черновик опубли.: наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 26.

Н 60. М. В. Самыгину. Между 8 и 10 февраля 1898 г. 3.14, л. 24—25об. Беловик от 10 февраля опубли.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 16.

Между п. 76 и п. 77

Н 61. М. В. Самыгину. Около 9 апреля 1898 г. 3.16 (тетрадь 40), л. 47об.—48. Опубли.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 18. Ср. наст. публ., вступ. ст., гл. 3, § 3.

Н 62. М. В. Самыгину. Апрель 1898 г. (?) 3.16, л. 48об.

Между п. 79 и п. 80

Н 63. М. В. Самыгину. 11 августа 1898 г. 3.19 (тетрадь 39), л. 49об.— 50. Литературная обработка для кн. «Мои письма» опубл.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 19. См. наст. публ., вступ. ст., гл. 4, § 7.

Между п. 86 и п. 87

Н 64. М. В. Самыгину. Между 30 августа и 3 сентября 1898 г. 3.19, л. 57об.— 58. Литературная обработка для кн. «Мои письма» опубл.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 20. См. наст. публ., вступ. ст., гл. 4, § 7.

Н 65. М. В. Самыгину. 7 сентября 1898 г. 3.21 (тетрадь 42), л. 58об.— 58. Литературная обработка для кн. «Мои письма» опубл.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 21. См. наст. публ., вступ. ст., гл. 4, § 7.

Н 66. М. В. Самыгину. 9 сентября 1898 г. 3.21, л. 57об. Опубл.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 22.

Между п. 86 и п. 89

Н 67. М. В. Самыгину. Октябрь 1898 г. 3.20 (тетрадь 41), л. 43. Опубл.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 23.

Между п. 100 и п. 101

Н 68. И. Коневскому. 3.21, л. 53об.— 54. Беловик опубл.: наст. кн., Переписка с Коневским, п. 2.

Н 69. И. Коневскому. Не позднее 26 января 1899 г. 3.21, л. 8об. Беловик опубл.: наст. кн., Переписка с Коневским, п. 4. См. наст. публ., вступ. статью, гл. 3, § 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ ТЕТРАДНЫХ ПИСЕМ

В настоящем указателе номера без литеры Н отсылаются к письмам из основ ого корпуса публикации, а номера с литерой «Н» — к письмам, отраженным в приложении 3.

Арсений Г. см. Гурлянд И. Я.

Бакулина З. А. 61, 65, 89; Бальмонт К. Д. 17, 32, 35, 47, 49, 51, 53, 55 В, Н 44, 57, 60, 64, 67, 70, 71 А, 71 Б, 73 А, 73 Б, 74А, 74 Б, Н 59, 75, 76, 77, 84, 86, 87—90, 97, 100—102; Бахтин Н. Н. 11, 37 (?); Биндасова В. П. Н 6; 3, 12; Бобров П. П. 7; Брюсов Я. К. см. Брюсовы; Брюсова И. М. см. Рунт И. М.; Брюсова Н. Я. Н 40, 48; Брюсовы Н 37; Бугон А. Э. 8, Н 16, 41; Бургуэн Л. см. Ландель де, П;

Варин Н. К. 2; Верлен П. 1, 5, 19 А—Б; Венгерова З. А. 23;

〈Гайдебуров В. П. ?〉 см. Редактор журнала; Герье В. И. 6; Гипшиус Вл. Вас. Н 14, Н 45; «Горные вершины», журнал и альманах 40; Г-жа Ирма см. Ирма; Гурлянд И. Я. 34; Дарузес Н. А. Н 5, Н 7—Н 8, Н 12, Н 15; Добролюбов А. М. 15, 16, 39, 40, 42, 44—46, 78—80, 82—83, 85, 96, 98; Долгинцев В. Ф. 36;

Емельянов-Коханский А. Н. 27;

Зарин Ф. Е. 9;

Ирма 20; «Историк литературы» 93, 94;

Коневской И. Н. 68, Н 69; Краскова М. И. Н 1—Н 4, Н 9; Курсинский А. А. Н 24, Н 28, Н 30, Н 42, Н 43, 55 В.

Ланг А. А. 10; Н 13, Н 38, Н 46; Ландель, П. де 25, 28, 32; Лялечкин И. О. 24;

Мартов Эрл. см. Бугон А. Э.; «Московские ведомости», газета Н 10; «Молодой философ» 92; Московский почтамт Н 17;

Неизвестные корреспонденты. Н 11, 13, Н 18, Н 19, Н 34; Нович Н. см. Бахтин Н. Н.; Ноздрия А. Е. 33, 37 (?);

Облеухов А. Д. 63, 68; Ореус И. И. см. Коневской И.;

Павловская Е. И. 52, 54, 55 А, 55 В, 56, 59, 62, 66, Н 51, 72; Перцов П. П. 26, Н 21, Н 22, 30, Н 23, Н 25, Н 27, Н 31, Н 32, Н 33, Н 35, 38, Н 36, 91; Поливанов Л. И. 14;

Редактор журнала 58; Рунт И. М. 69, Н 50.

Самыгин М. В. Н 49, Н 52—Н 56, Н 58, Н 60—Н 67; Случевский К. К. 99; Сологуб Ф. К. 50; Н 48; Станюкович В. К. Н 41;

Талин Ф. см. Зарин Ф. Е.; Типография Э. Лисснера и Ю. Романа 43; Толстой Л. Н. Н 57;

Фа-в 21; Фриче В. М. 29, Н 26; см. также «Историк литературы»;

Холмовский А. В. 22;

Ширяева М. П. Н 20 Н 29 (?), Н 39, Н 47; 〈Шулятиков В. М. ?〉 см. «Экономический материалист»;

Щепкина-Куперник Т. Л. 18;

«Экономический материалист» 95

Ясинский И. И. 4

Bourgouin L. См. Ландель, Приска де;

Landelle, P. de см. Ландель, Приска де

Verlaine P. см. Верлен П.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ссылки на Собрание сочинений В. Я. Брюсова в 7 томах (М.: Худож. лит., 1973—1975) даются в тексте с указанием лишь тома и страницы (I, 35; V, 237) — и т. д.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва.

ГЛМ — Государственный литературный музей, Москва.

ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого, Москва.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Ленинград.

ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР, Ленинград.

Автобиография — Брюсов В. Я. Автобиография // Русская литература XX в. 1900—1910/ Под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. I. М.: Мир, 1914. С. 101—118.

Далекие и близкие — Брюсов В. Я. Далекие и близкие: Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М.: Скорпион, 1912.

Дневники — Брюсов В. Я. Дневники: 1891—1910. М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1927.

Из моей жизни — Брюсов В. Я. Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1927.

Избр. 1926 — Брюсов В. Я. Избранные произведения. Т. 1—3. М.; Л.: Госиздат, 1926.

Избр. 1955 — Брюсов В. Я. Избранные сочинения. Т. 1—2. М.: Гослитиздат, 1955.

Неизд. 1935 — Брюсов В. Я. Неизданные стихотворения. М.: ГИХЛ, 1935.

О русском стихосложении — Брюсов В. Я. О русском стихосложении // Добролюбов А. М. Собрание стихов. М.: Скорпион, 1900. С. 8—14.

Очерк истории... — Брюсов В. Я. Очерк истории русского стиха и рифмы/Публ. и прим. С. И. Гиндина. // Вопросы языкознания. 1970. № 2. С. 104—109.

ПП — Брюсов В. Я. Пути и перепутья: Собрание стихов. Т. I—III. М.: Скорпион, 1908—1909.

ПСС — Брюсов В. Я. Полное собрание сочинений и переводов. Т. I—IV, XII—XIII, XV, XXI. СПб.: Сирин, 1913—1914.

Письма к Перцову — Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову: 1894—1896 гг. К истории раннего символизма. М.: ГАХН, 1927.

РБС — Верлен П. Романы без слов/Переводы Валерия Брюсова.— М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894.

СhdO 1 — Брюсов В. Я. Chefs d'oeuvre: Сб. стихотворений (осень 1894 — весна 1895). М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895.

СhdO 2 — Брюсов В. Я. Chefs d'oeuvre. Второе изд. с изм. и доп. М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896.

МЕЕ — Брюсов В. Я. Me eum esse: Новая книга стихов. М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897.

TV — Брюсов В. Я. Tertia vigilia; книга новых стихов, 1897—1900. М.: Скорпион, 1900.

UO — Брюсов В. Я. Urbi et orbi: Стихи 1900—1903 гг. М.: Скорпион, 1903.

Ашукин — Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. Сост. Н. Ашукин. М.: Федерация, 1929.

Библиография — Библиография В. Я. Брюсова: 1884—1973. Сост. Даниелян Э. С., Ереван: Айастан, 1976.

Брюсовский сборник — Брюсовский сборник. Ставрополь, 1974, 1975, 1977.

В безбрежности — Бальмонт К. Д. В безбрежности. М.: скоропеч. А. Левенсона, 1896.

ВЕ — Вестник Европы.

ВЛ — Вопросы литературы.

Венгеров. Рус. лит. XX в. — Русская литература XX в./Под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Мир, 1914.

- Венгеров. Словарь* — Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: От начала русской образованности до наших дней. Т. 1—6. СПб., 1886—1904.
- Взгляды Брюсова на языковую приемлемость стиховых систем* — Гиндин С. И. Взгляды Брюсова на языковую приемлемость стиховых систем и судьбы русской силлабики // Вопросы языкознания, 1970. № 2. С. 99—104.
- Вклад Брюсова...* — Гиндин С. И. Вклад Валерия Брюсова в изучение теории русской поэтической речи // Русский язык в школе. 1973. № 6. С. 22—30.
- Горящие здания* — Бальмонт К. Д. Горящие здания. М.: типолит. т-ва И. Кушнерев и К°, 1900.
- Гудзий 1927* — Гудзий Н. К. Из истории раннего русского символизма: Московские сборники «Русские символисты» // Искусство. Т. 3, кн. 4. С. 180—218.
- Гудзий 1937* — Гудзий Н. К. Юношеское творчество Брюсова // ЛН. Т. 27—28. С. 198—238.
- Добролюбов 1895* — Добролюбов А. М. *Natura Naturans. Natura Naturata*: Тетрадь № 1. — СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1895.
- Добролюбов 1900* — Добролюбов А. М. Собрание стихов. Предисловия И. Коневского и В. Брюсова. М.: Скорпион, 1900.
- Ежегодник* — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. Л.: Наука 1963—1980.
- ЕС* — Ежемесячные сочинения.
- ЗР* — Золотое руно.
- КР* — Книга раздумий: К. Д. Бальмонт. — Валерий Брюсов. — Модест Дурнов — Ив. Коневской. СПб.: тип. В. Балашева, 1899.
- Как мы начинали* — Ноздрин А. Е. Как мы начинали: Из житейских и литературных воспоминаний рабочего поэта Авенира Ноздрина // ЛН. Т. 15.
- ЛН* — Литературное наследство.
- Лит. архив* — Литературный архив. Материалы и исследования. Т. 5. М.; Л., 1960.
- МД* — Коневской И. Мечты и думы: 1896—1899. СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1900.
- Морское свечение* — Бальмонт К. Д. Морское свечение. Пб., М.: изд. т-ва М. О. Вольф, 1910.
- НП* — Новый путь.
- Неосуществленный замысел* — Гиндин С. И. Неосуществленный замысел Брюсова // ВЛ. 1970. № 9.
- ПК 1988* — Памятники культуры. Новые открытия. М., 1989.
- ПР* — Печать и революция.
- Перцов. Литературные воспоминания.* — Перцов П. П. Литературные воспоминания. М.; Л.: Academia, 1933.
- Под северным небом* — Бальмонт К. Д. Под северным небом. СПб., 1894.
- Полутени* — Курсинский А. Полутени. М.: печатня А. И. Снегиревой, 1896.
- РА* — Русский архив.
- РВ* — Русские ведомости.
- РЛ* — Русский листок.
- РМ* — Русская мысль.
- РС 1—3* — Русские символисты. Вып. 1—3. М.: тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1894.
- РС 4* — Русские символисты. Вып. 4 в свет не вышел.
- Рус. лит.* — Русская литература.
- СВ* — Северный вестник.
- СП* — Коневской Ив. Стихи и проза. М.: Скорпион, 1904.
- СЦ* — Северные цветы. М.: Скорпион, 1901—1911.
- Семантическая теория* — Гиндин С. И. Семантическая теория народного стиха и развитие русского литературного стихосложения на рубеже XIX—XX вв. // Вопросы языкознания, 1991 (в печати).
- Семеновский.* — Дм. Семеновский и поэты его круга. Л. 1989.
- Стихотворения и поэмы* — Брюсов В. Я. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1961.
- Тетради* — Гиндин С. И. Письма из рабочих тетрадей (В. Я. Брюсова) // Наст. кн., С. 555—829.
- Тишина* — Бальмонт К. Д. Тишина. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1898.
- Только любовь* — Бальмонт К. Д. Только любовь. М.: Гриф, 1903.
- Чтения* — Брюсовские чтения 1962—1983 гг. Ереван: Айастан, 1963—1985.
- Эстетика Льва Толстого* — Гиндин С. И. Эстетика Льва Толстого в восприятии и эстетическом самоопределении молодого Брюсова по рукописям книги «О искусстве» // Записки отдела рукописей. ГБЛ. М.: Книга, 1987. Вып. 46. С. 5—30.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
ЭПИСТОЛЯРНОЕ ТВОРЧЕСТВО В. Я. БРЮСОВА	
Статья М. Л. Г а с п а р о в а	12
ПЕРЕПИСКА С К. Д. БАЛЬМОНТОМ	
Вступительная статья и подготовка текстов А. А. Нинова. Комментарии А. А. Нинова и Р. Л. Щербакова	30
ПИСЬМА А. Е. НОЗДРИНА К БРЮСОВУ	
Вступительная статья, публикация и комментарии С. Н. Тяпкова	240
ПЕРЕПИСКА С А. А. КУРСИНСКИМ	
Вступительная статья А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова. Публикация и комментарии Р. Л. Щербакова	269
<i>Приложение.</i> Статьи В. Я. Брюсова о Курсинском	
Публикация и примечания С. И. Гиндина	358
ПИСЬМА К М. В. САМЫГИНУ	
Вступительная статья, публикация и комментарии Н. А. Трифонова	362
<i>Приложение.</i> Марк Криницкий в записях Ф. Ф. Фидлера	
Предисловие, публикация, комментарии и перевод К. М. Азадовского	411
ПЕРЕПИСКА С ИВ. КОНЕВСКИМ	
Вступительная статья А. В. Лаврова. Публикация и комментарии А. В. Лаврова, В. Я. Мордерер и А. Е. Парниса	424
<i>Приложение 1.</i> Переписка с И. И. Ореусом-отцом	
Публикация А. В. Лаврова, В. Я. Мордерер и А. Е. Парниса	532
<i>Приложение 2.</i> Статьи В. Я. Брюсова о Коневском	550
<i>Приложение 3.</i> Из «Воспоминаний о Валерии Брюсове» Н. Я. Брюсовой	
Публикация В. Я. Мордерер	553
ПИСЬМА ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ	
Вступительная статья, публикация и комментарии С. И. Гиндина	555
<i>Приложение 1.</i> Предисловие к «Моим письмам»	822
<i>Приложение 2.</i> Письма для книги «Мои письма» из подборки в тетради «„Мои стихи“ (к сб. „Согорна“»	823
<i>Приложение 3.</i> Хронологический перечень тетрадных писем, не вошедших в основной корпус публикации	824
<i>Приложение 4.</i> Алфавитный указатель адресатов тетрадных писем	828
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	829

Литературное наследство

Том 98

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Книга первая

Утверждено к печати

*Институтом мировой литературы имени А. М. Горького
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. В. Белова*

Художник *А. М. Дроговой*

Художественный редактор *М. Л. Храмов*

Технический редактор *Л. Н. Золотухина*

Корректоры *Н. П. Гаврикова, Ф. И. Грушковская, Ф. Г. Сурова*

ИБ № 39081

Сдано в набор 05.09.89

Подписано к печати 22.02.90

А-08440. Формат 70×108¹/₁₆

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 72,97. Усл. кр. отт. 74,38. Уч.-изд. л. 93,4

Тираж 6550 экз. Тип. зак. № 2906

Цена 11 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»,

117864 ГСП-7, Москва В-485,

Профсоюзная ул., 90

Набрано

в ордена Октябрьской Революции

и ордена Трудового Красного Знамени

МПО «Первая Образцовая типография»

Государственного

комитета СССР по печати

Москва, Л-54, Валовая, 28

Отпечатано

во 2-й типографии издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6 Зак. 1974

Валерий
БРЮСОВ
и его
корреспонденты

Н. Баньмонт.

Иванъ Ореще

Лих. Сашкина.

Александръ Ноздринъ.

А. Курашевъ

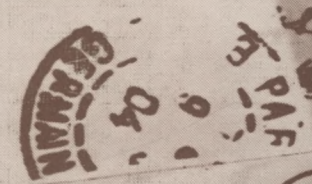
Георгій Метершиновъ (Соловьевъ).

Валерий БРЮСОВ и его корреспонденты

Валерий
Брюсову
"Скарпидра"
"Метрополитен"
Театры №.

Валерий Брюсову
ВМІРНИЙ ПОЧТОВИЙ СОЮЗЪ. РЕ
UNION POSTALE UNIVERSELLE. RUSS
ТОЕ ПИСЬМО. - CARTE POS

Russie.

Москва.

Театральная ул. д. Мещ

Редакция "Вестн."

Его Высокоородию

Валерию Яковлевичу
Брюсову.

Москва.

Цвѣтний бульв., свой дом

ВВ.

Валерию Яковлевичу

Gress - Avenue des Villas et du